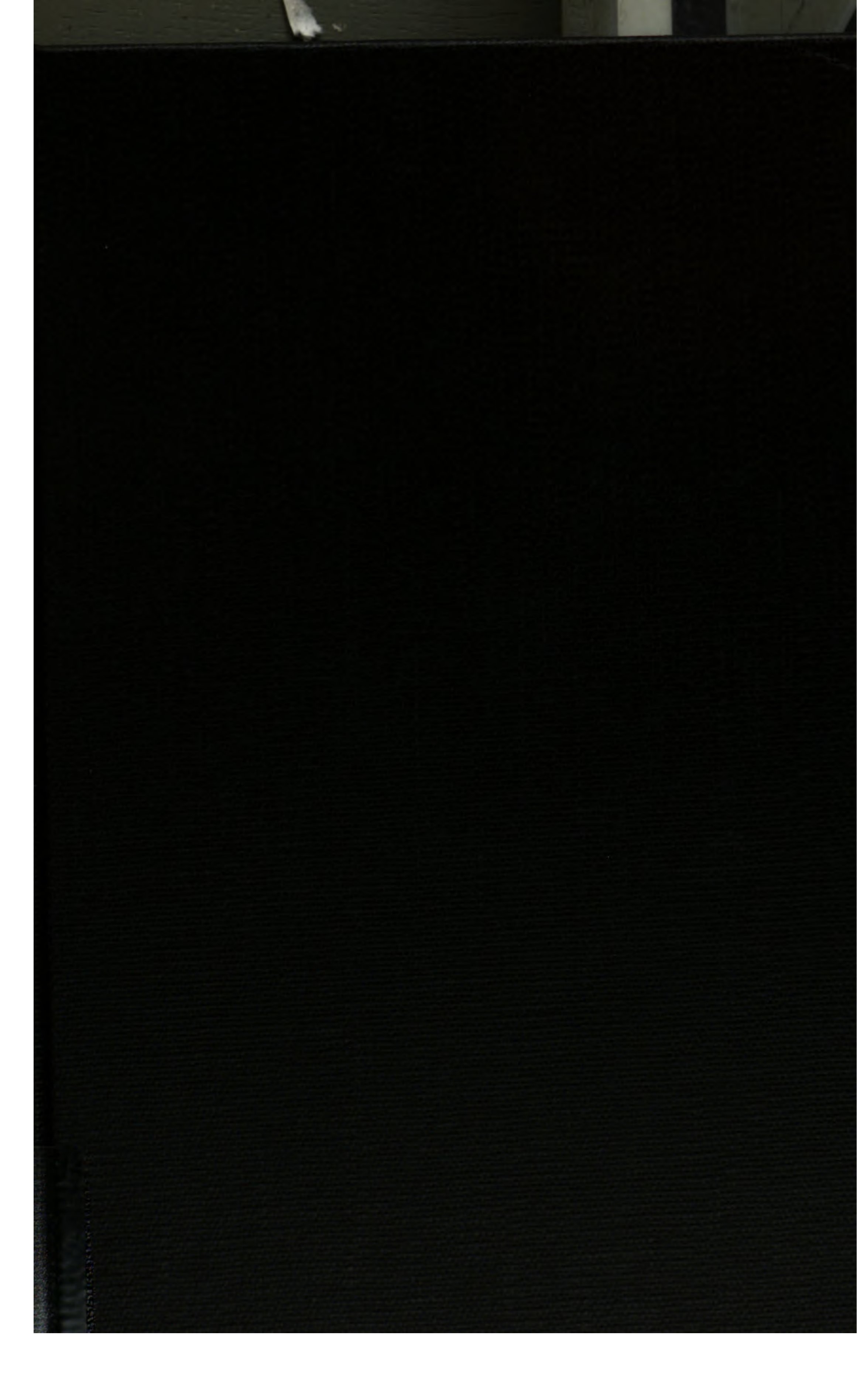


Годъ XII-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

одъ XII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 24-го декабря 1902 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ЖИЗНИ ВЪ ПОЧВѢ.

Какъ ни велика разница между живыми существами и міромъ неорганическимъ, первичныя химическія вещества, входящія въ составъ первыхъ и въ составъ безжизненной природы, окружающей ихъ—одни и тѣ же. Изъ окружающей природы живыя существа почерпаютъ вещества, изъ которыхъ строятъ свое тѣло. Одни изъ этихъ веществъ находятся въ громадномъ количествѣ вокругъ нихъ и всегда представляются къ услугамъ живыхъ веществъ, какъ, напримѣръ, кислородъ, вода, угольная кислота, большинство солей. Другія же, какъ, напримѣръ, соединенія азота, встрѣчаются въ очень ограниченномъ количествѣ.

Фактъ, лежащій въ основѣ этого утвержденія, извѣстенъ каждому крестьянину: не унавозишь земли, и она не родитъ достаточно хлѣба, т.-е., если мы не введемъ искусственно въ почву азотистыхъ соединеній, то урожай получится плохой; на той же площади земли выростетъ меньше растительной массы и соотвѣтственно меньшее количество прокормится на ней животныхъ и людей. Если земледѣлецъ не унавозитъ пашню, то рожь выростетъ чахлая, зерна уродится мало, потому что растеніе нашло въ почвѣ мало азотистыхъ веществъ.

На первый взглядъ это кажется страннымъ, какъ это азотъ, громадныя количества котораго со всѣхъ сторонъ окружаютъ живыя существа (азотъ сотавляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей воздуха), является въ своихъ соединеніяхъ рѣдкимъ и цѣннымъ элементомъ. Это объясняется тѣмъ, что азотъ имѣетъ мало сродства къ другимъ элементамъ, съ трудомъ съ ними соединяется; живыя же существа могутъ его усвоивать только въ его соединеніяхъ. Такъ что громадныя количества свободнаго, ни съ чѣмъ не соединеннаго азота, находящіяся въ воздухѣ, являются безразличными для живыхъ существъ.

Въ примѣрѣ, который мы привели выше — чахломъ ростѣ ржи на неунавоженномъ полѣ,—растеніе выросло чахлымъ, потому что нашло въ почвѣ мало азотистыхъ соединеній. Несмотря на то, что его листья и корни постоянно омывались свободнымъ азотомъ воздуха, растеніе, выросшее изъ сѣмени, не могло его усвоить и могло при прочихъ рав-

ныхъ условіяхъ создать только столько новаго живого вещества, сколько нашло въ почвѣ азотистыхъ соединеній. Можно предполагать, что количество жизни на землѣ обусловливается количествомъ связаннаго въ соединеніяхъ азота, такъ какъ другихъ веществъ, необходимыхъ для образованія живого вещества находится избытокъ.

Жизнь можетъ существовать потому, что происходитъ постоянный круговоротъ азота. Соединенія его постоянно переходятъ отъ мертвыхъ къ живымъ. Лишь только живое существо умерло, соединенія, изъ которыхъ состояло его тѣло, снова поступаютъ въ общій круговоротъ веществъ. Изъ нихъ растенія опять строятъ новое органическое вещество, растеніями питаются животныя и т. д.

Въ этомъ процессѣ круговорота необыкновенно важная роль принадлежитъ мельчайшимъ живымъ существамъ—микроорганизмамъ. Только благодаря имъ происходитъ гніеніе. Если бы ихъ не было, земля покрылась бы трупами животныхъ, мертвыми остатками растеній, и жизнь на землѣ замерла. Дѣло въ томъ, что растенія не могутъ усваивать тѣхъ сложныхъ тѣлъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло главныхъ существъ. Бѣлки, напримѣръ, которые, какъ составныя части нашихъ главныхъ родовъ пищи—мяса, хлѣба, такъ необходимы для насъ, не усвояются растеніями. Все равно, высохшій листъ или умершій человѣкъ должны превратиться въ землю, то-есть ихъ тѣло должно быть разложено на простѣйшія химическія соединенія, и только тогда оно можетъ служить растеніямъ на построеніе новаго живого вещества.

Все живое на землѣ мы можемъ представить себѣ, какъ обладателей извѣстнаго богатства — извѣстной суммы азотистыхъ соединеній. Богатство это остается почти одно и то же, медленно увеличиваясь, но зато постоянно переходитъ къ новымъ и новымъ обладателямъ за смертью прежнихъ. Но этотъ переходъ ихъ, возобновленіе жизни, не могъ бы происходить, какъ говорили мы выше, безъ дѣятельности микроорганизмовъ.

Вотъ изъ этой-то исторіи перехода азота мы остановимся сперва на одной только главѣ. Сложныя азотистыя вещества подвергаются гніенію. Гніеніе это сопровождается развитіемъ массы бактерій, въ чемъ легко убѣдиться изслѣдованіемъ подъ микроскопомъ. Благодаря имъ, происходитъ гніеніе. Въ конечномъ результатѣ послѣднимъ продуктомъ длиннаго ряда измѣненій, которыя происходятъ, благодаря вмѣшательству столь же многочисленныхъ родовъ бактерій, является тѣло очень простого состава—амміакъ. Оно извѣстно каждому, такъ какъ растворъ его въ водѣ — такъ называемый нашатырный спиртъ, часто употребляется и въ домашнемъ обиходѣ, и въ медицинѣ.

Растенія могутъ усваивать амміакъ, но для нихъ наиболѣе пригодной формой для усвоенія азота является азотная кислота. Послѣдняя тоже всѣмъ извѣстна, хотя бы по наслышкѣ, въ видѣ соединеній съ металлами подъ названіемъ селитры. Селитра составляетъ сама по себѣ очень

цѣнное въ агрономіи удобреніе; она сильно увеличиваетъ урожай, но дорога по цѣнѣ. Въ почвѣ амміакъ окисляется въ азотную кислоту.

Вотъ на этомъ процессѣ превращенія амміака въ азотную кислоту мы и остановимся. Онъ постоянно, такъ сказать, происходитъ въ почвѣ и имѣетъ капитальное значеніе для жизни всего растительнаго міра и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, для всего живого. Носитъ этотъ процессъ названіе процесса нитрификаціи.

Французскіе ученые Шлезингъ и Мюнцъ показали, что процессъ превращенія амміака въ азотную кислоту—процессъ нитрификаціи совершается благодаря дѣятельности живыхъ существъ—микробовъ почвы. Если почву поставить въ условія, дѣлающія невозможными проявленія жизни, процессъ нитрификаціи прекращается. Опытъ въ общемъ былъ поставленъ такъ: чрезъ трубу, наполненную землей, медленно пропускался слабый растворъ амміака: этотъ растворъ при прохожденіи чрезъ землю окислялся и вода содержала по выходѣ изъ прибора азотную кислоту. Достаточно было подвергнуть почву, заключенную въ трубкѣ, какому-нибудь вліянію, не мѣшающему ходу химическихъ реакцій, но останавливающему проявленія жизни, напр., пропустить пары хлороформа, чтобы процессъ нитрификаціи остановился.

Такимъ образомъ основной фактъ былъ открытъ: процессъ нитрификаціи оказался процессомъ, обусловленнымъ дѣятельностью живыхъ существъ. Но это былъ выводъ, сдѣланный въ самой общей формѣ, и нужно было подробнѣе изучить этотъ процессъ. А это было бы возможно сдѣлать, только получивъ въ чистомъ видѣ разводку микробовъ, производящихъ нитрификацію. Этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, русскому ученому С. Н. Виноградскому, работы котораго и выяснили во всѣхъ деталяхъ процессъ нитрификаціи.

Каждый разъ, когда мы предполагаемъ, что какой-либо процессъ, напр., химическое измѣненіе въ какомъ-либо веществѣ или болѣзненныя явленія въ живомъ организмѣ, обусловливается микробами, для того, чтобы вполнѣ изучить процессъ, который происходитъ передъ нашими глазами, и микробовъ, которые его производятъ, мы должны получить чистую разводку послѣднихъ. Вернемся къ нашему примѣру, который послужитъ намъ исходнымъ пунктомъ. Мы знаемъ, что процессъ нитрификаціи въ почвѣ происходитъ благодаря дѣятельности микробовъ. Но, спрашивается, какихъ микробовъ? Въ почвѣ находятся миріады безконечно многочисленныхъ сортовъ микробовъ, такъ что мы находимся въ полномъ недоумѣніи, какіе же изъ нихъ являются виновниками процессовъ, интересующихъ насъ. Кромѣ того, нѣтъ возможности сколько-нибудь полно изучить ходъ самого процесса, такъ какъ имѣя передъ собою такую смѣсь микробовъ, въ средѣ, въ которой они живутъ, мы будемъ имѣть цѣлую серію разнообразныхъ химическихъ процессовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ происходить во взаимно обратномъ направленіи и такимъ образомъ совершенно затемнять картину.

*

Полученіе чистыхъ культуръ ведетъ свое начало отъ Пастера, отца всего ученія о микроорганизмахъ, грандіозная фигура котораго все выростаетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ и расширяется созданная имъ отрасль знанія. Наука о микроорганизмахъ могла начать прочно развиваться съ того момента, когда онъ доказалъ, что не существуетъ *самопроизвольнаго зарожденія*. До него думали, что когда въ оставленной органической жидкости, напр., настоѣ сѣна и молока, развиваются безчисленныя низшія существа—бактеріи и инфузоріи, то они зародились самопроизвольно изъ химическихъ веществъ жидкости. Пастеръ доказалъ, что если въ этихъ случаяхъ развиваются живыя существа, то это происходитъ или отъ того, что въ жидкости заключаются зародыши этихъ организмовъ, которыхъ не съумѣли предварительно уничтожить, или же сосудъ съ жидкостью былъ плохо закупоренъ и эти зародыши попали въ жидкость вмѣстѣ съ пылью изъ воздуха. Если же въ жидкости дѣйствительно убить всѣ зародыши, напр., достаточно долгимъ кипяченіемъ, или удалить дѣйствительно ихъ всѣхъ изъ нея, напр., пропусканіемъ ея чрезъ стѣнки сосуда изъ пористой глины, которыя задержатъ всѣхъ микробовъ, то такую жидкость можно сохранять безконечно долго безъ измѣненія и въ ней уже не разовьются самопроизвольно живыя существа. Но достаточно ввести въ нее ничтожное количество микробовъ и ихъ зародышей, чтобы жидкость въ скоромъ времени оказалась переполненной массой живыхъ существъ. Разъ явилась возможность получать обезпложенныя жидкости, то сама собой отсюда вытекала мысль получить чистыя разводки микробовъ. Для этого нужно въ сосудъ съ обезпложенной жидкостью ввести только одинъ зародышъ и тогда онъ размножившись наполнитъ сосудъ только своими безчисленными потомками. Выгоды, вытекающія для научнаго изслѣдованія изъ полученія чистыхъ культуръ, неизмѣримы. Напримѣръ, предположеніе о возможности химическаго анализа микроба на первый взглядъ кажется неосуществимымъ. Какъ производить анализъ микроскопическаго существа, на какихъ вѣсахъ его взвѣшивать? Но, если вы имѣете чистую культуру этого микроба, то задача ваша значительно упрощается: вы можете развести и собрать его въ какихъ угодно большихъ количествахъ. Такъ, напр., дрожжи вы можете имѣть хоть пудами. Имѣя чистую культуру вы можете изслѣдовать тѣ химическія измѣненія, которыя этотъ микробъ производитъ въ окружающей его средѣ. Введя его въ организмъ животнаго, вы можете видѣть тѣ болѣзненныя измѣненія, которыя онъ въ немъ производитъ и можете изучать, какъ организмъ старается побороть и уничтожить незванныхъ пришельцевъ.

Первый пріемъ полученія частыхъ культуръ былъ очень простъ по идеѣ, но очень труденъ при выполненіи: это методъ разведенія. Представьте, что вы хотите изъ смѣси микробовъ, напр., почвы или гніющей органической жидкости, гдѣ ихъ находится громадное богатство

отдѣльныхъ формъ, получить въ чистомъ видѣ какой-нибудь одинъ микробъ. Вы берете изъ изслѣдуемой жидкости каплю и переносите ее въ другой сосудъ, но уже со стерелизованною жидкостью. Капля, которую вы взяли заключила въ себѣ массу микробовъ, при взбалтываніи второго сосуда они равномѣрно распредѣлятся по всей жидкости. Если теперь мы возьмемъ опять каплю изъ второго сосуда, то въ ней уже будетъ заключаться значительно меньшее количество микробовъ. Эту процедуру мы можемъ опять повторить и такъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не разведемъ жидкости съ микробами до такой степени, что въ каждой каплѣ будетъ заключаться не болѣе одного микроба. Тогда сосуды, засѣянные каплями изъ послѣдняго разведенія, дадутъ чистую культуру отдѣльныхъ микробовъ. Вотъ тотъ способъ, которымъ были получены первыя чистыя культуры микробовъ. Но само собой понятно, онъ мѣшкотенъ и труденъ. Какое большое количество калбочекъ требуется для этого, сколько приходится для этого заготовлять жидкости. Наконецъ, его важный недостатокъ заключается въ томъ, что изслѣдователь во время хода этого процесса не гарантированъ отъ того, что его культуры загрязнятся посторонними зародышами, попавшими съ частичками пыли, носящимися въ воздухѣ, во время переноса капель изъ одного сосуда въ другой.

Въ виду того, въ высшей степени важное значеніе въ ученіи о микробахъ имѣло введеніе болѣе простого и совершеннаго метода полученія чистыхъ культуръ. Это такъ называемый методъ культуры на твердыхъ средахъ, введенный, главнымъ образомъ, Кохомъ. Принципъ его очень простъ, и явленіе, наглядно демонстрирующее его, можетъ быть, было замѣчено многими изъ нашихъ читателей. Если взять формочку желе или студня и оставить ее стоять нѣсколько дней, то мы увидимъ, что на ней выросли отдѣльные маленькіе кустики плѣсени. Отчего это происходитъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что на желе падали частички пыли, среди которыхъ были и зародыши плѣсени. Тамъ, гдѣ упалъ такой зародышъ, развился кустикъ опредѣленной плѣсени. Если бы стоялъ сосудъ съ жидкостью, а не твердый субстратъ, тогда потомство разныхъ зародышей перемѣшалось бы между собою, и мы бы имѣли смѣсь бактерій, но на твердомъ веществѣ каждый упавшій зародышъ начинаетъ размножаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, и остается окруженный своимъ потомствомъ; оттого въ каждомъ отдѣльномъ кустикѣ мы будемъ имѣть чистую культуру опредѣленнаго микроба.

Явленіе, которое совершенно случайно и къ своему неудовольствію наблюдаютъ иногда хозяйки, систематически утилизируется именно въ такой формѣ при бактеріологическомъ изслѣдованіи воздуха. При этомъ въ изслѣдуемомъ помѣщеніи ставятъ пластинки, покрытыя застывшимъ питательнымъ веществомъ, и послѣ сосчитываютъ число развившихся колоній изъ упавшихъ изъ воздуха зародышей и опредѣляютъ ихъ виды.

Также просто получить чистыя культуры бактерій изъ смѣси ихъ въ жидкости. Для этого берется обезпложенная питательная жидкость, къ которой прибавлено небольшое количество желатины. Въ нагрѣтомъ состояніи такая смѣсь будетъ жидкой, при остываніи же она дѣлается плотной. Въ ней и разбалтывается капля, взятая изъ изслѣдуемой жидкости. При разбалтываніи зародыши, бывшіе въ этой каплѣ, равномѣрно распредѣлятся во всей массѣ, и если мы выльемъ ее въ плоскую чашечку, то она застынетъ и каждый отдѣльный зародышъ окажется прикрѣпленнымъ на то мѣсто, на которое онъ попалъ; размножаясь, онъ произведетъ вокругъ себя цѣлую колонію, но его потомство уже не можетъ смѣшаться съ другими бактеріями, и мы опять получимъ цѣлый рядъ чистыхъ культуръ отдѣльныхъ микробовъ.

Если работы Пастера положили начало наукѣ о микробахъ и дали ея основные факты, то введенные Кохомъ методы культуры мокробовъ на твердыхъ субстратахъ подвинули ее сразу быстро впередъ. Съ помощью этихъ методовъ въ короткій промежутокъ времени было изолировано много микробовъ, причиняющихъ болѣзни человѣку и животнымъ и прямо необозримое количество микробовъ изъ воды, почвы, изъ гніющихъ органическихъ веществъ и т. д. Методъ этотъ далъ такъ много новыхъ видовъ сразу, что онъ, такъ сказать, ослѣплялъ изслѣдователей. Ученымъ, выросшимъ на этой методикѣ, казалось, что то, что не поддается изслѣдованію этими методами, несущественно.

Такая точка зрѣнія оказываетъ свое вліяніе на весь ходъ работы въ значительной степени и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, когда говорятъ о бактеріологическомъ изслѣдованіи воды или воздуха, то это значитъ, что дѣло идетъ о разливкахъ на желатинѣ и другихъ подобныхъ веществахъ способомъ, о которомъ мы говорили выше, и счетѣ и опредѣленіи выросшихъ колоній. Между тѣмъ при этомъ мало принимается въ разсчетъ, что на этихъ веществахъ можетъ расти только часть, можетъ быть, незначительная, изъ всѣхъ микробовъ, населяющихъ воду, такъ называемыя «банальныя формы», а остальныя, можетъ быть, болѣе важныя по своимъ жизненнымъ свойствамъ, останутся внѣ круга изслѣдованія совершенно неизвѣстными.

Этотъ вопросъ имѣетъ большой интересъ для насъ, потому что нитрифицирующіе микробы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, именно принадлежатъ къ тѣмъ существамъ, которыя отказываются расти на веществахъ, примѣняемыхъ обыкновенно учеными для выращиванія микробовъ, какъ-то на разныхъ бульонахъ и студняхъ. Каждый разъ, какъ пробовали выдѣлить изъ почвы, въ которой происходилъ процессъ превращенія амміака въ азотную кислоту, микробовъ, вызывавшихъ этотъ процессъ, на посѣвахъ и разливкахъ находили множество разныхъ микробовъ, но это были, такъ сказать, «банальныя формы», и ни одна изъ нихъ, выдѣленная въ чистомъ видѣ, не способна была произвести процессъ нитрификаціи.

Какъ мы уже говорили выше, человѣкъ обыкновенно является рабомъ своей привычной манеры думать и работать. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что нашелся нѣмецкій ученый, столь убѣжденный въ непогрѣшимости своихъ бульоновъ и студней, что позволилъ себѣ придти къ слѣдующему выводу: «Разъ на всѣхъ приготовленныхъ мною веществахъ мнѣ не удалось получить нитрифицирующихъ микробовъ, то ихъ и совсѣмъ не существуетъ».

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ, когда за разрѣшеніе его взялся Виноградскій. Для него ясно было, что для того, чтобы получить въ чистомъ видѣ микробовъ нитрификаціи, нужно идти совершенно новыми путями. И дѣйствительно, обычные пріемы выдѣленія этихъ микробовъ не дали ихъ и ему, и такимъ образомъ еще разъ была подтверждена невозможность добиться чего-либо новаго на этомъ пути.

Путь, намѣченный имъ, былъ слѣдующій, и его можно назвать путемъ избирательныхъ культуръ. Задача заключалась въ томъ, чтобы приготовить такія жидкости, въ которыхъ рѣзко происходилъ бы процессъ нитрификаціи, обильно размножились бы соотвѣтствующіе микробы, другіе же микробы не находили бы веществъ, необходимыхъ для ихъ развитія. Давно уже извѣстно было, что присутствіе большого количества органическихъ веществъ въ почвѣ задерживаетъ процессъ нитрификаціи. Въ виду этого, Виноградскій приготовилъ растворъ крайне простой по составу, къ которому намѣренно не было прибавлено никакихъ органическихъ питательныхъ веществъ, обычно употребляемыхъ для разводки бактерій, какъ-то настоя мяса, желатины и т. п. Растворъ этотъ состоялъ изъ одного грамма сѣрнокислой соли амміака, одного грамма фосфорнокислаго калія на литръ воды изъ Цюрихскаго озера, возлѣ котораго жилъ и работалъ тогда Виноградскій. Въ этой смѣси органическія вещества заключались, но заключались въ ничтожномъ количествѣ въ видѣ случайныхъ примѣсей и загрязненій. Въ этой жидкости большинство микробовъ не можетъ развиваться, такъ какъ они для своего развитія требуютъ жидкостей, очень богатыхъ органическими веществами, какъ-то бѣлкомъ, крахмалистыми веществами и продуктами ихъ разложенія.

Между тѣмъ, жидкость, о которой мы говоримъ, содержала въ достаточномъ количествѣ амміакъ, необходимый для микробовъ нитрификаціи, и ничего, чѣмъ могли бы воспользоваться другія бактеріи. И дѣйствительно, если въ эту жидкость ввести частичку почвы, то въ первое время въ ней развиваются многочисленные микробы на счетъ органическихъ веществъ, внесенныхъ вмѣстѣ съ почвою, а также ничтожныхъ слѣдовъ ихъ, находившихся въ самой жидкости. Но скоро запасъ ихъ истощится, и развитіе этихъ, не интересующихъ насъ, микробовъ остановится. Такъ и поступилъ Виноградскій. Между тѣмъ, судя по тому, что процессъ нитрификаціи энергично продолжался, можно было

предполагать, что микробы нитрификаціи обильно размножаются. Тогда изъ перваго сосуда былъ сдѣланъ пересѣвъ во второй сосудъ съ такою же жидкостью; когда во второмъ прецессъ нитрификаціи пошелъ энергично, то сдѣланъ былъ пересѣвъ въ третій сосудъ, съ тою же жидкостью и т. д., до тѣхъ поръ, пока, такимъ образомъ, не удалось освободиться отъ громаднаго большинства микробовъ, бывшихъ въ почвѣ, несмотря на то, что процессъ нитрификаціи шелъ по прежнему энергично. Получить частныя культуры, однако, такимъ путемъ не удалось, въ жидкости все-таки находилось около пяти разныхъ сортовъ микробовъ. Тогда Виноградскій попробовалъ взять тотъ же растворъ солей, какъ и раньше, но самымъ тщательнымъ образомъ освобожденныхъ отъ всякой примѣси органическаго вещества. При продолженіи пересѣвовъ въ этомъ растворѣ всѣ микробы, кромѣ двухъ, исчезли, не будучи въ состояніи жить при этихъ условіяхъ. Уже раньше можно было предполагать, что одинъ изъ этихъ двухъ микробовъ и есть микробъ нитрификаціи, но получить его въ чистомъ видѣ путемъ дальнѣйшихъ пересѣвовъ не удавалось.

Тогда Виноградскій попробовалъ опять примѣнить методъ посѣва на твердыхъ веществахъ, но изолировать нитрифицирующаго микроба ему и на этотъ разъ не удалось.

На посѣвахъ выросталъ неинтересный спутникъ, колоніи же нитрифицирующаго микроба не получились. Наоборотъ, посѣвъ на обычныхъ средахъ, о которыхъ мы говорили выше, являлся лучшимъ средствомъ убѣдиться, что какой-нибудь микробъ не есть нитрифицирующій—разъ получается на этихъ средахъ ростъ его, значитъ, этотъ микробъ не при чемъ въ процессѣ нитрификаціи.

Чтобы преодолѣть послѣднюю трудность, Виноградскій примѣнилъ опять новый, совершенно оригинальный пріемъ. До него разливками пользовались, какъ мы говорили выше, чтобъ получить отдѣльные колоніи микробовъ, изъ нихъ и брался для отливки въ небольшомъ количествѣ матеріалъ, который и переносился въ новую питательную среду. Виноградскій поступилъ наоборотъ. Изъ предыдущаго выяснилось, что нитрифицирующіе микробы не могутъ развиваться на этихъ разливкахъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы брать матеріалъ для прививки изъ колоніи, какъ это до сихъ поръ всегда дѣлалось, онъ взялъ для отливки частицы изъ тѣхъ мѣстъ разливки, гдѣ ничего не развилось. Относительно этихъ мѣстъ можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что здѣсь нѣтъ зародышей постороннихъ микробовъ, въ противномъ случаѣ, они, размножившись, дали бы колоніи, но въ этихъ мѣстахъ были шансы захватить зародыши нитрифицирующихъ микробовъ, которые не могли развиться на неподходящей для нихъ средѣ, но перенесенные въ жидкость, благопріятствующую процессу нитрификаціи и вообще ихъ жизнедѣятельности, могли бы развиться. Предположеніе это оправдалось: когда изъ этихъ посѣвовъ на

твердомъ веществѣ были взяты тѣ мѣста, относительно которыхъ было доподлинно извѣстно, что на нихъ попали капли жидкости съ энергичнымъ процессомъ нитрификаціи, колоній же постороннихъ микробовъ не развилось, то при внесеніи этихъ кусочковъ въ растворъ описанный выше, развилась чистая культура микробовъ нитрификаціи.

II.

Такимъ образомъ, чистая культура микробовъ нитрификаціи была получена, и представлялась возможность изучить ихъ форму и проявленія ихъ жизни. При подробномъ изученіе первое, что выяснилось, это крайняя спеціализація ихъ функцій. При переходѣ амміака въ азотную кислоту, процессѣ, называемомъ окисленіемъ, такъ какъ при этомъ происходитъ соединеніе азота съ кислородомъ, образуется, въ видѣ промежуточной стадіи, азотистая кислота—вещество, содержащее меньшее количество кислорода, чѣмъ азотная; при дальнѣйшемъ же окисленіи азотистой кислоты изъ послѣдней образуется азотная кислота. Давно уже извѣстно было, что при окисленіи амміака въ почвѣ часто имѣется налицо азотная кислота, но предполагали, что она является случайнымъ, побочнымъ продуктомъ окисленія амміака, который въ общей массѣ превращается прямо въ азотную кислоту.

Тщательное изученіе этого процесса, какъ онъ происходитъ въ чистыхъ культурахъ, показалъ, что это не такъ. Амміакъ предварительно окисляется въ азотистую кислоту, а послѣдняя уже окисляется въ азотную кислоту, причемъ каждый процессъ производится спеціальнымъ видомъ микробовъ. Одинъ переводитъ амміакъ въ азотистую кислоту, а другой послѣднюю переводитъ въ азотную кислоту. Послѣ того, какъ первый сдѣлалъ свое дѣло, второй продолжаетъ и доводитъ его до конца.

Изслѣдованія образчиковъ почвы, полученныхъ со всѣхъ концовъ земли, показали, что микробы нитрификаціи распространены на сушѣ по всему земному шару, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ безъ нихъ не происходилъ бы процессъ нитрификаціи, а онъ необходимъ для правильнаго хода процесса жизни на землѣ. Образчики микробовъ, изолированные изъ почвъ странъ, такъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга, какъ Европа, Ява и Чили, показали, что микробы изъ этихъ странъ отличаются нѣсколько другъ отъ друга, но, несомнѣнно, представляютъ родственныя формы.

Характерною особенностью микробовъ нитрификаціи является свойство, о которомъ мы уже говорили—это способность ихъ развиваться въ средѣ, абсолютно лишенной всякихъ органическихъ соединеній. Въ то время, какъ другіе микробы для своей жизни нуждаются въ присутствіи хотя бы малыхъ количествъ этихъ веществъ, микробы нитрификаціи могутъ совершенно обходиться безъ нихъ. Мало того, какъ

показали изслѣдованія С. Н. Виноградскаго и его ученика В. Л. Омелянскаго, такія не только безвредныя, но даже необходимыя для жизни другихъ живыхъ существъ вещества, какъ сахаръ, бѣлокъ или продукты перевариванія бѣлковъ, такъ называемые пептоны, не только излишни для жизни микробовъ нитрификаціи, но прямо вредятъ имъ. Такъ, растворъ винограднаго сахара въ дозѣ 1 части на 4.000 уже задерживаетъ развитіе этихъ микробовъ, а 2 части на 1.000 совершенно его останавливаютъ. Такимъ образомъ это не только безвредное, но и необходимое для жизни другихъ живыхъ существъ вещество, на микробовъ нитрификаціи вреднѣе дѣйствуетъ, чѣмъ на другихъ микробовъ карболовая кислота, креозолъ, салициловая кислота.

Какимъ же образомъ могутъ существовать и работать въ почвѣ микробы нитрификаціи, когда мы знаемъ, что въ почвѣ всегда находятся органическія вещества, попадающія туда съ отмершими частями растенія, трупами животныхъ и отбросами животной жизни? Дѣло объясняется тѣмъ, что въ почвѣ микробы нитрификаціи живутъ въ сообществѣ съ массой другихъ бактерій, для которыхъ эти органическія вещества необходимы, которыя жадно нападаютъ на эти вещества. Послѣ ихъ жизнедѣятельности крахмалистыя, сахаристыя вещества разрушаются совсѣмъ, а азотистыя вещества разлагаются до тѣхъ поръ, пока азотъ не окажется въ видѣ аммiака. Только тогда, когда всѣ органическія вещества будутъ разрушены и въ почвѣ ничего не останется, кромѣ аммiака и неорганическихъ солей, начинаютъ свою работу и жизнедѣятельность микробы нитрификаціи.

Эта чувствительность микробовъ нитрификаціи къ органическимъ веществамъ, заставляющая ихъ пріостанавливать процессъ превращенія аммiака въ азотную кислоту, играетъ громадную роль въ круговоротѣ азота и въ экономіи жизни на землѣ.

Рядомъ съ процессомъ нитрификаціи, о которомъ мы говоримъ все время, существуетъ процессъ *денитрификаціи*—разложенія азотистой и азотной кислоты съ выдѣленіемъ свободнаго, непригоднаго уже для усвоенія растеніями азота. Этотъ процессъ денитрификаціи тоже производится въ почвѣ соотвѣтствующими микробами, но въ присутствіи органическихъ веществъ. Легко представить себѣ, какое гибельное значеніе имѣетъ процессъ разложенія азотистыхъ соединеній, сопровождающійся выдѣленіемъ свободнаго азота для развитія вообще жизни на землѣ. Вѣдь количество азотистыхъ соединеній на землѣ въ данный моментъ опредѣленное, запасъ ихъ, накопленный за весь періодъ существованія жизни на землѣ, увеличивается только крайне медленно. Жизнь возможна только въ силу того, что азотистыя соединенія постоянно переходятъ отъ мертвыхъ къ живымъ. Съ этой точки зрѣнія процессъ разложенія азотистыхъ соединеній съ выдѣленіемъ свободнаго азота равносиленъ уменьшенію суммы жизни на землѣ, а микро-

бовъ денитрификаціи можно назвать «расточителями накопленныхъ богатствъ». Процессъ гніенія и разложенія бѣлковыхъ веществъ, производимый микробами гніенія и продолжающійся до тѣхъ поръ, пока весь азотъ органическихъ соединеній не превратится въ амміакъ, который микробы нитрификаціи уже превращаютъ въ азотную кислоту, усвояемую растеніями—можно назвать нормальными процессами круговорота азота въ почвѣ. Тогда процессъ денитрификаціи можно назвать болѣзнью почвы. Правильный ходъ процесса круговорота азота и обусловливается этою способностью бактерій нитрификацій прекращать свою работу въ присутствіи органическихъ соединеній. Микробы денитрификаціи могутъ разрушать азотную и азотистую кислоту только въ присутствіи органическихъ соединеній. Наоборотъ, нитрифицирующіе микробы могутъ начать свою работу образованія азотистой и азотной кислоты изъ амміака только тогда, когда уже всѣ органическія соединенія разрушены. Такимъ образомъ, когда есть налицо органическія вещества, то хотя условія жизни благопріятствуютъ микробамъ, разрушающимъ азотную кислоту, но имъ разрушать нечего, такъ какъ еще не начался процессъ образованія азотной и азотистой кислоты изъ амміака. Когда же всѣ органическія соединенія окажутся разрушенными дѣйствіемъ микробовъ, начинается образованіе азотистой и азотной кислоты изъ амміака; продуктъ, который могъ бы быть разрушенъ, налицо, но разрушители не могутъ уже начать своей работы, такъ какъ для жизни ихъ необходимы органическія соединенія, а они всѣ уже разрушены. Такимъ образомъ въ природѣ и достигается правильный путь превращенія азота.

III.

Вѣроятно, большинство нашихъ читателей, незнакомыхъ съ основными фактами науки о проявленіяхъ жизни, отнеслось безъ особеннаго вниманія къ факту, выясненному изученіемъ процесса нитрификаціи — къ тому, что микробы нитрификаціи не только не могутъ развиваться въ присутствіи, сколько-нибудь значительнаго количества органическихъ веществъ, но и *могутъ жить при полномъ отсутствіи всякихъ органическихъ веществъ*. Между тѣмъ этотъ новый фактъ имѣетъ капитальнѣйшее значеніе, и имъ поколеблены основныя наши представленія о процессѣ жизни.

Въ какой бы формѣ мы ни взяли жизнь, проявленіе жизни будетъ извѣстная трата силъ, переходъ скрытой силы въ явное состояніе. Если мы подымемъ опустившуюся гирю часовъ или заведемъ пружинные часы, то поднятая гиря, лежащая, положимъ, на полкѣ, будетъ заключать въ себѣ энергію въ скрытой формѣ; то же самое будетъ и съ заве-

денной и неподвижной пружиной. Лишь только гиря въ часахъ начнетъ опускаться или пружина раскручиваться, и та и другая приведутъ въ движеніе весь механизмъ часовъ, начнутъ передвигаться стрѣлки, придетъ въ дѣйствіе бой часовъ—энергія изъ скрытой формы переходитъ въ явную. Еще примѣръ энергіи въ скрытой формѣ мы имѣемъ въ зарядѣ пороха, которымъ заряжена пушка: при выстрѣлѣ опять-таки эта сила изъ скрытой формы переходитъ въ явную, ядро летитъ на громадное разстояніе и, попавъ въ цѣль, производитъ разрушеніе.

Въ какой бы формѣ мы ни взяли жизнь, проявленіе жизни есть переходъ извѣстнаго запаса силъ изъ скрытой формы въ явную и трата этого запаса силъ. Вполнѣ ясно, что передвиженіе человѣка, механическая работа, которую онъ дѣлаетъ, движенія грудной клѣтки, которыми для насъ выражается дыханіе и разговоръ—всѣ эти движенія представляютъ трату извѣстнаго запаса силъ. Наконецъ, человѣкъ, какъ и теплокровныя животныя поддерживаетъ свое тѣло постоянно тепломъ, большею частью гораздо выше окружающей среды, и слѣдовательно постоянно теряютъ тепло чрезъ лучеиспусканіе и нагрѣвая непосредственно окружающій ихъ воздухъ. Они должны сожигать въ себѣ извѣстныя вещества, чтобы развивать въ себѣ тепло, совершенно такъ же, какъ мы должны зимою топить домъ, чтобы въ немъ было тепло. Откуда же берется этотъ запасъ силъ, который тратится животными безпрерывно все время, пока они живы? Берется онъ изъ пищи. Чѣмъ болѣе тяжелую работу приходится человѣку дѣлать, тѣмъ больше и болѣе питательной пищи онъ долженъ поглощать. Чѣмъ холоднѣе климатъ, гдѣ онъ живетъ, и чѣмъ холоднѣе время года, тѣмъ опять-таки больше онъ долженъ поглощать пищи, чтобы сохранить въ равновѣсіи свои силы. Можетъ быть, прямая зависимость между исполняемой работой и обстановкой съ одной стороны и необходимымъ количествомъ пищи, съ другой, не вполнѣ ясна горожанину-интеллигенту, но она вполнѣ ясна для крестьянина. Онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ больше необходимо принимать пищи и тѣмъ богаче она должна быть питательными веществами. Чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ большую часть своего скуднаго заработка онъ тратитъ на пищу. Точно также онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ хуже помѣщеніе для скотины, чѣмъ оно холоднѣе, тѣмъ больше нужно истратить на нее за зиму корму.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между живымъ существомъ и машиной: чѣмъ больше работы должна сдѣлать машина, тѣмъ больше топлива должны мы затратить, то же и въ живыхъ существахъ. Разница заключается только въ томъ, что живыя существа—машины гораздо болѣе совершенныя, чѣмъ машины, созданныя людьми. Въ то время, какъ въ нашихъ машинахъ большая часть энергіи, скрытой въ топливѣ, теряется безплодно, утилизація живымъ

существомъ энергіи, заключенной въ пищѣ, очень совершенна и приближается къ величинѣ, вычисленной теоретически.

Итакъ, жизнь есть постоянная трата запаса силъ, восполняемаго принимаемой пищей. Но что же изъ себя представляетъ пища? Это вещества, заключающія въ себѣ энергію въ скрытомъ состояніи, очень сложнаго состава или растительнаго, или животнаго происхожденія. Чѣмъ бы ни питалось животное--растеніями или другими животными, конечный источникъ ихъ будетъ все-таки растительный міръ, такъ какъ плотоядныя животныя питаются травоядными.

Въ виду всего этого весь міръ живыхъ существъ раздѣлился для насъ на двѣ большія группы—животныхъ и растеній. Растенія накопляютъ запасы энергіи, животныя же, питаясь растеніями, тратятъ эти запасы.

Химическіе процессы, которые происходятъ въ растеніяхъ, распадаются на двѣ группы. Самъ процессъ жизни построенъ въ растеніяхъ по тому же типу, какъ и въ животныхъ—это трата запаса силъ, переходъ энергіи изъ скрытой формы въ явную. Рядомъ съ этимъ общимъ для всего живого процессомъ жизни въ растеніяхъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, идетъ накопленіе энергіи, созиданіе запасовъ, на счетъ которыхъ живутъ и сами растенія, и весь остальной міръ живыхъ существъ.

Изъ ничего можно получить только ничего. Откуда же растенія берутъ запасы энергіи, на счетъ которыхъ живетъ все живое? Всѣ окрашенныя въ зеленый цвѣтъ части растеній обладаютъ способностью задерживать наиболѣе дѣятельные въ химическомъ отношеніи лучи солнца; на счетъ этихъ лучей солнца и составляются въ растеніяхъ запасы энергіи. Представимъ себѣ, что на берегу вѣчно волнующагося моря мы установили рядъ аппаратовъ, которые бы приводились въ движеніе постоянными волнами. Въ этихъ аппаратахъ могли бы накопляться громадные запасы энергіи. Въ такомъ же родѣ мы можемъ представить себѣ роль царства зеленыхъ растеній: они уловляютъ лучи солнца и накапливаютъ на счетъ ихъ запасы энергіи. Такимъ образомъ все живое, что только мы видимъ вокругъ себя, будетъ ли это движеніе инфузоріи, ростъ мельчайшей водоросли или геніальное научное или поэтическое произведеніе—все это есть не что иное, какъ видоизмѣненные лучи солнца.

На основаніи всего сказаннаго выше, весь міръ живыхъ существъ распадается на двѣ большихъ группы—міръ растеній, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, созидающихъ на счетъ лучей солнца запасы энергіи, и міръ животныхъ, питающихся растеніями и такимъ образомъ тратящихъ эти запасы. Не всѣ растенія обладаютъ способностью связывать энергію лучей солнца, а только тѣ, которыя окрашены въ зеленый цвѣтъ. Такимъ образомъ цѣлые классы растеній, какъ грибы,

бактеріи, хотя они по своему происхожденію и строенію принадлежатъ къ растительному міру, по ходу своихъ жизненныхъ процессовъ примыкаютъ къ животному міру. Они не накопляютъ запасовъ энергіи, наоборотъ — они тратятъ ихъ. Точно также, какъ животныя, они разрушаютъ сложныя органическія вещества, какъ бѣлки, углеводы, жировыя вещества, и живутъ на счетъ освобождающейся при разрушеніи этихъ веществъ энергіи.

Между этими двумя большими отдѣлами живыхъ существъ—однихъ, накапливающихъ богатства, и другихъ, тратящихъ ихъ, совершенно своеобразное мѣсто занимаютъ микробы нитрификаціи, которымъ было посвящено начало этого очерка. Точно также какъ и другія бактеріи, они не окрашены въ зеленый цвѣтъ и не могутъ утилизировать лучей солнца и при помощи ихъ собирать запасы энергіи, какъ это дѣлаютъ растенія; съ другой стороны, хотя по своему строенію они относятся къ бактеріямъ, но они совершенно не нуждаются въ сложныхъ, органическихъ веществахъ, разложеніемъ которыхъ и живутъ остальныя бактеріи. Единственнымъ источникомъ энергіи, пользуясь которымъ нитрифицирующіе микробы живутъ, это—окисленіе амміака. Между тѣмъ, амміакъ соединеніе крайне простого состава, которое можно получить въ лабораторіи.

Нитрифицирующіе микробы, точно также какъ и изученные С. Н. Виноградскимъ микробы, окисляющіе закись желѣза въ окись и окисляющіе сѣрнистый водородъ *), представляютъ совершенно своеобразную группу существъ, не укладывающихся въ тѣ рамки, въ которыхъ течетъ жизнь всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ. Всѣ они живутъ не на счетъ запаса энергіи, почерпаемой непосредственно отъ лучей солнца, какъ дѣлаютъ растенія, и не на счетъ сложныхъ органическихъ соединеній, питаясь послѣдними. Источникомъ силъ служатъ для нихъ простыя неорганическія соединенія, которыя они окисляютъ—амміакъ, закись желѣза и сѣрнистый водородъ.

Правда, эти соединенія они получаютъ большею частью изъ того же источника, откуда получаютъ вещества, на счетъ которыхъ они развиваются, и другіе микробы, разлагающіе бѣлки, сахаръ и т. п. Послѣ смерти живого существа его тѣло дѣлается добычей и источникомъ жизни для бактерій, которыя разлагаютъ вещества, входящія въ его составъ, на все болѣе и болѣе простыя соединенія, наконецъ, когда въ концѣ этой работы получатся только неорганическія соединенія, въ томъ числѣ амміакъ, закись желѣза и сѣроводородъ, то и они тоже являются источникомъ жизни для спеціальной группы живыхъ существъ. Такимъ образомъ, эта группа живыхъ существъ пользуется,

---

*) См. Міръ Божій 1893 г., ноябрь, статью В. К. Агафонова: «Почва и ея микроорганизмы».

такъ сказать, послѣдними крохами той энергіи, которую растенія получили отъ лучей солнца и на счетъ которой жили и они сами, и животныя, питающіяся растеніями, и міръ бактерій, разлагающихъ и отбросы животныхъ, и мертвыя тѣла животныхъ и растеній.

Но, несмотря на это, положеніе группы микробовъ, къ которой принадлежатъ нитрофицирующіе микробы, все-таки совершенно своеобразно. Во-первыхъ, источникомъ силъ для нихъ являются крайне простыя химическія соединенія, какъ амміакъ, сѣроводородъ, закись желѣза; къ тому же эти соединенія хотя только въ незначительномъ относительно количествѣ, но могутъ получиться помимо разложенія органическихъ веществъ: амміакъ отъ дѣйствія электрическаго разряда; сѣроводородъ—какъ результатъ геологическихъ процессовъ въ землѣ. Такимъ образомъ, эти живыя существа хоть отчасти, но все-таки могутъ быть независимы отъ той энергіи, которую получаетъ земля съ лучами солнца.

IV.

До сихъ поръ мы все время говорили о процессѣ круговорота азота. Напомнимъ читателю, что хотя въ воздухѣ заключается громадный запасъ азота, но этотъ запасъ не утилизируется непосредственно растеніями; они могутъ усваивать азотъ только въ видѣ азотистыхъ соединеній, свободный же азотъ воздуха представляетъ для нихъ нѣчто безразличное, непригодное. Мы говорили выше, что количество этихъ азотистыхъ соединеній ограничено и что жизнь на землѣ можетъ продолжаться только въ силу того, что эти азотистыя соединенія по смерти живыхъ существъ утилизируются другими живыми существами, и при этомъ важную роль въ качествѣ посредниковъ играютъ бактеріи, переводящія азотъ изъ сложныхъ химическихъ соединеній, непригодныхъ для усвоенія растеній, въ болѣе простыя, усвояемыя растеніями.

Такимъ образомъ, въ видѣ этого связаннаго азота, какъ называютъ азотъ соединеній въ отличіе отъ свободнаго азота воздуха, въ обладаніи всего живого на землѣ находится извѣстное богатство, суммою котораго обусловливается количество жизни на землѣ. Теперь намъ нужно выяснить, какимъ образомъ накопилось это богатство и какъ оно увеличивается.

Раньше единственнымъ источникомъ азотистыхъ соединеній считали атмосферныя явленія; такъ, во время грозы, при разряженіи электричества, образуется небольшое количество азотистыхъ соединеній, съ дождемъ падающихъ на землю. Вотъ эти-то минимальныя количества азотистыхъ соединеній и являлись долгое время, по мнѣнію ученыхъ, источникомъ азота для всего живого. Но изслѣдованія послѣдняго времени пролили новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ, Гельригель и Виль-

фартъ нашли, что въ клубенькахъ, находящихся на корняхъ бобовыхъ растеній, находятся бактеріи, которыя обладаютъ способностью связывать свободный атмосферный азотъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою новый родъ сотрудничества, такъ называемаго симбіоза. Бактерія получаетъ отъ растенія нужныя ей питательныя вещества—а у растенія есть неисчерпаемый источникъ для добыванія сахаристыхъ веществъ—углекислота воздуха и лучи солнца; въ свою очередь, бактерія снабжаетъ растеніе столь необходимыми для него азотистыми соединеніями. Открытіе это имѣло громадное значеніе для агрономіи. Теперь мы знаемъ, почему для хозяина такъ важно разводить клеверъ и другія бобовыя. Но, безъ сомнѣнія, это открытіе съ общебіологической точки зрѣнія охватываетъ только часть явленій, относящихся сюда. Несомнѣнно, накопленіе азотистыхъ соединеній происходило и до появленія бобовыхъ на землѣ; кромѣ того, бобовыя распространены далеко не повсюду. Нужно ли изъ этого предположить, что на томъ клочкѣ земли, гдѣ не растетъ бобовое растеніе, не происходитъ усвоенія азота? Послѣднее было бы невѣроятно.

Дѣйствительно, С. Н. Виноградскому удалось получить культуру микроба, который способенъ усваивать атмосферный азотъ. Микробъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ микробамъ, которые разлагаютъ сахаристыя вещества, и названъ Виноградскимъ въ честь Пастера *Clostridium Pasteurianum.* Чтобы выдѣлить его, Виноградскій и здѣсь шелъ своимъ излюбленнымъ путемъ избирательныхъ культуръ. Чтобы получить нитрофицирующаго микроба, онъ взялъ жидкость, содержащую амміакъ и не содержащую никакихъ органическихъ соединеній, вродѣ сахара и т. п. Въ такой жидкости могли развиваться почти исключительно только микробы, окисляющіе амміакъ. Здѣсь же онъ взялъ жидкость, совершенно не содержащую никакихъ соединеній азота и, наоборотъ, содержащую органическое, лишенное азота, вещество—сахаръ, который бы могъ служить для микроба источникомъ энергіи. Въ такой жидкости, если мы засѣемъ ее частичкой почвы, мы можемъ ожидать роста микроба, обладающаго способностью связывать свободный азотъ воздуха, такъ какъ безъ азота микробъ, какъ и всякое живое существо, не можетъ развиваться, а получить азотъ онъ можетъ только изъ воздуха. Оттуда Clostridium Pasteurianum его и получаетъ. Разрушая сахаръ, онъ освобождаетъ энергію, которую и тратитъ, какъ на поддержаніе своей жизни, такъ и на связываніе азота.

Эта работа С. Н. Виноградскаго «Объ усвоеніи свободнаго азота атмосферы микробами» вышла только въ 1896 г. и пока имѣетъ только чисто научное значеніе. Но въ виду громадной важности вопроса объ обогащеніи почвы соединеніями азота, вѣроятно, будетъ имѣть значеніе и въ практическомъ отношеніи. Вѣдь до сихъ поръ источникомъ азотистаго удобренія въ земледѣліи было или удобреніе навозомъ, ко-

личество, котораго всегда ограничено или посѣвъ бобовыхъ растеній, или удобреніе селитрой, которая очень дорога.

V.

Нашъ очеркъ былъ пока посвященъ микробамъ, участвующимъ въ процессахъ круговорота азота; теперь, на основаніи всего того, что мы узнали объ ихъ свойствахъ и объ особенностяхъ ихъ жизни, мы можемъ представить себѣ болѣе полную картину о томъ значеніи, которое имѣютъ вообще микробы въ природѣ *).

Живыя существа постоянно почерпаютъ изъ окружающей ихъ природы простыя химическія соединенія. Первое звено въ этой цѣпи явленій составляютъ растенія; изъ простыхъ соединеній на счетъ энергіи, приносимой лучами солнца, они строятъ очень сложныя химическія тѣла. Растеніями питаются животныя. Такимъ образомъ постоянно происходитъ процессъ преобразованія простыхъ соединеній неорганическаго міра въ сложныя органическія соединенія. Очевидно, этотъ процессъ не можетъ идти все въ одну сторону. Еслибъ это было такъ, то несомнѣнно нѣкоторыя вещества, какъ углеродъ или связанный азотъ, цѣликомъ перешли бы въ тѣла животныхъ и растеній и по ихъ смерти накопились бы въ видѣ громадныхъ массъ, неспособныхъ уже больше къ дальнѣйшей утилизаціи живыми существами. Земля превратилась бы въ кладбище.

Такимъ образомъ, чтобы жизнь на землѣ могла продолжаться, необходимо, чтобы сложныя соединенія были разрушены, опять превращены въ крайне простыя по своему составу неорганическія соединенія—минеральныя соли, угольную кислоту и т. п. Работа эта и совершается повсюду и постоянно микробами. Мы такъ привыкли къ ней, что уже не удивляемся ей. Часто намъ приходится бороться съ проявленіями этой работы, и успѣхъ не за нами. Такъ, мы привыкли считать пищевые продукты — мясо, молоко и т. п. за нѣчто крайне непрочное, и хозяйки принимаютъ рядъ мѣръ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи, хотя бы на самое короткое время. Но то, что мы привыкли считать за неизбѣжный, происходящій самъ собою процессъ, зависитъ только лишь отъ дѣятельности микробовъ. Если мы примемъ мѣры, чтобы не допустить развитіе микробовъ, то увидимъ, что разрушить эти «непрочныя» тѣла имѣющимися въ распоряженіи людей средствами крайне трудно. Для этого требуется дѣйствовать на нихъ крѣпкими минеральными кислотами при нагрѣваніи, а чтобы получить полное ихъ разложеніе на углекислоту, воду и азотъ, нужно накаливать ихъ при обильномъ доступѣ воздуха. Между тѣмъ, на поверхности земли та-

*) Въ этой части нашей статьи мы будемъ пользоваться рѣчью С. Н. Виноградскаго «О роли микробовъ въ общемъ круговоротѣ жизни», С.-Петербургъ, 1897.

кія высокія температуры и крѣпкія минеральныя кислоты отсутствуютъ, и если на землѣ происходятъ процессы разрушенія органическихъ веществъ, то это зависитъ отъ того, что микробы являются могучими разрушителями, обладающими для этого особыми химическими реактивами.

Процессы разрушенія происходятъ повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и это зависитъ отъ того, что, хотя вообще живыя существа могутъ существовать при очень разнообразной обстановкѣ,—рамки, въ которыхъ микробы могутъ развиваться,—еще шире. Что касается температуры, то микробы могутъ жить въ предѣлахъ отъ 0° до 70°. Кромѣ того, въ то время, какъ остальныя живыя существа требуютъ для своей жизни присутствія кислорода, множество микробовъ могутъ жить при полномъ отсутствіи кислорода. Благодаря этому, процессы разложенія могутъ происходить не только на поверхности, но и внутри труповъ, въ глубокихъ слояхъ почвы и въ глубинѣ морей.

Тѣла животныхъ и растеній состоятъ изъ очень большого числа крайне разнообразныхъ веществъ. Разложеніе ихъ происходитъ такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ превращается въ вещества болѣе простыя по составу и этихъ промежуточныхъ ступеней разложенія между первоначальнымъ веществомъ и послѣдними продуктами разложенія крайне большое количество. Когда дѣло шло о нитрифицирующихъ микробахъ, мы видѣли, что дѣятельность этихъ микробовъ очень спеціализирована. Такъ, при окисленіи амміака, сперва образуется азотистая кислота, а потомъ изъ послѣдней азотная. Какъ мы говорили, каждый изъ этихъ процессовъ производится спеціальнымъ микробомъ: сперва одинъ видъ микробовъ окисляетъ амміакъ въ азотистую кислоту, а потомъ уже другой видъ обращаетъ ее въ азотную. Эти процессы могутъ намъ служить примѣромъ крайней спеціализаціи въ дѣятельности микробовъ. Можетъ быть, для каждаго изъ громаднаго количества разнообразныхъ химическихъ соединеній, образующихся во время хода процесса разложенія органическихъ веществъ, существуютъ спеціалисты-микробы, совершающіе дѣло разрушенія въ каждой отдѣльной стадіи этого процесса. Это происходитъ не отъ того, что отдѣльный микробъ можетъ развиваться на счетъ разрушенія только одного вещества. Большинство микробовъ можетъ жить въ гораздо болѣе широкихъ рамкахъ, чѣмъ микробы нитрификаціи, эти спеціалисты изъ спеціалистовъ, приспособленные къ крайне узкимъ условіямъ существованія и прекращающіе свою дѣятельность при наличности органическихъ веществъ. Другіе микробы являются менѣе прихотливыми, и разведенные въ чистыхъ культурахъ, могутъ питаться разнообразными веществами въ различныхъ смѣсяхъ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ природѣ. Если мы оставимъ гнить какое-нибудь вещество, напримѣръ, молоко, мы увидимъ, что процессъ разложенія будетъ происходить при смѣнѣ формъ микробовъ. Въ каждый моментъ наиболѣе пышное раз-

витіе получитъ опредѣленный видъ, совершающій химическое измѣненіе въ одной изъ стадіи этого послѣдовательно развертывающагося процесса. Зависитъ это отъ борьбы за существованіе между отдѣльными микробами, каждый изъ которыхъ способенъ преодолѣть всѣхъ остальныхъ при опредѣленныхъ условіяхъ состава среды. Чуть только подъ вліяніемъ его же жизни этотъ химическій составъ измѣнился, эти микробы вытѣсняются другими, наиболѣе приспособленными къ новымъ условіямъ.

Такимъ образомъ, весь этотъ длинный процессъ сопровождается постоянною смѣной дѣйствующихъ лицъ.

Чѣмъ же объясняется повсемѣстность процессовъ разложенія? Какимъ образомъ происходитъ то, что какое бы мы органическое тѣло ни взяли, обыкновенно появляются микробы, начинающіе его разлагать, и съ наступленіемъ въ немъ измѣненій для этихъ микробовъ сейчасъ же находятся замѣстители, продолжающіе этотъ процессъ дальше? Объясняется это способностью микробовъ давать стойкіе зародыши, распространенные повсюду, носящіеся по воздуху. Чуть только въ средѣ, гдѣ жили микробы, наступаютъ измѣненія, вслѣдствіе которыхъ эти микробы вытѣсняются новыми, въ первыхъ—жизненные процессы замираютъ, и они въ покоющемся состояніи пережидаютъ, пока не наступитъ новое совпаденіе благопріятныхъ условій для того, чтобы наши микробы опять могли быстро размножиться.

Вотъ грандіозная картина той роли, которую играютъ микробы въ ряду другихъ живыхъ существъ, какъ она вырисовывается на основаніи, главнымъ образомъ, работъ Пастера. Существованіе микробовъ есть непремѣнное условіе возможности жизни на землѣ. Въ сложной системѣ отношеній живыхъ существъ они представляютъ звено, которое нельзя выкинуть безъ того, чтобы окончательно не исчезла возможность существованія цѣлаго.

Мы видимъ теперь, какъ далека эта точка зрѣнія отъ того взгляда на роль микробовъ, какъ исключительно враговъ живыхъ существъ, вызывающихъ заболѣванія и смерть. Въ чемъ же замѣчается роль болѣзнетворныхъ микробовъ въ общей системѣ отношеній живыхъ существъ, которую мы нарисовали выше? Прежде всего нужно отмѣтить, что между микробами, живущими на мертвыхъ органическихъ веществахъ и нападающими на живыя существа и размножающимися въ ихъ тканяхъ, нѣтъ рѣзкой границы. Правда, есть такіе болѣзнетворные микробы, которые приспособились къ столь узкимъ условіямъ существованія, что могутъ размножаться только внутри живыхъ существъ, и мало того—часто только въ одномъ опредѣленномъ видѣ живыхъ существъ, напр., только въ человѣкѣ. Зато другіе не такъ прихотливы и могутъ развиваться на мертвыхъ веществахъ и нападать на живыя существа.

*

Роль микробовъ, какъ мы старались выяснить, заключается въ томъ, чтобы разрушить сложныя органическія вещества и свести ихъ къ простымъ неорганическимъ соединеніямъ, которыя при посредствѣ растеній могли бы опять поступить въ круговоротъ жизни. Большинство этихъ микробовъ начинаютъ эту работу съ момента смерти живого существа. Микробы болѣзнетворные не дожидаются этого момента, они являются какъ бы авангардомъ этой арміи разрушителей органическаго вещества и нападаютъ на живые организмы. «Живой субстратъ,—говоритъ С. Н. Виноградскій,—не остается безразличнымъ къ появленію непрошенныхъ гостей: завязывается борьба, истинный характеръ которой значительно выяснился, благодаря замѣчательнымъ трудамъ Мечникова,—борьба болѣе или менѣе упорная въ зависимости отъ вооруженія противниковъ. Хорошо, если удастся уничтожить дерзкихъ пришельцевъ, что часто обходится не безъ урона, если же нѣтъ, то приходится возвратить свои элементы въ общій круговоротъ».

Заканчивая этотъ очеркъ, мы должны замѣтить, что, какъ ни животрепещущи для человѣчества вопросы борьбы съ болѣзнетворными микроорганизмами, все-таки эти вопросы представляютъ только одну главу въ общей исторіи отношеній микробовъ къ другимъ живымъ существамъ, – исторіи, въ которой изслѣдованія, касающіяся круговорота азота, занимаютъ блестящія страницы.

Д-ръ **А. Яроцкій.**

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Здравствуй, новая жизнь! Промелькнули печальныя тѣни
Догорѣвшихъ безрадостныхъ дней!
И опять создаю я мечтою моей
Къ недоступному счастью ступени...

И опять новый годъ я воскресшей надеждой встрѣчаю
Дышетъ легче усталая грудь,
Будто долгій, тяжелый, наскучившій путь
Въ новогоднюю ночь я кончаю...

И я вѣрить хочу, что не ложь этотъ мигъ обновленья,
Что о счастьи мечта—не обманъ,
И что старая боль незакрывшихся ранъ—
Новыхъ радостныхъ дней искупленье.

Г. Галина.

ГЛАФИРИНА ТАЙНА.

Повѣсть.

I.

Въ табачной лавочкѣ старой вдовы Хороводовой происходили событія—тревожныя, необычайныя, прямо сказать можно: загадочныя.

Событія эти были совершенно интимнаго свойства.

На равнодушный взглядъ всякаго, кто случайно попадалъ сюда съ улицы, съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ покупку, забыть навсегда, что онъ былъ когда-нибудь въ этой лавочкѣ (мало ли ихъ въ Петербургѣ!), отнюдь ничего не могло быть замѣтно. Даже и тѣ, кто состоялъ въ числѣ ея болѣе или менѣе постоянныхъ кліентовъ (ибо лавочка вдовы Хороводовой, помимо того, что потребно курящимъ, торговала еще массой предметовъ, принадлежащихъ къ отдѣлу такъ называемыхъ галантерейныхъ товаровъ), едва-ли могла поразиться чѣмъ-либо выходящимъ изъ области повсегдашнихъ явленій. Таковыхъ было нѣсколько, начиная, напр., отъ нѣкоего молчаливаго немолодого чиновника, съ пухлымъ, бритымъ лицомъ, покупавшаго здѣсь, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, нюхательный «бергамотный» табакъ, и кончая шустрымъ малышомъ въ гимназической формѣ, идучи въ классы, нырявшимъ сюда за покупкой грифеля или тетрадки, и всегда уносившаго въ себѣ назойливое впечатлѣніе отъ большого картоннаго мальчика, съ вытаращенными фарфоровыми глазами, какъ бы изумленно привѣтствовавшаго появленіе каждаго посѣтителя вдовы Хороводовой, выглядывая изъ-за пестрой коллекціи маленькихъ, щегольски разодѣтыхъ дѣвицъ, барабановъ, лошадокъ и т. п. предметовъ, выставленныхъ на соблазнъ невиннаго дѣтскаго возраста Такъ же невозмутимо караулили входъ изображавшіе вывѣску, съ одной стороны, выкрашенный во всѣ цвѣта радуги турокъ, неустанно тянувшій свой безконечный кальянъ, а съ другой—голый арапъ, предлагавшій прохожимъ большую, чуть не съ самого себя ро-

стомъ, сигару. И картонный мальчикъ, растопыривъ по старому руки, все такъ же изумленно таращилъ глаза на всѣхъ приходящихъ въ табачную.

Единственное, что можно бы было, пожалуй, отмѣтить, только то обстоятельство, что вмѣсто немолодой, довольно суроваго вида особы женскаго пола, старшей изъ двухъ дочерей г-жи Хороводовой, за прилавкомъ всегда теперь появлялась сама старушка-хозяйка или ея младшая дочь. Эту послѣднюю прежде приходилось видать очень рѣдко, въ видѣ исключительныхъ случаевъ. О ней имѣлось понятіе, какъ о дѣвицѣ съ мечтательнымъ и разсѣяннымъ взоромъ, словно блуждающимъ вѣчно въ какихъ-то нездѣшнихъ мірахъ, и съ неизмѣнно торчащей въ рукѣ разогнутой книгой, того или другого формата, безъ чего ее даже невозможно было представить. При этомъ ея миловидное и блѣдное, какъ бы даже прозрачное личико обладало постоянно однимъ выраженіемъ, которое всякій мало-мальски опытный чтецъ чужихъ мыслей могъ-бы перевести на общепонятный языкъ таковыми или въ подобномъ родѣ словами:

«О, вы, покупающіе здѣсь табакъ, гильзы, конверты, мыло иголки и прочую дрянь, которой торгуетъ наша противная лавочка! Еслибъ вы знали, какъ вы ничтожны и глупы въ глазахъ моихъ передъ д'Артаньяномъ, Атосомъ, Портосомъ, не говоря уже про самого великаго Монте-Кристо, и предъ всѣмъ этимъ очаровательнымъ обществомъ, гдѣ вращаюсь я постоянно!.. Получили что нужно? Отдали деньги? Ну, и прекрасно. Теперь исчезайте, ибо я должна вернуться немедля въ мой міръ храбрецовъ и красавцевъ!»

Этотъ самый отгадчикъ мыслей едва ли прочелъ бы теперь нѣчто подобное на лицѣ этой дѣвицы. Какъ всегда, миловидное, оно стало какъ будто еще болѣе блѣднымъ, и, вмѣсто самоуглубленной мечтательной думы, на немъ лежала печать затаенной тревоги и по временамъ даже какой-то растерянности. Таковыми же чувствами проникнуты были и черты старческаго, въ глубокихъ морщинахъ, лица самой вдовы Хороводовой. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не могло никого поражать, ибо старушка всегда казалась унылою, подавленною. Всѣ, кто зналъ Авдотью Макаровну, привыкъ отъ нея слышать одни только охи да жалобы на удручавшіе ее постоянно недуги, дороговизну провизіи, плохую торговлю табачной и проч. Въ иной часъ она не прочь была поболтать съ покупателемъ—изъ тѣхъ, кто ходилъ постоянно, — но всѣ ея разговоры вращались исключительно въ кругѣ упомянутыхъ темъ. Теперь она стала скупа на бесѣды, отвѣчала даже иногда невпопадъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-то непрестанно ее грызущей заботы, которую раздѣляла всецѣло и молодая мечта-

тельница. Надо при этомъ прибавить, что никакихъ уже книжекъ при ней не оказывалось. Наблюдая ея неловкіе пріемы, замѣтные въ случаяхъ, когда ей нужно было найти и подать покупателю вещь, повидимому неизвѣстную ей, причемъ ясно было, какъ она тогда терялась почти до отчаянія, можно было сравнить ее съ человѣкомъ, котораго разбудили внезапно и заставили продѣлывать неожиданно то, для чего ему предварительно требуется нѣсколько времени, чтобы только опомниться.

Отсюда можно было сдѣлать догадку о какой-то таинственной причинѣ разстройства, существующей гдѣ-то тамъ, за этою маленькою дверью, откуда вызываетъ безжалостно хозяйку или ея младшую дочь стремительнымъ дребезжаніемъ своимъ колокольчикъ, возвѣщающій присутствіе покупателя въ лавочкѣ. Отдѣлавшись отъ него, та и другая спѣшатъ тотчасъ обратно, къ предмету ихъ непонятной заботы.

Туда онѣ входятъ на ципочкахъ, и обыкновенный ихъ голосъ, какимъ онѣ говорятъ съ посторонними, мгновенно спадаетъ до тихаго, осторожнаго шопота.

II.

Вся суть въ томъ, что старшая дочь Авдотьи Макаровны, дѣвица Глафира, тяжко и серьезно больна.

Она лежитъ въ небольшой, крайней комнатѣ, второй изъ двухъ, составляющихъ все помѣщеніе вдовы Хороводовой и ея дочерей, которая была прежде спальней обѣихъ дѣвицъ. Кровать младшей дочери, Вѣры, вынесена въ ту, что побольше, соединявшую въ себѣ назначенія столовой, гостиной и просто именуемую «чистою», и гдѣ спала, на диванѣ, сама Авдотья Макаровна. Свѣтленькое дѣвичье ложе поставлено недалеко отъ дивана. Чтобы больной было болѣе воздуха, вынесены изъ спальни сюда всѣ лишнія вещи, такъ что, по первому взгляду на эту, нагроможденную во всѣхъ углахъ мебель, можно было подумать, будто здѣшніе жильцы только что въѣхали и не успѣли еще разобраться. Въ обѣдахъ и чаепитіяхъ былъ большой безпорядокъ, ѣли и пили кое-какъ и урывками, среди суеты, шептанья и ежеминутныхъ волненій.

— Скоро ли ледъ-то? Господи, да несите скорѣе!

— Ну, что на дорогѣ-то стали? Только мѣшаете!

— Да тише, Лукерья! Чего ты орешь?

— Ничего не ору! Сами вы, барыня, тычетесь зря!

И все въ такомъ же раздраженномъ, суматошливомъ духѣ, какъ бываетъ среди обитателей тѣсныхъ жилищъ, гдѣ всякое, выходящее хотя бы мало-мальски изъ области повседневныхъ

явленій событіе опрокидываетъ вверхъ дномъ весь порядокъ вещей.

Болѣе всѣхъ, надо быть, ощущалъ все неудобство новыхъ порядковъ любимецъ Глафиры, тучный котъ бѣлой шерсти Матросъ, какъ и вообще всякій представитель этой породы, не склонный къ реформамъ, тѣмъ паче, если онѣ влекутъ за собою лично для нихъ какой-нибудь матеріальный ущербъ. Не говоря ужъ про то, что теперь никому, кажется, не было дѣла, сытъ-ли онъ, или голоденъ, онъ потерялъ даже свое давнишнее и излюбленное мѣсто на креслѣ, которое куда-то исчезло, и, кромѣ того, перенесъ за короткое время столько шлепковъ и пинковъ, что изъ этого могъ придти къ заключенію, будто онъ здѣсь нежелателенъ, лишній, будто онъ прямо даже кому-то мѣшаетъ. Когда же онъ, какъ-то разъ, попытался было проникнуть въ ту комнату, гдѣ привыкъ себя чувствовать весьма близкимъ и всегда привѣчаемымъ гостемъ, то получилъ такой жестокій пинокъ, который заставилъ его отлетѣть чуть не на другой конецъ комнаты.

«Ну, и чортъ побери васъ совсѣмъ!» обиженно подумалъ Матросъ. «Я ничего не могу тутъ понять».

Можетъ быть, онъ почувствовалъ бы себя значительно удовлетвореннымъ въ своемъ самолюбіи, если бы ему было извѣстно, что и всѣ въ этой квартирѣ, начиная съ самой Авдотьи Макаровны, затѣмъ дочь ея Вѣра и, наконецъ, кухарка Лукерья, разсуждая по всей справедливости, должны сказать про себя то же самое, т.-е., что онѣ ошеломлены, сбиты съ толку, у всѣхъ у нихъ голова идетъ кругомъ, и всѣ онѣ *ничего не могутъ понять*...

Часовъ въ десять вечера, Глафира, никому не сказавши ни слова, ушла со двора и пропадала цѣлую ночь напролетъ. Она вернулась домой уже утромъ, совсѣмъ сама не своя, безъ шляпы, вмѣсто которой, голова ея оказалась повязанною чьимъ-то платкомъ, опять-таки никому не сказавши ни слова, какъ была, повалилась, какъ снопъ, на постель и стала тотчасъ же бредить... Приглашенный въ скорости докторъ опредѣлилъ у нея начало тифозной горячки.

Сперва бредъ ея имѣлъ всѣ признаки тревоги и страха. Судя по ея отрывочнымъ и безсвязнымъ рѣчамъ, ей чудились чьи-то преслѣдованія, отъ которыхъ она искала спасенія, и умоляла о помощи.

— Я здѣсь, здѣсь, Глафирушка!—убѣжала ее совсѣмъ растерявшаяся Авдотья Макаровна.—Никто не тронетъ тебя, успокойся... Здѣсь вотъ я... вотъ и Вѣрушка... Видишь?

Графира расширенными дико глазами смотрѣла на мать и сестру, послѣ чего ея взоръ принималъ выраженіе безпредѣльнаго ужаса, и, прижимаясь къ стѣнѣ, какъ бы стараясь вся куда-то уйти, схорониться, она бормотала жалобнымъ голосомъ, въ кото-

ромъ звучало въ то же время желаніе кому-то внушить, что она никого не боится:

— Не смѣйте тащить меня! Слышите?.. Городового сейчасъ закричу!

— О, Господи!—шептала, въ отчаяніи, Авдотья Макаровна.

Горячечныя рѣчи Глафиры порождали въ старухѣ самыя ужасныя мысли. Несомнѣнно было одно, что въ ту ночь, когда Глафира невѣдомо гдѣ пропадала, съ нею произошло приключеніе, столь необычайное, столь потрясающее, что она вотъ теперь въ жару и бреду. Очевидно, кто-то ее жестоко и тяжко обидѣлъ... Въ чемъ состояла эта обида—Авдотья Макаровна боялась догадываться!.. Вся одежда ея, включая и обувь, была слегка сыровата, однако, въ полномъ порядкѣ, нигдѣ не разорвана, и ничто не показывало, что Глафирѣ пришлось отъ кого-нибудь отбиваться... Зато крайне важно было отсутствіе шляпы и еще болѣе то, что на Глафирѣ оказался чей-то платокъ.

Этотъ платокъ всего пуще мучилъ Авдотью Макаровну, всего пуще сбивалъ ее съ толку. Она очень внимательно, съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ и даже замираніемъ сердца, разсмотрѣла его. Это былъ шерстяной, довольно дрянненькій, совершеннно заношенный и мѣстами поѣденный молью, сѣрый, съ бахромкой, платокъ, который могъ принадлежать, самое большее, какой-нибудь горничной. Изъ этого ясно слѣдовало то заключеніе, что Глафира провела ту ночь не одна, что съ нею были какіе-то люди.

Но гдѣ она могла потерять свою шляпу? Украсть ее врядъ ли кто нибудь могъ-бы польститься. Она была совсѣмъ немудрящая, старенькая. Да если бы и захотѣли поживиться чѣмъ-нибудь отъ Глафиры, то первымъ дѣломъ, конечно, отобрали бы имѣвшіяся у нея въ карманѣ деньжонки, а между тѣмъ, при ней оказалось въ цѣлости ея портмонэ, гдѣ лежали шесть гривенъ серебряной мелочью и двѣ мѣдныхъ копейки... Нѣтъ, о простыхъ, обыкновенныхъ ворахъ тутъ нечего думать!.. Но почему же Глафирѣ мерещится, что ее кто-то тащитъ, зачѣмъ про городового она поминаетъ?.. Если ее забрали въ полицію, то за что, за какія такія провинности?.. А главное — почему этотъ платокъ? откуда этотъ платокъ?!.

— Подите сюда!—разъ сказала Глафира, совсѣмъ раздѣльно и ясно, и Авдотья Макаровна немедленно къ ней подошла. Глафира, приподнявшись на кровати и упершись локтемъ въ подушку, смотрѣла на мать пристальнымъ, ожидательнымъ взглядомъ.—Да подойдите же ближе... вотъ такъ... наклонитесь.

— Ну, что, что ты хочешь, Глафирушка?—поспѣшила ее успокоить Авдотья Макаровна и нагнулась совсѣмъ близко къ пылающему лихорадочнымъ румянцемъ лицу. Больная сейчасъ

какъ будто все понимала, и это отрадно всколыхнуло старуху. Чтобы пуще себя въ этомъ увѣрить, она спросила ее:—Ты меня видишь?

— Ну, да, конечно!—съ гримаской раздражительнаго нетерпѣнія, пробѣжавшей у нея по лицу, подтвердила Глафира.—Какіе это все пустяки!

— Конечно, конечно, Глафирушка,—стараясь попасть ей въ ладъ, немедленно согласилась Авдотья Макаровна. — Что ты хотѣла сказать?

— Тссс...—прошептала больная, глянувъ опасливо въ сторону.

— Да нѣтъ никого, никого, успокойся.

— Мы однѣ?

— Однѣ, однѣ. Вотъ я и дверь притворю, если хочешь.

— Не надо, стойте здѣсь.

— Ну, хорошо, я стою. Вотъ видишь, стою... Что ты хочешь, скажи?

— Охъ, какъ мнѣ больно... — жалобно простонала Глафира.

— Голова болитъ, а?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то хочу я сказать,—нетерпѣливо мотнула головою Глафира. — Только смотрите, вы никому...

Она опять боязливо оглянулась по комнатѣ.

— Да ужъ я никому, никому, будь спокойна, —успокоивала ее Авдотья Макаровна, жадно ожидая какихъ-то признаній.

— Маменькѣ тоже молчите... Пусть и Вѣра не знаетъ...

— Охъ, Господи!—прошептала въ отчаяніи Авдотья Макаровна.

— Перестаньте! Что вы возражаете?... Голова... Что голова?. Пустяки! У всякаго есть голова... *Хвостъ* растетъ у меня... Понимаете?.. *Вѣдьминъ хвостъ*!.. «Старая вѣдьма», сказали... Ну, да. Только хвоста раньше не было... А вотъ этотъ мальчишка такъ и устроилъ... А такой тихоня, вѣдь, кажется... воды не замутитъ!.. Чего смѣешься? Самъ старый дуракъ!.. Ха! Стоитъ и не видитъ, что у самого ноги каменныя, да еще грязныя, съ трещинами, какъ у всѣхъ у васъ въ Лѣтнемъ саду... да и то на нихъ еле держишься... Тьфу! Самого тебя нужно въ Фонтанку!.. Букетъ тоже принесъ... Туда же!.. «Старая вѣдьма»... Скажите пожалуйста!.. Самъ ты пьяный оселъ!

Авдотья Макаровна ловила этотъ безсмысленный лепетъ, и на сердцѣ у нея горько щемило, а бѣдная, старая ея голова совершенно терялась. И больно, и жутко ей было слушать Глафиру, но она стояла и слушала жадно, стараясь, сквозь застилавшія глаза ея слезы, прочесть что-нибудь на этомъ, пылавшемъ лихорадочнымъ жаромъ лицѣ и проникнуть въ загадочный смыслъ безпорядочныхъ словъ, слетавшихъ съ воспаленныхъ и запекшихся

устъ... Но что тутъ можно было понять? Было что-то такое, что Глафиру томило и мучило, что кипѣло въ ея головѣ, какъ бы біясь въ тщетныхъ усиліяхъ прорваться сквозь хаосъ одолѣвавшихъ ее безсмысленныхъ образовъ, и надъ всѣмъ этимъ носилось далекое вѣяніе какой-то смутно чуемой тайны... И все это цѣплялось за какія-то напоминанія о фактахъ, отчасти изъ тѣхъ, что произошли на глазахъ Авдотьи Макаровны, отчасти такихъ, о коихъ пришлось только теперь ей узнать изъ сообщенія Вѣры.

— Все вотъ про «старую вѣдьму» заладила... И вотъ еще хвостъ поминаетъ... Про букетъ тамъ какой-то...—повѣряла ей мучительныя свои недоумѣнія Авдотья Макаровна, изнемогая въ попыткахъ разобраться въ этой больной чепухѣ.—Ничего не могу понять тутъ я, Вѣрушка! Только чувствую, что это не даромъ... Тебѣ, можетъ, виднѣе... Можетъ, ты что нибудь знаешь... Что-нибудь она тебѣ говорила... Постарайся, припомни.

Вѣра, дѣйствительно, кое-что знала и помнила.

Происходившія дома событія тоже выбили эту дѣвицу изъ ея колеи. Вся привычная компанія Атосовъ и д'Артаньяновъ, съ ихъ похожденіями, окружавшая ее постоянно, среди лѣнивой бездѣятельности, въ коей текли дни юной мечтательницы, не тревожимой никакими заботами, такъ всецѣло лежавшими на плечахъ ея матери и старшей сестры, что, казалось, и не могло быть иначе, съ грубою безжалостностью была прогнана новымъ порядкомъ вещей. Вѣру постоянно теперь тормошили, ни на минуту она не могла остаться съ собою... И она тоже металась и суетилась, растерянная и озабоченная, въ недоумѣломъ испугѣ предъ неожиданною и необычайною напастью. Безумныя рѣчи сестры возбуждали жалость и страхъ въ пугливой дѣвицѣ, никогда еще не видавшей такого рода больныхъ. Голова Вѣры тоже была взбудоражена, и она старалась припомнить все, что могла, изъ происшествій послѣдняго времени и тѣхъ нѣсколькихъ дней, кои предшествовали таинственному исчезнованію Глафиры на цѣлую ночь. «Старая вѣдьма» сразу вызвала въ Вѣрѣ воспоминаніе объ ея гуляньѣ съ сестрою въ Лѣтнемъ саду и о томъ, что за этимъ случилось.

— Я понимаю, маменька! все понимаю!—заявила она торжествующе матери.—Помните, когда мы съ Глашей вернулись изъ Лѣтняго сада?.. Когда еще Мартынъ Матвѣичъ къ вамъ приходилъ и букетъ здѣсь оставилъ, и васъ просилъ передать ей, что хочетъ жениться?.. Еще она на то, помните, такъ тогда разсердилась?

— Ну, да, ну, да,—подтвердила Авдотья Макаровна, въ головѣ у которой стало кое-что озаряться...—Съ того вѣдь все и пошло...

— А вѣдь вотъ вы не знаете, отчего она тогда была такая сердитая!—торжествовала все болѣе Вѣра.

— Отчего?

— Пьяный тогда обидѣлъ ее...

— Господи-Исусе! Что такое? Какой такой пьяный?—всколыхнулась Авдотья Макаровна.

— Мы гуляли по набережной и на Неву смотрѣли, только вдругъ подходятъ къ намъ двое пьяныхъ...

— Двое, ты теперь говоришь?..

— Ну, да, двое ихъ было, только одинъ еще ничего, а другой ужъ совсѣмъ еле-еле... И сталъ этотъ, другой-то, къ намъ приставать... То-есть онъ ко мнѣ присталъ собственно, и я тогда испугалась ужасно, а Глафира къ нему привязалась, потомъ городового стала кричать, и онъ тутъ ее обругалъ...

— Городовой обругалъ?

— Не городовой, а этотъ-то пьяный... «Морда ты», говоритъ, «старая вѣдьма».

— А городовой-то что же смотрѣлъ?

— Городовой ужъ потомъ подошелъ, когда они успѣли уйти, а съ Глашей истерика сдѣлалась... Насилу въ себя пришла, такъ ее этотъ пьяный разстроилъ... Чуть насъ въ полицію не взяли тогда... То еще удивительно! Видно, городовой еще хорошій попался...

— А пьяные такъ и ушли?—съ негодованіемъ переспросила Авдотья Макаровна.

— Такъ и ушли. Потомъ мы вернулись домой, и Глаша была всю дорогу разстроенная.

— Господи Боже! Такъ вотъ какія были ваши гулянки! И ты все время молчала! Хоть бы одно мнѣ словечко!—съ упрекомъ прибавила Авдотья Макаровна.

Вѣра ничего не возразила въ свое оправданіе, и старуха погрузилась въ тяжкую думу, разбираясь въ томъ, что сейчасъ неожиданно привелось ей узнать. Истолкованіе, данное Вѣрой, было очень похоже на правду, но оно не помогало ничуть разъясненію самаго главнаго.

— Ну, а зачѣмъ ей занадобилось уйти-то тогда? Что за нужда ей приспичила?—принялась снова мучиться Авдотья Макаровна, между тѣмъ какъ въ умѣ ея, на основаніи вѣриныхъ словъ, вдругъ сложилась цѣпь новыхъ догадокъ, но такихъ неожиданныхъ, смѣлыхъ, что она сама оробѣла предъ ними и начала ихъ повѣдывать Вѣрѣ съ большою нерѣшительностью.—Ужъ не къ Мартыну ли Матвѣичу вздумалось ей побѣжать?.. Сидѣла-сидѣла, да и придумала... А? что ты скажешь на это?

— Зачѣмъ же къ нему это, маменька?—спросила съ недоумѣніемъ Вѣра.

— А вотъ зачѣмъ, объясню. Опомнилась, видишь, она, послѣ,

какъ злость-то прошла, что нехорошо поступила, ему отказавши, ну и вздумала ему объявить, что обдумалась, молъ, и согласна, за него замужъ пойти... А онъ вѣдь очень гордый старикъ... Ты и представить не можешь, какъ тогда онъ обидѣлся... Вотъ онъ ее и прогналъ.

— Какъ? Мартынъ Матвѣичъ Глашу прогналъ?—переспросила съ изумленіемъ Вѣра.

— Ну, да. Можетъ, еще какой-нибудь разговоръ у нихъ былъ... Вѣдь ты знаешь, какая она всегда у насъ странная. А онъ гордый, очень гордый старикъ.

— Ну, и что-же?

— Ну, и все... Что-жъ еще?

— Богъ знаетъ, какія глупости говорите вы, маменька!—замѣтила Вѣра, пожавъ сожалительно плечиками.

Авдотья Макаровна созналась сама про себя, что, дѣйствительно, черезчуръ ужъ далеко хватила и что ея предположенія совершенно не вяжутся съ загадочнымъ появленіемъ у Глафиры неизвѣстно чьего головного платка, туманившаго больше всего мысли старухи.

Разговоръ о Мартынѣ Матвѣичѣ обратилъ ея думы къ злополучной исторіи, что̀ произошла недавно въ этихъ стѣнахъ, и, по объясненію Вѣры, служитъ теперь предметомъ горячечнаго бреда Глафиры. Недаромъ, дѣйствительно, поминаетъ она этотъ «букетъ»... Удивительно только, какъ сама Авдотья Макаровна не могла сразу же о томъ домекнуться! А вѣдь кому, какъ не ей, всѣхъ жесточе досталось тогда, и ужъ ей ли не помнить, сколько горя причинила ей эта исторія! И когда умирать она будетъ, даже и тогда ей вспомянется тотъ вечеръ проклятый! И никому изъ нихъ не прошелъ даромъ тотъ вечеръ... Вотъ и Вѣрушка ничего не забыла, и Глафира послѣ того сдѣлалась совершенно другая, да, можетъ быть, и теперь-то больна изъ-за него, окаяннаго.. Что бы тамъ ни было, послѣ того съ нею случившееся, оно и случиться-то было должно непремѣнно изъ-за этого самаго! А что̀ ужъ самой-то Авдотьѣ Макаровнѣ привелось тогда испытать — только одинъ знаешь Ты, Господь милосердный! Лишь вотъ теперешнія неожиданныя опять передряги вышибли изъ головы ея все, что только единственно наполняло собою и крушило ее въ безконечно-тоскливые дни и мучительно-безсонныя ночи передъ этою новою напастью... Стара стала, глупа стала, послѣдній свой умъ растеряла... И къ чему только земля ее еще носитъ?!

И опять все всплыло въ ея памяти.

Но это случилось ужъ ночью.

III.

Былъ поздній часъ, и тишина стояла вокругъ. Табачная была заперта, и все въ квартирѣ покоилось. Вѣра спала крѣпкимъ сномъ молодости, а Авдотья Макаровна бодрствовала въ ветхомъ, продавленномъ креслѣ. Она не уступала ночного дежурства у постели Глафиры ни Лукерьѣ, ни дочери, мало довѣряя ихъ бдительности, ея же старческій сонъ былъ всегда коротокъ и чутокъ.

У изголовья, на столикѣ, горѣла лампа подъ молочно-бѣлаго стекла колпакомъ, съ прикрѣпленнымъ сбоку листомъ газетной бумаги, чтобы свѣтъ не безпокоилъ Глафиру. Въ окно шлепалъ дождикъ.

Больная прерывисто и тяжко дышала, и плотно остриженная ея голова, съ рѣзко-обострившимся профилемъ, была запрокинута навзничъ, придавленная на темени клеенкой со льдомъ. Въ черной тѣни, падавшей на нее отъ заслонявшей свѣтъ лампы преграды, съ сомкнутыми плотно рѣсницами и неподвижнымъ лицомъ, которое было бы похоже на мертвое, если бы не дыханіе, бурно, со свистомъ, вылетавшее изъ страдальчески раскрытаго рта, Глафира представляла столько безпомощно-жалкаго, что казалась какимъ-то новымъ, совсѣмъ неизвѣстнымъ здѣсь существомъ, не похожимъ ни единою чертою на ту рѣзкую, властную, порывистую во всѣхъ своихъ рѣчахъ и поступкахъ дѣвицу, каковою привыкли всѣ ее видѣть и никогда не знали иною.

И теперь, въ глухой полуночный часъ, наединѣ съ этою, распростертою въ безпамятствѣ передъ нею на постели фигурой, Авдотья Макаровна особенно живо, по закону контрастовъ, вспоминала ее, свою старшую дочь, полную бѣшенства, съ крикомъ и топаньемъ изливающую на ея бѣдную голову потокъ безжалостно-обидныхъ рѣчей... А она сидѣла, понурившись, безъ слова, безъ звука, вся замеревъ въ тупомъ страхѣ и рѣшившись покорно снести до конца истязаніе, какъ загнанная старая кляча, на которую сыплется градъ нещадныхъ ударовъ. Затѣмъ наступили тишина и безмолвіе ночи. Все спало въ квартирѣ, какъ вотъ спитъ и теперь, лишь одна она не могла сомкнуть глазъ, бодрствуя, какъ вотъ и теперь она бодрствуетъ, наединѣ со своими скорбными думами, и многое-многое она тогда переворошила внутри у себя, маясь чуть не до самаго бѣлаго свѣта, и послѣдняя мысль, которою завершилось все это, передъ тѣмъ, когда сонъ, наконецъ, завелъ ея вѣки—это хорошо она помнитъ—была горькая мысль, что отнынѣ, навсегда, безвозвратно, Глафира ей стала чужою...

А Глафирѣ какъ будто того только и было нужно достичь. Никакого раскаянія, ни малѣйшей даже попытки загладить, смяг-

чить сколько-нибудь нанесенныя ею оскорбленія матери, точно она и въ самомъ дѣлѣ рѣшила ей показать, что стала чужою. И все это только за то, что ея старая мать хотѣла добра ей и передала предложеніе человѣка — немолодого, правда, но солиднаго, денежнаго, который могъ бы осчастливить ихъ всѣхъ. И только лишь потому, что Авдотья Макаровна резонно замѣтила дочери, что и ей-то, Глафирѣ самой, не мало ужъ лѣтъ, она наговорила ей такихъ обидныхъ вещей, что даже сама кроткая Вѣра — и та не стерпѣла и пристыдила ее. И хоть-бы сколько-нибудь жалости къ матери! Напротивъ, всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ Глафира какъ бы намѣренно хотѣла всѣмъ показать, что она никого знать не хочетъ, что она сама по себѣ и что ее не заботитъ нисколько, какъ тутъ, у нея подъ бокомъ, мучатся ея близкіе люди. Работу себѣ какую-то на швейной машинкѣ достала и принялась стучать съ утра до ночи. Всѣхъ извела этимъ стукомъ! А потомъ отвезла куда-то шитье, деньги получила и принесла часть изъ нихъ матери.

Авдотья Макаровна и теперь помнитъ отчетливо, какъ это было.

Былъ вечеръ,—часъ, должно быть, десятый. Собирались пить чай. Авдотья Макаровна доставала посуду изъ шкафчика, а Вѣра, примостившись къ столу, книжку читала. Вдругъ Глафира вышла изъ спальни, держа что-то въ рукѣ. Она положила это на столъ и сказала:

— Вотъ, маменька, возьмите себѣ на хозяйство.

(Это были двѣ десятирублевыхъ бумажки).

Вѣроятно, ей думалось, что мать за нихъ такъ и схватится, такъ имъ и обрадуется... Но Авдотья Макаровна не повела даже ухомъ и продолжала ставить посуду на столъ изъ шкафчика.

Глафира, помолчавши, сказала:

— Я знаю, что я лишній ротъ. Я не хочу быть вамъ въ тягость.

(Понимайте, дескать, что я у васъ не даромъ живу, а плачу за столъ и квартиру, и потому вамъ ничѣмъ не обязана).

Авдотья Макаровна приняла это, какъ новое себѣ оскорбленіе. Она сухо отвѣтила, что не нуждается въ глафириныхъ деньгахъ, и та можетъ взять ихъ обратно. Глафира буркнула что-то, повернулась и вышла, а деньги такъ и остались лежать на столѣ. (Онѣ и до сихъ поръ цѣлы, и Авдотья Макаровна ни единою копейкой изъ нихъ не воспользовалась). Потомъ мать съ младшею дочерью стали пить чай, позвали Глафиру, но та, сквозь двери, отвѣтила имъ: «Не хочу».

«Ничего, матушка, злись себѣ, на здоровье», подумала Авдотья Макаровна. (Нужно признаться, кипѣло сердце у нея на Глафиру!)

Отпили чай. Лукерья унесла самоваръ. Вѣра опять въ свою книжку уткнулась, а Авдотья Макаровна усѣлась на стулъ у прилавка и принялась опять за чулокъ. Она видѣла краешкомъ глаза, какъ мимо нея промелькнула Глафира, совсѣмъ одѣтая, въ шляпкѣ, и, не сказавъ ей ни слова, вышла на улицу.

Авдотья Макаровна сдѣлала видъ, что ничего не замѣтила.

— Куда еще прынцесса-то наша помчалась?—спросила она у Вѣры, немного спустя.

— Почемъ - же я знаю? Она мнѣ ничего не сказала,— отвѣтила Вѣра.

— Ну, ладно, и Богъ съ ней! Свои, знать, дѣла теперь у нея завелись!—произнесла съ горечью мать.

Въ одиннадцать часовъ, какъ всегда, заперла она лавочку и усѣлась у себя на диванѣ въ столовой. Все думалось ей про Глафиру, куда могла та уйти. Правда, особеннаго безпокойства она не испытывала. Вспомнила Авдотья Макаровна, что Глафира передъ тѣмъ, какъ засѣсть за шитье, все куда-то ходила. Знать, и теперь, думалось ей, къ своимъ новымъ знакомымъ отправилась. Съ тѣмъ и заснула старуха.

Утромъ, на другой день, поднявшись отъ сна, по привычкѣ, съ разсвѣтомъ, Авдотья Макаровна, первымъ долгомъ, заглянула въ спальню обѣихъ дѣвицъ. Вѣра была погружена въ крѣпкій сонъ, отвернувшись къ стѣнѣ. Постель старшей дочери оставалась въ томъ видѣ, какъ была приготовлена съ вечера.

И тутъ не дрогнуло сердце старухи.

«Вотъ это совсѣмъ ужъ прекрасно,—проворчала она про себя;— видно, у чужихъ людей лучше... Да она уже, просто-на-просто, не хочетъ ли съѣзжать отъ насъ?»—домекнулась, наконецъ, Авдотья Макаровна.

На дворѣ была слякоть, и сѣялся мелкій дождь, какъ сквозь сито, но все-таки она, по всегдашнему, пошла на Сѣнную.

— А вѣдь Глаши-то, маменька, все еще нѣтъ, — заявила ей, по приходѣ, только что вставшая Вѣра.

Стали пить кофе. Начались звонки въ лавочкѣ, заставлявшіе то и дѣло старуху вставать и удовлетворять покупателей. Это отвлекало мысли ея отъ Глафиры. Вѣра сидѣла, уткнувши носъ въ книгу, подолгу надъ одной и тою же страницей. Очевидно, мысли ея постоянно возвращались къ Глафирѣ.

Послѣ того, какъ отпили кофе, Авдотья Макаровна перемыла и спрятала въ шкафчикъ посуду, потомъ хотѣла приказать что-то Лукерьѣ и съ этимъ намѣреніемъ шла было въ кухню, какъ вдругъ оттуда, навстрѣчу ей, шагнула женская фигура въ сѣромъ платкѣ...

Авдотья Макаровна сперва совсѣмъ не узнала Глафиры... Вѣ-

роятно, то же было съ Лукерьей, смотрѣвшей на нее вытаращенными недоумѣло глазами... Авдотья Макаровна даже вопросительно воскликнула что-то и попятилась въ сторону. Вѣра, вскочившая съ мѣста, тоже попятилась, потомъ произнесла съ изумленіемъ: «Глаша!..» Такъ измѣнялъ наружность Глафиры повязанный на ея головѣ сѣрый платокъ.

А та, спотыкаясь, пошатываясь, не глядя ни на сестру, ни на мать, какъ бы не замѣчая ихъ вовсе, прошла прямо въ спальню, сорвала платокъ, разстегнула и бросила на полъ бурнусъ и, все не молвя ни слова, повалилась, какъ снопъ, на постель.

Сперва Авдотья Макаровна подумала съ ужасомъ, что она подъ хмѣлькомъ... То же, какъ потомъ она признавалась, мелькнуло у Вѣры.

— Откуда ты? Что съ тобой, Глаша?!—воскликнули обѣ.

Лежавшая съ закрытыми глазами Глафира дико воззрилась на мать и сестру, потомъ снова зажмурилась и, какъ будто отталкивая что-то руками, быстро - быстро забормотала о какихъ-то свѣчахъ, на которыя ей больно смотрѣть, о баркѣ съ дровами, о печкѣ какой-то и мужикахъ съ бородами,—словомъ, совсѣмъ непонятную чушь... Только тогда уразумѣла Авдотья Макаровна, что Глафира больна и находится въ жестокомъ бреду.

Припоминая всѣ эти событія, Авдотья Макаровна теперь приводила ихъ въ связь съ сватовствомъ Мартына Матвѣича, о которомъ передала она дочери, какъ оказывается, въ такія минуты, когда та была еще вся подъ живымъ впечатлѣніемъ вынесеннаго ею предъ тѣмъ оскорбленія отъ какого-то пьянаго нахала на улицѣ.. О, какъ теперь она понимала всю тогдашнюю дикую сцену и все, что за этимъ дальше послѣдовало!

Вся горечь, копившаяся въ сердцѣ старухи послѣ той сцены, ежедневно поддерживаемая дальнѣйшимъ поведеніемъ дочери, исчезла въ одно мгновеніе ока тогда же, какъ только она увидала ее предъ собою въ бреду, и душу ея пронзила сейчасъ же догадка о чемъ-то ужасномъ, происшедшемъ съ Глафирой, и именно въ эту самую ночь, когда она, Авдотья Макаровна, безмятежно спала, послѣ того, какъ отлично вѣдь видѣла, что та уходитъ куда-то, въ поздній часъ вечера, и хотя это показалось ей странно, но она не остановила ее, не молвила ей ни словечушка,между тѣмъ какъ отъ этого только, быть можетъ, зависѣло удержать ее отъ какой-то невѣдомой страшной бѣды... Все, все вспоминала теперь Авдотья Макаровна и во всемъ себя обвиняла. Она вспоминала всѣ горькія, злобныя мысли, кои такъ долго, упорно питала противъ Глафиры, и чѣмъ недостойнѣе были онѣ, эти мысли, тѣмъ жесточе она за нихъ себя обвиняла. О, какъ несправедлива, безжалостна была она во всемъ своемъ поведеніи съ дочерью! Положимъ, от-

куда могла она знать, что было на душѣ у Глафиры въ несчастный тотъ вечеръ, и Богъ судья Вѣрѣ за то, что она объ этомъ такъ долго молчала, но какъ у самой-то, самой-то у ней, Авдотьи Макаровны, не хватило догадки, что съ Глафирой творится нѣчто неладное, что она никогда еще не бывала такою!..

«Да, да, я *старая вѣдьма*, я знаю!» повторяла она въ неистовствѣ, топоча ногами, и не даромъ это она повторяла, да вотъ и теперь, среди прочаго бреда, толкуетъ о томъ же, что она «старая вѣдьма... И подтолкнулъ же вѣдь бѣсъ тогда Авдотью Макаровну брякнуть Глафирѣ, что ей не мало ужъ лѣтъ!.. Точно не знала она свою дочь съ колыбели, точно неизвѣстно ей было, какъ мучится своимъ дѣвствомъ Глафира, какъ ей хочется замужъ... Нѣтъ, просто затменіе какое-то нашло тогда на Авдотью Макаровну!

«Я здѣсь живу какъ въ гробу, я руки на себя наложу, на шею первому встрѣчному брошусь!» далѣе припоминала опять, терзая себя, Авдотья Макаровна, тогдашнія злобныя рѣчи Глафиры, и сердце ея замирало отъ ужаса.

— Господи! да неужели же тогда-то, на ночь-то глядя, вышла она со двора, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы...—вся холодѣя, шептала теперь Авдотья Макаровна.—Да нѣтъ же, нѣтъ, Господи милостивый, не можетъ этого быть!—обрывала она свою страшную мысль.

Нѣтъ, не можетъ, не можетъ, конечно, этого быть! Тѣ слова у Глафиры въ безуміи, въ безпамятствѣ вырвались, потому что она находилась тогда внѣ себя, и это были такія же дикія, сумасшедшія рѣчи, какъ и все, что привелось тогда услыхать Авдотьѣ Макаровнѣ. Вѣдь если бы она говорила, что думала, она могла бы въ туже самую ночь это исполнить, съ первымъ прохожимъ,—въ отчаяніи, злобѣ, понятно, исполнить,—но лишь не иначе, какъ въ ту же самую ночь... А вѣдь она пошла спать, на другой день поднялась, какъ ни въ чемъ не бывало, и цѣлую недѣлю послѣ того вела себя преспокойно, даже шитьемъ занялась...

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ тутъ не то...—шептала Авдотья Макаровна, сама себя успокоивая.

И мысли ея, въ своемъ безсильномъ и безрезультатномъ круженіи все около одного и того же предмета, возвращаются опять къ тому же платку, въ которомъ Глафира появилась домой послѣ своихъ таинственныхъ ночныхъ похожденій... Вотъ онъ валяется, платокъ этотъ самый, брошенный тамъ, на стулѣ, въ углу... Авдотья Макаровна не прятала его далеко, считая почему-то немыслимымъ, чтобы онъ могъ находиться въ сосѣдствѣ, не говоря уже—соприкасаться, лежать вмѣстѣ съ другими, собственными ея, Авдотьи Макаровны, или принадлежащими Вѣрѣ вещами, словно

онъ былъ зачумленный. Старуха ощущала къ нему не то отвращеніе, не то какой то мистическій страхъ. А между тѣмъ, онъ, то и дѣло, привлекалъ къ себѣ вниманіе Авдотьи Макаровны, и она, нѣтъ - нѣтъ, да и возьметъ его въ руки и примется снова разсматривать, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ...

Вотъ и сейчасъ она поднялась тихохонько съ кресла, осторожно, чтобы не потревожить больную, пошла и достала платокъ, потомъ усѣлась попрежнему и, едва къ нему прикасаясь, какъ бы преодолѣвая себя, разостлала его на колѣняхъ...

Трудно сказать, что тянуло къ нему Авдотью Макаровну, наперекоръ даже тѣмъ чувствамъ, которыя онъ въ ней возбуждалъ. Вѣроятно, существовало тутъ нѣчто въ родѣ смутной надежды, при новомъ осмотрѣ найти еще что-то, въ качествѣ признака, который былъ ею раньше упущенъ, а теперь вдругъ разрѣшитъ ей загадку... Но онъ былъ все тотъ же, уже изслѣдованный во всѣхъ мелочахъ Авдотьей Макаровной, поточенный молью, съ порванною мѣстами бахромкой, шерстяной сѣрый платокъ, заявлявшій только о томъ, что онъ давно уже отслужилъ кому-то, вѣрой и правдой, свой вѣкъ, а дальше не давалъ никакихъ указаній...

Авдотья Макаровна сидитъ и смотритъ на этотъ платокъ, будто не въ состояніи отъ него оторваться, а въ головѣ у нея начинаютъ плестить какія-то несуразныя мысли... Ей смертельно хочется спать, но она всѣми силами старается побѣдить въ себѣ это желаніе. А дождь все стучитъ и стучитъ въ оконныя стекла. Эти мѣрные, однообразные звуки въ ночной тишинѣ дѣйствуютъ такъ усыпительно, и Авдотья Макаровна противится всѣмъ существомъ своимъ слушать ихъ, эти звуки, ибо иначе она непремѣнно заснетъ... «Эхъ, надо бы положить туда, на мѣсто, этотъ платокъ,» думаетъ Авдотья Макаровна, но для этого нужно встать и пойти, чего ей ужасно не хочется... «Нѣтъ, не надо, не встану», размышляетъ дальше старуха, «неравно Глафирушку еще потревожу...» А дождь все стучитъ и стучитъ себѣ, знай... Стучитъ онъ и въ окно, и въ стѣны, и въ высокую, покатую крышу. А крыша изъ простыхъ деревянныхъ досокъ, какъ бываетъ въ сараѣ... Авдотья Макаровна сидитъ одна одинехенька въ этомъ сараѣ, крѣпко сжимая въ рукахъ сѣрый платокъ... Боже сохрани, если кто нибудь отниметъ его у нея или онъ пропадетъ... Что тогда скажетъ Глафира?... «Никому не отдамъ,»—шепчетъ Авдотья Макаровна, стискивая пальцы въ кулакъ, и вдругъ замѣчаетъ, что платка уже нѣтъ... «Что-жъ это, Господи!» — говоритъ въ испугѣ старуха.—«Кто-жъ его взялъ? Экая дура, что я его не спрятала давеча!..»—«Хе-хе-хе!»—смѣется Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ, поднимаясь съ кровати, гдѣ онъ все время лежалъ, повернувшись спиною къ Авдотьѣ Макаровнѣ, и теперь усаживается

противъ нея такимъ, каковымъ она въ послѣдній разъ его видѣла, въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ сѣдыми бакенбардами, спадающими на грудь въ видѣ двухъ большихъ треугольниковъ. На головѣ у него повязанъ глафиринъ сѣрый платокъ...—«Попробуйте-ка, сударыня, съ меня его снять?»—подмигиваетъ насмѣшливо онъ Авдотьѣ Макаровнѣ;—«что-съ? Вотъ захочу, да и не отдамъ вамъ платка... Н-да-съ! Какъ лягушки скачутъ, видали?» И онъ показываетъ Авдотьѣ Макаровнѣ фигу...—«Этого, Мартынъ Матвѣичъ, я никакъ не ожидала отъ васъ, пожилого, такого почтеннаго...»—произноситъ, съ достоинствомъ, Авдотья Макаровна.—«А зачѣмъ Глафира Андреевна мнѣ носъ наклеила? Ага! Вотъ зато она теперь и сидитъ у меня подъ платкомъ. И зато вы никогда уже больше ее не увидите,» киваетъ онъ головою Авдотьѣ Макаровнѣ, и лицо его дѣлается жестокимъ, зловѣщимъ,—«вотъ она вся здѣсь, у меня-съ, подъ этимъ самымъ платочкомъ-съ... вся въ такомъ вотъ комочкѣ-съ... Потому, она теперь вотъ такая, вотъ эдакая-съ, вотъ какая малюсенькая, не больше наперсточка, и совсѣмъ уже мертвенькая-съ... Хе-хе-хе!»—«Умерла?!»—вскрикиваетъ Авдотья Макаровна и принимается плакать.

— Маменька! маменька!—раздается въ ушахъ ея, и она въ одинъ мигъ просыпается.

— А? а? Что такое?

Надъ нею стоитъ Вѣра, только что вставшая, въ одной рубашкѣ и юбкѣ, и расталкиваетъ ее за плечо.

— О, Господи Исусе,—шепчетъ Авдотья Макаровна и начинаетъ креститься.

Въ комнату глядитъ раннее утро, ненастное, сумрачное. Съ визгомъ и воемъ носится по улицамъ вѣтеръ, плюетъ дождемъ въ оконныя стекла и гремитъ желѣзными листами подъѣздовъ и водосточными трубами.

Авдотья Макаровна совсѣмъ приходитъ въ себя. Она поднимается на ноги и устремляетъ первый свой взглядъ на Графиру. Больная лежитъ неподвижно, попрежнему, сомкнувъ плотно рѣсницы, съ закинутою назадъ головой, съ широко зіяющимъ, запекшимся ртомъ, и тяжко, прерывисто дышитъ.

IV.

Наступилъ двѣнадцатый день болѣзни Глафиры. Часовъ въ десять утра навѣстилъ ее докторъ, потрогалъ, послушалъ и, обернувшись къ слѣдившей за нимъ съ жаднымъ ожиданіемъ Авдотьѣ Макаровнѣ, объявилъ ей успокоительнымъ тономъ:

— Все хорошо. Показалась испарина, и вы только, пожалуйста, не мѣшайте ей спать. Поздравляю, сударыня.

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!—прошептала Авдотья Макаровна, перекрестившись широкимъ крестомъ, и, какъ ни удерживалась, все таки всхлипнула.

Въ кухнѣ, надѣвая пальто и калоши, докторъ преподалъ нѣсколько необходимыхъ совѣтовъ, съ напрактикованною ловкостью поймалъ протянутою для пожатья рукою приготовленную старухою мзду, въ видѣ желтенькой, и, подтвердивъ еще разъ напослѣдокъ, что все теперь хорошо и въ порядкѣ, ушелъ.

Роняя слезинки, на цыпочкахъ, Авдотья Макаровна приблизилась къ глафириной комнатѣ и, притворивъ тихохонько дверь, заглянула. Больная спала спокойно и крѣпко.

Притворивъ съ тою же осторожностью дверь, старушка прошептала все время слѣдовавшей за ней по пятамъ младшей дочери:

— Слышала, Вѣрушка, что докторъ-то а?.. Слава Тебѣ, Христе Боже!

— Да, слава Богу, маменька,—съ чувствомъ подтвердила и Вѣра.

Авдотья Макаровна положила земной поклонъ передъ образомъ и, поднявшись съ колѣнъ, продолжала озабоченнымъ шопотомъ:

— Надо будетъ молебенъ отслужить завтра за ранней... А сейчасъ Лукерьѣ велѣть, чтобъ въ зеленной взяла курицу да супъ чтобъ сварила!.. Охъ, кабы провалиться вамъ всѣмъ, окаяннымъ!—испуганно пробормотала она, такъ какъ въ табачной звякнулъ звонокъ, возвѣстивъ приходъ покупателя, и пошла за прилавокъ.

Словно нарочно, звонки въ этотъ день слышались то и дѣло, возбуждая каждый разъ тревогу въ Авдотьѣ Макаровнѣ, боявшейся, что они разбудятъ Глафиру.

Но безпокойства ея были напрасны. Больная все время непрерывно спала здоровымъ, укрѣпляющимъ сномъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ въ квартирѣ шептались и ходили на цыпочкахъ.

. . . .

Глафира открыла глаза, узнала знакомыя стѣны и, подъ вліяніемъ первой сознательной мысли, что она заспалась и пора ужъ вставать, пошевелилась въ постели, съ попыткой подняться и сѣсть, но голову ея потянуло внизъ, къ изголовью, а обѣ руки, выпростанныя было изъ подъ одѣяла, упали безсильно, какъ плети. И тутъ только почувствовавъ, что она очень слаба, совсѣмъ слаба, какъ малый ребенокъ, Глафира опять закрыла глаза.

Ей захотѣлось что-то сообразить, что-то припомнить... Но мысль совершенно отказывалась работать, и при первой попыткѣ связать что-нибудь въ своей головѣ, Глафира испытала лишь утомленіе. Ну, и не надо, потомъ, все равно!.. Она сознавала только, что ей мягко, тепло, что очень хорошо такъ лежать и ни очемъ ровно не думать... И она лежала, наслаждаясь покоемъ, и чувствовала, что вся она, всѣмъ своимъ тѣломъ, каждымъ

его малѣйшимъ суставчикомъ, наслаждается этимъ покоемъ, и ей всей, всей—легко, хорошо, такъ хорошо, какъ еще никогда не бывало!

А вокругъ тихо, такъ тихо, что даже и странно. Куда всѣ подѣвались? Ей хотѣлось бы видѣть маменьку, Вѣру... Она желаетъ позвать ихъ, но ей трудно кричать, и губы могутъ издать только шопотъ. Но даже и при этомъ усиліи наступаетъ тотчасъ же слабость, такая сладкая, пріятная слабость... и Глафира опять смыкаетъ отягченныя вѣки.

Но она все сознаетъ, все понимаетъ, все слышитъ—слышитъ и то, что кто-то ворошится около ея изголовья... Она открываетъ глаза, повертываетъ на подушкахъ съ усиліемъ голову и встрѣчаетъ наклонившееся надъ нею лицо. Это маменька. Тотчасъ же сзади, у нея за плечомъ, она примѣчаеть и заглядывающую голову Вѣры.

— Что, Глафирушка, что? Какъ себя чувствуешь?—спрашиваетъ тихо Авдотья Макаровна. Въ голосѣ ея слышны безпокойство, боязнь, и это совершенно напрасно. Графира желала бы ей это сказать, но она не въ состояніи издать громкаго звука и потому только шепчетъ, что ей хорошо.

— Покушать не хочешь ли?—спрашиваетъ опять Авдотья Макаровна.

Да, Глафирѣ хочется ѣсть. Только теперь она вдругъ ощущаетъ, что ей ужасно хочется ѣсть.

— Ну, вотъ, славу Богу, отлично. Курочки, супцу...—говоритъ обрадованнымъ голосомъ мать и повертываетъ голову къ Вѣрѣ, которая быстро исчезаетъ изъ комнаты.

Появляется у постели Лукерья и говоритъ, кивая Глафирѣ:

— Здравствуйте, барышня... Ну, вотъ, слава Богу.

Голосъ ея грубъ отъ природы, но въ немъ теперь слышна ласковость, а на лицѣ даже сіяетъ улыбка. Съ этою улыбкой, она ставитъ на столикъ, у изголовья, кастрюлечку съ супомъ, промолвивъ:

— Покушайте-ка вотъ, на здоровье.

Вѣра ставитъ рядомъ съ кастрюлькой приборъ. Потомъ Авдотья Макаровна подхватываетъ Глафиру одною рукою за спину, другою поддерживая ее за затылокъ, между тѣмъ какъ Вѣра ставитъ сзади торчкомъ обѣ подушки, и Глафира оказывается сидящей теперь на постели. Потомъ ей подвязываютъ подъ горломъ салфетку, и мать принимается осторожно кормить ее съ ложки, предварительно подувъ на нее, чтобъ жидкость остыла.

— Хорошо ли, вкусно ли кажется, а?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

Сдѣлавъ первый глотокъ, Глафира вдругъ убѣждается, что у нея совсѣмъ нѣтъ апетита. Но все-таки она дѣлаетъ утвердительный знакъ, потому что супъ долженъ быть очень вкусенъ, и курица тоже вкусна. И все хорошо, все пріятно Глафирѣ, даже и то вотъ, что ее кормятъ словно ребенка, а главное—это любовное, нѣжное прикосновеніе къ ней родныхъ и близкихъ людей... Вонъ какъ добродушно и ласково лучатся морщинки около этихъ старческихъ глазъ, заботливо сопровождающихъ медленное путешествіе отъ тарелки до глафириныхъ губъ ложки съ бульономъ, трепетно вздрагивающей въ жилистой слабой рукѣ старой матери... Какимъ любовнымъ вниманіемъ, какимъ усерднымъ желаніемъ сдѣлать лучше, пріятнѣе то, что она умѣетъ и можетъ, дышатъ черты постоянно лѣнивой и неохотно все дѣлающей младшей сестры, которая разрѣзываетъ тутъ же, на столикѣ, курицу и старается выбрать получше кусочки... Да, все хорошо, все отлично.

— Еще?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

— Довольно... Сыта...—шепчетъ Глафира.

Мать опять же, какъ прежде, подхватываетъ ее за спину и голову, между тѣмъ какъ сестра, наскоро взбивъ пышнѣе подушки, укладываетъ въ прежнее ихъ положеніе, и больная осторожно и бережно на нихъ опускается. Она чрезвычайно устала и закрываетъ глаза.

— Можетъ, ты хочешь уснуть?—спрашиваетъ Авдотья Макаровна.

— Да,—шопотомъ отвѣчаетъ Глафира.

— Спи, Христосъ надъ тобой,—произноситъ, тоже шопотомъ, мать, потомъ слышится шелестъ удаляющихся осторожно шаговъ и легкій скрипъ притворяемой двери. Больная остается одна.

Тихо, свободно, легко!

Она оборачиваетъ къ стѣнкѣ лицо и, при треніи головы о подушки, снова испытываетъ то ощущеніе, которое уже было и давеча, и она сейчасъ же вспоминаетъ его, а именно то, что голова ея стала какъ-то странно легка, словно на ней нѣтъ волосъ... Она пытается опять что-то сообразить и припомнить... Нѣтъ, все равно, не стоитъ, потомъ! Теперь ей только смертельно хочется спать.

И она погружается въ глубокій и сладостный сонъ.

V.

На Петербургской Сторонѣ, въ одной изъ тихихъ и отдаленнѣйшихъ улицъ ея, въ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ шоколадную краску, имѣвшемъ четыре окошка на улицу и постольку же выходившихъ во дворъ и прилегавшій съ другой стороны переулокъ

не считая двухъ полукруглыхъ оконъ мезонина, тоже происходили событія свойства не малозначительнаго.

Супруга бухгалтера «N-скаго коммерческаго общества» (Невскій, д. № 00) Ивана Еремѣевича Равальяка, отца пятерыхъ дѣтей обоего пола, съ минуты на минуту должна была его подарить новымъ членомъ семьи.

Все это было въ порядкѣ вещей, къ этому событію давно всѣ были готовы, даже избраны были и имена для новаго гостя, грядущаго въ міръ (если окажется мальчикъ—назвать его Леонидомъ, въ случаѣ дѣвочки—Аменаидой), и оно, это долженствующее совершиться событіе, не представляло заранѣе особенно чего-либо тревожнаго, такъ какъ всѣ предыдущіе роды въ теченіе двадцатилѣтней жизни супруговъ совершались самымъ благополучнѣйшимъ образомъ, но въ теперешнемъ случаѣ были два обстоятельства, которыми это событіе долженствовало отмѣтиться, какъ выходившее изъ ряду вонъ.

Во-первыхъ, оно ожидалось и произойти должно было не ранѣе, какъ дней черезъ семь. Во вторыхъ, и въ сущности это заслуживало быть поставленнымъ въ первыхъ, было то обстоятельство, что самъ глава этой семьи, стоявшій до сихъ поръ образцомъ, какъ заботливый и нѣжный отецъ и вѣрный супругъ, впервые за двадцать лѣтъ, провелъ эту ночь гдѣ-то внѣ дома и явился лишь утромъ...

Вчера онъ долженъ былъ получить свое жалованье и обѣщался непремѣнно быть дома къ обѣду. Однако, къ обѣду онъ не пришелъ, не прислалъ даже записки, какъ это дѣлалось прежде, въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ему запоздниться. Жена его, Анна Егоровна, сперва удивлялась, потомъ принялась волноваться. Старшій сынъ, Вася, посланъ былъ «въ городъ», навести объ отцѣ точныя справки въ его мѣстѣ служенія. Швейцаръ и всѣ сторожа завѣрили его самымъ положительнымъ образомъ, что Иванъ Еремѣичъ былъ въ тотъ день на службѣ и ушелъ, какъ всегда, въ свое обычное время.

Вечеръ протекалъ своимъ чередомъ, о хозяинѣ не было ни слуху, ни духу, и безпокойство Анны Егоровны дошло до крайнихъ предѣловъ, граничившихъ чуть не съ отчаяніемъ. При этомъ она почувствовала себя до такой степени скверно, что сочла даже нужнымъ послать за Варварой Семеновной Луковкиной, веселой сорокалѣтней особой, жившей тамъ же, на Петербургской, въ домикѣ съ вывѣской надъ воротами, золотыми литерами по черному полю: «*Hebamme. Sage-femme*», очень извѣстной и популярной въ окружности. Г-жа Луковкина принимала у Анны Егоровны двухъ ея послѣднихъ дѣтей, Володю и Петю, и должна была также участвовать и въ теперешнихъ родахъ.

Эта живая, румяная дама сумѣла до значительной степени разсѣять тревожныя мысли Анны Егоровны, хлопотливо возясь въ уголку съ принесеннымъ ею съ собой большимъ ридикюлемъ, служившимъ неизмѣннымъ хранилищемъ ея акушерскихъ припасовъ. Распорядившись перевести дѣтей на ночь подальше отъ спальни и установивъ нѣсколько другихъ распорядковъ, она уложила самое хозяйку въ постель и принялась развлекать се разговорами изъ области разныхъ курьезовъ, коими изобиловала ея обширная практика, не забывая, время отъ времени, заглянуть, все ли въ порядкѣ въ комнатѣ младшихъ дѣтей, и между дѣломъ; попивая чаекъ, который сама наливала, хозяйничая вокругъ самовара, разогрѣтаго по случаю ея появленія. Сама Анна Егоровна, за компанію съ нею, съ удовольствіемъ выпила чашечку.

Одинъ уже видъ этой толстенькой, суетливой фигурки, съ юмористически вздернутымъ носикомъ, которая каталась, какъ шарикъ, внушалъ надежду и бодрость. Даже несовмѣстнымъ казалось въ обществѣ Варвары Семеновны думать о какихъ-нибудь печальныхъ вещахъ, и отсутствіе хозяина дома, благодаря ея объясненіямъ, получило значеніе, не только отнюдь не внушающее чего-либо зловѣщаго, но, пожалуй, если смотрѣть съ другой точки зрѣнія, даже комическое.

Однако, состояніе Анны Егоровны становилось часъ отъ часу серьезнѣе. Схватки повторялись все сильнѣе и чаще, и веселое лицо акушерки постепенно приняло озабоченный видъ. Теперь уже не могло быть сомнѣній въ близости великаго акта нарожденія въ міръ человѣка.

Въ промежуткахъ мучительныхъ болей Анна Егоровна подзывала кухарку Афимью и освѣдомлялась о мужѣ. Но это было только въ началѣ. Во всю остальную часть ночи она перестала о немъ любопытствовать, перемученная усиливавшимися все больше и больше страданіями.

Медленно и безконечно-томительно протекала эта тяжкая осенняя ночь, пока, наконецъ, еле-еле занялся мутный, дождливый разсвѣтъ.

Вася ушелъ на Васильевскій Островъ, въ гимназію. Немного спустя, отправилась въ свою школу и Катя. Соня, Володя и Петя пили тихонько чай въ уголку плотно затворенной дѣтской, подъ бдительнымъ наблюденіемъ Афимьи, отвлекаемой безпрестанно отъ этого дѣла врывавшейся въ комнату Варварой Семеновной, за которой она со всѣхъ ногъ устремлялась во слѣдъ. Къ тому же афимьино присутствіе здѣсь было и совершенно излишне, ибо дѣти вели себя очень чинно, проникнутыя необычайностью всей обстановки и строгимъ воспрещеніемъ шалить и громко между собой разговаривать, «потому что мамаша больна», какъ объяснила

имъ семилѣтняя Соня, принявшая на себя роль няньки надъ маленькими и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ поддерживавшая авторитетное значеніе старшей.

Часу уже въ девятомъ утра, наконецъ, появился домой и самъ долгожданный хозяинъ.

— Здравствуйте, Иванъ Еремѣичъ. Гдѣ это вы пропадали?— спросила Варвара Семеновна, выглянувъ въ эту минуту въ прихожую, такъ какъ, очутившись зачѣмъ-то поблизости, услышала изъ за притворенной двери голоса его и Афимьи. Въ заданный ею Равальяку вопросъ она сочла нужнымъ вложить, сколько могла, совсѣмъ ей несвойственной и непривычной суровости, ибо, въ тайнѣ души, глубоко возмущалась его поведеніемъ. И въ томъ выраженіи кухарки Афимьи, съ какимъ она совлекала съ барина его верхнее платье, тотъ долженъ былъ тоже прочесть самое строгое себѣ осужденіе.

Блуждая своими черными, огромными глазами, на выкатѣ, Иванъ Еремѣичъ вопрошалъ дикимъ, всполошеннымъ голосомъ:

— Что? Больна? Ну? Да ну? говори же!

Онъ имѣлъ такой жалкій, растерянный видъ, что Варвара Семеновна въ ту же минуту смягчилась. Сообщивъ о положеніи Анны Егоровны, она постаралась его успокоить, но Иванъ Еремѣичъ только отчаянно схватилъ себя за голову и опрометью бросился въ комнаты. Устремившись за нимъ по пятамъ, акушерка насилу его удержала ворваться въ спальню къ родильницѣ и достигла того, что онъ кое-какъ обуздалъ свои смятенныя чувства. Послѣ того, какъ онъ, наконецъ, успокоился, Варвара Семеновна сама отворила передъ Иваномъ Еремѣичемъ дверь, и онъ, весь какъ-то сжавшись и сгорбившись и втянувъ свою повинную голову въ плечи, на ципочкахъ, медленно приблизился къ постели жены.

Тутъ онъ вдругъ опустился передъ ней на колѣни, потомъ схватилъ лежавшую поверхъ одѣяла блѣдную руку родильницы, припалъ къ ней лицомъ и облилъ слезами...

— Ну-ну, чтó ты, чтó ты... Господь съ тобой!—произнесла слабымъ шопотомъ Анна Егоровна, отнявъ свою руку у мужа и проводя ею по его, вскосмаченнымъ шапкой, густымъ, чернымъ, какъ смоль, волосамъ.

Но онъ опять поймалъ эту руку и, вновь припавъ къ ней губами, лепеталъ среди всхлипываній:

— Прости... меня... подлеца...

— Ну, полно же, полно... Ты живъ, здоровъ... слава Богу,— успокоивала его Анна Егоровна.

— Нѣтъ мнѣ прощенья!.. негодяю!.. мерзавцу!..—продолжалъ свое покаяніе Иванъ Еремѣичъ, проливая горючія слезы.

— Перестань... успокойся...

— Успокойтесь, пожалуйста, Иванъ Еремѣичъ, — попробовала утихомирить его, съ своей стороны, и Варвара Семеновна.—Вамъ лучше уйти.. Вы ее только тревожите..

— Хорошо... я уйду...— вскликнулъ въ послѣдній разъ грѣшникъ, потомъ поднялся съ колѣней и, попрежнему сгорбившись, втянувъ голову въ плечи, сморкаясь и отирая съ глазъ своихъ слезы, наципочкахъ вышелъ изъ спальни...

Онъ прошелъ прямо въ дѣтскую, сѣлъ на одну изъ кроватокъ, вблизи своего, занятаго питьемъ чая, потомства, и удрученно понурился.

— Здластуй, папа!— сказалъ любимецъ отца, самый маленькій, Петя, слѣзая со стула, и, слегка ковыляя на своихъ кривенькихъ ножкахъ, подошелъ къ нему поздороваться.

— Здравствуй, голубчикъ,— совсѣмъ безучастно отозвался Иванъ Еремѣичъ, погладилъ голову сына и снова понурился.

— Ты гдѣ былъ? Въ гостяхъ?— спросилъ другой сынъ, года на два постарше, Володя, усердно жуя сладкую плюшку.

Иванъ Еремѣичъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Налить тебѣ чаю, папаша?—задала, со своей стороны, вопросъ Соня озабоченнымъ тономъ солидной дѣвицы, выглядывая изъ-за самовара, гдѣ маленькая фигурка ея совершенно скрывалась, и потянулась было ручонкой къ горячему чайнику, но въ ту же минуту стремительно была остановлена въ своемъ хозяйскомъ усердіи появившеюся съ чистымъ стаканомъ Афимьей.

— Куда ты, куда ты, сударыня?! Хочешь обжечься? Ишь, стрекоза!

Сохраняя прежнее свое выраженіе глубокаго порицанія барину, она налила ему стаканъ чаю, опустила туда два куска сахару и подвинула къ Ивану Еремѣичу, не удостоивая его ни словомъ, ни взглядомъ.

— Спасибо... — молвилъ угасшимъ голосомъ тотъ и тихо, удрученно вздохнулъ.

Афимья, уже намѣревавшаяся было уйти, скользнула по немъ быстрымъ, искоса, взглядомъ.

Иванъ Еремѣичъ сидѣлъ, все понурившись въ землю, неподвижно, какъ замороженный. Онъ имѣлъ совсѣмъ безпорядочный видъ. Пиджакъ его былъ смятъ и въ пуху, низки панталонъ, едва прикрывавшіе грязные его сапоги, были совершенно мокрехоньки. Великолѣпная черная борода, которою владѣлецъ ея не мало гордился, была тоже смята и всклочена, лицо какъ-то странно опухло и вмѣстѣ съ этимъ осунулось, и, кромѣ того, по нему пробѣгало время отъ времени, то выраженіе, какое бываетъ у человѣка, перемогающаго въ себѣ жестокую боль... Въ общемъ, весь видъ его возбуждалъ состраданіе.

— Можетъ, умыться желаете? — послѣ недолгаго, но пристальнаго, въ глубокомъ молчаніи, созерцанія не замѣчавшаго ея наблюденій хозяина, спросила Афимья, съ прежнимъ, однако, выраженіемъ суровости въ голосѣ.

Иванъ Еремѣичъ, не поднимая глазъ на кухарку, отрицательно мотнулъ головою.

— Аль, можетъ, самого нужно почистить?. На службу-то пойдете, аль нѣтъ?

— Нѣтъ... Какая тутъ служба... — совсѣмъ тихо, даже не шопотомъ, а какъ-то однимъ придыханіемъ, отозвался Иванъ Еремѣичъ, и лицо его подернулось снова тою же самой гримасой.

— Нездоровится, што-ль? — спросила Афимья значительно мягче и даже подвинулась ближе.

— Съ чего ты? Я совершенно здоровъ, — совсѣмъ уже громко отвѣчалъ Инанъ Еремѣичъ, въ первый разъ вскинувъ глаза на кухарку. (Огромные, черные, выпуклые, напоминавшіе собою шары, глаза эти были теперь воспаленные, съ красными жилками и, какъ показалось Афимьѣ, сдѣлались будто нѣсколько меньше). Затѣмъ онъ досадливо дернулъ плечомъ и опять уставился въ землю.

— Охъ-хо-хо.. —тихо привздохнула Афимья и двинулась было, чтобы уйти, но такъ какъ ледъ былъ теперь уже сломленъ, то ей стало не въ силу дольше сдерживать клапанъ, который она долго въ себѣ зажимала...

— А какъ барыня наша вчерась-то по васъ безпокоилась... И-и-и, Боже мой!

Тутъ Афимья махнула рукой и головой покрутила.

Еслибы она въ эту минуту наблюдала за бариномъ, то увидѣла бы, какое глубокое выраженіе страданія разлилось у него по лицу и застыло... Но онъ попрежнему сидѣлъ не шелохнувшись, только какъ-то особенно крякнулъ и проронилъ тихимъ голосомъ:

— Что-жъ было? Какъ? Разскажи...

Ясно и очень послѣдовательно Афимья сообщила, какъ Ивана Еремѣича ждали къ обѣду, какъ изъ-за этого обѣдъ запоздалъ, потому что Анна Егоровна все откладывала садиться за столъ, хотя Афимья и напоминала ей безпрестанно, что всѣ кушанья пережарились и переварились; но барыня возражала на это: «нѣтъ, подождемъ еще десять минутъ», а когда эти десять минутъ проходили, опять говорила: «нѣтъ, немножко еще подождемъ»... А сама все ходила по комнатамъ, заглядывала поминутно въ окно и шептала: «Что жъ это значитъ? Какъ это странно! Что жъ, наконецъ, это значитъ?»... За обѣдомъ же барыня почти ничего и не кушала, все безпокоилась и сейчасъ же послѣ обѣда Васеньку въ городъ послала—на службѣ узнать, не приключилось ли чего-

нибудь съ бариномъ, а сама все по комнатамъ ходитъ, все ходитъ и руки ломаетъ.. А потомъ стало ей нездоровиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, только она все терпѣла, но часу эдакъ въ десятомъ ужъ вечера ей стало не въ мочь, и она послала за Варварой Семеновной... «И тутъ-то вотъ у насъ началось», заключила разсказъ свой Афимья.

Разсказала она это все до чрезвычайности быстро и, вѣроятно, успѣла бы прибавить еще что-нибудь, но акушерка ей крикнула въ дверь: «Афимья, иди поскорѣе, что ты тутъ растабарываешь!» И кухарка опрометью устремилась изъ дѣтской.

Иванъ Еремѣичъ все время внимательно слушалъ разсказъ, съ лицомъ человѣка, рѣшившагося безропотно перенести до конца жестокую пытку, и когда Афимья ушла, онъ медленно распрямился на стулѣ и простоналъ самъ съ собою:

«Охъ, Боже мой, Боже мо-ой!»

Потомъ онъ всталъ на ноги, какъ бы дѣлая надъ собою усиліе, и съ жалкимъ видомъ, какой бываетъ у прибитой собаки, побрелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Тутъ бѣлѣлись простыня и подушки, съ вечера для него приготовленной на диванѣ постели... Это Ивану Еремѣичу тотчасъ напомнило его похожденія сегодняшней ночи... Онъ нервически-болѣзненно вздрогнулъ, тряхнувшись всѣмъ тѣломъ, и тупо огляделся по комнатѣ.

Вотъ онѣ, эти мирныя, милыя стѣны, въ коихъ былъ онъ такъ счастливъ! Вотъ оно, все это, знакомое, давнымъ-давно съ нимъ сроднившееся и въ каждую минуту могущее ему разсказать что-нибудь пережитое изъ исторіи его любознательнаго и всегда неспокойнаго духа! Вонъ стеклянный ящикъ, на высокой подставкѣ, съ пересохшей землею и обломками маленькаго подобія грота изъ туфа, гдѣ нѣкогда проживали печально двѣ жабы, а въ водѣ сидѣли тритоны... Вонъ тамъ, на окошкѣ, цѣлый арсеналъ изъ области химіи, въ видѣ разныхъ колбъ, ретортъ и разныхъ другихъ пыльныхъ склянокъ, рядомъ съ искусною моделью Кельнскаго собора изъ картонной бумаги... Вонъ футляръ отъ віолончели въ углу, вонъ токарный станокъ, вонъ мольбертъ, съ прислоненнымъ къ нему, изнанкой наружу, начатымъ когда-то портретомъ жены, возбуждавшимъ въ каждомъ, кто видѣлъ здѣсь въ первый разъ этотъ образчикъ искусства хозяина, наивный вопросъ—кого должна изображать эта особа съ свѣтлолиловымъ лицомъ и косыми глазами?..

Иванъ Еремѣичъ отвернулся отъ этихъ знакомыхъ предметовъ, сдѣлавшихся теперь для него совершенно постылыми, чуждыми, словно они глядѣли на него изъ какого-то дальняго прошлаго, отъ котораго онъ отошелъ. И все, все отошло отъ него, вся его прежняя жизнь, вплоть до сегодняшней ночи, положившей неистребимую

грань, которая отнынѣ должна отдѣлить на два особенныхъ міра то, что было въ прошедшемъ, и то, что должно наступить послѣ сегодняшней ночи...

«Судьба, роковая судьба... Отъ нея не уйдешь!» — шепталъ Иванъ Еремѣичъ, прижавшись въ уголъ дивана и обхвативъ руками свою побѣдную голову.

Голова эта адски-мучительно ныла, и въ ней кипѣла неизобразимая каша... Вь такомъ состояніи онъ ѣхалъ всю дорогу домой, но тогда, среди этой туманной сумятицы, горѣла одна яркая мысль, которой онъ не давалъ ни на минуту потухнуть, съ которою соскочилъ онъ передъ калиткой съ извозчика и ворвался въ квартиру... Это было намѣреніе тотчасъ же, какъ только останется онъ глазъ на глазъ съ женою, прямо, съ мѣста въ карьеръ, все, все разсказать ей, во всемъ повиниться,—а потомъ пусть будетъ, что будетъ! Пусть она дастъ ему даже пощечину, пусть обольетъ леданымъ, безпощаднымъ презрѣніемъ—онъ готовъ ко всему, приметъ безропотно все, какъ достойное себѣ воздаяніе! Чѣмъ ни захочетъ его жена покарать—это будетъ все-таки легче того, что теперь онъ испытываетъ и отъ чего нужно какъ можно скорѣе освободить свою душу!

И вдругъ Афимья сообщаетъ извѣстіе, грянувшее надъ нимъ, какъ громовой ударъ. Онъ его совершенно не ждалъ и къ нему не готовился... Оно окончательно его придавило.

И опять же никто, какъ именно онъ, негодяй, причиной всему! Богъ вѣсть, чѣмъ еще это окончится... Что, если на этотъ разъ Анюта не вынесетъ?!.. И если ей суждено умереть, то окажется, что онъ былъ убійцей...

«Тогда я разможжу себѣ черепъ!» — произнесъ вслухъ Иванъ Еремѣичъ и съ этимъ рѣшеніемъ стремительно поднялся съ дивана... Но тутъ его такъ хватило въ виски, что у него даже въ глазахъ потемнѣло.

«Ой, какая чертовская боль!»—простоналъ онъ страдальчески и ухватилъ себя за голову.

Онъ растерянно, въ полномъ безсмысліи, не зная какъ быть и что собой дѣлать, протащился по комнатѣ... Его взглядъ тупо остановился на зеркалѣ. Онъ подошелъ и взглянулъ на свое отраженіе. Ему передъ этимъ подумалось, что онъ не узнаетъ себя, что на него изъ зеркала выглянетъ совсѣмъ другой человѣкъ...

Зеркало показало ему косматую голову съ багровымъ лицомъ и вытаращенными дико зрачками на налившихся кровью бѣлкахъ.

«Совсѣмъ разбойничья рожа! Тьфу, гнусность какая!»—пробормоталъ Иванъ Еремѣичъ и даже попятился.

Тутъ ему вспомнилось давишнее предложеніе Афимьи умыться. Да, это первое, что пока нужно сдѣлать!

Онъ прошелъ въ кухню (умывальникъ былъ въ спальнѣ, гдѣ лежала жена), и, поливая самъ себѣ на руки изъ желѣзнаго ковшика, которымъ черпалъ холодную воду изъ тутъ же помѣщавшейся кадки, онъ благополучно умылся и окатилъ даже голову, отъ чего ей сдѣлалось значительно легче, а мысли стали бодрѣе, яснѣе.

Затѣмъ онъ переодѣлся въ свой домашній костюмъ и получилъ еще новое себѣ облегченіе, а мысли его потекли болѣе нормальнымъ путемъ.

«Однако о чемъ же я думаю?!» пронеслось въ его головѣ и какъ-бы всколыхнуло все существо приливомъ новой, ближайшей заботы. «Что тамъ теперь происходитъ?»

Онъ осторожно вышелъ изъ кабинета и, отворяя и опять притворяя тщательно двери, тихо приблизился къ спальнѣ и началъ прислушиваться... Тамъ слышались глухо звуки какой-то возни, потомъ дверь, передъ которой близко стоялъ онъ, быстро притворилась и опять, такъ же быстро, захлопнулась, выпустивъ изъ спальни Афимью. Она чуть не наткнулась на барина, успѣвшаго попятиться въ сторону. Онъ собирался задать кухаркѣ вопросъ, но та промелькнула и скрылась. Впрочемъ Иванъ Еремѣичъ и самъ не зналъ хорошенько, что именно хотѣлъ онъ спросить. Вообще онъ сознавалъ себя до чрезвычайности глупо, и при взглядѣ, который Афимья бросила на него, проходя, опять испыталъ давишнее чувство смущенія наблудившей и прибитой собаки. Впрочемъ онъ успѣлъ все же подмѣтить, что на лицѣ этой женщины была лишь одна озабоченность, при отсутствіи чего либо зловѣщаго. Это значительно его успокоило. Протекло еще двѣ-три минуты, пока онъ стоялъ и топтался на мѣстѣ, какъ за дверью послышался протяжный и жалобный стонъ...

Этого Иванъ Еремѣичъ не могъ ужъ снести и, зажимая уши, бросился назадъ, въ кабинетъ. Нѣсколько времени онъ просидѣлъ на диванѣ, съ зажатыми плотно ушами, потомъ полегоньку открылъ ихъ, одно за другимъ, осторожно прислушиваясь... Вокругъ было тихо.

«Бѣдная, бѣдная мученица»...—прошепталъ Иванъ Еремѣичъ, и ему захотѣлось поплакать,—«за что ты страдаешь?»—прошепталъ онъ еще, какъ бы стараясь пуще растрогать себя, и залился въ три ручья. Онъ источалъ слезы долго, обильно, можно даже сказать, съ большимъ аппетитомъ, и послѣ того, какъ наплакался вдосталь, на сердцѣ у него стало спокойнѣе, а по всему существу разлилась какая-то безразличная тупость. Продолжая сидѣть на диванѣ, онъ привалился къ подушкамъ и принялся вспоминать обстоятельства, сопровождавшія прежніе роды жены. Онъ помнилъ ясно рожденіе двухъ послѣднихъ дѣтей. Во время тѣхъ и другихъ онъ отсутствовалъ изъ дому. Когда Анна Егоровна рожала Во-

лодю, Иванъ Еремѣичъ сидѣлъ на службѣ въ конторѣ, при рожденіи Пети онъ нарочно ушелъ и бродилъ долго по улицамъ. Это было уже позднимъ вечеромъ, и онъ вернулся домой значительно послѣ полуночи. Еще только на дняхъ, гадая объ этомъ, долженствующемъ вновь совершиться событіи, онъ рѣшилъ опять удалиться и пробыть гдѣ-нибудь... И вотъ какъ все это вышло! Знать, сама судьба того захотѣла. Уйти? Нѣтъ, онъ теперь не уйдетъ, онъ не долженъ, не имѣетъ права уйти. .

«Я обязанъ претерпѣть до конца, казниться и тѣмъ искупить»... размышлялъ Иванъ Еремѣичъ, закрывая глаза и зарываясь носомъ въ подушки.

Но такое положеніе тѣла было совсѣмъ неудобно. Онъ приподнялъ медленно ноги, уложилъ ихъ рядкомъ на диванѣ и, перевернувшись на спину, принялся думать объ ожидаемомъ давно «Леонидѣ»... «Аменаида» или «Леонидъ»?.. Нѣтъ, пусть женѣ хочется дочери,—онъ настаиваетъ, чтобы *это* былъ «Леонидъ».

На этомъ его мысли стали мало-по-малу туманиться, путаться—и Иванъ Еремѣичъ крѣпко уснулъ.

Въ кабинетѣ теперь раздавался мѣрно, раздѣльно, сладостный храпъ.

. . . .

Иванъ Еремѣичъ проснулся отъ быстрыхъ и короткихъ толчковъ, которые испытывала его голова, вслѣдствіе кѣмъ-то производимаго дерганья лежавшихъ подъ нею подушекъ. Съ трудомъ раскрылъ онъ глаза и тотчасъ же зажмурился отъ ударившихъ въ нихъ прямо лучей свѣчного огарка.

Въ первую минуту онъ даже не понялъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ... Словно все ранѣе происшедшее до момента забвенія провалилось въ какую-то черную яму, и онъ очутился въ густой, обступавшей его со всѣхъ сторонъ темнотѣ, гдѣ только мерцалъ передъ самымъ носомъ его огарокъ въ подсвѣчникѣ, который держала Афимья, продолжая безостановочно дергать подушки.

— Да вставайте, вставайте же!—повторяла при этомъ Афимья.

— А? Ну? Что такое?—вскочилъ Иванъ Еремѣичъ.

— Ну, слава Богу, на силу-то! Экъ разоспались! Барыня зоветъ васъ... Ступайте!

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ,—растерянно бормоталъ Иванъ Еремѣичъ, шатаясь, какъ пьяный, и протирая глаза.

— Съ новорожденнымъ честь имѣю проздравить,—присовокупила Афимья.

Онъ сразу все понялъ, и послѣдніе остатки въ немъ сна въ одинъ мигъ разлетѣлись.

Спальня освѣщена была ярко горѣвшею лампой. На постели лежала Анна Егоровна, слабая, блѣдная и улыбавшаяся издали

мужу тихой и свѣтлой улыбкой... Тутъ же, вблизи, виднѣлась спина наклонившейся надъ чѣмъ-то акушерки Варвары Семеновны. Она обернулась, попятилась въ сторону, и Иванъ Еремѣичъ увидѣлъ два вмѣстѣ приставленныхъ плотно сидѣньями кресла, а въ нихъ лежащія рядомъ подушки, гдѣ шевелилось нѣчто живое, багровое, очень похожее на большую лягушку, которая громко орала...

— *Леонидъ*...—прошепталъ, улыбаясь, счастливый отецъ.

VI.

Все вступило въ свой обычный порядокъ изо дня въ день повторяющихся однихъ и тѣхъ же домашнихъ явленій, и хотя хозяйка лежала въ постели, она сохраняла во всей прежней силѣ своего притяженія значеніе главной планеты, вокругъ которой вращались всѣ прежніе спутники. Такъ же подбѣгали къ ней по утрамъ поздороваться дѣти, подходилъ, передъ путешествіемъ «въ городъ» на службу, поцѣловать руку жены Иванъ Еремѣичъ, шмыгала то и дѣло къ постели, за разрѣшеніемъ барыней какого-либо вопроса по части стряпни, кухарка Афимья. Однако, теперь все это сплеталось съ новымъ цикломъ явленій, необходимо наступающихъ въ домѣ, гдѣ есть новорожденный ребенокъ, который деспотически властвовалъ надъ умами всѣхъ домочадцевъ и, кромѣ того, послужилъ причиною водворенія здѣсь новой личности, въ образѣ юркой пятнадцатилѣтней дѣвицы, съ парой неестественно выпуклыхъ, какъ бы готовыхъ выскочить и раскатиться въ разныя стороны глазъ и фыркавшимъ вздернутымъ носомъ, поминутно привлекавшимъ къ себѣ, съ движеніемъ молніи, указательный перстъ этой дѣвицы, носившей имя Марфуши и ангажированной въ качествѣ няньки. Анна Егоровна кормила сама.

Въ первые дни послѣ родовъ Иванъ Еремѣичъ былъ особенно нѣженъ съ женою, и въ его рѣчахъ и движеніяхъ присутствовало нѣчто подавленное, словно онъ находился подъ постояннымъ тяготѣніемъ мысли о своей передъ ней виноватости, часто хмурился, а затѣмъ тяжко и глубоко задумывался. Какъ-то, въ одномъ разговорѣ съ Анной Егоровной, было упомянуто, къ слову, объ его, такъ ее растревожившемъ, отсутствіи ночью, и Иванъ Еремѣичъ вдругъ объяснилъ, что засидѣлся въ ту ночь въ ресторанѣ, со своимъ сослуживцемъ Чепыгинымъ, котораго, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, слѣдовало ему угостить. При этомъ было здорово выпито, и что случилось затѣмъ, когда онъ съ Чепыгинымъ вышелъ на улицу, Иванъ Еремѣичъ ничего ровно не помнилъ...

— А ночевалъ у Чепыгина?—спросила Анна Егоровна.

— У Чепыгина,—отвѣчалъ Иванъ Еремѣичъ.

Онъ это отвѣтилъ тихо, потупившись, причемъ лицо его приняло какой-то болѣзненный видъ.

Да и вообще онъ теперь выглядѣлъ какъ-то болѣзненно, былъ вялъ, апатиченъ, объясняя свое состояніе погодой, которая, дѣйствительно, была отвратительная. Дождь лилъ почти непрерывно, и вѣтеръ свирѣпствовалъ съ отчаянной силою. Со службы Иванъ Еремѣичъ приходилъ совершенно измученный и промокшій до нитки. Послѣобѣденный сонъ его былъ глубокъ и тяжелъ, а выспавшись, Иванъ Еремѣичъ чувствовалъ себя словно разваренныкъ. Онъ безцѣльно слонялся по комнатамъ. какъ-бы не находя себѣ мѣста, удрученно вздыхалъ или насвистывалъ, что всегда служило въ немъ признакомъ дурного настроенія духа.

Подъ конецъ третьяго дня послѣ той ночи, напившись вечерняго чаю, Иванъ Еремѣичъ вдругъ объявилъ Аннѣ Егоровнѣ:

— Пойду къ Самострѣлову.

Затѣмъ крикнулъ Афимьѣ запереть за нимъ дверь и ушелъ.

Такъ какъ до обиталища Емельяна Иваныча Самострѣлова было всего какихъ-нибудь полтора десятка шаговъ, то Иванъ Еремѣичъ вышелъ въ чемъ былъ, не надѣлъ даже шляпы, и вступивъ въ надворную темень, проплясалъ вдоль стѣны коротенькій танецъ подъ лившимъ ливмя съ чернаго неба дождемъ, а затѣмъ ринулся въ дверь, которая вела въ мезонинъ.

Поднявшись по узенькой лѣстницѣ вверхъ и очутившись въ темныхъ сѣнцахъ, Иванъ Еремѣичъ нашарилъ привычной рукою знакомую дверь, которая оказалась незапертою, а потому онъ отворилъ ее и вошелъ.

Въ узкой и длинной, съ покатымъ, какъ дѣлаютъ крышки гробовъ, потолкомъ, у полукруглаго окна, глядѣвшаго въ темень двора, шипѣлъ на столѣ самоваръ, въ сосѣдствѣ прикрытой зеленымъ абажуромъ керосиновой лампы, бросавшей сосредоточенный свѣтъ на тутъ же стоявшее кресло, съ помѣщавшейся въ немъ массивною фигурой хозяина.

При звукѣ отворившейся двери, Самострѣловъ медленно пошевелился, взглянулъ, и, узнавъ въ вошедшемъ пріятеля, протянулъ привѣтливымъ басомъ:

— А-а!

Иванъ Еремѣичъ безмолвно поздоровался съ нимъ и опустился на прислоненную къ стѣнкѣ кровать. Отъ него вѣяло принесенною съ воздуха сыростью.

— Дождь?

Гость махнулъ только рукою.

— Стаканчикъ налить?—спросилъ опять Самострѣловъ.

— Только что пилъ,—отвѣчалъ Иванъ Еремѣичъ.

*

Хозяинъ прихлебнулъ изъ своего, налитаго чаемъ стакана и задалъ новый вопросъ:

— Анна Егоровна какъ?

— Ничего, слава Богу.

Самострѣловъ набилъ коротенькую черную трубку табакомъ изъ стоявшей тутъ же жестянки изъ-подъ монпансье, всунулъ въ ротъ и снова спросилъ:

— А новорожденный что?

— Пищитъ... ничего...—отвѣтилъ Иванъ Еремѣичъ и тихо просвисталъ съ задумчивымъ видомъ какую-то арію...

Самострѣловъ раскурилъ методически трубку и сдѣлалъ затяжку. Иванъ Еремѣичъ глубоко и протяжно вздохнулъ.

— Эхъ-хе-хе-хе...—задумчиво произнесъ Самострѣловъ.

— Охъ-хо-хо...—тѣмъ-же тономъ отвѣчалъ Равальякъ.

— Ты что?

Ничего...

— Скучный какъ будто?..—пояснилъ свою мысль Самострѣловъ.

— Такъ... нездоровится что-то...—промямлилъ, поморщившись, Иванъ Еремѣичъ.

— Мм... Простудился?

— Да... вѣроятно...—отозвался, словно бы находясь въ какомъ-то внутреннемъ съ самимъ собою бореніи, Иванъ Еремѣичъ и воскликнулъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно:—мнѣ нужно о многомъ тебѣ разсказать!

Самострѣловъ грузно и медленно воздвигся изъ кресла, тяжело ступая ногами, обутыми въ туфли, прошелся взадъ и впередъ и спросилъ:

— Ну? Что такое случилось?

Иванъ Еремѣичъ слѣдилъ нѣсколько времени, какъ двигалась его большая фигура отъ двери до стола съ самоваромъ, чуть не касаясь потолка головою, и тоже задалъ вопросъ:

— Водки нѣтъ у тебя?

— Водки?.. Нѣтъ, водки нѣтъ у меня,—отвѣчалъ Самострѣловъ, не прерывая хожденія.

Иванъ Еремѣичъ помолчалъ съ полминуты и сказалъ, съ раздраженіемъ:

— Сядь, Бога ради! Не могу я разсказывать, когда ты вотъ такъ, передъ самымъ носомъ, мелькаешь!

— Ну, что-жъ, хорошо. Можно сѣсть.

Самострѣловъ усѣлся на прежнее мѣсто и, приготовившись внимательно слушать, уставился въ гостя неподвижнымъ и пристальнымъ взглядомъ. Со своимъ бородатымъ лицомъ, длинными, до плечъ, волосами и въ черной лѣтней крылаткѣ, замѣнявшей

Самострѣлову халатъ и напоминавшей нѣсколько рясу, онъ особенно теперь походилъ на соборнаго дьякона.

Иванъ Еремѣичъ сдѣлалъ опять короткую паузу, очевидно поборая волненіе, и сказалъ, въ видѣ вступленія:

— Ты знаешь, конечно, что въ ту ночь, когда начались анютины роды, меня не было дома?.. Небось, всѣ языки здѣсь объ этомъ трезвонили!

— Ну, знаю... Ну?

— Еще бы не знать... Чего ты на меня глаза-то таращишь? Что ты подумалъ сейчасъ обо мнѣ? Нѣтъ, ты скажи, что подумалъ?—прицѣпился вдругъ Иванъ Еремѣичъ.

— Ничего не подумалъ... И глаза совсѣмъ не таращилъ. Чего глаза мнѣ таращить?—оправдывался передъ нимъ Самострѣловъ.

— Я терпѣть не могу, когда ты вотъ эдакъ уставишься!— въ волненіи вскричалъ Иванъ Еремѣичъ.—Ей-Богу, я не могу такъ разсказывать! Не гляди на меня! Отвернись!

— Ну, ну, ну, хорошо. Отвернусь,—согласился Самострѣловъ съ величайшею покорностью.—Погоди, я вотъ трубочку только...— Тутъ онъ выколотилъ изъ трубки золу на подносъ, замѣнилъ ее табакомъ и принялся раскуривать.

— Знаешь, гдѣ я тогда ночевалъ?.. Долженъ разсказать тебѣ все по порядку. Вышелъ я тогда изъ конторы вмѣстѣ съ Чепыгинымъ... Помнишь Чепыгина?

— Разъ какъ-то видѣлъ... Тощій такой. Не понравился мнѣ,— отвѣчалъ Самострѣловъ, обративъ глаза въ уголъ и тѣмъ исполняя приказъ—не глядѣть на разсказчика.

— Ну, да. Я и самъ его терпѣть не могу... Только штука тутъ въ томъ, что давно имѣлъ я намѣреніе обѣдомъ его угостить... (По одному тамъ обстоятельству нѣкоему нужно было такъ сдѣлать... Ну, да это, все равно, тебя не касается...). А тутъ какъ разъ жалованье мы получили... Значитъ, и кстати... Вотъ и отправились въ «Вѣну». Пообѣдали, потомъ вина я спросилъ... бутылку, другую, еще... и, въ концѣ концовъ, порядочно-таки нахватались! Онъ ничего, даромъ что тощій, какъ губка сосетъ, а я въ лоскъ насвистался... Просидѣли мы за полночь, и онъ говоритъ мнѣ: «домой»... Ну, хорошо, домой, такъ домой! Я расплатился. Пошли. У подъѣзда онъ извозчика нанялъ, сѣлъ и поѣхалъ, а я остался одинъ... Домой бы тоже, кажется, а? Самое простое вѣдь, а? Нанять бы сейчасъ же извозчика, да и ѣхать тоже себѣ, по добру, по здорову... Такъ нѣтъ же, словно бѣсъ какой въ ухо мнѣ шепчетъ: пройдись да пройдись! Положимъ, и самъ чувствую тоже, что пройтись не мѣшаетъ: сильно ужъ пьянъ, на извозчикѣ-то хуже, молъ, еще развезетъ... Ну, и отправился въ путь!

Послѣднюю фразу разсказчикъ произнесъ, понуривъ голову, и продолжалъ все дальнѣйшее, уже избѣгая взоромъ хозяина. Предыдущее было дословнымъ почти повтореніемъ того, что Иванъ Еремѣичъ сообщилъ уже женѣ, но то, что теперь готовился онъ разсказать, составляло главную суть его тайныхъ терзаній.

— Иду... Ночь превосходная. А было у меня такое намѣреніе, чтобы съ Невскаго свернуть отъ Аничкина моста, дойти до Лѣтняго сада, а оттуда черезъ Неву переѣхать. Такъ я и сдѣлалъ. Иду по Фонтанкѣ, какъ вдругъ—что такое? На набережной, у барокъ съ дровами, толпа... Мужики, дворниковъ нѣсколько, городовой... Словомъ, какой-то скандалъ. Подхожу и смотрю. Оказывается, какая-то женщина бросилась въ воду, только ее тотчасъ же вытащили, и городовой собирается ее отправить въ участокъ. И она тутъ же, на тумбочкѣ, сидитъ, вся мокрёхонькая, вода съ нея такъ и льется... ручьями. Одѣта въ бурнусѣ, въ перчаткахъ, словомъ, не изъ простыхъ. Мужики глядятъ, городовой хочетъ ее на дрожки сажать, а она ни за что! Умоляетъ въ отчаяніи, чтобы ее отпустили, упирается, рвется... Просто жалость смотрѣть. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ... Ты знаешь, какъ я ненавижу нашу полицію, когда она начальство разыгрываетъ, да и дѣло такое, что нельзя пройти равнодушно. Подхожу, говорю: «такъ и такъ, молъ, я знаю эту особу и требую, чтобы ее отпустили, а вотъ, коли нужно, и моя визитная карточка». А самъ сейчасъ ее за руку, скорѣе на извозчика—маршъ! Ѣдемъ. Разспрашиваю. Молчитъ, только трясется... Понятно, послѣ эдакой ванны-то! Предлагаю домой отвезти—ни-ни-ни! ни за что! даже съ извозчика было долой!.. Что тутъ подѣлаешь?.. И вдругъ у меня блеснула идея... Кричу извозчику: «Въ «Москву» поѣзжай!» Подкатываемъ къ подъѣзду съ Владимірской, звонюсь, на ноги всѣхъ поднимаю, требую номеръ, ввожу мою незнакомку... Словомъ, дѣйствую самымъ энергическимъ образомъ, потому, иначе нельзя: можешь, понять, въ какомъ она положеніи! Требую краснаго вина, коньяку, горничную велю разбудить... Хмель давно ужъ успѣлъ съ меня соскочить и разсуждаю самымъ правильнымъ образомъ, что требуется мнѣ мою даму скорѣй обсушить, обогрѣть и оставить здѣсь ночевать до утра, ну, а тамъ видно будетъ, что потомъ дѣлать... Вѣдь такъ? Разсужденіе правильное?.. Ну, вотъ, хорошо, переодѣлась она въ сухое платье, бѣлье—горничная это все оборудовала, заставилъ ее выпить горячаго чаю съ краснымъ виномъ... Потомъ говорю: «Ну, а теперь, говорю, желаю вамъ успокоиться и покрѣпче уснуть, самъ же я отправляюсь домой, а завтра утромъ здѣсь васъ навѣщу, и вмѣстѣ придумаемъ, какъ и что дѣлать...» (Было у меня даже намѣреніе съ Анютой обо всемъ посовѣтоваться). Прощаюсь эдакъ я съ ней и уходить собираюсь—только она, какъ бы ты

думалъ?.. не отпускаетъ меня, да и кончено! «Не могу, не могу одна оставаться!» Чуть не въ истерикѣ... Ну, словомъ, совсѣмъ сумасшедшая! Вотъ положеніе!.. Какъ ни убѣждаю, что этого нельзя, что дома меня ждутъ, безпокоются... Ничто не беретъ!.. Ахъ, наказаніе! Съ одной стороны, понимаю, необходимо домой, а съ другой—какъ оставить, дѣйствительно, полоумную эту одну? Чортъ ее знаетъ, еще что-нибудь надъ собой натворитъ!.. Ну, думаю, была ни была, сердце не камень... Остался. Только опять затрудненіе: что дальше съ ней дѣлать?... Теряюсь, ну, вотъ, совершенно теряюсь! А тутъ еще чувствую, самому какъ-то скверно: не то лихорадка, не то... Ну, словомъ, скверно совсѣмъ. Надо выпить... Вотъ и выпилъ я коньяку... рюмку... другую... А тамъ и не помню, что дальше ужъ было... Помню только, что сидѣли мы вмѣстѣ, на диванѣ, обнявшись... Я ей что-то мололъ... Хоть убей, чортъ меня знаетъ — что ей я мололъ... А потомъ еще помню, бросилась она мнѣ въ объятія, я ее тоже эдакъ прижалъ... Ну, и все, что тамъ слѣдуетъ... Дальше совсѣмъ уже крышка... Безпамятство!.. Только утромъ проснулся — смотрю: оба съ ней на диванѣ... Батюшки-свѣты!! Вотъ такъ исторія! Такъ я тутъ схватилъ себя за виски.. Господи! А дома-то что?! Что Анюта про меня теперь думаетъ?!.. Гляжу на диванъ. Дама моя спитъ какъ убитая, лицомъ къ стѣнѣ повернулась... Ну, слава Богу, значитъ, ничего не услышитъ — поскорѣе одѣлся и маршъ, безъ оглядки домой! Можешь представить, что я дорогой испытывалъ... Вдругъ, пріѣзжаю—новый сюрпризъ! Анюта родить собралась... Что? Каково? Какъ тебѣ нравится вся эта исторія?..

Задавъ этотъ вопросъ угасающимъ, измученнымъ голосомъ Иванъ Еремѣичъ умолкъ... Пролетѣло нѣсколько секундъ тишины... Самострѣловъ то же молчалъ, не глядѣлъ на пріятеля и только сипѣлъ усиленно трубкой...

— Каково? Хорошо?—повторилъ съ горькою ироніей Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ только вздохнулъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, ты погоди, вѣдь еще это не все,—помолчавъ, продолжалъ дальше разсказчикъ.—Ты хорошо можешь понять, какъ провелъ я весь этотъ день, когда Анюта родами мучилась... Слава Богу, къ вечеру кончилось.. Только теперь новая мука: что-то тамъ, въ «Москвѣ» происходитъ?.. На другой день отправляюсь на службу и первымъ дѣломъ туда. Разыскалъ того коридорнаго и ту самую горничную, которые за моей незнакомкой ухаживали, и они мнѣ разсказали, что она послѣ того, какъ я такъ сбѣжалъ, еще поспала, а потомъ проснулась и домой захотѣла. При этомъ она имъ совсѣмъ больной показалась: словно сама не своя, на ногахъ еле держится... Какъ же, спрашиваю, вы ее отпустили? Съ трактирнымъ мальчишкой, оказывается, ее отпустили, тотъ ей

и извозчика нанялъ, и, по ея указанію, домой ее предоставилъ... Кто такой, что за мальчишка? Привели ко мнѣ и мальчишку одного изъ лакеишекъ... «Дѣйствительно такъ, я барышню домой отвозилъ, до самыхъ ейныхъ воротъ проводилъ»,—говоритъ мнѣ этотъ мальчишка,—«только она сама съ дрожекъ сошла и съ извощикомъ сама расплатилась».—Ну, а потомъ? — «А потомъ ничего ужь не знаю-съ». Я его сейчасъ за бока: вези и показывай! Поѣхали. Повезъ онъ меня по Садовой, за Екатерингофскій проспектъ, и указалъ одинъ домъ и ворота. «Вотъ здѣсь, говоритъ, она съ извощика слѣзла и въ эти ворота вошла». Ну, ладно. Далъ полтинникъ мальчишкѣ и къ чорту прогналъ, а самъ справки сталъ наводить. Къ дворникамъ—никто ничего не видалъ и объяснить мнѣ не можетъ. Просто, хоть назадъ поворачивай. Только тутъ, на дворѣ, на мое счастье, одинъ изъ жильцовъ, мастеровой какой-то, случился и разсказалъ, что у хозяйки табачной, въ этомъ же домѣ, старшая дочка въ прошлую ночь пропадала, невѣдомо гдѣ, а на другой день вернулась и вотъ теперь въ горячкѣ лежитъ... Кухарка изъ этой самой табачной по двору о томъ разнесла... Какая такая эта старшая дочка, какъ изъ себя она выглядитъ?... Описалъ мнѣ наружность. А я, вѣришь-ли почти даже не помню ее, словно, все это я видѣлъ во снѣ... Только кому же другому и быть, какъ не ей?

Иванъ Еремѣичъ умолкъ. Самострѣловъ тоже молчалъ.

— Ну и, вотъ, какъ теперь быть? заговорилъ снова Иванъ Еремѣичъ.—Понимаешь ты мое положеніе? Могу-ли я это дѣло оставить? А?.. Да отвѣчай же мнѣ, наконецъ!

— Мм...—промычалъ Самострѣловъ.—Да, оно точно... дѣйствительно... Охъ-хо-хо, Боже мой!...

— Ну, и что, что ты мнѣ теперь посовѣтуешь? Какими глазами могу я смотрѣть?.. Пойми ты, пойми, что мнѣ приходится чувствовать! А?! Каково мнѣ теперь?!—восклицалъ Иванъ Еремѣичъ, бія кулакомъ себя въ грудь.—Понимаешь ты меня? Отвѣчай! Понимаешь?

— Понимаю,—глухо, со вздохомъ, отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Что бы ты на моемъ мѣстѣ сталъ дѣлать? А?.. Отвѣчай!

— Погоди... Это не такъ... Это сразу нельзя...—понуро и медленно сказалъ Самострѣловъ.—Все это надо обдумать...

— Ну, и будемъ обдумывать!

— Будемъ обдумывать,—отозвался, какъ эхо, хозяинъ и погрузился въ глубокую думу. Иванъ Еремѣичъ тоже погрузился въ глубокую думу. Воцарилось молчаніе.

Мих. Альбовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛОРДЪ АРЧИБАЛЬДЪ РОЗБЕРИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ.

I.

За послѣдніе годы англійская пресса многократно возвращалась къ современному положенію либеральной партіи; не говоря уже о боевыхъ статьяхъ-эфемеридахъ большихъ политическихъ газетъ, ежемѣсячные журналы посвятили этому вопросу достаточно мѣста и вниманія. Всѣ, кому приходилось внимательно слѣдить за англійской періодической печатью, несомнѣнно уловили общій характеръ политическихъ статей въ ежемѣсячникахъ и трехмѣсячникахъ: въ отличіе отъ общаго типа газетныхъ сообщеній эти этюды стремятся крупными, обобщающими чертами характеризовать цѣлый кругъ явленій, которыя въ отраженномъ газетами быстромъ круговоротѣ политической жизни далеко не всегда выдаютъ типичныя свои стороны. Принципіальныя объясненія съ противниками, «открытыя письма» правительственнымъ дѣятелямъ, подписанныя, а нерѣдко и анонимныя характеристики политическаго момента, критика и антикритика партійной дѣятельности за извѣстный премежутокъ времени членомъ или противникомъ той или иной партіи,—все это находитъ себѣ мѣсто въ «reviews», которыя, пожалуй, только этимъ элементомъ и интересны. Въ послѣдніе годы эти журнальныя статьи все чаще и чаще ставятъ въ связь окончательный упадокъ либеральной партіи съ измѣненіями въ образѣ мыслей лорда Розбери, бывшаго либеральнаго лидера. Ознакомившись съ журнальной литературою, сюда относящейся *), а также

*) Передаемъ названіе статей, отчасти нами здѣсь использованныхъ и показавшихся намъ наиболѣе характерными: «The general election» («The downfall of liberalism» и «The vindication of democracy») первая статья—Dicey, вторая анонимная («Fortnightly Rev.» Nov. 1900), «The political crisis» («The cry of men—анонимн., Liberalism in extremis»—Dicey)—«Fort. R. Ang.» 1901. «Future of the liberal party» («Fortn. Review», 1900, № 12) «Liberal party in 1900». «Wanted a leader» («XIX century». 1900—7), by Rogers. «Liberalism and intransigeance» («XIX cent.», 1900, № 6), Ward's «How to reunite the liberal party» (D. S. A. Cosby), «Westm. Review», 1899—1893. «What should be the policy of liberal party?» («Westm. Review», 1899—7). «Collapse of

съ книгами, посвященными лорду Розбери, имперіализму послѣднихъ лѣтъ и либеральному кризису **), мы можемъ, на основаніи этихъ постоянно растущихъ матеріаловъ до извѣстной степени разобраться въ двухъ вопросахъ: 1) дѣйствительно ли лордъ Розбери есть «роковой человѣкъ» въ судьбахъ англійскаго либерализма, или же онъ является пассивною жертвою этихъ судебъ, безъ него слагавшихся и обнаруживавшихся; 2) какова роль имперіализма, охватившаго весьма большіе круги англійской націи за послѣдніе годы въ разложеніи либеральной партіи. Оба эти вопроса тѣсно связаны другъ съ другомъ, и только то или иное рѣшеніе ихъ позволитъ намъ «смѣть свое осужденіе имѣть» о многочисленныхъ пророчествахъ, которыя раздаются въ послѣдніе $1^1/_2$ года въ довольно вліятельной англійской прессѣ и которыя сулятъ лорду Розбери въ близкомъ будущемъ большое и самостоятельное значеніе. Въ немъ склонны иногда видѣть вождя новой слагающейся большой партіи, которая въ будущемъ должна занять историческое мѣсто либераловъ; иногда его разсматриваютъ, какъ главу будущаго правительства Великобританіи.

«Какова бы ни была окраска нашихъ политическихъ убѣжденій,—говоритъ Гаммертонъ, новѣйшій біографъ лорда Розбери,—мы должны признать, что нѣтъ въ современной англійской государственной жизни болѣе интересной фигуры, нежели графъ Розбери. Онъ человѣкъ тайны, человѣкъ съ будущимъ, человѣкъ съ блестящимъ прошлымъ».

Мы считаемъ этотъ отзывъ слишкомъ велерѣчивымъ, но назвать его въ основѣ своей ложнымъ, совсѣмъ лишеннымъ основанія, затрудняемся Нынѣшняя позиція Розбери, дѣйствительно, въ глазахъ многихъ нѣсколько загадочна, а его прошлое нѣсколькими моментами связано съ исторіей Англіи весьма прочно. Во всякомъ случаѣ, это не рядовой человѣкъ; скорѣе можно было бы сказать, что *изъ выдающихся* людей онъ—самый посредственный. Отчего не допустить и такую категорію, если различаются *primi inter pares*, «первые между равными»? Звѣзда звѣздѣ разнствуетъ во славѣ, и, добавимъ, весьма сильно разнствуетъ, но такъ какъ въ современной исторіи—«звѣздъ», вообще, до унынія мало, то уже поэтому наблюдателямъ не слѣдуетъ быть особенно капризными относительно ихъ калибра и свѣтозарности. Впрочемъ, чисто біографическая часть предлагаемой статьи имѣетъ

---

the liberal party» («XIX cent.», 1899—1). «Edinburgh Review», 1902—1, критическая (анонимная) статья, посвященная книгѣ Holland'а и рѣчи Розбери 17 дек. 1901 г.. рѣчи Розбери въ отчетахъ «Times'а» и т. д., и т. д.

**) Назовемъ слѣдующія новѣйшія книги, имѣющія значеніе вслѣдствіе находящихся въ нихъ документовъ или интересныя по общей своей содержательности, и легшія также въ основу предлагаемаго очерка: *Анонимъ*. «The foreign policy o lord Rosebery» (London, 1901); I. A. *Hammerton*, «Lord Rosebery Imperialist (London, 1901); *Bernhard Holland*. «Imperium et libertas, a study in history and politics» London, 1901); Henry *C. Morris*, «The History of colonization from the earliest times to the present day» (Vols 1—2), New.-York., 1900 и т. д.

единственною своею цѣлью подготовить читателя къ пониманію истинной роли лорда Розбери въ настоящій моментъ англійской политической жизни; по существу дѣла, трудно трактовать о разложеніи либеральной партіи въ Англіи, не предпославъ этому біографіи бывшаго либеральнаго лидера *).

II.

Лордъ Розбери—либералъ по семейнымъ традиціямъ. Эта семья шотландскихъ аристократовъ всегда тяготѣла къ вигамъ и дѣдъ героя нашего очерка принималъ даже довольно дѣятельное участіе въ борьбѣ за парламентскую реформу 1832 года. Впрочемъ, ни отдаленные предки, ни родители лорда Розбери ничѣмъ особеннымъ не прославились, если не считать того, что его отецъ былъ нѣкоторое время (въ 30-хъ) лордомъ адмиралтейства, а его мать считалась близкой подругою королевы Викторіи, шлейфъ которой удостоилась въ числѣ прочихъ восьми избранницъ судьбы нести во время коронаціи. Семья была очень богатая, очень высокопоставленная и наглухо замкнутая для всѣхъ, кромѣ небольшого общества ей равныхъ. Англійская аристократія дѣлится не по закону, но по обычаю, на своего рода этажи, столь же опредѣленные, какъ извѣстные «круги» дантовской эпопеи; Розбери вмѣстѣ со своими родственниками Стэнгопами и герцогами Кливлэндами находятся на одномъ изъ самыхъ высокихъ этажей.

Въ этой-то семьѣ 7-го мая 1847 года родился сынъ, котораго назвали Арчибальдомъ-Филиппомъ. До 15-ти лѣтъ онъ воспитывался дома, а потомъ поступилъ, согласно аристократическимъ традиціямъ, въ итонскій колледжъ. Итонскія преданія гласятъ, что онъ съ весьма большимъ увлеченіемъ занимался лошадинымъ и разными другими спортами. Кромѣ спорта, онъ очень интересовался чтеніемъ (особенно историческихъ и поэтическихъ вещей), и, повидимому, съ возрастомъ этотъ вкусъ къ чтенію все усиливался. Пробывъ въ Итонѣ четыре года, Арчибальдъ поступилъ въ оксфордскій университетъ. Тутъ біографъ Розбери наталкивается на такую мѣшанину впечатлѣній, которая съ континентальной точки зрѣнія весьма удивительна, а съ англійской—ни въ какомъ случаѣ: во-первыхъ, мы узнаемъ, что онъ въ университетѣ много читалъ и развивался; во-вторыхъ, что онъ много путешествовалъ (въ эти же университетскіе годы) по всей Европѣ; въ-третьихъ, что онъ былъ горячимъ сторонникомъ радикальныхъ мнѣній; и въ-четвертыхъ, что онъ бросилъ университетъ, разсердившись на начальство по поводу неполученія голубой ленточки, приза на лошадиныхъ скачкахъ, устраиваемыхъ студентами. Лордъ Розбери настаивалъ, что онъ заслужилъ голубую ленточку, а начальство дер-

*) Мы слѣдуемъ въ ближайшихъ главахъ раньше указаннымъ книгамъ Hamerton'a и Анонима относительно фактовъ біографіи.

жалось насчетъ этого другихъ воззрѣній. Такъ онъ и не окончилъ курса въ оксфордскомъ университетѣ.

Вскорѣ послѣ его выхода изъ университета скончался его дѣдъ, и титулъ лорда Розбери, а также мѣсто въ палатѣ лордовъ перешло къ Арчибальду, который 21 года отъ роду сдѣлался, такимъ образомъ, наслѣдственнымъ и пожизненнымъ законодателемъ. Вотъ какія мнѣнія выражалъ впослѣдствіи лордъ Розбери о подготовкѣ своихъ товарищей по верхней палатѣ въ ихъ важной роли: «У насъ нѣтъ пожизненныхъ врачей или священниковъ, или солдатъ, или юристовъ, но мы имѣемъ большое собраніе наслѣдственныхъ законодателей... Объ ихъ спеціальномъ воспитаніи не заботятся и даже не размышляютъ о немъ. Мы соглашаемся, что ремесленникъ не можетъ какъ слѣдуетъ дѣлать свое дѣло безъ спеціальнаго обученія, но отъ тѣхъ, кому мы ввѣряемъ нашу судьбу, наше имущество и нашу честь, такой подготовки не требуется. Ожидается и предполагается, что пэръ примется за политику такъ, какъ утка принимается плавать». Изъ этихъ ироническихъ словъ можно сдѣлать (и дѣлаютъ) выводъ, не имѣющій, впрочемъ, прямой фактической основы, что лордъ Розбери, съ своей стороны, не могъ признать себя самого на 21-мъ году жизни готовымъ къ выпавшей на его долю карьерѣ и озаботился пополнить пробѣлы своего образованія. Въ 1868 году онъ вошелъ въ палату лордовъ, но въ первыя нѣсколько лѣтъ выступалъ мало и по довольно незначущимъ вопросамъ. Онъ очень много въ эти годы путешествовалъ, между прочимъ, посѣтилъ Канаду и съ живымъ интересомъ отнесся къ политическимъ условіямъ этой страны; многіе не безъ основанія разсматриваютъ отношенія между Канадой и Англіей, какъ идеальный и образцовый федеративный modus vivendi, и съ этой стороны канадское путешествіе могло быть для будущаго имперіалиста весьма интересно.

А что уже тогда, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, лордъ Розбери былъ занятъ вопросами того порядка, которые его въ наше время совсѣмъ поглотили, явствуетъ изъ его рѣчи, произнесенной въ Глазго 30-го сентября 1874 года на конгрессѣ соціальныхъ наукъ. Почему этотъ конгрессъ выбралъ двадцатисемилѣтняго лорда своимъ предсѣдателемъ, мы сказать затрудняемся; во всякомъ случаѣ президентская рѣчь Розбери была весьма удачна и произвела нѣкоторый эффектъ. Онъ коснулся сначала вопроса объ образованіи, на который взглянулъ, между прочимъ, съ точки зрѣнія необходимости образованія для успѣшнаго соревнованія англичанъ съ другими коммерческими націями. Онъ призналъ положеніе бѣдныхъ классовъ въ городахъ, ихъ квартиры и питаніе совершенно неудовлетворяющими требованіямъ человѣколюбія и разумной политики, но чрезвычайно вскользь коснулся вопроса объ общей соціальной реформѣ. Эмиграцію онъ считаетъ (въ своей рѣчи) неизбѣжнымъ—не зломъ, а скорѣе благомъ, ибо она распространяетъ англо-саксонскую расу по лицу всего земного шара. Все дѣло въ мо

ральномъ и физическомъ здоровьѣ эмигрантовъ, о чемъ и нужно позаботиться англійскимъ правящимъ кругамъ. Слѣдуетъ устроить такъ, чтобы колонисты «были достойны страны, которую они покидаютъ, и своей участи, которую они ищутъ». Англичане «раса королей», и необходимо остерегаться, чтобы она не увозила съ собою на новыя мѣста зародыши упадка. Объ Англіи, «если мы всѣ хорошо исполнимъ свой долгъ», смогутъ вспоминать, какъ о «матери великихъ республикъ и мирныхъ имперій». При всѣхъ недомолвкахъ и неопредѣленностяхъ касательно, напр., рабочаго вопроса, эта рѣчь характерна своею подчеркнутою имперіалистскою тенденціею, хотя и выраженною въ самой общей формѣ.

Въ 1874 году пало министерство Гладстона, и консерваторы съ Дизраэли во главѣ получили власть. Русско-турецкая война поглотила все вниманіе правительства Дизраэли въ 1877—1878 гг., и никогда консерваторы не были такъ сильны, какъ именно въ это время ихъ успѣшной борьбы съ русскою политикою. Быть можетъ, этимъ сознаніемъ своихъ успѣховъ и объясняется рѣзкость, допущенная (въ іюлѣ 1878 г.) министромъ иностранныхъ дѣлъ Салисбюри по отношенію къ Розбери. Дѣло въ томъ, что Розбери не нравилась глубочайшая скрытность дизраэлевской дипломатіи и онъ сдѣлалъ однажды запросъ по этому поводу; лордъ Салисбюри отвѣтилъ, что благородный графъ «обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство» съ характеромъ правительственныхъ дѣлъ, о которыхъ онъ разсуждаетъ. Рѣзкость противниковъ не помѣшала лорду Розбери осенью того же 1878 года напасть на Дизраэли и Салисбюри по поводу захвата острова Кипра; говорилъ онъ на этотъ разъ не въ палатѣ лордовъ, но на либеральномъ митингѣ въ Эбердинѣ. Въ эбердинской рѣчи Розбери еще типичный либералъ-гладстонецъ именно въ томъ вопросѣ, въ которомъ впослѣдствіи обыкновенно онъ расходился со своими товарищами, сначала безъ особаго шума, а потомъ съ большимъ шумомъ. Здѣсь, въ рѣчи 1878 г., Розбери называетъ англійскихъ правителей «соучастниками преступленія», за «грабежъ» старой союзницы Англіи, турецкой имперіи. Точка зрѣнія его здѣсь—строго либеральная. Онъ подчеркиваетъ, что, пріобрѣтая новыя земли, необходимо взять на себя трудъ ввести тамъ необходимыя гражданскія реформы, а «готовы ли мы къ этой отвѣтственности?» «Мы имѣемъ Канаду, которой, я полагаю, домогались другіе,—мы имѣемъ Австралію, у насъ въ рукахъ бо̀льшая часть Африки; у насъ вся Индія. Развѣ недостаточно для Англіи брать на себя отвѣтственность за эти страны?» Какъ увидимъ, графъ очень скоро разучился говорить такія слова.

Старый принципъ виговъ—бороться до послѣдней капли крови за національныя вольности противъ королевскихъ посягательствъ—находилъ въ лордѣ Розбери горячаго апологета. Въ 1880 году его выбрали «лордомъ ректоромъ» эдинбургскаго университета; еще раньше, въ

1878 г. этого же почетнаго званія его удостоилъ эбердинскій университетъ. Новый лордъ-ректоръ произнесъ двѣ рѣчи по этому поводу—одну въ Эбердинѣ, другую въ Эдинбургѣ. Въ первый рѣчи онъ возвеличивалъ Шотландію за то, что она явилась застрѣльщицей, піонеркой борьбы въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ моментовъ исторіи всего острова, при Карлѣ I-мъ, когда абсолютизмъ чуть было не водворился въ Англіи и связанной уже съ нею Шотландіи. Особенно онъ подчеркивалъ доблесть шотландскаго народа потому, что Шотландія была бѣдна и имѣла какихъ-нибудь полмилліона населенія, а въ борьбѣ за свободу «указала путь богатому населенію (Англіи), въ десять разъ болѣе многочисленному». Еще характернѣе его эдинбургская рѣчь о патріотизмѣ: «Прежде всего,—сказалъ онъ, между прочимъ,—позвольте мнѣ замѣтить, что нѣтъ слова, настолько проституированнаго (so prostitued), какъ слово патріотизмъ... Оно предписываетъ молчаніе и рѣчь, дѣйствіе и бездѣйствіе, вмѣшательство и воздержаніе. Съ неизмѣнною силою и легкостью «патріотизмъ» безпристрастно пускается въ ходъ и при принятіи, и при оставленіи государственнаго поста. Онъ побуждаетъ людей войти въ общественную жизнь и покинуть ее съ одинаковымъ правомъ и одинаковой стремительностью. Онъ подвигаетъ на героизмъ, на самопожертвованіе, на убійство, на поджигательство. Онъ заново выстроилъ Іерусалимъ и сжегъ Москву. Онъ закололъ Марата и помѣстилъ его кости въ Пантеонъ. Онъ былъ лозунгомъ царства террора и motto для гильотины. Онъ воздвигаетъ статуи тѣмъ людямъ, которыхъ онъ же помѣщаетъ въ темницы. Онъ покровительствуетъ почти всякому преступленію и всякой добродѣтели въ исторіи. Капризы, которымъ подвержено это несчастное слово, компанія и одѣяніе, въ которыхъ оно находится, преступленія, изворотливость и доблесть, которыя оно внушаетъ,—все это заслуживаетъ особой исторіи». Мы просимъ нашихъ читателей сопоставить эти слова либеральнаго графа со словами (о патріотизмѣ) Фруда, одного изъ родоначальниковъ новѣйшаго имперіализма, книгу котораго мы разбираемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; выводъ станетъ самъ собою ясенъ: въ наше время имперіалисты давно оставили въ сторонѣ сужденія своего теоретика, а лордъ Розбери многое извинилъ людямъ, которые, главнымъ образомъ, и «проституируютъ» слово «патріотизмъ».

Въ этой же рѣчи «патріотизмъ», какъ его понимаетъ лордъ Розбери, вѣрнѣе, какъ онъ понималъ его двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ,—обрисовывается еще яснѣе словами объ ирландскомъ гомрулѣ. Ораторъ заявилъ, что, желая крѣпости англійской державѣ, онъ стоитъ за полное самоуправленіе Ирландіи; это мѣсто рѣчи замѣчательно сильно, ибо подкрѣплено внушительными примѣрами изъ континентальной исторіи, доказывающими правильность его мысли о связи «лояльности» съ самоуправленіемъ подчиненной страны. Мы лишены удовольствія привести эти примѣры въ томъ видѣ, какъ они украшаютъ рѣчь Розбери.

Если принять во вниманіе, что дѣло было еще до включенія ирландскаго гомруля въ программу либеральной партіи, то нужно будетъ признать тогдашняго лорда Розбери весьма послѣдовательнымъ, строго принципіальнымъ и убѣжденнымъ либераломъ, а не только оффиціально числящимся членомъ либеральной партіи. Приблизительно въ это же время, въ 1879—80 гг., произошло довольно тѣсное личное сближеніе между Гладстономъ и Розбери, что, конечно, является рѣшительнымъ моментомъ въ оффиціальной карьерѣ послѣдняго. Въ Англіи лидеръ оппозиціи (особенно въ тѣ времена относительнаго равновѣсія двухъ партій) есть первый министръ in spe такъ же, какъ первый министръ есть будущій лидеръ оппозиціи. Лидеръ долженъ исподволь выбирать и намѣчать членовъ своего будущаго кабинета, чтобы, въ случаѣ желаемаго исхода парламентскихъ выборовъ, имѣть наготовѣ составъ правительства. Гладстонъ всегда такъ и дѣлалъ, и въ нужный моментъ королева никогда не заставала его въ затрудненіи, когда поручала ему составить кабинетъ. Въ концѣ 1879 года, когда уже началась предвыборная агитація, Гладстонъ во время агитаціонной поѣздки встрѣтился съ Розбери и даже гостилъ у него въ замкѣ вмѣстѣ съ женою. Нужно сказать, что Розбери въ это время былъ уже два года какъ женатъ на урожденной Аннѣ Ротшильдъ, чрезвычайно красивой женщинѣ, вращавшейся и до свадьбы въ великосвѣтскомъ кругу. Въ видѣ приданаго она принесла своему мужу многомилліонное состояніе, замки, дома, земли и т. д. Гладстона съ его женою чета Розбери принимала съ необыкновенною пышностью и почетомъ; весною 1880 г. Гладстонъ вторично гостилъ у Розбери, и они въ непосредственной связи другъ съ другомъ пребывали почти во все время этихъ памятныхъ выборовъ. 5-го апрѣля 1880 года Гладстонъ былъ выбранъ въ мидлотіанскомъ округѣ, гдѣ кандидатомъ торіевъ выступилъ графъ Далкептъ, членъ стараго шотландскаго рода Боклю. (Эти Боклю поминаются, замѣтимъ кстати, въ балладѣ Вальтеръ Скотта «Замокъ Смальгольмъ» *). При шотландской любви къ традиціямъ и мѣстнымъ людямъ поддержка шотландскаго аристократа лорда Розбери была вовсе нелишней для Гладстона въ борьбѣ съ такимъ противникомъ. Вообще, выборы этого года были благопріятны для либераловъ, но избраніе Гладстона въ Мидлотіанѣ, гдѣ до сихъ поръ избирались только консерваторы и, частнѣе, исключительно представители семейства Боклю, надѣлало шуму во всей Англіи. Послѣ выборовъ, вечеромъ огромная дружественная Гладстону демонстрація состоялась подъ окнами дома Розбери, гдѣ остановился старый лидеръ. Толпу благодарили Гладстонъ и Розбери; послѣдній произнесъ чрезвычайно взволнованную рѣчь:

---

*) «...Анкраморскія битвы баронъ не видалъ, гдѣ потоками кровь ихъ лилась, гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ, гдѣ за родину бился Дугласъ». (Перев. Жуковскаго). Баллада относится къ событіямъ 1545 года.

«Какъ мидлотіанецъ, я могу сказать вамъ, что ни одинъ мидлотіанецъ, какъ бы онъ старъ ни былъ или сколько бы ему ни предстояло еще прожить, не проведетъ болѣе славную ночь, нежели эта. Это—великая ночь для Мидлотіана, великая ночь для Шотландіи, великая ночь для члена вашего графства, великая ночь для Великобританіи, великая ночь для всего міра... Судьба сдѣлала это графство центральнымъ пунктомъ поля битвы для спора, который теперь рѣшался. Въ мидлотіанскомъ графствѣ шла борьба не между вигами и торіями, не между либералами и консерваторами, но борьба за конституціонное правительство и за угнетенныя національности по всему свѣту». Судя по послѣднимъ словамъ, отношеніе Гладстона къ балканскому славянству въ 70-хъ гг., являвшееся такимъ контрастомъ политикѣ Дизраэли, особенно плѣнило его молодого партизана. Вскорѣ послѣ выборовъ Гладстонъ сталъ во главѣ правительства, но Розбери уклонился отъ предстоявшаго ему почетнаго назначенія. Его біографы, повидимому, имѣютъ свѣдѣнія, довольно точныя, что онъ не пожелалъ стать министромъ, чтобы противники не могли обвинить его въ карьеризмѣ, въ своекорыстныхъ мотивахъ агитаціи и сближенія съ Гладстономъ въ 1879—80 гг. Газета «Times» даже въ одной изъ своихъ передовицъ коснулась «рѣдкой скромности», не позволившей молодому графу стать министромъ.

Счастливые и, можетъ быть, невозвратные дни стояли для либеральной партіи. Она правила государствомъ, ея вождь, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, поражалъ бодростью духа и тѣла, свѣжестью ума, живостью вниманія и пониманія. Одинъ безпокойный и опасный врагъ былъ у нея—Парнель, но никакъ не консерваторы, почти раздавленные своимъ недавнимъ пораженіемъ. Что же касается ирландскаго вопроса, то онъ, дѣйствительно, все болѣе и болѣе занималъ умы. Парнелевскіе разъѣзды по Ирландіи, его рѣчи и успѣхъ рѣчей, его обструкціи въ парламентѣ, оживленіе феніанства,—все это стояло прямо предъ глазами премьера и требовало какого-нибудь разрѣшенія. Когда изучаешь судьбы либеральной партіи за послѣднее двадцатилѣтіе, когда припоминаешь угрюмую фигуру ирландскаго лидера, который послѣ невѣроятныхъ усилій погубилъ свое дѣло, сдѣлалъ Гладстона изъ врага своимъ другомъ и погубилъ партію Гладстона, и самъ погибъ *),—тогда невольно приходишь къ заключенію, что въ исторіи иногда происходитъ нѣчто подобное появленіе тѣни Гамлета-отца изъ могилы, куда онъ, въ концѣ концовъ, уводитъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, ирландское дѣло не считало еще себя окончательно похороненнымъ, и Парнель говорилъ отъ имени страны, требующей своего національнаго воскрешенія, но отъ этого судьба его и тѣхъ людей,

*) О Парнелѣ см. нашу статью «Чарльзъ Парнель», «Міръ Божій», 1899 г., янв., февр., мартъ.

которыхъ онъ привлекъ къ себѣ, представляется въ еще болѣе трагичномъ свѣтѣ. Тутъ было нѣчто роковое: либералъ Гладстонъ *логически* долженъ былъ стать, въ концѣ концовъ, гомрулеромъ, либерализмъ, оставаясь самимъ собою, не допуская въ себѣ и къ себѣ фальсификацій и софистическихъ нотъ, не могъ впредь до безконечности бороться съ принципомъ самоуправленія.

Это отнюдь не значитъ, что такъ все и должно было случиться, какъ случалось, — вовсе нѣтъ Гладстонъ былъ слишкомъ англичаниномъ, чтобы безпрекословно повиноваться общимъ принципамъ, и слишкомъ политикъ, чтобы считать логику необходимой вершительницей историческихъ судебъ. Не будь Парнеля, не начни онъ своей упорной борьбы, не выкажи онъ столько ума и организаторскаго таланта въ мобилизаціи всѣхъ ирландскихъ силъ, не обнаружь онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой сосредоточенной и непримиримой ненависти, словомъ—не поставь онъ предъ либералами альтернативы либо гомруль, либо ежедневная и непрестанная парламентская и внѣпарламентская, словесная и огнестрѣльная война,—партія Гладстона и самъ Гладстонъ такъ же мало думали бы объ истинномъ отношеніи своего политическаго credo къ гомрулю, какъ въ тѣ годы, когда ирландская партія была въ парламентѣ quantité negligeable. Когда ирландцы не боролись, а только угрожали, о нихъ совсѣмъ не думали: такъ было, напр., въ 50-хъ годахъ; когда они боролись слабо въ парламентѣ и съ оружіемъ въ рукахъ на улицѣ, о нихъ мало думали и ихъ много вѣшали: такъ было въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.; когда они начали съ одинаковою яростью, хотя и не одинаковымъ оружіемъ бороться и въ парламентѣ, и внѣ его, тогда—и только тогда—была сдѣлана попытка дать имъ гомруль: это и произошло во время парнелизма и тотчасъ послѣ смерти Парнеля. За всю вторую половину XIX-го столѣтія эпоха парнелизма была единственнымъ моментомъ, когда ирландская борьба привела не только къ висѣлицамъ и «законамъ объ усмиреніи», но и къ начатымъ съ англійской стороны переговорамъ о компромиссѣ и мирѣ. Парнеллизмъ поставилъ ирландскія требованія на неотложную очередь дня; Гладстонъ сначала боролся, около пяти лѣтъ съ короткими промежутками длилась эта борьба. И феніевъ вѣшали, и Парнель сидѣлъ въ тюрьмѣ, и земельная лига была закрыта, однако ничего не помогало. Другіе феніи убили намѣстника Ирландіи, лорда Кавендиша и Борка, Парнель вышелъ изъ тюрьмы какъ бы съ еще возросшей энергіей, идеи и требованія земельной лиги распространились и послѣ ея закрытія — и конца этому не предвидѣлось. Уже земельный билль 1880 года, проведенный премьеромъ, былъ уступкою движенію, но и до, и послѣ него борьба между парнелитами и либералами свирѣпѣла почти безъ промежутковъ. А если ужъ дѣло такъ было поставлено, тогда поневолѣ либералы и ихъ глава обратились къ размышленіямъ о томъ, что требуемый гомруль, въ сущности, прямо

вытекаетъ изъ ихъ же собственной политической программы. Но какъ только вопросъ перешелъ на эту почву, рѣчь пошла уже о томъ, продолжать ли съ явнымъ искаженіемъ (не пассивнымъ, а самымъ активнымъ) всѣхъ своихъ принциповъ преслѣдованіе тюрьмой и веревкой ирландскихъ борцовъ за гомруль, безъ опредѣленной надежды укротить парнелитовъ и съ почти несомнѣнной перспективой хроническаго броженія въ Ирландіи,—или же дать гомруль.

III.

И все-таки эти годы (1880—1885) были послѣднимъ временемъ могущества либеральной партіи, по крайней мѣрѣ, пока, въ 1902 г., можно такъ выразиться. Партія была у власти, имѣла большинство въ парламентѣ, жила полною жизнью. Либераловъ въ нижней палатѣ находилось 349 (противъ 243 консерваторовъ и 60 ирландцевъ). Правительство Гладстона ощущало подъ собою твердую почву. Въ этотъ періодъ у лорда Розбери былъ самый блестящій либеральный салонъ; Гладстонъ еще больше съ этой семьей сблизился. Несмѣтныя денежныя богатства графа позволяли ему обставлять пріемы гостей такъ, что нѣкоторые его біографы, говоря объ этомъ, не могутъ даже воздержаться отъ почтительнаго восхищенія. Нѣкоторое время Розбери занималъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, по спеціальному отдѣленію шотландскихъ дѣлъ. Должность эта была невидная, сравнительно скромная, требующая много труда, и Розбери принялъ ее, такъ сказать, изъ шотландскаго патріотизма; впрочемъ, онъ ее оставилъ по разнымъ лишеннымъ общаго интереса причинамъ.

Не только волшебная роскошь дома сдѣлала дворецъ Розбери средоточіемъ и общепринятымъ rendez-vous членовъ кабинета и выдающихся представителей либеральной партіи; графъ, судя по разнообразнымъ свѣдѣніямъ о немъ, обладаетъ (въ этомъ всѣ сходятся) большимъ умѣньемъ привлекать къ себѣ людей и, сверхъ того, весьма живымъ и быстрымъ умомъ, живымъ интересомъ не только къ политикѣ, но и къ литературѣ, искусству, наукѣ. Онъ и самъ литераторъ и написалъ нѣсколько этюдовъ. Какъ почти всѣ люди съ непритворными и разнообразными умственными интересами, онъ никому не кажется скучнымъ, а для многихъ положительно симпатиченъ. По крайней мѣрѣ, послѣ Гладстона, Брайса и Морлея онъ почти вплоть до послѣднихъ лѣтъ пользовался наибольшею популярностью въ либеральной партіи и наибольшею любовью.

Сближался онъ съ либеральною партіею больше у себя въ салонѣ, нежели въ парламентѣ; въ палатѣ лордовъ онъ очень мало выступалъ въ эти годы. Ораторъ онъ блестящій, но одно дѣло говорить предъ шотландской дружественной демонстраціей на улицѣ и другое дѣло убѣждать въ чемъ-нибудь свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ британской

короны, когда они не желаютъ убѣждаться. Онъ и въ теченіе послѣдующей своей карьеры гораздо охотнѣе говорилъ въ либеральныхъ клубахъ, частныхъ обществахъ, на банкетахъ, нежели въ парламентѣ. Либеральная партія можетъ ассоціировать послѣднюю эпоху своего блеска съ политическимъ салономъ лорда и леди Розбери, а владѣлецъ салона въ правѣ ссылаться на эту эпоху, какъ на то время, когда его имперіалистскія чувства усилились новыми, невѣдомыми ему до сихъ поръ впечатлѣніями. Дѣло въ томъ, что въ 1883 году лордъ Розбери отправился въ долгое путешествіе по англійскимъ владѣніямъ.

Онъ путешествовалъ съ прямыми цѣлями — изучить бытъ колоній, узнать ихъ настроеніе по отношенію къ метрополіи. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, что съ тѣми же цѣлями отправился по колоніямъ почти въ то же время и Фрудъ, одинъ изъ выдающихся теоретиковъ имперіализма. Но путешествіе Фруда обратило на себя тогда гораздо меньше вниманія, нежели путешествіе лорда Розбери. Имперіалистскіе интересы ученаго несравненно меньше занимали колонистовъ, нежели рѣчи виднаго члена всемогущей тогда либеральной партіи и личнаго друга премьера; тѣмъ не менѣе хронологическая близость этихъ двухъ поѣздокъ весьма знаменательна, какъ признакъ времени, а рѣчи Розбери и книга Фруда любопытны, какъ громкое выраженіе назрѣвавшей въ обществѣ идеи.

Особенно много времени и вниманія Розбери посвятилъ Австраліи. Онъ всюду былъ принятъ съ большимъ почтеніемъ и даже торжествомъ: въ эту эпоху колоніи больше стояли за сближеніе съ метрополіей, нежели метрополія за сближеніе съ ними. Изъ политическихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Австраліи лордомъ Розбери, одна, сказанная на банкетѣ у мэра Мельбурна 9-го января 1884 года, произвела въ колоніи необыкновенно сильное впечатлѣніе и въ Англіи также была напечатана въ главныхъ газетахъ и обратила на себя вниманіе. «Я не думаю,—сказалъ онъ между прочимъ,—чтобы такой конгломератъ земель (какъ британская имперія) когда-либо былъ видѣнъ отъ начала міра, и я не думаю, чтобы кто-нибудь — здѣсь или внѣ этой комнаты могъ дать логическому уму какой-либо удовлетворительный отчетъ объ основѣ, на которой покоится эта имперія, ибо она не есть дѣло условія или гражданскаго договора. Связь между Великобританіей и колоніями есть бракъ по страсти или же она есть ничто. Очень недавно было сказано однимъ писателемъ, который посѣтилъ Австралію, мистеромъ Форбсомъ, имѣющимъ самъ по себѣ большой вѣсъ, что связь Австраліи съ метрополіей не переживетъ войны (т.-е. войны Англіи съ кѣмъ-либо). Конечно, ни я, ни вы — мы не можемъ по опыту судить, такъ ли это будетъ, или не такъ. Но я вѣрю, что связь лояльности между метрополіей и Австраліей переживетъ войну и продлится столько же, сколько времени не измѣнятся другія обстоятельства, сколько времени метрополія и страна — дочь смогутъ сохранить свои

*

отношенія взаимной независимости и взаимнаго почтенія... Есть одна старая традиція—я не знаю, остается ли она еще въ силѣ, по которой во всякой веревкѣ выдѣлываемой на британскихъ королевскихъ докъ-ярдахъ, отъ самаго громаднаго каната до самой тоненькой веревочки есть одно красное волокно; это волокно проходитъ сквозь всю веревку, и если его вымотать оттуда, — вся веревка портится... Хотя я не довѣряю метафорамъ, я полагаю, что эта метафора примѣнима до извѣстной степени къ британской имперіи. Имперія держится одною красною нитью, и эта нить есть единство расы. Когда я говорю объ единствѣ расы, я понимаю подъ этимъ общность воспоминаній, труда, цѣлей и стремленій,—общность, которая предполагается расовою общностью. Я всегда надѣялся, что эта расовая общность будетъ существовать, по крайней мѣрѣ до конца дней моихъ, но со времени посѣщенія Австраліи моею страстью сдѣлается стремленіе упрочить это единство и служить Австраліи, о которой я могу сохранить лишь самыя радостныя и хорошія воспоминанія». Громъ апплодисментовъ сопровождалъ эту рѣчь. Вообще Розбери сталъ въ Австраліи предметомъ самыхъ горячихъ овацій и чествованій; онъ и теперь тамъ чуть ли не наиболѣе популяренъ изъ всѣхъ имперіалистовъ. Не обошлось дѣло и безъ нѣкотораго тогда не замѣченнаго, но, по нашему, очень многозначительнаго инцидента. Вѣдь, въ сущности, либеральная партія, проникнутая фритредерскими принципами, вовсе не видѣла особой нужды въ слишкомъ тѣсномъ сближеніи съ колоніями, и если Розбери говорилъ объ этомъ предметѣ съ такимъ жаромъ, то говорилъ онъ отъ своего лица, а не отъ лица своего лидера и тогдашняго премьера. Конечно, тогда не было и тѣни воинствующаго имперіализма нашихъ дней, а потому сюжетъ рѣчей лорда Розбери, съ партійной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ предосудительнымъ не могъ считаться. Но, въ существѣ дѣла, графъ своими рѣчами начиналъ довольно явственно новую линію въ либеральной партіи и это-то съ исконною своею прямотою и неуклюжестью сочли своимъ долгомъ отмѣтить австралійцы. Одинъ австралійскій сановникъ въ своей рѣчи въ честь англійскаго гостя замѣтилъ, что греки, итальянцы и болгары получили много знаковъ симпатіи къ нимъ со стороны г. Гладстона и онъ ораторъ надѣется, что, можетъ быть, лордъ Розбери убѣдитъ этого маститаго государственнаго мужа показать хоть немножко симпатіи также «къ тремъ милліонамъ людей одной съ нимъ плоти и крови» (т.-е. къ австралійскимъ колонистамъ). Эту наивную и аляповатую постановку точки надъ і чрезвычайно дипломатично тогда замолчали; только черезъ 13—14 лѣтъ суждено было либеральной партіи начать понимать, что убѣжденія Гладстона и убѣжденія Розбери не вполнѣ тожественны и что точка расхожденія правильно указана неотесаннымъ колонистамъ.

Изъ своего полугодового путешествія лордъ Розбери вернулся вполнѣ убѣжденнымъ имперіалистомъ въ томъ смыслѣ, какъ тогда это слово

понималось, т.-е. сторонникомъ возможно большаго сплоченія колоній съ метрополіей. Но злоба дня была другая, и Розбери сразу вошелъ въ интересы момента. Гладстонъ въ 1884 году проводилъ съ большимъ трудомъ свой билль объ избирательной реформѣ, по которому къ избирательной урнѣ вмѣсто прежнихъ трехъ милліоновъ гражданъ допускались пять милліоновъ. Лорды оказали биллю отчаянное сопротивленіе. Розбери былъ главнымъ защитникомъ билля въ палатѣ лордовъ, а когда все-таки законопроектъ тамъ провалили, графъ сталъ дѣятельнымъ помощникомъ Гладстона въ грандіозной апелляціи къ общественному мнѣнію, къ которой прибѣгнулъ старый премьеръ. Въ палатѣ лордовъ, прямо обращаясь къ чувству самосохраненія своихъ товарищей, Розбери грозилъ имъ народнымъ негодованіемъ, уничтоженіемъ верхней палаты, если они изъ рутины и партійной вражды будутъ противиться новому гладстоновскому биллю. Во время митинговъ и агитаціонной поѣздки Гладстона Розбери снова, какъ и въ 1880 году, ему отчасти сопутствовалъ, и членъ палаты лордовъ, громящій это собраніе во имя расширенія правъ вотума на самые низшіе слои народа, имѣлъ всюду огромный успѣхъ. Его популярность росла не по днямъ, а по часамъ. Лѣтомъ къ нему пріѣхалъ въ Дольменикэстль, одно изъ огромнѣйшихъ его помѣстій, погостить принцъ Уэльскій (нынѣшній король) со своею семьею, и во время ихъ совмѣстныхъ выѣздовъ хозяина привѣтствовали почти такъ, какъ гостя. Гладстонъ пріѣзжалъ къ Розбери въ 1884 году нѣсколько разъ,—они дѣлались совсѣмъ друзьями. Старикъ съ чрезвычайнымъ выборомъ и очень рѣдко заводилъ новыя дружественныя связи, такъ что его отношеніе къ Розбери всѣмъ бросалось въ глаза и еще больше поднимало фонды графа въ странѣ и въ парламентѣ. Къ концу 1884 года билль о реформѣ прошелъ въ верхней палатѣ и сталъ закономъ, но этотъ годъ весьма сильно испортилъ позицію Розбери между лордами, которые не могли забыть слишкомъ непріятныхъ для нихъ угрозъ своего товарища. Нужно сказать, что онъ всегда смотрѣлъ на палату лордовъ, какъ на учрежденіе отсталое и несогласное съ современными государственными принципами. Мы не знаемъ ни одной его рѣчи, гдѣ бы онъ отозвался положительно о конституціонной цѣнности палаты лордовъ въ ея нынѣшнемъ видѣ, и, напротивъ, знаемъ относящуюся уже къ тому же 1884 году попытку Розбери выработать сообща съ другими лордами проектъ реформы верхней палаты. Но лорды поспѣшили обнаружить полное пренебреженіе къ этой попыткѣ, а Гладстонъ ее не поддержалъ, ибо до поры, до времени палата лордовъ, только что, наконецъ, принявшая его избирательный билль, ему не мѣшала. Такъ попытка Розбери и кончилась ничѣмъ.

Наступилъ 1885 годъ, первый зловѣщій годъ изъ серіи тѣхъ, которые пришлось еще пережить либеральной партіи. Возстаніе махдистовъ въ Суданѣ вспыхнуло, какъ это бываетъ только въ восточныхъ

странахъ и только при взрывахъ религіознаго фанатизма: внезапно и съ непреодолимой силою. Хартумъ былъ взятъ, генералъ Гордонъ убитъ. Въ печати, обществѣ и парламентѣ начались самыя запальчивыя нападенія на Гладстона, и, дѣйствительно, его положеніе сразу стало шаткимъ. Парнель, не сближаясь пока формально съ консерваторами, вотировалъ противъ кабинета вмѣстѣ съ ними, и партія его во дни вотумовъ приходила въ палату въ полномъ составѣ. Розбери всѣми зависящими отъ него мѣрами старался поддержать министерство; онъ даже согласился занять постъ въ дѣйствующей администраціи съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ кабинета. Это было своего рода великодушіемъ въ такой моментъ, какой переживалъ тогда Гладстонъ. Далеко не одинъ только Махди стоялъ на очереди дня и вовсе не въ Суданѣ, несмотря на всю его важность, заключался гнетущій вопросъ ближайшаго будущаго: русскія войска непрерывно двигались къ Афганистану, столкновеніе русскихъ съ афганцами грозило повлечь за собою русско-англійскую войну и Гладстону надобно выбирать между этою войною и миромъ. Вдругъ лордъ Розбери поѣхалъ въ Берлинъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ въ Европѣ, ничуть не потѣскнѣло отъ того, что поѣздка объяснялась якобы необходимостью для лорда Розбери отдать визитъ сыну канцлера Герберту Бисмарку, своему пріятелю, гостившему у него незадолго до того. Не успѣлъ лордъ Розбери исполнить этотъ свой свѣтскій долгъ, какъ Гладстонъ потребовалъ и получилъ отъ парламента кредитъ въ одинадцать милліоновъ фунтовъ (т.-е. около ста десяти милліоновъ рублей) на внезапные военные расходы. Объяснялось это оффиціально суданскими затрудненіями, но и кредитъ, и визитъ всѣ почти безъ исключенія приписывали не Герберту Бисмарку и не суданскимъ дѣламъ, а русско-англійской ситуаціи у Афганистана. Кредитъ былъ данъ 21-го апрѣля 1885 года, а спустя нѣсколько дней обмѣнъ нотъ между Петербургомъ и Лондономъ разрѣшилъ мирно грозный для обѣихъ странъ вопросъ. Нѣкоторыя газеты склонны были ставить въ связь энергичное поведеніе Гладстона въ афганскомъ вопросѣ съ вліяніемъ на премьера его молодого друга лорда Розбери. Какъ увидимъ, Розбери, дѣйствительно, обнаруживалъ далеко не традиціонную въ либеральной партіи «энергію» относительно дѣлъ иностранной политики; это качество вполнѣ послѣдовательно вязалось съ присущими ему націоналистическими чувствами и всегда составляло характерную его черту.

Едва миновалъ русскій вопросъ, нападенія на министерство Гладстона, на время прекратившіяся, возобновились съ удвоенной силой. 8-го іюня по вопросу о налогахъ на спиртные напитки голоса раздѣлились такъ, что за министерство подали голосъ 252 члена (далеко не всѣ либералы случились въ палатѣ), а противъ него 225 консерваторовъ и 49 парнелистовъ (т.-е. 264). Гладстонъ тотчасъ же подалъ въ отставку и глава оппозиціи маркизъ Салисбюри сталъ во главѣ консер-

вативнаго кабинета. Конечно, въ виду того, что провалъ либеральнаго кабинета былъ чистою случайностью, истинное мнѣніе страны могло быть узнано только посредствомъ новыхъ общихъ парламентскихъ выборовъ. Вся вторая половина 1885 года была занята предвыборной агитаціей; положеніе было такое, что обѣ партіи (и особенно консерваторы) старались привлечь Парнеля на свою сторону, ибо для опытнаго политическаго глвссаао нт излоаьясно рѣшающее значеніе голосовъ ирландской партіи въ будущемъ парламентѣ. Лордъ Розбери довольно неопредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ до сихъ поръ перепробованныя надъ Ирландіей мѣры оказались тщетными, спокойствія государству не дали и что поэтому будущіе опыты должны быть произведены въ направленіи дарованія Ирландіи мѣстнаго самоуправленія. О размѣрахъ и характерѣ этого самоуправленія онъ не распространялся, также какъ и Гладстонъ, который еще суше и сдержаннѣе говорилъ объ этомъ предметѣ. Выборы кончились такъ, что противъ 335 либераловъ очутились 249 консерваторовъ и 86 ирландцевъ. Парнель заслонилъ дорогу къ власти обѣимъ партіямъ, и заставить его очистить путь можно было только однимъ способомъ: дать Ирландіи гомруль. Салисбюри не захотѣлъ этого совершить, и въ первые же дни сессіи новаго парламента, 26-го января, при баллотировкѣ одной поправки къ отвѣтному адресу на тронную рѣчь, — Парнель примкнулъ къ либераламъ и низвергъ консерваторовъ, которые могли держаться, только если бы всѣ парнелисты были за нихъ, ибо только тогда у нихъ было бы 335 голосовъ противъ 335 либераловъ. Онъ низвергъ Салисбюри, какъ полгода назадъ онъ низвергъ Гладстона. Теперь опять власть попала въ руки Гладстона, — и критическій моментъ насталъ: либеральная партія была въ страшномъ возбужденіи; и она, и консерваторы знали, какою цѣною возможно купить власть; Англія и Европа строили самыя разнообразныя предположенія о намѣреніяхъ Гладстона; Парнель ждалъ.

IV.

Что было дѣлать? Когда люди, не имѣющіе и приблизительнаго понятія о механикѣ сложной конституціонной жизни, о структурѣ и жизни партій, какъ самостоятельныхъ политическихъ особей, берутъ на себя трудъ указывать заднимъ числомъ Гладстону на его ошибки, то они, несомнѣнно, и не догадываются о всей комичности и основной фальши своей критики. Вообще, подобная критика историческихъ дѣйствій чаще всего бываетъ, въ мало-мальски сложныхъ случаяхъ, произвольной и фантастичной. Такова она и здѣсь. Гладстонъ внесъ расколъ въ свою партію—это вѣрно; онъ положилъ начало ея упадку—это тоже вѣрно; погубивъ надолго свою партію, онъ, даже этою страшною цѣною, не достигъ того, что поставилъ цѣлью,—гомруля Ирландія не получила,—

это опять-таки вѣрно. Что же, Гладстонъ меньше понималъ въ положеніи партіи, въ англо-ирландскихъ отношеніяхъ, нежели, напримѣръ, хотя бы нѣкій Gros-gros, сотрудникъ «Journal amusant» (или «Le rire», не помнимъ хорошенько), рисовавшій на Гладстона каррикатуры и высмѣивавшій его ошибки?

То, что было ясно всякому бульварному фельетонисту post factum, никому не было и не могло быть извѣстно ante factum, хотя враги Гладстона и грозили ему уже тогда, въ началѣ 1886 года, всякими ужасами. Вѣдь еще большими ужасами грозили ему буквально при каждой затѣваемой имъ реформѣ; вѣдь писали же въ 1884 году, что Гладстона нужно спрятать «отъ свѣта и людей» за то, что онъ «рушитъ» Англію своею избирательною реформою 1884 г.; однако реформа состоялась, и Англія не разрушилась. А если оставить въ сторонѣ партійныхъ Кассандръ, которыя пророчатъ не то, чего онѣ знать не могутъ, но то, чѣмъ онѣ хотятъ запугать противника,—такъ кто можетъ похвалиться яснымъ и мотивированнымъ предсказаніемъ будущаго либеральной партіи? Мы уже сказали и опять повторяемъ, что пять лѣтъ кряду, почти безъ паузъ Гладстонъ, при помощи приставовъ а также тюремщиковъ, полиціи и даже палачей боролся съ Ирландіей; онъ до послѣдняго избѣгалъ роковыхъ для партій шаговъ; Парнель имѣлъ въ немъ страшнаго противника, который не даромъ сказалъ въ отвѣтъ на дѣйствія ирландскаго агитатора въ концѣ 1881 года: «Еще не исто щены всѣ средства борьбы, даваемыя цивилизаціей». Съ тѣхъ поръ Гладстонъ эти средства истощилъ, если даже считать, вопреки смыслу, висѣлицу также «средствомъ цивилизаціи». Не помогло ничего, но Гладстонъ все еще не сдавался, онъ ждалъ выборовъ. Теперь, послѣ того, какъ Парнель очутился вершителемъ парламентскихъ судебъ, Гладстонъ круто повернулъ на новый путь. Этотъ новый путь подсказывался общими партійными принципами, сулилъ спокойствіе въ странѣ, горящей почти революціоннымъ пожаромъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Англіи, этотъ путь давалъ могущественную рѣшающую поддержку ирландской партіи, онъ озарялся надеждою покончить долголѣтнія страданія, наконецъ, онъ одобрялся исторіею: вѣдь до 1800 года, до «уніи» Вильяма Питта младшаго, существовалъ отдѣльный ирландскій парламентъ, и не погибла же Ирландія для англійскаго владычества, хотя времена стояли грозныя: весь XVIII-й вѣкъ прошелъ въ войнахъ съ Франціей, вѣчно грозившей послать дессантъ въ католическую и англофобскую Ирландію.

Вильямъ Питтъ, защищая въ 1800 году унію, которую онъ и провелъ, увѣрялъ, что съ теченіемъ времени эта унія повлечетъ за собою смѣшеніе и сліяніе двухъ народовъ, въ родѣ того, какъ произошло между Англіей и Шотландіей. Это оказалось полнѣйшею ошибкой. Конечно, когда хочешь и имѣешь физическую власть что-нибудь сдѣлать, тогда всегда къ услугамъ оказываются и аналогіи, и доказатель-

ства отъ логики, и аргументы отъ писанія, и благословеніе отъ преданія. То, что русскій писатель назвалъ «мошенничествомъ ума», нигдѣ не наблюдается болѣе часто и въ столь выпукломъ видѣ, какъ въ иныхъ «оправдательныхъ» документахъ, политическихъ спичахъ и докладныхъ запискахъ. Аналогія съ Шотландіей оказалась ложною; унія дала не покой, но хроническое броженіе; расовая антипатія не исчезла, но обострилась. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, обратившемъ на себя уже всеобщее вниманіе въ литературныхъ кругахъ Англіи,—въ вышедшей осенью 1901 года книгѣ: «Imperium et libertas», авторъ (Бернгардъ Холлэндъ) подчеркиваетъ очень интересный фактъ; всякое расширеніе избирательнаго права въ XIX-мъ столѣтіи сказывалось въ Ирландіи усиленіемъ партіи гомруля, партіи враждебной Англіи. Эта партія была совсѣмъ ничтожна въ странѣ до реформы 1832 года, она усилилась въ 1884 году и почти на половину возросла послѣ реформы 1884 года, что ясно показали выборы 1885 .года, отдавшіе въ распоряженіе Парнеля 86 парламентскихъ голосовъ. Значитъ, общія либеральныя реформы были для Ирландіи лишь средствомъ къ болѣе сильной и успѣшной борьбѣ съ англичанами,—и только. Къ этому же выводу могъ привести Гладстона и анализъ судьбы его благопріятнаго фермерамъ ирландскаго земельнаго билля 1880 года, послѣ котораго умножились феніанскія покушенія и освирѣпѣла парнелевская обструкція. Исторія XIX-го вѣка каждою своею страницею кричала, что силою Ирландію не задушишь и никакими уступками, кромѣ гомруля, не успокоишь, и вѣдь эта исторія не была для Гладстона только исторической книжкою, вѣдь онъ самъ ее отчасти дѣлалъ, вѣдь онъ самъ пробовалъ душить и пробовалъ успокаивать!

Оставался гомруль. Призъ предпріятія былъ великъ; рискъ тоже оставался огроменъ. Но въ силахъ ли ума человѣческаго было предвидѣть всѣ размѣры этого риска? Гладстонъ зналъ, что Гартингтонъ, лордъ Гошенъ и многіе другіе члены его партіи противъ гомруля, но онъ же зналъ, что Джонъ Морлей, лордъ Розбери и *большинство* партіи—за гомруль. Въ отложеніи, въ формальномъ *уходѣ* уніонистовъ изъ либеральной партіи, въ ихъ коалиціи съ Салисбюри, онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ быть увѣренъ напередъ, потому что рѣшительныя угрозы зазвучали изъ устъ уніонистовъ почти одновременно съ ихъ уходомъ, и ушли они не всѣ въ одно время. Но если бы даже и такъ, если бы Гладстонъ зналъ о неминуемости формальнаго раскола, значитъ ли это, что его поступки были непродуманы? Вѣдь у него была надежда и она, по крайней мѣрѣ, на первые полгода—вовсе не обманула его, что уходъ уніонистовъ компенсируется приходомъ ирландцевъ, что гомруль будетъ проведенъ. А если бы гомруль былъ проведенъ, то шансы возсоединенія либераловъ разомъ возросли бы. Точные подсчеты были невозможны, и они-то прежде всего обманули Гладстона.

26-го января 1886 года палъ кабинетъ Салисбюри, а 6-го февраля уже въ управленіе страною вступило либеральное министерство. Страшныя бури на частныхъ собраніяхъ слѣдовали одна за другою въ средѣ либераловъ; уніонисты ни за что не хотѣли мириться съ гомрулемъ. Къ началу лѣта партія уже рѣзко раскололась, и 7-го іюня, во время баллотировки министерскаго законопроекта, обѣ ея фракціи помѣрялись силами: 93 либерала-уніониста голосовали вмѣстѣ съ консервативной оппозиціей (250 чел.), и эта потеря не уравновѣсилась 85 парнелитскими голосами, поданными за Гладстона вмѣстѣ съ 228 вѣрными ему либеральными вотумами. Этотъ тяжкій ударъ не пошатнулъ старика. Онъ распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы. Гартингтонъ, Брайтъ и другіе вожди либераловъ-уніонистовъ уже вполнѣ открыто высказывались на выборахъ противъ Гладстона и гладстонцевъ, и ихъ дѣло побѣдило. Гладстоновцевъ было избрано 191 чел., уніонистовъ 74, а консерваторовъ 317,—84 парнелита оказались безсильны поддержать премьера, оставшагося въ меньшинствѣ. Послѣ полугодового пребыванія у власти Гладстонъ подалъ въ отставку.

Въ это полугодовое министерство иностранными дѣлами завѣдывалъ лордъ Розбери. Но для насъ не вполнѣ будетъ понятенъ характеръ его дѣятельности на этомъ посту и, что еще важнѣе, мы погрѣшимъ противъ хронологіи послѣдовательнаго разложенія либеральной партіи, если не прервемъ нашего изложенія и не коснемся любопытнаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ этомъ же 1886 году и часто, не безъ основанія, называемаго литературнымъ началомъ новѣйшаго имперіализма. Ознакомивъ читателя съ имперіалистскими идеями, все настоятельнѣе уже тогда дававшими о себѣ знать, мы сможемъ продолжать нашъ разсказъ, который покажетъ, какъ эти идеи отражались на министерской дѣятельности Розбери и какъ онѣ повліяли на окончательное ослабленіе либеральной партіи. Новый ударъ уже падалъ на либеральную партію.

V.

Въ 1886 году въ Лондонѣ вышла въ свѣтъ книга Джемса Энтони Фруда подъ страннымъ названіемъ: «Oceana». Авторъ назвалъ такъ свое произведеніе въ память и въ честь трактата публициста XVII-го вѣка Гаррингтона *), который подъ этимъ словомъ понималъ единую республику, заключающую въ себѣ Англію со всѣми ея настоящими и будущими владѣніями. Книга Фруда можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ первыхъ ласточекъ новѣйшаго имперіализма, столь пышно расцвѣтшаго въ послѣдніе годы, и мимо ея успѣха и значенія не смо-

*) О Гаррингтонѣ см. работу проф. Р. Виппера «Общественныя ученія и историческія теоріи теоріи XVIII и XIX вв.», «Міръ Божій», 1899 г., мартъ—сент. Есть отдѣльное изданіе. *Ред.*

жетъ пройти ни одинъ будущій историкъ имперіалистскихъ тенденцій. Фрудъ написалъ свою книгу, будучи уже знаменитымъ ученымъ, снискавъ себѣ широкую извѣстность своими изслѣдованіями по исторіи Англіи въ XVI и XVIII вв.; къ его слову всегда прислушивались еще и потому, что о какомъ бы общественномъ (или религіозномъ) вопросѣ онъ ни говорилъ, его убѣжденность въ правотѣ своего взгляда выливалась съ необыкновенною искренностью, иногда даже со страстью. И въ молодости, когда онъ раздѣлялъ воззрѣнія пюзеизма и католической тенденціи въ епископальной церкви, и въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ поссорился съ университетомъ изъ-за крутого своего поворота къ свободомыслію, и въ старости, когда изъ-подъ его пера изошелъ литературный призывъ къ имперіализму,—Фрудъ не былъ и не считался празднымъ болтуномъ, желающимъ привлечь къ себѣ вниманіе общества оригинальностью выходокъ или потворствомъ вкусамъ толпы. Въ срединѣ 80-хъ гг. имперіализмъ еще только зрѣлъ и подготовлялся; о современномъ его распространеніи не было и рѣчи, и, поэтому, всякая имперіалистская теорія являлась скорѣе оригинальностью, пробнымъ камнемъ, нежели разсчитанною безпроигрышною спекуляціею. Вотъ почему ее представилъ добросовѣстный ученый, а не литературный промышленникъ, — Фрудъ, а не Киплингъ и не разновидность Киплинга.

Одна изъ основныхъ мыслей книги Фруда заключается въ томъ, что вся политика англійскаго правительства по отношенію къ заокеанскимъ колоніямъ была и осталась (писано въ концѣ 1885 года) одною сплошною ошибкою. Благодаря цѣлому ряду нелѣпостей со стороны Георга III-го и его министровъ, возмутились противъ Англіи сѣвероамериканскія колоніи, и отъ великаго англо-саксонскаго ствола отвалилась весьма значительная вѣтвь. Съ тѣхъ поръ англичане пріобрѣли и пріумножили владѣнія въ Австраліи, Африкѣ, на Тихомъ океанѣ; образовалась цѣлая колоніальная имперія, которая въ эпоху войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость была лишь въ зародышѣ (говоря, конечно, сравнительно). Тѣмъ не менѣе, ошибки, сдѣланныя въ свое время Георгомъ III, повторялись англійскимъ правительствомъ, если не въ тѣхъ же внѣшнихъ формахъ, то въ томъ же духѣ. Во-первыхъ, колоніи не имѣли ни малѣйшаго представительства въ англійскомъ парламентѣ и такъ какъ некому было поддерживать ихъ интересы то при всякомъ случаѣ эти интересы страдали; метрополія сдѣлала, напримѣръ, изъ Австраліи каторжную колонію, отъ чего страна, конечно, страшно терпѣла, и это измѣнилось только тогда, когда неминуемъ былъ общій бунтъ австралійцевъ противъ Англіи; только тогда высылка каторжниковъ прекратилась. Во-вторыхъ, министры колоній, сидя въ Лондонѣ и не имѣя часто никакого представленія о мѣстныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ, весьма нерѣдко своею сбивчивою, перемѣнчивою политикою вносили жестокую путаницу въ больной и острый вопросъ всякой колонизаціи, въ вопросъ объ отношеніяхъ окрестныхъ

туземцевъ и колонистовъ. То дикарямъ говорили объ ихъ полной независимости, то ихъ грабили и выгоняли изъ селеній, то снова признавали ихъ независимость. Конечно, плодомъ этихъ колебаній и безтактностей лондонскаго правительства были вѣчныя возстанія туземцевъ, усмиренія и новыя возстанія, отъ чего колонисты страдали самымъ ужаснымъ образомъ, а метрополія, не признавая своей же собственной вины, непріятно поражалась расходами на новыя и новыя войны противъ кафровъ въ южной Африкѣ или дикарей Новой Зеландіи и Австраліи. «Политико-экономисты начали спрашивать, какая польза отъ колоній, которыя ничего не приносятъ императорскому казначейству, но являются вѣчною статьею расхода для плательщика налоговъ». Фрудъ, собственно, не разбиваетъ этого аргумента; націоналистическая идеологія кажется ему сокровищницей до того сильныхъ доводовъ, что онъ спѣшитъ къ ней обратиться: «Мы не остановились надъ тѣмъ размышленіемъ, что если даже колоніи для насъ въ настоящее время являются тягостью, то въ правѣ ли мы отрѣзать отъ себя и оставить на произволъ судьбы людей нашей крови и нашей расы, послѣ того, какъ мы поощряли ихъ заводить поселенія подъ нашимъ флагомъ». Въ результатѣ такого отношенія къ колоніямъ Англія убрала свои войска изъ Канады, изъ Австраліи и Новой Зеландіи, уменьшила отрядъ, стоявшій въ южной Африкѣ. Колоніи были снабжены конституціями, въ основу которыхъ былъ положенъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципъ самоуправленія, и такимъ-то путемъ, наскоро и небрежно, метрополія постаралась ослабить связь между собою и ненужными ей колоніями. «Казалось, вторая группа территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя обезпечила (за Англіей) англійская предпріимчивость, должна послѣдовать за первою. Американскія провинціи были потеряны вслѣдствіе нарушенія ихъ правъ. Остальное должно было быть отброшено прочь, какъ не имѣющее цѣнности». Конечно, разстались съ внѣшней стороны по-дружески, и истинный смыслъ дѣла былъ затемненъ уклончивыми выраженіями, которыми правительство хотѣло успокоить національное чувство. «Намъ говорили, что самоуправленіе дано было колоніямъ лишь съ цѣлью болѣе привязать ихъ къ намъ», тогда какъ въ дѣйствительности никто изъ свѣдущихъ государственныхъ людей Англіи не сомнѣвался, что колоніи вскорѣ совсѣмъ потеряютъ какую бы то ни было оффиціальную связь съ Великобританіей. «Безполезно дольше говорить объ этомъ,—сказалъ Фруду одинъ (не называемый имъ) важный сановникъ:—дѣло сдѣлано, большія колоніи потеряны. Вопросъ лишь въ одномъ годѣ или въ двухъ».

Такъ все обстояло въ срединѣ XIX-го вѣка. Съ ироніей вспоминаетъ Фрудъ это время, эти первые годы послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, когда капиталистическая буржуазія окончательно ощутила подъ ногами твердую почву, когда вѣра въ «дешевый трудъ и въ дешевый уголь» дѣлала очень многихъ энтузіастами промышленнаго ка-

питализма. Говорилось о потокахъ золота, которые зальютъ предпринимателей, о мирномъ рѣшеніи соціальнаго вопроса, о томъ, что при дешевомъ хлѣбѣ и постоянномъ требованіи на рабочія руки, голодать въ Англіи неимущіе классы не могутъ и не будутъ. По обыкновенію своему уклоняясь отъ детальнаго разсмотрѣнія экономической стороны этой оптимистической теоріи средины вѣка, Фрудъ довольствуется въ отношеніи ея ироніей тона *) и углубляется въ то свойственное ему настроеніе, которое мы назвали бы политическимъ романтизмомъ. Такъ какъ жизнь взрослыхъ и подростающихъ поколѣній въ городахъ и на фабрикахъ безъ солнца, безъ чистаго воздуха, безъ полей ведетъ рано или поздно къ выpoжденію націи и такъ какъ города соединеннаго королевства сами по себѣ становятся слишкомъ малы для все увеличивающагося народонаселенія, то Фруду кажется, будто «геній Англіи, предвосхищая неизбѣжное возрастаніе» народа, напередъ озаботился о его размѣщеніи. Англійская предпріимчивость заняла огромныя мѣстности на земномъ шарѣ и этимъ сослужила, по мнѣнію автора, великую услугу родинѣ. Бѣднымъ дѣтямъ англійской націи есть куда уйти отъ дыма и чада тѣсной метрополіи; укрѣпляя свои связи съ колонистами, англійская нація могла бы мощно развивать свою силу, давать сильныя физически и духовно поколѣнія, родившіяся и выросшія на просторѣ солнечнаго свѣта и воздуха, она могла бы стать «царицею между націями, неуязвимою извнѣ, мирною и здоровою внутри». Въ противоположность другимъ благамъ, думаетъ авторъ, это было легко достижимо: стоило только протянуть руку, чтобы обезпечить его за собою. И однако, «какъ бы подъ вліяніемъ чаръ», англичане ничего въ этомъ смыслѣ не дѣлали, они не брали примѣра съ американцевъ!

Здѣсь мы наталкиваемся на явленіе, которое характерно не только для такой зарницы новѣйшаго имперіализма, какъ «Oceana», но и для всего послѣдующаго теченія: англійскіе имперіалисты съ завистью и почтеніемъ склонны смотрѣть на Соединенные Штаты и ставить ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ. Теперь, когда Штаты бросились въ колоніальную политику, когда по праву завоеванія захватываются Филиппины и безъ всякаго права Сандвичевы острова, — немудрено, что между «англо-саксонскими кузенами «возникла своего рода jalousie de métier и что за каждымъ удачнымъ ходомъ Америки англійскіе имперіалисты слѣдятъ съ завистливымъ и почтительнымъ удивленіемъ. Пишущій эти строки весьма интересовался вакханаліей, разыгрывавшейся лѣтомъ 1898 года на страницахъ англійской имперіалистской печати по поводу испано-американской войны; здѣсь было нѣчто помимо расоваго соучастія,—нѣчто въ родѣ, такъ сказать, профессіональнаго торжества. Если не ошибаемся, Шатобріанъ въ своихъ «Mémoires d'outre-tombe» говоритъ, что Наполеонъ I-й, ограбивъ Прус-

---

*) «It was a theory» etc. («Oceana», 7).

сію, оставилъ ей въ числѣ немногихъ другихъ владѣній Силезію, которую за полстолѣтія сама Пруссія силою отняла у Австріи, и что этимъ поступкомъ насильникъ какъ бы оказывалъ почтеніе чужому, давнишнему насилію. Въ радости англійскихъ патріотовъ по поводу американскихъ побѣдъ чувствуется нѣчто аналогичное. Но все это происходитъ теперь, а тогда, когда писалась «Oceana», Сѣверо-Американскіе Штаты привлекли сочувствіе ученаго автора другимъ. «Невозможно (Англіи сплотиться съ колоніями)!—сказали политики.—Но вѣдь не оказалось же, однако, невозможнымъ для Соединенныхъ Штатовъ отказаться отъ того, чтобы быть отдѣленными. Соединенные Штаты раскрыли свои вены и пролили потоками свою кровь, чтобы имѣть возможность остаться единымъ народомъ». Этотъ намекъ на кровопролитную войну между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабовладѣльчества, кончившуюся закрѣпленіемъ единства союза, указываетъ, что авторъ даже и очень крупную цѣну въ иныхъ случаяхъ считаетъ недорогою. Океанъ не только раздѣляетъ, но и соединяетъ, онъ изборожденъ телеграфными кабелями и пароходствомъ, поэтому Фрудъ не признаетъ возможности такого возраженія, что сѣверные и южные штаты лежатъ на одномъ континентѣ и ихъ легче удержать въ единствѣ, нежели англійскія колоніи, разбросанныя по всему земному шару. «Невозможность есть слово политиковъ, у которыхъ нѣтъ охоты или нѣтъ способности понимать новыя условія. Имперіи «Океаны» не можетъ быть. Англійская раса не любитъ быть частями имперіи. Но республика «Океана», держащаяся единствомъ крови, общими интересами, общею гордостью вслѣдствіе положенія, которое можетъ быть обезпечено единеніемъ, — такая республика можетъ вырасти сама собою, если бы возможно было внушить политикамъ мысль оставить ее въ покоѣ». Фрудъ, такимъ образомъ, подчеркиваетъ (онъ многократно возвращается къ этому), что единеніе возможно лишь на началахъ полной внутренней свободы и взаимнаго уваженія правъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Современная «Океана», какъ извѣстно, называетъ себя именно имперіей, а не республикою, но если не привилась терминологія Фруда, то его мысль не была опровергнута исторіей: полное самоуправленіе, политическая свобода царятъ въ Новой Зеландіи, въ австралійскихъ колоніяхъ и въ Канадѣ и, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, между англійскими колонистами Капланда. Въ этомъ смыслѣ имперіализмъ не внесъ никакой новой струи въ сложившіеся до него и безъ него колоніальные порядки. Словомъ, единство британской имперіи утверждается въ послѣдніе годы не на почвѣ деспотизма, столь характернаго для колоніальной исторіи Испаніи, Франціи и иныхъ странъ, а на почвѣ свободы и взаимнаго уваженія. Только это и хотѣлъ сказать Фрудъ, противополагая «имперію»—«республикѣ». (Въ дальнѣйшемъ изложеніи увидимъ, впрочемъ, сколько принципіальнаго «свободомыслія» содержится въ имперіализмѣ).

«Колоніи,—продолжаетъ авторъ,—британскія, и хотятъ остаться британскими и подобно тому, какъ два куска стали можно спаять не иначе, какъ подогрѣвъ ихъ до извѣстной температуры, точно также, когда жажда объединенія возрастетъ въ Англіи и въ колоніяхъ,—невозможное станетъ возможнымъ и даже легчайшею изъ политическихъ возможностей». Великолѣпіе Океаны, гдѣ будетъ всегда вѣрный, прочный и обширный рынокъ для сбыта англійскихъ товаровъ, гдѣ бѣдняки-эмигранты превратятся въ маленькихъ земельныхъ собственниковъ, гдѣ дѣти будутъ расти здоровыя, крѣпкія, «съ краскою на щекахъ и съ шансомъ человѣческаго существованія въ будущемъ»—это великолѣпіе носится предъ умственнымъ взоромъ Фруда. Онъ отказывается дать государственнымъ людямъ рецептъ того, какъ именно, какими актами и конституціями скрѣпить связь метрополіи съ колоніями. «Англійскій народъ создалъ колоніи. Народъ Англіи (метрополіи) и народъ колоній — одинъ народъ». Чувство единства есть сила, которая создастъ все: «Если народъ желаетъ этого, оно (единство) приметъ органическую форму, остальное же будетъ легко».

Придавая столь благотворное значеніе непосредственному національному чувству, Фрудъ снова и снова настаиваетъ на глубочайшей ошибочности всей англійской колоніальной политики, царившей до его времени. «Мы и колонисты жили отдѣльно другъ отъ друга» и не поняли. Колонистовъ слѣдуетъ, какъ ему кажется, убѣдить, что никогда англійскій народъ въ этомъ отношеніи не раздѣлялъ взглядовъ своихъ правителей. «Мы были индифферентны и занимались своими собственными дѣлами, но мы, народъ, всегда смотрѣли на нихъ, какъ на кость отъ костей нашихъ, какъ на плоть отъ плоти нашей. Они никогда не подчинятся тому, чтобы быть управляемыми Англіею. Вѣтка не управляется стволомъ; листъ не спрашиваетъ у вѣтки, какую форму ему принять, а цвѣтокъ не спрашиваетъ, какова должна быть его окраска; но если колонисты узнаютъ, что наши чувства къ нимъ подобны ихъ чувствамъ къ намъ,—тогда вѣтка, листъ и цвѣтокъ останутся соединенными на одномъ стволѣ, стремясь къ нераздѣльному существованію, и тогда всѣ вмѣстѣ, необходимые другъ другу, они образуютъ одинъ величественный организмъ, который сможетъ презирать всѣ бури рока».

Фрудъ отправился въ путешествіе; онъ посѣтилъ Капскую землю, Австралію, Новую Зеландію, и встрѣчи съ руководящими политиками и съ общественными дѣятелями этихъ странъ, личныя впечатлѣнія, частые разговоры, все утвердило его въ изложенныхъ выше мысляхъ. «Я отправился путешествовать по странамъ, гдѣ патріотизмъ не есть чувство, вызывающее насмѣшку, гдѣ онъ не есть, какъ опредѣлялъ его Джонсонъ, «послѣднее убѣжище для бездѣльника...» Какъ кстати припомнилъ честный романтикъ имперіализма ядовитыя джонсоновскія слова предъ самымъ расцвѣтомъ джингоистскихъ чувствъ въ Англіи, и до какой степени это опредѣленіе извѣстнаго сорта патріо-

тизма (the last refuge of a scoundrel) кажется вольнымъ переводомъ щедринскихъ эпитетовъ: «Патріотъ своего отечества и мерзавецъ своей жизни!» Тѣмъ-то и любопытна новѣйшая исторія имперіализма, что въ ней, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отразилось и повторилось въ характерной своей чертѣ прошлое чуть ли не всего многообразнаго европейскаго національнаго движенія: сначала Фихте и Кернеръ, а потомъ вжесненское сѣченіе польскихъ школьниковъ; сначала Криспи-гарибальдіецъ, а потомъ Криспи-жандармъ и авторъ абиссинской войны, въ данномъ случаѣ—сначала мечты Фруда о розовыхъ щечкахъ эмигрантскихъ дѣтей въ заморскихъ владѣніяхъ Океаны, а потомъ набѣгъ Джемсона на Трансвааль, бурская война, концентраціонные лагери, стѣсненіе Чэмберленомъ итальянскаго языка на Мальтѣ. Впрочемъ, здѣсь, въ Англіи, эта эволюція, въ виду огромной разницы во всемъ, прошла гораздо быстрѣе, а потому и незамѣтнѣе. Романтическій періодъ новѣйшаго имперіализма, кромѣ книги Фруда и ея успѣха, кажется ничѣмъ выдающимся отмѣченъ не былъ. Въ этомъ смыслѣ «Океана» произведеніе историческое и мы только потому воздерживаемся отъ самаго подробнаго ея анализа, что въ настоящемъ этюдѣ имперіализмъ интересуетъ насъ только лишь съ точки зрѣнія судебъ англійской либеральной партіи, и слишкомъ детальное углубленіе въ его литературную исторію было бы здѣсь излишне. Но передавая главныя мысли «Океаны», мы не можемъ пройти мимо того, что ея авторъ, говоритъ, напримѣръ, о Трансваалѣ, съ которымъ Англія въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ вела войну, кончившуюся миромъ послѣ пораженія англичанъ при Маюба-хиллѣ (весною 1881 г.). Многіе негодовали на Гладстона за то, что онъ заключилъ миръ съ бурами. Вотъ что говоритъ объ этомъ Фрудъ: «Я не могу порицать правительство за то, что оно уклонилось отъ дальнѣйшаго веденія кровавой борьбы за дѣло, которое оно уже осудило» (такъ какъ Гладстонъ, принявъ войну въ 1880 г. отъ своего предшественника, велъ ее совершенно противъ воли)... «Если бы мы упорствовали (въ войнѣ),—превосходство въ силѣ и средствахъ должно было бы, въ концѣ концовъ, побѣдить. Но война перешла бы за границы Трансвааля. Она должна была бы стать завоевательною войною противъ всего голландскаго населенія, которое все приняло бы участіе въ ней. *Мы бы навлекли безчестіе на наше имя* (...brught a scandal on our name). Мы бы привели и должны были бы привести на край гибели храбрый и почтенный народъ. Мы бы вызвали порицаніе, можетъ быть, даже вмѣшательство другихъ державъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ возвращается къ бурскому вопросу. Если бы, пишетъ онъ—англійское правительство, англійскій парламентъ и англійская пресса попытались сдѣлать лучшее, что они могутъ, т.-е. оставить южную Африку въ покоѣ,—несчастная страна вздохнула бы свободно, и «при хорошей почвѣ и хорошемъ климатѣ, при богатствѣ минераловъ и дра-

гоцѣнныхъ камней, англичане, голландцы, базутосы, кафры и зулусы могли бы («зарыть въ землю сѣкиру») заключить прочный миръ и жить благоденствовать одни рядомъ съ другими». Мы видимъ, что старый историкъ не извѣрился въ людяхъ и, предполагая возможность мирнаго и равноправнаго сожительства на югѣ Африки бѣлой и черной расы, былъ не только о своихъ соотечественникахъ, но и о бурахъ лучшаго мнѣнія, нежели они заслуживали. Не трудно было бы только по приведеннымъ цитатамъ установить всю разницу между имперіализмомъ Фруда и имперіализмомъ Чэмберлена.

Коренную свою мысль о необходимости тѣснѣйшаго сплоченія колоній съ метрополіей Фрудъ повторяетъ много разъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ, составляющихъ по объему главное содержаніе книги; возвращается къ этой идеѣ и въ заключительной главѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ Англіей управляли аристократы и ихъ ошибки лишили Англію сѣверо-американскихъ колоній; съ парламентской реформы 1832 года у кормила правленія стали люди средняго класса, которые совершенно равнодушны оказались къ колоніямъ, ихъ потерѣ или сохраненію; будущее принадлежитъ демократіи, и Фрудъ ставитъ вопросъ, окажется ли демократія «умнѣе» своихъ предшественниковъ и захочетъ ли для милліоновъ людей, изъ которыхъ она состоитъ, сохранить плодоносныя территоріи, «и воздухъ, и свѣтъ солнца, и возможность поселеній для количества людей, въ десять разъ большаго сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ». Что колоніи жаждутъ сплоченія, онъ не сомнѣвается, и не только національное чувство побуждаетъ ихъ къ тому: «Въ наши дни, когда свѣтъ сталъ такъ малъ, а руки великихъ державъ сдѣлались столь длинны, независимая Викторія, или Новый Южный Уэльсъ, или Новая Зеландія очутились бы во власти честолюбиваго завоевателя, который бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи флотъ и армію». Фрудъ не вѣритъ въ преимущества демократическаго строя вообще, но именно для дѣла скрѣпленія связи съ колоніями демократія кажется ему единственно пригодною. Пусть будетъ услышанъ свободный голосъ народа колоній и метрополіи, и «единая британская имперія» будетъ организована. Какъ видимъ, Фрудъ не особенно стоитъ за свое названіе объединеннаго государства; «республика», «commonwealth» въ «United British Empire», но основной смыслъ, идея—осталась та же: полная политическая свобода, демократизованный строй, полное самоуправленіе, вотъ что только и можетъ спаять «Океану».

Книга кончается словами—пріобрѣтающими особый интересъ въ наши дни. Авторъ признаетъ, что его родина переживаетъ «кризисъ въ національномъ существованіи» и что самые мудрые не могутъ предугадать будущее. Величіе Англіи можетъ возрасти, ея владѣнія смогутъ гордиться ею, «если англійскій характеръ выйдетъ изъ испытанія вѣрнымъ своимъ старымъ традиціямъ», если англичане попрежнему будутъ «смѣлы сердцемъ и зорки глазомъ, не ища того, что имъ не принадлежитъ, но въ

рѣшимости удерживать свое достояніе мечомъ». Если же, напротивъ, «будетъ продолжаться ошибочная политика, которой дивился въ послѣдніе годы міръ, если мы покажемъ, что у насъ нѣтъ установленныхъ принциповъ дѣйствія, если мы будемъ ввязываться въ нелѣпыя войны и невызванное кровопролитіе», словомъ, если міру станетъ ясна «перемѣна въ натурѣ» англичанина,—тогда колоніи отчаятся въ метрополіи, и если не отпадутъ отъ нея, то будутъ знать, что ждать отъ нея хорошаго—нечего. Тутъ можно внести только одну поправку: «міръ» рѣшилъ бы, что «натура» англичанина измѣнилась, именно, только въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы послѣдній перестахъ «искать того, что ему не принадлежитъ»; къ чему Фруду понадобилось такъ идеализировать англійскія «старыя традиціи»—неизвѣстно, ибо его соотечественники отнюдь не уступали никогда прочимъ народамъ въ посильномъ присвоеніи всего, плохо на земномъ шарѣ лежащаго. Эта идеализація прошлаго типична для романтика, даже если романтическая мечта витаетъ въ будущемъ, какъ обстоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. О предсказаніи же, заключенномъ въ послѣдней цитатѣ, въ наше время забыли и думать именно тѣ, которые спеціально заняты сплоченіемъ и расширеніемъ «Океаны».

Книга Фруда не показалась откровеніемъ новыхъ истинъ; когда она появилась, вниманіе общества уже было направлено въ извѣстную сторону, ибо агрессивная политика другихъ державъ во внѣевропейскихъ странахъ уже нѣсколько лѣтъ внушала довольно большой къ себѣ интересъ среди правящихъ круговъ Англіи. Это литературное произведеніе только пропагандировало имперіалистскую идею въ широкой читающей публикѣ. Промышленное развитіе Германіи, почти безпримѣрное по своему темпу въ исторіи Европы, неуклонное движеніе французовъ съ сѣвера къ югу и востоку Африки, то прикрываемое разными будто бы не военными миссіями, то совсѣмъ ничѣмъ не прикрываемое, даже эфемерные успѣхи Италіи въ Эритреѣ и Тигре—все это въ концѣ 80-хъ годовъ и въ первой половинѣ 90-хъ гг. приводило въ безпокойство англійскіе промышленные и особенно торговые круги. Старое популярное изреченіе, что «торговля слѣдуетъ за флагомъ», стало лозунгомъ дня. Какъ-то очень быстро измѣнилась физіономія всего вопроса объ имперіи: сближеніе съ колоніями, о которомъ мечталъ Фрудъ, стало уже не одною изъ главныхъ цѣлей, а лишь средствомъ къ военному подкрѣпленію метрополіи; многообразнымъ предметомъ всѣхъ стремленій сдѣлалось для вліятельныхъ слоевъ англійскаго народа, именно, «то, что ему не принадлежитъ» (выражаясь честнымъ въ своей наивности языкомъ автора «Oceana»); подъ имперіализмомъ начали понимать не сплоченіе всѣхъ англійскихъ владѣній, вѣрнѣе, не только это сплоченіе, но и завоевательное расширеніе границъ уже имѣющейся колоніальной имперіи. Книгу Фруда продолжали считать чуть ли не библіей новѣйшаго имперіализма, но уже къ концу первой

половины 90-хъ гг. рѣчи съ платформъ, статьи въ газетахъ (а потомъ и въ журналахъ), памфлеты, спичи въ партійныхъ клубахъ создали нѣчто новое, своего рода «традицію» имперіализма, которая, какъ почти всѣ традиціи, очень замѣтно разошлась съ «библіей».

При такихъ-то условіяхъ прожило и пало послѣднее либеральное правительство, которое пока видѣла исторія Англіи, т.-е. кабинетъ Розбери. Мы прервали очеркъ исторической жизни либеральной партіи на томъ моментѣ, когда ирландскій вопросъ рѣшительно эту партію раскололь, когда дѣло ея обезсиленія явственно началось. Впереди ей предстояли еще болѣе черные дни, дни трансваальской войны. Въ 1895 г. партія ушла отъ власти вмѣстѣ со своимъ вождемъ Розбери; въ 1895—1901 гг. лордъ Розбери пережилъ весьма знаментальную эволюцію, отразившую на себѣ судьбы либеральной партіи и, можетъ быть, на нихъ, въ свою очередь, повліявшую. Посмотримъ же, что этотъ человѣкъ дѣлалъ отъ того времени, какъ Гладстонъ впервые назначилъ его министромъ,—до 1895 года, въ чемъ и какъ проявилъ онъ себя отъ начала и до конца своей министерской карьеры; намъ кажется, что такой обзоръ приготовитъ отчасти читателя къ пониманію той позиціи, которую бывшій либеральный лидеръ занялъ послѣ взрыва и разгара имперіалистскихъ страстей. На этой позиціи онъ не одинокъ; писать о томъ, какъ повліялъ на него имперіализмъ, значитъ писать исторію вчерашняго и сегодняшняго дня либеральной партіи. Очертивъ дѣятельность Розбери до начала трансваальской войны, мы дальше перейдемъ къ характеристикѣ того, чѣмъ теперь сталъ имперіализмъ, всего шестнадцать лѣтъ тому назадъ переживавшій свой короткій романтическій періодъ, и попытаемся опредѣлить, каковы пока для либеральной партіи результаты ея сшибки съ этимъ могущественнымъ политическимъ теченіемъ.

Ев. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДВА МОМЕНТА ВЪ РАЗВИТІИ ТВОРЧЕСТВА АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА.

(Критическій очеркъ).

Просматривая томъ за томомъ, безчисленные очерки и разсказы г. Чехова, пристально вглядываясь въ нихъ, улавливая сходныя черты, вы легко поддаетесь странной иллюзіи: вы уже не у себя въ кабинетѣ, а въ мастерской художника, гдѣ на стѣнахъ рядами развѣшаны картины. Вы окидываете взглядомъ комнату, и прежде всего вамъ бросается въ глаза разнообразная окраска картинъ. Основныхъ тоновъ, повидимому, немного. Но сколько разнообразныхъ, неуловимыхъ оттѣнковъ! Вотъ рядъ картинъ съ розовой окраской. Этотъ розовый цвѣтъ начинаетъ, наконецъ, раздражать ваши глаза, и вы переходите къ другому ряду. Здѣсь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другія картины, ласкающія, манящія. Но и въ томъ, что раньше казалочь вамъ розовымъ, вы начинаете улавливать синеватые и свѣтлозеленые оттѣнки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько такихъ картинъ! Мрачный тонъ утомляетъ и удручаетъ васъ, но теперь и то, что раньше слегка раздражало вашъ глазъ, начинаетъ отливать красновато-багровымъ блескомъ... И вдругъ все смѣшалось въ вашихъ глазахъ. Розовыя, синія, зеленыя, темныя полосы быстро мелькаютъ одна за другой, и вы все начинаете видѣть въ новомъ, какомъ то фантастическомъ освѣщеніи. Какая то странная, тусклая, однообразно-сѣрая пелена заслонила отъ васъ живую игру цвѣтовъ и ихъ безконечно-разнообразныхъ оттѣнковъ. Вы встряхиваетесь, чтобы освободиться отъ этого страннаго впечатлѣнія, и догадываетесь, что художникъ и картины тутъ не при чемъ: это просто у васъ зарябило въ глазахъ...

Освободившись отъ этой странной иллюзіи, вы снова начинаете, теперь уже медленно, одну за другой, разсматривать картины и легко убѣждаетесь, что тутъ разныя цвѣта и очень много оттѣнковъ. Вы находите дальше, что сами картины различны и по исполненію и по значенію. Тутъ и простыя фотографіи, безукоризненныя по отдѣлкѣ, но ничего не говорящія ни уму, ни сердцу. Вы окидываете ихъ взгля-

домъ и быстро проходите мимо. Вотъ цѣлый рядъ набросковъ, этюдовъ, разнообразныхъ по содержанію, но одинаковыхъ или сходныхъ по темѣ. Вы чувствуете, что это не простыя фотографіи, что художникъ вложилъ въ нихъ что то свое, лично ему принадлежащее, наложилъ на нихъ печать своей нравственной личности. Но тема слегка затронута, съ какой-нибудь одной стороны, или въ разныхъ картинахъ съ разныхъ, но близкихъ сторонъ, и вы, чувствуя легкую досаду и неудовлетворенность, проходите дальше. И вдругъ вы остановились передъ картиной, которая сразу поразила васъ и надолго приковала къ себѣ. Картина какъ будто знакома вамъ. Линіи, краски, фигуры, положенія—все это вы раньше видѣли на фотографіяхъ и набраскахъ. Но въ нихъ есть что-то новое, одухотворенное. То же лицо, но иначе смотритъ. Вы пристально всматриваетесь въ подробности, заходите съ разныхъ сторонъ и наконецъ угадываете замыселъ художника. То, что раньше слегка тревожило васъ, здѣсь, возведенное въ перлъ созданія, озарилось новой красотой, и вы испытываете чувство полнаго, глубокаго удовлетворенія, и многое изъ раньше видѣннаго, но незамѣченнаго или непонятаго, всплываетъ въ вашемъ сознаніи и становится яснымъ. Идете дальше—и опять наброски, этюды, но здѣсь уже другая тема; и снова картина, глубокая, одухотворенная. Весь процессъ творчества художника въ своихъ результатахъ проходитъ передъ вами, и на примѣрѣ г. Чехова очень удобно вы можете прослѣдить развитіе, постепенный ростъ художественнаго таланта.

Но не только художественнаго таланта. Глѣбъ Успенскій въ своей автобіографической запискѣ писалъ, что его біографія—это его сочиненія. Съ такимъ же правомъ это можетъ сказать про себя г. Чеховъ. По крайней мѣрѣ то, что больше всего интересуетъ насъ въ біографіи писателя—его духовная личность, ея постепенный ростъ, его думы, настроеніе, міровоззрѣніе—все это, несмотря на всю сдержанность и корректность г. Чехова, а порой и неясность его полупризнаній, достаточно отразилось въ его произведеніяхъ. Правда, у него нѣтъ ничего кричащаго, рѣзкаго, бьющаго въ глаза. Вы не услышите отъ него ни воплей, ни рыданій, ни негодующаго крика, ни презрительнаго смѣха. И когда онъ рисуетъ наиболѣе отвратительные типы, повидимому, онъ совершенно спокоенъ, какъ будто дѣлаетъ дѣло, лично ему совершенно чуждое, постороннее. Но это спокойствіе—просто сдержанность воспитаннаго человѣка, за которой скрывается натура, глубоко чувствующая, тоскующая, страстно чего-то ищущая. Стоитъ только взять его, почти любое, описаніе природы, которая смѣется, плачетъ, тоскуетъ, томится, чтобы составить о немъ представленіе, какъ о писателю глубоко субъективномъ. Въ сущности его произведенія есть исторія его души, сначала безпечной, потомъ глубоко тоскующей и наконецъ, повидимому, нашедшей удовлетвореніе. Современемъ, конечно, біографія дастъ намъ настоящій ключъ къ всестороннему пониманію

его произведеній. Но пока что будетъ, попытаемся только на основаніи его произведеній отмѣтить главнѣйшіе моменты въ его развитіи.

I.

А. П. Чеховъ началъ свою литературную дѣятельность очень мелкими, иногда миніатюрными, въ страничку или двѣ, очерками, которые собраны теперь въ первыхъ трехъ томахъ изданія Маркса. Это изящныя, тщательно обработанныя бездѣлушки, хотя встрѣчаются разсказы и малообработанные, представляющіе, очевидно, черновые наброски. Встрѣчаются и такіе расказы, гдѣ фантазія автора и наблюденныя черты дѣйствительности не слиты органически, а лежатъ полосами другъ возлѣ друга, какъ двѣ химически несходныя жидкости. Такихъ разсказовъ, впрочемъ, мало. Зато, почти всѣ они написаны просто такъ, pour rire, чтобы позабавить читателя. Напрасно мы стали бы искать здѣсь опредѣленное міровоззрѣніе художника, но есть то, что принято называть настроеніемъ.

Преобладающее настроеніе автора за этотъ періодъ его дѣятельности можно сравнить съ тѣми чувствами, которыя испытываетъ туристъ, въ первый разъ отправляясь путешествовать въ какую-нибудь незнакомую страну просто для развлеченія или отдыха. Сколько тамъ новаго, интереснаго, любопытнаго! Какіе виды, костюмы, типы! Какіе странные и смѣшные обычаи, сколько вообще занимательнаго, любопытнаго! И онъ все одинаково осматриваетъ, ему одинаково любопытно и ничтожное и важное. Но не зная страны, онъ по всему скользитъ бѣглымъ взглядомъ, ни во что не всматривается пристально, ко всему относится съ легкою ироніей. Ему все любопытно и ничто въ частности не успѣло его заинтересовать. Приблизительно такое же настроеніе было и у г. Чехова въ первое время. На литературное поприще онъ выступилъ, какъ туристъ, безъ всякихъ претензій. Бѣгло схватитъ какое-нибудь душевное движеніе или вообще явленіе жизни, вставитъ его въ изящную рамку и любуется имъ или смѣется надъ нимъ то заразительно весело, то слегка иронически. Вмѣстѣ съ нимъ любуется и смѣется читатель. Да и какъ не любоваться, когда все это такъ красиво выходитъ! И какъ не смѣяться, когда въ сущности въ жизни такъ много смѣшного, особенно въ той сѣренькой, будничной жизни, которую изображаетъ г. Чеховъ. Сколько смѣшного разскажутъ про себя или другъ про друга ея незамѣтные, ничтожные герои—всѣ эти пьяненькіе, празднороболтающіе, мелочно-самолюбивые, глуповатые, глупенькіе и дубинно-головые, эти дамочки, порхающія, интригующія, неугомонно-щебечущія. Какіе все это смѣшные уроды, какіе чудаки! Въ этомъ беззаботномъ смѣхѣ, который звучитъ почти въ каждомъ разсказѣ, для г. Чехова характерно именно то, что здѣсь смѣхомъ все начинается и смѣхомъ кончается, подобно тому, какъ это было съ Го

големъ въ первое время его литературной дѣятельности. Въ этомъ смѣхѣ нѣтъ нравственнаго элемента, и его миніатюрныя комедіи въ сущности настоящіе водевили. Рѣдко среди этого смѣха раздается грустная нота и очень рѣдко она переходитъ въ мрачное настроеніе, за которымъ чувствуется глубокая драма.

Съ теченіемъ времени эта, изрѣдка звучавшая, безотрадная нотка раздается все чаще и чаще и становится интенсивнѣе. Это уже замѣтно на второй половинѣ третьяго тома. Въ разсказахъ четвертаго и пятаго томовъ отъ прежняго беззаботнаго настроенія не остается и слѣда. Какъ въ настроеніи, такъ и въ другихъ сторонахъ его творчества происходитъ какой-то переломъ или вѣрнѣе болѣзненный надломъ. Прежній балагуръ-разсказчикъ о чемъ-то загрустилъ и глубоко задумался. Даже когда онъ, по старой привычкѣ, собирается пошутить, впадаетъ въ прежній тонъ, то шутка выходитъ какою-то странною, тяжелою, неумѣстною, словно пошутили въ комнатѣ, гдѣ лежитъ трудно больной («Ванька»). Что же та́кое случилось?

Можетъ быть, лично съ нимъ случилось что-нибудь такое, что заставило его призадуматься; можетъ быть, жизнь, съ которою онъ все больше знакомился, утомила его своимъ однообразіемъ, какъ та безграничная степь, которую онъ описалъ съ такимъ безнадежно-тоскливымъ настроеніемъ; можетъ быть, онъ увидѣлъ, что въ жизни далеко не все такъ понятно и просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Съ настроеніемъ безпечнаго туриста прогуливаясь по палестинамъ родной дѣйствительности, все расширяя кругъ своихъ наблюденій, ближе присматриваясь къ дѣйствительности, онъ не могъ не замѣтить, что въ жизни ужъ вовсе не такъ много смѣшного, какъ это кажется человѣку, у котораго бьющее черезъ края веселье молодости окрашиваетъ все въ розовый цвѣтъ. Сама жизнь, изображаемая имъ, не могла не показать ему, какъ часто смѣхъ и слезы идутъ рука объ руку, и какъ часто за тѣмъ, что кажется смѣшнымъ съ перваго взгляда, скрывается глубокая драма. Но, несомнѣно, не малую долю вліянія оказалъ на него и тотъ переворотъ въ настроеніи и міропониманіи общества, который начинался въ концѣ 70-хъ годовъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ переворотѣ одинъ изъ его персонажей. Тогда новое міропониманіе «начинало входить въ моду публики и потомъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ публики стало переходить въ литературу, науку и политику. Мнѣ было тогда не больше 26-ти лѣтъ, но я уже отлично зналъ, что жизнь безцѣльна и не имѣетъ смысла, что все обманъ и иллюзія, что по существу и результатамъ каторжная жизнь на островѣ Сахалинѣ ничѣмъ не отличается отъ жизни въ Ниццѣ, что разница между мозгомъ Канта и мозгомъ мухи не имѣетъ существеннаго значенія, что никто на этомъ свѣтѣ ни правъ, ни виноватъ» («Огни»). По всей вѣроятности, эта новая волна и захватила г. Чехова. По крайней мѣрѣ, «красивая, сочная мысль о безцѣльности жизни и загробныхъ потемкахъ», съ ея

уродливыми крайностями, полною безвыходностью и пустотою, несомнѣнно отразилась на его творчествѣ. Такъ, напр., разсказъ «Поцѣлуй» какъ будто нарочно выдуманъ на заранѣе составленную тему— о безсмысленности жизни. Здѣсь разсказывается, какъ одинъ поручикъ, Рябовичъ, подъ вліяніемъ случайно и ошибкой полученнаго имъ поцѣлуя, цѣлое лѣто мечталъ о любви, о «ней», о семейной жизни, какъ онъ нетерпѣливо ждалъ, что на возвратномъ пути онъ встрѣтится съ прекрасною незнакомкой, и какъ изъ этого ничего не вышло по той простой и понятной причинѣ, что его никто не ждалъ и имъ никто не интересовался. Странный разсказъ, не правда ли? Но этотъ, несомнѣнно, вымышленный разсказъ нуженъ былъ г. Чехову, чтобы оправдать тѣ мысли, которымъ предается разочарованный поручикъ. Стоя на берегу рѣчки, онъ думалъ: «Вода бѣжала неизвѣстно куда и зачѣмъ. Бѣжала она такимъ же образомъ и въ маѣ; изъ рѣчки въ маѣ мѣсяцѣ она влилась въ большую рѣку, изъ рѣки въ море, потомъ испарилась, обратилась въ дождь и, быть можетъ, она, та же самая вода, опять бѣжитъ передъ глазами Рябовича... Къ чему? Зачѣмъ? И весь міръ, вся жизнь показались Рябовичу непонятною, безцѣльною мистификаціей».

Герой разсказа «Пари» презираетъ все человѣчество, со всѣми его великими и малыми дѣлами, великими и малыми мыслями и это на томъ единственномъ основаніи, что, въ концѣ концовъ, все исчезнетъ и самъ земной шаръ обратится въ ледяную глыбу. Въ разсказѣ «Перекати-поле», описывая скитальца, который искалъ оправданія своей безпокойной жизни, и раздумывая о томъ, какъ много на Руси подобныхъ скитальцевъ, г. Чеховъ «воображалъ себѣ, какъ бы обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые съумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая». Изъ подобныхъ мыслей и отдѣльныхъ замѣчаній, описаній въ раннихъ произведеніяхъ г. Чехова, напр., въ разсказахъ «Степь», «Счастье» и др., можно бы набрать цѣлый букетъ.

Трудно по однимъ разсказамъ, лишеннымъ къ тому же хронологическихъ помѣтъ *), при отсутствіи другихъ біографическихъ данныхъ,

*) Было бы желательно, чтобы г. Чеховъ къ одному изъ послѣдующихъ томовъ своихъ сочиненій приложилъ хронологическій указатель. Насколько можно судить, въ изданіи г. Маркса сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, хотя этотъ порядокъ и не вездѣ выдержанъ. Нѣкоторые разсказы не вошли въ собраніе—«Отставной рабъ», «Огни». Мѣстами, очевидно, измѣнена редакція. Я имѣю въ виду одно мѣсто въ разсказѣ «Три года», гдѣ редакція измѣнена неудачно. Юлія Сергѣевна, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ, любуется картиной на выставкѣ. «На переднемъ планѣ рѣчка, черезъ нее бревенчатый мостикъ, на томъ берегу тропинка, исчезающая въ темной травѣ, поля, потомъ справа кусочекъ лѣса... А вдали догараетъ вечерняя заря». Юлія вообразила, «что если все идти и идти по тропинкѣ, то захочется вѣчной жизни». Это въ первой редакціи («Русская Мысль» 1895 г.). Въ изданіи Маркса послѣдняя фраза, удачная и простая, замѣнена

прослѣдить, какъ подобное міропониманіе, или, лучше, міро*не*пониманіе повліяло на молодого писателя. Насколько сильно все-таки было это вліяніе, показываетъ то обстоятельство, что слѣды его остаются на немъ до сихъ поръ. Именно до сихъ поръ осталась у него привычка на все смотрѣть подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, не съ точки зрѣнія причины и слѣдствія или какой-нибудь моральной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія смысла и цѣли. Хорошъ поступокъ или дуренъ, красиво явленіе или безобразно, понятно или нѣтъ—г. Чеховъ, прежде всего, ищетъ въ нихъ *смысла и цѣли*. Это, за первыми мимолетными набросками, и есть рано опредѣлившаяся спеціально *чеховская* точка зрѣнія на вещи.

Указанное настроеніе, овладѣвшее г. Чеховымъ, и по тону, и по интенсивности далеко не однообразно. Иногда это просто грусть, порой глубокая грусть.

Вотъ, напр., какъ жалуется степная трава на свою безвременно погибшую жизнь. «Она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну, она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивою, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя». («Степь»). И это прекрасное мѣсто можно бы прямо поставить эпиграфомъ ко многимъ произведеніямъ г. Чехова.

Иногда слышится глубокая, затаенная тоска по идеалу, которому нѣтъ мѣста на землѣ, тоска по скрытой въ жизни красотѣ, мимо которой равнодушно проходятъ люди и которая гибнетъ никому ненужная и никѣмъ не воспѣтая. Вспомнимъ, напримѣръ, описаніе ночи въ «Степи», или другой его разсказъ «Красавицы».

Эта тоска по идеалу слышится и въ другихъ разсказахъ, о чемъ мы еще будемъ говорить.

Временами писателемъ овладѣваетъ скука, уныніе, какое-то подавленное настроеніе, происходящее отъ сознанія пустоты и безцѣльности жизни, отъ чувства глубокаго одиночества, потерянности человѣка съ его мечтами, порывами среди безграничнаго міра, который, можетъ быть, таитъ въ себѣ глубокія тайны, можетъ быть, не имѣетъ никакихъ особенныхъ тайнъ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково непонятнаго человѣку, равнодушнаго къ нему, порой безсмысленно грубаго и жестокаго.

Въ другихъ сторонахъ творчества писателя происходятъ также значительныя перемѣны, появляются новыя черты. Въ это именно время вырабатывается своеобразный, чисто «чеховскій», пунктирный стиль.

другою, неясною и неудачною: «Тамъ, гдѣ была вечерняя заря, покоилось отраженіе чего-то неземного, вѣчнаго».

Сами разсказы становятся значительно больше по объему и гораздо продуманнѣе. Изъ массы случайныхъ, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ произведеній, начинаетъ замѣтно выдѣляться та общая тема, которая подъ конецъ періода, именно въ разсказахъ 6-го и 8-го томовъ, почти всецѣло овладѣваетъ писателемъ.

Чтобы выяснить эту общую тему, а также отчасти найти, чѣмъ вызывалось и поддерживалось новое настроеніе автора, нужно всмотрѣться въ типы и персонажи, созданные г. Чеховымъ за указанное время, и съ этой цѣлью ихъ довольно удобно можно соединить въ нѣсколько группъ.

Животная сторона въ человѣкѣ, кажется, раньше всего и сильнѣе всего поразила г. Чехова. Припомните, напр., одинъ изъ первыхъ его разсказовъ: «Сирену». По болѣе позднему разсказу «Тифъ» мы можемъ прослѣдить, какъ смѣняется настроеніе человѣка подъ вліяніемъ больного, а потомъ выздоравливающаго организма. Но особенно г. Чеховъ мастеръ рисовать цѣльныя звѣриныя, животныя фигуры. Таковъ, напр., Вася въ разсказѣ «Степь». Когда онъ заглянулъ въ ведро съ рыбой, «глаза его замаслились, и лицо стало сентиментальнымъ... Онъ вынулъ что-то изъ ведра, поднесъ ко рту, и сталъ жевать. Послышалось хрустѣнье.

«— Братцы,—удивился Степка,—Васька пескаря живьемъ ѣстъ! Тьфу!

«— Это не пескарь, а бобырикъ,—покойно отвѣчалъ Вася, продолжая жевать. Онъ вынулъ изо рта рыбій хвостикъ, ласково поглядѣлъ на него и опять сунулъ въ ротъ. Пока онъ жевалъ и хрустѣлъ зубами, Егорушкѣ казалось, что онъ видитъ передъ собой не человѣка. Пухлый подбородокъ Васи, его тусклые глаза, необыкновенно острое зрѣніе, рыбій хвостикъ во рту и ласковость, съ какою онъ жевалъ пескаря, дѣлали его похожимъ на животное». Таковъ и старый чабанъ («Счастье») со своими «овечьими думами» о счастьѣ, въ видѣ кладовъ зарытомъ въ землѣ. На вопросъ парня Саньки, что онъ будетъ дѣлать съ кладомъ, если найдетъ его, старикъ не съумѣлъ отвѣтить.

«— Я-то?—усмѣхнулся старикъ.—Гм... только бы найти, я-то... показалъ бы я всѣмъ кузькину мать... Гм... Знаю, что дѣлать...

«За всю жизнь этотъ вопросъ представлялся ему въ это утро, вѣроятно, впервые, а судя по выраженію лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важнымъ и достойнымъ размышленія». Старикъ стоитъ и думаетъ свои безсмысленныя думы. Но вѣдь и «овцы также думали». «Ихъ мысли, длительныя и тягучія, вызываемыя представленіями только о широкой степи и небѣ, о дняхъ и ночахъ, вѣроятно, поражали и угнетали ихъ до безчувствія.

Такова, дальше, горничная Поля въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка». У этой упитанной, избалованной, «цѣльной, вполнѣ законченной натуры не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ», и если бы понадобилось «убить, поджечь или украсть», то нельзя было бы найти «луч-

шаго сообщника»; или въ томъ же разсказѣ — Кукушкинъ, «человѣкъ съ манерами ящерицы».

Такова княгиня («Княгиня»), порхающая «птичка», въ которой даже суровыя, жаркія слова доктора не могли пробудить ничего человѣческаго; или этотъ Рашевичъ («Въ усадьбѣ») — «жаба», каждое слово котораго «дышитъ злобой и комедіантствомъ»; или Аріадна («Аріадна»)— натура чувственная, прожорливая, лукавая. «Она хитрила постоянно, каждую минуту, повидимому, безъ всякой надобности, а какъ бы по инстинкту, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воробей чирикаетъ, или тараканъ шевелитъ усами». Это «самка», главною цѣлью которой было нравиться самцу и умѣть «побѣдить» этого самца.

А вотъ въ разсказѣ «Супруга» на семейной фотографіи доктора цѣлая звѣриная группа: «Тесть, теща, его жена Ольга Димитріевна... Тесть—бритый, пухлый, водяночный тайный совѣтникъ, хитрый и жадный до денегъ: теща—полная дама съ мелкими и хищными чертами, какъ у хорька, безумно любящая свою дочь и во всемъ помогающая ей; если бы дочь душила человѣка, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своимъ подоломъ. У Ольги Димитріевны тоже мелкія и хищныя черты лица, но болѣе выразительныя и смѣлыя, чѣмъ у матери, это уже не хорекъ, а звѣрь покрупнѣе!»

Припомните затѣмъ героя разсказа «Крыжовникъ», который вотъ-вотъ «хрюкнетъ въ одѣяло», Наташу въ «Трехъ сестрахъ»—это «шершавое животное», или Аксинью «Въ оврагѣ» съ ея наивными, немигающими глазами, съ маленькою головкой на длинной шеѣ и стройною фигурой, глядѣвшей, «какъ весной изъ молодой ржи глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову».

Все это, очевидно, явленія одного и того же порядка. И этотъ старый чабанъ, и Вася, и Поля, Рашевичъ, Аксинья и всѣ они—люди-звѣри, люди-животныя, съ ихъ чисто животною, и потому, съ точки зрѣнія г. Чехова, безсмысленной психологіей, ничѣмъ не отличаются, напр., отъ этихъ овецъ, которые «тоже думаютъ», отъ этихъ грачей, которые летаютъ, неизвѣстно зачѣмъ, но повинуясь инстинкту,—даже больше, ничѣмъ не отличаются отъ этихъ «свирѣпыхъ и безобразныхъ» волнъ «жестокаго, безсмысленнаго» моря, изъ которыхъ «всякая старается подняться выше всѣхъ и давитъ, и гонитъ другую»; они готовы пожрать всѣхъ людей, «не разбирая святыхъ и грѣшныхъ» («Гусевъ»). Обратите вниманіе на эти эпитеты—жаба, хорекъ, ящерица, птичка, овечьи мысли, гадюка, которыми г. Чеховъ любитъ характеризовать подобныхъ персонажей. Если прослѣдить по разсказамъ ихъ психологію, то въ ней не окажется ничего чисто человѣческаго, разумнаго. Это совершенно цѣльныя, звѣриныя фигуры, иногда болѣе ловкіе, умные и жестокіе, чѣмъ тѣ звѣрки, которыхъ они напоминаютъ. Они воруютъ, убиваютъ, лукавятъ, дышатъ ненавистью и злобой, они способны на все, и въ ихъ душѣ, ограниченной инстинктами, не воз-

никаетъ даже вопроса, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ и вообще зачѣмъ они живутъ, какъ подобный вопросъ не можетъ возникуть, напр., у собаки. Они стоятъ ниже этой границы, которая, съ точки зрѣнія г. Чехова, отдѣляетъ человѣческое, осмысленное, разумное отъ животнаго, безцѣльнаго, безсмысленнаго.

Другіе персонажи г. Чехова поднимаются выше этой границы, но только затѣмъ, чтобы мелькнувъ свѣтлой точкой, снова погрузиться, слиться съ окружающей пошлостью. Такова, напр., Софья Львовна въ разсказѣ «Володя большой и Володя маленькій». Жена богатаго полковника, она не имѣетъ никакого дѣла и никакой цѣли въ жизни. Длинные, скучные, однообразные дни, которые наполняются ѣздой по роднымъ и знакомымъ и катаньемъ на тройкахъ; длинныя, томительныя ночи, близость нелюбимаго мужа, за котораго она вышла по разсчету и «par dépit»; затаенная любовь къ другу дѣтства, Володѣ, который недавно кончилъ курсъ и пишетъ диссертацію, но такъ же развратенъ и пошлъ, какъ и ея мужъ и какъ все общество, которое окружаетъ ее— вотъ жизнь Софьи Львовны. Но она не совсѣмъ еще вросла въ эту жизнь. Временами ей хочется начать новую жизнь, хочется «быть хорошимъ, честнымъ, чистымъ человѣкомъ, не лгать, имѣть цѣль въ жизни». Съ этими вопросами она обращается къ другу дѣтства, который, добившись своего, черезъ недѣлю бросаетъ ее. И Софьѣ Львовнѣ «становилось жутко отъ мысли, что для дѣвушекъ и женщинъ ея круга нѣтъ другого выхода, какъ не переставая кататься на тройкахъ и лгать, или же идти въ монастырь, избивать плоть».

Въ томъ же родѣ и Вѣра Ивановна Кардина («Въ родномъ углу»). Послѣ смерти отца она поселилась въ своей степной усадьбѣ. Сосѣди помѣщики и служащіе на ближнемъ заводѣ доктора и инженеры—все какіе-то «равнодушные и беззаботные люди». «Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ». Они давно уже ничего не читаютъ, да забыли и то, что и знали. Что дѣлать, куда дѣваться молодой, изящной, говорящей на трехъ языкахъ, много читавшей и путешествовавшей женщинѣ? Служить народу? Но она не знаетъ народа и не умѣетъ къ нему подойти. Онъ чуждъ и неинтересенъ. Сдѣлаться врачомъ? Но она боится труповъ и болѣзней. А нужно дѣлать что-нибудь, «отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интереснымъ человѣкомъ, нравиться интереснымъ людямъ, любить, имѣть свою настоящую семью... Но что дѣлать, съ чего начать?» И ей стало ясно, что эта безконечная, однообразная равнина, окружающая ея усадьбу, гдѣ нѣтъ ни одной живой души, это «спокойное зеленое чудовище поглотитъ ея жизнь, обратитъ въ ничто. Ей стало ясно, что у нея одинъ выходъ: «дѣлать все, что дѣлаютъ другія женщины ея круга» и такую жизнь «считать своей настоящей жизнью, которая суждена ей» и не ждать лучшей. «Вѣдь лучшей и не бываетъ! Прекрасная природа, грезы, музыка говорятъ одно, а дѣйствительная жизнь

другое. Очевидно, счастье и правда существують гдѣ-то внѣ жизни. Надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо».

Что Софья Львовна, женщина замужняя, слабая и, очевидно, неопытная въ жизни не можетъ найти себѣ выхода—это еще понятно. Но непонятно, почему Вѣра Ивановна отдалась во власть зеленому чудовищу. Вѣдь она же много читала, путешествовала, говоритъ на трехъ языкахъ. Неужели она за всю свою жизнь такъ и не могла столкнуться съ хорошимъ человѣкомъ, осуществить свои очень скромныя мечты, найти подходящее для себя общество, конечно, не въ той ямѣ, гдѣ она поселилась, а тамъ, гдѣ она раньше жила, и жила, повидимому, разумной, человѣческой жизнью? Г. Чеховъ, повидимому, самъ это чувствовалъ, и нарисовалъ картину, какъ Вѣра, окруженная пошлостью, наконецъ, не выдержала и устроила дикую сцену, послѣ которой и рѣшила выйти замужъ за мѣстнаго доктора, недалекаго субъекта, чѣмъ окончательно отдалась въ лапы зеленому чудовищу. Но это нисколько не помогаетъ дѣлу: вѣдь прямой-то выходъ, когда она сама ужаснулась своей выходки,—не связать себя съ этой ямой, а бѣжать изъ нея. Это должно быть первымъ инстинктивнымъ движеніемъ человѣка, порядочнаго, честнаго, изящнаго, несомнѣнно искренняго.

Нужно замѣтить, что Вѣра Ивановна, какъ и многіе другіе персонажи г. Чехова, совсѣмъ не борется съ жизнью. Они какъ-то слишкомъ скоро, не сдѣлавъ даже перваго шага для осуществленія своей мечты, своихъ порывовъ, или при первой попыткѣ сдѣлать его, тотчасъ убѣждаются, что ихъ порывы безразсудны и нелѣпы или просто неосуществимы, и притомъ часто очень скромные мечты и порывы. Получается такое впечатлѣніе, что эти мечты и ихъ носители уже заранѣе обречены на гибель и притомъ никѣмъ другимъ, какъ самимъ г. Чеховымъ.

Одинокій мечтатель среди общества, живущаго животными интересами, и неизмѣнно гибнущій—подобная картина очень занимала г. Чехова. Вотъ еще примѣръ. Въ знаменитой «Палата № 6» два такихъ мечтателя: докторъ, Андрей Ефимовичъ, и Иванъ Дмитріевичъ Громовъ. Исторія ихъ извѣстна, и когда въ концѣ концовъ доктора, признававшаго только одинъ человѣческій умъ, объявляютъ сумасшедшимъ и отправляютъ въ ту же палату № 6, гдѣ находился Иванъ Дмитріевичъ, вѣчно протестовавшій, но оказавшійся неспособнымъ къ активной борьбѣ, Андрею Ефимовичу приходится на собственномъ опытѣ убѣдиться, что его философія квіэтизма не только нелѣпа, но и преступна. Онъ понялъ это, когда сторожъ Никита избилъ его въ первый же день за попытку выйти изъ палаты.

Однако, идея разсказа вовсе не въ томъ, чтобы показать несостоятельность квіэтизма, хотя и это здѣсь есть. Вѣдь вотъ же Громовъ—

бурная, протестующая натура, но и онъ сидитъ въ домѣ умалишенныхъ. Тамъ, гдѣ нормальнымъ закономъ жизни служатъ полное одичаніе, тупая, сонная жизнь, одни животные инстинкты, гдѣ кругомъ царитъ безправіе, невѣжество, деспотизмъ и тупая, вѣками воспитанная покорность судьбѣ,—тамъ честные, благородные люди или люди съ высокими умственными интересами оказываются аномаліей, странною, бьющею всѣмъ въ глаза. Они или сами не выдерживаютъ своей оторванности, отчужденности отъ общества и сливаются съ нимъ, какъ Вѣра Кардина; или же, если слишкомъ рѣзко имъ бьетъ въ глаза безправіе человѣка въ этомъ обществѣ, то они сходятъ съ ума, какъ Громовъ; или, наконецъ общество само не перевариваетъ ихъ и зачисляетъ въ число сумасшедшихъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, странная и страшная картина! Во всемъ городѣ только два порядочныхъ, честныхъ человѣка; только они живутъ духовно-разумною жизнью, да и тѣ, въ концѣ концовъ, оказываются въ домѣ умалишенныхъ.

Подобно доктору и Громову, въ разсказѣ «Гусевъ» гибнетъ больной, добродушный парень Гусевъ, мечтающій о деревнѣ и хозяйствѣ, среди «безсмысленнаго, жестокаго» моря; гибнетъ и его спутникъ, Павелъ Ивановичъ, несмотря на свое критическое отношеніе къ дѣйствительности.

Смыслъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно выразить словами самого г. Чехова, на этотъ разъ его собственными словами. Вотъ что онъ говоритъ въ «Островѣ Сахалинѣ» объ интеллигенціи на каторгѣ. «Въ прежнее время на каторгѣ служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которымъ было все равно, гдѣ ни служить, лишь бы ѣсть, пить, спать да играть въ карты; порядочные же люди шли сюда по нуждѣ и потомъ бросали службу при первой возможности или спивались, сходили съ ума, убивали себя, или же мало-по-малу обстановка затягивала ихъ въ свою грязь, подобно спруту-осьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко сѣчь».

II.

Въ только что разобранныхъ разсказахъ главное вниманіе г. Чехова направлено на внѣшнія условія, какъ на причину гибели мечты и мечтателей. Внутреннія условія—слабость, болѣзненность дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ Вѣры Кардиной,—имѣются налицо. Но ихъ слабо оттѣняетъ г. Чеховъ; очевидно, не въ нихъ дѣло. И если бы читатель спросилъ, почему же г. Чеховъ не покажетъ намъ, какъ живетъ и борется среди пошлости сильный человѣкъ, то г. Чеховъ, по всей вѣроятности, отвѣтилъ бы, что сильному человѣку здѣсь не мѣсто—онъ или бѣжитъ изъ подобныхъ ямъ, или, если остается, то въ этомъ концертѣ пошлости начинаетъ играть первыя роли или, вообще, вырождается во что-нибудь крайнее, уродливое, безобразное; вѣдь «жи-

вой организмъ обладаетъ способностью приспособляться и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ» («Дома»).

Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что «приспособляются» только къ атмосферѣ низменной, чувственной, животной, какова бы она ни была, но не къ атмосферѣ возвышенной, разумной, прекрасной. Бываетъ именно такъ (по крайней мѣрѣ у г. Чехова бываетъ), что внѣшнія условія для выполненія какого-нибудь полезнаго, гуманнаго дѣла, для проявленія какого-нибудь прекраснаго человѣческаго чувства или просто для того, чтобы человѣкъ остался человѣкомъ всѣ налицо. И однако, полезное, гуманное дѣло не выполняется или выполняется другими людьми, прекрасное, человѣческое чувство не проявляется, прекрасный, прямо рѣдкій, человѣкъ теряетъ человѣческій образъ.

Вотъ, напр., статистикъ Огневъ въ разсказѣ «Вѣрочка». Цѣлое лѣто проведя въ семьѣ предсѣдателя земской управы, онъ привыкъ къ ней, какъ къ родной. Когда онъ собрался въ Петербургъ и простился, то дочь предсѣдателя, Вѣрочка, вышла его проводить. Представьте себѣ, что Огневъ былъ молодъ, чистъ душей, подогрѣтъ виномъ, ни разу не испыталъ въ жизни романа и чувствовалъ этотъ пробѣлъ; представьте чудную лунную ночь и рядомъ съ Огневымъ Вѣрочку, нравивившуюся Огневу, и «въ каждой пуговкѣ и оборочкѣ» которой онъ «умѣлъ читать что-то теплое, уютное, наивное, что-то такое хорошее, поэтичное»; представьте дальше, что Вѣрочка признается ему въ любви, признается молодо, страстно, горячо. Тутъ-то бы и раскрыться чувству Огнева, распуститься бы ему пышнымъ цвѣткомъ! Но какъ ни много было жизни, поэзіи, смысла въ томъ, что она говорила, до такой степени много, что «камень бы тронулся»; какъ ни возмущалось въ немъ и не шептало ему чувство, «что все, что онъ видитъ и слышитъ теперь, съ точки зрѣнія природы и личнаго счастья, серьезнѣе всякихъ статистикъ, книгъ, истинъ»; какъ онъ ни «злился, сжимая кулаки и проклиная свою холодность»; какъ ни «старался возбудить себя, глядя на красивый станъ Вѣрочки, на ея косу и слѣды»; какъ ни ясно понималъ, что «лучше Вѣры никогда не встрѣчалъ женщинъ и никогда не встрѣтитъ»,—несмотря на все это, «онъ испытывалъ не наслажденіе, не жизненную радость, какъ бы хотѣлъ, а только чувство состраданія къ Вѣрѣ, боль и сожалѣніе, что изъ-за него страдаетъ хорошій человѣкъ»; «все это только умиляло его, но не раздражало его души; онъ былъ «глупъ и нелѣпъ» и не могъ сказать «да», потому что «не находилъ въ своей душѣ даже искорки». Отыскивая причину своей холодности, онъ понялъ, что «она лежала не внѣ, а въ немъ самомъ»—«въ безсиліи души, неспособности воспринимать глубоко красоту, ранней старости, пріобрѣтенной путемъ воспитанія, безпорядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, номерной, безсемейной жизни». Очевидно, Огневъ просто дряблая натура, пораженная нравственнымъ маразмомъ.

Любопытенъ также инженеръ Асоринъ въ разсказѣ «Жена», человѣкъ богатый, вліятельный, со строгими правилами, безусловно честный. Въ уѣздѣ голодъ и онъ желаетъ организовать помощь окрестнымъ крестьянамъ. Да кому же лучше всего и взяться за дѣло, какъ не ему? Но тутъ-то, при первой же попыткѣ вмѣшаться въ народную нужду, разоблачается вся его дрянная, мелкая, черствая натура. Оказывается, за его возвышенными убѣжденіями и строгими правилами скрывается эгоистъ и человѣконенавистникъ, который никого не любитъ, никому не довѣряетъ, всѣхъ подозрѣваетъ. Сосѣдъ Брагинъ говоритъ ему: «Съ виду вы какъ будто и настоящій человѣкъ. Наружность у васъ и осанка, какъ у французскаго президента Карно... Говорите вы высоко, умны вы, и въ чинахъ, рукой до васъ не достанешь, но, голубчикъ, у васъ душа не настоящая... Силы въ ней нѣтъ... Да». Любопытно, что Асоринъ, понявъ это, а также и то, что нужно любить жизнь и людей, хотя уже не мѣшаетъ другимъ дѣлать дѣло, но самъ попрежнему занимается своими личными дѣлами *).

Еще любопытнѣе старый профессоръ въ «Скучной исторіи». Это— знаменитый ученый, превосходный педагогъ, а какъ частный человѣкъ—настоящій «король». Онъ никогда не протестовалъ, не возмущался, а только совѣтовалъ и убѣждалъ, «никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво». Съ дѣтства онъ «привыкъ противостоять внѣшнимъ вліяніямъ и закалилъ себя». Даже его извѣстность, генеральство, такія знакомства, какъ Пироговъ, Кавелинъ, Некрасовъ, дарившіе его самою теплою дружбой— все это едва коснулось его, и онъ остался «цѣлъ и невредимъ». Это рѣдкій, чудный цвѣтокъ, а вся его прошлая жизнь—«талантливая, красиво сдѣланная композиція». И, однако, къ концу жизни съ нимъ совершается катастрофа, мастерски очерченная авторомъ. Въ «Скучной

---

*) Г. Чеховъ въ процессѣ творчества додумывается иногда до очень оригинальныхъ мыслей. Такъ, Асоринъ, разсматривая въ квартирѣ Брагина замѣчательно прочную мебель, которую дѣлалъ еще крѣпостной столяръ Бутыга, предается такимъ размышленіямъ: «Если со временемъ какому-нибудь толковому историку искусствъ попадется на глаза шкапъ Бутыги и мой мостъ, то онъ скажетъ: «Это два въ своемъ родѣ замѣчательныхъ человѣка: Бутыга любилъ людей и не допускалъ мысли, что они могутъ умирать и разрушаться и потому, дѣлая свою мебель, имѣлъ въ виду безсмертнаго человѣка; инженеръ же Асоринъ не любилъ ни людей, ни жизни; даже въ счастливыя минуты творчества ему не были противны мысли о смерти, разрушеніи и конечности, и потому посмотрите, какъ у него ничтожны, конечны, робки и жалки эти линіи». Выражая эту мысль въ такой формѣ, г. Чеховъ, очевидно, подчеркиваетъ ее, какъ основную мысль разсказа, хотя она шире и глубже разсказа. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи г. Чеховъ не останавливался на этой глубокой и оригинальной мысли, если не считать архитектора Полознева въ «Моей жизни», человѣка сухого и черстваго, у котораго и въ жизни все, не исключая и построекъ, выходило сухо, черство, бездарно, да, пожалуй, «Человѣка въ футлярѣ», который, впрочемъ, не столько не любитъ жизни и людей, сколько боится ихъ.

исторіи» описанъ именно процессъ паденія человѣка, въ которомъ обнажилась вся его мелкая, дрянная, животная подкладка. И дано ему оригинальное объясненіе. Все это случилось потому, что «въ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ» профессора не было «чего-то главнаго, чего-то очень важнаго», того, что называется «общею идеей, или богомъ живого человѣка». «Когда въ человѣкѣ нѣтъ того, что выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній, то, право, достаточно для него хорошаго насморка, чтобы потерять равновѣсіе и начать видѣть въ каждой птицѣ сову и въ каждомъ звукѣ слышать собачій вой». Очевидно, и у профессора душа не настоящая—чего-то въ ней нѣтъ и притомъ «чего-то главнаго, чего-то очень важнаго». Почему же, спроситъ читатель, вѣра въ науку не могла замѣнить профессору бога живого человѣка? Г. Чеховъ какъ будто предвидѣлъ такое возраженіе. На простой, но мучительный для его воспитанницы Кати вопросъ—что ей дѣлать?—профессоръ не нашелся хоть что-нибудь отвѣтить и это не только тогда, когда онъ самъ «оравнодушѣлъ» ко всему, а и раньше, когда онъ былъ полонъ жизни и силъ. Передъ такимъ простымъ вопросомъ, на который съумѣлъ отвѣтить каждый, имѣющій въ себѣ «бога живого человѣка», и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ важнымъ, такъ бьющимъ прямо въ цѣль—профессоръ оказался безсиленъ, а стало быть, онъ безсиленъ и передъ жизнью, потому что давно и хорошо сказано, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Мысль г. Чехова ясна: никакой нравственный законъ, никакое самое ясное міросозерцаніе, никакая вѣра въ науку не способны удержать человѣка отъ паденія, отъ потери всего человѣческаго—въ томъ числѣ отъ потери и вѣры въ науку, если у человѣка нѣтъ еще чего-то, «самаго главнаго», «самаго важнаго». Она была бы совершенно ясною, если бы онъ указалъ, что̀ онъ понимаетъ подъ «общею идеей», «богомъ живого человѣка». Но г. Чеховъ остановился у этого порога, и читатель остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи, передъ запертыми дверями. Но по этому, самому глубокому его произведенію за этотъ періодъ, мы можемъ судить, какъ близко онъ подошелъ къ тому міровоззрѣнію, которое онъ развиваетъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. И другое недоумѣніе возникаетъ у читателя. Новое настроеніе профессора выростаетъ, какъ будто, на голомъ мѣстѣ. Куда же дѣвался его нравственный закалъ, его вѣра въ науку, его выдержка, ну, его привычки? Все это старое такъ привычное, укоренившееся уступаетъ мѣсто новому, мелкому и нехорошему, безъ всякой борьбы, и процессъ паденія человѣка вышелъ неполнымъ, одностороннимъ.

Ивановъ въ извѣстной драмѣ Чехова имѣетъ много общаго съ старымъ профессоромъ «Скучной исторіи». Профессоръ былъ королемъ—прощалъ направо и налѣво. И Ивановъ, когда, бывало, возмущался, то не говорилъ: «наши женщины испорчены», или: «женщина вступила на ложную дорогу», а «былъ только благодаренъ и больше

ничего!» Да и вообще въ прошломъ, по словамъ автора, онъ былъ рѣдкій въ уѣздѣ человѣкъ. Старый профессоръ измѣнился: онъ ненавидитъ, негодуетъ, презираетъ, боится; его чувства и мысли—чувства и мысли раба и варвара. Ивановъ также измѣнился: «стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе—говоритъ онъ,—или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку (профессоръ говоритъ,—«достаточно хорошаго насморка»), какъ я становлюсь грубъ, золъ, непохожъ на себя». «Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь—вздоръ, ласки—приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи—пошлы и стары. И всюду я вношу съ собой тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни». Какъ видно психологія, и тамъ, и здѣсь,—одна и та же. Вся разница между ними въ томъ, что причина этой перемѣны у профессора кроется въ отсутствіи общей идеи, а Ивановъ объясняетъ свою перемѣну тѣмъ, что онъ надорвался и утомился. Вслѣдъ за нимъ это объясненіе повторяютъ и критики и, разумѣется, находятъ его страннымъ и непонятнымъ. Но Ивановъ самъ говоритъ, что это объясненіе «не то, не то». Если мы обратимъ вниманіе, что «Ивановъ» явился раньше, но немного раньше «Скучной исторіи» (оба произведенія были напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 1889 г.—«Ивановъ» въ III-ей, а «Скучная исторія» въ XI-й книжкахъ), то мы найдемъ нѣсколько иную разгадку этой, въ отдѣльности взятой, довольно странной драмы. Съ г. Чеховымъ вообще бываетъ, что какая-нибудь тема, настроеніе, образъ овладѣютъ имъ, и онъ тотчасъ заноситъ ихъ на бумагу—оттого, можетъ быть, у него такъ много набросковъ, этюдовъ, но безсознательный творческій процессъ, очевидно, продолжается, въ результатѣ чего и появляется болѣе законченный, продуманный образъ. Съ этой точки зрѣнія, Ивановъ, не вполнѣ законченный, выношенный профессоръ, а профессоръ—тотъ же Ивановъ, до конца продуманный, разумѣется, оставляя въ сторонѣ ихъ положеніе, возрастъ, профессію и пр. Когда появятся хронологическія данныя къ сочиненіямъ г. Чехова, то подобный критическій пріемъ прольетъ много свѣта на его сочиненія.

Отмѣтимъ еще одну подробность изъ разсказа «Убійство», которая проливаетъ много свѣта на воззрѣнія г. Чехова въ данный періодъ его творчества: когда герой этого разсказа, Яковъ Иванычъ, потерялъ вѣру, то «жизнь стала ему казаться странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки... Ему казалось, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что, если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ»...

Есть, наконецъ, у г. Чехова разсказы, въ которыхъ мечта, порывъ

также неизмѣнно гибнутъ, часто едва родившись на свѣтъ, но въ нихъ не разберешь, гдѣ кроется причина ихъ гибели, во внѣшнихъ или во внутреннихъ условіяхъ. И тѣ и другія имѣются на лицо и, повидимому, играютъ одинаковую роль.

Такъ, въ разсказѣ «Мечты»,—жалкій, бездомный бродяга, котораго конвоируютъ въ уѣздный городъ двое сотскихъ, мечтаетъ вслухъ о привольной жизни въ Сибири, куда онъ расчитываетъ попасть ссыльно-поселенцемъ. «Какъ ни наивны его мечтанія, но они высказываются такимъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перикосило улыбкой, а все лицо, и глаза, и носикъ застыли и отупѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго счастья. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ»... Они рисуютъ себѣ картины вольной жизни, «какъ раннимъ утромъ, когда съ неба не сошелъ румянецъ зари, по безлюдному крутому берегу маленькимъ пятномъ пробирается человѣкъ; вѣковыя мачтовыя сосны, громоздящіяся террасами по обѣ стороны потока, сурово глядятъ на вольнаго человѣка и угрюмо ворчатъ; корни, громадные камни и колючій кустарникъ заграждаютъ ему путь, но онъ силенъ плотью и бодръ духомъ, не боится ни сосенъ, ни камней, ни своего одиночества, ни раскатистаго эхо, повторяющаго каждый его шагъ». Но отъ этого вольнаго края сотскихъ отдѣляетъ «страшное пространство», котораго они не могутъ даже «обнять воображеніемъ». Одинъ изъ сотскихъ грубо обрываетъ мечты бродяги:

«— Такъ-то оно такъ, все оно хорошо, только, братъ, не доберешься ты до привольныхъ мѣстовъ. Гдѣ тебѣ? Верстъ триста пройдешь, и Богу душу отдашь. Вишь ты какой дохлый! Шесть верстъ прошелъ только, а никакъ отдышаться не можешь!»

Въ воображеніи бродяги выростаютъ другія картины: «судебная волокита, пересильныя и каторжныя тюрьмы, арестантскія барки, томительныя остановки напути, студеныя зимы, болѣзни, смерти товарищей». «Онъ весь дрожитъ, трясетъ головой, и всего его начинаетъ корчить, какъ гусеницу, на которую наступили».

А вотъ студентъ, Васильевъ, въ разсказѣ «Припадокъ»,—человѣкъ крайне нервный, впечатлительный, не разъ подвергавшійся душевнымъ припадкамъ. Въ первый разъ побывавши въ домахъ терпимости, онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ впечатлѣній и мрачныхъ мыслей.

— «Живыя, живыя!—повторяетъ онъ—въ отчаяніи хватая себя за голову. Если я разобью эту лампу, то вамъ станетъ жаль, но вѣдь тамъ не лампы, а люди! Живыя!» Онъ перебираетъ въ умѣ всѣ средства, какими можно спасти несчастныхъ и, наконецъ, рѣшаетъ стать на углу переулка и говорить каждому прохожему:

«— Куда и зачѣмъ вы идете? Побойтесь вы Бога!»

Но этотъ порывъ скоро смѣнился общей растерянностью и недо-

*

вѣріемъ къ своимъ силамъ. Зло представлялось ему слишкомъ громаднымъ и давило его своей массой. Люди, окружающіе его, беззаботны и равнодушны ко злу. Между тѣмъ, начался припадокъ. Студента, метавшагося по комнатѣ, отвезли къ психіатру. Когда онъ, успокоенный, выходилъ отъ доктора, «ему уже было совѣстно».

Анна Акимовна, молодая фабрикантша («Бабье царство»), чувствуетъ себя безпомощной и одинокой. На ея рукахъ милліонное дѣло, но она не любитъ и не понимаетъ его. Кругомъ упущенія, непорядки, «рабочіе въ баракахъ живутъ хуже арестантовъ». Она знаетъ это, но не знаетъ и не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Временами ей стыдно и совѣстно, что люди «глохнутъ и слѣпнутъ», работая на нее, ей неловко и жутко, когда ихъ увольняютъ съ фабрики; она чувствуетъ, что должна отвѣтить за все. Кромѣ того, ее томитъ одиночество. Выйти замужъ и притомъ за человѣка, знающаго фабричное дѣло, мелькаетъ въ ея мечтахъ, какъ единственный выходъ. Она уже намѣтила и будущаго мужа, простого мастера на ея фабрикѣ, Пименова. Ея мечты «были честны, возвышенны, благородны», однако, длились недолго. Она скоро поняла, что для нея, дочери простого работника, которому фабрика досталась по наслѣдству, въ далекомъ дѣтствѣ спавшей съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, а теперь богатой, образованной, воспитанной—какой-нибудь адвокатъ Лысевичъ, уже поношенный и потертый, но элегантный и интеллигентный, былъ «ближе, чѣмъ всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ». Она вообразила Пименова, обѣдающаго вмѣстѣ съ Лысевичемъ и «его робкая, неинтеллигентная фигура показалась ей жалкой, безпомощной, и она почувствовала отвращеніе». Но досаднѣе всего ей было то, что въ ея жизни, гдѣ такъ много было пошлаго, ея возвышенныя мечты выдѣлялись «изъ цѣлаго, какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжка». «И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастьѣ, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно».

И здѣсь не совсѣмъ ясно, почему Анна Акимовна не можетъ найти для себя лучшей жизни. Если ея мечта о бракѣ съ простымъ рабочимъ оказалась нелѣпою, почему она не можетъ устроить какую-нибудь новую другую жизнь? Вѣдь она богата, образована, ей всѣ дороги открыты. Если нельзя устроить человѣческой жизни въ той ямѣ, гдѣ она живетъ, почему она не можетъ уйти изъ нея? Повидимому, просто потому, что она, какъ и Лаптевъ въ разсказѣ «Три года», раба своего положенія. Но это не освѣщено въ разсказѣ.

Вотъ еще примѣръ. Инженеръ Кучеровъ («Новая дача») построилъ себѣ дачу около деревни. И самъ онъ, и его жена, Елена Ивановна, оба славные, хорошіе, симпатичные люди, особенно она. Болѣзненная женщина, Елена Ивановна не имѣетъ своей полосы въ жизни, у нея нѣтъ любимаго дѣла. И вотъ она мечтаетъ о помощи крестьянамъ и

помогаетъ, чѣмъ можетъ и какъ умѣетъ. Крестьяне все также больше хорошій народъ—смирные, совѣстливые, съ душой. И однако, мечтамъ Елены Ивановны не суждено было исполниться. Крестьяне захватили кучеровскихъ лошадей на лугу и взяли за потраву, хотя крестьянскій скотъ свободно гулялъ по лугамъ Кучерова. Кто-то изъ крестьянъ унесъ уздечки и клепци у Кучерова и подмѣнилъ колеса у новой телѣги. Эти и подобныя мелочи раздражали и мучили и Кучерова и его жену. А когда Елена Ивановна пообѣщала крестьянамъ построить школу, кто-то изъ толпы грубо насмѣялся надъ нею. Дача была продана.

Довольно и этихъ примѣровъ, хотя ихъ можно бы значительно увеличить. Теперь мы можемъ уяснить себѣ ту тему, которая больше всего занимала г. Чехова за этотъ періодъ и которую онъ варьировалъ на разные лады. Какъ неустойчива, обманчива, иллюзорна идеальная сторона человѣческой жизни. Какъ быстро и какъ безслѣдно гибнутъ всѣ эти высокіе, благородные порывы, гибнутъ среди окружающаго мрака, животныхъ интересовъ, обыденной пошлости, которая затягиваетъ ихъ въ свою грязь, «подобно спруту-осьминогу». На какой зыбкой и шаткой почвѣ покоится все это прекрасное, человѣческое, пріобрѣтенное долгими годами и, повидимому, прочно укоренившееся, какъ у стараго профессора. Какъ этотъ культурный налетъ быстро сползаетъ съ человѣка, подъ вліяніемъ такихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, какъ болѣзнь, страхъ смерти и т. п., и какая дрянная животная подкладка обнажается даже подъ такимъ цвѣткомъ жизни, какъ старый профессоръ. И какъ часто безсиленъ человѣкъ вызвать въ себѣ какой-нибудь благородный порывъ, какое-нибудь прекрасное чувство, а вызвавъ («Непріятность», «Сосѣди»), какъ онъ безсиленъ удержать его, а тѣмъ болѣе провести въ жизнь. Какая дрянная, дряблая душонка скрывается часто подъ наружнымъ видомъ человѣка, часто съ приличною, а то и гордою осанкой. Какъ легко и какъ прочно, до могилы, укореняется въ человѣкѣ злоба, несправедливость («Враги»). А вотъ искренняя потуга къ полезной дѣятельности скользитъ по поверхности души, не задѣвая ее глубоко, и безслѣдно пропадаетъ («Кошмаръ»). Какъ сильны въ человѣкѣ требованія его животной природы и какъ безсильны передъ ними разныя высокія слова, какъ, напр., семейныя основы, честь, разумные доводы, сила воли и пр. («Несчастье»). Какое вообще животное этотъ человѣкъ, животное жалкое, безпомощное, потерянное среди безграничнаго, непонятнаго міра.

Вотъ та канва, по которой г. Чеховъ долгое время вышивалъ свои узоры, узоры—нужно отдать ему справедливость, — несмотря на все ихъ внутреннее однообразіе, все-таки безконечно разнообразные. По крайней мѣрѣ, трудно указать другого писателя, который сравнялся бы съ нимъ по широтѣ захвата. Каждое, выводимое имъ, лицо, отъ мужика и бабы до петербургскаго сановника, отъ бродяги до захолуст-

наго философа, отъ послушника до архіерея, выходитъ у него живымъ яркимъ, типичнымъ.

Но г. Чеховъ не сатирикъ, по крайней мѣрѣ, по основному тону своихъ произведеній. Для сатирика онъ слишкомъ мягкая, гуманная натура. Про него можно сказать то же, что студентъ Васильевъ говоритъ про себя. «Онъ обладаетъ тонкимъ, великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще» («Припадокъ»), а стало быть, и ко всему тому, что можетъ причинять боль, страданіе, ко всему «крупному, сильному, сердитому», ко всякой дикой, грубой силѣ, подобно Полозневу, герою разсказа «Моя жизнь». Припомните, напр., тѣ сопоставленія, какія не разъ дѣлаетъ Полозневъ («Моя жизнь»)—бойни, своего объясненія съ губернаторомъ, поступка доктора Благово. Подобныя сопоставленія могъ сдѣлать только авторъ, который самъ чутокъ къ боли вообще, къ страданію. Какъ онъ внимателенъ къ человѣку, къ его доброму имени, даже тогда, когда это имя у него отнято. «Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Чеховъ,—нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи совѣтника, что будто бы гдѣ-то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: укралъ коммерціи совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь. Это жестоко» («Островъ Сахалинъ», 250—1, примѣчаніе). Это говоритъ самъ г. Чеховъ. И не смотря на то, что онъ, кромѣ «Острова Сахалина», нигдѣ не говоритъ отъ себя, а всегда прячется за своими героями, вы угадываете, что, рисуя своихъ людей-звѣрей, одинокихъ, безсильныхъ мечтателей, своего профессора, онъ пишетъ не сатиру на человѣка, онъ не смѣется надъ ними, не говоритъ съ торжествомъ—посмотрите, какое животное!—Нѣтъ, онъ страдаетъ душой за нихъ, что у нихъ нѣтъ ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ; ему грустно и больно за эти безслѣдно гибнущія мечты, и хотя его профессоръ равнодушенъ ко всему, но авторъ, создавшій его, несомнѣнно, тоскуетъ по «общей идеѣ», по «богу живого человѣка», иначе онъ не могъ бы создать подобнаго произведенія.

Во власти этого глубокого противорѣчія—противорѣчія, можетъ быть, усвоеннаго міровоззрѣнія и глубоко скрытой въ душѣ художника потребности въ возвышающемъ душу обманѣ—долго, слишкомъ долго находился г. Чеховъ. Онъ слишкомъ обезцѣнивалъ мечту, идеалъ во имя дѣйствительности. Но онъ не любитъ и этой дѣйствительности, не любитъ даже просто разбираться въ ней, въ цѣпи причинъ и слѣдствій, что здѣсь и къ чему. Подобно Треплеву въ «Чайкѣ», онъ бѣжитъ отъ нея, «какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью». Это странное, неопредѣ-

ленное, промежуточное положеніе между двумя мірами, міромъ дѣйствительности и міромъ мечты и идеала, чрезвычайно характеристично для г. Чехова за этотъ періодъ его дѣятельности. Въ жизни онъ никакъ не можетъ стать твердой ногой. Изображая пустоту и безсиліе мечты, обнажая жизнь, онъ понимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта обнаженная жизнь, жизнь безъ мечты «необыкновенна скудна, безцвѣтна и убога» («Поцѣлуй»). Глубоко любя и понимая природу, онъ сливается съ нею. Онъ готовъ бы слиться и съ человѣческою жизнью, если бы люди не были такими меленькими, какъ карандашики, воткнутые въ землю, по краямъ богатырской степной дороги (см. «Степь»; ср. «Три сестры»), и если бы жизнь ихъ не была такою скудною, ограниченною инстинктами. И вотъ онъ тоскуетъ по идеалу, которому нѣтъ мѣста на землѣ, по скрытой въ жизни красотѣ, мимо которой равнодушно проходятъ люди. Принижая человѣка до животнаго, онъ тоскуетъ по общей идеѣ, по Богу живого человѣка, которая сдѣлала бы его «выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній», связала бы прочно въ одно цѣлое его мечты, порывы, все, что есть въ немъ человѣческаго, разумнаго. Только мечта и идеалъ даетъ цѣль и смыслъ жизни, только она дѣлаетъ жизнь радостною и счастливою. Пусть это будетъ какая угодно мечта, хотя бы бредъ сумасшедшаго, все-таки она лучше, чѣмъ эта гнетущая душу дѣйствительность («Черный монахъ»). Эта потребность въ мечтѣ необыкновенно сильна у писателя, неискоренима. И мы сейчасъ увидимъ, къ какому любопытному міровоззрѣнію она его привела, какъ она заставила его измѣнить взглядъ на жизнь, окрылила его и перевернула все вверхъ дномъ въ его взглядахъ на жизнь и человѣка.

III.

Въ послѣдніе годы въ творчествѣ г. Чехова намѣчается новый и очень важный переломъ. Временами прорывается еще прежнее настроеніе*), но нѣтъ ужъ и слѣда прежняго унынія, подавленности, отчаянія. Напротивъ, все сильнѣе слышится что-то новое, бодрое, жизнерадостное, глубоко волнующее читателя и порой необыкновенно смѣлое. Самый талантъ его какъ будто впервые расправляетъ крылья и легко и свободно, безъ всякихъ усилій и безъ всякаго насилія, создаетъ необыкновенно прелестные образы, дышущіе глубокою художественною

*) Хотя бы, напр., въ драмѣ «Три сестры». Впрочемъ, окончательно судить объ этой драмѣ еще рано. Въ ней много неяснаго. Думается, это просто одинъ изъ тѣхъ предварительныхъ этюдовъ, изъ которыхъ потомъ, какъ изъ зерна, вырастаютъ истинно художественныя вещи. Думать такъ насъ заставляетъ одна изъ сестеръ, Ирина, «душа которой, какъ дорогой, запертый рояль, ключъ отъ котораго потерянъ». Можетъ быть, въ одномъ изъ послѣдующихъ произведеній г. Чеховъ раскроетъ намъ душу Ирины, какъ онъ съумѣлъ раскрыть душу Липы («Въ оврагѣ»), можетъ быть, онъ въ наблюденіяхъ или фантазіи найдетъ потерянный ключъ и тогда, можетъ быть, зазвучатъ новыя, до сихъ поръ нетронутыя струны.

правдой. Нѣтъ и слѣда прежней надуманности, отъ чего не свободны даже лучшія его произведенія прежняго времени, какъ, напр., «Жена», «Скучная исторія» и др. Чувствуется, что у него подъ ногами какая-то твердая почва, что онъ нашелъ, наконецъ, то, что онъ такъ долго искалъ.

Эти новыя черты уже замѣтно и, кажется, впервые сказались въ маленькомъ разсказѣ «Студентъ». Великопольскій, студентъ духовной академіи, разсказываетъ огородницѣ Василисѣ и ея дочери Лукерьѣ объ отреченіи апостола Петра. Подъ вліяніемъ его разсказа, «Василиса вдругъ всхлипнула, слезы, крупныя, изобильныя, потекли у нея по щекамъ, и она заслонила рукавомъ лицо отъ огня, какъ бы стыдясь своихъ слезъ, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснѣла, и выраженіе у нея стало тяжелымъ, напряженнымъ, какъ у человѣка, который сдерживаетъ сильную боль». Простившись съ ними, студентъ думалъ: «Если Василиса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему — къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра». И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. «Прошлое,—думалъ онъ,—связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого». И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой».

Студентъ думалъ дальше, «что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы—ему было только 22 года—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвали имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительною, чудесною и полною высокаго смысла».

Отмѣтимъ сейчасъ же, что Великопольскому первому изъ персонажа г. Чехова жизнь показалась «полною высокаго смысла».

Далѣе. Въ разсказѣ «Моя жизнь» главное лицо, Полозневъ, такъ равзсуждаетъ о мужикахъ: «Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди, это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ, люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево только одну голову,—которые не умѣли считать. Они не шли къ

вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напр., въ Машѣ, въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ— правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость».

Это что-то ужъ совсѣмъ новое, раньше намъ не встрѣчавшееся. Лаевскій въ «Дуэли» также мечтаетъ о правдѣ. Объ ней нашептываетъ магистру Коврину черный монахъ. О правдѣ мечтаетъ и сумасшедшій Громовъ въ «Палатѣ № 6». Правдой же, только не земною, а небесною, утѣшаетъ и Соня дядю Ваню. Но все это правда далекаго будущаго. Здѣсь же... Правда и красота оказывается не за горами и не за вѣками въ будущемъ, и не на небѣ, а здѣсь, на этой грязной и скучной землѣ. На ней, или на вѣрѣ въ нее, какъ на стержнѣ, держится жизнь народа; она отъ сѣдой древности до нашихъ дней непрерывно направляла и направляетъ человѣческую жизнь и всегда составляла главное и самое важное въ человѣческой жизни; она дѣлаетъ жизнь восхитительною, чудесною и полною высокаго смысла. И эти устои жизни не въ головѣ сумасшедшаго, а въ трезвомъ сознаніи сѣраго люда, въ сердцѣ старухи огородницы, въ душѣ жизнерадостнаго студента. Итакъ, правда, справедливость, красота, какъ элементы самой жизни и притомъ основные, главные—вотъ, наконецъ, отвѣтъ на вопросъ—въ чемъ смыслъ жизни, чѣмъ люди живы.

По всей вѣроятности, для г. Чехова этотъ новый взглядъ, или, вѣрнѣе, цѣлая философія въ зародышѣ, былъ настоящимъ открытіемъ. Это у него заволновалась радость въ груди, когда онъ послѣ долгихъ исканій открылъ эту новую для него истину. Что студентъ Великопольскій и Полозневъ въ данномъ случаѣ высказываютъ мысли самого г. Чехова или близкія и дорогія ему мысли—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вотъ что говоритъ самъ г. Чеховъ въ «Островѣ Сахалинѣ». «Каторжникъ, какъ бы глубоко онъ ни былъ испорченъ и несправедливъ, любитъ всего больше справедливость, и если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то онъ изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе. Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ, угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ смѣшно». На что, кажется, яснѣе. Каторжникъ и самъ бываетъ несправедливъ и г. Чеховъ знаетъ, что часто бываетъ жестоко неспра-

ведливъ и все-таки больше всего любитъ справедливость, такъ что даже впадаетъ въ озлобленіе, невѣріе и угрюмый пессимизмъ. Справедливость такая же необходимая стихія человѣческой жизни, какъ воздухъ и вода.

Вообще нужно отмѣтить чрезвычайно гуманное отношеніе г. Чехова къ мужику, которое не разъ сказалось въ томъ же «Островѣ Сахалинѣ», а также и въ «Моей жизни».

Новое міровоззрѣніе г. Чехова еще лучше выяснится намъ изъ разсказа «Случай изъ практики», который и можетъ быть понятъ только съ высоты этого міровоззрѣнія. Докторъ Королевъ былъ вызванъ фабрикантшей Ляликовой для леченія ея дочери. Наблюдая фабричную жизнь, онъ предается такимъ размышленіямъ: «Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираютъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливость, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Димитріевна, пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру... Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается—это дьяволъ... та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку». Королеву при видѣ фабрики невольно думалось «о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, бéзсознательной силы».

Оглядываясь съ высоты своего новаго міровоззрѣнія на пройденный имъ путь, г. Чеховъ долженъ былъ чувствовать себя такъ же, какъ докторъ Королевъ при видѣ фабрики, или какъ человѣкъ, только что выбравшійся изъ грязнаго, засасывающаго болота, по которому онъ бродилъ среди темной ночи. Та дѣйствительность, которая давила его своею пошлостью и изъ которой онъ долго не могъ выбраться,

это только видимая поверхность жизни, грязная, мутная накипь. Люди барахтаются въ этой грязной пѣнѣ, тоскуютъ, ведутъ пошлую жизнь, поѣдаютъ, убиваютъ другъ друга. Слой за слоемъ разбирая эту накипь, пробираясь мимо мыслей, чувства, настроеній людей, навѣянныхъ этою нечистью, онъ увидѣлъ, наконецъ, чистый, кристальный родникъ жизни. Онъ понялъ, что правда, справедливость, красота — вотъ что скрывается въ глубокихъ тайникахъ жизни, вотъ чѣмъ держится жизнь и въ чемъ спасеніе всего народа. А эта грязная пѣна—нѣчто «постороннее человѣку», «стоящее внѣ жизни», чуждое ей, «грубая ошибка», «логическая несообразность», нѣчто навѣянное со стороны какимй-то темными стихійными силами, хотя и властное, направляющее жизнь, чему невольно покоряются люди. И это потому, что они въ громадномъ большинствѣ случаевъ смутно сознаютъ идеальныя основы жизни, и это служитъ источникомъ ихъ неудовлетворенности жизнью, ихъ страданій, тоски. Такъ тоскуетъ и страдаетъ Лиза, дочь Ляликовой, которая производила «впечатлѣніе существа несчастнаго, убогого, которое изъ жалости пригрѣли здѣсь и укрыли, и не вѣрилось, что это была наслѣдница пяти громадныхъ корпусовъ». Она страдаетъ сердцебіеніемъ и припадками, но, оказывается, она не столько болѣетъ, сколько мучится неразрѣшимыми вопросами. Ей хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, который убѣдилъ бы ее, «права она или неправа». Для доктора стало ясно, «что ей нужно поскорѣе оставить эти пять корпусовъ и милліонъ, если онъ у нея есть». «Для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣритъ, подтвердилъ это». А «сколько отчаянія, сколько скорби на лицѣ у старухи! Она, мать, вскормила, выростила дочь, не жалѣла ничего, всю жизнь отдала на то, чтобы обучить ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, приглашала для нея десятокъ учителей, самыхъ лучшихъ докторовъ, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терялась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила еще что-то очень важное, чего-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого—неизвѣстно».

Открыть это неизвѣстное, то, о чемъ люди тоскуютъ, найти въ самой жизни элементы правды, справедливости, красоты, свободы—съ этихъ поръ и становится главною задачей г. Чехова. Мы разберемъ всѣ извѣстныя намъ попытки освѣтить жизнь съ этой новой точки зрѣнія.

Первую попытку въ этомъ родѣ едва ли можно назвать удачною. Я разумѣю его разсказъ «Моя жизнь». Герой этого разсказа, Полозневъ, въ отличіе отъ всѣхъ, положительно отъ всѣхъ прежнихъ героевъ г. Чехова, руководится въ жизни опредѣленнымъ идеаломъ. Это идеалъ правды, справедливости и гуманнаго, мягкаго, почти любовнаго отношенія къ людямъ. Для Полознева самый нужный и важный про-

грессъ—это прогрессъ нравственный. «Если вы не заставляете,—говоритъ онъ—своихъ ближнихъ кормить васъ, одѣвать, возить, защищать васъ отъ враговъ, то въ жизни, которая вся построена на рабствѣ, развѣ это не прогрессъ? По моему, это прогрессъ самый настоящій и, пожалуй, единственно возможный и нужный для человѣка». Исключенный изъ гимназіи и прослужившій нѣсколько лѣтъ по разнымъ вѣдомствамъ, онъ, наконецъ, исполняется презрѣнія къ канцелярской работѣ, не требовавшей «ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа», и не думаетъ, чтобы такой трудъ «хотя одну минуту могъ служить оправданіемъ праздной, беззаботной жизни». Онъ рѣшаетъ добывать себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ. «Надо быть справедливымъ,—говоритъ онъ.—Физическій трудъ несутъ милліоны людей». И въ людяхъ его больше всего поражаетъ «совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: «Бога забыли». И что отличаетъ его отъ другихъ героевъ г. Чехова, такъ это то, что свою жизнь онъ, дѣйствительно, строитъ на идеалахъ правды, дѣйствительно становится рабочимъ. И несмотря на все это, первая попытка дать положительный типъ вышла у г. Чехова неудачною. Его герой не сектантъ, не толстовецъ и вообще не какой-нибудь доктринеръ. Такъ, у него вовсе нѣтъ предубѣжденія къ настоящему умственному труду. Вы понимаете его, какъ человѣка, вы сочувствуете ему. Онъ славный, симпатичный человѣкъ, кромѣ того, онъ глубоко страдаетъ. Но онъ не увлекаетъ васъ, у васъ нѣтъ желанія послѣдовать за нимъ. Онъ вышелъ какимъ-то блѣднымъ. Такою же блѣдною вышла и его сестра, которая также порвала съ прошлымъ и хочетъ жить своимъ трудомъ, «пойдетъ въ учительницы или фельдшерицы... будетъ сама мыть полы, стирать бѣлье». Зато третье лицо, подрядчикъ Рѣдька, который также руководится въ жизни справедливостью, необыкновенно типиченъ. Вы даже его гдѣ-то видѣли и слышали его рѣчи: «Я такъ понимаю, ежели какой простой человѣкъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человѣкѣ не можетъ правда существовать». Тощій, блѣдный, страшный Рѣдька закрылъ глаза, покачалъ головой и изрекъ тономъ философа: «Тля ѣстъ траву, ржа—желѣзо, а лжа—душу».

Гораздо важнѣе другая попытка. Я разумѣю разсказъ «Въ оврагѣ», переходнымъ звеномъ къ которому служатъ «Мужики»: къ нимъ мы ниже вернемся. Что же касается разсказа «Въ оврагѣ», то, на мой взглядъ, по глубокой правдѣ, по глубинѣ мысли и по тонкости рисунка — это лучшее изъ всего, что написано г. Чеховымъ. Особенно хороши женскія фигуры—Аксинья, Липа, Варварушка.

Фабула разсказа очень проста и достаточно извѣстна, да и дѣло не въ ней.

Передъ нами старая исторія о торжествѣ зла и неправды;

они торжествуютъ грубо, нахально, дерзко. Зло вездѣ и во всемъ. И въ этихъ фабрикантахъ Хрыминыхъ, которые, катаясь, «носились по Уклееву и давили телятъ»; въ старшинѣ и писарѣ, которые «до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая-то особенная, мошенническая»; и въ центральной фигурѣ разсказа, Аксиньѣ, женѣ Степана, старшаго сына Григорія Цыбукина, кулака и ростовщика (вспомнимъ сцену, когда Аксинья, въ порывѣ злобы, хотя вполнѣ сознательно—любопытная подробность—ошпарила кипяткомъ ребенка безотвѣтной Липы, за которымъ старикъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, его внука не обидѣли, записалъ впередъ небольшое имѣніе Бутекино). Главнымъ же образомъ зло въ томъ, что̀ сильнѣе отдѣльныхъ людей и на что намекаетъ Анисимъ короткою фразой: «кто къ чему приставленъ». Именно, кто къ чему приставленъ. Припомните думы доктора Королева о «направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку». Одна Варвара Николаевна, вторая жена Цыбукина, со своей чистотой и милостыней скрашиваетъ эту жизнь, но она живетъ въ верхнемъ этажѣ, откуда «вѣетъ довольствомъ, покоемъ и невѣдѣніемъ». Ея попытки вмѣшаться въ жизнь оканчиваются неудачей.

«— Ужъ очень народъ обижаемъ,—говоритъ она Анисиму.—Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

«— Кто къ чему приставленъ, мамаша!

«— Да вѣдь умирать надо? Ой, ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ!..

«— А вы бы сами поговорили.

«— Нну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приставленъ. На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и станутъ разбирать, кто къ чему приставленъ. У Бога судъ праведный.

«— Конечно, никто не станетъ разбирать,—сказалъ Анисимъ и вздохнулъ.—Бога-то вѣдь все равно нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать».

Почему разговоры Варвары съ мужемъ, а теперь съ сыномъ, такъ и кончились ничѣмъ, это мы видимъ изъ другой ея попытки вмѣшаться въ жизнь. Она вѣдь дала мысль старику записать Бутекино на имя внука. А когда Аксинья разскандалилась, «Варвара такъ оторопѣла, что не могла подняться съ мѣста, а только отмахивалась обѣими руками, точно оборонялась отъ пчелы...»

Варвара помирится съ какимъ угодно зломъ, лишь бы все было чисто, прилично, чтобы люди не видѣли, да ея бы не трогали. Когда старикъ сталъ забывчивъ, и если не дадутъ ему поѣсть, то самъ онъ

не спрашиваетъ, тогда «привыкли обѣдать безъ него и Варвара часто говоритъ: «А нашъ вчерась опять легъ не ѣвши». И говоритъ равнодушно, потому что привыкла».

Въ сущности Варвара со своею чистотой и милостыней составляетъ необходимое дополненіе и защиту зла, тѣ ширмы, за которыми такъ удобно скрыться. И у Цыбукиныхъ всѣ прекрасно понимаютъ ея необходимость и пользу.

Эту роль Варвары въ системѣ зла выясняетъ самъ авторъ. «Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ табельные дни или престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около кадки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохою водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ».

Варвара вполнѣ обрисовывается передъ нами, не скажу, какъ оправданіе зла—это слишкомъ много,—а какъ его защита, какъ «предохранительный клапанъ въ машинѣ», которая, пожалуй,—чего добраго—можетъ вѣдь и лопнуть... По тонкости рисунка и по продуманности въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, которыхъ не выписываемъ, такъ какъ пришлось бы переписать почти весь разсказъ, что ни слово, то золото,—я не припомню другого подобнаго типа.

Итакъ, зло торжествуетъ по всей линіи. Однако, разсказъ не производитъ того гнетущаго, безысходно-мрачнаго впечатлѣнія, какъ многіе прежніе разсказы г. Чехова, даже такіе маленькіе, какъ «Мужъ», «Необыкновенный». Иллюзія это или нѣтъ, если иллюзія, то иллюзія властная, неотразимая: читателю при чтеніи этого разсказа все время кажется, какъ будто кто-то, не нынче — завтра, произведетъ надъ этою неправдой свой судъ; кто-то какъ будто уже занесъ надъ ней свою руку. Кажется, вотъ-вотъ еще немного, еще одно небольшое усиліе,—и неправда исчезнетъ, разсѣется, какъ дымъ. И тогда откроется нормальный законъ жизни, законъ правды, которая теперь подавлена этимъ безобразнымъ призракомъ зла. И тогда всѣмъ будетъ ясно, что зло что-то случайное и временное, что-то призрачное и обманчивое, какой-то безобразный кошмаръ. Именно такое, смутное, не то настроеніе, не то убѣжденіе живетъ въ душѣ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа.

Ужъ если понадобился предохранительный клапанъ, если за него всѣ ухватились и крѣпко держатся, то, стало быть, что-нибудь да не

ладно. Зло какъ будто задрожало и прячется, какъ мгла ночная дрожитъ и прячется отъ пробивающагося дневного свѣта.

«Когда меня вѣнчали, — говорилъ Анисимъ мачихѣ,—мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ-подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ пищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запищала, и пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! а какъ вышелъ изъ церкви — и ничего!» Когда его вѣнчали, «на душѣ у него было умиленіе, хотѣлось плакать»...

Подрядчикъ Костыль такъ разсказываетъ Липѣ о своемъ разговорѣ съ фабрикантомъ Костюковымъ, который, будучи купцомъ первой гильдіи, считалъ себя старше его, Костыля, простого плотника: «Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василій Данилычъ. А потомъ этого послѣ, значитъ, разговору я и думаю: кто же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало быть, плотникъ, дѣточки!» Костыль подумалъ и добавилъ:

«— Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше».

Подъ вліяніемъ этого разговора «Липѣ и ея матери, которыя родились нищими и готовы были прожить такъ до конца, отдавая другимъ все, кромѣ своихъ испуганныхъ, кроткихъ душъ, быть можетъ, имъ примерещилось на минуту, что въ этомъ громадномъ, таинственномъ мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онѣ сила, и онѣ старше кого-то; имъ было хорошо сидѣть здѣсь наверху, онѣ счастливо улыбались и забыли о томъ, что возвращаться внизъ (въ село) все-таки надо».

А ночью, въ тотъ же день, Липа говорила матери:

— И зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька!

— Замужъ идти нужно, дочка. Такъ ужъ не нами положено.

И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью...

Во власти этого не то настроенія, не то убѣжденія въ необходимости и глубокой *реальности* правды г. Чеховъ все время держитъ читателя. Въ словахъ Костыля, въ мечтахъ Липы и ея матери, несмотря на пассивный характеръ ихъ идеала правды, уже чувствуется его зрѣющая сила... «Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше». «Старше» не только «почтеннѣе» (таково значеніе фразы въ народной средѣ)— что указывало бы только на пробуждающееся сознаніе личности среди народа. «Старше» больше, чѣмъ только «почтеннѣе». Эти испуганныя,

кроткія души съ ихъ идеаломъ правды, которая въ Божьемъ мірѣ «есть и будетъ» и съ которою все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться—и «онѣ сила, и онѣ старше кого-то». Здѣсь «старше», очевидно, *жизненнѣе*. Кого? Да, разумѣется, прежде всего, всей этой уклеевской неправды. И это имъ не просто примерещилось, а «*быть можетъ*, примерещилось», т.-е. въ этомъ есть несомнѣнно нѣчто авторское...

А что г. Чеховъ давно сравнительно подходилъ къ подобной постановкѣ вопроса, это показываетъ такой его разсказъ, какъ «Мужики». Среди моря невѣжества, варварства, нужды онъ съумѣлъ уловить въ мужикѣ что-то хорошее, свѣтлое, что, какъ лучъ солнца, мгновенно прорѣзало глубокій мракъ и тотчасъ же исчезло. Припомните, какъ во время крестнаго хода «и старикъ, и бабка, и Кирьякъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача:

«— Заступница, Матушка! Заступница!

«Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки»...

IV.

Вообще, ни за кѣмъ изъ современныхъ русскихъ писателей не слѣдишь съ такимъ глубокимъ интересомъ, какъ за г. Чеховымъ. Каждымъ новымъ его произведеніемъ нельзя достаточно налюбоваться. Художественная концепція, овладѣвшая за послѣднее время его творчествомъ, превосходна и глубока и сродни его таланту, спокойному, вдумчивому, созерцательному. Его разсказы—это характеристики, картины, пластика. Въ нихъ, какъ намъ приходилось отмѣчать, нѣтъ дѣйствія, нѣтъ борьбы или слишкомъ мало. Зато каждый штрихъ подогнанъ къ цѣлому, каждая черточка тщательно вырисована, одна подробность нанизана на другую. Вотъ почему, можетъ быть, г. Чеховъ не даетъ намъ большого романа, съ массой дѣйствующихъ лицъ, со сложною интригой. Можетъ быть, онъ инстинктивно чувствуетъ, что подобная картина потеряетъ въ глубинѣ проникновенія въ жизнь. Ему именно мало думать, мало разсуждать, «надо еще имѣть даръ проникновенія въ жизнь», подобно герою разсказъ «По дѣламъ службы». У него своя дорога, широкая и свѣтлая.

А что г. Чеховъ, дѣйствительно, идетъ по этой дорогѣ, это доказываютъ и другіе его разсказы, какъ, напр.,—«О любви», «Дама съ собачкой» и самый послѣдній: «Архіерей».

Первые два разсказа интересны въ томъ отношеніи, что даже такую избитую тему, какъ любовь, г. Чеховъ, вѣрный своей новой точкѣ зрѣнія, съумѣлъ изобразить оригинально. Помѣ-

щикъ Алехинъ и замужняя женщина Анна Алексѣевна полюбили другъ друга искренно и глубоко. Но они скрываютъ другъ отъ друга свое чувство. Онъ думалъ: «Къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это?.. Что было бы съ нею, въ случаѣ моей болѣзни, смерти или, просто, если бы мы разлюбили другъ друга?»

«И она, повидимому, разсуждала подобнымъ же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ея мужа, какъ сына. Если бы она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: «Принесетъ ли мнѣ счастье ея любовь».

Такъ они таились другъ отъ друга, и это не удовлетворяло ни его, ни ее. Минутами его роль благороднаго существа становилась ему до слезъ тяжела. У ней тоже появилось «дурное настроеніе», «сознаніе неудовлетворенной, испорченной жизни». Наконецъ, они объяснились, и только тогда онъ понялъ, «какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Въ разсказѣ «Дама съ собачкой» москвичъ Гуровъ, самый обыкновенный жуиръ, и провинціальная скучающая дамочка Анна Сергѣевна случайно знакомятся въ Ялтѣ. «Онъ былъ привѣтливъ съ нею и сердеченъ, но все же въ обращеніи съ нею, въ его тонѣ и ласкахъ сквозила тѣнью легкая насмѣшка». А въ ней впервые проснулось «молодое, угловатое, несмѣлое чувство». Осенью они разстались, и Гуровъ съ головой окунулся въ омутъ столичной жизни. Но то «легкое очарованіе», какое онъ испыталъ въ Крыму, незамѣтно выросло въ сильное и яркое чувство. И только теперь онъ впервые замѣтилъ всю нелѣпость своей праздной и безтолковой жизни—безсонныхъ ночей, игры въ карты, ненужныхъ разговоровъ, дикихъ лицъ и дикихъ нравовъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и уѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила Анна Сергѣевна. Когда онъ здѣсь встрѣтился съ нею, то ясно понялъ, что «для него теперь на всемъ свѣтѣ нѣтъ ближе, дороже и важнѣе человѣка».

Теперь у Гурова было двѣ жизни: «одна явная, которую видѣли и знали всѣ, кому это нужно было, полная условной правды и условнаго обмана, похожая совершенно на жизнь знакомыхъ и друзей, и другая—протекавшая тайно. И по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, быть можетъ, случайному, все, что было для него важно, интересно,

необходимо, въ чемъ онъ былъ искрененъ и не обманывалъ себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно отъ другихъ, все же, что было его ложью, его оболочкой, въ которую онъ прятался, чтобы скрыть правду, какъ, напр., его служба въ банкѣ, споры въ клубѣ, его «низшая раса», хожденіе съ женой на юбилеи,—все это было явно»...

Хотя фабула разсказа обрывается на выдвинутой авторомъ дилеммѣ, однако смыслъ ея очевиденъ: или постепенное разрушеніе, медленное умираніе въ оболочкѣ лжи, обмана, условной морали; или нужно разорвать эту оболочку, какъ что-то «ненужное,легкое и обманчивое» и освободить «сдавленное ею зерно жизни».

Представьте себѣ, какъ обработалъ бы г. Чеховъ послѣдній разсказъ, если бы это было раньше, ну, хотя бы лѣтъ на пять (разсказъ былъ напечатанъ въ «Русской Мысли» 1899 г., № 12). То легкое очарованіе, какое испыталъ Гуровъ, мелькнуло бы въ его жизни свѣтлою точкой; онъ, можетъ быть, помечталъ бы о чистой, невинной любви, подумалъ бы о томъ, зачѣмъ такъ нелѣпо устроена жизнь, что вотъ онъ женатъ, а она—замужемъ; потомъ перешелъ бы къ міровымъ вопросамъ—о смыслѣ и цѣли жизни вообще—и потомъ всѣ эти порывы и мечты безслѣдно исчезли бы въ омутѣ столичной жизни. Все то, что дѣлаетъ разсказъ глубокимъ, что такъ выдѣляетъ его изъ всѣхъ прежнихъ подобныхъ разсказовъ, этотъ процессъ нравственнаго перерожденія человѣка, эта другая жизнь, «протекавшая тайно» подъ оболочкой обмана, лжи и условной правды—все это, разумѣется, отсутствовало бы въ разсказѣ. Тогда г. Чеховъ за этой оболочкой не усматривалъ ничего. Тогда онъ ходилъ по краю какой-то страшной пропасти, между двумя мірами, міромъ дѣйствительности, отъ котораго онъ бѣжалъ, и міромъ мечты и идеала, дорогу къ которому онъ долго не могъ нащупать.

Подобно Алехину и Гурову, и преосвященный Петръ («Архіерей») почувствовалъ всю ненужную тяготу своей оболочки, которая придавила въ немъ живого человѣка, и онъ почувствовалъ освобожденіе отъ нея только при смерти. Когда же преосвященный померъ, о немъ скоро «совсѣмъ забыли». И только старуха-мать, въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, когда «сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ...

«И ей, въ самомъ дѣлѣ, не всѣ вѣрили».

Послѣднее замѣчаніе вполнѣ въ духѣ г. Чехова, который склоненъ теперь смотрѣть на дѣйствительность, какъ на нѣчто неустойчивое, обманчивое, иллюзорное. Онъ именно ищетъ корней жизни, идеальныхъ основъ высшей реальности, чѣмъ эта грубая внѣшняя оболочка жизни.

Съ г. Чеховымъ случилась любопытная метаморфоза. То, что раньше, очевидно, представлялось ему существующимъ на поверхности жизни, какъ неустойчивый и обманчивый налетъ на чисто жи-

вотной основѣ, теперь очутилось въ самомъ низу, въ глубокихъ тайникахъ жизни, и именно какъ ея непреходящая реальность. И именно съ этого времени его талантъ пріобрѣтаетъ болѣе общее значеніе. «Самое нужное», «самое важное» (за послѣднее время одно изъ любимыхъ выраженій г. Чехова) нужно и важно одинаково для всѣхъ людей. Правда, на этомъ новомъ пути г. Чеховъ далъ сравнительно немного. Но хочется думать, что такіе шедевры, какъ «Въ оврагѣ», «Дама съ собачкой», «Архіерей»—только первыя попытки освѣтить жизнь съ новой точки зрѣнія.

И не намъ учить его, что писать и какъ писать. Онъ—оригинальнѣйшій цвѣтокъ въ русской литературѣ и не менѣе оригинальный и глубокій мыслитель, и многому у него можно поучиться. У него именно нужно учиться любить и понимать человѣка, любить и понимать жизнь въ томъ глубокомъ значеніи словъ, въ какомъ они къ нему приложимы. Вѣдь, думается, только эта любовь ко всему человѣческому и прекрасному въ жизни и вывела г. Чехова изъ дремучаго лѣса фактовъ, черезъ болота и трясины, на широкій просторъ Божьяго міра, гдѣ, чудится ему, когда-нибудь обновленный и возрожденный человѣкъ, стряхнувъ съ себя мертвыя цѣпи, на всей свободѣ, бодро и весело, «постукивая палочкой», устроитъ, наконецъ, новую, прекрасную жизнь.

В. Альбовъ.

---

*

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

1.

Госпожа Анзорге.

Между Падолиномъ и Ломницемъ, тамъ, гдѣ равнина изъ плоской котловины постепенно переходитъ въ незначительную возвышенность, раскинулся хуторъ Анзорге. Службы его обращены заднею стороной къ живой изгороди, окружающей обширный садъ, болѣе похожій на паркъ. Бѣлый выштукатуренный домъ, точно изъ упрямства, глубоко и прочно засѣлъ въ землю; благодаря каменной лѣстницѣ у подъѣзда и старинным украшеніямъ вокругъ оконъ, онъ представляетъ нѣчто среднее между крестьянскимъ домомъ и господскою усадьбой. Низко свѣсившаяся черепитчатая крыша ярко-краснаго цвѣта, точно огненная шапка, пламенѣла среди окружающаго ландшафта. Изъ всего села здѣсь видна была одна колокольня, такъ какъ, по странной прихоти природы, около самаго Падолина, совершенно неожиданно, поднимался крутой холмъ, вслѣдствіе чего рѣчонкѣ, лѣниво струящей свои волны, въ этомъ мѣстѣ приходилось дѣлать большой изгибъ. Само село Падолинъ раскинулось по отлогому склону холма, а съ южной стороны спускалось къ самому берегу, такъ что главная его улица вытянулась въ видѣ французскаго S. Его окружала слегка волнистая долина, съ разсѣянными кое-гдѣ деревьями и кустами.

Между селомъ и хуторомъ лежалъ большой незаселенный и невоздѣланный пустырь. Лишь по берегу рѣки тянулась широкая полоса, гдѣ плотники заготовляли свой матеріалъ и откуда зимой и лѣтомъ разносился запахъ свѣже отесанныхъ древесныхъ стволовъ.

Большинство сторожиловъ этой мѣстности еще ясно помнили тотъ день, когда госпожа Анзорге, въ сопровожденіи служанки Урсулы, державшей на колѣняхъ пятилѣтняго Арнольда, въ старинной неуклюжей каретѣ прибыла въ деревню по дорогѣ изъ Острау. Тогдашній бургомистръ проводилъ ее на хуторъ, болѣе ста лѣтъ принадлежавшій когда-то

богатому, а теперь совершенно разорившемуся крестьянскому роду. Вскорѣ на немъ началась неторопливая, но непрерывная работа по улучшенію запущеннаго имѣнія. Сараи и конюшни постепенно приводились въ надлежащій порядокъ, ставились новые заборы, пріобрѣталась новая мебель и новыя орудія, нанимались новые рабочіе; засоренный колодезь очистили и углубили, хлѣва улучшили, а домъ покрыли крышей, которая такъ удивительно ярко горѣла и больно рѣзала глаза, дерзко выдѣляясь въ ясные дни на голубомъ небѣ.

Между тѣмъ, не прошло еще трехъ мѣсяцевъ съ того времени, когда всѣ помыслы госпожи Анзорге были направлены на совершенно иныя жизненныя цѣли, когда у нея еще не было ни малѣйшаго желанія искать въ уединенной моравской деревенькѣ отдыха отъ суеты свѣта. Она любила общество, любила свѣтскую жизнь съ ея удовольствіями, которыми могла пользоваться въ полной мѣрѣ, благодаря богатству мужа. Альфредъ Анзорге былъ однимъ изъ крупныхъ собственниковъ каменноугольныхъ копей въ округѣ Остраурэъ. Правда, дѣла вынуждали его проводить бо̀льшую часть года въ скучномъ и почернѣвшемъ отъ каменноугольной копоти городѣ Остpау, но зато въ сравненіи съ этою жизнью еще ослѣпительнѣе казалось время, которое они проводили въ Вѣнѣ или въ путешествіяхъ и горныхъ экскурсіяхъ. Послѣ одной изъ подобныхъ поѣздокъ они всею семьей, мужъ, жена и ребенокъ, возвращались въ началѣ декабря къ себѣ домой. Ужасная зимняя ночь, которую имъ пришлось пережить, рѣшила дальнѣйшую судьбу этихъ троихъ людей. За четверть часа до прибытія къ цѣли, поѣздъ попалъ не на тотъ путь и на полномъ ходу столкнулся съ пассажирскимъ поѣздомъ, шедшимъ изъ Силезіи. Врѣзавшіяся другъ въ друга части вагона размозжили вскочившему въ испугѣ мужу голову и раздро̀били ему руку, но какимъ-то чудомъ послужили защитой для жены, прикрывъ ее съ ребенкомъ, точно гробовыми досками. Когда, наконецъ, ихъ освободили, ребенокъ оказался цѣлъ и невредимъ—онъ, точно въ въ кроваткѣ, покоился у ногъ матери. Только по выраженію глазъ послѣдней можно было догадаться, что̀ она пережила въ своемъ заключеніи, слыша завываніе вѣтра и не зная, возможно ли спасеніе, не зная, что сталось съ ребенкомъ. Двѣ недѣли она не была въ состояніи ходить, говорить и слушать. Казалось, ея душа окаменѣла и не въ состояніи ничего постичь, кромѣ ужасныхъ звуковъ, слышанныхъ ею въ тотъ часъ, когда она находилась на границѣ жизни и на порогѣ смерти. И въ то же время, подобно тому, какъ вода продолжаетъ течь и подъ ледяною корой, сковывающей рѣку, такъ и ея, повидимому, безсознательный инстинктъ, заставлялъ жаждать новой формы существованія.

Присяжный повѣренный Барромео изъ Вѣны, братъ г-жи Анзорге, принялъ на себя всѣ хлопоты по похоронамъ мужа и наслѣдству и одновременно взялъ на свое попеченіе мальчика. Но вскорѣ и сама г-жа Анзорге успокоилась, какъ наружно, такъ и внутренно, стала зани-

маться текущими дѣлами и даже выказала въ этомъ отношеніи болѣе вдумчивое и глубокое пониманіе ихъ, нежели опытный и дѣловитый ея братъ. Что бы она ни предпринимала, все непосредственно приближало ее къ цѣли, которую она себѣ молча, но вполнѣ сознательно поставила. Продавъ недвижимое имущество, она озаботилась о наиболѣе прибыльномъ помѣщеніи капиталовъ въ процентныя бумаги, а потомъ купила, не безъ выгоды для себя, хуторъ около Падолина, причемъ на ея выборъ имѣла громадное вліяніе отдаленность этого мѣста отъ центра.

Точно слѣпая, она дѣлала каждый шагъ ощупью, необыкновенно осторожно, избѣгала всякаго излишняго движенія, возненавидѣла всякую торопливость, бѣготню, прыжки, танцы. Все, что двигалось на колесахъ и хоть отдаленно напоминало паровозъ, возбуждало въ ней отвращеніе. У себя въ домѣ она не допускала тиканья стѣнныхъ часовъ; передъ окнами засадила кусты, потому что — какъ это ни странно—не выносила вида открытаго горизонта или дороги. Ни зеркалъ, ни картинъ она не любила, вообще ничего, что вѣшается на потолокъ или стѣны. Постель ей стлали прямо на полу.

Въ такой-то обстановкѣ безусловной тишины выросъ Арнольдъ. На черномъ фонѣ громаднаго несчастья его молодая жизнь выростала какъ нѣчто нѣжное, розовое... Постоянная боязнь матери окружала его какъ бы стѣной, но стѣною невидимой. И на него эта заботливая охрана дѣйствовала не какъ нѣчто случайное, измѣнчивое а какъ вѣчныя и неизмѣнныя силы природы. Поэтому она легла въ основу всѣхъ его привычекъ; словно чудомъ, изъ печальнаго возникало нѣчто свѣтлое, оцѣпенѣніе порождало жизнь. Словно рѣка текущая по руслу, которое она сама себѣ прорыла, шла изъ году въ годъ его жизнь. Ему была совершенно чужда всякая мечтательность, также какъ и распущенность или чувство соревнованія, которыя прививаются благодаря безпорядочному общенію съ людьми. Онъ жилъ себѣ спокойный и довольный, точно подъ призоромъ самого Господа Бога. Г-жа Анзорге, не вслѣдствіе убѣжденія или разъ принятаго рѣшенія, а просто побуждаемая разъ навсегда выработавшейся въ ея характерѣ странной привычкѣ выжидать, предоставила въ вопросахъ религіи Арнольда самому себѣ. Ей казалось, что такъ нужно, потому что Господь—подобно добродушному и всегда готовому на благой совѣтъ патріарху, благосклонно взираетъ со своей высоты на ея мальчика. И вотъ по мѣрѣ того, какъ выросталъ Арнольдъ, расширялись и его понятія о Богѣ, причемъ они, однако, никогда не расплывались въ безконечность, а всегда оставались въ кругу чисто человѣческихъ, проникнутыхъ человѣческими чувствами, отношеній.

Въ раннемъ дѣтствѣ онъ часто обнаруживалъ упрямство, угрюмость, даже наклонность къ мрачности. Насупивъ брови и какъ-то до смѣшного широко разставляя ноги, онъ, словно маленькій медвѣжонокъ, тяжело расхаживалъ по дому. Само собою разумѣется, это сильно потѣ-

шало прислугу, особенно Урсулу, на которую по временамъ, при его видѣ нападало чисто ребяческое желаніе дурачиться и она очень похоже передразнивала манеры ребенка. Это вызывало въ немъ взрывъ необузданнаго гнѣва, потому что какъ и тогда, такъ и позднѣе, онъ совершенно не умѣлъ понимать шутокъ, всегда казавшихся ему въ высшей степени несправедливыми поползновеніями на его личную свободу. Въ такихъ случаяхъ онъ втягивалъ голову въ плечи и молча, исподлобья смотрѣлъ на своихъ враговъ, если же насмѣшки не прекращались, онъ раскрывалъ ротъ и начиналъ запальчиво пыхтѣть; потомъ, прижимая кулаки въ видѣ буферовъ справа и слѣва къ груди, бросался на своего мучителя и начиналъ его тузить и кусать. Съ годами подобные взрывы бѣшенства стали появляться все рѣже и рѣже и замѣнились молчаливостью и замкнутостью. Онъ скупился даже на взгляды; то и другое вытекало изъ сознанія своей физической силы и имѣло очень комичный видъ.

Между семью и восьмью годами Арнольдъ пріобрѣлъ себѣ товарища въ лицѣ сына почтмейстера Падолина—Цирилла. Это былъ слабенькій мальчуганъ, на годъ моложе Арнольда, глупенкій, но на рѣдкость добродушный. Игры ихъ не походили на игры другихъ дѣтей того же возраста. Маленькій Цириллъ, по натурѣ болтунъ, взялъ себѣ въ данномъ отношеніи за образецъ дѣловитость и сухость Арнольда; когда онъ, преисполненный сознаніемъ собственнаго достоинства, шелъ рядомъ съ товарищемъ, то походилъ на крохотнаго старика. Въ хорошую погоду они вдвоемъ катались въ старой лодкѣ взадъ и впередъ по рѣкѣ или же пускали бумажнаго змѣя, но все это дѣлалось съ необыкновенною степенностью и важностью. Но вскорѣ почтмейстеръ умеръ, и у маленькаго Цирилла, оставшагося на попеченіи мачехи, не хватало болѣе силъ разыгрывать стоика. Ему пришлось испытать и голодъ, и побои, да и смерть отца сильно огорчила его, такъ что весь его искусственный героизмъ разлетѣлся, какъ дымъ, тутъ же, на глазахъ Арнольда. Того это удивило и смутило. Онъ, съ своей стороны, никакъ не могъ примириться со смертью почтмейстера, какъ съ чѣмъ-то вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Желая утѣшить товарища, онъ предложилъ ему вечеромъ или рано утромъ, когда на улицахъ не бываетъ народу, захвативъ съ собою веревку и лопату, отправиться на кладбище, чтобы вытащить изъ могилы старика Цирилла. Лопатами, думалъ онъ, можно раскопать могилу, а на веревкѣ вытащить покойника и вернуть его жизни. Онъ, Арнольдъ, присутствуя на его похоронахъ, къ своему крайнему удивленію собственными глазами видѣлъ, какъ на тѣло этого человѣка бросали землю и камни; и вотъ теперь онъ беретъ на себя трудъ его освобожденія; онъ вызволитъ его изъ темницы, въ которую тотъ попалъ безвинно. Маленькій Цириллъ робко возражалъ, что то, что умерло—умерло и ничего съ этимъ уже подѣлать нельзя. Но Арнольдъ, глубоко убѣжденный въ успѣхѣ своего труднаго предпріятія,

лишь осыпалъ его насмѣшками. Съ наступленіемъ сумерекъ, они стащили въ бесѣдкѣ двѣ лопаты, а въ сараѣ длинную веревку, потомъ, волоча ихъ за собою и дѣлая далекій обходъ вокругъ села, пробрались къ кладбищу и перелѣзли черезъ низкую ограду. Маленькій Цириллъ мало-по-малу началъ вѣрить въ возможность благополучнаго исхода предпринятаго дѣла и хотя у него отъ страху по тѣлу бѣгали мурашки, онъ такъ же храбро, какъ и Арнольдъ, принялся копать землю. Но кончилась эта затѣя менѣе удачно, чѣмъ началась. Пономарь увидалъ съ колокольни, что на кладбищѣ копошатся какихъ-то два карлика, поспѣшилъ сдѣлать тревогу, всполошилъ все населеніе и въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправился на могилу почтмейстера. Понятно, благодаря ихъ злому вмѣшательству, послѣднему пришлось и впредь оставаться во власти смерти.

Нѣсколько дней спустя Цириллы навсегда покинули село, а Арнольдъ, хотя постепенно и научился понимать, что никакія лопаты или веревки не могутъ помочь покоящимся подъ землей, однако, все же вспоминалъ о достопамятномъ вечерѣ на кладбищѣ съ упрямой досадой человѣка, которому не дали воспользоваться результатами своихъ трудовъ.

Благодаря уединенности мѣстечка, Арнольдъ былъ избавленъ отъ обязательнаго обученія; а благодаря обширнымъ связямъ Фридриха Барромео, госпожа Анзорге еще за много лѣтъ до срока призыва сына на военную службу, уже могла быть вполнѣ спокойна на *этотъ* счетъ, Читать и писать она выучила его сама; много лѣтъ подрядъ, точно любознательная дѣвочка, она усердно училась, чтобы потомъ быть въ въ состояніи самой дать ему и дальнѣйшее образованіе; такимъ образомъ она учила его языкамъ, исторіи и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Ей казалось опаснымъ оставлять его въ невѣжествѣ и въ пятнадцать лѣтъ онъ приблизительно обладалъ такими же понятіями, какія вообще полагаются мальчикамъ этого возраста. Что касается его, то у него не было ни малѣйшаго честолюбія въ пріобрѣтеніи знаній или умственнаго развитія, но физическій трудъ доставлялъ ему удовольствіе. Свободный отъ всякихъ нездоровыхъ порывовъ, онъ не заглядывалъ за кругъ, очерчивающій его повседневную, мирную жизнь. Мать желала, чтобы онъ оставался во всемъ заурядным человѣкомъ, и въ этомъ видѣла наибольшую гарантію противъ ударовъ судьбы. И все, что она въ немъ видѣла, удовлетворяло ее въ этомъ отношеніи.

Одно время—это было какъ разъ въ періодъ самаго сильнаго пробужденія въ немъ половой зрѣлости—въ немъ появилось какое-то безпокойство и чрезмѣрная наклонность къ мечтательности, въ сущности совершенно несвойственной его натурѣ и впослѣдствіи оказавшейся также рѣшительно ей чуждой. Тутъ-то, однажды, случилось, что онъ цѣлую лѣтнюю ночь напролетъ пробродилъ по лѣсу, глядя на звѣзды, прислушиваясь къ дыханію земли и съ какимъ-то необыкновеннымъ трепетомъ поджидая солнечнаго восхода. Въ другой разъ онъ ушелъ

изъ дому рано утромъ, а вернулся лишь черезъ день; четырнадцать часовъ подрядъ проходилъ онъ, чтобы узнать, что находится за лѣсомъ и синѣющими вдали холмами. А когда убѣдился, что и тамъ такія же поля и луга, такіе же невзрачные домишки по обѣ стороны такой же неприглядной улицы, какъ и у нихъ въ Падолинѣ, то грустно повернулъ домой. Конечно, онъ и не разсчитывалъ увидать какое-нибудь сказочное царство, но невѣдомая даль казалась ему столь заманчивой и прекрасной, что грезы о ней прямо-таки преслѣдовали его. Но одного этого опыта оказалось достаточнымъ, чтобы онъ, еще болѣе довольный и спокойный, чѣмъ раньше, окончательно отдался тихой, окружающей жизни.

Вскорѣ послѣ періода возбужденности, исчезнувшаго безъ слѣда, наступила другая крайность: Арнольдъ сталъ производить впечатлѣніе сухого, угрюмаго и флегматичнаго юноши, шедшаго по разъ намѣченной дорогѣ, безъ колебанія, но и безъ какихъ бы то ни было высшихъ стремленій, заставляющихъ человѣка возноситься—въ хорошемъ смыслѣ слова, надъ повседневной дѣйствительностью. Онъ даже не замѣчалъ, какъ лѣто смѣняется зимой, потомъ зима лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, не обнаруживалъ по этому поводу никакой радости, хотя именно эти смѣны, а не какія-либо міровыя событія, были для него самыми значительными и интересными зрѣлищами на циферблатѣ времени, и онъ слѣдилъ за ними съ чувствомъ равнодушнаго удовлетворенія. Лѣнивый по природѣ, онъ и молчалъ больше изъ лѣности, даже съ матерью. У нихъ совершенно не появлялось потребности въ болѣе интимномъ обмѣнѣ чувствъ, но зато не было и желанія замкнуться, окруживъ себя таинственностью. Повидимому, каждый жилъ въ своемъ собственномъ мірѣ и по собственнымъ законамъ. Несложность распредѣленія дня и занятій опредѣляла сущность и характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Арнольдъ никогда не выказывалъ по отношенію къ матери упрямства или заносчивости, никогда не говорилъ, что знаетъ или дѣлаетъ то или другое лучше ея, но въ то же время она была для него лишь старшимъ товарищемъ, а не человѣкомъ, котораго онъ глубоко чтилъ. Позднѣе, въ его короткихъ разговорахъ съ нею, стало проскальзывать хотя и внимательное, но слегка ироническое отношеніе къ ней. Это очень шло къ нему и только потому немного безпокоило мать, что заставляло предположить въ сынѣ что-то похожее на духовное пробужденіе. Въ сущности все дѣло было въ томъ, что Арнольдъ сталъ видѣть въ ней не только мать, но и женщину. Впрочемъ подобное отношеніе совсѣмъ не обусловливалось желаніемъ подмѣтить въ ней что-либо плохое. Просто, самъ онъ началъ кое въ чемъ сомнѣваться, вдумываться въ нѣкоторыя явленія жизни, а это доказывало появленіе въ немъ новыхъ чувствъ и новыхъ мыслей.

Отношенія половъ никогда не составляли для него томительной тайны, какъ для всякаго жителя деревни. Рано проснувшаяся чув-

ственность, облагороженная и ослабленная трудомъ и физическими упражненіями, не возбуждала въ немъ смутныхъ и нездоровыхъ грезъ.

Теперь Арнольду было двадцать лѣтъ, а вскорѣ должно было исполниться двадцать одинъ. Дѣло шло къ лѣту, и временами онъ опщущалъ внутри себя какое-то странное стѣсненіе и волненіе. Часто ему казалось, что сердце его переполняется громаднымъ избыткомъ никому не нужныхъ силъ, и что онѣ, эти силы, по ночамъ, иногда даже во время сна, стремятся проявить себя и того и гляди потрясутъ и разорвутъ его тѣло на части.

Какъ разъ въ это время ихъ работница вышла замужъ за сосѣдняго крестьянина и ушла отъ нихъ. Новая служанка, полька по происхожденію, была въ своемъ родѣ красавица: смуглая, какъ каштанъ, свѣжая и порывистая; звали ее Зальша. Когда Арнольдъ увидалъ ее впервые—она стирала у колодца и всѣ ея движенія были какъ-то особенно дики и вызывающи—онъ поблѣднѣлъ, а потомъ глубоко задумался, глядя, прищуривъ глаза, на залитыя солнцемъ окрестности. Но это не помогло: его такъ и тянуло къ ней. Передъ притягательной силой женщины у него вдругъ оказалось воли не больше, чѣмъ у ребенка. Онъ не сталъ долго церемониться и, вторично встрѣтившись съ Зальшей, попросту спросилъ ее, желаетъ ли она сдѣлаться его возлюбленной? Голосъ его при этомъ звучалъ строго и видъ былъ мраченъ, точно онъ требовалъ чего-то давнымъ давно принадлежавшаго ему по праву, что у него удерживали совершенно неправильно. Въ отвѣтъ работница расхохоталась, повернулась къ нему спиной и ушла. Но двѣнадцать часовъ спустя, она уже принадлежала ему. Не крадучись, не подкарауливая и не хитря—все это было не по нутру Арнольду,—онъ сошелся съ нею и сталъ къ ней приходить по ночамъ въ ея коморку или же послѣ обѣда, когда все засыпало подъ отвѣсными лучами солнца, на сѣновалъ. Нѣкоторое время Зальша думала, что забеременѣла, но это оказалось вздоромъ. Когда же лѣтняя жара стала понемногу спадать, внезапно исчезъ и любовный пылъ Арнольда. Теперь Зальша стала для него не болѣе, какъ пустымъ сосудомъ, содержимое котораго онъ вынужденъ былъ выпить, чтобы предохранить собственное тѣло отъ порчи. Сердце его вновь успокоилось, и духъ прояснился.

2.

Листва окрашивалась уже въ осенніе цвѣта—красновато-желтый, фіолетовый, пурпурный, цвѣта киновари и сафьяна, и всѣ они перемѣшивались и сливались въ вечернемъ воздухѣ. На фонѣ солнечнаго заката—Арнольдъ шелъ прямо на него—дальніе лѣса казались свѣшивающимися съ неба гирляндами. Въ долинѣ раздавалось пѣніе крестьянъ и октябрьскій вѣтерокъ то относилъ его, такъ что оно почти становилось неслышнымъ, то, наоборотъ, звуки его долетали съ чрезвычайною ясностью. На лугу, около

лужи, стоялъ учитель изъ Падолина Максимъ Шпехтъ и древесною вѣткой расплескивалъ залитую красноватымъ солнечнымъ свѣтомъ воду. Время отъ времени онъ, точно поджидая кого-то, поглядывалъ на хуторъ Анзорге. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ какъ онъ поселился въ Падолинѣ, и Арнольду еще ни разу не приходилось разговаривать съ нимъ. Дойдя теперь до калитки своего дома, онъ небрежно прислонился къ столбу и сталъ смотрѣть на куръ, мирно и медленно проходившихъ мимо него по направленію къ сараю, гдѣ былъ насѣстъ, иногда онѣ вдругъ принимались тихо кудахтать, точно желая другъ другу спокойной ночи. Вдали, на пламенѣющемъ небѣ рѣзкимъ силуэтомъ чернѣла фигура Максима Шпехта.

Шуршанье женскихъ платьевъ заставило Арнольда повернуться; къ своему удивленію онъ увидалъ двухъ женщинъ, направляющихся въ его сторону. Одна изъ нихъ, молодая дѣвушка, полуотвернулась въ сторону и смущенно, однако не безъ лукавства, улыбалась. «Неужели онѣ были у насъ?» удивленно задалъ себѣ вопросъ Арнольдъ и взглядомъ проводилъ женщинъ. Въ это же время учитель съ необыкновенною торопливостью поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу и вмѣстѣ съ ними направился къ селу.

Стало темнѣть. Войдя въ комнату, онъ спросилъ, кто это былъ у нихъ. Мать медленно повернула къ нему лицо, все покрытое морщинками, какъ древесный листъ бываетъ покрытъ жилками.

— Онѣ дѣлаютъ визиты,—уклончиво отвѣтила она.—Таковъ обычай. Имъ по наслѣдству достался домъ покойнаго Михаила Бекера, вотъ почему онѣ переселились въ Падолинъ. Ихъ фамилія Ханка.

Урсула подала ужинъ, состоящій изъ картофеля, масла, молока, селедокъ и хлѣба. Проголодавшійся Арнольдъ сѣлъ къ столу. Его любопытство было удовлетворено, онъ и не замѣтилъ что посѣтительницы заставили его мать призадуматься, въ ея глазахъ каждый новый человѣкъ былъ въ то же время и новою опасностью. Но Арнольдъ замѣчалъ въ матери только отраженіе собственнаго душевнаго покоя. Учитель, священникъ, докторъ, почтовый и судебный чиновникъ были единственными людьми, помимо крестьянъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Но о нихъ онъ никогда не думалъ.

Только что успѣли зажечь лампу, какъ раздался стукъ въ дверь и вошелъ Максимъ Шпехтъ.

— Прошу тысячу извиненій—очень развязно и необыкновенно любезно сказалъ онъ,—барышня Ханка забыла у васъ свою шаль.

Онъ улыбнулся и это еще ярче подчеркнуло его любезность, но наряду съ этимъ въ немъ сквозило сознаніе собственнаго превосходства, какъ у человѣка, умѣющаго наблюдать окружающее и радующагося своей способности.

Шаль висѣла тутъ же на спинкѣ стула. Арнольдъ подалъ ее учителю.

— Ухъ, и желтая же она, эта вязаная штука, — сказалъ онъ, потомъ потянулъ носомъ воздухъ, понюхалъ и прибавилъ:—фу!

— Да вѣдь эта духи!—съ удивленіемъ замѣтилъ Шпехтъ.—Развѣ вамъ это не нравится?—И онъ посмотрѣлъ на него, словно на молодого медвѣдя, силища котораго такъ и подмываетъ приняться за его дрессировку и попробовать продѣлать съ нимъ разные любопытные опыты. Въ Падолинѣ онъ много наслушался всякой всячины о жизни на хуторѣ Анзорге. Арнольдъ съ своей стороны съ такимъ вниманіемъ всматривался въ лицо учителя, ярко освѣщенное лампой, точно боялся проглядѣть хоть единый волосокъ на немъ. Въ немъ одновременно шевельнулось и недовѣріе и неясно сознанная потребность товарищества.

Тактъ и скромность повелѣвали учителю, чувствовавшему на себѣ неодобрительный взглядъ хозяйки дома, откланяться. Легкимъ движеніемъ, перекинувъ черезъ плечо желтую шаль, онъ отвѣсилъ вѣжливый поклонъ и пожелалъ хозяевамъ спокойной ночи.

3.

Арнольдъ проснулся еще до зари. Пока онъ умылся, одѣлся и отправился въ конюшню, уже совсѣмъ разсвѣло. Онъ любилъ эти ранніе часы, особенно въ ясную и свѣжую октябрьскую пору. Опушка лѣса на горизонтѣ, окрашенная розоватымъ свѣтомъ, походила на темную завѣсу, мѣстами зубчатую, мѣстами убѣгающую вдаль ровною лентой. Скотину поили и она ласково мычала. За заборомъ клохтали куры и съ важностью кричали три пѣтуха. Въ саду воевала стая воробьевъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ Падолинъ, гдѣ нужно было переговорить съ мясникомъ Ураваромъ насчетъ одной коровы, Арнольдъ вернулся въ домъ закусить. Онъ засталъ у матери еврея разносчика, Алассера, два три раза въ мѣсяцъ доставлявшаго имъ матеріи, шерсть и разные другіе товары. Госпожа Анзорге много занималась рукодѣліемъ, это искусство сохранилось у нея еще отъ прежнихъ временъ.

Здороваясь съ Арнольдомъ, Алассеръ какъ-то особенно присѣлъ, въ то же время вытирая синимъ платкомъ лобъ и лысину, покрытые несмотря на ранній часъ, потомъ. Длинная темная борада почти скрывала добродушное выраженіе его лица. Получивъ деньги, онъ необыкновенно заботливо спряталъ ихъ въ старый, грязный, кожаный кошелекъ, затѣмъ взвалилъ себѣ на спину увѣсистый тюкъ съ товаромъ, почтительно ухмыляясь, поклонился и вышелъ.

Допивъ молоко, Арнольдъ объявилъ, что отправляется въ село; мать кивнула головой. Онъ лѣниво потянулся, вѣки его были полуопущены.

Благодаря живительному, прянному воздуху, дорога въ село показалась ему вдвое короче чѣмъ обыкновенно. Все кругомъ дышало миромъ.

На блѣдномъ, осеннемъ небѣ не было ни облачка. Бодро шагая впередъ, Арнольдъ почувствовалъ, что готовъ идти такимъ образомъ много дней подрядъ; движенія его становились все свободнѣе, взглядъ нетерпѣливѣе... У дороги лежалъ толстый сукъ, онъ поднялъ его, переломилъ, какъ тростинку и швырнулъ въ рѣку, лѣнивыя волны которой совершенно не отражали чистаго неба.

Село Падолинъ раскинулось довольно широко. Только въ одномъ мѣстѣ грязные и жалкіе домики тянулись не улицей, а образовывали по склону холма просторную площадь; на ней расположилась церковь, домъ священника, школа, почта и зданіе сельскаго суда. Лавка Уравара помѣщалась на верхнемъ углу площади. Войдя въ нее, Арнольдъ, къ своему удивленію увидалъ тамъ разносчика еврея, что то горячо объяснявшаго красному, какъ ракъ, мяснику и возбужденно размахивавшаго во всѣ стороны руками. На краю длиннаго прилавка, покрытаго кусками мяса и выпачканнаго кровью, небрежно засунувъ въ карманъ руки, сидѣлъ Ураваръ; онъ то поскрипывалъ зубами, то хохоталъ во все горло. Лицо у него было красное и блестящее, точно сырая говядина и безъ малѣйшаго признака какой бы то ни было растительности; только на подбородкѣ торчала бородавка съ пятью длинными волосами; благодаря ей казалось, что къ его губамъ все время подползаетъ паукъ.

— Если вы не хотите отдать мнѣ мои деньги,—говорилъ разносчикъ, я пожалуюсь на васъ въ судъ. Знаю, что изъ-за этого будетъ пропасть разной возни, но да проститъ мнѣ Богъ, моя жизнь и безъ того ни на что не похожа.

Съ этими словами онъ отеръ себѣ лобъ громаднымъ платкомъ и безпокойно засмѣялся.

Ураваръ ударилъ себя по ляшкамъ, осклабилъ ослѣпительно бѣлые зубы и сказалъ:

— Убирайся вонъ, жидюга, не то я свисну собаку,—и онъ посмотрѣлъ на спокойно стоящаго у порога Арнольда, точно ожидая отъ него одобренія.

Разносчикъ заволновался.

— Я не боюсь вашей собаки,—сказалъ онъ.—Отдайте мнѣ мои деньги и дѣлу конецъ.

Его лицо сразу поблѣднѣло, осунулось, а усталые и печальные глаза ввалились еще глубже. Какъ бы ища защиты на безлюдной площади, онъ глядѣлъ на нее, мимо Арнольда. Ураваръ вскочилъ съ своего мѣста, громадными шагами направился къ Элассеру, обхватилъ его за талію, поднялъ съ земли, точно зарѣзаннаго теленка, и потащилъ къ дверямъ. Но въ эту минуту кто-то съ такою силою впился въ его плечи, что у него хрустнули ключицы, руки сами собою разомкнулись и вывернулись назадъ. Рыча отъ бѣшенства, онъ выпустилъ еврея, такъ что тотъ соскользнулъ на землю, затѣмъ неуклюже обернулся,

пригнулъ голову къ груди и съ затаенною злобой посмотрѣлъ на осмѣлившагося вмѣшаться въ его дѣло человѣка. Но Арнольдъ отвѣтилъ на этотъ взглядъ съ такимъ спокойнымъ сознаніемъ своей силы, что мясникъ почти покорно съежился, отошелъ къ сторонкѣ и опустилъ подбородокъ, отчего паукъ крестовикъ на его губѣ тоже какъ-то трусливо сморщился.

Элассеръ, пыхтя, подобралъ съ полу свой товаръ.

— Господинъ отвѣтитъ мнѣ за это,—сказалъ онъ, указывая на Уравара.—Пословица говоритъ: что возу съ сѣномъ, что пьяному всегда уступай дорогу. Но противъ самоуправства есть законы.—Онъ съ трудомъ присѣлъ Арнольду и вышелъ изъ лавки. Избавленіе изъ рукъ мясника казалось ему столь справедливымъ, что не заслуживало даже благодарности.

Арнольдъ между тѣмъ забылъ зачѣмъ, собственно, пришелъ сюда, а потому, не сказавъ ни слова Уравару, вышелъ на площадь. Защитивъ рукой глаза отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, онъ смотрѣлъ вдаль. И все же ему казалось, что солнышко свѣтитъ теперь какъ-то тусклѣе или что горизонтъ отодвинулся дальше, а у него уже не хватаетъ свѣту для такого большого пространства.

— Чего-чего только не продѣлываетъ такой мясникъ,—подумалъ онъ про себя.

Вслѣдъ за дѣтьми, высыпавшими теперь изъ школы на противоположной сторонѣ площади, показался Максимъ Шпехтъ. Онъ безъ дальнихъ околичностей направился прямо къ Арнольду и, не то желая задобрить его, не то воздать должное за его поступки, заявилъ:

— Превосходно! Очень хорошо! Я все изъ окна видѣлъ. Наконецъ то этотъ Ураваръ наказанъ.—Приэтомъ онъ разразился мелкимъ смѣшкомъ, слегка напоминающимъ блеяніе козы, а ласковые глаза сдѣлались совсѣмъ маленькими. Онъ предложилъ Арнольду проводить его до половины дороги, ему уже такъ давно хотѣлось поближе съ нимъ познакомиться. Одѣтъ Шпехтъ былъ бѣдновато, но держалъ себя чрезвычайно ловко и развязно, разговаривалъ непринужденно, хотя и сдержанно. Его очень интересовало все касающееся Арнольда, однако, онъ умѣлъ скрыть свое любопытство; благодаря какой-то особенной смѣси непосредственности и разсудительности, присущимъ его натурѣ, ему это особенно легко давалось. Помимо этого въ его словахъ звучала увѣренность въ себѣ, пониманіе и знаніе людей и общественныхъ условій, а также и умѣнье держать себя. Послѣднее какъ бы даже преобладало надо всѣмъ остальнымъ, и онъ, повидимому, сильно полагался на это свое качество. Всякое его слово относилось именно къ тому, съ кѣмъ онъ разговаривалъ; о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ всегда зналъ основательно, что хочетъ сказать, и этимъ сильно импонировалъ своему собесѣднику; въ концѣ концовъ даже наиболѣе наивные люди и тѣ не могли постичь, какъ это онъ до сихъ поръ былъ всего только сель-

скимъ учителемъ и какъ вообще онъ могъ очутиться въ столь глухомъ мѣстечкѣ.

Шпехтъ спросилъ Арнольда, неужели ему по вкусу здѣшняя однообразная жизнь и неужели его никогда и ничто не манитъ вдаль, въ общество, въ городъ?

— Вы никогда не были въ городѣ?—спросилъ онъ, на что Арнольдъ безъ малѣйшаго смущенія, совершенно просто отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Странно, очень странно!—продолжалъ Шпехтъ.—Разговариваете вы, какъ горожанинъ, лицо у васъ, въ сущности, тоже какъ у городского жителя, внутренній міръ тоже не соотвѣтствуетъ міросозерцанію крестьянина, а между тѣмъ, вы все-таки крестьянинъ или, по крайней мѣрѣ, хотите имъ казаться... странно!

Арнольдъ съ удивленіемъ покачалъ головой. Еему стало жарко, онъ остановился и началъ стаскивать съ себя куртку, причемъ разсматривалъ учителя недоумѣвающимъ и все-таки проницательнымъ взглядомъ. Но Шпехтъ не обратилъ на это вниманія.

Они пришли къ сѣверной части села. Здѣсь, фасадомъ на улицу, стояла мыза; и самый домикъ, и конюшни, и сараи—все было хорошенькое, чистенькое и окружено новенькимъ заборомъ. Точно аппетитное кушанье на тарелочкѣ, такъ и эта небольшая усадьба красовалась среди равнины. У подъѣзда стояла молодая дѣвушка и какъ-то дѣтски-невинно улыбалась. Когда Шпехтъ распрощался съ Арнольдомъ, она плотнѣе закутала плечи и грудь желтымъ платкомъ и, стараясь во что бы то ни стало казаться веселою, пошла къ нему на встрѣчу.

4.

Послѣ полудня Арнольдъ сидѣлъ на берегу рѣки и спокойно наблюдалъ за удилищемъ, громадною дугой спускавшимся въ воду. Воротъ его рубашки былъ разстегнутъ—стояла страшная духота.

Ни одна, даже самая маленькая рыбешка не клюнула сегодня; черная поверхность рѣки не подергивалась ни малѣйшею рябью... все небо заволокло тучами, а надъ силезскими лѣсами на горизонтѣ уже разразилась гроза.

Зальша, возвращаясь изъ села, остановилась около Арнольда и принялась болтать. Исторія еврея съ Ураваромъ была уже ей извѣстна. Весь свѣтъ знаетъ, что жиды умѣютъ заговаривать скотину, что они закалываютъ христіанскихъ младенцевъ, но и Ураваръ—собака. У Алассера девятеро ребятишекъ, и деньги ему куда какъ нужны... а все-таки ему ни за что не выиграть тяжбы съ Ураваромъ...

Зальша сѣла на камень рядомъ съ Арнольдомъ, широко разставивъ колѣни подъ юбкой, она не сводила глазъ съ его обнаженной

груди. Далеко кругомъ не было ни души; казалось чего же лучше, можно бы съ четверть часика побаловаться...

Но въ концѣ-концовъ увѣрившись въ полномъ равнодушіи Арнольда, она съ презрѣніемъ покосилась на удочку, встала и пошла. Еще долго спустя до Арнольда доносилось ея притворно спокойное, а въ сущности гнѣвное пѣніе. Что до него самого, то онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли объ евреѣ, которому ни за что не добиться своего права по отношенію къ Уравару. А такъ какъ Арнольдъ, разъ какая-нибудь мысль западала ему въ голову, не умѣлъ ограничиваться лишь поверхностными размышленіями, то и теперь ощущалъ настоятельную потребность продумать все до конца, все окончательно уяснить себѣ.

И несмотря на это, въ данномъ случаѣ передъ нимъ точно выдвигалась какая-то стѣна. Неужели же есть на свѣтѣ человѣкъ, которому не добиться своихъ правъ и только потому, что онъ слишкомъ бѣденъ, жалокъ, ничтоженъ и презираемъ?

Такъ какъ гроза приблизилась, Арнольдъ вытащилъ изъ воды удочку и отправился домой. Надъ Падолиномъ уже сверкала молнія. Перекинувъ удилище черезъ плечо, онъ твердыми шагами направился черезъ засохшее пустое поле къ усадьбѣ. Мать онъ засталъ сидящею посреди комнаты, блѣдной отъ испуга—она очень боялась грозы, особенно осенней.

Но тучи понемногу разсѣялись.

— Что у тебя вышло съ Ураваромъ? — спросила госпожа Анзорге сына.

Онъ разсказалъ.

— Гораздо лучше, Арнольдъ, жить спокойно. Они только собьютъ тебя съ толку, а сами пусты, какъ солома.

— А я разговаривалъ также и со Шпехтомъ,—охотно продолжалъ повѣствовать Арнольдъ.—Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что бы я ни разу до сихъ поръ не побывалъ въ городѣ.

— Городѣ... городѣ...—пробормотала госпожа Анзорге, какъ бы охваченная тяжелымъ предчувствіемъ. Подойдя затѣмъ къ окну, она стала смотрѣть на небо, гдѣ широко раскинулась радуга.

— Подойди сюда, Арнольдъ,—позвала она сына и, когда онъ сталъ рядомъ съ нею, продолжала.—Видишь радугу? Отсюда тебѣ ее всю цѣликомъ видно... Если же ты пойдешь на улицу, гдѣ со всѣхъ сторонъ будешь окруженъ домами, то тебѣ будетъ видно лишь часть ея. А насколько твой глазъ будетъ охватывать меньшее пространство, настолько ты утратишь и счастья...

Арнольда поразило образное сравненіе матери и онъ задумался.

5.

У Ханка, новыхъ жителей Падолина, былъ гость; изъ Вѣны пріѣхалъ братъ Агнесы Ханка, Александръ. Намѣревался онъ пробыть у

нихъ три дня, только чтобы переговорить о дѣлахъ по наслѣдству и одновременно обсудить все, касающееся Беаты, опекуномъ которой состоялъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Агнеса, уступая его желанію, взяла ее къ себѣ; тогда онъ только что вырвалъ бѣдную сиротку изъ рукъ недобросовѣстныхъ родственниковъ, семьи своего управляющаго въ Богеміи. Александръ Ханка, котораго весь свѣтъ считалъ за приверженца рутинной семьи и за воплощенное благоразуміе, въ то время неожиданно задался совершенно фантастическимъ планомъ: онъ составилъ себѣ идеалъ женщины, сбросившей съ себя всѣ оковы общепринятаго, внутренно освободившейся, сильной, правдивой и ничѣмъ не ослѣпленной. Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, и онъ съ легкою досадой вспоминалъ о своемъ тогдашнемъ легковѣріи. Что касается Беаты, то она считала его довольно равнодушное отношеніе весьма удобнымъ для себя; не чувствуя себя связанною благодарностью, она, по крайней мѣрѣ, относилась къ своему покровителю прямо, отдавала должное его достоинствамъ, признавала, что онъ для нея много сдѣлалъ, часто даже выказывала ему своего рода довѣріе, но какъ-то совсѣмъ по своему, не безъ нѣкотораго высокомѣрія. Докторъ Ханка прибылъ въ Падолинъ, когда уже солнце близко склонялось къ западу. Весь воздухъ былъ пропитанъ запахомъ смолы; проходящіе крестьяне кланялись ему; на выгонѣ паслись коровы и неодобрительно смотрѣли на пріѣзжаго изъ города.

Ни Агнесы, ни Беаты не было дома. Съ помощью нѣсколькихъ извѣстныхъ ему богемскихъ словъ онъ разспросилъ служанку и узналъ, что сестра у пастора, а Беата неизвѣстно гдѣ. Отвѣтъ вполнѣ удовлетворилъ его и онъ усѣлся ждать ихъ на скамью передъ домомъ, скрестивъ свои необычайно длинныя ноги, и закурилъ. Царившая кругомъ тишина и небо, которое онъ не привыкъ видѣть столь необъятнымъ, изгладили изъ его памяти досаду, вызванную необходимостью этой поѣздки въ деревню. Легкимъ движеніемъ вѣкъ, какъ бы одобряя себя, онъ благосклонно предался самосозерцанію и анализу собственныхъ мыслей.

Вдругъ, когда онъ весь погрузился въ свои думы—за это время уже начало смеркаться,—до его ушей донесся возгласъ удивленія. Сзади подошла къ нему Беата въ сопровожденіи Максима Шпехта. Неловкимъ и дѣланнымъ жестомъ, однимъ изъ тѣхъ, которымъ обучаютъ во время уроковъ танцевъ, дѣвушка представила мужчинъ другъ другу. Какъ у учителя, такъ и у нея лица были нѣсколько возбужденныя и имъ, повидимому, было очень весело. Шпехтъ, очевидно самъ наслаждаясь своимъ умѣньемъ передавать видѣнное, сталъ разсказывать о встрѣчѣ на Ломницкой дорогѣ съ Арнольдомъ Анзорге, съ которымъ они превесело провели время.

— Онъ спросилъ, есть ли у меня возлюбленный,—со смѣхомъ выпалила Беата.

— Но забавно, главнымъ образомъ,не то,что онъ говоритъ,—глубокомысленно замѣтилъ Шпехтъ,—а то, какъ онъ васъ слушаетъ, какъ его удивляетъ и какъ онъ взвѣшиваетъ каждое сказанное вами слово. Какъ бы то ни было, онъ далеко не глупъ.

— А кто такой этотъ Арнольдъ Анзорге?—холодно спросилъ Ханка; ихъ возбужденіе и шутливый разговоръ ему были не по вкусу. Между тѣмъ, вернулась и Агнеса Ханка; встрѣча брата и сестры была самая сердечная. Александръ поздоровался съ нею со свойственною ему вѣжливостью и нѣсколько насмѣшливою сдержанностью, а Агнеса съ выраженіемъ безграничнаго уваженія и нѣжнаго вопроса въ добрыхъ глазахъ. Такъ какъ она была глуховата, то изъ боязни чего-либо не разслышать и еще больше изъ опасенія слишкомъ затруднить своего собесѣдника она вообще говорила мало.

Всѣ четверо вошли въ домъ, но Шпехтъ вскорѣ откланялся, потому что тактъ и болѣзненно развитая впечатлительность подсказали ему, что онъ здѣсь лишній, и что Ханка не совсѣмъ доволенъ присутствіемъ посторонняго, хотя непроницаемое лицо доктора ничѣмъ не выдавало этого чувства. Когда Агнеса ушла хлопотать на кухню, Ханка спросилъ Беату, что собственно представляетъ изъ себя этотъ учитель?

Въ отвѣтъ Беата посмотрѣла на расхаживающаго по комнатѣ Ханка съ истинно женскою снисходительностью. Обхвативъ колѣни руками, она нѣсколько перегнулась впередъ и, тихонько покачиваясь, начала осыпать похвалами Шпехта. Онъ хотя и бѣденъ теперь, но зато въ будущемъ, она твердо убѣждена, добьется чего-нибудь очень значительнаго; только нужда загнала его сюда, но скоро онъ пошлетъ къ чорту свое учительство, потому что вѣдь онъ весь, какъ есть весь, «соціалистъ», но это глубокая тайна, и Ханка не долженъ объ этомъ болтать.

Ханка остановился прямо передъ нею, широко разставивъ ноги и всѣмъ корпусомъ раскачиваясь взадъ и впередъ, причемъ добродушно посмѣивался, хотя вокругъ полнаго мясистаго рта змѣйкой пробѣгала иронія. Каждое движеніе его длиннаго, худого тѣла выражало благоволѣніе съ примѣсью нѣкоторой доли насмѣшки.

Въ первый разъ за весь день заглянулъ онъ прямо и внимательно въ лицо Беаты; оно нравилось ему, особенно узенькія, черныя брови надъ переливающимися всѣми оттѣнками словно перламутровыми глазами. Потомъ онъ взглянулъ на самого себя, такъ какъ за темною головкой дѣвушки висѣло зеркало. Ему показалось, что никогда раньше онъ не видывалъ ничего столь безобразнаго: длинный и мясистый носъ, низкій лобъ, лицо блѣдное, напоминающее своимъ окладомъ Мефистофеля. Пораженный, онъ ужаснулся.

— А вѣдь уже два года, какъ мы не видались съ тобою, Беата, сказалъ онъ.—Какъ же ты поживаешь? Агнеса писала мнѣ, что ты

потихонечку убѣжала изъ дому, чтобы гдѣ-то потанцовать. Какъ же было дѣло?

Отъ избытка чувства его голосъ вибрировалъ и онъ какъ-то особенно глубоко произносилъ букву *о*, все это возбудило смѣшливость Беаты.

— Въ настоящее время танцы не доставляютъ мнѣ ровно никакого удовольствія,—соврала она и тутъ же очень ловко присоединила къ первой и вторую ложь:—я вѣдь теперь очень много читаю.

— Гмъ... гмъ... Вліяніе господина Шпехта,—съ дѣланнымъ спокойствіемъ, намѣренно доведеннымъ до крайности, замѣтилъ Ханка. И въ ту же минуту въ его воображеніи встало лицо молодого учителя съ гладко выбритымъ подбородкомъ и ловкими манерами.

Окна были раскрыты, въ нихъ врывался прохладный, осенній вѣтерокъ, лампа привѣтливо свѣтилась, а со стѣнъ глядѣли на него давнымъ-давно знакомыя картины... Беата, желая выказать свое трудолюбіе, взяла чулокъ; въ ту же минуту Агнеса просунула въ дверь свое раскраснѣвшееся отъ плиты лицо и радостно справилась насчетъ состоянія аппетита Александра. Ханка дѣлалъ разныя замѣчанія насчетъ жизни въ деревнѣ или молча курилъ папиросу, временами поглядывая на Беату.

Агнеса уставила столъ такимъ множествомъ кушаній, точно готовила ужинъ на цѣлый взводъ солдатъ и при этомъ еще извинялась, что того-то или другого нельзя было раздобыть въ деревнѣ. Беата передавала Ханка одно блюдо за другимъ и онъ, въ концѣ концовъ, до того наѣлся, что впалъ въ своего рода оцѣпенѣніе. Выпятивъ губы и состроивъ гримасу, онъ повертывалъ шею, точно утка въ водѣ, и, наконецъ, заявилъ, что, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ завтра же уѣхать. Беата повторила его слова Агнесѣ, а та съ кроткимъ упрекомъ посмотрѣла на брата.

— Долженъ?—выразительно переспросила она.

Вскорѣ затѣмъ молодая дѣвушка ушла спать, а братъ съ сестрой долго еще вели дѣловой разговоръ. Но въ самый разгаръ его Ханка сталъ вдругъ разсѣяннымъ, вниманіе его расплылось, и, точно во время сна, въ его воображеніи стали носиться какія-то свѣтлыя тѣни. Въ верхнемъ этажѣ дома распахнулось окно и голосъ Беаты затянулъ пѣсню, которой она научилась у одной чешки:

Kudy, kudy, vede cestička
Pro mého jenička...

Это значило, что хотя милый и отправляется въ даль искать себѣ богатую невѣсту, но она любитъ его попрежнему...

6.

Такъ какъ за ночь слегка подморозило, то Арнольдъ вызвался обернуть на зиму фруктовыя деревья соломой. Зальша помогала, таская

изъ сарая охапки соломы и подавая ему. Она была разстроена, грустна и старалась притворнымъ равнодушіемъ обратить на себя вниманіе Арнольда. Онъ же, стоя на лѣстницѣ, любовался огненнымъ дискомъ солнца, прорѣзывавшимся сквозь туманъ. Протянувъ руку внизъ, чтобы взять солому, онъ встрѣтился взглядомъ съ Зальшей. Полька поблѣднѣла, оскалила зубы и тихонечко свистнула. Еще съ секунду простояла она молча, потомъ повернулась, вошла въ домъ и рѣшительными шагами направилась прямо къ хозяйкѣ съ такимъ выраженіемъ, будто имѣла много чего сообщить ей. Госпожа Анзорге встрѣтила Зальшу улыбкой и тотчасъ же положила свое вязанье на колѣни. Но это и лишило молодую крестьянку всякаго самообладанія и она даже забыла, что собственно ей надо. Прикрывъ лицо обнаженною рукой, она начала громко всхлипывать. Улыбка на лицѣ хозяйки постепенно выразила всѣ чувства, свойственныя женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ: жалость, добродушную насмѣшку, легкую растерянность и пренебреженіе, а сквозь все это, подобно слабому блеску, пробивалась гордость сыномъ, который могъ причинить такое огорченіе. Она встала, отложила свою работу въ сторону, положила обѣ руки на плечи работницы и сказала:

— Это пройдетъ, Зальша, для тебя у Господа Бога найдется тысячи другихъ. А теперь ступай, ступай; на ярмарку ты получишь отъ меня новую юбку.

Увидавъ у садовой калитки какого-то человѣка, ведущаго за руку молоденькую дѣвушку, Арнольдъ слѣзъ съ лѣстницы, равнодушно оттолкнулъ валяющуюся на дорогѣ солому и направился къ нему. Подойдя ближе, онъ узналъ разносчика Алассера. Боязливо и униженно обнажилъ еврей свою плѣшивую голову и спросилъ, не согласится ли господинъ быть свидѣтелемъ по его дѣлу съ Ураваромъ, т.-е. вѣрнѣе съ его стороны это было лишь предупрежденіемъ, желаніемъ самому сообщить Арнольду о предстоящемъ и этимъ умѣрить его гнѣвъ за непріятныя хлопоты и въ то же время выказать свою благодарность за нихъ. Въ сущности же, несмотря на всю свою почтительность, онъ былъ кратокъ; несмотря на приторную ласковость, его обращеніе ясно говорило, что, если на то пойдетъ, такъ Арнольду никакъ не придется отвертѣться отъ согласія; но тотъ и не думалъ отказываться и посмотрѣлъ на дѣвочку, пришедшую вмѣстѣ съ Аласеромъ. Рѣзкій контрастъ между ея дѣтскою фигуркой и чрезмѣрною зрѣлостью выраженія лица, почти испугалъ его.

— Поблагодари господина, Ютта,—бормоталъ Аласеръ, тормоша ее за руку.

Малютка сбоку окинула Арнольда боязливымъ и испытующимъ взглядомъ. Ей могло быть около 13—14 лѣтъ. Мечтательные глаза казались какъ бы утомленными; въ нихъ отражались перенесенныя предыдущими поколѣніями испытанія, которыя и помѣшали естественному развитію ея организма.

Госпожу Анзорге поразило извѣстіе о предстоящемъ дѣлѣ Арнольда. Хотя она не ждала отъ него ни дурнаго, ни хорошаго, но начинала догадываться, что невозможно управлять жизнью, хотя бы только тѣснымъ кругомъ своего собственнаго міра, не принявъ въ разсчетъ даже случайнаго полета пчелы, и что на землѣ нѣтъ неограниченной власти помимо той, что управляетъ даже этимъ полетомъ.

Арнольда тянуло вонъ изъ сферы сужденій матери—они казались ему не стоющими вниманія, поэтому онъ пошелъ бродить по опустѣвшимъ лугамъ и, сдѣлавъ громадный обходъ вокругъ сада, свернулъ вправо отъ почтоваго тракта и направился прямехонько на солнце. Иней уже начиналъ таять и въ видѣ капелекъ росы блестѣлъ на коротенькихъ стебелькахъ травъ на мерзлой землѣ. Арнольдъ шелъ нѣсколько часовъ подрядъ. Ему не хотѣлось заходить въ лѣсъ, такъ какъ просторъ и ясный воздухъ дѣйствовали на него даже лучше всякаго купанья. Такимъ образомъ онъ добрелъ до деревни Коморнъ, расположенной на странномъ, почти кубическомъ холмикѣ. Ряды маленькихъ, бѣленькихъ домиковъ производили впечатлѣніе стѣнъ крохотной крѣпостцы и опрятно свѣтились на полуденномъ солнцѣ. Голубовато-сѣрое небо точно касалось ихъ. Изъ дальнихъ трубъ поднимались къ нему тоненькія струйки дыма; на крутомъ склонѣ паслись коровы, людей не было видно. Не обращая вниманія на осеннюю сырость почвы, Арнольдъ растянулся во всю длину посреди луга и положилъ подъ голову камень. Вокругъ далеко, далеко, словно море, разстилалась долина; слѣва границей служилъ кубическій холмъ Коморна, а направо у дороги торчало три березки и искалѣченный непогодами тополь. Наверху по небу ползли другъ къ другу два облака, то вытягиваясь какъ руки, то напоминая головы, а потомъ вновь превращаясь въ растянутыя, безформенныя испаренія. Арнольду не надоѣдало смотрѣть вверхъ, изобиліе бѣлаго свѣта не слѣпило его; ничего грустнаго или сладостнаго онъ не ощущалъ—просто думалъ: здѣсь хорошо лежать, или: здѣсь сегодня тише обыкновеннаго. Одиночество не могло, если можно такъ выразиться, окрылить его, оно ничего ему не давало, но ничего и не отнимало, а лишь больше и лучше укрѣпляло его *я*. Онъ смотрѣлъ на какой-нибудь камень, корень, тѣнь, повозку на улицѣ и уже это вызывало въ немъ сознаніе своего единства со вселенной.

Изъ двухъ темныхъ облаковъ образовалось цѣлое множество ихъ. Медленно ползли они надъ Коморномъ, направляясь другъ къ другу, хмурые, грозные, точно готовясь на бой. Теперь уже бѣлый, яркій свѣтъ падалъ на землю, словно сквозь отдѣльныя отверстія; но потомъ и тѣ затянулись; два огромныхъ, черныхъ пятна расположились въ видѣ форпостовъ. Арнольдъ ждалъ, что будетъ дальше: они вытянулись въ длинныя, сѣрыя линіи, точно кавалерія, готовящаяся развернутымъ фронтомъ къ атакѣ; березки задрожали, тополь весь скорчился, дождевая капля упала въ земляную расщелину около самого уха

Арнольда, и онъ слышалъ, какъ она шлепнулась; полевая мышь испуганно бросилась ко рву, коровы стали взбираться по склону холма. Вскорѣ весь воздухъ кругомъ переполнился свѣтлыми прозрачными точками—шелъ дождь.

Поймавъ языкомъ нѣсколько капель, Арнольдъ всталъ, чтобы идти домой. Вскорѣ онъ очутился внѣ области дождевыхъ облаковъ; въ томъ направленіи, по которому онъ шелъ, дорога была суха. Очнувшись, онъ увидалъ, что Коморнъ уже кажется не болѣе муравьиной кучи. Черезъ какихъ-нибудь полтора часа, но уже далеко за полдень, онъ настолько приблизился къ Падолину, что ярмарочная музыка, въ видѣ дикаго шума, стала долетать до его ушей. Что-то потянуло его туда. Возвращаться домой ему сегодня было какъ-то труднѣе обыкновеннаго: у него явилось ощущеніе, что тамъ его ждетъ нѣчто болѣе темное, нежели та сила, что жила въ немъ самомъ.

Онъ быстро направился къ селу. Дома и улицы, все было полно разгуломъ по случаю храмового праздника. Изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ понаѣхали крестьяне съ женами, вырядившимися въ пестрые платки. Отличить музыку отъ стоявшаго въ воздухѣ гама не было никакой возможности. Харчевни уже не вмѣщали посѣтителей, и тѣ кое-какъ пристраивались въ сѣняхъ или на улицахъ, на балкахъ, обрубкахъ, тюкахъ и бревнахъ, кричали, играли въ карты, торговались и орали пѣсни. Всѣ лица были багровы, точно ихъ вымазали краской. Нѣсколько человѣкъ пьяныхъ рабочихъ валялось прямо на площади, они тяжело переводили дыханіе; Зальша стояла тутъ же и каждый изъ нихъ, по очереди, протягивалъ ей свою кружку. Вся площадь была биткомъ набита народомъ, точно хорошо упакованный ящикъ. Ураваръ стоялъ передъ своею лавкой и о чемъ-то ораторствовалъ, причемъ паукъ-крестовикъ на его подбородкѣ расправилъ всѣ свои лапы, точно подкарауливалъ добычу. Шарманки визжали, продавцы селедокъ выкрикивали свой товаръ, дѣти, точно ящерицы, шныряли между ногъ взрослыхъ, изъ открытыхъ дверей церкви вырывался запахъ ладона, смѣшиваясь съ зловоніемъ селедокъ. Еле расчищая себѣ дорогу среди этой толкотни, пробиралась церковная процессія съ пестрыми хоругвями и соннымъ пѣніемъ. При ея приближеніи нѣкоторые изъ близъ стоящихъ творили крестное знаменіе, наскоро присѣдали, а затѣмъ снова бросались въ самую гущу народа. Вечерѣло и становилось все тѣснѣе. Арнольда втиснули въ сѣни «Золотой звѣзды», откуда доносилась музыка для танцевъ. Какой-то человѣкъ отчаянно вопилъ, потому что весь его товаръ—разноцвѣтные шары, взлетѣлъ на воздухъ. Пять служанокъ, держась за руки, точно шеренга солдатъ, выскочили изъ подворотни и со смѣхомъ затянули пѣсню. Позади нихъ неожиданно показался Максимъ Шпехтъ, и улыбаясь, знаками сталъ подзывать Арнольда. Тотъ, было, и хотѣлъ послѣдовать его приглашенію, да въ это время продавецъ волшебныхъ напитковъ собралъ около себя цѣ-

лую кучу гулякъ и проходъ оказался отрѣзаннымъ. Оглянувшись Арнольдъ увидалъ рядомъ съ собою еврея-разносчика. Его печальная фигура, неподвижно—покорное лицо и трезвый, твердый взглядъ до того выдѣлялись среди этой толпы, что тотъ невольно спросилъ его, чего собственно ему здѣсь нужно. Алассеръ отвѣтилъ почти механически, точно онъ ужъ нѣсколько часовъ искалъ и не находилъ случая высказать то, что повидимому его очень мучило.

Его дочь, Ютта, исчезла, повѣствовалъ онъ тономъ дѣлового человѣка, съ ничего не выражающею привѣтливостью. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ они вернулись изъ усадьбы милостиваго господина Анзорге, она и пропала. Иногда, раньше, по праздникамъ она ходила въ трактиръ помогать мыть стаканы—но теперь ее тамъ не оказалось. Странно, но исчезновеніе дѣвушки сильно смутило и обезпокоило Арнольда; здѣсь, среди пьяныхъ скотовъ, его душѣ было необходимо ухватиться за что либо человѣческое. Онъ задумался и ему стало представляться, что крошка Ютта заблудилась въ лѣсу. Онъ хотѣлъ подробнѣе разспросить Алассера, но того уже не оказалось съ нимъ рядомъ; его оттѣснили, а самъ Арнольдъ очутился у входа въ залъ бокъ о бокъ со Шпехтомъ и Беатой. Шпехтъ тотчасъ же взялъ его подъ руку и привѣтливо, почти нѣжно, спросилъ, какъ онъ поживаетъ. Арнольдъ въ отвѣтъ на эту необыкновенную любезность лишь сконфуженно пожалъ плечами, такъ какъ не съумѣлъ найти подходящаго тона. Онъ съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на ноги танцующихъ, потому что неуклюжія, деревянныя и смѣшныя движенія всегда возбуждали въ немъ это чувство. На верху на эстрадѣ, точно гномы, ютились музыканты, наполовину скрытые стоящими въ воздухѣ людскими испареніями. Беата, вся разгорѣвшаяся, тономъ, въ которомъ сквозила непонятная короткость и затаенное коварство, вспыхивавшее также и въ глазахъ, спросила Арнольда, развѣ онъ впервые на ярмаркѣ, что смотритъ на все съ такимъ удивленіемъ? И ея порывистость и дѣланная веселость, все было какъ-то неестественно.

— Нѣтъ, какже, бывалъ и раньше—равнодушно отвѣтилъ Арнольдъ— но я уже забылъ, что видѣлъ тогда.

И въ самомъ дѣлѣ, годъ составлялъ для него уже цѣлую эпоху и ему было трудно не забыть, что произошло за этотъ періодъ времени. Беата умчалась танцовать съ крестьянскимъ парнемъ исполинскаго роста; Шпехтъ также куда то скрылся. Душный залъ съ мутными огнями походилъ на адъ въ миніатюрѣ и Арнольду скоро стало казаться, что не люди, а сами стѣны вертятся вокругъ него. Онъ стоялъ у самой стойки и не могъ протискаться ни взадъ ни впередъ, а потому уставился въ туманъ, въ которомъ мелькали головы танцующихъ и тряслись ихъ плечи. Трактирщица поставила передъ нимъ пиво; его мучила жажда и онъ залпомъ опорожнилъ кружку. Въ эту минуту мимо него промчалась Беата, юбки ее высоко взвивались по воздуху, каза-

лось кавалеръ несетъ ее на рукахъ, его громадные сапожищи стучали при этомъ громче остальныхъ. Потомъ вдругъ она съ учителемъ опять очутилась рядомъ съ нимъ. Оба смотрѣли на него. Лицо Шпехтъ было сѣро, онъ держалъ руку дѣвушки поверхъ локтя и что-то бормоталъ сквозь зубы, нижняя губа его тряслась отъ волненія. Беата отвѣтила ему долгимъ взглядомъ, выражавшимъ одновременно влюбленность, рѣшительность и чрезвычайную разнузданность чувствъ. Волосы ея прилипли къ вискамъ, Арнольдъ видѣлъ какъ бились у нея жилки на шеѣ, какъ горѣли уши, а лицо было блѣдно. Въ слѣдующее же мгновеніе два пьянныхъ мужика, что то лепетавшіе по чешски, скрыли ихъ изъ глазъ Арнольда. Протискавшись къ дверямъ, онъ уже вышелъ наружу, когда услыхалъ за собою голосъ—это опять былъ Шпектъ, который взялъ его подъ руку и вѣжливо попросилъ у него позволенія сопровождать его. Арнольдъ не нашелся что отвѣтить.

«Всякій имѣетъ право идти, куда ему вздумается», подумалъ онъ. Слыша, какъ запыхался учитель, онъ понялъ, что тотъ очень торопился догнать его.

— Побудемъ еще немного вмѣстѣ, — снова попросилъ Шпехтъ. Мнѣ не хочется оставаться одному. Всего семь и мы успѣемъ еще отлично прогуляться.

Арнольдъ кивнулъ головой полуравнодушно, полузаинтересованный.

Вскорѣ шумъ и гамъ остались далеко позади нихъ. Надъ землей разстилалась ночь, но дорогу было ясно видно, такъ какъ на юго-востокѣ блестѣла первая четверть луны. Послѣ ярмарочнаго шума ширь и тишина полей казались имъ еще въ тысячу разъ значительнѣе.

7.

— Такое мужичьё,—первый заговорилъ Шпехтъ, послѣ того, какъ съ четверть часа они шли молча.

— Въ одинъ праздничный день пропиваетъ все скопленное съ такимъ трудомъ за лѣто.

Въ голосѣ его слышалось бѣшенство и ненависть, точно онъ бросалъ кому-то обвиненіе, ничего общцаго съ его чувствомъ не имѣющее, а потому оно тотчасъ же и умерло безъ отклика. Арнольдъ молчалъ, онъ не зналъ, что ему отвѣчать.

— Да вообще, что это за жизнь,—продолжалъ Шпехтъ, всѣми движеніями выражая отчаяніе.—Что я рабъ, что ли, каждаго олуха? Развѣ смѣетъ всякій дурацкій мужикъ разыгрывать передо мною начальство? О, я весь горю... самъ не знаю отчего. — Онъ взмахнулъ руками, остановился и глубоко вздохнулъ.—Совѣтую вамъ, избѣгайте женщинъ, особенно тѣхъ, что корчатъ изъ себя существа, способныя понять васъ, тотчасъ же вновь началъ онъ.—Смотрите на меня—развѣ я, какой я есть, ни на что, кромѣ любовныхъ вздоховъ, уже непригоденъ? Развѣ

нѣтъ на свѣтѣ крупныхъ дѣлъ, на которыя и я бы пригодился? О будь они прокляты! Дьявольская жизнь!—Повидимому Шпехтъ хотѣлъ самъ себя ободрить, вновь обрести себя. Слова, подобно горячимъ каплямъ, такъ и срывались у него съ языка. Потомъ онъ разозлился на Арнольда, шедшаго рядомъ съ нимъ, какъ воплощенное душевное равновѣсіе и сознаніе собственной силы.

— Да, вотъ и вы,—сказалъ онъ,—вѣдь вы живете словно кротъ подъ землей. Конечно, вы изъ себя представляете нѣчто; но вѣдь надо чѣмъ-нибудь быть и для другихъ.—Вся его любезность и вкрадчивость исчезли безъ слѣда, и слова были ѣдки, рѣзки и полны горечи.

Но Арнольдъ не понялъ этого. Онъ думалъ—учитель злится на то, что его дама пошла танцовать съ другимъ, но зачѣмъ придавать этому такое значеніе? И онъ внимательно прислушивался къ крику дичи вдали. Село давно исчезло у нихъ изъ виду и они молча шли вдоль опушки лѣса. Весь лугъ сверкалъ серебромъ; пронзенный луннымъ свѣтомъ туманъ наполнялъ рѣдкимъ серебромъ все пространство между небомъ и землей, а изъ лѣсу въ то же время выглядывала безпросвѣтная и безмолвная черная ночь. Передъ ними вырисовалась ограда монастыря фелиціановъ. Надъ высокими вратами блестѣлъ крестъ.

Это былъ районъ охоты Арнольда; здѣсь онъ зналъ каждую травку, каждое птичье гнѣздо и каждое дерево имѣло въ его глазахъ свою собственную физіономію. Здѣсь же онъ чувствовалъ себя ближе къ небу, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, а когда растягивался на землѣ, къ нему точно спускался самъ Господь; но не Богъ, созданный имъ самимъ для себя, или вѣру въ котораго онъ перенялъ бы у другихъ, но тотъ, который выросъ вмѣстѣ съ нимъ, другъ, хотя намѣренія Его и не всегда были ему понятны и уразумѣніе ихъ, благодарное уразумѣніе лишь наступало гораздо позже. Богъ и Арнольдъ были самые близкіе друзья, у нихъ не было тайнъ другъ отъ друга, ибо Господь всегда держалъ громадную книгу созданнаго имъ бытія открытой и съ кроткою наставительностью то серьезно, то съ улыбкой переворачивалъ ея страницы. Онъ ни на что не гнѣвался и ни отъ чего не остерегалъ. Его сущность была въ допущеніи и поученіи; радость исходила изъ него и единственно, что было въ немъ чудеснаго и необыкновеннаго, такъ это его невидимость. Но помимо этого, Арнольдъ во всемъ и всегда ощущалъ его близость и постоянное присутствіе—какъ въ сладости меда, такъ и въ ночныхъ грёзахъ, услаждавшихъ его сонъ. Но при всемъ томъ, хотя Арнольдъ и не «раздумывалъ» о Богѣ, онъ постоянно жилъ и творилъ въ немъ. Но если въ его присутствіи кто-нибудь призывалъ имя Господне или торжественно говорилъ о Немъ—ему всегда становилось смѣшно.

— Мы зашли очень далеко,—задумчиво проговорилъ Шпехтъ, глядя на часы, которые пришлось поднести къ самымъ глазамъ; потомъ онъ прислонился къ дереву и, стараясь по возможности скрыть свое удив-

леніе, всматривался въ Арнольда, стоявшаго противъ него. Разставивъ ноги точно при ходьбѣ, онъ поднялъ кверху лицо, обрамленное каштановыми волосами, старательно откинутыми со лба; казалось, онъ къ чему-то прислушивается. Нѣсколько длинный, прямой и довольно широкій носъ придавалъ лицу выраженіе зрѣлости.

Учитель сломалъ вѣтку и согнулъ ее; его глаза свѣтились задумчивою заботой. Душа его какъ бы очистилась и теперь онъ ужъ совершенно иначе прислушивался къ шуму вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ; теперь въ немъ заговорили иныя страданія, и его томило уже чувство собственнаго одиночества, еще обостренное аналогичнымъ ощущеніемъ, вызваннымъ ночью. А передъ нимъ стоялъ Арнольдъ. Однимъ своимъ присутствіемъ, только тѣмъ, что молча сопровождалъ его, онъ вызвалъ въ душѣ учителя чувство глубокаго покоя и тихаго довольства.

Они прошли еще немного дальше, до самой ограды монастыря, гдѣ Шпехтъ усѣлся на каменную скамью. Хотѣлъ ли онъ дать отчетъ Арнольду, или выказать ему свою благодарность, но онъ сталъ разсказывать о своей дѣятельности въ качествѣ учителя и тѣхъ общественныхъ задачахъ, что влекли его прочь изъ моравской пустыни въ совершенно иныя мѣста; потомъ онъ сообщилъ о своей библіотекѣ, о безсонныхъ ночахъ проведенныхъ за чтеніемъ и, наконецъ, какъ-то стыдливо и глухо намекнулъ и на свои стѣсненныя денежныя обстоятельства. Говорилъ онъ просто, хотя ночь придавала его рѣчамъ нѣкоторую подавленность. Ему казалось, что онъ обязанъ исповѣдаться передъ этимъ человѣкомъ и при этомъ совершенно забылъ его сравнительную молодость. Какой-нибудь часъ, подобный этому, проведенный вдвоемъ, часто связываетъ мужчинъ болѣе тѣсными узами, нежели продолжительная бесѣда при солнечномъ свѣтѣ, когда каждый расплывается въ изъявленіяхъ поверхностной симпатіи. Съ Арнольдомъ этого не могло случиться—онъ не ощущалъ внутренней неудовлетворенности, которая толкала бы его на откровенныя изліянія; но такъ какъ въ то же время для него еще не существовало ничего давнымъ давно знакомаго и что бы ему уже надоѣло, то онъ слушалъ слова учителя съ большимъ интересомъ. Наконецъ, Шпехтъ поднялся и заявилъ, что пора домой. На обратномъ пути онъ еще много разсказывалъ интереснаго, такъ какъ умъ у него былъ подвижной, дѣятельный и онъ съ неутомимой жаждой постоянно искалъ завязать новыя сношенія и пріобрѣсти новыя симпатіи.

Площадь и улица Падолина точно вымерли; опустѣвшіе навѣсы торговцевъ при лунномъ свѣтѣ казались скелетами домовъ. Пожавъ Шпехту руку, Арнольдъ быстро зашагалъ по направленію хутора Анзорге.

8.

На другое утро, въ то время какъ Арнольдъ завтракалъ съ матерью, въ комнату вошла Урсула и сообщила имъ, что монашенки-фе-

лиціанки укрыли въ своемъ монастырѣ дочь жида Аляссера. Четырнадцать часовъ родители понятія не имѣли, гдѣ находится ихъ ребенокъ и лишь около полуночи, благодаря чистѣйшей случайности, обнаружилось его мѣстопребываніе. Тогда жидъ съ жандармскимъ вахмистромъ Виттекомъ тотчасъ же отправился въ монастырь. Но это ни къ чему не привело и ему пришлось вернуться домой одному.

— Урсула опять разсказываетъ какія-то чудеса,—насмѣшливо замѣтила госпожа Анзорге. Но Арнольдъ тотчасъ же вспомнилъ глухое безпокойство и опасенія разносчика наканунѣ вечеромъ, когда онъ его встрѣтилъ у входа въ «Золотую звѣзду».

— Да вѣдь нельзя же такъни съ того, ни съ сего похитить дѣвушку,—съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Говорятъ, что жидовъ слѣдуетъ крестить,—съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ отвѣтила Урсула.

Немного спустя явился изъ Падолина булочникъ и въ свою очередь сообщилъ о происшедшемъ. Арнольдъ присутствовалъ при его разсказѣ и его удивленіе все возрастало.

— Не понимаю,—сказалъ онъ матери.—Вѣдь они попросту украли ребенка. Зачѣмъ?

— Да вѣдь ты слышишь, Арнольдъ, чтобы окрестить его.

Онъ опустилъ глаза.

— Но вѣдь родители не желаютъ этого,—возразилъ онъ.

— Это не поможетъ. Можетъ статься, что самъ ребенокъ этого желаетъ. Вѣдь если дѣвочкѣ минуло 14 лѣтъ, то въ вопросахъ религіозныхъ власть родителей уже недѣйствительна.

— А если и дѣвушка *не* желаетъ?—настаивалъ Арнольдъ.

Мать только пожала плечами.

— Вѣдь въ такомъ случаѣ онѣ обязаны будутъ вернуть ея родителямъ, не такъ ли?

Госпожа Анзорге вторично пожала плечами.

Арнольдъ отправился въ садъ помогать въ садовыхъ работахъ, но мысли его были далеко. Иногда онъ останавливался и задумчиво поглядывалъ въ сторону Падолина, будто тамъ совершалось что-то требовавшее его присутствія. Иногда онъ кивалъ головой, точно желая сказать: «Ну, и достанется же имъ? Только немножко надо потерпѣть». Когда кто-нибудь появлялся на дворѣ усадьбы, онъ спѣшилъ туда же и слушалъ о чемъ идетъ рѣчь. Около полудня онъ отправился въ село. Было холодно, лужи на лугахъ подернулись тонкою, прозрачною ледяной корой.

— Если осенью слишкомъ рано начинаются заморозки, то зима бываетъ малоснѣжная,—пробормоталъ онъ про себя.

— Зачѣмъ я пришелъ сюда?—самъ себѣ задалъ онъ вопросъ, дойдя до главной площади села.—Любопытно, что ли, что сталось съ монашенками? Лучше, братъ, шагай-ка обратно. Но въ то же время онъ,

почти помимо воли вошелъ въ угловой трактиръ Ульмана. Въ немъ въ это время находились мужики, рабочіе, поденьщики, люди не находившіе себѣ работы и даже нѣсколько бабъ; всѣ они горланили. Арнольдъ потребовалъ себѣ стаканъ чаю. Старый, толстый крестьянинъ, съ лицомъ подагрика, отъ котораго за версту несло водкой, съ перекосившимся на сторону ртомъ, точно ему попалъ лимонный сокъ на языкъ, громко заявилъ, что наконецъ-то настало времячко, когда жидюгамъ приходитъ конецъ.

— Крестить ихъ надо или сжигать,—въ свою очередь оралъ какой-то парень, у котораго сквозь разодраную рубаху просвѣчивала голая грудь. Еврей-шинкарь съ жиденькой бороденькой, окаймлявшей все лицо, хохоталъ во все горло. Какая-то изрытая оспой бабенка утверждала, что самъ папа и епископъ приказали монашенкамъ окрестить всѣхъ жиденятъ.

Арнольдъ спросилъ у тощаго и прилизаннаго приказикач, гдѣ живетъ Алассеръ, и отправился къ нему. Весь Падолинъ вытянулся въ длинную улицу съ рядами низкихъ домовъ; къ ней примыкалъ одинъ единственный переулокъ, а въ немъ-то, у самаго берега рѣки, и жилъ Алассеръ. Такъ какъ переулокъ шелъ книзу, то, благодаря грязнымъ лужамъ, навознымъ кучамъ, сваленному здѣсь мусору, онъ былъ почти что непроходимъ. Его недоступности способствовалъ также оглушительный крикъ проживающихъ здѣсь птицъ.

Съ домика, гдѣ жилъ Алассеръ, обвалилась большая часть штукатурки. Дверь стояла настежъ, войдя въ нее, Арнольдъ увидалъ, что и во вторую комнатку, направо, дверь также открыта и тамъ его глазамъ представилось странное и въ то же время печальное зрѣлище.

9.

Въ углу грязнаго дивана сидѣлъ Самуэль Алассеръ, скорчившись въ три погибели; колѣни онъ подтянулъ почти къ самому подбородку и такъ плотно закрылъ лицо обѣими руками, что изъ-подъ нихъ только и выглядывала темная борода, точно папоротникъ изъ расщелинъ скалъ. На головѣ была старая, сдвинутая на затылокъ, шелковая ермолка съ кисточкой. Передъ нимъ, точно по очерченному полукругу, выстроилось шестеро ребятишекъ и, не двигаясь, смотрѣли на съежившуюся фигуру отца. Одинъ ребенокъ, около двухъ лѣтъ, ползалъ по полу, не то плача, не то играя; завернутый въ пестрое тряпье, придерживаемое зеленымъ кушакомъ, новорожденный младенецъ лежалъ на широкой скамьѣ около печки. У окна стояла жена Алассера, молитвенно шевелила губами и покачивалась всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону.

Кромѣ лепетанія полунагого ребятенка на полу, не слышно было ни одного яснаго звука. На столѣ стояло восемь жестяныхъ чашекъ,

на веревкѣ у печки сушились красныя пеленки, а противъ дверей возвышался старинный шкафъ, занимавшій почти пятую часть комнаты.

Простоявъ молча нѣсколько минутъ на порогѣ, Арнольдъ вошелъ въ комнату. Шестеро ребятищекъ моментально сбились въ кучу и образовали какъ бы клубокъ. Алассеръ опустилъ руки и стеклянными глазами посмотрѣлъ на посѣтителя. Сдержанное горе и мрачная безнадежность, царившія въ домѣ, до того повліяли на Арнольда, что онъ даже слегка растерялся. По очереди окинувъ всѣхъ дѣтей взглядомъ и не найдя между ними знакомаго личика маленькой Ютты, онъ спросилъ:

— Развѣ она еще не вернулась изъ монастыря?

Женщина всѣмъ корпусомъ повернулась къ нему и впилась въ его лицо измученными, усталыми глазами, въ которыхъ свѣтилось въ одно и то же время и недовѣріе, и боязнь.

— Да развѣ господину неизвѣстно, что нашу Ютту силой затащили въ монастырь?—крикнула она рѣзкимъ, надорваннымъ голосомъ. Лицо ея, старое и некрасивое, не было, однако, лишено нѣкоторой доли привлекательности, которую всегда придаетъ страданіе.

— Конечно, знаю,—сказалъ Арнольдъ, пристально глядя на женщину.—Но вѣдь это противозаконно.

— Вотъ вы теперь и судите,—продолжала исхудалая еврейка, точно Сивилла поднимая кверху голову, — каково-то намъ живется! Намъ не дозволяется проглотить куска, что уже лежитъ у насъ во рту—и его Господь отравляетъ! Но чѣмъ можемъ мы служить вамъ? Съ кѣмъ имѣемъ честь говорить?

— Это милостивый господинъ Анзорге,—пояснилъ Алассеръ, бросая на него взглядъ, выражавшій одновременно и почтительность, и глубокую горесть.—Господинъ пришелъ не съ дурными намѣреніями, мать. Помните господинъ, какъ въ воскресенье я искалъ свою Ютту? Ждали мы ее ждали, а она, наша Ютта, все не возвращалась; такъ и прошелъ весь вечеръ, а около одиннадцати пришелъ къ намъ приказчикъ Уравара, постучался и посовѣтовалъ навести объ ней справки въ монастырѣ. А я сталъ ломать себѣ голову — возможно ли это? Вѣдь она могла отправиться продавать ленты монашкамъ, потому что въ этотъ день она одна ходила торговать... а подобныя похищенія уже случались. Приказчикъ же Уравара доставляетъ мясо въ монастырь и могъ ее тамъ видѣть. Милостивый господинъ, дочь моя вѣрующая еврейка и ей незачѣмъ было иначе отправляться къ монашенкамъ. Уже наступила полночь, когда я пошелъ къ господину вахмистру — онъ очень ласковый господинъ, сейчасъ же отправился со мною въ монастырь. Мы потребовали видѣть настоятельницу, но мать привратница отвѣтила, чтобы мы явились рано утромъ, а что моя Ютта у нихъ. И господинъ вахмистръ сказалъ:—«Подождемъ утра». Хорошо. Вы, конечно, можете понимать, что мы всю ночь не сомкнули глазъ, а въ шесть мы опять отправились съ господиномъ вахмистромъ въ мона-

стырь и опять потребовали къ себѣ мать настоятельницу. Она выходитъ и я требую возвратить мое дитя. И, милостивый господинъ, повѣрьте мнѣ, сердце перестало у меня биться, когда она сказала, чтобы я вновь являлся дней черезъ пять, когда дѣвушка нѣсколько попривыкнетъ къ новой обстановкѣ.

Разсказывая это, Алассеръ корчился, точно всѣ его внутренности пылали.

— И я ушелъ, — закончилъ онъ свой разсказъ и глубоко вздохнулъ.

— А вахмистръ?—спросилъ Арнольдъ, съ лица котораго сбѣжала вся краска.

— Господинъ вахмистръ ласковый господинъ, но онъ сказалъ, что, къ сожалѣнію, пока ничего нельзя подѣлать. Надо ждать; вотъ я и жду.

Новорожденный младенецъ на скамьѣ проснулся и запищалъ тоненькимъ голоскомъ; мать подошла и сунула ему въ ротъ свернутую изъ полотна соску, обмакнутую въ жидкій медъ. Тогда ребенокъ, ползавшій на полу, въ свою очередь, заревѣлъ. Женщина равнодушно посмотрѣла на него, слегка пихнула ногой и когда онъ растянулся навзничь, ногой же стала катать его взадъ и впередъ, точно бочонокъ. Ребенокъ смѣялся, а мать, тихонько мурлыча пѣсню, старалась вновь укачать новорожденнаго. Наконецъ, Алассеръ, послѣ долгаго молчанія поднялся и уже безъ малѣйшей робости, сверкающими глазами посмотрѣлъ на Арнольда.

— Что мнѣ дѣлать, дорогой господинъ?—глухо произнесъ онъ, и его униженный тонъ странно противорѣчилъ выраженію лица.

— Сами скажите, могу ли я что сдѣлать? И если я больше ни единой ночи не сомкну глазъ, смогу ли я и тогда помочь, дорогой господинъ?!—И онъ зашагалъ взадъ и впередъ.

Арнольдъ глазами слѣдилъ за нимъ. Онъ не понималъ, ровно ничего не понималъ. Подобное отчаяніе казалось ему недостойнымъ и малодушнымъ.

— Отецъ, — неожиданно воскликнулъ старшій мальчикъ съ мрачною рѣшимостью во взглядѣ,—прошу тебя, перестань такъ говорить съ христіаниномъ.

— Я не успокоюсь, ни на одну минуту не успокоюсь, пока не возвратятъ мнѣ мое дитя!—воскликнулъ Алассеръ съ затаенною страстностью.—И если бы для этого мнѣ пришлось идти въ Римъ къ самому господину папѣ, или если бы ради этого пришлось голодать и умирать отъ жажды...

— А женѣ и дѣтямъ тоже прикажешь голодать? — перебила его жена, строго сдвинувъ брови, причемъ губы ея раздвинулись, какъ у медузы.

Алассеръ замоталъ головой, точно она некрѣпко держалась у него на плечахъ, и ничего не отвѣтилъ.

— Стыдитесь!—громко произнесъ Арнольдъ и съ досадой поочередно окинулъ всѣхъ взглядомъ. — Развѣ у насъ нѣтъ правосудія? Да любой судья обязанъ вамъ вернуть ребенка, разъ этого требуетъ законъ!

Снаружи раздались шаги и трое евреевъ, бормоча молитвы, вошли въ комнау.

Арнольдъ ушелъ. Не успѣлъ онъ дойти до угла площади, какъ навстрѣчу ему попался Шпехтъ. Повидимому учитель страшно торопился, но несмотря на это остановился съ Арнольдомъ и сейчасъ же заговорилъ о монастырской исторіи.

— Какъ это странно,—замѣтилъ онъ,—вѣдь мы какъ разъ наканунѣ вечеромъ отдыхали у этого самаго монастыря. Что вы на все это скажете? Развѣ правдоподобно, что такія вещи еще могутъ случаться въ наше время? — И онъ шопотомъ таинственно прибавилъ: — я все это сообщаю въ одну изъ столичныхъ газетъ. Затѣмъ онъ торопливо продолжалъ свой путь. Въ эту минуту онъ весь, все его существо было охвачено своего рода низменнымъ честолюбіемъ.

Арнольдъ отправился домой по берегу рѣки. Надъ водой еще носились обрывки тумана и тѣни отъ нихъ двигались по освѣщенной солнцемъ водяной поверхности: на лугу искрились замерзшія лужи, а далекій темно-синій лѣсъ глубоко врѣзался въ край неба. Съ одного берега на другой съ мрачнымъ пророческимъ крикомъ перелетали вороны. Никогда еще, такъ по крайней мѣрѣ казалось Арнольду, до такой степени не приковывали къ себѣ его вниманія и рябь, пробѣгавшая по водѣ, и каждый сухой сучокъ у дороги, и каждый звукъ, доносящійся изъ села.

На минуту у него явилось такое ощущеніе, точно онъ безъ толку теряетъ время, и онъ прибавилъ шагу, но вскорѣ опять замедлилъ его. Домой онъ вернулся поздно. Мать сообщила ему, что Зальша отказалась отъ службы у нихъ и нанялась къ богатому крестьянину въ Венгріи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БѢЛАЯ СИРЕНЬ.

Умираютъ бѣлыя сирени.
Тихій садъ молитвы имъ поетъ
И ложатся близкой смерти тѣни
На цвѣты, какъ ржавчины налетъ.

* * *

А вокругъ все дышетъ жизнью смѣлой,
Всѣ цвѣты надеждами полны.
Лишь тебѣ, рожденной ночью бѣлой,
Умереть съ послѣднимъ днемъ весны.

* * *

Но душой, не вѣдающей тлѣнья
И земныхъ мгновеній и оковъ,
Буду помнить бѣлую сирень я
И дыханье звѣздныхъ лепестковъ.

Allegro.

ФЕНОМЕНЪ.

I.

Плотная, широкоплечая Дуняша, вооруженная перовкой и тряпкой, убирала залу. Это была довольно высокая и просторная комната, средину которой занималъ концертный рояль; между окнами, въ полукруглой нишѣ, стоялъ другой рояль, поменьше; около него табуретка-«вертушка» и кривой, кое-гдѣ перевязанный черною тесемкой пюпитръ съ подсвѣчниками. Остальная меблировка была самая простая. Длинный, выкрашенный «подъ ясень» столъ, этажерка, заваленная нотами, дюжины полторы вѣнскихъ стульевъ, висячая лампа... Казенно-учебный видъ комнаты скрашивали портреты и бюсты великихъ композиторовъ, сплошь покрывавшіе стѣны. Чинно, словно на смотру, вытянулись въ одинъ рядъ *безсмертные* — Бахъ, Гайднъ, Мендель, Моцартъ, Бетховенъ, Шубертъ, а вокругъ нихъ нихъ Dii minores. Дуняша совершенно равнодушно обмахивала эти драгоцѣнности перовкой. Покончивъ съ залой, она перешла въ слѣдующую комнату. Тутъ безраздѣльно царилъ Николай Рубинштейнъ. Надъ піанино красовался въ рамѣ стараго золота его портретъ масляными красками. Пастель, сепія, карандашъ, гравюра, гипсъ, мраморъ и бронза повторяли строгія черты виртуоза-волшебника. Онъ былъ здѣсь во всѣхъ возрастахъ и видахъ: за роялемъ, за письменымъ столомъ, сидя, стоя, въ шубѣ и, наконецъ, въ гробу.

Роскошь этой коллекціи какъ-то особенно странно и трогательно оттѣняла скромную обстановку гостиной. Полинявшій коверъ на полу, старенькія кресла, низенькій диванъ съ полкой. На кругломъ столѣ—лампа подъ бумажнымъ зонтикомъ, нѣсколько книгъ и альбомовъ. Въ углу часы въ готической башенкѣ и secrétaire краснаго дерева, словно уцѣлѣвшіе обломки изъ захолустной усадьбы. Единственною модною вещью въ этой комнатѣ были атласныя ширмы съ изображеніемъ четырехъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна мечтательно смотрѣла вдаль, другая собирала цвѣточки, третья держала корзинку съ яблоками, четвертая, въ позѣ

балерины, скользила на конькахъ. Про эту Дуняша съ удовольствіемъ замѣчала: «Сейчасъ видать, что зима»!

Въ прихожей слабо звякнулъ звонокъ. Дуняша недоумѣвающе подняла голову и пошла открывать.

Въ дверяхъ стояла дама въ темной накидкѣ, въ шляпкѣ съ огненно-краснымъ торчащимъ цвѣткомъ, и держала за руку маленькаго, закутаннаго мальчика.

— Александра Петровна Неволина здѣсь живетъ?—освѣдомилась дама, сильно картавя и подаваясь впередъ.

Дуняша загородила ей дорогу.

— Онѣ еще почиваютъ,—сказала она.

— Ничего, мы подождемъ,—возразила ранняя посѣтительница, дѣлая новую попытку проникнуть въ комнату.

Дуняша ее остановила.

— Извините, мнѣ не приказано принимать. Онѣ вчера поздно вернулись съ концерта и сегодня весь день будутъ очень заняты.

— Но я имѣю до вашей барыни важное дѣло. Мы пріѣзжіе изъ провинціи.

— Да вы отъ кого? — съ явнымъ недовѣріемъ спросила Дуняша.

— Сама отъ себя. Повѣрьте, мнѣ, голубушка, что мнѣ необходимо видѣть вашу госпожу, и она вамъ будетъ благодарна, что вы меня задержали. Я сама не кто-нибудь и никогда себѣ не позволю безпокоить благородныхъ людей такъ себѣ...

Послѣ этого заявленія, пріѣзжая изъ провинціи дама стянула съ руки вязаную перчатку, пошарила въ плоскомъ портмонэ и протянула суровой горничной двугривенный.

— Что вы... не надо! — Дуняша рѣшительно отстранила монету, но все-таки подалась назадъ и значительно смягченнымъ голосомъ сказала:—вѣдь я ничего... подождите пожалуй, коли спѣшить некуда.

Настойчивая дама сейчасъ же этимъ воспользовалась: стремительно нырнула всѣмъ корпусомъ впередъ, красный цвѣтокъ на ея шляпкѣ задрожалъ, подолъ платья захлестнуло въ дверной щели, она освободила его съ ловкостью фокусника и, любезно улыбаясь Дуняшѣ, посадила своего мальчика на деревянный диванчикъ, и сама сѣла съ нимъ рядомъ.

Дуняша, прищуривъ круглые, смышленные глазки, безцеремонно разсматривала странныхъ гостей. Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Какъ же объ васъ доложить?—спросила она.

— Скажите: мадамъ Пинкусъ изъ Кишинева, по личнымъ обстоятельствамъ. Я такъ много наслышана о вашей мадамъ,—прибавила гостья заискивающимъ голосомъ.

— Да онѣ у насъ барышня, а не мадамъ,—замѣтила Дуняша. (Она говорила по-московски—съ растяжкой).

— Ну извините, нехай ваша мадамъ будеть барышня, дай Богъ ей здоровья и счастья.

— А вы, должно, изъ евреевъ будете?—не то полюбопытствовала, не то рѣшила Дуняша.

— Почему вы знаете?—обидчиво возразила мадамъ Пинкусъ.

— Обличье у васъ не русское, и разговоръ словно не нашъ,—объяснила Дуняша и прибавила:—ну ладно, посидите тутъ... у меня еще комнаты не готовы

Мать и сынъ остались одни. Мадамъ Пинкусъ было лѣтъ 30—35. Поблекшее, продолговатое, семитическаго типа лицо въ рамкѣ блестящихъ черныхъ волосъ было бы красиво, если бы его не портило выраженіе напряженнаго безпокойства. Ея тощая, суетливая фигурка, съ круглою спиной, впалою грудью и острыми, устремленными впередъ плечами, напоминала испуганную птицу. Едва присѣвъ, она стала ежиться, вздрагивать, словно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, каждую минуту готовая сорваться съ мѣста. Нѣкоторое время мать и сынъ сидѣли молча. Оба оглядывали прихожую, обыкновенную, темноватую, московскую прихожую, скрашенную такъ называемыми «мавританскими» портьерами, большимъ зеркаломъ и мѣдными вѣшалками. Мальчика, повидимому, заинтересовалъ узоръ клеенчатаго ковра съ драконами. Онъ сползъ на половину съ диванчика и сталъ робко шаркать ногой отъ одного дракона къ другому.

Мать его остановила.

— Яша, сиди смирно.

— Мнѣ жарко,—возразилъ Яша, вытягивая голову, чтобы освободиться отъ башлыка.

— Тихо, тихо!—приказала мать.—Потерпи немножко, я тебя раздѣну,—и, стараясь производить какъ можно меньше шуму, она на ципочкахъ подошла къ вѣшалкѣ, повѣсила на крайній крючокъ свою ветхую бархатную накидку съ порыжѣлымъ аграмантомъ, а затѣмъ ужъ принялась раскутывать мальчика.

Освобожденный отъ шубы, башлыка и нѣсколькихъ платковъ, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и даже обнаружилъ намѣреніе пройтись по комнатѣ, но мамаша моментально водворила его на диванчикъ, строго прошептавъ:

— Успѣешь изорвать костюмъ!

Костюмъ состоялъ изъ узенькихъ штанишекъ и синей матросской куртки съ бѣлымъ воротникомъ. На тоненькихъ ножкахъ, тщедушный, блѣдный, съ длинной, какъ у аиста, шеей, съ большой курчавой головой и огромными, не дѣтскими, черными глазами. мальчикъ казался сказочнымъ гномомъ, неизвѣстно зачѣмъ поки-

нувшимъ свое фантастическое царство. Дуняша опять выглянула въ прихожую. Она уставилась на Яшу и жалостливо проговорила:

— Какой худой, совсѣмъ заморышекъ.

Мадамъ Пинкусъ съ достоинствомъ замѣтила:

— Ребенокъ деликатный, не деревенскій.

Дуняша, очевидно, не поняла своей безтактности и сочувственно продолжала:

— Къ доктору бы его. По всему видать, въ немъ золотуха сидитъ. Вы попросите барышню—она вамъ дастъ записочку къ дѣтскому доктору. Онъ васъ даромъ приметъ и лѣкарство прикажетъ выдать. Ужъ Александра Петровна сколько къ нему ребятъ отправляла. Очень она у насъ до дѣтей жалостливая.

— Скажите!—воскликнула мадамъ Пинкусъ.—Какая благородная личность. И давно вы при нихъ служите...

— Я-то!.. Безъ малаго двадцать три года. Александра Петровна и то смѣется, говоритъ: «юбилей праздновать будемъ». Уйди я,—она, какъ дитя безъ матери—никто на нее не угодитъ. Потому—добра-то она добра, а порядокъ тоже любитъ... раскипятится—бѣда, да только бояться этого шуму нечего. Она кричитъ, а ты знай себѣ молчи, не оправдывайся, она и отойдетъ, и сама ужъ послѣ жалѣетъ, задабриваетъ...

На худыхъ щекахъ мадамъ Пинкусъ выступили красныя пятна. Ее волновали самыя разнообразныя чувства: хотѣлось заручиться покровительствомъ горничной, имѣющей такое вліяніе на барыню, и страшно было уронить свое достоинство. Она избрала старый, но самый вѣрный путь къ человѣческому сердцу—лесть.

— Счастье вашей госпожи,—вкрадчиво произнесла мадамъ Пинкусъ,—что она напала на васъ. Въ наше время найти вѣрнаго человѣка ой-ой какъ не легко! И деньги платишь, и ничего не жалѣешь, а людей нѣтъ... Ко мнѣ недавно заѣхала наша докторша—она меня очень уважаетъ—и просто умоляетъ меня: мадамъ Пинкусъ, найдите мнѣ экономку! По вашей рекомендаціи, говоритъ, я съ закрытыми глазами возьму... Ну что же я могу сдѣлать, когда нѣтъ людей? Теперь такой свѣтъ, что за себя ручаться нельзя...

Дуняша утвердительно кивала головой. Мадамъ Пинкусъ начинала ее занимать. Видъ безмолвнаго мальчика тоже, должно быть, ее тронулъ. Она подошла къ нему и погладила его по головкѣ.

— Тебя какъ звать, милый?

— Яша,—отвѣтила за него мать.

— Яковъ, Христовъ братъ! Хорошее имя, — одобрила Дуняша.—Не хочешь ли чайку? Я принесу ему чашечку, а то еще когда Александра Петровна подымется... придется ужъ вамъ посидѣть,—сказала она.

— Благодарю васъ,—пробормотала мадамъ Пинкусъ,—не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Авдотьей.

— Благодарю васъ, Авдотья... а какъ дальше?..

— По отцу Ивановна. Да что тутъ!.. Всѣ зовутъ Дуняшей, и вы зовите.

— Нѣтъ, Авдотья Ивановна, я знаю какъ на людей смотрѣть. Я не такъ стара, но много въ своей жизни испытала. Я видѣла простыхъ людей, которые лучше, чѣмъ важные господа. Передъ Богомъ всѣ равны—и богатые, и я, и вы.

Дуняша немного растерялась, но чтобы не ударить въ грязь лицомъ, важно замѣтила:

— Гдѣ ужъ намъ! Пословица-то говоритъ: до Бога высоко, до царя далеко, всякъ сверчокъ знай свой шестокъ... Ты что же молчишь—хочешь чаю аль нѣтъ?—обратилась она къ Яшѣ.

Но въ эту минуту раздался дребезжащій звонокъ, и со словами: «Александра Петровна», Дуняша убѣжала.

II.

— Добраго утра, матушка, хорошо ли отдохнули,—сказала Дуняша и стала раздвигать темную штору.

Александра Петровна повернула къ свѣту истомленное, худое, милое лицо съ ласковымъ выраженіемъ умныхъ свѣтлыхъ глазъ.

— Здравствуй, Дуняша... И заспалась же я сегодня... кажется, никогда въ жизни такъ не спала. А все-таки чувствую себя разбитой... вставать не хочется, все тѣло ноетъ.

— Сами себя не жалѣете, оттого и ноетъ, — объяснила Дуняша.—Безо всякаго разсчету поступаете. Мало вамъ въ училищѣ день - деньской мыкаться. Выдумали еще по вечерамъ эти репетиціи. Всю квартиру испортили. Убираешь-убираешь... спина заболитъ. Гдѣ ужъ тутъ чистоту соблюдать.

— Не ворчи. Сама знаешь—экзаменъ на носу.

— И у другихъ экзаменъ.

— Выпускные,—защищалась Александра Петровна.

— И у другихъ выпускные, не у васъ одной. Посмотрите на Киплера. Вотъ это настоящій профессоръ—поперекъ себя толще, а деньжищъ-то, деньжищъ загребаетъ! Къ нему на шармака никто и не пробуетъ, знаютъ, что умный...

Александра Петровна усмѣхнулась.—А я, значитъ, дура,—промолвила она, зѣвая и вытягивая, словно въ гимнастическихъ упражненіяхъ, руки и ноги.—Однако, будетъ валяться. Вѣдь мы съ тобой не старухи. Тебѣ, Дуняша, сколько? 50 уже стукнуло?

А мнѣ всего тридцать восемь съ половинкой. Дѣвицы, можно сказать, въ самомъ соку.

Она сунула ноги въ туфли и подойдя къ умывальнику, стала полоскаться. Дуняша разложила на полу большой резиновый тазъ, придвинула къ нему ведро, въ которомъ плавалъ градусникъ, и, наморщивъ лобъ, стала подливать изъ жестяного чайника горячую воду.

Наступило небольшое молчаніе. Александра Петровна, смѣшно переминаясь прыгнула въ резиновый тазъ. Все ея блѣдное, тонкое тѣло какъ-то боязливо изогнулось, она даже глаза зажмурила. Дуняша, высоко приподнявъ ведро, сразу опрокинула столбъ воды на плечи своей хозяйки. Брызги такъ и полетѣли во всѣ стороны. Кончивъ эту операцію, она закутала Александру Петровну въ мохнатую простыню и начала усердно растирать.

— Ахъ, какъ хорошо. Вотъ я и опять молодцомъ,—вздыхая, приговаривала Александра Петровна

— Ну, и слава тебѣ Господи,—ласково сказала Дуняша.—А я, было, не хотѣла васъ тревожить... Тамъ въ передней сидитъ женщина съ мальчикомъ, васъ дожидаются. По всему видно еврейка, а таится... Ни свѣтъ, ни заря приплелась. Я не хотѣла пускать, да куды тебѣ...

— Почему ты мнѣ раньше не сказала?

— Что же я васъ будить для нее стану! Не велика прынцесса, обождетъ...

— Ты бы хоть спросила, что ей нужно.

— Спрашивала, не говоритъ. Самою, молъ, барыню, видѣть желаю.

— А кто она такая?

— Она сказывала фамилію, да я забыла. Видно, что изъ бѣдныхъ, а все-таки не изъ самыхъ простыхъ: платье шерстяное, зеленое, и накидка на ней хоть старенькая, а бархатная. Въ шляпкѣ. Мальчикъ тоже въ матроскомъ костюмѣ. Мы съ ней побалакали. Женщина ничего, приличная... и говорить напрасно нечего.

Передавая эти подробности, Дуняша привычными движеніями подавала Александрѣ Петровнѣ юбки, застегнула ей ботинки, достала изъ гардероба платье.

— Вотъ я и готова,—торопливо оправляя костюмъ, сказала Александра Петровна. Давай кофе и зови ихъ въ столовую.

— Вотъ ужъ это напрасно, ихъ за одинъ столъ съ собой сажать,—воспротивилась Дуняша.

— Ахъ какая ты скучная... вѣчно разсужденія... Давай скорѣе кофе и убирайся.

III.

Дуняша все-таки поставила на своемъ: заставила Александру Петровну сначала позавтракать, а потомъ ужъ впустила въ залу мадамъ Пинкусъ съ сыномъ. Мадамъ Пинкусъ вошла вся красная отъ волненія и ужъ у двери стала кланяться.

— Извините за безпокойство,—начала она.

— Садитесь, пожалуйста,—пригласила Александра Петровна.— Вы ко мнѣ по дѣлу?.. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Моя фамилія мадамъ Пинкусъ. Благородная госпожа профессорша!.. Я осмѣливаюсь васъ безпокоить не то что по дѣлу, а, можно сказать, съ покорнѣйшею просьбой. Отъ васъ, можно сказать, зависитъ вся наша судьба. Богъ вамъ заплатитъ за ваше благодѣяніе къ вамъ.

— Но въ чемъ же все-таки дѣло?.. Говорите прямо, не стѣсняйтесь.

— Посмотрите, милостивая госпожа барышня, на этого ребенка,—торжественно воскликнула мадамъ Пинкусъ.—Это—феноменъ. Хоть онъ мой собственный сынъ, но это—феноменъ.

Александра Петровна поглядѣла на Яшу, который держался за юбку матери, и, повидимому, недоумѣвала, неужели этотъ хилый мальчикъ въ самомъ дѣлѣ феноменъ.

— Въ чемъ же это выражается?—спросила она.

— Въ музыкѣ. Онъ поетъ все что угодно. Сыграйте ему что-нибудь одинъ разъ и вы *увидите,* какъ онъ это запомнитъ. Я не хочу, чтобы вы мнѣ вѣрили, дорогая барышня, я прошу васъ только, чтобы вы его послушали.

Александра Петровна пожала плечами.

— Я могу его послушать, но изъ этого все равно ничего не выйдетъ. Сколько ему лѣтъ?..

— Десять.

— Вотъ видите!.. По наружности ему можно дать еще меньше. Онъ малъ, худъ, слабъ. Учить его невозможно. Родители часто думаютъ, что если ихъ ребенокъ умѣетъ пріятно спѣть пѣсенку — какъ онъ ужъ талантъ. Съ этимъ надо обращаться осторожно.

— Я очень осторожна, и я ничего не думаю. Я васъ только прошу: послушайте, какъ этотъ ребенокъ поетъ *пѣсенки*, и тогда мы посмотримъ, что вы скажете.

— Что-жъ, послушаемъ,—мягко сказала Александра Петровна.— Отчего не послушать!

Она потрепала мальчика по щечкѣ.

— Ну, феноменъ, покажи намъ свое искусство.

Александра Петровна приподняла было крышку рояля и опять ее опустила.

— Онъ вѣдь поетъ безъ аккомпанимента?—обратилась она къ мадамъ Пинкусъ.

— Отчего безъ аккомпанимента?—возразила та,—только позвольте мнѣ самой для перваго разу.

Лицо Александры Петровны изобразило самое искреннее удивленіе.

— Да вы развѣ играете?..

— Немножечко, барышня, немножечко, по слуху... сама выучилась. Моя музыка недорого стоила моимъ бѣднымъ родителямъ. Ну, Яшенька, что ты хочешь спѣть?

Яша, до сихъ поръ безучастно молчавшій, угрюмо заявилъ:

— Я ничего не знаю.

Мать строго поглядѣла на него.

— Какъ не знаешь!.. А «Фаустъ», а «Демонъ», а «Трубадуръ»...

Яша только отрицательно качалъ головой. Мадамъ Пинкусъ, казалось, готова была растерзать свое дѣтище. У нея дрожали губы и руки.

— Яша, что ты съ ума сошелъ?—вымолвила она, чуть не плача.—Вѣдь ты меня рѣжешь. Что подумаетъ объ насъ благородная госпожа!.

Александрѣ Петровнѣ стало ее жалко.

— А ты развѣ бывалъ когда въ театрѣ?—спросила она.

Мальчикъ воззрился на нее своими огромными, не дѣтскими глазами и утвердительно кивнулъ головой.

— Понравилось тебѣ тамъ?—продолжала Александра Петровна

Новый кивокъ головы.

— А тутъ у насъ театръ лучше, чѣмъ у васъ,—совершенно серьезно стала разсказывать Александра Петровна.—Гораздо больше и красивѣе. Музыкантовъ много, а поютъ такъ, какъ ты навѣрно никогда не слыхалъ. Чудесныя декораціи, и костюмы есть такіе великолѣпные—блестятъ, какъ золото. Если будешь умный, мы съ мамой возмемъ тебя въ оперу. Тебѣ что хочется послушать?...

— «Демонъ»,—прошепталъ Яша, не спуская съ нея глазъ.

— А кто это демонъ?..

Яша въ первый разъ улыбнулся; все его личико освѣтилось плутовскимъ выраженіемъ, онъ сразу похорошѣлъ.

— Это *чортъ*,—промолвилъ онъ уже гораздо смѣлѣе,—только не настоящій, а *такъ*...

Александра Петровна наклонилась и пригладила своею нѣжною рукой непослушныя кудри мальчика. Онъ тряхнулъ головой и вдругъ заговорилъ быстро-быстро:—Была такая княжна, ее звали Тамара. У нея были длинные волосы, вотъ какіе! (Яша присѣлъ на корточки и провелъ рукой по полу). У нея былъ женихъ, тоже

князь, только не очень красивый, и Тамара пошла съ товарками за водой, и демонъ ее увидалъ... Мама, играй,—скомандовалъ Яша.

Мадамъ Пинкусъ въ мгновеніе ока очутилась у рояля, немилосердно нажала педаль и заиграла, раскачиваясь направо и налѣво, арію изъ «Демона», причемъ она такъ страшно вывертывала пальцы, что казалось вотъ-вотъ она ихъ свихнетъ. Яша сталъ въ позу и запѣлъ. Александра Петровна обмерла. Она не вѣрила ни глазамъ, ни ушамъ. Голосокъ Яши звенѣлъ и разливался по залѣ, какъ серебряный колокольчикъ. Фразировку, оттѣнки, драматизмъ сюжета, — все это мальчикъ передавалъ, конечно, безсознательно. Онъ пѣлъ и игралъ за всѣхъ: за Тамару, за хоръ, за оркестръ, сопровождая все поясненіями и жестами.

Александра Петровна была ошеломлена.

— И будешь ты царицей м-і-і-і-ра,—пѣлъ Яша, простирая въ плавномъ жестѣ свои худенькія ручки, точно это были крылья, которыя должны были унести и его, и Тамару въ надзвѣздные края....

Александра Петровна схватила его на руки и стала осыпать поцѣлуями.

— И ты будешь царемъ міра, будешь, будешь,—повторяла она, смѣясь и плача.—Ахъ ты моя прелесть!... Чудо ты мое, чудо! Понимаешь?.. Восьмое чудо свѣта... Ихъ было семь, а ты вотъ восьмое!

Яша былъ смущенъ. Онъ, очевидно, не привыкъ къ такимъ бурнымъ проявленіямъ восторга. Но вѣроятно что-то въ Александрѣ Петровнѣ внушило ему довѣріе, онъ весь оживился, щечки его порозовѣли, черные глаза загорѣлись веселымъ блескомъ, и онъ откровенно сказалъ:

— Я хочу ѣсть.

— Ахъ ты бѣдняжка моя, онъ проголодался!... Его божество хочетъ кушать!.... Сейчасъ моя радость.... Дуняша!

Александра Петровна и звонила, и кричала въ одно время, не замѣчая, что Дуняша давно стоитъ въ дверяхъ.

IV.

Александра Петровна совсѣмъ закормила Яшу и любезно убѣждала мадамъ Пинкусъ кушать безъ церемоніи. Мадамъ Пинкусъ отказывалась, благодарила за честь, наконецъ уступила и, деликатно взявъ двумя пальцами сухарикъ, откусила маленькій кусочекъ и съ видимымъ удовольствіемъ хлебнула горячаго кофе. Она уже успѣла ознакомить Александру Петровну со своею біографіей, разсказала, какъ она должна была выйти за доктора, своего кузена, котораго ея же отецъ, богатый арендаторъ, «отдалъ» въ гимназію

и «содержалъ» въ университетѣ. Но когда евреямъ запретили арендовать землю, отецъ ея разорился, и кузенъ предпочелъ жениться на дочери богатаго купца. Что-жъ! Бѣдность не порокъ! Она все-таки не простая нищая... У нея даже была гувернантка, и она понимаетъ, что такое образованіе. У нихъ въ домѣ бывали и студенты, и «окончившіе», которые приносили ей самыя передовыя книги..

— Теперь,—заключила она,—я ужъ все забыла, но меня звали когда-то *звѣзда*, и если бы не обстоятельства, повѣрьте, что изъ меня бы вышла развитая личность.

Александра Петровна задумчиво и внимательно слушала. Мадамъ Пинкусъ говорила много и быстро, пересыпая свою рѣчь льстивыми словами. Яшу, послѣ завтрака, усадили на широкую кушетку и дали ему разсматривать большую книгу съ картинками. Онъ легъ на животъ, положилъ передъ собой книгу и долго возился, шурша листами и напѣвая про себя, какъ щебечущая на вѣткѣ пташка. Вдругъ онъ затихъ. Александра Петровна оглянулась. Мальчикъ заснулъ, склонивъ головку на книгу.

— Спитъ, — шопотомъ произнесла Александра Петровна, — усталъ бѣдный.

— А какъ же не устать!—воскликнула мадамъ Пинкусъ — Три дня и три ночи въ дорогѣ, въ третьемъ классѣ. Онъ все-таки у меня на колѣняхъ спалъ, а я! Повѣрьте мнѣ, дорогая госпожа, хоть бы я одинъ глазъ закрыла.

— Не положить ли его удобнѣе?—сказала Александра Петровна.

— Нѣтъ, барышня, оставьте, разбудите. Ребенокъ вездѣ можетъ спать. Развѣ онъ знаетъ, что такое забота!..

Александра Петровна улыбнулась.

— Ну, этотъ, кажется, знаетъ. Однако, потолкуемъ о дѣлѣ. Чего бы собственно вамъ хотѣлось? Вѣдь ребенокъ еще малъ и слабъ; учить его теперь рѣшительно нельзя.

— А вы думаете, благородная барышня, что тамъ, у насъ, онъ можетъ вырости и сдѣлаться сильнымъ? Это потому, что вы не знаете, какая наша жизнь. Вы бы посмотрѣли на нашу жизнь, такъ вы бы удивились, что мы еще немножечко похожи на людей.

Мадамъ Пинкусъ вздохнула и, помолчавъ немного продолжала:

— Мой мужъ работаетъ, какъ волъ. Онъ бухгалтеръ у Абельмана. Можетъ быть, вы о немъ слыхали? (Александра Петровна сдѣлала отрицательный жестъ). Это нашъ милліонеръ считается. Мой мужъ служитъ у него десять лѣтъ. А знаете, сколько онъ получаетъ? 30 рублей въ мѣсяцъ! И то еще люди намъ завидуютъ. Другой, можетъ быть, и показалъ-бы хозяину, какъ надо дорожить честнымъ служащимъ. Но мой мужъ не такой большой умникъ и

радъ имѣть вѣрную копейку для своего семейства. Вѣдь у насъ еще дочка есть,—прибавила она, самодовольно улыбаясь.—Моя Идочка красавица. Слухъ у нея, какъ у Яши, а ей только три года.

Александра Петровна засмѣялась.

— Ваши дѣти, должно быть какъ родятся, начинаютъ пѣть. Другіе орутъ, а ваши сразу начинаютъ распѣвать аріи.

Мадамъ Пинкусъ поджала губы.

— Такія необыкновенныя дѣти,—замѣтила она.—Богъ даетъ еврейскимъ дѣтямъ умъ и талантъ на зло ихъ врагамъ. Надо вѣдь и евреямъ какъ-нибудь жить...

— Вы, кажется, обидѣлись, мадамъ Пинкусъ? Напрасно. Я не хотѣла вамъ сказать ничего непріятнаго, а просто пошутила. Конечно, вашъ мальчикъ необыкновенный, а я то ужъ во всякомъ случаѣ не врагъ евреями. Я семнадцать лѣтъ профессорствую— продолжала Александра Петровна—и прямо говорю, что лучшіе мои ученики и ученицы были всегда евреи. У нихъ слухъ и чувства ритма, точно врожденные. Бываютъ и между ними дураки. Въ семьѣ не безъ урода. А про вашего мальчика и говорить нечего,—я такихъ не видывала.

Мадамъ Пинкусъ вся зардѣлась отъ удовольствія. Привѣтливая простота профессорши ее умиляла, придавала ей смѣлость и въ то же время пугала ея суевѣрное воображеніе, какъ явленіе необычайное, почти неестественное. Ея острый, испытующій взоръ остановился на увядающемъ миломъ лицѣ Александры Петровны, и она опять заговорила порывисто и страстно.—Ахъ дорогая, благородная госпожа, устройте такъ, чтобы я могла тутъ жить съ Яшей и моей дочкой. Богъ васъ за это наградить на этомъ и на томъ свѣтѣ. Вы сами видите, *кто* этотъ мальчикъ. Можетъ быть онъ будетъ второй Рубинштейнъ? Помогите ему встать на ноги, не дайте ему пропасть.

— Рада бы всею душой, да не могу,—возразила Александра Петровна.—Вы говорите у васъ нѣтъ средствъ... Но вѣдь и я живу своимъ трудомъ.

Мадамъ Пинкусъ закатила глаза и всплеснула руками.

— Вы думаете, я хочу вамъ быть въ тягость? Сохрани меня Богъ отъ такихъ мыслей. Развѣ бы я смѣла хоть одну минуту... Но у васъ есть знакомства. Мнѣ всѣ говорили: если профессорша Неволина захочетъ, она можетъ васъ осчастливить. О чемъ я васъ прошу? Только объ одномъ: сдѣлайте такъ, чтобы свѣтъ узналъ объ этомъ ребенкѣ... Устройте ему публичный экзаменъ... Развѣ я знаю!.. Мнѣ не надо васъ учить...

Александра Петровна глубоко задумалась. Мадамъ Пинкусъ умолкла и глядѣла на нее въ трепетномъ ожиданіи.

— Ну хорошо, я попытаюсь,—сказала Александра Петровна.— Гдѣ вы остановились?

Мадамъ Пинкусъ какъ-то замялась.

— У родственниковъ,—отвѣтила она, словно нехотя.—Только, видите ли, дорогая госпожа, я вамъ скажу всю правду, какъ передъ Богомъ... я вѣдь живу не прописанная. Они добрые люди и рискуютъ изъ за меня... Дала дворнику два рубля, чтобы онъ меня *не видѣлъ*... Но, если узнаетъ полиція—не дай Богъ, что можетъ быть.

— Развѣ у васъ нѣтъ паспорта?

— Отчего нѣтъ паспорта! Паспортъ есть...

— Такъ пропишитесь скорѣе.

Мадамъ Пинкусъ посмотрѣла на Александу Петровну со снисходительною улыбкой мудреца, внимающаго наивному лепету младенца.

— Прописаться можно,—сказала она.—Что, имъ трудно прописать и написать: «на выѣздъ въ 24 часа»? Развѣ я имѣю право жительства?

— Ахъ да!—воскликнула Александра Петровна.—Простите, я это знаю, но каждый разъ забываю... У моихъ учениковъ тоже изъ-за этого не мало бываетъ возни. Бѣгаютъ-бѣгаютъ бѣдные... то очень трудно улаживать.

— Ахъ, дорогая моя госпожа, воскликнула она, и крупныя слезы брызнули изъ ея глазъ,—еслибы Богъ не дѣлалъ чудесъ, то, повѣрьте, евреевъ бы уже давно не было на свѣтѣ.

Александру Петровну взволновала печаль этой странной, смѣшной женщины. «Изъ-за чего люди бьются», подумала она, и чувство жалости и безотчетнаго стыда защемило ей сердце. А мадамъ Пинкусъ какъ-то вдругъ вся распустилась, какъ человѣкъ, который усталъ отъ долгаго напряженія и которому больше не нужно притворяться. Слезы неудержимо текли изъ ея вспухшихъ глазъ, она ихъ не вытирала и только крѣпко прижимала къ губамъ скомканный въ комочекъ платокъ.

— Хорошо, я попробую,—повторила Александра Петровна, прерывая тяжелое молчаніе. — Мадамъ Пинкусъ, постарайтесь успокоиться, право. Я сейчасъ же поѣду къ одной дамѣ, моей пріятельницѣ. Она всѣхъ знаетъ и ее всѣ знаютъ. Авось она насъ выручитъ.

Не успѣла Александра Петровна произнести эти слова, какъ мадамъ Пинкусъ уже облобызала ее руки.

— Если вы мнѣ это устроите,—бормотала она,—я навѣкъ ваша слуга.

— Ради Бога, что это вы, я этого не люблю,—недовольно сказала переконфуженная Александра Петровна.—Значитъ, до свиданья. Посидите тутъ, пока не проснется Яша, а завтра часа въ четыре навѣдайтесь ко мнѣ.

V.

Пріятельница Александры Петровны, Полина Владиміровна Стоцкая, была вдова «штатскаго» генерала и жила въ собственномъ домѣ на Малой Никитской. Полина Владиміровна принадлежала къ породѣ вѣчно молодыхъ женщинъ. Время, казалось, не имѣло надъ нею власти. Она двадцать лѣтъ царила въ салонахъ обѣихъ столицъ. Появленіе ея изящнаго силуэта въ международныхъ колоніяхъ Парижа, Рима, Ниццы означало разгаръ сезона. Необыкновенно прозорливая, она угадывала всегда наступленіе «новаго момента» и была дружна съ знаменитостями самыхъ противоположныхъ лагерей, откровенно заявляя: «Я люблю интересныхъ людей и терпѣть не могу политики». И никто не сердился на Полину Владиміровну за постоянную смѣну настроеній, но, всѣ, точно сговорившись, признали за нею привилегію именинницы на праздникѣ жизни. Она лучше всѣхъ умѣла устроить благотворительный базаръ, блестящій концертъ, публичную лекцію, литературный вечеръ. La belle Pachette, какъ ее называли въ обществѣ, первая узнавала послѣднюю новость, первая получала нашумѣвшій въ Парижѣ романъ, первая надѣвала такую шляпку, о которой не дерзали мечтать самыя записныя щеголихи. Ея туалеты, брилліанты, картины, мебель, книги служили какъ бы камертономъ для обширнаго круга ея знакомыхъ.

Полина Владиміровна умѣла держать въ своей прекрасной рукѣ пальму свѣтскаго первенства—и это не всегда бывало легко. Но когда же власть бываетъ легка! Не даромъ поэты называютъ ее бременемъ. Эта хрупкая на видъ женщина вела жизнь, которая могла бы сломить нѣсколько сильныхъ мужчинъ. Выѣзды, одѣванья, переодѣванья, театры, балы, засѣданья, корреспонденція, чтеніе были распредѣлены съ точностью англійскаго хронометра. Въ своей восхитительной «цвѣточной корзинкѣ» (такъ именовали салонъ Полины Владиміровны ея поклонники) она принимала разъ въ недѣлю. Это былъ строгій five o'clock—чай, petits fours, фрукты... Но какъ это было сервировано! Простой смертный, попавшій случайно въ эту благоуханную теплицу, съ подобострастнымъ трепетомъ прикасался къ тонкимъ, какъ лепестки цвѣтка, чашкамъ, къ строгимъ, какъ надгробныя урны, вазамъ. Такіе сосуды могли вмѣщать только нектаръ и амброзію...

Александра Петровна давно знала Полину Владиміровну—онѣ были на ты—и восторгалась ею такъ безкорыстно, что это невольно трогало великолѣпную Пашетъ. Раза два въ мѣсяцъ Александра Петровна забѣгала къ ней по утрамъ, до школы. Когда она долго не показывалась, Полина Владиміровна пріѣзжала къ

ней, и если заставала ее въ классѣ, смиренно усаживалась вмѣстѣ съ учениками и ученицами. Присутствіе этой элегантной, благоухающей, свѣтской дамы дѣйствовало на молодежь, какъ шампанское. Всѣ воодушевлялись, и урокъ незамѣтно превращался въ концертъ. Общее настроеніе захватывало и Александру Петровну, которая разрѣшала себѣ маленькое тщеславіе—щегольнуть передъ свѣтскою пріятельницей. Полина Владиміровна искусно пользовалась этими моментами, чтобы выпросить у «неисправимой чудачки» сопрано или тенора для благотворительнаго сеанса, и очень несговорчивая на этотъ счетъ «чудачка» ей почти никогда не отказывала.

Полина Владиміровна только что окончила свою дѣловую корреспонденцію, когда ей доложили объ Александрѣ Петровнѣ. Пріятельницы расцѣловались. Александра Петровна съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ поглядѣла на прелестную хозяйку, которая куталась въ халатъ, цвѣта морской волны, съ широчайшими оборками изъ блѣдныхъ кружевъ.

— Какъ ты хороша! У тебя просто талантъ—быть каждый разъ лучше прежняго.

— Вотъ вздоръ... гдѣ тутъ «хороша»... Я толстѣю и въ отчаяніи... Присаживайся на диванчикъ, Саша, здѣсь удобнѣе. Да, душа моя, толстѣю! Пью киссингенъ, каждый день массажъ, бѣгаю. какъ угорѣлая, а платья все уже да уже.

Александра Петровна разсмѣялась.

— Ахъ, ты, мученица! И зачѣмъ ты себя изводишь? Мода вѣдь придумана для дурнушекъ, а тебѣ она на что? Женщина сложена, какъ греческая статуя, и вмѣсто того, чтобы радоваться, пьетъ киссингенъ и всячески себя истязуетъ. Дѣлать тебѣ нечего. Поработала бы съ мое, такъ только бы и думала: эхъ, хорошо бы поспать да потолстѣть.

Полина Владиміровна слушала свою пріятельницу съ чуть-чуть насмѣшливою гримаской.

— Чудачка ты, Саша,—односторонняя, какъ всѣ хорошіе русскіе люди.

— Merçi,—вставила Александра Петровна.

— Нѣтъ, право. Ты думаешь, что только твоя работа есть работа. Можетъ быть, и мы ужъ не такъ безполезно прозябаемъ на сей очаровательной планетѣ. Не будь цѣнителей или даже просто публики, не было бы ни твоей школы, ни тебя,—наконецъ, —зачѣмъ бояться словъ?—не было бы искусства. Скажи сама, что бы сталось съ бѣдными, кабы на свѣтѣ не было богатыхъ?..

— Пропадать бы пришлось, само собой, — согласилась Александра Петровна.—Каюсь, я и теперь пришла къ тебѣ просить на бѣдность.

Лицо Полины Владиміровны какъ-то сразу измѣнилось. Она перестала смѣяться. Въ прелестныхъ голубыхъ глазахъ блеснуло безпокойство.

— Вѣдь я не богата, Саша,—промолвила она съ натянутою улыбкой,—ты знаешь.

— Да я у тебя не денегъ хочу просить, а протекціи.

— А!..—какимъ-то неопредѣленнымъ звукомъ протянула Пашетъ.

Александра Петровна стала разсказывать о чудесномъ мальчикѣ. О мадамъ Пинкусъ она упомянула вскользь, отлично понимая, что скрыть этотъ предметъ нельзя, а разсчитывать на сочувствіе къ нему невозможно.

И Александра Петровна, какъ говорятъ музыканты, «смазала» этотъ пассажъ. Полина Владиміровна внимательно слушала. Лицо ея совершенно утратило прерафаэлитское выраженіе, губы вытянулись, она согнулась въ креслѣ, закинувъ нога на ногу и обнявъ руками свое стройное колѣно. Изъ-подъ насупленныхъ «соболиныхъ» бровей зорко смотрѣли холодные, умные глаза.

— Знаешь, о чемъ я думала, пока ты говорила?—сказала она, когда Александра Петровна кончила.

— О чемъ?

— О тебѣ. Жаль мнѣ тебя, Саша. И когда это тебѣ надоѣстъ съ жидами возиться! Умная ты женщина и душа-человѣкъ, а не понимаешь, что это самое безтолковое занятіе, изъ котораго, кромѣ непріятностей и дурныхъ отношеній, никогда ничего не выходитъ. Но жиды—это положительно твоя манія.

— Что же мнѣ дѣлать, когда они ко мнѣ ходятъ?—защищалась Александра Петровна.

— Ходятъ оттого, что ты ихъ пріучила. Съ ними нужно ужасно осторожно. Обласкай одного жида—онъ сейчасъ къ тебѣ цѣлую тучу единовѣрцевъ наведетъ.

— Что это ты, Поля... жиды, жиды... даже неловко. Сама постоянно бываешь у банкировъ—какъ ихъ? Все забываю фамилію. Вотъ ужъ эти—такъ противные.

— Якобсенъ, душа моя, не Якобсонъ, а Якобсенъ, чтобы смахивало на Ибсена (это ужъ дѣти передѣлали). Но какая ты, однако, щепетильная. И чего ты сердишься? Развѣ я антисемитка? И не думала. Въ обществѣ я всегда и всюду говорю: евреи (развѣ нечаянно когда сорвется). Ну, а наединѣ съ тобой, въ своей комнатѣ, еще церемониться—это ужъ, извини, глупо. И, пожалуйста, не думай, что мнѣ ихъ не жалко... Очень жалко. А что отъ нихъ покою нѣтъ—всегда скажу. Противный народъ.

— Не противный, а несчастный,—тихо возразила Александра Петровна.

Полина Владиміровна пожала плечами.

— Это почти всегда одно и то же. Терпѣть не могу вѣчно несчастныхъ людей. Порядочный человѣкъ молчитъ о своемъ несчастьи, а евреи кричатъ на весь міръ, что ихъ обижаютъ. Отвратительная манера.

— Полно, Пашетъ, не кипятись. Будь паинька. Устрой мнѣ моего «феномена», и я клянусь, что долго-долго не буду къ тебѣ приставать съ моими «жидами». Только этотъ разокъ помоги. Ты себѣ представить не можешь, что это за ребенокъ. Господи!— Александра Петровна разсмѣялась,—я стала говорить, точно мадамъ Пинкусъ. Это совсѣмъ ея стиль.

— Эта маменька, должно быть, чудище - страшилище, признавайся.

— Не чудище-страшилище, а немножко смѣшна.

— Воображаю, что это за персона, если ужъ ты говоришь: смѣшна. Нѣтъ, Саша, ты прямо какая-то блаженная. Не понимаешь, что есть «типы», за которыхъ просить... ну просто неудобно, неприлично... «Мадамъ Пинкусъ». Пинка, скажутъ, ей дать— вотъ и все...

— Вѣдь ты не за нее будешь просить, а за мальчика.

— Да мальчикъ-то чуть не грудной младенецъ.

— А ты послушай, какъ этотъ младенецъ поетъ,—сказала Александра Петровна и опять разсмѣялась, вспомнивъ, что она повторяетъ слова мадамъ Пинкусъ. Полина Владиміровна встала, закурила тончайшую папироску и опять сѣла.

— Подумай только,—начала она.—Вѣдь это не просто пособіе надо клянчить, но паспортъ, или, какъ они говорятъ, «право жительства», пенсію для мальчика, учителей...

— Музыкѣ я сама буду учить и другихъ учителей найду,— промолвила Александра Петровна.

— Но паспортъ, пенсію... ей-Богу, Саша, я не знаю, съ кого начать.

— У тебя столько друзей между вліятельными особами. Попроси барона Лизерса. Онъ человѣкъ образованный, гуманный. Онъ былъ у насъ на актѣ и за ужиномъ произнесъ замѣчательную рѣчь. Мы были очень растроганы—такъ онъ насъ превозносилъ. И ужъ не помню, къ чему онъ привелъ слова: нѣсть эллинъ, ни іудей... Кажется, это онъ объ искусствѣ намекалъ. Вотъ ты заинтересуй его нашимъ феноменомъ, Пашетъ. Такой человѣкъ навѣрно отзовется...

— То-то и есть, что не отзовется. Онъ самъ изъ евреевъ и такъ это скрываетъ, что ни съ кѣмъ изъ евреевъ не знается, и когда въ обществѣ разговоръ заходитъ о евреяхъ—всегда очень ловко старается перемѣнить тему. И, конечно, это глупо. Сколько

онъ ни скрывай — всѣ знаютъ, что онъ не Лизерсъ, а Лейзеръ, что дѣдъ его былъ полковымъ лекаремъ въ Крымскую войну, отличился, кого-то тамъ спасъ, женился на богачкѣ и пошелъ въ гору. Развѣ можно ему заикнуться о евреѣ! Онъ это приметъ за намекъ... А я вовсе не желаю съ нимъ ссориться.

— Такой большой человѣкъ и такія мелкія чувства!—воскликнула Александра Петровна и вздохнула.—Пашетъ, милая, не попросить ли этихъ твоихъ богачей—Якобсеновъ?

Пашетъ покачала головой.

— Безполезно. Они тоже не любятъ, чтобы имъ кололи глаза нищими жидами. Еще онъ — ничего, скромный, учтивый и держитъ себя съ достоинствомъ — un monsieur tres correct, что правда, то правда. Но *она!* Только и слышно: «мой другъ графиня такая-то, нашъ пріятель князь такой-то...» Собираетъ византійскія иконы — такая коллекція, что украсть хочется! Заплатила какому-то парижскому антикварію бѣшеныя деньги за портретъ императрицы Елисаветы Петровны и повѣсила у себя въ будуарѣ надъ письменнымъ столомъ. Портретъ божественный. Она всѣмъ его показываетъ и говоритъ: «какая красота! я отдыхаю, когда смотрю на это лицо». Да, любопытный домъ. Вотъ ужъ гдѣ не скучно. Но никогда, понимаешь, никогда я у нихъ не встрѣчаю евреевъ, кромѣ двухъ-трехъ банкировъ, такихъ же богачей, какъ они. Никогда ни о чемъ касающемся евреевъ у нихъ не говорятъ.

— Они, можетъ быть, крещеные?—замѣтила Александра Петровна.

— Какое,—возразила Полина Владиміровна, - самые настоящіе, правовѣрные евреи. Мадамъ, каждый разъ, какъ согрѣшитъ, отвѣдаетъ у какой нибудь княгини трефнаго кушанья, послѣ молится и постится.

— Пустяки какіе.

— Я и не говорю, что сама это видѣла. Разсказываютъ Можетъ быть, и врутъ, только очень похоже на правду.

— Ты у меня всякую надежду отнимаешь, — уныло промолвила Александра Петровна. — Что же будетъ съ моимъ бѣднымъ артистомъ?

Пашетъ развела руками.

— Впередъ не затѣвай,—начала она, но, взглянувъ на разстроенное лицо Александры Петровны, точно передумала и сказала:— ну, хорошо, будь по твоему. Но только помни, Саша, въ послѣдній разъ! Я пошлю твою Пинкусъ съ письмомъ къ «боярынѣ Оршѣ» (я такъ называю мадамъ Якобсенъ въ интимномъ кружкѣ). Мнѣ самой курьезно, какъ она ее приметъ.

— Да она ее совсѣмъ не приметъ,—сказала Александра Петровна.

— Съ моимъ-то письмомъ! Никогда не посмѣетъ. «Боярыня Орша» даетъ въ этомъ году свой первый bal poudré и разсчитываетъ на меня, какъ на одно изъ «блестящихъ» украшеній.

— А какой толкъ, если и приметъ?— замѣтила Александра Петровна, даже не слушая Пашетъ.—Вѣдь главное дѣло все-таки въ паспортѣ.

— А я что говорю! Сама понимаешь, какъ это легко. Идея!— воскликнула Полина Владиміровна, стукнувъ тонкимъ пальцемъ о свой бѣломраморный лобъ.—Ты знаешь старую княжну Зыбину?

— Немножко. Она бываетъ иногда у насъ въ школѣ, только врядъ ли она меня припомнитъ.

— Это ничего. Она юродивая въ твоемъ жанрѣ, но отличная старуха. Теперь она помѣшана на traite des blanches и устраиваетъ концертъ-монстръ. Я къ ней съѣзжу, роспишу твоего жиденка, и если она согласится, ты его привезешь къ ней. Только смотри—безъ маменьки. Умой его, пріодѣнь, подъучи и тащи прямо къ княжнѣ. Если ужъ она ничего не сдѣлаетъ, такъ самъ Господь Богъ тебѣ не поможетъ. Послѣ свиданія съ княжной я тебѣ напишу.

— Пашетъ, душечка, какая ты милая, — начала было Александра Петровна, но Пашетъ тутъ же прервала ея изліянія.

— Некогда, Саша, послѣ, прости! Да и милаго во мнѣ ничего нѣтъ... просто я уступаю дружескому насилію. Ухъ, какъ мы заболтались! Давно пора одѣваться. У меня сегодня милліонъ дѣлъ...

Въ тотъ же день къ вечеру Александра Петровна получила отъ великолѣпной Полины Владиміровны слѣдующее письмо:

«Милая Саша, княжна очень заинтересовалась твоимъ Wunder-жидочкомъ. Она будетъ васъ ждать въ среду, въ 10 час. утра. Сегодня четвергъ, такъ что у тебя пять дней сроку, чтобы образумиться и отправить «феномена» съ родительницей обратно въ «черту осѣдлости». Но нѣтъ! ты вѣдь изъ неисправимыхъ. Помни мои наставленія: безъ маменьки! Если мальчикъ произведетъ на княжну эффектъ, то пошли ко мнѣ твою мадамъ Финтифлюсъ (или же какъ ее)—я дамъ ей письмо къ «боярынѣ Оршѣ» и такъ изображу сеансъ у княжны, что у нея голова закружится. У такой меценатки, какъ она, только и можно чего-нибудь добиться, если дать ей почувствовать, что она должна почитать за честь, когда къ ней обращаются. Я ей всегда посылаю почетные билеты— простые, молъ, всѣ ужъ разобраны. Желаетъ попасть въ общество — пусть платитъ! Voilà. По ту сторону добра и зла это, вѣроятно, все иначе, но у насъ въ Москвѣ самый надежный ключъ къ денежному сундуку — это тщеславіе. Въ жизни нельзя безъ философіи. Bonne chance.

Pachette.

VI.

Старая княжна Зыбина была превосходная музыкантша. Въ молодости она слушала Шопена и брала уроки у Листа. Яша ее поразилъ. Онъ пропѣлъ ей весь свой репертуаръ и то, что онъ въ эти дни слышалъ въ классѣ у Александры Петровны. Онъ пѣлъ, какъ поетъ весной жаворонокъ, безъ усилій, безъ принужденія и безъ словъ, точно его маленькое горло заключало неисчерпаемую сокровищницу звуковъ.

— C'est du miracle,—прошептала княжна и сложила руки, но Яша еще нѣсколько мгновеній продолжалъ пѣть, словно въ экстазѣ. Не слыша больше аккомпанимента, онъ остановился и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на княжну, у которой по мелкимъ морщинкамъ щекъ и въ уголкахъ рта блестѣли свѣтлыя капли слезъ.

— Il est unique... Cet enfant ne vivra pas!—воскликнула она, привлекая къ себѣ тщедушнаго мальчика.

— Отчего ты такой худенькій, мой милый, у тебя ничего не болитъ!—спрашивала она его. Яша опустилъ глаза, плотно сжалъ губы и отрицательно мотнулъ головой, дѣлая тихія, но настойчивыя движенія освободиться изъ объятій княжны.

Она засмѣялась и выпустила его.

— Какой дичокъ! Ничего, мы скоро подружимся,—сказала она и стала по-французски обсуждать съ Александрой Петровной подробности предстоящаго концерта, до котораго оставалось еще двѣ недѣли.

Это чрезвычайно утѣшало Александру Петровну. Ей не хотѣлось выпускать Яшу въ роли диковиннаго фокусника, единолично исполняющаго всѣ партіи въ «Демонѣ» и «Трубадурѣ». Она рѣшила приготовить съ мальчикомъ нѣсколько вещей классическаго репертуара. Княжна весьма одобрила эту мысль и онѣ вмѣстѣ долго и тщательно обсуждали программу.

— Онъ у насъ всѣхъ съ ума сведетъ, — повторяла княжна.

Александра Петровна поселила Яшу у себя. Это произошло какъ-то само собой. Мадамъ Пинкусъ съ утра приводила мальчика къ «дорогой профессоршѣ» и исчезала на весь день. Раза два Александра Петровна оставила его ночевать, а затѣмъ это вошло въ привычку. Александра Петровна совсѣмъ приручила Яшу. Онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ; довѣрчиво, какъ пригрѣтый котенокъ, положитъ къ ней на колѣни свою курчавую голову и слушаетъ, и будто присматривается къ строю незнакомой ему жизни. Старческое, хмурое выраженіе лица смягчилось, онъ словно окрѣпъ и посвѣжѣлъ, пересталъ дичиться, съ напряженнымъ любопытствомъ слушалъ пѣніе учениковъ и ученицъ

*

Александры Петровны. Однажды кто-то въ классѣ отчаянно сфальшивилъ. Яша залился неудержимымъ смѣхомъ. Александра Петровна съ изумленіемъ замѣтила:

— Обратите вниманіе, какъ онъ смѣется—совершенно правильныя трели.

Только глаза Яши, эти огромные, не дѣтскіе глаза, глядѣли попрежнему печально, точно передъ ними стояла неразрѣшимая и мучительная загадка. Онъ былъ очень понятливъ. Своимъ тонкимъ, музыкальнымъ ухомъ онъ быстро уловилъ разницу въ произношеніи Александры Петровны, Дуняши и своей матери, передразнивалъ ихъ, но самъ говорилъ свободно и чисто, изрѣдка замѣняя неизвѣстное слово жаргономъ и мимикой. Дуняша продолжала оказывать ему покровительство... Успѣхъ Яши у княжны произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Успѣхъ этотъ, впрочемъ, оказалъ дѣйствіе не только на Дуняшу, онъ повліялъ и на великолѣпную Пашетъ. Она обѣщала похлопотать у банкирши, нѣсколько разъ заѣзжала къ Александрѣ Петровнѣ, послушать Яшу, и соблаговолила признать, что это въ самомъ дѣлѣ «курьезная штука», но тутъ же выразила опасеніе, какъ бы Саша окончательно съ ума не спятила изъ-за этой «пучеглазой обезьянки».

Александра Петровна не отрицала, что ее все больше и больше плѣняетъ «феноменъ». Заниматься съ нимъ было для нея непрерывнымъ наслажденіемъ. Онъ понималъ ее съ полуслова. Не находя понятнаго выраженія и желая нагляднѣе объяснить, въ чемъ суть, она то брала карандашъ и начинала имъ дирижировать, то рисовала пальцемъ какіе-то зигзаги въ воздухѣ. Мальчикъ сейчасъ же схватывалъ этотъ странный языкъ, и голосокъ его, какъ чувствительная пластинка, передавалъ всѣ колебанія и оттѣнки музыкальной фразы.

— Это живой инструментъ,—волшебная флейта,—въ упоеніи восклицала Александра Петровна.

VII.

Тѣмъ временемъ мадамъ Пинкусъ стала приводить въ дѣйствіе собственный планъ, о которомъ она ничего не сообщила Александрѣ Петровнѣ. У нея оказался какой-то таинственный списокъ съ именами «аристократовъ», то-есть еврейскихъ богачей, съ которыхъ она разсчитывала собрать посильную дань. И тутъ для нея начался рядъ разочарованій. Во-первыхъ, чуть ли не всѣ намѣченные ею «аристократы» вздумали отбыть за границу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она пожелала убѣдиться въ реальности ихъ существованія. Прямо непостижимо,—къ кому она ни толкнется,—отвѣтъ одинъ: «господа за границу уѣхали».

Въ одномъ домѣ ее, наконецъ, приняли. Хозяинъ, огромный, толстый господинъ съ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица и сонными глазами, равнодушно выслушавъ ея разсказъ и, пошаривъ въ карманахъ брюкъ, молча подалъ ей серебряный рубль. Она съ негодованіемъ швырнула его на полъ, крикнула, что она не нищая, и величественно удалилась. Въ другомъ домѣ къ ней сначала выбѣжала маленькая, кудластая собачка, бѣлая, какъ снѣжинка, и стала лаять, а за собачкой выпорхнула маленькая, очень красивая и очень нарядная дама, съ такою пышною прической, что ея хорошенькое личико казалось совсѣмъ кукольнымъ. Увидавъ перепуганную физіономію мадамъ Пинкусъ, дама звонко расхохоталась и стала кричать на собачку: «Topsy, taisez vous donc, petite nigaude».

Топси не унималась, дама сѣла въ качалку и, продолжая хохотать, спросила мадамъ Пинкусъ, что ей нужно. Та дрожащимъ голосомъ, не сводя глазъ съ собачонки, засвидѣтельствовала свое уваженіе и принялась излагать свои желанія и надежды. На миніатюрное личико дамы легло облачко скуки. Она слушала, небрежно покачиваясь въ низенькой качалкѣ. Топси прыгнула къ ней на колѣни и, вытянувъ тонкія ножки, положила на нихъ свою мордочку, продолжая сердито ворчать на мадамъ Пинкусъ. Нарядная хозяйка потихоньку урезонивала ее: «Voyons, mon tou-tou, soyez sage...» Мадамъ Пинкусъ замолчала. Маленькая дама окинула презрительнымъ взглядомъ стоявшую передъ ней въ почтительномъ отдаленіи сгорбленную фигуру просительницы.

— Я сочувствую только настоящей нуждѣ,—вымолвила она своими пухлыми, розовыми губками.—Бѣднымъ людямъ нуженъ хлѣбъ, а вы просите на роскошь. На это у меня нѣтъ средствъ.

Она поднялась и позвонила. Топси скатилась на коверъ и съ визгливымъ лаемъ опять набросилась на мадамъ Пинкусъ, онѣмѣвшую отъ реприманда изящной, крошечной дамы.

Она вернулась къ Александрѣ Петровнѣ съ душой, переполненною горечью, и, не удержавшись, подѣлилась своими чувствами съ Дуняшей. Дуняша отнеслась къ этому дѣлу съ присущимъ ей благоразуміемъ.

— Сами виноваты,—рѣшила она,—суетесь въ воду, не спросясь броду. Здѣсь, матушка, не провинція, здѣсь народъ ученый. Мало ли кто придетъ съ улицы и начнетъ турусы на колесахъ разводить. Тутъ не такой обычай, Москва слезамъ не вѣритъ... Подай рекомендацію и пріемъ тебѣ будетъ настоящій. Вы думаете всѣ, какъ наша Александра Петровна? Какъ бы не такъ...

Мадамъ Пинкусъ поневолѣ должна была признать справедливость этихъ разсужденій, но гордость ея возмущалась противъ развязнаго краснорѣчія Дуняши, она сожалѣла о своей откровен-

ности съ «грубою бабой» и давала обѣты впередъ держать языкъ за зубами. Она совсѣмъ было пригорюнилась, но Александра Петровна въ тотъ же вечеръ послала ее къ Полинѣ Владиміровнѣ, гдѣ горничная ей вручила плотный, душистый конвертъ съ золотою монограммой. Это было обѣщанное письмо къ богатой банкиршѣ, и мадамъ Пинкусъ моментально просіяла. Она разсыпалась въ благодарностяхъ передъ оторопѣвшею камеристкой, прося ее кланяться «генеральшѣ». Придя домой, къ своимъ родственникамъ, она показала имъ драгоцѣнный конвертъ и пространно описывала свою дружбу съ «профессоршей», которая ее любитъ, какъ родная мать. Про генеральшу она тоже разсказала много лестнаго. Въ эту ночь мадамъ Пинкусъ легла спать съ облегченнымъ сердцемъ, и до утра ей снились самые радужные сны.

VIII.

Гигантскія каріатиды, украшающія домъ банкира Якобсена, произвели такое устрашающее впечатлѣніе на мадамъ Пинкусъ, что она долго не рѣшалась войти въ подъѣздъ, охраняемый двумя дремлющими львами. Неизвѣстно, сколько времени она простояла бы въ трепетномъ созерцаніи, если бы она не увидала городового. Ей показалось, что онъ направляется прямо къ ней. Въ головѣ ея, подобно блеску молніи, промелькнули кишиневскіе разсказы о любознательности столичной полиціи. Она уткнула голову какъ можно глубже въ плечи и судорожно нажала перламутровую кнопку звонка. Двери распахнулись и передъ ней выросъ дюжій швейцаръ. Она еле пролепетала:

— Я имѣю дѣло до мадамъ.

— Барыня не принимаютъ. Если за пособіемъ, пожалуйте въ контору,—отвѣтствовалъ швейцаръ.

— Мнѣ надо лично мадамъ,—настойчиво и уже гораздо храбрѣе произнесла мадамъ Пинкусъ, оправляясь отъ испуга.

— Говорятъ вамъ, не приказано принимать, ступайте въ контору.

— У меня письмо...

— И съ письмомъ въ контору, тамъ скажутъ.

— Отъ генеральши Стоцкой!—выпалила мадамъ Пинкусъ, освобождая изъ-подъ своей бархатной накидки благоуханный конвертъ. Швейцаръ нерѣшительно взялъ его, повертѣлъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и проговорилъ:

— Хорошо, я доложу, подождите тутъ въ сторонкѣ.

Мадамъ Пинкусъ вздохнула свободнѣе. Она очутилась въ обширномъ вестибюлѣ. Черезъ стекляную мозаику длинныхъ и узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ пробивались лучи зеленовато-розо-

ваго свѣта, какъ въ католической часовнѣ. По стѣнамъ картины. Мраморная лѣстница устлана коврами. Статуи, цвѣты... Ни въ одной оперѣ, ни въ Кіевѣ, ни даже въ Одессѣ, мадамъ Пинкусъ не видала такихъ декорацій. Ея сутулая фигурка съ выдавшимися впередъ острыми плечами сдѣлалась какъ-то еще незамѣтнѣе; она шмыгнула въ глубь вестибюля и притаилась между подоконникомъ и высокою спинкой дубоваго стула, надъ которымъ торчала только ея шляпка съ дрожащимъ огненно-краснымъ цвѣткомъ. Она видѣла, какъ швейцаръ тронулъ бѣлую пуговку, какъ по лѣстницѣ сбѣжалъ молодой лакей въ коричневой ливреѣ... Швейцаръ подалъ ему письмо и что-то сказалъ, показывая рукой въ ея сторону. Лакей взялъ конвертъ и тоже, какъ швейцаръ, повертѣлъ его, потомъ поглядѣлъ на нее (она не шелохнулась) и побѣжалъ опять наверхъ.

Мадамъ Пинвусъ стала ждать. Швейцаръ впускалъ и выпускалъ посѣтителей. Одни заѣзжали лишь для того, чтобы вручить швейцару карточку и сейчасъ же исчезали, другіе проходили наверхъ; нѣкоторые скрывались куда-то въ боковыя двери. Элегантная дама съ огромною бѣлою птицей на шляпѣ, въ длиннѣйшемъ боа изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ быстро и легко замелькала по ступенькамъ, шурша шелковыми юбками. Вслѣдъ за ней, подпрыгивая, какъ резиновый мячикъ, поднялся бритый молодой человѣкъ, держа въ рукѣ сіяющій цилиндръ. У мадамъ Пинкусъ затекли ноги отъ неудобной позы; мысль напряженно работала подъ напоромъ новыхъ впечатлѣній; ей было жарко, но она не рѣшилась снять накидку и только чуть-чуть разстегнула воротъ. Томительное чувство ожиданія охватывало ее все сильнѣе. Ей казалось, что про нее забыли, что ужъ давно-давно стоитъ она тутъ за оградой этого тяжелаго стула. Вдругъ швейцаръ съ особенною стремительностью распахнулъ дверь и, вытянувшись въ струнку, впустилъ высокаго господина въ военной шинели.

— Дома?—спросилъ военный, какъ-то однимъ движеніемъ плечъ сбрасывая шинель, которую ловко и подобострастно подхватилъ швейцаръ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Мадамъ Пинкусъ впилась глазами въ генерала. Да, да это настоящій генералъ, съ красными лампасами на штанахъ, съ эполетами, съ орденами... Онъ подошелъ къ зеркалу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, громко высморкался, вытеръ и пригладилъ густые, щетинистые усы, повернулся, чуть не повалилъ стулъ и... пристально взглянулъ на мадамъ Пинкусъ. Ей почудилось, что онъ хочетъ ей что-то сказать, и у нея отъ страха покатилось сердце. Но генералъ уже перевелъ свой взоръ на бронзоваго арапа, у котораго изъ голаго живота выползала змѣя, дер-

жащая въ зубахъ люстру, и, звякнувъ шпорами, онъ зашагалъ дальше, слегка волоча непокорную правую ногу. Мадамъ Пинкусъ смотрѣла на его широкую, прямую спину, на красный затылокъ, жирною складкой нависавшій на шею, и ей начинало представляться совершенно невѣроятнымъ, чтобы наступила такая минута, когда она... она!.. будетъ взбираться по той же лѣстницѣ, по которой съ такою увѣренностью шагаетъ генералъ, по которой весело, какъ птичка, только что взбѣгала прекрасная дама и за нею бритый молодой человѣкъ—всѣ эти богатыя, счастливыя существа изъ другого міра, ей чуждаго и недосягаемаго. Сама эта лѣстница начинала ей казаться чѣмъ-то заколдованнымъ. безконечнымъ, неумолимымъ, что ведетъ въ заповѣдную сферу, куда такимъ, какъ она, нѣтъ пути. И ей вдругъ стало страшно, Ей захотѣлось зажмурить глаза и бѣжать, бѣжать безъ оглядки... Ее удержалъ остатокъ здраваго смысла и жгучее любопытство. Вѣдь тутъ, въ этомъ дворцѣ,—урезонивала она сама себя,—живутъ евреи, наши братья, и всѣ эти генералы и генеральши ѣздятъ сюда въ гости. Значитъ, есть евреи, которыхъ *они* не презираютъ... Какіе же это евреи?... Она про нихъ слыхала, но никогда ихъ не видала вблизи... Вѣроятно, это какіе-нибудь особенные, какіе-нибудь необыкновенные геніи?.. Не можетъ же быть, чтобы вся эта честь оказывалась богатству. Деньги даже для нея, для жалкой мадамъ Пинкусъ, не все... Если бы Господь черезъ своего ангела ее спросилъ: что ты хочешь для своего сына—чтобы онъ былъ богатъ, какъ Ротшильдъ, или знаменитъ, какъ Рубинштейнъ?.. она бы не колебалась—она бы выбрала славу... а еслибъ она даже выбрала деньги? кто могъ бы ее осудить!.. Одинъ Богъ знаетъ, сколько она на своемъ вѣку голодала и холодала, сколько горькихъ слезъ пролила, сколько униженій вытерпѣла. И все изъ-за бѣдности... А знатнымъ господамъ стыдно унижаться передъ богачами,—знатнымъ господамъ, которые могутъ быть генералами и графами, и учеными, и губернаторами, для которыхъ открыты всѣ дороги... Нѣтъ! этого *не можетъ быть*... изъ-за *этого* «они» не станутъ дружить съ нами. Просто они удивлены, какіе на свѣтѣ бываютъ замѣчательные евреи и считаютъ за счастье знакомство съ ними... И чувство національной гордости наполнило сердце мадамъ Пинкусъ. Она размечталась.

Ну, конечно, здѣсь живутъ люди необыкновенные, избранные, благодѣтели и заступники за несчастныхъ и обиженныхъ... Можетъ быть, самъ Богъ привелъ ее сюда, можетъ быть, тутъ и есть тотъ случай, та судьба, которая вдругъ возьметъ человѣка изъ праха и возвеличитъ его надъ всѣми... Вѣдь не даромъ умные люди говорятъ, что каждый долженъ найти свою судьбу. Многіе всю жизнь ее ищутъ и не находятъ... Положимъ нигдѣ не сказано,

что люди, а тѣмъ болѣе евреи, должны быть счастливы... Но вѣдь бывали примѣры! Какая-нибудь особенная удача, протекція...

Развѣ не чудо, что мѣсяцъ тому назадъ она считала за честь, если жена исправника, которая три года должна ей десять рублей за вышитыя сорочки, ей скажетъ: «здравствуйте, мадамъ Пинкусъ». А теперь она стоитъ въ этомъ дворцѣ, куда генералы пріѣзжаютъ, какъ къ себѣ домой. За сыномъ ея, точно за царскимъ ребенкомъ, ухаживаетъ профессорша, которую знаетъ весь городъ (можетъ быть, вся Россія!). Ея Яша, восьмилѣтній мальчикъ, будетъ пѣть въ княжескомъ домѣ рядомъ съ самыми большими знаменитостями.. И все это не чудо? Тогда она ужъ не знаетъ, что такое чудо. И почему нѣтъ? Если на дѣтяхъ до седьмого колѣна взыскивается за грѣхи родителей, то почему родителямъ когда-нибудь не получить свое счастье черезъ ребенка. Мало съ ними мученій!.. И въ воображеніи мадамъ Пинкусъ стали развертываться картины одна другой волшебнѣе. Она ужъ видѣла себя хозяйкой этого «дворца» и бронзоваго арапа съ ползущею изъ живота змѣей, въ ней заискивали генералы и важныя дамы, лакеи стояли передъ нею на вытяжку... Изъ этого блаженнаго состоянія ее вывелъ голосъ перегнувшагося черезъ перила лакея, который кричалъ:

— Ѳедоръ, женщина съ письмомъ отъ генеральши Стоцкой тутъ? Барыня ее требуетъ...

— Идите скорѣй,—сказалъ швейцаръ.—Калоши на васъ есть?—прибавилъ онъ.—Оставьте ихъ здѣсь, а то коверъ запачкаете.

Мадамъ Пинкусъ съ усиліемъ стащила калоши, торопливо сунула ихъ въ уголокъ (ей было стыдно, что онѣ такія грязныя и рваныя) и поползла наверхъ, еле переставляя отяжелѣвшія отъ долгаго стоянья ноги.

— Идите прямо,—говорилъ ей вслѣдъ швейцаръ,—тамъ покажутъ, гдѣ вамъ обождать.

По мѣрѣ того, какъ она подвигалась—выростало и ея изумленіе. Съ каждой площадки по обѣ стороны разбѣгались цѣлыя анфилады комнатъ. Картины, статуи, цвѣты, зеркала, какая-то невиданная мебель... нѣтъ, никогда ей и во снѣ не грезилось такое великолѣпіе. На верхней площадкѣ она увидала лакея. Онъ ей сказалъ: «вамъ не сюда. Спуститесь на одну лѣстницу и поверните направо въ зимній садъ. Барыня сейчасъ выйдетъ».

Мадамъ Пинкусъ поглядѣла на него, какъ сомнамбула. Лакей сжалился надъ ней.

— Ну, пойдемте, я покажу. Онъ сошелъ съ нею въ бельэтажъ и сказавъ: «ждите тутъ» оставилъ ее въ длинной галлереѣ со стеклянымъ потолкомъ и стѣной, заставленной деревьями, цвѣтами, акваріумами. Въ огромной проволочной клѣткѣ порхали

пестрыя птички. Эта яркая, отовсюду бьющая въ глаза роскошь давила мадамъ Пинкусъ, внушала ей суевѣрный ужасъ, словно передъ нею была пасть ненасытнаго чудовища, и ей опять мучительно и страстно захотѣлось убѣжать. Ноги ея совсѣмъ ослабѣли, въ головѣ было холодно и пусто, на душѣ тоска. Она прислонилась спиной къ желтой мраморной колоннѣ, чтобы не упасть. Между пальмами стояли бамбуковыя кресла и диванчики, но она на посмѣла присѣсть... Въ эту минуту, волоча за собою шлейфъ сѣраго суконнаго платья, показалась дама, очень высокая, сухая и прямая, съ маленькою головой и большимъ горбатымъ носомъ. Въ лицѣ ея, изжелта блѣдномъ, поражала крѣпкая, почти квадратная, выдающаяся впередъ нижняя челюсть. Дама сдѣлала какое-то странное движеніе, словно она понюхала воздухъ, потомъ сѣла въ плетеное кресло расправила шлейфъ и принялась тщательно и серьезно чистить щеточкой свои ногти. Она даже не взглянула на мадамъ Пинкусъ. Можно было подумать, что она или не замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоитъ живое существо, или же забыла о его присутствіи. Мадамъ Пинкусъ окончательно растерялась, не зная, что ей предпринять. Судьба смилостивилась надъ нею. Въ зимній садъ вошла стройная, черноволосая барышня въ темномъ платьѣ, съ книжкой въ рукѣ; она окинула быстрымъ взглядомъ безмолвную группу обѣихъ женщинъ и съ явной насмѣшкой воскликнула:

— Мама, развѣ вы не видите? Эта дама, вѣроятно, къ вамъ по дѣлу.

Банкирша мгновенно вышла изъ оцѣпенѣнія, положила на колѣни щеточку и вытерла платкомъ свои унизанные перстнями, плоскіе пальцы.

— Я не слѣпая,—замѣтила она по-французски дочери. устремляя на мадамъ Пинкусъ взоръ круглыхъ желтоватыхъ глазъ безъ рѣсницъ.

— Вы отъ генеральши Стоцкой? Откуда вы знаете генеральшу?

Голосъ у нея былъ громкій, сиплый, рѣжущій.

Мадамъ Пинкусъ промолвила что-то невнятное. Отъ волненія у нея обрывались слова, она тяжело дышала, прижималась къ колоннѣ и старалась улыбаться, но вмѣсто улыбки по ея сконфуженному лицу расползалась жалкая, слезливая гримаса.

— Я ничего не понимаю, говорите яснѣе,—нетерпѣливо сказала банкирша.

— Mais vous la terrorisez,—вполголоса замѣтила дочь,—la pauvre femme va se trouver mal.

Мадамъ Пинкусъ инстинктивно почувствовала поддержку и немного пріободрилась.

— Мы такъ много наслышаны... мадамъ... о вашихъ благо-

дѣяніяхъ, — начала она. — Я бы никогда не осмѣлилась васъ безпокоить... я не такая глупая, чтобы не понимать, что ваше время дороже золота... Нужда гонитъ человѣка къ чужимъ дверямъ, а мать для своего ребенка на все готова... Вы сами мать...

— Говорите, пожалуйста, короче, что вамъ нужно,—сухо и сквозь зубы процѣдила банкирша.

Мадамъ Пинкусъ покраснѣла. Въ ней проснулось чувство оскорбленнаго равенства, никогда не угасающее въ душѣ даже самаго забитаго еврея. Ея пылающіе, черные глаза такъ и впились въ безкровное, вялое лицо богачки.

— У моего сына талантъ,—произнесла она съ достоинствомъ,— о, громадный талантъ, Онъ поетъ, какъ соловей, и можетъ играть по слуху на всѣхъ инструментахъ. Александра Петровна Неволина не отпускаетъ его отъ себя и говоритъ, что онъ геній, что онъ богъ... Развѣ я знаю!—патетически воскликнула мадамъ Пинкусъ и не безъ ироніи прибавила:—а она, кажется, въ этомъ дѣлѣ понимаетъ. Теперь мой Яша будетъ пѣть у одной княгини вмѣстѣ съ самыми важными профессорами.

— Это ужъ навѣрно, или вамъ только обѣщали?—спросила банкирша значительно благосклоннѣе.

Мадамъ Пинкусъ уловила этотъ оттѣнокъ и почувствовала себя гораздо крѣпче на ногахъ.

— И еще какъ обѣщали!—подтвердила она съ необыкновенною увѣренностью. — Княгиня его на рукахъ носитъ. Только бы Яша не закапризничалъ, а они считаютъ за праздникъ, когда онъ поетъ.

— Скажите,—возмутилась банкирша. Онъ еще можетъ капризничать и не хотѣть. Этого еще не достаетъ.

Мадамъ Пинкусъ усмѣхнулись.

— Что вы хотите, мадамъ! У него огромный талантъ, это вѣрно, какъ то, что я живу на свѣтѣ. Но онъ все-таки ребенокъ и не умѣетъ понимать свою пользу. Бѣдные дѣти—вѣдь тоже дѣти...

Банкирша остановила ее величественнымъ взмахомъ руки.

— Я все-таки не понимаю, чего вы отъ меня хотите.

— Ничего больше, какъ чтобы вы обратили на насъ свое высокое вниманіе, мадамъ, и Богъ наградитъ васъ сторицей—васъ, вашего мужа и вашихъ дѣтей. Профессорша и генеральша меня обнадежили, что вы можете дать моему Яшѣ пенсію или какое-нибудь мѣсто моему мужу. Если Яша тутъ останетси, то придется намъ всѣмъ изъ Кишинева переѣхать...

— Другими словами, мы должны взять на свою шею цѣлое семейство? Недурно придумано,—колко произнесла банкирша.

— Сохрани Богъ,—возразила мадамъ Пинкусъ.—Мой мужъ

честный человѣкъ и не дармоѣдъ... Но безъ поддержки... хоть первое время, въ чужомъ городѣ...

— А право жительства вы имѣете?--перебила банкирша.

— Княгиня сказала генеральшѣ, что это она ужъ беретъ на себя,—солгала мадамъ Пинкусъ, желая ослѣпить гордую богачку своими аристократическими связями.

Но та осталась непреклонна.

— Я ничего не могу вамъ обѣщать,—сказала она.—Евреи думаютъ, что мы можемъ обезпечить весь еврейскій народъ... Я вамъ не отказываю, я хочу сама судить о вашемъ сынѣ, и тогда мы увидимъ. Я напишу генеральшѣ Стоцкой, чтобы она оставила для меня билеты нъ концертъ княгини. Если вашъ мальчикъ, дѣйствительно, такая рѣдкость,—то я объ немъ подумаю.

Банкирша кивнула головой, давая понять, что аудіенція кончена. Мадамъ Пинкусъ поняла, отвѣсила низкій поклонъ банкиршѣ и ея дочкѣ, молча сидѣвшей въ отдаленіи, и тихо поплелась назадъ по направленію къ монументальной лѣстницѣ. Она была уничтожена и вся кипѣла безсильнымъ негодованіемъ голоднаго противъ сытаго.

IX.

— И что это за страсть всюду лѣзть, выскакивать изъ своей среды, всѣмъ надоѣдать!—воскликнула банкирша, когда затихли тяжелые шаги мадамъ Пинкусъ.

Дочь молчала, не отрывая глазъ отъ книги.

— Вѣдь вотъ эта женщина,—продолжала мать,—посмотрѣть на нее—нищая! каррикатура! говоритъ такъ, что слушать больно, (При этихъ словахъ барышня метнула на свою мамашу взглядъ неизмѣримаго презрѣнія). И что же!.. Ко всѣмъ пробралась, мальчишка ея будетъ пѣть—шутка сказать—у княжны Зыбиной. Вотъ изъ-за такихъ нахаловъ страдаютъ евреи...

Дочь закрыла книгу.

— Ошибаетесь,—промолвила она ледянымъ тономъ.—Бѣднаго еврея просто топчутъ, даже не замѣчая... ну, какъ червяка, попавшаго подъ ногу. А такихъ, какъ мы съ вами—презираютъ.

— Это еще что за новая фанаберія!—раздражительно замѣтила банкирша.—Слава Богу, насъ, кажется, всѣ уважаютъ...

Дочь пожала плечами.

— Еще бы не уважать,—начала она насмѣшливо.—На послѣднемъ нашемъ вечерѣ одинъ шпютъ, танцующій у насъ третью зиму, спросилъ у другого: «скажите, какъ отчество хозяина, я все забываю...»

— Она съ ума сошла!—воскликнула банкирша и погрозила ку-

лакомъ въ пространство.—Эмма, я тебѣ говорю, ты съ ума сошла, повторила она, обращаясь непосредственно къ дочери.

— Очень возможно. Мнѣ все опротивѣло, все!—истерически всхлипнула Эмма.—Это вѣчная комедія... Вѣдь у васъ нѣтъ ни одного друга. И откуда ему взяться! Развѣ у насъ бываетъ ктонибудь безкорыстно? Можно подумать, что во всемъ этомъ большомъ городѣ нѣтъ ни одного студента, ни одной образованной молодой дѣвушки и вообще ни одного порядочнаго человѣка...

— Ты кончила?—перебила мать...

— Нѣтъ не кончила... Скажите на милость, чего ради вы издѣвались битый часъ надъ этою несчастною женщиной? Только потому, что она еврейка. Никогда бы вы такъ не обошлись съ русской, никогда!.. не посмѣли бы!..

— Можетъ быть, ты хочешь сдѣлаться сіонисткой, со всѣми нищими?—ядовито вставила банкирша.

— Я готова сдѣлаться чортомъ!—гнѣвно возразила Эмма,—только бы избавиться отъ нашего проклятаго житья!

Блѣдное лицо банкирши покрылось багровыми пятнами, она тряслась отъ негодованія.

— Ты не барышня,—произнесла она упавшимъ голосомъ,—ты... ты—пожарный. Уйди, уйди... Ты меня убиваешь.

Дочь въ отвѣтъ лишь рукой махнула и бросилась вонъ изъ зимняго сада. Впопыхахъ она толкнула корзину съ бѣлоснѣжными ландышами, корзина закачалась и съ грохотомъ полетѣла на мозаичный полъ.

X.

На нетерпѣливые разспросы Александры Петровны о томъ, какъ ее приняла госпожа Якобсенъ, мадамъ Пинкусъ отвѣчала общими фразами.

— Не домъ, а дворецъ... Важная особа... Когда я пришла, у ней, можетъ быть, десять генераловъ сидѣли... Съ кѣмъ она должна была заниматься, съ ними или со мной?... Ну, конечно, просила кланяться съ уваженіемъ генеральшѣ и вамъ. Пріѣдетъ на концертъ непремѣнно... А дочка совсѣмъ графиня, говоритъ по-французски!.. Я поняла, что она очень объ Яшѣ интересуется...

Мадамъ Пинкусъ было стыдно сказать правду, да и боялась она, какъ бы это не повліяло дурно на Александру Петровну. Скажетъ себѣ: если евреи не хотятъ знать своихъ, то зачѣмъ мнѣ голову ломать? Но окончательно скрыть свое разочарованіе она не съумѣла, да и обстоятельства складывались такъ, что поневолѣ побуждали къ откровенности. Родственники, у которыхъ мадамъ Пинкусъ пріютилась, явно на нее дулись, находя, что всему есть граница

и что «пара дней» (она имъ сказала, что пробудетъ въ Москвѣ всего «пару дней») есть выраженіе символическое, означающее ни болѣе, ни менѣе, какъ безконечность. Словно на грѣхъ, старый дворникъ отошелъ, а новый еще не примѣнился къ нравамъ и усердствовалъ. Онъ неукоснительно требовалъ паспорта, и три серебрянныхъ рубля, перешедшихъ изъ тощаго портмонэ мадамъ Пинкусъ въ карманъ его плисовой жилетки, поколебали его міросозерцаніе всего лишь на три дня. Рискнуть же болѣе внушительною суммой она не могла въ виду неизвѣстнаго будущаго. Александра Петровна замѣтила, что мадамъ Пинкусъ не по себѣ, что она перестала философствовать, сидитъ пригорюнившись въ уголку и только отъ времени до времени глубоко вздыхаетъ. Даже пѣніе Яши ее не приводило въ такой шумный восторгъ, какъ обыкновенно.

Между тѣмъ, подъ руководствомъ Александры Петровны, онъ съ каждымъ днемъ пѣлъ все лучше и лучше. Александра Петровна не переставала дивиться на мальчика. Онъ трогалъ ее нѣжностью и какою-то особенною, врожденною деликатностью, съ которою онъ выслушивалъ ея замѣчанія. По свойственному его возрасту легкомыслію, онъ, повидимому, не сознавалъ «шаткости» своего положенія, игралъ, пѣлъ, шалилъ и бѣгалъ по комнатѣ такъ свободно, какъ будто онъ имѣлъ на это всѣ права. Онъ поправился, окрѣпъ и даже выросъ; блѣдныя щечки зарумянились, голова его ужъ не казалась черезчуръ тяжелою для его тонкой шеи, и усталое старческое выраженіе растаяло въ его посвѣтлѣвшихъ черныхъ глазахъ. Онъ подружился со всѣмъ классомъ Александры Петровны, его ласкали и баловали наперерывъ, и цѣлый день то здѣсь, то тамъ раздавался серебристый смѣхъ мальчика. Такая «смѣлость», прежде всего, уронила его въ глазахъ Дуняши. Она выговаривала Александрѣ Петровнѣ, что мальчишка совсѣмъ отъ рукъ отбился, что съ нимъ сладу нѣтъ... Развѣ это порядокъ! Каждый долженъ знать свое мѣсто... Что онъ за баринъ такой... Оставить бы его на кухнѣ. Нужно спѣть или сыграть при господахъ—можно его позвать, и опять назадъ. Вотъ тогда бы изъ него былъ толкъ...

Александра Петровна только смѣялась на эту воркотню, но Яша чувствовалъ, что Дуняша его не любитъ, и сторонился ея. Мадамъ Пинкусъ, какъ тонкій дипломатъ, бранила сына при Дуняшѣ и этимъ поддерживала политическое равновѣсіе. Она понимала силу Дуняши и подлаживалась къ ней всячески. Убѣдившись, что у родственниковъ ей дольше оставаться невозможно, она опять-таки прибѣгла къ покровительству Дуняши: повѣдала ей со слезами свою бѣду и смиренно просила посовѣтовать, какъ быть.

— Повѣрьте,—говорила она,—что мнѣ стыдно вамъ и Александрѣ Петровнѣ въ глаза глядѣть. Сколько хлопотъ вамъ изъ-за

меня, вы думаете, я не понимаю?.. Богъ видитъ, я готова уѣхать до концерта, чтобы не быть въ тягость благороднымъ людямъ, а только жалко. Можетъ быть, тутъ все счастье ребенка. Столько истратила, столько бѣгала—и все задаромъ.

Дуняшу это разжалобило.

— Куды теперь уѣзжать,—сказала она.—Ужъ до концерта у насъ какъ-нибудь перебьетесь. Я скажу Александрѣ Петровнѣ. Главное, на публику не суйтесь и въ кухню тоже безъ дѣла не выбѣгайте, и чтобы безъ вещей. Пришли съ параднаго, тутъ вы, нѣтъ васъ, никто не знаетъ. Но только уговоръ лучше денегъ. Послѣ концерта уѣзжайте и съ Яшей со своимъ. Александрѣ Петровнѣ отдыхать надо лѣтомъ. Мы съ нею каждый годъ на Балтійское море уѣзжаемъ. По своей безпечности да простотѣ, она изъ-за васъ тутъ все лѣто готова проваландаться...

Мадамъ Пинкусъ поклялась вѣчнымъ покоемъ своихъ усопшихъ родителей, что не просидитъ лишней минуты и во всю жизнь не забудетъ великодушія Дуняши.

Александра Петровна разрѣшила мадамъ Пинкусъ переселиться къ ней безъ всякихъ ограниченій. Дуняша предварительно сводила ее въ баню и простерла гостепріимство до того, что устроила ей постель на своемъ собственномъ сундукѣ. Мадамъ Пинкусъ едва легла, заснула, какъ мертвая.

XI.

Концертъ былъ въ разгарѣ. Въ освѣщенной электричествомъ круглой залѣ съ бѣлоснѣжными колоннами и хорами не было ни одного свободнаго мѣста. Концертомъ княжны Зыбиной обыкновенно заканчивался сезонъ и присутствовать на немъ считало священнымъ долгомъ нѣсколько десятковъ лицъ, чувствующихъ себя «столпами общества», и двѣ-три сотни, которымъ хочется увѣрить въ этомъ себя и другихъ. Тутъ были всѣмъ извѣстныя фигуры несмѣняемыхъ меломановъ и меценатовъ, составляющихъ какъ бы принадлежность концертныхъ и театральныхъ залъ. Безъ нихъ не обходится ни одно сборище. Они неизмѣнно засѣдаютъ въ бенуарахъ и первыхъ рядахъ креселъ. Проходятъ годы, погибаютъ герои, выростаетъ новая жизнь. «Несмѣняемые» желтѣютъ, покрываются морщинами, одни высыхаютъ, другіе жирѣютъ, но, кашляя, кряхтя и задыхаясь, они остаются до конца въ зрительномъ залѣ, какъ часовые на своемъ посту. Они уже не смотрятъ, не слушаютъ, а только сравниваютъ, т.-е. вспоминаютъ.

Старая княжна сидѣла на бархатномъ диванѣ, недалеко отъ эстрады. Какъ только артистъ кончалъ свой номеръ, она вставала, съ блаженною улыбкой слушала апплодисменты и проходила черезъ

низенькую дверь въ артистическую. Тамъ за двумя столами, круглымъ и длиннымъ, хозяйничали молодыя дѣвушки, безчисленныя племянницы княжны, дочери ея кузинъ и пріятельницъ. На кругломъ столѣ кипѣлъ серебряный самоваръ, стояли сандвичи, печенье, фрукты, конфекты. На длинномъ столѣ между батареей рюмокъ и бокаловъ торчали изъ массивныхъ холодильниковъ стройныя горлышки бутылокъ. Тутъ же подъ орлинымъ окомъ торжественнаго maître d'hôtel'я безшумно и быстро двигались оффиціанты. Въ фойе артистовъ проникали лишь избранные, *свои*. Въ антрактахъ мужчины приходили сюда поболтать съ дамами. Это были все люди почтеннаго, даже «маститаго» возраста Они говорили съ женщинами, какъ съ избалованными дѣтьми, но эта искусственная рѣчь порой оживлялась забавною шуткой, остроумнымъ замѣчаніемъ, тонкимъ злословіемъ. Зато молодежь поражала серьезностью. Въ безукоризненныхъ фракахъ и мундирахъ, тощіе, большею частью лысые, съ зеленоватымъ цвѣтомъ лица и безучастными взорами, они разговаривали, двигались, кланялись, словно автоматы на пружинахъ.

Въ дамской уборной сидѣла Александра Петровна. Прижавшись къ ней, словно ему было холодно, стоялъ Яша. Коротенькая, темная бархатная курточка съ большимъ кружевнымъ воротникомъ, коротенькіе штаны, длинные, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками дѣлали мальчика неузнаваемымъ. Ни дать, ни взять пажъ, сорвавшійся съ плафона дворца дожей.

Костюмъ былъ сооруженъ собственными руками Александры Петровны по гравюрѣ, доставленной великолѣпною Пашетъ. Она же пожертвовала и воротникъ. Яша былъ въ восторгѣ. Онъ не отходилъ отъ зеркала, и когда, послѣ примѣрки, костюмъ убрали въ шкафъ, дѣло не обошлось безъ слезъ. И теперь онъ поминутно охорашивался и потихоньку твердилъ:

— Вѣдь это мой костюмъ?

— Твой, конечно.

— Я могу его носить завтра и всегда?

— Если споешь хорошо, то можешь, я тебѣ тогда подарю еще лучше,—посулила Александра Петровна.

— Не надо лучше. Пусть этотъ... да?—настаивалъ Яша.

— Ну, конечно, да,—терпѣливо отвѣчала Александра Петровна.—Только, смотри, милый, пой, какъ дома. Ты вѣдь не боишься?

— Нѣтъ. А гдѣ мама?—вдругъ спросилъ Яша.

— Мама пріѣдетъ послѣ. Ей теперь некогда,—сказала Александра Петровна, усаживая его къ себѣ на колѣни.

Яша призадумался.

— Не хочу безъ мамы,—объявилъ онъ и сталъ сползать съ

колѣнъ Александры Петровны, съ явнымъ намѣреніемъ обратиться въ бѣгство.

— Что ты, милый!—всполошилась Александра Петровна,—мама пріѣдетъ, я сейчасъ за нею пошлю.

— Въ каретѣ?—спросилъ Яша и остановился.

— Ну да, въ каретѣ, какъ мы съ тобой пріѣхали. Я попрошу княжну, и она за ней пошлетъ. Ты только не волнуйся и когда будешь пѣть—смотри на меня. Слышишь?

— И на костюмъ тоже,—прошепталъ Яша.

Крейцеровою сонатой, удивительно сыгранною пріѣзжимъ скрипачомъ и знаменитою піанисткой, закончилось второе отдѣленіе.

Артистическая вся наполнилась. Многіе обступили Александру Петровну, иронически освѣдомляясь о вновь открытомъ ею чудѣ. Она добродушно отражала насмѣшки. Княжна сидѣла съ гладко выбритымъ изящнымъ старикомъ, къ которому почти всѣ присутствующіе относились съ любезностью, очень похожею на подобострастіе. Это былъ Горбовскій, весьма вліятельный сановникъ. Въ молодости либералъ, даже красный, онъ во-время успѣлъ остановиться и, что еще труднѣе, съумѣлъ сохранить симпатіи во всѣхъ лагеряхъ. Онъ никогда ничего ни для кого не дѣлалъ, но, владѣя въ высшей степени искусствомъ привѣтливаго обращенія, никогда никому не отказывалъ въ сочувствіи.

Всѣ уходили отъ него обласканные и очарованные; никто на него не сердился, наоборотъ всѣ считали прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Скептики, правда, называли его Талейраномъ, а то и просто старою лисицей, но они же, при отдаленномъ намекѣ на «неблагополучіе» прибѣгали къ нему за поддержкой и наставленіемъ. Княжна преклонялась передъ его умомъ и теперь возлагала на него всѣ свои надежды.

— Онъ такой геніальный!—говорила она Александрѣ Петровнѣ,—онъ ужъ устроитъ намъ жительство для нашего маленькаго чуда.

Началось второе отдѣленіе.

Когда Яша, въ сопровожденіи Александры Петровны, появился на эстрадѣ—на многихъ лицахъ мелькнуло выраженіе недоумѣнія.

— Это что еще такое будетъ? — спрашивали другъ друга удивленнымъ шепотомъ меломаны и меценаты.

Яша широко раскрытыми глазами глядѣлъ на публику. Онъ не узнавалъ залу, въ которой вчера еще пѣлъ при княжнѣ подъ аккомпаниментъ Александры Петровны. Вчера въ залѣ было совсѣмъ темно, а теперь въ ней такой свѣтъ, что глазамъ больно.

Александра Петровна, вся красная и дрожащая, сѣла за рояль, шепча мальчику: «смотри на меня и не бойся». Но Яша не боялся. Онъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ и такъ заинтересованъ, что, казалось, забылъ, для чего онъ здѣсь. Но, едва разда-

лись первыя ноты аккомпанемента, онъ насторожился и запѣлъ. Онъ запѣлъ старинную итальянскую молитву, которую, по желанію княжны, съ нимъ разучила Александра Петровна. Словъ нельзя было разобрать, только волны нѣжныхъ, чистыхъ звуковъ неслись въ залу. Какъ-то не вѣрилось, что они вылетаютъ изъ груди этого тщедушнаго, маленькаго существа. То были звуки надежды, радости, тихая печаль, свѣтлая и кроткая.

Александра Петровна ужъ не волновалась и вся сіяла гордостью побѣды. «Bauernlid» и «Ручей» Шуберта вызвали бурю восторга. Яша два раза повторилъ свою программу, а его вызывали и вызывали. Въ ребенкѣ проснулся артистъ. Онъ былъ упоенъ успѣхомъ, его черные глаза блистали торжествомъ, онъ кланялся и улыбался окружавшей его незнакомой толпѣ. Иностранный скрипачъ, цѣлуя, снялъ его съ эстрады и на рукахъ понесъ въ артистическую.

— Каковъ!—воскликнула княжна, увидавъ, что Горбовскій продолжаетъ аплодировать мальчику.

— Изумительно! Невѣроятно! Я никакъ не ожидалъ,—произнесъ сановникъ.

— Какъ я рада,—сказала княжна.—Присядемте тутъ; мнѣ нужно съ вами поговорить. Вы вѣдь побѣждены и теперь, надѣюсь, поможете мнѣ его устроить.

— Все, что отъ меня будетъ зависѣть, княжна. Но къ сожалѣнію, есть препятствія, противъ которыхъ я безсиленъ. Вѣдь этотъ маленькій волшебникъ, кажется, еврей?

— Конечно! Будь онъ китаецъ или абиссинецъ, я бы и безъ васъ его устроила,—довольно рѣзко возразила княжна.

Банкирша, сидѣвшая съ дочерью въ первомъ ряду, чувствовала себя въ затруднительномъ положеніи. Она видѣла воочію, какъ весь этотъ чопорный beau monde восторгается сыномъ «нищей» и ей было досадно за свой промахъ.

— Кто бы могъ этому повѣрить,—обратилась она къ старшей дочери. Та сдѣлала презрительную гримасу.

— А вы-то! чуть не выгнали эту несчастную женщину. Вотъ видите! не всегда значитъ: если бѣднякъ, то ужъ естественный грабитель.

— Нельзя ли хоть тутъ безъ домашнихъ сценъ,—процѣдила сквозь зубы Нелли, младшая дочь банкирши.—Tu es stupide, Emma... Мама, на насъ плыветъ Стоцкая. Какъ намазана!

Пашетъ привѣтствовала ихъ самою обворожительной улыбкой.

— Здравствуйте, Берта Михайловна. Нелли, до чего вы сегодня интересны! Меня ужъ спрашивали о васъ. Кто? не скажу!.. А у Эммы лицо Юдиѳи. Вѣдь это Юдиѳь убила Олоферна? Ха-ха-ха, не сердитесь! Я шучу. Вы на меня не въ претензіи за мальчу-

гана, Берта Михайловна? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ чудо! Вы какъ находите?

— Это необыкновенное явленіе,—начала банкирша.—Въ такой невѣжественной средѣ...

Пашетъ, испугавшись продолжительнаго краснорѣчія «боярыни Орши», остановила проходившую мимо княжну и представила ей мадамъ Якобсенъ и ея прелестныхъ дочерей. Княжна съ ласковой улыбкой пожала имъ всѣмъ руки и сказала:

— Надѣюсь, вы примете участіе въ судьбѣ этого замѣчательнаго ребенка?

— Это нашъ долгъ, княжна,—воскликнула банкирша.

— Разумѣется,—простодушно подтвердила княжна.—Вѣдь онъ вашъ единовѣрецъ, стало быть ближе вашему сердцу, чѣмъ всякій другой.

— О, это для меня безразлично. Для таланта нѣтъ націи,—напыщенно заявила банкирша.

Княжна посмотрѣла на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ опять ласково поклонилась, извинившись, что она еще должна поблагодарить артистовъ, и направилась въ фойе.

Банкирша была разочарована: она разсчитывала на большее вниманіе со стороны княжны. Эмма иронически покосилась на мать. Нелли, вздернувъ свою красивую, бѣлокурую головку, промолвила:

— Rira mieux, qui rira le dernier.

Публика стала расходиться. Банкирша, обиженная и недовольная, съ шумомъ отодвигала ряды опустѣвшихъ стульевъ, чтобы скорѣе добраться до выхода, не замѣчая обращенныхъ на нее со всѣхъ сторонъ любопытныхъ взглядовъ. Дочери, соединенныя въ общемъ негодованіи на мать, выступали медленно, тихо разговаривая между собою, и съ такимъ независимымъ видомъ, словно несшаяся впереди ихъ женщина была имъ совершенно чужая.

XII.

Начались хлопоты... Княжна поѣхала къ Горбовскому и была крайне изумлена когда, вмѣсто любезности и готовности къ услугамъ, она встрѣтила совсѣмъ для нея непривычное упорство и оффиціальную непроницаемость.

— Вѣдь вы его слышали,—убѣждала княжна.—Вѣдь это талантъ изъ ряду вонъ.

— Я въ музыкѣ профанъ, княжна, однако знаю, что изъ такъ называемыхъ Wunderkind'овъ большею частью ничего не выходитъ.

— Послушайте,—мягко возражала княжна,—это съ вашей стороны какое-то непонятное упрямство. Я старая музыкантша, и говорю вамъ: передъ нами рѣдкій, можетъ быть, великій талантъ.

— Но, онъ еврей, княжна. Евреи, за исключеніемъ нѣсколькихъ категерій, по закону не имѣютъ права жительства внѣ черты еврейской осѣдлости. Я отлично понимаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это—довольно жестокая штука, но поймите, что я ничего противъ этого не могу... И хоть бы дѣло шло объ одномъ мальчикѣ, а то, вопреки ясному закону, надо разрѣшить пребываніе въ столицѣ цѣлой семьѣ какихъ-то проходимцевъ.

— Не думаю, чтобы столицѣ отъ этого угрожала опасность,—язвительно замѣтила княжна,—et en fait de «проходимцы»,—прибавила она,—ils ne seront pas les seuls.

Сановникъ сочувственно осклабился.

— Право, княжна, васъ увлекаетъ ваше доброе сердце. Повѣрьте, эта компанія отлично пристроится. Они такіе мастера обходить законъ.

Княжна вдругъ вспылила.

— Знаете ли вы, что я вамъ скажу, мой милый,—воскликнула она,—вы меня удивляете. Я не имѣю претензій быть... быть... une frondeuse enfin. Но если бы со мной такъ обращались, какъ съ ними et bien! telle que vous me voyez, я бы тоже стала обходить законъ. Только бы и думала, какъ бы это мнѣ обойти законъ.

Горбоскій засуетился.

— Voyons, voyons. Поймите, княжна, я *не не хочу*, а *не могу* исполнить ваше желаніе. Да окрестите вы ихъ! Чего проще.

— Je ne demanderais pas mieux,—вздохнула княжна,—но это не возможно.

— Не желаютъ? Ну, еще бы. Этакіе закоренѣлые фанатики,—сказалъ Горбовскій.—Я вижу только одинъ исходъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного.

— Какой?

— Поселите ихъ у себя въ домѣ, княжна,—промолвилъ Горбовскій съ самымъ невиннымъ видомъ.—У васъ ихъ никто не потревожитъ. Можно даже сказать кому слѣдуетъ, что бы на этотъ «безпорядокъ» глядѣли сквозь пальцы.

Княжна разсердилась не на шутку.—Ah mais!.. ah mais.. elle est bien bonne celle là... Vous êtes d'un jolit oupet... предлагать мнѣ... княжна запнулась, подыскивая слово—предлагать мнѣ такую канитель, — докончила она. — Скажите прямо, что вы мнѣ отказываете.

— Да нѣтъ же, княжна. Ну хорошо, я постараюсь! Дайте мнѣ только время... я придумаю.

— Какъ «обойти законъ»,—подсказала княжна, уже успокоенная и смѣясь.

— C'est ça,—отвѣтилъ Горбовскій, также смѣясь.

Княжна уѣхала отъ него довольная, увѣренная, что она поставила на своемъ и не поддалась «Талейрану»!

«Талейранъ» тоже былъ доволенъ, что онъ такъ ловко спровадилъ несносную старуху.—Quel rasoir!—ворчалъ онъ,—воображаетъ, что ей все позволено.

Княжна сообщила Александрѣ Петровнѣ о своемъ успѣхѣ у Горбовскаго.

— Теперь вы ужъ прямо отъ моего имени обращайтесь къ нему,—сказала она.—Онъ обѣщалъ. Положимъ, онъ «Тайлеранъ!» Но меня онъ обмануть не посмѣетъ.

Александра Петровна разсыпалась въ благодарностяхъ...

XIII.

Прошла недѣля. Отвѣта отъ Горбовскаго не было, Александра Петровна отправилась къ «Тайлерану». Онъ ее не принялъ. Тогда она опять бросилась къ княжнѣ, но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, попала къ ней въ неудобую минуту: княжна собиралась въ засѣданіе комитета новаго благотворительнаго общества. Тѣмъ не менѣе она съ обычною привѣтливостью выслушала Александру Петровну, сказала, что «Талейранъ» невыносимъ, и что она ему намылитъ голову.

Въ такомъ напряженномъ ожиданіи прошла еще недѣля. Мадамъ Пинкусъ не дремала и стала облаживать дѣло съ «другого конца», какъ она выражалась. Она опять принялась за богачей единовѣрцевъ. Ни одинъ отъ нея не укрылся. Всюду она кланялась, плакала, унижалась... Нѣкоторые откупались отъ нея болѣе или менѣе щедрою данью, но она не унималась, приходила снова и такъ подъ конецъ надоѣла, что почти во всѣхъ домахъ приказано было не пускать ее на порогъ. Особенно не повезло ей у банкирши. Мысль, что этой аристократкѣ, этой взысканной судьбой счастливицѣ ничего не стоитъ ее спасти, постоянно сверлила въ мозгу мадамъ Пинкусъ, не давала ей покоя и обратилась въ нестерпимую idée fixe.

И вотъ она стала являться къ банкиршѣ каждый день. Ей отказывали, говорили, что барыни дома нѣтъ, что она больна, занята. Мадамъ Пинкусъ уходила и на слѣдующій день упорно возвращалась назадъ. Швейцаръ такъ привыкъ къ ея появленію, что пересталъ обращать на нее вниманіе и лишь изъ чувства профессіональнаго долга убѣдительно просилъ оставить ихъ, наконецъ, въ покоѣ.

— Однѣ изъ-за васъ непріятности—объяснялъ онъ ей.—Мнѣ выговариваютъ: «зачѣмъ пускаешь»... А что я могу подѣлать! Не въ драку же съ вами лѣзть.

Однажды она все-таки добилась, если не свиданья, то лицезрѣнія банкирши.

Швейцаръ въ этотъ день былъ не въ духѣ и безъ разгово-

ровъ захлопнулъ передъ ея носомъ тяжелую, какъ порталъ храма, дверь. Мадамъ Пинкусъ постояла нѣсколько минутъ въ раздумьи, потерла рукой лобъ и медленными шагами побрела къ воротамъ. Тутъ она остановилась на мгновенье и затѣмъ, словно повинуясь какой-то роковой силѣ, повернула назадъ къ грандіознымъ каріатидамъ банкирскаго полацца. Она тупо смотрѣла на чудовищные мускулы каменныхъ геркулесовъ, и въ головѣ ея проносились совершенно нелѣпыя мысли.

«Сколько, напримѣръ, могутъ стоить эти голые истуканы? думала она. Семь тысячъ навѣрное, а можетъ быть и десять. Что, еслибъ у нея очутились такія деньги! Вѣдь она могла бы спокойно прожить всю жизнь... Или еслибъ ей дали только то, что въ этомъ домѣ проживается въ одинъ день! Ужъ она бы имъ показала!.. Она бы увезла Яшу за границу, и тогда они бы узнали, *кого* они отъ себя выпустили...

Изъ этихъ мечтаній ее пробудилъ мѣрный топотъ лошадиныхъ копытъ и мягкій стукъ колесъ по асфальту Она подняла глаза и увидала щегольскую коляску, запряженную парой золотисто-рыжихъ лошадей. Выбритый кучеръ, въ темной ливреѣ, въ бѣлыхъ штанахъ въ обтяжку и лакированныхъ сапогахъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ, возсѣдалъ на козлахъ Лакей, въ такой же ливреѣ, вмѣстѣ со швейцаромъ, подсаживалъ въ коляску банкиршу и Эмму. Мадамъ Пинкусъ вздрогнула, кинулась впередъ и стала умолять банкиршу удѣлить ей пять минутъ. Та даже не обернулась, надменно усѣлась въ экипажъ и такъ повелительно посмотрѣла на остановившуюся въ нерѣшительности дочь, что та моментально прыгнула въ коляску.

Тогда мадамъ Пинкусъ заговорила быстро-быстро на жаргонѣ. Она кричала банкиршѣ, что Богъ ее накажетъ за гордость, что грѣхъ забывать своихъ братьевъ, что она тоже еврейка, что ангелъ смерти не боится высокихъ лѣстницъ... И бѣжала въ догонку за экипажемъ, выкрикивая самыя ядовитыя, самыя изступленныя ругательства. Банкирша, крѣпко сжавъ губы, пристально глядѣла въ пространство, а мадамъ Пинкусъ все яростнѣе сыпала ей вслѣдъ проклятія. Эмма не выдержала, и вынувъ изъ плюшеваго мѣшочка кошелекъ—бросила его мадамъ Пинкусъ и съ нервною дрожью закуталась въ кружевной шарфъ, зажмурила глаза, лишь бы не видѣть этотъ жалкій, жестикулирующій силуэтъ...

У Александры Петровны мадамъ Пинкусъ ждала новая непріятность. Не успѣла она раздѣться, какъ Дуняша ее огорошила словами:—Вы не больно тутъ располагайтесь. И то намъ за васъ штрафъ платить приходится. За свою же простоту и плати. Не даромъ пословица говоритъ—простота хуже воровства.

— Штрафъ? — испуганно, пролепетала мадамъ Пинкусъ.—За что штрафъ?

— А за то, что безпаспортныхъ держимъ. Дворникъ былъ... Зачѣмъ, говоритъ, неизвѣстную личность укрываете? За это, говоритъ, и вамъ и намъ можетъ быть плохо».

Дуняша умолкла, удовлетворенная произведеннымъ эффектомъ (Мадамъ Пинкусъ побѣлѣла, какъ скатерть).

— Вы ужъ, тамъ на меня сердитесь,—начала опять Дуняша,— а только я барышнѣ сказала. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Сами не молоденькая... Можете понять. И то Александра Петровна изъ за васъ извелась. Всегда всѣ къ ней съ почетомъ съ уваженіемъ, а тутъ на-ко-ся! Тому кланяйся, этого проси и отовсюду тебѣ отказъ.

Мадамъ Пинкусъ не возражала. Это еще больше раззадорило Дуняшу.

— Стало быть, ваше такое назначеніе, — продолжала она, — нѣтъ вамъ ходу. Ну и покорись. Лбомъ, молъ, стѣнку не прошибешь и противъ рожна прать тоже нечего. Погостили—и будетъ. Опять же и объ мальчикѣ надо подумать. Онъ объ себѣ теперь, все равно какъ о господскомъ ребенкѣ мечтаетъ. А между прочимъ, капиталы для него еще не припасены. Вѣдь вотъ изъ вашихъ же евреевъ, которые богатые—сами же вы говорили— никакого объ васъ попеченія не имѣютъ. Тутъ вы, нѣтъ васъ— для нихъ все единственно...

Мадамъ Пинкусъ, все время молчавшая, ошеломленная натискомъ Дуняши, вдругъ закрыла руками лицо и громко заплакала.

У Дуняши сразу простылъ гнѣвъ.

— Ну чего вы! Господь съ вами... Развѣ я вамъ что въ обиду... Да перестаньте вы ради Христа. Услышитъ Александра Петровна... такая непріятность можетъ выйти...

Мадамъ Пинкусъ затихла, но рукъ отъ лица не отнимала, и слезы, просачиваясь между ея худыми, сжатыми пальцами, падали одна за другою скупыми, тяжелыми каплями.

— Вы говорите, — начала она, захлебываясь отъ подступающихъ рыданій,—что *имъ*, богачамъ нашимъ, все равно, живемъ мы или умираемъ. Нѣтъ! они бы радовались, если бы всѣ бѣдные евреи околѣли, задохнулись... Они стыдятся своихъ братьевъ! Они хуже, чѣмъ отщепенцы... Будь они прокляты изъ рода въ родъ... Отъ нихъ все наше несчастье и горе.

Послѣднія слова вырвались изъ груди мадамъ Пинкусъ такимъ негодующимъ крикомъ, что Дуняша оторопѣла. Она налила въ стаканъ воды и настойчиво поднесла его къ губамъ мадамъ Пинкусъ

— Выпейте, выпейте, а то сердце зайдется. Грѣхъ какой... Нехорошо такъ завиствовать. Это дѣло Божье. Кому много, а кому и вовсе ничего. Его воля. А роптать грѣхъ. За это и на томъ свѣтѣ не похвалятъ.

Мадамъ Пинкусъ отхлебнула нѣсколько глотковъ и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, заговорила въ болѣе спокойномъ тонѣ.

— Будетъ, Дуняша. Извините за безпокойство. Что дѣлать! человѣкъ не камень, иногда вырвется лишнее. Не думайте только, что я заплачу худомъ за ваше добро. Такихъ людей, какъ Александра Петровна, и между святыми немного. Не будетъ она за меня имѣть непріятности. Мы сегодня уѣдемъ... Насильно ничего нельзя получить...

Дуняша расчувствовалась. Перспектива избавленія отъ мадамъ Пинкусъ и Яши ее обрадовала чрезвычайно. Ихъ присутствіе нарушало обычайный порядокъ жизни. Это былъ чуждый, бродяжническій элементъ, который дѣйствовалъ раздражающе на ея уравновѣшенную натуру. Она немедленно сообщила Александрѣ Петровнѣ, что мадамъ Пинкусъ и Яша отбываютъ на родину, и строго внушила своей хозяйкѣ ихъ зря не задерживать.

— Лучше ей своею волей уѣхать, пока полиція не пронюхала. Дворникъ такъ и сказалъ: «до вечера потерплю, а тамъ, чтобы ихъ духу въ квартирѣ не было».

Александра Петровна понимала неотразимую силу обстоятельствъ, но это ее мало утѣшало, и когда мадамъ Пинкусъ съ новымъ потокомъ слезъ стала благодарить ее за ласку и милосердіе, она закусила губы, чтобы не расплакаться.

— Вѣдь я же ничего, ничего не съумѣла для васъ сдѣлать,— бормотала она, смущенная и разстроенная. — Такая, право, неудача... просто непостижимо. Обѣщали, обѣщали и все налгали. Ахъ, въ какое подлое время мы живемъ! — воскликнула она. — Одеревенѣли сердца у людей. Ни талантовъ, ни души—ничего не нужно. Зачѣмъ артисты? Есть ремесленники—и ладно. Прежде, лѣтъ 25 тому назадъ, у васъ бы вашего мальчика съ руками оторвали. А теперь кого просить! Кому дорого искусство! Нѣтъ Николая Григорьича, нѣтъ Чайковскаго, нѣтъ Антона Григорьича, никого, никого нѣтъ...

Мадамъ Пинкусъ слушала, вздыхала и тихо плакала.

Когда мать сказала Яшѣ, что они уѣзжаютъ въ Кишиневъ, онъ категорически заявилъ, что не поѣдетъ.

— Пусть мама поѣдетъ одна,—обратился онъ къ Александрѣ Петровнѣ,—а я останусь съ вами. Мнѣ тутъ очень нравится.

Александра Петровна вздохнула.

— Ты опять пріѣдешь ко мнѣ, Яшенька, только послѣ. Я скоро уѣзжаю и учить тебя теперь не могу. А послѣ, осенью, я вернусь сюда и мама опять тебя привезетъ.

— Не хочу и не хочу,—возразилъ Яша.

— А развѣ тебѣ не жалко отпускать меня одну?—сказала мать.— И неужели ты не соскучился за папой, за Идочкой?

— Я имъ напишу письмо,—отвѣчалъ Яша.

— Развѣ я могу безъ тебя уѣхать? Что ты, Яша, совсѣмъ глупый сталъ!

— Ты пріѣдешь послѣ опять. Я тебѣ тоже напишу письмо въ конвертѣ и съ маркой.

Мадамъ Пинкусъ начала увѣщевать Яшу на жаргонѣ. По мѣрѣ того, какъ она говорила, личико Яши вытягивалось и блѣднѣло. Вдругъ онъ разразился судорожнымъ плачемъ, уткнулся головой въ колѣни матери и сталъ кричать:

— Я боюсь, я боюсь...

— Что вы ему сказали? Зачѣмъ вы пугаете ребенка!—съ упрекомъ промолвила Александра Петровна.

— Я сказала ему правду. Если про насъ узнаетъ полиція, насъ посадятъ въ острогъ, какъ воровъ и отправятъ домой съ солдатами, какъ разбойниковъ.

— Господь съ вами! Хоть бы пожалѣли ребенка, чѣмъ онъ виноватъ,—возмутилась Александра—Петровна. Не бойся, Яша, не плачь! никто тебя не обидитъ. Мама пошутила. Я тебѣ обѣщаю, что ты скоро вернешься сюда. Я буду тебя учить пѣть, ты выростешь большой и умный, будешь пѣть въ театрѣ... У тебя будетъ чудесный домъ и рояль...

Яша переспалъ на минуту плакать и спросилъ:

— А лошадка... тоже будетъ?

Александра Петровна невольно усмѣхнулась.—И лошадка тоже Только будь умница. Ужъ я тебя не обману.

Яша понемногу угомонился, но отъ обильныхъ слезъ лицо его осунулось и приняло прежнее пугливое, старческое выраженіе.

Послѣ обѣда, за которымъ почти никто не ѣлъ, мадамъ Пинкусъ отправилась къ родственникамъ собрать свои пожитки. Александра Петровна уѣхала въ городъ. Яша остался въ квартирѣ одинъ. Это случалось и раньше, но онъ не скучалъ: пѣлъ, бѣгалъ по комнатамъ или наслаждался своею любимою игрой, которая состояла въ томъ, что, усѣвшись на стулъ, онъ закидывалъ на спинку другого стула бичовку или тесемку и пускался въ нескончаемыя путешествія. Теперь же онъ забрался съ ногами въ глубокое кресло Александры Петровны и, сгорбившись, какъ старичокъ, сидѣлъ тихо-тихо, какъ бы погруженный въ глубокое раздумье. Дуняша позвала его въ кухню пить чай. Онъ поднялъ на нее свои печальные глаза и отрицательно мотнулъ головой своимъ привычнымъ жестомъ.

— Чего насупился, какъ мышь на крупу? Иди, коли зовутъ, я вареньица дамъ...

Яша опять безмолвно кивнулъ головой и отвернулся. Онъ разлюбилъ Дуняшу и не желалъ съ нею пить чай.

— Ну, какъ знаешь,—проворчала Дуняша и ушла.

Александра Петровна вернулась, нагруженная свертками. Тутъ

были и книжки съ картинками, и кубики, и ноты, и огромная, выше Яши, лошадь-качалка, и пальто, и сапоги, и шапка. У Яши опять вспыхнули глаза и разгорѣлись щечки. Онъ съ восторгомъ обнималъ лошадь, и облачившись въ пальто и шапку, ни за что не хотѣлъ снимать ни того, ни другого. Скоро появилась и мадамъ Пинкусъ. Яша показалъ ей свои обновки. Она разсѣянно посмотрѣла на него, на игрушки и сказала, что пора ѣхать. Тогда Яша опять расплакался и, сложивъ руки, сталъ умолять Александру Петровну позволить ему и мамѣ еще хоть одну эту ночь ночевать здѣсь. «А завтра мы уѣдемъ», говорилъ онъ.

Александра Петровна гладила его по головкѣ, цѣловала, клялась, что скоро сама за нимъ пріѣдетъ. Потомъ она увела къ себѣ въ спальню мадамъ Пинкусъ. Тамъ онѣ о чемъ-то спорили, Яша слышалъ, какъ мать его рыдала и отчего-то отказывалась, а Александра Петровна ее убѣждала: «пожалуйста, ну прошу васъ...» Когда онѣ вернулись въ столовую, у обѣихъ были заплаканныя лица.

Наскоро выпили чаю. На Яшу надѣли новое пальто и шапку. Дуняша быстро уложила въ корзинку его игрушки и вещи...

На вокзалъ они пріѣхали за полчаса до поѣзда.

Александра Петровна всячески утѣшала мадамъ Пинкусъ, обѣщала ей писать, просила беречь Яшу и повторяла, что много-много черезъ годъ устроитъ ей это возмутительное «жительство»... Мадамъ Пинкусъ благодарила, но видно было, что она не вѣритъ ни одному слову—не потому, что бы она сомнѣвалась въ добрыхъ намѣреніяхъ Александры Петровны, а потому, что «для евреевъ нѣтъ правды на землѣ, дорогая моя госпожа профессорша». Съ помощью Дуняши, храбро протолкавшейся черезъ плотную массу пассажировъ, мадамъ Пинкусъ раздобыла себѣ мѣстечко у окошка. Народу въ III-емъ классѣ было видимо-невидимо.

Пробилъ второй звонокъ. Александра Петровна и Дуняша стояли передъ тусклымъ окномъ вагона, откуда имъ кланялась мадамъ Пинкусъ. Вмѣстѣ съ нею кланялась и ея шляпа, на которой дрожалъ измятый—огненно-красный цвѣтокъ.

— Прощай Яша, до свиданья, мой милый мальчикъ, не грусти, мы скоро увидимся,—кричала Александра Петровна.

Яша не отвѣчалъ. Его блѣдныя губы были печально сжаты, а въ его большихъ, не дѣтскихъ глазахъ точно застылъ упрекъ...

Поѣздъ загромыхалъ и поползъ, лязгая и пыхтя всѣмъ своимъ длиннымъ, неуклюжимъ корпусомъ. Александра Петровна побѣжала было впередъ, чтобы еще помахать платкомъ уѣзжающимъ, но ее остановила Дуняша.

— Даже совѣстно,—сказала она строго,—словно кровныхъ родныхъ провожаете...

Р. М. Хинъ.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ КРЮГЕРА.

Въ трудные историческіе моменты почти всякій народъ выдвигаетъ изъ своей среды человѣка, воплощающаго въ себѣ всѣ типическія достоинства и недостатки даннаго народа. Разсѣянныя и растворенныя индивидуальными особенностями, черты національнаго типа собираются въ немъ, какъ въ фокусѣ, и создаютъ крупнаго историческаго дѣятеля. Сила такого человѣка именно въ томъ, что онъ инстинктивно раздѣляетъ преобладающія народныя симпатіи и антипатіи и безошибочно идетъ въ томъ направленіи, въ какомъ желало бы идти большинство.

Иногда такой человѣкъ является выразителемъ свѣтлой и прогрессивной исторической идеи, борцомъ за народную свободу и независимость. Служа своему народу, онъ въ то же время вноситъ нѣчто въ общую сокровищницу человѣчества, открываетъ передъ нимъ новые горизонты. Въ другія эпохи такой человѣкъ можетъ быть, наоборотъ, силой реакціонной, воплощать въ себѣ худшія, узко національныя, шовинистическія стремленія своего народа.

Припомнимъ хотя бы Бисмарка, воплотившаго въ себѣ идею національнаго объединенія и военнаго могущества Германіи. Долгое время онъ твердою рукой направлялъ внѣшнюю и внутреннюю политику своей страны, опираясь на стремленія большинства, въ данномъ случаѣ далеко не прогрессивнаго. Съ другой стороны, вспомнимъ Гарибальди, этого народнаго героя, зажигавшаго однимъ своимъ появленіемъ пламенное мужество въ своемъ народѣ и въ то же время вызывавшаго энтузіазмъ и въ другихъ странахъ. Конечно, не всегда успѣхъ вѣнчаетъ дѣло народнаго вождя, но это зависитъ уже отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и не можетъ быть поставлено въ вину ни ему, ни его народу.

Маленькая Трансваальская республика тоже создала своего народнаго героя и до конца оставалась вѣрна его дѣлу. Этимъ народнымъ героемъ былъ Крюгеръ, ея безсмѣнный президентъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Въ его «Мемуарахъ», какъ въ зеркалѣ, отражается характеръ и жизнь типичнаго гражданина своеобразной крестьянской республики.

Благодаря особымъ историческимъ и географическимъ условіямъ, буры создали дѣйствительно свой собственный національный типъ, соединившій въ себѣ черты ихъ европейскихъ предковъ—голландцевъ—съ новыми, выработавшимися въ первобытныхъ условіяхъ африканской жизни. Это уже не европейцы, но и не африканцы, а африкандеры, какъ они сами себя называютъ въ отличіе отъ уитлендеровъ (иностранцевъ), новѣйшихъ переселенцевъ изъ Европы.

Изъ своей прежней родины буры вывезли привычку къ домовитой и хозяйственной фермерской жизни. На новыхъ мѣстахъ имъ пришлось вить свои мирныя семейныя гнѣзда въ пустынныхъ степяхъ, подъ опасеніемъ постоянныхъ нападеній дикихъ звѣрей и дикихъ сосѣдей-туземцевъ. Эти безостановочныя вынужденныя охоты и непрерывныя войны съ кафрами развили въ нихъ рѣшительность и неустрашимость. Съ другой стороны, вѣчныя нападенія разныхъ туземныхъ племенъ, мѣшавшія имъ зажить тою мирною домашнею жизнью, о которой они все время мечтали, вызвали у нихъ далеко не дружелюбныя чувства къ темнокожимъ обитателямъ Африки. Здѣсь именно надо искать корня того презрительнаго отношенія къ цвѣтнымъ расамъ, которое такъ возмущаетъ въ нихъ англичанъ. Это, скорѣе, не презрѣніе, а неостывшее еще мстительное чувство къ недавнимъ врагамъ, долгіе годы отравлявшимъ ихъ существованіе. Не надо забывать, что буры переселились въ южную Африку совсѣмъ не съ цивилизаторскими или миссіонерскими цѣлями, они просто искали мѣстъ, гдѣ могли бы спокойно жить по своему. Даже въ отношеніи условій своей собственной жизни у нихъ не было никакихъ прогрессивныхъ стремленій. Они мечтали только о томъ, чтобы имъ не мѣшали жить сообразно съ ихъ вкусами. А вкусы эти были очень просты и непритязательны. Крестьянскій домъ, лишенный всякаго комфорта, достаточное количество скота, домашняя Библія, изрѣдка газета,—вотъ и весь ихъ скромный обиходъ. Нельзя сказать, чтобы они были чрезмѣрно трудолюбивы,—многочисленные слуги, по большей части темнокожіе, составляютъ необходимую принадлежность всякаго бурскаго хозяйства. Отношенія между господами и слугами далеко не идеальныя. Англійскіе миссіонеры разсказываютъ множество анекдотовъ о жестокости буровъ со своими рабочими, которыхъ они, будто бы, не считаютъ за людей и при случаѣ готовы въ буквальномъ смыслѣ ѣздить на нихъ, какъ на упряжныхъ животныхъ. Буры съ своей стороны жалуются на крайнюю злопамятность, лживость и тупость туземцевъ.

И, надо сказать, что ни самъ Крюгеръ, ни другіе его соотечественники не стараются особенно поднять столь низкій уровень развитія туземцевъ. Впрочемъ, они и сами довольствуются довольно скуднымъ образованіемъ. Дальше первоначальной школы они рѣдко заходятъ, да и школу-то посѣщаютъ очень немногія дѣти. Фермы разбросаны далеко другъ отъ друга, и не живущимъ въ городѣ посѣщать школу

не всегда удобно, да и не всегда безопасно. Благодаря этой же разбросанности фермъ, буры живутъ очень разобщенно, сношенія между отдѣльными семьями довольно неоживленныя и не особенно дружескія. Ссоры и различныя столкновенія составляютъ обычное явленіе. Только въ минуты общей опасности они забываютъ всѣ взаимныя неудовольствія и, какъ одинъ человѣкъ, готовы встать на защиту того, что имъ всего дороже—своей независимости и своей родины.

Весь культурный типъ буровъ—во всѣхъ и положительныхъ, и отрицательныхъ чертахъ—такъ сложился, что онъ долженъ былъ неминуемо привести ихъ къ столкновенію съ англичанами, какъ только ихъ историческіе пути гдѣ-нибудь встрѣтятся. И дѣйствительно, эти столкновенія начались еще въ первой африканской родинѣ буровъ — Капландѣ, гдѣ они жили до образованія Трансвааля. Едва англичане, по трактату 1814 года, пріобрѣли у голландцевъ ихъ старинную колонію Капландъ, какъ у нихъ начались нелады съ мѣстнымъ бѣлымъ населеніемъ. Англичане встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны буровъ и въ своихъ стремленіяхъ къ цивилизаціи, и къ энглизированью края. Буры желали сохранить въ полной неприкосновенности и свои учрежденія, и свой языкъ, и свои обычаи. Всякую попытку англичанъ измѣнить нѣсколько привычныя условія ихъ жизни они встрѣчали упорнымъ недоброжелательствомъ и пассивнымъ сопротивленіемъ. Они отказывались платить новые налоги, не посѣщали вновь открывающіяся школы, враждебно встрѣчали англійскихъ чиновниковъ и осыпали жалобами на притѣсненія британское правительство. Такое смутное положеніе, то ухудшаясь, то улучшаясь въ зависимости отъ личностей англійскихъ уполномоченныхъ, длилось довольно долго. Поводомъ къ окончательному возмущенію послужила полная отмѣна рабства, вотированная англійскимъ парламентомъ въ 1833 году. Дѣйствительно, эта сама по себѣ гуманная и абсолютно справедливая мѣра была приведена въ исполненіе въ довольно несправедливой формѣ.

«Они тогда освободили рабовъ,—замѣчаетъ Крюгеръ,—когда перепродали ихъ всѣхъ намъ по высокой цѣнѣ». Допустимъ, что въ этихъ словахъ чувствуется пристрастіе непримиримаго врага англичанъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что способъ осуществленія этой реформы не могъ не раздражить мѣстное населеніе. Все хозяйство въ Капской колоніи было основано въ то время на рабскомъ трудѣ. Когда парламентъ декретировалъ принудительный выкупъ рабовъ по цѣнѣ, втрое ниже рыночной, это произвело громадный подрывъ въ хозяйственной жизни страны и вызвало глухое неудовольствіе. Но когда, вслѣдъ за этимъ, было постановлено, что за полученіемъ выкупа рабовладѣльцы должны пріѣзжать въ Лондонъ, тайное неудовольствіе перешло въ открытое возмущеніе. Послѣдняя мѣра была равносильна полному разоренію всѣхъ мелкихъ фермеровъ.

Возстаніе противъ болѣе многочисленнаго и лучше вооруженнаго

врага не сулило побѣды, и вотъ начинается единственное въ своемъ родѣ въ исторіи движеніе, напоминающее библейскій исходъ евреевъ изъ Египта,—переселеніе цѣлаго народа на новыя мѣста. «Мы покидаемъ ужасную страну—нашу родину,—гласитъ бурская прокламація 1836 г ,—гдѣ мы потерпѣли неисчислимыя потери и вынесли тяжелыя притѣсненія, и мы отправляемся въ чуждую, исполненную опасностей страну, но мы идемъ съ твердой вѣрой во всевидящаго, справедливаго и милосерднаго Бога».

На каждой фермѣ запрягались волы, возы нагружались домашнимъ скарбомъ и со всѣхъ сторонъ мужественные піонеры, съ женами, съ дѣтьми, съ домашнимъ скотомъ направлялись на сѣверъ, въ неизвѣстныя страны, наполненныя дикими звѣрями и дикими враждебными племенами.

Среди этихъ переселенцевъ былъ и отецъ будущаго президента Трансваальской республики, Гаспаръ Крюгеръ. Самъ Крюгеръ, въ то время девятилѣтній мальчикъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ другими подростками, помогая отцу гнать стадо.

Переселеніе, или такъ называемый трэкъ, совершилось, конечно, не сразу, оно длилось долгіе мѣсяцы и даже годы, пока трэкеры не основались болѣе или менѣе прочно на новыхъ мѣстахъ. Первоначальные хозяева этихъ странъ, кафры, далеко не охотно уступали свои охотничьи земли бѣлымъ пришельцамъ, и тѣмъ приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ мѣста для поселеній. Остановившись въ какомъ нибудь пунктѣ, переселенцы строили себѣ временныя хижины и старались даже въ этихъ случайныхъ жилищахъ устроиться на привычный ладъ «Они чувствовали,—говоритъ Крюгеръ,—что въ этихъ странахъ потерянное время не нагоняется», и особенное вниманіе обращали на воспитаніе молодого поколѣнія, «такъ какъ пренебреженіе имъ можетъ испортить всю расу». И въ этихъ трудныхъ условіяхъ посильныя занятія съ дѣтьми не прекращались. Послѣ обѣда каждая семья собиралась за столомъ и тутъ дѣтей поочередно заставляли читать отрывки изъ Библіи, разсказывать ихъ своими словами и писать наизусть разные духовные стихи. Иногда. при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, поселенцамъ удавалось даже выстроить временную школу, и кто-нибудь изъ нихъ бралъ на себя обязанности учителя всѣхъ дѣтей данной группы.

Такую же школу прошелъ и молодой Крюгеръ. Къ 16-ти годамъ онъ уже считался человѣкомъ взрослымъ и самостоятельнымъ, имѣющимъ право на свое отдѣльное хозяйство. Въ 1842 году онъ устроилъ собственную ферму и женился. Эта первая жена его прожила недолго. Черезъ два года она умерла, и онъ вскорѣ женился на другой, отъ которой у него впослѣдствіи родилось 16 дѣтей. Ко времени его первой женитьбы та группа буровъ, къ которой принадлежалъ его отецъ, основалась на болѣе прочное жительство. Начинали уже

обозначаться границы той страны, которая позднѣе получила названіе Трансвааля, отъ рѣки Вааля, служившей впослѣдствіи границей между нею и Оранжевой республикой. Съ юго-востока и востока отъ отъ нихъ лежали англійская колонія Наталь и португальскія владѣнія, границу съ которыми, въ видѣ хребта Лимпопо, они опредѣлили тогда же, въ 1845 г. Съ сѣвера и сѣверо-запада граница ихъ поселеній тянется по рѣкѣ Лимпопо. Теперь она отдѣляетъ ихъ отъ Родезіи; тогда же и на сѣверъ, и на западъ отъ нихъ простирались земли разныхъ туземныхъ племенъ, которыхъ они постепенно вытѣсняли изъ занятой ими области. Сама эта область по своему протяженію не уступаетъ Германіи, и населеніе—даже и въ послѣднее время передъ войной очень еще рѣдкое—тогда совершенно терялось среди безконечныхъ прерій и дѣвственныхъ лѣсовъ, въ буквальномъ смыслѣ кишѣвшихъ дикими звѣрями. Львы, носороги, слоны, гіены и шакалы, доставляли бурамъ не меньше тревогъ, чѣмъ дикари. И тѣ, и другіе держали ихъ въ постоянномъ напряженіи, не позволяя хоть на время положить оружіе.

Съ 12-ти лѣтъ каждый мальчикъ получалъ уже въ свое владѣніе ружье и начиналъ принимать участіе въ охотахъ взрослыхъ. Крюгеру было 14 лѣтъ, когда онъ застрѣлилъ своего перваго льва. Отецъ и старшіе братья взяли его съ собой на охоту, какъ помощника. Когда левъ появился, они оставили Поля стеречь лошадей, а сами вышли навстрѣчу. Неожиданно левъ измѣнилъ направленіе и въ нѣсколько прыжковъ былъ уже около лошадей. Мальчикъ не растерялся и мѣткимъ выстрѣломъ уложилъ его на мѣстѣ. Другой разъ онъ охотился на антилопъ вмѣстѣ съ своимъ дядей и случайно, задумавшись, отсталъ отъ него на довольно значительное разстояніе. Вдругъ, опомнившись, онъ замѣтилъ, что къ нему приближаются сразу нѣсколько львовъ. Онъ сдержалъ лошадь, подпустилъ передняго на двадцать шаговъ и выстрѣлилъ. Смертельно раненый левъ попытался подняться, но упалъ мертвымъ, а остальные поспѣшно скрылись въ чащѣ. Всего, охотясь въ одиночку, онъ убилъ пять львовъ, не считая тѣхъ, которыхъ онъ убивалъ на общихъ охотахъ.

Но охота на львовъ еще пожалуй не самая опасная въ тѣхъ мѣстахъ. Буйволы и носороги не менѣе страшны. Нѣсколько разъ, во время охоты за ними, Крюгеръ былъ на волосокъ отъ смерти. Въ высшей степени характеренъ тотъ спокойный эпическій тонъ, какимъ онъ передаетъ свои охотничьи похожденія. Въ немъ незамѣтно не только обычной въ этого рода разсказахъ хвастливости, но не чувствуется даже ни тѣни волненія,—отраженія пережитыхъ опасностей. Однажды онъ вдвоемъ съ двоюроднымъ братомъ, Тёнисеномъ предпринялъ охоту на носороговъ. «У насъ было рѣшено сначала,—замѣчаетъ онъ,—что каждый изъ насъ имѣетъ право побить другого, если тотъ совершитъ какую-нибудь непростительную неосторожность или изъ тру-

сости упустить звѣря». Очень скоро они встрѣтили трехъ носороговъ— самца и двухъ самокъ. Крюгеръ пустился въ погоню за самцомъ и быстро покончилъ съ нимъ. Тотчасъ же онъ вернулся на помощь товарищу. Оказалось, что тотъ ранилъ одну изъ самокъ, а другая обратилась въ бѣгство. Не останавливаясь, онъ пустилъ свою лошадь въ погоню за ней.

— Не сходи съ лошади,—крикнулъ ему въ догонку товарищъ,— животное въ бѣшенствѣ.

«Зная преувеличенную осторожность Тениссена, — продолжаетъ Крюгеръ,—я не обратилъ вниманія на его предостереженіе и, догнавъ носорога, соскочилъ съ лошади и побѣжалъ на него съ ружьемъ. Онъ остановился и внезапно бросился на меня. Я подпустилъ его на три метра и спустилъ курокъ. Ружье дало осѣчку. Второй разъ стрѣлять было некогда, и я принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. По несчастью я запутался въ колючемъ кустарникѣ и упалъ лицомъ въ землю. Рогъ носорога скользнулъ по моей спинѣ, потомъ онъ прижалъ меня носомъ къ землѣ и собирался растоптать. Но тутъ мнѣ удалось повернуться, и я выстрѣлилъ ему въ грудь. Онъ подскочилъ и упалъ мертвымъ.

«Въ эту минуту подбѣжалъ Тениссенъ, увѣренный, что ружье мое случайно выстрѣлило во время борьбы, и что я раненъ, быть можетъ, смертельно. Когда онъ увидѣлъ, что я встаю невредимый, онъ бросился на меня съ бичемъ и, напомнивъ наши условія, началъ изо всѣхъ силъ бить меня въ наказаніе за излишнюю смѣлость и за невниманіе къ его предупрежденію. Напрасно я кричалъ, что мнѣ уже достаточно попало отъ звѣря, онъ ничего не хотѣлъ слушать. Только спрятавшись за кустъ, я спасся отъ его ударовъ. Впрочемъ,—хладнокровно заканчиваетъ Крюгеръ,—это былъ первый и послѣдній случай, когда онъ билъ меня».

Другой разъ съ тѣмъ же двоюроднымъ братомъ онъ охотился за буйволами. Буйволица, которую онъ преслѣдовалъ по пятамъ, скрылась въ густую чащу и вдругъ выскочила въ двухъ шагахъ отъ него. Стрѣлять было некогда, оставалось только бѣжать. Онъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ въ сторону и неожиданно упалъ прямо въ скрытое въ чащѣ болото.

«Буйволица бросилась туда за мной,—разсказываетъ онъ,—и мое положеніе стало критическимъ, такъ какъ о ружьѣ нечего было и думать, оно упало въ воду. Буйволъ съ такой яростью кинулся на меня, что одинъ изъ его роговъ завязъ въ трясинѣ. Я схватилъ другой рогъ и попытался погрузить голову животнаго въ воду, чтобы задушить его. Это было не легко, такъ какъ рогъ былъ покрытъ тиной и скользилъ въ рукѣ. Я долженъ былъ схватиться обѣими руками и тянулъ изо всѣхъ силъ, какія мнѣ придавало мое отчаянное положеніе. Когда я почувствовалъ, что силы меня оставляютъ, я выхватилъ изъ-за пояса мой охотничій ножъ. Къ несчастью, одна рука была слишкомъ слаба,

чтобы удержать животное, и страшная голова сейчасъ же показалась на поверхности, но въ какомъ печальномъ видѣ!.. Мой противникъ, полузадохшійся, пускалъ слюны; тина, залѣпившая ему глаза, мѣшала ему видѣть. Однимъ прыжкомъ я выскочилъ изъ болота и спрятался въ кустахъ, а животное уже мчалось въ противоположную сторону. Когда оно скрылось, я прежде всего занялся спасеніемъ своего ружья. Я и самъ выглядѣлъ не лучше моего буйвола. Немного пообчистившись, я пустился въ погоню за остальнымъ стадомъ и на этотъ разъ мнѣ посчастливилось убить одного изъ животныхъ».

Нѣсколько разъ счастливо избѣгнувъ очень серьезныхъ опасностей, Крюгеръ едва не поплатился жизнью изъ-за самаго пустого въ сущности случая. Разсказъ его объ этомъ приключеніи очень характеренъ во многихъ отношеніяхъ.

Однажды онъ съ женой, двумя братьями и свояченицей предпринялъ маленькую экскурсію. Оставивъ женщинъ и повозки, мужчины отправились поохотиться. Невдалекѣ отъ стоянки Крюгеръ встрѣтилъ носорога. Первымъ выстрѣломъ ему удалось только ранить животное; тогда онъ соскочилъ съ лошади и приготовился выстрѣлить, когда разъяренное животное достаточно приблизится. Но вдругъ, въ ту минуту, когда онъ держалъ ружье лѣвой рукой за конецъ дула, оно выстрѣлило и оторвало ему кусокъ большого пальца. «Кусокъ пальца лежалъ у моихъ ногъ вмѣстѣ съ ружьемъ, выпавшимъ изъ рукъ. А носорогъ между тѣмъ приближался, не давая мнѣ времени даже погоревать о такомъ случаѣ. Однимъ прыжкомъ я вскочилъ на лошадь и помчался, преслѣдуемый раненымъ животнымъ. Только когда я перескочилъ черезъ маленькую рѣченку, онъ поскользнулся и упалъ, освободивъ меня отъ преслѣдованія... Рука моя была въ довольно плачевномъ видѣ. Кисть висѣла безъ движенія, а большой палецъ представлялъ сплошную окровавленную массу. Кровь лилась. какъ изъ зарѣзаннаго барана, хотя я и постарался на скаку обернуть раненую руку платкомъ, чтобы по возможности не запачкать шерсть своей лошади... Когда я подскакалъ къ костру, гдѣ сидѣла моя жена и свояченица, та вскричала:

— Что это за дичь ты везешь намъ?

«Дѣйствительно, платокъ такъ пропитался кровью, что имѣлъ видъ куска кроваваго мяса. Я сказалъ женѣ, чтобы она не подходила близко. а принесла, чѣмъ перевязать рану. Между тѣмъ свояченица моя стала снимать повязку и, увидѣвъ мой размозженный палецъ поблѣднѣла больше меня самого... Потомъ я послалъ младшаго брата въ сосѣдній поселокъ за скипидаромъ (это лучшее средство для остановки кровотеченія). Узнавъ, что со мной случилось, оттуда прибѣжалъ Потгитеръ съ братомъ.

«Увидѣвъ мою рану, Потгитеръ вскричалъ съ отчаяніемъ:

«— Нѣтъ, эта рана слишкомъ ужасна, она не можетъ зажить!—И онъ чуть не лишился чувствъ.

«Но братъ, вѣроятно, чтобы успокоить меня, сказалъ:

«— Ба! я видѣлъ гораздо болѣе страшныя раны, и скипидаръ вылечивалъ ихъ.

«Когда мы вернулись въ наше селеніе, опытные люди совѣтовали мнѣ позвать лекаря, чтобы онъ отрѣзалъ мнѣ руку. Но я нашелъ, что торопиться такъ не къ чему, да и не было у меня ни малѣйшей охоты давать себя рѣзать.

«Единственно, что казалось мнѣ необходимымъ—это отрѣзать лишній кусочекъ кости. Я взялъ свой карманный ножъ и хотѣлъ сейчасъ же произвести эту операцію, но у меня его отняли. Черезъ нѣсколько времени я все-таки добылъ себѣ ножъ и отрубилъ косточку, которая казалась мнѣ лишней, до того мѣста, какъ было нужно по моему.

«Кровь полилась опять довольно сильно, такъ что можно было опасаться серьезнаго кровотеченія, и, долженъ признаться, операція была далеко не безболѣзненна. Никакихъ анестезирующихъ средствъ у меня не было, такъ что я могъ пользоваться только самовнушеніемъ,—я старался убѣдить себя, что рука, которую я рѣжу, не моя.

«Выздоровленіе шло медленно. Женщины присыпали оставшійся обрубокъ мелкимъ сахаромъ, а я вскрывалъ рану ножомъ, чтобы выпускать испорченную кровь и счищать больное мясо. Потомъ у меня, къ несчастью, сдѣлалась гангрена. Ни одно изъ испытанныхъ средствъ не помогало. Между тѣмъ рана принимала дурной оборотъ: на всей рукѣ до плеча появились характерныя темнофіолетовыя полосы. Дѣло было плохо. Тогда застрѣлили газель, вскрыли ей животъ, и я погрузилъ руку въ ея дымящіяся внутренности. Это средство одной доброй женщины,—конечно, бурской,—произвело чудеса; когда надо было застрѣлить вторую газель, я уже былъ почти здоровъ. Впрочемъ, до полнаго заживленія раны прошло не меньше шести мѣсяцевъ.

«Я прибавлю только,—заканчиваетъ Крюгеръ,—что я приписываю дѣйствіе только что упомянутаго средства, тому обстоятельству, что откосы и прежнее русло Спекбома, гдѣ пасутся эти газели, сплошь покрыты разными лекарственными травами».

Нельзя не согласиться, что подобные пріемы леченія и подобныя объясненія, даваемыя уже много времени спустя,—Крюгеръ составлялъ свои мемуары въ позднѣйшее время по воспоминаніямъ,—рисуютъ не особенно высокій культурный уровень народа. Конечно, въ этомъ виноваты были исключительно внѣшнія обстоятельства. Книгѣ не мѣсто тамъ, гдѣ ружье не выходитъ изъ рукъ и лошади не разсѣдлываются. Зато такая жизнь создаетъ желѣзные характеры.

Вся молодость Крюгера протекала въ это безпокойное время. Охоты

чередовались съ походами на дикихъ сосѣдей, не давая ему отдыха. Зато въ немъ выработалась та смѣлость и находчивость, спокойствіе и выдержанность, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіе во время его общественной дѣятельности.

Самъ Крюгеръ относитъ начало своей служебной карьеры къ 1852 году, когда онъ былъ назначенъ фельдкорнетомъ и присутствовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Потгитеромъ при заключеніи Сандриверской конвенціи. По этой конвенціи Англія признала полную самостоятельность и независимость Трансваальской республики и опредѣлила ея границы. Черезъ два года такая же конвенція была заключена съ Оранжевой республикой. «Громадная пустынная страна, въ которой мало было интереснаго, развѣ только ея стрѣлки, не имѣла ничего притягательнаго для Великобританіи, которая въ силу этого старалась ограничить свои обязательства»*),—довольно наивно замѣчаетъ Конанъ Дойль, извѣстный англійскій шовинистъ, написавшій двѣ книги въ защиту англійской политики въ Южной Африкѣ.

Конечно, Сандриверская конвенція устанавливала только отношенія Трансвааля съ Англіей, и то, какъ мы увидимъ далѣе, ненадолго. Для многочисленныхъ туземныхъ племенъ она не имѣла никакой обязательной силы. Они по прежнему продолжали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ Трансваальскія владѣнія, угонять скотъ, убивать женъ и дѣтей. Въ 1853 году Крюгеру пришлось принять участіе въ кровопролитной войнѣ съ двумя могущественными кафрскими вождями Мапелой и Макапаномъ. Оба эти племени поддерживали дружескія отношенія съ сосѣдними поселеніями буровъ и обмѣнивались съ ними взаимными услугами. Братъ бурскаго главнокомандующаго Потгитера поручалъ даже одному изъ этихъ чернокожихъ вождей охрану своихъ стадъ, предоставляя ему взамѣнъ пользоваться молокомъ своихъ коровъ. Однажды Мапела пригласилъ Потгитера принять участіе въ охотѣ на слоновъ. Потгитеръ отправился вмѣстѣ съ сыномъ и нѣсколькими товарищами. Кафры дружески встрѣтили гостей, проводили ихъ на мѣсто, назначенное для охоты, и вдругъ, по знаку, данному вождемъ, бросились на нихъ и на глазахъ Потгитера убили его сына и всѣхъ товарищей. Самого Потгитера они потащили на холмъ, содрали съ него живого кожу и выпустили кишки въ то время, какъ все племя совершало вокругъ него военные танцы.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Преторіи, братъ Потгитера, главнокомандующій, тотчасъ же выступилъ въ походъ на кафровъ. Въ первой битвѣ кафры были разбиты и оттѣснены къ горамъ, гдѣ они спрятались въ рвахъ и пещерахъ.

Осада затянулась надолго, и Крюгеръ рѣшился на хитрость, чтобы заставить кафровъ сдаться. «Воспользовавшись ночью,—разска-

*) Конанъ Дойль «Война въ Южной Африкѣ», стр. 13.

завыетъ онъ,—я отправился къ одной изъ пещеръ, гдѣ собрались вожди. Я пробрался въ нее ползкомъ и, никѣмъ не узнанный, занялъ мѣсто среди нихъ. Потомъ я, точно одинъ изъ нихъ же, сталъ на ихъ языкѣ высказывать мрачныя мнѣнія по поводу ожидающей нихъ судьбы и наконецъ сказалъ, что было бы, быть можетъ, благоразумнѣе сдаться, чѣмъ умирать съ голоду. Я прибавилъ, что бѣлые, конечно, не предадутъ ихъ смерти, и въ довершеніе всего я вызвался самъ завести переговоры.

«Вдругъ одинъ изъ кафровъ испустилъ крикъ «магоа» (бѣлый), и всѣ чернокожіе бросились прятаться по отдаленнымъ угламъ пещеры. Я долженъ былъ подражать имъ, чтобы не выдать себя. Когда паника кончилась, кафры принялись искать бѣлаго и, конечно, не нашли Какъ только они немного успокоились, я снова началъ уговаривать ихъ, и въ концѣ концовъ они позволили мнѣ попытаться завязать переговоры съ бурами. Къ несчастью, меня окружила цѣлая толпа женщинъ и дѣтей и, какъ только мы вышли изъ пещеры, они, конечно увидѣли, что имѣютъ дѣло съ бѣлымъ. Моя попытка не удалась и послѣ того отъ кафровъ нельзя было ничего добиться».

Эта война, затянувшаяся надолго, закончилась все же побѣдой буровъ. Вообще, въ столкновеніяхъ съ чернокожими буры въ концѣ-концовъ всегда оставались побѣдителями, такъ какъ они были значительно лучше вооружены. Эти войны, хотя и доставляли имъ много тревогъ и непріятностей и стоили многихъ жертвъ, не представляли большой опасности для цѣлости ихъ страны. Гораздо страшнѣе для нихъ были внутреннія междоусобія и враждебныя столкновенія съ сосѣдней и родственной Оранжевой республикой, такъ какъ и то, и другое ослабляло ихъ внутренне, и лишило силы сопротивленія къ тому моменту, когда дѣйствительно могущественный внѣшній врагъ сталъ угрожать самому существованію ихъ, въ качествѣ самостоятельнаго государства.

Столкновенія съ Оранжевой республикой начались уже въ 1854 году. Тотчасъ послѣ объявленія независимости Оранжевой республики, англійскій уполномоченный предложилъ передать управленіе республикой въ руки Преторіуса, главнокомандующаго Трансвааля. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда делегація съ этимъ порученіемъ пріѣхала въ Трансвааль, генералъ Преторіусъ умеръ, и его званіе перешло къ его сыну. Мартинъ Преторіусъ далеко не пользовался такою популярностью, какъ его отецъ, и Оранжевая республика не пожелала имѣть его своимъ президентомъ. Но генералъ Преторіусъ не хотѣлъ отказаться отъ того, что онъ считалъ своимъ правомъ и рѣшилъ силою добиваться признанія. Собравъ войско, онъ двинулся на югъ, перешелъ Вааль и встрѣтился тамъ съ вооруженнымъ отрядомъ непріятелей. Ни той, ни другой сторонѣ не хотѣлось вступать въ бой, и Преторіусъ рѣшилъ предварительно послать Крюгера для переговоровъ. Крюгеръ совер-

шенно не одобрялъ претензій Преторіуса и взялся за переговоры съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало возстановить мирныя отношенія съ родственной республикой.

Съ характерной наивной серьезностью, чередующейся въ его запискахъ съ удивительно мѣткими замѣчаніями и иногда глубокими мыслями, Крюгеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти переговоры.

«Встрѣтившись съ Бошофомъ (избраннымъ въ этотъ промежутокъ президентомъ Оранжевой республики), я высказалъ ему свое мнѣніе такъ же откровенно, какъ Преторіусу:

— «Вы не менѣе виноваты, чѣмъ Преторіусъ,—сказалъ я.—Ваша обязанность была обвинить его передъ фольксраадомъ, а не прибѣгать къ оружію.

«Коосъ Вентеръ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, рѣзко напалъ на Преторіуса, сказавъ между прочимъ, что, если бы тотъ попался ему въ руки, онъ свернулъ бы ему шею, какъ маленькой пичужкѣ. Въ концѣ-концовъ и я разгорячился.

— «Господинъ Бошофъ,—сказалъ я,—дѣло можно легко уладить. Пускай Коосъ сброситъ платье, я тоже раздѣнусь и мы будемъ бороться, каждый за своихъ. Если онъ будетъ побѣжденъ, вы подчинитесь нашимъ условіямъ, если я, то обратно».

Но Коосъ благоразумно уклонился отъ такого способа рѣшать политическіе вопросы, и было постановлено избрать изъ среды обоихъ народовъ коммиссію для выработки условій соглашенія. Эта коммиссія рѣшила, что оба государства сохранятъ полную обособленность и изберутъ каждая собственнаго президента. Преторіусъ, не видя поддержки со стороны трансваальскихъ буровъ, отказался отъ своихъ претензій. Такимъ образомъ на этотъ разъ столкновеніе окончилось совершенно мирнымъ путемъ.

Въ 1870 году произошло событіе, которому суждено было сыграть крупную роль въ исторіи Трансвааля. Въ Кимберлеѣ и въ юго-западной части Трансвааля были открыты алмазныя залежи, а вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ, что въ самомъ Трансваалѣ имѣются богатыя мѣсторожденія золота. Оба эти извѣстія вызвали большое волненіе въ Англіи. Безплодная страна, отъ которой она такъ охотно отказалась въ 1852 году, оказывалась теперь источникомъ неисчислимыхъ доходовъ. Съ этихъ поръ Англія уже не перестаетъ интересоваться Трансваалемъ и, забывая о Сандриверской конвенціи, дѣятельно вмѣшивается сначала въ его внѣшнія, а потомъ и во внутреннія дѣла.

Алмазныя залежи были открыты въ пограничной области, которая хотя и входила въ территорію Трансвааля, но фактически была населена туземцами. Воспользовавшись этимъ, англійскіе шахтеры, уже начавшіе тамъ работы, подговорили двухъ кафрскихъ вождей заявить свои права на эти земли. Президентъ Трансвааля, Преторіусъ, рѣши-

тельно отказался признать спорныя земли ихъ собственностью. Они продолжали настаивать, тогда онъ предложилъ передать дѣло на разсмотрѣніе третейскаго суда. Судьей былъ избранъ губернаторъ Наталя, Кэатъ, который и высказался въ пользу кафрскихъ вождей. Въ Трансваалѣ рѣшеніе Кэата вызвало бурю негодованія. А между тѣмъ, Преторіусъ заранѣе обязался подчиниться ему. Бурская коммиссія, съ Крюгеромъ во главѣ, присутствовавшая при разбирательствѣ, осталась при особомъ мнѣніи и внесла въ фольксраадъ предложеніе не принимать рѣшеніе суда. Она заявляла, что Преторіусъ не имѣлъ даже права передавать это дѣло на судъ; права̀ на эти земли были настолько неоспоримы, что онъ долженъ былъ отнестись къ кафрскимъ вождямъ просто, какъ къ возставшимъ подданнымъ, и силою принудить ихъ подчиниться, не допуская никакого посторонняго вмѣшательства. Фольксраадъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и выразилъ порицаніе президенту. Преторіусъ послѣ этого вышелъ въ отставку, а Трансвааль рѣшительно завладѣлъ спорнымъ участкомъ. На этотъ разъ попытка Англіи не увѣнчалась успѣхомъ, но послѣ того она еще внимательнѣе слѣдитъ за дѣлами Трансвааля, выжидая того момента, когда явится возможность вмѣшаться въ нихъ болѣе рѣшительнымъ образомъ.

Къ несчастью для Трансвааля, онъ не замедлилъ дать ей этотъ поводъ. Отставка Преторіуса дѣлала необходимыми новые президентскіе выборы. Кандидатовъ было два: Робинзонъ и Бюргеръ. Несмотря на всѣ старанія Крюгера, поддерживавшаго кандидатуру перваго, большинство голосовъ получилъ Томасъ Бюргеръ, которому суждено было сыграть печальную роль въ исторіи Трансвааля. Самъ по себѣ, онъ былъ человѣкъ безспорно выдающійся, съ недюжиннымъ умомъ, съ широкими взглядами и безусловно честный. Но это былъ не тотъ президентъ, который нуженъ былъ въ это смутное время. Онъ слишкомъ переросъ свой народъ. Буры неспособны были проникнуться его широкими задачами, а онъ не могъ понять ихъ стремленій. Онъ не понималъ, что въ данную минуту надо было сосредоточить всѣ усилія на томъ, чтобы во что бы то ни стало отстоять независимость страны и дать отпоръ выжидающему врагу. Отдавая полную справедливость достоинствамъ Бюргера, Крюгеръ замѣчаетъ: «Единственный упрекъ, который можно было сдѣлать ему, какъ правителю, это—глубокая разница во взглядахъ, раздѣлявшая его съ большинствомъ,—разница, касавшаяся не только религіозныхъ вопросовъ, но и другихъ областей, въ которыхъ проявляется обыкновенно авторитетъ правительства».

При принесеніи публичной присяги Крюгеръ обратился къ новому президенту съ слѣдующими словами: «Господинъ президентъ, если я сдѣлалъ все возможное, чтобы провалить вашу кандидатуру, то я поступалъ такъ, главнымъ образомъ, изъ-за вашихъ религіозныхъ воззрѣній, которыя мнѣ казались неустойчивыми. Теперь, когда вы

избраны большинствомъ, я, какъ добрый республиканецъ, преклоняюсь передъ избраніемъ народа съ твердой надеждой, что ваша вѣра окажется болѣе устойчивой, чѣмъ я думалъ. Надѣясь на это, я приношу вамъ свои лучшія пожеланія».

Президентъ отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, вы вотировали противъ меня, повинуясь голосу своей совѣсти, и вы мнѣ такъ же дороги, какъ тѣ, кто подавалъ голосъ за меня».

Но эти добрыя отношенія просуществовали недолго. Тотчасъ же послѣ избранія Бюргеръ принялся за разныя реформы въ сферѣ управленія и народнаго образованія, встрѣчавшія общее недовѣріе въ странѣ. Крюгеръ тоже смотрѣлъ на нихъ съ неодобреніемъ, считая ихъ преждевременными. Особенно недоброжелательно была встрѣчена любимая мечта Бюргера о желѣзной дорогѣ черезъ весь Трансвааль къ морю. Крюгеръ находилъ, что громадный долгъ, который надо будетъ заключить для этого, ни въ какомъ случаѣ не окупится будущими выгодами. Страна еще не настолько развита въ промышленномъ отношеніи, чтобы нуждаться въ желѣзнодорожныхъ путяхъ.

Постепенно недовѣріе къ новому президенту распространялось все шире. «Его чрезмѣрная любовь къ новшествамъ и преждевременнымъ планамъ,—говоритъ Крюгеръ,— соединенная съ преувеличеннымъ религіознымъ либерализмомъ, создавала ему множество враговъ». Получалось именно то настроеніе недовольства, которое было такъ выгодно для англичанъ. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ присоединилась еще неудачная война съ кафрскимъ вождемъ Секукуни.

Бюргеръ пожелалъ самъ присутствовать въ лагерѣ, но Крюгеръ, въ то время главнокомандующій, рѣшительно возсталъ противъ этого.

«— Если вы отправитесь съ нами,—говорилъ онъ,—походъ превратится въ увеселительную поѣздку. По воскресеньямъ мои буры начнутъ устраивать балы, и Божье благословенье оставитъ насъ.

«— Ну, кажется, вы не такой человѣкъ, чтобы ваши солдаты рѣшились танцовать.

«— Рѣшатся, разъ вы покажете имъ примѣръ».

Но президентъ поставилъ на своемъ, и Крюгеръ со свойственной ему рѣшительностью совсѣмъ отказался начальствовать войскомъ. Походъ оказался неудачнымъ, и Бюргеръ, не дождавшись его окончанія, вернулся въ Преторію, возбудивъ тѣмъ еще большее неудовольствіе народа. Но послѣдней каплей былъ новый налогъ, произвольно наложенный президентомъ. Напрасно Крюгеръ протестовалъ, указывая, что право назначать новые налоги принадлежитъ исключительно фольксрааду, президентъ настаивалъ на строгомъ взысканіи. Многіе буры положительно отказывались платить, не взирая ни на какія предписанія.

Въ этотъ разъ на возобновившихся засѣданіяхъ фольксраада присутствовалъ англійскій уполномоченный, сэръ Шепстонъ, пріѣхавшій въ Трансвааль, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ. Не обра-

щая вниманія на его присутствіе, президентъ сталъ жаловаться на отказы бюргеровъ платить новый налогъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи властямъ. Крюгеръ сказалъ горячую рѣчь въ ихъ защиту. Во время перевыва Бюргеръ подошелъ къ нему и спросилъ, неужели онъ станетъ отрицать, что отказъ платить налоги равносиленъ открытому возстанію противъ правительства.

«— Допустимъ даже, что ваше обвиненіе справедливо, противъ чего я рѣшительно протестую, — отвѣчалъ Крюгеръ,— но позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: если бы ваша жена серьезно провинилась передъ вами, было ли бы съ вашей сророны великодушно высчитывать ея вины передъ ея злѣйшими врагами? А это самое вы сейчасъ сдѣлали по отношенію къ республикѣ въ присутствіи ея врага (Шепстона),—доказательство, что вы не только не любите свою страну, но прямо ненавидите ее».

«Президентъ не нашелся, что отвѣтить».

Подошелъ срокъ новыхъ выборовъ. На этотъ разъ Крюгера настойчиво уговаривали поставить свою кандидатуру, и при предварительной подачѣ голосовъ онъ получилъ значительное большинство. Но онъ рѣшилъ дѣйствовать иначе. Онъ пошелъ къ Бюргеру и сказалъ ему съ своей обычной прямотой:

«— Господинъ президентъ, я обѣщаю вамъ, что вы получите большинство голосовъ, если вы съ своей стороны обѣщаете принять самыя энергичныя мѣры противъ присоединенія и защищать нашу независимость. Если ваши намѣренія таковы, скажите это твердо, чтобы я могъ увѣрить нашъ народъ, что дѣло его свободы въ хорошихъ рукахъ. Что до меня касается, клянусь честью, я сдержу свое обѣщаніе».

Бюргеръ обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее. Но Крюгеру не пришлось сдержать своего обѣщанія, такъ какъ еще до окончательныхъ выборовъ присоединеніе фактически совершилось.

Сэръ Шепстонъ не выѣзжалъ изъ Преторіи и велъ безконечные переговоры съ президентомъ. Онъ убѣждалъ его, въ виду доказанной послѣдними событіями слабости республики, образовать чрезвычайную коммиссію для разсмотрѣнія причинъ ея и назначить экстренную сессію фольксраада. Коммиссіи предложенно было, между прочимъ, обсудить проектъ объединенія всѣхъ южно-африканскихъ республикъ. Крюгеръ энергично возсталъ противъ этого предложенія, видя въ немъ исключительно потерю самостоятельности Трансвааля. Громаднымъ большинствомъ предложеніе было отвергнуто. Всѣ эти обсужденія имѣли главною цѣлью протянуть время, такъ какъ по существу вопросъ о судьбѣ Трансвааля былъ уже рѣшенъ Англіей. Сэръ Шепстонъ ждалъ только пріѣзда главнаго коммиссара, сэра Бартля Фрера. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Африку, сэръ Шепстонъ объявилъ, что ввиду слабости Трансваальстой республики и опасности, которая заключается

въ этомъ для британскихъ владѣній въ Африкѣ, Англія рѣшила присоединить Трансвааль.

Несмотря на протесты трансваальскаго правительства, 12-го апрѣля 1877 года присоединеніе Трансвааля было оффиціально декретировано. Президентъ не рѣшился силою воспрепятствовать этому незаконному акту, опасаясь, что это поведетъ къ войнѣ, которую Трансвааль при существующихъ обстоятельствахъ не могъ бы съ успѣхомъ выдержать. Единственно, что онъ счелъ возможнымъ, это—послать формальный протестъ, адресованный правительству королевы Викторіи и подписанный членами трансваальскаго правительства. Протестъ былъ составленъ въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ и высказывалъ надежду, что англійское правительство не пожелаетъ такъ явно нарушить свои обѣщанія, заключенныя въ Сандриверской конвенціи, и совершить насиліе надъ дружественнымъ народомъ, ничѣмъ не нарушившимъ свои права.

Отвезти это заявленіе и сдѣлать все возможное для возстановленія попранныхъ правъ буровъ, было поручено Крюгеру, какъ вице-президенту, и секретарю совѣта, Жориссену.

Это посольство не достигло никакихъ результатовъ. Въ Англіи всѣ были убѣждены, что противъ присоединенія протестовала лишь небольшая кучка непримиримыхъ съ Крюгеромъ во главѣ, а вся масса населенія, недовольная своимъ правительствомъ, встрѣтила его вполнѣ сочувственно.

Изъ Англіи депутація направилась въ Голландію, Францію и Германію, прося заступничества, но, замѣчаетъ Крюгеръ, «пріемъ вездѣ былъ дружескій, а результата никакого».

Отчетъ коммиссіи, вернувшейся въ Трансвааль, вызвалъ большое волненіе. «Буры не могли повѣрить, — замѣчаетъ Крюгеръ, — чтобы Англія согласилась присоединить какой-нибудь народъ противъ его желанія». На народномъ собраніи, передъ которымъ Крюгеръ излагалъ результаты своей поѣздки, возникла мысль устроить плебисцитъ, чтобы доказать Англіи, что дѣло идетъ совсѣмъ не о кучкѣ недовольныхъ, а о громадномъ большинствѣ народа.

Сэръ Шепстонъ очень неохотно разрѣшилъ этотъ плебисцитъ, и дѣйствительно, результаты его оказались далеко неблагопріятны для Англіи. За присоединеніе подано было только 587 голосовъ, противъ же—6.591.

Обрадованные и торжествующіе, буры рѣшили сейчасъ же снарядить новую делегацію въ Англію. Теперь ужъ не могло быть сомнѣнія въ благопріятномъ результатѣ, такъ какъ отношеніе народа высказалось съ полной очевитностью.

Но радость оказалась преждевременной. Отвѣтъ получился тотъ же самый, и депутаціи опять пришлось возвращаться ни съ чѣмъ.

На обратномъ пути Крюгеръ заѣхалъ въ Парижъ, гдѣ происходила

въ это время всемірная выставка. Несмотря на тяжелое настроеніе, вызванное вторичной неудачей, будущій президентъ Трансвааля съ интересомъ осматривалъ все. Тутъ онъ первый разъ увидѣлъ аэростатъ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи испробовать новое ощущеніе полета. Онъ вызвался сопутствовать воздухоплавателю и получилъ согласіе. Уже въ воздухѣ аэронавтъ съ удивленіемъ узналъ, что его случайный спутникъ—вице-президентъ Трансваальской республики, и въ то время уже пользовавшійся широкою популярностью въ Европѣ. Полетъ кончился благополучно, хотя аэронавтъ и не могъ исполнить шутливую просьбу Крюгера доставить его такимъ сокращеннымъ способомъ въ его милую родину.

Возвращаться приходилось обычнымъ путемъ и съ нерадостными вѣстями. Извѣстіе, что коммиссія опять везетъ неблагопріятный отвѣтъ, вызвало въ Трансваалѣ цѣлую бурю негодованія. Вездѣ собирались народные митинги, правительство обвинялось въ нерѣшительности и съ разныхъ сторонъ раздавались голоса, требующіе силою сбросить съ себя непрошенную опеку. Крюгеру приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы водворить спокойствіе. Онъ видѣлъ, что для вооруженнаго возстанія время еще не пришло.

Кромѣ того, у него все еще оставалась надежда, что можно будетъ сдѣлать что нибудь мирнымъ путемъ. Въ самой Англіи послѣ его послѣдняго пріѣзда образовалась довольно значительная бурофильская партія. Лидеръ оппозиціи, Гладстонъ совершенно опредѣленно высказывался противъ политики правительства. «Если бы даже обладаніе этой страной была настолько же выгодно для насъ,—говорилъ онъ,—насколько оно въ сущности невыгодно, то и тогда я былъ бы противъ присоединенія, такъ какъ оно совершено такимъ способомъ, который безчеститъ націю». Послѣ такого рода заявленія Крюгеръ въ правѣ былъ ожидать, что, въ случаѣ перемѣны въ составѣ правительства, Англія можетъ измѣнить и свое отношеніе къ бурамъ.

На народныхъ собраніяхъ, передъ которыми онъ давалъ отчетъ о своей вторичной поѣздкѣ, онъ уговаривалъ буровъ оставаться пока на почвѣ законности и стараться больше всего достигнуть полнаго внутренняго единства и солидарности, такъ такъ въ этомъ вся ихъ сила. Но не на всѣхъ дѣйствовали его благоразумныя увѣщанія. Иногда у него даже происходили изъ-за нихъ столкновенія, которыя онъ самъ описываетъ своимъ характернымъ языкомъ.

«— Господинъ Крюгеръ,—крикнулъ ему разъ одинъ изъ слушавшихъ его рѣчь,—довольно съ насъ прекрасныхъ рѣчей; теперь нашимъ лозунгомъ должно быть: «ату англичанъ!».

«Я ему отвѣтилъ только:

«— А ты увѣренъ, что если я тебѣ закричу теперь: «пиль», такъ ты сможешь вцѣпиться? И если я крикну: «тащи!», такъ удержатъ ли еще твои зубы добычу?».

Больше уже никто не пробовалъ возражать оратору.

Но стараніямъ Крюгера возстановить спокойствіе среди буровъ препятствовало больше всего само англійское правительство. Оно посылало туда уполномоченныхъ, совершенно незнакомыхъ съ нравами и обычаями страны и постоянно раздражавшихъ мѣстное населеніе. Вездѣ бурскіе чиновники замѣнялись англійскими и голландскій языкъ вытѣснялся англійскимъ. Накоплялись новыя, уже фактическія причины недовольства чужестраннымъ правительствомъ. Снова возникла мысль послать петицію королевѣ. Въ Клейнфонтейнѣ былъ созванъ громадный митингъ для составленія петиціи. Сэръ Бартль Фреръ, принимавшій дѣятельное участіе въ осуществленіи присоединенія, на этотъ разъ увидѣлъ себя вынужденнымъ переслать эту петицію королевѣ. Но растущее недовольство уже не могло остановиться на этомъ, оно должно было вылиться не въ просьбахъ, а въ угрозахъ.

На слѣдующемъ же собраніи было постановлено сообщить губернатору Трансвааля резолюцію, въ которой буры рѣшительно заявляли, что ни въ какомъ случаѣ не желаютъ быть подданными ея величества и требуютъ немедленно возстановить всѣ прежнія ихъ учрежденія, угрожая въ противномъ случаѣ вернуть свою независимость силою. Теперь ужъ и Крюгеръ пересталъ возражать; онъ почувствовалъ, что наступало время дѣйствовать.

Губернаторъ Трансвааля посмотрѣлъ на это заявленіе, какъ на государственную измѣну. Преторіуса и Бока, передавшихъ ему постановленіе собранія, онъ арестовалъ, а собравшемуся народу прислалъ требованіе разойтись. Настоящее положеніе вещей было, по его словамъ, переходною ступенью къ полной автономіи, которую Англія имѣетъ въ виду даровать Трансваалю, водворивъ тамъ спокойствіе.

Когда это посланіе было прочитано передъ собраніемъ, Крюгеръ первый потребовалъ слова.

«— Граждане,—сказалъ онъ,—понимаете ли вы, чего добивается отъ васъ англійское правительство? Эта автономія, которой оно васъ манитъ, по моему, имѣетъ вотъ какой смыслъ. Вамъ говорятъ: «Суньтека вашу голову въ петлю, чтобы я могъ затянуть ее, а потомъ вы будете свободны дрягать ногами сколько угодно». Это англичане называютъ быть свободными».

Эта краткая рѣчь вызвала общій энтузіазмъ, и болѣе предложеніе англійскаго губернатора уже не обсуждалось. Не могло быть сомнѣнія, что дальнѣйшее упорство Англіи поведетъ за собой вооруженное возстаніе.

Англія попыталась еще разъ пустить въ ходъ проектъ объединенія всѣхъ южно-африканскихъ республикъ надъ протекторатомъ Англіи. Въ Трансваалѣ этотъ проектъ только усилилъ волненіе. Если бы онъ былъ принятъ остальными государствами, то Трансвааль тѣмъ самымъ лишился бы поддержки родственныхъ странъ Оранжевой республики и Капской колоніи, обѣщавшихъ ему до сихъ поръ свою помощь.

Крюгеръ и генералъ Жуберъ были посланы въ Капштадтъ, чтобы всѣми силами противодѣйствовать осуществленію этой мѣры. Но и тамъ проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія и былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ.

Въ это самое время въ самой Англіи произошло событіе, снова временно оживившее надежды оптимистовъ. Торійское министерство пало, и главою кабинета сталъ Гладстонъ. Это было въ 1880 году. Тотчасъ же ему было отправлено письмо, выражавшее твердую надежду, что великій государственный человѣкъ вспомнитъ свое прежнее отношеніе къ присоединенію и возстановитъ Трансвааль въ его правахъ. Но интересы высшей политики и на этотъ разъ восторжествовали надъ интересами затерявшагося въ Африкѣ маленькаго народца, желавшаго только одного—своей независимости. Тысячи высшихъ соображеній помѣшали Гладстону оживить въ своей памяти прежній взглядъ на вопросъ о присоединеніи, и просьба буровъ была оставлена безъ вниманія.

Трудно передать, какое негодованіе охватило Трансвааль, когда Крюгеръ третій разъ передалъ бурамъ отрицательный отвѣтъ Англіи. Послѣдній лучъ надежды на мирное возстановленіе справедливости исчезъ. Приходилось или подчиниться безъ всякихъ условій, или надѣяться исключительно на собственныя силы. О первомъ не могло быть и рѣчи. Крики о мести покрыли слова Крюгера. «Перестрѣлять всѣ красные мундиры!»—кричали со всѣхъ сторонъ. Крюгеру стоило большого труда добиться нѣкоторой тишины и убѣдить буровъ соблюдать спокойствіе до тѣхъ поръ, пока приняты будутъ необходимыя мѣры для начала военныхъ дѣйствій. Только когда будетъ заготовлено достаточное количество оружія и припасовъ, можно будетъ хоть съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ поднять знамя возстанія.

Прошло время петицій и бурныхъ митинговъ. Къ удовольствію англійскихъ правителей въ Трансваалѣ водворилось относительное затишье. Но это была лишь кажущаяся тишина. Въ дѣйствительности шли энергичныя приготовленія къ войнѣ.

Поводомъ къ началу возстанія послужилъ принудительный сборъ податей, наложенныхъ англійскимъ правительствомъ. Многіе буры рѣшительно отказывались платить, заявляя, что считаютъ новые налоги незаконными. Но на ихъ протесты не обращали вниманія и у одного изъ отказавшихся силою увезли со двора возъ, чтобы продать его въ уплату повинности Хозяинъ телѣги позвалъ на помощь, вокругъ него немедленно собралась толпа вооруженныхъ буровъ, возъ былъ отбитъ и съ торжествомъ водворенъ на мѣсто. Англійскія власти сочли это столкновеніе за вооруженное возстаніе, да и бурамъ не было необходимости скрывать дольше свои карты. На 8-е декабря 1880 года было назначено чрезвычайное общенародное собраніе, на которомъ былъ избранъ временный комитетъ изъ трехъ лицъ для руководства возста-

ніемъ. Въ составъ комитета вошли Крюгеръ, Жуберъ и бывшій президентъ Преторіусъ. Тутъ же была составлена прокламація, объявляющая Трансвааль свободной республикой и установленъ общій планъ дѣйствій. Въ виду крайней ограниченности военныхъ силъ (буры могли выставить въ это время всего 7.000 вооруженныхъ солдатъ), рѣшено было главнымъ образомъ мѣшать англичанамъ соединяться и препятствовать доставкѣ подкрѣпленій изъ-за границы.

Англичане нѣсколько свысока относились сначала къ этому полуцивилизованному народцу, вздумавшему серьезно помѣряться силами съ Англіей. Но событія показали, что это пренебреженіе было нѣсколько преждевременно. Прекрасно знающіе мѣстныя условія, гораздо болѣе выносливые и одушевленные страстной жаждой свободы и независимости, буры оказались очень опасными противниками. Маленькіе подвижные отряды ихъ безпрестанно тревожили англичанъ, нападали на нихъ врасплохъ, выбивали изъ позицій и разстраивали всѣ ихъ стратегическіе планы. Даже значительный численный перевѣсъ англичанъ не давалъ имъ ожидаемаго преимущества. Англійскіе генералы съ трудомъ вѣрили, чтобы эти кучки неустрашимыхъ волонтеровъ, могли разстраивать ряды ихъ дисциплинированныхъ солдатъ и сплошь и рядомъ обращать ихъ въ самое безпорядочное бѣгство.

Уже послѣ заключенія мира одинъ изъ главнѣйшихъ англійскихъ полководцевъ, генералъ Вудъ, въ разговорѣ съ Крюгеромъ выражалъ свое удивленіе по поводу малочисленности бурскихъ войскъ.

«— По какимъ соображеніямъ,—спросилъ онъ между прочимъ,—вы выслали 200 человѣкъ на Бигбарсбергскія высоты?

«— Намъ сказали, что 12.000 вашихъ солдатъ направляются туда.

«— И противъ этихъ-то 12.000 человѣкъ вы выслали 200 вашихъ?

«— Ба! у насъ больше не было, а кромѣ того мнѣ казалось, что этого будетъ достаточно».

Удивляли также англичанъ незначительныя относительно потери буровъ. Тамъ, гдѣ агличане оставляли на мѣстѣ десятки убитыхъ, не считая раненыхъ, буры не досчитывались обыкновенно 2-хъ, 3-хъ человѣкъ. Бурскіе полководцы объясняли это своимъ умѣньемъ беречь людей и не подвергать ихъ напрасному риску, и очень гордились этимъ.

«— Сколько убитыхъ было у васъ при Накѣ?—спросилъ одинъ англійскій офицеръ послѣ войны генерала Жубера.

«— Одинъ,—отвѣчалъ онъ,—и еще одинъ раненый.

«Офицеръ расхохотался, утверждая, что онъ видѣлъ больше.

«— Прекрасно,—вскричалъ Жуберъ, выйдя изъ себя, — разройте тамъ всю землю, и если вы найдете хоть одного лишняго, я обязуюсь съѣсть его цѣликомъ, съ волосами и съ кожей».

Гораздо опаснѣе чѣмъ англичане, при всей ихъ многочисленности и военной опытности, могли быть для буровъ туземцы, если бы они вмѣшались въ дѣло въ пользу англичанъ.

Крюгеръ, благодаря своей находчивости и никогда не измѣнявшему ему личному мужеству, избавилъ буровъ отъ этой опасности. До него дошло извѣстіе, что Магато, предводитель значительнаго кафрскаго племени, кочевавшаго въ предѣлахъ Трансвааля, поддавшись на уговоры англичанъ, оказываетъ имъ помощь и готовится присоединиться къ нимъ. Не долго думая, Крюгеръ въ сопровожденіи только семи человѣкъ отправляется самъ на мѣсто стоянки племени и неожиданно является посреди вооруженныхъ дикарей.

«— Зачѣмъ ты доставлялъ припасы англійскому гарнизону, когда я предписывалъ вамъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ этой войнѣ бѣлыхъ съ бѣлыми?

Магато отвѣчалъ:

«— Я получилъ извѣстіе, что англичане завладѣли Гейдельбергомъ и направляются къ нашимъ владѣніямъ; они угрожали мнѣ страшнымъ наказаніемъ, если я буду противиться имъ.

«— Прекрасно,—сказалъ я,—но такъ какъ ты нарушилъ повиновеніе мнѣ, то я сейчасъ же представлю тебя на военный совѣтъ.

«И я схватилъ предводителя за руку, но въ ту-же минуту насъ окружила толпа кафровъ, потрясая топорами, копьями и ружьями. Одинъ изъ моихъ товарищей, Питъ ванъ-деръ-Вальтъ, схватилъ ружье и прицѣлился въ Магато, крича кафрамъ, что онъ сейчасъ-же убьетъ его, если Крюгеру будетъ сдѣлано малѣйшее зло.

«Магато, видя, что жизнь его въ опасности, приказалъ вождямъ удалить воиновъ, что тѣмъ едва удалось сдѣлать съ помощью палочныхъ ударовъ. Когда спокойствіе возстановилось, я обратился къ Магато и сказалъ ему:

«— Теперь собери всѣхъ своихъ кафровъ, я хочу говорить съ ними.

«Магато колебался, предлагая себя въ посредники.

«— Нѣтъ,—сказалъ я,—я намѣренъ лично говорить съ твоимъ народомъ.

«По приказанію Магато, кафры явились снова, уже безъ оружія.

«Я обратился къ нимъ, упрекая ихъ въ измѣнническомъ и трусливомъ поведеніи и повторяя приказаніе ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться, такъ какъ война между бѣлыми нисколько ихъ не касается. Потомъ я сталъ отчитывать Магато, пока онъ не обѣщалъ мнѣ торжественно соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ».

Послѣ этого кафры не тревожили больше буровъ. Самъ Крюгеръ никогда не соглашался воспользоваться помощью чернокожихъ, считая грѣхомъ возбуждать дикарей противъ цивилизованнаго народа.

Когда опасность со стороны туземцевъ была устранена, оставалось направить всѣ силы на главнаго врага. И тутъ, противъ ожиданія, дѣла буровъ шли чрезвычайно успѣшно. Послѣ ряда небольшихъ стычекъ, 21 февраля 1881 года была дана серьезная битва при Амаюбѣ. Обладаніе этими высотами представляло громадную важность для англи-

чанъ, и они сосредоточили тамъ значительныя силы. Но и буры, съ своей стороны, понимали, что имъ надо во что бы то ни стало выбить англичанъ изъ этой позиціи. Ночью, небольшими группами, по еле замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ они вскарабкались на вершину, занятую врагомъ, и вдругъ съ разныхъ сторонъ напали на англичанъ, считавшихъ свою позицію совершенно неприступной.

Во время этой битвы англичане потеряли убитыми 81 человѣкъ, 125 было ранено и 51 взятъ въ плѣнъ. У буровъ былъ убитъ только одинъ человѣкъ и шестеро ранено.

Блестящей побѣдой при Амаюбѣ буры завоевали себѣ свободу. Потери англичанъ были слишкомъ значительны, а результаты настолько неблагопріятны, что они не рѣшились затягивать дольше эту тяжелую войну. 23-го марта 1881 года былъ заключенъ миръ, а 3-го августа того же года были подписаны условія такъ называемой Преторійской конвенціи.

По этой конвенціи Трансвааль объявлялся вновь свободной и независимой республикой. Англійскія власти и войска должны были оставить страну, передавъ управленіе и государственное имущество въ руки тріумвирата. Тріумвиратъ долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ созвать фольксраадъ, которому принадлежало право рѣшить всѣ вопросы, касающіеся внутренняго управленія.

Условія этой конвенціи были формулированы не вполнѣ ясно, но неудобства этого сказались лишь впослѣдствіи, а пока буры торжествовали. 8-го августа 1881 года ненавистные «красные мундиры» выступили изъ Трансвааля и вслѣдъ затѣмъ открылась сессія созваннаго вновь свободнаго фольксраада.

Еще годъ управленія страной оставалось фактически въ рукахъ тріумвирата, но въ 1882 году фольксраадъ постановилъ вновь избрать президента. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Крюгера, такъ какъ онъ и безъ того въ теченіе послѣднихъ лѣтъ былъ фактически главою своего народа.

Крюгеръ былъ именно тотъ президентъ, который былъ нуженъ Трансваалю. Въ смутныя времена онъ съ одинаковымъ успѣхомъ являлся поочередно въ роли народнаго трибуна, главы заговора, полководца и дипломата. Въ мирное время онъ оказывался типичнымъ президентомъ—старшиной крестьянской общины. Неутомимый, всѣмъ доступный и справедливый, въ одно и то же время и начальникъ, и судья, и совѣтникъ, онъ дѣйствительно игралъ роль общаго дядюшки всего своего народа *).

Когда важныя, общегосударственныя дѣла не задерживали его въ Преторіи, онъ постоянно объѣзжалъ всю страну, останавливаясь по

---

*) Обычное обращеніе къ президенту въ Трансваалѣ «oom» (дядя), президентъ же называетъ своихъ подданныхъ «neffe» (племянникъ).

возможности въ каждомъ городкѣ и поселкѣ. Тамъ онъ усаживался обыкновенно гдѣ-нибудь подъ большимъ деревомъ на главной улицѣ, обсуждалъ всѣ мѣстныя дѣла и нужды и тутъ же, какъ настоящій деревенскій Соломонъ, рѣшалъ всевозможные споры и тяжбы. Объ его справедливости и остроуміи при рѣшеніи разныхъ спорныхъ дѣлъ разсказывается множество анекдотовъ. Однажды ему пришлось разбирать затянувшуюся тяжбу между двумя родственниками, не подѣлившими между собой участка земли. Внимательно выслушавъ жалобы обѣихъ сторонъ, Крюгеръ сказалъ, обращаясь къ одному изъ тяжущихся:

— Ты раздѣлишь имѣніе на двѣ части согласно твоему желанію. Потомъ, обратившись ко второму, прибавилъ:

— А ты возьмешь тотъ изъ двухъ участковъ, который тебѣ болѣе понравится.

Волей-неволей первому пришлось дѣлить какъ можно справедливѣе, такъ какъ онъ не зналъ, которая часть останется на его долю.

Вникая по возможности въ нужды каждаго, онъ завоевывалъ себѣ общее довѣріе и любовь, а своею находчивостью и остроуміемъ онъ умѣлъ отразить всякое нападеніе своихъ буровъ, не признающихъ никакого этикета. Однажды во время народнаго собранія одинъ изъ присутствующихъ сталъ приставать къ президенту, требуя у него отчета, на что употребляется тайный государственный фондъ.

— Племянникъ, — отвѣтилъ ему Крюгеръ,—если я скажу тебѣ, на что употребляется тайный фондъ, то тѣмъ самымъ тайный фондъ перестанетъ существовать.

Въ фольксраадѣ Крюгеръ пользовался громаднымъ вліяніемъ благодаря своему оригинальному краснорѣчію. «Вотъ онъ съ трудомъ поднимается съ своего мѣста, голова еще задумчиво опущена на грудь, но въ маленькихъ глазкахъ сверкаетъ уже жизнь и огонь. Теперь взглядъ его окидываетъ собраніе, онъ видитъ и узнаетъ каждаго, еще маленькая пауза и голосъ раздается, сначала тихо и немного хрипло, потомъ быстро крѣпнетъ, сопровождаемый оживленной жестикуляціей. Рѣчь скоро достигаетъ высшаго пункта, и вотъ мы являемся свидѣтелями мощной силы убѣжденія, аргументаціи и чувства, увлекающей за собой всѣхъ. Мысль часто облекается въ формы близкихъ всѣмъ картинъ, подкрѣпляется сравненіями изъ природы, цитатами изъ Библіи» *).

Но Крюгеру не долго удавалось играть роль патріарха. Всевозможныя внѣшнія государственныя дѣла постоянно отвлекали его, и изъ добродушнаго дядюшки превращали въ не лишеннаго хитрости политика и ловкаго дипломата.

На границахъ шли почти непрерывныя столкновенія съ кочующими дикими племенами, требовавшія постояннаго вниманія со стороны пра-

*) «Auf den Diamanten und Goldfeldern Südafrikas—fan Strecker.» стр. 151.

вительства. Пользуясь неясностью нѣкоторыхъ пунктовъ Преторійской конвенціи, Крюгеръ нашелъ болѣе удобнымъ для республики убѣдить предводителей нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ добровольно присоединиться къ Трансваалю, чтобы такимъ образомъ держать ихъ въ постоянномъ подчиненіи. Но эта попытка Крюгера не осталась незамѣченной, и вызвала тревогу въ лондонскомъ кабинетѣ, вовсе не желавшемъ дальнѣйшаго усиленія Трансвааля. Послѣ предварительныхъ обсужденій спорныхъ вопросовъ на мѣстѣ, Крюгеръ рѣшилъ лично отправиться въ Англію, чтобы тамъ разъяснить всѣ сомнительные пункты и переписать заново Преторійскую конвенцію.

Четвертая поѣздка Крюгера въ Европу вознаградила его за всѣ прежнія неудачи. Въ качествѣ дипломата Крюгеръ одержалъ не менѣе значительную побѣду, чѣмъ побѣда его буровъ при Амаюбѣ. Всѣ спорные пункты были рѣшены въ пользу буровъ, и Трансвааль, переименованный съ этихъ поръ въ «Южно-африканскую республику», былъ окончательно признанъ независимымъ и въ своихъ внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Англія сохраняла лишь право veto надъ трактатами, заключаемыми имъ съ иностранными государствами.

27-го февраля 1884 г. была подписана такъ называемая Лондонская конвенція, и Крюгеръ могъ съ торжествомъ вернуться на родину. По дорогѣ онъ рѣшилъ снова заѣхать на континентъ и попытаться сдѣлать тамъ заемъ на проведеніе желѣзной дороги, соединившей бы Трансвааль съ моремъ. Но, совершенно такъ же, какъ и раньше, его встрѣчали вездѣ оваціями, а денегъ не давали. Съ большимъ трудомъ удалось ему повліять на образованіе въ Голландіи акціонерной компаніи для осуществленія его проекта.

Финансовое положеніе Трансвааля въ это время было крайне затруднительно. Война поглотила много средствъ, и государственная казна пополнялась туго. А между тѣмъ, Крюгеръ сознавалъ, что время не стояло, и Южно-африканская республика должна была волей-неволей нѣсколько осложнять и расширять свое государственное хозяйство. На этотъ разъ судьба вывела его изъ затрудненія. Въ тотъ самый годъ, когда онъ неудачно хлопоталъ о внѣшнемъ займѣ, внутри самого Трансвааля, въ Витватерсрандѣ, были открыты богатѣйшія мѣсторожденія золота. Крупные доходы съ золотыхъ копей могли съ избыткомъ покрыть всѣ скромные государственные расходы республики. Но этотъ даръ судьбы оказался даромъ данайцевъ,—золото стало источникомъ безчисленныхъ тревогъ и непріятностей для Трансвааля, поведшихъ въ концѣ-концовъ къ послѣдней бурской войнѣ. Трансвааль сдѣлался слишкомъ лакомымъ кускомъ, чтобы у Англіи, только что выпустившей его изъ рукъ, не явилось сожалѣнія объ этомъ и желанія снова вмѣшаться въ его дѣла.

Поводы для этого не замедлили представиться.

Слухъ о неисчерпаемыхъ золотыхъ богатствахъ Трансвааля съ

быстротою молніи облетѣлъ весь земной шаръ и въ Трансвааль со всѣхъ концовъ земли хлынули толпы любителей легкой наживы. Составъ населенія южно-африканской республики сразу круто измѣнился. Прежде почти все бѣлое населеніе страны состояло изъ буровъ. Теперь мѣста, гдѣ было найдено золото, быстро заселились разноплеменными искателями золота. Скоро это новое международное населеніе почти сравнялось по численности со всѣмъ исконнымъ населеніемъ страны. По даннымъ 1899 года все бѣлое населеніе Трансвааля равнялось 245.397 человѣкамъ. Изъ этого числа такъ называемыхъ уитлендеровъ было 104.822. Но при этомъ надо принять въ соображеніе, что изъ общаго числа уитлендеровъ лишь самый незначительный процентъ можетъ быть отнесенъ на долю женщинъ и дѣтей, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ добывать золото пріѣзжаютъ люди одинокіе. Между тѣмъ, изъ общаго числа буровъ на долю взрослаго мужского населенія приходится всего 26½ тысячъ. Такое быстрое возрастаніе иноземнаго элемента создавало крупныя осложненія въ жизни страны. Съ одной стороны уитлендеры, прочно поселившіеся въ странѣ и платившіе значительную долю государственныхъ налоговъ, естественнымъ образомъ требовали для себя и участія въ дѣлахъ управленія. Съ другой стороны буры также естественно опасались уравнять ихъ въ правахъ съ собой. Численный перевѣсъ иноземнаго населенія грозилъ со временемъ передать въ его руки всю власть, отнявъ ее у коренного населенія, и тогда Трансвааль пересталъ бы быть бурскимъ государствомъ. Это неустранимое столкновеніе интересовъ и создало тотъ уитлендерскій вопросъ, который наполнилъ собою всю исторію Трансвааля за послѣднія 15 лѣтъ и въ концѣ-концовъ привелъ его къ гибели. Англія упрекала буровъ въ несправедливости по отношенію къ уитлендерамъ, забывая, что справедливость въ данномъ случаѣ была равносильна подписанію себѣ самимъ смертнаго приговора. А этого, во всякомъ случаѣ, странно ожидать отъ какого бы то ни было народа. Подъ давленіемъ угрозъ Англіи, принявшей подъ свою защиту уитлендеровъ, большинство которыхъ были оттуда родомъ, Крюгеръ сдѣлалъ въ концѣ-концовъ очень много уступокъ новому населенію. И напрасно онъ оправдывается, стараясь доказать, что все время соблюдалъ полную справедливость въ отношеніи пришельцевъ. Его положеніе вполнѣ ясно,—онъ отстаивалъ свой народъ отъ иноземцевъ, грозившихъ поглотить его.

Основнымъ пунктомъ, около котораго шла все время борьба, было право участія въ выборахъ.

По первоначальной Трансваальской конституціи всѣми правами гражданъ, до права быть избраннымъ въ президенты включительно, пользовались тѣ изъ иностранцевъ, которые натурализовались и прожили въ странѣ не менѣе 14 лѣтъ.

Когда пріисковое населеніе сильно возрасло и создало цѣлый го-

родъ Іоганесбургъ, быстро перегнавшій по населенности Преторію, Крюгеръ счелъ возможнымъ сдѣлать въ его пользу первое измѣненіе въ конституціи. Рядомъ съ первымъ фольксраадомъ, по его мысли, былъ учрежденъ второй, въ компетенцію котораго входили всѣ вопросы, касающіеся работъ по добычѣ и обработкѣ золота и внутреннихъ отношеній пріисковаго населенія. Правомъ избранія во второй фольксраадъ пользовались всѣ иностранцы, прожившіе 4 года въ странѣ. Остальная сумма гражданскихъ правъ получалась попрежнему по истеченіи 14 лѣтъ. Но этимъ уитлендеры не хотѣли удовольствоваться, они добивались немедленнаго участія во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. И борьба шла, все обостряясь благодаря особенностямъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Съ одной стороны буры, только что отстоявшіе свою самостоятельность отъ могущественной державы и, конечно, не желавшіе поступаться ею въ пользу непрошенныхъ гостей, съ другой—разноплеменная толпа авантюристовъ, нисколько не дорожившихъ новой родиной, готовыхъ охотно продать ее. Не мудрено, что Крюгеръ, вообще не отличавшійся хладнокровіемъ, не разъ выходилъ изъ себя и довольно рѣзко отвѣчалъ на притязанія уитлендеровъ. Однажды, во время посѣщенія Іоганесбурга, депутація гражданъ принесла ему рядъ жалобъ. Крюгеръ отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи удовлетворить желанія всѣхъ. Тогда одинъ изъ членовъ депутаціи сталъ упрекать его въ презрительномъ отношеніи къ новому населенію. Оскорбленный этимъ, Крюгеръ вскричалъ:

— Я презираю не новое населеніе, а такихъ людей, какъ вы.

Такое обращеніе президента съ городской депутаціей вызвало сильное волненіе въ городѣ, и Крюгеру была устроена враждебная демонстрація.

Но больше всего раздражила иностранцевъ рѣчь Крюгера, сказанная въ 1891 году на праздникѣ по поводу десятилѣтія Южно-африканской республики. Начиналась она дѣйствительно довольно неожиданнымъ обращеніемъ.

«Народъ Божій, исконный народъ этой страны, вы, иностранцы, вы, вновь прибывшіе и вы также, воры и разбойники!»

Не удивительно, что иностранцы сильно обидѣлись такимъ сопоставленіемъ, относя его съ значительною степенью вѣроятности на свой счетъ. Но Крюгеръ никакъ не хотѣлъ согласиться, что такова была его мысль. Съ наивнымъ лукавствомъ онъ говоритъ по этому поводу:

«Иностранцы, которые только и мечтали увеличить количество жалобъ на правительство, сдѣлали видъ, что они безгранично оскорблены тѣмъ, будто бы я позволилъ себѣ обозвать ихъ ворами и разбойниками. Толкованіе само собой совершенно ложное. Я хотѣлъ просто сказать, что приглашаю каждаго въ отдѣльности, даже воровъ и разбойниковъ, если они есть въ толпѣ, преклониться передъ Госпо-

*

домъ...» Конечно, воры и разбойники по спеціальности не смѣли разсчитывать на такое исключительное вниманіе со стороны президента.

Внутреннія смуты въ Трансваалѣ не замедлили обратить на себя вниманіе тѣхъ, кому онѣ были выгодны. Въ это самое время въ южной Африкѣ все шире развивалась дѣятельность знаменитаго «Капскаго Наполеона», основателя Chartered Company, Сесиля Родса. Въ широкихъ планахъ Сесиля Родса, Трансвааль служилъ постояннымъ камнемъ преткновенія. Родсъ мечталъ слить всю южную Африку въ одну союзную страну подъ верховнымъ протекторатомъ Англіи,—страну, гдѣ будетъ безпрепятственно развивать свою дѣятельность его Chartered Company. Широта и смѣлость его плановъ невольно подкупали всѣхъ, съ кѣмъ онъ входилъ въ сношенія. Англію онъ прельстилъ обѣщаніемъ протектората надъ половиной Африки. Африканскія государства манилъ перспективой могущественнаго «царства африкандеровъ», гдѣ вліяніе Англіи будетъ лишь номинальнымъ. Одинъ только Крюгеръ не поддавался на его заманчивыя увѣщанія. Ему не было дѣла до плановъ Сесиля Родса, онъ зналъ одну цѣль—«свобода и независимость Трансвааля», и отъ нея не желалъ отступать ни ради какихъ будущихъ благъ. Родсъ пробовалъ привлечь Крюгера на свою сторону обѣщаніемъ подарить Трансваалю портъ Делягоа, зная, что доступъ къ морю всегда составлялъ мечту Крюгера.

«— Этотъ портъ принадлежитъ португальцамъ,—сказалъ президентъ,—и они, конечно не уступятъ его.

«— Ну, что жъ? Тогда мы возьмемъ его силою,—отвѣчалъ Капскій Наполеонъ.

«— Я не такой человѣкъ, чтобы насильно овладѣвать чужой собственностью. Если португальцы не желаютъ продать его, я не приму его изъ вашихъ рукъ; на плохо пріобрѣтенномъ имуществѣ лежитъ проклятіе».

Сесилю Родсу приходилось или отказаться отъ своей мечты, или осуществлять ее не совсѣмъ чистыми средствами. Онъ предпочелъ второе. Недовольство въ Іоганесбургѣ не прекращалось и создавало для него самыя благопріятныя условія. Онъ рѣшилъ разжечь это недовольство, вызвать революцію и, такимъ образомъ, создать для Англіи поводъ вмѣшаться въ дѣла Трансвааля и снова наложить на него свою руку. Главнымъ исполнителемъ задуманнаго предпріятія долженъ былъ быть докторъ Джемсонъ. Заговоръ въ Іоганесбургѣ былъ организованъ безъ труда, и главы его вручили Джемсону письмо съ просьбой явиться съ военной силой на помощь городу, чтобъ защитить женъ и дѣтей, жизнь которыхъ можетъ подвергнуться опасности во время безпорядковъ. На этомъ письмѣ не было проставлено числа, чтобы Джемсонъ могъ выставить его тотчасъ же, какъ только получитъ извѣстіе о начавшемся возстаніи. Но уже послѣ отъѣзда Джемсона изъ Іоганесбурга,

тамъ возникли несогласія, многіе изъ членовъ заговора отказывались, не желая все-таки вводить въ страну англійскія войска. Въ день, назначенный для возстанія, оно не состоялось. Между тѣмъ, Джемсонъ, человѣкъ рѣшительный и отважный, не захотѣлъ ждать, думая, что извѣстіе какъ-нибудь случайно не дошло до него, и въ предположенный срокъ перешелъ съ вооруженнымъ отрядомъ границу Трансваля, направляясь къ Іоганесбургу. Въ Крюгерсдорпѣ ему перерѣзали путь бурскія войска подъ начальствомъ Кронье, Потгитера и Малата. Послѣ горячей схватки войско Джемсона было разбито, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ и препровожденъ въ Преторію. Только благодаря Крюгеру, Джемсонъ избѣжалъ смертной казни, къ которой присудилъ его судъ.

Но для Трансвааля пораженіе Джемсона не имѣло большого значенія. Оно только усилило раздраженіе Англіи противъ него, а въ поводахъ для вмѣшательства недостатка не могло быть.

Недовольство въ Іоганесбургѣ не прекращалось, и уитлендеры все рѣшительнѣе требовали расширенія своихъ правъ. Срокъ пребыванія въ странѣ для полученія права голоса былъ сокращенъ, по предложенію Крюгера, съ 14-ти на 9 лѣтъ, но и это уже не удовлетворяло новое населеніе. Къ этой основной причинѣ недовольства присоединялось еще много другихъ, и уитлендеры постоянно обращались къ Англіи съ жалобами и просьбами о защитѣ. Въ началѣ 1899 года англійской королевѣ была подана петиція съ жалобами на трансваальское правительство за 21.000 подписей. Одновременно съ этимъ буры тоже организовали адресъ съ 23.000 подписей, выражавшій полное довѣріе своему правительству.

Въ отвѣтъ на петицію королевѣ лордъ Чемберленъ предложилъ трансваальскому правительству образовать смѣшанную коммиссію изъ представителей обѣихъ странъ для разсмотрѣнія возникшихъ въ Трансваалѣ недоразумѣній. Крюгеръ принялъ предложеніе и лично отправился въ Блюмфонтень, гдѣ должны были происходить засѣданія коммиссіи. Представителемъ Англіи въ этой коммиссіи былъ сэръ Альфредъ Мильнеръ, губернаторъ Капской колоніи.

Послѣ продолжительныхъ обсужденій сэръ Мильнеръ формулировалъ слѣдующимъ образомъ свои окончательныя требованія:

1. Пріобрѣтеніе избирательныхъ правъ по истеченіи 5 лѣтъ.

2. Измѣненіе законовъ о натурализаціи.

3. Увеличеніе числа мѣстъ, предоставленныхъ новымъ гражданамъ въ фольксраадѣ.

Крюгеръ съ своей стороны остановился на слѣдующей формулировкѣ:

1. Натурализація по истеченіи двухъ лѣтъ; полныя избирательныя права послѣ слѣдующихъ пяти лѣтъ.

2. Увеличеніе мѣстъ, предоставленныхъ новымъ гражданамъ въ фольксраадѣ до 5-ти.

Дальше этихъ уступокъ ни одна изъ сторонъ не шла, и соглашеніе не могло состояться. Коммиссія прекратила свои засѣданія, не придя ни къ какимъ результатамъ.

Положеніе не только не улучшилось, но, напротивъ, все болѣе и болѣе запутывалось, и уже мало было шансовъ, что будетъ найденъ мирный выходъ. Тѣмъ не менѣе переговоры между Крюгеромъ и лондонскимъ кабинетомъ все продолжались, а въ то же время Англія постепенно стягивала свои африканскія войска къ границамъ Трансвааля и посылала подкрѣпленія имъ изъ Англіи. Всѣ эти приготовленія не могли, конечно, остаться тайной для Трансвааля и не внушали ему довѣрія къ мирнымъ намѣреніямъ Англіи. Наконецъ, видя что переговоры ровно ни къ чему не приводятъ, трансваальское правительство рѣшило окончательно выяснить положеніе, и 9-го октября 1899 года отправило лондонскому кабинету ноту, извѣстную подъ именемъ трансваальскаго ультиматума.

Въ этой нотѣ оно напоминало снова, что по Лондонской конвенціи 1884 года Англія не имѣла никакого права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Трансвааля. Самое учрежденіе смѣшанной коммиссіи для рѣшенія вопроса объ избирательныхъ правахъ иностранцевъ являлось уже такимъ вмѣшательствомъ, и трансваальское правительство согласилось на него только изъ желанія во что бы то ни стало сохранить миръ. Но теперь оно видитъ, что намѣренія Англіи совсѣмъ не таковы, что вмѣсто дружескаго соглашенія, она начинаетъ дѣйствовать угрозами и дѣлаетъ явныя приготовленія къ войнѣ. Такое положеніе вещей дольше продолжаться не можетъ, и потому она требуетъ ранѣе продолженія переговоровъ, чтобы Англія немедленно отозвала свои войска отъ границъ Трансвааля и не допускала высадки войскъ, посланныхъ въ африку моремъ. 11-го октября былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ Англія рѣшительно отказывалась принять условія, поставленныя Южно-Африканской республикой.

Съ этого момента война могла считаться объявленной.

Оба фольксраада принесли присягу до послѣдней капли крови защищать свою родину.

Безъ малѣйшаго колебанія готовились буры къ страшной войнѣ. Ихъ поддерживала увѣренность, что каждый изъ гражданъ готовъ отдать жизнь за свободу и независимость родной страны и ихъ одушевлялъ примѣръ семидесятилѣтняго президента, до послѣдней минуты не терявшаго вѣры въ побѣду праваго дѣла. «Если даже случится самое худшее, и мнѣ придется отправиться на островъ святой Елены, и это ничего не значитъ, такъ какъ Всемогущій все-таки спасетъ свой народъ и вернетъ ему свободу», говорилъ онъ имъ во время войны.

Эта надежда не покидала его и тогда, когда всѣ значительныя арміи Трансвааля были разбиты неизмѣримо болѣе сильнымъ врагомъ, и только небольшія кучки непримиримыхъ и безстрашныхъ волонтеровъ продолжали съ отчаяньемъ отстаивать явно проигранное дѣло.

Противъ ожиданія всего цивилизованнаго міра война длилась больше двухъ съ половиною лѣтъ. Но въ концѣ-концовъ мужественный маленькій народъ принужденъ былъ уступить силѣ и заключить миръ, положившій конецъ самостоятельному существованію Трансваальской республики.

Но и это тяжелое бѣдствіе не сломило силъ 75-ти-лѣтняго президента. Онъ встрѣтилъ его съ спокойствіемъ человѣка сдѣлавшаго все, что было въ его власти, и съ свѣтлой вѣрой въ будущее.

«Этотъ миръ не таковъ, какъ желали буры,—говоритъ онъ,—но я не впадаю въ уныніе, не только потому, что кончилось пролитіе крови и ужасныя страданія, выпавшія на долю народовъ обѣихъ республикъ, — я увѣренъ, что несмотря ни на что Богъ никогда не покидаетъ своихъ. Я знаю, что Онъ не допуститъ гибели угнетеннаго народа».

Т. Богдановичъ.

ОДНАЖДЫ.

Разсказъ **Вл. Реймонта.**

(Переводъ съ польскаго).

Однажды, на зарѣ майскаго дня, въ домикѣ, поникшемъ къ землѣ своими перекосившимися стѣнами, отворилось окно, и въ немъ среди куста цвѣтущихъ фуксій показалась сѣдая голова, и послышался тихій монотонный шопотъ.

Это панъ Плишка шепталъ утреннюю молитву.

Городъ еще спалъ, и тяжелыя сумерки окутывали все кругомъ тою гнетущею тишиною, какая бываетъ передъ наступленіемъ дня.

Въ этомъ полумракѣ дома, фабрики и огороды казались какими-то неподвижно дремлющими великанами, и только кое-гдѣ на крышахъ домовъ, на стеклахъ оконъ и на верхушкахъ деревьевъ скользилъ розоватый отблескъ утренней зари, какъ улыбка на лицѣ спящаго, какъ бы румянецъ тревоги передъ наступающимъ днемъ, который уже рѣялъ въ пространствѣ, окаймляя свѣтлою каймою темную ночь и озаряя сонную землю скорбнымъ зеленоватымъ полусвѣтомъ.

Шопотъ пана Плишки раздавался въ тишинѣ, какъ шелестъ листьевъ молодыхъ березокъ, а съ высоты домовъ, окутанныхъ темнотою, падали внизъ тяжелыя капли росы и съ глухимъ шумомъ ударяли, одна за другою, о крышу домика.

Панъ Плишка кончилъ молитву и истово билъ себя въ грудь...

— Кручекъ!

Собака неслышно выбѣжала изъ глубины темной комнаты и прыгнула на подоконникъ.

— Молись! Глупая! Служи... Смотри туда... Вонъ тамъ живетъ Господинъ твоего господина. Поняла?

Кручекъ заворчалъ, усѣлся и, опираясь спиною о кустъ сирени, безсмысленно глядѣлъ въ темноту.

— Ну, что? Почему не служишь? Глупая! Чего смотришь?

Но Кручекъ уже не слушалъ; онъ спрыгнулъ съ окна во дворъ и лаялъ на кого-то у воротъ.

— Глупое ты животное... вотъ что... и вѣкъ имъ останешься!—бормоталъ панъ Плишка, поднося къ окну карманные часы.

Онъ удивился: было только 4 часа; ему никогда не случалось просыпаться такъ рано.

«Видно, я боленъ... что ли... полтора часа еще до свистка».

Онъ потихоньку прилегъ на постель, стараясь никого не разбудить; изъ смежной комнаты доносилось храпѣніе нѣсколькихъ спящихъ тамъ человѣкъ, а изъ третьей, самой маленькой, то и дѣло слышался чей-то кашель.

— Сапоги у него дырявые—оттого и кашляетъ,—разсуждалъ панъ Плишка и поднялся съ кровати, такъ какъ утренняя заря уже заглянула въ окно и освѣтила внутренность комнаты...

Въ небесномъ пространствѣ, между тѣмъ, происходила безмолвная, но смертельно-упорная борьба: ночь боролась съ одолѣвающимъ ее дневнымъ свѣтомъ.

Панъ Плишка сидѣлъ у окна, машинально перебиралъ чотки и также машинально выговаривалъ слова молитвы, прислушиваясь ко всему, что дѣлалось вокругъ него.

Защебетали ласточки надъ его окномъ, какъ бы привѣтствуя молитвою зарю...

Земля просыпалась отъ сна, и фабричные пруды открывали отяжелѣвшія вѣки и полусонно глядѣли сквозь рѣсницы изъ наклонившихся надъ водою тополей...

Красныя кирпичныя стѣны фабрикъ блестѣли отъ росы и, просыпаясь, вздрагивали отъ утренней свѣжести.

Высокія трубы, точно сторожевые журавли надъ спящимъ стадомъ фабричныхъ зданій, словно протягивали свои красные клювы высоко вверхъ, жаждая солнечнаго свѣта...

А длинныя, черныя дороги, тропинки, рвы, рельсы и утопающія въ темнотѣ улицы города, казалось, вытягивались и, выпрямившись, застывали, предаваясь мечтамъ о долгомъ отдыхѣ и снѣ...

Мечталъ также и панъ Плишка; онъ перебиралъ чотки, шепталъ молитвы, водилъ глазами по контурамъ домовъ, но не видѣлъ ничего, будучи погруженъ въ самомъ себѣ, въ какомъ-то туманѣ мыслей, въ хаосѣ непривычныхъ ощущеній, предчувствій, словъ и образовъ и непонятной душевной тревоги.

Онъ не понималъ, что творится въ душѣ его: что-то шевелилось тамъ и рвалось наружу...

Одно онъ понималъ: что ему грустно... Но о чемъ онъ груститъ—этого онъ не могъ бы сказать, ибо не зналъ, точно также какъ не зналъ, какъ назвать то чувство, которое переполняло его серде.

Иногда весною, въ дни ненастья, холода и непогоды деревья такъ грустятъ... Но вѣдь они грустятъ по солнцу и веснѣ... А люди?

Люди, какъ тѣ же деревья, когда они умираютъ, грустятъ и плачутъ о томъ, что было и прошло...

Панъ Плишка вздрогнулъ: въ сѣрой полутемнотѣ, наполнявшей дворъ, послышался вдругъ протяжный, монотонный скрипъ...

«Это—Антони», подумалъ онъ.

Да, это былъ Антони, старикъ-рабочій, которому горячимъ паромъ выжгло глаза и который теперь занимался тѣмъ, что поднималъ посредствомъ громаднаго колеса воду на верхніе этажи; въ туманномъ свѣтѣ утренней зари, точно сквозь матовое оконное стекло, видно было, какъ онъ равномѣрно, однообразно нагибался, подобно живому маятнику...

Колесо скрипѣло протяжно, стонало какъ бы отъ боли желѣзо, а Кручекъ злобно лаялъ на дворняжку, которая водила слѣпца на работу...

Панъ Плишка не могъ дождаться фабричнаго свистка, онъ пошелъ въ кухню и потихоньку сталъ разводить въ печкѣ огонь...

— Развѣ уже пора?—послышался чей-то голосъ изъ-за ширмы, прикрывавшей уголъ комнаты.

— Нѣтъ еще; потише, пани, вы разбудите мальчика...

Онъ пошелъ въ другой уголъ комнаты, гдѣ стояла вторая ширма; за нею спалъ мальчикъ, а на столѣ возлѣ него были разбросаны книги и тетрадки; на полу лежалъ ранецъ, а подъ стуломъ валялся школьный мундиръ...

Панъ Плишка привелъ все это въ порядокъ, посмотрѣлъ на раскраснѣвшееся лицо спящаго мальчика, улыбнулся какъ-то странно и, забравъ сапоги, отправился ихъ чистить.

Онъ ихъ чистилъ на дворѣ передъ домомъ, чтобы никого не разбудить.

Это были жалкіе сапоги, состоявшіе изъ изъяновъ, заплатъ и швовъ, съ лирическимъ отпечаткомъ нужды и нищенства: безъ подошвъ и безъ каблуковъ, но съ гордо задранными вверхъ носами.

Панъ Плишка чинилъ ихъ самъ и чистилъ съ любовью, терпѣніемъ и кротостью стараго, привязаннаго къ хозяину пса.

День, между тѣмъ, надвигался, и окна четвертыхъ этажей домовъ становились розовыми, въ третьихъ они были бѣлыя, во вторыхъ—сѣрыя, между тѣмъ какъ внизу, въ первыхъ этажахъ, блестѣли холоднымъ блескомъ полированнаго базальта.

— Надо ему купить сапоги,—подумалъ панъ Плишка; въ эту минуту пронзительный, хриплый фабричный свистокъ огласилъ воздухъ.

Въ домѣ все проснулось; четыре человѣческихъ фигуры встали съ лежанокъ и начали снаряжаться на работу.

— Что это со мною,—спрашивалъ себя панъ Плишка и прибавлялъ шагу, такъ какъ въ паровомъ отдѣленіи на фабрикѣ запылали уже яркіе огни, и окна нижняго этажа освѣтились.

Панъ Плишка занялъ свое обычное мѣсто на подъемной машинѣ; онъ держался за проволочный шнурокъ и ожидалъ сигнала.

Въ пространствѣ фабричныхъ помѣщеній царила еще тишина; потоки электрическаго свѣта, наводнявшіе собою залы нижнихъ этажей, въ верхнихъ переходили въ невѣрное мерцаніе, среди котораго желѣзные корпусы машинъ казались стадомъ притаившихся и готовыхъ къ прыжку чудовищъ; передаточные ремни тяжело свѣшивались, напоминая обнаженныя артеріи или огромныя руки, повисшія пока еще въ бездѣйстіи.

Рабочіе торопливо вбѣгали, привѣтствовали другъ друга кивкомъ головы, тупо оглядывали залы и затѣмъ безмолвно и робко, съ какою-то трусливою покорностью подходили и становились у машинъ.

Кое-гдѣ, промежъ стальныхъ скелетовъ машинъ, проносился шопотъ недоконченной по дорогѣ молитвы; въ другомъ мѣстѣ слышался тихій разговоръ, въ который вмѣшивался чей-нибудь голосъ погромче и тотчасъ же притихалъ, и только усталые взоры поднимались вверхъ къ окнамъ, за которыми зеленѣли деревья, разстилались покрытыя молодыми всходами поля, а дальше лѣса, солнце, воздухъ... и свобода...

Загудѣлъ сигналъ на работу...

Человѣческія фигуры выпрямились... машины дрогнули... и потокъ грозной силы разлился по всей фабрикѣ...

Ремни напряглись... дрогнули зубчатыя шестерни машинъ... Желѣзныя чудовища зашевелились, и стѣны фабрики задрожали...

Это былъ первый толчокъ, какъ порывъ пронесшагося урагана... послѣдовалъ мигъ колебанія... чувствовалось отчаянное сопротивленіе... напряженіе всѣхъ силъ машинъ и людей... еще одно страшное, неимовѣрное усиліе... борьба на смерть... и вдругъ потрясающій крикъ машинъ, побѣжденныхъ и пущенныхъ полнымъ ходомъ...

— Лифтъ! Четвертый!

Глухо звучалъ призывъ въ глубокомъ и темномъ четырехъэтажномъ колодцѣ, въ которомъ работалъ панъ Плишка на своей подъемной машинѣ...

Онъ потянулъ за шнурокъ и медленно, беззвучно поплылъ вверхъ, точно громадный паукъ на своей паутинѣ...

— Лифтъ! Красильня!

И онъ плылъ внизъ... въ темноту... только сквозь четырехъугольныя отверстія подъемной машины мелькали передъ его глазами, какъ въ калейдоскопѣ, этажи, залы, машины, товаръ и огни...

Онъ проносился мимо «сушильни», залитой розовымъ сіяніемъ ранняго утра; оттуда на него пахнуло раскаленнымъ до невозможности, сухимъ воздухомъ и оглушило грохотомъ машинъ...

Мимо «апретурной», откуда его обдало густымъ облакомъ всевозможныхъ запаховъ: соды, мыла, летучихъ маслъ, сѣроводорода и горячихъ испареній... еще ниже, мимо «стригальни», гдѣ въ причудли-

вомъ туманѣ хлопковой пыли мелькали холодныя, длинныя и изогнутыя лезвія стригущихъ машинъ, а люди, какъ среди снѣжной вьюги, казались видѣніями горячечнаго бреда измученной работою фабрики...

...И еще ниже: мимо «прачешной», черезъ самый центръ тѣсно сомкнутыхъ въ одну сплошную массу визжащихъ и хохочущихъ машинъ, соединенныхъ другъ съ другомъ цѣлою сѣтью передаточныхъ ремней, которые, подобно тысячѣ щупальцевъ чудовищнаго спрута, обгоняя другъ друга, хватаютъ и давятъ все кругомъ; ниспадая съ потолка, перебрасываясь съ одного этажа на другой, поверхъ стѣнъ и черезъ внутренніе дворы, они обматываютъ валы и колеса, свергаются внизъ, опять поднимаются, перепутываются, обхватываютъ и давятъ, и разсвирѣпѣвшіе, неумолимые и неудержимые въ своемъ головокружительномъ бѣгѣ, наполняютъ всю фабрику ликующимъ крикомъ торжества и побѣды...

...И еще ниже: на самое дно фабрики, туда, куда не проникаетъ солнечный свѣтъ, гдѣ нѣтъ ни дня, ни ночи... мимо «красильни», гдѣ газовые рожки въ туманѣ разноцвѣтныхъ испареній горятъ радужными болѣзненными кругами...

Мимо «полоскальницъ», гдѣ монотонно, безъ перерыва, плескается вода... гдѣ воздухъ пропитанъ ѣдкимъ запахомъ красокъ... гдѣ стонутъ машины... гдѣ хаосъ криковъ, движеній и красокъ, и гдѣ люди и машины работаютъ съ сверхъестестественными усиліями...

— Лифтъ!—гремитъ голосъ сверху, и панъ Плишка тянетъ за шнурокъ и ѣдетъ вверхъ; проѣзжаетъ мимо всѣхъ четырехъ этажей, забираетъ людей, товаръ и телѣжки; останавливается на минуту у фабричныхъ залъ, и затѣмъ опускается внизъ въ полумракъ и темноту; опять поднимается вверхъ на солнечный свѣтъ въ верхнихъ этажахъ; въ «сушильнѣ» ему видно солнце и черная полоса лѣсовъ вдали; этажомъ ниже—молодая листва тополей, еще ниже—мутная поверхность фабричныхъ прудовъ; а тамъ, въ нижнихъ этажахъ—опять туманныя видѣнія машинъ и людей... а онъ все плыветъ: тихо, медленно, какъ автоматъ...

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ панъ Плишка такъ ѣздитъ вверхъ и внизъ.

За все это время онъ ни разу не хворалъ и ни разу не бралъ отпуска.

Онъ представлялъ самую старшую изъ всѣхъ машинъ на фабрикѣ; да, онъ былъ только машина, ибо мало-по-малу онъ забылъ самого себя, свою личную жизнь, и иногда не зналъ, гдѣ и что онъ былъ раньше...

Онъ пересталъ думать и мечтать и даже не могъ, ибо только лишь садился вечерами отдохнуть въ своей избѣ, какъ тотчасъ же погружался въ какое-то неестественное созерцаніе машинъ: онъ ощущалъ въ себѣ движеніе и жизнь своей фабрики; передъ глазами мелькали безконеч-

ныя сѣти ремней, переливались цвѣта тканей, дрожалъ ходъ машинъ, мелькали круги вращающейся стали; въ ушахъ раздавался весь нестройный хоръ фабричныхъ звуковъ; все это—какъ во снѣ, но такъ явственно, такъ живо и отчетливо, что иной разъ онъ боялся пошевелиться, чтобы не быть раздавленнымъ клокотавшими внутри него машинами...

Мало-по-малу онъ сталъ жить только жизнью фабрики и понимать только жизнь машинъ; о нихъ только думать, и притомъ думать съ тревогой и нѣжностью, какъ иные думаютъ о любимомъ существѣ. Какое ему было дѣло до людей? До людей, переливавшихся черезъ фабрику, какъ волны, и исчезавшихъ безслѣдно... до людей, услуживающихъ машинамъ, какъ вѣрные рабы, ищущихъ въ этихъ стальныхъ гигантахъ опоры и защиты для себя, зависящихъ отъ нихъ, и живущихъ единственно по милости этихъ могучихъ, безсмертныхъ и грозныхъ своей премудростью и силой колоссовъ.

Онъ презиралъ изнуренныя фигуры людей, ихъ изможденныя лица и измотавшіяся отъ работы руки... Что̀ были они въ сравненіи съ этими желѣзными, могучими великанами?—Ничтожество... песчинки... ничто...

Въ теченіе двадцати лѣтъ панъ Плишка видѣлъ, какъ десятки тысячъ жалкихъ человѣческихъ существъ гибли на фабрикѣ, подкошенныя машинами и выброшенныя ими, какъ ненужныя тряпки, на улицу, на сорную кучу... а машины жили попрежнему... и фабрика жила...

Онъ презиралъ людей и преклонялся передъ машинами... и чѣмъ дальше, тѣмъ больше жилъ жизнью своей фабрики...

Недѣли считалъ воскресными днями, такъ какъ по воскресеньямъ ходилъ навѣщать своего бывшаго командира—капитана...

Кромѣ того, онъ зналъ, что если солнце свѣтитъ рано утромъ въ «сушильнѣ», въ четвертомъ этажѣ—это значитъ, что на дворѣ весна... если же въ «аптретурной»—значитъ, лѣто... Зиму онъ узнавалъ по снѣгу и еще по тому, что тогда въ «стригальнѣ» горѣлъ весь день огонь...

Кромѣ этого, его ничто не интересовало... Пожалуй, онъ былъ добръ, услужливъ, но пассивно, безъ участія воли и сознанія...

Таковъ былъ панъ Плишка до сегодняшняго дня; но въ этотъ день съ нимъ произошло что-то непонятное...

Проснулся онъ необычайно рано.

Передъ завтракомъ онъ нарочно поднялся съ лифтомъ до четвертаго этажа, и здѣсь, прильнувъ лицомъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей колодецъ отъ зала, смотрѣлъ черезъ окно на небо, по которому плавали розоватыя тучки, такъ похожія на размотанные тюки чистаго, прозрачнаго хлопка.

Когда же раздался свистокъ на завтракъ, онъ опустился внизъ, вышелъ на освѣщенный солнцемъ дворъ и присѣлъ къ рабочимъ...

Антось ожидалъ его тамъ съ жестянымъ кофейникомъ...

Горячее кофе ему показалось безвкуснымъ; ему не хотѣлось ѣсть, а хлѣбъ онъ раскрошилъ и бросилъ стаѣ воробьевъ, слетѣвшихся по обыкновенію къ завтракающимъ рабочимъ...

— Вы идете въ школу, Антось?—нерѣшительно спросилъ онъ у мальчика...

— Да; отнесу только кофейникъ и пойду...

— Навѣрное, вамъ тяжело учиться да учиться, не правда ли?

— Тяжело? Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ мальчикъ, глядя въ сторону, на отраженіе солнца въ фабричномъ пруду...

— Ну, сознайтесь ка? Вѣдь тяжеловато? Не правда ли?—настаивалъ панъ Плишко.

Оба молчали. Антось смотрѣлъ на прудъ, въ которомъ, казалось, солнце сквозь стоящія кругомъ его деревья купало свои длинные золотые волосы, а панъ Плишка разсматривалъ его блѣдное, худенькое лицо, покраснѣвшіе глаза и истрепанные сапоги; затѣмъ онъ вздохнулъ, и сталъ прислушиваться къ разговору рабочихъ, грѣвшихся на солнцѣ на плотинахъ прудовъ...

— А знаете, панъ Плишка, мы съ мамой на Троицу собираемся въ деревню...

— Въ деревню? Это зачѣмъ же?—удивленно спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Отдохнуть и подышать чистымъ воздухомъ...

— Что же тамъ хорошаго, въ деревнѣ? Лучше бы вы, Антось, оставались дома и учились... Жаль сапоговъ...

Антось сердито посмотрѣлъ на него и ушелъ, унося кофейникъ...

«Вотъ что: куплю ему сапоги, когда вернется изъ деревни... а то вѣдь въ два дня изорветъ ихъ... Что они тамъ будутъ дѣлать въ деревнѣ... глупый народъ!»

Онъ поспѣшно вытрясъ трубку, потому что раздался свистокъ на работу...

Ему некогда было думать о деревнѣ: кругомъ него, внизу и сверху, все опять гремѣло и клокотало...

— Лифтъ! Сушильня!

— Лифтъ! Апретурная!

— Лифтъ! Красильная!

И онъ опять поднимался и опускался, возилъ, останавливался, принималъ, сдавалъ, и все это дѣлалъ, самъ того не замѣчая, потому что въ головѣ его засѣлъ одинъ вопросъ:

«Зачѣмъ они ѣдутъ въ деревню?»

Онъ никакъ не могъ этого понять, и, вѣроятно, потому его и мучила эта мысль...

Но вотъ онъ услышалъ разговоръ, происходившій между двумя его пассажирами: онъ ихъ везъ снизу въ четвертый этажъ вмѣстѣ съ телѣжками, нагруженными мокрымъ товаромъ...

— Поѣдешь, Адамъ?

— Поѣду... Съ осени не видалъ своихъ стариковъ...

— Значитъ, въ субботу на ночь...

— Ну да, вѣдь два дня праздника...

— У меня уже ломитъ спину отъ этой адской работы...

— А у меня болитъ грудь...

— Стало быть... Троица настала?

— Ну да, развѣ ты не знаешь.

— На этой фабрикѣ проклятой у человѣка голова идетъ кругомъ...

— Куда это вы собираетесь?—быстро спросилъ панъ Плишка...

— Домой, на праздники...

— Далеко?

— Нѣтъ... по чугункѣ до Лукôва, а тамъ еще съ полъ мили пѣшкомъ...

— Лукôво... Лукôво... это недалеко отъ «Шляхетской Воли»?

— Да... это нашего же прихода: совсѣмъ близко отъ нашейдеревни...

— Да вы изъ какой деревни?

— Изъ «Горной Мшавы».

— А-а, знаю... сейчасъ же влѣво отъ шоссе... не правда ли? — припоминалъ панъ Плишка.

Они сошли и въ теченіе дня не разъ еще поднимались и опускались на лифтѣ, но панъ Плишка не разспрашивалъ ихъ больше, а молчалъ, внимательно присматриваясь къ чему-то.

«Шляхетская Воля!»—вѣдь это моя деревня! моя!.. Онъ остановился на этомъ воспоминаніи и жевалъ его, какъ лошадь удила, жевалъ и не могъ проглотить...

Онъ улыбнулся презрительно при этомъ воспоминаніи о родной деревнѣ; какое ему дѣло до нея?»

«Въ деревню хочется имъ! холопы!»

Онъ былъ шляхтичъ, какъ всѣ они тамъ, въ «Шляхетской Волѣ» съ тремя «загонами» земли и «однимъ коровьимъ хвостомъ»; тѣмъ не менѣе онъ шляхтичъ... дворянинъ... онъ это особенно ясно сознавалъ въ эту минуту... Затѣмъ онъ началъ считать:

— Вотъ уже скоро тридцать лѣтъ... да... три года, пять лѣтъ, а тамъ Лодзь и фабрика.

Да, тридцать лѣтъ—порядочный промежутокъ времени... Онъ самъ удивился, что это было уже такъ давно... Оглянулся назадъ, въ прошлое, въ длинный рядъ тридцати годовъ жизни, и имъ овладѣло не то безпокойство, не то печаль... Мозги начали работать, и душа съ трудомъ, какъ сквозь густую заросль, старалась пробиться сквозь стѣну этихъ тридцати сѣрыхъ, пустыхъ, потонувшихъ въ забвеніи годовъ— туда, назадъ, къ временамъ дѣтства, юности, и еще дальше назадъ, къ самой колыбели его жизни...

И только теперь, въ эту минуту, онъ вспомнилъ, что когда-то онъ былъ молодъ, что у него была родина, семья, и жизнь иная...

«Мужичье! Зачѣмъ имъ ѣхать въ деревню»? — думалъ онъ, раздражаясь все болѣе и болѣе... Онъ пытался отогнать отъ себя воспоминанія, которыя такъ и ползли изъ расщелинъ его мозга, окружая его назойливымъ, надоѣдливымъ роемъ...

Впервые въ теченіе двадцати лѣтъ панъ Плишка сегодня работалъ плохо: не слышалъ сигналовъ, поднимался не туда, куда слѣдовало, и исчезалъ въ глубинѣ своего колодца; отъ этого происходилъ общій безпорядокъ; доставка товара замедлялась, нѣкоторыя машины должны были ждать матеріала... Онъ обратилъ на себя общее вниманіе, и въ субботу при разсчетѣ кассиръ ему сдѣлалъ выговоръ:

— Плишка, съ васъ штрафъ за непорядокъ и опозданіе...

Панъ Плишка замеръ, какъ пораженный громомъ, а затѣмъ вознегодовалъ:

— Съ меня штрафъ?.. съ меня!... двадцать лѣтъ служу на фабрикѣ, ни разу не платилъ, и теперь не заплачу.

— Заплатите, такъ велитъ господинъ Демэль.

— Господинъ Демэль! Ну, что же, заплачу,—сказалъ панъ Плишка, внезапно успокоишись, и онъ поплелся домой, повторяя про себя: — вотъ кто! господинъ Демэль...

Кручекъ поджидалъ его у воротъ фабрики и привѣтствовалъ радостнымъ лаемъ...

— Кручекъ! господинъ Демэль обидѣлъ твоего хозяина! слышишь? господинъ Демэль!

Кручекъ при этомъ ненавистномъ имени началъ лаять, какъ будто отгоняя невидимаго врага и мстя за своего хозяина...

Панъ Плишка забылъ обо всемъ; сидѣлъ въ своей комнатѣ у окна, курилъ трубку и ни съ кѣмъ не заговаривалъ, не обращая вниманія даже на Кручека.

Рабочіе торопливо собирались въ путь; умывались подъ краномъ во дворѣ, наряжались въ праздничныя платья и наполняли весь домъ праздничнымъ настроеніемъ, между тѣмъ какъ хозяйка, пани Радзикова, и Антось помогали увязывать дорожныя котомки.

— Что вы, Адамъ, везете съ собой?—спрашивала хозяйка.

— Платокъ для матери, отцу фуражку, а дѣвочкамъ бусы...

— А вы, Петръ?

— Матери на юбку...

— А Юзефъ?

— Я—ничего... развѣ мнѣ есть куда поѣхать или кому дарить? — отвѣтилъ Юзефъ сердито, отодвинулъ стулъ и вышелъ на дворъ. До поздней ночи слышно было, какъ онъ игралъ на гармоникѣ, стараясь хоть за этимъ позабыть свое одиночество...

Пани Радзикова, между тѣмъ, разложила всѣ подарки на столъ, любовалась ими при свѣтѣ лампы и бережно складывала, точно святыни.

«Глупые!» подумалъ панъ Плишка, свиснулъ Кручека и вышелъ на дворъ къ Юзефу; онъ почувствовалъ вдругъ озлобленіе противъ этихъ людей; онъ ненавидѣлъ ихъ за ихъ улыбающіяся, радостныя лица...

Онъ присѣлъ на панель подъ окномъ своей избы и тупымъ безсмысленнымъ взглядомъ смотрѣлъ на луну, уже поднявшуюся надъ городомъ и парившую, точно огненная птица, по темно-голубымъ небесамъ...

Какая-то небывалая тоска сжимала его сердце, и на глаза навертывались слезы, которыхъ онъ не могъ удержать, несмотря на то, что то и дѣло протиралъ глаза кулакомъ.

Долго онъ такъ сидѣлъ, всматриваясь въ луну и прислушиваясь къ музыкѣ Юзефа, а только онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, и не понималъ.

Былъ тихій майскій вечеръ и канунъ праздника, когда въ фабричномъ городѣ все отдыхаетъ.

Огни въ окнахъ погасали; фабрики стояли безмолвныя, точно уснувшія; на улицахъ было пусто, и онѣ, казалось, тоже уснули; дома погрузились въ тишину, людская толкотня прекратилась, и только луна свѣтила все ярче, только листья деревьевъ шептались между собою, какъ будто тянулись вверхъ, къ серебристому туману, и пили свѣтъ, тишину и покой.

— До свиданія! Оставайтесь съ Богомъ!—закричалъ кто-то черезъ окно.

— Ступайте къ чорту!—сердито ворчалъ панъ Плишка.

Но ему не сидѣлось на мѣстѣ; онъ всталъ и пошелъ слѣдомъ за ними, медленно, такъ какъ деревянная нога казалась ему особенно тяжелою. Онъ остановился среди дороги и смотрѣлъ за ними вслѣдъ.

Долго виднѣлись ихъ темные силуэты съ бѣлыми котомками на плечахъ; они подвигались черезъ поле къ станціи желѣзной дороги. При лунномъ свѣтѣ онъ видѣлъ ихъ очень отчетливо и такъ засмотрѣлся на нихъ, что даже не замѣтилъ, когда они исчезли вдали.

Панъ Плишка возвращался домой усталый; медленно проходилъ онъ мимо фабрики и вдругъ задрожалъ отъ испуга: лунный свѣтъ, проникая черезъ боковыя окна, освѣщалъ все пространство насквозь, и онъ отчетливо увидѣлъ, какъ стальныя громады машинъ придвинулись ближе къ окнамъ, и ихъ стальные лбы наклоняются и смотрятъ на него такъ грозно и зловѣще, что онъ перекрестился и торопливо бросился къ камню подъ окномъ своей избы.

Юзефъ все еще сидѣлъ съ гармоникой и игралъ все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ—то веселый вальсъ, то порывистую мазурку, отъ которой казалось стонетъ гармоника, то пѣсенку какую-то: простую, унылую и грустную, какъ тѣ, что раздаются въ осеннія ночи, и переполнены завываніями вѣтра, плачемъ умирающихъ отъ холода

деревъ, стонами усталой земли, и шелестомъ засохнувшихъ былинокъ; а за воротами вторилъ ему фабричный сторожъ на пастушьей свирѣли, сегодня же, вѣроятно, срѣзанной изъ тѣхъ вербъ, что росли на берегу фабричнаго пруда, и въ ея заунывной пѣснѣ слышались жалобы этихъ вербъ, ихъ плачъ о солнцѣ, о вѣтрѣ, что мечется по полю...

— Юзефъ, перестань играть! Разыгрался и мѣры не знаешь—прикрикнулъ на него панъ Плишка и пошелъ къ себѣ въ домъ.

Пани Радзикова еще не спала; она довязывала бахрому у шерстяныхъ платковъ, кипы которыхъ были разложены на полу.

Въ другомъ концѣ стола Антось, заткнувъ обѣими руками уши, доканчивалъ зубрить свои уроки ..

— Довольно, пани, пожалѣйте свои глаза.

— Я должна сегодня кончить. Вѣдь завтра мы собираемся ѣхать въ деревню къ моему брату—ксендзу: у Антося нѣтъ сапоговъ, да и надо вносить плату за ученіе.

Панъ Плишко усѣлся возлѣ низкаго камина и то и дѣло поколачивалъ щипцами по догорающимъ углямъ. Кручекъ вытянулся на полу у его ногъ и дремалъ.

Въ комнатѣ было тихо; со двора доносилась игра Юзефа, а стѣнные часы тикали медленно и монотонно...

— Надолго вы уѣзжаете, пани?

— На два или три дня... Платки я сегодня кончу, такъ будьте добры, панъ Плишка, сдайте ихъ на фабрику въ понедѣльникъ.

— Въ понедѣльникъ—праздникъ,—буркнулъ онъ.

— Да, но вѣдь фабрика еврейская; стало быть, контора будетъ открыта.

— Ага... хорошо.

— Вы, панъ Плишка, никуда не собираетесь уѣхать на праздники?

— Еще чего? Я не богачъ, чтобы разъѣзжать—отвѣтилъ онъ съ особымъ удареніемъ, бросилъ щипцы и пошелъ спать.

Но онъ не могъ уснуть. Черезъ часъ къ нему заглянула пани Радзикова.

— Мы уѣдемъ до восхода солнца, такъ я хотѣла попросить васъ, чтобы вы присматривали за квартирой.

Онъ не отвѣтилъ и лежалъ, какъ мертвый: его мучило странное, непонятное для него безпокойство и овладѣвало имъ все больше. и больше; это была какая-то, пока еще, безцѣльная, но невыразимо мучительная тоска.

«Всѣ уѣзжаютъ... баре... какъ же... хочется прогуляться...» И онъ опять кулакомъ старался отогнать тѣнь, заволакивавшую ему глаза...

Вѣдь нищіе... а на поѣздки деньги есть... и я вѣдь могъ бы... если бы хотѣлъ... да, еслибъ я захотѣлъ... Онъ ощупалъ мѣшочекъ, который носилъ на груди, и въ которомъ хранились всѣ его сбереженія за 20

трудовыхъ лѣтъ... Захочу—пропью или отдамъ первому встрѣчному... захочу тоже поѣду, какъ они...

Да, но куда ѣхать?.. онъ провелъ рукою по влажнымъ глазамъ.

«Вѣдь одинъ я, одинъ, какъ... этотъ... Кручекъ ..»

А-а, мужичье! На дачу имъ захотѣлось.

Онъ ощущалъ въ себѣ цѣлый пожаръ тоски и цѣлое море горечи.

На другой день онъ всталъ очень поздно. Пани Радзиковой уже не было, а яркое, веселое солнышко освѣщало всю комнату.

Онъ собрался съ мыслями, и прежде всего ему припомнился штрафъ, который пришлось заплатить по приказанію пана Демэля.

— Кручекъ!—позвалъ онъ.

Собака лѣниво потягивалась, поглядывая на своего хозяина.

Панъ Плишка повѣсилъ на дверяхъ старый изорванный тулупъ.

— Кручекъ! твой панъ заплатилъ штрафъ... слышишь? Кручекъ! Господинъ Демэль! Кусь его! Кусь, господина Демэля, Бери, хватай! не давай обижать хозяина!

Онъ кричалъ до хрипоты; схватилъ палку и билъ ею по тулупу, а Кручекъ лаялъ съ остервенѣніемъ, прыгалъ и рвалъ зубами тулупъ, какъ будто видѣлъ передъ собою настоящаго врага, которому мстилъ за обиду.

— Довольно, Кручекъ, будетъ... Теперь пойдемъ съ рапортомъ къ нашему капитану.

Собака прикурнула на полу, а панъ Плишка старательно выбрился, надѣлъ праздничный старомодный сюртукъ, пришпилилъ къ груди три какихъ-то ордена, принарядился и торжественно ушелъ со двора.

— Въ костелъ идете, панъ?—спросилъ изъ другой комнаты Юзефъ.

— Ступай ты—я не пойду...

Панъ Плишка каждый день горячо молился Богу, но въ костелъ не ходилъ никогда.

— Я не изъ іезуитовъ,—говаривалъ онъ.

II.

Панъ Плишка шелъ къ своему бывшему начальнику, служившему теперь матеріальнымъ на одной изъ фабрикъ; онъ жилъ далеко, за «рынкомъ Геера», на самомъ концѣ города, почти въ полѣ.

Для пана Плишки это было очень далеко, въ виду его старости и деревянный ноги, но онъ шелъ быстро, какъ бы убѣгая отъ одиночества и опустѣвшаго дома.

Онъ не могъ забыть обиды, нанесенной ему пани Радзиковой—и Радзиковой и рабочими—и состоявшей въ томъ, что они уѣхали въ деревню, поэтому онъ шелъ, какъ бы нарочно для того, чтобы пожаловаться кому-нибудь.

*

Кручекъ, вѣроятно, зналъ, что дѣлается въ душѣ его хозяина, потому что тихо брелъ позади его и поминутно поднималъ къ нему свои умные глаза.

— Хорошо, хорошо, Кручекъ—шепталъ панъ Плишка, пробираясь боковыми улицами, такъ какъ не любилъ ходить по Петроковской, гдѣ было слишкомъ людно.

Капитанъ былъ дома и какъ разъ сидѣлъ передъ зеркаломъ, съ намыленными щеками и бритвою въ рукѣ.

— Плишка—имѣю честь явиться, панъ капитанъ!

— А-а? что? Плишка... ну, что слышно?..

— Все обстоитъ благополучно,—панъ капитанъ...

— Что? Благополучно.. ну и хорошо... прекрасно... Вычисти-ка мнѣ сапоги и покорми моихъ сорванцевъ... Что ты говоришь?

Панъ Плишка всегда съ удовольствіемъ чистилъ сапоги капитана и кормилъ его птицъ, которыя своимъ щебетаніемъ и криками наполняли всю комнату, такъ какъ ихъ было больше сотни въ клѣткахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ...

— Женился, хлопецъ, что?—спрашивалъ капитанъ, водя бритвой по намыленной щекѣ.

— Никакъ нѣтъ...

— Что ты говоришь? нѣтъ? Прекрасно, потому что въ походѣ баба ни къ чему, понимаешь?

— Такъ точно,—отвѣчалъ панъ Плишка, дѣлая подъ козырекъ.

— Что ты говоришь? понимаешь... ну, и прекрасно...

Капитанъ началъ свистѣть, оттачивая на ремнѣ бритву; птицы вторили ему хоромъ, и поднялся такой шумъ, что даже Кручекъ залаялъ въ сѣняхъ...

— Пся кревъ!..—выругался вдругъ панъ Плишка сквозь затиснутые зубы...

— Что ты говоришь?—спросилъ капитанъ, быстро къ нему оборачиваясь...

— Я сказалъ: пся кревъ, панъ капитанъ.

— Что ты говоришь? А-а, пся кревъ...

Онъ посмотрѣлъ въ окно, сплюнулъ и началъ умываться...

— Водки выпьешь? Эй, Магда, подай-ка водки...

Вошла Магда, баба, какъ стогъ сѣна... тяжелая, какъ артиллерійскій фургонъ, такъ что половицы гнулись подъ ея тяжестью...

Она налила изъ графина большой стаканъ водки и поставила его передъ паномъ Плишкой.

Тотъ выпилъ, сдѣлалъ подъ козырекъ и хотѣлъ поцѣловать капитана въ плечо...

— Смирно, стройся!—скомандовалъ капитанъ.

Панъ Плишка выпрямился во весь ростъ и постоялъ такъ одну

минуту; потомъ вдругъ отдалъ по военному честь и вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова и не слушая призывовъ капитана...

Что-то дергало его и заставило уйти; онъ самъ не зналъ, что это было такое, но покорялся этому влеченію, и снова шагалъ, точно убѣгая отъ чего-то.

На Петроковской улицѣ онъ убавилъ шагу, потому что нога заболѣла; онъ сердился и нетерпѣливо ударялъ палкой по деревяшкѣ...

Зачѣмъ они уѣхали? Вопросъ этотъ не давалъ ему покоя... предстояло цѣлыхъ два дня провести въ одиночествѣ.

«Надо воспользоваться праздникомъ»,—рѣшилъ онъ.

И онъ имъ воспользовался: бродилъ по улицамъ, заходилъ въ кабаки, зѣвалъ на толпу, но ни на одну секунду не могъ забыться.

Городъ, между тѣмъ, кипѣлъ праздничною жизнью и беззаботнымъ весельемъ...

Солнце потоками свѣта заливало всю Лодзь; крыши и окна домовъ сверкали; фабрики купались въ солнечныхъ лучахъ; внутри ихъ стѣнъ, въ складахъ, конторахъ и дворахъ—всюду царствовала тишина, и только на главной улицѣ колыхались толпы стремящихся къ жизни и къ веснѣ людей, волнами переливаясь изъ одного конца города въ другой.

Въ кабакахъ визжали шарманки, а особенно на окраинахъ, у каруселей, и около балагановъ, гдѣ показывались разнообразнѣйшія диковинки.

Панъ Плишка вмѣшался въ людскую волну и плылъ вмѣстѣ съ нею; двигался, останавливался и опять подвигался впередъ, съ тою безсмысленною инертностью человѣческаго стада, не знающаго, что̀ дѣлать съ собою на вольномъ воздухѣ, стада, не умѣющаго ни развлекаться, ни жить...

Веселье ихъ было скучное и безмолвное... Разговоры велись какимъ-то сдавленнымъ, тревожнымъ голосомъ; точно также тревожны были ихъ взгляды, а движенія медленны и методичны, приспособлены къ движеніямъ машинъ, на которыхъ работали эти люди. Ихъ сѣрыя мертвенныя лица, обвислыя плечи, плоскія груди, все было приспособлено къ тѣснотѣ фабричныхъ помѣщеній, къ конструкціи машинъ, къ стѣнамъ и потребностямъ фабрики.

Весь этотъ рой людей, нѣтъ,не людей—рой упрощенныхъ колесиковъ и шастернъ, этихъ несложныхъ фабричныхъ механизмовъ, толпился на улицахъ, пилъ въ кабакахъ, качался на каруселяхъ, развлекался въ звѣринцахъ и балаганахъ, танцовалъ въ тѣсныхъ комнатахъ ресторановъ, сидѣлъ у воротъ домовъ и не зналъ, что съ собою дѣлать въ это праздничное, свободное отъ работы время. Ихъ смущали солнечный свѣтъ, вольный просторъ, чистый воздухъ, и сознаніе своей зависимости отъ чудовищъ—фабрикъ, временно дремлющихъ, но дол-

женствовавшихъ проснуться, угнетало ихъ и подавляло въ нихъ всякое проявленіе индивидуальности и волновавшихъ ихъ чувствъ.

Какъ будто фабрики, хотя и отдыхали, но тысячами оконъ и сотнями трубъ слѣдили: заглядывали въ улицы, на площади и въ переулки, на поля и въ дома и сторожили своихъ невольниковъ, тяготѣя надъ ними всею тяжестью непоколебимой власти...

Панъ Плишка чувствовалъ все это вмѣстѣ съ другими... не понималъ, но чувствовалъ; онъ далъ себя увлечь толпѣ и вмѣстѣ съ нею очутился за городомъ, въ полѣ ему показалось, что онъ выброшенъ волною на какой-то невѣдомый берегъ... волна разбѣжалась, а онъ остался одинъ среди зелени, цвѣтовъ, упоительной тишины и щебета птичекъ...

Да, волна разбѣжалась по этому зеленому берегу, а онъ остался съ Кру́чекомъ, глупо смотрѣвшимъ то вверхъ, за полетомъ жаворонковъ, то на колыхающуюся ниву...

Влажный и прохладный вѣтеръ рѣялъ надъ полями.

Панъ Плишка долго стоялъ и смотрѣлъ на этотъ зеленый, усѣянный цвѣтами, колыхающійся коверъ... Затѣмъ презрительно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ по межамъ расположились люди, такъ что виднѣлись однѣ ихъ головы, и позвалъ свою собаку:

— Кру́чекъ! сюда, Кру́чекъ!

Онъ звалъ громко, но собака какъ будто ошалѣла: кидалась въ ниву, очертя голову гналась за ласточками, лаяла на облака, обнюхивала мураву и цвѣты, каталась по пашнѣ, то опять бѣжала безъ оглядки, подпрыгивая среди шумящаго зеленаго моря колосьевъ, снова останавливалась и удивленными глазами глядѣла на колосья, двигавшіяся, казалось, прямо ей навстрѣчу...

— Хорошее удовольствіе... нечего сказать... даже присѣсть негдѣ,— ворчалъ панъ Плишка, недовольный всѣмъ и всѣми, а въ особенности Кру́чекомъ. Съ презрѣніемъ отвернулся онъ отъ полей и пустился въ обратный путь, торопясь насколько хватало его силъ.

Было уже совершенно темно, когда Кру́чекъ вернулся домой.

— Такъ и ты меня оставляешь одного! Ты—холопъ! Хамъ глупый! И тебѣ захотѣлось деревни, а?

Онъ кричалъ бѣшено, но при видѣ собаки, не защищавшейся, а только жалобно, жалобно стонавшей и смотрѣвшей ему въ глаза такъ кротко, съ такой мольбой, и лизавшей его руки, онъ опомнился и схватилъ Кру́чека на руки и заплакалъ, навѣрно, первый разъ въ своей жизни...

— Молчи, Кру́чекъ, молчи!.. Ты видишь! Твой хозяинъ... видишь... одинъ... одинъ...

Дальше онъ не могъ говорить.

Зато вечеромъ онъ долго и горячо молился...

Невесело провелъ панъ Плишка первый день праздниковъ...

На второй день онъ не могъ справиться съ собою... Такъ пусто и

тоскливо казалось ему дома, такъ глупо въ кабакѣ и притомъ такая тоска, что онъ началъ считать часы, остававшіеся до возвращенія «глупыхъ холоповъ».

Въ полдень онъ не выдержалъ и пошелъ на фабрику... Здѣсь онъ бродилъ по пустымъ заламъ. Залы, казалось, дремали, также какъ и машины... Ремни и колеса свѣшивались въ бездѣйствіи какъ бы въ глубокомъ забытьи; фантастично-уродливые корпуса машинъ, ихъ стальные лбы и руки выдѣлялись темными причудливыми пятнами на золотистомъ фонѣ залитаго солнечными лучами пространства... вороха разноцвѣтныхъ тканей громоздились до самаго потолка; въ коридорахъ была тишина; паровые котлы остыли и молчали; но вездѣ, на каждомъ шагу, въ каждомъ уголкѣ машинъ чувствовалась могучая, страшная сила, задержанная на время, но сосредоточенная и притаившаяся, какъ звѣрь. По заламъ вѣяло какое-то еле ощутимое движеніе; слышались какіе-то звуки; таинственные шопоты перебѣгали вдоль стѣнъ и машинъ... гдѣ-то треснетъ спайка... сдвинется ремень... гайка скрипнетъ... заскрежещетъ шестерня... станокъ колыхнется... или внезапно зазвенитъ окно... а потомъ опять тишина... леденящее сердце безмолвіе усталыхъ машинъ, отдыхающаго отъ работы металла...

Панъ Плишка побоялся дольше ходить по заламъ; его охватила дрожь, а величіе отдыхающихъ машинъ гипнотизировало его...

Онъ присѣлъ у одного изъ оконъ и замеръ въ неподвижной позѣ, шепталъ молитву, стараясь не смотрѣть на машины, которыя, онъ это чувствовалъ, смотрѣли на него...

Этотъ блескъ полированной стали точно блестящими взглядами пронизывалъ его и наполнялъ душу холодомъ и тревогой; а между тѣмъ эти взгляды сверкали отовсюду: отъ свитковъ стальныхъ пружинъ, отъ балокъ, досокъ и колесъ, и рамъ, и шестернъ и наполняли пространство неестественнымъ, наводящимъ ужасъ свѣтомъ; свѣтомъ изъ другого міра; свѣтомъ власти злой и неумолимой...

Несмотря на все это, панъ Плишка чувствовалъ себя здѣсь лучше, чѣмъ дома, потому что здѣсь онъ забывалъ себя самого, забывалъ бремя собственной души и не ощущалъ тоски. Прильнувъ, какъ рабъ, къ ногамъ покоящихся гигантовъ, онъ хотя и боялся, но былъ покоенъ при нихъ, потому что не былъ одинъ.

Поздно вечеромъ вернулся панъ Плишка домой.

Пани Радзикова была уже дома; она весело поздоровалась съ нимъ, угостила разными сластями, привезенными изъ деревни и разсказывала съ увлеченіемъ о томъ, какъ тамъ, у брата-ксендза, все хорошо, какъ цвѣтутъ яблони, какой превосходной молодой картофель, какъ дешево коровье масло, какъ гусятъ тамъ кормятъ рублеными яйцами, а поросятъ—свѣжимъ неснятымъ молокомъ.

Съ искреннимъ восторгомъ показывала она ему старую сутану *) и большіе сапоги съ голенищами, которые ксендзъ подарилъ для Антося; они нѣсколько велики для него но все равно—пошли ему Богъ здоровье и за это—ей онъ подарилъ шубу; правда, верхъ весь въ жирныхъ пятнахъ и изорванъ, а мѣхъ давно съѣденъ молью... а все-таки добрый, благородный и сердечный человѣкъ... и она расчувствовалась и всплакнула надъ тѣмъ, что есть еще добрые, сердечные люди... и что она—бѣдная женщина, зарабатывающая на пропитаніе сына... Зато у нея есть братъ—ксендзъ, у котораго есть и деньги, и лошади; который всѣми уважаемъ: людьми богатыми—помѣщиками, такими знатными, что когда вчера они пріѣхали къ нему на обѣдъ, она не осмѣлилась сѣсть за общій столъ, а предпочла ѣсть на кухнѣ съ Антосемъ, радуясь уже тому, что съ ними сидѣлъ ея братъ, какъ равный съ равными...

И она тараторила безъ конца, разсказывая о поѣздкѣ; лицо ея загорѣло отъ вѣтра, и вся она, казалось, была переполнена солнцемъ, жизнью, вѣрою и надеждою, привезенными съ собою оттуда, съ полей, луговъ и лѣсовъ. Послѣ нея сталъ разсказывать Антось; сердце, его билось отъ радостныхъ воспоминаній, а въ глазахъ свѣтились слезы восторга и счастья...

— О-о, какъ только выросту, заберу маму съ собою, и поѣдемъ въ деревню, и тамъ будемъ жить; тамъ такъ хорошо!—И онъ въ восторгѣ разсказывалъ все одно и то же, безъ конца, такъ что мать должна была вмѣшаться и отправить его спать, а то онъ не переставалъ бы разсказывать всю ночь...

Панъ Плишка слушалъ внимательно, но не произнесъ ни одного слова...

«Только тамъ, въ деревнѣ, хорошо», повторялъ онъ въ душѣ слова Антося и какъ-то странно улыбался.

Поздно вечеромъ, около полуночи возвратились рабочіе. Они ворвались въ комнату, какъ весенній вихрь, веселые и довольные, и огласили домъ громкими восклицаніями и разговоромъ.

Ихъ загорѣлыя лица дышали радостью; они тотчасъ же улеглись, но долго еще болтали и смѣялись... У Адама лицо было распухшее; но это ничего: подрался съ кѣмъ-то въ кабакѣ; надо же было «порасправиться». Ого-го! силенка еще есть! Еще не вымотала ее эта Лодзь! Пусть только онъ вернется къ своимъ да поживетъ недѣльку, другую... онъ дастъ еще знать о себѣ...

— Спали бы лучше! Чего горланите! не даете уснуть человѣку—прикрикнулъ на нихъ панъ Плишка и сердито хлопнулъ дверью... Какое ему было дѣло до того, о чемъ они болтали...

«Расквасили ему рыло, а это быдло радуется... Мужичье!» думалось пану Плишкѣ.

---

*) Ряса католическихъ священниковъ.

«Увидали коровьи хвосты—и довольны...» И имъ овладѣло такое бѣшенство, что ему захотѣлось поколотить Кручека, но онъ не поколотилъ его, и до утра сидѣлъ на кровати и горячо молился, стараясь отогнать ту тоску и мучительное безпокойство, какія навели на него недавно слышанные разговоры...

— А, чтобы вамъ провалиться!.. Человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и нѣтъ у него отдыха!...

Утромъ изъ устъ его вырвалось проклятіе: онъ самъ не зналъ, по чьему адресу.

Онъ вымещалъ свою злобу на подъемной машинѣ и приставалъ съ нею такъ яростно, что она всякій разъ стонала, отъ ударовъ о пороги этажей.

Онъ рѣшилъ, что не будетъ ихъ разспрашивать ни о чемъ, но встрѣтившись съ ними разъ-другой, не выдержалъ и освѣдомился рѣзкимъ и нерѣшительнымъ тономъ:

— Ну, что? Попали домой?

Они переглянулись съ удивленіемъ: развѣ можно не попасть домой?..

— Да правда... вѣдь это тутъ-же возлѣ шоссе, влѣво, между тополями...

— Тополи! ого! Давно уже велѣлъ ихъ срубить помѣщикъ...

— Нѣтъ развѣ тополей?—Сердце его дрогнуло и онъ продолжалъ торопливо:

— А потомъ—кладбище возлѣ часовни...

— Часовня?—да я еще пасъ деревенское стадо, когда ее разобрали...

... а потомъ—черезъ мостикъ, при корчмѣ... и сейчасъ деревня...

— Да, да,... да только нѣтъ уже ни мостика, ни корчмы...

Онъ больше не разспрашивалъ.

«Тополи, часовня, корчма, мостикъ— ничего этого нѣтъ... почему нѣтъ?»

Нѣтъ, они есть... онъ ихъ помнитъ, какъ сейчасъ, онъ видитъ ихъ...

И въ теченіи всей недѣли онъ больше не заговаривалъ съ ними и не разспрашивалъ, а жилъ воспоминаніями о тополяхъ, часовенькѣ, мостикѣ и корчмѣ...

Только въ субботу, послѣ работы онъ подсѣлъ къ нимъ и спросилъ:

— И хорошо тамъ?

— Господи Іисусе! да я только до Иванова дня работать буду въ Лодзи, а потомъ ну ее къ чорту, и Лодзь, и фабрику...—Тьфу...

Панъ Плишка презрительно улыбнулся...

— Поденщикъ въ деревнѣ больше баринъ въ буничной день, чѣмъ фабричный рабочій въ воскресенье...

— Глупости вы говорите, Адамъ! возразилъ панъ Плишка, но всетаки принесъ водки и угостилъ ихъ, и заставилъ разсказывать о каж-

дой тропинкѣ, о каждомъ деревѣ, о поляхъ, лѣсахъ и обо всемъ. И онъ такъ заинтересовался, такъ увлекся деревенской жизнью, что Адамъ, наконецъ сказалъ:

— Да почему вы, панъ Плишка, не бросите фабрики? Купите себѣ земли между своими, и будете у себя хозяиномъ, а не поденщикомъ на фабрикѣ, какъ всѣ мы...

Пана Плишку этотъ проэктъ вывелъ изъ себя; онъ обозвалъ ихъ глупымъ мужичьемъ и ушелъ къ себѣ...

Ночью онъ проснулся и сѣлъ на постели...

Вернуться развѣ?.. А можетъ-быть, тамъ кто нибудь изъ моихъ еще живъ?..

Онъ не уснулъ больше въ эту ночь, да и въ слѣдующія затѣмъ ночи не спалъ...

Дни между тѣмъ, одинъ за другимъ шли неизмѣнимымъ чередомъ...

... дни весенніе, солнечные, чарующіе...

Панъ Плишка плакалъ отъ душевной муки.

... дни дождливые, сырые, скучные, длинные, какъ неутѣшная скорбь...

Панъ Плишка изнемогалъ отъ тоски...

... дни зимніе, печальные и усталые, какъ измученная работой машина...

Панъ Плишка молился...

... и вечера были, какъ тяжелый бредъ умирающаго... и утра приходили, полныя успокоенія, слезъ и безнадежной скуки.

Но панъ Плишка не плакалъ больше, и не молился, и только смотрѣлъ въ ту сторону — туда, куда не могъ уйдти, потому что боялся фабрики...

Да, панъ Плишка боялся ея... и не могъ ни на что рѣшиться... не хватало силы, да притомъ его удерживало опасеніе чего-то...

Что я тамъ буду дѣлать? спрашивалъ онъ въ сотый разъ... и все чаще и чаще можно было видѣть, какъ онъ всматривался въ даль, въ поле и небо; все чаще сиживалъ онъ передъ своимъ домомъ и смотрѣлъ на фабрику, на темные силуэты ея стѣнъ, давившихъ, какъ кошмаръ, землю въ своихъ неумолимыхъ объятіяхъ; все чаще ощущалъ онъ въ себѣ движеніе этихъ безконечныхъ ремней, грохотъ машинъ и струи невидимыхъ силъ; онъ чувствовалъ, что становится все слабѣе, безсильнѣе и приниженнѣе, и, наконецъ, въ одно воскресеніе, послѣ столькихъ недѣль невыразимой муки, онъ позвалъ свою собаку и отправился за городъ, далеко, далеко, въ чистое поле, туда, гдѣ нѣтъ фабрикъ, а есть только дома, крытыя соломой; гдѣ деревья не умираютъ отъ ядовитыхъ испареній фабрикъ; гдѣ колосья волнуются, какъ море; гдѣ луга разстилаются зеленымъ бархатнымъ ковромъ, пестрѣя желтыми цвѣтками; гдѣ вѣтеръ свободно гуляетъ, шаловливо

ласкаяя листву вербъ и верхушки золотыхъ колосьевъ; туда — въ настоящую деревню...

Вѣтеръ заставилъ его вздрогнуть, и онъ повернулъ назадъ, зашелъ въ какую-то подгородную корчму, выпилъ рюмку водки, посидѣлъ и опять отправился въ поле.

Теперь онъ уже не кричалъ на Кручека, не запрещалъ ему шалить и не презиралъ людей за то, что они находили удовольствіе въ лежаніи по межамъ и дорожкамъ среди нивы...

Красоты майскаго дня покорили его... Онъ усѣлся на берегу рва, полнаго водою, въ которой копошились лягушки, желтѣли какіе-то цвѣты и росла трава и кустарникъ, кишѣвшіе своеобразной, удивительной жизнью всевозможныхъ насѣкомыхъ...

Панъ Плишка снялъ шапку; ему было очень жарко...

Жаворонки, какъ будто опьяненные весеннимъ воздухомъ, вились высоко надъ нимъ, а дальше, въ лѣсу перекликались куропатки... а вода журчала такъ заманчиво...

Солнце жгло; лягушки высовывали изъ воды свои широкіе лбы съ круглыми выпуклыми глазами и издавали глухіе, монотонные, сонливые звуки... звуки неслись отовсюду... и запахъ травъ... и благоуханіе земли, согрѣтой лучами золотистаго солнца...

Панъ Плишка чувствовалъ головокруженіе. Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, слушалъ, ощущалъ и вдыхалъ въ себя полною грудью испаренія весны и полей...

— Господи Іисусе, ты мой,—шепталъ онъ, и слезы, крупныя, какъ зерна, одна за другою, скатывались по его щекамъ; но онъ не чувствовалъ этого—онъ не чувствовалъ ничего: тоска, безпредѣльная, какъ это поле, охватила все его существо, и онъ страдалъ невыносимо...

— Что съ вами, панъ?

Онъ поднялъ голову: рядомъ съ нимъ сидѣлъ Юзефъ со своей гармоникой...

— А тебѣ какое дѣло? Мужланъ!—крикнулъ онъ и хотѣлъ вскочить и уйти, но у него не хватило силъ, и онъ остался...

Юзефъ отодвинулся отъ него, и всматриваясь въ бѣлыя, какъ голуби, плывшія по небу тучки, заигралъ съ увлеченіемъ..

Панъ Плишка окончательно успокоился...

Наступилъ вечеръ; церковные колокола призывали къ вечерней службѣ, и звонъ разносился далеко по простору полей и лѣсовъ...

Земля покрывалась росою, окутывалась безмолвіемъ и мракомъ, и солнце садилось за лѣсомъ; колосья поникли верхушками, какъ бы засыпая; шумъ воды утихъ; вѣтеръ увялъ въ листвѣ деревьевъ; ночь надвигалась.

«Нога что-то заболѣла, такъ что стало не втерпежъ», оправдывался панъ Плишка по дорогѣ домой.

«Уйду; довольно съ меня; уйду», рѣшительно сказалъ онъ себѣ.

Но утромъ, на фабрикѣ, онъ не осмѣлился повторить своихъ словъ, ибо ясно сознавалъ, что фабрика его не отпуститъ... что эти стальныя чудовища грозно смотрятъ на него... что эти стѣны...

Нѣтъ, не отпуститъ...

А между тѣмъ, ночью во снѣ, онъ уже тамъ: расхаживаетъ по домамъ братьевъ - шляхты; находитъ всѣхъ живыми и здоровыми, привѣтствуетъ ихъ, радуется съ ними, и ему такъ хорошо... такъ ужасно хорошо...

Да, довольно этой муки, довольно!..

«Завтра уйду... непремѣнно уйду...» рѣшилъ онъ.

Настало и «завтра»; панъ Плишка ждалъ вечера, потому что не рѣшался уходить днемъ...

Никому не довѣрилъ онъ своего рѣшенія, и ночью когда въ домѣ всѣ спали, онъ всталъ съ постели, уложилъ свои вещи въ котомку и ждалъ разсвѣта, такъ какъ поѣздъ уходилъ рано утромъ...

Кручекъ безпокойно обнюхивалъ котомку и заглядывалъ ему въ глаза.

— Въ путь идемъ... къ своимъ... въ деревню...—сказалъ онъ ему потихоньку.

Панъ Плишка присѣлъ къ окну и сталъ дожидаться утренней зари и поглядывалъ на фабрику, выдѣлявшуюся въ темнотѣ огромнымъ темнымъ пятномъ.

Шелъ мелкій дождь.

Завтра буду тамъ—говорилъ себѣ панъ Плишка, и сердце его билось отъ радости.

Вдругъ ему показалось, что очертанія фабрики разрослись въ ширину и приняли чудовищные размѣры, какъ будто она собиралась покрыть собою всю землю.

Нога пана Плишки болѣзненно ныла... а трубы фабрики, между тѣмъ, придвинулись совсѣмъ близко и наклонились къ нему, какъ будто готовились схватить его сейчасъ...

— Лифтъ!

Онъ задрожалъ... крикъ этотъ раздался въ немъ самомъ, а ему показалось, что онъ доносится съ фабрики...

«Не поддамся, нѣтъ...» Онъ вылѣзъ въ окно, закинулъ котомку за спину и быстро зашагалъ по дорогѣ...

Но ему приходилось идти мимо фабричныхъ стѣнъ...

— Лифтъ!

«Господи Іисусе!» Онъ прижался къ забору и съ ужасомъ смотрѣлъ вверхъ, на черныя окна фабрики... И онъ увидѣлъ, какъ за этими окнами, машины, уродливо переплетенныя между собою, столпились и смотрятъ на него...

Кругомъ была тишина, и только мелкія дождевыя струи чуть-чуть шелестѣли среди листвы...

Свѣтало... Все яснѣе и яснѣе выдѣлялись фабрики... вездѣ, со всѣхъ сторонъ поднимались онѣ, загораживая ему путь... Сѣрый туманъ еще окутывалъ и скрывалъ ихъ, но онѣ росли вверхъ и все выше вытягивали свои длинныя шеи...

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святого!

Онъ бѣгомъ бросился впередъ, съ закрытыми глазами пробѣжалъ мимо фабрикъ и остановился въ полѣ, на опушкѣ лѣса; онъ былъ очень утомленъ и присѣлъ немного отдохнуть...

Но черезъ минуту опять вскочилъ на ноги: далеко гдѣ-то, на другомъ концѣ города, загудѣлъ фабричный свистокъ...

Панъ Плишка поспѣшно вошелъ въ лѣсъ, но свистки, какъ собаки, гнались за нимъ и хватали его прямо за сердце... вотъ: одинъ, второй... десятый, каждую секунду, каждое мгновеніе, безъ отдыха и перерыва звалъ его пронзительный голосъ фабрики...

— Господи Іисусе!.. шепталъ онъ.

Онъ ускорилъ шаги: онъ хотѣлъ убѣжать... и убѣжать во чтобы то ни стало... но голоса преслѣдовали его, эхомъ разносились по лѣсу, проникали сквозь чащу и листву деревьевъ и скозь туманъ, отыскивали его и наполняли душу болью, ужасомъ, дикимъ стономъ сопротивленія и отчаянія...

Внезапно раздался хриплый ревъ фабрики, на которой онъ работалъ... Какъ хорошо знакомъ ему былъ этотъ ревъ!

Онъ остановился: перестал видѣть, слышать и дышать... а фабрика все звала его властнымъ и гнѣвнымъ призывомъ:

— Воротись! воротись! воротись!

Полъ-часа спустя онъ стоялъ на своей подъемной машинѣ...

— Лифтъ! Третій!

— Лифтъ! Сушильня!

— Лифтъ! Апретурная!

Сигналы глухо звучали въ этомъ глубокомъ колодцѣ, а панъ Плишка молчаливо—молчаливѣе чѣмъ когда-либо прежде—ровно, спокойно, плавно поднимался и опускался, какъ автоматъ...

Иногда только онъ плакалъ, припоминая эти дни непокорности, но плакалъ потихоньку, чтобы машины какъ-нибудь не услыхали...

Ст. Ан—вичъ.

НАКАНУНѢ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ.

Вотъ уже три мѣсяца работаетъ неустанно созванная министерствомъ народнаго просвѣщенія коммиссія надъ преобразованіемъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Обществу извѣстно, что, кромѣ частныхъ засѣданій по детальнымъ вопросамъ, коммиссія въ полномъ своемъ составѣ собирается въ министерствѣ почти ежедневно и что вечернія засѣданія затягиваются нерѣдко далеко за полночь. Однимъ словомъ, работа въ полномъ ходу и уже предвидится въ недалекомъ будущемъ ея завершеніе.

Съ живѣйшимъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидается всѣми рѣшеніе наболѣвшаго вопроса о ближайшей будущности университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и, тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ новыми порядками, судьбѣ учащейся молодежи. Очень многіе надѣются, а нѣкоторые даже убѣждены, что, при разумномъ рѣшеніи поставленныхъ коммиссіи вопросовъ, успокоятся и волненія молодежи, продолжающіяся, съ болѣе или менѣе длинными промежутками, съ 1858 года по сіе время. Хотя общество хорошо знаетъ, что коммиссія не представляетъ послѣдней инстанціи въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе оно съ жадностью ловитъ и комментируетъ на различные лады всякій доходящій до ея слуха, хотя бы незначительный самъ по себѣ, фактъ, въ надеждѣ предугадать дальнѣйшій ходъ работъ коммиссіи.

Раздѣляя присущій обществу интересъ къ работѣ коммиссіи, я, кромѣ того, считаю своимъ долгомъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать разработкѣ вопроса о переустройствѣ высшаго образованія въ Россіи.

Въ виду того, что въ 1903 году исполнится 50 лѣтъ со дня вступленія моего въ студенты С.-Петербургскаго университета, въ которомъ затѣмъ я состоялъ профессоромъ до полной выслуги лѣтъ. также деканомъ физико-математическаго факультета и въ продолженіи девяти лѣтъ членомъ университетскаго суда,—я считаю возможнымъ надѣяться, что, можетъ быть, и мой голосъ будетъ принятъ во вниманіе при окончательномъ обсужденіи реформы у насъ высшаго образованія.

Я рѣшился приступить къ изложенію своихъ взглядовъ и соображеній по поводу предстоящей университетской реформы отчасти подъ

вліяніемъ сочувствія къ моимъ мыслямъ, которое мнѣ пришлось выслушивать со стороны многихъ лицъ, компетентныхъ и близко знакомыхъ съ университетскимъ бытомъ.

Кромѣ того, побудило меня къ написанію этой статьи другое обстоятельство. Перечитавъ вновь относящіяся до университетскаго вопроса статьи нашего знаменитаго ученаго Н. И. Пирогова *), я былъ пораженъ тѣмъ, что не смотря на полувѣковой періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ появленія ихъ въ печати, я нашелъ въ нихъ обстоятельные и притомъ вполнѣ пригодные и для настоящаго времени отвѣты на всѣ почти вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимается въ настоящее время работающая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія. Отвѣты Н. И. Пирогова настолько являются на мой взглядъ своевременными и настроеніе общества того времени настолько подходящимъ къ настоящему, что, если бы кто пожелалъ мистифицировать публику и издалъ бы подъ своимъ именемъ дословные выписки изъ вышеназванныхъ статей Н. И. Пирогова, то онъ, по всему вѣроятію, достигнулъ бы своей цѣли.

Великимъ удовлетвореніемъ послужило мнѣ почти полное совпаденіе взглядовъ, высказанныхъ Н. И. Пироговымъ, съ моими личными, выработанными подъ вліяніемъ полувѣкового участія моего въ жизни С.-Петербургскаго университета.

Признавая за Н. И. Пироговымъ его великую заслугу въ томъ, что онъ съумѣлъ обозрѣть сложный университетскій вопросъ во всемъ его объемѣ съ такою поразительною проницательностью, что его, за полвѣка высказанныя, мысли могутъ, по моему мнѣнію, и въ настоящее время служить драгоцѣннымъ указаніемъ при введеніи предстоящей реформы,—по многимъ вопросамъ я долженъ буду только подтвердить ихъ новыми фактами изъ пятидесятилѣтія, пережитаго нами послѣ напечатанія этихъ статей.

Предстоящее обсужденіе университетскаго вопроса значительно упрощается, если подраздѣлить его на два и разсмотрѣть каждый ихъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности. Прежде всего я постараюсь выяснить, какія желательны измѣненія въ существующемъ порядкѣ, а затѣмъ уже перейду къ анализу пріемовъ, которые представляются наиболѣе подходящими для достиженія намѣченной реформы.

Начинаю съ выписки изъ Пирогова: «Если будемъ откровенны—пишетъ Пироговъ,—то согласимся, что все таки самый главный толчокъ, заставившій у насъ такъ дѣятельно заняться реформой университета, былъ данъ обстоятельствомъ чисто внѣшнимъ—студенческими безпорядками. Оно внѣшнее потому, что не зависѣло отъ университета; это

*) Пироговъ, Н. И. 1) Взглядъ на общій университетскій уставъ. (1861) и 2) Университетскій вопросъ (1862).

я постараюсь доказать послѣ, если это еще требуетъ доказательствъ» (Ун. вопросъ, стр. 134).

Продолжая свои размышленія о студенческихъ безпорядкахъ, Н. И. Пироговъ пишетъ: «Все шло спокойно до послѣдняго времени, и вопросъ остался бы, можетъ быть, еще долго не тронутымъ, если бы не обнаружились такъ называемые студенческіе безпорядки. Съ ними вмѣстѣ поднялся вопросъ и о воспитательномъ значеніи университетовъ (тамъ же, стр. 206).»

Не то ли же самое видимъ мы въ настоящее время? Ни для кого не секретъ, что и теперь главною побудительною причиною предпринятой университетской реформы является волненіе молодежи, проявившееся въ послѣдніе годы въ особенно сильной степени.

Въ качествѣ свидѣтеля могу подтвердить, что главнымъ толчкомъ къ пересмотру устава 1835, о которомъ говоритъ Н. И. Пироговъ, и къ введенію новаго 1863 года послужили, предшествовавшіе въ 1858 и 1861 годахъ, студенческіе безпорядки. Отразилось это нагляднѣйшимъ образомъ и на уставѣ 1863 года. Причиной дарованія въ то время автономіи Совѣтамъ университетовъ была надежда, что удастся положить конецъ студенческимъ волненіямъ при содѣйствіи Совѣта.

Когда же выяснилось, что Совѣты не были въ состояніи выполнить этой задачи, то отношеніе къ нимъ правительства измѣнилось и уже въ 1874 году въ состоявшейся подъ предсѣдательствомъ министра Валуева, коммиссіи было рѣшено: лишить профессорскую корпорацію дарованной автономіи, въ тоже время сократить число университетскихъ слушателей и усилить за ними инспекторскій надзоръ. Подъ вліяніемъ этого настроенія, т.-е. съ цѣлью воспрепятствовать безпорядкамъ въ университетѣ, выработанъ былъ и уставъ, обнародованный въ 1884 году, и этимъ же объясняются послѣдующія мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія почти вплоть до настоящаго времени.

До сихъ поръ однако не удалось получить желаемаго результата, и университетская жизнь, не смотря на неоднократно примѣняемыя крутыя мѣры, не вошла еще въ норму.

На вопросъ: что же дѣлать? отвѣчу: при введеніи предстоящей реформы стать на другую точку зрѣнія. Не отрицая, конечно, что прекращеніе студенческихъ волненій, грозящихъ свести къ нулю высшее образованіе въ Россіи, для каждаго, принимающаго къ сердцу судьбы Россіи крайне желательно, я однако полагаю, что не въ этомъ кроется главная задача предстоящей реформы.

Студенческіе безпорядки не составляютъ вѣдь необходимаго аттрибута университетской жизни. Они, какъ справедливо замѣчаетъ Пироговъ, ничто иное, какъ чисто внѣшнее обстоятельство, нарушающее по временамъ нормальное біеніе пульса университета и препятствующее его дальнѣйшему развитію. Но кромѣ этого обстоятельства есть цѣлая

масса другихъ причинъ, отъ которыхъ еще въ большей степени зависитъ благосостояніе и прогрессъ университета.

Поэтому мнѣ представляется наиболѣе раціональнымъ, оставивъ въ сторонѣ студенческіе безпорядки, при введеніи университетской реформы исключительно имѣть въ виду благо и процвѣтаніе университетовъ, приспособить ихъ къ потребностямъ настоящаго времени и этимъ самымъ доставить имъ возможность достойнымъ образомъ исполнять высокое свое назначеніе: быть свѣточами страны, разливая вокругъ себя свѣтъ просвѣщенія и, въ то же время, обогащая сокровищницу человѣческихъ знаній своими научными розысканіями и открытіями.

И не раньше, какъ по окончательномъ обсужденіи реформы въ университетскомъ строѣ, я считаю возможнымъ приступить къ разрѣшенію вопроса о мѣрахъ, доступныхъ университету въ обновленной формѣ, по отношенію къ студенческимъ волненіямъ.

Въ виду предстоящей реформы нужно, прежде всего, въ подробности разслѣдовать, насколько удовлетворительнымъ оказывается современный строй университетовъ, и открываемые недочеты исправлять введеніемъ соотвѣтственныхъ поправокъ. Здѣсь будутъ высказаны мною всѣ пожеланія, не принимая пока въ разсчетъ степень трудности и возможности ихъ выполненія.

Необходимо сперва высказать, во всей полнотѣ, что нужно, а затѣмъ уже приступить къ выясненію того, что изъ желаемаго возможно.

Итакъ, въ чемъ нуждаются наши унивевситеты?

Нужно очень многое и весьма существенное.

Нужна полнѣйшая ихъ метаморфоза.

Для выясненія какого рода метаморфоза потребуется, я прежде всего постараюсь формулировать: какую роль призваны играть въ настоящее время у насъ въ Россіи университеты? въ чемъ ихъ главнѣйшая функція? чего могутъ ожидать отъ нихъ правительство и общество? какія можно предлагать къ нимъ требованія и какія возлагать надежды? Наконецъ, какую организацію необходимо даровать имъ для выполненія въ возможномъ совершенствѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій?

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему я на первомъ мѣстѣ поставилъ вопросъ о роли, которую призваны играть въ настоящее время въ Россіи университеты, какъ будто въ настоящій моментъ отъ нихъ ожидается нѣчто небывалое, исключительное. Сдѣлалъ я это съ спеціальною цѣлью, для дальнѣйшей характеристики университетскаго преподаванія. Въ обычной и несомнѣнно вѣрной характеристикѣ университетовъ, какъ просвѣтительныхъ центровъ, служащихъ показателями умственнаго и общественнаго развитія государства, какъ разсадниковъ просвѣщенія, снабжающихъ страну наиболѣе просвѣщенными и развитыми дѣятелями, воспитанными на универси-

тетской наукѣ, недостаетъ точнаго опредѣленія того, что составляетъ наиболѣе характерную особенность университетскаго образованія. Коренное различіе между преподаваніемъ университетовъ и остальныхъ высшихъ школъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ основныя науки, знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго примѣненія ихъ къ преслѣдуемой спеціальной школой цѣли, преподаются лишь настолько, насколько въ данный моментъ это представляется нужнымъ. Въ университетахъ же преслѣдуются цѣли совершенно иныя: цѣль университетскаго преподаванія состоитъ въ изложеніи результатовъ движенія человѣческой мысли въ области науки въ возможно бо́льшей полнотѣ, не касаясь примѣненія этихъ знаній къ практикѣ. Послѣднее университеты предоставляютъ имѣющимся для этой цѣли высшимъ спеціальнымъ школамъ. При нормальномъ теченіи университетской жизни аудиторіи университета должны быть открыты для всякаго, желающаго пріобрѣсть познанія по одной или по нѣсколькимъ изъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ. Имѣя, такимъ образомъ, аудиторію смѣшанную по составу, въ разное время варіирующую, и не зная цѣлей посѣщенія его лекціи пришедшими слушателями, университетскій профессоръ уже по этой причинѣ долженъ оставаться вѣрнымъ важнѣйшей задачѣ университета и не выходить за предѣлы теоретическаго (чистаго) знанія.

Опасаясь, чтобы на основаніи сказаннаго читатель не усмотрѣлъ въ пишущемъ эти строки поклонника исключительно теоретическаго знанія, я спѣшу оговориться.

Признавая, конечно, желательнымъ возможно полнѣйшую связь чистаго (теоретическаго) научнаго знанія съ прикладнымъ, я являюсь сторонникомъ приводимаго мною взгляда на слѣдующемъ основаніи: разъединеніе преподаванія наукъ на теоретическое и прикладное представляетъ несомнѣнную выгоду въ томъ, что этимъ раздѣленіемъ труда облегчается его задача; кромѣ того, и это самое важное, университетское преподаваніе, и безъ упоминанія о примѣненіи науки къ практикѣ, создаетъ высокообразованныхъ практическихъ дѣятелей, которые, какъ мнѣ неоднократно удавалось убѣдиться на опытѣ, оказывались болѣе приспособленными быстро оріентироваться и самостоятельно примѣнять усвоенныя знанія, сравнительно съ прошедшими курсъ въ высшихъ практическихъ школахъ. И это не удивительно, такъ какъ основательная теорическая подготовка въ той же мѣрѣ облегчаетъ примѣненіе научнаго знанія на практикѣ, какъ пользованіе алгебраической формулой — рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ.

Итакъ, главною заботою университета должно быть стремленіе обставить наиболѣе достойнымъ и полнымъ образомъ преподаваніе чистаго знанія согласно послѣднему слову науки. Университетъ представляется мнѣ храмомъ науки, войдя въ который всякій желающій могъ бы изъ богатой сокровищницы человѣческихъ знаній обрѣтать

для себя то, что для него желательно. Въ этихъ словахъ заключается отвѣтъ на 2-й, 3-й и 4-й изъ поставленныхъ мною вопросовъ.

Перехожу къ послѣднему изъ вопросовъ: какую организацію необходимо даровать университетамъ для выполненія ими въ возможной полнотѣ и совершенствѣ выясненную ихъ главнѣйшую функцію?

Желанный университетъ представляется мнѣ роскошнымъ зданіемъ съ лабороторіями и кабинетами, устроенными согласно послѣднему слову науки, съ свѣтлыми аудиторіями, вмѣщающими свободно сотни слушателей.

Университету дана полная автономія по устройству ученой и учебной части, съ достаточнымъ бюджетомъ на потребные расходы и съ ученымъ персоналомъ, на столько обезпеченнымъ, что онъ можетъ посвящать всѣ свои силы на выполненіе своей главной функціи, какъ разсадника просвѣщенія и могучаго двигателя человѣческой мысли въ области знанія.

Члены ученой университетской корпораціи избавлены отъ гнетущей ихъ отвѣтственности за студенческіе безпорядки и освобождены отъ участія въ студентскихъ сходкахъ, а равно и отъ надзора за студенческими учрежденіями.

Въ университетѣ введены: свобода обученія и свобода ученія. Всѣ до сихъ поръ примѣняемыя, съ цѣлью низведенія до минимума собственной инпціативы, мѣры отмѣнены. Нѣтъ болѣе обязательнаго четырехълѣтняго пребыванія въ университетѣ съ обязательными для всѣхъ занятіями въ каждомъ изъ 8 семестровъ; нѣтъ болѣе принудительныхъ зачетовъ, а равно и экзаменовъ. Всякій желающій имѣетъ доступъ въ университетъ и воленъ записаться на любой предметъ къ профессору или приватъ-доценту за незначительную плату. Никто не навязываетъ ему совѣтовъ, никто не заботится о томъ, чтобы онъ держалъ экзаменъ. Все это предоставляется благоусмотрѣнію слушателя.

Закончивъ подъ руководствомъ профессора, или доцента, занятія, слушатель держитъ экзаменъ и если выдержитъ, то получаетъ отъ университета, за подписью профессора или доцента, свидѣтельство, удостовѣряющее знакомство его съ заслушаннымъ предметомъ. Если слушатель выдержитъ экзаменъ по опредѣленнымъ факультетомъ группамъ предметовъ, то получаетъ свидѣтельство по этой группѣ предметовъ, напр., званіе біолога, физико-химика и проч. за подписью соотвѣтственныхъ професоровъ. Многіе изъ слушателей, довольствуясь этими свидѣтельствами и получивъ желаемыя знанія, разстаются съ университетомъ, обогащенные знаніемъ, котораго искали.

Слушатели, желающіе получить свидѣтельство на чинъ (дипломы 1-го и 2-го разряда) или на званіе учителя, врача и пр., прилагая полученныя свидѣтельства по одной изъ группъ предметовъ, обращаются въ особую государственную коммиссію, въ которой, сдавая

по указаннымъ учебникамъ устный экзаменъ, изъ остальныхъ предметовъ факультета, получаютъ дипломъ на чинъ или на искомое званіе.

Этой метаморфозой экзаменаціонной практики прекращены и для профессоровъ, и для экзаменующихся мучительныя многодневные и, къ тому же, мало удовлетворительные до сихъ поръ практикуемые экзамены.

Дозволенные преподавателямъ какъ высшихъ, такъ и среднихъ школъ общіе съѣзды, имѣющіе предметами обсужденія установки возможно тѣсной и живой связи между преподавателями въ этихъ школахъ, уже успѣли вдохнуть жизнь и высоко поднять уровень развитія учениковъ средней школы, а съ другой—содѣйствовать быстрому расцвѣту какъ университетскаго теоретическаго преподаванія наукъ, такъ и прикладного знанія въ высшихъ школахъ.

Происходящія въ университетѣ сходки, имѣющія исключительно предметомъ обсужденія вопросы, касающіеся пожеланій слушателей относительно преподаванія или экзаменовъ, проходятъ безшумно, не нуждаясь въ кураторахъ, такъ какъ, для обсужденія болѣе общихъ вопросовъ и бесѣды студентовъ между собою, разрѣшены студенческія собранія внѣ стѣнъ университета.

Функціи выбираемой правленіемъ университета инспекціи для наблюденія за порядкомъ въ университетскомъ зданіи, вслѣдствіе вышеуказанныхъ реформъ, чрезвычайно упрощенныя и сводящіяся на чисто формальныя, никого не тревожатъ и не возбуждаютъ недоразумѣній.

Въ то же время оказывается на столько размножившееся число университетовъ и высшихъ школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, что для всякаго находится возможность пріобрѣсти желаемыя знанія при вполнѣ удовлетворительной обстановкѣ.

Посмотримъ теперь, на сколько этотъ сонъ на яву можетъ быть осуществленъ въ настоящее время. Изложенію этого предмета по пунктамъ предпосылаю соображенія болѣе общаго содержанія о характерѣ предстоящей реформы, наиболѣе пригодномъ для возможно успѣшнаго ея осуществленія.

И здѣсь, какъ и въ первой части статьи, я начинаю выпиской изъ статьи Н. И. Пирогова. Онъ пишетъ: «Я не перестану утверждать, что въ дѣлѣ духовномъ и нравственномъ, какъ просвѣщеніе, дѣятелямъ его нельзя довѣрять въ половину, и потому статутами нужно не ограничивать къ нимъ довѣренность, а направлять ее къ извѣстной цѣли. Я убѣжденъ, что взглядъ на полную автономію кажется идеальнымъ не потому, что въ основу его кладется полная довѣренность къ лицамъ, а потому, что онъ никакъ не подходитъ къ нашимъ понятіямъ о государственномъ учрежденіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, совмѣстить коллегіальное, децентрализованное и вовсе не чиновное самоуправленіе ученой и учебной коллегіи съ государственною и

іерархическою централизаціей? Въ какія отношенія поставить ее къ министерству, къ обществу? Но мнѣ кажется, что трезвость взгляда тогда и обнаруживается, когда смотрѣть прямо на цѣль. Если цѣль учрежденія такого рода, что исключительно требуетъ свободы и самостоятельности для благихъ проявленій своей дѣятельности, то и положеніе его въ государствѣ должно быть исключительное; иначе это положеніе будетъ ложное, и никакія регламентаціи въ мірѣ не придадутъ живучести его дѣйствіямъ» (стр. 154).

Подводя итоги обстоятельному разбору этого вопроса, Н. И. Пироговъ резюмируетъ свои мысли слѣдующими словами: «И вотъ, вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ «общій уставъ россійскихъ университетовъ», то-есть, найти еще нигдѣ не найденное общее,—а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для «каждаго изъ россійскихъ университетовъ», которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ содѣйствовать потребностямъ общества» (стр. 161).

Мысль, высказанная Н. И. Пироговымъ, столь отчетливо и искусно выражена въ заключительныхъ словахъ выписки, что мнѣ мало остается къ ней добавить, именно только частности, при обсужденіи каждаго отдѣльнаго случая. И по моему мнѣнію, продиктованная до мелкихъ подробностей схема, независимо отъ ея характера и степени достоинства, уже содержитъ въ себѣ мертвящее начало, парализующее свободное и правильное развитіе во всякомъ учрежденіи, гдѣ, по мѣстнымъ, непредвидѣннымъ условіямъ, данная схема оказывается непримѣнимой. Свобода же, предоставленная каждому университету, поступать въ возможно бо̀льшихъ случаяхъ, по своему усмотрѣнію, можетъ лишь благопріятно отзываться на его дѣятельности. Въ случаяхъ же неправильнаго дѣйствія университета у правительства всегда имѣется возможность пресѣкать эти дѣйствія въ любой моментъ, при посредствѣ надлежащаго контроля.

Отъ общихъ соображеній перехожу къ разбору способовъ осуществленія вышенамѣченныхъ, желаемыхъ реформъ:

1) *Автономія университетовъ.*

Совѣту и факультетамъ должны быть предоставлены: 1) полная свобода въ выборѣ ректора, декана, профессоровъ и остальныхъ должностныхъ лицъ, такъ и по отношенію къ преподаванію и распредѣленію его между членами ученой университетской корпораціи.

2) Въ полное распоряженіе факультетовъ и совѣта должно быть предоставлено распредѣленіе бюджета университета по ученой и учебной части; въ ихъ же вѣдѣніе—распредѣленіе суммъ на устройство и содержаніе вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій, лабораторій и

кабинетовъ, выборъ, назначеніе и содержаніе лаборантовъ и консерваторовъ; подъ контролемъ совѣта—и библіотека университета.

На ученую университетскую корпорацію возлагается, слѣдовательно, столь сложное дѣло, что является крайне желательнымъ по возможности избавить его отъ функцій второстепенной важности, напр.:

1) Отъ отвѣтственности за студенческіе безпорядки.

2) Отъ экзамена лицъ, ищущихъ дипломовъ перваго и второго класса въ экзаменаціонныхъ государственныхъ коммиссіяхъ (см. ниже).

3) Отъ участія въ надзорѣ за студенческими учрежденіями (напр., студенческой библіотекой и пр.), а равно и за сходками, хотя бы послѣднія и трактовали о вопросахъ внутренней студенческой жизни (см. ниже).

Насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ мірѣ на ученую университетскую коллегію не возлагается воспитательной, или, по мѣткому выраженію Н. И. Пирогова, «полицейской обязанности» относительно слушателей. Вмѣшательство членовъ совѣта въ подобныя дѣла, можетъ быть, конечно, по временамъ и окажется неизбѣжнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не должно войти при предстоящей реформѣ въ программу постоянной дѣятельности совѣта и факультетовъ.

Сходныя съ высказанными мысли касательно нерѣдко предъявляемаго профессорамъ требованія: «чтобы они своимъ вліяніемъ такъ или иначе дѣйствовали на студентовъ», нашелъ я среди бумагъ покойнаго А. Н. Бекетова. «Если—пишетъ Андрей Николаевичъ,—подъ этимъ вопросомъ разумѣть вліяніе черезъ науку, т.-е. помощью преподаванія, то этого рода вліяніе вполнѣ обезпечено въ каждомъ университетѣ. Весь вопросъ тутъ сводится къ тому, чтобы профессора были люди знающіе и умѣющіе хорошо передавать аудиторіи свои знанія. Но что же общаго между наукой и непосредственнымъ поведеніемъ студента внѣ аудиторіи? Лица, предъявляющія подобныя требованія, совершенно забываютъ, что большинство наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ практической нравственности, какъ частной, такъ и гражданской. Каѳедра профессора не есть каѳедра проповѣдника, а потому внушать съ этой каѳедры правила общественной и гражданской нравственности нѣтъ никакой возможности. Важнѣйшее нравственное вліяніе изученія наукъ заключается въ томъ, чтобы развить любовь къ труду, къ возвышенной, отвлеченной мысли, а также развить философское, болѣе спокойное и объективное отношеніе къ дѣйствительности... Профессорское вліяніе можетъ проявиться только въ непосредственномъ общеніи со студентами. При нашихъ же порядкахъ такое сближеніе составляетъ большую рѣдкость. Оно только въ тѣсномъ кружкѣ спеціальныхъ учениковъ каждаго профессора. Если онъ своимъ предметомъ съумѣетъ заинтересовать слушателей, если вокругъ него сгруппируется маленькая духовная семья, стремящаяся

научиться отъ него большему, чѣмъ онъ можетъ давать на своихъ лекціяхъ или въ своей лабораторіи, тогда, по мнѣнію Андрея Николаевича,—начинается его дѣйствительное нравственное и общечеловѣческое вліяніе на свой тѣснѣйшій кружокъ. Но,—прибавляетъ Андрей Николаевичъ,—такіе ученики имѣются далеко не у каждаго и далеко не каждый годъ».

2) *Обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи.*

Въ основѣ предстоящей реформы должно быть положено обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи учащаго персонала и притомъ не только высшихъ, но и среднихъ и народныхъ школъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что упоминать о среднихъ и низшихъ школахъ здѣсь неумѣстно, такъ какъ онѣ представляютъ учрежденія, не находящіяся въ прямой, непосредственной связи съ университетами. Я другого мнѣнія на этотъ счетъ, университетское образованіе есть лишь вѣнецъ образованія народнаго. Если всю совокупность школъ, у насъ имѣющихся для народнаго образованія (со включеніемъ университетовъ и остальныхъ высшихъ школъ), со сложною ихъ организаціей для подъема народнаго духа и развитія его при посредствѣ науки, уподобить организму, то разсадники высшаго образованія нужно будетъ приравнять головѣ этого организма. Лечить голову, не обращая вниманія на состояніе остальныхъ органовъ тѣла, по меньшей мѣрѣ неразумно. Если руки и ноги дряблы, анемичное сердце бьется неправильно, желудокъ неисправно перевариваетъ пищу, то леченіе головы будетъ лишь пустымъ времяпровожденіемъ, пагубнымъ для паціента, но и не особенно полезнымъ для репутаціи врача. Во избѣжаніе упрека въ подобномъ важномъ недосмотрѣ, я и считаю необходимымъ, при обсужденіи университетской реформы, не закрывать глазъ на недочеты средней и низшей школы.

Для достиженія желаннаго результата, обезпеченіе учащаго персонала должно быть настолько значительнымъ, чтобы и при возрастающей ежедневно дороговизнѣ жизни, какъ профессоръ, такъ и учитель не былъ бы принужденъ прибѣгать къ постороннему, подчасъ непосильному заработку, для содержанія семьи при самой неприхотливой обстановкѣ. Денежное обезпеченіе является потому особенно важнымъ, что занятіе какъ профессора, такъ и учителя не есть формальная работа; необходимо требуется, чтобы каждый изъ нихъ вкладывалъ въ него свою душу; только при этомъ условіи получается желанный результатъ и удается вызвать въ дѣтяхъ и юношахъ любовь къ наукѣ и потребность въ духовномъ самосовершенствованіи, что и составляетъ если не единственную, то главнѣйшую задачу народнаго образованія, имѣющаго первостепенное, государственное значеніе.

3) *Свобода обученія и свобода ученія.*

О свободѣ ученія уже говорено выше.

Не отложною потребностью представляется предоставленіе полной свободы университетскимъ слушателямъ въ выборѣ какъ предметовъ своихъ занятій, такъ и преподавателей, изъ среды профессоровъ и, допущенныхъ къ чтенію лекцій, приватъ-доцентовъ. Необходимо допустить не формальную только, а дѣйствительную свободу обученія и свободу ученія (Lehr-und Lernfreiheit), о которой усиленно ратуетъ въ вышеупомянутой статьѣ Н. И. Пироговъ.

Непосредственнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ принятія свободы обученія и свободы ученія являются слѣдующія реформы: устраненіе какъ семестровъ, такъ и курсовъ, въ особенности обязательнаго зачета восьми семестровъ, чтобы быть допущеннымъ къ экзамену въ государственныхъ коммиссіяхъ. По многолѣтнему, личному опыту я убѣдился въ невозможности принудительнаго обученія взрослыхъ молодыхъ людей. Не только экзамены, но даже обязательныя практическія занятія легко сводятся къ нулю различными уловками молодыхъ людей, усматривающихъ въ этомъ принужденіи посягательство на ихъ свободу.

Самый способъ испытанія, по моему мнѣнію, какъ я покажу ниже, страдаетъ столь существенными недостатками, что неизбѣжно долженъ быть преобразованъ.

Совершенно же не только безцѣльнымъ но и вреднымъ представляется мнѣ обязательный зачетъ восьми семестровъ, для допущеніе къ испытанію въ государственныхъ коммиссіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, что число студентовъ, достигнуло въ настоящее время въ с.-петербургскомъ университетѣ до 4.000 человѣкъ. Число это далеко превосходитъ имѣющееся въ университетѣ помѣщеніе для слушателей, а между тѣмъ, аудиторіи не только не являются переполненными, но напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ совершенно пустуютъ. Такъ что посѣщаетъ университетъ далеко не большинство слушателей. Гдѣ пребываетъ послѣднее и къ какому времяпровожденію оно прибѣгаетъ, чтобы скоротать эти четыре года, неизвѣстно. И трудно себѣ представить, какая отъ этой обязательной потери времени польза для лицъ, рѣшившихся на эту жертву? Мнѣ еще понятно благотворное пребываніе въ университетѣ, даже и при непосѣщеніи лекцій, въ университетахъ заграничныхъ, гдѣ студенты, ничѣмъ не стѣсняемые, соединяются въ болѣе или менѣе тѣсныя кружки или корпораціи; этимъ самымъ, подвергаясь облагораживающему вліянію самообразованія, они невольно подчиняются требованіямъ кружка въ этическомъ отношеніи и нерѣдко подвергаются строгому товарищескому суду за предосудительные поступки. У насъ же, при полномъ разъединеніи студентовъ, и съ этой стороны не имѣется оправданія для вышеозначенной мѣры.

4) Коренное измѣненіе въ производствѣ какъ переводныхъ, такъ окончательныхъ испытаній.

Реформа ихъ мнѣ представляется неотлагательной. Университетскій

курсъ полагается четырехлѣтнимъ, изъ восьми семестровъ; въ каждомъ курсѣ и семестрѣ читаются опредѣленные курсы и требуются, кромѣ окончательныхъ экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ, еще экзамены полукурсовые, а также испытанія для зачета полугодій. Поступившій въ университетъ слушатель обязанъ неуклонно слѣдовать, какъ относительно своихъ занятій, а также и испытаній, указанному для всѣхъ слушателей одного семестра одинаковому порядку. Испытанія производятся въ назначаемые факультетами дни, по разу въ годъ. Слушатель, не выдержавшій изъ какого-либо предмета экзаменъ, или же не имѣвшій возможности сдать его въ назначенный день, можетъ восполнить пробѣлъ лишь черезъ годъ и опять лишь въ одинъ, опредѣленный день. Не сдавъ двухъ экзаменовъ, онъ не переводится въ слѣдующій курсъ. Исключенія допускаются лишь въ случаѣ болѣзни слушателя; представившимъ медицинское свидѣтельство переводные экзамены отлагаются до осени.

Экзамены производятся устные, и въ большинствѣ случаевъ неизбѣжно таковы, что удается выдерживать ихъ блистательно лицамъ, совсѣмъ не посѣщавшимъ лекцій профессора. Учебникъ профессора, а въ случаѣ отсутствія послѣдняго, литографированныя лекціи (нерѣдко сомнительнаго достоинства) или даже только спеціально для экзаменующихся составленные краткіе конспекты, помогаютъ очень многимъ «проскочить» на экзаменѣ, особенно если курсъ многочисленный, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, что случается часто на юридическихъ факультетахъ.

Экзамены, если число слушателей большое, длятся по нѣскольку дней, обыкновенно съ 10 часовъ утра, и не рѣдки случаи, когда они заканчиваются къ 10, а иногда, только къ 12 часамъ ночи, съ небольшими лишь перерывами во время дня.

Не трудно представить себѣ душевное состояніе слушателей, не только подучившихъ предметъ передъ экзаменомъ, но ознакомленныхъ съ нимъ обстоятельно и прилежно занимавшихся имъ въ теченіе всего года. Чѣмъ больше число экзаменующихся, тѣмъ больше рискъ, не только по незнанію, но и по непредвидимой случайности провалиться на экзаменѣ. Непрерывное заучиваніе различнѣйшихъ предметовъ, перемѣщающееся въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, съ днями страха не выдержать экзаменовъ и потерять годъ жизни, можетъ сокрушить и здороваго человѣка. Что же испытывать должны нервные люди? А среди нашей молодежи вѣдь не рѣдкость и неврастеники.

Не найдется лица, способнаго утверждать, что провѣрка знаній, при вышеописанномъ душевномъ состояніи слушателей, было бы явленіе нормальное.

Прибавьте къ этому ненормальное душевное состояніе профессора, измученнаго неустранимою необходимостью производить подобное испы-

таніе, и вы получите полную картину ненормальности постановки испытаній въ университетахъ.

Положеніе это представится еще болѣе серьезнымъ, если вспомнить, что большинство университетской молодежи находится въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи.

Хотя пребываніе въ университетѣ не изъ-за пріорѣтенія знанія, а изъ стремленія заручиться дипломомъ, и не внушаетъ особенной симпатіи, но винить молодыхъ людей, прибѣгающихъ къ этому способу, чтобы пробить себѣ дорогу, по моему мнѣнію, все-таки не слѣдуетъ. Они прибѣгаютъ къ средству, допускаемому закономъ, и не ихъ вина, если послѣднее оставляетъ желать много лучшаго. Большинство это—тяжелое бремя для университетовъ, но не надо забывать, что среди этого впроголодь живущаго юношества есть группа лицъ, особенно дорогихъ университету: это идеалисты, безсребренники, готовые на всякія лишенія, чтобы заглянуть въ храмъ науки и воспріять, если не все, то хоть часть того, что можетъ дать университетъ; они дорогое достояніе и надежда университетовъ; изъ среды ихъ вырабатываются нерѣдко крупныя, научныя силы.

Необходимо изобрѣсть средство выйти изъ этого критическаго положенія. Мнѣ кажется такая мѣра есть, и очень радикальная: это вышеупомянутое мною допущеніе свободнаго обученія, съ непремѣннымъ условіемъ отмѣны обязательнаго четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, отмѣны семестровъ, курсовъ и государственныхъ, университетскихъ коммиссій, въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь существуютъ.

Всѣ эти мѣры имѣютъ цѣлью контроль (по моему, лишь воображаемый) надъ занятіями молодыхъ людей и проводятся въ надеждѣ обезпечить болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу молодого человѣка, чѣмъ при отсутствіи за нимъ надсмотра. Мнѣ же всѣ эти мѣры представляются не достигающими цѣли. Наиболѣе существенный при экзаменѣ вопросъ: насколько имѣетъ свѣдѣній экзаменующійся и въ какой мѣрѣ они имъ усвоены? Справки же о томъ, гдѣ и какимъ путемъ пріобрѣтены требуемыя знанія и сколько затрачено на это времени—совершенно не должны касаться экзаменатора; обязанность послѣдняго выяснить уровень познанія и развитія молодого человѣка. Не все ли, въ самомъ дѣлѣ, равно, обучался ли послѣдній у частнаго лица, или въ частной школѣ, или же въ университетѣ, если только его свѣдѣнія окажутся удовлетворительными?

Я съ намѣреніемъ дольше останавливаюсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ отмѣной вышеупомянутыхъ мѣръ, въ особенности обязательнаго пребыванія въ университетѣ въ продолженіи 8 семестровъ, сразу понизится искусственно вызываемый этою мѣрою наплывъ молодежи въ университеты, одинаково тягостный и неудобный, какъ для слушателей, такъ и для университета.

Желательная реформа экзаменаціонной системы въ универси-

тетѣ, въ предположеніи, что допущена будетъ свобода ученія, при устраненіи принудительнаго прохожденія 8-ми семестровъ, представляется мнѣ удобоисполнимою слѣдѣющимъ способомъ: поступившій въ университетъ слушатель воленъ слушать лекціи, какія пожелаетъ, безъ обязательства сдавать по нимъ экзаменъ. По удовлетворительной же сдачѣ экзамена онъ получаетъ отъ университета удостовѣреніе (дипломъ), за подписью профессора, что онъ въ достаточной мѣрѣ ознакомленъ съ предметомъ, которымъ занимался. Сдача экзамена производится, во всякое время, по соглашенію съ профессоромъ. Подобныя удостовѣренія получаетъ слушатель и по всѣмъ остальнымъ предметамъ, изъ которыхъ онъ сдалъ экзаменъ. Слушателю же, выдержавшему экзамены по одной изъ группъ предметовъ, установленныхъ факультетомъ, выдается соотвѣтственное свидѣтельство (дипломъ) за подписью соотвѣтственныхъ профессоровъ (съ обозначеніемъ специальности, напр., физико-химика, біолога и пр.).

Очень многіе изъ слушателей удовольствуются, вѣроятно, этого рода свидѣтельствами; желающимъ же получить дипломъ, соотвѣтствующій существующимъ и дающій право на чинъ и доступъ на государственную службу, можно предоставить, по полученіи свидѣтельства по одной группѣ предметовъ, держать, по остальнымъ предметамъ факультета, дополнительный, устный экзаменъ, въ особой государственой коммиссіи, дѣйствующей, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, въ продолженіи всего учебнаго года.

Замѣна дипломовъ, выдаваемыхъ въ настоящее время, университетскими же *дипломами* не только по всей совокупности наукъ, но и по опредѣленнымъ группамъ и отдѣльнымъ наукамъ, за подписью соотвѣтствующихъ профессоровъ, (при условіи испытаній, мною выше указанныхъ), представляется мнѣ желательнымъ по слѣдующей причинѣ. Среди университетскихъ слушателей много лицъ, нуждающихся лишь въ свидѣтельствѣ отъ университета объ основательномъ знакомствѣ съ опредѣленными лишь предметами, въ видѣ вѣской рекомендаціи, для занятія мѣстъ, соотвѣтственно изученной ими спеціальности.

Этими нововведеніями достигаются въ то же время двѣ весьма существенныхъ выгоды: 1) огражденіе профессоровъ отъ мучительной и, по существу дѣла, не подходящей обязанности опредѣлять служебную способность университетскихъ слушателей и 2) избавленіе слушателей отъ риска не выдержать экзамена отъ причинъ, ничего общаго съ ихъ знаніемъ не имѣющихъ.

5) Измѣненія въ лекціонной системѣ. Насколько удовлетворительною и соотвѣтственною современнымъ потребностямъ является лекціонная система, практикуемая въ университетахъ? Что здѣсь кроется что-то неладное, какое-то недоразумѣніе—свидѣтельствуетъ почти полное отсутствіе слушателей въ большинствѣ аудиторій. Многія аудиторіи остаются пустыми, даже и въ тѣхъ университетахъ, гдѣ число слушателей пре-

восходитъ въ нѣсколько разъ вмѣстимость имѣющихся въ университетѣ аудиторій; напримѣръ, въ петербургскомъ—съ 4.000 студентовъ. Весьма поучительно для пониманія современной университетской жизни разобраться въ этомъ вопросѣ.

Причинъ опустѣнія большей части университетскихъ аудиторій нѣсколько, и весьма различныхъ между собою.

Наиболѣе бьющею въ глаза есть переполненіе университетовъ лицами, желающими лишь заручиться дипломомъ для карьеры; для нихъ прохожденіе университетскаго курса, съ обязательными экзаменами, есть своего рода спортъ, непріятный правда, но обязательный для пріобрѣтенія благъ мірскихъ. Слушатели этой категоріи не нуждаются въ посѣщеніи лекцій, такъ какъ по учебнику профессора, запискамъ или конспектамъ удается выдерживать экзамены и получать даже дипломъ первой степени.

Вторая причина обусловлена сохраненіемъ въ неприкосновенности, давностью освящаемаго обычая, преподавать предметъ съ каѳедры, не рѣдко по учебнику преподавателя или, составленнымъ по его лекціямъ, запискамъ. Въ данномъ случаѣ, особенно, если самый предметъ не нуждается ни въ демонстраціяхъ или опытахъ, лекціи сводятся на пустое времяпровожденіе, и, по моему, слушатели, даже интересующіеся предметомъ, поступаютъ совершенно раціонально, предпочитая во избѣжаніе потери времени, знакомиться съ курсомъ дома, по учебнику и другимъ источникамъ.

Аудиторіи пустуютъ и въ томъ случаѣ, если профессоръ читаетъ ясно и добросовѣстно, но не выходитъ изъ рамокъ того, съ чѣмъ не трудно ознакомиться слушателю непосредственно изъ книгъ.

Многіе изъ предметовъ университетскаго курса легко могутъ быть усвоены изъ книгъ, безъ посторонней помощи. Въ этихъ немалочисленныхъ случаяхъ обычное чтеніе съ каѳедры должно быть, по-моему, замѣнено совершенно иными пріемами: вмѣсто чтенія съ каѳедры того, что общедоступно къ усвоенію по печатной книгѣ—бесѣдой о томъ, что въ книгѣ осталось недоговореннымъ или недостаточно выясненнымъ, по мнѣнію профессора; чрезвычайно полезны: ознакомленіе слушателей съ различными пріемами разслѣдованія, критическій разборъ послѣднихъ, руководительство слушателей въ первыхъ ихъ начинаніяхъ и попыткахъ научной разработки различныхъ вопросовъ по читаемой профессоромъ наукѣ—вотъ, по-моему, темы, способныя вновь привлечь слушателей въ аудиторіи.

Дозволеніе замѣны обычной лекціи бесѣдой съ слушателями, а въ опытныхъ и описательныхъ наукахъ практическими занятіими въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда профессору это представляется удобнымъ, принадлежитъ, насколько я понимаю, къ числу важныхъ реформъ университетскаго быта. Замѣна лекцій соотвѣтственнымъ числомъ практическихъ занятій могла бы быть уста-

навливаема каждый разъ факультетомъ. Мысли эти раздѣляются въ настоящее время далеко не всѣми преподавателями. Безусловные защитники исключительнаго лекціоннаго преподаванія приводятъ, обыкновенно, въ защиту его великое значеніе «живого слова» въ дѣлѣ преподаванія; аргументъ, на мой взглядъ, потому не сильный, что, какъ извѣстно, къ слову, раздающемуся съ каѳедры, не всегда это прилагательное приложимо. Съ другой же стороны, развѣ нѣтъ мѣста живому слову при бесѣдѣ съ слушателями какъ въ аудиторіи, такъ и въ кабинетахъ и лабораторіяхъ?

Третья причина пустованія аудиторій не менѣе заслуживаетъ вниманія: за послѣднія десятилѣтія кабинеты и лабораторіи университета настолько усовершенствовались, какъ по отношенію къ помѣщенію, такъ въ особенности по научнымъ пособіямъ, что привлекаютъ къ себѣ большое число студентовъ, которые нерѣдко проводятъ въ нихъ цѣлые дни, какъ въ исполненіи обязательныхъ работъ, такъ и разслѣдованіи уже по собственному влеченію. Эти молодые люди тоже не посѣщаютъ многихъ лекцій, и это не по нерадѣнію, а по невозможности удовлетворить этой потребности. Они разсуждаютъ такъ: по всѣмъ предметамъ читаются столь обширные курсы, что не имѣется никакой возможности одновременно посѣщать и лекціи, и вести практическія занятія, по какой-либо спеціальности, а посѣщать лекціи по разнымъ предметамъ, урывками, не имѣетъ смысла. Хотя и не вяжется какъ-то представленіе о серьезномъ и развитомъ студентѣ, не посѣщающемъ многихъ лекцій факультета, но при настоящихъ порядкахъ нельзя не признать правоты въ разсужденіяхъ молодыхъ людей. Мнѣ представляется совершенно правильнымъ указаніе, что, по крайней мѣрѣ, читаемые для слушателей естественно-историческаго отдѣленія физико-математическаго факультета, курсы слишкомъ обширны. Ощущается потребность въ курсахъ краткихъ, вводныхъ, которые, при требуемой сжатости изложенія, давали бы слушателямъ представленія о современномъ состояніи науки и главнѣйшихъ, на очереди стоящихъ научныхъ вопросахъ. Детальные курсы, необходимые для слушателей спеціалистовъ, могли бы быть, при указаніи на имѣющіеся въ изобиліи печатные источники, замѣнены практическими занятіями.

Нельзя же закрывать глаза на то, что предъявляемыя факультетами въ настоящее время къ слушателямъ чрезмѣрныя требованія остаются мертвою буквою, вслѣдствіе ихъ неисполнимости.

6) *Съѣзды профессоровъ университетовъ и другихъ высшихъ практическихъ школъ, а равно и совмѣстные съѣзды профессоровъ съ преподавателями средней школы.*

При разъединеніи преподаванія теоретическаго отъ практическаго, представляется особенно желательнымъ установленіе живого общенія между университетскими преподавателями и преподавателями остальныхъ спеціальныхъ высшихъ школъ: медицинскихъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ, филологическихъ и проч. Оно могло бы быть вызвано.

къ жизни разрѣшеніемъ съѣздовъ преподавателей для совмѣстнаго обсужденія основныхъ вопросовъ высшаго образованія въ Россіи и согласованія преподаванія научныхъ знаній въ университетахъ и спеціальныхъ высшихъ школахъ.

На желательность живой связи университетовъ съ остальными высшими школами указано уже и Н. И. Пироговымъ.

Не менѣе благотворное вліяніе на распространеніе высшаго образованія въ Россіи окажутъ, несомнѣнно, и съѣзды общіе преподавателей высшихъ учебныхъ съ преподавателями въ среднихъ школахъ. Всякій согласится, что вопросъ о правильной постановкѣ высшаго образованія въ Россіи находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ преобладающаго контингента лицъ, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія изъ средней школы. Изъ нихъ вѣдь составляется аудиторія, къ которой должно принаравливаться и преподаваніе какъ въ университетѣ, такъ и въ остальныхъ высшихъ школахъ; въ зависимости отъ этого и бо̀льшій или меньшій успѣхъ университетскаго преподаванія.

Отъ совмѣстныхъ съѣздовъ учителей и профессоровъ слѣдуетъ ожидать поэтому двойной пользы: и для средней, и для высшей школы. Съѣзды эти, несомнѣнно, будутъ имѣть слѣдствіемъ поднятіе уровня образованія средней школы; высшія же выиграютъ тѣмъ, что, получая контингентъ болѣе развитыхъ слушателей, будутъ избавлены отъ необходимости начинать по многимъ наукамъ съ азбучныхъ истинъ и получатъ возможность достигнуть гораздо бо̀льшаго, чѣмъ въ настоящее время.

Въ заключеніе не могу не указать, какъ на необходимыя мѣры къ поднятію высшаго образованія въ Россіи:

7) *Открытіе какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ учрежденій, начиная съ отдѣльныхъ лабораторій и институтовъ, до университетовъ включительно, въ такомъ числѣ, чтобы всякій, желающій совершенствоваться въ наукахъ, находилъ свободное мѣсто для своихъ занятій,*

а равно 8) *организація общеобразовательныхъ, по возможности содержательныхъ, но краткихъ курсовъ, по опредѣленнымъ цикламъ наукъ.*

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что большинство высказанныхъ мною пожеланій касательно университетской реформы не принадлежитъ къ области фантазіи и что они могутъ быть, съ большою пользою, введены въ ближайшемъ будущемъ.

Закончивъ обсужденіе предстоящей реформы университета и обрисовавъ желаемую въ будущемъ его организацію, я перехожу къ выдѣленной, изъ всего остальнаго, рубрикѣ: характеристикѣ студенческихъ безпорядковъ, ихъ главнѣйшихъ причинъ и отношенія къ нимъ университета. Предстоитъ разсмотрѣть: въ состояніи ли проектируемый университетъ противодѣйствовать и прекращать студенческія

волненія? Если бы оказалось, что таковыми мѣрами будущій университетъ располагать можетъ,—ихъ указать; въ случаѣ же, что получился бы отвѣтъ отрицательный, то, высказавъ все откровенно, признать это функціей для университета непосильной и неисполнимой.

Основываясь на личномъ повседневномъ опытѣ послѣдняго времени, мнѣ представляется единственно возможнымъ, и для преобразованнаго университета, отвѣтъ отрицательный. Въ виду несомнѣннаго обнаруживанія студенческихъ безпорядковъ подъ вліяніемъ причинъ внѣшнихъ, отъ университета не зависящихъ, возможна лишь одна раціональная мѣра: на основаніи справедливости этого показанія, снять съ университета всякую за нихъ отвѣтственность.

Невольно, однако, при этомъ зарождается вопросъ: неужели совершенно невозможно измѣненіемъ студенческаго быта оградить отъ пагубного вліянія безпорядковъ высшее образованіе въ Россіи? Такія мѣры имѣются, но не всѣ во власти университскаго начальства.

Я увѣренъ, напр., что изъ перечисленныхъ выше реформъ могли бы особенно благотворно подѣйствовать: 1) уменьшеніе чрезмѣрнаго наплыва молодежи въ университетъ посредствомъ отмѣны обязательнаго пребыванія студента въ университетѣ впродолженіи восьми семестровъ; 2) безотлагательное введеніе свободы обученія, въ соединеніи съ кореннымъ измѣненіомъ экзаменаціонной системы.

Но какъ ни благотворны эти измѣненія, они врядъ ли могли бы устранить недозволенныя сходки и обусловленное ими нарушеніе нормальной жизни университета.

Остается еще одна мѣра, которая, насколько я понимаю дѣло, могла бы устранить безпорядки въ стѣнахъ какъ университета, такъ и другихъ высшихъ школъ: это разрѣшеніе правительствомъ внѣ университета собраній студентовъ, для удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ потребностей взаимнаго сближенія; имѣя особыя помѣщенія въ частныхъ помѣщеніяхъ, для обсужденія наиболѣе ихъ интересующихъ вопросовъ, студенты перестанутъ домогаться сходокъ въ университетѣ, и интересующіеся наукою слушатели получатъ возможность безпрепятственно предаваться ученымъ занятіямъ. На основаніи изложенныхъ соображеній, я и позволяю закончить свою статью заявленіемъ, что единственною радикальною мѣрою для огражденія университета и другихъ высшихъ школъ отъ студенческихъ безпорядковъ мнѣ представляется разрѣшеніе студенческихъ собраній внѣ университета и высшихъ школъ, на основаніи правилъ, общепринятыхъ для всѣхъ другихъ публичныхъ собраній и при контролѣ ихъ со стороны правительства.

P. S. Многое изъ здѣсь сказаннаго, на мой взглядъ, примѣнимо и къ остальнымъ высшимъ школамъ.

А. Фаминцынъ.

ЗВѢЗДЫ.

(На мотивъ изъ Гейне).

Звѣзды чистыя, лучистыя
Въ часъ ночной
Вы, какъ искры золотистыя,
Надо мной.

Вы рождаетесь безстрастныя
Въ высотѣ;
Вы поете гимны властные
Красотѣ.

Вы сверкаете, мерцаете
Въ тьмѣ ночей,
Золотистую сплетаете
Сѣть лучей;

Эта сѣть земли касается,
Вы — вдали....
И до васъ не поднимается
Пыль земли.

Н. Р. К.

Изъ исторіи нашей журналистики дореформенной эпохи.

(Къ двухсотлѣтію русской печати).

Наступаетъ двухсотлѣтіе русской печати, фактора, который, при всѣхъ его судьбахъ, имѣлъ, тѣмъ не менѣе, очень большое значеніе въ исторіи общественнаго развитія нашей родины. Это важное событіе привлечетъ, безъ сомнѣнія, вниманіе общества, а на насъ, журналистовъ, оно же налагаетъ обязанность бросить ретроспективный взглядъ на пройденный путь, остановиться на нѣкоторыхъ его этапахъ и подвести кое-какіе итоги въ области многолѣтней и многотрудной борьбы русской журналистики за свое существованіе и за воплощеніе въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые она ставила на своемъ знамени. Въ настоящемъ очеркѣ мы останавливаемся лишь на небольшомъ сравнительно періодѣ ея жизни, до эпохи реформъ. Дѣлаемъ мы это потому, что судьбы русской журналистики связаны, разумѣется, тѣснѣйшимъ образомъ съ общей исторіей нашей культуры, а состояніе послѣдней въ XVIII вѣкѣ еще такъ недавно проходило предъ глазами читателей «Міра Божія» въ мастерскихъ «Очеркахъ» П. Н. Милюкова. Что касается первой четверти XIX вѣка, то недавно лишь вышли въ свѣтъ «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія» проф. Н. Н. Булича *), который далъ живую характеристику именно возникновенія и первыхъ годовъ дѣятельности журналовъ въ началѣ царствованія императора Александра I. Какъ справедливо замѣтилъ почтенный авторъ этого труда, «исторія нашей литературы не можетъ представлять вполнѣ свободнаго и самостоятельнаго развитія, ея голосъ часто былъ полузадавленъ, и жизнь, и мысли спутывались и переплетались съ анекдотами о цензурѣ». Мы не имѣемъ поэтому въ виду охватить въ нашей статьѣ полной исторіи журналовъ и за намѣченный промежутокъ времени со стороны ихъ содержанія. Наша задача гораздо скромнѣе и ограниченнѣе: пользуясь оффиціальными изданіями и общею литературой, мы постараемся намѣтить лишь внѣшнюю исторію нѣсколькихъ журналовъ.

Наша работа явится, поэтому, скорѣе, историко-статистическою. Намъ кажется, что «немножко статистики» въ этой области явится дѣломъ небезполезнымъ.

---

*) Посмертное изданіе 1902 г., т. I.

Мы начнемъ съ замѣчанія, что взятый нами періодъ можно назвать, такъ сказать, «доисторическимъ». Онъ оканчивается 1862 годомъ. Мы хотимъ сказать этимъ слѣдующее: всѣмъ извѣстно, какое количество репрессивныхъ мѣръ тяготѣло надъ русскою журналистикой въ первую половину XIX вѣка. Дѣло доходило до безусловнаго запрещенія выхода въ свѣтъ многихъ изданій («Духъ Журналовъ», «Европеецъ», «Московскій Телеграфъ», «Телескопъ» и др.), но тщетно стали бы вы искать какихъ бы то ни было слѣдовъ этихъ мѣръ въ оффиціальныхъ изданіяхъ того времени. Мы даже не представляемъ себѣ ясно, какимъ образомъ далекіе отъ столицъ подписчики закрываемыхъ журналовъ узнавали причину внезапнаго неполученія ими этихъ журналовъ. Изданія, соотвѣтствовавшаго нынѣшнему «Правительственному Вѣстнику», тогда не существовало; «Русскій Инвалидъ» и «Сенатскія Вѣдомости» имѣли свои спеціальныя задачи, а булгаринская «Сѣверная Пчела» не смѣла, разумѣется, и помыслить сообщать публикѣ столь «сенсаціонныя» извѣстія *). Наконецъ, увѣдомленіе подписчиковъ о судьбѣ того или иного закрытаго журнала исходящими отъ редакціи его частными письмами грозило очень непріятными для авторовъ такихъ писемъ послѣдствіями. Дѣйствія правительства того времени считались совершенно до публики некасающимися. Представленный въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I, т.-е. въ одинъ изъ лучшихъ для русской журналистики періодовъ ея жизни, бывшимъ адъюнктомъ московскаго университета Баккаревичемъ проектъ «Правительственнаго Журнала» **), въ которомъ, по мысли автора проекта, помѣщались бы «всѣ государственные акты и бумаги, каковые благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародовать, высочайшіе манифесты, рескрипты, новыя узаконенія, реляціи министровъ и полководцевъ» и т. д., былъ отвергнутъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ. Правда, само министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніе котораго поступила тогда цензура и всѣ, касающіяся печати, дѣла, стало издавать съ 1803 года собственный органъ «Періодическ. сочиненія о успѣхахъ народн. просвѣщ.», впослѣдствіи «*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*», но, просматривая мирно покоящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ страницы этого изданія, мы и здѣсь не нашли ничего, относящагося до мѣропріятій противъ печати. Нынѣшній «Правительственный Вѣстникъ», изъ котораго мы теперь узнаемъ касающіяся прессы извѣстія, сталъ издаваться только съ 1869 года. Изданіе это имѣло, однако, своего предшественника въ лицѣ «Сѣверной Почты», которая, въ качествѣ оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, стала правильно выходить съ перваго января 1862 года,

---

*) Въ полуоффиціальныхъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстій объ этомъ предметѣ также не было.

**) О проектѣ Баккаревича см. въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о цензурѣ въ Россіи», «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго и въ «Очеркахъ по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка» Н. Н. Булича.

а черезъ семь лѣтъ она-то и была преобразована въ «Правительственный Вѣстникъ». Въ виду же новыхъ «вѣяній», ознаменовавшихъ собою «шестидесятые годы», министерство внутреннихъ дѣлъ, куда вскорѣ (въ 1863 году) перешло завѣдываніе дѣлами печати, стало публиковать въ «Сѣверной Почтѣ» налагаемыя на печать взысканія правительства.

Теперь читателю понятно, почему время до 1862 года мы назвали «доисторическимъ періодомъ» нашей прессы. Свѣдѣнія о немъ, а имъ-то мы и займемся въ нашемъ очеркѣ, изслѣдователямъ приходилось черпать почти всецѣло изъ литературы мемуаровъ, дневниковъ, напечатанной много времени спустя частной переписки дѣятелей того времени и т. п. документовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, примѣръ чему представляютъ извѣстныя изслѣдованія академика Сухомлинова, изслѣдователи пользовались хранящимися въ правительственныхъ архивахъ старыми подлинными дѣлами о печати.

Эпоха Павла I почти не входитъ въ разсматриваемый нами періодъ времени, ибо кратковременное царствованіе этого государя протекло главнымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ; сверхъ того отрицательное отношеніе къ просвѣщенію за этотъ періодъ времени фактъ общеизвѣстный. Изъ журналовъ, возникшихъ еще при Екатеринѣ Великой, весьма немногіе уцѣлѣли до начала царствованія Александра I, когда съ учрежденіемъ цензурнаго устава 1804 года явилась возможность общественной мысли до нѣкоторой степени искать себѣ выраженія въ періодическихъ органахъ печати. Послѣ леденящихъ условій предшествовавшаго времени, въ воздухѣ повѣяло оттепелью. Настали лучшіе дни и для печати. Появилось много новыхъ журналовъ и вышеупомянутый цензурный уставъ 1804 г. отличался сравнительною мягкостью. Конечно, до свободы печати, о которой и тогда уже мечтали передовые русскіе люди, было очень далеко, но все же въ сравненіи не только къ эпохою Павла I, но и съ послѣдовавшей, въ началѣ царствованія императора Александра I печати жилось гораздо легче. «Общественное развитіе Россіи,—пишетъ проф. Н. Н. Буличъ,—привело впослѣдствіи правительство къ убѣжденію во вредѣ предварительной цензуры; оно замѣнило ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ называемою карательною, гдѣ преступленіе печати не предупреждается, а наказывается судомъ, гдѣ литературѣ предоставлено право самозащиты» *).

Доказательствомъ сравнительно снисходительнаго отношенія тогдашней цензуры къ обсужденію въ печати даже вопроса о свободѣ печати можетъ послужить пропущенный цензурою «Діалогъ» между «сочинителемъ» и «цензоромъ», помѣщенный въ «Журналѣ Россійской Словесности», который издавалъ извѣстный писатель александровской эпохи Пнинъ. Діалогъ напечатанъ въ формѣ «перевода съ манчжурскаго» и содержитъ въ себѣ любопытныя для того времени строки.

---

*) Буличъ, стр. 57.

«Авторъ приноситъ къ цензору свое сочиненіе, подъ названіемъ «Истина»; цензоръ отказывается пропустить ее безъ просмотра, говоря, что, «не всякая истина должна быть напечатана».

«Почему же?»—спрашиваетъ авторъ.—Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали» *).

Но не долго продолжались и въ александровскую эпоху сравнительно «золотые дни» русской журналистики. Скоро подулъ другой вѣтеръ и жертвами его пали одинъ за однимъ «Сіонскій Вѣстникъ» и «Духъ Журналовъ». Къ исторіи этихъ изданій мы теперь и обратимся.

«Сіонскому Вѣстнику» и его редактору, извѣстному А. Ф. Лабзину, въ нашей журналистикѣ, что называется, посчастливилось, ибо кромѣ разбросанныхъ тамъ и сямъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся изданія и лица, о которыхъ идетъ рѣчь, мы имѣемъ по этому же поводу, печатавшееся въ цѣломъ рядѣ книжекъ «Русской Старины» за 1894 и 1895 годъ, цѣнное изслѣдованіе Н. Ф. Дубровина, подъ заглавіемъ: «Наши мистики-сектанты». А. Ф. Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». По полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній фактическаго характера статья г. Дубровина можетъ конкурировать лишь съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ М. И. Сухомлинова «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». Другіе, закрытыя въ первой половинѣ XIX вѣка, изданія не только не имѣютъ ничего подобнаго, но исторія ихъ отличается вообще большою скудостью даже сырыхъ матеріаловъ.

А. Ф. Лабзинъ родился въ 1766 году въ бѣдной дворянской семьѣ, поступилъ десяти лѣтъ въ гимназію при московскомъ университетѣ, основательно изучилъ латинскій языкъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ самый университетъ. Какъ многіе другіе интеллигентные люди екатерининской эпохи, Лабзинъ одно время увлекался Вольтеромъ, но, говоритъ въ одной запискѣ къ Новосильцеву самъ Лабзинъ, «явился, какъ ангелъ-благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ и, какъ солнце, расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія» **). Занимаясь основательно изученіемъ классиковъ, Лабзинъ почувствовалъ наряду съ тѣмъ большую склонность къ чтенію священныхъ книгъ и въ 1783 году вступилъ въ общество мартинистовъ. По окончаніи курса

---

*) *Н. Н. Буличъ.* «Очерки по исторіи русск. литературы», стр. 89.

**) Дубровинъ. «Наши сектанты-мистики». «Русская Старина» 1894 г., ноябрь, стр. 59.

въ университетѣ, Лабзинъ служилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, а въ 1789 году былъ переведенъ въ Петербургъ въ «секретную экспедицію с.-петербургскаго почтамта». Здѣсь прослужилъ онъ десять лѣтъ и затѣмъ получилъ мѣсто въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и назначеніе вмѣстѣ съ тѣмъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Ему же было поручено вмѣстѣ съ Вахрушевымъ составленіе «Исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго», которая и появилась въ пяти частяхъ. Много занимаясь литературою и будучи борцомъ по природѣ («если бы не вѣра и не благодать Господа,—говорилъ о себѣ самъ Лабзинъ,—я былъ бы подобенъ сатанѣ»), Лабзинъ страстно жаждалъ широкой общественной дѣятельности. Онъ мечталъ начать борьбу съ овладѣвшимъ тогда, по его мнѣнію, обществомъ «антихристіанскимъ направленіемъ». Какими же средствами думалъ онъ вести подобную борьбу? На этотъ вопросъ самъ Лабзинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Всякій ли желудокъ,—спрашиваетъ онъ,—въ состояніи переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? А между тѣмъ, литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свое стряпье моднымъ снадобьемъ, чтобы лучше расщекотать вкусъ своихъ читателей. Но какія же мѣры употреблять противъ вредныхъ или опасныхъ книгъ, чтобы люди не заражались? Приведемъ здѣсь пословицу: клинъ клиномъ вышибать должно. Когда есть книги соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противонравственныя, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше» *).

Это строки чрезвычайно характерны для Лабзина. Являясь противникомъ «вольнодумства», онъ не желаетъ зажимать рты «инакомыслящимъ»; вѣруя въ истину своихъ воззрѣній, онъ настаиваетъ на необходимости свободы устнаго и печатнаго выраженія мыслей противоположныхъ. Мысли онъ хочетъ противопоставить *только* мысль, убѣжденію *только* убѣжденіе. На этомъ основаніи Лабзинъ просилъ о разрѣшеніи издавать ему журналъ, который, несмотря на то, что въ немъ будутъ трактоваться нѣкоторые духовные вопросы, вѣдался бы только свѣтскою цензурою. Получивъ такое разрѣшеніе, Лабзинъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскій Вѣстникъ», первый нумеръ котораго и появился въ свѣтъ 1-го января 1806 года. Журналъ сразу обратилъ на себя вниманіе.

По выходѣ второй книжки, у Лабзина было уже *девяносто три* подписчика, цифра по тому времени, какъ свидѣтельствуютъ современ-

*) Ibid., стр. 68.

ники, весьма значительная. Начали поступать и добровольныя денежныя пожертвованія. Послѣ первой же книжки Лабзинъ получилъ четыреста рублей отъ «восхищающагося его изданіемъ» и выражавшаго желаніе поддержать журналъ «и перомъ, и добромъ своимъ». Но явились, конечно, и враги.

«Бояринъ Лабзинъ,—писалъ въ своихъ запискахъ извѣстный Фотій,—съ ученіемъ и смѣлостью имѣя дерзкій характеръ, имѣлъ сконище по ночамъ у себя, подъ видомъ чистаго ученія о вѣрѣ христіанской, но въ самой вещи множилъ одно невѣріе и нечестіе. Заключалась въ семъ обществѣ премудрость земная, бѣсовская: онъ, дѣйствуя открыто, подъ видомъ изъясненія св. Писанія, дѣлалъ свои толкованія произвольно на оное, яко же отъ бѣса способенъ былъ принимать, изблевывалъ ядъ ученія отъ сердца своего и отравлялъ сердца многихъ, подъ видомъ ученія вѣры Христовой давалъ ученія лже-христіанскія и подъ видомъ умноженія духовныхъ книгъ для духовныхъ и мірскихъ людей на русскомъ нарѣчіи писалъ чисто, ясно, сочинялъ и переводилъ книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія, разнаго съ нѣмецкаго языка, французскаго и съ прочихъ нарѣчій, и печатію все издавалъ; выдумывалъ разныя чудеса новыя, ложныя, прославляя, какъ божественное дѣйствіе, магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ, а особенно людей просвѣщенныхъ. Всякими способами сей врагъ вѣры и благочестія пакости чинилъ церкви и вѣрѣ православной, ученію истины, благочестію вѣрныхъ, и духъ прелести, ереси и заблужденій всесильно вливалъ въ сердца неопытныхъ всѣхъ и отвращалъ въ путь нечестія и святотатства. Его многіе называли: апостолъ и пророкъ сатанинъ... Въ ересь его многіе были увлечены: книги, сочиненія его почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ семинаріи выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя вѣры. Изъ человѣкоугодія или по заблужденію архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, бояре, ученые потворствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него... Сему идолу-человѣку кланялось начальство с.-петербургской духовной академіи и синодъ его чтилъ... Лабзинъ, врагъ вѣры Христовой, правительства всякаго, не всѣхъ въ свое общество принималъ, а богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ и имѣющихъ какое-либо вліяніе къ умноженію злаго ученія новаго... Прелесть и лукавство общіе послѣдователей ученія Лабзина достигло до того, что министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ ему способникъ, отличіе ему изъ рукъ царскихъ испрашивалъ, похвалы громкія, какъ нѣкоему апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ» и т. д. *).

*) «Повѣствованіе священно-архимандрита отца Фотія». «Русская Старина» 1894 года, стр. 215—217.

Несмотря на такое огромное вліяніе Лабзина, «Сіонскій Вѣстникъ» не могъ долго существовать. По распоряженію министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго было издано приказаніе о подчиненіи журнала Лабзина духовной цензурѣ. Тутъ начались всякія стѣсненія, придирки и въ результатѣ Лабзинъ самъ принужденъ былъ закрыть свое изданіе. Но онъ не упалъ духомъ и вслѣдъ затѣмъ основалъ особую массонскую ложу, въ члены которой вступили графъ Разумовскій, князь Гагаринъ и нѣкоторыя другія вліятельныя лица. Затѣмъ Лабзинъ является уже однимъ изъ секретарей извѣстнаго библейскаго общества, во главѣ котораго стоялъ кн. А. Н. Голицынъ. Изъ врага Лабзина Голицынъ превратился въ его покровителя (слова Фотія объ отношеніяхъ къ Лабзину Голицына относятся къ этой эпохѣ), и въ 1816 г. Лабзину снова было разрѣшено издавать прекратившійся «Сіонскій Вѣстникъ». Ему даже была оказана, при посредствѣ Голицына, на это изданіе денежная помощь изъ кабинета Государя. Возобновленіе журнала было встрѣчено весьма сочувственно: во главѣ подписчиковъ, имена которыхъ тогда въ журналахъ обыкновенно печатались, стояли имена: императора Александра I, великаго князя Константина Павловича, министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына и многихъ другихъ. Въ 1818 году Лабзинъ назначенъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ.

Все предвѣщало ему на этотъ разъ особую прочность его литературнаго предпріятія, но на дѣлѣ вышло иначе. Первымъ явнымъ противникомъ возобновленнаго «Сіонскаго Вѣстника» явился ректоръ петербургской семинаріи преосвященный Иннокентій. Въ письмѣ написанномъ имъ по поводу «Сіонскаго Вѣстника» къ кн. Голицыну, находилась между прочимъ, и такая фраза: «Вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее!» Хотя походъ на Лабзина на этотъ разъ и не имѣлъ успѣха, но партія противниковъ «Сіонскаго Вѣстника» все росла и росла. Въ качествѣ особенно жаркаго ревнителя чистоты православной вѣры выступилъ противъ Лабзина А. С. Стурдза, препроводившій кн. Голицыну цѣлый обвинительный актъ противъ «Сіонскаго Вѣстника» и требовавшій подчиненія его духовной цензурѣ. Голицынъ уступилъ и противная Лабзину партія восторжествовала. «Врагамъ моимъ отдали меня,—писалъ по этому поводу огорченный Лабзинъ.—Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ двери царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда» *). Письма Лабзина къ кн. Голицыну и личныя объясненія съ нимъ не помогли дѣлу, и «Сіонскій Вѣстникъ» прекратился. Голицынъ позволилъ Лабзину лишь напечатать «объявленіе», въ которомъ было сказано, что журналъ прекращаетъ самъ издатель. «Здоровье его (т.-е. издателя, о которомъ въ «объяв-

---

*) Дубровинъ. «Наши сектанты-мистики». «Русская Старина»,1895 г. январь, стр. 76.

леніи» Лабзинъ говоритъ въ третьемъ лицѣ *В. Б.*) неоднократно отъ того терпѣло,—гласило «объявленіе»,—и нынѣ онъ принужденнымъ себя находитъ объявить почтеннымъ любителямъ его журнала, что онъ продолжать свой журналъ далѣе не можетъ». «Въ подлинникѣ,—говоритъ г. Дубровинъ,—послѣ словъ «продолжать свой журналъ» стояло: «какъ по состоянію своего здоровья, такъ и по встрѣтившейся ему нуждѣ отлучиться на нѣкоторое время изъ столицы», но эти слова показались лично цензуровавшему «объявленіе» кн. Голицыну неудобными къ печати и онъ ихъ зачеркнулъ» *). Это было въ 1818 году. Такимъ образомъ дважды возникавшій при сильной поддержкѣ свыше для борьбы противъ «вольномыслія», но и съ широкою по принципу терпимостью къ мнѣніямъ обратнымъ, органъ печати принужденъ былъ дважды же и закрыться. Излагая по преимуществу, такъ сказать, внѣшнюю исторію нѣкоторыхъ органовъ печати, — мы предупредили читателя, что наша работа будетъ работою «историко-статистическою»,—мы не излагаемъ того положительнаго содержанія, которое влагалъ въ свой журналъ А. Ф. Лабзинъ. Помимо другихъ причинъ, это неудобно и въ томъ отношеніи, что завело бы насъ далеко въ сторону.

Дальнѣйшая судьба Лабзина извѣстна: за «продерзости» въ академіи по отношенію къ сильнымъ міра сего (столкновеніе изъ-за гр. Гурьева) онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ уѣздный городъ Сенгилей (Симбирской губерніи), гдѣ и скончался 26-го января 1825 года.

Несравненно меньшею полнотою данныхъ отличается судьба другого журнала александровской эпохи, называвшагося «Духъ Журналовъ». Объ этомъ журналѣ имѣются свѣдѣнія лишь въ составленныхъ на основаніи изученія самаго журнала «Очеркахъ по исторіи русской журналистики» г. Пятковскаго. Въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго къ собраннымъ г. Пятковскимъ по этому поводу даннымъ прибавленъ одинъ лишь, извлеченный авторомъ изъ «Русской Старины», документъ, касающійся, собственно, такъ называемаго «лицейскаго духа». (Онъ и приведенъ у г. Скабичевскаго не въ XXVIII главѣ его «Очерковъ», гдѣ идетъ рѣчь о «Духѣ Журналовъ» и другихъ журналахъ акександровской эпохи, а въ главѣ XXXI, посвященной невзгодамъ, сыпавшимся на молодого Пушкина). Документъ этотъ проливаетъ, однако, и кое-какой свѣтъ на причины закрытія «Духа Журналовъ» и къ нему, поэтому, мы еще вернемся. Никакихъ изслѣдованій и даже мемуаровъ, касающихся спеціально «Духа Журналовъ» въ нашей литературѣ, сколько намъ извѣстно, не имѣется.

Внѣшнюю особенность «Духа Журналовъ» составлялъ фактъ изданія его Григоріемъ Максимовичемъ Яценковымъ, который самъ занималъ въ то же самое время должность цензора. Являясь, такимъ образомъ, издателемъ журнала, Яценковъ самъ же пропускалъ въ печать

---

*) Ibid. стр. 86.

многія статьи. «Духъ Журналовъ» началъ выходить въ 1815 году еженедѣльными книжками и сразу сталъ на ту точку зрѣнія политическаго либерализма, которую усвоили себѣ многіе образованные русскіе люди александровской эпохи. Въ качествѣ образчика мнѣній «Духа Журналовъ» г. Пятковскій приводитъ помѣщенное въ № 31 журнала «Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи», проникнутое насквозь горячею симпатіей автора къ свободнымъ американскимъ учрежденіямъ, и дѣйствительно, провѣривъ его по подлиннику, мы находимъ, что оно очень характерно. «Подлинно,—пишетъ авторъ письма,—какое-то особенное чувство проникаетъ тебя, когда помыслишь, что ступилъ на землю свободы, гдѣ, какъ свободный человѣкъ между свободными людьми, жить будешь. Какъ будто здѣсь свободнѣе дышишь, нежели въ иной землѣ; всѣ наслажденія жизни кажутся болѣе пріятны, всѣ общественныя удовольствія болѣе благородны... Здѣсь нѣтъ ни титловъ, ни чиновъ, ни орденовъ, и однако, все идетъ своимъ ходомъ въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ... Конституція американской республики соединенныхъ провинцій имѣетъ всѣ преимущества англійской конституціи, не имѣя, однако, ея недостатковъ. Къ симъ преимуществамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, неограниченная свобода мыслить, говорить и писать... Всякой, не боясь никого, говоритъ публично свое мнѣніе даже о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, хвалитъ или осуждаетъ все по своей волѣ, не щадя даже тѣхъ, кои сидятъ у кормила правленія... Журналы и газеты, коихъ здѣсь великое множество и въ которыхъ каждый можетъ свободно изъяснять свои мысли, много способствуютъ тому, чтобы знать общественное мнѣніе и голосъ народа» и т. д. въ томъ же родѣ *). Конечно, на такой журналъ было обращено срогое вниманіе, но запрещенію «Духъ Журналовъ» подвергся лишь въ 1820 году и притомъ, по словамъ Пятковскаго, за статью не либерально-политическаго, какихъ въ журналѣ было много, а соціально-экономическаго характера. Эта статья была написана на тему о «сохранныхъ кассахъ» и заключала въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «Спрашивается: есть ли возможность ремесленнику или работнику быть бережливымъ? Подлинно, когда подумаешь, что богатый, положивъ въ банкъ тысячи или сотни тысячъ, легкимъ трудомъ пріобрѣтенныя, получаетъ на оныя безъ всякой заботы знатные проценты, а бѣднякъ не имѣетъ мѣста положить сохранно свою копейку, потомъ и кровью нажитую,—подлинно говорю, нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы! У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, а у бѣд-

*) «Духъ Журналовъ» 1815 года. Книжка № 31. Статья «Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи», стр. 185—186 и 190—191. См. также «Очерки по исторіи русской литературы» Пятковскаго, т. II, стр. 306—307.

наго лепта пропадаетъ, какъ зерна, падшія на камень или на распутіи» *). Г. Пятковскій говоритъ, что «эти-то строки и возбудили негодованіе цензуры». Возможно, что возбудили, но эти строки появились въ свѣтъ въ 1819 году, а журналъ продолжалъ все-таки выходить до 1820 года, когда и былъ прекращенъ. Нельзя, поэтому, не постановить въ связь съ этимъ фактомъ напечатанный въ «Русской Старинѣ» одинъ документъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Этотъ документъ, озаглавленный «Нѣчто о царскосельскомъ лицеѣ и его духѣ», помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» въ статьѣ «Уничтоженіе массонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 году; секретныя донесенія сенатора А. Е. Кушелева и другихъ» въ числѣ другихъ шести документовъ, причемъ редакція «Русской Старины» добавляетъ отъ себя, что авторъ записокъ №№ V и VI (а цитируемая записка и состоитъ подъ № VI) ей «неизвѣстенъ». Записка эта гласитъ слѣдующее (приводимъ ея извлеченіе):

1) «*Что значитъ лицейскій духъ?* Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда, для фанфоронады, надобно показаться любителемъ *равенства*. (Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ *В. Б.*). Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и *русскимъ патріотомъ*. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово *шагистика*. Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что-нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. *Вѣрноподданный* значитъ укоризну на ихъ языкѣ; *европеецъ* и *либералъ* — почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей и оно проясняется только въ часы буйной веселости.

«Вотъ образчикъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ *лицейскій духъ*. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: mépris souverain

---

*) Пятковскій, стр. 316—317.

pour le genre humain, для третьяго разряда, т.-е. сильныхъ крикуновъ— просто *либералъ*.

2) «*Откуда и какъ онъ произошелъ?* Первое начало либерализма и всѣхъ вольныхъ идей имѣетъ зародышъ въ религіозномъ мистицизмѣ секты мартинистовъ, которая въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II существовала въ Москвѣ подъ начальствомъ Новикова и даже имѣла свои ложи и тайныя засѣданія. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Тургеневъ (отецъ осужденнаго въ Сибирь), Муравьевъ (отецъ Никиты, осужденнаго) и многія другія лица, которыя здѣсь не упоминаются, сильно содѣйствовали Новикову къ распространенію либеральныхъ идей, посредствомъ произвольнаго толкованія священнаго писанія, массонства, мистицизма, размноженія книгъ иностраннаго вреднаго содержанія и изданія книгъ чрезвычайно либеральныхъ (!) на русскомъ языкѣ.

«Когда Новиковъ былъ сосланъ въ Сибирь (?!) и его секта разрушилась, разсѣянные адепты стали по разнымъ мѣстамъ отдѣльно преподавать его ученіе. Тургеневъ былъ попечителемъ московскаго университета, находился въ дружбѣ съ Мих. Ник. Муравьевымъ и рекомендовалъ ему многихъ молодыхъ людей своего образованія, которыхъ сей послѣдній пускалъ въ ходъ по своимъ связямъ. Другіе дѣлали то же, и вскорѣ люди, приготовленные непримѣтно, бо̀льшая часть сами не зная того, взяли перевѣсъ въ свѣтѣ и, по службѣ и по отличному своему положенію стоя, такъ сказать, на первыхъ мѣстахъ картины, сдѣлались образцами для подражанія. Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ «Союза благоденствія», съ тою разницею, что новиковцы думали основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая, и по ней преобразовать всю Россію.

«Французская революція была благотворною росою для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣряли воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пепломъ. Настало царствованіе императора Александра, и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей».

Указавъ затѣмъ на то, какъ «вольномысліе» александровской эпохи отразилось въ нашихъ университетахъ, неизвѣстный авторъ тайнаго донесенія переходитъ къ воспитанникамъ царскосельскаго лицея.

«Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ живало лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ помѣ-

щать молодыхъ людей въ лицеѣ; они даже потихоньку, т.-е. безъ дозволенія, но *явно,* ходили на вечеринки въ домы, уѣзжали въ Петербургъ, куликали съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ называть. Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ и, наконецъ, пришло къ тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей.

«Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ) образовалось общество, подъ названіемъ «Арзамасскаго». Оно было ни литературное, ни политическое въ полномъ значеніи этихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собой и къ той и къ другой цѣли. Оно сперва имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были неизвѣстны или хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было *явное.* Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы нежели вреда, еслибъ было направляемо кѣмъ нибудь къ своей настоящей цѣли. Но какъ никто о семъ не заботился, то арзамасское общество принесло вредъ, особенно лицею. Сіе общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтѣ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членовъ, или товарищи, друзья и родственники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ! Вскорѣ это общество сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пожаръ.

3) «*Какія послѣдствія и вліяніе его на общество?* Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противъ правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствованы арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ *вѣрноподданными* и почитали себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетными. Они почитали себя выше всѣхъ. «*Духъ Жур-*

наловъ» былъ отголоскомъ ихъ мнѣнія—можетъ быть и неумышленно». (Послѣдній курсивъ нашъ) *).

Итакъ, умышленно или неумышленно, но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію неизвѣстнаго автора записки, «Духъ Журналовъ» казался «оттолоскомъ» распространившихся въ нашемъ обществѣ самыхъ непозволительныхъ мнѣній. Можетъ быть, въ силу этого и послѣдовало прекращеніе такого органа печати.

Нерадостно жилось русской журналистикѣ и во вторую половину двадцатыхъ годовъ, но положеніе ея стало особенно тягостнымъ послѣ іюльской революціи 1830 года. Хотя революція эта къ намъ касательства совершенно никакого не имѣла, произошла не у насъ, а гдѣ-то тамъ, въ далекой Франціи, но европейскія бури отражались у насъ, какъ извѣстно, со временъ Екатерины всегда усиленіемъ реакціи. Первою жертвой времени сдѣлалась «Литературная Газета» барона Дельвига. «Литературная Газета» издавалась Дельвигомъ, сотрудниками ея состояли Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій и другіе представители литературнаго «Олимпа», задачи изданія были строго литературныя, а направленіе,—если только можно употребить это выраженіе по отношенію къ такому непорочному представителю нашей журналистики тридцатыхъ годовъ,—состояло именно въ борьбѣ съ «либеральнымъ» журналомъ Полевого «Московскій Телеграфъ». Всего этого оказалось недостаточно. Нашлись, разумѣется, услужливые люди, которые нашептывали кому слѣдуетъ объ опасности для отечества отъ существованія «Литературной Газеты», и когда въ ней появилась четверостишіе де-ла-Виня, то катастрофа разразилась. Мы нашли въ публичной библіотекѣ этотъ злосчастный нумеръ газеты и прочли въ немъ слѣдующее инкриминируемое мѣсто:

«Вотъ новые четыре стиха Казиміра де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fut libre avant de les connaître **).

Никакихъ коментаріевъ, ни даже перевода на русскій языкъ въ «Литературной Газетѣ» помѣщено не было. Просто былъ сообщенъ новый фактъ изъ парижской жизни, а гроза, тѣмъ не менѣе, разразилась.

Вѣрнѣе, однако, что это былъ лишь предлогъ. Въ своей статьѣ «Сѣверная Пчела» 1825—1859 годъ Петръ Каратыгинъ помѣстилъ между прочимъ такія строки:

«Смерти Дельвига предшествовало и отчасти способствовало неудовольствіе на него правительства и запрещеніе ему быть редакторомъ «Литературной Газеты». На памяти Булгарина донынѣ тяготѣетъ не-

*) «Русская Старина» 1877 г. апрѣль, стр. 657—660.

**) «Литературная Газета» 28-го октября 1830 г. № 61. Стр. 206.

основательный упрекъ, будто бы своими извѣтами третьему отдѣленію онъ содѣйствовалъ несчастью, постигшему Дельвига.

«Не пришло еще время,—продолжаетъ Каратыгинъ,—но исторія укажетъ на ту гнусную личность, которая подъ личиною дружбы съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, дѣйствительно, *по профессіи*, по любви къ искусству, по призванію, занималась доносами и извѣтами на обоихъ поэтовъ. Донынѣ имя этого лица почему-то нельзя произнести во всеуслышаніе, но, повторяемъ, оно будетъ произнесено и тогда, на ряду съ нимъ, даже имя Булгарина покажется синонимомъ благородства, чести и прямодушія!» *).

Эти строки появились въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1882 году. Названо ли, наконецъ, уже имя, о которомъ говоритъ Каратыгинъ, сказать съ увѣренностью мы, къ сожалѣнію, не можемъ.

Какъ бы то ни было, а послѣ появленія четверостишія де-ла-Виня у Дельвига отнято было право издавать газету. Это подѣйствовало на него удручающимъ образомъ и онъ быстро послѣ того скончался.

Въ дневникѣ Никитенко записаны подъ 28-е января 1831 года такія строки:

«Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который, за помѣщеніе въ «Литературной Газетѣ» четверостишія Казиміра де-ла-Виня назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ. Засимъ и «Литературную Газету» запрещено было ему издавать..Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла» **).

Хотя «Литературная Газета» еще и тянула нѣкоторое время свое существованіе, но смерть Дельвига была, въ сущности, и смертью его газеты ***). «Пушкинъ тотчасъ же охладѣлъ къ неудавшемуся литературному предпріятію,—говоритъ П. Н. Полевой,—и возвратился къ своимъ мечтамъ о собственномъ (критическомъ) журналѣ; князь Вяземскій не рѣшился принять на себя дальнѣйшее веденіе «Литературной Газеты», внутренно сознавая безуспѣшность борьбы маленькаго и незамѣтнаго органа съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ «Московскій Телеграфъ». Остальные сотрудники барона, выносившіе на своихъ плечахъ главную долю труда въ «Литературной Газетѣ», разбрелись кто куда...» ****).

---

*) «Русскій Архивъ» 1882 г., № 4, стр. 274. Эти же слова Каратыгина цитируетъ и г. Скабичевскій въ «Очеркахъ по исторія русской цензуры». «Отечественныя Записки», т. CCLXII, стр. 102.

**) «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», томъ I, стр. 281.

***) Полное названіе газеты было такое: «Литературная Газета», издаваемая барономъ Дельвигомъ».

****) П. Полевой—«Листки изъ архива «Литературной Газеты». «Историческій Вѣстникъ» 1886 года, ноябрь, стр. 370.

Вскорѣ разразилась литературная катастрофа надъ журналомъ «Европеецъ», однимъ изъ послѣдствій которой явилось, между прочимъ, распоряженіе, чтобы впредь на изданіе каждаго новаго журнала испрашивалось бы всякій разъ спеціальное разрѣшеніе Государя Императора. Издателемъ «Европейца» былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ впослѣдствіи основоположниковъ славянофильской доктрины И. В. Кирѣевскій. Въ описываемое время раздѣленія на западниковъ и славянофиловъ еще не существовало. Въ «Воспоминаніяхъ объ А. И. Герценѣ» Д. Н. Свербеевъ говоритъ: «Въ то время (въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ) мы всѣ *безъ исключенія* были еще европейцами и потому журналъ, который въ 1832 году сталъ издавать старшій Кирѣевскій, былъ названъ «Европейцемъ» *). Во всякомъ случаѣ самъ Кирѣевскій былъ тогда совсѣмъ не тѣмъ Кирѣевскимъ, котораго изъ него сдѣлали впослѣдствіи своеобразныя условія его эпохи. «Названіе «Европеецъ»,—совершенно справедливо говоритъ А. И. Кошелевъ,—достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго» **). Въ «Европейцѣ» приняли горячее участіе Жуковскій, Пушкинъ и другіе наиболѣе громкіе представители литературы того времени. Журналу открывалась блестящая будущность; недовольны имъ были лишь самые заскорузлые «патріоты своего отечества» въ родѣ Погодина или его петербургскаго пріятеля нѣкоего Любимова, писавшаго Погодину 30-го января 1832 года такія строки: «У насъ теперь новый журналъ «Европеецъ». Въ немъ можетъ быть много хорошаго, но какъ жалко, что онъ дышетъ чѣмъ-то европейскимъ, а не русскимъ. Читали ли вы въ немъ разборъ «Горе отъ ума»? Срамъ да и все тутъ. Не стыдятся явно проповѣдывать, чтобы мы благоговѣли передъ иностранцами и забывали все русское» ***). Несмотря, однако, на блестящее начало или, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, жизнь «Европейца» была крайне непродолжительна. На второй же книжкѣ журналъ былъ запрещенъ навсегда. Главною причиною или главнымъ поводомъ къ запрещенію явилась статья самого издателя журнала подъ заглавіемъ «XIX-й вѣкъ», которую Хомяковъ, съ усвоенной имъ впослѣдствіи славянофильской точки зрѣнія, все же называлъ «замѣчательнымъ, но незрѣлымъ произведеніемъ молодости Кирѣевскаго» ****). Въ сущности, статья эта была вполнѣ безобиднаго характера. Авторъ доказывалъ въ ней необходимость для Россіи усвоить западное просвѣщеніе, ибо наше отечество занимаетъ по отношенію къ Европѣ то же положеніе, которое занимала нѣкогда послѣдняя по отношенію къ классическому міру. Въ этой-то мысли и усмотрѣли одну лишь маску, прикрывающую самыя ехидныя намѣренія

*) «Русскій Архивъ», 1870 г., т. III, стр. 675.

**) «Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго», 1861 г. Предисловіе, стр. 79.

***) Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга 4-я, стр. 7.

****) «Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій». Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, изд. 2-е, стр. 587.

Кирѣевскаго и характеризующую все направленіе журнала. Кирѣевскій тогда же получилъ изъ надлежащаго учрежденія «извѣщеніе», которое самъ справедливо называлъ «исторической бумагой». Эта, давно уже сдѣлавшаяся достояніемъ нашей литературы «историческая бумага» гласила: «Хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное; подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ разумѣетъ свободу; *дѣятельность разума* означаетъ у него революцію, а *искусно отысканная середина*—не что иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволенною въ журналѣ литературномъ, въ которомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на всю ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ» *). За эту-то провинность журналъ и былъ запрещенъ, и самъ Кирѣевскій признанъ человѣкомъ «неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ», за что и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Это происшествіе произвело въ интеллигентныхъ кругахъ Петербурга сильное впечатлѣніе. А. В. Никитинко занесъ тогда же въ свой дневникъ такія строки:

«Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. «Европейца» запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!» **).

По поводу этого же событія князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву такія строки:

«Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя необъявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ издавать въ Россіи политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ одного Полевого (?!!), — злоумышленники. Вы вѣрно пожалѣли о прекращеніи «Европейца», послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутыхъ узаконеній. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ «Европейца» нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорятъ въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите злые умыслы и революцію, какъ на ладони. Противъ такой логики сказать нечего» ***).

А. С. Пушкинъ писалъ тому же И. И. Дмитріеву:

«Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ, вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣев-

---

*) См. Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго, стр. 80; статью «Ив. Вас. Кирѣевскій» въ «Русскомъ Архивѣ» 1894 г., вып. 7-й, стр. 337; Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина». кн. 4-я, стр. 8.

**) А. И. Никитенко.—Записки и дневникъ. Томъ I. стр. 297.

***) Барсуковъ. Книга 4. стр. 10.

скій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ. Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и клеветники или, по крайней мѣрѣ, клевета устыдится и будетъ изобличена» *).

«Но болѣе всѣхъ,—говоритъ, приведши эти письма г. Барсуковъ,—оскорбленъ былъ Жуковскій. Онъ, по свидѣтельству А. П. Елагиной, позволилъ себѣ выразиться передъ Императоромъ Николаемъ I, что за Кирѣевскаго онъ ручается. «А за тебя кто поручится?» — возразилъ Государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Императрица Александра Ѳеодоровна употребила свое посредство. «Ну, пора мириться»,—сказалъ Государь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его» **).

Переходимъ къ исторіи «Московскаго Телеграфа», на которой, однако, не будемъ подробно останавливаться въ виду того, что она была весьма обстоятельно разсказана на страницахъ нашего журнала (см. «Міръ Божій» 1897—98 гг.) г. И. И. Ивановымъ въ его «Исторіи русской критики» (въ отдѣльн. изд. см. стр. отъ 445 до 505). Журналъ этотъ представлялъ, какъ извѣстно, замѣчательное явленіе среди органовъ нашей періодической печати XIX вѣка. Всегда строгій, но и всегда искренній Бѣлинскій характеризовалъ его такими словами:

«Московскій Телеграфъ» былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти неизвѣстный литературѣ, нигдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала и его журналъ съ первой же книжки изумляетъ всѣхъ живостью, свѣжестью, новостью, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностью въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выраженному направленію. Такой журналъ не могъ не быть замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ. Но среди вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки издавался онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ съ тою постоянною заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главныхъ причинъ гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И это совершилъ Полевой! Боже мой! Какъ взъѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, безталанные литераторы, плохіе журналистѣ, закоснѣвшіе въ предразсудкахъ старики!...

---

*) Ibid. **) Ibid. стр. 10—11.

Полевой показалъ *первый* (курсивъ Бѣлинскаго), что литература не игра въ фанты, не дѣтская забава, что исканіе истины есть ея главный предметъ и что истина—не такая бездѣлица, которою можно жертвовать условнымъ приличіямъ и пріязненнымъ отношеніямъ. Изъявить публично такой образъ мыслей въ то время значило сдѣлать страшную дерзость и выставить себя человѣкомъ «безпокойнымъ», т.-е. хуже чѣмъ безнравственнымъ» *).

Чтобы понять всю справедливость словъ Бѣлинскаго, надо вспомнить характеръ того времени, въ теченіи котораго дѣйствовалъ въ нашей журналистикѣ «Московскій Телеграхъ». Время это было тяжелое, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ А. В. Никитенко,—академикъ и самъ цензоръ,—человѣкъ отнюдь не крайнихъ взглядовъ **).

При такихъ трудныхъ условіяхъ и пришлось дѣйствовать Полевому, но онъ шелъ все впередъ и впередъ, не останавливаясь передъ неимовѣрными трудностями и преодолѣвая, казалось бы, непреодолимыя препятствія. Успѣхъ «Московскаго Телеграфа» былъ громадный: журналъ имѣлъ до 1,500 подписчиковъ, цифра, по тому времени, безпримѣрная ***). Но не теряли времени и тѣ, съ точки зрѣнія которыхъ имѣть такой образъ мыслей, какой имѣлъ Полевой, значило, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, обнаружить «страшную дерзость». Положеніе журнала сдѣлалось особенно критическимъ, когда судьбы журналистики сталъ вѣдать Уваровъ, усвоившій себѣ взглядъ на Полевого, какъ на человѣка, задавшагося цѣлью продолжать дѣло декабристовъ. Въ дневникѣ Никитенко стоятъ такія, датированныя пятымъ апрѣля 1834 года, строки: «Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала.—Это проводникъ революціи,—говорилъ Уваровъ,—онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ, но *мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ* (курсивъ нашъ. *В. Б.*). Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему оффиціальный выговоръ; это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду; это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить публично. Это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—извѣстно, что у насъ есть

---

*) Бѣлинскій.—«Николай Алексѣевичъ Полевой». Цитируемъ по изданію соч. Бѣлинскаго О. Н. Поповой. Т. II., стр. 182 и 184.

**) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Т. I, стр. 327—328. Въ замѣчательныхъ мемуарахъ этихъ, охватывающихъ обширный періодъ времени вплоть до 1877 г., можно найти массу драгоцѣнныхъ фактовъ, а также характеристикъ лицъ и событій.

***) Весинъ. «Очерки русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ».

партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены. Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но, да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы, имъ стоитъ погрозить гауптвахтой и они смирятся. Но Полевой,—я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба» *).

Не вдаваясь въ критику всего сказаннаго Уваровымъ, мы замѣтимъ только, что подчеркнутыя нами въ его рѣчи слова, въ которыхъ онъ приписываетъ себѣ и своему долготерпѣнію непринятіе правительствомъ и раньше противъ журнала Полевого «рѣшительныхъ мѣръ», не отвѣчаютъ исторической истинѣ. Мы имѣемъ нынѣ превосходное изслѣдованіе этого дѣла въ статьяхъ академика Сухомлинова «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ», въ которыхъ авторъ съ документами въ рукахъ **) доказалъ, что Уваровъ уже въ 1833 году дѣлалъ представленіе Государю о закрытіи «Московскаго Телеграфа», но тогда попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ.

На докладѣ Уварова по поводу статьи —«Взглядъ на исторію Наполеона», помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ», Государемъ Императоромъ Николаемъ I написано: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно самъ себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобы вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его» ***).

Такимъ образомъ избавленіе «Московскаго Телеграфа» отъ крушенія въ 1833 году произошло, во всякомъ случаѣ, не по причинѣ снисходительности Уварова, о которой онъ распространялся въ цензурномъ комитетѣ. Дни журнала, тѣмъ не менѣе, были сочтены. Уваровъ приказалъ дѣлать изъ каждой книжки «Телеграфа» выборки, долженствовавшія доказать неблагонадежность Полевого. Выборки эти приведены въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова: тутъ были и цѣлыя страницы, и отдѣльныя строки.

Скоро представился и благопріятный поводъ. Кукольникъ написалъ драму «Рука Всевышняго отечество спасла». Эта драма была поставлена въ Петербургѣ на сцену съ особою торжественностью, сильные міра сего рукоплескали ей, создалась обстановка, при ко-

*) Никитенко. Т. I, стр. 325.

**) М. И. Сухомлиновъ прямо цитируетъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась также цензура. «Дѣла 1853 года. № 696 (147, 358)».

***) М. И. Сухомлиновъ. «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». «Историческій Вѣстникъ» 1886 года, апрѣль, стр. 17—18. Эта статья вошла также во второй томъ «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова, стр. 367—431.

торой отозваться неодобрительно о произведеніи Кукольника, значило рисковать многимъ. Полевому случилось быть именно въ это время въ Петербургѣ и лично присутствовать въ театрѣ при постановкѣ драмы Кукольника. Въ театрѣ подошелъ къ нему Бенкендорфъ, сообщилъ о восторгѣ отъ драмы въ высшихъ регіонахъ и тутъ же прибавилъ: «Это, пожалуй, не помѣшаетъ господамъ рецензентамъ разнести ее въ прахъ и пухъ». Полевой принялъ къ свѣдѣнію слова Бенкендорфа, немедленно же написалъ въ Москву, завѣдывавшему въ его отсутствіе дѣлами редакціи брату своему К. А. Полевому, чтобы на драму Кукольника въ журналѣ не помѣщалось никакой рецензіи, но было уже поздно. Рецензія появилась въ февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ) и въ ней были ужасныя слова: «Новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ». Этимъ-то словамъ и было придано въ Петербургѣ чрезвычайно важное значеніе.

Изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова мы узнаемъ, что Бенкендорфъ потребовалъ отъ Полевого письменнаго объясненія причинъ той «печали», которую испыталъ рецензентъ при чтеніи драмы Кукольника. На это Полевой отвѣчалъ, что ему и въ голову никогда не приходило «что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора», что зрители въ театрѣ оцѣнили именно эту цѣль, но что поэтому-то отношенію публики къ драмѣ и можно судить, «что̀ произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою не болѣе» *). Объясненіе это было найдено удовлетворительнымъ для освобожденія Полеваго, но «Московскій Телеграфъ» былъ, тѣмъ не менѣе, закрытъ.

Въ дневникѣ Никитенко говорится по этому поводу слѣдующее:

«Московскій Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ, но сказалъ потомъ министру: «Мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ». Вездѣ сильные толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, что «единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ». «Подѣломъ ему,—говорятъ другіе,—онъ осмѣлился бранить Карамзина, онъ даже не пощадилъ моего романа, онъ либералъ, якобинецъ,—извѣстное дѣло и т. д., и т. д.» **).

Вообще, въ это время Полевой приходился, очевидно, что называется, «не ко двору». Мы видѣли уже отзывъ о немъ кн. Вяземскаго въ его письмѣ къ Дмитріеву. Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ по поводу запрещенія «Московскаго Телеграфа» такія строки: «Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запре-

*) Сухомлиновъ. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль 1896 г. стр. 24.

**) Никитенко, т. I, стр. 324.

тили». Что значитъ «я радъ, что «Телеграфъ» *запрещенъ*, хотя жалѣю, что его *запретили*»? Простая ли это игра словъ, или тутъ есть какой нибудь смыслъ? По нашему мнѣнію, фразу Жуковскаго можно истолковать слѣдующимъ образомъ: Онъ не любилъ «Телеграфа», онъ былъ *радъ* тому, что статьи журнала Полевого и даже отголоски ихъ не будутъ болѣе смущать духъ небожителей литературнаго Олимпа, но онъ все же былъ настолько культурный человѣкъ, чтобы не только не радоваться но даже *сожалѣть* о *способѣ*, посредствомъ котораго доставлено ему подобное удовольствіе.

Впечатлѣніе отъ закрытія «Московскаго Телеграфа» въ Петербургѣ власти, конечно, скоро узнали, но они интересовались узнать мнѣніе о томъ же предметѣ москвичей. На посланный въ Москву по этому поводу запросъ, какъ узнаемъ мы изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова, былъ полученъ такой отвѣтъ:

«По отъѣздѣ Полевого многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты. Неожиданное, скорое возвращеніе Полевого удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «Если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашались, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ. А посему заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше было бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства *).

Дальнѣйшая судьба Полевого весьма печальна. Выбитый изъ колеи, обремененный многочисленною семьею, не справившійся съ жестокою судьбою, Полевой опускался все ниже и ниже. Настало время, когда онъ уже умышленно избѣгалъ старыхъ друзей. Ему тяжело было уже глядѣть въ глаза такимъ людямъ, какъ, напр., Бѣлинскій.

И самое ужасное въ этой драмѣ состояло въ томъ, что Полевой понималъ свое положеніе со страшною ясностью.

Теперь обратимся къ «Телескопу». Журналъ этотъ издавалъ, какъ извѣстно, Н. И. Надеждинъ, съ именемъ котораго связано очень многое въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія. Не имѣя въ виду касаться общеизвѣстной біографіи знаменитаго предшественника Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что значеніе его было довольно

*) Сухомлиновъ. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль 1886 г., стр. 39.

подробно разсмотрѣно въ выше указанной «Исторіи русской критики» И. И. Иванова, мы прямо перейдемъ къ описанію случившейся въ 1836 году съ «Телескопомъ» катастрофы. Причиною ея явилось, какъ извѣстно, помѣщеніе въ «Телескопѣ» перваго «философическаго письма» П. Я. Чаадаева. Роковое для журнала Надеждина «письмо» было написано Чаадаевымъ задолго до разразившейся надъ «Телескопомъ», его издателемъ и самимъ авторомъ письма катастрофы. Въ рукописи письмо было извѣстно въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ еще въ 1829 году подъ видомъ писанныхъ на французскомъ языкѣ писемъ Чаадаева «къ г-жѣ ***. (По однимъ свѣдѣніямъ Пановой, урожденной Улыбышевой, по другимъ — женѣ генерала М. Ф. Орлова, урожденной Раевской). О немъ упоминаетъ въ письмѣ къ Чаадаеву отъ шестого іюля 1831 года Пушкинъ *). Но кругъ, въ которомъ обращалось «философическое письмо» былъ очень тѣсенъ; о немъ вплоть до того времени, когда оно появилось въ 1836 году въ печати, ничего не зналъ, напр., Герценъ.

Появленіе «философическаго письма» въ «Телескопѣ» было цѣлымъ событіемъ въ русской жизни. «Какъ только появилось оно,—говоритъ Лонгиновъ,—поднялась грозная буря» **). «Послѣ «Горя отъ ума»,—пишетъ о томъ же предметѣ Герценъ,—не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе» ***). «Журнальная статья Чаадаева,—вспоминаетъ Свербеевъ,—произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него вниманія правительства. На автора возстало все и вся съ небывалымъ ожесточеніемъ въ нашемъ апатическомъ обществѣ» ****). Ожесточеніе, въ самомъ дѣлѣ, было безпримѣрное. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу, напр., Жихаревъ: «Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали читать и писать, съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное и ученое событіе, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую исторію. Даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, невѣже-

*) «Сочиненія А. С. Пушкина», 4-е изд. Павленкова, стр. 1625.

**) Михаилъ Лонгиновъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1862 года, сентябрь, стр. 144.

***) «Сочиненія», т. IV, стр. 274.

****) Д. Свербеевъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». «Русскій Архивъ» 1868 г., № 6, стр. 986.

ственные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты,—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого низкопоставленнаго осла, который не считалъ бы за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философической критики. Врядъ ли кому-нибудь и когда-нибудь выпадало на долю въ Россіи въ такой мѣрѣ и въ такой степени извѣдать волненія другой, оборотной стороны славы, всегда и вездѣ, кажется, болѣе значительный, непогрѣшимѣе рѣшающей и вѣрнѣе цѣнящей, нежели лицевая сторона, блистательная, громозвучная и лучезарная. Сверхъ того, на чаадаевскую статью обратили вниманіе не одни только русскіе: въ силу уже означнннаго мною обстоятельства, что статья была писана по-французски, и вслѣдствіе большой извѣстности, которою Чаадаевъ пользовался въ московскомъ иностранномъ населеніи, весьма многочисленномъ и состоявшемъ изъ людей всякаго рода, всѣхъ занятій и всякаго образованія, этимъ случаемъ занялись и иностранцы, живущіе у насъ, обыкновенно никогда никакого вниманія не обращающіе ни на какое ученое или литературное дѣло въ Россіи и только по слуху едва знающіе, что существуетъ русская письменность. Не говоря про нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, изъ-за чаадаевской статьи выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословіе, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты съ уроками и безъ уроковъ, даже нѣмецкіе аптекари» *). Въ выноскѣ Жихаревъ прибавляетъ еще и такой фактъ: «Въ это время я слышалъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ».

Негодованіе противъ Чаадаева въ Москвѣ было, дѣйствительно, сильное, но ограничься оно однимъ, такъ сказать, платоническимъ характеромъ, и катастрофа надъ «Телескопомъ», послѣдовавшая далеко не вслѣдъ за появленіемъ въ этомъ журналѣ чаадаевскаго письма, можетъ быть, и не разразилась бы надъ нимъ. Но дѣло именно въ томъ и состояло, что нашлись люди, отвѣтившіе на высказанныя Чаадаевымъ убѣжденія — доносомъ, который и былъ сдѣланъ извѣстнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить о самомъ содержаніи вызвавшаго

*) М. Жихаревъ. «П. Я. Чаадаевъ». «Вѣстникъ Европы» 1871 г.

такую бурю «философическаго письма» Чаадаева *),—это завело бы насъ далеко въ сторону, а перейдемъ прямо къ послѣдствіямъ помѣщенія его въ «Телескопѣ». Результаты стараній Вигеля сказались въ очень крутой формѣ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ отвѣтѣ Никитенко:

«Ужасная суматоха въ цензурѣ и литературѣ. Въ пятнадцатомъ номерѣ «Телескопа» напечатана статья, подъ заглавіемъ «Философическія письма». Статья написана прекрасно. Авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Разумѣется, въ публикѣ подняла шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который былъ одновременно профессоромъ и ректоромъ московскаго университета **), отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ «Телескопа», вызываютъ сюда для отвѣта».

Черезъ нѣсколько дней:

«Сегодня созваны были въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вышли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники» ***).

Сверхъ кары на журналъ, подверглись личному наказанію какъ его издатель, такъ и авторъ статьи.

Сущность преступленія Чаадаева великолѣпно выразилъ графъ

---

*) Не касаясь содержанія чаадаевскаго «философическаго письма», считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что цитаты изъ него въ «Быломъ и Думахъ» Герцена, вѣроятно, сдѣланы имъ по памяти и потому не отличаются точностью. Это мы утверждаемъ на основаніи свѣрки такихъ цитатъ, какъ съ французскимъ подлинникомъ письма (въ книгѣ Гагарина «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff»), такъ и съ переводомъ его, помѣщеннымъ въ «Телескопѣ». Между тѣмъ, именно цитаты Герцена и перешли въ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ писателей. (Наше замѣчаніе безусловно не относится къ трудамъ гг. Пыпина. «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» «Вѣстникъ Европы» 1871 года, декабрь, стр. 474—501, и Милюкова «Главныя теченія русской исторической мысли», стр. 292—299, и нѣкоторымъ другимъ). Это порождаетъ недоразумѣнія. Относительно тѣхъ страницъ, въ которыхъ говорится о данномъ предметѣ въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» г. Скабичевскаго, слѣдуетъ еще замѣтить, что утвержденіе автора «Очерковъ», будто переводъ чаадаевскаго письма сдѣланъ Бѣлинскимъ, совершенно невѣрно. («Очерки», «Отеч. Записки», т. CCLXII, отд. I, стр. 121). Переводъ этотъ сдѣланъ не Бѣлинскимъ, а Кетчеромъ. (См. «Воспоминанія объ Н. Х. Кетчерѣ», А. В. Станкевича въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., кн. 3, стр. 365, а также статью «Н. Х. Кетчеръ» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, т. XV, стр. 32).

**) Онъ же былъ и цензоромъ, пропустившимъ статью. *В. Б.*

***) «Записки и дневникъ», т. I, стр. 374—375.

Бенкендорфъ въ отвѣтъ на просьбу М. Ф. Орлова сдѣлать что-нибудь для опальнаго Петра Яковлевича, который,—сказалъ Орловъ,—«суровъ къ прошедшему Россіи, но чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности». «Le passé de la Russie a éte admirable,—отвѣчалъ на это Бенкендорфъ, son présent est plus que magnifique, quant à son avenir il est au dela de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite» *). («Прошедшее Россіи было удивительно, настоящее болѣе чѣмъ превосходно, а что касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ себѣ представить наиболѣе смѣлое воображеніе; вотъ, любезнѣйшій, точка зрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема и изображаема исторія Россіи»).

Полученіе разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ было послѣ всѣхъ этихъ инцидентовъ дѣломъ въ высшей степени труднымъ. На поданное въ 1836 году Краевскимъ и Одоевскимъ прошеніе о дарованіи имъ права на изданіе журнала получился отвѣтъ: «И безъ того много» **). Такой же отвѣтъ получилъ и Грановскій, начавшій хлопоты въ 1845 году о разрѣшеніи ему издавать журналъ «Ежемѣсячное Обозрѣніе». На просьбу его послѣдовала лаконическая резолюція: «Не нужно» ***).

Мы имѣемъ въ виду тѣ злоключенія, которыя переживала у насъ въ «доисторическое» время лишь періодическая печать, но будетъ не безполезно упомянуть здѣсь и о замѣнявшихъ ее до извѣстной степени суррогатахъ, каковыми являлись попытки издавать полуперіодическіе сборники или альманахи.

Минуя исторію съ альманахомъ Максимовича «Денница» (за статью Кирѣевскаго о Новиковѣ «Денница» была отобрана изъ книжныхъ лавокъ, а цензоръ С. Н. Глинка посаженъ на гауптвахту), мы перейдемъ прямо къ попыткѣ нашихъ славянофиловъ въ 1852 году издавать такъ называемый «Московскій Сборникъ». Первый томъ этого сборника благополучно увидѣлъ свѣтъ, но,—какъ повѣствуетъ намъ превосходный изслѣдователь и этого дѣла М. И. Сухомлиновъ,—уже по выходѣ сборника обратило на себя вниманіе извѣстное стихотвореніе А. С. Хомякова:

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину и т. д.

Обратило же оно вниманіе, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, цитируя подлинные источники, «по своей двусмысленности, могущей подать поводъ къ вреднымъ толкованіямъ». Стали внимательно перечитывать другія статьи сборника и нашли, что почти все содержаніе его либо двусмысленно, либо явно предосудительно. Стихотвореніе И. С. Аксакова «Бродяга» предосудительно въ томъ отношеніи, что «разсказываемыя въ немъ похожденія бродягъ, взаимныя ихъ отношенія и совѣты другъ

---

*) Жихаревъ, стр. 52. **) Скабичевскій. «Очерки по исторіи русской цензуры». «Отечественныя Записки», т. CCLXIV, отд. I, стр. 460. ***) Ibid., стр. 495.

другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и ненаказанности могутъ неблагопріятно дѣйствовать на читателей низшаго класса». Статья «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» показалась подозрительною и загадочною «по отрывочнымъ намекамъ и недоконченнымъ мыслямъ, по чрезвычайнымъ похваламъ Гоголю, по громкимъ возгласамъ и рѣзкимъ сужденіямъ о нашемъ обществѣ». Въ статьѣ Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» «заставляло призадуматься выраженіе: *цѣльность бытія*». «Неизвѣстно,—откровенно признавались судьи, что́ Кирѣевскій разумѣетъ подъ цѣльностью бытія, но явно, что тутъ есть что то такое неблагонамѣренное». Особенно предосудительною оказалась статья К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности». Въ этой статьѣ авторъ вдругъ вздумалъ доказывать, что наша земля была въ древней Руси «земля общинная».

Въ это же время нашими славянофилами были представлены въ цензуру рукописи для второго тома «Московскаго Сборника». Эти рукописи были найдены совершенно невозможными для печати. Къ числу такихъ, подлежащихъ строгому запрещенію, были отнесены статьи: А. С. Хомякова «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ сборника»; К. С. Аксакова «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ»; князя В. А. Черкасскаго «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи»; И. С. Аксакова «Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ» и т. д. За представленіе подобныхъ статей печатаніе «Сборника» было запрещено, и онъ такъ и не увидѣлъ свѣта. Сверхъ того, И. С. Аксаковъ лишенъ былъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія и ему же, вмѣстѣ съ его братомъ К. С. Аксаковымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и княземъ Черкасскимъ, вмѣнено было въ обязанность представлять свои рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ онѣ разсматривались и откуда пересылались съ тою же цѣлью въ нѣкоторыя другія учрежденія. По поводу этой мѣры Хомяковъ писалъ А. С. Норову: «Съ нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника» и въ томъ числѣ съ меня взята подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять своихъ сочиненій въ мѣстныя цензуры, но будемъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ санскрито-славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Аксакова о русскихъ глаголахъ прошло черезъ полуторагодовое мытарство» и т. д. *).

Такое положеніе нашихъ славянофиловъ оставалось неизмѣннымъ до начала новаго царствованія.

---

*) Все здѣсь изложенное о «Московскомъ Сборникѣ» взято изъ второго тома «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова. стр. 466—470.

1855 годъ принесъ съ собою, какъ извѣстно, «новыя вѣянія». Это былъ моментъ проясненія общественнаго самосознанія: слишкомъ уже ясны были указанія самой жизни и слишкомъ трудно было отрицать тотъ фактъ, что севастопольскій разгромъ явился логическимъ результатомъ лежавшихъ въ основаніи всѣхъ сторонъ русской жизни крѣпостническихъ отношеній. Россія пришла къ Севастополю съ тою же фатальною неизбѣжностью, съ какою пришла много времени спустя къ Седану наполеоновская Франція. Оттого и повѣяло въ воздухѣ духомъ реформъ, но, вплоть до того времени, когда реформы эти облеклись въ законодательную оболочку,—а это произошло лишь въ шестидесятыхъ годахъ,—старыя условія жизни сталкивались на каждомъ шагу съ новыми и порождали настоящій хаосъ. Чувствовалось дуновеніе весенняго воздуха, а рядомъ съ тѣмъ зима постоянно напоминала, что она вовсе не такъ-то легко уступаетъ свои права. Все это не могло не отражаться и на положеніи печати. Журналовъ стало возникать гораздо больше, но на изданіе ихъ требовалось попрежнему всякій разъ особое Высочайшее разрѣшеніе. Цензорамъ давались указанія на согласіе правительства предоставить писателямъ большую свободу въ выраженіи ихъ мыслей, но цензурное законодательство и явившіяся въ дополненіе къ нему въ предшествовавшую эпоху безчисленныя распоряженія оставались неизмѣненными. Конечно, печати стало житься гораздо легче, отходили въ область прошлаго курьезы, въ родѣ тѣхъ о которыхъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ И. М. Снигиревъ *), но это не помѣшало лишиться мѣста за такую же «слабость» цензору Н. Ф. Крузе **). Словомъ, въ описываемое время въ печати, какъ и въ другихъ сферахъ русской жизни, царила полная неопредѣленность положенія. Жертвою такой неопредѣленности пала аксаковская газета «Парусъ». Кратковременная исторія этого изданія (запрещено на второмъ номерѣ) прекрасно изложена въ трудѣ

*) Въ августѣ 1832 года былъ въ Москвѣ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который и явился на засѣданіе московскаго цензурнаго комитета. Заявивъ о неудовольствіи наверху нѣкоторыми цензорами за слабость, Уваровъ прибавилъ, чтобы они не опасались никакихъ для себя послѣдствій за строгость, «Жалобы на нихъ будутъ недѣйствительны, — прибавилъ Уваровъ и затѣмъ продолжалъ:—политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи». (Пыпинъ. «Изученіе русской народности». «Вѣстникъ Европы» 1882 года, декабрь стр. 770).

**) Объ этомъ замѣчательномъ въ исторіи нашей печати инцидентѣ см. у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», кн. XVI стр. 404—407. По поводу отставки Крузе Катковъ писалъ: «Крузе не должны мы оставлять. Мнѣ кажется дѣло общества вознаградить его за ту честную службу, которую онъ несъ съ такимъ самоотверженіемъ. Слѣдуетъ открыть въ разныхъ городахъ и въ разныхъ кругахъ общества подписку въ его пользу. Это было бы важнымъ прецедентомъ и первымъ общественнымъ дѣломъ у насъ». Несмотря на послѣдовавшее запрещеніе такой подписки, въ пользу Крузе было собрано пятьдесять тысячъ рублей. (Барсуковъ стр. 405 и 407).

г. Барсукова. Въ 1857 году, по предложенію директора азіатскаго департамента, Е. П. Ковалевскаго, И. С. Аксаковъ, бывшій до того времени фактическимъ редакторомъ, хотя и не имѣвшимъ права выставлять своего имени, славянофильскаго журнала «Русская Бесѣда», сталъ готовиться къ изданію ежедневной газеты «Парусъ». Разрѣшеніе было получено, но какого взгляда держались тогда въ Петербургѣ не только на Аксакова, но и на... М. П. Погодина, видно изъ слѣдующаго приводимаго г. Барсуковымъ, письма Аксакова къ Погодину:

«Надобно вамъ сказать, что, предлагая намъ издавать газету, Е. П. Ковалевскій убѣдительно просилъ, чтобы на первое время, разумѣется, самое короткое, не было ни вашего, ни моего имени,—двухъ именъ, раздражающихъ и покуда неудобоваримыхъ петербургскимъ желудкомъ» *).

Въ августѣ 1858 года появилось объявленіе о томъ, что съ 1-го января 1859 года будетъ выходить въ Москвѣ еженедѣльная газета «Парусъ». Газета обѣщала, прежде всего, служить интересамъ русской народности. «Наше знамя, — писалъ Аксаковъ, — русская народность. Народность вообще — какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной. Народность русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя». Далѣе слѣдовало извѣщеніе, что въ газетѣ будетъ, между прочимъ, отдѣлъ славянскій. «Выставляя нашимъ знаменемъ русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народности всѣхъ племенъ славянскихъ», прибавлялъ Аксаковъ.

Невиннѣе такого объявленія трудно себѣ что-нибудь и представить, а вышло все-таки нѣчто, ужъ очень напоминавшее предшествовавшую эпоху: уже 30-го ноября 1858 года, т.-е. еще до появленія газеты и лишь послѣ выхода въ свѣтъ одного только о ней объявленія, Аксаковъ писалъ Погодину: «Парусу» плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше и сильно разъярены всѣ три вѣдомства: министерство народнаго просвѣщенія, министерство иностранныхъ дѣлъ и третье отдѣленіе».

Тѣмъ не менѣе, 3-го января 1859 года первый нумеръ «Паруса» увидѣлъ свѣтъ. «Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ?—писалъ, между прочимъ, въ передовой статьѣ Аксаковъ.— Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ образовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ,

*) Барсуковъ, кн. XVI, стр. 306—307.

когда жизнь притаилась и смолкла и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія».

Тонъ этой статьи весьма и весьма не понравился именно его независимостью. Въ слѣдующемъ, т.-е. второмъ и послѣднемъ нумерѣ «Паруса» Аксаковъ писалъ: «Найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренные люди, которые опрокинутся и на нѣкоторыя помѣщаемыя вслѣдъ за симъ статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ, по мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силою... Нападать на эти статьи, значитъ сочувствовать грубой силѣ, значитъ желать своему отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе».

«Но, повидимому, тогдашняя цензура,—говоритъ вслѣдъ за приведеніемъ этихъ строкъ г. Барсуковъ,—не раздѣляла мнѣній И. С. Аксакова и признавала вредными не только его статьи, но и нѣкоторыя статьи его сотрудниковъ, какъ, напр., статью ярославскаго мѣщанина Ѳ. Стратилатова, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ», и статью Н. А. Елагина «Законъ 1848 года 3-го марта». Но особенное вниманіе цензуры обратила на себя вниманіе во второмъ номерѣ «Паруса» статья Погодина, которая, выражаясь языкомъ цензуры того времени, «своимъ вмѣшательствомъ въ виды и соображенія правительства, своими несообразными съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства сужденіями, не могла быть признана умѣстною въ печати» *).

*) Барсуковъ, кн. XVI, стр. 314—315. Въ этомъ дѣлѣ довольно ярко проявились нравственныя качества Погодина. Въ качествѣ редактора, Аксаковъ сдѣлалъ въ статьѣ Погодина два-три крайне неважныхъ измѣненія, увидѣвъ которыя Погодинъ,

3-го января 1859 года, какъ мы сказали, вышелъ первый нумеръ «Паруса», а 14-го января того же года Погодина посѣтилъ цензоръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и сообщилъ ему «о кончинѣ «Паруса». До какой степени таинственность по отношенію къ печати продолжала еще царить въ этотъ «доисторическій періодъ» нашей прессы, видно изъ того, что даже имѣвшій обширныя связи въ цензурномъ мірѣ Никитенко не зналъ ничего навѣрно о судьбѣ «Паруса» и въ разное время заносилъ въ свой дневникъ и различные слухи.

«16-ое января (1859 года). *Говорятъ*, «Парусъ» запрещенъ. Его вышло всего два номера.

«17-ое января «Парусъ» не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, т.-е. третій номеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

«23-го января: Говорятъ, N. N. *) изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель «Паруса» И. С. Аксаковъ былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы Государь на это согласился. Это была бы большая ошибка». «26 января. Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ» **).

И такъ, то, что зналъ въ Москвѣ и сообщилъ Погодину еще 14 января Гиляровъ-Платоновъ, то, наконецъ, узналъ 26-го въ Петербургѣ Никитинко. А когда и какъ узнала публика, особенно въ провинціи, объ этомъ исторія попрежнему умалчиваетъ...

Вскорѣ послѣ запрещенія «Паруса» возникла мысль, что славянофильскій органъ, тѣмъ не менѣе, необходимъ по соображеніямъ внѣшней политики. 13-го февраля 1859 года П. А. Плещеевъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Парусъ» Аксаковыхъ подвергли запрещенію. Между тѣмъ, дошла до высшей инстанціи пущенная въ ходъ идея, что западные славяне примутъ это запрещеніе, какъ соучастіе нашего правительства въ преслѣдованіи славянской національности правительствомъ австрійскимъ. И это обратило мысли на возрожденіе славянофильскаго журнала. Онъ будетъ вновь выходить подъ редакціей Чижова и подъ названіемъ «Пароходъ» ***). Плетневъ поспѣшилъ сообщить въ качествѣ

считавшій Аксакова своимъ «другомъ», хотѣлъ жаловаться на него... московскому генералъ-губернатору Закревскому, о чемъ и поставилъ въ извѣстность письмомъ самого Аксакова. Въ отвѣтъ на это неизмѣримо болѣе благородный Аксаковъ писалъ Погодину: «Возвращаю вамъ ваше письмо ко мнѣ. Я не привыкъ у себя держать такія письма. Хотя это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи служитъ документомъ того, къ чему вы *способны* (курсивъ Аксакова), однако я и безъ него буду помнить, что вы готовы были жаловаться Закревскому и вообще не прочь были бы прибѣгнуть къ полиціи... Такія вещи не забываются и не должны быть забываемы; онѣ даютъ возможность цѣнить степень искренности и прочности вашей дружбы». (Барсуковъ, стр. 319). *) Подъ N. N. значится Тимашевъ.

) Никитенко. Томъ второй. Стр. 125—126. *) Барсуковъ. Стр. 418.

факта одни къ нему приготовленія. Переписка о «Пароходѣ» (на названіе это, какъ напоминающее «Парусъ», не соглашались въ высшихъ сферахъ и рекомендовали назвать новый журналъ «Славянскимъ Вѣстникомъ»), дѣйствительно, велась довольно дѣятельно, но условія его изданія были таковы, что 27-го марта 1859 года московскій цензурный комитетъ послалъ министру народнаго просвѣщенія донесеніе, въ которомъ значилось: «Чижовъ на предложенныхъ ему условіяхъ издавать газету не соглашается». Тѣмъ и кончилась эта затѣя. Вмѣсто «Славянскаго Вѣстника» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появился новый отдѣлъ, озаглавленный «Славянскія земли»; славянофилы же типа Аксаковыхъ продолжали находиться «на подозрѣніи...»

Еще одно послѣднее сказаніе и «доисторическій періодъ» нашего повѣствованія оконченъ. Это «сказаніе» относится къ начавшей издаваться въ 1859 году въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газетѣ «Слово», редакторомъ которой былъ очень извѣстный въ свое время польскій дѣятель Іосафатъ Огрызко. Газета эта была очень недолговѣчна и скоро подверглась тяжкой карѣ за помѣщеніе письма знаменитаго польскаго историка Іоахима Лелевеля. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ трудѣ г. Барсукова.

«23-го февраля 1859 года намѣстникъ Царства Польскаго сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что при всеподданнѣйшемъ докладѣ представлена была имъ государю выписка изъ фельетона № 15 польскаго журнала «Слово», заключающая въ себѣ письмо Лелевеля къ издателю газеты Огрызко. Государю благоугодно было повелѣть: изданіе этого журнала воспретить и подвергнуть взысканію какъ Огрызко, такъ и профессора петербургскаго университета Чайковскаго, о которомъ упоминается въ письмѣ Лелевеля. «Изъ собранныхъ министромъ свѣдѣній оказалось, что упомянутый фельетонъ обратилъ на себя вниманіе цензора, затруднявшагося разрѣшить статьи съ подписью эмигранта Іоахима Лелевеля, но, получивъ разрѣшеніе попечителя петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова, онъ не счелъ себя въ правѣ отказать въ напечатаніи. Деляновъ же, въ своемъ письмѣ къ князю В. А. Долгорукову, показалъ, что редакторъ «Слова», прежде напечатанія статьи, предъявилъ ему оную, и Деляновъ, имѣя въ виду, что въ ней говорится о Лелевелѣ вовсе не какъ о политическомъ въ свое время дѣятелѣ, а единственно какъ о писателѣ, извѣстномъ въ ученомъ мірѣ своими историческими, географическими и этнографическими изысканіями, что у насъ не запрещено писать объ эмигрантахъ по отношенію ихъ къ наукѣ, и что даже его величеству благоугодно было дозволить изданіе сочиненія эмигранта Мицкевича, то онъ, съ своей стороны, не призналъ эту статью, подлежащею запрещенію». Въ заключеніе Деляновъ присовокупилъ: «изъ вышеизложеннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что, если въ настоящемъ случаѣ есть какая-либо вина, то послѣдствія оной должны падать на меня».

«Письмо Делянова было представлено Государю, и князь Долгоруковъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь «изволилъ найти оправданіе тайнаго совѣтника Делянова совершенно неосновательнымъ». За Делянова вступился министръ народнаго просвѣщенія и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ: «Смѣло можно ручаться за чистоту направленія и преданность Вашему Величеству попечителя Делянова. Все это, по крайнему моему убѣжденію, много уменьшаетъ его вину и даетъ мнѣ право ходатайствовать за него предъ Вашимъ Величествомъ».

«Въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго доклада министръ писалъ: «Что касается до редактора газеты «Слово» Огрызко и профессора польскихъ законовъ въ петербургскомъ университетѣ Чайковскаго, то они виновны въ томъ, что первый изъ нихъ рѣшился писать и просить сотрудничества въ своей газетѣ человѣка, опозорившаго себя преступными своими дѣйствіями противъ Россіи, а второй состоялъ въ сношеніи съ Лелевелемъ. Но переписка съ нимъ обоихъ сихъ лицъ не представляетъ никакой злонамѣренности, потому что они сами же ее огласили. Впрочемъ, эти проступки, по существу своему, относятся болѣе къ полицейской власти и выходятъ изъ предѣловъ министерства народнаго просвѣщенія, а потому я и не считаю себя въ правѣ дѣлать объ нихъ рѣшительное заключеніе. Осмѣливаюсь, однако-жъ, всеподданнѣйше доложить, что Чайковскій около пятнадцати лѣтъ преподаетъ польскіе законы въ университетѣ и не замѣченъ ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ» *).

Эта исторія произвела сильное впечатлѣніе и породила множество толковъ. Въ дневникѣ Никитенко существуетъ цѣлый рядъ по этому поводу интересныхъ записей, которыя мы и воспроизведемъ.

27-ое февраля 1859 г.). «Правда ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты Огрызко посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ кн. М. Д. Горчакова, намѣстника царства польскаго, который и теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля—письмо само по себѣ, можетъ быть, и невинное, но преступное потому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе **).

Закрытіемъ «Слова» и оканчивается тотъ періодъ русской журналистики, который мы назвали въ самомъ началѣ нашей работы «доисторическимъ». Наступили шестидесятые годы, а съ ними пришли и существенныя перемѣны въ условіяхъ жизни русской журналистики.

В. Богучарскій.

---

*) Барсуковъ. Кн. XVI, стр. 363—365. **) Никитенко. Томъ второй стр. 137.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Бѣглый взглядъ на литературу за истекшій годъ.—Бѣдность ея и отсутствіе жизни.—Послѣднія литературныя новости.—«Въ туманѣ», разсказъ г. Андреева.—«Одна за многихъ».—Невѣрное и наивное рѣшеніе вопроса въ очеркѣ «Ѵеr'ы».—Художественная красота разсказа г. Андреева.—Его общественное значеніе.

Чѣмъ можно помянуть прошлый годъ въ литературѣ?

Вотъ вопросъ, на который мы положительно затрудняемся отвѣтить,—до того общая картина литературы сливается въ сѣрую, однотонную, безформенную мглу, въ которой, какъ въ туманные осенніе сумерки, кое-гдѣ проблескиваютъ неопредѣленные, тусклые огоньки. Но огоньки не освѣщаютъ окружающаго неподвижно нависшаго тумана, расплываясь въ его тяжеломъ бѣлесоватомъ мракѣ, который поглощаетъ безслѣдно отдѣльные яркіе лучи, безсильные пробиться сквозь его густую непроглядную сѣть. Возьмемъ ли мы журналистику, въ которой ютится пока значительнѣйшая часть литературы, предъ нами проходитъ рядъ блѣдныхъ очерковъ, беллетристическихъ, публицистическихъ, научно-популярныхъ, и проч., и всѣ они страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: духа жизни не чувствуется въ нихъ. Правда, два-три талантливыхъ и яркихъ произведенія мы могли бы назвать, но они только подчеркиваютъ общую блѣдность и безжизненность. Посмотримъ ли мы на нашу сцену, тамъ дѣло обстоитъ едва-ли не хуже. Вѣдь, если могло попасть на сцену и даже вызвать нѣкоторый шумъ,—не говоримъ, имѣть успѣхъ, ибо это была бы величайшая ложь,—такое до слезъ жалкое «произведеніе» (къ сожалѣнію, не можемъ подобрать для него названіе), какъ «Сонъ Услады», значитъ, сцена дѣйствительно низко пала.

Духъ жизни отлетѣлъ отъ литературы... Что же это значитъ? Неужели писатели отгородились отъ жизни, замкнулись въ какихъ-то невѣдомыхъ чертогахъ и созерцаютъ невѣдомыя красоты? Этого не можетъ быть уже по существу писательской организаціи. Писатель, какъ таковой, не мыслимъ, если онъ не находится въ тѣснѣйшей связи съ жизнью, которую онъ понимаетъ и видитъ ближе и глубже, чѣмъ другіе. Быть писателемъ, это значитъ сильнѣе другихъ чувствовать жизнь, воспроизводить ее въ своихъ произведеніяхъ, вскрывая ея скрытый смыслъ и разъясняя его другимъ. Такъ было всегда, такъ оно и теперь. Но бываютъ времена, когда между писателемъ и жизнью становится нѣчто чуждое имъ, препятствующее ихъ единенію, и тогда литература полу-

чаетъ отрывочный характеръ, перестаетъ отражать жизнь или даетъ искаженные образы. Именно тѣ стороны жизни, которыя особенно сильно выдвигаются впередъ, остаются въ литературѣ безъ освѣщенія, а вмѣсто нихъ передъ читателями безпорядочно мечутся задворки жизни. Являются, конечно, и «свои» писатели, которые усиленно стараются убѣдить читателя, что въ этихъ задворкахъ вся сила, что тутъ и есть скрытый смыслъ всего сущаго. Усиленно выдвигаются на первый планъ старая ветошь и отжившіе остатки старины, и устами той или иной «Услады» вѣщаютъ, что намъ ничего лучшаго и не надо, что всякія требованія «новшества» только измѣна истиннымъ запросамъ народной жизни. А такъ какъ послѣдняя молчитъ, то со стороны оно, пожалуй, и можетъ казаться, что въ этихъ «сладкихъ» увѣреніяхъ есть доля правды.

Но именно только «кажется», и сами «Услады» не вѣрятъ въ то, что вѣщаютъ, не говоря уже о массѣ читателей, которую не проведешь такими «вѣщими» рѣчами. Въ этой массѣ есть особый инстинктъ правды, руководящій ею безсознательно, благодаря которому она такъ вспыхиваетъ отъ первой искры настоящаго свѣта, такъ бурно откликается при первомъ словѣ настоящей не «подслащенной» правды. Даже самое молчаніе литературы гораздо краснорѣчивѣе для этой читательской массы, чѣмъ велерѣчіе «своихъ» писателей, бряцающихъ въ кимвалы и тимпаны въ честь разныхъ Вааловъ текущей минуты.

Для литературы отъ этого, конечно, не легче, такъ какъ не можетъ она не томиться жаждой жизни, утолить которую можетъ, лишь черпая полными пригоршнями изъ общаго жизненнаго источника.

Литература лишь по стольку и жива, по скольку она искренняя и правдива. Даже если она ошибается, принимая созданія своей фантазіи за живую жизнь, она не можетъ пѣть по указу, по предписаніямъ, и если не можетъ пѣть по-своему, такъ, какъ ей кажется лучше и какъ хочется, литература невольно замолкаетъ. Но чего стоитъ это молчаніе! Чего стоитъ сознаніе, что жизнь уходитъ отъ писателя, и онъ, положеніе котораго должно быть всегда впереди, на аванпостахъ жизни, отсталъ отъ послѣдней и тащится въ арріергардѣ, какъ лѣнивый и плохой солдатъ. И при этомъ — еще несправедливые упреки за эту вынужденную, невольную отсталость!..

И тѣмъ не менѣе такъ непреодолима жажда писательства, что все же... «живъ, живъ, курилка-журналистъ»! Отлично сознавая всю свою безпомощность, все свое одиночество и оброшенность, писатель тянетъ свою лямку. Есть въ этомъ, очевидно, нѣчто страшное, стихійное, превыше его воли, если ни при какихъ условіяхъ онъ не можетъ бросить скверной привычки писать. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, по человѣчеству судя, если оглянуться на прошлое, чего-чего съ нимъ ни продѣлывали! И жгли, и въ жерновахъ мололи, а ему все неймется, все онъ находитъ лазѣйки и пути, чтобы протащить ту крупицу свободы мысли, безъ которой заглохла бъ нива жизни, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе передавать свой потаенный фонарикъ, безъ котораго тьма объяла бы жизнь, чтобы постоянно напоминать людямъ о высшей цѣли бытія, безъ чего мы превратились бы въ скотовъ безсловесныхъ. Не значитъ-ли это, что самая борьба съ

писательской жаждой жизни безцѣльна и безрезультатна, какъ безцѣльны и безрезультатны были бы попытки погасить солнце? Предоставимъ астрономамъ доказывать, что въ свое время оно погаснетъ, ибо всему конецъ бываетъ на свѣтѣ, и въ этомъ величайшее утѣшеніе въ жизни,—но пока оно горитъ,—

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Вотъ тотъ лозунгъ, вотъ что стояло, стоитъ и будетъ стоять на знамени литературы, на этомъ истрепанномъ, выцвѣтшемъ, но любезномъ сердцу всякаго гражданина и человѣка знамени, при видѣ котораго оживаетъ надежда и неумирающая вѣра въ побѣду правды и свѣта надъ ложью и тьмой. Пусть бываютъ времена, когда это знамя тащится въ хвостѣ, вмѣсто того, чтобы сіять впереди, но и тамъ оно свѣтитъ, дѣлаетъ свое дѣло и помогаетъ выбирать вѣрную дорогу. Не бѣда, если читатель недостаточно цѣнитъ его и больше озабоченъ цѣлостью своего кармана, чѣмъ достоинствомъ литературы, это ужъ не наша забота. Нечего смущаться и жертвами, ихъ было не мало, будетъ еще больше, но не забудемъ, что «тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Важно одно не выронить этотъ «булатъ» изъ своихъ рукъ, пока есть силы, и передать его чистымъ и незапятнаннымъ тому, кто будетъ послѣ насъ...

Возвращаясь къ вопросу, поставленному нами вначалѣ, мы должны отмѣтить, что наибольшее вниманіе читателей и критики привлекалъ въ истекшемъ году молодой писатель Л. Н. Андреевъ. Три изданія въ одинъ годъ, рядъ критическихъ статей, хвалебныхъ и бранчивыхъ отзывовъ, шумъ около каждой имъ написанной вещи («Бездна», «Мысль»)—все выставило его на первый планъ, и новое его произведеніе «Въ туманѣ», только что появившееся въ «Журналѣ для всѣхъ», даетъ новый поводъ для шума около его имени, новую пищу цѣнителямъ и противникамъ этого выдающагося таланта. И дѣйствительно, «Въ туманѣ» такое произведеніе, которое способно расшевелить даже очень хладнокровнаго и безчувственнаго читателя. И содержаніе, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ вообще, а въ наше время получившій еще особое значеніе, благодаря обостренію вопросовъ личной морали, и обработка, вполнѣ достойная вопроса, все это дѣлаетъ новое произведеніе г. Андреева достойнымъ всяческаго вниманія.

Но прежде чѣмъ высказать нѣкоторыя мысли по этому поводу, мы коснемся другого произведенія—иностраннаго автора, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Vera», «Одна за многихъ», которое одновременно вышло у насъ въ нѣсколькихъ переводахъ. Шумъ, поднятый имъ у себя на родинѣ, въ веселой и грѣшной Вѣнѣ, перекатился и къ намъ, и нельзя не признать, что поводовъ для него «Одна за многихъ» даетъ достаточно. То, что побудило насъ сопоставить два произведенія столь различныя, какъ увидимъ, по существу, заключается въ общности не темы, а того вопроса, который остановилъ на себѣ вниманіе этихъ авторовъ. Вопросъ этотъ—вопросъ половой этики, но темы у того и другого автора различны.

«Одна за многихъ»—это новая попытка дать свое рѣшеніе вопроса объ обязательности добрачнаго цѣломудрія для мужчины, какъ оно обязательно для

*

женщины. Это не новое освѣщеніе вопроса, возбужденнаго Бьернсономъ въ его драмѣ «Перчатка», но вопросъ здѣсь поставленъ рѣзче и рѣшительнѣе. Героиня Бьернсона отказываетъ жениху, узнавъ о его добрачной связи съ женщиной. «Одна за многихъ» кончаетъ съ собой, не будучи въ силахъ вынести мысли, что ея избранникъ не чистъ физически, имѣлъ связь съ женщиной безъ любви. «Я не могу стать твоею! Я употребила всѣ усилія воли на то, чтобы заполнить раздѣляющую насъ пропасть. Напрасно. Я не въ состояніи побороть своихъ чувствъ. Съ тобой моя жизнь должна была бы погрязнуть въ вѣчной лжи».

Чтобы понять этотъ вопль оскорбленной чистоты, необходимо познакомиться подробнѣе съ жизнью героини, которая рекомендуетъ себя, какъ одну изъ многихъ, приносящую себя въ жертву за многихъ. Ея дневникъ, оставленный ею въ даръ ея жениху, даетъ намъ представленіе о ней, какъ о дѣвушкѣ изъ обычнаго мѣщанскаго круга со всѣми его узкими взглядами на жизнь, долгъ, добродѣтели и пороки. Она хочетъ выйти замужъ не иначе, какъ по любви, и страшно возмущается своей подругой, которая «продала себя» ради хорошей партіи человѣку, уже пожилому, пожившему, но богатому. Ея отецъ и мать, напротивъ, вполнѣ одобряютъ такую партію и ссылаются на свой примѣръ. Но героиня уже тронута высшими потребностями жизни. Ее не удовлетворяетъ сытая, обезпеченная жизнь, въ которой такъ мало мѣста чувству, уму, словомъ душѣ, и все посвящается Мамону. «Я испытываю ужасъ передъ болотомъ, передъ низиной. Я хочу вдыхать свѣжій, чистый, прозрачный воздухъ высотъ. Я хочу попытаться стать собой, я хочу возвратить своей личности всю кристалличность ея собственныхъ исконныхъ свойствъ... У меня несчастный характеръ, продуктъ обезпеченной сытой жизни. Ни желаній, ни радости! Въ довольствѣ и изобиліи чахнетъ, истощается энергія души. Силы слабѣютъ безъ напряженія. Плугъ ржавѣетъ въ сараѣ. Поэтому я часто говорю себѣ: если бы я была поставлена въ необходимость работать, если бы нужда вогнала меня въ работу, если бы мнѣ была знакома забота о завтрашнемъ днѣ, можетъ быть, я была бы свѣжѣе, здоровѣе, радостнѣе... А это сытое довольство въ вѣчной неудовлетворенности, эта буржуазная фанатическая приверженность къ комфорту, они убиваютъ не только способность къ серьезной работѣ, но даже самое стремленіе къ ней». Она жалуется далѣе на одиночество въ семьѣ, гдѣ ей чужда вся основа окружающей жизни. Даже любимый человѣкъ, ея Георгъ, избранникъ ея сердца не понимаетъ ея, и она справедливо жалуется на обычное мужское пренебреженіе къ запросамъ женщины на высшую жизнь. Ее смущаютъ и возмущаютъ стремленія мужчины слить женщину со своимъ «я», сдѣлать ее лишь частью его, «орудіемъ своей власти, обстановкой своего комфорта».

Но она любитъ его, любитъ сильно, страстно, и мысль о полномъ единеніи наполняетъ ее блаженствомъ. Осуществленію его мѣшаетъ пока необезпеченность Георга. И вотъ приходитъ минута, когда онъ получаетъ мѣсто адъюнкта въ университетѣ, всѣ препятствія благополучно устранены, и наша парочка почти наканунѣ свадьбы. Какъ вдругъ и происходитъ катастрофа. Однажды, возвращаясь съ женихомъ изъ театра, они встрѣчаютъ женщину, видъ которой сму-

тилъ Георга. На вопросъ, что съ нимъ и почему эта встрѣча его такъ смутила, Георгъ признается, что у него нѣсколько лѣтъ тому назадъ была связь съ нею. Такое признаніе вызвало вполнѣ естественное чувство, «смѣшанное изъ отчаянія, разочарованія, злобы и ревности». «Онъ такъ часто клялся мнѣ въ томъ, что никогда до меня не любилъ ни одной женщины. Я слѣпо увѣровала въ это и считала его неспособнымъ сойтись съ женщиной безъ любви... какъ другіе... безъ любви! Въ этомъ столько низкаго и отвратительнаго». Георгъ, пользуясь этимъ моментомъ, раскрываетъ ей всю свою прошлую жизнь, которая, какъ и у огромнаго большинства людей его среды, была далеко не безупречна,— и ужасъ невѣсты возрастаетъ. «Онъ велъ половую жизнь большинства мужчинъ. Легко разрываемыя связи, не закрѣпленныя никакими узами чувствъ, оплачиваемая любовь съ ея неразборчивыми животными инстинктами,—жизнь, въ которой расточалось самое высокое. Онъ отшвырнулъ отъ себя свою чистоту, какъ грязный лоскутъ бумаги. Онъ никогда и не зналъ цѣны этой чистоты. Онъ ни разу не подумалъ о томъ, что существо, которое когда-нибудь отдастся ему съ полной, чистой преданностью, можетъ потребовать отъ него этой чистоты».

Послѣ этой знаменательной минуты въ душѣ героини начинается мучительная борьба. Она заноситъ въ дневникъ рядъ вполнѣ вѣрныхъ мыслей о необходимости одинаковой морали для мужчины и женщины, возмущается условіями добрачной жизни большинства мужчинъ, отмѣчаетъ, что въ обезпеченныхъ кругахъ это встрѣчается чаще, чѣмъ въ бѣдныхъ, гдѣ мущины женятся раньше.

Все это много разъ говорилось и раньше, и пока мы не узнаемъ ничего, что противорѣчило бы правдѣ. Наступаетъ, однако, моментъ, когда героиня должна и для себя рѣшить вопросъ, какъ же ей быть съ открывшимся фактомъ, какъ поступить въ своемъ личномъ дѣлѣ. Георгъ кается, взываетъ къ ея великодушію, говоритъ, что раскаяніе очищаетъ душу, что «жизнь, полная самопожертвованія, можетъ искупить прошлое». Въ отвѣтъ Вѣра бросаетъ ему холодную сентенцію: «Раскаяніе не поможетъ, если чистота потеряна». И окончательно добиваетъ его вопросомъ: «Могъ ли бы ты жениться на проституткѣ?» «Онъ взглянулъ на меня испуганно и тихо покачалъ головой. А я молчала и подумала про себя: «Всѣ эти мужчины нисколько не лучше проститутокъ». Онъ, должно быть, понялъ мои мысли, потому что вдругъ какъ-то съежился, точно отъ удара».

Борьба кончается катастрофой: Вѣра не можетъ пересилить, съ одной стороны, отвращенія при мысли о прежней жизни своего будущаго мужа, съ другой—ею овладѣваетъ отчаяніе, что она не можетъ совладать со своимъ чувствомъ къ нему. «Я не могу обманывать человѣка, котораго люблю больше всего на свѣтѣ. Не могу я также броситься въ его объятія съ чувствомъ физическаго отвращенія. Я не могу жить съ нимъ... подъ гнетомъ неизгладимаго, унизительнаго воспоминанія о его прошломъ. Но я отъ этого люблю его не меньше. И именно потому, что я не могу жить съ нимъ... и не могу жить безъ него... я избираю послѣдній путь».

Рѣшивъ покончить съ собой, Вѣра утѣшаетъ себя сознаніемъ, что «люди, которые со своими загрубѣлыми взглядами смѣялись надъ моими мыслями, какъ

надъ неисполнимыми фантазіями, мужчины, которые—не безъ скрытаго сознанія своей вины — глумились надо мной... перестанутъ на минуту смѣяться, когда узнаютъ о моей участи. И не одна чистая, тонко чувствующая женщина... пойметъ мои страданія — можетъ быть, сама испытаетъ и переживетъ ихъ... И если бы мнѣ удалось положить хоть одинъ камешекъ въ дивное зданіе болѣе чистаго, цѣломудреннаго будущаго... то я считаю, что не слишкомъ дорого плачу за это цѣной моей жизни».

Трогательныя и высокія слова, но... мы думаемъ, что Вѣра ошиблась. Мы оставляемъ въ сторонѣ ея узко личное чувство, то отвращеніе, котораго она не могла преодолѣть. Здѣсь не приходится разсуждать. Возможно,—есть такія тонкія организаціи, которыя, при столкновеніи съ суровыми условіями жизни, не выдерживаютъ и разбиваются, какъ тотъ драгоцѣнный венеціанскій хрусталь, столь тонкой и изящной работы, что онъ не выдерживаетъ перевозки и имъ можно любоваться только на мѣстѣ. Но для «дивнаго зданія болѣе чистаго, цѣломудреннаго будущаго» требуются болѣе крѣпкіе «камешки», способные выдержать борьбу за это будущее, вынести тяжкое давленіе всѣхъ условій современной жизни, полной лжи, насилія и обмана.

Есть одна грубая, основная ошибка въ размышленіяхъ Вѣры: она, какъ истый фанатикъ, свела всю жизнь и мораль къ одному догмату—физическая чистота. «Раскаяніе не поможетъ, если чистота потеряна»,—такъ рѣшаетъ именно фанатикъ, посылая другого на костеръ съ святой вѣрой, что огонь лучшее средство въ борьбѣ съ грѣхомъ или съ тѣмъ, что онъ считаетъ за грѣхъ. Распространяя свою мысль, она въ другомъ мѣстѣ приходитъ къ еще болѣе рѣшительному выводу: «Индивидуализмъ и принципъ солидарности, всѣ борющіяся между собой теченія современности идутъ изъ безконечности по разнымъ направленіямъ и стремятся слиться въ одномъ пунктѣ. Я думаю, что этотъ пунктъ находится въ области половой этики, которая наряду съ экономическими вопросами имѣетъ самое важное и рѣшающее значеніе для будущаго, и которая неразрывно связана со всѣми вопросами современности». Такое сведеніе всей жизни къ половой этикѣ намъ представляется крайностью, которая граничитъ съ болѣзненностью, мы могли бы сказать почти съ своеобразной эротоманіей.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ немного разобраться въ догматѣ Вѣры—половая чистота—главный пунктъ жизни, и кто ее утратилъ, тотъ конченный, погибшій человѣкъ. Для него, какъ для бѣдной Маргариты, нѣтъ спасенія, его долженъ вѣчно преслѣдовать голосъ возмущенной совѣсти: «Ты погибъ!» Высшій судъ, однако, оправдываетъ Маргариту, найдется, быть можетъ, и для нашего грѣшника, если не оправданіе, то право на помилованіе. Этотъ грѣшникъ могъ бы указать, что въ громадномъ большинствѣ онъ скорѣе грѣшникъ безсознательный, совершающій свое паденіе еще тогда, когда онъ далеко не сознаетъ того, что совершаетъ, когда онъ слишкомъ слабъ и безволенъ, чтобы побороть жгучую силу инстинкта. Онъ могъ бы указать и на уродливо поставленное воспитаніе, на что намекаетъ и сама строгая героиня, занося въ дневникъ справедливыя мысли: «свободныя, товарищескія отношенія между лицами разныхъ половъ до сихъ поръ еще клеймятъ, какъ что-то запретное, и этимъ только

придаютъ имъ особенную прелесть и дѣлаютъ ихъ чѣмъ-то соблазнительнымъ и опаснымъ. Боятся, что эта дружба запятнаетъ доброе имя, что болото сплетенъ засосетъ молодую дѣвушку, и ея чистота, высшее сокровище, которымъ она обладаетъ, осквернится подъ вліяніемъ предразсудка... Въ усиленномъ, почти граничащемъ съ безнравственностью, подчеркиваніи чисто полового момента въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной не малую долю вины несетъ эта система разобщенности половъ. Благо тому поколѣнію, которое когда-нибудь доживетъ до лучшихъ, болѣе здоровыхъ временъ». Онъ могъ бы указать и на страшную силу экономическихъ причинъ, все болѣе и болѣе удлиняющихъ срокъ вступленія въ бракъ, и на ненормальности въ самой жизни, этой нездоровой городской атмосферы, губящей столько чистыхъ и лучшихъ силъ. Но въ конечномъ итогѣ, несомнѣнно, не въ этомъ сила его оправданія.

Физическая чистота, могъ бы онъ сказать, еще не духовная чистота, и мы достаточно пережили, чтобы умѣть разбираться, гдѣ граница той и другой. Вѣра, по ея словамъ, поражаетъ, какъ ударомъ, своего жениха словами: «могъ ли бы ты жениться на проституткѣ?» Художественная литература уже давно дала отвѣтъ на этотъ вопросъ. Французскій поэтъ рѣшилъ его въ великолѣпномъ стихѣ: «Моя любовь возвратитъ тебѣ невинность». У насъ, начиная съ Сони Мармеладовой и до Катюши въ «Воскресеніи», вопросъ этотъ выясненъ и выраженъ съ поразительной тонкостью и глубиной. Всѣ почти наши великіе писатели коснулись его и дали утвердительный отвѣтъ, ибо они стояли выше буржуазной морали, на которой въ концѣ концовъ стоитъ и великолѣпная въ своей утонченности Вѣра. Да, буржуазной, какъ и всякая мораль, ставящая субботу выше человѣка.

Вопросъ этотъ, какъ ни кажется онъ самой Вѣрѣ новъ и глубокъ, въ сущности рѣшенъ давнымъ давно, и рѣшеніе это гласитъ, что не тѣлесная чистота есть главная, а духовная. «Не то, что въ уста, а то, что изъ устъ» грязнитъ человѣка. Спору нѣтъ, счастливъ и достоинъ всяческой зависти и уваженія, кто сумѣетъ подняться до пониманія истинной духовной чистоты, сохранивъ въ тоже время и тѣлесную. Таковъ великій идеалъ свободной личности, который лишь смутно мерещится бѣдной Вѣрѣ, но до котораго она тѣмъ не менѣе не додумалась. Въ противномъ случаѣ она бы поняла, что ея искренно кающійся женихъ, готовый цѣлой жизнью, «полной самопожертвованія», искупить свою вину, гораздо выше и чище теперь, чѣмъ когда онъ былъ еще тѣлесно непороченъ, какъ новорожденный младенецъ.

Трудной и тяжкой дорогой ошибокъ и паденія покупаемъ мы право на высшій судъ и высшее пониманіе жизни, и Вѣра, безповоротно осудившая эту жизнь, не имѣетъ этого права. Безполезна ея жертва, не вытекающая изъ сознанія необходимости и блага ея для другихъ. Легко судить такъ тому, кто самъ не пережилъ ни ошибокъ, ни паденій, кто изъ узенькаго круга личной жизни не выходилъ на арену житейской борьбы, полную труда, столкновеній и невѣрныхъ дѣйствій. Вѣра не выдержала перваго, далеко не самаго тяжкаго удара, какіе наноситъ подчасъ безпощадная судьба, и доказала своей легкомысленной смертью только полную свою негодность къ жизни. Она, можно ска-

зать, переросла ту буржуазную сферу, которая ее окружаетъ, но не могла достигнуть высшей, подняться на «высоту, гдѣ свѣжій, чистый, прозрачный воздухъ». Она прочувствовала, поняла и справедливо осудила мораль «низинъ», «болота», гдѣ превосходно чувствуютъ себя ея родители, противящіеся ея стремленіямъ къ браку по любви. Но у нея не хватило ни ума, ни силы воли довершить разрывъ съ низиной, отбросить всякую догматику, всѣ путы, связывающіе нравственную личность, мѣшающіе ей «сорвать всѣ покрывала съ наготы души, всѣ оковы свободнаго саморазвитія», какъ она мечтала въ началѣ своего дневника. Тогда она поняла бы, прежде всего, что ее отдѣляетъ отъ Георга больше всего его непониманіе ея, какъ женщины, желающей быть не только его женой, но прежде всего свободной личностью. На это непониманіе она жалуется какъ-то мимоходомъ, вскользь, не придавая ему особаго значенія. Тогда какъ для насъ здѣсь лежитъ корень ея несчастья. Если бы ея женихъ былъ выше по уму, по чувству, по стремленіямъ къ свободной жизни, онъ понялъ бы ея отвращеніе къ его тѣлесному проступку и съумѣлъ бы ее поднять на ту высоту, съ которой этотъ проступокъ показался бы ей печальной необходимостью, въ то же время способствовавшей и ему, и ей постичь высшую, духовную чистоту. Въ томъ и несчастье ея жизни, что Георгъ — чистѣйшій мѣщанинъ въ душѣ, для котораго его адъюнктство на первомъ планѣ, а она, Вѣра, — какъ жена, равное ему и сознательное существо, жена не-любовница, а товарищъ и другъ въ борьбѣ,—только придатокъ къ «обстановочкѣ». Мужественно переживъ это первое разочарованіе, она поняла бы и другую истину, что въ жизни не все рѣшается половой этикой, какъ ни важна послѣдняя сама по себѣ. Порвавъ съ моралью низинъ, по которой всякій человѣкъ долженъ приспособляться къ жизни, она выступила бы на путь приспособленія жизни къ себѣ, такъ, чтобы ея свободная личность могла порвать оковы и стать сама собой.

Но для нѣмецкой Вѣры и то уже огромный шагъ впередъ, что она *заговорила* о равноправности этической. Вѣдь до сихъ поръ нѣмецкая женщина еще почти не вышла изъ круга понятій «дѣльной хозяйки» (tüchtige Hausfrau), и мы понимаемъ, что протестъ Вѣры вызвалъ такой негодующій шумъ въ нѣмецкомъ буржуазномъ обществѣ. Какъ можетъ дѣвушка говорить о такихъ вещахъ, требовать одинаковой морали для мужчины и женщины, осудить безповоротно мужчину за потерю цѣломудрія?! Это былъ несомнѣнный скандалъ въ благородномъ семействѣ. Но чего мы никакъ не можемъ понять, такъ это протестовъ, раздающихся противъ разсказа г. Андреева «Въ туманѣ», въ которомъ затронутъ то же важный вопросъ, лучше сказать рядъ вопросовъ, связанныхъ тоже съ половой моралью. Страннымъ кажется намъ этотъ протестъ послѣ хотя бы «Крейцеровой Сонаты». Какъ тогда негодующіе критики огуломъ рѣшили, что Позднышевъ психопатъ, маніакъ, эротоманъ, типъ, достойный Крафтъ-Эбинга, такъ и теперь въ героѣ разсказа «Въ туманѣ», бѣдномъ Павлѣ Рыбаковѣ хотятъ видѣть патологическаго субъекта, вырожденца и маніака.

Такъ ли это однако?

Редакція нашего журнала, потому ли, что его читаютъ преимущественно молодые люди — не знаю, часто получаетъ разные запросы отъ молодежи,

въ числѣ ихъ есть одинъ, который упорно повторяется изъ года въ годъ. И въ настоящій моментъ предо мною лежитъ письмо «студента варшавскаго университета» съ просьбой—указать, есть ли въ Россіи общество для «нравственнаго усовершенствованія». Пишущій добавляетъ, что «такое общество помогло бы мнѣ въ борьбѣ... съ порокомъ проституціи». Такія письма это своего рода вопль измученной въ непосильной борьбѣ души, и разсказъ г. Андреева — и отвѣтъ на этотъ вопль, и чудная иллюстрація къ нему.

Въ туманный и слякотный день, столь хорошо знакомый каждому жителю столицы, Павелъ Рыбаковъ, юноша, оканчивающій гимназію, валяется въ своей комнатѣ на кровати и мучится тяжелыми думами и еще больше тяжелыми воспоминаніями. «—Скучно... Скучно!—протяжно говоритъ Павелъ, закрываетъ глаза и вытягивается такъ, что носки сапогъ касаются желѣзныхъ прутьевъ кровати. Углы густыхъ бровей его скосились и все лицо передернула гримаса боли и отвращенія, странно исказивъ и обезобразивъ его черты; когда морщины разгладились, видно стало, что лицо его молодо и красиво. И особенно красивы были смѣлыя очертанія пухлыхъ губъ, и то, что надъ ними по-юношески не было усовъ, дѣлало ихъ чистыми и милыми, какъ у молоденькой дѣвушки. Но лежать съ закрытыми глазами и видѣть въ темнотѣ закрытыхъ вѣкъ все то ужасное, о чемъ хочется забыть навсегда, было еще мучительнѣе...»

Онъ подходитъ къ окну, но и здѣсь то же мучительное и ужасное, о чемъ ему не хотѣлось бы думать, опять властно вторгается въ его душу. Онъ видитъ въ туманѣ смутныя фигуры людей, очертанія домовъ, и все кажется такимъ «безцѣльнымъ и скучнымъ». «Но среди идущихъ и ѣдущихъ были женщины, и ихъ присутствіе давало картинѣ сокровенный и тревожный смыслъ. Онѣ шли по своему дѣлу и были, казалось, такія обыкновенныя и незамѣтныя; но Павелъ видѣлъ ихъ странную и страшную обособленность:онѣ были чужды всей остальной толпѣ и не растворялись въ ней, но были какъ огоньки среди тьмы. И все было для нихъ: улица, дома и люди, и все стремилось къ нимъ, жаждало ихъ—и не понимало. Слово «женщина» было огненными буквами выжжено въ мозгу Павла; онъ первымъ видѣлъ его на каждой развернутой страницѣ; люди говорили тихо, но когда встрѣчали слова «*женщина*», они какъ будто выкрикивали его,—и это было для Павла самое непонятное, самое фантастическое и страшное слово»...

Въ этихъ сжатыхъ образахъ предъ нами вырисовывается типичное настроеніе юноши въ періодъ критическаго возраста, когда природа рѣзко подчеркиваетъ впервые принадлежность пола и его властные порывы. Настроеніе Павла Рыбакова осложнено рядомъ мучительныхъ мыслей и воспоминаній: онъ... боленъ, заразился одною изъ обычныхъ болѣзней, и мысль, что онъ навсегда загрязненъ и болѣзнью, и сопровождающимъ ее развратомъ, послѣдствіемъ котораго она явилась, перепутываются съ воспоминаніями недавняго прошлаго, когда онъ еще былъ чистъ и невиненъ. И эти-то сладкія сами по себѣ воспоминанія о первой юношеской любви получаютъ невыносимую остроту отъ контраста съ настоящимъ, когда онъ чувствуетъ «грязь, которая обволакиваетъ его и проникаетъ насквозь», какъ ему кажется. Сестра его ждетъ къ себѣ въ

гости подругъ,—гимназистки придутъ. «Это значитъ, что придетъ и Катя Реймеръ—всегда серьезная, всегда задумчивая, всегда искренняя Катя Реймеръ. Эта мысль была какъ огонь, на который упало его сердце, и со стономъ онъ быстро повернулся и уткнулся лицомъ въ подушку. Потомъ, также быстро принявъ прежнее положеніе, онъ сдернулъ съ глазъ двѣ ѣдкія слезинки и уставился въ потолокъ... Онъ вспомнилъ дачу и темную іюльскую ночь.

«Темная была эта ночь, и звѣзды дрожали въ синей безднѣ неба, и снизу гасила ихъ, подымаясь изъ-за горизонта, черная туча. И въ лѣсу, гдѣ онъ лежалъ за кустами, было такъ темно, что онъ не видѣлъ своей руки, и порой ему чудилось, что и самого его нѣтъ, а есть только молчаливая и глухая тьма. И далеко во всѣ стороны разстилался міръ и былъ онъ безконечный и темный, и всѣмъ одинокимъ и скорбнымъ сердцемъ чувствовалъ Павелъ его неизмѣримую и чуждую громаду. Онъ лежалъ и ждалъ, когда по тропинкѣ пройдетъ Катя Реймеръ съ Лилечкой и другими веселыми и беззаботными людьми, которые живутъ въ томъ чуждомъ для него мірѣ и чужды для него. Онъ не пошелъ съ ними, такъ какъ любилъ Катю Реймеръ чистой, красивой и печальной любовью, и она не знала объ этой любви и никогда не могла раздѣлить ее. И ему хотѣлось быть одному и возлѣ Кати, чтобы глубже почувствовать ея далекую прелесть и всю глубину своего горя и одиночества. И онъ лежалъ въ кустахъ, на землѣ, чужой всѣмъ людямъ и посторонній для жизни, которая со всею своею красотою, пѣснями и радостью проходила мимо него,—проходила въ эту іюльскую темную ночь.

«Онъ долго лежалъ, и тьма стала гуще и чернѣе, когда далеко впереди послышались голоса, смѣхъ, хрустѣніе сучковъ подъ ногами, и ясно стало, что идетъ много молодого и веселаго народа. И все это надвигалось толпою веселыхъ звуковъ и стало совсѣмъ близко.

«— Охъ, батюшки!—говорила Катя Реймеръ густымъ и звучнымъ контральто:—да тутъ голову расшибешь. Тиновъ, свѣтите!

«Изъ тьмы пропищалъ странный и смѣшной голосъ полишинеля:

«— Спички потерялъ, Катерина Эдуардовна!

«Среди смѣха прозвучалъ другой голосъ, молодой и сдержанный басъ:

«— Позвольте, Катерина Эдуардовна, я посвѣчу!

«Катя Реймеръ отвѣтила, и голосъ ея былъ серьезный и измѣнившійся:

«— Пожалуйста, Николай Петровичъ!

«Спичка сверкнула и секунду горѣла яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ, выдѣляя изъ мрака только державшую ее руку, какъ будто послѣдняя висѣла въ воздухѣ. Потомъ стало еще темнѣе, и всѣ со смѣхомъ и шутками двинулись впередъ.

«— Давайте вашу руку, Катерина Эдуардовна!—прозвучалъ тотъ же молодой и сдержанный басъ.

«Минута тишины, пока Катя Реймеръ давала свою руку, и затѣмъ твердые мужскіе шаги и рядомъ съ ними скромный шелестъ платья. И тотъ же голосъ тихо и нѣжно спросилъ:

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?

«Отвѣта Павелъ не слыхалъ. Идущіе повернулись къ нему спиною; голоса

сразу стали глуше, вспыхнули еще разъ, какъ умирающее пламя костра и потухли. И когда казалось, что ничего уже нѣтъ, кромѣ глухого мрака и молчанія, съ неожиданною яркостью прозвучалъ женскій смѣхъ, и высокій теноръ запѣлъ широко и открыто:

Разгульна, свѣтла и любовна,
Душа веселится моя.
Да здравствуетъ Марья Петровна
И... ручка, и... ножка...

«Ея» пронеслось высоко и радостно, и тяжелая тьма словно придавила идущихъ. Стало мертвенно тихо и пусто, какъ въ пустомъ пространствѣ, на тысячу верстъ надъ землей. Жизнь прошла мимо со всѣми ея радостями, пѣснями, красотою,—прошла въ эту іюльскую темную ночь.

«Павелъ поднялся изъ-за кустовъ и тихо прошепталъ:

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—и тихія слезы навернулись на его глазахъ.

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—повторялъ онъ и безъ цѣли шелъ впередъ, во тьму крѣпчающей ночи. Разъ онъ совсѣмъ близко коснулся дерева и остановился въ недоумѣніи. Потомъ обнялъ шершавый стволъ рукою, прижался къ нему лицомъ, какъ къ другу, и замеръ въ тихомъ отчаяніи, которому не дано слезъ и бѣшенаго крика. Потомъ тихо отшатнулся отъ дерева, которое его пріютило, и пошелъ дальше.

«— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?—повторялъ онъ какъ жалобную пѣсню, какъ тихую молитву отчаянія, и вся душа его билась и плакала въ этихъ звукахъ. Грозный сумракъ охватывалъ ее, и, полная великой любви, она молилась о чемъ то свѣтломъ, чего не знала сама, и оттого такъ горяча была ея молитва»...

Съ величайшей неохотой прекращаемъ эту выписку,—до того прекрасно это чарующее описаніе юношеской первой любви, первыхъ грезъ и тревогъ переполненнаго сердца, которое, кажется, вотъ-вотъ разорвется и изойдетъ въ невыносимо сладостныхъ мукахъ. И кто не переживалъ ихъ въ свое время, не знаетъ лучшей странички въ скучной и утомительной книгѣ жизни. Но кто не переживалъ ихъ?!..

И можно ли считать бѣднаго Павла патологическимъ субъектомъ за то, что сопоставленіе этого чуднаго момента, какой мы переживаемъ только разъ въ жизни, съ тягостной минутой паденія, когда впервые онъ почувствовалъ всю силу животнаго, скрытаго въ немъ, и все безсиліе свое сладить съ нимъ одинъ на одинъ,—доводитъ его до другого отчаянія, мрачнаго, безъисходнаго, когда мысль о смерти является отраднымъ избавленіемъ отъ невыносимой муки. Напротивъ, Павелъ Рыбаковъ въ обоихъ случаяхъ вполнѣ типичный, нормальный юноша, какихъ по меньшей мѣрѣ 99 на 100. Онъ нисколько не испорченный, въ корень порочный юноша, хотя и палъ физически, хотя рисуетъ отвратительныя циничныя картинки, приводящія въ ужасъ и недоумѣніе его отца. Его случай вовсе не клиническій, и разсказъ г. Андреева—не иллюстрація къ душевной патологіи Крафтъ-Эбинга. Павелъ Рыбаковъ—*нашъ* сынъ, какихъ огром-

ное большинство, и его печальная исторія съ ея трагическимъ концомъ—великолѣпная картина *нашихъ* нравовъ.

Развѣ это не типичнѣйшая картина отношеній отца и сына въ тотъ моментъ, когда Павелъ Рыбаковъ мучится сознаніемъ ужаса своего положенія, обуреваемый воспоминаніями съ одной стороны, съ другой отчаянными мыслями о безъисходности своего физическаго и душевнаго состоянія? Какъ далеки и чужды эти два человѣка, которые, однако, ближе всего должны бы быть другъ другу! Отецъ чувствуетъ, что съ сыномъ что то неладно, но не знаетъ, какъ подойти къ нему, какъ спросить его о самомъ главномъ, о томъ, что мучитъ и терзаетъ того. Превосходно изобразилъ художникъ настроеніе обоихъ въ сценѣ «умнаго» разговора между отцомъ и сыномъ, разговора, который еще больше удаляетъ ихъ другъ отъ друга. Въ концѣ наступаетъ одинъ моментъ, когда оба чувствуютъ, что одно слово—и ледъ растаетъ, и юноша на родной груди выплакалъ бы, съ крикомъ, съ рыданіями, свою мучительную тайну, нашелъ бы совѣтъ, поддержку и надежду. Но мигъ этотъ блеснулъ, какъ молнія, и исчезъ, и опять въ туманѣ отецъ и сынъ не видятъ другъ друга. Великолѣпно это «другъ мой», которымъ заканчивается разговоръ, вмѣсто просившагося на уста отцовскаго теплаго и любовнаго призыва «сынъ мой». И этотъ брезгливо протянутый скабрезный рисунокъ, найденный отцомъ, и вопросъ отца, «откуда-то издалека»: «это ты»?

«Замучили!»—съ воплемъ вырывается изъ истомленной души Павла послѣ этого разговора,—и затѣмъ онъ словно летитъ въ бездну, катится съ горы все быстрѣе и быстрѣе, подхваченный нестерпимымъ, все наростающимъ порывомъ отчаянія, вплоть до послѣдней катастрофы, ужасной сцены борьбы и смерти въ истомъ логовѣ разврата.

Повидимому, эта, именно, сцена и вызываетъ наибольшія нареканія на автора своимъ реализмомъ съ одной стороны, съ другой — недостаточной психологической обоснованностью. Начнемъ съ послѣдняго упрека, котораго мы совершенно не раздѣляемъ. Въ настроеніи несчастнаго юноши, въ которомъ онъ уходитъ изъ дому, гдѣ все гнететъ его, усиливая его отчаяніе, вы уже чувствуете неизбѣжность трагическаго конца. Онъ уже не вернется назадъ, если его не спасетъ чудо, но чудесъ въ наши дни не бываетъ, а на улицѣ большого города онъ встрѣчаетъ именно то, что послужило началомъ его паденія и что неизбѣжно должно было довершить его гибель. Поразительно вѣрна эта сцена, когда Павелъ въ туманѣ, уже во власти чудовища, охватившаго его своими цѣпкими лапами, бродитъ подъ окнами дома своей «чистой любви» и упивается злобными представленіями, какъ бы встрѣтила его она, его, развратнаго, грязнаго, зараженнаго, какъ онъ думаетъ, неизлѣчимой, ужасной болѣзнью. Онъ ясно видитъ Катю Реймеръ: «какъ она, чистая и невинная, сидитъ среди чистыхъ людей и улыбается, и читаетъ хорошую книгу, и ничего не знаетъ объ улицѣ, въ грязи и холодѣ которой стоитъ погибающій человѣкъ. Она чистая и подлая въ своей чистотѣ; она, быть можетъ, мечтаетъ сейчасъ о какомъ-нибудь благородномъ героѣ, и если бы вошелъ къ ней Павелъ и сказалъ: «Я грязенъ, я боленъ, я развратенъ, и оттого я несчастенъ и умираю; под-

держи меня!»—она брезгливо отвернулась бы и сказала: «Ступай! Мнѣ жаль тебя, но ты противенъ мнѣ. Ступай!» И она заплакала бы; она, чистая и добрая, она заплакала бы... прогоняя. И милостынею своихъ чистыхъ слезъ и гордаго сожалѣнія она губила бы того, кто просилъ ее о человѣческой любви, которая не оглядывается и не боится грязи».

Только представимъ себѣ эту больную душу, уже помутнѣвшій отъ ужаса умъ и воображеніе, юное, возбужденное, рисующее въ изступленіи картины, одна другой ужаснѣе и печальнѣе, и мы поймемъ, что все послѣдующее развертывается съ неумолимой неизбѣжностью. Въ представленіи своемъ отвергнутый той, которая сіяетъ для него и въ эту минуту, какъ «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ», смертельно оскорбленный ея «горделивой милостынѣй», онъ идетъ за первой встрѣчной падшей женщиной. «И съ вѣжливостью, въ которой былъ вызовъ, насмѣшка и слезы *смертельнаго* отчаянія, онъ сказалъ:

«— О, божественная! вы такъ хотите моихъ страстныхъ ласкъ?

«Женщинѣ показалось обидно...»

Здѣсь мы прекращаемъ выписки, ибо пришлось бы выписать всю заключительную сцену, чтобы шагъ за шагомъ показать, какъ психологически вѣрно прослѣжена художникомъ вся исторія катастрофы, ея постепенное приближеніе, наростаніе и страшный конецъ.

Да, описаніе здѣсь реально, до того художественно-правдиво, что минутами испытываешь такое ощущеніе, какъ будто самъ при этомъ присутствуешь. И не намъ возмущаться реализмомъ, въ которомъ нѣтъ ничего смакующаго, специфическаго, что такъ нравится многимъ, а есть только правда жизни, въ данномъ мѣстѣ неизбѣжная.

Павелъ Рыбаковъ погибъ, и художникъ изобразилъ въ превосходной картинкѣ исторію его паденія и гибели. Но зачѣмъ онъ взялъ такой сюжетъ? Какъ смѣлъ онъ коснуться такъ безцеремонно той стороны жизни, о которой не принято говорить... Въ гостиныхъ? Конечно, но русская литература никогда и не была «салонной».

Общество — вотъ чей судъ важенъ, и его приговоръ, мнѣ кажется, можетъ быть только одинъ: художникъ за свою смѣлость заслуживаетъ высшей благодарности. Ибо если бы это было иначе, общество дѣйствительно уподобилось бы той Катѣ Реймеръ, какъ ее представляетъ себѣ Павелъ Рыбаковъ въ моментъ полнаго отчаянія: «чистая и *подлая* въ своей чистотѣ». И какъ Катя Реймеръ въ дѣйствительности совсѣмъ не такова и не такъ отнеслась бы къ злополучному Павлу, такъ и общество, конечно, не можетъ не задуматься надъ представленнымъ ему изображеніемъ гибели хорошаго юноши, не сладившаго съ собой. Для всякаго отца и матери этотъ разсказъ—угроза и предостереженіе. Не всѣ, конечно, товарищи Павла Рыбакова, имя же имъ легіонъ, гибнутъ такъ жалко. Но сколько мукъ ими переживается, сколько исковерканныхъ характеровъ, болѣзненныхъ послѣдствій получается отъ того, что мы неискренни и неправдивы и сами съ собой, и съ своими дѣтьми. Почему родители, какъ этотъ отецъ въ разсказѣ,—послѣдніе, къ кому обращаются ихъ

дѣти въ трудныя минуты? И почему, какъ этотъ отецъ, они, даже догадываясь о какой-то трагедіи въ душѣ сына, не умѣютъ просто, по-человѣчески подойти къ нему, проявить ту любовь, «которая не оглядывается и не боится грязи»?

Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ на эти вопросы—потому, что мы неискренни и боимся правды. Мы бродимъ «въ туманѣ», сумрачные и молчаливые, и охотнѣе вѣримъ, что все обстоитъ благополучно, хотя и знаемъ, что это ложь, и радуемся туману, который скрываетъ правду... Но если мы на минуту станемъ искренни и правдивы, мы должны быть благодарны художнику, который смѣло разсѣялъ туманъ и заставилъ насъ заглянуть хоть въ одинъ уголокъ жизни, гдѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

И не героини-проповѣдницы тѣлесной чистоты, какъ перваго и главнаго условія счастья и нравственности жизни, внесутъ въ этотъ уголокъ освѣжающую атмосферу. Напротивъ, своимъ фанатическимъ credo — «раскаяніе не поможетъ, разъ чистота потеряна», онѣ могутъ только толкнуть безвозвратно на путь разврата несчастныхъ грѣшниковъ, именно, скорѣе несчастныхъ, чѣмъ порочныхъ, и еще менѣе неспособныхъ возстать изъ бездны паденія и очиститься. Что потеряно, то потеряно,—спору нѣтъ. Но нѣтъ паденія, для котораго не было бы спасенія. Для этого, прежде всего, нужна любовь, «которая не оглядывается и не боится грязи».

Нужно помнить еще старое и мудрое правило,—гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. И вспомнивъ, широко и настежь открыть ей и двери, и окна, чтобы въ затхлую среду современной семьи вошла свѣтлая, вѣчно радостная, цѣломудренная природа, внеся туда и свою свѣжесть, и свою чистоту. Путемъ совмѣстнаго воспитанія, товарищеской жизни, въ дружной работѣ бокъ-о-бокъ, наши юноши и дѣвушки помогутъ другъ другу сохранить свою чистоту и создадутъ то цѣломудренное будущее, о которомъ мечтала Вѣра. Побольше довѣрія къ юности, побольше уваженія къ ней и, главное, правды и искренности въ отношеніяхъ,—и будущее это не такъ ужъ далеко.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Сорокалѣтіе «Ясной Поляны». Въ прошломъ году исполнилось 40 лѣтъ со времени основанія гр. Л. Н. Толстымъ журнала «Ясная Поляна». Напомнивъ объ этомъ юбилеѣ, «Приазовскій Край» воспроизводитъ между прочимъ объявленіе, съ которымъ выступилъ въ газетахъ гр. Толстой, предпринимая изданіе журнала. Въ этомъ объявленіи въ первый разъ печатно выражены были тѣ основныя педагогическія воззрѣнія великаго писателя, изъ-за которыхъ потомъ происходила ожесточенная полемика и въ прессѣ, и въ педагогическихъ обществахъ. Объявленіе начиналось слѣдующими словами:

«Объ изданіи новаго журнала съ перваго января 1862 года въ сельцѣ Ясной Полянѣ, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Ясная Поляна».

Въ примѣчаніи гр. Толстой объявлялъ, что «занятія по должности мирового посредника поставили, противъ его ожиданія, въ необходимость открыть изданіе «Ясной Поляны» не съ 1-го октября 1861 г., какъ предполагалось, а съ 1-го января 1862 г. по общему обычаю». «Ежемѣсячное изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: школа «Ясной Поляны» и книжки «Ясной Поляны». Школа будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія. Книжки будутъ содержать статьи народныя, т.-е. удобопонятныя и занимательныя для народа. Вотъ вся наша программа, съ тою лишь особенностью что, по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что для народа, по выраженію Песталоцци, самое лучшее только какъ разъ въ пору».

Заявивъ затѣмъ, что «почти всѣ руководства школъ дурны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что и по существующимъ плохимъ руководствамъ въ большей части школъ ученіе идетъ успѣшно», «редакторъ и издатель графъ Л. Толстой» разъясняетъ это «кажущееся страннымъ противорѣчіе». Онъ говоритъ, что «успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ, организаціи школъ, на томъ неуловимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководствъ, на тѣхъ ежеминутно измѣняемыхъ въ планѣ пріемахъ, которые исчезаютъ безъ слѣда, но которые и составляютъ сущность успѣшнаго ученія». Сотрудничать въ журналѣ приглашались учителя, которые смотрятъ на свое занятіе «не только

какъ на средство существованія, не только какъ на обязанность обученія дѣтей, но и какъ на область испытанія для науки педагогики». Ибо: «Не философскими откровеніями въ наше время можетъ подвинуться наука педагогики, но терпѣливыми и упорными повсемѣстными опытами. Не философомъ-воспитателемъ и открывателемъ новой педагогической теоріи долженъ быть каждый преподаватель, но добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ наблюдателемъ, въ извѣстной степени умѣющимъ обобщать свои наблюденія».

Въ програму журнала былъ внесенъ также вопросъ о народной литературѣ. При этомъ было высказано убѣжденіе, что «для того, чтобы писать книги для народа, нужно болѣе, чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа, нужно живое сужденіе самого народа, нужно, чтобы назначаемыя для него книги были имъ самимъ одобряемы».

Восточный институтъ. На крайнемъ востокѣ россійской имперіи, въ г. Владивостокѣ создалось и существуетъ и по сіе время высшее учебное заведеніе, о просвѣтительной дѣятельности котораго, однако, приходится слышать слишкомъ мало или даже и вовсе не приходится слышать. Съ особеннымъ интересомъ, поэтому, мы прочитали въ «Восточномъ Обозрѣніи» корреспонденцію, посвященную характеристикѣ Восточнаго института.

«Наша школа,—пишетъ корреспондентъ,—не имѣетъ представителей отъ науки и преслѣдуетъ такъ называемыя практическія задачи. Такъ, институтъ издаетъ «Лѣтопись Дальняго Востока», т.-е. извлеченія и переводы изъ тихоокеанской прессы, которыя два года тому назадъ умѣло и содержательно велись въ Хабаровскѣ, а теперь являются процѣженными чрезъ «профессорскую» цензуру, потерявшими яркій свой колоритъ, отличающій первоисточники, и съ опозданіемъ на 5—6 мѣсяцевъ, когда все интересное давно уже использовано и разъяснено столичною прессою... Но на это изданіе институтъ получаетъ казенную субсидію. Институтъ представляетъ изъ себя отдѣленіе, такъ сказать, «таможни мысли и слова», т.-е. цензурное учрежденіе для произведеній на тибетскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, японскомъ, корейскомъ и китайскомъ языкахъ; исчисленныя народности имѣютъ у насъ особую привилегію, и ихъ выходцы за время пребыванія у насъ отъ тлетворнаго вліянія національной письменности и моральной порчи оберегаются профессорскою коллегіей. Что это за Сизифовъ трудъ?! Сколько онъ долженъ поглощать времени? Развѣ только, что студенты ради упражненія помогаютъ! По отчету за истекшій годъ процензуровано свыше милліона экземпляровъ печатныхъ произведеній (кстати сказать, задержано и запачкано, по счету профессорской коллегіи, 714 экземпляровъ), но за такой трудъ ассигнуется спеціальное вознагражденіе.

«Этого мало. Молодые люди, исправляющіе должность профессоровъ, недавно сами вышедшіе со школьной скамьи, такъ полны энергіи, что не спѣшатъ изданіемъ научныхъ трудовъ по спеціальностямъ, а набираютъ себѣ еще новыя платныя обязанности; напримѣръ, профессоръ Скальвинъ замѣняетъ эконома въ студенческомъ общежитіи и, кромѣ того, беретъ себѣ тысячное жалованье, на-

значенное по смѣтѣ лектору-китайцу, который упражнялъ бы студентовъ въ внѣучебное время въ бесѣдѣ на китайскомъ языкѣ. Хотя г. Скальвинъ этихъ бесѣдъ не ведетъ, но за то взялъ на себя обязанность, такъ сказать, субъинспектора, слѣдить за поведеніемъ учащихся, чего, по мнѣнію конференціи института, нельзя поручить лектору-китайцу по неразвитости его.

«И при такихъ сложныхъ обязанностяхъ гг. профессора института находятъ время еще преподавать нѣкоторые предметы въ мѣстной гимназіи (напр., англійскій языкъ) приватно, но за плату.

«Въ 1902 году открытъ четвертый курсъ института, и учрежденіе работаетъ уже въ полномъ составѣ: всѣ кафедры замѣщены. Число студентовъ невелико, около 65 человѣкъ на всѣхъ курсахъ; но, кромѣ того, имѣются вольнослушатели, и среди нихъ до 40 человѣкъ офицеровъ».

Во Владивостокѣ, очевидно, слишкомъ хорошо знаютъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ Восточномъ институтѣ, и популярностью въ городѣ онъ не пользуется. Очень характернымъ въ этомъ смыслѣ является тотъ фактъ, что изъ числа окончившихъ мѣстную гимназію никто не пожелалъ продолжать занятія въ институтѣ, а всѣ поѣхали въ университеты и въ технологическій институтъ.

О томъ, что и какъ читаютъ своимъ слушателямъ профессора института, можно судить по тому, что корреспондентъ считаетъ прямо-таки исключительно-отрадною лекцію Кохановскаго на тему «О современномъ состояніи финансовъ Японіи». «Отрадно,—пишетъ корреспондетъ, — было не слышать шовинистическаго кликушества о разложеніи японской культуры, ея будто бы несамостоятельности, а, напротивъ, почерпнуть изъ словъ профессора вѣру въ мощь и развитіе молодой страны, ея правъ на званіе передовой, великой державы въ водахъ Великаго океана».

Астраханское упорство. Сотрудникъ «Астраханскаго Вѣстника» г. Ш. извлекъ изъ архива мѣстной ремесленной управы интересный документъ, повѣствующій о томъ, съ какимъ упорствомъ астраханцы уклонялись отъ изготовленія для себя орудій тѣлеснаго наказанія. 26-го февраля 1840 года между астраханскимъ губернскимъ правленіемъ, городскою полиціей и ремесленною управой возникла секретная переписка по слѣдующему поводу.

Въ ярмарку того года въ Астрахани было получено циркулярное предписаніе о заготовленіи для нуждъ губерніи новыхъ орудій тѣлеснаго наказанія, вмѣсто тѣхъ употреблявшихся, которыя должны быть уничтожены. При предписаніи были и образцы орудій: 1) кнутъ съ ремнемъ, 2) слѣдующіе къ нему пятнадцать концовъ, 3) плеть ременная, 4) большой притяжной ремень, 5) ручной притяжной ремень и по три штемпеля, В. О. Р.

Препровождая образцы въ полицію, губернское правленіе писало: «Заготовить по онымъ таковыя же точно орудія тѣлеснаго наказанія какъ для себя (!), такъ и для полиціи черноярской, енотаевской и красноярской...»

Городская полиція послала увѣдомленіе въ ремесленную управу, чтобы

послѣдняя отрядила «сыромятнаго» старшину, но такъ какъ особаго сыромятнаго цеха нѣтъ, то ремесленная управа прислала сыромятныхъ дѣлъ мастера. Послѣдній далъ полиціи письменный отзывъ, что «орудія тѣлеснаго наказанія» дѣлать не можетъ.

Вызвали другого мастера. Этотъ далъ такой же отзывъ: «Сихъ орудій сдѣлать не могу; что показалъ правду, въ томъ подписываюсь».

Призвали третьяго, подмастерья Г. Н. Сорокина. Этотъ написалъ: «Показанные мнѣ образцы орудій тѣлеснаго наказанія, какъ-то: кнутъ, плеть и проч.—сдѣлать не могу».

Положеніе казалось безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что губернское правленіе написало уже одно подтвержденіе поспѣшить съ окончаніемъ сего дѣла.

Пришлось вновь обратиться въ ремесленную управу. Послѣдняя не стала скрывать истины и разъяснила, что она приглашала въ самое присутствіе нѣсколько мастеровъ сыромятнаго дѣла, и всѣ они отказались сдѣлать орудія. Тогда управа задалась вопросомъ: не сдѣлаютъ ли ихъ рабочіе-подмастерья? Оказалось, что сдѣлать могутъ, хотя тоже отказываются.

Время шло и благодаря упрямству астраханскихъ мастеровъ, задерживалось введеніе въ употребленіе новыхъ орудій тѣлеснаго наказанія. Военный губернаторъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ московскому и черезъ его посредство заказалъ орудія купцу Бѣляеву. Орудія московской работы и употреблялись съ 40-хъ годовъ во всей Астраханской губерніи.

На Хитровомъ рынкѣ. Графиня В. Бобринская разсказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о впечатлѣніяхъ, полученныхъ ею при посѣщеніи знаменитаго въ Москвѣ Хитрова рынка.

«Громадныя каменныя зданія, окружающія площадь Хитрова рынка, днемъ не такъ кишатъ народомъ, какъ сама площадь. Посреди нея возвышается крытая желѣзная галлерея—единственное убѣжище бѣднаго люда въ ненастье. Густая толпа обычныхъ посѣтителей рынка толчется тутъ; мальчишки играютъ въ орлянку, старьевщики шмыгаютъ и вымѣниваютъ одно грязное тряпье на другое, еще болѣе отвратительное. Вся жизнь хитровца проходитъ на этой площади. Здѣсь въ харчевнѣ онъ за одну-двѣ копѣйки сможетъ поддержать свое скудное существованіе; рядомъ за 5 коп. онъ можетъ найти ночлегъ вповалку съ другими, такими же грязными, какъ онъ самъ, въ атмосферѣ, испорченной человѣческимъ дыханіемъ и зловонными испареніями мокрой одежды, счастливый, если ночь прошла безъ того, чтобы его, дрожащаго отъ сырости и холода, не выгналъ полицейскій обходъ на улицу. Мужчины и мальчики—въ одномъ помѣщеніи; женщины и дѣти—въ другомъ. Мнѣ разсказывали про одного найденнаго въ ночлежномъ пріютѣ мальчика, у котораго глаза болѣли отъ того, что вши ему изъѣли всѣ рѣсницы. Въ харчевняхъ, въ которыхъ питается хитровецъ, пища, можетъ быть, благодаря тому, что слѣдитъ полиція, не такъ дурна, какъ можно было бы ожидать, и за 2 коп. можно не умереть

съ голода. Большое помѣщеніе занимаетъ столовая общества трезвости, вмѣщающая до 300 человѣкъ, и про нее ничего нельзя было бы сказать, кромѣ хорошаго, если бы не била въ глаза ея, вѣроятно, необходимая въ оффиціальномъ учрежденіи, обстановка. Тутъ обѣдающимъ нищимъ прислуживаетъ прислуга въ формѣ общества трезвости, съ кокардой сбоку и съ серебрянымъ галуномъ на обшивкахъ; въ такой же формѣ гуляютъ и надзираютъ барышни общества трезвости, директоръ, помощники директора. Въ чайной общества трезвости воздухъ такъ плохъ, что я, не замѣтивъ при обходѣ всѣхъ харчевенъ Хитрова рынка особенной тяжести, тутъ не могла пробыть нѣсколькихъ секундъ. Въ смыслѣ ѣды хитровцы обставлены сносно; ужасное же зло, это—ночлегъ. Когда вечеромъ или ночью вы входите въ ночлежный пріютъ, вы испытываете удручающее впечатлѣніе. Въ затхлой атмосферѣ, въ которой едва горитъ керосиновая лампочка, на голыхъ нарахъ лежитъ вповалку масса женскихъ тѣлъ, подложивъ подъ голову только свою руку. Здѣсь рядомъ съ грубыми лицами, не утратившими даже и во снѣ вызывающаго или циничнаго выраженія, вы видите и такія кроткія, молодыя, почти дѣтскія лица, что васъ беретъ ужасъ, когда вы вспомните, что̀ ожидаетъ ихъ днемъ и какою цѣною покупаютъ онѣ, почти дѣти, право на этотъ незавидный покой. Пока я совсѣмъ не касалась мужского населенія, а потому не могу ничего сказать о немъ. Въ коечныхъ квартирахъ въ д. Румянцева привелось мнѣ видѣть ихъ, но немного. Тамъ у старухи-хозяйки за поставленными жидкими перегородками кишитъ жизнь. Я была въ каморкѣ у старьевщика: что̀ за лохмотья только висятъ и лежатъ тамъ! При мнѣ торговала женщина халатъ, до того ветхій, что уже не было возможности его сбыть; темно-сѣрая гнилая вата торчала изъ него отовсюду, и эта-то вата должна была пойти на ситцевыя одѣяла, стежкой и продажей которыхъ женщина эта жила. Къ чему всѣ наши законы о дезинфекціи! Не могу не коснуться тутъ вѣчнаго и неразрѣшеннаго до сихъ поръ вопроса объ эксплуатаціи труда. Женщина эта, работая весь день и вырабатывая въ день по одному одѣялу, продаетъ его за 30 к., едва зарабатывая копѣекъ 8—9 въ день (остальное идетъ за матеріалъ); а на рынкѣ вы не купите этого одѣяла менѣе 80-ти коп. Такъ и все. Захватывая, гдѣ только можно, работы для нашего ремесленнаго пріюта, мы на дѣлѣ узнали, что̀ платятъ магазины поденщицамъ за ихъ трудъ. Молодая, здоровая поденщица еще кое-какъ можетъ заработать на пропитаніе и ночлегъ, но какъ только старость или болѣзнь ослабитъ ея силы, она, какъ бѣлка въ колесѣ, будетъ вертѣться и все-таки окажется въ необходимости для прожитія пополнять заработокъ свой милостыней или кражей. Когда я говорю «прожитіе», я имѣю въ виду только ночлегъ и ѣду; на обувь, на платье, на что-нибудь другое ничего не остается. Поэтому, нужно видѣть, какъ хитровцы одѣты; дальше Хитрова рынка многія женщины не могутъ пойти,—имъ идти не въ чемъ. Ужасно на Хитровомъ рынкѣ и то, что рядомъ съ отчаянною нищетой и неразлучнымъ съ нею нравственнымъ паденіемъ вы видите временно проживающія почтенныя рабочія семьи, дѣти которыхъ (вы всегда ихъ отличите отъ

*

хитровскихъ дѣтей) толкутся среди этого несчастнаго вертепа; а кто не знаетъ силы примѣра и привычки?

«Послѣ 3-хъ часовъ дня все населеніе Хитрова рынка навеселѣ, и когда вы разсмотрите ихъ жизнь, то найдете это естественнымъ. Большинство населенія Хитрова рынка притуплено и разбито. Я никогда не слышала возмущенія на свою судьбу или выраженія негодованія на болѣе счастливыхъ и богатыхъ людей. Покорность—результатъ отчаянія, апатія—отличительная черта хитровца.

«Каждый день, уѣзжая съ Хитрова рынка, переживаемъ мы одно и то же ошеломляющее впечатлѣніе. Часовъ въ 5 вечера Хитровъ рынокъ едва освѣщенъ газовыми рожками. Мрачно выглядываютъ вокругъ большіе неуклюжіе дома; окна ихъ, хотя и всѣ, слабо освѣщены. Женское молодое населеніе, скрывающееся обыкновенно днемъ, высыпаетъ уже на улицу на промыселъ. За 5 коп.,—оплата ночлега,—онѣ пристаютъ къ мужчинамъ, и все это наивно и нагло заполняетъ всѣ тротуары и всю улицу, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ; по временамъ слышны охриплые отдѣльные возгласы пьяныхъ или хитро-жалобная мольба Христа ради хитровскаго ребенка. Мы садимся въ сани, проѣзжаемъ переулокъ, и вдругъ освѣщенные магазины, оживленіе, электричество, нарядная (по контрасту), благообразная толпа, конки, смѣхъ, веселье, жизнь. А сейчасъ?.. И такъ контрастъ этотъ ошеломляющъ, такъ разителенъ!»

Личный составъ Сибирской желѣзной дороги. Пользуясь изслѣдованіемъ, составленнымъ В. Е. Свентянинымъ по даннымъ пенсіонной кассы и переписи служащихъ 1899 и 1901 гг., «Сибирская Жизнь» знакомитъ съ личнымъ составомъ служащихъ Сибирской желѣзной дороги. Число служащихъ, достигая 20-ти тысячъ, и само по себѣ, замѣчаетъ газета, замѣтный количественный фактъ въ малонаселенной окраинѣ. По отношенію же къ массѣ сибирскаго населенія, мало культурнаго, примитивнаго въ своемъ міросозерцаніи, эти двадцать тысячъ представляютъ собой до нѣкоторой степени интеллигенцію, вольно или невольно, но вліяющую на окружающій міръ. Вліяніе это тѣмъ болѣе возможно, что дорога прорѣзываетъ край на пространствѣ 3.046 верстъ, съ составомъ служащихъ, слѣдовательно, соприкасается огромное количество мѣстнаго населенія, болѣе и болѣе тяготѣющаго къ линіи.

Считая штатныхъ и нештатныхъ служащихъ и рабочихъ съ ихъ женами и дѣтьми, количество имѣющихъ связь съ желѣзной дорогою можно опредѣлить въ 56 тыс. чел., если же прибавить сюда проживающихъ при служащихъ родственниковъ и прислугу, всѣхъ подрядчиковъ и поставщиковъ съ ихъ семьями и рабочими, получится, что Сибирская дорога ежегодно прокармливаетъ около 73 тыс. чел. Мѣстное населеніе въ составѣ служащихъ сибирской линіи составляетъ лишь 16,1%. Трудно представить себѣ учрежденіе, въ личный составъ котораго входила бы такая масса различныхъ профессій, какъ на Сибирской желѣзной дорогѣ; однако, подавляющее большинство служащихъ 3.985 ч.

на 11.112, относительно коихъ производились наблюденія въ 1899—1901 гг. до поступленія на дорогу не имѣло опредѣленныхъ занятій.

Образовательный цензъ агентовъ дороги характеризуютъ слѣдующія цифры. Изъ 11.112 челов., находившихся подъ наблюденіемъ, 123 или 1,2°/₀ получили высшее образованіе, 473 или 4,5°/₀—среднее, 4.376—низшее, 3.829—домашнее и 2.311 чел. зарегистровано неграмотными.

Невысокій образовательный цензъ не препятствуетъ многимъ агентамъ получать довольно высокіе оклады. Есть случаи, что даже должности съ содержаніемъ свыше 3.600 р. занимаютъ лица, не получившія никакого образованія. На жалованіи отъ 3.600 р. до 2.400 р. состоитъ болѣе 40°/₀ лицъ, получившихъ низшее образованіе, на окладахъ отъ 1.200 р. до 1.800 р. преобладаютъ лица, не окончившія курса сельскихъ школъ. Больнымъ вопросомъ на дорогѣ и въ особенности въ центральномъ управленіи являются служащіе ссыльные. Процентное отношеніе ихъ къ общему числу находившихся подъ наблюденіемъ опредѣляется въ 7,7°/₀. Служащихъ, сосланныхъ за убійство, грабежи и насилія, насчитывается 597 челов. Сплошь и рядомъ встрѣчаются такія ненормальныя явленія, когда ночные сторожа, сторожа охраны грузовъ на восточномъ участкѣ дороги значатся сосланными за грабежи, насилія и пр.

Не одни убійства, грабежи и насилія въ прошломъ агентовъ нашей дороги; данныя о причинахъ ихъ ссылки позволяютъ вывести заключеніе, что даже юристу трудно бы было указать преступленіе, адепты котораго не находились бы въ составѣ служащихъ сибирской линіи. Максимальный окладъ, получаемый ссыльными, 2.400 р., въ среднемъ онъ колеблется отъ 300 до 900 р.

Оклады Сибирской дороги, будучи значительно выше таковыхъ же на другихъ дорогахъ, привлекаютъ въ Сибирь массу людей, скоро, однако, разочаровывающихся и уходящихъ.

Частая увольняемость представляетъ собою рѣзко выдающееся явленіе въ жизни дороги.

Въ 1898, 1899 и 1900 гг. уволилось съ дороги 11.440 челов. Эту массовую увольняемость очеркъ г. Свентянина объясняетъ неблагопріятными условіями службы, климатическими невзгодами, отдаленностью и некультурностью края, дороговизною и неудобствами жизни. Служащіе страдаютъ отъ морозовъ, жаровъ и сырости. Есть станціи, куда вода доставляется въ тендерахъ отъ сосѣдей и ведрами разносится по квартирамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ни за какія деньги ничего достать нельзя, одинъ агентъ, напр., никакъ *не могъ достать молока для ребенка и поилъ его сахарною водицей* (sic). Остро сказывается жилищная нужда. Казенныхъ квартиръ или нѣтъ совершенно, или же люди тѣснятся съ семьями въ одной-двухъ комнатахъ, при невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

Отсутствіе интеллигентнаго общества, полная невозможность удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей дѣлаютъ жизнь крайне однообразною, скучною, томительною. Отсюда излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ и карточная игра, получившія на дорогѣ права гражданства.

Такова въ общихъ чертахъ физіономія и жизнь дѣятелей Великаго Сибирскаго пути. Онѣ неутѣшительны. Составъ дѣятелей ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Не признаетъ его такимъ и самъ составитель очерка.

На стр. 7-й читаемъ: «Цѣлыя полчища неудачниковъ, гонимыхъ, потерпѣвшихъ на другихъ линіяхъ, оставленныхъ тамъ за бортомъ, какъ элементъ, мало удовлетворяющій даже скромнымъ требованіямъ, движутся на Сибирскую желѣзную дорогу въ надеждѣ получить «хорошій окладъ».

Итакъ, значительная часть служащихъ на Сибирской желѣзной дорогѣ, съ одной стороны, ссыльные, малообразованные элементы, съ другой—оказавшіеся негодными на прочихъ дорогахъ. На стр. 10-й опять-таки читаемъ: «Пестрота профессій не можетъ не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на продуктивности той работы, которую должны нести агенты, берущіеся за спеціальное дѣло безъ всякихъ данныхъ, безъ какой-либо подготовки». Несостоятельны, значитъ, служащіе дороги и въ спеціальномъ отношеніи.

Всѣ основанія думать, что важное желѣзнодорожное дѣло находится въ малонадежныхъ рукахъ. Съ большимъ прискорбіемъ газета констатируетъ такой фактъ. Желѣзной дорогѣ населеніе ввѣряетъ свои жизнь, здоровье, имущество и въ правѣ ждать и требовать бо̀льшихъ гарантій, чѣмъ могутъ дать и даютъ агенты дороги, невѣжественные, съ темнымъ и порочнымъ прошлымъ. Само собою разумѣется, что и краю нѣтъ резона ждать отъ нихъ какихъ-либо положительныхъ культурныхъ воздѣйствій, напротивъ, почти неизбѣжны деморализующія вліянія.

Газета утѣшаетъ себя надеждой, что неудовлетворительность личнаго состава Сибирской желѣзной дороги — «явленіе преходящее, что съ теченіемъ времени составъ этотъ будетъ улучшаться, дорога обезпечитъ себя достаточнымъ количествомъ вполнѣ правоспособныхъ агентовъ, могущихъ и съ краемъ стать въ въ болѣе тѣсныя и безкорыстныя отношенія, а это, содѣйствуя правильности и продуктивности функцій дороги, обусловитъ ея культурное значеніе, т.-е. самое насущное».

Отъ всей души желаемъ, чтобы эти надежды газеты не были обмануты, хотя при данныхъ условіяхъ мы рѣшительно не видимъ, какимъ путемъ эти надежды могутъ быть осуществлены.

Забытыя могилы. Та же газета посвящаетъ нѣсколько теплыхъ строкъ «забытымъ могиламъ» скончавшихся въ Тобольскѣ декабристовъ.

Въ г. Тобольскѣ, на находящемся за городомъ кладбищѣ по дорогѣ къ возвышающейся среди послѣдняго церкви, на лѣвой сторонѣ, на пригоркѣ стоятъ два желѣзные памятника. Нижняя часть ихъ имѣетъ видъ большихъ ящиковъ въ полтора аршина вышиной и столько же въ длину. Эти «пьедесталы» увѣнчаны массивными чугунными крестами, на одномъ изъ которыхъ имѣется распятіе. Здѣсь лежатъ тѣла извѣстныхъ декабристовъ—Александра Михайло-

вича Муравьева и Фердинанда Борисовича Вольфа. Немного далѣе за кустами, какъ бы скрывающими что-то отъ людскихъ взоровъ, находится третій памятникъ декабриста Кюхельбеккера.

Изъ надписи, находящейся на памятникѣ А. М. Муравьева, гдѣ также схоронена дочь послѣдняго Лида, четырехъ лѣтъ, видно, что онъ поставленъ дѣтьми покойнаго декабриста.

Памятники начинаютъ уже рушиться, они замѣтно садятся въ землю, боковыя плиты проваливаются, а отъ бывшей здѣсь нѣкогда вокругъ этихъ памятниковъ желѣзной рѣшетки остались лишь ея обломки. И нѣтъ никого, кто бы привелъ эти могилы въ приличный видъ.

Всѣмъ извѣстны, замѣчаетъ «Сибирская Жизнь», благородныя натуры этихъ людей, искупившихъ свое юношеское увлеченіе годами долголѣтней ссылки и проведшихъ половину своей жизни въ рудникахъ и на далекой восточной окраинѣ. Они вездѣ оставили по себѣ дорогія для каждаго, кому приходилось съ ними сталкиваться, воспоминанія. Даже тамъ, на далекой окраинѣ, примирившись съ выпавшимъ на ихъ долю тяжелымъ жребіемъ, они не угасили въ себѣ живого духа и были тѣми свѣточами, которые свѣтятъ человѣку на его темномъ пути. О гуманной дѣятельности штабъ-лекаря Ф. Б. Вольфа въ Иркутскѣ старики вспоминаютъ и по сіе время.

Извѣстно, что какъ А. М. Муравьевъ, такъ и Ф. Б. Вольфъ первоначально были поселены въ мѣстечкѣ Урикъ, находящемся всего въ 17 верстахъ. отъ гор. Иркутска. Въ концѣ 40-хъ годовъ А. М. Муравьеву было позволено перемѣнить свое мѣстожительство на г. Тобольскъ, гдѣ амнистированный декабристъ, поступивъ на службу въ губернское правленіе, къ концу своей жизни занималъ уже должность совѣтника. Скончался онъ въ половинѣ 50-хъ годовъ.

Свѣдѣнія, сохранившіяся среди старожиловъ относительно пребыванія декабристовъ въ гор. Тобольскѣ, крайне скудны и почти ограничиваются обыкновенно только указаніемъ на дома, принадлежавшіе въ свое время декабристамъ. Это, прежде всего, тотъ домъ, который находится въ нагорной части на Петропавловской улицѣ, гдѣ въ данное время помѣщается причтъ соборной церкви. Другой домъ, на углу Рождественской и Б. Архангельской улицъ, принадлежавшій декабристу Фонвизину, въ настоящее время отдѣланъ почти заново. Но замѣчательно свѣжо хранятся воспоминанія о благородныхъ и самоотверженныхъ натурахъ женъ декабристовъ, пожелавшихъ раздѣлить выпавшій на долю ихъ супруговъ тяжелый жребій, тѣхъ самыхъ удивительныхъ женщинъ, свѣтлой личности которыхъ Н. А. Некрасовъ посвятилъ свою извѣстную поэму.

За мѣсяцъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 19-го ноября опубликовано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«4-го ноября рабочіе расположенныхъ въ Ростовѣ-на-Дону въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги, въ числѣ около 3.000 человѣкъ, неожиданно прекратили работы и предъявили управляющему дороги требованіе о сокраще-

нія рабочаго дня, объ увеличеніи заработной платы, удаленіи нѣкоторыхъ тастеровъ и др., причемъ заявили, что до выполненія указанныхъ требованій работать не будутъ. Вслѣдствіе сего желѣзнодорожнымъ начальствомъ было объявлено, что заявленныя претензіи будутъ сообщены на разсмотрѣніе министра путей сообщенія. Въ теченіе первыхъ дней забастовки рабочіе вели себя сдержанно, въ виду чего никакихъ мѣръ противъ нихъ не принималось. 7-го ноября забастовавшимъ рабочимъ ростовскихъ мастерскихъ было объявлено распоряженіе министра путей сообщенія о томъ, что предъявленныя ими требованія оставлены безъ разсмотрѣнія, такъ какъ рабочіе добровольно покинули работы, не обратившись къ законнымъ способамъ для огражденія своихъ правъ. Поэтому рабочіе приглашались получить разсчетъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. При самомъ возникновеніи забастовки было замѣчено, что среди рабочихъ обращались печатныя прокламаціи съ надписью «Донской комитетъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», въ коихъ были приведены вышеупомянутыя требованія съ призывомъ къ забастовкѣ. Въ послѣдующіе дни распространеніе прокламацій усилилось, и движеніе рабочихъ перешло также на нѣсколько мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, въ виду чего 8-го ноября были задержаны пять человѣкъ зачинщиковъ и подстрекателей къ забастовкѣ, у коихъ при задержаніи было отобрано также значительное количество воззваній. 9-го и 10-го ноября сходки рабочихъ продолжались, причемъ мѣстомъ ихъ была избрана балка за Семерницкою частью города Ростова-на-Дону. На 11-е ноября желѣзнодорожнымъ начальствомъ былъ назначенъ окончательный срокъ забастовавшимъ рабочимъ, изъ коихъ желающіе рабочіе должны были приступить къ занятіямъ, а не желавшіе должны были получить разсчетъ. Въ тотъ же день были арестованы еще 6 человѣкъ агитаторовъ. Съ цѣлью воспрепятствовать рабочимъ снова собраться на сходку въ упомянутую балку, была приведена сотня казаковъ; тѣмъ не менѣе, 11-го ноября рабочіе съ утра стали собираться толпами по сторонамъ балки, не исполняя требованія полиціи и не желая расходиться. Въ теченіе дня конные казаки около 10 разъ пытались разогнать забастовавшихъ нагайками, а пѣшіе прикладами, но рабочіе осыпали ихъ градомъ камней, причемъ одинъ офицеръ получилъ ушибъ, 9 казаковъ ранены, въ томъ числѣ 2—тяжело, а околоточному надзирателю толпа разбила голову и сломала палецъ. Группируясь большими толпами, рабочіе позволяли себѣ глумиться надъ войсками, несмотря на предупрежденіе командира части, что онъ вынужденъ будетъ стрѣлять. Когда назойливость рабочихъ, продолжавшихъ бросать въ войска камни, достигла крайнихъ предѣловъ, полсотнѣ пѣшихъ казаковъ было приказано готовиться къ стрѣльбѣ, послѣ чего сдѣлано было 37 выстрѣловъ. Толпа бросилась бѣжать, оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыхъ и девятнадцать раненыхъ, причемъ изъ числа послѣднихъ двое по доставленіи въ городскую больницу умерли. Забастовка въ ростовскихъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги отозвалась и на рабочихъ мастерскихъ той же дороги, расположенныхъ при станціи Тихорѣцкой, вслѣдствіе чего рабочіе 15-го ноября утромъ прекратили работу, ушли изъ мастерскихъ и собрались на сходку. Затѣмъ

толпа, подстрекаемая къ безпорядкамъ прибывшими изъ Ростова вожаками, предъявила требованія, тожественныя съ тѣми, которыя были заявлены рабочими въ Ростовѣ. 16-го ноября начальствомъ Кубанской области было объявлено толпѣ забастовавшихъ о воспрещеніи всякаго рода сходокъ; тѣмъ не менѣе на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, около 1.000 рабочихъ снова собрались на сходку и такъ какъ, несмотря на многократныя увѣщанія и приказанія, рабочіе не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать въ войска камнями, причемъ ранили 12 казаковъ, а офицеру топоромъ разрубили кисть руки, то командиръ части, исчерпавъ всѣ средства усмирить безуміе толпы, вынужденъ былъ употребить въ дѣло сначала холодное, а потомъ огнестрѣльное оружіе, послѣ чего толпа была разсѣяна, причемъ съ ея стороны оказались два человѣка убитыми, 7 человѣкъ ранеными тяжело и 12—легко. Изъ числа оказавшихъ сопротивленіе войскамъ рабочихъ 102 человѣка задержаны. О причинахъ и обстоятельствахъ движенія рабочихъ въ сказанныхъ мастерскихъ, потребовавшихъ вмѣшательства войскъ, производится особое разслѣдованіе, къ коему въ качествѣ обвиняемыхъ привлечены подстрекатели и лица, задержанныя на мѣстѣ безпорядковъ».

— 6-го декабря опубликована Высочайшая телеграмма Государя Императора на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ:

«Возвратите изъ Сибири сосланныхъ за студенческіе безпорядки. Пока имъ жить въ городахъ съ высшими учебными заведеніями не слѣдуетъ, но все-таки нужно позаботиться, чтобы возвращенные молодые люди оказались по возможности на попеченіи своихъ семей, въ обстановкѣ, пріучающей къ порядку».

Въ поясненіе телеграммы приведено слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Изложенное Высочайшее повелѣніе касается 58 лицъ, водворенныхъ въ настоящее время въ Восточной Сибири. На основаніи же Высочайшаго повелѣнія 13-го минувшаго сентября, милость сія уже коснулась 62 лицъ, находившихся въ томъ же положеніи».

—По словамъ «Кіевской Газеты», изъ числа 90 бывшихъ студентовъ кіевскаго политехническаго института, уволенныхъ весною учебнаго года «на общемъ основаніи», 80 человѣкъ будутъ зачислены, согласно разрѣшенію министра финансовъ, обратно въ студенты института. Евреи принимаются въ размѣрѣ 15 проц.

—3-го декабря, около 9 часовъ утра, городъ Андижанъ, находящійся въ восточной части Ферганской области и насчитывающій до 50 тыс. жителей, однимъ подземнымъ ударомъ разрушенъ и превращенъ въ обломки. Не осталось ни одного зданія ни въ русской, ни въ туземной части города. Убитъ поручикъ Герцулинъ, смотритель мѣстнаго лазарета, два стрѣлка, трое дѣтей, свыше 100 туземцевъ. Ранены 17 стрѣлковъ и до 500 туземцевъ. Всѣ воинскія зданія, укрѣпленія, 150 домовъ русскаго города, около 9-ти тыс. домовъ туземцевъ, всѣ заводы, лавки обращены въ развалины. Населеніе перенесло бѣдствіе спокойно, покорно, и никакихъ безпорядковъ не было. Убытки очень большіе. По распоряженію губернатора, все русское населеніе и войска были расположены

частью въ вагонахъ, частью въ юртахъ. Для всѣхъ неимущихъ жителей, какъ русскихъ, такъ и туземцевъ, было организовано продовольствіе. Для руководствованія раскопками были вызваны немедленно саперы изъ Ташкента. Организованъ комитетъ возможной помощи нуждающимся. Медицинскій составъ усиленъ.

По сообщеніямъ газетъ, землетрясеніе продолжается (17-го дек.); въ Андижанѣ и окружающей мѣстности погибло до 4.500 человѣкъ, разрушенъ весь прилегающій участокъ желѣзной дороги. По Высочайшему повелѣнію ассигнованы значительныя суммы на удовлетвореніе первѣйшихъ нуждъ, а также посланъ отрядъ Краснаго Креста.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Вѣстникъ Европы»—ноябрь—декабрь. «Русская Мысль»—ноябрь; «Русское Богатство»—ноябрь.

Объ Америкѣ и американцахъ писалось у насъ такъ много, что казалось бы, трудно начинающему говорить объ этомъ предметѣ писателю не повторять вещей болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, а читателю не проскучать надъ многочисленными «очерками» американской жизни», «замѣтками» о ней, «впечатлѣніями» отъ нея. Каемся: именно съ такими чувствами взглянули мы на заглавіе первой же статьи, которою открывается ноябрьская книжка «Вѣстника Европы». Посмотрѣвъ, однако, на многоговорящую подпись подъ статьей г. Мартенса, мы немедленно принялись за чтеніе статьи, во время котораго и испытали не мало хорошихъ минутъ. Не то, чтобы авторъ «Американскихъ впечатлѣній» сообщилъ намъ въ своей статьѣ много новаго, намъ дотолѣ неизвѣстнаго; нѣтъ, этого сказать нельзя, но «впечатлѣнія» г. Мартенса отъ его кратковременнаго пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ до такой степени свѣжи, а отъ всего его простого, яснаго и проникнутаго горячею симпатіей къ государственному и общественному устройству Соединенныхъ Штатовъ очерка, вѣетъ такимъ сочетаніемъ глубины мысли и теплоты чувства, что, разъ принявшись за чтеніе «Американскихъ впечатлѣній», уже очень трудно отъ нихъ оторваться.

Толчкомъ, побудившимъ г. Мартенса къ исполненію его давнишняго желанія посѣтить Новый Свѣтъ, было полученіе имъ отъ президента старѣйшаго американскаго университета (The Jale Udiversity) въ Нью-Гавенѣ извѣщенія о пожалованіи ему этимъ университетомъ званія почетнаго доктора правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе прибыть въ Нью-Гавенъ для церемоніи торжественнаго возведенія въ пожалованное званіе и принятія участія въ торжествахъ Уэльскаго университета, по случаю двухсотлѣтняго его юбилея.

Тепло и задушевно вспоминаетъ г. Мартенсъ о своихъ, начавшихся съ юныхъ лѣтъ, симпатіяхъ къ великому американскому народу. «Молодое поколѣніе тогдашней эпохи (шестидесятыхъ годовъ), — говоритъ онъ, — съ увлече-

ніемъ зачитывалось сочиненіями Alexis de Tocqueville («La democratie en Amerique») и Эдуарда Лабулэ («Paris en Amerique»). Въ этихъ классическихъ трудахъ была представлена увлекательная картина государственныхъ порядковъ Соединенныхъ Штатовъ и нравовъ и обычаевъ американскаго народа. Сѣверо-американская республика рисовалась, какъ идеальная страна гражданской свободы, самоуправленія и свободы мнѣнія, религіи, слова и печати. Эти американскіе порядки до такой степени отличались отъ порядковъ императорской Франціи, что французъ, прибывшій въ Америку, совершенно тамъ терялся, когда ему была предоставлена полная свобода вѣрить во что желаетъ, говорить, что желаетъ, и писать, что желаетъ. Французъ временъ Наполеона III-го до такой степени привыкъ находиться подъ правительственною опекою, которая все для него предусматривала, что впадалъ въ самыя смѣшныя положенія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ каждый долженъ думать о себѣ и устраивать свою собственную судьбу по мѣрѣ силъ и способностей. И вотъ увлеченіе порядками, нравами и обычаями великой сѣверо-американской республики заставляли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія всѣхъ европейскихъ защитниковъ большей свободы смотрѣть на эту страну, какъ на классическій образецъ широчайшей личной и политической свободы. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ сдѣлался синонимомъ съ человѣкомъ, пользующимся личною свободою, самодѣятельностью и самоуправленіемъ».

Г. Мартенсъ доказываетъ на протяженіи всей своей статьи, что, несмотря на внесенные жизнью къ такому взгляду коррективы, преклоненіе предъ порядками Америки сохраняетъ для него полный смыслъ и въ настоящее время.

Въ Америкѣ не мало неудобныхъ законовъ и обычаевъ. Такъ, таможенные порядки Соединенныхъ Штатовъ являются чѣмъ-то совершенно дикимъ для свободной страны. Остановившись подробно на ихъ описаніи, г. Мартенсъ добавляетъ, однако, слѣдующее:

«Только чрезвычайно меня удивило, какъ равнодушно относились сами американцы къ унизительной процедурѣ, которой они подвергались. Никто не возмущался и не находилъ возмутительными пріемы таможеннаго вѣдомства для увеличенія государственныхъ доходовъ. Когда я выразилъ одному американцу мое удивленіе по этому поводу, я получилъ отвѣтъ: «Мы сами сочинили законъ 1898 года и сами виноваты, если онъ плохъ и невыносимъ».

«Въ этихъ словахъ выражается характеристическая общая черта американскаго народа: безропотное подчиненіе законамъ. Весьма часто я удивлялся безропотности, съ которою американцы подчиняются всякимъ законамъ и распоряженіямъ законныхъ властей. Это чувство закономѣрности объясняется сознаніемъ американца, что онъ самъ участвуетъ въ изданіи всѣхъ законовъ и въ установленіи законныхъ властей. Если эти законы или власти плохи, то онъ самъ виноватъ, ибо законы издаются конгрессомъ, члены котораго избираются народомъ, а власти, издающія глупыя распоряженія, избираются тѣмъ же народомъ. Вотъ почему американцевъ не возмущаютъ ни несообразные законы, ни безсмысленныя распоряженія властей. Въ случаѣ надобности, обще-

ственное мнѣніе—этотъ верховный повелитель Соединенныхъ Штатовъ—заставить конгрессъ отмѣнить невыносимые законы и смѣстить ограниченнаго правителя *).

«Этою чертою американскаго національнаго характера также объясняется ангельское терпѣніе американцевъ при таможенномъ розыскѣ, во имя закона 1898 года. Но долго ли будетъ существовать этотъ законъ, всецѣло зависитъ отъ самого всесильнаго американскаго народа».

Описывая, дѣйствительно, чрезвычайно строгіе и мелочные таможенные порядки при высадкахъ пассажировъ на американскій материкъ, авторъ спѣшитъ прибавить: «Мой разсказъ о таможенномъ осмотрѣ пассажировъ на границахъ Соединенныхъ Штатовъ чуждъ всякаго личнаго неудовольствія: американскія таможенныя власти были со мною чрезвычайно любезны и не подвергли мой багажъ *никакому осмотру*, позволивъ мнѣ немедленно уѣхать изъ таможни».

Минуя даваемыя г. Мартенсомъ описанія многихъ сторонъ американской жизни, которыя его «поражали» своимъ «величіемъ», остановимся на впечатлѣніяхъ автора отъ положенія представителей американской юстиціи.

«Меня очень пріятно поражало,—пишетъ г. Мартенсъ,—то великое уваженіе, съ которымъ относятся въ Соединенныхъ Штатахъ къ юстиціи и ея высшему представителю, верховному судьѣ Соединенныхъ Штатовъ. Я самъ испыталъ, что, находясь подъ его любезнымъ покровительствомъ, всѣ двери, начиная съ дверей «Бѣлаго Дома», настежь открыты и всякое уваженіе обезпечено.

«Правда, велика роль союзнаго верховнаго суда (Supreme Court), котораго верховный судія — пожизненный предсѣдатель. Этотъ судъ стоитъ на стражѣ конституціи сѣверо-американской республики, и предъ его авторитетнымъ рѣшеніемъ преклоняются весь народъ и всѣ власти, не исключая президента республики. Даже всемогущій конгрессъ долженъ признавать толкованія конституціи верховнымъ союзнымъ судомъ для себя обязательными. Никогда задачи этого суда не были столь сложны, какъ въ настоящее время, когъа имперіалистская политика покойнаго президента Макъ Кинлея кореннымъ образомъ измѣнила основы и цѣли отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ иностраннымъ народамъ. Никогда верховный союзный судъ не принуждался столь часто, какъ теперь, останавливать увлеченія массы и сохранять неприкосновенность величайшаго созданія политической мудрости, именуемаго конституціею Соединенныхъ Штатовъ. Честь и слава мистеру Фуллеру, нынѣшнему маститому Chief Justice of the United States (верховному судьѣ Соединенныхъ Штатовъ) и почтеннымъ восьми членамъ верховнаго суда, что они высоко держатъ знамя, на которомъ написана конституція 1787 года и не поддаются вліянію никакихъ мимолетныхъ увлеченій или народныхъ страстей.

---

*) То же наблюденіе было сдѣлано Брайсомъ въ его «The American commonwealth».

«Эту высокую роль и возвышенное значеніе своего верховнаго суда отлично сознаетъ весь американскій народъ. Поэтому никто не посмѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ оспаривать авторитетъ суда и еще меньше кто-либо осмѣлится вторгнуться въ сферу его компетенціи или повліять со стороны на его рѣшенія.

«Вотъ причины, объясняющія подавляющій авторитетъ этого высшаго судебнаго мѣста — и ту отрадную почтительность, съ которой въ этой демократической странѣ всѣ относятся къ его почтенному предсѣдателю.

«На одномъ пріемѣ у нынѣшняго талантливѣйшаго президента Рузвельта, я видѣлъ, что одинъ изъ представляющихся ему очень дружескимъ образомъ положилъ свою руку на плечо президента и сказалъ: «я чрезвычайно радъ видѣть васъ, господинъ президентъ». Мнѣ казалось, что мистеръ президентъ нисколько не былъ шокированъ такою безцеремонностью обращенія.

«Я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь положилъ свою руку на плечо верховнаго судьи Фуллера, и мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы при торжественномъ пріемѣ Chief Justice кто-либо позволилъ себѣ такую фамильярность».

Система народнаго просвѣщенія и въ частности постановка университетскаго дѣла въ Америкѣ произвели на г. Мартенса «неизгладимое впечатлѣніе». Да и какъ не поддаться такому впечатлѣнію, хотя бы при бѣгломъ взглядѣ на однѣ только цифры; въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящеев ремя имѣется *шестьсотъ двадцать девять* университетовъ и колледжей. Эти учебныя заведенія владѣютъ собственностью въ *шестьсотъ восемьдесятъ милліоновъ* рублей. Впродолженіи одного лишь 1898—1899 учебнаго года *частными лицами* было пожертвовано на университеты и колледжи не менѣе *сорока пяти милліоновъ рублей*. Комментаріи тутъ излишни...

«Идеальная цѣль американской системы обученія заключается въ развитіи въ ученикахъ не только разума, но и сердца. Интересъ ко всему окружающему міру постоянно поддерживается и развивается. Вотъ почему переходъ изъ начальныхъ школъ въ средне-учебныя заведенія не исключеніе, но общее правило также для бѣдныхъ учениковъ. Американцы справедливо гордятся тѣмъ фактомъ, что всѣ области знанія и всѣ учебныя заведенія безъ исключенія доступны для дѣтей всѣхъ классовъ общества. Даже самыя бѣдныя дѣти всегда находятъ возможность посѣщать и университеты, пользуясь чрезвычайно льготными условіями».

Относительно американскихъ среднихъ школъ г. Мартенсъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на то, дѣйствительно, въ высшей степени важное обстоятельство, что въ Америкѣ «совершенно не существуетъ непроизводительной борьбы между классицизмомъ и реализмомъ». Въ школахъ этихъ существуетъ обыкновенно три отдѣленія: «литературный, классическій и естествоиспытательный». Каждый ученикъ самъ выбираетъ себѣ то отдѣленіе, куда влекутъ его способности и склонности.

«Изученіе одного латинскаго языка обыкновенно обязательно, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Гораздо больше вниманія обращено на изученіе новыхъ

языковъ, которые въ школахъ Западной Америки совершенно устранили изученіе древнихъ языковъ»

Отношенія между учителями и учениками отличаются чрезвычайно дружескимъ характеромъ. Непрестанное общеніе между школою и семьею и ихъ взаимодѣйствіе является также одною изъ отличительныхъ особенностей американской школы. «Въ Америкѣ я не находилъ даже признака враждебнаго чувства родителей къ школѣ, — говоритъ г. Мартенсъ. Напротивъ, родители любятъ, дорожатъ и восхваляютъ свои школы. Все, что происходитъ въ школѣ, ихъ интересуетъ, и все общество заинтересовано судьбою школы, ея успѣхами и приключеніями. Всѣ школьныя торжества, какъ состязанія въ играхъ, театральныя представленія, литературныя состязанія и танцовальные вечера съ любовью описываются на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Школьный праздникъ есть общественный праздникъ».

Для лучшаго достиженія объединенія семьи и школы въ американскихъ городахъ устроились особенные «клубы матерей» (Mothers clubs), въ которыхъ по вечерамъ встрѣчаются матери и учителя и тутъ происходитъ между ними постоянный обмѣнъ мыслей, съ цѣлью обезпечить наилучшимъ образомъ достиженіе полнаго объединенія школы и семьи на пользу подростающаго юношества».

«Такую же отрадную картину, — пишетъ г. Мартенсъ, — представляютъ и американскіе университеты». Американскій университетъ — явленіе въ высшей степени самобытное, не имѣющее на европейскомъ материкѣ никакого подобія.

«Почти всѣ американскіе университеты обязаны своимъ существованіемъ почину частныхъ лицъ и щедротамъ благотворителей. Любопытно, что если въ Европѣ университеты, возникшіе по почину частныхъ лицъ или корпорацій, мало-по-малу превращаются въ государственныя учрежденія и теряютъ свою самостоятельность, то въ Америкѣ, напротивъ, университеты, зависящіе вначалѣ отъ государственной власти, становятся мало-по-малу совершенно независимыми отъ всякаго правительственнаго контроля. Они обращаются въ учрежденія, живущія собственными громадными капиталами и управляемыя президентами и коллегіями, которые *избираются всѣми бывшими воспитанниками университетовъ, получившими отъ нихъ свой дипломъ*». Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ европейскихъ университетовъ.

Бытъ студентовъ, говоритъ г. Мартенсъ, «организованъ идеально хорошо». Товарищеская жизнь поддерживается всѣмъ строемъ американскихъ университетовъ. «Органами общей жизни студентовъ являются: 1) студенческія періодическія изданія; 2) организованныя между студентами общества и 3) университетскія торжества». Газеты и журналы, издаваемые студентами, не только не рѣдкость, но явленіе весьма распространенное. «Въ гарвардскомъ университетѣ издаютъ *пять* газетъ и журналовъ».

Оканчивая эту часть своихъ «очерковъ», г. Мартенсъ пишетъ:

«Въ заключеніе остается мнѣ только выразить пожеланіе, чтобы американ-

скіе университеты продолжали развиваться по тому пути, по которому поставлены лучшіе изъ нихъ.

«Можетъ быть, учрежденіе свободнаго союзнаго университета, съ богатыми средствами *), послужило бы образцомъ соединенія университетскаго преподаванія съ кипучею научною дѣятельностью профессоровъ. Можетъ быть, такой союзный панамериканскій университетъ, включая въ себя лучшія ученыя силы всей Америки, сдѣлался бы естественнымъ двигателемъ всѣхъ университетскихъ наукъ.

«Это вполнѣ возможно, и великая будущность американскаго народа вмѣняетъ ему въ обязанность сдѣлать усилія къ завоеванію міра не только посредствомъ всемогущаго доллара, но еще болѣе могуществомъ знанія и силою идей. Только подъ соблюденіемъ этого условія и американизація всего міра можетъ обѣщать всѣмъ народамъ на земномъ шарѣ союзную и дружескую помощь американцевъ въ борьбѣ съ мракомъ невѣжества и съ адомъ человѣческихъ страстей. Только при этомъ условіи «американизація» сдѣлается синонимомъ свободы, свѣта и прогресса».

Пятую и послѣднюю главу своихъ «Американскихъ впечатлѣній» г. Мартенсъ посвящаетъ всецѣло анализу понятія «американизація всего свѣта». Представленіе объ «американизаціи», какъ о завоеваніи англо-саксонскою расой земного шара огнемъ и мечомъ, г. Мартенсъ считаетъ совершенно нелѣпымъ. «Объ этомъ едва ли мечтаютъ даже самые смѣлые поборники англо-американскаго имперіализма», говоритъ онъ. Американизація, это духовное завоеваніе Америкой міра, это распространеніе на весь земной шаръ духа Америки и ея учрежденій. Соединенные Штаты представляютъ государство «единое и нераздѣльное». «Но это государственное единство, — говоритъ г. Мартенсъ, — нисколько не убило мѣстную анатомію отдѣльныхъ штатовъ, сохранившихъ по сіе время свое собственное штатное законодательство, представительныя учрежденія, штатные суды и административную независимость въ управленіи мѣстными интересами. Это уваженіе мѣстной автономіи отдѣльныхъ штатовъ есть краеугольный камень всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. Только одинъ разъ, во время междоусобной войны 1863 года, центробѣжныя стремленія подвергли опасности государственное единство американской республики. Но ни эта братоубійственная война, ни крики сторонниковъ всепоглощающей центральной государственной власти, не въ состояніи были низложить коренной законъ Соединенныхъ Штатовъ, обезпечивающій свободу и автономію за отдѣльными штатами. Эта же свобода нисколько не воспрепятствовала гигантскому росту всего государства. «Обращаюсь еще къ другому устою американскаго народа: это неограниченное уваженіе всякаго честнаго и производительнаго труда. Нигдѣ въ мірѣ не существуетъ подобнаго почитанія трудо-

*) Предъ средствами американцы никогда не останавливаются: за періодъ времени съ 1893 — 1901 гг. т.-е. за *девять* лѣтъ *частныхъ* пожертвованій на университеты, колледжи, библіотеки и лабораторіи было всего 422 милліона долларовъ.

любія и нигдѣ слово «джентльменъ» не выражаетъ понятія о человѣкѣ трудящемся.

«Ни одинъ американецъ не будетъ шокированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримѣръ, студенты университетовъ, желая зарабатывать деньги для уплаты за университетскія лекціи, поступаютъ во время лѣтнихъ каникулъ въ половые ресторановъ, кондуктора желѣзныхъ дорогъ, въ кучера и рабочіе на биржахъ. Студенты и ученики высшихъ школъ встаютъ въ два или три часа утра, чтобы сбѣгать въ редакціи газетъ и затѣмъ, или пѣшкомъ, или на велосипедѣ, разносить по домамъ газеты. Молодыя бѣдныя дѣвушки поступаютъ въ горничныя подъ условіемъ, что хозяйка освободитъ ихъ каждый день на два-три часа для слушанія лекцій въ университетѣ.

«Если, благодаря «американизаціи всего міра», повсюду, на всемъ земномъ шарѣ утвердится такая американская любовь къ труду, то можно будетъ только радоваться такому положенію. Въ такомъ случаѣ съ корнемъ будутъ вырваны тѣ соціальные предразсудки, которые въ Европѣ еще существуютъ относительно труда и извѣстныхъ родовъ занятій. Если у европейскихъ народовъ укоренится положеніе, что всякій честный трудъ даетъ право на уваженіе и что именно трудъ есть жизненный рычагъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, въ такомъ случаѣ американцы одержатъ великую духовную побѣду надъ европейскими народами, и такая «американизація» будетъ только великимъ шагомъ впередъ по пути прогресса.

«Кромѣ вышеприведенныхъ главнѣйшихъ духовныхъ принциповъ, внесенныхъ американцами въ общую сокровищницу плодовъ соціально-культурной работы цивилизованныхъ народовъ, имѣются еще другія начала, которыя также достойны всеобщаго распространенія посредствомъ американизаціи. Сюда относятся: свобода мысли, слова и печати; равенство между людьми предъ закономъ и судомъ; простота обращенія и доброта отношеній, сказочная щедрость на пользу общественную и т. п.

«Таковы тѣ жизненные принципы, которые были положены въ основаніе общественно-государственнаго строя Соединенныхъ Штатовъ. Во всестороннемъ ихъ развитіи и стойкомъ поддержаніи заключается культурно-историческая задача сѣверо-американской республики. Правда, всякое цивилизованное государство должно руководствоваться такими же началами для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей. Однако, до послѣдняго времени именно Соединенные Штаты считались государствомъ, въ которомъ вышеисчисленныя блага наиболѣе рельефно выступали, какъ въ практической жизни, такъ и въ научныхъ трактатахъ».

Таковы эти замѣчательныя «Американскія впечатлѣнія» нашего извѣстнаго ученаго. Намъ нѣтъ надобности ихъ комментировать. Они дѣйствуютъ сами по себѣ съ убѣдительною силой, а высоко авторитетное въ ученомъ мірѣ всего свѣта имя г. Мартенса служитъ достаточнымъ ручательствомъ безпристрастья его оцѣнокъ и характеристикъ.

Въ Америкѣ жизнь идетъ во всѣхъ отношеніяхъ «по-американски». Нашъ соотечественникъ г. Тверской, живущій въ Америкѣ болѣе двадцати лѣтъ, говоритъ, что, несмотря на это, ему «постоянно приходится натыкаться на новыя, весьма крупныя явленія, открывать, такъ сказать, въ Америкѣ новыя Америки, одну за другую». Эти слова г. Тверского мы встрѣтили въ его, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», статьѣ, подъ заглавіемъ «Федерація женскихъ клубовъ въ Америкѣ». Какое значеніе и какіе размѣры имѣетъ въ Америкѣ свободная группировка гражданъ вообще и гражданокъ въ частности, это хорошо знаетъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ условіями американской жизни, и тѣмъ не менѣе г. Тверской совершенно правъ, утверждая, что даже для него, почти уже американца, многое представляется въ Америкѣ точно выхваченнымъ изъ какого-то сказочнаго міра. Возьмемъ хотя бы женское движеніе. Въ этомъ отношеніи Америка еще не такъ давно, всего какихъ-нибудь 30—35 лѣтъ тому назадъ, была страною весьма консервативною, и возникновеніе перваго женскаго клуба въ Америкѣ явилось результатомъ именно этой черты американцевъ. Дѣло было такъ: въ 1868 году по Америкѣ путешествовалъ и читалъ публично выдержки изъ своихъ романовъ знаменитый англійскій писатель Чарльзъ Диккенсъ. Когда онъ прибылъ въ Нью-Іоркъ, то клубъ печати устроилъ въ честь романиста парадный обѣдъ, и хотя уже и тогда въ Нью-Іоркѣ существовали женщины-журналистки, сдѣлавшія журналистику своею профессіей, но попытки ихъ получить билетъ на диккенсовскій обѣдъ были встрѣчены грубымъ отказомъ со стороны мужчинъ. «Госпожа Кроли, одна изъ получившихъ такой отказъ дамъ,—разсказываетъ г. Тверской,—была глубоко имъ оскорблена и задумала открыть женщинамъ въ будущемъ возможность дѣйствовать въ такихъ случаяхъ самостоятельно, независимо отъ мужчинъ. Идея была, однако, такъ нова, что изъ *пяти* присутствовавшихъ на первомъ собраніи женщинъ, *три*, посовѣтовавшись съ мужьями, нашли ее непрактичною и отказались отъ участія уже черезъ два-три дня». Осталось, значитъ, всего *двѣ* основательницы новаго дѣла. «Тѣмъ не менѣе, г-жа Кроли прдолжала свою пропаганду, и черезъ нѣсколько времени ей удалось собрать *четырнадцать* женщинъ, и первый женскій клубъ былъ организованъ въ Нью-Іоркѣ въ апрѣлѣ 1868 года подъ именемъ «Сорозиса». Клубъ «Сорозисъ» и считается разсадникомъ всѣхъ женскихъ клубовъ Америки; онъ же положилъ начало и ихъ федераціи. Въ 1889 году «Сорозисъ» праздновалъ свое совершеннолѣтіе (онъ достигъ тогда 21 года своего существованія) и пригласилъ на это торжество депутатокъ отъ 97 существовавшихъ уже тогда другихъ женскихъ клубовъ. На этомъ собраніи и было рѣшено организовать постоянную федерацію клубовъ. Первая ея «конвенція» засѣдала въ 1899 году и въ ней приняли участіе депутатки отъ 63 женскихъ клубовъ, разсѣянныхъ по 17 разнымъ штатамъ. Затѣмъ увеличеніе числа женскихъ клубовъ шло уже въ такой чисто американской прегрессіи: въ 1892 году число принадлежавшихъ къ генеральной федераціи клубовъ возросло до 189. Въ 1893 году во время выставки въ Чикаго федерація устроила спеціальный женскій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегатки уже отъ 258 клубовъ. Въ кон-

венціи 1894 года приняли участіе 350 клубовъ; въ 1896—478 отдѣльныхъ клубовъ и 20 штатныхъ федерацій, считавшихъ въ своей средѣ 947 клубовъ. Въ 1900 году число клубовъ возросло до 2.675 съ 166.903 членами, а въ настоящій моментъ число ихъ превышаетъ 4.000, а число членовъ 300.000 человѣкъ!..

Послѣдняя «конвенція» женскихъ клубовъ засѣдала въ маѣ текущаго года въ городѣ Лосъ-Анжелосъ, въ Калифорніи. На нее прибыло 1.200 делегатокъ и такое же число такъ называемыхъ «альтернатокъ». Кромѣ того, въ засѣданіяхъ приняло участіе нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ посѣтительницъ, съѣхавшихся для этой цѣли со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. «Конвенція эта была такъ велика по составу и по числу желавшихъ присутствовать, что въ городѣ не было зданія, которое могло бы вмѣстить ее цѣликомъ, и потому засѣданія происходили одновременно въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ—концертномъ театрѣ и синагогѣ, стоящихъ рядомъ на одной улицѣ». «Въ обоихъ помѣщеніяхъ засѣданія происходили по три раза въ день—утромъ, послѣ завтрака и вечеромъ, такъ что конвенція работала 8—10 часовъ въ день ежедневно. Въ первое торжественное засѣданіе конвенцію привѣтствовалъ губернаторъ штата, меръ города, предсѣдательница штатной федераціи калифорнскихъ женскихъ клубовъ, предсѣдательница мѣстнаго комитета по организаціи конвенціи и т. д. Затѣмъ слушались привѣтствія и отчеты иностранныхъ женскихъ клубовъ — Англіи, Австраліи, Британской Индіи, Африки и т. д., уже присоединившихся къ американской генеральной федераціи. Изъ послѣдующихъ засѣданій только 3—4 были посвящены вопросамъ, касающимся измѣненій въ организаціи какъ генеральной, такъ и штатныхъ федерацій, условіямъ пріема отдѣльныхъ клубовъ, финансовому отчету, отчетамъ постоянныхъ комитетовъ, выборамъ чиновъ на слѣдующее двухлѣтіе и т. д.; всѣ остальные были отданы рефератамъ членовъ на всевозможныя темы и преніямъ по ихъ поводу.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ разрослась дѣятельность американскихъ женскихъ клубовъ и какъ ихъ вліяніе успѣло проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго прогресса прогресса вообще, необходимо сказать нѣсколько словъ объ общей программѣ конвенціи. Нѣсколько засѣданій было посвящено образованію вообще и женскому въ особенности; разсматривались такіе вопросы, какъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, значеніе преподаванія искусствъ въ народныхъ школахъ и ихъ вліяніе на дѣтскую психологію, значеніе внѣклассныхъ занятій и экскурсіи и т. д., и т. д. Всѣ эти вопросы обсуждались не съ точки зрѣнія спеціалиста-педагога, а съ чисто жизненной, практической точки зрѣнія матери и семьи; это была не сухая, отвлеченная теорія, а выводы и разсужденія опыта и обычныхъ повседневныхъ требованій и наблюденій. Нѣсколько засѣданій было посвящено рефератамъ относительно промышленной работы женщинъ и дѣтей, разбору законодательствъ различныхъ штатовъ и желательныхъ въ этомъ отношеніи реформъ; особый комитетъ, назначенный предшествовавшею конвенціей для изслѣдованія положенія женщинъ и дѣтей въ промышленности страны, представилъ обширный докладъ, занявшійся вопросомъ объ огражденіи женскаго и дѣтскаго труда законодательствомъ съ выясненіемъ

его несовершенства и отсталости во многихъ другихъ штатахъ. Особенно интересны были засѣданія, посвященныя обсужденію рефератовъ, касавшихся реформъ государственнаго и муниципальнаго устройства. Возможность и необходимость женскаго вліянія была особенно подчеркнута въ такихъ вопросахъ, какъ организація учрежденій для исправленія порочныхъ дѣтей, для обезпеченія народнаго здравія, нѣкоторыхъ сторонъ городского хозяйства и т. д.».

Немудрено, что, благодаря своей мощной энергіи, сопряженной въ то же время съ чрезвычайною дѣловитостью, американская женщина быстро завоевываетъ себѣ въ государственной и общественной жизни одну позицію за другою. Извѣстно, что женщины пользуются уже полноправіемъ съ мужчинами при голосованіи во всѣ учрежденія въ штатахъ Вайомингъ, Колорадо, Айдахо и Монтана. Отъ этого нововведенія перечисленные штаты только выиграли. «Замѣчательно, — говоритъ г. Тверской, — что примѣру перваго штата (Вайомингъ) послѣдовали именно сосѣдніе съ нимъ, имѣвшіе лучшую возможность оцѣнить послѣдствія дарованія такого права; теперь онъ уже окруженъ ими со всѣхъ сторонъ, и очередь за ближайшими къ этимъ послѣдователямъ».

Свою статью о женскихъ клубахъ въ Америкѣ г. Тверской оканчиваетъ такими словами:

«Сотни клубовъ въ разныхъ городахъ уже успѣли обзавестись собственными зданіями, стоющими десятки тысячъ долларовъ каждый; число клубовъ и число членовъ въ нихъ быстро растетъ съ каждымъ днемъ; дѣятельность ихъ все расширяется, захватывая все большее число отраслей, и чувствуется и государствомъ, и штатами, и въ особенности городами. Время явныхъ насмѣшекъ и сарказмовъ надъ ними, конечно, прошло безвозвратно; ихъ конвенціи привѣтствуются губернаторами и мерами, и, можно думать, недалекъ тотъ день, когда женщина будетъ выслушиваться съ почтеніемъ и въ конгрессѣ «союза».

Заговоривъ объ Америкѣ, нельзя обойти молчаніемъ и помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» недурного очерка г-жи Черевковой, подъ заглавіемъ «Чикаго». Г-жа Черевкова, видимо, не принадлежитъ къ числу писательницъ, обладающихъ способностью глубокаго проникновенія въ предметъ, который она предлагаетъ вниманію читателей; ея впечатлѣнія отъ Новаго Свѣта не могутъ быть поставлены ни въ какое сравненіе не только съ «Американскими впечатлѣніями» г. Мартенса, — тутъ г-жѣ Черевковой, «какъ до звѣзды небесной, далеко», — но даже и съ наблюденіями г. Тверского. Это просто дама, обладающая довольно живымъ слогомъ и крупицею наблюдательности, и тѣмъ не менѣе, повторяемъ, ея очеркъ «Чикаго» читается не безъ интереса. Мы не послѣдуемъ за г-жею Черевковой по всѣмъ разнообразнымъ учрежденіямъ, которыя она обѣгала въ Чикаго, а побывала она не только въ театрѣ, гдѣ ея патріотическое чувство было задѣто постановкою пьесы «The darkest Russia» («въ балконѣ и райкѣ, — такъ описываетъ г-жа Черевкова впечатлѣніе американцевъ отъ этой пьесы, — стоялъ какой-то бѣшеный ревъ; публика кричала, топала ногами, изъ себя выходила, стараясь выразить свой гнѣвъ, протестъ, негодованіе, и всѣ эти сильныя манифестаціи были направлены

*

по адресу Россіи»), но и на биржѣ, на бойняхъ и т. д. Мы остановимся лишь на самой интересной страницѣ очерка г-жи Черевковой, на описаніи лежащаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чикаго образцоваго рабочаго городка, выстроеннаго Пульманомъ для работающихъ на его знаменитой фабрикѣ «Pulman Car Works». Вотъ относящіяся сюда строки:

«Городокъ Пульмана или просто Пульманъ лежитъ въ 14-ти миляхъ къ югу отъ Чикаго, и поѣздка туда заняла у насъ около часа. День былъ будній. Служащій, къ которому у насъ было письмо, сидѣлъ уже въ конторѣ фабрики. Зданія фабрики — это цѣлый лабиринтъ, откуда свѣжему человѣку и выбраться трудно.

«Все отъ малѣйшаго винтика до самаго изысканнаго предмета роскоши производится на мѣстѣ. Чего, чего только не показывали намъ! Мастерскія столярныя, токарныя, слесарныя, машины для прессованія бумаги, граненіе стеколъ, серебреніе зеркалъ, главную паровую машину, по словамъ нашего проводника, одну изъ крупнѣйшихъ въ Америкѣ; повсюду послѣднее слово техники... Голова кружилась отъ этого ряда сложныхъ производствъ, проходившихъ предъ нами, и результатомъ всей этой кипучей дѣятельности получались тысячи и сотни всякихъ вагоновъ, между прочимъ и тѣ «вагоны-дворцы», въ которомъ мы съ такимъ комфортомъ прорѣзали материкъ Америки. На фабрикѣ выдѣлывается въ теченіе года до 10.000 товарныхъ вагоновъ, 500 пассажирскихъ и 200 вагоновъ-дворцовъ, всего на сумму отъ 20-ти до 30-ти милліоновъ рублей. Рабочихъ вмѣстѣ съ другими служащими здѣсь 6.000 человѣкъ.

«Большой интересъ представляетъ городокъ, построенный компаніей для рабочихъ, но жить имъ въ немъ нисколько не обязательно. По послѣднимъ даннымъ, въ городкѣ насчитывалось 11.000 жителей, главнымъ образомъ, рабочихъ и ихъ семей. Весь городъ изрѣзанъ широкими, чистыми улицами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, хорошими мостовыми, проведенной водой и собственной ежедневной газетой, которая стоитъ два рубля въ годъ. Въ городѣ нѣсколько школъ общихъ и спеціальныхъ. Наиболѣе изящное зданіе—это «Arcade», гдѣ помѣщаются театръ, безплатная библіотека со многими періодическими изданіями и 8.000 томовъ разныхъ сочиненій, нѣсколько клубовъ, гдѣ читаются рефераты, лекціи, даются концерты, а по праздникамъ балы и вечеринки. Домà большею частью двухъэтажные, многіе окружены садиками и цвѣтниками; рабочіе нанимаютъ ихъ у администраціи фабрики. Каждая квартира отъ двухъ до четырехъ комнатъ, съ кухней и ванной. Квартира въ двѣ комнаты стоитъ отъ 80-ти до 100 руб. въ годъ; въ три комнаты отъ 120-ти до 150-ти руб. и въ четыре комнаты — отъ 160-ти до 200 руб. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ; спальни почти всегда наверху, а кухня и общая комната внизу. Вездѣ удивительно чисто. Въ нѣкоторыхъ домахъ есть піанино, маленькая библіотека, ковры, занавѣски на окнахъ и очень приличная мебель. Въ Россіи такое помѣщеніе можно было бы принять за квартиру чиновника средней руки».

Но оставимъ Америку съ ея экономическимъ и духовнымъ благоденствіемъ ея населенія и заглянемъ въ холодныя, не облагодѣтельствованныя дарами

природы скандинавскія страны. Вотъ ужъ, дѣйствительно, гдѣ живетъ народъ, народъ въ истинномъ значеніи этого слова, всецѣло обязанный своею высокою культурой собственной самодѣятельности! О «крестьянскихъ университетахъ» въ скандинавскихъ странахъ писалось у насъ довольно много, и тѣмъ не менѣе мы не можемъ не остановиться на очень интересной, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», статьѣ по этому поводу г. Оге Мейера-Бенедикстена. Статья такъ и называется «Крестьянскіе университеты въ скандинавскихъ странахъ». Культурный подъемъ датскаго крестьянства — дѣло послѣднихъ десятилѣтій; исходнымъ его пунктомъ считается 1849 годъ, когда, вслѣдствіе коренного измѣненія государственнаго строя Даніи, получилась возможность широкаго воздѣйствія лучшихъ элементовъ страны на массу населенія. «Умственному пробужденію датскихъ крестьянъ, — пишетъ авторъ цитируемой статьи,—много содѣйствовало также и религіозное движеніе. Во главѣ послѣдняго сталъ величайшій изъ датскихъ народныхъ дѣятелей Николай-Фридрихъ-Северинъ Грундтвигъ. Это былъ религіозный мыслитель и могучій поэтъ. Плоскій «раціонализмъ», господствовавшій въ то время въ лютеранствѣ, отталкивалъ его, и онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу во имя болѣе чистаго и болѣе глубокаго пониманія христіанства. Къ счастью, Грундтвигъ не отрѣшился при этомъ отъ жизни съ ея насущными потребностями: онъ понималъ, что слѣдуетъ быть не только хорошимъ христіаниномъ, но также и хорошимъ гражданиномъ. Онъ вѣрилъ, что его маленькій народъ, идя по вѣрному пути, можетъ широко развить свои силы для жизни, «угодной и Богу, и людямъ». Съ изумительною энергіей Грундтвигъ работалъ для проведенія въ жизнь своего идеала, и теперешній датскій крестьянинъ очень многимъ обязанъ ему».

Вскорѣ Грундтвигъ выступилъ съ книгой, которая называлась «Попытка основанія школы для взрослыхъ датскихъ крестьянъ». Такую школу и основалъ впервые крестьянинъ острова Фіоніи Христіанъ Кольдъ. Школа была бѣдна, ее посѣщали всего десятка два молодыхъ крестьянъ, и едва ли кто-нибудь тогда смѣлъ даже мечтать, что основаніе такой школы явится исходнымъ пунктомъ цѣлаго грандіознаго движенія. Но случилось именно такъ. Слѣдующая школа была устроена въ Рёддингѣ (въ Южной Ютландіи) уже подъ руководствомъ самого Грундтвига, а затѣмъ онѣ стали возникать одна за одною. Теперь въ Даніи существуетъ уже 60 «высшихъ школъ для крестьянъ» (Bauerhochschulen). Такія же школы принялись и за предѣлами Даніи,—въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи *). «Всюду въ крестьянскія школы ежегодно набирается все больше и больше молодежи. Всякая школа, какъ въ Даніи, такъ и въ другихъ названныхъ странахъ, совершенно свободна; главная школа (въ Асковѣ) не издаетъ никакихъ обязательныхъ правилъ; всякій директоръ — хозяинъ въ своей школѣ и ведетъ ее по своему усмотрѣнію». Школы существуютъ для крестьянскаго юношества обоего пола. Для юношей — курсы зимніе; для дѣ-

---

*) О народныхъ университетахъ въ Финляндіи см. «Финляндская высшая народная школа», Т. Криль, «Міръ Бож.» 96 г., янв.; «Высшія народныя школы въ Финляндіи», Гр—на, «М. В.» 1901 г., ноябрь.

вицъ — лѣтніе. «Зима выбрана для обученія молодыхъ людей, потому что въ это время года можно обойтись безъ нихъ при сельскихъ работахъ. Напротивъ, молодыя дѣвушки нужнѣе дома зимою, чѣмъ лѣтомъ, а потому ихъ распускаютъ изъ школъ въ концѣ іюля, такъ какъ въ эту пору обыкновенно начинается въ Даніи жатва, а тогда всѣ рабочія руки нужны». Программа школъ довольно обширная, но «никакихъ экзаменовъ въ школахъ не полагается; не выдается также никакихъ бумажекъ, которыя доставляли бы какія-либо преимущества прошедшимъ черезъ школы лицамъ. Школы задаются лишь одною цѣлью: расширить нравственный и умственный кругозоръ народа, удовлетворить насколько возможно его умственный голодъ. Въ этомъ и кроется тайна успѣха такого рода школъ».

Какъ велико движеніе умовъ въ Даніи въ этомъ направленіи, можно судить уже по одному факту: въ 1893—1894 году черезъ такія школы въ Даніи прошло учениковъ и ученицъ до 60.000 человѣкъ!..

Не говоря о громадномъ вліяніи, которое оказали эти школы на матеріальное благосостояніе датскаго крестьянства, онѣ же имѣли и чрезвычайно плодотворное значеніе для другихъ сторонъ жизни трудящагося населенія Даніи. «Высшія школы развили и укрѣпили въ датскомъ крестьянствѣ довѣріе и любовь къ знанію; у крестьянъ явилась потребность учиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ они сдѣлались гораздо отзывчивѣе и ко всѣмъ улучшеніямъ въ земледѣліи... Кооперативное движеніе также обязано своимъ возникновеніемъ высшимъ школамъ; онѣ дали крестьянину вѣру въ самого себя, научили его, какъ поступать въ борьбѣ за существованіе, поднявъ его умственное развитіе... Умственное пробужденіе крестьянъ создало политическую партію лѣвой, основанную крестьянами, особенно землевладѣльцами, владѣющими отъ 20 до 80 десятинъ (это собственники средней руки). Болѣе двухъ третей датской палаты депутатовъ (въ которой всего 114 членовъ) составляютъ крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ менѣе чѣмъ пятнадцатью десятинами земли. Въ датскомъ сенатѣ значительную часть также составляютъ крестьяне-землевладѣльцы. Нужно сказать, что обыкновенный крестьянинъ въ Даніи владѣетъ участкомъ земли не свыше 8 десятинъ; кто владѣетъ количествомъ земли болѣе 80 десятинъ, тотъ считается уже крупнымъ землевладѣльцемъ. Самъ теперешній министръ земледѣлія (землевладѣлецъ) имѣетъ всего лишь 20 десятинъ земли. Партія правой, поддерживаемая королемъ, чиновниками, крупными землевладѣльцами и буржуазіей, до послѣдняго времени держала власть въ своихъ рукахъ; король изъ ея среды избиралъ министровъ. Долгое время продолжалась борьба изъ-за власти; въ настоящее время партія лѣвой побѣдила. Данія имѣетъ теперь министерство, избранное большинствомъ представителей націи. Данія съ гордостью можетъ указать на министра земледѣлія, который прежде былъ мелкимъ землевладѣльцемъ, и на министра народнаго просвѣщенія, который былъ сельскимъ учителемъ. И они достигли власти, не отказавшись отъ своего соціальнаго положенія, не вступивъ въ союзъ съ привиллегированными кружками, но въ союзѣ со своею природною партіею, въ качествѣ вождей лѣвой. Вотъ вѣское доказательство развитія датскихъ крестьянъ». Въ другихъ скан-

динавскихъ странахъ высшія школы для крестьянъ оказали также огромное вліяніе на весь складъ народной жизни. Отсюда ясно, какое громадное значеніе для культуры страны можетъ имѣть свободное распространеніе образованія среди населенія. Оно поддерживаетъ весьма неблагопріятныя климатическія, почвенныя и другія природныя условія жизни страны.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Скандинавскихъ странахъ. Въ Стокгольмѣ состоялось общее собраніе недавно организованнаго союза для расширенія политическихъ правъ женщины. Предсѣдательница собранія г-жа Бромё сообщила о многочисленныхъ петиціяхъ, которыя были представлены союзомъ правительству и депутаціи, отправленной къ министру внутреннихъ дѣлъ Бострому. Въ настоящее время правительство приступлено къ пересмотру избирательныхъ правъ, и поэтому депутація ходатайствовала о томъ, чтобы вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ былъ также внесенъ на разсмотрѣніе коммиссіи. Бостромъ предложилъ депутаціи обратиться къ министру юстиціи, но при этомъ сказалъ, что, по его личному мнѣнію, время еще не наступило для рѣшенія этого важнаго вопроса; общественное мнѣніе еще недостаточно подготовлено для такой реформы. Почти такой же взглядъ высказалъ и министръ юстиціи на пріемѣ депутаціи и совѣтовалъ не форсировать дѣла, а предоставить вещи своему теченію. Далѣе министръ юстиціи заявилъ, что въ теоріи онъ ничего не имѣетъ противъ избирательныхъ правъ женщины, но въ данную минуту правительство не можетъ заняться этимъ вопросомъ, въ связи съ пересмотромъ избирательнаго ценза мужчинъ. Оба министра, впрочемъ, были одинаковаго мнѣнія, что полученіе избирательныхъ правъ женщинами составляетъ лишь вопросъ времени и что эти права должны будутъ одинаково распространиться какъ на замужнихъ, такъ и на незамужнихъ женщинъ.

Въ собраніи было сообщено, между прочимъ, что въ Исландіи Альтингъ вотировалъ законъ, предоставляющій право вдовамъ и незамужнимъ женщинамъ выставлять свои кандидатуры на выборахъ въ различныя представительныя учрежденія, окружные и городскіе совѣты и т. п. Женщины могутъ быть избираемы на такихъ же условіяхъ, какъ и мужчины, но имѣютъ право отказаться въ случаѣ своего избранія. Въ Норвегіи же недавно рѣшено учрежденіе торговыхъ судовъ, причемъ женщины получили право голоса въ этихъ судахъ, наравнѣ съ мужчинами.

Въ Христіаніи 8-го декабря состоялось грандіозное торжество. Праздновалась 70-ти-лѣтняя годовщина знаменитаго норвежскаго писателя Біорнсона. Все населеніе страны, не только города, приняло участіе въ этомъ торжествѣ, которое носило вполнѣ народный характеръ. Въ лицѣ Біорнсона норвежскій народъ чествовалъ не только своего самаго популярнаго писателя, но и своего политическаго вождя. Въ восьмидесятыхъ годахъ, во время борьбы норвежской народной партіи за конституцію, Біорнсонъ былъ однимъ изъ наиболѣе попу-

лярнымъ вождей оппозиціи, журналистомъ и ораторомъ, слова котораго увлекали толпу, собиравшуюся слушать его на большихъ крестьянскихъ собраніяхъ. Его убѣжденное краснорѣчіе дѣйствовало на слушателей. Политическая борьба была въ его глазахъ нравственною борьбою и именно съ этой точки зрѣнія онъ изображаетъ ее въ своей драмѣ «Король», которая считается въ поэтическомъ отношеніи слабымъ произведеніемъ, но за то представляетъ огромный интересъ съ точки зрѣнія психологіи автора, какъ народнаго вождя. Свои политическія и нравственныя идеи Біорнсонъ воплощаетъ въ образахъ въ своихъ драмахъ и при помощи ихъ старается воздѣйствовать на общество. Безчисленныя депутаціи, посѣтившія его, служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ велико его вліяніе въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества и странахъ.

Университеты и національности въ Австріи.—Дома для рабочихъ. Распря національностей въ Австріи не только не прекращается, несмотря на всѣ усилія Кёрбера уладить споръ о языкахъ, но въ послѣднее время еще болѣе усложнилось вслѣдствіе присоединенія одного элемента, хотя и не новаго, но, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтающаго съ каждымъ днемъ все большее значеніе въ жизни страны. Дѣло въ томъ, что соперничество національностей отражается на университетахъ, учащійся персоналъ которыхъ весьма разнородный съ этнической точки зрѣнія, принимаетъ теперь участіе въ конфликтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ чехи въ 1882 году добились раздвоенія пражскаго университета, такъ что теперь въ Прагѣ существуютъ рядомъ два соперничествующихъ университета, одинъ—чешскій, другой—нѣмецкій, всѣ прочія національности Австріи стали и для себя требовать такихъ же преимуществъ. Не всѣ, конечно, требуютъ основанія спеціальныхъ и отдѣльныхъ университетовъ, какъ это дѣлаютъ, напр., моравскіе чехи; нѣкоторыя, наименѣе требовательныя изъ австрійскихъ національностей, готовы удовольствоваться лишь введеніемъ въ преподаваніе университетовъ двухъ языковъ, вмѣсто одного нѣмецкаго, который тамъ безраздѣльно господствуетъ, какъ, напримѣръ, указываютъ на политехническую школу въ Цюрихѣ, гдѣ преподаваніе производится на трехъ языкахъ, господствующихъ въ Швейцаріи. Но такъ какъ университеты въ нѣмецкихъ странахъ вообще играютъ выдающуюся роль, то вмѣшательство университетскаго фактора въ распрю національностей въ Австріи получаетъ особое значеніе. Австрійская печать посвящаетъ ему большое вниманіе и обращается по этому поводу съ запросомъ къ профессорамъ университетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ разсматриваютъ этотъ вопросъ исключительно съ бюджетной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что если австрійскому государству придется распредѣлять и безъ того довольно ограниченныя средства, которыми она располагаетъ, между раздвоившимися университетами, то каждый изъ нихъ очутится въ гораздо худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ это было бы безъ такого раздѣленія. Кромѣ того, государство не въ состояніи будетъ при такихъ условіяхъ предложить достаточное матеріальное обезпеченіе профессорамъ и поэтому не будетъ имѣть возможности приглашать на каѳедры наиболѣе выдающихся представителей ученаго міра. Другіе профессоры выра-

жають сожалѣніе, что университеты вовлечены въ борьбу партій и перестали быть исключительно только разсадниками знанія. Впрочемъ, и среди этихъ профессоровъ встрѣчаются настолько безпристрастные люди, что они откровенно признаютъ вину университетовъ въ данномъ случаѣ. Проникнутые духомъ германизма, университеты не могли оставаться въ сторонѣ и, вмѣшавшись въ распрю, вызвали у другихъ національностей желаніе имѣть собственные университеты, чтобы противопоставить ихъ вліяніе вліянію нѣмецкихъ университетовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, впрочемъ, что въ австрійскихъ университетахъ преобладаетъ германофильское направленіе. Огромное число профессоровъ австрійскихъ университетовъ уроженцы Германіи. Такъ, напримѣръ, въ вѣнскомъ университетѣ изъ 51 профессора только 39 австрійцевъ. Кромѣ того, событія, происходившія въ Инспрукѣ, въ университетѣ, указываютъ, что студенты-нѣмцы одержимы духомъ націонализма и внесли его въ стѣны университета. Въ южномъ Тиролѣ преобладаетъ въ этнографическомъ отношеніи крестьянскій элементъ и поэтому въ мѣстномъ сеймѣ проведенъ былъ вопросъ о языкахъ, и въ инспрукскомъ университетѣ введено преподаваніе на двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Въ нынѣшнемъ году студенты-итальянцы этого университета выразили желаніе, чтобы на торжественномъ актѣ при открытіи курсовъ итальянскому языку было отведено такое же мѣсто, какъ и нѣмецкому. Студенты-нѣмцы возмутились и назвали такое требованіе «наглымъ», такъ какъ первенство всегда и во всемъ должно принадлежать нѣмецкому языку. Результатомъ этого спора явилась кровопролитная схватка, вызвавшая сильнѣйшее волненіе среди итальянскихъ студентовъ другихъ австрійскихъ университетовъ, которые естественнымъ образомъ приняли сторону своихъ товарищей и единоплеменниковъ въ Инспрукѣ. Въ Италіи же инспрукское столкновеніе пробудило старинную вражду и въ итальянской печати появились рѣзкія статьи противъ союзницы Италіи и ея «исконнаго врага» Австріи. Такимъ образомъ, споръ національностей въ Австріи и вопросъ объ языкахъ въ университетахъ пріобрѣтаетъ общеполитическое значеніе, особенно въ виду того распространенія, которое получили въ послѣднее время идеи націонализма въ Европѣ.

Въ Вѣнѣ, въ рабочемъ кварталѣ, открытъ домъ для рабочихъ, основанный обществомъ «Verein Arbeiterheim», которое начало свою дѣятельность всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Свою идею устройства дома для рабочихъ оно могло осуществить только въ прошломъ году. Въ мартѣ было приступлено къ постройкѣ, и теперь домъ готовъ и можетъ служить украшеніемъ не только запущеннаго рабочаго квартала большого города, но и красивыхъ богатыхъ улицъ. Это великолѣпное зданіе вполнѣ удовлетворяетъ намѣченной цѣли. Рабочіе могутъ имѣть прекрасное и дешевое помѣщеніе въ этомъ домѣ со всѣми хозяйственными приспособленіями, причемъ жильцы имѣютъ возможность пользоваться ванной и прачешной. Въ первомъ этажѣ находятся великолѣпныя залы для собраній и одна изъ нихъ, устроенная амфитеатромъ, вмѣщаетъ до 2.000 человѣкъ. По словамъ газетъ, ни одна изъ существующихъ залъ въ Вѣнѣ не можетъ поспорить съ этой въ отношеніи цѣлесообразности ея устройства. Въ этой залѣ находятся подмостки, которые служатъ эстрадой для концертовъ,

сценой для театральныхъ представленій и трибуной для ораторовъ во время обраній. По бокамъ эстрады возвышаются колоссальные бюсты Маркса и Энгельса. Въ домѣ устроенъ ресторанъ для рабочихъ и отдѣленія общества потребителей и кассы вспомоществованія на случай болѣзни. Бюро союза просвѣщенія устроило тутъ библіотеку и научные курсы, а редакція «Arbeiter Zeitung»—отдѣленіе для продажи своей газеты.

Американскій парламентъ. Соціальный музей. Судъ для дѣтей. Вашингтонскій конгрессъ, по словамъ одного англійскаго журналиста, посѣтившаго открытіе американскаго парламента, представляетъ «наиболѣе американское изъ всѣхъ американскихъ учрежденій». Демократическій характеръ этого учрежденія сказывается во всемъ. Входъ въ американскій Капитолій открытъ для каждаго, безъ различія возраста, пола, цвѣта кожи и состоянія одежды. Милліонеръ или бродяга, бѣлый или негръ одинаково имѣютъ доступъ въ галлереи для публики и могутъ сидѣть рядомъ, если найдутъ тамъ свободное мѣсто. Никакихъ билетовъ или рекомендательныхъ карточекъ не требуется при входѣ въ парламентъ и не приходится проходить сквозь строй чиновниковъ, осматривающихъ подозрительно каждаго входящаго. Вообще что касается свободы, то въ этомъ отношеніи въ американскомъ парламентѣ дальше идти некуда. Залъ парламента очень великъ, но такъ пропорціоналенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, что величина его не бросается въ глаза. Мѣста для депутатовъ расположены полукругомъ, концентрическими рядами, напротивъ президента, причемъ республиканцы сидятъ по лѣвую сторону, а демократы по правую. Сидѣнія депутатовъ устроены на подвижной оси и передъ каждымъ изъ нихъ находится пюпитръ съ письменными принадлежностями, на которомъ депутатъ можетъ писать письма и разложить свои бумаги. Въ день открытія парламентской сессіи пюпитры и депутатскія кресла украшаются букетами цвѣтовъ, которые присылаются избирателями, и наиболѣе популярные изъ депутатовъ въ этотъ день буквально утопаютъ въ цвѣтахъ. Для посторонняго зрителя особенно интересно наблюдать публику на галлереяхъ и ея отношеніе къ депутатамъ. Англійскій журналистъ разсказываетъ, что когда онъ въ первый разъ посѣтилъ американскій конгрессъ три года тому назадъ, представителемъ Утаха былъ выбранъ мормонъ, имѣвшій трехъ женъ. Къ началу засѣданія на галлереяхъ уже заняли мѣста три тысячи женщинъ, твердо рѣшившихъ выразить свое негодованіе мормону и бѣдный депутатъ не могъ сказать ни слова, такъ какъ лишь только онъ начиналъ говорить, на галлереяхъ тотчасъ же поднимался неистовый шумъ. Зато ораторы, съумѣвшіе понравиться публикѣ, награждались такими же неистовыми апплодисментами. Изъ залы засѣданія дверь ведетъ въ курительную комнату и такъ какъ депутаты, отправляющіеся туда курить, оставляютъ эту дверь открытою, чтобы не пропустить рѣчей, то табачный дымъ проникаетъ и въ залу. Другая дверь ведетъ въ парикмахерскую и когда чернокожій парикмахеръ бываетъ свободенъ, то онъ открываетъ эту дверь и стоитъ на порогѣ, безъ сюртука и въ передникѣ, слушая рѣчи и перебрасываясь иногда шутливыми замѣчаніями съ сидящими въ послѣднихъ

рядахъ депутатами. Но особенную простоту и уютность придаетъ парламентской залѣ присутствіе дѣтей, сидящихъ во время дебатовъ на колѣняхъ своихъ отцовъ, членовъ конгресса. Спущенные съ колѣнъ ребятишки иногда взбираются на свободныя сидѣнія депутатовъ и начинаютъ вертѣть ихъ во всѣ стороны, что ихъ чрезвычайно радуетъ. Члены конгресса обыкновенно не мѣшаютъ имъ заниматься этимъ. Одинъ изъ маленькихъ мальчугановъ, пришедшій вмѣстѣ съ отцомъ, подошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ рѣшеткѣ и поднявъ кверху свой кулачокъ, произнесъ, вслѣдъ за отцомъ, формулу депутатской присяги. Это въ особенности привело въ восторгъ публику, засѣдающую въ галлереяхъ. Ораторы должны обладать очень сильнымъ голосомъ, чтобы ихъ можно было слышать, несмотря на огромную величину залы, скрипъ перьевъ, хлопаніе о пюпитры и шелестъ разворачиваемыхъ газетъ, такъ какъ всѣ этизвуки разносятся въ воздухѣ и въ залѣ господствуетъ постоянный гулъ. Если рѣчь оратора вызываетъ особенный интересъ, то депутаты покидаютъ свои мѣста и окружаютъ его, чтобы лучше слышать.

Американскій парламентъ въ отношеніи одежды депутатовъ отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. «Это самое плохо одѣтое собраніе на свѣтѣ! замѣчаетъ англійскій журналистъ.—Съ перваго взгляда конгрессъ можно принять за собраніе диссидентовъ, но затѣмъ разнообразіе костюмовъ бросается въ глаза. Всѣ чувствуютъ себя необыкновенно свободно, и засѣданія не носятъ ни малѣйшей торжественности. Однако это ничуть не мѣшаетъ конгрессу рѣшать важнѣйшіе вопросы, касающіеся судебъ государства и американскаго народа».

По примѣру соціальнаго музея въ Парижѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ открыли въ настоящее время институтъ соціальныхъ справокъ (American Institute of Social Sorvice).' Учрежденіе это находится въ Нью Іоркѣ, гдѣ уже съ 1898 года существуетъ «Leogue for Social Service». Въ организаціонномъ комитетѣ института участвуютъ всѣ лица, пользующіяся извѣстностью какъ соціальные дѣятели и въ томъ числѣ много женщинъ. Институтъ поставилъ своею задачей собираніе матеріаловъ, относящихся къ соціальному положенію вообще и спеціально положенію рабочихъ. Всѣ желающіе получить какія-либо свѣдѣнія, могутъ обращаться за справками въ институтъ и въ немъ работать по какому-нибудь отдѣлу соціальнаго вопроса. Институтъ будетъ издавать статистическія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ будутъ предлагаться различныя законодательныя мѣры. Кромѣ того, задачею института будетъ подготовленіе секретарей для соціальныхъ собраній. Институтъ вступилъ уже въ сношенія съ европейскими странами, и иностранцы, желающіе предпринять путешествіе въ Америку для изученія тамошнихъ соціальныхъ учрежденій могутъ обращаться въ американскій соціальный институтъ за всѣми нужными свѣдѣніями, касающимися не только интересующаго ихъ соціальнаго вопроса, но имѣющими практическое значеніе, какъ, напр., обозначеніе лучшаго маршрута и указаніе дешевыхъ и хорошихъ отелей и пансіоновъ. Вообще практическій характеръ американцевъ выразился и въ этомъ учрежденіи.

При институтѣ устраивается музей, въ которомъ будетъ собрано все, относящееся къ предохраненію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и улучшенію

ихъ быта въ санитарномъ отношеніи. Институтъ учрежденъ, благодаря общественной инціативѣ.

Въ Нью-Іоркѣ открыто еще одно новое учрежденіе—спеціальный судъ для дѣтей, имѣющій цѣлью оградить дѣтей, оказавшихся виновными въ какомъ нибудь проступкѣ, отъ соприкосновенія съ преступниками и разными подонками общества, которые фигурируютъ на судѣ для взрослыхъ. «New Court» открытъ недавно, но, по словамъ американскихъ газетъ, уже теперь замѣтны благодѣтельные результаты. Во главѣ его поставленъ въ высшей степени добрый и разумный судья, которому удалось обратить на путь истины многихъ маленькихъ злодѣевъ. Судъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обществомъ «охраненія дѣтей отъ жестокаго обращенія», которое заботится о томъ, чтобы маленькіе преступники не попадали ночью въ полицейскіе участки. Для нихъ теперь устроено спеціальное чистое помѣщеніе въ зданіи суда, куда не сажаютъ ни взрослыхъ преступниковъ, ни пьяницъ, ни женщинъ дурного поведенія. Зала дѣтскаго суда отличается чистотой, хорошо провѣтрена, но не лишена торжественнаго характера. Съ одной стороны залы, за высокою рѣшеткой, сидитъ судья въ своей судейской мантіи, слѣва находится дверь, черезъ которую ежедневно проходитъ цѣлый рядъ маленькихъ и несчастныхъ созданій, одинъ видъ которыхъ зачастую краснорѣчивѣе всякихъ словъ повѣствуетъ о вынесенныхъ ими страданіяхъ и горькой нуждѣ.

«Это юдоль слезъ, юдоль печали,—говоритъ нѣмецкій журналистъ, недавно присутствовавшій на разбирательствѣ въ этомъ судѣ.—Въ 10¼ часовъ утра открывается черная дверь и въ полутьмѣ, за желѣзною рѣшеткой можно замѣтить маленькія фигуры. Ихъ много. Молча и неподвижно устремляютъ они взоры на открытую дверь, стараясь разглядѣть въ залѣ, среди публики, знакомое лицо, родныхъ, которые ожидаютъ съ замираніемъ сердца рѣшенія суда и права обнять ребенка на прощаніе, если за нимъ должны запереться двери исправительной тюрьмы.

«Служитель вызываетъ громкимъ голосомъ имена. Въ отверстіи черныхъ дверей показывается маленькая дѣвочка, она останавливается на порогѣ, ослѣпленная яркимъ свѣтомъ, но полицейскій указываетъ ей, что она должна пройти впередъ, и она входитъ на трибуну. Судья ласково обращается къ ней; она дрожитъ и плачетъ. Тутъ же присутствуютъ ея мать и отецъ, согбенные горемъ и нуждой? Они обѣщаютъ лучше смотрѣть за своимъ ребенкомъ и судья отпускаетъ ее. Большею частью дѣти всегда откровенно сознаются въ своей винѣ и подробно разсказываютъ «доброму судьѣ» свои прегрѣшенія. Тѣже, которыя отпираются, и рецидивисты отправляются имъ въ исправительныя заведенія для дѣтей. Но очень часто, благодаря судебному разбирательству, раскрывшему мрачныя картины дѣтской жизни, для несчастныхъ дѣтей наступаетъ возможность лучшей будущности».

Хлѣбный вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.— Рѣчи императора Вильгельма. «Свершилось! Сила побѣдила право». Таково было единодушное восклицаніе всей германской либеральной печати на другой

день послѣ безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ германскаго парламента засѣданія, начавшагося въ субботу въ 10 часовъ утра и окончившагося въ воскресенье въ шесть утра, слѣдовательно продолжавшагося 18 часовъ безъ перерыва. Это единственное въ своемъ родѣ засѣданіе было апоѳеозомъ таможеннаго законопроекта, который сплотившіяся реакціонныя партіи германскаго парламента, провели черезъ всѣ препятствія и навязали германскому народу, несмотря на его явное сопротивленіе. Но побѣда досталась не легко и была достигнута только путемъ самаго возмутительнаго насилія, нарушенія важнѣйшихъ основъ парламентскаго производства и покрытія конституціонныхъ правъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ германскія либеральныя партіи находятся теперь подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ подобнаго разрѣшенія парламентскаго кризиса и съ тревогой ожидаютъ послѣдствій такого торжества грубой политики насилія.

Борьба, которую вела оппозиція въ германскомъ рейхстагѣ противъ таможеннаго законопроэкта, прозваннаго ею «Hungertarif'омъ», также принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ фактовъ германскаго парламентаризма и займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи германскаго Рейхстага. Обструкція примѣнялась съ такимъ удивительнымъ единодушіемъ и упорствомъ (къ одному только предложенію Кардорфа было внесено 466 поправокъ!) — что пренія затягивались до безконечности и, казалось, не было никакой надежды довести ихъ до конца раньше будущаго года. Постепенно возрастало ожесточеніе партіи и дошло до того, что въ стѣнахъ германскаго рейхстага разыгрались такія сцены, которыя составляютъ нѣчто небывалое въ германской парламентской исторіи. Насиліе слѣдовало за насиліемъ. Утомленные и раздраженные упорствомъ обструкціи сторонники высокихъ пошлинъ рѣшили прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—измѣнить парламентскій уставъ и дать въ руки предсѣдателя рейхстага дискреціонную власть. Это упрощало дѣло и оппозиція была побѣждена. Однако въ памятный день генеральнаго сраженія, вслѣдствіе оплошности Шпана—«парламентскаго палача» какъ его назвала оппозиція, указывавшаго предсѣдателю ораторовъ, которымъ можно разрѣшить говорить, соціалъдемократу Антрику было дано слово и онъ говорилъ безъ перерыва восемь часовъ, разсчитывая, что утомленные депутаты большинства разбѣгутся и голосованіе не состоится. Но надежды его не сбылись. Парламентское большинство рѣшило во что бы то ни стало покончить съ третьимъ чтеніемъ законопроекта и вотировать его, хотя бы пришлось для этого сидѣть въ рейхстагѣ до слѣдующаго утра. Убѣдившись, что всѣ его усилія напрасны, Антрикъ сошелъ съ трибуны. «Мы напрягаемъ всѣ свои духовныя и физическія силы, чтобы просвѣтить народъ, сказалъ онъ, заканчивая свою рѣчь.—Наша партія старалась защитить интересы народа и хотя я ничего не могу сдѣлать здѣсь, но я исполняю свой долгъ солдата великой арміи».

То, что произошло въ германскомъ рейхстагѣ, представляетъ совершенно исключительный интересъ. Чѣмъ дальше затягивались пренія относительно таможеннаго законопроекта, тѣмъ яснѣе становилось, что экономическій вопросъ отходитъ на второй планъ и уступаетъ свое мѣсто чисто политическому во-

просу. Казалось временами, что таможенный законопроектъ служитъ только предлогомъ для политическихъ партій помѣряться своими силами. Во всякомъ случаѣ политическія послѣдствія этой борьбы могутъ быть, пожалуй, даже поважнѣе экономическихъ.

Рѣшающимъ моментомъ парламентской борьбы было соглашеніе между правительствомъ и консервативными аграріями. Какъ только оно состоялось, въ парламентскомъ положеніи произошла рѣзкая перемѣна. Бывшіе наканунѣ въ рѣзкой оппозиціи другъ съ другомъ, правительство и аграріи внезапно стали союзниками и точно по мановенію волшебнаго жезла экономическій вопросъ превратился въ политическій. Всѣ ретроградные элементы парламента соединились вмѣстѣ, чтобы нанести рѣшительный ударъ непріятелю и составили наступательный союзъ противъ правъ парламента и интересовъ народа. Парламентскій уставъ былъ измѣненъ насильственнымъ образомъ и 946 статей таможеннаго законопроекта были вотированы in extremis, цѣликомъ, безъ детальнаго обсужденія. Оппозиціонная германская печать называетъ это измѣненіе устава «парламентскою революціею» и указываетъ на странное совпаденіе, что этотъ переворотъ, устроенный германскими консерваторами, совершился 2-го декабря. Вообще, въ послѣднее время, какъ въ консервативной, такъ и въ либеральной германской печати, замѣчается склонность искать аналогій во французской исторіи. Даже въ германскомъ рейхстагѣ депутаты правой говорили о томъ, что положеніе въ Германіи чрезвычайно напоминаетъ положеніе Франціи передъ революціей. Какъ бы то ни было, но и въ Германіи 2-ое декабря можетъ быть началомъ новой эры.

Послѣднія рѣчи императора Вильгельма также указываютъ на существованіе политическаго кризиса въ Германіи. Эти рѣчи носятъ предостерегающій характеръ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи рѣчь, произнесенная имъ на торжествѣ открытія «Музея славы», устроенномъ въ память войны 1870 года. Въ другое время, онъ бы, конечно, воспользовался случаемъ и не преминулъ бы наговорить много словъ о германскомъ патріотизмѣ, величіи и славѣ, а теперь онъ высказалъ свое сожалѣніе, что «не всѣ сословія и классы населенія одинаково дружно поддерживаютъ дѣло объединенія Германіи, совершенное въ 1870 г., но до сихъ поръ еще не вполнѣ законченное». Нѣтъ прежняго единодушнаго стремленія, которое воодушевляло всю Германію, начиная отъ «великаго императора» и кончая послѣднимъ солдатомъ, и помогло совершить великое дѣло объединеніе! То, что императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ заговорить объ этомъ упадкѣ германскаго патріотизма въ такой моментъ, весьма знаменательно. Такимъ же предостереженіемъ является и его бреславльская рѣчь и рѣчь, произнесенная рабочимъ въ Эссенѣ, въ которой императоръ выступилъ въ защиту своего «умершаго друга» Круппа, обвиненнаго газетою «Voswärts» въ крайне некрасивомъ поведеніи на островѣ Капри. Слѣдуетъ прибавить, что дѣло, возбужденное еще покойнымъ Круппомъ противъ этой газеты, прекращено теперь его родными за его смертью, и «Vorwärts», такимъ образомъ, лишена возможности представить суду доказательства справедливости своихъ обвиненій.

Какъ бы то ни было, но тонъ императорскихъ рѣчей подтверждаетъ, что одержанною побѣдою правительства въ рейхстагѣ кризисъ разрѣшиться не можетъ. Агитація продолжается и она особенно сильна въ промышленныхъ центрахъ, гдѣ постоянно происходятъ собранія и партіи усиленно вербуютъ себѣ сторонниковъ, причемъ, конечно, дѣло не обходится безъ принудительныхъ средствъ.

Кстати о рѣчахъ императора Вильгельма: книгоиздательская фирма Вебера въ Лейпцигѣ выпустила сборникъ важнѣйшихъ телеграммъ и рѣчей, произнесенныхъ Вильгельмомъ со времени его восшествія на престолъ. За 14 лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ произнесъ такихъ *важнѣйшихъ* рѣчей не менѣе 400 (не столь важныя рѣчи въ сборникъ не включены) и если это число уже достаточно велико само по себѣ, чтобы приводить въ изумленіе, то еще болѣе поражаетъ читателя разнообразіе этихъ рѣчей. Вообще, своимъ краснорѣчіемъ и готовностью по всякому поводу «говорить рѣчь» императоръ Вильгельмъ заткнетъ за поясъ любого профессіональнаго политика, всегда имѣющаго въ своемъ распоряженіи запасъ готовыхъ словъ.

Импульсивность характера императора Вильгельма ярко выражается въ его рѣчахъ и телеграммахъ. Но мѣняется только тонъ рѣчей, то напыщенный и хвалебный, то угрожающій и суровый, то дидактическій и шутливый, идеи же, выраженныя въ этихъ рѣчахъ, весьма немногосложны и просты, и въ сущности императоръ Вильгельмъ постоянно повторяется. Напримѣръ, всегда и во всѣхъ рѣчахъ онъ прославляетъ династію Гогенцоллерновъ, которую считаетъ «величайшею въ свѣтѣ» и это его любимѣйшая тема. Его предки всѣ были геніальны. Они создали Браденбургъ, создали Пруссію, создали Германію. И сдѣлали все это одни, безъ чужой помощи! Если бы міръ не былъ уже созданъ раньше, то они, конечно, создали бы его. Вообще Вильгельмъ II необыкновенно упрощаетъ философію исторіи, и всю исторію Пруссіи онъ сводитъ къ исторіи ея коронованныхъ правителей. Онъ признаетъ только королевскую иниціативу и лишь вскользь удостоиваетъ упоминать о поддержкѣ, оказываемой монархами генералиссимусами, да первыми министрами. Но въ рѣчахъ Вильгельма сквозитъ и главная идея его царствованія — превращеніе Германіи въ первоклассную морскую державу. Его, повидимому, вовсе не удовлетворяетъ роль охранителя имперіи, созданной его предшественниками, и онъ самъ, съ своей стороны, хочетъ прибавить ей блеска. Въ этомъ отношеніи очень характерна его бранденбургская рѣчь, произнесенная въ 1895 г. Онъ говорилъ о великихъ задачахъ арміи и флота, который долженъ распространить въ отдаленныхъ моряхъ величіе германскаго имени, о задачахъ церкви, которая должна внушать народу уваженіе къ коронѣ и довѣріе къ правительству. Художники должны посвящать свой талантъ, а театральныя директора свои средства на то, чтобы культивировать въ народѣ «германскія» вѣрованія и «германскіе» идеалы. Всѣ же тѣ, кто не согласенъ работать въ этомъ направленіи, кто сомнѣвается въ совершенствѣ одобренныхъ имъ и существующихъ соціальныхъ и политическихъ учрежденій или предлагаетъ что-нибудь новое,—всѣ эти люди заклеймены Вильгельмомъ именемъ «vaterlandlose Gesellen». Раньше, въ томъ же Бранденбургѣ,

онъ сказалъ, что «раздавитъ» каждаго, кто будетъ мѣшать его дѣятельности, и сердечно привѣтствуетъ всѣхъ, кто хочетъ помогать ему. Въ соціалъ-демократіи онъ видитъ антитезисъ не только монархическаго режима, но и всего цивилизованнаго общества. «Въ моихъ глазахъ соціалъ-демократъ — синонимъ врага имперіи и отечества», заявляетъ онъ о политическихъ воззрѣніяхъ по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ своихъ подданныхъ. Онъ говоритъ, какъ о «болѣзни, которая не только портитъ народъ, но старается поколебать семейную жизнь и прежде всего то, что наиболѣе священно и неприкосновенно въ глазахъ каждаго нѣмца—положеніе женщины!»

Не разъ обращала на себя вниманіе также странная смѣсь религіознаго и воинственнаго чувства въ характерѣ императора Вильгельма. Это отражается и во многихъ его рѣчахъ. Онъ—мистикъ, но совсѣмъ особаго рода. Кто-то замѣтилъ, что императоръ представляетъ себѣ небо укрѣпленнымъ прусскимъ лагеремъ, посреди котораго возсѣдаетъ богъ войны, окруженный блестящимъ прусскимъ генеральнымъ штабомъ. Обращаясь къ депутатамъ рейхстага, онъ сказалъ, напримѣръ: «Пробьетъ часъ, когда вы должны будете явиться передъ лицомъ *своего* Господа и *своего стараго императора*. Выполняйте же усердно свой долгъ, для того, чтобы имѣть право, когда васъ спросятъ, трудились ли вы отъ всего сердца для процвѣтанія имперіи, отвѣтить не колеблясь и *ударяя себя въ грудь*: «Да!»

Проповѣди и молитвы, сочиненныя Вильгельмомъ II, также проникнуты этимъ мистически воинственнымъ духомъ. Напримѣръ, въ молитвѣ, произнесенной имъ на яхтѣ «Гогенцоллернъ» въ іюлѣ 1900 года и состоящей изъ 16 строчекъ, — тринадцать разъ встрѣчаются воинственныя метафоры, такъ что, облекаясь въ одѣяніе пастора, онъ все-таки остается воинствующимъ генераломъ и держится за рукоятку меча въ складкахъ пасторской одежды. Въ смутное время, переживаемое теперь Германіей, появленіе такого сборника очень умѣстно, такъ какъ въ немъ ярко вырисовывается личность и характеръ главы германской имперіи. Къ сожалѣнію, издатель не включилъ въ свой сборникъ многихъ мелкихъ рѣчей императора, которыя, хотя и не обратили на себя вниманіе Европы, такъ какъ касались исключительно домашнихъ дѣлъ, но въ Германіи вызвали много горячихъ толковъ.

Среди бездомныхъ милліоннаго города. Внезапно наступившіе холода вызвали, какъ это указываютъ статистическія таблицы, рѣзкое повышеніе смертности въ Лондонѣ и это всецѣло приписывается вліянію низкой температуры и голода. Много несчастныхъ людей, не имѣющихъ крова, проводитъ ночи на улицѣ и въ суровыя зимы не мало ихъ погибаетъ отъ холода и голода. По этому поводу сотрудникъ одной очень большой и вліятельной газеты въ Лондонѣ разсказываетъ, что, желая на опытѣ убѣдиться, какъ проводятъ зимнія ночи лондонскіе бездомные скитальцы, онъ присоединился къ нимъ и провелъ съ ними двѣ ночи. «Это были самыя ужасныя, самыя холодныя и самыя печальныя ночи въ моей жизни, — говоритъ онъ.—Много услышалъ я горькихъ повѣстей жизни и познакомился съ такою безпросвѣтною нуждой, о

которой мы имѣемъ лишь смутное понятіе. Теперь, когда я нахожусь въ лучшей обстановкѣ и привожу въ порядокъ собранные мною «человѣческіе документы», то пережитое мною въ эти ужасныя ночи представляется мнѣ какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Приведу вкратцѣ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній: «Первая ночь. Большой колоколъ на зданіи парламента глухо прозвучалъ. Часъ ночи! При лунномъ освѣщеніи Темза кажется почти красивой. Холодный восточный вѣтеръ пронизываетъ до костей. Я спустился къ мосту и увидалъ въ его углубленіи, которое частью было защищено отъ вѣтра, двухъ спящихъ мужчинъ. Они сидѣли скорчившись и прижавшись другъ къ другу, чтобы согрѣться. Нѣсколько поодаль, на скамейкѣ набережной сидѣлъ пожилой человѣкъ и молодая женщина, которая, повидимому, спала. Когда я подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, то увидѣлъ, что онъ не спитъ, но, подперевъ руками голову, неподвижно смотритъ въ землю. Онъ принялъ меня за такого же бездомнаго скитальца, какъ онъ самъ, и заговорилъ со мною. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть ближе къ нему, чтобы мы могли взаимно согрѣвать другъ друга. Мы разговорились. Я узналъ, что спящая молодая женщина — его дочь. Два года назадъ она вышла замужъ, но мужъ ее бросилъ. Недавно она узнала о его смерти, но въ то же время узнала также, что никогда не была его женою. О ея ребенкѣ позаботилось какое-то благотворительное общество, ну а дочь осталась на его попеченіи. Онъ слишкомъ старъ, чтобы работать, и зарабатываетъ иногда полпенни, иногда пенни, присматривая за вещами чистильщиковъ сапоговъ, когда тѣ идутъ въ харчевню, чтобы поѣсть. «Дочь работать не можетъ, у нея голова не въ порядкѣ», прибавилъ старикъ, выразительно указавъ пальцемъ на лобъ...

«Всѣ скамьи набережной были заняты. На ступеняхъ лѣстницы пріютилось двое мужчинъ, у которыхъ оказалась настоящая подушка, хотя и совсѣмъ потемнѣвшая отъ грязи. Я подсѣлъ къ нимъ. «Мы товарищи, — сказали мнѣ они.—Мы—«разносчики плакатовъ», и когда бываетъ работа, то работаемъ съ 10-ти час. утра до 10-ти вечера и зарабатываемъ шиллингъ въ день. Но, къ сожалѣнію, работы мало, а желающихъ много. Вѣдь каждый можетъ расхаживать съ плакатами по улицамъ»!

«Я переходилъ отъ одной группы къ другой, вступая въ бесѣду съ бодрствующими, и вездѣ со мною разговаривали охотно и предлагали мнѣ мѣстечко возлѣ себя. Одна маленькая и очень худая женщина въ лохмотьяхъ, у которой буквально стучали зубы отъ холода, предупредила меня, чтобы я не ходилъ въ центръ города. Городская полиція не позволяетъ бездомнымъ проводить ночи на скамьяхъ и подъѣздахъ, полиція же Сити въ этомъ отношеніи гораздо любезнѣе. И дѣйствительно, я насчиталъ около ста человѣкъ, спящихъ мужчинъ и женщинъ на набережной и въ углубленіяхъ мостовъ въ Сити. Но когда ночи бываютъ теплѣе, то число это возрастаетъ, по словамъ свѣдущихъ людей, до 300 чел. и даже болѣе.

«Вторая ночь. Было около двухъ часовъ ночи, когда я наткнулся на двухъ спящихъ мужчинъ на мраморныхъ ступеняхъ Дрюриленскаго театра. Одинъ изъ нихъ вскочилъ при моемъ приближеніи, такъ какъ принялъ меня за полицей-

скаго, но, увидѣвъ свою ошибку, снова усѣлся и даже предложилъ мнѣ мѣстечко. Это былъ уличный пѣвецъ. Въ субботу, лучшій день для уличныхъ пѣвцовъ, ему удалось собрать шесть шиллинговъ, но онъ ихъ истратилъ въ теченіе недѣли и теперь ему нечѣмъ было заплатить за ночлегъ. Онъ пробовалъ наканунѣ найти работу въ лондонскихъ докахъ. Собралось 500 человѣкъ, такихъ же бездомныхъ скитальцевъ, какъ онъ, но только 30 изъ нихъ получили работу. Ему удалось вчера заработать три пенса, призывая дрожки для людей, выходящихъ изъ театра. На это онъ просуществовалъ цѣлый день. Просидѣвъ съ нимъ нѣсколько времени, я пошелъ дальше. У дворцоваго театра я замѣтилъ группу мужчинъ и женщинъ, которые собрались у рѣшетки, ведущей въ маленькое помѣщеніе, чтобы немного обогрѣться теплымъ, которое выходило оттуда. Я заговорилъ съ очень приличнымъ на видъ, несмотря на поношенное платье, человѣкомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что уже больше мѣсяца находится среди бездомныхъ и три недѣли тому назадъ обратился въ пріютъ для бездомныхъ. Его приняли туда, но за оказанное ему гостепріимство онъ долженъ былъ ежедневно разбивать извѣстное количество камней, и такъ какъ онъ никогда не занимался такою тяжелою работой, то очень скоро у него заболѣли руки; они потрескались и начали кровоточить. Онъ не могъ кончить работы и за отказъ отъ работы его отправили въ полицейскій судъ и присудили къ аресту на 14 дней. Въ то время, когда онъ разсказывалъ мнѣ это, я увидѣлъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, которая направлялась къ ночному сторожу. «Вы позволите погрѣть мнѣ руки?»,—спросила она его, указывая на жаровню съ горячими угольями. «О, разумѣется», отвѣчалъ онъ добродушно и прибавилъ: «А есть у васъ хлѣбъ?» Женщина покачала головой. Сторожъ вошелъ въ будку и вынесъ оттуда два большихъ куска хлѣба, которые далъ ребенку. «Вѣдь это не можетъ васъ обидѣть, если я попрошу васъ принять отъ меня этотъ хлѣбъ», сказалъ онъ. Я былъ пораженъ, какъ много деликатности выказалъ этотъ грубый на видъ человѣкъ, боявшійся обидѣть своею подачкой бездомную женщину. Она присоединилась къ нашей компаніи и я узналъ ея исторію. Она была дочерью бѣднаго, но очень гордаго священника и пріѣхала въ Лондонъ на мѣсто воспитательницы дѣтей. Въ Лондонѣ она познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, приказчикомъ магазина, и полюбила его. Отецъ не разрѣшалъ ей такой неравный бракъ и она вышла замужъ противъ его воли. Но мужъ ея лишился мѣста, такъ какъ женатаго приказчика не хотѣли держать и онъ никакъ не могъ найти себѣ работы. Въ концѣ-концовъ онъ сдѣлался метельщикомъ улицъ, но недавно простудился и умеръ въ больницѣ. Она осталась одна съ ребенкомъ въ милліономъ городѣ, гдѣ у нея не было ни родныхъ, ни друзей... И вотъ уже нѣсколько дней ей приходится скитаться по улицамъ. Однако, среди бездомныхъ она всегда находила людей, которые принимали въ ней участіе и помогали ей укрыть ребенка отъ холода».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Бѣгство изъ прусскаго плѣна.—Первая защитница правъ женщины.—Международная лига противъ дуэли.—Турція и будущее ислама.

Бывшій французскій военный министръ генералъ Цурлинденъ разсказываетъ въ «Revue des deux Mondes», какъ онъ бѣжалъ изъ прусскаго плѣна въ 1870 году. Онъ былъ тогда артиллерійскимъ капитаномъ и послѣ капитуляціи Мёца долженъ былъ подобно прочимъ французскимъ офицерамъ, дать честное слово, что онъ никогда больше не подниметъ оружія противъ Германіи. Онъ былъ отправленъ въ Висбаденъ, гдѣ пользовался свободой движенія, но такъ какъ его смущала мысль, что его товарищи остались среди сражающихся, то онъ отправился къ коменданту генералу Зенгеру и объявилъ ему, что по прошествіи 24-хъ часовъ онъ будетъ считать себя свободнымъ отъ своего обѣщанія и постарается употребить всѣ усилія, чтобы снова вернуться во французскую армію. Онъ скрылъ отъ Зенгера, что владѣетъ свободно нѣмецкомъ языкомъ и такъ какъ Зенгеръ не говорилъ по-французски, то онъ разговаривалъ съ нимъ черезъ переводчика. Въ тотъ же день, черезъ нѣсколько часовъ, Цурлинденъ былъ арестованъ и отправленъ въ Мюнхенъ, гдѣ заключенъ въ крѣпость. Вмѣстѣ съ намъ въ камерѣ находились двое штатскихъ, то же французы, но Цурлинденъ недолго тамъ оставался, такъ какъ его переправили въ военную тюрьму въ Глогау. Дорогою нѣмецкій офицеръ, сопровождавшій отрядъ, спросилъ Цурлиндена, не желаетъ ли онъ перейти въ первый классъ, какъ подобаетъ его офицерскому достоинству. Но Цурлинденъ представился, что не понимаетъ его, такъ какъ не хотѣлъ выдавать своего знанія нѣмецкаго языка, и онъ ничего ему не отвѣтилъ, притомъ же ему не хотѣлось быть обязаннымъ чѣмъ-нибудь прусскому офицеру. Такимъ образомъ, онъ остался сидѣть въ третьемъ классѣ и терпѣть неудобства и холодъ, очень ощущительный зимой въ Германіи. Поѣздъ остановился въ Герлицѣ, гдѣ пришлось провести часть ночи въ вокзалѣ. Цурлинденъ основывалъ на этомъ обстоятельствѣ большія надежды, такъ какъ Герлицъ находится вблизи австрійской границы. Но сопровождающій офицеръ словно прочиталъ въ его мысляхъ и усѣлся возлѣ него и всю ночь не спускалъ съ него глазъ! Въ Глогау однако Цурлиндена ожидалъ пріятный сюрпризъ: тюрьма была переполнена французскими офицерами. Кромѣ того тюремный сторожъ оказался отъявленнымъ пьяницей. Цурлинденъ твердо надѣялся, что ему удается совершить свой побѣгъ изъ тюрьмы, благодаря этому обстоятельству. Онъ разсчиталъ вѣрно и 23-го декабря, когда въ тюрьмѣ была большая суматоха вслѣдствіе предстоящей инспекціи генерала Штейнмеца, Цурлиндену удалось скрыться, такъ какъ пьяный сторожъ не заперъ его камеры. Онъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и прямо отправился на вокзалъ. Какой-то прусскій солдатъ указалъ ему дорогу. На вокзалѣ царила суматоха, потому что множество военныхъ уѣзжали въ отпускъ на Рождество. Цурлинденъ взялъ билетъ II-го класса и добрался до Берлина, а оттуда черезъ Кассель во Франкфуртъ. Онъ все время старательно читалъ

*

«Kreuzzeitung», скрывая свое лицо за развернутою газетой. Но холодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе, такъ что одинъ изъ пассажировъ даже замѣтилъ другому, указывая на Цурлиндена: «Должно быть, это не настоящій нѣмецъ, такъ какъ онъ ужъ черезчуръ громко стучитъ зубами отъ холода». Понятно, что эти слова заставили Цурлиндена задрожать еще сильнѣе. Но нѣмцы только и ограничились этимъ замѣчаніемъ. По Франкфуртѣ его ожидало худшее—онъ не попалъ на поѣздъ, идущій въ Гейдельбергъ, и долженъ былъ остаться ночевать. Холодъ и голодъ, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ, боясь выходить на станціяхъ, заставили его пренебречь мѣрами осторожности и отправиться въ гостинницу, гдѣ, плотно поужинавъ, онъ заснулъ, какъ убитый, и чуть не проспалъ утренній поѣздъ. Онъ впрочемъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отказаться вписать свое имя въ книгу отеля, подъ предлогомъ, что ему нѣтъ на это времени, и стремглавъ бросился на вокзалъ, куда попалъ къ самому отходу поѣзда. Теперь ему предстояла самая большая опасность; на послѣдней германской станціи поѣздъ должна была осмотрѣть пограничная стража. Цурлинденъ все время находился въ страшномъ нервномъ напряженіи, но все сошло благополучно, благодаря любезности кондуктора, которому Цурлинденъ хорошо далъ на чай, чтобы тотъ отвелъ ему отдѣльное купэ. Благодарный кондукторъ шепнулъ жандармамъ, чтобы они не безпокоили «господина въ купэ», и... черезъ нѣсколько минутъ Цурлинденъ былъ уже въ Базелѣ, свободный и счастливый. «Да я былъ счастливъ, какъ никогда больше въ жизни,—говоритъ онъ. То, что казалось мнѣ почти недостижимымъ въ Висбаденѣ, исполнилось такъ скоро и такъ легко и я снова очутился въ ряду сражающихся за отечество...» Цурлинденъ добавляетъ, что пьяный сторожъ, выпустившій его, былъ приговоренъ къ двухнедѣльному аресту, но наказаніе было ему смягчено, въ виду наступившихъ праздниковъ Рождества.

Профессоръ Грёберъ въ послѣдней книжкѣ нѣмецкаго журнала «Deutsche Revue» говоритъ о положеніи женщинъ въ средніе вѣка и о первой женщинѣ, которая вступилась за права своего пола. Въ средніе вѣка, несмотря на культъ женщины, положеніе ея было далеко не высокое и только въ XIV-мъ вѣкѣ возникли стремленія нѣсколько возвысить женщину путемъ учрежденія ордена въ ея честь. Въ этихъ стремленіяхъ большая роль принадлежитъ писательницѣ Христинѣ де-Пизанъ, которая всѣми силами старалась измѣнить презрительные взгляды на женщину своихъ современниковъ и заставить ихъ признать ея права. Въ этомъ отношеніи Христина де-Пизанъ должна считаться первымъ борцомъ за освобожденіе женщины. Во Франціи изданы теперь ея сочиненія, стихотворенія и проза съ цѣлью почтить ея память, такъ какъ она первая стала добиваться того, чтобы образованіе женщины было расширено.

Христина де-Пизанъ родилась въ Венеціи въ 1363 году и затѣмъ была увезена отцомъ, который былъ придворнымъ астрологомъ, въ Парижъ. Отецъ далъ Христинѣ очень тщательное воспитаніе и выдалъ ее замужъ 15-ти лѣтъ за королевскаго секретаря Этьена Дюшателя. Но она прожила съ нимъ недолго и овдовѣла 26-ти лѣтъ. Она осталась послѣ него безъ всякихъ средствъ,

съ тремя дѣтьми и тогда взялась за перо, чтобы заработать средства къ жизни. Однако ей жилось трудно, такъ какъ, по ея собственному признанію, она не могла отстать отъ многихъ привычекъ роскоши и въ концѣ-концовъ она удалилась въ монастырь Пасси, гдѣ уже находилась ея дочь. Въ своихъ произведеніяхъ она смѣло выступила въ защиту правъ женщины и противъ господствующихъ воззрѣній на женщину, какъ на низшее существо. Въ 1399 году она написала обращеніе въ стихахъ къ Аполлону, въ которомъ жаловалась на предубѣжденіе мужчинъ и возставала противъ авторитетовъ, на которыхъ ссылаются мужчины, чтобы унизить женщину. Въ опроверженіе этихъ установившихся воззрѣній, она приводила различные примѣры, указывающіе на возвышенное благородство женщины, заимствованные ею изъ библіи, исторіи, сагъ и литературныхъ произведеній. Въ особенности же возмущало ее то, что она указывала, въ основѣ такого низкаго сужденія мужчинъ о женщинѣ, весьма низкія побужденія. Свою защиту женщины она основывала на словахъ св. Павла, св. Августина, Сенеки и Аристотеля и этимъ страшно возбудила противъ себя тогдашнихъ ученыхъ, находившихъ, что они, разумѣется, лучше ея понимаютъ и умѣютъ толковать философовъ. Впрочемъ, она нашла защитника въ лицѣ канцлера парижскаго университета, придворнаго проповѣдника Іоганна Герсона, который въ серьезныхъ и рѣшительныхъ словахъ осудилъ всю тогдашнюю позорящую женщинъ литературу. Послѣ такого авторитетнаго заявленія противники Христины умолкли. Но эта полемика проложила дорогу для всей дальнѣйшей литературы о равноправіи женщинъ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ прозѣ и стихахъ, Христина старалась просвѣтить женщинъ насчетъ ихъ призванія и обязанностей, сдѣлать ихъ жизнь болѣе содержательной и расширить ихъ познанія. Она всячески старалась пробудить ихъ любознательность и стремленіе учиться. Шириною своихъ взглядовъ и своею многосторонностью Христина де-Пизанъ затмѣвала всѣхъ другихъ современныхъ писателей, но зато ни одна писательница не пользовалась такъ долго популярностью, какъ она, и ея произведенія спустя уже сто лѣтъ послѣ ея смерти были переведены на португальскій ясыкъ.

Въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, возникло движеніе противъ дуэли, вызвавшее образованіе въ 1900 году международной лиги противъ дуэли, поставившей себѣ цѣлью поддерживать агитацію противъ этого варварскаго учрежденія и добиться, если возможно, положительныхъ результатовъ. Въ «Nuova Antologia» разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ образовалась эта лига. Поводомъ послужила не состоявшаяся дуэль въ Вѣнѣ. Маркизъ Токоли, австрійскій офицеръ, ревностный католикъ, получилъ оскорбленіе отъ одного изъ своихъ товарищей и отказался потребовать отъ него удовлетворенія на томъ основаніи, что «католицизмъ—оффиціальная религія австро-венгерской монархіи, осуждаетъ дуэль». Друзья Токоли, огорченные его поведеніемъ, которое считали унизительнымъ для его чести, всячески старались склонить его къ дуэли, но напрасно. Тогда совѣтъ офицеровъ объявилъ, что маркизъ Токоли нарушилъ требованія офицерской

чести и на основаніи этого приговора военный министръ вычеркнулъ имя маркиза изъ списка австрійскихъ офицеровъ. Такая же участь постигла и друга его, графа Ледоховскаго, попробовавшаго за него заступиться въ судѣ офицеровъ. И вотъ, съ этой минуты оба пріятеля, пользовавшіеся раньше большимъ уваженіемъ въ вѣнскомъ обществѣ, сдѣлались посмѣшищемъ всѣхъ. Въ высшемъ свѣтѣ ихъ перестали принимать и не было униженія, которое имъ не пришлось вынести отъ общества, встрѣчавшаго ихъ прежде съ почетомъ. Этотъ инцидентъ надѣлалъ много шума и волненіе, вызванное имъ, не успѣло утихнуть, какъ произошло новое событіе. Двоюродный братъ императора, испанскій инфантъ донъ Альфонсъ Бурбонскій опубликовалъ письмо, въ которомъ поздравлялъ двухъ офицеровъ, пожертвовавшихъ своею карьерой ради принципа. Вмѣстѣ съ этимъ донъ Альфонсъ началъ походъ противъ дуэли и въ новомъ письмѣ выразилъ намѣреніе организовать великую международную ассоціацію противъ дуэли, въ составъ которой вошли бы наиболѣе вліятельные люди, безъ различія политическихъ и религіозныхъ воззрѣній. Донъ Альфонсъ сталъ вербовать сторонниковъ во всѣхъ странахъ и, къ удивленію, своему не нашелъ въ Германіи ожидаемой оппозиціи. Въ составъ германскаго комитета лиги противъ дуэли вошли весьма вліятельныя лица изъ германской высшей аристократіи и высокопоставленные чиновники. Германская фракція лиги даже отличается своею дѣятельностью и въ своемъ собраніи въ Касселѣ лѣтомъ прошлаго года взяла на себя иниціативу учрежденія судовъ чести, которые разсматривали бы всѣ дѣла чести, предпочтительно передъ государственными дѣлами.

Во Франціи лига противъ дуэли образовалась весною 1901 года, а весною 1902 г. она уже организовала судъ чести, членами котораго состоятъ: Эмиль Фаге, Кассаньякъ, принцъ Брольи, вице-адмиралъ де-Кювервиль и др.

Согласно статистическимъ даннымъ, Венгрія—страна, гдѣ чаще всего дерутся на дуэли, и теперь тамъ точно также образовался центръ активной пропаганды противъ дуэли. Тоже самое и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ произвели впечатлѣніе статьи донъ-Альфонса, напечатанная въ «North American Review». Но пропаганда противъ дуэли больше всего успѣха имѣетъ въ Австріи, хотя говорятъ, будто императоръ Францъ-Іосифъ не очень-то доволенъ агитаціей, возбужденной его кузеномъ. Тѣмъ не менѣе министръ національной обороны генералъ Вельзереймъ, заявилъ въ парламентѣ, что всякая попытка измѣнить существующіе взгляды на дуэль заслуживаетъ поддержки. Благодаря такому отношенію подлежащихъ властей, статуты лиги получили правительственную санкцію и въ предстоящемъ собраніи комитетъ лиги займется вопросомъ о реформѣ законовъ, относящихся къ дуэли, и практическихъ способовъ къ ея устраненію.

Въ «Fortnightly Review» напечатана любопытная статья о Турціи и ея будущемъ или, вѣрнѣе, будущемъ ислама. По мнѣнію автора, рѣшительно нельзя говорить о вырожденіи Турціи, подобно тому, какъ это можно сказать, напр. о Греціи. Турки вовсе не погибающая раса, хотя съ поверхностной точки зрѣнія и можетъ казаться таковой. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи можно

убѣдиться, что сила ислама, основанная не на величинѣ территоріи, а на вѣрѣ, нисколько не пострадала отъ урѣзыванія турецкихъ владѣній въ Европѣ. Цѣлью всей жизни султана является поддержаніе ислама. Христіанство, по его мнѣнію, доживаетъ послѣдніе дни, но та доктрина, которая нѣкогда побѣдила полміра, еще живетъ въ душѣ турецкаго народа. Одинъ турецкій мыслитель сказалъ автору статьи: «Конечно, надо быть очень смѣлымъ, чтобы предсказывать теперь торжество менѣе сложной доктрины Магомета, которая займетъ мѣсто христіанскаго политеизма въ мірѣ въ слѣдующій 600-лѣтній періодъ». Въ одной только Турціи находится до 500.000 храбрыхъ и хорошо обученныхъ защитниковъ ислама, а за ними стоятъ другіе два милліона людей въ цвѣтѣ лѣтъ, сельскихъ рабочихъ, матросовъ, бродягъ и т. д., которые всѣ прошли черезъ ряды войска и готовы во всякую минуту снова взяться за оружіе, чтобы защищать свою вѣру. А за этими людьми стоятъ безчисленные милліоны мусульманъ, разсѣянныхъ по всему свѣту. Между этими мусульманами существуетъ неразрывная связь, и достаточно одного мощнаго призыва, чтобы всѣ они двинулись для проповѣди и защиты своей вѣры. Нынѣшній турецкій султанъ сосредоточиваетъ всѣ нити мусульманской пропаганды въ своихъ рукахъ. По всей Азіи, на югѣ Россіи, въ сѣверозападномъ Китаѣ и Афганистанѣ и въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ земного шара, гдѣ только есть мусульмане, дѣйствуютъ агенты ислама. Пороки христіанъ, испорченность духовенства, зависимость религіи отъ богатства—все это служитъ могущественнымъ орудіемъ для мусульманской пропаганды и содѣйствуетъ ея распространенію. Агенты ислама неустанно работаютъ и подхватываютъ каждый фактъ, который можетъ умалить достоинство христіанства и содѣйствовать возвеличенію ислама. Авторъ статьи думаетъ, что султанъ, крайне скупой и бережливый, копитъ деньги для войны будущаго. «Магометанство,—говоритъ онъ,—это такая же сила, какою былъ нѣкогда католицизмъ, и даже еще большая, потому что, благодаря проницательной мудрости пророка, священство не получило въ исламѣ такого значенія, какъ въ католицизмѣ, и не возбудило противъ себя здравый смыслъ человѣчества». Авторъ убѣжденъ, что изъ всѣхъ существующихъ религій будущее принадлежитъ исламу, благодаря его удивительной организаціи.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Январь 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Критика. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Медицина и гигіена—Народное образованіе.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Головинъ. «Полное собраніе сочиненій».— *С. П. Дремцевъ.* «Т. Г. Шевченко. Вып. I.»—*Сельма Лагерлефъ.* «Чудеса Антихриста». Романъ.

Полное собраніе сочиненій К. Головина (К. Орловскаго). Томы I—VI. Спб. 1902 г. Глѣбъ Успенскій разсказываетъ гдѣ-то въ своихъ сочиненіяхъ, что ему однажды до того надоѣли съ обычными упреками за отрывочность его разсказовъ и очерковъ, что онъ твердо рѣшился исправиться и написать большой романъ по всѣмъ правиламъ искусства. Съ этою цѣлью онъ сшилъ толстую тетрадь, написалъ на ней: «Романъ. Часть I. Глава I», и приступилъ къ дѣлу. «Марья Петровна лежала (или даже *полулежала*, вспоминаетъ Успенскій) на кушеткѣ въ своемъ будуарѣ (или салонѣ, что ли) и мечтательно (или, помнится, *загадочно*, а можетъ быть, *томно*) глядѣла куда-то вверхъ въ потолокъ». Дальше этого приступа дѣло у Глѣба Ивановича не пошло, Марья Петровна оставалась полулежать до скончанія вѣковъ, и романистомъ Успенскій не сдѣлался. Этотъ случай съ знаменитымъ народникомъ-беллетристомъ на нашъ взглядъ полонъ назидательности: вотъ что значитъ браться не за свое дѣло, садиться не въ свои сани! Не мимо говорится, что дѣло мастера боится, и кого природа создала Успенскимъ, тому ужъ не бывать Головинымъ-Орловскимъ! Мы не случайно указываемъ на г. Головина: на первой же страницѣ перваго тома его произведеній читатель найдетъ чудесную картину какъ разъ на ту тему, которой коснуться осмѣлился было Глѣбъ Успенскій своими загрубѣвшими въ мужицкомъ обществѣ руками. «Кити Усольцева едва проснулась въ это знаменательное утро, едва замѣтили ея хорошенькіе, заспанные глазки веселые солнечные кружки, игравшіе на коврѣ ея спальни, куда сквозь опущенные занавѣсы, словно щурясь, попадали лучи февральскаго солнца, и разомъ—точно у нея что-то блеснуло въ головѣ—вспомнилось ей все, что было вчера». (I, 1) Уже въ этихъ немногихъ строкахъ видна рука опытнаго мастера, а дальше г. Головинъ рѣшительно очаровываетъ читателя: «Кити зѣвнула чуть-чуть, потомъ еще разъ съ нѣгою потянулась въ своей кроваткѣ, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ сбросила одѣяло и спустила бѣлыя, стройныя, словно отточенныя, ножки на коверъ, гдѣ ихъ дожидались поставленныя рядомъ голубыя плюшевыя туфли. При этомъ движеніи вышитая батистовая сорочка спустилась съ лѣваго плеча, обнаруживая снѣжный атласъ ея груди, задрожавшей отъ ощущенія холода. А русая коса, выбившись на волю, волною сползла по спинѣ». (I, 2) Вотъ какъ живописуютъ

истинные таланты! Это цѣлая картина, это, можно сказать, цѣлая поэма, а не какой-то нелѣпый мазокъ охрой среди полотна: «полулежала!» Что такое «полулежала?» Это не только не картина, это даже не образъ, а просто кляксъ, ничего собою не представляющій. Полулежать на софахъ изящныя дѣвицы и дамы, но вѣдь нерѣдко полулежать подъ заборомъ и герои г. Горькаго. Неужели однимъ терминомъ можно выражать совершенно различныя состоянія? Полулежитъ, обмахиваясь вѣеромъ, очаровательная Зизи послѣ упоительнаго вальса и полулежитъ на голой землѣ какой-нибудь Ванька Чалый послѣ выпитой залпомъ сороковки водки?! Очевидно, тутъ есть какая-то несообразность, оскорбляющая не только эстетическое, но и нравственное чувство наше: Зизи и Ванька Чалый, ихъ дѣйствія и душевныя состоянія, не могутъ, не должны быть характеризованы въ однихъ и тѣхъ же терминахъ. Тутъ нужны нѣкоторыя свѣтотѣни, необходимы нѣжные нюансы, которыхъ совсѣмъ не было у грубаго реалиста Успенскаго и которыми богатъ г. Головинъ. Посмотрите: волна русой косы, снѣжный атласъ груди, туфельки *плюшевыя*, сорочка *батистовая*, ножки *стройныя* и даже *отточенныя*. Да, вотъ это описаніе, въ одно время и граціозное, и обстоятельное, а не нелѣпое «полулежала». По долгу критики замѣтимъ, однако, что эпитетъ *отточенныя* едва ли можно признать удачнымъ въ примѣненіи къ ногамъ или ножкамъ, а не къ ножамъ или ножницамъ.

Такова общая манера описаній г. Головина, манера въ одно время и изящная, и обстоятельная. Правда, его очаровательныя героини (также, впрочемъ, какъ и его герои) удивительно похожи другъ на друга, какъ галка на галку и сорока на сороку. Даже внимательный читатель сбивается, наконецъ, въ длинной вереницѣ всѣхъ этихъ Зизи, Кити, Мими и перестаетъ различать ихъ. Мы думаемъ, однако, что это не столько вина автора, сколько свойство самой темы, той среды, которую преимущественно изображаетъ г. Головинъ. Въ этой средѣ правило «быть, какъ всѣ», является важнѣйшей заповѣдью, преступать которую не должны и не смѣютъ никакіе Жоржи и никакія Зизи. Естественно, что нашъ авторъ, рисуя своихъ персонажей, невольно какъ бы повторяется, хотя на самомъ дѣлѣ онъ только заботится о правдѣ, о вѣрности дѣйствительности. Однако, и г. Головинъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, далеко уклоняющихся отъ правды. Такъ, онъ слишкомъ злоупотребляетъ выраженіями «весь Петербургъ» или «цѣлый Петербургъ», говоря о похожденіяхъ своихъ Жоржей и Мими. Нѣкій графъ, напр., «генеалогію цѣлаго Петербурга помнилъ до мельчайшихъ подробностей» (I, 25), хотя, конечно, нашей съ вами, читатель, генеалогіи онъ не зналъ совсѣмъ, даромъ что мы коренные петербуржцы. Но ужъ такова манера персонажей г. Головина и самого автора: «весь» Петербургъ, «цѣлый» Петербургъ—это нѣсколько сотенъ или тысячъ титулованныхъ Жоржей и Зизи, а мы, Петровы и Ивановы, въ количествѣ полутора милліона населяющіе Петербургъ, копошимся гдѣ-то тамъ, внизу, занятые своей черной работой. Великолѣпное аристократическое презрѣніе!

Читатель очень ошибается, если подумаетъ, что г. Головинъ только тѣмъ и занимается, что воспѣваетъ и славословитъ своихъ Жоржей и Зизи. Настоящее его призваніе дѣйствительно заключается въ этомъ, въ умиленномъ воспѣваніи разныхъ атуровъ и амуровъ такъ называемаго большого свѣта, но у него на рукахъ было много и другого дѣла. Position oblige. Состоя въ штатѣ сотрудниковъ катковскаго «Русскаго Вѣстника», г. Головинъ не могъ даже при полномъ своемъ желаніи предаться всецѣло своимъ наклонностямъ мирнаго домашняго панегириста, а долженъ былъ, по примѣру товарищей, облекаться по временамъ въ боевые доспѣхи и отправляться въ полемическія экскурсіи. Противъ кого? Во времена Каткова этотъ вопросъ показался бы безсмысленнымъ. Ве-

ликая армія двунадесяти «истовъ» и «измовъ» напирала на Россію со всѣхъ сторонъ, и если бы не Катковъ со своимъ воинствомъ, то Богъ одинъ знаетъ, гдѣ мы теперь были бы. Такъ думали въ то время многіе, въ томъ числѣ и г. Головинъ, который и устремился въ битву вслѣдъ за другими рыцарями своего ордена, какъ Маркевичъ, Крестовскій, Клюшниковъ, Леонтьевъ и др. Ужъ если такіе таланты, какъ Тургеневъ, Писемскій, Лѣсковъ, были увлечены воинственнымъ азартомъ, то съ г. Головина нечего и спрашивать.

Мы навели эту маленькую литературно-историческую справку больше всего въ интересахъ самого г. Головина. Если современный читатель, впервые знакомясь съ произведеніями г. Головина, не будетъ достаточно освѣдомленъ на счетъ происхожденія тѣхъ обличительно-полемическихъ выходокъ, которыя довольно густо вкраплены въ повѣствованія г. Головина, — онъ составитъ объ авторѣ весьма ошибочное мнѣніе. Эти выходки—не отъ злого сердца, не отъ дурного ума, не отъ оскорбленнаго мелкаго самолюбія, какъ это очевидно, напр., у Болеслава Маркевича,—онѣ не болѣе какъ обязательная дань тому ритуалу, который былъ установленъ въ катковскомъ капищѣ. Въ критическомъ отдѣлѣ «Русскаго Вѣстника» тогдашній присяжный критикъ этого журнала г. Авсѣенко, многократно и многообразно доказывалъ вредоносность для искусства всякой тенденціозности, и если бы этотъ взглядъ получилъ въ журналѣ Каткова практическое значеніе, — г. Головинъ занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ соратниковъ. «Тихъ и смиренъ какъ овечка» онъ успѣшнѣе всѣхъ своихъ товарищей по журналу могъ бы предаваться «безпечальному созерцанію» излюбленнаго имъ уголочка жизни, никого не задѣвая, ни на кого не нападая, потихонечку живописуя своихъ Жоржей и Зизи. Но не такое было время. Литературные разговоры о вредѣ тенденціозности происходили одновременно съ военно-дипломатическими разговорами о вредѣ чрезмѣрныхъ вооруженій и были столь же безрезультатны. Миръ—великое благо, вооруженія—великая тягость для бюджета, но мудрость практической политики гласитъ: si vis pacem, para bellum. Служеніе музъ не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво, но жгучія злобы дня тоже имѣютъ право на вниманіе и волнуютъ насъ побольше, нежели трели соловья и колыханье соннаго ручья. Самые завзятые эстетики, сдѣлавъ «чистому» искусству глубокій реверансъ, проходили мимо него, поспѣшая къ жилой дѣйствительности, съ ея скорбями и пороками. Ни въ политикѣ, ни въ искусствѣ миролюбивыя слова и намѣренія не переходили въ дѣло,—потому ли, что ихъ часъ не пришелъ, потому ли, что ихъ часъ уже прошелъ.

Вотъ это самое должно сказать и о г. Головинѣ: не во-время онъ родился и некстати пришелъ въ литературу. Ему бы жить во времена Карамзина, писать варіаціи на «Бѣдную Лизу», играть на свирѣли, рвать цвѣточки, а онъ... читатель помнитъ, надѣемся, Щедринскаго Менандра и его сказочку о погибшемъ дитяти? Сказочка кончается такъ: «и могущественные люди сказали дитяти: «хорошо, мы поможемъ тебѣ, но ты долженъ поступить въ шайку пѣнкоснимателей и поклясться отнимать жизнь у всякаго, кто явится противникомъ пѣнкоснимательству». И дитя поступило въ шайку пѣнкоснимателей и поклялось отнимать жизнь; но таковой до сихъ поръ ни у кого отнять не могло. Такова исторія маленькаго погибшаго дитяти». Точно такова исторія г. Головина. Менандръ поступилъ въ шайку либеральныхъ пѣнкоснимателей, г. Головинъ сталъ въ ряду консервативныхъ пѣнкоснимателей, но общее между Менандромъ и г. Головинымъ въ томъ, что оба они, будучи людьми безобиднѣйшаго характера и добрѣйшей души, поклялись отнимать жизнь у противниковъ своего лагеря. Вся художественная дѣятельность г. Головина представляетъ длинный рядъ безуспѣшныхъ попытокъ исполнить данную клятву, т.-е. «отнять жизнь» у того или другого изъ катковскихъ противниковъ. Такъ какъ

настоящая-то тема г. Головина состоитъ обыкновенно въ описаніи авантюры какой-нибудь Мими, то внезапное вторженіе въ повѣствованіе полемическаго элемента производитъ всегда самое веселое впечатлѣніе на читателя. Вотъ напр. въ романѣ «Внѣ колеи» двѣ сестры, двѣ Мими (т.-е. зовутъ-то ихъ Александра и Надежда Ольшевскія, но это только по документамъ) проживаютъ заграницей—не въ Парижѣ, даже не въ Ниццѣ, какъ было бы для нихъ естественно, а... въ Цюрихѣ. Ну, зачѣмъ имъ Цюрихъ? Имъ то онъ, конечно, не нуженъ, но такъ нужно г. Головину, который памятуетъ о своей клятвѣ «отнимать жизнь». И въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Женевѣ онъ намѣтилъ двѣ жертвы для себя: въ Цюрихѣ—Александра Филипповича Тычкова, извѣстнаго редактора русскаго журнала «Красный Пѣтухъ», а въ Женевѣ — Померанцева, редактора женевскаго органа «Маршъ-маршъ». Авторъ мѣтко указываетъ, что эти два «коновода» мѣшали другъ другу, какъ «мѣшаютъ другъ другу соперники по любой канцеляріи» (III, 90). Ради возможности пустить эту стрѣлу, авторъ и поселилъ своихъ героинь въ совсѣмъ для нихъ ненужномъ Цюрихѣ. Къ такимъ чисто внѣшнимъ и механическимъ уловкамъ г. Головинъ прибѣгаетъ зачастую и первобытная наивность такого беллетристическаго пріема обезоруживаетъ читателя, который ужъ начиналъ было чувствовать негодованіе противъ автора. Это негодованіе было бы вполнѣ неумѣстно и несправедливо. У г. Головина рѣшительно не замѣчается той клокочущей, захлебывающейся злобы, которую мы видимъ въ яростныхъ выпадахъ Маркевича. Онъ немножко, съ полстраницы, пошипитъ—и спѣшитъ къ своему прямому дѣлу: «Кити сидѣла на садовой скамейкѣ и съ тревожно бьющимся сердцемъ ждала Жоржа. Она не сомнѣвалась въ его любви къ ней, но она знала также, что безсердечная Зизи, въ періодѣ ея размолвокъ съ ея Полемъ, кокетничала не только съ Анатолемъ, но и съ ея Жоржемъ, такъ легко воспламенявшимся» и пр. и пр. Страницъ пятьдесятъ этой безобидной любовной канители и опять нѣсколько строкъ скромнаго, безвреднаго шипа: «Они поцѣловались и посмотрѣли другъ на друга съ чистымъ чувствомъ, о которомъ разные господа съ лохматыми шевелюрами и понятія никакого не имѣютъ». Мы не указываемъ страницъ, потому что наши цитаты не буквальныя выписки, а вольныя подражанія манерѣ г. Головина.

Въ заключеніе, одно замѣчаніе такъ сказать коммеморативнаго свойства. Рецензентъ, пишущій эти строки, старый-престарый рецензентъ, и онъ помнитъ очень хорошо, что еще лѣтъ 40 тому назадъ онъ рецензировалъ какое-то произведеніе г. Орловскаго, тогда еще не раскрывшаго своего псевдонима, въ покойныхъ «Отечест. Запискахъ». «Такъ-то, г. Орловскій!»—такимъ восклицаніемъ оканчивалась рецензія и это восклицаніе даетъ понятіе о бурномъ тонѣ, въ которомъ она была написана. Ну, теперь, умудренные опытомъ и убѣленные снѣгомъ жизни, мы спокойно скажемъ: быстры какъ волны дни нашей жизни, г. Головинъ-Орловскій! Все минется, одна правда останется, г. Головинъ-Орловскій! *М. Пр.*

Т. Г. Шевченко. Переводъ С. П. Дремцова. Выпускъ 1-й. Вятка. 1902 г. Цѣна 45 коп. У книжки г. Дремцова весьма пріятная внѣшность; издана она на хорошей бумагѣ, снабжена многочисленными хорошими иллюстраціями къ тексту, портретами Шевченко, виньетками, концовками, даже отрывками изъ музыкальныхъ произведеній извѣстнаго малорусскаго композитора Н. В. Лысенка, написавшаго много романсовъ на слова Шевченко. Болѣе того, пріятное впечатлѣніе отъ книжки продолжается и при чтеніи начальнаго введенія, въ которомъ г. Дремцовъ пишетъ: «Переводить Т. Г. Шевченко не только трудно, но, въ иныхъ случаяхъ, почти невозможно. Поэтому переводчикъ поставилъ себѣ скромную цѣль: до нѣкоторой степени служить помощникомъ при чтеніи подлинника, по преимуществу стремясь къ передачѣ настроеній».

Отъ дальнѣйшаго чтенія предисловія, написаннаго г. Дремцовымъ, пріятное

расположеніе къ нему читателя начинаетъ тускнѣть и расплываться. Восторженно относясь къ малорусскому поэту, надѣляя его самыми великими эпитетами, г. Дремцовъ въ то же время обнаруживаетъ полное непониманіе какъ личности геніальнаго кобзаря, такъ и основного мотива его произведеній. Шевченко, который, и какъ личность, и какъ поэтъ, являлся однимъ изъ великихъ представителей непримиримаго протеста противъ окружавшей его дѣйствительности, г. Дремцовъ рисуетъ слѣдующими чертами: «Жизнь ему современную онъ (Шевченко) любилъ какъ саму (?) по себѣ, какъ разумное, доброе существованіе въ тѣснѣйшей связи съ міромъ—природой, людьми. Саму (?) жизнь онъ считалъ благомъ». Эта елейная резиньяція, какъ извѣстно, отнюдь не подходитъ къ суровымъ чертамъ геніальнаго крестьянскаго поэта, жизнь и дѣятельность котораго была сплошнымъ актомъ борьбы противъ «современной ему жизни», которому даже смерть не принесла съ собою примиренія.

Къ концу чтенія предисловія, представляющаго наборъ пустыхъ словъ и безпорядочно склеенныхъ фразъ, отъ пріятнаго настроенія читателя не остается ничего, кромѣ раздраженія. Раздраженіе это усиливается и превращается въ подлинное непріятное чувство, когда отъ предисловія читатель переходитъ къ переводамъ г. Дремцова. Г. Дремцовъ не придерживается подлинника, онъ не переводитъ Шевченко, а передѣлываетъ его, дополняетъ и исправляетъ, проявляя при этомъ, по меньшей мѣрѣ, величайшее легкомысліе и полное отсутствіе поэтическаго чутья. Напр., четыре начальныя строчки извѣстнаго стихотворенія:

Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
На що стали на папері
Сумними рядами?

г. Дремцовъ передаетъ слѣдующими восемью строками, въ которыхъ есть рѣшительно все, кромѣ прелести Шевченковскаго стиха:

Думы мои, думы мои,
Дорогія дѣти,
Тяжело, мои родныя,
Съ вами жить на свѣтѣ!..
И всегда, всегда больныя,
Днями и ночами,
Вы со мною неразлучны...
Что мнѣ дѣлать съ вами?!

Таковъ первый переводъ, помѣщенный въ книжкѣ г. Дремцова. Кто съумѣетъ дочитать его «переводы» до конца, тотъ найдетъ въ самомъ концѣ книжки нѣчто такое, что вызываетъ уже не раздраженіе и не непріятное чувство, а прямое негодованіе. Восемь строкъ знаменитаго «Заповіта» («Завѣщанія») Шевченко:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій;
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Були видні, було чути,
Якъ реве ревучий...

г. Дремцовъ осмѣливается «переводить» слѣдующимъ образомъ:

Когда я умру,—на Украйнѣ родной,
Въ степи безпредѣльной, какъ море,
На старой могилѣ казачьей, святой
Вы тамъ схороните меня на просторѣ...
Чтобъ звукъ ни одинъ не тревожилъ меня
Въ равнинѣ Днѣпровой широкой,
Чтобъ голосъ людской не дошелъ до меня,
Чтобъ тихо я спалъ, одинокій...

Но видѣть хотѣлъ бы отчизны родной
Я степь золотую въ безбрежномъ просторѣ!
Хотѣлъ бы туда я за синюю даль,
Закинуть мое неослабное горе!..
Но слышать хотѣлъ бы, какъ Днѣпръ нашъ родной,
Стремясь чрезъ пороги и кручи,
Поетъ вѣковую Украйны печаль
И стонетъ, какъ витязь могучій.

И эти вирши, въ которыхъ авторъ въ одно время и хочетъ все слышать и ничего не слышать, выдаются г. Дремцовымъ за переводъ одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Шевченко, за передачу его настроенія! Что это? Обывательское-ли легкомысліе, или нѣчто такое, о чемъ бы говорить не хотѣлось?

Г. Дремцовъ «намѣревается въ рядѣ выпусковъ дать полный переводъ «Кобзаря»; предостерегаемъ неопытнаго читателя отъ этого «перевода».

М. Славинскій.

Сельма Лагерлефъ. Чудеса Антихриста. Романъ. Перев. со шведскаго М. Благовѣщенской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Почти одновременно у насъ и въ иностранной литературѣ идея возрожденія Антихриста получила художественную обработку. Въ русской литературѣ Вл. Соловьевъ посвятилъ ей особое вниманіе и обработалъ въ видѣ легенды о концѣ міра въ «Трехъ разговорахъ подъ пальмами». Въ шведской появился цѣлый романъ, переведенный нынѣ г-жей Благовѣщенской, въ которомъ идеѣ Антихриста дано весьма своеобразное толкованіе на фонѣ текущей современности. Въ обоихъ произведеніяхъ, что очень любопытно и знаменательно, сущность идеи Антихриста представлена одинаково. Выражается она въ словахъ сициліанскаго народнаго сказанія: «Когда придетъ Антихристъ, то явится онъ въ образѣ Христа. Повсюду будетъ голодъ, и Антихристъ будетъ ходить изъ одной страны въ другую, раздавая бѣднымъ хлѣбъ. И онъ пріобрѣтетъ себѣ много послѣдователей». Шведская писательница переноситъ дѣятельность Антихриста въ современную Сицилію, гдѣ ужасныя условія народной жизни, придавленной нищетой и невѣжествомъ, создали особо благопріятную почву для проповѣди основной идеи Антихриста, что «царство мое лишь на землѣ». Это, по ея мнѣнію, есть въ то же время сущность соціализма, какъ его формулируетъ «старый ученый» въ введеніи: «Царство ваше лишь на землѣ. Потому-то вы должны заботиться объ этой жизни и жить, какъ братья. Вы должны раздѣлить ваши богатства, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Всѣ должны работать, всѣ должны владѣть землею, всѣ должны быть равны. Никто не долженъ голодать, никто не долженъ соблазняться роскошью, и никто не долженъ терпѣть нужду подъ старость. Вы должны стараться быть счастливыми, такъ какъ вамъ нечего ждать вознагражденія, ибо царство ваше лишь на землѣ». Эту идею шведская писательница пытается развить въ рядѣ интересныхъ и художественно схваченныхъ бытовыхъ картинъ изъ сициліанской жизни. Весь интересъ, однако, и все значеніе романа именно въ этихъ бытовыхъ картинахъ, а идея Антихриста только мелькаетъ кое-гдѣ на страницахъ романа, скорѣе какъ неудачный припѣвъ къ хорошей пѣсни. Исключая введеніе и заключительную главу романа, гдѣ Антихристу отведено главное мѣсто, во всемъ романѣ читатель имѣетъ дѣло съ оригинальной и мало знакомой ему жизнью Сициліи. Несмотря на нѣкоторую растянутость начальныхъ главъ, весь романъ читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ писательница съумѣла схватить жаркій колоритъ юга и поэтично изобразить отдѣльныя фигуры и лица, своеобразіе обстановки, типичность цѣльныхъ и простыхъ обитателей городка, затеряннаго у подножья Этны, наивность ихъ нравовъ и вѣрованій. Представитель соціализма занимаетъ меньше всего мѣста, и его проповѣдь отсутствуетъ, что, пожалуй, дѣлаетъ романъ выше въ художественномъ отношеніи, хотя, не зная подлинника,

не можемъ утверждать, чему это слѣдуетъ приписать—оригиналу или переводу. Есть, впрочемъ, великолѣпная сцена встрѣчи освобожденнаго народнаго вождя въ Палермо, которая служитъ образчикомъ народнаго движенія въ Сициліи, гдѣ народное недовольство, какъ извѣстно, имѣетъ больше всего основаній въ Италіи. Хотя именно здѣсь формы этого недовольства меньше всего укладываются въ рамки опредѣленнаго движенія, въ противность сѣверной промышленной части Италіи. Съ одной стороны этому мѣшаетъ глубочайшеее невѣжество сициліанцевъ, съ другой—ихъ нищета, особенно поражающая иностранцевъ среди чудной, поистинѣ райской природы острова. Авторъ съ любовью описываетъ жизнь сициліанскаго небольшого городка, но основная идея романа смутно имъ намѣчена и переплетается съ идеей Антихриста очень искусственно, какъ будто авторъ и самъ недостаточно выяснилъ себѣ, что же собственно его самого привлекаетъ. «Никто не можетъ спасти людей отъ горя, но многое прощается тому, кто поддерживаетъ въ нихъ мужество переносить его», — эти заключительныя слова свидѣтельствуютъ, что главное для автора дѣйственная любовь къ людямъ, а не мотивы, изъ которыхъ она проистекаетъ. Этотъ примиряющій тонъ преобладаетъ въ романѣ, вслѣдствіе чего, несмотря на тяжелую жизнь, имъ описываемую, авторъ не возбуждаетъ читателя къ борьбѣ, а скорѣе указываетъ путь къ дружной, совмѣстной работѣ, которая должна привести къ миру и взаимной любви. *А. Б.*

КРИТИКА.

А. С. «Е. Д. Полѣнова».—*М. Протопоповъ.* «Критическія статьи».

Елена Димитріевна Полѣнова. 1850 — 1898. Москва, 1902. Анонимная брошюра (въ концѣ текста стоятъ иниціалы А. С.), пріуроченная, если не ошибаемся, къ устроенной минувшею весной въ Москвѣ выставкѣ произведеній безвременно скончавшейся художницы, имѣетъ право претендовать на бо́льшій интересъ, чѣмъ обычныя изданія подобнаго рода. Это сжатый, но очень содержательный біографическій очеркъ, составленный на основаніи писемъ и, очевидно, близкаго знакомства съ личностью и дѣятельностью Е. Д. Полѣновой, причемъ пріятно дѣйствуетъ спокойный дѣловой тонъ, чуждый лирической восторженности и преувеличеній, которыми нерѣдко грѣшатъ біографіи близкихъ знакомыхъ. Въ исторіи русскаго искусства Е. Д. Полѣнова займетъ совершенно особое мѣсто. Она раньше всѣхъ (хотя не безъ вліянія, напр., В. Васнецова) обратилась къ изученію и художественной разработкѣ русскаго народнаго творчества; это не тотъ пресловутый казенный «русскій стиль», который такъ опошленъ подгородными дачами и обѣденными меню, и не тотъ оффиціальный археологическій стиль, который такъ холодно дѣйствуетъ въ различныхъ монументальныхъ сооруженіяхъ и церквахъ послѣдней четверти вѣка. Е. Д. Полѣнова черпала свое искусство непосредственно изъ современной русской деревни и такъ усвоила себѣ пріемы народнаго творчества, что могла въ той же стилистической концепціи обрабатывать свои собственныя впечатлѣнія отъ живой природы. «У насъ (у руководителей извѣстной абрамцевской мастерской), — пишетъ она въ одномъ письмѣ,—условіе—по возможности не прибѣгать къ помощи изданій, потому что то, что заимствуется въ увражахъ, часто повторяется и надоѣдаетъ; кромѣ того, цѣль наша—подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться; то же, что попадаетъ въ изданія, это большею частью умершее и забытое,—стало быть, нить порвана, и ужасно трудно искусству ее связать... Вотъ почему мы ищемъ, главнымъ образомъ, вдохновенія и образцовъ, ходя по избамъ и приглядываясь къ тому, что составляетъ предметы

ихъ (крестьянъ) обихода...» Сообразно съ этими образцами, а также, несомнѣнно, съ свойствами личнаго вкуса, она не стремилась создавать крупныхъ произведеній, а охотно ограничивалась скромнымъ масштабомъ такъ называемаго прикладного искусства или рисовала иллюстраціи къ народнымъ сказкамъ, гдѣ изображеніе предметовъ, украшенныхъ въ народномъ вкусѣ, играютъ также большую роль. Зато эти мелкія подѣлки домашняго обихода, эти скромныя иллюстраціи она съумѣла возвысить до степени истинныхъ художественныхъ произведеній, рядомъ съ которыми многія музейныя картины кажутся ремесленными общими мѣстами. Эти попытки возрожденія прикладного искусства, возникшія у насъ самостоятельно, хотя и параллельно съ подобными же теченіями на Западѣ, и тутъ, и тамъ связаны были съ мечтами о демократизаціи красоты, т.-е. о томъ, чтобы внести искусство въ дома, въ повседневную жизнь людей, воспитать потребность въ немъ и любовь къ нему, и тѣмъ доставить человѣчеству одинъ изъ чистѣйшихъ источниковъ радостныхъ ощущеній. Достиженіе этой цѣли зависитъ отъ слишкомъ сложныхъ факторовъ, приспособиться къ которымъ не подъ силу одному поколѣнію, а тѣмъ менѣе отдѣльнымъ личностямъ; это не должно, однако, мѣшать съ благодарностью отнестись къ иниціаторамъ этого движенія, значеніе котораго пока еще трудно предвидѣть. Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ Е. Д. Полѣновой и заключается въ томъ, что она смотрѣла на свою художественную дѣятельность, какъ на общественную функцію. Взглядъ этотъ, несомнѣнно, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ идеями нашихъ передовыхъ художниковъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, только пониманіе роли искусства въ общественной жизни иное. Въ молодости, не придавая значенія своему художественному дарованію, Е. Д. Полѣнова готовится быть народной учительницей. Наступаетъ турецкая война,—она ищетъ приложенія своей жаждѣ полезной дѣятельности въ роли сестры милосердія. Лишь позднѣе она находитъ способъ утилизировать въ пользу общества свое природное артистическое влеченіе. Путемъ обученія крестьянскихъ дѣтей художественнымъ ремесламъ, она стремится оживить въ народѣ падающій вкусъ къ красотѣ и творческія способности, продукты же этого творчества она несетъ такъ называемымъ образованнымъ классамъ общества, которые, однако, по отношенію къ искусству гораздо бо̀льшіе дикари, чѣмъ народныя массы. Развить въ людяхъ любовь и пониманіе красивыхъ формъ—значитъ умножить ихъ духовное богатство, значитъ увеличить притягательную силу жизни, укрѣпить способность сопротивленія разрушающимъ ее силамъ. Е. Д. Полѣнова прекрасно понимала заманчивость этой задачи для художника. *Е. Дегенъ.*

М. Протопоповъ. Критическія статьи. Публицистическая критика, правовѣрнымъ представителемъ которой является г. Протопоповъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ, но и наиболѣе трудныхъ отраслей литературной дѣятельности. Ставя своею цѣлью не столько оцѣнку литературныхъ произведеній въ собственномъ смыслѣ слова, сколько выясненіе ихъ общественнаго значенія, она требуетъ отъ писателя, кромѣ эстетическаго вкуса, выдающейся общественной чуткости, глубокаго пониманія жизненныхъ отношеній и рѣдкой способности постоянно идти наравнѣ съ вѣкомъ, воспринимая и перерабатывая всѣ новыя завоеванія человѣческой мысли. Только при такихъ условіяхъ проповѣдь писателя будетъ покорять сердца и звать на борьбу за идеи, какъ покоряла и звала проповѣдь основателя русской публицистической критики — Добролюбова. Въ противномъ случаѣ, слова писателя не встрѣтятъ сочувственнаго отклика и безплодно разсѣятся въ пространствѣ. Мы опасаемся, что именно эта участь ожидаетъ г. Протопопова. Его статьи написаны очень ярко и горячо; онѣ затрогиваютъ самые разнообразные вопросы, начиная отъ вреда пьянства и кончая сущностью историческаго процесса, но... жизнь, видимо, обогнала почтеннаго критика, и его слово перестало быть живымъ словомъ. Г. Про-

топоповъ самъ говоритъ, что Вересаевъ—«слишкомъ тонкій и тонный для его грубаго пониманія авторъ»; и это ироническое замѣчаніе скрываетъ горькую истину. Эпитетъ: грубое, безъ сомнѣнія, слишкомъ рѣзокъ, но общіе взгляды г. Протопопова, дѣйствительно, отличаются крайнею упрощенностью, которая дѣлаетъ его совершенно безпомощнымъ предъ сложными явленіями современной жизни и литературы. Старое міросозерцаніе оказывается слишкомъ примитивнымъ для новыхъ теченій; они остаются чуждыми и непонятными критику и вызываютъ въ немъ только обиду и раздраженіе. Поэтому, огромное большинство разсматриваемыхъ «критическихъ статей» носитъ характеръ страстныхъ обвинительныхъ актовъ противъ молодого поколѣнія, виновнаго въ непризнаніи завѣтовъ прошлаго вообще и завѣтовъ семидесятыхъ годовъ въ частности. Надо, впрочемъ, замѣтить, что г. Протопоповъ старается занять самостоятельную позицію въ спорѣ русскихъ общественныхъ направленій. Онъ отрекается отъ «славянофильскаго народолюбія», которое будто бы «восхищалось фактомъ безпріютности и безпомощности мужика въ родной странѣ», отрекается отъ народничества, забывшаго слова Бѣлинскаго: «все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло»; отрекается отъ марксизма, какъ отъ вредной и безнравственной ереси. Съ марксизмомъ г. Протопоповъ, на самомъ дѣлѣ, не имѣетъ ничего общаго, но съ славянофильствомъ и народничествомъ онъ находится въ самомъ тѣсномъ родствѣ. Правда, критикъ нигдѣ не указываетъ на великое предназначеніе Россіи, но онъ вполнѣ раздѣляетъ глубокую вѣру въ величіе и силу самобытнаго національнаго духа и въ прирожденныя специфическія добродѣтели русскаго народа. «Русскій человѣкъ,—пишетъ г. Протопоповъ,—къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, можетъ прочесть слова Бѣлинскаго («Срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что могло бы быть дурно или хорошо направляемо») съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. *Этого* горя и *этого* срама мы не знаемъ... Относительно нашего грядущаго не можетъ быть сомнѣній». Русскій народъ уже показалъ себя. «Наши Гришки Орловы (рѣчь идетъ объ извѣстномъ разсказѣ г. Горькаго) не только бахвалились, но и дѣло дѣлали... Они имѣютъ полное право указать на нѣкоторый «оправдательный документъ», составленный далеко не безъ ихъ участія. Документъ этотъ имѣетъ въ ширину четыре, а въ длину десять тысячъ верстъ, и называется россійскою имперіею». Для составленія столь пространнаго «документа», разумѣется, требовались специфическія свойства національнаго духа, которыя г. Протопоповъ и открываетъ читателямъ. «...Въ чемъ состояла и до сихъ поръ состоитъ «искра сокрытая», освѣтившая и согрѣвшая нашъ тяжкій историческій путь,—это я знаю, инстинктивно чувствую и сознательно понимаю. Въ чемъ же? А вотъ въ этомъ самомъ: Эй, ребята, плохо дѣло—наша барка на мель сѣла! Эй, ухнемъ! Эй, зеленая сама пойдетъ! Алпатычъ! Самъ подпалю! Не доставайся дьяволамъ!» Послѣ такого своеобразнаго опредѣленія «субстанціальнаго» въ русскомъ народѣ нисколько неудивительны тѣ горделивые вопросы, которыми г. Протопоповъ сражаетъ (въ воображеніи) героиню вересаевскаго «Повѣтрія». «Пріищите хоть одно западное явленіе или учрежденіе, отъ табели о рангахъ до литературныхъ ученій и школъ, которое, будучи перенесено на нашу почву, не измѣнило бы своего первоначальнаго характера самымъ существеннымъ образомъ. Милитаризмъ? Да, это единственное, на что вы могли бы указать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, но лишь до недавняго времени: милитаризмъ, взывающій къ разоруженію, къ самоограниченію, понимающій о «мирѣ всего міра» — это не западный, не подлинный, не злостный милитаризмъ. Въ призмѣ русскаго характера (а не навыковъ, почтеннѣйшіе господа) преломляются и мѣняютъ свой цвѣтъ самые яркіе лучи, идущіе съ Запада». Капитализмъ? Но г. Протопоповъ надѣется полюбоваться, «какъ западный капитализмъ будетъ выпекаться въ нашей печи».

(Однако, мы не имѣемъ возможности полемизировать съ г. Протопоповымъ и отмѣчать всѣ перлы, въ изобиліи разсыпанные на пятистахъ страницахъ его книги). Приведенныя цитаты достаточно выясняютъ ту точку зрѣнія, съ которой критикъ оцѣниваетъ какъ общественныя, такъ и литературныя явленія. Марксисты не вѣрятъ въ самобытный національный духъ, — г. Протопоповъ тотчасъ же безапелляціонно постановляетъ: «Марксисты, какъ доктринеры и книжники по преимуществу, жестоки даже до безчеловѣчія: они готовы во имя своей теоріи пожертвовать не только всѣми историческими «устоями» народной жизни, но и нѣсколькими многомилліонными поколѣніями живыхъ людей...» Г. Вересаевъ рѣшился изобразить, какъ крестьяне, несмотря на высокія «субстанціальныя» свойства, убили доктора во время холеры,—г. Протопоповъ немедленно рѣшаетъ, что докторъ былъ самъ виноватъ, такъ какъ онъ былъ «кисляй» и не умѣлъ толково и дѣльно отнестись къ своимъ обязанностямъ. Въ итогѣ, г. Вересаевъ оказывается, конечно, виновнымъ въ непониманіи народа. Терпигоревъ въ даровитыхъ и вовсе не легкомысленныхъ очеркахъ «оскудѣнія» русскаго дворянства не обнаружилъ достаточнаго количества благоговѣйной серьезности предъ своими героями,—г. Протопоповъ низводитъ его въ «сатирика-анекдотиста» и торжественно поучаетъ, что «у насъ нѣтъ такого общественнаго класса, въ которомъ бы не было того, что, по слову Бѣлинскаго, не можетъ быть хорошо или дурно направляемо, и, стало быть, нѣтъ и матеріала только для краснаго словца анекдотической сатиры». Даже г. Боборыкинъ взятъ подъ подозрѣніе за слишкомъ европейскія манеры и отсутствіе подлиннаго «русскаго духа». Несомнѣнно, что примѣненіе патріотизма, какъ мѣрила для оцѣнки литературнаго творчества, не можетъ принести особенно плодотворныхъ результатовъ, но еще меньшихъ результатовъ достигаетъ г. Протопоповъ, когда онъ предъявляетъ къ писателямъ опредѣленныя моральныя требованія, какъ, напримѣръ, при разборѣ произведеній гг. Горькаго, Тана и Вересаева. Если мы приведемъ собственныя слова г. Протопопова, что «мудрость жизни состоитъ въ томъ, чтобы не терять нравственнаго равновѣсія, чтобы любить лишь достойное любви, сердце имѣть отверстымъ, но и камнемъ за пазухой не пренебрегать», то читатель самъ угадаетъ укоризненный выводъ критика: «Беллетристы новѣйшей формаціи въ значительной мѣрѣ утратили чувство нравственнаго равновѣсія». Но изъ этого вывода слѣдуетъ только одно, что къ страстной проповѣди освобожденія и возвышенія человѣческой личности, раздающейся изъ устъ г. Горькаго и другихъ писателей новой школы, нельзя подходить съ мѣщанскою добродѣтелью «нравственнаго равновѣсія», въ которомъ любовь и камень за пазухой имѣютъ одинаковое значеніе. Г. Протопоповъ не понялъ этого и не видитъ далекихъ береговъ будущаго; онъ хорошо разбирается только въ знакомыхъ и застывшихъ очертаніяхъ прошлаго. Поэтому и «критическія статьи» г. Протопопова останутся запоздалыми «лирическими манифестами» отжившаго міросозерцанія, которые ничего не освѣтятъ въ современной жизни и литературѣ и никому не укажутъ дороги въ невѣдомую даль.

Ник. Іорданскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Мелкая земская единица».

Мелкая земская единица. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. Г. Бажаева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, Н. И. Лазаревскаго, М. К. Лемке, барона А. Ф. Мейендорфа, М. Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, В. Д. Спасовича, И. М. Страковскаго и Г. И. Шрейдера.

Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского при участіи редакціи газеты «Право». «Бываютъ вопросы, о которыхъ говорятъ годами, даже десятилѣтіями, а все безрезультатно, да вдругъ заговорятъ такъ, что для всѣхъ становится ясно, что насталъ, такъ сказать, критическій моментъ, что молчать о нихъ уже нельзя до тѣхъ поръ, пока не добьются окончательнаго ихъ разрѣшенія. Къ такимъ вопросамъ слѣдуетъ отнести идею мелкой земской единицы... Въ этомъ отношеніи роль, въ полномъ смыслѣ историческая, выпадаетъ на долю книги, по своему характеру составляющей исключительное явленіе въ нашей литературѣ послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, книги, подводящей полный и всесторонній итогъ, какъ теоріи близкаго къ населенію мѣстнаго самоуправленія, такъ и міровой практикѣ послѣдняго, а, главнымъ образомъ,—исторіи, довольно продолжительной и богатой, вопроса въ Россіи». Эти горячія слова «Одесскихъ Новостей» съ достаточною силою выражаютъ то чувство, съ которымъ близкая къ жизни провинціальная печать встрѣтила появленіе сборника, посвященнаго «мелкой земской единицѣ». Къ нимъ нужно добавить, что требованіе на книгу уже теперь, чрезъ три недѣли послѣ ея выхода въ свѣтъ, такъ велико, что въ нѣкоторыхъ городахъ книжные магазины вынуждены были прибѣгнуть къ предварительной записи покупателей. Вообще, насколько можно судить по различнымъ признакамъ, изданіе князей Долгорукаго и Шаховского, дѣйствительно, отвѣтило на запросы мѣстныхъ людей и нашло самый сочувственный пріемъ въ «глубинѣ Россіи». Мы не рѣшаемся сказать, что оно сыграетъ историческую роль. Такое значеніе можетъ принадлежать только болѣе цѣльнымъ и планомѣрнымъ работамъ программнаго характера. Разсматриваемая же книга въ этомъ отношеніи не представляетъ достаточнаго единства содержанія, что объясняется, безъ сомнѣнія, прежде всего современнымъ состояніемъ вопроса о мелкомъ органѣ самоуправленія. Какъ говоритъ одинъ изъ авторовъ сборника, г. Бажаевъ, «предпринятая земствомъ разработка этого сложнаго и важнаго вопроса еще далеко не завершена». Въ настоящее время только выясняется принципіальная основа предполагаемаго преобразованія и опредѣляются руководящія точки зрѣнія. Поэтому, статьи разныхъ авторовъ не объединены одинаковымъ пониманіемъ предмета и часто исходятъ изъ совершенно различныхъ теоретическихъ положеній. Кромѣ того, въ сборникѣ отсутствуетъ критическая сводка предлагаемаго матеріала и конкретные выводы изъ него въ примѣненіи къ нашей дѣйствительности, т.-е. именно детально разработанная и строго опредѣленная программа практической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти вольные и невольные пробѣлы только заставляютъ читателя самостоятельно подумать и собственными усиліями разобраться въ массѣ идей и фактовъ, даваемыхъ авторами, но не отнимаютъ у сборника его выдающагося научнаго и общественнаго значенія, тѣмъ болѣе, что, несмотря на теоретическія разногласія, «caeterum censeo» всѣхъ авторовъ вполнѣ совпадаетъ.

Переходя къ разсмотрѣнію содержанія сборника, мы, въ первую очередь, должны отмѣтить то серьезное вниманіе, которое онъ удѣляетъ чисто теоретической сторонѣ вопроса о самоуправленіи. При неясности правовыхъ понятій среди мѣстныхъ «черноземныхъ силъ» и, вообще, среди русскаго общества, статья г. Лазаревскаго, посвященная выясненію сущности самоуправленія, является какъ нельзя болѣе своевременной и умѣстной. Къ сожалѣнію «юридическая, слишкомъ юридическая» точка зрѣнія автора едва ли можетъ быть признана правильною. Г. Лазаревскій разбираетъ всѣ теоріи самоуправленія, которыя смѣняли другъ друга въ наукѣ государственнаго права. Эти теоріи, поскольку онѣ выработаны въ трудахъ западныхъ ученыхъ, раздѣляются на три группы. Первая объясняетъ своеобразное положеніе самоуправляющихся единицъ въ общей системѣ государственнаго управленія тѣмъ, что самоуправ-

леніе есть завѣдываніе не государственными дѣлами управленія (теоріи: «свободной общины» и «хозяйственная»); вторая—полагаетъ, что основной признакъ самоуправленія заключается въ передачѣ государствомъ нѣкоторыхъ административныхъ функцій особымъ отъ государства публично-правовымъ юридическимъ лицамъ, такъ что органы самоуправленія являются органами не государства, а этихъ юридическихъ лицъ; наконецъ—третья видитъ сущность самоуправленія въ своеобразномъ личномъ составѣ органовъ самоуправленія (общественныя и политическія теоріи). Авторъ подробно разсматриваетъ всѣ эти теоріи, но, по условіямъ мѣста, мы можемъ остановиться только на его отношеніи къ той теоріи, которой придерживается большинство русскихъ писателей и которая опредѣляетъ самоуправленіе, какъ участіе общества въ мѣстномъ управленіи или какъ самодѣятельность гражданъ, и къ той, которая распространена среди большинства русскихъ практическихъ дѣятелей и которая видитъ въ самоуправленіи завѣдываніе дѣлами, по самому существу отличающимися отъ дѣлъ государственнаго управленія. Г. Лазаревскій совершенно справедливо указываетъ, что воззрѣніе, стремящееся свести всю дѣятельность самоуправляющихся единицъ къ строго-хозяйственнымъ вопросамъ, въ настоящее время не имѣетъ никакой научной цѣнности, такъ какъ оно не охватываетъ громаднаго ряда дѣйствительныхъ жизненныхъ явленій. Почти повсемѣстно на Западѣ органамъ самоуправленія предоставляется завѣдываніе мѣстною полиціею, призрѣніе бѣдныхъ, руководство противопожарными и санитарными мѣрами и тому подобная дѣятельность, явно носящая не частно-правовой и хозяйственный характеръ. Во многихъ дѣлахъ органы самоуправленія выступаютъ не какъ субъекты частнаго права, заключающіе гражданскіе договоры съ другими лицами, а какъ органы публичной власти, обладающіе правомъ принужденія. Между функціями самоуправленія и государственнаго управленія нельзя провести сколько-нибудь опредѣленной границы и нельзя указать качественной разницы. Также отрицательно относится авторъ и къ теоріи самоуправленія, какъ участія гражданъ въ управленіи. По мнѣнію г. Лазаревскаго, всякій обыватель, участвуя, напримѣръ, даже въ избирательномъ собраніи, участвуетъ въ немъ не какъ обыватель, а какъ установленный закономъ органъ государственной власти. И самоуправленіе, и управленіе дѣлаютъ одно и то же государственное дѣло. Такимъ образомъ, участіе гражданъ въ управленіи вовсе не является ихъ самодѣятельностью, а представляетъ ту же службу государству, какую несутъ и чиновники. Въ конечномъ итогѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что «самоуправленіе есть завѣдываніе государствомъ чрезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами мѣстнаго государственнаго управленія» или, въ болѣе общей формѣ, «самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе, гдѣ самостоятельность мѣстныхъ органовъ обезпечена системою такого рода юридическихъ гарантій, которыя, создавая дѣйствительность децентрализаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечиваютъ и тѣсную связь органовъ мѣстнаго государственнаго управленія съ данною мѣстностью и ея населеніемъ». Наиболѣе цѣлесообразной формою децентрализаціи управленія и является мелкая земская единица. — Поскольку настроеніе г. Лазаревскаго разрушаетъ всевозможныя теоріи, лишающія самоуправленіе государственной роли, противъ него ничего нельзя возразить, но оно обезцѣнивается полнымъ игнорированіемъ соціальной точки зрѣнія. Авторъ, очевидно, страдаетъ тѣмъ «обожествленіемъ» государства, противъ котораго съ успѣхомъ возражаетъ въ сборникѣ г. Покровскій. Все—для государства, и все—чрезъ государство. Общество въ схемѣ г. Лазаревскаго занимаетъ лишь подчиненное мѣсто. Между тѣмъ не общество—созданіе государства, а государство—созданіе общества, которое въ разныя эпохи развитія вырабатывало различныя политическія и правовыя формы. При такомъ взглядѣ формула г. Лазаревскаго получаетъ совершенно иной смыслъ и

*

самоуправленіе придется опредѣлить, именно, какъ самодѣятельность гражданъ, которая, постепенно развиваясь, создаетъ новое соціально-юридическое явленіе государства-общества. Обильный и поучительный матеріальный для иллюстраціи той мысли, что государственное устройство является слѣдствіемъ соціальнаго строенія народа и измѣняется сообразно съ измѣненіями послѣдняго, читатели найдутъ въ статьяхъ гг. Виноградова и Ковалевскаго, характеризующихъ мѣстное самоуправленіе въ Англіи и Америкѣ, гдѣ мелкія самоуправляющіяся единицы, дѣйствительно, представляютъ полноправныя ячейки государственнаго управленія, основаннаго, во всѣхъ своихъ частяхъ, на самодѣятельности гражданъ. Абстрактное же построеніе г. Лазаревскаго можетъ повести къ рискованному выводу, что развитіе самоуправленія возможно при всякой формѣ государственной жизни.

Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ г. Лазаревскаго, для выработки принципіальнаго отношенія къ вопросу о мелкой самоуправляющейся единицѣ послужатъ, кромѣ уже упомянутыхъ статей г. Виноградова «Мѣстное самоуправленіе въ Англіи» и г. Ковалевскаго «Низшая земская единица въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ», статьи «Страничка изъ исторіи земскихъ реформъ въ Пруссіи» (г. Іоллоса), «Сельская община въ Финляндіи» (г. Скалона), «Гмина въ губерніяхъ Царства Польскаго» (г. Спасовича), «Мелкая земская единица въ прибалтійскихъ губерніяхъ» (г. Мейендорфа), «Сельская коммуна въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губ.» (г. Гессена) и «Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси» (г. Покровскаго). За исключеніемъ послѣдней, всѣ онѣ представляютъ описаніе организаціи и характеристику дѣятельности мелкихъ самоуправляющихся учрежденій въ различныхъ мѣстностяхъ; мы отмѣтимъ только общіе выводы, что населеніе успѣшно справляется съ лежащими на немъ дѣлами. Въ статьѣ же г. Іоллоса читатели найдутъ живое изложеніе взглядовъ различныхъ партій при обсужденіи вопроса о реформѣ общиннаго устройства въ прусской палатѣ и на конгрессѣ общества соціальной политики. Поучительно, что въ то время, какъ у насъ опасаются введеніемъ мелкой единицы низвести содержаніе земской жизни къ узкому кругу интересовъ своей колокольни, въ Пруссіи представители деревенской массы указывали на низшее земское самоуправленіе, какъ на лучшее средство научить крестьянъ «смотрѣть дальше церковной башни» и сдѣлать изъ нихъ развитыхъ и дѣятельныхъ гражданъ. Совершенно особый интересъ представляетъ статья г. Покровскаго о мѣстномъ самоуправленіи древней Руси. Это оригинально и талантливо написанный «очеркъ по исторіи русской культуры». Авторъ касается самыхъ основныхъ вопросовъ русской исторіи и, заявляя себя сторонникомъ того воззрѣнія, по которому «ходъ общественнаго процесса опредѣляется не тѣми идеями, какія высказываютъ въ данный моментъ интеллектуальные верхи общества», полемизируетъ съ наиболѣе распространенными объясненіями древне-русской жизни и, въ особенности, съ объясненіями г. Милюкова. Но сложность и важность вопросовъ, затронутыхъ г. Покровскимъ, не позволяетъ намъ остановиться на его статьѣ. Для «мелкой земской единицы» она имѣетъ лишь то значеніе, что разрушаетъ выдвинутое въ послѣднее время нашими охранителями мнѣніе, будто исторической единицею мелкаго самоуправленія былъ приходъ, къ которому нужно и теперь возвратиться.

Остальныя статьи сборника непосредственно касаются мелкой земской единицы и посвящены анализу современнаго сословнаго крестьянскаго самоуправленія и доказательствамъ необходимости его реформированія какъ съ юридической, такъ и съ экономической точки зрѣнія (статьи гг. Страховскаго и Шрейдера), или характеристикѣ отношенія къ этому вопросу земскихъ собраній и литературы (статьи гг. Бажаева, Гессена, Лемке и Скалона). Статья г. Страховскаго содержитъ краткій, но обстоятельный очеркъ исторіи такъ

называемаго крестьянскаго самоуправленія и современнаго его положенія, основанный на тщательномъ изученіи многочисленныхъ оффиціальныхъ источниковъ. Авторъ безповоротно осуждаетъ современную волость и не надѣется, чтобы она могла вмѣстить новое содержаніе, которое можетъ дать ей предполагаемая реформа. Г. Шрейдеръ доказываетъ необходимость мелкой земской единицы развивающимися потребностями крестьянскаго хозяйства. Чрезвычайно любопытный и поучительный матеріалъ представляютъ статьи, посвященныя характеристикѣ отношенія земскихъ собраній и литературы къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Къ сожалѣнію, авторы ихъ дали слишкомъ лѣтописное изложеніе фактовъ и мнѣній. Въ особенности нужно сказать это о г. Бажаевѣ, разработавшемъ вопросъ объ отношеніи земскихъ собраній къ мелкой единицѣ послѣ московскаго агрономическаго съѣзда 1901 года, и статьѣ г. Лемке, сгруппировавшаго отзывы литературы за этотъ же періодъ. Кромѣ того, г. Лемке сосредоточилъ вниманіе почти исключительно на ежедневныхъ изданіяхъ и не воспользовался очень цѣнными статьями, помѣщенными въ земскихъ періодическихъ органахъ: сборникахъ херсонскаго, пермскаго, черниговскаго земствъ и даже «Саратовской Земской Недѣлѣ», удѣлившей мелкой земской единицѣ очень много вниманія. Тѣмъ не менѣе, предъ читателями встаетъ очень яркая картина изъ исторіи развитія русской гражданственности. Идея безсословной мелкой самоуправляющейся единицы, возникшая еще въ губернскихъ комитетахъ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ становится достояніемъ крѣпостнической партіи, которая стремится къ ея осуществленію съ самыми опредѣленными цѣлями возвратить утраченное вліяніе надъ личною и общественною жизнью крестьянства. Дѣло шло не объ улучшеніи волостного управленія и хозяйства, но объ усиленіи власти, которой нужно было передать крестьянина. Въ 1873 году въ петербургское дворянское собраніе былъ внесенъ проектъ Савельева, имѣвшій цѣлью уничтожить сельскую общину, «отъ подобія которой, въ лицѣ парижской коммуны, по словамъ автора, ужаснулась вся Европа». Эти тенденціи, разумѣется, повліяли на отношеніе лучшей части русской прессы къ вопросу о всесословной волости. Идея была дискредитирована. Съ именемъ всесословной волости долгое время соединялось представленіе о чемъ-то крѣпостническомъ, направленномъ къ ущербу массы населенія въ одностороннихъ интересахъ привилегерованнаго землевладѣльческаго меньшинства. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда поставлено было на очередь преобразованіе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, вопросъ о всесловной волости и мелкой земской единицѣ снова всплываетъ въ земскихъ собраніяхъ и доходитъ до обсужденія Кахановской коммиссіи, вмѣстѣ съ которой и заканчиваетъ свое существованіе. Въ третій и, можетъ быть, не послѣдній разъ, онъ появляется въ общественныхъ собраніяхъ и литературѣ послѣ голоднаго 1891 года, когда всѣ язвы нашей деревни бросились въ глаза съ особенною силою. Но только послѣ московскаго агрономическаго съѣзда 1901 года начинается современная стадія его развитія. То положеніе, въ которомъ теперь находится крестьянство, дальше продолжаться не можетъ. Сельское населеніе, въ большинствѣ, имѣетъ полное основаніе повторить о себѣ слова псковской лѣтописи, что оно живетъ только потому, что «земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сорокъ лѣтъ, прошедшія со времени паденія крѣпостного права, измѣнили и духовную физіономію деревни.

Наиболѣе обезпеченный слой крестьянства пріобрѣлъ не только экономическое вліяніе, но и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ. Не касаясь подробно той эволюціи, которая произошла въ послѣднее время въ нашемъ поселкѣ, мы только укажемъ, что значительность ея доказывается современнымъ отношеніемъ литературы и, въ особенности, хорошо знающей дѣйствительность провинціальной печати, къ вопросу о мелкой земской единицѣ, какъ къ лучшему

и даже единственному расширенію правъ сельскаго обывателя. Послѣ первыхъ, весьма естественныхъ, сомнѣній и колебаній, большинство русскихъ газетъ, какъ и большинство земскихъ собраній высказалось за учрежденіе самоуправляющагося мелкаго органа. Точка зрѣнія «просвѣщенной опеки», выставленная г. Шиповымъ и друг., встрѣтила рѣзкую отповѣдь и въ литературѣ, и въ земской средѣ. Общественная мысль, въ лицѣ значительной части ея представителей, видимо проникается довѣріемъ къ крестьянской массѣ и желаетъ открыть ей путь самостоятельнаго развитія. По условіямъ настоящаго момента, мелкая земская единица является минимальной формой самодѣятельности, достиженіе которой возможно поставить практическою цѣлью. Въ этомъ стремленіи къ подъему массы, къ союзу съ нею и использованію ея напечатыхъ силъ и заключается смыслъ оживленной агитаціи въ пользу привлеченія широкихъ слоевъ населенія къ совокупной работѣ сознательныхъ элементовъ русскаго общества. Авторы сборника собрали и обработали обширный и цѣнный матеріалъ для освѣщенія предстоящей задачи и для доказательства возможности ея разрѣшенія. То сочувствіе, которое они повсюду встрѣтили, показываетъ, что ихъ труды не пропали даромъ. *Ник. Іорданскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

С. Алексѣевъ. «Мѣстное самоуправленіе».—*В. О. Ключевскій.* «Боярская дума древней Руси».—*П. Мижуевъ.* «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи».

С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ (XVIII-го и XIX-го в. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1902 г. Трудъ, носящій вышевыписанное названіе, представленъ, по заявленію автора, въ одинъ изъ русскихъ университетовъ въ видѣ диссертаціи на степень магистра государственнаго права. Тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ можно предъявить къ г. Алексѣеву требованіе серьезнаго и внимательнаго отношенія къ интересующему его вопросу и къ тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги. Сомнительно, однако, чтобы изслѣдованіе г. Алексѣева удовлетворяло даже этому скромному требованію. Его магистерская диссертація является, повидимому, новымъ членомъ того довольно длиннаго ряда «ученыхъ работъ», который открылся изслѣдованіемъ г. Чечулина и продолжался диссертаціей г. Грибовскаго. Непонятно, какимъ образомъ надѣется г. Алексѣевъ выполнить намѣченную задачу — дать историческій очеркъ мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ за послѣдніе два вѣка, если онъ такъ пренебрежительно относится къ «безпочвеннымъ», по его словамъ «спекуляціямъ разума» (стр. II) и въ то же время полагаетъ, что «единственной вѣрной дорогой къ истинѣ» является «сжатый конспектъ изъ тысячи томовъ законодательнаго и незаконодательнаго матеріала» (стр. 278 и предисловіе). Послѣднимъ утвержденіемъ, авторъ откровенно сознается, что предпринятый имъ трудъ не болѣе, какъ компиляція изъ полнаго собранія законовъ и нѣкоторыхъ другихъ не менѣе извѣстныхъ источниковъ. Такая откровенность, конечно, похвальна, но нужно отдать справедливость г. Алексѣеву: иногда онъ перестаетъ быть компиляторомъ и удѣляетъ мѣсто, вопреки собственному желанію, «спекуляціямъ разума». Насколько эти спекуляціи безпочвенны, читатель убѣдится простыми выписками изъ комментаріевъ г. Алексѣева къ «законодательному и незаконодательному матеріалу», которыми, замѣтимъ кстати, и ограничиваются его попытки дать анализъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ. Такъ, говоря о правахъ по имуществу государственныхъ крестьянъ, г. Алексѣевъ замѣчаетъ: «Государственному кре-

стьянину чужда самая идея эксплуатаціи своихъ братьевъ. Извѣстно, что Демидовъ отказался отъ предоставленныхъ ему правъ потомственнаго дворянства. Замѣчательно и удивительно, законодатель подмѣтилъ и эту, сразу не бросающуюся, но глубокую и важную черту соціальнаго быта нашихъ крестьянъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о 10 — 15-десятинномъ размѣрѣ на душу земли, законодатель выразилъ желаніе всей русской земли и тѣмъ положилъ въ основу государственной жизни личный трудъ, а не эксплуатацію труда праздными, землевладѣльцами... Этимъ, быть можетъ, законодатель до сихъ поръ ограждалъ государство отъ того пролетаріата, который дѣлаетъ людей звѣрями на всемъ континентѣ Западной Европы» (ст. 52). Въ главѣ «Крестьянство и ходъ его развитія въ исторіи русскаго государства» г. Алексѣевъ дѣлаетъ попытку «дать посильный отвѣтъ на многіе злободневные вопросы», связанные съ обостреніемъ классовой борьбы на Западѣ. Для этого онъ пытается сперва установить понятія сословія и класса. «Всегда и вездѣ, гдѣ только человѣческое общество жило государственною жизнью, люди раздѣлялись на различныя группы, отличающіяся одна отъ другой общностью интересовъ и стремленій. Съ теченіемъ времени эти группы или принимали отъ правительства строгую организацію, или же такъ и оставались свободными общественными классами. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ сословіями, во второмъ—съ классами населенія въ государствѣ» (стр. 279). Классъ есть классъ и для выясненія столь очевидной истины не стоило, пожалуй, тратить такъ много словъ. Гораздо интереснѣе, по своей простотѣ, рѣшеніе соціальнаго вопроса, предлагаемое г. Алексѣевымъ. «Чтобы прекратить классовую борьбу, необходимо дать преобладаніе принципу государственности въ ущербъ общественности. Таковъ отвѣтъ должна дать наука. Намъ возразятъ, что нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ правительствъ всѣми силами стремятся къ этой цѣли ослабить принципъ общественности и усилить принципъ государственности, но результатъ получался и получается съ каждымъ днемъ неутѣшительнѣй. На это скажемъ, что средства, выбранныя этимъ правительствомъ, крайне неудовлетворительны». Г. Успенскій такое рѣшеніе вопроса уже давно опредѣлилъ формулой: «тащить и не пущать».

Pour la bonne bouche — маленькая цитата изъ отдѣла «Миссія казаковъ». «Калмыки,—пишетъ г. Алексѣевъ,—обязаны нести полевую и внутреннюю службу наравнѣ съ казаками. Свобода вѣроисповѣданія калмыцкаго народа и всѣ относящіеся къ этому обряды остаются неприкосновенными (Учр. гр. упр. каз. 498, 499). Не проводитъ ли здѣсь законодатель принциповъ французской революціи: свобода, равенство, братство?» (стр. 91). Тремя страницами ниже г. ученый изслѣдователь выясняетъ содержаніе «принциповъ французской революціи» такими словами: «Законодатель держится вообще свободы убѣжденій; если гражданинъ имѣетъ несогласныя съ законодателемъ убѣжденія, то таковому законодатель запрещаетъ пропагандировать, совращать другихъ. Иначе сказать, законодатель требуетъ скромнаго, молчаливаго поведенія, какъ одной изъ гражданскихъ обязанностей. Ты отрицаешь духовную и свѣтскую власти, отрицай, только не кричи о своемъ отрицаніи, этимъ ты нарушаешь общественную тишину и порядокъ, какъ бы говоритъ подобнымъ личностямъ законодатель. Само собой разумѣется отрицаніе это не должно освобождать отъ обязанностей, соединенныхъ съ признаніемъ властей. Занимаешь клочокъ земли, плати поземельный налогъ; придетъ 21-ый годъ, надѣвай солдатскую шинель; выбираютъ тебя въ присяжные, иди; приказываетъ тебѣ городовой убраться съ улицы, убирайся и т. д. Иначе представить себѣ государственную жизнь невозможно, если всякій будетъ въ области совмѣстной гражданской жизни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, а не тѣмъ, которыя законодатель выразилъ въ законѣ» (стр. 95).

Очерку мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ авторомъ предпосланъ

краткій и, уже по своей краткости, лишенный самостоятельнаго научнаго значенія, очеркъ исторіи англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ и ихъ мѣстнаго самоуправленія. Наконецъ, существеннымъ недостаткомъ книги г. Алексѣева является еще отсутствіе библіографіи предмета: указана литература, да и то далеко не полная, лишь по исторіи западно-европейскаго крестьянства.

Интересно знать, въ какой университетъ представилъ г. Алексѣевъ свою диссертацію и какъ отнесутся оффиціальные представители науки къ его «ученой работѣ» новаго типа? *Б. Савинковъ.*

Проф. В О. Ключевскій. Боярская дума древней Руси. Изданіе третье, пересмотрѣнное. М. 1902. in 8 vo Стр. 2 нен.+VI+548. Ц. 3 руб. 50 к. На долю докторской диссертаціи проф. В. О. Ключевскаго выпадаетъ рѣдкій успѣхъ: она выдерживаетъ третье, въ сущности четвертое изданіе. Успѣхъ этотъ мѣряется не формальнымъ счетомъ изданій, а тѣмъ обстоятельствомъ, что «боярская дума древней Руси» неуловимыми, но существенными нитями связана съ цѣлою плеядой русскихъ писателей по отечественной исторіи. Это настольная книга, съ которой каждый изъ насъ начинаетъ учиться русской исторіи и, можно сказать, почти не разстается до конца своей дѣятельности. Щедрою рукою черпаютъ изъ нея наши профессора на лекціяхъ, а лучшіе преподаватели исторіи на урокахъ. Сочиненіе г. Ключевскаго увлекаетъ и охватываетъ какъ-то незамѣтно и не всѣхъ, но зато удивительно прочно; даже манера самаго изложенія дѣйствуетъ на читателя, которому трудно потомъ становится оттолкнуть отъ себя своеобразный складъ истрическаго повѣствованія московскаго профессора.

«Боярская дума древней руси»—плодъ усидчивой и необыкновенно спокойной работы. Мы склонны думать, что лучшая и счастливѣйшая часть жизни нашего московскаго профессора связана съ этой книгой, что изъ нея шли прочія монографическіе труды автора, который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не даетъ намъ ихъ собранія въ отдѣльномъ изданіи.

Авторъ проникнутъ безхитростною любовью къ древнѣйшему отечественному прошлому, онъ цѣликомъ вошелъ подъ мрачные своды этой старины, живетъ этимъ полумракомъ, потому что ему трудно оторваться отъ разгадки цѣлой массы темныхъ силуэтовъ, тамъ схороненныхъ; ему чудится, что при помощи научной эрудиціи, соединенной съ свойственнымъ ему даромъ чутья старой дѣйствительности, возможно эти темные силуэты превратить въ живыя фигуры. У г. Ключевскаго наблюдается поразительная способность переваривать выводы предшествовавшей ему исторической литературы. Изученные оригиналы принимаютъ у него такія своеобразныя формы и получаютъ такую новую и специфическую формулировку, что покойные авторы этихъ оригиналовъ не могли бы сразу узнать своихъ дѣтищъ, превратившихся въ искусной лѣпкѣ г. Ключевскаго во взрослыхъ и мужественныхъ людей. Если выше утверждается, что «боярская дума древней Руси»—центръ научно-литературной дѣятельности г. Ключевскаго въ связи съ читаннымъ имъ много лѣтъ общимъ курсомъ русской исторіи, то позволительно признать, что С. М. Соловьевъ съ его «Исторіей Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—ядро, отъ котораго исходила схема древней русской исторіи г. Ключевскаго. Но схема этого послѣдняго такъ своеобразна, уснащена такими тонко развитыми деталями, что только тщательный анализъ вскрываетъ эту интимную родственную связь, тѣмъ болѣе трогательную, что г. Ключевскій—преемникъ по каѳедрѣ С. Соловьева, далеко опередившій своего учителя и создавшій школу русскихъ историковъ, въ которую принесены были питательные соки съ каѳедры одного изъ преемниковъ Грановскаго.

«Боярская дума древней Руси» поражаетъ читателя широтой и сложностью схваченной г. Ключевскимъ темы; ея научный интересъ громаденъ, а техника

ея обработки представляетъ несомнѣнную поучительность, особливо для начинающихъ работать въ области русской исторіи. Это—не мелкое детальное изслѣдованіе по отдѣльному спеціальному вопросу. Книга г. Ключевскаго—сложный синтезъ, не растерявшійся въ мелочахъ и второстепенныхъ подробностяхъ среди разнообразныхъ понятій, обозначаемыхъ однимъ и тѣмъ же терминомъ; намъ представляется эта книга зданіемъ, сооруженнымъ послѣ мелкаго прихотливаго анализа отдѣльныхъ подробностей и явленій, вставленныхъ въ общій фонъ древней русской дѣйствительности. Обнаруживая удивительное научное чутье древней русской дѣйствительности, авторъ не склоненъ къ безпочвенному фантазированію среди обломковъ старины.

Г. Ключевскій является въ нашей литературѣ большимъ изслѣдователемъ *соціальной* исторіи древней Россіи, довольно рѣзко положенной на *экономическую* подкладку. Съ точки зрѣнія соціальнаго состава изучена нашимъ авторомъ и боярская дума X—XVII вѣковъ. Не надѣясь изобразить исторію политическаго значенія и правительственной дѣятельности боярской думы «съ достаточною послѣдовательностью и полнотой», г. Ключевскій тѣмъ бо̀льшее вниманіе обратилъ на то, въ чемъ «выражалась непосредственная связь учрежденія съ *обществомъ*, на соціальный составъ думы, на происхожденіе и значеніе классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто». «Составомъ своимъ,—говоритъ нашъ авторъ,—дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества, поэтому исторія изучаемаго учрежденія даетъ возможность слѣдить за складомъ общества, насколько онъ отражался въ образованіи общественныхъ вершинъ». Утверждая, что изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ, авторъ даетъ замѣчательную картину боярской думы, какъ удивительнаго механизма древнерусской правительственной машины, «Политическая и административная исторія боярской думы,—говоритъ г. Ключевскій,—темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія; закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи, правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива». Г. Ключевскій беретъ въ данномъ случаѣ не юридическую природу института, самое существованіе котораго съ отвлеченной юридической точки зрѣнія представляется проблематичнымъ, а его скрытый житейскій смыслъ въ обстановкѣ тогдашней политической атмосферы. «Въ тѣ вѣка,—говоритъ авторъ, политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя-государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей; ко всякому учрежденію, подобному нашей боярской думѣ, мы привыкли обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе, а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ». Созданная авторомъ остроумная фикція сослужила ему великолѣпную службу на протяженіи всего изслѣдованія, помогла ему разъяснить правительственную дѣятельность думы, ея смыслъ и значеніе, остававшіеся непонятными людямъ строгаго юридическаго мышленія. Московская боярская дума, по изслѣдованію автора, была «*учрежденіемъ*, тѣсно связаннымъ съ судьбой извѣстнаго класса московскаго общества», она была «*учрежденіемъ*, которое создавало московскій государственный и общественный

порядокъ». Единственною постоянною опорой извѣстнаго устройства и значенія думы былъ *обычай* («государь призывалъ къ управленію людей боярскаго класса въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ»), а крѣпость обычая создана была *исторіей* самого московскаго государства, не бывшаго ни произведеніемъ какой либо политической теоріи, ни слѣдствіемъ хищничества предковъ царя Ивана Грознаго; московское государство было дѣломъ народности, образовавшейся къ XV вѣку въ области Оки и верхней Волги. Въ заключеніе не можемъ еще разъ не привѣтствовать появленіе *новаго* изданія книги, весьма *цѣнной* для чтенія большой публики. *Вас. Сторожевъ.*

П. Г. Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Спб. 1902 г. Стр. 215. Цѣна 1 руб. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Новая популярная работа извѣстнаго знатока современнаго англо-саксонскаго міра отличается содержательностью и обдуманностью плана и основныхъ мыслей. Авторъ—горячій поклонникъ того широкаго и мудраго либерализма, благодаря которому (между многимъ прочимъ) Англіи удалось сдѣлаться первой колоніальной державой въ мірѣ,—либерализма въ управленіи колоніями. Правда, намъ кажется, что мѣстами авторъ слишкомъ ужъ восторженно относится къ Англіи. Напримѣръ, не безъ недоумѣнія прочли мы на стр. 148—164 запальчивую мѣстами полемику противъ буровъ, которые, какъ извѣстно, столь горько обижали бѣдныхъ англичанъ въ течсніе послѣднихъ лѣтъ. Г. Мижуевъ дѣлаетъ оговорку: «Если бы даже мы нѣсколько погрѣшили, подчеркнувъ болѣе сильно неприглядные факты, характеризующіе буровъ, такой недостатокъ нашего изложенія былъ бы въ извѣстномъ смыслѣ очень умѣстенъ въ книгѣ, предназначенной для общества, которое склонно держаться прямо противоположной точки зрѣнія».

Такого разсужденія ни понять, ни принять нельзя. Если кто-либо о желтой матеріи лжетъ, что она—черная, то отсюда не слѣдуетъ, что его оппонентъ долженъ говорить, что она—бѣлоснѣжная. Наукѣ важна правда, а не репутація англичанъ. Можно объяснять генезисъ и развитіе какого-либо историческаго злодѣйства, анализировать причины, почему его выполненіе стало возможно и т. д.,—но въ научномъ произведеніи *нельзя* задаваться апологетическими цѣлями, только потому, что въ изобличеніи этого злодѣйства другими лицами, дѣйствительно, много лицемѣрія. Намъ, можетъ быть, смѣшонъ и отвратителенъ Ванька Каинъ, громящій за пороки Картуша, Шиндерханса и Фра-Дьяволо, но нс назовемъ же мы на этомъ основаніи указанныхъ трехъ иностранцевъ ангелами во плоти, непонятыми въ своихъ добродѣтеляхъ остальнымъ человѣчествомъ.

Далѣе. Почему ровно ничего не сказано объ *усмиреніи* ямайскаго возстанія негровъ 1865 г.? Мы читали въ «Annal Register'ѣ» 1866 г. подробное описаніе этого происшествія, составленное коммиссіей по разслѣдованію свирѣпыхъ дѣйствій властей. На минуту принимая точку зрѣнія г. Мижуева, спросимъ читателя, въ выигрышѣ или проигрышѣ окажется въ его глазахъ репутація англичанъ, если онъ узнаетъ о жестокостяхъ нѣсколькихъ англійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, но узнаетъ также и о взрывѣ *общественнаго негодованія* по этому поводу, *о назначеніи спеціальной слѣдственной коммиссіи* для разбора дѣла?

Эти и однородныя погрѣшности — единственный недостатокъ разбираемой книги. Тщательно прочтя ее, свѣривъ многіе факты, передаваемые ею, съ исторіей англійской колонизаціи, написанной Моррисомъ, и съ нѣкоторыми другими произведеніями той же литературы, мы не нашли ни одного фактическаго промаха. Ошибки же въ оцѣнкѣ фактовъ проистекаютъ, повторяемъ, только отъ преувеличеннаго восторга предъ англичанами. Но самый этотъ восторгъ—объяснимъ: г. Мижуевъ увлекается, дѣйствительно, высокимъ государственнымъ

смысломъ великаго народа, который создалъ и утвердилъ личную и политическую свободу, внесъ разумъ и человѣчески-достойную жизнь въ самыя глухія дебри земного шара. Не одного г. Мижуева охватывало (и можетъ охватить) чувство, близкое къ благоговѣнію, отъ сравненія нѣкоторыхъ сторонъ англійской исторіи и дѣйствительности—съ исторіей и дѣйствительностью континентальными. Нужно только не давать этому чувству ослѣплять себя.

Литературное, живое изложеніе—несомнѣнное и не послѣднее качество этой книги. *Евг. Тарле.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Шмоллеръ. «Народное хозяйство» — *Фанъ-деръ-Борттъ.* «Торговля и торговая политика».

Густавъ Шмоллеръ. Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы. — Хозяйство, нравы и право. — Раздѣленіе труда. Переводъ проф. В. М. Нечаева со вступительной статьей проф. А. А. Мануилова. Библіотека экономистовъ, выпускъ IX. Изданіе Солдатенкова. Ц. 1 р. Москва 1902 г. Недавно вышедшій послѣдній выпускъ «Библіотеки экономистовъ», начатой покойнымъ Солдатенковымъ, посвященъ наиболѣе извѣстному изъ современныхъ экономистовъ—берлинскому профессору Густаву Шмоллеру. Шмоллеръ—глава такъ называемаго историко-этическаго направленія въ политической экономіи и родоначальникъ цѣлой плеяды экономистовъ, почти неограниченно царившей въ германскихъ университетахъ вплоть до послѣдняго времени; экономисты эти характеризуются, главнымъ образомъ, своимъ отвращеніемъ ко всему, что носитъ печать «теоріи» и можетъ привести къ какимъ-либо широкимъ и смѣлымъ выводамъ, и своею исключительною любовью къ историческому и статистическому накопленію фактовъ. Какъ представитель цѣлаго широкаго теченія въ экономической наукѣ Шмоллеръ, конечно, безусловно заслуживалъ попасть въ рядъ избранныхъ изслѣдователей хозяйственной жизни, сгруппированныхъ въ «Библіотекѣ экономистовъ». Къ сожалѣнію, выборъ статей, представленныхъ въ лежащемъ передъ нами выпускѣ «Библіотеки», сдѣланъ далеко не вполнѣ удачно. Намъ думается, что въ задачу «Библіотеки экономистовъ» входитъ не только ознакомленіе читателя съ общей научной физіономіей даннаго автора, но и, главнымъ образомъ, сосредоточеніе всего того, что въ его трудахъ имѣетъ наибольшую *объективную* научную цѣнность. Если примѣнить эту точку зрѣнія къ Шмоллеру, то врядъ ли будетъ споръ о томъ, что главнѣйшее, если не исключительное научное значеніе этого ученаго заключается въ его историческихъ изысканіяхъ въ области народнаго хозяйства, тогда какъ теоретическія работы его могутъ имѣть лишь историческій или біографическій интересъ и уже по своей темнотѣ, скучности и вялости не могутъ претендовать на серьезное научное значеніе. Редакція же разсматриваемаго выпуска «Библіотеки» почему-то нашла нужнымъ заполнить почти всю книгу такими скучными и туманными работами Шмоллера, какъ статьи о «Народномъ хозяйствѣ etc.» (Эта статья заимствована изъ извѣстнаго «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»), о «Хозяйствѣ, нравахъ и правѣ» и о «Справедливости въ народномъ хозяйствѣ». (Исключеніе составляетъ одна только статья о «Раздѣленіи труда», гдѣ содержатся цѣнныя обобщенія историческихъ изслѣдованій Шмоллера). Мы понимаемъ, что одна изъ этихъ статей была, можетъ быть, нужна для характеристики общихъ научныхъ взглядовъ Шмоллера, но рѣшительно не можемъ согласиться, чтобы нужно было составить изъ подобныхъ статей почти весь выпускъ «Библіотеки». Въ числѣ того, что написано

Шмоллеромъ по исторіи хозяйства, имѣется рядъ небольшихъ и популярныхъ статей, представляющихъ въ обобщенномъ видѣ результаты его историческихъ изысканій и содержащихся въ нѣсколькихъ изданныхъ имъ сборникахъ его статей. Укажемъ, напр., на статьи объ историческомъ значеніи меркантилизма, объ историческомъ развитіи предпріятія, объ исторіи торговой политики и т. п. Наконецъ, и въ послѣднемъ произведеніи Шмоллера — его учебникѣ политической экономіи («Grundriss der Volkswirtschaftslehre») содержатся цѣнныя главы, представляющія мастерскую сводку историческихъ и статистическихъ данныхъ по разнымъ вопросамъ хозяйственнаго быта. Всѣми этими работами съ удобствомъ могла бы воспользоваться редакція даннаго выпуска «Библіотеки экономистовъ», и въ этомъ случаѣ книжка «Г. Шмоллеръ» была бы цѣннымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу по политической экономіи, а не говорила бы только о томъ, какими скучными и бездарными теоретиками могутъ иногда быть серьезные и выдающіеся экономисты-историки.

Общіе взгляды Шмоллера достаточно извѣстны, а потому мы остановимся только на вступительной статьѣ проф. Мануилова. Давъ сжатую и правильную характеристику научной физіономіи Шмоллера, проф. Мануиловъ замѣчаетъ, что критическая оцѣнка научной дѣятельности Шмоллера не можетъ быть въ настоящее время окончательной, во-первыхъ, потому, что учебникъ политической экономіи Шмоллера еще не законченъ, а во-вторыхъ, еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: «Именно теперь въ экономической наукѣ начинаетъ развиваться движеніе въ пользу широкаго пользованія психологіей, важность которой всегда выдвигалъ Шмоллеръ; экономисты все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ механическаго и узко-матеріалистическаго взгляда на явленія хозяйственной жизни и пытаются найти ихъ объясненіе въ законахъ человѣческаго духа... наконецъ, никогда значеніе исторіи для экономической науки не выступало съ такой непререкаемой ясностью, какъ въ настоящее время. Нужно выждать результаты этихъ новыхъ движеній, чтобы произнести судъ надъ идеями Шмоллера» (с. X). Что касается первой указанной г. Мануиловымъ причины невозможности критической оцѣнки Шмоллера, то врядъ ли доведеніе до конца учебника можетъ что-либо измѣнить въ научной репутаціи ученаго, слишкомъ 30 лѣтъ интенсивно работающаго на избранномъ имъ поприщѣ и, конечно, уже окончательно сложившагося по своимъ убѣжденіямъ. Не совсѣмъ понятенъ намъ и второй доводъ проф. Мануилова. Кого разумѣетъ г. Мануиловъ подъ экономистами, выступившими въ пользу болѣе широкаго пользованія психологіей и отрѣшившимися отъ механическаго взгляда на хозяйственную жизнь? Думается, что подъ ними нельзя подразумѣвать никого иного, кромѣ экономистовъ «австрійской» или «*психологической*» школы. Но въ такомъ случаѣ г. Мануилову, конечно, не хуже чѣмъ намъ извѣстно, что теоретическая и отвлеченная психологія,которой пользуются «австрійцы», есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ та житейская «психологія», которую постоянно рекомендуетъ Шмоллеръ, и что это новое направленіе выступило съ самаго же начала въ лицѣ Менгера въ сознательной и рѣзкой оппозиціи именно къ Шмоллеру и его тенденціямъ. И именно подъ вліяніемъ этого направленія признаніе «непререкаемаго» значенія исторіи для политической экономіи, вопреки указанію г. Мануилова, по меньшей мѣрѣ потеряло свою прежнюю рѣзкость и широту. Конечно, судъ современниковъ никогда не бываетъ окончательнымъ; потомству всегда предоставлено право кассировать этотъ судъ. Но пока этого еще не произошло, и современники имѣютъ право, при наличности достаточныхъ данныхъ, произнести свой приговоръ. Относительно Шмоллера этотъ приговоръ, думается намъ, уже произнесенъ и гласитъ: серьезное научное значеніе имѣютъ историческія его изслѣдованія и достойна уваженія его пропаганда непосредственнаго изученія жизни во всей ея конкретной обстановкѣ; но его борьба противъ «теоріи», его протестъ противъ

всякаго обобщающаго *познанія* и *пониманія* въ угоду эмпирическаго *знанія* противенъ самому духу всякой науки и есть лишь продуктъ временнаго кризиса, пережитаго политической экономіей послѣ упадка классической школы.

Статью о «Раздѣленіи труда» въ разсматриваемомъ сборникѣ можно усердно рекомендовать всѣмъ интересующимся этимъ вопросамъ и знакомымъ съ соотвѣтствующими (переведенными на русскій языкъ) работами Бюхера. Въ общемъ однако мы опасаемся, что ни содержательное предисловіе проф. Мануилова, ни хорошій переводъ проф. Нечаева не спасутъ книги отъ скораго забвенія.

С. Франкъ.

R. van-der-Borght. (Р. фанъ-деръ-Боргтъ), проф. политической экономіи. Торговля и торговая политика. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Е. И. Рагозина. Спб. 1902. Стр. 531. Ц. 3 р. Казалось бы, спеціальное сочиненіе о торговлѣ первою своею цѣлью должно поставить разъясненіе этого внутренняго противорѣчія. Но именно этого то вы и не найдете въ разбираемомъ сочиненіи фанъ-деръ-Боргта, именно о самомъ важномъ, что нужно читателю, оно и умалчиваетъ, какъ умалчиваетъ о томъ же и большинство подобныхъ сочиненій. Характерною особенностью тяжелыхъ учебныхъ трактатовъ, въ изобиліи сочиняемыхъ нѣмецкими учеными въ области общественно-экономическихъ наукъ, является упорное стремленіе ученыхъ не замѣчать противорѣчій изучаемой ими жизни. Ученые не хотятъ признать, что въ жизни (въ дѣйствительной жизни, а не только въ головахъ отдѣльныхъ недальновидныхъ или фанатичныхъ личностей) сталкиваются програмы, партіи, мнѣнія, которыя взаимно другъ друга исключаютъ, между которыми нужно выбирать, которыхъ нельзя примирить. Ученые, чтобы остаться «объективными», хотятъ стать выше партій, выше противорѣчивыхъ мнѣній, раскалывающихъ общество на обособленныя группы, а такъ какъ примирить непримиримаго нельзя, то у нихъ остается одинъ только путь—признать всѣ мнѣнія и требованія относительными: то, что однимъ хорошо, другимъ—нехорошо. Но при такой постановкѣ вопроса, въ сущности, больше уже нѣтъ ни хорошаго, ни нехорошаго, ни добра, ни зла, а есть только выгоды и невыгоды, барыши и убытки. И общественная жизнь въ книгахъ современныхъ мудрецовъ превращается въ учетъ барышей и убытковъ разными группами населенія, а общественная наука—въ сведеніе баланса всѣхъ выгодъ и невыгодъ для совокупности всѣхъ группъ.

Ученые не хотятъ видѣть общественныхъ противорѣчій и превращаютъ противорѣчія въ противоположности. Всѣ общественные интересы оказываются противоположными другъ къ другу. И ужъ, конечно, не усиленное подчеркиваніе этихъ противоположностей можетъ примирить враждебныя группы. Экономисты думаютъ, что, составивъ подробный списокъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ, которыя данная мѣра принесетъ каждой изъ многочисленныхъ группъ населенія, они помогутъ правительству и безпристрастнымъ людямъ рѣшить вопросъ объ общей цѣлесообразности обсуждаемой мѣры. Но при этомъ забывается очень простая истина,—что выгоды могутъ быть хорошія и дурныя, а отдѣльныя общественныя группы — достойны помощи или недостойны, жизнеспособны или мертвенны,—и что большею частью каждая группа, въ силу присущаго ей внутренняго инстинкта, стремится стать «всѣмъ или ничѣмъ» и сдѣлать свои выгоды общими выгодами всего общества... Вотъ, напр., нашъ авторъ, проф. фанъ-деръ-Боргтъ, стремясь, должно быть, къ возможной «объективности», перечисляетъ выгоды и невыгоды, которыя приноситъ кредитъ въ розничной торговлѣ. И между прочимъ приводится особая «выгода» для купца, состоящая въ томъ, что покупатели, должая въ одной какой-нибудь лавкѣ, не ходятъ уже покупать товары къ другимъ купцамъ, а потому остаются неосвѣдомленными о положеніи цѣнъ въ другихъ торговыхъ заведеніяхъ и такимъ образомъ оказыва-

ются въ большей власти у торговца (стр. 153). Итакъ, тутъ выгода купца основана на заблужденіи покупателя, т.-е., въ сущности, на обманѣ. Но почему же тогда не включить въ трактатъ о торговлѣ описанія всѣхъ выгодъ, которыя можно получить путемъ обвѣшиванія, обмѣриванія или даже при помощи фальшивыхъ векселей и разбоя? Сомнительно только, что подобные балансы «выгодъ» и «невыгодъ» кому-нибудь и въ чемъ-нибудь способны помочь.

Книга фанъ-деръ-Боргта тоже немного поможетъ желающимъ уяснить себѣ истинную роль торговли въ современной жизни. Мы не найдемъ у Боргта ничего по самому первому и важнѣйшему вопросу: имѣетъ ли оправданіе получаемый купцами торговый барышъ? Правда, намъ преподносится обычное школьное опроверженіе стариннаго ученія, считающаго торговлю «непроизводительнымъ» занятіемъ (стр. 38). Но при этомъ существеннымъ отличительнымъ признакомъ торговли авторъ считаетъ только то, что торговля, не созидая сама матеріальныхъ благъ, доставляетъ ихъ въ сферу доступнаго потребителю пользованія. Между тѣмъ, вовсе не эта задача торговой дѣятельности вызываетъ споры и нареканія, а способы ея исполненія и способъ вознагражденія торговцевъ. Нуженъ ли торговый барышъ, какъ особый видъ вознагражденія за хозяйственныя услуги? Такого вопроса для нашего автора не существуетъ. А между тѣмъ, онъ знаетъ, какъ получается барышъ купца. «Купецъ, — читаемъ мы,—какъ въ розничной, такъ и оптовой торговлѣ старается вытѣснить своихъ конкурентовъ, чтобы освободившійся сбытъ захватить въ свои руки» (162). Профану такой способъ обогащенія можетъ показаться нелѣпымъ и противорѣчивымъ. Но нашъ объективный безпристрастный изслѣдователь, давъ столь откровенную характеристику свободной конкуренціи, спокойно перечисляетъ выгоды и невыгоды этой системы и убѣждаетъ читателей, что выгодныя стороны будутъ перевѣшивать, если конкурирующіе снабжены приблизительно равными силами и соперничаютъ при равныхъ условіяхъ (168). Т.-е., если два купца отбили другъ у друга равное число покупателей и нанесутъ другъ другу (а косвеннымъ образомъ, а всему народному хозяйству) равные убытки, то все обстоитъ благополучно?

Это унылое безпристрастіе, переходящее въ безразличіе, еще болѣе поражаетъ въ отдѣлѣ о «торговой политикѣ». Авторъ даетъ понять читателю, что онъ стоитъ неизмѣримо ближе къ истинѣ и къ жизни, чѣмъ старые односторонніе проповѣдники свободной торговли и не менѣе односторонніе защитники правительственнаго вмѣшательства и покровительства. Профессоръ перечисляетъ въ изобиліи и выгодныя, и невыгодныя послѣдствія свободы торговли и точно также можетъ набрать цѣлую кучу и выгодныхъ, и невыгодныхъ послѣдствій каждаго шага покровительственной системы. Но кто дастъ намъ путеводную нить, которая помогла бы разобраться въ этой кучѣ выгодъ и невыгодъ? Авторъ не ощущаетъ потребности въ такой путеводной нити, хотя и любитъ говорить объ общей пользѣ, общенародныхъ интересахъ и пр. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Все это однако не препятствуетъ купцамъ усердно преслѣдовать свои собственныя выгоды, не считаясь съ вліяніемъ ихъ дѣятельности на другіе государственные интересы. Но никто не можетъ ставить имъ этого въ упрекъ, такъ какъ то же самое дѣлаютъ и всѣ другіе классы» (336) Однако, позвольте, если купцы проявляютъ грабительскія наклонности по отношенію къ земледѣльцамъ, то станетъ ли это грабительство лучше только отъ того, что и земледѣльцы, съ своей стороны, будутъ проявлять такія же грабительскія наклонности по отношенію къ купцамъ? И вѣдь правительство, радѣя объ общемъ благѣ, можетъ дать каждому классу населенія только то, въ чемъ этотъ классъ ощущаетъ потребность. Представимъ же себѣ, что всѣ классы, «не считаясь съ вліяніемъ ихъ дѣятельности на другіе государственные интересы», потребуютъ каждый дозволенія ограбить какой-нибудь другой классъ. Правительство

дастъ одинъ классъ на съѣденіе другому, а этотъ второй третьему, а на третьемъ разрѣшитъ полакомиться первому. Балансъ классовыхъ интересовъ будетъ сведенъ съ полнымъ безпристрастіемъ и научной точностью. Общее равновѣсіе будетъ установлено точно, но въ этомъ ли заключается общая польза?

Читатель видитъ, что идея противоположности классовыхъ интересовъ таитъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. То же самое можно было бы подробно показать и относительно борьбы международныхъ интересовъ. Но мы отмѣтимъ только, что ф.-д.-Боргтъ остается вѣренъ себѣ и въ области внѣшней торговой политики: купецъ противъ купца, купцы противъ некупцовъ, народъ противъ народа—вотъ его философія. «Практика, какъ и теорія внѣшней торговой политики должны исходить изъ того факта, что интересы отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ не совпадаютъ»... (463). Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, которымъ профессоръ, какъ заключительнымъ аккордомъ, заканчиваетъ свое сочиненіе: «Міровая экономическая политика такъ же невозможна безъ поддержки значительной морской военной силы, какъ и міровая политика вообще».

Всю эту безотрадную философію можно найти и у многихъ другихъ нѣмецкихъ экономистовъ. Кто, какъ не самъ Ад. Вагнеръ, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ какимъ-либо частнымъ интересамъ, ни въ угодливости передъ правительствомъ, ни—Боже сохрани!—въ легкомысленности сужденій, защищалъ увеличеніе издержекъ на военный флотъ? Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что называется «болѣзнью вѣка»... Но у ф.-д.-Боргта есть и свои особенные недостатки, ему спеціально свойственные, причемъ недостатки эти могуты оказать весьма нежелательныя услуги нашимъ русскимъ коммерческимъ дѣятелямъ, для которыхъ г. Рагозинъ считаетъ особенно полезнымъ русскій переводъ разбираемаго сочиненія. Ф.-д.-Боргтъ—слишкомъ горячій и узкій защитникъ интересовъ торговаго класса. Въ особенности близко принимаетъ онъ къ сердцу судьбу мелкихъ торговцевъ, которые кажутся ему полезными не только съ экономической, но и съ соціально-политической точки зрѣнія—«какъ матеріалъ для самостоятельнаго средняго сословія, какъ опора въ борьбѣ съ разрушительными тенденціями нашего времени» (399). И вотъ нашъ авторъ беретъ подъ свою защиту громкіе вопли нѣмецкихъ лавочниковъ противъ потребительныхъ обществъ и такъ называемыхъ «универсальныхъ магазиновъ». Онъ одобряетъ германскія узаконенія, запретившія потребительнымъ обществамъ продажу товаровъ не членамъ (401—403). Онъ требуетъ, чтобы правительства никоимъ образомъ не оказывали поддержки потребительнымъ обществамъ (401). Для насъ, впрочемъ, интересно не то, что къ злобному хору торговцевъ присоединился авторитетный голосъ жреца науки, а то, что подобный союзъ науки съ розничной торговлей ведетъ къ затемнѣнію истиннаго положенія вещей. Такъ же какъ и въ общемъ вопросѣ о торговлѣ проф. ф.-д.-Боргтъ въ вопросѣ о потребительныхъ обществахъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія какъ разъ самое главное. Мы видѣли, что онъ не замѣчаетъ внутренняго противорѣчія, лежащаго въ основѣ торговли. Точно также не можетъ онъ себѣ уяснить и противорѣчія между тенденціями новѣйшаго экономическаго развитія и старинными формами торговли. Вмѣсто противорѣчія, у него опять является простая противоположность интересовъ. Онъ представляетъ себѣ борьбу потребительныхъ обществъ съ розничной торговлей въ видѣ обычной конкуренціи купца съ купцомъ. Онъ не хочетъ видѣть, что смыслъ потребительныхъ обществъ заключается въ объединеніи индивидуальныхъ хозяйствъ, въ ростѣ общественной солидарности, въ болѣе сознательномъ и тѣсномъ сближеніи людей между собой, однимъ словомъ, въ преимуществахъ нравственнаго порядка. Только эта нравственная сторона вопроса и могла обезпечить потребительнымъ обществамъ сочувствіе общественнаго мнѣнія и поддержку правительства. Только нравственная сторона вопроса и дѣлаетъ потребительныя

ютъ, что успѣхи потребительныхъ обществъ представляютъ изъ себя нестолько побѣду счастливаго конкурента, сколько побѣду надъ конкуренціей. Но ф.-д.-Боргтъ не только не изучаетъ этой самой важной стороны дѣла, но иногда прямо ее отрицаетъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Сочувствіе, которымъ по справедливости пользовались другіе виды корпоративной самопомощи, переносили на потребительныя общества, именно потому, что и послѣднія представляли собою корпораціи. Отъ такого воззрѣнія слѣдуетъ отказаться. Потребительныя общества суть не что иное, какъ особый видъ розничной торговли»... (401). Но зачѣмъ же тогда было огородъ городить? Если потребительныя общества—та же розничная торговля, то къ чему всѣ длинныя разсужденія о борьбѣ между потребительными обществами и розничной торговлей?

Между тѣмъ, подобное замазываніе различія между потребительными обществами и розничной торговлей является крайне вреднымъ. Ибо потребительныя общества нерѣдко сами склонны къ той же ошибкѣ. Часто можно наблюдать, что потребительныя общества, въ ущербъ своимъ собственнымъ первоначальнымъ задачамъ, дѣйствительно превращаются въ обычныя коммерческія предпріятія. Чтобы остаться вѣрными самимъ себѣ, имъ нужно ясно сознать, что именно даетъ имъ право устранять посредничество купцовъ, что составляетъ зло купеческой торговли и какъ избѣгнуть этого зла, не уничтожая полезныхъ пріемовъ и формъ, выработанныхъ торговой практикой. Однимъ словомъ, нужно сознательно и откровенно поставить вопросъ о добрѣ и злѣ въ современной торговлѣ и рѣшать его совершенно независимо отъ того, какъ такая постановка отразится на классовыхъ интересахъ современныхъ торговцевъ.

Разумѣется, въ книгѣ ф.-д.-Боргта можно найти не мало интереснаго фактическаго матеріала, преимущественно, впрочемъ, изъ германской жизни *). Исторія торговли затронута только слегка. *А. Рыкачевъ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

М. Волкова. «Бесѣды о здоровьи женщины».

Бесѣды о здоровьи женщины. Женщины-врача М. Волковой. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное съ 102 рис. 313 стр. Ц 2 р. Спб. 1902 г. Огромная заболѣваемость женщинъ, порождаемая въ значительной степени ихъ полнымъ незнакомствомъ со своимъ организмомъ, его строеніемъ и функціями, заставляетъ со вниманіемъ относиться съ изданіямъ, которыя, подобно книгѣ г-жи Волковой, задаются цѣлью бороться съ этимъ поголовнымъ даже въ средѣ культурнаго общества явленіемъ. За послѣдніе годы можно отмѣтить хоть тотъ утѣшительный фактъ, что въ самой публикѣ начинаетъ проявляться стремленіе жить болѣе сознательною жизнью: въ этомъ убѣждаетъ насъ и все растущее количество вновь выходящихъ популярныхъ изданій по

---

*) Г. Раговинъ даже сдѣлалъ кое-какія сокращенія въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, слѣдовало бы оговорить это въ предисловіи (какъ бы ни казались незначительны сдѣланныя сокращенія). Сочиненіе проф. Ф.-Д.-Боргта составляетъ 16-й томъ большого систематическаго сборника по политическимъ наукамъ, предпринятаго К. Франкенштейномъ («Hand-und Lehrbuch der Staatswissenschaft») и согласно общему плану сборника снабжено подробнѣйшимъ библіографическимъ отдѣломъ (94 стр.) Переводить или перепечатывать весь библіографическій отдѣлъ цѣликомъ для русскаго изданія, конечно, не имѣло бы смысла; но такимъ образомъ русскій читатель оказался безъ всякихъ указаній по литературѣ вопроса. Это тоже слѣдовало бы оговорить въ предисловіи, гдѣ г. Раговинъ указываетъ на дешевизну изданія въ сравненіи съ нѣмецкимъ оригиналомъ.

всѣмъ отраслямъ знаній, и организующіяся повсюду популярныя лекціи, и съ успѣхомъ функціонирующее въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ общество охраненія женщины съ спеціальными гигіеническими курсами при немъ; о томъ же говоритъ и появленіе за короткое время уже 2-мъ изданіемъ книжки, лежащей передъ нами, тѣмъ болѣе, что она далеко не блещетъ своими достоинствами по доступности и живости изложенія. Мы знаемъ, конечно, что авторъ писалъ свою книгу для женщинъ культурнаго класса, въ большинствѣ получившихъ среднее образованіе; но и такую аудиторію можно отпугнуть сухимъ, безсистемнымъ и иногда мало понятнымъ безъ спеціальной подготовки изложеніемъ, которымъ отличается книга. Постоянныя повторенія, ничего не прибавляя, ненужно увеличиваютъ ея объемъ: раздѣливъ свои «бесѣды», главнымъ образомъ, по періодамъ развитія женскаго организма (но и это раздѣленіе не выдержано), авторъ принужденъ говорить по многу разъ—то болѣе, то менѣе длинно—объ однѣхъ и тѣхъ же болѣзняхъ и давать по одинаковымъ поводамъ одни и тѣ же совѣты въ разныхъ мѣстахъ. Если бы въ книгѣ были изложены отдѣльно: анатомическія данныя совмѣстно съ свѣдѣніями о физіологическихъ процессахъ во всѣ періоды развитія, затѣмъ сообщены были вытекающія изъ этого общія гигіеническія требованія и послѣ того уже говорилось объ уклоненіяхъ отъ нормы, мѣрахъ ихъ предупрежденія и соотвѣтствующемъ вмѣшательствѣ, то книга значительно выиграла бы. Общихъ свѣдѣній, которыя облегчали бы усвоеніе спеціальныхъ понятій, вообще недостаточно даетъ г-жа Волкова: не говоря уже о томъ, что безъ объясненія оставлены такія слова, какъ эпителіальная ткань, брюшинный покровъ, симпатическая нервная система и т. п., въ книгѣ не сообщено также о многихъ основныхъ процессахъ организма, что слѣдовало бы сдѣлать при совѣтахъ относительно пищи, одежды, жилища. Въ то же время текстъ загроможденъ свѣдѣніями, совершенно ненужными для публики и мало доступными для нея, такъ что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книга приближается по своему характеру къ учебнику для акушерокъ. Скорѣе учебникъ для акушерокъ, чѣмъ популяризацію для широкой публику, книга напоминаетъ еще вслѣдствіе множества разбросанныхъ въ ней лечебныхъ совѣтовъ. Къ чему подобные совѣты обычно ведутъ, объ этомъ прекрасно знаетъ г-жа Волкова. Такъ, на стр. 233 по поводу одной изъ болѣзней она говоритъ: «Я не дамъ здѣсь никакого совѣта, чтобы женщины, облегчая себя тѣмъ или другимъ образомъ, не медлили обращаться за медицинской помощью къ врачу». Почему же тѣмъ не менѣе книга ея пестритъ совѣтами принимать въ разныхъ случаяхъ гофманскія, эфирно-валеріановыя, лавровишневыя капли, exr. Viburnii prunifolii, экстрактъ индійской конопли, опій (!), эрготинъ (!), дѣлать различныя спринцованія, смазываться іодной настойкой и т. п. Развѣ г-жа Волкова только на минуту могла вспомнить о томъ, какъ самолеченіе ведетъ къ затягиванію болѣзней, иногда непоправимому, не говоря уже о непосредственномъ вредѣ, который въ несоотвѣтствующихъ случаяхъ или дозахъ могутъ повести даже сравнительно безвредныя лекарства, когда они примѣняются неспеціалистами? Г-жа Волкова оказывается способною дать даже такой совѣтъ женщинамъ, «расположеннымъ къ кровепотерямъ»: «Попросите,—говоритъ она,—своего доктора выписать такія-то лекарства (слѣдуетъ перечисленіе и въ числѣ другихъ нѣкоторыя сильно дѣйствующія), которыя хорошо имѣть подъ рукой» (стр. 288). Много лучше было бы, если бы г-жа Волкова дала совѣтъ попросить врача выписать то, что въ данномъ случаѣ онъ найдетъ нужнымъ... Авторамъ, пишущимъ популярно медицинскія книжки (г-жа Волкова выпускаетъ въ свѣтъ уже 7-ое свое сочиненіе такого характера!), слѣдовало бы знать, что цѣль подобныхъ изданій—дать наибольшую сумму точно установленныхъ наукою знаній, которыя помогли бы здоровому человѣку уберечься отъ заболѣваній, а больному—во-время узнать,

что онъ заболѣлъ. А дальше—дѣло только врача. То обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ врачей, не должно служить поводомъ для призывовъ къ самолеченію и знахарству: тѣмъ энергичнѣе должно быть стремленіе создать условія, при которыхъ врачи были бы вездѣ.

Теперь скажемъ о неправильностяхъ и неточностяхъ, которыхъ тоже не мало нашли мы въ книгѣ. Очевидное преувеличеніе заключается въ словахъ: «*всякая* болѣзнь легко поддается лѣченію вначалѣ» (стр. 64); очень неточно выраженіе, которое безъ соотвѣтствующихъ разъясненій можетъ ввести въ заблужденіе неподготовленнаго читателя: «*какую* мы пищу употребляемъ, *такова* будетъ и наша кровь» (стр. 110); неправильно также, что «саркома отличается отъ рака *только* своимъ микроскопическимъ строеніемъ» (стр. 19). На стр. 253 г-жа Волкова совершенно произвольно ставитъ въ связь происхожденіе рака съ злоупотребленіемъ мясною пищей. «Перѣданіе мяса,—патетически восклицаетъ она, —вотъ язва, которою мы страдаемъ, которая насъ губитъ и ведетъ къ различнымъ ужаснымъ болѣзнямъ, къ неописуемымъ страданіямъ». Откуда это? Не лучше ли было бы поискать другихъ «язвъ, которыя насъ губятъ?» За двѣ страницы раньше цитированнаго мѣста авторъ повѣдалъ намъ еще объ одномъ своемъ открытіи: «среди женщинъ простого класса, живущихъ ближе къ природѣ, проводящихъ большую часть времени на открытомъ воздухѣ, *питающихся умѣренно* (!!) *и преимущественно растительной пищей*, случаи заболѣванія фиброміомами встрѣчаются рѣже, чѣмъ среди интеллигентныхъ, или хотя и простыхъ, но живущихъ въ большихъ городахъ и, въ особенности среди фабричнаго женскаго персонала». Итакъ будемъ прославлять хроническое недоѣданіе и вынужденное вегетаріанство русскаго народа, которое г-жѣ Волковой угодно называть умѣреннымъ питаніемъ! Но этого мало: въ цитируемомъ мѣстѣ женщинамъ «простого» (?) класса противопоставляются женщины —фабричныя работницы, и тѣмъ самымъ напрашивается выводъ, что послѣднія питаются неумѣренно и не преимущественно растительною пищей. Мы этого тоже не знали. Но мы давно уже знаемъ, что у г-жи Волковой своеобразное понятіе о питаніи; это она показала въ своей книгѣ для «простого народа», которая издана ею совмѣстно съ г. Вульфзономъ и о которой своевременно была дана рецензія въ нашемъ журналѣ. Очень своеобразные совѣты даются въ рецензируемой книгѣ относительно купанія (стр. 88и 89): «тѣмъ дѣвушкамъ, которыя въ водѣ не синѣютъ (?) и у нихъ не горитъ кожа и не становится красною, купаться въ водѣ не слѣдуетъ»; «купаться вредно натощакъ, *такъ какъ* въ это время получается слабая реакція кожи»; «чѣмъ рѣзче выражена реакція, т.-е. чѣмъ сильнѣе краснѣетъ кожа, тѣмъ полезнѣе купаться данному лицу и обратно...» Все это, выраженное въ такой формѣ,—просто нелѣпости, и что такое хотѣлъ сказать авторъ, мы не всегда могли угадать. Изъ другихъ неправильностей книги г-жи Волковой укажемъ: при упоминаніи (стр. 58, 59) о возбудителяхъ воспаленій, почему-то забытыми сказываются гноеродныя начала, а говорится о сапрофитахъ (возбудителями гнилостныхъ процессовъ); нельзя присоединиться къ преувеличенной вѣрѣ автора въ дѣйствіе мыла съ примѣсью дезинфецируемыхъ средствъ; при перечисленіяхъ осложненій родового процесса ничего не сказано о родильныхъ психозахъ. Отмѣтимъ еще особенность книги г-жи Волковой, непріятно насъ поразившую. И на обложкѣ ея и на отдѣльныхъ четырехъ страницахъ красуются рекламныя объявленія нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ, предлагающихъ лѣчебные средства, спеціальные приборы и принадлежности одежды. Это что-то очень ужъ далекое отъ науки. Будто бы всякіе бандажи, спортивные костюмы, лифчики, капоты и кофточки читательницы книги г-жи Волковой не найдутъ въ другихъ магазинахъ.

Читатели видятъ, что рекомендовать рецензированную книгу мы не можемъ.

Но на русскомъ языкѣ нѣтъ другихъ популярныхъ изданій, посвященныхъ вопросу о гигіенѣ женскаго организма. Поэтому приходится указать, что и въ книгѣ г-жи Волковой, при всѣхъ ея недостаткахъ, по нашему мнѣнію очень существенныхъ, помѣщено много полезныхъ свѣдѣній и совѣтовъ. Справедливость требуетъ сказать, что рисунки этой книги въ большинствѣ хороши, бумага и печать—тоже и что цѣна ея не можетъ быть признана слишкомъ дорогой.

Врачъ В. Х—въ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. И. Лебедевъ. «Дѣтская и народная литература».—*П. П. Бокинъ.* «Подвижныя игры».—*Ю. Лавриновичъ.* «Народное образованіе въ Петербургѣ».—*Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* «Синтаксисъ русскаго языка».

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Замѣтки для родителей, библіотекарей и народныхъ учителей съ указаніемъ 820 избранныхъ книгъ. Вып. 1-й Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста (отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ). 2-е значительно дополненное изданіе. Нижній-Новгородъ. 1902 г. Ц. 50 коп. Настоящая брошюра заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей справочной педагогической литературѣ, въ которой, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного подобнаго изданія. Правда, существуетъ еще нѣсколько указателей дѣтскаго и народнаго чтенія, но всѣ они или устарѣли, какъ, напримѣръ, книга «Что читать народу», или не въ достаточной степени исчерпываютъ весь существующій для чтенія матеріалъ, какъ, напр., книжка «Къ елкѣ» и др. На сколько удачно г. Лебедевъ справился со своей задачей,—дать руководство для систематическаго чтенія,—показываетъ тотъ пріемъ, съ какимъ была встрѣчена настоящая книжка при первомъ ея появленіи и публикой, и печатью. Черезъ годъ потребовалось второе изданіе, которое, надо надѣяться, будетъ также распродано въ самомъ непродолжительномъ времени. Предпославъ въ началѣ въ видѣ предисловія общую характеристику литературы для дѣтей младшаго и средняго возраста, составитель разсматриваемаго руководства распредѣляетъ весь книжный матеріалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: I. Трудъ и совмѣстная жизнь людей; II. Семья—первичная форма общежитія; III. Выработка характера и убѣжденій; IV. Наблюденія надъ жизнью людей и общественные работники; V. Чему учитъ природа; VI. Прошлая и настоящая жизнь народовъ. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель рекомендуемыхъ книгъ по авторамъ и очередямъ пріобрѣтенія. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать дальнѣйшихъ выпусковъ этого полезнаго изданія. *К. Диксонъ.*

Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Составилъ руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича П. Н. Бокинъ. Съ 81 рисунками. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. Эта прекрасно изданная книга должна быть настольною для каждаго школьнаго воспитателя, если только онъ не остается глухъ къ вопросамъ современной педагогической жизни вообще и къ вопросамъ физическаго развитія учащейся молодежи въ частности. Благодаря энергичной проповѣди профессора П. Ф. Лесгафта, подвижныя игры завоевываютъ все болѣе и болѣе опредѣленное мѣсто въ общей схемѣ мѣропріятій въ цѣляхъ физическаго развитія подростающаго поколѣнія и вытѣсняютъ понемногу традиціонную школьную шагистику, которая подъ видомъ раціональной гимнастики долгое время процвѣтала въ нашихъ школахъ. Всѣ игры въ настоящемъ сборникѣ раздѣлены на три отдѣла.

Первый отдѣлъ составляютъ простыя игры безъ орудій, куда входитъ только бѣгъ и прыганье. Второй отдѣлъ — игры съ палками и шарами и третій — игры съ мячомъ. Всѣ игры расположены съ извѣстною послѣдовательностью: сначала идутъ простыя игры съ легкими неутомительными движеніями при одномъ или двухъ правилахъ; потомъ игры болѣе трудныя, требующія большаго напряженія и имѣющія нѣсколько правилъ; наконецъ, въ концѣ помѣщены сложныя атлетическія игры со многими правилами, требующія отъ играющихъ не только ловкости, но и значительнаго физическаго напряженія. Книга снабжена прекрасными рисунками, сдѣланными съ фотографическихъ снимковъ, изображающихъ различные моменты игръ. *) *К. Д.*

Ю. Н. Лавриновичъ. Народное образованіе въ Петербургѣ. По поводу 25-лѣтняго управленія петербургской думы городскими школами. Спб 1902 г. Городское хозяйство города Петербурга, съ его полутора-милліоннымъ населеніемъ, во многихъ своихъ отрасляхъ заслуживаетъ, несомнѣнно, самаго внимательнаго изученія, какъ любопытный образецъ муниципальной дѣятельности на европейскій ладъ, но въ то же самое время безъ широкихъ европейскихъ полномочій. Отсутствіе послѣднихъ создаетъ то формальное, безжизненное отношеніе къ дѣлу, какое мы видимъ въ большинствѣ думскихъ коммиссій, не исключая и коммиссіи по народному образованію, которая при иныхъ условіяхъ, несомнѣнно, была бы самымъ живымъ органомъ петербургской думы. Отсюда понятны тѣ печальные выводы, къ какимъ приходитъ авторъ указанной выше брошюры, говоря о дѣятельности петербургской думы въ области народнаго образованія. «Какъ ни рѣзокъ контрастъ, — пишетъ г. Лавриновичъ, — между тѣмъ, что представлялъ Петербургъ въ просвѣтительномъ отношеніи 25 лѣтъ назадъ, и тѣмъ, что онъ представляетъ теперь, но нельзя, однако, признать, что дѣло развитія сѣти просвѣтительныхъ учрежденій шло у насъ нормальнымъ путемъ». Правда, число школъ все увеличивалось, но этотъ ростъ былъ все-таки крайне медленный, и въ настоящее время дума, несмотря на истекшія 25 лѣтъ, все еще не можетъ удовлетворить нужду населенія въ школахъ. Открывая ежегодно почти по 20 училищъ (въ среднемъ), она все-таки оставляетъ за дверями школы еще большее количество дѣтей, чѣмъ то, которое находитъ себѣ мѣсто во вновь открываемыхъ школахъ. Мы думаемъ, что эти результаты есть прямое слѣдствіе указанныхъ выше причинъ, и только реформа городского самоуправленія на началахъ болѣе близкаго участія въ немъ всего городского населенія могла бы дать толчокъ развитію школьнаго дѣла въ столицѣ.

Г. Лавриновичъ указываетъ также на отсутствіе широкой организаціи внѣшкольнаго образованія въ Петербургѣ и справедливо ставитъ въ вину городскому управленію игнорированіе духовныхъ интересовъ рабочей массы, для которой, кромѣ 8 безплатныхъ городскихъ библіотекъ, не существуетъ у города никакихъ другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Все, что дѣлается въ этой области (а дѣлается очень мало), надо отнести къ дѣятельности немногихъ просвѣтительныхъ обществъ, но отнюдь не думы. Какой разительный контрастъ представляетъ рядомъ съ нашею думой, напримѣръ, лондонскій муниципалитетъ, который организовалъ въ помѣщеніи начальныхъ городскихъ школъ настоящій народный университетъ, посѣщаемый по вечерамъ десятками тысячъ слушате-

---

*) Пользуемся случаемъ указать на болѣе дешевое, но тѣмъ не менѣе также вполнѣ хорошее руководство къ веденію подвижныхъ игръ, составленное Н. Филитисомъ и изданное Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. Эта въ высшей степени изящно изданная книжка съ прекрасными рисунками стоитъ всего 40 коп. и выдержала уже два изданія.

лей! Поэтому намъ кажется вполнѣ умѣстными пожелать, чтобы городское управленіе обратило вниманіе и на этотъ способъ распространенія знаній и тѣмъ самымъ пошло бы навстрѣчу требованіямъ жизни, которая не ждетъ и властно требуетъ новыхъ болѣе удобныхъ формъ для общественнаго уклада.

Конст. Диксонъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. профессоръ харьковскаго университета. Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе Д. Е. Жуковскаго С.-Петербургъ. 1902 г. Стр. 312. Цѣна 1 р. 25 к. Среди грѣховъ нашей средней школы, кажется, самый тяжкій грѣхъ — крайняя неудовлетворительность постановки преподаванія русскаго языка — родного для большей части учащихся въ русскихъ гимназіяхъ. Причины этой неудовлетворительности ясны всѣмъ и каждому, о нихъ еще недавно очень много говорили въ общей и спеціальной печати, и нѣтъ нужды здѣсь долго останавливаться на нихъ; укажемъ лишь на тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ разбираемой нами книгѣ, а именно: 1) нераціонально составленныя программы школьнаго изученія русскаго языка и 2) приноровленные къ программамъ и равноцѣнные съ ними по качествамъ учебники. Противъ этихъ двухъ недостатковъ въ постановкѣ преподаванія русскаго языка, въ частности его синтаксиса, всѣмъ своимъ содержаніемъ протестуетъ книга проф. Овсянико-Куликовскаго.

Къ сожалѣнію, авторъ не приложилъ къ своему «синтаксису» руководящей статьи; въ коротенькомъ предисловіи онъ лишь называетъ себя прямымъ ученикомъ и послѣдователемъ знаменитаго филолога Потебни, говоритъ два слова о пріемахъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги, и сжато указываетъ на тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ ея изданіемъ. Цѣлью автора, говоря его же словами, было: 1) дать публикѣ книгу, по которой всякій образованный человѣкъ могъ бы ознакомиться съ основами наукообразнаго синтаксиса общерусскаго (литературнаго) языка, и 2) попытаться, нельзя-ли, наконецъ, проложить дорогу наукообразному синтаксису родного языка въ школу, т.-е. въ старшіе классы гимназій, гдѣ, по убѣжденію автора, синтаксисъ долженъ проходиться вмѣстѣ съ изученіемъ литературы и чтеніемъ образцовъ. Въ интересахъ этого послѣдняго дѣла авторъ предполагаетъ выпустить въ свѣтъ вслѣдъ за изданною книгой сокращенное ея изданіе, приспособленное къ преподаванію.

Проф. Овсянико-Куликовскій не полемизируетъ ни со школьными программами, ни съ авторами школьныхъ руководствъ; онъ не подвергаетъ ни программы, ни учебники какому бы то ни было разбору,—онъ ихъ прямо отвергаетъ, какъ нѣчто негодное, устарѣлое, совершенно несоотвѣтствующее даннымъ, выработаннымъ наукою о языкѣ и принятымъ ею. Въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ этому вопросу, авторъ энергично замѣчаетъ: «Дѣти, обучающіяся синтаксису, это—педагогическій абсурдъ» *). Нельзя не согласиться съ этимъ сильнымъ, но справедливымъ словомъ. Синтаксическія понятія и опредѣленія, образованныя если и не научно, что невозможно при преподаваніи въ средней школѣ, то, по крайней мѣрѣ, наукообразно, что обязательно, представляютъ изъ себя данныя высокаго отвлеченія и менѣе всего доступны пониманію и усвоенію учениковъ младшихъ классовъ, которые нынѣ, согласно программамъ, обязаны изучать синтаксисъ русскаго языка. Что учатъ эти дѣти? Они тщательно вызубриваютъ: «предложеніе есть мысль, выраженная словами», и думаютъ при этомъ, что мысль—это одно, а слова—нѣчто иное; они усвои-

---

*) «Къ вопросу о преподаваніи синтаксиса русскаго языка въ средней школѣ» («Мирный Трудъ» 1902 г., № 1); статья эта могла бы служить прекраснымъ введеніемъ къ «синтаксису».

ваютъ: «подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи», и недоумѣваютъ, встрѣчая предложенія, въ которыхъ вовсе нѣтъ подлежащаго; они доходятъ до дополненія и перестаютъ что-либо понимать и что-либо думать: дополненію въ большинствѣ учебниковъ не дано иного опредѣленія, кромѣ того, что оно, т.-е. дополненіе, выражается косвенными падежами имени существительнаго; что же такое косвенные падежи—объ этомъ вообще въ школьныхъ руководствахъ ничего не говорится. Бѣглый пересмотръ любого учебника дастъ сколько-угодно примѣровъ подобнаго недоумѣнія, недоумѣнія не только дѣтскаго.

Какъ выше было указано, авторъ считаетъ возможнымъ начать преподаваніе синтаксиса русскаго языка лишь въ старшихъ классахъ гимназій, примѣрно въ шестомъ или седьмомъ, такъ какъ только въ этомъ возрастѣ учащіеся болѣе или менѣе подготовленные къ сознательному усвоенію синтаксическихъ понятій. Родному языку учатся не въ школѣ, грамматическія категоріи, синтаксическія формы даны каждому, какъ матеріалъ, которымъ мы пользуемся автоматически, безсознательно. «Задача школьнаго синтаксиса, какъ предмета преподаванія, состоитъ въ томъ, чтобы пробудить сознательное отношеніе къ этой безсознательной синтаксической дѣятельности мысли,—вызвать синтаксическую рефлексію». Изучая синтаксисъ родного языка, учащійся въ то же время будетъ изучать строеніе своей мысли, будетъ слѣдить и поучаться тому, какъ движется мысль, какъ создаются понятія, какъ построяются сужденія Конечно, при такомъ изученіи синтаксиса должны совершенно исчезнуть тѣ формальные, схоластическаго типа учебники, которые и понынѣ благополучно функціонируютъ въ нашей средней школѣ. Учебники должны быть составлены наукообразно, т.-е. они должны содержать въ себѣ популярное изложеніе всего того, что выработала современная наука о языкѣ. Основныя синтаксическія понятія должны быть разъяснены въ нихъ параллельно съ основными свѣдѣніями по психологіи мышленія. «При умѣломъ и стройномъ веденіи дѣла, —справедливо говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій,—преподаваніе русскаго языка будетъ пріучать юные умы къ работѣ, систематизаціи матеріала и къ сознательному усвоенію и самостоятельной провѣркѣ тѣхъ нормъ, въ которыхъ этотъ матеріалъ находитъ свое упорядоченіе. Характеръ и воспитательное значеніе этой работы можно опредѣлить такъ: это упражненіе въ индукціи переходнаго типа». Всякое иное преподаваніе, разрывающее установленную наукой о языкѣ живую связь между рѣчью и мыслью, будетъ предпріятіемъ антипедагогическимъ, противорѣчащимъ великой задачѣ воспитанія—развитію умственныхъ силъ учащихся.

Книга проф. Овсянико-Куликовскаго по расположенію своего матеріала и по обработкѣ его строго соотвѣтствуетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя ставилъ себѣ авторъ; это, какъ самоопредѣляетъ авторъ, «систематическое изложеніе синтаксиса современнаго общерусскаго языка, сдѣланное съ исторической точки зрѣнія и обоснованное на историческихъ справкахъ изъ стараго русскаго». Оставляя спеціальнымъ органамъ детальное разсмотрѣніе книги, скажемъ нѣсколько словъ о будущихъ читателяхъ «Синтаксиса». Безъ сомнѣнія, книга проф. Овсянико-Куликовскаго должна сдѣлаться настольною книгой для каждаго преподавателя русскаго языка, какъ цѣнное пособіе и руководство къ преподаванію; каждому образованному человѣку она также можетъ сослужить большую службу и принести и пользу, и прямое удовольствіе, какъ стройно выполненная и положительно изящная по отдѣлкѣ работа, но для учениковъ шестаго или седьмаго класса «Синтаксисъ» недостаточно популярно изложенъ. Правда, авторъ обѣщаетъ выпустить сокращенное изданіе, приспособленное къ преподаванію, но этого мало, необходимо, кромѣ того, переработать изложеніе. Учебники для гимназистовъ, хотя бы и старшихъ классовъ, не могутъ содержать опредѣленій, изложенныхъ

нижеслѣдующимъ образомъ: «Грамматическое предицированіе или сказуемость— это процессъ мысли, состоящій въ томъ, что предицированіе (существующее и внѣ языка) апперцепируется извѣстною грамматическою формою, въ результатѣ чего является: 1) своеобразная переработка этого акта, выражающаяся въ созданіи особыхъ синтаксическихъ формъ сказуемости, и 2) образованіе грамматическаго предложенія, какъ особой формы мышленія, отличной отъ сужденія психологическаго (до-язычнаго), съ одной стороны, и логическаго (надъ-язычнаго)—съ другой».

Подобныя опредѣленія гимназисты непремѣнно начнутъ «зубрить», а это, безъ сомнѣнія, ни съ какой стороны не входитъ въ задачи проф. Овсянико-Куликовскаго, какъ автора руководства къ изученію синтаксиса русскаго языка.

М. Славинскій.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изд. С. Курника и К°. Москва. Ц. 35 к. Изд. 1902 г. Стр. 131. Рѣдко встрѣчаются въ популярной исторической литературѣ книги, соединяющія научность и доступность изложенія. Книжка Т. Князькова является однимъ изъ такихъ рѣдкихъ исключеній. Прочитавъ книгу, читатель получитъ ясное представленіе не только о томъ, какъ начался расколъ русской церкви, причины, вызвавшія ея и коренящіяся въ самыхъ отдаленныхъ глубинахъ русской старины, но и ознакомится вообще съ исторіей русской церкви и ея развитіемъ, тѣсно связаннымъ съ ростомъ всей политической жизни и просвѣщенія на Руси. Эпоха возникновенія старообрядства, связанная съ именемъ патріарха Никона, особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Живо очерчены имъ яркія и сильныя личности патріарха Никона и протопопа Аввакума, ихъ дѣятельность и политическое значеніе, а также и всѣ обстоятельства, вызвавшія и усилившія борьбу старообрядчества, придавшія ей политическій характеръ и содѣйствовавшія распространенію раскола, пока новыя условія русской жизни въ XVIII в. не отодвинули это движеніе на второй планъ. Подъ вліяніемъ суровыхъ законовъ противъ раскольниковъ конца XVII в. и распространившейся среди послѣднихъ увѣренности въ близкую кончину міра выработалась новая страшная форма борьбы за вѣру—самоистребленіе. Авторъ заканчиваетъ краткимъ очеркомъ современнаго старообрядства.

Въ концѣ книги указаны историческіе труды, служившіе автору пособіемъ при составленіи очерка.

Желаніе полнѣе и подробнѣе освѣтить историческія событія внесло нѣкоторую схематичность въ изложеніе, но при простотѣ и доступности языка автора это едва ли оттолкнетъ заинтересованнаго читателя.

Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Разсказъ изъ исторіи Греціи. Составила В. Лукьянская. Ц. 40 к. Москва. 1901 г. Стр. 505 Совершенно иное впечатлѣніе оставляетъ книжка г-жи Лукьянской. Написанная доступнымъ, часто живымъ языкомъ, она будетъ читаться съ интересомъ и мало подготовленнымъ читателемъ, который найдетъ въ ней изложеніе всей исторіи Греціи отъ первобытныхъ временъ до римскаго завоеванія. Авторъ знакомитъ читателя не только съ внѣшней исторіей Греціи и ея войнами, но даетъ массу бытовыхъ картинъ изъ жизни древней Греціи, ея религіи, государственнаго строя, рисуетъ положеніе народа, затрагиваетъ и борьбу общественныхъ классовъ, наконецъ, касается и культурной жизни древнихъ грековъ, ихъ поэзіи, искусства и фи-

лософіи. И тѣмъ не менѣе исторіи Греціи читатель не узнаетъ изъ этой книги. Авторъ не указываетъ, какими источниками онъ пользовался для составленія книги, но во всякомъ случаѣ книга его не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ научности. Въ книгѣ перепутаны историческіе факты съ преданіями и легендами такъ, что въ нихъ трудно разобраться. Самъ авторъ не отдѣляетъ и не указываетъ, гдѣ кончается преданіе и гдѣ начинается жизнь, сдѣлавшаяся достовѣрной исторически. До-нельзя упрощая ходъ исторіи, авторъ сводитъ ее къ дѣлу отдѣльныхъ личностей, отчего и получается совершенно невѣрное представленіе объ историческомъ развитіи, или, вѣрнѣе, у читателя совершенно теряется представленіе объ этомъ историческомъ развитіи. Онъ не видитъ, какъ постепенно ростъ экономической и культурной жизни Греціи выдвигаетъ новыя силы, требующія себѣ и политической власти, онъ видитъ только, что въ Греціи шла борьба знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, примиряемая въ одной странѣ Ликургомъ, въ другой Солономъ, Клисѳеномъ и т. д., которые устанавливаютъ то благословенный рай спартанцевъ IX в., то демократичное правленіе въ Аѳинахъ, но не видитъ, какъ развиваются эти классы, какъ и почему растетъ ихъ экономическое неравенство и какъ политическій строй страны развивается подъ вліяніемъ этой борьбы. Все величіе аѳинской демократіи и ея громадное значеніе для роста греческой культуры теряется, напримѣръ, передъ личностью Перикла, выдвигаемой авторомъ на первый планъ.

Не говоря уже о другихъ неточностяхъ, такая эпоха въ исторіи Греціи, какъ правленіе тирановъ передъ греко-персидскими войнами, бывшая переходомъ отъ аристократіи къ демократіи и давшая громадный толчокъ экономическому развитію Греціи, росту ея промышленности и торговли, характеризуется авторомъ, лишь какъ жестокая и безчеловѣчная (за исключеніемъ правленія Пизистрата). Вообще авторъ часто вкладываетъ много чувства въ оцѣнку историческихъ событій и, теряя историческую перспективу, предъявляетъ къ нѣкоторымъ историческимъ событіямъ не соотвѣтствующія времени требованія (возмущается жестокостью нравовъ древнихъ грековъ, отразившейся въ ихъ миѳологіи, отношеніемъ грековъ къ рабамъ и рабскому труду и т. п.). Паденіе аѳинской демократіи и причины вызвавшія его совершенно не выяснены, война со Спартой и побѣда Спарты являются какъ будто единственною причиной возстановленія олигархіи. Такъ же, какъ исторія, упрощено изложеніе и философскихъ ученій древней Греціи, и здѣсь можно отмѣтить нѣкоторыя неточности, а вступительная глава о дикомъ человѣкѣ даетъ слишкомъ упрощенное понятіе о развитіи первобытной культуры.

Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°, какъ видно изъ его объявленій, выпускаетъ двѣ серіи изданій: 1) иллюстрированную географическую библіотеку, имѣющую въ виду въ очеркахъ полубеллетристическаго характера познакомить читателя съ географіей и этнографіей главнѣйшихъ и болѣе характерныхъ странъ стараго и новаго свѣта, съ природой этихъ странъ, представителями разныхъ племенъ и расъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры, обращая особенное вниманіе на исторію человѣческой культуры; 2) общеобразовательную библіотеку, состоящую изъ двухъ отдѣловъ: научнаго и беллетристическаго, ставящую своей задачей знакомить русскаго читателя въ отдѣльныхъ монографіяхъ съ выдающимися моментами исторіи культуры и общественной жизни.

Первая серія изданій предназначается для школъ, народныхъ читаленъ и библіотекъ, она имѣетъ въ виду массоваго читателя. Всѣ вышедшія въ свѣтъ изданія этой библіотеки составлены Н. Рубакинымъ и по доступности и живо-

сти изложенія вполнѣ отвѣчають запросамъ и пониманію этого массоваго читателя.

Н. Рубакинъ. На плавающихъ льдинахъ по Ледовитому океану. Спб. 1903 г. Ц. 35 к. Стр. 117. Описывая одно изъ путешествій къ сѣверному полюсу, авторъ знакомитъ читателя съ природой сѣвера и его обитателями, указываетъ на громадныя препятствія, которыя стоятъ передъ человѣкомъ въ борьбѣ съ природой въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ. Лишь упорный трудъ и энергія людей, вооруженныхъ силой знанія и взаимнаго единенія и не отступающихъ ни передъ чѣмъ для успѣха науки и человѣческаго прогресса, побѣждаютъ эту суровую природу. Здѣсь авторъ остается въ области тѣхъ же вопросовъ, которые затрогивались въ ранѣе вышедшей его книжкѣ «Приключенія двухъ кораблей или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода».

Н. Рубакинъ. Разсказы о жаркой странѣ. 1) Приключенія среди черныхъ дикарей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к. Стр. 240. 2) Приключенія въ странѣ рабства. Спб. 1902 г. Ц. 40 к. Стр. 142. Въ видѣ очерка путешествій 60-хъ годовъ англійскихъ изслѣдователей истоковъ Нила, авторъ знакомитъ читателя съ природой и жизнью жаркихъ странъ, расположенныхъ по теченію великой африканской рѣки. Особенно разнообразна по содержанію первая книга, дающая читателю въ легкой, доступной формѣ массу географическихъ, естественно-научныхъ и этнографическихъ свѣдѣній о природѣ страны, ея флорѣ и фаунѣ, о бытѣ ея обитателей дикарей, ихъ нравахъ, обычаяхъ, политическомъ строѣ, культурѣ, а также и о тѣхъ притѣсненіяхъ и гоненіяхъ, которыя претерпѣвали они въ то время отъ арабовъ-работорговцевъ, извлекавшихъ громадныя выгоды изъ работорговли подъ прикрытіемъ египетскаго хедива. Этому послѣднему вопросу посвящена, главнымъ образомъ, вторая книга, описывающая одну изъ попытокъ борьбы съ работорговлей; въ ней читатель попутно знакомится также съ мѣстными условіями природы и жизни.

Обѣ эти книги допущены въ ученическія библіотеки и въ безплатныя народныя читальни.

Н. Рубакинъ. Докторъ Гассанъ. Разсказъ о приключеніяхъ въ Алжирѣ и Сахарѣ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к. Стр. 126. Помимо массы свѣдѣній о природѣ и жизни пустыни, авторъ даетъ въ этой книгѣ картину жизни, нравовъ, обычаевъ и культуры кабиловъ и туареговъ. Знакомясь съ первобытною жизнью этихъ народовъ, читатель видитъ, какъ сложились своеобразныя понятія, вѣрованія и формы жизни у различныхъ племенъ, и передъ нимъ встаетъ рядъ вопросовъ исторіи культуры.

Въ пробужденіи интереса къ наукѣ и знанію большая заслуга книгъ Н. Рубакина. Какъ на недостатокъ ихъ, мы указали бы на слишкомъ большое разнообразіе матеріала, даваемаго въ нѣкоторыхъ книгахъ, читатель теряется въ немъ и впечатлѣніе слабѣетъ и на встрѣчающееся иногда излишнее подчеркиваніе авторомъ выводовъ, непосредственно вытекающихъ изъ сообщаемыхъ фактовъ.

Вторая серія изданій Гершунина, общеобразовательная библіотека подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго и Н. А. Рубакина, не имѣетъ уже въ виду массоваго читателя и общедоступность изложенія, на которую предполагается и здѣсь обратить вниманіе, оставляетъ желать еще многаго.

Въ беллетристическихъ выпускахъ даны переводы Зудермана, Гауптмана, Бьернстерне-Бьернсона, послѣдній—въ хорошемъ переводѣ, чего, безъ оговорокъ, нельзя сказать о двухъ первыхъ.

Изъ научныхъ книжекъ отмѣтимъ нѣкоторыя, какъ болѣе интересныя:

Д. Брайсъ. Вильямъ Гладстонъ. Переводъ съ англ. А. Я. Гальперна, подъ редакціей и съ примѣч. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1902 г. Ц. 25 к. Стр. 61. Въ небольшой хорошо переведенной книжкѣ Брайса дается довольно полная характеристика Гладстона, какъ парламентскаго и общественнаго дѣя-

теля и какъ оратора. Указавъ на шотландское происхожденіе Гладстона, на условія его воспитанія въ Оксфордѣ и на первые шаги его политической дѣятельности подъ вліяніемъ Р. Пиля, авторъ ограничивается характеристикой Гладстона, какъ сильной, оригинальной и независимой личности, не останавливаясь совершенно на соціально-политическихъ условіяхъ жизни въ Англіи, въ средѣ которыхъ ему приходилось работать. Въ концѣ книги дается краткій очеркъ литературной дѣятельности Гладстона и отмѣчается то вліяніе, которое имѣло на него его сильно развитое религіозное чувство.

А. Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Съ французскаго перевода Догена и Майера перевела и дополнила примѣчаніями А. Мезіеръ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к. Стр. 82. Японія первое изъ государствъ Востока, достигшее въ настоящее время полнаго признанія своихъ международныхъ правъ и вступившее въ ряды цивилизованныхъ странъ міра. Авторъ долго жилъ въ Японіи и былъ очевидцемъ измѣненій общественно-политическаго строя страны, въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ совершенно реформировавшей свои обвѣтшалыя учрежденія. Ограничившись краткимъ указаніемъ на прошлое Японіи и на обстоятельства, благопріятствовавшія созданію новаго строя (наличность собственной древней національной цивилизаціи и отсутствіе религіозной нетерпимости), авторъ останавливается на моментѣ національнаго объединенія и возстановленія монархіи, послѣ котораго начинается рядъ реформъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Своеобразный государственный переворотъ въ Японіи, происшедшій въ значительной степени подъ вліяніемъ международныхъ отношеній, въ которыя втянулась Японія во второй половинѣ XIX в. и которыя обнаружили всю непригодность ея отжившаго феодальнаго строя, освѣщенъ, какъ намъ кажется, недостаточно полно и подробно. Читателю остаются неясны всѣ причины, вызвавшія переворотъ и успѣхи японскихъ патріотовъ, руководившихъ дѣломъ національнаго возрожденія. Дальнѣйшее изложеніе преобразовательной политики и культурнаго роста Японіи освѣщаетъ вполнѣ главнѣйшіе моменты развитія новаго политическаго строя и ту тяжелую, но благодарную работу, которая выпала на долю молодого японскаго правительства, шедшаго по пути демократическихъ реформъ и содѣйствія культурному росту страны. *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

от 15-го ноября до 14-го декабря.

Проблемы идеализма. Сборн. статей подъ ред. П. И. Новгородцева. Мск. 1903 г. Ц. 3 р.
Евреиновъ. Стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мелкая земская единица. Сборникъ статей. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Джунковская. Средняя школа новаго типа. Изд. Чарушникова и Дороватовскаго. Спб. Ц. 75 к.
Энгельмейеръ. По русскому и скандинавскому сѣверу. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
Тихомировъ. Н. А. Некрасовъ. «Б—ка Дѣтскаго Чтенія». Мск. Ц. 10 к.
Соболевъ. Экономическое положеніе томскихъ студентовъ. Томскъ. Ц. 30 к.
Примѣрн. планы школьн. зданій на 40—60 и т. д. учениковъ. Изд. моск. губ. земск. упр. Ц. 75 к.
Е. Некрасова. Жизнь студентки. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.
Теодоръ Штормъ. Безъ вѣсти пропавшій. «Б—ка для дѣтей» подъ ред. Горбунова-Посадова. Ц. 30 к. Мск. 1903 г.
Сергѣй Поповъ. Изъ царства праздности. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Райдеръ Хаггардъ. Эрикъ Свѣтлоокій. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1903 г.
Авенаріусъ. На Москву. Изд. П. В. Луковникова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Сенкевичъ. Камо грядеши. Сокр. перев. О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб.
А. Кастальскій. Стихотворенія. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
Розеггеръ. Среди народа. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 40 к.
Грушецкій. Саранча. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 80 к.
Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. Изд. ред. «Образованія». Спб. Ц. 80 к.
Голиковъ. Ночныя думы. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Минцловъ. Бѣглецы. Изд. Крайзъ. Спб. Ц. 75 к.
Минцловъ. На зарѣ XVII в. Изд. то же. Ц. 1 р.
Кругловъ. Любовь и истина. Изд. Спиридонова. Мск. Ц. 20 к.
В. Сѣрошевскій. Собраніе повѣстей и разсказовъ. Изд. «Книжнаго Дѣла». Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Гофштетеръ. Поэзія вырожденія. Спб. 1902 г.
Федоровъ. Стихотворенія. Изд. О. Н. Поповой. 1902 г. Ц. 1 р.
Брандтъ. Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьк. 1902 г. Ц. 50 к.
Бинштокъ. Наставленія для дезенфекціи. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.
Погодинъ. Религія Зороастра. «Образоват. Б—ка». О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 к.
Михаличъ. Руководство изъ преподав. рисованія въ средне-учебн. заведеніяхъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
Малининъ. Прогрессивная эволюція созн. начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Нжн. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шарль Бодлэръ. Маленькія поэмы въ прозѣ. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
Луговой. За грозой вёдро. Изд. Маркса. Спб. Ц. 25 к.
Луговой. Швейцаръ. Изд. то же. Ц. 20 к.
В. Сѣрошевскій. Пустынный островъ. Изд. «Книжнаго Дѣла». Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
Эльснеръ-Каранскій. Желѣзный докторъ. Изд. «Книговѣда». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Сиротка Герти и другіе разск. «Б—ка для дѣтей» Горбунова-Посадова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
М. Юрьева. Около хорошихъ людей. Изд. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
М. Юрьева. Изъ жизни одной дѣвочки. Изд. то же. Ц. 30 к.
Кругловъ. Страшный дядя. Изд. то же. Ц. 15 к.
Маркъ Твэнъ. Принцъ и нищій. Изд. ред. «Всходы». Спб. 1902 г.
Н. Н. С. Разсказы изъ исторіи грековъ для школьнаго чтенія. Изд. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Кругловъ. Лѣсные люди. Изд. то же. Ц. 1 р.
Вѣра. Одна за многихъ. 1903 г. Ц. 50 к.
Древне-сѣв. саги и пѣсни скальдовъ. «Русская классная б—ка» подъ ред. Чудинова. Спб. Изд. Главунова. Ц. 60 к.
Крамбамбули. «Б—ка для дѣтей» подъ ред. Горбунова-Посадова. Мск. Ц. 30 к.
Чудный даръ. Собр. сказокъ Гюго, Рёскина и др. Изд. то же. Ц. 75 к.
И. Наживинъ. Передъ разсвѣтомъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Гауптманъ. Собр. сочиненій. Т. I и II. Изд. Скирмунта. Мск. Ц. I-го т. 1 р. 50 к. II-го т. 2 р.
Recueil de récits historiques. Изд. К. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 75 к.
Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборн. статей. Изд. «Труда». Мск. Ц. 1 р.
А. Зыкова. Товарищъ. Азбука. Изд. ред. «Всходы». Спб. Ц. 15 коп.
Зыкова. Товарищъ. Книга для чтенія въ школѣ. Втор. годъ обученія. Изд. ред. «Всходы». Спб. Ц. 45 к.
Зыкова. Товарищъ. Книга для чт. въ школѣ. Третій годъ обученія въ школѣ. Изд. то же. Ц. 55 к.
Зыкова. Книга для учителей. Къ уч. кн. «Товарищъ». Изд. то же. Ц. 30 к.

Джемсонъ. Жизнь Зороастра. «Образоват. Б—ка» О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 к.
А. П. Изъ исторіи государства аѳинскаго. Изд. Раппъ и Потаповъ. Хрк. 1903 г. Ц. 7 к.
Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Т. III. Кзн. Ц. 1 р. 20 к.
Стрижовъ. О золотѣ на Кавказѣ. Томскъ. 1903 г.
Стрижовъ. Геологическое строеніе Куртат. ущелья. Спб. 1903 г.
Ж. Фино. Философія долговѣчности. «Образоват. Б—ка» О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 60 к.
М. Соболева. Организація и методы статистики труда. Тмск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ал. Ст. Конокрадство, какъ бытовое и соціальное явленіе. Пск. 1902 г.
Тезяковъ. Рынки найма и ихъ санитарное состояніе. Спб. 1902 г.
Герценштейнъ. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кеннингемъ. Западная цивилизація съ эконом. точки зрѣнія. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 40 к.
П. Соколовъ. Вѣра. (Психол. этюдъ). Мск. 1902 г. Ц. 60 к.
Лугановскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.
Коншинъ. Земледѣліе, фабрично-заводск. промышленность. Мск. 1903 г. Ц. 1р. 25 к.
Бансель. Кооперативмъ. Изд. «Посредника». Мск. Ц. 60 к.
Зелинскій. Сборникъ критич. статей о Некрасовѣ. Ч. II. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Фр. Листъ. Международное право. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.
Брикнеръ. Иллюстр. исторія Петра Великаго. Т. I. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г.
Мороховецъ. Исторія и соотношеніе медиц. знаній. Мск. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.
М. Лахтинъ. Большія операціи въ исторіи хирургіи. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
Эрн. Ренанъ. Авероэсъ и Авероизмъ. Т. VIII. Изд. Фукса. Кіевъ. Ц. за 12 т. 6 р.
Георгъ Брандесъ. Романтическая школа во Франціи. Т. IX. Фукса. Кіевъ. Ц. за 12 т. 6 р.
Степовичъ. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Кіевъ. 1902 г.
Путеводитель по Москвѣ. Изд. пост. коммиссіи по технич. образ. Ц. 1 р. 25 к.
Годичное торж. засѣданіе юрид. о—ва при Имп. харьк. у—тѣ. 1902 г.
Первое столѣтіе Иркутска. Изд. Сукачева. Ирк. Ц. 2 р.
Уставъ вятск. о—ва взаимн. вспомож. лицъ частн. труда. 1902 г.
Отчетъ новозыбковскаго благотв. о—ва за 1901 г.
Дневникъ отдѣла ихтіологіи. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
Русскій сельскій календарь. Сост. Горбуновъ-Посадовъ. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.
Протоколы коммиссіи по оц. недв. имущ. Яросл. губ.
Нижегородскій Маріинскій и—тъ благородн. дѣвицъ. 1852—1902 г.
Трудъ душевно-больныхъ Винницк. окружной лечебницы и его леч. воспит. значеніе.
Якубовичъ. В—ка попечительства о домахъ трудолюбія. Спб. 1902 г.
Отчетъ о командировкѣ на курскую выставку по народному образованію.
Деревенскій календарь съ полезными совѣтами. Сост. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 5 к.
Анофріевъ. Основные вопросы дѣятельности потреб. о—ва. Мск. Ц. 1902 г.
Стрижовъ. Образованіе корал. рифовъ и происхожденіе известняковъ. Екат. 1903 г.
Шляпошниковъ. Всероссійскій съѣздъ сіонистовъ въ Минскѣ. Изд. «Улей». Харьк. 1903 г. Ц. 15 к.
Отчетъ т—ва торг. арт. и куст. тов. «Союзъ». Мск. 1902 г.
Отчетъ совѣта о—ва распрост. начальн. образ. въ Нижег. губ. Нижній-Новг. 1902 г.
Степовичъ. XII археологич. съѣздъ. Кіевъ. 1902 г.
Отчетъ Борисоглѣбск. публичн. б—ки за 1901 г.
Смѣтныя назначенія уѣздн. земства Тверск. губ. на 1903 г.
Отчетъ о—ва для содѣйствія народн. образованію въ Яросл. губ. за 1901 г.
Куркинъ. Дѣтская смертность въ Моск. губ. 1883—1897 гг. Мск. 1902 г. Ц. 3 р.
Куркинъ. Статистика движенія населенія въ Моск. губ. и ея уѣздахъ въ 1887—1893 гг. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 59 к.
Рахмиловичъ. Краткій курсъ статистики. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Результаты урожая 1902 г. въ крест. хоз. Тверской губ. Тверь. 1902 г.
Отчетъ пермскаго научно-пром. музея за 1901 г. Пермь. 1902 г.
Отчетъ о дѣятельности о—ва взаим. вспомощ. учащимъ и учившимъ въ народн. учил. Симб. губ. 1901—1902 г.
Докладъ пенз. губ. земск. упр. объ участіи пенз. губ. земства въ развитіи нар. образованія въ 1902 г.
Аріанъ. Первый женскій календарь. 1903 г. Спб. Ц. 1 р.
Отчетъ драматич. кружка народн. театра въ Пензѣ.
Народный домъ кіевск. о—ва грамотности 1902 г. Ц. 20 к.
Отчетъ о дѣятельности учебн. отд. о—ва распростр. техн. знаній за 1901 г.
Труды I-го съѣзда учащ. и почетн. блюстит. школъ Спб. ж. д.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Force of Mind, or the Mental Factor in Medecine» *by A. T. Schoffield. London (J. und A. Churchill)*. (*Сила ума или духовный факторъ въ медицинѣ*). Практическій врачъ, написавшій эту книгу, доказываетъ, что ни одинъ врачъ не можетъ считать своего медицинскаго образованія законченнымъ, если онъ не изучилъ основательно психологіи и вліянія души на тѣло. Совершенно отвергая всякую солидарность съ разнаго рода духовными исцѣлителями, гипнотизёрами и т. д., авторъ книги серьезно преслѣдуетъ вопросъ, не могутъ ли нѣкоторыя болѣзни быть исцѣлены скорѣе посредствомъ психическихъ факторовъ, нежели путемъ воздѣйствія на физическіе органы. «Я вовсе не имѣю въ виду, чтобы врачи отложили въ сторону всѣ свои рецепты,—говоритъ авторъ,—или измѣнили бы медицинскія руководства. Я хочу только убѣдить врачей, что всегда, у постели больного, они должны задавать себѣ вопросъ, какую роль играетъ душа въ данной болѣзни и какъ заставить ее участвовать въ леченіи?» По мнѣнію автора, такой взглядъ на болѣзнь долженъ преподаваться во всѣхъ медицинскихъ школахъ.

(Review of Reviews).

«Hypnotism and the Doctors» *by Richard Harte (Fomler and C°). London* (*Гипнотизмъ и доктора*). Книга эта явно враждебна медицинской профессіи. Авторъ ея, въ первой части, гдѣ разсказывается о возникновеніи месмеризма, очень тщательно разбираетъ причины, заставившія публику потерять довѣріе къ докторамъ. Между прочимъ онъ насчитываетъ одиннадцать причинъ и жалуется на то, что доктора ввели много вредныхъ привычекъ, изъ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія. (Review of R-views).

«How to acquire and Strengthen the Will Power» *by R. T. Ebbard London. Second Edition rev-ised. Price 5 s. (Modern Medical Publishing Company* (*Какъ пріобрѣсти и укрѣпить силу воли*). Очень интересная книга, представляющая настоящее руководство для излеченія болѣзней и недомоганія посредствомъ самовнушенія, которому вообще авторъ отводитъ большое значеніе въ жизни человѣка.

(Review of Reviews).

«Imperialism» a Study, by J. A. Hobson (Nisbet and C°). (*Имперіализмъ*). Книга раздѣляется на двѣ части. Въ первой обсуждается экономическая сторона великаго движенія, во второй политическая. Экономическимъ базисомъ имперіализма авторъ считаетъ капитализмъ. Избытокъ капитала, сосредоточенный въ немногихъ рукахъ, помѣщается въ нецивилизованныхъ странахъ, гдѣ возникаютъ финансовыя предпріятія, и такъ какъ въ этихъ странахъ безопасности не существуетъ, то государству приходится брать подъ свою защиту эти предпріятія. Такимъ образомъ, имперіализмъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока избытокъ капитала будетъ скопляться въ рукахъ вліятельныхъ классовъ, которые могутъ употреблять ресурсы государства для защиты своихъ частныхъ интересовъ.

(Review of Reviews).

«The Great Mountains and Forests of South America» *by Paul Fontain. London. (Longmans) Price: 10 s.* (*Великія горы и лѣса южной Америки*). Въ высшей степени интересное описаніе малоизвѣстной области южно-американскаго материка. Авторъ отводитъ довольно большое мѣсто въ своей книгѣ естественной исторіи тѣхъ областей, которыя онъ посѣтилъ, но очень занимательно разсказываетъ въ то же время свои приключенія и свою жизнь среди индѣйцевъ. Онъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ индѣйскихъ племенахъ Южной Америки и нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., арауканцевъ въ Чили, онъ ставитъ гораздо выше испанцевъ, которые надъ ними владычествуютъ. Книга снабжена иллюстраціями.

(Review of Reviews).

«Das junge Mädchen auf eigenen Füssen» Ein Führer durch das weibliche Berufsleben. Von Amalie Baisch. Stuttgart. (Deutsche Verlagsanstalt). (*Молодая дѣвушка на своихъ ногахъ*). Эта книга имѣетъ цѣлью служить руководствомъ для молодыхъ дѣвушекъ при выборѣ ими самостоятельной профессіи.

(Berliner Tageblatt).

«La femme à travers l'Histoire» par Maurice Lefèvre (A. Fontemoing). (*Женщина въ исторіи*). Авторъ изучаетъ роль женщины въ исторіи, ея тайное или явное вліяніе на нравы и ходъ историческихъ событій, ея послѣдовательныя возвышенія и паденія. На основаніи своихъ историческихъ изслѣдованій, онъ приходитъ къ заключенію, что величие и благосостояніе обществъ находится всецѣло въ зависимости отъ полнаго равновѣсія двухъ силъ, мужской и женской. Нарушеніе этого равновѣсія въ пользу той или другой силы

непремѣнно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ патологическое состояніе общества. Если беретъ верхъ мужская сила, то въ обществѣ воцаряются грубость и варварскіе нравы, если же преобладаетъ женская сила, то является распущенность нравовъ, которая, въ концѣ концовъ, ведетъ къ катаклизму, книга написана очень живо и увлекательно и въ то же время является цѣннымъ историческимъ изслѣдованіемъ.

(Journal des Débats).

«Le Monde Polynésien» par Henri Mager, explorateur, ancien membre de la section de l'Océanie au conseil superier des colonies. (*Schleicher frères*). *Prix 2 fr.* (*Полинезійскій міръ*). Этотъ новый томъ, входящій въ составъ «Bibliothèque d'Histoire et de Géographie universelle», представляетъ двойной интересъ, съ научной и колоніальной точки зрѣнія. Авторъ отвергаетъ гипотезу затонувшаго великаго океанскаго материка и доказываетъ, что Полинезійскіе острова явились результатомъ дѣйствія вулканическихъ силъ. Онъ приводитъ данныя, указывающія на происхожденіе племенъ, населяющихъ острова Пасхи и создавшихъ колоссальныя статуи, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ считалось загадочнымъ. Въ заключеніе авторъ приводитъ параллель между различными европейскими колонизаціями въ Полинезіи.

(Journal des Débats).

«Nature Study and Life» by Cléfton F. Hadge (*Guin*) *7 s.* (*Изученіе природы и жизнь*). Профессоръ Годжъ идетъ навстрѣчу желанію, давно уже выраженному въ Америкѣ, чтобы изученіе природы вошло въ программу школы. Онъ говоритъ, что въ каждомъ ребенкѣ заложено стремленіе къ изслѣдованію и школа должна поощрять этотъ инстинктъ. Книга профессора можетъ служить руководствомъ для учителей въ этомъ отношеніи, такъ какъ указываетъ имъ какъ направлять этотъ врожденный инстинктъ дѣтей и культивировать у нихъ любовь къ природѣ.

(Times).

«Die Seele im Lichte des Monismus» von D-r med. H. Kroell. Strasburg (*Judolph Beust*). (*Душа съ точки зрѣнія монизма*). Книга представляетъ психофизіологическое изслѣдованіе вопроса о души. Монизмъ автора, однако, имѣетъ мало общаго съ матеріализмомъ. Мысли автора и приводимыя имъ доказательства отличаются большою смѣлостью и оригинальностью.

(Neue Freie Presse).

«Die Arbeiter Wohnungs-Frage» von D-r Ludwig Sinzhesimer. Stuttgart (*Ernst-Heinrich Moritz*). *2 mark.* (*Вопросъ о жилищахъ рабочихъ*). Авторъ поставилъ себѣ задачей представить очеркъ исторіи вопроса о жилищахъ для рабочихъ въ связи съ исторіей соціальнаго движенія вообще. Онъ говоритъ о жилищной нуждѣ и о принимаемыхъ въ Германіи мѣрахъ борьбы съ этимъ зломъ. Особенное значеніе онъ придаетъ устройству строительныхъ товариществъ и жилищной инспекціи.

(Frankfurt. Zeitung).

«Travels in Space». A History of Aerial Navigation» by E. Seton Valentine and F. L. Tomlison (*Hurst and Blackett*). (*Путешествія въ пространствѣ*). Въ книгѣ разсказывается исторія воздухоплаванія, доведенная до самыхъ послѣднихъ опытовъ Са тоса Дюмона и др. Многочисленныя иллюстраціи и въ особенности фотографическіе снимки, дополняющіе текстъ, увеличиваютъ его интересъ.

(Bookseller).

«The Schoolmaster» by Arthur Christopher Benson (*John Murroy*). (*Школьный учитель*). Учительство, говоритъ авторъ, принадлежитъ къ числу «наименѣе либеральныхъ изъ всѣхъ либеральныхъ профессій». Она требуетъ отъ человѣка много самоотверженія, терпѣнія и самообладанія и искренняго призванія, безъ котораго трудно быть хорошимъ учителемъ. Далѣе авторъ говоритъ о школьной дисциплинѣ, о методахъ преподаванія, способахъ вліять на учениковъ и т. д. Въ заключеніе онъ обсуждаетъ важнѣйшіе вопросы воспитанія.

(Bookseller).

«L'Hygiène Sociale» par Emile Duclaux, membre de l'académie des sciences. Paris (*Alcan*). (*Соціальная гигіена*). Подъ именемъ «Соціальной гигіены» авторъ подразумѣваетъ тѣ мѣропріятія, которыя общество обязано вводить для предотвращенія распространенія болѣзней. Онъ указываетъ, какимъ образомъ должна быть организована борьба съ болѣзнями, угрожающими благосостоянію общества. Въ особенности авторъ указываетъ на важность профилактическихъ мѣръ и пользу, приносимую санаторіями. Въ вопросѣ о сифилисѣ онъ высказываетъ самыя радикальныя воззрѣнія, оправдываемыя безплодностью всѣхъ законныхъ мѣропріятій противъ распространенія этой болѣзни и безполезностью рѣшеній, принятыхъ на конгрессѣ. Книга эта безспорно заслуживаетъ вниманія не только врачей, но и всѣхъ читателей, интересующихся вопросами гигіены и народнаго здравія.

(Journal des Débats).

«An Essay on Laughter» by prof. Sully (*О смѣхѣ*). Въ этомъ довольно объемистомъ трудѣ, посвященномъ исторіи смѣха и его происхожденія, почтенный профессоръ приходитъ къ довольно печальному заключенію, что люди постепенно разучаются смѣяться и это исчезновеніе смѣха оказываетъ вредное вліяніе на общество. Конечно, авторъ прежде всего, имѣетъ въ виду англійское общество, но его выводы имѣютъ также общее значеніе. Уменьшеніе народной веселости, говоритъ онъ, несомнѣнно, указываетъ на большія пере-

мѣны въ обществѣ. Люди какъ будто не имѣютъ теперь времени смѣяться, торопясь жить и въ погонѣ за богатствомъ теряютъ способность смѣяться отъ души. Борьба за существованіе настолько получила острый характеръ, что людямъ уже не до веселья. Скука царствуетъ въ обществѣ, и тотъ, кто сохранилъ способность смѣяться отъ души, представляется какимъ-то анахронизмомъ среди скучающихъ людей, не понимающихъ веселаго оптимизма прежнихъ временъ. Проф. Сюлли называетъ смѣхъ «благодѣяніемъ жизни» и говоритъ о необходимости принять мѣры къ тому, чтобы люди окончательно не разучились смѣяться.

(Daily News).

«*Durch Indien ins verschlossene Land Nepal*» *von d-r Kurt Bock. Ethnographische und photographische Studien blätter. Leipzig* (*Hirt*). (*Черезъ Индію въ замкнутую страну Непалъ*). Чрезвычайно интересное описаніе Цейлона, Индіи и мало доступной европейцамъ независимой страны Непаль. Авторъ, извѣстный путешественникъ, добился разрѣшенія посѣтить эту любопытную страну, сохранившую во многихъ отношеніяхъ свой первобытный характеръ.

(Berliner Tageblatt).

«*The State and its Relation to Trade*» *by Lord Farrer. With Supplementary Chapter by sir Robert Giffen. London.* (*Macmillan and C°*). (*Государство и его отношеніе къ торговлѣ*). Въ этой маленькой книгѣ обсуждаются нѣкоторыя изъ современныхъ экономическихъ проблемъ, возникающихъ изъ существующихъ отношеній между государствомъ и торговлей. Авторъ возстаетъ противъ протекціонистской политики. (Review of Reviews).

«*Problems of Modern Industry*» *by Sidney and Beatrice Webb* (*Longmans, Green and C°*) *London. Price. 5 s.* (*Проблемы современной промышленности*). Въ предисловіи къ этому новому изданію авторъ говоритъ о проблемахъ, выдвинутыхъ на сцену промышленнымъ развитіемъ послѣдняго времени и въ особенности американскою системой трёстовъ. Авторъ, главнымъ образомъ, указываетъ на улучшеніе промышленной организаціи трёстовъ и полагаетъ, что опасность, заключающаяся въ томъ, что потребитель не извлечетъ никакой выгоды изъ этого улучшенія, сильно преувеличена и въ сущности не имѣетъ большого значенія. По всей вѣроятности, для трёстовъ будетъ выгоднѣе понизить цѣны на предметы первой необходимости, нежели повысить ихъ.

(Review of Reviews).

«*La liberté de l'Enseignement*» *par Emile Bourgeois.* (*Свобода преподаванія*). Въ книгѣ заключается методическое и критическое изслѣдованіе великаго вопроса, волнующаго теперь умы Франціи. Авторъ пишетъ историческій очеркъ, охватывающій періодъ отъ начала революціи до современной эпохи и, на основаніи своего изслѣдованія фактовъ и документовъ, дѣлаетъ выводы относительно наилучшаго способа разрѣшенія вопроса о свободѣ преподаванія.

(Revue de Paris).

«*Causeries psychologiques*» *par J. Van Biervliet. Paris* (*Alcan*) *Prix: 3 fr.* (*Психологическія бесѣды*). Ученый гентскій профессоръ изслѣдуетъ въ этой книгѣ вліяніе чувства радости и печали на организмъ человѣка и отраженіе этихъ чувствъ на различныхъ функціяхъ организма. Затѣмъ онъ говоритъ о различныхъ родахъ памяти, о галлюцинаціяхъ, внушеніи, раздвоеніи личности и описываетъ переходныя формы между нормальнымъ состояніемъ души и состояніями психическими. Авторъ приходитъ къ заключенію, что вполнѣ здоровое состояніе души представляетъ столь же недостижимый идеалъ, какъ и вполнѣ здоровое состояніе тѣла, но къ этому идеалу все-таки надо стремиться и поэтому нравственная и умственная гигіена столь же необходима человѣку, какъ и физическая. Авторъ подкрѣпляетъ свои выводы хорошо и строго подобранными и провѣренными фактами, изъясняетъ ихъ научнымъ образомъ и знакомитъ читателя съ важными выводами психологической науки.

(Polybiblion).

«*Formation de la volonté*» *par J. Guibert. Paris* (*Blond*). *Prix: 0,60* (*Образованіе воли*). Въ этой маленькой брошюркѣ доказывается зависимость воли человѣка отъ его внутренней жизни, отъ органическихъ условій, благопріятствуемыхъ привычками, созданными сознательными усиліями, а также силою первоначальныхъ импульсовъ и глубиною чувствъ. Авторъ говоритъ о необходимости упражненія воли. (Polybiblion).

«*La Comédie Française et la Révolution*», *scènes, résits et notices, par A. Poogin. Paris* (*Gaultier et Magnier*). *4 fr.* (*Французская комедія и революція*). Авторъ сообщаетъ любопытные факты изъ исторіи французскаго театра и столкновеніяхъ, которыя происходили между артистами перваго національнаго театра и революціонными властями. Въ первой части заключаются слѣдующія главы: «Тальма и французская комедія»; «Французская комедія въ 1903 г.»; «Арестъ и заключеніе въ тюрьму французскихъ актеровъ»; «Лабюссьеръ и его произведенія». Въ заключеніе авторъ разсказываетъ два романическихъ эпизода: «Жизнь и трагическая смерть трагической актрисы» и «Актеръ революціонеръ», покончившій свою жизнь на эшафотѣ.

(Polybiblion).

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

III. «На днѣ» М. Горькаго въ Московскомъ Художественномъ театрѣ.

Видѣть новую пьесу М. Горькаго и притомъ въ образцовомъ исполненіи артистовъ Московскаго Художественнаго театра представляется настолько заманчивымъ для всякаго, интересующагося современной сценой, что можно ради этого преодолѣть даже пресловутое петербургское «некогда» и совершить спеціальную поѣздку въ Москву съ указанной цѣлью.

Невеселыя мерещатся картины въ ожиданіи спектакля, судя по заглавію пьесы и по тѣмъ свѣдѣніямъ о ней, которыя еще съ осени попадались въ газетахъ. Не можемъ мы a priori ожидать и того чисто художественнаго наслажденія, при крайнемъ напряженіи классическихъ «ужаса и состраданія», составляющихъ старозавѣтныя отличительныя свойства впечатлѣній, вызываемыхъ трагедіей, и разрѣшающихся заповѣднымъ «очищеніемъ». Такимъ зрѣлищемъ насъ, петербуржцевъ, недавно подарили московскія гостьи—г-жи Ермолова и Ѳедотова въ превосходномъ исполненіи сцены изъ «Маріи Стюартъ» Шиллера. Мастерское чтеніе стиховъ г-жи Ермоловой при проникновенномъ воплощеніи трагическаго образа шотландской королевы, созданнаго геніальнымъ поэтомъ, производило удивительное впечатлѣніе. Но, несмотря на трагизмъ ситуаціи и переживаемыхъ чувствъ, какъ все это красиво, возвышенно, облагорожено и въ формѣ и въ передачѣ содержанія того, что испытывали данныя дѣйствующія лица. Художественное наслажденіе отъ созерцанія драмы Шиллера въ столь безподобномъ исполненіи заслоняло всякія другія чувства въ зрителѣ.

Между тѣмъ вникните въ сущность мотивовъ, управлявшихъ дѣйствіями этихъ двухъ величественныхъ, утонченно-воспитанныхъ, благородныхъ дамъ, этихъ королевъ, которыя выражаются такимъ красивымъ языкомъ,—и въ основѣ ихъ окажутся далеко не столь уже возвышенныя чувства. Тутъ и оскорбленное самолюбіе, и завистливость и ревность, неудовлетворенное тщеславіе, уязвленная гордость и, наконецъ, со стороны Елизаветы, безжалостная мстительность: вѣдь смертный приговоръ Маріѣ является въ гораздо большей степени результатомъ личнаго раздраженія женщины, чѣмъ актомъ «политической мудрости» королевы.

Натура человѣческая вездѣ одна, только формы проявленія ея разнообразны. И вотъ въ противоположность высокой поэзіи названной драматической сцены, разыгранной даровитыми артистками въ Маріинскомъ театрѣ 7-го декабря, М. Горькій вводитъ насъ въ такую обстановку, гдѣ, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, нѣтъ «господъ», гдѣ—«все слиняло, одинъ голый человѣкъ остался». Правда, этотъ «голый человѣкъ» значительно тронутъ жизнью; онъ изъ категоріи «бывшихъ людей», съ такимъ рельефомъ очерченныхъ авторомъ въ одномъ изъ его прежнихъ очерковъ; но, несмотря на ихъ соціальную де-

градацію, эти «бывшіе люди», по глубокому убѣжденію автора, сохраняютъ всѣ свойства человѣка вообще, и даже, какъ увидимъ ниже, выдвигаютъ съ особой силой культъ человѣка.

Какъ бы то ни было, вмѣсто соперничества Елизаветы и Маріи, вмѣсто двухъ королевъ, передъ нами разыгрывается соперничество двухъ женщинъ изъ низшихъ слоевъ общества, двухъ сестеръ—Василисы, самовластной хозяйки ночлежнаго пріюта, и беззавѣтной Наташи, падающей жертвой ея ревности и мстительности. Конечно, чувства, волнующія этихъ соперницъ, несравненно менѣе сложны и выражаются въ грубой формѣ; но если личности пьесы Горькаго выступаютъ «безъ облаченій», составляющихъ аттрибуты того или другого, не только высокаго, но и средняго званія, и безъ поэтическаго ореола, которымъ низменная дѣйствительность обращается въ «возвышающій обманъ», то соотвѣтственно, мы должны приготовиться стать лицомъ къ лицу съ самой неприглядной дѣйствительностью, съ «голой» правдой жизни.

Авторъ въ значительной степени уже раньше пріучилъ насъ къ ней. Вернувшись теперь къ изображенію типовъ, которымъ онъ съумѣлъ въ свое время придать новое, вполнѣ самостоятельное значеніе, словомъ, вернувшись къ типамъ «босяковъ» и «бывшихъ людей», составившимъ его первую, широкую и шумную извѣстность, онъ насъ интересуетъ уже не новизной самихъ типовъ, которые въ достаточной мѣрѣ опредѣлились, а точкой зрѣнія, съ которой онъ къ нимъ подходитъ послѣ того, какъ въ значительной мѣрѣ выросъ и развернулся его яркій талантъ мастерского разсказчика. Постараемся же, прежде всего, уловить и выяснить уголъ зрѣнія художника, раньше чѣмъ вдаваться въ анализъ созданной имъ картины.

Этотъ «уголъ зрѣнія» легко опредѣляется, благодаря центральной фигурѣ въ пьесѣ,—страннику Лукѣ, шестидесятилѣтнему старцу. Другимъ резонеромъ въ представленныхъ сценахъ является нѣкто Сатинъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ и сомнительнымъ настоящимъ. Но Сатинъ не занимаетъ такого выдающагося мѣста въ общей концепціи пьесы. Кромѣ того, онъ во многомъ созданіе такъ сказать «прежняго» Горькаго, автора Челкаша, Орловыхъ, Коновалова и пр. А старецъ Лука—это нѣчто новое и его не слѣдуетъ смѣшивать даже съ «птицеловомъ» въ «Мѣщанахъ». Его роль въ «На днѣ» настолько значительна, что въ сущности всю пьесу можно было бы обозначить его именемъ, или назвать эпизодомъ изъ жизни странника. Вѣроятно этого Луку будутъ сближать съ Акимомъ Толстого. Мы настаиваемъ сразу на оригинальныхъ чертахъ типа Горькаго, несмотря на аналогію или сходство и съ Акимомъ Толстого, и съ Власомъ Некрасова. Акимъ—типъ, такъ сказать, статическій. Онъ превосходно выражаетъ одну сторону положительныхъ идеаловъ русскаго народа, воплощенныхъ въ живомъ лицѣ. Но какимъ бы онъ ни былъ геніальнымъ созданіемъ великаго писателя, Акимъ не исчерпываетъ всѣхъ свойствъ типа «правдолюбца» изъ народа. Онъ представитель вѣками выработаннаго міросозерцанія и остановился на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ. Его прошлая жизнь намъ ясна, хотя бы мы не знали ея въ подробностяхъ; она не вызываетъ вопросовъ, и Акимъ не ставитъ ихъ, а руководитъ дѣлами совѣсти по опредѣлившимся убѣжденіямъ. Между тѣмъ, Лука изъ числа «ищущихъ правды» и порою даже сомнѣвающихся—въ чемъ она

и всегда ли можно «правдой душу вылечить»? Онъ олицетворяетъ то духовное броженіе въ народѣ, которое по преимуществу выразилось въ расколѣ и сектантствѣ. И теперь, попутно остановившись въ ночлежкѣ, гдѣ происходятъ тяжелыя сцены, которыхъ и мы становимся свидѣтелями, онъ заявляетъ о томъ, что идетъ дальше, искать гдѣ-то въ Малороссіи представителей новыхъ толковъ.

Лука—это типъ безпокойнаго, неутомимаго искателя «своей» правды,—типъ вполнѣ реальный и вѣрно передающій дѣйствительныя свойства нѣкоторой части русскаго народа, параллельно другой, олицетворенной въ Акимѣ. Изученіе этого явленія—одна изъ важныхъ и существенныхъ задачъ литературы. Не такъ давно П. Д. Боборыкинъ упрекалъ наше интеллигентное общество въ равнодушіи къ вопросамъ вѣры, которые играютъ такую огромную роль въ жизни простого народа и выразились, между прочимъ, во множествѣ существующихъ у насъ сектъ. А. Ѳ. Кони, въ свою очередь, нашелъ возможнымъ обратить упрекъ къ самимъ писателямъ, которые, за немногими исключеніями (Печерскій, Лѣсковъ), не вводятъ въ обиходъ художественной литературы богатый матеріалъ, доставляемый судебными дѣлами о сектантахъ. Вѣроятно эта сдержанность обусловлена общею причиной внѣшняго свойства. Но, конечно, въ высокой степени важно знакомиться не съ однимъ только типомъ народныхъ мудрецовъ, съ опредѣлившимся міросозерцаніемъ, но и изучать запросы личной совѣсти у представителей разныхъ толковъ и ученій. Интересные наброски этихъ ищущихъ своей истины людей уже были вскользь намѣрены талантливой кистью В. Г. Короленко («Некрасовскій корень», см. «Русск. Бог.» 1898 г.), но къ указанному имъ главному вопросу, волнующему сектантовъ,—какая вѣра *правильная*,—у странника М. Горькаго присоединился другой: какой правдѣ надо слѣдовать, такъ какъ «правда-то не всегда по недугу человѣку». А Лука, отыскивая правду для себя, имѣетъ и другую, важную заботу—облегчать людямъ тяжкое для многихъ бремя жизни, врачевать больныя души, помочь совѣтомъ, кого предостеречь, кого утѣшить или поддержать.

Мы не знаемъ, ни откуда пришелъ, ни кто онъ по роду, ни какъ онъ раньше жилъ—этотъ странный старичокъ, съ котомкой за плечами, въ лаптяхъ и убогой одеждѣ. Но послѣдуемъ за нимъ въ ночлежку, куда онъ забрелъ по пути, заявляя о себѣ и хозяевамъ и жильцамъ, что онъ простой странникъ, «прохожій» и даже, повидимому, безъ требуемыхъ документовъ, такъ что хозяйка язвительно спрашиваетъ его—не вѣрнѣе ли было бы ему называть себя «проходимцемъ!» Старикъ не возражаетъ, ибо къ чему спорить на словахъ: онъ себя выкажетъ на дѣлѣ.

Въ тяжелую, мрачную обстановку подвальнаго этажа, гдѣ въ ночлежномъ пріютѣ скопилось нѣсколько «сомнительныхъ личностей», опустившихся «на дно», въ силу разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы узнаемъ впослѣдствіи, забрелъ этотъ таинственный старичокъ, и только съ его приходомъ мы начинаемъ нѣсколько проникать во внутренній міръ этихъ оборванныхъ, грязныхъ, потерявшихъ почти всякій человѣческій обликъ людей, и узнаемъ, какъ у нихъ, по выраженію Луки, все выходитъ запутаннымъ и сложнымъ, вслѣдствіе неумѣнія смотрѣть правильно на вещи и на людскія отношенія. Старикъ и призванъ по мѣрѣ силъ разобраться въ нихъ.

Въ ночлежкѣ, уставленной нарами, при свѣтѣ косыхъ лучей утренняго солнца, еле пробивающихся сквозь узкія, высокія окна, на авансценѣ сидитъ за станкомъ насупившаяся, мрачная фигура бывшаго слесаря, Клеща, которому не повезло въ работѣ. Рядомъ, на кровати подъ пологомъ, у самой печки, лежитъ его больная, умирающая жена; по временамъ слышится ея удушливый кашель и раздаются стоны. На противоположной сторонѣ, на кровати примостился картузникъ Бубновъ, бывшій скорнякъ, тучный, рыхлый, взбухшій отъ водки и плохого питанія. На лежанкѣ, на печкѣ, за женой Клеща, Анной, сидитъ въ унылой позѣ спившійся съ круга актеръ, алкоголикъ, нынѣ «потерявшій имя». На среднихъ нарахъ валяется долговязая фигура въ лохмотьяхъ: это шуллеръ отбывшій каторгу за убійство любовника своей сестры, бывшій телеграфистъ Сатинъ.

Въ свободныхъ промежуткахъ между нарами бродитъ, съ высоко взбитыми бѣлокурыми волосами, съ «убогой роскошью» наряда, въ измятой розовой кофточкѣ, съ неумѣло раскрашеннымъ лицомъ дешевыми бѣлилами и румянами, подведенными глазами—жалкая дѣвица Настя, очевидно, изъ «гулящихъ». Она держитъ книжку въ рукѣ и жадно упивается чтеніемъ какого-то бульварнаго романа «Роковая любовь», который опьяняетъ ее, какъ дурманъ, и заставляетъ забыть объ окружающей ее, гнетущей дѣйствительности. Тутъ же въ ночлежкѣ и сожитель Насти, «баронъ», какъ его величаютъ ночлежники, и, кажется, на самомъ дѣлѣ баронъ, но потерявшій всякій обликъ прежняго благовоспитаннаго, изящнаго, избалованнаго домашними попеченіями барича, который, женившись неудачно, спустилъ все свое состояніе, потомъ совершилъ растрату казенныхъ денегъ, былъ осужденъ и, наконецъ, очутился въ этой ночлежкѣ, «другомъ сердца» гулящей дѣвицы послѣдняго разбора, чуть что не ея сутенеромъ. Баронъ разсказываетъ потомъ (въ IV д.), что вся его жизнь представляется ему въ какомъ-то туманѣ, точно онъ только и дѣлалъ все время, что мѣнялъ платья, зачѣмъ и какъ—въ этомъ онъ не можетъ отдать себѣ отчета. Но въ концѣ концовъ вотъ и онъ очутился «на днѣ», въ какихъ-то рубищахъ, которымъ онъ силится придать видъ одежды, сшитой когда-то «по модѣ»; онъ продолжаетъ говорить о «порядочности», учитъ «хорошимъ манерамъ», старается быть изысканно-вѣжливымъ. И какъ онъ со всѣмъ этимъ жалокъ, ничтоженъ, а порою все же трогателенъ въ своей безпомощности, невмѣняемости и безотвѣтственности за погубленную жизнь.

Въ особой коморкѣ, отдѣленной перегородкой отъ другихъ, въ очевидно привиллегированномъ положеніи помѣщается молодой парень—Васька Пепелъ, профессіональный воръ. Причина оказываемаго ему хозяевами предпочтенія вскорѣ выясняется: во-первыхъ, онъ *выгодный* постоялецъ, такъ какъ хозяинъ не брезгаетъ скупать у него за безцѣнокъ краденныя вещи; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, онъ пользуется расположеніемъ хозяйки, сравнительно молодой еще женщины, Василисы, выданной за стараго мужа. Послѣдній, Михаилъ Ивановичъ Костылевъ, обрюзгшій, лицемѣрный и скверный ханжа, человѣкъ, давно утратившій всякую совѣсть, жадный до денегъ и безжалостный къ другимъ; онъ знаетъ про связь своей жены съ Василіемъ; онъ жестоко ее ревнуетъ, но мучимъ лишь безсильной злобой, такъ какъ Василій молодъ, силенъ, и къ тому же, какъ указано, са-

*

мый выгодный изъ жильцовъ. Чтобы закончить обзоръ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ—упомянемъ еще разбитную торговку пельменями, Квашню; затѣмъ младшую сестру Василисы—Наташу, скромную и тихую молодую дѣвушку, которой еще не коснулась окружающая ее грязь; ихъ дядя, будочникъ, Медвѣдевъ, изъ бывшихъ солдатъ, мирный и безобидный человѣкъ, несмотря на свое званіе «начальства»; онъ льнетъ къ бойкой и дородной Квашнѣ, надѣясь склонить ее на замужество, хотя Квашня и увѣряетъ, что, овдовѣвъ, закаялась навсегда выходить вторично замужъ. Наконецъ, какъ вихрь проносится по ночлежкѣ забубенная головушка, подмастерье у сапожника, Алешка, съ гармоніей въ рукахъ и хвастливой прибауткой загулявшаго парня—«ничего не хочу, ничего не желаю».

Не смотря на задорныя и смѣлыя рѣчи, этотъ Алешка, однако, самымъ позорнымъ образомъ прячется подъ нары, когда получаетъ отповѣдь отъ властной и не терпящей перекоровъ хозяйки, потребовавшей, чтобы онъ убирался восвояси. Два крючника—Кривой Зобъ и татаринъ, приходятъ потомъ на ночевку; на заднемъ фонѣ мелькаютъ безгласныя фигуры разныхъ лицъ, приходящихъ и уходящихъ «квартерантовъ» притона Костылевыхъ. Сами хозяева живутъ въ верхнемъ этажѣ деревяннаго домика, надъ подваломъ, въ отдаленной окраинѣ города, на задворкахъ, подлѣ вновь строющагося большого каменнаго зданія.

Душно и смрадно въ подвалѣ, гдѣ собрались всѣ эти люди. Съ одной стороны стоны умирающей, озлобленныя, протестующія рѣчи Клеща, вздохи актера-алкоголика, съ другой—пьяныя рѣчи и пѣсни безшабашной компаніи забулдыгъ.

И вдругъ въ эту удушливую, угнетающую обстановку вбѣгаетъ маленькая фигурка, согбеннаго отъ возраста и отъ привычной котомки за спиной, съ посохомъ и кружкой въ рукахъ, старичка странника, который пришелъ проситься переночевать, а то и на побывку, сколько приведется. Живой и юркій, съ веселыми прибаутками, находчивый на отвѣты, ко всему внимательный, этотъ новый гость сразу вноситъ нѣчто совершенно особое въ атмосферу ночлежки. Онъ умѣетъ и отшутиться, и кстати возразить, и посовѣтовать, и дѣломъ помочь. Онъ много видѣлъ, много думалъ и наблюдалъ и пришелъ къ заключенію, которое высказываетъ позже, что если «Сибирь не научитъ», то «человѣкъ можетъ добру научить».

«Человѣка приласкать никогда не вредно... Я те скажу, во время человѣка пожалѣть—хорошо бываетъ». Эти и подобныя имъ сентенціи Лука позже (въ III актѣ) излагаетъ, какъ изреченія мудрости, провѣренныя опытомъ и поясняемыя имъ разными примѣрами. Пока мы его видимъ на дѣлѣ: живо скинувъ съ себя на заваленку свои путевыя, несложныя принадлежности, и получивъ молчаливое согласіе хозяевъ остаться въ ночлежкѣ, онъ пристально, но незамѣтно для другихъ приглядывается къ своимъ новымъ сожителямъ и быстро находитъ себѣ дѣло. Вотъ Лука уже ухаживаетъ за больной Анной и старается умѣрить злобную раздражительность Клеща; мимоходомъ онъ пригрѣлъ словомъ бѣдную Настю, сбавилъ гонора «барону», прислушался къ темному заговору Василисы, которая подбиваетъ Ваську убить хозяина, обѣщая ему устроить и его женитьбу на Наташѣ,—такъ какъ она догадалась, что Васька ее разлюбилъ, и льнетъ къ младшей

сестрѣ, — и даже надѣлить деньгами. Когда (уже во II-мъ дѣйствіи) Васька, возбужденный коварными рѣчами Василисы и гнусными подходами Костылева, набрасывается на послѣдняго и, кажется, вотъ-вотъ тутъ же задушитъ его на мѣстѣ, старикъ своевременно, но будто нечаянно, останавливаетъ его, сбросивъ съ лежанки вещи, которыя звонко раскатываются по полу, и Васька, ошеломленный внезапнымъ шумомъ, вдругъ приходитъ въ себя и выпускаетъ изъ рукъ свою жертву. А Лука, посмѣиваясь въ бороду, свѣсивъ ноги съ лежанки, вступаетъ въ бесѣду съ Васькой и приводитъ его «въ разумъ».

Понемногу всѣхъ обошелъ этотъ простодушный съ виду старичекъ, и всякому нашелъ что сказать, какъ привлечь. «Какой ты дѣдушка мягкій»—говорятъ ему въ концѣ перваго акта. «Видно много мяли, оттого и мягкій», отшучивается Лука.

Мы не излагаемъ послѣдовательно содержанія пьесы, поэтому сразу отмѣтимъ, что съ наибольшимъ рельефомъ простое и доброе отношеніе къ людямъ Луки очерчивается во второмъ дѣйствіи, когда онъ напутствуетъ умирающую Анну. Время ночное. Промыслившіе разными способами кое-какія шалыя деньги, обитатели ночлежки играютъ въ карты, поютъ пѣсни, ссорятся баронъ попадается въ передержкѣ за игрой, чѣмъ приводитъ въ негодованіе «честнаго» татарина, который никакъ не можетъ понять, чтобы допускали нечистую игру, но въ то же время не умѣетъ объяснить, почему и бѣднымъ людямъ все-таки нужно оставаться честными. Надъ татариномъ смѣются. Товарищи по разгулу барона бранятъ его только за недостатокъ ловкости. А рядомъ—человѣкъ при смерти. Лука понемногу всѣхъ выпроваживаетъ. Онъ подаетъ разумный совѣтъ актеру поступить въ лечебницу, гдѣ, какъ онъ слышалъ, вылечиваютъ пьяницъ. У бѣднаго алкоголика заискрилась надежда вернуться къ жизни, къ дѣятельнсти, къ прежней славѣ. Онъ будетъ работать, копить деньги, чтобы избавиться отъ своего недуга. Недолговременна эта вспышка, но все же и въ этомъ человѣкѣ, скорбящемъ о томъ, что онъ сталъ хуже собаки, такъ какъ и у собакъ есть свои клички, а онъ обратился въ ничто, промелькнуло что-то свѣтлое, бодрящее, почти радостное.

Послѣ упомянутой сцены покушенія Васьки Пепла задушить Костылева, Лука представилъ и ему возможность начать новую жизнь, если онъ порветъ связь съ Василисой и перестанетъ подчиняться вліянію этой скверной женщины. Наконецъ, подзываетъ его Анна, которой близится послѣдній часъ. Лука просто и внушительно объясняетъ ей, что бояться смерти ей нечего, что на томъ свѣтѣ всячески ей лучше будетъ, такъ какъ прежде всего прекратятся ея страданія. Когда въ Аннѣ все же заговорила жажда жизни, хоть какой-ни на есть тяжелой, безрадостной жизни, которую все же можно терпѣть, такъ какъ страшнѣе—что тамъ будетъ, за гробомъ, Лука находитъ удивительно мѣткія выраженія, чтобы успокоить ее. «Смерть—она для всѣхъ ласковая, она всѣхъ успокоитъ». И подъ мѣрныя рѣчи Луки Анна дѣйствительно забывается и умираетъ неслышно, словно заснула, и не сразу догадываются о ея смерти. «Отмаялась»,—говоритъ Лука, убѣдившись въ ея кончинѣ. «Кашлять перестала»—брюзжитъ Бубновъ, жаловавшійся раньше на то, что своимъ кашлемъ Анна другихъ только тревожитъ. «Потеряла имя»—трагично заявляетъ актеръ, вернувшійся въ ноч-

лежку и опредѣляя смерть со своей точки зрѣнія. И затѣмъ онъ декламируетъ стихи, которые когда-то вызывали восторженныя рукоплесканія, когда онъ читалъ ихъ съ эстрады, а теперь долго, долго не могъ вспомнить ни одной строки, такъ какъ болѣзнь отняла у него всякую память, и вотъ, наконецъ, онъ вспомнилъ два куплета, и между прочими слова:

«Честь безумцу, который навѣетъ—человѣчеству сонъ золотой»,

Для такихъ страдалицъ какъ Анна, какъ отчасти и Настя, какъ Наташа, безжалостно мучимая и избиваемая ревнивой и злобной сестрой, конечно, «сонъ золотой»—единственное утѣшеніе въ жизни.

Развитіе этой темы дается въ третьемъ дѣйствіи: передъ нами задворки; глухое мѣсто, заваленное мусоромъ; заборъ справа; огромная красная стѣна на заднемъ планѣ и маленькій деревянный домикъ спереди; слѣва, изъ окна подвальнаго этажа, выглядываетъ одутловатая фигура Бубнова. На высокой лѣстницѣ, прислоненной къ домику, усѣлся баронъ, а внизу на крылечкѣ сидятъ женщины и Настя страстнымъ, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ разсказываетъ прочитанный ею романъ, который она пріурочиваетъ къ себѣ самой, вѣря тому, что она выдумываетъ, не будучи въ состояніи отдѣлить въ своемъ больномъ воображеніи правды отъ вымысла, такъ какъ вымыселъ все же краше, онъ для нея и есть тотъ «сонъ золотой», въ которомъ она хотѣла бы забыться. Надъ ней издѣваются; громче всѣхъ смѣется баронъ, которому, однако, придетъ часъ и тоже захочется такого «сна». Только его сонъ относится къ прошлому, къ воспоминаніямъ о его прежней роскошной жизни, о своихъ доблестныхъ предкахъ—и тогда (эта сцена происходитъ уже въ IV д.) Настя, въ свою очередь, не захочетъ ему вѣрить, будетъ изводить его отрицаніемъ правды за его разсказами, а Сатинъ, когда баронъ клянется и божится, что у него были свои кареты и даже съ гербами, ѣдко замѣтитъ ему, что—«въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь».

Настя очень огорчена тѣмъ, что никто не хочетъ вѣрить ея розсказнямъ, и только неизмѣнный Лука находитъ возможнымъ утѣшить ее и успокоить. И Наташа находитъ, что «видно вранье-то пріятнѣе правды», и сознается, что тоже любитъ про себя выдумывать и ждетъ, что случится что-нибудь особенное, или даже, что она умретъ скоропостижно и т. п.

И вотъ завязался разговоръ о правдѣ, ея преимуществахъ и отрицательныхъ свойствахъ. Бубновъ изъ своей конуры глубокомысленно замѣчаетъ про Настю: «она привыкла рожу себѣ подкрашивать,—вотъ и душу хочетъ подкрасить, румянецъ на душу наводитъ». «У всѣхъ людей души сѣренькія, изрекаетъ баронъ: всѣ подрумяниться желаютъ». А Лука заводитъ длинный разсказъ о томъ, какъ одинъ человѣкъ все искалъ на свѣтѣ «праведную землю», въ существованіе которой свято вѣрилъ. И пришлось ему встрѣтиться съ другимъ ученымъ, книжнымъ человѣкомъ, у котораго были всякіе «планты» и все росписано, гдѣ какая земля находится, а «праведной земли» нигдѣ не оказывалось. Долго не хотѣлось вѣрить этимъ свидѣтельствамъ искателю «праведной земли»; когда же онъ убѣдился, что зря искалъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ, то обругалъ ученаго, а самъ съ горя повѣсился *).

*) Мы не можемъ кстати не припомнить по поводу этого преданія о «пра-

Много всякихъ разсказовъ на разные случаи въ запасѣ у странника Луки, но, какъ ни цѣнили его обитатели ночлежки, нельзя ему было дольше задерживаться: и самого его влекло туда, куда онъ путь держалъ съ самаго начала, да и хозяева ужъ очень косо на него поглядывали. А тутъ на бѣду еще Василиса подслушала объясненіе Васьки Пепла съ Наташей, и какъ старикъ горячо поддерживалъ Ваську въ его желаніи окончательно порвать съ Василисой, жениться на Наташѣ, бросить воровство и зажить по новому. «Ты ему только почаще напоминай, что онъ хорошій человѣкъ, — убѣждалъ Лука Наташу,—вотъ онъ и будетъ держаться и захочетъ по хорошему жить». И самъ Васька высказываетъ предположеніе, что онъ, можетъ быть, потому и сталъ воромъ, что его сызмалѣтства такъ всѣ называли и «другимъ именемъ никто никогда не догадался назвать меня». Благодаря посредничеству Луки, Василій и Наташа сговорились, но Василиса, подслушавъ, стоя у окна, ихъ сговоръ, не замѣченная ими, затѣмъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ сразу нарушаетъ ихъ радостное настроеніе. Костылевъ, вернувшись изъ церкви, поддерживаетъ жену, и вотъ первому пришлось убираться Лукѣ, которому пригрозили полиціей.

За сценой, между тѣмъ, опять сцѣпились сестры. Слышны брань, визги, возня, наконецъ, неистовый оглушительный крикъ Наташи, которой, оказывается, Василиса со зла опрокинула на ноги кипѣвшій самоваръ. Кинулись искать Василія, какъ законнаго заступника за Наташу,

---

ведной землѣ» разсказъ о путешествіи трехъ уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодье», сообщенный Вл. Г. Короленко въ «Русск. Бог.», 1901 г. Разсказъ не вымышленный, и достойно удивленія, что по сіе время въ средѣ раскольниковъ держится преданіе, уцѣлѣвшее отъ среднихъ вѣковъ, о томъ, что гдѣ-то на земномъ шарѣ есть заповѣдная, «праведная» земля. И вѣдь пускаются же на розыски ея въ кругосвѣтное плаваніе темные, необразованные люди, не пожелавшіе или не смогшіе разстаться съ завѣтной мечтой. Поддерживать въ нихъ такія иллюзіи, хотя бы изъ жалости, какъ того, повидимому, хочетъ Лука, врядъ ли умѣстно. Иллюзія иллюзіи рознь и, мы, во всякомъ случаѣ, думаемъ, что правда нужна не однимъ только «сильнымъ» людямъ, какъ проповѣдуетъ Сатинъ, въ IV актѣ пьесы, разъясняя пародоксальныя слова Луки, что «не всякая правда нужна». Можетъ быть «не всякая», но правда нужна всякому, ибо и слабый человѣкъ правдою окрѣпнетъ. Между прочимъ пришлось и мнѣ какъ-то бесѣдовать тоже съ выходцами изъ Уральска, казаками-раскольниками, которыхъ именно желаніе провѣрить правдивость розсказней, распространявшихся въ ихъ средѣ, какими-то путями завела въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ мы также развернули передъ ними карты и «планты», опровергая невѣрныя свѣдѣнія, которыя имъ были даны. Раскольники не «выругались» и, кажется, ни одинъ изъ нихъ не повѣсился, а послѣ бесѣды они справились, гдѣ покупаются географическія карты и атласы, и повезли ихъ своимъ землякамъ въ назиданіе. Дальнѣйшей судьбы упомянутыхъ казаковъ, искателей «праведной земли», я не знаю, но думается, что можно предусмотрѣть и такой выводъ: если разсѣется утопія о праведной землѣ, которая и западно-европейцамъ мерещилась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ (примѣрно въ XII—XVII), какъ дѣйствительно страна, помѣщаемая гдѣ-то на востокѣ, то, можетъ быть, искавшіе ее «за тридевятью государствами», отложивъ напрасные поиски, пожелаютъ реализовать мечту и не сходя съ мѣста. И почему родной землѣ не обратиться современемъ въ «праведную»?

вакъ какъ они все же женихъ и невѣста. На дворъ выводятъ избитую и ошпаренную Наташу; столпился народъ; Костылевъ ходитъ, произнося какія-то бранныя слова по адресу Наташи, которую онъ считаетъ нищей, всѣмъ ему обязанной, такъ какъ онъ ее содержитъ изъ милости, какъ сестру своей жены. Вбѣгаетъ Васька и, слыша стоны Наташи, смутно отдавая себѣ отчетъ въ происшедшемъ, но не сомнѣваясь въ виновности Костылевыхъ, съ силой ударяетъ хозяина и въ дракѣ, почти нечаянно, убиваетъ его.

Василиса съ торжествомъ выдаетъ измѣнившаго ей возлюбленнаго и призываетъ властей; Васька грозитъ и ее запутать въ судебный процессъ; онъ напоминаетъ, что она сама подговаривала его избавить ее отъ мужа. Это признаніе совершенно ошеломляетъ Наташу: ей теперь кажется, что все это нарочно было подстроено, чтобы привести въ исполненіе преступный замыселъ Василисы; она больше не вѣритъ искренности прежнихъ признаній и обѣщаній Васьки; она отказывается отъ него навсегда и съ воплями и стонами оплакиваетъ свою погибшую мечту.

На этой тяжелой сценѣ оканчивается третій актъ: нѣтъ больше старичка Луки, который бы съумѣлъ, быть можетъ, и предупредить несчастье, или, во всякомъ случаѣ, выяснилъ бы правду, вразумилъ бы каждаго и удержалъ Наташу отъ послѣдняго, рокового шага, на который она съ отчаянія вскорѣ рѣшится.

Отсутствіе Луки въ такой важный моментъ еще болѣе оттѣняетъ все значеніе того, что онъ могъ бы сдѣлать. И въ послѣднемъ дѣйствіи, хотя его нѣтъ, но его вліяніе чувствуется все время. Вспоминаются его рѣчи, досказывается и комментируется его своеобразная философія «изъ себя»—почему не всегда правда излечиваетъ души, какъ это люди живутъ для лучшаго («всякъ думаетъ для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что для лучшаго»), и т. п.

Роль толкователя рѣчей старца принимаетъ на себя въ IV актѣ Сатинъ. Мы опять въ ночлежкѣ, гдѣ немногое перемѣнилось, хотя теперь владѣютъ ею другіе хозяева: торговка Квашня, взявшая-таки себѣ въ «сожители» Медвѣдева и довольно безцеремонно имъ командующая, но благодушно, безъ затаенной злобы и ехидства Василисы, которая теперь предана суду вмѣстѣ съ Василіемъ. Наташа выздоровѣла отъ побоевъ и ожога, но тотчасъ же пропала безъ вѣсти. Налицо только прежніе жильцы ночлежки. И вотъ они вспоминаютъ прошлое; досказывается исторія каждаго изъ знакомыхъ уже намъ лицъ; Сатинъ разводитъ теперь, какъ бы въ дополненіе къ рѣчамъ Луки, и свою философію о томъ, напримѣръ, что «правда—въ человѣкѣ»; «все въ человѣкѣ и все для человѣка»; «надо уважать человѣка, не жалѣть—не унижать его жалостью»; «человѣкъ выше сытости» и т. п. Пытается онъ разъяснить, почему по временамъ и ложь полезной бываетъ, впрочемъ, съ оговоркой, что это только для слабыхъ людей: «А кто самъ себѣ хозяинъ, кто независимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Правда — богъ свободнаго человѣка»; и т. д. Все это очень красиво, но Сатинъ какъ-то уже слишкомъ резонируетъ и его проповѣдь свободной личности нѣсколько заходитъ за предѣлы намѣченнаго передъ нами жизненнаго типа. Впрочемъ, во всей пьесѣ только въ этомъ единственномъ случаѣ мы замѣтили нѣкоторый перевѣсъ разсудочныхъ, надуманныхъ положеній надъ правдивостью художественнаго образа. Пьеса закан-

чивается сценой попойки и пѣніемъ пѣсни, которое внезапно нарушается извѣстіемъ, что на дворѣ несчастный актеръ-алкоголикъ все-таки повѣсился. И опять приходится вспоминать Луку и, такъ сказать, ощущать его отсутствіе послѣ того, какъ намъ показано было, какъ много онъ могъ сдѣлать своимъ умнымъ и добрымъ вмѣшательствомъ въ дѣла людей. Ничего не сбылось изъ того, что затѣялъ онъ для лучшаго устроенія жизни своихъ случайныхъ товарищей по ночлежкѣ, но авторъ, очевидно, и не могъ имѣть въ виду представить его дѣйствительнымъ «благодѣтелемъ», «Провидѣніемъ», «добрымъ геніемъ» и т. д. Этотъ пріемъ былъ бы совершенно неумѣстенъ. Достаточно того, что авторъ показалъ намъ самый типъ ищущаго правды и въ тоже время жалѣющаго людей странника и указалъ на то многое *возможное* въ улучшеніи ихъ участи, которое достигалось его участливымъ вниманіемъ. Жизнь взяла свое и опустившіеся «на дно» люди не могли выбраться оттуда снова на поверхность, на свѣтъ и волю, и все же что-то свѣтлое, хорошее остается въ душѣ послѣ представленія пьесы Горькаго. Вездѣ мелькаютъ свѣтъ и тѣни, но тѣневые контрасты, въ концѣ-концовъ, только усиливаютъ впечатлѣніе свѣта, который, думается, все же когда-нибудь, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, пересилитъ царство мрака. Да и нѣтъ его, этого безпросвѣтнаго мрака, даже «на днѣ» людской жизни, ибо и тамъ «люди—человѣки», и туда проникаетъ свѣтлый лучъ, хотя бы въ видѣ этого славнаго старичка, который такъ искусно умѣетъ пробуждать человѣческое и въ «бывшихъ» людяхъ.

Такимъ образомъ, выходитъ въ результатѣ, что и при созерцаніи низменной, «голой» правды жизни въ произведеніи искусства, можно вынести не одни только угнетающія, тяжелыя, но и отрадныя чувства, ощутить высокій подъемъ духа, испытать нравственное удовлетвореніе и это, конечно, благодаря «углу зрѣнія» художника, который, воспроизводя дѣйствительность, выступаетъ въ значительной мѣрѣ и ея толкователемъ.

Въ живыхъ и мастерски очерченныхъ образахъ, при описаніи ужасной судьбы подонковъ общества, М. Горькій показалъ намъ ихъ со стороны уцѣлѣвшихъ и въ нихъ общечеловѣческихъ свойствъ и пояснилъ значеніе двоякой правды, которая должна управлять людскими отношеніями: есть правда-любовь, которой назначеніе доставлять хотя бы кратковременное облегченіе безнадежно больнымъ. Она допускаетъ для «слабыхъ душою» утѣшительныя грёзы, какъ бы онѣ ни расходились съ правдой-истиной. Но это, очевидно, временный палліативъ. Любовь сдается порою на компромиссы, но даже она не въ состояніи исцѣлить человѣка, если не опирается на настоящей, истинной правдѣ, которая есть «богъ свободнаго человѣка».

Замѣтимъ на послѣдокъ, что многіе изъ афоризмовъ Луки такъ хороши, что они сохраняютъ самостоятельное значеніе и внѣ пьесы; о другихъ, если придавать имъ слишкомъ категорическій смыслъ, могутъ быть разныя мнѣнія, но правъ Лука въ своемъ замѣчаніи, что, вѣдь, часто бываетъ и такъ, что «не въ словѣ дѣло, а почему слово говорится».

Постановка и исполненіе «На днѣ» не оставляетъ желать лучшаго. Ярко, сочно и рельефно намѣченные авторомъ образы передаются артистами художественнаго театра съ удивительной жизненностью. Задача —

не совсѣмъ легкая даже для опытныхъ исполнителей, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей построенія пьесы: въ ней нѣтъ того, что называется дѣйствіемъ въ строгомъ смыслѣ слова, и интрига, едва начавшись, круто обрывается въ третьемъ актѣ, гдѣ почти непосредственно слѣдуютъ одна за другой и сцена помолвки Василія съ Наташей, и окончательный разрывъ между ними, послѣ чего данныя лица уже больше не появляются. По своей архитектоникѣ пьеса М. Горькаго не столько драма, въ смыслѣ цѣльности фабулы, какъ рядъ сценъ, объединенныхъ, какъ указано, одной центральной фигурой странника и отвлеченнымъ интересомъ высказываемыхъ его устами идей, которыя проясняются на конкретныхъ примѣрахъ. Кѣмъ-то правильно было замѣчено, что къ пьесамъ Горькаго нельзя примѣнять обычныхъ критеріевъ въ оцѣнкѣ драматическихъ произведеній. Онъ очень своеобразенъ, и если, въ виду яркой талантливости автора, которая сказалась и въ общемъ, и въ частностяхъ, можно поступиться теоріями, когда выполнено главное условіе успѣха пьесы—умѣнье поддерживать все время интересъ въ зрителяхъ, — то все же для артистовъ труднѣе выполнять отдѣльныя сцены, при сразу намѣченной и почти цѣликомъ исчерпывающейся характеристикѣ типовъ, чѣмъ провести роль на протяженіи нѣсколькихъ актовъ, встрѣчая поддержку въ интригѣ драмы и въ органической цѣлостности содержанія. Авторъ по отношенію почти къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ прямо приводитъ насъ къ кризису, вершающему его судьбу. Подводятся какъ бы итоги нѣсколькихъ жизней и если мы узнаемъ изъ разсказовъ, по мѣрѣ хода пьесы, о прошломъ этихъ людей, то все же характеры не развиваются у насъ передъ глазами; въ нихъ не совершается ни перелома ни «эволюціи»; они даны готовыми съ самаго начала, какъ въ новеллахъ, какъ въ жанровыхъ картинахъ. Артисты Художественнаго театра мастерски справились съ представленной имъ задачей. Изъ мужскихъ ролей особенно хорошъ былъ г. Москвинъ, игравшій странника Луку. Намъ еще не доводилось видѣть этого молодого, даровитаго артиста, пріобрѣтшаго заслуженную извѣстность, какъ прекрасный исполнитель Ѳедора Іоанновича, въ драмѣ гр. А. Толстого, сына Крамера въ пьесѣ Гауптмана, поручика въ «Трехъ сестрахъ» А. Чехова и т. д. и т. д., на такомъ нѣсколько неожиданномъ для насъ амплуа. Между тѣмъ, передъ нами оказался живой типъ, превосходно выдержанный отъ начала до конца, безъ всякой утрировки и безъ подчеркиванія сентенцій, на что легко было бы сбиться менѣе чуткому актеру именно въ этой роли. Г. Станиславскій былъ очень интереснымъ Сатинымъ и, по обыкновенію, блеснулъ отдѣлкой деталей въ своей роли. Г. Лужскій создалъ весьма типичнаго картузника пропоицу (Бубновъ). Очень хорошъ былъ г. Качаловъ въ роли «барона»: контрастъ между теперешнимъ жалкимъ положеніемъ этого бывшаго представителя свѣтскаго общества и усвоенными имъ съ дѣтства привычками «хорошаго тона», эта смѣсь благопріобрѣтенныхъ, послѣ своего паденія, пріемовъ жулика съ воспоминаніями объ обязанностяхъ «порядочнаго человѣка», были мастерски переданы, и бѣдный баронъ въ исполненіи г. Качалова вызывалъ къ себѣ не гадливое чувство презрительности, а былъ именно жалокъ, мѣстами даже трогателенъ. Изъ женскихъ ролей, отмѣтимъ въ высшей степени характерную, рельефную передачу роли Насти г-жею Книпперъ. Артистка

сумѣла до такой степени преобразовать себя,—не только наружность, но и голосъ, походку, жесты и т. п.—что была совершенно неузнаваема: передъ нами стояла несчастная, испитая, экзальтированная дѣвушка, во всемъ ужасѣ разлада между овладѣвшими ею грезами и дѣйствительностью. Наташу играла г-жа Андреева, сохранившая при передачѣ этой симпатичной роли, вполнѣ умѣстно въ данномъ случаѣ, присущую ей обаятельность и изящную простоту въ игрѣ. Весьма типичной Василисой была г-жа Муратова. Да и всѣ исполнители и исполнительницы оказались вполнѣ удовлетворительными, съ небольшими оттѣнками, такъ что можно ограничиться ихъ простымъ перечнемъ: Медвѣдева игралъ г. Грибунинъ, Квашню—г-жа Самарова, Костылева—г. Бурджаковъ, Ваську Пепла — г. Харламовъ, актера, — г. Громовъ, Клеща — г. Загаровъ, Алешку (портного) — Адашевъ, и даже такія эпизодическія роли, какъ двухъ крючниковъ, поручены были выдающимся артистамъ — гг. Вишневскому (татаринъ) и Баранову (Кривой Зобъ). Особенностью труппы московскаго художественнаго театра является, какъ извѣстно, равномѣрное отношеніе ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ пьесы, безъ различія между «главными» и «не главными» ролями. Умѣлое режиссерство Вл. И. Немировича-Данченко не допускаетъ выдѣленія личностей въ ущербъ цѣлому: на первомъ планѣ стоитъ пьеса и замыселъ автора, который выполняется съ наивозможной добросовѣстностью во всѣхъ деталяхъ. Въ данномъ случаѣ, именно при постановкѣ «На днѣ», мы не замѣтили и никакихъ особыхъ «приправъ» по монтировочной части, что весьма выгодно отразилось на общемъ впечатлѣніи отъ спектакля. И если между «сосьетерами» московской труппы есть исполнители, выдающіеся по таланту, потому что болѣе другихъ одарены по природѣ, то они отнюдь не заслоняютъ остальныхъ и вліяніе школы благотворно чувствуется на всемъ ансамблѣ. Въ этомъ отношеніи, на примѣрѣ московскаго художественнаго театра мы видимъ какъ бы живое опроверженіе одного изъ афоризмовъ, высказываемыхъ въ пьесѣ М. Горькаго спившимся съ круга актеромъ, что-де образованіе ничто, а вся суть лишь въ талантѣ. «Школа»—это же и есть образованіе. Но мы можемъ зато примѣнить, въ нѣсколько измѣненномъ значеніи и въ другомъ пріуроченіи, иное замѣчаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, которое представляется желаемымъ принципомъ всякой общественной организаціи, и умѣстно не только «на днѣ»: въ труппѣ художественнаго театра, благодаря общему служенію единой цѣли—искусству—тоже нѣтъ «господъ»: здѣсь всѣ художники, преданные исключительно своему дѣлу.

Оказанныя всей труппѣ, артистамъ и режиссерамъ, оваціи на первомъ представленіи пьесы и полный, вполнѣ заслуженный тріумфъ автора достаточно свидѣтельствуютъ сами по себѣ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ его новое, прекрасное произведеніе. Этотъ незабвенный вечеръ былъ настоящимъ праздникомъ искусства и человѣчности.

Ѳ. Батюшковъ.

19-го декабря 1902 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Энергетическая натуръ-философія.

I.

За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ въ средѣ естествоиспытателей все рѣзче и рѣзче проявляется стремленіе связать точныя науки съ «философіей» и психологіей, вѣрнѣе, научный фактъ — съ теоріей познанія. Отчасти это стремленіе вызвано реакціей противъ матеріалистической метафизики, но имѣется и болѣе самостоятельная причина: исканіе новыхъ, болѣе общихъ символовъ, которые могли бы охватить и систематизировать растущую съ поразительною быстротой груду фактическаго матеріала.

Къ этой работѣ естественно-исторической мысли нашъ журналъ относился всегда съ особенною чуткостью, и мы въ своихъ фельетонахъ будемъ знакомить читателя не только съ новыми научными фактами, но и съ новыми мыслями и философскими обобщеніями въ области естествознанія.

Кромѣ этихъ попытокъ связать естественно-историческіе факты съ теоріей познанія, для послѣдняго времени характерно все усиливающееся значеніе въ наукѣ принципа энергіи, что, по нашему мнѣнію, объясняется, между прочимъ, той же быстротой накопленія фактическаго матеріала.

Только что вышедшая *) книга извѣстнаго нѣмецкаго ученаго проф. Вильгельма Оствальда «Натуръ-философія» является наиболѣе смѣлой и наиболѣе широкою попыткой подобнаго рода: съ одной стороны, его энергетическая картина охватываетъ весь міръ, начиная съ мертвой природы и кончая человѣкомъ, съ его сознательной, научной и художественной дѣятельностью, съ другой— символы энергіи Оствальдъ стремится вывести изъ нашей психики—изъ нашихъ переживаній. Онъ называетъ себя натуръ-философомъ, такъ какъ признаетъ совершенно правильной идею Шеллинга: мышленіе и бытіе тожественны. Ошибка Шеллинга, по мнѣнію Оствальда, заключалась въ томъ, что Шеллингъ считалъ, что эта тожественность уже осуществлена, тогда какъ полное взаимное приспособленіе мышленія и внѣшняго міра только далекій, можетъ быть, неосуществимый идеалъ, и формула эта драгоцѣнна только какъ программа развитія мышленія. Въ новой натуръ-философіи мы должны, по мнѣнію автора,

---

*) Вильгельмъ Оствальдъ. «Натуръ-философія», лекціи, читанныя въ лейпцигскомъ университетѣ; на нѣмецкомъ языкѣ книга появилась въ концѣ 1901 года, на русскомъ языкѣ—въ концѣ 1902 г. Переводъ сдѣланъ Г. А. Котляръ подъ ред. М. М. Филиппова.

учиться измѣнять и улучшать наше мышленіе, сообразно съ данными опыта. Оствальдъ сознается, что такого рода работа крайне трудна, такъ какъ, приступая къ постройкѣ, мы должны уже пользоваться средствами, которыя предполагаютъ самое зданіе готовымъ: словами, методами умозаключенія и т. д.

Оствальдъ придерживается того позитивнаго положенія, что все наше знаніе зиждется на нашихъ *переживаніяхъ*; благодаря способности припоминанія мы сравниваемъ то, что переживаемъ въ данный моментъ съ тѣмъ, что переживали раньше, причемъ сходныя переживанія выступаютъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ чаще мы ихъ сознательно переживали *). Путемъ этого сравненія, т.-е. путемъ отыскиванія общихъ и повторяющихся чертъ, образуются *понятія* и получается возможность «умозаключить отъ прошлаго черезъ настоящее къ будущему» и дѣйствовать цѣлесообразно — наиболѣе существенная черта того, что мы зовемъ опытомъ.

Образовавшіяся понятія являются для насъ уже правилами, по которымъ мы разбираемся въ дальнѣйшихъ нашихъ переживаніяхъ и такимъ образомъ «наблюдаемъ опредѣленныя особенности явленія». Понятія мы не только образуемъ сами, какъ индивидуумы, но и получаемъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ. Разъ мы находимъ въ нашихъ переживаніяхъ даннаго момента нѣкоторые изъ элементовъ какого-нибудь уже установившагося у насъ понятія, то мы умозаключаемъ, т.-е. высказываемъ предположеніе о существованіи цѣлаго явленія, соотвѣтствующаго данному понятію.

Образовавшіяся понятія люди передаютъ другъ другу при помощи рѣчи и письма. Но, предупреждаетъ Оствальдъ, наша рѣчь есть не только хранилище цѣлесообразныхъ понятій, но и такихъ, которыя совершенно устарѣли и часто могутъ вводить только въ заблужденіе; поэтому авторъ предлагаетъ «создать рядомъ съ роднымъ языкомъ общій, простой, дѣловой научный языкъ, который въ международныхъ сношеніяхъ принесетъ несравненно больше пользы, чѣмъ желѣзная дорога и телеграфъ».

Первое понятіе, которое мы получаемъ изъ непрерывнаго потока нашихъ переживаній есть понятіе *вещи*; имъ Оствальдъ обозначаетъ переживаніе, которое мы ощущаемъ отдѣленнымъ или отличнымъ отъ другихъ, что познается отдѣльно отъ всего прочаго. Такимъ образомъ вещами Оствальдъ зоветъ не только тѣ объекты внѣшняго міра, которые и въ обыденной рѣчи называются вещами, но и переживанія, не связанныя съ органами чувствъ: рѣшеніе, мысль, сужденіе. Вообще переживанія можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ могутъ быть вызваны нами по произволу, другія—нѣтъ, послѣднія мы получаемъ при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ, они не зависятъ отъ нашей воли и мы относимъ ихъ къ понятію внѣшняго міра. Между этими двумя группами имѣются, конечно, переходныя. Слѣдовательно, внѣшній міръ мы можемъ опредѣлить, «какъ сумму такихъ переживаній, возникновенію которыхъ содѣйствуютъ наши органы чувствъ». Какъ остроумно замѣчаетъ Оствальдъ, «вопросъ не въ томъ, существуетъ-ли внѣшній міръ, а въ томъ, какія наши переживанія мы объединяемъ подъ именемъ внѣшняго міра».

---

*) Оствальдъ и книгу свою посвящаетъ Эрнсту Маху и признается, что наибольшее вліяніе на развитіе его идей оказалъ Махъ и Робертъ Майеръ.

Мы не послѣдуемъ далѣе за авторомъ въ его анализѣ нашей психики, такъ какъ дальнѣйшіе выводы автора въ данной области не необходимы для построенія энергетическаго ученія.

II.

Что же такое энергія?

Изъ опыта мы знаемъ, что различныя тѣла приводятся въ движеніе не съ одинаковой легкостью: для того, чтобы поднять булавку или желѣзную гирю нужно произвести различныя усилія. Такое усиліе есть то, что обыкновенно зовется работой. Мы знаемъ, что послѣ совершенія нѣкоторой работы наша способность работать, нашъ запасъ работы истощается. Запасъ этотъ возстановляется черезъ нѣкоторое время, благодаря принятію пищи. «Мы знаемъ также, что одна работа можетъ быть превращена въ другую. Если я держу веревку за одинъ конецъ, то могу другимъ ея концомъ произвести работу и перенести ее въ такое мѣсто, гдѣ я самъ не нахожусь. Работа, слѣдовательно, есть величина, которая можетъ быть перенесена съ одного мѣста на другое. Работа, которую я произвожу, когда завожу свои часы, служитъ въ теченіе 24-хъ часовъ для того, чтобы приводить въ движеніе часы: работа, слѣдовательно, можетъ быть запасаема. Наконецъ, работа можетъ претерпѣвать превращенія, такъ какъ съ помощью машинъ всякаго рода я могу осуществить такія работы, которыхъ я не могъ бы сдѣлать безъ ихъ помощи; я могу, напримѣръ, съ помощью рычага поднять такой тяжелый камень, который я не могъ бы сдвинуть съ мѣста безъ этого орудія». При этомъ наблюдается законъ, что при всякомъ превращеніи количество работы не можетъ быть увеличено. Это количество работы измѣряется какъ извѣстно, произведеніемъ силы на путь, т.-е. величины преодолѣваемаго сопротивленія на разстояніе, на которое передвигается данная тяжесть. Количество такой механической работы можетъ быть превращено не только въ другую механическую работу, но и во всякія другія работы: въ теплоту, электрическую, химическую работу и т. д. Эти другія формы обыкновенно называютъ энергіями.

Такимъ образомъ, энергія есть работа или все, что изъ работы возникаетъ и въ нее превращается. Энергія подчинена также закону сохраненія, какъ и работа: въ 1842 г. Робертъ Майеръ установилъ законъ, гласящій, что при всѣхъ превращеніяхъ полное количество существующихъ энергій остается неизмѣннымъ. Вся дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ обусловливается тѣмъ, что въ нихъ совершаетъ работа: мы слышимъ, такъ какъ колебанія воздуха производятъ работу на барабанной перепонкѣ и во внутреннемъ ухѣ; мы видимъ, такъ какъ лучистая энергія вызываетъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза химическую работу, которую мы ощущаемъ, какъ свѣтъ; обоняніе и вкусъ также обусловлены химической работой въ полостяхъ носа и рта; когда мы осязаемъ твердое тѣло, мы ощущаемъ механическую работу, которая производится сжатіемъ концовъ нашихъ пальцевъ, а также и осязаемаго тѣла. «Только черезъ трату энергіи или работы мы узнаемъ о томъ, какъ устроенъ внѣшній міръ и какія онъ имѣетъ свойства. Вся природа представляется намъ съ этой точки зрѣнія, какъ распредѣленіе въ пространствѣ и времени различныхъ видовъ энергіи

измѣняющихся во времени и пространствѣ. И мы узнаемъ объ этомъ мірѣ только въ той мѣрѣ, въ которой эти энергіи переходятъ на наше тѣло и въ особенности на наши органы чувствъ, спеціально приспособленные для воспринятія опредѣленныхъ видовъ энергіи».

На основаніи такихъ соображеній Оствальдъ и стремится построить исключительно энергетическое міросозерцаніе, совершенно не пользуясь понятіемъ матеріи. Прежде всего встаетъ, конечно, вопросъ, какъ понять энергетически самую матерію и тѣла? Какъ, напримѣръ, объяснить форму, протяженность, тяжесть тѣлъ?

Твердое тѣло имѣетъ опредѣленную форму, которую все же въ незначительной степени можно измѣнить механическимъ воздѣйствіемъ. Съ прекращеніемъ этого воздѣйствія тѣло вновь принимаетъ первоначальную форму. Слѣдовательно, говоритъ Оствальдъ, измѣненіе формы тѣла произошло потому, что къ нему была приложена работа. Оно поглощаетъ эту работу и сохраняетъ ее до тѣхъ поръ, пока сохраняетъ измѣненную форму; по мѣрѣ того, какъ оно вновь принимаетъ первоначальную форму, оно все болѣе и болѣе тратитъ на это работу, и когда приметъ, наконецъ, первоначальную форму, тогда вся работа истрачена. Это свойство называетъ упругостью. Работа или энергія, поглощенная упругимъ тѣломъ, зависитъ отъ его формы и поэтому называется *энергіей формы*. Твердое тѣло сохраняетъ свою форму потому, что каждое измѣненіе ея связано съ поглощеніемъ энергіи, но послѣдняя не можетъ возникнуть изъ ничего и потому твердое тѣло не можетъ безъ притока энергіи со стороны перейти изъ обычнаго своего состоянія, когда оно обладаетъ минимальнымъ запасомъ энергіи формы, въ измѣненное состояніе съ большимъ запасомъ энергіи. Сохраненіе энергіи твердымъ тѣломъ есть необходимое слѣдствіе закона сохраненія энергіи.

Форму тѣла можно измѣнять также и равномѣрнымъ всестороннимъ сжатіемъ; тогда данное тѣло остается геометрически себѣ подобнымъ, но только пріобрѣтаетъ меньшій объемъ. Здѣсь примѣнимо то же разсужденіе, что и въ предыдущемъ случаѣ, только вмѣсто энергіи формы появляется *энергія объема*; твердое тѣло до тѣхъ поръ, пока къ нему нѣтъ притока энергіи со стороны должно сохранять свой объемъ. Такимъ образомъ «при осязаніи мы въ дѣйствительности ощущаемъ пространственныя условія энергіи формы и объема; опредѣленіе существованія какого-нибудь «тѣла» съ помощью осязанія, которое не безъ основанія считается самымъ вѣрнымъ признакомъ фактическаго присутствія «тѣлесной» вещи, не обнаруживаетъ ничего болѣе, .какъ только существованіе этихъ особыхъ энергій».

Явленія разрыва и ломки также получаютъ у Оствальда энергетическое объясненіе. При сгибаніи, крученіи и т. п., различныя части тѣла получаютъ различныя количества энергіи формы, и если на какомъ-нибудь мѣстѣ тѣла это количество превышаетъ максимальный предѣлъ, то на этомъ мѣстѣ излишекъ работы долженъ принять другія формы. Наступающіе въ такомъ случаѣ процессы ломанія и т. п. характеризуются образованіемъ новыхъ поверхностей на тѣлѣ. Для увеличенія поверхностей также необходима работа и, слѣдовательно, нужно допустить что существуетъ особая *энергія поверхности*. Въ твердыхъ тѣлахъ мы мало знакомы съ нею, сознается Оствальдъ, но для жидкостей эта

энергія хорошо извѣстна въ явленіяхъ капиллярности. Такимъ образомъ явленія разрыва, ломки и т. д. зависятъ отъ того, что излишняя работа переходитъ въ энергію поверхности тамъ, гдѣ не можетъ превратиться въ энергію формы.

Выдѣляетъ также Оствальдъ и *энергію движенія*. Свободно падающее твердое тѣло теряетъ пропорціонально проходимому пути часть своей *энергіи разстоянія*. Во что же превращается эта энергія? Въ *энергію движенія*: это тѣло пріобрѣтаетъ извѣстную скорость. Наоборотъ, когда тѣло, подброшенное вверхъ, увеличиваетъ свою энергію разстоянія, то скорость его пропорціонально уменьшается, и когда она становится равна нулю, тѣло начинаетъ падать, тогда снова энергія разстоянія начинаетъ уменьшаться, а скорость увеличиваться. Но энергія движенія зависитъ не только отъ скорости, но и отъ массы. Здѣсь Оствальдъ попадаетъ въ заколдованный кругъ, заявляя, что въ научной рѣчи «масса» не имѣетъ другого значенія, кромѣ отношенія къ энергіи движенія, выражающагося въ томъ, что энергія движенія возрастаетъ пропорціонально массѣ. Опытнымъ путемъ мы узнаемъ, что для того, чтобы при равной массѣ получить двойную скорость, мы должны работу учетверить. Потраченныя работы и возникающія отсюда энергіи движенія относятся между собой какъ квадратъ скоростей.

Какъ же устанавливается единица энергіи? Она установлена при помощи произвольно выбранной единицы массы. Послѣдняя равна грамму, иначе одной тысячной килограмма, приготовленнаго изъ платины и хранящагося въ Парижѣ. Какъ извѣстно энергія движенія равна половинѣ произведенія изъ массы на квадратъ скорости. Отсюда ясно, что единица массы (1 граммъ), движущаяся со скоростью одного сантиметра въ секунду (единица скорости) содержитъ половину единицы энергіи, иначе единица энергіи, называемая *эргомъ*, получается при движеніи 2 единицъ массы (2 грамма) со скоростью единицы (1 сантим. въ секунду).

Почему при опредѣленіи единицы энергіи — этой первоосновы всего — мы шли такимъ окольнымъ путемъ спрашиваетъ Оствальдъ. Оказывается потому, что единицы длины и массы могутъ быть съ большей легкостью и вѣрностью сохранены, чѣмъ какія бы то ни было другія единицы, особенно единицы энергіи единица же времени опредѣляется въ высшей степени точно съ помощи астрономическихъ явленій *).

Понятіе *инерціи* Оствальдъ объясняетъ съ точки зрѣнія энергетики слѣдующимъ образомъ.

Законъ сохраненія энергіи относится не только къ тѣмъ процессамъ, въ которыхъ одна форма энергіи переходитъ въ другія формы, но и къ такимъ, въ которыхъ этого перехода не наблюдается. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно, энергія должна удержать свою величину и свой видъ. Если тѣло предоставлено «самому себѣ», т.-е., если не происходитъ обмѣна энергіи между

---

*) Мы вполнѣ согласны съ редакторомъ перевода книги Оствальда М. М. Филипповымъ, что Оствальду надо было попытаться дать болѣе удовлетворительное объясненіе этой сложности единицы энергіи. Мы, впрочемъ, убѣждены, что этого сдѣлать нельзя. Въ такое же затруднительное положеніе попадаетъ Оствальдъ, когда опредѣляетъ энергію, какъ произведеніе интенсивности, *не имѣющей характера величины*, на емкость. *В. Аг.*

нимъ и его средой, то должны оставаться безъ измѣненія и его масса, и скорость. Инерціей поэтому называется только тотъ фактъ, что энергія движенія сохраняетъ неизмѣнной свою величину до тѣхъ поръ, пока къ ней не присоединятъ какой-либо другой энергіи, измѣняющей эту величину. Тогда и скорость сохраняетъ свою величину и свое направленіе, т.-е. тѣло движется равномѣрно и прямолинейно или остается въ покоѣ, если оно раньше быловъ покоѣ.

«Загадка тяготѣнія» разрѣшается авторомъ принятіемъ особаго рода энергіи, зависящей отъ разстоянія между тѣлами—*энергіи разстоянія*, но входить въ разсмотрѣніе этой энергіи мы здѣсь не можемъ.

Переходимъ къ другимъ энергіямъ.

Электрическая и *магнитная* энергіи отличаются отъ большинства другихъ энергій тѣмъ, что не находятся въ связи съ нашими органами чувствъ. Оствальдъ объясняетъ это тѣмъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не происходитъ значительныхъ накопленій этой энергіи. Большинство тѣлъ, благодаря почти всегда находящейся водѣ, болѣе или менѣе хорошо проводятъ электричество, вслѣдствіе чего, если даже и возникаютъ различія, то они быстро исчезаютъ. Поэтому нашъ организмъ и не нуждается въ контролѣ надъ этими энергіями. Магнитная энергія тоже существуетъ вездѣ, но такъ равномѣрно распредѣлена, что мы не замѣчаемъ ея присутствія, какъ не замѣчаемъ давленія атмосферы.

Техническое значеніе электрической (и магнитной) энергіи и обусловлено тѣмъ, что ее легче, чѣмъ всякій другой родъ энергіи, можно провести куда угодно; это свойство ея стоитъ въ связи съ другимъ, менѣе для насъ удобнымъ, это—незначительной способностью ея сохраняться.

Химическія энергіи проявляется при взаимныхъ превращеніяхъ веществъ. «Когда сгораетъ уголь или ржавѣетъ желѣзо, или происходитъ какой-либо другой изъ безчисленныхъ процессовъ, въ которыхъ одни вещества исчезаютъ, а другія являются на ихъ мѣсто, то всегда измѣняется содержаніе энергіи этихъ веществъ. При превращеніи въ одномъ направленіи энергія тратится, при превращеніи въ обратномъ направленіи столько же энергіи поглощается. Примѣняя только процессы, въ которыхъ энергія тратится, мы получаемъ возможность превратить эту энергію въ другія формы и такимъ образомъ ею пользоваться».

Многообразіе химическихъ процессовъ громадно. Въ жизненномъ процессѣ, какъ животнаго, такъ и растенія, также накопляется химическая энергія въ видѣ запаса для образованія изъ нея всѣхъ другихъ формъ энергіи. Вообще характернымъ признакомъ химической энергіи является ея способность сохраняться и сосредоточиваться, поэтому вездѣ, гдѣ нужно носить съ собой запасъ энергіи, пользуются исключительно химической энергіей, и великая техническая проблема будущаго состоитъ, по Оствальду, въ томъ, чтобы непосредственно изъ химической энергіи получать механическую.

Энергія формы, объема, движенія и химическая энергія встрѣчаются всегда совмѣстно и въ совокупности образуютъ то, что зовется матеріей. Тепловая и электрическая энергія тоже связаны съ матеріей, но могутъ отъ нея и отдѣляться.

Еще болѣе, по мнѣнію Оствальда, независима отъ матеріи, т.-е. отъ дру-

гихъ родовъ энергіи, *лучистая энергія* *). Въ 9 минутъ доходитъ она отъ солнца до земли и на всемъ этомъ протяженіи не связана ни съ какой извѣстной намъ матеріей; она представляетъ періодическое явленіе съ весьма малымъ періодомъ.

Лучистая энергія, получаемая землей отъ солнца, является, какъ извѣстно, самымъ важнымъ источникомъ *свободной* энергіи, т.-е. такой энергіи, которая доступна превращеніямъ. Солнечные лучи, достигнувъ земли, превращаются, частью еще въ воздухѣ, а большею частью лишь на поверхности земли въ теплоту и вызываютъ движеніе воздуха, испареніе воды, дождь, снѣгъ, теченіе рѣкъ, процессы вывѣтриванія и пр.

Здѣсь мы имѣемъ односторонній потокъ энергіи, который изливается на землю солнцемъ и тамъ частью тратится непосредственно, частью же накопляется растеніями въ формѣ химической энергіи, чтобъ затѣмъ служить растеніямъ и животнымъ для выполненія ихъ жизнедѣятельности. Громадныя количества солнечной энергіи пропадаютъ для насъ еще безъ пользы.

Такимъ образомъ, матерія разлагается на пространственно соподчиненный комплексъ энергій, и всѣ физическія явленія подводятся подъ понятіе энергіи; все происходящее во внѣшнемъ мірѣ охарактеризовано, по мнѣнію Оствальда, «исчерпывающимъ образомъ, когда указывается родъ и количество тѣхъ энергій, которыя тратятся или превращаются въ данномъ процессѣ. Поскольку мы разсматриваемъ и наше тѣло, какъ часть внѣшняго міра, постольку мы можемъ и къ нему примѣнить ту же точку зрѣнія. Мы замѣчаемъ, что мы, какъ и всѣ другіе люди и даже всѣ организмы, должны поглощать энергію для того, чтобы выполнять различнаго рода дѣйствія». Наша духовная дѣятельность подчинена тому же закону, и эти явленія невозможны безъ измѣненій энергіи.

Но какія условія должны быть выполнены для того, чтобы наступило превращеніе энергіи? Для механическихъ энергій этотъ вопросъ разрѣшается относительно просто и для нѣкотораго числа механическихъ отношеній проблема равновѣсія заключаетъ въ себѣ и случаи превращенія энергіи. Равновѣсіе существуетъ въ такихъ образованіяхъ, при измѣненіи котораго сумма энергіи или не измѣняется (безразличное равновѣсіе), или увеличивается (устойчивое равновѣсіе); въ послѣднемъ случаѣ избыточная энергія превращается въ энергію движенія, а затѣмъ происходитъ періодическое взаимное превращеніе между этой энергіей и какой-нибудь другой формой энергіи. Примѣромъ такого рода можетъ служить маятникъ.

Случаи безразличнаго равновѣсія въ практическомъ отношеніи сводятся къ устойчивому, но мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе этого случая. Гораздо труднѣе было выяснить условія превращенія другихъ, не механическихъ энергій. Впервые проблема эта появилась по отношенію къ тепловой энергіи.

Развитіе паровой машины въ началѣ XIX вѣка поставило вопросъ, почему теплота въ состояніи производить работу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ въ 1824 г. Сади Карно. Затѣмъ Клапейронъ, Вильямъ Томсонъ, Клаузіусъ

---

*) Оствальдъ совершенно отрицаетъ не только существованіе эѳира, но и гипотезу эѳира считаетъ вреднымъ балластомъ.

дали идеямъ Карно болѣе точную и общую формулировку и вывели изъ нихъ дальнѣйшія заключенія.

Прежде всего стало ясно, что въ пространствѣ съ постоянной температурой не происходитъ никакого процесса, съ помощью котораго можно было бы превратить теплоту въ работу. То же можно сказать и про среду, въ которой электрическое напряженіе вездѣ однородно: электрическихъ явленій въ такой средѣ не наступаетъ. То же относится и къ случаямъ изъ механики: въ средѣ съ равномѣрно распредѣленнымъ давленіемъ ничего не происходитъ. Свойство, отъ равномѣрнаго распредѣленія котораго въ данной средѣ зависитъ покой соотвѣтствующихъ энергій называютъ *интенсивностью*. Въ приведенныхъ выше случаяхъ это будутъ: температура, электрическое напряженіе, давленіе. Интенсивности не имѣютъ характера величинъ, такъ какъ ясно, что, напримѣръ, температуры нельзя складывать физически: если два тѣла съ равными температурами складываются, то все же температура остается прежней.

Интенсивности являются первымъ факторомъ соотвѣтствующихъ энергій вторымъ факторомъ ихъ будутъ *ёмкости*. Такъ, давленіе, помноженное на объемъ (второй факторъ) даетъ энергію объема, электрическое напряженіе, помноженное на количество электричества (второй факторъ)—электрическую энергію. Есть второй факторъ и у тепловой энергіи, это — такъ называемая *энтропія*. Температура помноженная на энтропію есть тепловая энергія.

Гельмъ формулируетъ слѣдующій законъ явленія: «Для того, чтобы что-либо произошло въ существующихъ энергіяхъ, должны существовать различія въ степени интенсивности». Почему интенсивность обладаетъ такимъ замѣчательнымъ свойствомъ? Потому, отвѣчаетъ Оствальдъ, что «равномѣрная интенсивность не есть принудительная причина, задерживающая событія, а только названіе существующаго въ наличности равновѣсія».

Итакъ для равновѣсія какой-нибудь формы энергіи необходимо только равенство одного фактора—интенсивности. Вспомнимъ, какъ устанавливаемъ мы равенство двухъ температуръ. Мы вносимъ термометръ въ одну среду и отмѣчаемъ, когда между этой средой и термометромъ установится равновѣсіе, затѣмъ поступаемъ такъ же со второй средой. Если мы находимъ, что и въ этомъ случаѣ устанавливается *такое же* равновѣсіе, какъ и въ первомъ случаѣ, мы заключаемъ, что такое же равновѣсіе скажется и между обѣими средами. Отсюда мы можемъ вывести слѣдующую законность: двѣ интенсивности, порознь равныя третьей, равны между собою.

На примѣрѣ маятника мы можемъ наблюдать, что всякое количество энергіи, составляющее избытокъ по отношенію къ равновѣсію, періодически переходитъ изъ одной формы энергіи въ другую, во всѣхъ другихъ энергіяхъ большею частью наблюдается то же, что и въ механической, но въ теплотѣ отсутствіе равновѣсія вызываетъ только уравниваніе температуръ и этимъ дѣло кончается. Такъ какъ съ другой стороны всѣ формы энергіи легко превращаются въ теплоту, а эта послѣдняя уравнивается и уже не образуетъ другихъ свободныхъ энергій, то на землѣ всѣ процессы протекаютъ такимъ образомъ, что количества энергіи, свободныя, т.-е. годныя къ употребленію, непрерывно уменьшаются и только непрерывный притокъ солнечной энергіи спасаетъ землю отъ покоя и смерти.

*

«Легкость возникновенія теплоты изъ другихъ энергій, неполнота ея обратнаго превращенія и отсутствіе препятствій ея стремленію къ распространенію до тѣхъ поръ, пока не достигнется состояніе равномѣрной интенсивности и, слѣдовательно, равномѣрной температуры—все это причины, выдвигающія на первый планъ на нашей землѣ процессы, протекающіе односторонне, необратимые и неперіодичные. Поэтому съ точки зрѣнія земныхъ явленій, время, какъ мы познаемъ его на опытѣ, направлено вполнѣ явственно въ одну сторону и разница между «раньше» и «позже» выступаетъ здѣсь самымъ рѣзкимъ образомъ». Изъ всѣхъ этихъ явленій съ ясностью вытекаетъ, что для каждаго уравновѣшенія энергіи необходимо время и все же уравновѣшеніе никогда не можетъ быть совершенно, такъ какъ по мѣрѣ теченія процесса различія въ интенсивности становятся все меньше, процессъ самъ себя замедляетъ.

Всѣ эти законности относятся не только къ температурамъ, но и къ электрическимъ напряженіямъ и ко многимъ другимъ интенсивностямъ: для всѣхъ ихъ необходимо время и всѣ они протекаютъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дальше подвинулось уравновѣшеніе.

Разсмотрѣвъ всѣ извѣстные виды энергій, Оствальдъ задается вопросомъ, нельзя ли предугадать свойствъ еще неизвѣстныхъ энергій; существованіе же таковыхъ мы должны допустить. Онъ полагаетъ, что здѣсь нужно идти путемъ, аналогичнымъ тому, которымъ шелъ Менделѣевъ при установленіи своей періодической системы элементовъ и предсказаніи существованія еще неизвѣстныхъ тогда элементовъ. Энергія есть интенсивность, помноженная на емкость; составимъ таблицу первыхъ и вторыхъ и станемъ сочетать каждый членъ таблицы интенсивностей съ каждымъ элементомъ таблицы емкостей,—мы получимъ таблицу, содержащую всевозможныя энергіи. Изъ этой таблицы сразу исключится много невозможныхъ видовъ; такъ, напр., сразу исключатся всѣ отрицательныя энергіи, такъ какъ энергія величина положительная. Авторъ сознается, что давно уже занимается этимъ вопросомъ, но пока можетъ сказать только, что число возможныхъ энергій, вѣроятно, не превышаетъ значительно числа энергій уже извѣстныхъ.

III.

Перейдемъ теперь къ послѣдней части книги Оствальда, гдѣ онъ пытается примѣнить энергетику къ изученію организмовъ.

Характернымъ признакомъ всѣхъ живыхъ существъ Оствальдъ считаетъ *потокъ энергіи*, (обыкновенно называемой обмѣномъ веществъ), а затѣмъ способность *самосохраненія*, т.-е. способность удерживать извѣстныя состоянія при различныхъ воздѣйствіяхъ среды,—въ этомъ ихъ различіе отъ неорганизованныхъ образованій. Такое самодѣятельное самосохраненіе возможно только при *стаціонарной* формѣ существованія.

Такія стаціонарныя (стоячія) образованія существуютъ и въ неорганизованномъ мірѣ, напр., пламя лампы. Они характеризуются тѣмъ, что обмѣнъ энергій протекаетъ въ нихъ съ постоянной скоростью, вслѣдствіе чего кажется, что явленіе остается постояннымъ. Эти образованія основаны на самоурегулированіи; такъ, пламя лампы горитъ равномѣрно, потому что можетъ захватить

только то масло, которое ему доставляетъ свѣтильня; послѣдняя же, благодаря волосности, доставляетъ все новыя и новыя количества масла, а это зависитъ отъ того, что масло, вслѣдствіе сгоранія, непрерывно исчезаетъ на верхнемъ концѣ свѣтильни. Какъ только одно изъ этихъ условій прекращается, стаціонарное состояніе исчезаетъ и смѣняется устойчивымъ.

Самосохраненіе же организмовъ выражается въ томъ, что они сами пріобрѣтаютъ тотъ запасъ энергіи, который имъ необходимъ для сохраненія своего стаціонарнаго состоянія. Этотъ запасъ энергіи состоитъ у организмовъ исключительно изъ химической энергіи, причемъ только хлорофильныя растенія добываютъ ее изъ лучистой энергіи солнца, всѣ же остальныя—изъ запасовъ химической энергіи другихъ организмовъ.

Свои запасы энергіи организмы утилизируютъ путемъ окисленія свободнымъ кислородомъ веществъ, содержащихъ углеродъ (органическихъ веществъ). При простомъ химическомъ процессѣ эти вещества окисляются при обыкновенной температурѣ крайне медленно, слѣдовательно организмъ долженъ обладать какими-нибудь специфическими средствами, при посредствѣ которыхъ они могли бы то замедлять, то ускорять какъ это окисленіе, такъ и другіе, необходимые дли жизни химическіе процессы.

Такихъ средствъ три: во-первыхъ, нѣкоторыя (главнымъ образомъ теплокровныя) животныя сохраняютъ постоянную, независимую отъ окружающей среды, температуру и тѣмъ устанавливаютъ постоянную скорость важнѣйшихъ химическихъ процессовъ, во-вторыхъ, эти способы регулируютъ пространственныя отношенія реагирующихъ веществъ (т.-е. степень концентраціи растворовъ, поверхности соприкосновеніи твердыхъ частей съ растворами, объемъ и направленіе обмѣна и т. д.) и, въ-третьихъ организмы пользуются особыми веществами, такъ называемыми *катализаторами;* одни изъ этихъ веществъ—діастазы—переводятъ крахмалъ въ растворимую форму, другія—оксидазы—ускоряютъ процессъ окисленія.

Благодаря всѣмъ этимъ совершаемымъ организмомъ работамъ, онъ получаетъ возможность сохраняться постояннымъ, расти и разножаться. Смерть организма авторъ объясняетъ несовершенствомъ стаціонарнаго состоянія и саморегулированія, ведущаго, въ концѣ концовъ, къ тому, что «дѣйствія организма, тратящія энергію, берутъ верхъ надъ дѣйствіями, накопляющими энергіи, и организмъ умираетъ».

Такимъ образомъ, жизненный процессъ организмовъ Оствальдъ считаетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, но, конечно, не въ телеологическомъ смыслѣ. Цѣлесообразно, съ точки зрѣнія даннаго организма, все то, что увеличиваетъ продолжительность существованія, нецѣлесообразно, что ее уменьшаетъ.

Какими же физическими и химическими средствами достигаются цѣлесообразныя цѣли организма?

Оствальдъ сознается, что вслѣдствіе громадной сложности какъ жизненныхъ процессовъ, такъ и самихъ веществъ, изъ которыхъ построенъ организмъ, еще долго не можетъ быть и рѣчи объ энергетическомъ объясненіи жизненныхъ явленій шагъ за шагомъ, но все же въ нѣкоторыхъ явленіяхъ неорганическаго міра можно, по его мнѣнію, найти аналогіи жизненнымъ процессамъ, хотя и

въ самой грубой формѣ. Такъ, напр., переходъ веществъ питательной жидкости въ тѣло бактеріи авторъ сравниваетъ съ ростомъ кристалла въ пересыщенномъ (сверхъустойчивомъ) растворѣ: и то и другое явленіе происходитъ только потому, что переходъ вещества изъ жидкости въ тѣло бактеріи или въ твердый кристаллъ связанъ съ уменьшеніемъ свободной энергіи. Дѣленію клѣтки, образованію «покоющихся» формъ ея Оствальдъ находитъ также грубыя аналогіи въ образованіи кристалловъ. Поэтому, по его мнѣнію, весьма вѣроятно, что невозможность искусственнаго полученія организмовъ обусловлена «нашимъ незнакомствомъ съ тѣми условіями, при которыхъ нарушаются «сверхъустойчивыя границы» питательнаго раствора по отношенію къ органической жизни».

Но разъ можно найти такія аналогіи явленій жизни наипростѣйшихъ организмовъ, то въ виду несомнѣнной связи этихъ организмовъ съ высшими существуетъ нѣкоторая вѣроятность, что и болѣе сложныя явленія жизни могутъ имѣть физико-химическое объясненіе.

Также и *раздражительность* (т.-е. способность реагировать на внѣшнія воздѣйствія), это специфическое свойство живого существа, Оствальдъ считаетъ только «сложнымъ случаемъ общихъ отношеній» и сравниваетъ его, напр., съ реакціей стальной проволоки на воздѣйствіе, измѣняющее ея форму; эта проволока превращаетъ полученную работу въ энергію формы, которую она и тратитъ, принимая прежнюю форму.

Раздраженіе можетъ вызвать въ организмѣ разряженіе всѣхъ родовъ энергіи, за исключеніемъ магнитной. Электрическіе процессы сопровождаютъ, повидимому, всѣ явленія жизни, но процессы эти, въ большинствѣ случаевъ, крайне слабые; также невелико и относительно рѣдко выдѣленіе организмами лучистой энергіи Несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ развитіе у живыхъ существъ теплоты: напр., изъ химической энергіи мускуловъ не болѣе $^1/_3$ превращается въ механическую энергію, а $^2/_3$—въ теплоту. Для низшихъ организмовъ образованіе теплоты процессъ побочный и невыгодный, такъ какъ имъ не нужно поддерживать постоянной температуры тѣла, у высшихъ же онъ, видимо, имѣетъ громадное значеніе и, вѣроятно, служитъ для охраненія остальныхъ жизненныхъ процессовъ отъ замедленія, вслѣдствіе пониженія температуры.

Еще болѣе важной формой энергіи, создаваемой живыми существами является энергія механическая; несомнѣнно, что она получается изъ химической энергіи, вѣроятно, путемъ измѣненія осмотическаго давленія и поверхностнаго натяженія, а также и путемъ измѣненія энергіи поверхности.

Но самой важной работой организма является превращеніе различныхъ химическихъ энергій другъ въ друга, наибольшую роль при этомъ играютъ катализаторы. Клѣтка, развивъ опредѣленный катализаторъ, можетъ такъ ускорить образованіе одного изъ безчисленныхъ возможныхъ веществъ, что это вещество будетъ преобладать. Тогда становится понятнымъ, какъ можетъ, напр., организмъ человѣка образовать изъ одной и той же крови въ различныхъ своихъ органахъ весьма различныя вещества.

На допущеніи такихъ же каталитическихъ ускорителей строитъ Оствальдъ и грубую, конечно, аналогію между памятью и нѣкоторыми чисто химическими процессами.

IV.

Для завершенія энергетической картины міра Оствальдъ пытается выразить энергетически и всю нашу духовную жизнь. Прежде всего онъ указываетъ на тотъ безспорный фактъ, что всякій духовный процессъ сопровождается тратой энергіи, а послѣ сильнаго умственнаго напряженія наступаетъ даже полное истощеніе, т.-е. неспособность къ дальнѣйшей работѣ.

Этимъ явленіямъ истощенія мы найдемъ множество аналогій въ неорганизованномъ мірѣ, напр., часы истощены, когда грузъ опустился внизъ, или пружина потеряла напряженіе, но сообщивъ имъ новое количество энергіи, мы можемъ снова вызвать дѣятельность нашихъ часовъ; то же мы наблюдаемъ и въ организмахъ.

Различнаго рода соображенія приводятъ Оствальда къ отрицанію психоэнергетическаго параллелизма и къ допущенію, что въ духовныхъ процессахъ возникаетъ и подвергается различнымъ превращеніямъ особый родъ энергіи. Эта энергія развивается въ замѣтномъ количествѣ только при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, на что указываетъ, напр., тотъ фактъ, что количество и многообразіе духовныхъ отправленій вюрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся кверху по эволюціонной лѣстницѣ организмовъ. Съ другой стороны, изслѣдованіе явленій раздраженія заставляетъ автора сдѣлать выводъ, что работа, произведенная въ нервѣ при воздѣйствіи на него раздражителя, переходитъ также въ особую—*нервную* энергію, которая и распространяется по нерву и вызываетъ или внѣшнее дѣйствіе (въ мускулахъ) или освобождаетъ другія количества энергіи, обладающія такими же нервными свойствами (въ гангліяхъ, въ спинномъ и головномъ мозгу). Для представленія нашихъ духовныхъ процессовъ достаточно понятія нервной энергіи.

Изучая явленія проводимости нервнаго раздраженія мы получаемъ объективное знаніе о существованіи нервной энергіи, въ фактахъ же сознанія лежитъ субъективный источникъ нашихъ знаній о нервной энергіи.

Прослѣдимъ судьбу нервной энергіи въ тѣлѣ. Здѣсь можно различить три процесса.

Во-первыхъ, притокъ внѣшней энергіи къ частямъ тѣла, снабженнымъ нервами, можетъ вызвать возникновеніе нервной энергіи, которая распространится вдоль по нерву и вызоветъ на другомъ концѣ его превращеніе въ другую нервную энергію, которая можетъ проявиться либо въ формѣ дѣйствія, либо въ формѣ такихъ явленій, которыя связаны съ сознаніемъ и съ процессами, происходящими въ большомъ мозгу. Эти послѣднія явленія возникаютъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшніи раздраженія вызываютъ дѣятельность нервной энергіи, но обладаютъ свойствомъ самимъ освобождаться почти въ неограниченномъ количествѣ; первые процессы сознанія насываются *ощущеніями*, вторые—*мыслями*.

Имѣется столько классовъ ощущеній, сколько органовъ чувствъ. Ощущеніямъ присуща неодинаковая ясность и сознательность, послѣднія опредѣляются отношеніемъ даннаго ощущенія къ произвольнымъ дѣйствіямъ. Существуетъ непрерывный переходъ между сознательными ощущеніями, менѣе созна-

тельными и, наконецъ, такими, которыя становятся сознательными только при наступленіи измѣненій или нарушеній нормальнаго жизненнаго процесса. Это приводитъ уже къ переходу отъ ощущеній къ чувствованіямъ. Большинство послѣднихъ группируется около главныхъ чувствованій удовольствія или неудовольствія.

Стаціонарному току энергіи, характеризующему нашу нормальную жизнь, соотвѣтствуетъ нейтральный «чувственный токъ». Всякое содѣйствіе этому току энергіи вызываетъ удовольствіе, а всякое нарушеніе его—неудовольствіе.

Чувствованія удовольствія и неудовольствія являются, слѣдовательно, средствами, дѣйствующими въ цѣляхъ сохраненія организма и развитіе ихъ объясняется цѣлесообразностью. Поэтому съ одной стороны съ чувствованіемъ удовольствія связаны процессы поглощенія и накопленія энергіи (ѣда, питье), съ другой—при избыточномъ запасѣ энергіи (молодость) наиболѣе интенсивнымъ чувствомъ удовольствія сопровождается трата этого запаса (напр. половой актъ). «Чувствованія удовольствія не могутъ усиливать тока до энергіи безконечности, потому что соотвѣтствующая затрата энергіи всегда мѣшаетъ этому усиленію; дѣйствіе ихъ заключается въ самосохраненіи. Наоборотъ, чувствованія неудовольствія, если они продолжаются долго, вызываютъ и уменьшеніе тока, и уменьшеніе величины поглощаемой энергіи, вслѣдствіе чего организмъ все болѣе и болѣе оказывается въ неблагопріятныхъ условіяхъ; они слѣдовательно, дѣйствуютъ на организмъ въ сторону его саморазрушенія».

Сознаніе Оствальдъ разсматриваетъ, какъ особаго рода энергію, дѣйствующую въ центральномъ органѣ. Что не всякая нервная энергія вызываетъ сознаніе видно уже изъ того, что значительное число нервныхъ аппаратовъ дѣйствуетъ и тогда, когда сознаніе прекращается. Энергетическій характеръ сознанія авторъ «доказываетъ» и слѣдующимъ, если и не вполнѣ убѣдительнымъ, то все же остроумнымъ образомъ.

«Все наше знаніе о внѣшнемъ мірѣ зависитъ отъ процессовъ, протекающихъ въ нашемъ сознаніи. Изъ общихъ составныхъ частей этихъ данныхъ нашего опыта мы въ видѣ самаго общаго понятія получили *понятіе энергіи*, и исходя изъ свойствъ этихъ данныхъ опыта и ихъ взаимныхъ отношеній, мы стали различать различные роды энергіи, превращающіеся другъ въ друга. Поэтому, будетъ вполнѣ послѣдовательно, если мы источникъ всѣхъ этихъ данныхъ, само наше сознаніе, приведемъ въ связь съ этимъ наиболѣе общимъ понятіемъ и скажемъ вмѣстѣ съ Кантомъ: Всѣ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ субъективны въ томъ отношеніи, что мы воспринимаемъ точно такія явленія его, которыя соотвѣтствуютъ свойствамъ нашего сознанія. Что всѣ внѣшнія явленія могутъ быть представлены, какъ процессъ превращенія энергій, находитъ самое простое объясненіе въ томъ, что даже сами процессы нашего сознанія имѣютъ энергетическій характеръ, и этотъ характеръ ихъ отпечатлѣнъ на всѣхъ внѣшнихъ явленіяхъ нашего опыта».

Сознаніе можетъ быть связано съ процессами нервной энергіи въ какомъ угодно широкомъ объемѣ, такъ какъ чувственныя впечатлѣнія всякаго рода могутъ быть процессомъ, называемымъ «направленіемъ вниманія», превращены въ сознательныя ощущенія. Такимъ образомъ, теченіе нервно-энергетическаго процесса можетъ быть нами произвольно снабжено свойствомъ сознательности;

при этомъ мы получаемъ *сознательныя ощущенія, сознательныя мысли* и *сознательныя дѣйствія.*

Итакъ, авторъ разсматриваетъ дѣятельность сознанія, какъ энергетическій процессъ, который можетъ присоединяться къ обыкновенному духовному процессу, точнѣе къ обыкновенному превращенію нервной энергіи и появленіе котораго обусловливаетъ дальнѣйшую затрату энергій. Изъ впечатлѣнія развивается ощущеніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и возрастаніе его получаетъ, выступая наружу, характеръ вниманія. Своеобразіе сознательнаго мышленія проявляется въ припоминаніи и въ сравненіи, а своеобразіе сознательнаго дѣйствія—въ волѣ.

Такъ какъ только сознательно пережитыя явленія могутъ быть вызваны въ нашей памяти, то сознаніе можно считать средствомъ, которое облегчаетъ намъ накопленіе фактовъ и благодаря которому мы можемъ сравнивать прежнія переживанія съ новыми, образовать новыя понятія и такимъ образомъ предугадывать будущія явленія.

Наше «я», слѣдовательно, заключается въ нашихъ воспоминаніяхъ о томъ аппаратѣ, съ помощью котораго мы ихъ вызываемъ. Ребенокъ, не имѣющій еще никакихъ воспоминаній не имѣетъ еще своего «я», онъ еще не личность. Поэтому и единство, и самостоятельность нашего «я» состоитъ не въ его неизмѣняемости, а въ непрерывности его измѣненій и въ томъ фактѣ, что переживанія и воспоминанія, принадлежащія этому «я» возникли и существуютъ въ *одномъ* мозгѣ или умѣ и поэтому могутъ быть отнесены другъ къ другу. Разъ результатъ превращенія нервной энергіи достигаетъ внѣшняго міра—получается *дѣйствіе*; дѣйствія, протекающія безъ участія центральнаго мозгового аппарата называются рефлекторными, дѣйствія, сопровождающіяся сознаніемъ—волевыми. *Волѣ,* слѣдовательно, соотвѣтствуютъ только такіе процессы, при которыхъ организмъ выдѣляетъ энергію наружу; чѣмъ выше организмъ, тѣмъ шире и разнообразной эти процессы. Оствальдъ называетъ волевыми процессами только тѣ, которые сопровождаются сознаніемъ цѣли и средства и потому не считаетъ волевыми такія дѣйствія, которыя проявляются, напр., въ тропизмѣ и даже въ инстиктѣ. Инстиктивныя дѣйствія, по мнѣнію Оствальда, характеризуются тѣмъ, что они цѣлесообразны при нормальныхъ условіяхъ жизни и становятся безполезными и даже гибельными при измѣнившихся условіяхъ. Въ силу этого, переходъ отъ инстинктивныхъ дѣйствій къ сознательнымъ въ высшей степени полезенъ для сохраненія организма и дѣйствительно, въ эволюціи организмовъ, параллельно съ усложненіемъ условій жизни, мы видимъ все большее и большее усиленіе сознательности въ ущербъ инстинкту. Возникновеніе возбужденія воли предполагаетъ затрату энергіи, потому что само это возбужденіе есть энергетическій процессъ въ соотвѣтствующемъ органѣ. Процессъ этотъ разряжается другими формами нервной энергіи, которыя могутъ имѣть своимъ происхожденіемъ либо область ощущеній, либо область мышленія. При образованіи *волевой энергіи* происходитъ относительное разряженіе, а для этого въ соотвѣтствующемъ органѣ долженъ быть накопленъ запасъ энергіи (вѣроятно химической), чтобы могло совершиться превращеніе энергіи. Количество разряженій энергіи зависитъ, съ одной стороны отъ количества освобождающейся нервной энергіи (слѣдовательно, отъ силы ощущенія или мысли), а

съ другой—отъ того запаса энергіи, который можетъ быть превращенъ въ волевую энергію. Поэтому, возбужденія различной силы вызываютъ у одного и того же человѣка и возбужденіе воли различной силы, соотвѣтствующее относительному разрѣшенію. Съ другой стороны, побужденіе равной силы вызываютъ у различныхъ людей волевые акты различной силы, зависящіе отъ существующаго запаса способной къ превращеніямъ энергіи.

Тѣ индивидуумы, которые имѣютъ большой запасъ энергіи или способны пополнять его легко и скоро, будутъ болѣе сильны волею, и наоборотъ.

Какъ же относится Оствальдъ къ вопросу о *свободѣ воли?* Какъ и слѣдовало ожидать, онъ, признавая понятіе свободы воли, все же упраздняетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно разсматриваютъ. «Мы не должны спрашивать, свободна ли воля или нѣтъ, а должны только спросить, какъ мы соединяемъ наше ощущеніе свободной воли съ теоретическимъ требованіемъ, что все происходитъ согласно желѣзнымъ, вѣчнымъ законамъ». Духовные наши процессы происходятъ, конечно, закономѣрно и элементы, ведущіе къ какому-нибудь рѣшенію, не всѣ зависятъ отъ насъ, но тотъ способъ, которымъ эти элементы, приводятъ къ окончательному волевому процессу, есть уже слѣдствіе собственнаго нашего существа, а явленіе, само опредѣляющее свои отношенія, должно быть названо свободнымъ. Всѣ наши рѣшенія и дѣйствія обусловлены тѣмъ, что мы знаемъ думаемъ и ощущаемъ, что, слѣдовательно, образуетъ часть нашего собственнаго существа, а поэтому вся наша воля также, можетъ быть, названа свободной.

V.

Послѣднюю (двадцать первую) лекцію Оствальдъ посвящаетъ «*красотѣ и добру*».

Задачей и науки, и искусства является изученіе безконечнаго многообразія явленій и образованіе такимъ путемъ соотвѣтствующихъ понятій; наукой образуются отвлеченныя понятія, искусствомъ—конкретныя. И въ томъ и въ другомъ случаѣ работа заключается въ выдѣленіи общаго и повторяющагося и въ удаленіи частнаго и случайнаго.

Всякое художественное произведеніе есть переживаніе, отличающееся отъ всѣхъ другихъ переживаній только тѣмъ, что соотвѣтствующія впечатлѣнія наступаютъ не случайно, а вполнѣ цѣлесообразно выбраны и систематизированы. Эти впечатлѣнія вызываютъ соотвѣтствующія ощущенія и мысли, связанныя съ какимъ-нибудь наслажденіемъ или съ непосредственнымъ интересомъ.

Художественныя произведенія опредѣляются двумя факторами: во-первыхъ, тѣми средствами, съ помощью которыхъ вызываются чувственныя впечатлѣнія, во-вторыхъ, комплексомъ тѣхъ ощущеній и мыслей, которыя возникаютъ изъ этихъ впечатлѣній.

Принимая въ соображеніе оба эти принципа, Оствальдъ дѣлитъ искусства на *пространственныя* (живопись, ваяніе, архитектура*) и *временныя* (музыка, поэзія).

*) Архитектуру, впрочемъ, какъ не преслѣдующую только цѣли возбужденія пріятныхъ ощущеній, Оствальдъ относитъ вмѣстѣ съ художественными ремеслами въ переходную область.

«Временныя» искусства обращаются къ внутреннему нашему чувству и потому менѣе зависятъ отъ органовъ чувствъ. Съ какими же мыслями и ощущеніями связываемъ мы чувство удовольствія, возбуждаемое въ насъ художественными произведеніями?

Источникомъ всякаго чувства удовольствія, какъ мы уже говорили, Оствальдъ считаетъ «успѣшное превращеніе избыточной энергіи организма». Въ первыхъ начаткахъ художественныхъ произведеній элементомъ, возбуждающимъ удовольствіе, является «пространственный и временной ритмъ». Для иллюстраціи вспомнимъ то увлеченіе, съ которымъ ребенокъ повторяетъ непрерывно одну и ту же музыкальную фразу или складываетъ изъ палочекъ или кубиковъ примитивный орнаментъ. Здѣсь чувство удовольствія возникаетъ отъ ощущенія легкости выполненія, благодаря повторенію одного и того же мотива.

Въ музыкѣ этотъ принципъ является еще понынѣ основнымъ. Тоны, составляющіе гармонію и звучащіе одинъ за другимъ, связаны другъ съ другомъ простыми отношеніями соотвѣтствующихъ имъ колебаній, и составляютъ примитивную мелодію (сигналы охотниковъ, солдатъ).

Поэзія отличается отъ музыки тѣмъ, что она черпаетъ свой матеріалъ изъ внѣшняго міра. Поэтому, по мнѣнію Оствальда, ей гораздо труднѣе, чѣмъ музыкѣ, представить «тонкость, силу и многообразіе внутреннихъ нашихъ ощущеній» и для этой цѣли она охотно пользуется средствами музыки: ритмомъ и созвучіемъ. Здѣсь Оствальдъ дѣлаетъ довольно тонкое замѣчаніе. «Поэтому музыкѣ существуетъ опасность стать чисто разсудочной при слишкомъ большомъ развитіи формъ (контрапунктъ и фуга), между тѣмъ какъ поэзіи грозитъ та же опасность при слишкомъ сильномъ выдвиганіи матеріала мышленія и созерцанія. Съ другой стороны, для музыки опасно слишкомъ подробное, спеціализированное ощущеніе, такъ какъ воспроизведеніе его для слушателей или становится неточнымъ, или вообще не удается; та же опасность грозитъ поэзіи при слишкомъ подробномъ спеціализированіи случайныхъ явленій, связь которыхъ съ типическими формами не замѣчается уже читателями и слушателями».

Ни размѣръ нашего фельетона, ни цѣли его не позволяютъ намъ хотя бы вкратцѣ изложить болѣе подробно мысли Оствальда объ искусствѣ.

Кончаетъ свою книгу Оствальдъ небольшой экскурсіей въ область этики Всѣ дѣйствія человѣка, которыми онъ произвольно причиняетъ вредъ другимъ людямъ, говоритъ авторъ, называются злыми, добрыми же мы зовемъ такія дѣйствія, которыми человѣкъ облегчаетъ существованіе другихъ людей.

Дѣйствія человѣка тѣмъ выше съ моральной точки зрѣнія, чѣмъ больше эта жертва собственнымъ благомъ, которую этотъ человѣкъ принялъ своимъ дѣйствіемъ. «Наша радость доброму дѣлу характеризуется ощущеніемъ, что произошло нѣчто, что имѣетъ особое значеніе въ смыслѣ правильнаго и общаго устройства міра». Это нѣчто есть въ основѣ то же стремленіе къ самосохраненію, присущее всякому живому существу. Размноженіе Оствальдъ разсматриваетъ какъ удлиненіе индивидуальнаго существованія, поэтому любовь къ матери являтся выраженіемъ того же принципа самосохраненія, только перенесеннаго съ собственнаго тѣла на ту часть, которая отъ него отдѣлилась и

составила тѣло ребенка. Это же разсужденіе можно, по мнѣнію Оствальда, перенести на семью, племя, народъ.

Такимъ образомъ «существуетъ непрерывный переходъ отъ самаго грубаго эгоизма до самой безкорыстной доброты. Мотивъ, лежащій въ основѣ всякаго поведенія, остается всегда однимъ и тѣмъ же: это—стремленіе къ самосохраненію. Разница заключается только въ величинѣ того круга, который ограничиваетъ то, что мы называемъ своимъ. Чѣмъ этотъ кругъ больше, тѣмъ болѣе похвальнымъ, лучшимъ, моральнымъ мы считаемъ соотвѣтствующее дѣйствіе».

Но какъ великъ долженъ быть кругъ того, что мы зовемъ своимъ?

Здѣсь процессъ мысли Оствальда принимаетъ нѣсколько неожиданный характеръ: путемъ исключенія изъ этого круга сначала бактерій, затѣмъ коровъ и лошадей, а въ концѣ концовъ и «средняго человѣка», онъ приходитъ къ морали, довольно близкой къ нитцшеанству. «Въ *наилучшемъ* (?!) индивидуумѣ сконцентрирована такая полнота жизни и благопріятныхъ условій жизни, что значительныя жертвы для его развитія и сохраненія вполнѣ умѣстны. Но средній индивидуумъ, исчезновеніе котораго не оставитъ замѣтныхъ пробѣловъ въ мірѣ, не можетъ предъявить такихъ же притязаній на жизнь».

Страннымъ образомъ поддержку такой морали Оствальдъ видитъ «въ хорошихъ разсказахъ изъ русской народной жизни». Противорѣчія идутъ и дальше. Такъ, Оствальдъ утверждаетъ, что человѣкъ придавалъ донынѣ слишкомъ большое значеніе индивидууму, а книгу свою заканчиваетъ слѣдующею тирадой: «Человѣкъ тѣмъ лучше о себѣ заботится, чѣмъ больше кругъ людей, о которыхъ онъ заботится. Здѣсь лежатъ большею частью несознаваемые источники великихъ дѣлъ, которыми одна личность можетъ принести счастье многимъ, а въ возникающемъ здѣсь необъятномъ расширеніи собственнаго нашего «я» заключается причина того чувства высшаго счастья, которое ярко свѣтитъ тому, кому разъ удалось совершить такое дѣло».

VI.

Мы не можемъ здѣсь разбираться въ этихъ противорѣчіяхъ; намъ интересно отмѣтить только практическій, если хотите, соціологическій результатъ энергетической натурфилософіи, доведенной до конца: это, съ одной стороны, общее приниженіе личности, съ другой—возвышеніе ея въ лицѣ «наилучшихъ индивидуумовъ», съ одной стороны — обезличеніе, съ другой — духовный аристократизмъ.

Къ такимъ страннымъ, на первый взглядъ, выводамъ, и *должна* была придти энергетика. Чтобы освободиться отъ понятія матеріи *) и связанной съ нимъ атомной гипотезы, она вытравила изъ міропониманія индивидуальность, но въ то же время выводя самое понятіе объ энергіи изъ переживаній, ощущеній и мыслей, энергетическая философія должна была признать основное значеніе личности, по крайней мѣрѣ той, которая способна къ подобнаго рода абстрактнымъ построеніямъ. Отсюда конфликтъ и противорѣчіе.

Однимъ изъ главныхъ преимуществъ энергетическаго міропониманія передъ всѣми другими Оствальдъ видитъ въ томъ, что оно охватываетъ весь міръ: явленія «физическаго» и «духовнаго» міра.

Отчасти это такъ; но такая «всеобщность» возникла благодаря не энерге-

---

*) Между прочимъ, освободиться отъ этого такъ трудно, что и самъ Оствальдъ никакъ не можетъ избѣжать не только слова, но даже и понятія вещества. *В. А.*

тическому принципу, а позитивному началу, которымъ проникнута вся натуръфилософія Оствальда.

Собственно говоря, что такое все энергетическое «объясненіе» жизни, едва только намѣченное нами выше, какъ не болѣе или менѣе удачное описаніе происходящихъ явленій. Ясно, по крайней мѣрѣ, нынѣ, что матеріально-механическіе символы въ большинствѣ случаевъ нельзя примѣнить для такого описанія жизненныхъ явленій, такъ какъ и символы-то эти получились путемъ абстракціи, откинувшей отъ нихъ понятіе «живого». Энергетическіе же символы, наоборотъ, здѣсь очень удобны, такъ какъ и самое понятіе энергіи было установлено для жизненныхъ явленій.

Оствальдъ не даетъ нигдѣ, да и не можетъ дать общаго опредѣленія энергіи. «Энергія есть работа или все, что изъ работы возникаетъ и въ нее превращается». Понятіе же о работѣ цѣликомъ взято изъ явленій организованнаго міра. Ясно, что эти явленія описываются довольно удовлетворительно при помощи энергетическихъ символовъ.

Надо признать, что Оствальдъ обнаружилъ много глубины мысли и остроумія при подобномъ описаніи, но все же иногда излишнее увлеченіе этими символами только затемняетъ дѣло и авторъ не замѣчаетъ, какъ впадаетъ въ тавтологію *).

Что касается уничтоженія понятія матеріи и замѣны его (и въ организованномъ, и въ неорганизованомъ мірѣ) энергетическими символами, то по нашему здѣсь Оствальдъ глубоко неправъ. Неправъ съ двухъ точекъ зрѣнія: и съ педагогической (которую онъ тоже имѣетъ въ виду), и съ «философской».

Врядъ ли многіе согласятся съ нимъ, чтобы всѣ эти энергіи тяжести, объема, поверхности, различныя энергіи 80 химическихъ элементовъ, чтобы это замѣщеніе тѣла комплексомъ энергій было бы понятнѣе и педагогичнѣе старыхъ матеріально-механическихъ символовъ; для меня, по крайней мѣрѣ, послѣдніе въ тысячу разъ яснѣе.

Изъ того, что понятіе о движеніи установлено научно раньше, чѣмъ понятіе о теплотѣ, говоритъ Оствальдъ нельзя заключать о большой простотѣ перваго и писать, подобно Тиндалю, книги «Теплота, какъ родъ движенія». Если бы мы познакомились съ Петромъ раньше, чѣмъ съ Иваномъ, то описывали послѣдняго аналогіями съ первымъ и наоборотъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что Петръ проще Ивана (или обратно).

По нашему мнѣнію, это совсѣмъ не такъ.

При разсмотрѣніи вопроса объ образованіи понятій, мы должны исходить изъ основного понятія объ индивидуальности: оно должно было предшествовать всѣмъ остальнымъ. Поэтому ясное или неясное, но понятіе о «я» и «не я» есть основа всякаго міропониманія, будь то міропониманіе пуделя или философа.

Въ эволюціи такой индивидуальности прежде всего должны были выработаться геометрическія и матеріально-механическія понятія, такъ какъ организмъ, прежде всего, твердое движущееся тѣло. Вотъ почему всѣ такія понятія, какъ форма, объемъ, масса и движеніе, неразрывно связаны съ понятіемъ о движущемся индивидуумѣ, вотъ почему такія понятія намъ ясны и родственны и замѣнять ихъ гораздо болѣе сложными понятіями энергій нѣтъ никакой надобности.

Иное дѣло, когда въ совершающихся явленіяхъ мы не можемъ уловить

*) Впрочемъ, такая тавтологія часто замѣчается и въ тѣхъ частяхъ книги которыя трактуютъ о неорганизованномъ мірѣ. *В. А.*

чертъ индивидуальности: въ такихъ явленіяхъ (электрическія, магнитныя, частью химическія и явленія лучистой энергіи, а также явленія жизни) энергетическіе принципы находятъ широкое и вполнѣ законное примѣненіе. Но и здѣсь мы наблюдаемъ слѣдующій характерный въ исторіи науки фактъ: разъ только получается возможность свести явленія къ какому-либо индивидуальному началу, они становятся намъ яснѣе. Новѣйшее подтвержденіе этому мы находимъ въ теоріи электроновъ *).

Здѣсь мы входимъ въ область гипотезъ, а къ нимъ Оствальдъ относится вполнѣ отрицательно. Въ этомъ онъ, безсознательно, конечно, доходитъ даже до исторической неправды, утверждая, что наука развивалась не благодаря, а вопреки гипотезамъ. Между тѣмъ, достаточно было вспомнить работы Френеля и вообще развитіе всей кристаллоптики въ зависимости отъ развитія эѳирно-волновой теоріи свѣта, чтобы признать заслуги гипотезъ. А много-ли найдется химиковъ, которые станутъ отрицать громадное значеніе атомной гипотезы?! Да и самъ Оствальдъ разсказываетъ, какъ Эрстедъ, случайно замѣтивъ отклоненіе магнитной стрѣлки электрическимъ токомъ, тотчасъ же понялъ смыслъ «этого случайнаго открытія»: Эрстеду «казалось само собою понятнымъ, что такія двѣ сущности, организованныя такъ, очевидно, полярно, какъ магнетизмъ и электричество, должны находиться въ самыхъ тѣсныхъ соотношеніяхъ между собою и могъ быть только вопросъ о формѣ этого соотношенія».

Оствальдъ противопоставляетъ гипотезы закону. Законъ—абстракціи, такъ сказать, урѣзающія событія, гипотезы—модели явленій, придающія послѣднимъ нѣчто, чего въ нихъ нѣтъ и присутствіе чего мы доказать не можемъ. Но такъ-ли это? Соллипсисты, напр., утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ «доказать» ничего, кромѣ наличности своего сознанія. Съ своей точки зрѣнія на «доказательства» они, можетъ быть, и правы, но предоставимъ уже рѣшеніе этого вопроса чистымъ философамъ; мы же знаемъ, какъ далекъ Оствальдъ отъ подобнаго рода доказательствъ и объясненій и такое рѣзкое противопоставленіе гипотезы закону можно объяснить только самогипнозомъ.

Намъ придется еще въ этомъ году въ другомъ отдѣлѣ журнала разсмотрѣть этотъ вопросъ болѣе детально и здѣсь мы удовольствуемся только слѣдующимъ.

Между закономъ и гипотезой, по нашему мнѣнію, разница только количественная: и тотъ и другая, конечно, абстракціи и, какъ таковыя, урѣзываютъ частности нашихъ переживаній, и тотъ и другая имѣютъ цѣлью охватить возможно большую группу явленій, но явленія, охватываемыя закономъ, болѣе однородны, чѣмъ тѣ, которыя стремится охватить гипотеза; съ этой точки зрѣнія гипотеза шире, чѣмъ законъ, и потому повѣрка ея должна быть болѣе трудной и болѣе разносторонней.

На этомъ мы и закончимъ нашъ фельетонъ; онъ такъ разросся, что, къ сожалѣнію, мѣста для другихъ научныхъ «злобъ дня» не осталось; но значеніе вопросовъ, поднятыхъ Оствальдомъ въ его книгѣ, такъ велико, а разработка и рѣшеніе ихъ талантливымъ и авторитетнымъ авторомъ такъ полна и оригинальна, что врядъ-ли читатель посѣтуетъ на этотъ невольный пробѣлъ.

В. Агафоновъ.

---

*) См. «Міръ Божій», декабрь 1902 г. «Научный обзоръ», статья проф. Ив. Ив. Боргмана: «Свѣтъ и электричество».

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Годъ XII-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

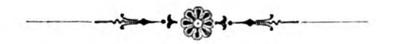
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1903 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1903.

Дозволено цензурою 28-го января 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ.

(*Paulsen*. „Die deutsche Universitäten und das Universitätsstudium").

Въ числѣ всякаго рода «кризисовъ», перешедшихъ по наслѣдію отъ девятнадцаго вѣка и продолжающихъ волновать и безъ того уже «взбаламученное море» соціальной жизни европейскихъ народовъ, не послѣднее мѣсто принадлежитъ *кризису университетскому*, обнаружившемуся почти одновременно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Запада. Несмотря на различіе формъ этого кризиса и степени его остроты въ разныхъ странахъ, несмотря даже на великую разницу въ политическихъ условіяхъ этихъ странъ, существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, задачъ и проблемъ, съ которыми приходится одинаково считаться какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, и въ Англіи, и даже въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверо-американской республики. Повсюду мы замѣчаемъ недовольство настоящимъ, исканіе новыхъ формъ университетской жизни и новыхъ путей дѣятельности. Демократизація высшаго образованія въ формѣ народныхъ университетовъ, допущеніе женщинъ въ университеты, вопросы внутренней и внѣшней дисциплины, отношеніе университетской автономіи къ государству, организація преподаванія на началахъ регламентаціи или свободы, студенческія корпораціи и т. д., все это подвергается теперь новому перерѣшенію и новому анализу даже въ странахъ, наиболѣе опередившихъ другія въ соціальномъ и культурномъ отношеніи. Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки вступаютъ теперь въ періодъ самой радикальной ломки всего строя ихъ университетской жизни. Англо-американскій типъ высшаго образованія доживаетъ свои дни. Полное невмѣшательство государства въ организацію и развитіе высшаго образованія страны, даже принципіальное «недѣланіе» его въ этой сферѣ, манчестерское laissez faire уступаютъ свое мѣсто другимъ началамъ. До сихъ поръ англійскіе и американскіе университеты были совершенно независимыми, частными корпораціями аристократическаго характера, съ замкнутою жизнью студентовъ, дававшими странѣ не спеціалистовъ-практиковъ, даже не ученыхъ-теоретиковъ, а просто образованныхъ «джентльменовъ», весьма благонамѣреннаго образа мыслей

и превосходныхъ манеръ. Научная и философская мысль развивилась внѣ и независимо отъ этихъ учрежденій. Такіе ученые и мыслители, какъ Дарвинъ и Спенсеръ, Джонъ-Стюартъ Милль, Маколей, Гиббонъ, Бентамъ, Рикардо, Юмъ, Локкъ и другіе, не занимали университетскихъ каѳедръ, и многіе изъ нихъ врядъ ли были бы терпимы, какъ преподаватели университетской молодежи. Среди самой полной гражданской свободы университеты, устроенные по типу оксфордскаго и кембриджскаго, являлись консервативными и даже реакціонными учрежденіями, враждебными всякой новой мысли, всякому нововведенію. Полная свобода самоуправленія была лишь замаскированною зависимостью отъ тѣхъ или иныхъ частныхъ лицъ, отъ капитала или привилегированнаго общественнаго класса. Всѣ эти черты мы находимъ въ университетскомъ строѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ еще и теперь, съ тою лишь разницей, что въ обѣихъ этихъ странахъ, особенно въ послѣдней, замѣчается съ нѣкоторыхъ поръ глубокая реакція противъ такого положенія вещей. Вопросы и задачи университетской реформы привлекаютъ къ себѣ съ каждымъ днемъ все большее вниманіе англо-американскихъ политиковъ и педагоговъ, озабоченныхъ извлеченіемъ высшаго образованія ихъ страны изъ сѣтей частнаго произвола и реакціи.

Во Франціи университетскій «кризисъ» носитъ нѣсколько иной характеръ. Академическаго «манчестерства» тамъ нѣтъ уже и слѣда: съ нимъ покончила еще французская революція 89 г., уничтожившая старые университеты, съ ихъ средневѣковымъ корпоративнымъ строемъ, съ ихъ отсталостью и свѣтобоязнью. Создать новыя формы университетской жизни она однако не успѣла, завѣщавъ это дѣло послѣдующимъ поколѣніямъ. Современные французскіе университеты ведутъ свое начало съ эпохи наполеоновскихъ реформъ. Манчестерскій принципъ полнаго невмѣшательства уступилъ въ нихъ мѣсто совершенно противоположному принципу бюрократической регламентаціи. Единство университетской жизни было пожертвовано узкимъ государственнымъ соображеніямъ. Университетъ распался на отдѣльные, ничѣмъ не связанные другъ съ другомъ факультеты, съ единственною цѣлью технической подготовки къ опредѣленной профессіональной дѣятельности, главнымъ образомъ — къ службѣ государству. Научное изслѣдованіе и вообще вся серьезная научная работа перешла въ веденіе академіи. Во все теченіе девятнадцатаго вѣка во Франціи, собственно говоря, не существовало университетовъ, какъ особыхъ центровъ *научнаго воспитанія* молодежи, объединяющихъ отдѣльные факультеты въ одно солидарное и органическое цѣлое. Самое слово «университетъ» потеряло свой обычный, традиціонный смыслъ. Основанное впервые въ 1808 году université impériale означало не что иное, какъ административную организацію, подчинившую своему надзору всѣ роды школъ страны, начиная съ école primaire и кончая факультетами. То же значеніе имѣетъ слово université во Франціи и до сихъ поръ. Но въ по-

слѣднее время факультеты обнаруживаютъ тенденцію объединяться въ одно, болѣе высокое, органическое цѣлое. Третья республика ужаснулась передъ тѣмъ опустошеніемъ научной жизни, къ которому привела регламентированная организація высшаго образованія страны. Серьезная работа научной и философской мысли сосредоточилась въ одномъ Парижѣ, съ его академіей и институтомъ, оторванными притомъ отъ жизни, отъ благотворнаго общенія съ ищущею молодою мыслью. Истинные ученые задыхались въ узкихъ и душныхъ рамкахъ факультетской работы; высшее образованіе отталкивало отъ себя всѣ живыя и талантливыя силы и не оказывало на общую жизнь страны никакого благотворнаго вліянія. Провинція, съ ея многочисленными «университетами», духовно обѣднѣла, и одинъ лишь Парижъ сталъ «головою» Франціи. Такая централизація духовной жизни не могла не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на развитіе научной мысли Франціи и, что не менѣе важно— на научное воспитаніе молодежи. Ради собственнаго культурнаго «самоспасенія», третьей республикѣ необходимо было положить конецъ такому положенію вещей и задуматься надъ коренной реформою своего высшаго образованія. Отсюда ея стремленіе возродить университетское единство, надѣлить его кое-какими корпоративными привилегіями, повысить научную дисциплину факультетовъ, предоставить профессорамъ болѣе самостоятельности въ ихъ преподаваніи и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ отмѣченныхъ нами выше странахъ, т.-е. въ Англіи, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, замѣчается стремленіе преобразовать свои университеты по образцу германскому. Нѣмецкій типъ организаціи университетскаго образованія является теперь идеаломъ для этихъ странъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи мы находимъ сравнительно наиболѣе нормальное теченіе университетской жизни. Правда, и въ Германіи накопилось не мало недовольства противъ существующихъ въ ней университетовъ; и въ этой странѣ замѣчается обостреніе конфликтовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, но никто здѣсь не подвергаетъ критикѣ самыхъ основъ существующей системы, находя ихъ здоровыми, способными къ развитію. То же самое явленіе замѣчается и въ тѣхъ странахъ, которыя организовали свои университеты по образцу германскому, а именно въ Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи, Австріи, Голландіи, Бельгіи. Здѣсь нѣтъ и слѣда манчестерскаго отношенія государства къ высшему образованію: университеты являются здѣсь государственными школами, т.-е. входящими въ составъ общаго управленія и содержимыми на государственный счетъ. Но, съ другой стороны, мы не находимъ здѣсь, какъ во Франціи, стѣснительной регламентаціи, затрудняющей преподаваніе и внутреннюю самодѣятельность. Университеты германскаго типа сохранили за собою нѣкоторыя старыя корпоративныя привилегіи, позволяющія организовать всю внутреннюю жизнь на здоровыхъ началахъ самоуправленія. Факультеты объединены общими задачами и интересами въ

*

одно органическое цѣлое, имѣющее своего общаго, свободно избраннаго, представителя-ректора. Объединенный такимъ образомъ университетъ имѣетъ своею задачей не столько высшую профессіональную подготовку къ различнымъ должностямъ, что могли бы исполнить и обыкновенныя высшія профессіональныя училища, сколько *научное и философское воспитаніе* молодежи въ общеніи съ лучшими представителями научной и философской мысли даннаго народа. При такой системѣ научная мысль децентрализована по всей странѣ; каждый университетъ оказывается центромъ научнаго изслѣдованія, съ методами и живыми представителями котораго знакомятся непосредственно цѣлыя поколѣнія молодежи. Нѣмецкіе университеты преслѣдуютъ великую педагогическую цѣль—воспитаніе молодежи въ духѣ безпристрастной и безстрашной истины, ознакомленіе съ научными пріемами изслѣдованія и общими идеями міросозерцанія. Соотвѣтственно этому и профессора являются въ одно и то же время научными изслѣдователями, учеными, философами, а также преподавателями университетской молодежи, ея постоянными, будничными, такъ сказать, наставниками. Благія послѣдствія такого непосредственнаго соприкосновенія молодыхъ поколѣній съ представителями объективной мысли неоцѣнимы. Для духовнаго воспитанія молодежи не безразлично, подъ чьимъ руководствомъ она заканчиваетъ свое образованіе—подъ руководствомъ ля самостоятельной корпораціи ученыхъ, или простыхъ чиновниковъ соотвѣтственнаго министерства, какъ это мы видѣли во Франціи. Благодаря германской системѣ университетскаго образованія, нѣмецкая студенческая молодежь имѣла своими непосредственными воспитателями такихъ людей, какъ Кантъ, Фихте, Гегель, Шлейермахеръ, такихъ ученыхъ, какъ Момзенъ, Нибуръ, братья Гриммъ, Зибель, Вайцъ, Іерингъ, Дюбуа-Реймонъ, Гельмгольцъ, Вирховъ и цѣлую плеяду другихъ первоклассныхъ европейскихъ знаменитостей, для перечисленія которыхъ потребовались бы страницы. Не благодаря ли такому единенію Германія стала, во многихъ отношеніяхъ, «головой» Европы, великою школой международной интеллигенціи, стекающейся въ ея университеты для усовершенствованія своихъ знаній?

Такою системой университетскаго образованія Германія обязана началу XIX-го вѣка. Наполеоновскія войны пробудили изъ вѣковой спячки національный геній германскаго народа. Вдохновенная пропаганда Фихте, политическія реформы Штейна, смягчившія до извѣстной степени старый режимъ Пруссіи, все это не могло не обновить всего университетскаго режима германскихъ государствъ. Во главѣ университетской реформы сталъ знаменитый Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ во Франціи Наполеонъ I вводилъ université impériale и дѣлалъ высшее образованіе орудіемъ своего политическаго господства, германскіе университеты реформировались въ духѣ эмансипаціи ихъ отъ всякаго посторонняго вліянія. Университеты, согласно

идеѣ Гумбольдта, должны служить одной лишь цѣли: развитію и распространенію научной мысли. Такому чисто-педагогическому взгляду на задачи университетскаго образованія рѣзко противорѣчила его традиціонная организація. Подобно тому, какъ американскіе и англійскіе университеты находились, въ теченіе XIX-го вѣка, всецѣло подъ вліяніемъ капитала и господствующихъ классовыхъ интересовъ, нѣмецкіе университеты въ восемнадцатомъ столѣтіи были пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ господствовавшаго режима. Не наука, не ея интересы и объективныя задачи руководили всѣмъ ходомъ и характеромъ преподаванія въ нихъ, а исключительно виды и соображенія правительства. Послѣднее безпрестанно вмѣшивалось во внутреннія дѣла университетовъ, слѣдило ревнивымъ окомъ за «духомъ» профессорскаго преподаванія, издавало частыя предписанія и «увѣщанія», рекомендовало книги, учебники, руководства, навязывало методы, хулило, порицало, приказывало, награждало. Великому кенигсбергскому философу, Эммануилу Канту, запрещалось чтеніе лекцій; студенты, еще по уставу 1798 года, подвергались за болѣе серьезные проступки наказанію розгами, сопровождавшемуся отеческимъ увѣщаніемъ ректора, и т. п. Германской университетской реформѣ начала XIX-го вѣка предстояла великая и трудная задача отысканія новыхъ руководящихъ принциповъ, которые, оставляя за университетами значеніе государственныхъ учрежденій, освобождали бы ихъ въ то же время отъ излишней и вредной правительственной регламентаціи. Необходимо было отыскать нѣчто среднее между буржуазнымъ манчестерствомъ, съ одной стороны, и существующей практикой съ другой. Научное изслѣдованіе и научное воспитаніе молодежи должны были быть ограждены отъ подчиненія партійнымъ, классовымъ и всякимъ другимъ *частнымъ* интересамъ и приблизиться какъ можно болѣе къ интересамъ и потребностямъ *общимъ*. Вильгельмъ Гумбольдтъ и положилъ въ основу своей университетской реформы такой, совершенно новый, *принципъ*. Этотъ принципъ требуетъ самостоятельности научнаго изслѣдованія и воспитанія, возможной лишь при наличности независимой ученой корпораціи, пользующейся правами самоуправленія. Служеніе истинѣ должно быть ограждено такими же (или подобными) привилегіями, какъ и служеніе справедливости; профессора, какъ и судьи, должны быть ограждены отъ всякаго посторонняго давленія и надѣлены, соотвѣтственно этому, особыми правами. Какъ ни трудно было провести такой общественный принципъ въ жизнь во всей его идеальной чистотѣ, примѣромъ чему можетъ служить намъ сама Германія, важно было, однако, его оффиціальное признаніе и хотя бы частичное осуществленіе. На путь такого признанія и постепеннаго осуществленія и выступили германскіе университеты какъ разъ въ тотъ моментъ, когда во Франціи университеты были низведены на уровень высшихъ профессіональныхъ школъ. Германскіе университеты были вызваны

къ новой жизни, обѣщавшей въ будущемъ великую научную гегемонію надъ всѣмъ культурнымъ міромъ. Оставаясь государственными учрежденіями, они стали въ то же время *«привилегированными корпораціями»* съ широкимъ внутреннимъ самоуправленіемъ. Профессора стали свободными учеными, и ихъ правовое положеніе тѣмъ болѣе улучшилось, чѣмъ болѣе правъ получила каждая человѣческая личность въ общемъ строѣ государства. Наступила мало по малу эра мирнаго, органическаго роста германскихъ университетовъ, не прекратившагося и до сихъ поръ.

При всемъ томъ, и Германія не вполнѣ свободна отъ кое-какихъ конфликтовъ, сомнѣній, колебаній; и она имѣетъ свой «университетскій кризисъ». Правда, здѣсь, въ этомъ кризисѣ, не идетъ дѣло объ измѣненіи самыхъ основъ даннаго университетскаго строя, а лишь о такъ наз. Grenzstreitigkeiten, т.-е. о проведеніи точной демаркаціонной линіи между *степенью самоуправленія* университетовъ и правомъ верховнаго государственнаго надзора. Недостаточно признать полезность или «принципъ» самоуправленія; необходимо точно и раціонально опредѣлить его *границы*. Все болѣе обостряющаяся въ Германіи классовая и конфессіональная борьба, проникновеніе новѣйшихъ общественныхъ доктринъ въ университетское преподаваніе и другіе, менѣе значительные, факторы нарушили, до извѣстной степени, установившійся было миръ между государствомъ и университетами и вызвали наружу цѣлый рядъ вопросовъ, конфликтовъ и сомнѣній, не только не лишенныхъ общаго интереса и значенія, но, наоборотъ, затрогивающихъ самыя важныя проблемы современной университетской жизни, настойчиво требующія своего принципіальнаго разрѣшенія. Съ этими вопросами и конфликтами знакомитъ насъ новое, капитальное изслѣдованіе профессора берлинскаго университета, Фридриха Паульсена, озаглавленное: «Die deutsche Universitäten und das Universitätsstudium *). Посвященный «учащейся молодежи нѣмецкой націи», этотъ трудъ можетъ быть, однако, рекомендованъ вниманію и другихъ націй. Написанный со всею умѣренностью и аккуратностью, но и со всею обстоятельностью, такъ свойственными ученымъ германской крови, трудъ Паульсена долженъ быть признанъ вдвойнѣ цѣннымъ въ эпоху «кризиса», новаго перерѣшенія важнѣйшихъ принципіальныхъ вопросовъ университетской педагогики. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является проблема свободы преподаванія въ университетахъ. Вопросъ о «свободѣ» и «регламентаціи» въ сферѣ педагогической принялъ въ послѣднее время особенно острый характеръ почти во всѣхъ странахъ Запада, и не только подъ давленіемъ *новыхъ* доктринъ и теченій, стремящихся проникнуть въ сферу школьнаго преподаванія, но также въ силу стремленія кое-какихъ *отживающихъ* факторовъ не упустить изъ своихъ рукъ могущественнаго орудія вліянія на подростающія поколѣнія. Къ

*) Berlin, 1902, Verlag von A. Ascher. стр. 575+XII".

«свободѣ» апеллируютъ въ одно и то же время представители двухъ самыхъ противоположныхъ тенденцій. Во Франціи, напримѣръ, самыми горячими партизанами свободы въ сферѣ педагогической являются клерикалы, защищающіе права такъ-называемой «свободной школы» противъ «насилія» государства. Въ основѣ всѣхъ этихъ конфликтовъ и споровъ лежитъ нерѣшенный вопросъ, который можно формулировать такимъ образомъ: *означаетъ ли академическая свобода преподаванія допущеніе къ каѳедрѣ представителей всякаго общественнаго или философскаго направленія и ученія*, какъ бы, абсурдно или реакціонно оно—въ глазахъ государства или данной ученой корпораціи—ни было? Въ связи съ этимъ вопросомъ находится не мало другихъ, ему родственныхъ, какъ напримѣръ: кто долженъ быть верховнымъ судьей *научности* извѣстной доктрины, т.-е. ея допустимости къ преподаванію? Можетъ ли государство, принявшее университеты въ свое вѣдѣніе, терпѣть въ нихъ представителей взглядовъ или доктринъ, враждебныхъ самымъ его основамъ, какъ, напр., во Франціи, гдѣ клерикализмъ враждебенъ основамъ республиканскаго строя? и т. п. Спрашивается: какъ отвѣчаетъ на нихъ авторъ упомянутаго выше труда, берлинскій профессоръ Паульсенъ?

Прежде всего, необходимо замѣтить, что поскольку вопросъ касается академической свободы вобще, то трудно найти болѣе убѣжденнаго и серьезнаго защитника ея, чѣмъ этотъ ученый. «Свобода ученія, — читаемъ мы на стр. 286 и слѣд. его труда, — есть гордость нѣмецкаго университета. Она самымъ тѣснымъ образомъ связана съ тою духовною свободою, которая является столь характерной чертой нашей народной жизни. Для академическаго учителя и его слушателей не можетъ существовать никакихъ заказанныхъ или приказанныхъ мыслей. Существуетъ одна лишь норма преподаванія: доказать истину своего ученія доводами разума и эксперимента...» Для подкрѣпленія своихъ словъ Пульсенъ ссылается на авторитетъ не только Гумбольдта, но и Шлейермахера, рекомендовавшаго государству «предоставить науки самимъ себѣ», а внутренніе распорядки университетовъ возложить всецѣло на ученыхъ. Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія приводитъ онъ отзывъ выдающагося американскаго философа и педагога, Stanley Hall'я, о германскихъ университетахъ: «Нѣмецкій университетъ,—сказалъ Hall,—является сегодня свободнѣйшимъ уголкомъ всего земного шара. Всѣ старыя формы и догмы вѣры, вліявшія нѣкогда на жизнь людей, подвергались сомнѣнію, всѣ возможные пути мысли были использованы для достиженія новыхъ, болѣе глубокихъ и непоколебимыхъ основаній. И никогда еще самая полная свобода не была великолѣпнѣйшимъ образомъ оправдана ея послѣдствіями, какъ посреди всего этого броженія. Пустыя, вредныя идеи вымерли, и одна лишь истина постоянно выигрывала въ своей силѣ». Паульсенъ не закрываетъ глазъ предъ кое-какими отрицательными сторонами

такой свободы. Сплошь и рядомъ случается, что новыя истины отвергаются изъ-за излишней приверженности къ старинѣ и, наоборотъ, подчасъ старыя истины терпятъ ущербъ отъ новой лжи. Свобода мысли нерѣдко вырождается въ произволъ мысли, въ стремленіе къ оригинальничанью, къ критиканству, къ новаторству (Neuerungssucht). Эти недостатки особенно часто замѣчаются у доцентовъ-философовъ, имѣющихъ каждый свою «систему», «и не существуетъ, — по замѣчанію Паульсена,—такой чепухи, которая, принявъ весь внѣшній видъ «системы», не нашла бы въ Германіи большаго или меньшаго количества «учениковъ», готовыхъ разглашать «новую мудрость» по всѣмъ угламъ міра». «Такова ужъ,—говотъ онъ,—цѣна за свободу обученія, не дешевая цѣна, *но она должна быть уплочена*. Свобода и опасность, Freiheit und Gefahr, неотдѣлимы. Противъ этой опасности есть одно только средство: возвращеніе къ средневѣковому-католическому принципу. Этотъ шагъ нѣмецкій университетъ не можетъ сдѣлать, не уничтожая самого себя и своего славнаго прошлаго». Такимъ образомъ, середины тутъ быть не можетъ,—говоритъ Паульсенъ: университетъ, по крайней мѣрѣ, того типа, который сложился въ Германіи, можетъ и долженъ быть представителемъ свободной науки, свободной мысли, свободнаго изслѣдованія. Не заблуждается лишь тотъ, кто не ищетъ. Свободное изложеніе собственныхъ мыслей, какъ бы подчасъ низко ни было ихъ внутреннее достоинство, все же цѣннѣе лекцій, повторяющихъ однѣ и тѣ же изжитыя догмы. Лишь легкая и свѣжая атмосфера свободы привлекаютъ къ университету первоклассныя научныя силы, и, наоборотъ, всякая внѣшняя регламентація преподаванія заставляетъ эти силы покидать свои каѳедры.

Такъ рѣшается Паульсеномъ вопросъ объ академической свободѣ, въ его чистой, принципіальной постановкѣ. Современная практика германскихъ университетовъ отступаетъ нѣсколько отъ такого рѣшенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о преподаваніи соціальныхъ наукъ. О вмѣшательствѣ въ преподаваніе естественныхъ и медицинскихъ наукъ, математическихъ и филологическихъ дисциплинъ въ настоящеее время никто болѣе не думаетъ. Правда, было когда-то время, когда свободное развитіе даже этихъ наукъ грозило кое-какимъ господствовавшимъ интересамъ; было время, когда то или другое открытіе влекло за собою даже костры инквизиціи. Въ настоящее время математика и медицина, а также естественныя науки не возбуждаютъ болѣе ничьихъ подозрѣній въ Германіи. Свобода преподаванія этихъ наукъ въ германскихъ университетахъ неограниченная. Не то мы видимъ по отношенію къ наукамъ общественнымъ. Вопросъ о «границахъ» свободы выступаетъ здѣсь во всей своей щекотливой сложности и требуетъ не фактическаго, а раціональнаго разрѣшенія. Можетъ и должно ли государство и въ этой сферѣ оставаться въ роли равнодушнаго наблюдателя, т.-е. допускать преподаваніе въ

университетахъ какихъ бы то ни было теорій, какъ бы явно послѣднія ни шли въ разрѣзъ съ его намѣреніями и интересами? Можетъ ли какое бы то ни было государство вручить каѳедру политическихъ наукъ представителю крайнихъ индивидуалистическихъ теорій, отрицающихъ разумность государства и права вообще? Вѣдь университетъ—какъ ни какъ—государственное учрежденіе, содержимое на счетъ государства, входящее даже при началахъ самоуправленія въ общій составъ управленія; задача его, кромѣ научнаго воспитанія молодежи, состоитъ еще въ подготовленіи государству чиновниковъ, обществу—дѣятелей. Можно ли, при такихъ условіяхъ, требовать отъ государства полнаго равнодушія къ тому духу, въ какомъ воспитываются его будущіе агенты, полнаго, чисто ангельскаго безпристрастія въ дѣлахъ, столь близко касающихся его собственнаго существованія, его естественнаго инстинкта самосохраненія? И если нѣтъ, если требовать отъ государства подобнаго безпристрастья было бы абсурдомъ, то, съ другой стороны, какъ, при такихъ условіяхъ, охранить все же права науки, интересы свободнаго изслѣдованія? Признавъ за государствомъ право вмѣшательства въ преподаваніе философскихъ и общественныхъ наукъ, не дѣлаемъ ли мы его верховнымъ вершителемъ вопроса, что̀ въ этихъ научныхъ дисциплинахъ истина и что̀ ложь? Можно ли признать государство, т.-е. его агентовъ, компетентными въ сферѣ, вполнѣ имъ чужой, и если нѣтъ, то въ правѣ ли оно, по своему усмотрѣнію, налагать свое veto на ту или иную теорію и, пріурочивая ее къ такъ называемымъ «лжеученіямъ», исключать ее изъ университетскаго преподаванія? Какъ рѣшить всѣ эти вопросы, не впадая, съ одной стороны, въ утопію, съ другой—не жертвуя интересами свободнаго изслѣдованія и научнаго воспитанія университетской молодежи? Telle est la question, таковъ вопросъ, какъ нельзя болѣе современный въ виду все бо̀льшаго проникновенія философскихъ и соціальныхъ дисциплинъ въ университетское преподаваніе, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ «лжеученій», о которыя долженъ, повидимому, разбиться столь популярный принципъ такъ называемой «академической свободы».

Профессоръ Паульсенъ не скрываетъ отъ себя всей многосторонней сложности поставленной самой жизнью проблемы, но, въ то же время, онъ не сомнѣвается въ возможности ея практическаго, справедливаго и разумнаго разрѣшенія. Правда, Паульсенъ знаетъ, что жизнь полна конфликтовъ и взаимнопротивоположныхъ интересовъ, которые необыкновенно трудно привести въ равновѣсіе и отыскать для нихъ удовлетворительный modus vivendi. Въ данномъ конфликтѣ онъ усматриваетъ даже не только борьбу различныхъ партійныхъ и классовыхъ интересовъ, но и вѣчный антагонизмъ двухъ сторонъ человѣческой природы. «Это конфликтъ,—говоритъ онъ,—между теоретикомъ и практикомъ, философомъ и политикомъ, конфликтъ, можно даже сказать, между двумя существеннѣйшими сторонами самой человѣческой природы, между *ра-*

зумомъ и *волей*. Воля, и именно воля самосохраненія, присущая также историческимъ организмамъ (Lebenwesen), требуетъ въ лицѣ ихъ представителей, политиковъ церкви и государства, наличности прочныхъ мыслей и убѣжденій, а равно ихъ основы — *неприкосновенныхъ принциповъ*. Разумъ же, наоборотъ, не признаетъ въ лицѣ своихъ представителей, философовъ и изслѣдователей, ничего безусловно прочнаго (Feststehendes), ничего не подлежащаго сомнѣнію». Другими словами, историческая жизнь невозможна безъ прочныхъ, установившихся убѣжденій, безъ опредѣленной *традиціи*, полную противоположность которой составляетъ духъ *критики*, *анализа*, подкапывающагося подъ raison d'être исторически сложившихся учрежденій и обычаевъ, реакція которыхъ, въ той или иной формѣ, неизбѣжна. Какъ бы ни было свободно государство, будь это даже, говоритъ Паульсенъ, «соціалъ-демократическая республика», всюду будетъ ему присущъ инстинктъ самосохраненія, реагирующій, въ той или иной формѣ, противъ силъ, угрожающихъ его существованію. Къ тому же, здѣсь надо принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Всѣ тѣ научныя дисциплины, представители которыхъ обречены вступать зачастую въ конфликтъ съ государствомъ, отличаются отъ другихъ наукъ своимъ особеннымъ характеромъ, а именно ихъ тѣсною связью съ волевою стороной самого изслѣдователя. Общественныя науки столь близко касаются человѣческой жизни, онѣ такъ тѣсно затрогиваютъ наши интересы, что въ само изслѣдованіе ихъ вкрадывается неизбѣжный *субъективный элементъ*. Полной безпартійности, по мнѣнію Паульсена, тутъ быть не можетъ, что тѣмъ болѣе даетъ государству нравственное право самозащиты и вмѣшательства въ сферу академической свободы, ибо нельзя же требовать отъ государства «содержанія на жалованьи» своихъ же собственныхъ противниковъ. Свобода совѣсти и свобода мысли, два основныхъ начала здоровой соціальной жизни, не означаютъ еще обязанности правительствъ поддерживать *положительными мѣрами* тѣ стремленія и доктрины, которыя для него вредны. Свободному развитію такихъ доктринъ предоставляются всѣ другія—неоффиціальныя—сферы жизни, напримѣръ, пресса, ученыя общества и т. п. Паульсенъ усматриваетъ contradictio in adjecto, т.-е. внутреннее противорѣчіе въ преподаваніи государственныхъ наукъ теоретикомъ анархическихъ воззрѣній, въ преподаваніи права идеологами индивидуализма. Здѣсь уже заключается одна изъ *естественныхъ* «границъ» академической свободы, вытекающая, такъ сказать, изъ самой природы вещей, подобно тому, какъ нельзя мыслить преподавателемъ теологическихъ дисциплинъ человѣка, отрицательно относящагося къ религіи. Но спрашивается: кто можетъ и долженъ опредѣлять то или иное отношеніе ученаго къ этимъ основнымъ вопросамъ? Было время, когда одна изъ древне-греческихъ республикъ присудила Сократа къ смерти «за безбожіе», т.-е. въ сущности за его болѣе глубокое пониманіе религіозныхъ проблемъ. Въ царствованіе прус-

скаго короля Фридриха-Вильгельма II Канту были запрещены его религіозно-философскія лекціи по тѣмъ же мотивамъ. Нѣсколько позже, другой великій философъ, Фихте, религіозная натура par excellence, былъ привлеченъ къ суду за пропагандированіе «атеистическихъ идей». Судьи этихъ великихъ людей были совершенно некомпетентны въ вопросахъ, о которыхъ они брались судить. Компетентными судьями могутъ быть лишь члены ученой коллегіи, опредѣляющіе объективную цѣнность тѣхъ или иныхъ воззрѣній и принимающіе въ свою среду новыхъ, молодыхъ ученыхъ. Государство можетъ спокойно положиться на консервативный духъ такой коллегіи (напримѣръ, профессоровъ даннаго факультета), ибо и ученымъ присущъ тотъ инстинктъ самосохраненія, который заставляетъ сдержанно и недовѣрчиво относиться ко всему новому, молодому, смѣлому. Паульсенъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы, безъ непосредственнаго вмѣшательства государства, въ сферу университетскаго преподаванія могутъ проникнуть самыя легковѣсныя ученія, самыя дикія идеи, тогда какъ ему лучше, чѣмъ кому либо другому, должно было бы быть извѣстно, какой строгій подборъ ученыхъ царствуетъ именно въ германскихъ, т.-е. автономныхъ университетахъ. Повторяемъ, корпораціи ученыхъ присущъ въ значительной степени духъ консерватизма; новымъ идеямъ, даже выступающимъ съ солиднымъ багажомъ научной аргументаціи, не легко проникнуть въ эту ревнивую среду олимпійскаго величія, и потому едва ли является необходимость затруднять еще болѣе и безъ того ужъ трудный процессъ поступательнаго движенія человѣческой мысли. Ссылка Паульсена на вѣчный, органическій, такъ сказать, конфликтъ разума и воли, т.-е. соотвѣтствующихъ имъ соціальныхъ сферъ, справедлива лишь, поскольку она констатируетъ существующій въ дѣйствительности фактъ, но не доказываетъ еще необходимости и полезности подчиненія «разума» «волѣ», скорѣе — наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что разуму должна быть дана возможность нормальнаго и свободнаго развитія при условіяхъ, конечно, гарантирующихъ искренность и научность его представителей. Нелѣпыя доктрины не могутъ быть долговѣчны и не могутъ пріобрѣсти вліянія въ атмосферѣ серьезнаго научнаго труда, которая царитъ или, по крайней мѣрѣ, должна царить въ университетахъ. Лишь все истинно-здоровое и справедливое способно устоять въ этой атмосферѣ, и тогда ему можно пожелать самое свободное развитіе, какъ бы парадоксально или даже «вредно» ни казалось оно на первыхъ порахъ представителямъ соціальной «воли». При особенно ревнивомъ отношеніи послѣдней къ свободному развитію научной мысли, на университетскихъ каѳедрахъ немыслимы не только Канты, Фихте и имъ подобные мыслители, но и серьезные ученые болѣе скромнаго калибра, если имъ придется считаться съ соображеніями и факторами, ничего общаго съ ихъ работой не имѣющими.

Изъ сказаннаго выше несправедливо, однако, было бы заключать, что Паульсену не дороги привилегіи академической свободы и что въ своемъ стремленіи къ чрезмѣрной уступчивости и объективности, онъ измѣняетъ основнымъ принципамъ установившагося въ Германіи университетскаго порядка. Нѣтъ, онъ настаиваетъ въ своемъ трудѣ на необходимости допущенія въ университетахъ полной свободы изслѣдованія и мнѣнія, но предоставляетъ ее—безъ всякихъ ограниченій—лишь... *приватъ-доцентамъ.* Приватъ-доценты-де не государственные чиновники, а частные преподаватели, получающіе лишь гонораръ отъ слушателей. Къ дѣятельности послѣднихъ государство не можетъ предъявлять никакихъ требованій: она находится подъ исключительнымъ контролемъ—со стороны ея научности—соотвѣтственнаго факультета. Таковы, по крайней мѣрѣ, pia desideria Паульсена, минимумъ его академической программы, который выдвигается имъ противъ усиливающагося въ послѣднее время въ Германіи вмѣшательства государства въ сферу академической свободы. Эта программа «minimum», какъ читатель видитъ, идетъ на компромиссъ съ господствующими силами, но старается спасти принципъ въ исключительныхъ привилегіяхъ института приватъ-доцентовъ. Германское государство признать эти привилегіи пока не рѣшается. Недавняя афера съ приватъ-доцентомъ Аронсомъ показала нѣмецкимъ университетамъ, что одна лишь принадлежность университетскаго преподавателя къ нежелательной партіи, даже если бы его предметъ не имѣлъ ничего общаго съ соціальными науками (Аронсъ читалъ физику), вызываетъ интервенцію государства. Запрещеніе Аронсу чтеніе лекцій въ берлинскомъ университетѣ, даже вопреки рѣшенію философскаго факультета, заставляетъ Паульсена произнести нѣсколько суровыхъ словъ по адресу министерства. При всей своей готовности къ кое-какимъ компромиссамъ и уступкамъ, Паульсенъ горячо протестуетъ противъ такого нарушенія германской свободы. Правда, Паульсенъ и самъ противъ непосредственнаго участія профессоровъ и вообще ученыхъ въ отвлекающихъ дѣлахъ политики. Въ главѣ, озаглавленной «*Профессора и политика*», онъ старается всячески доказать, что ученые не могутъ и не должны «Politik machen». Непосредственное вмѣшательство въ политическую жизнь страны, активная принадлежность къ какой-либо партіи (къ какой бы то ни было) не могутъ не отражаться вредно на ученой дѣятельности профессора. Качества и способности, развиваемыя политической борьбой, діаметрально противоположны тѣмъ, которыя необходимы для научной дѣятельности. Послѣдняя упражняетъ въ ученомъ «теоретическій индифферентизмъ», стремленіе къ рефлексіи, къ анализу, къ постоянной самопровѣркѣ; тогда какъ всякая практическая дѣятельность, особенно въ сферѣ политической, требуетъ непоколебимой рѣшимости воли, способности идти по разъ избранному пути безъ колебанія, безъ оглядки. Весьма возможно, что исходная точка той или иной практической работы неправильна или скрываетъ въ себѣ цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ, но

жизнь не ждетъ, и размышлять долго нѣтъ возможности. Надо умѣть «оборвать» нескончаемую цѣпь сомнѣній, взвѣшиваній и размышленій, чтобы выступить рѣшительнымъ борцомъ на практическую арену жизни. Но такое умѣніе свойственно лишь людямъ практики, съ сильною волей, не разъѣденной постоянными взвѣшиваніями «за» и «противъ». Добродѣтели ученаго это—постоянная самокритика, безстрастіе, объективизмъ, все слабыя стороны у практическаго дѣятеля, который по словамъ Паульсена, долженъ обладать «мужествомъ односторонности». «Die Theorie,—говоритъ Паульсенъ,—macht ungeschickt für die Politik, die Politik verdirbt für die Theorie», т.-е. служеніе теоріи дѣлаетъ людей неловкими на почвѣ политической работы, и, наоборотъ, занятіе политикой дѣлаетъ негоднымъ къ теоретической работѣ. Въ особенности это можетъ быть примѣнено къ ученымъ, занимающимся соціальными науками; принадлежность къ опредѣленной партіи, въ особенности — непосредственое участіе въ ея борьбѣ не можетъ не оказать вреднаго вліянія на ходъ научнаго изслѣдованія и преподаванія. Субъективный элементъ, свойственный и безъ того ужъ всѣмъ общественно-теоретическимъ дисциплинамъ, получилъ бы еще большее развитіе.

Такимъ образомъ, нельзя никоимъ образомъ быть въ одно и то же время основательнымъ ученымъ и хорошимъ политикомъ. Профессора не должны вмѣшиваться въ политическую борьбу своей страны, хотя одна формальная принадлежность къ той или иной партіи, обнаруживаемая, напр., при выборахъ, не играетъ тутъ никакой существенной роли. Въ Германіи, за послѣдніе годы, профессора не разъ вмѣшивались въ политическую борьбу партій. Знаменитый Вирховъ въ Берлинѣ и извѣстный Зомбартъ въ Бреславлѣ принимали, въ качествѣ «свободомыслящихъ», горячее участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ, но ихъ примѣръ можетъ служить лишь подтвержденіемъ сказанному Паульсеномъ: какъ Вирховъ, такъ и Зомбартъ были побѣждены скромными представителями противоположной партіи. Ученые были побѣждены политиками, теоретики — практиками... Возможны, конечно, исключенія. Но всѣ такія исключенія подтверждаютъ лишь справедливость общаго правила. Въ болѣе нормальные, такъ называемые «органическіе» періоды исторіи университеты должны быть исключительно заняты своими спеціальными задачами и своею безпартійностью и безпристрастіемъ служить «общественною совѣстью» для всей страны, верховною справочною инстанціей для ищущихъ оріентировки въ добрѣ и злѣ, въ истинѣ и справедливости. Голосъ ученыхъ тѣмъ авторитетнѣе, чѣмъ болѣе они удалены отъ страстной борьбы партій, и къ этому голосу должны прислушиваться, въ затруднительныхъ случаяхъ, политики. Теорія можетъ и должна имѣть вліяніе на практику, но для этого она должна быть свободною отъ всякихъ обвиненій въ односторонности и партійности. И въ Германіи,—говоритъ Паульсенъ,—профессора оказали не малое вліяніе на

жизнь страны, указавъ на кое-какіе недостатки естественно-правовыхъ теорій либерализма и на необходимость дальнѣйшаго развитія «правового государства» въ духѣ положительныхъ задачъ. Въ такомъ *посредственномъ*, косвенномъ вліяніи на политическую жизнь страны Паульсенъ видитъ истинную положительную задачу университетовъ. Университеты должны пользоваться нравственнымъ авторитетомъ какъ въ глазахъ всего общества, такъ и передъ лицомъ учащейся молодежи, но такая высокая роль ихъ возможна лишь при условіи ихъ нравственной независимости. Ни общество, ни въ особенности молодежь не должны ни въ какомъ случаѣ подозрѣвать университеты въ угодливости и раболѣпіи по отношенію къ какой-либо господствующей въ данное время партіи. Во Франціи, гдѣ университеты служили въ теченіе всего XIX-го вѣка слѣпымъ орудіемъ быстро смѣнявшихъ другъ друга режимовъ, учащаяся молодежь, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ образованнымъ обществомъ, искала руководства въ другихъ сферахъ. Въ Германіи, до послѣдняго времени, университеты пользовались извѣстною долей независимости и, въ связи съ этимъ нравственнымъ авторитетомъ, которому съ недавнихъ поръ стали угрожать серьезныя опасности. По мнѣнію Паульсена, эти опасности заключаются не только въ нарушеніи принципа академической свободы, какъ мы это видѣли выше на примѣрѣ приватъ-доцента Аронса, но и въ кое-какихъ «милостяхъ», которыми въ послѣднее время германское правительство осыпаетъ представителей ауки. «Едва ли,—говоритъ онъ,—нѣмецкіе университеты выиграютъ отъ этого во внутреннемъ достоинствѣ и нравственной силѣ; скорѣе можно ожидать, наоборотъ, усиленія зависимости von den Mächten dieser Welt и потери ими своихъ основныхъ качествъ».

Съ той же самой точки зрѣнія интересовъ академической свободы, Паульсенъ разсматриваетъ вопросъ, столь горячо диспутируемый въ послѣдніе годы, относительно способа вознагражденія профессорскаго труда. Германскій принципъ устанавливаетъ двоякое вознагражденіе отъ государства (жалованье) и отъ студентовъ-слушателей (гонораръ). Противъ этого принципа была, одно время, поднята на Западѣ цѣлая литературная буря, результатомъ которой было исключеніе гонорарнаго вознагражденія изъ австрійскихъ университетовъ: профессора очутились исключительно на жалованьѣ государства. Реформа эта, проведенная въ 1896 году, была осуществлена вопреки волѣ и голосамъ заинтересованной стороны, т.-е. самихъ профессоровъ, несмотря даже на то, что, вслѣдствіе одновременнаго повышенія казенныхъ окладовъ, они ничего отъ уничтоженія гонорара матеріально не теряли. Въ Германіи протестъ профессоровъ противъ идеи подобной реформы былъ еще болѣе единодушенъ, благодаря чему законъ 1897 года, осуществившій кое-какія нововведенія въ системѣ вознагражденія профессорскаго труда, въ Пруссіи, не коснулся самаго его принципа. Пауль-

сенъ не скрываетъ отъ читателей недостатковъ существующей системы, допускающей крупное неравенство въ вознагражденіи, получаемомъ профессорами не только одного и того же факультета, но и нерѣдко одного и того же предмета. Такъ, напр., въ 1894—1895 академическомъ году изъ общаго числа ординарныхъ профессоровъ въ прусскихъ университетахъ гонораръ 192-хъ не достигалъ 1.000 марокъ, тогда какъ болѣе счастливые коллеги ихъ зарабатывали до 15—20.000 марокъ. Все зависитъ отъ многочисленности слушателей на разныхъ факультетахъ, отъ числа прочитанныхъ лекцій, наконецъ, отъ притягательной силы самого предмета. Но не малую роль играютъ при этомъ талантъ и другія личныя качества лектора. Существуютъ, кромѣ того, и другіе недостатки существующей системы, но противъ всѣхъ ихъ сторонники ея выдвигаютъ ея несомнѣнныя и незамѣнимыя достоинства. Осуществленіе чисто казенной системы вознагражденія,—говорятъ они,—укрѣпило бы еще болѣе бюрократическій характеръ профессоровъ, т.-е. поставило бы ихъ, съ одной стороны, въ большую зависимость отъ правительства, съ другой—ослабило бы ужъ въ силу одного этого обстоятельства ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ учащихся. Такимъ образомъ, интересы академической свободы отъ уничтоженія гонорара значительно бы пострадали. Дѣло не ограничивалось бы однимъ формальнымъ усиленіемъ бюрократическаго характера профессоровъ; дѣятельность послѣднихъ, т.-е. число лекцій, порядокъ ихъ и т. п., очутилась бы подъ болѣе внимательнымъ контролемъ министерства. Даже самое содержаніе и форма преподаванія врядъ ли избѣгли бы регламентаціи той стороны, которая стала бы тогда единственнымъ «плательщикомъ». Но мало этого. Уничтоженіе всякой матеріальной зависимости лектора отъ слушателей не можетъ, говоря вообще, не отразиться на внутреннемъ отношеніи его къ своему дѣлу: какъ бы сухо, скучно ни читалъ онъ свои лекціи, какъ бы формально онъ ни относился къ своимъ обязанностямъ, интересы его отъ этого не пострадаютъ; симпатіи и уваженіе слушателей ему ни почемъ. Наконецъ, съ уничтоженіемъ гонорарной системы врядъ ли сохранился бы институтъ приватъ-доцентовъ, столь важный и необходимый въ общемъ строѣ университетской жизни. Рядомъ съ оплачиваемыми государствомъ чиновниками, читающими студентамъ лекціи безвозмездно, не могло бы быть мѣста свободнымъ частнымъ учителямъ, читающимъ тѣ же предметы за опредѣленное вознагражденіе. Исчезновеніе же института приватъ-доцентовъ нанесло бы самый чувствительный ударъ самому принципу академической свободы и отразилось бы не менѣе вредно на поступательномъ движеніи науки.

До сихъ поръ мы касались лишь вопросовъ, затрогивающихъ преимущественно положеніе и дѣятельность профессоровъ. Между тѣмъ, современный университетскій кризисъ выдвинулъ еще цѣлый рядъ проблемъ, близко касающихся самой учащейся молодежи. Педагоги и до

сихъ поръ еще не опредѣлили своего отношенія къ студенческой молодежи. И въ самомъ дѣлѣ какъ воспитывать этихъ «зрѣлыхъ» уже молодыхъ людей, какихъ методовъ и пріемовъ держаться по отношенію къ этимъ полу-школьникамъ, полу-ученымъ, переживающимъ самый бурный періодъ человѣческой жизни? Отъ той или иной организаціи студенческой жизни зависитъ не только правильный ходъ университетскаго преподаванія, но и болѣе или менѣе высокій нравственный и умственный уровень учащихся. Не удивительно, поэтому, если Паульсенъ посвятилъ этому вопросу цѣлыхъ полтораста страницъ своего труда. За небольшими исключеніями, страницы эти читаются съ истиннымъ удовольствіемъ,— столько въ нихъ обширной опытности, глубокаго отношенія къ вопросу и сердечнаго пониманія молодой души, ея потребностей и запросовъ. Устами Паульсена говоритъ въ данномъ случаѣ одинъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и авторитетныхъ педагоговъ Запада, постоянно сталкивавшійся съ тою самою молодежью, судьбы которой зависятъ въ значительной степени отъ характера регламентирующихъ ея жизнь уставовъ и инструкцій. Германское студенчество найдетъ въ этой книгѣ не мало справедливыхъ упрековъ по своему адресу за цѣлый рядъ отрицательныхъ качествъ, несомнѣнно присущихъ ему болѣе, чѣмъ студенческой молодежи другихъ странъ. Чѣмъ объяснить отсутствіе идеализма у современной германской студенческой молодежи? На этотъ весьма важный вопросъ студенческой педагогики мы, къ сожалѣнію, не находимъ у Паульсена никакого отвѣта. Между тѣмъ, вопросъ навязывается самъ собою: почему наиболѣе нормальный строй университетской жизни, какой существуетъ уже съ давнихъ временъ въ Германіи, не даетъ ей соотвѣтственной, болѣе идеально настроенной молодежи? Въ настоящее время мы находимъ у Паульсена весьма низменныя черты современнаго германскаго студента. Теперь уже на студенческой скамьѣ онъ мечтаетъ о матеріальныхъ благахъ міра сего, ревниво усваиваетъ себѣ всѣ тонкости внѣшнихъ приличій и конвенціональныхъ формъ; педантичная корректность и пресмыкательство предъ высшими, «Korrektheitsfanatismus und Nachobensehen», все это, говоритъ Паульсенъ, играетъ не малую роль въ его жизни. Рядомъ съ такимъ «пресмыкающимся» типомъ германскаго студента существуетъ еще другой типъ, упоминаемый Паульсеномъ и служащій неисчерпаемою темой для каррикатуристовъ извѣстнаго юмористическаго журнала «Fliegende Blätter». Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ типъ является діаметральною противоположностью перваго: какой бы то ни было корректности тутъ нѣтъ и слѣда, даже болѣе, всякія правила трезвой и старательной жизни, всѣ условныя приличія «посылаются къ чорту» подъ одною общею презрительною кличкой «филистерской добродѣтели». Въ основѣ такой «сверхчеловѣческой» переоцѣнки всѣхъ цѣнностей нѣтъ ничего серьезнаго и глубокаго: это скорѣе—хроническое «нахожденіе въ нетрезвомъ положеніи» натуръ легкомысленныхъ и лѣнивыхъ. Такое пивное моло-

дечество продолжается, однако, не очень долго; его быстро смѣняетъ трезвая, скучная дѣйствительность, не согрѣтая ни малѣйшимъ лучомъ идеала и живой мысли:

> Verflogen ist der Spiritus,
> Das Phlegma ist geblieben...

Такой нравственный декадансъ германской студенческой молодежи объясняется не специально-академическими факторами, а другими, болѣе общими, соціальными причинами. Студенческая среда, принадлежащая повсюду, въ своемъ преобладающемъ большинствѣ, къ среднимъ, такъ называемымъ буржуазнымъ классамъ, отражаетъ на себѣ всѣ духовныя качества и настроеніе этихъ послѣднихъ. И въ Германіи, какъ въ другихъ западно-европейскихъ странахъ, буржуазія переживала одно время юношескій періодъ своей исторіи, когда она, по характерному выраженію Сійеса, хотѣла быть «чѣмъ-нибудь» въ общемъ строѣ національной жизни. Такое духовное броженіе въ нѣдрахъ «третьяго сословія», созрѣвшаго къ опредѣленной политической миссіи въ исторіи, отразилась немедленно и на настроеніи молодежи. Теперь картина измѣнилась: третье сословіе сыграло въ Германіи свою историческую роль; единственная его забота — сохранить за собою завоеванное съ трудомъ господствующее положеніе для спокойнаго наслажденія благами міра сего и накопленія капитала. Классовая психологія отцовъ отразилась на настроеніи и чувствахъ дѣтей, на идеяхъ студенческой молодежи. Выходитъ какъ будто такъ, что изъ общаго прогресса страны студенчество регрессируетъ, молодежь дряхлѣетъ, весна замѣняется сумрачной осенью. Для даннаго, переходнаго періода западно-европейскихъ обществъ это положеніе до извѣстной степени вѣрно; но абсолютнаго значенія оно имѣть не можетъ. Въ постепенномъ стремленіи студенческой молодежи Запада къ непомѣрно-трезвой и спокойной жизни нельзя усматривать одинъ лишь болѣзненный процессъ декаданса университетской жизни; рядомъ съ этимъ процессомъ происходитъ другой, вполнѣ здоровый и раціональный, а именно: *все бо́льшая сосредоточенность студенческой молодежи на своей непосредственной задачѣ*, т.-е. научной работѣ и, подготовленіи себя къ жизни и общественной дѣятельности. Чѣмъ выше общій уровень какой-либо страны, тѣмъ сосредоточеннѣе и плодотворнѣе работаютъ университетскія «мастерскія» надъ своею главною задачей—прогрессомъ теоріи и научнымъ воспитаніемъ молодежи. Изъ современныхъ германскихъ университетовъ выходятъ не одни «пресмыкающіеся» и филистеры, но и знаменитые ученые дѣятели, врачи, философы, техники, юристы, поднявшіе умственный уровень и техническій прогрессъ своей страны на небывалую высоту.

Практическая жизнь, по мнѣнію Паульсена, есть задача зрѣлыхъ мужей, а не юношей; она требуетъ спокойной рѣшимости воли и большой опытности, обширнаго знакомства съ частною и публичною жизнью общества, т.-е. все такихъ качествъ, которыми молодые люди не распо-

лагаютъ и которыхъ имѣть не могутъ, такъ какъ эти качества пріобрѣтаются лишь въ самой жизни, при выполненіи отвѣтственныхъ общественныхъ обязанностей. Молодежь же богата настроеніемъ, страстями, самоотверженіемъ, идеализмомъ, т.-е. все качествами, не способными руководить въ сложныхъ перипетіяхъ практическою жизнью. Но невѣжество и индиферентизмъ въ вопросахъ жизни не могутъ быть прощены тѣмъ, которые по своему образованію подготовляютъ себя къ руководящимъ слоямъ націи. Прежде чѣмъ вступить въ жизнь, студентъ, кто бы онъ ни былъ, юристъ ли, мѣдикъ или филологъ, долженъ ознакомиться съ нею по всѣмъ доступнымъ ему источникамъ. Учащіеся различныхъ факультетовъ, не должны поэтому замыкаться исключительно въ свою спеціальность, они должны помнить, что они воспитанники *одного и того же университета*, задача котораго состоитъ, прежде всего, въ общенаучномъ воспитаніи молодежи. Особенному вниманію германскаго студенчества Паульсенъ рекомендуетъ посѣщеніе философскаго факультета, преимущественно его соціальнаго отдѣленія. Философскій факультетъ, по идеѣ Паульсена, это—душа университета. Чѣмъ выше стоитъ послѣдній, тѣмъ важнѣе роль этого факультета. Гдѣ нѣтъ его, какъ, напримѣръ, во Франціи, тамъ нѣтъ собственно и университета. Паульсенъ посвящаетъ этому вопросу много цѣнныхъ и интересныхъ страницъ, на содержаніи которыхъ мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи, по недостатку мѣста, остановиться болѣе подробно. Но ихъ общая мысль это—крайняя необходимость философскаго факультета для современныхъ университетовъ и его незамѣнимая ничѣмъ роль общенаучнаго воспитанія. Каждому студенту должна быть открыта возможность философскаго образованія, въ составъ котораго въ Германіи входитъ знакомство съ государственными науками, политическою экономіей, философіей права. Кромѣ того, въ германскихъ университетахъ укоренился за послѣднее время обычай читать публичныя лекціи по важнѣйшимъ злободневнымъ вопросамъ общественной жизни, посѣщаемыя студентами всѣхъ факультетовъ. Не малую роль, по мнѣнію Паульсена, могутъ сыграть также студенческіе кружки саморазвитія, но въ томъ одномъ лишь случаѣ, если въ нихъ будутъ допускаться представители самыхъ различныхъ симпатій и направленій, а самый трудъ будетъ носить чисто теоретическій характеръ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, долженъ быть путь постепеннаго ознакомленія университетской молодежи не только съ одною наукой, но и съ практикой, самою жизнью. Почти вся энергія, идеализмъ, стремленіе къ активному участію въ судьбахъ родины должны выливаться въ эту форму сосредоточеннаго ознакомленія съ темными и свѣтлыми сторонами жизни, съ ареной предстоящей дѣятельности. Мы говоримъ «почти» вся энергія, такъ какъ есть задачи и сферы жизни, гдѣ, по мнѣнію Паульсена, студенческая молодежь могла бы

принять непосредственное и дѣятельное участіе и тѣмъ удовлетворить своей жаждѣ дѣла и самоотверженія. Въ главѣ «Soziale Mission der akademischen Jugend» онъ рекомендуетъ ей послѣдовать примѣру тѣхъ англійскихъ интеллигентовъ, которые среди непросвѣтной тьмы и нищеты восточныхъ кварталовъ Лондона организовали извѣстное поселеніе, Toynbee Hall, распространяющее вокругъ себя свѣтъ знанія и любви. Въ Копенгагенѣ точно также организованъ «*Датскій студенческій союзъ*», имѣющій уже 500 членовъ, цѣль которыхъ, кромѣ собственнаго совмѣстнаго воспитанія, состоитъ въ устройствѣ вечернихъ курсовъ для народа, въ эстетическомъ воспитаніи народа путемъ концертовъ, посѣщенія музеевъ, въ юридической помощи нуждающимся и т. п. Вообще, возникшее недавно такъ называемое «университетское движеніе» является, по мнѣнію Паульсена, превосходнымъ поприщемъ для приложенія свободныхъ, просящихся наружу силъ студенческой молодежи. Такая дѣятельность не могла бы явиться «отвлеченіемъ» студента отъ его непосредственной задачи. Docendo discimus, говорили еще римляне, и съ тѣхъ поръ это стало элементарной педагогической аксіомой. Да, уча, учимся, и многому могла бы научиться университетская молодежь, принявъ участіе въ современномъ университетскомъ движеніи. Кромѣ того, такая просвѣтительная дѣятельность могла бы способствовать въ значительной степени устраненію той глубокой пропасти, какая существуетъ еще и до сихъ поръ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, между интеллигенціей и необразованными слоями народа, не говоря уже о томъ, что трудно найти болѣе плодотворную нравственную школу для учащихся высшихъ школъ, какъ именно такая дѣйственная, а не на словахъ только, «уплата долга народу», начинающаяся уже со школьной скамьи. Паульсенъ, впрочемъ, не раздѣляетъ того сентиментально-филантропическаго взгляда на народныя массы, по которому послѣднія не въ состояніи сами по себѣ, безъ нашей помощи, подняться на болѣе высокую ступень культуры; онъ замѣчаетъ въ народныхъ массахъ Запада «могучее и глубокое духовное движеніе», возникшее спонтанейно и чреватое славнымъ будущимъ. Но все же, несмотря на это, Паульсенъ склоненъ усматривать въ изолированности ученыхъ отъ народа «опасность для всей нашей культуры». Противъ современнаго университетскаго движенія возражаютъ, что оно можетъ дать въ результатѣ одно лишь вредное «полуобразованіе»; надѣливъ массы лишь «верхами» знанія, оно способно внушить имъ высокомѣріе и самодовольство недоучекъ, т.-е. качества, и безъ того ужъ распространенныя безъ мѣры въ наше время. Профессоръ Паульсенъ думаетъ, наоборотъ, что народные университеты, правильно организованные, и не призваны къ тому, чтобы дать народу цѣльное знаніе по всевозможнымъ отраслямъ. Да и гдѣ такое цѣльное знаніе существуетъ? Народные университеты должны, главнымъ образомъ, распространять повсюду научный духъ, правильные ме-

*

тоды мышленія и изслѣдованія, все моменты, способные, наоборотъ, зажечь повсюду священный огонь недовольства своимъ знаніемъ, *на какой бы высокой ступени оно ни было*, и разсѣять то тупое самомнѣніе и умственное самодовольство, которыя, дѣйствительно, являются одними изъ самыхъ несимпатичныхъ чертъ не только полуобразованнаго, но и такъ называемаго образованнаго общества. Полнота знанія недоступна никому, и мы всѣ, даже самые ученые изъ насъ, обречены въ сущности, весь свой вѣкъ оставаться полуобразованными, полунеучами. Гёте давно ужъ осмѣялъ тѣхъ, которые рѣшаются говорить о себѣ:

Zwar weiss ich viel,
Doch möcht' ich alles wissen...

Признакомъ истинно образованнаго человѣка является вѣчно недовольство присущимъ ему багажомъ знанія, интеллектуальная, чисто сократовская скромность да никогда не потухающій критическій духъ, никогда не полагающійся на сужденіе другого. Съ точки зрѣнія даннаго мѣрила, скромный работникъ, посѣщающій столь же скромный «народный университетъ», можетъ оказаться «образованнѣе» иного «ординарнаго профессора», замурованнаго въ свою узенькую спеціальность и враждебнаго всякой новой мысли.

Неохотно мы разстаемся съ книгой Паульсена, заключающей въ себѣ много плодотворныхъ указаній и побуждающихъ къ размышленію идей. Эту книгу можно назвать истинною энциклопедіей знаній, относящихся къ самымъ различнымъ сторонамъ современной университетской жизни, и могущей служить настольною книгой для всякаго, спеціально интересующагося даннымъ вопросомъ. Мы передали здѣсь вкратцѣ лишь самую незначительную часть настоящаго труда, содержащаго въ себѣ еще цѣлыя главы о такихъ первостепенныхъ вопросахъ современной университетской политики, какъ высшее женское образованіе, свобода ученія (Lernfreiheit) въ университетахъ, система замѣщенія каѳедръ, студенческія организаціи, государственные и факультетскіе экзамены и т. д. Каждому, болѣе близко заинтересованному всѣми этими важными и столь злободневными вопросами, мы рекомендуемъ этотъ трудъ извѣстнаго берлинскаго философа и педагога, заключающій въ себѣ кромѣ всѣхъ перечисленныхъ достоинствъ, еще драгоцѣнныя литературныя указанія.

Евгеній Лозинскій.

Я помню этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Распалися цѣпи ледяныя,
И звонкіе ручьи, какъ слезы золотыя,
Какъ слезы радости предъ новою весной,
Струилися по землѣ...
И тамъ—въ полупрозрачной мглѣ
Весеннихъ облаковъ съ ихъ нѣжной красотой—
Я слышалъ тотъ же шумъ—шумъ жизни молодой!
И птицы вольныя, и вешняя вода,
Слилися въ одинъ аккордъ тогда:
Жить, жить!

Я слышу этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Нѣтъ мертвыхъ дней оцѣпенѣнья,
И рѣчи пылкія, и радостное пѣнье
Пахнули на меня живительной весной!
Я вѣрю—жизнь идетъ
Съ могучей силою впередъ,
И дрогнула кора преграды ледяной
Подъ этотъ первый шумъ—шумъ жизни молодой!
О, юность чудная! ты манишь на просторъ,
Въ одинъ аккордъ слился твой хоръ:
Жить, жить!

А. Лукьяновъ.

ИЗЪ ЭПОХИ 60-хъ ГОДОВЪ.

(Неизданныя письма изъ „Женской жизни").

Предлагаемые отрывки изъ повѣсти въ письмахъ г-жи М. Крестовской „Женская жизнь", начало которой напечатано въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" за 1895 г., представляются болѣе или менѣе законченными эпизодами изъ обширнаго произведенія на исторической подкладкѣ, приготовляемаго авторомъ къ печати. Дѣйствительно, избравъ форму писемъ „обыкновенной, хорошей русской женщины", родившейся въ началѣ 30-хъ годовъ, къ горячо ею любимой двоюродной сестрѣ, съ которою она была ровесница и до конца жизни оставалась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, авторъ заставляетъ насъ ретроспективно пережить цѣлый періодъ интересной эпохи въ русской исторіи XIX-го вѣка. Героиня, — по происхожденію изъ стариннаго дворянскаго рода, провела дѣтство частью въ деревнѣ, частью въ губернскомъ городѣ. Воспитанная въ духѣ времени, она близко видѣла всѣ ужасы крѣпостного права, но до 18-ти-лѣтняго возраста жила полубезсознательною жизнью, увлекаясь танцами и удовольствіями, какъ обыкновенная барышня того времени, подъ строгою опекой гувернантки, родителей и особенно бабушки. Послѣдняя является по преимуществу представительницей традицій дореформенной Россіи и становится въ болѣе или менѣе открытую оппозицію съ новыми вліяніями освободительной эпохи. Между тѣмъ, въ самой Катѣ хорошіе задатки отзывчивой и живой натуры развернулись, когда молодая дѣвушка попала въ болѣе благопріятную для нея обстановку, которая и обусловила въ ней нѣкоторый духовный переломъ или пробужденіе. Это случилось съ переѣздомъ въ Москву, въ началѣ 50-хъ годовъ, когда Катя поселилась въ семьѣ своего дяди Семена Егорыча, у котораго жена, по происхожденію нѣмка—Луиза Андреевна, и пять человѣкъ дѣтей: три сына, Дмитрій, Сергѣй и Петръ и двѣ дочери, Раиса и Ольга. Попавъ въ новую среду высокообразованной и культурной семьи, Катя и сама преобразуется: впервые передъ нею раскрываются новые горизонты невѣдомыхъ дотолѣ вопросовъ и, къ ужасу своей матери, она начинаетъ прислушиваться къ спорамъ своихъ кузинъ со старшими братьями и ихъ товарищами, напр., „о причинахъ французской революціи и ошибкахъ конвента"... Катя принимается за чтеніе книгъ, изучаетъ русскихъ и иностранныхъ писателей и быстро развивается. Въ Москвѣ же ей пришлось испытать первое сильное горе—смерть отца, послѣ котораго она возвращается съ матерью въ деревню, но уже чувствуя себя новымъ человѣкомъ, начавшимъ жить сознательно—осмысленною жизнью. Поѣздка съ матерью за границу, въ Германію и Швейцарію, довершаетъ ея образованіе, а немного спустя умираетъ ея мать, и Катя совсѣмъ поселяется у своего дяди Семена Егорыча. Съ этихъ поръ ея письма значительно выигрываютъ въ интересѣ: личная жизнь Кати расширяется сочувственною отзывчивостью къ жизни другихъ людей и въ ея повѣствованіи

къ неизмѣнному другу дѣтства—впечатлѣнія по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ событій, новостей литературы и театра, чередуются съ ея собственными горями и радостями. Двадцати двухъ—трехъ лѣтъ Катя выходитъ замужъ за товарища своего двоюроднаго брата Дмитрія, Владиміра Петровича, который готовится къ профессорской дѣятельности. Но научная карьера не заслоняетъ въ его глазахъ запросовъ дѣйствительности, и Владиміръ Петровичъ, поклонникъ стараго славянофильства, въ его значительной, не выродившейся формѣ, одушевленъ тою вѣрою въ прогрессивныя силы общества, которая придаетъ особую окраску всѣмъ современникамъ и участникамъ, въ той или другой формѣ, съ той или другой точки зрѣнія—славянофильской или западнической, движенія, которое создало „эпоху великихъ реформъ“. Поборникамъ новыхъ идей приходится, однако, испытать на своемъ пути и не мало терніевъ: Владиміръ основываетъ журналъ, но вскорѣ долженъ прекратить его и даже разстаться съ профессорскою дѣятельностью; Петръ, двоюродный братъ Кати, замѣшанъ въ политической исторіи и сосланъ въ Сибирь... Впрочемъ, эти событія разыгрываются уже въ дальнѣйшихъ главахъ повѣсти. Моментъ, къ которому относятся печатаемыя ниже письма,—начало 60-хъ годовъ. Катя уже пятый годъ замужемъ, у нея двое дѣтей; живутъ они съ мужемъ дружно, но уже подкрадывается нѣкоторый диссонансъ въ ихъ отношеніяхъ, пока, впрочемъ, заслоненный единодушнымъ восторгомъ обоихъ по поводу знаменательнаго событія 19-го февраля 1861 года. *Ред.*

Февраль 61 г. Москва.

Дожили! Дожили, Варюша! Дожили! Господи, рыдать, кричать отъ восторга хочется! Я просто какъ въ туманѣ хожу. Даже вѣрить страшно, все думается — а вдругъ проснусь! Вдругъ это только сонъ!

Когда Володя прибѣжалъ ко мнѣ вчера съ депешей въ рукахъ и прочелъ мнѣ ее, я закричала, какъ безумная, бросилась къ нему на грудь, и мы расплакались, какъ дѣти. Мы точно обезумѣли отъ восторга; мы и плакали, и смѣялись, и крестились отъ радости и депешу перечитывали разъ 20 и цѣловали другъ друга, точно мы сами это сдѣлали. Слишкомъ долго длилось напряженное состояніе ожиданія, надежды и страха, оттого и въ такой восторгъ излилось оно теперь. Хотѣлось броситься къ нему, этому освобожденному, наконецъ, народу, хотѣлось каждаго изъ него цѣловать, какъ милаго брата, возвращеннаго изъ долгаго тяжелаго рабства! Хочется не только радоваться вмѣстѣ съ нимъ и за него, о нѣтъ, этого мало, хочется въ ноги поклониться ему, наплакаться, нарыдаться у колѣнъ его, вымолить у него прощеніе за отцовъ своихъ, за дѣдовъ, за самихъ себя, за весь тотъ многолѣтній гнетъ, чрезъ который мы провели его. О если бы наша Раиса дожила до этого великаго дня, она, которая такъ страстно мечтала о немъ. Господи, Господи, наконецъ-то-таки совершилось!

Володя опомнился первый. Онъ вспомнилъ о нашихъ людяхъ, которые болѣе всѣхъ насъ имѣли право узнать скорѣй о великой перемѣнѣ въ ихъ жизни.

Мы взяли нашу драгоцѣнную депешу и пошли прочесть ее имъ.

Намъ хотѣлось созвать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и разомъ всѣмъ прочесть ее, но въ столовой намъ попались Захаръ и Дуняша, накрывавшіе тамъ столъ, и, увидѣвъ ихъ, мы не выдержали, и я первая закричала имъ:

— Дуняша и, Захаръ слушайте, слушайте, что прочтетъ вамъ баринъ!

Дуняша, Захаръ, которые много разъ слышали отъ насъ о готовящейся реформѣ, поняли, должно быть, по нашимъ взволнованнымъ лицамъ, что-случилось что-нибудь необыкновенное, и, бросивъ столъ, молча остановились передъ нами.

Тогда Володя громкимъ и торжественнымъ голосомъ прочелъ имъ телеграмму, а я, пока онъ читалъ, жадно слѣдила за ихъ лицами.

Мнѣ хотѣлось подмѣтить на нихъ малѣйшій оттѣнокъ; уловить всякую мысль, что промелькнетъ въ головѣ ихъ, и я видѣла, какъ эти лица сначала радостно вспыхнули, потомъ поблѣднѣли отъ волненія, и Захаръ, вольный уже больше 20 лѣтъ, вдругъ широко перекрестился, вздохнувъ во всю грудь, когда Володя кончилъ читать. Дуняша же какъ бы растерялась въ первыя минуты; она вся побѣлѣла и молча, почти испуганно смотрѣла на насъ, точно не будучи въ силахъ уяснить себѣ суть дѣла.

Тогда я закричала ей:

— Дуняша, вѣдь, и ты и всѣ твои вольные теперь! Пойми, Дуняша, вольные, вольные!

Тогда Дуняша опомнилась наконецъ; она какъ-то судорожно взмахнула руками, всхлипнула и заплакала, какъ плакала и я сама нѣсколько минутъ тому назадъ.

Я бросилась къ ней и обняла ее. Она плакала и цѣловала мои руки, точно это я освободила ее, точно инстинктивно благодаря во мнѣ всѣхъ тѣхъ людей, что потрудились надъ этимъ святымъ дѣломъ.

А я, видя эти горячія слезы, не могла сдержаться и, отвѣчая на ея поцѣлуи, расплакалась снова... и кажется въ первый еще разъ въ жизни, несмотря на всю нашу привязанность съ нею, мы обнялись и поцѣловали другъ друга, какъ двѣ сестры, какъ двѣ равныя подруги, а не какъ барыня и служанка. Моя Дуняша уже давно лежала камнемъ на душѣ у меня. Къ несчастью, и она, и вся ея семья приписаны къ бабушкѣ и поэтому мы не могли дать ей вольную, когда давали другимъ, а бабушка изъ какого-то ей одной понятнаго упорства ни за что не соглашалась ни уступить, ни продать намъ ее. «Продать»! Боже, какое постыдное, ужасное слово въ примѣненіи къ живому человѣку и

какой позоръ для всего остальнаго человѣчества, что оно могло существовать—и такъ долго еще! Но зато какъ же я была рада теперь за нее, эту вѣрную подругу мою съ самаго дѣтства; мнѣ такъ тяжело было сознавать ее во власти деспотической старухи, что, боясь еще больше повредить ей, послѣдніе годы почти не рѣшалась уже и просить за нее, а между тѣмъ, кажется, единственно это, т.-е. ея крѣпостное состояніе, заставляло Захара колебаться жениться на ней. Вольный самъ, ему и жену, понятно, хотѣлось имѣть вольную же, а женясь на Дунявѣ, даже съ разрѣшенія бабушки, на которое тоже не слишкомъ можно было разсчитывать, онъ тѣмъ самымъ не только жену, но и самого себя отдавалъ произволу и власти капризной старухи. Не мудрено, что ему этого не хотѣлось, но зато теперь, Богъ дастъ, ихъ дѣло скоро уладится.

Подѣлившись съ нашими любимцами, мы велѣли созвать имъ остальныхъ и прошли въ кухню. У насъ теперь вѣдь довольно большой штатъ, потому что, кромѣ прежнихъ трехъ, прибавились еще няня и кормилица.

Снова прочли мы людямъ, уже всѣмъ вмѣстѣ, нашу депешу и опять внимательно, и пытливо слѣдила я за выраженіемъ ихъ лицъ. Но... но представь, должна признаться, что на этотъ разъ была немножко разочарована полученнымъ впечатлѣніемъ.

И няня (она не наша, но давно уже отпущена своими господами на оброкъ и живетъ по людямъ), и кормилица, правда тоже уже вольная, потому, что была отпущена нами еще три года тому назадъ, вмѣстѣ съ другими, приняли это извѣстіе почти равнодушно, а Дороѳеичъ... такъ даже злобно какъ-то.

Онъ ничего не сказалъ и только сердито застучалъ кострюльками и сковородами, немедленно же принявшись опять за работу, точно вѣсть, которую онъ только что услышалъ, не стоила даже и того, чтобы изъ-за нея отрываться отъ дѣла. Я не шутя огорчилась этимъ и просто не понимала, чѣмъ объяснить это.

— Ну что же,—сказала первая няня, и то больше, кажется, изъ приличія, потому что чувствовала, что господа чего-то ждутъ отъ нихъ,—ну что же, дай Богъ царю-батюшкѣ здоровья!

Но Захаръ, тоже какъ будто слегка сконфуженный и огорченный равнодушіемъ своихъ товарищей, горячо подхватилъ ея слова.

— Да ужъ такъ-то дай, такъ-то дай,—сказалъ онъ, снова крестясь,—чего же теперь лучше! Великое дѣло сдѣлалъ государь императоръ! Теперь по крайности народъ вздохнетъ!

И это были единственные горячіе слова, вырвавшіяся у этихъ освобожденныхъ людей, и сказалъ ихъ вольный человѣкъ!

Мужъ, между тѣмъ, началъ объяснять имъ подробнѣе ихъ новыя права и положеніе, и его слушали, надо отдать справедли-

вость, кромѣ Дороѳеича, который точно нарочно продолжалъ стучать своими сковородками, серьезно и внимательно.

Пока онъ имъ объяснялъ, въ кухню вошелъ за чѣмъ-то, кажется за ведрами, дворникъ нашего дома, молодой парень лѣтъ двадцати, Гаврила, или Гаврюха, какъ его тутъ всѣ зовутъ.

Это хорошій веселый малый, балагуръ, но большой лѣнтяй, за что ему сильно достается отъ хозяина нашего дома, вообще не стѣсняющагося на расправы.

Но Гаврюха относится къ этимъ расправамъ съ поразительнымъ спокойствіемъ, и тотчасъ же послѣ нихъ его опять уже можно видѣть за воротами, безпечно грызущимъ семячки и весело заигрывающимъ съ проходящими мимо горничными и кухарками.

Ему тоже прочли телеграмму, и онъ былъ единственный, который отнесся къ дѣлу хоть и курьезно, но зато живо и съ интересомъ.

— Ну!—вскрикнулъ онъ, выслушавъ чтеніе.—Значитъ мы теперича ужъ того, вольные, братъ!

— Вольные, Гаврила, вольные,—сказалъ ему Владиміръ, съ удовольствіемъ, какъ и я, смотря на его оживившееся, добродушное лицо.

— И назадъ уже того, не отдадутъ, значитъ?—спросилъ онъ опять.

— Не отдадутъ, и отнынѣ будете вольными и вы, и дѣти ваши, и внуки, и правнуки, и такъ пойдетъ уже навсегда.

— Ну дѣла,—сказалъ Гаврюха, отъ удовольствія сдвигая шапку на бекрень и почесывая затылокъ.

— И драть, значитъ, тоже нынѣ уже не будутъ?—спросилъ онъ все еще недовѣрчиво.

— Ни драть, ни драться никто уже не будетъ имѣть права,—сказалъ ему Володя и прибавилъ, чтобы онъ не позволялъ больше бить себя своему хозяину.

— Ну дѣла,—повторилъ опять Гаврюха и чему-то весело засмѣялся.

— То-то господамъ-то, тошно жить нонѣ станетъ,—объявилъ онъ вдругъ,—и выпороть, значитъ, некого!

Мы всѣ невольно разсмѣялись такому неожиданному выводу, а Дороѳеичъ, точно только этого и ожидавшій, сердито накинулся на него:

— Мало васъ драли-то, видно,—сказалъ онъ съ какимъ-то страннымъ озлобленіемъ,—когда бы больше-то драли, такъ, може, и проку-то отъ васъ больше бы было.

— Ну, ужъ это ты, Дороѳеичъ, напрасно,—мягко замѣтилъ ему Володя,—битьемъ ничему не поможешь, потому что изъ дурного

человѣка хорошаго этимъ не сдѣлаешь, а хорошаго только испортишь.

— Такъ это нешто люди!—сказалъ Дороѳеичъ, сердито кивая на Гаврилу.

— А кто же они?—строго спросилъ его мужъ.

— Ироды, вотъ кто!—проворчалъ Дороѳеичъ и еще сердитѣе застучалъ ухватомъ, который совалъ въ печь, — обрадовались, свирѣпо продолжалъ онъ,—что волю дали, заржали, а кто васъ, олуховъ, кормить-то теперь будетъ? Объ этомъ бы лучше подумали, чѣмъ загодя-то зубы скалить.

— Кто? Богъ!—сказалъ весело Гаврюха, все время только благодушно ухмылявшійся на всѣ выходки Дороѳеича, точно онѣ не къ нему относились.

— Онъ-то, сказываютъ, подобрѣе господъ будетъ, значитъ, и кормить лучше будетъ,—сбалагурилъ онъ опять по привычкѣ.

Но мужъ перебилъ его.

— Все это ты, Дороѳеичъ, вздоръ говоришь,—началъ онъ уже серьезно, — не вы нами жили, а ужъ если на то пошло, то скорѣй мы вами до сихъ поръ кормились. Такъ что если кому придется теперь труднѣе, то ужъ скорѣй намъ, чѣмъ вамъ, а вы, Богъ дастъ, прокормите себя тѣмъ же трудомъ, какимъ до сихъ поръ кормили насъ. Руки и сила при васъ вѣдь останутся, а работы много поубавится.

Эти слова и на Дороѳеича, кажется, подѣйствовали, потому что онъ замолчалъ, а Захаръ, всегда слегка воюющій съ нимъ, не выдержалъ и разсердился на него.

— Ну, ужъ и характеръ у тебя, Дороѳеичъ,—сказалъ онъ ему съ укоромъ,—то-есть не приведи, кажись, Господи, такой имѣть! Ничѣмъ на человѣка не угодишь, чѣмъ бы ему радоваться да Бога благодарить, а онъ, на тебѣ, почитай, что чуть не плачетъ, да бранится...

— Что мнѣ радоваться,—сумрачно отвѣчалъ ему Дороѳеичъ,—мнѣ радоваться нечему—я, слава тебѣ Господи, свое изжилъ; мнѣ сызнова не начинать стать, а объ другихъ-то и впрямь, можетъ, плакать придется.

— Да почему же это, почему?—воскликнули мы оба съ Владиміромъ совсѣмъ сбитые этою странною и непонятною для насъ логикой.

— Да ужъ потому,—угрюмо, не глядя на насъ своими острыми, глубоко сидящими подъ сѣдыми взъерошенными бровями глазами, сказалъ Дороѳеичъ,—потому народъ-то еще больше избалуется; и безъ воли-то мазуриковъ не оберешься, а при волѣто почитай, что изъ каждой деревни половина по Владиміркѣ зашагаетъ.

— Зачѣмъ по Владиміркѣ,—вмѣшался опять Гаврюха, кото-

рому, кажется, доставляло большое удовольствіе дразнить сердитаго старика,—зачѣмъ по Владиміркѣ, сказалъ онъ, въ Москвѣ не въ примѣръ веселѣй!

— Да почему же, Дороѳеичъ, тебѣ все это такъ представляется?—спросилъ его Володя, перекинувшись со мной недоумѣвающимъ взглядомъ и рѣшительно становясь втупикъ предъ этими мрачными картинами, рисовавшимися почему-то въ воображеніи нашего старика. Но Дорофеичъ только упорно твердилъ свое «да ужъ потому», и никакихъ дальнѣйшихъ объясненій давать не желалъ. А намъ съ Володей такъ хотѣлось разобраться правильнѣе въ впечатлѣніяхъ нашихъ людей, что мы невольно медлили уходить отъ нихъ, хотя и начинали понимать, что, кажется, ничего толкомъ не добьемся.

Но кормилица ушла къ маленькой, которая проснулась и заплакала, а Гаврилѣ тоже некогда было стоять. Онъ взялъ ведра, за которыми пришелъ, но вдругъ передумалъ и бросилъ ихъ.

— Не стану и ведеръ сегодня на радостяхъ таскать. Пойду, скажу хозяину! такъ и такъ, молъ, мы теперь вольные — значитъ сами себѣ господа, не желаю, дескать, ведеръ и дрова таскать; пущай нонѣ самъ на всѣ квартиры таскаетъ! — сбалагурилъ онъ напослѣдокъ и, заломивъ привычнымъ жестомъ на бекрень свою рваную фуражку, дѣйствительно, ушелъ изъ кухни безъ ведеръ, сопровождаемый общимъ смѣхомъ и сердитымъ ворчаньемъ Дороѳеича.

— Вотъ она воля-то!—сказалъ онъ намъ съ упрекомъ.—Почитай что и не нюхали ее еще, а ведра-то вонъ уже середи кухни бросили! Волю-то дали, а разума-то на нея у нихъ еще не припасено! Одно слово—темный людъ, а темнаго-то человѣка на свою волю отдашь, все одно, что молодого коня безъ повода пустить.

Мы съ Володей невольно остановились, пораженные одною и тою же мыслью.

— Вотъ за это, Дороѳеичъ, спасибо, вотъ въ этомъ ты отчасти правъ!—воскликнулъ Володя почти съ радостью, что разгадалъ, наконецъ, старика но и объ этомъ, милый другъ, не сокрушайся; разумъ отъ Бога всѣмъ одинаковый дается, какъ господамъ, такъ и народу, а народъ темнѣе насъ только потому, что его не учатъ, но лиха бѣда начать; погоди, старикъ, не сокрушайся, не пройдетъ и 20 — 30 какихъ-нибудь лѣтъ, какъ на всей Руси не останется больше ни одного неграмотнаго темнаго человѣка; мы всѣ станемъ помогать вамъ учиться, и коли не ты, то внуки твои доживутъ еще до этого времени! — воскликнулъ Владиміръ съ пророческимъ жаромъ, который горячимъ откликомъ отозвался въ моемъ сердцѣ. Да и возможно-ли не вѣрить этому теперь, когда прекрасное начало уже

засвѣтилось надъ нами своею свѣтлою зарей; невольно вѣришь и хочешь вѣрить, что отъ этой зари недалеко уже и до полнаго яркаго разсвѣта. Но нашъ неумолимый доморощенный скептикъ опять немножко смутилъ насъ своимъ отвѣтомъ, въ которомъ, кто знаетъ, быть можетъ, тоже гласитъ свое печальное пророчество.

— Эхъ, сударь,—сказалъ онъ точно съ укоризной или насмѣшкой, — скоро-то только сказки сказываются, а дѣло-то не скоро дѣлается...

Тогда мы съ Володей окончательно махнули на него рукой и, жалѣя портить свое собственное свѣтлое настроеніе, вернулись къ себѣ.

Но долго мы еще не могли успокоиться; мы ходили взадъ и впередъ по нашей залѣ, мечтая, строя разные планы и стараясь предугадать, какъ все пойдетъ теперь въ «новой Россіи!». Отъ волненія мы не могли даже обѣдать и вышли изъ-за стола, не досидѣвъ конца его. Прислуживавшіе намъ Дуняша и Захаръ продолжали съ большимъ интересомъ разспрашивать насъ о разныхъ подробностяхъ освобожденія, и та радость, которая невольно сквозила въ ихъ разспросахъ, положительно трогала насъ и искупала злой скепцизмъ Дороѳеича и какое то странное равнодушіе другихъ.

Послѣ обѣда прибѣжалъ Дмитрій, которому Володя послалъ записку. Дмитрій тоже былъ въ полномъ восторгѣ и такъ возбужденъ извѣстіемъ, что еще сильнѣе воодушевилъ насъ, и мы опять, уже втроемъ, начали строить всевозможные планы и совсѣмъ размечтались.

Между прочимъ, Володя разсказалъ ему о мрачномъ настроеніи нашего домашняго «Демокрита», какъ его въ шутку называетъ Дмитрій, а также и его заключительныя слова, что «волю дали, а разума у нихъ нѣтъ!»

— Каковъ старикъ, въ самую точку попалъ!—воскликнулъ Дмитрій и прибавилъ, что это былъ одинъ изъ противной стороны, на который они особенно упирали.

— Они кричали, говорилъ онъ, что народъ не подготовленъ для воли, потому что совершенно невѣжественъ. Но, спрашивается, какъ бы могли начать подготовлять его, не давъ предварительно волю! Какъ было учить, когда любой помѣщикъ могъ запретить это своимъ крестьянамъ и не только самъ бы для того ничего не сдѣлалъ бы, но въ своихъ владѣніяхъ свободно могъ бы мѣшать и ставить всевозможныя препятствія даже самому правительству, не только уже частной инціативѣ. Зато какъ чудесно можно поставить это дѣло теперь, когда никто не будетъ имѣть права тормозить его! И вотъ,—говорилъ Димитрій,—куда ринется теперь вся наша молодежь—только распахните предъ нею двери,

только не мѣшайте ей, и я увѣренъ, что всѣ лучшія силы ея устремятся туда, да и само правительство, навѣрное, и за этотъ вопросъ примется также горячо, какъ и за предшествовавшій! Не знаю,—сказалъ Дмитрій, блестя разгорѣвшимися глазами,—не знаю, можетъ быть, я ошибаюсь, но теперь я убѣжденъ, глубоко убѣжденъ, что лѣтъ чрезъ 30 на Руси не останется ни одного неграмотнаго человѣка, а вмѣстѣ съ этимъ поднимется разомъ и общая культурность всего народа, всей страны! Теперь мы живо догонимъ Европу!

Его слова до такой степени совпадали съ тѣмъ, что только что говорилъ Володя, что мы даже вскрикнули отъ удивленія. Ну что же, тѣмъ лучше! Чѣмъ больше будетъ вѣрующихъ въ это людей, тѣмъ горячѣе пойдетъ и самое дѣло, тѣмъ осуществимѣе его исполненіе, уже хотя бы потому, что сознаніе этой потребности значитъ назрѣло во всемъ обществѣ, а правительство, или вѣрнѣе государь, который не только не отстаетъ отъ общества, но идетъ даже впереди его, сознаетъ это не менѣе ясно, чѣмъ мы, а вѣдь въ этомъ вся сила!

— А потомъ,—продолжалъ размечтавшійся Дмитрій, — потомъ, Богъ дастъ, примемся и за реформу судовъ, а затѣмъ пройдетъ и отмѣна цензуры, а за нею даруется и свобода совѣсти. И это опять будетъ величайшая заслуга правительства, которая опять потребуетъ огромной энергіи и твердой воли съ его стороны, потому что противъ такой свободы возстанетъ все духовенство и съ нимъ придется повоевать не меньше, если не больше еще, чѣмъ повоевали съ дворянами по поводу освобожденія крестьянъ!

Владиміръ находитъ, что въ положеніе вкралось кое-что нежелательное; видимо, это уже вліяніе вмѣшавшихся сюда разныхъ господъ, «власть имѣвшихъ»; но даже и испорченное ими, оно все-таки же прекрасно и полно глубокаго смысла и любви къ своему народу, которая сквозитъ въ каждой мысли его. А эта знаменитая рѣчь государя, которую онъ произнесъ 28-го января въ государственомъ совѣтѣ! Я просто влюблена въ нее; не знаю какъ у васъ, но у насъ въ Москвѣ, и въ провинціи, она произвела глубочайшее впечатлѣніе и окончательно покорила молодому государю всѣ сердца.

Словомъ, всѣ мы здѣсь полны теперь самыми свѣтлыми надеждами, самыми прекрасными мечтами и, право, ходимъ, точно не по землѣ, а по небу. Никогда еще, кажется, общество, т.-е., по крайней мѣрѣ, лучшая его часть (въ смыслѣ убѣжденій, конечно), не было такъ солидарно съ правительствомъ и его задачами такъ полно самой горячей, самой преданной готовности служить ему всѣми своими силами!

Совсѣмъ ужъ было хотѣла кончать письмо, но не могу удержаться, что бы не передать тебѣ моего разговора потомъ съ няней и кормилицей, который очень характеренъ и только подтверждаетъ въ сотый разъ, отъ какого страшнаго зла и произвола избавило народъ освобожденіе. Когда мои мужчины ушли въ редакцію и я осталась одна, я все еще была такъ взволнована, что не могла оставаться спокойною и чувствовала потребность хоть съ кѣмъ-нибудь продолжать говорить все о томъ же.

Я хотѣла идти къ нашимъ, но у меня прихворнула немножко Ниночка, и я боялась оставить ее. Тогда я прошла въ дѣтскую, въ которой точно заключенъ какой-то секретъ успокаивать всѣ мои страсти и волненія, и разговорилась съ няней и кормилицей.

— Такъ какъ же, рады вы освобожденію?—спросила я ихъ опять.

— Вѣстимо рады,—сказала Марья,—мы-то, слава тебѣ Господи, безъ того, вашею милостью, вольные, да другимъ-то, по крайности, теперь полегчаетъ.

Няня же молчала и глядѣла до такой степени тупо и равнодушно, что меня это просто поражало и во что бы то ни стало хотѣлось вывѣдать, что она тамъ про себя думаетъ.

— А ты, няня, совсѣмъ, кажется, не рада?—спросила я, пытливо всматриваясь въ ея одутловатое, курносое лицо съ маленькими заплывшими глазками, вообще не богатое мимикой.

— Чего же не рада? И я рада,—сказала няня флегматично и, помолчавъ минутку, точно соображая что-то, прибавила:

— Я то, почитай, что и теперь все одно, что вольная, потому, значитъ, что ужъ годовъ 15 по оброку отъ барыни отпущена. Онѣ у насъ добрыя, деньгами не тѣснятъ. Я тутъ какъ-то безъ мѣста была, такъ генеральша-то, дай ей Богъ здоровья, больше года оброка-то ждала.

— Ну а теперь тебѣ и вовсе его платить не нужно будетъ,—сказала я,—такъ вѣдь это же лучше, я думаю?

Это даже и няня поняла, и лицо ея слегка оживилось.

— Да ужъ чего не лучше,—согласилась она,—вѣстимо лучше

— Ты сколько оброку-то платишь въ годъ?

— 50 рублевъ ассигнаціями.

— Ну вотъ видишь, а теперь они тебѣ самой оставаться будутъ. Поняла?

— Чего не понять, ужъ на что лучше,—сказала опять няня уже съ полнымъ оживленіемъ.—Дай Богъ царю-батюшкѣ здоровья, пожалѣлъ бѣдныхъ людей!—и она набожно перекрестилась.

«Вотъ когда только поняла», невольно подумала я, но вѣдь это только матеріальная сторона вопроса, а мнѣ хотѣлось дознаться, можетъ ли она оцѣнить и понять все нравственное значеніе своей свободы.

— Что же,—спросила я стараясь навести ее на то, что меня интересовало,—развѣ ужъ вамъ такъ хорошо жилось у вашихъ господъ?

— Ужъ какое же наше житье, барыня, —сказала няня, вздыхая,— холопское житье извѣстно, подневольное, горькое, какая же въ немъ сладость. На конюшнѣ-то почитай кажиной день кого-нибудь драли, особливо за побѣги, кого ежели поймаютъ; а у насъ народу страсть много бѣгало, ну да развѣ на своихъ-то на двоихъ далече убѣжишь! Извѣстно поймаютъ, да и дерутъ.

— Ну вотъ видишь, видишь,—воскликнула я,—а теперь ужъ этого никогда больше не будетъ.

Но няня не очень-то этому, повидимому, довѣряла.

— Да кто ихъ знаетъ,—сказала она съ сомнѣніемъ,—будетъ али не будетъ, господа-то вѣдь все тѣ же останутся.

— Господа-то тѣ же, да законъ уже не тотъ,—сказала я,—и воли у насъ прежней надъ вами не будетъ.

— Развѣ что такъ—согласилась няня какъ-то неохотно, точно больше изъ нежеланія противорѣчить мнѣ. Что имъ дадутъ какую-то волю — этому она еще вѣрила хотя и не понимала ясно, въ чемъ собственно эта воля будетъ заключаться, но что когда-нибудь настанетъ такое время, что ихъ, крестьянъ, перестанутъ бить—это, уже повидимому, представлялось ей настолько невозможнымъ и несообразнымъ, что на всѣ мои увѣренія она смотрѣла, какъ на пустыя слова. И какъ это ужасно, какъ постыдно для всѣхъ насъ, которымъ отданы были «малые сіи», что мы умѣли до такой страшной глубины вкоренить въ нихъ покорность предъ сознаніемъ неизбѣжности этой порки, что они не только уже не возмущаются ею, но почти не понимаютъ уже того, что можетъ быть какъ-нибудь иначе, и не вѣрятъ, что это прекратится даже и теперь, когда ихъ освободили.

— Бога-то тоже гнѣвить нечего,—сказала няня, вдругъ разговорившись,—какъ баринъ-то померъ, намъ много легче пошло. Почитай и свѣтъ-то только взвидѣли, какъ прикончился. Барыня— прямо говорить надо—вольготная, она и на деревню-то николи не заглядываетъ; ей значитъ подай только оброкъ или что кому тамъ положено, а до другого прочаго она и не доходитъ даже. Ну, а ужъ баринъ былъ, и-и, не приведи Богъ какой привередникъ и откуда что только бралось въ емъ! Самъ-то маленькій, щупленькій, ровно мальчикъ, и ужъ послѣдняго возраста господинъ былъ, но ужъ выдумщикъ — и не сыскать такихъ. Чего, чего онъ только надъ народомъ не придумывалъ, особливо надъ нашей сестрой И вѣдь нѣтъ ему, что бы такъ попросту человѣка наказать, а все съ издѣвкой да съ придумкой, чтобы, значитъ, одною обидой-то человѣка до слезъ довести. Бывало, къ примѣру сказать, по-

зоветъ онъ насъ, дѣвокъ, на ночь, пятки себѣ чесать; онъ это страсть любилъ, безъ того и спать не ложился, безпремѣнно, чтобы, значитъ, двѣ дѣвки стояли, и пока не заснетъ, не смѣй отойти — чеши. А сна-то у него, кто его знаетъ съ чего, отъ старости что ли, почитай что и не было — чуть бывало пристанешь, а онъ ужъ и глазъ открылъ. Вотъ такъ-то бывало, милыя мои, до пѣтуховъ съ нимъ и маешься, индо въ ломоту всю ударитъ. А ужъ и духъ же у него отъ ногъ-то шелъ, ужъ на что нашъ братъ мужикъ на все свыченъ, а и то съ души воротило. Другая-то не выдержитъ, да и убѣжитъ; молъ, что хотите со мной, значитъ, дѣлайте, а этого нѣтъ силушки снести. Такъ что вы себѣ, милыя, думаете, что старый-то нашъ въ острастку имъ придумалъ! Какъ какую въ томъ запримѣтитъ, такъ сейчасъ велитъ ее по утру въ садъ подъ липы весть. А у насъ подъ липами-то этими варенье варили, вотъ, значитъ, мухъ тамъ разныхъ да пчелъ этихъ не обобраться стать было. Ну вотъ, приведутъ дѣвушку къ тому мѣсту, велитъ онъ ее тамъ разложить, чтобы руками значитъ къ дереву прикрутить, а ноги другъ къ дружкѣ, да коломъ въ землю-то и притянуть, это чтобы, значитъ, ворочаться не могла. Вотъ разложутъ ее такъ-то, а пятки велитъ медомъ, либо патокой намазать, чтобы мухамъ приманка-то была, и двухъ дѣвокъ подлѣ съ вѣтками надъ ней посадитъ — «это говоритъ, ей для парада, да чтобы и муха на прочее тѣло не шла, а только, значитъ, на пятки однѣ». И вѣдь самое это его разлюбезное удовольствіе было, сейчасъ велитъ себѣ туда кресло прикатить, на колесикахъ у него такое было, да чайку, либо квасу себѣ туда принесть, а то и варенье прикажетъ другимъ варить и пѣсни пѣть и сидитъ себѣ, значитъ, подлѣ, чаекъ попиваетъ, святцы читаетъ, а самъ все шутки разныя приговариваетъ.

— Вы, говоритъ, это дѣвушкамъ-то, значитъ, что съ вѣтками-то приставлены, личико ея кусать имъ подлымъ не давайте, потому оно образъ и подобіе Божіе, его, значитъ, и повреждать грѣхъ, а пяткамъ, говоритъ, отъ того одно удовольствіе только. Опять же, говоритъ, и мухъ безъ разбора не допускайте, вотъ комариковъ да жужжалокъ комнатныхъ это можно, а шмелей Боже упаси, ну а коли пчела сядетъ, значитъ такъ Богъ велѣлъ, сгонять не смѣйте, потому она Божья работница, ею и церкви теплятся, и человѣку отъ нея польза и удовольствіе, ей, значитъ, и полакомиться не грѣхъ.

— И вотъ такъ-то бывало, что больше сидитъ, то больше прибаутокъ приговариваетъ, даже веселый такой станетъ, точно и впрямь что потѣшное видитъ, либо въ кіатрѣ сидитъ. И что больше дѣвка кричитъ, то ему радости больше.

— Покричи, говоритъ, душенька, покричи, вишь у тебя го-

лосокъ-то какой звонкій да раскатистый, оно и послушать пріятно, а зато, говоритъ, Пашенька либо тамъ Машенька, ты и чужія пятки чесать расчудесно научишься, какъ свои-то почешутся, и отъ духа, у кого если онъ отъ Бога положенъ, носика своего воротить, значитъ, не будешь.

— И что бы вы думали, въ иное-то время всѣ у него Палашки да Матрешки, а тутъ и честь величать начнетъ, молъ Пашенька, да душенька, и голосокъ-то у него елейный станетъ, ровно въ церкви акаѳистъ читаетъ. Да, ужъ затѣйникъ былъ, покойникъ, царство ему небесное, народу-то тоже не мало на своемъ вѣку помучалъ, особливо съ молоду-то. Съ бабами озорникъ страсть какой былъ! Сколько онъ нашей сестры перепортилъ! А которой ежели не въ охоту, такъ не токмо что на скотный ссылали, либо въ дальнія вотчины, а и впрямь до смерти засѣкали, чтобы другимъ значитъ въ острастку. Народъ-то говаривалъ, что мужики-то ужъ и убить его сговорившись были—не въ терпежъ, значитъ, пришлось. Одинъ разъ совсѣмъ чуть было не прикончили, ну да помиловалъ Богъ, а все же почитай, что десятокъ въ Сибирь на каторгу за это-то дѣло сослали. Ну все же и на него опосля того страхъ нашелъ, да и въ года, значитъ, пожилые вошелъ, бросилъ этимъ заниматься. Все потомъ по монастырямъ ѣздилъ, да книжки священныя читалъ. Замаливалъ значитъ...

И няня замолчала, задумчиво подпершись рукой, но ни въ лицѣ ея, ни въ голосѣ не было при этомъ разсказѣ ни озлобленія, ни осужденія. Она разсказывала спокойно, точно сказку какую. А Марья слушала ее даже съ удовольствіемъ и когда няня кончила, Марья засмѣялась самымъ добродушнымъ и искреннимъ образомъ и сказала:

— Забавникъ, впрямь, забавникъ, и что только не придумаютъ-то!

А мнѣ было больно и горько и отъ этого отвратительнаго разсказа, и отъ веселаго, не омрачившагося ни разу лица Марьи, и отъ благодушнаго равнодушія няни, съ которымъ она все это только что разсказывала, и я даже не знала, что сказать имъ на все это.

Но вмѣсто няни заговорила опять Марья.

— Вотъ у васъ,—начала она точно съ какимъ-то соревнованіемъ и не безъ удовольствія,—баринъ не хорошъ былъ, а барыня ничего, а у насъ насупротивъ того было. Баринъ-то нашъ, дѣдинько вашъ значитъ, барыня, прямо можно сказать ангелъ Божій былъ, а ужъ барыня зато, бабинька ваша, не приведи Богъ строгая была. Отецъ-то мой и посейчасъ ее боится, даромъ что вы ему вольную пожаловали, а онъ баетъ: «Что воля—старая-то барыня, баетъ, ежели захочетъ, такъ и вольнаго на смерть запо-

ретъ, либо въ Сибирь сошлетъ!» Да и не онъ одинъ этакъ-то говоритъ, и другія есть, что какъ ей на глаза, такъ сейчасъ и лихоманка затрясетъ. Даромъ что сама-то она никого николи пальцемъ не тронула, такъ прямо и говорила завсегда: «Не дворянское молъ дѣло о всякую дрянь руки марать, на то, молъ, и холопья есть».

И моя Марья простодушно разсказала, какъ бабушка, разсердясь бывало за что-нибудь на покойника дѣдушку и желая разомъ наказать и его и кого-нибудь изъ провинившихся дворовыхъ, велитъ бывало конюхамъ отвести жертву на конюшню для расправы, а дѣдушкѣ стоять подлѣ и отсчитывать удары. Старикъ, подъ конецъ жизни совсѣмъ подпавшій подъ ея власть и трепетавшій ея не меньше крѣпостныхъ, рыдалъ, считая эти позорные удары, но уйти все-таки не смѣлъ и только издали молилъ бабушку о пощадѣ. Но бабушка оставалась непреклонна и раньше назначеннаго числа не отпускала ни жертву, ни дѣда, который по окончаніи экзекуціи каждый разъ плакалъ чуть не больше истязуемаго и валился ему въ ноги, прося прощенія за себя и жену.

Несчастный старикъ! воображаю, какъ ему съ его врожденною кротостью и добротою тяжко давались эти позорныя казни!

— А какъ померъ вашъ дѣдушка—продолжала словоохотливо Марья,—такъ на мѣсто его, за старшого значитъ, папинька вашъ, покойникъ, встали, потому старшій то братъ, Семенъ Григорьевичъ, дома не жили и бабинька ваша объ нихъ даже и поминать не любила. Зачѣмъ, дескать, на нѣмкѣ женился. Вотъ разъ бабушка то ваша прогнѣвалась на кого-то и велѣла 30 паръ отсчитать, а папенькѣ вашему смотрѣть идти. А молодой то баринъ и не пошелъ!

— Нѣтъ, говоритъ, маменька, волю вашу уважу, какъ кого наказать желаете, такъ значитъ, и накажу; ну а смотрѣть тутъ не на что, молъ, не представленіе какое. И самъ не пойду, и васъ не пущу!

Барыня-то старая какъ разсердится на него, какъ раскричится.

— Какъ такъ, значитъ, не пойдешь, какъ такъ не пущу!

Да баринъ-то не пужливъ былъ, не въ батюшку, а самъ въ матушку пошелъ.

— Да такъ, говоритъ, не пущу и не пойду и дверь отъ сарая наглухо запереть прикажу, чтобы, значитъ, и не слышно, и не видно ничего было бы. А вы, говоритъ, вотъ сидите въ своей, значитъ, залѣ и всякое удовольствіе себѣ получайте, а то дѣло и безъ васъ справятъ.

Ну, вѣстимо по первоначалу-то старая барыня кажинный разъ страсть какъ сердилась, индо проклясть хотѣла; ну да баринъ то не очень ее боялся, а пожалуй что она его еще больше того, да-

ромъ, что сынъ ей былъ. Ну а потомъ и перечить ему перестала, и что же бы вы милыя, думали, вѣдь какъ есть съ той самой поры у насъ и пороть меньше стали! По первоначалу-то за всякую пустяковину взыскивали, а тутъ и охота значитъ пропала. Оно и вправду, что и не видать, и не слыхать, какъ дѣло-то справляютъ и не стало барынѣ-то старой того удовольствія, какъ прежде бывало, такъ почитай, и совсѣмъ у насъ сѣчь-то потомъ перестали! докончила Марьюшка смѣясь.—А ужъ за барина-то молодого, батюшку вашего, значитъ, какъ народъ Богу-то молилъ!

«Да», подумала я невольно содрагаясь,—«свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»! Даже отецъ—такой умница, такой образованный и гуманный по своему времени человѣкъ—и тотъ даже отдавалъ дань своей эпохѣ и со спокойною совѣстью, по первому требованію своенравной старухи, приказывалъ «наказывать» людей какъ ей было угодно и только заботился плотнѣе закрывать лишь при этомъ двери! Какъ медленно подвигались мы на пути развитія, шагъ за шагомъ, ступенька за ступенькой, поколѣніе за поколѣніемъ, прежде чѣмъ дожили наконецъ до 19-го февраля 1861 г.

—Да, вырвалось у меня,—когда я наслушалась всѣхъ этихъ ужасныхъ разсказовъ,—да, молитесь вѣчно за нашего добраго государя, который освободилъ васъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Теперь ужъ никогда ничего подобнаго больше не будетъ!

— Вѣстимо не будетъ,—сказала весело Марья—теперь ужъ этого не моги; теперь ужъ кажному, значитъ, свое право будетъ!

Я вернулась къ себѣ въ комнату невольно повторяя эти простодушныя слова, «да теперь у каждаго, наконецъ, будетъ свое право!» Боже мой, какъ немного хотѣло въ сущности человѣчество, хотѣло только права, *имѣть каждому свое право*, и сколько жертвъ, сколько загубленныхъ жизней, сколько борьбы, энергіи и страшнаго труда потребовалось, прежде чѣмъ добиться этого, такого естественнаго, казалось бы, такого общечеловѣческаго, права!

Не могу передать тебѣ того растроганнаго чувства, которымъ полна сейчасъ вся душа моя къ нашему государю! Вотъ идеалъ монарха, идеалъ уже по одному этому горячему стремленію дать своему народу все благо, всю милость, какія только во власти его! И дать ее не избраннымъ, не близкимъ, которые всегда тутъ, всегда подлѣ, всегда на глазахъ со своею лестью, со своими ходатайствами, со своею силою и вліяніемъ, но дать ее именно тѣмъ забытымъ, обездоленнымъ и униженнымъ, которые даже и просить не смѣютъ! Ихъ вѣдь не видно изъ великолѣпныхъ залъ дворца; они далеко, за нихъ никто не проситъ, никто не ходатайствуетъ, они не льстятъ, не поклоняются тутъ же на глазахъ, забыть о нихъ такъ легко, а вспомнить такъ трудно! И какъ возмущаютъ меня фразы, въ родѣ того, какъ «что ему это стоило! Одного росчерка пера!», которыя многіе такъ

охотно повторяютъ; это хуже, чѣмъ неправда, это клевета, потому что мы всѣ знаемъ, сколько борьбы и всевозможныхъ интригъ и препятствій пришлось ему вынести, прежде чѣмъ осуществилась, наконецъ, его завѣтная мечта. Сколько ему мѣшали, какъ старались отклонить съ намѣченнаго пути, какими ужасами только не запугивали вплоть до угрозы ненависти всего дворянства и первыхъ ближайшихъ его приближенныхъ. А онъ не могъ не знать, къ чему приводитъ государей эта ненависть приближенныхъ! Даже Екатерина Великая, несмотря на весь свой умъ и энергію, несмотря на самое искреннее сначала желаніе сдѣлать то же самое, что сдѣлано только теперь, чрезъ столѣтіе послѣ ея вступленія на престолъ, не рѣшилась довести свое намѣреніе до конца и постепенно совсѣмъ отклонилась отъ него, а нашъ государь, несмотря ни на что, ни разу не поколебался, ни разу не отступилъ и предпочелъ пойти навстрѣчу всѣмъ опасностямъ и поставить на карту все личное спокойствіе и благополучіе, чѣмъ отступить и вышелъ наконецъ побѣдителемъ изъ этой далеко не равной борьбы; Не равней потому что помощниковъ искреннихъ, убѣжденныхъ и безкорыстныхъ подлѣ него было такъ мало, а противниковъ такъ много. Такъ дай же Богъ, чтобы онъ никогда не раскаялся бы въ томъ, что сдѣлалъ, чтобы ему никогда не пришлось назвать это ошибкой! У меня слезы льются, когда я молюсь за него, когда я только думаю о немъ, когда перечитываю одну эту чудную рѣчь его! Говорятъ, я энтузіастка; что же изъ того, развѣ это грѣхъ, разрѣ порокъ! Я не боюсь своего энтузіазма и хочу, чтобы онъ всегда остался во мнѣ, да и развѣ можно не быть энтузіасткой въ такое великое и прекрасное время! Это время, которое мы переживаемъ, развѣ оно не знаменательно, не прекрасно, развѣ не полно значенія, мыслей и чувствъ, быть можетъ, лучшихъ, какія только когда-либо волновали человѣчество! Оно поневолѣ должно вырабатывать энтузіастовъ и борцовъ отъ престола до избы; но этотъ энтузіазмъ—святой энтузіазмъ и борцы, которыхъ оно вырабатываетъ, будутъ борцами правды и любви къ человѣчеству! А на такой почвѣ люди не уставали и, вѣроятно, никогда не устанутъ отдавать даже жизнь свою. И какъ счастливы всѣ мы, живущіе въ эти великіе, прекрасные дни, и какъ больно мнѣ за всѣхъ тѣхъ, которые такъ ждали ихъ, такъ мечтали о нихъ и не увидѣли... Но если есть сознаніе за гробомъ, если остается хоть какаянибудь связь съ земнымъ, то и тамъ должна быть та же радость, то же прощеніе теперь за все, что было выстрадано ими тутъ и за что они ушли когда-то туда... Однако, пора кончить мое безконечное письмо; я могла бы писать сегодня еще много и долго, такъ переполнена вся душа моя, такъ горячо хочетъ она излиться въ словахъ восторга и благодарности, и съ тобой первой, невольно,

какъ всегда, дѣлится всѣмъ этимъ твой вѣрный старый другъ... Я знаю, что ты поймешь меня и это найдетъ откликъ и въ твоей душѣ, оттого такъ охотно и пишу тебѣ всегда. До свиданія же, моя дорогая, всѣмъ сердцемъ обнимаю тебя.

Твоя Катя.

Москва, 30-е марта 1861 г.

Вообрази, милая Варюша, какимъ сюрпризомъ разодолжила насъ бабушка! Нагрянула, какъ снѣгъ на голову!

Утромъ третьяго дня присылаютъ вдругъ за мной отъ нашихъ, отъ дяди Семена и тети Луизы, и просятъ скорѣй пожаловать, такъ какъ пріѣхала старая барыня!

Я просто ушамъ своимъ не повѣрила; что такое, думаю, вѣрно напутали что-нибудь, на что бабушкѣ пріѣзжать въ Москву, когда она послѣ смерти папеньки и въ Ольховку ѣздить перестала!

Но выхожу въ кухню, разспрашиваю хорошенько человѣка, въ чемъ дѣло. Оказывается, дѣйствительно, пріѣхала и людей съ собой даже привезла: лакея, повара, двухъ горничныхъ и любимую приживалку свою Домну Дормидоновну.

— Да почему же это,—спрашиваю,—для чего же собственно она пріѣхала?

— Ничего, говоритъ, толкомъ пока неизвѣстно, а сказываютъ только, что въ Москву онѣ проѣздомъ только, потому настоящій путь ихъ на Петербургъ будетъ!

— Какъ на Петербургъ?— изумляюсь я еще больше. Зачѣмъ же ей въ Петербургъ!

— Такъ точно,—отвѣчаетъ,—въ Петербургъ, потому какъ люди ихъ сказывали нашимъ, что онѣ тамъ прошеніе подавать желаютъ!

— Какое прошеніе!

— Опять толкомъ неизвѣстно, а слышно только, что желательно прошеніе подать имъ самому государю императору!

Что такое, думаю, часъ отъ часу не легче, рѣшительно ничего уже не понимаю!

— Ну иди,—говорю Макару,—скажи, что сейчасъ буду.

Сама же пошла разбудила мужа и разсказываю ему поразительную новость.

Володя тоже изумился и заинтересовался.

— Да и дѣйствительно, вѣдь ты подумай только, Варюша, идетъ бабушкѣ 79-й годъ, никогда она никуда не выѣзжаетъ, въ Петербургѣ отроду не бывала и вдругъ надумала ѣхать туда со всѣмъ своимъ штатомъ! Да еще и прошеніе какое-то хочетъ подавать государю. Но о чемъ, какое! Ничего не понимаемъ. Наконецъ, пришла Володѣ въ голову остроумная догадка.

— А знаешь, говоритъ, Катя, вѣдь это она, навѣрное, что-нибудь по поводу крѣпостного права! Вотъ помяни мое слово.

— Да какое же,—спрашиваю,—она по поводу этого прошеніе можетъ подавать, да еще самому государю!

— Ну ужъ это, Богъ ее знаетъ,—говоритъ,—что она тамъ надумала, но, навѣрное, что-нибудь въ этомъ родѣ. Иди скорѣй, разузнай, это интересно!

А у меня даже весь домъ перебудоражился. Дуняша, та отъ испуга, прямо въ слезы, насилу я ее успокоила.

— Охъ, чую, говоритъ, что барыня-то старая по мою душу пріѣхала!

— Глупая,—говорю,—да вѣдь ты теперь вольная, что же она тебѣ сдѣлать можетъ! Но Дуняша и волѣ своей со страху вѣрить перестала.

— Она, говоритъ, и на волю не посмотритъ!

Зато Дороѳеичъ въ полный восторгъ пришелъ: вѣдь бабушка и покойникъ папенька всегда его кумирами были, для которыхъ, по его мнѣнію, Господь Богъ и остальной весь міръ сотворилъ.

Бросилъ старикъ свою стряпню, скинулъ фартукъ и даже предъ осколочкомъ зеркала побѣжалъ вдругъ приглаживаться.

— Дозвольте, говоритъ мнѣ, сударыня, нашей матушкѣ барынѣ, ея высокопревосходительству Пелагеѣ Кирилловнѣ, сходить поклониться! Пять годковъ уже ихъ милости не видалъ.

Захаръ и тотъ просится сбѣгать на минутку къ нашимъ, хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на старую барыню, какая молъ такая, онъ ее еще никогда не видалъ.

Словомъ, всѣ съ чего-то заволновались, переполошились и въ домѣ чуть не революція.

Я, по правдѣ сказать, тоже не безъ маленькаго волненія отправилась; и любопытство-то беретъ, и жутко какъ-то по старой памяти дѣлается.

Одѣлась скорѣй съ помощью плачущей Дуняши и поѣхала къ нашимъ.

Пріѣзжаю и первое, что бросается въ глаза—огромный допотопный бабушкинъ дормезъ на дворѣ, помнящій еще екатерининскія времена.

Отворилъ мнѣ Сережа, который увидалъ меня въ окно и говоритъ тихонько.

— Ну, Катюша, что тутъ было! Всѣхъ разнесла!

— Да за что же и зачѣмъ она пріѣхала?

— Пріѣхала, говоритъ, подавать государю прошеніе, о томъ, чтобы взялъ назадъ отмѣну крѣпостного права и возвратилъ бы

опять крестьянъ помѣщикамъ, а насъ разнесла за то, что мы все это устроили!

— То-есть что же именно?

— Да вотъ эту самую отмѣну крѣпостного права.

— Вотъ чудачка-то!—восклицаю шепотомъ и косясь на дверь.— Да мы-то тутъ при чемъ!

— «Все», говоритъ, «ваши каверзы; я, говоритъ, ужъ давно подмѣчала, куда вы дѣло-то гнули!» Завтра же хочетъ въ Петербургъ ѣхать и требуетъ, чтобы отецъ или Дмитрій сопровождали бы ее туда.

— Ну и что же?

— Да отца мама не пускаетъ, а Димитрій самъ слышать не хочетъ—«это, говоритъ, просто насмѣшка какая-то; никуда я съ ней не поѣду, пускай одна ѣдетъ!» Придется, ужъ видно, мнѣ ѣхать.

— Воюютъ значитъ?—спрашиваю я и невольно не могу удержать улыбки, представляя себѣ комичную картину войны бабушки съ Дмитріемъ .

Они вѣдь получаса не могутъ пробыть вмѣстѣ, безъ того, чтобы не развоеваться.

Ну вотъ вхожу я съ Сережей въ залъ и вижу: сидитъ бабушка въ сафьяновомъ креслѣ дяди Семена у окна, туча-тучей, а кругомъ всѣ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ шепотомъ.

— Зравствуйте, бабушка!—говорю я ей почтительно и не безъ робости подхожу приложиться къ ручкѣ.

— Здравствуй,—отвѣчаетъ, не смотря на меня, и вдругъ спрашиваетъ, да такъ строго, что у меня даже сердце екнуло.

— А вы что тутъ безъ меня надѣлали!

— Что, бабушка?

— Да что вы съ дворянами-то сдѣлали! За что всѣхъ по міру пустили! Знаю, говоритъ, чьи это дѣла, все твой супругъ съ этимъ вотъ долговязымъ устроили! Умники съ задняго двора!

Я, знаешь, отъ подобнаго вступленія, котораго вовсе не ждала, такъ растерялась, что отъ смущенія даже за государя спряталась.

Пускай, думаю, лучше на него сердится, онъ далеко!

— Это бабушка,—говорю—ей тихонько, какъ провинившаяся школьница,—не они, а государь.

Но бабушка такъ и взвилась, какъ закричитъ:

— Знаю, что государь, да они-то разбойники науськали Его на то! Сами ополоумѣли, своихъ пораспускали, такъ на другихъ завидно стало! Дай, значитъ, и другихъ разоримъ; пускай ни у кого ничего не будетъ, пускай всѣ нищими станутъ! Грабители!

Ну я вижу дѣло совсѣмъ плохо, развоевалась, старуха, лучше ужъ молчать.

Отошла въ сторонку въ тетѣ Луизѣ, которая тихонько только вздыхая про себя, варила кофе подлѣ самовара, и сѣла между ней и Ольгой.

Молчимъ всѣ. Дядя Семенъ даже и свою любимую трубочку носогрѣйку «жуковскаго» курить не рѣшается. Только одинъ Димитрій, видимо, съ трудомъ сдерживается и, ероша волосы, безпокойно шагаетъ по комнатѣ, хотя бабушка уже нѣсколько разъ сурово поглядывала на него.

— Щенки,—продолжала она, уже ни къ кому непосредственно не обращаясь,—изъ пеленокъ еще не выскочили, молоко на губахъ еще не обсохло, а туда же умничать лѣзутъ! Говорила этому пентюху (кивокъ на бѣднаго дядю Семена): сѣки, не жалѣй, самъ потомъ благодарить будешь; такъ нѣтъ, пораспускалъ свою команду, а теперь вотъ и плачься съ ней! Бѣду-то заварили, а кто ее расхлебывать-то будетъ! Несчастные, ни въ чемъ неповинные люди! Помѣшали они имъ, вишь-ты! Злодѣи!

Мы съ Ольгой украдкой переглядываемся за самоваромъ и невольно улыбаемся: такъ все это въ сущности курьезно: и бабушкинъ внезапный пріѣздъ, и нагнанный ею на всѣхъ страхъ, и молча, но всѣмъ существомъ протестущій и негодущій Дмитрій, и главное ея искренное убѣжденіе, что все это устроили мы, да чуть ли еще не нарочно на зло ей!

— Да сядь ты, неприкаянный! — закричала, наконецъ, бабушка, на Димитрія, который своею взволнованною бѣготней, вѣроятно, только хуже раздражалъ ее. — Шагаетъ словно бѣсъ, прости Господи, предъ заутреней!

Мы всѣ замахали на него руками ,чтобы онъ садился, и злополучный Димитрій съ видомъ полнаго отчаянія въ изнеможеніи опустился на диванъ; но въ позѣ, которая своимъ «вольнодумствомъ» тоже, не понравилась бабушкѣ, потому что она продолжала все въ томъ же раздраженномъ тонѣ:

— И сидѣть-то при старшихъ разучились! Ишь, ноги-то свои долговязыя на всю комнату растянулъ, нарядился мужикомъ и самъ хуже мужика сталъ! Верзило нечесанный, нѣтъ, чтобы старымъ людямъ почтеніе оказать. Только и умѣютъ что разныя газетки заводить, да всякую богомерзость въ нихъ печатать и добрыхъ людей въ искушеніе вводить! Ты думаешь, что я про газетки ваши не знаю! Я все знаю, только молчу до времени, а я всѣ твои шутки знаю!

Но тутъ Дмитрій не выдержалъ и вмѣсто того, чтобы молчать, вступилъ со старухой въ дебаты чѣмъ, конечно, только подлилъ масла на огонь.

— Ну что же, говоритъ, что знаете, тутъ грѣха большого, кажется, нѣтъ, что газету завелъ!

— А ты, говоритъ ему бабушка,—благословенія на то у меня спрашивалъ?

— Дмитрій даже слегка всталъ въ тупикъ отъ такого вопроса, но оправился и говоритъ: Да что же, у васъ благословенія было спрашивать, когда вы его все равно не дали бы!

Тогда бабушкв окончательно вскипѣла; поднялась во весь ростъ, подняла кверху руку, точно трагическая актриса въ патетическомъ мѣстѣ, и закричала, грозя на Дмитрія:

— А коли такъ, такъ какъ же ты тогда и дѣло такое начинать рѣшился, о которомъ впередъ зналъ, что не будетъ на него тебѣ моего благословенія?

И, вмѣсто того, чтобы молчать и не раздражать нравную старуху, которую все равно уже не передѣлать, Дмитрій не удержался и опять еще больше раздразнилъ ее своимъ отвѣтомъ.

— Вы, кажется, воображаете, сказалъ онъ, пожимая плечами и усмѣхаясь,—что во времена Домостроя живете!

Но тутъ произошло нѣчто уже совсѣмъ невообразимое!

Бабушка раскричалась, хотѣла немедленно проклясть Дмитрія на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, а Дмитрій, въ свою очередь, потерялъ послѣднее терпѣніе, (котораго у него и безъ того, впрочемъ, немного) вскочилъ съ дивана и, размахивая руками, тоже что-то такое съ негодованіемъ кричалъ, стараясь перекричать старуху.

Мы тоже всѣ вскочили, тоже махали на него руками и шикали, чтобы онъ молчалъ, но Дмитрій уже «выскочилъ изъ себя», какъ говоритъ про него нашъ Сережа, и никого не хотѣлъ слушать, а хотѣлъ только во всю душу навоеваться съ бабушкой.

— Да помилуйте,—кричалъ онъ намъ въ оправданіе,—вѣдь это Богъ знаетъ что такое, чего она ко мнѣ пристала!

Насилу, насилу мы ихъ успокоили и развели по разнымъ комнатамъ.

Дмитрія совсѣмъ изъ дома выпроводили, со строгимъ наказомъ не попадаться бабушкѣ на глаза раньше, какъ чрезъ 24 часа, а бабушку тетя Луиза со всѣмъ требуемымъ ею почетомъ отвела въ свою спальню и уговорила отдохнуть и соснуть съ дороги часикъ, другой.

И всѣ три дня, что бабушка прогостила въ Москвѣ, Дмитрій спасался у насъ и отводилъ сердце тѣмъ, что писалъ еще болѣе сильныя статьи въ своемъ «Москвичѣ» противъ крѣпостниковъ, взятыхъ, наконецъ, въ руки, а бабушкинъ наѣздъ сравнивалъ съ нашествіемъ монголовъ и татарскимъ погромомъ.

Мы его теперь все дразнимъ и изводимъ тѣмъ, что по всякому случаю, даже когда онъ гулять идетъ, спрашиваемъ: «А ты у бабушки благословеніе спрашивалъ!» И онъ чудакъ до сихъ поръ не можетъ переварить этой фразы, которой, оче-

видно, суждено остаться въ нашей семьѣ классическою въ своемъ родѣ.

Что же касается нашей старухи, то же въ своемъ родѣ классической, то представь себѣ, что вѣдь она, дѣйствительно, таки поѣхала въ Петербургъ, да какъ еще! Въ томъ самомъ знаменитомъ возкѣ, который помнитъ времена Очакова и покореніе Крыма, и со всѣмъ своимъ штатомъ, который послѣдовалъ за ней, на благоприличномъ разстояніи 10 саженей, въ широкихъ деревенскихъ саняхъ.

Какъ ни убѣждали мы ее ѣхать по желѣзной дорогѣ, она и слушать не хотѣла.

— И знать, говоритъ,—не хочу вашей чугунки проклятой, все это бѣсовскія затѣи однѣ, все его только тѣшите; слава тебѣ Господи, 8 десятковъ изжила и съ нечистымъ не зналась, а тутъ, на старости лѣтъ, стану я въ кареткахъ его окаянныхъ разъѣзжать. Я, слава тебѣ Господи, православная христіанка и Бога еще не забыла!

Такъ и поѣхала кружнымъ путемъ, и притомъ въ самомъ искреннемъ убѣжденіи, что будто бы и вправду всю жизнь жила по завѣтамъ Божескимъ, и искренно считающая проѣхать по желѣзной дорогѣ грѣхомъ несравненно бо́льшимъ, чѣмъ до полусмерти запороть человѣка!

Но больше всѣхъ пострадалъ въ этой исторіи нашъ бѣдный Сережа, привычная жертва всѣхъ семейныхъ катастрофъ и неурядицъ, котораго, пользуясь всегдашнею его добротой, снарядили сопрождать бабушку какъ въ дорогу, такъ и по всѣмъ тѣмъ петербугскимъ мытарствамъ, которыя она задумала совершить тамъ.

Воображаю физіономію его несчастнаго, когда онъ будетъ являться съ ней въ разныя министерства и просить «разсмотрѣть» ея знаменитое прошеніе! Конечно, ему ничего больше не останется какъ вскій разъ шептать кому слѣдуетъ, что старуха не совсѣмъ нормальна, и чтобы, оказавъ ей внѣшнее вниманіе, не трудились бы затѣмъ даже и просматривать ея просьбу. Хуже всего то, что бабушка не ограничится первымъ отказомъ, а захочетъ идти все дальше и дальше, и воображаю, что только бѣдному Сережѣ придется перенести за это время.

Дмитрій называетъ ее прошеніе «историческимъ документомъ» и, дѣйствительно, оно невѣроятно курьезно. Составила она его сама, и боясь, очевидно, что мы тутъ въ Москвѣ напишемъ не такъ, какъ ей хочется, еще въ Орлѣ призвала соборнаго дьячка и приказала писать подъ ея диктовку. Начинается оно довольно сильнымъ разносомъ государю, продолжается трогательнымъ описаніемъ бѣдствій разоренныхъ дворянъ, кончается чуть не при-

казаніемъ возвратить обратно помѣщикамъ «не по закону отобранныхъ у нихъ крестьянъ» и довершается, наконецъ, угрозою гнѣва Божія на виновнаго, если онъ не внемлетъ правымъ указаніямъ старыхъ людей, «которые будутъ поумнѣе всякихъ вертопраховъ, ведущихъ его на путь погибели!» Впрочемъ, слово «вертопраховъ», предназначавшееся, очевидно, больше для Дмитрія и моего В., всѣмъ семейнымъ совѣтомъ убѣдили ее, послѣ долгихъ уговоровъ, вычеркнуть и замѣнить просто «неопытными юношами».

Въ концѣ прошенія бабушка, впрочемъ, неожиданно идетъ на маленькую уступку и въ крайнемъ случаѣ предлагаетъ возвратить крестьянъ если ужъ не всѣмъ вообще, то хоть ей одной, такъ какъ она и безъ того уже на склонѣ лѣтъ и пользоваться этою милостью будетъ, значитъ, недолго, а лишаться ея въ столь преклонныхъ годахъ ей уже не подобаетъ!

Можешь себѣ представить эффектъ, который произведетъ это прошеніе вездѣ, куда ему суждено будетъ попасть.

Дмитрій увѣряетъ, что послѣ первой же аудіенціи у какого-нибудь «начальства», бабушку вмѣстѣ съ Сережей и со всѣмъ ея штатомъ отправятъ прямо на 9 версту и засадятъ ихъ всѣхъ въ сумасшедшій домъ.

Теперь они, должно быть, уже доѣхали или подъѣзжаютъ къ Петербургу, если только не застряли гдѣ-нибудь по дорогѣ, изъ-за распутицы, и потому если тебѣ встрѣтится какъ-нибудь необычайный рыдванъ допотопнаго вида, съ каррикатурнымъ лакеемъ въ екатерининскихъ ливреяхъ на запяткахъ и знаменитымъ Прохоромъ на козлахъ, которому въ субботу минетъ 101 годъ и который отъ старости ужъ не самъ садится на козлы, а величественно поднимается на нихъ тремя молодыми парнями, обязанны «подсоблять» ему въ этомъ «восшествіи на престолъ», какъ говоритъ все тотъ же неукротимый Дмитрій, нашъ «неистовый Роландъ», то знай, что это ѣдетъ бабушка Пелагея Кирилловна, и будь почтительна, а то она сердито погрозитъ тебѣ пальцемъ изъ окна кареты и, пожалуй, даже проклянетъ на пути, если будетъ не въ духѣ послѣ какой-нибудь не совсѣмъ удачной аудіенціи въ одномъ изъ министерствъ.

Нѣтъ, шутки въ сторону, милочка; я очень опасаюсь, что бабушка, въ виду положенія твоего мужа, нагрянетъ и къ вамъ со своимъ прошеніемъ и даже будетъ, вѣроятно, убѣждать А. М. быть ей помощникомъ въ ея дѣлѣ. Будь на всякій случай къ тому готова и предупреди мужа, чтобы онъ не обращалъ на нее вниманія, а глядѣлъ бы какъ на одного изъ послѣднихъ могиканъ въ своемъ родѣ, которыхъ, право, довольно любопытно посмотрѣть, тѣмъ болѣе, что скоро они совсѣмъ переведутся у насъ на

Руси. Сережа хотѣлъ быть у тебя тотчасъ же по пріѣздѣ. Прощай, дорогая, крѣпко цѣлую тебя, и ждемъ отъ тебя писемъ, которыми мы всѣ интересуемся больше, чѣмъ когда-либо. Напиши подробно, каково у васъ тамъ настроеніе? Насъ здѣсь это очень интересуетъ. Съ «Москвичемъ» послѣднее время стало покойнѣе и благополучнѣе. Все не такъ угнетаетъ цензура. Очевидно, что твое «давленіе» не прошло даромъ. Дмитрій и Володя просятъ сказать, что кланяются тебѣ за то въ ножки и цѣлуютъ твои ручки, я же горячо обнимаю. Ребятишки мои слава Богу здоровы, а вотъ дядя Семенъ этой зимой все прихварываетъ и здоровье его немножко безпокоитъ насъ, но въ деревнѣ Богъ дастъ поправится и опять будетъ молодцомъ. Не даромъ же онъ все-таки бабушкинъ сынъ, а вѣдь ея здоровье поразительно. Ну цѣлую тебя, милочка, еще разъ.

Твоя Катя.

Іюль 61 года. Ольховка.

Опять мы въ затишьѣ, въ нашей милой Ольховкѣ, гдѣ невольно отдыхаешь и успокаиваешься отъ всѣхъ зимнихъ волненій и городской сутолоки.

Переѣхали мы нынче сюда всѣми нашими «соединенными штатами», какъ говоритъ Дмитрій, т.-е. всѣми тремя семьями вмѣстѣ. Дядя Семенъ съ тетей Луизой, Ольга съ дѣтьми и я съ моими. И вотъ старый ольховскій домъ опять весь ожилъ и наполнился веселыми голосами, смѣхомъ и дѣтскимъ лепетомъ и крикомъ. Въ каждомъ его уголкѣ чувствуется, какъ бьетъ жизнь, и такъ отрадно прислушиваться къ ней, подмѣчать, какъ она уже властно и ярко вырывается во всѣхъ этихъ маленькихъ, еще такъ недавно явившихся на свѣтъ созданіяхъ, которыя уже чувствуютъ себя его полновластными хозяевами... Мы съ Ольгой, довольно чуждыя другъ другу когда-то прежде въ дѣвушкахъ, теперь сближаемся все искреннѣе и тѣснѣе. Маленькій мірокъ нашихъ дѣтскихъ невольно сближаетъ насъ; онъ создалъ намъ общія темы, которыхъ не было раньше, и мы чуть не часами съ увлеченіемъ способны разговарить о нашихъ малышахъ. У нея вѣдь ихъ пятеро; она вся ушла въ нихъ и, помимо ихъ, въ жизни мало уже что интересуетъ ее, но зато въ этой области она полна такихъ знаній, такого тонкаго и глубокаго пониманія дѣтской души, и ихъ только что обозначающихся натуръ, что я невольно осхищаюсь ею и многому учусь у нея. Сравнительно съ нею я совсѣмъ еще молодая и неопытная мать и безъ нея, безъ ея указаній, всегда такихъ опытныхъ и практическихъ, мнѣ подъ часъ бывало бы гораздо труднѣе, чѣмъ теперь подъ руководствомъ ея умѣлой руки. Въ этомъ отношеніи ей передалъ

даръ тети Луизы, нашей милой «mutterhen» какъ мы ее всегда зовемъ. Ты вѣдь знаешь, какъ она умѣетъ скрашивать жизнь всѣмъ живущимъ подлѣ нея, какою удивительною заботой проникнута о всѣхъ, хотя дѣлается это такъ просто и незамѣтно, что этого почти не замѣчаешь. Нынѣшнее лѣто она особенно въ духѣ; дядя Семенъ очень поправился, много гуляетъ и работаетъ (пишетъ опять свою книгу «О сельской общинѣ», которую хочетъ выпустить осенью) и на радостяхъ милая наша mutterhen еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь, полна вся своимъ ровнымъ, мягкимъ и бодрымъ покоемъ, который она точно проливаетъ на все, съ чѣмъ соприкасается. Она приняла все наше сложное хозяйство «соединенныхъ семей» въ свои руки и такъ мастерски ведетъ его по обыкновенію, такими вкусными обѣдами закармливаетъ насъ, такъ аппетитно умѣетъ все это подать и приготовить, что мы не только избавлены отъ всякихъ мелочныхъ заботъ но и поправились всѣ тутъ на свободѣ деревенскаго приволья и ея «иждивеніи», какъ никогда. Особенно дѣти. Хоть Дмитрій, когда пріѣзжаетъ, и дразнитъ ея своими любимыми словами по ея адресу: «Мароа, Мароа, печешеся о мноземъ!», но какъ жилось бы труднѣе безъ этихъ Мароъ, берущихъ на себя всю прозу жизни, въ заботѣ о другихъ! Если бы не было ихъ, то Маріямъ не было бы, пожалуй, времени слушать. По крайней мѣрѣ, знаю, что по зимамъ, когда я сама должна обо всемъ подумать и о всѣхъ позаботиться, день дробится и выходитъ порой на такія мелочи, что на чтеніе остаются только вечера, когда дѣти укладываются спать и въ домѣ все затихаетъ. Зато сколько мы съ Сережей перечитали теперь за эти два мѣсяца. Трудно найти для этого лучшаго товарища, чѣмъ Сергѣй; онъ, почти лишенный, благодаря своему калѣчеству послѣ Севастополя, личной жизни, отказавшійся всякихъ надеждъ на нея, весь ушелъ только въ умственную и отъ духовную жизнь и рѣдко кто такъ любитъ чтеніе, такъ тонко и чутко все понимаетъ, такъ живо интересуется всѣмъ, что выходитъ новаго. Читать вмѣстѣ съ нимъ—положительно наслажденіе, особенно здѣсь въ нашемъ затишьѣ, когда ничто не мѣшаетъ и не отвлекаетъ, какъ это поневолѣ бываетъ въ городѣ. Сейчасъ мы съ нимъ особенно увлекаемся переводною литературой, отдѣлъ которой никогда еще не былъ такъ обширенъ и интересенъ, какъ теперь. Сережа не очень силенъ въ языкахъ и потому чрезвычайно обрадовался переводамъ, особенно, Боклю и Дарвину, этимъ Колумбамъ нашихъ дней, которыми онъ давно интересовался. Кромѣ того, Дмитрій высылаетъ намъ всѣ журналы, обмѣнивающіеся съ нашимъ «Москвичемъ», и запасъ чтенія, такимъ образомъ, у насъ обиленъ и разнообразенъ. Да, все бы

очень хорошо, если бы только «наши мужчины», какъ мы ихъ называемъ, могли бы быть тоже здѣсь.

Такъ грустно за нихъ, обреченныхъ задыхаться теперь въ душной Москвѣ, когда тутъ такъ хорошо. Журналъ приковываетъ ихъ къ мѣсту и они не могутъ бросить редакціи, тѣмъ болѣе въ таковое горячее, по настроенію умовъ, время. И какъ нарочно, сейчасъ ихъ литературный кружокъ сильно распался: кого «устранили», кто уѣхалъ, кто боленъ, и имъ приходится нести все дѣло на своихъ плечахъ и втроемъ (съ Ильей, мужемъ Ольги, который тоже присоединился къ нимъ) работать за десятерыхъ. При такихъ условіяхъ, конечно, не только жить здѣсь, но даже и пріѣзжать къ намъ имъ не часто удается. Зато какой восторгъ, какая шумная радость поднимается у насъ каждый разъ, когда имъ удается вырваться. Едва заслышится колокольчикъ тарантаса и дѣти первые, веселою гурьбою, съ крикомъ и визгомъ, на перегонку другъ за другомъ бросаются бѣжать навстрѣчу, облѣпляютъ тарантасъ, останавливаютъ лошадей и съ торжествомъ возвращаются «всѣ вмѣстѣ», въ то время какъ мы, «маменьки». какъ прозвалъ насъ Дмитрій, съ волненіемъ высыпаемъ на крыльцо и еще издали привѣтствуемъ радостнымъ маханіемъ платковъ, своихъ дорогихъ, рѣдкихъ гостей, по которымъ совсѣмъ стоскуемся каждый разъ.

Даже моя маленькая Ниночка порывается что-то лепетать въ этихъ случаяхъ и протягиваетъ съ груди кормилицы свои ручонки, навстрѣчу милымъ пріѣзжимъ...

Они пріѣзжаютъ запыленные, загорѣвшіе съ дороги, усталые и измученные отъ работы, но все-таки счастливые, что хоть «на минутку» вырвались, наконецъ, на отдыхъ, «домой», и лица ихъ свѣтятся почти такимъ же счастьемъ, какъ наши, и они сами обращаются въ дѣтей, липнущихъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и въ запуски готовы дурачиться вмѣстѣ съ ними.

Тогда въ эти нѣсколько дней весь домъ точно сіяетъ радостью, несущейся изъ всѣхъ распахнутыхъ оконъ его, изъ всѣхъ уголковъ цвѣтущаго сада.

И какъ чудно здѣсь сейчасъ, если бы ты знала! Еще доцвѣтаетъ сирень, которой было такое множество, что все кругомъ было затоплено ея пышною лиловою массой и весь воздухъ казался пропитаннымъ ароматомъ ея и соловьи еще до сихъ поръ заливаются въ ней по ночамъ... А помнишь нашу любимую дерновую скамеечку у пруда подъ ивою, на которой когда-то мы съ тобой заслушивались ихъ? Боже мой, какъ это давно было, почти уже 10 лѣтъ прошло! цѣлыхъ 10 лѣтъ! какими дѣвочками юными и наивными были мы тогда! И сколько людей, такихъ до-

рогихъ и близкихъ теперь, тогда еще даже и не грезились намъ! Теперь мнѣ кажется порой чѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ, что было время, когда ни моего мужа, ни моихъ дѣтей, этихъ самыхъ дорогихъ существъ, съ которыми такъ неразрывно слилось теперь все мое существованіе, еще не было совсѣмъ въ моей жизни! Самое чувство, безконечно привыкшее къ нимъ, точно не мирится съ этою мыслью! Зато сколько дорогихъ и близкихъ жизней *тогда*, порвалось и почти... почти забыто уже теперь, хотя тогда это тоже казалось, вѣрно, невозможнымъ...

Да, милая дерновая скамейка, много поколѣній перемѣнилось, мечтая на ней и уходя въ свой чередъ, а она все стоитъ, все цѣла... Еще и теперь мы нерѣдко, въ часы заката, приходимъ на нее... Я люблю въ этотъ часъ прислушиваться къ звукамъ стихающаго дня... люблю смотрѣть, какъ вдали по дорогѣ, вздымая пыль и тихо звеня бубенчиками, идетъ возвращающееся стадо. Небо становится свѣтлымъ и прозрачнымъ, первыя еще блѣдныя звѣзды, чуть замѣтно уже вспыхиваютъ въ немъ, а вечернія тѣни мягко ложатся на поля и дорогу... и такая тишина кругомъ, такъ чистъ и спокоенъ воздухъ, что каждый листъ на деревьяхъ кажется точно застывшимъ и каждый звукъ раздается отчетливѣе и медленнѣе, словно повисая гдѣ-то въ вышинѣ... Я прислушиваюсь ко всему этому, смотрю на этотъ спокойный просторъ предъ собой, на милыя, прильнувшія ко мнѣ головки дѣтей моихъ и... если и онъ, мой Владиміръ, еще тутъ же, рядомъ со мной, то... то жизнь кажется такою прекрасною, такою полною и словно похожею на этотъ уходящій, теплый день съ его прекрасными, все золотящими розовымъ отсвѣтомъ, лучами остывающаго солнца, съ его глубокимъ покоемъ и тишиной... Прощай моя дорогая. Вспоминай почаще не только мыслью но и въ письмахъ твою Катю.

P. S. Совсѣмъ забыла отвѣтить тебѣ на твои вопросы; ты спрашиваешь, «благополучно ли у насъ и что бабушка?» На первое могу отвѣтить, что у насъ пока все спокойно, да и трудно ждать чего-нибудь неблагопріятнаго. Вѣдь мы еще за три года до освобожденія разстались съ нашими крестьянами и они получили надѣлы не только не меньшіе, но значительно бо́льшіе, чѣмъ тѣ, что получаютъ крестьяне теперь. Нѣтъ, слава Богу, у насъ съ нашими остались все тѣ же хорошія и сердечныя, а главное довѣряющія другъ другу отношенія, какъ и были, но въ губерніи вообще далеко не такъ спокойно.

Напримѣръ, у Зарубиныхъ,всего въ 80-ти верстахъ отъ насъ, былъ настоящій бунтъ и притомъ бунтъ безсмысленный и дикій по существу, причину котораго никто даже не понимаетъ. Зарубины всегда славились своеюгуманностью, а молодой Зарубинъ не только много поработалъсвоими статьями въ пользу освобож-

денія, но и щедро одѣлилъ своихъ крестьянъ и все-таки же у него сожгли усадьбу, разграбили хлѣбъ и убили приказчика! У Ивашкиныхъ тоже посылали за казаками и здѣсь дѣло кончилось очень неблагополучно уже длякрестьянъ, потому что 10 человѣкъ убито, столько же искалѣчено и чуть не полсотни преданы еще суду. У Свищевыхъ тоже неспокойно и начались поджоги. Но исторіи въ родѣ Ивашкиныхъ и Свищевыхъ удивляться особенно нечему и смыслъ того, какъ могла эта настрадавшаяся долгими годами толпа, надъ которою издѣвалось и измыкалось нѣсколько поколѣній подрядъ, дойти до бунта, именно теперь, уже послѣ освобожденія, совершенно ясенъ, но предъ случаями въ родѣ Зарубинскаго положительно становишься вътупикъ и... и невольно смущаешься! При старомъ ужасномъ строѣ все было спокойно, даже у самыхъ жестокихъ помѣщиковъ. Никому не приходило въ голову бунтовать и хоть сколько-нибудь отстаивать себя, хотя сила, уже одною численностью своею, была у нихъ и прежде. И вдругъ— едва успѣли освободить и повсюда точно какая-то острая эпидемія, начали вспыхивать бунты и разныя недовольства, даже тогда, когда казалось бы для нихъ нѣтъ смысла и мѣста, какъ въ непостижимомъ дѣлѣ тѣхъ же Зарубиныхъ, которые, сдѣлавъ добра, быть можетъ, больше всѣхъ, больше же всѣхъ и пострадали! Невольно думается, что это инстинктивная месть за прежнее, гдѣ уже слишкомъ много накопилось обиды и горя, прорвавшіяся какъ реакція прежнему долготерпѣнію только теперь, когда они почувствовали себя наконецъ свободными. Дмитрій и Владиміръ приписываютъ все это положенію, составленному дѣйствительно довольно неудачно при, примѣненіи котораго легко могутъ возникать всякія недоразумѣнія и противорѣчія, а можетъ быть правъ и дядя Семенъ, который говоритъ, что нельзя такое огромное дѣло совершить спокойно и просто, безъ всякихъ ошибокъ, жертвъ и недоразумѣній. Борьба требуетъ насилія, а слѣдовательно и жертвъ. Но будемъ надѣятьтся, что всѣ эти смуты и недоразумѣнія, играющія такъ въ руку всѣмъ противникамъ освобожденія, не пойдутъ дальше перваго времени, всегда и во всемъ самаго труднаго и постепенно все успокоится и войдетъ въ правильную колею общаго пониманія, довѣрія и служенія другъ другу, а не противъ другъ друга, какъ это, кажется, начинается, теперь силой какого-то роковаго и печальнаго недоразумѣнія.

Что же касается бабушки, то наша воительница, конечно, неисправима и остается вѣрна себѣ и своимъ взглядамъ на вещи. Представь, что она чудитъ еще больше прежняго и, возвратясь изъ своей знаменитой поѣздки, заперлась отъ всѣхъ, объявивъ, что никого больше не желаетъ видѣть, послала за священникомъ и при-

казала ему соборовать и причастить себя какъ умирающую. Съ тѣхъ поръ такъ больше и не встаетъ.

— Буду,—говоритъ,—теперь смерти ждать!

Проѣздомъ въ Ольховку, мы съ дядей и тетей заѣзжали къ ней, но насъ, какъ главныхъ «злодѣевъ ея» и «отступниковъ», не велѣно и на глаза пускать и дѣйствительно, такъ и не допустили.

Бѣднаго дядю Семена, такого кроткаго и любящаго, это страшно огорчило; все-таки же родная мать и что можетъ быть печальнѣе подобнаго отношенія со стороны матери къ роднымъ дѣтямъ! Но старуха повидимому не шутя вообразила, что это «мы все устроили», и въ свою очередь рѣшила въ серьезъ наказать насъ за то. Говорятъ, она передѣлала завѣщаніе, вычеркнувъ изъ него всю семью дяди Семена и меня, а доли наши завѣщала на монастыри Богъ съ ней, мнѣ даже жаль ее, такимъ печальнымъ и одинокимъ представляется мнѣ ея существованіе, въ которомъ она добровольно отъ всѣхъ отстранилась, въ которомъ никого она не любитъ да, кажется, даже и не любила никогда! Не хотѣла бы я быть на ея мѣстѣ, не хотѣла бы прожить такую жизнь... Но курьезнѣе всего тотъ выходъ, который она придумала себѣ изъ новаго положенія своего. Представь, что она предложила своимъ дворовымъ остаться у нея на прежнемъ крѣпостномъ положеніи, такъ чтобы она попреженему была бы надъ ними полною хозяйкою и могла бы дѣлать съ ними все, что пожелаетъ, а въ награду зато она каждому изъ согласившихся на это записала по 300 рублей ассигнаціями, которые они получатъ послѣ ея смерти.

И вообрази — согласилось болѣе половины! Говоря правду, меня это просто возмутило! ну можно ли кажется было ожидать, чтобы всѣ эти люди, надъ которыми всю свою долгую жизнь она мудрила и издѣвалась, на всѣ лады терзая ихъ, такъ малодушно и уже добровольно снова запродадутъ ей себя за какіе то несчастные 300 рублей ассигнаціями! И какъ они не соображаютъ того, что каждый изъ нихъ на волѣ, въ какіе нибудь два-три года могъ бы заработать отнюдь не меньше! Или уже такъ велика сила привычки, особенно въ старыхъ людяхъ, изъ которыхъ и состоитъ, главнымъ образомъ, ея дворня. Такъ великъ, можетъ быть, страхъ предъ неизвѣстнымъ, предъ будущимъ, что предпочитаютъ лучше терпѣть надъ собой хоть и тяжелый, но привычный гнетъ, чѣмъ пойти на что то новое, непривычное, невольно пугающее этихъ слабыхъ, замученныхъ уже людей, состарившихся вмѣстѣ со своею мучительницей, и если не любящихъ ее, то привыкшихъ къ ней какъ къ чему то неизбѣжному для себя, безъ чего точно имъ уже жутко остаться. И говорятъ, что точно вымѣщая на нихъ, она мудритъ надъ ними теперь еще больше, чѣмъ прежде, а они попрежнему не смѣютъ пикнуть предъ ней!

Но какая загадка душа простого русскаго человѣка! Сколько въ ней прекраснаго и въ то же время темнаго и смутнаго,—сколько глубокого и даже великаго, одновременно съ чѣмъ то жалкимъ и дѣтски-неразвитымъ! О учить, учить его скорѣй, открыть ему его душевные и умственные глаза, снять съ нихъ вѣковую пелену, заслонившую отъ него міръ, и какой прекрасный и великій народъ еще выйдетъ изъ него тогда! Доживемъ ли мы только до этого, или хоть наши дѣти! О такъ страстно хочется вѣрить тому!

Ольховка. Августъ.

Вотъ уже и осень на дворѣ; нынче она какъ-то особенно рано даетъ себя чувствовать, еще только августъ на исходѣ, а кажется точно ужъ мы въ октябрѣ! Цѣлыми днями льетъ дождь, оголились почти уже всѣ деревья, улетѣли птицы; холодно, хмуро, непривѣтливо все кругомъ...

Смотришь на эти нависшія, низко ползущія сѣрыя тучи, точно запутывающіяся своими лохматыми краями въ верхушкахъ деревьевъ, уныло раскачивающихся на осеннемъ вѣтрѣ; на эти опадающіе, желтые листья, съ сухимъ шелестомъ, словно ропотомъ, несущіеся по промокшимъ дорожкамъ сада; слушаешь жалобный крикъ галокъ, затерявшихся гдѣ-то въ разорванныхъ тучахъ, и уныло становится на душѣ... точно и въ ней отживаетъ что-то вмѣстѣ съ этой увядающею природою, точно съ собственною молодостью сводишь послѣдніе счеты...

Въ дни ранней молодости, когда въ душѣ было еще много собственнаго свѣта и тепла, я помню, осень не пугала такъ, не удручала такою щемящею тоской; даже нравилось бывало, проснувшись ночью, мечтать подъ завываніе вѣтра и прислушиваться, какъ дождь тяжелыми, осенними каплями стучитъ по стекламъ оконъ... А теперь, когда этотъ внутренній свѣтъ все уменьшается, невольно подпадаешь подъ настроеніе природы и нѣтъ уже силъ и меркнетъ отдѣлиться отъ нея свободною и радостною душой, какъ прежде!..

Да, Варюша, вотъ уже и старость какъ будто подкрадывается! Не та настоящая, полная старость, которая наступитъ, быть можетъ, еще чрезъ добрыя двадцать лѣтъ и до которой далеко еще на тридцатомъ году жизни, но... какъ это сказать, какое-то точно преддверіе ея, предчувствіе ея... нѣтъ, нѣтъ и словно повѣетъ откуда-то издалека ея холоднымъ, какъ зима, дыханіемъ, и сердце невольно дрогнетъ и заноетъ на минуту... Вчера расчесывая волосы, я нашла въ нихъ нѣсколько первыхъ сѣдыхъ нитей... и такъ странно и жутко точно было ихъ видѣть — даже не вѣрилось, что они мои... Не стариться жалко, а больно сознавать, что все лучшее, все самое яркое и прекрасное уже пережито, ушло изъ жизни и не повторится больше! А мнѣ все кажется, что оно было

такъ недавно, такъ совсѣмъ недавно, словно все оно еще тутъ, еще не успѣло уйти и вся душа еще полна имъ, живетъ имъ... и все-таки же оно ушло, ушло и не вернется, какъ бы ни было все еще полно имъ...

Ты спрашиваешь, что Владиміръ? Занятъ больше прежняго; я почти и не вижу его; за послѣдній мѣсяцъ онъ пріѣзжалъ всего разъ, да и то на два дня, и мы даже не успѣли ни о чемъ поговорить. У нихъ столько хлопотъ и непріятностей съ изданіемъ «Москвича», что ни на что другое и времени не остается. Дмитрій и Илья, мужъ Ольги, такъ тѣ и совсѣмъ не пріѣзжали съ іюля мѣсяца, такъ что Ольга потеряла наконецъ терпѣніе и перебралась уже съ начала августа обратно въ Москву. Правду сказать, я бы и сама охотно послѣдовала бы ея примѣру, но Владиміръ непремѣнно хочетъ, чтобы мы прожили здѣсь до половины сентября, тѣмъ болѣе, что тетя Луиза съ дядей Семеномъ тоже остаются. Онъ говоритъ, что для него это даже удобнѣе, по крайней мѣрѣ, безъ насъ ничто «не мѣшаетъ» ему работать, особенно теперь, когда работать приходится больше, чѣмъ когда-нибудь...

Не знаю, можетъ быть, онъ и правъ... но для меня лично такая жизнь порознь цѣлыми мѣсяцами, въ которые мы видимъ его лишь изрѣдка, урывками, всегда измученнаго и озабоченнаго разными непріятностями, мѣшающими ему отдаваться семьѣ вполнѣ даже и въ тѣ немногіе дни, которые онъ можетъ еще посвящать ей, прямо тяжела. Какъ бы ни была его дѣятельность полезна и даже необходима для общества, но для меня, его жены, жизнь, здоровье и покой его еще важнѣе и дороже, и оставаться спокойною и равнодушною, живя вдали отъ него, въ то время, какъ онъ волнуется и утомляетъ себя чрезмѣрною работой, я не могу. Именно теперь, въ это трудное время, я и хотѣла бы быть подлѣ него, чтобы хоть со своей стороны чѣмъ возможно помочь ему и успокоить какъ-нибудь. И мнѣ больно, что онъ не понимаетъ этого и не хочетъ! Его признаніе, что мы тамъ будемъ только «мѣшать» ему, поразило меня и глубоко огорчило. Когда онъ впервые произнесъ предо мною эти слова, мнѣ показалось, что онъ точно ударилъ меня, такую боль и обиду, незаслуженную и несправедливую почувствовала я при этомъ.

«Мѣшать! мѣшаемъ!» Боже мой, а я такъ страстно мечтала всегда и во всемъ быть его лучшею помощницей и другомъ! Такъ горячо стремилась къ этому и даже воображала, что такъ оно и есть. И вотъ—не прошло еще и пяти лѣтъ, а онъ уже кинулъ мнѣ это слово, невольно запавшее мнѣ въ душу и поразившее меня, какъ обвиненіемъ, какъ что-то совсѣмъ новое и неожиданное въ нашихъ отношеніяхъ. Невольно приходитъ въ голову, почему же онъ не думалъ и не говорилъ такъ прежде, когда самъ

же шелъ ко мнѣ со всѣмъ, что было у него въ жизни и на душѣ! Тогда я еще не мѣшала ему, потому что самому ему была еще нужна тогда для каждой мысли, въ каждомъ часѣ, и тогда ему казалось естественнымъ и важнымъ быть вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, думать вмѣстѣ, потому что къ тому инстинктивно стремилось все его существо, какъ теперь все еще стремлюсь къ тому, быть можетъ, уже я одна! Онъ упрекнулъ меня еще и въ другомъ: будто я слишкомъ мало люблю его дѣло, слишкомъ эгоистично отношусь и... и даже ревную его къ нему! Сначала это почти оскорбило меня: я даже не стала оправдываться, возражать, но потомъ, въ тѣ долгія, одинокія недѣли, что я провела тутъ безъ него, и не въ одну безсонную ночь, когда невольно думала о томъ, въ сердцѣ своемъ предъ самою собой я должна была сознаться, что въ этомъ есть своя фатальная правда или хоть доля ея. Какъ это ни странно, какъ ни трудно казалось бы совмѣстить это, но я одновременно и люблю его дѣло, какъ люблю все, что касается его, и горжусь и имъ, и тѣмъ, какъ горячо и преданно онъ отдается ему, а въ то же время... въ то же время въ душѣ накапливается мало-по-малу какая-то непріязнь и враждебность къ этому дѣлу, совсѣмъ отнявшему его у меня и у семьи; враждебность въ которой мнѣ непріятно сознаваться даже себѣ. Но я невольно чувствую какъ въ его внутренней жизни онъ, не сознавая того еще и самъ, все меньше и меньше отводитъ намъ мѣста; все рѣже летитъ къ намъ мыслью, слишкомъ отвлекаемый и поглощенный массой другихъ вопросовъ, заботъ и интересовъ, и мы все меньше уже нужны ему... и даже мѣшаемъ подчасъ уже! О конечно, это еще не важно для дѣтей, они еще такъ малы, что не могутъ ни чувствовать, ни сознавать этого, и уходъ привычной няньки былъ бы для нихъ пока чувствительнѣе, чѣмъ постоянное отсутствіе отца, котораго они почти не видятъ и который, занятый своими дѣлами, и самъ почти не замѣчаетъ ихъ, развѣ когда они заболѣваютъ только. Къ тому же у нихъ есть я, гораздо болѣе необходимая имъ пока, и отводя такъ мало мѣста имъ въ своей жизни онъ гораздо болѣе лишаетъ радости себя, чѣмъ ихъ. Но я! но мнѣ! Мнѣ еще никто и ничто, ни даже самыя дѣти не могутъ замѣнить его вполнѣ. Я не могу видѣть въ немъ только одного общественнаго дѣятеля и удовлетворяться однимъ сознаніемъ того, покорно и всецѣло уступая его этому. Для меня онъ, все-таки прежде всего, «мой мужъ», т.-е. самый близкій, самый дорогой мнѣ человѣкъ въ мірѣ, съ которымъ еще недавно мы переживали вмѣстѣ каждое впечатлѣніе, дѣлили каждую мысль, и душа моя, такъ привыкшая за эти годы къ его душѣ, къ постоянному общенію съ нею, теперь тоскуетъ по ней и чувствуетъ себя точно осиротѣвшею и опустѣлою! Но все это такъ сложно и тонко, такъ неуловимо въ своихъ ощущеніяхъ, почти не переводимыхъ на слова,

что я не умѣю объяснить ему этого, не умѣю заставить его понять себя, а когда пытаюсь, то это не только не находитъ въ немъ отлика, но скорѣй даже сердитъ его.

Онъ называетъ все это «женскими преувеличеніями» и страстью къ драмамъ, безъ которыхъ мы, женщины, будто бы не можемъ жить, и раздраженно старается доказать мнѣ то, что я и сама прекрасно знаю и съ чѣмъ даже вполнѣ согласна, т.-е, что «въ жизни мужчины, помимо семьи и любви, есть еще нѣчто другое, болѣе важное и серьезное, это—идея и его дѣло, вытекающее изъ нея, которому онъ обязанъ служить больше всего и прежде всего. И ему очень жаль, что я не понимаю этого и даже придумываю себѣ по поводу этого какія-то безсмысленныя страданія! Онъ ожидалъ отъ меня другого!» Боже мой да, понимаю, вполнѣ понимаю и, повторяю, даже согласна съ этимъ, но до извѣстной границы, до извѣстной мѣры, за которыми уже начинается нарушеніе какихъ-то иныхъ, быть можетъ, не менѣе великихъ правъ,—правъ человѣка передъ самимъ собою, своею душой и тѣмъ, къ чему она зоветъ его хоть мгновеніями, хоть порывами безъ того жизнь тоже не полна! И гасить это въ себѣ, совсѣмъ нарочно не слушаясь того зова и не откликаясь ему, человѣкъ тоже и не долженъ и не имѣетъ даже права, ни во имя какихъ бы то ни было другихъ обязанностей своихъ!

Они, мужчины, влагаютъ весь главный смыслъ своей жизни лишь въ свою общественную дѣятельность и, заботясь о томъ, чтобы ничто не отвлекало ихъ отъ нея и не мѣшало бы сосредоточиваться на ней вполнѣ, пренебрежительно вытѣсняютъ изъ своей души все, что не связано съ нею непосредственно, и добровольно лишаютъ себя еще столькихъ прекрасныхъ радостей и свѣтлыхъ минутъ, на которыя у нихъ не остается уже ни времени, ни воспріимчивости, ни энергіи... И я хочу, хочу заставить его понять растолковать ему то, что такъ ясно и сильно чувствую въ душѣ своей и... не могу, не умѣю, не хватаетъ какихъ-то словъ или онъ преднамѣренно не хочетъ понимать меня! Но въ эти минуты мы точно говоримъ съ нимъ на разныхъ языкахъ, на которыхъ все равно, сколько бы ни говорили, ни въ чемъ не убѣдимъ другъ друга, потому что каждый просто не понимаетъ словъ другого!

Зато тотъ тонъ нетерпѣливый и рѣзкій, который мы оба фатально принимаемъ въ этихъ случаяхъ, понятенъ безъ словъ и одинаково сильно задѣваетъ обоихъ, хотя рѣзкость его каждый приписываетъ только другому. По крайней мѣрѣ, когда я слышу, какъ онъ возражаетъ мнѣ съ этимъ раздраженнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ моимъ мыслямъ, доводамъ и словамъ, съ какимъ-то холоднымъ отчужденіемъ въ самомъ лицѣ, въ душѣ моей подни-

мается невольно оскорбленный протестъ, на защиту своихъ мыслей и даже самыхъ правъ, слишкомъ уже оттѣсняемыхъ имъ въ заботѣ о другомъ.

Правъ нашей любви, тоже дававшей намъ такъ много прекраснаго, прежде чѣмъ мы добровольно не начали гасить свѣта ея въ себѣ, отнимая у нея всѣ ея лучшія минуты, порывы и настроенія. Но, взволнованная и задѣтая имъ, я тоже говорю не такъ, какъ надо, не то, что хочу, не то главное, что такъ ясно въ душѣ моей, а тоже только злыя, обидныя и несправедливыя вещи, которыя ничего не доказываютъ, ни въ чемъ не убѣждаютъ и отъ которыхъ я первая же потомъ страдаю. Главное, важное какъ-то расплывается и исчезаетъ, а эти мелкія, недостойныя насъ обоихъ, обиды, которыя въ раздраженіи мы бросаемъ другъ другу остаются и запечатлѣваются въ памяти и сердцѣ, еще болѣе способствуя потомъ обоюдному непониманію и только отдаляя насъ другъ отъ друга взамѣнъ того сближенія, къ которому такъ горячо стремлюсь я, начиная ихъ и такъ неудачно кончая!

Пока его нѣтъ и я одна, лишь мысленно говорю съ нимъ, все ясно и просто кажется тогда и вся душа моя полна лишь глубокаго и растроганнаго чувства, въ силу уже одного котораго мы, казалось бы, должны были бы быть такъ безконечно близки, такъ глубоко понимать другъ друга... Но пріѣзжаетъ онъ, опять разстроенный, озабоченный, раздраженный и точно именно противъ меня, изъ-за которой волей-неволей долженъ отрываться отъ дѣла и летѣть сюда на день или на два... и видя опять его недовольное, чужое лицо, въ которомъ я почти уже не узнаю то, дорогое мнѣ, что когда-то такъ озарялось при одномъ взглядѣ на меня; слышу его голосъ, раздраженно отвѣчающій мнѣ, и та радость и нѣжность къ нему, съ какою я ждала его, точно потухаетъ и въ моей душѣ и вмѣсто того новаго полнаго сближенія о которомъ я мечтаю наединѣ съ собою, выходятъ только новыя размолвки и ссоры, даже когда мы оба всего менѣе желаемъ и ждемъ ихъ...

Въ послѣдній разъ, послѣ одной изъ наиболѣе сильныхъ изъ нихъ, Сережа, уже давно молча присматривающійся къ намъ и своею чуткою, любящею душой, безъ словъ все понимающій, увидѣвъ мое осунувшееся лицо и заплаканные глаза, не выдержалъ и, взявъ мои руки въ свои, съ грустью и робко спросилъ у меня:

— Какъ же... какъ же вы дошли до этого Катя? Вы, которые такъ любили другъ друга!

— Какъ дошли? Развѣ я знаю! Когда порой я думаю объ этомъ до слезъ, до боли, я и сама не понимаю того! Какъ, съ чего, когда это началось, я не улавливаю и сама... Я знаю, что отъ этого мы еще не стали меньше любить другъ друга; что въ глубинѣ души мы попрежнему нужны и дороги другъ другу, но знаю зато также и то, что мы, когда-то такъ полно и безконечно сливавшіеся въ своемъ прекрасномъ

единеніи, въ которомъ мы точно совершенствовались духовно дополняя одинъ другого, теперь уже чего-то не понимаемъ больше другъ въ другѣ, даже когда еще искренно стремимся къ тому, даже когда оба еще страдаемъ отъ того!.. И все-таки же не понимаемъ! Точно утратили тотъ волшебный ключъ, что отворялъ наши души другъ другу! И теперь въ нихъ образовались какія-то непроницаемыя перегородки, куда уже не можетъ проникнуть другой!..

И все больше накопляется у каждаго изъ насъ чувствъ и мыслей, которыми мы уже отвыкаемъ дѣлиться! Можетъ быть, просто потому, что уже не постоянно бываемъ вмѣстѣ и поневолѣ научаемся жить порознь не только внѣшне, но и духовно, что гораздо страшнѣе.

Еще и теперь все существо *мое* принадлежитъ ему всецѣло и непрестанно стремится къ нему, но *онъ* уже не стремится и не принадлежитъ мнѣ такъ же всецѣло, какъ прежде.

Еще всѣ мои мысли полны имъ, но онъ уже не знаетъ о нихъ и, занятый другимъ, даже и не интересуется особенно знать, думая, что и такъ уже достаточно знаетъ ихъ.

А вѣдь мысли мѣняются, а съ ними мѣняются и чувства наши, и самая душа....

И вотъ мало-по-малу у каждаго изъ насъ завелся свой отдѣльный внутренній міръ, въ которомъ уже нѣтъ другого! А если я уже чувствую его въ своей душѣ, все еще такъ безраздѣльно принадлежащій ему этотъ отдѣльный міръ, въ которомъ все больше научаюсь жить, думать и даже мечтать безъ него, то какъ же, можетъ быть, онъ уже великъ въ немъ, поглощаемомъ и отвлекаемомъ отъ меня столькими другими вопросами и интересами, этотъ отдѣльный міръ души его, въ которомъ нѣтъ уже меня и который я почти не знаю!

Когда всѣ эти мысли приходятъ ко мнѣ и обступаютъ своею тоской, сомнѣніемъ и горечью въ долгія безсонныя ночи, такое чувство одиночества, безнадежнаго и давящаго, охватываетъ меня тогда вдругъ. Того фатальнаго человѣческаго одиночества, въ которомъ, быть можетъ, каждый изъ насъ томится отдѣльно отъ другого и въ которомъ неизбѣжно обреченъ жить, даже подлѣ самыхъ близкихъ и любимыхъ людей!

Но такъ, пожалуй, я нагоняю тоску и на тебя, моя дорогая! А между тѣмъ, кто знаетъ, быть можетъ, всѣ эти грустныя мысли и тяжелое настроеніе только результатъ того, что я.... опять беременна!

Да, «опять»! Это слово вырвалось *и у него*, когда я сказала ему о томъ.

— Какъ! опять!—воскликнулъ онъ точно съ укоромъ, и я почувствовала себя виноватою....

Я ушла къ себѣ и невольно заплакала.

Такъ еще живо было въ памяти впечатлѣніе того прекраснаго перваго раза, который не только мнѣ, но и *ему* представлялся какою-то священною миссіей, выше и важнѣе которой, казалось, не могло быть ничего въ нашей жизни, въ нашей любви. Какой свѣтъ, какой восторгъ былъ въ лицѣ его въ ту первую минуту, когда я открыла ему эту тайну, «нашу тайну», великую, прекрасную тайну любви нашей, въ своемъ порывѣ, точно въ вдохновеніи творчества дававшей жизнь новому, третьему существу, еще болѣе освящавшему ее, еще тѣснѣе скрѣплявшему насъ!

Какъ онъ рыдалъ, тогда упавъ къ ногамъ моимъ и осыпая колѣна и руки мои благодарными поцѣлуями и слезами, этими лучшими слезами въ нашей жизни, которыми мы плакали вмѣстѣ въ своемъ восторгѣ, въ своемъ великомъ счастьи...

Какъ недавно все это было, какъ живетъ еще въ сердцѣ моемъ и какъ давно уже! какъ жутко давно! даже страшно!

И вотъ ничто уже и никогда не вернетъ больше этого мгновенія, этого восторженнаго порыва, въ которомъ точно прозвучало, какъ въ заключительномъ аккордѣ, все вдохновеніе, вся поэзія, все таинство любви нашей...

Потомъ... о потомъ было уже не то, совсѣмъ не то! Второй разъ, я помню, была та же радость, но какая-то поверхностная, неглубокая, точно оффиціальная... скорѣй простое удовольствіе, противъ котораго ничего не имѣли, но которое уже не подняло нашихъ душъ на небо, какъ тогда!...

А теперь онъ ничего уже не нашелъ больше въ сердцѣ своемъ, какъ только это одно короткое, но разомъ убившее во мнѣ что-то «опять».

Пока я не услышала отъ него этого слова, она, эта инстинктивная радость материнства, что, вопреки всему, вопреки самымъ страданіямъ нашимъ, мы носимъ въ душѣ своей вмѣстѣ съ зараждающеюся въ насъ жизнью ребенка нашего, все же была во мнѣ... И вотъ онъ точно загасилъ ее и во мнѣ... она потухла и на мѣстѣ ея явилась только скорбь и жалость; безконечная, глубокая жалость къ этому неизвѣстному, несуществующему еще даже, но уже живущему во мнѣ дорогому существу, котораго никто не ждетъ съ восторгомъ, никто особенно не желаетъ, ни даже самый отецъ его...

Тѣмъ больше любви къ нему будетъ въ сердцѣ моемъ, уже теперь тоской и скорбью сжимающемуся за него...

Когда потомъ Владиміръ пришелъ въ мою комнату и увидѣлъ мое заплаканное лицо, онъ, кажется, и самъ былъ смущенъ и сконфуженъ впечатлѣніемъ своего «невиннаго», какъ онъ выразился восклицанія, которое «просто такъ сорвалось у него».

Онъ даже не понималъ хорошо, чѣмъ собственно такъ огор-

чилъ и обидѣлъ меня! Онъ искренно думалъ, что и для меня самой это тоже не болѣе, какъ досадное «опять»!

Но видъ моихъ слезъ все-таки разстроилъ его; по своему онъ до сихъ поръ еще страдаетъ, при видѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что я плачу такъ не часто, и теперь онъ готовъ былъ загладить сдѣланное нечаянно впечатлѣніе и ласками, и добрыми словами, хотя досадливое чувство невольно прорывалось у него даже сквозь нихъ.

Когда я немного успокоилась, онъ не выдержалъ и сказалъ мнѣ все-таки:

— Удивительно, какое огромное значеніе придаете, вы женщины, словамъ! Скажешь что-нибудь самое обыкновенное, простое и глядишь изъ-за какого-нибудь маленькаго незначительнаго выраженія уже цѣлая большая драма вышла! Удивительный вы все-таки народъ!

Но я не стала уже возражать, чувствуя, что мы опять перейдемъ на тѣ разные языки, на которыхъ все равно не поймемъ другъ друга!

А можетъ быть онъ и правъ. Можетъ быть, мы и дѣйствительно «удивительный народъ», во всемъ имъ противоположный и совсѣмъ не похожій на нихъ! Но тогда это уже какая-то странная и роковая ошибка самой природы, которая, создавая одно человѣчество, сдѣлала изъ него два разныхъ народа съ такими различными духовными мірами!

Ну вотъ видишь, какія мысли и настроеніе бываютъ подъчасъ у твоего стараго друга. Хорошо, что хоть держутся онѣ недолго и проходятъ сами собою, отъ перваго нѣжнаго опять взгляда, одинаковаго на всѣхъ языкахъ міра или отъ одной улыбки нашего ребёнка и даже просто, порой, отъ засіявшаго въ синевѣ неба яркаго солнца, отъ пѣсни жаворонка въ полѣ, отъ первыхъ весеннихъ прогалинъ на снѣгу, отъ прочитанной вмѣстѣ и взволновавшей всю книги, — отъ всего этого, въ чемъ вдругъ точно прорвется красота и прелесть жизни и разомъ со всѣмъ примиритъ, снова озаривъ душу какимъ-то яркимъ свѣтомъ и охвативъ ея былымъ восторгомъ и счастьемъ, пробудить опять всѣ замолкшія пѣсни ея! До свиданья же моя дорогая, крѣпко цѣлую тебя.

Твоя Катя.

Москва. Ноябрь.

До сихъ поръ не можемъ еще придти къ себя, дорогая моя, отъ несчастій, обрушившихся на нашу семью! Дядю Семена, милаго, дорогого нашего дядю Семена разбилъ параличъ, и дни его сочтены, какъ ты знаешь уже теперь. Онъ началъ прихварывать еще съ прошлаго года и извѣстіе объ арестѣ Петра доконало его. Это былъ такой неожиданный ударъ, что слабое здоровье его не вы-

держало и рушилось окончательно. Да и не удивительно, когда даже и насъ всѣхъ это такъ потрясло! Какъ ни тревожно переживаемое время, но мысль эта почему-то никому изъ насъ не приходила въ голову, хоть за послѣдніе два года, что Петръ перешелъ въ петербургскій университетъ, онъ почти совсѣмъ отрѣшился отъ вліянія семьи и даже писалъ все рѣже и рѣже. Только одна тетя Луиза своимъ чуткимъ материнскимъ сердцемъ была неспокойна и точно предчувствовала что то недоброе, но и Дмитрій, и Владиміръ, и даже самъ дядя Семенъ успокаивали ее утверждая, что жизнь вдали отъ дома и семьи, Петру, этому Веніамину нашихъ стариковъ, будетъ только полезна и разовьетъ въ немъ больше самостоятельности.

Когда была получена телеграмма объ его арестѣ, дядя Семенъ первый прочелъ ее и ему сразу стало дурно; онъ зашатался, упалъ и съ тѣхъ поръ такъ и не приходилъ еще въ полное сознаніе за всѣ эти три недѣли, да врядъ ли уже и придетъ, когда нибудь хотя физически ему какъ будто нѣсколько лучше! У него появился аппетитъ, онъ можетъ уже сидѣть въ глубокомъ креслѣ, обложенный со всѣхъ сторонъ поддерживающими его подушками, и даже порывается что-то говорить, что, впрочемъ, одна тетя Луиза и то съ огромнымъ трудомъ способна кое-какъ понимать больше угадывая чего онъ собственно хочетъ. Но Боже мой, Боже мой, что съ нимъ сталось! Ужъ лучше, кажется, пускай бы не было этого обманчиваго улучшенія, отъ котораго только еще мучительнѣе глядѣть на него! Если бы ты могла его видѣть теперь!

Порой, когда я гляжу на его мутные, ничего не выражающіе больше глаза, еще недавно такіе прекрасные, на эту отвисшую безпомощно челюсть, придающую ему такой ужасный видъ; слышу это тяжелое, полудѣтское, полуживотное какое-то бормотаніе, въ которомъ отчетливѣе и вѣрно сознательнѣе всего выходитъ только одно слово: «кашки!» и вижу, какъ онъ жадно, точно голодный, грудной ребенокъ тянется къ ней навстрѣчу своею трясущейся головой! О меня охватываетъ такой ужасъ, такое оскорбленіе за человѣка, что я бѣгу за нѣсколько комнатъ, чтобы только не видѣть и не слышать всего этого! И подумать только, что это все тотъ же нашъ дядя Семенъ! Дядя Семенъ, съ его прекрасною и возвышенною душой, съ его глубокимъ, философскимъ развитіемъ, съ его такимъ яснымъ, многостороннимъ умомъ, съ его исключительнымъ, наконецъ, образованіемъ, предъ которымъ каждый изъ насъ невольно преклонялся въ душѣ! Дядя Семенъ, перечитавшій на своемъ вѣку чуть не всю литературу міра, наслаждавшійся Софокломъ и Шекспиромъ, переписывавшійся съ Гюго и Гегелемъ, дружившій съ лучшими людьми своего времени, и теперь вдругъ только безпомощно съ жалкимъ плачемъ просящій «кашки», на

которой точно сосредоточилось все послѣднее его разумѣніе, всѣ послѣднія желанія и потребности!

Что можетъ быть печальнѣе и унизительнѣе подобнаго состоянія для такого человѣка, какимъ былъ онъ! И за что такая горькая и злая насмѣшка судьбы! За что онъ такъ наказанъ, именно онъ, прожившій жизнь, быть можетъ, самую достойную и безупречную, какую только можетъ прожить человѣкъ!

Когда Дмитрій, вернувшійся третьяго дня изъ Петербурга, куда онъ выѣхалъ тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ телеграммы, увидѣлъ его, онъ не выдержалъ и разрыдался, какъ ребенокъ.

Намъ, видящимъ его ежедневно и просидѣвшимъ у изголовья его всю его болѣзнь, эта перемѣна все же не такъ еще бросается въ глаза, но Дмитрія она прямо сразила.

Онъ упалъ на диванъ и рыдалъ почти истерически.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ онъ съ горечью, когда немного успокоился.—Ужъ лучше смерть, чѣмъ это!

Но тетя Луиза, эта удивительная, преданная и любящая до последняго вздоха тетя Луиза, остановила его:

— Не говори такъ! воскликнула она тихо и почти со страхомъ.—Пусть живетъ! пусть живетъ дольше, какимъ есть! Мнѣ онъ и такой дорогъ... Вѣдь это все же онъ!...

И она заплакала, припавъ къ рукамъ своего бѣднаго мужа, который даже не понималъ больше ея горя, и безучастно глядѣлъ куда-то мимо нея, но который и теперь былъ ей все также милъ и дорогъ какъ и прежде, въ счастливые годы ихъ жизни и кто знаетъ! Теперь, наканунѣ вѣчной разлуки, быть можетъ даже еще дороже чѣмъ тогда, въ тотъ первый день ихъ любви, когда онъ впервые прижалъ ее къ своему сердцу, чтобы не отрывать отъ него уже всю жизнь!

Она не выходитъ изъ его комнаты, не оставляетъ его ни на одинъ часъ, жадно ловитъ каждое его движенія, каждый, увы, почти не узнающій ее взглядъ и всякое его безсознательная улыбка доставляетъ ей чуть не счастье! Она радостно говоритъ намъ тогда:

— Посмотрите, посмотрите,онъ узналъ меня, онъ улыбнулся мнѣ!.

У насъ не хватаетъ духу разочаровывать ее и тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ жалкій, заживо разлагающійся трупъ, она продолжаетъ еще находить человѣка, съ которымъ 40 лѣтъ жила общими радостями и горестями, съ которымъ они вмѣстѣ были молоды вмѣстѣ растили дѣтей своихъ, вмѣстѣ старились, оставаясь вѣрными, любящими друзьями отъ первой встрѣчи до послѣдняго дня его сознанія.

О да, такой бракъ, какимъ былъ ихъ, невольно заставляетъ вѣрить въ таинство брака, навѣки соединяющій двухъ людей невольно примиряетъ съ другими неудачными и несчастными, которые кажутся порой чуть не насиліемъ надъ свободной волей и чувствомъ.

человѣка и даже въ собственномъ, заставляютъ прощать и забывать всѣ тяжелыя минуты, выпадающія подчасъ...

За то на ея горе теперь, въ чужѣ тяжко глядѣть! Мы всѣ стараемся помогать ей ухаживать за нашимъ дорогимъ больнымъ и не оставляемъ одну ни на минуту, но конечно это мало облегчаетъ ее. Даже смерть Раисы, ея любимой дочери, не сразила ее тогда такъ, какъ это несчастье теперь. Она не спитъ, не ѣстъ и сразу посѣдѣла какъ старая старушка; но ни слезы, что не переставая льются изъ глазъ ея, ни страшная усталость, которую казалось бы она должна испытывать, отъ однѣхъ этихъ безсонныхъ ночей, не могутъ принудить ее, хоть на нѣсколько часовъ, оставить свое мѣсто на креслѣ у постели его, въ которомъ она проводитъ теперь дни и ночи свои.

Даже непонятно, что еще поддерживаетъ ее! Какая мысль, какая надежда, безъ которой невозможно такое напряженіе воли.

Когда я разъ намекнула ей объ этомъ, она помолчала немного, точно и сама задумавшись надъ моимъ робкимъ вопросомъ, а потомъ отвѣтила съ такою глубокою, твердою вѣрой:

— Меня поддерживаетъ, сказала она, благодарность Господу за прошлое счастье!

И невольно преклонилась я въ душѣ предъ этою простотой и могуществомъ вѣры, дающей покорность и спокойствіе даже въ такіе дни, и... почти позавидовала ей, также невольно спросивъ самую себя, была ли бы я способна къ этому!... Увы! между нами такихъ уже мало, даже когда съ сердцѣ нашемъ и дотепливается еще былая вѣра отцовъ и дѣдовъ, такая глубокая и простая когда то въ ихъ душахъ!..

Можешь же себѣ представить, дорогая, въ какомъ подавленномъ мы всѣ тутъ настроеніи!

Право, точно въ самомъ воздухѣ скопилось столько электричества, что такъ и ждешь страшной грозы, которая неминуемо должна разразиться надъ головами всѣхъ.

По поводу несчастнаго Петра ты знаешь теперь уже всѣ подробности отъ Дмитрія.

Мы всѣ въ такомъ отчаяніи, что просто не знаемъ, что дѣлать, къ кому броситься, что предпринять, чтобы только спасти его!

Дмитрій вернулся совсѣмъ убитымъ. Онъ кидался всюду, но, конечно, безрезультатно! Слава Богу, что хоть удалось добиться разрѣшенія свиданія съ нимъ, изъ котораго онъ вынесъ хоть то утѣшающее нѣсколько впечатлѣніе, что Петръ держитъ себя настоящимъ молодцомъ, и не только не уныраетъ, и не падаетъ духомъ, но еще Дмитрія же успокаивалъ и ободрялъ.

Но въ то же время онъ рѣшительно воспротивился отъ всякихъ ходатайствъ въ пользу его помилованія или какого бы то ни было смягченія его участи, которыя не будутъ даны также и другимъ его

товарищамъ. Онъ просто запретилъ Дмитрію всѣ дальнѣйшія попытки этого и взялъ съ него слово, что ни онъ, ни кто изъ насъ не будетъ больше предпринимать ихъ.

Какъ узнаю я въ немъ, въ его молодой страстной энергіи, въ его горячемъ фанатизмѣ и упорной волѣ покойную Раису! Недаромъ онъ ея братъ!

Бѣдной тетѣ мы не рѣшились сказать всей правды. но она сама угадала ее; да и жестоко было бы вполнѣ успокаивать ее, когда все можетъ кончиться такъ ужасно! Ужъ лучше исподволь приготовить ее къ новому горю, и потому Димитрій не сталъ скрывать отъ нея, что Петру не миновать ссылки или даже каторги.

Тетя молча выслушала его и когда онъ кончилъ, она помолчала нѣсколько минутъ, точно боясь разспрашивать дальше, точно страшась узнать больше, но потомъ справилась съ собой и все таки спросила.

— И это все?

Дмитрій смутился и неувѣренно пожалъ плечами.

— Надо думать, что все...—сказалъ онъ осторожно, уклоняясь отъ прямого отвѣта, и, помолчавъ, прибавилъ:

— Худшее врядъ ли будетъ...

Тогда тетя Луиза поблѣднѣла и замолкла, тяжело опустивъ на грудь голову.

— Если только это,—сказала она немного спустя,—то надо еще благодарить Бога...

Но въ душѣ она видимо уже все рѣшила и вчера она сказала Сережѣ:

— Когда я буду больше не нужна моему мужу, я пойду съ моимъ сыномъ туда, куда пошлютъ его... и

И она сдѣлаетъ это. Хоть здѣсь и останутся у нея еще другія дѣти и внуки и дорогія могилы, но эти въ безопасности и по своему все-таки счастливы, а она уйдетъ съ тѣмъ, кто больше всѣхъ пострадалъ и больше всѣхъ нуждается въ ней...

— И мы не должны отговаривать ее отъ этого... въ этомъ не только долгъ ея, но и спасеніе, быть можетъ...—сказалъ мнѣ потомъ Сережа, быть можетъ больше всѣхъ любящій ее и ужь конечно болѣе всѣхъ нуждающійся въ ней, благодаря своему искалѣченному тѣлу и испорченной жизни...

Но съ тѣхъ поръ, какъ все это случилось, одна мучительная мысль закралась въ мою душу, терзая ее, какимъ-то болѣзненнымъ страхомъ и за моихъ собственныхъ, еще крохотныхъ дѣтей. Когда я подѣлилась ею съ Ольгой, она призналась мнѣ, что и сама испытываетъ теперь то же самое.

Почемъ мы матери знаемъ, почемъ мы знать, что готовитъ имъ судьба въ далекомъ будущемъ? Если бы наше материнское сердце могло предугадать все то горе, бѣды и страданіе, что можетъ

быть обрушатся современемъ на головы ихъ, кто знаетъ стали ли бы матери еще мечтать о томъ, чтобы ихъ дѣти выросли стали ли бы даже желать ихъ! Что изъ того, что теперь я охраняю ихъ въ каждомъ шагѣ, дрожу при малѣйшей ихъ болѣзни и каждый часъ, каждую минуту стараюсь оградить ихъ отъ всякой опасности? Чего я въ сущности достигну этимъ? Отъчего спасу и оберегу ихъ въ дѣйствительности! Что изъ того, что сейчасъ, пока они малы и почти безсознательны, они здоровы и счастливы и беззаботно ростутъ подъ моимъ крыломъ!

Развѣ со временемъ съ ними не можетъ случиться того же, что случилось теперь съ Петромъ, или что-нибудь другое, такое же ужасное!

Развѣ молодость, всегда пылкая и мятежная уже въ самихъ инстинктахъ своихъ, не будетъ проявляться и въ нихъ тѣми же вспышками роковыхъ увлеченій, борьбы и ошибокъ? Пусть все это будетъ только заблужденіями, хотя бы и такъ, но развѣ это спасетъ ихъ отъ чего-нибудь? Развѣ жизнь поневолѣ, уже сама собой не столкнетъ ихъ со всѣмъ этимъ! Развѣ не захотятъ и они въ свой чередъ бороться потомъ, за то, что будетъ казаться имъ тогда истиной и долгомъ ихъ, и, стремясь къ подвигамъ и жертвамъ, также безпощадно гибнуть?

Для этого не надо даже каторги и висѣлицъ — довольно простой войны, на которую пошлетъ ихъ само же правительство и и откуда они или не вернутся, быть можетъ, уже совсѣмъ, безсмысленно умеревъ въ самый разгаръ жизни, силъ и молодости, или вернутся такими же искалѣченными, какъ тотъ же нашъ несчастный Сергѣй!

И я, быть можетъ, буду обречена дожить до тѣхъ поръ и собственными глазами, собственнымъ сердцемъ увидѣть все это! О Боже! Зачѣмъ же я буду ростить ихъ, развивая ихъ душу и умъ, вкладывая въ нихъ всѣ надежды, всѣ мечты, всю любовь свою, все лучшее, что есть во мнѣ самой, если всему этому суждено, быть можетъ, только погибнуть, такъ безпощадно и жестоко! Когда всѣ эти мысли охватываютъ меня—я почти не смѣю больше желать, чтобы они выросли! Ужъ лучше, быть можетъ, имъ умереть спокойно и тихо подъ лаской моею теперь, пока они еще малы и не сознали вполнѣ ни всей радости жизни, ни всего страданія ея! Мнѣ говорятъ: «Не думай объ этомъ!» Да развѣ это возможно! Съ тѣхъ поръ, какъ случилось это несчастье съ нашимъ Петромъ, я не могу, не въ состояніи не думать объ этомъ! Эти страшныя мысли сами обступаютъ меня и днемъ, и ночью и преслѣдуютъ точно тяжкій кошмаръ, отъ котораго я просыпаюсь даже во снѣ вся въ трепетѣ и холодномъ поту!

И страхъ этотъ особенно силенъ во мнѣ по отношенію моего мальчика, моего Волика! Ему, какъ мужчинѣ, выпадетъ вѣрно больше опасностей и жизненной борьбы, въ которой лишь немно-

гимъ одинокимъ счастливцамъ дано выходить побѣдителями! Когда я ласкаю его теперь, когда держу на колѣняхъ своихъ, мнѣ все кажется, что кто-то уже отнимаетъ его у меня, чьи-то холодныя, жестокія руки уже вырываютъ его отъ меня и въ отчаяніи я еще крѣпче прижимаю его къ груди своей и все хочу отъ кого-то защитить, отъ чего-то спасти!..

И онъ, этотъ ребенокъ, такой чуткій и нѣжный, словно понимаетъ меня. Какъ онъ смотритъ на меня порой своими большими, пытливыми глазами, въ которыхъ минутами проглядываетъ уже что-то не дѣтское, уже что-то печальное! Точно онъ видитъ душу мою и чувствуетъ все ея смятеніе и тоску! И какъ нѣжно, съ какою безконечною лаской гладитъ онъ меня тогда по лицу своими маленькими ручками, какъ старается поцѣлуями вытереть слезы мои...

И знаешь ли, когда я подмѣчаю на его миломъ, дѣтскомъ личикѣ, на которомъ еще должна была бы играть, какъ вѣчный солнечный лучъ, одна беззаботная радость, это вдумчивое не по-дѣтски, словно о чемъ-то молча вопрошающее и допытывающееся, выраженіе, когда я ловлю эти грустно-пытливые взгляды его, которые онъ подолгу останавливаетъ то на мнѣ, когда я прижимаю его къ себѣ со страстною тоской, то на плачущей тетѣ Луизѣ, то на измѣненномъ, почти неузнаваемомъ лицѣ дяди Семена или на искалѣченной фигурѣ Сергѣя, мнѣ невольно приходитъ въ голову, что онъ, въ своей нѣжной чуткости, уже начинаетъ угадывать жизнь; угадывать всю ту скорбь, страданіе и горе ея, что такъ часто выпадаетъ на долю людей... и безмолвно прислушивается и присматривается къ нимъ, еще не понимая ихъ ясно, но, кто знаетъ, быть можетъ, уже безсознательно проникаясь ими и запечатлѣвая ихъ въ своемъ дѣтскомъ сердечкѣ...

Да, невеселые предстоятъ намъ нынче праздники, которые уже такъ близки, а тамъ и Новый Годъ... страшный Новый Годъ! Что-то несетъ онъ міру, Россіи и намъ, нашей маленькой семьѣ?.. По мѣрѣ того, какъ живешь, все больше научаешься бояться грядущаго, этого таинственнаго, загадочнаго грядущаго, котораго никто изъ насъ не знаетъ и не можетъ ни предугадать, ни предотвратить... И та довѣрчивая радость, почти любопытство, съ которымъ ждалъ его когда-то прежде, когда еще не боялся жизни и вѣрилъ ей, какъ матери, невольно все уменьшается, уступая мѣсто тревогѣ и страху... А теперь они, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, но дай Богъ, чтобъ хоть тебѣ они оставили все то же счастье и покой...

Твоя Катя.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

М. Крестовская.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на извѣстную науку,—съ точки ли зрѣнія теоретической или прикладной, практической, мы неизбѣжно должны оцѣнить во всей полнотѣ великое значеніе высшихъ обобщеній, абстрактныхъ формулъ, общихъ законовъ развитія изучаемыхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь интересъ къ чистому знанію, къ теоретической работѣ мысли только тогда и усиливается, когда безконечное разнообразіе и чрезвычайную запутанность мелкихъ явленій мы сводимъ къ единообразію, къ простотѣ и единству, когда калейдоскопъ конкретныхъ фактовъ объясняется изъ сочетанія немногихъ основныхъ элементовъ. Съ другой стороны, практически-полезные выводы и заключенія становятся возможными въ сущности лишь при посредствѣ высшихъ обобщеній, основныхъ законовъ, потому что лишь послѣдніе открываютъ для насъ перспективу возможности предвидѣть будущее, а предвидѣніе есть необходимое условіе дѣйствія. На такомъ естественномъ основаніи покоится раздѣленіе всѣхъ теоретическихъ (неприкладныхъ) наукъ на два разряда—наукъ конкретныхъ и наукъ абстрактныхъ, причемъ оба эти разряда существуютъ совмѣстно и тѣсно связаны между собою, одинъ немыслимъ безъ другого. Конкретныя науки занимаются изученіемъ отдѣльныхъ явленій въ опредѣленной, тоже конкретной, средѣ или обстановкѣ, причемъ имѣютъ въ виду установить причинную связь этихъ явленій *). Но эта задача важна не сама по себѣ: она имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что позволяетъ формулировать болѣе общіе, абстрактные выводы, высшіе научные законы. Напр., психологія изучаетъ общіе, абстрактные законы развитія духовной жизни людей вообще, а

*) Причинность понимается здѣсь не въ смыслѣ метафизическомъ, а въ смыслѣ необходимой, постоянной послѣдовательности.

не только того или другого конкретнаго человѣка. Психологія, слѣдовательно, абстрактная наука. Но психологія покоится на отдѣльныхъ наблюденіяхъ за духовною жизнью конкретныхъ индивидуальностей, и эти-то наблюденія, будучи сведены въ систему, составляютъ особую, конкретную психологію даннаго человѣка или даннаго типа людей. То же самое надо сказать объ естественныхъ наукахъ: напр., ботаника и зоологія изучаютъ органическую жизнь отдѣльныхъ растеній и животныхъ, слѣдовательно, онѣ—науки конкретныя. Онѣ даютъ матеріалъ для вывода общихъ законовъ развитія органическаго міра, для построенія абстрактной науки—біологіи. Это разсужденіе примѣнимо, наконецъ, и къ наукамъ общественнымъ. Исторія извѣстнаго народа—наука конкретная, потому что она изучаетъ законы развитія опредѣленнаго, даннаго общества въ разные періоды его жизни. Соціологія или теорія общественной жизни имѣетъ цѣлью изслѣдованіе общихъ законовъ общежитія, независимо отъ какой-либо конкретной обстановки; слѣдовательно, она—наука абстрактная.

Такая тѣсная и естественная связь между абстрактными и конкретными науками предполагаетъ ясно выраженную потребность въ изложеніи каждой конкретной науки въ связи съ общими законами изучаемыхъ явленій, формулируемыми наукою абстрактною. Что сказали бы мы о ботаникѣ или зоологѣ, который чуждался бы вопросовъ и формулъ общей біологіи? Мы могли бы въ самомъ лучшемъ случаѣ назвать его хорошимъ наблюдателемъ и описателемъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы приложить къ его имени названіе ученаго изслѣдователя въ истинномъ смыслѣ этого слова. И кѣмъ инымъ, какъ не гробокопателемъ является историкъ, чуждающійся соціологическихъ проблемъ?

Итакъ, ясно, что исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны должна освѣщаться съ соціологической точки зрѣнія; конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человѣчества становится понятенъ и получаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если его разсматриваютъ, какъ матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Такова основная точка зрѣнія, изъ которой мы будемъ исходить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

И эту точку зрѣнія тѣмъ болѣе необходимо усвоить, что и соціологія, и исторія—въ частности русская исторія—находятся сейчасъ въ такомъ состояніи, что необходимо разобраться среди отдѣльныхъ взаимно-переплетающихся и часто ожесточенно-борющихся между собою теорій и воззрѣній. Спенсеръ замѣтилъ, что всякая наука въ своемъ послѣдовательномъ развитіи переживаетъ три стадіи: первая—согласіе невѣждъ, вторая—разногласіе изслѣдователей, третья—согласіе людей знающихъ. Исторія и соціологія находятся сейчасъ во второй стадіи своего развитія, и ихъ взаимное сближеніе—одно изъ сильнѣйшихъ средствъ, могущихъ ввести ихъ хотя бы отчасти въ третью стадію.

II.

Поставленная задача предполагаетъ, естественно, и извѣстный, находящійся съ ней въ строгой гармоніи, планъ изложенія. Вырабатывая этотъ планъ, мы сразу становимся лицомъ къ лицу съ общимъ соціологическимъ вопросомъ—о классификаціи явленій общественной жизни. Существуетъ, какъ извѣстно, и пользуется даже значительнымъ кредитомъ направленіе въ соціологіи, отрицающее не только необходимость, но и самую возможность такой классификаціи. Адепты этой школы, важнѣйшимъ представителемъ которой является Штаммлеръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи», утверждаютъ, что общественная жизнь есть нѣчто до такой степени цѣльное и единое, что всякая попытка ея расчлененія на отдѣльные процессы невозможна: это значило бы рѣзать по живому тѣлу, раздѣлять отдѣльныя стороны одного объекта. Эта точка зрѣнія совершенно несостоятельна: вѣдь совершенно очевидно, что отрицать возможность отдѣльнаго изученія разныхъ процессовъ общежитія все равно, что отрицать возможность существованія отдѣльныхъ наукъ—механики, химіи, физики, біологіи, психологіи, соціологіи, потому что нѣтъ ни одного явленія или предмета въ дѣйствительности, который всецѣло относился бы къ области только *одной* науки: всякій соціальный фактъ необходимо и неизбѣжно содержитъ въ себѣ и элементы, изучаемые другими науками,—психологическіе, физіологическіе, физическіе, химическіе, механическіе. Совершенно вѣрно, что каждая наука изучаетъ лишь *отдѣльную сторону* одного великаго объекта—мірозданія, но отсюда не слѣдуетъ, что отдѣльныя науки не имѣютъ права на существованіе, такъ какъ разныя стороны одного объекта неразлучимы: практическая, реальная неразлучимость не предполагаетъ еще невозможности абстракціи и анализа, не мѣшаетъ отдѣльной наукѣ объяснять изучаемую ею сторону міровой жизни. Реальное единство общаго объекта изученія не стираетъ такимъ образомъ граней между отдѣльными науками, а предполагаетъ только необходимое объединеніе ихъ выводовъ въ высшемъ синтезѣ, философское обобщеніе всѣхъ научныхъ пріобрѣтеній, къ какой бы сферѣ знанія они ни относились; оно показываетъ только, что должна существовать единая научная философія—синтезъ всѣхъ наукъ. Подобно этому, и въ отдѣльной обширной научной области аналитическое изученіе явленій не только не вредитъ, но способствуетъ цѣльности и единству общаго нашего вывода относительно этого объекта. Для всякаго ясно, напр., что физика не только ничего не проиграла, но выиграла отъ того, что классифицировала физическія явленія, раздѣлила ихъ на явленія свѣта, теплоты, магнитизма, электричества.

Итакъ, польза, необходимость и возможность классификаціи общественныхъ явленій не подлежатъ сомнѣнію.

*

Но прежде чѣмъ классифицировать общественныя явленія, надо опредѣлить еще самое понятіе «общественное явленіе». И здѣсь мы можемъ наблюдать немаловажныя разногласія между различными соціологами и историками. Нѣкоторые признаютъ два различныхъ разряда явленій, подлежащихъ историческому и соціологическому изученію: одинъ разрядъ составляютъ, по ихъ мнѣнію, событія, иначе дѣянія лицъ или явленія прагматическія, другой разрядъ—состоянія, функціи, учрежденія или культурныя явленія. Примѣромъ перваго разряда можетъ служить, напр., бородинская битва или изданіе манифеста 19-го февраля 1861 г.; примѣръ второго—существованіе крѣпостного права въ Россіи въ XVII, XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. По этимъ взглядамъ, общественное явленіе не есть что-либо по природѣ своей единое, а напротивъ, слѣдуетъ различать два особыхъ ряда общественныхъ явленій. Нельзя, однако, не признать, что это отдѣленіе прагматической исторіи отъ культурной способно внести только путаницу въ умы, нисколько не разъясняя дѣла. Отдѣльное событіе, взятое внѣ связи съ другими, ему подобными, тѣмъ болѣе поступокъ лица, не можетъ быть предметомъ историческаго изученія: событіе тогда только пріобрѣтаетъ интересъ для историка и соціолога, когда сближается съ другими звеньями цѣпи, въ составъ которой входитъ. Въ сущности, прагматическихъ фактовъ, какъ таковыхъ, не существуетъ для историка и соціолога, потому что они, съ исторической и соціологической точки зрѣнія, даже теоретически неотдѣлимы отъ культурныхъ. Исторія и соціологія занимаются только состояніями. Слѣдовательно, общественнымъ явленіемъ слѣдуетъ называть только фактъ культурный или состояніе.

Но какъ же классифицировать различныя явленія общежитія? Эта классификація создана, можно сказать, эмпирически, исторіей науки, послѣдовательною разработкой отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Изучая прошлое того или другого народа, изслѣдователи очень рано еще въ XVII вѣкѣ—замѣтили связь, существующую между человѣческимъ общежитіемъ и внѣшней природой; отсюда процессы, совершающіеся въ природѣ, пріобрѣли въ ихъ глазахъ большой интересъ и такимъ образомъ выдѣлились въ особую группу *естественныя явленія*. Это—первый классъ общественныхъ явленій. Въ XVIII вѣкѣ окончательно образовались и другія группы: тогда стали обращать вниманіе на организацію хозяйства, общества и государства, а также на духовныя перемѣны въ обществѣ. Отсюда возникли четыре класса общественныхъ явленій: *явленія хозяйственныя или экономическія*; *явленія соціальныя* (т.-е. общественный строй); *явленія политическія* и, наконецъ, *психологическія явленія*. Итакъ, мы должны изучить послѣдовательно пять основныхъ процессовъ: естественный, хозяйственный, соціальный, политическій и психологическій. Такова правильная классификація общественныхъ явленій и таковъ, слѣдовательно, общій поря-

докъ изложенія предмета. Само собою разумѣется, что въ каждомъ изъ этихъ процессовъ придется различать отдѣльныя частности и болѣе мелкіе процессы, но объ этомъ пойдетъ рѣчь уже при самомъ изложеніи.

III.

Исторія всякаго знанія начинается простымъ накопленіемъ отдѣльныхъ наблюденій, совершенно лишенныхъ системы или приводимыхъ лишь во внѣшнюю связь. Знаніе превращается въ *науку* только тогда, когда связь отдѣльныхъ явленій становится внутренней, необходимой, когда возникаетъ понятіе причинности или необходимой послѣдовательности явленій. Явленія общежитія также подлежатъ изученію именно съ точки зрѣнія ихъ причинной связи между собою, причемъ мыслимы два случая: или явленія извѣстнаго общественнаго процесса имѣютъ своими причинами другія явленія того же самаго процесса, или они находятся въ причинной зависимости отъ явленій, относящихся къ другимъ процессамъ общежитія. Напримѣръ, устройство государства въ извѣстный моментъ можетъ зависѣть отъ чисто политическихъ потребностей и интересовъ,—это первый случай, но оно можетъ также явиться результатомъ извѣстнаго общественнаго строя, борьбы и взаимныхъ отношеній разныхъ классовъ и сословій,—вотъ второй случай. Поэтому, изучая каждый изъ пяти намѣченныхъ процессовъ, мы всегда должны имѣть въ виду эти двѣ возможности и попытаться уяснить, въ какой мѣрѣ эти процессы могутъ считаться внутренно-самостоятельными и въ какой степени они зависятъ отъ другихъ процессовъ.

Разрѣшеніе этого вопроса есть задача тѣмъ болѣе высокой научной важности, что съ нимъ въ связи стоитъ другой вопросъ: какой изъ названныхъ пяти процессовъ—естественный, хозяйственный, соціальный, политическій или психологическій—долженъ быть признанъ за основной, дающій ключъ къ пониманію цѣлаго? Здѣсь опять нельзя не отмѣтить, что среди соціологовъ и особенно среди историковъ довольно сильно распространено мнѣніе, что нѣтъ и не можетъ быть такого основного процесса, задающаго тонъ цѣлому, что отдѣльные историческіе процессы взаимно вліяютъ другъ на друга, находятся во взаимодѣйствіи. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что такое взаимодѣйствіе существуетъ, что всякое отдѣльное явленіе подвергается ряду многообразныхъ вліяній и само вліяетъ на множество другихъ явленій, но *сила* этого вліянія однихъ явленій на другія неодинакова, и такъ какъ человѣческій умъ не можетъ по своей ограниченности учесть всю массу мелкихъ воздѣйствій и въ то же время неудержимо стремится къ обобщенію, къ сведенію многообразія къ единству, къ монизму, то остается игнорировать все мелкое и второстепенное, сбрасывать его со счета и обращать вниманіе лишь на главное. А при такой постановкѣ вопроса теорію взаимодѣйствія придется признать простымъ проявленіемъ науч-

ной робости, такъ какъ воздѣйствіе однихъ общественныхъ процессовъ на другіе неодинаково сильно, что можно доказать путемъ тщательныхъ наблюденій и точнаго анализа. Необходимость основного понятія, изъ котораго объяснялись бы всѣ явленія общественной жизни, особенно явственно выступаетъ на видъ при взглядѣ на философское построеніе другихъ наукъ, достигшихъ бо̀льшаго развитія, чѣмъ соціологія и исторія. Каждая изъ этихъ наукъ беретъ одно основное понятіе и изъ него объясняетъ всѣ явленія, ею изучаемыя; другими словами это основное понятіе или основной процессъ берется какъ нѣчто данное, гипостазируется, ставится надъ всѣмъ матеріаломъ, изслѣдуемымъ данной научной отраслью. Такъ, напр., въ физикѣ гипостазируется движеніе, физіологія беретъ готовыми физическія и химическія явленія и изъ нихъ выводитъ весь механизмъ физіологическихъ процессовъ. То же, очевидно, должно существовать и въ соціологіи. Вопросъ заключается, слѣдовательно, не въ томъ, слѣдуетъ ли въ соціологіи гипостизировать какой-либо элементъ, а въ томъ, какой именно элементъ долженъ быть положенъ въ основу соціологическихъ построеній. Мы не преминемъ обратить надлежащее вниманіе на этотъ капитальный вопросъ.

IV.

Принявъ теорію существованія основного процесса, направляющаго всѣ остальные, мы не должны забывать, что и въ этомъ процессѣ совершаются перемѣны, что онъ проходитъ разныя стадіи развитія, мѣняется. На этомъ основывается дѣленіе исторіи всякаго народа на періоды. Такое дѣленіе имѣетъ только относительное значеніе: въ сущности вѣдь не бываетъ рѣзкихъ переломовъ и внезапныхъ скачковъ, каждый новый періодъ является непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго, и, съ другой стороны, ни одно общественное явленіе не находится въ покоѣ, въ неподвижномъ состояніи въ теченіе какого-либо отдѣльнаго промежутка времени: оно мѣняется, находится въ постоянномъ движеніи. Несмотря, однако, на все это, дѣленіе на періоды—единственное средство ясно и отчетливо представить себѣ процессы развитія общественныхъ явленій, потому что человѣческій умъ нуждается въ схематизаціи матеріала, стремится различить болѣе или менѣе точно отдѣльные моменты или стадіи общественнаго развитія. Въ основу дѣленія на періоды должны быть, очевидно, положены главные моменты въ развитіи того процесса общежитія, который задаетъ тонъ цѣлому.

Послѣдующее изложеніе дастъ намъ основанія для дѣленія русской исторіи на періоды. Но изъ чисто практическихъ соображеній необходимо теперь же перечислить эти періоды. Ихъ пять: 1) кіевскій—до конца XII-го вѣка, 2) удѣльный—съ XIII-го до половины XVI-го столѣтія, 3) московскій—съ половины XVI-го до конца XVII-го вѣка, 4) но-

вый крѣпостной періодъ, охватывающій XVIII-е столѣтіе и первую половину XIX-го, и 5) новый пореформенный, начинающійся второю половиной истекшаго столѣтія и продолжающійся до сихъ поръ. Мотивы этого дѣленія и основанія указанныхъ хронологическихъ граней выяснятся въ свое время.

V.

Въ результатѣ изученія историческихъ судебъ русскаго народа въ связи съ общей соціологической теоріей должно получиться знаніе прошлаго и настоящаго нашего отечества и пониманіе основныхъ законовъ его развитія. Если это знаніе—не фантазія, а дѣйствительность, не плодъ воображенія и не результатъ ошибки, а истина, то оно должно привести къ предвидѣнію будущаго, хотя бы частичному и мало опредѣленному. Въ правѣ ли мы уклоняться отъ попытокъ подобнаго предвидѣнія? Я думаю, что нѣтъ, и не только по этой причинѣ, что такія попытки необходимы, какъ руководства въ общественной дѣятельности человѣка, какъ указатели его гражданскаго долга, но и потому, что бо́льшая или меньшая вѣрность предсказаній—вопросъ объ этой вѣрности рѣшитъ, разумѣется, будущее,—должна послужить надежнымъ средствомъ провѣрки правильности пріемовъ, методовъ и теорій, примѣненіе которыхъ дало матеріалъ для извѣстнаго пониманія прошлаго и настоящаго и для предвидѣнія будущаго. Итакъ въ заключеніе нашего труда мы попытаемся хотя бы отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ таинственное будущее. Если даже въ результатѣ этой попытки получится неудача, то она во всякомъ случаѣ принесетъ свою долю пользы: легче будетъ понять причину неудачи, открыть ошибки въ методахъ или взглядахъ, своевременно и хорошо ихъ исправить. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, но зато онъ и ничего не достигаетъ. Вѣдь давно извѣстно, что человѣчество учится ошибками.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа и населеніе восточно-европейской равнины въ VI—XII вв.

Если мы очертимъ приблизительныя границы восточно-европейской равнины съ запада Балтійскимъ моремъ, Вислой и Карпатами, съ юга Чернымъ моремъ, предгорьями Кавказа и Каспійскимъ моремъ, съ востока Ураломъ и съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ, то получимъ въ результатѣ громадное *пространство* не менѣе, чѣмъ въ 90 тысячъ квадратныхъ миль. Чрезвычайная обширность этой естественной области есть первая отличительная черта территоріи, послужившей главною ареной исторической жизни русскаго народа.

Вторая отличительная черта этой территоріи—необыкновенное однообразіе ея *рельефа или устройства поверхности*. Не вдаваясь въ излишнія подробности, можно сказать, что вся страна представляетъ собою равнину, по которой тянутся лишь двѣ гряды значительныхъ возвышенностей, сохраняющія, вообще говоря, направленіе отъ сѣвера на югъ. Первая изъ нихъ—среднерусская—идетъ отъ Валдайскихъ горъ, составляющихъ ея сѣверную оконечность, до Донецкаго кряжа, по водораздѣлу между системами Днѣпра, съ одной стороны, и Волги и Дона, съ другой. Вторая гряда состоитъ изъ приволжскихъ возвышенностей, которыя направляются по правому берегу Волги отъ Нижняго Новгорода до Царицына, съ поворотомъ къ западу до Тамбова. Съ запада на востокъ идетъ только одна возвышенность и то незначительная: она составляетъ водораздѣлъ между Волгой и рѣками Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря и называется сѣверными увалами.

Однообразіе рельефа и направленіе горныхъ цѣпей съ сѣвера на югъ оказываютъ сильное вліяніе на *климатъ* страны: именно эти обстоятельства смягчаютъ въ значительной степени рѣзкія климатическія различія, неизбѣжныя при громадномъ протяженіи равнины съ сѣвера на югъ. Климатъ страны вообще континентальный, съ рѣзкими переходами отъ холодной зимы къ жаркому лѣту, такъ что различіе между средними температурами самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяцевъ доходитъ до 23°. Средняя годовая температура колеблется въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 2° холода до 10° тепла. При преобладаніи лѣтнихъ осадковъ надъ зимними, вездѣ въ теченіе зимы земля все-таки находится подъ снѣговымъ покровомъ. Наилучшимъ климатомъ отличается югъ, сѣверъ—наиболѣе суровый край въ климатическомъ отношеніи, а центральная полоса представляетъ собою середину между этими двумя крайностями.

Вся равнина, за исключеніемъ отчасти юго-востока, отличается чрезвычайнымъ обиліемъ озеръ, болотъ, рѣкъ и рѣчекъ. Особеннымъ изобиліемъ воды, богатствомъ *орошенія* отличается почти весь западъ страны. Не надо при этомъ забывать, что въ изучаемый нами періодъ рѣки были гораздо многоводнѣе, чѣмъ теперь. Укажу лишь на два примѣра: въ числѣ притоковъ Днѣпра и сейчасъ существуютъ двѣ небольшихъ, совершенно несудоходныхъ рѣки, Почайна и Супой; между тѣмъ, на первой при Ольгѣ (въ X в.) была пристань, а со дна Супоя теперь иногда выкапываютъ настоящія большія рѣчныя суда.

Въ *почвенномъ* отношеніи сѣверъ страны отличается наиболѣе дурными свойствами. За исключеніемъ нѣкоторыхъ береговъ рѣкъ (напр., Сѣверной Двины), гдѣ почва довольно плодородна, благодаря наносимому рѣками илу, на сѣверѣ преобладаютъ почвы среднія—глинистыя и песчаныя, и даже худыя—каменистыя и болотистыя, или такъ называемый подзолъ. Среднія почвы—суглинокъ и супесокъ составляютъ отличительную черту центра равнины, хотя почвъ хорошаго достоин-

ства здѣсь уже больше, а худыхъ меньше, чѣмъ на сѣверѣ. На югѣ начинается сплошная полоса плодороднаго чернозема, которая, вообще говоря, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ болѣе выдвигается на сѣверъ, доходя до устьевъ Оки и простираясь затѣмъ почти безъ перерывовъ на значительное разстояніе по лѣвому берегу Камы и южнѣе. Такимъ образомъ и въ почвенномъ, какъ и въ климатическомъ, отношеніи югъ отличается наиболѣе благопріятными условіями.

При изученіи перваго періода нѣтъ нужды обращать вниманіе на *минералогическія богатства* страны, потому что въ ту эпоху они еще не эксплуатировались, но необходимо сказать нѣсколько словъ о *богатствахъ ботаническихъ и зоологическихъ*. Подъ первыми я разумѣю, главнымъ образомъ, лѣса. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что по крайней мѣрѣ бóльшая часть южной полосы равнины, прилегавшая къ Черному и Каспійскому морямъ, никогда не отличалась обиліемъ лѣсовъ, была степью. Но даже въ нынѣшнихъ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской губерніяхъ лѣсовъ было тогда, несомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ теперь, не говоря уже о болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ. Это отразилось, напр., въ занесенномъ въ «Начальную лѣтопись» преданіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Вообще въ изучаемый періодъ почти вся восточно-европейская равнина представляла собою настоящую лѣсную страну. Въ связи съ этимъ находятся и зоологическія богатства: лѣса кишѣли множествомъ всякаго рода звѣрей; не говоря уже о такихъ звѣряхъ, какъ зайцы, лисицы, волки, медвѣди, бѣлки, въ то время водились въ изобиліи туры, олени, лоси, куницы, бобры и т. д. Множество дикихъ пчелъ гнѣздились въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, а рѣки и озера изобиловали рыбою.

Чтобы закончить очеркъ естественныхъ условій страны въ первый періодъ русской исторіи, остается разсмотрѣть вопросъ о *населеніи*. Само собою разумѣется, что невозможно даже приблизительно опредѣлить его количество въ періодъ времени между VI и XII вѣками, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что населеніе было тогда чрезвычайно малочисленно сравнительно съ громаднымъ пространствомъ страны. Но не менѣе важенъ другой вопросъ,—о племенномъ составѣ населенія и о распредѣленіи отдѣльныхъ племенъ по равнинѣ. При этомъ нѣтъ никакой необходимости говорить о скиѳахъ, сарматахъ и готахъ, равно какъ и о гуннахъ, аварахъ, венграхъ и т. д., потому что эти народы не имѣли ничего общаго со славянами и бóльшая часть изъ нихъ лишь прошли по равнинѣ, не осѣвъ на ней прочно. Правда, существуютъ попытки сблизить скиѳовъ, готовъ и гунновъ со славянами, но онѣ должны быть признаны совершенно неудачными, потому что опираются или на темныя и недоступныя надлежащей критической провѣркѣ свидѣтельства древнихъ писателей, греческихъ и римскихъ, или на лингвистическія толкованія весьма сомнительнаго свойства, недалеко ушедшія по своему достоинству отъ измышленій

знаменитаго Тредьяковскаго. Поэтому, говоря о славянскомъ населеніи, мы будемъ исходить изъ того несомнѣннаго, прочно установленнаго въ наукѣ факта, что въ VI вѣкѣ славяне жили въ прикарпатскомъ краѣ, и въ это и слѣдующія затѣмъ столѣтія началось заселеніе ими изучаемой нами территоріи. Незачѣмъ останавливаться на спорномъ и въ сущности второстепенномъ вопросѣ о порядкѣ и времени поселенія каждаго отдѣльнаго славянскаго племени. Постараемся только указать предѣлы славянской колонизаціи восточной равнины въ первый періодъ русской исторіи. При этомъ надо различать разные хронологическіе моменты; чтобы не слишкомъ усложнять изложеніе, мы будемъ различать только два такихъ момента: во-первыхъ, время до IX вѣка включительно и, во-вторыхъ, съ X до конца XII вѣка.

Если взять за основу обзора территоріи, занятой племенами восточныхъ славянъ съ VI вѣка до IX, великій водный путь «изъ варягъ въ греки», т.-е. изъ Балтійскаго моря въ Черное, — именно по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати, мелкимъ рѣчкамъ и волокамъ до Днѣпра и наконецъ, по Днѣпру, то можно сказать, что обѣ стороны этого великаго пути были уже въ то время заняты нашими предками. Но степень широты захвата не была одинакова на всемъ протяженіи пути «изъ варягъ въ греки». Въ сѣверной его части, тамъ, гдѣ въ бассейнѣ Ильменя, Волхова и Чудского осера поселились славяне ильменскіе, предѣлы славянскихъ владѣній распространялись не на широкое пространство, охватывая лишь южную часть нынѣшней Петербургской губерніи, западную часть Новгородской и сѣверную— Псковской. Поселенія славянъ ильменскихъ являлись, такимъ образомъ, самымъ крайнимъ сѣвернымъ славянскимъ аванпостомъ, узкою лентой проходившимъ среди финскихъ племенъ. Отдѣльныя славянскія колоніи выдвигались, впрочемъ, далеко на востокъ: таковы были Бѣлоозеро и Ростовъ. Южнѣе славянскія поселенія очень сильно расширялись: прежде всего, непосредственно къ славянамъ ильменскимъ примыкали съ юга кривичи, жившіе по верхнему Днѣпру и верховьямъ Западной Двины и Волги, въ нынѣшнихъ Смоленской и Витебской губерніяхъ и сѣверо-восточной половинѣ губерніи Могилевской; затѣмъ, къ западу и юго-западу отъ кривичей жили дреговичи — между Припятью, Западною Двиной, Западнымъ Бугомъ и верховьями лѣвыхъ притоковъ верхняго Днѣпра, т.-е. въ губерніяхъ Минской, Гродненской и отчасти въ Виленской и Витебской; съ юго-востока къ кривичамъ примыкали радимичи, занимавшіе бассейнъ рѣки Сожа, т.-е. юго-восточную часть Могилевской губерніи и сѣверо-западную—Черниговской; далѣе на сѣверо-востокъ находились, наконецъ, поселенія вятичей—по Окѣ, въ нынѣшнихъ Калужской, Тульской и Орловской губерніяхъ. За этою второю, очень широкою полосой славянскихъ поселеній шла, затѣмъ, третья, еще болѣе южная, которую составляли, считая по порядку отъ запада на востокъ, волыняне (называвшіеся также дулѣбами и бужанами), древляне, поляне и сѣверяне. Волыняне жили по верховьямъ Западнаго

Буга и Припяти съ ея правыми верхними притоками, въ западной части нынѣшней Волынской губерніи и въ восточной части Люблинской, а также въ сѣверо-восточной Галиціи. Древляне занимали земли по притокамъ Припяти слѣва, въ восточной части Волынской губерніи. Поляне жили по западному берегу средняго Днѣпра, въ нынѣшней Кіевской губерніи. Наконецъ, поселенія сѣверянъ находились противъ полянскихъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, на его притокахъ Деснѣ и Сулѣ и на притокѣ Десны, Сеймѣ; сѣверянскія владѣнія охватывали почти всю Черниговскую губернію, западную часть Курской и сѣверо-западную Полтавской губерніи. Третья полоса была такимъ образомъ почти такъ же широка, какъ и вторая. На самомъ югѣ славянскія поселенія не шли уже сплошною полосой, а находились лишь на крайнемъ юго-западѣ, гдѣ по Днѣстру, въ нынѣшней Подольской губерніи и отчасти въ Бессарабіи, жили два племени—уличи или улучи и тиверцы.

Говоря вообще, можно признать такимъ образомъ, что къ концу IX вѣка славянскія племена, разселяясь по восточно-европейской равнинѣ, захватили, главнымъ образомъ въ западной половинѣ этой равнины, пространство, занятое теперь приблизительно 20-ю неполными русскими губерніями.

Но на этомъ не остановилась славянская колонизація того періода, изученіемъ котораго мы занимаемся. Мы должны теперь прослѣдить перемѣны въ распредѣленіи славянскихъ поселеній, совершившіяся въ X, XI и XII вѣкахъ. Въ эти вѣка восточные славяне, усвоившіе общее названіе Руси, стали все болѣе и болѣе проникать во владѣнія своихъ сосѣдей и, кромѣ того, совершились существенныя измѣненія въ степени населенности отдѣльныхъ русскихъ областей.

Съ сѣверо-запада русская земля граничила съ территоріей, занятой литовскими племенами, изъ которыхъ одно—именно ятвяги—врѣзывалось клиномъ между владѣніямъ волынянъ и дреговичей: ятвяги занимали западную часть нынѣшней Гродненской губерніи, а также губернію Ломжинскую. Въ теченіе X, XI и XII вѣковъ совершился процессъ заселенія области ятвяговъ волынянами и дреговичами и этнографическаго сліянія всѣхъ этихъ племенъ. На этотъ процессъ указываютъ прежде всего, извѣстія лѣтописей о походахъ русскихъ князей на ятвяговъ (напр., въ 983, 1038 и 1112 годахъ), а затѣмъ славянскія названія основывавшихся здѣсь вновь городовъ (напр., Васильковъ, Бѣльскъ, Заславъ) при сохраненіи литовскихъ названій за рѣками (Котва, Жижва, Зельва и т. д.): очевидно, рѣкамъ дали наименованіе первоначальные поселенцы, а названія городовъ принесены новыми колонистами. Но этимъ расширеніемъ русской территоріи не ограничились перемѣны въ распредѣленіи населенія на западѣ страны. Кромѣ этого, замѣтны еще два явленія: во-первыхъ, приливъ населенія въ страну древнихъ волынянъ, въ галицко-волынское княжество въ XII вѣкѣ; во-вторыхъ, полное исчезновеніе двухъ нѣкогда многочисленныхъ славянскихъ племенъ, уличей и тиверцевъ. Населеніе въ Волынь и Галицію, гдѣ съ

XII в. появляется рядъ новыхъ городовъ, приливало изъ земли полянъ и древлянъ, съ одной стороны, а съ другой сюда же перешла, вѣроятно, и значительная часть уличей и тиверцевъ, вытѣсненная съ юга передвиженіемъ чуждыхъ народностей. Дѣло въ томъ, что въ IX вѣкѣ южныя черноморскія степи были еще чисты отъ кочевниковъ: только между Волгой и Дономъ кочевали угры или венгры, между Волгой и Яикомъ (Ураломъ) жили хозары, а сѣвернѣе ихъ печенѣги, граничившіе на востокѣ съ узами или торками. Но во второй половинѣ IX вѣка хозары, вступивъ въ союзъ съ торками, оттѣснили печенѣговъ на западный берегъ Волги; подъ вліяніемъ этого, венгры перешли въ Паннонію, увлекая за собою часть уличей и тиверцевъ, а затѣмъ, въ X вѣкѣ, печенѣги заняли степи въ нижнемъ теченіи Дона, Днѣпра и Днѣстра. Остатки уличей и тиверцевъ ассимилировались съ печенѣгами въ XI вѣкѣ.

Движеніе печенѣговъ и послѣдующія этнографическія перемѣны въ южныхъ степяхъ отразились также на распредѣленіи славянскихъ поселеній въ земляхъ полянъ и сѣверянъ. Сѣверяне въ X вѣкѣ, можетъ быть, даже и ранѣе, развивали усиленную и энергичную колонизаціонную дѣятельность по направленію на востокъ и юго-востокъ: это доказывается, во-первыхъ, славянскими названіями рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, Донецъ и въ Азовское море; во-вторыхъ, прямымъ свидѣтельствомъ арабскаго писателя Масуди во 2-й половинѣ X вѣка, что по Дону было много славянскихъ поселеній; въ-третьихъ, остатками славянскаго населенія въ бассейнѣ Дона и Донца еще въ XII вѣкѣ: такъ, на р. Ворсклѣ существовалъ тогда сѣверянскій городъ Лтава (нынѣ Полтава), на Донцѣ находился городъ Донецъ, куда прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ послѣ своего несчастнаго похода, воспѣтаго въ «Словѣ о полку Игоревѣ»; остатки славянскаго населенія въ донецкомъ бассейнѣ XII в. извѣстны были также въ видѣ небольшихъ бродячихъ бандъ, называвшихся бродниками или берладниками; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ движенія сѣверянъ на востокъ и юго-востокъ служитъ основаніе въ X вѣкѣ на Таманскомъ полуостровѣ при Босфорѣ Киммерійскомъ (Керченскомъ проливѣ) на мѣстѣ старой византійской колоніи Таматархи города Тмуторокани, который, по археологическимъ признакамъ и по связи своей съ сѣверскимъ княжествомъ, является несомнѣнною колоніей сѣверянъ. Этотъ колонизаціонный потокъ былъ сильно задержанъ въ X в. передвиженіемъ печенѣговъ, которые во второй половинѣ этого столѣтія заняли нижнее теченіе Днѣпра и отобрали также у полянъ бассейнъ рѣки Роси, впадавшей справа въ Днѣпръ. Наступательное движеніе печенѣговъ на другое южное славянское племя—полянъ и уменьшеніе территоріи послѣднихъ съ юга доказываются нашею «Начальною лѣтописью», по извѣстіямъ которой Владиміръ Святой вынужденъ былъ строить для защиты отъ печенѣговъ города сѣвернѣе Роси,—по рѣкамъ Стугнѣ и Сулѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно,

проѣзжавшій въ началѣ XI-го вѣка черезъ Кіевъ въ печенѣгамъ. Нѣсколько позднѣе, въ 30-хъ годахъ XI вѣка, Ярославу удалось возвратить берега Роси, которые онъ и заселилъ, и нанести рѣшительное пораженіе печенѣгамъ, но на смѣну послѣднимъ во второй половинѣ XI вѣка пришли половцы, которые покорили родственныхъ имъ торковъ, уничтожили хозарское царство, подчинили себѣ Тмуторокань, отодвинули сѣверянъ съ востока и, наконецъ, подвергли новому разоренію полянское Поросье.

И на этомъ, однако, не остановились перемѣны въ населеніи южной Руси: въ XII-мъ вѣкѣ мы можемъ наблюдать усиленный отливъ населенія отсюда въ двухъ направленіяхъ: одно изъ нихъ намъ извѣстно— въ галицко-волыское княжество, другое шло на сѣверо-востокъ, въ область Оки и верхней Волги. Два признака указываютъ на этотъ отливъ населенія въ XII-мъ вѣкѣ изъ земель полянъ и сѣверянъ на Волгу и Оку: во-первыхъ, къ концу этого вѣка образуется прямое и безпрепятственное сообщеніе между югомъ и сѣверо-востокомъ, ранѣе очень трудное: тогда какъ въ XI-мъ вѣкѣ Глѣбъ Муромскій для того, чтобы изъ Мурома проѣхать въ Кіевъ, вынужденъ былъ сначала отправиться на сѣверо-западъ къ нынѣшней Твери и затѣмъ уже спуститься внизъ, а Владиміръ Мономахъ еще въ началѣ XII-го вѣка вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что онъ прошелъ съ юга на сѣверо-востокъ прямой дорогой «сквозѣ вятичей», Юрій Долгорукій въ концѣ XII-го столѣтія свободно совершалъ свои походы этою же прямою дорогой; во-вторыхъ, названія многихъ городовъ и рѣкъ на сѣверо-востокѣ оказываются занесенными съ юга: таковы названія городовъ Переяславля, Звенигорода, Стародуба, Вышгорода, Галича, рѣкъ Почайны, Лыбеди, Трубежа.

Эти наблюденія приводятъ насъ къ изученію исторіи колонизаціи русскаго сѣверо-востока въ X, XI и XII вѣкахъ. Два народа стояли здѣсь на пути русской колонизаціи: финны на сѣверѣ и въ центрѣ равнины и болгары, жившіе при впаденіи Камы въ Волгу. Русская колонизація, встрѣчавшаяся въ своемъ движеніи съ поселеніями этихъ народовъ, производилась тремя способами: во-первыхъ, посредствомъ мирныхъ поселеній отдѣльныхъ лицъ, во-вторыхъ, путемъ княжескаго завоеванія и постройки укрѣпленій, въ третьихъ, посредствомъ основанія монастырей въ незаселенныхъ еще мѣстахъ. Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ былъ первый способъ. Мы видѣли, что еще въ IX вѣкѣ среди финскихъ племенъ появились славянскія поселенія: Бѣлоозеро въ области Веси и Ростовъ въ землѣ Мери. Очень можетъ быть, что тогда же существовалъ и Муромъ въ землѣ Муромы. Онъ во всякомъ случаѣ существовалъ уже въ X вѣкѣ, когда появился и Суздаль, и когда Владиміръ Святой походами на камскихъ болгаръ расчистилъ шире и сдѣлалъ безопаснѣе путь для славянской колонизаціи бассейна Оки и верхней Волги. Предѣлы нынѣшнихъ Тверской, Ярославской, Московской губерніи въ X и XI вѣкахъ заселялись по преимуществу

выходцами изъ Новгорода и его области, и только въ XII вѣкѣ теченіе съ юга Россіи стало преобладать и захватило также нынѣшнія Рязанскую и Тульскую губерніи. Въ XI вѣкѣ появились Рязань и Пронскъ, основанъ былъ Ярославль, и стали насаждаться монастыри благодаря дѣятельности св. Авраамія Ростовскаго. Въ XII вѣкѣ Владиміръ Мономахъ построилъ Владиміръ на Клязьмѣ, Юрій Долгорукій основалъ Кснятинъ (въ 1134 г.), Юрьевъ Польскій (1152 г.), Дмитровъ (1154 г.); въ 1147 г. впервые упоминается Москва; въ то же столѣтіе появляются Тверь, Кострома, Галичъ, Звенигородъ, Колязинъ и южнѣе, въ землѣ вятичей, Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тула, Елецъ, Воротынскъ, Мосальскъ, Новосиль. Наконецъ, къ этому же времени относится основаніе такихъ монастырей, какъ Никитскій недалеко отъ Переяславля-Залѣсскаго (нын. Владимирс. губ.) и Покровскій при впаденіи р. Нерли въ Клязьму.

Чтобы закончить рѣчь о населеніи Руси въ первый періодъ исторической жизни нашего отечества, намъ остается сказать о колонизаціи сѣвера, т.-е. области лежащей за сѣверными увалами. Эта колонизація въ изучаемое время шла исключительно изъ Новгорода и его области, исходила отъ славянъ ильменскихъ и направлялась въ двѣ мѣстности, — въ Обонежье, т.-е. область между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, и въ Заволочье, т.-е. въ бассейнъ Сѣверной Двины. Еще въ XI вѣкѣ на островѣ у сѣверо-западнаго берега Ладожскаго озера былъ основанъ Валаамскій монастырь; въ XII столѣтіи въ такъ называемомъ Обонежскомъ ряду существуетъ уже рядъ новгородскихъ областей, такъ называемыхъ погостовъ. Тоже самое можно наблюдать тогда и по Двинѣ, причемъ эти поселенія быми результатомъ дѣятельности главнымъ образомъ отдѣльныхъ мелкихъ колонистовъ. Но наряду съ этимъ происходила и монастырская колонизація сѣвера, особенно Обонежья: на Онежскомъ озерѣ, на островѣ Пальѣ, появляется въ XII в. Палеостровскій монастырь, а затѣмъ упоминаются монастыри Шунгскій и Муромскій въ томъ же Обонежскомъ ряду.

Мы кончили изученіе природы и населенія восточно-европейской равнины въ VI—XII вѣкахъ. Остается сдѣлать общіе выводы. Было бы преждевременно теперь, при наличности тѣхъ данныхъ, которыя нами пока добыты, пытаться разрѣшить вопросъ о вліяніи природы на историческую жизнь во всемъ его объемѣ: отвѣтъ на этотъ вопросъ можно будетъ формулировать лишь тогда, когда мы познакомимся съ процессами развитія хозяйства, общества, государства и духовной жизни общества. Но уже теперь мы можемъ опредѣлить, опираясь на предшествующее изложеніе, какова степень вліянія природы страны на распредѣленіе ея населенія въ первоначальный періодъ исторической жизни народа? Мы видѣли, что отличительными чертами исторіи русскаго населенія въ XII-мъ вѣкѣ были, во-первыхъ, разселеніе восточныхъ славянъ по равнинѣ, во-вторыхъ, переселеніе отдѣльныхъ группъ народа изъ одной части страны въ другую, напр., переселеніе полянъ и сѣве-

рянъ въ главной ихъ массѣ въ XII вѣкѣ въ Галицію и на Волынь, съ одной стороны, и въ бассейнъ Оки и верхней Волги, съ другой. Если мы попытаемся поставить эти явленія въ связь съ изученными нами особенностями внѣшней природы, то мы замѣтимъ, что бо́льшая часть этихъ особенностей содѣйствовала разселенію и переселенію: прежде всего рельефъ страны, равнинность ея поверхности былъ условіемъ, въ высокой степени благопріятствовавшимъ колонизаціи, потому что не встрѣчалось никакихъ естественныхъ препятствій къ переселенію; затѣмъ равномѣрность климата также давала возможность новымъ поселенцамъ довольно легко и быстро приспособляться къ климатическимъ условіямъ мѣстности, въ которую они переходили изъ своей родины; далѣе, обильное орошеніе доставляло возможность пользоваться множествомъ пересѣкавшихъ равнину рѣкъ и рѣчекъ въ качествѣ колонизаціонныхъ путей; наконецъ, обиліе ботаническихъ и зоологическихъ богатствъ обезпечивало всюду поселенцамъ легкость добыванія средствъ къ существованію. Но, отмѣчая всѣ эти благопріятныя для колонизаціи естественныя условія, легко замѣтить, что они были именно только *содѣйствующими* условіями колонизаціоннаго процесса, создавали *возможность* разселенія и переселенія, дѣлали ихъ болѣе легкими, но не являлись *необходимыми причинами* перемѣнъ въ распредѣленіи населенія по равнинѣ. Другими словами, естественныя условія оказывали лишь *пассивное* вліяніе на процессъ колонизаціи, активной же силы, его двигавшей, надо искать гдѣ-то въ другой сферѣ. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что нѣкоторыя естественныя условія стояли даже въ прямомъ противорѣчіи съ направленіемъ разселенія и переселенія; это прежде всего слѣдуетъ сказать о почвѣ, потому что, напр., почвенныя условія Поднѣпровья были несравненно лучше почвенныхъ условій области Оки и верхней Волги, а между тѣмъ населеніе передвигалось въ XII-мъ вѣкѣ изъ первой облксти во вторую; но кромѣ того и климатъ тѣхъ областей, которыя привлекали колонистовъ, нерѣдко былъ гораздо суровѣе, чѣмъ климатъ старой родины послѣднихъ; это нужно сказать опять-таки о климатѣ верхняго Поволжья сравнительно съ Поднѣпровьемъ, а также о климатическихъ условіяхъ крайняго сѣвера, несравненно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ жили ильменскіе славяне, составлявшіе главный контингентъ колонизаторовъ сѣвернаго края.

Необходимость найти активную силу, двигавшую процессъ колонизаціи, приводитъ насъ къ изученію процесса развитія хозяйственныхъ отношеній въ кіевской Руси.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОРДЪ АРЧИБАЛЬДЪ РОЗБЕРИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ.

(*Окончаніе* *).

VI.

Внѣшняя политика была всегда одною изъ сравнительно сильныхъ сторонъ дѣятельности лорда Розбери, и это обстоятельство въ глазахъ его друзей весьма выгодно оттѣняется ошибками и неудачами смѣнившаго его въ 1895 году министерства Салисбюри—Бальфура—Чэмберлена. Въ самомъ дѣлѣ, лорду Розбери посчастливилось съ честью выйти изъ дипломатическихъ затрудненій и въ 1886 году, когда въ кабинетѣ Гладстона онъ руководилъ иностранной политикой Великобританіи, и въ 1892—5 гг., когда снова, сначала въ качествѣ члена министерства Гладстона, а потомъ въ качествѣ перваго министра, онъ взялъ на себя эту же трудную и отвѣтственную роль.

Бисмаркъ какъ-то съиронизировалъ, что теперь всякій, знающій французскій языкъ, карьеристъ считаетъ себя годнымъ для дипломатической службы. «Къ сожалѣнію или къ счастью» — не знаемъ, но нужно согласиться, что на тернистомъ пути международнаго подкарауливанія и подсиживанія въ послѣдніе годы, дѣйствительно, чаще проявляются необыкновенные аппетиты, нежели необыкновенныя техническія, интеллектуальныя способности. Всякому, кто интересовался дипломатическою исторіею, хотя бы начиная отъ вѣнскаго конгресса, извѣстно, какъ страшно рѣдки были въ XIX столѣтіи случаи, когда дипломатическому искусству удавалось самому по себѣ, безъ достаточной военной поддержки, достигать намѣченной цѣли. Удалось это, напримѣръ, Талейрану и въ 1814 и въ 1815 гг., когда, осѣдлавъ принципъ легитимности и «легитимныхъ» (т.-е. старыхъ, дореволюціонныхъ) границъ, онъ заставилъ и Пруссію, и Австрію воздержаться отъ слишкомъ алчныхъ требованій,—и все это послѣ двукратнаго взятія Парижа, послѣ Ватерлоо, послѣ извѣстнаго всѣмъ врагамъ истощенія французскихъ военныхъ силъ, а кое въ чемъ путемъ цѣлой системы перекре

---

*) См. „Міръ Божій", № 1, январь, 1903 г.

щивающихся интригъ онъ заставилъ противниковъ признать и нѣкоторыя выгодныя для Франціи измѣненія, происшедшія уже послѣ начала революціи. Но такіе случаи крайне рѣдки. «Духъ», не поддержанный въ достаточной степени «матеріей», обыкновенно, терпитъ въ дипломатіи фіаско. Предъ лордомъ Розбери не стояли такія наиболѣе трудныя дипломатическія задачи, когда министру не на что болѣе опереться, кромѣ собственной ловкости и изворотливости; ему ни разу не приходилось быть въ положеніи, изъ котораго счастливо вышелъ князь Талейранъ въ 1814—1815 гг. на вѣнскомъ конгрессѣ и неудачно князь Горчаковъ въ 1878 году на берлинскомъ. Но изъ менѣе трудныхъ, хотя тоже не легкихъ положеній, въ которыя ставила его европейская дипломатія, Розбери выходилъ почти всегда безъ урона. Наиболѣе характерной въ этомъ смыслѣ была исторія съ Батумомъ, разыгравшаяся лѣтомъ 1886 года, какъ разъ въ теченіе шестимѣсячнаго отправленія лордомъ Розбери обязанностей министра (6 февр.—3 авг. 1886 г.), за мѣсяцъ до его отставки. По берлинскому трактату Батумъ былъ объявленъ порто-франко. Въ іюнѣ 1886 года императоръ Александръ III рѣшилъ уничтожить эту 69-ю статью трактата. Англія, подобно всѣмъ безъ исключенія другимъ державамъ, нарушала всегда и вездѣ тѣ договорные пункты, которые она признавала для себя невыгодными, и имѣла физическую возможность нарушить, такъ что принципіальный съ ея стороны протестъ долженъ былъ произвести нѣсколько комическое впечатлѣніе. Дѣло обстояло такъ, что воевать съ Россіей изъ-за батумскаго порто-франко было бы опасно и вопіющею нелѣпостью. Бисмаркъ оставался индифферентенъ ко всѣму происшествію, Австрія косвенно старалась выразить и свое неудовольствіе, но дѣлала это весьма боязливо, а другія державы и подавно молчали. Сразу же несомнѣнно стало, что торжество останется за русскимъ правительствомъ. Розбери избѣжалъ Сциллы опаснаго и Харибды смѣшного: съ одной стороны, онъ не прибѣгъ къ угрозамъ, отъ которыхъ пришлось бы потомъ отказываться или, еще хуже, которыя привели бы къ вооруженному столкновенію съ Россіей; съ другой стороны, его протестъ, кромѣ разныхъ «принципіальныхъ», завѣдомо лишенныхъ значенія, условностей заключалъ въ себѣ нѣкоторыя чрезвычайно категорическія выраженія, сильно развязывавшія Англіи руки на будущее время относительно берлинскаго трактата. Свое неудовольствіе Розбери высказалъ, главнымъ образомъ, во время свиданія съ русскимъ посломъ барономъ Стааломъ и въ особой инструкціи англійскому посланнику въ Петербургѣ. Судя по отголоскамъ въ европейской прессѣ, этотъ протестъ произвелъ нѣкоторое (хотя и очень маленькое) впечатлѣніе; замаскированную угрозу видѣли въ томъ, что поступокъ Россіи названъ былъ оффиціально «a violation of the treaty of Berlin», и говорилось, что онъ «дѣлаетъ въ будущемъ соглашенія подобнаго рода трудными, если не невозможными, и набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на тѣ конвенціи,

которыя уже заключены». Если въ данномъ случаѣ, по существу дѣла, англійскій министръ не могъ ровно ничего добиться, то въ инцидентахъ съ Франціею и Греціею онъ обнаружилъ весьма значительную дозу рѣшимости и настойчивости.

Еще въ концѣ зимы 1886 года французское правительство рѣшило овладѣть Ново-Гебридскими островами въ Тихомъ океанѣ; въ Нумеѣ за нѣсколько лѣтъ до того образовалось акціонерное «Общество Ново-Гебридскихъ острововъ», явно покровительствуемое французскимъ правительствомъ и почти не скрывавшее своихъ завоевательныхъ намѣреній. Острова считались независимыми и захватить ихъ невзначай было трудно, ибо британская и французская эскадры наблюдаютъ другъ за другомъ въ этой области Тихаго океана почти съ такимъ же вниманіемъ и участіемъ, какъ на Средиземномъ морѣ. Поэтому, французское правительство начало съ того, что предложило англійскому министерству такого рода сдѣлку: Франція захватитъ Новые Гебриды, а взамѣнъ того обяжется навсегда не высылать болѣе своихъ каторжниковъ въ какія бы то ни было тихоокеанскія свои владѣнія и уладитъ нѣкоторые спорные пункты съ британскимъ правительствомъ, которые касались другихъ острововъ Тихаго океана и годами оставались нерѣшенными. Розбери проявилъ въ данномъ случаѣ большой тактъ.

Строго говоря сдѣлка, предложенная Франціей, не представляла для Англіи ничего невыгоднаго, но въ Австраліи началась по этому поводу цѣлая буря: колонія оказывалась менѣе уступчивою, нежели метрополія, и слышать не хотѣла, чтобы въ руки французовъ попали тѣ земли на Тихомъ океанѣ, которыя есть хоть какая-нибудь возможность имъ не давать. Розбери могъ бы въ этомъ случаѣ поступить такъ, какъ до него весьма часто поступали и торіи, и либералы, находившіеся у власти: не обратить никакого вниманія на настроеніе колоніи и сдѣлать по своему. Но онъ оказался уже человѣкомъ новыхъ, тогда еще только опредѣлявшихся теченій; въ противоположность обычаю прежнихъ администраторовъ, которыхъ въ томъ же 1886 году такъ язвительно вспомнилъ авторъ «Океаны», Розбери въ этомъ довольно неважномъ вопросѣ умышленно, аффектированно подчеркнулъ свое внимательное отношеніе къ голосу колонистовъ: онъ отвѣтилъ французскому правительству, что на извѣстныхъ условіяхъ готовъ согласиться относительно уступки Ново-Гебридскихъ острововъ, но только если австралійскія колоніи ничего противъ этого не будутъ имѣть. Вскорѣ послѣдовалъ (въ вполнѣ логическомъ порядкѣ) и отказъ какъ бы то ни было измѣнять положеніе этихъ острововъ, въ виду интересовъ колоній. Тѣмъ дѣло вовсе не кончилось. Французы на военныхъ судахъ явились у береговъ Новыхъ Гебридовъ, высадили отрядъ пѣхоты, отрядъ артиллеріи и водрузили свой флагъ. Началась тревога и, конечно, тотчасъ же дали знать въ Лондонъ. Лордъ Розбери обра-

тился въ Парижъ съ просьбою изъяснить ему это неожиданное происшествіе послѣ столь корректныхъ переговоровъ. Французское правительство сообщило, что на это не стоитъ обращать вниманія, ибо дѣло идетъ только о защитѣ французскихъ гражданъ, живущихъ на островахъ и подвергающихся въ послѣднее время опасности со стороны туземцевъ. Тутъ обнаружилось, что довѣрчивость не входитъ въ число добродѣтелей англійскаго министра, ибо онъ обратилъ полное вниманіе на слѣдующій фактъ: кромѣ орудій и военныхъ запасовъ, французскій десантъ имѣлъ при себѣ строительные матеріалы, т. е. предметы, казалось бы, ненужные для кратковременной и случайной экспедиціи. Какъ они здѣсь очутились? Тогда французское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что, вообще, все это событіе съ дессантомъ до него не касается, ибо предпринято вовсе безъ его вѣдома: просто, губернаторъ Новой Каледоніи устроилъ экспедицію по своей личной охотѣ. Лордъ Розбери на этотъ аргументъ уже не возражалъ. Онъ удовольствовался,— говоритъ авторъ книги «The foreign policy of lord Rosebery», размышленіемъ, что, повидимому, губернаторъ Новой Каледоніи имѣетъ странное понятіе о своихъ обязанностяхъ, если отправляетъ военную экспедицію, снабженную строительными матеріалами, въ чужую страну, — и все это безъ всякихъ полномочій отъ своего правительства! Разъ французское правительство было невинно, а все зло проистекло отъ слишкомъ развязнаго губернатора, Розбери рѣшилъ бороться съ нимъ и послалъ два военныхъ судна къ Новымъ Гебридамъ. Французская экспедиція, получившая новыя инструкціи, перемѣнила тактику, — и все осталось въ прежнемъ положеніи: французамъ острова не достались. Съ обыкновенной точки зрѣнія, отвѣтъ французскаго правительства можетъ показаться полною несообразностью, и можетъ возникнуть вопросъ: кого же думали обмануть такимъ неправдоподобнымъ разъясненіемъ и сваливаніемъ дѣла на губернатора (къ тому же рѣшительно никакой карѣ не подвергшагося)? Но для дипломатовъ, которые все равно ни въ чемъ и никогда другъ другу не вѣрятъ (и не могутъ вѣрить) канцелярская переписка, даже лишенная всякаго смысла, такъ же не важна, какъ и самая тонкая нота, разъ все равно дѣло уже рѣшено: воевать изъ-за Новыхъ Гебридовъ Франція не была намѣрена, и какъ только Розбери забилъ тревогу и обнаружилъ рѣшительное сопротивленіе, стало ясно, что французамъ этихъ острововъ уже не захватить и дальнѣйшая переписка съ англійскимъ министромъ по этому поводу обратилась для французскаго правительства въ пустую канцелярскую формальность, никому не нужную. Дѣло съ Новыми Гебридами—одинъ изъ трофеевъ всей карьеры Розбери: оно сильно содѣйствовало его популярности въ Австраліи.

Такую же скорость и рѣшительность въ дѣйствіяхъ за это полугодовое свое министерство Розбери проявилъ и въ греко-турецкомъ конфликтѣ, о которомъ упомянемъ въ двухъ словахъ, потому что онъ

*

не имѣетъ никакого отношенія къ имперіализму этого дѣятеля (въ противоположность вопросу о Новыхъ Гебридахъ). Министерство Деліаниса совершенно явственно готовилось объявить войну Турціи, несмотря на всѣ убѣжденія, увѣщанія и угрозы великихъ державъ, боявшихся—какъ всегда въ восточныхъ дѣлахъ,—какъ бы не возгорѣлась общеевропейская борьба за турецкое наслѣдство. Греція во что бы то ни стало желала «компенсанціи» по тому поводу, что за нѣсколько мѣсяцевъ, осенью 1885 года Болгарія захватила Восточную Румелію. Когда Деліанисъ категорически отказался повиноваться державамъ, въ греческія воды былъ отправленъ флотъ. Все это произошло еще до вступленія кабинета Гладстона во власть. Нота за нотою посылались греческому правительству, которое, не обращая на это никакого вниманія, поспѣшно оканчивало свои военныя приготовленія. Тогда Розбери предложилъ державамъ устроить блокаду греческихъ портовъ: чѣмъ больше сдержанности видѣлъ онъ въ данномъ дѣлѣ со стороны Россіи (особенно Франціи), тѣмъ энергичнѣе становились его собственныя дѣйствія. Блокада была объявлена, и Деліанисъ тотчасъ же вышелъ въ отставку; послѣдовало разоруженіе, призракъ войны разсѣялся и (7-го іюня 1886 г.) блокада была снята.

О болѣе мелкихъ эпизодахъ этого перваго, кратковременнаго министерскаго періода въ жизни Розбери говорить не будемъ; ни съ которой стороны они не представляютъ важности или интереса. Анонимный авторъ уже упоминавшейся нами книги *), написанной въ прошломъ (1901) году съ совершенно ясною цѣлью возвеличить Розбери въ укоръ и въ примѣръ маркизу Салисбюри, говоритъ, что главное моральное значеніе дѣятельности Розбери въ 1886 году заключалось въ реабилитаціи либеральнаго правительства отъ обвиненія въ «параличѣ» и бездѣйствіи касательно внѣшней политики. Не квалифицируя дѣйствій Розбери и другихъ либеральныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, его предшественниковъ, мы замѣтимъ, что въ смыслѣ готовности къ рѣшительнымъ поступкамъ, обостреннаго вниманія ко всему, что онъ считалъ связаннымъ съ англійскимъ «престижемъ», онъ скорѣе приближается къ Пальмерстону, нежели къ Гладстону. Въ 1886 году Гладстонъ и не мѣшался во внѣшнюю политику нисколько, все предоставивъ своему молодому товарищу; самъ онъ слишкомъ былъ поглощенъ ирландскимъ вопросомъ: сближеніе съ ирландскою партіею, чтенія проекта гомруля, распущеніе парламента, выборы—все это совершенно заслоняло интересы внѣшней политики. Вспомнимъ только, что это былъ за годъ; за все свое историческое существованіе либеральная партія немного такихъ моментовъ переживала.

*) "The foreigen policy of lord Rosebery".

VII.

Какъ же лордъ Розбери отнесся къ пожару, охватившему его партію? Онъ былъ чрезвычайно корректенъ по отношенію къ Гладстону, весьма воздержанъ въ своихъ заявленіяхъ и успѣлъ больше всѣхъ своихъ товарищей по кабинету избавить свое имя отъ ассоціаціи съ проектомъ гомруля. Конечно, онъ тогда былъ еще вполнѣ либераломъ-гладстоновцемъ, да и вышелъ бы онъ изъ кабинета, если бы перемѣнилъ убѣжденія или хотѣлъ показать, что перемѣнилъ ихъ. Есть страны, въ которыхъ чуть не за всю ихъ исторію еще ни одинъ человѣкъ власти не ушелъ со своего поста вполнѣ добровольно, безъ предложеній или намековъ сверху; Англія къ числу такихъ странъ не принадлежитъ. Съ эпохи послѣднихъ Стюартовъ министерскій постъ пересталъ считаться преимущественно вѣнцомъ чиновничьей карьеры, съ революціи 1688 онъ пріобрѣлъ значеніе орудія планомѣрной политической дѣятельности, проведенія въ жизнь цѣлаго комплекса опредѣленныхъ принциповъ, одобряемыхъ большинствомъ даннаго парламентскаго состава. Вслѣдствіе ли общихъ условій свободы и законности царящихъ въ Англіи, вслѣдствіе ли, говоря частнѣе, постояннаго контроля гласности и парламента, люди власти пользуются тамъ теперь такимъ почтеніемъ и авторитетомъ, какими никогда не пользовались какой-нибудь палачъ-правитель Страффордъ, палачъ-архіепископъ Лоудъ или палачъ-судья Джеффризъ, хотя долго никто не смѣлъ противъ этихъ людей пикнуть и по ихъ адресу были дозволены лишь самыя лакейскія славословія. Но, ставъ болѣе почетною, власть стала требовать большаго труда, большей оглядки въ дѣйствіяхъ, стала источникомъ не розъ только, а и шиповъ. Для милліонера-аристократа Розбери министерскій постъ былъ въ смыслѣ личной жизни сопряженъ съ большими лишеніями. Онъ самъ сказалъ разъ: «Восемь часовъ, на которые многіе смотрятъ, какъ на максимумъ рабочаго дня, кажутся тѣмъ, кто занимаетъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, туманною отдаленною, золотою мечтой (a dim and distant and golden vision)». Что же давалъ ему этотъ постъ? О привлекательности жалованья тутъ и говорить смѣшно, ибо едва ли окладъ составлялъ десятую часть доходовъ Розбери; въ искусственномъ укрѣпленіи своего общественнаго положенія членъ палаты лордовъ тоже не нуждается. Онъ вошелъ въ кабинетъ Гладстона и пробылъ тамъ вплоть до паденія кабинета послѣ іюльскихъ выборовъ 1886 года только потому, что этого требовали интересы партіи, къ которой онъ тогда принадлежалъ. Но онъ былъ въ сторонѣ отъ парламентскихъ бурь, среди которыхъ провалился гомруль, насколько, вообще, можетъ быть въ сторонѣ отдѣльный министръ отъ общихъ интересовъ кабинета. Въ іюньской и іюльской предвыборной борьбѣ, столь роковой для либераловъ, мы также не видимъ дѣятельнаго его участія.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда либеральная оппозиція боролась на два фронта съ министерствомъ Салисбюри и съ непрерывно продолжавшимися въ ея средѣ расколомъ по поводу ирландскаго вопроса, Розбери держался въ тѣни. 11-го октября 1888 года онъ произнесъ въ Лидсѣ рѣчь, весьма многознаменательную для будущаго имперіалиста, но тогда на нее не обратили вниманія во-первыхъ, потому, что боевымъ вопросомъ былъ вопросъ о гомрулѣ, а вовсе не объ имперіализмѣ, во-вторыхъ, потому, что Розбери далеко еще не обнаружилъ общей шаткости своего либеральнаго credo, въ-третьихъ, въ центрѣ вниманія либеральной партіи стоялъ не онъ, а Гладстонъ. Рѣчь была посвящена внѣшней политикѣ Великобританіи. «Прежде,— сказалъ онъ, между прочимъ:—наша внѣшняя политика была, главнымъ образомъ, индійскою политикою; она, главнымъ образомъ, руководилась тѣмъ, что было выгоднѣе для нашего обладанія Индіей». Теперь же эта «индійская» политика превращается въ политику колоніальную. Колонисты стали такъ могущественны и вліятельны, что ихъ желанія и представленія должны быть выслушиваемы. А, кромѣ того, «другія державы вступили на путь увеличенія своихъ колоніальныхъ владѣній» *). Колоніи перестали быть «монополій» англичанъ. Розбери иллюстрируетъ свое сужденіе объ иностранной политикѣ Англіи, какъ о политикѣ преимущественно колоніальной, иллюстраціями изъ текущей жизни. Осенью 1888 года Канада спорила съ Соединенными Штатами изъ-за рыбныхъ ловель,—и Англія вмѣшалась, и, по мнѣнію Розбери, должна была вмѣшаться въ пользу Канады, своей колоніи, хотя, замѣчаетъ ораторъ, «для нѣкоторыхъ изъ насъ—и во всякомъ случаѣ для меня—трудно смотрѣть на Соединенные Штаты, какъ на иностранную державу». Характерное и для Фруда, и для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ имперіалистовъ американофильство не отсутствуетъ, какъ видимъ, и у Розбери въ этотъ либеральный періодъ его жизни. Указавъ на многообразныя и сложныя отношенія въ Африкѣ, въ Азіи, гдѣ Англіи приходится бороться съ враждебными дипломатіями, ораторъ переходитъ къ тихоокеанскимъ дѣламъ и настаиваетъ на правильности той теоріи, которую, какъ мы видѣли, онъ уже примѣнилъ на практикѣ,—именно, что голосъ австралійцевъ долженъ быть непремѣнно принимаемъ въ разсчетъ, коль скоро рѣчь идетъ объ англійской политикѣ на Тихомъ океанѣ. Онъ вспоминаетъ недалекое прошлое, когда было распространено мнѣніе, что колоніи не нужны Англіи и она должна избавиться отъ нихъ. Теперь, по его словамъ, вопросъ такъ уже не ставится и дѣло идетъ не о «дружественномъ» разставаніи, а о сближеніи, и коммерческая выгода для Англіи отъ этого сближенія въ глазахъ Розбери очевидна. Онъ сравниваетъ «колонію, которая насъ покинула» (т.-е. Соединенные Штаты), съ колоніями, которыя еще Англію не покинули,

*) Ср. съ мнѣніемъ Фруда о „длинныхъ рукахъ“ державъ.

и находитъ, что Соединенные Штаты, въ среднемъ, покупаютъ (на каждаго человѣка своего населенія) англійскихъ продуктовъ на 8 шиллинговъ, а сопредѣльная штатамъ Канада покупаетъ этихъ продуктовъ на 30 шиллинговъ въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, Австралія же—на 140 шиллинговъ (7 ф. ст.). «Вы можете мнѣ сказать,—обращается онъ къ своимъ слушателямъ,—что Соединенные Штаты имѣютъ болѣе враждебный намъ тарифъ, нежели Канада; но если вы только минуту подумаете, вы вспомните, что если Канада насъ покинетъ, то она, конечно, усвоитъ и себѣ тарифъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и прибыльнымъ для насъ въ матеріальномъ отношеніи это дѣйствіе не будетъ». Здѣсь меньше романтизма и больше коммерческаго безпокойства, нежели у Фруда, но особенно ясна разница между ними въ ихъ воззрѣніяхъ на ближайшее будущее въ томъ случаѣ, если колоніи отпадутъ отъ Англіи. Фрудъ боится, что иностранныя державы присвоятъ себѣ эти колоніи, уже не защищаемыя британскимъ флагомъ, а Розбери опасается также и другого: «Не льстите себя надеждою, что если Канада и Австралія покинутъ васъ,—вы сохраните все же ваши меньшія колоніи. Владѣнія въ Вестъ-Индіи ушли бы за Канадой, Австралія захватила бы австралазійскіе острова». Каплендъ также будетъ утраченъ. «Я не считаю возможнымъ, чтобы вы получили въ видѣ великаго подарка, безъ всякихъ жертвъ со своей стороны, мирную имперію, опоясывающую шаръ земной связью коммерческаго единства и мира». Для того, чтобы этого достигнуть, чтобы не остаться лишь съ одной Ирландіей, необходимы жертвы. Необходимо дать колоніямъ гораздо больше участія въ англійскихъ дѣлахъ, нежели это было до сихъ поръ; это сопряжено съ неудобствами, съ необходимостью иногда выслушивать неосновательныя просьбы, наконецъ, раздѣлить свою прежнюю полноту власти съ колонистами, но такая жертва неизбѣжна. Что касается до этого дѣла сближенія метрополіи съ колоніями,—то «могу сказать отъ глубины моего сердца—оно есть господствующая страсть (the dominant passion) моей общественной дѣятельности». Со времени своего путешествія по колоніямъ, признается дальше лордъ Розбери, онъ почувствовалъ, что дѣло имперской федераціи заслуживаетъ, чтобы ему отдали весь энтузіазмъ и всю энергію, которыми только располагаетъ человѣкъ. «Это—дѣло, для котораго всякій можетъ быть доволенъ, что живетъ; это—дѣло, за которое всякому, если понадобится, можетъ быть, не жалко умереть».

Мы видимъ, что лордъ Розбери остался вѣренъ въ этой рѣчи тому, что онъ говорилъ въ Мельбурнѣ 9-го января 1884 года, во время путешествія по Австраліи, и тому, что онъ дѣлалъ въ 1886 году, въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ, по поводу Новыхъ Гебридовъ. Повторяемъ, тогда эти категорически выражаемые взгляды либерала-гладстоновца не произвели никакого мало-мальски яркаго впечатлѣнія. Въ томъ-то и трагизмъ, и причина ускореннаго темпа

разложенія либеральной партіи, что какъ разъ, когда она нанесла себѣ страшный, хотя и не сразу по достоинству оцѣненный, ударъ, внесеніемъ въ свою программу гомруля, — политическая эволюція Англіи и всѣхъ великихъ державъ уже готова была обрушить на нее другой не менѣе сильный ударъ: имперіализмъ уже носился въ воздухѣ, онъ переходилъ изъ книги Фруда, изъ отдѣльныхъ рѣчей и заявленій въ широкую печать, чтобы оттуда вскорѣ перейти на улицу. Но уже случившаяся бѣда отодвигала пока далеко на задній планъ всѣ зловѣщія предзнаменованія: приходилось больше думать объ уходѣ изъ партіи цѣлой фракціи либералъ-уніонистовъ, вошедшихъ въ коалиціонныя отношенія съ Салисбюри, а не объ имперіализмѣ, еще вовсе не занявшемъ угрожающей позиціи. Въ игрѣ была большая, организованная и предводительствуемая Парнелемъ ирландская партія, и не только до бракоразводнаго процессса супруговъ О'Ши, но уже послѣ этого скандала и послѣ смерти Парнеля гладстоновцы все-таки могли разсчитывать на побѣду и, во всякомъ случаѣ, на долгую и сильную борьбу. Лѣтомъ 1892 года, когда говорились избирательныя рѣчи, лордъ Розбери выступилъ въ качествѣ дѣятельнаго члена либеральной партіи и даже намекалъ (напр., 23-го іюня, въ рѣчи за одного либеральнаго кандидата), что онъ опять можетъ стать министромъ иностранныхъ дѣлъ, если Гладстонъ побѣдитъ.

И когда, дѣйствительно, въ парламентъ пришло 354 сторонника гомруля, а противниковъ его оказалось 314, Гладстонъ сталъ первымъ министромъ и назначилъ Розбери министромъ иностранныхъ дѣлъ. Выборы и предвыборная агитація 1892 года, когда всякій общественный дѣятель долженъ былъ занять опредѣленную позицію въ вопросѣ о гомрулѣ, положеніе вещей въ парламентѣ, гдѣ министерство Гладстона не могло бы просуществовать и одного дня безъ поддержки 80 ирландцевъ, ибо либераловъ-гладстоновцевъ было всего 274 человѣка, наконецъ, самый фактъ занятія мѣста при такихъ условіяхъ въ либеральномъ кабинетѣ, — все это какъ будто ставило внѣ сомнѣній приверженность лорда Розбери къ гомрулю. А между тѣмъ, ирландцы вовсе ему не довѣряли, какъ это и сказалось въ близкомъ будущемъ. Розбери погрузился въ отправленіе своихъ непосредственныхъ обязанностей, пока въ палатѣ общинъ шла борьба изъ-за гомруля, а палата лордовъ этотъ билль проваливала.

Во внѣшней политикѣ этотъ періодъ дѣятельности Розбери былъ отмѣченъ нѣсколькими довольно критическими эпизодами, представляющими нѣкоторый интересъ для характеристики будущаго либеральнаго «схизматика». Въ 1893 году (въ январѣ) Мустафа-паша, египетскій первый министръ заболѣлъ, а такъ какъ Мустафа былъ фактотумомъ англичанъ, то хедивъ этимъ воспользовался и заявилъ, что назначитъ на его мѣсто Факри-пашу, націоналиста и ненавистника англичанъ. Англичане не имѣютъ на Египетъ никакихъ иныхъ правъ, кромѣ

дипломатико-житейскаго афоризма beati possidentes; европейскія державы ихъ владычества тамъ не признаютъ, да и Англія на бумагѣ называетъ пребываніе тамъ своихъ войскъ и чиновниковъ — временнымъ. Либералы всегда были противъ захвата Египта, и Гладстонъ меньше, нежели за полтора года до описываемаго событія, еще будучи въ оппозиціи, выражалъ въ публичной рѣчи (2-го октября 1891 г.) надежду, что лордъ Салисбюри (тогдашній премьеръ) избавитъ Англію «отъ обременительной и затруднительной оккупаціи Египта». Теперь этотъ же Гладстонъ былъ во главѣ правительства, но министръ его кабинета поступилъ точь-въ-точь такъ, какъ поступили и раньше, и позже, консервативные правители. Розбери немедленно далъ знать хедиву, что онъ никакъ не можетъ санкціонировать назначенія Факри-паши. Это заявленіе ставило вопросъ ребромъ, ибо въ случаѣ неповиновенія хедива оставалось воевать; хедивъ уступилъ, и Факри назначенъ не былъ и даже было обѣщано впредь слѣдовать «установившейся практикѣ», т.-е. во всѣхъ политическихъ дѣлахъ «совѣтоваться» предварительно съ правительствомъ ея британскаго величества. Къ концу января опасный для англичанъ инцидентъ былъ исчерпанъ. За хедивомъ въ данномъ случаѣ, повидимому, стояла Франція, и Розбери пришлось даже объясняться по поводу всего дѣла съ французскимъ посланникомъ, но уступчивость хедива и въ особенности, усиленіе англійскаго гарнизона въ Египтѣ похоронили до поры, до времени этотъ вопросъ. Любопытно, что, по всѣмъ видимостямъ, лорду Розбери пришлось не мало поспорить со своими товарищами по кабинету, пока увеличеніе гарнизона было рѣшено*). Вопреки недавнимъ своимъ заявленіемъ, Гладстонъ не воспротивился упроченію той самой «обременительной» оккупаціи, отъ которой онъ просилъ своего предшественника избавить Англію.

Въ томъ же 1893 году Розбери едва не началъ войны съ Франціей. Дѣло было серьезно; нѣсколько лѣтъ спустя Розбери, намекая на этотъ эпизодъ, сказалъ, что, будучи министромъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ войною. Началось съ того, что Франція, не получая отъ Сіама удовлетворенія по нѣкоторымъ своимъ требованіямъ, стала готовиться къ нападенію на это государство. Розбери видѣлъ (и никто не станетъ говорить, что онъ ошибался) серьезную опасность для Индіи, если на ея границѣ вмѣсто Сіама очутится французское владѣніе. Поэтому, независимость Сіама сохранить было совершенно необходимо съ англійской точки зрѣнія; кромѣ того, почти вся торговля Сіама тогда была (и теперь едва ли не въ тѣхъ же размѣрахъ остается) въ рукахъ англичанъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Розбери всѣми мѣрами убѣждалъ сіамцевъ во-время уступить, но, съ одной стороны, они медлили, а съ другой стороны, французы явно желали войны съ Сіамомъ. Фран-

*) Ср. „The for. pol.„, стр. 28.

цузы приступили къ блокадѣ Бангкока; тамъ же находились три англійскихъ военныхъ судна, которыя должны были «бдительно наблюдать за ходомъ событій», ибо англійское правительство взяло на себя по точному выраженію Розбери, именно эту задачу. Французскій адмиралъ объявилъ, что военные англійскіе корабли должны подчиниться блокадѣ, т.-е. уйти. Тогда Розбери телеграфировалъ немедленно въ Бангкокъ, что онъ приказываетъ англійскимъ судамъ остаться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, телеграфировалъ въ Парижъ, что требованіе французскаго адмирала не можетъ быть исполнено, ибо населеніе Бангкока можетъ нанести вредъ живущимъ тамъ англичанамъ, если у города не будетъ англійскихъ кораблей. Это происходило въ воскресенье 30-го іюля 1893 года. Въ этотъ памятный день едва не возгорѣлось вооруженное столкновеніе между Англіей и Франціей. Но на слѣдующій день французское правительство объявило англійскому послу, что бесѣдовать дольше не о чемъ, ибо вообще блокада вскорѣ будетъ снята. Черезъ четыре дня сіамское правительство сдалось на всѣ французскія требованія, и, дѣйствительно, французы блокаду сняли. Англійскія суда оставались и послѣ блокады на своемъ выжидательномъ посту; Сіамъ, вслѣдствіе ряда переговоровъ между французскимъ и англійскимъ правительствами, до сихъ поръ остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до указаннаго инцидента—«государствомъ-буфферомъ», какъ его называетъ авторъ «Foreign policy of lord Rosebery»; его значеніе аналогично значенію Афганистана, отдѣляющаго русскія владѣнія отъ англійскихъ.

Почти одновременно съ этимъ эпизодомъ убѣжденія Розбери высказались въ рѣчи, гдѣ онъ, между прочимъ, выразилъ слѣдующую характерную мысль: «Говорятъ, что наша имперія уже достаточно велика и не нуждается въ расширеніи. Это было бы вѣрно, если бы міръ былъ эластиченъ...» «Мы должны соображаться не только съ тѣмъ, въ чемъ нуждаемся теперь, но и съ тѣмъ, въ чемъ будемъ нуждаться впослѣдствіи». Насколько это отъ англичанъ зависитъ, они должны стараться, «чтобы міръ принялъ англо-саксонскій, а не какой-либо иной характеръ», ибо такая забота—«часть ихъ отвѣтственности и часть ихъ наслѣдства». Англійскіе государственные люди должны поверхъ платформъ и политическихъ страстей смотрѣть въ будущее и «не уклоняться отъ участія въ дѣлежѣ міра», томъ дѣлежѣ, который возникаетъ силою обстоятельствъ. Любопытно сопоставить эти мнѣнія съ словами Гладстона, передаваемыми покойнымъ Сесилемъ Родсомъ. Въ 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. англійское правительство сильно было озабочено тѣмъ, что британская восточно-африканская компанія, признавъ невыгоднымъ дальнѣйшее владѣніе Угандою, рѣшила убрать оттуда свой отрядъ и свою администрацію. Но какъ быть съ многочисленными миссіонерами, которые разсѣяны по странѣ и по-гибнутъ отъ рукъ туземцевъ, едва лишь намѣреніе компаніи ис-

полнится? Въ это время Гладстонъ и выразился въ частномъ разговорѣ Сесилю Родсу, что благодаря этимъ злополучнымъ миссіонерамъ Англія вовлечена внутрь Африки. «Наше бремя слишкомъ тяжело. Въ томъ видѣ, какъ теперь обстоитъ, я не могу найти людей для управленія всѣми нашими колоніями. Слишкомъ много, мистеръ Родсъ, намъ нужно дѣлать». Вся разница между старымъ премьеромъ и Розбери весьма выпукло вырисовывается въ этихъ простыхъ словахъ: Гладстонъ думалъ объ управленіи колоніями, о лежащей на правительствѣ обязанности заботиться объ ихъ наилучшемъ устройствѣ, а Розбери и всѣ новѣйшіе имперіалисты ставили (и ставятъ) своею цѣлью безпрерывное увеличеніе территоріи. И чѣмъ бы они ни объясняли своего основного стремленія, заботою ли о будущихъ поколѣніяхъ англо-саксонской расы, или необходимостью расширить рынокъ сбыта, или стратегическими требованіями, у всѣхъ ихъ есть коренное отличіе отъ либераловъ гладстоновскаго типа, думающихъ не только объ измѣненіи географической карты, но и о судьбѣ живыхъ людей. Тутъ отличіе въ навыкахъ мысли, а не только въ программахъ; программа, напр., въ 1893 году у Розбери и Гладстона была или казалась до того единою, что они оба засѣдали на одной министерской скамьѣ, а въ вопросѣ объ имперіализмѣ они уже тогда говорили, такъ сказать, на совсѣмъ разныхъ языкахъ. Розбери пришлось упорно бороться по вопросу объ удержаніи или оставленіи Уганды; боролся онъ и до отставки Гладстона (въ 1894 году), боролся со своими товарищами и послѣ его отставки, ставъ премьеромъ,—и настоялъ на своемъ Родсъ спустя нѣсколько лѣтъ открыто могъ заявить, что если Уганда осталась въ англійскихъ рукахъ, то благодарить за это нужно одного Розбери, «сражавшагося изъ-за этого вопроса со всѣмъ либеральнымъ кабинетомъ» (слова Родса). Вообще, въ Африкѣ—не только въ Угандѣ, но и въ Конго, гдѣ какъ разъ въ эти годы въ сотый разъ опредѣлялись «сферы вліянія», и на Нилѣ,—Розбери на практикѣ показывалъ, что онъ понимаетъ подъ «неизмѣняемостью и преемственностью политики», о которой такъ любилъ распространяться: его политика ровно ничѣмъ въ принципѣ не отличалась отъ политики наиболѣе имперіалистски настроенныхъ торіевъ.

VIII.

Панегиристы лорда Розбери указываютъ на то, что онъ, не говоря о прочихъ заслугахъ его, обратилъ чуть ли не первый изъ европейскихъ министровъ самое серьезное вниманіе на Японію и заключилъ даже съ нею договоръ (въ 1894 году) касательно уничтоженія консульскихъ судовъ и введенія нѣкоторыхъ облегченій для англійской торговли.

Китайско-японская война сыграла огромную историческую роль, до того огромную, что уже теперь, когда мы отдѣлены отъ нея ничтож-

нымъ срокомъ,—это совершенно ясно для всякаго не совершеннаго профана въ международной политикѣ. Дальній Востокъ такъ поглотилъ всѣ соображенія и все вниманіе великихъ державъ, что самое бѣглое сопоставленіе настоящей политической минуты съ близкимъ прошлымъ можетъ дать этому весьма убѣдительныя доказательства. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ Болгарія, нищая страна съ трехмилліоннымъ населеніемъ, держала въ напряженномъ состояніи и Россію, и Австрію; каждое дѣйствіе Стамбулова ловилось, каждое слово интерпретировалось, каждая его угроза вызывала призракъ столкновенія между Россіей и тройственнымъ союзомъ. Теперь же, на глазахъ у всѣхъ, прокладывается багдадская желѣзная дорога, которая ставитъ на очередь уже вопросъне о какомъ-то сомнительномъ «вліяніи» на Болгарію или на Сербію, или на Черногорію, а о томъ, чтобы воздвигнуть рѣшительный барьеръ Россіи къ югу, отрѣзать ее отъ проливовъ именно съ той стороны, съ которой подходъ къ нимъ еще былъ для нея возможенъ въ будущемъ, со стороны Закавказья и Малой Азіи. Но какъ относится къ этому огромной важности факту дипломатія, основной традиціею которой было тяготѣніе къ проливамъ? Вполнѣ нейтрально, и ужъ, конечно, не вслѣдствіе недостатка предусмотрительности, но потому, что весь арсеналъ давленій, угрозъ, демонстрацій, всю настойчивость въ отстаиваніи своихъ интересовъ, всю энергію «фактическихъ аргументовъ» приходится худо ли, хорошо ли, съ успѣхомъ или безъ успѣха пускать въ ходъ на восточной оконечности азіатскаго материка. Въ большей или меньшей степени такую «поглощенность» крайнимъ Востокомъ можно констатировать и въ поведеніи другихъ европейскихъ державъ. Группировка интересовъ державъ уже тогда складывалась въ ту общую картину, которая въ настоящее время пріобрѣла полную отчетливость: Россіи было желательно предохранить Китай отъ японскихъ захватовъ, ибо на японскія владѣнія нужно было бы volens nolens смотрѣть, какъ на нѣчто окончательное, а на китайскія—являлось возможнымъ смотрѣть, какъ на нѣчто преходящее (и даже скоропреходящее); Англіи было желательно поскорѣе перевести Японію на континентъ, чтобы создать военный барьеръ противъ Россіи. Политика другихъ державъ варіировалась, смотря по тому, кто изъ этихъ двухъ антагонистовъ (Англія или Россія) могъ въ данный моментъ предложить больше выгодъ за поддержку своей политики. Для того, чтобы эта общая картина стала вполнѣ ясною и достигла своей нынѣшней наглядности, необходимо было лишь одно: обнаружить, силенъ или не силенъ самъ Китай? Это и сдѣлала японско-китайская война. Правда, теперь вышеотмѣченная картина европейскаго положенія на Дальнемъ Востокѣ осложнена энергичною и вполнѣ самостоятельною игрой Соединенныхъ Штатовъ и въ несравненно меньшей степени—Германіи, но русско-англійскія отношенія до сихъ поръ составляютъ лейтмотивъ дипламатіи, а борьба за Китай составляетъ ея канву. Когда 24-го

апрѣля 1895 года Россія, поддержанная Германіей и Франціей, потребовала измѣненій симоносекскаго договора въ ущербъ Японіи и въ пользу Китая, японское правительство стало усиленно готовиться къ новой войнѣ, а японская оффиціозная пресса заговорила съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ. Три державы обратились къ Англіи съ предложеніемъ примкнуть къ нимъ, но Розбери отказался наотрѣзъ. Съ другой стороны, онъ ограничился нейтралитетомъ и по отношенію къ Японіи, не желая ввязываться въ опасную войну. Съ этихъ поръ путь Англіи во всѣхъ восточныхъ осложненіяхъ ясно опредѣлился: на Японію она стала смотрѣть, какъ на свой морской (а особенно сухопутный) резервъ въ вѣроятной азіатской войнѣ.

Характернѣе всего для тогдашняго лорда Розбери его дѣйствія и сужденія въ области армянскаго вопроса, столь остраго въ срединѣ и концѣ 90-хъ гг. Гладстонъ назвалъ султана «великимъ убійцею», гладстоновцы всегда настаивали на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ относительно турецкаго правительства, систематически избивавшаго беззащитное населеніе. Въ Сассунѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ турецкихъ округовъ избіенія періодически повторялись при министерствѣ Розбери такъ же, какъ при министерствѣ подавшаго 2-го марта 1894 года въ отставку Гладстона, однако Розбери если не въ словесныхъ заявленіяхъ, то въ дѣйствіяхъ отнесся къ армянскому дѣлу чрезвычайно сдержанно. Желая разобраться въ какомъ-либо дипломатическомъ вопросѣ, всегда необходимо очистить его отъ позолоченной, благообразной и мягкой шелухи изворотовъ, лжи, отписокъ, притворно-откровенныхъ заявленій, неподдѣльно-искреннихъ заботъ скрыть свои мысли, — словомъ отъ всего, что составляетъ внѣшность неустанной дипломатической борьбы европейскихъ державъ между собою. Трудъ подобной фильтраціи, въ сущности, не труденъ даже и для не спеціалиста, ибо основная нить, главный интересъ, важнѣйшая цѣль почти всегда ясны и для оппонентовъ, и для постороннихъ: затемняются и запутываются по мѣрѣ силъ лишь пріемы ведущейся борьбы. Въ данномъ случаѣ Англіи было бы желательно созданіе если не «Великой Арменіи», то чего нибудь въ родѣ самостоятельнаго или полусамостоятельнаго армянскаго княжества, которое бы съ теченіемъ времени превратилось на ближайшемъ востокѣ въ одну изъ крѣпостей противъ надвигающагося отъ Кавказа русскаго вліянія; Россіи же это казалось ненужнымъ и даже вреднымъ. Вокругъ этого центра наслаивалось уже все остальное. Какимъ внутреннимъ безсознательнымъ комизмомъ дышали статьи нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, горячо заявлявшія, что онѣ (газеты) надѣются на традиціонное великодушіе Россіи къ христіанскимъ подданнымъ Турціи и на помощь армянамъ со стороны русскаго правительства! И какъ обстоятельны и расторопны, въ свою очередь, были иные «наши собственные корреспонденты» на берегахъ Невы, неопровержимо доказывавшіе, что, собственно, армяне угнетаютъ турокъ, а

не наоборотъ, и что если турки иногда и рѣжутъ армянъ, то надо же войти въ ихъ положеніе! Съ перестановкою ролей дѣло обстояло точь-въ-точь какъ 1876—1877 г., когда большіе англійскіе органы имѣли беззастѣнчивость утверждать, что выдѣлывая всевозможныя дикія гнусности надъ сербами и болгарами, правительство султана совершаетъ лишь «актъ самозащиты» при помощи рѣшительныхъ мѣръ, а ихъ антагонисты упрекали Англію въ каннибальствѣ *)... Исторія дипломатіи богата такими варіаціями и вообще изобилуетъ зрѣлищами, болѣе поучительными, нежели возвышенными. Лордъ Розбери считалъ (мы говоримъ о его рѣчахъ въ парламентѣ и иныхъ мѣстахъ) турецкія жестокости невообразимыми (unimaginable) и несказанными (unspeakable). Вообще почва негодованія и возмущенія гуманныхъ чувствъ въ такихъ случаяхъ всегда наиболѣе выгодная и, такъ сказать, неуязвимая. Ума и дипломатической опытности у Розбери хватило настолько, чтобы понять всю нелѣпость ожиданій, что русское правительство пойдетъ проливать кровь и тратить деньги для споспѣшествованія британскимъ интересамъ въ Малой Азіи; не сомнѣвался онъ также и въ томъ, что безъ Россіи ничего въ армянскомъ вопросѣ сдѣлать невозможно; зналъ опредѣленно, наконецъ, что Англія одна воевать съ султаномъ не будетъ, какъ бы ни было желательно и полезно для нея освобожденіе армянъ. Патріотическіе газетчики обѣихъ странъ могли еще иногда сами себя гипнотизировать криками о звѣрствахъ турокъ или объ отсутствіи этихъ звѣрствъ, но не англійскому и русскому министрамъ было учить другъ друга, въ чемъ тутъ дѣло и идетъ-ли рѣчь о счастьи и несчастьи избиваемыхъ армянъ, или о совсѣмъ другомъ сюжетѣ. Розбери при безспорномъ умѣ, практической толковости, довольно большой рѣшительности, природной живости и отчасти насмѣшливости, никогда утопіями не увлекался и не фантазировалъ, никогда не представлялъ себѣ противника болѣе глупымъ, нежели тотъ былъ на самомъ дѣлѣ; въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ не къ школѣ Наполеона III, а къ школѣ Бисмарка и Лобанова-Ростовскаго.

Но дипломатъ не можетъ часто предвидѣть, потухнетъ-ли безслѣдно подкладываемый имъ уголекъ или разгорится въ желательный пожаръ, и вотъ почему когда въ срединѣ 1894 года въ бетлисскомъ вилайетѣ (округѣ Сассунъ) произошла особенно страшная и гнусная рѣзня, Розбери настоялъ на назначеніи слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу. Въ коммиссіи приняли участіе чины консульствъ нѣкоторыхъ великихъ державъ. Ничего болѣе циничнаго, нежели это турецкое слѣдствіе, ассистируемое нѣсколькими безмолвными и почти безучастными европейцами, нельзя себѣ представить. Это была проформа, надъ которой не смѣялись, вѣроятно, одни лишь родственники убитыхъ и искалѣченныхъ жертвъ. Не получилось также ничего нужнаго для англій-

*) И у насъ, и за границей эта перемѣна ролей обратила на себя вниманіе.

скихъ цѣлей, а черезъ полгода послѣ начала дѣйствій этой коммиссіи ушелъ съ своего поста самъ Розбери (23-го іюня 1895 г.), оставивъ въ наслѣдство министерству Салисбюри нерѣшенный армянскій вопросъ. Любопытно, что годъ спустя (15-го мая 1896 года) въ одной своей рѣчи Розбери съ жаромъ увѣрялъ, что онъ, устраивая сассунскую коммиссію, сдѣлалъ все, что могъ. «Когда мы покинули постъ,—воскликнулъ онъ, — слѣдствіе еще производилось. Мы не могли начать дѣйствовать, ибо мы не были въ состояніи предвосхитить результаты слѣдствія, которые еще не были сообщены. Это значило бы предвосхищать результаты». Эти слова, пожалуй, еще болѣе циничны, нежели самое назначеніе сассунской коммиссіи, хотя (а можетъ быть, «потому что») окаймлены съ начала и съ конца цѣлыми потоками благороднѣйшаго негодованія противъ турокъ. Въ этой же рѣчи Розбери напоминалъ и о другой своей заслугѣ предъ армянами, кромѣ назначенія сассунской коммиссіи, именно о томъ, что онъ пытался предложить султану рядъ рѣшительныхъ реформъ, которыя бы избавили армянъ отъ турецкаго произвола, но недовѣріе другихъ державъ испортило все дѣло (князь Лобановъ-Ростовскій изъяснилъ по этому поводу лорду Розбери, что ему вовсе нежелательно устраивать изъ Арменіи новую Болгарію).

Нужно сказать, что образъ дѣйствій Розбери въ армянскомъ вопросѣ вызвалъ рѣшительное неодобреніе Гладстона, удалившагося отъ дѣлъ, и многихъ членовъ либеральной партіи. Они полагали, что, вовсе не доводя дѣла до общеевропейской войны, возможно было бы болѣе рѣшительными дѣйствіями повліять на султана. И для нихъ защита армянъ отъ рѣзни сама по себѣ не стояла на первомъ планѣ, но всетаки образъ дѣйствій Розбери болѣе походилъ на поведеніе въ такихъ случаяхъ консервативныхъ министерствъ, нежели либеральныхъ.

Вообще, отношенія Розбери со многими членами его партіи замѣтно портились; когда онъ принялъ отъ Гладстона управленіе министерствомъ,—его поддерживало большинство въ 40 человѣкъ, а въ іюнѣ 1895 г., когда кабинетъ палъ,—большинство это сократилось до 15 голосовъ, такъ что для паденія министерства достаточенъ былъ малѣйшій случай.

IX.

Розбери сталъ первымъ министромъ въ мартѣ 1894 года, когда давно уже начавшійся кризисъ въ судьбахъ либеральной партіи принялъ самый зловѣщій видъ: проектъ гладстоновскаго гомруля для Ирландіи пройти не могъ въ виду сопротивленія палаты лордовъ, точно такъ же не прошелъ въ палатѣ лордовъ и проведенный уже Гладстономъ въ нижней палатѣ билль объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими. 2-го марта 1894 года рѣшилась отставка Гладстона—не по парламентскимъ причинамъ, ибо большинство нижней

палаты все еще было за него, а потому, что восьмидесяти четырехлѣтнему больному старику необходимо было отдохнуть и поправиться. Въ послѣднее время министерства Гладстона со стороны кабинета слышались категорическія угрозы по адресу палаты лордовъ, и Розбери, самъ «наслѣдственный законодатель», принялъ этотъ уже ясно намѣчавшійся пунктъ либеральной программы,—уничтоженіе дискреціоннаго veto палаты лордовъ. Въ періодъ своего премьерства онъ проявилъ необыкновенную дѣятельность, ибо, кромѣ сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей, какъ главы кабинета, на немъ фактически лежало управленіе иностранными дѣлами (хотя министромъ этого вѣдомства и считался лордъ Кимберлей) и главнымъ совѣтомъ по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Розбери, оставляя завѣдываніе ирландскими дѣлами въ рукахъ Джона Морлея, ясно этимъ самымъ указывалъ на желаніе всецѣло слѣдовать по стопамъ Гладстона въ вопросѣ ирландской политики, коренномъ и критическомъ вопросѣ историческаго англійскаго момента. И несмотря на это, за пятнадцать мѣсяцевъ своего министерства онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы такъ или иначе съ этимъ вопросомъ покончить. Онъ не выбросилъ его изъ своей программы,—и не поставилъ его на очередь дня. Вмѣсто всякаго рѣшительнаго дѣйствія, которое бы такъ или иначе разрубило гордіевъ узелъ, покончило съ положеніемъ, становившимся все болѣе и болѣе невыносимымъ, премьеръ ограничился политическимъ житьемъ-бытьемъ изо дня въ день. А въ Англіи, какъ и во всякой другой странѣ со старыми и упрочившимися парламентскими традиціями, «дѣловыя министерства» никогда успѣха не имѣютъ.

Слабость и несчастіе кабинета лорда Розбери, со 2-го марта 1894 г. по 23-е іюня 1895 г. управлявшаго страною, заключались прежде всего въ томъ, что ни лордъ Розбери въ палатѣ лордовъ, ни сэръ Гаркортъ, представитель министерства въ палатѣ общинъ, не были и немогли быть увѣрены въ прочности своего положенія, а потому не имѣли смѣлости ни разу поставить категорически на очередь вопросъ объ ограниченіи власти верхней палаты, безъ чего безцѣльно было бы думать объ ирландскомъ гомрулѣ. Расколъ, начатый отпаденіемъ уніонистовъ, все еще продолжался, и остававшіеся вѣрными старому знамени либералы далеко не всѣ смотрѣли на этотъ роковой для судебъ партіи законопроектъ съ энтузіазмомъ Джона Морлея. Розбери во внутренней политикѣ за всѣ пятнадцать мѣсяцевъ своего премьерства дѣйствовалъ удивительно вяло, робко и безцвѣтно. Еще въ началѣ этого короткаго періода Розбери время отъ времени запальчиво и не безъ остроумія нападалъ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ на верхнюю палату, но и этой словесной бодрости хватило не на долго. Отрѣшившись отъ мысли энергично, à outrance продолжать начатую Гладстономъ борьбу съ лордами изъ-за гомруля, кабинетъ Розбери утратилъ основную свою идею, кое-какъ еще его державшую. Къ нему охладѣли даже близкіе

друзья, и отъ 40 чел., составлявшихъ министерское большинство весною 1894 года, къ лѣту 1895 уцѣлѣло лишь 15. Даже Гладстонъ, отдыхавшій и лечившійся, но не перестававшій внимательно слѣдить за дѣйствіями своего любимца и преемника, не могъ воздержаться отъ порицаній политикѣ кабинета. По случайному вопросу (объ уменьшеніи жалованья военному министру) кабинетъ потерпѣлъ 23-го іюня 1895 г. рѣшительное пораженіе (132 враждебныхъ голоса противъ 125 сторонниковъ). Послѣдовавшіе почти тотчасъ за отставкою Розбери парламентскіе выборы довершили побѣду союза консерваторовъ съ уніонистами. Вождь уніонистовъ герцогъ Девонширскій, Гошенъ, консерваторъ Салисбюри, радикалъ Чемберлэнъ, превратившійся въ нѣчто среднее между радикаломъ и либераломъ-уніонистомъ, эти энергичные люди, полные той бодрости, которую всегда даетъ атмосфера успѣха и довѣрчивыхъ ожиданій націй,—блестяще вели выборную агитацію и добились не только упроченія своей власти, но и глубокаго впечатлѣнія полной своей моральной побѣды надъ растерянными, нерѣшительными, боящимися своихъ собственныхъ убѣжденій противниками. Не могъ же Гаркортъ, напримѣръ, ссылаться на дѣйствія либеральнаго кабинета, ибо такихъ дѣйствій,—смѣлыхъ, яркихъ, принципіальныхъ, не было вовсе ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ; не могъ лордъ Розбери убѣжденно отстаивать гомруль и ограниченіе компетенціи верхней палаты, когда черезъ 2 года онъ уже сталъ измѣнять либеральной программѣ, а еще черезъ два измѣнилъ ей окончательно. Что хуже всего было для либераловъ, это органическое, а не только случайное, временное слитіе воедино либераловъ - уніонистовъ съ консерваторами. Консерваторы путемъ уступокъ и соглашеній внесли въ свою программу много важныхъ, иногда чисто демократическихъ принциповъ, и даже подчеркивали свою уступчивость, такъ какъ имъ выгоднѣе всего казалось (и такъ и вышло) сдѣлать лозунгомъ борьбы свое несогласіе на «расчлененіе имперіи», т.-е. на гомруль. При этомъ лозунгѣ—настроеніе страны сказалось рѣшительно въ ихъ пользу,— и владычество Салисбюри-Чемберлена, продолжающееся уже восьмой годъ, началось.

X.

Самый яркій фактъ англійской исторіи за послѣднія восемь лѣтъ— есть расцвѣтъ имперіалистской горячки, охватившей не только финансово-промышленные круги, которымъ имперіализмъ кажется жизненно-необходимымъ, не только аристократію, которой онъ представляется достойнымъ всякой хвалы патріотическимъ настроеніемъ, но и широкіе слои рабочаго класса, предъ которыми онъ, собственно, не выдвигаетъ никакихъ особенно радужныхъ перспективъ. Весь неизрасходованный запасъ націоналистическихъ страстей ушелъ въ Англіи на имперіалист-

скую идею; въ Германіи, напримѣръ, Вильгельму II и другимъ «флотскимъ энтузіастамъ» стоило и стоитъ неимовѣрныхъ усилій изготовить цѣлымъ рядомъ явно бутафорскихъ мѣропріятій хоть что-нибудь отдаленно похожее на «Народный восторгъ» по поводу занятія Кіао-Шау или упроченія нѣмецкаго вліянія на островахъ Самоа: на разстояніи одного поколѣнія отъ эпохи бисмарковскихъ войнъ и созданія единства энтузіазмъ народныхъ массъ возбудить не такъ-то легко,—военные ферейны, устраивавшіе встрѣчу Вальдерзее, не такіе виды видали около Седана и Бельфора. Но англійскія массы очень ужъ давно не возбуждались и не объединялись какою-либо хотя бы поверхностною, непродуманною, но понятной и доступной имъ идеей,—доступной, конечно, въ самомъ грубомъ и наивномъ видѣ. Правительство, биржевики, владѣльцы сталелитейныхъ и другихъ заводовъ, военные поставщики, воинскіе золото-и алмазопромышленники очень хорошо знали, зачѣмъ имъ имперская федерація вообще и война съ бурами въ частности; пресса, вдохновляемая ими, ихъ деньгами и розничною продажей также отчетливо понимала, зачѣмъ ей слѣдуетъ пропагандировать нападеніе на маленькій, безобидный и ничему не угрожавшій народъ; наконецъ, идеологи типа Фруда могли все продолжать мечтать о благѣ соединенной англо-саксонской расы и т. д., и т. д., могли даже, вопреки прямому завѣту Фруда, увлечься при этомъ идеей войны съ бурами, какъ съ опаснымъ для ихъ мечты элементомъ, но всѣмъ этимъ корыстнымъ и безкорыстнымъ пропагандистамъ изъ правящихъ круговъ едва ли удалось бы въ такой полной мѣрѣ дѣло ихъ кровавой проповѣди, если бы они имѣли дѣло съ менѣе благопріятной психологической почвой. Англійская толпа (понимая подъ этимъ словомъ мѣшанину всѣхъ классовъ общества, при извѣстныхъ условіяхъ столь импозантную въ своихъ манифестаціяхъ и вліятельную въ дѣйствительности) отдала дань своимъ неизрасходованнымъ націоналистическимъ страстямъ,—и война съ бурами оказалась шумно привѣтствуемымъ «огненнымъ крещеніемъ» новѣйшаго имперіализма. Чэмберленъ еще въ первый годъ войны сказалъ, что въ «англійской исторіи началась новая глава, которая называется единствомъ имперіи». Въ 1897 году почти одновременно съ празднованіемъ «брилліантоваго» юбилея Викторіи основана была британская имперская лига, которая задалась цѣлью пропагандировать имперскую федерацію, какъ единственный ближайшій идеалъ англійской націи. Отношенія между метрополіей и колоніями въ 1897 году, во время брилліантоваго юбилея, предъ всѣмъ міромъ подтвердившаго добрыя взаимныя чувства, все-таки оставались столь же нерегулированными закономъ, какъ и въ 1886 году, въ эпоху появленія фрудовской «Океаны». Требованія создать объединяющія тѣснѣе имперію правовыя нормы съ тѣхъ поръ не переставали раздаваться. Но особенно помогла упроченію и торжеству этой идеи южноафриканская война. По мнѣнію компетентнаго въ этихъ вопросахъ

публициста (Эдварда Солмона), если бы теперь средства сообщенія и междуокеанскихъ переѣздовъ были бы такія же, какъ во времена возстанія сѣверо-американскихъ колоній, то бурамъ удалось бы побѣдить: такое значеніе имѣли тѣ тысячи войскъ, которыя еще до конца 1900 года успѣли отправить на театръ войны колонисты. Чѣмъ сильнѣе становилось имперіалистское теченіе въ колоніяхъ и метрополіи, тѣмъ болѣе падала и исчезала популярность либеральной партіи, которую ея враги стали называть «партіей дезинтеграціи», расчлененія имперіи. Когда, послѣ неудачи джемсоновскаго набѣга, Чэмберленъ демонстративно обнаружилъ самыя дружескія чувства и къ Джемсону, и къ Сесилю Родсу, либералы громко негодовали по поводу этого поведенія отвѣтственнаго министра, одобряющаго уголовныя преступленія (надъ Джемсономъ, какъ извѣстно, была продѣлана процедура судебнаго преслѣдованія); когда, далѣе, въ 1899 году году министерство, явно желая войны, вело переговоры такъ, что они, несмотря на всѣ усилія Крюгера, не могли окончиться ничѣмъ, кромѣ вооруженнаго столкновенія,—либеральная партія, устами Джона Морлея и другихъ вѣрныхъ гладстоновцевъ. громила поведеніе правительства и въ парламентѣ, и внѣ парламента. Мы уже сказали (въ началѣ настоящаго очерка), что это негодованіе либеральной партіи послужило къ окончательному ея упадку и ослабленію, что, будучи всеобъемлющимъ, оно направлялось (вполнѣ логически) и противъ правительства, и противъ народнаго большинства, и ничѣмъ, кромѣ фіаско окончиться не могло. Если бы вся либеральння партія въ 1901—1902 гг. держала себя совершенно. такъ, какъ въ 1899 г. (и, уже въ меньшей степени въ 1900 г.), то теперь она заняла бы мѣсто какой-нибудь немногочисленной секты и картина ея внѣшняго разгрома была бы еще полнѣе. Но ея позиція, или, по крайней мѣрѣ, позиція очень многихъ ея членовъ, мѣнялась въ эти критическіе послѣдніе годы, и мѣнялась все въ одномъ направленіи: въ сторону имперіалистскихъ тенденцій. Этапы въ этой эволюціи были такіе: сначала либералы стали склоняться все рѣшительнѣе въ сторону тѣснѣйшаго сближеніи съ колоніями, потомъ стали ослабѣвать протесты противъ войны съ бурами и, наконецъ, эти протесты выродились въ горячую критику нераціональнаго и негуманнаго веденія войны. Мы говоримъ не о всѣхъ либералахъ, но о многихъ и вліятельныхъ членахъ партіи, во главѣ которыхъ въ описанной эволюціи шелъ... товарищъ и преемникъ Гладстона лордъ Арчибальдъ Розбери. Для него эта эволюція была тѣмъ легче, что первый этапъ былъ имъ продѣланъ, какъ мы видѣли уже давно, еще въ тѣ времена, когда самъ Чэмберленъ былъ пламеннымъ радикаломъ, демократомъ, другомъ обездоленныхъ и т. д., и т. д. Розбери былъ имперіалистомъ задолго до того, какъ это теченіе проникло въ его партію, мудрено ли, что онъ сдѣлался вождемъ и застрѣльщикомъ въ дальнѣйшей эволюціи?

*

Однимъ изъ немаловажныхъ мостковъ, по которымъ перебѣжали многіе либералы въ имперіалистскій лагерь, оказался слѣдующій доводъ, имѣющій вполнѣ демократическій видъ: бѣлое населеніе британской имперіи равно пятидесяти двумъ милліонамъ человѣкъ, изъ коихъ сорокъ милліоновъ населяютъ метрополію, а двѣнадцать—колонію; изъ нихъ на первыхъ сорока милліонахъ лежитъ почти все бремя государственныхъ расходовъ. а на вторыхъ двѣнадцати—ничтожная доля ихъ. Одна пятая часть торговли *), покровительствуемой и защищаемой британскимъ флотомъ, принадлежитъ колоніямъ, а платятъ они на содержаніе флота лишь $^{1}/_{100}$ расходовъ. Далѣе. Еще болѣе неравномѣрно участіе метрополіи и колоній въ другихъ статьяхъ расхода: что такое, напримѣръ, уплата процентовъ за національный (государственный) долгъ? Это—ежегодная затрата и денежная расплата за *прошлыя* войны, создавшія этотъ долгъ, но создавшія также и имперію. Почему же составныя части имперіи такъ неравномѣрно участвуютъ въ этой расплатѣ? Почему какой-нибудь голодный доковый носильщикъ долженъ больше платить на общегосударственныя нужды, нежели зажиточный фермеръ Канады или Австраліи? Выводъ—нужно тѣсное объединеніе имперіи, которое бы исключало возможность такихъ аномалій. Для людей, прямо и послѣдовательно не отрицающихъ милитаризма и, такой выводъ опровергнуть не такъ-то легко, — они его и приняли. А ужъ на почвѣ принятыхъ или полупринятыхъ имперіалистскихъ тенденцій понемногу, съ 1900 года, стало вырастать вполнѣ терпимое отношеніе къ южноафриканской войнѣ (мы все время говоримъ о многихъ, но пока еще не всѣхъ членахъ либеральной партіи). Даже нелѣпости генерала Буллера и другія неудачныя для Англіи происшествія начала войны въ Наталѣ и Трансваалѣ, сильно смутившія англійское общественное мнѣніе, не оживили и не увеличили сколько-нибудь замѣтно шансовъ оппозиціи и не укрѣпили ея тускнѣющихъ и слабѣющихъ принциповъ. «Пробурскіе» митинги и въ 1899, и въ 1900 и въ 1901 гг. неукоснительно терпѣли самое жалкое фіаско, и либеральная партія стала избѣгать не только оффиціальнаго, но и *оффиціознаго* своего въ нихъ участія. Лордъ Розбери съ первыхъ же мѣсяцевъ войны и вплоть до конца ея не переставалъ совѣтовать своимъ согражданамъ «довѣрять рулевому, когда подвергаешься бурѣ» **). Даже ошибки и неудачи «рулевыхъ» вызывали въ немъ менѣе ожесточенную «техническую критику», нежели во многихъ его товарищахъ. Его позиція все время, во всѣ эти $2^{1}/_{2}$ года войны, была рѣшительно враждебною бурамъ. Онъ даже счелъ своимъ долгомъ въ одной изъ рѣчей (въ 1900 г.) «оправдывать» память Гладстона, заключившаго съ бурами миръ въ 1881 году послѣ пораженія англичанъ при Маюба-хиллѣ. Предлагаемъ читателю

*) „Imperium et libertas“ by B. Holland (London. 1901), стр. 298.

**) „To trust the man at the helm, when you are passing through the storm“.

сравнить эту защиту памяти Гладстона лордомъ Розбери съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ ранняго имперіалиста—Фруда: Розбери говоритъ о поступкѣ Гладстона, какъ о неудавшейся попыткѣ «ввести въ международную политику евангельскій принципъ», какъ о великодушномъ заблужденіи дѣятеля, слишкомъ вѣрившаго въ хорошія стороны человчѣческой (и въ частности бурской) души, а авторъ «Океаны» отзывается о дѣлѣ Гладстона съ похвалою, какъ о мудромъ правительственномъ актѣ: «Если бы мы упорствовали въ войнѣ, то превосходство въ силѣ и средствахъ должно было бы, въ концѣ концовъ, побѣдить», но «мы бы навлекли безчестіе на наше имя», и это благородному романтику казалось слишкомъ дорогой цѣной за побѣду (см. гл. V нашего очерка). Лордъ Розбери отъ такихъ размышленій столь же далекъ, какъ самъ Чэмберленъ; недалекъ, впрочемъ, отъ него и сэръ Генри Кемпбель-Баннерманъ, оффиціальный нынѣшній лидеръ либераловъ, недалеки и всѣ почти либералы, кромѣ Джона Морлея и еще нѣсколькихъ единицъ, продолжающихъ «заблуждаться» такъ же, какъ заблуждался старый Гладстонъ. Правъ былъ гладстоновецъ, который года два тому назадъ сказалъ, что Чэмберленъ и Розбери напоминаютъ ему двѣ бочки, содержащія одно и то же вино, но имѣющія разныя этикетки: на одной налѣплено слово «бордо», а на дру- «шатолярозъ», что и сбиваетъ съ толку неопытныхъ лицъ. Розбери въ послѣдніе три года успѣлъ отречься отъ ирландскаго гомруля, забыть о своихъ нападеніяхъ на законодательныя прерогативы палаты лордовъ, отказаться отъ естественной роли протестанта противъ бурской войны; крайне затруднительно сказать, чѣмъ онъ настолько отличается отъ консервативно-уніонистской партіи, чтобы не войти въ нее? Но онъ ждетъ; мало того, въ самые послѣдніе дни, весною 1902 года, онъ сталъ президентомъ «имперіалистской либеральной лиги», онъ подчеркиваетъ свое порицаніе нынѣшнему кабинету (чего не дѣлалъ въ несчастныя времена войны), онъ хватается за прилагательное «liberal» по всякому удобному и неудобному поводу. Что же ему нужно? Это вопросъ, надъ которымъ очень многіе консервативные и либеральные публицисты ломаютъ себѣ голову. Курьезно, что газеты и журналы послѣднихъ двухъ лѣтъ пестрятъ статьями о Розбери и, главное, совѣтами ему, какого курса теперь держаться. «Я, какъ извѣстно, Карнеджи совѣтовъ (Carnegie of advices)», заявилъ Розбери въ декабрѣ 1901 г., говоря о полученной имъ миріадѣ указаній, увѣщаній, сожалѣній, предложеній и т. п. Иронія сравненія справедлива: для Карнеджи милліарды долларовъ представляютъ реальную цѣнность, для Розбери «милліарды совѣтовъ» суть одна только праздная болтовня. Но не потому, чтобы его рѣшеніе было принято: въ послѣднее время рѣчи Розбери удивительно расплывчивы, неопредѣленны и полны тѣхъ невразумительныхъ словесныхъ пустячковъ, которые такъ граціозно маскируютъ отсутствіе ясной мысли—на французскомъ языкѣ, и такъ предательски выдаютъ этотъ

секретъ на языкахъ русскомъ и англійскомъ. Положеніе англійской либеральной партіи безконечно серьезно,—и задача, оставленная Гладстономъ своимъ преемникамъ, явственно оказалась имъ не по плечу. По крайней мѣрѣ, у лорда Розбери излечительнаго рецепта пока не имѣется. Дѣло въ томъ, что какъ ни выродилась либеральная партія, какъ ни стремится она разбиться на маленькія несогласныя между собою категоріи, какую смуту ни внесла въ партійное міросозерцаніе трансваальская война,—все же только съ 1900 года въ этой еще недавно сильной и грозной политической организаціи запахло трупомъ: общіе выборы, происшедшіе въ 1900 году, воочію обнаружили всѣ размѣры уже около пятнадцати лѣтъ пожиравшей ее болѣзни. Выборы 1895 года создали палату, въ которой консервативно-утопистская коалиція располагала большинствомъ 130 голосовъ; въ сентябрѣ 1900 года, когда палатѣ оставалось существовать еще годъ, Салисбюри вдругъ распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы—для того, чтобы, пользуясь торжествомъ имперіалистскихъ теченій, укрѣпить еще больше положеніе кабинета. Особенно Чемберлэнъ торопилъ выборы и, какъ всегда, настоялъ на своемъ. Съ 24-го сентября (1900 г.) началась избирательная борьба, и тутъ оказалось, что либеральная партія говоритъ разными голосами: Розбери всецѣло одобрялъ войну въ своихъ заявленіяхъ и если упрекалъ правительство особенно горячо, то за слишкомъ большую его слабость по отношенію къ Россіи, за позволеніе Россіи занять Портъ-Артуръ; Джонъ Морлей и Гаркортъ принципіально осуждали войну, лидеръ партіи Кемпбель-Баннерманъ больше настаивалъ на несовершенствахъ военной организаціи, нежели на принципіально-отрицательномъ значеніи ведущейся кампаніи. Изъ 670 депутатовъ было избрано 332 консерватора, 69 уніонистовъ (значитъ, въ общемъ министерство получило въ свое распоряженіе 401 голосъ). противъ 187 либераловъ и 82 ирландцевъ (т.-е. 269 голосовъ оппозиціи). Другими словами—большинство осталось на сторонѣ кабинета почти въ прежнихъ размѣрахъ—132 голоса вмѣсто прежнихъ 130. Но безнадежность пораженія либераловъ обусловливалась тѣмъ, что эти 187 человѣкъ либераловъ вовсе не прошли въ палату подъ однимъ флагомъ: очень многіе изъ нихъ такіе же «либералы», какъ Розбери, который вѣдь тоже съ этимъ именемъ не разстается. Хуже, нежели только пораженіе, выяснили выборы 1900 года и, въ частности, предвыборная кампанія: они обнаружили такой разбродъ партійной мысли, который совсѣмъ лишаетъ насъ права говорить о либералахъ, какъ единой и объединенной организаціи. Объ ирландскомъ гомрулѣ, за немногими исключеніями, говорили мало, бѣгло, наскоро, а съ еще большею готовностью совсѣмъ о немъ не говорили; о «соціальныхъ реформахъ» говорили даже съ нѣкоторымъ жаромъ, но понимали подъ ними (напр., тотъ же лордъ Розбери) вопросъ о жилищахъ для рабочаго класса, новые законы, касающіеся трезвости и налоговъ на спиртные

напитки — и только. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ удивляться не пораженію либераловъ, а тому, что все-таки имъ удалось удержать 187 мѣстъ въ палатѣ. Послѣ выборовъ 1900 года общественное мнѣніе, какъ это весьма характерно, склонилось въ сторону предположеній, что не оффиціальный лидеръ, а лордъ Розбери можетъ одинъ только снова объединить и оздоровить партію. Иначе говоря, — на самаго беззавѣтнаго имперіалиста изъ всей партіи возлагалась миссія помочь либераламъ, которые de jure, по партійному кодексу яко бы продолжали не одобрять имперіализмъ! Гладстоновская традиція, говорятъ сторонники этого мнѣнія, должна быть совершенно и начисто оставлена; либеральная партія должна подчиниться голосу страны, которая выборами 1886 г. сказала, что она не хочетъ ирландскаго гомруля, выборами 1895 года подтвердила это и прибавила, что она хочетъ сохраненія палаты лордовъ, а также энергичной имперіалистской политики, и, наконецъ, выборами 1900 года еще разъ и вполнѣ категорически повторила два первые свои приговора. Партія, — говорятъ они,—должна подчиниться этому рѣшенію, и тогда будущее снова откроется предъ нею; либералы-уніонисты ушли къ консерваторамъ въ 1886 году только потому, что Гладстонъ соединился съ ирландцами; либералы-имперіалисты отчасти колеблются, отчасти соединяются съ правительствомъ въ эти послѣдніе годы только потому, что они хотятъ сохраненія Южной Африки за британскимъ, а не голландскимъ преобладаніемъ. Но всѣ эти либералы, отколовшіеся или собирающіеся уйти отъ своей партіи, не съ легкимъ сердцемъ рѣшались и рѣшаются на этотъ шагъ; они связаны часто съ либеральною партіей не только убѣжденіями, но и семейною традиціей. Есть семьи, представители которыхъ больше двухсотъ лѣтъ, со стюартовскихъ временъ засѣдали между вигами: къ консерваторамъ могла ихъ погнать только очень ужъ важная причина, и едва эта причина устранится, возсоединеніе либераловъ станетъ совершившимся фактомъ. А кому же и взять на себя эту миссію, какъ не лорду Розбери, который искони былъ имперіалистомъ, а съ конца 90-хъ гг. исправился и отъ такого злокачественнаго заблужденія, какъ ирландскій гомруль? Эти голоса, совѣтующіе лорду Розбери ловить моментъ и стать историческимъ человѣкомъ для либеральной партіи, раздавались очень часто въ 1900 — 1901 гг. и, несомнѣнно, будутъ раздаваться и теперь, когда, наконецъ, миръ заключенъ и буры раздавлены. Отъ преданій манчестерской школы экономическій идеалъ либеральной партіи освобождается; отъ гладстоновскихъ традицій партія также освобождается и освободится; и тогда Розбери соберетъ всѣхъ, кто когда-либо называлъ себя либералами, и станетъ во главѣ новой, могущественной партіи,—такова схема будущаго въ глазахъ нѣкоторыхъ заинтересованныхъ этимъ вопросомъ публицистовъ. Въ 1898 году Розбери уже говорилъ о манчестерствѣ, какъ объ «умирающихъ доктринахъ», и теперь, дѣйствительно,

можно сказать, что и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ онъ совершенно «освободился» отъ всѣхъ либеральныхъ традицій. А такъ какъ, по предсказаніямъ многихъ консерваторовъ и либераловъ, и партія стремится къ такому же «освобожденію», то, можетъ быть, дѣйствительно, роль лорда Розбери еще не закончена. Правда, Лабушеръ, Джонъ Морлей и еще одинъ-два крайнихъ не войдутъ въ эту будущую имперіалистскую либеральную партію, но и безъ нихъ дѣло обойдется, признаютъ нѣкоторые изъ боящихся этой эволюціи, а также и изъ мечтающихъ о блестящемъ новомъ будущемъ либеральной фракціи. При этихъ мечтаніяхъ названные «крайніе» («экстремисты», extremists) поминаются весьма пренебрежительно, но и это согласно съ духомъ западно-еврепейскаго нынѣшняго времени: «экстремисты» мало слышны, плохо видны, ихъ немного, они мѣшаютъ однородности картины, о чемъ-то тяжеломъ жалуются, что-то недавнее напоминаютъ и за кого-то посторонняго представительствуютъ, — посторонняго всѣмъ неэкстремистамъ. Вслѣдствіе этого ихъ не слушаютъ... Къ этой фразѣ добавимъ лишь одно слово—пока.

XI.

Безъ этого слова говорить о настоящемъ и выводить изъ него не только ближайшее, но и далекое будущее имѣютъ право только лишь одни сибирскіе шаманы и однородные съ ними мыслители, для которыхъ проникать въ будущее есть самое обыденное занятіе. Да, *пока* либеральная гладстоновская партія разлагается и гибнетъ, *пока* ренегатство и народное недовѣріе жгутъ ее, какъ огонь свѣчку, зажженную съ двухъ концовъ, *пока* Розбери имѣетъ шансы собрать вокругъ себя политическій конгломератъ, который можетъ дать себѣ какую угодно кличку и подъ кличкой начать самостоятельную борьбу съ консервативно-уніонистскимъ большинствомъ; можно даже не считать невозможнымъ и успѣхъ упомянутаго конгломерата въ этой борьбѣ: ибо, несмотря ни на что, министерство Салисбюри и Чэмберлена успѣло возбудить къ себѣ за послѣднія семь лѣтъ достаточно враждебныхъ чувствъ въ населеніи, благодаря разнымъ ошибкамъ и неудачамъ. На почвѣ технической критики дѣйствій правительства имперіалистскій конгломератъ, который можетъ собраться вокругъ Розбери, будетъ въ состояніи наносить противникамъ сильные и успѣшные удары. Но *принципіальнаго* различія между этими двумя борющимися фракціями не разглядитъ невооруженный глазъ.

Вотъ что *пока* возможно ожидать въ самомъ близкомъ, непосредственномъ будущемъ. Это — одна изъ возможностей. Другая состоитъ въ продолженіи владычества консервативно-уніонистскаго большинства впредь до парламентскаго усиленія рабочей партіи, впредь до ея вы-

ступленія въ качествѣ совершенно самостоятельной и серьезной парламентской силы. Но анализъ этой комбинаціи совсѣмъ выходитъ изъ рамокъ нашей задачи.

Гладстоновцы-либералы находятся въ состояніи партіи, тяжко больной въ политическомъ отношеніи: отъ нихъ дезертируютъ, они теряютъ приверженцевъ въ населеніи, ихъ принципы шатаются и умаляются, ихъ враги только потому и объединены между собою, и сильны въ странѣ, что они—ихъ враги. Розбери, сильный, умный и популярный человѣкъ, дѣятель съ крупною политическою репутаціею, ушелъ отъ нихъ, и съ нимъ ушли многіе; его судьба отдѣлилась отъ судебъ его недавнихъ товарищей. Доживутъ ли они до новой, сильной поддержки, до свѣтлой эпохи слiянія или союза съ иною, еще только растущею фракціей, или же сиротливо стушуются и ихъ партія растворится въ правительственнномъ большинствѣ или расчленится на нѣсколько маленькихъ, враждебныхъ между собою и безсильныхъ группъ, — мы не знаемъ. Знаемъ только, что едва ли Розбери снова почувствуетъ надъ собою когда-либо силу завѣтовъ старика, который его такъ любилъ и котораго онъ такъ любилъ. Онъ теперь—въ лагерѣ ликующихъ, торжествующихъ и поздравляющихъ другъ друга съ побѣдою и одолѣніемъ надъ бурами. Мы не видимъ въ ближайшемъ будущемъ причины, почему бы ему пришлось прекратить ликованіе, торжество и поздравленія. Онъ часто въ своихъ рѣчахъ преклоняется предъ силой, мужественностью (virility etc.), настойчивостью и т. д. Его новѣйшія убѣжденія обезпечиваютъ за нимъ такую силу, какъ общественное мнѣніе; правда, они не суть его достояніе особенное, но раздѣляются и министерствомъ, такъ что нужно еще очень и очень много бороться съ такимъ опытнымъ политическимъ спортсмэномъ, какъ Чэмберленъ, чтобы перевести эту силу на свою сторону. Но недаромъ же Розбери дважды былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ юношескаго возраста до 55-ти лѣтъ не сходилъ съ политической арены: бороться онъ умѣетъ и, можетъ быть, мы его и увидимъ еще разъ на министерскомъ посту. Но нашихъ читателей, вѣрно, личная его судьба меньше интересуетъ, нежели судьба оставленныхъ имъ гладстоновцевъ. Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni,—дѣло побѣдителей можетъ сколько угодно покровительствоваться историческимъ фатумомъ, а все-таки многимъ милѣе и ближе дѣло побѣжденныхъ, дѣло Гладстона интереснѣе и важнѣе дѣла Чэмберлена и Розбери. Конечно, дѣломъ побѣжденныхъ грустнѣе интересоваться и заниматься, чѣмъ дѣломъ побѣдителей, но и тутъ нѣсколько утѣшаетъ коротенькое слово, которое непремѣнно должно приставляться къ очень многимъ констатированіямъ настоящаго, уже упомянутое нами слово «пока». Для однихъ оно—угроза, для другихъ—утѣшеніе.

Евг. Тарле.

ЧУЖАЯ КРАСОТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Она была черниговская. И только что пришла, и тамъ за ней остались ридный батько, и стара маты, и гай, и Левко. И пѣла она черниговскія пѣсни про гай и стару маты, пѣла, что она бідна дивчина, пришла искать доли у синяго моря.

Синее море вздыхало. Волна за волной бѣжали на берегъ тяжелыя, холодныя волны и уходили назадъ и тяжко вздыхали. Снова бѣжали синія волны съ бѣлыми гребнями, снова бились о каменистый берегъ, и неслись на землю, къ высокимъ горамъ глухіе, протяжные вздохи.

Она стояла въ окнѣ, залитая яркимъ весеннимъ солнцемъ— босоногая, съ голыми руками, съ разноцвѣтнымъ монистомъ на шеѣ и пѣла; смотрѣла на синее море, опять пѣла и тонкое гибкое тѣло, казалось, висѣло въ воздухѣ. Вѣтеръ шевелилъ бѣлокурыми волосами, крупныя, пахучія лиловыя кисти только что распустившейся глициніи бились объ ея лобъ; тонкій голосокъ былъ грустенъ и синіе глаза были печальны, потому что они были еще черниговскіе и пѣсни дѣвушки были черниговскія.

— И чого воно, барыня, журится?

— Что такое? Кто журится?

Барыня подняла на лобъ очки и оторвалась отъ книги.

— То воно-жъ, море... Все бьется, все бьется... И николи покою не знаетъ.

Дѣвушка кончила перетирать стекла, совсѣмъ подалась впередъ и повисла, какъ птица, и казалось, какъ птица, вотъ-вотъ оторвется отъ окна и полетитъ въ сіявшую даль весенняго утра, въ широкій просторъ глухо шумѣвшаго и сверкавшаго на солнцѣ зелеными, синими, бѣлыми полосами моря.

— Слѣзай, Одарка, сейчасъ слѣзай, упадешь!

Старая барыня испугалась и поднялась съ кресла.

Тоненькая, худенькая дѣвушка спрыгнула на полъ, отчего монисто зазвенѣло на ея голой шеѣ и весело и радостно разсмѣялась.

— Бачили, барыня?—Она вынула изъ волосъ великолѣпную палевую, еще не померкшую розу.—Иду я садомъ и сорвала... И не бачила, что садовникъ тутъ, старый... Поймалъ меня и говоритъ: «Какъ ты смѣешь рвать?» Такій сердитый... А я ему и кажу: Чого жъ вона така красива? Я жъ не можу. Отпустилъ, смѣется.

Она поднесла розу къ своему лицу и сладко нюхала, и глаза ея жмурились, какъ жмурятся отъ солнца.

— Развѣ можно рвать цвѣты въ чужомъ саду?—строго и наставительно говорила старая барыня.—Смотри, другой разъ достанется тебѣ!

— Я жъ, барыня, не можу. Иду, а вона така красива, така красива... Красивѣйшая изъ всихъ.

Складка легла между бровями, и лицо сдѣлалось суровое и стало смѣшно этою складкой и этою суровостью. Дѣвушка наклонилась къ барынѣ и упорно, и напряженно повторяла:

— Я жъ, барыня, не можу, не можу.

Она метнулась въ кухню и подала барынѣ кофе, задѣвъ локтемъ подносъ съ перечищенною наканунѣ посудой, отчего стаканы зазвенѣли, и снова разсмѣялась.

— А вчора, барыня, въ театрѣ... Вотъ смѣху было! Кацаповъ представляли... Вывели ихъ, барыня,—бороды лохматыя. какъ мочалка, пьяны та поганы... И говорятъ вотъ какъ: «Чаво, Овдотья?» И, кажемъ, барыня — бурякъ.... Вы-жъ, барыня знаете, всимъ же звистно,—бурякъ.... А воны кажутъ: «Свё-ёкла!» Таки поганы!... А бабы толстыя, якъ печь.

Старая барыня устала жить. Она много жила и много радовалась, и отъ всѣхъ ея радостей осталась одна печаль, и отъ многихъ думъ осталась одна—дума о черной стѣнѣ, которая скоро отдѣлитъ её отъ свѣтлаго дня.

У ней были дѣти, но дѣти разлетѣлись по свѣту и завили свои гнѣзда, и была она одинока, и большой пустынный домъ былъ слишкомъ великъ и тяжелъ для одинокой старой барыни. Въ покинутомъ остывшемъ сердцѣ становилось веселѣе и теплѣе отъ молодого радостнаго смѣха, отъ смѣшного набѣгающею суровостью юнаго личика, и старая барыня выбрала Одарку горничной именно потому, что у ней было юное, гибкое, трепещущее тѣло и молодой радостный смѣхъ, и вся она, какъ радуга, свѣтилась красками жизни, пѣла еще черниговскія пѣсни и посылала ридному батькѣ свое жалованье

Старая барыня смѣялась и говорила:

— Ну, а вашихъ представляли?

— Хохловъ?—дѣвушка улыбнулась.—А якъ же? Парубки таки гарны...

Она затихла, лицо у нея сдѣлалось нѣжное, она медленно и осторожно разглаживала складки скатерти на столѣ и говорила тихимъ и медлительнымъ голосомъ:

— А дивчины таки красивы. Въ намистахъ, цвѣты на головахъ... И пѣли и танцували, танцували...

Она говорила, что ей девятнадцать лѣтъ, хотя по паспорту значилось семнадцать. Глаза у нея были синіе, загоравшіеся и потухавшіе, бѣлокурые волосы вились вокругъ бѣлаго личика, и мускулы ея тѣла играли и радовались. Она представляла, какъ шатался пьяный москаль, и какъ двигалась по сценѣ толстая, какъ печь, баба, и когда говорила, что садовникъ сердитый, лицо ея на мгновеніе становилось сердитымъ, и она такъ рѣшительно и настойчиво увѣряла старую барыню, что она не могла не сорвать красивѣйшую изъ всѣхъ розу.

И была она, какъ свѣтлая радуга, была она, какъ водная зыбь, и колыхалась, и трепетала, и отражала въ себѣ и темное облако, и свѣтлое солнце и черниговскую вербу, и южную лучезарную розу.

II.

Тамъ, въ томъ приморскомъ городѣ, была красота. Небо тамъ было голубое, безоблачное, и звѣзды ночныя—большія и яркія, тамъ были горы синѣющія, море немолчное, покоя не знающее, розы лучезарныя, деревья вѣчно зеленыя. Красота была чужая. Чужіе были море и горы, чужое было небо, чужія звѣзды, чужіе цвѣты Красота все разгоралась. Поблекли робкія фіалки, померкли нѣжные миндали, покрыли землю лиловыми лепестками осыпавшіяся глициніи, расцвѣтали душистыя бѣлыя акаціи, золотымъ дождемъ повисли надъ оградами желтыя акаціи, и розы открывали свои свѣтлыя лица, и распускались огромныя бѣлыя чашки цвѣтовъ магноліи съ ихъ тяжелымъ запахомъ. Въ воздухѣ стоялъ густой и неподвижный арамать. Море нашло свой покой и легло безконечное, безмолвное и недвижимое.

Стало шумно въ городѣ. Пріѣзжали люди съ холоднаго сѣвера и жадными глазами смотрѣли на южное небо, синѣющія горы, казалось, гдѣ-то тамъ они оставили свои дѣла, свои печали, свои заботы и пріѣхали сюда на свѣтлый праздникъ, на свадебный пиръ. Они надѣвали свои лучшія праздничныя платья и цѣльными днями сидѣли у моря, летали экипажи въ горы, носились амазонки и до балкона доносился короткій торопливый топотъ кавалькадъ.

Изъ сада неслась музыка и изъ гостинницы неслась музыка, и когда замолкала одна, начинала другая.

Когда потухалъ день, разгоралась ночь. Какъ темно-бархат-

ная риза съ золотыми звѣздами, опускалась она на землю и море, все гремѣла музыка, горѣли электрическіе фонари, слышался торопливый топотъ кавалькадъ, взлетали въ темно-бархатное небо яркіе снопы свѣта и громко взрывались и падали надъ моремъ красными, синими и зелеными звѣздами. Ночью особенно сладко пахли розы и бѣлыя акаціи, ночью раскрывались огромные бѣлые цвѣты магноліи и лили тяжелый смутный ароматъ. Ночи были ароматныя, звучныя и праздничныя.

Наполнялся домъ старой барыни. Пріѣхала изъ чужихъ земель барынина дочь, которой скучно было жить на свѣтѣ, и потому она все ѣздила по чужимъ землямъ, пріѣхалъ дочернинъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебряными шпорами, появились гости, и пустынный домъ старой барыни наполнился жизнью, шумомъ и весельемъ.

Они поздно вставали и кушали, а потомъ качались на балконѣ въ креслахъ и разговаривали, а потомъ опять сладко кушали, и коляски ждали ихъ у подъѣзда, и уѣзжали они въ горы. А вечеромъ накрывался столъ и на столѣ были хрусталь и серебро, цвѣты въ большихъ вазахъ и корзины съ фруктами, и горѣли свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ

Кругомъ стола сидѣли люди въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ золотыми эполетами, съ разноцвѣтными камнями въ кольцахъ и вели разговоры на непонятномъ языкѣ, звучавшемъ, какъ музыка.

Были они вѣжливы и деликатны, кавалеры цѣловали руки дамъ, и обмѣнивались они улыбками и взглядами, и радовались, и пировали.

Былъ разъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, съ большими глазами и говорилъ стихи, словно пѣлъ, и концы словъ звучали, какъ музыка. Онъ все смотрѣлъ на лѣвый уголъ буфетнаго шкафа, туда, гдѣ была паутина, которую наканунѣ велѣла убрать барыня, но Одарка обошла кругомъ и убѣдилась, что черный господинъ не видитъ паутины, и стала слушать. Слова звучали, какъ музыка, стихъ былъ, какъ пѣсня,—сердце Одарки дрожало, и она не замѣчала, какъ недопитая чашка кофе разливалась по подносу, который она держала въ рукахъ.

Въ тотъ вечеръ, когда она ложилась спать, она сладко жмурилась, какъ будто нюхала розу, и говорила подушкѣ:

«Рѣчи-претечи»,

а когда утромъ проснулась, выговорила: «Претечи-рѣчи» и радостно засмѣялась. Тутъ же вспомнила, какъ наканунѣ татаринъ покупалъ въ лавкѣ сахаръ и сказалъ: «сахаръ-махаръ», и вспомнила, что татары всегда прибавляютъ къ слову «чаиръ»—«маиръ», а за обѣдомъ Арина сказала: «шуры-муры». И стала она вспоминать, стала подбирать красивыя согласныя слова, которые звучали, какъ музыка, и ей было пріятно повторять ихъ.

Сердце у нея дрожало, когда она видѣла, какъ дочернинъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебрянными шпорами, почтительно наклонялся и цѣловалъ руку дамъ, она не могла уйти изъ комнаты, гдѣ пировали люди, и все смотрѣла, и все слушала чужую рѣчь, какъ музыка, все хотѣла проникнуть въ смыслъ непонятныхъ словъ, и, случалось, чашка со звономъ падала на полъ съ ея подноса. Дѣвушка вытянулась и поблѣднѣла, и синіе глаза стали темнѣе и больше. Она не «бачила» и не «казала», все старалась говорить русскія слова, и не пѣла черниговскихъ пѣсенъ. И не посылала денегъ ридному батькѣ, ей нужно было—она не могла—купить желтые ботинки и черную кружевную косынку, которую носили первыя горничныя въ городѣ, платье, обтянутое въ таліи, и бѣлый чепчикъ, и перчатки, и брошку съ самоцвѣтными камнями.

И сердце Одарки дрожало, и вся она трепетала,—въ ней просыпалась красота.

III.

Потомъ пріѣхала барынина племянница. Объ ней говорили, что она артистка, и Одарка знала, что значитъ это слово. Было на ней простенькое сѣренькое платьице, была она тоненькая, какъ былиночка, было у нея бѣлое, какъ мѣлъ, усталое лицо и черные печальные глаза. И ходила она по комнатамъ медлительными шагами, нагибаясь, какъ былиночка, и говорила тихимъ, усталымъ голосомъ.

Въ тотъ день вечеромъ опять былъ столъ, снова были гости, и опять человѣкъ въ черномъ глядѣлъ на лѣвый уголъ буфетнаго шкафа и говорилъ ,какъ пѣлъ, и говорилъ «рѣчи-претечи». Послѣ поднялся споръ, спорили всѣ разомъ, потомъ заговорила барынина племянница, всѣ замолчали и стали слушать. И голосъ у нея былъ звонкій и сильный, не было въ ней слабости, не было печали въ лицѣ, и черные глаза блестѣли. Она говорила—и Одарка жадно слушала и ловила полупонятныя слова—говорила, «что красота есть святость, и что нужно взять отъ жизни всю красоту ея». Тогда всѣ начали хлопать въ ладони,—и черный господинъ, и дочернинъ мужъ, и гости, только старая барыня наклонилась низко надъ столомъ и не хлопала въ ладони, и сидѣла молчаливая и печальная.

Когда утромъ Даша вытряхивала платье барыниной племянницы, она увидѣла, что подъ сѣренькимъ простенькимъ платьемъ была красная, какъ малина, дорогая шелковая юбка, и поняла, почему чуть слышно шуршало на ходу сѣренькое платье. Тогда Даша задумалась, нѣсколько дней ходила серьезная, съ сдвинутыми бро-

вями и потомъ поняла, и предъ нею шире раздвинулась область изящнаго. Она заперла въ сундукъ вмѣстѣ съ черниговскимъ платьемъ свою кружевную косынку и яркую брошку, вынула изъ ушей серьги съ самоцвѣтными камнями и выучилась у подруги завивать волосы. Когда пріѣхала съ визитомъ толстая дама въ атласномъ платьѣ, звенѣвшимъ стеклярусомъ, громко смѣялась и широко размахивала руками, и послѣ племянница сказала «вульгарно», Даша поняла, что это значитъ и почему сказано.

Съ тѣхъ поръ начала она ходить по пятамъ за барыниной племянницей, смотрѣть ей въ лицо, смотрѣть, какъ она ходитъ, какъ смѣется, какъ молчитъ и какъ говоритъ. И чѣмъ больше смотрѣла Даша, тѣмъ больше понимала она, тѣмъ шире развертывалась предъ нею красота.

Разъ она принесла барининой племянницѣ букетъ изъ дальняго сада, гдѣ жила ея подруга, дочь садовника, и гдѣ росли рѣдкіе цвѣты, и она видѣла, какъ тонкіе пальцы быстро перемѣшали цвѣты, и букетъ сталъ другимъ, и новая красота явилась въ букетѣ. Другой разъ, когда Даша, одѣтая и причесанная, чтобы идти на свадьбу къ той своей подругѣ, зашла въ комнату барыниной племянницѣ, та остановила ее, распустила ея волосы, снова убрала, надѣла на нее ленточку, только маленькую, синенькую ленточку, и сказала:

— Вотъ вы теперь, Даша, какъ василекъ во ржи...

Когда Даша взглянула на себя въ зеркало, она увидѣла совсѣмъ другое лицо, — другой былъ лобъ, иначе глядѣли глаза. Она сначала не понравилась себѣ, но тамъ, на свадебномъ пиру—ея подруга выходила за приказчика—гдѣ были приказчики и армяне въ дорогихъ перстняхъ, и дамы декольтэ, и изъ главной гостинницы метръ-д'отель во фракѣ, тамъ всѣ смотрѣли на нее, и всѣ кавалеры хотѣли танцовать съ нею, и тогда она поняла себя.

Звали барынину племянницу Мирра, по отчеству Валентиновна. Въ домѣ сразу стало шумно, гости начали пріѣзжать съ утра, гости все говорили о вечерѣ въ театрѣ, гдѣ будетъ читать Мирра Валентиновна. Привезли съ парохода огромный сундукъ, и сундукъ казался бездоннымъ. Тамъ были платья черныя, какъ ночь, и бѣлыя, какъ снѣгъ, и какъ только что распустившаяся сирень, и желтое, какъ золото; тамъ были безчисленныя кофточки, какъ цвѣты въ букетѣ, и шелковыя юбки, которыя нѣжно шелестѣли между пальцами Даши, тамъ были удивительныя ботинки на высокихъ каблучкахъ, боа и вѣера. Потомъ Даша вынимала въ золотыхъ оправахъ драгоцѣнные камни,—и красные, какъ кровь, и блѣдно-голубые, какъ незабудки, и матовый жемчугъ, и искрящіеся бриліанты. Когда Даша развѣсила платья по стѣнамъ

и разложила на столѣ драгоцѣнности, лицо ея было красное и глаза влажные, туманные и вся она была, какъ пьяная.

Потомъ онѣ стали выбирать платье, и обѣ были строгія, и задумчивыя. Артистка выбрала, наконецъ, себѣ костюмъ.

На ней было бѣлое матовое платье, крупный жемчугъ обвивалъ шею, и тяжелыя жемчужины слабо блестѣли въ ушахъ, темные, безъ блеска, волосы, чуть завитые и чуть поднятые надъ бѣлымъ матовымъ лбомъ, были перевиты ниткой жемчуга, и блѣдныя, чуть розовѣвшія розы тянулись гирляндой отъ корсажа къ подолу платья. Глаза были большіе и черные и словно горѣли на блѣдномъ лицѣ. Въ рукахъ у нея была маленькая новая книжка, Мирра Валентиновна ходила по комнатѣ и говорила, какъ пѣла, и Даша стояла съ открытымъ ртомъ, и жадно глотала слова:

«Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
«И дрожали ступени подъ ногой у меня».

Артистка все ходила по комнатѣ и говорила-пѣла, потомъ подошла къ зеркалу, смотрѣла на себя, и говорила:

«И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
«И дрожали ступени подъ ногой у меня».

Матовый жемчугъ мерцалъ въ волосахъ, черные глаза сіяли, и вся она была, какъ царица, гордая и великолѣпная.

Потомъ она долго ходила по комнатѣ усталыми шагами, обмахиваясь вѣеромъ, взяла съ полки книгу, большую старую книгу, и, стоя, читала ее у лампы и снова подошла къ зеркалу. Лицо ея сдѣлалось печальнымъ, губы сложились жалобно, и горестнымъ голосомъ проговорила она:

— «Работай! работай! работай!»

Она снова смотрѣла въ большую старую книгу и говорила:

— «Работай! работай! работай!»

Потомъ Даша видѣла, какъ артистка сняла и бросила на кушетку великолѣпную гирлянду блѣдно-розовыхъ розъ, сняла съ себя кольца и жемчугъ, воткнула въ волосы одну, только одну красную гвоздичку и осталась въ бѣломъ платьѣ безъ украшеній, осіянная тихимъ сіяніемъ красной гвоздички, и еще печальнѣе сказала въ зеркало:

— «Работай! работай! работай!»

Сердце Одарки дрожало, и большіе синіе глаза ея не отрывались отъ бѣлой фигуры съ красною гвоздичкой въ черныхъ волосахъ.

Въ дверь постучались, въ комнату вошелъ дочернинъ мужъ въ золотыхъ эполетахъ, съ серебряными шпорами. Даша не могла уйти въ свою комнату—это было выше ея силъ—и осталась въ корридорчикѣ, слушала и смотрѣла.

— Пора ѣхать—говорилъ мужской голосъ.—Это вы на bis?

Даша уже знала что значитъ bis.

— И охота вамъ шевелить старую ветошь.

Печальное лицо артистки было уже не печально, черные глаза сіяли, и розовыя губы задорно смѣялись и говорили:

— Много вы понимаете!

Даша видѣла, какъ онъ, въ золотыхъ эполетахъ, съ звенящими шпорами, запрокинулъ назадъ темную головку съ красною гвоздичкой и цѣловалъ ее въ губы, и говорилъ:

-- Я не понимаю?.. Я понимаю...

И снова цѣловалъ, и снова говорилъ:

— Я понимаю... Я очень понимаю...

Она цѣловала его и маленькими, затянутыми въ бѣлую перчатку, пальчиками трогала его за усъ и шептала:

— Ничего... Ничего... Ничего...

IV

Барынина племянница накинула на себя боа, надѣла шляпу съ бѣлыми страусовыми перьями и уѣхала. За нею уѣхали барынина дочь и мужъ ея, и господинъ. въ черномъ сюртукѣ, и старая барыня, и въ домѣ стало пусто и тихо.

Даша заперла дверь, вернулась къ большому трюмо, передъ которымъ одѣвалась артистка, долго стояла и смотрѣла на себя въ зеркало, и брови ея сдвинулись и лицо поблѣднѣло. Она все смотрѣла упорно, не отрываясь, смотрѣла на себя, а руки ея шарили по столу, нашли жемчужныя серьги и вдѣли въ уши; она все продолжала смотрѣть на себя и, такъ же не отрываясь отъ зеркала, разстегнула и спустила юбку, гнѣвнымъ пинкомъ ноги отбросила ее въ уголъ, сбросила кофточку и надѣла бѣлое блестящее платье артистки, которое та въ послѣднюю минуту отдумала надѣвать. На шеѣ у нея былъ жемчугъ, волосы у нея были перевиты жемчугомъ, гирлянда розъ протянулась отъ корсажа къ подолу и былъ вѣеръ въ рукахъ. Тогда она ушла отъ трюмо, отворила настежь двери, зажгла свѣтъ во всѣхъ комнатахъ и ходила граціозными плывущими шагами по анфиладѣ комнатъ. Глаза ея сіяли, она улыбалась и, когда проходила мимо зеркала, кланялась себѣ и протягивала руку для поцѣлуя, а потомъ снова вернулась къ трюмо и снова долго смотрѣла на себя. Глаза ея померкли, лицо стало печальное и усталое и голосомъ тоски и печали, напряженнымъ голосомъ, проговорила она: «Работай! работай! работай!..»

Она вздрогнула и обернулась. Въ дверяхъ стояла кухарка и громко разсмѣялась.

— На-кось! Какая принцесса... Увидитъ барыня, задастъ тебѣ!

Тогда дѣвушка въ бѣломъ платьѣ окинула, какъ принцесса, презрительнымъ взглядомъ стоявшую въ дверяхъ раздѣтую, заспанную, нечистую кухарку и строго и надменно сказала ей:

— А ты на что? Иди, стереги!

И было что-то въ лицѣ ея и въ голосѣ, отчего Арина перестала смѣяться и словно сконфузилась, покорно пошла на балконъ стеречь и тихо шептала:

— Мнѣ что? Развѣ я што-нибудь... Постерегу.

Но дѣвушкѣ въ бѣломъ уже было скучно, она скинула съ себя платье, надѣла свою кофточку и кое-какъ натянула валявшуюся въ углу юбку. Она ушла, потушила огонь въ комнатахъ, снова вернулась и начала раскладывать вещи такъ, какъ онѣ лежали раньше. Медленно и трудно кольцо, за кольцомъ, снимала она со своихъ пальцевъ, и когда осталось на мизинцѣ самое маленькое колечко съ синенькимъ камешкомъ, она не сняла его. И когда раскладывала на столѣ жемчугъ, долго смотрѣла на него и перебирала пальцами—жемчугъ слабо шуршалъ и переливался матовымъ блескомъ и отдѣлила одну нитку ,ту самую, которая была въ волосахъ,—спрятала на груди у сердца, за лифомъ.

Изъ театра долго не возвращались. Даша сидѣла на кровати маленькой комнаты для прислуги, подобравъ подъ себя ноги, какъ кошка, и смотрѣла прямо передъ собою на греческаго полководца, висѣвшаго предъ нею на стѣнѣ. Глаза у нея были мутные и усталые, лицо сѣрое и скучное, и не было больше принцессы, а была только бидна дивчина, худенькая и тоненькая. Арина, какъ всегда, говорила свои тягучія, скучныя слова и обижалась, что Даша не поддерживаетъ обычнаго разговора.

— Опять двѣ тарелки разбила... Терпитъ, терпитъ барыня, да и прогонитъ. Кто тебя возьметъ? Попадешь къ купцу...

Даша молчала и смотрѣла на греческаго полководца.

— И объ чемъ ты, глупая, думаешь?

— О чемъ?—Даша вздохнула.—Коли-бъ я знала, о чемъ...

Ея мизинцу было неловко и тѣсно, она все прятала лѣвую руку за спиной и клала ее такъ, чтобы мизинцу было легче и свободнѣе, и когда мѣняла положеніе, слышала, какъ жемчугъ шуршалъ у сердца, и потому сидѣла неподвижно и все смотрѣла на греческаго полководца.

— Коли-бъ я знала...—снова выговорила она и снова вздохнула.

Кухарка была орловская, и умъ у нея былъ орловскій—серьезный и положительный—и все говорила она слова благоразумныя и разсудительныя.

— Глупа ты, дѣвка! ума-то у тебя мало... Тоже разодѣлась барыней! Знаешь свою линію и веди её... И живи, какъ люди живутъ...

Мизинецъ сдѣлался горячій, и ему было тѣсно, Даша положила

руку съ синенькимъ камнемъ на мизинцѣ на столъ, ей сдѣлалось легче, и сердце часто и сильно билось о жемчугъ.

— Коли-бъ я могла жить, какъ люди живутъ? Мамынька моя ридна!—Крикнула она и замолчала. Глаза ея были мутны, лицо сдѣлалось дикимъ и грубымъ.—Я-жъ знаю, какъ люди живутъ... Я-жъ понимаю, какой разговоръ, какое обращеніе у настоящихъ людей...—Она вздохнула всею грудью и смотрѣла большими глазами прямо въ лицо кухаркѣ.—Къ купцу!..—Захочу, буду барыня, и все будетъ у меня.

Кровать шаталась подъ смѣявшеюся кухаркой, и хриплый голосъ говорилъ:

— Да кто тебѣ дастъ, дура!

Даша ужъ устала и отвѣтила скучнымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Карапетъ...

Кухарка перестала смѣяться, поднялась на локтѣ и съ широко открытыми глазами спросила:

— Карапетка? Процентщикъ? Старикъ?

— Онъ.

Въ передней раздался громкій звонокъ. Д ша вскочила съ кровати и задрожала, долго стояла, вытянувшись, съ неподвижными глазами, и прежде нежели выйти, наклонилась къ кухаркѣ и тяжело, сдавленнымъ шопотомъ, проговорила:

— Я-жъ не можу... Я-жъ не можу...

V.

Она не могла. Сначала старая барыня получила письмо отъ племянницы, уѣхавшей на другой день послѣ театра, письмо, съ просьбой поискать забытыя ею нитку жемчуга и кольцо съ сапфиромъ. Племянница прибавляла, что она не увѣрена, не украли ли у нея вещи въ гостинницѣ въ другомъ городѣ, гдѣ она останавливалась по дорогѣ.

Старая барыня послала ей двадцатипятирублевую бумажку, найденную Дашей въ сору послѣ ея отъѣзда, но писала, что вещей не оказалось. Потомъ дочь просила въ письмѣ прислать боа, забытое, какъ она думаетъ, въ минуту отъѣзда въ передней на вѣшалкѣ.

Тогда старая барыня обезпокоилась и стала пересматривать свои вещи. Деньги, которыя часто не запирались, и серебро, бывшее на отвѣтственности Даши, оказались въ цѣлости, но пропала брошка съ крупнымъ рубиномъ, дорогая барынѣ по воспоминаніямъ, не оказалось еще нѣсколькихъ мелкихъ бездѣлушекъ.

Вмѣстѣ съ Дашей онѣ перерыли всѣ комоды и старыя шкатулки, и нигдѣ пропавшихъ вещей не нашлось. Старая барыня рѣшила, что украла вещи портниха, которую брали на домъ, когда жила барынина дочь, и дѣло, вѣроятно, заглохло бы, если бы кухарка, вспомнившая сапфиръ на мизинцѣ Даши и винившая ее въ охлажденіи дворника Василія, съ которымъ она жила, какъ въ законѣ, не разсказала барынѣ о сценѣ съ переодѣваніемъ и о сапфирѣ и не высказала рѣшительнаго мнѣнія, что украла вещи Даша. Когда вскорѣ Даша нашла въ углу комоднаго ящика брошку съ рубиномъ, барыня приказала ей найти всѣ вещи и сказала, что пошлетъ за полиціей, если все не окажется налицо. Пять дней Даша рылась по комодамъ и шкафамъ и постепенно были найдены и боа, и кольцо съ сапфиромъ, и мелкія драгоцѣнности, даже такія, о которыхъ барыня не помнила, и лицо у Даши становилось все печальнѣе, но нитки жемчуга не было найдено. И чѣмъ больше находилось вещей, тѣмъ сердитѣе становилось лицо старой барыни, и голосомъ, какимъ она никогда не говорила, она повторила, что пошлетъ за полиціей. Еще полъ дня металась Даша, какъ дикая, съ безумными глазами, открывала всѣ шкафы и всѣ шкатулки, и свой сундукъ, чтобы барыня видѣла, что нигдѣ нѣтъ и не можетъ быть нитки жемчуга, и только черезъ полъ дня принесла жемчугъ, и крупныя слезы капали на жемчугъ изъ глазъ Даши.

Въ домѣ появилась другая Даша, но былъ грустенъ и молчаливъ пустынный домъ, и стало еще болѣе пусто и холодно въ сердцѣ старой барыни. Она разъ на всегда запретила кухаркѣ сообщать какія-нибудь свѣдѣнія о Дашѣ, которыя кухаркѣ такъ хотѣлось сообщить—старая барыня не хотѣла знать.

Однажды она была за городомъ, впереди ея ѣхала коляска, и старой барынѣ видны были сѣдой широкій армянскій затылокъ и одѣтая въ бѣлое худенькая женская фигура, показавшаяся знакомою. На шеѣ было боа, бѣлокурые волосы вились изъ-подъ бѣлой шляпы со страусовыми перьями. Старая барыня была не увѣрена,—она не хотѣла быть увѣренною.

VI.

То лѣто было жаркое и сухое, и народилось много бабочекъ, маленькихъ бѣленькихъ бабочекъ. Когда спускалась надъ горами и моремъ, черная, густая, плотная южная ночь, безчисленное количество бѣленькихъ бабочекъ наполняло балконъ, гдѣ сидѣла старая барыня, и вились онѣ тучами около лампы, падали въ лампу, падали мертвыми на полъ, и тучами выметала горничная по утрамъ

мертвыя бабочкины тѣла. Старой барынѣ было жалко бабочекъ, ей хотѣлось знать, что ихъ тянетъ, зачѣмъ летятъ онѣ къ лампѣ, нужно ли имъ тепло, или только свѣтъ, только красота свѣта. Она унесла лампу въ комнату, поставила за двойныя рамы въ окно, выходившее на балконъ, и убѣдилась, что наружное стекло было холодно. Бабочки снова летѣли на балконъ, и холодное стекло потемнѣло отъ множества бабочекъ, облѣпившихъ его и сидѣвшихъ неподвижно, словно прилипшихъ къ стеклу. И старой барынѣ казалось, что онѣ смотрятъ на свѣтъ тамъ, за двумя рамами, большими расширенными глазами, и бабочкины сердца бьются тревожно и напряженно.

Горе повисло надъ сѣдою головой старой барыни, сонъ покинулъ ее, и длинными часами сидѣла она по ночамъ въ креслѣ на своемъ балконѣ. Черная бездна ночи окружала ее, глухіе, тяжкіе вздохи неслись изъ глубины бездны, и думала старая барыня, что ей пора уходить въ эту густую плотную, безпредѣльную ночь...

А изъ глубины черной ночи, трепеща бѣлыми крылышками, какъ хлопинки снѣга, все неслись и неслись бѣленькія бабочки къ тому свѣту за двумя рамами, къ тому керосиновому свѣту, и садились все на то же потемнѣвшее стекло, и приникали къ стеклу, и сидѣли долго и недвижимо.

И такъ же умирали, и такъ же горничная выметала по утрамъ мертвыя тѣльца съ поникшими бѣлыми крылышками.

С. Елпатьевскій.

РОСЫ.

(Изъ Красинскаго).

Пали, пали ро̀сы чистыя,
Задымились въ теплой мглѣ
Слезы свѣтлыя, лучистыя
Въ небесахъ и на землѣ.

Засверкали ели стройныя,
Иглы темныя зажгли
И купаютъ вѣтви хвойныя
Въ діамантовой пыли.

Сѣетъ звѣзды въ изобиліи
Ночь въ лазури, на листахъ...
Тише, другъ! Блѣднѣютъ лиліи,
Соловей замолкъ въ кустахъ.

Только рѣютъ тихострунные
Звуки пѣсни неземной,
Будто эльфы въ ночи лунныя
Надъ заснувшею волной.

Рѣютъ тѣни невозвратныя
Въ зыбкомъ сумракѣ ночей...
Слезы, слезы благодатныя,
Лейтесь, лейтесь изъ очей!

Здѣсь, внизу—тропы огнистыя;
Путь алмазный—надо мной.
Пали, пали росы чистыя,
Небеса слились съ землей.

К. Бархинъ.

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

10.

У конюшенъ накладывали навозъ на телѣги, а въ саду съ ранняго утра чинили заборъ. Садовникъ же требовалъ двухъ рабочихъ для перекопки грядъ подъ овощи. Такъ какъ свободныхъ людей не оказывалось, то Арнольдъ вызвался самъ исполнить эту работу, взялъ лопату и въ одномъ жилетѣ принялся на осеннемъ солнышкѣ копать грядки. Въ воздухѣ носились бѣлыя нити; кошка, поднявъ кверху хвостъ, съ мяуканьемъ терлась у его ногъ; онъ обливался потомъ, а надъ его головой съ жужжаніемъ носилась цѣлая масса мухъ, досаждая ему. Онъ же копалъ себѣ да копалъ, переворачивалъ черные земляные пласты и ни о чемъ не думалъ и ни на что не смотрѣлъ. Время отъ времени подходилъ къ нему садовникъ, останавливался на минутку, съ усмѣшкой косился на его работу, перебрасывался словечкомъ, другимъ, а потомъ, переложивъ трубочку изъ одного угла рта въ другой, вновь принимался за собственное дѣло. Куры съ кудахтаньемъ со всѣхъ сторонъ собрались около Арнольда, такъ какъ по вспаханной землѣ извивались красные дождевые черви. Когда солнце начало садиться, Арнольдъ бросилъ лопату, натянулъ куртку и, спросивъ у Урсулы кусокъ хлѣба, отправился въ Падолинъ, по дорогѣ утоляя голодъ.

Его шагами управляла невѣдомая ему самому сила. Придя въ село, онъ съ удивленіемъ началъ раздумывать, куда же собственно онъ собрался идти.

Смеркалось. На улицѣ было мало народу. Мимо прошелъ человѣкъ, черезъ плечо котораго была перекинута палка, а на ней за ноги подвѣшены два козленка. Оба они попеременно [кричали, точно жалуясь или вопрошая о чемъ-то другъ друга. Арнольдъ съ равнодушнымъ любопытствомъ посмотрѣлъ этому человѣку вслѣдъ; въ это время за

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1903 г.

его спиной раздался стукъ въ окно. Обернувшись онъ увидалъ Шпехта. Учитель отворилъ окно крохотнаго трактирчика, въ которомъ сидѣлъ, и сталъ звать Арнольда составить ему компанію. Тотъ не сразу послѣдовалъ приглашенію, но потомъ все же вошелъ въ душное и темное помѣщеніе и молча сѣлъ рядомъ со Шпехтомъ. Когда хозяинъ трактира поставилъ передъ нимъ стаканъ чая, онъ утвердительно кивнулъ головой. Кромѣ ихъ, двоихъ, никого не было. На скамьѣ, рядомъ со Шпехтомъ, лежала маленькая собачка-крысоловка; она было подняла голову и заворчала, но потомъ сейчасъ же опять заснула. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Максимъ Шпехтъ видимо боролся съ собою, но, наконецъ, не выдержалъ и сказалъ:

— Сегодня у меня очень скверно на душѣ: я узналъ нѣчто очень нехорошее. Слушайте: можетъ быть, когда-нибудь, я раскаюсь въ своей болтливости, но чортъ побери тѣхъ людей, что могутъ все таить внутри себя.

Арнольдъ насторожился и съ напряженіемъ слѣдилъ за губами учителя.

— Вѣдь вы знаете Беату?

При этихъ словахъ тотъ отвернулся и равнодушно кивнулъ головой. Шпехтъ положилъ ему руку на плечо и произнесъ:

— Я не преувеличиваю, Арнольдъ, но если есть на свѣтѣ воплощенная безсовѣстность, такъ это она, эта семнадцатилѣтняя колдунья. Что я вынесъ изъ-за нея! Но теперь баста! Впереди меня ждетъ совсѣмъ другое. И онъ ухватился рукою за лобъ, губы его дрожали, а въ глазахъ и теперь уже свѣтились стыдъ и раскаяніе за свою откровенность. Лицо внезапно приняло холодное выраженіе, и весь его свѣтскій лоскъ особенно ярко выступилъ наружу, когда онъ произнесъ:

— Надѣюсь вы съумѣете молчать. Мы не имѣемъ права подвергать женщину даже пересудамъ, тогда какъ онѣ насъ доводятъ до сумасшествія.—И горько усмѣхаясь, онъ сталъ теребить свои тонкіе, бѣлокурые усики.

Арнольдъ, которому были совершенно непонятны такого рода огорченія, слушалъ его разсѣянно. Ему казалось, что изъ-за тоненькой малокровной дѣвушки доводить себя до краски стыда совершенно не стоитъ, и ему было стыдно за Шпехта.

Съ четверть часа просидѣли они молча; хозяинъ зажегъ лампу. Наконецъ Арнольдъ нагнулъ голову впередъ, взялся двумя пальцами за подбородокъ и спросилъ:

— Когда же отдадутъ приказъ освободить дѣвушку?

— Какую дѣвушку?—вздрогнувъ, переспросилъ учитель.—Вы говорите о дочери Аляссера? Не знаю.

Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что Арнольдъ больше интересовался постороннимъ происшествіемъ, нежели его лично, Максима Шпехта, дѣломъ.

— А кто, какъ вы полагаете, отдастъ здѣсь подобное приказаніе?— иронически спросилъ онъ.

— Думаю, судъ,—возразилъ Арнольдъ, всѣмъ корпусомъ поворачиваясь къ нему.

— Повидимому, вы и понятія не имѣете о томъ, съ какими силами придется тягаться въ этомъ дѣлѣ?—Шпехтъ злобно улыбался, точно самъ онъ состоялъ въ союзѣ съ этими силами, а не боролся противу нихъ. Поведеніе Арнольда злило его, вызывало досаду, подзадоривало.

Пораженный до послѣдней крайности, Арнольдъ засмѣялся и сказалъ:

— Да вѣдь дѣло идетъ о нарушеніи правъ.

Шпехтъ хихикнулъ.

— Смотря по тому чьихъ. Развѣ мы живемъ въ раю? Развѣ всякое нарушенное право находитъ своего защитника? А если таковой и найдется, то еще вопросъ, добьется ли онъ справедливости.

— Вы или глупы, или чертовски злы—отвѣтилъ Арнольдъ, сверкнувъ глазами, поднялся съ мѣста и однимъ движеніемъ руки отодвинулъ отъ себя столъ. Собачонка проснулась и бѣшено залаяла. Страшно удивленный и перепуганный, учитель посмотрѣлъ на Арнольда, который молча положилъ деньги на столъ и вышелъ.

Шпехтъ вздохнулъ, задумчиво закрылъ глаза и сталъ думать о своихъ любовныхъ огорченіяхъ. Вскорѣ и онъ отправился въ путь. Бродя вдоль темной сельской улицы, онъ очутился у забора дома Ханка, прислонился тамъ къ садовой калиткѣ и началъ меланхолически посвистывать, повидимому безъ всякаго намѣренія, а просто углубясь въ собственныя размышленія.

«Какіе странные бываютъ люди на свѣтѣ», думалъ онъ, очевидно подразумѣвая Арнольда. «Что ему за дѣло до Алассера? Для него жизнь жирный пирогъ; садись и кушай, когда вздумается. Что онъ, отчета, что ли, собирается требовать отъ курицы,—что несетъ для него яйца,— чисты ли ея нравы?»

Въ домѣ распахнулось окно и звонкій голосъ крикнулъ:

— Шпехтъ, господинъ Шпехтъ, войдите! Что вы стоите на улицѣ и посвистываете?

Колѣни учителя дрожали, когда онъ послѣдовалъ этому приглашенію. Беата съ Агнесой сидѣли у стола и, повидимому, только что отъужинали. Молодая дѣвушка пристально посмотрѣла на Шпехта. Лицо ея выражало высокомѣрную насмѣшливость и приказывало молчать, вся его юношеская привлекательность исчезла безъ слѣда. Шпехтъ довольно церемонно раскланялся, слегка улыбнулся, сѣлъ и вѣжливо справился о здоровьѣ Агнесы Ханка. Та по своему обыкновенію стала поспѣшно и привѣтливо угощать его остатками ужина, но онъ, хотя и былъ голоденъ, покачалъ головой и шутливо указалъ на свой желудокъ. Беата, не мигая, твердо смотрѣла на учителя. Она играла газетой и

вдругъ произнесла точно про себя, безъ малѣйшаго страха быть услышанною Агнесой:

— Если ты не будешь благоразуменъ, то...—и она рѣшительно, съ многозначительнымъ взглядомъ, разорвала листокъ пополамъ.

— Если позволите, я все-таки отрѣжу себѣ кусочекъ сыру,—сказалъ Шпехтъ, обращаясь къ Агнесѣ, и та радостно стала пододвигать къ нему хлѣбъ, масло, вино и колбасу, а потомъ принялась разсказывать, какъ ее безпокоитъ братъ Александръ, но почему безпокоитъ, она врядъ ли съумѣла бы объяснить. Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ обѣщаетъ ей пріѣхать на Рождество въ Падолинъ и даже на довольно продолжительное время. Когда Агнеса говорила, все ея милое лицо озарялось улыбкой, которою она какъ бы извинялась за свою болтовню, отнимающую у другого столько времени.

Шпехтъ спросилъ, чѣмъ собственно занимается Александръ Ханка.

Агнеса задумалась, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чего-нибудь, чѣмъ бы занимался ея братъ, но потомъ робко заявила:

— Ничѣмъ.

Учитель многозначительно улыбнулся.

— Живетъ на свои средства,—отрѣзала Беата, наморщивъ лобъ. Онъ достаточно богатъ для этого. Можетъ быть, это не дозволяется?

— Къ сожалѣнію, не только дозволяется, но и одобряется,—отвѣтилъ Шпехтъ.

Агнеса принесла учителю письмо брата. Повидимому, ей хотѣлось, чтобы кто-нибудь разъяснилъ ей самой, что собственно въ его жизни такъ безпокоитъ ее и утѣшилъ въ этомъ, а потому наивно и съ полнымъ довѣріемъ обращалась за этимъ даже къ совершенно постороннему человѣку. Шпехтъ разсѣянно посмотрѣлъ на безпорядочный и разгонистый почеркъ, большія буквы походили по колья забора, а маленькія на кроликовъ, пріютившихся подъ ними.

11.

Получивъ изъ Вѣны извѣстіе о вторичной женитьбѣ своего брата Барромео, госпожа Анзорге лишь покачала головой. Судя по присланной фотографіи, будущая невѣстка обладала раскошною, цвѣтущею фигурой и красивыми чертами лица, но взглядъ у нея былъ холодный, властный.

— Хорошаго въ этомъ мало, особенно въ лѣтахъ брата,—сказала госпожа Анзорге сыну. Онъ въ это время разсматривалъ фотографію и никакъ не могъ себѣ представить, что это изображеніе живого человѣка.

Въ то же утро Арнольдъ получилъ отъ Максима Шпехта письмо и газету. Въ газетѣ было напечатано сообщеніе учителя о похищеніи Ютты Алассеръ. Арнольдъ прочелъ его, и оно произвело на него уди-

вительно странное впечатлѣніе,—оно показалось ему, не то что ложнымъ, но какимъ-то фальшивымъ, точно человѣкъ взялъ, да и надулъ щеки. Изъ близкаго, правдиваго и непосредственнаго вся исторія превратилась во что-то чуждое, раздутое, крикливое.

Письмо гласило: «Если вамъ угодно, зайдите ко мнѣ завтра, въ 7 часовъ утра. Начальникъ полиціи здѣшняго округа поручилъ дѣло Алассера одному изъ своихъ комиссаровъ, съ которымъ я лично знакомъ. Этотъ комиссаръ разрѣшаетъ вамъ и мнѣ присутствовать при свиданіи Алассера съ дочерью въ монастырѣ. Отъ этого свиданія зависитъ исходъ дѣла, ибо нельзя подыскать основаній, на которыхъ онѣ и послѣ него отказались бы возвратить ребенка отцу; хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что будетъ именно послѣднее. Ихъ цѣль такъ или иначе протянуть время, пока Юттѣ исполнится 14 лѣтъ, и она будетъ считаться совершеннолѣтнею въ вопросахъ религіи. Тогда власть Самуила Алассера, какъ отца, падаетъ само собою и замѣнится властью опекуна. Слѣдовательно, никто уже не будетъ препятствовать крещенію Ютты, потому что вѣдь хочетъ или не хочетъ этого сама дѣвушка—никогда не сдѣлается извѣстнымъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что золъ не я, а обстоятельства, милый другъ. А глупъ я развѣ только потому, что впутываюсь въ это дѣло и жажду передѣлать свѣтъ. А послѣднее не просто глупо, а безумно. Не забывайте преданнаго вамъ Шпехта».

Арнольду показалось, что это ловушка. Онъ не только прочелъ, но изучилъ письмо; долго вертѣлъ онъ его въ рукахъ и, наконецъ, растопталъ. Цѣлый день онъ не могъ ничѣмъ заняться какъ слѣдуетъ, а вечеромъ рѣшилъ во что бы то ни стало развлечься. Съ этою цѣлью, какъ во время óно, когда еще былъ мальчикомъ, онъ прокрался подъ окно комнаты Урсулы и сквозь щель въ ставнѣ сталъ смотрѣть, какъ старуха станетъ ложиться спать. Впродолженіи многихъ лѣтъ, изо дня въ день, она сопровождала эту процедуру однѣми и тѣми же странностями. Снявъ съ себя все до сорочки, она становилась на скамеечку, вплотную пододвинутую къ кровати, и, послѣ минутнаго колебанія, прямо спиною, бросалась во всю длину на матрацъ. При этомъ, вслѣдствіе тяжести тѣла, ее нѣсколько разъ подбрасывало кверху, что доставляло ей, повидимому, громадное наслажденіе, и она радостно смѣялась.

Ночью Арнольду приснился странный сонъ. Будто онъ подошелъ къ высокому садовому забору со стороны длинной улицы. Около забора, другъ передъ другомъ, стояли двѣ лошади, одна маленькая, другая большая. Обѣ имѣли видъ, точно ихъ выкрасили мѣдянкой. На шеѣ, головѣ, животѣ и спинѣ у нихъ было множество разныхъ украшеній того же цвѣта, какъ и кожа самихъ животныхъ, только выпуклыя. Сами же лошади не были похожи на живыхъ, а на искусственныхъ, но въ то же время жили. На заборѣ висѣла дощечка съ

надписью: «Эти лошади могутъ говорить». Хотя любопытство мучило Арнольда, однако онъ довольно долго колебался, раньше чѣмъ рѣшился бросить имъ монету. Тогда за оградой раздался тихій звонъ колокольчика, и лошадь, что побольше, подняла голову, широко раскрыла ротъ, точно собралась заговорить. Но въ ту же минуту Арнольда охватилъ такой неизъяснимый ужасъ, что онъ бросился прочь черезъ дорогу. Проснувшись утромъ, онъ припомнилъ сонъ, и тотъ показался ему чрезвычайно глупымъ; несмотря на это, рѣдкій воздухъ, садовый заборъ, одинокая улица, грустная морда зеленаго коня, собиравшагося заговорить, все это было настолько странно, что онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

Ровно въ семь Арнольдъ былъ уже у Максима Шпехта. Когда они отправились въ путь, было еще совершенно темно. По дорогѣ Арнольдъ закусывалъ хлѣбомъ, а Шпехтъ молчалъ. Арнольду чудилось, что теперь-то онъ и заглядываетъ въ самую глубину самого себя и что эта, его собственная глубина, имѣетъ сходство съ окружающею природой; все небо заволокло облаками, и они, эти облака, боролись между собою... Пока еще ни миръ, ни покой кругомъ не нарушены, но уже весь воздухъ находится въ движеніи и каждымъ клочкомъ земли овладѣло предчувствіе чего-то новаго, что должно наступить...

У входа въ монастырь имъ пришлось обождать. Только когда утренняя заря зажгла первыя облака, на мѣсто прибылъ полицейскій комиссаръ съ жандармомъ. Немного позади шелъ Алассеръ съ раввиномъ изъ Ломница. Комиссаръ позвонилъ. Сестра привратница впустила ихъ и, указавъ на узенькую дверцу слѣва, сама заковыляла на своихъ костыляхъ въ другую сторону и исчезла. Растворивъ указанную дверь, мужчины очутились въ длинномъ корридорѣ, на противоположномъ концѣ котораго горѣла свѣча, вставленная въ фонарь; но ея огонь едва, едва разгонялъ царившую кругомъ тьму. Дальше находилось обширное, похожее на просторныя сѣни, помѣщеніе; тамъ, на низенькой скамеечкѣ, сидѣла заспанная послушница; она молча указала имъ на стеклянную дверь слѣва. Мужчины вошли въ слѣдующую комнату, нѣчто въ родѣ зала, съ перекрещивающимися сводами вмѣсто потолка. На длинной скамьѣ стояли два серебряныхъ канделябра, въ три свѣчи каждый, а надъ ними висѣло бронзовое распятіе. На задней стѣнѣ зіяло темное отверстіе, загороженное рѣшеткой изъ бѣлыхъ палочекъ. Алассеръ съ раввиномъ молча встали поодаль, они смотрѣли въ пространство прямо передъ собою; добродушное лицо раввина и измученное лицо Алассера выражали въ эту минуту одно и то же: страхъ, озлобленіе, упрямство и усталость.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, которымъ, казалось, не будетъ и конца, и впродолженіи которыхъ Арнольдъ явственно слышалъ даже тиканье собственныхъ часовъ, въ углу скрипнула другая дверь и на порогѣ появились четыре монашенки. Алассеръ вытянулъ шею—Арнольдъ

вспомнилъ при этомъ видѣнную во снѣ лошадь, собиравшуюся заговорить—и впился глазами въ дверь, но она снова захлопнулась. Дочери его все еще не было. Внезапно мрачное отверстіе за рѣшеткой озарилось пламенемъ свѣчей и тамъ показалась какая-то фигура, двигавшаяся вдоль рѣшетки, а за нею другая. Вдругъ первая повернула назадъ и протянула впередъ руки, точно желая привлечь къ свѣту какой-то тяжелый предметъ. Опять раздался скрипъ дверей и въ то же мгновеніе плачъ и громкое рыданіе, производившіе тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, что нарушили тишину внезапно, точно упала какая-то стѣна. Вытянутыя руки задвигались еще проворнѣе, потомъ, повидимому, къ нимъ на помощь подоспѣла еще вторая пора рукъ, но плачъ и рыданія ничѣмъ уже нельзя было заглушить, и они, все усиливаясь, попрежнему наполняли все пространство. Свѣчи затушили, за рѣшеткой вновь наступилъ мракъ, вновь раздался скрипъ двери, затѣмъ шарканье ногъ по посыпаннымъ пескомъ доскамъ, и все опять сразу же смолкло.

Алассеръ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ весь дрожалъ, размахивалъ во всѣ стороны руками... на лбу у него выступали капельки пота, съ губъ срывались какіе-то хриплые звуки; раввину вмѣстѣ съ жандармомъ пришлось поддержать его за плечи. Но когда за рѣшеткой наступили мракъ и тишина, и онъ также сразу затихъ.

Нѣсколько минутъ раздавалось только тихое потрескиваніе пламени свѣчей на скамейкѣ. Благочестивая сестра выказывала выработанное привычкой и развитое упражненіемъ равнодушіе. Казалось, вся ихъ внутренняя жизнь сосредоточилась въ какомъ-то затаенномъ прислушиваніи, о чемъ свидѣтельствовали движенія однѣхъ только вѣкъ. Шпехтъ стоялъ весь блѣдный. Арнольдъ наблюдалъ и за нимъ; въ мутномъ полусвѣтѣ выплывали разныя фигуры, точно фантомы,—едва можно было различить, спятъ онѣ или бодрствуютъ.

Наконецъ вторично отворилась боковая дверь и вошла сама настоятельница. Шпехтъ, полицейскій комиссаръ и жандармъ почтительно поклонились. Настоятельница окинула ихъ сбоку ледянымъ взглядомъ, а потомъ съ удивленіемъ и нѣмымъ вопросомъ посмотрѣла на Арнольда, который не шевельнулся, не поклонился ей и помутившимися глазами смотрѣлъ на распятіе. Наконецъ, она отвернулась, твердыми шагами направилась къ комиссару и сказала:

— Къ сожалѣнію, г-нъ Алассеръ не можетъ видѣть своей дочери — она больна.

Съ быстротою молніи поднялъ Алассеръ обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, такъ какъ его борода двигалась взадъ и впередъ, хотѣлъ было подойти къ настоятельницѣ, но, съ одной стороны, его боязливо удерживалъ раввинъ, съ другой— не пускалъ жандармъ. Казалось, онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы хоть словами нарушить обступающую его со всѣхъ сторонъ коварную

тишину... Полицейскій комиссаръ взялъ его сторону и робко замѣтилъ, что мать ребенка тяжело больна и желаетъ его видѣть передъ смертью. Онъ надѣялся этою хитростью тронуть сердце настоятельницы.

Но та торжественно подняла руки къ небу и медленно, какъ бы силой заставляя слушать себя, произнесла:

— Она увидитъ ее на небесахъ.

Послѣ этого она сдѣлала знакъ монашкамъ и въ сопровожденіи ихъ покинула залъ.

Арнольдъ неподвижно уставился въ полъ, всѣ его чувства какъ бы притупились для всякихъ ощущеній, и раздававшійся теперь со всѣхъ сторонъ шумъ шаговъ по каменнымъ плитамъ, казалось, поглощаетъ все его вниманіе. Но, наконецъ, и онъ повернулся, чтобы идти. Двое людей, какъ и раньше, все еще возились съ Аласеромъ, но и онъ постепенно пересталъ сопротивляться, вздохнулъ—этотъ вздохъ надолго запечатлѣлся въ памяти Арнольда,—поправилъ свою сбившуюся на сторону праздничную одежду и затѣмъ, съ лицомъ, искаженнымъ мукой, но выражавшимъ на этотъ разъ твердую рѣшимость, началъ было:

— Какъ Богъ святъ...—но замялся и вышелъ.

Комиссаръ съ Максимомъ Шпехтомъ направились къ селу, но учитель по дорогѣ распрощался со своимъ спутникомъ, оглянулся, гдѣ Арнольдъ, и сталъ поджидать его.

12.

Поровнявшись съ нимъ, Арнольдъ такъ крѣпко стиснулъ его руку, что Шпехту пришлось собрать всѣ силы, чтобъ не обнаружить боли.

— Не такъ бурно,—сказалъ онъ, слабо улыбаясь; но пылающій взглядъ Арнольда мгновенно заставилъ исчезнуть и эту улыбку. Вокругъ рта молодого человѣка что-то подергивалось, онъ глубоко вздохнулъ и потомъ медленно перевелъ глаза съ нерѣшительнаго, но серьезнаго лица Максима Шпехта на окружающую ихъ картину; затѣмъ, какъ-то весь вспыхнувъ вдругъ, отрывисто покачалъ головой, и не кланяясь, быстрыми шагами направился поперекъ поля. Вѣтеръ съ воемъ дулъ ему прямо въ лицо, солнце то проглядывало, то опять исчезало; начинался дождь, и вихрь крутилъ и подгонялъ падающія капли, а затѣмъ, вновь, холодное и блѣдное, проступало сквозь облако солнце. Далеко кругомъ раскинулись молчаливые луга и поля. Арнольдъ былъ недоволенъ собою, и это ощущеніе сбивало его съ толку.

«Для чего эти колебанія?» думалъ онъ, и мало-по-малу ему становилось стыдно за свои сомнѣнія, и лобъ его медленно прояснялся. Потому что такое очевидное и явное нарушеніе неотъемлемыхъ правъ Аласера казалось ему столь же немыслимымъ, какъ если бы солнце исчезло навѣки, потому что на него набѣжало облачко.

Былъ уже полдень, когда онъ вернулся домой. На дворѣ Урсула разговаривала съ докторомъ изъ Падолина; отъ нихъ Арнольдъ узналъ, что старика садовника хватилъ параличъ. Его мать, которую онъ засталъ сидящею въ креслѣ, уже знала объ этомъ; но ея мрачность и молчаливость обусловливались не этимъ, а исключительно перемѣной, происшедшею за послѣднее время въ Арнольдѣ, и тѣмъ, что онъ такъ всецѣло ушелъ въ самого себя.

Всѣ мѣстныя партіи очень скоро приняли то или другое участіе въ происшествіи въ Падолинѣ. Но шумъ производился вовсе не для возбужденія общественнаго вниманія, а лишь ради него самого. Каждый дергалъ веревку того колокола, который разглашалъ со множествомъ различныхъ оттѣнковъ его же собственныя желанія и политическія вожделѣнія. Общественное броженіе обратною волной вновь вернулось въ тотъ же Падолинъ, но уже какъ нѣчто чуждое и пришлое издалека.

Арнольдъ чутко прислушивался ко всему и жилъ все время, какъ бы насторожившись, но по временамъ ему все же казалось, что событія какъ-то ускользаютъ отъ него. Онъ никому не рѣшался задавать вопросовъ, потому что ему казалось, что даже самое невинное слово въ устахъ какъ доброжелателей, такъ и враждебно настроенныхъ людей какъ-то моментами теряетъ свой первоначальный смыслъ. Въ это время Шпехтъ прислалъ ему второй № газеты, въ которой сотрудничалъ, и Арнольдъ прочелъ тамъ слѣдующее: «Новѣйшія извѣстія изъ Падолина. Самуэль Алассеръ, благодаря помощи и поддержкѣ своихъ сородичей, движимыхъ въ данномъ случаѣ негодованіемъ и общими опасеніями, пригласилъ для веденія своего дѣла адвоката, доктора правъ Штейнбахера изъ Кракова. На основаніи статьи 145 свода гражданскихъ законовъ, ими была подана жалоба въ полицейское окружное правленіе. Вышеупомянутый параграфъ весьма ясно гласитъ, что родители имѣютъ право розыскивать исчезнувшихъ дѣтей, скрывшихся требовать обратно, бѣглыхъ, съ помощью властей, водворять въ свой домъ, и однако, начальникъ полиціи отклонилъ отъ себя всякое посредничество въ данномъ дѣлѣ и съ удивленіемъ воскликнулъ: «Что бы я да сталъ требовать изъ монастыря дѣвушку?!» Страшно безпокоясь за здоровье своей дочери, такъ какъ сама настоятельница внушила ему опасенія за него, Самуэль Алассеръ потребовалъ докторскаго освидѣтельствованія. Послѣ долгихъ и напрасныхъ хлопотъ и безконечныхъ переговоровъ, въ монастырь были, наконецъ, отправлены судейскій врачъ и профессоръ университета докторъ Вёрингъ. Оба врача пришли къ убѣжденію и единогласно удостовѣрили, что Ютта Алассеръ вполнѣ здорова. Послѣдовали новыя еще болѣе настоятельныя требованія отца. Наконецъ, полицейскому комиссару было поручено формально, въ силу закона, потребовать отъ монастыря, по крайней мѣрѣ, свиданія родителей съ дѣвушкой. Настоятельница отвѣтила: «Черезъ семь дней отецъ увидитъ ее». Пришлось удовольствоваться этимъ, и

занести отвѣтъ въ протоколъ. Въ назначенный день Самуэль Аляссеръ вновь является въ полицейское управленіе, гдѣ ему передаютъ письменное заявленіе сестры-казначеи, что Ютта два дня тому назадъ бѣжала изъ монастыря. Вотъ изложеніе голыхъ фактовъ. Остается только удивляться тому, что сестра-казначея употребила выраженіе—бѣжала. Бѣжала? Куда? Куда ей бѣжать, если не къ родителямъ. Почему сестра казначея не употребила болѣе правдивое и точное выраженіе—увезена? Вѣдь дѣвушку за это время уже видѣли въ монастырѣ Лаливники подъ Подгорцемъ».

Арнольдъ молча подалъ газету матери и прикусилъ губу, пока она ее читала. Окончивъ чтеніе, госпожа Анзорге покачала головой и лишь произнесла:

— Поднимающій руку—неправъ.

Арнольдъ выслушалъ ее молча. Ему казалось, что всякія возраженія излишни: ни она его, ни онъ ее не только не поймутъ, они не въ состояніи даже ясно видѣть другъ друга. Что до нея, то она совсѣмъ не знала, что ей съ нимъ дѣлать. Все его поведеніе доказывало такое сознаніе своего превосходства, такую самостоятельность воли и богатство внутренней жизни, что она окончательно перестала разбираться въ его душѣ. Пока онъ еще только ощупью пытался постичь то, что лежало внѣ его круга, но все, что можетъ заставить мужчину жить полною жизнью, уже тайно бродило въ его груди. Опасенія и предчувствія матери все возрастали, находя себѣ подтвержденіе во всемъ, а главное въ ея же собственныхъ размышленіяхъ и предположеніяхъ. Не рѣшаясь придавать рѣшающаго значенія своимъ тайнымъ наблюденіямъ, которыя сама же считала униженіемъ для себя и почти что воровствомъ по отношенію къ сыну, она не переставала доискиваться причинъ и источниковъ этой перемѣны въ немъ. Она изучала его не столько на основаніи его поступковъ, сколько на основаніи того, о чемъ онъ умалчивалъ и что раздѣляло ихъ стѣной. Она думала: настаетъ время, когда надо будетъ волей-неволей предоставить ему свободу дѣйствій, какъ мужчинѣ, но подобное рѣшеніе удовлетворяло ее не болѣе, чѣмъ на часъ. Когда она перебирала въ умѣ то, на чемъ раньше возстроила свои планы, на чемъ съ такою спокойною увѣренностью воздвигала зданіе всего будущаго, ей теперь стало сдаваться, что основанія, принятыя ею тогда за незыблемыя, недостаточно тверды и непоколебимы. Еще немного, и ея душевное равновѣсіе было бы нарушено. Чувство участія и дѣятельнаго состраданія лишь не надолго овладѣвали ею, чтобы исчезнуть безъ слѣда при первомъ же дуновеніи воспоминанія о неизгладимомъ днѣ, раздѣлившемъ всю ея жизнь на два различныхъ и по цѣлямъ и по содержанію періода. Такимъ образомъ она требовала отчета у самой себя, сравнивала свое настоящее я съ прежнимъ, сомнѣвалась въ возможности перемѣны, мысленно вступала въ споръ съ самимъ временемъ и старалась въ воображеніи

стать на мѣсто Арнольда, перенестись въ искусственно созданную жизненную обстановку, и все это она переживала молча, тая въ себѣ. Все поминутно убѣждало ее въ томъ, что въ душѣ сына что-то зрѣетъ и когда оно, это неизвѣстное, достигнетъ зрѣлости, то неизбѣжно захватитъ и унесетъ его съ собою. Она страдала и отъ его измѣнившейся походки, и отъ сдержаннаго выраженія лица, и отъ обращеннаго внутрь себя взгляда... Тутъ только она начала замѣчать его умъ, умѣнье схватывать на лету чужія мысли, способность увлекаться; раньше же эти качества, несмотря на ея неустанныя наблюденія, не внушали ей ровно никакихъ опасеній. Правда, она скоро поняла, что сынъ находится въ какомъ-то странномъ періодѣ выжиданія, но, помимо нѣсколькихъ, блеснувшихъ, какъ молнія, вспышекъ просвѣтленія, она продолжала ровно ничего не понимать въ его душевномъ состояніи. Ея наблюдательность обострилась, почти удесятирилась. Мало-по-малу она убѣдилась, что ни разочарованія ни вражды къ жизни въ немъ нѣтъ, скорѣе наоборотъ: каждая вещь пріобрѣла для него новую окраску, новое значеніе, новый размѣръ. Она начала вступать съ нимъ въ разговоры о людяхъ и общественныхъ отношеніяхъ, причемъ касалась даже того, что давнымъ давно умерло въ ней самой. Часто изъ своихъ воспоминаній о пережитомъ, уже успѣвшихъ такъ сказать, отстояться, она выводила мудрыя заключенія; между тѣмъ, еще за минуту до того она сама не подозрѣвала, что можно ихъ вывести. Въ концѣ концовъ ей все-таки выяснилось, что за молчаніемъ Арнольда кроется какая-то тайна; это ее опечалило и разсердило, и она рѣшилась заговорить съ нимъ объ этомъ.

— У меня нѣтъ тайны, мать,—возразилъ Арнольдъ, качая головой и задумчиво слѣдя глазами за снѣжною мятелью за окномъ.—Дай срокъ, потерпи... сейчасъ мнѣ нечего сообщить тебѣ.

Наконецъ, онъ какъ бы принялъ рѣшеніе. Онъ вышелъ изъ дому, отправился въ Падолинъ, свернулъ въ знакомый переулокъ и вошелъ въ домъ Алассеровъ. Тамъ, повидимому, ничто не измѣнилось; новорожденный лежалъ все на той же скамьѣ около печки, пеленки висѣли на тѣхъ же веревкахъ. Ни самого Алассера, ни другихъ дѣтей не было видно. Женщина лежала на старомъ диванѣ и спокойно смотрѣла на закопченный потолокъ. При входѣ Арнольда, она поднялась, и лицо ея приняло отвратительно-злобное выраженіе.

— Гдѣ господинъ Алассеръ?—кротко спросилъ Арнольдъ.

— А гдѣ же ему надо быть!—отвѣчала женщина угрюмо и устало прислонила голову въ уголъ дивана.

— Какія у васъ извѣстія объ Юттѣ? — снова спросилъ Арнольдъ, въ которомъ поднималось чувство отвращенія и къ самой еврейкѣ, и ко всей этой безпорядочной обстановкѣ.

Женщина молчала.

— Я слышалъ, что она въ Подгорцѣ, — спокойно продолжалъ Арнольдъ.

— А почему бы ей и не быть тамъ?—насмѣшливо возразила женщина, пожимая плечами. Вдругъ она вскочила на ноги, точно кровь переполнила ея артеріи и онѣ вотъ-вотъ лопнутъ, поспѣшно бросилась черезъ комнату къ Арнольду и закричала:

— Что вы смѣетесь что ли надо мной, милостивый государь?—При этомъ она посмотрѣла на него такъ, будто онъ повиненъ въ самомъ ужасномъ лицемѣріи.

— Знаете что, добрый господинъ, я хочу вамъ сказать?—продолжала она.—Вы честный человѣкъ—что же вы идете ко мнѣ узнавать то, о чемъ даже воробьи чирикаютъ на крышахъ? Да! Ютта въ Подгорцѣ, туда ее увезли ночью въ каретѣ двѣ монашенки. Алассеръ пошелъ въ Подгорцу и тамошніе жандармы узнали, что Ютта была въ монастырѣ. Но, сказали они, ими не получено приказанія вмѣшиваться въ это дѣло. Тогда Алассеръ отправился къ начальнику подгорцкаго округа, а начальникъ округа отправилъ его къ господину графу-губернатору, а когда онъ вернулся, наша Ютта уже исчезла изъ Подгорца. И Алассеръ отправился въ монастырь въ Бинцице, а потомъ въ монастырь въ Моравицахъ и еще въ монастырь въ Волоюстовскѣ и потомъ въ Виловицѣ, и во всѣхъ-то нихъ перебывала наша Ютта и отовсюду ее опять увозили, и вездѣ начальство отказывалось помочь намъ, и только что узнавали о новомъ мѣстопребываніи нашей дочери, какъ ее сейчасъ же перевозили въ другое мѣсто. И только въ Кенти господинъ бургомистръ оказалъ должную помощь, и вотъ его третьяго дня арестовали за нарушеніе порядка. Такъ-то, господинъ! Желаете еще что-нибудь знать?

И женщина смотрѣла на него сверкающими глазами и хохотала, не раскрывая рта. Что скажешь на это, обвиняемый? казалось, вопрошалъ ея взоръ. Арнольдъ опустилъ голову и медленно покинулъ домъ.

13.

Всю долину занесло снѣгомъ, такъ что добраться до Падолина и то было затруднительно. Но такъ какъ Максимъ Шпехтъ прислалъ мальчика звать къ себѣ Арнольда, то тотъ и отправился къ нему, хотя уже было довольно поздно. Когда онъ добрался до квартиры учителя, совсѣмъ стемнѣло. Шпехтъ сидѣлъ у стола и читалъ, а передъ нимъ въ котелкѣ кипѣла вода для чая. Въ комнаткѣ было уютно; учитель облекся въ халатъ дѣдовскаго покроя и курилъ длинную трубку. Облака табачнаго дыма медленно расползались по комнатѣ и лишь надъ лампой, быстро крутясь, поднимались къ потолку.

Шпехтъ сообщилъ, что его корреспонденціи такъ понравились редакціи столичной газеты, что ему предложили въ ней постоянныя занятія. И конечно, онъ не преминетъ принять это предложеніе и еще до Рождества переберется въ Вѣну, хотя новое мѣсто получаетъ лишь

съ января. Но тамъ придется многое устроить, побѣгать, да и отъ нетерпѣнія ему дольше не усидѣть въ Падолинѣ.

— Я вѣдь безумно счастливъ, дорогой другъ! Наконецъ-то! Если бы вы знали только, сколько во мнѣ бродитъ всего. Чего только я ни собираюсь сдѣлать! Тамъ рукъ не хватаетъ, тогда какъ здѣсь и со своими двумя не знаешь куда дѣваться. Наконецъ-то, я смогу вздохнуть свободно!

Арнольдъ кивнулъ головой. Никогда еще учитель не былъ ему такъ симпатиченъ, какъ сегодня, и никогда еще онъ такъ хорошо не понималъ душевнаго состоянія другого человѣка. Свободно дышать! И онъ взглянулъ на лицо хозяина, потомъ на его необыкновенно опрятную комнатку, книги по стѣнамъ и на столѣ. Максимъ Шпехтъ уже привыкъ къ молчаливости своего собесѣдника и былъ радъ случаю дать полную волю своей радости. Даже его очевидное самодовольство не было лишено нѣкоторой доли привлекательности. Онъ налилъ чаю; Арнольдъ развалился въ креслѣ и смотрѣлъ въ пространство. Въ немъ также заявляло свои требованія стремленіе къ высшей жизни. То, что раньше по привычкѣ казалось ему близкимъ, теперь далеко отодвигалось и передъ нимъ раскрывались новые горизонты, освѣщенные пока невидимымъ для него пламенемъ.

— Вы должны ради меня хоть немного послѣдить за Беатой,—говорилъ Шпехтъ, предаваясь радостнымъ думамъ и не особенно взвѣшивая свои слова.—Хотя между нами все кончено, но то, что было когда-то дорого, слѣдуетъ охранять. Можетъ быть, вы изрѣдка будете посѣщать Ханка? Къ вамъ я питаю почти, такъ сказать, метафизическое довѣріе. Да, да! — вздохнулъ онъ съ наслажденіемъ, дѣлая глотокъ чая, и не безъ сентиментальности всматриваясь въ облака табачнаго дыма. — Такъ-то проходитъ любовь, и на ея мѣсто выступаетъ сама жизнь.

Арнольдъ потянулся за одною изъ книгъ на полкѣ. Это было томъ исторіи Гиббона, паденіе римской имперіи.

— Теперь она вступила въ связь съ крестьяниномъ рабочимъ изъ имѣнія Рандомірова,—продолжалъ Шпехтъ, какъ бы про себя, точно не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ этой темы разговора.—Довольно печально! Мнѣ жаль бѣднаго Ханка. Онъ изъ жалости пріютилъ ее у себя и теперь воображаетъ, что обладаетъ цвѣткомъ невинности.

Арнольдъ попросилъ Шпехта одолжить ему на нѣсколько дней его историческія книги и обѣщалъ вернуть ихъ, когда тотъ начнетъ укладываться. Внезапный интересъ къ подобнаго рода сочиненіямъ былъ вѣрнѣе всего самообманомъ, попыткой отвлечься отъ своего внутренняго міра. Единственное мѣсто въ перелистываемой книгѣ привлекло его вниманіе, то, гдѣ рѣчь шла о законодательствѣ Ѳеодосія. Раньше онъ никогда не чувствовалъ потребности въ подобномъ чтеніи: простота его воспитанія не вызывала въ немъ этого желанія, но и не

*

подавляла его искусственно. Прошедшее земли и ея обитателей никогда не служило матеріаломъ для заполненія прорѣхи въ его памяти, но никогда также оно не становилось для него чѣмъ то живымъ. Теперь же, дома, углубляясь въ изученіе исторіи паденія цѣлой націи, его нетронутый умъ съ крайнимъ изумленіемъ тотчасъ же подмѣтилъ, что судьбы человѣчества всегда стоятъ выше воли отдѣльныхъ лицъ. Благодаря этому въ первую минуту вся исторія показалась ему ни на чемъ неоснованною сказкой и имъ овладѣвала то злоба, то равнодушіе. Но преисполненный благороднаго стремленія познать истину, онъ все-таки читалъ страницу за страницей и старался прочувствовать каждое событіе. Нерѣдко, когда, въ концѣ концовъ, что-либо разрѣшалось совершенно иначе, чѣмъ онъ представлялъ себѣ раньше, онъ разражался насмѣшливымъ хохотомъ. Люди, дѣйствовавшіе въ прошломъ, казались ему жуками, безсмысленно ползающими по неровной изборожденной землѣ, вмѣсто того чтобы бѣжать по гладкой, освѣщенной солнцемъ дорогѣ; когда они страдали, они казались ему комарами, безразсудно и тупо залетающими въ крохотныя тенета, тогда какъ вокругъ весь воздухъ свободенъ. Удивительно было то увлеченіе, съ какимъ онъ относился ко всему этому; странно и то, что онъ переносилъ дѣянія давно исчезнувшихъ и превратившихся въ тлѣнъ поколѣній на современную почву и распоряжался ихъ судьбами. Голова его горѣла, онъ терялъ послѣдовательную связь и, благодаря путаницѣ понятій и своему упрямству, думалъ, что онъ на мѣстѣ каждаго изъ этихъ героевъ или не героевъ съумѣлъ бы прекрасно распорядиться грядущимъ. Его фантазія превращала наиболѣе отдаленныя событія въ нѣчто непосредственно близкое ему, онъ то съ ненавистью отталкивалъ отъ себя новые образы, то вновь, страстно ища правды, возвращался къ нимъ.

Но также какъ въ атмосферѣ, переполненной испареніями, вокругъ каждаго пламени образуется разноцвѣтный кругъ, такъ и его исканія не были тѣмъ настоящимъ, что наполняло его душу, но лишь отраженіемъ его. Онъ читалъ, впадалъ въ противорѣчія, вдумывался, ободрялся, боролся, приводилъ въ систему, обозрѣвалъ и все это въ сущности вовсе не было результатомъ его ученія.

Послѣ короткой болѣзни старикъ садовникъ скончался. Арнольдъ проводилъ гробъ на кладбище въ Падолинъ, разсѣянно и равнодушно присутствовалъ при погребеніи, а потомъ одинъ, прямо по снѣгу, отправился въ село. Его дорога шла мимо маленькаго, отдаленнаго шинка, невдалекѣ отъ такъ называемой польской мельницы. Прозябнувъ на кладбищѣ, онъ зашелъ туда и потребовалъ стаканъ вина. Случайно его взглядъ упалъ въ освѣщенную сальною свѣчей боковую комнату; тамъ сидѣла Беата и нѣжно прижималась къ гуннообразному работнику, съ которымъ плясала на ярмаркѣ. Арнольдъ не обратилъ на это особаго вниманія. Онъ взялъ со стола газету «Моравскій Сельскій Вѣстникъ» и сталъ равнодушно пробѣгать ее, пока взглядъ

не упалъ на телеграфное сообщеніе о томъ, что еврей Аляссеръ принятъ въ аудіенціи министромъ юстиціи. Больше не было ни слова, но и это уже до такой степени удовлетворило Арнольда, что онъ, весело насвистывая, продолжалъ свой путь. Близь почты, на главной площади, онъ увидалъ Шпехта. Учитель поджидалъ барышню, служащую на почтѣ, обѣдавшую тутъ же рядомъ въ трактирѣ.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ Арнольда съ такимъ преувеличенно любезнымъ выраженіемъ лица, что тотъ удивленно и недовѣрчиво покосился на него. Слово «поживаете» учитель словно раздавилъ языкомъ.

— Аляссеръ былъ у министра юстиціи—вы это знаете?—сказалъ Арнольдъ. Онъ стоялъ, нѣсколько нагнувшись впередъ, и глаза его хитро и проницательно смотрѣли на учителя. Въ такой позѣ онъ показался Максиму Шпехту страшно смѣшнымъ и тотъ сказалъ:

— Давнымъ давно былъ.

— Что же, освободили Ютту?—спросилъ Арнольдъ.

— Освободили? Вы въ самомъ дѣлѣ серьезно спрашиваете, освободили ли?—Шпехту показалось это забавнымъ до послѣдней крайности, и онъ расхохотался. Но замѣтивъ, что лицо Арнольда вновь принимаетъ то гнѣвное выраженіе, котораго онъ побаивался, онъ поспѣшно прибавилъ:—министръ велъ себя очень хорошо, очень. Онъ похлопалъ несчастнаго отца по плечу—министры всегда это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ—и отпустилъ со словами: «Спокойно поѣзжайте домой, вашъ ребенокъ будетъ вамъ возвращенъ».

Арнольдъ кивнулъ головой, точно онъ и не ждалъ ничего иного. Насмѣшку въ разсказѣ учителя онъ не понялъ.

— Вы кажется совершенно довольны,—продолжалъ Шпехтъ, какъ будто сообщаемыя имъ событія были изъ числа самыхъ отрадныхъ явленій жизни.—Но слушайте дальше: министръ поручаетъ прокурору мѣстнаго суда начать дѣло о похищеніи ребенка. Далѣе онъ требуетъ, чтобы судъ сдѣлалъ законное распоряженіе о выдачѣ похищенной и чтобы оное было своевременно вручено монастырю. И что же, вы думаете, получается въ результатѣ? Высшая инстанція ландсгерихта весьма просто и наотрѣзъ отклоняетъ отъ себя исполненіе требованій господина министра.

— Но вѣдь вамъ это неизвѣстно,—съ досадой перебилъ его Арнольдъ. Онъ не понялъ того, что Шпехтъ ради живости изложенія замѣнилъ прошедшее время настоящимъ.

Лицо учителя приняло торжествующее выраженіе.

— Что за несчастье, Арнольдъ, что вы еще до такой степени молоды!—воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.—Во всякомъ случаѣ предвидѣть всего этого я не могъ, потому что самый отчаянный пессимистъ и тотъ не придумалъ бы ничего подобнаго. Но это случилось, поймите, уже случилось.

Арнольдъ молчалъ. Онъ до странности пытливо смотрѣлъ на учителя, точно и въ данную минуту все еще сомнѣвался въ его словахъ. Потомъ онъ задумчиво опустилъ глаза въ землю и покачалъ головой.

— И это еще не все, другъ мой,—продолжалъ Шпехтъ, понижая голосъ и отводя Арнольда немного въ сторону, подальше отъ сосѣднихъ домовъ.—Адвокатъ Алассера потребовалъ у суда ознакомленія съ приговоромъ, которымъ постановлено это рѣшеніе. По закону онъ имѣетъ право на это, ибо такимъ путемъ можно узнать основаніе извѣстнаго рѣшенія суда. Вѣдь въ концѣ концовъ не мѣшало бы каждому изъ насъ знать, почему судъ отказывается исполнить требованія министра юстиціи. Но адвокату отказали даже въ этомъ.—Шпехтъ, волнуясь, пошарилъ въ карманахъ, вытащилъ оттуда какую-то бумажку, развернулъ ее и сказалъ:—съ этой бумаги я досталъ копію. Слушайте!

Арнольдъ вплотную подвинулся къ Шпехту, такъ что при свѣтѣ уличнаго фонаря могъ вмѣстѣ съ нимъ читать, то, что тотъ бормоталъ про себя: «Господину адвокату, доктору Штейнбахеру. Не предрѣшая вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признать въ данномъ дѣлѣ Самуэля Алассера частнымъ лицомъ...»

— Что это значитъ?—перебилъ его Арнольдъ.

— Это? Переливаніе изъ пустаго въ порожнее, которому никто на бѣломъ свѣтѣ не подберетъ ни малѣйшаго оправданія. Видите ли, не рѣшено еще, пишутъ они, есть ли дѣло Алассеру до того, что у него украли дочь. И такъ далѣе: слѣдуетъ ли признать... «судъ постановилъ отказать вамъ въ ознакомленіи съ приговоромъ по дѣлу Ютты Алассеръ, ибо этому препятствуютъ весьма важныя причины.» Шпехтъ вновь свернулъ свою бумажонку.

— Важныя причины? — спросилъ Арнольдъ; которому все еще не вѣрилось, а отгадать причину лжи онъ не былъ способенъ. Внѣ себя, не спуская глазъ, смотрѣлъ онъ на учителя и наконецъ понемногу началъ постигать, что важныя причины только и заключаются въ этихъ двухъ словахъ.

— Ну, начинаете теперь постигать наши порядки,—сказалъ Шпехтъ съ искреннею горечью, потому что не только договорился на словахъ до нея, но успѣлъ внушить себѣ и самое чувство.—Сегодня у меня былъ господинъ фонъ-Грӧденъ, судейскій чиновникъ изъ Ломница. Ему поручено отъ правительства навести справки о состояніи общественнаго мнѣнія среди нашихъ землевладѣльцевъ по поводу всей этой исторіи. Я кое на что открылъ ему глаза и само собою разумѣется больше всего толковалъ о васъ.

Но Арнольдъ уже не слушалъ его. Онъ, казалось, раздумывалъ, по какой дорогѣ ему идти, чтобы не повстрѣчаться съ ужасными привидѣніями, выплывавшими изъ ночного мрака.

14.

Алассеръ.

Вернувшись на хуторъ, Арнольдъ, вмѣсто того, чтобы прямо пройти въ домъ, свернулъ въ паркъ и нѣкоторое время прогуливался между занесенными снѣгомъ деревьями. Съ долины дулъ рѣзкій вѣтеръ и крутилъ снѣжную пыль. Но его это нисколько не смущало. Онъ прогуливался не по одному и тому же направленію, слѣды его не образовывали тропинки,—наоборотъ, они все время скрещивались и путались. «Почему всѣ противъ одного?» бормоталъ онъ. «Вѣдь вотъ никто не идетъ противъ меня? Говорятъ, изъ-за вѣры. Но тутъ вѣра нарушаетъ право. Въ чемъ же ихъ вѣра? Въ чемъ ихъ право? И что мнѣ за дѣло до всего этого? Что со мною дѣлается? Развѣ я судья имъ? Почему же я не отношусь ко всему спокойно и не выжидаю, что будетъ? Скошенная трава превращается въ сѣно; изъ полнаго вымени льется молоко; когда въ судѣ все выяснено—правосудіе неизбѣжно совершается; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Какъ въ природѣ, такъ и у людей». Внутри его шла борьба, а онъ едва сознавалъ это и чувствовалъ лишь глухое отраженіе ея, какъ древесные корни въ землѣ, когда стволъ потрясаютъ бури. Онъ не такъ близко принималъ къ сердцу самый фактъ, вокругъ котораго группировались его думы, какъ все, что таинственно скрывалось за нимъ. Въ его душу запало недовѣріе къ окружающему его непробудному покою, хотя онъ все еще сомнѣвался и все еще никакъ не могъ повѣрить приближенію бури, уже отравившей природу. Для себя лично онъ не могъ представить иной жизни, кромѣ той, какую велъ раньше. Когда все выяснено—правосудіе неизбѣжно совершится—въ этомъ состояла конечная точка его размышленій, и онъ отправился домой.

Въ сѣняхъ онъ увидалъ шедшую впереди Урсулу; она не замѣтила его; догнавъ ее, онъ разсмѣялся, такъ какъ у нея сзади, изъ-подъ платья, тянулась длинная тесемка. Черная ли, бѣлая ли тесемка, но какая-нибудь да всегда волочилась за нею.

— Мать не совсѣмъ здорова,—сказала она,—съ часъ тому назадъ она слегла въ постель.

Арнольдъ настойчиво не спускалъ глазъ съ тесемки; тогда старушка рѣшительнымъ движеніемъ ноги подбросила ее кверху, такъ что она, словно ящерица въ расщелинѣ скалы, исчезла подъ юбкой. Урсула также была на кладбищѣ, и лицо у нея было печальное.

— Вотъ и зарыли нашего старичка, теперь ему покойно тамъ, подъ землей,—сказала она.

«Почему покойно?» подумалъ Арнольдъ и постарался возобновить въ своей памяти картину похоронъ: равнодушныхъ провожатыхъ, но-

ваго священника, бросившаго нѣсколько словъ на вѣтеръ, угрюмаго и продрогшаго могильщика... Затѣмъ, такъ какъ онъ былъ голоденъ, то просунулъ голову въ кухонную дверь, потянулъ носомъ воздухъ и щелкнулъ языкомъ.

Госпожа Анзорге лежала на своей низкой широкой, постели, временно помѣщенной между окнами и печью. Когда сынъ вошелъ въ комнату, она повернула въ его сторону голову и, не выжидая вопроса, заявила, что по всѣмъ вѣроятіямъ простудилась, но что безпокоиться нечего. Потомъ она заговорила о старикѣ садовникѣ, но какъ-то странно, съ примѣсью досады, будто онъ все еще возится въ саду и никакъ не можетъ угодить ей. И пилъ-то онъ, по ея мнѣнію, черезчуръ много, и курилъ не переставая, да и пялилъ глаза на молодыхъ дѣвокъ... Въ этотъ день, въ первый разъ за всю шестнадцатилѣтнюю вѣрную службу садовника, госпожа Анзорге стала перечислять его недостатки.

Рѣшительный стукъ въ дверь прервалъ ея рѣчь; вошелъ Максимъ Шпехтъ, весь красный отъ мороза и возбужденія; на плечахъ и на шапкѣ у него лежалъ снѣгъ. Онъ извинился, что является вечеромъ, но это его прощальный визитъ: только что, совершенно неожиданно для себя, онъ получилъ очень важное извѣстіе, и теперь ему приходится сломя голову летѣть въ Вѣну. Арнольдъ подалъ учителю стулъ, самъ сѣлъ напротивъ и пристально, какъ на нѣчто совершенно ему чуждое, сталъ смотрѣть ему въ лицо.

— Что съ вами?—спросилъ Шпехтъ хозяйку дома съ подкупающею заботливостью въ голосѣ. Госпожа Анзорге закрыла глаза руками, губы ея беззвучно шевелились. Шпехтъ вопросительно взглянулъ на Арнольда, но тотъ не понялъ и улыбнулся.

— Само собою разумѣется, что теперь вы начнете передѣлывать весь свѣтъ на свой ладъ?—спросила его госпожа Анзорге, вперивъ ясные, лихорадочные блестящіе глаза въ лицо молодого человѣка.

— Вы предубѣждены противъ меня, а потому и не довѣряете,—отвѣтилъ Шпехтъ, искренно огорченный. Такъ какъ въ его жизни наступалъ поворотъ къ лучшему, то у него явилось желаніе оставить позади себя друзей.

Все его существо дышало самою чарующею любезностью, когда онъ продолжалъ:

— Я понимаю, что вы имѣете основаніе не довѣрять мнѣ, но тѣмъ не менѣе мнѣ очень жаль, что я произвожу именно такое впечатлѣніе.

Арнольду стало ясно, что надежда высоко подняла учителя надъ прежнимъ его *я*.

— Вы правы, извините меня,—отвѣтила ему хозяйка слабымъ голосомъ.—Смотрите, съумѣйте сохранить то, чѣмъ уже обладаете; не обкрадывайте себя, какъ это дѣлаютъ очень многіе. Перваго друга—еще туда-сюда, берите; относительно второго—подумайте, а съ третьимъ

всему конецъ.—Она со стономъ перевернулась на бокъ, но тотчасъ же закусила губы.

Шпехтъ внимательно и озабоченно посмотрѣлъ на нее, а потомъ шепотомъ сказалъ Арнольду, что, по его мнѣнію, необходимо позвать врача. Тотъ, крайне удивленный, окинулъ мать испытующимъ взглядомъ. Учитель всталъ, наклонился надъ госпожей Анзорге, лежавшей съ закрытыми глазами, и, когда вошла Урсула, вызвался прислать изъ села доктора. Говорилъ онъ сдержаннымъ шепотомъ; потомъ сталъ прощаться.

Арнольдъ вышелъ проводить его. Онъ все еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ, точно его способности пониманія все еще поглощали тѣ же мысли, что и часъ тому назадъ. Въ сѣняхъ горѣла лампа; Максимъ Шпехтъ остановился и задумчиво глядя на блестящій снѣгъ у подъѣзда, сказалъ:

— У меня къ вамъ большая просьба, и онъ неувѣренно вытащилъ изъ кармана пальто коричневый конвертъ.—Не сходите ли вы къ Ханка и не передадите ли вотъ это Беатѣ? только ей самой, и безъ свидѣтелей? Согласны? И еще передайте Агнесѣ Ханка мой сердечный привѣтъ.

Арнольдъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и взялъ конвертъ.

— А теперь, милѣйшій, прощайте, — сказалъ Шпехтъ, подавая руку.—Если когда-нибудь судьба закинетъ васъ къ намъ, вы знайте, что у васъ тамъ есть другъ. Всего хорошаго, Арнольдъ. Тяжелѣе всего мнѣ разставаться съ вами.

И быстро отвернувшись, онъ вышелъ. Входя въ комнату, Арнольдъ уронилъ коричневый конвертъ и изъ него выпала карточка Беаты съ надписью: «На память о чудно проведенномъ днѣ седьмого ноября». Фотографія эта была снята въ селѣ, а потому весьма далека отъ совершенства, и все же очень похожа; несмотря на голую шею и полуобнаженныя плечи, миловидное личико дышало невинностью. Изъ-подъ тонкихъ бровей, точно звѣзды изъ-подъ арокъ, свѣтились глаза. Арнольдъ не могъ подавить въ себѣ презрительнаго чувства къ Максиму Шпехту за то, что онъ изъ мести оставилъ конвертъ незапечатаннымъ и за то еще, что онъ придавалъ всей этой исторіи такое громадное значеніе.

15.

Александръ Ханка сильно проигрался въ карты. Когда онъ, наконецъ, въ одно прекрасное воскресенье, рѣшительно приступилъ къ подсчету проигрыша, то даже испугался значительнаго уменьшенія своего состоянія, столь ярко свидѣтельствовавшему противъ него и его времяпрепровожденія. Къ тому же оно обусловливалось постоянными встрѣчами съ цѣлой галлереей уже тысячи разъ видѣнныхъ физіономій, хожденіемъ по тѣмъ же улицамъ и площадямъ, по которымъ тысячи разъ проходилъ, видомъ предметовъ, до которыхъ тысячи разъ касался,

тысячи разъ произнесенныхъ и ничего не значущихъ словъ, тысячи разъ возникавшихъ безсильныхъ мыслей. Каждую ночь, ложась спать, онъ мечталъ о томъ, что приметъ необходимое рѣшеніе, но всегда что-нибудь да манило его въ будущемъ. Наступало утро и онъ катился по тѣмъ же рельсамъ привычки, дѣлая тѣ же остановки, что и наканунѣ.

Въ такихъ случаяхъ мысли его, сами собою, начинали уноситься за предѣлы города и парить въ высотѣ точно мотыльки, высвободившіеся изъ оболочекъ кокона. Тогда безусловное одиночество пустыни начинало ему казаться болѣе сноснымъ, нежели одиночество среди цѣлаго моря домовъ, и онъ вновь переносился воображеніемъ въ моравское имѣньице, и фантазія рисовала ему его своеобразные ландшафты: тянущіеся въ даль холмы, покрытые хвойнымъ лѣсомъ; печальную, гладкую поверхность рѣки, повидимому, слишкомъ утомленной, чтобы катить впередъ свои волны; извивающуюся среди зеленѣющихъ луговъ желтой лентой длинную и узкую дорогу; глубокіе, молчаливые рвы, заросшіе шиповникомъ; скромныя, молчаливыя села, безъ признака тѣни.

Правда, онъ тутъ же вспомнилъ, что и тамъ должно быть давнымъ давно наступила зима, но несмотря на это его воображеніе продолжало рисовать тѣ же привлекательныя, даже красивыя картины и подъ снѣжнымъ покровомъ. И онъ отправился туда, не предупреждая Агнесы, потому что не любилъ подготовленныхъ къ встрѣчѣ физіономій. Но дорогой имъ овладѣло недовольство; ему даже казалось, что какая-то внутренняя сила предостерегаетъ его, или удерживаетъ отъ чего-то. Чужія лица встрѣчныхъ, выражавшія скуку, любопытство и сытость, поднимали въ немъ желчь. Маленькій человѣчекъ, странный, остриженный на подобіе какаду, не переставая говорилъ о состояніи хлѣбной биржи. Никто не слушалъ его, никто не отвѣчалъ и его нескончаемыя рѣчи напоминали надоѣдливое жужжаніе пчелъ. Ханка съ досады попытался развлечься созерцаніемъ голубоватыхъ снѣжныхъ ландшафтовъ, а потомъ принялся вторично перечитывать полученныя письма. Одно изъ нихъ позабавило его: въ сущности въ немъ не было ровно никакого содержанія, но зато оно было написано въ свѣтскомъ, шутливо-обидчивомъ тонѣ и словно тонкой иглой еле намѣчало узоръ многаго. Ханка усмѣхнулся—передъ нимъ, какъ живая, предстала его подруга, маленькая, изящная и безпокойная Натали.

Агнеса поблѣднѣла, когда въ дверяхъ кухни появилась длинная фигура брата. Какъ бы для того, чтобы убѣдиться, точно ли это онъ, она дрожащею рукою поднесла къ его лицу лампу. Ханка разсмѣялся, широко раскрылъ черные, близорукіе глаза и съ комическимъ восторгомъ сталъ смотрѣть на яблочный тортъ, стоявшій тутъ же, недалеко отъ плиты. Тогда, убѣдясь, что брата заставило пріѣхать къ нимъ не какое-нибудь несчастіе, и что онъ именно таковъ, какимъ ей хотѣлось его видѣть, Агнеса въ свою очередь разсмѣялась. Вошла Беата, ея видъ поразилъ Ханка. Она была блѣдна, движенія стали сдержаннѣе,

хотя временами, какъ и раньше, то въ пожатіи плечъ, то въ хохотѣ прорывалось что-то вульгарное. Но за нѣсколько послѣднихъ недѣль она точно созрѣла, и манеры ея стали утонченнѣе. Теперь ея улыбка, повороты головы, всѣ ея позы и движенія хотя, попрежнему порывистыя и даже страстныя, не были лишены женственности. Она усвоила себѣ что-то особенное, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ханка; какой-то отпечатокъ, который съ перваго же взгляда выдѣлялъ ее изъ всѣхъ остальныхъ. Первый вечеръ Ханка былъ нѣсколько молчаливъ, но съ первыхъ же словъ было рѣшено, что онъ останется въ деревнѣ нѣсколько недѣль. Ему необходимъ покой, говорилъ онъ. Агнеса, по свойственной ей скромности, затаила въ себѣ радость, но странное поведеніе Беаты возбудило вниманіе Ханка. Она часто вставала изъ-за стола, стараясь скрыть свое лицо, или придать ему выраженіе полнаго равнодушія; но въ то же время она вся дрожала отъ нетерпѣнія и безпокойства. Дѣло въ томъ, что до этого дня, она ежедневно исчезала изъ дому въ эти часы. Агнеса ложилась спать рано, ужинали они недолго. Теперь же ей приходилось ждать—на плитѣ все еще что-то готовили, и пока они успѣютъ отъужинать, будетъ поздно. Ей не хотѣлось совершать какой-либо неосторожности, и потому, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, вся горя отъ желаній, обсуждая одинъ планъ за другимъ и въ воображеніи несясь по снѣгу и по вѣтру къ сараю рандомірскаго помѣстья, она испытывала и затаивала внутри себя неизъяснимую ненависть и бѣшенство. Но по мѣрѣ того, какъ время подвигалось, и ея благоразуміе и уваженіе къ Ханка все болѣе расплывалось; медленно покинула она комнату, точно ей было безразлично оставаться ли въ ней или уйти; но въ передней, когда она лихорадочно накидывала на себя пальто и калоши, лицо ея приняло почти дикое выраженіе. Она бѣгомъ бросилась къ мѣсту свиданія, чтобы тамъ вымолить себѣ отсрочку, спѣшной лаской увѣрить возлюбленнаго въ своей любви, потому что ею руководилъ болѣе страхъ, нежели любовь.

Ея отсутствіе было отчасти даже на руку Ханка; отъ какихъ бы то ни было подозрѣній на ея счетъ онъ былъ далекъ, онъ готовъ былъ видѣть во всемъ нѣчто хорошее для Беаты, и нѣчто пріятное для себя. Въ концѣ концовъ онъ видѣлъ въ ней лишь то, что хотѣлъ изъ нея сдѣлать, а не то, что изъ нея вышло, въ дѣйствительности, вслѣдствіе недостаточныхъ заботъ объ ней. Онъ собирался отнестись къ ней, какъ отецъ, если ужъ не какъ дядя—деревенскій покой сбилъ его нѣсколько съ толку и лишилъ его сужденія, присущей имъ въ обыкновенное время осторожности. У него явилось желаніе переговорить съ Агнесой о Беатѣ, поэтому онъ во весь ростъ растянулся на диванѣ, причемъ его длинныя ноги, начиная съ колѣнъ, болтались на воздухѣ,—и попросилъ сестру сѣсть рядомъ.

Агнеса созналась, что въ сущности ей ровно ничего неизвѣстно

относительно Беаты. Но, какъ старательно, словомъ и тономъ, она ни отклоняла отъ себя роль судьи, сколько доброты ни вкладывала въ свои сужденія о молодой дѣвушкѣ, все же изъ ея разговоровъ выяснилось, что настоящей близости между ними никогда не существовало. Ни на что дурное Агнеса не могла указать въ ней, но и ни на что такое, что завоевало бы ея мягкое, полное снисхожденія къ людямъ, сердце. Когда-то оно съ радостью исполнило желаніе Александра, тогда идея, сулившая такъ много хорошаго въ будущемъ, захватила ее и привела въ полный восторгъ. Но хотя ея жизнь съ Беатой протекала мирно, все же между ними не возникло той горячей дружбы, какая временами связываетъ женщинъ, всѣ надежды и помыслы которыхъ сосредоточены на одномъ и томъ же третьемъ существѣ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто дитя, выращенное ею, принадлежитъ по происхожденію къ чуждому и гордому племени, а изъ нея хотятъ сдѣлать чуть ли не рабыню; но въ душѣ оно остается все такимъ же неукротимымъ и тайно лелѣетъ надежду на освобожденіе и могущество. Ея жажду наслажденій ничѣмъ нельзя было удовлетворить,—сообщала Агнеса;—временами она вдругъ притихала, хитрила, но зато въ другое время проявляла крайнюю необузданность, почти грубость; Ко всему этому она часто лжетъ. Но, несмотря на это, съ нею можно ладить, она быстро уступаетъ. Кто знаетъ, можетъ быть все это лишь отголосокъ темнаго дѣтства, можетъ быть, для нея черезчуръ поздно наступила свѣтлая полоса жизни и нельзя забывать мрака, изъ котораго ее вырвали.

Александръ Ханка слушалъ все это и радовался откровенности Агнесы, сближавшей его не только съ нею, но и съ Беатой. Онъ меньше цѣнилъ добродѣтель, нежели то, что называется личностью и иногда въ нарушеніи ходячихъ нравственныхъ правилъ видѣлъ качество, способное повысить жизненный уровень. И по мѣрѣ того, какъ все дольше раздавался мягкій голосъ сестры, всячески старавшейся лишь слегка скользить по всѣмъ шероховатостямъ, сгладить углы, оправдать дурное, ему стало представляться, что у Беаты налицо всѣ признаки самобытной личности. Подобно тому, какъ земледѣльцы относятся къ суровымъ вѣтрамъ, временами проносящимся надъ обрабатываемыми ими плодородными полями, такъ и онъ сталъ относиться къ рѣзкимъ выходкамъ Беаты.

Когда накрыли на столъ, Агнеса хватилась молодой дѣвушки и спросила объ ней служанку, но какъ разъ въ это время та вернулась; вошла она все съ тою же небрежною медлительностью, съ которою вышла, и съ такимъ видомъ, будто ходила въ сосѣднюю комнату за носовымъ платкомъ.

Половину ночи Ханка провелъ безпокойно. Нѣжные порывы были ему чужды, но будущность начинала казаться заманчивою, и онъ все дальше уходилъ въ свои мечты. Рано по утру онъ отправился гулять,

такъ какъ ему хотѣлось побыть одному; не для того. чтобы придти къ какому-нибудь заключенію, а наоборотъ, отдѣлаться отъ неотвязныхъ думъ и отдалить рѣшеніе, которое само собою напрашивалось, когда онъ находился подъ однимъ кровомъ съ Беатой.

Въ это же время Агнеса отправилась на базаръ въ Падолинъ. Беата одна осталась въ комнатѣ и съ помощью мѣднаго трафарета рисовала на полотнѣ узоры для вышиванья. Въ дверь постучали и вошелъ Арнольдъ. Онъ поздоровался съ нею безъ малѣйшаго стѣсненія, сѣлъ и, убѣдившись, что они одни, передалъ конвертъ съ карточкой точь-въ-точь въ такомъ видѣ, какъ ему вручилъ Шпехтъ. Беата молча посмотрѣла на фотографію, потомъ на Арнольда, сдвинула брови, презрительно сморщила лобъ и ротъ, затѣмъ подошла къ печкѣ, стала передъ нею, широко разставивъ ноги, разорвала карточку на куски и бросила ихъ въ огонь. Покончивъ съ этимъ, она нахально спросила:

— Вы за этимъ явились?

Арнольдъ отвѣтилъ утвердительно.

— Стоило того!—насмѣшливо произнесла она.

— Я тоже нахожу, что вовсе не стоило такъ церемониться съ вами,—сухо возразилъ ей Арнольдъ.

Беата поблѣднѣла, сдѣлала шага два впередъ и боязливо стала переводить глаза съ одной двери на другую. Она спасовала передъ спокойною увѣренностью гостя и никакъ не могла понять, чего же онъ еще ждетъ? Наконецъ, прикрывъ глаза рукой, притворилась плачущею. Тогда Арнольдъ спросилъ, скоро ли вернется госпожа Ханка?

— Максимъ Шпехтъ поручилъ мнѣ передать ей поклонъ. У него не хватило времени лично проститься съ нею.—Арнольдъ счелъ нужнымъ буквально выполнить свое порученіе.

Изъ этихъ словъ и невинно-вопросительнаго взгляда, которымъ они сопровождались, Беата поняла, до чего напрасны были ея опасенія; въ ней вновь проснулась обычная самооувѣренность, и, разразясь насмѣшливымъ хохотомъ, она повернулась, чтобы уйти. Уже на порогѣ она сказала:

— До свиданія—и захлопнула дверь.

Арнольдъ остался ждать Агнесы не потому только, что считалъ очень важнымъ самому передать поклонъ Шпехта, но также и потому, что черезъ нѣсколько минутъ уже совершенно забылъ, что находится въ чужомъ домѣ. Какъ только онъ остался одинъ, въ немъ съ новою силой забродили все тѣ же неизмѣнныя мысли. Помимо этого, здѣсь онъ постепенно освобождался отъ гнетущаго настроенія, охватывавшаго его дома. Вышелъ онъ оттуда вмѣстѣ съ докторомъ, который наговорилъ ему цѣлую кучу разныхъ разностей по поводу болѣзни матери. Арнольдъ, котораго ничто такъ не раздражало, какъ безцѣльная болтовня, очень быстро покинулъ его.

Въ то время какъ онъ весь ушелъ въ свои думы, въ сѣняхъ разда-

лись широкіе шаги и на порогѣ появился Александръ Ханка, по своей привычкѣ настежь распахнувъ двери. Увидавъ въ комнатѣ незнакомаго человѣка, онъ широко раскрылъ глаза, потомъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отвѣсилъ церемонный поклонъ и назвалъ свое имя, но тотчасъ же замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ соблюденіе свѣтскихъ приличій неумѣстно. Арнольдъ же съ удивленіемъ поглядывалъ на него, такъ какъ никогда еще не встрѣчалъ столь длинноногихъ и худыхъ людей. Не менѣе его удивленный Ханка разсмѣялся, но видя, что это нисколько не смущаетъ чужого человѣка, самъ смутился. Арнольдъ почувствовавъ въ вопросительной гримасѣ на лицѣ Ханка настойчивый вопросъ, понялъ наконецъ, что надо сказать свое имя, поднялся съ мѣста, назвалъ себя и объявилъ, что имѣетъ порученіе къ госпожѣ Агнесѣ отъ учителя Шпехта, уѣхавшаго вчера въ Вѣну.

Ханка сейчасъ же припомнилъ имя Арнольда. Какъ ни равнодушно слушалъ онъ тогда разсказъ Шпехта и Беаты, кое-что изъ него все-таки осталось у него въ памяти, точно въ силу рѣшенія его внутренняго я, вовсе не склоннаго вообще интересоваться внѣшними событіями. Ханка понравилось его открытое, загорѣлое и суровое лицо, каштановые, гладкіе волосы, выпуклый, сухой лобъ и спокойно выглядывающіе изъ-подъ него свѣтло-сѣрые глаза; нравилась и его хорошо сложенная фигура безъ малѣйшихъ признаковъ ожирѣнія или болѣзненности.

16.

Ханка ставилъ вопросы, а Арнольдъ послушно давалъ на нихъ самые точные отвѣты. Ханка поразилъ его; благодаря врожденной проницательности, онъ быстро подмѣтилъ въ немъ странную смѣсь добродушія и грусти.

— А чѣмъ же вы занимаетесь?—спросилъ онъ его.

— Ничѣмъ,—говорилъ Ханка.—Я ничего не дѣлаю.

— Ровно ничего?

— Наблюдаю.—У Ханка въ рукахъ еще оставалась трость и теперь, перегнувшись впередъ, онъ постукивалъ ею по полу.

— Да развѣ вы ничему не учились?—вновь съ удивленіемъ спросилъ Арнольдъ.

Ханка громко разсмѣялся.

— Какъ же!—отвѣтилъ онъ.—Я обучался юриспруденціи, но именно поэтому-то и не занимаюсь ею на практикѣ.—Онъ слегка привиралъ, но прощалъ себѣ эту ложь, на томъ основаніи, что во всей ея массѣ была же хотя крупица правды. Слова эти заставили глубоко задуматься Арнольда. Но раньше чѣмъ онъ нашелся, что отвѣтить, въ комнату вошла Агнеса, и онъ, выполнивъ порученіе, собрался уходить. Агнеса была ему рада и очень благодарна за поклонъ учителя.

— Онъ милѣйшій человѣкъ—сказала она;—можетъ быть, теперь вы почаще будете навѣщать насъ, господинъ Анзорге?

Говорила она вообще громко, на прощанье крѣпко пожала гостю руку, глаза ея при этомъ свѣтились кротостью. Всякая охота допрашивать сразу пропала у Арнольда, и онъ чувствовалъ къ ней лишь симпатію. Беата, вошедшая вслѣдъ за Агнесой, состроила гримасу, но, почуствовавъ на себѣ взглядъ Ханка, тотчасъ же стала смотрѣть на гостя благосклоннѣе.

Арнольдъ распрощался. Придя домой, онъ нашелъ на столѣ газету, органъ католической партіи, съ описаніемъ похищенія жидовки. Въ немъ взывалось къ общественнымъ идеаламъ, призывалось имя Божіе, но во всемъ этомъ не было ни капли истины, она оставалась въ сторонѣ и прятала руки въ карманы. Арнольда попеременно бросало то въ холодъ, то въ жаръ; его увѣренность начинала колебаться; вслѣдствіе этого онъ совсѣмъ забылъ о матери, такъ какъ вообще относился къ ея болѣзни не серьезно и никакихъ опасеній на ея счетъ не питалъ, тѣмъ болѣе, что она сама не выказывала своихъ страданій.

Но ночью его разбудили непрерывные, глубокіе стоны; онъ испугался, когда понялъ, кто ихъ испускаетъ, и уже съ этой минуты его спокойствіе было нарушено. Онъ потребовалъ разъясненій у доктора. Тотъ нѣсколько нерѣшительно заявилъ, что у больной почки не въ порядкѣ и что хорошо бы вызвать изъ столицы спеціалиста. Арнольдъ подумалъ, подумалъ и заразъ протелеграфировалъ и написалъ дядѣ Барромео, чтобы тотъ немедленно принялъ нужныя для этого мѣры. Отправивъ депешу, онъ не торопясь прошелъ по площади до того мѣста, гдѣ на нее выходилъ переулокъ, въ которомъ жилъ Алассеръ. Онъ зналъ, что тамъ люди каждую минуту дня и ночи, каждое мгновеніе сознательнаго существованія, борятся за свое право... и все его собственное существо затрепетало отъ стремленія разрѣшить эти вопросы.

На углу площади стоялъ Ураваръ; несмотря на холодъ рукава его рубашки были засучены. Многозначительно усмѣхаясь, онъ уставился на Арнольда и проводилъ его взглядомъ.

Въ домикѣ еврея царствовала полнѣйшая тишина. Дверь въ жилую комнату была притворена. Арнольдъ постучалъ, но отвѣта не послѣдовало. Нажавъ на ручку, онъ пріоткрылъ дверь и заглянулъ въ образовавшуюся щель; у круглаго стола сидѣлъ мальчикъ, подперевъ голову руками и уставившись въ книгу. Тогда Арнольдъ совсѣмъ вошелъ въ комнату; мальчикъ, которому могло быть около тринадцати лѣтъ (онъ былъ слѣдующій за Юттой), испуганно поднялъ голову, узналъ Арнольда, но не рѣшался двинуться съ мѣста. Не отходя отъ двери, чтобы еще больше не перепугать его, Арнольдъ спросилъ, есть ли кто-нибудь, кромѣ него, дома?

— Никого,—отвѣтилъ мальчикъ, причемъ его изрытое оспой лицо и глаза засвѣтились упрямствомъ.

— Отецъ въ городѣ,—медленно продолжалъ онъ отвѣчать на дальнѣйшіе разспросы, нѣсколько смягченнымъ голосомъ,—мать по дѣламъ ушла въ сосѣднее село, а остальныя дѣти у раввина въ Лолнирѣ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Арнольдъ.

— Моисей.

Подойдя къ столу, Арнольдъ мелькомъ заглянулъ въ раскрытую книгу, сѣлъ противъ мальчика на деревянный табуретъ и спросилъ глухимъ голосомъ:

— А Ютта? Развѣ она не вернулась?

— Господинъ еще спрашиваетъ,—насмѣшливо отвѣтилъ мальчикъ, стараясь говорить какъ можно чище по-нѣмецки.—Вернулась! Да скорѣе воскъ превратится въ желѣзо, а я въ пророка!

Арнольдъ былъ пораженъ и молча смотрѣлъ на мальчика. Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно, точно самъ былъ виноватъ. Ему стало душно; медленно поднявшись съ мѣста, онъ подошелъ къ крохотному оконцу—черезъ него снаружи доносился шумъ многихъ голосовъ; онъ распахнулъ его и увидалъ на углу площади толпу человѣкъ въ двадцать, тридцать.

Равнодушно закрывъ окно, онъ задумчиво поглядѣлъ на мальчика съ старческимъ выраженіемъ лица, но тотъ смотрѣлъ прямо передъ собою въ пространство. Арнольдъ ничего не могъ ему сказать, къ тому же его почему-то потянуло домой. Онъ подалъ ребенку руку, причемъ у того на губахъ мелькнула покровительственная улыбка, точно онъ владѣлецъ какого-нибудь замка и милостиво отпускаетъ своего друга и гостя. Выйдя изъ дому, Арнольдъ увидалъ, что на углу улицы и площади все еще толпится народъ; повидимому, его теперь скопилось больше, чѣмъ раньше, появились даже женщины и дѣти, и оттуда несся глухой шумъ, точно ропотъ, подавляемый и сдерживаемый чьимъ-то приказаніемъ. Въ самомъ переулкѣ никого не было, но выходъ изъ него былъ буквально запруженъ. И всѣ эти люди, словно развернувшаяся боевая колонна, чего-то выжидали. Чѣмъ ближе подходилъ Арнольдъ, тѣмъ больше лицъ, какъ по предварительному уговору, обращались въ его сторону и, наконецъ, разступившись, образовали узкій проходъ, который ему надлежало пройти Но эти дѣйствія скорѣе походили на дѣйствія непріятеля, нежели на вѣжливость.

Ураваръ находился въ центрѣ одной изъ кучекъ и подобно часовой пружинѣ, хотя и еле замѣтно, но все же руководилъ движеніемъ толпы. Арнольдъ былъ очень далекъ отъ мысли, что это скопище народа относится къ нему.

Когда онъ подошелъ, толпа смолкла и всѣ лица съ выраженіемъ тупости, любопытства, злобы или коварства уставились на него; пораженный до крайности, онъ невольно остановился; передъ нимъ тотчасъ же образовалось нѣчто въ родѣ бухточки, а посреди нея онъ увидалъ новаго священника.

Служитель церкви стоялъ, скрестивъ руки на груди и высоко поднявъ голову, а была она у него могучая, величиною съ бычачью, и съ торчащими во всѣ стороны волосами; изъ-за очковъ возбужденно вспыхивали зеленые глазки. Въ ту же минуту раздался одинокій, тоненькій и рѣзкій голосокъ, бросившій въ лицо Арнольда оскорбленіе:

— Жидовскій прихвостень!—вслѣдъ за этимъ вновь поднялся шумъ и становился все громче и грознѣе.

Священникъ, якобы съ огорченіемъ, опустилъ голову.

Арнольдъ оглянулся—въ немъ клокоталъ гнѣвъ, дѣлавшій его какъ бы неприступнымъ для толпы; безстрашно отыскивалъ онъ глазами человѣка, нанесшаго ему оскорбленіе, и всѣ стоявшіе поблизости невольно моментально прикусывали языки. Потомъ онъ спокойно продолжалъ путь; но уже теперь онъ чувствовалъ въ себѣ больше силъ и болѣе сознательно относился къ нимъ, чѣмъ раньше, а это заставляло его трепетать отъ предчувствія предстоящей борьбы.

Госпожа Анзорге очень плохо провела ночь. Арнольдъ легъ спать въ девять, а около полуночи проснулся и вмѣстѣ съ Урсулой до утра не отходилъ отъ ея постели. Больная совсѣмъ не говорила, но когда открывала глаза, дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы улыбнуться. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда она впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, не переставая, со стономъ металась на низкой кровати. Урсула въ промежуткѣ, когда больной не требовалось ея услугъ, шопоткомъ читала молитвенникъ. Арнольдъ сидѣлъ, опустивъ голову; иногда онъ устремлялъ взглядъ на пламя свѣчи, иногда всматривался въ наружную тьму, точно желая допросить о чемъ-то свѣтъ или разсѣять мракъ. Но и эта ночь кончилась, какъ все на свѣтѣ кончается. Къ десяти часамъ пришелъ сельскій врачъ, чтобы встрѣтить вѣнскаго доктора, который долженъ былъ прибыть съ утреннимъ поѣздомъ.

Желѣзнодорожная станція была довольно далеко, но, несмотря на это, вскорѣ послѣ одиннадцати подъѣхала деревенская карета съ двумя сѣдоками.

Арнольдъ, находившійся въ это время въ конюшнѣ, встрѣтилъ пріѣзжихъ на дворѣ. Брата матери онъ узналъ сейчасъ же, хотя не видѣлъ его съ самаго дѣтства. Докторъ Барромео, подавая племяннику руку, окинулъ его непроницаемымъ и въ то же время довольно равнодушно-критическимъ взглядомъ, затѣмъ представилъ ему доктора, еще молодого и очень элегантнаго человѣка, и всѣ они втроемъ отправились къ больной.

При видѣ брата и съ нимъ чужого человѣка, госпожа Анзорге сдѣлала надъ собою нечеловѣческое усиліе и подавила лихорадку и бредъ,—такъ казалось по крайней мѣрѣ. Въ ней сразу воскресли тысячи воспоминаній изъ того прошлаго, когда она въ послѣдній разъ видѣла Фридриха и когда вся ея прежняя жизнь и прежнія чувства были поражены на смерть. Всѣ промежуточные годы куда-то рухнули

и теперешнія страданія слились съ тѣми, что она переживала тогда и уже наполовину забыла. Поздоровались они коротко и безъ словъ. Докторъ Барромео сдѣлалъ знакъ Арнольду и Урсулѣ выйти изъ комнаты, и въ ней остались только оба врача. Арнольдъ повелъ дядю въ пустовавшее у нихъ помѣщеніе позади кухни, гдѣ стояла старинная мебель, на которую время наложило свою печать. Барромео плотнѣе запахнулся въ шубу и, слегка раскачиваясь, устало принялся ходить взадъ и впередъ. Та же усталость сквозила и въ его манерахъ, и въ выраженіи лица, она чувствовалась даже въ мимоходомъ брошенныхъ словахъ, улыбкѣ, голосѣ. Черная борода закрывала подбородокъ и ротъ; видно было, что онъ ее очень холитъ, и она казалась накрахмаленною. Вся верхняя часть лица носила отпечатокъ чисто женской мягкости, глаза были въ высшей степени правдивые, лобъ меланхолическій.

— Что ты думаешь относительно своего будущаго, Арнольдъ?— спросилъ онъ, на минуту пріостановивъ свое хожденіе взадъ и впередъ. Говорилъ онъ медленно и задумчиво, такъ что уже въ самомъ тонѣ вопроса можно было предугадать недовѣріе и равнодушіе къ отвѣту.

Но вопросъ поразилъ Арнольда, и онъ нѣсколько нерѣшительно взглянулъ на дядю. Самъ не зная, почему онъ ощущалъ какую-то смутную жалость къ этому человѣку.

— Буду жить—сухо отвѣтилъ онъ.

Барромео осторожно, еле дотрогиваясь, точно боясь растрепать ее, провелъ ладонью по бородѣ.

— Ты полагаешь, что это такъ легко?—громко и грустно отвѣтилъ онъ. Арнольдъ разсмѣялся.

— Будто уже такъ трудно?—съ удивленіемъ, въ свою очередь, задалъ онъ вопросъ.—Неужели тебѣ пришлось испытать такъ много тяжелаго?

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и подбородкомъ прижимался къ его спинкѣ.

— Думаю, что иначе не могло и быть,—отвѣтилъ Барромео. Улыбка, которою сопровождались эти слова, ясно говорила о его снисходительной жалости къ племяннику, а тотъ никакъ не могъ разобраться въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Простота обращенія доходила у него почти до сухости, вмѣстѣ съ тѣмъ проглядывало боязливое желаніе ничѣмъ не бросаться въ глаза; ему было сорокъ пять лѣтъ, а по выраженію лица его можно было принять за старика; глаза большею частью неподвижно смотрѣли въ пространство, точно видѣли тамъ все, что происходитъ въ душахъ людей. Но по временамъ въ нихъ вспыхивалъ огонекъ, доказывавшій несокрушимую вѣру этого человѣка въ существованію на свѣтѣ добра. Арнольду хотѣлось бы разспросить его, ему казалось важнымъ пріобрѣсти его довѣріе, но что то, что съ первой же минуты, выросло между ними, закрывало ему ротъ. И странно: въ то самое время, какъ у него явилось желаніе, чтобы этотъ человѣкъ узналъ его именно такимъ, какой онъ есть, понялъ его стремленія, оцѣнилъ его взгляды, онъ внезапно почувствовалъ, что то

«нѣчто», стоявшее между ними, вынуждаетъ его сначала самому вдуматься въ свой внутренній міръ. Это ощущеніе было для него ново и дѣйствовало далеко не успокоительнымъ образомъ. Ему казалось, что благодаря этому обстоятельству частица его *я*, хотя временно, стала въ зависимость отъ чего то посторонняго, а не только отъ него самого, и его собственной воли.

17.

Доктора давали мало надежды—исхода болѣзни нельзя было предсказать. Вслѣдствіе этого Барромео, взявъ съ Арнольда обѣщаніе тотчасъ же написать ему, если наступитъ ухудшеніе, уѣхалъ обратно, такъ какъ въ городѣ у него были неотложныя дѣла. Затѣмъ докторъ-спеціалистъ далъ самыя подробныя указанія своему деревенскому коллегѣ, когда можно будетъ приступить къ операціи и нужно будетъ его вызвать вторично.

Госпожа Анзорге предчувствовала, что ее ожидаетъ. Каждую недѣлю она съ тоской припоминала, насколько лучше себя чувствовала въ прошедшую. Въ присутствіи сына она крѣпилась изо всѣхъ силъ: если знала, что онъ находится поблизости или ждала его прихода, то уста ея замыкались, словно желѣзныя ворота. Скрывала она свои страданія не для того, чтобы щадить его, или окружить себя въ его глазахъ ореоломъ героини, а потому, что мыслила и чувствовала съ нимъ заодно. Ихъ отношенія радикально измѣнились: она, бывшая наставница и руководительница, теперь сама, словно школьникъ, все время чувствовала свою полную зависимость отъ того образа матери въ душѣ сына, который сама же создала. Она боялась, и вполнѣ основательно, чтобы въ немъ не заговорила жалость къ ней, а потому съ безпримѣрнымъ самообладаніемъ всячески подавляла въ себѣ даже мысль о своихъ тѣлесныхъ мученіяхъ. Ея сознаніе, то просвѣтлявшееся, то затемнявшееся, благодаря болѣзни, подсказывало ей, однако, что этимъ путемъ она испытываетъ силу воспитательнаго вліянія своего примѣра. Она не хотѣла, чтобы изъ него вышелъ мягкосердечный мечтатель, расположеніе котораго вызывается состраданіемъ. «Здоровое сердце жестоко», говорила она себѣ, а потому глубоко затаивала въ себѣ боль, чтобы ничѣмъ не омрачать горизонта его будущности и чтобы память о ней сохранилась у него въ видѣ образа какой-то недоступной страданію богини.

Съ братомъ она обсудила все касающееся дѣлъ. Такъ какъ капиталъ не только остался нетронутымъ, но даже шедшіе на него проценты всегда причислялись къ нему же, потому что имѣньице постепенно стало вполнѣ окупать себя, то Арнольдъ оказывался теперь обладателемъ довольно значительнаго состоянія. И мать не видѣла въ этомъ никакой опасности, такъ какъ онъ никогда не относился къ деньгамъ иначе, какъ къ средству справедливымъ путемъ пріобрѣтать все необходимое.

*

Благодаря наступившей послѣ раннихъ заморозковъ дождливой погодѣ, одиночество больной еще удвоилость. Лишь одна Урсула безотлучно находилась при ней. Только теперь госпожа Анзорге почувствовала, что значитъ имѣть около себя людей, съ которыми связываетъ долгая привычка. Она ни по комъ не скучала, такъ какъ для этого была слишкомъ тверда духомъ, и, однако, ее радовало, когда Агнеса Ханка, напр., присылала справляться объ ея здоровьѣ. При этомъ Арнольдъ вспоминалъ, что обѣщалъ какъ-нибудь побывать у нихъ, но перспектива встрѣчи съ чужими людьми и необходимость, въ силу пустыхъ общественныхъ требованій, вести съ ними безсодержательные разговоры, вовсе не улыбалась ему,—къ этому времени ему уже стало яснымъ, что на свѣтѣ существуетъ цѣлая масса разныхъ безсмысленныхъ общественныхъ условій. Кромѣ того, ему смутно чудилось, что на первыхъ порахъ ему не слѣдуетъ переступать границу узко очерченнаго около него круга, онъ долженъ раньше подготовиться и собраться съ силами. Въ деревнѣ онъ постоянно наталкивался на затаенную вражду и выжидающую ненависть. Даже среди своихъ работниковъ онъ замѣчалъ сдержанное, трусливое озлобленіе противъ себя. Крестьяне на базарѣ, и тѣ выказывали ему скрытую злобу.

«Въ чемъ собственно я виноватъ?» думалъ Арнольдъ. «Они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, яростно становятся на защиту явной несправедливости—почему? Почему не заступаются они за право?»

Между тѣмъ, Агнеса Ханка продолжала ежедневно узнавать о здоровьи больной, поэтому Арнольдъ, въ концѣ концовъ, рѣшилъ все-таки сходить къ нимъ.

— Какъ ты думаешь, мать?—спросилъ онъ ее.

— Дѣлай, какъ знаешь,—прошептала она слабымъ голосомъ и протянула ему пылающую руку. Все ея тѣло подергивалось судорогами.

Въ Падолинѣ Арнольдъ увидалъ группы людей съ газетами въ рукахъ; всѣ лица казались возбужденными. Передъ почтой расхаживалъ Александръ Ханка и просматривалъ полученныя письма. Арнольдъ вдругъ неожиданно разсердился на самого себя: на какомъ основаніи собирался онъ легкомысленно расточать безполезныя слова, вмѣсто того чтобы сосредоточить и сберечь свои силы, чтобы впослѣдствіи сильнѣе выразить то, что грозно и властно выростало передъ нимъ? Онъ повернулъ назадъ.

Ханка отложилъ свой отъѣздъ до Рождества. Онъ увѣрялъ себя, что удерживаютъ его тишина и однообразіе деревенской жизни. Но развѣ раньше онъ, съ своимъ характеромъ, съ своею вѣчною жаждой пустыхъ, свѣтскихъ развлеченій, которыя онъ въ то же время презиралъ, развѣ бы онъ выдержалъ подобную жизнь? Развѣ онъ могъ бы раньше удовольствоваться такими ничтожными занятіями, такимъ однообразнымъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ событій, времяпрепровожденіемъ? Иногда, раздумывая о себѣ, онъ качалъ головой, но лишь какъ человѣкъ, теперь страстно хватающійся за то

благо, которое раньше самъ же презиралъ. Агнеса была счастлива, Беата съумѣла приноровиться къ новому обществу, и хотя Ханка въ ея глазахъ попрежнему оставался очень смѣшнымъ, но врожденная проницательность подсказывала ей, что это умный и искренно расположенный къ ней человѣкъ. Къ тому же съ тѣхъ поръ, какъ молодой работникъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на другую, на нее напало смиреніе. Напрасно она бѣгала къ нему, плакала, грозила, бѣсновалась... Но все это она съумѣла сохранить въ глубочайшей тайнѣ, и даже глаза, съ любовью слѣдившіе за нею, ничего не примѣтили. Кончилось тѣмъ, что она почувствовала стыдъ; сначала его вызвало отчаяніе, желаніе сдѣлать что-нибудь такое, чтобы сохранить уваженіе къ себѣ; потомъ наступилъ и настоящій стыдъ, терзавшій тѣло, отравлявшій кровь, дѣлавшій пищу безвкусною, лишавшій сна... Въ своей комнатѣ она каталась по полу, прижималась къ нему губами, представляя себѣ лицо, которое такъ часто осыпала поцѣлуями, жаждая еще одинъ только, послѣдній разъ, покрыть его ласками, а затѣмъ растерзать когтями...

Послѣ этого она сходила въ столовую, блѣдная, но съ улыбкой на губахъ, садилась рядомъ съ Ханка, невинно перебрасывалась съ нимъ въ картишки, и, чувствуя его расположеніе къ себѣ, его постоянную снисходительность и внимательную доброту, ея душа постепенно отходила, но въ тоже время она начала строить свои собственные, хитрые планы, казалась какъ бы кротче, преданнѣе, откровеннѣе и ровнѣе, нежели раньше.

О своихъ городскихъ друзьяхъ Ханка почти не имѣлъ извѣстій. Живя теперь внѣ ихъ круга, онъ уподобился игроку, пропустившему ставку. Одна Натали Остербургъ еще писала ему—ее снѣдало любопытство узнать все, что такъ или иначе касается дѣла Элассера. Въ обществѣ ни о чемъ иномъ теперь не говорятъ, и она просила Ханка подробно сообщить ей, какова наружность этой знаменитой Ютты, какъ она себя держитъ, одѣвается, какого цвѣта у нея глаза и т. д. Ей это необходимо знать какъ можно скорѣе, хотя бы ради того, чтобы насладиться завистью, которую вызовутъ ея таинственныя свѣдѣнія. А такъ какъ онъ, Ханка, находится у самаго источника событій, то ему стоитъ лишь шевельнуть пальцемъ, чтобы узнать все, что такъ важно для нея. А что до остальнаго, то пусть онъ не откладываетъ въ долгій ящикъ своего возвращенія, такъ какъ она получила изъ Гамбурга свѣжіе ананасы. «Въ этомъ письмѣ рисуется вся Натали, вся какъ есть», подумалъ Ханка, которому оно доставило немалое удовольствіе

18.

Долго бродилъ Арнольдъ по берегу рѣки; повидимому, погода вновь мѣнялась. Дождь пересталъ и наступалъ холодъ. Рѣка лѣниво катила свои густыя, красножелтыя отъ примѣси тины и песку, волны. Сѣрые

и холодные порывы вѣтра хлестали путника и въ лицо, и въ затылокъ, и когда онъ, подъ конецъ, рѣшилъ отправиться въ Падолинъ, то весь, до колѣнъ выпачкался въ грязи. На площади стояли кучки людей и о чемъ-то горячо спорили. Вновь присланный помощникъ учителя, блѣдвый, съ недовольнымъ выраженіемъ лица человѣчекъ, слегка прихрамывавшій на одну ногу, углубился въ разговоръ съ почтовымъ чиновникомъ. На углахъ, по стѣнамъ домовъ были расклеены громадныя афиши, а передъ ними толпились и женщины, и даже дѣти: они разбирали ихъ по складамъ, причемъ всѣ кричали въ одинъ голосъ. Рѣчь шла о какихъ-то выборахъ и говорилось, что отъ нихъ зависитъ все будущее благо народа и конецъ его нищеты; а какъ на причину всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ его бѣдствій указывалось на жидовъ.

Изъ церкви показалась процессія и, поровнявшись со школой, заполнила всю середину улицы. Когда Арнольдъ посторонился, чтобы пропустить ее, за его спиной раздался грозный гулъ, заглушившій громкое машинальное выкрикиваніе молитвъ. Повернувшись, онъ увидалъ шедшаго по направленію изъ Ломница Алассера съ тяжелымъ тюкомъ товаровъ на спинѣ. Слесарный подмастерье, по имени Павличекъ, бросился на еврея и однимъ взмахомъ руки сбилъ съ головы беззащитнаго жалкую шляпчонку: описавъ громадную дугу, она упала на порогъ одного изъ сосѣднихъ домовъ. Гнѣвный ропотъ толпы превратился въ одобрительный. Алассеръ остановился, пошевелилъ губами, точно собираясь показать зубы, робко обвелъ глазами землю вокругъ себя, будто ожидая, что шляпа сама собою вновь взлетитъ на его голову, такъ какъ руки у него были заняты. Онъ уже собирался спустить свой товаръ на землю, причемъ униженно улыбался, какъ будто желая показать окружающимъ, что вовсе и не думаетъ обижаться, а ему только немного трудно сдѣлать это. Лицо Арнольда вспыхнуло отъ негодованія, глаза потемнѣли; мѣра несправедливости казалась ему переполненною. Онъ откинулъ голову, испустилъ странный гортанный звукъ, оскалилъ зубы, заскрежеталъ ими; казалось—еще секунда, и онъ перестанетъ сознавать, что дѣлаетъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ портной Виттекъ, нѣмецъ, глупо таращившій глаза на происходящее; Арнольдъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь броситься на него и швырнуть въ остальную толпу, но въ то же мгновеніе передъ нимъ предсталъ неземной посредникъ, его другъ и Богъ, и мудро и гордо призвалъ его къ лучшему.

— Развѣ твое право заключается въ силѣ?—вопрошалъ онъ его.— Что изъ того, если ты даже накажешь виновнаго? Духъ повинуется не ударамъ кулака, а лишь духу же.

Пораженная и удивленная толпа мрачно подалась назадъ. Онъ отвернулся отъ нея, перешелъ улицу, поднялъ съ порога брошенную шляпу и надѣлъ ее на голову Алассера. При этомъ онъ встрѣтилъ взглядъ еврея, взглядъ побитой собаки. Съ тою же рабскою улыбкой посмотрѣлъ Алассеръ и на зрителей и потомъ медленно удалился.

Арнольдъ также тронулся съ мѣста. Но только что онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ черезъ его плечо, мимо уха, пролетѣлъ камень, величиною съ яблоко. Онъ оглянулся назадъ, потому что его удивила подобная смѣлость. Какой-то старикъ въ ту же минуту опустилъ руку, уже поднимавшую второй камень.

Наступили сумерки и стали быстро сгущаться.

Арнольдъ остановился и сталъ раздумывать. Какая-то мысль искала въ немъ выраженія, какое-то намѣреніе—исполненія. Онъ почти механически свернулъ въ переулокъ, въ которомъ жилъ Аляссеръ. Ночная тишина казалась ему болѣе глубокою, нежели всегда, и какою-то необычной. Онъ подошелъ къ окну подвальнаго этажа и заглянулъ въ нищенскую комнату, но на этотъ разъ она приняла какой-то странный, полуторжественный, полупещерный видъ. Въ ней теперь замѣчалось больше довольства, нежели раньше, точно нравственныя страданія принесли обитателямъ матеріальное благосостояніе. Дѣти внимательно смотрѣли на что-то лежащее на столѣ; жена Эляссера и маленькій чужой человѣчекъ, стоя, молились у другого столика, покрытаго бѣлою скатертью; на немъ горѣло нѣсколько восковыхъ свѣчей. Только что вернувшійся Аляссеръ опустилъ на полъ свой тюкъ съ товаромъ, и всѣ направились къ нему. Дѣти, и тѣ повскакали съ мѣстъ, а старшій мальчикъ, котораго Арнольдъ уже зналъ, что-то громко произнесъ, но что именно, разобрать было нельзя. Чужой человѣкъ, съ снисходительно-добродушнымъ выраженіемъ лица, кивнулъ ему головой. На видъ ему могло быть около семидесяти лѣтъ, бороды не было вовсе, а голова была до смѣшного маленькая.

Арнольдъ закрылъ глаза рукою, онъ точно достигъ той точки, что находится надъ событіями, точки покоя. Картины, до ощутительности яркія, какъ бы проскальзывали подъ его руку и насильно навязывались глазамъ. Онъ видѣлъ передъ собою Ютту и ея страданія, потому что право попиралось ногами, видѣлъ, что тѣ, въ домѣ, колеблятся и трусятъ, точно насмѣхаясь надъ законностью, вопреки разуму... Неужели же требуется столько время, чтобы правда восторжествовала? И гдѣ человѣкъ, на чьей обязанности лежало бы и кому была бы охота совершить дѣло правосудія. И пусть бы Ютта погибла послѣ долгихъ лѣтъ страданій, но не можетъ и не должна погибнуть вмѣстѣ съ нею справедливость. И не потому ли не произносится должный приговоръ, что никто не желаетъ ради этого даже рукой пошевелить или разинуть ротъ. Почему они сидятъ тамъ у себя въ комнатѣ, почему всѣ притихли, почему допускаютъ нарушать свои права съ такимъ же равнодушіемъ, будто съ нихъ скатываются капли воды? Развѣ они забыли? Въ его же душѣ каждый часъ выжигалъ новое напоминаніе о совершившемся, онъ не могъ забыть. Скорѣе онъ забылъ бы ѣсть, пить, спать... Вся душа трепетала страстнымъ вопросомъ, который, все усиливаясь, точно звукъ колокола подъ куполомъ, заполнялъ ее все больше и больше...

Впродолженіи немногихъ секундъ, проведенныхъ подъ окномъ еврея, онъ мысленно окинулъ взглядомъ вселенную и поставилъ себѣ вопросъ—существуетъ ли гдѣ-либо на свѣтѣ духъ справедливости, на котораго можно и слѣдуетъ полагаться, или же нужно ея домогаться, вымаливать, торопить... Никогда еще Арнольдъ не чувствовалъ себя столь тѣсно связаннымъ, единымъ, почти претвореннымъ съ какою-то внутреннею силой, дѣйствующею въ немъ скрытно. И въ то же время онъ ясно сознавалъ, что слѣдуетъ подавить въ себѣ и чувство, и воображеніе, и что именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, крайне важно обсудить и взвѣсить все хладнокровно.

Послѣ короткаго колебанія, онъ прислонился къ забору напротивъ окна, раздѣлявшему дворъ между двумя домами. Никто его не замѣтилъ. Чтобы увидать хоть кусочекъ неба и звѣздъ, ему пришлось запрокинуть голову. На срединѣ небосклона стоялъ мѣсяцъ и разливалъ вокругъ свой ясный свѣтъ.

Но то, что дѣлалось надъ землей, не привлекало его—онъ весь содрогался отъ присутствія въ себѣ чуждой силы, претворявшей въ дѣйствіе то, что онъ едва еще осмѣливался желать.

Ему казалось, что за тусклымъ стекломъ движется не Алассеръ,—въ этомъ презираемомъ всѣми и не уважающемъ самого себя существѣ кроется какъ бы частица его, Арнольда.

Въ то время какъ всѣ ужинали за круглымъ столомъ, Алассеръ сидѣлъ отдѣльно за небольшимъ, покрытымъ бѣлою скатертью. Арнольдъ видѣлъ, какъ гость нѣсколько разъ подходилъ къ нему, но Алассеръ всякій разъ, сжимая въ кулакѣ свою бороду, лишь качалъ головой. Жена сидѣла неподвижно, вся уйдя въ себя. Когда дѣти, точно молодой отпрыскъ цѣлаго племени, повалили въ сосѣднюю комнату, чтобы лечь спать, она, приложивъ младенца къ тощей груди, мрачно уставилась на огонь лампы. На улицѣ никто не показывался, и лишь на площади временами раздавался шумъ шаговъ. Чужой человѣкъ и Алассеръ вступили между собою въ разговоръ и до ушей Арнольда донеслось какое-то бормотанье. Но какъ бы чувствуя, что за ними наблюдаютъ, они точно стѣснялись, движенія ихъ становились все сдержаннѣе, а подъ конецъ даже безпричинная боязнь заставила ихъ совсѣмъ умолкнуть. Чужой человѣкъ, пожавъ руку женщинѣ, собрался проститься съ самимъ хозяиномъ, но тотъ вызвался его проводить. Входная дверь скрипнула и на порогѣ появились оба мужчины. Увидавъ напротивъ на свѣтломъ треугольникѣ, бросаемомъ луннымъ свѣтомъ, выдѣляющуюся темную человѣческую фигуру, они сдѣлали испуганное движеніе. Арнольдъ тотчасъ же подошелъ къ нимъ и напрямикъ спросилъ:

— Какъ дѣла? Вернется Ютта?

Послѣдовало долгое молчаніе. Алассеръ вглядывался въ лицо Арнольда съ удивленіемъ, возраставшимъ съ каждою секундой. Наконецъ,

обращаясь къ своему спутнику, взглядъ котораго выражалъ, повидимому, обычное для него благоволеніе и кротость, онъ сказалъ:

— Это тотъ господинъ, что желаетъ намъ добра.

Старикъ покачалъ головой. Несмотря на ея малые размѣры, она казалась обременительною ношею для его плечъ. Въ глазахъ его свѣтилась великая житейская опытность, которая столько же походитъ на мудрость, насколько снѣгъ долинъ походитъ на снѣгъ горныхъ вершинъ.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ,—что иногда Всеблагій допускаетъ, обрести намъ защитника и среди вражескаго стана.—Слова эти сопровождались странными сокращеніями лицевыхъ мускуловъ.

— Такъ какъ же дѣло?—съ нетерпѣніемъ переспросилъ Арнольдъ, котораго все это весьма мало интересовало.

— Плохо,—отвѣтилъ Алассеръ. Ни одна рука не поднимается для защиты. Говорятъ, производится дознаніе и меня, какъ собаку, таскаютъ по судамъ; теперь велѣно ждать. Ну я и жду; всѣ мы давно уже ждемъ, если вамъ угодно знать! Черезъ четыре недѣли Юттѣ минетъ 14 лѣтъ, и тогда уже не останется ни малѣйшей надеждѣ.

— Въ писаніи сказано,—прервалъ его другой,—пусть да совершится неправда во всемъ ея объемѣ.

— Чудное писаніе!—съ негодованіемъ произнесъ Арнольдъ.—Чего вы хотите дождаться? Пока съ васъ не сорвутъ головы?

Алассеръ широко развелъ руками.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—право, мнѣ кажется, вы похожи на того еврея, который отказывался учиться по-нѣмецки, думая что весь свѣтъ іудейскій. Но свѣтъ не іудейскій, господинъ, право существуетъ, но для васъ, а не для насъ.

Они всѣ втроемъ медленно спустились къ самому берегу рѣки. Арнольдъ швырнулъ ногою въ рѣку камень; всею душой негодуя на предположеніе Алассера, онъ воскликнулъ:

— Да какъ же вы можете въ такомъ случаѣ спокойно стоять здѣсь или спокойно спать по ночамъ? Да развѣ нарушеніе вашего права не есть въ то же время нарушеніе права императора? Или моего? Его вовсе не надо заслуживать, оно уже есть, существуетъ и принадлежитъ каждому. И всѣ равно имѣютъ право на правосудіе.

Сказавъ это, Арнольдъ принялъ болѣе спокойную позу. Когда онъ не находилъ подходящихъ выраженій во время разговора, то его губы подергивало, пока онъ ихъ не подыскивалъ.

Снова наступило молчаніе; потомъ заговорилъ Алассеръ, постепенно разгорячаясь, какъ плохой фитиль, поднесенный къ факелу.

— Къ сожалѣнію, господинъ позабылъ объ одномъ. Право налицо; и судьи налицо, и книги, въ которыхъ все это написано, то же. Но правосудіе? Его нѣтъ!

Арнольдъ съ презрѣніемъ плюнулъ на землю и съ крайней враждебностью произнесъ:

— Вы лѣнтяй и лжецъ.

Чужой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову. Все его міросозерцаніе, проникнутое сознаніемъ необходимости безусловной покорности и терпѣнія, въѣвшееся ему и въ душу, и въ тѣло, вдругъ пришло въ таинственное броженіе. За долгіе годы своей жизни онъ довольно-таки видѣлъ нарушеній всяческихъ правъ, видѣлъ кровавыя раны, наносимыя невиннымъ, полную поддержку со стороны власть имущихъ тиранніи другъ друга, и это только ради того, чтобы въ подставномъ мстителѣ найти себѣ послѣднее оправданіе.

Даже причиной эпилептическихъ подергиваній рукъ и головъ, повидимому была безконечная цѣль смѣняющихъ одно другимъ чужихъ страданій. И вдругъ надъ нимъ сверкнула молнія и ударила прямо въ грудь, давно уже окаменѣвшую для всевозможныхъ ощущеній. И совершили это не слова Арнольда,—что для старца значили всяческія слова?—даже и не несчастье его родственника Алассера, хотя коварное оттягиваніе рѣшенія, злобное укрывательство, беззастѣнчивый грабежъ, открытая подлость и трусость, выказанныя въ этомъ дѣлѣ, взволновали даже самыхъ равнодушныхъ. Но для него новы была чувства Арнольда, пробудившія и его одряхлѣвшую душу; его неукротимый идеализмъ какъ бы опьянилъ старика, одушевилъ его, и онъ вспомнилъ свою собственную разбитую юношескую вѣру. Словно водопадъ, стремящійся со скалы на скалу, смываетъ съ своего пути и песокъ, и грязь, такъ и теперь печальный опытъ и всѣ колебанія старца были смыты до основанія.

— Да, Самуилъ,—началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, ты обязанъ выполнить свой долгъ. Мы предстанемъ передъ лицомъ монарха. Я охотно ссужу тебя нужными средствами, потому что они пойдутъ на благое дѣло. Нами уже получено извѣщеніе о томъ, что намъ будетъ дарована аудіенція и что его величество лично выслушаетъ насъ.

— И тогда-то право восторжествуетъ,—сказалъ Арнольдъ вполнѣ удовлетворенный.

— Не скажу—восторжествуетъ, возразилъ старикъ съ тонкою улыбкой, но скажу—можетъ быть, и да. Итакъ ѣдемъ въ Вѣну, Самуилъ.

Алласеръ взволнованно смотрѣлъ въ даль. Пока старики продолжали еще сговариваться между собою, Арнольдъ опустился на колѣни около самой воды, снялъ шапку и окутывавшій его шею шарфъ, до локтя засучилъ рукава и облилъ ледяною водой лицо, руки и шею. Мѣсяцъ освѣщалъ капли, стекавшія съ его мокрыхъ волосъ, и онѣ казались серебряными. Послѣ этого онъ почувствовалъ себя освѣженнымъ и бодрымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поэма Гоголя „Мертвыя души" и современная ей русская повѣсть.

I.

Вопросъ о „первомъ" русскомъ реальномъ романѣ. Права на первенство Пушкина, Лермонтова и Гоголя.—Психологическій романъ того времени: Лермонтовъ, Герценъ, Марлинскій, Ганъ и Жукова.—Нравоописательный романъ.— Романы Квитки.—Разные общественные круги въ изображеніи нашихъ беллетристовъ.—Свѣтскій и дворянскій кругъ въ столицѣ и въ деревнѣ—въ повѣстяхъ Лермонтова, кн. Одоевскаго, Марлинскаго, гр. Соллогуба, Загоскина, Сенковскаго, Булгарина, Даля и Гребенки.—Военные типы въ повѣстяхъ Лермонтова, Марлинскаго, Даля, Полевого и Павлова. Типы чиновниковъ у Даля, Бѣгичева и Гребенки.—Жизнь литераторовъ въ изображеніи Полевого, Сенковскаго и Загоскина.—Повѣсти изъ быта мѣщанскаго, купеческаго и крестьянскаго.—Положеніе занимаемое повѣстями Гоголя среди всѣхъ этихъ памятниковъ.

Нерѣдко возникалъ вопросъ, съ какого литературнаго памятника мы должны начинать исторію нашего реальнаго романа. Вопросъ былъ поставленъ не совсѣмъ правильно, такъ какъ едва ли можно указать вообще на какой-либо памятникъ, который не имѣлъ бы своего предшественника,—и такимъ образомъ исторію русскаго реальнаго романа пришлось бы начинать съ очень отдаленнаго времени. Если нѣсколько видоизмѣнить этотъ вопросъ и спросить, въ какомъ изъ романовъ наша дѣйствительность нашла себѣ впервые художественное и болѣе или менѣе полное отраженіе, то отвѣтить на такую постановку вопроса будетъ легче. Но едва ли и въ этомъ случаѣ можно остановиться на какомъ нибудь одномъ памятникѣ, который, въ смыслѣ реализма, былъ бы и наиболѣе полнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе художественнымъ отраженіемъ нашей жизни.

Могло случиться, что одинъ писатель умѣлъ, какъ реалистъ, довести до большого совершенства художническую технику своего созданія, тогда какъ другой, уступая ему въ техникѣ, могъ обладать бо̀льшимъ чутьемъ и интересомъ къ дѣйствительности, его окружающей, и дать картину несравненно болѣе полную и широкую, чѣмъ его соперникъ. Оба въ данномъ случаѣ имѣли бы право претендовать на славу перваго реалиста, одинъ въ виду превосходства своего, какъ техника, другой въ виду болѣе широкаго кругозора. Конечно и тотъ и другой

должны быть художниками прежде всего, и разница здѣсь можетъ быть только въ извѣстныхъ степеняхъ таланта, трудно измѣримыхъ, но все-таки достаточно ясныхъ.

Когда спорятъ о томъ, кого должно признать «отцомъ» нашего реальнаго романа, то имѣютъ въ виду обыкновенно двухъ писателей, между которыми никакъ не хотятъ подѣлить этого почетнаго званія Одни склонны приписать всю заслугу Пушкину, имѣя въ виду прежде всего, его «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ его повѣсти—другіе отдаютъ преимущество Гоголю, какъ творцу «Мертвыхъ Душъ». Существуетъ также мнѣніе, что настоящій реальный романъ началъ свою жизнь у насъ лишь съ конца сороковыхъ годовъ, съ первыхъ созданій Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, но съ этимъ мнѣніемъ едва ли нужно считаться, потому что всѣ эти писатели открыто признавали себя учениками и Пушкина, и Гоголя.

Кому же изъ этихъ двухъ или трехъ, если къ нимъ присоединить ихъ младшаго современника Лермонтова, должна быть приписана честь перваго учителя?

Что Пушкинъ по времени былъ первый, который достигъ сочетанія правды въ жизни съ правдой въ искусствѣ—это несомнѣнно. Что онъ, какъ художникъ-реалистъ, не имѣлъ себѣ равнаго—это тоже вѣрно. Большою техникой реалиста обладалъ въ своей очень замкнутой сферѣ и Лермонтовъ. Обладалъ ли ею Гоголь?

Не въ той равной степени, въ какой ею обладали Пушкинъ и Лермонтовъ. Не говоря уже о томъ, что во многихъ изъ своихъ повѣстей Гоголь никакъ не могъ отдѣлаться отъ романтической привычки брать дѣйствительность всегда октавой выше, идеализировать и людей, и природу, или наоборотъ иногда слишкомъ подчеркивать въ своихъ типахъ ихъ житейскую прозаичность,—онъ и въ своихъ шедеврахъ нерѣдко обобщалъ свои типы настолько, что они становились собирательными и превращались въ общіе образы, жизненные безспорно, но не живущіе, т.-е. не развивающіеся на нашихъ глазахъ, а неподвижно передъ нами стоящіе. Такими, напримѣръ, были Маниловы, Собакевичи, Плюшкины и другіе Конечно, отмѣчая эту характерную черту въ реальномъ воспроизведеніи дѣйствительности у Гоголя, нужно помнить, что она не мѣшала ему создать цѣлую галлерею иныхъ типовъ, въ высокой художественной жизненности которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; стоитъ намъ только вспомнить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ его комедій, Чичикова, Ноздрева, Акакія Акакіевича и многихъ другихъ. Сказать, что Гоголь какъ художникъ-реалистъ *всегда* слабѣе или ниже Пушкина и Лермонтова было бы несправедливою. Но сказать, что во всей его манерѣ реально воспроизводить жизнь замѣтно нѣкоторое колебаніе, нѣкоторая неустойчивость письма, замѣтно частое покушеніе уклониться въ сторону идеализаціи или обобщенія,—сказать это можно, ничуть не умаляя поэта. Но высказавъ такое суж-

деніе, нельзя уже настаивать на томъ, что въ исторіи нашего реализма въ литературѣ ему, какъ художнику, принадлежитъ по времени первое мѣсто. Пушкинъ опередилъ его во времени и въ силѣ, а Лермонтовъ не отставалъ отъ него.

Но на этотъ-же вопросъ можно взглянуть и съ иной стороны. При оцѣнкѣ художественнаго произведенія можно принять за исходную точку умѣнье писателя улавливать господствующее настроеніе окружающей дѣйствительности, ея внутренній смыслъ, основныя черты характера своей національности, внутренній строй общественной жизни, ея темпераментъ, ея главнѣйшія отрицательныя или положительныя стороны. Если требовать отъ художника, чтобы онъ на нашихъ глазахъ заставилъ биться пульсъ жизни не единичнаго какого-нибудь лица, а цѣлаго разношерстнаго общества -- то тогда, конечно, сочиненіямъ Гоголя и въ частности «Мертвымъ Душамъ» придется отвести первое мѣсто въ ряду всѣхъ предшествующихъ и современныхъ имъ повѣстей, и признать именно ихъ за первый по времени «реальный» романъ, который помогъ читателю уловить смыслъ переживаемаго имъ историческаго момента. Въ самомъ дѣлѣ, старые наши «нравоописательные» романы гнались въ большинствѣ случаевъ лишь за описаніемъ внѣшнихъ сторонъ нашей жизни, мало вникая въ ея смыслъ; а такія художественныя произведенія, какъ «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» ставили себѣ цѣлью разъясненіе и описаніе психическаго міра лишь нѣкоторыхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ единицъ, людей съ особеннымъ, даже мало распространеннымъ, образомъ мыслей, съ исключительнымъ настроеніемъ и характеромъ. На обрисовкѣ господствующихъ рычаговъ и мотивовъ общей жизни эти повѣсти почти не останавливались.

Комедіи Гоголя и «Мертвыя Души» заполняли въ данномъ случаѣ одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ литературѣ. Городничіе и ихъ сослуживцы, Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, Маниловы, Собакевичи, даже Плюшкины и Коробочки—если умолчать о цѣлой массѣ другихъ второстепенныхъ лицъ—были не единичными явленіями, а самою Русью, съ ея повсемѣстно распространенными не личными только, а общественными привычками, стремленіями, мыслями и программами жизни—хотя эта Русь и была изображена лишь съ одного бока. Авторъ имѣлъ право на названіе художника-реалиста не потому только, что реально изобразилъ этихъ русскихъ людей, а потому, что уловилъ реальную сущность русской жизни, потому что съумѣлъ въ одномъ типѣ воплотить массу душевныхъ состояній и многія жизни. Понятно, что на такой «реальный» романъ могли опереться всѣ недовольные тѣмъ строемъ жизни, который дѣлалъ такіе типы возможными или вполнѣ правдоподобными, и авторъ противъ своей воли долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что поклонники его таланта въ осужденіи русской дѣйствительности пошли гораздо дальше, чѣмъ

онъ, и для излеченія ея предлагали иныя средства, чѣмъ тѣ, въ которыя вѣрилъ авторъ.

Если среди современниковъ Гоголя многіе обладали столь же зоркимъ взглядомъ, проникающимъ въ самую сущность нашей жизни, если, быть можетъ, нѣкоторые были вооружены даже болѣе острымъ зрѣніемъ, то никто не сумѣлъ такъ ясно обнаружить эту зоркость въ художественномъ произведеніи, какъ Гоголь.

Намъ станетъ это ясно, когда мы окинемъ хотя бы самымъ бѣглымъ взглядомъ содержаніе тѣхъ повѣстей и романовъ, которые появлялись на нашемъ литературномъ рынкѣ одновременно съ сочиненіями Гоголя.

Наша повѣствовательная литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была отнюдь не бѣдна содержаніемъ. Много самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни успѣла она отмѣтить, и писатель обнаруживалъ наблюдательность, литературный навыкъ, нерѣдко и крупный литературный талантъ. Но этотъ въ общемъ наблюдательный взглядъ писателя скользилъ какъ то по поверхности жизни, мало проникая въ глубину ея.

Если и случалось кому изъ тогдашнихъ художниковъ заглянуть поглубже въ людскую душу, то объектомъ такихъ наблюденій бывалъ чаще всего самъ художникъ, его внутренній психическій міръ, и повѣсть носила тогда характеръ автобіографическаго признанія. Лучшіе по техникѣ разсказы тѣхъ годовъ были именно такими признаніями, въ которыхъ много говорилось о разныхъ тонкихъ чувствахъ, настроеніяхъ и сложныхъ мысляхъ самого писателя и очень мало объ окружающей его жизни.

Къ числу такихъ признаній нужно, напримѣръ, отнести многіе повѣсти Марлинскаго, гдѣ главнымъ дѣйствительнымъ лицомъ былъ онъ самъ—идеалистъ александровскаго времени*). Въ этотъ же разрядъ повѣстей должно зачислить и романтическія повѣсти Н. Полевого, въ которыхъ онъ такъ много говорилъ о своей любви къ искусству **). Особую группу повѣстей съ такимъ же автобіографическимъ значеніемъ составляютъ и сборники разсказовъ двухъ писательницъ, которыя задались цѣлью познакомить читателя съ психологіей именно женскаго сердца и главнымъ образомъ, конечно, съ психологіей и патологіей любви. Сочиненія «Зенеиды Р—вой» (г-жи Ганъ) ***) пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ, и писательница могла съ нѣкоторымъ правомъ претендовать на званіе русской Жоржъ-Зандъ, такъ какъ задачей своей поставила оборону женскаго сердца противъ мужского наси-

---

*) „Онъ былъ убитъ", „Журналъ Вадимова", „Путь до города Кубы".

**) „Эмма", „Блаженство безумія", „Живописецъ" вышли подъ общимъ заглавіемъ „Мечты и жизнь". Москва 1833. VI части.

***) „Сочиненія Зенеиды Р—вой". Спб. 1843. 4 части.

лія *). Она не рисовала сильныхъ героическихъ женскихъ натуръ, какъ это дѣлала ея предшественница на западѣ, она наоборотъ стремилась разжалобить читателя въ пользу униженной, оскорбленной и обманутой женщины, и эта тактика ей удалась вполнѣ. Ея повѣсти наводили читателя на весьма серьезные вопросы, но, конечно, вопросы исключительно личные и семейные. За сочиненіями г-жи Ганъ осталась впрочемъ одна крупная заслуга: тогдашняя повѣсть, не говоря уже о поэмахъ, избѣгала рисовать женщину въ обыденной обстановкѣ или, если и рисовала, то въ обрисовкѣ женскаго характера предпочитала романтическую недосказанность и идеализацію — жизненной правдѣ. Г-жа Ганъ не избѣгла этихъ романтическихъ условностей, но все таки въ ея женскихъ типахъ было гораздо больше плоти и крови, чѣмъ во многихъ женщинахъ, отъ которыхъ были безъ ума наши романтики. Однородную тему избрала тогда и М. Жукова для своихъ разсказовъ **). Кровавыя сцены немотивированной ревности, мужская черствость насчетъ мягкости преданнаго женскаго сердца, затаенная любовь, нежданно прорвавшаяся наружу и своимъ волненіемъ поразившая женщину на смерть, наконецъ, страданія обманутой, несчастной любви, нашедшей передъ смертью опору въ томъ человѣкѣ, котораго она раньше не оцѣнила—вотъ несложные сюжеты очень драматично разработанные нашей писательницей въ интересахъ торжества гуманной идеи. Большой литературной стоимости нельзя, впрочемъ, признать за повѣстями Жуковой, но ихъ должно отмѣтить какъ удачный образецъ повѣсти, занятой постановкой и рѣшеніемъ чисто психологической задачи.

Если бы мы пожелали однако указать на истинно-художественный примѣръ такой повѣсти, то обходя всѣ вышеупомянутые опыты, мы могли бы остановиться лишь на «Героѣ нашего времени» Лермонтова. По этому памятнику трудно судить объ эпохѣ, когда онъ былъ написанъ: такъ мало въ немъ картинъ и типовъ, имѣющихъ общественное значеніе. Но зато ни въ одномъ романѣ тѣхъ годовъ не обрисовалась такъ рельефно личность самого писателя. А такъ какъ этотъ писатель въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и чуткихъ людей своего поколѣнія, то и исповѣдь его пріобрѣла значеніе и личнаго признанія, и историческаго документа. Такимъ же интимнымъ признаніемъ была и первая повѣсть А. И. Герцена «Записки одного молодого человѣка» ***). Уже по этимъ краткимъ отрывкамъ, въ которыхъ авторъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ и юности можно было судить о той литературной силѣ, которая съ такимъ блескомъ развернулась въ сороковыхъ годахъ. Художественная форма и глубина идеи слились въ этой повѣсти въ одно

*) „Идеалъ", „Медальонъ", „Теофанія Аббіаджіо", „Судъ свѣта".

**) *М Жукова.* „Вечера на Карповкѣ". Москва. 1838. 2 части.

***) Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1840—1841 г. Декабрь 1840 и Августъ 1841 г.

цѣлое, и такъ какъ авторъ ея былъ также выразитель думъ цѣлаго кружка, былъ носителемъ очень яркой общественной идеи, то и эти интимныя рѣчи должны быть приняты въ разсчетъ, когда говоришь объ умственныхъ теченіяхъ и о настроеніи того времени. Сентиментальныя движенія сердца, романтическій взглядъ на міръ, гуманный идеализмъ на почвѣ отвлеченнаго умозрѣнія, культъ Шиллера, въ особенности маркиза Позы, мечты о всемірной любви, вычитанныя изъ «писемъ Юлія и Рафаила», клятва отдать себя въ жертву на благо человѣчеству, и затѣмъ душевныя тревоги, сомнѣнія и первыя пессимистическія мысли въ борьбѣ съ еще неуступчивымъ сердцемъ—вся эта внутренняя жизнь молодого человѣка, о которой такъ остроумно и тепло разсказываетъ Герценъ — была пережита не имъ однимъ, а всѣми людьми, кто въ сороковыхъ годахъ составлялъ соль нашей земли. Историческая цѣнность «Записокъ одного молодого человѣка» повышается также и удивительно яркой и сжатой картиной нравовъ и жизни провинціальнаго города Малинова, т.-е. Вятки, куда Герценъ былъ высланъ. Этихъ страницъ немного, и рѣчь Герцена не могла быть пространна, но то, что онъ успѣлъ сказать, передаетъ физіономію провинціальнаго города не менѣе вѣрно, чѣмъ любая картина Гоголя, у котораго, какъ у художника, Герценъ, конечно, многому научился.

Таково было въ общихъ чертахъ наличное богатство русскаго «психологическаго», если такъ можно выразиться, романа, т.-е. такого, который гнался не за полнотой и широтой художественнаго воспроизведенія жизни, а за глубиной мотивировки разныхъ душевныхъ состояній, настроеній и мыслей. Всѣ эти повѣсти и разсказы продолжали дѣло, начатое еще Пушкинымъ въ его «Евгеніи Онѣгинѣ» *); Гоголь на эту дорогу не вступалъ и съ первыхъ же шаговъ интересовался въ своихъ созданіяхъ болѣе окружающей жизнью, чѣмъ своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, разнообразіемъ уловленныхъ имъ типовъ, чѣмъ детальною разработкой какого-нибудь одного изъ нихъ. Въ его творчествѣ замѣчается вообще нѣкоторый недостатокъ въ подробномъ развитіи типовъ; художникъ беретъ лишь самыя главныя черты характера, останавливается на самомъ общемъ направленіи мыслей того лица, которое считаетъ наиболѣе типичнымъ: онъ спѣшитъ какъ можно большимъ числомъ лицъ заполнить свою картину и, уловивъ въ этихъ лицахъ все самое характерное, онъ предоставляетъ читателю догадываться, что долженъ чувствовать и думать этотъ человѣкъ въ разныя минуты жизни. Есть цѣлые психическіе міры, которыхъ Гоголь только еле-еле коснулся, хотя бы, напр., психическій міръ женщины и ребенка, чтобы взять лишь самыя общія рубрики. Даже свою собственную внутреннюю жизнь, необычайно богатую и

*) Если не считать „Рыцаря нашего времени“ Карамзина.

сложную, единственную въ своемъ родѣ, онъ стремился утаить отъ читателя. Правда, ему не удавалось этого достигнуть: всегда неожиданно у него вырывались лирическія признанія иногда совсѣмъ некстати; случалось также, и нерѣдко, что онъ довѣрялъ тому или другому вымышленному лицу отдѣльныя свои мысли и чувства, но у него въ цвѣтущую пору его дѣятельности не хватило рѣшимости — можетъ быть не хватило и таланта — занять читателя своею въ высшей степени оригинальною особой; и это тѣмъ болѣе странно, что у него было непреодолимое желаніе напоминать всѣмъ о себѣ, желаніе, чтобы всѣ слушались его какъ человѣка, надѣленнаго особой властью и призваннаго свершить великое дѣло. Когда во вторую половину своей жизни онъ наконецъ рѣшился обнаружить передъ соотечественниками всѣ тайники своей мысли и сердца—онъ не смогъ уже этой покаянной рѣчи придать художественную литературную форму, и богатый и сложный психологическій матеріалъ былъ утраченъ для литературы.

Во всякомъ случаѣ, когда ищешь въ литературѣ того времени художественнаго рѣшенія трудныхъ психологическихъ задачъ или художественнаго возсозданія сложныхъ душевныхъ состояній, то находишь ихъ не у Гоголя, а у Пушкина и Лермонтова, и даже у многихъ гораздо менѣе талантливыхъ художниковъ, чѣмъ нашъ сатирикъ и бытописатель. А потому если оцѣнивать заслугу Гоголя, то надо сравнивать его созданія съ такими, которыя преслѣдовали ту же цѣль, т.-е. стремились дать поэтическій синтезъ окружающей ихъ жизни, а не художественный анализъ души самого автора или нѣсколькихъ лицъ, надъ душевнымъ міромъ которыхъ онъ задумался.

Если обозрѣть наличность повѣстей и романовъ, въ которыхъ писатель стремился именно синтетировать свои наблюденія надъ разными сторонами нашей дѣйствительности, то такое обозрѣніе наглядно покажетъ намъ, насколько Гоголь былъ болѣе зорокъ, чѣмъ всѣ современные ему беллетристы.

Среди такихъ повѣстей и романовъ нельзя указать ни на одно произведеніе крупнаго размѣра. Писатель какъ-то не рѣшался рисовать большія полотна и усложнять дѣйствіе своихъ разсказовъ. Онъ покинулъ старую манеру письма, которая ему очень нравилась въ двадцатыхъ годахъ, когда въ такомъ году были длинные романы въ родѣ «Выжигиныхъ», «Семейства Холмскихъ» и всевозможныхъ «Жилблазовъ». Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ ихъ мѣсто заняла довольно краткая повѣсть; и то, что прежде описывалось въ одномъ романѣ, теперь раздробилось на отдѣльные разсказы. Отъ этого повѣсть вообще выиграла въ законченности и въ обработкѣ деталей. Изъ романовъ относительно пространныхъ можно упомянуть только

о «Семейныхъ Хроникахъ», изданныхъ Квиткой-Основьяненко подъ заглавіемъ «Похожденія Столбикова» и «Панъ Халявскій» *). Изъ нихъ «Панъ Халявскій» пользовался въ свое время вполнѣ заслуженной извѣстностью, которую сохранилъ за собой и до нашихъ дней. Въ сущности это потѣшная исторія одной малороссійской усадьбы и ея обитателей, исторія комическая, полная шаржа и невѣроятныхъ положеній, но въ основѣ своей все-таки правдивая. Всѣ не очень мрачные пороки старой дворянской жизни, какъ-то: лѣнь, тунеядство, обжорство, списаны авторомъ очевидно съ натуры—такъ много въ нихъ жизни и колорита. Необычайно комичные разсказы о первоначальномъ воспитаніи и обученіи дворянскихъ дѣтей совсѣмъ по простаковской системѣ, конечно, тоже не вымышленная картина, и развѣ только разсказъ о невѣроятно глупыхъ приключеніяхъ Халявскаго въ столицѣ придуманъ авторомъ въ веселую минуту.

Въ этомъ постоянно смѣшливомъ настроеніи, въ какомъ находится самъ авторъ и въ какомъ онъ держитъ читателя, заключена, безспорно, извѣстная грація разсказа, но въ этомъ же и его слабость. За исключительно смѣшными положеніями, въ какія авторъ ставитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, почти совсѣмъ не чувствуется та серьезная мысль, на какую такая картина должна навести читателя, да и самъ авторъ, кажется, съ этою серьезною мыслью не хотѣлъ считаться. Во всякомъ случаѣ при всѣхъ своихъ достоинствахъ, «Панъ Халявскій» скорѣе сборникъ веселыхъ анекдотовъ, чѣмъ связное и художественное воспроизведеніе быта одного изъ очень характерныхъ уголковъ нашей жизни. Если этотъ романъ по внѣшнимъ размѣрамъ стоитъ впереди всѣхъ бытовыхъ очерковъ и разсказовъ своего времени, то въ нихъ, при всей ихъ краткости, собранный художникомъ матеріалъ сгруппированъ съ меньшей односторонностью и большей точностью.

Пересмотрѣвъ этотъ матеріалъ вкратцѣ, мы убѣдимся, однако, что и онъ, какъ бы онъ ни былъ точенъ и старательно собранъ, не соотвѣтствовалъ своему назначенію, и не давалъ вѣрнаго и исчерпывающаго представленія о богатствѣ и разнообразіи той жизни, изъ которой былъ взятъ.

Для удобства мы можемъ расположить этотъ матеріалъ по тѣмъ общественнымъ кругамъ, въ которыхъ его выискивалъ писатель.

Наибольшею популярностью должны были пользоваться, конечно, повѣсти изъ свѣтской жизни, которая всегда составляла приманку для средняго читателя. И такихъ повѣстей въ тридцатыхъ годахъ было написано очень много. Почти не было разсказа, въ которомъ не появлялось бы титулованное лицо, въ особенности женскаго пола, лицо

*) „Жизнь и похожденія Петра Степановича, сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVII вѣка". Спб. 1841 г. 3 части. „Панъ Халявскій". Спб. 1840 г.

иногда эпизодическое, иногда главное, но всегда выдвинутое писателемъ и эффектно поставленное.

За рѣдкими исключеніями такія свѣтскія лица, въ столицахъ или въ деревняхъ, были почти всѣ безъ лица, т.-е. ничего характернаго не представляла ни ихъ жизнь, ни образъ ихъ мыслей. Въ нихъ было очень мало типичнаго и всѣ дворяне въ самыхъ различныхъ положеніяхъ были до неузнаваемости другъ на друга похожи. Нельзя сказать, что авторы принимали близко къ сердцу сословные интересы: они столько же хвалили этотъ свѣтскій кругъ за хорошія манеры, вѣжливое обращеніе, хорошую рѣчь, за культурность и образованность, сколько и порицали за гордыню и надменность, за пристрастіе къ внѣшнему блеску, за отсутствіе искренности, вообще за все то, что тогда называлось «пустотой и черствостью свѣтскаго круга». Въ общемъ порицанія раздавались даже чаще, чѣмъ похвалы, но надо помнить, что громадное число обличителей было само неравнодушно къ приманкамъ этого «свѣта» и согласилось бы обжечься и сгорѣть, лишь бы подойти къ нему поближе. Основной недостатокъ многихъ изъ этихъ бытописателей свѣтской жизни заключался, дѣйствительно, въ томъ, что они стояли слишкомъ далеко отъ той среды, которую описывали. Ихъ повѣсти и разсказы были въ большинствѣ случаевъ сатирическими или сентиментальными разсужденіями на тему о положеніи привиллегированнаго сословія среди другихъ. Это положеніе могло, конечно, дать богатый матеріалъ для живописца даже и не совсѣмъ подробно освѣдомленнаго, но пользоваться этимъ матеріаломъ въ тѣ годы было трудно. Цензура николаевскаго царствованія была строже цензуры царствованія предшествующаго, и потому повѣсть изъ жизни высшихъ слоевъ общества, да и вообще всякая картина современныхъ нравовъ должна была съузить кругозоръ своего зрѣнія и то, что она проигрывала въ широтѣ, наверстывать въ разработкѣ чисто интимныхъ, частныхъ сторонъ описываемой жизни. Такъ и поступала тогдашняя свѣтская повѣсть. Отъ освѣщенія разныхъ общественныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ высшее сословіе играло такую выдающуюся роль, наша свѣтская повѣсть заранѣе отказалась—и салонная интрига стала ея любимымъ мотивомъ. Этотъ мотивъ мало-по-малу поглотилъ все вниманіе писателя и читателя, и чиновникъ дворянинъ на высокомъ посту, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ разговорѣ со своими подчиненными, въ бесѣдѣ съ самимъ собой о вопросахъ государственныхъ, этотъ же дворянинъ въ тѣсномъ общеніи съ крестьяниномъ и со своимъ дворовымъ человѣкомъ—сталъ совсѣмъ невидимъ, или появлялся лишь въ гостиныхъ и на балахъ, гдѣ велъ самыя невинныя рѣчи. Писатель сталъ даже побаиваться людей въ чинахъ и на отвѣтственномъ посту, почему въ своихъ повѣстяхъ охотнѣе говорилъ о молодыхъ людяхъ, а всего охотнѣе о женщинахъ, такъ какъ въ бесѣдѣ съ ними всего меньше было шансовъ заговорить о чемъ-нибудь въ общественномъ смыслѣ серьез

номъ. Вотъ почему намъ и пришлось ждать такъ долго настоящихъ романовъ изъ свѣтской жизни, въ которыхъ человѣкъ высшаго круга былъ изображенъ и понятъ не какъ человѣкъ вообще, а какъ продуктъ и факторъ культурной среды въ опредѣленный историческій моментъ. Только въ романахъ Тургенева, С. Аксакова, Л. Толстого, Гончарова и въ сатирѣ Салтыкова развернулась передъ нами поучительная картина жизни того общественнаго слоя, который, въ виду всѣхъ его преимуществъ, былъ поставленъ жизнью какъ будто бы въ поученіе всѣмъ прочимъ.

Изъ общей массы романовъ и повѣстей, въ которыхъ тогда изображалась жизнь свѣтскаго круга, придется выдѣлить очень немногіе. Имена Лермонтова, князя Одоевскаго, Марлинскаго и графа Соллогуба должны быть поставлены въ данномъ случаѣ на первое мѣсто. Помимо таланта, эти писатели имѣли то преимущество передъ другими, что свѣтская жизнь была имъ родная жизнь, среди которой они выросли и воспитались, и потому ихъ повѣстями можно пользоваться, какъ показаніями очевидцевъ.

Серьезнѣе и глубже всѣхъ былъ взглядъ Лермонтова, несмотря на то, что поэтъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ былъ очень субъективенъ. Его желчный саркастическій взглядъ на все окружающее помогъ ему разоблачить тайники приличіемъ дисциплинированнаго, но въ сущности очень черстваго свѣтскаго сердца мужского и женскаго... Человѣкъ высшаго тона и круга, ухаживатель, любовникъ, мужъ ревнивый и довѣрчивый, отецъ любящій или черствый, честолюбецъ или индифферентъ и рядомъ съ нимъ предметъ его страсти, невѣста и жена—эти свѣтскіе типы вполнѣ удались Лермонтову и были типами безспорно живыми, но ихъ психическій міръ былъ очень несложенъ, и драматическія положенія, въ какія ихъ ставила жизнь, были положенія довольно обычныя, общечеловѣческія. Въ жизни русскаго барина Лермонтовъ отмѣтилъ лишь нѣсколько самыхъ эффектныхъ моментовъ, очень любопытныхъ съ психологической стороны, но далеко не самыхъ характерныхъ для обрисовки того вѣками сложившагося уклада жизни, какимъ жило наше столичное или провинціальное дворянство *).

То же самое можно сказать и про повѣсти кн. Одоевскаго, Марлинскаго и Соллогуба. И въ ихъ разсказахъ свѣтскій человѣкъ показанъ въ нѣсколькихъ эффектныхъ роляхъ, но опять такихъ, которыя могъ бы одинаково хорошо сыграть человѣкъ не свѣтскаго круга и даже не русскій.

Кн. Одоевскій былъ по преимуществу философъ и моралистъ, и

*) Самые характерные типы даны Лермонтовымъ въ его юношескихъ драмахъ (которыя въ тридцатыхъ годахъ напечатаны не были): „Menschen und Leidenschaften" 1830 г., „Странный человѣкъ". 1831, „Маскарадъ". 1834, „Два брата". 1836, а также и въ повѣстяхъ „Княгиня Лиговская". 1836 и въ „Героѣ нашего времени". 1838—1841 гг.

затѣмъ уже художникъ, почему въ его повѣстяхъ всегда звучала дидактическая нота. Большой поклонникъ чистыхъ и нравственныхъ движеній сердца и смѣлаго благомыслящаго ума, онъ обличалъ разные сердечные пороки у тѣхъ лицъ, которыя имѣли къ своимъ услугамъ всѣ цѣнности жизни, чтобы воспитать въ себѣ нравственнаго человѣка. Погрѣшности ненормальнаго небрежнаго воспитанія дѣтей, лукавыя приманки паркета для дѣвицъ и юношей, міръ свѣтскихъ сплетенъ по преимуществу, хищническая борьба не за существованіе, а за свѣтскій успѣхъ—вотъ какіе общеизвѣстные мотивы развивалъ нашъ моралистъ въ своихъ повѣстяхъ, и если онѣ тогда очень нравились, то только потому, что были разсказаны съ талантомъ и были написаны тѣмъ легкимъ граціознымъ стилемъ, какимъ безспорно владѣлъ Одоевскій *). Знакомясь со свѣтскими вертопрахами или прямо негодяями, съ юными, подававшими надежды идеалистами, у которыхъ однако свѣтская жизнь вытравила всякій идеализмъ изъ сердца, съ несчастными женщинами—жертвами скуки, злословія или душевной пустоты, читатель выносилъ хорошій нравственный урокъ и нѣкоторое знаніе человѣческаго сердца, но эти знанія были отрывочны и слишкомъ общи, чтобы по нимъ можно было судить о складѣ жизни цѣлаго сословія. Во всѣхъ повѣстяхъ Одоевскаго было много ума, остроумія, наблюдательности, но слишкомъ мало типичнаго. Наиболѣе интересною и типичною личностью въ его разсказахъ оставался онъ самъ—онъ идеалистъ-философъ среди поклонниковъ золотого тельца и разныхъ свѣтскихъ призраковъ.

Ничего особенно типичнаго не даютъ и повѣсти Марлинскаго, наиболѣе популярныя изъ всѣхъ въ тѣ годы ходкихъ разсказовъ. Тема та же, что и у Одоевскаго: обличеніе свѣтскихъ предразсудковъ, преимущественно салонныхъ и сердечныхъ **). Марлинскій только болѣе справедливъ къ тому кругу, въ которомъ онъ выросъ: въ его повѣстяхъ моральная тенденція заслонена желаніемъ какъ можно ближе подойти къ правдѣ, почему онъ и занятъ прежде всего психологическою мотивировкой тѣхъ разнообразныхъ чувствъ, съ какими молодые люди свѣтскаго круга вступаютъ въ жизнь, чтобы найти въ ней удовлетвореніе всевозможныхъ страстямъ, которыми щедро надѣлилъ ихъ авторъ—самъ человѣкъ очень порывистый и страстный. Жизнь свѣтской молодежи—вотъ чѣмъ почти исключительно интересовался Марлинскій и потому выборъ темъ въ его повѣстяхъ былъ однообразенъ и ограниченъ. Правда, его повѣсти были написаны съ большимъ чутьемъ къ жизненной правдѣ, въ нихъ было много блестковъ неподдѣльнаго юмора, но и они только скользили по самымъ любопытнымъ сто-

---

*) Изъ повѣстей *кн. Одоевскаго* самыми популярными были „Черная перчатка"—1838, „Княжна Мими"—1834, „Княжна Зизи"—1839.

**) Повѣсти „Испытаніе" 1830, „Романъ въ семи письмахъ" 1824, „Фрегатъ Надежда" 1832.

ронамъ свѣтскаго быта, оставляя въ тѣни генезисъ тѣхъ понятій вкусовъ и настроеній, которые изображали такъ живо и интересно.

Разсказы гр. Соллогуба должны быть поставлены выше повѣстей Марлинскаго. Типы, выведенные Соллогубомъ, болѣе разнообразны, хотя отъ этого картина въ общемъ не становится шире. Графъ Соллогубъ былъ большой знатокъ свѣтской жизни и большой ея цѣнитель. Онъ любилъ дышать атмосферой гостиныхъ, салоновъ, раутовъ, баловъ и концертовъ и въ своихъ повѣстяхъ онъ довелъ изображеніе этой свѣтской парадной обстановки до совершенства. Если въ какихъ повѣстяхъ читатель могъ, дѣйствительно, очутиться въ избранномъ свѣтскомъ обществѣ и притомъ среди живыхъ людей, а не манекеновъ, такъ это именно въ разсказахъ Соллогуба *). Моральная, обличительная тенденція сказывалась въ нихъ не такъ ясно, какъ въ словахъ другихъ писателей, быть можетъ, потому, что самъ Соллогубъ едва ли бы призналъ недостаткомъ то, что въ глазахъ другихъ являлось недочетами аристократизма. Онъ съ любовью вырисовывалъ свои типы, именно съ любовью, чего нельзя сказать про другихъ обличителей, и когда онъ велъ тонкую дипломатическую бесѣду, всю построенную на любовной интригѣ, или давалъ почувствовать ту пропасть, которая ложится между людьми неравнаго происхожденія, когда онъ разсказывалъ, какъ энергія и талантъ безъ свѣтскихъ заручекъ бьются напрасно, чтобы отстоять свою позицію въ сердцѣ свѣтской женщины, когда, наконецъ, онъ вводилъ за собою въ свѣтское общество какого-нибудь «медвѣдя» съ доброю и честною душой, предоставленнаго для травли,—то онъ былъ хозяиномъ во всѣхъ этихъ нерѣдко очень драматическихъ положеніяхъ, и склоняясь передъ побѣжденными, онъ необычайно заманчиво рисовалъ побѣдителей, въ особенности женщинъ, настоящихъ львицъ или такихъ, которыя готовились со временемъ занять это амплуа.

При всѣхъ своихъ безспорныхъ литературныхъ достоинствахъ повѣсти Соллогуба грѣшили однако общимъ для всѣхъ такихъ повѣстей недостаткомъ: и они брали свѣтскую жизнь лишь съ ея внѣшней стороны, устраняя массу самыхъ существенныхъ вопросовъ, съ которыми свѣтскому человѣку безспорно приходилось считаться не въ гостиныхъ, конечно, а въ своемъ кабинетѣ, на мѣстѣ службы или у себя въ деревнѣ.

Если таковы были въ общемъ разсказы лицъ, хорошо знакомыхъ со свѣтскою жизнью, которую они описывали, то объ остальныхъ безчисленныхъ повѣстяхъ съ неизбѣжными свѣтскими героями придется сказать очень мало.

Хорошій матеріалъ далъ Загоскинъ въ своихъ сборникахъ «Москва

*) Повѣсти: „Мятель" 1840, „Исторія двухъ калошъ" 1840, „Большой свѣтъ" 1840, „Медвѣдь" 1842, „Аптекарша" 1841.

и Москвичи *)»—въ маленькихъ сценкахъ, написанныхъ въ повѣствовательной и драматической формѣ, въ которыхъ нашъ патріотъ описывалъ недавнее прошлое своей возлюбленной первопрестольной столицы. Рядомъ съ довольно скучными описаніями московскихъ достопримѣчательностей и древностей здѣсь попадались историческія картинки изъ жизни московскихъ дворянъ, старой и современной, — типы московскихъ сторожиловъ, для которыхъ вся вселенная сошлась на Москвѣ, сценки семейныя, типы кисейныхъ барышень, которыхъ надо было пристроить, описаніе старинныхъ баловъ въ Москвѣ, описаніе нравовъ англійскаго клуба съ очень живыми портретами, очевидно списанными съ натуры, и т. п. мелочи московской жизни, необработанныя художественно, но цѣнныя своею правдою,—во всякомъ случаѣ болѣе цѣнныя, чѣмъ та довольно широкая по размѣрамъ картина свѣтской жизни, которую Загоскинъ хотѣлъ нарисовать въ своемъ романѣ «Искуситель» **)—въ этомъ скучномъ, но въ автобіографическомъ смыслѣ любопытномъ, произведеніи.

Шаблонные, по литературному трафарету нарисованные свѣтскіе типы попадались въ изобиліи и въ повѣстяхъ Булгарина и Сенковскаго, которые, примѣняясь къ требованіямъ средней публики, любили щегольнуть типами изъ высшаго свѣта, съ которымъ они сами были знакомы очень поверхностно. Искать живыхъ людей въ тѣхъ многочисленныхъ нравоописательныхъ сценкахъ, въ которыхъ Сенковскій изощрялъ свое остроуміе—напрасно. Какъ фельетонистъ съ довольно большой снаровкой, Сенковскій писалъ живо и умѣлъ смѣшить, но уже его современники оцѣнили этотъ смѣхъ по достоинству и не относились къ нему серьезно. Его сатира, въ томъ числѣ и сатира на свѣтское общество ***), была всегда цѣлымъ рядомъ общихъ мѣстъ, которыя читались только потому, что иногда бывали пикантно изложены. Когда же Булгаринъ брался говорить объ аристократахъ, то даже этого малаго достоинства его слова не имѣли. Они были до нельзя безцвѣтны, хотя авторъ и стремился запутанностью интриги вознаградить читателя за шаблонность своихъ типовъ. Наиболѣе обстоятельно говорилъ онъ о свѣтской жизни въ своемъ большомъ романѣ «Записки Чухина» ****), въ которомъ разсказывалъ о похожденіяхъ одного благороднаго юноши изъ низшаго слоя общества. Этотъ скиталецъ сталъ случайнымъ свидѣтелемъ цѣлой запутаннѣйшей семейной драмы въ одномъ барскомъ домѣ, и своею жизнью долженъ былъ доказать, что не рожденіе краситъ человѣка. Характеры свѣтскіе автору совсѣмъ не удались, и лучшія страницы въ романѣ—опи-

*) *М. Н. Загоскинъ*. «Москва и Москвичи». Часть I и II. 1842 и 1844.

**) *М. Н. Загоскинъ*. „Искуситель". Москва, 1836, 3 части.

***) Напр. „Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ". 1833.

****) *Ѳ. Булгаринъ*. „Памятныя записки титулярнаго совѣтника Чухина или простая исторія обыкновенной жизни». Спб. 1835. 2 части.

санія тѣхъ притоновъ нищеты и тѣхъ тюремъ, куда судьба занесла героя этого благонамѣреннаго разсказа.

Итакъ, если объединить весь матеріалъ, который писатели съумѣли собрать при своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью высшихъ классовъ нашего тогдашняго общества, то однообразіе и нехарактерность этого матеріала бросится въ глаза сразу. Уловлена была лишь самая внѣшняя сторона этой любопытной жизни, а ея скрытыя пружины не были обнаружены. Казнены были пороки самые общіе; люди показаны были лишь въ самыхъ обыденныхъ положеніяхъ и позахъ; обнаружены были только тѣ чувства, которыя приводили въ движеніе личную жизнь, а вся жизнь общественная оставалась въ полной тѣни.

Несмотря на то, что наблюденія надъ этою жизнью производились современниками, мы въ настоящее время узнаемъ о ней больше изъ романа «Война и Миръ», чѣмъ изъ всѣхъ повѣстей написанныхъ въ тѣ годы.

Не менѣе скудны по содержанію и не менѣе однообразны, чѣмъ эти картины дворянской жизни въ столицѣ, были разсказы, въ которыхъ писатель знакомилъ насъ съ провинціальною и деревенскою жизнью дворянства. Тема была благодарная, но выполненіе ея было связано со многими неопреодолимыми трудностями. Не говоря уже о цензурныхъ затрудненіяхъ, которыя накладывали извѣстный односторонній отпечатокъ на все, что писатель могъ сказать объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьяиину, требовалась большая наблюдательность, чтобы уловить характерныя черты провинціальной жизни, во многомъ столь патріархальный и самобытной. Чтобы разсказъ о ней былъ правдивъ и полонъ жизни, необходимо было знаніе массы мелкихъ деталей очень важныхъ для характеристики этой стоячей и косной жизни, необходимо было знакомство съ самою интимною ея стороной. Такихъ знаній у писателя тогда не было и онъ ограничивался опять общими положеніями, которыя обращали его разсказъ не то въ блѣдную сатиру на отсталыхъ оригиналовъ и чудаковъ, не то въ идиллію, блещущую разными ординарными семейными добродѣтелями.

Но всетаки кое-какія любопытныя наблюденія были сдѣланы и въ этой области. Много бытовыхъ сценокъ изъ жизни дворянской усадьбы дано было, напр., въ мелкихъ разсказахъ В. И. Даля (казака Луганскаго), которые разсѣяны въ разныхъ журналахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ *). Эти разсказы не претендовали ни на полноту, ни на художественную законченность; возникали они случайно, изъ анекдотовъ или наблюденій самого автора, но зато они были правдивы; и хотя авторъ и говорилъ въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, о пустячкахъ, о разныхъ смѣшныхъ сторонахъ помѣ-

*) Они собраны въ полномъ изданіи его сочиненія 1897 (изд. М. О. Вольфа). Томы IV и V.

щичьей жизни, но эта жизнь съ ея своевольною скукой и барскимъ чудачествомъ всетаки выдавала кое-какія свои тайны. Въ данномъ случаѣ въ особенности любопытенъ довольно большой разсказъ Даля: «Павелъ Алексѣевичъ Игривый», въ которомъ не безъ романтическихъ условностей описана жизнь скромнаго помѣщика-тюленя, добродушнѣйшаго смертнаго, неспособнаго составить свое личное счастье и, между тѣмъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣющаго на него право.

Вмѣстѣ съ Далемъ эти темы разрабатывалъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ начинавшій входить въ моду писатель Е. Гребенка. Не лишенный таланта, наблюдательный и хорошо знавшій жизнь малороссійскій усадьбы, онъ, идя во слѣдъ Гоголю, описывалъ укромные уголки провинціальной жизни, давая, какъ и его предшественникъ, попеременно волю то своему юмору, то патетическому настроенію *). Встрѣчаемся мы у него съ добряками, которые первому встрѣчному готовы довѣрить судьбу своей дочери, съ сосѣдями, проводящими все свое время въ тяжбахъ и въ обоюдномъ услажденіи другъ друга всякими пакостями, съ цѣлою толпой уѣздныхъ обывателей, живущихъ пересудами и кляузами,—и знакомясь съ ними, мы не скучаемъ, хотя и не особенно ими интересуемся. Все это типы довольно заурядные. Не блещетъ оригинальностью въ данномъ смыслѣ и романъ Загоскина «Тоска по родинѣ» **). Въ этомъ двухтомномъ разсужденіи на тему о скукѣ, которую русскій человѣкъ испытываетъ за границей, авторъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, вывелъ нѣкоего Кузьму Петровича Кукушкина, полу-богатаго полу-просвѣщеннаго и полу-знатнаго русскаго дворянина, который топорщился, пыхтѣлъ и надувался, чтобы не отстать отъ своей братіи вельможъ, и велъ поэтому у себя въ усадьбѣ жизнь довольно занятную, подражая вельможамъ въ разныхъ барскихъ выдумкахъ. Страницы, на которыхъ Загоскинъ разсказалъ жизнь этого чудака, хоть и каррикатурны въ деталяхъ, но все-таки странички изъ жизни.

Но все-таки сколько бы мы ни собирали такихъ литературныхъ крохъ—жизнь провинціи того времени остается для насъ тайной.

Наряду съ жизнью свѣтскаго общества писателя тѣхъ годовъ интересовала также и жизнь военнаго круга, по преимуществу тоже свѣтскаго. Военный свѣтскій человѣкъ появлялся въ тѣхъ самыхъ салонныхъ разказахъ, о которыхъ мы говорили, и въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ массы общихъ свѣтскихъ типовъ. Мало было повѣстей, которые бы его изображали въ иной, болѣе ему свойственной обстановкѣ, гдѣ бы онъ могъ развернуть именно

---

*) *Е. П. Гребенка.* „Какъ люди женятся“ 1838. „Горевъ“ 1839 „Братья“ 1839. „Куликъ“ 1840. „Сеня“ 1841. „Прудъ“ 1842.

**) *М. Н. Загоскинъ.* „Тоска по родинѣ“. Москва. 1839. 2 части.

свою военную душу. Очень пестрые типы военныхъ александровскаго царствованія представителей въ литературѣ не имѣли, да и болѣе однообразный типъ николаевскаго служаки былъ плохо представленъ. Многихъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью этого сословія, нельзя было совсѣмъ коснуться, а для освѣщенія другихъ невинныхъ и незатѣйливыхъ нужно было опять знаніе, которое могло быть пріобрѣтено только личнымъ опытомъ. Поэтому лучшее, что было сказано о военныхъ того времени, было сказано самими же военными. Въ повѣстяхъ Лермонтова, Марлинскаго и Даля (который одно время былъ полковымъ докторомъ) жизнь военнаго человѣка была впервые описана на основаніи наглядняго наблюденія и потому кое-какія стороны этой своеобразной души и открылись читателю; и—что важнѣе всего—рядомъ со свѣтскимъ военнымъ появился въ литературѣ и смиренный армеецъ, и солдатъ.

Въ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ не ставилъ себѣ цѣли рисовать картину военнаго быта, но тѣмъ не менѣе въ этомъ романѣ попадался и бытовой матеріалъ. У кого изъ памяти могъ изгладиться Максимъ Максимовичъ, докторъ Вернеръ, Грушницкій и все военное общество, собранное на кавказскихъ водахъ? Хотя появленіе такихъ типовъ въ литературѣ бросало свѣтъ лишь на нѣкоторые уголки военной жизни, но зато исчерпывало все ихъ духовное содержаніе. Лермонтовъ въ данномъ случаѣ продолжалъ, впрочемъ, дѣло, начатое раньше его; и однимъ изъ его прямыхъ предшественниковъ и притомъ очень талантливымъ былъ Марлинскій, сначала блестящій столичный офицеръ, а затѣмъ простой рядовой на Кавказѣ.

Онъ зналъ военную жизнь лучше, чѣмъ всѣ его современники-писатели, и въ его повѣстяхъ читатель впервые познакомился съ русскимъ офицеромъ и солдатомъ какъ съ людьми, обладающими своеобразнымъ міросозерцаніемъ и многими очень тонкими чувствами. Не говоря о томъ, что Марлинскій въ своихъ разсказахъ дѣлалъ часто личныя признанія и нарисовалъ свой собственный портретъ—портретъ одного изъ образованнѣйшихъ военныхъ людей александровскаго царствованія, онъ, какъ чуткій и наблюдательный человѣкъ, сблизилъ насъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, мимо которыхъ мы тогда проходили, не удостоивая ихъ вниманія. Офицеръ въ провинціальномъ городѣ, на посту въ глухихъ мѣстечкахъ, въ гостяхъ у горцевъ, на бивуакѣ, при штурмѣ ауловъ, офицеръ на веселой пирушкѣ,—или на смертномъ одрѣ былъ центральною фигурой многихъ драматичныхъ разсказовъ Марлинскаго. И рядомъ съ этою типичною фигурой начальника въ повѣстяхъ нашего автора появлялся впервые и солдатъ, не для того, чтобы стоять, какъ молчаливая декорація, а для того, чтобы и чувствовать, и думать, и говорить на нашихъ глазахъ. Въ этомъ ознакомленіи читателя съ психическимъ міромъ солдата въ самыя рѣшительныя минуты его трудной жизни, на морѣ, въ дикихъ ущельяхъ горъ, въ снѣжныхъ долинахъ,

заключалась главная заслуга Марлинскаго, какъ бытописателя. Въ этой области онъ въ свое время былъ новаторъ *).

Одновременно съ нимъ, но съ меньшимъ талантомъ, разсказывалъ разные анекдоты изъ военной жизни и В. И. Даль. Походная жизнь была ему знакома, онъ видѣлъ и слыхалъ много и, обладая хорошею литературной сноровкой, пытался настоящія «были» превращать въ болѣе или менѣе закругленныя повѣсти. Пока онъ разсказывалъ, онъ былъ хорошій разсказчикъ, когда же начиналъ «сочинять», то недостатокъ воображенія давалъ себя чувствовать. Лучшее, что онъ создалъ были его «Солдатскіе досуги» **)—хрестоматія для солдатскаго чтенія—рядъ короткихъ, простыхъ, но иногда колоритныхъ анекдотовъ. Много хорошихъ страницъ попадаются и въ его воспоминаніяхъ о походѣ въ Турцію ***), наконецъ, есть у него и нѣсколько болѣе законченныхъ и отдѣланныхъ типовъ, иной разъ очень трогательныхъ, какъ, напр., типъ отставного солдата всю жизнь прожившаго въ деньщикахъ и наканунѣ смерти возвращавшагося въ родную деревню, гдѣ у него нѣтъ ни кола, ни двора и гдѣ его ждутъ новыя печали; типъ несчастнаго офицера «Ивана Невѣдомскаго», Богъ вѣсть отъ кого на свѣтъ появившагося, всю жизнь чувствовавшаго себя неловко и, наконецъ, послѣ одной жаркой схватки съ горцами пропавшаго безъ вѣсти. Встрѣчаются и типы комическіе, какого-нибудь капитана Пѣтушкова, которому въ присутствіи дамъ никакъ не удается сказать въ попадъ ни одного слова, мичмана Поцѣлуева, сентиментальнаго юноши, прямо изъ мирнаго гнѣзда попавшаго въ военную передѣлку ****). Хоть всѣ такіе типы и незамысловаты, хоть комизмъ и трагизмъ такихъ разсказовъ въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ не изъ ихъ характеровъ, а изъ положеній, все-таки разсказы Даля изъ военной жизни—правдивые документы, а не условный вымыселъ. Автору можно поставить въ упрекъ только одно, что онъ недостаточно глубоко вникъ въ трагедію военной дисциплины, въ особенности солдатской. А впрочемъ, можетъ быть, онъ и вникъ въ нее и вполнѣ сознательно къ ней относился, но только былъ безсиленъ ввести эту трагедію въ свои повѣсти.

Нашлись, однако, писатели, которыхъ опасность такой темы не устрашила.

Двѣ трогательныхъ повѣсти разсказалъ Н. Полевой *****) о солдат-

---

*) „Аммалатъ-Бекъ“ 1831. „Вечера на бивуакѣ“ 1823. „Лейтенантъ Бѣлозоръ“ 1831. „Онъ былъ убитъ“ 1834. „Письмо изъ Дагестана“ 1831. „Подвиги Овечкина и Щербины“ 1834. „Путь до города Кубы“. 1834 „Разсказъ офицера бывшаго въ плѣну у горцевъ“ 1834. „Фрегатъ Надежда“ 1832.

**) „Солдатскіе досуги“. Въ VI томѣ полнаго собранія сочиненій.

***) „Небывалое въ быломъ“.

****) „Отставной“, „Иванъ Невѣдомскій“, „Женихъ“, „Расплохъ“, „Мичманъ Поцѣлуевъ“.

*****) *Н. Полевой.* „Мечты и жизнь“, Москва, 1833, т. IV. „Разсказы русскаго солдата“.

ской жизни. Собственно, это повѣсти изъ крестьянскаго быта, и этимъ онѣ особенно цѣнны. Показать, какую нравственную ломку испытываетъ крестьянинъ, мѣняя одно подневольное положеніе на другое, значило затронуть одинъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ того времени и притомъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ для обсужденія. Полевой довольно смѣло его коснулся.

Солдатъ, который разсказываетъ, какъ ему жилось въ нищенской крестьянской обстановкѣ, гдѣ онъ питался гречневою шелухой съ лебедой и мякиной, гдѣ онъ работалъ сверхъ силъ, среди полупьяныхъ братьевъ, гдѣ онъ выстрадалъ цѣлую семейную драму, когда женился на Дуняшѣ противъ воли ея отца, наконецъ, гдѣ онъ потерялъ и эту Дуняшу и полуживой стоялъ у ея гроба и слушалъ, какъ бабы, попивая сивуху, голосили—этотъ мрачный разсказъ, въ которомъ, однако, ясно слышится жалобная нота сожалѣнія объ этомъ непроглядномъ прошломъ, хорошая поправка къ обычнымъ восхваленіямъ солдатской жизни, о которой съ такимъ бодрымъ паѳосомъ любили говорить наши патріоты. Заставляетъ задуматься и другая повѣсть Полевого, въ которой онъ стремится пояснить намъ иную солдатскую печаль,—то давящее чувство одиночества, которое испытываетъ отслужившій солдатъ, когда возвращается домой въ деревню, гдѣ у него не осталось въ живыхъ ни одной родной души и гдѣ ему впервые приходитъ мысль, что на склонѣ своей унылой и трудовой жизни ему остался одинъ выходъ—стать бродягой.

Еще болѣе смѣлый вопросъ, поднялъ Н. Ф. Павловъ въ своей повѣсти «Ятаганъ»*). Для автора и для цензора, который ее пропустилъ, эта повѣсть стала источникомъ крупныхъ непріятностей; иначе и быть не могло, такъ какъ она слишкомъ откровенно обнажила одну сторону военной жизни, именно—злоупотребленіе силой у человѣка, имѣющаго власть надъ другими и утратившаго власть надъ самимъ собой. Въ повѣсти описано любовное соперничество одного бурбона-полковника и его подчиненнаго... Полковникъ проигрываетъ свою партію и вымещаетъ свой проигрышъ на счастливомъ любовникѣ. Месть его вызываетъ въ молодомъ человѣкѣ вполнѣ понятный протестъ и когда начальникъ за этотъ протестъ подвергаетъ его тѣлесному наказанію, несчастный юноша идетъ на крайнее. Онъ убиваетъ своего начальника среди бѣлаго дня, и приговоръ военнаго суда заканчиваетъ эту кровавую драму. Надо помнить времена, когда эта повѣсть была написана, чтобы понять, что она значила. Частный случай легко можно было обобщить, и одинъ изъ устоевъ господствующаго режима могъ стать предметомъ раздумья.

Какъ видимъ, о военномъ бытѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ го-

---

*) *Н. Ф. Павловъ.* „Три повѣсти". М. 1835.

дахъ говорилось нерѣдко и говорилось талантливо и даже иногда смѣло. Но и этотъ литературный матеріалъ далеко не покрывалъ собою дѣйствительности и оставлялъ въ тѣни массу самыхъ интересныхъ сторонъ жизни.

Нельзя сказать, чтобы и міръ чиновный давалъ литературѣ возможность близко подойти къ дѣйствительности, такъ какъ описаніе его быта, не ограничивающееся одними лишь внѣшними деталями или сердечными исторіями, должно было также завлечь художника въ разсужденія, на которыя онъ не былъ уполномоченъ. Если оставить въ сторонѣ комедіи и повѣсти Гоголя—самый смѣлый обвинительный актъ противъ бюрократіи – то трудно указать хоть на одну повѣсть, болѣе или менѣе оригинальную и характерную, въ которой чиновникъ стоялъ бы передъ нами живой въ своей обстановкѣ и со своимъ міросозерцаніемъ. О болѣе или менѣе высокихъ чиновныхъ кругахъ свободной и открытой рѣчи быть не могло, и если объ этихъ сановникахъ до статскаго совѣтника включительно рѣшался говорить авторъ, то онъ всегда говорилъ лишь въ самомъ благонамѣренномъ тонѣ и начальникъ былъ для него всегда олицетвореніемъ правосудія и строгой доброты. На растерзаніе литераторамъ были отданы лишь чиновники мелкіе, и литература, дѣйствительно, расправлялась съ ними довольно жестоко. Но такую расправу едва ли можно счесть за общественную заслугу или за вѣрное пониманіе дѣйствительности. Чиновничьи сплетни, подсиживанія, угожденіе начальству, плутни, взяточничество и всякія упущенія по службѣ, все это, конечно, не было вымысломъ, а правдой, но только правдой внѣшнею, за которою крылась другая—общая правда всей бюрократической системы; коснуться ея въ тѣ годы было невозможно, и писатель былъ вынужденъ либо обличать дозволенные къ обличенію пороки, либо, что было гораздо болѣе плодотворно и справедливо, заинтересовывать насъ въ пользу грѣшныхъ и виновныхъ, объясняя узость ихъ умственнаго и нравственнаго кругозора тѣми условіями жизни, въ какихъ этимъ людямъ приходилось вырастать и бороться за существованіе.

Повѣсть изъ чиновничьей жизни была, такимъ образомъ, въ тѣ годы повѣстью сатирическою или элегическою, смотря по тому, оттѣнялъ ли авторъ порочное или трогательное въ жизни своего героя.

Изъ сатирическихъ повѣстей такого типа едва ли можно указать хоть на одинъ разсказъ, въ литературномъ смыслѣ цѣнный. Въ краткихъ нравоописательныхъ повѣстяхъ Булгарина и Сенковскаго попадались очень часто типы чиновниковъ (конечно почти всегда очень низко поставленныхъ) и благомыслящій авторъ казнилъ ихъ безпощадно во славу истинной служебной честности не замѣчая, что еще задолго до казни въ нихъ небыло и признака жизни. За Булгаринымъ и за Сенковскимъ пошли многіе другіе, которыхъ прельщалъ такой дешевый способъ проповѣдничества. Въ видѣ исключенія можно

указать развѣ только на кое-какіе мелкіе разсказы В. И. Даля *), впрочемъ мало обработанные, и на попытку Д. Бѣгичева **) въ драматической формѣ представить разносъ всѣхъ губернскихъ чиновниковъ, учиненный однимъ благомыслящимъ губернаторомъ, съ быстротой молніи пріѣхавшимъ во ввѣренную ему губернію и въ сообществѣ съ не менѣе его благороднымъ предводителемъ дворянства произведшимъ ревизію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Этотъ комическій эпизодъ, разсказанный Бѣгичевымъ, не можетъ, конечно, претендовать на литературное значеніе, тѣмъ болѣе что очень многія и самыя комическія сцены почти списаны авторомъ съ «Ревизора» Гоголя, но за нимъ остается всетаки значеніе нѣкотораго историческаго документа. Бѣгичевъ—самъ довольно высоко поставленный чиновникъ—зналъ хорошо жизнь своей среды и въ его «Сценахъ» рядомъ со скучнѣйшей моралью попадаются живыя картинки чиновныхъ порядковъ, которые должны однако возбудить въ читателѣ полное довѣріе къ начальству высшему и заставить вздохнуть о грѣхахъ начальства низшаго, которое ведетъ себя въ особенности нагло съ беззащитными неграмотными крестьянами.

Повѣсти изъ чиновнаго быта съ элегическимъ оттѣнкомъ встрѣчались въ тѣ годы такъ же не рѣдко. Лучше другихъ умѣлъ ихъ писать Е. П. Гребенка. Малороссіянинъ, не лишенный юмора и умѣнья схватывать истинно комическое въ жизни онъ, еще до выхода въ свѣтъ «Шинели» Гоголя бралъ въ своихъ повѣстяхъ ***) эту элегическую жалобную ноту, которая должна была возбудить въ насъ состраданіе къ нищему и духомъ, и тѣломъ, къ этому чернорабочему при государственной машинѣ, для котораго весь міръ сошелся на его департаментѣ. Описаніе этого царства бумаги, этихъ душныхъ комнатъ, въ которыхъ царятъ одновременно гордыня и надменность, низкопоклонничество и ябеда, и въ которыхъ совершается медленное убійство ума и чувства, придаетъ въ общемъ очень незатѣйливымъ повѣстямъ Гребенки серьезное значеніе. Иногда картина становится очень жалостной и всѣ эти мелкіе чиновники, женатые на своихъ кухаркахъ, молодые люди, съ розовой мечтой пріѣхавшіе искать «дѣла» въ Петербургѣ и закисшіе въ департаментахъ, вся эта вереница поневолѣ злыхъ и ничтожныхъ людей, производить на насъ впечатлѣніе чего-то очень грустнаго, хотя авторъ и смѣшитъ насъ нерѣдко своими остротами и многими удавшимися юмористическими фигурами.

Въ общемъ, однако, всѣ эти сценки изъ жизни чиновниковъ — и

*) Лучшій разсказъ Даля изъ чиновничьяго быта вплетенъ имъ въ его романъ „Вакхъ Сидорычъ Чайкинъ", смтр. главы гдѣ разсказана исторія семейства Калюжиныхъ.

**) *А. И. Бѣгичевъ.* „Провинціальныя сцены". Сочиненія автора „Семейства Холмскихъ". Спб. 1840.

***) *Е. П. Гребенка.* „Лука Прохоровичъ" 1838. „Вѣрное лекарство" 1839. „Записки студента" 1840. „Сеня". 1841.

обличительныя, и элегическія—мелочь, если вспомнить не только о тѣхъ вопросахъ, на которые чиновничья жизнь могла навести наблюдателя, но хотя бы о томъ, что объ этой жизни успѣлъ сказать Гоголь.

Можно было бы думать, что положеніе и нравы самой пишущей братіи дадутъ обильный матеріалъ для литературной обработки. Что недостатка въ этомъ матеріалѣ не было, и что жизнь писателя, какъ таковаго—публициста, поэта, журналиста, театральнаго дѣятеля,—представляла большой интересъ и была обильна всевозможными эпизодами, имѣвшими не только частное, но и общественное значеніе—въ этомъ насъ легко могутъ убѣдить опубликованныя теперь въ изобиліи мемуары литераторовъ. Но мы напрасно стали бы искать въ тогдашней литературѣ хоть намековъ на интересныя стороны писательской жизни. Въ этомъ, конечно, сами писатели были виноваты лишь отчасти. Ждать отъ литератора откровеннаго разсказа объ его мытарствахъ, объ его общественномъ подневольномъ положеніи, объ его безгласной борьбѣ съ цензурой было невозможно. Самая любопытная въ общественномъ смыслѣ страница его жизни была недоступна для обсужденія. Оставались, правда, иныя страницы, тоже не лишенныя интереса, но онѣ не останавливали на себѣ вниманія писателя.

Единственно ходкою темой тѣхъ лѣтъ былъ разсказъ о житейскихъ и душевныхъ страданіяхъ поэта или художника, обреченнаго на тягостное столкновеніе съ прозой жизни и съ толпой, которая его не понимаетъ. Романтики любили эту тему, разрабатывали ее еще въ двадцатыхъ годахъ, но мало заботились о совпаденіи своего вымысла съ правдой жизни, почему по ихъ повѣстямъ и нельзя судить о настоящихъ реальныхъ условіяхъ, въ какихъ жилъ русскій писатель хотя бы въ частной своей жизни и въ обществѣ. Отмѣтить можно развѣ только повѣсть Соллогуба «Воспитанница». Это была одна изъ первыхъ и очень удачныхъ попытокъ разработать вполнѣ реально одну любимую романтическую тему о борьбѣ таланта съ заѣдающими его условіями трудовой жизни. Соллогубъ разсказалъ очень трогательно исторію одной дворовой дѣвушки, воспитанной въ барскомъ домѣ во всѣхъ дворянскихъ традиціяхъ и оставшейся на улицѣ послѣ смерти своей благодѣтельницы. Эта дѣвушка была одарена необыкновеннымъ драматическимъ талантомъ, но талантъ не спасъ ее отъ униженія и страданія, и она погибла жертвой грубыхъ провинціальныхъ сплетенъ и грубаго обращенія со стороны «поклонниковъ искусства».

Личная жизнь талантливаго человѣка, жизнь, полная униженій и страданій, могла бы пробудить въ писателѣ и паѳосъ, и сарказмъ, но даже эта скромная тема осталась въ тѣ годы совсѣмъ незамѣченною. Все что мы узнаемъ изъ текущей литературы того времени о писательской жизни сводится къ незначительнымъ анекдотамъ о невѣжествѣ литераторовъ, самомнѣніи, ложномъ образованіи, просто глупости и нахальствѣ, или къ пересказу ихъ журнальныхъ пикиро-

вокъ, ихъ кабинетныхъ сплетенъ. Читая такіе разсказы, невольно останавливаешься передъ вопросомъ—зачѣмъ было писателямъ выносить весь этотъ соръ изъ избы и подрывать въ публикѣ довѣріе къ своей дѣятельности, которая и безъ того не пользовалась тогда должнымъ признаніемъ? Но литераторы съ настоящимъ талантомъ, которымъ въ этихъ вопросахъ принадлежалъ бы рѣшающій голосъ, избѣгали такихъ темъ pro domo sua, и самооплеваніе писательской братіи въ литературѣ объясняется тѣмъ, что писатели сводили свои личные счеты и не находили для этого лучшаго пріема, какъ сатирическіе очерки, часто сбивавшіеся прямо на пасквиль. Кто знакомъ подробно съ исторіей журналистики того времени, тому иногда не трудно указать въ этихъ очеркахъ прямо на оригиналы, съ которыхъ списаны дѣйствующія лица.

Конечно, среди этихъ литературныхъ очерковъ можетъ быть установлена извѣстная градація, смотря по тому, насколько автору удавалось обобщить выставленныя имъ лица и факты. Такъ, напримѣръ, тѣ разсказы изъ жизни литераторовъ, которые помѣщалъ Полевой въ своемъ «Новомъ Живописцѣ» были въ литературномъ отношеніи значительно выше всѣхъ имъ подобныхъ произведеній, потому что въ обрисовкѣ типовъ и положеній сатирикъ достигалъ извѣстной образности и общности. Наиболѣе бойкіе очерки въ этомъ родѣ принадлежали перу Сенковскаго. Онъ самъ былъ однимъ изъ большихъ литературныхъ интригановъ, зналъ хорошо закулисныя дѣла журналистики и имѣлъ причины гнѣваться на своихъ собратьевъ по перу, которые въ долгу у него не оставались. Много нелестнаго сказалъ онъ о нихъ въ своихъ сатирическихъ статейкахъ *), которыя тогда очень нравились, такъ какъ мѣстами бывали, дѣйствительно, очень смѣшны, хотя и не комичны въ настоящемъ смыслѣ. Перечислять тѣ литераторскіе пороки, которые осмѣивалъ Сенковскій, было бы очень скучно, такъ какъ реестръ ихъ давно составленъ, чуть ли не со временъ Кантеміра. Среди этихъ пороковъ нѣкоторые безспорно заслуживали осмѣянія, какъ, напримѣръ, авторское самомнѣніе въ разныхъ видахъ и всевозможныя потуги таланта, но были и такія стремленія, которыя можно было осмѣивать лишь при полномъ отсутствіи серьезнаго взгляда на жизнь. И Сенковскій, у котораго такого серьезнаго взгляда не было, смѣялся часто самымъ буфоннымъ смѣхомъ надъ тѣмъ, что заслуживало полнаго сочувствія. Онъ позволялъ себѣ, нпр., самыя обидныя глумленія по адресу тѣхъ писателей, въ которыхъ находилъ хоть малѣйшее тяготѣніе къ умозрѣнію. Онъ былъ безсильнымъ, но самымъ крикливымъ врагомъ всѣхъ философскихъ теченій его времени и, какъ часто бываетъ, увлекалъ своимъ площаднымъ гаерствомъ тѣхъ, кому эта, имъ обруганная, философія стре-

---

*) *О. И. Сенковскій.* „Выходъ у сатаны" 1832, „Осенняя скука" 1833, „Похожденія одной ревизской души" 1834, „Превращеніе головъ въ книги" 1839, „Чинъ-Чунъ или авторская слава" 1834.

милась привить истинное пониманіе изящнаго въ жизни. Само собою разумѣется, что по его сатирическимъ статьямъ нельзя себѣ составить хоть приблизительно вѣрнаго представленія о томъ, что такое была литературная жизнь его времени и кто были эти «романтики» и «философы», надъ которыми онъ потѣшался.

По стопамъ Сенковскаго одно время шелъ и Загоскинъ; и онъ, какъ представитель старшаго поколѣнія литераторовъ, считалъ нужнымъ обличать литераторовъ молодыхъ—романтиковъ и въ особенности «гегелистовъ». Самъ онъ не могъ понять ихъ настоящихъ стремленій и потому его сатира обратилась въ настоящій фарсъ, въ сборище каррикатуръ, въ которыхъ никто не узнаетъ настоящихъ представителей нашей молодой словесности, хотя именно въ нихъ-то старикъ и мѣтилъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности характерна его сатира «Литературный вечеръ» *), въ которой онъ облилъ грязью Бѣлинскаго, выставивъ его въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ и какъ писателя, и, что̀ хуже, какъ человѣка.

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ сатирамъ и очеркамъ, въ которыхъ должны были быть изображены литературные нравы стараго времени, то кромѣ обличенія самыхъ обыденныхъ писательскихъ пороковъ, кромѣ неумѣстныхъ шутокъ надъ тѣмъ, что самому сатирику было непонятно, кромѣ неумѣлыхъ нападокъ на литературную новизну и наконецъ кромѣ сведенія личныхъ счетовъ—мы не найдемъ ничего въ историческомъ или литературномъ смыслѣ цѣннаго.

Спускаясь изъ этихъ культурныхъ круговъ въ слои менѣе культурные, переходя къ тѣмъ повѣстямъ, въ которыхъ рисуется жизнь нашего купечества и мѣщанства, мы должны еще больше ограничить наши ожиданія и требованія. Жизнь этихъ круговъ въ тѣ романтическіе годы считалась по существу еще менѣе любопытной, чѣмъ жизнь крестьянская, которую можно было идеализировать по образцу старыхъ описаній «естественнаго» быта или старой сентиментальной идилліи. Литература тѣхъ лѣтъ почти совсѣмъ игнорировала «среднія состоянія» нашего общества или довольствовалась самымъ шаблоннымъ типомъ практическаго богобоязненнаго честнаго купца и смышленнаго работника-мѣщанина. Внѣшняя и внутренняя жизнь этихъ темныхъ или полу-темныхъ людей открылась читателю уже послѣ Гоголя, въ годы расцвѣта такъ называемой «натуральной школы». Было бы, однако, несправедливо умолчать о предшественникахъ этой школы, какъ бы ни была скромна ихъ работа.

В. И. Далю принадлежитъ среди этихъ скромныхъ наблюдателей первое мѣсто. Въ своихъ мелкихъ разсказахъ и анекдотахъ онъ давалъ временами очень живые портреты мастеровыхъ, мелкихъ и

*) „Москва и москвичи“, часть II.

крупныхъ коммерсантовъ, лавочниковъ и иныхъ сѣрыхъ людей, отъ которыхъ литература тогда отвертывалась. Что съ нимъ очень рѣдко случалось—ему удалось даже удачно использовать этотъ матеріалъ въ повѣстяхъ довольно большого объема.

Съ безспорнымъ знаніемъ купеческой жизни написанъ, напримѣръ, очеркъ «Отецъ съ сыномъ» *)—старая исторія объ отцахъ и дѣтяхъ, возникшая въ средѣ, гдѣ традиція требовала полнаго повиновенія отъ младшихъ,—исторія, въ которой, однако, носитель этихъ традицій—старикъ, обнаруживаетъ, вопреки ожиданіямъ, глубоко гуманную душу и умъ, умѣющій стать на чужую точку зрѣнія. Трагикомическій эпизодъ женитьбы одного купеческаго сынка на дочери нѣмецкаго колбасника разсказанъ Далемъ также очень живо въ повѣсти «Колбасники и бородачи». Въ повѣсти «Жизнь человѣка или прогулка по Невскому проспекту» была нашимъ авторомъ очень трогательно описана безотрадная жизнь одного несчастнаго ремесленника, подкидыша-горбуна, который, состоя подмастерьемъ въ разныхъ лавкахъ и домахъ, расположенныхъ по Невскому проспекту, тридцать девять лѣтъ бѣгалъ по нему и ни разу не видалъ Невы и на смерть перепугался, когда однажды случайно былъ завезенъ на Петербургскую Сторону.

Какъ образцы хорошихъ «физіологическихъ» очерковъ, нужно отмѣтить разсказы «Петербургскій дворникъ» и «Деньщикъ», а также и довольно ярко написанныя странички «Чухонцы въ Питерѣ» **).

Поставленныя рядомъ съ повѣстями Даля другіе однородные съ ними разсказы проигрываютъ въ живости и вѣрности изображенія; изъ нихъ можно указать развѣ только на романъ Башуцкаго «Мѣщанинъ» ***) Романъ довольно широко задуманъ: авторъ хотѣлъ въ немъ разсказать полную невѣроятныхъ приключеній, жизнь «мѣщанина изъ отпущенныхъ», который въ чувствахъ своихъ и въ своемъ образованіи опередилъ любого представителя высшаго круга. Романъ написанъ въ романтическомъ стилѣ и почти на всѣхъ страницахъ отклоняется отъ возможнаго и вѣроятнаго, и только описаніе толкучаго рынка имѣетъ литературную и историческую цѣнность и взято, безспорно, изъ портфеля ученика «натуральнаго» класса.

Сколько бы мы ни отмѣчали, однако, такихъ живыхъ страницъ, онѣ все-таки говорятъ намъ очень мало о жизни нашихъ среднихъ сословій и изъ цѣлой массы своеобразныхъ типовъ, живущихъ въ своеобразной обстановкѣ, лишь самая ничтожная часть всплывала наружу, и то только дразнила, а не удовлетворяла любопытство читателя.

---

*) Напечатанъ въ I-мъ томѣ его сочиненій.

**) Всѣ эти повѣсти напечатаны въ III-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій (изд. Вольфа).

***) *А. Башуцкій.* „Очерки изъ портфеля ученика натуральнаго класса". „Тетрадь первая. Мѣщанинъ." 2 части. Спб. 1840.

Неудовлетворено было это любопытство и тогда, когда читатель хотѣлъ узнать, какими идеалами, умственными и нравственными, живетъ нашъ простой крестьянскій народъ и каковы внѣшнія условія его быта.

Что касается этихъ внѣшнихъ условій, то литература издавна о нихъ повѣствовала и въ своемъ разсказѣ выработала извѣстные стереотипные пріемы. Часто въ угоду идиллическому настроенію души писателя, крестьянская жизнь изображалась въ мягкихъ и пріятныхъ краскахъ. Нельзя сказать, конечно, что въ этихъ идилліяхъ все отъ перваго слова до послѣдняго было ложью: могло статься, что среди многихъ милліоновъ рабовъ и было нѣсколько, которые съ утратой свободы жили покойно и въ довольствѣ, но, во всякомъ случаѣ, такія исключительныя картины не давали никакого понятія объ общемъ ходѣ крестьянской жизни. Гораздо болѣе близки къ истинѣ были тѣ—въ александровскую эпоху болѣе, а въ николаевскую менѣе—многочисленные писатели, которые свой интересъ сосредоточили на мрачныхъ сторонахъ народнаго быта. Эти мрачныя стороны были исчислены и описаны довольно вѣрно, насколько, конечно, позволяла тогдашняя цензура, но во всѣхъ этихъ разсказахъ чувствовалось, что народное міросозерцаніе и душа народа были для писателя закрытою книгой. Въ лучшемъ смыслѣ онъ уступалъ мужику на время свои собственныя скорбныя или протестующія думы и рѣчи.

Наша литература не скоро дождалась, когда народъ заговорилъ самъ на ея страницахъ и когда писатель настолько проникъ въ сущность народной жизни, что, знакомя насъ съ низшею братіей, могъ не знакомить съ самимъ собою.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вниманіе писателя все еще было устремлено на внѣшнюю сторону народной жизни и онъ собиралъ, коллекціонировалъ матеріалъ. Когда же ему случалось обрабатывать этотъ матеріалъ, онъ привносилъ въ него много условнаго и субъективнаго. Такъ дѣлалъ Загоскинъ, когда выдвигалъ въ своихъ романахъ мужика, какъ носителя и выразителя истинно-русскихъ началъ жизни *), такъ поступалъ Полевой, прививая мужику свой сентиментальный образъ мысли и рѣчи **), такъ дѣлалъ и Гребенка ***) въ своихъ фантастическихъ и сентиментальныхъ повѣстяхъ.

---

*) Лучшее, что въ этомъ родѣ написано Загоскинымъ, это—маленькій очеркъ „Добрый Ванька“ въ его сборникѣ „Москва и москвичи“. Выходъ II-й.

**) Наиболѣе удачный очеркъ Полевого изъ народнаго быта—разсказъ „Мѣшокъ съ золотомъ“, „Мечты и жизнь“, часть IV, но и онъ не свободенъ отъ сентиментальной приторности.

***) *Е. Гребенка.* „Разсказы пирятинца“ (1836) и въ особенности разсказъ „Куликъ“ (1840).

Нельзя назвать близкими къ жизненной правдѣ и очень нравившіеся тогда малороссійскія повѣсти Грицька Основьяненки, такъ какъ и онѣ не что иное, какъ лишь сентиментальныя и романтическія варіаціи на народные мотивы *).

Изъ всего, что тогда писалось о народной жизни, нужно отдать преимущество опять таки разсказамъ Даля. Это преимущество было справедливо отмѣчено еще тогдашнею критикой, которая думала найти въ нихъ то, чего она такъ искала, именно—русскую «народность». Если требовать отъ разсказа полнаго совпаденія съ жизнью въ обрисовкѣ внѣшнихъ деталей, то критика была права: Даль хорошо изучилъ эту жизнь, обладалъ единственнымъ въ своемъ родѣ знаніемъ народной рѣчи; ему не было нужды выдумывать, и онъ, дѣйствительно, разсказывалъ «быль», но талантъ его, какъ художника, былъ очень скроменъ и потому всѣ его повѣсти остались анекдотами. Въ нихъ нѣтъ ни натяжекъ, ни условностей, ни невѣрностей: все согласно съ правдой; въ нихъ масса народныхъ изреченій, прибаутокъ, пословицъ, много чисто народныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, но въ нихъ нѣтъ образовъ, нѣтъ типовъ, нѣтъ развитія въ народной мысли и въ движеніяхъ сердца. Люди какъ будто сфотографированы моментально; мы видимъ ихъ въ опредѣленныхъ и единственныхъ позахъ, но мы не живемъ съ ними.

Какъ собраніе матеріаловъ, повѣсти Даля представляютъ безспорный интересъ, но едва ли читатель того времени могъ по нимъ разгадать хоть отчасти трудную загадку—что думаетъ и какъ чувствуетъ нашъ народъ, тѣмъ болѣе, что и Даль не всегда былъ свободенъ отъ дидактической тенденціи и подбиралъ свои анекдоты съ цѣлью оттѣнить одну какую-нибудь нравственную истину или достойно наказать того, кто ея ослушался **).

Итакъ, если оглянуть бѣглымъ взоромъ всѣ повѣсти и разсказы, въ которыхъ писатель тѣхъ годовъ ставилъ себѣ задачей художественное воспроизведеніе окружавшей его дѣйствительной жизни, то, безспорно, придется констатировать быстрый и богатый приростъ наблюденій, сдѣланныхъ писателемъ надъ самыми разнообразными слоями русскаго общества. Много было уловлено деталей, много выведено типовъ, но частью по винѣ автора, а еще чаще по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, всѣ эти наблюденія въ большинствѣ случаевъ

---

*) „Малороссійскія повѣсти", разсказываемыя Г. Основьяненкомъ. 2 части. Москва. 1834 и 1837.

**) „Ракита", „Безчестіе", „Петруша съ Параней", „Выемка", „Крестьянка", „Ваша воля, наша доля", „Вдовецъ", „Прадѣдовскія ветлы" и др.

касались чисто внѣшнихъ сторонъ жизни и не пытались или не могли проникнуть въ глубь ея. Масса самыхъ характерныхъ типовъ, и самыя интересныя житейскія положенія легли внѣ поля зрѣнія тогдашняго литератора.

Исключеніе въ данномъ случаѣ составлялъ одинъ только Гоголь. Его взглядъ на русскую жизнь былъ шире и глубже взгляда другихъ писателей и его комедіи и повѣсти были наиболѣе полною галлереей характерныхъ и общихъ типовъ.

Были, конечно, области жизни, которыми Гоголь не то что не интересовался, а о которыхъ онъ умолчалъ въ своемъ творчествѣ по неизвѣстнымъ причинамъ. Такъ, напр., онъ, хорошо знавшей жизнь свѣтскаго круга, вращавшійся среди аристократовъ, высшихъ чиновниковъ и всевозможныхъ именитыхъ людей, не обмолвился о нихъ почти ни единымъ словомъ. Молчалъ ли онъ изъ деликатности или по отсутствію смѣлости—рѣшить трудно. Былъ онъ очень скрытенъ и во всемъ, что касалось нравовъ того сословія, къ которому онъ самъ принадлежалъ, т.-е. сословія писателей. Своему собрату по перу онъ говорилъ много колкостей въ своихъ журнальныхъ и критическихъ статьяхъ, но онъ почему-то пощадилъ его въ своей сатирѣ.

Но за исключеніемъ этихъ двухъ пробѣловъ, которые въ творчествѣ Гоголя даютъ себя очень чувствовать — въ остальномъ онъ самый разносторонній и тонкій бытописатель нашей жизни. Онъ очень кратко, но необычайно мѣтко схватываетъ главныя очертанія жизни очень многихъ круговъ и слоевъ нашего общества.

Яркость картины достигается Гоголемъ, повидимому, пріемами очень простыми, и эти пріемы художника становятся истинно изумительны, когда двумя тремя штрихами онъ набрасываетъ передъ нами цѣлый типъ, который поясняетъ иногда жизнь цѣлаго сословія лучше, чѣмъ длинный рядъ портретовъ аккуратно списанныхъ съ натуры въ подходящей обстановкѣ.

Въ чемъ тайна того впечатлѣнія, которое на насъ производятъ всѣ эти образы, эти люди, съ которыми насъ авторъ сводитъ почти всегда лишь на очень короткое время?

Тайна заключена, конечно, прежде всего, въ талантѣ автора. Онъ, какъ большой художникъ, творитъ людей словами и они стоятъ, какъ живые, передъ нами, но, кромѣ этой жизненности и жизнеспособности эти люди обладаютъ и еще однимъ качествомъ, которымъ они обязаны тому же таланту автора, но главнымъ образомъ, его зоркому и серьезному взгляду на жизнь. Это качество—ихъ типичность. Они всѣ типичны, т.-е. ихъ умственный складъ, темпераментъ, ихъ привычки, образъ ихъ жизни не есть нѣчто случайное, или исключительное, нѣчто лично имъ принадлежащее; весь ихъ внутренній міръ и вся обстановка, которую они создаютъ вокругъ себя—художественный итогъ внутренней и внѣш-

ней жизни цѣлыхъ группъ людей, цѣлыхъ круговъ, классовъ, воспитавшихся въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ; и эти условія не скрыты отъ насъ и пояснены намъ именно благодаря «типичности» тѣхъ лицъ, которыхъ авторъ выставилъ, какъ художественный синтезъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ жизнью.

Возьмемъ ли мы помѣщичьи типы и мы сразу видимъ, что въ нихъ дана вся патологія дореформеннаго дворянства съ его маниловщиной на чужомъ трудѣ, съ кулачествомъ Собакевича, не отличающаго одушевленнаго раба отъ неодушевленнаго, съ ноздревщиной, которая знаетъ, что въ силу дворянскаго своего положенія она всегда съумѣетъ вывернуться и не погибнетъ, съ самодурствомъ Кошкарева, который учреждалъ министерства и департаменты въ своей усадьбѣ, мня себя самодержавнымъ или, наконецъ, съ благомысліемъ и добродушіемъ Тентетникова, который прѣлъ на корню, избавленный отъ необходимости къ чему-либо приложить свою волю и энергію.

Остановимся ли мы на такихъ лишь бѣгло набросанныхъ типахъ, какъ напр., Копейкинъ, и тогдашняя армейская нищета духа и тѣла предстанетъ передъ нами воочію. и мы поймемъ, что такое была дореформенная солдатская жизнь—въ ея главныхъ наиболѣе общихъ очертаніяхъ, жизнь, такъ много требовавшая отъ службы и такъ мало цѣнившая человѣка въ служиломъ. Такъ же точно при знакомствѣ съ добродушнымъ городничимъ и его сослуживцами, при встрѣчѣ со всѣми «милыми» чиновниками того губернскаго города, въ которомъ временно проживалъ Чичиковъ, при знакомствѣ съ Акакіемъ Акакіевичемъ—развѣ мы не чувствуемъ и не понимаемъ, что передъ нами лица, которыхъ вскормилъ, а затѣмъ вознесъ или принизилъ именно тогдашній бюрократическій строй, прививавшій всякому начальству своеволіе и убивавшій всякую свободную волю въ подчиненномъ.

Вѣрно, хотя только въ двухъ-трехъ штрихахъ, съумѣлъ обрисовать Гоголь и домашнюю интимную жизнь купеческой семьи, и когда затѣмъ Островскій разсказалъ намъ исторію этой жизни подробно во всѣхъ деталяхъ, то оказалось, что устои ея — ея косность, мракъ ума и погоня за счастьемъ въ самой матеріальной формѣ, указаны были вѣрно еще нашимъ сатирикомъ.

Почти въ каждомъ изъ гоголевскихъ типовъ можно найти такую типичность. Всегда выведенное имъ лицо интересно и само по себѣ, какъ извѣстная разновидность человѣческой природы, и кромѣ того, какъ цѣльный образъ, по которому можно догадаться о культурныхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ выросъ. Въ этомъ смыслѣ Гоголь для своей эпохи былъ единственный писатель: ничей взоръ не проникалъ такъ вглубь русской жизни, никто не умѣлъ придать такую типичность своимъ образамъ и если въ оцѣнкѣ художественнаго разсказа выдвигать на первый планъ эту способность писателя обнаруживать тайныя

пружины окружающей его жизни, показывать намъ, какими общими теченіями мысли, какими чувствами, стремленіями, среди какихъ привычекъ живетъ не одно какое-нибудь лицо, а цѣлыя группы лицъ, изъ которыхъ слагается общественный организмъ—если эту способность цѣнить въ бытописателѣ-реалистѣ, то, безспорно, исторію русскаго реальнаго романа придется начинать съ Гоголя.

Его громадная роль въ этой исторіи теперь ясна каждому, но ее, хоть и смутно, понимали уже первые его читатели.

Критическими отзывами о сочиненіяхъ Гоголя и главнымъ образомъ о «Мертвыхъ Душахъ» легче всего провѣряется вся необычность и своеобразность его творчества для его времени. О всѣхъ романистахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ современная серьезная критика высказывалась болѣе или менѣе согласно. Въ сужденіяхъ о Гоголѣ она никакъ не могла придти къ соглашенію.

Однимъ слова Гоголя показались простой шуткой, легкой болтовней, потому что сама литература не пріучила еще критика связывать вымыселъ непосредственно съ самой жизнью, которая подсказывала художнику его измышленія: другіе, которые поняли глубокій смыслъ гоголевскихъ твореній были такъ поражены этимъ смысломъ, что на первыхъ порахъ не разобрались въ немъ и потому высказались о немъ не вполнѣ опредѣленно.

Н. Котляревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гемпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе* *).

Глава XV.

Послѣ долгой бесѣды съ лордомъ Лэкинтономъ, результата ея порывистаго признанія, Жюли провела тревожный вечеръ и еще болѣе тревожную ночь. Проснулось ли въ ней старое горе, боль за судьбу своихъ родителей? Нѣтъ, это было другое.

Оставшись одна послѣ ухода лорда Лэкинтона, она безцѣльно опустилась въ кресло и еще со слезами на глазахъ, вызванными воспоминаніями о матери, вся ушла въ свои мрачныя думы; правду сказать, единственнымъ предметомъ этихъ думъ былъ Уорквортъ, и его утренній визитъ.

Зачѣмъ она такъ обошлась съ нимъ? Она зашла слишкомъ далеко—черезчуръ далеко; но она просто не могла вынести этой самонадѣянности, развязности, этой полной увѣренности, что его примутъ съ раскрытыми объятіями. Нѣтъ, она покажетъ ему, что она для него не игрушка, которую можно по произволу взять илу бросить. Безпечно, добродушно-насмѣшливое выраженіе въ его глазахъ послѣ всего, что она пережила—нѣтъ, это ужъ слишкомъ много!

Судя по его письмамъ къ ней съ острова Уайта, онъ, повидимому, даже не подозрѣвалъ, что она переживаетъ кризисъ. А между тѣмъ, по обращенію маленькой герцогини, когда она прощалась съ нимъ въ тотъ злополучный вечеръ, онъ могъ бы понять, что случилось что-то неладное, могъ бы вспомнить, что миссъ Лаурсенъ близкій другъ Моффатовъ.

Вѣдь онъ почти помолвленъ съ этой хорошенькой наслѣдницей,—неужели же онъ думаетъ, что полуформальное обѣщаніе, данное ему, несмотря на протестъ опекуновъ, глупой болтуньей матерью Эйлинъ

---

*) Начало романа помѣщено въ 1902 г. Новые подписчики могутъ получить начало, приславъ своевременно заявленіе и три семикопѣечныя марки.

могло остаться неизвѣстнымъ?—что онъ можетъ скрывать его отъ свѣта и отпираться передъ нею,—Жюли?

У нея вся душа изболѣла; какъ ее измучила герцогиня своими просьбами въ этотъ несчастный вечеръ!

— Жюли, я не могу удержаться. Я знаю, что это нескромность съ моей стороны, но, Жюли, милочка, ради Богда выслушайте меня! Какое право имѣетъ мужчина такъ ухаживать за вами, какъ онъ, когда... Ну, конечно, онъ ухаживаетъ за вами; какъ же это иначе назвать? Берти получилъ сегодня отъ леди Генри отвратительное письмо. Ужъ, конечно, безъ этого не обошлось! И, конечно, она пишетъ такія письма всѣмъ, кому только можетъ. Но это бы все ничего, если бъ только... Но, Жюли, голубчикъ, вѣдь вы дѣйствительно страшно хлопотали за него. А его обращеніе съ вами—(герцогиня вспыхнула и Жюли невольно спросила себя, не подглядѣла ли она случайно долгаго поцѣлуя руки) и, что онъ тогда пришелъ первымъ къ леди Генри—вѣдь надо же было этому случиться!.. О, Жюли, онъ негодный человѣкъ, увѣряю васъ, онъ негодный человѣкъ! Разумѣется, онъ влюбленъ въ васъ, это вполнѣ понятно, но все время, понимаете, все это время... Эми разсказалъ мнѣ всю эту исторію отъ начала до конца, онъ регулярно переписывается съ этой дѣвочкой; и она, и ея мать, несмотря на опекуновъ, считаютъ это форменной помолвкой, и всѣ ихъ друзья думаютъ, что онъ твердо рѣшилъ жениться на ней—изъ-за денегъ. Можете считать мое вмѣшательство гнуснымъ, Жюли,—это ужъ какъ хотите—но я прямо убила бы его, если бъ могла, съ наслажденіемъ убила бы!

И ни явное недовольство, ни видъ оскорбленнаго достоинства, ни то смѣшное положеніе, въ которое она ставила предполагаемую жертву, ни гнѣвные взгляды Жюли, ни насмѣшки, срывшіяся съ ея дрожавшихъ губъ—ничто не могло остановить потока словъ герцогини, оскорбленной въ своихъ лучшихъ привязанностяхъ. *Ея* Жюли обманываютъ, надъ ней издѣваются, и если она такъ слѣпа, такъ ослѣплена, что не видитъ этого, она должна по крайней мѣрѣ понять, какъ на это смотрятъ другіе.

Она высказалась до конца и Жюли волей неволей должна была спорить и защищаться. Даже больше, герцогиня выманила у нея обѣщаніе. Блѣдная, и вся натянутая, какъ струна, но твердо рѣшившая дѣлать видъ, что все это для нея только шутка, она дала герцогинѣ что-то въ родѣ обѣщанія на будущее время быть осторожнѣе съ Уорквортомъ.—Онъ мой другъ, и что бы кто ни говорилъ, останется моимъ другомъ,—отвѣчала она съ улыбающимся упорствомъ, прикрывавшимъ нѣчто такое, передъ чѣмъ герцогиня спасовала.—Но, конечно, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, Эвелина,—вы знаете, что я всегда рада сдѣлать вамъ пріятное!

Но она никогда не обѣщала, не хотѣла, не думала лишить себя его

общества, изгнать его изъ своего новаго дома. Она предпочла бы отказаться отъ всѣхъ своихъ друзей, и отъ этого дома, и отъ видовъ на будущее, чѣмъ принять на себя такое обязательство. Этого Эвелинѣ отъ нея никогда не добиться!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, на видъ занятая только устройствомъ новой квартиры, она все время переходила отъ страха къ надеждѣ и обратно. Она чистила, обметала, вытирала пыль, переставляла мебель, и все время думала только объ одномъ—безумно ждала перваго письма отъ него. Ужъ, конечно, въ немъ проглянетъ тревога, страхъ, откровенныя нотки, борьба между расчетомъ и—любовью...

Но ничего подобнаго! Его первое письмо было письмомъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ томъ, къ кому онъ пишетъ, и въ томъ, какъ примутъ его письмо,—человѣка, чувствующаго подъ ногами твердую почву. Въ каждой фразѣ свѣтилась счастливая внутренняя увѣренность въ своихъ правахъ. Такъ могъ писать влюбленный, для котораго пора сомнѣній уже миновала.

Письмо это подняло страшную бурю въ душѣ Жюли. Контрастъ между тѣмъ, какъ онъ позировалъ въ письмахъ, и дѣйствительностью, которую онъ лукаво скрывалъ отъ нея, пробудилъ въ ней страшную ревность и ненависть, не столько къ Уорку, сколько къ этому невѣдомому ей маленькому созданьицу, которое безъ труда, безъ заслугъ брало надъ нею перевѣсъ и въ дѣтской самоувѣренности спокойно ждало, пока предметъ его желаній вернется къ нему. Можно ли жалѣть её, за что? Жюли не чувствовала по отношенію къ ней никакихъ угрызеній совѣсти.

Миссъ Лауренсъ разсказывала еще многое: что объ Уорквортѣ говорили, будто онъ намѣренно компрометировалъ дѣвушку въ Симлѣ, заставляя ее продѣлывать такія вещи, которыя въ тамошнемъ обществѣ считаются не принятыми и неприличными, и находили такое поведеніе некорректнымъ съ его стороны; что опекуны очень сердились, наконецъ вмѣшались и взяли съ него обѣщаніе, теперь нарушенное, благодаря потворству мамаши, не видѣться и не переписываться съ Эйлинъ, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія, т.-е. въ теченіе двухъ лѣтъ. Но что было до всего этого Жюли? Что значило это въ ея глазахъ? Развѣ она когда-нибудь предполагала, что Уорквортъ въ отношеніи денегъ и своей карьеры руководствовался какими-нибудь высшими, а не обыкновенными житейскими соображеніями? Она отлично знала, что онъ не святой и не аскетъ. Эти обвиненія совсѣмъ не ужасали ее. Она давно разгадала его характеръ, его слабости, его эгоизмъ и примирилась къ ними. Несмотря на это—можетъ быть, даже вслѣдствіе этого—она страстно любила его.

Что касается женитьбы или, по крайней мѣрѣ, ухаживанья изъ-за денегъ, это не внушало ей никакого отвращенія. Жюли по своему была очень романтична; но, въ виду экономическихъ взглядовъ на

бракъ, и въ особенности на приданое, французовъ и бельгійцевъ, среди которыхъ она провела свою юность, ей и въ голову не приходило порицать Уоркворта за то, что онъ, раздумывая о бракѣ, ставитъ на первый планъ деньги. Она походила на знаменитыхъ *amoureuses* XVIII столѣтія, которыя въ письмахъ къ любимому человѣку, не имѣя возможности сами выйти за него замужъ. совѣтовали ему жениться для поправленія своихъ обстоятельствъ и предлагали различныя соблазнительныя партіи. Напримѣръ, «*une jeune personne* шестнадцати лѣтъ, ни отца, ни матери, только братъ. По выходѣ замужъ ей будутъ выдавать по 13.000 фр. въ годъ, и тетка будетъ очень счастлива, если молодая на время останется у нея». А если это не подходитъ — «я знаю человѣка, который былъ бы въ восторгѣ назвать васъ своимъ зятемъ, но дочери его всего 11 лѣтъ; зато она единственная дочь и будетъ *очень* богата. Вы знаете, мой другъ, что у меня на первомъ планѣ ваше счастье и устроить его—главная задача моей жизни.»

Жюли привыкла смотрѣть на вещи именно такимъ образомъ, хотя передъ другими болѣе или менѣе скрывала это, и въ ней это уживалось съ болѣе высокими идеями и чувствами, унаслѣдованными ею отъ родителей, насколько это вообще возможно въ представителяхъ латинскихъ расъ.

Безъ сомнѣнія, въ Жюли примѣшивался къ этому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась у леди Генри, другой, англійскій взглядъ на замужество, ставящій на первое мѣсто въ бракахъ личный выборъ и подчиняющій всякіе расчеты таинственному духовному сродству, которое англичане зовутъ любовью. Всю эту зиму Жюли надѣялась, въ концѣ концовъ, заставить Уоркворта жениться на себѣ. Онъ бѣденъ и потому, конечно, ищетъ денегъ. Но тайный голосъ шепталъ ей, что ея положеніе въ обществѣ, ея вліяніе на вліятельныхъ лицъ стоятъ не меньше денегъ, и онъ пойметъ это.

И что же? Она все время была довѣрчивою дурочкой, и онъ обманывалъ ее. Вотъ въ чемъ его преступленіе, а не въ томъ, что онъ искалъ приданаго и хотѣлъ жениться на деньгахъ. Онъ лгалъ ей, чтобы держать ее въ заблужденіи, лжетъ и теперь. Онъ пишетъ такъ, какъ будто любитъ ее. Можетъ быть, и любитъ. Но въ то же время Жюли ясно читала въ этомъ письмѣ безмолвное, но твердое рѣшеніе сохранить Эйлинъ Моффатъ и ея деньги; а сердечному другу онъ могъ предложить только болѣе или менѣе двусмысленную связь такъ годика на два, пока не будетъ оглашена его помолвка.

Глухая и горькая злоба поднималась въ душѣ Жюли. Вспоминая, какъ онъ въ первое время уклонялся отъ отвѣтовъ на ея вопросы, она почти соглашалась съ герцогиней. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ издѣвался надъ нею, относился къ ней, какъ къ ребенку. Она не отвѣтила ему на первое письмо, а когда пришло второе, не позволила себѣ даже распечатать его. Она положила его на письменный столъ,

потомъ вечеромъ перенесла его на маленькій столикъ возлѣ кровати; чуть свѣтъ ея дрожащіе пальцы потянулись сами собой къ этому письму и сунули его подъ подушку. Когда совсѣмъ разсвѣло, она уже не могла удержаться—распечатала и читала, и перечитывала его, обливая его своими слезами.

Но злоба ея не улеглась, и когда Уорквортъ появился въ дверяхъ, она вдругъ прорвалась очень ярко. Жюли хотѣла дать ему понять, что у нея есть друзья—могущественные друзья,—и главное, что у нея есть Делафильдъ.

И вотъ это сдѣлано. Она оттолкнула своего возлюбленнаго; она была при немъ особенно мила и любезна съ Делафильдомъ. Теперь Уорквортъ уйдетъ отъ нея и, можетъ быть, будетъ радъ такому удобному случаю вернуться цѣлымъ и невредимымъ къ своей невѣстѣ.

Она сидѣла въ темнотѣ, припоминая и взвѣшивая каждое слово, каждый взглядъ. Въ комнату, крадучись, вошла Тереза.

— Mademoiselle, le souper sera bientôt prêt.

Жюли устало поднялась; дѣвочка захватила ея руку своею худенькой ручкой.

— J'aime tout ce vieux monsieur, -- выговорила она нѣжно, — je l'aime tant!

Жюли вздрогнула. Ея мысли витали далеко отъ лорда Лэкинтона.

Поднимаясь наверхъ, въ свою спаленку, она чувствовала укоры совѣсти. Въ объясненіи съ нею старикъ выказалъ большую чуткость, деликатность, полную раскаянія нѣжность, которой даже трудно было ожидать отъ такого избалованнаго и причудливаго существа. Отъ потрясенія, вызваннаго ея неожиданнымъ признаніемъ, еще глубже врѣзались морщины въ это лицо, на которое время уже наложило печать не иной и новой, но увядающей красоты. Отпирая ему, уже въ сумеркахъ, входную дверь, Жюли искренно хотѣлось пойти вмѣстѣ съ нимъ, усладить ему его одинокій вечеръ. Жена его умерла; холостой сынъ, Уильямъ, не всегда жилъ вмѣстѣ съ отцомъ; леди Бланшъ рѣдко пріѣзжала въ Лондонъ, и большую часть времени старикъ жилъ одинъ въ своемъ роскошномъ домѣ на Сентъ-Джемекомъ скверѣ, о которомъ она столько слышала отъ матери.

Жюли ему нравилась—понравилась съ перваго взгляда. Какъ естественно было бы ей освѣтить и согрѣть его старость, какъ естественно и какъ невозможно! Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы пойти на затрудненія и непріятности, неизбѣжно связанныя съ неожиданнымъ появленіемъ въ домѣ его незаконной внучки. Да и сама Жюли, гордясь своею новорожденною независимостью, не рѣшилась бы на такой шагъ. Но её тянуло къ дѣду; сердце ея жаждало родной ласки.

Нѣтъ, любовь, родные—все это не для нея. Входя въ маленькую, почти пустую комнатку надъ воротами, которую она только начала наполнять книгами, бумагами и всѣми принадлежностями литературной

профессіи, она горестно убѣждала себя довольствоваться тѣмъ, что давалось ей так легко и безъ риска. Свѣту угодно находить, что она одарена замѣчательными общественными талантами. Она должна сосредоточить весь свой умъ и энергію на борьбѣ съ леди Генри и попробовать, нельзя ли все-таки привить *салонъ* на англійской почвѣ. У нея было литературное чутье и умѣнье выражать свои мысли; она должна зарабатывать свой хлѣбъ... Она посмотрѣла на лежавшую на столѣ наполовину написанную статью и со вздохомъ взялась за книги, ища въ нихъ спасенія.

Въ этотъ вечеръ Тереза, обожавшая ее, все время слѣдила за нею своимъ печальнымъ и пристальнымъ взглядомъ. Ея кумиръ былъ какъ-то странно печаленъ и блѣденъ; но дѣвочка не задавала вопросовъ. Она только окружала mademoiselle своими нѣжными ненавязчивыми услугами, пока mademoiselle не ушла къ себѣ, а затѣмъ, лежа въ постели съ открытыми глазами, все прислушивалась къ каждому звуку въ комнатѣ напротивъ, пока тамъ все не стихло, тогда только, тѣша свою нѣмую и робкую преданность надеждой, что Жюли спитъ, она уснула сама.

Спала Жюли или не спала, но на другой день она встала рано. Еще до прихода почтальона, она уже одѣлась и хотѣла спуститься внизъ, въ кухню, гдѣ онѣ всѣ три, по старинному обычаю жителей Брюгге, пили вмѣстѣ утренній кофе. Мнѣніе леди Генри, будто Жюли нѣженка, сластоѣшка и не въ состояніи обходиться безъ роскоши, было до нелѣпости далеко отъ истины. Послѣ столькихъ лѣтъ роскошной жизни и услугъ множества челяди въ домѣ леди Генри, дѣвушка сразу вернулась къ скромнымъ привычкамъ бельгійцевъ безъ всякихъ усилій и даже съ удовольствіемъ. Утромъ она помогала Леони и Терезѣ въ уборкѣ дома. Ея ловкіе пальчики мыли, чистили, обтирали пыль; меньше чѣмъ черезъ недѣлю она знала наперечетъ каждую рюмку и чашку въ китайскомъ шкафчикѣ кузины Мэри, и онѣ вдвоемъ съ Терезой держали обѣ гостиныя въ безукоризненной чистотѣ. Жюли, сразу обратившая слугъ леди Генри въ своихъ друзей и послушныхъ рабовъ, теперь, у себя въ домѣ, дѣлала все сама, принимая только самыя необходимыя услуги. По утрамъ, правда, являлась поденщица для черной работы, но въ десять она уже уходила, и Жюли, madame Борнье и дѣвочка оставались въ домѣ полными хозяйками. Маленькая, съ приплюснутымъ носомъ, молчаливая Леони ходила за провизіей и готовила имъ обѣдъ. Она постоянно жаловалась на грабительскія цѣны англійскихъ fournisseur'овъ, но Жюли все же казалось, что она побѣдоносно выходитъ изъ этой борьбы. Она торговалась, какъ умѣютъ торговаться только французскіе бѣдняки, насколько ей это позволяли обычаи Вестъ-Энда, и Жюли скоро замѣтила, что, хотя онѣ и живутъ въ центрѣ Мэйфера, расходы ихъ будутъ невѣроятно малы. Въ виду этого, она чувствовала себя полною госпожей своей судьбы. Да, она

своими руками прокормить себя и своихъ, и еще будетъ каждый годъ откладывать понемножку, никому ничѣмъ не одолжаясь. Если черезъ полгода она не въ состояніи будетъ платить герцогу за наемъ помѣщенія,—предполагая, что онъ позволитъ ей и дольше жить здѣсь,—она перемѣнитъ квартиру.

Когда она спустилась въ переднюю, въ своемъ утреннемъ старомъ саржевомъ платьѣ, вывезенномъ изъ Брюгге, ее встрѣтила Тереза съ письмами.

Жюли пересмотрѣла ихъ, повернулась и пошла обратно въ свою комнату. Она ждала письма отъ Уорквота, и оно пришло; теперь надо найти въ себѣ мужество прочесть его.

Оно начиналось безъ обращенія:

«Васъ, вѣроятно, не удивитъ мое письмо. Я хочу спросить васъ, не можете-ли вы объяснить мнѣ ваше сегодняшнее поведеніе. Я снова и снова перебираю въ памяти случившееся и ничего не понимаю. Вы какъ будто вычеркнули изъ своей жизни шесть мѣсяцевъ нашей дружбы; обошлись со мною такъ, какъ будто я для васъ простой, случайный знакомый. Не можетъ быть, чтобы я ошибся. Вы хотѣли показать мнѣ—и другимъ?—наглядно показать—что?—что я недостоинъ болѣе вашей дружбы, что вы совсѣмъ порвали съ человѣкомъ, которому такъ неосторожно подарили ее?

«Другъ мой, что я сдѣлалъ? Въ чемъ провинился? Можетъ быть, эта кислая дама, разспрашивавшая меня о вещахъ, до которыхъ ей нѣтъ никакого дѣла, наговорила вамъ всякаго вздора и настроила васъ противъ меня? Но какое же отношеніе имѣетъ то, что происходило—или могло происходить—въ Индіи, къ нашей дружбѣ, выросшей въ силу совершенно опредѣленныхъ причинъ и ставшей такою дорогой—не правда-ли?—намъ обоимъ? Я не образецъ добродѣтели, видитъ Богъ!—далеко нѣтъ. Въ моей жизни много такого, чего я могъ бы стыдиться. И, главное, вспомните, что въ прошломъ году я еще не зналъ васъ; если бы мы встрѣтились раньше, многое могло бы быть иначе.

«Но какъ могу я защищаться, когда я такъ безконечно обязанъ вамъ! Развѣ уже это одно не говоритъ вамъ, какъ велика ваша власть надо мною, какъ легко вамъ обидѣть меня и какъ мало у меня возможности сопротивляться? Вы можете унижать меня безъ конца — у меня нѣтъ противъ васъ ни правъ, ни оружія.

«Я самъ не знаю, что говорю. Уже очень поздно; пишу послѣ обѣда въ клубѣ, заданнаго мнѣ нашимъ офицерствомъ, чтобы спрыснуть мое назначеніе. Все это пріятели, славные малые. Обѣдъ давался въ честь меня, и я думалъ весело провести время. Но полчаса, проведенные въ вашей гостиной, убили во мнѣ всякую тѣнь веселья. Я былъ скученъ, несносенъ, и мы рано разошлись. Возвращаясь домой по пустымъ улицамъ, я всѣмъ сердцемъ жаждалъ очутиться далеко отъ Англіи, въ пустынѣ. Не могу не сказать вамъ этого. Не очень-то хорошо для

меня какъ разъ теперь, когда мнѣ нужно владѣть всѣми своими способностями, впасть въ такое уныніе и отчаяніе. На васъ теперь лежитъ нѣкоторая отвѣтственность за мою жизнь и карьеру; вы не могли бы снять ее съ себя, если бы и хотѣли. Нельзя сказать, чтобы вы прибавили вашему другу шансовъ на успѣхъ въ его трудной задачѣ.

«Вы видите, какъ я сдерживаю себя. Я могъ бы писать такъ же безумно, какъ чувствую сейчасъ—безумно и дико. Но мы намѣренно ввели наши отношенія въ извѣстныя рамки, придали имъ извѣстный тонъ, и я стараюсь, по крайней мѣрѣ, держаться этого тона, хотя бы прелесть мелодіи и исчезла. Но ради Бога зачѣмъ, зачѣмъ ей исчезать? Почему вы отвернулись отъ меня? Вы вняли голосу клеветы; вы втайнѣ подвергали меня испытаніямъ, которыя не входили въ нашъ уговоръ; и осудили меня, не выслушавъ, даже не спросивъ ни о чемъ. Могу только сказать вамъ, что мнѣ очень больно.

«Пока я не стану больше навѣщать васъ, когда у васъ будутъ гости. Вы отодвинули меня на почтительную дистанцію — пусть такъ; въ этомъ есть свое благородство; даже отъ васъ я не приму ничего иного. Но—если только между нами не легла непроходимая бездна, если птичка не улетѣла навсегда, — позвольте мнѣ придти къ вамъ, когда вы будете однѣ! Тогда обвиняйте меня, въ чемъ хотите. Я очень цѣню мірскія блага, пробивалъ себѣ дорогу въ жизни, какъ могъ, и, пока не встрѣтился съ вами, несомнѣнно, пользовался для этого иногда не очень-то красивыми средствами. Я не философъ, не идеалистъ, съ блестящими надеждами, какъ Делафильдъ. Я знаю только одинъ этотъ грубый и суетный міръ; для меня и онъ хорошъ, и съ меня довольно любить въ немъ друга, какъ — клянусь Богомъ, Жюли!—я любилъ васъ.

«Ну вотъ вырвалось и вы ужъ простите. Я не могъ удержаться. Я слишкомъ несчастливъ.

«Но...

«Не хочу больше писать. Завтра буду дома до двѣнадцати. Вы должны отвѣтить мнѣ поскорѣе».

Жюли положила письмо и оглядѣлась вокругъ съ какимъ-то отчаяніемъ—съ отчаяніемъ узника, который думалъ, что освободился, но вмѣсто того только запутался въ новыхъ и еще болѣе крѣпкихъ сѣтяхъ. Ни честолюбіе, ни литературное дарованіе не могли заглушить въ ней голоса чувства, этого стремленія «моли къ звѣздѣ», и Жюли была безсильна противостоять ему. Ахъ, зачѣмъ онъ не примирился сразу съ своею отставкой, не разсорился съ нею разъ навсегда!

Она прекрасно поняла это письмо, что оно обѣщало и въ чемъ безъ словъ отказывало. Интимная и увлекательная дружба на два года. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ готовъ удѣлять время, остающееся у него отъ тайной переписки съ ея кузиной, этой романической, интересной, но невыгодной привязанности. А затѣмъ?

Она опять перечитала письмо. Въ немъ все-таки есть новая нотка, рѣзкая, надорванная. Безумная радость охватила ее. Ей казалось, что она уже много мѣсяцевъ ждала именно этой нотки— напрасно.

Она становится ему необходимою; онъ страдалъ черезъ нее. Никогда раньше она не могла этого сказать себѣ. Она давала ему радость, но не страданіе, а только страданіемъ испытывается и освящается любовь...

Что?.. Скорѣе отвѣтъ. Онъ былъ коротокъ:

«Мнѣ очень жаль, что вы сочли мое обращеніе за умышленную невѣжливость. Я очень устала отъ разговоровъ и возни съ распаковкой, отъ своей литературной, да, правду сказать, и отъ домашней работы. Вѣдь я уже теперь не свѣтская дама и должна все дѣлать сама. Меня угнетала также мысль о предстоявшемъ мнѣ объясненіи съ лордомъ Лэкинтономъ, которое и состоялось, какъ только вы всѣ трое ушли. Вы были очень добры, что написали мнѣ, и я искренно вамъ благодарна. Что касается вашего назначенія и карьеры, вы никому ничѣмъ не обязаны. Все въ вашихъ собственныхъ рукахъ. Я радуюсь вашей удачѣ и прошу васъ не тревожить себя мнимыми обязательствами по отношенію ко мнѣ.

«Сегодня въ пять часовъ если вы можете простить мнѣ, вы застанете меня дома. Утромъ мнѣ нужно быть въ британскомъ музеѣ изъ-за своей работы».

Она отправила письмо и принялась за свои обычныя домашнія дѣла, все время чувствуя умственную и нравственную тошноту. Она мыла, чистила, вытирала, въ ней росла любовь настоящей хозяйки къ этому маленькому старомодному домику, нѣчто въ родѣ нѣмого сближенія между ними: домикъ какъ будто признавалъ ее своею хозяйкой, а она взамѣнъ этого окружала его нѣжною заботой; и все время думала о томъ, какъ бы она была счастлива въ своей новой жизни, еслибъ эта жизнь началась годомъ раньше. Обязанности, возложенныя на нее Мередитомъ нравились ей и не требовали большого труда. Умственный трудъ, литературные успѣхи—все это она способна была любить и добиваться ихъ и ко всему этому ей былъ загороженъ путь. Что же удерживало ее?

На старинную фарфорорую чашечку, которую она держала въ рукахъ упала слеза. Въ ея привязанности къ Уоркворту было что-то материнское. Всю эту зиму она поддерживала его и боролась за него. И теперь она, какъ мать, не могла оторвать отъ своего сердца недостойнаго, хотя теперь все безуміе ихъ псевдо-дружбы и ея тайныхъ надеждъ выяснилось для нея вполнѣ.

Уоаквортъ пришелъ ровно въ пять, уже въ сумеркахъ, немного блѣдный, съ откинутою назадъ красивою головой, съ полуудивленнымъ, робкимъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ—этимъ обманчивымъ

выраженіемъ, заставлявшимъ его казаться еще совсѣмъ мальчикомъ, когда ему этого хотѣлось.

Когда онъ вошелъ, Жюли стояла у окна. Она обернулась и увидѣла его передъ собою; нѣжность и раскаяніе волной прихлынули къ ея сердцу. Вѣдь онъ уѣзжаетъ. Что, если она никогда больше его не увидитъ?

Она вздрогнула и быстро пошла къ нему навстрѣчу. Онъ понялъ значеніе этого движенія, прочелъ въ ея лицѣ и, съ силой сжавъ ея руки, такъ что ей стало больно, вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ,—выговорилъ онъ, тяжело дыша,—вы сдѣлали меня такимъ несчастнымъ?

Кровь быстрѣе побѣжала по ея жиламъ. Это были новыя для нея слова и новый тонъ.

— Не будемъ упрекать другъ друга,—сказала она.—Намъ нужно о многомъ переговорить. Сядьте.

Сегодня опьяняющій весенній воздухъ уже не врывался въ окно. Въ каминѣ весело трещалъ огонь, окна были закрыты.

Запахъ нарциссовъ наполнялъ комнату—герцогиня каждый день присылала свѣжіе цвѣты. Эта старомодная, аристократически просто убранная комната, скрашенная только цвѣтами и книгами, чрезвычайно подходила къ своей хозяйкѣ—Жюли, казалось, наконецъ, нашла себѣ надлежащую рамку. Въ своемъ строгомъ черномъ платьѣ, открытомъ спереди на легкомъ бѣломъ жилетѣ, стройная, съ граціей музы, съ вѣнцомъ изъ дивныхъ черныхъ волосъ надъ блѣднымъ прелестнымъ лбомъ, никогда еще не казалась ему такою прекрасною. Въ каждомъ ея движеніи было какое-то особенное очарованіе, и никогда еще Уорквортъ не чувствовалъ его такъ сильно.

— Неужели вы такъ и не позволите мнѣ больше касаться вчерашняго?—спросилъ онъ, неувѣренно взглядывая на нее.

Въ румянцѣ, вспыхнувшемъ на ея щекахъ, въ ея жестѣ была мольба.

— Вы знаете, что мнѣ предстояло въ тотъ день, когда вы пришли?

— Нѣтъ. Не могу догадаться. Ахъ да, вы говорили что-то о лордѣ Лэкинтонѣ?

Она колебалась. Краска на ея щекахъ сгустилась.

— Вы не знаете моей исторіи. Вы думаете, если не ошибаюсь, что я бельгійка, съ небольшою примѣсью англійской крови, и леди Генри встрѣтила меня случайно. Вѣдь такъ?

Уорквортъ отодвинулъ свою чашку.

— Я думалъ...

Онъ запнулся въ смущеніи. Глаза его выразили удивленіе.

— Моя мать,—Жюли смотрѣла въ окно, голосъ ея слегка вздрагивалъ,—моя мать была дочерью лорда Лэкинтона.

— Дочерью лорда Лэкинтона?—въ изумленіи повторилъ Уорквортъ.

На него нахлынула масса воспоминаній, сопоставленій—леди Бланшъ, разговоры въ Индіи...

— Не леди Роза Дэланей?—спросилъ онъ взволнованно, наклоняясь къ ней.

Жюли кивнула головой.

— Мой отецъ былъ Маріоттъ Дальримпль. Вы слыхали о немъ? Мнѣ слѣдовало бы называться Жюли Дальримпль, но—они такъ и не могли повѣнчаться—изъ-за полковника Дэланей.

Жюли все еще смотрѣла въ окно, отвернувшись отъ Уорквoрта.

А тому мало-по-малу вспоминались подробности знаменитаго скандала, въ свое время надѣлавшаго много шуму. Мало-по-малу его собесѣдница, ея исторія, ея отношенія къ нему и другимъ начинали представляться молодому человѣку въ иномъ свѣтѣ. Такъ она не скромная чужестранка низкаго происхожденія, а родня по крови лучшей англійской аристократіи! Общество, въ которомъ они встрѣтились, наполовину состоитъ изъ ея родныхъ! Безъ сомнѣнія, герцогиня знала,—и Монтрезоръ... Самыя неожиданныя и странныя мысли мелькали въ его головѣ, и въ результатѣ эта стройная дѣвушка, сидѣвшая передъ нимъ, такая неподвижная, затихшая, казалась ему привлекательнѣе и желаннѣе, чѣмъ когда-либо. Тайна ея рожденія окружала ее какимъ-то ореоломъ, и Уорквортъ смутно сознавалъ, что тоже должны были испытывать и другіе.

— Какъ вы могли выносить жизнь въ Бруттонъ-стритѣ?—удивленно прошепталъ онъ.—Леди Генри знала?

— О, да.

— И герцогиня?

— Да, она родственница моей матери.

Молодой человѣкъ вспомнилъ о Моффатахъ. Краска медленно расплывалась по его лицу. Нечего сказать, славно онъ запутался!

— Какъ же отнесся къ этому лордъ Лэкинтонъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Онъ, конечно, былъ очень удивленъ, очень растроганъ. Мы долго говорили. Все останется попрежнему. Онъ хочетъ обезпечить меня, выдавать мнѣ ежемѣсячное содержаніе, и если онъ будетъ настаивать, боюсь, что мнѣ нельзя будетъ отказать, не оскорбивъ его. Но пока я отказываюсь. Гораздо пріятнѣе самой зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.— Жюли повернулась къ нему и черные глаза ея вдругъ просіяли.—Вѣдь если лордъ Лэкинтонъ будетъ давать мнѣ деньги, онъ захочетъ давать мнѣ и совѣты, а я предпочитаю слушаться только самой себя.

Уорквортъ съ минуту молчалъ, потомъ вдругъ рѣшился и, коснувшись ея руки, лежавшей у нея на колѣняхъ, молвилъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Жюли удивленно обернулась.

— Я не хочу имѣть отъ васъ тайнъ,—заговорилъ онъ, быстро и

тяжело дыша.—Я солгалъ вамъ однажды—я думалъ, что долгъ мой велитъ мнѣ лгать. Здѣсь замѣшана другая особа. Но теперь—я не могу. Жюли! Вы позволите мнѣ называть васъ такъ? Вѣдь это имя уже сдѣлалось,—онъ помедлилъ, потомъ у него вырвалось вдругъ:—частицей моей жизни! Жюли, это правда, что между вашей кузиной Эйлинъ и мною существуетъ извѣстное соглашеніе. Въ Симлѣ я страшно увлекался ею. Однажды въ лѣсу, когда она отличила меня одного изъ всѣхъ—вѣдь мы всѣ за нею ухаживали, я совсѣмъ потерялъ голову и сдѣлалъ ей предложеніе, безъ заранѣе обдуманнаго умысла, такъ по вдохновенію. И она приняла его. Можетъ быть, я не имѣлъ права этого дѣлать. Можетъ быть, слѣдовало дать ей сначала увидѣть свѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, вышла цѣлая исторія. Ея опекуны утверждали, что я поступалъ не корректно. Они не могли, конечно, знать всѣхъ подробностей—не мнѣ же было разсказывать! Кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ отстраниться на два года.

Онъ смолкъ, тревожно вглядываясь въ ея лицо. Оно стало совсѣмъ бѣлое и, какъ ему казалось, очень строгое и холодное. Но Жюли быстро встала и, посмотрѣвъ на него сверху внизъ, выговорила:

— Все это для меня не ново. Вы думали, я не знала?

И, подойдя къ столу, она налила ему вторую чашку.

И слова, и манеры ея удивили Уорквορта. Онъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Какъ вы догадались?

— Какъ это всегда бываетъ,—она съ улыбкой взглянула на него.—До меня дошли слухи...

— Въ наши дни нѣтъ больше тайнъ,—выговорилъ онъ грустно.—А затѣмъ—миссъ Лауренсъ?..

— Да, затѣмъ миссъ Лауренсъ...

— Вы дурно думали обо мнѣ?

— Почему я должна была дурно думать о васъ? Говорятъ, Эйлинъ очень хорошенькая и...

— И будетъ очень богата? Вы это понимаете?—заговорилъ онъ, стараясь выдержать шутливый тонъ.

— Вѣдь это уже всѣмъ извѣстно.

Онъ сѣлъ, вертя въ рукахъ шляпу. Потомъ съ возгласомъ досады швырнулъ ее на полъ, поднялся и склонился къ дѣвушкѣ.

— Жюли,—выговорилъ онъ голосомъ, отъ котораго она вся затрепетала,—ради Бога, не отрекайтесь отъ меня! Не отнимайте у меня вашей дружбы. Я скоро уѣзжаю. Наши дороги расходятся. Это было рѣшено, увы!..—раньше, чѣмъ мы съ вами встрѣтились. Я связанъ словомъ и не могу освободиться. Но вѣдь эти послѣдніе мѣсяцы мы были счастливы, неправда ли? Теперь осталось только три недѣли. Въ данный моментъ самое чувство въ моемъ сердцѣ, это...

Онъ смолкъ, не найдя подходящаго слова. Жюли смотрѣла въ окно,

въ садъ, неподвижная, какъ изваяніе, но Уорквортъ видѣлъ, какъ дрожали ея губы.

— Что мнѣ сказать вамъ? — продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Мнѣ кажется, что наше положеніе совершенно исключительное. У насъ всего три недѣли—отдайте ихъ мнѣ! Не будемъ больше играть въ недомолвки. Я хочу быть искреннимъ, ничего не скрывать отъ васъ и, въ свою очередь, знать все, чего вы добиваетесь, на что надѣетесь. Такъ, чтобы, когда я уѣду, мы могли сказать другъ другу: «Что же, игра стоила свѣчъ, это были золотые дни, и если мы проживемъ сто лѣтъ, мы не узнаемъ и не увидимъ ничего лучшаго!»

Она обернулась къ нему, изумленная, взволнованная. По лицу ея текли слезы. Никогда еще онъ не былъ ей такъ симпатиченъ. Передъ нею опять былъ тотъ Уорквортъ, котораго она представляла себѣ въ своихъ грёзахъ, Уорквортъ, отстоявшій одинъ важное для Англіи укрѣпленіе, вынесшій изъ битвы товарища подъ градомъ непріятельскихъ пуль.

Напрасно что-то шептало ей: «У этой дѣвушки, съ которою онъ связанъ словомъ, полмилліона приданнаго». Онъ хочетъ получить и ея деньги, и твое сердце». Другой внутренній голосъ, голосъ великодушія, гналъ прочь эту мысль и въ данный моментъ былъ совершенно правъ, такъ какъ Уорквортъ говорилъ вполнѣ искренно. Онъ самъ это чувствовалъ, самъ радовался этому и стоялъ передъ нею, властный, задыхаясь отъ волненія, чувствуя, какъ кровь горячею волной приливаетъ къ его щекамъ.

Съ мрачною страстью, отмѣтившею собою новую эру въ ихъ отношеніяхъ и содержавшей въ себѣ элементы новаго и непредвидѣннаго развитія, она молча глядѣла въ его лицо. Потомъ молча откинулась въ кресло и протянула ему обѣ руки.

Съ крикомъ радости онъ поцѣловалъ обѣ эти руки и сѣлъ возлѣ нея.

— Ну, теперь говорите мнѣ все! Всѣ ваши печали, заботы, мысли будутъ моими, пока судьба не разлучитъ насъ. Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ—поблагодарить васъ, посовѣтоваться. У меня не будетъ ни одной мысли — дурной, хорошей или безразличной, которой бы вы не знали, если только вы захотите закопаться въ моей душѣ. Ну, съ чего же мнѣ начать?—со вчерашняго утра, завтрака въ клубѣ, прогулки съ племянницей въ зоологическій садъ?—Онъ засмѣялся, потомъ опять вдругъ сталъ серьезенъ.—Нѣтъ, прежде вы разскажите, вы должны быть со мной откровенны! Я хочу знать все, что касается васъ—ваше прошлое, ваши гор-сти, ваши честолюбивыя мечты—словомъ все!

Все еще не выпуская ея рукъ, онъ склонился къ ней. Со слабою, разбитою улыбкой, даже не пытаясь освободиться, она согласилась. Ей трудно было начать; потомъ трудно было привести въ порядокъ воспоминанія и уже давно стемнѣло, когда Леони, вошедшая, чтобы зажечь лампу и помѣшать въ каминѣ, прервала ихъ интимную друже-

скую бесѣду, въ которой оба въ первый разъ въ жизни были вполнѣ искренни. Однако результаты этого достопамятнаго вечера для Жюли Ле-Бретонъ были совсѣмъ непредвидѣнные.

Когда Уорквортъ ушелъ отъ нея, она заперлась въ своей комнатѣ и долго сидѣла у окна, глядя на темныя деревья въ Кьюретонскихъ садахъ и на мерцающіе вдали огоньки.

Смутныя радужныя надежды, которые она лелѣяла эти полгода, разсѣялись навсегда. Уорквортъ женится на Эйлинъ Моффатъ и съ помощью ея денегъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, осуществитъ свои честолюбивые замыслы. Пройдутъ эти три недѣли опасной близости, опасныхъ волненій,—и они разойдутся, какъ чужіе. Онъ будетъ поглощенъ службой, женой—она останется одна доживать свою жизнь.

Её охватилъ внезапный страхъ передъ собственною слабостью. Нѣтъ, она не можетъ быть одна! Она должна поставить преграду между собою и этою страшною угрозой полнаго и непоправимаго крушенія, по временамъ встававшей передъ нею изъ мрака. «У меня нѣтъ предразсудковъ» — сказала она сэру Уэльфриду. И были минуты, когда она гордилась своимъ незаконнымъ происхожденіемъ, этимъ вызовомъ обществу, какъ бы унаслѣдованнымъ ею отъ родителей. Но сегодня ей было страшно.

Если ужъ надо проститься съ любовью, остается власть, возможность удовлетворить свое честолюбіе. Она попробовала представить себѣ будущее, то будущее, которое наступитъ, когда пройдутъ эти три недѣли. Какъ устроить это будущее? Жюли отлично знала, что она не изъ тѣхъ, которыя покоряются судьбѣ и увядаютъ въ безвѣстности.

— Джэкобъ Делафильдъ? Развѣ ужъ это такъ невозможно!

Нѣсколько минутъ она серьезно обдумывала всѣ шансы за и противъ этого брака; потомъ силы измѣнили ей, и она разрыдалась, какъ бывало въ монастырѣ, съ невнятными криками и возгласами, съ такими же невнятными мольбами, полусознательными инстинктивными попытками обращенія къ Богу, въ котораго она вѣрила только наполовину.

Глава XVI.

Делафильдъ шелъ черезъ паркъ къ Викторія-гэтъ, когда около него остановился экипажъ, запряженный парой чудесныхъ буланыхъ. Изъ экипажа ему дѣлала знаки маленькая ручка, и тонкій голосокъ окликнулъ его:

— Джэкобъ! Куда вы? Хотите подвезу?

Молодой человѣкъ снялъ шляпу и поклонился.

— Очень вамъ благодаренъ, но мнѣ нуженъ моціонъ. Послушайте, гдѣ Берти добылъ эту пару?

— Не знаю—онъ мнѣ не хочетъ сказать! Садитесь, Джэкобъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Делафильдъ повиновался довольно неохотно, и они поѣхали дальше.

— *J'ai un tas de choses à vous dire,*—начала она тихо и по-французски, чтобы не понялъ лакей. — Джэкобъ, я прямо несчастна изъ-за Жюли!

Делафильдъ нахмурился.

— Почему? Не лучше ли вамъ оставить ее въ сторонѣ.

— О! конечно, я знаю, вы считаете меня болтушкой. Ну и пусть! мнѣ все равно. Вы *должны* выслушать меня. Есть новое... вѣдь это же не сплетня; мы съ вами ея лучшіе друзья. Берти такъ злится на меня изъ-за нея! Джэкобъ, должны же вы хоть немножко помочь и посовѣтовать мнѣ. Вы понимаете, это вашъ долгъ — прямой долгъ христіанина!

И хотя онъ слушалъ очень неохотно, герцогиня все-таки выложила ему все, что ей повѣдала двѣ недѣли тому назадъ миссъ Эмили Лауренсъ.

— Разумѣется,—заключила она свой разсказъ,—вы скажете, что все это мы знали, или догадывались объ этомъ уже давно. Но вѣдь мы не *знали* навѣрное. Это могли быть сплетни. И кромѣ того, тогда она сдвинула брови и понизила голосъ, такъ что онъ едва могъ разслышать ея слова, этотъ ужасный человѣкъ еще не аффишировалъ такъ нашей Жюли и леди Генри не дѣлала такихъ гадостей и... и... вообще, Джэкобъ, я страшно измучилась.

— Совершенно напрасно!—сухо сказалъ Джэкобъ.

— Что за негодное существо!—воскликнула герцогиня, не обративъ вниманія на эту реплику.—Говорятъ, бѣдняжка Эйлинъ способна доплакаться до чахотки, если опекуны не сбавятъ срока съ двухъ лѣтъ!..

— Какихъ двухъ лѣтъ?

— Имъ надо ждать два года до ея совершеннолѣтія. Ахъ, Джэкобъ, да вы же знаете!—разсердилась, наконецъ, герцогиня.—Я сто разъ вамъ говорила.

— Дѣла миссъ Моффатъ нисколько меня не интересуютъ.

— Но они должны васъ интересовать, вѣдь это же касается Жюли! Развѣ вы не понимаете, что̀ теперь говорятъ? Леди Генри распустила слухъ, будто Жюли тогда подкупила лакеевъ и устроила вечеръ только для того, чтобы видѣться съ нимъ, что она уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ безсовѣстно флиртировала съ нимъ и при этомъ крайне безцеремонно пользовалась именемъ леди Генри. А теперь вдругъ оказывается, что всѣ хоть краемъ уха да слыхали о его помолвкѣ съ Эйлинъ. Вы понимаете, въ какомъ видѣ это выставляетъ нашу бѣдную Жюли! Давеча вечеромъ въ Чаттонъ-гоузѣ я прямо разсвирѣпѣла. Я убѣдила Жюли поѣхать туда, убѣдила ее, что она должна показы-

ваться въ обществѣ, чтобы не растерять своихъ друзей... Нѣтъ, это было ужасно! Двѣ старыя вѣдьмы, которымъ слѣдовало бы только поблагодарить Жюли за то, что она напомнила о нихъ леди Генри, воротили отъ нея носы и вели себя прямо гнусно. Даже нѣкоторыя милыя барыни измѣнились и я видѣла, что Жюли замѣтила это.

— Все это не можетъ серьезно повредить ей,—довольно презрительно возразилъ Джэкобъ.

— Конечно, нѣтъ! Я знаю, что ея настоящіе друзья никогда не оставятъ ея, никогда, никогда! Но, Джэкобъ,—герцогиня поморщила свой хорошенькій лобикъ,—еслибъ только въ этомъ не было такъ много правды! Она сама...

— Пожалуйста, Эвелина, не разсказывайте мнѣ того, что она говорила вамъ о себѣ!

Герцогиня вспыхнула и гордо отвѣтила.

— Я не выдаю чужихъ тайнъ. Но мнѣ нужно же посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, кому она дорога. Сегодня у меня завтракалъ д-ръ Мередитъ, и потомъ мы немножко говорили съ нимъ. Онъ тоже очень тревожится и чувствуетъ себя совсѣмъ несчастнымъ. Капитанъ Уорквортъ безвыходно сидитъ тамъ цѣлые дни! Даже я въ послѣднее время почти не вижу ее. Прошлое воскресенье они взяли съ собою хромую дѣвочку и на цѣлый день уѣхали за городъ...

— Да что же тутъ дурного?—воскликнулъ Джэкобъ.

— Я не говорю, что это дурно,—возразила герцогиня, глядя на него полусердито, полусконфуженно. Но это такъ непохоже на нее. Она обѣщала быть въ этотъ день дома для нѣсколькихъ старыхъ друзей, а потомъ уѣхала, ни словомъ не предупредивъ. А наша Жюли всегда такъ любезна, такъ мила! Какія прелестныя записочки она умѣетъ писать, какъ она ненавидитъ огорчать кого-нибудь или разочаровывать! И вдругъ уѣхать, даже не извинившись! И видъ у нея такой нехорошій, блѣдная, пристальный взглядъ, словно все время во снѣ и не можетъ проснуться. Душа болитъ за нее. И подумать только, что онъ все время помолвленъ съ ея кузиной! Я ненавижу, ненавижу этого человѣка!

Маленькая герцогиня въ гнѣвѣ вырвала нѣсколько фіалокъ изъ букета, приколотаго къ ея груди, и швырнула ихъ на землю. Потомъ сердито повернулась къ Джэкобу.

— Конечно, если это васъ ни капельки не интересуетъ, не стоитъ и говорить съ вами объ этомъ!

Молодой человѣкъ словно не замѣтилъ укола; онъ все также спокойно улыбался.

— Вы забываете, милая Эвелина, что Уорквортъ уѣзжаетъ въ глубь Африки не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— По мнѣ хоть и черезъ двѣ минуты!

Делафильдъ не сразу отвѣтилъ. Онъ, повидимому, изучалъ эффекты игры блѣднаго солнечнаго луча, только что пробившагося сквозь тучи, на листвѣ деревьевъ. Когда онъ наконецъ повернулся къ своей спутницѣ, лицо его выражало больше сочувствія.

— Мы ничего не можемъ сдѣлать, Эвелина, и не имѣемъ права говорить о своемъ огорченіи или тревогѣ, понимаете: говорить! Это... это нечестно. Простите меня,—поспѣшно прибавилъ онъ,—я знаю, что вы не сплетничаете. Но меня бѣситъ, что это дѣлаютъ другіе!

Его рѣзкость нѣсколько смутила герцогиню, но маленькая женщина быстро оправилась и возразила насмѣшливо, хотя и дрожащимъ голосомъ:

— Ваше бѣшенство не помѣшаетъ имъ сплетничать, м-ръ Джэкобъ! Я думала, что, можетъ быть, ваша дружба найдетъ способъ прекратить толки, но... повліять на Жюли...

— Моя дружба, какъ вы ее называете, здѣсь не при чемъ. Уорквортъ скоро уѣзжаетъ, и если вы и другіе будете стойко защищать миссъ Ле-Бретонъ, толки скоро смолкнутъ. Дѣлайте видъ, какъ будто вы никогда раньше не слыхали имени этого человѣка, съумѣйте посмотрѣть на сплетниковъ такъ, чтобы они сразу прикусили языки. Боже мой! Да есть тысячи способовъ, васъ этому не учить. Но, конечно, если дюжина такъ называемыхъ друзей примется раздувать маленькій огонекъ въ цѣлый пожаръ...

Онъ пожалъ плечами.

Герцогиня не въ состояніи была кротко перенести эту головомойку, да, по совѣсти говоря, и не заслуживала ея.

— Это жестоко и нехорошо съ вашей стороны, Джэкобъ,—сказала она, почти со слезами на глазахъ. — Вы не понимаете — вѣдь это потому, что я сама въ такой тревогѣ...

— Тѣмъ лучше вы должны сыграть свою роль. Даже намъ съ вами не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ! Но мнѣ очень хотѣлось бы знать еще одну вещь относительно миссъ Ле-Бретонъ.

Онъ, улыбаясь, нагнулся къ ней, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ эту минуту противенъ самому себѣ, золъ на нее и вообще страшно не въ духѣ.

Герцогиня сдѣлала гримаску.

— Все это прекрасно, но послѣ такого урока я предпочитаю совсѣмъ больше не говорить о Жюли.

— Ну полноте! Я самъ себя стыжусь, хотя и не возьму назадъ ни одного слова--ни единаго! А вы все-таки будьте добренькая и скажите мнѣ, если знаете, говорила она съ лордомъ Лэкинтономъ?

Герцогиня все хмурилась, но еще нѣсколько извиненій и, миролюбивая по природѣ, она простила. Вообще, *бутады* Джэкоба она прощала легко. Она была единственною дочерью и съ того дня, какъ она

въ первый разъ надѣла длинное платье, ея кузенъ замѣнялъ ей брата. Онъ присвоилъ себѣ и братскія права: былъ съ нею откровененъ, часто рѣзокъ. Она обижалась и прощала, гораздо скорѣе, чѣмъ прощала своему мужу. Правда, въ того она была влюблена.

Въ концѣ концовъ, она соблаговолила сообщить Джэкобу новость, что лордъ Лэкинтонъ наконецъ посвященъ въ тайну, что онъ принялъ это очень хорошо, выказалъ много чувства, и бѣдная Жюли...

Но Джэкобъ съ первыхъ же словъ оборвалъ эти сентиментальныя изліянія, потокъ жалкихъ словъ, которыя такъ любила герцогиня.

— Что же онъ намѣренъ сдѣлать для нея? Думаетъ онъ обезпечить ее? Можно ли устроить такъ, чтобы она жила въ его домѣ, заботилась о немъ?

Герцогиня покачала головой.

— Въ семьдесятъ пять лѣтъ люди не мѣняются такъ круто. Жюли отлично понимаетъ это и сама не хочетъ...

— Ну, а съ деньгами какъ?

— Жюли ничего не говоритъ о деньгахъ. Какой вы странный, Джэкобъ! Я думала, для васъ это послѣдняя вещь.

Джэкобъ не отвѣтилъ. Захоти онъ отвѣтить, онъ, вѣроятно, сказалъ бы, что многое, вредное или безполезное для мужчинъ, можетъ быть необходимымъ для женщинъ, въ виду ихъ слабости. Но онъ промолчалъ, и только пристальный взглядъ и крѣпко сжатыя перекошенныя губы показывали, что умъ его напряженно работаетъ.

Тѣмъ временемъ экипажъ подъѣхалъ къ Викторія-Гэтъ. Делафильдъ велѣлъ кучеру остановиться и соскочилъ на землю.

— Прощайте, Эвелина. Не сердитесь на меня. Вы добрый другъ,— шепнулъ онъ ей на ушко,—истинный другъ. Но только не позволяйте никому говорить съ вами о Жюли, даже и пожилымъ дамамъ съ самыми лучшими намѣреніями! Повторяю: намъ предстоитъ борьба, и лучшее оружіе...—онъ многозначительно приложилъ палецъ къ губамъ, улыбнулся кузинѣ и отошелъ.

Какъ только экипажъ герцогини выѣхалъ изъ парка, Делафильдъ, свернувшій-было на тропинку, ведущую по направленію къ Мраморной Аркѣ, быстро повернулъ назадъ, къ Кенсингтонскимъ садамъ. Шла только третья недѣля марта, но на сиреняхъ и тернѣ кое-гдѣ уже показались молодые листочки. Изъ-подъ земли пробивалась зеленая травка; воздухъ былъ полонъ чириканья воробьевъ. На землѣ между деревьями лежали блѣдныя пятна свѣта; голубая дымка тумана, уже не такого унылаго, какъ зимой, окутывала даль, сливаясь съ низко висѣвшими въ воздухѣ серебристыми облаками. Делафильдъ выискалъ уединенное мѣстечко, вдали отъ нянекъ и дѣтей, и долго шагалъ по дорожкѣ, заложивъ руки за спину. Всѣ опасенія, за которыя онъ бранилъ свою кузину, терзали его душу съ удесятеренною силой; онъ мучился и былъ безсиленъ помочь.

Однако, выйдя изъ парка и сѣвъ на извозчика, онъ рѣшительно отогналъ тяготившія его мысли, отнесся къ своей работѣ съ обычнымъ интересомъ и выполнилъ ее блестяще, какъ всегда.

Около пяти часовъ Делафильдъ очутился на Кьюретонъ-стритѣ. Заворачивая за уголъ Гериберть-стрита, онъ увидалъ впереди кэбъ. Кэбъ остановился у подъѣзда миссъ Ле-Бретонъ; изъ него вышелъ Уорквортъ. Дверь моментально отворилась, и онъ вошелъ, даже не оглянувшись на человѣка, стоявшаго на углу и слѣдившаго за нимъ.

Делафильдъ постоялъ въ нерѣшимости, потомъ пошелъ въ свой клубъ на Пиккадилли и сидѣлъ за газетами почти до семи часовъ.

Затѣмъ опять пошелъ на Герибертъ-стритъ.

— Миссъ Ле-Бретонъ у себя?

Тереза посмотрѣла на него; въ ясныхъ глазкахъ засвѣтилось сочувствіе.

— Я думаю, да, сэръ.—И повела его въ гостиную.

Дверь гостиной отворилась. Оттуда вышелъ майоръ Уорквортъ.

— А! Это вы! Какъ вы поживаете? — отрывисто произнесъ онъ, словно въ недоумѣніи уставившись на Делафильда. Потомъ торопливо разыскалъ свою шляпу, перчатки, сбѣжалъ съ лѣстницы и былъ таковъ.

— Доложите обо мнѣ, пожалуйста,—властно обратился Делафильдъ къ дѣвочкѣ.—Скажите, что я здѣсь. — И онъ отошелъ отъ открытой двери гостиной. Тереза проскользнула туда и тотчасъ же вернулась.

— Васъ просятъ, сэръ, войдите,—сказала она по обыкновенію застѣнчиво и тихо. Делафильдъ вошелъ. Изъ пріемной онъ мелькомъ видѣлъ Жюли, стоявшую посрединѣ гостиной, неподвижно, какъ статуя, прижимая руки къ груди—воплощеніе нѣмого страданія. Но когда онъ вошелъ, она уже сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, у камина, за пяльцами.

— Могу я войти? Немного поздно...

— О конечно! Вы отъ Эвелины? Что она подѣлываетъ? Я не видѣла ея цѣлыхъ три дня.

Онъ сѣлъ возлѣ нея. Трудно было ему притворяться спокойнымъ, когда въ груди бушевала буря, но онъ умѣлъ владѣть собой.

— Я видѣлъ Эвелину сегодня. Она жаловалась, что вы совсѣмъ забыли ее въ послѣднее время.

Жюли наклонилась надъ своею работой. Ея пальцы такъ дрожали, что совсѣмъ не хотѣли слушаться ея, и онъ это видѣлъ.

— У меня было столько работы... Даже съ этимъ маленькимъ домикомъ много возни. Эвелина забываетъ—у нея цѣлая армія слугъ—у насъ только наши руки и наше время.

Она, улыбаясь, подняла на него глаза. Онъ не отвѣтилъ, и улыбка сбѣжала съ ея лица—внезапно, словно задули свѣчу. Она вернулась, или сдѣлала видъ, что вернулась къ своей работѣ. Но выраженіе ея

лица глубоко взволновало его. Огромные блестящіе глаза съ непомѣрно расширенными зрачками, съ безумною мукой во взглядѣ, были почти страшны; лицо все въ пятнахъ, губы пересохли. Она казалась много старше, чѣмъ двѣ недѣли тому назадъ. И это еще больше бросалось отъ того, что она теперь одѣвалась совсѣмъ иначе, чѣмъ когда жила у леди Генри. Тамъ она носила строгія темныя платья, словно старая дѣва, приноравливаясь къ своему положенію въ домѣ. Теперь на ней было голубое батистовое платьице, еще два года тому назадъ отложенное въ сундукъ, потому что его нашли слишкомъ простенькимъ и молодымъ. Тонкая фигура Жюли казалась въ немъ особенно, по-дѣвичьи трогательно-милой. Но лицо—лицо было ужасно.

Наступило молчаніе; потомъ онъ придвинулся къ ней поближе.

— Знаете ли вы, что у васъ очень нехорошій видъ. Вы совсѣмъ больны.

— Въ такомъ случаѣ моя наружность обманываетъ. Я совершенно здорова.

— Не вѣрится что-то. Когда вы думаете отдохнуть?

— О! очень скоро. Леони, моя экономка, собирается въ Брюгге, чтобы привести тамъ въ порядокъ свои дѣла и перевести сюда свои вещи, стоящія въ складѣ. Я, можетъ быть, поѣду вмѣстѣ съ нею. У меня тоже тамъ есть кое-какое имущество. Кромѣ того, мнѣ не мѣшаетъ повидаться со старыми друзьями, напримѣръ, съ сестрами, у которыхъ я училась въ школѣ. Въ прежнія времена я была ихъ мучительницей, а онѣ—моими тиранками. Но теперь онѣ очень милы со мною, угощаютъ меня *pâtisserie*, ласкаютъ, балуютъ...

И она продолжала безъ умолку говорить о своихъ тамошнихъ друзьяхъ и знакомыхъ, все время, очевидно, думая о другомъ. Наконецъ у него не хватило терпѣнія.

— Не думаю, чтобы все это могло вамъ принести какую-нибудь пользу. Вамъ нуженъ полный физическій и нравственный отдыхъ. Боюсь, что вы сами не знаете, какъ дорого вамъ обошлась вся эта исторія съ леди Генри. Есть раны, которыхъ не замѣчаешь въ тотъ моментъ, когда ихъ наносятъ...

— И отъ которыхъ потомъ внутренно истекаешь кровью?—засмѣялась она.—Нѣтъ, нѣтъ, я не умру отъ тоски по леди Генри. Кстати, что о ней слышно?

— Сэръ Уильфридъ говорилъ мнѣ сегодня, что получилъ отъ нея письмо. Она въ Торквэѣ и находитъ, что тамъ черезчуръ много священниковъ. Настроеніе ея не изъ лучшихъ. Жюли посмотрѣла на него.

— Вы знаете, что она старается въ видѣ наказанія повредить мнѣ? Она писала многимъ.

— Ничего, перемелется, мука будетъ.

— Не знаю. Какъ я была увѣрена одно время, что въ случаѣ на-

шего разрыва леди Генри придется хуже моего! Мнѣ прямо стыдно вспомнить, что я говорила, въ особенности сэру Уильфриду. Я вижу теперь, что въ этомъ маленькомъ замкѣ я не буду особенно удручена посѣтителями.

— Теперь еще слишкомъ рано судить объ этомъ.

— Вовсе нѣтъ. Лондонъ почти полонъ. Эта исторія получила большую огласку. Тѣ, кто на моей сторонѣ, навѣстили бы меня, не такъ ли?

Она говорила съ такою горечью, что Джэкобу больно было ее слушать.

— О, люди не торопятся,—возразилъ онъ умышленно небрежнымъ тономъ.

Она покачала головой.

— Смѣшно, конечно, что меня это волнуетъ. Это, должно быть, просто уязвленное самолюбіе. Эвелина заставила меня разослать приглашенія на новоселье. Она увѣряла, что это необходимо. Она же повезла меня на-дняхъ на раутъ въ Чаттонъ-гоузѣ. Это была большая ошибка. Ко мнѣ поворачивались спиной. И новоселья не слѣдовало бы устраивать—все равно ничего не выйдетъ.

— Вы были такъ добры, что и мнѣ прислали карточку.

— Да, и вы должны быть!

Она посмотрѣла на него съ такой мольбою, что онъ едва не потерялъ самообладанія.

— Конечно, я буду.

— Помните, вы сказали мнѣ въ тотъ ужасный вечеръ, что у меня есть преданные друзья? Посмотримъ!

— Это зависитъ только отъ васъ,—сказалъ онъ ласково, но твердо.

Она вздрогнула и насторожилась.

— Если вы хотите сказать этимъ, что я должна хорошенько постараться, боюсь, что я на это неспособна. Я слишкомъ устала.

И съ невольнымъ, безсознательнымъ вздохомъ она откинулась на спинку кресла.

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать,—выговорилъ онъ, помолчавъ.

Она невольно задвигалась въ креслѣ.

— Въ такомъ случаѣ не знаю, что вы хотѣли сказать. Мнѣ кажется, дружескія отношенія всегда зависятъ отъ самой себя.

Она придвинула къ себѣ пяльцы и принялась за вышиваніе, оставивъ его дивиться собственной смѣлости.

— Вы знаете,—сказала она, не отрывая глазъ отъ работы,—что я сказала лорду Лэкинтону?

— Да, мнѣ сообщила Эвелина. Какъ же онъ отнесся?

— О, очень хорошо, очень сердечно. У него уже образовалась привычка «забѣгать» ко мнѣ, когда ему только вздумается. Мнѣ при-

шлось назначить ему особые часы, иначе мнѣ совсѣмъ некогда было бы работать. Онъ сидитъ здѣсь и бредитъ молоденькою м-рсъ Деларей— вы знаете, что онъ пишетъ ея портретъ для альбома красавицъ?—и рисуетъ ея профили на всѣхъ моихъ конвертахъ. Онъ пересказываетъ мнѣ всѣ свои спичи, совѣтуется со мною при стычкахъ со своими управляющими... Словомъ, мы совсѣмъ близки—почти такъ, какъ это должно быть!

Она улыбнулась и опять наклонилась къ работѣ. Но онъ разслышалъ ея вздохъ—долгій вздохъ душевной усталости. Страненъ и страшенъ былъ для него этотъ контрастъ между невольнымъ вздохомъ, вырвавшимся изъ удрученнаго сердца, и ея лѣнивою рѣчью, ея томною улыбкой.

— Говорилъ онъ съ вами о Моффатахъ?—спросилъ онъ, не глядя на нее.

Яркая краска залила ея лицо.

— Не очень много. Они съ леди Бланшъ не особенно въ дружбѣ. И я взяла съ него слово не открывать ей моей тайны, пока я сама не разрѣшу.

— Однако придется же ей когда-нибудь сказать.

— Можетъ быть,—нетерпѣливо отозвалась Жюли.—Можетъ быть, но только не сейчасъ.

Она отодвинула пяльцы, очевидно, не желая больше разговаривать объ лордѣ Лэкинтонѣ. На Джэкоба она производила впечатлѣніе человѣка, задыхающагося отъ недостатка воздуха. А между тѣмъ, руки ея были холодны, какъ ледъ. Она подошла къ камину погрѣться, жалуясь на восточный вѣтеръ и, онъ подбрасывая углей въ каминъ, замѣтилъ, что она дрожитъ.

Какъ мнѣ быть?—думалъ онъ:—Заставить ее сказать мнѣ все?..

Она, должно быть, угадала происходившую въ немъ смутную борьбу. потому что поспѣшила прервать ихъ tête-a-tête, предложивъ ему взглянуть на гравюры, присланныя герцогиней для украшенія столовой. Потомъ позвала Леони и стала совѣтоваться съ нимъ, какъ выгоднѣе помѣстить сбереженія эксъ-гувернантки, такъ какъ бумаги, теперь имѣвшіяся у нея, сильно падали. Она втянула его въ разговоръ съ madame Борнье, а сама стояла у дверей, прислонившись къ косяку и по временамъ совершенно забывая объ ихъ присутствіи. Въ такіе моменты проглядывало ея настоящее душевное состояніе, какъ тонущій предметъ время отъ времени всплываетъ на поверхность. Делафильдъ давалъ совѣты madame Борнье, самъ плохо понимая, что онъ говоритъ, но тѣмъ не менѣе съ обычною своею добросовѣстностью. Наконецъ, Леони вполнѣ удовлетворилась, но въ это время Жюли увидала проходившую черезъ переднюю маленькую хромую и подозвала ее.

— Ну, что, моя милочка, какъ твоя бѣдная ножка?

И, повернувшись къ Делафильду, стала пространно объяснять ему, что Тереза сегодня утромъ слегка вывихнула ногу, подымаясь по лѣстницѣ, все время прижимая къ себѣ дѣвочку, которая такъ и льнула къ ней.

— Сказать мамѣ, чтобы она подождала съ ужиномъ? — шепнула Тереза, взглянувъ на Делафильда.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ уйду,—встрепенулся тотъ, оглядываясь гдѣ его шляпа.

— Я бы пригласила васъ,—улыбнулась Жюли,—чтобы похвастаться искусствомъ Леони, но боюсь, что для такого большого мужчины у насъ слишкомъ мало ѣды. И потомъ, вы, вѣроятно, обѣдаете у герцога.

Делафильдъ отказался отъ ужина, и они вернулись въ гостиную за его шляпой и палкой. Жюли все еще не отпускала Терезы, нѣжно обнимая ее. Она, очевидно, не желала оставаться съ нимъ наединѣ, а между тѣмъ, при всей его скромности, онъ чувствовалъ, что ей не хочется, чтобы онъ ушелъ. Она все удерживала его, разсказывая то о своемъ хозяйствѣ, словно хвастаясь ихъ скромной жизнью и экономіей, то о своей литературной работѣ и планахъ на будущее, то о томъ, какъ она обязана Мередиту. Никогда еще она не посвящала его такъ въ свою личную, частную жизнь. Она какъ будто искала опоры въ его дружбѣ, его совѣтахъ, въ самой его близости. И никогда еще ея блѣдное измѣнившееся лицо не казалось ему такимъ прекраснымъ—въ сущности, оно никогда и не казалось ему красивымъ до этого момента. Блестящій умъ и энергія, умѣнье владѣть собой, сила воли, такъ быстро выдвинувшіе ее въ кружкѣ леди Генри, смѣнились кротостью, унынiемъ, затаенною усталостью, и *такой* она ему была несравненно милѣе. Какъ удержаться, чтобы не схватить въ объятія эту печальную красавицу, не образумить, не сдѣлать ее счастливой хотя бы насильно!

— Вы не забудете среды, — говорила она, выходя за нимъ въ переднюю.

— Нѣтъ. Можетъ быть, у васъ есть еще какое-нибудь желаніе, которое я могъ бы исполнить.

— Нѣтъ, ничего. Но если будетъ, я попрошу васъ.

Она подняла на него глаза и отшатнулась передъ его глубокимъ, страстнымъ, укоризненнымъ взоромъ.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Обѣщайте, что вы попросите!

Она пролепетала что-то невнятное и онъ ушелъ.

— Какой онъ добрый!—со вздохомъ сказала она себѣ, вернувшись въ гостиную.—Какой онъ добрый!

И вдругъ она обрадовалась, что онъ ушелъ, что она одна съ своимъ горемъ и не выдала себя при немъ.

И снова ее охватили страсть и мука, улегшіяся было въ бесѣдѣ съ нимъ, давя и заглушая въ ея душѣ все остальное. Какую сцену онъ прервалъ своимъ появленіемъ—горькія обвиненія, жалобы, укоры, не сдерживаемыя даже грозящей близостью разлуки!

Вотъ уже почти недѣлю они ведутъ съ Уорквортомъ эту жестокую игру по правиламъ, установленнымъ ими самими, маскируя и въ то же время обостряя недомолвками и сдержанностью дружбы мучительную, больную, отравленную любовь. Любовь эта съ каждой минутой расла и наконецъ нахлынула на нихъ потокомъ, тираническимъ, бурнымъ, вылившимся въ безумныхъ укорахъ. Волна отхлынула и остались все тѣ же старые, жестокіе, ужасные факты, не измѣненные и не могущіе быть измѣненными.

Уорквортъ былъ немногимъ менѣе несчастливъ, чѣмъ она сама и она это знала. Онъ любилъ ее—къ собственному своему удивленію и досадѣ—и страдалъ, покидая ее, какъ никогда еще не страдалъ отъ привязанности къ кому бы то ни было.

Но въ тоже время рѣшеніе его было непоколебимо, и это она то же знала. Уже почти годъ, какъ онъ привыкъ связывать свои планы на будущее съ разсчетомъ на богатство и семейныя связи Эйлинъ Моффатъ. Еще нѣсколько лѣтъ службы въ арміи, а затѣмъ отставка, привольная жизнь на покоѣ, большія средства, очаровательная жена и мѣсто въ парламентѣ. Этотъ планъ былъ такъ дорогъ ему, такъ хорошо задуманъ и легко осуществимъ, такъ благодѣтельно долженъ былъ отразиться на всей его жизни, что рисковать всѣмъ этимъ ради брака съ Жюли было бы безуміемъ, и онъ никогда серьезно объ этомъ не думалъ. Страдая, онъ въ то же время упорно твердилъ себѣ, что время залѣчить раны ихъ обоихъ.

— Одно только было бы для всѣхъ насъ гибелью, если бы я порвалъ съ Эйлинъ!

Для Жюли всѣ эти смутныя мысли, шевелившіяся въ умѣ Уорквորта, были совершенно ясны. Она была безсильна заглушить ихъ, но сегодня она не выдержала и безумно билась о прутья своей клѣтки, хотя и знала, что это напрасно. И она до сихъ поръ не могла опомниться отъ своихъ укоровъ, отъ взрыва страсти, смѣнившагося полнымъ изнеможеніемъ.

Весенняя ночь уже наступила. Въ комнатѣ было жарко; Жюли отворила окно. Подъ окномъ ютилась купа деревьевъ, уже наполовину покрывшихся листьями. Вверху, за туманомъ, разстилавшимся надъ огромнымъ городомъ, мерцало нѣсколько звѣздочекъ; шумъ и гулъ столичной жизни глухо заносились въ этотъ мирный уголокъ.

Жюли напрягала зрѣніе, вглядываясь въ темноту. Отъ слабости и утомленія у нея кружилась голова. Вдругъ она вскрикнула и прижала руки къ сердцу. Изъ мрака передъ нею выдвинулось лицо, такъ рѣзко очерченное, такое живое, что оно навсегда запечатлѣлось въ ея взвол-

нованномъ мозгу. То было лицо Уорнворта, — не такое, какимъ она видѣла его въ послѣдній разъ, но искаженное физическою болью, — вытянувшееся, съ ввалившимися глазами, съ холоднымъ потомъ на лбу: глаза стали стеклянные, намокшіе волосы прилипли къ вискамъ; пересохшія уста раскрылись, точно зовя на помощь. Жюли не могла оторваться отъ этого лица. Потомъ глаза его закатились и она увидала передъ собой агонію.

Жюли застыла на мѣстѣ; все ея существо приковалось къ этому видѣнію. Когда призракъ исчезъ, она, едва держась на ногахъ, добралась до кресла и закрыла лицо руками. Здравый смыслъ подсказывалъ ей, что съ нею сыграли шутку ея переутомленные нервы и больное воображеніе. Но въ то же время ей вспоминался даръ «второго зрѣнія» кузины Мери Лейстеръ и тѣ видѣнія, которыя она видѣла въ этой самой комнатѣ. Безумный страхъ охватилъ ее, ледяной рукой сжалъ ей сердце — она боялась этой комнаты, этого дома, своей собственной пылкой натуры... Вся дрожа, она ощупью выбралась изъ комнаты, радуясь и лампѣ, горѣвшей въ передней, и звукамъ въ домѣ, и больше всего радуясь теплу худенькихъ ручекъ Терезы, такъ любовно прильнувшихъ къ ея рукѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЛАФИРИНА ТАЙНА.

Повѣсть.

(Продолженіе) *).

VII.

Въ первый разъ, наконецъ, Глафира пожелала выйти изъ спальни. Она была еще очень слаба, и ее вели подъ руки, съ одной стороны, мать, а съ другой — Вѣра.

— Хочу на диванъ, — сказала Глафира.

Тѣ съ осторожностью усадили ее на диванъ.

Она съ любопытствомъ оглядывала знакомыя стѣны и все, что въ нихъ находилось, испытывая странное чувство, похожее очень на то, съ какимъ человѣкъ, который долго былъ въ путешествіи, вернулся на родину. Тамъ, въ тѣхъ чуждыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ скитался, было все, все другое, совсѣмъ не обычное, ни въ чемъ не сходное съ тѣмъ, что онъ оставилъ на родинѣ, и оно заслонило собою всякое воспоминаніе прошлаго. Но вотъ оно опять передъ нимъ, все старое, прежнее, и вдругъ оказывается, что онъ ничего не забылъ, оно оставалось нетронутымъ въ памяти, скрываясь лишь подъ налетомъ иныхъ впечатлѣній, которыя успѣли, однако, въ немъ самомъ совершить перемѣны, будто онъ самъ сдѣлался въ это время другой и смотритъ на все другими глазами.

И Глафирѣ казалось, будто она вернулась изъ какого-то дальняго, особаго міра, гдѣ была долго въ отсутствіи, и теперь, глядя на все это знакомое, прежнее, видитъ, какъ оно стало старо и убого, уменьшилось въ размѣрахъ, понизилось въ ростѣ... Все, все, даже маменька, Вѣра... Вонъ та какая сухая, морщинистая и маленькая-маленькая совсѣмъ старушоночка... Да и сестра стала будто худѣе, и лицо у нея сдѣлалось старше...

Подошелъ бѣлый котъ и потерся о глафирины ноги.

— А, Матросъ... Здравствуй, Матросъ, — привѣтствовала своего любимца, протягивая къ нему слабую, прозрачную руку,

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1903 г.

Глафира, но тотъ пристально на нее посмотрѣлъ зелеными своими глазами, какъ бы не узнавая своей прежней хозяйки, и отошелъ равнодушно.

— Ишь какой скверный, — сказала Глафира, слѣдя за нимъ взоромъ, и ей показалось, что и Матросъ теперь ужъ не прежній красавецъ, что и съ нимъ тоже произошли перемѣны.

— Маменька, кормили безъ меня Матроса попрежнему?—спросила она у Авдотьи Макаровны.

— Какъ не кормить! Извѣстно, кормили.

— Отчего же онъ сталъ худой такой, гадкій?...

— Чѣмъ худой? Такой же, какъ былъ, толстомясый,—возразила старуха и легонько пихнула ногою Матроса.

Глафира нѣсколько минутъ сидѣла задумавшись, потомъ вдругъ сказала:

— Подайте мнѣ, пожалуйста, зеркало.

Авдотья Макаровна сняла съ комода стоящее на точеныхъ столбикахъ зеркало, бережно перенесла его черезъ комнату и поставила на столъ передъ дочерью.

Та медленно наклонилась къ его блестящей поверхности и увидѣла тамъ отраженіе какого-то безбородаго мужского лица. обтянутаго темною кожей и съ остриженнымъ до голя почти черепомъ...

— Ой, какая я морда!—прошептала Глафира, отвертываясь.— Уберите, маменька, зеркало... Неужели я такая противная?—прибавила она, помолчавъ.

— Ты же вѣдь послѣ болѣзни, Глафирушка... Подумай только, въ какой ты опасной болѣзни была!.. Богъ дастъ, вотъ, поправишься, и опять будешь хорошая...—успокоительно говорила Авдотья Макаровна, устанавливая зеркало на прежнее мѣсто.

Посидѣвъ еще минутъ съ десять, Глафира сказала, что ей хочется опять полежать. Авдотья Макаровна предложила устроить ложе ей тутъ же, на этомъ диванѣ, замѣтивъ:

— Вотъ съ нами бы здѣсь и отлично... Тутъ вотъ и я, тутъ и Вѣрушка... Всѣ, значитъ, вмѣстѣ... Чего уже лучше?.. И тебѣ веселѣе.

— Нѣтъ, мнѣ хочется въ спальню,—усталымъ голосомъ возразила Глафира.

— Ну, что же, какъ знаешь,—согласилась въ ту же минуту Авдотья Макаровна.

Тѣмъ же порядкомъ больная отведена была въ спальню и уложена опять на кровать.

Разговоръ и прогулка до дивана изъ спальни чрезвычайно, повидимому, утомили Глафиру, и, очутившись снова на постели, она тотчасъ же закрыла глаза.

Авдотья Макаровна съ Вѣрой немного постояли надъ нею, въ ожиданіи, не выразитъ ли она какихъ-либо желаній, но Глафира не произносила ни слова, лежа неподвижно, съ сомкнутыми вѣками, и тѣ, заключивъ изъ того, что она задремала, тихо вышли изъ спальни.

Но Глафира не испытывала никакого желанія спать. Ей просто хотѣлось остаться одной. И несмотря на то, что глаза ея были закрыты, на лицѣ ея можно бы было подмѣтить присутствіе какой-то сознательной мысли.

Голова ея была еще очень слаба, всѣ мысли находились въ полномъ разбросѣ, и всякія попытки Глафиры связать ихъ въ послѣдовательную, непрерывную цѣпь пока приводили къ тому, что онѣ начинали еще болѣе путаться, а затѣмъ наступало состояніе изнеможенія и пустоты въ головѣ. Но съ новымъ упорствомъ Глафира принималась опять за работу, съ тѣмъ, чтобы снова придти къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ. Однако, какъ бы то ни было, чѣмъ дальше, тѣмъ больше эта работа постепенно, мало-по-малу, уже начинала приносить кое-какіе плоды, и кое-что стало уже проясняться...

Всего труднѣе было Глафирѣ отдѣлить въ туманномъ хаосѣ безсвязныхъ идей одно отъ другого, а именно то, что относилось къ воспоминаніямъ горячечныхъ грёзъ, отъ того, что случилось съ нею въ дѣйствительности.

Сейчасъ, когда сидѣла она на диванѣ въ той комнатѣ, ей вдругъ вспомнилось многое. Голова ея принялась тотчасъ же работать. Задавая вопросы Авдотьѣ Макаровнѣ и дѣлая свои замѣчанія, Глафира не переставала въ то же самое время идти по пятамъ подхватившей ее неожиданно мысли.

Ей вспомнился одинъ поздній вечеръ... Горящая лампа, а передъ нею, въ кувшинчикѣ, букетъ изъ яркихъ цвѣтовъ... Приходъ ея, вмѣстѣ съ Вѣрой, изъ Лѣтняго сада... Передъ этимъ безобразная сцена на улицѣ, разыгравшаяся съ ними обѣими, и горечь жестокой обиды, принесенной ею съ собою домой... Мать сообщаетъ о посѣщеніи Мартына Матвѣича и его сватовствѣ за нее, за Глафиру... Вспоминаются при этомъ кое-какія слова... «Ты уже сама не молоденькая»... Затѣмъ вспоминается угарная, дикая сцена, состояніе безумнаго гнѣва, охватившаго все ея существо... Память не можетъ воспроизвести всѣ ея тогдашнія рѣчи. Помнится лишь жуткое безмолвіе ночи, и сама она, Глафира, лежащая на жаркой постели, въ мучительномъ томленьи безсонницы, устремившая неотводно глаза на противоположную стѣну, гдѣ рѣзко чернѣется крестообразное отраженіе рамы окошка, захватывая яркимъ сіяніемъ мѣсяца полотенце и юбку... И вдругъ что-то кошмарное, страшное—не то сонъ, не то явь... Длинныя улицы и мигающій свѣтъ фонарей... Потомъ всплескъ воды и ощущеніе

*

цѣпенящаго холода... Тутъ мысли Глафиры туманятся, путаются, и голова, наконецъ, совсѣмъ ужъ отказывается дольше служить.

. . . .

Между тѣмъ, выздоровленіе шло своимъ чередомъ, и Глафира ощущала себя крѣпче день ото дня. Она стала уже аккуратно совершать прогулки изъ спальни, откуда было вынесено находившееся тамъ временно кресло и поставлено на своемъ прежнемъ мѣстѣ, близко къ столу, какъ было до болѣзни Глафиры. Въ этомъ креслѣ она всегда пила чай и обѣдала и теперь совершала къ нему свои путешествія, возвращаясь мало-по-малу къ прежнимъ привычкамъ.

Теперь, хотя еще слабо, но она могла бродить уже безъ посторонней поддержки, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, старалась обходиться безъ помощи, всякій разъ выражая протестъ, когда мать и сестра пытались ее оказать. Каждый признакъ вновь прибывающихъ силъ доставлялъ Глафирѣ замѣтную радость. Волосы страшно лѣзли съ остриженной ея головы, и она носила старый материнъ чепчикъ, страннымъ образомъ мѣнявшій наружность Глафиры.

Жизнь обитателей этой квартиры мало-по-малу вступала въ свою колею, начиная съ того, что такъ называемая «чистая» комната (она же столовая, а равно и гостиная), получившая во время болѣзни Глафиры видъ помѣщенія, куда жильцы только что въѣхали и не успѣли еще разобраться, была возстановлена въ прежнемъ порядкѣ, кровать Вѣры поставлена въ спальнѣ, противъ кровати сестры, также обратно поставлены на старыхъ мѣстахъ и другія, перенесенныя изъ спальни сюда временно, вещи. Только по прежнему на звонки посѣтителей лавочки выходила къ прилавку, кромѣ Авдотьи Макаровны, Вѣра, мало-по-малу привыкшая къ своимъ новымъ обязанностямъ, исполняемымъ прежде старшей сестрою.

Какъ выздоравливающая, Глафира пребывала въ полной бездѣятельности, и это новое ея положеніе, которое въ другое время было бы совсѣмъ нестерпимымъ для ея подвижной и безпокойной натуры, теперь заключало въ себѣ много пріятнаго, какъ бываетъ при физической слабости. Она молча и съ интересомъ слѣдила за всѣмъ, что вокругъ нея дѣлалось—все то же самое, къ чему она давно уже привыкла,—но тогда она была дѣйствующею, а теперь наблюдающею, которой до этого нѣтъ ни малѣйшей заботы. Какъ будто даже ее и ни къ чему не тянуло и ничѣмъ ей не хотѣлось заняться. И это не была лѣнь или апатія, но то настроеніе, съ какимъ человѣкъ, полный своей особой и посторонней заботы, созерцаетъ, что дѣлаютъ люди, которые не могутъ понять и раздѣлить его думъ.

Она была молчалива, спокойна и необыкновенно кротка въ обращеніи и походила на гостью, которая хотя и ощущаетъ себя находящеюся въ кругу ей близкихъ людей, подчиняется съ большою охотой всѣмъ существующимъ въ домѣ порядкамъ и старается всячески не стѣснять никого, но и для себя тоже не хочетъ стѣсненія

По вечерамъ, послѣ того, какъ всѣ напились уже чаю и все со стола было убрано, передъ тѣмъ, какъ запиралась табачная, а потомъ пора было и спать, всѣ трое, вкупѣ и влюбѣ, сидѣли за столомъ, передъ лампой, при своихъ обычныхъ занятіяхъ. Авдотья Макаровна что-нибудь штопала или вязала изъ шерсти чулокъ, а Вѣра, развалившись съ локтями и запустивъ пальцы рукъ въ волосы, поглощала страницы романа, Глафира же, откинувшись въ кресло, неподвижно и молча смотрѣла куда то въ пространство. Молчаніе бывало такое глубокое, мертвое, что, наконецъ, становилось какъ бы даже нѣсколько жуткимъ...

Авдотья Макаровна вскидывала глазами поверхъ своихъ круглыхъ очковъ, державшихся на кончикѣ носа, и устремляла внимательный взглядъ на Глафиру. Та не перемѣняла своего положенія, вся отдавшись во власть своихъ думъ и словно не примѣчая этого взгляда.

— Глафирушка,—произносила старуха.

— А?—разсѣянно откликалась Глафира.

— Не устала ли ты? Не хочешь ли спать?—Заботливо спрашивала Авдотья Макаровна.

Глафира, какъ будто только теперь догадавшись, что все это относится къ ней, отвѣчала:

— Нѣтъ, не хочу.

— Скучно тебѣ?—освѣдомлялась снова старуха.

— Нѣтъ. Отчего же?—недоумѣвала Глафира.

— Да вижу ужъ я. Вотъ что, будемте-ка всѣ въ карты играть! Что въ самомъ дѣлѣ! — восклицала вдругъ Авдотья Макаровна, шаловливо тряхнувъ своимъ чепчикомъ. — Вѣрушка, неси сюда карты.

Молодая дѣвица, отодвинувъ прочь книгу, вставала и приносила колоду засаленныхъ картъ.

— Въ «свои козыри», а? Хочешь, Глафирушка?—спрашивала Авдотья Макаровна, принимаясь ихъ тасовать.

— Ну, въ «свои козыри»,—покорно соглашалась Глафира.

— Въ «мельники» лучше,—возражала сестра. — Правда вѣдь, Глаша?

— Ну, въ «мельники»,—соглашалась и на это Глафира.

Начиналась игра. Она ходила и крыла, отдавала и брала себѣ взятки, серьезно, но съ полнымъ спокойствіемъ подчиняясь всѣмъ

шансамъ игры, между тѣмъ какъ старуха и ея младшая дочь играли съ большою ажитаціей, огорчаясь своею неудачей или радуясь своему торжеству.

Прекращали играть, когда Авдотью Макаровну совсѣмъ уже одолѣвала зѣвота, и тогда она говорила:

— Пора бы и спать.

Обыкновенно Вѣра упрашивала сыграть «еще одинъ маленькій разикъ», чему мать весьма слабо противилась. Глафира же не возражала ни словомъ, и хотя игра затѣвалась единственно для ея развлеченія, однако казалось, будто она принимаетъ участіе въ ней только изъ нежеланія поступать вопреки, ей же самой совсѣмъ безразлично, играть или нѣтъ, какъ безразлично одинаково все, что вокругъ нея дѣется, въ сравненіи съ тѣмъ важнымъ, интереснымъ, особеннымъ, что живетъ въ тайникахъ ея существа,— и передъ этимъ все остальное представляется чѣмъ-то далекимъ-далекимъ и чуждымъ.

Да и все, что произошло съ нею въ прошедшемъ, тоже ей теперь представляется чѣмъ-то очень далекимъ и чуждымъ.

VIII.

Будто совсѣмъ изъ другого, нынѣ для нея посторонняго міра, видится ей и сама она, прежняя, съ тогдашнимъ ея поведеніемъ — со всѣмъ тогдашнимъ строемъ мыслей и желаній—и все это она разбираетъ, оцѣниваетъ, многое теперь осуждаетъ, къ иному относится даже съ большимъ осужденіемъ, къ иному съ насмѣшкой.

Во многомъ даже просто противна ей эта старая, почти тридцатилѣтняя дѣвка, съ тощимъ и некрасивымъ лицомъ, которая воображала себя еще молодою, привлекательною и злилась на тѣхъ, кто не хотѣлъ этого въ ней признавать. И по дѣломъ-же ей за это досталось! Какой-то уличный пьяный нахалъ сказалъ ей въ глаза, что она «морда» и «старая вѣдьма»,—и это было такъ неожиданно-ново, такъ поразительно, что она едва нашла въ себѣ силы молча и съ напряженнымъ спокойствіемъ идти всю дорогу до дому, вмѣстѣ съ сестрой, ничѣмъ не показывая, что у нея на душѣ и собравъ все свое мужество, чтобы не разрыдаться тутъ-же, на улицѣ... А дома, лишь только она успѣла раздѣться и стала приводить свои чувства въ порядокъ, мать съ восторгомъ ей объявляетъ о томъ, что у нихъ только что былъ Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ, прогнанный когда-то графскій лакей, важничающій наворованными своими достатками, скверный старикъ, который всегда былъ противенъ Глафирѣ,—и вотъ этотъ то самый Телѣжниковъ задумалъ жениться и приходилъ объявить, что онъ не нашелъ никого, на комъ онъ бы могъ остановить свой выборъ, хуже Глафиры! И, конечно,

онъ былъ увѣренъ, что оказываетъ ей этимъ величайшую честь, и мать отнеслась именно такъ къ его предложенію, т.-е., что это со стороны Мартына Матвѣича величайшая честь, и даже не усумнилась ни на минуту въ радостномъ согласіи Глафиры, ибо, какъ сама она тогда высказалась, Глафира немолода, некрасива, и на ней никто ужъ не женится...

Глафира тогда совсѣмъ обезумѣла. Теперь она сама на себя удивляется, что могла дойти до такого изступленнаго бѣшенства, да и раньше никогда себя не считала на это способною, никогда не думалось ей, что она съ такимъ неистовымъ наслажденіемъ злобы станетъ когда нибудь оскорблять свою старую мать.

Потомъ она жестоко казнилась. Но сдѣланнаго ничѣмъ уже нельзя было поправить. Да она и не хотѣла тогда ничего поправлять, ибо послѣ несчастнаго того объясненія она открыла присутствіе въ себѣ новыхъ, небывалыхъ мыслей.

Она какъ-бы внезапно прозрѣла въ истинный смыслъ отношеній къ ней самыхъ ея близкихъ людей.

И восторгъ, съ которымъ объявила ей мать о сватовствѣ Мартына Матвѣича, и увѣренность въ благопріятномъ отвѣтѣ Глафиры, и то глубокое горе, въ которое ее погрузилъ презрительный глафиринъ отвѣтъ—все это тогда же показало Глафирѣ, что она обманула старуху въ ея самыхъ завѣтныхъ мечтаніяхъ о благополучномъ устройствѣ семьи посредствомъ замужества дочери со старымъ Телѣжниковымъ. Этимъ Глафира всѣхъ-бы ихъ обезпечила, и въ этомъ состояла ея прямая обязанность, за которую она должна была ухватиться съ величайшею готовностью да еще благодарить Господа-Бога, что онъ послалъ ей такого прекраснаго мужа, ибо сама-то она что такое изъ себя представляетъ, и какой другой отъ нея можетъ быть толкъ?.. Вѣра еще молодая, хорошенькая и впереди имѣетъ надежды, тогда какъ на ней, на Глафирѣ, давно поставленъ ужъ крестъ, и она, въ теперешнемъ своемъ положеніи, являетъ собою только одинъ лишній ротъ... Такъ на нее смотритъ мать и такъ же къ ней относится Вѣра. Она была обязана это раньше понять, и показавъ, что она все время на себя глядѣла иначе, конечно должна, была глубочайшимъ образомъ ихъ поразить...

Въ этомъ она убѣдилась на другой-же день утромъ, когда вышла въ столовую, къ чаю. И мать, и сестра отъ нея отворачивались. Между нею и ими не сказано было ни слова, и все чаепитіе протекло въ могильномъ безмолвіи. Глафира черезъ силу тогда досидѣла, послѣ чего ушла въ спальню, быстро одѣлась и отправилась изъ дому.

«Лишній ротъ»... Это гвоздемъ сидѣло у нея въ головѣ. Она рѣшила, что до тѣхъ поръ не будетъ покойна, пока не поставитъ

себя въ положеніе, когда нельзя уже будетъ ей сдѣлать упрекъ въ дармоѣдствѣ, а для этого она должна себя обезпечить какимъ-нибудь заработкомъ, который станетъ отдавать цѣликомъ на пользу семьи.

Послѣ двухдневныхъ упорныхъ исканій, ей посчастливилось, по особому случаю, найти хорошій заказъ на бѣлье, и она ретиво принялась за работу.

Видитъ Богъ ея сердце. Тамъ не было злобы, и она не хотѣла никого уязвлять. Она была вся полна самыхъ добрыхъ намѣреній и, кромѣ того, этотъ спѣшный, поглощающій вниманіе трудъ, который она себѣ отыскала, избавлялъ ее отъ всякихъ столкновеній съ домашними.

Зато многое-многое она тогда передумала... Подъ непрерывный стукъ швейной машины ей вспоминались ея дѣтство и юные годы, мечты о любви, потомъ вся дальнѣйшая безрадостная и тусклая жизнь, никогда не согрѣтая ничьею теплою лаской, но по временамъ еще не лишенная все-таки какихъ-то смутныхъ, но свѣтлыхъ надеждъ, затѣмъ ихъ крушеніе, а тамъ, въ туманной дали— длинный, утомительный рядъ такихъ же тусклыхъ, безрадостныхъ дней, но безъ всякихъ уже упованій, и, въ концѣ — неизбѣжный удѣлъ всѣхъ живущихъ—черная яма могилы.

Со своими домашними она видѣлась лишь за столомъ, когда всѣ сидѣли въ тяжеломъ молчаніи, и во все это время она ощущала словно присутствіе между нею и ими какой-то стѣны, которую всѣмъ хотѣлось разрушить. Она знала, что для этого требуется, съ ея стороны, что-то сдѣлать, что-то сказать, но нужное слово не подвертывалось ей на языкъ, да и, кромѣ того, ей казалось, не пришло еще время... И она спѣшила опять за работу и вновь принималась стучать на своей швейной машинѣ...

По заведенному издавна порядку, въ часъ, обычный для сна, приходила въ ихъ общую съ Глафирою спальню сестра, раздѣвалась, укладывалась и поворачивалась тотчасъ-же къ стѣнѣ. Глафира прекращала въ ту-же минуту работу, въ свою очередь, раздѣвалась, укладывалась и поворачивалась тоже къ стѣнѣ... И то, что стояло между ними, незримое, расплывалось во снѣ.

То-же повторялось и завтра.

Наконецъ, съ работой было покончено. Глафира отнесла ее, куда слѣдуетъ, получила разсчетъ и, съ деньгами, вернулась домой. Это было ужъ въ сумерки. Приближалось время вечерняго чая.

Пройдя прямо въ спальню, Глафира взглянула на опустѣвшій свой столъ, на торчащую праздно машинку и почувствовала вдругъ на душѣ страшную тяжесть сиротства и покинутости... Больше не хватало ужъ силъ. Теперь наступила минута, которая давно ужъ предвидѣлась, когда Глафира должна, наконецъ, повалить

воздвигнутую между нею и домашними стѣну и высказать все, что у нея накопилось на сердцѣ...

Она насторожилась, прислушалась, что происходитъ за дверью... Тамъ собирались пить чай.

Она вынула изъ кармана всѣ принесенныя деньги и, держа ихъ въ рукѣ, не давая себѣ больше раздумываться, стремительно вышла изъ спальни.

Мать, достававшая чайную посуду изъ шкапчика, остановилась какъ вкопанная. Вѣра, читавшая книгу у лампы, приподняла голову. Обѣ безмолвно, словно застывъ, глядѣли во всѣ глаза на вошедшую...

Какъ будто мать и сестра были непріятно изумлены неожиданнымъ ея появленіемъ, и это ужасно смутило Глафиру. Она какъ-то глупо, растерянно сунула деньги на столъ и, понимая что отъ нея ждутъ объясненія, скороговоркой и путаясь, какъ школьникъ, отвѣчающій внезапно забытый урокъ, пробормотала, что эти деньги назначены въ домъ, на хозяйство, и что отнынѣ она ежемѣсячно будетъ давать, сколько можетъ, выручая работой, причемъ какъ-то совсѣмъ мимовольно выскочили у нея и слова «лишній ротъ»...

Окончательно спутавшись, она хотѣла приступить къ самому главному. Она не знала, какъ у нея это выйдетъ, ни разу она не подумала, въ какихъ выраженіяхъ оно должно будетъ сказаться... У нея лишь существовала потребность сразу и до конца вылить все, что ее нудило и мучило, къ чему привели уединенныя ея размышленія въ эти тягостные послѣдніе дни, и что, приблизительно, можно было-бы выразить таковыми словами:

«Простите меня. Я знаю, что вы считаете меня гадкой и скверной. Правда, я ничѣмъ не заслужила лучшаго мнѣнія. Я была зла и капризна, я постоянно думала лишь о себѣ и никогда не хотѣла понять, какъ вамъ тяжко и трудно живется. Былъ случай, когда я могла облегчить навсегда вашу жизнь, но я оттолкнула его, потому что это было сверхъ моихъ силъ. Не осуждайте меня и не вините за то, что я такъ поступила, ибо я не могу быть лучше того, чѣмъ меня создала природа. Пожалѣйте меня, вѣдь я сама обездоленная! Знайте только одно, что я васъ люблю, а теперь, съ этихъ поръ, когда я о многомъ подумала и погасила въ себѣ всѣ былыя мечты о своемъ личномъ счастіи, я съ охотой, безъ ропота, раздѣлю вмѣстѣ съ вами, насколько станетъ на то моихъ силъ, всѣ тяготы вашей жизни».

Но прежде чѣмъ успѣла она произнести первый звукъ этой рѣчи, мать на нее замахала руками и сказала слова, которыя отпечатлѣлись, словно каленымъ желѣзомъ, въ Глафириной памяти:

— *Не нужно, не нужно мнѣ твоихъ денегъ! Богъ съ нею, съ*

твоею работой! День деньской этотъ стукъ... Голову всю разломило... Измучила насъ ты совсѣмъ, со своею работой... Не нужно, не нужно!

Будто, нежданно-негадано, ей дали пощечину... Она растерянно взглянула на мать и сестру, пытаясь собраться съ мыслями, сообразить, что ей нужно отвѣтить, и тупо еще чего-то ждала, сама не зная, чего... Но мать молча поставила вынутую посуду на столъ, какъ разъ, рядомъ съ положеннымъ тамъ денежнымъ приношеніемъ Глафиры, и опять пошла къ шкафчику... Вѣра, какъ-бы избѣгая взгляда сестры, опять уткнула носъ въ книгу... Чѣмъ-то холодно-враждебнымъ и чуждымъ повѣяло отъ нихъ на Глафиру... Оставаться здѣсь долѣе казалось какъ-то даже и страннымъ... А между тѣмъ требовалось съ ея стороны что-то сказать, и она только и нашла въ себѣ духу, чтобы промолвить, машинально, съ безнадежной покорностію:

— Какъ хотите... Богъ съ вами...

Она повернулась и направилась вонъ. Ее не удерживали.

Теперь, переживая все это въ мысляхъ, она никакъ не можетъ возсоздать въ своей памяти, съ болѣе или менѣе ясной отчетливостью, что за этимъ дальше послѣдовало. Она помнитъ, что лежала въ темнотѣ, въ тишинѣ у себя на кровати... Едва-ли думала она тогда о чемъ либо... Она слышала всѣ малѣйшіе звуки, раздававшіеся изъ за притворенной двери, слышала, какъ Лукерья внесла самоваръ, какъ скрипнулъ стулъ подъ усѣвшейся Вѣрой, какъ зажурчалъ полившійся въ чайникъ кипятокъ изъ подъ крана... Затѣмъ шепотъ между старухой и Вѣрой. Та встала и подходитъ къ дверямъ. Она говоритъ:

— Глаша... Пить чай...

Глафира соображаетъ, что это относится къ ней, и отвѣчаетъ:

— Я не хочу...

Она отвѣчаетъ вполнѣ безотчетно, не потому, что ей, дѣйствительно, не хочется чаю, но по единственной и важной причинѣ, которую она понимаетъ, а именно, что она *не можетъ* тамъ быть, что ей даже *нельзя* оставаться долѣе въ этихъ стѣнахъ, ни сегодня, ни завтра, ни въ отдаленнѣйшемъ будущемъ...

Пустота... пустота... пустота..

Затѣмъ она помнитъ, какъ очутилась вдругъ на ногахъ. Она одѣвается, собираясь уйти... Куда? Она не задается этимъ вопросомъ. Она только знаетъ, что ей нельзя долѣе здѣсь оставаться.

Она выходитъ въ столовую. Вѣра читаетъ, по прежнему, книжку и не поднимаетъ головы на Глафиру. Двѣ десятирублевыхъ бумажки лежатъ на столѣ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ... Затѣмъ Глафира проходитъ мимо прилавка. Мать сидитъ, въ очкахъ, на кончикѣ носа, и вяжетъ чулокъ. Графирѣ хочется крикнуть старухѣ: «*прощайте!*» но, вмѣсто того, она замедляетъ

шаги.. Въ ней мелькаетъ надежда, что та вдругъ взглянетъ и спроситъ: «Куда ты идёшь?». Тогда она все, все объяснитъ ей, а послѣ вернется и ужъ никуда не пойдетъ... О, если бы та ей сказала хоть слово! Но мать молчитъ, словно не видитъ ея, и двигаетъ чулочными спицами... Теперь все кончено, и Глафирѣ нельзя ужъ вернуться. Она дергаетъ дверь и выходитъ на улицу.

Она подвигается безотчетно дальше и дальше. Горятъ фонари. Гремятъ колеса извозчиковъ. Мелькаютъ прохожіе. Передъ иными она сторонится, другихъ пропускаетъ мимо себя, переходитъ улицы и перекрестки, взглядываетъ на освѣщенныя окна колбасныхъ, фруктовыхъ, кондитерскихъ... Передъ нѣкоторыми она останавливается и долго, внимательно смотритъ на какой-либо затѣйливо сдѣланный тортъ или свиную копченую голову, которая, лежа на блюдѣ, щеритъ клыки на прохожихъ... Потомъ Глафира снимается съ мѣста и опять идетъ дальше.

Пустота... пустота... пустота...

Фонтанка. У спуска барки съ дровами, прислоненныя плотно бортами другъ къ дружкѣ. Сколько ихъ? Одна... двѣ... три,—машинально считаетъ зачѣмъ-то Глафира. Всѣ три, онѣ ясно вычерчиваются на темномъ фонѣ воды. На нихъ никого не видать... Глафира прислонилась къ периламъ и смотритъ на барки. Почему на нихъ никого не видать? Должно быть, мужики или спятъ, или всѣ разбрелись... Нѣтъ, куда имъ уйти? вѣроятнѣе, спятъ. Днемъ они возили на тачкахъ дрова, катя ихъ вотъ по этимъ длиннымъ доскамъ, что висятъ, какъ мостъ, надъ водою... Онѣ называются сходнями,—мелькаетъ въ головѣ у Глафиры, и затѣмъ вспоминается ей, что у всѣхъ барокъ существуютъ такія же сходни, и по нимъ всегда мужики катаютъ тяжелыя тачки, на которыхъ дрова, а не то кирпичи... Тѣ, пожалуй, еще тяжелѣе!.. Должно быть, какъ крѣпко и сладко спится послѣ этой работы... Ничѣмъ отъ такого сна не разбудишь... А, вѣроятно, ужъ очень поздно теперь, и многіе спятъ... Вотъ и маменька съ Вѣрой спятъ тоже, конечно... Впрочемъ, маменька не можетъ скоро заснуть... И если теперь она еще не заснула, то о чемъ-нибудь думаетъ... О чемъ она можетъ думать?.. Думаетъ ли она о ней, о Глафирѣ, въ состояніи ли она догадаться, что та стоитъ сейчасъ вотъ здѣсь, на Фонтанкѣ, и не знаетъ, куда ей идти?.. И тѣмъ мужикамъ, что спятъ на этихъ вотъ баркахъ, тоже не можетъ подуматься, что она находится здѣсь, въ немногихъ шагахъ, и не знаетъ, куда ей идти... И всѣмъ, всѣмъ, кто теперь или спитъ безмятежно, или сидитъ въ гостяхъ, а не то въ ресторанѣ, или пѣшкомъ плетется по улицѣ, или ѣдетъ домой на извозчикѣ,—всему этому огромному, многолюдному городу, всѣмъ этимъ высокимъ, холоднымъ домамъ неизвѣстно и нѣтъ нужды до того,

что она стоитъ здѣсь, одна-одинехонька, и не знаетъ, куда ей идти... И никому, никому нѣтъ нужды до нея, какъ вотъ этой водѣ, что блеститъ при лучахъ фонарей, плещетъ и шевелится, словно живая, и бѣжитъ все впередъ, все впередъ, все впередъ...

И вдругъ новая, нежданная мысль пронзила Глафиру. Вѣдь отъ нея самой зависитъ исходъ! Одинъ мигъ — и все кончится, исчезнетъ все, все, и станетъ не о чемъ думать, забудется прошлое, незачѣмъ будетъ терзаться настоящимъ и будущимъ... Всего одинъ мигъ — и это не трудно, совсѣмъ даже легко, только это нужно сдѣлать сейчасъ, сію минуту, не откладывая, не размышляя, скорѣе, скорѣе, скорѣе...

И она побѣжала по сходнямъ и очутилась на баркахъ, едва касаясь ногами досокъ, перебѣжала первую барку, вторую и третью, повторяя въ мысляхъ: «скорѣе, скорѣе!», какъ бы несомая вихремъ подхватившаго ее внезапно стремленія навсегда, въ одинъ мигъ, все позабыть.

Внизу, подъ ногами, шевелилась, плеща и искрясь серебристыми змѣйками, отъ мерцавшихъ на томъ берегу фонарей, темная влага... Оттуда на Глафиру дохнуло холоднымъ дыханіемъ... Ее шатнуло было назадъ... Но она собрала всю свою волю, крѣпко стиснула зубы, зажмурилась и, вытянувъ руки, ринулась внизъ.

Головокружительный вихрь разныхъ памятныхъ лицъ и событій. Солнечный день, Глафира, маленькою дѣвочкой, сидитъ на колѣняхъ отца, а тотъ ее прижимаетъ рукою, маменька вяжетъ чулокъ въ очкахъ на кончикѣ носа, Вѣра со своею неизмѣнною книжкой, дребезжитъ колокольчикъ надъ дверью въ табачную, музыка играетъ въ Лѣтнемъ саду «Наша честь кувыркомъ, кувыркомъ», а пьяный мужчина съ усами, въ цилиндрѣ, бормочетъ Глафирѣ: «морда, старая вѣдьма»... «Не надо, не надо мнѣ твоихъ денегъ»... Сразу всё исчезаетъ въ шумномъ всплескѣ и брызгахъ, а во рту Глафира чувствуетъ холодную воду и раскрываетъ ротъ еще шире, словно ей нужно выпить до дна всю Фонтанку... «Не хочу, не надо, не надо!» старается крикнуть Глафира, въ то время какъ вода заливаетъ ей горло, и она, въ безпамятствѣ, судорожно, изо всей своей мочи, начинаетъ барахтаться, но ее тянетъ съ неодолимою силою книзу... Конецъ!

IX.

— Ай-яй, страсти какія! — воскликнула шопотомъ Вѣра.

Глафира поворачиваетъ на подушкахъ лицо и устремляетъ глаза на сестру, которая, свернувшись калачикомъ подъ своимъ одѣяломъ, жадно читаетъ предъ свѣчкой, стоящей на стулѣ и

заслоненной перекинутымъ черезъ спинку его полотенцемъ, чтобы свѣтъ не безпокоилъ Глафиру.

— Что такое?—освѣдомляется та, прерывая нить своихъ думъ.

Вопросъ произнесенъ тоже шопотомъ (всѣ въ домѣ уже улеглись), но Вѣра испуганно вздрагиваетъ, словно пойманная на преступномъ дѣяніи, и робкимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ты развѣ не спишь?

— Нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ Глафира.

— Прости, Глашенька, я, право, не знала. Тебѣ свѣчка мѣшаетъ, я сейчасъ погашу.

— Ничего, читай на здоровье, я спать не хочу,—возражаетъ кротко Глафира.

— Правда? ей-Богу?.. А знаешь, просто нельзя оторваться! Такъ интересно!

— Это «Ледяной домъ» ты читаешь?

— Да, его начала... Ужасъ, какъ интересно! Тутъ есть одно мѣсто... Какой это мерзавецъ Биронъ! Хочешь, прочту?

— Ну, читай,—сказала Глафира.

— Это одного хохла его слуги пытаютъ!—принялась пояснять съ увлеченіемъ, Вѣра. — Одинъ хохолъ на Бирона императрицѣ доносъ написалъ, какъ онъ ее надуваетъ и какъ онъ ненавидитъ всѣхъ русскихъ... ну, словомъ, вообще, какой онъ мерзавецъ... а Биронъ про это пронюхалъ и велѣлъ узнать, во чтобы ни стало, куда хохолъ доносъ этотъ спряталъ... И вотъ надъ нимъ дѣлаютъ пытку, голаго, на морозѣ, водой обливаютъ!

— Водой обливаютъ?—задумчиво переспросила Глафира.

— Ну, да, на морозѣ, представь! Морозъ въ сорокъ градусовъ, а онъ совсѣмъ голый, привязанъ, и его изъ ушатовъ окачиваютъ... затѣмъ, чтобъ признался!.. Изъ одного ушата его окатили—не хочетъ признаться! Изъ другого потомъ окатили—молчитъ! Каковъ молодчина?.. Слушай теперь, какъ въ третій разъ его окатили...

Тутъ Вѣра облокотилась рукой о подушки и, блистая глазами, вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ, прочитала, съ большимъ выраженіемъ:

«*Послѣ третьяго ушата хохолъ повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька, черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слиплись, руки приросли къ туловищу, вся фигура облачилаеь въ серебряную мантію съ пышными сборами; мало-по-малу ноги пустили отъ себя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ сѣткою лопалась ледяная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушатъ воды надъ головою, и малороссіянинъ сталъ одной неподвижной, мертвой глыбой*».

Вѣра перевела съ усиліемъ духъ и спросила:

— Страшно? Не правда ли?

И, приподнявшись съ подушекъ, она бросила взглядъ на сестру, ища въ ней сочувствія. Глафира молчала, лежа, не шевелясь, на боку, съ застывшимъ задумчиво взоромъ, точно представляя въ мысляхъ разсказанную въ книгѣ исторію.

Не дождавшись отвѣта, Вѣра опять приникла къ подушкамъ и жадно впилась въ свой романъ, послѣ чего не произнесла больше ни слова. Старшая сестра пребывала въ своей прежней позѣ, только закрыла глаза, и, вслѣдствіе падавшей на лицо ея тѣни отъ устроеннаго изъ полотенца экрана и придававшей чертамъ неподвижность, казалось, что Глафира погружается въ сонъ.

Но этого не было. Какъ бы въявь она переиспытывала тѣ ощущенія, когда жуткій холодъ страшной громады воды объемлетъ все тѣло, цѣпенитъ всѣ движенія и словно заливаетъ всю душу. Все погибло, есть только сознаніе, что вотъ она—смерть, и не видится ни откуда пощады, и... о, какъ хочется жить!..

Съ ней это было, и она это помнитъ. И вотъ теперь, въ мягкихъ нѣдрахъ согрѣтой теплотою ея собственнаго тѣла постели, въ отрадной тиши ночного покоя, въ сосѣдствѣ близкихъ людей, Глафирѣ хотѣлось бы, съ какою-то особенною, жуткою сладостью, просмаковать воспоминаніе пережитаго ужаса, со всяческой мелкой подробностью, какъ послѣ привидѣвшагося страшнаго сна, отъ котораго такъ радостно бываетъ проснуться... Но такого сна нельзя воспроизвести цѣликомъ, моментъ за моментомъ, и Глафира вспоминаетъ только въ видѣ клочковъ, почему-то удержавшихся въ памяти, тогда какъ все остальное сплылось въ нѣкій безобразный сумбуръ, гдѣ трудно разобрать и отдѣлить одно отъ другого, что было въ дѣйствительности и что примерещилось въ горячечныхъ грёзахъ.

Было все какъ-то нелѣпо и странно, что произошло послѣ того, какъ она бросилась въ воду и рѣшила въ мысляхъ: «это смерть!» Передъ нею тѣ же барки, мерцающіе огоньки фонарей, чугунныя перила Фонтанки, а она сама сидитъ тутъ же, на тумбѣ, ощущая, что мокрое платье облѣпило все ея тѣло и понимая только одно: *она снова живетъ...* Какъ это случилось? Ее вытащили и посадили сюда мужики, о которыхъ она давеча думала, мужики съ этихъ барокъ... И вотъ они всѣ стоятъ и галдятъ, окружая Глафиру, и она не знаетъ, о чемъ они разсуждаютъ, да ей и не любопытно совсѣмъ, она чувствуетъ только, что ей очень холодно и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно, какъ бываетъ, когда человѣка раздѣли и съ любопытствомъ разсматриваютъ... Стыдно, ужаснѣйшимъ образомъ стыдно — вотъ что Глафира испытываетъ пуще всего! Словно она чѣмъ-то провинилась предъ всѣми и должна понести наказаніе,

потому что, кромѣ мужиковъ, она замѣчаетъ городового и дворника, которые хотятъ посадить ее на извозчика и говорятъ о полиціи... Что она сдѣлала имъ, что они такъ злы на нее, да и зачѣмъ, зачѣмъ это все, какое имъ дѣло до нея, до Глафиры, съ какой стати къ ней они лѣзутъ, когда ей только и нужно остаться одной и посидѣть, отдохнуть здѣсь, на этой вотъ тумбѣ?.. Ей враждебны и страшны всѣ эти люди, но она не въ силахъ съ ними бороться... Они готовы уже ее одолѣть...

И вдругъ чей-то властный и грозный, одиноко раздавшійся голосъ побѣждаетъ весь этотъ галдежъ злыхъ голосовъ. Она понимаетъ, что это ея другъ, избавитель... Споръ длится недолго и кончается тѣмъ, что Глафира оказывается вдругъ на свободѣ, рядомъ со своимъ нѣжданнымъ спасителемъ, который куда-то везетъ ее... Неизвѣстно куда, но ей все равно.

Онъ что-то ей говоритъ, но что именно — она не можетъ понять, ибо колеса подъ ними громко стучатъ, и она не въ состояніи сосредоточить вниманіе — такъ все это дико, такъ странно, такъ похоже на сонъ...

«Гдѣ вы живете?» спрашиваетъ ее незнакомецъ... Это только одно она и разслышала, и этотъ вопросъ обдаетъ ее ужасомъ... Домой? къ маменькѣ? къ Вѣрѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, это страшнѣе всего, легче назадъ, опять въ воду!.. И прозрѣвая въ мысляхъ незнакомца предательство, она уже соскакиваетъ было съ пролетки, чтобы бѣжать безъ оглядки, но тотъ успѣваетъ ее удержать и въ одну минуту ее успокоиваетъ. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ ее доставить домой, онъ сдѣлаетъ все, что она пожелаетъ, и онъ ее не покинетъ. Глафира спокойна и готова во всемъ его слушаться.

Но все это чрезвычайно похоже на сонъ, и только лишь потому, что ей страшно холодно и мокрое платье облѣпляетъ ей спину и ноги, Глафирѣ извѣстно, что это происходитъ въ дѣйствительности. Клочки какихъ-то безсвязныхъ и туманныхъ мыслей мелькаютъ въ ея головѣ, какъ бываетъ при настоящей дремотѣ, и все представляется словно сквозь сонъ. Словно сквозь сонъ она слышетъ, какъ ея охранитель крикнулъ что-то извозчику; словно сквозь сонъ рисуются въ туманной мглѣ фонарей бронзовые кони Аничкина моста, потомъ зданія Невскаго, какая-то вывѣска съ огромными французскими литерами, зіяющій рядъ черныхъ оконъ, ворота, затѣмъ перекрестокъ — и вдругъ остановка. Нужно сойти. Неужели пріѣхали? Такъ скоро? Какъ это странно.

Подъѣздъ со стеклянною дверью и швейцаромъ со свѣтлыми пуговицами, ступеньки наверхъ, площадка, снова ступеньки, все выше и выше, потомъ корридоръ, длинный-длинный и узкій, какія-то двери, какой-то человѣкъ, во фракѣ, накинутомъ поверхъ ситцевой полосатой рубашки, и съ голою грудью, щелкнувъ ключомъ, отворяетъ одну

изъ дверей и вводитъ ихъ въ темноту. Тамъ онъ зажигаетъ пару свѣчей, и Глафира замѣчаетъ диванъ, съ овальнымъ столомъ передъ нимъ, кресла и зеркало. Все время ея избавитель сердито кричитъ и командуетъ, топаетъ даже ногами, и она понимаетъ, что дѣлается это все для нея, и она покорно всему подчиняется, ибо онъ этого хочетъ, и это такъ нужно, хотя она и не знаетъ зачѣмъ, но это ей все равно, такъ какъ у нея у самой нѣтъ ни желаній, ни воли, ни силъ... Потомъ входитъ какая-то женщина, съ ворохомъ бѣлья и платьемъ въ рукахъ, и приглашаетъ Глафиру перейти въ сосѣднюю комнату, гдѣ помогаетъ ей совлечь съ себя все мокрое свое одѣяніе и одѣться въ сухое

И вотъ Глафира сидитъ на диванѣ. Ей тепло и уютно. Она вдвоемъ съ незнакомцемъ.

«Вамъ чаю нужно скорѣе!»—говоритъ онъ ей, бросаясь къ столу, гдѣ стоитъ уже чайный приборъ и бутылки, и наливаетъ въ стаканъ ей изъ чайника.—«И коньяку непремѣнно! Это васъ подкрѣпитъ и согрѣетъ! И вина! вина обязательно!»—И онъ наливаетъ коньяку и вина, повторяя: «Вы непремѣнно, непремѣнно выпить должны!»

Свѣчки стоятъ на столѣ, и огонь ихъ ударяетъ ей прямо въ глаза. Замѣтивъ, что онѣ ей мѣшаютъ, онъ переноситъ ихъ къ зеркалу, потомъ становится противъ Глафиры и принимается снова ее уговаривать, чтобы она выпила вина, потомъ чаю, ибо ей нужно согрѣться.

Сколько доброты и участія къ ней звучитъ въ его голосѣ!.. Сквозь туманъ, окутывавшій мысли Глафиры, передъ нею впервые вдругъ ярко встало все, все, что случилось до этого... Ей почудилось, что тотъ тяжелый, холодный комокъ, называемый сердцемъ, который все время, какъ камень, давилъ ея грудь, вдругъ растопился. Что-то горячей волною поднялось изъ глубины ея существа, залило душу, подхватило и бросило ничкомъ на диванъ, и затѣмъ изъ глазъ ея хлынули слезы... Казалось, конца имъ не будетъ, этимъ слезамъ, и онѣ все лились и лились, неудержимымъ потокомъ, а грудь разрывалась рыданіями, вызывая стоны и вопли и сотрясая въ конвульсіяхъ все тѣло Глафиры...

Онъ испугался, старался ее успокоить, взялъ ее за руку... Глафира быстро схватила ее, эту руку, горячо прижала къ губамъ и излила въ безсвязныхъ словахъ свою благодарность. Послѣ этого она стала спокойнѣе. Она даже выпила вина и горячаго чаю, ибо ему это было пріятно.

Вдругъ онъ всталъ и сказалъ, что долженъ оставить ее. Онъ говорилъ, что завтра опять сюда явится, но теперь ему нужно уѣхать. Это было для нея совсѣмъ неожиданно. Мысль опять остаться одной, всѣми покинутой, обдала ее ужасомъ.

«Вы боитесь?» спросилъ онъ ее.

«Да, мнѣ здѣсь страшно,» прошептала Глафира и услыхала въ отвѣтъ:

«Хорошо, я останусь...»

О, добрый и милый!

И онъ остался, дѣйствительно. Онъ сѣлъ близко къ ней, въ кресло, а она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ дивана. Тогда она хорошо его разсмотрѣла. Помнится, свѣчи стояли попрежнему тамъ же, у зеркала, гдѣ были поставлены, и свѣтъ отъ нихъ падалъ сзади на незнакомца, но Глафира видѣла ясно лицо его, его красивую черноволосую голову, такую же бороду и черные, выразительные, большіе глаза... Эти глаза словно впивались въ нее, словно притягивали, и она не могла отъ нихъ оторваться...

Можетъ быть, она была тогда ужъ больна... То, что она теперь въ состояніи припомнить, представляется ей какъ бы происходившимъ въ бреду, между тѣмъ какъ то было дѣйствительностью, теперь она навѣрное знаетъ, что было дѣйствительностью, но такою необыкновенною, особенною, что и тогда ей казалась похожею на грёзу... Можетъ быть, и вино произвело свое дѣйствіе.

Вѣдь она его выпила цѣлый стаканъ, пила и чай съ коньякомъ... Никогда такъ много она не пила, и выпитое ей ударило въ голову. По временамъ глаза ея какъ бы застилало туманомъ, послѣдовательное теченіе мыслей прерывалось, и это можно объяснить опьяненіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей казалось, будто передъ нею открывается какая-то новая жизнь, міръ какихъ-то особенныхъ, необычайныхъ идей начинаетъ наполнять ея голову, все старое, что когда-то занимало и мучило, кажется такимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь она ощущаетъ, такими ничтожными, жалкими выступаютъ моментами въ памяти люди, коихъ до сихъ поръ она знала, въ сравненіи съ нимъ, съ этимъ вотъ самымъ, невѣдомо откуда появившимся передъ нею человѣкомъ, умнымъ, великодушнымъ, красивымъ, котораго ей послала судьба.

Онъ сидѣлъ близко, совсѣмъ рядомъ съ нею, держалъ ея руки въ своихъ и много ей говорилъ и разсказывалъ... Теперь она ничего не можетъ припомнить, такъ какъ въ то время сознаніе ея затмевалось и въ головѣ вдругъ взметались и вихрились свои особыя мысли, но она все время смотрѣла на него неотводно, слушала звукъ его голоса, ощущала на себѣ горящій взоръ его глазъ, и все ея существо влеклось къ нему беззавѣтно. Онъ говорилъ о себѣ, о томъ, что никто его не можетъ понять, что ни разу, во всю свою жизнь, онъ не встрѣтилъ самоотверженной женской души, которая могла бы для него все забыть, все отдать, заставить его испытать настоящее счастье, и это его мучитъ, томитъ, безъ этого онъ не въ состояніи долѣе жить и думаетъ

даже покончить съ собою... О, какъ все это было похоже на то, что когда-то терзало тоже Глафиру!

«Когда-нибудь я размозжу себѣ черепъ!» воскликнулъ онъ напослѣдокъ, съ мрачнымъ отчаяніемъ.

Это словно перевернуло въ Глафирѣ всю душу. Она увидала себя вдругъ какъ бы стоящею въ преддверіи новаго міра... Вотъ она, наконецъ, эта столь долго исканная, столь алчно желанная и готовая открыться ей тайна!.. Никогда иль теперь!

«Нѣтъ, жить! Нужно жить!» вскричала она, чувствуя, будто мчится стремглавъ съ какой-то горы. «Если бы я только могла! Еслибъ отъ меня это зависѣло!.. О, мнѣ теперь все равно!»

И она простерла къ нему свои руки. Онъ сжалъ ее отвѣтно въ объятіяхъ...

Вслѣдъ затѣмъ наступившее было похоже на какой-то бурный, палящій и безумно-сладостный сонъ, который невозможно потомъ пережить и представить въ мысляхъ... Въ немъ потонула всякая память себя и всего окружающаго.

Потомъ забытье. То было не покой, не забвеніе, а что-то тяжелое, неизобразимо-гнетущее... Словно всю ее придавили какою-то холодною плитою, которая сжимала ей сердце и голову, тѣснила дыханіе и не давала ей шевельнуться, собрать всѣ свои силы, чтобы сбросить съ себя эту тяжесть... По временамъ она какъ бы приходила въ себя, сознавая, что она лежитъ и не спитъ гдѣ-то, не дома, уткнувшись лицомъ въ какую-то стѣну съ мягкой обивкой, на которой слабо дрожитъ отраженіе мерцающаго гдѣ-то, сбоку огня... Тогда ей казалось, что она проснулась въ гробу, она производила попытку пошевелиться и встать, но руки и ноги не слушались, сознаніе гасло, и наступало опять ощущеніе той же тяжко-давящей холодной плиты...

Неизвѣстно, какъ долго длилось таковое ея состояніе, пока, наконецъ, она не пришла совершенно въ себя. Первое, что ей метнулось въ глаза—это незнакомая женщина, державшая въ рукахъ какіе-то свертки.

Глафира испуганно вскинулась, сѣла и увидѣла незнакомыя стѣны, съ обоями темнокраснаго цвѣта съ золотыми узорами, похожими на массу вытаращенныхъ человѣческихъ глазъ, съ мягкою, обтёрханною мебелью, съ такою же обивкой, какая была на этомъ диванѣ, на которомъ она пробудилась, и овальнымъ столомъ, заставленнымъ пустыми бутылками и чайною посудой... Въ высокія окна смотрѣло дождливое утро.

Она не понимала, гдѣ она и что съ нею. Голова ея жестоко болѣла, все тѣло знобило, и страшная слабость всѣхъ членовъ тянула ее повалиться опять на диванъ. Но она скрѣпилась изъ

всѣхъ своихъ силъ, чтобы сообразить и понять, что вокругъ нея происходитъ.

Та же незнакомая женщина (Глафирѣ показалась она молодою и похожею на горничную) говорила что-то о платьѣ, въ которое нужно одѣться Глафирѣ, упоминала о какомъ-то мужчинѣ, который недавно уѣхалъ и снова пріѣдетъ... Глафира слушала словно сквозь сонъ, понимая лишь то, что она въ первый разъ въ этой комнатѣ, что на ней почему-то чужая одежда, которую ей необходимо тотчасъ же скинуть, и что ей нельзя долѣе здѣсь оставаться. Какими судьбами она здѣсь очутилась—голова отказывалась ей отвѣчать, да Глафира и не задавалась этимъ вопросомъ, ибо это ей было совсѣмъ безразлично, какъ и все, рѣшительно все было ей безразлично. Въ ней отсутствовали всякія чувства и мысли, кромѣ одной неодолимой потребности сна и покоя.

Минутами ей казалось, что она уже готова лишиться сознанія, и она собирала всю свою волю, чтобы скрѣпиться и удержать только мысль, что слѣдуетъ ей отвѣчать и что нужно ей дѣлать.

Машинально, какъ бы сквозь сонъ, она переодѣлась, при помощи горничной, вся, до нижняго бѣлья и чулокъ; машинально, какъ бы сквозь сонъ, дала отвѣтъ на разспросы о своемъ мѣстожительствѣ; и тоже машинально, какъ бы сквозь сонъ, двинулась къ выходу. Ее вели подъ руки та же самая женщина и какой-то мужчина.

Въ дверяхъ вышла задержка. Возникъ вопросъ о шляпѣ Глафиры, которой нигдѣ не нашлось. При этомъ кто то сказалъ, что на ней совсѣмъ и не было шляпы. Затѣмъ кто-то повязалъ ея голову какимъ-то платкомъ. Дальнѣйшее уже шло безпрепятственно. Переходъ былъ длиненъ и труденъ, по какимъ-то корридорамъ и лѣстницамъ, причемъ все время вели ее подъ руки.

На минуту въ ней вспыхнуло ясно сознаніе, когда она очутилась на улицѣ и подъ нею застучали колеса извозчичьихъ дрожекъ, а затѣмъ наступило опять состояніе полу-сна, полу-бдѣнія, вплоть до момента, когда она увидѣла вдругъ передъ собою ворота знакомаго дома и тутъ ей сказали, что она должна заплатить и сойти. Она сдѣлала то и другое, отыскавъ портмонэ и доставъ оттуда, безъ счета, какую-то мелочь, а затѣмъ устремилась въ ворота. Она хорошо различила дорогу, узнала знакомый подъѣздъ и знакомую дверь, отворила ее и вошла.

Въ кухнѣ на нее во всѣ глаза воззрилась и даже попятилась какъ бы съ изумленіемъ кухарка Лукерья, испуганнымъ голосомъ что-то воскликнула маменька, тоже воскликнула что-то и Вѣра... Она прошла мимо всѣхъ трехъ, достигла постели, но тутъ силы покинули ее уже окончательно, и затѣмъ обступилъ міръ горячныхъ грёзъ...

*

Видѣнія были мучительны и исполнены ужасовъ, въ видѣ всевозможныхъ, угрожавшихъ Глафирѣ напастей. То она тонула въ водѣ, то видѣла себя объятою пламенемъ. Около нея тѣснились разные знакомые люди, съ жестокими и враждебными лицами, и между ними маменька, Вѣра... Отъ нихъ ей приходилось спасаться, потому что они всѣ хотѣли ей зла. Отъ нихъ она хоронилась въ темнотѣ пустыхъ барокъ, мчалась стремглавъ по длиннымъ, извилистымъ корридорамъ и лѣстницамъ, гдѣ, въ концѣ, ее ждали городовые и дворники, чтобы отправить въ полицію, ибо всѣмъ стало извѣстно, чрезъ когда-то любимаго ею Аркашу, что она старая вѣдьма и у нея растетъ хвостъ... Въ то же самое время она переживала глубокую тоску одиночества, сиротства и оброшенности. Иногда, когда ей грозила уже бѣда неминучая, неожиданно появлялся черноволосый мужчина съ повелительнымъ голосомъ и сверкающимъ взоромъ. Онъ продирался къ ней изъ толпы, которая передъ нимъ разступалась, или плылъ по водѣ, простирая къ ней руки... Но онъ появлялся лишь на мгновеніе и всегда исчезалъ, когда онѣ, эти руки, готовы уже были коснуться Глафиры. Это былъ ея самоотверженный другъ и хранитель, который постоянно къ ней стремился на помощь, но его всегда отъ нея оттѣсняли враждебные люди. Въ минуты возвращавшагося къ Глафирѣ сознанія она видѣла знакомыя стѣны, узнавала мать и сестру и догадывалась въ то же самое время, что *онъ* гдѣ-то здѣсь, близко, но только не можетъ открыться, тогда какъ всѣ, кто хотѣли ей зла, безпрепятственно и упорно къ ней лѣзли. Мартынъ Матвѣичъ Телѣжниковъ въ одно мгновеніе ока преображался въ оскорблявшаго ее пьянаго нахала на улицѣ, который оказывался переодѣтымъ въ маменькины платье и чепчикъ, и насмѣшливо протягивалъ Глафирѣ букетъ, составленный изъ вытаращенныхъ человѣческихъ глазъ... А онъ, этотъ самый вѣрный и преданный другъ, скрывался тутъ же, близко, въ квартирѣ, не имѣя возможности передъ нею обнаружиться, потому что Лукерья заперла его подъ замокъ, въ чуланѣ, подъ лѣстницей, гдѣ хранятся дрова и прячется оставшаяся отъ обѣда провизія—и тогда на Глафиру нападали тоска и отчаяніе.

. . . .

Огонь вдругъ потухъ. Начитавшаяся досыта Вѣра дунула и погасила свѣчу, и непроницаемый мракъ водворился въ спальнѣ обѣихъ сестеръ.

Младшая немного поворочалась еще на постели, испустила два-три сладкихъ зѣвка и скоро затихла. Старшая еще долго смотрѣла во тьму, гдѣ едва вырисовывалось мутнымъ квадратомъ окошко, и продолжала возстановлять въ своей памяти спутанный міръ дикихъ и ужасающихъ образовъ, недавно витавшихъ вотъ здѣсь, вокругъ ея изголовья, съ проходившею постоянно одною и

тою же фигурой, къ которой рвалась всею своею, объятою безуміемъ бреда, душою Глафира...

Она и теперь къ ней стремилась. Но то, что было такъ явственно и рельефно въ бреду, нельзя было сосредоточить въ мысляхъ. Словно каждая частица этой фигуры имѣла отдѣльное свое бытіе въ глафириной памяти и—странное дѣло!—при первой попыткѣ сплотить ихъ въ одинъ цѣльный образъ, всѣ онѣ расплывались въ пространствѣ, оставляя послѣ себя нѣчто неуловимо, измѣнчивое, какъ на картинѣ, колеблемой вѣтромъ, мѣшающимъ глазу установить порядокъ деталей.

А между тѣмъ, если приведется имъ свидѣться, она его сразу узнаетъ. Въ этомъ Глафира была непоколебимо увѣрена, и также была непоколебимо увѣрена въ томъ, что *она должна неизбѣжно съ нимъ свидѣться.*

X.

«*Осмотрѣвъ ледяную статую, Зуда и арабъ похоронили ее въ снѣжномъ сугробѣ на берегу Невы*».

Этими словами заканчивалась первая часть знаменитаго романа Лажечникова. Дочитавъ ее на другой день за утреннимъ кофеемъ, Вѣра захлопнула и положила на столъ растрепанный томикъ, потомъ вздохнула и глубоко задумалась.

— Интересная книга?—спросила Глафира, допивъ свою первую чашку и протягивая ее Авдотьѣ Макаровнѣ, чтобы та налила ее повторительно.

— Чрезвычайно!—воскликнула Вѣра.—Этого Биронишку подлаго я бы въ клочки растерзала! А Волынскій... Ахъ, какой это чудный Волынскій!

— Это они кто же такіе?—спросила Авдотья Макаровна, передавая обратно налитую кофеемъ чашку Глафирѣ.

— Министры.

— Что-жъ они сдѣлали?—интересовалась старуха.

— Ахъ, маменька, это скучно разсказывать, — возразила было съ неудовольствіемъ Вѣра, но все-таки разсказала про того и другого, со всѣми яркими красками, запечатлѣвшимися въ памяти юной читательницы, и съ особенною выразительностью передавъ сцену обливанія на морозѣ хохла, прочитанную вслухъ ею сегодняшней ночью Глафирѣ.

— И все это было взаправду?—спросила, покачавъ головой Авдотья Макаровна.

— А то какъ же еще? Конечно, взаправду! У насъ, въ Петербургѣ.

— Хм... Когда-жъ это было?

— Больше ста лѣтъ назадъ это было. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ.

— Хм... Ну, развѣ что больше ста лѣтъ...—согласилась старушка и со вздохомъ прибавила:—тоже и врутъ часто въ книжкахъ то.

— Господи! Да вѣдь это романъ историческій! Какъ не стыдно вамъ, маменька, такъ говорить!—съ горячностью воскликнула Вѣра.

— Барыня, подите-ка ко мнѣ на минутку!—позвала Авдотью Макаровну выглянувшая изъ кухни Лукерья.

Старушка поднялась и вышла изъ комнаты, благодаря чему литературный споръ прекратился. Почти вслѣдъ за этимъ въ лавочкѣ задребезжалъ колокольчикъ, возвѣстивъ приходъ покупателя, и Вѣра поспѣшно пошла за прилавокъ.

Оставшаяся одна за самоваромъ, Глафира потянула къ себѣ растрепанный томикъ и стала разсматривать. Онъ носилъ общій видъ книжекъ, выдаваемыхъ публикѣ изъ «библіотекъ для чтенія», т.-е. имѣлъ ярлычокъ съ обозначеннымъ крупно чернилами номеромъ, налѣпленный наверху корешка, и штемпель, оттиснутый синею краской между крупными строками заглавія. По разбухшимъ и захватаннымъ пальцами страницамъ романа можно было судить, что онъ прошелъ по рукамъ, по крайней мѣрѣ, трехъ поколѣній подписчиковъ. Разсмотрѣвъ все внимательно, Глафира принялась перелистывать книжку, надъ кое-чѣмъ останавливаясь.

— Ты сегодня понесешь ее въ библіотеку?—спросила она вернувшуюся въ комнату Вѣру.

— Да, вторую часть надо взять,—отвѣтила та.—А что?

— Такъ... Мнѣ бы хотѣлось прочесть...

— Какъ! Ты хочешь прочесть?—переспросила сестра въ изумленіи.

— Да... Что же такое?.. А коли нельзя, такъ неси, Богъ съ тобою.

— Да отчего же, я могу и оставить. У меня вѣдь есть что читать... «*Госпожа де Монсоро*»... Я вѣдь по двѣ книжки беру.

— Значитъ, можно оставить?

— Можно, конечно... Вотъ никакъ я не думала, что ты захочешь читать!—вновь прибавила Вѣра.

Дѣйствительно, выраженіе такого желанія было отъ Глафиры совсѣмъ неожиданно. Она никогда не интересовалась романами и едва ли прочитала какой-либо изъ нихъ до конца. Увидавъ иногда гдѣ-нибудь валявшуюся книжку сестры, она небрежно брала ее въ руки и, прочитавъ изъ середины нѣсколько строкъ, тутъ же ее оставляла, съ зѣвотой.

А теперь, тотчасъ послѣ кофея, Глафира засѣла въ уголъ

дивана и углубилась въ растрепанный томикъ, тихо поглаживая одною рукою Матроса, развалившагося у нея на колѣнахъ. Проходившая суетливо изъ кухни зачѣмъ то къ чайному шкафчику Авдотья Макаровна покосилась на это странное зрѣлище. Спустя нѣсколько времени, старушка опять прошла черезъ комнату. Глафира сидѣла въ прежнемъ своемъ положеніи, положивъ одну руку на спину спавшаго сладко кота, а въ другой держа предъ глазами раскрытую книжку, не отрывая ихъ отъ страницъ, съ сосредоточенно наморщеннымъ лбомъ. Тутъ же, у края стола сидѣла и Вѣра, по всегдашней привычкѣ широко развалившись локтями, погруженная въ чтеніе «Госпожи де Монсоро»...

Старушка даже пріостановилась въ дверяхъ и издали поглядѣла съ минутку на эту картину обѣихъ сестеръ, слившихся такъ согласно въ единомъ занятіи. Послѣ этого она почему то вздохнула и скрылась.

А обѣ читательницы продолжали сидѣть, какъ замороженныя, и въ тишинѣ только изрѣдка слышался шелестъ переворачиваемой тою или другою страницы, да, время отъ времени, издавала тоненькую, протяжную нотку висѣвшая подъ потолкомъ канарейка, постукивая о донышко клѣтки, откуда то и дѣло на полъ сыпались зерна.

Иногда вдругъ раздавшееся стремительно дребезжаніе колокольчика въ лавкѣ отрывало Вѣру отъ книги, вызывая къ прилавку, послѣ чего она снова кидалась къ оставленному мѣсту романа. Глафира въ этихъ случаяхъ сохраняла спокойствіе, и лицо ея не мѣняло ни на минуту сосредоточеннаго своего выраженія. Въ противоположность сестрѣ, беззавѣтно, всѣмъ существомъ, отдававшейся міру вымышленныхъ лицъ и событій, она медленно, вдумчиво брела, такъ сказать, между ними, какъ гуляющій по извилистымъ тропкамъ въ лѣсу, гдѣ ежеминутно то или другое привлекаетъ вниманіе. Иногда она вдругъ отрывалась отъ книги и, опустивъ ее на колѣни, застывала на нѣсколько времени взоромъ въ неопредѣленномъ пространствѣ... Въ одну изъ таковыхъ минутъ самоуглубленнаго своего состоянія она встала съ дивана, вслѣдствіе чего разоспавшійся на ея колѣняхъ Матросъ грузно шлепнулся на полъ и, оскорбленный таковымъ вѣроломствомъ хозяйки, встряхнулся и съ достоинствомъ удалился во владѣнія Лукерьи. А Глафира подошла и встала къ окошку, откуда долго смотрѣла во дворъ, не шевелясь, въ сосредоточенной думѣ... Повидимому, книжка была совершенно забыта. Но, когда Лукерья стала накрывать на столъ для обѣда, Глафира заботливо схватилась за растрепанный томикъ и, загнувъ уголокъ на раскрытой страницѣ, унесла книжку къ себѣ. Послѣ обѣда она снова за нее принялась и читала до сумерокъ, когда стало уже трудно читать, такъ же опять загнула

страницу, спрятала книжку и въ остальную часть дня уже не прикасалась къ ней больше.

На другой день повторилось все то же. Напившись утромъ въ молчаніи кофею, она дождалась, когда убрали все со стола и принялась снова за чтеніе, такъ же, по вчерашнему, время отъ времени прерывая его, вставая съ дивана и думая свои тайныя думы. Потомъ она не отрывалась отъ «Ледяного дома» до сумерокъ, даже пересѣла къ окошку и тамъ дочитала послѣднія строчки. Закрывъ книжку, она положила молча ее на подоконникъ, передъ сидѣвшею тутъ же сестрою, трудившею глаза надъ «романомъ Дюма», потомъ ушла въ спальню, гдѣ долго лежала, въ потемкахъ, не зажигая огня, и вышла лишь къ чаю.

Затѣмъ появилась вторая часть романа Лажечникова. Терпѣливо дождавшись, когда Вѣра съ нею покончила, Глафира завладѣла ею немедленно и прочитала, также какъ первую, въ теченіе полуторыхъ дней. Вечеромъ, когда мать и сестра усѣлись вокругъ самовара пить чай, она вынесла книжку изъ спальни и такъ же, какъ въ первый разъ, молча положила ее передъ Вѣрой.

Та спросила:

— Прочла?

Глафира кивнула головой утвердительно.

— Ну что? Хорошо?

Глафира пошевелила плечами, повела одною бровью и тѣмъ ограничилась.

— Неужели совсѣмъ не понравилось?—огорченно изумилась сестра.

— Нѣтъ, ничего... занимательно...—сказала Глафира и, какъ бы подумавъ немного, прибавила:—очень жалко цыганку...

— Маріулу? — подхватила съ живостью Вѣра. — Да, ужасно, ужасно!.. Представьте, маменька, какая несчастная! Она была раньше красавица и нарочно испортила себѣ все лицо! Нарочно сдѣлала такъ, чтобы на нее противно было глядѣть! Кислотой обожгла!

— Это кто же такъ сдѣлалъ? — переспросила Авдотья Макаровна, держа передъ ртомъ на растопыренныхъ пальцахъ блюдечко съ чаемъ и подувая на него, чтобы горячій напитокъ остылъ.

— Цыганка одна. Ей хотѣлось, чтобы дочь ее не узнала.

— Зачѣмъ же хотѣлось ей, чтобы дочь ее не узнала? — съ недоумѣніемъ переспросила старушка.

— Изъ-за материнской любви! — съ горячностью отвѣтила Вѣра.—Дочь ея жила во дворцѣ и считалась молдаванской княжной. А была она лицомъ въ мать, совсѣмъ вылитая... И вдругъ всѣ-бы узнали, что мать у нея простая цыганка! А она сама тоже не знала, кто ея мать, даже не знала, что она существуетъ на свѣтѣ,—и вдругъ-бы ей стало извѣстно, чья она дочь!.. Такъ вотъ,

чтобы дочери за нее не было стыдно, мать и обожгла себѣ лицо кислотой...

— Какъ? Это чтобы дочери за мать-то не было стыдно?—снова переспросила старушка.—Хороша дочка! Отличная!

— Ахъ, маменька, да поймите, что она вѣдь княжна!—заступилась Вѣра за свою героиню.

— Такъ что же? А по моему пусть даже прынцесса! Какъ! Чтобы дочь за родную мать свою стала стыдиться?! Ужъ это совсѣмъ послѣдняя вещь! Небось и ты бы такъ сдѣлала?

— Что сдѣлала?

— А такъ же вотъ, какъ эта княжна? Напримѣръ, я къ тебѣ бы пришла... Ты меня тоже бы стала стыдиться?..

— Ахъ, маменька, какъ вы не хотите понять...

— Все я понимаю отлично! Скверная твоя эта княжна, да и цыганка эта самая дура! И прекрасно, что она себѣ морду кислотой обожгла! Очень рада! Я бы плетьми еще ее отодрала! — съ гнѣвомъ воскликнула Авдотья Макаровна и даже закашлялась.— Дура! Чистая дура! Да и дочку бы слѣдовало...

— Да чего же вы сердитесь, маменька? — подала, наконецъ, свой голосъ Глафира и прибавила успокоительнымъ тономъ: — вѣдь это же только въ книгѣ написано. На то и романъ, сочиненіе...

— И сочинитель дуракъ, что глупости пишетъ! — сурово отрѣзала Авдотья Макаровна, и дрожащей отъ волненія рукою стала наливать себѣ новую чашку.

На этомъ литературный споръ прекратился, а затѣмъ, когда послѣ чаю столъ былъ очищенъ, сыграли нѣсколько партій въ «зѣваки», въ которыхъ почти постоянно приходилось оставаться Авдотьѣ Макаровнѣ, пока, наконецъ, она съ досадой бросила карты, воскликнувъ:

— Не хочу! Что это, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Да и спать ужъ пора.

На этотъ разъ, какъ всегда, мирно закончился вечеръ.

Такъ протекали всѣ дни, похожіе одинъ на другой.

Глафира была теперь почти совсѣмъ ужъ здорова, но еще не выходила на воздухъ, даже не появлялась и за прилавкомъ, при звонкахъ покупателей. По общему голосу всѣхъ домашнихъ, ей еще нужно было беречься, а въ лавочкѣ она могла простудиться, такъ какъ отворявшаяся съ улицы дверь впускала каждый разъ струю холоднаго воздуха.

Да она, повидимому, и не тяготилась своею бездѣятельностью. Время ея теперь наполнялось чтеніемъ книгъ, приносимыхъ изъ библіотеки Вѣрой, и, судя по тому, какъ она теперь непрерывно, отъ доски до доски, поглощала романы, можно было подумать, будто она задалась обѣщаніемъ наверстать за этотъ періодъ до-

суга всѣ сдѣланныя въ предыдущее время на этотъ счетъ упущенія. Въ этомъ отношеніи она даже не отставала теперь отъ сестры, и пока та успѣвала упиться до дна всею сладостью котораго-нибудь изъ «Семи смертныхъ грѣховъ» Евгенія Сю, Глафира высвобождалась уже изъ дебрей «Брынскаго лѣса» Загоскина. послѣ чего между сестрами происходилъ взаимный обмѣнъ прочтенными книгами.

Что касается Вѣры, то ей теперь приходилось читать только урывками, благодаря тому, что роль продавщицы въ табачной, отъ которой была освобождена совершенно Глафира, какъ выздоравливающая, лежала теперь на плечахъ юной дѣвицы, днемъ же даже, можно сказать, исключительно, ибо Авдотья Макаровна до обѣда возилась вмѣстѣ съ Лукерьей на кухнѣ. Теперь эта обязанность, вначалѣ такъ ужасавшая и временами даже приводившая Вѣру въ отчаніе, стала ей совершенно привычною. Молодая дѣвица даже отрѣшилась отъ своей прежней застѣнчивости съ незнакомыми лицами, быстро отыскивала и отпускала нужный предметъ, сосчитывала и отдавала сколько слѣдуетъ сдачи и дѣловито записывала каждую выручку въ книгу прихода. Даже измѣнилась манера ея обращенія съ публикой, раньше державшей ее во все время въ состояніи тупого смущенія и какъ бы боязни, что вотъ-вотъ придется ей оскандалиться или, пожалуй, того и гляди, ее могутъ обидѣть... Теперь, когда нужно, она отвѣчала свободно, развязно, даже улыбалась на шуточки или любезныя фразочки, на которыя склонны бываютъ многіе изъ покупательской публики, въ тѣхъ случаяхъ, когда продавщица молода и хорошенькая

Впечатлѣнія дня служили иногда темою разговоровъ во время вечерняго чая, когда Вѣра вспоминала какой-нибудь случай. почему-либо оставшійся въ памяти юной дѣвицы.

Напр.:

— Къ намъ теперь какой-то фертикъ повадился... Каждый день ходитъ. И такъ странно держитъ себя.

— Чѣмъ странно? — спрашивала Авдотья Макаровна.

— Да какъ-то такъ... Чортъ его знаетъ, чего ему нужно. Все по десятку папиросъ покупаетъ.

— Такъ что-жъ тебѣ до того?

— Да онъ непріятный какой-то. Спроситъ, подашь ему. ну и уходи, значитъ, а онъ стоитъ да таращитъ глаза, и какъ-то особенно... И глаза при этомъ такіе противные, масляные...

— Что же онъ дѣлаетъ? — допрашивала Авдотья Макаровна.

— Да ничего онъ не дѣлаетъ, стоитъ да молчитъ... И такая поганая, нахальная рожа! Я сперва прежде думала, что онъ подъшефѐ постоянно.

— Да вѣдь онъ ничѣмъ тебя не обидѣлъ?

— Еще бы обидѣлъ! А только не могу его выносить и такъ рада бываю, когда онъ, наконецъ, уберется!

— А ты сама не обращай на него вниманія и не гляди на него — вотъ и кончено.

— Да я и то не гляжу, а все-таки такъ вотъ и чувствую, какъ онъ словно тебя хочетъ съѣсть своими глазищами-то! Да еще при этомъ сопитъ... Ужасный дуракъ! — воскликнула возмущенная Вѣра.

Разъ она сообщила, обращаясь къ Глафирѣ.

— А знаешь, тобой интересуются, спрашиваютъ!

— Кто? — спросила та быстро, выходя изъ задумчивости, и даже при этомъ вздрогнула...

— А вотъ этотъ чиновникъ, что давно ужъ къ намъ ходитъ... бритый такой, съ бабьимъ лицомъ...

— Не знаю, про кого ты говоришь... — разсѣянно отвѣчала сестра.

— Еще всегда нюхательный бергамотный табакъ покупаетъ... Неужели не помнишь?

— А, этотъ... — безучастно протянула Глафира.

— Отчего, говоритъ, давно вашей сестрицы не видно...

— Ты ему что же отвѣтила? — спросила Авдотья Макаровна.

— Была больна, говорю, а теперь поправляется.

— Что же онъ?

— А онъ ничего. Простился, ушелъ.

— Все-таки обратилъ, значитъ, вниманіе... — тряхнула знаменательно головою старушка. — Вишь онъ какой... Это хорошо... Ну, а еще когда кто-нибудь спрашивалъ, такъ же вотъ, что, молъ, ее давно не видать? — освѣдомилась она, помолчавъ.

— Нѣтъ, никто больше не спрашивалъ. — отвѣтила Вѣра.

XI.

Какъ-то утромъ, Авдотья Макаровна, по обыкновенію, вернувшись съ Сѣнной и сдавъ Лукерьѣ всю принесенную оттуда для обѣда провизію, собрала на столъ посуду изъ чайнаго шкафчика, затѣмъ дождалась, когда Лукерья подала самоваръ, и стала заваривать кофей, послѣ чего предстояло будить обѣихъ дѣвицъ. Между тѣмъ, Лукерья, поставивъ на столъ самоваръ, пошла было обратно къ себѣ, но уже у самыхъ дверей, какъ будто вдругъ что-то вспомнивъ, тихохонько вернулась назадъ и, нагнувшись изъ-за спины Авдотьи Макаровны, шепнула ей на ухо:

— Барыня...

Это было такъ неожиданно, что старушка содрогнулась всѣмъ

тѣломъ, чуть не выронивъ кофейникъ изъ рукъ. Она даже схватилась за сердце, не въ силахъ произнести ни единаго слова, и только отдохнувъ съ полъ-минуты, воскликнула:

— Фу-у!

И тотчасъ же съ негодованіемъ повернулась къ Лукерьѣ.

— Экая дурища! Господи! Какъ ты меня испугала!.. Чего тебѣ нужно?

Лукерья молча стояла надъ нею и таинственно косилась на дверь въ спальню дѣвицъ.

— Да ну, что тебѣ? — нетерпѣливо допытывалась Авдотья Макаровна.

Лукерья медленно нагнулась опять къ ее уху и шепнула, какъ раньше:

— Подите-тка со мной на минутку...

И съ этимъ сама пошла вонъ изъ комнаты.

— Да ну, что такое? — недоумѣвала Авдотья Макаровна, невольно подчиняясь этой таинственности и говоря тоже шепотомъ.

— Да ужъ идите, идите, вамъ говорятъ...—настойчиво повторила кухарка и скрылась за дверью.

Старушка бросила заваривать кофей и, преисполнившись вся какой-то смутной тревоги, поспѣшно пошла вслѣдъ за нею.

Лукерья дождалась, когда барыня была уже въ кухнѣ, притворила дверь въ комнаты и шепнула съ тою же таинственностью:

— Вотъ послушайте-ка, что вамъ скажу...

Глаза ея были торжественно выпучены, какъ передъ сообщеніемъ чего-то особенно важнаго и даже, пожалуй, ужаснаго... У Авдотьи Макаровны захолонуло на сердцѣ и задрожали колѣни... Вся ослабѣвъ, она опустилась на табуретку, въ углу, гдѣ стоялъ рукомойникъ, и прошептала съ испугомъ:

— Ну, ну?.. Что такое?..

Лукерья съ осторожностью пріотворила немного дверь въ комнаты, посмотрѣла издали на затворенную дверь въ спальню обѣихъ дѣвицъ, какъ бы съ намѣреніемъ убѣдиться, что туда ничего не можетъ быть слышно, утерла губы концомъ своего грязнаго фартука и, послѣ уже всѣхъ этихъ приготовленій, сообщила прежнимъ таинственнымъ шепотомъ:

— Тутъ аномнясь одинъ черный баринъ про нашу барышню спрашивалъ...

— Какъ? что?.. Какой черный баринъ?.. Про какую барышню?.. Да говори ты мнѣ толкомъ, ради Христа!

— Да я и говорю тебѣ толкомъ... Про старшую барышню, слышь... Про Глафиру Андревну... Про кого же еще?

— Да кто же? Что спрашивалъ?—лепетала въ смятеніи Ав-

дотья Макаровна.—Господи Боже! Ты меня, кажется, совсѣмъ съ ума свести хочешь, Лукерья!

— Вы сами стрекочете, слова не даете сказать!.. Дворникъ нашъ, Алексѣй, принесъ намъ даве воды, покамѣсть ты на рынокъ ходила, и мнѣ про этого барина сказывалъ. Позавчера, кажись, говорилъ Алексѣй-то, подходитъ къ нему подъ воротами баринъ и спрашиваетъ, знаетъ ли онъ, Алексѣй-то, нашу барышню Глафиру Андревну... Нѣтъ, вру, не такъ онъ сказалъ... Погоди, какъ онъ разсказывалъ?.. Да!.. «Знаешь ли ты, говоритъ, старушку, что въ вашемъ домѣ табачную лавочку держитъ?» (про тебя это, значитъ). «Извѣстно, какъ же не знать-то, Алексѣй ему говоритъ, коли эта лавочка въ нашемъ домѣ находится». «И дочку ейную знаешь?» «Обѣхъ даже знаю, потому въ нашихъ жильцахъ состоятъ.» «Нѣтъ, ту, говоритъ, котора въ болѣзни находится?» «И ту, молъ, хорошо тоже знаю.» «Ну, что, какъ она теперича въ своемъ положеніи?» (все это баринъ-то спрашиваетъ). «Ничего теперича, слава-Богу, совсѣмъ ужъ поправимшись,» говоритъ Алексѣй. «Здорова?» «Совсѣмъ ужъ здорова», опять ему Алексѣй... Тутъ баринъ въ карманъ, сейчасъ портмонѐ, вынулъ двугривенный и подаетъ Алексѣю. «Это тебѣ за то, говоритъ, что я тебя утрудилъ...» И пошелъ... Прошелъ эдакъ онъ шага съ два или съ три, снова ворочается и опять къ Алексѣю. «А какъ ее, спрашиваетъ, по имени-отчеству звать?» Больно ужъ это чуднò ему, Алексѣю-то, стало, только онъ все же сказалъ: «Глафирой Андревною звать...» Да и самъ, не будь глупъ, барина спрашиваетъ: «Вы, молъ, сами-то, господинъ хорошій въ какихъ все это смыслахъ желаете знать? Потому какъ я вижу теперича, совсѣмъ вы съ ней незнакомы, то съ какой стати для васъ антиресно?» А такъ, говоритъ, потому я видалъ ее въ одномъ мѣстѣ и принимаю участіе...» Это баринъ-то въ отвѣтъ Алексѣю. А самъ достаетъ изъ портмонѐ еще пятіалтынный и суетъ Алексѣю. «Вотъ, молъ, возьми еще за труды и, пожалуйста, чтобы это былъ промежъ нами секретъ. Не говори никому, что у меня былъ съ тобой разговоръ...» Сказалъ да вдругъ живо-живо таково отъ Алексѣя изъ-подъ воротъ да на улицу... Пошелъ было Алексѣй-то за нимъ, поглядѣть, куда тотъ пойдетъ, анъ его и слѣдъ ужъ простылъ!

Закончивъ на этомъ мѣстѣ разсказъ свой, на сей разъ не прерванный ни единымъ замѣчаніемъ барыни, Лукерья умолкла.

Авдотья Макаровна тоже безмолвствовала, совершенно подавленная. Все это, что привелось ей услышать, было такъ неожиданно, необычайно и странно, что старушка лишь чувствовала, какъ всегда съ нею бывало въ случаяхъ подобнаго рода, полную растерянность всѣхъ своихъ мыслей и неспособность сообразить что-нибудь. Нѣсколько времени она только глядѣла на разсказчицу.

тупымъ и безпомощнымъ взоромъ, пока, наконецъ, смогла пролепетать машинально:

— Что-жъ это значитъ?.. Кто-бъ это могъ быть? . А?.. Лукерья?.. Что это за баринъ такой?..

— Баринъ совсѣмъ настоящій, Алексѣй говоритъ... Хорошо такъ одѣвшись, въ шляпѣ, въ пальтѣ... Изъ себя такой черный.

— Черный?—переспросила Авдотья Макаровна.

— Какъ есть совсѣмъ черный. И глаза, и волосы черные. Съ бородой... И борода тоже черная... Да это не все еще, слышь!— продолжала, вновь оживляясь, Лукерья.—Вотъ еще, что разсказалъ Алексѣй-то. «Ушелъ, говоритъ, этотъ баринъ, а у меня говоритъ, такъ все и сидитъ въ головѣ, что я его раньше ужъ видѣлъ»... А потомъ вдругъ и вспомнилъ, что онъ уже былъ на нашемъ дворѣ, баринъ-то этотъ, вскорости какъ-то, когда барышня уже захворала, и тоже про нее все разспрашивалъ. . Только Алексѣй, хоша и зналъ ужъ тогда, что она заболѣвши, одначе ничего не могъ ему объяснить. Про то сказывалъ барину Иванъ Аверьяновъ, сапожникъ... Знаешь, аль нѣтъ?.. Что въ низку тоже живетъ, рядомъ съ нами сейчасъ, какъ разъ подъ лѣстницей-то... Подслѣповатенькій такой, малость щербатый... Знаешь, аль нѣтъ, тебя спрашиваю?

— Ну, знаю... Какже не знать...—убитымъ голосомъ подтвердила Авдотья Макаровна.

— Такъ вотъ тогда Иванъ Аверьяновъ все и сказалъ этому самому барину... Какъ, значитъ, барышня наша дома не ночевала тогда и какъ захворала потомъ...

— Всѣ знаютъ про то... Всѣ-то, всѣ уже знаютъ...—молвила, качая головою уныло, старушка. — Страмъ-то, страмъ-то какой!

— Ужъ и страмъ! Каки пустяки!.. Ну что-жъ, хоша бы и знаютъ? На чужой ротокъ не накинешь платокъ, говорится. . Большая бѣда!.. Нѣтъ, ты мнѣ лучше скажи, что этому черному барину нужно? Ты вотъ что лучше скажи.

— Не знаю... Господи, Господи! Ничего, ничего я не знаю... Ничего не могу и придумать...—растерянно лепетала старушка.— Ужо Алексѣя нужно еще обо всемъ разспросить... А ты молчи, слышишь?.. Сохрани тебя Богъ брякнуть при Глашѣ... Слышишь, что я тебѣ говорю? Ни-ни, ни полъ-слова!

— Эвося! Небось, тоже не дура. Смѣкаемъ.

— А я Алексѣя сама еще разспрошу... Господи Боже, и что-жъ это будетъ?! Вѣдь ты, Лукерья, меня ровно обухомъ... Ахъ, Глаша, Глаша, и что ты со мной только дѣлаешь!

— Ну чего ты, чего, помилуй-скажи, убиваешься-то?.. Какая бѣда-то случилась? — успокоительно шептала надъ нею Лукерья.—Уходите-ка вотъ лучше теперя отседа... Вонъ тамъ ужъ,

поди-ка, наши проснулись,—прибавила она, сторожко устремивъ одно ухо къ дверямъ.

— И то! — испуганно схватилась съ табуретки Авдотья Макаровна, и, спустя полъ-минуты, уже сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, опять за столомъ, гдѣ за то время, пока хозяйка съ кухаркой шептались, самоваръ успѣлъ ужъ остыть, и старушка крикнула въ кухню:

— Лукерья! Возьми-ка разогрѣть самоваръ. Съ чего это онъ совсѣмъ ужъ какъ будто холодный?..

Послѣдній вопросъ сдѣланъ былъ самымъ невиннѣйшимъ тономъ. На это Лукерья таковымъ же тономъ отвѣтила, унося съ собою самоваръ.

— А песъ его знаетъ. Надо быть, мало углей положила...

Діалогъ этотъ произошелъ потому, что въ спальнѣ дѣвицъ слышался явственно шорохъ, изъ чего можно было понять, что онѣ въ самомъ дѣлѣ проснулись и теперь одѣваются.

— Какъ? Еще нѣтъ самовара?—съ непріятнымъ удивленіемъ замѣтила матери Вѣра, проходя умываться на кухню.

Авдотья Макаровна ничего не отвѣтила и только сдѣлала видъ, будто не слышитъ.

Однако къ тому времени, когда обѣ сестры, совсѣмъ уже прибранныя, засѣли за столъ, кофей былъ сваренъ и все происходило своимъ обычнымъ порядкомъ.

Если бы обѣ дѣвицы не были заняты своими мыслями, онѣ могли бы замѣтить разстройство старушки, ясно написанное у нея на лицѣ и выражавшееся въ какой-то особенной ея молчаливости, вмѣстѣ съ разсѣянностью, благодаря которой она заставляла повторять себѣ по два раза вопросы. И все у нея въ это утро не ладилось: уронила и раскокала вдребезги чашку и едва не обварила себѣ руки кипяткомъ.

Въ головѣ ея сидѣлъ сиднемъ лукерьинъ разсказъ, и она старалась всячески въ немъ разобраться.

Хотя она и сказала Лукерьѣ, что намѣрена разспросить еще Алексѣя про этого загадочнаго «чернаго барина», однако теперь она мучилась мыслью, хорошо ли, ловко ли выйдетъ, если она это сдѣлаетъ... Все же, какъ ни на есть, простой мужикъ, дворникъ— и вдругъ она будетъ съ нимъ объясняться о такой деликатной матеріи... Что и тотъ про нее послѣ того можетъ подумать, когда она о дѣлахъ своей родной дочери съ посторонними языкомъ станетъ шлепать?.. Вотъ и то уже по двору объ этомъ толкуютъ... Нѣтъ, не хорошо, не годится!

Къ довершенію горя, она должна была одиноко таить про себя свои чувствованія, ибо не предстояло ни малѣйшей возможности подѣлиться ими съ младшею дочерью, какъ привыкла къ этому Авдотья Макаровна во время болѣзни Глафиры. Тогда это

много ее облегчало. Теперь же, когда та была совершенно здорова и сидѣла безвыходно дома, всякая попытка завести такой разговоръ, который не долженъ былъ касаться ушей ея, казалась старушкѣ прямо немыслимой. Если бы даже Глафира сидѣла отдѣльно или доставила случай къ тайной бесѣдѣ, уйдя въ сосѣднюю комнату, то и тогда невозможно бы было этого сдѣлать, благодаря малому пространству квартиры, гдѣ было слышно каждое слово.

Все утро Авдотья Макаровна была какъ на угольяхъ, время отъ времени бросая отчаянные взгляды на Вѣру, не подозрѣвавшую ни мало о скрытыхъ терзаніяхъ матери. Даже и это старушка продѣлывала тайкомъ отъ Глафиры, опасаясь возбудить ея подозрѣнія. Наконецъ, уже совсѣмъ изстрадавшись, она остановилась на слабой надеждѣ, что авось, можетъ быть, Глафира сегодня пораньше уляжется спать, а Вѣру удастся какъ-нибудь задержать... Наконецъ, даже прямо можно будетъ шепнуть ей, чтобы она дождалась, когда Глафира заснетъ и затѣмъ вышла бы къ ней, Авдотьѣ Макаровнѣ. Чѣмъ дальше думала объ этомъ своемъ планѣ старушка, тѣмъ болѣе онъ казался ей исполнимымъ.

Наконецъ, она даже улучила минуту воспользоваться тѣмъ, что Вѣра вышла при звонкѣ покупателя въ лавочку, дождалась, когда колокольчикъ задребезжалъ повторительно, означая, что покупатель ушелъ, и, не давъ времени Вѣрѣ выйти обратно, перехватила ее на порогѣ и, дернувъ за платье, вернула въ прилавку.

Должно быть, въ чертахъ Авдотьи Макаровны очень ужъ явственно обозначалось нѣчто особенное, потому что Вѣра спросила:

— Что такое случилось?

Вопросъ сдѣланъ былъ громко, и старушка вздрогнула словно отъ выстрѣла.

— Шш... Не кричи...—шепнула она и боязливо оглянулась назадъ.

— Да я совсѣмъ не кричу, что вы хотите сказать? — недоумѣвала въ своемъ простодушіи Вѣра.

Авдотья Макаровна въ отчаяніи махнула рукой и повернулась обратно.

— Ахъ, Боже мой, да скажите же мнѣ, наконецъ! — допытывалась, входя вслѣдъ за нею въ комнату, молодая дѣвица. — Что вы мнѣ хотѣли сказать?

— Отвяжись! ничего! — съ досадой бросила ей Авдотья Макаровна и спѣшнымъ шагомъ отправилась въ кухню.

Вѣра въ недоумѣніи пожала плечами и спросила сидѣвшую тутъ же, на диванѣ, Глафиру:

— Не знаешь ли, что такое случилось?

— Не знаю. Кажется, ничего не случилось... А что?

— Не понимаю, чего маменька на меня разсердилась. .

И войдя въ кухню, Вѣра спросила:

— За что вы на меня разсердились?

Мать обернула къ ней отъ плиты свое, все пылающее отъ смущенія и гнѣва лицо и вскричала:

— Отстань! Уходи!

— Какая нелѣпость!—пробормотала Вѣра, возвращаясь назадъ, и сказала съ досадой Глафирѣ, принимаясь за книжку: — ей-Богу, маменька у насъ совсѣмъ ошалѣла!

Авдотьѣ Макаровнѣ оставалось возложить всѣ надежды на ночь.

По обыкновенію, послѣ вечерняго чаю, всѣ вкупѣ и влюбѣ сидѣли за круглымъ столомъ, но теперь между ними чуялось что-то натянутое.

Въ послѣднее время вошло какъ бы въ правило посвящать послѣдніе часы передъ сномъ игрѣ въ карты, и Вѣра, какъ всегда, вынула и положила на видное мѣсто колоду.

— Во что будемъ сегодня? Въ мельники развѣ?—спросила она.

Но Авдотья Макаровна вдругъ самымъ категорическимъ образомъ выразила неохоту играть. Она достала свою, нѣсколько дней ужъ заброшенную работу—вязанье шерстяного чулка, и, ни мало ни медля, принялась двигать вязальными спицами, въ сосредоточенномъ и угрюмомъ молчаніи.

— А ты?—спросила Вѣра сестру.—Въ зѣваки можно вдвоемъ.

— Нѣтъ, мнѣ тоже не хочется,—отвѣтила та, затѣмъ встала и принесла изъ спальни работу—нужно было заштопать кое-что изъ бѣлья—и, не нарушая молчанія, замахала иголкой.

Вѣра стала огорченно раскладывать карты.

Авдотья Макаровна находилась явно нѐ въ духѣ. Она не произносила ни слова и только время отъ времени глубоко и протяжно вздыхала. Вѣра не вытерпѣла.

— Какъ это скучно! Чего вы вздыхаете?

— А тебѣ что? Какая печаль до того?—холодно отозвалась на это старуха.

— Да непріятно васъ слушать...

— Ну, и не слушай, коли тебѣ непріятно,—тѣмъ же тономъ возразила Авдотья Макаровна.

Вѣра припомнила давишнюю, такъ и оставшуюся для нея непонятною сцену, когда мать, неизвѣстно за что на нее закричала, и, связавъ это съ теперешнимъ ея поведеніемъ, снова спросила:

— Скажите, за что вы на меня дуетесь, маменька?

— Кто дуется?—откликнулась Авдотья Макаровна.

— Вы дуетесь... Только не знаю, за что.

— Никто на тебя дуться не думаетъ...

— Вотъ еще, я развѣ не вижу?.. А за что—сказать не хотите. Это, ей-Богу ужъ дико.. Что такое я сдѣлала?

— Ахъ, отстань ты отъ меня, Христа-ради!—страдальчески воскликнула Авдотья Макаровна.—Вотъ привязалась!

— Ну, ладно, отстану,—молвила Вѣра и тоже надулась.

Старушка опять тяжко и глубоко вздохнула. Глафира все время не подымала глазъ отъ работы, невозмутимо откидывая въ воздухъ руку съ иголкой.

Снова надолго водворилось молчаніе. Вѣра все дулась. Глафира работала съ наморщеннымъ лбомъ. Авдотья Макаровна испускала попрежнему глубокіе вздохи.

Раза два или три она взглянула украдкою на старшую дочь, какъ бы собираясь и не рѣшаясь что-то сказать ей, но та, углубившись въ работу, ничего не замѣтила. Наконецъ, старуха, собравшись окончательно съ духомъ, сказала:

— А что, Глафирушка, не пора ли и спать?

— Развѣ вамъ захотѣлось?—спросила Глафира.

— Да я не про себя... Тебѣ не пора ли?

— Мнѣ? Почему же?

— Да вотъ мнѣ все думается, не вредно-ль тебѣ такъ долго сидѣть? Ты вѣдь все-таки еще послѣ болѣзни...

— Богъ съ вами, маменька! Я очень хорошо себя чувствую.

— Право, послушалась бы... Все лучше, кабы ты пораньше легла...

— Да я и не хочу еще спать.

— Мало ли что... Оно для здоровья полезнѣе. Ты на насъ не смотри. Вонъ Вѣра привыкла уже полуночничать, а ты—дѣло другое...

— Вотъ теперь еще нужно къ другимъ привязаться...—пробормотала вполголоса Вѣра.

— А? Право, пошла бы...—продолжала свое Авдотья Макаровна.

— Ахъ, маменька, какая вы! Да мнѣ же, право, не хочется!—съ нетерпѣніемъ сказала Глафира и, усмѣхнувшись, прибавила:—что вы хотите непремѣнно сегодня меня уложить, точно дитятку маленькую?

— Богъ съ тобою, съ чего тебя мнѣ укладывать?—возразила съ смущеніемъ Авдотья Макаровна. — Я такъ только сказала... Сиди на здоровье, я развѣ мѣшаю?

— Только другихъ хочется непремѣнно разстроить... — пробормотала опять вполголоса Вѣра.

Снова всѣ замолчали. Каждый былъ занятъ своимъ. Протекло нѣсколько минутъ тишины, и вдругъ Авдотья Макаровна заявила рѣшительно:

— Ну, какъ вы тамъ себѣ знаете, а мнѣ хочется спать! Я ужъ лягу.

— Почему же вы раньше такъ не сказали? — удивилась Глафира.—Чего же вы мучились?

— Сказали бы раньше, и кончено,—присовокупила и Вѣра.— А то сидите, вздыхаете...

— Да, ужъ я лягу... Что-то сегодня я больно устала,—говорила старушка, свертывая и убирая чулокъ.

Тотчасъ же всѣ разошлись и принялись раздѣваться.

— Сегодня маменька удивительно странная,—замѣтила Вѣра, укладываясь и доставая со столика раскрытую книжку романа.

— Вѣроятно, ей нездоровится,—отозвалась на это Глафира.

Затѣмъ обѣ не прибавили больше ни слова. Глафира повернулась къ стѣнкѣ лицомъ и затихла. Вѣра читала.

Такъ протекло около часа. Глафира лежала недвижимо, въ одномъ положеніи. Вѣра перевертывала тихонько страницы.

Вдругъ чуть слышно скрипнула дверь... Молодая дѣвица приподнялась и взглянула. На порогѣ стояла Авдотья Макаровна, въ юбкѣ и кофтѣ, неподвижно и безшумно, какъ призракъ...

— Господи, какъ вы меня испугали...—воскликнула шопотомъ Вѣра.—Что вамъ? Отчего вы не спите?

— Шш...—прошипѣла старуха и погрозила ей пальцемъ. Потомъ она, крадучись и тихо, какъ кошка, приблизилась, наклонилась надъ Вѣрой и спросила чуть слышно, кивнувъ на Глафиру:

— Спитъ? а? Ты не знаешь?..

Обѣ посмотрѣли, прислушиваясь, на покрытую одѣяломъ спину Глафиры и ея одѣтый въ бѣлый чепчикъ затылокъ...

— Кажется, спитъ,—прошептала молодая дѣвица.

Авдотья Макаровна, боязливо косясь въ сторону спящей, прошептала, въ свою очередь, Вѣрѣ, таинственно кивая ей пальцемъ:

— Поди-ка ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Нужно сказать тебѣ одну вещь...

— Что такое?—всполошилась та, приподнимаясь съ постели.

— Шш... не разбуди ты ее, Бога ради... Встань, нужно сказать тебѣ...

— Что вы тамъ шепчетесь?—вдругъ спросила изъ подъ одѣяла Глафира...

Авдотья Макаровна вся обмерла и даже присѣла...

— Это вы тутъ, маменька, шепчетесь?—соннымъ голосомъ продолжала Глафира и обернула къ нимъ голову.—Зачѣмъ вы пришли?

— Ничего, ничего, прости, Христа ради... — пролепетала растерянно Авдотья Макаровна.—Я думала, ты ужъ заснула... Мнѣ вотъ было Вѣрушкѣ нужно...

— Да что такое? О чемъ вы шептались?

— Говорю, ничего. Спи себѣ съ Богомъ... Прости, что я тебя потревожила. Завтра ужъ, завтра!

И Авдотья Макаровна исчезла изъ спальни.

*

— Что такое? Зачѣмъ она сюда приходила?—спросила, переворачиваясь на другой бокъ, Глафира.

— Право, не знаю. А ты не спала?

— Только что стала дремать... А о чемъ вы шептались?

— Она спрашивала, заснула ли ты... Сказать что-то хотѣла.

Обѣ сестры помолчали. Старшая закрыла глаза

— Нѣтъ, ей-Богу, она положительно меня удивляетъ!—замѣтила Вѣра.

Глафира ничего не сказала...

XII.

Съ того дня когда Емельянъ Иванычъ Самострѣловъ, обитатель мезонина шеколаднаго дома, сдѣлался хранителемъ тайны своего пылкаго друга, послѣдній сталъ навѣщать его почти каждый вечеръ.

Въ эти часы Самострѣловъ благодушествовалъ за своимъ самоваромъ, передъ тѣмъ какъ засѣсть за ночную работу.

Онъ самъ бы затруднился сказать, какъ давно онъ повелъ эту своеобразную жизнь, превращенія ночи въ день и обратно.

Въ то время, когда дневная жизнь кипѣла во всю, полная движенія, звуковъ, здѣсь царствовалъ полный покой. Подойдя снаружи ко входу въ обиталище Емельяна Иваныча и напрягая самымъ сосредоточеннымъ образомъ ухо, можно бы было разслышать раздающійся тамъ, за этою запертою дверью, мѣрный храпъ спящаго крѣпчайшимъ сномъ человѣка.

Самъ человѣкъ былъ невидимъ.

Только изъ огорода, примыкавшаго къ садику и состоявшаго, какъ и этотъ послѣдній, въ общемъ владѣніи жильцовъ шеколаднаго дома, если бы встать на край длинной доски находившихся въ томъ огородѣ качелей и дать ей самый широкій размахъ, когда плоскость доски приходится совсѣмъ вертикально къ столбу перекладины, можно бы было увидѣть моментами, направляя взглядъ въ окно мезонина, часть скошеннаго по бокамъ потолка, лампу подъ абажуромъ изъ зеленой бумаги, уголъ оклеенной сѣрыми обоями комнаты, — но ни малѣйшаго признака находящагося тамъ обитателя.

Такъ бывало до трехъ часовъ дня.

Около этого времени ведшая въ гробообразную комнату дверь медленно поворачивалась на своихъ скрипучихъ петляхъ и обнаруживала всклокоченную фигуру Емельяна Ивановича, въ лѣтней крылаткѣ, накинутой поверхъ ночного бѣлья, и въ туфляхъ, который шелъ черезъ сѣни, пріотворялъ дверь въ кухню хозяйки, вдовы придворнаго гофъ-фурьера Роскошниковой, и, уловивъ тамъ присутствіе дѣвушки Ѳени, причемъ самъ оставался невидимъ, произносилъ густымъ басомъ сквозь щель:

— Дайте помыться...

А самъ тотчасъ же отпрядывалъ вспять.

Приходила хорошенькая дѣвушка Ѳеня, съ кувшиномъ воды. и помогала жильцу совершать его омовеніе, послѣ чего Самострѣловъ, въ той же крылаткѣ и огромныхъ ладьеобразныхъ туфляхъ, но съ расчесанными тщательно длинными, падавшими на плечи, волосами и широкою, во всю грудь, бородою опускался въ мягкое кресло и принимался прихлебывать медленно изъ большого граненаго стакана кофе со сливками, которое принесла ему Ѳеня, вмѣстѣ съ парой сладкихъ сухариковъ или трехкопеечной плюшкой. Потомъ онъ бралъ со стола коротенькую черную трубку, набивалъ ее табакомъ изъ стоящей тутъ же жестяной коробки изъ-подъ монпансье и наполнялъ все пространство комнаты дымомъ, пока Ѳеня убирала постель и мела щеткою полъ, сотрясая по временамъ его кресло и ерзая даже этою щеткой у него подъ ногами, потомъ схватывала со стола самоваръ, со всѣми его принадлежностями, заночевавшій съ вечера у Емельяна Иваныча, и, унеся все это изъ комнаты, тѣмъ заканчивала здѣшнее свое пребываніе.

Самострѣловъ сидѣлъ передъ своимъ стынущимъ кофе, вперившись глазами въ ломберный столъ, исполнявшій назначеніе письменнаго, съ керосиновою лампой, ворохомъ книгъ и бумагъ, чернильницей, перьями въ вазочкѣ и разною дрянью, въ видѣ пузырьковъ съ выдохшимися лекарствами, мотковъ лесы изъ конскаго волоса, крючковъ для уженья въ газетной бумажкѣ, пряжки отъременнаго пояса, краснаго пасхальнаго яйца, Богъ вѣсть съ какого времени здѣсь сохранявшагося, бѣлой заношенной женской перчатки, неизвѣстно какими путями попавшей сюда, и пр., и пр., и, созерцая все это, курилъ, прихлебывалъ медленно кофе и думалъ...

Обыкновенно, покончивъ съ кофе, онъ вслѣдъ за этимъ вставалъ и принимался облачаться для выхода, а затѣмъ, заперевъ дверь на ключъ, уходилъ со двора, за Неву. Чаще всего онъ возвращался къ обѣду, который ему приносила, всѣ блюда заразъ, и ставила тутъ же на столъ та же дѣвушка, Ѳеня. Но случалось, что дѣла задерживали Емельяна Иваныча въ городѣ на болѣе долгое время, и тогда онъ ѣлъ что-нибудь разогрѣтое, а то и вовсе не ѣлъ. Но, какъ бы то ни было, вечеромъ онъ находился обязательно дома, о чемъ свидѣтельствовало свѣтившееся въ темнотѣ огорода, подобно всевидящему оку, окно съ опущенною шторой, отражая свѣтъ лампы, передъ которой стоялъ и шумѣлъ самоваръ, а передъ самоваромъ сидѣлъ и курилъ Самострѣловъ, въ туфляхъ и крылаткѣ.

Въ эту-то пору въ дверь его комнаты слышался стукъ и входилъ Иванъ Еремѣичъ.

Пріятели безмолвно здоровались, и гость садился вблизи

отъ хозяина, на единственный имѣвшійся въ комнатѣ стулъ, или протягивался во весь ростъ на кровати.

Обыкновенно оба нѣкоторое время проводили въ полномъ молчаніи.

Прежде, обыкновенно, Иванъ Еремѣичъ начиналъ тотчасъ же, при входѣ, какой-нибудь живой разговоръ, но съ тѣхъ поръ, какъ Самострѣловъ выслушалъ отъ пріятеля его тяжелую исповѣдь, поведеніе Ивана Еремѣича глубоко измѣнилось. Да онъ и самъ измѣнился, по крайней мѣрѣ во внѣшности: поблѣднѣлъ и осунулся, сдѣлался мраченъ, угрюмъ.

Тотъ вечеръ, когда Иванъ Еремѣичъ приходилъ къ Самострѣлову повѣдать ему свою тайну и вмѣстѣ съ нимъ обдумать дальнѣйшія дѣйствія, не доставилъ никакихъ результатовъ, въ смыслѣ какихъ-либо плановъ, могущихъ послужить руководствомъ.

— Нужно годить,—сказалъ тогда Самострѣловъ.

И когда Иванъ Еремѣичъ, бія себя въ грудь и обрушивая на свою виновную голову тучу самыхъ жестокихъ проклятій, развернулъ передъ нимъ картины всевозможнѣйшихъ бѣдствій, Емельянъ Иванычъ, выслушавъ это все до конца, возразилъ ему успокоительнымъ тономъ:

— Зачѣмъ упреждаешь событія? Не нужно никогда упреждать ихъ.

— Но послѣдствія! Ты только вникни, какія быть могутъ послѣдствія!—вопіялъ Иванъ Еремѣичъ.

— Не упреждай, говорю, никогда. Не упреждай, прошу тебя объ одномъ!—бубнилъ упорно свое Самострѣловъ.

Такъ всегда бывало и раньше, когда Равальякъ повѣрялъ Самострѣлову что-нибудь его сильно волнующее и, по увлекательности своей пылкой натуры, изображалъ передъ нимъ въ яркихъ краскахъ, разсчитанныхъ проникнуть пріятеля важнымъ значеніемъ факта и заставить и его взволноваться, а вмѣсто того получалъ какой-нибудь спокойный отвѣтъ, произносимый глухимъ, ровнымъ басомъ Емельяна Иваныча.

Вначалѣ, пока еще Иванъ Еремѣичъ не привыкъ къ этой манерѣ, это глубоко его возмущало, прямо выводило его изъ себя.

— Да ты выслушалъ все? Понялъ, о чемъ я тебѣ говорилъ?—кипятился Иванъ Еремѣичъ.

— Выслушалъ... Понялъ...—медленно отвѣчалъ Самострѣловъ, глядя пристально въ уголъ.

— Удивляюсь тебѣ! Чортъ тебя знаетъ!

Емельянъ Иванычъ молчалъ.

— Ты пень! Ты вотъ что такое!—прибавлялъ Иванъ Еремѣичъ, стуча рукой объ стѣну.

Емельянъ Иванычъ вздыхалъ.

— Нѣтъ, не понимаю... Ей Богу, не понимаю я подобныхъ людей...—уже нѣсколько тише продолжалъ Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ не возражалъ и на это, продолжая смотрѣть пристально въ уголъ.

— Есть же такіе счастливцы, которые ко всему равнодушны...

— Ну, ну, успокойся,—произносилъ, наконецъ, Самострѣловъ.

— Да, хорошо тебѣ говорить: успокойся!—вскидывался снова Иванъ Еремѣичъ, но это бывала уже послѣдняя вспышка, какъ случается съ пламенемъ, который пожралъ весь матеріалъ и сейчасъ долженъ потухнуть.—У тебя рыбья, холодная кровь... А я не могу...—прибавлялъ онъ уже кротко.

Послѣ того онъ утихалъ окончательно, и разговоръ продолжался спокойно.

Таковыя бесѣды, вплоть до того послѣдняго случая, когда Иванъ Еремѣичъ излилъ передъ пріятелемъ свою потрясенную роковымъ событіемъ душу, происходили чаще всего по поводу какого-нибудь недоразумѣнія по службѣ или съ домашними. Съ нѣкоихъ поръ все чаще и чаще приходилось выслушивать Емельяну Иванычу его горькія жалобы на неудовлетворенность и скуку его личной жизни, на то, что никто его не понимаетъ въ семьѣ, что жена, Анна Егоровна, никогда не раздѣляла его идеальныхъ порывовъ, что человѣкъ, который рано женился и обвязался дѣтьми, долженъ считаться погибшимъ, несчастнымъ, ибо онъ никогда не испытываетъ равновѣсія духа, но постоянно томится и ищетъ чего-то и не можетъ облегчить свою душу, опутанную будничными дрязгами жизни...

— Отчего я сдѣлался золъ, раздражителенъ?—восклицалъ Иванъ Еремѣичъ.—Все оттого, что у меня сухая, идіотская служба, и я не могу ее бросить, потому что не имѣю права думать лишь о себѣ, долженъ заботиться о женѣ, о семьѣ...

И, въ концѣ концовъ, переходилъ къ Самострѣлову.

— Вотъ ты! Отчего ты постоянно спокоенъ, доволенъ и тебѣ хоть трава не расти? Одинокъ и счастливъ поэтому... Я тебѣ страшно завидую!

Емельянъ Иванычъ на это не возражалъ ничего, глядя по обыкновенію въ уголъ...

Тѣмъ не менѣе, Иванъ Еремѣичъ не промѣнялъ бы своего хладнокровнаго друга на кого бы то ни было. Самострѣловъ, въ отношеніи храненія тайны, былъ, какъ говорится, могила. Одно уже то, что его нельзя было ничѣмъ потрясти, взволновать, дѣйствовало чрезвычайно успокоительнымъ образомъ. При немъ можно было вслухъ думать, мечтать, строить самые невѣроятные планы, даже признаться въ замышляемомъ какомъ-нибудь преступленіи,—онъ слушалъ все это терпѣливо, не перебивая никакимъ возраженіемъ, не охлаждая насмѣшливымъ словомъ, хотя бы даже улыбкой. Когда Иванъ Еремѣичъ, имѣвшій, между прочимъ, наклонность находить у себя самые разнообразные недуги, неизвѣ-

стные еще въ медицинѣ, открылъ какъ-то разъ, что онъ страдаетъ «засыханіемъ мускуловъ» и рѣшилъ, что противъ этого можетъ помочь токарный станокъ, Самострѣловъ сказалъ: «доброе дѣло», а когда потомъ самъ же первый Иванъ Еремѣичъ признался, что «это все чепуха», а станокъ послалъ къ чорту, Емельянъ Иванычъ замѣтилъ: «ну и отлично!» Когда Иванъ Еремѣичъ почувствовавъ разъ наклонность къ химическимъ опытамъ, обзавелся цѣлымъ арсеналомъ необходимыхъ для этой цѣли приборовъ и ходилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ обожженными разными кислотами пальцами и перепортилъ все платье, возбуждая своими занятіями неодобреніе и страхъ въ Аннѣ Егоровнѣ, при полномъ отсутствіи интереса къ химическимъ опытамъ мужа, Емельянъ Иванычъ одинъ узнавалъ, шагъ за шагомъ, какъ Иванъ Еремѣичъ добывалъ водородъ, и когда это кончилось тѣмъ, что Иванъ Еремѣичъ чуть не отравилъ кухарку, одобрилъ рѣшеніе пріятеля бросить работы по химіи. Былъ еще случай, когда Иванъ Еремѣичъ задумалъ изобрѣсти ликеръ изъ моркови, и когда таковой былъ приготовленъ, выпилъ самоотверженно рюмку, между тѣмъ какъ Анна Егоровна наотрѣзъ отказалась даже попробовать изобрѣтеніе мужа и назвала пренебрежительно гадостью... Да мало ли еще было случаевъ, когда Самострѣловъ оказалъ себя на высотѣ настоящаго дружества, способнаго понимать чужія увлеченія и даже ошибки!

Все это, конечно, могъ прекрасно цѣнить Иванъ Еремѣичъ и потому привыкъ повѣрять ему все, что таилось въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ души своей, въ увѣренности, что тотъ ничего не осудитъ и не обольетъ презрительнымъ ядомъ насмѣшки.

Одно уже то, что Иванъ Еремѣичъ могъ сидѣть и молчать, предаваясь своимъ мрачнымъ думамъ, вполнѣ безпрепятственно и не раздражаясь никакимъ празднымъ вопросомъ хозяина, при сознаніи, что онъ понимаетъ его и сочувствуетъ его состоянію, дѣйствовало чрезвычайно умиротворяющимъ образомъ на душу пріятеля Емельяна Иваныча.

Совершено не то было дома.

Только человѣкъ, который носитъ въ груди терзающую его преступную тайну и принужденъ находиться подъ наблюденіемъ сторожащихъ внимательно глазъ, отъ коихъ не былъ до сихъ поръ сокровенъ ни одинъ поступокъ его, могъ бы понять, какъ долженъ былъ себя чувствовать въ своемъ домашнемъ кругу Иванъ Еремѣичъ. И, что всего хуже, онъ былъ убѣжденъ, что Анна Егоровна подозрѣваетъ, что отъ нея что-то скрываютъ, что она замѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну, даже мотаетъ на усъ, какъ говорится, ежедневныя посѣщенія имъ Самострѣлова, отъ которыхъ Иванъ Еремѣичъ не имѣлъ силъ отказаться, а главное, конечно, уже носитъ въ мысляхъ кучу разныхъ догадокъ, можетъ

быть, самыхъ ужасныхъ, которыя, въ свою очередь, таитъ про себя..

Теперь, когда она, послѣ родовъ, встала съ постели, и вся жизнь вошла въ прежнюю свою колею, день-ото-дня все замѣтнѣе выступали черты воцарившагося въ домѣ разлада, выражавшагося, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, что хозяинъ семьи пользовался всяческимъ случаемъ, чтобы не оставаться глазъ-на-глазъ съ женою. Утромъ онъ съ нарочитою поспѣшностью собирался на службу и хотя уходилъ въ обычный свой часъ, но уже по одному тому, какъ онъ цѣловалъ на прощанье руку Анны Егоровны и потомъ устремлялся въ прихожую, можно было судить о его нетерпѣніи вырваться изъ дому... Вернувшись со службы, онъ сидѣлъ за обѣдомъ молчаливый, подавленный, и въ то время, какъ вокругъ него шумѣло и болтало юное его поколѣніе, очевидно, мысли его витали далече...

— Ты сегодня ночью что-то особенно спалъ неспокойно...— замѣтила какъ-то Анна Егоровна мужу, сидѣвшему съ задумчиво вытаращенными глазами надъ дымившеюся передъ нимъ тарелкою супу.

Иванъ Еремѣичъ быстро оторвалъ глаза отъ тарелки, скользнулъ взглядомъ по Аннѣ Егоровнѣ и внимательно уставился въ стѣну.

— Бредилъ...—пояснила Анна Егоровна, и Иванъ Еремѣичъ, продолжая созерцать пристально узоръ на обояхъ, чувствовалъ въ то же самое время, что взоръ жены пытливо на немъ тяготѣетъ...

Сердце его мучительно сжалось, какъ предъ грозящею опасностью, вся краска сбѣжала съ лица, и Иванъ Еремѣичъ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ не своимъ (онъ про себя это самъ тотчасъ же отмѣтилъ), точно задавленнымъ голосомъ вымолвилъ:

— О чемъ же я бредилъ?..

— Да нельзя было ничего разобрать... Всего нѣсколько словъ. Будто о чемъ-то съ Емельяномъ Иванычемъ спорилъ. Сердился... А главное, ужъ очень стоналъ. Хотѣла было тебя разбудить, только ты потомъ успокоился, да, признаться, я и сама задремала.

На томъ разговоръ и покончилъ.

Иванъ Еремѣичъ не всегда предавался послѣобѣденному отдыху, но съ извѣстныхъ поръ онъ усвоилъ это въ привычку и отъ стола тотчасъ же сталъ уходить въ кабинетъ, гдѣ и лежалъ на диванѣ вплоть до вечерняго чая. Такъ онъ поступилъ и теперь.

Онъ лежалъ, глядѣлъ въ потолокъ, перебирая въ мысляхъ слова Анны Егоровны, и тревожно шепталъ:

«Вонъ оно что... По ночамъ бредить ужъ началъ... Что же, наконецъ, будетъ потомъ?» терзался онъ дальше. «Вѣдь такъ, чего добраго, кончится тѣмъ, что я когда-нибудь возьму да и разскажу все во снѣ... Нѣтъ, долѣе невозможно такъ жить!»

Вечеромъ, тотчасъ послѣ чаю, онъ по обыкновенію ушелъ къ Самострѣлову.

Первымъ дѣломъ, конечно, онъ сообщилъ Емельяну Иванычу свой разговоръ съ Анной Егоровной, съ выраженіемъ своего опасенія, что онъ когда-нибудь этакимъ образомъ все разскажетъ во снѣ.

— Я думаю даже, не лучше ли будетъ, если я стану спать въ кабинетѣ, — прибавилъ Иванъ Еремѣичъ. — Можно придумать отличный предлогъ. Въ нашей спальнѣ теперь тоже помѣщается маленькій. По ночамъ онъ пищитъ, жена должна вставать, его успокоивать... Все это для меня крайне несносно... Развѣ я не въ своемъ правѣ, скажи мнѣ на милость?

— А онъ дѣйствительно много пищитъ по ночамъ?—спросилъ Самострѣловъ.

— Положимъ, самъ-то я никогда не слыхалъ... Сплю, какъ убитый.

— Ну, значитъ, неудачно придумано,—рѣшилъ Самострѣловъ.

— Чѣмъ неудачно? Почему жена можетъ знать, просыпался я или нѣтъ?

— Все это напрасно,—упорно стоялъ на своемъ Самострѣловъ.

— Да ты же пойми, повторяю, что я могу себя выдать во снѣ по рукамъ и ногамъ. Въ романахъ развѣ тебѣ не приходилось читать, да и въ дѣйствительной жизни, конечно, случается... Представь, мужъ имѣетъ любовницу, жена, понятно, объ этомъ не знаетъ... И вотъ онъ видитъ во снѣ ее, вслухъ разговариваетъ. и такимъ образомъ женѣ все открыто... Я даже помню, какъ разъ такой именно случай былъ разсказанъ въ какомъ то англійскомъ романѣ...

— Эхъ-хе-хе... въ романѣ, въ романѣ. .—со вздохомъ повторилъ Самострѣловъ.—Мало ли чего не напишутъ въ романѣ. .

— А развѣ романы не изображаютъ дѣйствительность?—горячо возразилъ Иванъ Еремѣичъ.—Не захочешь ли ты еще противъ этого спорить?

— Охъ-хо-хо, ничего я не спорю... Только вотъ ты все упреждаешь событія... Ну, хорошо, пусть по твоему. Что же ты можешь во снѣ увидать?

— Да рѣшительно все. Какъ эта женщина бросилась въ воду, какъ я привезъ ее въ номеръ... Ну, все, словомъ—*все*!

— Хм... Мало ли что намъ можетъ присниться... Я вотъ позавчера видѣлъ во снѣ, будто меня хотѣли повѣсить... А то еще какъ-то на воздушномъ шарѣ леталъ...

— Это положимъ...—сознался Иванъ Еремѣичъ и на нѣсколько секундъ погрузился въ безмолвную думу.—Да, я не спорю, что намъ можетъ присниться чортъ знаетъ что, — заговорилъ онъ опять;—въ этомъ ты правъ... Но согласись, что если я называю

дѣйствительно существующихъ лицъ, воспроизвожу на яву совершившійся фактъ...

— А какъ ее звать, эту дѣвицу-то? Помнишь?..

— Представь!—вдругъ, словно озаренный, воскликнулъ Иванъ Еремѣичъ.—Представь, что вѣдь я, честное слово, не знаю! Да и лица-то ея совершенно не помню!.. Вѣдь я же разсказывалъ, въ какомъ я былъ тогда состояніи... Сколько разъ вѣдь старался припомнить, какая она изъ себя... Не могу, хоть зарѣжь ты меня... Кажется только, что порядочная-таки мордимондія!.. Да, должно быть, самъ чортъ устроилъ тогда всю эту штуку!—прибавилъ уныло Иванъ Еремѣичъ.

— Эхъ-хе-хе,— вздохнулъ, какъ бы про себя, Самострѣловъ, потомъ набилъ трубку, закурилъ ее и, медленно высвободивъ свою фигуру изъ кресла, сталъ шагать взадъ и впередъ, послѣ чего снова усѣлся, налилъ себѣ новый стаканъ чаю и обратился къ пріятелю:— а что, не плеснуть ли тебѣ тоже горяченькаго?

— Ну его, къ Богу!—отмахнулся Иванъ Еремѣичъ, вставая со стула и направляясь къ кровати хозяина, разлегся тамъ навзничь, съ ногами, и затихъ, словно заснулъ.

Емельянъ Иванычъ не нарушалъ тишины, медленно выпуская клубы дыма изъ трубки и созерцая задумчиво налитый чаемъ стаканъ. Мѣрно и глухо постукивалъ въ своемъ стеклянномъ футлярѣ маятникъ висѣвшихъ на стѣнкѣ часовъ, слабо поблескивая въ полумракѣ своимъ мѣднымъ кругомъ... Иванъ Еремѣичъ, подложивъ обѣ руки себѣ подъ голову, молчалъ и не шевелился, какъ мертвый... Самострѣловъ тоже не шевелился въ своемъ продавленномъ креслѣ, не спуская глазъ съ одной точки...

— Ну, однако, прощай! — раздалось внезапно съ кровати, вмѣстѣ со стукомъ сброшенныхъ ногъ, и Иванъ Еремѣичъ подошелъ и протянулъ хозяину руку.

Тотъ молча пожалъ эту руку, скользнулъ искоса взглядомъ по коротенькой фигурѣ пріятеля и спросилъ, устремивъ глаза въ уголъ:

— Что же? Гдѣ же надумался спать?..

— А, чортъ, ерунда!—досадливо махнулъ рукой Иванъ Еремѣичъ, нахлобучилъ на свою косматую голову легонькую лѣтнюю каскетку и вышелъ изъ комнаты.

Самострѣловъ, по уходѣ его, посидѣлъ еще нѣсколько времени въ глубокой задумчивости, потомъ протянулъ руку къ остывшему совершенно стакану, кряхтя, съ разстановками, осушилъ его въ нѣсколько пріемовъ до дна, поставилъ обратно на блюдечко и произнесъ со вздохомъ, вполголоса:

«Съ жиру... Все это съ жиру»...

Потомъ онъ поднялся изъ кресла, отодвинулъ въ сторону самоваръ, со всѣми его принадлежностями, и, очистивъ такимъ

образомъ на столѣ свободное пространство съ квадратный аршинъ, потянулъ изъ бумажнаго вороха нѣсколько листовъ, въ видѣ длинныхъ полосокъ съ печатными строчками, испещренныхъ на поляхъ корректурными знаками, потомъ досталъ изъ того же самаго вороха какую-то рукопись, разложилъ предъ собою то и другое и, испустивъ новый вздохъ, пододвинулъ къ себѣ ближе чернильницу...

А Иванъ Еремѣичъ, впущенный, послѣ повтореннаго два раза звонка, въ квартиру сонной Афимьей, тихо, на ципочкахъ, прошелъ въ свою супружескую опочивальню.

Лампадка въ углу, передъ образомъ, ярко горѣла, озаряя всю спальню своимъ кроткимъ, умиротворяющимъ свѣтомъ... Новорожденный сынъ Леонидъ безмятежно покоился въ маленькой кроваткѣ съ перильцами. гдѣ, во дни своего ранняго дѣтства, вкушало въ свой чередъ сладкіе маки безгрѣшнаго сна все потомство Ивана Еремѣича и Анны Егоровны...

Иванъ Еремѣичъ взглянулъ на закутанную въ одѣяло фигуру жены. Лицо ея, обращенное къ горящей лампадкѣ. съ сомкнутыми плотно рѣсницами и открытымъ нѣсколько ртомъ, имѣло всѣ признаки спокойнаго сна.

Мужъ обошелъ, словно крадучись, уголъ кровати, съ той стороны, гдѣ между нею и стѣной былъ оставленъ проходъ, присѣлъ осторожно на край и, стараясь не произвести ни малѣйшаго шороха, сталъ раздѣваться.

И когда онъ безшумно улегся и накрылъ себя одѣяломъ, сейчасъ почему-то сильнѣе, чѣмъ во все предыдущее время, ощутилъ онъ присутствіе чего-то незримаго, что вотъ уже нѣсколько дней какъ воздвиглось между нимъ и рядомъ, бокъ-о-бокъ, лежавшей женою...

Теперь, послѣ бесѣды съ Емельяномъ Иванычемъ, онъ уже не боялся выдать во снѣ свою тайну. Теперь онъ даже совсѣмъ не думалъ объ этомъ... Вмѣсто того, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ, онъ старался представить въ мысляхъ черты незнакомки, доставившей ему столько терзаній... Но это опять не привело ни къ чему. Усиленно созданный воображеніемъ образъ исчезалъ въ одно мгновеніе ока, какъ исчезаетъ туманное пятнышко, сдѣланное дыханіемъ на поверхности зеркала... Затѣмъ мысли его стали туманиться, путаться, и Иванъ Еремѣичъ перешелъ незамѣтно въ міръ грезъ.

А окно съ опущенной шторой въ комнатѣ Емельяна Иваныча еще долго продолжало свѣтиться въ ту ночь во тьмѣ огорода...

XIII.

На другой день, вечеромъ, въ обычный свой часъ, Иванъ Еремѣичъ пришелъ къ Самострѣлову.

По одному ужъ тому, какъ гость поздоровался съ Емельяномъ Иванычемъ и потомъ опустился на стулъ, хозяинъ тотчасъ же понялъ, что тотъ принесъ съ собою какія-то новости, которыя готовится ему сообщить. Видъ Равальяка былъ возбужденный и, если можно такъ выразиться, какъ бы приподнятый.

По обыкновенію, не задавая самъ первый вопроса, Самострѣловъ устремилъ глаза въ уголъ и ждалъ.

— Во-первыхъ, угости меня чаемъ,—началъ Иванъ Еремѣичъ.— Дома я выпилъ всего одинъ только стаканъ. Торопился къ тебѣ.

Емельянъ Иванычъ, не спѣша, вылѣзъ изъ кресла, досталъ съ комода чистый стаканъ, вмѣстѣ съ блюдечкомъ, перенесъ то и другое на столъ, налилъ чаемъ стаканъ, опустилъ туда два куска сахару, подвинулъ пріятелю и опустился на прежнее мѣсто.

Иванъ Еремѣичъ размѣшалъ, прихлебнулъ и неожиданно выпалилъ:

— Сегодня я навелъ справки о *ней!* Совершенно поправилась!

Тутъ онъ сдѣлалъ паузу, торопливо, въ три-четыре глотка, наливая на блюдечко, расправился съ чаемъ и отодвинулъ пустой стаканъ въ сторону.

— Еще? — спросилъ Самострѣловъ.

— Нѣтъ. Больше не буду, — отказался отрывисто Иванъ Еремѣичъ и такъ же отрывисто приступилъ къ прежней темѣ. — Да. Такъ вотъ, говорю, я сегодня узналъ. Поѣхалъ со службы. Разыскалъ, первымъ долгомъ, ихъ дворника. Сейчасъ его за бока. Приступилъ прямо, съ бацу. Такъ и такъ, молъ, знаешь такихъ-то жильцовъ? «Знаю». — «Поправляется старшая барышня?»—«Совсѣмъ ужъ поправилась».—«Не выходитъ еще?»— «Нѣтъ, не выходитъ»... И ужасно ехидная бестія — дворникъ!— «Съ чего, говоритъ, это для васъ антиресно, коли вы ихъ не знаете?» Каковъ?.. А надо сказать, что я спросилъ ея имя... Глупо, положимъ, дѣйствительно. Ну, да что дѣлать! Знать, въ сыщики я не гожусь! Какъ бы то ни было, узналъ, что было мнѣ нужно, а также и имя: *Глафира Андреевна.* Фамилія пока неизвѣстна, ну, да можно будетъ потомъ на доскѣ посмотрѣть. И самую табачную лавочку видѣлъ. Войти пока не рискнулъ. Маленькая, въ одно окошко, въ подвалѣ. Ну, и вотъ, пока все! — заключилъ Иванъ Еремѣичъ, вставая, и протянулъ хозяину руку.

Это было такъ неожиданно, что, не взирая на все свое хладнокровіе, Самострѣловъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на пріятеля и, недоумѣвая, спросилъ:

— Что-жъ ты? Сейчасъ и уходишь?

— Да. Я къ тебѣ на минуту. Зашелъ только, чтобы сообщить. Женѣ сказалъ, что отправляюсь къ Чепыгину. Развѣ не видишь, что я совсѣмъ по походному?

И Иванъ Еремѣичъ сталъ облекаться въ пальто и калоши, нахлобучилъ на голову шляпу и взялъ въ руки зонтикъ.

— Погода мерзѣйшая. Дождь такъ и хлещетъ, — пояснилъ онъ при этомъ.

— Развѣ такъ необходимо къ Чепыгину? — задалъ вопросъ Самострѣловъ, продолжая съ недоумѣніемъ смотрѣть на пріятеля.

— Это я женѣ такъ сказалъ. Врядъ ли къ нему попаду. А погода — чортъ съ ней! Оно даже лучше, что дождь. Иногда я это люблю. Теперь для меня особенно кстати. Головѣ, знаешь, полезно. Мысли яснѣе, свѣжѣе. Нужно о многомъ, о многомъ подумать! Ну, да ладно, все это къ чорту! Одно скажу только: въ головѣ у меня словно въ котлѣ. Все кипитъ и бурлитъ. Кажется, я спячу съ ума!.. Ну, да все это глупости. Къ чорту! Прощай.

И, стиснувъ хозяину руку, Иванъ Еремѣичъ торопливо исчезъ...

Еще долго по уходѣ его Самострѣловъ разбирался въ своихъ впечатлѣніяхъ, сидя въ креслѣ, какъ каменный, и устремивъ тупо глаза въ одну точку..

Все поведеніе и рѣчи пріятеля, весь его возбужденный, «приподнятый» видъ, таинственныя его недомолвки, съ зловѣщимъ предсказаніемъ, что онъ «спятитъ съ ума» — все это могло хоть кого озадачить... Емельянъ Иванычъ не понималъ ничего.

И все это Иванъ Еремѣичъ успѣлъ натворить въ какія-нибудь десять минутъ!

Если онъ могъ когда-либо похвастаться, что вывелъ, наконецъ, Самострѣлова изъ состоянія философскаго его равнодушія, то именно въ сегодняшнее свое посѣщеніе.

Емельянъ Иванычъ все сидѣлъ и думалъ о немъ, вспоминая многое, прежнее... А онъ не забывалъ никогда ничего... Вспоминалъ онъ его увлеченія разными разностями, химіей, живописью, токарнымъ станкомъ... Вспоминалъ его ликеръ изъ моркови, изобрѣтеніе какой-то особенной ваксы, попытку вырастить въ цвѣточномъ горшкѣ ананасъ... Много тутъ было смѣшного, нелѣпаго и въ то же самое время все это невольно приходило на память, по поводу его послѣдней исторіи съ покушавшеюся покончить съ собою незнакомкой, несмотря на всю трагичность этой исторіи.

И опять, какъ вчера, Емельянъ Иванычъ закончилъ свои размышленія тѣмъ, что произнесъ самъ себѣ вслухъ.

«Съ жиру... Все это съ жиру... Охъ-хо-хо, Боже мой!»

Затѣмъ онъ отодвинулъ прочь самоваръ, очистилъ на столѣ свободное мѣсто и разложилъ передъ собою корректуры.

И опять долго за полночь его окно съ опущенной шторой продолжало свѣтиться во тьмѣ огорода...

Мих. Альбовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОНЕТЪ.

Нашъ міръ усталъ. Былыхъ вѣковъ гряда нѣмая,
Какъ кряжъ недвижный горъ, какъ волнъ застывшихъ рядъ,
Стоитъ нахмурившись, а мы, изнемогая
Подъ тяжестью сѣдыхъ, безжизненныхъ громадъ,

Въ безсиліи, въ тоскѣ на небеса взирая,—
Мы чуда ждемъ... Но нѣтъ! Небесъ не озарятъ
Закатные лучи невѣдомаго рая,
Поруганныхъ святынь они не оживятъ.

Вкругъ насъ—развалины, и долгій путь за нами,
Но дальше нѣтъ пути. И нѣтъ жрецовъ во храмѣ,
И вѣщій взоръ боговъ предсмертной муки полнъ,

И вѣры нѣтъ ни въ комъ, и нѣтъ нигдѣ забвенья,
И прошлые вѣка стоятъ, какъ привидѣнья,
Какъ кряжъ недвижный горъ, какъ рядъ застывшихъ волнъ.

С. Маковскій.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Можетъ случиться, что искуство умереть, но немыслимо, чтобы оно могло жить, раболѣпствуя передъ богатствомъ и глумясь надъ бѣдностью.

В. Моррисъ.

I.

Толстой въ «Севастопольскихъ разсказахъ» мимоходомъ отмѣчаетъ любопытную психологическую черту, что раненымъ сраженіе всегда кажется проиграннымъ. Справедливость этого наблюденія далеко не исчерпывается военнымъ бытомъ. Въ генеральной битвѣ общественныхъ классовъ въ теченіе почти всего минувшаго вѣка, въ приличномъ разстояніи отъ боевой линіи, то и дѣло раздаются жалобныя причитанія о томъ, что все гибнетъ, а иногда и отчаянные вопли: «спасайся, кто можетъ!» Возгласы эти, впрочемъ, не дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ на сражающихся, потому, что они большею частью раздаются не во всеуслышаніе, а изливаются на бумагу въ формѣ изящной прозы или тонко отчеканенныхъ стиховъ, затѣмъ печатаются болѣе или менѣе нарядною книжкой и читаются тѣми, кто въ самой битвѣ непосредственнаго участія не принимаетъ. Вся же масса сражающихся не имѣетъ ни времени, ни охоты, а чаще всего и средствъ, чтобы покупать эту пессимистическую литературу и углубляться въ нее. Пишущая и мыслящая братія во всѣ времена не скупилась на «проклятія вѣку», но никогда они не сливались въ такой единодушный хоръ, какъ въ XIX столѣтіи. Въ XVIII вѣкѣ, пока писатели были застрѣльщиками въ исторической борьбѣ, они глядѣли впередъ «безъ страха и сомнѣнія» и даже мечтали сохранить за собой навсегда роль просвѣщенныхъ руководителей человѣчества. Литература, наука, искусство также страдали отъ наслѣдственныхъ привилегій и неподвижныхъ рамокъ стараго режима, какъ и среднее сословіе, и неудивительно поэтому, что въ дѣлѣ разрушенія феодальныхъ учрежденій и предразсудковъ буржуазія и интеллигенція дѣйствовали заодно и въ полной гармоніи. Но вотъ старый режимъ похороненъ. Послѣ смутныхъ десятилѣтій имперіи и реставраци, когда смыслъ и результаты переворота были затемнены,

комбинація общественныхъ силъ вполнѣ выяснилась. Всю арену жизни захватили «дѣловые люди», банкиры, спекулянты, купцы, промышленники; высшіе классы стараются еще сохранить въ своихъ рукахъ остатки старыхъ помѣстій или съ грѣхомъ пополамъ, отложивши въ сторону барскую спѣсь, пускаются въ аферы. Крестьянство, выдѣливъ изъ себя слой зажиточныхъ мелкихъ собственниковъ, разжившихся при скупкѣ изъ рукъ государства бывшихъ сеніоріальныхъ и духовныхъ земель, продолжало свое прежнее горькое существованіе во тьмѣ невѣжества и въ нищетѣ, дешево поставляя контингентъ городского пролетаріата, необходимый для расцвѣтающей фабричной промышленности. Эта рабочая масса, уже довольно значительная въ Парижѣ и нѣсколькихъ другихъ промышленныхъ центрахъ, не играла никакой роли въ теченіи государственныхъ дѣлъ и вызывала къ себѣ не болѣе вниманія, чѣмъ простое орудіе производства.

Какая же судьба постигла интеллигенцію? Она боролась за права и свободу личности и получила ихъ. Безконечно далекимъ казалось то время, когда художникъ былъ немногимъ выше королевской челяди и прихлебателемъ гранъ-сеньоровъ, когда какой-нибудь украшенный гербами неучъ безнаказанно подымалъ палку на Вольтера и Бомарше или предоставлялъ эту расправу своимъ лакеямъ, когда въ угоду фавориткѣ запрещали пьесу, сжигали цѣлое изданіе, а автора сажали въ тюрьму. Но вмѣстѣ съ личной независимостью, писатель, артистъ попалъ въ совершенно новыя экономическія условія. Въ дореформенное время искусство пользовалось покровительствомъ великихъ міра сего. Вельможи не стѣсняли своего права и не проявляли уваженіе къ личностямъ, но очень часто были тонкими цѣнителями красоты и соперничали другъ передъ другомъ меценатствомъ. Никто конечно не могъ существовать литературнымъ или художественнымъ трудомъ, но начинающему таланту въ большинствѣ случаевъ не трудно было найти себѣ вліятельнаго и богатаго «благодѣтеля» или попасть въ милость ко двору, выхлопотать себѣ пенсію, номинальную должность или доходную привиллегію. Въ новомъ обществѣ личныя отношенія между производителемъ и потребителемъ духовныхъ цѣнностей прекратились. Артистъ, литераторъ очутились лицомъ къ лицу передъ безличной массой «публики», ихъ произведенія уже не окупались щедротами давальцевъ, а должны были искать сбыта въ сложныхъ и гадательныхъ условіяхъ рынка. Потребителемъ являлся исключительно средній классъ, который относился къ высшей интеллектуальной культурѣ совершенно иначе, чѣмъ старая знать. Тѣ и другіе видѣли въ искусствѣ только роскошь и украшеніе жизни, но для высшаго дворянства прежнихъ временъ весь смыслъ въ жизни заключался въ роскоши и вся привлекательность въ украшеніяхъ, тогда какъ новые фараоны прекрасно обходились безъ изящества и цѣнили только грубую матеріальную пользу; ихъ вкусы, не воспитанные вѣковою наслѣдственностью, были формально консер-

вативны или антиэстетичны. Тяжело было подчиняться гордости и чувственнымъ инстинктамъ прежнихъ господъ, но неизмѣримо тяжеле стало угождать глупому тщеславію и неприкрытому изяществомъ разврату толстосумовъ и неотесанныхъ лавочниковъ. Тяжесть эта усугублялась тѣмъ, что чувство собственнаго достоинства въ интеллигентной средѣ достигло высокаго развитія подъ вліяніемъ идей 1789 года.

Тогда-то и началась непримиримая вражда артистовъ всѣхъ родовъ оружія къ буржуазіи, которая наполняетъ всю исторію французскаго искусства и литературы, начиная съ 1830 года. Нѣтъ такого презрительнаго обозначенія, нѣтъ такого изощреннаго ругательства, нѣтъ такой злобной каррикатуры, которыя бы казались достаточно выразительными для эгоизма, жадности, глупости, безвкусія этой ненавистной плутократіи, отъ чего она, надо сказать, ни на волосъ не похудѣла и ни на минуту не потеряла аппетита. По контрасту, художники приписали себѣ значеніе единственныхъ представителей всего великаго и возвышеннаго, духовныхъ героевъ, царство которыхъ не отъ міра сего.

Типическое романтическое міросозерцаніе, какъ оно на этой почвѣ выработалось малу-по-малу къ 40-мъ годамъ и преемственно передавалось впродолженіи полувѣка, а отчасти дожило и до нашихъ дней, заключало двѣ крупныхъ оптическихъ ошибки: буржуазія такъ занимала всѣ помыслы людей художественныхъ профессій, что заслоняла въ ихъ глазахъ все человѣчество; черты ея безъ дальнихъ околичностей были перенесены на всѣ слои общества, и слова «толпа», «чернь» стали синонимами народа, а плутократія, охлократія и медіократія считались равнозначущими съ демократіей. Съ другой стороны, какъ психологическое слѣдствіе индивидуализма, интеллигенція не чувствовала между собою взаимной солидарности общественнаго класса, а каждый художникъ считалъ себя одинокимъ, единственнымъ, Прометеемъ или Фаустомъ, лучезарною вершиной, «беззаконною кометой среди разсчитанныхъ свѣтилъ». Изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ подобнаго рода возьмемъ у поэтовъ нѣсколько типичныхъ отрывковъ, не ручаясь впрочемъ, что это самые выразительные. При этомъ мы передадимъ ихъ прозой, хотя нѣкоторые существуютъ и въ переводѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ намъ важна не художественная форма, а точная передача мыслей авторовъ.

«Вы живете подло, безъ мечты, безъ цѣли, вы дряхлѣе, чѣмъ эта безплодная земля; преступный вѣкъ съ колыбели выхолостилъ васъ отъ всякой могучей и глубокой страсти. Вашъ мозгъ пустъ такъ же, какъ ваше сердце, и вы загрязнили этотъ жалкій міръ такою испорченною кровью, такимъ тлетворнымъ дыханіемъ, что только смерть можетъ произрастать въ этомъ чудовищномъ болотѣ. О люди, убійцы боговъ, недалеко то время, когда, валяясь въ какомъ-нибудь углу на огромной кучѣ золота, источивъ землю-кормилицу до каменныхъ основъ, не заботясь о томъ, день или ночь на свѣтѣ, утонувъ въ

безднѣ всеобъемлющей скуки, вы нелѣпо будете умирать, наполняя свои карманы» (Leconte de Lisle: «Aux modernes»). Такъ негодуетъ поэтъ противъ всѣхъ «современниковъ», не замѣтивъ, что большинству изъ нихъ некогда скучать и не грозитъ опасность умереть на кучѣ золота.

Другой поэтъ рисуетъ сильную по выразительности картину, какъ больной старикъ, изнывая отъ безконечнаго безобразія больничныхъ стѣнъ съ ихъ отвратительнымъ запахомъ, прицѣпляется къ окну, освѣщаемому чудными цвѣтами заката. «Такъ и я, полный отвращенія къ человѣку съ его жесткимъ сердцемъ, утопающему въ благополучіи, въ которомъ участвуютъ только его плотскіе аппетиты (опять картина матеріальнаго довольства, не примѣнимая къ «человѣку» вообще), такъ и я бѣгу и цѣпляюсь за всѣ окна, откуда можно повернуться спиной къ жизни, и въ ихъ стеклахъ, омытыхъ росою вѣчности, позолоченныхъ чистою зарею безпредѣльности, пусть этимъ окномъ будетъ искусство, будетъ мистицизмъ, счастливецъ, я вижу себя ангеломъ! (Вспомнимъ, что Ж. Зандъ говорила, что она не желаетъ смотрѣть на міръ черезъ мутныя стекла, въ которыхъ отражается только свой собственный носъ). Я умираю и возрождаюсь, украшенный своею мечтой, какъ діадемой, въ томъ небѣ минувшаго, гдѣ цвѣтетъ красота! Но, увы! Этотъ низменный міръ превозмогаетъ: онъ иногда навязчиво преслѣдуетъ меня и вызываетъ тошноту даже въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ, и мерзкая блевотина глупости заставляетъ меня затыкать носъ передъ небесною лазурью. Есть ли возможность разбить стекло, загрязненное чудовищемъ, и унестись на моихъ крыльяхъ безъ перьевъ, подъ рискомъ падать всю вѣчность?» (Mallarmé: «Les fenêtres»).

Въ сравненіи съ этимъ самовозвеличеніемъ довольно скромнымъ кажется извѣстный сонетъ Боделера, гдѣ онъ сравниваетъ поэта съ альбатросомъ: «Поэтъ подобенъ царю облаковъ, который любитъ бурю и смѣется надъ стрѣлкомъ; когда же онъ заблудится на землѣ среди насмѣшекъ и издѣвательствъ, его гиганскія крылья мѣшаютъ ему ходить».

Откуда же эти писатели почерпаютъ свои наблюденія надъ человѣчествомъ? Гдѣ они сталкиваются съ «жизнью», отъ которой они такъ старательно ограждаются? Они сами даютъ намъ матеріалъ для сужденія объ этомъ: «Наивный поэтъ, который размышляетъ, прежде чѣмъ писать, удивляется, какія вещи вызываютъ въ наше время смѣхъ. Въ театрѣ иногда онъ оборачивается и, видя, какъ веселье зѣвакъ изъ-за плоскаго каламбура разливается отъ ложъ до партера (партеръ, т.-е по нашему мѣста за креслами, когда-то составлялъ демократическую часть во французскомъ театрѣ), онъ чувствуетъ себя вдругъ такимъ одинокимъ среди этихъ толстыхъ весельчаковъ съ сіяющими животами, онъ убѣгаетъ украдкой, если можетъ, не ожидая занавѣса» (Sully-Prudhomme: «Le peuple s'amuse»).

*

«Въ воскресеніе, въ салонъ въ перегонку устремляется пестрая толпа изумленныхъ буржуа, которые каждый годъ являются на ярмарку искусствъ безполезно услаждать свои незрячіе глаза. Чернь, темная создательница славы, проходитъ съ разинутымъ ртомъ и съ пустыми взорами передъ красотой, которая ее не трогаетъ, подобно стадамъ барановъ, блеющихъ на солнце» (Sully-Prudhomme: «Damnation»). Замѣтимъ, что авторъ этихъ рѣзкихъ тирадъ вообще очень скромный, добродушный и меланхоличный поэтъ, и только профанированіе искусства выводитъ его изъ себя.

Итакъ, отношенія художника къ обществу сводятся на отношенія производителя къ потребителю. Живописецъ пишетъ картину, вкладываетъ въ нее лучшую часть своей души, съ трудомъ добивается, чтобы ее приняли въ салонъ, а праздная нарядная толпа равнодушно проходитъ мимо и останавливается передъ какою-нибудь кровавой сценой или передъ голой, но напомаженною нимфой. «Стоитъ ли имѣть талантъ, когда «люди» увлекаются бездарностью?» думаетъ разочарованный художникъ. Писатель ставитъ драму, въ которой онъ старался дать рѣшеніе всѣмъ проклятымъ философскимъ и общественнымъ вопросамъ, публика скучаетъ и не идетъ въ театръ. Зато какой-нибудь глупый, но весьма декольтированный фарсъ собираетъ полную залу. Въ ложахъ дамы въ бальныхъ платьяхъ, въ креслахъ «дѣловые люди» во фракахъ, въ партерѣ чиновники, приказчики, студенты покатываются со смѣху при каждой неприличной выходкѣ развязной примадоны. «Вотъ чѣмъ забавляется самодержавный народъ!» рѣшаетъ неудавшійся драматургъ и становится врагомъ всеобщаго избирательнаго права. Но при этомъ онъ чувствуетъ себя одинокимъ, и бороться съ тенденціей времени ему не подъ силу. Онъ только съ тоской и ужасомъ наблюдаетъ все разгорающуюся «зарю того дня, когда великій художникъ станетъ чѣмъ-то устарѣвшимъ, почти безполезнымъ» (Ренанъ).

Ненависть къ демократіи естественно влекла за собою отвращеніе къ политикѣ вообще. Старый режимъ былъ еще недостаточно забытъ, чтобы можно было искренно его идеализировать. Новый режимъ былъ основанъ на ненавистномъ принципѣ, яко бы противоположномъ интересамъ искусства. Отсюда выводъ: поэтъ, вообще художникъ при всѣхъ политическихъ формахъ подверженъ «непрерывному остракизму» (Альфредъ де-Виньи). Историческій опытъ Франціи въ XIX столѣтіи давалъ слишкомъ много основанія для политическаго пессимизма. Онъ особенно усилился послѣ кроваво-опереточной «республики адвокатовъ» 1848 года. Впервые весь народъ былъ призванъ взять въ свои руки свою судьбу. Печальное фіаско этого перваго опыта и слѣдовавшій за симъ темный періодъ плебисцитарной монархіи глубоко поразили всѣхъ мыслящихъ людей далеко за предѣлами Франціи. Настроеніе же лучшей части французскаго общества было похоже на па-

нику общественной мысли. Тогда сложился холодный скептицизмъ Тэна; тогда Ренанъ подмѣтилъ черты демократіи, которыя онъ послѣ соединилъ въ образѣ Калибана. Тогда литература отреклась отъ жизни: поэзія завернулась въ «парнасскую» тогу, а проза ограничила свой кругозоръ физіологіей человѣка-звѣря. Катастрофа 1870—71 года и новое пораженіе демократическаго принципа, приведшаго на дѣлѣ къ самой типичной плутократіи, еще увеличили растерянность общественной мысли. Поколѣніе, воспитанное подъ этими безрадостными впечатлѣніями, оказалось лишеннымъ всякихъ устоевъ. На смѣну Флоберамъ и Гонкурамъ пришли Бурже, Прево, Барресы. Они довели свой диллетантскій скептицизмъ до отрицанія науки и бросились одни въ мистицизмъ, другіе къ вѣрѣ въ спасительный авторитетъ католицизма, третьи наконецъ, въ поискахъ за сильнымъ чувствомъ, потрясаютъ тупымъ мечомъ націонализма, благо этотъ флагъ избавляетъ отъ всякой принципіальности. Ничто лучше не доказываетъ презрѣнія этихъ интеллигентовъ къ обществу, какъ блажь Мориса Барреса, позволившаго избрать себя депутатомъ въ парламентъ. Что онъ будетъ тамъ дѣлать, какую онъ окажетъ пользу своимъ избирателямъ, онъ не интересовался; ему хотѣлось только испытать эту не совсѣмъ обыденную сенсацію и потѣшиться въ глубинѣ души надъ довѣрчивыми избирателями. Они, впрочемъ, оказались не такими безнадежно глупыми, какъ онъ предполагалъ, и на ближайшихъ выборахъ возвратили ему независимость.

II.

Мы говорили до сихъ поръ о тѣхъ представителяхъ французской интеллигенціи, которые своими именами характеризуютъ эпохи. Какъ бы они ни будировали, какъ бы ни щелкали по носу публику, они своими талантами завоевали себѣ, одни раньше, другіе позже, почетное имя, распространеніе своихъ идей, а иногда и сбытъ своихъ произведеній. За этими единицами стоитъ густая толпа ихъ собратьевъ по профессіямъ, которые не достигли ни извѣстности, ни обезпеченнаго куска хлѣба. Въ большинствѣ случаевъ эти безымянные были и одарены въ меньшей степени, но далеко не всегда. Исторія французской литературы знаетъ романтиковъ изъ поколѣнія 30-хъ годовъ, которые погибли почти безвѣстными, между тѣмъ болѣе чѣмъ черезъ полвѣка ихъ талантъ былъ оцѣненъ весьма высоко, чуть не наравнѣ съ прославленными корифеями. Таковъ, напр., Геренъ и Луи Бертранъ (Gaspard de la Nuit). Нельзя себѣ также представлять, чтобы весь классъ людей умственной и духовной дѣятельности рѣзко раздѣлялся на двѣ части— одну, состоящую изъ нѣсколькихъ десятковъ лучезарныхъ талантовъ, другую — изъ сѣрой массы безличностей, неудачниковъ и ремесленниковъ. Пропасти между этими двумя категоріями нѣтъ. Геніевъ, которые бы стояли неизмѣримо выше всего остального, какъ Гёте, какъ

Шекспиръ и Байронъ, французское искусство XIX вѣка не можетъ указать. Всѣхъ остальныхъ, начиная отъ В. Гюго и Мюссе до послѣдняго газетнаго репортера, отъ Делакруа и Энгра до послѣдняго пачкуна, носящаго съ геніальнымъ видомъ свою широкополую шляпу и грязный ящикъ съ красками, можно было бы распредѣлить непрерывнымъ рядомъ по нисходящимъ степенямъ талантовъ. Общее число лицъ свободныхъ профессій, съ увеличеніемъ въ XIX вѣкѣ подвижности общественныхъ рамокъ, быстро возрастало. Уже въ 30-хъ годахъ кабачки Латинскаго квартала были полны аспирантовъ на всемірную славу. Длинноволосыхъ юношей въ эксцентричныхъ костюмахъ, которые демонстративно апплодировали драмамъ В. Гюго, переругиваясь съ бритыми и упитанными буржуа, была цѣлая армія.

Но жить театральными скандалами или грезами (de rêve), какъ любятъ выражаться французы, очень трудно. Весьма большой процентъ этихъ бунтующихъ титановъ мало-по-малу становились смиренными слугами вкусовъ той самой толстокожей буржуазіи, съ которою они стояли въ такомъ антагонизмѣ. Уже Боделеръ изображаетъ печальную долю продажной музы, которая составляетъ такой контрастъ съ гордыми романтическими представленіями о достоинствѣ художника. «Чтобы добыть себѣ хлѣбъ на каждый вечеръ, тебѣ, какъ мальчику-хористу, приходится махать кадиломъ и пѣть хвалебные гимны, которымъ ты не вѣришь, или, подобно голодному скомороху, выставлять на показъ свое тѣло и свой смѣхъ, облитый невидимыми слезами, чтобы у черни заиграла селезенка». («La muse vénale»). Эти-то податливые артисты запрудили Европу бульварными романами, они довели до виртуозности сенсаціонный репортажъ, они фабрикуютъ для Америки неизсякаемое количество плохихъ картинъ и рисунковъ, подписанныхъ прославленными именами, а у себя дома безконечное число разъ «вдохновляются» сюжетомъ Леды съ лебедемъ, Сусанны или Вирсавіи въ купальнѣ. Но только немногіе, и то обыкновенно самые бездарные, достигаютъ этимъ путемъ славы въ извѣстной средѣ и богатства. Большинство изъ нихъ находятся въ тискахъ подозрительныхъ издателей, спекулянтовъ и скупщиковъ, проводятъ жизнь въ нищетѣ и умираютъ нищими. Сколько изъ нихъ имѣли отъ природы недюжинное дарованіе, только не имѣли характера!

Что талантъ и даже извѣстность не гарантируютъ отъ борьбы съ нуждой, тому можно привести много примѣровъ. Жюль Дюпре (1811—1889), одинъ изъ прославленныхъ нынѣ родоначальниковъ французскаго пейзажа, котораго теперь можно видѣть въ Луврѣ, когда-то расписывалъ экраны для каминовъ по 15 франковъ штука. Тассаръ (Tassaert, 1800—1874), весьма цѣнимый теперь коллекціонерами колористъ, жилъ въ нищетѣ, спился и кончилъ самоубійствомъ на восьмомъ десяткѣ. Его движимость была продана за 38 франковъ. Дегасъ (род. въ 1834), который теперь продаетъ свои маленькія картинки по нѣс-

кольку десятковъ тысячъ франковъ, долгое время не могъ добиться, чтобы его приняли въ салонъ,—теперь онъ въ отместку самъ никогда не посылаетъ туда картинъ,—а скупщики такъ его эксплуатировали, что платили ему 35 франковъ за картину, которую въ тотъ же день перепродавали за 3000 фр. Но самый яркій примѣръ жестокой судьбы интеллигентнаго пролетарія представляетъ Милле (1814—1875), одинъ изъ крупнѣйшихъ художниковъ XIX вѣка. Теперь его «Angelus» за баснословную цѣну въ 550 тысячъ франковъ откупленъ государствомъ изъ Америки. Картинъ его въ продажѣ нельзя найти, но рисунки его такъ цѣнятся коллекціонерами, что подделкой ихъ живетъ не одинъ горемычный мазилка. Самъ онъ продавалъ ихъ отъ 1 до 5 фр., а когда получалъ 10, то считалъ себя счастливымъ. Этотъ бретонскій крестьянинъ, человѣкъ чистѣйшей жизни, поэтъ крестьянскаго труда, долгое время долженъ былъ писать на продажу голыхъ женщинъ, такъ какъ другіе сюжеты не продавались, а между тѣмъ надо было накормить шесть человѣкъ дѣтей (позднѣе ихъ стало девять). Одинъ пріятель засталъ однажды моментъ, когда онъ и жена два дня ничего не ѣли; дѣти еще не были голодны, но на завтра уже не оставалось ничего. Отчего Золя не выбралъ этотъ человѣческій документъ для своего «Плодородія»? И при этихъ условіяхъ у Милле хватило духа по соглашенію съ женой разъ на всегда прекратить писать наготу, чтобы отдаться тѣмъ сюжетамъ, которые его влекли. Не выдержавъ парижской жизни, онъ бѣжалъ въ деревню, въ знаменитый въ лѣтописяхъ французской живописи Барбизонъ, гдѣ и провелъ всю жизнь въ простой крестьянской обстановкѣ, работая не покладая рукъ. Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ его тамъ парижанъ, впослѣдствіи изображали эту жизнь райской идилліей *), но изъ подлинныхъ писемъ художника видно, какимъ потомъ и кровью облита была эта идиллія. Уже имя Милле стало произноситься съ уваженіемъ, уже находились иногда покупатели крупныхъ картинъ, уже у него были вѣрные поклонники и цѣнители, а демократическая публицистика находила въ его картинахъ соціалистическія идеи, чему онъ искренно дивился; между тѣмъ, самая крутая нужда не выпускаетъ его изъ тисковъ. Онъ не перестаетъ просить друзей раздобыть ему взаймы 100 франковъ или «сколько можно», деревенскій мясникъ не разъ прекращаетъ отпускать ему товаръ до уплаты стараго счета, не разъ по требованію этого грубаго кредитора судебный приставъ описываетъ кровати, посуду и картины несчастнаго художника, и Милле имѣлъ полное основаніе говорить, что «въ искусство нужно вкладывать свою шкуру».

Положеніе интеллигентнаго работника не улучшилось къ концу вѣка. Напротивъ, предложеніе художественнаго и умственнаго труда

---

*) *Alexander Piedagnel.* «J.-F. Millet, souvenirs de Barbizon». P. 1876.

все болѣе обгоняетъ спросъ. Однихъ живописцевъ во Франціи насчитывается болѣе 22.000. Въ двухъ главныхъ парижскихъ весеннихъ салонахъ ежегодно выставляется по нѣскольку тысячъ номеровъ, т. е. въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ третьяковской галлереѣ (около 1500 произведеній). Кто-то высчитывалъ, что, если положить всѣ эти исписанные холсты рядомъ, то можно доѣхать куда-то очень далеко. Если принять среднюю цѣну выставленныхъ произведеній въ 300 франковъ (на самомъ дѣлѣ она вѣроятно гораздо выше), то окажется, что только на этихъ двухъ «ярмаркахъ искусства», какъ говоритъ Сюлли Прюдомъ, нужно было бы затратить около 2 милліоновъ франковъ, чтобы покрыть предложеніе. Но въ салоны принимается только одна пятая посылаемыхъ туда произведеній; въ свою очередь художники посылаютъ на выставки конечно далеко не все, что они наработаютъ за годъ. Кромѣ салоновъ есть еще масса выставокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ количественномъ отношеніи мало имъ уступаютъ. Наконецъ, многіе художники совсѣмъ не выставляютъ своихъ произведеній, а продаютъ ихъ изъ мастерской. Если принять все это во вниманіе, то станетъ очевиднымъ, что страна только въ весьма незначительной степени можетъ потребить производимую артистами работу.

То, что сказано о пластическихъ искусствахъ, справедливо конечно относительно всѣхъ формъ интеллектуальнаго труда. Правда, въ области литературы, благодаря дробленію цѣнъ при помощи печатнаго станка, кругъ потребителей несравненно шире, тѣмъ не менѣе положеніе писателя, живущаго литературнымъ заработкомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ справедливо или нѣтъ прославленныхъ авторовъ, которыхъ можно перечесть по пальцамъ, едва ли выше положенія порядочнаго фабричнаго рабочаго. Недавно извѣстный философъ А. Фулье, полемизируя съ однимъ молодымъ талантливымъ публицистомъ (Marius Arg Leblond), о которомъ намъ придется упоминать ниже, высказалъ банальный тезисъ, что несправедливо было бы, да и невозможно оцѣнивать произведеніе артиста, мыслителя и т. п. по количеству затраченнаго на него труда, какъ произведеніе простого рабочаго. На это оппонентъ очень резонно отвѣтилъ, что внѣ вопроса о справедливости и несправедливости (по его мнѣнію, только при этомъ условіи артистъ можетъ быть дѣйствительно независимъ) настоящіе художники, все равно какой профессіи, и теперь не зарабатываютъ больше *). Можно было бы сказать гораздо больше, что для весьма многихъ, въ томъ числѣ и несомнѣнно талантливыхъ работниковъ интеллигентныхъ профессій, и такой масштабъ вознагражденія является недостижимымъ благополучіемъ.

Года четыре тому назадъ появилась очень интересно составленная коллективная работа нѣсколькихъ молодыхъ писателей объ интелли-

---

*) „Rev. Soc.“ 1902, avril.

гентномъ пролетаріатѣ во Франціи *). Впрочемъ, наименованіе «пролетарій» употребляется въ этой книгѣ въ ограниченномъ смыслѣ: здѣсь имѣются въ виду только тѣ, «которые, живя исключительно своею заработною платой, не могутъ прожить ею». Это уже собственно неудачники, которымъ грозитъ нищенство. Тѣмъ не менѣе справедливо, что «въ настоящее время во Франціи, какъ и въ Германіи, нѣтъ такой степени образованія, какъ бы она высока ни была, которая бы гарантировала отъ нищеты или, по крайней мѣрѣ, отъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія, иногда болѣе мучительнаго, чѣмъ нищета». Люди, не имѣющіе средствъ, могутъ быть трудолюбивы, вести правильный образъ жизни, накопить значительныя познанія, и все-таки вмѣсто того, чтобы занять то мѣсто въ общественныхъ рамкахъ, на которое они считаютъ себя въ правѣ претендовать, сообразно своему высшему образованію, остаются кандидатами на голодъ. Многочисленными фактами и цыфрами, приводимыми въ книгѣ, выясняется, что въ матеріальномъ отношеніи всѣ интеллигентныя профессіи болѣе или менѣе въ одинаковомъ положеніи: врачи, адвокаты, политики, журналисты, поэты, художники, музыканты, если они не имѣютъ другихъ рессурсовъ, кромѣ своихъ двухъ рукъ и талантовъ, имѣютъ громадные шансы остаться за флагомъ конкуренціи. Общество, при томъ складѣ, въ какомъ оно живетъ въ настоящее время, съ расточительною роскошью вознаграждаетъ нѣсколько сотенъ своихъ случайныхъ любимцевъ, эти уже утрачиваютъ въ большинствѣ случаевъ матеріальную и нравственную связь со своими собратьями и вступаютъ въ ряды привиллегированныхъ классовъ, затѣмъ извѣстной категоріи доставляетъ съ грѣхомъ пополамъ необходимый для существованія заработокъ, гораздо бо̀льшую массу держитъ впроголодь, а остальныхъ безъ церемоніи выбрасываетъ на улицу. «Сколькіе изъ насъ,—говорится въ манифестѣ одной группы прогрессивно настроенныхъ студентовъ,—сколькіе изъ насъ, врачи, учителя, адвокаты, чиновники, фармацевты, химики, инженеры, архитекторы, живописцы, скульпторы и т. д., испытываютъ, вмѣстѣ съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, обезчещивающее закрѣпощеніе и унизительное рабство!» Такимъ образомъ, если мы, сообразно нашей задачѣ, преимущественно занимаемся артистами и писателями, то всѣ соображенія общаго характера въ одинаковой мѣрѣ должны быть примѣнимы ко всѣмъ интеллигентнымъ профессіямъ.

Литераторъ, журналистъ съ нѣкоторою извѣстностью можетъ заработать въ Парижѣ 3.000—5.000 франковъ. Музыкантъ, художникъ «полузнаменитый» 2.500—5.000. Сюлли-Прюдомъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ, никогда не зарабатывалъ своими стихами болѣе

*) «Les prolétaires intellectuels en France“ par Henry Bérenger, Paul Pottier, Pierre Marcel, P. Gabillard, M. A. Leblond. Paris (безъ даты).

3.000 фр. въ годъ. Цезарь Франкъ, одинъ изъ музыкальныхъ знаменитостей въ Парижѣ, никогда не достигалъ и этой цыфры. Въ обществѣ «Association des journalistes républicains» треть членовъ (134 изъ 372) не имѣетъ занятій; въ другомъ обществѣ—«Парижскихъ журналистовъ» болѣе четверти членовъ (96 изъ 296) не имѣютъ куска хлѣба. Въ области изобразительныхъ искуствъ дѣло обстоитъ еще печальнѣе. Бѣда начинается еще въ школѣ. Въ то время, какъ студенты Сорбонны и различныхъ высшихъ техническихъ заведеній, по большей части дѣти обезпеченныхъ семей, составляютъ аристократію Латинскаго квартала, будущіе художники преимущественно бѣдняки, понадѣявшіеся на свое призваніе. Это легко замѣтить и на глазъ. Студенты одѣваются, какъ свѣтскіе люди, носятъ цилиндръ, перчатки и пальто и обѣдаютъ въ приличныхъ ресторанахъ; художники носятъ плисовыя куртки и таковыя же широкіе штаны, мягкую шляпу и короткій плащъ, въ родѣ пелерины, въ какой бы ни было морозъ, а ѣдятъ въ кабачкахъ по 1 фр. 15 сант. за обѣдъ или варятъ у себя въ мастерской постный супъ за все, про все. Архитектора еще могутъ коечто заработать и въ школѣ, нанимаясь на строительныя работы или чертя архитектурныя детали. Вообще архитектора по своей спеціальности ближе къ инженерамъ, нежели къ художникамъ. Живописцы и скульпторы почти не имѣютъ заработковъ: первые иногда не брезгуютъ писать вывѣски. Художественно-промышленное образованіе мало развито, по крайней мѣрѣ до весьма недавняго времени оно было въ самомъ жалкомъ видѣ. Академіи и частные профессора внушаютъ своимъ ученикамъ, что только чистое искусство, le grand art, достойно художника. Каждый «готовится стать Рафаэлемъ и пренебрегаетъ стать Челлини». Но вотъ школа осталась позади. Если молодой художникъ не получилъ «римской преміи», обезпечивающей ему казенные заказы, если онъ не подчинялся безлично рутинной указкѣ профессора, который можетъ привлечь къ нему вниманіе меценатовъ или министра, если онъ не рѣшается пуститься въ откровенную порнографію или не умѣетъ пустить публикѣ пыль въ глаза, то ему предстоитъ весьма тяжелый періодъ борьбы. Если онъ обладаетъ исключительнымъ талантомъ, если онъ Эдуардъ Мане, Дегасъ, если онъ даже Пювисъ де-Шаваннъ, Родэнъ, тѣмъ хуже для него: двадцать, тридцать лѣтъ его будутъ ненавидѣть всѣ признанные авторитеты, бездарные, но фразистые фельетонисты будутъ изощрять на немъ свое остроуміе, а публика искренно смѣяться передъ его произведеніями, пока, наконецъ, слѣпая богиня не пошлетъ ему американскаго милліонера или пока какой-нибудь спекулянтъ не «откроетъ» въ немъ великаго таланта и не устроитъ вокругъ его имени рекламы. Но если онъ хочетъ выгоднѣе всего пристроить свои картины или статуи, ему нужно умереть въ нищетѣ и одиночествѣ. Чтобы покрыть похоронные расходы, полиція назначитъ аукціонъ его произведеній, за неимѣніемъ другой движимости. На такіе аукціоны,

какъ вороны на падаль, слетаютсь коллекціонеры и скупщики. Поспѣвшіе первыми за безцѣнокъ скупятъ все, что такъ безнадежно загромождало унылую мастерскую, черезъ нѣсколько дней въ десяти газетахъ появятся воодушевленные статьи о новоявленномъ геніѣ съ желчными выходками противъ черствости и безвкусія современниковъ, не умѣющихъ цѣнить своихъ великихъ людей, черезъ мѣсяцъ будетъ устроена спеціальная выставка посмертныхъ произведеній покойнаго, нарядно одѣтая публика будетъ съ благоговѣніемъ восторгаться тѣми самыми вещами, надъ которыми она такъ весело смѣялась прежде; государство пріобрѣтетъ нѣсколько вещей для Люксембургскаго музея, а остальное расхватаютъ меценаты по баснословнымъ цѣнамъ.

Такихъ, конечно, немного. Масса состоитъ изъ среднихъ дарованій, которымъ не предстоитъ посмертная слава, но которыя, тѣмъ не менѣе могли бы служить для многихъ источникомъ эстетическихъ радостей, если бы они имѣли возможность спокойно работать безъ страха за завтрашній обѣдъ. Менѣе выдающемуся художнику, который не шокируетъ своеобразнымъ пониманіемъ природы, легче попасть въ салонъ—мечта всѣхъ молодыхъ артистовъ. Но что толку? Скромная по размѣрамъ картинка (большую не примутъ), подписанная невѣдомымъ именемъ, потонетъ въ морѣ окружающихъ полотенъ. Повѣсятъ ее гдѣ-нибудь подъ потолкомъ или за дверью, критика не обмолвится о ней даже мимолетнымъ порицаніемъ, большинство зрителей ее, навѣрное, даже не увидитъ, о покупателяхъ и говорить нечего: «любитель», являющійся на выставку съ намѣреніемъ истратить нѣсколько тысячъ на «пополненіе коллекціи», стремится купить громкое имя. Бугеро или Каролюсъ Дюранъ могутъ выставить пятидесятое повтореніе своихъ безсмысленныхъ мотивовъ, и всегда найдется банкиръ, достаточно лишенный вкуса, который найдетъ ихъ восхитительными. Салонъ закрывается, затаенныя мечты о славѣ или, по крайней мѣрѣ, о солидномъ кушѣ денегъ (de la galette, какъ называютъ въ Парижѣ презрѣнный металлъ) разбиты, и тутъ во всей силѣ становится вопросъ, какъ существовать? Если не поможетъ случай, женитьба, протекція, богатый пріятель, въ перспективѣ рисуется голодъ.

Пьеръ Марсель, авторъ статьи объ артистическомъ пролетаріатѣ въ упомянутой выше книгѣ, подробно разсказываетъ, какъ низко падаетъ художественная дѣятельность подобныхъ горемыкъ. Въ Парижѣ есть извѣстное въ артистическомъ мірѣ посредническое агентство, hôtel Drouot, гдѣ время отъ времени происходятъ аукціоны произведеній различныхъ знаменитостей всѣхъ эпохъ и школъ. Рѣдко какая крупная сдѣлка, особенно въ продажѣ старыхъ мастеровъ, минуетъ эту художественную биржу. Тутъ же есть зала, гдѣ выставленъ для продажи съ вольной цѣны всякій хламъ. Цѣны начинаются отъ 5, 10, 20 франковъ, смотря по размѣрамъ картины, независимо отъ ихъ качества. За такія картины художникъ получаетъ отъ посредника

$2^1/_2$—3 фр., изъ которыхъ, по вычисленію автора, за вычетомъ расходовъ производства, художнику очищается за самую работу не болѣе 1 фр. Такихъ картинъ нельзя сдѣлать болѣе четырехъ въ сутки, и то надо работать сразу по два полотна, чтобы не мыть кистей, т.-е. чтобы краска и время не пропадало. И къ этому заработку прибѣгаютъ не одни подвальные живописцы, тутъ можно встрѣтить художниковъ, выставляющихъ въ салонѣ, имѣющихъ почтенную репутацію. Разумѣется, картины, посылаемыя въ hôtel Drouot, художникъ не подписываетъ своимъ именемъ, но ставитъ псевдонимъ, такъ какъ и тамъ покупатель любитъ получить подписанное полотно, и тамъ нѣкоторыя подписи пріобрѣтаютъ популярность. Легко понять, какъ такой характеръ работы отражается на самоуваженіи художника, не говоря уже о гибели техники. Но этотъ способъ заработка еще не послѣдняя степень паденія для художника. Есть такіе, которые работаютъ у торговцевъ, реставрируютъ, а при нуждѣ и поддѣлываютъ,—для этого тоже еще нужна извѣстная доля искусства. Наконецъ, есть «художники», когда-то начинавшіе съ гордыми надеждами, дошедшіе до рисованія «моментальныхъ» портретовъ въ ресторанахъ, на ярмаркахъ, просто на улицѣ. Ниже этого уже остается нищенство или преступленія.

Въ сферѣ поэтическихъ и музыкальныхъ талантовъ оригинальный рынокъ сбыта представляютъ такъ называемые cabarets artistiques. Эти увеселительныя заведенія въ значительной степени вытѣснили собой прежніе cafés chantants, перекочевавшіе изъ Парижа во всѣ большіе и малые «центры» культурной Европы. Здѣсь уже нѣтъ знаменитыхъ французскихъ шансонетокъ, нѣтъ декольтированныхъ «звѣздъ», восхищающихъ публику нелѣпымъ задираніемъ ногъ, даже куплеты на злобы дня отступили далеко на второй планъ. Ихъ исполняютъ въ началѣ вечера, чтобы заполнить время, пока соберется публика. Но вотъ собралось человѣкъ 20—30, а въ воскресеніе человѣкъ 50 и больше, тогда начинается артистическая часть программы. Режиссеръ объявляетъ, что «notre gracieuse camarade m-lle N. доставитъ намъ удовольствіе исполненіемъ своихъ прелестныхъ пѣсенъ». Аннонсированная пѣвица не имѣетъ ничего общаго съ оголенными, раскрашенными, гримасничающими «пѣвичками» нашихъ загородныхъ ресторановъ. Въ темномъ домашнемъ платьѣ, въ не особенно даже свѣжихъ перчаткахъ, она безъ жеманства подходитъ къ роялю, какъ гостья въ семейномъ домѣ. Ей лѣтъ 35—40, и она вовсе не скрываетъ этого. У нея не первоклассный, но хорошій голосъ и солидная школа. Болѣе счастливыя подруги ея по консерваторіи поютъ въ оперѣ или даютъ въ провинціи уроки пѣнія. Ей не повезло, у нея не было покровителя, не хватало терпѣнія дожидаться и энергіи интриговать. Это, несомнѣнно выброшенный за бортъ нормальной жизни пролетарій, но она не утратила человѣческаго достоинства, не пустилась во всѣ тяжкія, она не спекулируетъ на дурные инстинкты толпы. Ея репертуаръ мелодическіе,

изящные романсы лирическаго или драматическаго содержанія, какихъ масса во французской музыкѣ. Этотъ жанръ создала извѣстная Иветтъ Гильберъ и сдѣлала на немъ карьеру, тогда какъ ея продолжательницы, которыхъ масса, съ трудомъ зарабатываютъ себѣ жалкій кусокъ хлѣба.

Вслѣдъ за пѣвицей возвѣщается, что публика будетъ имѣть удовольствіе услышать поэта (имя рекъ) въ его произведеніяхъ. Выступаетъ молодой человѣкъ въ рыжемъ пиджакѣ; съ рѣшительнымъ видомъ заложивъ обѣ руки въ карманы, онъ съ трудомъ скрываетъ свою застѣнчивость. У него прекрасный въ техническомъ отношеніи, выразительный стихъ (французскіе поэты вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ не пишутъ плохихъ стиховъ). По содержанію его стихотворенія напоминаютъ «Chansons des gueux» Ришпена и «Chansons de la rue» Аристида Брюана: это жаргонъ парижскаго жулика, который въ монологической формѣ излагаетъ свои соціальные взгляды. Этому Аристиду Брюану пришла геніальная мысль: онъ придалъ своему кабачку видъ воровского притона, и когда входилъ гость, мирный буржуа, его встрѣчали неистовымъ кошачьимъ концертомъ и площадною руганью, когда же новоприбывшій усаживался за свою кружку пива, то хозяинъ, изображавшій предводителя всей шайки, распѣвалъ свои пѣсни, гдѣ «порядочные господа» опять трактовались въ такомъ анархическомъ стилѣ, какой создали только парижскіе бродяги и карманщики. Этотъ жанръ имѣлъ такой успѣхъ и именно среди буржуазной публики, что изобрѣтатель его могъ подъ старость купить себѣ замокъ и живетъ въ немъ на полномъ покоѣ. Теперь его мѣсто занялъ другой кабачокъ «Bruant Alexandre», въ который, говорятъ, заглядываютъ нерѣдко пріѣзжіе принцы и даже коронованные особы. Встрѣчаютъ всѣхъ одинаково любезно... Но, кромѣ прямого подражанія, самое содержаніе пѣсенъ Ар. Брюана создало цѣлую поэтическую школу, которая далеко не лишена литературнаго интереса. Къ ней, очевидно, принадлежалъ и тотъ молодой поэтъ, о которомъ шла рѣчь выше. За первымъ стихотвореніемъ слѣдовало другое на нормандскомъ деревенскомъ нарѣчіи; въ живыхъ образахъ, съ ѣдкою ироніей изображалась судьба деревенской простушки, соблазненной какимъ-то щеголемъ. Отъ насмѣшекъ и преслѣдованій лицемѣрныхъ сосѣдей она бѣжала въ Парижъ, здѣсь потеряла всякій стыдъ и совѣсть, сдѣлалась кокоткой, обобрала нѣсколькихъ старичковъ и вернулась въ родныя мѣста богатою помѣщицей, которая своею благотворительностью и набожностью снискала уваженіе всей округи; когда она умерла, ея гробъ несли деревенскія дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, и кюре сказалъ прочувствованное слово. Третьимъ номеромъ (всѣ артисты «кабачковъ» исполняютъ по три номера) юный поэтъ объявилъ стихотвореніе «Безсонная ночь» и прибавилъ «въ первый разъ». Публика насторожилась. Это была лирика чистѣйшей воды. «Завтра (мы передаемъ содержаніе на память, и за точность не ру-

чаемся), завтра мнѣ придется потѣшать равнодушную толпу тою пѣсней, которую сегодня съ болью рождаетъ моя душа. Завтра, какъ продажная женщина свое тѣло, я понесу на рынокъ свое вдохновеніе,— быть можетъ, его осмѣютъ, быть можетъ, наградятъ апплодисментами. Пусть! Среди свистковъ или рукоплесканій оно останется незапятнаннымъ; люди не могутъ изнасиловать мою душу, какъ нечистыя испаренія земли не могутъ запачкать луннаго свѣта, какъ дерзкіе шквалы не могутъ проникнуть въ тайную глубь океана...» Это былъ явный бунтъ крѣпостного противъ гнета рабовладѣльцевъ, безсильная злоба звѣря, посаженнаго въ желѣзную клѣтку. Слушатели, въ спокойной увѣренности, что клѣтка крѣпка, что власть ихъ надъ артистомъ отъ его бутады не поколеблется, воодушевленно апплодировали неожиданному номеру. Бисировать его авторъ, впрочемъ, не захотѣлъ.

Послѣднимъ явился, запыхавшись, торопливыми мелкими шажками толстенькій человѣчекъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами, маленькой эспаньолкой, краснымъ носомъ и добродушно насмѣшливыми глазками. На ходу онъ извинился, что опоздалъ (онъ опаздывалъ каждый день), что его задержали въ другомъ мѣстѣ. Это былъ любимецъ публики пѣвецъ-композиторъ, который ухитрялся за одинъ вечеръ выступать въ нѣсколькихъ кабачкахъ. Голосъ у него былъ довольно сиплый, но онъ умѣлъ съ большою экспрессіей декламировать свои романсы. Въ музыкальномъ отношеніи они не представляли ничего особенно выдающагося, но нѣкоторые изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, были не хуже Гуно и Массене. При этомъ тексты всегда были очень удачно выбраны изъ новѣйшихъ поэтовъ. Ему между прочимъ принадлежитъ музыка къ извѣстнымъ «Chansons rouges» Мориса Буке, одного изъ немногихъ французскихъ поэтовъ, которые умѣли извлечь прекрасные лирическіе мотивы изъ соціальныхъ темъ.

III.

Выходя изъ такого «артистическаго кабачка», испытываешь впечатлѣніе, точно всѣ эти элементы какого ни на есть искусства выброшены не на улицу, гдѣ бы они могли не пропасть безъ всякой пользы,—а въ помойную яму. Неужели общество такъ насыщено красотой, что можетъ расточать его по трактирамъ, въ Hôtel Drouot и въ тому подобныхъ свальныхъ мѣстахъ? Неужели и въ области искусства можетъ существовать перепроизводство? Это печальное слово, изобрѣтенное XIX столѣтіемъ, дѣйствительно, повидимому, также примѣнимо къ созданію духовныхъ благъ, какъ и къ производству матеріальныхъ цѣнностей. Какъ бы это ни возмущало тѣхъ, кто видитъ въ искусствѣ огонь, сошедшій съ неба, духъ, который вѣетъ, гдѣ захочетъ (spiritus flat ubi vult), оно производится руками человѣческими и раздѣляетъ судьбу всего, что происходитъ на этой бренной землѣ.

Primo vivere, deinde philosophari. Художникъ, великій какъ и малый, не перестаетъ быть человѣкомъ со всѣми его слабостями и потребностями. Совсѣмъ не касаясь здѣсь труднаго психологическаго вопроса, можетъ ли художникъ говорить безъ мысли о воспринимающемъ субъектѣ, можно вполнѣ утвердительно сказать, что онъ не въ состояніи говорить, если матеріальный результатъ его творчества (книга, картина, статуя и т. п.) не находитъ потребителя. Такимъ образомъ, какъ это первый, кажется, утверждалъ Прудонъ *), искусство имѣетъ матеріальныя условія существованія, которыя ставятъ его въ рядъ съ другими производствами и оправдываютъ распространеніе на него законовъ экономики.

Но если производитель извѣстнаго продукта разоряется, не находя на рынкѣ сбыта, значитъ ли это, что въ обществѣ не ощущается потребности въ этомъ продуктѣ? Изъ того, что зерновой хлѣбъ падаетъ въ цѣнѣ, вовсе не значитъ, что на всемъ земномъ шарѣ люди сыты по горло. Напротивъ, милліоны людей истощаются и дегенерируютъ отъ недоѣданія. Существуетъ ли и въ этомъ отношеніи аналогія между промышленностью и интеллектуальною дѣятельностью? Иначе говоря, нуждается ли въ искусствѣ то громадное большинство людей, которое въ настоящее время его лишено? На этотъ вопросъ существуютъ самые разнообразные отвѣты. Одни говорятъ:

Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ.

Искусство существуетъ лишь для избранниковъ, отмѣченныхъ божественнымъ перстомъ. Они признаютъ, что это составляетъ условіе несчастья для художника, но гордятся этимъ роковымъ несчастіемъ, какъ жалованной свыше грамотой на духовное благородство. Другіе говорятъ, что для наслажденія искусствомъ нужно имѣть за собой цѣлый рядъ поколѣній, воспитанныхъ въ извѣстной степени культуры и комфорта или по крайней мѣрѣ съ дѣтства находиться въ соприкосновеніи съ красотой, чтобы усвоить себѣ потребность въ ея созерцаніи. Третьи признаютъ, что нѣкогда эстетическое чувство было присуще всѣмъ, даже низшимъ народнымъ слоямъ, въ средѣ которыхъ проявлялись даже творческія способности. Но современная матеріальная цивилизаціи, направляя всѣ человѣческія усилія на чисто практическія цѣли, убило какъ народное искусство, такъ и потребность въ красотѣ, и будущее грозитъ совершеннымъ атрофированіемъ вкуса къ изящному. Намъ нужно остановиться на этихъ мнѣніяхъ.

Итакъ, кто же такіе эти исключительно одаренныя натуры, которымъ однимъ принадлежитъ право имѣть сужденіе въ вопросахъ искусства? Это прежде всего, конечно, сами художники, которые всю свою

---

*) „Du Principe de l'Art ef de sa Destination Sociale». P. 1875.

жизнь посвящаютъ красотѣ и знаютъ по опыту, какія безчисленныя формы она можетъ принимать. Мы имѣли случай присутствовать на «конференціи» одного остроумнаго критика (Frantz Jourdain), который, между прочимъ, доказывалъ оригинальный тезисъ, что никто не питаетъ такой ненависти къ красотѣ, какъ художники. На первый взглядъ это кажется вывернутою на изнанку истиной, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этотъ парадоксъ кажется весьма пріемлемымъ. Художники соединяются въ общество, съ цѣлью способствовать развитію искусства, и для оцѣнки достоинствъ произведеній, поступающихъ на выставку, избираютъ изъ своей среды лицъ, конечно, наиболѣе компетентныхъ и преданныхъ искусству. И вотъ это учрежденіе, состоящее изъ однихъ художниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе систематически и безжалостно изгоняетъ все, что впослѣдствіи признается славой и гордостью искусства: Делакруа, Дюпре, Бари (скульпторъ), Тройонъ, Теод. Руссо, Діазъ, Коро, Милле, Курбе, Пювисъ де-Шаваннъ, Эдуардъ Мане, Клодъ Моне, Дегасъ, Роденъ, Рафаэлли и многіе, многіе другіе, которые составляютъ теперь украшеніе Лувра или Люксембургскаго музея, или совсѣмъ не могли попасть въ салонъ, или попадали туда лишь послѣ долгихъ лѣтъ остракизма, когда за нихъ высказывалось уже общественное мнѣніе. Уставъ бороться съ непониманіемъ признанныхъ авторитетовъ, отвергаемые художники, въ свою очередь, составили общество и открыли свой салонъ. Казалось бы, на собственномъ опытѣ они могли воспитать въ себѣ уваженіе къ свободѣ исканія красоты, но за десять лѣтъ существованія этого новаго салона онъ такъ постарѣлъ и такъ недружелюбно сталъ относиться къ художественному прогрессу, что оказалось необходимымъ основать новое общество и новый салонъ «независимыхъ», гдѣ, во избѣжаніе ошибокъ, совсѣмъ нѣтъ жюри. Черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, и тамъ вернутся къ практикѣ старшихъ обществъ. Но, скажутъ, тутъ виноватъ не недостатокъ пониманія красоты, а просто конкуренція. Тѣмъ хуже: это значитъ, что жрецы искусства больше любятъ деньги, чѣмъ искусство. Можно еще возразить, что общество, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, это все-таки толпа, хотя бы и толпа художниковъ. Большинство ихъ—и быть, можетъ, подавляющее большинство—составляютъ тѣ, для которыхъ искусство то же, что для чиновниковъ департаментъ, т. е. источникъ наживы, орденовъ, поприще корысти и тщеславія. Это тѣ артисты, которые «всѣхъ ничтожнѣй» «среди дѣтей ничтожныхъ міра», хотя они не хуже другихъ говорятъ о боговдохновенности художника, о тупости и утилитаризмѣ толпы. Итакъ занесемъ себѣ въ записную книжку: артисты въ массѣ обладаютъ тѣми низменными качествами, которыя каждый изъ нихъ приписываетъ толпѣ непосвященныхъ, и припомнимъ эту мысль, когда услышимъ о мечтахъ интеллигентовъ составить новый аристократическій классъ. Но если припомнить тѣхъ немногихъ Божіею милостью

артистовъ, которые своими руками создали исторію искусства, то и на этихъ вершинахъ мы найдемъ ту же пыль большихъ дорогъ. Оставимъ въ сторонѣ нравственныя свойства—зависть, тщеславіе, корыстолюбіе и т. п. И великіе художники только люди, и ничто человѣческое имъ не чуждо, часто, къ сожалѣнію, даже въ весьма значительной степени, но гораздо поразительнѣе та необыкновенная узость въ пониманіи искусства, которая у нихъ наблюдается почти у всѣхъ. Всякій прогрессъ въ искусствѣ, всякое расширеніе его области возмущаетъ ихъ, какъ нарушеніе ихъ самодержавія. Извѣстно, напр., какъ Энгръ, одинъ изъ значительнѣйшихъ мастеровъ французскаго искусства, глубоко негодовалъ на новшества Делакруа. И совершенно также, какъ этотъ классикъ съ фанатическою ненавистью относился къ романтизму, такъ романтики относились къ реализму, реалисты къ импрессіонизму и т. д. Нужно ли прибавлять, что эта черта присуща не однимъ живописцамъ и скульпторамъ, а въ равной мѣрѣ литераторамъ, музыкантамъ и пр. Можно даже принять за общее правило, что тѣ, которымъ искусство болѣе всего обязано въ своемъ развитіи, безпощаднѣе всѣхъ враждуютъ съ нимъ, когда оно ихъ переростаетъ. Гдѣ же тѣ избранники, которые настолько любятъ искусство, чтобы не укорачивать его роста, которые способны чувствовать красоту *) всюду, гдѣ бы она ни проявлялась и какія бы формы ни принимала?

Посмотримъ теперь, много ли выигрываетъ искусство отъ покровительства такъ называемаго образованнаго общества. Несомнѣнно, что наше крайне усложнившееся искусство доступно только тѣмъ, кто владѣетъ цѣлымъ арсеналомъ предварительныхъ свѣдѣній, историческихъ, географическихъ, техническихъ. Художникъ не популяризаторъ, онъ изображаетъ интересующее его явленіе или состояніе, не соображаясь съ тѣмъ, какимъ умственнымъ багажомъ обладаетъ его читатель, зритель, слушатель. Не художникъ долженъ спускаться до ихъ горизонта, а они должны стараться подняться на ту высоту, съ которой онъ смотритъ на міръ. Но какія высоты доступны тѣмъ господамъ въ цилиндрахъ, которые мнятъ себя знатоками, потому что слѣдятъ за всѣми литературными новинками, рекламируемыми въ газетахъ, не пропускаютъ ни одной выставки, ни одного перваго представленія, такъ же какъ и скачекъ? Они впрочемъ, считаютъ себя непогрѣшимыми судьями. Одинъ такой образованный цѣнитель, французскій сенаторъ, при открытіи въ 1892 г. памятника Клоду Желе (Лоррену) работы Родена сказалъ: «Мы находимъ эту статую пло-

*) Во избѣжаніе неопредѣленности оговариваемся, что подъ словомъ „красота" мы понимаемъ не какой-нибудь метафизическій абсолютъ, а больше всего склоняемся къ тому, какъ понималъ это слово Милле: „Красота заключается не столько въ тѣхъ предметахъ, которые изображаются, сколько въ потребности художника ихъ изобразить, и эта потребность создаетъ и степень силы ихъ изображенія".

хою, а между тѣмъ, мы вѣдь не дураки». У этихъ цѣнителей путемъ многолѣтняго повторенія впечатлѣній создаются извѣстныя привычки въ области искусства, которыми они и мѣряютъ всякое новое впечатлѣніе. Всякое новое, оригинальное, глубокое явленіе, которое вызываетъ у знатоковъ-спеціалистовъ негодованіе, знатоковъ-любителей заставляетъ хохотать до упаду. Когда въ началѣ 50-хъ годовъ появились первыя геніальныя произведенія Пювисъ-де-Шаванна, отвергнутыя салономъ и выставленныя въ частной выставкѣ рядомъ съ Курбе, публика заливалась смѣхомъ передъ обоими: послѣдняго называли буйнымъ, а перваго тихимъ сумасшедшимъ. Одинъ изъ этихъ образованныхъ любителей, литераторъ Эдмонъ Абу еще въ 1883 г. писалъ о томъ же Пювисъ де-Шаваннѣ, величайшемъ изъ всѣхъ французскихъ художниковъ XIX вѣка: «Когда адъ надо будетъ вымостить заново, то это предпріятіе, конечно, поручатъ Пювисъ-де-Шаванну. Этотъ художникъ по преимуществу человѣкъ добрыхъ намѣреній и широкихъ замысловъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ обѣщаетъ себѣ и намъ создать шедевръ, который онъ никогда не исполнитъ, ибо онъ не умѣетъ ни писать, ни рисовать и гордо разгуливаетъ по всѣмъ угламъ въ царствѣ искусства со своимъ энциклопедическимъ невѣжествомъ. Недостатокъ первоначальнаго образованія, къ несчастью, неисправимъ; ни смѣлость, ни настойчивость, ни даже извѣстная возвышенность ума не помогутъ создать эпическую поэму въ двѣнадцати пѣсняхъ мечтателю, который не былъ въ начальной школѣ и не знаетъ не только просодіи, но даже самой низменной орѳографіи». Какой великолѣпный testimonium paupertatis для людей, которые чванятся знаніемъ орѳографіи и просодіи и думаютъ, что Гомеръ имѣлъ аттестатъ объ окончаніи начальной школы! Теперь за полвѣка глазъ подобныхъ знатоковъ привыкъ къ оригинальности Пювисъ-де-Шаванна, и всякій изъ нихъ дастъ голову на отсѣченіе, что у него классическій рисунокъ и геніальное письмо. За то тѣ же или такіе же знатоки еще не могутъ помириться съ рѣзкою оригинальностью Родена: его извѣстный «Бальзакъ», заказанный обществомъ литераторовъ («Société des gens de lettres»), былъ торжественно отвергнутъ заказчиками. За то всякая крикливая посредственность, которая съумѣетъ прикрыть внутреннюю банальность своихъ произведеній яркою внѣшностью, можетъ всегда разсчитывать на успѣхъ. Лучшій тому примѣръ популярность ничтожнаго Ростана. Артисты такого калибра по плечу той публикѣ, которая видитъ въ искусствѣ только пріятное развлеченіе, нарядную бездѣлушку, необходимую для хорошаго тона, а не источникъ счастія. Словомъ, именно эта публика знатоковъ и цѣнителей и внушила французскимъ артистамъ священный ужасъ передъ толпой и ненависть къ демократіи.

Гдѣ же художнику искать нравственной и матеріальной поддержки? Гдѣ найти среду, въ которой бы онъ чувствовалъ любовь и интересъ

къ своей дѣятельности, которая бы встрѣчала его произведенія безъ банальныхъ шаблоновъ и придирчивыхъ предразсудковъ, среду, въ которой бы онъ былъ не отшельникъ, не скоморохъ, не парія, а уважаемый членъ? Неужели въ этой грубой, сѣрой массѣ, которая имѣетъ лишь одну мечту—наѣсться досыта, а праздничныхъ эмоцій ищетъ въ кабакахъ и ярмарочныхъ балаганахъ? Самое предположеніе чего-нибудь подобнаго кажется дикимъ. Припомнимъ однако, что недалеко еще то время, когда столь же дикимъ казалось удѣлить этой сѣрой массѣ участіе въ общественной жизни. Самая крайняя либеральная оппозиція наканунѣ іюльской революціи не считала возможнымъ искать поддержку «въ другой націи, кромѣ той, которая читаетъ газеты, которую волнуютъ перламентскіе дебаты, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промышленностью и владѣетъ землей». Это именно та «нація», которая теперь считаетъ эстетическій вкусъ своею монополіей. Только легкомысленный или недобросовѣстный политическій дѣятель могъ «спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже нельзя встрѣтить общественнаго мнѣнія, гдѣ едва найдется хоть немного политическаго смысла, и гдѣ тысячами кишатъ добрыя, прямодушныя и простыя существа, которыхъ легко обмануть и привести въ ярость, которыя живутъ со дня на день и, борясь съ нуждой въ каждый моментъ своей жизни, не имѣютъ ни времени, ни необходимаго физическаго и нравственнаго покоя, чтобы подумать иногда о томъ, какимъ образомъ управляются государственныя дѣла» («Le National», 22-го іюля 1830 г.). И между тѣмъ, независимо отъ желанія или нежеланія либеральныхъ доктринеровъ, эти темные люди заставили считаться со своими взглядами въ области политики, и если не всѣ охотно дѣлятъ политическую власть съ тѣми, кому не принадлежитъ ни капиталъ, ни промышленность, ни земля, то уже никому во Франціи не приходитъ на умъ оспаривать ихъ право воздѣйствовать на управленіе страны.

Если политическій смыслъ развивается въ народныхъ массахъ только постепенно, въ силу необходимости взять въ свои руки защиту своихъ интересовъ, которые игнорировались обезпеченными классами, то стремленіе къ удовлетворенію эстетическаго чувства гораздо древнѣе. Ни археологія, ни этнографія не знаютъ такого первобытнаго состоянія людей, когда бы они не культивировали и не цѣнили искусства. Стремленіе къ художественному творчеству и къ наслажденію творчествомъ другихъ нужно признать однимъ изъ самыхъ коренныхъ свойствъ породы homo sapiens. Въ числѣ функцій человѣческаго организма есть такія, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть прервано ни на одну минуту, дыханіе, кровообращеніе, химическая работа веществъ; другія, какъ питаніе и весь пищеварительный процессъ, могутъ отсутствовать болѣе или менѣе продолжительное время; есть и такія, какъ, напр., половыя функціи, которыя могутъ прерываться на неопредѣленное время и даже въ отдѣльныхъ индивидуумахъ совсѣмъ

*

атрофироваться, но зоологическій видъ неизмѣнно страдаетъ отъ подавленія какой-нибудь изъ физіологическихъ потребностей организма. Въ психической сферѣ человѣкъ такъ же не можетъ прекратить чувствовать или мыслить, но многіе другіе запросы человѣческаго духа гораздо растяжимѣе, къ этому числу относится и потребность эстетическихъ эмоцій. Она можетъ оставаться долгое время безъ удовлетворенія, можетъ даже казаться окончательно выродившеюся въ цѣлыхъ поколѣніяхъ и въ цѣлыхъ общественныхъ классахъ, но это не можетъ не отзываться вредно на психической расѣ, и общество не можетъ не стремиться къ возстановленію нормальной жизни своихъ органовъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ основанія безнадежно смотрѣть на отсутствіе эстетическаго вкуса въ широкихъ кругахъ нынѣшнихъ демократій и, главное, нельзя думать, что между художникомъ и народною массой искони вѣковъ существуетъ какая-то роковая непроходимая пропасть. Не надо забывать, что пропасть эта продуктъ сравнительно недавнихъ процессовъ, и что было время, когда артистъ и народъ прекрасно уживались и понимали другъ друга. Изъ того времени мы сохранили даже представленіе о національномъ искусствѣ,—представленіе, которое въ наше время стало анахронизмомъ, безсодержательною и лицемѣрною оффиціальною фикціей. Въ XIV и XV вѣкахъ каждая итальянская община гордилась своимъ городскимъ художникомъ. Когда заказная и давно ожидаемая картина или статуя была готова, весь городъ въ торжественной процессіи сопровождалъ ее на предназначенное ей мѣсто, и съ этого момента въ представленіи каждаго гражданина она неразрывно соединялась съ роднымъ городомъ, составляя его красу и святыню. Эстетическія эмоціи у зрителя не отдѣлялись отъ религіознаго благоговѣнія, также какъ самое творчество казалось художнику актомъ богопоклоненія. Такое тѣсное единеніе между творцомъ и публикой обусловливалось, конечно, единообразіемъ міросозерцанія и соціальною близостью всѣхъ членовъ общества. На сѣверѣ искусство имѣло тотъ же болѣе или менѣе всенародный характеръ. Всѣ слои городского населенія участвовали своею лептой въ возведеніи какого нибудь собора и въ теченіе цѣлыхъ поколѣній съ интересомъ слѣдили за ростомъ своего грандіознаго дѣтища, сравнивая и соревнуя съ сосѣдями. Въ прекрасномъ Германскомъ музеѣ въ Нюренбергѣ есть нѣсколько цѣликомъ сохраненныхъ комнатныхъ обстановокъ того времени. Надо видѣть, какъ жили баварскіе или тирольскіе крестьяне XV, XVI вѣковъ, чтобы понять, какую большую роль въ ихъ ежедневномъ обиходѣ играло искусство. Въ жилой комнатѣ, какъ и въ спальнѣ, нѣтъ ни одного предмета, который бы казался слишкомъ прозаическимъ для артистической обработки. Искусство не было рѣдкостью, которую ставятъ подъ стекло въ музеяхъ и въ домахъ богатыхъ меценатовъ; каждый хотѣлъ видѣть вокругъ себя красивыя

вещи и отчасти каждый самъ удовлетворялъ этой потребности. Въ такой средѣ великіе художники находили пониманіе и поддержку, и никому въ голову не приходило съ презрѣніемъ говорить о безвкусіи толпы.

Намъ, конечно, не зачѣмъ излагать общеизвѣстный процессъ, который не только лишилъ рабочую массу интеллектуальной культуры, но въ значительной степени атрофировалъ въ ней даже потребность въ духовныхъ радостяхъ. Тотъ же процессъ отдалъ всѣ умственныя силы общества во власть высшихъ классовъ, а это привело къ тому, что искусство сдѣлалось «господскимъ», по выраженію Л. Н. Толстого, т.-е по своему содержанію и формѣ приноровилось къ вкусамъ и интересамъ единственныхъ потребителей. Такимъ образомъ, если бы народная масса даже почувствовала вдругъ жажду эстетическихъ впечатлѣній, она бы весьма мало удовлетворилась произведеніями новыхъ художниковъ, особенно тѣми, которыя болѣе всего пользуются популярностью нынѣшняго общественнаго мнѣнія. Надо понаблюдать, на какихъ бездарныхъ холстахъ чаще всего останавливаются черепаховые лорнеты свѣтскихъ дамъ, какое ничтожество исторгаетъ больше всего ихъ возгласы восторга и самоувѣренно-глубокомысленныя замѣчанія «цѣнителей», къ какимъ никому ненужнымъ вещамъ приторговываются любители изъ банкировъ, чтобы понять, какіе запросы предъявляетъ къ искусству вкусъ теперешней «образованной» публики.

Мы, однако, не рѣшаемся, вмѣстѣ съ Толстымъ, дѣлить искусство на хорошее и дурное. Какимъ бы идеаламъ оно ни служило, если оно порождаетъ художественныя произведенія, оно сохраняетъ извѣстную цѣнность на всѣ времена. Намъ чужды католическіе идеалы Мурильо, а его Мадонны такъ же прекрасны теперь, какъ во времена Филиппа IV испанскаго; мы не имѣемъ ничего общаго съ міромъ французскихъ маркизовъ XVIII вѣка, но на картины Ватто смотримъ съ наслажденіемъ; мы переросли первобытныя народныя воззрѣнія на міръ, но народныя сказки, пѣсни и сказанія останутся вѣчно живою поэзіей, которая будетъ еще не разъ обновлять нашу литературу. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что если къ пользованію искусствомъ будутъ когда-нибудь призваны другіе слои народа, кромѣ буржуазіи, они не снесутъ въ подвалы, не сдадутъ въ макулатуру все искусство и всю литературу XIX вѣка.

Во всякомъ художественномъ произведеніи кромѣ чертъ преходящей современности, которыя могутъ интересовать въ будущемъ только изслѣдователей прошлаго, заключаются также не старѣющіе элементы. Эти элементы могутъ быть незамѣтны для современниковъ, и даже авторъ можетъ считать ихъ второстепенными, но потомство не справляется съ тѣмъ, что авторъ хотѣлъ, а очень часто цѣнитъ въ немъ какъ разъ то, чего онъ вовсе не хотѣлъ.

Итакъ, мы видѣли, что рознь между художникомъ и народными массами

нельзя приписывать свойствамъ толпы, какъ таковой, ибо и во времена Чимабуэ и Джіотто толпа была толпой, а розни этой не ощущалось. Не обусловливается она также слишкомъ возвышенными качествами новѣйшихъ геніевъ,—въ этомъ отношеніи, увы! исторія не знаетъ прогресса. Рознь произошла отъ исторически обусловленныхъ соціальныхъ причинъ, поставившихъ подавляющее большинство людей въ необходимость направить всѣ свои физическія и духовныя силы на борьбу за простое существованіе и сдѣлавшихъ наиболѣе одаренныхъ членовъ общества простыми зрителями общественнаго процесса. Чтобы эта рознь уничтожилась, если ей суждено уничтожиться, должно произойти движеніе съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны, нужно, чтобы интеллигенція сознала вредъ своего индифферентизма и изолированности, чтобы она поняла, что будущность ея, какъ производительницы всѣхъ духовныхъ цѣнностей, зависитъ отъ объединенія въ самостоятельный классъ, интересы котораго ни въ одномъ пунктѣ не противорѣчатъ интересамъ производителей матеріальныхъ цѣнностей, а во многихъ пунктахъ совпадаютъ съ ними, чтобы она захотѣла искать въ широкихъ демократическихъ кругахъ воспріимчивости къ продуктамъ ея дѣятельности и помогла бы имъ пріобрѣсти необходимую для этого степень образованія; съ другой стороны, нужно, чтобы въ демократіи возродилась потребность болѣе полной духовной жизни, чтобы она стремилась утилизировать въ своихъ интересахъ тѣ умственныя силы, которыя въ настоящее время находятся въ монопольномъ пользованіи высшихъ классовъ.

Ев. Дегенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОПЕЧАТКА:

Въ № 1, Январь, Въ статьѣ „Жизнь въ почвѣ" (отд. I) вкрались слѣдующія опечатки: на стр. 3, строка 20-я снизу, вмѣсто: „Этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ русскому ученому", надо читать: „Этимъ мы обязаны русскому ученому".

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Проблемы идеализма", сборникъ статей.—Исходный пунктъ современнаго стремленія къ идеализму.—Выступленіе на сцену новыхъ общественныхъ наслоеній и то новое, что они несутъ съ собой.—Статьи гг. Булгакова, Бердяева, Кистяковскаго, Франка и др.—Отличительная черта современнаго идеализма — его активность.

Въ самомъ концѣ прошлаго года появился сборникъ статей нравственно-философскаго и соціологическаго содержанія, подъ общимъ многознаменательнымъ заглавіемъ «Проблемы идеализма». На протяженіи послѣднихъ лѣтъ это уже не первая попытка такъ или иначе отмѣтить то новое стремленіе къ идеализму, которое несомнѣнно составляетъ очень и очень замѣтную черту въ настроеніи современнаго общества. Мы не будемъ говорить о блѣдной и бѣдной по содержанію книгѣ г. Волынскаго «Борьба за идеализмъ», въ которой было весьма мало идеализма и очень много заядлой борьбы съ разными противниками этого непризнаннаго борца за идеализмъ. Но не можемъ не указать на статью г. Бердяева «Борьба за идеализмъ», появившуюся на страницахъ нашего журнала года два тому назадъ и послужившую надолго предметомъ злыхъ нападокъ на автора и на журналъ со стороны какъ позитивистовъ, такъ и ортодоксальныхъ сторонниковъ марксизма. Не меньшую затѣмъ ярость вызвала небольшая статья г. П. Б. «Къ вопросу о морали», затрогивающая тѣ же вопросы главнымъ образомъ съ этической стороны. Въ сборникѣ мы встрѣчаемъ тѣ же имена и тѣ же вопросы, но постановка послѣднихъ и глубже, и шире. Объединенные общей умѣлой редакціей, вопросы и задачи идеализма въ сборникѣ представляютъ своего рода «идеалистическую платформу», въ которой дана какъ бы программа новаго направленія. Къ ней намъ придется, вѣроятно, возвращаться не одинъ разъ, а пока мы попытаемся познакомить читателей лишь съ нѣкоторыми изъ затронутыхъ въ сборникѣ идеями, потому что охватить все богатство содержанія сборника въ бѣглой журнальной замѣткѣ невозможно.

«Особенность этого новаго направленія,—говоритъ редакоръ сборника г. Новгородцевъ,—состоитъ въ томъ, что оно, являясь выраженіемъ нѣкоторой вѣчной потребности духа, въ то же самое время возникаетъ въ связи съ глубокимъ процессомъ жизни, съ общимъ стремленіемъ къ нравственному обновленію. Но всѣ формы жизни представляются теперь уже не простымъ требованіемъ цѣлесообразности, а категорическимъ велѣніемъ нравственности, которая ставитъ во

главу угла начало безусловнаго значенія личности». Въ этихъ словахъ вѣрно указана та исходная точка современнаго возрожденія идеализма, которая рѣзко отличаетъ идеалистическіе порывы нашихъ дней отъ прежняго туманно-расплывчатаго идеализма, бывшаго выраженіемъ неопредѣленнаго настроенія, весьма далекаго отъ текущей дѣйствительности. Мы думаемъ, что самая враждебность, съ которою у насъ раньше встрѣчался идеализмъ и отголоски которой и до сихъ поръ слышны въ спорахъ о немъ, основана на этой отчужденности прежняго идеализма отъ жизни и ея злободневности. Сторонники того идеализма и сами сильно повинны въ этомъ, такъ какъ они особенно подчеркивали свое отчужденіе отъ практики жизни и яростно нападали на все, что казалось имъ профанирующимъ вторженіемъ «улицы» въ чистые и свѣтлые чертоги идеализма, будь то въ области искусствъ, или этики, или философіи. Идеалистъ представлялся намъ стоящимъ въ сторонѣ отъ яростной борьбы текущаго дня, со взорами, вперенными въ надзвѣздную высь, и презрительнымъ равнодушіемъ къ житейской грязи, въ которой такъ много пролито самой чистой крови. И этого мы не могли ему простить. Но вотъ измѣнилось кореннымъ образомъ отношеніе тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ боролись на жизненной аренѣ. Если въ прежнемъ идеализмѣ было аристократическое отношеніе къ жизни и желаніе найти себѣ уютное убѣжище отъ ея невзгодъ, то современный стимулъ къ идеализму совершенно иной: страстное желаніе найти опору въ борьбѣ, которая требуетъ теперь уже иныхъ стимуловъ, чѣмъ раньше. Цѣль борьбы не измѣнилась, не измѣнилось и отношеніе къ ней, но измѣнилось нѣчто внутри силъ, борющихся во имя этой цѣли.

И теперь страданіе народа, благо человѣчества, борьба за права трудящихся массъ служатъ центромъ жизни и нисколько не утратили значенія для борцовъ. Но современный дѣятель иначе понимаетъ и борьбу за нихъ, и свое отношеніе къ ней. Онъ уже не можетъ дѣйствовать во имя ея, побуждаемый только однимъ стимуломъ—отдать долгъ народу. Прежде личность, втиснутая въ рамки долга народу, искажалась съ самомъ существѣ своемъ и гибла, не выполнивъ всего того, что въ возможности заключалось въ ней, отчего не менѣе страдалъ и самый долгъ народу. Современный дѣятель, вступая на тотъ же путь борьбы, влечется въ эту сторону, прежде всего, всеобъемлющимъ нравственнымъ сознаніемъ, что иначе онъ не можетъ жить, такъ какъ всѣ стороны его нравственной личности не могутъ быть удовлетворены, пока не будутъ осуществлены тѣ новыя высшія формы жизни, которыя сливаются съ его идеаломъ, подсказаны имъ и въ немъ находятъ свое оправданіе. Только при такомъ условіи его цѣльность, какъ законченной личности, получаетъ въ его глазахъ высшую цѣнность, во имя которой онъ вступаетъ въ борьбу.

Измѣнилось и еще нѣчто очень важное. По мѣрѣ выступленія на арену борьбы широкихъ слоевъ, по мѣрѣ того, какъ движеніе захватываетъ болѣе широкіе круги общества и народа, все больше начинаетъ ощущаться недостаточность сухихъ формулъ, сводящихъ все, такъ сказать, къ частичнымъ завоеваніямъ завтрашняго дня. Чувствуется потребность широкой перспективы, вѣры въ нѣчто выше и дальше лежащее, чѣмъ вопросы о заработной платѣ, о стра-

хованіи отъ болѣзни и старости и пр. Въ свое время марксизмъ порѣшилъ окончательно съ соціальнымъ утопизмомъ, и это было огромнымъ шагомъ впередъ, приведшимъ къ блестящимъ завоеваніямъ въ области практическихъ задачъ и создавшимъ огромное общественное движеніе, вліяніе котораго сказывается на всѣхъ областяхъ жизни. Но затѣмъ отсутствіе утопическаго элемента и практицизмъ, если можно такъ выразиться, начали подрывать самое движеніе, какъ бы потерявшее душу, и отсюда то возрожденіе идеализма, стремленіе къ высшимъ нравственнымъ задачамъ. «Рѣчь идетъ не о томъ,—какъ говоритъ г. Булгаковъ въ первой статьѣ сборника «Основныя проблемы теоріи прогресса», чтобы уступить или понизить хотя одно изъ практическихъ требованій современнаго соціальнаго движенія, а о томъ, чтобы возвратить ему нравственную силу и религіозный энтузіазмъ, поднять его на высоту нравственной задачи». Для новаго человѣка, поднимающагося на поверхность со «дна жизни» необходима твердая, какъ скала, вся «правда истина», которая «есть Богъ свободнаго человѣка». Стремленіе къ этому Богу и отличаетъ новыя поколѣнія, идущія изъ самыхъ глубинъ народной жизни, которымъ нужна вѣра, и они несутъ ее съ собой. Такимъ образомъ разочарованіе интеллигенціи въ позитивизмѣ и стремленіе къ идеализму идетъ навстрѣчу теченію изъ народной среды. Конечно, мы рѣшаемся теперь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчать это обоюдное стремленіе къ сліянію, которое пока лишь начинается и трудно предвидѣть, что оно дастъ въ будущемъ.

Сборникъ даетъ много очень цѣннаго, хотя и нѣсколько трудно усвояемаго матеріала для пониманія того идеалистическаго настроенія, которое все съ большей силой захватываетъ современнаго человѣка. Начинается сборникъ упомянутой статьей г. Булгакова, въ которой разбирается теорія прогресса и указывается необходимость существенной поправки позитивной теоріи прогресса. Авторъ исходитъ изъ положенія, что «человѣкъ не можетъ удовлетвориться одной точной наукой, какой думалъ ограничить его позитивизмъ; потребности метафизики и религіи неустранимы и никогда не устранялись изъ жизни человѣка. Точное знаніе, метафизика и религія должны находиться въ нѣкоторомъ гармоническомъ отношеніи между собою, установленіе такой гармоніи и составляетъ задачу философіи каждаго времени». Теорія прогресса позитивизма и стремилась «поглотить и метафизику, и религіозную вѣру, точнѣе она хочетъ быть тріединствомъ науки, метафизики и религіознаго ученія».

Какъ и всякая религія, по словамъ г. Булгакова, теорія прогресса имѣетъ и свое «вѣрованіе въ то, что нѣкогда исполнятся ея чаянія, утолится религіозная жажда, осуществится религіозный идеалъ». Разница та, что позитивная теорія прогресса «хочетъ вселить убѣжденіе въ несомнѣнномъ наступленіи этого будущаго царства научнымъ путемъ», и такое прозрѣніе въ будущее приписывается соціологіи, чѣмъ и объясняется необыкновенное значеніе, какое придается этой наукѣ въ XIX вѣкѣ. Возражая противъ возможности предвидѣнія, находя, что «всевѣдѣніе не подъ силу человѣку», авторъ, однако, дѣлаетъ необходимую оговорку, «что человѣчество никогда не перестанетъ думать о завтрашнемъ днѣ и въ свои представленія о немъ вводитъ то пониманіе нынѣш-

*

няго и вчерашняго дня, которое даетъ соціальная наука. Такъ же точно никто не можетъ обойтись безъ того, чтобы на основаніи здраваго смысла и научнаго опыта не составить себѣ извѣстнаго сужденія не только о настоящемъ, но и ближайшемъ будущемъ, для котораго каждый изъ насъ работаетъ. Если называть и это предсказаніемъ, то дѣлать предсказанія о будущемъ въ этомъ смыслѣ есть право и обязанность каждаго сознательнаго человѣка».

Разбирая представленія и теоріи о будущемъ прогрессѣ человѣчества, г. Булгаковъ къ нимъ относится отрицательно и въ заключеніе приходитъ къ выводу—вѣрить, «что наши нравственныя дѣянія и помыслы имѣютъ не преходящее значеніе». «Нужно убѣжденіе въ существованіи объективнаго нравственнаго міропорядка, царства нравственныхъ цѣлей, въ которомъ найдетъ свое мѣсто и наша скромная жизнь». Этотъ центральный пунктъ статьи, къ сожалѣнію, очень слабо обоснованъ, и въ доказательство г. Булгаковъ ничего не приводитъ, кромѣ необходимости вѣры. Насколько онъ сильно и остроумно доказываетъ слабость позитивной вѣры въ прогрессъ, настолько же онъ бездоказателенъ въ этомъ пунктѣ, кончая чуть не доказательствами отъ Писанія. Не думаемъ, поэтому, чтобы положительная часть его статьи много утвердила его читателей въ вѣрѣ вообще и въ частности убѣдила ихъ въ правотѣ самого г. Булгакова, по мнѣнію котораго, наше участіе въ современной соціальной борьбѣ «будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ нравственнаго закона, велѣніемъ Бога».

Если научная вѣра въ прогрессъ человѣчества, побуждающая насъ работать въ извѣстномъ направленіи съ энтузіазмомъ и горячимъ желаніемъ внести и свою лепту въ общее дѣло совершенствованія, не можетъ быть обоснована, то и вѣра г. Булгакова еще менѣе обоснована Онъ и самъ признаетъ это, говоря, что «классической формулой психологіи вѣры въ этомъ смыслѣ являютя слова евангельскаго разсказа: Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію». Но какъ же быть тѣмъ, кому не дано счастіе вѣрить? А вѣдь въ наше время (какъ и прежде) не мало такихъ. Для нихъ научная теорія прогресса во всякомъ случаѣ давала и даетъ много благороднѣйшихъ стимуловъ къ борьбѣ во имя добра, въ чемъ, между многимъ прочимъ, и заключается великое значеніе этой теоріи, такъ рѣзко ниспровергаемой теперь г. Булгаковымъ. Не думаемъ, чтобы многихъ привлекла проповѣдь г. Булгакова. Мистическая окраска его идеализма par exellance скорѣе оттолкнетъ ихъ, такъ какъ слишкомъ многое припоминается при этомъ въ прошломъ, начиная съ костровъ инквизиціи и до изгнанія философовъ и ученыхъ изъ университета за «невѣріе», разъ они осмѣливались отклониться отъ предписаннаго шаблона вѣры. Мистицизмъ г. Булгакова, его странное отношеніе къ наукѣ,—боимся сказать, презрительное, что очень чувствуется въ его подчеркнутомъ противопоставленіи науки и вѣры,—его проповѣдь о необходимости страданія для нравственнаго совершенствованія («Страданіе необходимо для человѣка. «Крестъ»—есть символъ страданія и освященія»), все это такъ странно звучитъ для насъ, людей XX-го вѣка, и невольно вызываетъ реминисценціи далекаго, казалось бы, навѣки похороненнаго прошлаго. Правда, онъ то и дѣло

оговаривается, что ни отъ чего не отказывается, что «позитивная наука имѣетъ совершенно опредѣленное и притомъ огромное значеніе, она есть въ настоящее время, можно сказать, sine qua нравственнаго дѣянія». И тутъ же подчиненіе науки вѣрѣ, безсиліе науки и проч... Мы себѣ представляемъ, что обѣ эти области должны быть вполнѣ самостоятельны, и современный идеализмъ не можетъ пренебрежительно относиться къ наукѣ, подчинять ее чему бы то ни было, видѣть въ ней что-то въ родѣ «служанки теологіи». Всякое посягательство идеализма на науку убьетъ его самого въ корнѣ и безповоротно, такъ какъ перестать научно мыслить мы уже не можемъ и не хотимъ. Вотъ почему мистическая окраска всей статьи г. Булгакова (и не только этой, а всѣхъ почти его работъ послѣдняго времени; напомнимъ его статью въ «Литературномъ дѣлѣ», о которой намъ пришлось говорить въ іюньскихъ «Критическихъ замѣткахъ» прошлаго года; см. также ниже «Изъ русскихъ журналовъ») дѣлаетъ страннымъ появленіе ея въ настоящемъ сборникѣ. Не столько содержаніемъ, сколько «настроеніемъ» эта статья рѣзко выдѣляется среди остальныхъ. Мы бы меньше удивились, встрѣтивъ ее на страницахъ «Новаго пути», рядомъ съ «глаголами» гг. Мережковскаго, Минскаго, Розанова, чѣмъ съ тѣми авторами, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ.

Минуя статью кн. Трубецкаго «Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи», въ которой изложена критика взглядовъ основателей марксизма на значеніе идей, остановимся на оригинальной статьѣ г. П. Г. «Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія». Поводомъ для статьи послужила работа г. Ранскаго: «Соціологія Н. К. Михайловскаго», вышедшая года два тому назадъ и какъ-то мало обратившая на себя вниманіе читателей, хотя изъ массы критическихъ работъ, посвященныхъ трудамъ Н. К. Михайловскаго, именно эта работа наиболѣе безпристрастна и основательна. «Въ изложеніи г. Ранскаго г. Михайловскій выступаетъ живой и цѣликомъ, со всѣми существенными и яркими чертами своей писательской индивидуальности. Съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ,—говоритъ г. П. Г., — можно констатировать и на книгѣ г. Ранскаго, что на нѣкоторыя стороны соціологической доктрины г. Михайловскаго начинаетъ вырабатываться и укрѣпляться устойчивая и сполна объективная точка зрѣнія, которая, очевидно, призвана смѣнить и вытѣснить, съ одной стороны, наивныя восхваленія лицъ, видящихъ въ ученіи издателя «Русскаго Богатства» предвосхищеніе чуть ли не всѣхъ пріобрѣтеній современной философской и соціологической мысли, съ другой стороны, огульное отрицаніе за нимъ всякаго значенія въ развитіи нашей соціально-философской мысли». Дальше авторъ очень убѣдительно и талантливо устанавливаетъ значеніе Н. К. Михайловскаго въ развитіи нашей философской мысли, въ выработкѣ «цѣлостнаго міросозерцанія». Въ сжатой, не поддающейся передачѣ формулировкѣ авторъ даетъ исторію развитія русской философіи, въ которой почетное мѣсто отводитъ г. Михайловскому, столько сдѣлавшему для выясненія дву-сторонней правды — «правды—истины и правды—справедливости». «Въ предъявленномъ имъ требованіи системы правды, сочетающей правду—истину съ правдой—справедливостью, онъ формулировалъ

недоступную положительной наукѣ философскую проблему цѣлостнаго воззрѣнія, объединяющаго сущее и должное въ одномъ построеніи. Эта проблема по существу своему принадлежитъ метафизикѣ. Ошибка г. Михайловскаго, осудившая его на почти полное философское безплодіе, состояла въ томъ, что онъ метафизическую проблему выражалъ въ понятіяхъ положительной науки и думалъ разрѣшить ея средствами. Соціологія, хотя-бы и субъективная, конечно, не могла дать отвѣта на грандіозный предъявленный къ ней метафизическій запросъ. Въ лицѣ философствовавшаго г. Михайловскаго оказались два существа, не опознавшія себя и не размежевавшіяся между собою, а потому другъ другу только мѣшавшія. Положительная наука у него извращалась безсознательно метафизической мыслью, а метафизическую мысль тяготило, связывало и обезпложивало ея подчиненіе «положительной наукѣ». Какъ-бы то ни было, г. Михайловскій займетъ въ исторіи русской философской мысли мѣсто рядомъ съ П. Л. Лавровымъ, какъ блестящій выразитель первой смутной, почти безсознательной реакціи неустранимой «метафизической потребности» противъ позитивизма и притомъ—реакціи, вышедшей изъ нѣдръ самого же позитивизма... Идея г. Михайловскаго о должномъ, какъ категоріи, независимой отъ сущаго въ опытѣ и потому имѣющей самобытную цѣнность, признана тѣми писателями марксистами, которые отъ критическаго позитивизма пришли или перешли къ метафизикѣ. Но ими же подчеркнуто, что постановка этого вопроса въ рамкахъ положительной науки и въ ея терминахъ незаконна и не имѣетъ смысла, что она есть некритическое смѣшеніе метафизики съ опытнымъ знаніемъ, или положительной наукой. Такимъ образомъ невѣрно, что у такихъ метафизиковъ-идеалистовъ, какъ Струве, нѣтъ ничего общаго въ философскомъ направленіи ихъ мысли съ г. Михайловскимъ, но еще менѣе вѣрно, что это вышедшее изъ марксизма теченіе капитулировало передъ субъективной соціологіей».

Послѣднее положеніе, главнымъ образомъ, выясненіе вопроса, что такое «русская соціологическая школа», составляетъ тему обстоятельнѣйшей и чрезвычайно ясной статьи г. Кистяковскаго въ настоящемъ сборникѣ—«Русская соціологическая школа и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ». Этой важной и высоко-цѣнной работой рѣшенъ безповоротно вопросъ о томъ, кому дѣйствительно приходится «капитулировать»—новому ли идеалистическому направленію, или старому «субъективному методу» въ соціологіи. Путемъ подробнаго и щепетильнаго анализа этого метода авторъ устанавливаетъ, что «русскіе соціологи обосновываютъ идеалъ и прогрессъ на идеѣ возможности», и «высшимъ критеріемъ нравственной оцѣнки считаютъ желательность или нежелательность». «Русскіе соціологи,—говоритъ онъ въ заключеніи,—гордятся тѣмъ, что они внесли этическій элементъ въ пониманіе соціальныхъ явленій и заставили признать, что соціальный процессъ нельзя разсматривать внѣ одухотворяющихъ его идей добра и справедливости. Но какая цѣна тому этическому элементу, высшимъ критеріемъ котораго является возможность? Понятно, что представители новаго теченія въ соціологіи должны были, прежде всего, покончить съ разсмотрѣніемъ соціальныхъ явленій съ точки

зрѣнія возможности или невозможности. Вмѣсто этихъ точекъ зрѣнія ими были выдвинуты два принципа—необходимость и долженствованіе. Эти два принципа не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ долженствованіе вмѣщаетъ въ себѣ необходимость и возвышается надъ нею. Признавая необходимо - совершающееся въ соціальномъ процессѣ, человѣкъ познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, по отношенію къ которому, и границы, въ которыхъ онъ долженъ исполнять свой долгъ. Мы добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ»!

Этотъ-то кардинальный вопросъ о должномъ тщательно разработанъ въ статьѣ г. Бердяева «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма», въ которой авторъ выясняетъ современное идеалистическое пониманіе долга и нравственности. «Этика начинается противоположеніемъ сущаго и должнаго, только вслѣдствіе этого противоположенія она возможна. Отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы. Этика въ единственномъ достойномъ смыслѣ этого слова не есть научное изслѣдованіе сущей нравственности, нравовъ и нравственныхъ понятій: нравственная проблема, съ которой она имѣетъ дѣло, лежитъ по ту сторону обыденной, условной житейской морали и эмпирическаго добра и зла съ ихъ печатью сущаго». Указавъ въ сжатой критикѣ невозможность вывести законъ нравственности путемъ эволюціоннымъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «нравственность есть, прежде всего, внутреннее отношеніе человѣка къ къ самому себѣ, исканіе и осуществленіе своего духовнаго «я», торжествомъ «нормативнаго» сознанія въ сознаніи «эмпирическомъ». На обыкновенномъ языкѣ это и называется развитіемъ личности въ человѣкѣ». «Нравственный законъ есть автономное законодательство нравственно-разумной природы человѣка, онъ не навязанъ ему извнѣ, онъ составляетъ самое существо его духовной индивидуальности». Такимъ образомъ, «основная, господствующая идея этики есть идея «я», изъ нея должна быть выведена вся нравственность». Здѣсь выступаетъ вопросъ объ отношеніи между «я» и «ты», но «давно уже пора уничтожить эту этическую фикцію «ты», «другихъ», которая только мѣшаетъ правильной постановкѣ и рѣшенію этической проблемы. Отношеніе человѣка къ человѣку этически производно изъ отношенія человѣка къ самому себѣ; обязанности должны быть выведены изъ правъ, только право положительно, обязанность есть не что иное, какъ требованіе, чтобы право было признано; человѣкъ обязанъ не только уважать право, но и содѣйствовать его осуществленію. Признать и уважать въ «другомъ» человѣка, относиться къ нему гуманно, это значитъ видѣть въ немъ «я», т.-е. цѣнность, подобную своему «я». Быть гуманнымъ значитъ быть человѣкомъ, т.-е. развить въ себѣ духовную личность, такъ какъ не быть гуманнымъ, не признавать въ каждомъ «я» безусловной цѣнности значитъ быть звѣремъ, т.-е. не дорости еще до того состоянія, которое мы называемъ человѣческой личностью. И высшее нравственное сознаніе требуетъ, чтобы каждый человѣкъ относился къ каждому другому

человѣку не какъ къ «ты», изъ состраданія къ которому онъ долженъ жертвовать своимъ «я» или жертвовать, приспособляясь къ требованію «другихъ», а какъ къ «я», къ такой же цѣли самой въ себѣ, какъ и онъ самъ. Высшая человѣчность требуетъ равенства отношеній, котораго еще нѣтъ въ плоскомъ альтруизмѣ. Безусловное уваженіе къ человѣческой личности, къ ея автономіи, къ ея праву на самоопредѣленіе—вотъ основная черта развиваемой нами этической точки зрѣнія. Та духовная индивидуальность человѣка, во имя которой ведется вся жизненная борьба, которой оправдывается все соціальное движеніе, къ которой тяготѣютъ всѣ прогрессивныя стремленія человѣчества, эта индивидуальность для позитивизма вообще и въ частности гедонизма и общественнаго утилитаризма просто не существуетъ, она приносится въ жертву (въ сферѣ теоретической мысли) общественной пользѣ, историческому приспособленію и т. п. Нравственное освобожденіе человѣческой личности требуетъ признанія слѣдующей, элементарной на нашъ взглядъ, истины: нравственная проблема не есть проблема стадности, какъ это, къ сожалѣнію, склонны думать не только реакціонеры, но и многіе прогрессисты, и не рѣшается ни государствомъ, ни общественнымъ процессомъ, ни судомъ людей, это—внутренняя индивидуальная проблема человѣческаго «я», стремящагося къ идеальному совершенству».

Въ чемъ же заключается это идеальное совершенство? Въ томъ, чтобы «должное» гармонично сливалось съ свободными требованіями нашего внутренняго «я», отдающагося только велѣніями совѣсти, а не долгу, извнѣ повелѣвающему поступать такъ, а не иначе. «Нравственный долгъ человѣка есть самоосуществленіе, развитіе своего духовнаго «я» до идеальнаго совершенства; слѣдовать долгу и слѣдовать своей нравственно-разумной природѣ понятія тожественныя. Только мѣщанская мораль понимаетъ долгъ, какъ что-то внѣшнее человѣку, навязанное со стороны, враждебное ему. Сознаніе долга или, что то же самое, нравственнаго закона есть сознаніе своего истиннаго «я», своего высокаго человѣческаго предназначенія. Калѣчить свое «я», свою человѣческую индивидуальность во имя долга—вотъ слова, которыя для насъ не имѣютъ никакого смысла. Мы исповѣдуемъ мораль абсолютнаго долга, выполняющаго высшее духовное благо, но слово «долгъ» не имѣетъ у насъ непріятнаго историческаго привкуса. Противоположеніе «долга» и «я» съ этической точки зрѣнія абсурдъ, такъ какъ «долгъ» есть законодательство «я». Это человѣкъ суроваго долга, часто слышимъ мы, онъ никогда не слѣдуетъ своимъ влеченіямъ, онъ постоянно борется съ собой и насилуетъ себя, онъ всегда поступаетъ такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ, а не такъ какъ онъ самъ хочетъ. Вотъ обыденное психологическое представленіе о долгѣ. Философская этика должна возвыситься надъ этимъ обыденнымъ пониманіемъ долга, она даже можетъ рѣзко осудить такого «человѣка долга», можетъ констатировать въ немъ отсутствіе сколько-нибудь развитого самосознанія и даже признать безнравственнымъ выполняемый имъ долгъ, если этотъ долгъ погашаетъ его человѣческое «я» во имя традиціонныхъ предписаній извнѣ, если онъ не «гуманенъ». «Гуманность, т.-е. осуществленіе «человѣка» въ себѣ и уваженіе къ «человѣку» въ другомъ есть высшій долгъ, и степенью ея осуществленія

прежде всего измѣряется нравственный уровень. Въ человѣкѣ всегда происходитъ борьба добра со зломъ, высокаго съ низкимъ, борьба духовнаго «я» съ хаотическимъ содержаніемъ эмпирическаго сознанія, въ которомъ столько сторонних нечеловѣческихъ и нечеловѣчныхъ примѣсей. Этимъ путемъ вырабатывается «личность» и совершается нравственное развитіе. Но нравственно высокъ и прекрасенъ не тотъ человѣкъ, который творитъ добро со скрежетомъ зубовнымъ, ограничивая и урѣзывая свою человѣческую индивидуальность, а тотъ, который, творя добро, радостно сознаетъ въ этомъ самоосуществленіе, утвержденіе своего «я».

Все это, могутъ сказать читатели, старо, какъ міръ, и нѣтъ тутъ ничего новаго,—и это правда. Новое заключается въ современномъ пониманіи этихъ обычныхъ истинъ и отношеніи къ нимъ. «Кантъ,—говоритъ далѣе авторъ,—держался еще того традиціоннаго воззрѣнія, что человѣческая природа грѣховна и испорчена, и потому пришелъ къ цѣлому ряду ложныхъ этическихъ положеній, въ корнѣ отрицающихъ діонисовское начало жизни. Правъ онъ былъ только въ томъ отношеніи, что считалъ нравственный законъ закономъ воли, а не чувства. Мы хотѣли бы освободить жизнь чувства, жизнь непосредственную. Чувственная природа сама по себѣ не зло, она этически нейтральна, она становится зломъ только тогда, когда препятствуетъ развитію личности, когда затемняетъ высшее самоосуществленіе». Эта реабилитація чувственной природы придаетъ современному идеализму особую яркость и жизнерадостность, которыя идеализмъ позаимствовалъ у Ницше. «Въ человѣкѣ есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ. Это необыкновенно цѣнная жажда и пусть она лучше опьяняетъ человѣка, чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать, тотъ самый, которому Ницше воздвигъ такой прекрасный памятникъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ, и онъ властно призываетъ къ жизни, къ ея росту. Нравственная задача заключается не въ ограниченіи этой жажды, а въ ея соединеніи съ утвержденіемъ и развитіемъ духовнаго «я».—Какъ далека эта жизнерадостная окраска современнаго идеализма отъ проповѣди «креста» г. Булгакова! Не можемъ не подчеркнуть еще разъ различія между аскетическимъ настроеніемъ послѣдняго и здоровымъ стремленіемъ къ полнотѣ существованія, отличающимъ современный идеализмъ, которому совершенно чужда идея страданія. Ставя цѣлью всестороннее развитіе личности, идеализмъ словно раскрываетъ настежъ двери и окна въ застоявшейся атмосферѣ нашего духовнаго «я» и открываетъ чудную перспективу свободной, высокой жизни, гдѣ каждая сторона нашей личности получитъ возножность къ совершенствованію и подъему.

Отсюда намъ становится понятной связь идеализма съ такимъ, казалось бы, противоположнымъ направленіемъ, какъ ученіе Ницше. Исходя изъ стремленія къ всестороннему развитію личности, идеализмъ не могъ оставаться глухимъ къ мощному призыву автора «Заратустры» къ освобожденію «я» отъ мертвящихъ оковъ натурализма и утилитаризма. Въ статьѣ С. Франка развита идеалистическая точка зрѣнія на «любовь къ дальнему» Ницше. По нашему мнѣнію, это самая блестящая статья сборника, хотя этика Ницше здѣсь сильно «приспособлена» къ идеалистиче-

скому понимманію нравственности. Авторъ противопоставляетъ «любви къ ближнему», т.-е. непосредственно насъ окружающему во времени и пространствѣ, «любовь къ дальнему», т.-е. къ идеалу. «Мы можемъ охарактеризовать ее, какъ чувство, испытываемое по отношенію ко всему «дальнему», ко всему, что отдалено отъ насъ либо пространственно, либо временно, либо, наконецъ, морально-психологически и потому дѣйствуетъ не непосредственно, не при помощи аффекта состраданія, а черезъ посредство болѣе отвлеченныхъ моральныхъ импульсовъ. Въ этомъ широкомъ значеніи «любви къ дальнему» въ нее будетъ включена какъ любовь къ болѣе отдаленнымъ благамъ и интересамъ тѣхъ же «ближнихъ», такъ и любовь къ «дальнимъ» для насъ людямъ—нашимъ согражданамъ, нашимъ потомкамъ, человѣчеству; наконецъ, сюда подойдетъ и любовь ко всему отвлеченному—любовь къ истинѣ, добру, къ справедливости, словомъ, любовь ко всему, что зовется «идеаломъ», или, какъ выражается Ницше, «любовь къ вещамъ и призракамъ...» «Соотвѣтственно широтѣ понятія «любви къ дальнему» антитеза между этимъ чувствомъ и чувствомъ «любви къ ближнему» можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Зародышъ ея можно наблюдать въ оттѣнкахъ материнской любви. Любовь къ ребенку, стремящаяся удовлетворить всѣмъ его желаніямъ и избавить его отъ всякихъ страданій, можетъ въ качествѣ «любви къ ближнему» быть противопоставлена «любви къ дальнему»—любви, направленной на обезпеченіе отдаленныхъ благъ для ребенка, хотя бы цѣною обильныхъ его страданій и лишеній въ настоящемъ. Та же антитеза болѣе рѣзко обнаруживается въ отношеніи къ больному со стороны сестры милосердія и врача (примѣръ, приводимый самимъ Ницше): мягкая, сострадательная любовь первой, стремящаяся къ облегченію моментальныхъ страданій больного и къ его душевному успокоенію, есть типичный образецъ «любви къ ближнему», тогда какъ направленная на обезпеченіе будущаго блага больного твердая любовь врача, который ради отдаленныхъ интересовъ больного долженъ побороть въ себѣ чувство состраданія и подвергать своего паціента жестокимъ мукамъ, даетъ намъ типъ «любви къ дальнему». Еще болѣе рѣзко та же антитеза проявляется въ тѣхъ обильныхъ большихъ и малыхъ, прошлыхъ и настоящихъ трагедіяхъ, которыя разыгрываются на почвѣ коллизіи между общественными интересами и личными привязанностями: борьба между «любовью къ ближнему»—чувствомъ состраданія и непосредственной близости къ окружающимъ близкимъ людямъ—и «любовью къ дальнему»—къ любимому дѣлу, къ партіи, родинѣ, человѣчеству—исчерпываетъ содержаніе всѣхъ этихъ трагедій. Но и въ предѣлахъ сферы общественныхъ интересовъ повторяется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ все та же антитеза: всѣмъ извѣстна, напр., противоположность между двумя типами патріотизма, изъ которыхъ одинъ есть любовь, такъ сказать, къ отечеству «ближнему», другой—любовь къ отечеству будущему, «дальнему»; еще Чаадаевъ указывалъ на эту антитезу, противопоставляя «патріотизмъ самоѣда»—«патріотизму англичанина». Наконецъ, на высшей ступени развитія нравственныхъ чувствъ возможно столкновеніе между общественными интересами и абстрактными моральными побужденіями, напр., если любовь къ партіи или къ отечеству вступаетъ въ коллизію съ любовью къ справедливости, къ истинѣ и т. п., здѣсь мы опять-таки находимъ анти-

тезу между любовью къ ближнему и любовью къ дальнему, въ наиболѣе отвлеченной и характерной формѣ».

Остроумнымъ и умѣлымъ подборомъ цитатъ изъ Ницше г. Франкъ обосновываетъ этотъ свой взглядъ на мораль Ницше, но, намъ кажется, онъ далеко не вполнѣ совпадаетъ съ общей философіей Ницше и его представленіемъ о «сверхчеловѣкѣ», какъ мощномъ, жестокомъ «бѣлокуромъ звѣрѣ», съ его аристократическимъ презрѣніемъ ко всему слабому, угнетенному, жалкому. Но стремленіе Ницше къ освобожденію личности и ея духовному всестороннему развитію даетъ достаточную основу для сближенія его съ новымъ идеализмомъ, который тоже кладетъ въ основу морали личное совершенствованіе. Тѣмъ болѣе, что Ницше скорѣе художникъ, чѣмъ строгій философъ, излагающій свое ученіе въ законченныхъ догмахъ, не допускающихъ толкованія. По указанію г. Франка, и самъ Ницше не разъ высказывался противъ рабскаго отношенія къ его идеямъ, настаивая на духовнотворческомъ ихъ воспріятіи. Его творенія, какъ истинно-художественныя произведенія, даютъ возможность каждому брать изъ нихъ то, что ему ближе всего.

Могутъ возразить, а что же отношеніе этой совершенствующейся личности къ обществу, къ современнымъ злобамъ дня и стѣсняющимъ условіями жизни? Тѣмъ-то и отличается новое идеалистическое направленіе, что оно выдвигаетъ борьбу за «соціальность» на первый планъ, такъ какъ безъ такой борьбы не мыслимо совершенствованіе личности. Это — идеализмъ активный, ищущій въ своихъ нравственныхъ устояхъ стимула для борьбы общественной. «Борьба за соціальность,—говоритъ г. Бердяевъ,—т.-е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за «гуманность», т.-е. борьбѣ за человѣка, и ею санкціонируется, но нельзя достаточно сильно осудить тѣхъ, которые изъ высшихъ гуманитарныхъ соображеній приходятъ къ проповѣди соціально-политическаго индифферентизма. Это, прежде всего, недомысліе. Философскій и этическій идеализмъ долженъ одухотворить и облагородить соціально-политическую борьбу, вдохнуть въ нее душу живу, но онъ никакъ не можетъ привести къ пассивному отношенію къ окружающему міру, къ терпѣливому созерцанію насилія и надругательства надъ человѣкомъ, надъ его духовною природою... Я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, кто нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе—признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета, эксплуатація и нарушенія элементарныхъ правъ человѣка — съ другой. Тотъ духъ, который несетъ съ собой идеализмъ, есть духъ свободы, духъ свѣта, онъ зоветъ впередъ, къ борьбѣ за право человѣчества безконечно совершенствоваться... Реакціонеры привыкли встрѣчаться съ матеріалистическимъ обоснованіемъ и оправданіемъ освободительныхъ стремленій, но гораздо сильнѣе и чувствительнѣе будетъ вызовъ идеализма. Идеализмъ обнаруживаетъ полнѣйшую духовную нищету всякой реакціонной идеологіи: христіанинъ проповѣдуетъ звѣрское насиліе надъ людьми, спиритуалистъ тащитъ за всякое проявленіе духа въ полицейскій участокъ... То новое идеалистическое направленіе, къ которому я съ гордостью себя причисляю, выводитъ необходимость освободительной борьбы за «естественное право» изъ духовнаго голода интеллигент-

ной души... Нужно быть человѣкомъ и своего права на образъ и подобіе божества нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастье и довольство свое или хотя бы всего человѣчества, ни за спокойствіе и одобреніе людей, ни за власть и успѣхъ въ жизни; нужно требовать признанія и обезпеченія за собой человѣческаго права на самоопредѣленіе и развитіе всѣхъ своихъ духовныхъ потенцій. А для этого, прежде всего, должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу — свобода». Эти энергичныя и прекрасныя мысли должны лечь, по нашему мнѣнію, въ основу современнаго идеалистическаго направленія, чтобы по возможности яснѣе отмежевать его отъ тѣхъ «идеалистовъ», которые такъ старательно подъ флагомъ идеализма проводятъ въ жизни весьма низменныя желанія, въ видѣ закрѣпленія существующаго, смиренія и преклоненія предъ нимъ и упованія за все это на награду въ будущемъ, лучшемъ мірѣ. Идеализмъ стремится къ улучшенію здѣшняго міра, въ немъ долженъ бороться за право человѣка быть лучше и выше, чѣмъ онъ есть теперь, и работать надъ созданіемъ условій для такого улучшенія. Чтобы проявить скрытыя въ немъ силы, идеализмъ долженъ спуститься на землю, выйти изъ замкнутой сферы философствованія въ «самую гущу жизни», не чуждаясь никакихъ столкновеній, и только тогда мы признаемъ въ немъ жизнеспособное, творческое начало, несравненно болѣе для насъ важное, чѣмъ «синтезъ идеи богочеловѣка и человѣкобога», который мы охотно уступили бы гг. Мережковскимъ, Розановымъ и К°. Безъ такого дѣйственнаго проявленія идеализмъ останется мертвымъ и кромѣ узкаго круга любителей отвлеченнаго мудрованія не привлечетъ себѣ общественныхъ симпатій. Даже напротивъ, безъ практическаго осуществленія своихъ высокихъ стремленій, онъ можетъ повести къ самымъ нежелательнымъ недоразумѣніямъ.

Перефразируя прекрасное окончаніе стихотворенія Надсона, которое онъ посвятилъ памяти величайшаго русскаго идеалиста Герцена *), мы желали-бы, чтобы идеализмъ

„Совѣсть будилъ въ насъ, чтобъ звалъ на работу,
Чтобъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,
И былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ его сильныхъ рѣчей".

Мы лишь въ очень бѣглыхъ чертахъ отмѣтили богатое содержаніе этого замѣчательнаго сборника, не коснувшись такихъ капитальныхъ статей, какъ «Нравственный идеализмъ и философія права» г. Новгородцева, «Основные принципы соціологической доктрины О. Конта» г. Лаппо-Данилевскаго и другихъ. Но мы хотѣли, прежде всего, указать читателямъ тѣ стороны въ новомъ теченіи, которыя особенно для него характерны и рѣзко подчеркиваютъ его отличіе отъ прежняго идеализма, съ которымъ иные такъ охотно готовы его смѣшивать.

А. Б.

---

*) „На могилѣ Герцена"; изъ „Недопѣтыхъ пѣсенъ", 1902 г., изд. „Литературн. Фонда".

СТОЛѢТІЕ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (1802—1902 г.)*).

(Докладъ, читанный въ кіевскомъ санитарномъ обществѣ 17-го дек. 1902 г.).

Бывшій дерптскій, нынѣ юрьевскій, университетъ 12-го декабря, въ день св. *Разумника*, праздновалъ столѣтіе своего существованія подъ русскою державою. Университетъ этотъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ Европы и достоинъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Основанный Ярославомъ Мудрымъ г. Юрьевъ, впослѣдствіи нѣмецкій Дерптъ (Dorpat), стяжавшій себѣ названія «Города музъ на берегу Эмбаха» или «Эстонскихъ Аѳинъ», является интереснымъ историческимъ мѣстомъ, главная гордость и достопримѣчательность котораго—университетъ. Послѣдній долгое время оставался среди своихъ русскихъ собратьевъ самымъ своеобразнымъ учрежденіемъ, представляя многія особенности. Расположенный въ небольшомъ городкѣ Прибалтійскаго края, университетъ этотъ уже потому носилъ на себѣ особый отпечатокъ, что въ остзейскихъ провинціяхъ, кромѣ нѣмцевъ, много эстовъ и латышей, попадаются также русскіе, поляки и евреи. Каждая изъ перечисленныхъ народностей посылала своихъ сыновей въ дерптскій университетъ, во главѣ котораго въ прежніе годы стояли нѣмцы, хорошіе учителя, любившіе науку, большіе знатоки своего дѣла, имѣвшіе возможность постоянно освѣжать научныя силы изъ Западной Европы.

Интересны историческія судьбы дерптскаго университета, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго бѣглаго очерка. Честь основанія въ Дерптѣ университета принадлежитъ шведскому герою, королю *Густаву-Адольфу*. Этотъ замѣчательный монархъ, въ разгаръ тридцатилѣтней войны, въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, собираясь сразиться съ *Валленштейномъ*, 30-го іюня 1632 года подписалъ актъ о преобразованіи основанной имъ за 2 года передъ тѣмъ гимназіи въ Дерптѣ въ университетъ съ цѣлью: «das martialische Livland zu Tugend und Sittsamkeit zu bringen» (навести воинственную Лифляндію на путь добродѣтели и благонравія). Такъ возникла *Academia Gustaviana*, первымъ кураторомъ которой былъ генералъ-губернаторъ *Скиттъ* (Skytte), открывшій университетъ 15-го октября 1632 г., по обычаю того схоластическаго времени латинскою рѣчью. Единственный слушатель—шведъ, 10 профессоровъ, среди нихъ 4 теолога, вотъ зародышъ того высшаго учебнаго заведенія, которое впослѣдстіи пережило много тяжелыхъ и славныхъ годовъ.

---

*) Предлагаемый читателямъ краткій очеркъ составленъ на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ: 1) „Geshichte Liv,-Est-und Kurlands“ von *E. Seraphim*. Bd.-I и II. Reval. 1895--1896 г. 2) *П. Лакманъ*. „Юрьевскій университетъ“. („Орловскій Вѣстникъ“ 1896 г. № 319). 3) Собственныя воспоминанія за время студенчества въ Дерптѣ съ 1879—1888 г. 4) Malerische Ansichten aus Livland-Estland-Kurland“ von D-r *E. Seraphim*. Riga. 1901 г. 5) Д-ръ мед. *В. О. Демичъ*. „Столѣтній юбилей дерптскаго университета· („Кіевская Газета„ 1902 г. 12-го дек.). 6) Столѣтіе юрьевскаго университета. („Нива“ 1902 г. № 49). 7) „Русскія Вѣдомости“ 1902 г. 12-го дек.

Юный университетъ сначала влачилъ жалкое существованіе и даже по временамъ замиралъ. Такъ, въ 1659 г., послѣ занятія Дерпта русскими, профессора и студенты разбѣжались «куда глаза глядятъ», а типографія и библіотека университета были замурованы въ церковномъ подвалѣ, гдѣ и оставались 30 л. До тѣхъ поръ въ Дерптѣ было имматрикулировано 1.016 слушателей. Теперь часть университета бѣжала въ Ревель, гдѣ оставалась до 1665 г. съ небольшимъ числомъ студентовъ (около 60). Въ 1670 г. Дерптъ былъ снова въ рукахъ шведовъ, а въ 1690 г. король шведскій Карлъ XI колеблется, какой изъ 3-хъ городовъ — Ригу, Перновъ или Дерптъ—сдѣлать университетскимъ. Снова последній получаетъ университетъ подъ именемъ *Academia Gustaviana Carolina* и новый періодъ его длится до 1710 г. и насчитываетъ всего лишь 28 профессоровъ и 586 студентовъ. Въ 1700 г., въ виду надвигающейся грозы со стороны Россіи, университетъ самъ мирно эмигрировалъ въ Перновъ. Съ наступленіемъ сѣверной войны, съ 1699—1700 г., жизнь университета опять замираетъ. Тогда Лифляндія была крайне обезсилена продолжительною войною, наука естественно отошла на задній планъ. Въ 1710 г. русскія войска подступили къ Пернову; чтобы спасти пребывавшій тогда здѣсь университетъ, лифляндское дворянство, «въ аккордныхъ пунктахъ», просило Петра I-го о сохраненіи «академіи». Царь согласился пощадить её на условіи, что университетъ, при взятіи города, не окажетъ сопротивленія. Интересно отмѣтить слѣдующее: Петръ I дозволилъ «рыцарству вмѣстѣ съ верховнымъ консисторіумомъ назначать и предлагать искусныхъ профессоровъ», а самъ присылалъ особаго профессора славянскаго языка. Это была первая попытка руссификаціи университета. Впрочемъ, онъ скоро пересталъ жить, такъ какъ шведы-профессора покинули Дерптъ.

Такъ дѣло стояло до конца XVIII столѣтія, въ теченіе котораго нѣмецкая молодежь штудировала въ Германіи, по преимуществу въ Кёнигсбергѣ. Французская революція, такъ или иначе, дала толчокъ образовательнымъ стремленіямъ и у насъ въ Россіи. Въ 1798 г. Павелъ I-й дѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе подданные, штудировавшіе за границей, подъ угрозой тяжкаго штрафа, въ 2-хъ-мѣсячный срокъ возвратились на родину. Русское правительство, уже владѣвшее прибалтійскимъ краемъ и сознававшее необходимость учрежденія здѣсь научнаго центра, избираетъ его резиденціей все тотъ же Дерптъ, имѣвшій за собою длинное историческое университетское прошлое. Идея основанія въ Дерптѣ университета, задуманная Павломъ I, была осуществлена императоромъ Александромъ Благословеннымъ. Старый дерптскій университетъ былъ возрожденъ снова къ жизни, въ 1802 г., съ цѣлью *расширенія человѣческихъ знаній въ нашемъ отечествѣ.*

Наступила новѣйшая эра жизни университета, который 8-го сентября 1803 г. получилъ первый русскій уставъ, дававшій привилегію «имѣть свою внутреннюю расправу и полное начальство надъ всѣми членами своими, подчиненными, равно надъ ихъ семействами». Вообще, *университету были даны широкія гражданскія и уголовныя юрисдикціи.* Университетская корпорація состояла изъ профессоровъ, избирающихъ ректора и всѣхъ должностныхъ лицъ. Во главѣ

ея стоялъ «совѣтъ», непосредственно подчиненный только министру народнаго просвѣщенія. Для основанія университета мѣстное дворянство пожертвовало 40.000 р. и потому имѣло на него свое вліяніе. Университетъ имѣлъ собственную цензуру своихъ сочиненій и безконтрольно выписывалъ изъ-за границы необходимыя книги. Въ число студентовъ, по выдержаніи *искуса*, принимались люди всякаго званія и состоянія, русскіе и иностранцы. Хотя жизнь студентовъ уставомъ регламентировалась до мелочей, она скоро вышла изъ узкихъ рамокъ устава и сложилась по своему. Уже въ 1808 г. возникла студенческая корпорація «Curonia», а за время съ 1821—1823 г. образовались новыя общества—«Estonia», «Livonia» и «Fraternitas-Rigensis». Въ 1820 г. старый уставъ былъ смѣненъ новымъ, существенно отличавшимся отъ прежняго.

Такъ жилъ университетъ до царствованія Александра III, который въ 1891 г. преобразовалъ его въ юрьевскій...

Въ теченіе вѣкового существованія подъ русскою властью дерптскій университетъ пережилъ разные періоды. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ, по составу профессоровъ, признанъ настолько научно высокимъ, что съ 1828—1838 г. получилъ значеніе института для подготовки профессоровъ въ другіе университеты. Въ краткомъ очеркѣ трудно дать даже приблизительную картину заслугъ дерптскаго университета въ дѣлѣ культурнаго развитія Россіи. Не касаясь современнаго юрьевскаго періода, я позволю себѣ остановиться хоть на важнѣйшихъ обстоятельствахъ, относящихся до б. дерптскаго университета, питомцемъ котораго я имѣлъ честь быть съ 1879—1888 г. Уже въ 1867 г., по поводу 75-ти-лѣтія этого университета, въ петербургской прессѣ было отмѣчено, что дерптскій университетъ, пользуясь большею свободою, чѣмъ его русскіе собраты, «съумѣлъ развить высокую научную дѣятельность», выпустилъ изъ своихъ стѣнъ много научныхъ силъ и являлся образцовымъ въ постановкѣ учебнаго дѣла для другихъ университетовъ. Особенно хорошо были поставлены въ Дерптѣ практическія занятія, такъ какъ въ этомъ отношеніи его университетъ всегда шелъ наряду съ другими университетами Германіи.

Несомнѣнно, что дерптскій университетъ главное образовательное значеніе имѣлъ для прибалтійскаго края, но и для Россіи университетъ принесъ много пользы, въ подтвержденіе чего можно привести длинный рядъ фактовъ. Дерптскій проф. *Эверсъ* былъ 1-мъ изслѣдователемъ въ области исторіи русскаго права, какъ особой науки, *Пироговъ* учился въ дерптскомъ профессорскомъ институтѣ и отзывался о немъ съ похвалою въ своихъ знаменитыхъ «Посмертныхъ запискахъ». По окончаніи слабо поставленнаго медицинскаго факультета въ Москвѣ, *Пироговъ*, вмѣстѣ съ другими стипендіатами, въ числѣ которыхъ находились будущія свѣтила—*Иноземцевъ* и *Рѣдкинъ* (юристъ), былъ посланъ для усовершенствованія въ Дерптъ, гдѣ пытливый умъ знаменитаго хирурга и педагога нашелъ больше удовлетворенія, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Дерптѣ Пироговъ произвелъ свои замѣчательныя анатомическія изслѣдованія на замороженныхъ трупахъ, получилъ профессуру и началъ гремѣть на всю Европу. Дерптскіе профессора съ гордостью называли его «Unser berühmter Pyrogow» (нашъ знаме-

нитый П.). Дерптская факультетская операціонная украшена портретами Пирогова и лучшаго современнаго нѣмецкаго хирурга проф. *Бергмана*. Другіе русскіе университеты получили изъ Дерпта цѣлые десятки профессоровъ, среди которыхъ достаточно упомянуть такого колосса, какимъ былъ Карлъ Эрнстъ фонъ-*Беръ*, основатель современной эмбріологіи. Не мало сдѣлали дерптскіе ученые и въ области научнаго изслѣдованія нашего отечества: астрономъ *Струве* руководилъ замѣчательными по своему протяженію измѣреніями дуги меридіана въ предѣлахъ Россіи, отъ Лапландіи до Бессарабіи. Физика, химія, анатомія, физіологія, отчасти историческія и юридическія науки (не исключая русской исторіи, которою усердно занимался *Брюкнеръ*) имѣли въ Дерптѣ своихъ крупныхъ представителей. Новѣйшая фармакологія не мало подвинулась впередъ благодаря *Бухгейму*, *Шмидебергу* и *Коберту*, изъ которыхъ 2 послѣдніе понынѣ пользуются широкою извѣстностью по своей плодотворной дѣятельности въ Германіи.

Даже многія литературныя имена и нѣкоторыя произведенія русскихъ писателей тѣсно связаны съ дерптскимъ университетомъ. По мнѣнію проф. литературы, *П. А. Висковатова*, *Пушкинъ* въ *Ленскомъ* далъ намъ портретъ дерптскаго студента *Вольфа*, съ которымъ нашъ величайшій поэтъ былъ знакомъ. Въ Дерптѣ живалъ *Жуковскій*: туда его привлекала бывшая возлюбленная, супруга проф. хирургіи Майера. Лучшая біографія Жуковскаго написана на нѣмецкомъ языкѣ другомъ поэта, питомцемъ дерптскаго университета, д-ромъ *Зейдлицемъ*. На могилѣ рано умершей *Маріи Майеръ*, похороненной на русскомъ дерптскомъ кладбищѣ, Жуковскій сочинилъ одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ стихотвореній. Въ Дерптѣ получилъ степень д-ра медицины извѣстный лексикографъ *В. Даль*. Здѣсь же провелъ свои студенческіе бурные годы поэтъ *Языковъ*, покинувшій университетъ, послѣ 5-ти-лѣтняго пребыванія, «бездипломнымъ студентомъ». Нынѣ здравствующій плодовитый писатель *Боборыкинъ* учился въ Дерптѣ и живо обрисовалъ въ романѣ «Въ путь-дорогу!» жизнь буршей въ былые годы. Надѣлавшій большую сенсацію своими «Записками врача» *Вересаевъ*—питомецъ дерптскаго университета. А сколько вышло отсюда менѣе извѣстныхъ скромныхъ тружениковъ на почвѣ распространенія научныхъ знаній въ безпредѣльной Россіи!..

Дерптскій университетъ, не безъ основанія, гордится своею старинною библіотекою, побывавшею, какъ мы раньше видѣли, въ церковныхъ подвалахъ, а теперь расположенною (съ 1806 г.) въ реставрированной алтарной части живописныхъ руинъ собора св. Діонисія XIII столѣтія. Эта памятная мнѣ библіотека *), производившая на меня особенное впечатлѣніе, имѣетъ образцовый

---

*) Филологъ *Евгеній Дегенъ* въ своихъ „Воспоминаніяхъ дерптскаго студента" („Міръ Божій" 1902 г., мартъ) посвящаетъ университетской библіотекѣ слѣдующія, тепло написанныя строки: „Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи и признательности вспоминаю я эту прекрасно организованную библіотеку, въ которой я провелъ много чудныхъ часовъ. Эти строгія, грандіозныя колонны, гулкіе своды, стрѣльчатыя окна и стоптанныя плиты пола производили на меня неотразимое впечатлѣніе, которое испытываешь въ средневѣковыхъ

порядокъ, удобный карточный каталогъ и хранитъ въ своихъ готическихъ стѣнахъ, десятки тысячъ томовъ, автографы извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, тетрадь, писанную собственноручно поэтомъ *Виландомъ*, нѣсколько писемъ *Лютера*, маску *Пушкина* и т. д. Изъ другихъ достопримѣчательностей университета стоитъ упомянуть богатый ботаническій садъ, содержащій растенія всѣхъ климатовъ обширной Россіи, въ количествѣ, если не ошибаюсь, 15.000 экземпляровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ интересно собраніе птицъ изъ южнаго полушарія. Въ минералогическомъ кабинетѣ, кромѣ многихъ драгоцѣнностей, находятся большіе слитки золота и малахита, подаренные Александромъ I-мъ, который, какъ извѣстно, былъ друженъ съ ректоромъ университета *Парротомъ*, выдающимся гуманистомъ своего времени. Въ обсерваторіи, на живописномъ *Вышгородѣ* («Domberg»—университетская гора съ паркомъ, на которой расположены руины св. Діонисія, клиники и Anatomicum) красуется первый въ мірѣ рефракторъ—произведеніе знаменитаго мюнхенскаго механика *Іосифа Фраунгофера*.

Вѣроятно, ни въ одномъ русскомъ университетѣ не жилось такъ весело и привольно, какъ въ Дерптѣ въ 80-ые годы, когда я изучалъ медицину. Число студентовъ достигало тогда до 2-хъ тысячъ. Здѣсь все располагало къ наукѣ, а профессора были не только люди талантливые, прекрасные лекторы, но и отличались удивительною добросовѣстностью и наилучшимъ отношеніемъ къ слушателямъ. Это были для насъ глубокоуважаемые старшіе товарищи, память о которыхъ сохраняется на долгіе годы. Любовь къ дѣлу, аккуратность, трудолюбіе, корректность въ отношеніи къ ученикамъ, поразительное умѣніе учить, благодаря чему студенты пріобрѣтали умѣніе цѣлесообразно учиться, не разбрасываясь, не охладѣвая къ начатому, вотъ главныя черты профессоровъ бывшаго дерптскаго университета. Медицинскій факультетъ въ мое время имѣлъ много почтенныхъ профессоровъ, стяжавшихъ имя въ наукѣ, какъ, напр., *А. и К. Шмидты*, *Драгендорфъ*, *Кобертъ*, *Эмингаусъ*, *Крепелинъ*, *Рунге*, *Тома*, *Густавъ Бунге* и т. д. Мы, медики не только съ любовью и усердно посѣщали Collegia (лекціи), тщательно все записывали, но порою насъ тянуло заглянуть въ аудиторіи философа *Тейхмюлера*, историка *Брюкнера* и замѣчательнаго оратора-теолога *А. Эттингена*, извѣстнаго подъ именемъ «лифляндскаго папы» (Der livländische Papst). Послѣдній привлекалъ и своимъ краснорѣчіемъ, и поразительнымъ знаніемъ европейской литературы, а особенно Шекспира.

Университетъ самъ выбиралъ себѣ ректора, декановъ и профессоровъ, имѣлъ свой судъ, обладалъ широкою автономіею и прямо таки господствовалъ надъ городомъ. Студенты пользовались большимъ почетомъ въ глазахъ обывателей Прибалтійскаго края, а корпораціи, которыхъ въ мое время было 7, придавали

церквахъ. Каждая архитектурная линія съ безсознательною геніальностью разсчитана на то, чтобы освободить помыслы пришельца отъ всего мелочнаго, суетнаго и направить ихъ на великое и вѣчное".

особенный колоритъ студенческой жизни, которая была исполнена веселья, поэзіи и свѣтлыхъ, живыхъ красокъ. Дерптскіе студенты хорошо помнили изреченіе Лютера: «Wer nie liebte Wein, Web und Gezang, der bleibt ein Narr sein Leben lang» (кто не любилъ вина, женщинъ и пѣсень, тотъ остается дуракомъ на всю жизнь). Корпораціи представляли тѣсносплоченныя землячества, объединенныя одною общею идеей и сильныя своею солидарностью. Горе было тому. на кого налагался запретъ. Слѣдуетъ упомянуть, что около половины студентовъ не жило активною корпораціонною жизнью и называлось «дикими» (Wilder»). Дерптскіе студенты любили проказы и проказничали не безъ остроумія, а жители смотрѣли на такія вещи своеобразно, поговаривая: «Jugend hat keine Tugend» (у молодежи нѣтъ добродѣтели). О недостаткахъ корпорацій писалось достаточно, и я не буду касаться этого вопроса. Скажу лишь, что корпораціонная жизнь, несомнѣнно, представляла и много хорошаго, недаромъ старые бурши вспоминаютъ ее съ благоговѣніемъ, а поэтъ (*Fr Hinze*, бывшій корпорантъ) восторженно говоритъ:

„Freunde, denkt ihr noch der Tage
Unser frohen Burschenzeit?
Jener fröhlichen Gelage
Voller Lust und Herzlichkeit?
Alle waren wir da Brüder,
Gross und klein, und arm und reich;
Alle sangen gleiche Lieder,
Alle Herzen schlugen gleich" *).

Корпораціи, преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, широкая автономія Университета, долго сохранявшаго хорошія традиціи своихъ германскихъ собратьевъ— все это придавало особенный характеръ бывшему дерптскому университету. Кромѣ того, дерптскій студентъ не безъ основанія пѣлъ пѣсни съ припѣвомъ «Frei ist der Bursch»! такъ какъ имѣлъ значительную академическую свободу (academische Freiheit). Будучи зачисленъ въ число слушателей, онъ получалъ въ нѣкоторомъ родѣ magnam chartam libertatum—матрикулу, содержащую ла-

---

*) „Вспоминается-ли, други,
Вамъ студенчества пора?
Золотыхъ годовъ досуги
Съ дружной пѣсней до утра?
Слившись въ дружескомъ объятьи,
Жили мы семьей большой,
Какъ товарищи и братья
Съ общимъ сердцемъ и душой".
(Переводъ д-ра *Е. И. Тарнавскаго*).

Болѣе точный переводъ:

„Друзья, вспоминаете-ли вы еще дни нашего веселаго студенчества и тѣ радостныя пирушки, которыя были исполнены веселья и сердечности? Всѣ мы были тамъ братья, великъ и малъ, бѣднякъ и богачъ, всѣ пѣли тѣ-же пѣсни, всѣ сердца бились одинаково".

тинскій текстъ за подписью ректора. Теперь студентъ былъ не только «juvenis ornatissimus», но и получалъ извѣстныя права: онъ состоялъ въ вѣдѣніи Университета, гарантировавшаго ему нѣкоторый кредитъ и ограждавшаго его жизнь отъ вмѣшательства полиціи. Даже обыски производились жандармами при участіи представителей университета. Студенты имѣли собственный судъ (Burschen gericht), право сходокъ и разныхъ коллективныхъ дѣйствій, изъ которыхъ самыми поэтичными и красивыми являлись факельныя шествія (Fackel-Zuge), устраеваемыя въ честь любимыхъ профессоровъ и попечителей, въ дни ихъ юбилея или ухода изъ Дерпта.

Въ мое время наиболѣе многолюдные факельцуги были устроены въ честь попечителя *Сабурова*, назначеннаго въ восьмидесятыхъ годахъ, управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и профессоровъ—анатома *Штиды* и физіолога Густава *Бунге*, по поводу ихъ перехода въ Кенигсбергъ и въ Базель. Дивное зрѣлище представляли эти шествія, происходившія обыкновенно по вечерамъ. Длинною вереницею, по два въ рядъ, соблюдая полный порядокъ, шли студенты съ ярко горящими факелами въ рукахъ по главнымъ улицамъ и собирались въ одну колонну у квартиры виновника торжества. Старый студентъ, испытанный ораторъ, говорилъ рѣчь, ему отвѣчалъ чествуемый профессоръ. Всѣ сердца въ это время бились учащенно, у иныхъ слезы выступали при мысли о разлукѣ съ любимымъ учителемъ... Затѣмъ студенты пѣли вѣчно юную пѣсню «Gaudeamus igitur» съ непремѣннымъ куплетомъ «Vivat Academia, Vivant Professores!» Разставшись съ героемъ дня, шествіе возвращалось назадъ, мимо главнаго университетскаго зданія, у котораго снова раздавалось «Vivat Academia!» Наконецъ, всѣ шли къ подошвѣ «Domberg'а» (вышгорода), къ площадкѣ, надъ которою высились живописныя руины св. Діонисія. Подходя къ площадкѣ, студенты живописно бросали факелы въ одинъ большой костеръ, вокругъ котораго образовывался тѣсный кругъ студентовъ, снова пѣвшихъ нѣсколько своихъ поэтичныхъ пѣсень. Пламя костра ярко освѣщало воодушевленныя лица пѣвцовъ, а вверху величественно и спокойно красовались руины и какъ бы прислушивались...

Дерптскихъ буршей упрекали за попойки. Но пьянства, въ полномъ смыслѣ этого слова, не существовало. Бурши пили больше пиво. Правда, я знавалъ товарищей, говорившихъ: «Ich trinke meine 28 Flaschen täglich, nicht mehr, aber auch nicht weniger» (я пью ежедневно 28 бутылокъ—не больше, но и не меньше). Зато, когда нужно было заниматься, бурши преображались: пирушки забывались, а на дверяхъ прежняго гуляки появлялась надпись: «Ich bin nicht zu sprechen» (меня нельзя видѣть). Еще *Пироговъ* писалъ, что «бурши кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру».

То же самое было и въ мое время. Легенда о легкости въ Дерптѣ экзамена на доктора медицины обусловливалась незнаніемъ истинной постановки дѣла въ

*

дерптскомъ университетѣ и поддерживалась тенденціозными корреспонденціями прессы извѣстнаго пошиба, которая и теперь замалчиваетъ и столѣтній юбилей университета, и его великія культурныя заслуги, а отмѣчаетъ ежедневно подвиги каждаго живого и мертваго генерала... Въ Дерптѣ легко было держать экзаменъ тому, кто прилежно работалъ въ году; профессора хорошо знали насъ и наши познанія. Мы готовились и къ практическимъ занятіямъ, и къ разбору больныхъ въ клиникѣ; у насъ часто бывали своего рода экзамены предъ цѣлою аудиторіей, которая не любила лѣнтяевъ, дававшихъ несуразные отвѣты. Такимъ порядкомъ, уже въ теченіе курса, было ясно, какъ для профессоровъ, такъ и для товарищей, кто выдержитъ экзаменъ «doctormässig» (на доктора) и кто «arztmässig» (на лѣкаря). На экзаменахъ же прилежные студенты встрѣчались съ профессорами, какъ хорошіе знакомые, долго мирно бесѣдовали, а плохо подготовленные не менѣе мирно «пятились назадъ» («Zogen sich Zurück»).

Старый дерптскій университетъ сдѣлался достояніемъ исторіи, которая въ надлежащее время скажетъ о немъ свое вѣское, правдивое и безпристрастное слово, а пока я увѣренъ, что всѣ бывшіе питомцы бывшаго дерптскаго университета шлютъ ему искренній привѣтъ и съ глубокою благодарностью вспоминаютъ святые завѣты прежнихъ профессоровъ въ духѣ свѣта, истины и свободы.

Д-ръ мед. **В. Ѳ. Демичъ.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. 28-го декабря п. г. въ Москвѣ открылся съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Мысль о созывѣ такого съѣзда подало въ началѣ 1900 г. калужское общество вспомоществованія учащимъ, а выполненіе мысли приняло на себя аналогичное московское общество. Это послѣднее выработало программу съѣзда и возбудило надлежащее ходатайство. Какъ водится, однако, ходатайство залежалось гдѣ-то въ министерской канцеляріи и было удовлетворено лишь въ концѣ 1901 г., почему созывъ съѣзда пришлось отложить еще на годъ. На призывъ съѣзда откликнулись всѣ учительскія общества въ Россіи, числомъ до 76, приславшія на съѣздъ до 200 делегатовъ. Кромѣ того, въ Москву съѣхалось множество учителей и учительницъ, заинтересованныхъ работами съѣзда. Съѣздъ открылся въ большомъ залѣ дворянскаго собранія при многочисленномъ и разнородномъ составѣ публики. Открывавшіе съѣздъ представители министерства народнаго просвѣщенія въ своихъ рѣчахъ настойчиво рекомендовали съѣзду сдержанность, умѣренность и воздержаніе «отъ прискорбныхъ увлеченій и недоразумѣній, предвидимыхъ самими правилами о съѣздѣ и способныхъ помѣшать столь желанному успѣху». Для противодѣйствія «увлеченіямъ» участниковъ съѣзда отъ министерства были назначены особые многочисленные наблюдатели, надѣленные самыми широкими полномочіями.

Вслѣдъ за открытіемъ съѣзда произведены были выборы должностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ съѣзда избранъ кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, кандидатомъ—кн. Петръ Д. Долгоруковъ, товарищами предсѣдателя съѣзда—проф. М. В. Духовской и Е. П. Ковалевскій. По I-й секціи, по общимъ вопросамъ объ улучшеніи быта учащихъ, избраны: предсѣдателемъ—гр. П. С. Уваровъ, кандидатомъ—К. К. Мазингъ. По II-й секціи, по вопросамъ матеріальнаго положенія учащихъ, поддержанія ихъ здоровья и призрѣнія: предсѣдателемъ—г. Никольскій, кандидатомъ—Кильвейнъ. По III-й секціи, по вопросамъ труда и самообразованія учащихъ и образованія лицъ, принадлежащихъ къ составу ихъ семействъ: предсѣдателемъ—В. А. Гольцевъ, кандидатомъ—Д. И. Тихомировъ.

По IV-й секціи, по вопросамъ практики учительскихъ обществъ и объединенія ихъ дѣятельности: предсѣдателемъ—Петръ Д. Долгоруковъ, кандидатомъ—Э. Э. Маттернъ.

Отмѣтимъ наиболѣе существенныя постановленія съѣзда по секціямъ, пользуясь для этого отчетами, опубликованными въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ московскихъ газетахъ.

По вопросу о необходимости общенія учителей между собою 1-я секція выработала слѣдующія постановленія: 1) признать, что безъ организованныхъ способовъ общенія между собою учителей, особенно сельскихъ, невозможно правильно поставить школьное дѣло, такъ какъ въ тѣсномъ общеніи между собою учителя находятъ для себя нравственную поддержку, а при разобщенности они опускаются умственно и морально; 2) ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, чтобы со стороны правительства не встрѣчалось препятствій не только при организаціи курсовъ и съѣздовъ, но и при устройствѣ частныхъ приуправскихъ и другихъ собраній учителей, при организаціи кружковъ сосѣднихъ сельскихъ учителей и при учрежденіи въ городахъ учительскихъ клубовъ и библіотекъ; 3) признать желательнымъ, чтобы общества взаимопомощи и улучшенія быта учащихъ ходатайствовали передъ городами и земствами объ организаціи какъ вышепоименованныхъ въ п. 2-мъ, такъ и другихъ способовъ общенія учителей, а также будили бы въ этомъ направленіи и частную инициативу; 4) признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы земство приходило возможно широко съ матеріальною помощью при организаціи собраній, учителей и отдѣльныхъ учительскихъ кружковъ какъ при управахъ, тамъ и въ другихъ помѣщеніяхъ, а города—при устройствѣ учительскихъ клубовъ-библіотекъ; 5) признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы городскія общества устраивали для учителей своего вѣдомства библіотеки-клубы, отводя съ этою цѣлью помѣщенія изъ нѣсколькихъ комнатъ въ центральной части города и ассигнуя ежегодно извѣстную сумму на пополненіе библіотеки; а чтобы сдѣлать починъ въ развитіи этого дѣла, ходатайствовать передъ московской городской думой объ устройствѣ такой библіотеки-клуба для учащихъ въ московскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ. Во время преній А. А. Стаховичъ, въ виду того, что совѣщанія учителей въ Ельцѣ были воспрещены, предлагалъ возбудить ходатайство, о разъясненіи, какія учительскія совѣщенія могутъ быть допускаемы и какія воспрещаемы. К. К. Мазингъ указалъ на разницу между русскими и заграничными учительскими съѣздами: на послѣднихъ обыкновенно идетъ рѣчь объ измѣненіи закона или объ изданіи новыхъ законоположеній, а на нашихъ — о выясненіи циркуляровъ, которые въ различныхъ мѣстахъ понимаются различно. Такъ, лѣтъ 20 назадъ, циркуляръ о подготовительныхъ классахъ реальныхъ училищъ въ московскомъ округѣ былъ понятъ въ смыслѣ ихъ закрытія, а въ петербургскомъ, наоборотъ, стали открывать эти классы. Если о чемъ ходатайствовать, то нужно, прежде всего, ходатайствовать, чтобы циркуляры излагались въ понятной для всѣхъ формѣ.

По вопросу объ участіи учителя начальной школы въ будущей мелкой земской единицѣ секціей была предложена слѣдующая резолюція: 1) желательно,

чтобы составители проектовъ будущей мелкой земской единицы имѣли въ виду участіе въ ней учителей въ качествѣ полноправныхъ членовъ; 2) съѣздъ выражаетъ увѣренность, что учащіе согласятся на обложеніе ихъ земскимъ сборомъ; 3) учительницъ желательно привлечь къ участію въ мелкой земской единицѣ наравнѣ съ учителями; 4) ближайшее завѣдываніе хозяйственной частью школъ может быть передано въ вѣдѣніе мелкой земской единицы; 5) желательно, чтобы учительскія общества взаимопомощи обратились въ соотвѣтствующія земства съ ходатайствомъ о томъ, чтобы при разработкѣ проекта о мелкой земской единицѣ имѣлось въ виду привлеченіе къ участію въ ней учащихъ.

Въ видахъ самаго широкаго общенія учащихъ съ населеніемъ, безъ чего школа не можетъ стать жизненною и родственною для него, секція признала желательнымъ, чтобы и при наличныхъ условіяхъ учащимъ не ставилось препятствій къ участію ихъ въ общественныхъ дѣлахъ и чтобы учащіе получили право участія въ волостныхъ и сельскихъ сходахъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Всѣ эти резолюціи секціи были поддержаны общимъ собраніемъ съѣзда.

По докладу делегата учительскаго общества Кубанской области г-жи Е. Д. Вагнеръ въ 1-й секціи былъ поднятъ вопросъ о правовомъ положеніи народныхъ учителей, вызвавшій весьма оживленные дебаты. Одинъ изъ делегатовъ, характеризуя правовое положеніе народнаго учителя, отмѣтилъ, что учитель изъ крестьянскаго сословія можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, а на основаніи 61-й ст. Полож. о земскихъ начальникахъ можетъ быть оштрафованъ безъ всякаго суда по усмотрѣнію земскаго начальника. *И. Н. Сахаровъ* заявилъ, что въ числѣ лицъ, изъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, значатся и учителя, состоявшіе на службѣ, но необходимо навести справку о томъ, распространяется ли этотъ законъ на учителей изъ крестьянскаго сословія, оставившихъ службу. *Г-жа Соловьева* добавила, что такимъ образомъ учитель крестьянскаго происхожденія, который прослужилъ 25 лѣтъ и получилъ пенсію, не гарантированъ по выходѣ въ отставку отъ тѣлеснаго наказанія и можетъ быть награжденъ еще за свою долговременную службу сѣченіемъ розгами. *Г. Чеховъ*, касаясь вопроса о возбужденіи ходатайства объ освобожденіи учителей изъ крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, находилъ, что нѣтъ основанія выдѣлять однихъ учителей изъ общей массы крестьянскаго населенія, и ходатайство объ освобожденіи народнаго учителя отъ тѣлеснаго наказанія должно быть связано съ ходатайствомъ объ освобожденіи отъ него всѣхъ крестьянъ. *М. М. Борисовскій* считалъ необходимою коренную реформу учительскаго быта. По вопросу о правовомъ положеніи учащихъ была избрана особая комиссія, которая и представила затѣмъ свой докладъ, сведенный къ 32 тезисамъ.

Главныя основанія доклада сводились къ слѣдующему: признать несовмѣстимость функцій руководителей учебною частью съ полицейскими функціями надзора за политическою и нравственною благонадежностью учителей народныхъ школъ, такъ какъ первое требуетъ взаимнаго довѣрія руководителей и руко-

водимыхъ, а второе подрываетъ и уничтожаетъ такое довѣріе; директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, руководя учебною частью, должны оказывать воздѣйствіе на учителей путемъ нравственнаго авторитета, а не путемъ авторитета, основаннаго на власти и внѣшнемъ положеніи; при назначеніи учителей инспекторъ долженъ руководиться не секретными свѣдѣніями, а только свѣдѣніями, подлежащими оглашенію; желательно, чтобы учитель начальнаго училища могъ быть уволенъ отъ должности только по суду; желательно, чтобы контроль за учебною частью въ училищахъ былъ переданъ особымъ совѣщательнымъ органамъ при земскихъ учрежденіяхъ, организуемымъ изъ земскихъ дѣятелей и учащихъ; въ виду того, что въ школѣ воздѣйствіе учителя на дѣтей проявляется въ видѣ гуманныхъ мѣръ, а между тѣмъ по окончаніи курса воспитанникъ ея можетъ быть подвергнутъ унизительнѣйшему изъ наказаній—тѣлесному, налагаемому волостными судами,—желательно освобожденіе бывшихъ воспитанниковъ школы отъ тѣлеснаго наказанія; безрезультатный обыскъ, произведенный въ квартирѣ учителя, не долженъ служить поводомъ къ его увольненію; желательно, чтобы всѣ свои сообщенія о школахъ и учащихъ директора предварительно представляли училищнымъ совѣтамъ и земскимъ учрежденіямъ; признать неудовлетворительнымъ составъ училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ въ училищные совѣты назначаются по должности лица отъ разныхъ вѣдомствъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ школьному дѣлу; желательно, чтобы предсѣдатель училищнаго совѣта избирался самимъ совѣтомъ; на основаніи заявленій мѣстнаго духовенства о неаккуратномъ исполненіи учителемъ церковныхъ обрядовъ, учитель не долженъ быть увольняемъ отъ должности; желательно, чтобы на законоучителѣ лежала только обязанность преподаванія Закона Божія въ школѣ и съ него снята была обязанность по наблюденію за нравственностью учителя; попечители школъ должны завѣдывать только хозяйственною частью; желательно, чтобы учитель въ учебное время бралъ отпускъ только отъ учрежденія или лица, содержащаго школу, а не отъ инспектора, а въ каникулярное время пользовался отпускомъ уже безъ всякаго разрѣшенія; желательно, чтобы чины инспекціи по дѣламъ школы сносились не непосредственно съ учителемъ, а съ земскими управами, которыя должны быть посредниками между инспекторомъ и школой.

Докладъ этотъ, однако, былъ снятъ предсѣдателемъ секціи съ очереди и, не смотря на горячій и единодушный протестъ участниковъ секціи, обсужденію не подвергался. Тѣмъ не менѣе даже и при такихъ условіяхъ, работа секціи оказалась въ высокой степени производительною. На заключительномъ собраніи съѣзда было отмѣчено, что доклады секціи касались самыхъ разнообразныхъ и наболѣвшихъ вопросовъ быта учащихъ. Въ докладахъ и преніяхъ высказалось прежде всего единодушное стремленіе учителей къ общенію между собою и единенію съ народомъ. Что касается докладовъ объ общественномъ положеніи учителя, то выяснилось, что онъ не хочетъ быть узкимъ профессіональнымъ работникомъ, а желаетъ работать вмѣстѣ съ другими гражданами, добивается участія въ общественной дѣятельности.

2-я секція (по вопросамъ матеріальнаго положенія учащихъ), по характе-

ристикѣ предсѣдателя ея, «пришла къ заключенію, что общественныя учрежденія должны обратить особое вниманіе на положеніе народнаго учителя и оказать содѣйствіе улучшенію этого положенія, а правительству слѣдуетъ увеличить бюджетъ по народному образованію. Средства найдутся, если будетъ ясно сознана необходимость придти на помощь народному учителю». Между прочимъ, на общемъ собраніи съѣзда громкими апплодисментами принято было предложеніе секціи—признать, что положеніе народныхъ учителей въ Сибири можетъ быть кореннымъ образомъ улучшено только тогда, когда будутъ введены земскія учрежденія въ этой окраинѣ. По предложенію нѣкоторыхъ членовъ съѣзда единогласно дополнено это постановленіе выраженіемъ пожеланія, чтобы для улучшенія положенія учителя и народной школы земскія учрежденія были введены на общихъ основаніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ другихъ окраинахъ Россіи.

Много поработала надъ своею задачей и 3-я секція, характеръ дѣятельности которой вполнѣ опредѣляется произнесенною однимъ изъ членовъ ея В. П. Вахтеровымъ рѣчью о томъ, чего ждутъ по данному вопросу отъ съѣзда учителя, разбросанные въ глухихъ и далекихъ углахъ Россіи. Задача начальной школы сводится не къ буквѣ *ѣ*, не къ оваламъ и полуоваламъ каллиграфіи, не къ таблицѣ умноженія и вообще не къ механическимъ навыкамъ, не къ исполненію экзаменаціонныхъ требованій, не къ натаскиванью дѣтей къ экзамену. Педагогика, это—искусство, учитель, это—художникъ, школа—художественная студія. Но если учитель—художникъ, то долженъ быть предоставленъ извѣстный просторъ его самодѣятельности, извѣстная свобода его педагогическому творчеству. Если учитель — художникъ, то это такой художникъ, который воспитываетъ дѣтей по своему образу и подобію. Онъ самъ служитъ для нихъ нагляднымъ пособіемъ, притомъ наиболѣе важнымъ нагляднымъ пособіемъ. Но для этого надо, чтобы учитель самъ чувствовалъ себя образованнымъ и развитымъ человѣкомъ. Помочь его образованію могутъ и учительскіе курсы, особенно по общеобразовательнымъ предметамъ, но желательно, чтобы они устраивались при университетахъ и другихъ высшихъ школахъ, потому что тамъ есть библіотеки, кабинеты, лабораторіи, тамъ есть и преподаватели въ лицѣ профессоровъ. Ораторъ закончилъ словами: «Только тупыя головы могутъ бояться образованнаго учителя». Рѣчь эта вызвала долгіе единодушные апплодисменты.

Вотъ, между прочимъ, постановленія секціи по поводу педагогическихъ курсовъ: 1) Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи своихъ знаній по предметамъ какъ педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ: соотвѣтственно этому съ точки зрѣнія интереса учащихъ желательна организація двухъ родовъ курсовъ: педагогическихъ и общеобразовательныхъ. 2) Общеобразовательные курсы соотвѣтствуютъ не только насущной потребности учительскаго персонала, но и цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ званій и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не спеціально учительскихъ, а общедоступныхъ. 3) Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагоги-

ческимъ, просвѣтительнымъ и другихъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащихъ. 4) Для облегченія устройства курсовъ желательно устройство лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, ученыя общества и тому подобныя учрежденія, по примѣру московскаго бюро при обществѣ распространенія коммерческихъ знаній. 5) Желательно, чтобы земства и другія общественныя учрежденія, которыя почему-либо сами не могли устроить курсы, командировали учащихъ на курсы въ другія губерніи по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя имъ на помощь своими средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. Кромѣ курсовъ, организованныхъ какъ самостоятельныя учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библіотеками и наглядными пособіями. 6) Желательно, чтобы разрѣшенія на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давались своевременно безъ излишней регламентаціи и стѣсненій. Комиссія считаетъ самымъ благопріятнымъ условіемъ для безпрепятственнаго развитія дѣла народнаго образованія явочную систему при учрежденіи общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то комиссія представила проекты положеній о курсахъ на случай, если бы явочная система не была допущена. По проекту выработанныхъ коммиссіей правилъ общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются земствами, городскими и другими сословными учрежденіями, обществами взаимопомощи учащихъ, просвѣтительными и другими обществами, а равно и частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельныя учрежденія, и разрѣшаются тогда властью попечителя учебнаго округа. Если же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчинено данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ. Курсы предназначаются или для учащихъ обоего пола, или вообще для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія въ общеобразовательныхъ предметахъ. Ближайшее завѣдываніе учебною частью курсовъ возлагается на особаго завѣдующаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ избираются учредителями и утверждаютея попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій составляютъ педагогическій совѣтъ съ выборнымъ предсѣдателемъ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ. Педагогическіе курсы, по проекту коммиссіи, устраиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы же преподаванія составляются самими руководителями по соглашенію съ учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ секція выработала главныя основанія правилъ для устройства учительскихъ съѣздовъ. Учительскіе съѣзды могутъ созываться: или 1) самими учителями, причемъ пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная, опредѣленная часть всего количе-

ства учителей той территоріи, для которой созывается съѣздъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ съѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или же училищному совѣту, или учебному комитету; или 2) учительскими обществами взаимопомощи, или другими учительскими организаціями; или 3) общественными учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности нѣтъ учительскихъ обществъ; или 4) училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія съѣздъ, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываютъ инструкцію, касающуюся порядка съѣзда. Открываются съѣзды явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа.

Четвертая секція, по удачному замѣчанію ея предсѣдателя на заключительномъ собраніи съѣзда, старалась «построить тотъ мостъ для народнаго учителя, по которому онъ перейдетъ изъ области упованій и пожеланій въ лучшую дѣйствительность». Главнымъ вопросомъ, занимавшимъ секцію, надо признать вопросъ объ организаціи всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи. Одинъ изъ докладчиковъ по этому вопросу московскій делегатъ г. Архангельскій отмѣтилъ, что учитель не огражденъ отъ произвола не только въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ, но даже и въ чисто личныхъ дѣлахъ. Такъ, бывали случаи, когда простыя товарищескія вечеринки принимались вслѣдствіе недоразумѣній за запрещенныя собранія и учитель—хозяинъ вечеринки—подвергался увольненію. Это показываетъ, какъ бдительно слѣдятъ за жизнью учителя и какъ трудно учителю развить свою самодѣятельность и самопомощь. Необходимо ходатайствовать объ освобожденіи учителей отъ такого усиленнаго надзора и отъ такой бдительной надъ ними опеки и приравнять учительскую профессію ко всякой другой интеллигентной профессіи. Но если для учителей необходимы независимость и самостоятельное положеніе, то они должны стремиться къ осуществленію своей жизни, принципа взаимопомощи на широкихъ основаніяхъ. Этому принципу не удовлетворяютъ существующія учительскія общества взаимопомощи, такъ какъ: 1) нормальный уставъ этихъ обществъ, утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія 5-го іюля 1894 г., въ значительной степени съузилъ рамки дѣятельности обществъ, давъ возможность оказывать учащимъ только одну матеріальную поддержку и обративъ ихъ въ сущности въ общества попеченія объ учителяхъ, такъ какъ въ составъ правленія обществъ включено на правахъ члена лицо по назначенію отъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ; 2) въ составъ обществъ взаомопомпщи вступаютъ далеко не всѣ учитоля, развиваются они слабо, для усиленія своихъ матеріальныхъ средствъ привлекаютъ новый, совершенно неподходящій къ понятію взаимопомощи элементъ благотворительности и, наконецъ, какъ между самими обществами, такъ и между членами отдѣльныхъ обществъ существуетъ крайняя разъединенность. Въ виду этого докладчикъ, считая необходимымъ пересмотръ и измѣненіе нормальнаго устава обществъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ съѣзду обсудить вопросъ объ организаціи всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи съ цѣлью поднятія уровня духовнаго развитія

и матеріальнаго обезпеченія учителей, причемъ входящія въ составъ союза общества, дѣйствуя въ предѣлахъ своего района самостоятельно, должны быть по отношенію къ союзу какъ бы филіальными его отдѣленіями. Секція признала необходимымъ образованіе всероссійскаго союза учительскихъ обществъ взаимопомощи.

Съѣздъ былъ закрытъ 6-го января. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено обратиться, путемъ печати, съ приглашеніемъ къ учителямъ основать общества взаимопомощи лицъ учительскаго званія тамъ, гдѣ такихъ обществъ не существуетъ.

Похороны А. И. Герцена. Пользуясь матеріалами (вырѣзками изъ иностранныхъ газетъ), переданными недавно Герценомъ-сыномъ въ московскій Румянцевскій музей, г-жа Е. Некрасова набрасываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ день годовщины смерти писателя общую картину смерти знаменитаго русскаго покойника.

А. И. Герценъ скончался въ Парижѣ 9-го января (21-го н. с.) 1870 г., а 11-го января, часовъ въ 10 утра, къ дому pavillon Rohan, № 172, на улицѣ Риволи, подъѣхала и стала у крыльца просто задрапированная, безъ перьевъ и пышныхъ украшеній, траурная колесница, запряженная всего только въ двѣ лошади. Провожатыхъ еще не было видно. Родственники и близкіе друзья уже всѣ были въ салонѣ, возлѣ гроба.

Въ парижскихъ газетахъ еще наканунѣ появилось поразившее всѣхъ своею неожиданностью и внезапностью объявленіе о смерти *Александра Герцена.* Это извѣстіе многихъ поразило вдвойнѣ, такъ какъ не больше двухъ-трехъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Ивановичъ успѣлъ перебраться на жительство въ Парижъ, и потому объ его пребываніи здѣсь знали только весьма немногіе, — самые близкіе друзья, и вдругъ газеты извѣщаютъ, что *Герценъ умеръ*, умеръ въ Парижѣ, въ pavillon Rohan!.. Пришлось добиваться, разспрашивать, разузнавать.

Оказалось, что дней семь тому назадъ послѣ русскаго Новаго года, вечеромъ, 5-го января, Герценъ почувствовалъ недомоганье. Не придавая этому серьезнаго значенія, онъ подумалъ, не лучше ли будетъ пройтись, чтобы поразмять члены, и пошелъ въ кафе читать газеты, какъ это дѣлалъ всегда. Но прогулка только утомила его. Онъ вернулся домой съ сильнымъ ознобомъ и колотьемъ въ боку.

Организмъ больного былъ надорванъ діабетомъ, потому ему не подъ силу было справиться съ такой серьезной болѣзнью, какъ воспаленіе (лѣваго) легкаго.

О томъ, что Герценъ боленъ и боленъ опасно, въ Парижѣ знали очень немногіе.

Другіе знакомые узнали прямо о смерти Герцена изъ газетныхъ объявленій. Въ этихъ объявленіяхъ говорилось, что выносъ тѣла назначенъ 11-го января (23-го по нов. ст.), въ 12 часовъ дня.

И всѣ, кто прочелъ эту тяжелую новость и кто желалъ принести послѣднюю дань уваженія человѣку, отдавшему всю свою жизнь на служеніе родинѣ, не спѣшили стекаться къ pavillon Rohan раньше назначеннаго часа.

Между тѣмъ вдругъ совершенно неожиданно для всѣхъ гробъ съ тѣломъ Герцена вынесли на улицу, поставили на траурную колесницу, прежде чѣмъ на башенныхъ часахъ Парижа успѣло пробить одиннадцать, и траурная колесница вдругъ заколыхалась, двинулась впередъ и затѣмъ тотчасъ пустилась быстрой рысью, совсѣмъ неприличной для похоронной процессіи. Никто изъ провожатыхъ, конечно, этого не ожидалъ. Захваченные врасплохъ, пустились въ бѣгъ за колесницей, стараясь принудить кучера замедлить шагъ.

Но кучеръ былъ только орудіемъ исполненія воли хозяина процессіи, который, въ свою очередь, тоже поступалъ по чужому приказанію... Родные же въ это время настолько были погружены въ чрезмѣрное горе, постигшее ихъ, что даже и не замѣтили всѣхъ несообразностей и всей происшедшей путаницы. А между тѣмъ, вслѣдствіе такой странной перемѣны назначеннаго въ газетахъ часа, многіе изъ желавшихъ проводить Александра Герцена до могилы не успѣли принять участія въ похоронной процессіи, и потому за погребальной колесницей знаменитаго русскаго писателя, пользовавшагося европейской извѣстностью и славой, слѣдовалала толпа всего только въ пятьсотъ человѣкъ, а вслѣдъ за этой немноголюдной толпой медленно двигался одинъ рядъ каретъ.

«Характеръ толпы,—какъ писалъ въ «Neue Freie Presse» дня черезъ четыре одинъ изъ участниковъ процессіи, нѣкто Густавъ Рашъ, глубоко уважавшій и цѣнившій Герцена не только за его колоссальный умъ и талантъ, но и за его любвеобильное сердце, — былъ смѣшанный; блузники со своими дѣтьми на рукахъ, богато одѣтыя дамы, мужчины разныхъ состояній, женщины изъ народа». У всѣхъ лицъ, составлявшихъ похоронный кортежъ, на груди виднѣлись букетики изъ красныхъ иммортелей.

Изъ толпы, окружавшей могилу, вышелъ впередъ одинъ изъ соотчественниковъ покойнаго, горячо любившій и уважавшій Александра Ивановича, г. Вырубовъ.

«Граждане,—началъ Вырубовъ взволнованнымъ голосомъ,—семья Герцена, согласуясь съ желаніемъ покойнаго, которое онъ много разъ выражалъ, не хочетъ, чтобы на его могилѣ произносились рѣчи. Несмотря на всю такую необычайность и—я прибавлю—на всю муку такого нѣмого прощанія съ человѣкомъ, который былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей среди европейской демократіи, отнесемся съ уваженіемъ къ его желанію. Хоронить мертвыхъ такъ, какъ они желаютъ быть похороненными,—это значитъ уважать покойниковъ. И потому я совсѣмъ не буду произносить рѣчи, а выскажу только тѣ чувства, которыя переполняютъ меня настолько, что выходятъ изъ краевъ,—чувства, которыми я бы желалъ подѣлиться съ присутствующими... У Россіи былъ только одинъ голосъ... И этотъ голосъ замеръ, и мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что никакой другой голосъ не сможетъ замѣнить его. Послѣ смерти этого великаго писателя, который такъ много сдѣлалъ для своего отечества и которому мы пришли отдать послѣдній долгъ, Россія не облечется въ трауръ; только одни друзья, оставшіеся ему вѣрными, будутъ носить этотъ трауръ въ своихъ сердцахъ. Но настанетъ день, когда вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ и придутъ сюда для того, чтобы надъ надгробной плитой возд-

вигнуть памятникъ великому писателю и гражданину. А теперь, граждане, отъ имени семьи покойнаго, отъ имени нѣкоторыхъ изъ его соотечественниковъ, отъ имени его друзей, которые пришли сюда, я благодарю всѣхъ, кто сопровождалъ его гробъ; особенно благодарю парижскихъ демократовъ, которые двадцать лѣтъ тому назадъ съ такою симпатіей приняли его и въ средѣ которыхъ онъ сохранилъ столько друзей, и эти друзья пришли оказать ему послѣднее выраженіе своей симпатіи...»

Ораторъ закончилъ свою рѣчь надеждой, что не только Россія, но, можетъ быть,—правда, въ весьма отдаленномъ будущемъ,—и человѣчество признаетъ заслуги покойнаго.

Рѣчью закончилось печальное торжество. Провожатые засыпали красными иммортелями могилу и только послѣ этого начали расходиться,—каждый пошелъ своею дорогою, у каждаго было свое дѣло.

Сынъ Герцена взялъ на себя сложныя хлопоты по перевозкѣ тѣла отца въ Ниццу, на то кладбище, гдѣ уже давно покоилась его жена Наталья Александровна и двое дѣтей. Получивъ пропускъ, Герценъ-сынъ вручилъ эту бумагу Огаревой и, упросивъ ее лично присутствовать при отправкѣ гроба, самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями отправился впередъ въ Ниццу, чтобы приготовить все къ пріему покойника.

Когда гробъ прибылъ, его встрѣтилъ Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ близкими друзьями. Затѣмъ было совершено погребеніе тѣла Герцена рядомъ могилою его жены, на томъ изъ ниццскихъ кладбищъ, которое высоко лежитъ на зеленомъ холмѣ, близъ стараго замка (Château) надъ моремъ.

Могила Герцена не стоитъ на виду, не бросается въ глаза, какъ могила Гамбетты: она скрыта, вся ушла въ тѣсноту другихъ могилъ—съ одной стороны, а съ другой—ее совсѣмъ заслоняетъ отъ взора высокая земляная насыпь уступа. Да и добраться до нея не легко: для этого надобно пройти мимо могилъ отца и матери Гарибальди такъ, чтобы онѣ остались влѣво отъ васъ, и и начать спускаться внизъ, держась опять же все лѣвѣй и лѣвѣй, по зеленымъ уступамъ, на нижнія маленькія площадки. И въ лѣвой сторонѣ вскорѣ обратитъ вниманіе посѣтителя высокій, пышный, темный кипарисъ, а полѣвѣе, невдалекѣ отъ него, притянетъ вниманіе бронзовая, темносѣраго цвѣта статуя Герцена во весь ростъ, стоящая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ съ привычнымъ жестомъ скрещенныхъ на груди рукъ...

Хотя статуя и принадлежитъ работѣ русскаго художника, но не ему удалось вполнѣ хорошо передать черты великаго писателя: благородство лица Герцена, его чудный лобъ, его фамильный носъ съ горбинкой, также какъ вся его духовная сила и мощь въ выраженіи лица много лучше переданы иностраннымъ художникомъ Sprink'омъ, успѣвшимъ сдѣлать снимокъ (d'aprs nature, какъ сказано на сохранившихся экземплярахъ) съ мертваго Герцена. Отъ этого портрета не хочется оторвать глазъ: какая красота всей головы! Какой лобъ! сколько силы, ума въ выраженіи лица и сколько красоты въ этомъ спокойномъ отдыхѣ смерти утомленнаго, измученнаго жизнью борца! При видѣ же его одинокой могилы на этомъ чужомъ намъ кладбищѣ, въ чужомъ, дале-

комъ городѣ, при видѣ этой бронзовой статуи съ устремленнымъ въ родную даль взоромъ, сжимается сердце и помимо воли приходятъ на память стихи:

„Такъ вотъ гдѣ, боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!..“

Крѣпостное рабство въ Дагестанѣ. Подъ покровомъ присущаго будто бы намъ уваженія къ обычному праву, среди подчиненныхъ Россіи восточныхъ инородцевъ удерживаются, а иногда даже благополучно развиваются правоотношенія, которымъ давно уже, казалось бы, не должно быть мѣста въ культурномъ государствѣ. Для иллюстраціи воспользуемся слѣдующими интересными свѣдѣніями, полученными «Бакинскими Извѣттіями» о существованіи въ Дагестанѣ крѣпостного права.

Сословія въ Дагестанской области — явленіе совершенно новое, начавшее свое существованіе только съ покореніемъ области. Древняя родовая организація не была благопріятна развитію общественнаго неравенства. Тогда были всѣ равны и всѣ одинаково пользовались землей, находящейся въ общественномъ владѣній. За исключеніемъ немногочисленнаго сословія рабовъ, присущаго всякому первобытному обществу, сословій въ древнемъ Дагестанѣ вовсе не было. Первымъ образовалось сословіе бековъ. Званіе бека въ прежнія времена давалось ханомъ, которому всѣ беки обязывались въ военное время выступать на помощь со своими силами. Съ водвореніемъ русской власти въ Дагестанѣ ханская власть не была ограничена, но бекское достоинство среди жителей области считалось самымъ высшимъ потому, что беки имѣли право надѣлять свое воинство землей, а слѣдовательно дѣлать изъ рабовъ самостоятельныхъ владѣльцевъ! Когда произошли нѣкоторыя волненія во владѣніяхъ хановъ, послѣдніе въ наказаніе непокорности рабовъ отдали ихъ въ распоряженіе бековъ, а эти сдѣлали ихъ крѣпостными и назвали раятами. Оказывается, что раяты эти и до сего времени существуютъ въ Дагестанѣ и находятся въ зависимости отъ бековъ, соотвѣтствуя, такимъ образомъ, бывшимъ крѣпостнымъ помѣщиковъ. Этихъ несчастныхъ раятъ существуетъ въ Дагестанѣ около 30 тыс. человѣкъ, и жизнь ихъ поставлена въ самыя тяжелыя условія. Раяты не живутъ у бековъ, такъ какъ наши беки далеко не состоятельны, но зато они отбываютъ бекскія повинности и притомъ весьма разнообразныя. Они платятъ бекамъ денежные сборы, отбываютъ подворную повинность: ремесленники издѣліями, земледѣльцы произведеніями земли и т. д. Словомъ, раяты несутъ самую древнюю повинность—дань. Сами по себѣ, они народъ въ высшей степени миролюбивый, что и даетъ возможность бекамъ держать ихъ въ своихъ рукамъ. Нерѣдко случается, что въ самый разгаръ полевыхъ работъ является всадникъ въ деревню раятъ и заставляетъ неспособныхъ къ труду стариковъ и старухъ отбывать бекскія повинности на поляхъ. Всѣ наши окружные и сельскіе суды завалены дѣлами о бекскихъ несправедливостяхъ, но существующіе адаты (обычаи) пока еще не потеряли силу, и злосчастные раяты такъ и не могутъ выйти изъ крѣпостной зависимости. На этихъ адатахъ основаны всѣ права бековъ, и разъ адатъ

не существуетъ на бумагѣ, то существованіе его подтверждается голословнымъ заявленіемъ старожиловъ Дагестана. Несправедливость бековъ къ раятамъ развивается не по днямъ, а по часамъ. Поводомъ къ этому послужило опредѣленіе сословныхъ и поземельныхъ правъ въ законодательномъ порядкѣ. Предчувствуя потерю раятъ, беки употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы захватить въ свое пользованіе владѣнія раятъ, и въ этомъ успѣли достичь неограниченныхъ размѣровъ. Часть раятъ, проживающихъ въ Кюринскомъ округѣ, попыталась уйти на заработки въ Черноморскую губернію, но дѣти и старики подверглись необычайной работѣ у бековъ. Словомъ, раяты связаны по рукамъ и ногамъ, и нерѣдко случается, что цѣлыя деревни, въ полномъ смыслѣ, голодаютъ, благодаря своимъ властелинамъ.

Конфликтъ земства съ печатью. Извѣстный общественный дѣятель М. А. Стаховичъ, много разъ свидѣтельствовавшій освоемъ глубокомъ уваженіи къ либеральнымъ принципамъ, нечаянно «обмолвился», вскрывъ для всѣхъ неожиданно свое внутреннее «я». Въ качествѣ предсѣдателя орловскаго губернскаго земскаго собранія онъ обидѣлся на мѣстную газету «Орловскій Вѣстникъ» за искаженіе будто бы отчетовъ собранія и не нашелъ иного пути для возстановленія истины, какъ *исходатайствованіе у администраціи скорпіоновъ для газеты.* Послѣ этого редакція «Орловскаго Вѣстника» прекратила печатаніе отчетовъ о земскомъ собраніи и обратилась къ гласнымъ съ открытымъ письмомъ, изъ котораго заимствуемъ нѣкоторыя выдержки:

«Засѣданіе 12-го декабря было открыто извѣстнымъ вамъ, гг. гласные, заявленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалось, что отчетъ о засѣданіи собранія, помѣщенный въ № «Орловскаго Вѣстника» отъ 12-го декабря, не соотвѣтствуетъ истинѣ и тѣмъ условіямъ приличія, которыя приняты даже въ частной, интимной бесѣдѣ. Далѣе, въ этомъ заявленіи говорилось о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты въ цѣляхъ предупрежденія въ будущемъ этого двойного нарушенія. На сдѣланное заявленіе никакихъ возраженій не послѣдовало, что даетъ поводъ редакціи «Орловскаго Вѣстника» обратиться къ гг. гласнымъ съ настоящимъ открытымъ письмомъ.

«Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вышеупомянутый отчетъ соотвѣтствовалъ истинѣ, такъ какъ никѣмъ изъ гг. гласныхъ ни въ этомъ засѣданіи, ни послѣ не было сдѣлано никакого точнаго указанія въ этомъ отношеніи, мы находимъ нужнымъ остановиться лишь на второй части заявленнаго противъ насъ обвиненія.

«Приличіе, конечно, каждый можетъ понимать и толковать по своему. Одно только несомнѣнно, что всякій предубѣжденный человѣкъ, который прочтетъ отчетъ, помѣщенный въ № «Орловскаго Вѣстника» отъ 12-го декабря, вынесетъ лишь одно впечатлѣніе—это явное несоотвѣтствіе между силами губернскаго собранія, назначеніе котораго—обсужденіе вопросовъ обще-губернскаго характера, притомъ существеннаго значенія,—съ тѣми докладами, которые ему, т.-е. собранію, по той или иной причинѣ приходилось заслушивать.

«Силы собранія, такимъ образомъ, признавались выше тѣхъ, которыя тре-

бовала производившаяся до того времени собраніемъ работа. Что-жъ тутъ оскорбительнаго для собранія, противъ чего, слѣдовало бы принимать какія бы то ни было мѣры?

«Далѣе, въ тѣхъ стѣнахъ, которыя не разъ слышали всякія указанія на тѣ стѣсненія, которыя вносятся у насъ цензурой, въ которыхъ не разъ раздавались рѣчи въ защиту свободнаго слова, собраніе своимъ молчаливымъ согласіемъ одобрило мѣру, какъ разъ противоположную принципамъ, по существу своему неотдѣлимымъ отъ принциповъ общественной самодѣятельности.

«Въ виду такого отношенія собранія, въ связи съ тѣми рѣзкостями, которыя были сдѣланы въ вышеуказанномъ заявленіи по адресу «Орловскаго Вѣстника», редакціи не оставалось ничего другого, какъ только прекратить печатаніе отчетовъ собранія. Редакція «Орловскаго Вѣстника».

Въ отвѣтъ на это письмо отъ г. Стаховича послѣдовало слѣдующее разъясненіе:

«По поводу сдѣланнаго 12-го декабря заявленія вы напечатали открытое письмо къ гг. губернскимъ гласнымъ въ № 334, отъ 18-го декабря, т.-е. на другой день, какъ собраніе было закрыто и всѣ гласные разъѣхались, о чемъ наканунѣ въ № 333 было напечатано въ нашей хроникѣ.

«Это принуждаетъ меня, какъ предсѣдателя, отвѣтить за распущенное собраніе. Возражая, постараюсь убѣдить васъ и безпристрастныхъ читателей, поэтому воздержусь отъ всякихъ ядовитыхъ намековъ или выходокъ.

«Поговоримъ серьезно.

«Отчету 12-го декабря предшествовало нѣсколько статей, полныхъ насмѣшекъ и укоровъ земскому собранію. За что? Не за бездѣйствіе, потому что за 4 дня было заслушано 96 докладовъ, серьезно обсужденныхъ, разсмотрѣнныхъ и рѣшенныхъ. Всѣ они созданы необходимостью ежедневной хозяйственной жизни, всѣ требуютъ санкціи губернской земской коллегіи и потому вызывали среди гласныхъ больше справокъ, чѣмъ споровъ; все это близкое, каждому знакомое дѣло. Такое обсужденіе безъ ристалища бываетъ неинтересно для посторонней публики; но серьезный публицистъ долженъ къ этой добросовѣстной будничной работѣ относиться съ уваженіемъ, а не съ язвительными упреками, тѣмъ болѣе, что вы знали, что крупные, связанные съ принципіальными вопросами, доклады въ это время подготовлялись въ коммиссіяхъ.

«Наконецъ въ отчетѣ, замѣтьте, что въ отчетѣ, а не въ фельетонѣ «Искрахъ» «Зигзагахъ» и другихъ отдѣлахъ вашей газеты, передача бывшаго въ засѣданіи была замѣнена язвительными разсужденіями о томъ или другомъ уѣздѣ, о томъ или другомъ гласномъ. Не называя доклада, не передавая его сущности, вы отмѣчаете, что такой-то соскучился молчать и что-то поговорилъ, между тѣмъ рѣчь этого гласнаго, можетъ быть, не краснорѣчивая, была несомнѣнно дѣльная, а предметъ ея—срокъ открытія выставки—серьезный, хотя и прозаичный, непосредственно связанный съ десятитысячною затратой земскихъ денегъ... Кромѣ несимпатичныхъ вамъ гласныхъ и докладовъ, вы, повидимому, рѣшились «отдѣлать» все собраніе и заявили въ отчетѣ, что не станете перечислять его занятій, «боясь привить своимъ читателямъ морскую болѣзнь». Еслибъ эти описа-

нія, повторяю, были въ неоффиціозныхъ отдѣлахъ газеты, завѣдомо выражающихъ болѣе или менѣе остроумно отношеніе редакціи къ отдѣльнымъ вопросамъ и явленіямъ, собраніе могло бы ихъ игнорировать, или восхищаться—по вкусу каждаго. Но помѣщенныя въ оффиціозномъ отчетѣ, просматриваемомъ обыкновенно отвѣтственными лицами, они являлись уже искаженіемъ дѣла, пріобрѣтали значеніе факта, а не газетной остроты.

«Вотъ почему я *заявилъ г. орловскому губернатору*, что собраніе считаетъ такіе отчеты искаженіемъ истины и неприличіемъ и почему онъ, убѣдившись, *просилъ меня принять трудъ просматривать отчеты раньте, чѣмъ они пойдутъ къ нему на цензуру.*

«Такая провѣрка компетентнымъ лицомъ протоколовъ, журналовъ, отчетовъ практикуется—смѣю завѣрить васъ—во всѣхъ странахъ и есть требованіе правдиваго безпристрастія, а не притѣсненіе, такъ какъ сужденія редакціи или публициста могутъ найти себѣ мѣсто и внѣ отчета. Требованіе отъ протокола наличности правды и отсутствіе неприличныхъ выходокъ вполнѣ согласимо—увѣряю васъ—со свободой слова и мнѣній.

«Собраніе единогласно осудило отчеты вашей газеты, и вотъ, какъ сами пишете, «оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько упомянутый отчетъ соотвѣтствовалъ истинѣ» и считая, что «приличіе, конечно, каждый можетъ понимать и толковать по своему», вы находите, что вамъ оставалось только прекратить печатаніе отчетовъ, въ виду такого отношенія собранія, что вы и сдѣлали.

«Разсердившись на собраніе, вы гласно и печатно высказали свое осужденіе ему. Согласитесь же, что губернское земское собраніе только предупредило васъ также гласно, въ открытомъ засѣданіи, высказавъ несогласіе со взглядами редакціи какъ на отношенія къ истинѣ, такъ и къ приличіямъ.

«Предсѣдатель собранія *М. Стаховичъ.*»

Едва ли это письмо г. Стаховича можетъ кого-нибудь убѣдить въ корректности его поступка. Оно показываетъ только одно, а именно, что г. Стаховичъ, прибѣгнувъ (правда, нѣсколько поздно) къ печатному разъясненію, очень хорошо, оказывается, знаетъ, что, кромѣ административныхъ скорпіоновъ, есть и другіе пути для возстановленія нарушенной истины.

Крестьяне о своихъ нуждахъ. Ковровскій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности разослалъ въ свое время многимъ жителямъ уѣзда, главнымъ образомъ, крестьянамъ, вопросные бланки, касающіеся положенія сельскаго хозяйства. «С.-Петербургскія Вѣдомости», сгруппировавъ полученные отвѣты, даютъ интересный матеріалъ для оцѣнки отношенія къ современному сельскохозяйственному кризису со стороны различныхъ группъ уѣзднаго населенія. Мы остановимся здѣсь на отвѣтахъ крестьянъ, а отвѣтовъ представителей другихъ группъ коснемся лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ отвѣтахъ священниковъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ причины обѣднѣнія крестьянъ, выставляются семейные раздѣлы, удаленіе молодыхъ силъ на сторону, роскошь (?) и щегольство въ одеждѣ и столѣ и въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ—лѣность. Что касается вопроса о нуждахъ крестьянъ, то, кромѣ

обычнаго недостатка луговъ или вообще земли, есть такія показанія: «Побольше бы просвѣщенія во всѣхъ его видахъ, уменьшеніе податей—для подъема духа бѣдняковъ (съ фабрикантовъ можно наверстать)».

Отвѣты волостныхъ писарей, въ общемъ, не блещутъ оригинальностью и жизненностью. Вотъ одинъ отвѣтъ на вопросъ о мѣрахъ къ поднятію благосостоянія: правительственныя распоряженія и строгій надзоръ со стороны начальства. Начальнической же опекой пропитанъ и отвѣтъ волостныхъ старшинъ.

Болѣе интересными, богатыми по своему разнообразію и жизненными являются отвѣты крестьянъ. Ихъ—24. Отмѣтимъ въ нихъ въ особенности общіе принципіальные вопросы.

На вопросъ о причинахъ бѣдности цѣлый рядъ отвѣтовъ констатируетъ отсутствіе образованія, невѣжество крестьянъ. «Главная и важная причина бѣдности—это то, что крестьяне не получаютъ никакого образованія и нигдѣ ничему не учатся». «Научите мужика уму-разуму и тогда посмотрите, какой изъ него выйдетъ хозяинъ». Какъ причина обѣднѣнія, отмѣчается существованіе круговой поруки, благодаря которой у крестьянъ, заплатившихъ подати, продаютъ имѣніе за недоимки тѣхъ, кого и въ деревнѣ-то нѣтъ давно. Такою же причиною является развитіе кулачества, противовѣсомъ которому рекомендуется учрежденіе крестьянскихъ банковъ и ссудныхъ кассъ. Какими средствами поднять благосостояніе? Нужно земледѣльческое и общее образованіе, введеніе всеобщаго обученія и школъ съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ, уменьшеніе налоговъ и взысканіе ихъ тогда, когда у крестьянина есть деньги, организація мелкаго кредита, рабочихъ артелей, нужно знакомство съ существующими узаконеніями и установленіе нормальныхъ отношеній, при которыхъ отсутствовала бы «боязнь начальниковъ».

Вотъ отвѣты крестьянина Н. Въ чемъ главнѣйшая причина бѣдности крестьянъ? Онъ отвѣчаетъ: «Въ раздѣлахъ, которые вызываются уходомъ молодыхъ членовъ семьи на фабрики и заводы. Эти лица до ухода въ большинствѣ не получили никакого образованія и не знаютъ семейныхъ обязанностей, также гражданскихъ правъ и обязанностей предъ правительствомъ, поступаютъ на фабрики и заводы подростками и здѣсь также не получаютъ никакого образованія (хотя бы въ воскресныхъ и вечернихъ классахъ). Попадаютъ они въ среду фабрично-заводскихъ массъ, въ корнѣ испорченныхъ, начиная съ среднихъ членовъ администраціи фабрикъ и заводовъ и кончая послѣднимъ рабочимъ. Для устраненія всего этого требуется не временное мѣропріятіе, а постоянныя законодательныя реформы, именно:

«1. Ввести обязательное всеобщее образованіе съ расширеніемъ программы низшей школы.

«2. Не принимать на фабрики и заводы лицъ сельскихъ обществъ моложе 16 лѣтъ.

«3. Установить строгую отвѣтственность за лицами администраціи фабрично-заводской за допущеніе случаевъ, ведущихъ къ нравственному разстройству рабочихъ, а тѣмъ болѣе содѣянныхъ самими лицами администраціи.

«4. Обязать фабрикантовъ устроить для дѣтей рабочихъ низшія общеобра-

зовательныя школы и техническіе классы по спеціальности фабрики. Для взрослыхъ рабочихъ устроить воскресныя и вечернія школы. Это требованіе вполнѣ будетъ законно, такъ какъ для созданія своихъ дивидендовъ гг. фабриканты берутъ изъ рабочихъ массъ много нравственныхъ и физическихъ силъ, въ корнѣ разстраиваютъ нравственное благостояніе семьи, взамѣнъ всего этого ничего не даютъ.

«5. Основать на каждую губернію или уѣздъ пенсіонную кассу для фабрично-заводскихъ рабочихъ. Для образованія кассъ употребить штрафные капиталы, отчисленія отъ годовыхъ доходовъ фабрикантовъ и заводчиковъ нѣкоторыхъ суммъ, а также часть отпустить изъ средствъ казны и вычитать изъ жалованья и заработной платы рабочихъ. Касса эта для потерявшихъ здоровье на работѣ. Масса рабочихъ, проработавъ на фабрикѣ нѣсколько лѣтъ, теряетъ здоровье и такъ какъ не оставляетъ себѣ матеріальнаго обезпеченія, то является въ деревни безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ способности къ труду и становится, такимъ образомъ, плохимъ плательщикомъ податей, а тѣмъ болѣе земледѣльцемъ».

«6. Установить обязательное всеобщее государственное страхованіе рабочихъ для крупной и мелкой фабрично-заводской промышленности».

Для улучшенія сельскаго хозяйства необходимо, по мнѣнію г. Н., во-первыхъ, основать общество сельскихъ хозяевъ на всемъ протяженіи рѣки Клязьмы и ея притоковъ, при поддержкѣ министерства земледѣлія, и, во-вторыхъ, упростить покупку земель и угодій для тѣхъ обществъ, которыя имѣютъ недостатокъ въ нихъ; въ-третьихъ, основать волостныя, сельскія, городскія ссудо-сберегательныя кассы, чтобы для недостаточныхъ людей всегда имѣлась возможность достать небольшую сумму денегъ, а не идти къ ростовщику. Для поддержанія благосостоянія крестьянъ-ремесленниковъ основать среди нихъ артели съ ссудами отъ земства и установить надзоръ за правильностью отношеній хозяевъ къ рабочимъ въ мелкой промышленности.

По отношенію къ существующимъ административнымъ и общественнымъ учрежденіямъ г. Н. считаетъ нужнымъ слѣдующія мѣропріятія:

1. По земскимъ учрежденіямъ. Предоставить одинаковое право для всѣхъ сословій.

2. По администраціи. Мѣсто нахожденія камеръ гг. земскихъ начальниковъ, приставовъ, слѣдователей и прочихъ лицъ администраціи имѣть въ центрѣ ихъ участковъ для болѣе скораго и удобнаго сношенія крестьянъ съ административными лицами и устраненія безполезной траты времени на ходьбу.

3. По волостному правленію. Улучшить персоналъ волостныхъ писарей.

Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ г. Н. считаетъ измѣненіе 61-й ст.

Интересны отвѣты крестьянина Г. А. Асташева. Впрочемъ, большая записка, поданная имъ въ комитетъ, не вноситъ чего-нибудь новаго сравнительно съ тѣмъ, что выдвинулъ въ своихъ отвѣтахъ г. Н. Асташевъ также говоритъ о необходимости равноправія крестьянъ съ другими сословіями, которое ставитъ въ основаніе всѣхъ мѣропріятій, о необходимости образованія для крестьянъ. Въ частности, онъ говоритъ, что въ библіотеки-читальни должны быть допу-

цены всѣ книги, которыя разрѣшены цензурою. «Почему это образованный человѣкъ, купецъ, чиновникъ можетъ читать всякія книги, а крестьянинъ нѣтъ?» Не нужно, такъ сказать, силой пріучать крестьянина къ чтенію книгъ по сельскому хозяйству, заполняя ими библіотеки... Ему нужно общее образованіе, а потомъ онъ и самъ будетъ знать, какой отдѣлъ ему болѣе полезенъ.

За мѣсяцъ. Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1903 годъ, забалансированная на этотъ разъ огромной суммой свыше двухъ милліардовъ рублей, мало чѣмъ отличается отъ росписей послѣднихъ лѣтъ.

Въ роспись на 1903 годъ внесено:

Государственные доходы:

Обыкновенные.	1.897.032.678	р.
Чрезвычайные	2.500.500	»
Изъ свободной суммы наличности государственнаго казначейства. . . .	172.134.794	»
Всего.	2.071.667.472	р.

Государственные расходы:

Обыкновенные	1.880.405.229	р.
Чрезвычайные.	191.262.243	»
Всего. . . .	2.071.667.472	р.

Какъ и въ прошломъ году, слѣдовательно, роспись составлена съ дефицитомъ, который будетъ покрытъ изъ такъ называемой «свободной наличности». или, точнѣе, изъ оставшихся въ запасѣ суммъ, полученныхъ путемъ займовъ. Какъ и въ прошломъ году, культурныя потребности страны занимаютъ въ росписи несоотвѣтственно ничтожное мѣсто, причемъ поясняющій роспись всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ не подаетъ сколько-нибудь благопріятныхъ въ этомъ смыслѣ надеждъ и въ близкомъ будущемъ, какъ не подаетъ онъ надеждъ и на возможность облегченія падающаго на населеніе тяжелаго податного бремени.

«Къ государственнымъ финансамъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—у насъ нерѣдко предъявляются преувеличенныя требованія. Въ неблагопріятныя времена подобныя требованія, по необходимости, выражаются рѣже и тише; но тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе становится дружный напоръ на казну въ благополучное время. За послѣдніе годы дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ неизмѣнно превышало у насъ сумму произведенныхъ обыкновенныхъ расходовъ, несмотря на исключительно быстрый ростъ бюджета. Въ теченіе этого времени создалась привычка къ благопріятному положенію финансоваго хозяйства, и постепенно стало ослабѣвать сознаніе необходимости соблюденія экономіи въ государственныхъ расходахъ. Ходатайство о болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей возбуждаются все настоятельнѣе и въ то же время, порою изъ тѣхъ же круговъ, откуда возникаютъ эти просьбы, раздаются сѣтованія на высоту обложенія и предлагаются мѣры къ сокращенію и отмѣнѣ нѣкоторыхъ сборовъ.

«Стремленія къ расширенію государственной дѣятельности увеличеніемъ отпускаемыхъ на это средствъ, а равно къ пониженію бремени налоговъ, особливо падающихъ на бѣдные классы населенія, не могутъ не вызывать полнаго сочувствія; достиженіе этихъ цѣлей и составляетъ заботу финансоваго вѣдомства. Но потребности безграничны, средства же для ихъ удовлетворенія ограничены. При возбужденіи ходатайствъ нѣтъ особой надобности соразмѣрять нужды съ рессурсами; наоборотъ, при проведеніи въ жизнь новыхъ мѣропріятій это необходимо—въ противномъ случаѣ суровая дѣйствительность, въ формѣ дефицита, не замедлитъ сама напомнить о нарушенномъ равновѣсіи между удовлетвореніемъ потребностей и имѣющимися на это средствами. Поэтому, мысль министра финансовъ постоянно должна быть направлена не только въ благодарную и увлекательную сторону развитія полезной дѣятельности правительства или сокращенія податного бремени населенія, но и на трудное и непопулярное дѣло соразмѣренія расходовъ съ доходами, при которомъ неизбѣжно дѣлать строгій выборъ между государственными нуждами: лишь изыскавъ средства на неотложныя и самыя важныя потребности, возможно обращать остальные рессурсы на другое назначеніе.

«Какая же потррбность всего настоятельнѣе для государства? Очевидно, та удовлетвореніе которой обезпечиваетъ самое существованіе государства, его внѣшнюю неприкосновенность. Слѣдуетъ съ экономической и гуманитарной точекъ зрѣнія сожалѣть о томъ, что человѣчество не прониклось еще великими идеями всеобщаго мира: тѣмъ не менѣе, въ настоящее время необходимо признать, что мы состоимъ подъ дѣйствіемъ желѣзнаго закона—обращать на удовлетвореніе культурныхъ потребностей лишь то, что остается послѣ покрытія расходовъ на оборону страны. Когда требованія объ отпускѣ средствъ на эту потребность обращаются къ министру финансовъ, ему крайне затруднительно, а большею частью и совершенно невозможно входить въ обсужденіе того, насколько тѣ или иныя мѣры необходимы для обороны страны; но разъ ихъ необходимость признана, на немъ лежитъ изысканіе средствъ. Отовсюду проистекаетъ тяжелая обязанность принимать на себя починъ по установленію и увеличенію налоговъ, а также отклонять осуществленіе всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, на которыя, за обезпеченіемъ вышеуказанной самой настоятельной государственной потребности, не достаетъ рессурсовъ».

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что при всей категоричности ссылокъ на «желѣзный законъ» обезпеченія внѣшней обороны страны, наши государственные бюджеты послѣднихъ лѣтъ, и въ частности бюджетъ 1903 года, непомѣрно расширяются отнюдь не въ силу этого «закона», а по причинѣ особеннаго увлеченія финансоваго вѣдомства желѣзнодорожнымъ строительствомъ, поглощающимъ огромную часть государственнаго бюджета.

— По словамъ столичныхъ газетъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разработанъ и разосланъ на заключеніе вѣдомствъ проектъ усиленія уѣздной полиціи въ 46-ти губерніяхъ и нѣкоторой ея реорганизаціи. Проектируется должность сотскаго упразднить; учредить взамѣнъ ея должность полицейскаго стражника, въ качествѣ ближайшаго помощника полицейскаго урядника. Страж-

никовъ учреждается 35.000 человѣкъ. Эти новые полицейскіе чины будутъ пѣшими, но имъ предположено предоставить право разъѣзжать въ предѣлахъ ввѣреннаго ихъ наблюденію района на земскій счетъ. Содержанія они будутъ получать нѣсколько меньше полицейскихъ урядниковъ. Должность десятскаго сохраняется, но десятскіе будутъ подчинены сельскому и волостному начальству. На осуществленіе своихъ предположеній объ усиленіи состава уѣздной полиціи, въ томъ числѣ и полицейскихъ урядниковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ 9.722.000 рублей.

— На текущій годъ кредитъ на содержаніе полицейской стражи въ Закавказьѣ увеличенъ на 1.600.000 р.

— «Одесск. Новости» передаютъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о возстановленіи одесскаго генералъ-губернаторства, упраздненнаго въ 1889 году.

— Донскія газеты сообщаютъ, что въ Ростовѣ-на-Дону предполагается учрежденіе особаго градоначальства, которое, по словамъ кіевскихъ газетъ, учреждается вскорѣ и въ Кіевѣ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 17-го января помѣщено: 6-го мая 1902 года въ хуторѣ Тихорѣцкомъ, Кавказскаго отдѣла, Кубанской области, окончила жизнь самоубійствомъ содержавшаяся въ мѣстномъ арестномъ помѣщеніи румынская подданная Татьяна Ивановна Золотова, 19 лѣтъ, обвинявшаяся въ кражѣ у городскаго судьи 3-го участка гор. Симбирска, Добровольскаго, изъ желѣзнодорожнаго поѣзда, совершенной 1-го того же мая, а затѣмъ, 9-го мая, послѣ вскрытія и погребенія Золотовой, въ названномъ хуторѣ, толпою желѣзнодорожныхъ рабочихъ произведены были серьезные безпорядки. По поводу упомянутой выше кражи исправлявшій въ то время должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Кавказскаго отдѣла Пусеппъ, по сообщенію желѣзнодорожной жандармской полиціи, приступилъ 2-го мая къ производству предварительнаго слѣдствія по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1651 улож. наказ.

Независимо отъ сего, 8-го мая, вслѣдствіе заявленія отца покойной о томъ, что Золотова лишила себя жизни подъ вліяніемъ насильственныхъ противъ нея дѣйствій чиновъ мѣстной хуторской полиціи, временно исполнявшій обязанности судебнаго слѣдователя упомянутаго выше участка, старшій кандидатъ на судебныя должности Мантулинъ началъ предварительное слѣдствіе о причинѣ смерти названной Золотовой. Вмѣстѣ съ симъ возбуждено было предварительное слѣдствіе и о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими послѣ погребенія Золотовой, причемъ, по предложенію прокурора екатеринодарскаго окружного суда отъ 17-го мая минувшаго года, всѣ три вышепоименованныя слѣдствія были переданы для дальнѣйшаго производства и. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ екатеринодарскаго окружнаго суда Алексѣеву.

19-го іюня 1902 года въ № 164 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» помѣщена была корреспонденція изъ Царицына о томъ, будто бы 18-лѣтняя дочь чиновника Золотова сдѣлалась жертвой гнуснаго насилія со стороны проживающаго на станціи Тихорѣцкой судебнаго слѣдователя, который, затѣмъ,

приказавъ арестовать ее по мнимому обвиненію въ кражѣ, передалъ ее, уже опозоренную, на поруганіе нижнимъ полицейскимъ чинамъ хутора, во власти коихъ несчастная дѣвушка находилась до 6-го мая, когда съ отчаянія рѣшилась отравиться карболовою кислотой.

Приведенное сообщеніе относительно образа дѣйствій лицъ судебнаго вѣдомства вполнѣ опровергалось доставленными въ Министерство Юстиціи мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ свѣдѣніями о результатахъ произведенныхъ по тремъ указаннымъ выше дѣламъ разслѣдованій. Однако, въ видахъ всесторонней провѣрки газетныхъ сообщеній и слуховъ относительно дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства по дѣлу Золотовой, Министръ Юстиціи призналъ необходимымъ въ концѣ іюня 1902 года командировать въ хуторъ Тихорѣцкій товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, статскаго совѣтника Заруднаго, для производства на мѣстѣ таковой провѣрки. Собранныя названнымъ должностнымъ лицомъ свѣдѣнія, а также данныя, добытыя какъ предварительными слѣдствіями по дѣлу Золотовой, такъ и разслѣдованіями, произведенными на мѣстѣ предсѣдателемъ и прокуроромъ екатеринодарскаго окружного суда, а равно и исправлявшимъ должность прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Леммерманомъ, послужили основаніемъ для помѣщеннаго отъ Министерства Юстиціи въ № 199 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 24-го іюля 1902 года, подробнаго разъясненія, въ коемъ изложены существенныя обстоятельства настоящаго дѣла.

Между тѣмъ и послѣ оглашенія означеннаго разъясненія газета «С.-Петербургскія Вѣдомости» и нѣкоторые другіе органы печати продолжали обсуждать дѣло Золотовой и высказывать различныя по поводу онаго мнѣнія, направленныя къ колебанію достовѣрности сообщенныхъ Министерствомъ Юстиціи свѣдѣній.

Затѣмъ въ августѣ минувшаго года въ производствѣ судебнаго слѣдователя 4-го участка гор. С.-Петербурга возникло возбужденное по жалобѣ и. д. судебнаго слѣдователя Пусеппа предварительное слѣдствіе по обвиненію имъ редактора газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» князя Ухтомскаго въ клеветѣ въ печати, выразившейся въ опубликованіи завѣдомо ложныхъ и позорящихъ честь и достоинство его, Пусеппа, свѣдѣній по дѣлу Золотовой. Слѣдствіе это, производящееся въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ виду несостоявшагося примиренія между сторонами, продолжается и нынѣ не приведено еще къ окончанію.

Что же касается упомянутыхъ выше предварительныхъ слѣдствій о причинѣ смерти Татьяны Золотовой и о кражѣ ею вещей изъ вагона, то слѣдствія эти уже окончены и опредѣленіемъ екаринодарскаго окружного суда отъ 7-го января сего года прекращены въ порядкѣ, указанномъ ст. 277 уст. угол. суд., первое— за отсутствіемъ признаковъ преступнаго дѣянія, а второе—за смертью Татьяны Золотовой. Дѣло же о безпорядкахъ рабочихъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ заканчивается и въ непродолжительномъ времени будетъ направлено съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду лицъ, изобличенныхъ въ сихъ безпорядкахъ.

Нынѣ въ № 15 газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 16-го текущаго января помѣщено письмо въ редакцію князя Михаила Андроникова и статья

подъ заглавіемъ «Нельзя молчать», за подписью «Мечтатель», въ которыхъ, между прочимъ, содержится категорическое указаніе на то, что Татьяна Золотова не сама отравилась карболовою кислотою, а была умышленно лишена жизни, чтобы «скрыть слѣды насилій нѣсколькихъ десятковъ лицъ, которыми она была замучена», причемъ «карболовую кислоту влили въ ротъ Золотовой уже мертвой».

Хотя озваченныя указанія находятся въ полномъ противорѣчіи съ результатами произведенныхъ по настоящему дѣлу предварительныхъ слѣдствій и со всѣми другими имѣющимися въ распоряженіи министерства юстиціи подробными и тщательно провѣренными по сему дѣлу свѣдѣніями, министръ юстиціи тѣмъ не менѣе призналъ нужнымъ, въ цѣляхъ окончательнаго разслѣдованія приведенныхъ выше указаній на убійство Золотовой, предложить судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ с.-петербургскаго окружного суда, дѣйствительному статскому совѣтнику Бурцову произвести предварительное слѣдствіе о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой, съ возложеніемъ особаго наблюденія за этимъ слѣдствіемъ на прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ковалевскаго.

По окончаніи этого предварительнаго слѣдствія, все производство по оному будетъ опубликовано.

Некрологъ. Во второй половинѣ декабря настоящаго года скончался извѣстный беллетристъ-бытописатель *Илья Александровичъ Саловъ*. Сынъ помѣщика, Саловъ родился (въ 1834 г.) и выросъ въ деревнѣ, которую онъ хорошо зналъ и которой онъ посвятилъ свои лучшія произведенія. Первый литературный дебютъ покойнаго писателя относится къ 1858 г., когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась его первая повѣсть «Пушиловскій регентъ», но расцвѣтъ его литературной дѣятельности и извѣстности приходится на 70-е годы. Въ это время онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» наиболѣе выдающіяся свои произведенія: «Мельница купца Чесалкина», «Грызуны», «Аспидъ», «Ольшанскій баринъ». Внимательный наблюдатель и занимательный разсказчикъ, Саловъ въ своихъ произведеніяхъ не пытался глубоко проникать во внутренній смыслъ изображаемой имъ жизни. Онъ бралъ жизнь такою, какою она являлась передъ нимъ въ уѣздной глуши во всей безтолочи человѣческихъ отношеній, и безъ какихъ бы то ни было претензій воспроизводилъ ее, противопоставляя безтолково суетящагося человѣка спокойной и прекрасной въ своемъ покоѣ природѣ. Поэтому его повѣсти и разсказы, всегда радушно встрѣчавшіеся читающею публикой, рѣдко захватывали читателя, рѣдко оставляли по прочтеніи сколько-нибудь глубокій, замѣтный слѣдъ, несмотря на то, что Саловъ далъ въ своихъ произведеніяхъ огромную панораму живыхъ типовъ, населяющихъ наши уѣздныя захолустья.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Русская Старина"—январь.—„Вопросы Философіи и Психологіи"—сентябрь—декабрь.—„Русская Мысль"—декабрь).

Двадцатипятилѣтіе со дня смерти Некрасова вызвало въ нашей печати цѣлый рядъ статей, посвященныхъ памяти русскаго народнаго поэта. Несомнѣнныхъ заслугъ «печальника горя народнаго» передъ русскимъ обществомъ, того безспорно воспитательнаго значенія, которое имѣлъ въ жизни Россіи Некрасовъ, и, наконецъ, оставленнаго имъ въ нѣдрахъ нашего самосознанія глубокаго слѣда не отрицаетъ даже «Новое Время». Да и трудно отрицать фактъ, по самому существу своему отрицанію не поддающійся. День юбилея какого-либо событія долженъ являться днемъ подведенія итоговъ того общественнаго или, еще лучше, всенароднаго значенія, которое имѣло въ жизни страны это событіе. Мы вовсе не принадлежимъ къ тѣмъ, которые требуютъ въ юбилейные дни и непремѣнно юбилейныхъ, сопровождаемыхъ тушами, рѣчей; нѣтъ, въ юбилейный день должна быть подводима *алгебраическая* сумма вліяній даннаго событія на общественную жизнь и общественную мысль, т.-е. должны быть учтены всѣ его плюсы и минусы. Въ характерѣ Некрасова было не мало и тѣневыхъ сторонъ,—отчего не говорить и объ нихъ? Мы вовсе не склонны отрицать наличности ихъ, какъ не склонны вообще «подмалевывать» почему-либо намъ дорогія, хотя и несовершенныя, картины, но намъ всегда,—скажемъ не обинуясь,—въ высокой степени противны тѣ якобы историко-литературныя «изысканія», которыя, не давая рѣшительно ничего для оцѣнки общественнаго значенія того или другого давно успокоившаго свои кости общественнаго дѣятеля, направлены, повидимому, исключительно на то, чтобы—passez moi le mot—съ какимъ-то сладкимъ чувствомъ рыться въ его грязномъ бѣльѣ. Некрасовъ держалъ себя некорректно въ исторіи разрыва Тургенева съ «Современникомъ», Некрасовъ игралъ некрасивую роль въ дѣлѣ съ продажей имѣнія Огарева его женой, Некрасовъ... право, ужъ не помнимъ, какіе тамъ еще грѣхи числятъ за нимъ наши неумолимые литературные прокуроры, наши величавые въ своей безупречной нравственности Катоны, но развѣ въ *этомъ* весь Некрасовъ, развѣ *этимъ* опредѣляется, не говоримъ уже его общественное значеніе, но и основная сущность его моральной личности? И пусть не ссылаются намъ въ этомъ случаѣ на авторитетъ Герцена, относившагося, какъ извѣстно, къ Некрасову съ суровымъ осужденіемъ. У Герцена были на то свои серьезныя причины, онъ произносилъ свои сужденія и осужденія *при жизни* обвиняемаго, предоставляя ему, такимъ образомъ, возможность всякой защиты и всякаго рода парированія ударовъ, онъ, наконецъ, писалъ свой обвинительный противъ Некрасова актъ въ то время (1861 г.), когда нашимъ народнымъ поэтомъ далеко еще не было произнесено его послѣднее слово и, слѣдовательно, далеко еще не внесено въ сокровищницу русскаго самосознанія всѣхъ тѣхъ благъ, которыми она обогатилась отъ Некрасова впослѣдствіи. Но повторять все это теперь, дѣлать изъ некрасовскихъ «грѣховъ»

предметъ спеціальной статьи, пріурочивать ее къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ со времени смерти поэта, не обмолвиться ни единою строкой, которая бы компенсировала удручающее впечатлѣніе, производимое подборомъ бросающихъ тѣнь на Некрасова фактовъ,—воля ваша,—но это свидѣтельствуетъ о чемъ угодно, но только не о желаніи автора статьи служить истинѣ, и даже не о простой его любознательности. Тутъ кроется какая-то специфическая страсть рыться непремѣнно въ грязи... Есть такія натуры, которыхъ хлѣбомъ не корми, а только дай испытать этого рода наслажденіе.

Всѣ эти мысли навѣяло на насъ чтеніе помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русской Старины» статьи г. Гутьяра «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». Напиши подобную статью какой-нибудь г. Грингмутъ или г. Величко, и мы бы прошли ее разумѣется молчаніемъ, но имя г. Гутьяра мы встрѣчали на страницахъ «Вѣстника Европы» и это обстоятельство заставляетъ насъ отличать г. Гутьяра отъ гг. Величекъ и К°. Излагать содержанія статьи г. Гутьяра мы, тѣмъ не менѣе, не будемъ. Скажемъ только, что «по пути»не мало достается отъ г. Гутьяра... Н. Г. Чернышевскому... Какой оказывается, былъ покойникъ мелочной, злобный, способный на «подлости» человѣкъ!.. И г. Гутьяръ утверждаетъ это, что называется, не моргнувъ глазомъ, и притомъ «съ ученымъ видомъ знатока». А знатокъ нашей литературы и нашей общественности онъ, дѣйствительно большой. Вотъ доказательство. Приведя одинъ литературный эпизодъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, г. Гутьяръ пишетъ: «Въ «каррикатурѣ на льва» легко увидали отзывъ о «Рудинѣ» Тургенева, такъ какъ послѣдній не скрывалъ, что для Рудина онъ много взялъ изъ характера своего *университетскаго товарища* Бакунина» (стр. 82). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько содержитъ въ себѣ правды довольно широко распространенное мнѣніе о Бакунинѣ, какъ въ большей или меньшей степени прототипѣ тургеневскаго Рудина (мы что-то не помнимъ, чтобы таково было на этотъ счетъ показаніе самого Тургенева), мы думаемъ, что самому г. Гутьяру не мѣшало бы поразспросить о нѣкоторыхъ, смутно ему извѣстныхъ, фактахъ у любого, интересующагося отечественною литературой и движеніемъ общественной мысли гимназиста. Послѣдній разсказалъ бы г. Гутьяру о томъ, какъ въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ Станкевичъ встрѣтился въ Москвѣ съ *отставнымъ артиллерійскимъ офицеромъ* Бакунинымъ, какъ засадилъ онъ его за изученіе Гегеля, какіе успѣхи сдѣлалъ неофитъ въ области философіи, какъ въ 1845 году онъ уѣхалъ за границу, гдѣ немедленно же погрузился въ бурныя волны тогдашней европейской жизни, какъ въ томъ же году онъ уже познакомился лично съ Марксомъ и другими «лѣвофланговыми» гегеліанцами, а затѣмъ и самъ выступилъ на европейской аренѣ сначала съ перомъ въ рукѣ подъ псевдонимомъ Жюля Элизара, а потомъ и съ другимъ оружіемъ на дрезденскихъ баррикадахъ. Вотъ что дѣлалъ за границей Бакунинъ, а не «университетскимъ товарищемъ» Тургенева тамъ состоялъ. Встрѣчался онъ съ нимъ,—эта правда,—занимался, читалъ, спорилъ, но студентомъ берлинскаго университета не былъ. Разсказалъ бы гимназистъ г. Гутьяру, съ другой стороны, и о томъ, какъ Тургеневъ, по окончаніи курса въ петербургскомъ

университетѣ уѣхалъ довершать свое образованіе въ Берлинъ и какъ тамъ его дѣйствительными «университетскими товарищами» были Станкевичъ, Грановскій, Невѣровъ, а не Михаилъ Бакунинъ. Послѣдній никогда не былъ ни въ одномъ русскомъ университетѣ, не былъ студентомъ и университета берлинскаго,—въ какомъ же смыслѣ называетъ его г. Гутьяръ «университетскимъ товарищемъ» Тургенева? Ошибка, конечно, это и только,—что за бѣда? Но одно дѣло просто ошибка, а другое «ошибка» въ прокурорской рѣчи, а обязанности службы должны бы подсказывать г. прокурору необходимость полнаго знакомства съ «фактами», служащими матеріалами для его громоносныхъ рѣчей...

Свои обвиненія Некрасова г. Гутьяръ основываетъ главнымъ образомъ на отзывахъ Тургенева, но, читая статью г. Гутьяра, невольно припоминаешь извѣстную книгу Головачевой-Панаевой «Русскіе писатели и артисты». Тамъ тоже разсказано много «фактовъ», но если мы будемъ основываться *только* на нихъ, то въ какомъ кривомъ, въ какомъ однобокомъ видѣ явится предъ нами образъ самого Тургенева! И не то, чтобы Панаева выдумала или разсказывала небылицы, нѣтъ, въ ея повѣствованіяхъ находится, безъ сомнѣнія, много правды, но уже таково свойство нѣкоторыхъ «талантовъ», что и правду-то они съумѣютъ передать въ такомъ видѣ, съ такимъ отсутствіемъ всякой перспективы, всякихъ привходящихъ, но весьма существенныхъ элементовъ, что, право, не знаешь, что лучше: подобная правда или чистый вымыселъ? Именно это имѣетъ въ виду одна французская пословица, гласящая, что «не всякая правда правдоподобна». Прочтешь Панаеву,—Тургеневъ мелокъ и жалокъ. Прочтешь г. Гутьяра, — Некрасовъ и Чернышевскій скверные, гаденькіе людишки. Прочтешь и подумаешь: и въ голову, вѣдь, не приходитъ этимъ господамъ, какъ жалки и смѣшны они сами въ своихъ обличеніяхъ великихъ людей...

Тургеневъ поссорился съ Некрасовымъ, но вотъ что писалъ онъ самъ много времени спустя послѣ ссоры:

«Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! Что съ нимъ сдѣлалъ недугъ. Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно худую, словно обглоданную, руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли,—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалаоь и на съеженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы... Эта

женщина соединила наши руки... Она *навсегда* примирила насъ. Да... Смерть насъ примирила»...

Г. Гутьяръ приводитъ эти слова Тургенева и ни единымъ словомъ ихъ не коментируетъ. «Бѣлая женщина» примирила «*навсегда*» двухъ замѣчательныхъ писателей земли русской,—какое до этого дѣло г. Гутьяру? Въ наслѣдство русскому народу остался отъ Некрасова огромный духовный капиталъ, процентомъ съ котораго будетъ жить еще не одно поколѣніе,—стоитъ ли толковать о такихъ пустякахъ, не лучше ли заняться исторіей той ссоры Тургенева съ «Современникомъ», которую самъ Тургеневъ называлъ впослѣдствіи «бурей въ стаканѣ воды», не лучше ли продолжать на основаніи этой ссоры и другихъ подходящихъ фактовъ чернить самую память Некрасова и, окончивъ это достойное занятіе, напечатать статью, пріурочивъ ее къ четвертивѣковой годовщинѣ со дня кончины того, чье имя произносится съ глубокою признательностью тысячами и тысячами русскихъ людей? Это называется, вѣроятно, внести и свою лепту въ «некрасовскіе дни». Пожелаемъ г. Гутьяру дальнѣйшихъ успѣховъ на его доблестномъ пути...

Хотѣлось бы намъ остановиться подробно на интересной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» за истекшій годъ, статьѣ г. Булгакова «Душевная драма Герцена», но, по нѣкоторымъ причинамъ, останавливаться на этой статьѣ съ тою подробностью, съ которою намъ бы того хотѣлось, мы не будемъ, а ограничимся лишь нѣсколькими по поводу нея замѣчаніями.

Сдѣлаемъ мы эти замѣчанія отрывочно, безъ всякихъ «вступленій».

Говоря о Герценѣ, г. Булгаковъ приводитъ, между прочимъ, такую цитату изъ его произведеній:

«Всѣ партіи и оттѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, а съ другой неимущіе *мѣщане*, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т.-е. съ одной стороны *скупость*, а съ другой *зависть*. (Всѣ курсивы подлинника, но, не имѣя въ данный моментъ подъ руками сочиненій Герцена, не помнимъ хорошенько,—принадлежатъ ли эти курсивы Герцену или г. Булгакову). Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна оппозиціи за другой достигаетъ побѣды, т.-е. собственности или мѣста и естественно переходитъ со стороны зависти на сторону скупости».

Приводитъ г. Булгаковъ и еще пару цитатъ на ту же тему, но онѣ касаются или класса буржуазіи, или «общей атмосферы европейской жизни», такъ что въ смыслѣ прямого распространенія понятія о «мѣщанствѣ» и на европейскій пролетаріатъ вышеприведенная цитата, безъ сомнѣнія, самая яркая и характерная. По поводу такого-то обобщенія и ликуетъ г. Булгаковъ, совершенно забывая, что у того же Герцена можно найти множество мѣстъ, доказывающихъ

его не только совершенно различное, но и діаметрально противоположное отношеніе, напр., къ «Парижу съ цензомъ» и «Парижу за цензомъ стоящему». Сколько картинъ изъ чисто будничной, повседневной жизни Парижа послѣдняго рода рисовалъ Герценъ, сколько именно нравственнаго начала усматривалъ онъ въ обычномъ теченіи жизни «блузниковъ». А что касается времени бурнаго, то, какъ думаетъ г. Булгаковъ, извѣстны или неизвѣстны были Герцену, напр., обстоятельства, давшія Тургеневу сюжетъ для его разсказа «Наши послали?» Пусть попробуетъ г. Булгаковъ отрицать наличность «нравственнаго начала» у главнаго дѣйствующаго лица тургеневскаго разсказа. Мы же думаемъ, что примѣровъ такого *нравственнаго величія*, величаваго именно своею простотою, не только не становящагося на ходули, а даже не сознающаго всей своей высоты и видящаго въ немъ лишь самое обыкновенное, ничего особеннаго собою не представляющее, дѣло, не много найдется даже среди самыхъ суровыхъ обличителей «гніющаго Запада»...

Но г. Булгаковъ, проскакивая галопомъ мимо всего того, что характеризуетъ отношеніе Герцена къ «Парижу, за цензомъ стоящему», спѣшитъ воздать хвалу Герцену за то именно обобщеніе, которое явствуетъ изъ приведенныхъ цитатъ. «Для меня,—говоритъ онъ,—ни въ чемъ такъ не познается все величіе Герцена, какъ писателя и человѣка, какъ въ той безтрепетной смѣлости, съ которою онъ высказалъ это обличеніе цивилизаціи, не ослѣпляемый ея блескомъ, не подкупленный ея великимъ историческимъ прошлымъ и современными успѣхами, не остановленный всѣми неизбѣжными разочарованіями. Обличеніе это, и въ этомъ нравственное его значеніе, дѣлается не какимъ-либо принципіальнымъ будочникомъ или узко-партійнымъ человѣкомъ, но однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и внутренно свободныхъ людей, и дѣлается не отъ прихоти или суевѣрія, не изъ мракобѣсія, дѣлается во имя высшаго нравственнаго начала, предъ которымъ должна почтительно склониться европейская и всякая другая цивилизація. Вѣдь, порицая Европу, Герценъ любилъ и дорожилъ ея цивилизаціей, не зналъ никакой другой помимо нея; его обличенія не имѣютъ также ничего общаго съ обычнымъ партійнымъ жаргономъ теперешней соціалъ-домократіи, у которой есть только двѣ краски: черная для имущихъ и розовая для неимущихъ: въ мѣщанствѣ онъ видѣлъ болѣзнь *не сословную, а общесословную*, нравственную, а не экономическую».

Читатель и безъ нашихъ комментарій усмотритъ, какъ стара, стара аргументація г. Булгакова, какъ сильно припахиваетъ она и Страховымъ, и «Борьбою съ Западомъ», и многимъ другимъ въ томъ же родѣ. Впрочемъ, въ той же статьѣ г. Булгакова пока еще не съ «безтрепетною смѣлостью», но все же очень благосклонно дважды упоминается и имя Страхова.

Зато въ какую величественную позу становится г. Булгаковъ, говоря о томъ міросозерцаніи, сторонникомъ котораго онъ былъ еще такъ недавно самъ.

«Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—многіе совершенно серьезно объясняютъ теоретическія блужданія Герцена тѣмъ, что онъ не читывалъ «Капитала» К. Маркса и не былъ знакомъ съ «соціологіей» (сколько, подумаешь, яду въ однѣхъ только этихъ кавычкахъ!) нашего времени. Они мѣряютъ Гер-

цена своимъ аршиномъ, предполагая, что такой свободный и ясный умъ, разрушивъ столько кумировъ и побѣдивъ столько суевѣрій, почтительно остановился бы *предъ суевѣрнымъ преклоненіемъ предъ наукой*» (курсивъ нашъ).

Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что не одни только тѣ «многіе», о которыхъ говоритъ г. Булгаковъ, но и самъ онъ видятъ недочеты въ познаніяхъ Герцена (съ гносеологіей Герценъ былъ незнакомъ, гордо заявляетъ г. Булгаковъ), сопоставимъ эту цитату съ другою изъ той же статьи г. Булгакова.

«И напрасно съ своей точки зрѣнія Герценъ, утверждая господство духовнаго мѣщанства, — пишетъ нашъ духовный дворянинъ — выводилъ отсюда невозможность осуществлонія въ Европѣ соціалистическаго строя народнаго хозяйства. Осуществленіе его онъ *свободно могъ и долженъ былъ вполнѣ допустить* (курсивъ нашъ), какъ результатъ дѣйствія того-же *механизма хозяйственныхъ интересовъ строя*».

Г. Булгаковъ лишь повторяетъ здѣсь то самое мнѣніе «многихъ», надъ которымъ издѣвался въ предыдущихъ строкахъ. Въ томъ то и дѣло, что, независимо отъ того хорошъ или дуренъ «Zukunfstaat», но его «свободно можно и даже должно было Герцену вполнѣ допустить» въ качествѣ результата извѣстнаго «механизма хозяйственныхъ интересовъ строя». Но вѣрно это лишь при одномъ условіи. Для этого надо было ознакомиться кое съ чѣмъ изъ данной области, а въ томъ числѣ и съ «Капиталомъ». Откуда самъ г. Булгаковъ узналъ о такой возможности, какъ не изъ того же источника? Зналъ ли бы онъ про нее, если бы не «читывалъ» трудовъ Маркса да не ознакомился съ столь третируемой имъ нынѣ «соціологіей нашего времени»? А вѣдь на незнакомство Герцена съ ученіемъ Маркса въ *этомъ смыслѣ* (въ смыслѣ разрѣшенія вопроса: существуетъ ли закономѣрность въ игрѣ «хозяйственныхъ интересовъ строя» *самихъ по себѣ*, или интересы эти только и знаютъ, что играютъ въ чехарду) и указывали тѣ, которые останавливались на «теоретическихъ блужданіяхъ» Герцена. А что соціальный вопросъ не есть только «Magenfrage», то, право, это такая азбучная вещь, которую и повторять то какъ то совѣстно. Разрѣшеніе «Magenfrage» для массъ не есть цѣль, сама себѣ довлѣющая, но это необходимая предпосылка для разрѣшенія другихъ вопросовъ, а въ томъ числѣ и для привлеченія коллективнаго ума человѣчества къ разрѣшенію высшихъ философскихъ проблемъ. Посмотрѣли бы мы, какъ далеко ушелъ бы г. Булгаковъ,—ну хотя бы въ теософіи,—если бы ему пришлось родиться на фабрикѣ, работать на ней по 12—14 часовъ, да тамъ,—а то и на мостовой,—и окончить дни свои... А какъ учесть, сколько геніальныхъ силъ, способныхъ и къ высшему философскому мышленію, пропадаетъ по этой причинѣ для человѣчества совершенно безслѣдно. Этого Герценъ никогда не забывалъ при всемъ своемъ скептицизмѣ и—каковы бы ни были навѣянныя тѣмъ или другимъ настроеніемъ отдѣльныя мѣста въ его сочиненіяхъ—всегда относился и къ «Magenfrage», *какъ таковому*, съ надлежащимъ уваженіемъ... Вотъ г. Булгаковъ—другое дѣло. Онъ прямо называетъ извѣстный стихъ Гейне

Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten

«наивною откровенностью»... Г. Булгаковъ, повидимому, думаетъ, что подъ «Himmelreich» Гейне и другіе такъ таки и понимали его буквальный смыслъ т. е. хотѣли быть на землѣ безплотными духами и т. д. Вольному воля, конечно, толковать и такъ, а потомъ и торжествовать дешевую побѣду надъ такими «наивными» людьми, какъ Гейне и ему подобные. Но ужъ, конечно, *такимъ* скептицизмомъ Герценъ никогда зараженъ не былъ. Не даромъ же, онъ, разочаровавшись въ Европѣ, которая показала по его словамъ, «удивительную неспособность къ перевороту», только перенесъ свои упованія относительно возможности устроить «Himmelreich» съ Запада на Востокъ... Это былъ утопизмъ,—согласны, но у насъ рѣчь сейчасъ идетъ не объ этомъ. Г. Булгакову кажется смѣшною самая мысль представить себѣ Герцена «суевѣрно преклоняющимся предъ наукою». Это Герцена-то! Герцена, до конца проповѣдывавшаго «смиреніе предъ наукою», «рыцарское служеніе истинѣ», преклоненіе передъ «мыслью» Запада! А вотъ мы такъ представляемъ себѣ ясно впечатлѣніе, которое произвело бы на Герцена чтеніе статьи г. Булгакова. О, во что превратилась бы она подъ градомъ герценовскихъ сарказмовъ, если бы... если бы,—что уже совсѣмъ трудно допустить,—Герценъ удостоилъ ее простого вниманія... И неужели г. Булгаковъ серьезно думаетъ, что тотъ «смыслъ жизни», который теперь обрѣлъ онъ послѣ долгихъ,—вѣрнѣе короткихъ,—но безплодныхъ скитаній по нивамъ науки, былъ неизвѣстенъ Герцену?.. Отчего же Герценъ, обливаясь кровью отъ безъисходности положенія, всегда хранилъ презрительное молчаніе или отзывался неиначе, какъ саркастически о томъ «выходѣ», на который теперь, какъ на новооткрытый и единоспасительный, указываетъ перстъ г. Булгакова? Отчего? Въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ мы дадимъ г. Булгакову тему для его новой философской статьи: «О границахъ между вѣрою и суевѣріями»...

Кстати о «смыслѣ жизни». По словамъ г. Булгакова, ему вполнѣ понятны причины увлеченія у насъ западно-европейскимъ строемъ. «Всѣ недочеты нашей жизни, которые сознаются совѣстью, какъ таковые, но на устраненіе которыхъ не хватало до сихъ поръ общественныхъ силъ,—говоритъ онъ,—всѣ они возбуждаютъ *такое острое чувство стыда и неудовлетворенности* (курсивъ нашъ), что простое отсутствіе этихъ недочетовъ, идеалъ отрицательный, начинаетъ казаться намъ положительнымъ». Кому кажется идеаломъ «положительнымъ» простое устраненіе «недочетовъ нашей жизни», мы не знаемъ, но перо г. Булгакова отличается замѣчательною легкостью. Стоитъ предъ нимъ, положимъ, крѣпостной крестьянинъ, истерзанный, загнанный. Слыхалъ, положимъ, этотъ крестьянинъ, что въ Европѣ крѣпостного права не существуетъ. «Вотъ если бы и у насъ то такъ было», радостно мечтаетъ крестьянинъ. «Но пойми же ты, братецъ,—ведетъ къ нему рѣчь г. Булгаковъ,—что твой идеалъ перестать быть крѣпостнымъ, стать гражданиномъ, котораго бы не смѣли, походя, пороть и истязать, только идеалъ» отрицательный»; правда, въ Европѣ крѣпостного права нѣтъ, но за то она насквозь пропитана атмосферою мѣщанства. Если ужъ освобождаться, такъ

освобождаться въ корнѣ и тогда надо начать съ освобожденія нравственнаго, внутренняго, духовнаго человѣка; тогда только освобожденіе будетъ прочно. Поставь себѣ *положительный* идеалъ, а съ «однимъ *отрицательнымъ* далеко не уѣдешь».—«Такъ то оно такъ,—говоритъ крестьянинъ,—а все таки крѣпостное право будто того...» Но г. Булгаковъ не хочетъ и слышать, что «отрицательный идеалъ» *самъ по себѣ* можетъ составлять великое благо; онъ зритъ въ корень вещей и всѣхъ прочихъ третируетъ болѣе чѣмъ свысока..

Но пусть объясненіе г. Булгакова причинъ увлеченія у насъ европейскимъ строемъ правильно, — все же позволительно задать ему такіе вопросы: что если «острое чувство стыда и неудовлетворенности» переходитъ у кого-либо не въ резонированіе о назначеніи человѣка на землѣ «вообще», а въ страстное желаніе устранить «недочеты», о которыхъ идетъ рѣчь; что если желаніе это наполнитъ собою все существо человѣка и породитъ въ немъ опредѣленную «дѣйственную любовь» къ людямъ; что если человѣкъ за свой «идеалъ отрицательный» начинаетъ класть душу свою, — что, будетъ или нѣтъ такой человѣкъ познавать *въ самомъ процессѣ опредѣленной дѣятельности* «смыслъ жизни»?

И сколько вы ни бейтесь, господа, а въ кабинетѣ «смысла жизни» вы не высидите. Онъ обрѣтается лишь дѣйственнымъ участіемъ человѣка въ самой «гущѣ жизни», въ борьбѣ за счастье ближнихъ своихъ (хотя бы только и въ отрицательномъ смыслѣ: накормилъ голоднаго,—эка штука,—говоритъ г. Булгаковъ. Вѣдь тутъ достигнутъ лишь идеалъ чисто отрицательный. Вылѣчилъ больного, т.-е. далъ ему здоровье. Опять то же самое и т. д.), въ безграничной любви къ нимъ. Отъ такого идеала всѣ мы, увы, очень далеки, но несомнѣнно, что лишь по мѣрѣ приближенія къ нему и открывается «смыслъ жизни» или, *что то же самое*, достигаетъ человѣкъ высшаго счастья, доступнаго ему на землѣ.

Зналъ ли такой «смыслъ жизни», напр., Робертъ Оуэнъ? *Да*, зналъ. Подходятъ ли его воззрѣнія подъ ту мѣрку, о которой повѣствуетъ намъ г. Булгаковъ? *Нѣтъ*, совершенно не подходятъ. Что же лучше? Вѣроятно, дѣло вкуса...

Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся, однако, что относясь такимъ образомъ къ статьѣ г. Булгакова, мы не отрицаемъ того, что въ ней есть и коечто вѣрное и цѣнное. Мы не защищаемъ и осуждаемый имъ позитивизмъ. Но есть осужденіе и осужденіе, какъ il y a fagots et fagots...

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» мы рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей весьма интересную статью г. Бѣлюзерскаго «Отъ Петербурга до Нерчинска», содержащую въ себѣ любопытныя данныя для мало извѣстной у насъ біографіи поэта М. Л. Михайлова. На статьѣ этой, однако, по нѣкоторымъ причинамъ, мы останавливаться не будемъ и перейдемъ прямо къ помѣщенной въ той же книжкѣ «Русской Мысли» также очень интересной, хотя уже въ другомъ отношеніи, статьѣ г. Ф. С. «Какъ живетъ домашняя прислуга». Статья эта составлена на основаніи изслѣдованія доктора Оскара Штиллиха (Die Lage der weiblichen Dienstboten in Berlin») о положеніи женской прислуги

собственно въ Берлинѣ, но и такая анкета представляетъ собою много поучительнаго.

«Въ обществѣ упорно держится мнѣніе,—говоритъ авторъ,—что домашней прислугѣ живется очень хорошо, во всякомъ случаѣ несравненно лучше, чѣмъ фабричнымъ работницамъ и женщинамъ, занятымъ въ домашней промышленности. Служанки живутъ въ томъ же помѣщеніи, что и ихъ хозяева, питаются одинаковою съ ними пищей. Работа ихъ по самой природѣ своей требуетъ временныхъ перерывовъ, паузъ, въ противоположность фабричной работѣ, состоящей изъ непрерывной цѣпи тѣхъ или другихъ манипуляцій. Хозяйки сѣтуютъ постоянно на крайне высокую плату прислугѣ, такъ что, повидимому, и съ этой стороны прислуга вполнѣ обезпечена». «У служанки,—пишетъ г-жа Else von-Rauch есть пріютъ, прочное положеніе, хорошее продовольствіе, которое такъ же полезно для ея здоровья, какъ и физическая работа. Она имѣетъ удобный случай пріобрѣсти познанія, которыя очень пригодятся ей, когда она будетъ въ собственномъ домѣ хозяйкой и матерью. Пусть спросятъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя, «служили» въ свои дѣвичьи годы; онѣ всѣ будутъ хвалить и благословлять время, проведенное въ услуженіи». Такъ ли это въ дѣйствительности?

Повсемѣстныя наблюденія показываютъ, что дѣвушки вездѣ бѣгутъ отъ «услуженія» и охотно бросаютъ при первой же возможности эту профессію. Если профессія эта такъ привлекательна, какъ рисуетъ ее г-жа Раухъ, откуда же происходитъ подобное явленіе и почему личности съ сколько-нибудь развитыми культурными потребностями упорно ее чуждаются? Массовыя явленія обусловливаются, конечно, не случайными, а ооіцаго характера причинами. Выяснить эти причины посредствомъ массоваго письменнаго опроса самихъ служанокъ и и задумалъ докторъ Штиллихъ. Любопытно отношеніе къ предпріятію Штиллиха берлинскихъ «хозяекъ». «Въ началѣ 1900 года были разосланы по всему Берлину опросные листы въ числѣ 9.000 экземпляровъ. Большая часть посланныхъ хозяйкамъ опросныхъ листовъ исчезла безслѣдно, другая часть вернулась назадъ, но въ какомъ видѣ! Нѣкоторые листы быи разорваны на мельчайшіе кусочки. Другіе, правда, были цѣлы, но зато испачканы и не только чернилами, но и другими веществами, назвать которыя не позволяло Штиллиху приличіе. Было прислано хозяйками много анонимныхъ писемъ, въ которыхъ заключалось не мало всевозможной грязи и личныхъ оскорбленій. Такъ силенъ былъ гнѣвъ берлинскихъ хозяекъ». Совершенно иначе отнеслись къ анкетѣ служанки: онѣ были благодарны Штиллиху и всячески содѣйствовали исполненію предпринятаго имъ дѣла. Въ результатѣ получилась такая картина:

«Приблизительно половина служанокъ, давшихъ свои показанія г. Штиллиху, а именно 51,5% изъ нихъ, работали ежедневно больше 16-ти часовъ, другая половина работала отъ 12—16 часовъ. Но тяжелый будничный трудъ, можетъ быть, съ избыткомъ вознаграждается праздничнымъ отдыхомъ? Сельскій хозяинъ съ большою неохотою запрягаетъ въ воскресенье свою лошадь, которая работала въ теченіе недѣли. Къ сожалѣнію, опытъ берлинскихъ служанокъ разрушаетъ и здѣсь иллюзію. По закону служанки обязаны работать въ вос-

кресенье столько же, сколько и въ будни, такъ что законъ какъ бы санкціонируетъ истощеніе физическихъ и моральныхъ силъ служанокъ». Заработная плата служанокъ весьма мизерна. «Высокую плату»—приблизительно 240—250 марокъ (120—145 руб.) служанка начинаетъ обыкновенно получать, лишь прослуживъ въ услуженіи 10—15 лѣтъ. До этого времени плата гораздо ниже. «Особую комнату (въ общемъ весьма неудовлетворительную) имѣли изъ давшихъ свои показанія Штиллиху 52°/о; остальныя (48°/о) спали въ комнатахъ, предназначенныхъ для другихъ цѣлей: въ корридорахъ, кухнѣ, ванныхъ и т. п.».

«На основаніи данныхъ моральной статистики 70-хъ годовъ Нэтцель справедливо заключаетъ, что нравственное вліяніе хозяйскаго дома на служанокъ ничтожно; оно гораздо слабѣе, чѣмъ вліяніе на фабричную работницу кружка ея подругъ. Постоянное угнетеніе личности, чувство зависимости отъ каприза и произвола другихъ людей систематически подрываютъ самосознаніе служанки и въ высшей степени ослабляютъ нравственную силу сопротивленія. То же вліяніе оказываетъ на служанокъ продолжительная и трудная работа и плохое питаніе. Затѣмъ бѣдность впечатлѣній, постоянное однообразіе и отсутствіе какихъ-либо развлеченій при замкнутой домашней жизни порождаютъ естественную реакцію. На путь проституціи толкаютъ служанокъ нерѣдко сами хозяева и ихъ сыновья. Моральныя воззрѣнія стоятъ здѣсь на невѣроятно низкомъ уровнѣ. По поводу обсужденія lex Heianze союзныя правительства единогласно заявили, что они ни въ коемъ случаѣ не могутъ принять особенно строгаго наказанія работодателей и прислугосодержателей за злоупотребленія послѣднихъ своимъ положеніемъ, какъ хозяевъ, въ половомъ отношеніи. Между тѣмъ еще 26-го января 1900 г. консервативный депутатъ Штремпфъ сказалъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ: «тогда какъ въ Берлинѣ нельзя найти приличной служанки, среди проститутокъ царитъ перепроизводство». Онъ и не подозрѣвалъ, что между уменьшеніемъ числа служанокъ и ростомъ проституціи существуетъ прямая связь. Статистика показала въ 1901 году, то изъ 1.689 берлинскихъ проститутокъ 1.026 были раньше служанками (сдѣлались послѣ того проститутками непосредственно или перешли предварительно черезъ профессіи швей, кельнершъ и т. п.) и 663 изъ дѣвушекъ другихъ профессій. Такимъ образомъ $^3/_5$ всѣхъ зарегистрированныхъ въ 1901 году въ Берлинѣ проститутокъ были раньше прямо или косвенно служанками. Что касается внѣбрачно рожденныхъ дѣтей, то въ Берлинѣ приблизительно одна изъ 20-ти служанокъ имѣетъ внѣбрачное дитя».

На путь проституціи толкаетъ служанокъ и еще одно обстоятельство:

«Многіе хозяева изъ экономіи увольняютъ свою прислугу въ лѣтнее время, когда они совершаютъ какое-нибудь путешествіе, подобно тому, какъ есть хозяева, которые увольняютъ служанку какъ разъ передъ святками, чтобы сберечь рождественскій подарокъ. Лѣтомъ очень трудно найти новое мѣсто. Уволенныя служанки толпятся въ бюро для пріисканія занятій, живутъ на сдѣланныя сбереженія, а если этихъ сбереженій очень мало или даже совсѣмъ нѣтъ, служанкамъ часто не остается ничего иного, какъ идти на улицу...»

«Вполнѣ понятно, что крайне дурныя условія труда и жизни домашней

прислуги побудили служанокъ объединиться съ цѣлью улучшенія условій своей матеріальной и духовной жизни. Самостоятельная организація берлинскихъ служанокъ ведетъ начало съ іюльскихъ собраній въ 1899 году въ Берлинѣ, которыя вызвали страшное негодованіе всѣхъ имущихъ классовъ и буржуазной прессы. Хозяйками овладѣло сильное безпокойство, онѣ повели агитацію противъ ферейна и собраній служанокъ, приглашали даже хозяекъ увольнять всѣхъ тѣхъ изъ служанокъ, которыя посѣщали собранія. Разумѣется, всѣ усилія хозяевъ затормозить возникшее среди служанокъ движеніе оказались безплодны. Г-жа Флора Томпсонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучала вопросъ о домашней прислугѣ. Въ своей, увѣнчанной преміей, работѣ она, между прочимъ, пишетъ: экономическая организація домашней работы—варварская, и качества этой работы остались почти незатронутыми всеобщимъ промышленнымъ міровымъ прогрессомъ; вслѣдствіе этого положеніе домашней прислуги мало чѣмъ отличается отъ положенія рабовъ. Г-жа Томпсонъ требуетъ широкаго примѣненія механическихъ приспособленій для болѣе тяжелыхъ функцій механической работы. Пусть перестанутъ печь дома хлѣбъ, стирать бѣлье и дѣлать другія работы, которыя исполняются крупною промышленностью такъ же дешево, если не дешевле и лучше. Дѣйствительно, въ современномъ домашнемъ хозяйствѣ все еще производится большое количество работъ, которыя давно уже сдѣлались предметомъ производства особыхъ промышленныхъ предпріятій».

Таково положеніе женской домашней прислуги въ «культурномъ» Берлинѣ. Какъ же живется ей въ городахъ и странахъ другихъ, менѣе культурныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ самъ собою.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Кризисъ германскаго либерализма. Германскія женщины и законъ объ ассоціаціяхъ (Vereinsgesetz). Нѣмецкіе либералы, совершенно также какъ ихъ политическіе единомышленники въ Англіи, переживаютъ кризисъ, и въ германской печати возникаетъ вопросъ, какъ разрѣшится этотъ кризисъ? Обсужденіе таможеннаго тарифа, завершившееся пораженіемъ либеральной партіи, только выяснило окончательно ея положеніе, которое давно уже было замѣчено посвященными въ политическія дѣла. Во время преній о таможенномъ законѣ, поведеніе либераловъ съ парламентской точки зрѣнія вызвало серьезныя порицанія и дискредитировало ихъ до нѣкоторой степени въ глазахъ германской публики. Но, сравнивая причины, вызвавшія разложеніе либеральной партіи въ Англіи, съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Германіи, мы, конечно, не можемъ не замѣтить полнаго несоотвѣтствія тѣхъ и другихъ. Въ Англіи поводомъ къ расколу послужили капитальные вопросы, какъ, напр., ирландскій гомруль, южно-африканская война и т. п., въ Германіи же трудно отыскать серьезные мотивы къ разногласіямъ и поэтому въ органахъ печати, обсуждающихъ положеніе нѣмецкой либеральной партіи, высказывается подозрѣніе, что тутъ играли роль скорѣе

личныя, нежели политическія соображенія. Теперь, когда битва въ парламентѣ окончена, побѣжденные невольно должны были подумать о причинахъ, ихъ пораженія и постараться исправить сколько-нибудь происшедшее зло; поэтому-то германская либеральная печать и воспользовалась парламентскими вакаціями во время рождественскихъ праздниковъ, чтобы обсудить этотъ вопросъ. Манифестъ профессора Момзена взывающій къ объединенію всѣхъ либеральныхъ партій въ Германіи, съ соціалъ-демократами включительно, вызвалъ уже много толковъ въ нѣмецкихъ газетахъ, а теперь новый матеріалъ доставленъ статьею выдающагося юриста профессора Листа, напечатанной въ «Vossische Zeitung».

Профессоръ Листъ—членъ того самого либеральнаго союза, главою котораго состоитъ Бартъ, и поэтому онъ, пожалуй, болѣе старика Момзена принимаетъ участіе въ практической политикѣ. Въ своей статьѣ, озаглавленной «Будущее германскаго либерализма», почтенный профессоръ не стѣсняется высказывать горькія истины своей партіи и указываетъ ей на ея безсиліе, являющееся результатомъ разъединенія. Развѣ можетъ правительство, если только оно не потеряло разсудокъ, говоритъ Листъ, искать поддержки въ парламентѣ у малой партіи, которая оказалась не на высотѣ въ серьезный моментъ національно борьбы? Листъ точно также, повидимому, ничего не ожидаетъ отъ національ-либераловъ, но хотя онъ и не поминаетъ въ своей статьѣ о союзѣ либераловъ съ соціалъ-демократами, тѣмъ не менѣе онъ заимствуетъ многое изъ ихъ программы. Больше всего онъ опасается, что «народное представительство» можетъ обратиться въ «представительство интересовъ», т.-е. что различныя партіи рейхстага будутъ стараться проводить интересы одного класса за счетъ интересовъ общества. Несомнѣнно, что именно такъ и было во время обсужденія таможеннаго тарифа, такъ какъ аграрная правая только и стремилась все принести въ жертву интересамъ сельскаго хозяйства. По мнѣнію же Листа, нѣмецкіе либералы все-таки представляютъ единственную партію въ Германіи, которая можетъ вдохновиться общими интересами, такъ какъ она не представляетъ изъ себя вполнѣ опредѣленный соціальный классъ. Листъ очень прозрачно намекаетъ въ данномъ случаѣ, что соціалъ-демократы не находятся въ такихъ условіяхъ, которыя бы давали имъ возможность быть вполнѣ безпристрастныи, такъ какъ, подобно консерваторамъ и аграріямъ, они также являются представителями классовой политики. Но чтобы вернуть свое прежнее положеніе, либералы не только должны оставить всѣ свои пререканія, а также серьезно заняться соціальнымъ вопросомъ, чтобы улучшить положеніе крестьянъ, работниковъ и мелкой промышленной буржуазіи. Любопытнѣе однако всего слѣдующій тезисъ, который Листъ выдвигаетъ въ своей статьѣ, въ назиданіе правительству: либералы—единственная партія, которая можетъ содѣйствовать торжеству міровой политики—«Weltpolitik»—Германіи. Эта политика основывается на коммерческомъ распространеніи, нѣмецкая же торговля находится вся въ рукахъ буржуазіи, пополняющей главнымъ образомъ рядъ либеральной партіи. Напротивъ, консервативная партія, которая восторжествовала въ тарифномъ вопросѣ, является представительницей дворянства, дѣятельность котораго вся сосредоточивается внутри Германіи. Итакъ, если правительство будетъ исключительно опираться на земельное дворянство, то оно можетъ, ко-

нечно, пользоваться ею во внутреннемъ хозяйствѣ (Hauswirtschaft), но отъ участія во всемірной экономіи (Weltwirtschaft) ему придется отказаться.

Наиболѣе популярная часть нѣмецкой либеральной партіи, съ «Freisinnige Zeitung» (органомъ Рихтера) во главѣ, отнеслась весьма холодно къ статьѣ проф. Листа и къ его проектамъ объединенія либеральной партіи и это указываетъ, что расколъ все-таки гораздо глубже, чѣмъ это думаетъ почтенный профессоръ.

Вопросъ о правѣ женщинъ посѣщать политическія собранія продолжаетъ служить предметомъ полемики. На послѣднемъ митингѣ, который собрался подъ предсѣдательствомъ г-жи Минны Кауэръ, обсуждалось постановленіе министра фонъ-Гоммерштейна, что женщины могутъ присутствовать на политическихъ собраніяхъ лишь какъ зрительницы, въ отгороженномъ пространствѣ.

Въ рейхстагъ представлено множество петицій, требующихъ отмѣны названнаго закона, и такъ какъ общественное мнѣніе сильно заинтересовано этимъ вопросомъ, то, вѣроятно, онъ будетъ снова подвергнутъ обсужденію въ рейхстагѣ. Между тѣмъ, въ разныхъ городахъ Пруссіи постоянно происходятъ столкновенія между полиціей и общественными собраніями, въ которыхъ участвуютъ женщины. Недавно такое столкновеніе произошло въ Гамбургѣ. Назначено было собраніе, въ которомъ г-жа Гейманъ должна была прочесть докладъ «О женщинахъ и законѣ о союзахъ» (Vereinsgesetz). Но не успѣла г-жа Гейманъ начать свою рѣчь, какъ уже присутствующій на собраніи представитель полиціи пригрозилъ ей, что закроетъ собраніе. Онъ запретилъ ставить на обсужденіе собранія нѣкоторыя темы, и, наконецъ, собраніе, послѣ долгихъ пререканій, избрало тему, на которую было получено согласіе полицейскаго. Тема эта была слѣдующая: «Наша родина, юристы, врачи» («Unser Vaterstadt, der Jurist, der Arzt»), и казалось, что тутъ уже полиціи не будетъ повода къ придиркамъ. Однако, на дѣлѣ вышло иначе. Во время обсужденія этой, повидимому, безобидной темы одна изъ ораторшъ привела нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на невѣжество гамбургскихъ полицейскихъ чиновниковъ и на ихъ придирчивость и злоупотребленіе закономъ о союзахъ, поставившимъ женщинъ въ положеніе несовершеннолѣтнихъ и неправоспособныхъ личностей. Этого было достаточно, конечно, чтобы вызвать тотчасъ же рѣзкое вмѣшательство полицейскаго; онъ закрылъ собраніе и потребовалъ, чтобы присутствующіе разошлись. Дѣло не обошлось, разумѣется, безъ громкихъ и шумныхъ протестовъ, но, въ концѣ концовъ, публика оставила залу. «Frankfurter Zeitung», обсуждая этотъ инцидентъ, говоритъ, что онъ служитъ еще однимъ лишнимъ доказательствомъ ненормальности условій, въ которыя поставлены женщины прусскимъ закономъ о союзахъ.

Недавно въ Берлинѣ состоялся публичный экзаменъ восьми молодыхъ дѣвушекъ на соисканіе званія ученой библіотекарши. Всѣ восемь молодыхъ дѣвушекъ прошли пятимѣсячный теоретическій и практическій курсъ необходимыхъ для библіотекаря знаній. Занятіями руководилъ профессоръ Вольштигъ, главный библіотекарь прусской палаты депутатовъ. Публичный экзаменъ произведенъ былъ изъ латинскаго языка, исторіи, литературы и искусства составленія би-

бліотекъ и каталоговъ. Во многихъ спеціальныхъ библіотекахъ, между прочимъ въ университетской библіотекѣ, уже служатъ ученыя библіотекарши въ качествѣ помощницъ библіотекарей.

Общественная и политическая жизнь въ Англіи.—Конгрессъ ученыхъ въ Родезіи. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся и уважаемыхъ членовъ англійской либеральной партіи Джонъ Морлей произнесъ въ «National Liberal Club» рѣчь, въ которой англійская печать видитъ новыя указанія на современныя условія англійскаго либерализма. Еще до окончанія южно-африканской войны, внесшей расколъ въ либеральной партіи, появились симптомы, подтверждающіе возможность новаго объединенія либераловъ. Число этихъ симптомовъ увеличилось съ окончаніемъ войны, тѣмъ болѣе, что школьный вопросъ сплотилъ всѣхъ либераловъ противъ консервативно-уніонистскаго правительства и заставилъ оппозицію вспомнить, что у нея есть общіе интересы, которые она должна отстаивать, и что она можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если прекратитъ внутренніе раздоры. Уже рѣчь лорда Розбери, произнесенная въ Эдинбургѣ вызвала предположеніе, что школьный законъ сыграетъ для либеральной партіи роль цемента и соединитъ разрозненныя частицы. Такое же впечатлѣніе произвела и рѣчь Морлея. Въ числѣ вопросовъ, вызывающихъ разногласія либеральной партіи, первое мѣсто занимаютъ имперіализмъ и ирландскій вопросъ, но если сравнить обѣ послѣднія рѣчи, Розбери и Морлея, то оказывается, что никакихъ непримиримыхъ разногласій въ этомъ отношеніи не существуетъ между либеральными въ сущности только личные вопросы раздѣляютъ либераловъ. Дѣло сводится къ тому, кого признавать главой либеральной партіи, въ случаѣ, если бы между обѣими враждебными фракціями произошло примиреніе. Традиціонные либералы, конечно, стоятъ за сэра Кэмпбелля Баннермана, другіе же желаютъ имѣть своимъ главой лорда Розбери. Морлей хотя и не говорилъ прямо объ этихъ пререканіяхъ, но все-таки намекнулъ на это, замѣтивъ, что «спасеніе партіи зависитъ вовсе не отъ одного какого-нибудь человѣка, не отъ ея главарей или какихъ-нибудь опредѣленныхъ личностей, а отъ ея принциповъ и вѣрности этимъ принципамъ. Надо только заботиться о сохраненіи этихъ принциповъ и о томъ, чтобы они имѣли какъ можно больше союзниковъ, тогда успѣхъ ихъ обезпеченъ».

Заговоривъ о южно-африканской войнѣ, Джонъ Морлей сказалъ, что это была «большая ошибка», но что эта ошибка все-таки доказала, какою громадною энергіею, стойкостью и рѣшительностью обладаетъ британскій народъ, который, избравъ какую-нибудь политику, уже не отступаетъ отъ нея и доводитъ ее до конца. Но тѣмъ не менѣе Джонъ Морлей все-таки осуждаетъ войну, хотя она и помогла обнаруженію многихъ блестящихъ качествъ британскаго народа. О южно-африканской миссіи Чэмберлена Морлей высказался довольно сочувственно и это вызвало нѣсколько горячихъ протестовъ въ его аудиторіи, но тѣмъ не менѣе Морлей все-таки еще разъ повторилъ, что онъ ожидаетъ хорошихъ результатовъ отъ этой миссіи, которая должна хоть отчасти испра-

вить сдѣланное зло. Во всякомъ случаѣ, Морлей не сказалъ ничего такого относительно колоніальной и внѣшней политики Великобританіи, что указывало бы на непримиримыя разногласія въ средѣ либеральной партіи.

Недавно либеральная партія праздновала блестящую побѣду на дополнительныхъ выборахъ въ Ньюмаркетѣ. Дѣйствительно эти выборы представляютъ весьма знаменательный фактъ, такъ какъ, менѣе чѣмъ въ два года, произошла радикальная перемѣна во взглядахъ избирателей, подававшихъ свои голоса за консервативнаго депутата и теперь вотировавшихъ въ пользу либеральнаго кандидата мистера Розъ, который получилъ на 1,196 голосовъ больше прежняго. Результаты этихъ выборовъ вызвали много толковъ въ газетахъ, тѣмъ болѣе, что они не представляютъ единичнаго факта. Въ короткое время въ семи округахъ, включая Ньюмаркетъ, произошло перемѣщеніе голосовъ въ пользу либераловъ. Консервативная печать, конечно, старается умалить значеніе этого факта, но тѣмъ не менѣе ясно, что консервативное правительство теряетъ почву. Крайности британскаго имперіализма, несомнѣнно, утомили общественное мнѣніе. Южно-африканская война стоила слишкомъ много жизней и денегъ и мало этого! она заставила пожертвовать многими принципами и нанесла тяжелый ущербъ британскому престижу. Непріятное впечатлѣніе вызвала и готовность британскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Лонсдоуна идти на буксирѣ у императора Вильгельма. Общественное мнѣніе очень осуждаетъ венецуэльскую авантюру и недовольно тѣмъ, что Англія связалась съ Германіей. Экономическая и фискальная политика правительства также вызываютъ строгое порицаніе многихъ и сильные нападки печати. Милліарды, брошенные въ бездну, которую представляютъ изъ себя бюджеты военный и морской, чрезмѣрныя субсидіи, выдаваемыя крупнымъ землевладѣльцамъ и англиканскому духовенству, хлѣбный налогъ и, въ довершеніе всего, школьный законъ—все это поддерживаетъ неудовольствіе, которымъ должна воспользоваться либеральная партія, и выборы въ Ньюмаркетѣ подтверждаютъ это.

Всемірно извѣстный союзъ британскихъ ученыхъ «British Association» недавно получилъ отъ пресловутой африканской промышленной компаніи «Chartered Company» приглашеніе устроить свой конгрессъ въ 1905 году у водопадовъ Викторія въ Замбезе. Власти Родезіи готовы предоставить 7.000 фунтовъ въ распоряженіе британской ассоціаціи на расходы, но по словамъ «Daily News» расходы все-таки должны превышать эту сумму въ довольно значительной степени. Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что британская ассоціація приметъ это приглашеніе, хотя, вѣроятно, не всѣ ея члены поѣдутъ такъ далеко. Прежніе конгрессы ассоціаціи бывали только въ предѣлахъ Великобританіи и Ирландіи и лишь одинъ разъ члены британской ассоціаціи отправились въ Монреаль, въ Канаду. До сихъ поръ еще въ Африкѣ не бывало конгрессовъ ученыхъ и только въ этомъ году въ первый разъ состоялся медицинскій конгрессъ въ Каирѣ. Конгрессъ на берегахъ Замбезе будетъ весьма интереснымъ нововведеніемъ въ южной Африкѣ и, конечно, вызоветъ въ Родезіи большое оживленіе. Англійскіе корреспонденты, побывавшіе въ Родезіи, утверждаютъ, что эта страна имѣетъ всѣ данныя для прекраснаго будущаго. Когда знамени-

тый проектъ покойнаго Родса будетъ, наконецъ, приведенъ въ исполненіе, то, разумѣется, Родезія много выиграетъ отъ этого и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начнетъ развиваться даже быстрѣе, чѣмъ развивалась сѣверная Америка. Сесиль Родсъ отлично понялъ это, когда рѣшилъ завладѣть огромною и пустынною территоріей, носящей теперь его имя. Но и трансваальскіе буры также понимали это и поэтому Крюгеръ организовалъ экспедицію для завладѣнія этою мѣстностью. Однако, Родсъ, во главѣ маленькой группы своихъ соотечественниковъ, предупредилъ его. Онъ одинъ, безъ всякой свиты, отправился прямо въ лагерь Булувайо, къ негрскому королю Лобенгулѣ, одному изъ самыхъ кровожадныхъ деспотовъ въ южной Африкѣ, и предложилъ ему торгъ. Смѣлость и стремительность Родса такъ подѣйствовали на Лобенгулу, что онъ согласился уступить свою территорію и удалиться къ сѣверу отъ Замбезе взамѣнъ 1.000 ружей, 100.000 патроновъ и маленькаго пароходика. Когда буры явились, то было уже поздно, торгъ былъ заключенъ и страна принадлежала смѣлому англичанину, который, впрочемъ, дѣйствовалъ безъ всякихъ полномочій отъ Англіи. Сесиль Родсъ явился въ Капштадтъ и предложилъ колоніальному парламенту присоединить богатую область, которую онъ пріобрѣлъ отъ Лобенгулы. Парламентъ отказался. Тогда Родсъ отправился къ англійскому губернатору колоніи и развилъ передъ его глазами самую блестящую картину будущности Родезіи. Но губернаторъ колебался, и, какъ извѣстно, Родсъ предложилъ тогда учредить компанію, которая бы заняла эту страну отъ имени Англіи. На это послѣдовало согласіе колоніальнаго департамента и была основана знаменитая «Chartered Company». Теперь на мѣстѣ лагеря негрскаго короля находится городъ Булувайо, съ 7.000 жителей, но городъ распланированъ, по крайней мѣрѣ, для 300.000 жителей. Улицы широкія, по типу американскихъ авеню, освѣщены электричествомъ. Въ центрѣ оставлены большія пространства для парковъ. Желѣзная дорога соединяетъ Булувайо съ Капштадтомъ, и прекрасные поѣзда въ три дня доставляютъ путешественниковъ изъ Капа въ столицу Родезіи. Родсъ мечталъ сдѣлать изъ Булувайо новый Чикаго и обратить Капъ въ портъ Булувайо. Изъ Булувайо уже строится желѣзная дорога, которая со временемъ должна соединить этотъ городъ съ Каиромъ. Черезъ полтора года поѣзда будутъ ходить до Замбезе, и останется только построить еще 1.300 миль желѣзной дороги, чтобы достигнуть Каира, такъ какъ остальная часть пути пройдетъ водой, по озерамъ и Нилу. Одинъ изъ корреспондентовъ намѣчаетъ линію этого великаго пути, который долженъ соединить берега Средиземнаго моря съ мысомъ Доброй Надежды: Капъ, Булувайо, Замбезе, озеро Танганайка, бельгійскій Конго, Фашода, Каиръ. Родсъ умеръ, но его широкіе замыслы продолжаютъ жить и развиваться, и, вѣроятно, мечта его жизни: созданіе южноафриканскихъ штатовъ и непосредственное соединеніе Южной Африки съ Европой—будетъ осуществлена въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Въ настоящее время англійскія газеты съ большимъ оживленіемъ обсуждаютъ вопросъ о женской эмиграціи въ Южную Африку. Еще до окончанія войны Чэмберленъ предсказывалъ на митингѣ «British Women's Emigration Association» (британской женской эмиграціонной ассоціаціи), что какъ только дѣла въ

Южной Африкѣ будутъ улажены, то эта страна поразитъ своимъ быстрымъ развитіемъ всѣхъ. «Мы будемъ посылать туда мужчинъ, и притомъ лучшихъ и наиболѣе энергичныхъ, десятками и сотнями тысячъ!» воскликнулъ онъ и тутъ же добавилъ, что для успѣха Южной Африки необходимо, чтобы и женская эмиграція совершалась въ такихъ же размѣрахъ. По вычисленію «Morning Post» нужно, по крайней мѣрѣ, 70.000 женщинъ, чтобы установить нормальное отношеніе половъ въ Южной Африкѣ. Англійскіе газеты и журналы пропагандируютъ устройство курсовъ для образованія женщинъ-колонистокъ, которыя, подобно мужскимъ колонистамъ, обладали бы нужными познаніями для устройства самостоятельнаго дѣла и фермерскаго хозяйства въ колоніяхъ. Общество поощренія женской колонизаціи намѣрено оказать наивозможно широкую поддержку женщинамъ, которыя отправятся въ британскія колоніи Южной Африки.

Американскіе промышленные синдикаты (трёсты). Гигантскій ростъ американскихъ трёстовъ, число которыхъ въ 1897 г. не превышало 63, а по статистикѣ 1900 года достигло уже 185, не на шутку тревожитъ общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ болѣе, что образованіе мясныхъ, мучныхъ и т. п. трёстовъ повело за собою вздорожаніе жизненныхъ припасовъ. Словно какая-то лихорадка охватила не только крупныхъ, но и всѣхъ мелкихъ американскихъ промышленниковъ и торговцевъ, которые спѣшатъ организовать ассоціаціи, чтобы въ основу всѣхъ своихъ торговыхъ операцій поставить общность интересовъ. Скотоводы въ городѣ Соленаго озера, кирпичные заводчики, солевары, мучные торговцы, огородники и т. п. основываютъ трёсты, которые растутъ и размножаются, какъ грибы. Народъ, не принимающій участія въ трёстахъ, ропщетъ на оказываемое ими давленіе и жалуется на дороговизну жизни. Печать, служащая отголоскомъ этой части общественнаго мнѣнія, поддерживаетъ оппозицію противъ трёстовъ и полемизируютъ съ ихъ защитниками. Само собою разумѣется, что рѣчь президента Рузевельта, открыто ставшаго на сторону противниковъ трёстовъ, подлила масла въ огонь, и полемика сдѣлалась болѣе жаркою. Нѣкоторыя американскія газеты сравниваютъ даже Рузевельта съ Линкольномъ. Ему, какъ и Линкольну, придется серьезно бороться съ антагонизмомъ отдѣльныхъ штатовъ, которые видятъ въ попыткѣ президента ограничить свободу трёстовъ посягательство на ихъ свободу и независимость. Въ одномъ государствѣ Соединенныхъ Штатовъ существуетъ 45 отдѣльныхъ государствъ и каждое изъ нихъ пользуется абсолютною независимостью. Для того, чтобы облечь федеральное правительство новою властью, нужно согласіе двухъ третей штатовъ и такъ какъ реформы конституціи сопровождаются массою формальностей, то проведеніе ихъ весьма затруднительно и представляетъ нѣчто въ родѣ маленькой революціи. Именно такая революція нужна теперь, чтобы дать федеральному правительству право издать новый ограничительный законъ о трёстахъ. Полагаютъ, однако, что Рузевельтъ, поддерживаемый значительною частью общественнаго мнѣнія Соединенныхъ Штатовъ, въ состояніи будетъ произвести такой переворотъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Линкольнъ, объявившій федеральное правитель-

ство нравственно отвѣтственнымъ за существованіе рабовладѣльческихъ штатовъ, хотя принципъ независимости штатовъ и не допускалъ вмѣшательства этого правительства въ ихъ внутреннія дѣла.

Въ ожиданіи, когда противъ нихъ будутъ приняты серьезныя мѣры, трёсты растутъ и развиваются. Однако, любопытно то, что одновременно съ ростомъ трёстовъ наблюдается и ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Многія газеты обращаютъ вниманіе на это странное совпаденіе. Число соціалистовъ въ Америкѣ возрастаетъ съ необычайною быстротой и теперь доходитъ уже до трехъ милліоновъ, вмѣсто полумилліона 4 года тому назадъ.

Многіе объясняютъ это явленіе тѣмъ, что, благодаря трёстамъ, американцы, относившіеся прежде несочувственно къ идеямъ коллективизма, теперь скорѣе усваиваютъ себѣ это ученіе, увидѣвъ его практическое примѣненіе въ области промышленности. Соціалисты говорятъ, что организаторы трёстовъ сдѣлались ихъ самыми краснорѣчивыми союзниками и убѣждены, что трёсты помогутъ имъ осуществить соціалистскую программу. «Чѣмъ больше будетъ трёстовъ, тѣмъ лучше!» говорятъ они.

Однако, американскіе трёсты милліардёровъ до нѣкоторой степени заставляютъ общественное мнѣніе примиряться съ собою, потому что многіе изъ этихъ «союзныхъ милліардныхъ королей», какъ ихъ называетъ французскій журналистъ Норвенъ въ «La Revue», оказываются настоящими благодѣтелями своей націи. Во главѣ стоитъ, конечно, Карнеджи, пригоршнями раздающій свои богатства на устройство библіотекъ, учрежденіе университетскихъ стипендій и т. п. Кромѣ того, большинство этихъ милліардёровъ принадлежитъ къ такъ называемымъ «Selfmademen» и американцамъ это нравится. Очень многіе изъ американскихъ королей промышленности, Рокфеллеры, Штольманнъ, Швабъ, Хиллъ и др., даже не получили высшаго образованія и не посѣщали университетовъ. Всѣ свои познанія они почерпнули изъ великой школы жизни. То же самое и Пирпонтъ Морганъ, организаторъ грандіознаго океанскаго трёста, возбудившаго такъ много толковъ въ Европѣ. Къ числу такихъ же грандіозныхъ трёстовъ, возникшихъ въ послѣднее время принадлежитъ и желѣзнодорожный трёстъ. Восемь милліардёровъ: Пирпонтъ Морганъ, Вандербильтъ, Гульдъ, Рокфеллеръ, Гарринсонъ, Шиффъ, Хиллъ и Кассатъ, соединились вмѣстѣ, чтобы захватить въ свои руки всѣ желѣзнодорожныя линіи въ Соединенныхъ Штатахъ, и это почти удалось имъ. Идея такого трёста принадлежитъ Вандербильту, который нашелъ себѣ весьма полезнаго помощника и союзника въ лицѣ Кассата, очень много содѣйствовавшаго реализаціи его плановъ. Удача этого перваго опыта коализаціи желѣзнодорожныхъ интересовъ скоро привела къ желаннымъ результатамъ, и постепенно другія линіи стали присоединяться къ первоначальной коализаціи. Первымъ вступилъ въ эту комбинацію Пирпонтъ Морганъ, а затѣмъ и другіе владѣльцы желѣзнодорожныхъ линій. Желѣзнодорожный синдикатъ, подобно гигантскому спруту, охватываетъ уже своими щупальцами огромное пространство желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ и соперничаетъ въ могуществѣ съ пресловутымъ стальнымъ трёстомъ. Въ Европѣ, несомнѣнно, также ощущаютъ нѣкоторую тревогу при

видѣ этихъ милліардныхъ трёстовъ. Гигантское чудовище, повидимому, стремится протянуть свои щупальцы и на Европу, и нѣкоторые органы европейской печати уже предвидятъ въ недалекомъ будущемъ полное порабощеніе Стараго свѣта Новымъ свѣтомъ въ коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Академія Гонкура. Памятникъ Ренану. Въ половинѣ января этого года состоялось въ Парижѣ оффиціальное открытіе академіи Гонкура. Какъ извѣстно, Эдмондъ Гонкуръ, по смерти своего брата и сотрудника Жюля, рѣшилъ завѣщать все свое и своего брата состояніе на образованіе академіи, которая могла бы составить конкуренцію оффиціальной и чрезмѣрно консервативой «Академіи безсмертныхъ». Гонкуръ часто говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ хотѣлъ бы противопоставить «великой» академіи Ришелье, куда попадають большею частью «малые умы», маленькую академію, куда попадали бы «великіе умы». Свое состояніе Гонкуръ исчислялъ въ два милліона франковъ, включая и ту сумму, которая могла быть выручена отъ продажи его коллекцій. Его академія должна была состоять изъ десяти членовъ и имѣть годовой доходъ въ 70.000 франковъ. Каждому изъ членовъ онъ назначилъ содержаніе въ 6.000 франковъ, и, кромѣ того, академія должна была выдавать ежегодно литературную премію въ 5.000 франковъ. Къ сожалѣнію, разсчеты Гонкура оказались невѣрными и теперь, по ликвидаціи наслѣдства, академія можетъ разсчитыватъ не на 70.000 фр. ежегоднаго дохода, а всего лишь на 50.000. Кромѣ того, родные Гонкура оспаривали завѣщаніе и затѣяли процессъ, поглотившій-таки довольно много денегъ, а въ довершеніе всего и продажа коллекцій не оправдала ожиданій— вырученная сумма оказалась ниже той, на которую разсчитывалъ завѣщатель.

Гонкуръ самъ назначилъ при жизни восемь членовъ своей академіи, предоставляя уже имъ избрать еще двухъ для пополненія числа. Первый списокъ, составленный имъ самимъ, включалъ слѣдующіе имена: Флоберъ, Поль де-Сенъ Викторъ, Фромантенъ, Барбе д'Оревильи, Леонъ Кладель, Теофиль Готье, Банвиль де-Шенневріеръ, Луи Вьельо и Валлесъ. Но этотъ первоначальный списокъ затѣмъ много разъ подвергался переработкѣ и въ 1883 году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Бонвиль, Валлесъ д'Оревильи, Мопассанъ, Бурже, Лоти, Золя, Альфонсъ Додэ, Гюисмансъ и Анри Сеаръ. Между тѣмъ, Бурже и Лоти вступили въ разрядъ «благочестивыхъ и благонамѣренныхъ писателей» и были избраны въ число «безсмертныхъ»; Бонвилль, Валлесъ, д'Оревильи и Мопассанъ умерли, а Золя разошелся со своимъ старымъ пріятелемъ. Передъ своею смертью Гонкуръ составилъ опять новый списокъ академиковъ: Альфонсъ Додэ, Гюисмансъ, Октавъ Мирбо, Жофруа, Леонъ Генникъ, братья Рони и Поль Марогеритъ. Но Альфонсъ Додэ недолго пережилъ своего пріятеля Гонкура.

Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ и затрудненій всѣ процессы были выиграны и планы завѣщателя могли быть осуществлены его душеприказчиками. Изъ девяти лицъ, поименованныхъ Гонкуромъ, оставалось въ живыхъ семь и вотъ эти семь академиковъ собрались въ первый разъ 12-го января для избранія трехъ недостающихъ членовъ. Изъ уваженія къ памяти отца былъ

избранъ сынъ Альфонса Додэ, Леонъ Додэ, далеко уступающій въ талантѣ своему отцу, затѣмъ Люсьенъ Декавъ и поэтъ Элемиръ Буржъ, еще мало извѣстный. Но пока еще не приведены окончательно въ порядокъ дѣла новой академіи, она не можетъ, конечно, выплачивать своимъ членамъ положенную пенсію. Полагаютъ, что не раньше пяти-шести лѣтъ можно будетъ привести въ исполненіе планы покойнаго завѣщателя и его академія начнетъ функціонировать правильнымъ образомъ. Однако, къ тому времени составъ ея можетъ еще разъ измѣниться и, пожалуй, она окажется совсѣмъ не такою, какою представлялъ ее себѣ покойный Гонкуръ, когда составлялъ свои списки.

Во Франціи организованы въ настоящее время три комитета для сооруженія памятника Ренану. Первый комитетъ, называемый французскими газетами «Comité de patronage moral», состоитъ исключительно только изъ выдающихся писателей, и предсѣдателемъ его избранъ другъ Ренана, знаменитый ученый Бертело. Статуя Ренану будетъ поставлена на главной площади Трегье, города Бретани, гдѣ находится маленькая семинарія, въ которой обучался Ренанъ. Когда Ренанъ уже состарился, то однажды ему страшно захотѣлось повидать свою «alma mater». «Какъ бы я хотѣлъ, хоть одинъ только разъ, увидѣть снова маленькій дворъ семинаріи и присѣсть на узкую каменную скамью, гдѣ я такъ часто сиживалъ прежде!—говорилъ онъ своимъ друзьямъ.—Мнѣ хочется увидать сѣрыя стѣны, безмолвныя аллеи, низкій и ограниченный горизонтъ—все, что было мнѣ такъ близко когда-то»... Подъ вліяніемъ этого желанія Ренанъ написалъ настоятелю аббату Мандо. Но тотъ отвѣтилъ ему строгимъ письмомъ и, убѣждая своего бывшаго ученика вернуться на путь истины, заявлялъ ему, что лишь на такихъ условіяхъ для него откроются двери святой обители. Разумѣется, эти двери никогда не открылись для Ренана.

Замѣчательно, что главными иниціаторами движенія въ пользу сооруженія памятника Ренану, были также трое бывшихъ воспитанниковъ семинаріи въ Трегье, такъ что, очевидно, воспитанники аббата Мандо не были проникнуты духомъ послушанія и смиренія. Статуя должна быть готова къ сентябрю этого года и выполненіе ея поручено скульптору Жану Буше, пользующемуся большою извѣстностью въ настоящее время. Подписка на сооруженіе памятника идетъ очень успѣшно. Кромѣ того вицепрезидентъ второго комитета, Арманъ Дайо, тоже бывшій воспитанникъ семинаріи въ Трегье, обратился къ разнымъ современнымъ французскимъ знаменитостямъ, прося ихъ содѣйствія и полученные имъ отвѣты будутъ собраны и изданы въ видѣ «Золотой книги» (Livre d'or) «во славу великаго французскаго историка», ко дню открытія его памятника. Въ числѣ имѣющихся уже писемъ находится письмо покойнаго Золя. Конечно, всѣ лица, къ которымъ обращался Арманъ Дайо, спѣшитъ выразить свое желаніе и готовность почтить память Ренана.

Таинственная болѣзнь. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лондонская школа тропической медицины отправила въ Уганду коммиссію, состоящую изъ трехъ врачей, Лоу, Кастеллани и Кристи, для изслѣдованія таинственной болѣзни, которая свирѣпствуетъ эпидемически въ Угандѣ уже около четырехъ

лѣтъ и производитъ большія опустошенія среди жителей Уганды. Эта болѣзнь называется «сонная болѣзнь» (Zleping Ziekness). Изъ трехъ командированныхъ врачей, двое остались въ Угандѣ доканчивать свои бактеріологическія изслѣдованія, а одинъ, докторъ Лоу, вернулся въ Лондонъ и представилъ подробный докладъ о своей командировкѣ. По его словамъ, около 70.000 человѣкъ пали уже жертвами этой странной болѣзни въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Болѣзнь занесена въ Уганду изъ португальскихъ владѣній Западной Африки и въ настоящее около 1.500 туземцевъ поражены этимъ недугомъ, который, почти безъ исключенія, имѣетъ смертельный исходъ и въ особенности же имѣетъ острое теченіе тогда, когда появляется впервые въ какой-нибудь области. Туземцы такъ боятся этой болѣзни, что всѣ бѣгутъ изъ той мѣстности, гдѣ она появилась, такъ что цѣлыя области становятся безлюдными. Въ самомъ началѣ болѣзнь выражается настолько слабыми призраками, что только опытный глазъ негровъ можетъ замѣтить ихъ. Прежде всего примѣчается психическое состояніе больного; онъ становится молчаливымъ, вялымъ и безучастнымъ ко всему. Европейскіе врачи обыкновенно не замѣчаютъ никакой перемѣны въ больномъ, но эта перемѣна не ускользаетъ, однако, отъ его окружающихъ. Мало-по-малу признаки становятся болѣе рѣзкими. Отупѣніе и приступы оцѣпененія усиливаются, бываютъ головокруженія и головная боль. Больной ощущаетъ сильную слабость, которая дѣлаетъ необыкновенно труднымъ для него всякое усиліе, всякое движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются приступы сна. Онъ засыпаетъ внезапно, во всякое время и во всякомъ положеніи и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ. Онъ засыпаетъ во время игры, разговора, работы или во время ѣды. Когда онъ просыпается, то жалуется на сильную слабость и холодъ и инстинктивно ищетъ солнечныхъ лучей, чтобы согрѣться. Это уже приближеніе конца активной жизни. Больной ищетъ одиночества, избѣгаетъ своихъ соплеменниковъ и старается запрятаться въ укромный уголокъ своей хижины, подальше отъ другихъ. Онъ перестаетъ принимать участіе въ разговорахъ, хотя умственныя способности его нисколько не ослаблены, но онъ постоянно молчитъ и находится въ какомъ-то полудремотномъ состояніи. Однако, изъ этого состоянія его можно вывести насильственнымъ образомъ, заставить ѣсть, ходить и т. д. Но походка его бываетъ какъ у пьянаго или не совсѣмъ проснувшагося человѣка. Иногда онъ засыпаетъ на ходу или во время ѣды и даже не успѣваетъ проглотить пищу, которую положилъ въ ротъ. Впрочемъ у него нѣтъ ни малѣйшаго аппетита, и онъ никогда не попроситъ ѣсть самъ и никогда самъ не заговариваетъ съ окружающими, но на вопросы отвѣчаетъ совершенно здраво и хотя онъ уже тяжко болѣнъ, по при поверхностномъ изслѣдованіи можетъ даже показаться совершенно здоровымъ, такъ какъ онъ нисколько не исхудалъ, и всѣ органы его функціонируютъ вполнѣ правильно. Въ послѣднемъ періодѣ, однако, не только усиливается сонливость, но часто появляется дрожаніе мускуловъ, иногда локализированныя омертвѣнія и вздутіе губъ, которыя не задерживаютъ слюны, вытекающей изо рта. Смерть приближается быстрыми шагами и вывести больного изъ его летаргическаго состоянія очень трудно, такъ что онъ совершенно незамѣтно переходитъ отъ сна къ смерти. Продолжительность болѣзни бываетъ различна: въ острыхъ случаяхъ

четыре-пять мѣсяцевъ, а въ болѣе затяжныхъ—два или три года. Выздоровленіе наблюдается крайне рѣдко. Леченіе неизвѣстно, такъ какъ совершенно неизвѣстны причины, вызывающія болѣзнь. Но она считается заразительною и одинаково поражаетъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ обоего пола. Бѣлыхъ она, повидимому, щадитъ. Д-ръ Лоу считаетъ ее болѣзнью нервной системы, слѣдствіемъ пораженія мозга и оболочекъ, но пока не будутъ окончены бактеріологическія изслѣдованія, начатыя докторами Кастеллани и Кристи, до тѣхъ поръ нельзя высказать никакого опредѣленнаго взгляда на эту болѣзнь. Докторъ Кастеллани полагаетъ, что ему удалось открыть въ крови больныхъ микроорганизмъ, вызывающій эту болѣзнь, но еще слишкомъ рано говорить объ этомъ съ положительностью.

Болѣзнь носитъ эпидемическій характеръ и держится большею частью въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, но иногда, что именно и наблюдается теперь, она переходитъ въ настоящую эпидемію и захватываетъ большія пространства, переходя изъ одной деревни въ другую. Замѣчательно, что она наблюдается только у африканскихъ негровъ и порою обнаруживается у нихъ спустя долгое время, даже нѣсколько лѣтъ, послѣ того какъ они покинули мѣстность, гдѣ существуетъ эта болѣзнь. Негръ, уѣхавшій совершенно здоровымъ оттуда, не гарантированъ, однако, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ у него не появится эта болѣзнь, будетъ ли онъ находиться въ это время въ Англіи, Индіи, Австраліи или другихъ мѣстахъ. Во времена американскаго рабства много негровъ, давно вывезенныхъ изъ своего отечества, умирали все-таки отъ этой болѣзни. Въ настоящее время она принимаетъ такіе размѣры, что грозитъ обезлюдить Уганду, и госпиталь, устроенный спеціально для такихъ больныхъ, не вмѣщаетъ и сотой части заболѣвающихъ. Въ колоніальномъ управленіи въ Лондонѣ очень встревожены тѣми размѣрами, которые принимаетъ «сонная болѣзнь» въ Угандѣ, и всѣ взоры обращены теперь на лондонскую школу тропической медицины, въ надеждѣ, что ей удастся побороть этотъ странный недугъ, открывъ тайну его происхожденія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Европейское мнѣніе о французской печати.—Критика англійскаго общества.—Религія убійства.

Французскій журналъ «Revue Bleue» обратился къ различнымъ иностраннымъ писателямъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о французской печати и теперь печатаетъ полученные отзывы, весьма лестные для французскихъ журналистовъ, но въ тоже время и довольно строгіе. Большинство иностранныхъ журналистовъ упрекаетъ французскую печать въ томъ, что она плохо освѣдомлена и мало интересуется тѣмъ, что дѣлается внѣ Франціи. Во всей Франціи найдется двѣ-три газеты, не болѣе, которыя сообщаютъ своимъ читателямъ свѣдѣнія о европейскихъ дѣлахъ и поддерживаютъ въ нихъ интересъ къ тому, что не относится непосредственно къ Франціи. Президентъ цен-

тральнаго бюро ассоціацій печати, редакторы «Neues Wiener Tageblatt» Вильгельмъ Зингеръ говоритъ, что характерную черту французской печати составляетъ то, что она на все смотритъ съ личной точки зрѣнія и поэтому всѣ разсказы и сообщенія французскихъ газетъ о различныхъ событіяхъ всегда носятъ личный отпечатокъ. Точность воспроизведенія телеграфныхъ или телефонныхъ сообщеній не составляетъ качества французской печати и французскіе журналисты всегда мечтаютъ о роли ораторовъ, пылкихъ, остроумныхъ и дѣйствующихъ на свою аудиторію, но, къ несчастью, далеко не всегда безпристрастныхъ. Европейскія газеты въ большинствѣ случаевъ стараются передать факты, сообщать событія дня, политическія и другія,—французская же печать въ значительной степени проникнута злободневнымъ настроеніемъ и это отражается на всѣхъ ея сообщеніяхъ.

Англійскіе журналисты въ своихъ отзывахъ о французской печати признаютъ, что большія ежедневныя газеты во Франціи, лучше англійскихъ въ литературномъ отношеніи, но за то стоятъ гораздо ниже ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ мало освѣдомлены и не стараются заинтересовать своихъ читателей тѣмъ, что творится за предѣлами ихъ отечества. Редакціи французскихъ газетъ очень мало заботятся о томъ, чтобы получать самыя свѣжія новости, иностранныя извѣстія и т. п. и довольствуются въ этомъ отношеніи случайными и далеко не провѣренными сообщеніями. Нѣмецкія, англійскія, итальянскія, бельгійскія, и швейцарскія газеты гораздо лучше освѣдомлены и болѣе содержательны, но зато онѣ плохо написаны и скучны. Парижская газета, хотя и не сообщаетъ ничего или очень мало своимъ читателямъ, но тѣмъ не менѣе заинтересовываетъ ихъ, потому что никто не можетъ сравниться съ французскими журналистами въ блескѣ слога и искусствѣ писать статьи.

«Въ Европѣ не существуетъ журнализма болѣе чистосердечнаго, болѣе пылкаго, отзывчиваго и непосредственнаго, болѣе страстнаго, влюбленнаго въ свое искусство и въ красоту слога и заботящагося о литературной формѣ, нежели французскій журнализмъ, говоритъ Эдуардъ Секреманъ, редакторъ «Gazette de Lausanne»,—но этотъ журнализмъ носитъ исключительно парижскій характеръ и, хотя совершенный по формѣ, онъ долженъ быть контролированъ во всемъ что касается фактовъ».

Въ англійскомъ журналѣ «Leisure Hour» также напечатана статья «О журнализмѣ, какъ профессіи во Франціи». Французскій журнализмъ занимаетъ теперь руководящее положеніе, говоритъ авторъ статьи. Въ числѣ лицъ, избравшихъ эту профессію и постоянно пишущихъ въ газетахъ, находятся министры и видные парламентскіе и общественные дѣятели. Правда, буржуазія или такъ называемые средніе классы все еще смотрятъ съ нѣкоторою подозрительностью на журналистовъ, но это предубѣжденіе уже замѣтно исчезаетъ. Сравнивая французскій и англійскій журнализмъ, авторъ также замѣчаетъ, что «точность не составляетъ добродѣтели французскихъ журналистовъ»; отъ нихъ требуется прежде всего, чтобы они были «остроумы и не были однообразны». «Любопытно было бы видѣть какого-нибудь англійскаго парламентскаго репортера

среди французскихъ журналистовъ въ палатѣ депутатовъ», говоритъ авторъ. Конечно, англійскій журналистъ былъ бы страшно удивленъ поведеніемъ своихъ французскихъ коллегъ, которые почти не слушаютъ того, что говорится, и только заботятся о томъ, чтобы передать свое личное впечатлѣніе въ отчетѣ о засѣданіи палаты, причемъ онъ, въ тоже время, всегда долженъ имѣть въ виду частные политическіе интересы своей газеты. Такимъ образомъ его отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ всегда носятъ индивидуальный характеръ. Если же ему бываетъ нужно цитировать нѣкоторыя мѣста изъ парламентскихъ рѣчей, то онъ обращается къ оффиціальнымъ стенографамъ и заимствуетъ у нихъ свои цитаты. Во французскихъ газетахъ нѣтъ мѣста для подробныхъ парламентскихъ отчетовъ, да французскіе читатели и не нуждаются въ томъ, чтобы имъ передавали слово въ слово то, что говорилось въ палатѣ. У нихъ не существуетъ потребности составить себѣ независимое мнѣніе. Отъ газеты они требуютъ прежде всего, чтобы она ихъ занимала и не противорѣчила ихъ укоренившимся взглядамъ, поэтому то каждый французскій читатель читаетъ преимущественно только ту газету, которая раздѣляетъ его политическія убѣжденія. Обязанность французскаго репортера заинтересовать и позабавить своихъ читателей и эту цѣль онъ долженъ прежде всего имѣть въ виду, описываетъ ли онъ парламентское засѣданіе, уголовное дѣло, политическій митингъ или какое-нибудь уличное приключеніе, но при всемъ этомъ онъ никогда не долженъ упускать изъ вида политическіе интересы своей газеты.

Для характеристики французскаго читателя приводимъ слѣдующее замѣчаніе Вильмессана, основателя и перваго редактора газеты «Figaro»: «Парижане гораздо болѣе интересуются «faits divers» (хроникой), даже если это будетъ только разсказъ о собакѣ, которую переѣхали на улицѣ, нежели войною между двумя иностранными державами». Поэтому то девять десятыхъ французскихъ газетъ отводятъ главное мѣсто хроникѣ; второе мѣсто въ газетѣ занимаетъ фельетонъ и затѣмъ уже дополненіемъ служатъ иностранная политика, занимающая всегда очень маленькій отдѣлъ. За исключеніемъ одной или двухъ серьезныхъ газетъ, парижская печать нисколько не интересуется внѣшнею политикой, если только она не затрогиваетъ Франціи и большинство распространенныхъ парижскихъ газетъ не имѣетъ политическаго редактора. За исключеніемъ драматическаго критика и судебнаго репортера, въ редакціяхъ парижскихъ газетъ нѣтъ другихъ спеціалистовъ. Каждый сотрудникъ долженъ быть готовъ, по первому требованію, написать отчетъ о засѣданіи въ сенатѣ или о дракѣ на улицѣ. Многіе изъ французскихъ журналистовъ одновременно работаютъ въ трехъ четырехъ газетахъ и въ каждой исполняютъ разныя обязанности. Только поступая такимъ образомъ, журналистъ въ состояніи заработать себѣ средства къ жизни, потому что получаемая имъ плата всегда бываетъ очень скромна. Судебные отчеты пишетъ обыкновенно какой-нибудь адвокатъ, обладающій литературнымъ талантомъ и если предстоитъ разбирательство какого-нибудь громкаго процесса, то въ газетахъ отводится огромное мѣсто судебнымъ отчетамъ. Кромѣ спеціалиста, завѣдующаго судебною хроникой, въ большихъ газетахъ имѣется другой спеціалистъ —тотъ, который описываетъ смертную

казнь. Напримѣръ, Гризонъ изъ «Figaro» одинъ описалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сто казней!

Самое большое жалованье и по строчную плату получали до сихъ поръ хроникёры или тѣ, которые пишутъ передовую статью. Подъ передовою статьею въ парижской печати подразумѣвается каждая статья, печатающаяся на первой страницѣ, будетъ ли то политическая статья, соціальный очеркъ, коротенькій разсказъ или драматическій діалогъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ духъ американскаго журнализма проникъ и во французскую печать, наиболѣе высокую плату получаютъ репортёры, тѣ, которые доставляютъ сенсаціонныя извѣстія.

Однако, въ журнальной профессіи во Франціи предложеніе до такой степени превышаетъ спросъ, что, несмотря на сравнительно болѣе высокое вознагражденіе, нежели въ другихъ европейскихъ странахъ, французскіе журналисты вынуждены вести тяжелую борьбу за существованіе, вслѣдствіе переполненія профессіи. Притомъ же и плата далеко не вездѣ одинакова. Многія изъ парижскихъ газетъ едва влачатъ свое существованіе и то лишь благодаря субсидіямъ, получаемымъ изъ секретнаго фонда, находящагося въ распоряженіи правительства. Другія существуютъ, благодаря даровому матеріалу, доставляемому имъ писателями, надѣющимися составить себѣ такимъ образомъ литературную репутацію. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ сотрудникамъ уплачиваютъ продуктами. Александръ Дюма, напримѣръ, платилъ сотрудникамъ одной изъ многочисленныхъ газетъ, основанныхъ имъ, продуктами своего огорода!

Парижскія редакціи совершенно не имѣютъ того декорума, который составляетъ непремѣнную принадлежность каждой лондонской редакціи. Въ парижской «Salle de redaction» всегда бываетъ весело и шумно. Нѣкоторыя редакціи обставились очень роскошно и имѣютъ помѣщеніе для фехтованія, гдѣ сотрудники могутъ упражняться въ фехтовальномъ искусствѣ подъ наблюденіямъ профессіональнаго учителя. Умѣть фехтовать столь же необходимо для французскаго журналиста, если онъ хочетъ сдѣлать карьеру, какъ и владѣть перомъ, и тотъ, кто избираетъ эту карьеру, долженъ быть всегда готовъ принять вызовъ на дуэль, которая составляетъ самое обычное явленіе во французской журналистикѣ. Журналистъ, которому не пришлось ни разу выступить въ поединкѣ, составляетъ лишь рѣдкое исключеніе, особенно если онъ занимаетъ мѣсто въ первыхъ рядахъ журнализма.

Ухудшились или нѣтъ нравы англійскаго общества? Недавніе скандальные процессы, бракоразводные и другіе, побудили англійскую печать выдвинуть на сцену этотъ вопросъ и въ англійскихъ журналахъ онъ подвергается серьезному обсужденію. Леди Гвендолинъ Рамсденъ, въ «Nineteenth Century» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. По ея словамъ, несмотря на внѣшній лоскъ и корректность, въ англійскомъ обществѣ царятъ грубость и распущенность нравовъ. Правда, мужчины пьютъ меньше и не такъ напиваются, какъ въ прежнія времена, но зато женщины пьютъ слишкомъ много и вообще злоупотребляютъ табакомъ и наркотическими средствами. Леди Гвендолинъ выноситъ крайне не лестный приговоръ современному англійскому обществу и находитъ, что

нравы его рѣзко ухудшились за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ началѣ царствованія королевы Викторіи нравы англійскаго общества были чище и строже и не такъ безпринципны, какъ теперь. Не было такой погони за роскошью, блескомъ и рекламой и такого поклоненія золотому тельцу. Честь имени, личное достоинство ставились гораздо выше богатства. Леди Гвендолинъ видитъ серьезные признаки упадка и разложенія въ англійскомъ онществѣ.

Другіе авторы не согласны съ нею. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что со времени экономическаго переворота, который совершился въ Англіи лѣтъ тридцать тому назадъ, рядомъ со стариннымъ англосаксонскимъ обществомъ, сохранявшимъ традиціи расы, возникло другое—денежная аристократія, вліяніе и значеніе которой было создано богатствомъ. Въ этомъ новомъ обществѣ не существуетъ никакихъ традицій; роскошь, блескъ, погоня за наслажденіями, реклама и эфемерная извѣстность составляютъ суть жизни. Люди, принадлежащіе къ этому обществу, думаютъ, что имъ все дозволено и что они все могутъ купить. Они такъ много шумятъ, такъ заполняютъ собою пространство, такъ много заставляютъ говорить о себѣ, что заслоняютъ за собою «истинное» (the veritable) англійское общество. Въ Лондонѣ они всюду занимаютъ первое мѣсто, но въ странѣ они все же не имѣютъ ни того значенія, ни того вліянія, которое имъ приписывается заграницей. «Истинное» англосаксонское общество—это старинныя англосаксонскія фамиліи, часто не имѣющія никакихъ титуловъ, обитающія въ своихъ помѣстьяхъ или лондонскихъ домахъ и большею частью избѣгающія общенія съ шумнымъ, моднымъ, космополитскимъ обществомъ, наполняющимъ столицу. Положеніе этихъ «County gentlemen» (провинціальнаго дворянства) теперь измѣнилось къ худшему въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ вслѣдствіе земледѣльческаго кризиса ихъ доходы почти на половину уменьшились, но тѣмъ не менѣе, въ своихъ округахъ они пользуются большимъ вліяніемъ и въ нихъ заключается залогъ будущаго страны. Лондонское общество, состоящее изъ разныхъ титулованныхъ лицъ и еще гораздо большаго числа всевозможныхъ финансистовъ, представителей торговой и коммерческой аристократіи и космополитовъ, стоитъ слишкомъ далеко отъ нуждъ страны и народа. Въ этомъ-то кругу и царитъ безраздѣльно культъ золотого тельца. Этотъ культъ внесъ то разложеніе нравовъ, которое многими считается симптомомъ упадка общества. Но уже начинается реакція и отчасти послѣдняя война, ухудшившая экономическое положеніе страны и заставившая на многое взглянуть другими глазами, вынудила «истинныхъ» англосаксонцевъ встрепенуться. Теперь, когда подводятся итоги только что завершившейся южно-африканской войны, въ «истинномъ» англійскомъ обществѣ все сильнѣе пробуждается желаніе работать, чтобы залѣчить раны, нанесенныя странѣ. Здоровые англо-саксонскіе элементы должны восторжествовать, вытѣснивъ все случайное и наносное въ жизни англійскаго общества. Новыя свѣжія силы вступятъ въ состязаніе съ тѣми разлагающими элементами, которые привели Англію на край гибели, и будутъ способствовать ея возрожденію.

---

*

Въ британскомъ музеѣ хранится, по словамъ Жана Фино въ «La Revue», крайне интересный документъ: это карта, составленная въ 1890 году капитаномъ Патономъ для англійскаго правительства, указывающая мѣста въ Индіи, гдѣ знаменитая секта душителей-туговъ убивала и хоронила свои жертвы. Карта эта составлена по указаніямъ нѣсколькихъ религіозныхъ предводителей этой секты. Больше всего убійствъ совершено въ провинціи Оудъ. Сорокъ наиболѣе почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ въ этой области принесли въ жертву богинѣ Кали ни болѣе, ни менѣе, какъ 5.200 человѣкъ. Во главѣ ихъ находится нѣкій Бухрамъ, который одинъ отправилъ на тотъ свѣтъ 931 человѣка въ теченіе сорока лѣтъ своей религіозной дѣятельности въ провинціи! Убійства слѣдовали за убійствами; безслѣдно исчезали тысячи индусовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и молодыхъ, и напуганные родственники убитыхъ не осмѣливались жаловаться. Англійскіе статистики увѣряютъ, что ежегодно приносилось такимъ образомъ въ жертву на алтарь богини Кали отъ 30 до 50,000 человѣческихъ жизней. Наконецъ, англійскій капитанъ Слиманъ, возмущенный этими безконечными убійствами, рѣшилъ энергично дѣйствовать противъ туговъ, не смотря на сопротивленіе главарей остъ-индской компаніи. Онъ съумѣлъ такъ взволновать общественное мнѣніе Англіи своими донесеніями, что англійское правительство создало для него въ 1830 году особую должность «начальника операцій противъ туговъ». Капитанъ Слиманъ съ величайшимъ рвеніемъ принялся за дѣло и посвятилъ двадцать лѣтъ на борьбу съ тугами,—борьбу, которая изобиловала, конечно, самыми драматическими инцидентами.

Туги не должны проливать кровь и потому они употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы завладѣть своею жертвой. Жертва только тогда пріятна богинѣ, если смерть произведена посредствомъ задушенія. У туговъ существовало строгое раздѣленіе труда и они всегда работали коллективно; одни изъ нихъ должны были завлекать жертву въ западню, другіе—душить, а третьи обязаны были заготовлять могилу. Убійство совершалось всегда съ необыкновенно холоднымъ фанатизмомъ, не допускающимъ ни жалости, ни пощады. Туги убѣждены, что убійство будетъ вмѣнено имъ въ добродѣтель и что жертва также выиграетъ отъ этого.

— Неужели вамъ не стыдно убивать своихъ ближнихъ?—спросили однажды одного изъ самыхъ знаменитыхъ душителей Индіи, который занималъ въ то же время довольно высокую должность въ общинѣ.—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Не слѣдуетъ стыдиться выполнять волю божества. Только выполняя предписанія божества, люди могутъ быть счастливыми. Каждый человѣкъ, понявшій религію туговъ и выполнявшій ея предписанія, никогда не перестанетъ подчиняться правиламъ этой религіи, до конца дней своихъ. Меня посвятилъ въ нее мой отецъ, когда я былъ ребенкомъ, и я не измѣню ей, хотя бы прожилъ тысячу лѣтъ.»

Руководимые своимъ старшиной, туги слѣпо повинуются приказаніямъ и дѣйствуютъ согласно плану, выработанному ихъ начальниками. Тайна соблюдается ими строжайшимъ образомъ и потому борьба съ ними была такъ трудна,

такъ какъ въ своемъ фанатизмѣ они ни передъ чѣмъ не останавливаются и смерть ихъ не пугаетъ. Происхожденіе этой странной религіи убійства теряется въ очень далекомъ прошломъ. Въ Индіи уже въ XVII вѣкѣ были послѣдователи этой религіи, и число ихъ все возрастало. Туги умѣли фанатизировать населеніе своимъ религіознымъ пыломъ и дѣйствовали на воображеніе своими подвигами, такъ что даже самые мирные индусы присоединялись къ нимъ. Во времена Слимана казнили ежегодно до 2.000 туговъ. Число ихъ, значительно уменьшившееся къ 1895 году, съ этого года снова начало возрастать. Въ 1895 году было осуждено только трое, принадлежность которыхъ къ сектѣ туговъ была доказана, въ 1896 году такихъ оказалось десять человѣкъ, а въ 1897—двадцать пять. Однако, по словамъ путешественниковъ, въ Раджпутанѣ или Гайдерабадѣ число туговъ было гораздо больше.

Туги избѣгаютъ убивать женщинъ и прибѣгаютъ къ такому убійству лишь въ случаѣ крайней необходимости, т.-е. когда женщина была свидѣтельницей преступленія. Вообще же съ женщинами они обращаются по-рыцарски и никогда ни одинъ тугъ не позволитъ себѣ оскорбить женщину. Всѣ они добрые и нѣжные отцы и мужья и услужливые сосѣди. Поведеніе ихъ всегда бываетъ безупречно во всѣхъ отношеніяхъ, и судьи, которымъ приходилось вести слѣдствіе по поводу убійствъ, съ удивленіемъ констатировали это. Тугъ не видитъ въ своей религіи ничего преступнаго, унизительнаго и позорнаго для себя и совершая убійство, увѣренъ, что совершаетъ великое и благое дѣло.

МАЛОРУССКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВО ЛЬВОВѢ.

Среди современныхъ западо-европейскихъ государствъ, быть можетъ, самое интересное—Австрія.

Внутренняя жизнь Австріи движется пестро, шумно и, на первый взглядъ, нелѣпо и не планомѣрно. Событія смѣняются внезапно и необычно, какъ въ калейдоскопѣ; общественная жизнь течетъ неровными, затрудненными струями, не сливающимися въ одинъ мощный потокъ съ углубленнымъ русломъ; центральное правительство мечется изъ стороны въ сторону, ни къ кому не примыкая, никого не направляя и не сдерживая; законодательная дѣятельность нарушена въ своей правильности, и высшее государственное учрежденіе—рейхсратъ обычно оказывается неспособнымъ къ нормальному проявленію своей дѣятельности. Разношерстная имперія Габсбурговъ никогда не остается спокойною; нѣмцы, венгерцы, итальянцы, чехи, словаки, поляки, малороссы, румыны и другія народности, образующія это государство, безпрерывно и неудержимо враждуютъ между собою. Зарево этой вражды, преломляясь въ сложной средѣ экономическихъ вожделѣній и политическихъ притязаній, даетъ картину мрачную и фантастическую, и постороннему наблюдателю, мелькомъ взглянувшему на это грозное зрѣлище, кажется, что онъ присутствуетъ при финалѣ государственной драмы, и что Австрія не сегодня - завтра должна прекратить свое существо-

ваніе, какъ единое государство, и разсыпаться на мелкія составныя части. Такова первая мысль, возникающая при первомъ общемъ взглядѣ на австрійскія дѣла, и эта мысль — необходимо прибавить — пользуется чрезвычайною распространенностью въ широкихъ кругахъ европейскаго общественнаго и политическаго мнѣнія.

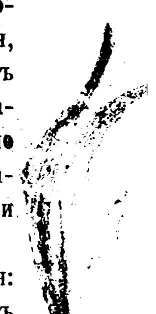
Вторая мысль, какъ говорятъ, обыкновенно бываетъ много умнѣе первой. Пристальное наблюденіе за домашними австрійскими дѣлами, произведенное à la longue, приводитъ къ выводамъ, въ которыхъ теряются мысли о распаденіи габсбургской монархіи, какъ не идущія къ дѣлу, а намѣчается нѣчто иное, важное и значительное, имѣющее высокій общій интересъ, независимый отъ интересовъ данной минуты. Кто дастъ себѣ трудъ хотя бы бѣгло припомнить внутреннюю исторію австрійскаго государства за послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, тотъ легко пойметъ, что на долю этой нѣмецко-венгерско-славянской имперіи выпало трудное обязательство произвести поставленный въ широкихъ размѣрахъ весьма своеобразный соціологическій опытъ. Содержаніе этого опыта, говоря коротко, можно опредѣлить такъ: дано нѣсколько разнообразныхъ, почти равносильныхъ численно народностей, отличныхъ по языку, культурѣ и экономическимъ разслоеніямъ, съ переплетающимися и противорѣчивыми національными интересами, съ неопредѣленными и сливающимися территоріями; требуется установить для нихъ modus vivendi подъ одною государственною крышей, при условіи сохраненія за всѣми права и реальной возможности развивать свои національныя силы полно и независимо отъ всякаго рода насильственныхъ вліяній.

Теченіе этого опыта въ реальной дѣйствительности осложняется самыми непривлекательными явленіями, начиная съ парламентскихъ дракъ и безоглядднаго политиканства внѣ парламентскихъ стѣнъ и кончая прямыми погромами или даже выстрѣлами въ избирателей, какъ это было въ Галиціи. Эти драки, погромы и выстрѣлы способны внушить подлинное отвращеніе, но они не должны затемнять собою истиннаго хода событій. Осуждая ихъ, надо помнить, что то, что ихъ вызываетъ сейчасъ, вызывало въ свое время потоки крови, несло съ собою всѣ ужасы и бѣдствія войны, разоряло цѣлыя страны и народы. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, для того, чтобы заставить уважать свои національныя права, венгерцы должны были вынести тяжесть народной войны и позоръ пораженія; современные намъ чехи добиваются того же — и, конечно, добьются,—въ вѣнскомъ рейхсратѣ, сражаясь въ крайнемъ случаѣ пюпитрами, портфелями и свертками бумагъ.

Шишка на лбу у всенѣмца Вольфа или синякъ подъ глазомъ у младочеха Крамаржа теряютъ при этомъ освѣщеніи весь свой трагическій колоритъ и кажутся удачною замѣной прежде неизбѣжныхъ въ подобной борьбѣ тяжелыхъ ранъ и увѣчій или прямой смерти на поляхъ народныхъ сраженій.

Въ Галиціи политическіе и національные противники шишками и синяками не довольствуются. Близость къ востоку и сравнительно невысокая культурность населенія и руководящихъ сферъ сказывается здѣсь сильнѣе, чѣмъ

гдѣ бы то ни было въ Австріи; здѣсь еще по временамъ, въ качествѣ подсобныхъ орудій для культурной борьбы, прибѣгаютъ къ ружейному огню, дѣйствуютъ тюремнымъ заключеніемъ, угрожаютъ призывомъ къ рѣзнѣ и возрожденіемъ прямой гайдамацкой эры. Но и здѣсь подобныя средства борьбы безповоротно осуждены общественнымъ мнѣніемъ и практикой жизни и проявляются лишь въ видѣ атавистическихъ вспышекъ въ острые моменты всеобщаго возбужденія. При нормальномъ ходѣ вещей даже въ этой отсталой австрійской провинціи культурныя и политическія цѣли достигаются при помощи дозволенныхъ закономъ и обычаемъ культурныхъ средствъ. Ни Краковская рѣзня, ни бомбардированіе Львова немыслимы теперь, а между тѣмъ, со времени этихъ событій прошло всего только пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, и горючаго матеріала, способнаго вызвать національныя и иныя страсти, въ Галиціи и по сей день болѣе чѣмъ достаточно. Послѣдній по времени жгучій взрывъ національной вражды въ этой странѣ былъ вызванъ вопросомъ объ основаніи малорусскаго университета въ главномъ городѣ Галиціи—Львовѣ.



Какъ извѣстно, Галиція дѣлится на двѣ части, этнографически различныя: западную часть страны населяютъ поляки, восточную—малороссы, которыхъ насчитывается здѣсь три слишкомъ милліона, и которые вмѣстѣ со своими сосѣдями, русскими малороссами Волынской и Подольской губерній, составляютъ единую этнографическую группу. Въ Россіи мало кто знаетъ о жизни этихъ заграничныхъ малороссовъ, отличающихся отъ своихъ русскихъ соплеменниковъ лишь фактомъ подданства и, конечно, тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ этотъ фактъ за собою. Извѣстія о Галиціи и особенно о тамошнихъ малороссахъ, проникающія въ русскіе журналы и газеты, носятъ отрывочный и случайный характеръ и, кромѣ того, зачастую бываютъ такъ извращены, что въ нихъ трудно подчасъ отыскать хотя бы легкое подобіе дѣйствительности. Происходитъ это отъ различныхъ причинъ, среди которыхъ, быть можетъ, главная состоитъ въ томъ, что литературныя и журнальныя сношенія съ австрійскимъ славянствомъ очутились съ русской стороны въ рукахъ такихъ людей, характеристика которыхъ не входитъ въ задачу этой замѣтки. Здѣсь достаточно лишь констатировать тотъ безспорный фактъ, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества, въ газетномъ и журнальномъ русскомъ мірѣ существуетъ глубочайшій индифферентизмъ и глубочайшее невѣжество относительно всего, что касается быта и нравовъ австрійскихъ малороссовъ, ихъ общественныхъ надеждъ, культурныхъ стремленій и пріобрѣтеній, политическихъ и національныхъ упованій. А между тѣмъ судьба этой вѣтви многомилліоннаго земледѣльческаго племени, волею судебъ втянутаго въ оборотъ западно-европейской жизни и общественности, представляетъ высокій интересъ и высокую поучительность.

Прежде всего интересна исторія культурнаго и національнаго возрожденія галицкихъ малороссовъ, вѣнецъ котораго они справедливо полагаютъ въ основаніи собственнаго университета. Австрія—классическая страна возрождающихся національностей, но и въ Австріи нельзя найти народности, которая возродилась бы при такихъ исключительныхъ условіяхъ, какія выпали на долю

галицкихъ малороссовъ. Характерною особенностью малорусскаго возрожденія въ Австріи является тотъ фактъ, что оно создано и взлелѣяно единственно усиліями низшихъ слоевъ населенія, преимущественно сельскаго, крестьянскаго.

Для поясненія этого факта, необходимо вернуться нѣсколько назадъ. Какъ извѣстно, Галиція отошла къ Австріи въ 1772 году, послѣ перваго раздѣла Польши. «Изъ числа всѣхъ земель старой Украйны Галиція, благодаря своему положенію вблизи центра польско-шляхетской державы, находилась въ самомъ бѣдственномъ и печальномъ состояніи. Гнетъ соціальный, политическій, національный и религіозный нигдѣ не чувствовался такъ сильно, нигдѣ не принималъ такихъ вопіющихъ формъ, какъ здѣсь. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ рабства и сопряженныхъ съ нимъ бѣдности, невѣжества и темноты; остатки сильнаго когда-то мѣщанства и сельское духенство стояли по своему развитію немногимъ выше народа и, конечно, не могли создать болѣе или менѣе сильнаго культурнаго движенія. Нуждаясь сами въ руководителяхъ, они, конечно, не могли вести народъ къ лучшей жизни. Передъ австрійскимъ правительствомъ стояла въ высшей степени серьезная, трудная и отвѣтственная задача: если не помочь, то хотя дать возможность забитому, угнетенному бѣдностью и тяжелою обстановкой народу воспрянуть къ новой жизни, созданной новыми условіями политическаго и соціальнаго строя» *). Исторія Австріи конца XVIII и первой половины XIX в. извѣстна всѣмъ; попытки соціальныхъ реформъ, задуманныхъ Іосифомъ II, заглохли при его преемникахъ на императорскомъ престолѣ, разорительныя Наполеоновскія войны и послѣдовавшая за ними «система» Меттерниха довершили остальное, и къ 1848 году Галиція находилась въ томъ же обездоленномъ состояніи, въ какомъ она перешла нѣкогда изъ рукъ польскихъ магнатовъ, на попеченіе австрійскихъ чиновниковъ. Все крупное землевладѣніе страны находилось въ рукахъ либо пришлыхъ исконныхъ польскихъ дворянскихъ родовъ, либо мѣстныхъ малорусскихъ, ополяченныхъ въ незапамятныя времена; крупной буржуазіи не существовало вовсе, ремесла и торговля находились въ рукахъ пришлаго городского населенія, еврейскаго, армянскаго и частью польскаго; представителями малорусскаго племени были только «хлопъ да попъ»,—послѣдній съ большими оговорками. На долю галицкаго крестьянства, лишеннаго высшихъ руководящихъ слоевъ общества, выпала тяжелая и почетная обязанность возсоздать свою образованность, оживить и утвердить свое національное существованіе. И галицкій крестьянинъ малороссъ съ честью выполнилъ возложенную на него исторіей, почти непосильную для его ничтожныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, задачу.

Здѣсь не мѣсто слѣдить шагъ за шагомъ за исторіей малорусскаго возрожденія въ Австріи; по нѣкоторымъ причинамъ это даже и невозможно. Для цѣлей этой замѣтки достаточно будетъ указать лишь на тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыя достигнуты галицкимъ малорусскимъ народомъ къ настоящему времени.

---

*) С. Ефремовъ „Въ борьбѣ за просвѣщеніе“. „Кіевская Старина“ 1901 г.

Разслоеніе общественныхъ классовъ въ восточной Галиціи въ общихъ чертахъ и теперь осталось то-же, которое было указано выше; попрежнему представителемъ малорусскаго племени является почти исключительно крестьянское населеніе, но само это населеніе рѣзко измѣнилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Прежній неграмотный, безгранично невѣжественный, забитый «хлопъ», приравниваемый къ «быдлу», мало-по-малу превращается въ сознательнаго гражданина своей страны, къ требованіямъ котораго вынуждены прислушиваться власть имущія сферы. Крестьянскіе низы постепенно выдѣлили изъ себя многочисленную интеллигенцію, состоящую преимущественно изъ людей свободныхъ профессій; тщательно заботясь о сохраненіи своихъ связей съ тою средою, откуда она вышла, интеллигенція эта мало по малу заняла мѣсто вождя народа, еще такъ недавно принадлежавшее представителямъ духовенства.

Съ теченіемъ времени явился полный кругъ культурныхъ потребностей, и интеллигентный спросъ вызвалъ интеллигентное предложеніе. До 1848 года въ Галиціи малорусская книжка была величайшею рѣдкостью на книжномъ рынкѣ, періодическихъ изданій не было вовсе; въ настоящее время на малорусскомъ языкѣ существуетъ многочисленная, сильная вліяніемъ пресса, состоящая изъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, ежедневныхъ большихъ политическихъ газетъ разнообразныхъ направленій и дешевыхъ газетъ для народа, издаются многочисленныя книги литературнаго, общественнаго и научнаго содержанія.

Наряду съ развитіемъ литературы и журналистики шло развитіе образованности и общественности въ народныхъ массахъ. Въ 1867 году было введено въ народныхъ школахъ восточной Галиціи преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, что послужило фундаментомъ для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія школьнаго дѣла. До этого времени существовавшія въ Галиціи школы значились больше на бумагѣ, лишь немногія изъ нихъ выполняли свое назначеніе, но и въ этихъ немногихъ преподаваніе шло большей частью неуспѣшно благодаря тому, что его необходимо было вести на чужомъ, мало понятномъ языкѣ; въ настоящее время въ малорусской части страны насчитывается свыше 2.000 школъ, правильно функціонирующихъ.

Параллельно развитію школьнаго дѣла шло развитіе и внѣшкольнаго образованія, широкою волною разлившагося по всей странѣ. Широкая постановка внѣшкольнаго образованія, какъ вообще все прогрессивное въ Галиціи, всецѣло принадлежитъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Благодаря дружной работѣ и совмѣстнымъ усиліямъ крестьянства и интеллигенціи, страна покрылась густой сѣтью обществъ и кружковъ, преслѣдующихъ наряду съ политическими и культурно-просвѣтительныя цѣли; почти каждое село, кромѣ школъ, имѣетъ свою читальню и библіотеку, а также и различныя кооперативныя общества, вокругъ которыхъ группируется почти все мужское и часть женскаго населенія. Кромѣ этихъ мелкихъ, разбросанныхъ по всей странѣ обществъ, существуютъ въ Львовѣ и центральныя для всей Галиціи просвѣтительныя учрежденія, которыя ставятъ своей задачей изданіе популярно-научныхъ книгъ для народа, помощь и под-

держку библіотекъ, читаленъ и вообще всякаго рода культурныхъ начинаній въ широкихъ кругахъ малорусскаго населенія, что и выполняютъ вполнѣ успѣшно и цѣлесообразно. Характерной чертой этихъ центральныхъ учрежденій является тотъ фактъ, что подавляющее большинство ихъ членовъ—крестьяне. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникъ и продолжаетъ функціонировать народный университетъ, предназначенный исключительно для сельскаго населенія; лекціи этого крестьянскаго университета, имѣвшія огромный успѣхъ, посвящены изложенію какъ общихъ наукъ, такъ и агрономическихъ.

Могучее стремленіе народа къ образованію естественно повлекло за собою расширеніе преподавательской сферы малорусскаго языка. Вслѣдъ за учительскими семинаріями, которыя были необходимы для подготовки педагогическаго персонала въ низшихъ школахъ, выросли малорусскія гимназіи, число которыхъ, однако, до сихъ поръ крайне недостаточно, сравнительно съ контингентомъ учащихся малороссовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Полныхъ малорусскихъ гимназій было въ 1899 году въ Галиціи всего четыре, а учащихся малорусскихъ гимназистовъ свыше 3.000 человѣкъ; малороссы полагаютъ, что для полнаго удовлетворенія нуждъ галицкаго населенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо открыть еще по крайней мѣрѣ 11 гимназій *). Малорусскіе студенты толпами хлынули въ австрійскіе университеты; въ одномъ львовскомъ университетѣ ихъ насчитывается свыше 600 человѣкъ. Малорусская рѣчь зазвучала, наконецъ, и съ профессорскихъ каѳедръ: въ львовскомъ университетѣ существуетъ въ настоящее время семь каѳедръ съ обязательнымъ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ, изъ нихъ двѣ на юридическомъ факультетѣ, три на философскомъ (по нашему—историко-филологическомъ) и двѣ—на богословскомъ **).

Для малорусскихъ ученыхъ этихъ каѳедръ въ скоромъ времени оказалось недостаточно. Не имѣя возможности приложить свои знанія и способности у себя на родинѣ, многіе изъ нихъ покинули навсегда Галицію и заняли профессорскія каѳедры въ различныхъ австрійскихъ и иныхъ университетахъ; другіе, оставаясь на родинѣ, соединились въ ученое общество, которое подъ скромнымъ названіемъ: «Наукове товарисьтво імени Шевченка», въ дѣйствительности представляетъ изъ себя неоффиціальную академію наукъ, въ которой кипитъ самая интенсивная научная дѣятельность. Довольствуясь самыми скромными матеріальными средствами, «Наукове товарисьтво» выпускало въ свѣтъ въ 1901 г. двѣнадцать періодическихъ изданій, посвященныхъ всѣмъ отраслямъ знаній и, кромѣ того, издало около 40 отдѣльныхъ книгъ и брошюръ.

Логическимъ послѣдствіемъ широкаго культурнаго и общественнаго движенія, охватившаго всѣ слои малорусскаго населенія Галиціи, явилось стремленіе создать свой собственный университетъ, свою національную «almam matrem»,

*) *М. Крушельницкий.* Памяткова книжка першого віча студентів. Львів.

**) Внѣ Галиціи малорусскія каѳедры существуютъ въ Черновицкомъ университетѣ (Буковина).

которая сгруппировала бы вокругъ себя по возможности всѣхъ малорусскихъ ученыхъ и всѣхъ студентовъ.

Стремленіе это, съ такой силой прорвавшееся въ послѣднее время, имѣетъ за собой длинную, болѣе, чѣмъ вѣковую, исторію, и исторія эта является, какъ нельзя лучшей иллюстраціей поступательнаго хода общаго національнаго и культурнаго возрожденія австрійскихъ малороссовъ.

Въ 1784 году, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ присоединенія Галиціи къ Австріи, Іосифъ II основалъ во Львовѣ университетъ, явно предназначенный для малорусскаго населенія страны, такъ какъ уже три года спустя малорусскій языкъ сталъ въ немъ преподавательскимъ. Одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ, Иванъ Гарасевичъ, слѣдующими словами привѣтствовалъ эту мѣру: «День первый мисяця лыстопада року 1787 есть и будетъ всегда памятнымъ въ жыттю народнимъ кожного галыцкаго русына: въ тотъ боден осуществылося найвысшое ришеніе: на любомудрію (философскомъ факультетѣ) и богословію (богословскомъ факультетѣ) отозвалыся учытели народно-церковно-руськымъ языкомъ» *). Каковъ былъ этотъ малорусскій языкъ, видно по приведенному отрывку. Такое положеніе вещей длилось, однако, не долго. Въ 1805 году, по политическимъ мотивамъ, львовскій университетъ былъ закрытъ и возобновившись въ 1818 г., носитъ уже вполнѣ нѣмецкій характеръ. Ничтожная по численности и вліянію малорусская интеллигенція молча и безъ протеста приняла и закрытіе университета, и перемѣну преподавательскаго языка. Главная же масса населенія — крестьянство, — врядъ ли даже знала объ этихъ событіяхъ.

Въ новый фазисъ вступилъ вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ въ 1848 г. Въ этомъ году собрались во Львовѣ ученые и представители малорусскаго народа, почти исключительно священники, которые выставили передъ вѣнскимъ правительствомъ требованіе, чтобы все образованіе населенія восточной части Галиціи велось на малорусскомъ языкѣ. Правительство, нуждавшееся тогда въ малороссахъ, отвѣтило на это требованіе распоряженіемъ, въ которомъ говорилось, что преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ должно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ подготовленъ соотвѣтствующій контингентъ профессоровъ, владѣющихъ малорусскимъ языкомъ. Въ то же время, въ качествѣ немедленной уступки, правительство учредило три каѳедры съ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ. Обѣщаній своихъ вѣнское правительство не выполнило, болѣе того, въ 1858 году во время всеобщей реакціи были уничтожены и тѣ каѳедры, которыя были созданы, какъ уступка вспыхнувшему было малорусскому движенію. И на этотъ разъ среди малорусскаго населенія Галиціи не кому было протестовать противъ такихъ дѣйствій центральной власти; львовскій университетъ снова сталъ исключительно нѣмецкимъ.

Въ 1871 году вѣнское правительство, вступившее на путь децентрализа-

*) См. Огоновскій. „Исторія литературы русской". Цитируемъ изъ вышеупомянутой статьи С. Ефремова.

ціоннаго устройства государства, издало распоряженіе, въ которомъ о львовскомъ университетѣ говорилось, что «всѣ ограниченія, служившія до сихъ поръ препятствіемъ для польскихъ и малорусскихъ лекцій на юридическомъ и философскомъ факультетахъ отмѣняются, и впредь на каѳедрѣ этихъ факультетовъ должны быть приглашаемы лишь лица, которыя могутъ читать лекціи на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ» *). Наступила эра польско-малорусскаго соперничества въ дѣлѣ замѣщенія каѳедръ соотвѣтствующими кандидатами. Исходъ этого соперничества не трудно было предсказать: сильные своей культурой, развитой и многочисленной интеллигенціей поляки въ нѣсколько лѣтъ замѣстили всѣ каѳедры львовскаго университета, на долю же малороссовъ достались лишь каѳедры тѣхъ предметовъ, которые по статуту должны были преподаваться на малорусскомъ языкѣ. Выше было указано число этихъ каѳедръ. Университетъ фактически сталъ всецѣло польскимъ.

Въ началѣ малорусская интеллигенція довольно спокойно относилась къ понесенному пораженію въ университетскомъ вопросѣ; народъ, взятый въ цѣломъ, не чувствовалъ этого пораженія вовсе. Но когда прошло три десятилѣтія и уровень культурныхъ потребностей повысился, чувство необходимости національнаго сосредоточія стало ощутительнымъ, и на порядокъ дня сталъ вопросъ о созданіи самостоятельнаго малорусскаго университета. Мысль объ этомъ впервые созрѣла въ средѣ университетской молодежи. Чуткая, какъ всегда, юность первая ощутила насущнѣйшую потребность и громко оповѣстила объ этомъ своихъ старшихъ согражданъ. Въ 1899 году малорусскіе студенты всѣхъ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній созвали во Львовѣ митингъ (вѣче), на которомъ единогласно постановили обратиться съ требованіемъ къ центральной власти объ основаніи малорусскаго университета. Требованіе это возбудило необычайный энтузіазмъ во всей странѣ, населеніе которой поспѣшило присоединиться къ постановленію студенческаго митинга. Съ 1899 года и до настоящаго времени по всей восточной Галиціи созываются митинги, состоявшіе изъ представителей малорусской интеллигенціи, рабочихъ и крестьянъ, которые единогласно присоединялись къ студенческому требованію; не осталось, кажется, ни одного сколько-нибудь значительнаго поселенія, жителями котораго публично не было бы высказано сочувственное отношеніе къ дѣлу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета. Со всѣхъ концовъ Галиціи и изъ за-границы молодежь получила тысячи привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ отъ различныхъ общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ; для студентовъ, которые годъ тому назадъ въ количествѣ 600 человѣкъ оставили львовскій университетъ, въ теченіе двухъ недѣль было собрано свыше 20.000 кронъ; деньги бѣдное галицкое населеніе собрало буквально по грошамъ. Наконецъ, вслѣдъ за студенческой петиціей въ вѣнскій парламентъ изъ Галиціи за послѣдніе два года было отправлено свыше 1.000 петицій отъ различныхъ обществъ.

---

*) Observator. „Листи з над. Полтви". III „Литературно-Науковий Вістник". 1899 р.

учрежденій, городовъ, общинъ и т. д., въ которыхъ требовалось основаніе отдѣльнаго малорусскаго университета. Петиціи эти, какъ и все движеніе, послужило поводомъ для малорусскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ для внесенія интерпеляцій, посвященныхъ университетскому вопросу въ Галиціи. Со стороны вѣнскаго правительства на интерпеляціи послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ.

Вопросъ объ основаніи отдѣльнаго національнаго университета объединилъ всѣ слои малорусскаго населенія Галиціи, за успѣхъ этого дѣла агитировали представители всѣхъ безъ исключенія политическихъ партій. Послѣднее особенно знаменательно и на первый взглядъ совершенно необъяснимо. Какъ извѣстно, среди малорусскихъ политическихъ партій, въ общемъ солидарныхъ между собою по вопросу о національномъ возрожденіи, существуетъ маловліятельная, немногочисленная по составу, но сильная матеріальными средствами и посторонней поддержкой партія непримиримыхъ враговъ всего малорусскаго. Партія эта называется москалефильской, или иначе старорусской, твердорусской. Твердоруссы проявляютъ себя величайшимъ презрѣніемъ къ родному языку и къ культурному преуспѣянію родного народа, дѣятельность ихъ сводится преимущественно къ бросанію палокъ въ колеса національнаго малорусскаго возрожденія. Люди эти свой родной языкъ называютъ «языкомъ пастуховъ», сами же стараются писать и говорить на «общерусскомъ» языкѣ, образцы котораго способны вызвать гомерическій хохотъ *).

По университетскому вопросу представители твердоруссовъ въ прежнее время вели себя вполнѣ послѣдовательно: они вообще отрицали необходимость преподаванія на родномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ достигали профессорской каѳедры и тогда изъ двухъ мѣстныхъ языковъ они выбирали для преподаванія—польскій **).

И вотъ, даже эта партія, единственный raison dêtre которой состоитъ въ противодѣйствіи культурному возрожденію малорусскаго языка и народности, категорически высказалась въ пользу основанія отдѣльнаго малорусскаго университета во Львовѣ. Что могло подвинуть этихъ людей къ такому шагу, остается ихъ партійной тайной; общественныхъ симпатій имъ онъ не принесъ, галицкіе малороссы отвѣтили имъ латинскимъ стихомъ: «Timeo Danaos et dona ferentes!»

Въ заключеніе необходимо хотя бы бѣгло коснуться отношеній польской печати и польскаго общества къ вопросу о малорусскомъ университетѣ. Га-

---

*) Напр.: самый талантливый изъ староруссовъ Иванъ Наумовичъ, нынѣ покойный, возвращаясь въ Галицію изъ Вѣны, написалъ стихотвореніе, начинающееся такъ:

„Слава Богу! Я на возѣ
На востокъ лицемъ,
До домоньку на дорозѣ
До своихъ бѣгцемъ".

Другіе пишутъ и говорятъ хуже.

**) Такъ поступилъ проф. Шараневичъ.

лицкое польское общество рѣзко дѣлится на двѣ крупныя группы: шляхетско-клерикальную, такъ называемую станчиковскую, и демократическую различныхъ оттѣнковъ; первая группа владѣетъ всѣмъ политическимъ значеніемъ и властью въ Галиціи и находится въ неизмѣнномъ фаворѣ у центральнаго правительства, вторая сильна общественнымъ мнѣніемъ и авторитетомъ въ народныхъ массахъ, но политическое значеніе ея не велико. Соотвѣтственно этому дѣленію общества распадается и пресса. Станчиковская часть общества и пресса съ нескрываемой враждебностью отнеслась къ вопросу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета, усматривая въ этомъ угрозу польской культурѣ и польскому вліянію въ Галиціи. Голосъ этой части польскаго галицкаго общества значитъ очень много на вѣсахъ вѣнскаго правительства и способенъ на многіе годы задержать осуществленіе горячихъ стремленій малорусскаго населенія. Демократическая часть польской галицкой прессы, за немногими исключеніями, рѣшительно высказалась въ пользу малорусскихъ требованій, исходя изъ тѣхъ простыхъ основаній, что всякая народность имѣетъ право образованія на своемъ языкѣ. По адресу станчиковской прессы демократическія газеты бросаютъ тяжелое, несправедливое обвиненіе въ томъ, что она слѣдуетъ примѣру прусскихъ гакатистскихъ газетъ, занимающихся неустанною травлей познанскихъ поляковъ. Большинство польскихъ органовъ, издающихся въ Россіи, примкнуло къ мнѣнію демократической галицкой прессы *).

Изъ русскихъ газетъ въ пользу основанія самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ высказались «Русскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Кіевская Старина» и многія провинціальныя изданія.

М. Славинскій.

---

*) Отзывы польской прессы. См. „Kraj“ 1901 г., № 50.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Радіоактивность матеріи.

Случается иногда, что въ хорошей буржуазной семьѣ заведется вдругъ странный ребенокъ, совсѣмъ не похожій на остальныхъ: и волосы у него вихрами, и манеръ нѣтъ, и нянька каждый день на него жалуется за ослушаніе, а подростетъ, отдадутъ въ науку—нигдѣ не уживается, изъ всякой школы гонятъ: не укладывается въ рамки мальчонка.

Въ наукѣ тоже бываютъ такія, неизвѣстно откуда взявшіяся, дѣтки: ни въ какую клѣтку ихъ не загонишь; шумятъ и все вверхъ дномъ ставятъ. Важные профессора, изъ тѣхъ, которые за всю жизнь не сдѣлали ни одной путной научной работы, особенно не любятъ такихъ сорванцовъ: и зачѣмъ только они появились, все было въ такомъ порядкѣ, тихо и спокойно и вдругъ скандалъ—старыя педагогическія правила не годятся, и въ курсъ, выкроенный изъ десяти чужихъ учебниковъ, нужно вставлять какой-то совсѣмъ дикій отдѣлъ. Большинство, впрочемъ, совершенно игнорируетъ «неизвѣстно откуда взявшихся» ребятъ и ихъ часто подбираютъ посторонніе люди — самоучки. Много такихъ дѣтей пропадаетъ безъ толку, но нѣкоторыя, наоборотъ, становятся знаменитыми и, возвращаясь въ лоно своей семьи, заводятъ въ ней новые порядки.

Къ числу такихъ незаконнорожденныхъ дѣтей физики принадлежатъ, между прочимъ, явленія фосфоресценціи и флюоресценціи, катодные и рентгеновскіе лучи и радіоактивныя вещества. Впрочемъ, судьба ихъ различна.

Уже въ глубокой древности было извѣстно, что алмазъ, пробывшій нѣкоторое время подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, получаетъ способность свѣтиться въ темнотѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ подобное же свойство было констатировано у сѣрнистыхъ соединеній кальція, стронція и барія. Явленіе было названо *фосфоресценціей*, а тѣла, владѣющія этимъ свойствомъ, *фосфоресцирующими*. Въ настоящее время извѣстно уже громадное количество фосфоресцирующихъ тѣлъ; можно сказать, что почти всѣ, болѣе или менѣе сложныя, твердыя тѣла болѣе или менѣе фосфоресцичны; зато изъ простыхъ тѣлъ фосфоресцируютъ только сѣра и алмазъ. Извѣстно также и нѣсколько фосфоресцирующихъ газовъ, какъ, напр., кислородъ и смѣси азотнаго ангидрида съ сѣрноватистымъ и сѣрнымъ ангидридомъ; но зато до сихъ поръ неизвѣстно фосфоресцирующихъ жидкостей. Различныя вещества испускаютъ и свѣтъ раз-

личной окраски, напр., алмазъ — желтый и синій, сѣрнистыя соединенія щелочно-земельныхъ металловъ — всѣ цвѣта, начиная съ краснаго до фіолетоваго. Е. Беккерель, работавшій надъ фосфоресценціей послѣднихъ соединеній, показалъ, что какъ напряженность, такъ и цвѣтъ лучей, испускаемыхъ ими, зависитъ отъ способа, которымъ были приготовлены эти соединенія, отъ температуры, при которой шла реакція, а также и отъ молекулярнаго состоянія углекислыхъ и сѣрнокислыхъ соединеній, изъ которыхъ готовились сѣрнистыя соединенія. Изъ этого мы видимъ, что характеръ фосфоресценціи зависитъ не только отъ химической молекулы, а также и отъ какихъ-то болѣе тонкихъ молекулярныхъ измѣненій или примѣсей, которыя ускользаютъ отъ обыкновеннаго химическаго изслѣдованія.

По изслѣдованіямъ Вантъ-Гоффа, многія фосфоресцирующія тѣла обязаны этимъ свойствомъ только тому, что въ нихъ находятся постороннія примѣси, что онѣ не чисты въ химическомъ смыслѣ. Къ аналогичнымъ же заключеніямъ пришелъ физикъ М. Отто (1896 г.), изслѣдовавшій фосфоресценцію, являющуюся при дѣйствіи озона на воду. Онъ объясняетъ эту фосфоресценцію присутствіемъ въ водѣ различныхъ органическихъ веществъ животнаго и растительнаго происхожденія; большинство же органическихъ веществъ, какъ показалъ этотъ ученый, способно при дѣйствіи на нихъ озона фосфоресцировать.

Продолжительность фосфоресценціи весьма различна для различныхъ веществъ: такъ, для исландскаго шпата она меньше секунды, для арагонита—до 20 секундъ, для алмаза, какъ мы уже упоминали, нѣсколько часовъ, а для сѣрнистыхъ соединеній кальція и стронція даже больше сутокъ. Свѣтъ, испускаемый фосфоресцирующими тѣлами, несмотря на то, что кажется окрашеннымъ въ тотъ или другой цвѣтъ, разлагается призмой на простые цвѣта.

Интересно то, что не всѣ лучи спектра способны вызвать свѣченіе фосфоресцирующихъ тѣлъ; только ультра-фіолетовые и фіолетовые лучи обладаютъ этимъ свойствомъ, лучи же менѣе преломляемые не вызываютъ фосфоресценціи, а только способствуютъ ея проявленію.

Итакъ, фосфоресцирующія тѣла являются не только трансформаторами однихъ эфирныхъ колебаній въ другія, они въ то же время аккумуляторы энергіи— они тратятъ трансформирующуюся энергію не сразу, а постепенно.

Но есть тѣла, которыя, также владѣя способностью превращать одни колебанія эфира въ другія, сейчасъ же и тратятъ эту трансформированную энергію и по прекращеніи инсоляціи*) перестаютъ свѣтиться; такія тѣла названы *флюоресцирующими*, отъ слова флюоритъ (плавиковый шпатъ), такъ какъ флюоресценція была открыта впервые на этомъ минералѣ. Если помѣстить кристаллы безцвѣтнаго плавиковаго шпата въ темную комнату и въ то же время направить на нихъ пучокъ солнечнаго свѣта, то кристаллы кажутся окутанными какимъ-то бѣлесоватымъ облакомъ, которое испускаетъ свѣтъ, измѣняющійся, смотря по образцамъ кристалловъ, отъ зеленовато-синяго до фіолетоваго;

---

*) *Инсоляціей* называется освѣщеніе предмета солнечными лучами.

но достаточно прекратить доступъ свѣта — и явленіе пропадаетъ. Извѣстно много флюоресцирующихъ веществъ, какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ (отличіе отъ фосфоресценціи), напр., растворы сѣрнокислаго хинина въ разведенной сѣрной или винной кислотѣ, спиртовые растворы хлорофила, лакмуса, водный растворъ эскулина и т. д. Мы намѣренно указываемъ при этомъ перечисленіи на растворителя, такъ какъ растворитель играетъ здѣсь громадную роль: растворы одного и того же вещества, флюоресцирующіе въ спиртовыхъ растворахъ, не флюоресцируютъ въ водныхъ и наоборотъ. Въ настоящее время почти всѣ ученые склоняются къ мнѣнію, что флюоресценція есть та же фосфоресценція, но крайне незначительной продолжительности, меньше чѣмъ 0,001 секунды.

Фосфоресценція не возбуждается лучами съ менѣе короткими волнами, чѣмъ фіолетовые (линія F солнечнаго спектра), превращаются же эти лучи въ лучи *видимые*; такимъ образомъ при фосфоресценціи испускаются болѣе длинныя волны, чѣмъ тѣ, которыя являются ея возбудителями. Относительно же флюоресценціи будетъ осторожнѣе сказать, что волны, испускаемыя флюоресцирующими тѣлами или болѣе длинны, или, по крайней мѣрѣ, равны по длинѣ волнамъ лучей, возбуждающихъ флюоресценцію; это такъ называемый законъ Стокса, подтвержденный также и изслѣдованіями нашего соотечественника Ламанскаго.

Фосфоресенція и флюоресценція могутъ быть объединены подъ однимъ терминомъ *самосвѣченіе*. Нужно отмѣтить, что самосвѣченіе тѣлъ происходитъ не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или иныхъ падающихъ на него лучей, но иногда и подъ вліяніемъ другихъ причинъ, напр., тренія, плавленія, кристаллизаціи, нагрѣванія, различныхъ химическихъ реакцій. Особый интересъ представляетъ самосвѣченіе, происходящее подъ вліяніемъ электрическихъ разрядовъ—оно носитъ названіе *электролюминисценціи* и проявляется при пропусканіи разряда отъ Румкорфовой спирали черезъ такъ называемую Круксову трубку, въ которой воздухъ разрѣженъ въ нѣсколько сотъ тысячъ разъ сравнительно съ атмосфернымъ. При такомъ разрѣженіи, когда въ трубкѣ остаются только милліонныя доли находившагося прежде воздуха, стѣнки трубки свѣтятся золотисто-зеленымъ свѣтомъ, особенно сильно вокругъ катода. Нѣмецкій ученый *Гитторфъ* нашелъ, что это сіяніе способно отбрасываетъ тѣнь и распространяется прямолинейно. Англичанинъ *Круксъ* продолжалъ изслѣдованія Гитторфа и доказалъ, что свѣченіе трубки въ такомъ случаѣ производится какъ бы особыми лучами, исходящими изъ катода; лучи эти получили названіе *катодныхъ*.

Для болѣе подробнаго изученія ихъ Круксъ приготовилъ трубки, въ которыхъ катодъ имѣлъ форму чашки или же плоскаго диска. Въ послѣднемъ случаѣ—отъ плоскаго диска лучи устремляются паралельнымъ пучкомъ къ аноду. Отъ чашеобразнаго катода лучи идутъ въ косомъ направленіи вверхъ и внизъ и собираются въ фокусѣ. Если на ихъ пути помѣстить нѣкоторые предметы, то послѣдніе обнаруживаютъ сильную флюоресценцію: рубины свѣтятся алымъ свѣтомъ, болѣе интенсивнымъ даже, чѣмъ тотъ, который они испускаютъ при красномъ каленіи, фенакитъ (минералъ), обожженная раковина сіяютъ

синимъ свѣтомъ. Если около Круксовой трубки держать магнитъ, то видно, какъ катодные лучи *отклоняются* въ сторону.

Установимъ въ такой трубкѣ между плоскими металлическими электродами колесико съ лопастями, которое можетъ двигаться по особымъ маленькимъ рельсамъ. Подъ дѣйствіемъ катодныхъ лучей такое колесико вертится и движется по направленію къ аноду. Катодные лучи, сконцентрированные при помощи чашеобразнаго катода въ фокусѣ, плавятъ стекло и даже платину.

Такія свойства катодныхъ лучей привели Крукса къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ лучами въ обычномъ смыслѣ, т.-е. съ колебаніями эѳира, а съ особымъ состояніемъ вещества, которое онъ назвалъ *лучистымъ*. Здѣсь матерія является намъ въ наиболѣе разложенномъ, «диссоціированномъ», какъ говорятъ ученые, состояніи и катодные «лучи» состоятъ изъ отрицательно наэлектризованныхъ частицъ такой лучистой матеріи. Частицы эти бомбардируютъ стѣнки трубки и вызываютъ въ стеклѣ флуоресценцію, эта же бомбардировка производитъ механическое и тепловое дѣйствіе.

Работы Крукса появились слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ; противъ фактовъ нельзя было спорить, но это были «незаконнорожденныя дѣти» и на нихъ смотрѣли, какъ на странные курьезы, объясненіе же Крукса и его «лучистая матерія» представлялись членамъ нѣмецкаго ученаго цеха столь дикими, столь несоотвѣтствовавшими ихъ катехизису, что ихъ просто игнорировали.

Круксъ имѣлъ дѣло съ катодными лучами, находящимися въ трубкѣ, ему не удалось вывести ихъ наружу и потому долгое время думали, что для появленія этихъ лучей необходима сильно разрѣженная среда; только въ 1894—5 гг. д-ру *Филиппу Ленарду* удалось получить катодные лучи при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи. Ленардъ употреблялъ трубки, цилиндрической формы; катодъ имѣетъ форму маленькаго диска и укрѣпленъ на концѣ центральной проволоки, впаянной въ стеклянную трубку, анодъ же является въ видѣ металлическаго полаго цилиндра, окружающаго катодъ; къ противоположному дну трубки придѣлана металлическая крышка съ небольшимъ отверстіемъ, прикрытымъ листочкомъ алюминія въ $^1/_{400}$ милиметра толщиною.

Въ случаѣ сильнаго разряженія (до милліонныхъ долей атмосфернаго давленія) такой трубки и пропусканія разряда отъ румкорфовой спирали, сквозь это аллюминіевое «окошечко» проходятъ лучи, часть которыхъ, по крайней мѣрѣ, является продолженіемъ катодныхъ лучей Крукса. *Ленардовскіе* лучи такъ же, какъ и катодные, вызываютъ флуоресценцію и отклоняются магнитомъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ), кромѣ того они дѣйствуютъ на фотографическую пластинку, разряжаютъ электроскопъ и проникаютъ сквозь различныя вещества, напримѣръ, черезъ тонкія пластинки аллюминія и мѣди, но воздухъ при обыкновенномъ давленіи для нихъ мало прозраченъ. Опыты съ дѣйствіемъ магнита на ленардовскіе лучи показали, что часть этихъ лучей чувствительна къ дѣйствію магнита, часть же нѣтъ и, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ катодными лучами, но и какими-то другими, отличающимися отъ нихъ.

Ленардовскіе лучи имѣли скромный успѣхъ, между тѣмъ какъ появившіеся

слѣдомъ за ними въ 1895 г. ихъ родные братья—*рентгеновскіе* лучи произвели смятеніе не только въ средѣ ученыхъ, но и громадную сенсацію въ самой широкой публикѣ.

Рентгенъ получилъ свои лучи при работахъ съ трубкою, очень похожею на ленардовскую (и тожественной съ трубкою Герца), только конецъ ея, противоположный катоду былъ сплошной стеклянный и не несъ ни металлической оправы, ни алюминіеваго окошечка; кромѣ того, разрѣженіе трубки было еще значительнѣе, чѣмъ то требуется для полученія катодныхъ лучей. При этихъ условіяхъ черезъ сплошной стеклянный конецъ трубки, противоположный катоду, и проходили наружу рентгеновскіе лучи. Такимъ образомъ сразу было ясно, что это не катодные лучи, такъ какъ послѣдніе через стекло не проходятъ. Теперь съ увѣренностью можно сказать, что рентгеновскіе лучи образуются тамъ, гдѣ катодные лучи ударяются о стеклянную стѣнку трубки и, если такъ можно выразиться, разрушаются. Катодные лучи не только рождаютъ рентгеновскіе, но часто въ одномъ потокѣ лучей находятся и тѣ и другіе. Самъ Рентгенъ не высказывался опредѣленно о природѣ своихъ лучей, но предполагалъ, что, можетъ быть, они являются продольными колебаніями эѳира, а не поперечными, какъ лучи свѣтовые, ультрафіолетовые, инфракрасные и электрическіе. Большинство склонялось къ тому, что рентгеновскіе лучи это крайніе ультрафіолетовые съ еще болѣе короткими волнами. Но изученіе свойствъ рентгеновскихъ лучей заставило отказаться отъ этого предположенія: ультрафіолетовые лучи слѣдуютъ всѣмъ законамъ свѣтовыхъ, тогда какъ, несмотря на всѣ усилія многихъ десятковъ ученыхъ, до сихъ поръ не удалось получить ни преломленія, ни отраженія, ни поляризаціи рентгеновскихъ лучей. Кромѣ того, давно было извѣстно, что ультрафіолетовые лучи разряжаютъ только отрицательно заряженныя металлическія поверхности, рентгеновскіе же лучи разряжаютъ металлическія поверхности, какъ отрицательно, такъ и *положительно* наэлектризованныя.

Противъ аналогіи рентгеновскихъ лучей съ ультрафіолетовыми говоритъ, по нашему мнѣнію, и то, что ультрафіолетовые лучи съ наиболѣе короткими волнами поглощаются воздухомъ, тогда какъ для рентгеновскихъ лучей воздухъ прозраченъ. Кромѣ того, поставленные мною опыты надъ сравненіемъ поглощенія рентгеновскихъ и ультрафіолетовыхъ лучей различными кристаллами показали, что поглощеніе въ этихъ двухъ случаяхъ носитъ совершенно противоположный характеръ: вещества наиболѣе прозрачныя для ультрафіолетовыхъ лучей, наименѣе прозрачны для рентгеновскихъ и наоборотъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ является взглядъ, высказанный Стоксомъ. Онъ предполагаетъ, что рентгеновскіе лучи состоятъ не изъ множества волнъ, образующихъ, въ свою очередь, цѣлую серію новыхъ волнъ, замирающихъ по мѣрѣ своего распространенія (обыкновенный свѣтъ), а изъ одиночныхъ волнъ, образующихъ очень короткій рядъ и замирающихъ тотчасъ послѣ одного или $1^1/_2$ колебаній; а priori можно утверждать, что такія волны не способны ни отражать, ни преломляться, ни интерферировать.

Мы уже упоминали, что рентгеновскіе лучи нельзя принять и за катодные

такъ какъ они проходятъ черезъ стекло, а катодные нѣтъ; кромѣ того, катодные отклоняются магнитомъ, рентгеновскіе же къ магниту не чувствительны.

Уже при самомъ открытіи *X*-лучей Рентгенъ обнаружилъ, что они, подобно ультра-фіолетовымъ, заставляютъ свѣтиться флюоресцирующія вещества. Въ 1897—1899 гг. французъ *Саньякъ* цѣлымъ рядомъ опытовъ показалъ, что почти всѣ тѣла, подъ дѣйствіемъ рентгеновскихъ лучей, испускаютъ какіе-то невидимые лучи, по своимъ свойствамъ очень близкіе къ рентгеновскимъ, но отличающіеся отъ нихъ болѣе сильною поглощаемостью различными тѣлами, особенно воздухомъ. Эти лучи Саньякъ назвалъ *лучами S* или *вторичными*. Вторичные лучи, дѣйствуя на тѣла, въ свою очередь заставляютъ послѣднія испускать новые невидимые лучи—*третичные*, поглощающіеся еще сильнѣе вторичныхъ и т. д. Рентгеновскіе лучи явились тоже «молокососами, потрясающими основы», но они проявили при этомъ столько блеска и наглости, и къ тому же вышли изъ такого хорошаго дома, какъ вюрцбургскій физическій институтъ, что мужи науки не только не выразили порицанія и пренебреженія, а всѣ бросились изучать этого «чуднаго ребенка», но чудный ребенокъ оказался весьма капризнымъ и до сихъ поръ не повѣдалъ ничего новаго, кромѣ того, что сказалъ своему отцу. Тогда ученые и любители стали искать, нѣтъ ли гдѣ и въ другихъ семьяхъ такихъ странныхъ, но интересныхъ ребятъ. Сотни лицъ перерыли всѣ архивы науки, ставили различные опыты, высказывали самыя фантастическія гипотезы. И труды ихъ увѣнчались успѣхомъ: въ 1896 г. открыты такъ-называемыя *радіоактивныя вещества*, которыя грозятъ произвести цѣлую революцію въ нашихъ физико-химическихъ представленіяхъ.

Ш. Анри показалъ, что сѣрнистый цинкъ, приготовленный имъ особымъ способомъ и сильно фосфоресцирующій, испускаетъ, кромѣ видимыхъ, еще какіе-то невидимые лучи, которые, подобно рентгеновскимъ, способны проникать черезъ тѣла, непрозрачныя для видимыхъ лучей; вскорѣ затѣмъ *Нивенгловскій* открылъ такую же способность у сѣрнистаго кальція, а *Беккерель* у многихъ другихъ соединеній, главнымъ образомъ, у солей урана *).

Фосфоресценція (т.-е. испусканіе *видимыхъ* лучей) солей *урана* оказалась весьма слабою и исчезала черезъ 0,01 секунды, между тѣмъ какъ испусканіе *невидимыхъ лучей* сохранялось урановыми солями даже послѣ 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ темнотѣ. Лучи эти проходили, подобно рентгеновскимъ, черезъ черную бумагу и черезъ тонкія и металлическія пластинки, легче всего черезъ алюминіевыя, и разряжали наэлектризованныя поверхности. Вскорѣ было найдено, что такою же *радіоактивностью* владѣютъ и соединенія элемента *торія*.

Свойствомъ радіоактивныхъ тѣлъ разряжать въ воздухѣ наэлектризованныя поверхности, или, что то же, свойствомъ ихъ превращать воздухъ въ проводникъ электричества, воспользовались для измѣренія интенсивности лучеиспуска-

---

*) Густавъ Лебонъ наблюдалъ образованіе подобныхъ невидимыхъ лучей при различнѣйшихъ условіяхъ и имъ даже неудачное названіе *черного свѣта*. Къ работамъ Лебона еще мы вернемся.

нія этихъ тѣлъ. Такого рода измѣренія выяснили, что нѣкоторые минералы (напр., смоляная урановая слюда), содержащіе уранъ, обладаютъ гораздо большей радіоактивностью, чѣмъ металлическій уранъ. На основаніи этого, супруги *Кюри* предположили, что высокая радіоактивность этихъ минераловъ обязана присутствію въ послѣднихъ еще неизвѣстныхъ веществъ, гораздо болѣе активныхъ, чѣмъ самый уранъ и торій.

Дѣйствительно, вскорѣ открыли въ урановой смоляной рудѣ три новые элемента: *радій*, *полоній* и *актиній*. Ихъ не удалось еще выдѣлить въ чистомъ видѣ, такъ какъ они находятся въ этой рудѣ въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ. Лучше другихъ изученъ *радій;* по своимъ свойствамъ этотъ элементъ стоитъ очень близко къ барію; онъ и былъ выдѣленъ изъ урановой смоляной руды въ видѣ сѣрнокислой соли, какъ ничтожной примѣси къ сѣрнокислому барію. Въ этомъ видѣ такая смѣсь была все же въ 10 разъ активнѣе металлическаго урана. Особой обработкой можно было постепенно выдѣлять изъ этой смѣси все болѣе и болѣе активныя порціи и дойти до вещества, въ 900 разъ болѣе активнаго, чѣмъ металлическій уранъ. Когда для полученія сѣрнокислаго барія, содержащаго сѣрнокислый радій, стали пользоваться заводскими отбросами урановой руды и явилась возможность подвергнуть соотвѣтственной обработкѣ сотни килограммовъ такихъ отбросовъ, то изъ такого количества можно было уже получить нѣсколько килограммовъ сѣрнокислаго барія, содержащаго сѣрнокислый радій. Г-жа Кюри, особенно много потрудившаяся надъ выдѣленіемъ радія, примѣняла для дальнѣйшей очистки слѣдующій способъ: сѣрнокислая соль переводилась въ хлористую, растворялась въ водѣ и осаждалась прибавленіемъ спирта или соляной кислоты. Первыя порціи осаждавшихся при этомъ кристалловъ были наиболѣе активными.

Выдѣляя, при помощи повторной кристаллизаціи, изъ этой активной порціи все болѣе и болѣе активные кристаллы, г-жа Кюри получила нѣсколько десятыхъ грамма хлористаго барія, богатаго радіемъ. Интересно, что по мѣрѣ обогащенія хлористаго барія радіемъ и, слѣдовательно, усиленія радіоактивности, атомный вѣсъ барія, опредѣлявшагося въ этихъ порціяхъ, становился все больше и больше и для соли, активность которой была въ 7,500 разъ болѣе металлическаго урана, атомный вѣсъ барія оказался 145,8, тогда какъ для чистаго барія атомный вѣсъ равенъ 137,8.

Новѣйшія изслѣдованія *г-жи Кюри*, при которыхъ ей удалось получить 0,1 грамма чистаго хлористаго радія, показали что атомный вѣсъ этого элемента=225 единицы. По своему атомному вѣсу и по химическимъ свойствамъ радій нужно помѣстить въ группу щелочно-земельныхъ металловъ въ тотъ, далеко еще не полный, рядъ Менделѣевской таблицы, который заключаетъ въ себѣ элементы торій и уранъ.

Демарсэ опредѣлилъ въ спектрѣ радія 13 новыхъ линій и 2 туманныя полосы; подобный характеръ спектра (рѣзкія линіи и туманныя полосы) подтверждаетъ близость радія къ группѣ щелочно-земельныхъ металловъ.

Полоній и *актиній* изучены гораздо хуже радія, такъ какъ находятся въ еще болѣе ничтожныхъ количествахъ. *Полоній* близокъ къ висмуту

и выдѣляется вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ урановой же руды, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что нисколько не вліяетъ на химическія свойства висмута, и установить хотя бы приблизительно атомный вѣсъ полонія до сихъ поръ не удалось. Спектръ висмута, заключающаго полоній, даетъ нѣсколько новыхъ линій. Радіоактивность висмута, содержащаго полоній, доведена очисткой различными способами до силы въ 400—500 разъ большей, чѣмъ радіоактивность металлическаго урана.

Въ 1899 г. *Дебіэрнъ* выдѣлилъ изъ урановой руды препаратъ, богатый титаномъ и торіемъ, но не заключавшій ни барія (слѣдовательно, радія), ни висмута (слѣдовательно, полонія) и обладавшій, несмотря на это, сильною радіоактивностью. Новый радіоактивный элементъ, находящійся въ этомъ препаратѣ, Дебріэнъ назвалъ *актиніемъ*. Дебіэрнъ приготовилъ препараты торія, радіоактивная сила которыхъ была въ 100.000 разъ болѣе металлическаго урана и все же ни по химическимъ свойствамъ, ни по спектру эти препараты ничѣмъ не отличались отъ чистыхъ торіевыхъ; отсюда ясно, что если признать существованіе актинія, то нужно предположить, съ одной стороны, необычайную радіоактивную силу его, а съ другой—поразительно ничтожное количество примѣси его къ торію.

Вѣроятно, и радіоактивность металлическаго урана обязана присутствію въ немъ актинія или подобнаго ему сильнаго радіоактивнаго вещества, такъ какъ работы Крукса, Гизеля и Дебіэрна показали, что соотвѣтственною обработкой можно получить и торій, и уранъ *не* радіоактивными.

Послѣднія работы *Беккереля*, впрочемъ, измѣняютъ нѣсколько эти данныя. Такъ, напр., этотъ ученый нашелъ, что сильно ослабленный препаратъ радіоактивнаго урана послѣ 1½ лѣтъ «отдыха» пріобрѣлъ прежнюю радіоактивную силу, какъ по отношенію къ электрическому, такъ и по отношенію къ фотографическому его дѣйствію. Беккерелю удалось также химическимъ путемъ выдѣлить изъ препаратовъ урана сильно радіоактивное вещество (назовемъ его—Ur*x*); радіоактивная способность остатка урановаго препарата при этомъ сильно ослаблялась, но съ теченіемъ времени снова пріобрѣтала прежнюю силу. Съ другой стороны выдѣленное вещество — Urx съ теченіемъ времени теряетъ свою активность. Такимъ образомъ здѣсь невольно напрашивается мысль о томъ, что атомы урана могутъ превращаться постепенно въ атомы близкаго ему радіоактивнаго вещества, это послѣднее въ новое неактивное (назовемъ его Ur*y*). Эта мысль и была высказана многими учеными и наиболѣе яркое выраженіе нашла въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ *Ретерфорда* и *Содди* (Rutherford and F. Soddy) о радіоактивности препарата *торія* (Th). Эти ученые произвели такое же изслѣдованіе съ торіемъ, какъ Беккерель и отчасти Круксъ съ ураномъ. Они получили два вещества, различныя по своей активной силѣ: одно изъ нихъ—Th*x* владѣло радіоактивною способностью въ 1000 разъ большею, чѣмъ исходная азотнокислая соль, другое—болѣе чистый торій (Th) стало даже въ 4 раза менѣе активнымъ, чѣмъ исходное вещество; кромѣ того и характеръ лучей, испускаемыхъ этими двумя веществами различенъ: Th испускаетъ лучи только не отклоняемые магнитомъ и въ то же время сильно поглощаемые, Th*x*

образуетъ лучи, и не отклоняемые и отклоняемые; кромѣ того, отъ послѣдняго вещества исходятъ относительно съ небольшою скоростью еще особыя матеріальныя частицы, не несущія электрическаго заряда, но, повидимому, способныя сохранять нѣкоторое время радіоактивность.

Истеченіе такихъ матеріальныхъ частицъ авторы назвали *эманаціей*. Если такую радіоактивную эманацію направить на какое-либо неактивное тѣло, то послѣднее, повидимому, покрывается слоемъ этихъ (вѣроятно газовыхъ) частицъ и становится активнымъ; въ немъ появляется такъ называемая *вторичная* или *индуцированная* радіоактивность; характеръ ея тотъ же, что и первичной (Thx); съ теченіемъ времени такое вторично радіоактивное вещество, теряетъ свою активность. Авторы предполагаютъ, что частицы эманаціоннаго потока получаются непосредственнымъ превращеніемъ изъ частицъ Thx. При равенствѣ прочихъ условій эманація пропорціональна вѣсу излучающаго вещества и представляетъ опредѣленную величину, уменьшающуюся при пониженіи температуры и увеличивающую при повышеніи ея; максимумъ достигается при краснокалильномъ жарѣ, когда эманація становится въ 3—4 раза больше, чѣмъ при обыкновенной температурѣ. При дальнѣйшемъ повышеніи температуры величина эманаціи понижается и при бѣлокалильномъ жарѣ становится минимальною. Но если такой прокаленный препаратъ снова растворить и осадить свѣжій осадокъ, то послѣдній снова пріобрѣтаетъ прежнія свойства и, между прочимъ, эманацію прежней силы, но только черезъ нѣсколько дней послѣ осажденія. Интересно, что присутствіе водяного пара повышаетъ эманацію, а высушиваніе препарата понижаетъ ее вдвое. Что касается химическихъ свойствъ частицъ, испускаемыхъ при эманаціи, то авторы считаютъ ихъ столь же недѣятельными, какъ газы аргоновой группы (аргонъ, неонъ, ксенонъ и криптонъ).

Недавно итальянскій ученый *Селла* показалъ, что если подвергать втеченіе долгаго времени воздухъ, замкнутый въ сосудѣ, дѣйствію эманаціонныхъ частицъ торія, то воздухъ этотъ становится радіоактивнымъ. Но онъ теряетъ радіоактивность, если его профильтрировать черезъ вату, зато послѣдняя становится радіоактивною. Эти изслѣдованія еще болѣе подтверждаютъ матеріальный характеръ частицъ, испускаемыхъ торіемъ при эманаціи. Оставимъ теперь эманаціи и обратимся снова къ невидимымъ *лучамъ*, испускаемымъ препаратами торія.

Совершенно аналогично наблюденіямъ Беккереля надъ радіоактивными препаратами урана гг. Рётерфордъ и Содди нашли, что радіоактивность Thx съ теченіемъ времени падаетъ: черезъ 14 дней доходитъ до 10% первоначальной величины и въ концѣ концовъ Thx превращается въ неактивное Thy. Съ другой стороны ничтожная радіоактивность болѣе чистаго торія (Th)—остатка по выдѣленіи изъ первоначальнаго вещества—постепенно повышается и приблизительно черезъ 14 же дней становится прежнею, а въ препаратѣ снова появляются отклоняемые магнитомъ лучи. Изъ этого, какъ бы возрожденнаго, препарата снова можно выдѣлить сильно радіоактивное вещество Thx и т. д. Тоже можно продѣлать и съ препаратами урана (Ur). Въ обыкновенномъ радіо-

активномъ препаратѣ торія, представляющемъ собою смѣсь Th*x* и Th, оба эти процесса совершаются одновременно, но идутъ очень медленно; число атомовъ торія, способныхъ къ превращенію, безконечно велико по сравненію съ числомъ атомовъ, дѣйствительно превращающихся въ періодъ времени, доступный нашему наблюденію,

Такимъ образомъ Рётерфордъ и Содди приходятъ, къ выводу, что радіоактивность препаратовъ торія является слѣдствіемъ измѣненій и превращеній, совершающихся *внутри атома.*

Нѣкоторые авторы указываютъ еще на новые радіоактивные элементы, напр. на элементъ, повидимому близкій къ *свинцу*, и извлеченный съ соединеніями свинца изъ той же урановой смоляной руды и другихъ рѣдкихъ минераловъ. Радіоактивность такихъ солей свинца въ наиболѣе богатыхъ порціяхъ, хотя и меньше радія, но больше металлическаго урана.

Интересно, что нѣкоторые радіоактивные элементы сохраняютъ свою силу (радій, актиній), другіе же совершенно утрачиваютъ ее въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (полоній и новый свинцовый элементъ) и этимъ приближаются къ веществамъ, которыя сами по себѣ не владѣютъ радіоктивною способностью, но могутъ получить ее отъ настоящихъ радіоактивныхъ веществъ путемъ индукціи; мы уже упоминали выше, что подобное явленіе получило названіе *индуцированной* или *вторичной* радіоактивности.

Еще въ 1899 г. г-нъ и г-жа *Кюри* показали, что подъ дѣйствіемъ сильнаго препарата радія становились приблизительно одинаково радіоактивными пластинки многихъ металловъ, нѣкоторыя соли, а также обыкновенная бумага. Вторичная активность увеличивается съ силой радіоактивнаго источника и съ продолжительностью дѣйствія его. Этотъ процессъ индуцированія активности идетъ лучше въ закрытомъ сосудѣ; при этомъ Кюри удавалось сообщить металлическимъ пластинкамъ активность въ 8.000 разъ большую, чѣмъ у металлическаго урана. По удаленіи радіоактивнаго источника вторичная активность уменьшается сначала быстро, затѣмъ медленнѣе, но все же въ концѣ концовъ исчезаетъ совершенно. Интересно, что вторичная активность не теряется при переводѣ даннаго вещества изъ одного соединенія въ другое, напримѣръ, изъ сѣрнокислой соли въ хлористую, такъ что нужно предположить, что и вторичная активность, такъ же, какъ и первоначальная, есть свойство *атомное*. Вторичноактивныя вещества, въ свою очередь. могутъ дѣлать активными другія тѣла. Такъ, Беккерель въ теченіе многихъ мѣсяцевъ сохранялъ сильный радіевый препаратъ въ свинцовомъ ящикѣ, стѣнки котораго имѣли 17 миллим. толщины. Этотъ ящикъ пріобрѣлъ способность дѣйствовать на фотографическую пластинку и возбуждать радіоактивность въ свинцовой пластинкѣ, пока она находилась подъ дѣйствіемъ этого ящика.

Итакъ, какими же свойствами владѣютъ всѣ эти *невидимые* лучи испускаемые радіоактивными веществами.

Всѣ эти лучи способны вызывать фосфоресценцію *), дѣйствовать на

*) Интересно, что препараты радія заставляютъ фосфоресцировать тѣ вещества, которыя фосфоресцируютъ и подъ вліяніемъ ультрафіолетовыхъ и рент-

фотографическую пластинку и дѣлать газы проводниками электричества *); явленій преломленія, отраженія и поляризаціи въ нихъ не наблюдается; магнитъ же оказываетъ на нихъ различное дѣйствіе: нѣкоторые изъ нихъ отклоняются магнитомъ, другіе—нѣтъ: такъ, лучи полонія не отклоняются магнитомъ, среди же лучей радія имѣются какъ отклоняемые, такъ и неотклоняемые. Опытами многихъ ученыхъ было установлено, что отклоняемые магнитомъ лучи радіоактивныхъ веществъ тожественны съ катодными лучами, что они являются тѣмъ же потокомъ заряженныхъ отрицательно частицъ лучистой матеріи, о которомъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ говорилъ Круксъ и къ которому такъ иронически отнеслось большинство современныхъ физиковъ.

И отклоняемые магнитомъ и не отклоняемые лучи радіоактивныхъ веществъ проходятъ черезъ тонкіе слои стекла, слюды, черной бумаги, эбонита, черезъ тонкія алюминіевыя и мѣдныя пластинки, но отклоняемые лучи при этомъ поглощаются меньше, чѣмъ большинство не отклоняемыхъ.

Изъ всѣхъ свойствъ лучей, испускаемыхъ радіоактивными веществами, лучше всего изучено свойство ихъ (а также катодныхъ и рентгеновскихъ лучей) дѣлать воздухъ проводникомъ электричества. Произошло это потому, что количества электричества подлежатъ весьма точному измѣренію. Въ настоящее время этимъ свойствомъ данныхъ лучей пользуются для измѣренія силы самой радіоактивности.

Откуда же берется радіоактивными веществами *энергія*, которую они тратятъ при лучеиспусканіи, повидимому, оставаясь неизмѣнными?

Было предложено нѣсколько гипотезъ для объясненія этого страннаго явленія; мы остановимся только на нѣкоторыхъ.

Берендсъ объясняетъ радіоактивность химическими процессами, происходящими при соединеніи атомовъ радіоактивнаго вещества другъ съ другомъ и съ другими атомами и образованіи нестойкихъ молекулярныхъ группировокъ. *Беккерель* просто предполагаетъ, что радіоактивныя вещества обладаютъ большимъ запасомъ энергіи; при лучеиспусканіи радіоактивныхъ веществъ, происходитъ крайне незначительная трата энергіи и потому понятно, почему вещества эти могутъ сохранять свою силу неизмѣнною въ теченіе многихъ лѣтъ изменение ея ускользаетъ отъ изслѣдователя.

Впрочемъ, всего мѣсяца три, какъ появились сенсаціонныя изслѣдованія *Гейдвейлера*, указывающія на прямую потерю въ вѣсѣ радіоактивнагои вещества.

Три года тому назадъ точнѣйшій экспериментаторъ *Ландольтъ* опубликовалъ изслѣдованія, которыя съ несомнѣнностью указывали, что химическія и

геновскихъ лучей; вещества же, фосфоресцирующія подъ вліяніемъ видимыхъ лучей, не проявляютъ этого свойства подъ дѣйствіемъ лучей радія. Препараты радія свѣтятся сами. Это самосвѣченіе вызывается, конечно, собственными же лучами радія.

*) Свойство это также впервые было открыто г. Беккерелемъ и онъ замѣтилъ, что его электроскопъ, сохранявшій свой зарядъ втеченіе многихъ мѣсяцевъ, теряетъ его, если вблизи помѣстить урановый препаратъ; при этомъ безразлично, былъ ли электроскопъ заряженъ положительно, или отрицательно.

физическія взаимодѣйствія нѣкоторыхъ веществъ сопровождаются иногда измѣненіями въ вѣсѣ, правда крайне незначительными, но все же превосходящими предѣлы ошибокъ наблюденія. Эти изслѣдованія Ландольта, противорѣчившія нашимъ основнымъ законамъ сохраненія матеріи и энергіи, стояли совершенно одиноко и, конечно, не находили никакого объясненія. Изслѣдованія Гейдвейлера не только присоединяются къ фактамъ, установленнымъ Ландольтомъ, но и даютъ возможность объяснить ихъ. Гейдвейлеръ уравновѣсилъ стеклянную трубочку, заключавшую въ себѣ 5 граммъ сильно радіоактивнаго вещества и положенную на одну чашку весьма точныхъ вѣсовъ, подобною же, но наполненною осколками стекла, трубкой на другой чашкѣ. Черезъ 2 недѣли равновѣсіе вѣсовъ оказалось нарушеннымъ и радіоактивное вещество потеряло въ вѣсѣ около 0,0003 грамма. Гейдвейлеръ утверждаетъ, что это уменьшеніе вѣса шло непрерывно и считаетъ его равнымъ 0,02 миллиграмма въ сутки. Такимъ образомъ и поразительные факты, установленные г. Ландольтомъ, могутъ быть объяснены радіоактивностью вещества.

Но Гейдвейлеръ идетъ дальше и сравниваетъ результаты своихъ изслѣдованій съ вычисленіями г. Беккереля, принимающаго, что лучи радія суть истеченія матеріальныхъ частицъ, несущихъ электрическіе заряды. На основаніи электрометрическихъ измѣреній Беккереля Гейдвейлеръ, вычислилъ, что его радіоактивное вещество теряетъ въ сутки въ видѣ испусканія лучей отклоняемыхъ магнитомъ такое количество энергіи, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ найденной имъ опытнымъ путемъ потерѣ 0,02 миллиграмма въ сутки. На основаніи этого Гейдвейлеръ приходитъ къ выводу, что въ явленіяхъ радіоактивности мы имѣемъ дѣло съ прямымъ превращеніемъ потенціальной энергіи тяжести въ энергію радіоактивнаго испусканія.

За послѣднее время многіе ученые для объясненія радіоактивности матеріи предлагаютъ теорію *атомной іонизаціи*. Навѣяна она идеей Крукса о *лучистомъ* состояніи матеріи (катодные лучи) и является очень близкой къ теоріи электроновъ, предложенной въ самое послѣднее время для объясненія электрическихъ явленій *). Мысль, что въ радіоактивныхъ веществахъ можно видѣть медленное и произвольное распаденіе атомовъ появилась вскорѣ послѣ открытія Беккерелемъ лучей радія и въ болѣе опредѣленной формѣ была высказана въ прошломъ году г. Старкомъ.

Эта теорія предполагаетъ, что, какъ сложныя частицы разлагаются на атомы, такъ и сами атомы могутъ разлагаться на *іоны*, а послѣдніе снова соединятся въ атомы. Въ радіоактивныхъ веществахъ такое разложеніе происходитъ произвольно, безъ вліянія внѣшнихъ воздѣйствій, и іоны не соединяются уже снова, такъ какъ ихъ энергія меньше, чѣмъ энергія соотвѣтственныхъ атомовъ; поэтому при такомъ разложеніи образуется избытокъ кинетической энергіи, которая и выбрасываетъ іоны изъ сферы внутриатомной ре-

---

*) Въ виду того, что этой послѣдней теоріи будетъ посвящена особая статья проф. Ив. Ив. Боргмана, мы не станемъ здѣсь излагать подробно теоріи атомной іонизаціи, предложенной для объясненія радіоактивности.

акціи; эти освободившіеся іоны и образуютъ лучи, исходящіе изъ радіоактивныхъ веществъ.

Гипотеза атомной іонизаціи невольно наталкиваетъ на мысль, что подобные же процессы въ болѣе слабой степени должны происходить въ атомахъ всѣхъ веществъ и что, слѣдовательно, радіоактивность, въ той или иной мѣрѣ, должна быть обнаружена во всѣхъ тѣлахъ. Эта мысль, впервые высказанная Густавомъ Лебономъ, въ настоящее время находитъ много сторонниковъ.

Мѣсяца два тому назадъ Густавъ Лебонъ опубликовалъ въ «Revue Scientifique» рядъ статей, въ которыхъ подробно описываетъ опыты, приведшіе его къ этому заключенію. Разложеніе матеріи, сопровождающееся особымъ лучеиспусканіемъ невидимыхъ лучей, Лебонъ вызывалъ въ различныхъ веществахъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ агентовъ. Лучеиспусканіе онъ обнаруживалъ при помощи электроскопа, такъ какъ всѣ образующіеся при такомъ разложеніи матеріи лучи владѣютъ способностью разряжать наэлектризованное тѣло; при этомъ по силѣ отклоненія листочковъ электроскопа можно было измѣрять и силу лучеиспусканія.

Очень простыми опытами Лебонъ показалъ, напримѣръ, что большинство тѣлъ испускаетъ невидимые лучи подъ вліяніемъ лучей солнечнаго спектра: электроскопъ разряжается, если онъ былъ заряженъ положительно; при отрицательномъ зарядѣ не получается никакого эффекта. Наиболѣе чувствительными *) тѣлами въ данномъ случаѣ являются слѣдующія: амальгамированные—олово, мѣдь, серебро, свинецъ, только что отчищенные наждачнымъ порошкомъ—алюминій, магній, ртуть, содержащая $^1/_{6000}$ (по вѣсу) олова; болѣе слабые лучи испускаютъ чистые металлы: золото, серебро, платина, мѣдь, кобальтъ, ртуть, свинецъ, а также папка, дерево и другія органическія вещества.

Громадное значеніе для лучеиспусканія веществъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей имѣетъ хорошая очистка поверхностей, которыя подвергаются освѣщенію. Большое вліяніе на интенсивность лучеиспусканія при дѣйствіи ультрафіолетовыхъ лучей электрическаго свѣта оказываетъ также матеріалъ электродовъ. При дѣйствіи солнечныхъ лучей сила лучеиспусканія вещества, при равенствѣ прочихъ условій, весьма сильно измѣняется въ зависимости отъ времени года и часа наблюденія **).

Лучи, испускаемые веществомъ при этихъ условіяхъ, обладаютъ свойствами

---

*) Т.-е. испускающими наиболѣе сильные лучи, способные производить наиболѣе сильныя разряженія электроскопа.

**) Недавно г. Нодонъ сообщилъ объ открытіи имъ лучей, повидимому очень близкихъ къ Лебоновскимъ. Если на какую-нибудь металлическую пластинку (мѣдную, цинковую и т. д.) направить лучи свѣта, то на другой сторонѣ пластинки появляются особенные лучи, которые, хотя и представляютъ нѣкоторую аналогію съ рентгеновскими, но во многихъ отношеніяхъ существенно отличаются отъ нихъ: наприм. проходятъ черезъ довольно толстыя металлическія и стеклянныя пластинки, не вызываютъ фосфоресценціи и не дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Авторъ предполагаетъ, что эти лучи представляютъ нѣчто среднее между X-лучами и лучами, испускаемыми радіоактивными веществами.

катодныхъ лучей: они разряжаютъ электроскопъ, дѣлаетъ воздухъ проводникомъ электричества, отклоняются магнитомъ (впрочемъ только въ очень разрѣженномъ пространствѣ); дѣйствія ихъ на фотографическую пластинку хотя и обнаружено, но не правильно: иногда оно очень сильно, иногда слабо и даже совсѣмъ незамѣтно. Лебонъ утверждаетъ, что эти лучи необыкновенно быстро разсѣиваются, что позволяетъ имъ огибать встрѣчающіяся имъ на пути препятствія. Это свойство ихъ можетъ ввести въ заблужденіе наблюдателя и онъ будетъ говорить о проницаемости даннаго тѣла для данныхъ лучей, тогда какъ послѣдніе не прошли черезъ него, а только обогнули. Поэтому очень трудно говорить объ относительной прозрачнотис для этихъ лучей различныхъ веществъ.

Лебонъ доказываетъ, что всѣ тѣла, простыя или сложныя, проводники или изоляторы электричества безразлично, подверженныя дѣйствію свѣта, испытываютъ это разложеніе (іонизацію) матеріи. Воздухъ тоже не является исключеніемъ, но опыты Ленарда показали, что іонизація наступаетъ въ немъ только подъ дѣйствіемъ самыхъ короткихъ ультрафіолетовыхъ лучей. Прямыми и очень простыми опытами Лебонъ показалъ, что не только дѣйствіе свѣта на матерію заставляеетъ ее испускать лучи, но также и *химическія реакціи*. Достаточно положить на дискъ заряженнаго электроскопа нѣкоторыя вещества, реагирующія другъ на друга и заключенныя въ металлическую коробку, чтобы вызвать спаденіе листочковъ электроскопа, т.-е. проводимость воздуха. Лучи, выдѣляемые при этомъ, совершенно подобны тѣмъ, которые получались при дѣйствіи на матерію свѣта.

Уже болѣе ста лѣтъ извѣстно, что *пламя* разряжаетъ наэлектризованныя тѣла, но только недавно *Бранли* выяснилъ причину этого явленія, доказавъ, что активную роль играетъ здѣсь не самое пламя, а частицы газа, испускаемыя имъ. Собравъ газъ пламени въ особый пріемникъ и охладивъ его, Бранли показалъ, что такой газъ разряжаетъ электроскопъ, тогда какъ газъ происходящій не изъ пламени, хотя былъ бы нагрѣтый до 100°, все же не оказываетъ такого дѣйствія. Затѣмъ *Арреніусъ* высказалъ мысль, что продуктами разложенія въ данномъ случаѣ являются іоны, заряженные электричествомъ и потому способные дѣлать воздухъ проводникомъ электричества и слѣдовательно, разряжать электроскопъ. Лебонъ, на основаніи опытовъ Бранли и своихъ собственныхъ утверждаетъ, что образующіеся здѣсь газовые іоны способны проникать черезъ металлическія пластинки, что скорость разряженія электроскопа растетъ очень быстро съ толщиной металла, но что при этомъ многіе металлы также очень быстро теряютъ эту способность и возстановляютъ ее только послѣ продолжительнаго (по крайней мѣрѣ, 24 часа) «отдыха». По мнѣнію Лебона горѣніе является одною изъ самыхъ энергичныхъ и распространенныхъ причинъ разложенія матеріи, ея іонизаціи; при этомъ образуются такія громадныя количества «лучей» – іонныхъ потоковъ, что можно надѣятся когда нибудь ихъ утилизировать. Тоже разложеніе матеріи и лучеиспусканіе ея происходитъ, согласно опытамъ Лебона, и при воздѣйствіи на металлъ тепловыхъ лучей. Можетъ быть, здѣсь происходитъ не прямое воздѣйствіе на мате-

рію этихъ лучей, а они вызываютъ химическія реакціи, аналогичныя тѣмъ, которыя происходятъ при явленіяхъ фосфоресценціи. Интересно, что и при воздѣйствіи тепловыхъ лучей на металлъ, послѣдній тоже быстро обнаруживаетъ «усталость» и лучеиспусканіе проявляется снова только послѣ продолжительнаго отдыха.

Электрическія воздѣйствія, даже самыя сильныя, какъ напр., искры отъ индукціонной машины, сообщаютъ тѣламъ, подвергнутымъ ихъ дѣйствію, лишь слабую радіоактивность, несравнимую по интенсивности съ дѣйствіемъ простого свѣтового луча или химической реакціи. Только употребляя напряженіе въ нѣсколько сотъ тысячъ вольтъ Лебонъ получилъ видимыя простымъ глазомъ «истеченія» въ 15 сантиметровъ длиной, которыя, не отклоняясь, проникали черезъ эбонитъ и стекло, при чемъ не пробивали ихъ, а проходили, какъ лучи свѣта черезъ стекло. Если эти истеченія, пропустить черезъ трубку съ весьма разрѣженнымъ въ ней газомъ (какъ въ трубкѣ Крукса), то эта трубка испускаетъ рентгеновскіе лучи.

Такимъ образомъ всѣ радіоактивныя свойства обнаруживаются, какъ показали опыты Лебона, и нерадіоактивными веществами при воздѣйствіи на нихъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ агентовъ, слѣдовательно, радіоактивность есть общее свойство матеріи, только проявляющееся въ нѣкоторыхъ веществахъ наиболѣе рѣзко и безъ видимаго воздѣйствія посторонних возбудителей. Но и *произвольная* радіоактивность можетъ быть обнаружена у всѣхъ веществъ: нужно только съумѣть аккумулировать тѣ крайне незначительныя количества радіоактивныхъ частицъ, которыя безпрерывно выдѣляются всѣми тѣлами. Для этого достаточно, напр., свернуть листокъ металла въ замкнутую трубку, заткнуть её съ одного конца и оставить въ теченіе 8-ми дней въ темнотѣ; когда поставимъ такой цилиндрикъ на дискъ электроскопа, то замѣтимъ слабое разряженіе послѣдняго. Цилиндрикъ этотъ быстро теряетъ свою активность, но если мы его немного нагрѣемъ, то онъ снова произведетъ разряженіе и даже болѣе сильное и болѣе продолжительное. На этотъ разъ нашъ цилиндръ использовалъ уже всю свою радіоактивность; чтобы накопить ее, ему нужно «отдохнуть». Не всѣ металлы обладаютъ одинаковою радіоактивностью, напримѣръ, алюминій гораздо радіоактивнѣе мѣди. Еще болѣе слабую радіоактивность обнаруживаютъ дерево, бумага, картонъ.

Наиболѣе значительное разложеніе матеріи производитъ, по мнѣнію Лебона, пламя и катодные лучи. Рентгеновскіе лучи, катодные лучи, всѣ истеченія, производимыя разложеніемъ матеріи и разсмотрѣнныя нами выше, являются, по Лебону, лишь «частными проявленіями особаго рода совершенно новой энергіи, такъ же распространенной въ природѣ, какъ электричество и теплота. Эта энергія владѣетъ свойствами какъ матеріальныхъ тѣлъ, такъ и нематеріальныхъ силъ», и Лебонъ задаетъ вопросъ, не представляетъ ли она «перехода между двумя мірами, которые наука представляла всегда глубоко раздѣленными: міромъ матеріи и міромъ энергіи».

Лебонъ выражаетъ свою мысль нѣсколько метафизично. «Міръ энергіи и міръ матеріи» звучатъ какими-то «сущностями».

Съ точки зрѣнія эволюціоннаго позитивизма, которую намъ ужъ не разъ приходилось отстаивать на страницахъ «Міра Божьяго», и матерія и энергія—только символы, въ которыхъ мы выражаемъ наиболѣе экономнымъ образомъ часть опыта человѣчества; но опытъ этотъ растетъ, и по мѣрѣ его роста является потребность въ новыхъ символахъ, которые часто—только обобщеніе прежнихъ и только изрѣдка совершенно развѣнчиваютъ и уничтожаютъ старыхъ «боговъ».

Видимо, мы наканунѣ такого обобщенія въ физическихъ наукахъ, но можно съ увѣренностью сказать, что и на этотъ разъ матерія и энергія не будутъ уничтожены, а только найдено будетъ для нѣкоторыхъ явленій болѣе общее начало, въ которомъ эти символы сольются. Въ такой эволюціи понятій нѣтъ ничего неожиданнаго: несмотря на всѣ попытки энергетиковъ, мы не можемъ представить энергіи безъ матеріи и матеріи безъ энергіи; это указываетъ, по нашему мнѣнію, что даннымъ двумъ символамъ свойственно нѣчто общее, чего до сихъ поръ поръ мы еще не могли уловить и что начинаетъ вырисовываться едва замѣтными слабыми контурами, благодаря этимъ невидимымъ лучамъ и «эманаціямъ».

Дѣйствительно, даже теперь, когда каждый мѣсяцъ приноситъ все новыя и новыя свѣдѣнія о различнаго рода «лучахъ» и ученые не успѣваютъ разобраться въ растущей грудѣ фактовъ, даже теперь можно наблюдать нѣкоторыя связи и переходы между всѣми этими лучеиспусканіями.

Катодные лучи, безспорно потоки матеріальныхъ частицъ, рождаютъ рентгеновскіе, и тѣ и другіе, благодаря свойству вызывать фосфоресценцію и разряжать наэлектризованныя тѣла, связываются съ одной стороны—съ ультрафіолетовыми лучами, съ другой—съ лучами, испускаемыми радіоактивными веществами; среди послѣднихъ часть стоитъ ближе къ катоднымъ (отклоняемые магнитомъ), часть къ рентгеновскимъ (неотклоняемые).

Такимъ образомъ, въ туманной дали начинаетъ вырисовываться нѣкоторая связь между чисто эфирными лучами спектра, связанными съ недиссоціированной матеріей, и цѣлой тучей новыхъ лучей, понятныхъ только въ связи съ матеріей диссоціированной, распавшейся на іоны, на части неизмѣримо болѣе мелкія, чѣмъ атомы, можетъ быть, начальныя зерна міроваго эфира.

И, можетъ быть, недалеко то время, когда выяснится вполнѣ эта связь и между частицей матеріи и первичной частицей эфира будутъ установлены постепенные переходы, а матерія и энергія сольются въ еще болѣе широкомъ обобщеніи.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Февраль **1903 г.**

Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія литературы и искусствъ. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія. — Естествознаніе.—Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. С. Пушкинъ. „Сочиненія".—*В. Короленко.* „Безъ языка".—*Н. Сѣверова.* „Эта".

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. К. Ефремова. Спб. 1903 г. Изд. Суворина. Томы I—III. Болѣе 65 лѣтъ прошло со дня смерти Пушкина; срокъ, казалось бы, вполнѣ достаточный для того, чтобы приготовить и выпустить въ свѣтъ полное и научно обработанное изданіе сочиненій нашего великаго поэта. Однако, до сихъ поръ, если не считать едва начатаго академическаго изданія, мы не имѣемъ ни одного изслѣдованія, которое бы давало болѣе или менѣе исчерпывающій матеріалъ для изученія пушкинскаго творчества во всемъ его разностороннемъ значеніи.

Первая попытка такого изслѣдованія была сдѣлана еще Анненковымъ («Сочиненія Пушкина», въ 7-ми т. Спб. 1855—57 гг.), который впервые собралъ и обработалъ часть подлинныхъ рукописей поэта (см. также приложеніе къ упомянутому изд. «Матеріалы для біографіи и оцѣнки произведеній Пушкина»; отдѣльно Спб. 1873 г.). Къ сожалѣнію, цензура исказила его работу; съ цензурными пропусками и исправленіями она лишилась большей части своего научнаго значенія, но и въ такомъ видѣ продолжала долгое время служить образцомъ для послѣдующихъ многочисленныхъ изданій сочиненій Пушкина (объ этихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ см. статью Анненкова въ «Вѣстникѣ Европы» 1881 г. «Любопытная тяжба»).

Вскорѣ послѣ анненковскаго изданія, появились подъ рядъ три шеститомныхъ изданія Исакова; два (1859—60 и 1869—71 гг.) подъ редакціей Геннади и одно (1878—1881 гг.) подъ редакціей П. А. Ефремова. Редакторская работа Геннади была лишена всякаго научнаго значенія; изученіе пушкинскаго текста не подвинулось ни на шагъ впередъ, и Соболевскій имѣлъ полное право зло смѣяться въ своей эпиграммѣ:

О жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій,
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннади.

Наоборотъ, П. А. Ефремовъ въ вышеупомянутомъ изданіи и въ послѣдовавшихъ къ нему вскорѣ дополненіяхъ (изд. Ан—каго, подъ ред. П. А. Ефремова, въ 7-ми т. М. 1882 г.). сдѣлалъ вторую, послѣ Анненкова, попытку систематизировать пушкинскіе матеріалы; онъ свѣрилъ текстъ съ первоизданіями, исправилъ нѣкоторыя неточности, собралъ разбросанные варіанты и отдѣльные

наброски и, наконецъ, сдѣлалъ цѣнные указанія біографическаго и библіографическаго характера (въ изд. Ан—каго цѣлый томъ писемъ Пушкина). Однако, и это изданіе имѣло свои, и очень крупные, недостатки; громадное большинство рукописей поэта не было использовано П. А. Ефремовымъ; пробѣлъ этотъ такъ и не былъ восполненъ вплоть до 1887 года, когда одновременно появились два новыхъ изданія. Редакція перваго принадлежала П. О. Морозову (изд. «Литературнаго фонда»), редакція второго—тому же П. А. Ефремову (изд. Комарова). По странной случайности оба изданія какъ бы дополняли другъ друга въ своихъ недостаткахъ. П. О. Морозовъ занялся тщательнымъ изученіемъ подлинныхъ рукописей поэта и на основаніи ихъ, хотя и не вездѣ точно, исправилъ и дополнилъ пушкинскій текстъ. Печатные источники не были имъ привлечены къ изданію. Наоборотъ, П. А. Ефремовъ преимущественное вниманіе обратилъ на первоизданія и положилъ въ основу своего труда новое сличеніе текста съ печатными первоисточниками. Цѣнныя рукописи, пожертвованныя сыномъ поэта въ Румянцевскій музей, были имъ использованы лишь въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ П. И. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ» и В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» (1884 г. № 2—12, позднѣе—1887 г., т. LV). Затѣмъ, впродолженіи долгаго періода времени съ 1887 по 1899 гг. не появлялось ни одного сколько-нибудь цѣннаго въ научномъ смыслѣ изданія сочиненій Пушкина. Наконецъ, въ 1899 г. вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей покойнаго Л. Н. Майкова І-й томъ давно обѣщаннаго академическаго изданія («Сочиненія Пушкина», изд. Императорской академіи наукъ. Т. І. Лицейскія стихотворенія. Спб. 1899 г. Изд. 2-е 1900 г.). Въ немъ впервые были полно и всесторонне использованы лицейскія тетради Пушкина и, кромѣ того, были даны чрезвычайно цѣнныя и подробныя примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ поэта. Къ несчастью, смерть Л. Н. Майкова прервала ходъ этого единственнаго научно обработаннаго изданія и отдалила на неопредѣленное время окончаніе его.

1903 г. принесъ намъ новое изданіе сочиненій Пушкина. Редакцію его принялъ на себя все тотъ же П. А. Ефремовъ, съ 1859 г. (въ «Библіографическихъ Запискахъ») занимающійся изученіемъ пушкинскаго текста. Но и новое изданіе не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научной обработки пушкинскихъ матеріаловъ. Наиболѣе крупнымъ его недостаткомъ является все то же, наблюдавшееся и въ прежнихъ изслѣдованіяхъ П. А. Ефремова, предпочтительное вниманіе къ печатнымъ источникамъ и недостаточное пользованіе подлинными рукописями поэта. Изъ этого основного недостатка вытекаютъ и всѣ остальные недочеты изданія—пропуски («Вишня», «Съ позволенія сказать»...), хронологическія неточности (напр.: «На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный» написано не въ 1821 г., а въ 1822; «О дѣва роза», «Фонтану», «Виноградъ» отнесены къ 1820 г., тогда какъ ихъ нужно отнести къ 1824 г. и др.), искаженія текста и другія болѣе или менѣе крупныя погрѣшности, подробно перечисленныя г. Библіофиломъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (см. фельетонъ № 316, 1902 г.). Однако, у новаго изданія есть и свои несомнѣнныя достоинства и главнѣйшее изъ нихъ, по справедливому указанію В. Е. Якушкина, привлеченіе къ изданію всего того накопившагося за послѣднія 15 лѣтъ печатнаго матеріала, который не вошелъ въ изданія предшествовавшихъ годовъ. Исправленія, внесенныя по изданію Литературнаго фонда, коррективы по извѣстной тетради Анненкова, добавленія и поправки въ варіантахъ и черновыхъ наброскахъ, насколько можно судить до выхода въ свѣтъ VIII-го и послѣдняго тома, обѣщаютъ сообщить ефремовскому изданію ту степень полноты и точности, которая придастъ ему характеръ полнаго и очень цѣннаго свода печатныхъ пушкинскихъ матеріаловъ. Систематическое же распредѣленіе текста и сохраненіе подлинной пушкинской орѳографіи и пунктуаціи, даетъ возможность получить цѣльное и непосредственное впечатлѣніе и избѣгнуть всегда возможныхъ искаженій смысла при произвольномъ

исправленіи орѳографіи поэта. Если же принять во вниманіе, что новое изданіе предназначено для широкихъ слоевъ читающей публики и что П. А. Ефремовъ тѣмъ самымъ значительно съуживаетъ свои научныя задачи, то нельзя не признать, что вышедшіе до сихъ поръ подъ его редакціей томы, несомнѣнно, въ общемъ, удовлетворяютъ своему назначенію и являются крупнымъ вкладомъ въ исторію пушкинскаго текста.

Печатается изданіе на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; къ I-му тому приложенъ портретъ поэта въ хорошей гравюрѣ художника Рундальцова, съ оригинала, писаннаго Тропининымъ. Кромѣ того, ко всѣмъ поэмамъ, выходившимъ отдѣльнымъ изданіемъ, приложены снимки съ заглавныхъ листовъ первыхъ изданій этихъ произведеній. *Б. Савинковъ.*

«Безъ языка» (разсказъ) Владиміра Короленко. Спб. 1903 г. Ц. 75 к. Изд. «Русскаго Богатства». Въ новомъ изданіи разсказъ Вл. Г. Короленко подъ выписаннымъ заглавіемъ,—«Изъ заграничныхъ очерковъ», какъ онъ назывался въ первой редакціи, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ (1895 г.),—является въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Прибавлено вступленіе, сдѣланы нѣкоторыя вставки, наконецъ, совершенно новымъ эпизодомъ представляется встрѣча двухъ земляковъ, Матвѣя Лозинскаго, изъ обѣднѣвшихъ поселянъ западнаго края, «ни мужика, ни мѣщанина», какъ охарактеризовалъ его авторъ въ началѣ разсказа, съ сыномъ бывшаго богатаго помѣщика, Нилова, съ которымъ у Лозинскаго и его односельчанъ тянулась долгая тяжба изъ-за чинша,—встрѣча въ далекой Америкѣ, при совершенно особыхъ условіяхъ жизни и измѣнившихся личныхъ обстоятельствахъ. Всѣ эти измѣненія и дополненія придаютъ нѣсколько особый характеръ новой версіи разсказа, основныя черты котораго, однако, сохранены, но представляются въ иномъ освѣщеніи. Въ первой редакціи мы имѣли нѣсколько обрубленный остовъ разсказа о происшествіи анекдотическаго характера, въ стилѣ сказки-складки, прелестно изложенной мастерскимъ разсказчикомъ, съ чудесными описаніями моря, съ юмористическимъ изображеніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ особенностей американской цивилизаціи, съ проникновеннымъ возсозданіемъ наивной души «простака-лозищанина», который, попавъ «безъ языка» въ Новый Свѣтъ, потерялся на улицахъ Нью-Іорка и претерпѣлъ разныя невзгоды. Въ концѣ концовъ, однако, его выручилъ какой-то неизвѣстный ему землякъ, приставилъ его къ дѣлу на лѣсопилкѣ и черезъ три года Матвѣй Лозинскій сталъ сознательнымъ гражданиномъ сѣверо-американскихъ штатовъ и женился на дѣвушкѣ-сиротѣ, своей соотечественницѣ, съ которой онъ познакомился еще при переѣздѣ черезъ океанъ, на кораблѣ эмигрантовъ. Фабула разсказа весьма незамысловата и изложеніе представлялось съ неопредѣленными очертаніями именно сказочнаго происшествія, въ которомъ неожиданности и случайности играютъ большую роль, и наряду съ огульными описаніями нѣсколько упрощеннаго характера, какъ рѣзко очерченныя линіи контура на рисункѣ, стремящемся передать наивную простоту непосредственнаго чувства,—тщательная выписка деталей въ отдѣльныхъ эпизодахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Когда въ Лозищахъ получено было письмо отъ Іосифа Оглобли, раньше эмигрировавшаго въ Америку, съ пароходнымъ билетомъ для его жены, которую онъ приглашалъ къ себѣ, то собрались ѣхать вмѣстѣ съ нею ея братъ, Матвѣй Лозинскій, по прозванію Дышло, и пріятель Матвѣя—Иванъ Дыма, по фамиліи тоже Лозинскій, такъ какъ и всѣ обитатели Лозищъ звались Лозинскими. Матвѣя «никто въ деревнѣ умнымъ не считалъ», но обладалъ онъ необыкновенною физическою силой, «а глаза и сердце—какъ у ребенка». Ивана же «никто дуракомъ не считалъ и онъ никому не давалъ спуску, но на руку былъ не силенъ и въ дракѣ ни съ кѣмъ устоять не могъ». Пробовали удержать ихъ, но не отговорили; «вотъ и поѣхали наши

трое въ дальнюю дорогу». «Не стоитъ, пожалуй, описывать, сообщаетъ авторъ, какъ они переѣхали черезъ границу и переѣхали черезъ нѣмецкую землю, потому что это не такъ уже трудно». Сразу дѣйствіе переносится въ Гамбургъ, гдѣ пріятели поневолѣ разстались съ женщиной, которую они сопровождали, такъ какъ у нея былъ «тикетъ» на пароходъ, а они не догадались запастись билетами; ихъ не пустили съ нею. Затѣмъ, конечно, устроили это дѣло и черезъ сутки—«въ полдень поплыли наши Лозинскіе—Дыма и Дышло догонять Лозинскую Оглоблю...» Слѣдуетъ превосходное, по выдержанности стиля, описаніе поѣздки по морю, которое мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать, какъ образецъ поэзіи въ прозѣ:

„Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро поднимается съ другой.

„Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты, потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь сбоку на бокъ, какъ клочки бѣлой бумаги, отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули на вѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ глазами и вздыхаетъ. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой—бѣдныя соломенныя хаты. И кажется, вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ,—родной и знакомой.

„А море глухо бьетъ въ борты корабля и волны, какъ горы, поднимаются и падаютъ, съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ.

„Корабль клонитъ—клонитъ; вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣніемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ, а корабль все идетъ и идетъ.

„Надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи, или гроза бушуетъ и реветъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...“ *)

Останавливаемся за невозможностью переписывать цѣликомъ цѣлыя страницы мастерскихъ описаній, въ своеобразномъ стилѣ, присущемъ нашему даровитому писателю. И при такой обстановкѣ на кораблѣ, несущемъ его черезъ океанъ, задумывался Матвѣй надъ разными вопросами, которые раньше какъ будто и не приходили ему въ голову. «Жаль только,—прибавляетъ авторъ,—что всѣ эти мысли подымались и падали, какъ волны, не оставляя замѣтнаго слѣда, не застывая въ готовомъ словѣ, вспыхивали и гасли, какъ морскіе огни въ глубинѣ»... Авторъ тепло и задушевно сумѣлъ очертить ощущенія непосредственнаго «человѣка природы», простодушнаго и наивнаго, не умѣвшаго «слова находить», поэтому и считавшагося неумнымъ даже у себя на родинѣ, но въ сущности далеко не глупаго, только живущаго, скорѣе сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. И эта сердечная чуткость и душевная чистота помогаютъ ему правильно судить о томъ, что хорошо и что дурно, скорѣе разобраться даже среди сложныхъ и непонятныхъ ему отношеній кипучей американской жизни, которая разомъ передъ нимъ развернулась со всѣми своими отрицательными и положительными сторонами,—скорѣе, чѣмъ «умнику» Ивану, сразу по пріѣздѣ замѣшавшемуся въ агитаціи избирательныхъ партій и уже «продающему свой голосъ». Симпатіи автора явно на сторонѣ Матвѣя, который и является затѣмъ главнымъ героемъ разсказа. «Героемъ» становится онъ отчасти и поневолѣ, такъ какъ, заблудившись на улицѣ Нью-Іорка, возбуждаетъ одновременно и подозрѣнія полиціи, и вниманіе усердныхъ газетныхъ репортеровъ, отмѣчающихъ походя всякія необычныя явленія на улицахъ; и такъ Матвѣй, по непонятнымъ для него причинамъ, становится неожиданно «знаменитостью» и въ теченіе нѣсколькихъ дней фигурируетъ на столбцахъ газетъ. Презабавно разсказана вся эта

*) Въ приведенной выпискѣ мы позволяемъ себѣ нѣсколько измѣнить пунктуацію автора.

газетная сутолока съ пространными и очень удачно пародированными рецензіями о «дикарѣ въ Нью-Іоркѣ», то, по толкованію рецензента, «купающаго своихъ дѣтей» въ общественномъ бассейнѣ, изъ котораго Матвѣй просто хотѣлъ напиться, то оказавшагося сильнѣе полисмена Гопкинса и будто бы даже его убившаго на митингѣ безработныхъ и т. п. Въ этой части разсказа стиль изложенія иной и авторъ щеголяетъ самыми детальными описаніями встрѣчъ и столкновеній злополучнаго Матвѣя, котораго считаютъ не то кафромъ, патагонцемъ или славяниномъ. Сцена на митингѣ безработныхъ была цѣликомъ приведена на страницахъ «Міра Божія», въ замѣткахъ А. Б. (1895 г. № 5, стр. 241 и сл.).

Сочувственное отношеніе автора къ простодушному Матвѣю дало поводъ одному критику, г. Иванову, къ ошибочному на нашъ взглядъ, толкованію основной мысли разсказа, которая будто бы сводится къ тому, чтобы доказать «неизбѣжность страданій «дикаря» въ нѣдрахъ культуры». «Авторъ-де не жалѣетъ красокъ на живопись *глупости* культурныхъ людей, даже добрыхъ, но слишкомъ цивилизованныхъ, чтобы понимать просто человѣка независимо отъ той или другой культурной ливреи». Критикъ даже споритъ съ авторомъ, отстаивая свою мысль, и, указавъ, что если въ разсказѣ г. В. Короленко «счастливая звѣзда его героя и превращаетъ его, въ концѣ концовъ, въ джентельмена», то «это впечатлѣніе не выражаетъ взгляда автора на вопросъ». Взглядъ же этотъ, по убѣжденію критика, долженъ подтверждать его собственную мысль, высказанную имъ раньше, что—«цивилизація со всѣми своими хитростями и завоеваніями весьма часто бездушна и глупа» и, «кромѣ сердечнаго тщедушія, безпрестанно обнаруживаетъ удивительное тупоуміе и близорукость» (см. И. И. Ивановъ. «Поэзія и правда міровой любви» 1896 г.)». Всѣ эти выводы должны быть оставлены на отвѣтственности критика, такъ какъ они отнюдь не вытекаютъ изъ сущности разсказа автора и произвольно ему приписаны. «Дикарь» г-на В. Короленко отнюдь не можетъ быть отожествленъ хотя бы съ типомъ «первобытнаго человѣка», создавшагося въ воображеніи Руссо, и едва-ли авторъ имѣлъ въ виду возобновить старый тезисъ о гибельномъ вліяніи цивилизаціи, доводя его до такихъ крайностей. Матвѣя, конечно, влекло къ тому, что могло ему напомнить обстановку его родины и занятія, къ которымъ онъ привыкъ съ измалѣтства; его тянуло къ полямъ и лѣсамъ, къ деревнѣ, которой онъ не находилъ въ окрестностяхъ Нью-Іорка. Его не понимали, такъ же какъ и онъ не понималъ того, что вокругъ его дѣлаютъ. Но едва-ли шутка автора по поводу того, что намѣренье Матвѣя поцѣловать руку у разныхъ лицъ, съ которыми онъ встрѣчался, было истолковано свободными *янки*, какъ желанье «укусить», можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для «обличенія» цивилизаціи въ тупоуміи и близорукости». Въ цивилизаціи можетъ быть много жесткаго, «нивеллирующаго», но вѣдь создается она не обособленно отъ людей. Наконецъ, вполнѣ естественное недовольство и раздраженіе измученнаго, проголодавшагося, потеряннаго «безъ языка» человѣка, отнюдь не есть обвинительный актъ противъ условій жизни въ свободной странѣ, гдѣ именно тѣмъ больше отвѣтственности на самой личности, чѣмъ она свободнѣе. Нужно только, чтобы она сознала и то, и другое. Уже въ первой редакціи разсказа совершенно ясна мысль автора—провести послѣдовательно своего героя черезъ разные фазисы отъ приниженнаго состоянія въ сознаніи своей безпомощности до осмысленной жизни, при окрѣпшемъ чувствѣ свободной личности. Если же нѣкоторая недосказанность первой редакціи могла оставить сомнѣнія по вопросу объ отношеніи автора къ «цивилизаціи», то вводная глава въ новой редакціи вполнѣ проясняетъ его мысль. Въ новой обработкѣ усматривается общее стремленіе автора придать разсказу характеръ большей достовѣрности. Этой цѣли служитъ и вступленіе, и многія вставки, наконецъ, въ послѣдней главѣ, авторъ пишетъ: «Наша правдивая

*

исторія...» уже безъ всякаго оттѣнка юмора. Вполнѣ серьезнымъ тономъ проникнуты послѣднія страницы разсказа, а по оцѣнкѣ значенія американской «цивилизаціи» весьма характернымъ представляются слѣдующія слова Нилова своему земляку Матвѣю, послѣ того, какъ они признали другъ друга: «Не знаю, поймете ли вы меня, но... за то одно, что мы здѣсь встрѣтились съ вами... и съ другими, какъ равные... какъ братья, а не какъ враги... за это одно я буду вѣчно благодаренъ этой странѣ». Ниловъ возвращается на родину; тянетъ и Матвѣя вернуться со временемъ; но пока онъ женится и остается жить въ новой странѣ. «А въ душѣ его всплывали новыя мысли о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни, о Богѣ, которому поклоняются, хотя и разно, по всему лицу земли, о многомъ, что никогда не приходило въ голову въ Лозищахъ. И нѣкоторыя изъ этихъ мыслей становились все яснѣе и ближе.».. Такъ постепенно завершался духовный ростъ личности въ первоначальномъ «дикарѣ».

Ѳ. Бат—ковъ.

«Эта», повѣсть Н. Б. Сѣверовой, съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. И «Эта», героиня повѣсти г-жи Сѣверовой, поѣхала въ Америку искать свободы и самостоятельной дѣятельности, вмѣстѣ съ двумя подругами, какъ Лозинскіе Дыма и Дышло съ Лозинскою Оглоблей въ разсмотрѣнномъ произведеніи В. Г. Короленко. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ талантливый очеркъ г. Тана «Авдотья и Ривка» (см. «Міръ Божій», 1902, № 10), въ которомъ также излагается судьба двухъ женщинъ, поѣхавшихъ попытать счастья въ Америкѣ, отъ худого житья у себя дома. Разница съ повѣстью г-жи Сѣверовой заключается, прежде всего въ томъ, что «Эта», настоящее имя которой Лулу, или Елена Сергѣевна Толимова,—дочь «благородныхъ родителей», принадлежавшихъ къ высшему, аристократическому слою общества въ Россіи. Ея двѣ подруги, товарки по пансіону, нѣсколько ниже по общественному положенію ихъ родителей; Лулу сблизилась съ ними тогда, когда уже умеръ ея отецъ и они, по выраженію ея матери, стали «нищими» (относительно, конечно, т.-е. съ годовымъ доходомъ въ 7 тыс. руб.!). Первая часть повѣсти не представляетъ особаго интереса. Это повтореніе еще одной «женской жизни», ничѣмъ особенно не выдѣляющейся. Характерно только отношеніе автора къ изображаемымъ условіямъ жизни въ такъ называемомъ у насъ аристократическомъ обществѣ, суетность и вздорность котораго выступаетъ съ особымъ рельефомъ въ мотивахъ, побудившихъ «Лулу» бѣжать изъ дому и ѣхать съ эмигрантами въ Америку, на скромную роль горничной. Молодая дѣвушка, въ которой пробудилось сознаніе своей личности и желаніе самостоятельнаго труда, проявляетъ много энергіи и настойчивости во всѣхъ перипетіяхъ своей оригинальной поѣздки, при самыхъ скудныхъ средствахъ. Поступаетъ она сперва дѣйствительно на мѣсто горничной, затѣмъ на правахъ полугостьи служитъ у фермеровъ, выходцевъ изъ Швейцаріи, наконецъ, приходитъ къ выводу, аналогичному съ однимъ замѣчаніемъ въ разсказѣ В. Г. Короленко судьи Дикинсона Нилову: судья Дикинсонъ надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ одежду каменьщика, въ воспоминаніе того, чѣмъ онъ *былъ*, неуклонно затѣмъ возвышаясь по ступенямъ общественной лѣстницы. Ниловъ идетъ обратнымъ путемъ, ставъ изъ сына богатаго помѣщика чернорабочимъ, и Дикинсонъ говоритъ ему: «Въ старости вамъ, пожалуй, захочется надѣть вашъ фракъ». Вотъ и «Лулу», не дожидаясь старости, поспѣшила домой—облечься въ «прежнія платья». Она говоритъ своей подругѣ: «Низшіе классы хотятъ сдѣлаться такими же людьми, какъ мы, и они правы, такъ какъ стремятся впередъ. Но мы, которые отвергаемъ преимущества нашего воспитанія (становясь въ положеніе чернорабочихъ), отрекаемся отъ нашихъ знаній и талантовъ и насильно премъ (sic) назадъ, мы не только не правы, но мы даже неестественны». Въ силу такого вывода

вся заграничная «эскапада» Лулу представляется какимъ-то недоразумѣніемъ. Она напоминаетъ «побѣги» гимназистовъ, начитавшихся Майнъ-Рида. Это очень жаль, и, отнюдь не сравнивая произведенія г-жи Сѣверовой съ высоко-художественнымъ разсказомъ В. Г. Короленко, мы ограничиваемся указаніемъ на аналогію въ сюжетѣ. Причемъ нельзя не отмѣтить и слѣдующей, существенной разницы: въ разсказѣ г. Короленко Ниловъ возвращается на родину, но знаетъ то, что взялъ у Америки въ смыслѣ пройденной школы, въ смыслѣ закала характера, расширеннаго горизонта наблюденій, усвоенныхъ привычекъ свободнаго гражданина, хотя бы наряду съ этимъ онъ вынесъ впечатлѣнія о многихъ отрицательныхъ сторонахъ жизни въ Америкѣ. Матвѣй остается, найдя свою «судьбу». Остается въ Америкѣ и Авдотья въ разсказѣ г. Тана, двигаясь «снизу вверхъ». А Лулу вернулась такою же растерянною и недоумѣвающею, какою и уѣзжала. Общаго съ Авдотьей у нея остается только то, что обѣ ушли отъ «худого житья», но въ разномъ значеніи этого понятія, столь разномъ, что Лулу не побоялась вернуться въ прежнюю обстановку. Изъ-за чего же было затѣивать и весь побѣгъ? Книга украшена нѣсколькими иллюстраціями нашего маститаго художника И. Е. Рѣпина. *Ѳ. Бат—овъ.*

КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

А. Н. Веселовскій. „В. А. Жуковскій“—*А. И. Пономаревъ.* „В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ“.—*Джонъ Рескинъ.*—„Сочиненія. Кн. 8“.—*А. В. Мезьеръ.* „Указатель историческихъ романовъ“.—*Д. Брагинскій.* „Указатель переводной беллетристики“.

В. А. Жуковскій. Чтеніе академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1902 г.—Проф. А. И Пономаревъ. В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ и въ отношеніи къ Царю-Освободителю. Спб. 1902 г. Чтеніе академика Веселовскаго представляетъ собою краткую и сжатую, но въ то же время очень содержательную характеристику Жуковскаго, какъ человѣка и поэта. Авторъ «чтенія» усиленно подчеркиваетъ зависимость Жуковскаго отъ Карамзина и узость его поэтическаго кругозора, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что въ своемъ «бѣдномъ по содержанію районѣ, онъ совершилъ чудеса». Поэзія Жуковскаго, по мнѣнію почтеннаго академика, «можетъ быть, и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довлѣющаго самому себѣ чувства будутъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастьѣ» (стр 11).

Нѣкоторые выводы академика Веселовскаго идутъ въ разрѣзъ съ наиболѣе установившимися мнѣніями о Жуковскомъ. Къ сожалѣнію, краткость «чтенія» не позволила автору обосновать свои выводы съ достаточною убѣдительностью. Такъ, напримѣръ, и до академика Веселовскаго признавали сильную зависимость Жуковскаго отъ Карамзина, но въ то же время называли творца «Свѣтланы» и романтикомъ. Авторъ же «чтенія» категорически заявляетъ, что Жуковскій «не романтикъ, а карамзинецъ» (стр. 2).

Балладные мотивы, видѣнія кладбища при невѣрномъ свѣтѣ луны, черти и вѣдьмы нѣмецкіе и англійскіе, мечтательность и меланхолія, все это, по мнѣнію академика Веселовскаго, «не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и и созвучнаго оссіановскаго настроенія». (стр. 5). Но въ то же время почтенный

авторъ не отрицаетъ въ поэзіи Жуковскаго наличность того «томленія» (Sehnsucht), которое Брандесъ считаетъ матерью романтической поэзіи. *)

Парадоксально звучитъ и такое мнѣніе о Жуковскомъ: «Носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространить то и другое на болѣе широкіе горизонты» (стр. 8). Можно ли сомнѣваться, напримѣръ, въ томъ, что Жуковскій, отпуская на волю своихъ крѣпостныхъ и содѣйствуя освобожденію цѣлаго ряда «рабовъ», не желалъ уничтоженія крѣпостного права? Не подлежитъ также сомнѣнію, что Жуковскій, хотя смутно и неопредѣленно, сознавалъ недостатки дореформенной Россіи, когда въ своихъ письмахъ жаловался, что «у насъ все спитъ», и когда доказывалъ своимъ ученикамъ вредъ неподвижности и необходимость прогресса и реформъ. Едва ли можно согласиться и съ мнѣніемъ, что любовь къ Протасовой сдѣлала Жуковскаго поэтомъ. Уже «Сельское кладбище» поставило Жуковскаго въ первые ряды русскихъ поэтовъ, а чувства любви въ это время сердце поэта еще не знало.

Статья проф. Пономарева, первоначально напечатанная въ «Церковномъ Вѣстникѣ», выдвигаетъ на первый планъ такія стороны поэзіи и жизни Жуковскаго, о которыхъ въ другихъ юбилейныхъ статьяхъ говорится вскользь и мимоходомъ. Авторъ статьи, прежде всего, подчеркиваетъ, что «Жуковскій первый внесъ въ нашу поэзію и въ литературу вообще то высшее начало, которое дало ей душу, одухотворило и освѣтило ее высшимъ свѣтомъ и доставило возможность впродолженіи XIX-го вѣка показать все богатство ея творческихъ силъ и своеобразіе самостоятельнаго развитія, какъ литературы великаго народа» (стр. 3). Этимъ высшимъ началомъ, по мнѣнію автора, является «религіозно-философскій элементъ», который вѣрнѣе было бы назвать религіозно-нравственнымъ или просто нравственнымъ, потому что религіозно-философскій элементъ въ строгомъ смыслѣ этого слова не играетъ первенствующей роли ни въ поэзіи Жуковскаго, ни въ русской литературѣ XIX-го вѣка.

Сообщая біографическіе факты и характеризуя міросозерцаніе Жуковскаго, проф. Пономаревъ особенно подчеркиваетъ религіозность поэта, но и здѣсь также впадаетъ въ преувеличенія. Такъ, напримѣръ, въ письмахъ Жуковскаго встрѣчаются крайне рѣзкіе отзывы о той религіозной атмосферѣ, въ которой онъ выросъ, а проф. Пономаревъ увѣряетъ насъ, что «задатки глубокой и строгой религіозности, отличавшіе Жуковскаго впродолженіи всей жизни, были заложены въ его душѣ въ годы дѣтства, въ условіяхъ семейной обстановки народно-патріархальнаго быта тогдашней помѣщичьей среды» (стр. 7). Далѣе, извѣстно, что Жуковскій не преклонялся передъ «мертвою вѣрой», что въ его религіозномъ міросозерцаніи были такіе элементы, которые въ свое время не могли быть одобрены духовною цензурой и вызвали довольно несочувственный отзывъ московскаго митрополита Филарета. Профессоръ же Пономаревъ говоритъ, что «религіозность, вѣра Жуковскаго была ясная и простая, чуждая всякихъ масоно-мистическихъ примѣсей, вѣра, вынесенная прямо изъ церкви и народа» (стр. 7—8).

Въ статьѣ проф. Пономарева встрѣчаются ссылки почти на всѣ главнѣйшія сочиненія о Жуковскомъ, но знакомство съ литературой предмета не избавило автора не только отъ невѣрныхъ и сомнительныхъ выводовъ, но даже отъ фактическихъ ошибокъ, иногда довольно грубыхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 33 говорится, что «воспитателемъ цесаревича Жуковскій (въ 1827 г.) предлагалъ

---

*) Въ отличіе отъ акад. Веселовскаго проф. В. Лазурскій (Западно европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковскаго, Одесса, 1902) считаетъ Жуковскаго все же романтикомъ, въ смыслѣ опредѣленія романтизма Бѣлинскимъ но вполнѣ своеобразнымъ *Прим. ред.*

назначить графа Каподистрію... но Николай Павловичъ предпочелъ ему Мердера». На самомъ же дѣлѣ Мердеръ былъ назначенъ воспитателемъ цесаревича еще раньше Жуковскаго, и послѣдній хлопоталъ не о замѣнѣ Мердера Каподистріей, а о назначеніи его главнымъ руководителемъ воспитанія будущаго императора. Далѣе, стихотвореніе «Жизнь» написано Жуковскимъ не подъ вліяніемъ увлеченія своей ученицей, какъ говоритъ проф. Пономаревъ (стр. 28), а подъ вліяніемъ зарождавшейся любви къ гр. Самойловой. Невѣрно также утвержденіе проф. Пономарева, что литературная дѣятельность Жуковскаго закончилась «переводами Одиссеи и Иліады (!) Гомера».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы имѣть право задать вопросъ, заслуживалъ ли очеркъ проф. Пономарева отдѣльнаго изданія, безъ тщательнаго пересмотра? *С. Ашевскій.*

Сочиненія Дж. Рёскина. Серія I. Книжка 8. Радость навѣки и ея рыночная цѣна или политическая экономія искусства. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1902. Стр. 138. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 60 к. На обложкѣ этого новаго выпуска сочиненій Дж. Рёскина издатели помѣстили отрадное извѣщеніе: всѣ выпуски поступаютъ въ отдѣльную продажу. До сихъ поръ нужно было подписываться непремѣнно на всю серію изъ 10 книжекъ, что стоило 5 ₽. (съ приложеніемъ сочиненія Р. Сизерана «Дж. Рёскинъ и религія красоты»). Теперь каждую книжку можно купить отдѣльно (и недорого: отъ 30—80 к.), и такимъ образомъ чуднымъ твореніямъ великаго англійскаго мыслителя значительно облегченъ доступъ въ широкіе слои русскаго общества. Считаемъ своевременнымъ привести краткія свѣдѣнія о вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ.

«Сезамъ и Лиліи». Двѣ лекціи, написанныя въ 1865 г., т.-е. тогда, когда Рёскинъ уже рѣшительно перешелъ отъ вопросовъ эстетическихъ къ экономическимъ и общественнымъ. Въ первой лекціи говорится «о царскихъ сокровищахъ», подъ которыми Р. подразумѣваетъ сокровища, скрытыя въ книгахъ. Р. хочетъ внушить слушателямъ чувство благоговѣнія къ великимъ, вѣчно живымъ твореніямъ человѣческаго генія и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ ужасающую картину несправедливости и безобразія современной жизни, которая стоитъ въ такомъ нелѣпомъ противорѣчіи съ великимъ истинами, раскрытыми намъ въ нашихъ «царскихъ сокровищахъ». Во второй лекціи, «о садахъ царицъ», говорится объ огромной власти и великомъ назначеніи женщины. Цѣна книжки 50 к. Тѣ же двѣ лекціи имѣются въ переводѣ г-жи О. М. Соловьевой (Москва. 1901. Ц. 60 к.) съ прибавленіемъ еще третьей «о тайнѣ жизни».

«Письма и совѣты женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ». Стр. 37. Ц. 30 к. Это только подборъ небольшихъ отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ сочиненій Рёскина и касающихся назначенія женщины, ея воспитанія, брака, сферы дѣятельности, работы, платья и проч. Кое-что взято и изъ вып. 1, «Сезамъ и Лиліи».

«Послѣднему, что и первому». Четыре очерка основныхъ принциповъ политической экономіи. Стр. 92. Ц. 50 к. Это произведеніе такъ хорошо, что вмѣсто всякихъ рекомендацій хотѣлось бы просто сказать: необходимо его прочесть каждому. Написано оно въ 1859 г., но затѣмъ было переработано для печати и появилось только въ 1862 г. Рёскинъ даетъ здѣсь глубоко продуманную горячо прочувствованную и блестяще изложенную критику экономическихъ понятій, господствующихъ и до сихъ поръ въ экономической жизни и экономической наукѣ. Сжатость и красота языка соотвѣтствуютъ ясности и силѣ мысли, и все отъ первой до послѣдней строчки проникнуто тѣмъ серьезнымъ, сдержанно-восторженнымъ настроеніемъ, которое можетъ быть только у человѣка, открывшаго послѣ мучительныхъ исканій огромный міръ прекрасныхъ и спасительныхъ истинъ и почувствовавшаго въ себѣ призваніе и обязанность

открыть другимъ этотъ закрытый для нихъ міръ. Англійское общество отвѣтило Рёскину насмѣшками и равнодушіемъ. Но Р. тогда же высказалъ, что считаетъ эти 4 небольшіе очерка самымъ лучшимъ и самымъ важнымъ изъ всего имъ написаннаго, т.-е. призналъ ихъ важнѣе всѣхъ многотомныхъ сочиненій объ искусствѣ, которыми онъ къ тому времени уже пріобрѣлъ себѣ громкую славу, и на которыя ушла вся первая часть его жизни до 40 лѣтъ.

«Лекціи объ искусствѣ», читанныя въ оксфордскомъ университетѣ въ 1870 г. Стр. 138. Ц. 80 к. Эти семь лекцій, съ которыхъ Р. началъ свое преподаваніе живописи въ Оксфордскомъ университетѣ, предназначены, конечно, не только для тѣхъ, кто интересуются однимъ искусствомъ. Въ нихъ проводится мысль о единствѣ искусства и жизни, идеаловъ красоты и идеаловъ правды, мысль, давшая единство и цѣльность всей разнообразной и многосторонней жизни самого Р. Въ первой, вступительной, лекціи устанавливается общее положеніе, что хорошее искусство можетъ быть создано только хорошими людьми. Въ слѣдующихъ трехъ лекціяхъ говорится объ отношеніи искусства 1) къ религіи, 2) къ нравственности, 3) къ потребностямъ практической жизни. Послѣднія 3 лекціи (линія, свѣтъ, колоритъ) ближе подходятъ къ спеціальнымъ задачамъ преподаванія живописи, но сохраняютъ и общій интересъ; много мѣста въ нихъ удѣлено исторіи живописи и характеристикѣ разныхъ школъ. Тѣ же «Лекціи объ искусствѣ» имѣются еще въ переводѣ П. С. Когана (М. 1900).

«Оливковый вѣнокъ», четыре лекціи о промышленности и войнѣ. Стр. 98. Ц. 50 к. Эти лекціи были произнесены въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ отъ 1864 г. по 1869 г. Многое изъ общественныхъ взглядовъ и теорій Рёскина нашло здѣсь наиболѣе яркое выраженіе. Первая лекція, «о трудѣ», обращена къ рабочимъ и посвящена вопросу о томъ, на чемъ основано различіе между классомъ рабочихъ и такъ называемыми высшими классами, а также каковъ долженъ быть разумный человѣческій трудъ. Вторая лекція, «о биржѣ», прочитана по приглашенію брадфордскихъ купцовъ, пожелавшихъ услышать отъ Р. какіе-нибудь совѣты насчетъ архитектуры задуманнаго ими зданія биржи. Р. отвѣтилъ горячею рѣчью, въ которой доказывалъ, что ни о какой архитектурѣ, ни о какомъ искусствѣ не можетъ быть рѣчи среди народа биржевиковъ, поклоняющихся золотому тельцу. Третья и четвертая лекціи на первый взглядъ могутъ показаться проникнутыми воинственностью и тщеславнымъ національмомъ; однако подъ этою внѣшнею формой скрывается въ сущности такая безпощадная критика современной войны, современнаго военнаго сословія и всей системы современной внѣшней и внутренней политики, что воинственно настроеннымъ слушателямъ пришлось, пожалуй, на этотъ разъ проглотить не меньше горькихъ пилюль, чѣмъ брадфордскимъ биржевикамъ въ лекціи «о биржѣ».

«Этика пыли». Ц. 50 к. Десять бесѣдъ о кристаллахъ, написанныхъ (въ 1865 г.) въ видѣ непринужденнаго разговора между «старымъ профессоромъ» и молодыми дѣвушками. Путемъ постоянныхъ уподобленій кристалловъ людямъ и людей кристалламъ, «старый профессоръ» наводитъ собесѣдницъ на размышленія надъ основными вопросами нравственности. Русскому читателю многое можетъ показаться слишкомъ сентиментальнымъ. Но есть страницы, которыя всякимъ прочнутся съ глубокимъ интересомъ и удовольствіемъ, напр., о мнимой грѣховности и порочности человѣческой природы (лекція 5), о мнимой святости самопожертвованія (лекція 6), о монашествѣ (лекція 7), о современной наукѣ, о значеніи греческой миѳологіи и религіозныхъ миѳовъ вообще (лекція 10).

«Сельскія листья». Стр. 97. Ц. 50 к. Это—родъ небольшихъ отрывковъ, выбранныхъ безъ особенной системы, изъ большого 5-ти-томнаго труда «Современные живописцы», которымъ Рёскинъ впервые составилъ себѣ славу. Рёскинъ самъ просмотрѣлъ эти выписки, подобранныя «однимъ изъ его лучшихъ друзей», и

снабдилъ кое-какими примѣчаніями. Конечно, такого рода случайные отрывки не даютъ законченнаго впечатлѣнія о затронутыхъ темахъ. Въ этомъ отношеніи характерно маленькое примѣчаніе, вставленное въ одномъ мѣстѣ Рёскинымъ: «Мой другъ не хочетъ выписывать противоположныхъ мѣстъ изъ книги, желая, повидимому, составить чистѣйшее желе, безъ всякой примѣси. Ну что-жъ, я очень благодаренъ, что онъ любитъ желе и могу, во всякомъ случаѣ, быть увѣренъ, что оно выйдетъ хорошо» (стр. 21).

Въ только-что вышедшихъ двухъ лекціяхъ, озаглавленныхъ «Радость на вѣки», Рёскинъ примѣняетъ къ художникамъ и къ ихъ произведеніямъ схему политической экономіи съ ея терминами: трудъ, накопленіе, распредѣленіе и т. п. Онъ обращается здѣсь не къ художникамъ, а къ обществу. Онъ не касается того, какія цѣли долженъ ставить себѣ художникъ, но разъясняетъ, какъ общество должно относиться къ художникамъ и къ художественнымъ произведеніямъ, какъ оно должно открывать и поощрять таланты, обезпечивать художникамъ разумныя условія труда, доставлять имъ работу, чего нужно отъ нихъ требовать, какъ охранять старыя картины, предохранять отъ гибели новыя и находить для тѣхъ и другихъ наилучшее употребленіе, дѣлая ихъ доступными возможно большему числу людей. Написанное въ 1857 г. это небольшое произведеніе составляетъ какъ бы переходную ступень отъ сочиненій, посвященныхъ искусству, къ сочиненіямъ экономическаго и политическаго характера. Представить искусство, какъ одну изъ областей народнаго хозяйства, Рёскинъ могъ только потому, что онъ уже почувствовалъ потребность приложить къ окружающей дѣйствительности ту же силу своего могучаго идеализма, которая раньше заставила его выступить проповѣдникомъ новыхъ или забытыхъ истинъ въ искусствѣ. Но кромѣ уподобленія искусства другимъ отраслямъ народнаго хозяйства, въ «Радости на вѣки» есть и готовыя мысли объ общихъ экономическихъ вопросахъ. Кратко, но твердо и рѣшительно намѣчены здѣсь почти всѣ главныя черты міровоззрѣнія, развернувшагося съ полною силой въ произведеніяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Страданія голодныхъ и нищихъ бѣдняковъ, которыя сытое, самодовольное общество не хочетъ видѣть и не видитъ, уже встали передъ Рёскинымъ, какъ мучительный укоръ совѣсти, а купеческая мораль уже дразнитъ его своею нелѣпостью и своимъ дерзкимъ самоувѣреннымъ презрѣніемъ къ здравому смыслу...

Въ пространныхъ примѣчаніяхъ, которыми Рёскинъ снабдилъ изданіе своихъ лекцій, многіе вопросы, затронутые въ текстѣ только слегка, получили болѣе обстоятельную обработку. Въ качествѣ «дополнительныхъ статей», въ концѣ книжки помѣщены еще три краткихъ чтенія Рёскина, относящихся къ 1858, 1873 и 1875 гг.

Г. Никифоровъ умѣетъ хорошо справляться съ трудностями своеобразнаго стиля Рёскина. Но, къ сожалѣнію, онъ не всегда пользуется своимъ умѣньемъ. Переводъ нельзя назвать безупречнымъ. Встрѣчаются тяжелыя неуклюжія фразы. Порою видна и явная небрежность. Напр., Рёскинъ выставляетъ требованіе, чтобы трудъ художниковъ и скульпторовъ былъ: 1) разнообразенъ, 2) легокъ, 3) долговѣченъ (т.-е. долговѣчны должны быть творенія художниковъ) (стр. 25). Въ передачѣ г. Никифорова, на стр. 23, это требованіе принимаетъ такой видъ: нужно будто бы: «1) засадить этихъ людей за *различнаго рода* работу; 2) за легкую работу; 3) за *продолжительную* (?) работу...» Послѣдняя изъ дополнительныхъ статей, о «Соціальной политикѣ и т. д.», переведена такимъ тяжелымъ языкомъ, что все время приходится ломать голову, доискиваясь истиннаго смысла, скрытаго въ этихъ длинныхъ запутанныхъ періодахъ.

Конечно, переводить Рёскина нелегко. Конечно, нужно быть благодарнымъ г. Никифорову за его въ высшей степени полезный трудъ. Но мы вѣдь и въ правѣ

ожидать многаго—больше того, что намъ дается—отъ поклонника Рёскина, который сознательно взялъ на себя столь отвѣтственную задачу и самъ въ такихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ высказалъ свое благоговѣніе къ генію великаго мыслителя (см. «Дж. Рёскинъ». Біографическій очеркъ Л. П. Никифорова, изд. «Посредника»). *А. Рыкачевъ.*

А. В. Мезьеръ. Указатель историческихъ романовъ оригинальныхъ и переводныхъ по странамъ и эпохамъ Со статьей Н. А. Рубакина. Историческіе романы и преподаваніе исторіи Спб. 1902 г. Стр. 119, in 8°. Цѣна 1 руб.

Д. Брагинскій. Библіографическій указатель переводной беллетристики въ русскихъ журналахъ за пять лѣтъ 1897 г.—1901 г. Спб. 1902 г. Стр. 68, in 8°. Цѣна 60 коп. Живѣйшую признательность нашу заслуживаютъ всѣ, кто даетъ себѣ трудъ составлять скучные, требующіе долгой и кропотливой работы, библіографическіе указатели. Составленіе такихъ указателей особенно трудно въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ возможности въ точности опредѣлить, какія книги изданы въ данномъ году. Понятно поэтому, что русскіе библіографическіе указатели должны всегда страдать нѣкоторой неполнотою и что ошибки въ нихъ не всегда падаютъ на вину составителей: вѣдь наши главныя книгохранилища, куда должны бы поступать аккуратно всѣ русскія изданія, постоянно жалуются на пробѣлы въ текущей русской литературѣ, пополнить которые имъ далеко не всегда удается.

Оба разбираемые нами указателя—спеціальные: первый по предмету, второй по обнимаемому имъ времени. И тотъ, и другой страдаютъ, какъ намъ кажется, нѣкоторымъ отсутствіемъ систематичности и опредѣленности. Такъ, въ первомъ изъ нихъ, несмотря на пространную и интересную вводную статью объ историческомъ романѣ, само понятіе историческій романъ взято столь широко, что подъ него подошли самыя разнообразныя произведенія литературы. Вслѣдствіе этого, списокъ наполненъ цѣлымъ рядомъ романовъ и повѣстей, которые никакимъ образомъ подъ понятіе историческій романъ не подойдутъ. Съ какой точки зрѣнія, напр., «Три сестры» Чехова могутъ назваться историческимъ романомъ? Или «Накипь» Боборыкина, или «На холерѣ» В. Поссе, или сочиненія Каронина и т. п.? Почему, напр., вошли только отдѣльныя вещи Тургенева? Отвѣтъ на это не даетъ предисловіе, которое говоритъ о «бытовомъ историческомъ романѣ», указывая, что онъ «переноситъ читателя въ самую обычную обстановку прошлаго, знакомитъ съ ея деталями, съ маленькими людьми, которые тогда жили, съ тѣмъ, какъ они жили, какъ мыслили, какъ и что чувствовали, чего желали, къ чему стремились, какое міросозерцаніе, какія учрежденія ихъ удовлетворяли, какія нѣтъ, и почему, съ какими сторонами своей жизни они вели борьбу». Подъ такое опредѣленіе подойдетъ всякій романъ и почти всякое драматическое произведеніе, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ историческій романъ понятіе гораздо болѣе узкое и вполнѣ опредѣленное.

Такимъ образомъ, мы бы выключили цѣлый рядъ №№ изъ послѣднихъ отдѣловъ, хронологически ближайшихъ къ нашему времени. Нельзя же, напр., говорить въ 1902 году объ историческомъ романѣ, касающимся 80-хъ и 90-хъ годовъ XIX столѣтія. Несомнѣнно, очень полезно группировать литературныя произведенія, относящіяся къ опредѣленнымъ теченіямъ общественной жизни, опредѣленнымъ моментамъ развитія этическихъ взглядовъ, отвлеченной мысли и т. д., но это дѣло особыхъ списковъ, и цѣнность указателя именно историческихъ романовъ много бы выиграла отъ большей опредѣленности плана. Выключены должны быть и драматическія произведенія, напр., историческія хроники Шекспира и другія его пьесы, также какъ и Еврипидъ, Эсхилъ и др.

Если въ «Указатель», благодаря неопредѣленной постановкѣ вопроса о томъ, что понимать подъ историческимъ романомъ, попали многiя лишнiя книги, то еще нѣсколько лишнихъ №№ вкралось по недоразумѣнiю: напр., № 7. «Багаутъ-Гета» (Бхагавад-гита)—это извѣстная *философская* древне-индiйская поэма. № 191. Себеасъ (читай Себеосъ). «Исторiя императора Иракла»—это просто сочиненiе армянскаго историка, никакого беллетристическаго характера не имѣющее. № 271. «Столѣтiе открытiй»—это просто изложенiе путешествiй и открытiй Васко де-Гамы, Колумба и др. № 657. Петерсонъ О. «Семейство Бронте»—это историко-литературный очеркъ.

Совершенно необходимъ былъ бы алфавитный указатель. Что касается пропусковъ, неизбѣжныхъ въ самомъ добросовѣстномъ трудѣ, то въ одной области составительница указываетъ на нихъ сама: въ примѣчанiи къ стр. 31 она говоритъ: «Статьи изъ дѣтскихъ журналовъ не использованы». Объясненiя этому обстоятельству не дано, между тѣмъ, многiе историческiе романы и повѣсти изъ дѣтской литературы въ «Указатель» включены, такъ что принципiально элементъ дѣтскихъ книгъ не исключенъ, но тогда слѣдовало позаботиться о полнотѣ и съ этой стороны.

Мы попытались сдѣлать провѣрку нѣкоторыхъ отдѣловъ «Указателя» въ одной изъ главныхъ библiотекъ С.-Петербурга, но скоро, найдя нѣсколько пропусковъ, пришли къ печальному выводу, что подобная провѣрка возможна лишь при использованiи нѣсколькихъ библiотекъ. Это дало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрку тѣхъ трудностей, съ которыми пришлось бороться г-жѣ Мезьеръ.

Въ настоящее время, повидимому, замѣтно возрастанiе интереса къ историческому роману, и «Указатель» г-жи Мезьеръ является поэтому какъ нельзя болѣе кстати: онъ ясно показываетъ, какъ бѣдна русская литература историческими романами оригинальными и переводными.

Другой характеръ носитъ трудъ г. Брагинскаго (о немъ уже было сказано нѣсколько словъ при самомъ его выходѣ) *). Сравнительно болѣе легкiй и ограниченный опредѣленнымъ временемъ послѣдняго пятилѣтiя, онъ любопытенъ по замыслу тѣмъ, что могъ бы въ значительной мѣрѣ дать отвѣтъ на вопросъ, какiя произведенiя иностранныхъ литературъ становятся доступными болѣе широкой русской публикѣ, той, которая не знаетъ иностранныхъ языковъ, и въ какой мѣрѣ русская переводная литература слѣдитъ за западными литературными теченiями?

Мы сказали «въ значительной мѣрѣ», потому что г. Брагинскiй оставилъ въ сторонѣ газеты и нѣкоторые журналы. Онъ ввелъ зато въ свой «Указатель», не оговоренный въ заглавiи «Перечень переводной беллетристики, вышедшей отдѣльными изданiями».

Намъ казалось бы прежде всего желательнымъ устранить извѣстныя техническiя ошибки при составленiи указателей подобныхъ указателю г. Брагинскаго Такъ напр., слѣдуетъ точнѣе опредѣлить понятiе беллетристики, къ ней врядъ ли правильно относить такiя произведенiя, какъ напр., *Жюссеранъ.* «Исторiя англiйскагонарода въ его литературѣ», *Морлей.* «Новое жизнеописанiе Оливера Кромвеля», *Рокхиль.* «Въ страну ламъ». Первое сочиненiе по исторiи литературы, второе историческое, третье путешествiе, безъ всякаго беллетристическаго элемента. Желательны были бы затѣмъ перекрестныя ссылки на одного и того же автора, когда его имя пишется разнымъ образомъ и его надо искать подъ разными буквами, а то напр., читатель можетъ подумать, что *В. Джакобсъ* и В. Жакобсъ разные писатели, между тѣмъ это одно и то же лицо, извѣстный авторъ разсказовъ изъ морского быта *Джэкобсъ*; точно также какъ *Эмиль Гебгартъ*

*) См. „М. Б.“, 1902 г., окт. „Библiогр. отдѣлъ“.

и *Эмиль Жебаръ* одно лицо—французскій историкъ. Неудобно раздѣлять *Базанъ*, Падро и *Падро-Базанъ*. Это, конечно, мелочи, столь же легко поправимыя, какъ напр., опечатки—Сенъ-Морсъ—читай Сенъ-Марсъ, Морель-Пасіо, читай Морель-Фасіо, и мелочи эти нисколько не лишили бы указателя того значенія, какое онъ могъ бы имѣть какъ показатель отношенія русской литературы къ иностраннымъ, если бы онъ не страдалъ довольно серьезными недочетами въ смыслѣ полноты.

Произвести полную провѣрку матеріала представлялось почти равнозначущимъ продѣлать всю работу съ начала, и потому мы остановились на провѣркѣ частичной: мы взяли переводную беллетристику, вышедшую отдѣльными изданіями и спеціально за 1901 г.; провѣрку произвели по «Книжному Вѣстнику», такъ какъ намъ достаточно была приблизительная точность, и при этомъ получили длинный списокъ сочиненій, не помѣщенныхъ у г. Брагинскаго; замѣтимъ, что мы перестали даже гнаться за полнотой, какъ только увидѣли, что безполезно дѣлать дополненія къ перечню, который несомнѣнно долженъ быть переработанъ заново. Значительная часть дополненій падаетъ на сочиненія драматическія, и мы сначала думали, что г. Брагинскій исключилъ ихъ изъ своего перечня, хотя оговорки въ этомъ смыслѣ не сдѣлано, но затѣмъ убѣдились, что онъ помѣстилъ въ перечень цѣлый рядъ драматическихъ произведеній. При полномъ отсутствіи предисловія или примѣчаній трудно уяснить себѣ причину столь крупныхъ недочетовъ, къ тому же устранимыхъ безъ особеннаго труда, такъ какъ г. Брагинскій могъ пользоваться хотя бы «Книжнымъ Вѣстникомъ». Чтобы не быть голословнымъ помѣщаемъ добавочный списокъ 54 изданія за одинъ 1901 годъ, причемъ повторяемъ, что вовсе не имѣли еще въ виду полноту.

1) *Аннунціо* d'. Г. «Мертвый городъ», трагедія, переводъ И. Гриневской. Москва.
2) *Бальзакъ* «Шагреневая кожа».Пер. В. Д. Аверкіева. Изд. 2-е («Н. Б». Сув.).
3) *Бурже*. П. «Призраки». Пер. Н. Сазоновой.
4) *Бьернстьерне-Бьернсонъ*. «Laboremus». Пер. Я. А. Ф—ина. М.
5) *Вольтеръ*. «Философскіе романы». Пер. Соколовскаго («Деш. Библ». Сув.)
6) *Гауптманъ*. «Михаилъ Крамеръ». Пер. Р. Л. Розенмана и М. М. Василевскаго. Харьковъ.
7) — — Пер. Л. Жданова. Спб.
8) — — Пер. Я. А. Ф—ина. М.
9) — «Передъ восходомъ солнца». Пер. О. Всеволожской. Н.-Новг.
10) *Гете*. «Германъ и Доротея». Пер. А. А. Фета. Спб.
11) — «Фаустъ». ч. I. Пер. кн. Д. Н. Цертелева. М.
12) — Фаустъ. Пер. А. Фета. Спб.
13) *Глазеръ*. «Савонарола», истор. нов. съ нѣм. Э. Пименовой («Б. Юн. Ч.»).
14) *Горонъ*. «Паріи Любви». Пер. съ фр. К. В. Спб.
15) *Делавинь*, К. «Дѣти короля Эдуарда». Пер. Э. Маттерна и А. Воротникова. М.
16) *Джакоза*, «Какъ листья». ком. въ 4 д. Пер. М. Д. Карнѣевой. М.
17) — «Опавшіе листья». ком. Пер. Е. В. Кашперовой. М.
18) *Дюма*. «Кинъ или распутство и геній». Новый пер. Э. Э. Маттерна и А. Воротникова. М.
19) *Жебаръ*. «Пія и Викторинъ». Повѣсть. Пер. В. Кошевичъ. М.
20) *Жипъ*. «Чего хочетъ женщина». Пер. А. Черскаго. Изд. 3. Спб.
21) *Золя*. «Трудъ». Переводъ С. Ф. Кіевъ.
22) — «Ночныя бабочки». Пер. А. Черскаго. Спб.
23) *Зудерманъ*. «Купальные огни». Пер. Л. Гельмеринъ.
24) - «Ивановы огни». Пер. О. Всеволодской. Спб.

25) *Ибсенъ*. «Врагъ народа». Пер. Н. Мировичъ. М.
26) — — «Докторъ Штокманъ». Пер. Д. Мансфельдъ. Изд. 2-е. М.
27) *Крашевскій*. «Панъ Твардовскій». Пер. И. Погорѣльскаго. М.
28) *Лафонтенъ*. «Басни. Полное собраніе» 2 т. Спб.
29) *Ленгардъ*, Т. «Центральная водолечебница». Фарсъ.Пер.О. М. Саблина. М.
30) *Лесажъ*. «Хромой бѣсъ». Романъ. (Нов. Библ. Сувор.).
31) *Мельякъ* и *Галеви*. «Фру-фру».ком.Пер. А. Горчаковой и Н. Кузовкинъ. М.
32) *Метерлинкъ*. «Блаженство души». Пер. Л. Вилькиной. М.
33) *Мильтонъ*. «Потерянный рай». «Возвращенный рай». М.
34) *Поэ*. «Золотой жукъ». М.
35) *Понсонъ-дю-Террайль*. «Молодость Генриха IV». М.
36) *Прево* аббатъ. «Исторія Манонъ Леско». Пер. Д. В. Аверкіевъ. Изд. 2-е. («Деш. Библ». Сув.).
37) *Прево*, М. «Тайна женщины». Пер. Л. Черскаго. Спб.
38) *Роденбахъ*. «Прялка тумановъ». Пер. М. Веселовской. М.
39) *Ростанъ*. «Орленокъ». Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперчикъ.
40) *Серао*, М. «При закатѣ солнца». Пер. Е. Колтоновской. Спб.
41) *Фелье*, О. «Загадочная женщина». драма. Пер. О. Всеволодской. М.
42) *Филлипсъ*. «Паоло и Франческо». Пер. Л. и В. Андрусонъ. Спб.
43) *Французъ*. «Борьба за право». Пер. О. Н. Поповой. Спб.
44) *Шекспиръ*. «Король Іоаннъ». Пер. Д. Мина. («Деш. Библ». Сув.).
45) — «Трагедія о Гамлетѣ принцѣ датскомъ».Пер. К. Р. III. Пр. и кр.
46) — «Король Лиръ». Пер. Дружинина. («Деш. Библ». Сув.). Спб.
47) *Шиллеръ*. «Марія Стюартъ». М.
48) — «Донъ Карлосъ». Пер. С. Порѣцкаго. М.
49) — Илл. собр. соч. Вып. 6. «Коварство и любовь». М. 1900.
50) — Вып. IV. «Библ. вел. писат».
51) — «Разбойники». («Всеобщ. Библ».). Кіевъ.
52) *Эрвье*, П. «Капуны». комедія. Пер. Е. Сызрань.
53) — «Бѣгъ факела». Пер. Я. А. Ф—ина. М.
54) *Эрнстъ*. «Воспитатель Флаксманъ». Пер. Э. Маттерна. М.

Мы еще заглянули въ указатель къ «Жизни» за 1899 и 1900 гг. и тамъ нашли пропущенные г. Брагинскимъ: *Каганъ*. «Импровизированный женихъ». Пер. съ англ. VIII. IX. 1900. *Мартовичъ* О. «Мужицкая смерть». Пер. съ малорусскаго IV. 1899. *Пинскій*, Д. «Забитый». Съ еврейскаго. VIII. 1900.

Нѣтъ основаній предполагать, чтобы и въ другихъ случаяхъ не было сдѣлано такихъ же упущеній, а потому слѣдуетъ признать, что для намѣченной нами выше цѣли указатель г. Брагинскаго не пригоденъ. Между тѣмъ это вопросъ чрезвычайно важный и любопытный—вопросъ о томъ, въ чемъ выражается вліяніе иностранныхъ литературъ на русскую читающую публику, что она выбираетъ изъ богатаго запаса прошлаго и настоящаго этихъ литературъ?

Позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы какимъ-нибудь изъ нашихъ журналовъ былъ предпринятъ каждогодный общій библіографическій обзоръ нашей беллетристической переводной литературы. Или же быть можетъ и у насъ образуется, какъ въ Англіи «Общество для составленія указателей» (Index Society). Такое общесто при чрезвычайно быстромъ ростѣ литературы, особенно въ количественномъ отношеніи, нашло бы себѣ широкое поле для обильной и плодотворной работы: оно бы могло ее исполнить лучше и скорѣе отдѣльныхъ лицъ, которымъ пока приходится вести въ одиночку весьма трудное дѣло и за это еще выслушивать строгія замѣчанія критиковъ. *С. О.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

В. Пузицкій. „Отечественная исторія". — *М. Туллій Цицеронъ.* „Полное собраніе рѣчей".

В. Пузицкій. Отечественная исторія въ разсказахъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ зеведеній. М. 1902 in 8-vo. Стр. XII+244. Ц. 75 к. «На святой Руси нынѣ всякій человѣкъ можетъ жить безопасно, спокойно: никакіе враги на него не нападутъ, и никто не обидитъ его. Всякій можетъ заниматься своимъ дѣломъ мирно и тихо; никто не станетъ мѣшать ему, лишь бы самъ онъ любилъ миръ, желалъ и дѣлалъ другимъ добро. Куда бы мы ни пошли, куда бы ни поѣхали, повсюду мы увидимъ мирную, тихую жизнь русскаго народа. А какъ велика наша родина, трудно и представить себѣ»,—такими вдохновенными словами начинается первая статья въ книгѣ г. Пузицкаго; заканчивается она дивнымъ пророчествомъ, что «именно наше государство будетъ процвѣтать на успокоеніе и отраду всѣхъ народовъ земныхъ долго, долго, до тѣхъ поръ, когда уже не станетъ ни странъ, ни народовъ...» Напрасно составивъ свою «Отечественную исторію», г. Пузицкій не переглядѣлъ ее передъ печатью. Вся книжка—рядъ біографическихъ и военныхъ разсказовъ лубочнаго типа, разсказовъ фальшивыхъ и порою совершенно безграмотныхъ. Безграмотность автора въ научномъ отношеніи прямо изумительна. На стр. 20 читаемъ, напр., слѣдующую тираду: «Въ древней Руси установился такой обычай. Передъ смертью князья надѣляли каждаго сына отдѣльною областью, удѣломъ. Старшій *сынъ (?!!)* получалъ кіевское княжество, младшіе сыновья — другія области. Эти князья въ свою очередь дѣлили свои княжества между своими сыновьями, и такъ далѣе. Вскорѣ Русь раздробилась на мелкія княжества, изъ которыхъ нѣкоторыя иногда состояли изъ одного какого нибудь города». Откуда г. Пузицкій заимствовалъ подобную характеристику порядка княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси? Писать такъ, значитъ не знать азбуки русской исторіи. На стр. 26 авторъ пишетъ не менѣе любопытно: «Андрей Боголюбскій желалъ княжить единодержавно, почему онъ и стремился подчинить себѣ всѣ русскія области; трудно было князю достигнуть этого, *проживая* въ кіевскомъ княжествѣ, гдѣ населеніе привыкло къ безначалію, ибо не было тамъ одной сильной власти». Немного далѣе авторъ говоритъ объ этомъ, «привыкшемъ къ безначалію» населеніи такъ: «Впрочемъ, торговыхъ людей въ старину было мало: русскій человѣкъ не особенно *любитъ* это занятіе—корыстолюбіемъ никогда не отличались наши предки; русскіе люди любятъ больше духовную жизнь, ищутъ правды Божіей на землѣ» (29 стр.). Очень мила статья о «новгородской вольности», въ которой читаемъ, что «подъ старость новгородцы рѣдко могли жить тихо и мирно; сила и корысть брали верхъ надъ правдой; и въ самомъ Новгородѣ мало было порядка; у *нихъ* (?) всѣмъ управляло вѣче, т.-е. мірская сходка (?!), народное собраніе... всѣ важныя дѣла рѣшались на вѣчахъ; такой порядокъ правленія не могъ быть долговѣченъ и проченъ; свобода губила новгородцевъ» (стр. 63—64). На стр. 142 глазъ читателя съ удовольствіемъ отдыхаетъ на такой фразѣ: «При Елизаветѣ Петровнѣ у насъ вообще такъ хорошо жилось, что слава о доброй государынѣ шла за предѣлы нашего отечества, и въ Россію переселилось изъ Австріи нѣсколько тысячъ сербовъ».—Позвольте привести еще только одно классическое мѣсто изъ «Отечественной исторіи» г. Пузицкаго по вопросу о происхожденіи крѣпостного права (стр. 225): «Въ старину на Руси было земли много, а народу мало. Всякій могъ выбрать себѣ участокъ земли и поселиться на немъ. Для общей безопасности и взаимной помощи русскіе люди селились *общинами* (!?), и

земля ихъ считалась собственностью всего этого *общества* (!?). Издавна на Руси были и крупные землевладѣльцы изъ бояръ, людей служилыхъ. Ихъ награждали землей великіе князья и цари за ихъ вѣрную и усердную службу родинѣ. Для обработки своихъ земель они призывали крестьянъ, которые могли переходить и къ другому землевладѣльцу, если были недовольны своимъ хозяиномъ. Крестьяне были лично свободны и могли жить, гдѣ желали. Но при царѣ Ѳедорѣ по мысли Годунова изданъ былъ указъ, по которому крестьяне не могли переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и такимъ образомъ, будучи прикрѣплены къ чужой землѣ, дѣлались крѣпостными своихъ господъ». Эти строки едва ли нуждаются въ какомъ-либо комментаріи.

Можно, конечно, улыбаться, наблюдая непритязательную наивность «отечественной исторіи» г. Пузицкаго, но критика не можетъ относиться столь благодушно къ такимъ твореніямъ, какъ «Отечественная исторія» г. Пузицкаго. Если бы они писались въ простомъ расчетѣ на невѣжество некультурныхъ общественныхъ классовъ, тогда другое дѣло, тогда критикѣ еще позволительно было бы ограничиться двумя, тремя шутливыми замѣчаніями и категорическимъ предостереженіемъ читателя отъ подобной «исторіи». Въ данномъ же случаѣ мы принуждены утверждать, что подобныя публикаціи выростаютъдо значенія общественнаго зла: вѣдь это—попытка эксплуатировать школу. Всегда въ дѣйствительности, а тѣмъ болѣе въ школѣ осуществляется проведеніе той или другой тенденціи; мы очень хорошо понимаемъ, что еще не настало время для научной постановки преподаванія исторіи въ средней школѣ (мы идемъ даже на это), но всякая тенденція должна знать мѣру, должна стоять на извѣстной высотѣ. Въ разобранномъ нами твореніи этого нѣтъ. Любопытна и другая сторона дѣла: можно написать очень тенденціозную вещь, можно исказить прошлое, но такъ, что передъ читателемъ встаетъ опредѣленный образъ, опредѣленная мысль. Въ книгѣ г. Пузицкаго и этого нѣтъ: перечитайте приведенныя выше цитаты (особенно первую и послѣднюю), и вы увидите, что это— простой наборъ словъ, наполненный часто такими грубыми ошибками, которыя прямо говорятъ въ пользу того, что авторъ *не* знаетъ вовсе элементовъ науки русской исторіи.

Зато г. Пузицкій хорошо знакомъ съ циркулярами и учебными планами, которые для него выше всякой науки; на нихъ и только на нихъ онъ считаетъ возможнымъ опираться. Предисловіе къ книгѣ г. Пузицкаго, снабженное ссылками на указанные сейчасъ источники, не менѣе любопытно, чѣмъ вся его «отечественная исторія».

Въ предисловіи, конечно, не поставленъ вопросъ о возможности или невозможности преподаванія исторіи въ I и II классахъ. Авторъ ex abrupto заявляетъ, что преподаваніе отечественной исторіи должно «преслѣдовать, главнымъ образомъ, воспитательныя цѣли», и «оказать благотвороое вліяніе на ихъ нравственное чувство». Но какими же средствами? Отвѣтъ на это даетъ книга: нравственное чувство воспитывается ничѣмъ инымъ, какъ грубой тенденціей. Не ошибается ли, однако, нашъ авторъ? Не ошибается ли онъ и въ другомъ утвержденіи, что «больше уроковъ слѣдуетъ посвятить на ознакомленіе учениковъ съ древнею исторіей (до Петра) въ виду того, что повѣствованіе о дѣлахъ юнаго (?!) русскаго народа, у котораго тогда складывалась общественная жизнь съ болѣе простыми отношеніями, чѣмъ въ послѣдующее время, болѣе доступно пониманію учащихся и можетъ болѣе благотворно повліять на нихъ»? То же самое онъ утверждаетъ и относительно «*свѣтлыхъ* страницъ нашей исторіи». Развѣ современный историкъ знаетъ свѣтлыя и темныя страницы, развѣ онъ признаетъ, что ему черезчуръ легко доступенъ міръ «простыхъ отношеній» глубокой древности? Можетъ быть, г. Пузицкому этотъ міръ и кажется очень доступнымъ, потому что онъ имѣетъ о немъ довольно смут-

ное понятіе. Намъ же по личному опыту извѣстно, какъ трудно вводить учащихся и притомъ даже болѣе взрослыхъ учащихся (чѣмъ дѣти I и II классовъ) именно въ этотъ міръ «простыхъ отношеній» древности: такъ онъ намъ чуждъ, такъ неизмѣримо далекъ отъ насъ. *В. Николаевъ.*

М. Туллій Цицеронъ. Полное собраніе рѣчей въ русскомъ переводѣ (отчасти В. А. Алексѣева, отчасти Ѳ. Ф. Зѣлинскаго). Редакція. введеніе и примѣчанія Ѳ. Зѣлинскаго Т. I. Спб. 1901. Огромное большинство имѣющихся у насъ переводовъ Цицерона отличается слѣдующими особенностями: 1) будучи вызваны чтеніемъ Цицерона въ гимназіяхъ, они имѣютъ въ виду не взрослыхъ людей, а подрастающее поколѣніе, что вліяетъ и на качество перевода, и на характеръ комментарія; 2) ни одинъ изъ переводчиковъ не имѣлъ въ виду дать полную картину развитія Цицерона, какъ политическаго дѣятеля, политическаго и судебнаго оратора. Благодаря этому, давались отдѣльныя рѣчи внѣ ихъ художественной и хронологической связи, въ переводѣ почти нигдѣ не видно было, что переводимый мастеръ и художникъ слова, признанный и древностью, и современностью корифей судебнаго и политическаго краснорѣчія; 3) ни одинъ изъ переводчиковъ не сроднился душой съ Цицерономъ, не вникъ во всѣ проблемы историческаго и филологическаго характера, не доказалъ своего самостоятельнаго изученія этихъ проблемъ, словомъ не былъ ученымъ спеціалистомъ. Благодаря этому, переводы Ц. носятъ характеръ частью дилетантскій, частью ремесленный. Всему этому въ значительной степени виною постановка преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ, результатомъ же было то, что для воспитанниковъ классическихъ гимназій Ц. былъ мертвою буквой или мертвою схемой, для остальной части нашей интеллигенціи совершеннымъ незнакомцемъ.

Все сказанное относится столько же къ Цицерону, сколько къ остальнымъ писателямъ древности. Можно смѣло сказать, что нелѣпая постановка классицизма въ гимназіяхъ убила интересъ къ древности въ обществѣ, убила чтеніе классиковъ въ переводахъ, вызвавъ къ жизни грубо-ремесленные и невѣжественные пересказы отдѣльныхъ словъ и фразъ геніевъ классической древности.

Съ недавняго времени, однако, чувствуется въ этой области сильная освѣжающая струя. Ремесленные переводы смѣняются поэтическими передачами, лучшими образчиками которыхъ являются художественные опыты г. Мережковскаго, ученые спеціалисты посвящаютъ свое время продуманнымъ и точнымъ переводамъ поэтовъ и прозаиковъ; назову хотя бы переводы Анненскаго («Еврипидъ») и Холодняка («Римская комедія»). Той же цѣли оживленія интереса къ древности служитъ и переводъ Цицерона, за который взялся Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Зѣлинскій давно уже тщательно и съ любовью занимается Цицерономъ. Его перу принадлежатъ и школьныя изданія, и ученыя статьи, и популярные очерки о сочиненіяхъ, дѣятельности и значенія Цицерона. Его книга о культурно-историческомъ значеніи Ц. (на нѣмецкомъ языкѣ) должна вскорѣ появиться во второмъ изданіи. Ц. ораторъ, Ц. гуманистъ, Ц. юристъ, Ц. философъ одинаково близки и знакомы Зѣлинскому, съ одинаковою силою притягиваютъ къ себѣ не только интересъ, но и любовь талантливаго изслѣдователя и популяризатора. Результатомъ этого интереса и любви явился и рецензируемый томъ въ 600 слишкомъ страницъ.

Впервые въ этой книгѣ читателю дается Ц. не какъ предметъ школьнаго упражненія, а какъ крупный ораторъ и крупный политикъ, впервые русскій читатель, не знающій по-латыни, можетъ самостоятельно слѣдить за развитіемъ таланта Ц. и попутно проникаетъ во всѣ подробности римской поли ческой и общественной жизни за бурный и колоссально важный періодъ времени отъ 81 до 63 г. до Р. Хр. Онъ сталкивается въ горячемъ и блестящемъ изложеніи Ц. и съ мрачною картиной римской провинціальной администраціи въ про-

цессѣ Верреса, и съ характернымъ обликомъ римскихъ политиковъ и администраторовъ всѣхъ пошибовъ и оттѣнковъ отъ демагога и соціальнаго реформатора Катилины, отъ тонкаго и геніальнаго политика Цезаря, отъ мрачнаго, стойкаго и ограниченнаго конституціоналиста Катона до порядочнаго, но средняго по уму и талантамъ Мурены, ловкаго проходимца и грабителя Верреса и блестящаго по уму и таланту, но ограниченнаго политика Помпея. На сценѣ крупнѣйшія политическія событія и вопросы: результаты сулловой реставраціи въ администраціи и политикѣ, движеніе экономически-соціальнаго характера отъ имени Сервилія Рулла и Катилины, но гдѣ въ глубинѣ вырисовывается колоссальная фигура Цезаря, отголоски экономическихъ и политическихъ реформъ эпохи Марія въ процессѣ Рабирія, появленіе торжествующей идеи самодержавія въ лицѣ побѣдоноснаго баловня счастья Помпея—и все это въ живыхъ образахъ, въ мѣткихъ характеристикахъ такого крупнаго ума и талантливаго жреца слова, какъ Цицеронъ, все это въ современномъ оригиналѣ, а не блѣдныхъ копіяхъ позднѣйшей (вплоть до нашего времени) исторіографіи.

Но это только часть. Рядомъ съ картинами политической и государственной жизни передъ нами развертываются картины болѣе интимнаго характера, вся семейная, имущественная, интеллектуальная и моральная жизнь тогдашняго общества въ Римѣ, Италіи и провинціяхъ. Фонъ заговора Катилины—это все римское общество отъ милліонеровъ-нобилей до бѣдныхъ пролетаріевъ, торгующихъ своимъ голосомъ, фонъ рѣчи за Клуенція, это жизнь муниципальной италійской аристократіи, обездоленной и развращенной эгоистическою и близорукою политикой Рима, союзническими войнами, рабскимъ трудомъ. На этомъ фонѣ развертывается ужасающая семейная хроника Клуенція съ ужасомъ убійствъ, пытки, кровосмѣсительства, такъ мастерски разработанная тѣмъ же Зѣлинскимъ два года тому назадъ. Фонъ Верринъ—это бѣдные провинціалы, быдло, заморскій скотъ, обрабатывающій имѣнія римскаго народа, безропотно сносящій гнетъ эгоизма и высокомѣрія безсовѣстныхъ агентовъ Рима.

Все это, благодаря Зѣлинскому, русскій читатель можетъ прочесть въ мастерскомъ переводѣ, гдѣ переводчикъ стремился не излагать и не переводить, рабски слѣдуя оригиналу, а по примѣру самого Цицерона старался слиться духомъ съ переводимымъ авторомъ, дойти до силы, образности и звучности его языка, до увлекательности и паѳоса его рѣчи. Не вездѣ это ему удалось, но вездѣ онъ этого искренне и трудолюбиво (слѣдуя и въ этомъ Ц.) добивался. Съ принципами перевода, изложенными въ предисловіи, согласится всякій, кто любитъ родную литературу и родную рѣчь.

Столько же, сколько звучные и обильные (подчасъ слишкомъ обильные) періоды цицероновой рѣчи въ образномъ переводѣ Зѣлинскаго, вводятъ въ пониманіе и оцѣнку автора и его введеніе о «Цицеронѣ въ европейской культурѣ» («Вѣстникъ Европы», февр. 1896), и его приложеніе (о римской конституціи, о римскомъ уголовномъ процессѣ и о теоріи судебнаго краснорѣчія; читатель въ правѣ былъ ожидать еще и краткаго очерка гражданскаго процесса) и особенно его мастерской комментарій ко всѣмъ рѣчамъ. Такимъ комментаріемъ не можетъ похвалиться и западно-европейская литература; вмѣстѣ съ введеніями къ каждой рѣчи онъ составляетъ квинтъ-эссенцію тщательной и самостоятельной переработки всей старой и новой литературы, куда постоянно вплетаются превосходныя детальныя изслѣдованія самого переводчика. Особенно цѣнны въ этомъ комментаріи судебная и ораторская его часть, которая заставитъ заинтересоваться Цицерономъ и юристовъ, и адвокатовъ.

Не могу, однако, не отмѣтить одного своего принципіальнаго разногласія съ переводчикомъ. З. въ противовѣсъ сплошному непониманію и осужденію Ц. въ нѣмецкой ученой литературѣ, впадаетъ въ крайность оправданія Ц. quand même. Онъ совсѣмъ не видитъ дурныхъ сторонъ своего героя—ни его непріятнаго

подчасъ хвастовства, ни его оппортунизма, ни его преклоненія передъ силой, ни тѣхъ частыхъ противорѣчій, въ которыя попадалъ самъ съ собой увлекающійся политикъ и ораторъ. Переводчикъ вездѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія Цицерона и этимъ подчасъ достигаетъ блестящихъ результатовъ; глубокое пониманіе устраняетъ многое изъ осужденія, но не слишкомъ ли онъ на точкѣ зрѣнія Ц. напр., на стр. 701, говоря о катилинарцахъ: «Становясь съ римской точки зрѣнія на общечеловѣческую, нельзя не признать, что если вообще причислять смертную казнь къ законнымъ мѣрамъ государственнаго воздѣйствія, то она ни разу ни къ кому не была примѣнена съ большимъ правомъ, чѣмъ къ уличеннымъ катилинарцамъ». Цезарь глубже понималъ затравленость Катилины, взбудораженность политической жизни Рима, относительность понятій политическаго подвига и преступленія въ потрясенномъ до основанія обществѣ, когда предлагалъ наказать заговорщиковъ изгнаніемъ. Ясно также, кто изъ двухъ былъ гуманнѣе.

Я уже высказалъ сужденіе о качествѣ перевода. Встрѣчаются, конечно, по части стиля и недосмотры, подчасъ досадные, чаще въ первыхъ рѣчахъ, гдѣ З. передѣлывалъ переводъ Алексѣева, чѣмъ въ послѣднихъ, гдѣ онъ не былъ имъ связанъ. И здѣсь, однако, попадаются фразы въ родѣ: «Въ самомъ дѣлѣ, даже частный человѣкъ, будучи обсыпанъ (sic) дарами богатства и счастья, нуждается въ великой мудрости, чтобы оставаться внутри (sic) предѣловъ долга.»

Но это мелочи. Несомнѣнно, что З. сдѣлалъ большой и цѣнный вкладъ въ нашу литературу, что теперь у каждаго, кто любитъ исторію, краснорѣчіе и античность есть надежный руководитель. *М. Ростовцевъ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

П. Жидъ. „Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ“.

П. Жидъ. Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ (Etude sur la condition privée de la femme). Перев. съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Ю. Гамбарова. Русскій переводъ изслѣдованія П. Жида о гражданскомъ положеніи женщины предпринятъ по плану московской коммиссіи домашняго чтенія, гдѣ это сочиненіе особенно рекомендуется для ознакомленія съ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ и сравнительною исторіею права, т.-е. съ тою высшею юридическою дисциплиною, которая путемъ совокупнаго разсмотрѣнія различныхъ законодательствъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи стремится установить общіе законы эволюціи права. Мнѣніе составителей московской программы поддерживается и въ обширномъ предисловіи редактора перевода проф. Ю. Гамбарова.

Однако, несмотря на столь авторитетное одобреніе, книга П. Жида совершенно не удовлетворитъ тѣхъ читателей, которые могутъ быть привлечены ея многообѣщающимъ заглавіемъ и станутъ искать въ ней широкой обобщающей картины гражданскаго положенія женщины съ древнѣйшихъ временъ. Но покойный французскій юристъ менѣе всѣхъ отвѣтственъ за разочарованіе русскихъ читателей, такъ какъ его работа вызвана спеціальною цѣлью и имѣла въ свое время несомнѣнное спеціальное значеніе. «Etude sur la condition privée de la femme» написанъ Жидомъ на конкурсъ, объявленный въ 1866 г. прошлаго вѣка парижскою академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ для работъ по исторіи чрезвычайно популярнаго среди юристовъ законодательнаго акта, извѣстнаго въ римскомъ правѣ подъ названіемъ «веллейановскаго сенатусъ-консульта». Этотъ законъ, изданный въ эпоху между первыми годами императорства Клавдія и послѣдними Веспасіана, запрещалъ женщинамъ поручительство и всѣ вообще обязательства въ пользу другихъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи европейскихъ законодательствъ, реципировавшихъ римское право, Вел-

лейановскій сенатусъ-консультъ приспособлялся къ новой соціальной средѣ, подвергался многочисленнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ чуждыхъ римскому праву учрежденій и идей и постепенно выходилъ изъ практики, уступая мѣсто совершенно инымъ законодательнымъ системамъ, въ которыхъ женщина освобождается отъ всѣхъ коренившихся въ ея полѣ ограниченій гражданской правоспособности и сохраняетъ только неспособность, связанную съ ея положеніемъ замужней женщины. Парижская академія и ставила задачу прослѣдить судьбу древняго римскаго закона въ послѣдующихъ законодательствахъ. Кромѣ того, она требовала, чтобы изслѣдователи отвѣтили и на вопросъ о томъ, представляетъ-ли возстановленіе системы веллейановскаго сенатусъ-консульта какія-либо выгоды для современнаго общества. Жидъ значительно расширилъ рамки академической темы и разсмотрѣлъ положеніе женщины по гражданскому праву не только въ римскомъ и зависящихъ отъ него, но и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ и новыхъ законодательствахъ. Тѣмъ не менѣе, центромъ всего изслѣдованія является старый римскій законъ о неспособности женщины къ обязательствамъ въ пользу другихъ, и необходимость полнаго и всесторонняго выясненія этого частнаго юридическаго случая всецѣло опредѣляетъ какъ группировку, такъ и освѣщеніе собраннаго Жидомъ обильнаго для той эпохи матеріала. Главное вниманіе автора направляется на изслѣдованіе происхожденія Веллейановскаго сенатусъ-консульта, его вліянія на французское законодательство и на разрѣшеніе вопроса объ его пригодности для дѣйствующаго права. Такимъ образомъ, значительная часть работы носитъ слишкомъ спеціальный и даже мѣстный характеръ, чтобы представлять интересъ для широкихъ круговъ читающей публики, пользующейся московскими программами домашняго чтенія. Тѣ же очерки гражданскаго положенія женщины, которые дѣйствительно даютъ нѣкоторый матеріалъ для обобщающихъ выводовъ, кромѣ освѣщенія ихъ сквозь призму древняго сенатусъ-консульта, отличаются еще чрезвычайною бѣглостью и краткостью. Въ результатѣ, книга Жида, изображая весьма обстоятельно историческую судьбу веллейановскаго закона, далеко не обрисовываетъ «гражданскаго положенія женщины съ древнѣйшихъ временъ», какъ можно было предполагать по заглавію русскаго перевода.

Этотъ общій недостатокъ разсматриваемой работы, вытекающій изъ ея узкаго и искусственнаго плана, чрезвычайно затрудняетъ пользованіе ею, какъ пособіемъ для самообразованія; но главнымъ и непоправимымъ несчастьемъ изслѣдованія П. Жида является его *полная устарѣлость*. Первое изданіе «Etude sur la condition privée de la femme» вышло въ 1867 году. Второе посмертное изданіе было выпущено въ 1881 году съ дополненіями проф. Эсмена, который сдѣлалъ только краткія и преимущественно фактическія примѣчанія объ измѣненіяхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ. Между тѣмъ, именно послѣдніе полвѣка прошлаго столѣтія особенно богаты и научными работами въ области обществовѣдѣнія, и практическими перемѣнами въ положеніи женщины. Въ то же время, когда Жидъ писалъ свою книгу, онъ, напримѣръ, для характеристики первобытнаго періода, могъ пользоваться только однимъ «Материнскимъ правомъ» Баховена. Затѣмъ, какъ отмѣчаетъ и редакторъ русскаго перевода, проф. Гамбаровъ, Жидъ, не говоря уже о достаточно изученныхъ теперь праваяхъ и обычаяхъ некультурныхъ народовъ, не ввелъ въ свое изслѣдованіе ни индусскаго права, ни Зендъ-Авесты, ни обычаевъ обитателей нашего Закавказья, ни ирландскаго и ни одного изъ славянскаго законодательствъ, сравнительное изученіе которыхъ дало возможность новымъ изслѣдователямъ нарисовать картину соціальной организаціи, общей всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Очеркъ положенія женщины въ первобытномъ обществѣ, даваемый Жидомъ, также страдаетъ существенными недочетами, лишающими его всякаго значенія. Жидъ считалъ древнѣйшею соціальною организаціею семью, а не племя, какъ можно думать по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Поэтому, многіе

*

важные акты гражданскаго права представлялись французскому ученому совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ они являются теперь. Классовая и сословная борьба, положившая такіе ясные слѣды на законодательство древняго Рима, оставлена Жидомъ безъ должнаго вниманія, хотя, вообще, онъ и старался подвести соціальный фундаментъ подъ юридическія надстройки. Очерки положенія женщины въ гражданскомъ правѣ современныхъ государствъ, въ свою очередь, страдаютъ пробѣлами, которые только отчасти восполняются краткими добавленіями Эсмена. Для Жида послѣднимъ словомъ права было освобожденіе женщины отъ общихъ ограниченій ея гражданской правоспособности, но ограниченія, лежавшія на замужней женщинѣ, какъ таковой, въ то время еще не были сняты даже въ передовыхъ странахъ, и самъ изслѣдователь считалъ необходимою извѣстную опеку государства надъ женщиной въ видѣ установленія неотчуждаемости приданаго и запрещенія обязываться въ пользу мужа и лишь вдали видѣлъ день, когда восторжествуетъ принципъ равной гражданской свободы обоихъ половъ. Въ настоящее время мы уже имѣемъ основаніе сказать, что этотъ день наступаетъ. Эволюція экономическихъ отношеній сдѣлала безусловно невѣрнымъ казавшееся Жиду истиной положеніе Аристотеля: «Домашнія функціи неодинаковы для обоихъ супруговъ: дѣло мужа—пріобрѣтать, дѣло жены—сохранять». Десятки тысячъ и незамужнихъ, и замужнихъ женщинъ вынуждены развитіемъ капитализма вынести на продажу свои рабочія силы. По отношенію къ такимъ женщинамъ какая бы то ни была форма опеки представляется ни на чемъ не основанною несправедливостью. Добывая свои средства самостоятельнымъ трудомъ, онѣ имѣютъ право требовать неограниченной свободы распоряженія принадлежащими имъ имущественными благами. И новѣйшее законодательство уже начинаетъ отражать интересы новой соціальной группы. Датскій законъ 7-го мая 1880 года признаетъ, что «замужняя женщина имѣетъ право одна распоряжаться прижизненно, не спрашиваясь согласія мужа или какого-нибудь опекуна, продуктами своего личнаго промысла...» Англійскій законъ 14-го февраля 1882 года, которому предшествовала энергичная пропаганда «Лиги въ защиту правъ женщины», признаетъ замужнюю женщину «способною пріобрѣтать и владѣть, въ видѣ отдѣльной собственности, всякимъ имуществомъ и всякимъ правомъ, какъ реальнымъ, такъ и личнымъ...»

Краткія свѣдѣнія объ этихъ законахъ читатели найдутъ въ добавленіяхъ Эсмена, но историческое значеніе новаго законодательнаго теченія, вызваннаго экономическимъ освобожденіемъ женщины отъ семейныхъ узъ, при всей важности, естественно, не могло быть подробно изслѣдовано П. Жидомъ. Такимъ образомъ, читатели потратятъ напрасно время и трудъ, если будутъ искать въ старой книгѣ французскаго изслѣдователя основныхъ обобщеній и главнѣйшихъ моментовъ исторіи женщины въ гражданскомъ правѣ. Пробѣлы работы Жида слишкомъ велики, чтобы ихъ можно было закрыть авторитетными рекомендаціями составителей московской программы домашняго чтенія.

Ник. Іорданскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д. Нелюбовъ. „Природа растеній“.—„Австралія“.—*Федченко* и *Флеровъ.* „Руководство къ собиранію растеній“.—*Федченко* и *Флеровъ.* „Пособіе къ изученію растительныхъ сообществъ средней Россіи“.

Д. Нелюбовъ. Природа растеній. Характерныя проявленія жизни и важнѣйшія черты сходства и различія организмовъ въ растительномъ царствѣ. Съ 32 таблицами хромолитографій и 210 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 2 р. 50 к. Спб. 1903 г. Русская популярная

ботаническая литература отличается своей бѣдностью: незамѣнимая Тимирязевская «Жизнь растенія», два-три «опредѣлителя»—вотъ и весь запасъ оригинальной русской литературы по ботаникѣ. Прибавимъ сюда нѣсколько переводныхъ книгъ, во главѣ которыхъ, конечно, стоитъ Кернеровская «Жизнь растеній»—вотъ и все, что имѣетъ русскій читатель.

Заполнить промежутокъ между отвлеченной «Жизнью растенія» Тимирязева и черезчуръ фактично-конкретными таблицами для опредѣленія растеній—вотъ главная задача книги Д. Н. Нелюбова. Чрезвычайно важно достичь того, чтобы, при ознакомленіи съ различными процессами, происходящими въ растеніи, и вообще съ жизненными явленіями и отношеніями различныхъ растеній, у читателя эти отвлеченные процессы связывались съ болѣе или менѣе опредѣленными представленіями объ отдѣльныхъ растеніяхъ. И въ особенности интересно все это, когда для объясненія сложнѣйшихъ процессовъ и явленій оказывается возможнымъ брать примѣры изъ числа самыхъ обычныхъ, всѣмъ извѣстныхъ растеній. Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ объ изученіи отдѣльныхъ растеній, весьма важно, чтобы это изученіе не было случайнымъ, безсистемнымъ, необходимо, чтобы былъ въ этомъ дѣлѣ извѣстный планъ.

Таковы задачи разсматриваемой книги. Сообразно тому, состоитъ она изъ двухъ частей; въ первой дѣлается очеркъ жизни растеній, во второй—говорится о сходствѣ растеній между собою и дается понятіе о классификаціи.

Достоинства двухъ частей книги весьма разныя.

Первая часть представляетъ хорошо составленный очеркъ важнѣйшихъ проявленій жизни растеній. Здѣсь говорится о явленіяхъ дыханія растеній, о поглощеніи воды и питательныхъ растворахъ; говорится объ усвоеніи углерода, о выдѣленіи воды, укрѣпленіи на почвѣ и въ пространствѣ, о различныхъ способахъ питанія, о размноженіи растеній, объ отложеніи запасныхъ веществъ и о зимнемъ покоѣ—всего здѣсь девять главъ. Почему-то не говорится о ростѣ растеній и о движеніяхъ у растеній.

Въ общемъ, эта часть книги является вполнѣ удовлетворяющею своему назначенію и съ пользой и интересомъ будетъ прочтена лицами, желающими ознакомиться съ основами ботаники. Можно, конечно, сдѣлать и здѣсь нѣсколько замѣчаній, напр., хотя бы по поводу того, что говорится о процессѣ оплодотворенія. Намъ думается, можно было бы сказать объ этомъ важномъ процессѣ нѣсколько больше и, во всякомъ случаѣ, упомянуть о существованіи въ растительномъ царствѣ и даже у цвѣтковыхъ растеній—сперматозоидовъ. Нѣсколько недосмотровъ въ первой части представляютъ опечатки въ родѣ, напр., Sagillaria на стр. 139, другіе—произошли вслѣдствіе небрежности, напр., Trollius europea, Trogopogon и др.

Гораздо слабѣе и менѣе интересна вторая часть книги. Какъ сообщаетъ и авторъ книги, онъ былъ связанъ до извѣстной степени готовыми уже таблицами рисунковъ (хромолитографій), изображающихъ 141 растеніе. Изъ числа этихъ растеній многія въ Россіи не встрѣчаются и представляютъ такимъ образомъ лишь опасный балластъ для русскаго любителя флоры, такъ какъ здѣсь легко можетъ явиться соблазнъ назвать собранное въ Россіи растеніе именемъ похожаго заграничнаго, изображеннаго на таблицѣ.

Въ началѣ второй части своей книги авторъ говоритъ между прочимъ: «Сходство найденнаго растенія по общему виду съ изображеннымъ на рисункѣ часто бываетъ недостаточнымъ... надо найти его отличительные признаки». Авторъ хотѣлъ, очевидно, сказать другое, но выходитъ такъ, какъ будто именно надо искать лишь *отличительные признаки* собраннаго растенія отъ близкаго изображеннаго. Вторая часть книги начинается спискомъ терминовъ, который будетъ весьма не безполезенъ для начинающихъ. Далѣе слѣдуютъ «описанія (32-хъ) отдѣльныхъ растеній», затѣмъ разсужденіе «о распредѣленіи растеній на группы» и затѣмъ «описанія семействъ», т.-е. собственно описанія

тѣхъ растеній, которыя изображены на крашеныхъ таблицахъ. Здѣсь принята система Бентама и Гукера, хотя розоцвѣтныя попали почему то между лютиковыми и нимфейными, сфагнумъ между папоротниками и хвощами.

Въ заключеніе надо сказать, что книга Д. Н. Нелюбова, въ общемъ, съ пользой будетъ прочтена широкимъ кругомъ читателей и несомнѣнно многихъ заинтересуетъ и подвинетъ къ дальнѣйшему изученію окружающей растительности.

Издана книга изящно, рисунки недурные, цѣна недорогая. *Б. Федченко.*

Австралія. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Изданіе т-ва Кушнерева. Москва. 1903. Цѣна 1 р. 50 к. Не прошло еще и трехъ лѣтъ со времени выхода «Азіи» перваго изъ серіи географическихъ сборниковъ, издаваемой кружкомъ энергичныхъ московскихъ преподавателей географіи, какъ мы имѣемъ удовольствіе привѣтствовать появленіе пятой книги посвященной пятой части свѣта, Австраліи.

Въ общемъ «Австралія» составлена по тому же плану, что и предыдущіе сборники и отличается тѣми же выдающимися достоинствами. Изъ числа 42-хъ помѣщенныхъ здѣсь статей, очень немногія написаны русскими, большая же часть представляетъ впервые появляющіеся переводы. Повидимому, составители избѣгали однако пользоваться англійскою литературой.

Хотѣлось бы видѣть въ «Австраліи» болѣе подробное описаніе общественной жизни и государственнаго строя. Вообще природѣ, Австраліи удѣлено больше вниманія, чѣмъ людямъ. Отмѣтимъ между прочимъ опечатку въ латинскомъ названіи новозеландскаго льна: Formium вмѣсто Phormium. Изъ числа приложенныхъ рисунковъ 10—на отдѣльныхъ листахъ, 38—въ текстѣ.

Издана книга совершенно такъ же, какъ и первые четыре сборника и безусловно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. *Б. Федченко.*

Б. Федченко и А. Флеровъ. Руководство къ собиранію растеній и составленію гербарія. Изд. Сабашниковыхъ. 36 стр., 3 рис. М. 1902 г. Въ предисловіи авторы говорятъ, что «цѣль предлагаемой книжки—дать любителямъ-ботаникамъ краткое руководство къ собиранію растеній и составленію гербарія», указывая при этомъ на значеніе для относительно мало изслѣдованной въ флористическомъ отношеніи Россіи составленія гербаріевъ любителями.

Книжка раздѣляется на 4 отдѣла. Въ первомъ (собираніе растеній) описываются приборы и инструменты, необходимые для занятій, а также даются детальныя замѣчанія по сбору нѣкоторыхъ растеній. Второй отдѣлъ посвященъ опредѣленію растеній; въ числѣ опредѣлителей почему-то пропущено совершенно не заслуживающее этого «Руководство къ опредѣленію растеній Московской губ.» Петунникова *). Указывается на существованіе обмѣна гербаріями при Юрьевскомъ ботаническомъ саду и на «гербарій русской флоры», издаваемый академіей наукъ. Въ третьемъ отдѣлѣ (засушиваніе растеній) сообщаются способы сушки, причемъ значительное мѣсто отводится новѣйшимъ способамъ Литвинова и Хорошкова-Ростовцева. Оцѣнка авторами послѣдняго способа намъ кажется вполнѣ справедливою. Четвертый отдѣлъ — устройство гербарія.

Въ общемъ, книжка производитъ пріятное впечатлѣніе, несмотря на нѣкоторую сухость изложенія. Въ этомъ отношеніи намъ больше нравится первое руководство авторовъ (изд. 1896 г.), которое въ гораздо большей степени способно возбудить интересъ читателей къ собираемымъ ими растеніямъ.

Г. Т.

---

*) Между прочимъ, авторы въ своемъ „Краткомъ руководствѣ къ собиранію растеній и составленію гербарія", изданномъ въ 1896 г., находятъ возможнымъ упомянуть объ указанномъ опредѣлителѣ Петунникова.

А. Флеровъ и Б. Федченко Пособіе къ изученію растительныхъ сообщеній средней Россіи. 184 стр., 14 Рис. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1902 г. Ц. 45 к. Изданіемъ настоящей книжки авторы заполняютъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей ботанической литературѣ, посвященной начинающимъ, пробѣлъ, который уже давно давалъ себя сильно чувствовать. Какъ видно изъ предисловія, авторы хотятъ оказать помощь ботаникамъ-любителямъ, «пожелавшимъ глубоко заглянуть въ жизнь растеній, изучаемой ими области», обстоятельство, съ которымъ приходится сталкиваться каждому, болѣе серьезно относящемуся къ своимъ занятіямъ ботаникой. Въ силу этого, въ принципѣ такое желаніе можно только привѣтствовать.

Введеніе посвящено объясненію термина «растительныя сообщества» и установленію группъ сообществъ, встрѣчающихся въ средней Россіи. Авторы насчитываютъ ихъ 7: 1) группа водныхъ сообщ., 2) группа болотныхъ сообщ., 3) группа лѣсныхъ сообщ., 4) группа степныхъ сообщ., 5) гр. сообщ. обнаженій и склоновъ, 6) группа луговыхъ сообщ. и 7) группа сообщ. культурныхъ, вызванныхъ дѣятельностью человѣка. Въ отношеніи тщательности разработки этихъ группъ первое мѣсто принадлежитъ 1-й и 2-й группамъ гдѣ указываются, что намъ кажется весьма важнымъ, біологическія особенности разбираемыхъ растительныхъ группъ. Въ третьей главѣ (лѣсныя сообщ.) подробно разбирается смѣна древесныхъ породъ. Съ этой главы описанія начинаютъ ужъ очень пестрить русскими и латинскими названіями растеній и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе въ нихъ начинаетъ утопать текстъ. Остановимся на IV-й главѣ (группа степныхъ сообщ.). Прежде всего, насъ удивляетъ, отчего бы вмѣсто хотя бы пространнаго описанія порядка цвѣтѣнія цѣлинныхъ *) растеній, заимствованныхъ у Танфильева (стр. 2), не дать характеристику біологическихъ особенностей ксерофитовъ и, что еще важнѣе, сжатое изложеніе гипотезъ по вопросу о степяхъ Коржинскаго, Краснова, Таліева, Танфильева и др. Напрасно авторы боялись «увеличить размѣры книжки и отвлечься далеко отъ цѣли этого пособія»; мы лично думаемъ, что степные вопросы стоятъ настолько близко къ излагаемому предмету, что пропускъ ихъ является значительнымъ пробѣломъ, въ которомъ и приходится упрекнуть авторовъ. Намъ кажется, что всякій, желающій «глубже заглянуть въ жизнь растеній», долженъ непремѣнно столкнуться съ этими вопросами, такъ какъ ради нихъ и изучаются сами сообщества. Во всякомъ случаѣ, авторы могли бы хотя бы въ сноскахъ указать на существованіе таковой литературы (вообще авторы почему-то не признали нужнымъ дѣлать какія-либо указанія по литературѣ предмета). Пятая глава посвящена сообществамъ обнаженій и склоновъ. Въ отдѣлѣ песковъ авторы слишкомъ бѣгло касаются процесса постепеннаго задернѣнія песковъ растительностью и даже при благопріятныхъ условіяхъ облѣсѣнія песковъ. Ни въ этой, ни въ слѣдующихъ главахъ ничего опять-таки не говорится о біологическихъ особенностяхъ группъ, и надо признать вообще— эти главы изложены неинтересно. Странно къ тому же и полное устраненіе интересной въ гораздо большей степени, чѣмъ флора, напримѣръ, залоговъ (гл. VII), флоры мѣловыхъ обнаженій. Насъ, между прочимъ, еще удивляетъ стремленіе авторовъ приводить сюда русскія названія растеній даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ въ русскомъ народномъ ботаническомъ словарѣ нѣтъ. Всѣ эти барбареи (Barbarea), хориспоры (Chorispora), диграфисы (Digraphis) и пр. рѣжутъ привычное ухо. Къ чему онѣ, когда тутъ же рядомъ стоитъ то же латинское слово; вѣдь книжка предназначается, какъ видно изъ предисловія, для «ознакомившихся путемъ гербаризаціи и опредѣленія растеній флорой»,

---

*) Цѣлина, гдѣ наблюдалъ Танфильевъ, находится въ *Старобѣльскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи.*

слѣдовательно, лицъ, знакомыхъ съ терминологіей и умѣющихъ разбирать латинскія названія.

Къ каждой главѣ авторами приложенъ рядъ (довольно много) вопросовъ, дающихъ темы для самостоятельныхъ занятій. Къ сожалѣнію подборъ ихъ не всегда можно назвать удачнымъ (гл. IV, V).

Въ отдѣльномъ приложеніи указывается значеніе фотографій для ботаники, съ чѣмъ трудно не согласиться кому приходилось имѣть дѣло хотя бы съ флористическимъ описаніемъ мѣстности.

Что касается рисунковъ, изъ которыхъ большинство было приложено къ «Флорѣ Владимірской губ.» Флерова, то они прекрасно иллюстрируютъ текстъ; нѣсколько неудаченъ только четвертый.

Въ общемъ, мы надѣемся, что настоящая книжка найдетъ достаточно широкое распространеніе, и во второмъ ея изданіи авторы не будутъ бояться излишней полноты. Цѣну 45 коп. нельзя назвать высокою. *Г. Ш.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Къ юбилею Некрасова.

«Всякій выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова», писалъ Достоевскій въ своемъ дневникѣ сейчасъ послѣ смерти Некрасова. «Въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова», прибавлялъ онъ дальше. Съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ, во многихъ мѣстахъ Россіи устраиваются юбилейныя торжества въ память поэта и невольно съ особою силой встаетъ вопросъ: знаетъ ли читатель изъ народа Некрасова, понялъ ли онъ и «отмѣтилъ» ли его? Какъ ни больно, но нужно признать, что *въ массѣ* народъ не знаетъ Некрасова, но не потому, что не могъ бы понять его, а потому, что, въ силу чисто внѣшнихъ условій, сочиненія Некрасова почти совершенно недоступны для него. Между тѣмъ, можно ли сомнѣваться, что теперь, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Некрасова, число читателей изъ народа, способныхъ понять не только *многое* у Некрасова, но и *всего* Некрасова, выросло до огромныхъ размѣровъ, да не мало, конечно, и такихъ, которые уже знаютъ Некрасова и «отмѣтили» его, какъ своего любимаго и близкаго поэта. Популярная литература чрезвычайно бѣдна книжками, посвященными Некрасову. Кромѣ біографіи, изданной Павленковымъ, въ его серіи біографій замѣчательныхъ людей, можно указать лишь двѣ доступныхъ біографіи: одна, составленная Вѣтринскимъ (изданіе Муриновой), и другая, составленная А. Ф—вымъ (изданіе Поповой 1900 г. Ц. 20 к.). Въ этой книжкѣ приведено очень много стихотвореній Некрасова самаго разнообразнаго характера, въ выдержкахъ и цѣликомъ. Въ біографіи особенно подробно разсказывается о первыхъ годахъ петербургской жизни Некрасова. Къ днямъ юбилея Некрасова появилось, если не ошибаемся, всего только двѣ книжки, посвященныя жизни и произведеніямъ «пѣвца народной скорби». Но зато одна изъ этихъ книгъ (Д. И. Тихомирова) допущена въ народныя и школьныя библіотеки и читальни и прокладываетъ такимъ образомъ болѣе широкій путь въ народную среду также и сочиненіямъ Некрасова.

Н. А. Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія. Составила Л. Хавкина Дешевыя изданія Сытина. М. 1903 г. Ц. 5 к. стр. 71. Эта небольшая и очень доступная какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію книжка предназначена, повидимому, для читателей мало развитыхъ и не начитанныхъ. Книжка состоитъ собственно изъ біографіи Некрасова и характеристики сочиненій его. Если смотрѣть на очеркъ г-жи Хавкиной, какъ на біографію въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, то нужно признать, что написанъ онъ недурно, въ высшей степени про-

сто и задушевно. Но эта біографія рисуетъ жизнь Некрасова съ чисто внѣшней стороны, тогда какъ вся сложная душевная жизнь поэта, такъ тѣсно связанная съ внѣшними условіями его жизни, какъ бы не существуетъ для г-жи Хавкиной. Поэтому, когда авторъ послѣ описаній внѣшнихъ успѣховъ Некрасова въ Петербургѣ, вдругъ считаетъ нужнымъ сказать что-нибудь и о внутренней сторонѣ его жизни и прибавляетъ: «Но не тѣшило его все это. Все чаще и чаще находили на него приступы тоски, когда онъ по два дня не показывался изъ своей комнаты и твердилъ, что все ему въ жизни надоѣло, а больше всего онъ самъ себѣ опротивѣлъ», то строки эти не только непонятны для читателя по отсутствію какой бы то ни было мотивировки, но и выражены такъ грубо-наивно, что просто больно читать. Въ характеристикѣ творчества Некрасова г-жа Хавкина останавливается преимущественно на его описаніяхъ природы и картинахъ русской жизни, на его отношеніи къ дѣтямъ и къ женщинамъ, въ особенности матерямъ. «Поэзія всегда имѣетъ большое воспитательное вліяніе на людей. Изображая жизнь въ картинахъ, она учитъ людей жить»— такъ г-жа Хавкина объясняетъ значеніе поэзіи вообще и поэзіи Некрасова въ частности. Сочувствіе къ горю людскому, вотъ главный мотивъ его поэзіи и г-жа Хавкина перечисляетъ затѣмъ всѣхъ, кого жалѣетъ Некрасовъ. «Его трогательныя описанія вызываютъ сочувствіе и жалость къ несчастнымъ и обездоленнымъ, желаніе помочь имъ, облегчить ихъ судьбу...» Поэзія Некнасова въ трогательныхъ описаніяхъ, въ правдивой обрисовкѣ жизни народа, учитъ она насъ лишь жалости и сочувствію горю людскому—таковъ весь Некрасовъ—въ изображеніи г-жи Хавкиной. Гдѣ же его муза мести и негодованія? Ея нѣтъ здѣсь, какъ нѣтъ Некрасова лирика, давшаго столько потрясающихъ картинъ душевныхъ мукъ своихъ, какъ нѣтъ и Некрасова сатирика, укоряющаго и обличающаго. Все что говоритъ г-жа Хавкина о Некрасовѣ совершенно вѣрно, все она подтверждаетъ ссылками на его стихотворенія, но это не весь Некрасовъ, это только одна его сторона. Отчего бы ни произошло это умаленіе и одностороннее освѣщеніе творчества Некрасова—отъ слишкомъ ужъ сильнаго стремленія «упростить» Некрасова ради читателя изъ народа, или отъ наивнаго непониманія самимъ авторомъ личности и поэзіи Некрасова,—во всякомъ случаѣ, по книжкѣ г-жи Хавкиной читатель не узнаетъ настоящаго Некрасова, а познакомится лишь съ его біографіей и нѣкоторыми стихотвореніями. Для дѣтей-читателей этого, можетъ быть, и достаточно.

Н. А. Некрасовъ. Чтеніе для школъ и народа Д. И. Тихомирова. Съ приложеніемъ избранныхъ стихотвореній и портрета Н. А. Некрасова. Особымъ отд. учен. ком. мин. нар. просв. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва. 1903 г. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Цѣна 10 коп. Стр. 56.

Какъ видно изъ заглавія книги Д. И. Тихомирова, она имѣетъ въ виду два разные типа читателей: учащихся дѣтей и взрослыхъ крестьянъ. Это не могло не отразиться на содержаніи чтенія, побудивъ автора позаботиться, съ одной стороны, о большей полнотѣ и серьезности чтенія, въ виду читателей взрослыхъ, съ другой стороны, въ виду читателей-дѣтей, сдѣлать изложеніе не только вполнѣ понятнымъ, но и нѣсколько смягчить его, т.-е. устранить кое-что рѣзкое, нѣкоторые контрасты и противорѣчія, безъ которыхъ такъ трудно характеризовать Некрасова и его время. Тѣмъ не менѣе чтеніе Д. И. Тихомирова дастъ и дѣтямъ, и взрослымъ несравненно больше матеріала не только для знакомства съ личностью Н., но и для пониманія его поэтическиго творчества, чѣмъ книжка г-жи Хавкиной. Въ видѣ предисловія, авторъ вкратцѣ сообщаетъ объ эпохѣ реформъ Александра II, о роли друзей свободы писателей того времени, въ числѣ которыхъ былъ и Некрасовъ. Дальше разсказывается

біографія Н., въ первой очень обстоятельной главѣ которой «Уроки дѣтской жизни», оттѣнены не только темныя стороны дѣтства поэта, но также и свѣтлыя. Въ главѣ второй «Годы ученья» разсказывается о зачаткахъ поэтическаго вдохновенія у Н. о первыхъ годахъ жизни въ Петербургѣ и объ окончательномъ переходѣ къ литературному труду, какъ его истинному призванію. Литературный трудъ Н. составляетъ содержаніе слѣдующей главы, въ которой разсказывается объ успѣхахъ Н., о его знакомствѣ съ Жуковскимъ и Бѣлинскимъ и журнальной работѣ.

О послѣдней, впрочемъ, сказано слишкомъ ужъ мало, всего нѣсколько строчекъ, причемъ ни «Современникъ», ни «Отеч. Записки» даже не названы, а упоминается лишь, что Н. стоялъ во главѣ «самаго распространеннаго изъ тогдашнихъ журналовъ». Настроеніе Н. того времени характеризуется такъ: «Въ его душѣ жилъ всегда свѣтлый примѣръ горделиваго терпѣнія его матери; живы были въ немъ и примѣры неусыпнаго крестьянскаго труда и выносливости, и самъ онъ былъ настойчивъ, смѣлъ и отваженъ, а крестьянская жизнь и свой собственный горькій опытъ научили его находчивости при нуждѣ и практичности». По словамъ г. Тихомирова, Некрасовъ становится обличительнымъ по-этомъ, онъ осмѣиваетъ пошлость, низкопоклонство, произволъ надъ беззащитными, плутовство; онъ печалуется о жизни обиженнаго бѣдняка, о нищетѣ, доводящей человѣка до огрубѣнія и порока, клеймитъ позоромъ всякую неправду; онъ воспѣваетъ всѣхъ, кто, забывая о себѣ, отдаетъ свои силы на служеніе другимъ и т. д. Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какъ разносторонне очерчиваетъ г. Тихомировъ личность и поэзію Н. Въ дальнѣйшихъ главахъ: «Пѣвецъ народной жизни», «Поэтъ гражданинъ» и «Слава Некрасова», указываются главные мотивы творчества Некрасова: его любовь къ народу и матери, требованіе свободнаго развитія въ каждомъ его высшихъ человѣческихъ стремленій, призывъ къ самопожертвованію въ борьбѣ за брата человѣка, наконецъ, отношеніе поэта къ своему творчеству—его муки безотвѣтной, какъ казалось тогда, любви къ народу, муки сомнѣнія въ себѣ—все это нашло себѣ мѣсто на страницахъ очерка Д. И. Тихомирова и все подтверждается ссылками на стихотворенія Н., среди которыхъ попадаются и отрывки изъ его лучшихъ лирическихъ стихотвореній.

Такимъ образомъ, въ чтеніи г. Тихомирова, поскольку это возможно въ небольшомъ общедоступномъ очеркѣ, читатель узнаетъ настоящаго Н., увидитъ его во весь ростъ со всѣмъ богатствомъ мотивовъ его творчества.

При этомъ, однако, нельзя не указать на одну особенность почтеннаго автора чтенія,—особенность, которая можетъ быть объяснена, пожалуй, стремленіемъ приноровиться къ уровню пониманія дѣтей-читателей. Это, черезчуръ ужъ умышленно сентиментальное отношеніе къ реформамъ 60-хъ годовъ, сказывающееся особенно ярко въ предисловіи (стр. 5 и 6) и въ концѣ главы IV (стр. 32—33). При чтеніи всѣхъ этихъ выдержекъ изъ Некрасова какъ-то невольно вспоминаются тѣ общеизвѣстныя мѣста изъ другихъ стихотвореній Н., которыя довольно рѣзко нарушаютъ гармонію радости и славословія г. Тихомирова. Въ связи съ этою особенностью настроенія автора стоятъ и такія выраженія, не отвѣчающія, по нашему мнѣнію, настроенію эпохи и самого Н., какъ, напр.: «Лучшіе русскіе люди *терпѣливо* ожидали великаго дня, когда, по манію царя падетъ вѣковое рабство», или «такъ познакомился Н. съ нищетой столичною и самъ *терпѣливо* переносилъ такую же горькую жизнь».

Въ заключеніе, разсказывая о похоронахъ Н., г. Тихомировъ упоминаетъ отдѣльно почему-то объ одной только рѣчи—протоіерея Горчакова, добавляя въ скобкахъ «профессоръ университета», не упоминая въ то же время о рѣчахъ гораздо болѣе извѣстныхъ почитателей поэта, какъ Достоевскій и другіе.

Подводя итоги всему сказанному, можно, не колеблясь, признать, что луч-

шею изъ двухъ юбилейныхъ книжекъ о Некрасовѣ и по содержанію, и по изложенію является, безспорно, книга Д. И. Тихомирова, дающая полный и разносторонній очеркъ жизни и творчества Н. Поэтому нельзя не привѣтствовать съ особою радостью допущеніе этой книжки не только въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, но и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе были допущены туда же безъ всякихъ ограниченій и сочиненія Некрасова, которымъ давно пора появиться также въ болѣе дешевомъ изданіи. Это тѣмъ болѣе важно, что книжка Д. И. Тихомирова, несомнѣнно, вызоветъ у читателей изъ народа самое горячее желаніе познакомиться со *всѣми* произведеніями великаго поэта, чтобы затѣмъ «отмѣтить» его, какъ предсказывалъ 25 лѣтъ назадъ Достоевскій.

Кромѣ книгъ о Некрасовѣ, къ днямъ юбилейныхъ торжествъ въ продажѣ появились также два листа иллюстрацій, посвященныхъ Некрасову.

Ярославское общество для содѣйствія народному образованію издало листокъ «На память о Некрасовѣ». На листкѣ, украшенномъ орнаментами, помѣщенъ литографированный портретъ Н. А. Некрасова, съ надписью: «Сѣйте разумное, доброе и т. д.», такой же видъ Волги и снимки съ картинъ: Рѣпина—«Бурлаки», Перова — «Крестьянскія похороны» и Мясоѣдова—«Чтеніе положенія 19-го февраля 1861 года». Выборъ картинъ сдѣланъ очень удачно, но отпечатаны снимки блѣдно, неясно и въ слишкомъ миніатюрныхъ размѣрахъ. Портретъ поэта вышелъ удачнѣе другимъ снимковъ. Біографія Некрасова написана такъ лаконично, что напоминаетъ формуляръ поэта, а характеристика его поэзіи сдѣлана въ слѣдующихъ словахъ: «Въ своихъ стихахъ Некрасовъ былъ пѣвцомъ народной скорби и предрекалъ улучшеніе жизни крестьянъ и бѣдныхъ людей на Руси». Еще одно маленькое замѣчаніе: заглавная надпись сдѣлана хотя и довольно красиво, но такимъ замысловатымъ шрифтомъ (что-то въ родѣ «вязи»), что деревенскимъ грамотеямъ придется не мало помучиться, прежде чѣмъ они разберутъ, что она означаетъ. Продажная цѣна листка (не обозначенная на немъ) 10 коп.—непомѣрно высока.

Товариществомъ И. Д. Сытина изданъ другой листъ иллюстрацій къ стихотвореніямъ Некрасова. На большомъ листѣ вокругъ портрета Некрасова въ отдѣльныхъ медальонахъ помѣщены семь картинокъ, изображающихъ: несжатую полосу, видъ Волги, сцену изъ Коробейниковъ и кому на Руси жить хорошо, Дарью въ лѣсу (изъ Морозъ—красный носъ), сельскую ярмарку и Савелія богатыря святорусскаго. Подъ четырьмя изъ картинокъ приведены соотвѣтствующія четверостишія, тоже подъ портретомъ, гдѣ стоятъ слѣдующія прекрасныя слова поэта: «Примиритесь же съ музой моей. Я не знаю другого напѣва. Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей...»

Если выборъ иллюстрацій на этомъ листѣ менѣе интересенъ, чѣмъ на Ярославскомъ, то исполненіе его много лучше. Нарисованы картинки очень не дурно, отпечатаны въ нѣсколько красокъ, отчетливо и ярко, и только портретъ поэта нѣсколько испорченъ тѣмъ синеватымъ оттѣнкомъ, который рѣзко замѣтенъ на волосахъ и бородѣ его. Цѣна листа 5 коп. совсѣмъ невысока. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

от 15-го декабря до 15-го января.

П. Масловъ. Условія развитія сельск. хозяйства въ Россіи. Изд. М. И. Водововозовой. Ц. 2 р. 75 к. Спб.
Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ. Изд. Суворина. Ц. 3 р. 1903 г.
Е. Некрасовъ. Народныя книги для чтенія. Изд. вятск. губ. земства. Ц. 40 к.
П. А. Голубева. Вятское земство. Ц. 50 к.
Эв. Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ· Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Мск. 1903 г. Ц. 80 к.
Пьеръ Жане. Неврозы и фиксиров. идеи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.
Куно Фишеръ. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.
А. Лоріа. Соціологія. Изд. «Общественной Пользы». Спб. 1903 г. Ц. 60 к.
В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Изд. Стасюлевича. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.
Р. Нелюбинъ. Критико-біографич. этюдъ. Р. К. Изд. Г. Я. Кестнера. Спб. 1903 г.
Вартаньянцъ. Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю. Тифлисъ. 1902 г. 20 к.
Авотъ Раби Нафанъ. Талмудъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Сборникъ работъ гигіенической лабораторіи. Подъ ред. проф. Хлопина. Юрьевъ. 1902 г.
Лубенцъ. Педагогическія бесѣды. Изд. кн. маг. Луковникова. 1903 г. Ц. 1 р.
М. Нордау. Собраніе сочиненій. Т. IX и X. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г.
Н. Карѣевъ. Учебная книга древней исторіи. Изд. Стасюлевича. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.
Его же. Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. то же. Ц. 1 р. 10 к.
Давидъ Юмъ. Изслѣдованія человѣч. разумѣнія. Изд. Пирожкова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Вяч. Ивановъ. Кормчія звѣзды. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.
Гольденвейзеръ. Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности. Спб. 1902 г.
С. Бутурлинъ. Кулики росс. имперіи. Премія къ журн. «Псовая и ружейн. охота». Тула. 1902 г. Вып. I.
А. Чеглокъ. Родная природа. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
Л. Морганъ. Изъ міра животныхъ. Изд. Беркосъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Клем. Гельмъ. Какъ я провела свою юность. Мск. 1902 г.
Литературный сборникъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 2 р.
Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.
М. Чернявскій. Зори. Сборникъ поэзій. Кіевъ. 1903 г. Ц. 65 к.
В. Л. Дѣдловъ. Лирическіе разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Швидченко. Святочная хрестоматія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.
Н. И. Березинъ. Природа и люди Олонецкаго края. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.
Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь. Спб. 1902 г.
П. Соломко. Маленькія драмы. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
В. Обнинскій. Сказки. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.
Вѣра. Одна за многихъ. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.
Маркъ Твэнъ. Личныя воспомин. о Жаннѣ д'Аркъ ея пажа и секретаря Луи де-Конта.
А. Амфитеатровъ. Сказочныя были. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
Н. Горинъ. Основныя идеи и произведенія М. Горькаго. Ц. 30 к.
Брешко-Брешковскій. Въ царствѣ красокъ. Пов. и разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
М. Никольскій. Пѣсни страсти востока. Стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.
В. Яковенко. Австралійскія легенды. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.
Н. Благовѣстовъ. Стихотворенія. Харьковъ. 1903 г. Ц. 40 к.
Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Съ иллюстраціями и фрагм. музыки. Изд. Дремцова. Вып. I. Ц. 45 к.
Гоголь. Избранныя сочиненія. Изд. вятск. губ. земства. 3 тома. Ц. 1 р. 50 к.
Его же. Тарасъ Бульба. Иллюстр. изд. то же. Ц. 18 к.
Его же. Женитьба. Изд. то же. Ц. 10 к.
Его же. Ревизоръ. Изд. то же. Ц. 12 к.
Его же. Сорочинская ярмарка. Изд. то же. Ц. 7 к.
Его же. Майская ночь. Изд. то же. Ц. 7 к.
В. П. Острогорскій. Н. В. Гоголь. Лит.-біогр. очеркъ. Ц. 8 к.
М. Н. Загоскинъ. Юрій Милославскій. Ц. 40 к.
М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія. Ц. 50 к.
Его же. Пѣсня про купца Калашникова. Ц. 30 к.
Его же. Мцыри. Ц. 3 к.

Его же. Вэла. Ц. 5 к.
Его же. Бояринъ Орша. Ц. 3 к.
Его же. Демонъ. Ц. 4 к.
Станюковичъ. Васька. Ц. 8 к.
Его же. Пропавшій матросъ. Ц. 5 к.
Его же. На каменьяхъ. Ц. 5 к.
Ивановскій. Худая болѣзнь. Ц. 6 к.
Вишневскій. О пищѣ. Ц. 10 к.
Его же. О прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ. Ц. 6 к.
Братчикова. Какъ осматривать лошадь при покупкѣ. Ц. 3 к.
Соломенныя постройки въ Котельническ. уѣздѣ Вятск. губ.
Горностаевъ. Приготовленіе извести. Ц. 4 к.
Горностаевъ и Шкляевъ. Кирпичное производство. Ц. 6 к.
Жирновъ. Какъ дѣлать черепицу. Ц. 6 к.
Горностаевъ и Дремцовъ. Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ. Ц. 7 к.
Женская доля. Сборникъ избран. стихотв. русск. поэтовъ. Ц. 10 к.
Т. Шевченко. Катерына. Кіевъ. 1903 г. Ц. 2 к.
Ф. Смородскій. Новые мотивы. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.
Шекспиръ. Собраніе сочиненій. Т. II. Подъ ред. С. Венгерова. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 1902 г.
П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь. Изд. Германа и Гоппе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
Черный король. Альман. шахматы. Обозрѣнія за 1902 г. Ц. 1 р.
Владимірскій календарь и памятная книжка. 1903 г.
Извѣстія о сост. сельск. хозяйства въ Полт. губ. за 1902 г.
Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянскихъ постр. Вятка. 1903 г.
Э. Ф. Лейденъ. Какъ предохранить себя отъ чахотки. Изд. д-ра Лейненберга. Одесса. 1903 г. Ц. 15 к.
В. Д. Бубликъ. Кіевскій календарь на 1903 г. Ц. 40 к.
Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ м—ствомъ народн. просвѣщ. Изд. тверск. губ. земства.
А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Нижній-Новг. 1903 г. Ц. 30 к.
Новомбергскій. Очерки по исторіи аптечнаго дѣла допетровской Руси. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
М. Базилевичъ. Меланома въ ряду злокачествен. новообразованій. Житоміръ. 1902 г.
Его же. Гомологи эмбріональн. вещества.
Его же. Пластическая роль бѣлаго кровян. шарика.
Его же. О происхожденіи эфемерныхъ клѣточныхъ вегетацій.
Подоба. Сердце и школа. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
Отчетъ по естественно-истор. музею тавр. губ. земства за 1902 г.
Таблицы для опредѣленія матеріаловъ. Спб. Изд. Риккера. Ц. 80 к.
А. Меньшиковъ. Какъ устраивать праздникъ древонасажденія въ школахъ. Вятка. 1902 г. Ц. 25 к.
И. С. Штейнгауэръ. Общій курсъ географіи. Спб. Изд. Карбасникова. 1902 г. 50 к.
Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ физической географіи. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 к.
Псковская губернія наканунѣ зимы 1902—1903 года. Вып. II.
Статистич.-ежегодникъ полт. губ. земства на 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Un peuple antique», Au Pays de Ménélik. Les Galla grande nation africaine, par Martial de Salviac. 2-me édition. Paris. (*Oudin*) *7 fr. 50.* (*Древній народъ*). Народъ, населяющій Абиссинію — галласы, до сихъ поръ еще недостаточно хорошо изученъ европейцами, несмотря на то, что уже многіе европейскіе путешественники побывали въ Абиссиніи и при дворѣ Менелика находятся европейцы. Происхожденіе галласовъ также не вполнѣ установлено и на этотъ счетъ существуютъ различныя гипотезы. Въ своей книгѣ авторъ развиваетъ одну изъ этихъ гипотезъ, доказывающую, что галласы — галльскаго происхожденія. Такъ какъ авторъ давно живетъ въ Абиссиніи въ качествѣ миссіонера, то имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ народъ и поэтому книга его изобилуетъ интересными описаніями страны, ея географическихъ условій, нравовъ и обычаевъ ея населенія и ея политическихъ и другихъ учрежденій. Иллюстраціи, приложенныя къ тексту, не всѣ одинаковаго достоинства.

(Polybiblion).

«Les Entrailles de la Terre» par E. Caustier. Paris (*Nony*). *10 fr.* (*Нѣдра земли*). Это популярно-научная книга, прекрасно иллюстрированная, въ которой разсказываются всѣ новѣйшія изслѣдованія, касающіяся земли. Особенный интересъ представляетъ первая часть, относящаяся къ дѣятельности вулканическихъ силъ. Во второй части говорится о рудныхъ мѣсторожденіяхъ и, главнымъ образомъ, о каменноугольныхъ пластахъ. Книга снабжена геологическими картами и иллюстраціями.

(Polybiblion).

«Le Savant du Foyer, nation scientifiques sur les objets usuels de la vie, par Daniel Pellet. Paris (*Hachette*). *Jllustré de 210 gravures. 8 fr.* (*Домашній ученый*). Очень полезная книга, въ которой можно найти отвѣты на многіе вопросы, интересующіе человѣка въ окружающей его жизни. Авторъ сообщаетъ научныя свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ обыденной жизни, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ обойтись; онъ говоритъ о воздухѣ и пищѣ, одеждѣ, жилищахъ, украшеніяхъ, необходимыхъ орудіяхъ, освѣщеніи и отопленіи и т. д. Книга написана очень популярно и это составляетъ ея достоинство.

(Polybiblion).

«Histoire des Jouets» par M. Henry d'Allemagne (*Librairie Hachette*). *30 fr.* (*Исторія игрушекъ*). Авторъ указываетъ связь, существующую между тою отраслью промышленности, которая заключается въ изготовленіи игрушекъ, и общею исторіей нравовъ и политики. Его книга, такимъ образомъ, иллюстрируетъ исторію Франціи, начиная отъ блестящей версальской жизни временъ Людовика XIV до послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ 1900 года.

(Journal des Débats).

«Plaisirs et feux depuis les origines» par Gaston Vuillier (*Lucien Laveur. Librairie Rotschild*). *30 fr.* (*Удовольствія и игры съ древнѣйшихъ временъ*). Это въ нѣкоторомъ родѣ исторія человѣчества, выражающаяся въ его удовольствіяхъ и играхъ, отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшей эпохи. Книга предназначена для семейнаго чтенія и прекрасно иллюстрирована.

(Journal des Débats).

«The Mind of Man» by G. Spiller (*Swan Sonnenschein*). (*Умъ человѣка*). Книга представляетъ попытку примѣненія научныхъ методовъ къ психологіи. Авторъ прежде всего заботится о томъ, чтобы его сочиненіе носило популярный характеръ и поэтому онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ терминовъ гипотезъ и математическихъ доказательствъ и не выходитъ изъ области фактовъ, которые онъ подвергаетъ строгому экспериментальному изслѣдованію. Эту популярную психологію можно рекомендовать широкому кругу читателей.

(Athaeneum).

«Les Grands Naufrages» par M. H. de Noussanne (*Librairie Hachette*). *15 fr.* (*Великія кораблекрушенія*). Списокъ драмъ, разыгравшихся на морѣ, очень длиненъ и отличается разнообразіемъ; онъ пополняется ежегодно. Въ своей книгѣ авторъ описываетъ наиболѣе драматическіе эпизоды изъ жизни на морѣ. Онъ разсказываетъ о великихъ кораблекрушеніяхъ, какъ настоящій историкъ, основываясь на доставленныхъ документахъ, такъ что его книга дѣйствительно составляетъ главу изъ исторіи кораблекрушеній. Великолѣпные рисунки красками дополняютъ впечатлѣніе реальности, которое производятъ разсказы автора

(Journal des Débats).

«Les sept Merveilles du Monde» par Auge de Lassus (Librairie Hachette). 2 fr. 60. (*Семь чудесъ свѣта*). Эта книга представляетъ не только описаніе того, что древніе называли «семь чудесъ свѣта», но авторъ заставляетъ читателя вмѣстѣ съ нимъ совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ находятся эти колоссальныя произведенія древности. Онъ изображаетъ среду, эпоху, мѣстность и страну и увлекаетъ читателя своими талантливыми описаніями.

(Journal des Débats).

«Die geheimen Geselschaften, Verbindungen und Orden» von Georg Schuster. Leipsig. 1902 (Theodor Liebing). (*Тайныя общества, союзы и ордена*). Ученый авторъ съ большимъ тщаніемъ изучалъ огромную литературу предмета и, вполнѣ овладѣвъ матеріаломъ, составилъ превосходную исторію тайныхъ обществъ отъ самыхъ древнихъ временъ, въ первой части которой онъ доходитъ лишь до конца среднихъ вѣковъ. Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ дикихъ народовъ, у которыхъ онъ отыскиваетъ элементы тайныхъ союзовъ, указывая при этомъ, что въ этихъ союзахъ у дикарей можно найти тѣ же самые зачатки, которые у культурныхъ народовъ достигаютъ болѣе широкаго развитія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ древнѣйшимъ эпохамъ и вездѣ находитъ неразрывную связь между исторіей религіи и союзами жрецовъ. Особенное вниманіе авторъ посвящаетъ исламу и связаннымъ съ нимъ тайнымъ обществамъ. Онъ находитъ нѣкоторую аналогію между тайнымъ ученіемъ ассасиновъ и іезуитизмомъ и говоритъ, что ассасины справедливо могли бы назваться предшественниками іезуитовъ. Далѣе авторъ изучаетъ другіе тайные союзы магометанскаго міра и, наконецъ, переходитъ къ западнымъ народамъ, рыцарскимъ орденамъ и всевозможнымъ тайнымъ обществамъ, наполнявшимъ средніе вѣка. Огромный интересъ, который возбуждаетъ чтеніе этого труда, заставляетъ читателя съ нетерпѣніемъ ожидать его продолженія, т.-е. исторіи тайныхъ обществъ и союзовъ въ послѣдующія времена, вплоть до современной эпохи.

(Frankfurt. Zeitung).

«Jtalian Life in Town and Country» by L. Villari. London (George Newness). Итальянская жизнь въ городѣ и деревнѣ). Очень живо написанные очерки итальянской жизни, довольно вѣрно рисующіе итальянское общество. Особенно хороши главы, описывающія соціальную жизнь въ городѣ и деревнѣ, домашнюю жизнь итальянцевъ и сельское населеніе. Однако, авторъ не всегда соблюдаетъ должное безпристрастіе и слишкомъ ясно даетъ чувствовать свои симпатіи и антипатіи, вслѣдствіе чего политическая часть его книги изобилуетъ неточностями.

(Daily News).

«Zur Psychologie der Aussage» von D-r W. Stern. Berlin (J. Guttentag). (*Къ психологіи свидѣтельскихъ показаній*). Въ послѣдніе годы въ юридической оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній произошла большая перемѣна; стали придавать большое значеніе психологіи этихъ показаній и возникли попытки изслѣдовать умственныя способности и душевное состояніе свидѣтелей. Большія разногласія, которыя всегда встрѣчаются въ показаніяхъ нѣсколькихъ свидѣтелей, навели ученыхъ на мысль о существованіи «нормальной психологической неправды». Опыты, произведенные надъ различными лицами, подтверждали это и указали, что самые добросовѣстные и безпристрастные люди часто совершенно не въ состояніи точно передать видѣнное и слышанное и безсознательно искажаютъ истину. Авторъ излагаетъ въ своей книгѣ современное состояніе вопроса о свидѣтельскихъ показаніяхъ и описываетъ различные опыты французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, имѣющіе цѣлью выяснить, какое значеніе можно придавать свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ. Авторъ говоритъ также о важной роли, которую играетъ внушеніе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, особенно во время громкихъ процессовъ, когда всѣ взоры бываютъ обращены на свидѣтелей и ихъ забрасываютъ вопросами, ожидая отвѣта съ напряженнымъ любопытствомъ. Въ такихъ случаяхъ легко можетъ явиться «массовое внушеніе». Огромное значеніе для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній имѣетъ то, какъ ставитъ свои вопросы судья.

(Berliner Tageblatt).

«Der ästhetische Genuss» von Karl Groos, professor der Philosophie an der Universität Giessen (A. Töpelmann). Giessen). (*Эстетическое наслажденіе*). Авторъ прекрасныхъ книгъ: «Игры животныхъ» и «Игры людей», въ новомъ своемъ трудѣ изслѣдуетъ одну изъ основныхъ проблемъ эстетики—эстетическое наслажденіе. Въ предисловіи онъ обсуждаетъ задачи эстетики и ея методы. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ природу эстетическаго наслажденія и сравниваетъ его съ игрой. Врожденные инстинкты, стремленія и потребности побуждаютъ къ дѣятельности, даже безъ всякой серьезной цѣли и являются истинными причинами игръ; эти инстинкты вызываютъ упражненіе функцій, нужныхъ для поддержанія жизни. Въ эстетическомъ наслажденіи также существуетъ стремленіе къ возбужденію дѣятельности извѣстныхъ органовъ, причемъ

испытывается радость жизни, которая и служитъ основою наслажденія. Во второй главѣ авторъ говоритъ о чувственныхъ фактахъ эстетическаго наслажденія. Настоящее эстетическое наслажденіе возможно только при взаимодѣйствіи какъ чувственныхъ, такъ и духовныхъ факторовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«Rural England». Being an Account of Agricultural and Social Researches carried out in the years 1901 and 1902. By H. Rider Haggard Two vols. (Longmans). Сельская Англія). Авторъ подробно изслѣдуетъ положеніе сельскаго хозяйства въ Англіи и приходитъ къ весьма пессимистическимъ выводамъ: сельское хозяйство находится на краю гибели. Авторъ описываетъ свои странствованія по сельскимъ округамъ Англіи, посѣщенія фермеровъ и бесѣды съ ними, а также различныя встрѣчи въ дорогѣ и достопримѣчательности, обратившія на себя его вниманіе и такъ какъ описанія его очень занимательны, то, несмотря на серьезность и даже спеціальность предмета, книга читается съ большимъ интересомъ, благодаря талантливому изложенію.

(Daily News).

«L'idée de l'Evolution dans la Nature et l'Histoire» par Gaston Richard. Ouvrage couronnée par l'Académie des sciences morale et politiques (Félix Alcan. Bibliothèque de philosophie contemporaine). (Идея эволюціи въ природѣ и исторіи). Авторъ подвергаетъ глубокому анализу доктрину эволюціи и ея отношеніе къ методамъ изслѣдованія природы и исторіи. Книга представляетъ выдающійся научный интересъ и имѣла большой успѣхъ среди ученыхъ.

(Journal des Débats).

«Arbeit und Rythmus» von D-r Karl Bücher. Leipzig. 1902 (Работа и ритмъ). Профессоръ политической экономіи лейпцигскаго университета изслѣдуетъ въ этой книгѣ нѣкоторые изъ законовъ соціальной работы и постепенно приходитъ къ теоріи происхожденія поэзіи и музыки. Прежде всего онъ стремится разрушить ходячее мнѣніе, что человѣкъ въ первобытномъ состояніи склоненъ къ лѣни и что только самая настоятельная необходимость принуждаетъ его къ работѣ. Авторъ рѣшительно отрицаетъ это и говоритъ, что если бы непреодолимая лѣнь принадлежала къ числу основныхъ инстинктовъ человѣческой природы, то человѣчество не могло бы возвыситься надъ животными. Авторъ подкрѣпляетъ свои доводы многочисленными примѣрами и затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію работы. Всякая работа слагается изъ двухъ элементовъ, психическаго и физіологическаго и именно первый, т.-е. напряженіе ума, порождаетъ усталость; поэтому-то во всякой работѣ замѣчается стремленіе освободиться отъ вліянія ума и превратить ее въ рядъ механическихъ дѣйствій. Авторъ говоритъ о значеніи ритма въ работѣ. У дикихъ народовъ ритмъ въ работѣ болѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у современныхъ народовъ. Африканскіе негры ходятъ, играютъ, работаютъ и т. д., соблюдая при этомъ извѣстный ритмъ съ большею точностью, нежели солдаты или артисты. Во всѣхъ работахъ, которую исполняютъ дикіе народы, можно замѣтить ритмичность. Часто, для облегченія соблюденія ритма, прибѣгаютъ къ музыкѣ, къ пѣнію. У древнихъ грековъ были спеціальныя пѣсни для всякаго рода ремеслъ. Такимъ образомъ, по теоріи автора, въ генезисѣ поэзіи и музыки главную роль играла работа, а не эмоція, такъ какъ соблюденіе ритма облегчало работу и работникъ, посредствомъ однообразнаго повторенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій, превращался отчасти въ автомата, не ощущающаго усталости.

(Berliner Tageblatt).

«Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde» par Alfred Fouillée (Alcan). (Движеніе позитивизма и соціологическое понятіе о мірѣ). Имя автора, выдающагося французскаго ученаго, достаточно хорошо извѣстно всему читающему міру и поэтому книга его, изслѣдующая позитивистскую доктрину, должна возбудить интересъ европейскихъ читателей.

(Journal des Débats).

«Schauspiel und Geselschaft» von Alfred Klaar. (Johannes Räde). Berlin (Театръ и общество). Профессоръ Клааръ изслѣдуетъ въ своей книгѣ историческое развитіе театра, вліяніе меценатовъ и общества. Высказываемыя имъ замѣчанія относительно современнаго театра и публики, заслуживаютъ вниманія. Авторъ придаетъ большое значеніе народнымъ театрамъ и ихъ воспитательному вліянію.

(Berliner Tageblatt).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

ІЁРНЪ УЛЬ.

РОМАНЪ

ГУСТАВА ФРЕНСЕНА.

Перев. съ нѣмецкаго

Л. ГУРЕВИЧЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Глава первая.

Мы будемъ говорить въ этой книгѣ о трудѣ и заботѣ. Не о той заботѣ, которою изводился пивоваръ Янъ Торстенъ, обѣщавшій угостить своихъ пріятелей какой-то особенно вкусною рыбою и не сдержавшій этого слова и оттого впавшій въ задумчивость и собравшійся переселиться въ Шлезвигъ. И не о томъ трудѣ, которому предавался одинъ богатый деревенскій парень, съ утра до ночи изловчавшійся швырять плашмя по поверхности пруда серебряные талеры и такимъ способомъ, несмотря на свою глупость, въ какія-нибудь четыре недѣли просадившій весь капиталъ своего отца.

Нѣтъ, мы будетъ говорить о той заботѣ, какая слышалась въ словахъ старушки Вейсхаръ, когда ей приходилось заговаривать о своихъ дѣтяхъ,—о своихъ восьмерыхъ дѣтяхъ, изъ которыхъ трое покоились на кладбищѣ, одинъ на глубокомъ днѣ Сѣвернаго моря, а остальные проживали въ Америкѣ, причемъ двое уже нѣсколько лѣтъ не подавали ей о себѣ никакой вѣсти. И о томъ трудѣ, на который жаловался Гертъ Дозе, лежа, на третій день послѣ битвы при Гравелотѣ, въ ожиданіи смерти, которая все еще не приходила за нимъ, хотя у него была такая ужасная рана на спинѣ.

Но несмотря на то, что мы намѣрены говорить въ этой книгѣ о столь печальныхъ и — какъ многіе думаютъ— скучныхъ предметахъ, мы приступаемъ къ дѣлу, хотя и закусивъ губы и съ серьезностью въ лицѣ, но съ бодростью въ сердцѣ, ибо мы надѣемся показать, что если жизнь нашихъ героевъ полна труда и заботъ, то не напрасенъ этотъ трудъ и эти заботы.

* * *

Витенъ Пеннъ, старшая работница во дворѣ Уля, сказала какъ-то, что еще этою зимой въ домѣ непремѣнно соберутся гости.

— Но что всего удивительнѣе,—сказала она, — такъ это то, что съѣдутся они, какъ на большой праздникъ, а разъѣдутся, какъ съ большихъ похоронъ.

Такъ она и сказала, Витенъ Пеннъ. Она была на рѣдкость глубокомысленная женщина, за что и получила прозваніе Колокола.

Клаусъ Уль, богатый крестьянинъ сѣверо-германской равнины Маршъ, стоялъ передъ дверью своего дома съ веселымъ благодушнымъ лицомъ, блистая бѣлыми рукавами своей рубашки, глядѣлъ въ ожиданіи гостей на равнину и блаженно улыбался, думая о своихъ пріятеляхъ и предвкушая славную карточную игру, добрую выпивку и разныя соленыя шуточки.

Маленькая блѣдная жена его сидѣла на стулѣ, у кафельной печи, блуждая взглядомъ по просторнымъ, празднично убраннымъ хоромамъ. Она ждала рожденія своего пятаго ребенка и очень устала отъ ходьбы.

Трое старшихъ дѣтей, порядочные уже парнишки,—имъ недолго оставалось и до конфирмаціи,—съ длинными неуклюжими руками, съ свѣтловолосыми, узкими, надменными головами, стояли у одного изъ раскрытыхъ ломберныхъ столовъ. Взявъ со стола лежавшую тамъ колоду картъ, они громко заспорили между собой о томъ, въ какую игру играть, выкрикивая грубыя слова, потомъ вырвали колоду изъ рукъ у Ганса, младшаго изъ нихъ, и обругали его болваномъ.

Дверь распахнулась, и маленькій трехлѣтній Юргенъ подбѣжалъ къ матери:

*

— Мама! Ѣдутъ! Ужъ и повозки видно!

— Послушай, мать,—сказалъ Гансъ, который чувствовалъ потребность выместить на комъ-нибудь только что испытанную обиду,—Іёрнъ совсѣмъ непохожъ на насъ. Онъ точь-въ-точь, какъ ты. И лицо длинное, какъ у тебя, и глаза такіе же впавшіе.

Она погладила малыша по его жесткимъ, свѣтлымъ волосамъ и сказала:

— Для меня онъ и такъ хорошъ.

Мальчикъ облокотился на ея колѣни и сказалъ:

— Послушай, мама, Генрихъ говоритъ, что у меня скоро будетъ маленькій братецъ или сестрица. Мнѣ бы хотѣлось сестрицу. Когда она пріѣдетъ? Ты мнѣ непремѣнно скажи, когда она пріѣдетъ.

Двое старшихъ мальчиковъ продолжали играть, толкаться и смѣяться.

— Знаешь, мама,—сказалъ Гансъ,—работникъ говоритъ, сегодня ночью лошади ужасно безпокоились. Онъ слушалъ, слушалъ, наконецъ ужъ всталъ. А когда онъ пришелъ въ конюшню, онѣ всѣ стояли, поднявъ головы, а въ самомъ концѣ конюшни что-то звякало, словно кто цѣпями перебиралъ. Теперь эта глупая Витенъ, Колоколъ, говоритъ: «Это не къ добру». Что бы это могло значить?

— Разумѣется, не къ добру!—сказалъ Генрихъ и засмѣялся. — Развѣ ты не знаешь, что это значитъ? На конюшнѣ будетъ одною лошадью больше, а въ амбарахъ—закромомъ овса меньше! Понялъ? Вотъ оно что!

Они взглянули на мать и вышли изъ комнаты, подталкивая другъ друга и стараясь сдержать смѣхъ.

Мать осталась одна съ маленькимъ Юргеномъ, который теперь сѣлъ подлѣ нея.

— Нехорошо это, когда такая разница въ годахъ между ними,—сказала она вполголоса.—Эти ужъ совсѣмъ большіе стали, умничать хотятъ. Жесткіе они,—какъ отецъ, и говорятъ такъ же жестко! Маленькій и родиться еще не успѣлъ, а они ужъ противъ него!

Она посмотрѣла на столъ съ грудами тарелокъ и блестящихъ стакановъ, на всю эту комнату съ полу-крестьянской, полу-городской обстановкой. И снова почувствовала она себя не на мѣстѣ среди всего этого великолѣпія, въ этомъ большомъ шумномъ домѣ, и душа ея перенеслась черезъ степной лѣсокъ въ старый домъ на болотѣ. Тамъ чувствовала она себя на мѣстѣ.

Четверо было ихъ подъ длинною соломенною крышей этой избушки, стоявшей между болотомъ и лѣсомъ: отецъ, мать, братъ Тиссъ и она. Отецъ съ матерью были такіе особенные, забавные люди; до конца жизни не переставали они дурачиться другъ съ другомъ. Возвращаясь на своихъ тощихъ лошадкахъ изъ города съ пятничнаго базара, отецъ, бывало, уже издали грозится своимъ кнутомъ и, стоя во весь ростъ въ телѣгѣ, кричитъ женѣ: «На этотъ разъ смотри у меня! Посмѣй только баловаться.» Или же: «Хоть на улицѣ-то не дури!» Но мать не хотѣла ничего знать, хотя ей было тогда уже за сорокъ, и какъ только онъ сходилъ съ телѣги, она тутъ же, на улицѣ, на виду у крестьянина, работавшаго въ болотѣ Гезс, бросалась ему на шею и начинала ласкать и цѣловать его. И маленькій, худенькій человѣкъ съ худенькимъ, тонкимъ лицомъ ткача весело смѣялся. За всю жизнь не сказали они другъ другу ни одного недобраго слова; всегда они были ласковы и веселы другъ съ другомъ, какъ пара ласточекъ въ весеннюю пору. Оба они уже умерли. Братъ Тиссъ попрежнему жилъ холостякомъ за Гезескимъ лѣсомъ, и своимъ худенькимъ лицомъ и всѣмъ своимъ забавнымъ и привѣтливымъ существомъ сильно напоминалъ отца. А она, совсѣмъ еще молоденькою дѣвушкой, переселилась въ тучныя равнины Марша и сдѣлалась женой Клауса Уля.

А теперь вотъ въ конюшнѣ звякали цѣпи...

— Трое старшихъ выберутся какъ-нибудь. Они ужъ не нуждаются во мнѣ, какъ большіе жеребята, которые ушли отъ матери и знать ее больше не хотятъ. Но маленькій Юргенъ и этотъ крошка, котораго она ожидала... Витенъ позаботится о крошкѣ...

Повозки приближались: три, четыре—

одна за другою. Крѣпкія датскія лошаденки то вскидывали, то пригибали головы, и каждый разъ, какъ онѣ вскидывали ихъ, отъ нихъ валилъ паръ, а когда онѣ ихъ сгибали, въ ясномъ воздухѣ сверкали серебряныя бляхи упряжи. Все это были представители семейства Уль, ежегодно собиравшіеся въ домѣ своего главы, для празднованія своего семейнаго, улевскаго праздника.

Они были уже совсѣмъ близко, и Клаусъ Уль, со смѣющимся лицомъ, едва успѣлъ сойти съ крыльца, какъ во дворъ въѣхала съ села старомодная, звучно громыхающая повозка.

— Э-э!—сказалъ Уль.—Это ты, шуринъ?

Тиссъ Тиссенъ остановилъ лошадь и разсмѣялся:

— Не очень-то подходитъ къ другимъ моя запряжка! — сказалъ онъ. — Да и самъ я къ нимъ не подхожу; я вѣдь не надолго заѣхалъ. Купилъ тутъ на селѣ нѣсколько штукъ телятъ, такъ вотъ думалъ заодно взглянуть на сестру и на маленькаго Іёрна.

Маленькій человѣкъ размашисто спрыгнулъ съ высокой повозки, не выпрягая лошадь, поставилъ ее въ сарай и пошелъ къ сестрѣ. Она сидѣла съ маленькимъ Юргеномъ въ задней комнатѣ и очень обрадовалась ему.

— Иди-ка, присаживайся, — сказала она. — Здѣсь вѣдь никто до насъ не доберется,—ну да! то-есть изъ этихъ важныхъ птицъ, Улей. — Она разсмѣялась.—Подойди-ка, сядь, вотъ сюда, на стулъ. Ну, какъ съ коровой? Ты, кажется, сегодня большого Вороного запрягъ? Разскажи-же что-нибудь! Словно весь Гезе съ тобой сюда пріѣхалъ,—сказала она.

Онъ сталъ отвѣчать на ея разспросы. Это была тихая ласковая бесѣда, между тѣмъ какъ изъ парадныхъ комнатъ доносилось звяканье посуды, бѣготня и говоръ.

— Ну, теперь я пойду — посмотрю, что у васъ тутъ въ кухнѣ и на конюшнѣ дѣлается. Витенъ, надѣюсь, дастъ мнѣ перекусить чего-нибудь у себя въ кухнѣ, а потомъ работникъ покажетъ мнѣ телятъ и жеребятъ. Іёрна я съ собой возьму, а ты оставайся.

Онъ взялъ мальчика за ручку и вышелъ. При входѣ въ кухню ему попался навстрѣчу маленькій, широкоплечій мальчонокъ.

— Этотъ изъ Краевъ будетъ,—сказалъ Тиссъ,—по крѣпкой, рыжей головенкѣ видно!

— Это Фите Крэй, — сказалъ Юргенъ,—мы съ нимъ играемъ вмѣстѣ.

— Ну, такъ пусть и поѣстъ съ нами,—сказалъ Тиссъ, подсаживаясь къ кухонному столу. Ему дали тарелку мяса, которую Тиссъ Тиссенъ уставилъ себѣ между колѣнями. Оба мальчика сѣли рядомъ съ нимъ.

— Это твой карапузъ, Трина Крэй?—спросилъ онъ.

Работница повернула къ нему отъ печки свое раскраснѣвшееся лицо:

— Да,—сказала она. — Онъ у меня пятый. Шестеро вѣдь ихъ всѣхъ.

— Не мало, Трина, особенно для работника, который зимой дѣлаетъ метелки и щетки.

— Да вѣдь я и отсюда кое-что получаю,—сказала женщина.

— Значитъ, не съ пустыми руками уходишь отсюда, Трина?

— Нѣтъ, не съ пустыми.

— Кто же тутъ заботится объ этомъ, Трина?

— Твоя сестра, Тиссъ Тиссенъ.

— Пріятно мнѣ это слышать, Трина. Очень пріятно!

— Ты видѣлъ, Іёрнъ? — громко закричалъ Фите Крэй. — Какой горшокъ сала моя мать натопила! Съ мою голову будетъ.

— Слушай-ка, Трина, о какихъ важныхъ матеріяхъ онъ разсуждаетъ! Онъ у тебя молодецъ,—выростетъ—не станетъ подъ такой соломенной крышей жить, какъ теперь.

— Тоже въ люди пойдетъ,—сказала мать.—Работникомъ будетъ, какъ отецъ, а зимой щетки дѣлать будетъ.

— Кто знаетъ!—сказала Витенъ.

— А-а! Витенъ пришла! — сказалъ Тиссъ Тиссенъ. — Ну, смотри, Витенъ! Пусть твое пророчество ему въ прокъ будетъ! У него глазенки свѣтлые, го-

ловка круглая — значитъ съ соображеніемъ малый.

Витенъ Пеннъ была обыкновенно сдержанна и молчалива, но съ этимъ крестьяниномъ изъ Гезе, который относился ко всему съ такимъ серьезнымъ и живымъ интересомъ, она была не прочь перемолвиться словечкомъ.

— Всякое съ человѣкомъ бываетъ,— сказала она многозначительно.—Одинъ вотъ изъ венторфскихъ Крэевъ ушелъ изъ отцовскаго дома—простого работника сынъ былъ,—да и попалъ къ Подземнымъ, что подъ гезескими елями живутъ. Они нагрузили его золотомъ, вывели изъ лѣсу—ну, онъ и вернулся опять въ Венторфъ. Онъ думалъ, что вчера только оттуда ушелъ, а ему говорятъ, что съ тѣхъ поръ ужъ сорокъ лѣтъ прошло. И нельзя ему было не повѣрить: посмотрѣлся онъ въ зеркало— видитъ, голова сѣдая. Скоро послѣ того онъ и умеръ. Теодоръ Штормъ, который всегда, бывало, хотѣлъ быть всѣхъ умнѣе, говорилъ мнѣ тогда: «Этотъ разсказъ означаетъ, что человѣкъ пошелъ на чужбину и прожилъ свой вѣкъ въ заботахъ да въ погонѣ за наживой, а когда одумался и на покой вернулся— поздно уже было». Только я этому не вѣрю. По моему, просто себѣ исторія, которая и вправду была.

— Іёрнъ!—закричалъ Фите Крэй.— Еще кусокъ сала! Іёрнъ, вѣдь король... король, я думаю, только и ѣстъ, что сало.

— Тише ты, карапузъ! — сказалъ Тиссъ Тиссенъ.—Разскажи-ка намъ что-нибудь, Іёрнъ.

— Я только одно знаю:

Аистъ-птица,
Дай мнѣ сестрицу!
Или, аистъ-птица,
Дай мнѣ братца!

— Споемъ-ка это вмѣстѣ! — сказалъ Тиссенъ, и они запѣли, пристукивая въ тактъ ногами по кухонному столу. Занятые пѣніемъ, они и не замѣтили, что Витенъ стала къ чему-то прислушиваться, а потомъ, пославъ куда-то младшую работницу, вышла. Только тогда, когда Витенъ Пеннъ, вернувшись, подошла къ Тринѣ Крэй, усердно возившейся подлѣ печки, и та по-бабьи всплеснула руками, Тиссъ Тиссенъ вдругъ съ испугомъ обратилъ на нихъ вниманіе.

— Что такое? — проговорилъ онъ.— Витенъ, что случилось?

— Аистъ ужъ прилетѣлъ.

— Что-о? — закричалъ Тиссъ, уставившись на Витенъ Пеннъ широко открытыми глазами. Аистъ? — Онъ точно сорвался со своего мѣста у кухоннаго стола, распахнулъ дверь, которая вела во дворъ, и побѣжалъ къ конюшнѣ.

Черезъ двѣ минуты онъ уже вернулся оттуда въ своемъ старомъ, худенькомъ буромъ армякѣ и плотно нахлобученной на лобъ лисьей шапкѣ съ большими ушами.

— Будьте повнимательнѣе къ сестрѣ, — торопливо проговорилъ онъ. — Слышите? Будьте повнимательнѣе... За талеромъ вѣдь у меня дѣло не станетъ, хотя торфъ и телята и не въ цѣнѣ.

— А ты развѣ не подождешь, Тиссъ, чтобы знать, какъ кончится?

— Нѣтъ, нѣтъ... поклонись ей отъ меня! Я ужъ запрегъ... я ужъ... я не могу видѣть, какъ она будетъ мучиться. Ну, дай вамъ Богъ, дай ей Богъ!..

Онъ покачалъ головой, словно сокрушаясь не то о самомъ себѣ, не то о сестрѣ или обо всемъ, что дѣлается на свѣтѣ, и быстро вышелъ. Слышно было, какъ онъ прошелъ черезъ темныя сѣни, неуклюже ступая своими большими, тяжелыми сапогами.

* * *

Они ѣли и пили, а теперь разсѣлись вокругъ карточныхъ столовъ. У большинства изъ нихъ лица были здоровыя и широкія, но попадались и красивыя гордыя физіономіи. Три старшихъ мальчика стояли за спиною у игроковъ, заглядывая въ карты; иногда давали совѣтъ по чьей-нибудь благосклонной просьбѣ, съ видомъ знатоковъ кивали головами, хохотали, когда начинали смѣяться взрослые, и подливали въ стаканы пуншъ.

Игра становилась шумною, гости перекидывались разными разсказцами и менѣе внимательно смотрѣли въ карты. Кучки серебра со смѣхомъ и бранью

передвигались отъ одного конца стола къ другому.

Нѣкоторые сохраняли спокойствіе и трезвость. Это были настоящіе игроки, думавшіе о томъ, какъ бы увезти домой побольше денегъ. Они сидѣли отдѣльно другъ отъ друга, у разныхъ столовъ, не желая выигрывать другъ у друга. Между ними были плуты, которые заглядывали въ карты легкомысленнымъ игрокамъ и надували ихъ. Легкомысленные знали, что играютъ съ плутами, но были слишкомъ добродушно и легкомысленно настроены, чтобы протестовать. Одинъ, проигравъ крупную сумму, сказалъ, было:

— Слушай, братъ! Да вѣдь ты плутуешь!—Но тутъ же захохоталъ вмѣстѣ съ другими, и игра продолжалась.

Заниматься разговорами они не привыкли. Это предоставлялось пастору и учителю. Одинъ только Клаусъ Уль, посѣщавшій когда-то прогимназію, произносилъ время отъ времени какое-нибудь словечко. Онъ всталъ и сказалъ нѣсколько словъ въ томъ благодушномъ тонѣ, который былъ такъ свойственъ ему. Онъ началъ съ того, что извинился за жену, которая даже не показалась гостямъ, а теперь уже пошла въ постель. Но это не должно разстраивать гостей, пусть лучше каждый позаботится о томъ, чтобы привезти домой кучку талеровъ.

Всѣ засмѣялись:

— Мудрено этакъ-то!

— А ужъ мнѣ, хозяину вашему, куда бы какъ хорошо было выиграть побольше: вѣдь вы и кушанье мое ѣдите, и вино мое пьете, а аппетитъ-то у васъ, какъ всегда, здоровый, и до вина вы охотники! А я вѣдь, вы знаете, пятаго ребенка жду!

Гости откинулись своими широкими, тяжелыми туловищами къ спинкамъ стульевъ, и среди общаго смѣха послышались громкіе возгласы:

— Ну, у тебя, кажется, земли довольно! И талеровъ полонъ шкафъ! Да и пшеница поднимается въ цѣнѣ!.. Тебѣ бы дѣтей учить надо было. Да, Іёрна... Сдѣлай изъ него ландфогта!

Клаусъ Уль смѣялся и чокался съ гостями. Августъ, старшій изъ мальчиковъ, охмелѣвъ отъ пунша, могъ только безсмысленно улыбаться.

Тогда второй мальчикъ, Генрихъ, тоже нѣсколько охмелѣвшій, вышелъ на минуту и вернулся съ маленькимъ Юргеномъ, котораго онъ вытащилъ изъ кровати, и, высоко приподнимая его, сказалъ:—Вотъ онъ, ландфогтъ!—Ему хотѣлось одновременно и повеселить гостей, и потѣшиться надъ меньшимъ братомъ.

Но всѣ шумно поднялись, стали смѣяться и кричать:—Славный мальчуганъ! Сейчасъ видно, что умница!

Еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна, ребенокъ теръ себѣ ручками лицо и съ удивленіемъ осматривался кругомъ. Его коротко остриженные, бѣлокурые волосы стояли вокругъ лба жесткою щеткою.

— Это нашъ будущій ландфогтъ!—кричали гости.—Да здравствуетъ ландфогтъ!

Гансъ, третій мальчикъ, съ заспаннымъ недовольнымъ лицомъ, вышелъ изъ сѣней, подошелъ сзади къ отцу и сказалъ:

— Не зайдешь ли ты къ матери?

Уль не обратилъ на него никакого вниманія, и мальчикъ вяло и равнодушно удалился.

— Мои гости правы!—сказалъ Клаусъ Уль и посмотрѣлъ черезъ столъ своими умными, смѣющимися глазами.—Разумѣется, я могъ бы купить всѣмъ моимъ сыновьямъ по каменному дому, когда придетъ пора, но я самъ настолько поучился и понюхалъ латыни, что хорошо понимаю: ученье прежде всего. А потому благодарю васъ за ваши пожеланія. Но по моему, маленькій Юргенъ долженъ быть первымъ ландфогтомъ изъ крестьянъ и остаться при этомъ въ деревнѣ. Мы, какъ крестьяне, вправѣ ожидать и желать, чтобы нами правилъ кто-нибудь изъ нашихъ, а если мы въ правѣ желать этого, то я не знаю, изъ какого другого рода можетъ быть выбранъ ландфогтъ, если не изъ рода Улей.

Дверь снова отворилась, и на порогѣ опять появился Гансъ. Онъ остановился въ дверяхъ и, стараясь перекричать шумъ, громко произнесъ:

— Отецъ, мать говоритъ, чтобы ты поскорѣй зашелъ къ ней.

— Оставь меня въ покоѣ, мальчикъ... Послѣ... Въ юности житье у него будетъ привольное, въ деньгахъ онъ никогда нужды терпѣть не будетъ. Умомъ и красотой Богъ его не обидитъ — иначе не былъ бы онъ мой сынъ! Къ жизни относиться легко будетъ, какъ и я. Заботъ знать не будетъ. Ну, чокнемся-ка за нашего ландфогта! Да здравствуетъ Іёрнъ Уль!

— Да здравствуетъ ландфогтъ!

— Отецъ! женщина, которая сидитъ тамъ, у матери, говоритъ, что нужно приготовить повозку на всякій случай.

Это подѣйствовало.

— Лошадей?.. Вотъ-те на!..

— Развѣ что-нибудь неладно?

— Такъ бросимте карты. Къ тому же и поздно—вѣдь двѣнадцатый часъ.

— Поѣдемъ. Я ѣду.

— Я тоже.

— Посидите!—сказалъ КлаусъУль.—Просто это у нихъ страхъ бабій!

— Нѣтъ, какъ же такъ!

— Нѣтъ, поѣдемъ!

Гости вышли. Нѣкоторые говорили еще о картахъ и сожалѣли, что игра такъ скоро прервалась.

— Я еще въ корчму думаю зайти.

— И я тоже. Знаете, что? Пойдемте въ корчму пѣшкомъ, а повозки пусть за нами послѣ заѣдутъ.

— Жалко мнѣ, что я не могу съ вами пойти,—сказалъ Клаусъ Уль.

— Ну, если ты съ нами пойдешь, мы до завтрашняго утра домой не доберемся.

— Пойдемъ! У тебя дома людей довольно.

Одинъ изъ гостей подошелъ къ нему и, протягивая руку, сказалъ:

— Нѣтъ, не ходи съ нами, останься лучше съ женой.

Онъ пошелъ къ женѣ, но узналъ, что ей не такъ ужъ плохо, что, повидимому, можно будетъ обойтись безъ доктора, и, выйдя въ сѣни, сталъ прислушиваться черезъ не закрытую еще дверь. Среди ночной тишины издали донесся громкій голосъ, звавшій кого-то, и сопровождаемый смѣхомъ отвѣтъ. Онъ еще разъ медленно прошелъ въ глубину сѣней и снова вернулся. Потомъ онъ снялъ съ крюка свою шапку. Словно какой-то бѣсъ схватилъ его за плечо и потащилъ на улицу. Онъ вышелъ изъ дверей и пустился въ догонку за другими. Онъ даже не надѣлъ сюртука: въ немъ было столько жизненной силы, и кровь у него была такая горячая, что ему не приходилось защищаться отъ холода.

Вскорѣ послѣ этого въ людскую вышли Августъ и Генрихъ съ большими мисками пунша. Обыкновенно они разыгрывали изъ себя господъ и постоянно заводили препирательства съ работниками. Но въ такой день, какъ этотъ, они были преисполнены великодушнаго снисхожденія къ людямъ.

Старшій работникъ, немолодой, уже сѣдой человѣкъ, запрягъ послѣднюю повозку и вошелъ въ домъ. Онъ тяжело опустился на скамью и выпилъ подставленный ему стаканъ. Младшій работникъ рѣзалъ ножикомъ доску стола и пробовалъ отнять у маленькаго Фите Крэя монету, которую тотъ получилъ отъ гостей.

Въ комнату вошла одна изъ младшихъ работницъ, молоденькая, обыкновенно веселая дѣвушка. Теперь она была растеряна, и изъ большихъ глазъ ея глядѣлъ безумный женскій страхъ.

— Правда это, Дитрихъ, что вчера ночью лошади стучали?

Старшій работникъ кивнулъ головой.

— Что было, то было, Юлія,—сказалъ онъ.—Своими ушами слышалъ. А что это означаетъ, не знаю.

— Съ Витенъ просто сладу никакого нѣтъ!—сказала она.—Ходитъ блѣдная, какъ смерть, и увѣряетъ, что сегодня же ночью какое-то несчастье будетъ. Я не хочу здѣсь дольше оставаться. Если что случится, ни одного часа больше въ этомъ домѣ не останусь.—Она схватилась за край стола и тяжело опустилась на скамью, — у нея подгибались колѣни.

— Полно тебѣ!—сказалъ Генрихъ.—Завела тоже разговоръ! Будемъ ѣсть, пить и веселиться, а завтра всѣ мы помремъ!—Онъ пододвинулъ ей полный стаканъ, чокнулся съ нею нетвердою рукою и

снова налилъ свой стаканъ.—Подвинься-ка сюда, Юлія!

— Спасибо, — сказала дѣвушка, — Только, видно, вы меня не знаете! Никакого дѣла я съ вами имѣть не хочу и пунша вашего пить не стану.

Августъ поднялъ отяжелѣвшую голову.

— Не смѣйте смѣяться, я въ домѣ хозяинъ!

— Вотъ тоже хозяинъ нашелся! — сказала Юлія Гертсъ.—Дубина ты стоеросовая и больше ничего!

— Дубина?.. Ну, смотри, поплатишься ты у меня...

— А что же сказала тебѣ Витенъ, Дитрихъ? Что она огни видѣла? Неужто это правда?—Она смотрѣла на работника испуганными, широко открытыми глазами.

Тотъ нахмурился. Онъ былъ въ связи съ Витенъ и былъ склоненъ жениться на ней, но ему было непріятно, что про нее говорили, будто она можетъ предсказывать несчастья.

— Что такое она видѣла? — переспросила дѣвушка. Ей становилось жутко. Она знала, что, узнавъ правду, еще больше напугается, но не могла удержаться, чтобы не разспросить.

— Когда она, недѣлю назадъ, часовъ въ девять шла изъ села, она увидѣла, что въ парадной комнатѣ зажжены свѣчи. Но не такъ, какъ обыкновенно, когда въ карты играютъ, а выше,—какъ будто бы онѣ вокругъ гроба стояли, и красное сіянье отъ нихъ шло. Заглянуть туда она не рѣшилась, но съ нея и этого было довольно... Ну, вотъ тебѣ.

— Чепуха гороховая, просто чепуха!—сказалъ Генрихъ и голова его отвисла на грудь.

Дверь внезапно распахнулась. Юлія Гертсъ вскочила и громко вскрикнула. Она на всю жизнь осталась пугливой,—даже и тогда, когда сдѣлалась матерью. А когда ея дѣти выросли и на старости лѣтъ у нея стала болѣть спина, она увѣряла, что эти боли въ спинѣ начались съ той самой ночи,—отъ испуга,—когда въ распахнувшейся двери людской внезапно появилось лицо Трины Крэй. «Ни дать, ни взять—привидѣніе!»—говорила она.

— Дитрихъ! Запрягай скорѣе! За докторомъ...

— Убирайся сейчасъ же со двора!—закричалъ Генрихъ.—Убирайся вонъ съ своимъ мальчишкой! — И онъ толкнулъ ребенка, который съ испугомъ проснулся.

— О послѣдней нищей въ странѣ больше думаютъ, чѣмъ объ вашей матери.

Старшій работникъ былъ уже на дворѣ. Юлія Гертсъ, дрожа, пошла за нимъ вслѣдъ.

По всему дому шла суетливая бѣготня. Въ кухнѣ снова развели огонь. По большому двору метался отсвѣтъ фонаря, словно большая красная птица, въ безумномъ испугѣ ищущая выхода. Онъ падалъ то на деревянную стѣну конюшни, то на пугающихся отъ него лошадей, то на какія-то толстыя бревна; и вдругъ переносился на верхушки соломенныхъ скирдовъ. Въ стойлахъ гремѣли цѣпи безпокоившихся животныхъ. Широкія ворота распахнулись, и повозка скрылась во мракѣ снѣжной ночи.

Больная безпокойно металась головой по подушкѣ, прислушивалась и просила позвать мужа.

— Чужіе люди должны ухаживать за мной въ тяжкую минуту. А дѣти спятъ?.. Отнесли-ли они въ комнату маленькаго Юргена?.. Ландфогтомъ онъ будетъ!.. Пусть только честнымъ, непьющимъ человѣкомъ будетъ, а ландфогтомъ или работникомъ—все равно.

Первыхъ трехъ мальчиковъ она зачала отъ мужа, какъ его безвольная раба; поэтому они вышли въ него. Потомъ прошло десять лѣтъ, и за это время она понемногу вышла изъ-подъ его власти, стала на свои ноги. Она перестала смотрѣть на жизнь и на весь міръ глазами своего рослаго, громогласнаго мужа. Неувѣренно, медленно, но все крѣпче и крѣпче росло въ ней сознаніе, что ея собственный міръ, ея собственное міровоззрѣніе было несравненно прекраснѣе, свѣтлѣе и чище, чѣмъ міровоззрѣніе ея мужа. Четыре человѣка, жившихъ когда-то въ тихомъ домикѣ у гезескихъ болотъ, были счастливы, чисты, сердечны и умны, тогда какъ здѣсь, всѣ эти Ули постоянно сбивались съ добраго пути...

Не въ ея власти было измѣнить тутъ

что-либо. Мужъ былъ слишкомъ силенъ по сравненію съ ней. Даже и на собственныхъ трехъ старшихъ дѣтей она уже не могла какъ слѣдуетъ повліять: они переросли ее самое. Но и ей удалось сыграть свою роль въ жизни: она родила маленькаго, умненькаго мальчика и могла съ тихой радостною гордостью улыбаться про себя, когда мужъ ея говорилъ: этотъ непохожъ на трехъ первыхъ; этотъ будетъ твоей породы,—настоящій Тиссенъ.

И то дитя, которое должно было родиться сегодня ночью,—она знала,—тоже будетъ въ Тиссеновъ.

Трудно Тиссену на свѣтъ Божій пробиться. Вѣдь это все такой медлительный, задумчивый народъ, такіе тяжелодумы.

— Трое старшихъ пробьются; они найдутъ свою дорогу въ жизни; но двухъ маленькихъ очень ужъ жалко, если мнѣ придется умереть... Она попробовала сложить руки и стала молиться объ ихъ жизни съ такимъ горячимъ мучительнымъ страхомъ за нихъ въ душѣ, что на лбу ея выступили крупныя капли пота.

— Позовите Витенъ,—сказала она.

Дѣвушка подошла къ самой ея постели.

— Витенъ, я очень долго прохвораю... а можетъ быть, и совсѣмъ не выздоровлю... Если ты останешься въ этомъ домѣ...—я думаю, что и для тебя будетъ лучше не выходить замужъ,—не думай о старшихъ,—съ ними тебѣ все равно не справиться. Позаботься о младшихъ. Скажи моему мужу, что я просила тебя объ этомъ: пусть двое младшихъ останутся на твоемъ попеченіи.

Витенъ Пеннъ, которую прозвали Колоколомъ, многое могла предвидѣть— и счастье, и бѣду, но этого вопроса она не предвидѣла. И никто не могъ бы сказать, не исключая и ея самой, что она такъ скоро и рѣшительно перевернетъ все свое будущее.

— Я позабочусь о дѣтяхъ,—сказала она,—это уже вѣрно, какъ то, что я на этомъ мѣстѣ стою! Можете положиться на меня, фрау Уль.

Она отошла отъ постели, вышла въ кухню и долго молча и неподвижно стояла передъ топившеюся печью.

Вошелъ Дитрихъ и сказалъ, какъ всегда, степенно и сухо:

— Не стоять же тебѣ всю ночь передъ огнемъ. Люди всѣ теперь въ передней комнатѣ собрались; зайди въ нашу комнату посидѣть.

Она покачала головою:

— Не судьба намъ съ тобой, Дитрихъ,—сказала она;—оставь меня лучше идти своею дорогой.

Тогда онъ пошелъ на цыпочкахъ вонъ изъ кухни и нѣкоторое время все еще тихонько покачивалъ головой. Онъ скоро утѣшился, однако на всю жизнь остался холостякомъ.

Во дворъ съ шумомъ въѣхала повозка. Врачъ прошелъ черезъ сѣни, осмотрѣлъ больную и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія. Потомъ онъ еще разъ зашелъ въ кухню и спросилъ, гдѣ мужъ.

— Въ корчмѣ,—сказала Трина Крэй. Въ карты играетъ. Мы уже два раза за нимъ посылали, да онъ не идетъ.

Врачъ взглянулъ на нее во всѣ глаза и пробормоталъ нѣсколько ругательныхъ словъ. Никогда никто еще не называлъ такими именами рослаго, гордаго и всегда веселаго человѣка. Затѣмъ врачъ написалъ три слова на клочкѣ бумаги и, отдавая его работницѣ, послалъ ее въ корчму:

— Бѣгите скорѣе,—проговорилъ онъ.

Въ полутьмѣ сѣней, снимая съ крюка свой большой платокъ, Юлія Гертсъ прочла на бумажкѣ слово «операція». Тогда, дрожа и заливаясь слезами, она бросилась на улицу и все оборачивалась на бѣгу, словно за нею гнались злые духи.

* * *

Къ утру все было кончено.

Блѣдные работники молча работали на покрытыхъ потомъ лошадяхъ. Витенъ Пеннъ стояла, закинувъ одну руку на голову, передъ топившеюся печью, смотрѣла на тлѣющіе угли и ничего, кромѣ нихъ, не видѣла, потому что глаза ея были полны слезъ. Юлія Гертсъ сидѣла на скамьѣ, не смѣя пошевелиться, потому что она боялась и Витенъ, боялась каждаго темнаго угла въ домѣ и осо-

бенно боялась маленькой затихшей, мертвой женщины.

Врачъ сказалъ Улю:

— Если бы меня позвали часомъ раньше, я бы еще, можетъ быть, помогъ ей. Почему меня не позвали раньше?

Тогда Клусъ Уль заскрежеталъ зубами и, какъ звѣрь, заревѣлъ. Онъ лежалъ теперь передъ ея постелью и не переставая кричалъ: Матушка! Матушка!

Какъ жена, она давно уже потеряла значеніе для него. Онъ называлъ ее: матушка. Нужды дѣтей кричали его устами, когда онъ повторялъ теперь это слово.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла Витенъ, держа на рукахъ новорожденнаго.

— Маленькая, но крѣпкая дѣвочка,— сказала Трина Крэй.—И теперь ужъ видно, что лицомъ будетъ въ мать. И волоса темные, какъ у нея.

— Что это она не плачетъ?—сказала Витенъ.—Не умерла ли?

— Дай-ка ее сюда.—И взявъ малютку, Трина Крэй повернула ее и дала ей два-три шлепка ладонью.

Малютка заплакала.

— Въ мою постель положить ее развѣ?—сказала Витенъ.—У меня въ комнатѣ натоплено. И Іерна я тамъ уложила.

Онѣ пошли туда; на постели, дѣйствительно, спалъ маленькій Іернъ. Онъ лежалъ, съежившись и пригнувъ голову къ груди. Лица его было почти не видно,— видна была только головка со свѣтлыми жесткими волосами. А рядомъ съ нимъ лежалъ, не раздѣвшись, Фите Крэй. Онъ немножко отогнулъ одѣяло и уютно зарылся въ теплую постель.

— Ахъ ты плутъ!—сказала Трина Крэй.—Здѣсь остался!

— Не трогай его,—сказала Витенъ.— Дѣвчурку можно на другой конецъ положить.

Такъ и проспали дѣти эту ночь въ одной постели,—двое мальчиковъ рядомъ, а маленькая дѣвочка въ ногахъ у нихъ.

Глава вторая.

Маленькаго мальчика съ щетинистыми волосенками звали Юргеномъ, а маленькую дѣвочку—Эльзабе. Такъ записаны были ихъ имена въ метрической книгѣ. Метрическая книга ведется на оффиціальномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но народъ передѣлываетъ дѣтскія имена на нижнегерманскій ладъ. И его называютъ Іёрномъ, а дѣвочку—Эльсбе. И такъ зовутъ ихъ и понынѣ—Іёрнъ и Эльсбе Уль.

Домъ кажется Іёрну Улю такимъ огромнымъ. Когда онъ стоитъ въ большихъ сѣняхъ или ходитъ, спотыкаясь, по сараю, ему чудится, что все окружающее переходитъ въ какую-то темную безграничность. Сѣни такъ же огромны, какъ весь божій міръ.

Взрослые люди входятъ то изъ той, то изъ этой двери, спѣшатъ куда-то—то по одному, то по другому дѣлу—и при этомъ они вседа такъ серьезны—никогда не кричатъ, не бѣгаютъ, не плачутъ: просто удивительно! И всѣ такъ непохожи на него, кромѣ бѣлаго шпица, который всегда ходитъ вмѣстѣ съ нимъ по этимъ необъятнымъ помѣщеніямъ и который во всемъ чрезвычайно сходенъ съ нимъ. Они ѣдятъ вмѣстѣ и спятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. И отъ времени до времени, по субботамъ, Витенъ сажаетъ ихъ вмѣстѣ въ огромную лохань, гдѣ они по самыя уши погружаются въ воду.

Всѣ они совсѣмъ другіе: взять, напримѣръ, лошадей, людей, коровъ. Только онъ и Шпицъ совсѣмъ одинаковые.

Одно время они вознадѣялись пріобрѣсти себѣ совсѣмъ подходящаго товарища. На дворѣ бѣгалъ подлѣ матери жеребенокъ. Что сама лошадь принадлежала къ породѣ странныхъ серьезныхъ существъ—это они оба сейчасъ же сообразили. Но въ жеребенкѣ имъ почудилось что-то родственное по міровоззрѣнію. Однако, когда Шпицъ попробовалъ поближе подойти къ жеребенку, тотъ брыкнулъ его ногой. Да еще какъ брыкнулъ! Оба они взвыли и бросились въ ворота сарая. И долго стояли они тамъ, боязливо посматривая на жеребенка, и лаяли. Такъ онъ всегда и выражался. Онъ не говорилъ: «Витенъ бранилась»; онъ говорилъ: «Витенъ лаяла». До такой степени сжились и сроднились они со шпицемъ!

Въ домѣ не было ни единаго человѣка, который могъ бы руководить Іёрномъ Улемъ и объяснить ему смыслъ тѣхъ или другихъ явленій. У Витенъ не было времени, а у остальныхъ не было ни малѣйшей охоты. И, пожалуй, это было даже къ лучшему. Жизнь взывала къ нему, какъ къ Робинзону: возстань, изыщи себѣ самъ землю, воду, орудія и пропитаніе!

Въ одинъ прекрасный солнечный день Іёрнъ и Шпицъ спрыгнули съ радостнымъ визгомъ въ заброшенный крѣпостной ровъ, чтобы поймать плававшую тамъ водяную крысу. Ихъ вытащили оттуда, послѣ чего оба они получили отъ Витенъ по нѣскольку здоровыхъ шлепковъ, уткнулись въ постель и громко лаяли, глядя другъ на друга. Это былъ для нихъ одинъ изъ первыхъ опытовъ въ области открытій.

Оба они не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое погребъ. Они думали, что это какая-то бездонная яма съ большими ящерицами вмѣсто балокъ и столбовъ. Однажды, когда они поспорили о томъ, кто изъ нихъ первый добѣжитъ до конца сѣней, и оба какъ слѣдуетъ разбѣжались, они вдругъ услышали изъ-подъ земли какой-то угрожающій голосъ и замѣтили, что оттуда летитъ, вправо и влѣво, крупная свекловица. Съ обычнымъ единодушіемъ оба они прыгнули прямо на голову работнику... Черезъ нѣкоторое время оба сидѣли съ лаемъ и воемъ на лѣсенкѣ, которая стояла у конюшни, и разсказывали другъ другу о тѣхъ ужасахъ, которыхъ они насмотрѣлись.

Такъ сдѣлали они вмѣстѣ цѣлый рядъ открытій относительно всего окружающаго и пріобрѣли мало-по-малу весьма значительный опытъ.

Но въ одинъ прекрасный день отношенія ихъ со Шпицемъ значительно измѣнились.

До сихъ поръ они раза по три по четыре въ день бѣгали въ заднюю комнату, гдѣ лежала въ колыбели или сидѣла въ креслицѣ маленькая дѣвочка— глазѣли, терлись объ нее, а затѣмъ снова убѣгали и не думали больше объ ея существованіи. Но вотъ, однажды, когда они со Шпицемъ вернулись съ залитаго солнцемъ луга, маленькая дѣвочка стояла на своихъ ногахъ передъ кухонною дверью и смотрѣла вокругъ большими, испуганными глазами. Никогда еще двое людей не переживали момента такого изумленія, какъ Іёрнъ Уль и Шпицъ. Можно ли было представить себѣ что-либо подобное! Они сейчасъ-же подошли къ ней съ той и съ другой стороны и повели ее на дорогу, гдѣ въ колеяхъ стояла такая прекрасная, мутная вода, и стали копать канавки и сооружать маленькія плотины.

Съ теченіемъ времени Шпицъ потерялъ свое прежнее значеніе. Іёрнъ цѣлыми днями игралъ съ маленькою дѣвочкой. Собака мало-по-малу переставала быть товарищемъ,—становилась игрушкой.

Дѣвочка гораздо скорѣе познакомилась со всѣмъ окружающимъ, чѣмъ въ свое время мальчикъ. Мальчикъ не имѣлъ другого руководителя, кромѣ Шпица, а это былъ плохо освѣдомленный, ненадежный руководитель; для дѣвочки же служилъ руководителемъ братъ. Онъ уже все зналъ, все извѣдалъ. Онъ показалъ ей весь домъ, свелъ ее въ пекарню, въ сарай; потомъ они пошли черезъ мостикъ на лугъ, гдѣ прыгали телята. И, наконецъ, однажды, онъ сказалъ ей:

— Теперь мы пойдемъ съ тобой на Рингельгернъ.

Онъ взялъ ее за ручку; Шпицъ съ лаемъ помчался впередъ. Такъ дошли они, по проѣзжей дорогѣ, до того мѣста, гдѣ начинался подъемъ на пустыри.

— Ну, теперь на гору!

Они начинаютъ усердно взбираться вверхъ. Песчаный подъемъ крутъ и тяжелъ. Имъ приходится время отъ времени садиться и отдыхать. Тогда Іёрну приходитъ въ голову привязать къ ошейнику Шпица, который попрежнему бѣжитъ впередъ, толстыя бичевки, благо онѣ нашлись у него въ карманѣ: Шпицъ долженъ тащить ихъ на гору. Такъ взбираются они все выше и выше. Наконецъ, они уже стоятъ наверху и хотятъ поднять руки и огласить воздухъ побѣдными кликами. Но въ эту минуту на нихъ налетаетъ порывъ западнаго

вѣтра, который внизу былъ совсѣмъ незамѣтенъ. Здѣсь на холмѣ, въ степи, ему есть гдѣ разгуляться. Онъ развиваетъ волосы дѣвочки, вздуваетъ ея юбку, толкаетъ и опрокидываетъ ее. Іёрнъ бросается къ ней, чтобы поднять ее на ноги, но Шпицъ даетъ всему этому самое нелѣпое истолкованіе. Онъ слишкомъ глупъ. Онъ воображаетъ, что они хотятъ скатиться опять внизъ и прыгаетъ на откосъ. Тогда Іёрнъ запутывается въ бичевкахъ, и всѣ трое, кувыркаясь, катятся внизъ по откосу, пока не сваливаются въ ближайшую песочную яму. А наверху стоитъ со своими надутыми щеками западный вѣтеръ и склоняется надъ краемъ откоса и смѣется.

— Ловко! — говоритъ Іёрнъ послѣ того, какъ они успокоились отъ своего крика и воя.—Ну, на этотъ разъ благополучно еще отдѣлались!

Они снова взбираются на верхъ, усаживаются на холодномъ степномъ вѣтру и нѣкоторое время молча глядятъ на разстилающуюся передъ ними равнину Марша и на лежащія у нихъ подъ ногами постройки селенія Уль.

— Послушай,—говоритъ малютка,—почему у насъ нѣтъ матери? У всѣхъ есть мать, только у насъ нѣтъ... Послушай, Іёрнъ, что дѣлаетъ мать?

— Въ какомъ это смыслѣ?

— Ну да,—что она дѣлаетъ съ дѣтьми?

— Она дѣлаетъ... ну, какъ это сказать?... Все время носитъ ихъ на рукахъ, потомъ говоритъ имъ: «Крошка моя! Малютка моя!» и всякое такое. Я еще вчера видѣлъ это, когда несъ отъ сапожника генриховы сапоги.

— Мать вообще не должна умирать,—сказала Эльсбе.

— Да онѣ обыкновенно и не умираютъ. Только тогда, когда объ нихъ не позаботятся во время.

— А кто же не позаботился?

— Отецъ не позаботился! Да и другіе не позаботились. Домъ былъ полонъ народу, всѣ ѣли, объ одной только ѣдѣ и думали.

— И отецъ?

— И онъ.

— Ты это навѣрное знаешь, Іёрнъ?

— Да. Фите Крэй мнѣ разсказалъ.

Эльсбе начинаетъ толкать ногою землю—съ такимъ усердіемъ что долго не можетъ выговорить ничего кромѣ перваго слога: — На-... на-вѣрное ты это знаешь? Совсѣмъ навѣрное? Такъ же, какъ то, что я вотъ на этомъ мѣстѣ стою?

— Да.

— Почему же онъ объ ней не позаботился?

Іёрнъ отскакиваетъ немного по направленію къ степи и, отвернувшись отъ нея, чрезвычайно громко говоритъ:— Потому что онъ пьянъ былъ.

Они оба не вполнѣ ясно представляютъ себѣ, что собственно означаетъ это слово. Но они часто слышали дома отъ братьевъ такія выраженія, какъ «пьяный болванъ», «ты вчера тоже пьянъ былъ». Они чувствуютъ, что это означаетъ нѣчто ужасное, и прекращаютъ этотъ разговоръ; потомъ Іёрнъ говоритъ:

— Послушай!.. Знаешь что? Когда Витенъ придетъ сегодня вечеромъ въ нашу комнату, скажемъ ей, оба разомъ: «мать Колоколъ!»

— Да!.. А когда Фите Крэй придетъ, скажемъ ему:—Отецъ Крэй!

Дѣти со смѣхомъ спускаются внизъ по склону, придерживаясь за траву.

* *
*

Когда они становятся старше, для нихъ начинается совершенно новая жизнь: вечеромъ, послѣ ужина, они непремѣнно должны посидѣть еще часика два. Они усаживаются въ комнатѣ Витенъ, у четырехугольнаго стола. И всѣ четыре стороны стола заняты: у одной сидитъ Витенъ, у другой сидитъ Іёрнъ, у третей сидитъ Эльсбе. А у четвертой стороны, между Іёрномъ и Эльсбе, сидитъ Фите Крэй.

Днемъ Фите Крэй не можетъ видѣться съ ними. Онъ долженъ объѣзжать съ маленькою тѣлежкой, запряженной собаками, села и деревни Марша, продовая щетки, метелки и скребницы. А время отъ времени онъ ходитъ и въ школу. Но вечеромъ онъ всегда приходитъ къ нимъ.

Онъ приходитъ каждый вечеръ. Зи-

мой онъ является немножко зазябшій, лѣтомъ — немножко усталый; но онъ всегда въ прекрасномъ настроеніи. Особенно уютно чувствуютъ они себя зимой.

Начинается всегда съ одного и того-же. Витенъ выкладываетъ на столъ цѣлую груду чулокъ, мотковъ и всякаго тряпья, ставитъ посреди стола лампу, а тряпье отодвигаетъ въ сторону. Затѣмъ кладетъ передъ Фите Крэемъ большой ломоть хлѣба съ саломъ. Онъ сейчасъ же хватаетъ его. Никогда не могъ забыть Іёрнъ Уль этого быстраго, сильнаго движенія худощавой, зазябшей и не всегда чистой руки мальчика.

Въ комнату заходитъ одинъ изъ братьевъ, Гансъ или Августъ.

— Фите, ты долженъ играть съ нами въ карты. У насъ не хватаетъ четвертаго.

Но Іёрнъ и Эльсбе кричатъ:

— Нѣтъ! нѣтъ!—И не пускаютъ Фите.

Тогда Гансъ подходитъ къ столу и говоритъ угрожающимъ тономъ:

— Если ты не пойдешь, я скажу отцу, что ты здѣсь каждый вечеръ досыта наѣдаешься. Да и вообще, тебѣ мѣсто въ людской.

Но тутъ Витенъ бросаетъ на глупаго, длиннаго, незрѣлаго юношу пронизывающій взглядъ черезъ свои очки и указываетъ ему на дверь. — Убирайся отсюда! Здѣсь я хозяйка. А если ты еще разъ покажешься, я скажу твоему отцу, что ты вчера всю ночь прошатался гдѣ-то,—бездѣльникъ эдакій! Ты изъ всѣхъ трехъ самый дрянной будешь.

Онъ смѣется, бранится и уходитъ. Теперь они могутъ быть спокойны.

— Ну, теперь Фите долженъ разсказать что-нибудь про себя, — говоритъ Іёрнъ.

— Нѣтъ,—важно говоритъ дѣвочка,— сначала пусть Витенъ разскажетъ, а потомъ я хочу разсказать, а потомъ пусть Фите разскажетъ.

— Ну, ладно.

Витенъ роется въ кучѣ тряпья, хватается то за одинъ мотокъ, то за другой, потомъ начинаетъ протягивать нитки черезъ дыру чулка и разсказываетъ что-нибудь,—сегодня одну исторію, завтра другую.

— Когда я жила въ Шенефельдѣ, одна женщина разсказывала мнѣ вотъ что. Жилъ былъ одинъ крестьянинъ, который арендовалъ на два года кусокъ земли; и арендовалъ онъ ее вмѣстѣ съ чортомъ. Вотъ чортъ и говоритъ крестьянину:—Тебѣ приходится землю засѣвать, а потому — давай бросать кости: кому получать то, что надъ землей растетъ, и кому—что въ землѣ растетъ. Ну, ладно. Стали они бросать кости,— и чорту, само собой, вышло больше очковъ, и на его долю приходится все что надъ землей. Тогда пошелъ крестьянинъ и засѣялъ все поле свекловицей. И когда настала осень, чорту досталась одна только ботва.

Ну... на слѣдующій годъ стали они опять кости бросать. И чорту, на этотъ разъ, само собой вышло меньше очковъ,— значитъ, на его долю приходится то, что подъ землей. Тогда пошелъ крестьянинъ и засѣялъ все поле пшеницей. И какъ пришла осень, чорту достались одни только корешки.

Ну, разумѣется, обругалъ онъ какъ слѣдуетъ крестьянина, а потомъ и говоритъ ему: «Завтра я опять приду. Тогда мы съ тобой будемъ царапаться». Тутъ напалъ на крестьянина страхъ.

Вотъ замѣтила его жена, что онъ все сидитъ да за ухомъ почесываетъ, печальный такой вдругъ сталъ! Она его и спрашиваетъ: «Какая такая муха тебя укусила?» А онъ ей говоритъ:— такъ и такъ. Завтра долженъ я съ чортомъ царапаться!—Жена говоритъ: «Не безпокойся, я ужъ съ нимъ раздѣлаюсь».

Что тутъ дѣлать?.. Сидитъ она и ждетъ, и такой видъ на себя напустила, будто сердита на кого-то.

Приходитъ чортъ и говоритъ: «Что съ тобой такое приключилось, тетенька?— Ахъ! — говоритъ она, — Посмотри ты только на эту трещину въ моемъ дубовомъ столѣ! Мой мужъ говоритъ, что долженъ завтра съ какимъ-то человѣкомъ царапаться. Такъ вотъ онъ, для пробы, ноготкомъ своего мизинца по моему столу такъ царапнулъ, что эту трещину сдѣлалъ.

Чортъ посмотрѣлъ на дверь, да и говоритъ:—«А гдѣ же онъ теперь?»—Гдѣ же

ему быть! — говоритъ жена. Къ кузнецу онъ пошелъ — ногти свои точить.»

Тогда подкрался чортъ тихонько къ двери, да и былъ таковъ.

Фите Крэй и маленькая Эльсбе сидѣли тихо, устремивъ неподвижный взглядъ на Витенъ; Іёрнъ уже не слушалъ. Онъ старался приставить одинъ клубокъ шерсти къ другому,—разъ, другой, третій разъ, — и съ облегченіемъ вздыхалъ, когда ему это удавалось.

— Еслибы онъ пришелъ,—сказала Эльсбе,—крестьянинъ его здорово бы расцарапалъ! Вотъ такъ! — И она провела скрюченными пальцами по столу и сдѣлала страшное лицо.

— Чортъ-то—это что!—сказалъ Фите Крэй. — А вотъ Подземные, такъ тѣ славный, добрый народъ! Уже сколькимъ людямъ они богатство дали. Удивительно только, что я никогда еще ихъ не видѣлъ. Хоть бы одного единственнаго! А вѣдь ужъ сколько разъ я съ моими собаками черезъ Гезе проѣзжалъ, и мимо Водановой горы. Бывало, и телѣжку на дорогѣ оставлялъ, а самъ въ лѣсъ прокрадывался. Только ничего не видѣлъ.

— Они въ Водановой горѣ живутъ,—сказала Эльсбе.

— А я не вѣрю!—сказалъ Іёрнъ.

— Да вѣдь ты у насъ вообще ни во что не вѣришь,—сказала Витенъ.

— Одинъ разъ, — сказалъ Фите Крэй,—ужасно жарко было. Поставилъ я собакъ съ телѣжкой въ тѣнь, недалеко отъ Водановой горы, — гдѣ дорога на Тункмооръ поворачиваетъ, а самъ зашелъ въ лѣсъ, прилегъ на сухой листвѣ, недалеко отъ большого орѣшника, да и заснулъ. Вдругъ просыпаюсь: слышу, въ листвѣ что-то зашуршало. А какъ открылъ я глаза, показалось мнѣ, что три или четыре маленькихъ человѣчка, — немножко побольше бѣлки, по орѣшнику пробѣжали. А потомъ будто закричалъ кто-то изъ орѣшника: «Соня!» Оглядѣлся я, всю листву перерылъ, а ни золота, ни денегъ не нашелъ.

Витенъ посмотрѣла на разсказчика неодобрительномъ взглядомъ. Разсказы Фите Крэя всегда были для нея предметомъ заботы. Вѣчно онъ занятъ такими же практическими мыслями, какъ всѣ вообще Крэи. Онъ не довольствуется тѣмъ, что тотъ или другой перехитрилъ чорта или что тотъ или другой нашелъ кладъ,—нѣтъ, онъ, Фите Крэй, думаетъ о томъ, какъ бы и самому раздобыть денегъ такимъ же манеромъ. Онъ ложится подъ каждый кустъ, сторожитъ у каждаго ствола и вѣчно ждетъ появленія сверкающаго золота.

Іёрнъ отрывается отъ своей игры и говоритъ скептическимъ тономъ: — Навѣрное, это бѣлки и были; а то, что ты слышалъ, такъ это были мыши; онѣ и пищали.

Фите Крэй презрительно покачалъ головой. — Еслибъ только знать, какъ до нихъ добраться,—говоритъ онъ.

— Женщина въ Шенефельдѣ,—сказала Витенъ, — у которой я служила когда-то, когда молода была, говорила мнѣ, что они всѣ выселились отъ насъ: со всею поклажей, съ женами и дѣтьми пошли.

— Неужели?—сказалъ Фите.—Куда же они пошли?

— Да навѣрное не могу сказать. А только Теодоръ Штормъ всегда увѣрялъ, будто они въ Дитмаршъ перешли.

— Теодоръ Штормъ! вѣчно ты объ немъ говоришь! Кто же онъ такой былъ?

— Кто былъ? Говорилъ онъ, что будто студентъ. Онъ въ тѣ времена часто въ Шенефельдъ захаживалъ. Онъ да еще одинъ,—Мюлленгофъ. Воровали они время у Господа Бога, шатались по деревнямъ и больше всего любили такія вотъ старыя исторіи слушать. Особенно на меня они мѣтили, потому что знали, что моя хозяйка много исторій знаетъ. А она ничего не хотѣла имъ разсказывать. Тогда они — ко мнѣ! Каждый вечеръ, бывало, только я пойду такъ вотъ на пастбище корову доить, а они ужъ тамъ, хотятъ исторіи слушать. Да при томъ, бывало,—цѣлыхъ полъ-ведра молока у меня выпьютъ!

— Что-же они говорили?

— Да вѣдь я ужъ сказала тебѣ! Они думали, что все лучше всѣхъ знаютъ. Каждую поговорку Штормъ по другому зналъ; каждую исторію по другому раз-

сказывалъ! Говорилъ онъ, будто хочетъ изъ этихъ исторій книгу составить. Сколько разъ я его глупымъ парнемъ называла да, ни съ чѣмъ оставивъ, съ молокомъ прочь уходила...

— А гдѣ-жъ онъ теперь, этотъ Штормъ?—спросилъ Фите.

— Богъ его знаетъ. Помнится, онъ будто говорилъ, что ландфогтомъ хочетъ сдѣлаться. Это онъ-то ландфогтомъ! Навѣрное, ничего изъ него не вышло.

— И книгу свою не написалъ?

— Онъ-то? Да онъ такой лѣнтяй былъ, что одинъ разъ цѣлый день на лугу пролежалъ, растянувшись во весь ростъ, отъ одной дойки до другой. Говорилъ, будто лѣсомъ наслаждался: ужъ очень будто бы, лѣсъ хорошъ въ первой зелени! Навѣрное, ни книги никакой не написалъ, ни ландфогтомъ не сдѣлался.

— А Іёрнъ-то и не слушаетъ!—сказала маленькая Эльсбе и толкнула его.— Іёрнъ! Да слушай же!

— Посмотри-ка,—сказалъ Іёрнъ. Онъ соорудилъ изъ трехъ паръ ножницъ и футляра отъ очковъ мостъ, который велъ отъ рабочей корзинки Витенъ къ столу, напиралъ на него рукой, показывая, до чего онъ крѣпокъ, и съ гордостью посматривалъ на другихъ. Наконецъ, Іёрнъ отодвинулъ въ сторону всѣ свои игрушки — ножницы, бичевки и щепки и сказалъ:—Ну, теперь покажи намъ фокусы, Фите!

— Фокусъ! сказалъ Фите Крэй. И въ то время, какъ его проворныя руки продѣлывали что-то подъ столомъ, отъ одного угла стола къ другому летали два пестрыхъ камешка, которые онъ нашелъ по дорогѣ въ песочной ямѣ.

— Еще!

— Фокусъ!—сказалъ Фите Крэй. Онъ показалъ пустыя руки, потомъ опять сунулъ ихъ подъ столъ, и вскорѣ изъ подъ стола выскользнулъ какой-то сѣрый звѣрекъ съ длиннымъ хвостомъ и пробѣжалъ по столу прямо къ Эльсбе, такъ что малютка съ испуганнымъ лицомъ отшатнулась. Но когда звѣрекъ пробѣжалъ по столу еще разъ, Іёрну удалось схватить его; онъ расхохотался и, высоко поднявъ его, сказалъ: — Да вѣдь это старый носовой платокъ, Эльсбе!

— Ну ладно, — сказала Витенъ,— довольно насмотрѣлись фокусовъ на этотъ разъ. Пора и спать идти.

Тогда всѣ трое, безъ всякихъ возраженій пошли въ уголъ, гдѣ стояла кровать, и дѣти стали раздѣваться, причемъ Фите развязалъ у малютки всѣ тесемочки и снялъ съ нея чулки.

— Ну, теперь ступай домой, Фите,— сказала Витенъ.

Фите выбрался черезъ кухонную дверь на дворъ и, перейдя черезъ дорогу вошелъ подъ низенькую соломенную кровлю отцовской лачуги.

Тогда отправляется спать и Витенъ Пеннъ.

Къ полуночи, а иногда и позже, возвращаются домой съ какой-нибудь попойки отецъ и старшіе братья. Въ это время дѣти давно уже спятъ мирнымъ сномъ.

Глава третья.

Учитель Санктъ-Маріендонна, прихода св. Маріи, Петерсъ, смотрѣлъ на сотню дѣтей, которыя были поручены его попеченіямъ и сидѣли у его ногъ на разставленныхъ въ два ряда партахъ — мальчики направо, дѣвочки налѣво, и хотя зимою къ тремъ часамъ начинало уже смеркаться, однако учитель Петерсъ могъ ясно различить двѣ совершенно несходныя человѣческія породы, населявшія его приходъ. Соломенная крыша нависала надъ окнами, какъ усталыя, отяжелѣвшія вѣки надъ глазами; косые лучи дневного свѣта скудно проникали въ комнату; но и въ этомъ тихомъ сумерочномъ освѣщеніи можно было замѣтить среди дѣтей множество круглыхъ рыжихъ головокъ, съ такими яркими веснушками, съ такими огненнокрасными волосами, что, казалось, отъ нихъ разливался свѣтъ. И еще ярче кажется этотъ свѣтъ и это сіяніе, когда начинаютъ, словно котята на солнцѣ, играть ихъ умные, быстрые глазенки, часто безпокойные и полные лукавства. Это все Крэи или ихъ родня.

Но между этими круглыми рыжими

головками были разсѣяны, хотя и не въ такомъ количествѣ, узкія, бѣлыя лица мальчиковъ и дѣвочекъ съ бѣлокурыми волосами, похожими на рожь незадолго до жатвы, съ твердыми, часто благородными чертами лица и спокойными, гордыми, умными глазами. Когда кто-нибудь изъ этихъ свѣтлоголовыхъ дѣтей встаетъ изъ-за парты, передъ учителемъ обрисовывается стройная, худощавая дѣтская фигура. Это все Ули или ихъ родня.

Еще Петрусъ Момме Лобеданцъ, состоявшій пасторомъ въ приходѣ св. Маріи около полутораста лѣтъ тому назадъ, удивлялся этому различію въ типахъ мѣстнаго населенія. На послѣднихъ страницахъ метрической книги, заполненной именами, онъ набросалъ нижеслѣдующія свои мысли и соображенія:

«Направо и налѣво отъ нашего села дюна поднимается крутымъ, нетронутымъ человѣческой рукой подъемомъ, который весь поросъ верескомъ; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село, дюна образуетъ котловину. Какъ дѣти, играя, растаскиваютъ кучу песку, такъ что на мѣстѣ кучи остается только широкое углубленіе, такъ и Крэи въ теченіе нѣскольскихъ столѣтій изрыли своими поселеніями этотъ песчаный холмъ,—потому что Крэи ужасно безпокойный народъ.

«Такъ какъ земля, на которой они живутъ, до того песчана, что иногда, во время засухи, весь соръ сметается, подобно снѣгу въ метель, къ стѣнѣ дома, а потому они не могутъ извлекать изъ нея своего пропитанія, для поденной же работы имъ не представляется достаточно случаевъ, да и склонности у нихъ къ ней нѣтъ, то они занимаются мелкою розничною торговлею.

«Каждый понедѣльникъ, какъ только взойдетъ солнце, я всхожу на Рингельсгернъ, смотрю на Маріендоннъ и на то, какъ отправляются на торговлю Крэи. Одни выходятъ съ мѣшками и корзинками на плечахъ; согнувъ спину, идутъ они, погружая въ песокъ большую палку, которая служитъ имъ опорою. Другіе выѣзжаютъ съ телѣжками на собакахъ. Наиболѣе богатые изъ нихъ запрягаютъ въ свою громыхающую повозку косматую, хромую лошадку. Къ концу недѣли они снова собираются въ свое гнѣздо; имъ всегда удается распродать свой товаръ и взамѣнъ что-нибудь пріобрѣсти.

«Всѣ они славные ребята, и я не позволю сказать о нихъ дурного слова. Я былъ друженъ со многими изъ нихъ, и по сіе время состою въ дружбѣ съ нѣкоторыми. Я не позволю сказать о нихъ дурного слова, ибо и во мнѣ, со стороны моей бабки, есть крэевская кровь.

«Обыкновенно про нихъ говорятъ, что въ своихъ торговыхъ дѣлахъ они вовсе не такіе порядочные и богобоязненные люди, какими кажутся по воскреснымъ днямъ, дома. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ своемъ селѣ, всѣ они живутъ честно и трезво, гордятся своимъ благочестіемъ и ревностнымъ посѣщеніемъ церкви и похваляются передо мною своимъ живымъ вниманіемъ къ слову Божію. Я же человѣкъ слабый, и не хватаетъ у меня духу сказать въ глаза хвастуну: а знаешь ли ты, что по всей странѣ говорятъ: «Честенъ, какъ Крэй въ воскресенье».

Окрестные жители говорятъ, что никогда еще ни одинъ Крэй не купилъ сѣна или овса для своей лошади: животныя ихъ кормятся въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь на лугу или у дороги, въ то время какъ сами они вкушаютъ послѣобѣденный сонъ подъ кровлею своей повозки. И когда Крея вызываютъ въ судъ, то судъ этотъ находится всегда гдѣ-нибудь на сторонѣ, и Крэй всегда является обвиняемымъ, а не жалобщикомъ. Когда же обвиняемый приходитъ ко мнѣ за метрическимъ свидѣтельствомъ, которое онъ долженъ представить суду въ удостовѣреніе своей личности, и я спрашиваю его, по какому дѣлу онъ обвиняется, то всегда оказывается, что на него подали въ судъ изъ злобы или же по недоразумѣнію. А когда обвиняемый не возвращается изъ суда домой, а напротивъ того, на нѣсколько недѣль совершенно исчезаетъ изъ виду, какъ если бы его поглотила земля, и я спрашиваю у цер-

ковныхъ дверей жену его: «Скажи, Анна-Катринъ, гдѣ же твой мужъ?» она испуганно вскидываетъ глаза и говоритъ: «Онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, господинъ пасторъ! Покупки дѣлаетъ!» Тогда я снова проявляю слабость и не рѣшаюсь ничего сказать. Но по всей равнинѣ Маршъ про человѣка, сидящаго въ тюрьмѣ, всегда говорятъ съ усмѣшкой: «Онъ въ Гамбургѣ и дѣлаетъ покупки».

«Все это большою тяжестью лежитъ у меня на сердцѣ, et animi semper aeger sum. И все это тѣмъ болѣе непріятно мнѣ, что въ Моршѣ ходятъ слухи, будто я обязался никогда не говорить Крэямъ, что они нечестные люди. За это я, будто бы, получаю отъ нихъ десятую долю изъ всего, что они выручаютъ своею торговлей. И по этому поводу сложилась на мой счетъ поговорка: «Это мы пропустимъ», сказалъ пасторъ изъ Маріендонна, когда ученикъ въ школѣ хотѣлъ сказать седьмую заповѣдь» *). Откуда возникло такое animi rectio, такой образъ мысли? Здѣсь, въ нашихъ мѣстахъ, говорятъ, будто происходитъ все это оттого, что въ Крэяхъ есть цыганская кровь. Предокъ ихъ, говорятъ, былъ сильный, отважный человѣкъ, большой хвастунъ, и сошелся съ цыганкою изъ табора, разложившаго костеръ въ песчаной ямѣ у гезескихъ елей. Отъ этого союза и произошли будто бы всѣ Крэи. Но я утверждаю, что такое объясненіе не болѣе, какъ глупая выдумка Улей; потому что Ули всѣми силами души презираютъ Крэевъ. Я считаю гораздо болѣе правдоподобнымъ, что Крэи произошли отъ племени вендовъ, которое когда-то, совершая свои походы, жило нѣкоторое время и въ нашей странѣ. Слѣдующее привело меня къ этому умозаключенію: во-первыхъ, круглыя, рыжеволосыя головы и косые глаза, которыми отличаются почти всѣ они, а во-вторыхъ, то, что въ западномъ концѣ села, со стороны Водановой лепи, три отдѣльно стоящіе дома, а именно, школа, родовой домъ Улей и лачуга Симона Крэя, имѣютъ отдѣльное отъ села наименованіе — Венторфъ, которое легко могло произойти изъ Вендендорфъ. Наконецъ, и въ-третьихъ, то, что подлѣ Венторфа находятся древніе земляные валы, остатки прежнихъ укрѣпленій — mea opinione, въ которыхъ и понынѣ происходятъ побоища между дѣтьми Улей и Крэевъ.

*) Т.-е. восьмую «не укради». У лютеранъ счетъ заповѣдей иной.

«Объ Уляхъ я не могу сказать ничего особеннаго, кромѣ того, что они разсѣяны по всему Маршу и живутъ въ хорошихъ большихъ дворахъ, волосы имѣютъ бѣлокурые, цвѣта ржаной соломы, что у женщинъ часто бываетъ очень красиво, и отличаются своимъ высокимъ ростомъ, силою и высокомѣріемъ. Еще на этихъ дняхъ, одинъ изъ нихъ завелъ въ корчмѣ споръ, и когда ему сказали: «Да, вѣдь ты—Уль! Ты—Уль! Ты можешь позволить себѣ все, что хочешь»,—онъ выпрямился во весь ростъ посреди комнаты, ударилъ себя въ грудь и сказалъ: «Ну да, разумѣется, я— Уль! И благодарю за это Господа Бога!»

«Ули презираютъ Крэевъ и въ теченіе всего года, при встрѣчѣ съ ними не протягиваютъ имъ руки и не снимаютъ шляпы. Но каждый годъ, во время масляницы, когда вся страна предается грѣховному дурачеству и безпросыпному пьянству, запрягаютъ Ули своихъ лошадей, забираютъ въ свои повозки окорока свинины и горшки масла и, кто съ женой, кто безъ жены, пріѣзжаютъ въ Маріендоннъ, кутятъ, безчинствуютъ вмѣстѣ съ Крэями, ходятъ съ ними подъ руку изъ дома въ домъ. Въ теченіе цѣлой недѣли Маріендоннъ оглашается криками и пѣніемъ. При этомъ они обращаются другъ съ другомъ такъ дружелюбно и добродушно, что мнѣ трудно не присоединиться къ нимъ, и нѣсколько разъ я таки повеселился съ ними in finibus pastoralibus. Но на седьмой или восьмой день между ними начинаются ужасныя драки. Заключительное побоище происходитъ на Рингельсгернѣ; оттуда послѣдніе изъ загостившихся Улей спускаются въ Маршъ, и Маріендоннъ попрежнему остается во владѣніи Крэевъ.

«Я лично терпѣть не могу Улей. Я испытываю страхъ, когда кто-нибудь изъ нихъ заходитъ въ пасторатъ, и радуюсь,

что ихъ такъ немного въ моемъ приходѣ. Всѣ пасторы въ равнинѣ Маршъ, жалуются на нихъ. И я радуюсь, quamquam saepe ab his collegis vexatus, когда стою въ воскресный день на своей каѳедрѣ и смотрю на эти рыжія, круглыя головы, на этотъ торговый народъ, промышляющій тряпьемъ, щетками и метелками—на породу Крэевъ».

Вотъ что записано въ метрической книгѣ. О характерѣ и умственной проницательности пастора Петруса Momme Лобеданца не сохранилось до настоящаго времени никакихъ свѣдѣній.

* * *

Фрицъ Крэй рѣдко посѣщалъ школу. Отецъ его, Ясперъ Крэй, постоянно находилъ для этого какое-нибудь извиненіе или отговорку. То мальчикъ былъ нуженъ для домашнихъ работъ, то у мальчика не было сапогъ. Поэтому, если онъ когда-нибудь и приходилъ въ школу, то только зимою. Однажды утромъ,—на дворѣ было еще темно,—въ домъ Крэя забѣжала Витенъ и сказала:

— Столько снѣгу навалило, что я не могу пустить дѣтей однихъ: пусть бы Фите пошелъ съ ними сегодня.

Фите сейчасъ же вскочилъ, надѣлъ свою бурую куртку и началъ шумно возиться у печки со своими большими сапогами. Но старикъ пробурчалъ:

— Сегодня я никакъ не могу отпустить мальчишку.

— Не можешь? — ѣдко сказала Витенъ.—Какъ разъ сегодня-то и не можешь? Ну, значитъ опять придется выкупить его.—Она положила на столъ три гроша, которые держала наготовѣ и изъ которыхъ, по давнишнему уговору, одинъ доставался сыну, а два отцу, и вышла съ мальчикомъ на улицу.

Затѣмъ трое дѣтей побрели по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Фрицъ Крэй шелъ впередъ, какъ предводитель. Но почти на каждомъ шагу онъ возвращался назадъ. Ему приходилось такъ часто возвращаться, что въ общемъ, за всю дорогу, онъ больше шелъ назадъ, чѣмъ впередъ, столько было у него матеріала для разговоровъ.

Наконецъ, вся школа въ сборѣ: сотня дѣтей и старый учитель Петерсъ на своей каѳедрѣ. Пропѣли и прочитали молитвы. Долженъ былъ начаться урокъ. Вдругъ, съ той стороны, гдѣ сидѣли мальчики, въ группѣ Крэевъ, разливавшихъ вокругъ себя яркое, красноватое сіяніе, произошла суматоха.

— Что тамъ такое?—спросилъ учитель Петерсъ.

— Онъ свихнулъ себѣ шею.

— Что такое?

— Тёньесъ Крэй изъ Зюдердонна посмотрѣлъ въ окно и теперь не можетъ повернуть шею.

— Это еще что?

Мальчикъ сидѣлъ, повернувъ голову на сторону, корчилъ страдальческую мину и то открывалъ, то закрывалъ ротъ,

Нужно по этому случаю замѣтить, что не далѣе, какъ наканунѣ вечеромъ, мать его разсказывала про одного мальчика, котораго она знавала въ своея юности: у него выпадалъ иногда изъ глотки языкъ, какъ у запыхавшейся собаки при восточномъ вѣтрѣ, и для того, чтобы втянуть его обратно, онъ долженъ былъ схватить себя рукой за глотку и изъ всѣхъ силъ потянуть ее книзу. Этотъ необыкновенный мальчикъ принадлежалъ, само собою, къ Крэямъ.

Учитель Петерсъ не позволитъ шутить съ собой; онъ сейчасъ же насторожился:

— Мальчикъ!—сказалъ онъ грозно.— Поверни голову!

Тотъ сейчасъ же вытягивается во весь ростъ, смотритъ искоса на окно и реветъ: Не могу! Не могу!

Петерсъ только покачиваетъ головою при видѣ этого новаго загадочнаго проявленія Крэевской породы и безпомощно оглядывается кругомъ.

Тогда онъ видитъ, что Фите Крэй, котораго онъ на этотъ разъ совсѣмъ не замѣтилъ, поднялся со своей парты и стоитъ.

— Я могу,—говоритъ онъ.

— Ты, Фите? Ну что-жъ! Поди, попробуй.

Фите Крэй выходитъ изъ-за парты. Всѣ глаза устремлены на него. На немъ бурая плисовая куртка, а штаны его засунуты въ голенища его тяжелыхъ юфтовыхъ сапогъ. Онъ остановился пе-

редъ своимъ собратомъ въ такой позѣ, какъ будто хотѣлъ обратиться къ нему съ торжественной рѣчью. Но вдругъ онъ замахнулся и далъ ему вѣсскую затрещину, отъ которой голова его — произвольно или невольно — испуганно повернулась и пріобрѣла такую подвижность, что владѣлецъ ея схватилъ ее обѣими руками и громко заревѣлъ. А Фите Крэй спокойными тяжелыми шагами вернулся на свое мѣсто.

Фите Крэй по части школьной премудрости никоимъ образомъ не могъ считаться свѣтиломъ. Тотъ жизненный опытъ, который онъ вынесъ изъ своихъ торговыхъ разъѣздовъ по Маршу и Гесту, представлялъ собою грубый, реалистическій матеріалъ, непримѣнимый въ дѣлѣ школьнаго обученія, которое всегда задается идеальными цѣлями. А то, что онъ слышалъ по вечерамъ отъ Витенъ Пеннъ, всѣ эти пестрые образцы старой народной мудрости, не представляли никакой цѣны для учителя, который былъ настоящимъ практикомъ и даже скопилъ и отдалъ въ ростъ кое-какія деньжонки. Къ тому же эта народная мудрость, которою мало-по-малу проникся Фите Крэй, приняла въ его душѣ какую-то романтическую окраску—въ духѣ разсказовъ о краснокожихъ,—какъ нельзя болѣе соотвѣтствующую характеру Крэевъ. Но такъ какъ всѣ свои практическія свѣдѣнія онъ примѣнялъ на защиту попранной справедливости и порядка, то, несмотря на отрывочность своихъ познаній и неаккуратное посѣщеніе школы, онъ пользовался уваженіемъ какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учениковъ.

Ученики старшаго отдѣленія, навалившись на свои грифельныя доски, постукивали тихонько грифелями, перешептывались и писали.

— Третье отдѣленіе! Мы будемъ составлять предложенія. Кто составитъ первое предложеніе?

Одинъ изъ маленькихъ Крэевъ поднимается:

— У насъ во дворѣ есть корова.

— Всѣ остальные должны повторить!

Всѣ, одинъ за другимъ, произносятъ предложеніе громкимъ, звучнымъ голосомъ, расчленяя слоги. Тотъ, у кого нѣтъ коровы, говоритъ: «нѣтъ коровы». Бѣднота говоритъ: «нѣтъ». Состоятельные говорятъ: «есть».

Іёрнъ Уль скоро замѣтилъ, что ему все приходится говорить: «есть», никогда «нѣтъ». А когда сынъ Петера Вика, одного изъ Улей, составилъ предложеніе: «У насъ нѣтъ жеребца», и всѣ повторили это предложеніе, ему, Іёрну Улю, единственному изъ всей школы — а школа была вѣдь не маленькая!—пришлось измѣнить предложеніе, и онъ выговорилъ особенно громко и отчетливо: «У насъ есть жеребецъ... и быкъ». Прибавленіе это, правда, было не особенно умѣстно, однако произвело большую сенсацію, тѣмъ болѣе, что маленькая дѣвочка Лоренца Крэя, у котораго была большая семья, вслѣдъ за этимъ составила такое предложеніе: «У насъ въ кадкѣ нѣтъ муки».

Послѣ этого Петерсъ приказалъ составлять предложенія въ другомъ родѣ.

— Мы слышали въ священной исторіи про царя Давида. У насъ тоже есть царь или король. Какъ же зовутъ нашего короля?

Тогда маленькая глупенькая дѣвочка, дочь Лоренца Крэя изъ Зюдердонна, вскочивъ со скамьи, сказала:

— Нашего короля зовутъ Клаусъ Уль.

Жеребецъ оказался рѣшающимъ признакомъ въ этомъ вопросѣ. Старшіе засмѣялись, маленькіе опѣшили. Никто ничего не могъ возразить на это. Предложеніе было по обыкновенію всѣми повторено.

Но когда учитель Петерсъ повернулся и направился къ выходу, дѣти закричали:

— Ландфогтъ всталъ! И дѣйствительно, Іёрнъ Уль поднялся, и лицо его выражало гнѣвъ.

— Что тебѣ, Юргенъ?

— Мой отецъ вовсе не король.

— Тебѣ лучше знать!—сказалъ старикъ.

Когда же дѣти стали расходиться, онъ увидѣлъ, что маленькая темноволосая дѣвочка, Эльсбе Уль, сидитъ на скамьѣ и, положивъ голову на столъ, заливается горькими слезами. Онъ подошелъ къ ней

и спросилъ: «О чемъ ты плачешь, Эльсбе?»

Она проговорила съ большимъ усиліемъ:

— Чѣмъ же мой тецъ не король?

Когда онъ съ улыбкою отвернулся отъ нея, передъ нимъ съ гнѣвнозлымъ лицомъ стоялъ Іёрнъ. Старикъ запустилъ руку въ свѣтлые, желтые волосы мальчика и сказалъ:

— Почему же ты собственно сказалъ, что твой отецъ не король?

— Онъ иногда не держится на ногахъ...

— Что ты хочешь этимъ сказать? Онъ не можетъ стоять?

— Нѣтъ. Онъ иногда напивается.

Старикъ закусилъ губы и съ участіемъ посмотрѣлъ на него.

— Такъ поэтому-то онъ и не король? Слушай, ты этого другимъ дѣтямъ не говори. Но знаешь, что? Постарайся самъ быть всегда прилежнымъ и трезвымъ.

* * *

Ежегодный дѣтскій праздникъ былъ истинно великимъ днемъ, гораздо болѣе великимъ, чѣмъ Рождество. Принадлежавшіе къ приходу Ули очень любили справлять праздники, да и Крэи не уклонялись отъ этого. Кто участвовалъ въ этихъ дѣтскихъ праздникахъ въ Санктъ-Маріендоннѣ? Будь онъ Уль или Крэй,—пусть онъ встанетъ и засвидѣтельствуетъ, что никогда и нигдѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ своего отечества, не испытывалъ и не видѣлъ онъ ничего столь прекраснаго и великаго.

Фите Крэй уже пригласилъ, было, идти съ нимъ въ процессіи Анну Земанъ; но затѣмъ Трина Бистерфельдъ узнала, что Фите Крэй надѣнетъ въ праздникъ превосходнѣйшее платье, которое купилъ ему по случаю у одного крестьянина отецъ. Тогда она предложила Фите Крэю три гроша съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ Анну Земанъ и шелъ въ парѣ съ нею. Онъ согласился на это, но лишь послѣ того, какъ она пообѣщала ему въ придачу еще и свой отличный карманный ножикъ. Кромѣ того, она должна была обѣщать, что приготовитъ ему къ празднику голубой шарфъ.

Но когда Фите Крэй, удачно оборудовавъ такимъ образомъ собственныя дѣла, хотѣлъ, по своему обыкновенію, сунуть носъ и въ чужія дѣла и раздобыть невѣсту для своего сосѣда и друга Іёрна Уля, ему не повезло. И у нея, и у него онъ потерпѣлъ неудачу. Во время рекреаціи онъ переговорилъ съ маленькой толстенькой Дорой Дикъ, обѣщалъ ей «красивенькаго Іёрна Уля» и намекнулъ, что, если дѣло уладится, онъ будетъ въ правѣ разсчитывать на полученіе отъ нея нѣсколькихъ грошей. Но она сказала, что предпочитаетъ потратить свои деньги на лимонадъ, а не на жениха. При этомъ мнѣніи она и осталась, хотя Фите Крэй расточилъ передъ нею не мало краснорѣчивыхъ словъ.

Потомъ, когда ей исполнилось двадцать лѣтъ, для нея наступило время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Она посѣщала всѣ мѣстныя ярмарки, всѣ вечеринки, искала жениха, и не нашла его.

Но и съ Іёрномъ Улемъ ничего не вышло. Онъ впервые наотрѣзъ отказался отъ попеченій своего патрона и съ необыкновенною рѣшительностью заявилъ, что проситъ не навязывать ему невѣсты, а найдетъ ее себѣ самъ.

Три вечера подрядъ стоялъ онъ на проливномъ дождѣ подлѣ школы, поджидая маленькую Лисбету Юнкеръ, внучку учителя Петерса. Ее-то онъ и хотѣлъ пригласить.

На третій день вечеромъ, она дѣйствительно, вышла изъ школьнаго дома и такъ быстро побѣжала по дождю, направляясь въ мелочную лавку, что бѣлокурые волосы и коротенькая юбочка ея развѣвались, а на ногахъ видны были ея голубыя подвязки. Возвращаясь домой, она увидѣла его и еще издали закричала:

— Что ты стоишь подъ дождемъ, Юргенъ? Развѣ у тебя дополнительный урокъ?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я просто тебя ждалъ. Мнѣ нужно спросить у тебя одну вещь.

Она подбѣжала и стала рядомъ съ нимъ подъ навѣсъ крыши, чтобы не замокнуть. При этомъ она прижалась къ нему, ухватилась за его руку и подняла на него глаза.

Какой-то человѣкъ, проѣзжая по улицѣ, замѣтилъ дѣтей, порадовался, глядя на нихъ, придержалъ немного лошадей, чтобы онѣ не такъ бѣжали, но, наконецъ, скрылся изъ виду.

— Что же ты хотѣлъ меня спросить?

— Да... объ стрѣльбѣ въ птицу. *) Вѣдь теперь у насъ уже скоро будетъ стрѣльба въ птицу. Правда?

— Такъ что же?

— Да... Такъ поэтому я долженъ пригласить какую-нибудь дѣвочку, и я не знаю... я не знаю, кого бы мнѣ пригласить? Собственно, вѣдь это все равно, кого пригласить. Какъ ты думаешь?

— Объ этомъ ты и хотѣлъ меня спросить? Право, я не знаю. Ты такой большой... Знаешь? Возьми Трину Зимъ, или нѣтъ, возьми Юлію Уль! Или... нѣтъ, она слишкомъ мала ростомъ для тебя.

— Кого—ты хотѣла сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ, я было подумала, что... Но только, право, она слишкомъ мала для тебя.

— Ну, все равно, скажи! Это все равно, мала она или велика. Хотя бы и такая маленькая, какъ ты. Кого ты придумала?

— Я ужъ забыла,—сказала она.

Проговоривъ это, она отодвинулась отъ него, выскочила на дождь, еще разъ оглянулась, потомъ словно что перевернуло ее и она убѣжала.

Онъ не переставалъ мечтать объ Лисбетѣ Юнкеръ и ужасно боялся, чтобы ее не пригласилъ кто-нибудь другой. Но у него не хватало мужества пригласить ее: ему казалось, что она расхохочется и скажетъ: «Нѣтъ, Юргенъ! Неужели ты воображаешь, что я соглашусь? Вѣдь я никогда не участвую въ процессіи». Такимъ образомъ онъ только упускалъ время. Когда же, за нѣсколько дней до праздника, онъ былъ въ школѣ на дополнительномъ частномъ урокѣ вмѣстѣ съ робкимъ Диркомъ Дирксеномъ, учитель Петерсъ сказалъ:—«Послушай, Диркъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы послѣ завтра Лисбета приняла участіе въ процессіи. Я подумалъ, что она могла бы идти въ парѣ съ тобой». Диркъ Дирксенъ получилъ за это отъ Іерна Уля нѣсколько щипковъ, однако, положеніе вещей отъ этого нимало не измѣнилось.

Итакъ, онъ остался безъ невѣсты и, когда наступилъ праздникъ, ему пришлось идти въ парѣ съ маленькою веснусчатою Крэй, которая тоже осталась въ одиночествѣ. Отецъ его, шедшій рядомъ съ процессіей, насмѣшливо поглядывалъ на него, а старшіе братья злились. Онъ шелъ молча, сжавъ губы, съ гордымъ выраженіемъ лица.

Показалось солнце, и повѣялъ легкій, чуть замѣтный вѣтерокъ. Круглыя желтыя пятна свѣта, пробираясь сквозь густую зелень липъ, играли и скользили по улицѣ и по распущеннымъ волосамъ дѣвочекъ. И липовые цвѣты тихо сыпались на дорогу, по которой двигалась процессія.

Кто присутствовалъ на этомъ дѣтскомъ праздникѣ въ Санктъ-Моріендоннѣ? Будь то Уль или Крэй, — встань и разскажи намъ? Чьи это волосы такъ искрились въ солнечномъ свѣтѣ? Они казались то темными, то свѣтлыми, смотря по тому, какъ падала тѣнь, и маленькая фигурка въ бѣломъ платьицѣ была такъ прекрасна и стройна, а лицо было бѣлое съ алымъ румянцемъ, словно капля крови упала въ снѣгъ. Это была Лисбета Юнкеръ. Она шла въ процессіи какъ разъ передъ Юргеномъ Улемъ и отъ времени до времени обертывалась на него и смѣялась. А онъ говорилъ:

— У тебя въ волосахъ много липоваго цвѣту.

А кто эта маленькая темноволосая дѣвочка — вся движеніе и неудержимое счастье, быть можетъ, слишкомъ маленькая, слишкомъ толстенькая, слишкомъ рѣзвая, слишкомъ шумная? Это Эльсбе Уль, которая идетъ какъ разъ передъ Фрите Крэемъ, и время отъ времени оглядывается на него, и смѣется, и киваетъ головою. Но сегодня она не заговариваетъ съ нимъ: сегодня ей нельзя забыть, что она дочь Уля. А въ парѣ съ ней идетъ высокій, стройной Гарро Гейнзенъ, тоже изъ Улей. Ему уже четырнадцать лѣтъ, и онъ уже немножко презираетъ дѣтскій праздникъ и начи-

---

*) Стрѣльба въ деревянную птицу. Мѣстное дѣтское развлеченіе. *Прим. пер.*

мает каждое предложеніе словами: «Когда я буду конфирмованъ!» и занимаетъ свою маленькую даму умными разговорами.

Кто участвовалъ въ этомъ дѣтскомъ праздникѣ въ Санктъ-Маріендоннѣ? Будь онъ Уль или Крэй,—встань и разскажи намъ! По какимъ мѣстамъ двигалась процессія? Она шла по нижней улицѣ села. Почва здѣсь хорошая, и по обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ мощныя молодыя липы, почти касающіяся другъ друга своими верхушками. А кто шелъ въ головѣ процессіи? Трубачъ и флейтистъ. Вся окрестная страна знаетъ ихъ. Въ обыкновенное время они торгуютъ соленой рыбой.

Кто шелъ сбоку процессіи? Учитель Петерсъ со своими сѣдыми волосами. Высокій, худощавый и серьезный. Кто шелъ по самому краю дороги подъ липами? Взрослые Ули со своими красными отъ вина, празднично-веселыми лицами. Если они и грѣшили въ чемъ по отношенію къ своимъ женамъ и дѣтямъ, какъ и по отношенію, къ себѣ въ своей собственной жизни, то нельзя не вмѣнить имъ въ заслугу того, что, устраивая праздникъ для себя, они устраивали его и для дѣтей. А кто шелъ по другой сторонѣ дороги? Все это были Крэи, мужчины и женщины, преисполненные гордости при видѣ своихъ дѣтей.

Кто стоялъ, въ ожиданіи процессіи, передъ корчмою со старою соломенною крышею? Тамъ стоялъ Эрнстъ Раппъ, владѣлецъ корчмы, и на своемъ полусаксонскомъ нарѣчіи—вѣдь онъ былъ переселенецъ—громко кричалъ въ дверь, обращаясь къ сыну: «Фрицъ! Выходи! Ужъ идутъ! Крестьяне идутъ! Сыграй что-нибудь!» И толстый неуклюжій Фрицъ Раппъ выскочилъ изъ дому и весело заигралъ на трубѣ. Такъ совершили они свой входъ въ предназначенное для празднества помѣщеніе: впереди дѣти, потомъ Ули, потомъ Крэи.

Наверху, въ большой комнатѣ, предназначенной для зерна и находившейся надъ конюшнею, танцовали дѣти, и на дѣвочекъ опять напалъ страхъ: уже двадцать лѣтъ идетъ молва что полъ здѣсь сталъ совсѣмъ плохъ и въ одинъ прекрасный день долженъ провалиться. Одинъ изъ торговцевъ соленой рыбой игралъ на флейтѣ, другой на барабанѣ.

Каблуки постукиваютъ... трикъ-тракъ тракъ!..

Мальчики трижды пристукиваютъ по полу своими тяжелыми сапогами. Дѣвочки кричатъ:

— Мальчики! Развѣ вы не слышите? Ужъ трещитъ! Не стучите такъ крѣпко!..

Ладоши прихлопываютъ... кликъ-клякъ-клякъ!..

— Это Крэи такъ стучатъ! У нихъ подъ юфтами подковы на гвоздяхъ! Они вѣдь подкованы, какъ лошади!

Дѣвочки поднимаютъ палецъ и въ своей невинности сами не знаютъ, что онѣ поютъ:

«Мальчикъ, если хочешь!..
«Мальчикъ, если хочешь!..

Каблуки пристукиваютъ... трикъ-тракъ—тракъ...

— Нѣтъ,—говорятъ дѣвочки,—мальчики не должны такъ топать ногами, иначе мы убѣжимъ. Полъ провалится, и мы упадемъ прямо на лошадей!

— Это все Крэи!

— Мы что хотимъ, то и дѣлаемъ,—говоритъ Фите Крэй.—До Улей намъ никакого дѣла нѣтъ!

Каблуки пристукиваютъ... Трамсъ! Рамсъ!—трещитъ по всѣмъ угламъ. Со стѣны сыплется штукатурка.

Лисбета Юнкеръ съ испуганнымъ лицомъ черезъ всю залу подбѣжала къ Іёрну Улю:

— Ты не боишься, что мы провалимся, Юргенъ?

— Вотъ еще!—важно говоритъ онъ.—Пойдемъ-ка лучше танцовать!

И они долго танцуютъ другъ съ другомъ и ничего не видятъ и не слышатъ. Наконецъ, имъ становится такъ жарко, что они останавливаются.

— Нѣтъ!—говоритъ она.—До чего мнѣ жарко!—И она обмахивается бѣлымъ платочкомъ, отряхиваетъ свое бѣлое платьице и смѣется.

— Ну, теперь я куплю тебѣ какого-нибудь питья,—говоритъ онъ. И проталкиваясь сквозь толпу, они направляются, рука съ рукой, къ Фрицу Раппу, который стоитъ за столомъ, уставленнымъ стаканами, и онъ покупаетъ ей

стаканъ лимонаду, который она тутъ же, не переводя духу, выпиваетъ. Въ благодарность за это она суетъ ему въ руку нѣсколько мятныхъ лепешекъ и сама тоже ѣстъ мятныя лепешки. При этомъ она все время утираетъ платкомъ свое лицо. Но руки стали теперь такія липкія.

— Нѣтъ—говоритъ она,—это просто невозможно! Потрогай-ка! Руки такъ и слипаются другъ съ другомъ. Если ты возьмешь меня за талію, то совсѣмъ испачкаешь платье.—Она взяла носовой платокъ, поплевала въ него немножко, вытянувъ губки, и вытерла руки сначала ему, потомъ себѣ самой. Потомъ она показала ему, какъ онъ долженъ подкладывать платокъ, держа ее за талію.—Ну, теперь пойдемъ танцовать.!

И они опять пустились танцовать, пока она, наконецъ, устала и, тяжело дыша, остановилась и немножко прислонилась къ нему. Это были всегда высшимъ выраженіемъ дружбы.

Онъ ласково и радостно взглянулъ на нее своими тихими умными глазами и сказалъ:

— Вѣдь тебѣ пріятно танцовать со мной?

— Да,—сказала она,—другихъ я меньше знаю. А тебя я знаю, потому что ты постоянно приходишь къ дѣдушкѣ на дополнительный урокъ. Ты самый милый и умный изъ всѣхъ.

Онъ густо покраснѣлъ и сказалъ:

— Ты самая милая, это правда!

— Посмотри!—сказала она.—Видишь Эльсбе? Эльсбе такая шумливая. Я этого терпѣть не могу.

— Да,—сказалъ онъ,—съ Гарро Гейнзеномъ. Мнѣ это совсѣмъ не нравится. Потому-то ты мнѣ и нравишься, что ты всегда такая тихая и чинная.

Такъ танцуютъ дѣти, пока не придетъ наверхъ взрослая молодежь и постепенно не оттѣснитъ ихъ. Къ десяти часамъ, когда становится уже темно, дѣти удаляются. Лисбета уже ушла со своимъ дѣдушкой. Іёрнъ обратился къ Фите Крэю:

— Я хочу домой идти, гдѣ Эльсбе?

— Гдѣ же ей быть!—сердито говоритъ Фите.—Они съ Гарро Гейнзеномъ куда-то улизнули.

Они прошли черезъ кегель-банъ до самаго входа въ потемнѣвшій садъ и окликнули ее по имени. Никто не отзывался.

Тогда Фите Крэй говоритъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если ты не придешь сію же минуту, я скажу такъ, чтобы всѣ слышали, что ты съ Гарро Гейнзеномъ въ саду прячешься!

Тогда они слышатъ крадущіеся шаги, а вслѣдъ затѣмъ появляется Эльсбе и говоритъ небрежнымъ тономъ:

— Это вы тутъ? Я слышала, что кого-то зовутъ.

— Да, это мы, и ты должна сейчасъ же идти съ нами домой.

Въ это время изъ-за деревьевъ вышелъ Гарро Гейнзенъ.

— Въ это воскресенье, послѣ обѣда, мы пойдемъ на Рингельсгернъ, — говоритъ онъ угрожающимъ тономъ.—Тогда отколотятъ васъ, Крэевъ, какъ вы заслужили себѣ сегодня!

Затѣмъ онъ еще разъ обернулся и сказалъ: спрячь хорошенько кольцо, и скрылся въ дверяхъ дома, а трое остальныхъ вышли на дорогу ипошли домой.

— Онъ далъ тебѣ кольцо?—спросилъ Фите Крэй, и потомъ снисходительно прибавилъ:—ну, ужъ покажи, дѣвчурка! Вѣрно, серебряное?

— Это тебя не касается,—гордо сказала она.

— Ну, покажи, Эльсбе!

— Золотое. Видишь?

— Ой, дѣвчурка! Это-то кольцо? Неужели ты думаешь, что это настоящее золото? Сколько же оно, по твоему, стоитъ? Немного оно стоитъ! Пять грошей—красная цѣна.

— Вотъ еще!—сказала Эльсбе.—Оно гораздо дороже стоитъ. Оно стоитъ десять марокъ.

— Эдакій глупый мальчишка! Вздумалъ подарить тебѣ кольцо! На что тебѣ кольцо? Добро бы еще онъ тебѣ подарилъ пару кроликовъ! А видѣла ты двухъ моихъ кроликовъ, дѣвчурка? Знаешь,—сѣренькихъ?

Тогда она, въ страхѣ, перебѣгаетъ на сторону Іёрна:

— Послушай, Фите опять хочетъ завести торговлю!

* * *

Все послѣобѣденное время, пока дѣти танцовали, Ули и Крэи со своею родней сидѣли, по старинному обыкновенію, отдѣльно другъ отъ друга, въ двухъ различныхъ комнатахъ, соединенныхъ между собою широкою дверью. Но когда дѣти уходили домой, а пуншъ, который Ули распивали сами и посылали въ сосѣднюю комнату, мало-по-малу начиналъ оказывать свое дѣйствіе, тогда наиболѣе отважный изъ Крэевъ бралъ свой стаканъ, переходилъ въ другую комнату и садился среди Улей.

Въ этомъ году такимъ смѣльчакомъ оказался Іохенъ Крэй. Онъ вошелъ съ сильно раскраснѣвшимся лицомъ, побѣдоносно оглянулъ весь кругъ Улей и, не говоря ни слова, важно усѣлся подлѣ своего сосѣда, славнаго Клауса Уля, и размашисто поставилъ свой стаканъ на столъ;

— Захотѣлось немножко здѣсь посидѣть!—сказалъ онъ.

Ули засмѣялись, а нѣкоторые изъ нихъ закричали:

— Первая ворона прилетѣла!

Мало-по-малу перебрались и другіе, и теперь Ули и Крэи сидѣли вмѣстѣ, вперемѣшку другъ съ другомъ.

Одинъ только разъ въ годъ, въ эту именно ночь, Ули и Крэи сидятъ вмѣстѣ, говорятъ на ты, называютъ другъ друга: «мой милый сосѣдъ», выказываютъ братскую любовь другъ къ другу, поютъ вмѣстѣ старыя пѣсни, а нѣкоторые даже обнимаются. Это продолжается три-четыре часа.

Но тутъ одинъ изъ Креэвъ поднимаетъ шумъ. Какой-нибудь Крэй, разговаривая со своимъ милымъ сосѣдомъ, начинаетъ «высказывать ему правду», и скоро къ нему присоединяются и остальные Крэи и начинаютъ перебирать своими острыми языками всѣ дѣла Улей, какъ волъ въ хлѣву перебираетъ своею мордой овсяную солому. Вся желчь и злоба, которая накипѣла у нихъ противъ Улей въ теченіе всего года,—а этой злобы накипѣло не мало, теперь прорывается наружу. Они то ругаются, то язвятъ, пускаются то въ общія разсужденія, то въ личные счеты. Каждому Улю ставится на видъ все, чѣмъ онъ прегрѣшилъ въ теченіе года. Одному они говорятъ, что жена его скряга, способная два часа торговаться изъ-за какой-нибудь щетки или рогожки; другому они доказываютъ, что онъ за весь годъ не сдѣлалъ ни одной хорошей торговой сдѣлки ни у себя на дому, ни на ярмаркѣ; третьему они напоминаютъ какія-нибудь старыя смѣшныя розсказни, отъ которыхъ у него вся кровь бросается въ голову. Наконецъ, они возвѣщаютъ смерть и погибель всему улевскому роду:

— Ни одному изъ васъ не дожить жизни на своемъ дворѣ. Пьяницы вы всѣ, не будь мы Крэи! И дворы-то свои пропьете!

Тутъ Ули вскочили; Крэи тоже сорвались со своихъ мѣстъ. Фрицъ Раппъ заблаговременно убралъ стаканы и пуншевыя миски и теперь, стоя у задней стѣны, безмятежно созерцаетъ начавшуюся свалку.

Но что толку въ этомъ? На слѣдующей же день послѣ обѣда для Крэевъ возникаетъ вопросъ: кому-жъ я буду продавать мои щетки и скребницы? И тотъ, кто такъ шумѣлъ ночью въ праздникъ, теперь стоитъ съ особенно серьезнымъ лицомъ въ большихъ сѣняхъ улевскаго дома и предлагаетъ свои товары. А если на него сначала даже и прикрикнутъ, онъ уйдетъ, но придетъ снова. И мало-по-малу распря забывается. Однако тотъ или другой изъ Крэевъ въ теченіе цѣлаго года старается обходить какой-нибудь изъ улевскихъ дворовъ, потому что владѣлецъ его, крѣпко ударивъ по столу, изрекъ слѣдующую клятву: «Попробуй только этотъ молодецъ показаться у меня на дворѣ,—такъ я его, вмѣстѣ съ его собаками, въ ровъ спущу!»

Глава четвертая.

— Дѣти опять къ Тиссу Тиссену собираются, — громко закричала черезъ дворъ Витенъ Пеннъ.

Клаусъ Уль, который уже сѣлъ въ повозку, чтобы ѣхать въ городъ, какъ онъ дѣлалъ это каждое послѣ обѣда, засмѣялся и сказалъ:

— Пусть себѣ бѣгутъ, куда хотятъ! Если имъ на этомъ скудномъ болотѣ лучше, чѣмъ на тучномъ Маршѣ, такъ не держи ихъ, Витенъ.

— Неужели вы не можете, по крайней мѣрѣ, подождать, пока я вамъ хлѣба приготовлю!

Они переступали съ ноги на ногу,— такъ ихъ разбирало нетерпѣніе. Наконецъ, Витенъ пришла съ хлѣбомъ.

— Фите,—сказала она, поди-ка сюда!

Онъ подошелъ къ ней, и она подняла сжатую въ кулакъ руку и тихо проговорила:

— Смотри ты у меня, попробуй только наболтать чего-нибудь дѣтямъ! Потомъ она сунула хлѣбъ въ карманъ Іёрну.—Ты у меня самый умный, Іёрнъ. Когда придешь, такъ скажи сейчасъ же Тиссу, чтобъ онъ не выдѣлывалъ съ вами всѣхъ своихъ глупостей и во-время отправилъ васъ домой.

— Ну, наконецъ то!—сказалъ Фите. Онъ засунулъ себѣ въ ротъ два пальца и испустилъ пронзительный свистъ, относившійся къ двумъ дѣвочкамъ, которыя уже направились къ Рангельсгёрну. При этомъ одна изъ дѣвочекъ обернулась и кивнула ему головой,—это была Эльсбе Уль. Но другая продолжала тихонько плестись дальше, поглядывая только, чтобы не запачкать платья; это была Лисбета Юнкеръ.

Какъ и другія дѣти, она посѣщала школу, но держалась нѣсколько въ сторонѣ и говорила на общенѣмецкомъ языкѣ. Фите Крэй былъ недоволенъ, что она пошла съ ними.

— Очень ужъ она жеманная,—сказалъ онъ.—Только я скажу крѣпкое словцо, а она уже сейчасъ пищитъ: «О, Фите! Что ты говоришь!» Вѣчно онъ боится, что руки замараетъ или что волоса у нея расплетутся.

Но Іёрну она нравилась, и ему хотѣлось, чтобъ она пошла съ ними. Она была немножко моложе, чѣмъ Эльсбе; на каждомъ шагу ей чудились какія-то препятствія, и тогда она обращалась къ нему и своимъ высокимъ, тоненькимъ голоскомъ просила его о помощи: «Іёрнъ, не можешь ли ты помочь мнѣ?» Это и была главная причина, по которой она такъ нравилась ему.

— Ну, вотъ!—сказала Эльсбе, когда они поднялись наверхъ и вышли въ степь.—Теперь пойдемъ! Но только куда, Фите?

— А туда, куда носъ смотритъ! — сказалъ Фите Крэй.—Прямо на это дерево пойдемъ.—И онъ указалъ на дерево, едва виднѣвшееся на горизонтѣ.

Непостижимо для нихъ,—и въ этомъ великая слава Фите Крэя,—какимъ это образомъ, идя всегда наугадъ, сначала по бездорожной степи, потомъ по лѣсу, они все-таки неизмѣнно попадаютъ къ Тиссу Тиссену, который живетъ гдѣ-то на болотѣ, за лѣсомъ, гдѣ они каждый разъ встрѣчаютъ его.

Какъ это они не попадаютъ къ людоѣдамъ? Или въ вертепъ разбойниковъ, которые все еще водятся въ сѣверной части лѣса!.. Фите Крэй, въ своихъ торговыхъ странствіяхъ, два раза попадалъ на такой вертепъ и какъ разъ тутъ передъ нимъ и явилась черная Маргрета. Она взглянула на него и сдѣлала уже знакъ, чтобы приколдавать его къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ. Но къ счастью онъ зналъ одно заклинаніе, которое освободило его отъ ея чаръ.

— Его нужно повторить трижды,—сказалъ онъ, и трижды повторилъ его. Это было чрезвычайно грубое выраженіе.

— О, Фите!—воскликнула Лисбета.— Что ты говоришь!

Фите только махнулъ рукой.—Страшная женщина пришла въ ярость и стала бросать въ меня камни. Пойдемте туда со мной! Я хочу показать вамъ эти камни, они и до сихъ поръ тамъ лежатъ.

Но Лисбета не хотѣла идти.

— Вы можете быть совершенно спокойны,—сказалъ Фите Крэй.

Дѣти съ широко раскрытыми глазами побрели за нимъ; Лисбета шла, сильно отставая отъ нихъ.

— Я не пойду дальше,—сказала она.

Іёрнъ вернулся и взялъ ее за руку.

— Ты, словно птица, пищишь!

— Ты мнѣ опротивѣлъ,—сказала она. Я хочу вернуться.

— Мы скоро вернемся,—сказалъ онъ. Подожди тутъ.

Онъ сѣлъ на небольшую насыпь, а остальные пошли и, дѣйствительно, увидѣли среди разросшагося вереска кучу камней, выбѣленныхъ солнцемъ, вѣтромъ и дождями.

— Слушай, Фите!—сказалъ Іёрнъ.— Должно быть, здоровый у нея былъ кулакъ, если она такіе камни швырять могла?

— Съ доброе корыто!—безпечно сказалъ Фите Крэй. Но въ эту минуту со стороны лѣса внезапно налетаетъ порывъ вѣтра.—Побѣжимъ скорѣй, — вскрикиваетъ онъ, и они бросаются бѣжать по степи и, съ трудомъ переводя духъ, добираются до насыпи, на которой въ страхѣ стоитъ Лисбета Юнкеръ, готовая сейчасъ же убѣжать. Тогда они начинаютъ смѣяться надъ Лисбетой и ложатся на насыпь.

— Какъ же это было со старой Маргретой?—спросила Эльсбе.

— Да,—говоритъ Фите. — Это ужъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Поѣхалъ я разъ со щетками и метелками въ Куденъ и Бокхольтъ, и не успѣлъ вернуться, какъ наступилъ вечеръ. Тогда пошелъ я потихоньку вдоль елей. Въ лѣсъ заходить я не хотѣлъ,—между стволами было очень ужъ темно; вдругъ вижу, ходитъ что-то между стволами— длинное такое и тонкое, какъ жердь; и тихо-тихо такъ идетъ, какъ пасторъ къ алтарю. Тутъ подошелъ я къ большой песочной ямѣ, знаете, недалеко отъ Гросенраде, тамъ, гдѣ пасторъ стоитъ...

— Что это такое?—спросила Эльсбе.— Какой пасторъ?

— Ну... хотите раньше это слушать? Тогда я про то послѣ разскажу... Такъ вотъ: куденскому пастору нужно было разъ причастить одного больного въ Гросенраде. Дошелъ онъ до этой песочной ямы и оглянулся. А оттуда далеко видно— до самаго Гамбурга. Право, одинъ разъ въ ясную погоду я могъ даже разсмотрѣть, что показывали часы на гамбургской колокольнѣ. Такъ вотъ, оглядывается пасторъ кругомъ и—что бы вы думали онъ видитъ? Его домъ горитъ! Пламя такъ и пышетъ! А дома у него книги были, такія книги, какихъ во всемъ свѣтѣ купить нельзя. Есть вѣдь книги, въ которыхъ вся тайная наука разсказана, какъ сдѣлаться ужасно умнымъ и богатымъ. Такія-то вотъ книги и у пастора были. Сталъ онъ на мѣстѣ. Что ему дѣлать: домой ли вернуться книги спасать, или къ больному со Святыми Дарами идти?.. Ну, ладно... Такъ онъ дорожитъ своими книгами, что возвращается домой и спасаетъ ихъ, а больной умираетъ безъ причастія. Съ этого времени не могъ больше пасторъ заснуть, такъ что вскорѣ и умеръ, и попалъ въ адъ. Но чортъ не хочетъ принять его туда и ставитъ его въ большую песочную яму.

Ну, вотъ къ этой самой ямѣ я и подошелъ. Жутко мнѣ стало. Сначала воронъ закричалъ на ели: «Марксъ! Марксъ!» Но я ничего не замѣтилъ. Потомъ сова закричала на березѣ: изъ маленькихъ этихъ совъ, знаете, которыя тонко и громко кричатъ: «Хютъ! Хютъ!» Но я подумалъ: «А ты себѣ знай да иди.» Потомъ кошка закричала, которая сидѣла на плетнѣ, и сказала: «Мяу! Мяу!» Но я подумалъ: «Будь что будетъ!..» А тутъ какъ разъ пасторъ и всталъ надъ ямой. Онъ переступалъ съ ноги на ногу, и когда онъ на лѣвую ногу ступалъ, смотрѣлъ онъ на Куденъ, а когда на правую ступалъ, смотрѣлъ на Раде...

Фите Крэй взглядывалъ то на одного, то на другого изъ слушателей.

— А ты хотѣлъ еще про старуху разсказать?

— Это я въ другой разъ какъ-нибудь разскажу,—сказалъ онъ. — Пора вѣдь намъ дальше идти, а то слишкомъ уже поздно мы придемъ въ Гезе. Гдѣ же намъ теперь въ лѣсъ войти? Черезъ лѣсъ вѣдь намъ! Но только въ какомъ мѣстѣ войти?

Тутъ пошла та же исторія, какъ и всегда. Къ тому времени, какъ имъ приходилось войти въ лѣсъ, ему удавалось до того запугать ихъ, что дѣвочки дрожали отъ страха и даже Іёрнъ впадалъ въ какую-то нерѣшительность. Плотно прижавшись другъ къ другу, шли они между деревьями. Фите Крэй озирался то вправо, то влѣво и всматривался въ темноту такимъ взглядомъ, какъ будто ожидалъ, что на нихъ ежеминутно мо-

гутъ броситься какіе-нибудь злые духи. Эльсбе схватилась за его руку и со страхомъ смотрѣла туда же, куда и онъ. Лисбета Юнкеръ шла вслѣдъ за ними и такъ усердно озиралась во всѣ стороны, что наступала имъ на пятки. Іёрнъ шелъ послѣднимъ. Онъ былъ склоненъ считать разсказъ Фите Крэя вздорнымъ, во всякомъ случаѣ, преувеличеннымъ. Но, онъ не рѣшался сказать этого, такъ какъ сознавалъ, что еще далеко не доросъ до Фине Крэя въ отношеніи опыта и дара слова. Однако, ему хотѣлось высказать свое превосходство; поэтому онъ сказалъ Лисбетѣ:

— Иди впередъ! Я пойду послѣднимъ!

Но время отъ времени онъ вдругъ оглядывался, потому что отчетливо слышалъ позади себя чьи-то шаги.

Наконецъ, между стволами открылся передъ ними просвѣтъ въ чистое поле.

— Ну, теперь побѣжимъ,—сказалъ Фите. И они со всѣхъ ногъ бросились бѣжать между стволами, выбѣжали на дорогу, увидѣли Гезгофъ, лежащій на болотистой низинѣ, закричали, замахали шляпами и платками.

Между полосами обработанной земли по низинѣ бѣжитъ, извиваясь, какъ могущественная длинная змѣя, большая земляная насыпь. Идти по ней чрезвычайно неудобно: она вся густо заросла верескомъ, дрокомъ, куманичникомъ. Но именно поэтому, направляясь къ болоту, они всегда идутъ по этой насыпи, и только тогда, когда это становится уже совсѣмъ затруднительно, они смѣлымъ прыжкомъ соскакиваютъ съ нея внизъ, въ заросли кустарника,— Лисбета съ помощью Іёрна,—и направляются къ торфянымъ кучамъ, которыя виднѣются за широкими черными рвами.

А здѣсь, въ тѣни торфяной кучи, лежитъ на травѣ Тиссъ Тиссенъ; лицо его закрыто фуражкой, рядомъ съ нимъ— ружье.

Они подкрадываются на цыпочкахъ и окружаютъ его.

— Онъ хотѣлъ выйти намъ навстрѣчу, — тихонько говоритъ Эльсбе, — а вмѣсто того легъ здѣсь, да и заснулъ. Онъ ужасный соня, все дѣлаетъ шиворотъ-навыворотъ!

— Крикнемъ-ка всѣ погромче да разомъ!—говоритъ Іёрнъ.—Вотъ-то испугается! Валяйте!

— Гей!.. Эй-эй!

Какъ заяцъ выскакиваетъ изъ своего логовища, но нѣтъ,—стоймя, не подгибая колѣнъ, какъ какое-нибудь бревно, такъ вспрыгиваетъ съ земли Тиссъ Тиссенъ.

— Что это?—кричитъ онъ.

— Тиссъ,—кричитъ Эльсбе!—Не дѣлай такого лица.

Тогда онъ поднимаетъ свое ружье и въ то же время снова обрѣтаетъ даръ слова:

— Я хотѣлъ пойти вамъ навстрѣчу, но это мѣсто такъ и кричало мнѣ: «Тиссъ, говорило оно, вѣдь они еще не идутъ! Полежи здѣсь еще немножко!»

Его сухое, умное лицо, лицо ткача, такъ и сіяетъ, а его маленькіе свѣтлые глаза искрятся и блестятъ.

— Слушай, братъ Фите! До чего это хорошо, что вы тутъ!

— А лодка готова, Тиссъ?

— Въ лучшемъ видѣ готова!—сказалъ онъ.—Да еще какая лодка-то!.. Я вѣдь собственно собирался быть морякомъ, дѣти! Да больно ужъ легко морская болѣзнь у меня дѣлалась: стоило мнѣ бывало только на дамбу взойти да взглянуть на Эльбу! Тогда пошелъ я въ ученье къ корабельному мастеру Клаузену въ Брунсбюттелѣ, и все было бы какъ нельзя лучше, и была бы у меня уже теперь большая верфь, и богатымъ человѣкомъ бы я теперь былъ, если бы не эта проклятая сонливость! Не смѣйся, Фите, слишкомъ еще ты глупъ, я вижу! Я отлично понимаю все, что въ исторіи о спящей красавицѣ разсказывается: какъ они всѣ тамъ цѣлыхъ сто лѣтъ проспали! Знаю я эту пѣсню!.. Къ этому еще присоединилось то, что я въ тѣ годы очень ужъ шибко рости сталъ, и не постепенно, а вдругъ какъ-то; словно жердь кверху вытянулся—сухой, длинный, безъ всякой таліи! Какъ будто только о томъ и думалъ, какъ бы до потолка скорѣй дорости. Пока мы возились надъ килемъ, дѣло еще шло; я кое-какъ бодрился. Но едва мы только прибили первую доску... такъ ловко со-

гнулась она, Фите,—какъ если бы для меня она тутъ легла и сказала: «Прилягъ здѣсь, Тиссъ Тиссенъ!..» Ну и стопсъ! дальше не пошло! Въ тѣ годы не могъ съ собой совладѣть. У меня, дѣти, и по сіе время хранится въ домѣ свидѣтельство, съ которымъ Клаузенъ отпустилъ меня. «Вслѣдствіе болѣзненной сонливости и т. д...» И не успѣлъ я добраться до этой моей соломенной кровли, какъ свалился гдѣ-то въ Гезескомъ лѣсу, да и проспалъ подъ куманичникомъ тринадцать часовъ кряду!

Потомъ задумалъ я въ прогимназію поступить: очень ужъ мнѣ хотѣлось въ чужіе края попасть. Я думалъ: ученому весь свѣтъ открытъ; поступить въ прогимназію, научиться латыни — да вѣдь это все равно, что плавать научиться. Значитъ, туда и валяй!.. Однако же не сразу. Сначала пришлось брать частные уроки у пастора Фриделя. Тутъ дѣло пошло совсѣмъ гладко: онъ зналъ мою натуру и назначилъ уроки между шестью и восьмью утра и между четырьмя и шестью вечера, когда я былъ всего бодрѣе. И, дѣйствительно, я кое чему научился: вы это знаете. Я и посейчасъ кое-какія латинскія слова могу сказать.

— Adsum,—сказалъ Фите Крэй,— это я!

— Нечего тебѣ издѣваться, Фите. Ты хочешь сказать, что это мое единственное латинское слово?.. Но, вотъ потомъ-то, въ школѣ!.. Вы не знавали стараго учителя Халибеуса. Халибеусъ значитъ—желѣзный, Фите. Видишь?.. Такъ вотъ учитель Халибеусъ часто, бывало, говорилъ намъ: «Никакой жизни въ васъ, дитмаршцы, нѣтъ!» Но про меня, Фите, онъ, бывало, говорилъ: «Въ Тиссѣ Тиссенѣ есть жизнь, да только она спитъ». Ну, словомъ сказать, не пошло, дѣти! Науки эти самыя... Совершенно превратное представленіе о нихъ у насъ имѣютъ. Думаютъ, что это — ну, какъ бы это сказать? Что это такая дорога, по которой съ каждымъ шагомъ свѣтлѣй становится. Какъ бы ни такъ! Мнѣ казалось, что это словно тунель какой-то, лисья нора какая-то. Идешь, идешь—и не знаешь, выберешься ли оттуда и какъ выбраться? Ну... я и бросился назадъ: «Вѣдь это толькоо блегченіе», сказала однажды лисица, когда ея задняя нога застряла въ капканѣ, и ускакала на трехъ ногахъ... Опять выдали мнѣ бумагу; и еэ я тоже храню. Смотрѣть въ ней, однако, нечего.

Опять очутился я въ Гезгофѣ, то въ кухнѣ торчалъ, то на дворѣ болтался, мечталъ о дальнихъ путешествіяхъ, стремился въ широкій божій свѣтъ. Но отецъ мой нашелъ, что съ него довольно! Онъ взялъ меня за воротникъ, далъ мнѣ въ руки цѣпъ и поставилъ меня рядомъ съ нашимъ поденьщикомъ Клаусомъ Зуммомъ, который какъ разъ въ это время обмолачивалъ длинные овсяные снопы, выросшіе на нашей низинѣ; а когда я пробовалъ потомъ опять заговаривать о путешествіяхъ, онъ подставлялъ мнѣ къ глазамъ кулакъ. Такъ эти мои планы и не выгорѣли, и вышло такъ, что я, который всего охотнѣе пустился бы пѣшкомъ черезъ Россію, въ Китай, въ Банг-кокъ, остался сидѣть здѣсь въ Гезгофѣ и не взглянулъ ни разу даже на Гамбургъ, даже на Рендсбургъ. Поскольку можно было, я чтеніемъ спасался. Пріобрѣлъ себѣ ручной атласъ Штилера, очерки Грубе, накупилъ себѣ романовъ Герстеккера, разныхъ Путешествій, а тѣ путешествія, которыя мысленно совершалъ, рисовалъ на штукатуренной стѣнѣ въ своей спальнѣ. Вы это знаете, дѣти.

— Ну, довольно ужъ болтать,—сказала Эльсбе. — Пойдемъ къ лисьей норѣ.

— Да, къ лисьей норѣ! Ну, тогда проворнѣй, дѣти! Мы должны поторопиться. Трина, навѣрное, ужъ приготовила намъ ѣду. Драчена со свиною головой у насъ будетъ.

Затѣмъ онъ показалъ имъ въ желтоватомъ пескѣ насыпи двѣ лисьи норы, полуприкрытыя верескомъ.

— Выстрѣли туда,—сказала Эльсбе.

— Отъ этого толку не будетъ, дѣти!

— Ну, все равно, — сказала она, гнѣвно взглянувъ на него.—Выстрѣли.

Къ сожалѣнію, Тиссъ Тиссенъ всегда дѣлалъ все, что требовала маленькая

Эльсбе. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ онъ исполнялъ всѣ желанія своей сестры, ея матери, такъ теперь онъ дѣлалъ въ угоду ея маленькой дочери рѣшительно все, чего бы она только ни захотѣла. Онъ всунулъ ружье въ нору. Они стояли и попрежнему смотрѣли въ песчаную, желтую нору, ожидая выстрѣла. Лисбета немного отступила. Іёрнъ, который всегда немедленно замѣчалъ все, что дѣлала Лисбета, сталъ дразнить ее, потомъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за руки и хотѣлъ тащить къ другимъ.

Тогда, чтобы отвлечь его отъ этого намѣренія, она подняла руки милымъ, молящимъ жестомъ, положила ихъ ему на шею и, крѣпко держа его, затихла. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, потому что она такъ прижалась своею грудью къ его груди! Онъ неловко взялъ ее руками за талію и смотрѣлъ на нее.

Когда ее, бывало, при играхъ, на школьномъ дворѣ, хватали мальчики, она громко вскрикивала и испуганно вырывалась. Но онъ никогда не хваталъ ее такъ, какъ они.

— Когда мы у Тисса, ты всегда какой-то другой!—сказала она и кивнула ему головой.—Дома ты иногда бываешь такой серьезный, нахмуренный, а здѣсь ты такой веселый. Сегодня ты мнѣ нравишься.

Она еще нѣжнѣе прижалась къ нему. Правда, пытаясь стащить ее съ мѣста, онъ примѣнилъ далеко не всю свою силу, но онъ удивлялся тому, что ея гибкіе члены такъ сильны, былъ смущенъ тѣмъ, что она такъ прильнула къ нему и, крѣпко и нѣжно держа ее, говорилъ:

— Я всегда буду называть тебя зуйкой.

— Почему?—спросила она.

— Потому что у тебя такой нѣжный, птичій голосъ — совсѣмъ какъ у зуйки!.. Когда ты говоришь, точно зуйка свиститъ.

Они продолжали крѣпко держать другъ друга и улыбаться. Вдругъ на одномъ изъ сосѣднихъ деревьевъ засвистѣла синица. Она засвистѣла такъ испуганно и громко, что всѣ обратили на это вниманіе и стали искать ее глазами. Она сидѣла на верхней вѣткѣ небольшой сосны, безпокойно вертѣла головкой и все время смотрѣла внизъ, а когда они тоже взглянули внизъ, то увидѣли среди свѣтлой сухой травы что-то коричневато-желтое. Два горящихъ глаза трехугольной головы смотрѣли на охотниковъ, остановившихся съ раскрытыми ртами, безконечно умнымъ взглядомъ. Тиссъ, сморщивъ лицо, держалъ ружье словно одеревенѣвшею рукою и внезапно выстрѣлилъ въ песчаную нору. Фите Крэй схватилъ обѣими руками свой подбитый желѣзомъ, сѣрый сапогъ, стащилъ его съ ноги и съ яростью швырнулъ имъ въ лисицу.

— Чортъ побери!—сказалъ Тиссъ.— Эдакій великолѣпный хвостъ у нея былъ!

Эльсбе захлопала въ ладоши:

— Ну, вотъ теперь будешь разсуждать! Вѣчно у тебя такъ, когда мы тутъ! За что ни возьмешься, ничто у тебя не выходитъ!

— Ну, такъ пойдемте, — сказалъ онъ.—Ѣсть пора.

* * *

Домъ, въ которомъ Тиссъ Тиссенъ прожилъ почти всю свою жизнь, и голова, которую онъ носилъ на плечахъ, имѣли несомнѣнное сходство между собой. Невыясненнымъ однако осталось на вѣчныя времена, кто изъ нихъ приноровился къ другому: голова ли Тисса съ теченіемъ времени стала походить на любимый старый домъ, или же домъ какимъ-то образомъ уподобился Тиссу.

Домъ Тисса Тиссена былъ длинный и узкій; высокая, потемнѣвшая соломенная крыша низко нависала надъ маленькими блестящими окошками; передняя сторона дома заканчивалась кверху небольшимъ, дерзкимъ конькомъ. Голова Тисса Тиссена тоже была очень длинная и узкая, и длинные, темные волосы ниспадали на уши и лобъ до самыхъ глазъ, блестящихъ и свѣтящихся; носъ у него былъ небольшой и если не дерзкій, то смѣлый, тонкій, изогнутый книзу носъ на маленькомъ, обвѣтрившемся высохшемъ, измятомъ лицѣ.

Эльсбе часто говорила ему:

— У тебя голова совсѣмъ такая же какъ твой домъ!

— Иначе оно и быть не можетъ!— говорилъ онъ. — Вѣдь мы уже сорокъ лѣтъ живемъ неразлучно другъ съ другомъ и вѣчно наединѣ.

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, локоть съ локтемъ, сидѣли они вокругъ стола въ той же самой большой комнатѣ съ бѣлыми кафельными стѣнами, гдѣ двадцать лѣтъ спустя этимъ же самимъ людямъ пришлось провести такой грустно-отрадный сочельникъ.

— Дѣти!—сказалъ онъ,—нагуляться по степи, а потомъ ѣсть дитмаршскую драчону съ свиной головою—это самое лучшее что только есть въ свѣтѣ.— Онъ кивнулъ имъ головою и положилъ первый кусокъ на тарелку Эльсбе.

— Неужели?—сказала Эльсбе. — Самое лучшее въ свѣтѣ? Учитель Петерсъ, братецъ мой, знаетъ это гораздо лучше! «Самое лучшее въ свѣтѣ, говоритъ онъ,— это любовь». И я тоже такъ думаю.

Тиссъ задержалъ свою вилку на полъдорогѣ. Онъ широко раскрылъ свои маленькіе глаза, и брови его исчезли подъ закрывавшими лобъ волосами. Онъ думалъ:

— То-же самое и мать твоя гововорила. Она тоже въ двѣнадцать лѣтъ разсуждала о любви. Дорого обошлась ей любовь...

Любовь? — сказалъ онъ, — къ кому?

У нея не было на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ мыслей. Но, съ обычнымъ ей проворствомъ, она отвѣтила.

— Любовь къ Богу.

Онъ былъ разбитъ.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ, и покачалъ головою: — Только я думаю, Эльсбе, что ничего ты не сдѣлаешь съ этою любовью. Любовь къ Богу? Какъ ты его будешь любить? Еслибъ онъ рядомъ съ тобой сидѣлъ!..

— Какъ его любить?—сказала Эльсбе. Мы должны любить все, что хорошо. Вотъ что это значитъ.

— Эта свиная голова очень хороша, Эльсбе!—сказалъ онъ. — Я вполнѣ согласенъ съ тобой. — Глаза его блестятъ совсѣмъ какъ маленькія, чистыя окошечки въ ясное солнечное утро.—Іёрнъ сказалъ онъ,—теперь скажи, что ты думаешь? Фите Крэй молчитъ, потому что его вѣдь ничто не интересуетъ, кромѣ свиной головы, травяныхъ щетокъ и старухъ, бросающихъ камни. Но ты, Іёрнъ,—ты вѣдь у насъ мудрецъ. Ты мудрецъ, Іёрнъ,—хотя, можетъ быть, и не въ такой степени, какъ индѣйскіе факиры, которые садятся по угламъ и, не отрывая глазъ, смотрятъ на собственный животъ, пока имъ не начнутъ мерещиться всякая дичь. Ну, говори, Іёрнъ!

— Самое лучшее въ свѣтѣ—работа!— сказалъ Іернъ.—Вотъ что я тебѣ скажу!

Тиссъ опустилъ вилку и растерянно посмотрѣлъ въ пространство.—Юргенъ Уль! сказалъ онъ,—всего я ожидалъ, только не этого. Работа?.. А что стоитъ въ Библіи на второй страницѣ,—послѣ того, какъ ихъ изгнали изъ рая? Какія слова, какъ громъ, прозвучали вслѣдъ этимъ бѣднымъ людямъ? Въ потѣ лица своего будете ѣсть хлѣбъ свой! Благословеніе это, что ли, по твоему, Іёрнъ, — или проклятіе? Работа, Іёрнъ? Работа — это проклятіе Іёрнъ! А ты говоришь, что это лучшее въ свѣтѣ. Во всю свою жизнь я ни о чемъ такъ горячо не жалѣлъ, какъ о томъ, что не родился гдѣ-нибудь на Пезандровыхъ островахъ или на Суруачи, въ Молукскомъ морѣ, гдѣ работа просто на просто запрещена! Запрещена, Іёрнъ! Потому что тамъ и безъ того ужъ растетъ слишкомъ много банановъ. И я ежедневно благодарю Господа Бога за то, что у меня есть Гезгофъ, такъ что, какъ ни какъ, я все же защищенъ немного отъ этого проклятія. Только вотъ во время сѣнокоса, да когда мы торфъ сушимъ, на мою долю тоже выпадаетъ работа... А ты говоришь—работа, это самое лучшее въ свѣтѣ!

Всѣ молчали, потому что онъ побилъ ихъ самою Библіей.

Но тутъ Тиссъ Тиссенъ расхрабрился и перешелъ съ твердой почвы на болотистую:

— Дѣти,—сказалъ онъ, — съ тѣхъ поръ, что я мыслю, я постоянно читаю «Ицегоскія Извѣстія». И знаете, что я думаю каждый разъ, когда Петеръ Сим-

сенъ выходитъ изъ-за угла, распахиваетъ дверь и говоритъ: «Ицегоскія...»? «А вдругъ работы стало меньше! А вдругъ совсѣмъ уже не надо больше работать! Вдругъ освободились ужъ мы отъ этого проклятія!» Вотъ что я думаю.

— Такъ! — сказалъ Іѳрнъ и положилъ кулакъ на столъ. — Славная это будетъ исторія! Ну, разскажи-ка еще!

— Чего только не изобрѣтено на свѣтѣ! И каждое изобрѣтеніе уменьшаетъ работу. Прядильная машина, напримѣръ. Я и посейчасъ вижу, какъ моя старая мать весь долгій зимній день сидѣла за прялкой! Или молотильная машина! Я вамъ скажу: мы съ Клаусомъ Зуммомъ такъ молотили, что весь полъ до самой земли промолотили. Если я скажу, что Клаусъ Зуммъ за всю свою жизнь двадцать глиняныхъ половъ до земли промолотилъ, — такъ это мало. А тутъ является машина, которая въ одинъ день все зерно вымолотитъ и просѣетъ! А желѣзныя дороги! А телеграфъ? Прежде бывало говоришь: «Гдѣ мои юфты, Лиза? Запрягай повозку, Кришанъ!..» А теперь вотъ что я вамъ скажу: меньше стало работы! Бывало, Клаусъ Зуммъ въ два часа зимой вставалъ, въ три часа въ окошко ко мнѣ стучался. Гдѣ же вы это теперь увидите? И одному я только дивлюсь,—до чего дивлюсь, не могу даже высказать,—что работы не стало еще гораздо меньше и что она еще не такъ-то скоро прекратится!

— Ну, а тогда что?—сказалъ Іѳрнъ, перегибаясь черезъ столъ. — Когда она уменьшится? Что ты станешь дѣлать въ свободное время?

— Это всякій будетъ дѣлать по своему вкусу,—сказалъ Тиссъ Тиссенъ.—Я, съ своей стороны, стою за то, чтобы подольше поспать гдѣ-нибудь въ тѣни торфяной кучи.

— Вотъ какъ!—сказалъ Іѳрнъ. — А другіе,—сказалъ онъ, — другіе... — онъ немножко смѣшался,—другіе будутъ сидѣть весь день въ кабакѣ!—Онъ покачалъ своею свѣтлою головой. — Вообще ты ужасно глупъ. Неужели ты думаешь, что Адамъ и Ева до грѣхопаденія вовсе не работали?.. Они заботились о райскомъ садѣ,—сказано тамъ,—и играли другъ съ другомъ. Мы тоже могли бы и работать, и отлично играть другъ съ другомъ, не правда-ли, Лисбета? Но теперь слишкомъ много безсовѣстныхъ и гадкихъ людей. А потому мы всѣ должны ходить въ школу, а когда будемъ большіе,—на работу. А ты...—ты бы долженъ былъ къ гнѣдому мерину сходить и перевести его куда-нибудь въ другое мѣсто, а то у него тамъ, около елей, совсѣмъ ужъ больше травы нѣтъ!

Во время всего этого разговора маленькая Лисбета, которая ровно ничего въ немъ не понимала, потрогивая Іѳрна своимъ острымъ пальчикомъ по плечу, говорила:

— Посмотрите-ка на его глаза! Они сидятъ, словно лисицы въ норахъ и, какъ будто, высматриваютъ что-то, а волосы стоятъ дыбомъ, какъ у ежа!—Потомъ она подскочила къ нему сзади и положила свою голову на его. Ея волосы были также свѣтлы, какъ и его.

— Послушайте,—сказала Эльсбе.— Не возитесь такъ! Мнѣ ничего не слышно, что говорятъ.

Тиссъ склонилъ голову и сказалъ Фите Крэю:

— Очень это всегда хорошо для меня, когда вы ко мнѣ приходите, Фите. Это для меня словно здоровый толчокъ въ спину. Мы, правда, пойдемъ за мериномъ. Только сначала вы должны посмотрѣть, какое я за эту недѣлю великолѣпное путешествіе сдѣлалъ!

Они пошли за нимъ въ его спальню, большую, пустую комнату, съ выбѣленными стѣнами, въ которой стояла только кровать Тиссъ Тиссена, ящикъ и два стула. На стѣнахъ, сверху до низу, были изображены рѣзкими карандашными линіями пять частей свѣта и оба полушарія. На стульяхъ навалены были груды книгъ. Здѣсь Тиссъ Тиссенъ совершалъ свои дальнія путешествія и утолялъ свою тоску по чуждымъ странамъ. Онъ сдѣлалъ имъ краткій докладъ о томъ, какъ онъ за эту недѣлю пробрался вмѣстѣ съ Ливингстономъ черезъ центральную Африку, сидѣлъ у костровъ и питался сушенымъ козьимъ мясомъ. Затѣмъ онъ взялъ книгу и прочелъ имъ

вслухъ самый замѣчательный эпизодъ путешествія,—когда англійскій миссіонеръ и изслѣдователь заключилъ мирный договоръ съ ужаснымъ королемъ дикихъ негровъ. Онъ поднялъ руку и читалъ торжественнымъ звучнымъ голосомъ.

Но все было напрасно: вниманіе Эльсбе уже улетучилось.

— Если мы все будемъ болтать да болтать, — сказала она пренебрежительно, — мы ровно ничего не успѣемъ сдѣлать сегодня.

Они вышли изъ дому и привели мерина на нижнюю огороженную лужайку; при этомъ всѣ они столпились въ калиткѣ изгороди, такъ какъ всѣ, вмѣстѣ съ Гнѣдымъ, хотѣли пройти какъ можно скорѣе. Но Гнѣдой былъ смиренъ, не сдѣлалъ имъ ничего дурного и даже не пошевелился, когда маленькая Лисбета, къ которой онъ слишкомъ близко подошелъ, громко вскрикнула.

— Ну, теперь къ лодкѣ.

— И вѣдь какая славная лодка-то, дѣти! Самая хорошая и большая лодка, какую я когда-нибудь дѣлалъ.

Она плавала на цѣпи въ темнобурой болотной водѣ, имѣла по формѣ отдаленное сходство съ корытомъ, изъ котораго поятъ телятъ, и на десять шаговъ пахла смолою, которою были залиты всѣ щели. Посреди ея, надъ мидельдекомъ, поднималась мачта съ желтымъ шелковымъ вымпеломъ, выкроеннымъ изъ бабушкиной накидки, а на декѣ стояли четыре «пушки», изъ мастерской мѣстнаго кузнеца, съ блестящими, обточенными напильникомъ отверстіями для фитилей.

Это было нѣчто поистинѣ великолѣпное! И всѣ принялись восхвалять Тисса, и говорили, что, очевидно, иногда онъ все таки способенъ сдѣлать что-нибудь путное. Іёрнъ отъ удовольствія хлопалъ себя по колѣнямъ и хотѣлъ немедленно влѣзть въ лодку. Только маленькая Лисбета косилась на это испещренное заплатками издѣліе Тисса, гордо поднимала маленькую свѣтлую головку и говорила:

— Я ни за что не сяду!

Тогда Іёрнъ хотѣлъ опять схватить ее, потому что его снова потянуло обнять ее; но она отступила и съ такою милою, серьезною, умоляющей миной покачала головою, что онъ сейчасъ же отказался отъ своего намѣренія.

Тиссъ оказался на высотѣ положенія. Онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить своей славы и сказалъ:

— На первый разъ я проѣду одинъ!

Онъ осторожно влѣзъ въ лодку и, предусмотрительно сѣвъ на дно ея, вытянулъ ноги и подсунулъ ихъ подъ мидельдекъ.

Эльсбе сѣла на стволъ ивы, склонившейся надъ водою, и стала пророчить бѣды.

— А если ты опрокинешься? Что тогда? Славно ты тамъ, въ водѣ, повиснешь: головою внизъ! А ногами и пошевельнуть не сможешь!

— Я-то? Опрокинусь?

— Ой, братецъ! Плохо дѣло!

— Ты знаешь, Тиссъ, тебѣ вѣдь никогда ничто не удается!

— Не удается? Мнѣ-то? Мнѣ всегда все удается!—Онъ пошарилъ въ карманѣ пиджака и положилъ передъ собой на декъ три грязныхъ спички.

— Слушай, Тиссъ! Оставь-ка ты это лучше! Вѣдь всякій разъ, какъ ты хочешь показать свое искусство, у тебя срывается!

— Оставь его! Вѣдь онъ тамъ къ смолѣ прилипъ!

Тиссъ приподнялся: слышно было, какъ онъ оторвался отъ липкой, клейкой смолы. Дѣти расхохотались, переглянулись и подмигнули другъ другу. Фите Крэй, который болѣе, чѣмъ кто-либо, предвидѣлъ бѣду, просто разрывался отъ смѣха:

— Опрокинешься ты, Тиссъ! Уже это вѣрнѣе вѣрнаго!

Какъ разъ въ эту минуту Тиссъ осторожно оттолкнулся отъ берега, и лодка поплыла по черной водѣ. Предусмотрительно положивъ руль, онъ потянулся за спичками. Судно слегка покачнулось, какъ бы обнаруживая склонность измѣнить свое положеніе. Онъ попробовалъ вычеркнуть спичку объ мидельдекъ, но она не загорѣлась. Тогда онъ, по старому обыкновенію, приподнялъ ногу, чтобы чиркнуть спичкой о привычное

мѣсто. Лодка качнулась. Спичка вспыхнула. — Въ эдакомъ корытѣ да съ огнемъ! Лодка качнулась.

— Дѣти! Какъ разъ такая исторія случилась пятаго апрѣля подлѣ Экернфёрде... — Онъ быстро отклонился въ сторону—ничего болѣе умнаго, конечно, нельзя было придумать въ эту минуту! Вдругъ огненная вспышка и дымъ! Еще разъ! Тиссъ не можетъ отодвинуться: онъ прилипъ къ смолѣ. Объятая сѣрнымъ дымомъ, лодка переворачивается, и Тиссъ Тиссенъ переворачивается вмѣстѣ съ ней...

Іёрнъ Уль стоялъ по колѣна въ водѣ. Фите Крэй тихо проговорилъ:

— Булькаетъ еще.

Эльсбе сказала:

— А тутъ еще эта смола!

Лисбета съ плачемъ убѣжала прочь. Наступила тяжелая тишина. Болото и люди затаили дыханіе.

Вдругъ вода начала бурлить и кипѣть. По поверхности ея побѣжали круглыя волны. И вдругъ изъ нихъ показалось что-то склизкое, черное—что-то въ родѣ спины большой черной рыбы. И отплевываясь, кряхтя, пыхтя, глотая что-то, чудище выползало плашмя на землю.

Онъ открылъ залипшіе глаза. Отряхиваясь и топоча ногами, онъ сбросилъ сюртукъ и сапоги; дѣти стояли кругомъ, глядя на него широко открытыми, испуганными глазами. Фите Крэй катался по землѣ и кричалъ. Лисбета, на минуту остановившись, вдругъ опять повернулась и побѣжала дальше.

— Ну, что-жъ! — сказалъ онъ, и отплюнулся.—Такія исторіи съ самыми лучшими кораблями случаются: весьма понятное кораблекрушеніе съ чудеснымъ спасеніемъ всего экипажа... Нужно, однако, замѣтить, что судно было новой конструкціи, Іёрнъ... Повидимому, немного узковато... Ну, что-жъ! По крайней мѣрѣ мы кое-что увидѣли, испытали и узнали!

— Ты-то что могъ тамъ видѣть? — сказала Эльсбе.

Онъ посмотрѣлъ на воду, посреди которой опрокинувшаяся лодка казалась какою-то плывущею черепахой.

— Да, ты-таки права!—сказалъ онъ и снова отплюнулся. — Внизу-то тамъ страшновато. У меня сейчасъ же въ глазахъ потемнѣло, и я совсѣмъ сбился съ направленія. Едва-едва сообразилъ, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. Вѣдь вы понимаете, что мнѣ со всѣми четырьмя стихіями пришлось имѣть дѣло: сначала съ огнемъ, сѣрой и смолой, потомъ съ водой и землей. Этого всего вдоволь было! Ну, а что касается воздуха, то его маловато было! Но если бы его у меня не такъ мало было,—повѣрьте, не полѣзъ бы я оттуда такъ скоро: вы представить себѣ не можете, какіе я тамъ фокусы выдѣлывалъ ногами, выбираясь изъ лодки.

Сказавъ это, онъ еще разъ отплюнулся и пошелъ домой, чтобы переодѣться.

Когда онъ скрылся, наконецъ, въ кухонной двери, Іёрнъ сказалъ:

— Удивительное дѣло! Когда бы мы ни пришли, въ Гезгофѣ всегда какое-нибудь увеселеніе!.. — Потомъ онъ побѣжалъ за Лисбетой, схватилъ ее за руку и сталъ говорить ей разныя пріятныя вещи, пока она, наконецъ, не разсмѣялась.

Однако, она не могла оправиться отъ испуга и хотѣла идти домой. Тогда онъ пошелъ вмѣстѣ съ ней къ остальнымъ и сказалъ имъ объ этомъ.

— Вотъ тебѣ на!—сказала Эльсбе.—Вѣчно одна и та же исторія. Лисбета всегда начинаетъ спозаранку домой собираться!

— Вѣдь я всегда говорю, — сказалъ Фите,—что она не должна съ нами ходить. Мала она больно, да и жеманится черезчуръ. А ты вѣчно тащишь ее.

Лисбета стояла подлѣ Іёрна, слушала, какъ ее бранятъ, и плакала.

— Я пойду съ ней домой!—сказалъ Іёрнъ.—Сейчасъ же! А вы дѣлайте, что хотите.

Однако, они захотѣли идти всѣ вмѣстѣ. Они дождались только, пока вернулся Тиссъ. Онъ проводилъ ихъ черезъ лѣсъ до того мѣста, гдѣ начиналась степь и, заслонивъ рукой глаза, смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока ему не заломило глаза отъ лучей заходящаго солнца, просвѣчивающаго сквозь облака и туманъ.

Дѣти больше не оборачивались на

него: они поспѣшно и молча шли черезъ степь по направленію къ Рингельсгерну.

Глава пятая.

Клаусъ Уль постоянно толковалъ о томъ, что его младшій сынъ будетъ ученымъ.—Іёрнъ долженъ учиться,—говаривалъ онъ,—это ужъ само собой...— А когда онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, навеселѣ, въ хвастливой болтовнѣ его снова выплывала давнишняя великолѣпная мысль:—Іёрнъ у меня ландфогтомъ будетъ,—говорилъ онъ. Сидѣвшіе съ нимъ за столомъ крестьяне и торговцы смѣялись и говорили:

— Онъ у тебя такимъ же молодцомъ будетъ, какъ ландфогтъ Лорнсенъ изъ Сильта! Вотъ какимъ молодцомъ онъ у тебя будетъ! Ну-ка,—за здоровье ландфогта, Іёрна Уля!

Слова эти повторялись снова и снова, и наконецъ вопросъ о будущности сына сдѣлался для Клауса Уля вопросомъ чести. Но хотя въ городской пивной онъ и встрѣчался иногда съ учителями прогимназіи, ему ни разу не пришло въ голову попросить у нихъ какихъ-либо совѣтовъ или указаній на этотъ счетъ. У него было какъ-то неспокойно на душѣ. Онъ боялся услышать, что для этого нужна особенно умная голова, что мальчикъ долженъ съ этой же Пасхи поступить въ школу, или, вообще, что ему придется разрѣшать по этому поводу какіе нибудь непріятные для него вопросы. Ему не хотѣлось нарушать покойнаго безпечнаго теченія своей жизни. Разъ только,—когда пришлось къ случаю,—онъ заговорилъ объ этомъ въ обычномъ для крестьянина равнодушномъ тонѣ съ учителемъ Петерсомъ. А когда Петерсъ сказалъ, что охотно позаймется съ мальчикомъ въ свободное отъ уроковъ время и приготовитъ его въ гимназію, онъ успокоился и радъ былъ, что ему не придется больше дѣлать никакихъ непріятныхъ шаговъ по этому дѣлу.

Итакъ Юргенъ сидѣлъ на диванѣ подлѣ стараго учителя Петерса; его свѣтлые волосы были коротко подстрижены и стояли жесткою щеткой, а глубоко лежащіе глаза, похожіе на лисицъ, выглядывающихъ изъ своихъ норъ, впивались въ англійскую книгу, словно старались высосать изъ нея всю заключавшуюся въ ней премудрость. Учитель Петерсъ держался того мнѣнія, что знаніе англійскаго языка является первою ступенью ко всякой наукѣ и ко всякому положенію въ свѣтѣ. Иногда въ свободное время они занимались немножко латынью,но скоро совершенно забросили эти занятія.

Стоялъ прекрасный лѣтній день; залитая свѣтомъ бѣлая деревенская улица безмолвно покоилась среди зеленыхъ деревьевъ. Липы, разросшіяся по краямъ ея, у самыхъ домовъ, затѣняли окна. Комната была залита мягкимъ темнокраснымъ свѣтомъ.

— Юргенъ,—сказалъ старикъ.—Мнѣ нужно посмотрѣть, что пчелы дѣлаютъ. Продолжай себѣ переводить помаленьку, я сейчасъ приду.

Юргенъ продолжалъ переводить. Въ открытое окно влетѣла пчела, пролетѣла, жужжа, по комнатѣ, замѣтила, что она попала совсѣмъ не туда куда хотѣла, зажужжала пуще прежняго и вылетѣла вонъ, унося съ собою мысли мальчика, который заглядѣлся въ окно, погруженный въ мечтанія.

Любопытнымъ взглядомъ всматривался онъ во все, что дѣлается на свѣтѣ, и все больше и больше пристращался къ книгамъ, особенно къ такимъ, которыя давали ясныя точныя познанія;—позднѣе и къ такимъ, которыя заключали въ себѣ трезвыя добросовѣстныя разсужденія. Въ ту пору онъ говорилъ, обращаясь къ Фите: «Я весь міръ понять хочу». И дѣйствительно, проживъ жизнь, онъ понялъ многое и многое изъ того, что дѣлается въ мірѣ. Фите Крэй говорилъ: «А я хотѣлъ бы имѣть сто тысячъ талеровъ, купить все это село и жить здѣсь до самой смерти». И оба стремились къ осуществленію своихъ желаній. Фите Крэй, который былъ уже конфирмованъ и жилъ теперь въ качествѣ работника въ домѣ Клауса Уля, вырывалъ въ конюшнѣ волосы изъ лошадиныхъ хвостовъ и, сбывая ихъ за хорошую цѣну, велъ въ то же время ма-

*

ленькую самостоятельную торговлю скребницами и кнутами. А Юргенъ Уль сидѣлъ надъ англійскою книгою и дивился тому, что есть люди, говорящіе на такомъ странномъ языкѣ.

Окна были открыты; въ липахъ пѣли птицы, и пчелы жужжали въ золотисто-туманной полосѣ воздуха, отчетливо обозначавшейся между окномъ и липами.

За стѣной дома послышались легкіе шаги, и въ окнѣ появилась свѣтлая узкая головка Лисбеты Юнкеръ.

— Что ты тамъ сидишь! — сказала она.—Иди сюда.

— А ты что дѣлаешь? Рыбу удишь?

— Ужъ десять штукъ наловила — большія, толстыя такія. Такъ сейчасъ и схватили червяка. Выходи же! Дѣдушка, небось ужъ давнымъ давно и забылъ про тебя!

— Какіе у тебя волосы! — говоритъ онъ.

— А что? Растрепались? — Она удивилась, что ему что-то не нравится въ ней. Но вдругъ она поняла въ чемъ дѣло:—Ахъ! ты хочешь сказать, что они блестятъ на солнцѣ? — Она быстро повернула голову:—Видишь? Тамъ черезъ липу лучъ проходитъ и какъ разъ попадаетъ мнѣ на голову, — словно прицѣлился въ меня! Видишь? Но что растрепалась я, такъ это правда: я вѣдь три раза пролѣзала черезъ изгородь — все въ это окно заглядывала.

— Можно подумать, что ты черезъ солнце пролѣзала!

— Ну, выходи же!—сказала она. — Успѣешь еще выучить, что надо—много ли тамъ! Не можетъ быть, чтобы это было такъ трудно—сдѣлаться ландфогтомъ.

Онъ бросилъ книгу и вышелъ изъ дому.

Онъ былъ всегда готовъ исполнить всякое ея желаніе и не могъ отказать ей ни въ одной просьбѣ, потому что она казалась ему такою прекрасною, благородною и умною — живымъ воплощеніемъ ума. Его обращеніе къ ней проникнуто было тою осторожною мягкостью, которая всегда свойственна умному и хорошему человѣку въ обращеніи съ товарищемъ, который еще лучше его. Онъ до того боялся какъ-нибудь непріятно задѣть ее, что даже не рѣшался больше называть ее зуйкой, хотя ему всегда казался особенно обворожительнымъ ея ясный, полнозвучный, голосъ, звенѣвшій какъ чистое серебро. Деревенскія дѣти говорили между собою въ простомъ, грубоватомъ тонѣ, а въ домѣ отца онъ наслышался всякаго сквернословія. И это было особеннымъ счастьемъ для него, что наиболѣе опасный возрастъ онъ провелъ въ обществѣ этой дѣвочки, которая поддерживала и укрѣпляла въ немъ любовь ко всему доброму и прекрасному.

Они пролѣзли сквозь изгородь и вышли къ пруду. Хотя ему было уже тринадцать лѣтъ, и его больше не занимала ловля колюшекъ, но все, что она говорила, было всегда такъ убѣдительно, что онъ не могъ отказать ей. И, исполняя ея волю, онъ всегда чувствовалъ себя счастливымъ. И чего бы она ни пожелала, о чемъ бы ни попросила его—все онъ могъ исполнить. Иногда ея желанія заставляли его отрекаться отъ своего мальчишескаго достоинства, но они никогда не были нелѣпы, тогда какъ Эльсбе могла иногда потребовать чего-нибудь совершенно нелѣпаго.

Они сидѣли другъ подлѣ друга на травѣ подъ кустомъ и тихо разговаривали. Она освѣдомилась объ Эльсбе и Фите.

— Послушай, — чѣмъ будетъ Фите? Торговцемъ, — какъ его отецъ и другіе Крэи?

— Нѣтъ, торговцемъ онъ не хочетъ быть.

— Такъ чѣмъ же?

— Да иногда онъ собирается уѣхать въ Калифорнію искать золота, а другой разъ хочетъ быть кучеромъ... у ландфогта, должно быть.

— Ну да, то-есть у тебя! Пусть лучше кучеромъ будетъ, чѣмъ золота искать... Какая жара сегодня!

Она замолкла. Солнце сверкало; птицы пѣли, и мало-по-малу удочка ея тихо опустилась, а затуманенная сномъ головка склонилась на его плечо.

Все кругомъ стояло словно завороженное и зачарованное. Казалось, что эти до-

мики, стѣны и двери которыхъ проглядывали мѣстами сквозь липы, и самыя эти липы, съ ихъ сочною, ярко-зеленою, затихшею листвою не были настоящими, реальными предметами, что и эти дома и деревья, и зеркало пруда, и дѣти на берегу его съ удочками въ рукахъ были тонко и отчетливо изображены въ какой-то картинѣ, и нужно было сидѣть тихо-тихо, не шевелясь, потому что вѣдь въ картинкахъ никогда ничто не шевелится. И вся эта картина выписана такъ тонко и съ такою любовью, — въ простыхъ, благородныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сочныхъ краскахъ, и виситъ въ лучшей комнатѣ Господа Бога.

Удочка совсѣмъ погрузилась въ воду; дѣвочка покоилась на плечѣ мальчика, а мальчикъ смотрѣлъ своими глубокими глазами на картину, къ которой и самъ онъ принадлежалъ, чувствовалъ прикосновеніе ея волосъ къ своей щекѣ и легкое прекрасное дыханіе и не шевелился.

На деревенской улицѣ показалась постепенно приближающаяся легкая повозка и остановилась какъ разъ передъ зданіемъ школы. Заснувшая дѣвочка вскочила. Учитель Петерсъ поспѣшно вышелъ изъ глубины сада, съ удивленнымъ видомъ подошелъ къ сгорбленному сѣдоволосому человѣку, стоявшему у садовой калитки, и сказалъ:

— Не угодно ли вамъ будетъ зайти въ домъ, господинъ ландфогтъ?

— Останемся въ саду,—сказалъ ландфогтъ,—и прогуляемся здѣсь немножко. Меня жена послала—ей хотѣлось бы опять купить у васъ зимовыхъ яблокъ.

Они поговорили еще нѣсколько времени объ этомъ предметѣ; затѣмъ ландфогтъ внезапно измѣнилъ тонъ и проговорилъ медленно и тихо:

— Я пріѣхалъ еще и съ другою цѣлью. Я знаю васъ уже много лѣтъ и весьма довѣряю вашимъ сужденіямъ о людяхъ и вещахъ. Ваши сужденія отличаются тою осмотрительностью, какая свойственна трезвому, спокойному по натурѣ человѣку, проведшему жизнь среди народа и пріобрѣтшему съ теченіемъ времени значительный опытъ и кое-какое благосостояніе.—Онъ слегка улыбнулся.—Послѣднее я считаю далеко не маловажнымъ,—сказалъ онъ.—Я не сталъ бы выслушивать мнѣніе объ экономическихъ вопросахъ отъ человѣка, который не имѣлъ бы самоскопляющейся энергіи, т.-е. денегъ, приносящихъ проценты. Я хотѣлъ бы разспросить васъ о здѣшнихъ крестьянахъ—объ Уляхъ.

Старикъ, взволнованный тою честью, какую ему оказывали, и обрадованный сознаніемъ, что, быть можетъ, ему удастся сдѣлать доброе дѣло, сейчасъ же отвѣтилъ сдержаннымъ голосомъ:

— Самымъ дурнымъ изъ нихъ нужно признать Клауса Уля, который задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ и развращаетъ многихъ изъ нихъ. При своей благодушной и мирной натурѣ онъ отличается самымъ нелѣпымъ высокомѣріемъ. Даже ребятишки, играя на улицѣ, передразниваютъ тотъ взглядъ, какимъ онъ измѣряетъ сверху донизу маленькихъ людей. «Не ломай изъ себя Клауса Уля», говорятъ они, когда кто-нибудь загордится. Разсказываютъ, что онъ не иначе расплачивается съ бѣдными людьми, какъ вынимая деньги изъ жилетнаго кармана, даже тогда, когда ему приходится уплачивать сотни марокъ.

Продолжая разговоръ, оба пошли по дорожкѣ къ дому, затѣмъ снова вернулись.

— Что можно ожидать отъ хозяйства, если домохозяева ведутъ такую жизнь! Все запущено. Люди спятъ, животныя остаются безъ ухода, почва бѣднѣетъ, но хуже всего то, что подростающія дѣти смотрятъ на распутную жизнь родителей, привыкаютъ считать такое халатное веденіе хозяйства самою нормальною вещью и идутъ къ своему разоренію, какъ непоенныя телята къ стѣнѣ.

— А женщины,—хотѣлъ бы я знать?

— Что говорятъ на это женщины? Да есть такія, которыя даже подстрекаютъ своихъ мужей къ распутству, когда тѣ немножко поугомонятся, и сами ведутъ такую же жизнь. Есть, напримѣръ, одна женщина, мать восьмерыхъ дѣтей, которая сказала мнѣ въ лицо, что она за послѣднюю недѣлю всѣ семь ночей, съ вечера и до утра, просидѣла въ гостяхъ. А другая, которую я тоже

лично знаю, уѣзжая со двора, велѣла поднять къ себѣ въ повозку своего шестилѣтняго ребенка и сказала въ присутствіи работника, прикрывая свое хвастовство напускнымъ сожалѣніемъ: Вѣдь я ужъ цѣлую недѣлю малыша не видѣла; утромъ, когда я встаю, онъ уже въ школѣ, а вечеромъ, когда онъ возвращается, мамаша его опять улетѣла. Что подѣлаешь, если добрые люди такъ и шлютъ одно приглашеніе за другимъ!—Сами вы знаете, господинъ ландфогтъ: вѣдь если женщина съ ума свихнется, такъ ужъ совсѣмъ свихнется! Есть, конечно, и такія женщины, которыя сидятъ смирно и тихо по домамъ, работаютъ, заботятся о хозяйствѣ и безпокоятся о будущемъ.

— Скажите мнѣ теперь еще одну вещь! Я, къ сожалѣнію, не могу воспрепятствовать тому, чтобы человѣкъ со всею своею семьею шелъ къ разоренію своего дома и хозяйства. Мнѣ только что пришлось слышать, будто запахъ всего, что у васъ здѣсь дѣлается, привлекъ сюда какихъ-то сомнительныхъ дѣльцовъ или агентовъ, которые соблазняютъ людей на спекуляцію, предлагая имъ играть на ultimo.

Старикъ задумчиво уставился на дорожку.

— Я припоминаю теперь, что въ послѣднемъ засѣданіи нашей ссудо-сберегательной кассы Клаусъ Уль, въ бесѣдѣ съ Корстеномъ Ривертомъ, говорилъ вообще о какихъ-то бумагахъ и при этомъ произнесъ слово «ultimo». Что это такое, собственно говоря, господинъ ландфогтъ,—ultimo?

— Д-да... Разъ крестьянинъ началъ спекулировать, то ужъ навѣрное спуститъ свои деньги. Не правда ли?

— Да... навѣрное! Іохенъ Миллъ въ три недѣли спустилъ всѣ свои 150.000 марокъ.

— Вотъ видите! А если дѣло доходитъ до игры на ultimo, то можно навѣрняка опредѣлить, когда именно человѣкъ спуститъ послѣднія деньги. Въ этомъ все различіе!.. Какъ это было съ Іохеномъ Миллемъ? Въ три недѣли, вы говорите?

— Да. Онъ продалъ свой дворъ и отправился въ Гамбургъ, чтобы въ три года удесятерить тамъ свой капиталъ, какъ онъ говорилъ—и говорилъ съ такою увѣренностью, какъ если бы уже испыталъ это на дѣлѣ! Можно себѣ представить, какая тутъ началась травля. Всѣ биржевые зайцы на одного глупаго мужика! Они цѣлою толпой стояли на улицѣ, поджидая его, и сейчасъ же стаскивали его съ лошади, потому что онъ былъ слишкомъ важенъ, чтобъ ходить пѣшкомъ... И что за суматоха тутъ поднималась каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ! Нѣкоторые доходили до того, что снимали съ себя сюртуки, какъ бы собираясь устлать ими лѣстницу, чтобы онъ вошелъ въ зданіе биржи, не касаясь ногою земли. Но онъ не замѣчалъ во всемъ этомъ никакого издѣвательства. Онъ думалъ про себя: «Вотъ такъ честь! Вотъ ужъ это, что называется, честь!» А черезъ восемь недѣль отъ всѣхъ его денегъ не осталось ни гроша. Родственники купили ему маленькій трактиръ подлѣ Гамбурга и теперь онъ торгуетъ водкой.

— Пойдемте,—сказалъ ландфогтъ.— Погуляемъ по саду и насладимся чистою радостью жизни.

— Да не очень-то у насъ радостно въ этомъ году, господинъ ландфогтъ.— Гусеницы у насъ на садъ напали, такъ что урожай яблокъ не особенный будетъ.

— Ну...—сказалъ ландфогтъ,—вѣдь это такъ успокаиваетъ—перейти отъ заблужденій человѣческихъ къ природѣ и созерцать, какъ она страдаетъ и борется, мужественно и тихо, какъ бодрый честный человѣкъ борется съ невзгодами жизни до самой могилы.

Они вышли въ садъ.

— Такъ!—сказалъ мальчикъ и положилъ удочку на землю.—Теперь я опять пойду въ комнату и поучусь. Тамъ у меня ужасно трудное мѣсто попалось въ англійской книгѣ.

Онъ опять пробрался черезъ кустарникъ, вошелъ въ комнату и засѣлъ за книгу. Скоро экипажъ покатился прочь, и старикъ вернулся.

— Ты еще здѣсь?—сказалъ онъ.— Неужели ты сидѣлъ здѣсь все время? И окно было открыто?

— Нѣтъ, я сидѣлъ съ Лисбетой.

— Гдѣ?

— Внизу, у пруда. Мы колюшекъ удили.

— Такъ!.. Такъ!..—Онъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заглянулъ въ окно и снова подошелъ къ нему:— Слушай-ка! Знаешь, что я тебѣ скажу? Мальчикъ долженъ умѣть держать языкъ за зубами, иначе изъ него никогда путный человѣкъ не выйдетъ.

— Я умѣю держать языкъ за зубами,—сказалъ Іёрнъ Уль и посмотрѣлъ прямо передъ собою твердымъ, долгимъ взглядомъ.

— Ну... такъ вотъ, разъ что это пришло мнѣ въ голову, я хочу тебѣ одну вещь разсказать; это тебѣ полезно будетъ... Такъ слушай же. Старые люди, которые теперь давно уже покоются въ могилѣ, разсказывали мнѣ въ дни моей юности, что прадѣдъ твой перепрыгивалъ черезъ рвы посредствомъ длиннаго шеста, а передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, заходилъ въ поле; онъ былъ высокій, худощавый, сгорбленный человѣкъ и по тогдашней модѣ ходилъ въ высокой черной шляпѣ. У этого Іёрна Уля, твоего прадѣда, самъ король два раза былъ въ гостяхъ. Знаешь ты это?

— Да, Витенъ разсказывала мнѣ про это.

— Вотъ какъ? А отецъ—нѣтъ? Такъ вотъ: король и Іёрнъ Уль до поздней ночи сидѣли съ глазу на глазъ въ комнатѣ и говорили про положеніе дѣлъ въ странѣ, и нужно думать такъ, что Іёрнъ Уль высказалъ нѣкоторыя очень жестокія истины. «Уль!—сказалъ король,—ты забываешь, что говоришь съ отцомъ народа!» А Іёрнъ Уль отвѣтилъ ему громкимъ голосомъ: «Если бы вы и въ самомъ дѣлѣ были отцомъ народа, то вы бы замѣтили всѣ эти плутни и не потерпѣли бы такихъ скверныхъ чиновниковъ». Король сталъ оправдываться: «Королевство слишкомъ велико, Уль! Я не могу за всѣмъ усмотрѣть». Но старикъ сказалъ: «Наши пастбища тоже велики, однако я знаю каждый ручей и каждаго быка, который тамъ пасется».

Ну, словомъ сказать: на слѣдующій же день въ мѣстномъ управленіи произведена была ревизія, и три церковныхъ старосты, которые пользовались своимъ положеніемъ для обогащенія, были съ позоромъ отставлены отъ должности. Прадѣду же твоему дана была главная довѣренность, а кромѣ того, онъ воспользовался этимъ посѣщеніемъ короля, чтобы склонить его къ постройкѣ новыхъ дамбъ, и такъ какъ у короля не было денегъ, онъ одолжилъ ему тридцать тысячъ талеровъ. Все это было точь-въ-точь какъ я говорю.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда этотъ усердный и славный король умеръ, на престолъ взошелъ другой король, который не очень-то думалъ о своихъ обязанностяхъ, и государство пошло на упадокъ; а къ тому же затѣялась продолжительная война. Дѣла были такъ плохи, что прадѣдъ твой пересталъ получать проценты и скоро замѣтилъ—онъ вѣдь былъ сообразительный, умный человѣкъ,—что и весь его капиталъ находится въ опасности. Тогда, не долго думая, отправился онъ въ столицу.

Не знаю ужъ, какъ оно тамъ въ точности было, могу только тебѣ повторить то, что здѣшніе старожилы мнѣ разсказывали. Такъ вотъ, отправляется твой прадѣдъ—онъ ужъ тогда сѣдоволосый старикъ былъ—прямо въ королевскій дворецъ и почтительно проситъ, чтобы ему назначили аудіенцію. А когда слуга, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, говоритъ, что съ королемъ говорить нельзя, онъ отвѣчаетъ: «Я вѣдь Іёрнъ Уль изъ Венторфа. Такъ и доложите». Но слуга попрежнему не хочетъ двинуться съ мѣста. Тогда старикъ затягивается наскоро раза два изъ своей пѣнковой трубки, взмахиваетъ своею тростью, которую онъ всегда носилъ при себѣ, направляется прямо къ комнатѣ короля, приказываетъ еще разъ доложить о себѣ, ставитъ трость и трубку въ уголъ и хочетъ войти. Тутъ выходитъ къ нему король въ пестромъ халатѣ, высоко приподнимая въ рукѣ большую блестящую орденскую звѣзду, и привѣтливо улыбается ему. Но въ эту же минуту Іёрнъ Уль выпрямляется и поднимаетъ поставленныя въ уголъ вещи. А когда король приближается къ нему, онъ протягиваетъ передъ собою трубку и трость и восклицаетъ: «Орденъ вмѣсто денегъ? Орденъ

вмѣсто денегъ?» и быстро сбѣгаетъ съ лѣстницы. Затѣмъ онъ направляется къ министрамъ... Довольно много онъ тогда потерялъ, потому что тогда все государство обанкротилось, но все-таки онъ не такъ пострадалъ, какъ другіе.

Сынъ же его, дѣдъ твой... Да!.. Это былъ добродушный, привѣтливый человѣкъ. Но только, Юргенъ,—это и все, что можно про него сказать. Плохо это, мой мальчикъ, если про человѣка ничего другого нельзя сказать, какъ только то, что онъ добродушный человѣкъ былъ. Какъ мягко и легко онъ говорилъ, такъ мягко и легко онъ и пахалъ. Я хорошо зналъ его.

Ну, а потомъ дворъ перешелъ къ твоему отцу. Отецъ же твой...—

Мальчикъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на старика твердымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:—Знаю я, что ты скажешь. Только я тебѣ не покажу, что вѣрю этому.

Тогда, поймавъ этотъ взглядъ, старикъ замолкъ и провелъ всѣми пятью пальцами по бородѣ, словно хотѣлъ стащить на грудь всю сѣдину ея, а потомъ сказалъ прежнимъ твердымъ учительскимъ тономъ:

— Что сказалъ великій поэтъ Гёте, герольдъ нашего столѣтія? «Пріобрѣти то, что досталось тебѣ въ наслѣдіе отъ отцовъ твоихъ, и тогда владѣй этимъ наслѣдіемъ!..» Ну, теперь иди, Юргенъ. Мнѣ нужно въ засѣданіе сберегательной кассы.

* *
*

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, едва только погасли звѣзды на сѣро-голубомъ небѣ, мальчикъ поднялся съ постели, прошелъ, посвистывая, напѣвая и хлопая дверьми, по всѣмъ переднимъ комнатамъ и направился къ хлѣву. Въ проходѣ стояла Витенъ съ ведрами молока.

— Что это съ тобой, мой мальчикъ?—спросила она.—Вѣдь и четырехъ часовъ еще нѣтъ!

Онъ засмѣялся и съ невиннымъ видомъ сказалъ, что ему не лежалось въ постели—жарко было.

— А гдѣ Фите?—спросилъ онъ.

— Выпроводила его, по счастью, — сказала она. — Хоть надъ нимъ-то еще власть имѣю!

Онъ прошелся, громко насвистывая, взадъ и впередъ по сѣнямъ, потомъ опять зашелъ въ хлѣвъ, къ Витенъ Пеннъ, и спросилъ, гдѣ работницы.

— Боюсь, что еще въ постели валяются, мой милый! Не зайдешь-ли ты и къ нимъ, Іёрнъ?

— Да ты вѣдь хозяйка у насъ. Развѣ ты не можешь приказать имъ?

— Ну, это не такъ-то просто, — сказала она. — Онѣ вѣдь у насъ съ Августомъ и Генрихомъ въ дружбѣ, а потому имъ и поспать можно подольше!

Тогда онъ опять пошелъ черезъ сѣни, подобралъ на ходу нѣсколько полѣньевъ, валявшихся у дверей кухни, и, швырнувъ ими въ дверь той комнаты, гдѣ спали дѣвушки, продолжалъ пѣть и свистать. Свѣжій юный голосъ его звонко раздавался въ утренней тишинѣ дома. Онъ пѣлъ, какъ первая птица, пробудившаяся въ саду на утренней зарѣ, словно гордясь своею пѣсней и въ то же время чуть-чуть робѣя.

Потомъ онъ сошелъ съ крыльца, чтобы пройтись подъ окнами съ наружной стороны дома и увидѣлъ брата своего Ганса, уже три года тому назадъ конфирмовавшагося, который шелъ теперь по лужайкѣ, очевидно возвращаясь изъ села. Онъ пошелъ навстрѣчу ему и съ усмѣшкою, освѣтившею все его лицо, весело сказалъ ему:

— Гансъ! Голубчикъ! А я-то думалъ, что ты еще въ постели лежишь! Неужели ты ужь на мельницѣ побывалъ? Или къ кузнецу заходилъ?

Но братъ, подойдя къ нему, ударилъ его.

— Болванъ!—проговорилъ онъ отяжелѣвшимъ, заплетающимся языкомъ и грубыми пинками загналъ его въ конюшню. Тутъ онъ хотѣлъ ударить его еще разъ, но промахнулся и долженъ былъ прислониться къ одной изъ лошадей. Лошадь насторожилась и стала безпокойно перебирать ногами. Тогда среди лошадей появился Фите Крэй съ скребницею въ рукѣ.

— Что тутъ такое?—сказалъ онъ.—Ты, кажется, Іёрна отколотилъ? Посмѣй

мнѣ только еще разъ его тронуть! Я тебѣ скажу,—мы съ Іёрномъ такого тебѣ зададимъ, что ты у насъ и на ноги не встанешь!

Послѣ обѣда, когда отецъ по обыкновенію сталъ собираться въ городъ, Іёрнъ вызвался запречь и подать лошадей. Проворно и ловко справившись съ упряжкой, онъ лихо обогнулъ уголъ дома, подкатилъ повозку съ парой красивыхъ караковыхъ лошадей къ крыльцу, спрыгнулъ на землю, и, взявъ подъ уздцы пристяжную, сталъ похлопывать ее по мордѣ, припѣвая тихонько: «Ultimo—безумство!»

Клаусъ Уль стоялъ въ сѣняхъ и, услышавъ это, проговорилъ:

— Слышишь ты, Витенъ? Тихоня-то нашъ! Что это съ нимъ такое?—и засмѣялся.

— Онъ сегодня все утро пѣлъ, — сказала она.

А онъ, между тѣмъ, продолжалъ напѣвать, какъ ни въ чемъ бывало: «Ultimo—безумство!»

— Что это ты тамъ поешь?—сказалъ Клаусъ Уль.

— О!—сказалъ онъ спокойно.—Вчера къ учителю Петерсу ландратъ заѣзжалъ—такъ я слышалъ случайно, какъ онъ говорилъ: «Всѣ, кто играетъ въ ultimo, неизбѣжно разоряются».

— Да что ты?..—Онъ вскочилъ въ повозку и весело засмѣялся. — Іёрнъ, другъ ты мой милый!—сказалъ онъ.— Такъ ты не играй въ ultimo!

Мальчикъ расхохотался, а отецъ тронулъ лошадей. Нѣкоторое время все еще слышался веселый, добродушный смѣхъ его, легко и раскатисто вырывавшійся изъ его груди.

Хотя Іёрнъ въ это время сильно росъ, и вставать по утрамъ было ему очень трудно, однако онъ каждое утро просилъ Фите Крэя будить его, заходилъ, какъ бы невзначай, на кухню, въ конюшню, въ хлѣвъ, въ поле и являлся для всѣхъ какимъ-то безпокойнымъ, блуждающимъ призракомъ совѣсти. Однажды, въ отсутствіе отца, въ конюшню зашли съ Августомъ, старшимъ изъ братьевъ, два барышника; Іёрнъ былъ уже тутъ-какъ-тутъ и не уходилъ. Тогда одинъ изъ барышниковъ сказалъ ему:

— Послушай, паренекъ! Выйди на дворъ, да посмотри, смирно-ли стоятъ тамъ лошади?

Онъ вышелъ. Тогда барышникъ сказалъ товарищу:

— Удивительное дѣло! Глаза этого мальчика такъ смущали меня, какъ если бъ я конокрадомъ былъ: такъ онъ на меня смотрѣлъ!

Другой засмѣялся:

— Мнѣ тоже чудно̀ это какъ-то показалось. Вѣдь онъ съ насъ просто глазъ не сводилъ! Я невольно все время оборачивался на него. Вотъ посмотри,—это единственный изъ дѣтей Клауса Уля, изъ котораго толкъ выйдетъ! Страсть какой смѣтливый паренекъ!

Когда однажды братья отвѣшивали покупателю сѣно, Іёрнъ опять стоялъ тутъ и придирался къ вѣсу: «Вы ему лишняго даете!» сказалъ онъ. Братья, которые были пьяны, и покупатель—умный шутникъ—разсмѣялись. Но когда покупатель замѣтилъ, что мальчикъ въ серьезъ слѣдитъ за вѣсами, онъ съ важностью заявилъ, что не можетъ допустить такихъ замѣчаній, особенно со стороны зеленаго юноши, что никогда еще ему не приходилось слышать ничего подобнаго. Тогда братья вспыхнули и, схвативъ вилы, прогнали Іёрна изъ сарая. Онъ вышелъ въ поле и долго ходилъ съ Фите Крэемъ, который занимался пахотой.

Осенью Эльсбе вмѣстѣ съ Лисбетою Юнкеръ стала учиться у бабушки Лисбеты рукодѣлью и отчасти французскому языку. Это была привѣтливая старая женщина, въ теченіе сорока лѣтъ дѣлившая радость и горе своего мужа. Но въ области иностранныхъ языковъ они никакъ не могли придти къ доброму согласію другъ съ другомъ. Жена училась въ юности французскому и восхваляла этотъ языкъ, которому и обучала дѣтей. Онъ же изучилъ англійскій языкъ такъ что могъ читать на этомъ языкѣ не особенно трудную книгу; къ тому же ему случалось иногда говорить съ англійскими моряками. Оба пытались одно время изучить любимый языкъ другого,

но должны были отказаться отъ этой мысли. Итакъ, обоихъ старичковъ часто можно было видѣть сидящими на своихъ обычныхъ мѣстахъ, у двухъ различныхъ оконъ, причемъ каждый занимался своимъ языкомъ и, обращаясь къ другому на нижнегерманскомъ нарѣчіи, начиналъ поддразнивать его, взводя разную клевету на его любимый языкъ и подсмѣиваясь надъ народомъ, который говоритъ на такомъ языкѣ.

Эльсбе Уль, жизнь которой была куплена смертью ея матери, была полна необыкновенной жизнерадостности, какъ это часто наблюдается у людей, происшедшихъ отъ рослыхъ, сильныхъ родителей и при этомъ отличающихся небольшимъ ростомъ. Для своихъ одиннадцати лѣтъ она была положительно мала; но въ ней била ключомъ юная жизнь, и она была стройна, какъ молодая рябина. Старшіе братья совершенно не замѣчали ея существованія, но съ Юргеномъ и Фите Крэемъ они жили душа въ душу. Часто, когда возвращаясь въ послѣобѣденное время изъ села, она шла по лужайкѣ, оба смотрѣли на нее, стоя въ дверяхъ конюшни. Тогда она поднимала надъ головою ранецъ и махала имъ, а иногда ей приходила плутовская мысль состороить высокомѣрное лицо, причемъ она поворачивала голову въ сторону. Она называла это: «показывать профиль». Дѣло въ томъ, что Фите утверждалъ, будто сбоку, особенно слѣва, она была красивѣе, чѣмъ спереди. Все ея маленькое существо было въ движеніи, ноги скользили, платье билось о колѣни и бедра, руки двигались, какъ будто бы она пробивалась черезъ камыши, а не боролась съ вѣтромъ. Подойдя къ мостику, переброшенному черезъ канаву, она закричала сквозь шумъ вѣтра и деревьевъ:

— Пройти или перепрыгнуть?

— Перепрыгнуть!—закричали мальчики.

Въ кухнѣ распахнулось окно, и Витенъ закричала:

— Опять тебя мальчишки на глупости подбиваютъ!

— А ты разсердишься, если я перепрыгну, Витенъ?

— Вотъ еще сердиться! Мнѣ то что! Дѣлай себѣ, что хочешь!—И она захлопнула окно.

Сначала черезъ канаву перелетѣли книги, потомъ, послѣ короткаго, сильнаго разбѣга, и сама Эльсбе. Перепрыгнувъ, она съ трудомъ удержалась на ногахъ и закричала:

— Не правда ли славно перепрыгнула?

Фите кивнулъ головою и послалъ Іерна въ кухню за полдникомъ. Когда тотъ ушелъ, онъ посвисталъ тихонько и, глядя въ воздухъ, сказалъ:

— А знаешь, сколько разъ, бывало, я тебя здѣсь на рукахъ таскалъ, когда ты маленькая была!

— Ну, это ты сочиняешь!

— А если я тебѣ скажу, что ты здорово себѣ ноги промочила, такъ ужъ это я не сочиню.

Она засмѣялась:

— Не говори только Витенъ! Погоди, я сейчасъ приду.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась:

— Чулки-то удалось такъ ловко раздобыть, что она и не замѣтила! Нужно будетъ ихъ здѣсь поскорѣй надѣть!

Она зашла въ пустое стойло, быстро перемѣнила чулки и опять вышла.

— Ну, теперь держись!—сказала она, разбѣжалась изо всѣхъ силъ, какъ передъ прыжкомъ черезъ канаву, повѣсилась ему на шею, такъ что онъ долженъ былъ крѣпко схватить ее, и, заливаясь смѣхомъ, стала барахтаться руками и ногами.

— Слушай ты, дѣвчурка!—говорилъ онъ.—Да что ты за егоза такая въ самомъ дѣлѣ!

— Тсс... Пусти меня! Іёрнъ идетъ!

Онъ быстро спустилъ ее, и когда подошелъ Юргенъ съ хлѣбомъ, они уже стояли какъ ни въ чемъ не бывало.

Это было хорошо для сильной, жизнерадостной дѣвочки, что на слѣдующій же годъ въ другѣ ея, Фите Крэѣ начала пробуждаться мужская гордость, и онъ нѣсколько отстранилъ отъ себя «дѣвчурку», какъ онъ ее называлъ, отдавъ свое сердце красивенькой, свѣженькой дѣвушкѣ, работавшей подъ руководствомъ Витенъ на кухнѣ, которая

была одного съ нимъ возраста и отвѣтила на его любовь пылкою взаимностью. Однако, онъ былъ порядочный плутъ, какъ истинный представитель Крэевъ, а потому не порвалъ окончательно съ маленькою Эльсбе.

Однажды, незадолго до праздника Всѣхъ Святыхъ, Эльсбе, возвратившись съ урока рукодѣлья и зайдя въ конюшню, сказала обоимъ мальчикамъ:

— Учитель Петерсъ, который вѣчно занятъ всякой чепухою, говорилъ сегодня, что теперь для многихъ людей наступаетъ ужасно тяжелое время, потому что они должны платить проценты по своимъ долгамъ. Мнѣ думается, что и къ намъ придутъ люди и принесутъ отцу проценты.

Юргенъ безпокойно вскинулъ глаза, Фите Крэй посвистѣлъ.

Нѣсколько времени спустя, когда они только что отполудновали, во дворъ зашелъ невысокій старичокъ, съ прямою твердою осанкой, посѣдѣвшими, коротко остриженными волосами и благообразнымъ умнымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ дѣтямъ и спросилъ, дома ли хозяинъ. Эльсбе сказала, что онъ пошелъ на село, но скоро вернется.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ нимъ,—сказалъ старикъ.

Трое дѣтей взглянули на него, и такъ какъ онъ казался уставшимъ съ дороги, Фите Крэй добродушно сказалъ ему:

— Зайдите въ комнату, пока хозяинъ не пришелъ.

Тогда дѣти повели его черезъ сѣни и хотѣли взойти съ нимъ прямо въ парадныя комнаты, какъ вдругъ изъ кухни вышли Генрихъ и Гансъ. Генрихъ сказалъ:

— Это еще что? Кого это вы ведете?—И оба брата оглядѣли маленькаго человѣка съ головы до ногъ. На немъ былъ длинный, синій сюртукъ изъ самодѣльнаго сукна, какое еще и понынѣ употребляется въ Гестѣ; сапоги его были сѣры отъ песку, а въ рукѣ онъ держалъ узелокъ изъ краснаго клѣтчатаго платка, въ который завязанъ былъ полдникъ.

Дѣти сказали, что старикъ хочетъ поговорить съ отцомъ.

— Ну! — сказали старшіе братья.— Чего же тащить его сейчасъ въ парадныя комнаты! Пусть пройдетъ въ комнату Фите Крэя.

Старикъ пошелъ съ людскую, сѣлъ и сказалъ привѣтливымъ голосомъ:

— А вы—младшія дѣти Клауса Уля?

— Да,—сказала Эльсбе.—Мнѣ ужъ двѣнадцать лѣтъ, а Іёрну четырнадцать.

— Вы милыя дѣти,—сказалъ онъ.— Старшіе сейчасъ же стали смотрѣть на сюртукъ и замѣтили, что я изъ Геста. Я всегда беру свой полдникъ съ собою, поэтому мнѣ не приходится заходить въ корчму и проѣдать деньги.

Іёрнъ отвѣтилъ серьезнымъ голосомъ:

— Мы съ Эльсбе всегда держимся просто и тоже никогда не будемъ ходить въ корчму.

— Развѣ — тогда, когда тамъ балъ будетъ!—сказала Эльсбе.

— Я никогда туда не пойду!—сказалъ онъ.—Никогда въ жизни!

— И ты будешь правъ! — сказалъ старикъ, улыбаясь.—Тогда тебѣ не придется терпѣть нужду на старости, и ты сможешь спокойно жить на свои проценты.

Тутъ Юргенъ спохватился, обернулся и, выйдя изъ комнаты, стремглавъ помчался черезъ сѣни прямо къ отцу, который только что вернулся домой съ веселымъ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Тамъ пришелъ какой-то маленькій человѣкъ изъ Геста. Онъ хочетъ говорить съ тобою. Онъ у насъ тамъ въ людской сидитъ.

— Что? Въ людской?..

Онъ поспѣшно пошелъ черезъ сѣни въ людскую. Когда ему попался навстрѣчу Гансъ, онъ далъ ему такую затрещину, что тотъ отлетѣлъ къ стѣнѣ. Потомъ онъ вошелъ въ людскую.

Уже сколько лѣтъ онъ не заходилъ сюда: что ему было за дѣло до работниковъ, что ему было за дѣло до Фите Крэя? Но теперь въ людской сидѣлъ старикъ, а передъ нимъ, прижавшись къ его колѣнямъ, стояла Эльсбе и разсказывала ему про Тисса Тиссена, котораго оба они хорошо знали.

— Уходи отсюда!—сказалъ ей Клаусъ Уль.—Мнѣ очень непріятно, Мартенсъ, что эти глупыя дѣти привели васъ сюда!

Старикъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой:

— Я пришелъ сюда не за почетомъ, а за моими деньгами. Мои 80,000 марокъ скоро понадобится мнѣ. У меня дочь выходитъ замужъ.

Юргенъ опять побѣжалъ со всѣхъ ногъ черезъ сѣни, вошелъ въ кухню, остановился подлѣ Витенъ, которая мыла полъ, и сталъ дергать ее за передникъ, какъ маленькія дѣти, пока она, наконецъ, не сказала ему:

— Что тебѣ, мальчуганъ? Убирайся прочь отсюда!

Но онъ взглянулъ на нее такими глазами, что она замолчала и, погладивъ его по свѣтлымъ волосамъ, проговорила:

— Да, хорошо, что твоей матери нѣтъ въ живыхъ.

Она говорила это или что-нибудь въ этомъ родѣ всякій разъ, какъ въ домѣ случалось какое-нибудь особенное событіе. Онъ не вполнѣ понималъ, что она хочетъ сказать этимъ, но догадывался что его покойная мать была въ какомъ-то противорѣчіи съ духомъ, царившимъ въ ихъ домѣ; и хотя отъ матери не сохранилось никакого портрета, а фантазіей онъ не былъ одаренъ, но ему представлялось въ этихъ случаяхъ, будто мать съ мертвеннымъ, глубоко опечаленнымъ лицомъ прошла по дому. Но онъ воображалъ ее себѣ при этомъ высокою и худощавою, тогда какъ въ дѣйствительности она была маленькая и полная, какъ позднѣе Эльсбе.

Вечеромъ этого дня, когда отецъ, ранѣе обыкновеннаго, но все же подъ хмѣлькомъ, вернулся изъ села, Юргенъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ, безъ куртки и съ вилою въ рукахъ, какъ если бы онъ только что вышелъ изъ конюшни, и сказалъ ему запинающимся голосомъ:

— Слушай, отецъ! Если у насъ столько долговъ, то вѣдь скоро намъ придется продать и самый нашъ домъ.

И онъ громко заплакалъ. Но отецъ ударилъ его и прогналъ прочь. Онъ побѣжалъ въ людскую и проспалъ эту ночь у Фите Крэя.

Съ этого дня, заслышавъ беззаботный смѣхъ своего отца, онъ всегда уходилъ прочь; онъ шелъ, куда глядѣли глаза—въ какіе-нибудь сараи или сады, примыкавшіе къ двору. А иногда его находили погруженнымъ въ англійскую книгу или учебникъ — забившимся въ какой-нибудь уголъ или же сидящимъ гдѣ-нибудь на деревѣ, или на бревнахъ. Онъ добился у Витенъ разрѣшенія спать всегда съ Фите Крэемъ, въ людской, которая находилась справа отъ сѣней, какъ разъ противъ кухни. Здѣсь прожилъ онъ одиннадцать лѣтъ—до самой своей женитьбы, не считая тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя онъ былъ въ солдатчинѣ, и года, проведеннаго на войнѣ во Франціи.

Глава шестая.

Въ конюшнѣ для жеребятъ, недалеко отъ входной двери, стоялъ деревенскій сундукъ, служившій теперь ящикомъ для корма. Онъ былъ сдѣланъ изъ дубоваго дерева, а украшавшая его тонкая благородная рѣзьба изображала исторію блуднаго сына: налѣво въ тотъ моментъ, когда онъ, одѣтый въ богатое платье, съ тяжелымъ кошелькомъ золота въ рукѣ, собирается покинуть своего отца, представленнаго тутъ же, предъ дверью дома; направо—въ тотъ моментъ, когда онъ въ лохмотьяхъ возвращается домой. Подъ этимъ изображеніемъ стояла раздѣленная замкомъ на двѣ части рѣзная надпись: «Благословеніе Господне ниспосылаетъ богатство безъ труда». Внизу была другая надпись: «Клавесъ Уль, 1624».

Втеченіе трехъ столѣтій сундукъ этотъ считался лучшею драгоцѣнностью въ домѣ Клауса Уля, но мало-по-малу люди стали богаче, а вкусъ хуже. Сундукъ былъ нѣсколько разъ перекрашенъ великолѣпными яркими красками, которыя совершенно сгладили тонкую выразительность рѣзныхъ фигуръ, и, наконецъ, впалъ въ общее пренебреженіе и сталъ служить ящикомъ для корма. Теперь его уже больше не перекрашивали, и изъ-подъ густыхъ наслоеній краски снова

стало проглядывать твердое сѣрое дерево. Но никто не догадался бы теперь, что этотъ ящикъ представлялъ собою когда-то такую цѣнность.

Если бы этотъ старый, низенькій сундукъ могъ повѣдать объ всемъ, что онъ видѣлъ! Сердце у него было—это несомнѣнно: вѣдь онъ такъ долго прожилъ среди людей! Но рта у него не было. На этомъ-то сундукѣ и сидѣли обыкновенно дѣти въ тѣ два года, которые Фите Крэй, послѣ своей конфирмаціи, прожилъ въ домѣ Уля въ качествѣ работника; здѣсь-то выковывали они твердые, тяжелые планы своей жизни. Звонкіе дѣтскіе голоса и смѣхъ раздавались въ конюшнѣ и вырывались на дворъ, какъ звонкіе, звучные удары молота передъ кузнечнымъ горномъ.

— Фите, иди сюда!—говорили дѣти.— Давай полдничать!

Іёрнъ клалъ на сундукъ свою книгу, рядомъ съ нею ломоть хлѣба и садился. Эльсбе уже сидѣла на сундукѣ и нетерпѣливо болтала ногами. Фите ставилъ на землю желѣзное ведро и со всего размаху тоже садился на сундукъ. «All right», говорилъ онъ. Онъ всегда подхватывалъ какое-нибудь понравившееся ему словцо.

— Такъ это рѣшено, — говорилъ Іёрнъ. — Когда я уѣду изъ дому, ты останешься здѣсь и будешь за всѣмъ присматривать. Иначе я вѣдь не смогу сдѣлаться ландфогтомъ.

— Да, да,—говорилъ Фите медленно и задумчиво, съ мужскими грудными тонами въ голосѣ.—Мнѣ трудно было рѣшиться на это, но я это сдѣлаю. Я останусь здѣсь. Прежде у меня были разныя бредни въ головѣ, особенно долго Калифорнія во мнѣ сидѣла, но съ годами умнѣешь. Баста! Остаюсь здѣсь—и все тутъ.

— Ты еще проживешь здѣсь нѣсколько лѣтъ въ работникахъ,—сказалъ Іёрнъ.—Но потомъ вѣдь отецъ твой состарится. Тогда ты перейдешь жить къ нимъ и возьмешь себѣ жену, а здѣсь будешь работать поденно и заботиться обо всемъ хозяйствѣ. За торговлю щетками ты не долженъ браться. Ты долженъ думать только объ нашей усадьбѣ, здѣсь только и работать. Ты ужъ придумалъ, на комъ жениться?

— Придетъ время, такъ и подумаю,— сказала Фите Крэй.—Мало ли бабъ на свѣтѣ!

Они посидѣли нѣкоторое время и, передавая поочереди другъ другу коричневую кружку, стоявшую между ними, напились свѣжей сыворотки.

— Кабы ты только скорѣй въ гимназію поступилъ!—сказала Эльсбе и нетерпѣливо забарабанила каблуками по блудному сыну.

— Этого-то я уже добьюсь!—сказалъ Іёрнъ и, сжавъ кулакъ, рѣшительно тряхнулъ головою.—Я ужъ заранѣе радуюсь этому! Земледѣльцемъ я бы не могъ быть, положительно не могъ бы. Но надъ книгами я могу безъ устали работать. Одно только меня постоянно гложетъ: чтобы тутъ все было въ порядкѣ. Оттого-то Фите и долженъ остаться тутъ.

Фите утеръ себѣ губы и громко стукнулъ пустою кружкой о сундукъ:—Дѣлайся себѣ ландфогтомъ на доброе здоровье! Я остаюсь здѣсь и позабочусь объ хозяйствѣ. Можешь положиться на меня.

Іёрнъ уже собралъ свои книги и задумчиво направился въ садъ.

— Ну вотъ, теперь мы одни,—сказала Эльсбе.—Подумай пожалуйста: я видѣла Гарро Гейнзена; онъ застрялъ въ третьемъ классѣ и больше не хочетъ учиться. Мы съ нимъ прошлись по кладбищу. Чего онъ мнѣ только ни наразсказалъ! Я тебѣ скажу,—онъ преумный!

— Не возись ты съ нимъ пожалуйста!—сказалъ Фите.—Развѣ ты не помнишь, въ какихъ мы съ тобою отношеніяхъ.

— Разумѣется помню!

— Такъ, какъ же ты не понимаешь? Іёрнъ будетъ ландфогтомъ и не станетъ намъ поперекъ дороги. Августъ скоро женится и получитъ другой дворъ. Генрихъ уже въ солдатахъ, а Гансъ пойдетъ въ солдаты въ будущемъ году. И всѣ говорятъ: если старый король помретъ, то будетъ война. И тогда одного изъ нихъ навѣрное застрѣлятъ; а другой тоже получитъ отдѣльный дворъ Кто же тогда останется? Ну, скажи-ка

дѣвчурка, кто тогда останется? Одна ты!.. Одна единственная! Тогда я сдѣлаюсь у васъ во дворѣ старшимъ работникомъ. А отецъ твой тогда будетъ уже старый и скажетъ: «Женитесь, дѣти, чтобы я могъ пожить въ покоѣ на старости лѣтъ». Вотъ какъ оно должно быть. И такъ оно и будетъ.

Она разсѣянно кивнула головой и снова заговорила при Гарро Гейнзена:

— Его сестра ужъ невѣста, а ей только восемнадцать лѣтъ. Черезъ шесть лѣтъ я тоже хочу быть невѣстой, а если ты тогда не захочешь на мнѣ жениться, я возьму другого.

— Не заводи ты пожалуйста разговоровъ съ этимъ Гарро Гейнзеномъ, Эльсбе. Онъ просто дуракъ.

— А-а!—сказала она, потягиваясь.— Разскажи мнѣ лучше что-нибудь! Гарро Гейнзенъ всегда столько разскажетъ про взрослыхъ; чего они только ни продѣлываютъ! Лизхенъ Видергольтъ танцовала уже, когда ярмарка была, а ей всего шестнадцать лѣтъ. Пойди тоже какъ-нибудь на балъ, а потомъ разскажи мнѣ... Я думаю, когда я буду большая, я просто затанцуюсь: до тѣхъ поръ буду танцовать, пока не свалюсь... Когда мы будемъ мужемъ и женой, ты долженъ ѣздить со мной на каждый балъ.

— Непремѣнно,—сказалъ Фите Крэй.—На каждый балъ. Это рѣшено.

— Дѣтей спать уложимъ и поѣдемъ.

— Само собой.

Она засмѣялась, побарабанила ногами по сундуку и стала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ-то жизнь будетъ!—сказала она.

— Ну, теперь ступай, дѣвчурка!—сказалъ Фите Крэй.—Мнѣ сейчасъ работать нужно. Я вѣдь долженъ подумать объ томъ, какъ бы здѣсь первымъ сдѣлаться.

Когда дѣвочка исчезла, онъ всталъ и, тихонько посвистывая, побрелъ въ полутемный, освѣщенный только маленькимъ окошечкомъ сарайчикъ, гдѣ стояла соломорѣзка, усѣлся на соломѣ и сталъ думать: «Дѣвчурка непремѣнно должна сдѣлаться моею женой, это ужъ вотъ какъ я на этомъ мѣстѣ сижу! А только, чтобы я здѣсь хоть одинъ лишній день остался, это дудки. Я какую-нибудь большую торговлю себѣ открою или проѣдусь съ нею и съ ея деньгами по бѣлому свѣту, поселюсь въ Гамбургѣ, куплю себѣ гостинницу или что-нибудь въ такомъ родѣ. У кого деньги есть, тотъ все можетъ. Этакая глупая дѣвчурка! А, впрочемъ, все-таки она не такъ глупа, какъ Іёрнъ! Чтобы я всю жизнь на этомъ дворѣ поденьщикомъ былъ! Выдумать же этакое!»

Онъ покачалъ головой, всталъ, взялъ съ подоконника толстую истрепанную книгу, заброшенную въ людской какимъ-то прежнимъ работникомъ, усѣлся опять на мягкой соломѣ и сталъ читать про тяжкіе бурные приливы и про древнихъ германцевъ, и про черную смерть, про войны и разныя сверхъестественныя явленія. Это была славная, необыкновенно многосторонняя книга. Переплетъ ея оторвался и пропалъ, но заглавный листъ уцѣлѣлъ, и на немъ стояло: «Гномонъ, Клауса Гармса».

На скотномъ дворѣ стали безпокоиться животныя, телята мычали, прося корму. Фите Крэй, отложивъ книгу, сидѣлъ, согнувшись, все на томъ же мѣстѣ, проводилъ всѣми десятью пальцами по своимъ рыжимъ волосамъ и, погруженный въ тяжкія мысли, громко разговаривалъ самъ съ собою, обсуждая, какимъ образомъ привести въ исполненіе тотъ или другой изъ своихъ великихъ плановъ.

* * *

Клаусъ Уль проводилъ бо́льшую часть своего времени въ корчмѣ, или гдѣ-нибудь въ гостяхъ у односельчанъ, разговаривая о политикѣ, остря и играя въ карты, а въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ дома, онъ шутилъ или безпокойно ходилъ по дому и двору, мечтая только о томъ, какъ бы опять попасть въ злачное мѣсто. Объ образованіи своего младшаго сына онъ ни мало не заботился, не имѣлъ представленій о томъ, можетъ ли онъ выдержать пріемные экзамены, и боялся этого дня. Ибо ничто такъ не пугало его, какъ мысль оказаться въ смѣшномъ положеніи. Онъ жилъ въ постоянномъ самообманѣ и иллюзіяхъ на этотъ счетъ, а потому

страшно перепугался, когда Іёрнъ однажды сказалъ ему:

— Учитель Петерсъ получилъ письмо, что послѣзавтра я долженъ ѣхать на экзаменъ. Но занятія начнутся только послѣ Пасхи... Такъ какъ же? Значитъ, послѣзавтра я поѣду въ городъ вмѣстѣ съ тобой?

Клаусъ Уль нахмурился, но вдругъ лицо его просіяло:

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Я подумалъ: не отвезетъ ли тебя туда Тиссъ Тиссенъ? Вѣдь для него это будетъ настоящее удовольствіе!

Итакъ, на третій день послѣ этого разговора во дворъ въѣхала большая старомодная повозка съ двумя одинаково высокими сидѣньями, и Тиссъ Тиссенъ сказалъ:

— Ты, Іёрнъ, садись на заднее сидѣнье: можетъ быть, тебѣ дорогой еще что-нибудь обдумать придется. Собралъ ли ты какъ слѣдуетъ свои духовные пожитки, Іёрнъ? Мы съ тобой поѣдемъ по песчаной дорогѣ, чтобъ не растрясло ихъ какъ-нибудь! Когда я въ городъ самый лучшій торфъ вожу, я всегда по песчаной ѣду...

— Не время теперь пустяки-то молоть! — сухо сказала Витенъ.—Скоро пятьдесятъ лѣтъ человѣку, а онъ все еще ума-разума набраться не можетъ!

Тогда онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на своихъ лошадей, между тѣмъ какъ Іёрнъ взлѣзъ на заднее сидѣнье, съ одной стороны отъ себя положивъ книги, а съ другой—поставивъ два горшка масла, которые навязала ему Витенъ.

— Не хорошо это, что Уль самъ не поѣхалъ съ мальчикомъ, — сказала Витенъ. — Знаю я, почему онъ этого не сдѣлалъ.

Іёрнъ тоже зналъ это. Но онъ чувствовалъ что въ этомъ моментѣ его жизни было что-то тягостное, опасное и постыдное, и находилъ вполнѣ понятнымъ, что его отецъ, этотъ рослый, всегда веселый и улыбающійся человѣкъ, отстранился отъ него сегодня. Позднѣе, когда онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ, онъ взглянулъ на это отстраненіе другими глазами. Сорокалѣтнимъ мужчиною онъ все еще краснѣлъ за своего отца, вспоминая объ этомъ часѣ со всѣмъ, что было въ немъ позорнаго.

Тихій и подавленный сидѣлъ онъ за спиною Тисса. Трина Кюль, возлюбленная Фите Крэя, стояла на порогѣ двери; обѣ старшія работницы вышли изъ дому, смѣялись надъ Тиссомъ и говорили другъ другу про Іёрна: — Навѣрное у него сойдетъ благополучно! — Несмотря на его тихій и упорный нравъ, всѣ онѣ были очень расположены къ нему, дивились его любви къ книгамъ и считали его большимъ свѣтиломъ. Фите Крэй стоялъ въ дверяхъ конюшни, махалъ вилою и кричалъ: — All right, Тиссъ!—Эльсбе стояла у самой повозки, издѣвалась надъ высокимъ рыжевато-чернымъ цилиндромъ, который надѣлъ Тиссъ, и говорила: Тиссъ, у тебя все шиворотъ-навыворотъ! Такія шляпы надѣваютъ только на похороны!

— Или ради ландфогта, дѣтка! Я тебѣ долженъ сказать, что моя шляпа представляетъ собою прообразъ всѣхъ похоронныхъ шляпъ, какія только можно найти въ лавкахъ и въ шкафахъ на всемъ протяженіи между Эльбой и Кёнигсау. Все что можетъ быть въ шляпѣ круглаго, здѣсь ужъ такъ кругло, какъ самъ кругъ, а все, что въ шляпѣ загибается подъ угломъ, въ этой шляпѣ загибается подъ прямымъ угломъ! У меня форма головы немножко продолговатая, а шляпа круглая, поэтому я долженъ поддѣвать резинку подъ подбородокъ!

— Ну, довольно ужъ!—сказала Эльсбе; опять ты понесъ чепуху!

— Да,—сказала Витенъ,—теперь поѣзжайте съ Богомъ, довольно тутъ трещать, пора и за работу приниматься... Всего тебѣ хорошаго, Іёрнъ! Мнѣ думается, этотъ день долженъ принести тебѣ удачу. Только... не знаю... словно будто еще тутъ что-то есть...

Когда они, огибая Рингельсгёрнъ, свернули на мягкую песчаную дорогу, они увидѣли Лисбету Юнкеръ, которая, сбѣгая наперерѣзъ имъ съ Рингельсгёрна, махала рукой и кричала:

— Тиссъ, остановись! Тиссъ, да остановись же!

— Что тебѣ, принцесса?

— Я только хотѣла дать одну вещь Іёрну,—сказала она.—Это тебя не касается.

Она ловко вскочила на подножку и сунула въ руку смутившемуся Іёрну большое красное яблоко:

— Это послѣднее яблоко въ нашемъ домѣ, — сказала она. — Оно всегда достается мнѣ. А теперь пусть тебѣ будетъ!

Она соскочила на землю и, отойдя отъ дороги, смущенно и плутовато подняла руку и погрозила ему:

— Только смотри, чтобъ непремѣнно ландфогтомъ сдѣлаться!.. Ну, теперь поѣзжай, Тиссъ!

Они ѣхали по глубокому песку степи тихою рысью. Путешествіе это отнюдь не имѣло тріумфальнаго характера. Впереди сидѣлъ Тиссъ и смотрѣлъ на лошадиныя спины. Маленькіе умные глаза и все его маленькое, худенькое лицо, глядѣвшее изъ-подъ высокой, прямой похоронной шляпы, свѣтились тою улыбающеюся мудростью, которая говоритъ страданіямъ: «Я буду тихонько смѣяться надъ вами», а радостямъ:—«Я буду тихонько плакать надъ вами»;—тою мудростью, которая говоритъ: «Человѣческая жизнь—неизъяснима. Притаись, птичка, но не бойся: все въ рукѣ Бога всемогущаго». А за его спиною сидѣлъ Іёрнъ во всей своей юной свѣжести и со всѣми своими богатствами—горшками масла слѣва и наукою справа, и серьезно, задумчиво смотрѣлъ впередъ, какъ еслибъ вся жизнь шла къ могилѣ вслѣдъ за этою буро-черною похоронною шляпою.

Вотъ показалась передъ ними и стала рости все выше и выше старая церковь; вотъ деревянный мостъ черезъ Виндбергерау, а потомъ пошли дома, тѣснѣе и тѣснѣе жавшіеся другъ къ другу, съ высокими свѣтло - красными кровлями.

Такъ какъ постоялый дворъ, гдѣ обыкновенно останавливались торговцы торфомъ, въ своихъ самодѣльныхъ синихъ и сѣрыхъ сюртукахъ, въ это время перестраивался, то имъ пришлось спуститься въ нижнюю часть города и заѣхать на постоялый дворъ, гдѣ останавливались обыкновенно только зажиточные крестьяне изъ Марша.

Они просидѣли два часа въ большой пустой комнатѣ въ самомъ тоскливомъ подавленномъ состояніи. Іёрнъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, а Тиссъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, отпивая понемногу изъ рюмки кюммеля, которую онъ велѣлъ подать себѣ, и дважды набивалъ свою трубку изъ ящика, который по старинному обычаю стоялъ на прилавкѣ для безплатнаго пользованія посѣтителей. Потомъ они вышли и пошли по маленькимъ тихимъ улицамъ прямо въ гимназію.

Такъ какъ Тиссъ имѣлъ обыкновеніе, отвѣчающее его природной скромности, никогда не входить въ домъ черезъ главныя двери, а всегда черезъ какую-нибудь боковую дверь, которая вела иногда въ кухню, а иногда и въ конюшню, то и на этотъ разъ онъ робко обошелъ большой парадный подъѣздъ и благополучно добрался до двери, которая вела куда-то въ подвальное жилище сторожа. Онъ оказался сапожникомъ и сидѣлъ у рабочаго стола, а передъ нимъ стоялъ утренній кофе, и утреннее солнце искрилось и играло въ блестящей оловянной посудѣ и въ стеклянномъ шарѣ, который стоялъ на столѣ, и въ бѣломъ пескѣ, которымъ былъ только что посыпанъ бѣлый полъ маленькой комнатки. Пріятный свѣжій запахъ смолы, кожи и кофе наполнялъ комнату, проливая радость въ одинокую душу Тисса Тиссена.

— А я вамъ рекрута привезъ,— сказалъ онъ привѣтливо.—Венторфскій учитель Петерсъ его подготовилъ. По-англійски онъ понимаетъ, а что касается прочаго—другихъ иностранныхъ словъ и общаго слога, то этому онъ здѣсь научится. Онъ вѣдь у насъ въ ландфогты мѣтитъ.

Сапожникъ посмотрѣлъ на него поверхъ своихъ очковъ и сказалъ:

— Сейчасъ я отведу его. Они вѣдь тамъ уже начали.

— Ну, Іёрнъ, дай тебѣ Богъ управиться получше. Ты вѣдь знаешь,— драчона да свиная голова славныя вещи; а къ этому не мѣшаетъ прибавить и хорошее крѣпкое платье на лѣто и на

зиму, и хорошую надежную крышу надъ головой. Славныя это все вещи, Іёрнъ! А они тебѣ на всю жизнь обезпечены, коли ты ландфогтомъ сдѣлаешься.

Сапожникъ съ Іёрномъ ушли, а Тиссъ усѣлся на солнцѣ, осторожно поставилъ шляпу себѣ на колѣни и затихъ въ ожиданіи пріятной бесѣды. Сапожникъ возвратился, отставилъ свою чашку и принялся за работу.

— Скажите пожалуйста, мой любезный, сколько времени нужно учиться въ школѣ, чтобы эдакъ, какъ слѣдуетъ, кончить?

— Гм... это зависитъ отъ того, начнетъ ли мальчикъ съ самаго начала или поступитъ прямо въ какой-нибудь изъ классовъ постарше.

— Я думаю,—сказалъ Тиссъ,—что онъ у насъ обойдется безъ младшихъ классовъ, потому что, во-первыхъ, онъ два года обучался у Петерса, а во-вторыхъ, онъ вѣдь сынъ Клауса Уля.

— Клауса Уля изъ Венторфа?

— Его самаго. Учителя вѣдь будутъ знать, что за нѣсколькими стаканами грога да за какими-нибудь нѣсколькими окороками онъ не постоитъ! А съ моей стороны—это я такъ только говорю, къ слову пришлось—за возомъ добраго чернаго торфу дѣло не станетъ. Я вѣдь Тиссъ Тиссенъ. Меня обыкновенно называютъ «Тиссомъ изъ Гезе». Что вы на это скажете?

— Видишь ли, Тиссенъ, это та же самая исторія, что съ моимъ двоюроднымъ братомъ, младшимъ сыномъ моего дяди, брата моей матери... Она урожденная Энервельденъ изъ Венторфа. Знаешь изъ зюдердоннскихъ Крэевъ?

— Какъ же!—сказалъ Тиссъ. Старый Генрихъ Крэй! Еще его вторая жена была на оба уха глуха и слышала только то, что ей хотѣлось слышать!

— Эта самая, надо полагать. Такъ вотъ, мой двоюродный братъ раньше былъ сапожникомъ, а потомъ сталъ извозчикомъ... Одинъ разъ какъ-то, на крестинахъ, ихъ четыре человѣка сапожниковъ собралось, и что бы вы думали: сколько изъ нихъ бросило сапожное мастерство?

— Ну?

— Всѣ четверо! Бросили сапожное мастерство, занялись другимъ дѣломъ и все пошло, какъ по маслу... Такъ оно и съ гимназіей: изъ пяти человѣкъ которые туда поступятъ, много что одинъ до конца дотянетъ!

— Іёрнъ Уль дотянетъ! — сказалъ Тиссъ. Онъ у насъ цѣлый день по уши въ книгахъ сидитъ, ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ, видишь ли, всадилъ себѣ въ голову, что ландфогтомъ сдѣлается.

Въ эту минуту въ дверяхъ появился Іёрнъ; узкое продолговатое лицо его было нѣсколько блѣдно, а свѣтлые волосы стоймя стояли на головѣ, словно каждый отдѣльный волосокъ хотѣлъ посмотрѣть, какіе глаза сдѣлаетъ Тиссъ Тиссенъ.

— Мнѣ все равно, Тиссъ, въ старшемъ классѣ или въ младшемъ. Мнѣ бы только учиться.

Тиссъ держалъ обѣими руками свою шляпу, словно ожидая, чтобы ему бросили туда грошъ.

Іёрнъ покачалъ головой, такъ что въ глазахъ его заискрилось солнце:

— Все прахомъ пошло! Латинскій нужно было учить... Сколько лѣтъ мальчикамъ, которые сидятъ въ младшемъ классѣ?

— Ты будешь изъ нихъ самымъ длиннымъ!—сказалъ сапожникъ.

— Видишь, Тиссъ? И въ младшемъ классѣ самымъ длиннымъ! И все это отъ того, что онъ каждый божій день ѣздилъ въ городъ и не могъ спросить, латинскому или англійскому мнѣ учиться... Но я все-таки хочу сдѣлаться ландфогтомъ. Я сказалъ имъ тамъ, наверху, что послѣ Пасхи опять пріѣду.

— Іёрнъ, голубчикъ ты мой! Чтожъ на это Лисбета скажетъ и Фите Крэй?

— Это все равно! Это мнѣ рѣшительно все равно! Послѣ Пасхи, когда начнутся занятія, я опять пріѣду. Я хочу съ самаго начала начать—ничего, что придется сидѣть между малышами. Поѣдемъ!

Тиссъ медленно поднялся и покачалъ головою.

— Іёрнъ, голубчикъ ты мой! Вотъ вѣдь скверная исторія-то! Опять Эльсбе скажетъ, что за что я ни возьмусь, все шиворотъ-навыворотъ выходитъ. А стар-

шіе братья твои будутъ зубы скалить... Впрочемъ, теперь разсуждай - не - разсуждай, англійскаго латинскимъ не сдѣлаешь! Поѣдемъ, Іёрнъ!

Они простились и опять прошли на постоялый дворъ. Тиссъ допилъ рюмку кюммеля, которая все еще стояла на прилавкѣ, и въ третій разъ набилъ себѣ трубку табакомъ хозяина, потомъ не спѣша надѣлъ свою высокую шляпу и спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ. Но хозяинъ, полусмѣясь, полусердясь на то, что Тиссъ такъ мало выпилъ и такъ много выкурилъ табаку, сказалъ:

— Ну ужъ, за усердіе твое въ куреніи, за водку ничего съ тебя не возьму, Тиссенъ!—и отказался отъ платы.

И вотъ, не потерпѣвъ ущерба хотя въ денежномъ отношеніи, опять выѣхали они въ степь. Но на этотъ разъ они сидѣли рядомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Говорили они немного. Только разъ Іёрнъ сказалъ:

— Все равно! Я-таки добьюсь своего!

Когда они выѣхали изъ ольховой аллеи и подъѣзжали къ дому, на порогѣ появилась Эльсбе. Глаза ея были заплаканы, и горячія рыданія ежеминутно приподнимали и опускали ея плечи.

Когда Тиссу Тиссену случалось видѣть какое-нибудь несчастіе, онъ приходилъ въ страшное волненіе, таращилъ глаза и начиналъ дергать руками и ногами. Видѣть же слезы Эльсбе было ему уже совсѣмъ невыносимо.

— Скажи скорѣй, дѣвчурка, что съ тобой такое? Кто тебя обидѣлъ?

Но она такъ рыдала, что не могла сказать ни слова.

Въ это время изъ-за угла вышла Витенъ и, подойдя къ повозкѣ, сказала:

— Подумайте пожалуйста! Уль зашелъ случайно въ конюшню и вдругъ видитъ, что Эльсбе съ Фите Крэемъ сидитъ на сундукѣ, держась за руки, и этотъ болванъ говоритъ ей, что онъ женится на ней и сдѣлается собственникомъ этой усадьбы. Не успѣлъ онъ договорить, какъ Уль схватилъ его за шиворотъ, избилъ какъ слѣдуетъ и выбросилъ за дверь. Теперь онъ сидитъ у себя въ комнатѣ и собираетъ свои пожитки, а дѣвчонка реветъ.

Іёрнъ уставился на Витенъ, разинувъ ротъ.

— Значитъ, Фите уходитъ? Совсѣмъ?

— Еще бы!—сказала Витенъ.—Сію же минуту. Пройдоха эдакій! Негодяй! Откуда это онъ только себѣ въ голову забралъ?

Въ эту минуту изъ дверей конюшни вышелъ Фите Крэй, держа подъ мышкой пестрый узелокъ съ своимъ праздничнымъ платьемъ.

— Откуда я себѣ это въ голову забралъ? Да отъ тебя же! — Онъ громко ревѣлъ; въ немъ не видно было и слѣда мужского достоинства. — Теперь я долженъ въ Гамбургъ идти! Что же мнѣ теперь еще дѣлать, какъ не идти! А я даже не знаю, гдѣ онъ, этотъ Гамбургъ. Это ты вѣчно разсказывала мнѣ про счастливаго Ганса, да про сундуки съ золотомъ, да про торговца щетками, который сдѣлался королемъ...

Тиссъ спрыгнулъ съ повозки.

— Пойдемъ, Іёрнъ! Чего тутъ сидѣть! Пойдемъ, Эльсбе. Успокойся же, дѣвочка моя...

Но она вырвалась у него изъ рукъ, догнала Фите, схватила его за рукавъ и закричала громкимъ голосомъ:

— Онъ не долженъ уходить! Онъ не долженъ уходить! Я такъ его люблю! Я такъ его люблю!

Но Фите Крэй оттолкнулъ ее отъ себя и продолжалъ ревѣть и вопить:

— Вы еще увидите... Я вернусь сюда... И буду здѣсь жить.. Щеточную фабрику здѣсь открою... съ паровой машиной!

Онъ поднялъ кулаки, такъ что узелокъ выскользнулъ у него изъ подъ мышки, потомъ наклонился, поднялъ его и пошелъ черезъ дорогу въ домъ своего отца.

Витенъ Пеннъ безмолвно развела руками, повернулась, пошла въ свою комнату и, полная гнѣва и стыда, сѣла за работу. Она разсказывала всѣ эти вещи изумленнымъ дѣтямъ въ часъ ихъ мирныхъ бесѣдъ, разсказывала ихъ тихимъ голосомъ, какъ міровую мудрость, которая была скрыта отъ другихъ и пріоткрыта для нея. Она думала, что эти старыя сказки достойны были того, чтобы переходить изъ устъ въ уста, на-

полняя душу страхомъ и трепетомъ, любовью и радостью. А этотъ юноша грубо раскопалъ, разворотилъ все это среди бѣлаго дня, на людяхъ.

Она опустила работу на колѣни и уставилась глазами на столъ; и въ то время, какъ она неподвижно сидѣла такъ, какая-то невидимая рука словно перелистывала передъ нею картины человѣческой жизни, и всѣ эти картины говорили о трудѣ, нуждѣ и смерти людей, которыхъ она когда-то знавала; и одна картина была печальнѣе другой. А потомъ ей представилось, какъ Фите Крэй бредетъ по бѣлому свѣту, безъ какого-либо руководства, со всѣми этими бреднями въ головѣ... Тутъ она оглянулась и, замѣтивъ, что въ комнатѣ никого кромѣ нея не было, закрыла лицо рукой и тихо заплакала.

* * *

Когда на дворѣ стемнѣло, Фите Крей, взявъ узелокъ со своимъ платьемъ, вышелъ изъ отцовскаго дома; мать его сидѣла за печкой и плакала.

— Фите!—закричала она ему вслѣдъ,— вѣдь тебѣ всего семнадцать лѣтъ, не уходи ты такъ далеко.

Она думала при этомъ о другихъ Крэяхъ, которые такъ далеко залетѣли отъ дому, что никогда уже не вернулись,—уѣхали въ Америку или... Богъ вѣсть, какія еще есть на свѣтѣ страны. Когда-то и она ходила въ школу; это было еще при старомъ Штюбелѣ, который имѣлъ недурную славу въ качествѣ портного, но весьма сомнительную въ качествѣ учителя. Къ тому же у нея всегда была такая тупая и дырявая голова.

— Пойду куда глаза глядятъ,—сказалъ Фите Крэй.—Плетью меня избилъ, живодеръ эдакій!

Онъ опять зарыдалъ и погрозилъ кулакомъ въ сторону большого стараго дома и высокихъ сараевъ, массивныя соломенныя крыши которыхъ тихо темнѣли между высокими тополями и рябинами.

Если бы Клаусъ Уль видѣлъ эти слезы и этотъ гнѣвъ, онъ громко и отъ всего сердца расхохотался бы и разукрасилъ бы все это своими выдумками, и разсказалъ бы по всѣмъ трактирамъ.

Ясперъ Крэй вышелъ проводить сына за дверъ.

— Куда бы ты ни пошелъ, — сказалъ онъ, — ты не пропадешь. А это что-нибудь да значитъ... Только смотри, чтобы изъ тебя что-нибудь путное вышло. Если негодяемъ станешь, такъ лучше и не возвращайся. А если чего-нибудь добьешься, тогда заходи взглянуть, что у насъ тутъ дѣлается.

Онъ шелъ, и его было уже почти не видно сквозь сумракъ наступающаго вечера:

— Ты можешь быть увѣренъ, отецъ, что я вернусь сюда...

Когда онъ опять повернулся, чтобы идти дальше, онъ увидѣлъ, что на дорогѣ стоитъ Іёрнъ Уль.

— Тиссъ съ лошадьми стоитъ тамъ у елей, — сказалъ онъ тихо. — Сегодня ты долженъ переночевать у него, въ Гезгофѣ.

Они пошли вмѣстѣ вдоль холмовъ, пока не дошли до поросшей верескомъ котловины, лежавшей между двухъ холмовъ и оканчивающейся крутымъ подъемомъ въ гору. Котловина была такъ широка и глубока, что въ ней могла бы помѣститься большая крестьянская усадьба, но къ одному краю она становилась все мельче и ўже и, наконецъ, сливалась со степью.

Фите Крэй шелъ впередъ тихо и безмолвно. Только время отъ времени рыданье сдавливало ему горло; тогда онъ встряхивался всѣмъ своимъ тѣломъ.

По серединѣ подъема, между зарослью мелкихъ дубовыхъ кустовъ, неподалеку отъ узенькой тропинки, поднимавшейся въ гору, находился глубокій круглый колодецъ, величиною не больше телѣжнаго колеса, наполненный свѣжею, прозрачною водою. Это и былъ знаменитый въ окрестностяхъ Гольдзоотъ. Невидимый ключъ, бѣжавшій сверху, постоянно наполнялъ его до самыхъ краевъ, а излишекъ воды съ тихимъ журчаньемъ сбѣгалъ внизъ, затериваясь среди кустарника. Двѣ-три звѣзды, глядѣвшія съ неба, отражались въ водѣ; нѣсколько безлистныхъ вѣтокъ кустарника склонялось надъ нею; ихъ отраженія напоми-

нали собою склоненныя острыя пики, которыми часовые защищаютъ входъ въ какой-то дворецъ... Вѣтеръ подулъ съ моря и пробѣжалъ по кустарнику и по сухой, прошлогодней листвѣ. Все зашелестѣло, заговорило кругомъ—сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ.

Фите стоялъ и задумчиво смотрѣлъ въ воду.

— Хотѣлъ бы я знать, — сказалъ онъ, и голосъ его пресѣкся — онъ всхлипнулъ,—что тамъ такое на днѣ и можно ли достать до него?

Іёрнъ хотѣлъ ободрить его и сказалъ:

— Не зайдешь ли ты къ тому камню, около Гезе, о которомъ ты всегда такъ много говорилъ? Вѣдь ты говоришь, что подъ нимъ лежитъ цѣлая груда золота—слитки, величиной съ дѣтскую голову.

Фите Крэй рѣшительно покачалъ головой: эти слитки съ дѣтскую голову родились въ его собственной фантазіи; поле, усердно обработанное Витенъ въ тѣ вечера, которые они проводили съ нею при свѣтѣ лампы, было значительно расширено работою его собственнаго воображенія, и воображеніе это работало съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, что иногда онъ не могъ потомъ отдать себѣ отчета въ томъ, что разсказывала Витенъ, и что присочинилъ онъ самъ. Но въ этотъ вечеръ правда и вымыселъ отдѣлились другъ отъ друга въ его сознаніи: слитки золота величиною съ дѣтскую голову были чистѣйшимъ вымысломъ. Но Гольдзоотъ — это была сама дѣйствительность.

Онъ долго смотрѣлъ на воду, потомъ сталъ медленно подниматься въ гору. Когда же они взошли наверхъ, онъ сказалъ:

— Ну, иди домой. Я теперь одинъ пойду.

Тогда, не пожавъ ему руки и не сказавъ на прощанье ни единаго слова, Іёрнъ пошелъ домой.

А Фите Крэй продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, среди мертвой степи. Когда Іёрнъ оглянулся, фигура его выдѣлялась на горизонтѣ, какъ черный столпъ.

Потомъ Фите Крэй медленно повернулся и опять спустился въ котловину, положилъ свой узелокъ около воды, снялъ съ себя куртку, растянулся на травѣ и запустилъ въ воду руку, стараясь достать до дна. Такъ, подвигаясь по травѣ, обползъ онъ кругомъ всего колодца, но ничего не нащупалъ. Тогда онъ поспѣшно раздѣлся, схватился за нѣсколько толстыхъ сучьевъ, склонившихся надъ водою, спустился осторожно въ холодную воду и сталъ ногами на дно. Вода доходила ему по грудь. Онъ сталъ осторожно передвигаться, но не нащупывалъ ничего твердаго. Дно было мягкое, песчаное, покрытое мѣстами сгнившею листвой. Онъ трижды наклонялся, чтобы ощупать стѣнки, но и тутъ ничего не было, кромѣ скользкой глины, поросшей водяными растеніями.

Тогда онъ понялъ, что надѣяться больше не на что. Онъ вылѣзъ изъ воды и, не надѣвая рубашки, остановился. Онъ стоялъ прямо и тихо. Онъ не чувствовалъ рѣжущаго холода, который хлесталъ его своими тонкими желѣзными прутьями. Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ колодецъ, который тоже смотрѣлъ на него своимъ тихимъ печальнымъ глазомъ, словно давая ему понять, что онъ не выдастъ своей тайны.

* * *

Повсюду летали въ воздухѣ тонкія паутины, ароматъ цвѣтовъ и невидимыя сѣмена травъ неслись изъ сосѣдняго сада; и умному вдумчивому глазу удавалось замѣтить иногда прекрасный, возвышенный и страшный обликъ судьбы, которая, сидя на вѣковѣчномъ камнѣ и подперевъ свою голову съ морщинистымъ лбомъ, чертила на пескѣ какой-то мудреный узоръ—планъ тѣхъ запутанныхъ дорогъ, которыми суждено брести намъ въ нашей человѣческой жизни. Фите Крэй былъ не единственный, для котораго эта апрѣльская ночь оказалась такою многозначительною.

Какъ разъ въ то время, о которомъ мы разсказываемъ, жила въ селѣ одна молодая дѣвушка, дочь простого крестьянина. Она была высока ростомъ, хороша собой и вызывала пылкія страсти въ сердцахъ мѣстной молодежи. Ей шелъ уже двадцатый годъ, но до сихъ поръ она упорно отклоняла всякія исканія. Она

рѣдко показывалась на вечеринкахъ, а если и показывалась, то случалось, что послѣ перваго же танца она мрачно покидала залу, запрягала лошадь и темною ночью уѣзжала одна домой. Среди молодыхъ дѣвушекъ у нея не было ни одной подруги; но этою зимою она сошлась съ одной тихою милою женщиною, которая, рано выйдя замужъ, поселилась со своимъ мужемъ въ чужой для нихъ мѣстности, гдѣ они купили себѣ домикъ; теперь она ожидала рожденія своего перваго ребенка. Къ этой молодой женщинѣ заходила она иногда посидѣть въ тихіе сумеречные часы; и однажды она стала осторожно разспрашивать ее, какъ она могла рѣшиться на бракъ—на такую полную и безусловную близость съ мужчиною? И въ то время, какъ ея подруга, удивленная и смущенная такимъ вопросомъ, искала отвѣта на него, она залилась слезами и призналась, что въ сердцѣ ея давно уже поселилась любовь, но что она до сихъ поръ не можетъ превозмочь себя и открыто пойти навстрѣчу любимому человѣку. При мысли о сближеніи съ нимъ она чувствуетъ непреодолимый страхъ; какъ дочь крестьянина, выросшая въ деревнѣ, она хорошо знаетъ, что такое бракъ. Молодая женщина попыталась успокоить ее робкими, неувѣренными словами и сказала, что любовь заставляетъ забывать о тягостной сторонѣ брака.

Однако, несмотря на эту бесѣду, ничто не измѣнилось въ душѣ ея. И она горько плакала въ своей одинокой комнаткѣ, негодуя на свою несчастную натуру, которая не давала ей сдѣлаться ни монахиней, ни настоящею женщиной и заставляла ее терзаться сознаніемъ, что она мучитъ любимаго человѣка.

Черезъ нѣкоторое время, въ тотъ самый апрѣльскій вечеръ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, въ городѣ опять устроилась вечеринка. Какъ разъ передъ этимъ было новолуніе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней она была сильно разстроена. Но за день до вечеринки она опять почувствовала себя бодрою и здоровою и рѣшила воспользоваться этимъ хорошимъ, почти веселымъ настроеніемъ, превозмочь себя и поѣхать въ городъ. Она намѣревалась быть привѣтливою съ людьми, побѣдить свое отвращеніе къ танцамъ, а главное—держать себя какъ можно проще и довѣрчивѣе съ любимымъ человѣкомъ, если только онъ захочетъ танцовать съ нею.

Войдя въ залу, она сейчасъ же увидѣла его—онъ стоялъ у окна. Повидимому, онъ поджидалъ ее: глаза его засвѣтились радостью и преданною любовью. Онъ былъ изъ зажиточныхъ крестьянъ и, также какъ она, былъ одаренъ отъ природы благородною, цѣломудренной душою. При видѣ его, она почувствовала глубокую радость и укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи выказать ему всю свою симпатію.

Но когда заиграла музыка и толпа молодыхъ людей подошла къ молодымъ дѣвушкамъ, и она скорѣе почувствовала, чѣмъ увидѣла сквозь полуопущенныя вѣки, что любимый человѣкъ приближается къ ней, она едва пересилила себя, чтобы согласиться на танецъ. Когда же онъ въ промежуткѣ между танцами заговорилъ съ нею, лицо ея поблѣднѣло, губы задрожали, взглядъ сталъ холоднымъ и высокомѣрнымъ, юное прелестное лицо ея какъ бы застыло и оледенѣло. Увидѣвъ это, онъ отвелъ ее на прежнее мѣсто, но она сейчасъ же поднялась и вышла изъ залы, чтобы ѣхать домой.

Дорогою, сидя въ своей таратайкѣ, среди тишины широкой ночной природы, она все еще сохраняла то выраженіе лица, которое появилось у нея въ залѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги шелъ невысокій валъ, за нимъ простиралось плоское унылое поле. Она смотрѣла на окружающую природу словно съ высоты птичьяго полета. Станъ ея было выпрямленъ, выраженіе лица было исполнено высокомѣрія: она точно гордилась тѣмъ, что изъ всѣхъ дѣвушекъ она одна отличается такою неприступностью.

Но въ то время, какъ таратайка ея безшумно подвигалась среди ночного мрака по глубокому песку дороги, она услышала въ отдаленіи голосъ птички, которая жалобно звала своего супруга. Подъѣзжающая таратайка пробудила его отъ глубокаго сна, и скоро по близости раздался его радостный откликъ. Тѣсно

прижавшись другъ къ другу, перелетали они черезъ дорогу, испуская радостные крики.

Когда дѣвушка, оторвавъ глаза отъ птичекъ, опять поглядѣла на дорогу, она вдругъ замѣтила, что окружающая мѣстность была жутко-пустынна, а воздухъ проникнутъ мутнымъ пустымъ сумракомъ. Чувство одиночества, съ которымъ связано было до сихъ поръ столько гордости, вдругъ превратилось въ страхъ. Она вновь ясно почувствовала, что гораздо легче поступать такъ, какъ всѣ ея сестры, чѣмъ противиться тому, что требовала отъ нея—то смѣющимся, то серьезнымъ и почти угрожающимъ голосомъ—матьприрода. Охваченная этимъ чувствомъ, она опустила голову и тихо заплакала. Чѣмъ выше заносилась до сихъ поръ ея гордость, тѣмъ глубже былъ теперь ея упадокъ. Образъ возлюбленнаго, развѣнчанный на время ея высокомѣріемъ, снова всталъ въ своихъ прекрасныхъ тонкихъ чертахъ. Печать благородства, лежавшая на всемъ его существѣ, отличавшая всякое его движеніе, внезапно ощутилась ея сердцемъ, и изъ этого сердца вырвался обращенный къ нему призывъ. Она наморщила лобъ и стала мучительно думать о томъ, какъ бы побѣдить страхъ, который она чувствовала къ этому, столь горячо любимому человѣку. Она стала обдумывать разные планы, стараясь какъ бы перехитрить самое себя. Наконецъ, она напала на мысль остановиться передъ своими воротами и прождать тамъ до самаго разсвѣта. Уединенное расположеніе ея двора достаточно благопріятствовало такому плану. Къ тому же она надѣялась, что послѣ того, какъ она оставила залу, и онъ поспѣшитъ вернуться домой. А когда онъ подойдетъ—онъ имѣлъ обыкновеніе ходить пѣшкомъ,—она твердо рѣшила побороть себя и заговорить съ нимъ. Она хотѣла сказать ему, чтобы онъ извинилъ ея робость, потому что вѣдь онъ дорогъ ей, какъ никто на свѣтѣ. Остановившись на этой мысли, съ твердымъ намѣреніемъ привести ее въ исполненіе, она тихо продолжала свой путь.

Но по мѣрѣ того, какъ она яснѣе представляла себѣ этотъ моментъ, когда она, наконецъ, должна будетъ отдаться ему, она замѣчала, что въ ней снова поднимается какое-то упрямое сопротивленіе. Напрасно пыталась она бороться съ этимъ чувствомъ: оно все больше захватывало ее, и она уже была готова окончательно поддаться ему. Блескъ уже потухъ въ прекрасныхъ глазахъ ея. Какъ разъ въ это время она подъѣхала къ тому мѣсту дороги, откуда видѣнъ спускъ въ котловину, въ двадцати шагахъ отъ края которой, посреди дубоваго кустарника, находится Гольдзоотъ. Заглянувъ въ котловину, она увидѣла сквозь окутывавшій ее прозрачный сумракъ, что около блестящаго на поверхности круглаго колодца бѣлѣетъ фигура какого-то человѣка; онъ стоялъ совершенно неподвижно и глядѣлъ на воду. Она испугалась, дернула возжи и хотѣла привычнымъ легкимъ окрикомъ разогнать вскачь свою молодую горячую кобылу; но сердце такъ билось у нея въ груди, что удары его отдавались въ горлѣ, голосъ ея осѣкся, и кобыла, которую она дернула за возжи, поняла это, какъ приказаніе остановиться, и замерла на мѣстѣ, подобно бѣлѣющей фигурѣ юноши у зеркала воды и самой молодой дѣвушкѣ, которая тяжело переводила дыханіе, сидя въ своей таратайкѣ.

Но тутъ въ умѣ ея блеснула свѣтлая, бодрящая мысль, что явленіе это было не случайное, что оно было ниспослано ей, какъ призывъ къ здоровой жизни, вѣрной законамъ природы. Она вглядывалась въ этотъ тонкій, горделивый и сильный обликъ,—въ свободный, мощный станъ юноши, узкій въ колѣняхъ, смѣло расширяющійся въ бедрахъ, сильный, словно вызывающій и ликующій въ широко развернувшейся груди и увѣнчанный склоненною головою. И въ ту минуту, какъ она смотрѣла на него, передъ нею раскрылись тѣ глубины души ея, гдѣ живетъ истинная правда, гдѣ обитаютъ въ тѣсномъ неразрывномъ союзѣ между собою Богъ и природа, и она поняла, что истиннымъ сотоварищемъ ея можетъ быть только тотъ, съ кѣмъ она сольетъ воедино, въ нѣчто цѣльное и полное, все несовершенное, неполное существо свое; и каждый внесетъ въ этотъ

союзъ то, что свойственно ему отъ природы, и отдастъ себя, чтобы взять другого. Чувство высокой радости пробѣжало волною по ея членамъ; глаза ея наполнились слезами, которыя застлали отъ нея все окружающее. Потомъ она засмѣялась надъ самой собою тихимъ звенящимъ смѣхомъ. Лошадь тронулась, мальчикъ, стоявшій у воды, испугался. Но и еще одинъ человѣкъ услышалъ этотъ смѣхъ: онъ шелъ по дорогѣ вслѣдъ за таратайкою, но до этой минуты шелъ склонивъ голову, и былъ совершенно поглощенъ мучившими его мыслями.

Онъ услышалъ смѣхъ и узналъ его. Ускоривъ шагъ, онъ сейчасъ же догналъ ее.

— Какъ ты тихо ѣдешь, — сказалъ онъ.

Она опять тихо засмѣялась и сказала лукавымъ голосомъ:

— Я нарочно такъ тихо ѣхала, чтобы ты могъ догнать меня. Вѣдь тебѣ нужно было еще одѣться.

Онъ не вслушался особенно въ ея слова. Онъ подумалъ, что, выходя изъ залы, она замѣтила, что и онъ сталъ собираться въ дорогу. Но голосъ ея ясно сказалъ ему, что насталъ, наконецъ, и его часъ, и сердце его переполнилось радостью и задрожало.

Онъ положилъ руку на бортъ таратайки и пошелъ рядомъ съ нею, говоря:

— Почему же ты такъ рано уѣхала?

— А какъ бы ты думалъ,—почему?— сказала она.

— Я думаю для того, чтобъ мы встрѣтились здѣсь.

— Если ты такъ думаешь, то ты умный парень,—сказала она,—а потому нечего тебѣ идти пѣшкомъ. Садись сюда.

Она придержала лошадь, и онъ отстегнулъ кожаный фартукъ. Но прежде чѣмъ онъ влѣзъ въ экипажъ, онъ нашелъ нужнымъ выказать передъ нею нѣкоторую гордость. «Какъ разъ теперь это будетъ особенно умѣстно, думалъ онъ,— иначе потомъ ея высокая душа будетъ мучиться мыслью, что у ея возлюбленнаго не хватило гордости, чтобъ наказать ее за высокомѣрное поведеніе на сегодняшнемъ вечерѣ». Поэтому онъ сказалъ ей тихо и спокойно, какъ если бы дѣло шло о чемъ-нибудь такомъ, что разумѣется само собою:

— Только я не хочу больше видѣть того лица, какое ты мнѣ дѣлала тамъ, въ залѣ. Если ты будешь мила со мною,—ну тогда, другое дѣло, тогда я поѣду съ тобой.

Она кивнула ему головой и сказала, посмѣиваясь:

— Садись только. Тогда тебѣ будетъ не худо,—ты развѣ худого заслужилъ?— И она положила руку ему на плечо.

Тогда онъ вскочилъ въ таратайку и, не говоря ни слова, взялъ у нея изъ рукъ возжи. Она не сопротивлялась, откинулась къ спинкѣ и сказала:

— Поѣзжай потише.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Какъ же ты такой умный, а не знаешь—почему?

— Я знаю,—сказалъ онъ.—Чтобы мы подольше были въ дорогѣ!

Сказавъ это, онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ ее, и съ этого часа она стала ему доброй женою. Онъ правилъ лошадью, и она не могла отдать себѣ отчета, хочется ли ей ѣхать медленнѣе или скорѣе.

* * *

Стоявшій у воды бѣдный мальчикъ набросилъ на себя наскоро свое платье и сталъ быстро подниматься на гору, откуда только что скрылась таратайка, увозившая двухъ счастливыхъ молодыхъ людей. Поднявшись, онъ еще разъ обернулся и взглянулъ на село. Широкая дюна, на которой копошились еще его предки, слабо бѣлѣла сквозь сумракъ ночи. Но онъ больше не оборачивался, а пошелъ прямо черезъ степь, направляясь къ двумъ низенькимъ широкимъ дубамъ, стоявшимъ на перекресткѣ дорогъ. Подъ однимъ изъ нихъ стояла молоденькая Трина Кюль; на ней было платье, сшитое когда-то для конфирмаціи и теперь уже черезчуръ короткое, а подъ мышкой у нея, также какъ и у него, былъ узелокъ.

— Гдѣ ты былъ?—сказала она.

Онъ не отвѣтилъ на ея вопросъ, а спросилъ со своей стороны:

— Дѣйствительно ли ты хочешь идти со мною?

— Да,—сказала она. — Да какъ и не идти? Вѣдь Клаусъ Уль—пріютскій староста, и такъ какъ я выросла въ пріютѣ, то онъ позволяетъ себѣ класть въ карманъ мое жалованье или отдаетъ его въ общинную кассу; и при этомъ они еще требуютъ отъ меня благодарности. Если ты возьмешь меня съ собой, я пойду въ Гамбургъ и найду себѣ тамъ мѣсто. Но я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ, этотъ Гамбургъ. Постой, мнѣ нужно получше сложить мои вещи.

Она стала на колѣни, развязала узелокъ, вынула оттуда рабочее платье, три рубашки, три пары чулокъ и пару кожаныхъ туфель и вновь аккуратно сложила ихъ. Потомъ они пошли дальше, поднимаясь вгору. Вѣтеръ дулъ имъ въ спину, сухая листва и песокъ неслись, обгоняя ихъ, по дорогѣ.

Наконецъ, они поднялись на гору и стали опять спускаться. Здѣсь, на защищенномъ отъ вѣтра склонѣ, стояла повозка Тиссъ Тиссена. Лошади съ распущенными хомутами ѣли траву; Тиссъ Тиссенъ, свѣсивъ голову, спалъ на высокомъ покойномъ сидѣньѣ.

— Тиссъ!—сказалъ Фите Крэй.— Проснись! Трина Кюль тоже пришла и хочетъ ѣхать съ нами. Нечего разсуждать объ этомъ, Тиссъ. Это все равно ни къ чему. Мы теперь хотимъ въ Гамбургъ пробраться, а тамъ видное будетъ дѣло.

* *
*

Черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи, въ то время, когда въ школахъ начались занятія, Генрихъ Уль, любимый и самый блистательный изъ сыновей своего отца, сказалъ ему:

— Послушай, отецъ! Знаешь, какія странныя вещи малый-то нашъ говоритъ,—Іёрнъ? Онъ въ школу какъ будто ужъ и не собирается, а хочетъ здѣсь остаться. Нельзя же допустить, чтобы и онъ крестьяниномъ остался. Сколько же это дворовъ тебѣ придется покупать? Ты непремѣнно долженъ поговорить съ нимъ.

Когда отецъ позвалъ Іёрна и спросилъ, правду ли сказалъ ему Генрихъ, онъ сказалъ, что хочетъ остаться дома и работать. Отецъ изругалъ его и сталъ бить плетью, но онъ остался при своемъ рѣшеніи. Мотивовъ этого рѣшенія онъ такъ и не высказалъ.

Вечеромъ, когда онъ былъ уже въ постели, въ своей комнатѣ, гдѣ, со времени ухода Фите Крэя, онъ жилъ совершенно одинъ, къ нему вошла Витенъ Пеннъ; она хотѣла утѣшить его и просила сказать ей, почему онъ измѣнилъ свои планы; вѣдь онъ такъ страстно хотѣлъ учиться. Сначала она не могла добиться отъ него ни единаго слова,—такъ горько онъ плакалъ. Потомъ она услышала отъ него отрывочныя слова, подтвердившія то, что она думала: на этой недѣлѣ, если бы не онъ, никто бы не позаботился о жеребенкѣ, и старшій работникъ совсѣмъ испортилъ бы лошадей своими пинками, если бы онъ не заходилъ отъ времени до времени въ конюшню. У рыжаго мерина и такъ уже рана на колѣнѣ. Фите Крэй тоже не всегда держалъ лошадей въ порядкѣ, но теперь, когда и Фите нѣтъ, и онъ уѣдетъ, Богъ знаетъ, что тутъ будетъ твориться.

Когда она попробовала утѣшить его и, гладя его жесткіе волосы, сказала: Все будетъ хорошо, только не плачь, мой милый мальчикъ!—онъ заплакалъ еще сильнѣе и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Неужели ты думаешь... что мнѣ легко на это рѣшиться?.. Только я не могу больше учиться. Ни одной книги не могу больше взять въ руки. Такимъ же дуракомъ, какъ другіе, останусь...

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, Іёрнъ Уль надѣлъ на себя фартукъ, оставленный на конюшнѣ Фите Крэемъ.

Такъ налетѣлъ вихрь на венторфскихъ дѣтей, выхватилъ и умчалъ вдаль того, который хотѣлъ остаться, и захлопнулъ дверь передъ носомъ у того, который собирался уйти; вывелъ сына работника въ голую, мертвую степь и показалъ ему въ туманномъ отдаленіи всѣ сокровища и все великолѣпіе міра, а хозяйскому сыну бросилъ подъ ноги фартукъ конюха.

Глава седьмая.

Итакъ, на слѣдующій же день, Іёрнъ надѣлъ на себя фартукъ, валявшійся у стѣны конюшни, который сбросилъ съ себя разгнѣванный Фите Крэй.

Ходить въ школу, учебная программа которой не представляла больше для него ничего новаго, онъ не имѣлъ теперь ни малѣйшей охоты. Уроки Закона Божія, необходимые въ виду конфирмаціи, которые давалъ ему усердный и привѣтливый человѣчекъ—все это старое церковное ученіе было непонятно ему, а потому и тягостно. Практическій, трезвенный юноша, разсматривавшій все съ точки зрѣнія хозяйственныхъ и вообще мѣстныхъ, сельскихъ интересовъ, не могъ понять ученія о грѣхѣ и благодати, которое ему преподавали.

Грѣхъ, по его мнѣнію, опредѣлялся здѣсь съ излишнею снисходительностью къ тому, что дѣлаютъ люди, благодать давалась черезчуръ легко. Грѣхъ начинается только съ воровства, грабежа и убійства, а благодать дается всякому, кто «возложилъ грѣхъ свой на Господа». Іёрнъ Уль не могъ уразумѣть этого добраго Бога. Онъ казался ему какимъ-то страшно непрактичнымъ хозяиномъ, который, сидя въ своей комнатѣ, съ гордостью перелистываетъ свои счетныя книги, въ то время какъ за стѣнами этой комнаты служащіе жестоко надуваютъ его.

Служащіе во дворѣ люди всѣ любили его: они считали его за равнаго. Однако онъ хотѣлъ, чтобы они ставили его выше себя, чтобъ они чувствовали къ нему извѣстное почтеніе и, изъ почтенія къ нему, усерднѣе исполняли свою работу. Такимъ образомъ онъ былъ привлекателенъ имъ, такъ какъ защищалъ ихъ интересы и дѣлилъ съ ними трудъ, и въ то же время вызывалъ ихъ неудовольствіе, потому что немедленно замѣчалъ, что кто-нибудь изъ пашущихъ остановился въ полѣ со своимъ плугомъ, или что дѣвушки, сидя между коровами, заболтались и позабыли о томъ, что нужно доить молоко. Тогда онъ шелъ прямо черезъ поле своими большими шагами, заложивъ руки въ карманы, какъ если бы это была случайная прогулка, и съ невиннымъ видомъ, весело посмѣиваясь, заставлялъ ихъ взяться за остановившуюся работу. Въ разговорахъ между собою они называли его ландфогтомъ, а нѣкоторые говорили, что онъ страсть какой шустрый. Но онъ не боялся насмѣшки; ему было безразлично это; только бы поле было во-время обработано, и скотъ содержался-бы въ порядкѣ. Ни о чемъ другомъ онъ не думалъ, ни о чемъ другомъ не заботился. Такимъ образомъ, уже въ ранней юности душа его была сосредоточена на важныхъ, серьезныхъ вопросахъ, и это положило благотворную печать на всю его дальнѣйшую жизнь.

Поэтому-то, вродолженіи двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за егоконфирмаціей, онъ никого не ставилъ такъ высоко, какъ крестьянина Вильгельма Дрейера. Когда-то онъ началъ свое хозяйство почти безъ гроша, въ теченіе сорока лѣтъ жилъ необыкновенно экономно, усердно трудился и теперь, достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, занималъ очень помѣстительный домикъ подъ липами. Онъ уже съ давнихъ поръ былъ во враждѣ съ Клаусомъ Улемъ, а старшихъ дѣтей его какъ будто и вовсе не замѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на на міръ умнымъ, наблюдательнымъ взглядомъ и хорошо зналъ, что легкомысліе, трусость, нечистая совѣсть могутъ довести людей до низости, до негодяйства и до отчаянія. Но когда острый взоръ этого старика съ умнымъ безбородымъ лицомъ и тронутыми сѣдиной гладкими длинными волосами замѣчалъ на полѣ длинную фигуру Іёрна, онъ проворно перескакивалъ черезъ рвы и, подойдя къ нему, начиналъ разспрашивать его о томъ и о другомъ или дѣлалъ ему своимъ высокимъ, спокойнымъ голосомъ какія-нибудь сообщенія изъ своего трудового опыта, и Іёрнъ слушалъ его, какъ рѣдко слушаетъ человѣкъ даже религіознаго проповѣдника. Это было настоящимъ Евангеліемъ для него въ эти годы. Быть трезвымъ и бережливымъ, работать и умѣло вести свое хозяйство—вотъ въ чемъ состоялъ для него святой завѣтъ, вотъ что было для него «благою вѣстью».

Когда, много лѣтъ спустя, онъ про-

ходилъ однажды по полямъ подлѣ Венторфа и рядомъ съ нимъ шелъ одинъ изъ его дѣтей, онъ поднялъ трость и, указывая ею на полоску поля, сказалъ:— Посмотри на эту полосу, мальчикъ: здѣсь когда-то старикъ Дрейеръ показывалъ мнѣ, какъ проводить борозды. А въ другой разъ онъ сказалъ:—Посмотри! Тамъ, гдѣ теперь посѣяны бобы, я когда-то впервые выкосилъ полосу пшеницы, а неподалеку оттуда, подлѣ рва, старый Дрейеръ научилъ меня точить косу. Мнѣ тогда не было еще и семнадцати лѣтъ. Пшеница созрѣла, а работниковъ нельзя было достать. Вотъ старикъ и говоритъ мнѣ: «Ты долженъ самъ ее скосить, Іёрнъ!» А когда я принялся за косьбу, онъ тоже пришелъ со своею косой, на которой была порядочная ржавчина, и косилъ со мною до самаго захода солнца, и коса его заблестѣла. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «Я не хотѣлъ отъ тебя отставать»! Я тоже засмѣялся и сказалъ: «А я не хотѣлъ отъ васъ отставать». Никогда въ жизни я такъ крѣпко не спалъ, какъ въ эту ночь.

Отецъ и братья все болѣе и болѣе ненавидѣли его. Онъ былъ какимъ-то постояннымъ злымъ упрекомъ для ихъ совѣсти. Нерѣшительность сужденій, свойственная по отношенію къ взрослымъ членамъ семьи въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, предохраняла его отъ явнаго и открытаго презрѣнія къ нимъ. Напротивъ того, онъ держался робко, молчалъ, когда надъ нимъ издѣвались, и краснѣлъ, когда они смотрѣли, какъ онъ исполнялъ какую-нибудь работу, которую собственно должны были бы сдѣлать они. Онъ краснѣлъ за себя и за нихъ. Но эта робость и подавленность, въ которой чувствовался какой-то скрытый упрекъ, только еще болѣе бѣсили ихъ.

Однажды, когда онъ въ своей сѣровато-синей рабочей блузѣ, обвисавшей на его худомъ длинномъ тѣлѣ, ходилъ отъ дому къ сараю и обратно, отецъ его, собиравшійся въ городъ и уже сѣвшій въ повозку, поднялъ бичъ и, указывая имъ на юношу старшимъ сыновьямъ, сказалъ своимъ мягкимъ звучнымъ, смѣющимся голосомъ:

— Вотъ такъ молодецъ! Хорошимъ бы ландфогтомъ онъ у насъ былъ, нечего сказать! Да я десять талеровъ бы не взялъ, чтобы посадить съ собою въ повозку эдакаго болвана и ѣхать съ нимъ въ городъ! Никогда и не подумаешь, что Ульс!

Когда отецъ уѣхалъ, Гансъ сказалъ ему:

— Слушай-ка! Я постараюсь остаться здѣсь хозяиномъ. Вѣдь ты у насъ бабъ не любишь, навѣрное всегда останешься холостякомъ, тихоней и рабочею клячей. Оставайся у меня! Насчетъ содержанія тебѣ жаловаться не придется. За твою работу я съумѣю тебѣ отплатить.

А Генрихъ сказалъ:

— Мы въ будущемъ году лишняго работника отпустимъ, а деньги пропьемъ.

По вечерамъ Іёрнъ и Эльсбе сидѣли въ комнатѣ Витенъ. За послѣдніе годы Витенъ какъ-то затихла и пріуныла, особенно съ того дня, какъ Фите Крэй бросилъ ей въ лицо свои жестокіе упреки. Она обладала необыкновенною памятью и такимъ воображеніемъ, что всѣ жизненныя событія, происшедшія на ея глазахъ или переданныя ей въ разсказахъ, непрестанно стояли передъ ея глазами въ яркихъ, не блѣднѣющихъ отъ времени образахъ и картинахъ. Прежде, когда она была молода, сила и бодрость юности помогали ей быть госпожею въ этомъ мірѣ картинъ и образовъ,—вызывать передъ собою наиболѣе свѣтлые и отрадные и отгонять мрачные и печальные. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ надвигалась старость, все навязчивѣе обступали ее печальные образы. И, сидя за ручной работою, она могла часами молча смотрѣть куда то въ пространство съ мертвеннымъ скорбнымъ лицомъ. Въ такіе часы она вновь переживала все прошлое, переходя отъ одной картины къ другой, вызывая въ своемъ воображеніи то какое-нибудь тяжкое событіе, въ одинъ день уничтожившее счастье цѣлой семьи, то томительную заботу, которая втеченіе долгихъ лѣтъ грызла домашнюю жизнь людей, то милые, чистые глаза, залитые слезами, то грубое лицо, пылающее звѣрскимъ гнѣвомъ. Такъ переходила она, совершенно непроизвольно, отъ одной картины къ другой. Впослѣдствіи, когда она совсѣмъ состарилась и спокойно

доживала свои дни въ тихомъ Гезгофѣ, картины эти потускнѣли и она перестала мучиться ими.

Іёрнъ, смертельно утомленный тяжелою работою, сидѣлъ съ пустою отяжелѣвшею головой, говорилъ мало и рано шелъ спать.

Это были плохіе товарищи для маленькой жизнерадостной Эльсбе, въ которой все сильнѣе, горячѣе, все ярче работала уже высказанная ею мысль: «Мнѣ нужно любить что-нибудь».

Старшіе братья сидѣли въ переднихъ комнатахъ дома, гдѣ собралась компанія ихъ товарищей. Нѣсколько разбитныхъ дѣвушекъ присоединилось къ нимъ. Когда въ тихую комнату, гдѣ молчаливо сидѣли Витенъ, Іёрнъ и Эльсбе, доносился черезъ сѣни какой-нибудь громкій возгласъ или подавленный дѣвическій смѣхъ, дѣвочка поднимала свою хорошенькую темную головку съ густыми волосами и мягкими очертаніями свѣжаго, цвѣтущаго личика, и безпокойно посматривала на дверь. Тогда Іёрнъ начиналъ шумно болтать или высказывалъ какую-нибудь мысль, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ двери. Но она безпокойно поднималась съ мѣста и подходила то къ окну, то къ двери. А иногда она открывала дверь и выглядывала въ сѣни. Тогда у стола раздавались два смущенныхъ испуганныхъ голоса: «Эльсбе, поди сюда! Эльсбе, затвори дверь!» Тогда, опустивъ головку, она снова возвращалась къ столу и думала про себя: «Если бы только ты была большая! Если бы ты была большая».

Въ воскресенье Іёрнъ до самаго обѣда работалъ въ конюшнѣ и въ хлѣву, потомъ шелъ домой и сейчасъ же освѣдомлялся, гдѣ Эльсбе. Только вечеромъ, когда она уходила къ своимъ однолѣткамъ-подругамъ, у него было три-четыре часа для спокойнаго отдыха отъ работы. Тогда онъ тихо сидѣлъ въ своей комнатѣ или же переходилъ черезъ дорогу и садился подъ окнами маленькаго домика Яспера Крэя.

Іёрнъ Уль! Кто былъ твоимъ ваятелемъ въ тѣ годы, когда душа человѣческая мягка, какъ воскъ, и ждетъ, чтобы кто-нибудь положилъ на нее свою печать? Кто былъ твоимъ руководителемъ въ тотъ періодъ жизни, когда родители уже не могутъ удержать насъ подъ своимъ контролемъ, а другіе люди еще не успѣли схватить возжей, которыя волочутся за нами по землѣ, въ то время какъ мы, сломя голову, мчимся по улицѣ, ведущей на площадь, на рынокъ жизни, гдѣ судьба съ такою серьезностью ставитъ намъ вопросъ: «Какая тебѣ цѣна?» Ибо, въ самомъ дѣлѣ, во всѣ періоды жизни, во всякомъ возрастѣ, имѣемъ мы тѣхъ или другихъ руководителей и наставниковъ, будь то родители, школа и законъ, жизненный опытъ, женщины, нужда и забота; но какъ разъ въ тѣ годы, когда весеннія бури, одна за другою, треплятъ верхушки совсѣмъ еще не окрѣпшихъ деревьевъ, мы оказываемся предоставленными себѣ, не имѣемъ ни поддержки, ни руководителя. Ой, что за трескъ и шумъ стоялъ въ воздухѣ! Какъ летѣли листья! Рубцы остались на нашей душѣ отъ этихъ бурь юности, и не мало вѣтокъ надломилось и было унесено вѣтромъ!

Старый Дрейеръ былъ наставникомъ Іёрна Уля во всемъ, что касается практической жизни; Ясперъ Крэй былъ его проводникомъ на широкихъ, бездорожныхъ поляхъ житейской мудрости. Клаусъ Уль сидѣлъ въ пивной и говорилъ умныя слова, все зналъ и обо всемъ имѣлъ свое сужденіе. Сынъ его ходилъ къ маленькому кудрявому Ясперу Крэю и тамъ, подъ его соломенною кровлею, впервые научался мыслить, выносилъ оттуда свои первыя представленія о законахъ жизни. Часы, проводимые имъ у Яспера Крэя, имѣли для него тѣмъ большее значеніе, что зрѣлый и юношескій возрастъ находили здѣсь полное пониманіе другъ у друга, взаимно цѣнили другъ друга и вовлекались въ открытые честные споры. Когда и гдѣ учились мы съ наибольшею пользою для себя? Въ школахъ? Въ аудиторіяхъ? У профессоровъ? Нѣтъ, самое плодотворное ученіе наше состояло въ томъ что, выйдя въ открытое поле, мы старались расправить свои крылья и взлетѣть надъ землею.

Подобно всѣмъ вообще Крэямъ, Ясперъ

былъ человѣкъ съ прошедшимъ. Въ юные годы онъ побывалъ въ верхней Германіи—какъ разъ въ то время, когда народъ буйно требовалъ, чтобы ему дали право участвовать въ правленіи. Ясперъ Крэй не смогъ быть безстрастнымъ зрителемъ всего происходившаго. Ни одному Крэю не дано быть безстрастнымъ. Нѣсколько возбужденный, нѣсколько запыхавшійся, нѣсколько смущенный, подобно человѣку, котораго вытолкали изъ танцовальной залы и который на минуту оборачивается, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спѣшитъ дальше, домой—вотъ какимъ вернулся онъ въ родной Венторфъ.

Если бы онъ остался холостымъ или, по крайней мѣрѣ, подождалъ съ женитьбой, онъ, навѣрное, еще разъ пошелъ бы на чужбину, затѣялъ бы тамъ какое-нибудь болѣе или менѣе удачное предпріятіе и, быть можетъ, нажилъ бы себѣ состояніе; но какъ разъ подъ впечатлѣніемъ своего печальнаго возврата онъ женился и, какъ бы одержимый какимъ то смутнымъ желаніемъ обуздать себя, наложить на себя оковы, избралъ себѣ въ жены самую незначительную дѣвушку, которая къ тому же была до того привязана къ родительскому дому и Санктъ-Маріендонну, что, уѣхавъ оттуда, затосковала и впала въ полное уныніе. Пошли дѣти, болѣзни, заботы о кускѣ хлѣба. Онъ сталъ работать въ качествѣ поденщика у Клауса Уля. Онъ давно уже сознавалъ, что ему нечего больше ждать отъ жизни. Въ зимнее безработное время онъ дѣлалъ травяныя метелки, щетки и скребницы; съ внѣшней стороны онъ сталъ совсѣмъ похожъ на другихъ.

Но время отъ времени снова просыпалась въ немъ прежняя тревога. Каждый годъ, въ день дѣтскаго праздника, уже къ самому утру, высказавъ въ глаза своему сосѣду Клаусу Улю всю горькую правду и напророчивъ ему всякихъ бѣдъ и погибели, затягивалъ онъ ту пѣсню, которую пѣлъ когда то во Франкфуртѣ; а въ позднѣйшіе годы, когда настало время выборовъ въ рейхсстагъ, онъ ходилъ въ шесть или восемь домовъ, гдѣ жили особенно невѣжественные и равнодушные къ политикѣ люди, обучалъ ихъ, будилъ ихъ умы

Съ внѣшней стороны онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ; но въ глубинѣ души онъ не разставался со старыми фантазіями. Такъ какъ фантазіи эти стояли въ непримиримомъ противорѣчіи съ скромною и печальною правдой его жизни, то ему оставалось либо озлобиться и, съ горечью созерцая все, что творится въ мірѣ, отравлять жизнь себѣ и своимъ домашнимъ, либо съ добродушнымъ юморомъ высмѣивать собственныя ошибки и, прохаживаясь по полямъ добрыхъ сосѣдей, объяснять имя, какъ скверно они хозяйничаютъ.

Сидя въ воскресные вечера подъ окнами низенькаго дома, они предавались бесѣдамъ на разныя важныя міровыя темы. Жена сидѣла въ комнатѣ, у открытаго окна; дѣти, возвратившись съ Рингельгёрна, тихо ложились въ постель. Старшій сынъ, Августъ, который былъ косноязыченъ и совсѣмъ не поладилъ со школой, сидѣлъ въ дверяхъ на своемъ табуретѣ, обсыпанный тонкими бѣлыми стружками и вырѣзывалъ бѣльевыя клещи, которыми онъ зарабатывалъ себѣ кое-какія деньги. Онъ отличался такою же ограниченностью, какъ его мать, и нисколько не интересовался тѣми предметами, о которыхъ говорилъ его отецъ и Іёрнъ. Со времени своей конфирмаціи онъ ни разу не былъ въ церкви, ни разу не заглянулъ въ книгу или газету. Въ духовномъ отношеніи онъ жилъ только тѣмъ, что унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, и тѣмъ что ему приходилось слышать и видѣть въ своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но при такомъ экономномъ обращеніи со своими скудными духовными силами, которыя онъ направлялъ лишь на то, что непосредственно затрогивало его интересы или что творилось не далѣе, какъ за двѣ мили въ окружности, отстраняясь отъ всего, что выходило за эти предѣлы—отъ религіи, политики, отъ всякихъ злободневныхъ новостей, онъ мало-по-малу замѣтно навострился въ пониманіи того, что могло принести какую-нибудь выгоду въ его собственныхъ дѣлишкахъ. Впослѣдствіи онъ успѣшно прокармливалъ

свою семью и, не будучи ни сквернымъ человѣкомъ, ни безбожникомъ, заткнулъ за поясъ многихъ изъ своихъ товарищей, которые много учились въ свое время, но черезчуръ разсѣивали свое вниманіе, принимая къ сердцу всякое извѣстіе, вычитанное изъ газеты, и всякую уличную новость.

— Іёрнъ, — говорилъ Ясперъ Крэй, что говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ? Ты этого навѣрное не знаешь! Вы, Ули, этого не знаете. Тамъ говорится, что черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ всякая собственность должна быть подвергнута передѣлу. Вы, Ули, слишкомъ уже засидѣлись на своей землѣ; теперь мы, Крэи, должны были бы посидѣть въ вашихъ просторныхъ злачныхъ усадьбахъ. И знаешь, что я тебѣ скажу? Мы бы на вашемъ мѣстѣ куда лучше свои дѣла обдѣлали, чѣмъ вы на нашемъ мѣстѣ, т.-е. на нашемъ пескѣ! Чтобы это было, Іёрнъ, если бы вы да на такомъ пескѣ хозяйничали? Ты только вообрази себѣ своего отца, выѣзжающаго съ телѣжкой и собаками! Вообрази себѣ это пожалуйста, Іёрнъ! А потомъ онъ является ко мнѣ на дворъ: «Господинъ Крэй, не хотите ли!.. Господинъ Крэй, не угодно ли!..» А я оглядываю его съ ногъ до головы и говорю: «Мнѣ некогда, Уль, съ такими пустяками возиться! Ступайте къ моей женѣ!»

Жена кричитъ изъ глубины комнаты:

— Что ты чепуху то городишь, Ясперъ!

— Молчи, Трина!.. Такъ видишь ли, Іёрнъ, если ты противъ вѣтра ротъ откроешь и вдохнешь въ себя столько воздуху, сколько тебѣ въ душу влѣзетъ, никто не скажетъ тебѣ: «Эй ты! Убирайся прочь! Это мой вѣтеръ!» А если ты вздумаешь поселиться гдѣнибудь и начнешь въ потѣ лица своего перекапывать лопатою землю, чтобы прокормить себя и дѣтей своихъ, тогда люди говорятъ: «Убирайся прочь! Это моя земля!». Легкія и желудокъ, Іёрнъ, имѣютъ отъ Бога одинаковое право на пропитаніе свое. Если у тебя пища и платье есть,—ну, тогда можешь пожалуй и удовольствоваться этимъ. Но если кто захочетъ, умомъ и прилежаніемъ, достигнуть большаго, не довольствуясь только пищей и одеждой, то въ этомъ ему тоже не должно быть запрета.

— Да,—сказалъ Іёрнъ, только мнѣ это трудно какъ то понять.

— Трудно понять? А вѣдь посмотришь,—какой у тебя чуткій длинный носъ! Неужели у насъ земли не довольно и неужели правительство у насъ недостаточно сильный человѣкъ? Сколько скверно обработанной земли у насъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ! Вѣдь она бы вдвое больше приносила, если бы въ рукахъ работниковъ была!

— Ну, это ты напрасно думаешь,—сказалъ Іёрнъ, что всѣ работники усердны были бы, и бережливы, и трезвы. Развѣ ты позабылъ ту исторію, которая съ тобой самимъ приключилась, когда ты 1.200 марокъ получилъ?

— Э, голубчикъ! Что старое поминать!

— А я,—сказалъ Іёрнъ и ударилъ своею длинною рукой себя по колѣну,— если бы я теперь, — а вѣдь мнѣ всего семнадцать лѣтъ!—хоть 10.000 марокъ получилъ—неужели ты думаешь, что я хоть одну марку безъ толку бы истратилъ?

— Ну, полно, — сказалъ Ясперъ Крэй, — поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Въ это время изъ глубины темноты, съ той стороны, гдѣ стояла кровать, раздался какой-то сильный и грозный звукъ, похожій на ревъ поднимающейся вечеромъ непогоды. А вслѣдъ затѣмъ изъ окна высунулась въ своей ночной кофтѣ Трина Крэй:

— Постой, Іёрнъ, я тебѣ это все толкомъ разскажу.

— Ну, разсказывай себѣ на здоровье! — сказалъ Ясперъ Крэй и кивнулъ Іёрну головою.

— Получили мы эти 1.200 марокъ въ наслѣдство отъ тетки Стины, которая тогда умерла. Сестра ея, старая Трина, и теперь еще жива. Ну вотъ, выдали намъ эти деньги изъ суда, — я и посейчасъ все передъ глазами вижу, какъ если бы оно вчера было: взялъ онъ эти золотыя монетки и талеры и завязалъ ихъ въ платокъ. Подошли мы къ Гудендорфу, сѣли на

траву и пересчитали ихъ; когда намъ ихъ въ судѣ отсчитывали, намъ вѣдь не до того было: въ глазахъ зарябило...

Ну, сначала онъ ничего себѣ былъ, человѣкъ-человѣкомъ. Но черезъ нѣсколько дней стала я замѣчать, что онъ аппетита лишился. А потомъ вдругъ броситъ работу, придетъ домой, откроетъ сундукъ—и ну деньги пересчитывать. А по ночамъ спать совсѣмъ не могъ.

Такъ шло у насъ съ недѣлю и что ни день, то хуже. Цѣлыми часами, бывало, сидитъ на постели, наконецъ, встанетъ и сядетъ на сундукъ. Я полежу-полежу и засну. А одинъ разъ утромъ,— на дворѣ уже свѣтло было, — открыла я глаза, вижу: онъ опять тамъ на сундукѣ сидитъ, полуодѣтый, а между колѣнъ топоръ держитъ.

Ну, можешь ты себѣ представить, какъ я тутъ испугалась! Подумала: какъ бы онъ съ ума ни спятилъ, и стала его уговаривать, чтобы онъ снесъ деньги въ сберегательную кассу. Тогда вѣдь,—говорю,—ему нечего будетъ бояться, потому что вѣдь у нихъ тамъ желѣзный денежный ящикъ есть съ семнадцатью замками... И чего только я ему тутъ ни плела! Сначала онъ не соглашался; долго не соглашался; наконецъ, отнесъ-таки ихъ туда и получилъ оттуда эдакую маленькую желтую книжечку.

Ну тутъ дѣло еще хуже пошло. Чего я только съ этимъ человѣкомъ ни натерпѣлась, Іёрнъ! Онъ все читалъ эту книжку и говорилъ, что одна фраза другой прямо въ лицо плюетъ. Ясно, что тутъ дѣло пахнетъ обманомъ! И вообще, если бы тутъ все въ порядкѣ было, эта книжка была бы, по крайней мѣрѣ, такой толщины, какъ молитвенникъ, а не такая дрянь! Наконецъ, одинъ разъ, ночью, всталъ онъ, чтобы опять за эту книжку взяться, да что-то сразу не нашелъ ее, набросился на меня и говоритъ, что это я ее украла. Ну, тутъ я ему посовѣтовала: возьми ты свои деньги обратно. Такъ онъ и сдѣлалъ.

И что бы ты думалъ, Іёрнъ? Пить сталъ, Іёрнъ! Въ карты играетъ, кричитъ, со мною ссорится, съ Улемъ споры заводитъ, съ учителемъ Петерсомъ изъ-за дѣтей... Крикъ, шумъ въ домѣ стоитъ!.. Самъ помнишь, небойсь, какъ ты у Уля на навозной кучѣ стоялъ, вилами размахивалъ и кричалъ: «Я Ясперъ Крэй изъ Венторфа!» И добро бы тебя кто обидѣлъ?.. А то помнишь еще, какъ ты изъ города вернулся и ящикъ съ виномъ на себѣ притащилъ: говорилъ, что хочешь политическія собранія у себя устраивать! Это у насъ-то! Вино! политика!.. А то еще сталъ кошелькомъ объ заборъ бить и кричалъ: «У Яспера Крэя деньги завелись!..» Вотъ такъ времячко было, Іёрнъ, я тебѣ скажу! Какого только страху, какого горя я ни натерпѣлась! А потомъ,—какъ спустилъ денежки-то, да пересталъ объ нихъ думать, понялъ, что надо опять за работу приниматься,—опять все по-старому, да по-хорошему пошло: и объ женѣ, и объ дѣтяхъ опять сталъ заботиться, какъ добрый христіанинъ. Въ то время нашему Фите пять лѣтъ было, Іёрнъ... Ахъ, Іёрнъ, гдѣ-то онъ теперь, нашъ Фите?..

Съ этими словами она захлопнула окно и скрылась.

— Объ закладъ побьюсь, — сказалъ Ясперъ Крэй, — что если бы ей кто-нибудь сказалъ: вотъ тебѣ 1.200 марокъ, а вотъ тебѣ исторія объ 1.200 маркахъ, выбирай что хочешь,—она бы предпочла исторію. Я иногда немножко заношусь въ мысляхъ о себѣ, Іёрнъ, а ужъ объ умственныхъ способностяхъ Трины Крэй никогда ничего добраго не думалъ. Но когда я эту исторію вспоминаю, а особенно, когда она сама мнѣ эту исторію еще и еще разъ разскажетъ, тогда я становлюсь скромнымъ. Очень ужъ неожиданно они на насъ свалились, эти деньги. И очень ужъ много заразъ: 1.200 марокъ. Я къ этому неподготовленъ былъ. Но когда теперь другая тетка умретъ, — ей вѣдь подъ восемьдесятъ! — ты увидишь, какъ я разумно съ этими деньгами распоряжусь!

— Посмотримъ, — сказалъ Іёрнъ.— Пожалуй, опять будешь бояться, а чтобъ отъ страха отдѣлаться, примешься за вино!

— Что-о? — сказалъ Ясперъ Крэй и посмотрѣлъ на сидѣвшаго рядомъ съ

нимъ Іёрна серьезнымъ укоризненнымъ взглядомъ.—Я думаю, человѣкъ умнѣетъ съ годами.

— Многіе—да,—сказалъ Іёрнъ,—но далеко не всѣ.

Онъ сумрачно посмотрѣлъ на усадьбу отца за дорогой, скрывавшуюся въ тѣни рябинъ и тополей.

Такъ бесѣдовали они много и много разъ. Они похожи были на пару бѣгущихъ по полю собакъ двухъ совершенно различныхъ породъ: Ясперъ Крэй всегда впереди, разнюхивая, громко лая; Іёрнъ Уль—позади, ворча и рыча, съ тѣмъ большею бдительностью, осторожностью и предусмотрительностью, чѣмъ неосмотрительнѣе былъ первый. Предусмотрительнымъ и разсудительнымъ Іёрнъ Уль остался на всю жизнь.

Потомъ, когда начинало смеркаться, на дорогѣ показывался старшій работникъ съ обѣими дѣвушками. И старшій работникъ—это было тотъ самый Гарке Зимъ, который служилъ потомъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ и предотвратилъ крушеніе около Гамбурга, выбѣжавъ на встрѣчу поѣзду съ подожженнымъ, пылающимъ сюртукомъ въ рукахъ и, такимъ образомъ, остановивъ его какъ разъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лопнула рельса,—Гарке Зимъ приносилъ съ собою гармонику и тоже усаживался на скамейку, хотя на ней было такъ мало мѣста, что почти нельзя было пошевелить руками. Дѣвушки располагались на краю дороги, на зеленой травѣ. И Гарке Зимъ начиналъ играть и при этомъ, полузакрывъ глаза, такъ вяло покачивалъ въ тактъ головою и имѣлъ такой глупый видъ, что врядъ ли кто - нибудь, глядя на него въ это время, рѣшился бы довѣрить ему какое-нибудь дѣло, требующее быстроты и сообразительности.

Затѣмъ завязывался разговоръ объ урожаѣ сосѣда и объ дочеряхъ сосѣда. Затѣмъ этотъ разговоръ переходилъ на учителя Петерса и пастора; затѣмъ говорили о Гамбургѣ, о королѣ и, наконецъ о смерти.

Мѣсяцъ показывался между вѣтвей тополя. Черезъ дорогу перебѣгалъ хорекъ.

* * *

Въ тотъ же самый вечеръ и въ тотъ же часъ, на одной изъ верхнихъ улицъ Гамбурга въ книжной лавкѣ, находившейся какъ разъ у церкви св. Петра, сидѣлъ молодой человѣкъ, старшій ученикъ ушедшаго книготорговца, поджидая, на всякій случай, какого - нибудь запоздавшаго покупателя. Онъ былъ сынъ пастора изъ Люнебургской степи, выросъ на волѣ и съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ жестокую вражду съ латынью. Нѣмецкія книги онъ, однако, любилъ и тѣмъ больше любилъ, чѣмъ онѣ были пестрѣе. Въ виду этого-то отецъ и отдалъ его въ лавку подлѣ церкви св. Петра, сверху донизу набитую разными книгами. Онъ поступилъ туда довольно охотно; но скоро выяснилось, что и это занятіе не вполнѣ отвѣчало его жизненнымъ идеаламъ. Книгъ здѣсь было сколько угодно, и онъ могъ сколько угодно рыться въ нихъ, могъ иногда, вечеромъ, выискать себѣ любую книгу и засѣсть читать ее; но зато здѣсь не хватало многаго другого—того, что является, такъ сказать, настоящей обложкой для книгъ: далекой степи, темныхъ сѣноваловъ и площадки около песочной ямы, гдѣ такъ хорошо было играть въ дѣтствѣ. И при этой мысли на молодого человѣка нападала жестокая тоска по дому.

Итакъ, въ этотъ вечеръ онъ сидѣлъ, забившись въ глубину лавки, въ закоулкѣ, который образуется откосомъ лѣстницы, и читалъ книгу, озаглавленную «Хроника Воробьинаго переулка» и написанную нѣкіимъ Вильгельмомъ Раабе. Онъ читалъ и читалъ, и мысли его давно унеслись отъ Гамбурга и отъ церкви св. Петра: онъ игралъ съ дѣтьми въ крытомъ соломою домикѣ своего отца, пастора, карабкался на березу, стоявшую на вершинѣ вала, и смотрѣлъ оттуда черезъ широкое открытое поле на ближайшую колокольню. Но въ это время отворилась дверь, и въ лавку вошелъ молоденькій работникъ, такого же возраста какъ и онъ, крѣпкій, широкоплечій юноша, въ сѣрой рабочей блузѣ, съ круглымъ свѣжимъ лицомъ, смѣлыми глазами и рыжими волосами. Онъ остановился у стола и посмотрѣлъ на него. А когда уроженецъ Люнебурга медленно

поднялся со своего мѣста, покупатель выложилъ на столъ довольно значительную кучку серебра и сказалъ:

— Я хочу на эти деньги книгъ купить.

— Книгъ?

— Ну да, книгъ, книгъ! Быть можетъ, вы слышали: написалъ ли свою книгу нѣкій Теодоръ Штормъ?

— Штормъ? Да, написалъ. У него есть повѣсти.

— Повѣсти? Я не знаю, что это такое, но боюсь, что это будетъ не то. Я вамъ откровенно скажу. Я служу здѣсь разсыльнымъ при одной торговлѣ и давно уже жду случая поговорить съ вами наединѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: у насъ тамъ дома была одна старая дѣвушка; ее звали собственно Витенъ Пеннъ, но она была такъ страшно умна, что ее называли не иначе, какъ Колоколомъ. Такъ вотъ эта самая Витенъ, по прозванію Колоколъ, постоянно разсказывала, что нѣкій Штормъ вмѣстѣ съ нѣкіимъ Мюленгофомъ хотѣли написать одну книгу. Сама-то она была не особенно высокаго мнѣнія о нихъ. Но если они все-таки написали эту книгу, мнѣ хотѣлось бы купить ее. Я вотъ и деньги принесъ. Шесть прусскихъ талеровъ.

Ученикъ книготорговца сѣлъ на высокій табуретъ передъ конторкою и устремилъ на диковиннаго покупателя любопытный взглядъ.

— Штормъ и Мюленгофъ? Объ чемъ же собственно говорится въ этой книгѣ?

— Ну... однимъ словомъ... о томъ, какъ сдѣлаться умнымъ и богатымъ. Вотъ въ чемъ суть.

Тогда молодой приказчикъ изъ Люнебургской степи всталъ и проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Такихъ книгъ вовсе не существуетъ. Все что угодно, но этого—нѣтъ! Чтобы книга сдѣлала васъ умнымъ? Глупымъ можно сдѣлаться отъ многихъ книгъ, это я прямо вамъ скажу. И съ ума спятить можно. И въ тоску вогнать книга можетъ, и разсмѣшить можетъ. Есть книги, которыя могутъ научить тому-другому, это правда. Но умнымъ и богатымъ сдѣлать! Нѣтъ, такихъ книгъ вовсе нѣтъ!.. Что такое написалъ Штормъ? Погодите-ка... вотъ одна его книга. Эту книгу онъ точно написалъ. Это разсказъ о хорошихъ, глубокихъ и мечтательныхъ людяхъ. Онъ вѣдь одинъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ.

Покупатель покачалъ головой, стиснулъ зубы и посмотрѣлъ на прилавокъ.

— Значитъ, правду Витенъ говорила, что отъ него нечего тому ждать!

Юноша изъ Люнебургской степи принялъ съ прилавка лежавшія передъ нимъ книги:

— По моему мнѣнію...—сказалъ онъ,—видите-ли?—вы можете прочесть всѣ эти книги—сверху до низу, полку за полкой, и не только не поумнѣете, но, пожалуй, что даже и поглупѣете. Отъ книгъ люди никогда не умнѣютъ, а только отъ того, что они пережили. Скажите, вы тоже изъ Люнебургской степи?

— Нѣтъ, изъ Дитмарша.

— Ну, все равно. Если я смѣю дать вамъ совѣтъ... Вы хотите стать умнымъ и богатымъ?.. Въ такомъ случаѣ ступайте туда, гдѣ вовсе нѣтъ книгъ... Книги? Знаете: если бы у меня не было отца, и мать моя не выплакала бы себѣ глазъ изъ-за этого, я бы поѣхалъ въ Америку. Право, я непремѣнно сдѣлалъ бы это. И берегись у меня тотъ, кому вздумалось бы подсунуть мнѣ подъ носъ какую-нибудь книгу!

— Вотъ какъ!—сказалъ Фите Крэй.—Вотъ какъ? Это ваше мнѣніе. Вотъ оно какъ!

Онъ сильно тряхнулъ головою, потянулся за деньгами и положилъ ихъ въ карманъ.

— Отецъ и мать не очень-то будутъ сокрушаться обо мнѣ. Богатымъ я хочу сдѣлаться—какъ, это все-равно. Объ Америкѣ я слышалъ либо хорошее, либо дурное. Никогда ничего средняго. Я думаю, я такъ и сдѣлаю.

— Сдѣлайте это, милый человѣкъ! А если у васъ будетъ время и охота и если у васъ тамъ пойдетъ дѣло наладъ, напишите какъ-нибудь старшему ученику въ книготорговлю Герольда. Какъ ваше имя?

— Я Фите Крэй, изъ Венторфа.

Глава восьмая.

Однажды, лѣтомъ, когда передъ дверями стояла уже жатва, и липы осыпаны были желтымъ цвѣтомъ, Іёрнъ Уль, съ плужнымъ отрѣзомъ на плечѣ, направляясь въ кузницу, проходилъ мимо школы. Вдругъ, прямо ему въ шляпу, полетѣла ягодка крыжовника, а когда онъ обернулся, изъ кустарника выглянула свѣтлая головка Лисбеты Юнкеръ.

Онъ остановился въ нѣкоторомъ смущеніи и безмолвно уставился на нее, а она пробралась сквозь вѣтви, подошла къ забору и крикнула негромкимъ голосомъ:

— Юргенъ! Поди сюда!

Онъ оглянулся,— не смотритъ ли на него кто-нибудь. Но дѣло было какъ разъ въ обѣдъ, и сельская улица со всѣми своими домиками казалась погруженною въ глубокій сонъ. Тогда онъ снялъ шляпу и подошелъ къ ней. За послѣдніе годы онъ рѣдко видѣлъ ее и обыкновенно проходилъ мимо съ короткимъ поклономъ. Онъ страшно работалъ, а она училась въ городѣ. Онъ проводилъ время въ полѣ, одиноко шагая за плугомъ по сырой землѣ, а она ходила по узенькимъ, гладкимъ городскимъ тротуарамъ. Онъ умственно опустился, словно одеревенѣлъ и огрубѣлъ, а она стала еще изящнѣе въ одеждѣ и манерахъ. Онъ смутно чувствовалъ все это и держался вдали отъ нея.

Къ тому же и мать-природа завела съ ними свою вѣковѣчную игру. Она разняла руки дѣтей, крѣпко державшихся другъ за друга и бывшихъ, въ школьномъ саду и на Рингельгёрнѣ, настоящими товарищами, развела ихъ въ разныя стороны, далеко другъ отъ друга, окружила каждаго изъ нихъ міромъ особенныхъ, совершенно различныхъ грёзъ и, глядя на нихъ, улыбалась мудрою ласковою улыбкою. Такъ вѣдь она всегда дѣлаетъ!

Потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда каждый изъ нихъ, въ тихомъ уединеніи, расцвѣлъ и развернулся согласно съ особенностями своего пола, она снова сводитъ ихъ, но уже не какъ товарищей по играмъ, а какъ представителей двухъ различныхъ половъ... Іёрнъ Уль вновь встрѣчается съ Лисбетой.

Но это будетъ лишь поверхностная и несчастливая встрѣча, потому что обѣ они еще не созрѣли, они больше не дѣти, но и не взрослые, и каждый живетъ въ своемъ собственномъ мірѣ.

Облокотившись о заборъ, она стала разсказывать ему съ серьезною миной, что на этотъ разъ у нея очень большія вакаціи; школа ихъ окончательно распущена, а пока откроютъ новую, пройдетъ не мало времени. Знаетъ ли онъ, что она собирается быть учительницей?

Нѣтъ. Онъ не слышалъ объ этомъ. Онъ вообще никогда не слышалъ про то, что бываютъ учительницы. Онъ робко спросилъ ее, скоро ли она придетъ къ Эльсбе?

— Ахъ!—сказала она, откидывая головку.—Вѣдь Эльсбе на цѣлый годъ старше меня. Вообще онѣ совсѣмъ другія. У меня нѣтъ рѣшительно никакихъ знакомыхъ, которыя бы ко мнѣ подходили. Такая скучища!

Онъ сказалъ, что она все-таки должна придти,—Эльсбе, навѣрное, будетъ очень рада ей.

— Ты думаешь?—сказала она съ сомнѣніемъ въ голосѣ.—А я думала, что Эльсбе меня совсѣмъ больше не любитъ. Представь себѣ, недавно, вечеромъ, когда было уже совсѣмъ темно, она была у моего окна и сказала, что я ровно ничего не понимаю, что я еще совсѣмъ ребенокъ... А ты тоже будешь съ нами, если я приду?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я вѣдь цѣлый день работаю... Только вечеромъ ты къ намъ не приходи, а то Эльсбе опять захочетъ провожать тебя домой, а это нехорошо.

Она опустила головку и задумалась.

— Такъ заходи къ намъ ты!

Онъ испугался при одной мысли объ этомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу.

— Но вѣдь ты можешь придти не въ домъ, а прямо въ садъ. Обойди кругомъ—черезъ заднюю калитку. Дѣдушка и бабушка сидятъ въ комнатѣ и читаютъ.

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ. Она показалась ему безконечно прекрасною и благородною. Просто удивительно, что на свѣтѣ можетъ быть такое изящное, прелестное существо! Но ему какъ-то не вѣрилось, чтобы они могли по настоящему разговарить между собою. Съ одной стороны, его тянуло къ этому, а съ другой—онъ сознавалъ, что будетъ чувствовать себя ужасно стѣсненнымъ. Но она все-таки настояла, чтобы онъ пришелъ. Она съумѣла представить это, какъ самое обыкновенное дѣло, и при этомъ такъ усердно кивала головкой, что онъ долженъ былъ согласиться.

Все послѣобѣденное время онъ не переставалъ думать о томъ, какъ это будетъ вечеромъ? Онъ считалъ возможнымъ, что она сейчасъ же прогонитъ его, увидѣвъ, что онъ сталъ ужасно скучный. И минутами ему казалось, что это будетъ еще лучшій изъ всѣхъ возможныхъ исходовъ. Но потомъ онъ вдругъ начиналъ вѣрить, что ему удастся какъ слѣдуетъ поговорить съ нею и даже снискать у нея нѣкоторую благосклонность. Онъ подумалъ, что нужно было бы заранѣе сообразить, о чемъ именно онъ будетъ говорить съ нею, и скоро дѣйствительно попалъ на нѣкоторыя подходящія темы. Ему казалось, что съ такою умною дѣвочкой, какъ она, прежде всего нужно заговорить объ наукѣ. Онъ вспомнилъ нѣкоторые разговоры, происходившіе между учителемъ Петерсомъ и пасторомъ, въ то время какъ онъ сидѣлъ за книгами. Область его познаній была очень невелика, однако ему все-таки удалось выискать нѣсколько вопросовъ, какъ будто бы довольно подходящихъ. Онъ намѣревался заговорить сначала о новой линіи пароходнаго сообщенія съ Даніей, потомъ о сельскохозяйственныхъ школахъ, которыя возникали какъ разъ въ это время, потомъ о приборѣ для выводки цыплятъ изъ яицъ и, наконецъ, если будетъ нужно, онъ хотѣлъ сказать кое-что о сожженіи вдовъ въ Индіи; свѣдѣнія объ этомъ предметѣ онъ только что вычиталъ изъ газеты, въ которую купецъ завернулъ привезенный изъ города товаръ. Онъ представилъ себѣ, что заговоритъ объ одномъ изъ этихъ предметовъ какъ бы случайно, спроситъ ее, не читала ли она?.. или что она думаетъ, напримѣръ, объ такомъ-то вопросѣ?.. или просто, знаетъ ли она...—?.. а потомъ онъ имѣлъ въ виду выложить ей собственную премудрость.

Направляясь къ ней, онъ цѣлый часъ пробродилъ вдоль рвовъ съ такимъ видомъ, какъ будто искалъ убѣжавшую изъ стада овцу, и, наконецъ, подошелъ къ саду. Передъ нимъ была канава съ чистой проточной водою, а надъ нею склонялась малорослая ива, съ толстой верхушкой, отъ которой торчали во всѣ стороны, словно волосы, короткія, прямыя вѣтки. Лисбета сидѣла на стволѣ, почти скрытая вѣтками, и ноги ея свѣшивались до самой воды. Она имѣла чрезвычайно серьезный видъ и, когда онъ вѣжливо поклонился ей, она печально кивнула ему головой. Сердце такъ колотилось въ его груди, что вмѣсто того, чтобы смѣло перескочить черезъ канаву, какъ онъ представлялъ себѣ это раньше, онъ медленно и очень неловко перешагнулъ черезъ нее, причемъ едва не завязъ въ болотистой почвѣ.

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ, и ему показалось, что въ глазахъ ея свѣтится улыбка; но она сейчасъ же опять сдѣлала печальное, серьезное лицо, такъ что онъ совершенно невольно вспомнилъ и заговорилъ объ индѣйскихъ вдовахъ. Дѣло пошло на ладъ. Она сказала, что сама она только что читала о весьма серьезныхъ вещахъ. Онъ неувѣренно спросилъ ее, нужно ли это,—не лучше ли ей было бы почитать что-нибудь веселое?

— Ахъ, нѣтъ!—сказала она.—Мы должны знакомиться и съ печальными сторонами жизни!

Затѣмъ она освѣдомилась у него о формѣ костра и о томъ, берутъ ли съ собой эти женщины, отправляясь на смерть, свои драгоцѣнности. Въ общемъ она нашла этотъ обычай прекраснымъ и сказала, что и она была бы готова сжечь себя, если бы умеръ ея мужъ, потому что она выйдетъ замужъ не иначе, какъ по любви. Затѣмъ она опять заговорила о драгоцѣнностяхъ, причемъ оказалось, что брошка и цѣпочка отъ

часовъ случайно находятся у нея въ карманѣ. Часы были обѣщаны ей на ближайшее Рождество.

До сихъ поръ, сверхъ ожиданія, все шло хорошо; но тутъ разговоръ почему-то вдругъ изсякъ. Они смотрѣли на бѣгущую воду и молчали. Она думала про себя съ досадливымъ, непріязненнымъ чувствомъ: онъ совсѣмъ мужикъ; а ему хотѣлось быть гдѣ-нибудь за сто миль отъ нея. Онъ мучился, старался найти хоть одну мысль, которую можно было бы высказать, но это рѣшительно не удавалось ему. Она была такъ чужда ему, какъ если бы они говорили на совершенно различныхъ языкахъ и не имѣли ничего общаго между собою. Наконецъ, онъ заговорилъ упавшимъ голосомъ о двухъ жеребятахъ, родившихся за послѣдніе дни у нихъ на дворѣ.

Но это было ей совсѣмъ неинтересно.

— А мнѣ-то что въ этомъ? — сказала она со смѣхомъ. И лицо ея вдругъ приняло веселое естественное выраженіе, какъ, бывало, въ дѣтствѣ. Она блеснула всѣми своими зубами, и волосы ея свѣсились на уши, и онъ сразу узналъ въ ней прежнюю зуйку.

— Такъ объ чемъ же намъ говорить?—сказалъ онъ.

Тогда она разсказала ему, о чемъ говорятъ ея школьныя товарки.

— Во-первыхъ, мы говоримъ объ учителяхъ, потомъ о дѣвочкахъ, которыя на этотъ разъ не пришли; потомъ мы говоримъ иногда и о молодыхъ людяхъ; впрочемъ, я объ этомъ не говорю, я нахожу, что это совершенно неприлично... Смотри-ка,—сказала она,—у тебя нога въ воду свѣсилась.

Онъ быстро выхватилъ ногу изъ воды, —словно изъ огня. Но скоро она замѣтила, что онъ сидитъ съ самымъ несчастнымъ видомъ.

— Пойдемъ, — сказала она. — Встанемъ и прогуляемся немножко. Въ городѣ у насъ тоже иногда прогуливаются. Нѣкоторые гуляютъ и съ шестиклассницами.

Онъ послушно всталъ и посмотрѣлъ на нее, въ то время какъ она съ необыкновенной обстоятельностью передала ему сначала свои золотыя вещи, потомъ книгу, потомъ оправила платье, хотя въ этомъ, казалось, не было ни малѣйшей надобности. Потомъ она сказала ему:

— Что же мнѣ теперь—броситься тебѣ на шею?

Онъ сказалъ:

— Ты вѣдь это сдѣлала одинъ разъ— помнишь, когда мы хотѣли поймать лисицу.—И онъ остановился, распростерши руки, какъ будто хотѣлъ удержать скачущую лошадь.

Она весело засмѣялась, глядя на него.—Нѣтъ ужъ лучше я этого не сдѣлаю,—сказала она.—А то ты меня, пожалуй, на смертъ задушишь.—И она чинно пошла по дорожкѣ, заботливо поглядывая на подолъ своего платья.

Они ходили взадъ и впередъ по узенькимъ дорожкамъ, подъ невысокими яблонями, и она сказала:

— А помнишь, какъ ты не захотѣлъ идти въ парѣ со мной на дѣтскомъ праздникѣ?

— Если бы твой дѣдушка сказалъ мнѣ: «иди въ парѣ съ Лисбетой», я бы съ удовольствіемъ пошелъ съ тобою. Но я не рѣшался самъ заговорить съ тобой объ этомъ.

Сказавъ это, онъ глубоко вздохнулъ и посмотрѣлъ на нее полными ожиданія глазами.

— А скажи: если бы намъ теперь пришлось быть гдѣ-нибудь на вечерѣ, ты сталъ бы танцовать со мною?

— Конечно. Съ самаго начала до конца!

Онъ взглянулъ на нее, и въ этомъ взглядѣ выразилось глубокое, чистосердечное восхищеніе.

— Вотъ какъ! — сказала она. — А знаешь, что я тебѣ скажу?.. Теперь бы я не пошла танцовать съ тобой.

Онъ склонилъ голову и молчалъ. Онъ находилъ какъ нельзя болѣе естественнымъ, что она не хочетъ танцовать съ нимъ.

Тогда она снова вся перемѣнилась, словно апрѣльская погода, засмѣялась и сказала ласковымъ голосомъ:—Это вѣдь я не въ серьезъ. Мнѣ думается, я бы все-таки пошла танцовать съ тобою, но только ты долженъ былъ бы держать

меня такъ, какъ у насъ въ городѣ,— знаешь?—такъ деликатно и не прижимая къ себѣ. Однако теперь тебѣ ужъ пора идти. Я провожу тебя до ивы, и тамъ мы простимся. А въ воскресенье приходи опять. Я буду опять сидѣть на деревѣ и ждать тебя.

Дойдя до ивы, они простились и разошлись.

Такимъ образомъ подруга его дѣтскихъ игръ снова появилась на его пути. И казалось, что при ея дружеской поддержкѣ Іёрнъ Уль совершитъ переходъ отъ дѣтства къ юности самымъ естественнымъ и благопріятнымъ образомъ. Казалось, что въ отношеніи любви вся его жизнь потечетъ по совершенно прямому руслу.

Если бы какую-нибудь недѣлю спустя не началась возка песку!

Если бы недѣлю спустя не началась возка песку, Іёрнъ Уль могъ бы сказать себѣ въ концѣ своей жизни: «Грѣхъ юности? Что это такое? Я зналъ въ моей юности трудъ и нужду, грѣха я не зналъ!» Ему не пришлось бы морщить лобъ при воспоминаніи о юношескихъ прегрѣшеніяхъ, подобно Ясперу Крэю и другимъ добрымъ людямъ. Но, какъ это всегда неизбѣжно бываетъ въ жизни, какъ неизбѣжно для человѣка, даже и для лучшаго изъ людей, загрязнить свои сапоги и запачкать свое платье, такъ и тутъ: началась возка песку, и на безупречно-чистую жизнь его легла темная тѣнь.

Ни мало не предчувствуя того, что ожидало его, сѣлъ онъ къ вечеру въ свою колымагу и поѣхалъ вдоль Рингельсгёрна. Дулъ свѣжій морской вѣтерокъ. По небу двигались плотною пестрою массою сѣрыя, бѣлыя и синеватыя облака. Стояла погода, при которой хочется глубоко втянуть въ себя воздухъ и радоваться, что хоть въ этомъ наслажденіи не отказываетъ намъ жизнь. Такъ было и съ Іёрномъ Улемъ. Онъ сидѣлъ, свѣсивъ ноги, на грядкѣ своей колымаги, и напѣвалъ что-то прямо навстрѣчу вѣтру, задумчиво глядя на ровное тихое поле и представляя собою типичную фигуру мирнаго, глубоко задумавшагося молодого крестьянина. Ни один человѣкъ не допустилъ бы, глядя на этого долговязаго длиннолицаго юношу, что въ этотъ же вечеръ ему будетъ суждено, дрожа всѣмъ тѣломъ, заглянуть въ прекрасные, страстные и бездонно-глубокіе темные глаза матери-природы.

Объѣхавъ Рингельсгёрнъ, онъ увидѣлъ неподалеку отъ домика, стоявшаго на самомъ краю песочныхъ выемокъ, хозяйку этого домика, Тельзе Диркъ, которую обыкновенно звали въ этихъ мѣстахъ Песочницей. Она смотрѣла на тяжело нагруженную колымагу, которая въ эту минуту сворачивала на дорогу, и слегка опиралась на лопату, которою помогала насыпать песокъ. Услышавъ стукъ и грохотъ его колымаги, она обернулась и закричала ему:

— И ты пріѣхалъ, Іёрнъ Уль? Ну, поворачивай! Какъ разъ кстати ты пріѣхалъ: не охота еще мнѣ сложа руки то сидѣть!

Она стояла у высокой желтовато-бѣлой песочной гряды и смотрѣла на него своимъ блестящими умными глазами. Она была босая и имѣла такой видъ, какъ будто только что встала послѣ освѣжающаго сна. Такою была она уже десять лѣтъ: стройная, съ высокой грудью и блестящими глазами, съ какою-то неутомимою бодростью въ движеніяхъ и походкѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда она была еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, у нея была подруга, единственная дочь сосѣда, жившаго въ небольшой усадьбѣ какъ разъ за ложбиною, гдѣ находится Гольдзоотъ, среди голой степи, на холмѣ, къ которому вела тропинка. И вотъ подруга эта обручилась съ молодымъ крестьяниномъ изъ Геста. Какъ это нерѣдко случается въ Гестѣ, бракъ этотъ былъ налаженъ по сватовству: родители того и другого и какая то тетка, со склонностями свахи, убѣдили ихъ въ томъ, что изъ нихъ выйдетъ отличная пара: и по средствамъ и по характеру они какъ нельзя лучше подходятъ другъ другу.

Молодой человѣкъ согласился: онъ былъ еще очень юнъ, сердце его до сихъ поръ равнодушно молчало; дѣвушка, которую онъ мелькомъ видѣлъ какъ

то на базарѣ, не была ему непріятна. Рѣшающимъ обстоятельствомъ въ этомъ вопросѣ было для него то, что при такихъ условіяхъ братъ его, котораго онъ очень любилъ, могъ одинъ унаслѣдовать отцовской дворъ, тогда какъ если бы онъ женился на дѣвушкѣ безъ состоянія, имъ пришлось бы подѣлить его между собою. А это было бы нехорошо, потому что дворъ былъ небольшой и земля неплодородная.

По какому то загадочному, темному велѣнію судьбы, Тельзе Диркъ, жившая подлѣ песочныхъ выемокъ на Маршѣ, до самой свадьбы не видѣла даже въ лицо суженаго своей подруги. Невѣста же часто заходила къ ней черезъ ложбину Гольдзоота и много разсказывала и про внѣшность, и про разныя другія особенности своего возлюбленнаго: говорила о томъ, какіе у него глаза, волосы, походка, и о томъ, что онъ высказалъ такое-то и такое-то мнѣніе, и что съ этомъ-то она была согласна, а съ тѣмъ то нѣтъ. Тельзе Диркъ внимательно выслушивала ее и шутливо замѣчала:

— Жалко, что я раньше его не узнала! Я думаю, онъ былъ бы какъ разъ по мнѣ!

— О,—отвѣчала подруга, не удивительно ли? Я какъ разъ то же самое подумала! Онъ необыкновенно похожъ на тебя и высказываетъ иногда такіе же удивительные взгляды, какъ ты. Знаешь, онъ хочетъ все знать самымъ точнымъ образомъ, совсѣмъ какъ и ты; онъ способенъ такъ же серьезно и долго разсуждать о куриномъ яйцѣ, какъ и о святомъ крещеніи.

Судьбѣ угодно было, чтобы здоровая, полная силъ, никогда не хворавшая дѣвушка какъ разъ въ день свадьбы своей подруги схватила жестокую простуду и должна была остаться дома. Но на девятый день послѣ свадьбы, ничего худого не предчувствуя, она пошла къ подругѣ, чтобы порадоваться на ея счастье. Тутъ то они и увидѣлись впервые. Оба они были высоки ростомъ, какъ это вообще нерѣдко въ этихъ мѣстахъ,—онъ смуглый, съ темными курчавыми волосами, она бѣлая, съ бѣлокурыми волосами. Они взглянули другъ на друга и испугались, словно увидѣли какой-то призракъ. Подруга самодовольно болтала, непрерывно разсказывая о свадьбѣ, а они молчали.

Когда на дворѣ стемнѣло, а небо заволоклось тучами и пошелъ дождь, подруга, гордая тѣмъ, что у нея такой мужъ и слуга, потребовала, чтобы онъ проводилъ Тельзе.

Онъ молча схватилъ свою фуражку и пошелъ за нею. Дождь лилъ ливмя, и когда они спустились въ ложбину и она шла передъ нимъ по желтѣющей глинистой тропинкѣ, неподалеку отъ Гольдзоота, она польскользнулась и чуть не упала навзничь; но онъ поддержалъ ее, и на одну минуту она оказалась въ его объятіяхъ. И такъ какъ каждый изъ нихъ думалъ, что темнота все скроетъ, оба они смѣло и свободно посмотрѣли въ лицо другъ другу. Но въ эту минуту бѣгущія по небу облака разорвались, и изъ-за нихъ выглянули луна и звѣзды; и при ихъ свѣтѣ глаза ихъ заблестѣли и они заглянули другъ другу въ самую глубину души. И они поняли, что имъ суждено было полюбить другъ друга и не любить никого другого на свѣтѣ до самаго конца дней своихъ. И словно испугавшись, они быстро разошлись по домамъ.

Прошло много лѣтъ. Это была непрерывная мука.

Она работала цѣлый день по хозяйству и добровольно помогала насыпать колымаги пескомъ, чтобы какъ-нибудь утомить себя и найти покой, а по вечерамъ садилась у окна, уставленнаго горшками герани и гвоздики, и смотрѣла въ сторону Марша, чтобы не смотрѣть на Рингельгёрнъ. Она отказалась выйти замужъ за человѣка, который сватался за нее, и была такъ неривѣтлива и холодна со всѣми молодыми людьми, которые заговаривали съ нею, что скоро они оставили ее въ покоѣ.

Но и онъ томился такъ же, какъ она. Жена его была единственною дочерью совершенно неразвитыхъ людей, которые восхищались каждымъ словомъ своего дитяти. Поэтому, при всей своей духовной незначительности, она была самонадѣянна въ своихъ сужденіяхъ. Онъ

былъ умный, вдумчивый человѣкъ, немногословный и сдержанный въ рѣчахъ. И ему было невыносимо слушать, какъ она судитъ и рядитъ о чемъ попало— о людяхъ и вещахъ. Черезъ годъ послѣ своего замужества она, въ ужасныхъ мукахъ и болѣзняхъ, родила ребенка; съ этихъ поръ она и физически поблекла; она стала хворать, ребенокъ умеръ, и бракъ остался бездѣтнымъ.

Шли годы. Они рѣшили про себя избѣгать встрѣчи, и каждый изъ нихъ, увидѣвъ другого, готовъ былъ сейчасъ же повернуть назадъ. Но встрѣтившись глазами, они невольно думали, что никто не можетъ отнять у нихъ хоть этой тайной радости—обмѣняться быстрымъ, робкимъ взглядомъ. И оба носили въ душѣ глубоко скрытую надежду, что настанетъ день, когда они будутъ принадлежать другъ другу. И хотя ни одинъ изъ нихъ не показывалъ этого другому, и они едва признавались въ этомъ даже самимъ себѣ, эта надежда помогала имъ смирять свою страсть.

Отецъ Тельзы Диркъ палъ въ военномъ походѣ. Потомъ умерла и ея мать. Это была сильная работящая женщина, но съ тѣхъ поръ какъ она такъ неожиданно овдовѣла, на нее находила отъ времени до времени какая-то тревога. Особенно замѣтно это стало, когда ей перевалило за сорокъ. Она безпокойно блуждала по дому, любила сильный вѣтеръ и, когда у нея особенно сильно разболѣвалась голова, подвималась на Рингельсгёрнъ и долго стояла тамъ, словно сильный рѣзкій вѣтеръ приносилъ ей облегченіе.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти матери, въ одно свѣтлое ясное утро, онъ вдругъ зашелъ къ ней, убѣдившись предварительно, что поблизости нѣтъ возчиковъ песку. Она вышла къ нему на порогъ своего домика и сурово спросила, что ему угодно. Стоялъ свѣжій, вѣтряный осенній день. Онъ спросилъ ее, какъ имъ быть по ея мнѣнію? Съ виду она казалась довольно спокойной и сказала, что все должно остаться какъ есть, потому что измѣнить тутъ ничего нельзя; она не можетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, преступить заповѣдь Божью и надѣется, что и онъ не пошелъ бы на это.

Съ этими словами она взяла большую корзину и съ мрачнымъ лицомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, такъ что онъ долженъ былъ отступить и выйти на улицу. Тогда онъ сказалъ, что по его мнѣнію Богу не можетъ быть угодно убить въ немъ своими заповѣдями все доброе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое желаніе продолжать жизнь. Онъ готовъ былъ бы попросить жену продать ихъ домикъ и переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто, но она догадалась бы, почему онъ ее объ этомъ проситъ и только посмѣялась бы надъ нимъ.

Она мрачно посмотрѣла на него, какъ если бы ей было непріятно все то, что онъ растерянно бормоталъ ей. И не услышавъ отъ нея болѣе ни единаго слова, онъ долженъ былъ удалиться.

Черезъ нѣсколько времени, когда она вытаскивала изъ земли и связывала бобовыя тычины, онъ снова заговорилъ съ ней и снова взмолился передъ ней: не по силамъ ему больше выносить это, говорилъ онъ; если онъ не можетъ переселиться, то она должна уѣхать. Тогда она вдругъ горько заплакала, и ему уже не особенно трудно было добиться того, чтобы они каждый день, поздно вечеромъ, встрѣчались у Гольдзоота. Оба они приходили съ ведрами въ рукахъ, обмѣнивались серьезнымъ молчаливымъ взглядомъ и нѣсколькими словами—иногда самыми обыкновенными, иногда робкими жаркими словами любви, и, не прикоснувшись другъ къ другу, расходились. Но онъ обманулся, полагая, что эти вечернія встрѣчи удовлетворятъ его, и что ему удастся въ другихъ отношеніяхъ сковать свою волю, какъ желѣзнымъ обручемъ; ей же съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что каждое его движеніе, каждый брошенный ею на него взглядъ, все болѣе сближаетъ ее съ нимъ. Ее такъ и тянуло къ нему, и она чувствовала, что сопротивленіе ея начинаетъ ослабѣвать. Тысячи голосовъ заговорили въ глубинѣ ея существа. Ее охватилъ страхъ—какъ человѣка, котораго сладострастное головокруженіе тянетъ въ бездну; она такъ боя-

лась самое себя, что часто вся начинала дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Единственная поддержка — тяжелая работа, приносившая съ собою усталость и сонъ, тоже прекратилась. Тогда, въ глубокомъ отчаяньи, она напала на одну столь же странную, какъ и опасную мысль: она задумала попытать, не удастся ли ей обмануть свое сердце и свои чувства любовью къ другому человѣку, которому она могла бы отдаться, не совершая грѣха. Въ послѣдніе годы она совсѣмъ отбилась отъ людей. Неженатая молодежь, несмотря на ея здоровую красоту, избѣгала ее, потому что въ крестьянскимъ домахъ давно уже говорили, будто она была въ связи съ мужемъ своей подруги. Въ то время какъ она мужественно — какъ никто во всей этой странѣ—боролась со своей страстью, для которой такъ легко можно было бы найти извиненіе, люди успѣли уже давнымъ-давно обвинить ее и произнести надъ ней свой краткій, суровый приговоръ.

Въ это самое время Іёрнъ Уль раза четыре-пять пріѣзжалъ вечеромъ, по окончаніи работъ, за пескомъ, и ей понравилось, что онъ былъ такой серьезный и тихій и, казалось, говорилъ ей: ты такъ же одинока и вѣчно озабочена, какъ и я; и она все глубже задумывалась объ этомъ, встрѣчая и провожая его, и днемъ, и ночью и, наконецъ, убѣдила себя, что она полюбила этого юношу со свѣжею, молодою кровью. И она радовалась тому, что ей удается находить радость въ свиданіи съ нимъ, и по вечерамъ она громко и радостно смѣялась и говорила себѣ самой:

— Ну, теперь ты освободилась отъ другого и нашла себѣ возлюбленнаго, совсѣмъ юнаго и необыкновеннаго.

И когда онъ сталъ, хотя и робко и неувѣренно, проявлять нѣкоторое оживленіе въ разговорѣ съ ней и, дружелюбно посматривая на нее, рѣшался пошутить съ ней, она смѣялась про себя и думала: Ну вотъ теперь я ему вродѣ какъ невѣста, и опасности тутъ нѣтъ, и все хорошо!..

Когда онъ пріѣхалъ на четвертый вечеръ, и они вдвоемъ насыпали его колымагу, она, въ своей радости, пригласила его зайти на минутку къ ней въ комнату, чтобы еще немножко поболтать. Она сѣла напротивъ него, въ своемъ платьѣ съ открытою шеей и засучеными рукавами, и, припавъ грудью къ столу, смѣялась и, ласково поглядывая на него, распрашивала его о томъ и о другомъ и съ веселымъ любопытствомъ добивалась отъ него, можетъ ли онъ хоть немножко выйти изъ своей замкнутости. А когда онъ не отвѣчалъ на ея вопросы, она еще больше оживлялась и, наконецъ, сказала ему, съ блескомъ въ своихъ сѣрыхъ глазахъ:

— А вѣдь ты очень красивый парень, Іёрнъ: у тебя такіе умные глаза, какъ будто ты вѣчно доискиваешься чего-то скрытаго, и такое своенравное лицо, какъ будто ты хочешь дѣлать все только по своей волѣ. Намъ, дѣвушкамъ, это нравится. Когда, года черезъ три, ты вздумаешь выбрать себѣ кого-нибудь по сердцу, тебѣ не придется услышать отказа.

Онъ ничего не могъ сказать; онъ только смотрѣлъ на нее.

Она опять заговорила о томъ же и спросила:

— А какая по виду должна быть женщина, которая понравилась бы тебѣ?

Тогда онъ всталъ, и она тоже поднялась. И такъ какъ она подумала, что непріятно задѣла его—вѣдь она тоже была задѣта въ своемъ тщеславіи,—она подошла къ нему и сказала спокойно и съ улыбкою на устахъ:

— Во мнѣ ты, вѣрно, совсѣмъ ужъ ничего хорошаго не находишь? Даже говорить со мной не хочешь! Неужели ты такъ и уйдешь? Неужели не захочешь даже, чтобы я хоть разикъ поцѣловала тебя?

Тогда онъ такъ испугался, что у него перехватило дыханіе и словно отнялись ноги. Но вдругъ онъ схватилъ ее въ объятія съ такою неистовою, сумасшедшею страстью, что она съ испугомъ и смятеніемъ вырвалась отъ него. Она хотѣла зажечь въ немъ тихій ласковый огонекъ, а передъ ней вспыхнуло дикое пламя. Она рѣзко оттолкнула его отъ себя и попросила уйти.

На слѣдующій день, около полуночи,

онъ стоялъ у нея подъ окномъ, стучался и просилъ впустить его. Она притворилась, что не слышитъ. Она тихо лежала, закинувъ руки подъ голову, а по щекамъ ея текли обильныя слезы, и она чувствовала себя несчастнѣйшею женщиной на землѣ.

Такъ приходилъ онъ три или четыре ночи подрядъ.

Глава девятая.

Около этого времени назначенъ былъ такъ называемый балъ холостяковъ, и Іёрнъ получилъ обычное приглашеніе. Получи онъ его недѣли двѣ тому назадъ, онъ равнодушно посмотрѣлъ бы на него и отложилъ бы въ сторону. Что ему было дѣлать на балу? Онъ показался бы смѣшнымъ самому себѣ. Но событія послѣдней недѣли произвели глубокій переворотъ въ его душѣ. За эту недѣлю молодая кровь его билась и волновалась, точно садъ, на который въ полночь налетѣла буря, прошумѣвшая до самаго утра; еще вечеромъ ни одинъ листокъ не шевелился на деревѣ, густая блестящая зелень одѣвала вѣтви, и чисты были дорожки; а къ утру все въ саду разрушено, грязно, опустошено. Миръ и тишина смѣнились страданіемъ и мучительною тревогою.

Услыхавъ, что Іёрнъ собирается на балъ, братья стали смѣяться и издѣваться надъ нимъ. Эльсбе же, напротивъ, радовалась.

— Меня радуетъ,—говорила она,—что ты теперь будешь повеселѣе. Ты вѣдь былъ прескучный парень... Хорошее новое платье у тебя сеть. Танцовать ты можешь сначала со мною, пока не расхрабришься. А потомъ ты долженъ и съ Лисбетой потанцовать.

И кивнувъ ему головою, она для пробы принялась танцовать вокругъ стола и танцовала передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не наткнулась на дверь и не упала со смѣхомъ на колѣни. Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

— Что за милая маленькая дѣвчурка! Сама жизнь! И такая всегда прямая, правдивая и привѣтливая.

Онъ пошелъ туда одинъ, робко—словно вступалъ на дурной путь.

Онъ сталъ въ уголъ, у прилавка, и простоялъ такъ нѣсколько часовъ. Многіе совсѣмъ не знали его, потому что до сихъ поръ онъ ни разу не появлялся въ корчмѣ. Они недоумѣвали и спрашивали, кто бы это могъ быть, а услыхавъ, что это младшій сынъ Клауса Уля, удивлялись и говорили:

— А! Мечтатель-то этотъ!

Нѣкоторыя дѣвушки рѣшили непремѣнно потанцовать съ нимъ.

— Какой красивый!—разсуждали онѣ про себя:—и какіе у него серьезные глаза! Какъ они должны быть хороши, когда смѣются!

Онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, поглощенный то одною мыслью, то другою. Минутами онъ чувствовалъ себя подавленнымъ и старался прочесть на лицахъ проходящихъ мимо него людей, не наблюдаютъ ли они за нимъ. А встрѣтивъ чей-нибудь взглядъ, онъ осматривался и чувствовалъ себя длиннымъ и неловкимъ; или же ему вдругъ начинало казаться по лицамъ проходившихъ, что они должны знать о его отношеніяхъ съ Песочницей. Тогда лицо его принимало гордое выраженіе и онъ думалъ про себя: «Если бы вы знали, что красивая, рослая дѣвушка поцѣловала меня!» Ему не разъ случалось слышать отъ братьевъ и Эльсбе сужденія о дѣвушкахъ, но такіе разговоры никогда не интересовали его. За послѣднюю недѣлю все перемѣнилось. Теперь ему невольно вспоминались всѣ эти разсужденія, онъ глядѣлъ на танцующихъ дѣвушекъ, находилъ однѣхъ красивыми, другихъ некрасивыми.

Онъ попрежнему стоялъ, не мѣняя положенія, на томъ же мѣстѣ, и вдругъ мысленно увидѣлъ свою комнату, какою она представлялась ему, когда онъ глядѣлъ на нее изъ постели. Онъ представилъ себя лежащимъ въ постели, съ ощущеніемъ, которое такъ часто нападало на него: онъ еще такъ молодъ и такъ разсудителенъ и полонъ заботъ... Потомъ онъ опять смотрѣлъ на танцующихъ дѣвушекъ, на ихъ плавныя движенія и цвѣтущія свѣжія личики. Онъ

сталъ искать глазами Лисбету и рѣшилъ непремѣнно покорить ее.

На этой мысли онъ и остановился. Онъ представилъ себѣ, какъ будетъ провожать ее домой. Тамъ, подъ молчаливыми липами, онъ обниметъ ее, какъ обнялъ Песочницу. На этотъ разъ она не уйдетъ отъ него, какъ тогда, въ саду.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что Лисбета идетъ по залу; она подсѣла къ Эльсбе, бросившейся ей навстрѣчу. Онъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее. Ему казалось, будто до сихъ поръ онъ еще ни разу не видѣлъ ее,—такъ измѣнилась за эти нѣсколько дней его душа. Въ то время, какъ она танцовала, онъ слѣдилъ глазами за голубой лентой, ниспадавшей по ея бѣлому платью съ лѣваго плеча. Онъ вытягивался, чтобы охватить глазами всю ея фигуру, и все жарче разгоралось въ немъ желаніе въ этотъ же вечеръ привлечь ее къ себѣ. Но что-то удерживало его, какое то ощущеніе говорило ему, что онъ не смѣетъ подойти къ ней съ этими чувствами, и онъ никакъ не могъ собраться съ духомъ пригласить ее на танецъ.

Уже нѣсколько паръ прошло мимо него, направляясь въ сосѣднія комнаты, чтобы выпить вина. Они раскланивались, поддразнивали другъ друга, условливались, въ какой комнатѣ сидѣть, брались за руки и проходили мимо.

Наконецъ, подошла Эльсбе; она бросила руку шедшаго съ нею молодого парня и подошла къ нему. Юное лицо ея свѣтилось радостью, тяжелые, темные волосы распустились по платью, полная маленькая фигурка раскачивалась, точно продолжая танцовать.

— Послушай, Гарро Гейнзенъ не пришелъ,—ему не дали отпуска! Это Гансъ Ярренъ со мной. Онъ еще совсѣмъ мальчишка; но это не бѣда. Мы хотимъ распить бутылку вина. Ступай-ка ты за Лисбетой и приходи къ намъ.

Онъ заупрямился и сказалъ:

— Я не стану танцовать.

— У тебя просто храбрости не хватаетъ, мой милый! Выпей стаканчикъ-другой пунша,—дѣло и пойдетъ!

Она ушла. Тогда онъ, дѣйствительно, потребовалъ стаканъ пунша, потомъ еще и еще. Выпивъ четыре стакана крѣпкаго напитка, онъ набрался храбрости и подошелъ къ Лисбетѣ.

Она пока еще немного танцовала. Она такъ мило и скромно держалась, такъ мало и спокойно говорила своимъ высокимъ тонкимъ голосомъ и при этомъ глядѣла на своего собесѣдника такими странными, удивленными глазами, что большинство держалось въ сторонѣ отъ нея, не зная какъ и о чемъ съ нею разговаривать. Ея совсѣмъ свѣтлые, блестящіе, какъ шелкъ, волосы гладко облегали ея изящную головку. Платье ея было свѣжо и нѣжно, какъ бѣлый цвѣтокъ, и, подобно лицу ея, отличалось тою особенною прелестью, какую мы находимъ только въ цвѣтахъ. Въ ней было что-то нетронутое, чистое, свѣжее, какъ въ солнечномъ тихомъ воскресномъ утрѣ, которое мы встрѣчаемъ со свободною отъ заботъ душой.

Онъ такъ не подходилъ къ ней! Еще какую-нибудь недѣлю тому назадъ, несмотря на всю свою мѣшковатость, онъ подходилъ къ ней. Но теперь онъ былъ совсѣмъ не на мѣстѣ подлѣ нея.

Когда онъ пошелъ съ ней танцовать и ему не сразу удалось попасть въ тактъ, онъ со смѣхомъ взглянулъ на нее, а когда она неувѣренно спросила его: Что это ты?,—онъ отвѣтилъ ей вызывающимъ тономъ:

— Какъ это нелѣпо, что мы танцуемъ! Что за безсмысленная прыготня другъ около друга! Пойдемъ-ка лучше къ другимъ и выпьемъ вина; должна же и ты этому научиться.

Она испугалась и отошла отъ него, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— Ахъ, да не будь ты, пожалуйста, такой недотрогой!

Онъ попробовалъ потащить ее за руку, но она съ испугомъ въ глазахъ вырвалась отъ него.

— Ну, такъ и сиди себѣ тутъ!—сказалъ онъ.—Глупая дѣвчонка!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, увидѣвъ и услышавъ это, засмѣялись.

Онъ оставилъ ее, вернулся къ прилавку, сѣлъ и сталъ пить, ощущая какую-то упрямую злобу и съ пре-

зрительнымъ видомъ поглядывая кругомъ.

Нѣсколько парней—изъ тѣхъ, которые по природѣ не питали слабости къ женскому полу, но за то имѣли страсть къ выпивкѣ, а также изъ тѣхъ, которые, подобно ему, не имѣли успѣха у женщинъ—подсѣли къ нему, и скоро вокругъ начались грубые разговоры и дикое пѣніе. Онъ тихо сидѣлъ между ними и мрачно глядѣлъ передъ собою; отъ времени до времени онъ снова презрительно усмѣхался про себя и не переставая пилъ.

Братъ его Гансъ, уже пьяный и потому способный смотрѣть правдѣ прямо въ глаза—въ трезвомъ видѣ онъ былъ ужасный хвастунъ и жилъ въ постоянномъ самообманѣ—подошелъ къ нему, бросился на стулъ и громко заревѣлъ:

— А я то думалъ, что ты будешь трезвый и честный человѣкъ! Я всегда гордился тобой, хотя и притворялся что презираю тебя. Теперь я вижу, что ты такой же бездѣльникъ, какъ я и другіе братья, и отецъ нашъ...

При словѣ «бездѣльникъ», юноша вдругъ сорвался съ мѣста, словно онъ только этого слова и ждалъ, чтобы разразиться. Онъ ударилъ кулакомъ по столу, шумѣлъ, пилъ и кричалъ, словомъ превзошелъ безчинствомъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Всѣ Ули бездѣльники,—говорилъ онъ.—Что жъ съ этимъ подѣлаешь! Развѣ сынъ Клауса Уля можетъ быть не пьяницей!—И онъ шумѣлъ, стучалъ по столу и громко кричалъ:—Кто можетъ сравняться съ Улями?

Наконецъ, онъ попробовалъ присоединиться къ нѣсколькимъ парнямъ, затянувшимъ застольную пѣсню. Но оказалось, что онъ не знаетъ ни словъ, ни мотива.

Шумъ привлекъ къ прилавку нѣсколькихъ проходившихъ мимо сметливыхъ парней, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Никакъ это Іёрнъ Уль? Эдакимъ мѣшкомъ былъ до сихъ поръ, рта разинуть не умѣлъ, а теперь вдругъ всѣхъ Улей за поясъ заткнулъ!

Но тутъ подошелъ другой парень, Отто Линдеманъ, тотъ самый, который впослѣдствіи также принималъ участіе въ битвѣ при Гравелотѣ; теперь онъ занимаетъ какую-то важную должность въ ремесленной управѣ и уже нѣсколько лѣтъ засѣдаетъ въ ландтагѣ; онъ и тогда уже былъ большимъ знатокомъ человѣческихъ душъ и живо интересовался всѣмъ, что происходило у него передъ глазами. Онъ ударилъ расходившагося Іёрна по плечу и сказалъ:

— Нѣтъ, Іёрнъ Уль, сколько ты тутъ ни горлань, а бездѣльникомъ тебѣ никогда не сдѣлаться. Очень ужъ это все ненатурально у тебя выходитъ. Когда-нибудь изъ тебя еще выйдетъ весьма дѣльный парень, Іёрнъ Уль!

И онъ такъ встряхнулъ его, что на столѣ зазвенѣли стаканы.

На разсвѣтѣ Іёрнъ приплелся домой и проспалъ до самого полудня.

Тутъ въ его комнату вошла Витенъ, подошла къ его постели, печально посмотрѣла на него и сказала, грустно покачивая головою:

— Вѣдь ради тебя и Эльсбе я только и остаюсь въ этомъ домѣ. За Эльсбе я всегда боялась, но на тебя я возлагала такія большія надежды...

Она сѣла на край его постели и заплакала:

— Не везетъ мнѣ на бѣломъ свѣтѣ. Когда я еще ребенкомъ была, на моихъ глазахъ весь домъ погибъ, въ которомъ я тогда жила. Можно бы было думать, что довольно на всю мою жизнь того горя, котораго я тогда насмотрѣлась и натерпѣлась. А теперь вотъ уже и волосы у меня сѣдѣютъ, и все я не выхожу изъ горя да тревоги и, видно, суждено мнѣ и послѣдней надежды лишиться. Съ пустыми руками уйду я изъ этого міра. Протяну я Господу свои пустыя руки и должна буду сказать ему: Господи! все, что я любила, отнялось у меня на моемъ пути и въ грязи потонуло!

Такъ жаловалась она, сжавъ руки на колѣняхъ, и горько плакала.

Онъ слушалъ ее съ закрытыми глазами. Она встала и ушла.

Онъ пролежалъ въ постели до самаго вечера, не открывая глазъ: такъ стыдно ему было передъ собственной комнатой.

Наконецъ, когда стемнѣло, онъ поднялся и сталъ ходить взадъ и впередъ.

Когда же наступила ночь, онъ осторожно выбрался изъ дому и побѣжалъ на Рингельсгёрнъ, къ домику, стоявшему у песочныхъ выемокъ, подошелъ къ окну и назвалъ ее по имени. Долго стоялъ онъ такъ, въ тишинѣ ночи, и вдругъ всѣ его страданія, сдерживаемыя до сихъ поръ стыдомъ и упрямствомъ, прорвались наружу, и онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, котораго бьютъ. Тогда она встала, открыла окно и разразилась горькими словами:

— Я уже слышала о твоемъ вчерашнемъ поведеніи. Такой ужъ я, видно, несчастливый человѣкъ. Къ чему я ни прикоснусь, всюду приношу несчастье! поэтому я хочу уйти отсюда. Я уже продала сегодня свой домъ со всѣмъ скарбомъ и завтра рано утромъ уйду куда глаза глядятъ и никогда больше не вернусь сюда.

— Такъ возьми же меня съ собою! Я не могу вернуться къ себѣ домой, не могу. Я не могу больше показаться на глаза людямъ. Я утоплюсь, если ты не возьмешь меня съ собою.

Она стала успокаивать и уговаривать его: вѣдь онъ еще такъ молодъ; если что и случилось, то скоро будетъ забыто. Онъ самъ будетъ дивиться тому, какъ быстро заживаютъ раны въ эти молодые годы. Теперь онъ долженъ показать себя въ настоящемъ свѣтѣ тѣмъ, которые видѣли, какъ онъ напился и безчинствовалъ. Довольно того, что она покинетъ родныя мѣста. Но онъ стоялъ на своемъ, онъ говорилъ, что уже слышитъ смѣхъ своего отца и издѣвательства братьевъ; а Виттенъ будетъ презирать его, и люди скажутъ: «Клаусъ Уль доведетъ себя до погибели со своими дѣтьми, а младшій сынъ хуже всѣхъ». Поэтому, чтобы избавиться и спастись отъ всѣхъ этихъ мученій, онъ и рѣшилъ поступить такъ-же, какъ Фите Крэй: и онъ тоже уйдетъ куда глаза глядятъ.

Она утѣшала его, высказывая всевозможныя разумныя соображенія, особенно настаивая на томъ, что онъ сдѣлаетъ совершенно невыносимымъ для нея ея несчастье, если учинитъ что нибудь съ собою или ради нея покинетъ родной домъ. Но такъ какъ онъ продолжалъ стоять на томъ, что хочетъ идти съ нею, она позволила ему, наконецъ, придти завтра на разсвѣтѣ на Рингельсгёрнъ и подождать ее тамъ:

— Я возьму тебя съ собою до Гезе, потомъ ты вернешься назадъ.

То была печальная ночь. Тяжела она была для дѣвушки, которая то ходила по дому съ небольшой ручной лампочкой, укладывая вещи, предназначенныя для пересылки ей вслѣдъ, то въ какомъ-то замѣшательствѣ останавливалась, потомъ, покачавъ головою, снова принималась за работу, въ то время какъ по щекамъ ея катились крупныя слезы. Но тяжела была эта ночь и для юноши, который, надѣвъ свое воскресное платье и свернувъ въ узелокъ будничное, тихо сидѣлъ у темнаго окна, тщетно стараясь уразумѣть все значеніе этихъ часовъ,—и то съ горделивой улыбкой строилъ великіе планы, то чувствовалъ потребность пойти въ комнату Виттенъ, разсказать ей о своемъ намѣреніи, выплакаться у ея постели и услышать изъ устъ ея утѣшительныя слова: «Не уходи, мой мальчикъ. Все еще можетъ наладиться».

Когда стало свѣтать, онъ вышелъ въ заднюю дверь, прошелъ черезъ лугъ, гдѣ паслись жеребята, въ открытую степь и, сѣвъ на придорожный камень, сталъ ждать ее. Она пришла своей обычной твердой и бодрой походкою, и глаза ея блестѣли сдержанной веселостью.

— Ну вотъ! — сказала она. — Все остальное я уже преодолѣла—все уже позади.—Она указала рукой по тому направленію, гдѣ, на краю степи, стоялъ домикъ ея возлюбленнаго.—Остается еще съ тобой справиться. Но съ тобой дѣло проще. Впрочемъ, я не намѣрена сейчасъ же отослать тебя, я еще хочу на тебя порадоваться.

Она проговорила это такимъ увѣреннымъ тономъ и съ такимъ веселымъ спокойствіемъ, что онъ не осмѣлился возражать ей. Но въ душѣ онъ остался при своемъ намѣреніи уйти вмѣстѣ съ нею и идти хотя бы на край свѣта.

До сихъ поръ онъ не зналъ ничего такого, передъ чѣмъ могъ бы прекло-

ниться. Внушить ему религіозное чувство наставники его не съумѣли. Они только затемнили, исказили для него живой, благостный и высокій образъ Спасителя. Матери у него не было. И впечатлительный, любящій по природѣ юноша не зналъ настоящей любви. Но человѣку съ живой душой свойственно искать какого-нибудь идеала, также какъ стрѣлку имѣющему хорошее ружье свойственно искать цѣли для выстрѣла. Тутъ явилась эта дѣвушка, соединявшая въ себѣ все, что можетъ казаться особенно привлекательнымъ въ этомъ возрастѣ смѣлостью и самостоятельностью сужденія, душевной чистотой и великой добротой сердца. Къ этому присоединилось таинственное, смутное очарованіе, которое производитъ на юношу женщина, находящаяся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, — чувство, въ которомъ обожаніе соединяется съ первымъ волненіемъ здоровой чувственности.

Она заговорила съ нимъ такъ же ласково, какъ и наканунѣ, время отъ времени взглядывая на него и кивая ему головой:

— Мнѣ даже пріятно, что ты проводишь меня до лѣсу и я могу еще полюбоваться на тебя... Изъ тебя выйдетъ славный, дѣльный человѣкъ, Іёрнъ, вотъ увидишь. Не бойся, что ты заодно съ братьями попадешь на дурную дорогу... У тебя твердое выраженіе рта и такіе глубокіе, серьезные глаза, ты и теперь уже строенъ и силенъ. Глядя на тебя, я всегда представляю тебя мужчиною. Такъ жалко: будь ты пятью годами старше, я бы сказала тебѣ: пойдемъ со мной! Но теперь нельзя. Если бы ты пошелъ теперь со мною, то впослѣдствіи, къ тому времени, когда ты станешь настоящимъ мужчиною и будешь разсуждать какъ зрѣлый мужчина, въ моемъ отношеніи къ тебѣ будетъ что-то материнское и тебѣ будетъ непріятно идти объ руку со мною. Быть можетъ, даже ты сталъ бы думать про себя: «Ловко обошла она меня тогда, на Рингельсгёрнѣ, уведя меня съ собою: видно, хотѣла подольше попользоваться молодымъ мужемъ». И то и другое ужасно. Впрочемъ, теперь ты еще не понимаешь этого; но ты повѣришь мнѣ на слово, вѣдь ты любишь меня и знаешь, что я говорю правду.

Гезескій лѣсъ казался еще чернымъ подъ темно-сѣрымъ, неосвѣщеннымъ небомъ, но мало-по-малу облака зардѣлись далекими скрытыми огнями. И въ то время, какъ путники шли все дальше и дальше, продолжая свой разговоръ, надъ лѣсомъ стали подниматься, словно золотыя спицы гигантскаго колеса, достигающаго до самаго верха неба, лучи восходящаго солнца, и наконецъ оно перекинуло свою пылающую багряную ось черезъ лѣсную дорогу.

— Не вѣрь тому, что говорятъ и будутъ говорить обо мнѣ люди. Я такъ же чиста, какъ и ты. Если бы мы остались вмѣстѣ, я бы постепенно упала, проиграла въ твоихъ глазахъ. Но такъ какъ я уйду, и ты никогда болѣе не услышишь обо мнѣ, ты сохранишь обо мнѣ хорошее воспоминаніе и даже будешь ставить меня выше, чѣмъ я заслуживаю. Я буду казаться тебѣ прекраснѣе и чище, и ты будешь гордъ сознаніемъ. что у тебя была въ ранней юности такая благородная подруга, и найдешь въ этомъ источникъ силы... Ты не долженъ думать, что все, пережитое тобою за послѣдніе дни, пагубно для тебя. Намъ не дано прожить безъ грѣха. Иначе, повидимому, и быть не можетъ. Судьба не успокоится, пока не заставитъ насъ согрѣшить. Дѣло только въ томъ чтобы, несмотря на грѣхъ, сохранить вѣру въ добро. въ любовь и вѣрность. Согрѣшить и отказаться отъ борьбы за добро—это смерть. Согрѣшить, но продолжать борьбу за добро—вотъ истинная, достойная человѣка жизнь. Ты силенъ душою, потому я и люблю тебя. Все пережитое тобою за эти дни есть не что другое, какъ буря, налетѣвшая на крѣпкое молодое дерево. Она еще будетъ шумѣть надъ тобою въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; ты будешь чувствовать себя несчастнымъ, не будешь находить себѣ покоя, и люди будутъ смѣяться надъ тобою. Потомъ все пройдетъ, и ты замѣтишь, что сталъ сильнѣе, тверже стоишь на ногахъ и что глаза твои видятъ дальше.

Такъ говорила она, съ спокойной увѣренностью въ голосѣ, бодро, почти безпечно и весело идя рядомъ съ нимъ. На ходу они взглядывали другъ на друга, и ея свѣтлые, такіе же свѣтлые, какъ и у него волосы, свѣтились краснымъ отблескомъ небеснаго огня. Онъ думалъ о томъ, что никогда больше не придется ему испытать столь высокихъ минутъ, —минутъ, полныхъ такого страданія и такой радости; ибо онъ зналъ, что ему неминуемо предстоитъ разстаться съ нею. Ея серьезныя, твердыя слова раскрыли передъ нимъ внутреннее значеніе и внутреннюю необходимость этой горькой для него разлуки.

Она указала ему на солнце, которое вело тихую, жаркую борьбу съ большими сѣрыми разорванными облаками:

— Взгляни! Тамъ словно большое сѣрое зданіе. Но внутри его пламя; огненные языки вылетаютъ изъ его оконъ и дверей. Тамъ работаетъ кузнецъ,— толстыя, широкія полосы раскаленнаго желѣза лежатъ на наковальнѣ... Я не боюсь за тебя. Когда-нибудь и для насъ настанетъ счастье... Ну, теперь уходи! Уходи скорѣе, не нужно лишнихъ мученій...

Онъ стоялъ и глядѣлъ на нее. Губы его вздрагивали.

— Не легко это, мой милый! Ну, поди сюда!—Она поцѣловала его нѣжно и пылко.—Будь настоящимъ человѣкомъ!— Она еще разъ оглядѣла его съ головы до ногъ. Глаза ея весело блестѣли.—Я не боюсь за тебя!..

И легкими шагами, точно идя на праздникъ, она стала спускаться по лѣсной тропинкѣ и скрылась изъ глазъ за кустомъ орѣшника.

Онъ постоялъ еще нѣсколько времени на томъ же мѣстѣ, съ стѣсненіемъ въ груди и влажными глазами; потомъ большими шагами пошелъ прочь. Онъ нашелъ узелокъ со своимъ платьемъ у изгороди, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ его оставилъ, и подъ прикрытіемъ насыпи надѣлъ свое рабочее платье. Потомъ онъ побѣжалъ большими прыжками прямо черезъ степь, спустился по обрыву и, увидѣвъ на лугу лошадей, поскакалъ домой. Прискакавъ во дворъ и даже не заходя въ домъ, онъ сталъ запрягать лошадей и потомъ весь день проработалъ въ полѣ.

Но не такъ то легко онъ раздѣлался со всѣмъ происшедшимъ.

На слѣдующій день братья, едва завидѣвъ его, принялись смѣяться и издѣваться надъ нимъ за то, что онъ такъ робѣлъ передъ глупой «учительской внучкой», а потомъ повелъ себя, какъ дикарь.

Послѣ обѣда, когда онъ пріѣхалъ во дворъ мѣнять лошадей, они уже успѣли все разузнать. Они сказали ему, что своимъ отношеніемъ къ Песочницѣ онъ навѣки опозорилъ и себя, и всю семью. Было бы гораздо лучше если бы онъ убрался съ нею изъ этихъ мѣстъ. Все село только и бредитъ этой невѣроятной исторіей. Говорятъ что онъ провелъ съ этой безсовѣстной тварью цѣлыхъ пять ночей. По его милости имъ теперь стыдно будетъ показаться на деревнѣ, что же касается его самого, то онъ долженъ считать себя окончательно и на вѣчныя времена погибшимъ.

Вечеромъ, когда онъ, стараясь укрыться отъ глазъ домашнихъ, одиноко гулялъ по полю, изъ придорожной канавы внезапно вынырнула рыжая голова, и Августъ Крэй, срѣзавшій траву для своей козы, кивнувъ ему головою, сказалъ:

— Слушай-ка, Іёрнъ, что мой отецъ велѣлъ тебѣ передать: одинъ, говоритъ, изъ-за бабъ въ бѣду попадаетъ, другой изъ-за денегъ. И онъ не думаетъ, чтобы ты благую часть себѣ избралъ. Вотъ что онъ велѣлъ тебѣ сказать!

Ночью ему приснился странный сонъ: онъ сидѣлъ на придорожномъ камнѣ, въ степи, тамъ же, гдѣ сидѣлъ наканунѣ утромъ. Вдругъ на дорогѣ показались три человѣка. Посерединѣ шелъ почтенный старикъ, а по правую и лѣвую сторону отъ него дѣти его, молодой человѣкъ и дѣвушка. Дѣвушка была та самая, съ которою онъ шелъ наканунѣ утромъ, а юношу онъ никогда раньше не видѣлъ. Онъ имѣлъ видъ воинственнаго поселянина, отличался сильной, смѣлой походкой и благородной красотой лица; глаза его выражали душевную твердость и доброту и вообще онъ былъ

чрезвычайно похожъ на свою сестру, которая шла по другую сторону старика.

Проходя мимо него, они остановились и заговорили о немъ, какъ говорятъ въ присутствіи спящаго. Дѣвушка сказала: «Не разбудить ли мнѣ его, чтобы онъ пошелъ со мной»? Старикъ же посмотрѣлъ на него необыкновенно глубокимъ взглядомъ и сказалъ: «Ты можешь дойти съ нимъ до опушки лѣса. Покажи ему, какъ странствуютъ звѣзды, какъ встаетъ солнце и какія птицы гнѣздятся въ орѣшникѣ». Молодой человѣкъ сказалъ: «Если ты позволишь, я бы тоже охотно пошелъ съ нимъ: вѣдь онъ мой братъ». «Нѣтъ еще, сказалъ старикъ. Когда онъ войдетъ въ лѣсъ и станетъ темно, тогда ты можешь идти съ нимъ. Позаботьтесь, дѣти, чтобы онъ во-время пришелъ домой, вѣдь онъ одѣтъ въ свое лучшее платье». Дѣвушка сказала: «А не позвать ли Лисбету? Вѣдь онъ такъ любитъ ее». «Нѣтъ еще, — сказалъ старикъ, — вѣдь онъ и пахать-то какъ слѣдуетъ еще не умѣетъ». Сынъ сказалъ: «Не взять ли намъ съ собой отца?» «Нѣтъ еще,—сказалъ старикъ,—онъ еще долженъ пронести его нѣкоторое время на своихъ плечахъ. Онъ долженъ идти впередъ медленно, въ полномъ одиночествѣ, продолжая работать лопатой, пока не насыпетъ возъ доверху».

Онъ слышалъ все это, какъ человѣкъ, только что пробудившійся отъ сна и еще не успѣвшій сообразить, въ чемъ дѣло. Старикъ пошелъ прочь,—онъ ясно слышалъ, какъ раздавались его шаги по дорогѣ,—а молодые люди остались съ нимъ, у камня. Но онъ словно забылъ про нихъ, услыхавъ голосъ Витенъ, которая говорила:—Никогда бы я не повѣрила, что Господь Богъ можетъ появиться среди бѣла дня на Венторфской дорогѣ. И съ виду—ни дать, ни взять дитмаршскій крестьянинъ; только по походкѣ и узнаешь его!

Тутъ онъ подумалъ, что, собственно говоря, можно еще соснуть. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Онъ спалъ до тѣхъ поръ, пока его не разбудила Виттенъ, говоря:

— Іёрнъ, если ты хочешь допахать сегодня паровое, то пора вставать, голубчикъ. Солнце ужъ давно стоитъ надъ Рингельсгёрномъ.

Глава десятая.

Событія этихъ дней въ теченіе многихъ лѣтъ не переставали оказывать вліяніе на его душу. Они подѣйствовали на него, какъ суровая зима съ чудными звѣздными ночами дѣйствуетъ на молодое дерево. Скованное морозомъ до самой сердцевины, оно сосредоточиваетъ свою жизнь глубоко внутри и тихо замираетъ на границѣ между сномъ и бодрствованіемъ, между безумнымъ страхомъ и сладостными грёзами. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ солнце все дольше и дольше ласкаетъ его, прижимаясь къ его корѣ своей теплой щекою, деревцо оттаиваетъ и веселѣетъ. Такъ и юноша затаилъ въ глубинѣ своей души все то прекрасное и печальное, что онъ пережилъ въ то памятное утро въ Гезескомъ лѣсу. Онъ словно закрылъ глаза и сомкнулъ губы, чтобы ничто не нарушало его внутренней жизни. Онъ сталъ тихимъ, скупымъ на слова человѣкомъ. Нѣкоторые говорили, что онъ просто глупъ. Но если въ эти годы встрѣчалъ его какой-нибудь умный и проницательный человѣкъ, то достаточно ему было заглянуть въ эти робкіе, впалые, скорбно-серьезные глаза, чтобы увидѣть, какъ при входѣ въ старую, деревенскую церковь, косые золотые лучи солнца, падающіе изъ высокихъ оконъ и прорѣзывающіе сумракъ, а въ самой глубинѣ, въ сіяющемъ золотомъ алтарѣ,—высокія, тихо горящія свѣчи.

У него не было ни друзей, ни книгъ, онъ былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ. И онъ пестро изукрасилъ свою душу по своему собственному разумѣнію.

Такъ сдѣлалъ нѣкогда Янъ Реепенъ, служившій работникомъ у Фолькмара Гарзена. Это былъ не то философъ, не то поэтъ, не то бездѣльникъ. Онъ росписалъ сверху донизу оштукатуренныя стѣны своей пустой коморки,—сначала лежа на животѣ, потомъ взгромоздясь на столъ,—изображеніями «всего, что только есть

на свѣтѣ, по одной штукѣ отъ каждаго рода», какъ онъ выражался. Тутъ были люди и всѣ породы животныхъ. Онъ изобразилъ также разныя стихіи и небесныя планеты и ангеловъ добра и зла, и даже Троицу. И для всего этого ему удалось найти характерную форму. Никогда никто не узналъ, что таилось въ душѣ его, ибо онъ умеръ въ этой самой комнатѣ отъ воспаленія мозга; въ послѣднюю ночь онъ говорилъ въ предсмертномъ бреду о своихъ картинахъ, и этотъ бредъ былъ полонъ прекрасныхъ и дико-фантастическихъ образовъ.

Такъ разукрасилъ и Іёрнъ Уль свою душу.

Многимъ изъ нашихъ деревенскихъ парней, принужденныхъ волею суроваго отца проходить гимназію и университетъ, тяжко бываетъ по окончаніи вакацій покидать родной дворъ. Случается, что крестьянинъ находитъ своего уже взрослаго сына тихо плачущимъ гдѣ-нибудь въ заднемъ стойлѣ конюшни и, чтобы выпроводить его со двора, принужденъ бываетъ пустить въ дѣло кнутъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ дней юноша присутствуетъ въ школѣ только тѣломъ, — душа его бродитъ по большимъ сараямъ и сѣнямъ роднаго дома. Воркотня законоучителя —большинство законоучителей ворчатъ, а куда лучше бы, если бы они были жизнерадостные люди—заставляетъ его сейчасъ же насторожить уши, потому что ему слышется при этомъ ворчанье сытыхъ жирныхъ быковъ. А когда директоръ, читая оду, отбиваетъ кулакомъ по каѳедрѣ тактъ, ему кажется, что онъ слышетъ удары цѣповъ при зимней молотьбѣ.

Но есть и такіе крестьянскіе парни— и даже не мало ихъ въ этомъ краю, среди этого глубокомысленнаго племени фризовъ и саксовъ,—которые одушевлены глубокимъ стремленіемъ къ наукѣ, но желѣзною волею отца прикованы ко двору и плугу. Эти юноши, пожалуй, еще несчастнѣе, чѣмъ тѣ. «Отецъ,—говоритъ юноша, мнѣ бы хотѣлось поучиться». Но отецъ говоритъ: «Ты будешь земледѣльцемъ». Потому что отецъ боится расходовъ, связанныхъ съ ученьемъ, или считаетъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ лучше, какъ быть земледѣльцемъ, или же думаетъ, что это просто какія-то юношескія бредни, которыя пройдутъ, какъ проходитъ скучный дождливый день; а иногда онъ питаетъ настоящее отвращеніе къ книгамъ: «Что это тебѣ въ голову взбрело? Надъ книжками торчать! Замолчи!.. Сходи лучше къ кузнецу да спроси его, готовъ ли отрѣзъ для плуга?»

И юноша выростаетъ на дворѣ, проводитъ день то на конюшнѣ и въ хлѣву, то за плугомъ, то съ вилами, то съ возжами въ рукахъ. Но въ то время какъ онъ работаетъ, безпокойный духъ его начинаетъ рыться, бродить и метаться. Какъ благородное, свободное животное, попавшее въ неволю, безпокойно, безостановочно мечется взадъ и впередъ, взадъ и впередъ по своей клѣткѣ, въ неутишимой тревогѣ и безнадежномъ отчаяніи, такъ мечется и этотъ несчастный духъ, стараясь увидѣть что-нибудь сквозь прутья своей рѣшетки, и все смотритъ и смотритъ. И никѣмъ ничему не обучаемый, никѣмъ не руководимый, додумывается онъ до самыхъ удивительныхъ вещей, доходитъ до самыхъ превратныхъ представленій. Такъ какъ населеніе этого края, по складу своего ума, тяготѣетъ преимущественно къ философіи и математикѣ, то скользя по блестящему льду, онъ легко замѣчаетъ мѣста, гдѣ подъ темнымъ, прозрачнымъ покровомъ зіяютъ бездонныя зеленоватыя глубины, а въ нихъ и кишатъ какія-то неуловимыя, неодолимыя чудища. Тогда отправляется онъ тяжелыми нерѣшительными шагами къ книгопродавцу, въ городъ, и требуетъ себѣ книгу о «человѣчествѣ, его происхожденіи и будущихъ судьбахъ», или же говоритъ: «нѣтъ ли какой-нибудь книги объ исчисленіи всѣхъ плоскостей и о строеніи вселенной». А потомъ сидитъ до глубокой ночи, при тускломъ свѣтѣ ручного фонарика, склонившись надъ книгою, сбивается съ толку, воображаетъ, будто понимаетъ что-то, и все глубже и глубже погружается въ міръ совершенно ложныхъ мыслей. Окружающіе не понимаютъ его; его родные братья называютъ его «латинской крысой». Дѣвушекъ, которыя

цвѣтутъ вокругъ него и смотрятъ ему вслѣдъ, онъ словно и не замѣчаетъ, а если вдругъ и схватитъ какую-нибудь изъ нихъ, то такъ неловко,—ни дать, ни взять молодой песъ, попавшій въ курятникъ. Зрѣніе его обращено внутрь. И онъ видитъ тамъ все болѣе и болѣе удивительныя вещи. Наконецъ, передъ нимъ отчетливо выступаютъ тамъ слова, написанныя яркими, красными буквами: «Умри, ибо тебѣ нечего дѣлать среди людей...» И тогда справляются, смотря по тому, какъ великъ дворъ его отца, болѣе или менѣе торжественныя похороны, парни относятъ тѣло его въ могилу и, не вдаваясь въ излишнія размышленія, говорятъ: «Свернулся парень!» И еще не выйдя за кладбищенскую ограду, начинаютъ толковать о цѣнахъ на рожь и объ арендѣ.

* * *

Разъ какъ-то въ усадьбу Уля зашелъ одинъ горожанинъ, спросилъ, нѣтъ ли здѣсь какихъ старинныхъ вещей, осмотрѣлъ стоявшій на конюшнѣ ларь, предложилъ за него извѣстную сумму, но не сторговался и ушелъ. Замѣтивъ, что старый ящикъ показался этому человѣку цѣннымъ, Іёрнъ въ первый разъ въ жизни какъ слѣдуетъ осмотрѣлъ его, остался имъ очень доволенъ, затѣмъ, въ одно тихое воскресенье, послѣ обѣда, вычистилъ его, починилъ замокъ, притащилъ ящикъ къ себѣ въ комнату и положилъ туда свое праздничное платье. Кромѣ того туда положенъ былъ молитвенникъ, старая, истрепанная книга Клауса Гармса и еще одна книга, въ желтой оборванной обложкѣ: «Чудеса неба» Литрова. Эта книга была привезена сюда матерью Іёрна изъ Гезгофа и представляла собою нѣчто въ родѣ популярной астрономіи. Вотъ и все, что лежало въ ларѣ.

Вечеромъ подъ праздникъ или послѣ обѣда въ воскресенье Іёрнъ Уль садился на старое саксонское кресло съ плетенымъ соломеннымъ сидѣньемъ, клалъ ноги на ящикъ и, запаливъ свою коротенькую трубочку, оглядывалъ свою комнатку, выбѣленныя стѣны которой не имѣли другого украшенія, кромѣ маленькаго зеркальца, смотрѣлъ въ окно, на яблочный садъ, курилъ и съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ погружался въ размышленія о своей внутренней жизни.

Жениться онъ не хотѣлъ. Это было дѣло рѣшенное. Въ этомъ вопросѣ онъ былъ опытнѣе любого старика. Вообще говоря, должно быть, восхитительно, конечно, овладѣть однимъ изъ этихъ изумительныхъ существъ съ кроткими глазами и гибкими членами; но только не для него. Онъ представлялъ собою въ этомъ смыслѣ удивительное и рѣдкостное исключеніе. Это печально, но, къ несчастью, несомнѣнно. Онъ дошелъ до этого путемъ опыта. Одна, подруга его дѣтскихъ лѣтъ, стала для него совершенно чужою; она окинула его съ головы до ногъ покровительственнымъ взглядомъ и съ испугомъ въ лицѣ отстранилась отъ него, прочитавъ въ его лицѣ то, что разбудила въ немъ другая. А эта другая, передъ которою онъ стоялъ съ безумной тревогой въ душѣ, съ жаркимъ, неиспытаннымъ раньше желаніемъ въ крови, оказалась святою. Краска стыда бросилась ему въ лицо, когда онъ думалъ объ этихъ двухъ женщинахъ. Никогда не будетъ онъ больше стоять передъ дѣвушкой съ такими чувствами. Онъ хотѣлъ навсегда остаться чуждымъ этой тяжкой сторонѣ человѣческаго существованія. Онъ хотѣлъ остаться холостякомъ. «Тиссъ вѣдь тоже холостякъ, —думалъ онъ;—это у насъ что-то семейное».

И такъ, съ этимъ вопросомъ было разъ и навсегда покончено. Дочь сосѣда проходила иногда мимо него съ ведрами молока на коромыслѣ, въ то время какъ онъ шелъ за парнымъ плугомъ въ полѣ. Она кланялась ему и пыталась завязать разговоръ. По воскресеньямъ послѣ обѣда она заходила къ Эльсбе и, проходя подъ его окномъ по яблочному саду, кивала ему головой и бросала на него умный, ласковый взглядъ. Это была хорошенькая, привѣтливая дѣвушка. Но увидѣвъ ее, онъ нахмуривалъ брови, какъ человѣкъ, поглощенный мыслями о трудныхъ и тяжелыхъ предметахъ и не имѣющій ни времени, ни охоты интересоваться молодыми дѣвушками. Иногда у него мель-

кала мысль: «Какъ она удивительно ступаетъ при ходьбѣ»; или, при видѣ другой дѣвушки: «Она стройна, красива и проворна, какъ наша трехгодовалая шведка»; или же, при видѣ третьей: «Какъ красиво у нея изгибаются ноги, когда она несетъ на коромыслѣ ведра съ молокомъ!» Но этимъ дѣло и кончалось. Прочь изъ головы всѣ эти мысли! Эта порода людей, женщины, приносятъ съ собой только тревогу, напрасную трату времени и насмѣшки окружающихъ.

Однако, два или три раза налетала на него какая-то тревога; это случалось каждый разъ по воскресеньямъ. Послѣобѣденное время проходило безъ дѣла, а къ вечеру онъ шелъ побродить въ одиночествѣ по полю. И тутъ онъ уже не могъ совладать со своими мыслями, онѣ неудержимо рвались къ Песочницѣ. И вновь переживалъ онъ все происшедшее. Охваченный грёзою, онъ ясно видѣлъ передъ собою ея прекрасный, могучій обликъ, ея спокойные глаза, слышалъ ея глубокій голосъ; и только услышавъ собственный голосъ и замѣтивъ, что онъ обращается къ ней съ какими-то пылкими словами, вдругъ приходилъ въ себя. Онъ стоялъ, прислонившись къ забору, и не понималъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда. Онъ встряхивался, и кровь бросалась ему въ голову.

Весь остатокъ времени проходилъ въ тревожномъ состояніи. Онъ вскакивалъ на лошадь и мчался къ жеребятамъ, которые паслись на лугу, потомъ возвращался и ходилъ по яблочному саду отъ дерева къ дереву; охватывалъ руками стволъ, счищалъ съ коры мохъ и смотрѣлъ вверхъ, между вѣтками, и улыбался, и снова чувствовалъ себя несчастнымъ и хотѣлъ чего-то, и самъ не зналъ— чего, и стыдился самого себя; и тянуло его куда-то далеко-далеко, броситься въ пеструю сутолоку жизни, въ работу, въ борьбу, чтобы только избавиться отъ того, что вызывало въ немъ это раздвоеніе.

А ночью, не то во снѣ, не то на яву, дѣвушка входила въ его комнату,— сильная и прекрасная, какъ тогда, когда она сидѣла противъ него, перегнувшись черезъ столъ, и, какъ тогда, близко подходила къ нему, и была такъ мила, такъ нѣжна и говорила, что совсѣмъ стосковалась по немъ. Тогда онъ начиналъ цѣловать ее, такъ долго и жарко, и все нѣжнѣе, все жарче,—пока не просыпался отъ волненія. Ему становилось стыдно. И цѣлые дни, ходилъ онъ потомъ, даже и во время работы, съ мрачнымъ лицомъ, упорно молчалъ и былъ очень непривѣтливъ, особенно съ Эльсбе.

Однажды, когда онъ повезъ въ городъ хлѣбъ на продажу и шелъ по улицѣ, направляясь къ дому маклера, онъ увидѣлъ въ писчебумажной лавкѣ небольшую картину съ изображеніемъ двухъ молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ по правую и лѣвую сторону мраморнаго водоема. Онѣ были высокаго роста, сильнаго тѣлосложенія, и даже та, которая была почти нагая, отличалась тонкой прелестью и привѣтливымъ выраженіемъ лица. Въ обѣихъ чувствовалось что-то аристократическое и благородное, и онъ не могъ понять, какъ это онѣ позволили изобразить себя въ такомъ видѣ. Подъ картиною была подпись, сдѣланная латинскими буквами: «Небесная и земная любовь», Тиціана. Онъ долго стоялъ и глядѣлъ на эту картину, потомъ вдругъ собрался съ духомъ и вошелъ въ лавку, но былъ очень смущенъ, найдя тамъ молодую женщину, которая спросила, что ему угодно. Онъ придалъ высокомѣрное, небрежное выраженіе своему лицу, указалъ кнутовищемъ на картину и за нѣсколько марокъ получилъ ее въ полную собственность. Онъ заботливо спряталъ ее, какъ величайшее сокровище между пиджакомъ и верхнимъ платьемъ, привезъ ее домой и уложилъ на дно своего сундука; въ воскресные послѣобѣденные часы, когда онъ, покуривая и предаваясь размышленіямъ, сидѣлъ у себя въ комнатѣ, онъ доставалъ ее, ставилъ на сундукъ передъ своимъ кресломъ и предавался созерцанію ея, не переставая безпокоиться о томъ, какъ бы кто не открылъ его тайны.

Но еще труднѣе, чѣмъ съ женщинами, было ему свести счеты съ окружающей жизнью, ибо, не такъ-то легко человѣку уйти отъ жизни: онъ отворачивается, а она тутъ какъ тутъ; онъ

снова повертывается, а она все у него передъ глазами. Онъ зажмуриваетъ глаза, но слышитъ ея жужжаніе, ея шумъ; онъ зажимаетъ себѣ уши, — она прыгаетъ у него передъ глазами и корчитъ ему рожи. Нужно занять такое или другое положеніе относительно нея: помириться съ нею или вступить съ ней въ борьбу. Іёрнъ Уль, при своей молодости и при своихъ настроеніяхъ принадлежавшій къ племени, которое испоконъ вѣковъ славилось по всей странѣ задорностью, бросилъ ей вызовъ: «Госпожа жизнь! Стара ты и безобразна! Все въ тебѣ искривлено и исковеркано, съ головы до пятокъ! Я Іёрнъ Уль изъ Венторфа!..» И онъ такъ сдвинулъ брови, что перестать видѣть великія чудеса жизни, и такъ высоко поднялъ голову, что перестать замѣчать красоту ея.

Не было такой вещи и такой твари на свѣтѣ изъ всего, что пресмыкается по землѣ или летаетъ въ облакахъ, что блистаетъ весельемъ или скорбитъ, что носитъ мужское платье или женское, что кругло или четырехугольно,—надъ чѣмъ Іёрнъ Уль не произнесъ бы своего справедливаго и суроваго приговора. Поэтому то онъ ясно видѣлъ, что ему нѣтъ мѣста въ общей жизни. Полный разрывъ между нимъ и жизнью,—вотъ единственное, что ему оставалось. И онъ рѣшилъ въ тишинѣ своей комнаты остаться работникомъ, служить сначала у отца, потомъ у братьевъ, но получать при этомъ годичную плату. То, что онъ такимъ образомъ заработаетъ, онъ намѣревался отвозить въ городскую сберегательную кассу, гдѣ, какъ онъ слышалъ, деньги могутъ считаться въ полной сохранности. Затѣмъ, когда-нибудь на старости лѣтъ—онъ намѣревался купить на скопленныя деньги маленькій, уединенный домикъ и, поселившись съ Виттенъ, прожить тамъ, вдали отъ треволненій міра, до самой смерти. Такимъ образомъ онъ надѣялся одновременно уйти отъ жизни и добиться въ ней своего.

Но если вся жизнь, съ ея естественными и человѣческими порядками, была отвергнута Іёрномъ Улемъ, то и Тому, Кто сотворилъ небо и землю, не легко было добиться его признанія.

Правда онъ ходилъ въ церковь. Онъ сталъ ходить туда за послѣдніе полгода, онъ замѣтилъ, что бережливые, трезвые и вообще нѣсколько старомодные люди всегда ходятъ въ церковь, а онъ твердо рѣшилъ сдѣлаться именно такимъ человѣкомъ. Старый Дрейеръ, начавшій жизнь простымъ работникомъ и сдѣлавшійся теперь богатымъ человѣкомъ, ходилъ въ церковь. И старый Редеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ, ходилъ въ церковь. Его считали безсердечнымъ и скупымъ, но за него говорило уже то, что онъ носилъ сюртукъ, въ которомъ ходилъ къ причастью пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И жена Томаса Луэта, удалявшаяся изъ общей спальны, гдѣ спала, и ея дѣти, когда мужъ ея возвращался домой послѣ попойки или карточной игры,—тоже сидѣла здѣсь каждое воскресенье на своемъ фамильномъ мѣстѣ, съ плотно сжатыми губами и строгимъ лицомъ. Всѣ такіе и имъ подобные люди, бережливые, издавна пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, ходили въ церковь. Тогда какъ молодежь и всѣ распутники и моты не ходили туда.

Іёрнъ Уль ходилъ въ церковь, потому что онъ хотѣлъ быть и остаться серьезнымъ, порядочнымъ человѣкомъ. Онъ хотѣлъ показать это и внѣшнимъ образомъ, вотъ почему онъ ходилъ въ церковь.

Онъ ходилъ въ церковь и скучалъ тамъ.

Время отъ времени, когда маленькій человѣкъ, стоя въ алтарѣ или на каѳедрѣ, начиналъ читать своимъ пѣвучимъ, то поднимающимся, то понижающимся голосомъ предписанныя мѣста изъ Библіи, Іёрну начинало казаться, что онъ слышитъ что-то иное, не то, что онъ привыкъ слышать въ проповѣдяхъ этого человѣка. Старая глубокая мудрость звучала для него въ этихъ словахъ,—великія, могучія мысли, родившіяся въ самой пучинѣ человѣческой жизни. И онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который, лежа на опушкѣ лѣса, прислушивается къ пѣнію птицъ и жужжанію насѣкомыхъ и къ отдаленному шуму лѣсного ручья, полнаго тяжелой прозрачной воды.

— Ты долженъ всегда сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ,—сказалъ ему старый Дрейеръ.—Я уже шестьдесятъ лѣтъ сижу каждое воскресенье на своемъ мѣстѣ, въ третьемъ ряду, за вычетомъ только тѣхъ двухъ лѣтъ, когда я былъ въ походѣ противъ Даніи.

И Іёрнъ Уль каждое воскресенье сидѣлъ на томъ же мѣстѣ.

* * *

Осенью слѣдующаго года случилось, однако же, нѣчто такое, что какъ роса упало на всю его душевную жизнь. И это было хорошо, ибо ей уже угрожала опасность изсохнуть, какъ сохнетъ луговина, если весь апрѣль мѣсяцъ надъ нею дуетъ восточный вѣтеръ.

Къ тому времени какъ съ полей убрали хлѣбъ, на селѣ объявилось нѣсколько одичавшихъ охотничьихъ собакъ, владѣльцы которыхъ либо по нетрезвости своей жизни, либо по халатности не съумѣли даже позаботиться о своихъ животныхъ. Итакъ, собаки рыскали все время по полямъ, а крестьяне по кабакамъ. Скоро стало извѣстно, что собаки разорвали нѣсколько овецъ и опустошили нѣсколько птичниковъ. Дѣти, которымъ приходилось ходить въ школу по тропинкѣ, проходившей мимо церкви, идя туда, дрожали отъ страха. Одинъ изъ нихъ вернулся въ село, задыхаясь отъ испуга, и утверждалъ, что собаки погнались за нимъ. Но никто ничего не предпринималъ противъ этого зла; владѣльцы собакъ только смѣялись, а остальные не смѣли идти противъ нихъ, да все это были первые люди въ селѣ, заправилы сберегательной кассы, которые могли отплатить услугой за услугу и отомстить за непріятность. Но вотъ однажды, въ воскресное утро случилось, что дѣти одного работника изъ Кампъ, идя по тропинкѣ къ церкви, увидѣли, что собаки набросились на ихъ теленка. Дѣти начали плакать и кричать, говоря, что у нихъ только одинъ теленокъ и есть и упрашивая двухъ взрослыхъ парней пойти съ ними и отогнать собакъ. Но они побоялись. Тогда двое малышей, въ страшномъ испугѣ, побѣжали одни, полагая по своему дѣтскому неразумію, что если они не спасутъ теленка, родители изобьютъ ихъ. Но когда дѣти, рыдая отъ страху, подошли ближе, собаки и не подумали удалиться, а, напротивъ, пошли прямо на маленькую дѣвочку, которая рвалась къ теленку и, махая руками, кричала: «Мой бычокъ! Мой бычокъ!» Тогда мужество покинуло и старшаго мальчика, и оба съ крикомъ бросились бѣжать къ виднѣвшемуся вдали селу. Но дѣти были одни, а собаки начали уже заигрывать съ ними. Они пригибались къ землѣ, наскакивали, снова отскакивали и рвали дѣтей за платье; дѣвочка упала; вотъ вотъ, еще минуту—и случилось бы ужасное.

Но какъ разъ въ это время изъ за почернѣвшихъ копенъ чечевицы вышелъ Іёрнъ Уль въ своемъ праздничномъ платьѣ и, увидѣвъ то, что происходило, стиснулъ зубы и подумалъ: «Проклятые!.. Такъ вотъ уже до чего дошло! Деревенскихъ дѣтей будутъ пожирать псы!» Лицо его потемнѣло отъ гнѣва, глаза вспыхнули. Тремя большими прыжками онъ очутился на мѣстѣ. Одна изъ собакъ отступила; другую остановившуюся и яростно ощетинившуюся, онъ ударилъ въ бокъ палкою. Она взвыла и съ пѣной у рта бросилась на Іёрна Уля, который склонился къ ребенку. И какъ разъ въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ выпрямиться, собака прыгнула на него и прежде чѣмъ онъ успѣлъ отстраниться, со всего размаха вцѣпилась ему въ колѣно. Твердымъ движеніемъ своей большой костлявой руки онъ прижалъ разсвирѣпѣвшаго пса къ своей груди, еле-еле удерживая его на извѣстномъ разстояніи отъ своего горла, къ которому тотъ рвался всѣмъ своимъ своимъ судорожно напряженнымъ тѣломъ и пѣнящейся пастью. Съ блѣднымъ, какъ мѣлъ, лицомъ онъ дѣлалъ ужасныя усилія, чтобы удержаться на ногахъ. Наконецъ, онъ опустился на колѣни, уперся хорошенько и, испустивъ дикій, громкій крикъ, собралъ всѣ свои молодыя силы, обхватилъ и сдавилъ рукою горло собаки, пригнулся и съ бѣшенствомъ переломилъ ей шейные кости.

Объ этомъ поступкѣ его не переставали говорить на селѣ въ теченіе многихъ

лѣтъ. И самъ онъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, въ натурѣ его возобладали болѣе мягкія, тиссовскія черты, охотнѣе вспоминалъ объ этомъ происшествіи на церковной дорожкѣ, подлѣ бобоваго поля, и о томъ, какъ онъ переломалъ кости собакѣ, бросившейся на маленькую дѣвочку, чѣмъ о томъ днѣ, когда онъ стоялъ, склонившись надъ лафетомъ и посылалъ зубчатые осколки желѣза въ людей.

Когда на слѣдующій день, черезъ ходившихъ въ школу дѣтей происшествіе это стало извѣстно и во дворѣ его отца, онъ замѣтилъ, что старшая работница смотритъ на него съ какимъ то изумленіемъ. А работникъ разсказывалъ, что во время рекреаціи мальчики въ школѣ горячо спорили о томъ, какъ именно онъ стоялъ на колѣняхъ, захвативъ собаку рукой, и вообще мальчики повсюду собирались группами, при чемъ одинъ изъ нихъ становился на колѣни и показывалъ, какъ онъ это сдѣлалъ; а учителю пришлось поскорѣе спасти изъ его рукъ свою желтую дворняжку.

Недѣлю спустя, онъ снова шелъ по полевой дорожкѣ, направляясь къ церкви и нагналъ шедшихъ туда же дѣтей изъ усадьбы Кампъ. Они сошли съ вымощенной кирпичомъ дорожки въ траву и уставились на него глазами. Но спасенная имъ маленькая дѣвочка молча подняла ручку, взяла его за руку и, не говоря ни слова, дошла съ нимъ мелкими быстрыми шажками до самыхъ церковныхъ дверей. Онъ вошелъ въ церковь и прослушалъ проповѣдь на тему о вѣрѣ и о томъ, что такъ называемыя добрыя дѣла и такъ называемая добродѣтельная жизнь по большей части оказываются лишь «блистающими пороками».

Когда онъ выходилъ изъ церкви, къ нему подбѣжалъ портной Розе, принадлежавшій къ самимъ тихимъ людямъ въ этихъ мѣстахъ. Нѣкоторое время онъ ковылялъ подлѣ Іёрна Уля,—это былъ уже старый человѣкъ; поговорилъ немного о погодѣ, потомъ остановился и началъ смущенно перебирать своими мягкими пальцами по груди своего спутника и потрагивалъ его пиджакъ и жилетку.

— Принесъ бы ты ее ко мнѣ, куртку-то, Іёрнъ!—сказалъ онъ.—Собаки ее тебѣ совсѣмъ продрали; я бы ее тебѣ шелкомъ заштопалъ... Такъ, даромъ заштопалъ бы, Іёрнъ... Только,—что, бишь, я тебѣ хотѣлъ еще сказать, Іёрнъ? Не объ курткѣ, то-есть, Іёрнъ, а объ сердцѣ, которое подъ курткой и которое ты долженъ отдать Богу.

Іёрнъ Уль смутился. Слыханное ли это дѣло въ этомъ краю, чтобъ обыкновенный человѣкъ говорилъ о такихъ вещахъ? Говорить о Богѣ и о душѣ—это дѣло пастора, когда онъ всходитъ на свою церковную каѳедру.

— Я хотѣлъ дѣтямъ помочь,—сказалъ Іёрнъ Уль.—Очень уже я разозлился на этихъ проклятыхъ псовъ.

— Ты долженъ все во имя Бога дѣлать,—Богу служить.

Іёрнъ Уль не понялъ этого.

— Право же, я думалъ только о дѣвчуркѣ, которая кричала, какъ безумная

— На этотъ разъ ты сдѣлалъ доброе дѣло такъ, за свой собственный страхъ,—ну и прекрасно. Но если ты хочешь всю жизнь и всегда добро творить и истинную радость обрѣсти, то ты долженъ съ Богомъ въ союзъ войти и изъ любви къ Нему все дѣлать. Не потому ты долженъ добро дѣлать, что на псовъ разозлился или что не можешь видѣть, какъ ребенокъ перепугался, а потому, что Богъ около тебя стоитъ и глядитъ на тебя и говоритъ: «Бѣги скорѣй, Іёрнъ Уль! Спаси ребенка! Схвати пса, Іёрнъ Уль!»

— Да... но не все ли равно, сдѣлаю я это съ Богомъ или безъ Бога?

— Далеко не все равно, Іёрнъ. Потому,—видишь ли: если ты будешь это за свой собственный страхъ дѣлать, то загордишся, возомнишь о себѣ, важничать станешь, а то такъ и совсѣмъ одурѣешь. И не можешь ты постоянно добро дѣлать, не можешь всегда справедливымъ быть, не можешь истинной радости въ этомъ найти именно потому, что не ради самого добра это дѣлаешь, а ради себя и людей. Если же ты теперь на

сторону Бога станешь и будешь дѣлать все во имя Бога, то останешься всегда смиреннымъ, смѣяться, радоваться будешь, будешь знать навѣрное что ты дѣлаешь какъ разъ то, что нужно, и на все у тебя разумѣнія хватитъ, и передъ всѣмъ свѣтомъ ты устоишь и всему на свѣтѣ радоваться будешь! Сердце наше должно быть заодно съ Богомъ, Іёрнъ, а руки наши—противъ псовъ и противъ всего дурного должны бороться: вотъ оно въ чемъ, христіанство-то!

— Можетъ оно и такъ! — сказалъ Іёрнъ.—Заодно съ Богомъ стоять и оттуда добро творить: право, это ты совсѣмъ не худо сказалъ. Но только я думаю...

— И Спаситель такъ же поступалъ, Іёрнъ. Всегда съ Богомъ и всегда противъ псовъ! Только очень уже много псовъ вокругъ него было: одолѣли они его и растерзали. Но чего же другого онъ хотѣлъ, что дѣлалъ, если не заодно съ Богомъ на жизнь и на смерть за добро боролся?

— Это хорошо, — сказалъ опять Іёрнъ Уль.—Какъ бы въ союзѣ съ Богомъ.

— По чести и по совѣсти, Іёрнъ.

— Вотъ именно, по чести и по совѣсти—противъ всего сквернаго, противъ псовъ и противъ лѣнтяевъ, противъ пьяницъ и плохихъ землепашцевъ.

— Именно, Іёрнъ. А прежде всего—противъ собственныхъ недостатковъ.

— Это такъ,—сказалъ Іёрнъ Уль.

— Вотъ видишь ли! — сказалъ старикъ.—Такъ принеси мнѣ завтра свою куртку, Іёрнъ, я ее тебѣ починю даромъ.

Онъ нѣсколько разъ поклонился ему и, не переставая кланяться, пошелъ прочь.

Іёрнъ Уль вдругъ подумалъ:

«Надо будетъ спросить его, что онъ думаетъ о проповѣдяхъ, которыя намъ здѣсь читаютъ». Онъ обернулся. Но старикъ быстро ковылялъ прочь и скрылся за крайнимъ деревомъ церковнаго сада.

Когда на слѣдующее утро Витенъ Пеннъ пришла къ нему за курткой, чтобъ по своему обыкновенію вычистить ее, онъ разсказалъ ей, что старикъ вызвался зачинить куртку, и при томъ даромъ.

— Вотъ чудакъ! — сказала она. — Что же онъ тебѣ сказалъ?

Іёрнъ посмотрѣлъ задумчивымъ взглядомъ:

— Тамъ, на углу, около церкви, немножко вѣтряно было. Если только я вѣрно понялъ его, то онъ сказалъ: настоящая жизнь для человѣка состоитъ въ томъ, чтобы таскать для чужихъ каштаны изъ огня.

— Вотъ чудачина!.. Богъ мнѣ свидѣтель, Іернъ, этотъ старикъ того и гляди совсѣмъ свихнется.

— Ну вотъ еще! — сказалъ Іернъ.— Чего свихнуться? Онъ человѣкъ трудолюбивый и трезвый; никто объ немъ ничего дурного не знаетъ; всегда онъ доволенъ, привѣтливъ, и вѣдь ты знаешь, маленькому Дарнсену онъ даромъ сшилъ платье для корфинмаціи.

— Ну такъ что-жъ изъ этого? Есть ли у него хоть грошъ за душою! Работаетъ день-деньской? А что у него есть?

Она отдала ему узелока и сказалъ:

— Ну, убирайся со своей курткой.— И онъ вышелъ изъ кухни.

Проходя черезъ сѣни, онъ подумалъ: «Вотъ три совершенно различныхъ мнѣнія. То, что тамъ, въ церкви, проповѣдуется, разумный человѣкъ не можетъ считать вѣрнымъ. То, что старый портной говоритъ, имѣетъ извѣстный смыслъ. Но то, что Витенъ говоритъ, тоже имѣетъ смыслъ. Портной говоритъ: о другихъ заботиться, во имя Бога. Витенъ говоритъ: о себѣ самомъ заботиться, ни отъ кого и ни отъ чего независимо».

Вдругъ онъ остановился, подумалъ о чемъ-то и пошелъ обратно въ кухню. Витенъ стояла спиною къ двери и что-то дѣлала.

— Послушай,—сказалъ онъ,—ты говоришь, что портной чушь сказалъ. Но въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, пожалуйста: какъ же сама-то ты? Чего ради ты работаешь въ этомъ запустѣломъ домѣ, изъ котораго трое пьяницъ добро растаскиваютъ, и возишься постоянно съ упрямой дѣвчонкой?

Она быстро обернулась и посмотрѣла на него широко открытыми глазами.

Онъ впервые заговорилъ съ нею, какъ самостоятельно мыслящій человѣкъ и она не сразу нашлась что ему отвѣтить.

— Не говори глупостей,—сказала она.—Ступай себѣ по добру, по здорову, голубчикъ, чего тутъ мудришь-то!

Онъ задумчиво пошелъ отъ нея со своимъ узелкомъ.

* * *

Внѣшняя жизнь его проходила исключительно въ трудѣ и разныхъ хлопотахъ. Отецъ говорилъ о немъ обыкновенно:

— Очень ужъ много тиссенскаго въ немъ! Весь вѣкъ будетъ работникомъ у братьевъ

Сегодня надо пахать, завтра сѣять, послѣ завтра — тяжелыя домашнія работы: такъ проходили у него дни. Утромъ первый, вечеромъ послѣдній,—словомъ, человѣкъ, у котораго нѣтъ ни свободнаго вечера подъ праздникъ, ни даже воскресенья. Глаза смыкались у него къ тому времени, когда онъ кончалъ ужинъ. Онъ сейчасъ же шелъ въ свою комнату и засыпалъ мертвымъ сномъ.

Онъ былъ высокъ ростомъ и худощавъ, походка — отъ ходьбы по неровной пашнѣ—стала сильной и тяжелой. Тѣло было мускулистое, жилистое. Ему ничего не стоило прошагать цѣлый день, безъ передышки по полю, придерживая рукоятку плуга, запряженнаго четверкой лошадей, прокладывая одну борозду за другою. Ему еще не исполнилось и восемнадцати лѣтъ, а онъ уже какъ ни въ чемъ ни бывало подхватывалъ на вилы, во время жатвы пшеницы, по три снопа вмѣсто одного. Плечи его развернулись, раздались вширь, лицо отъ солнца и соленаго морского вѣтра стало смуглымъ. Его рѣчь, какъ и все его существо, отличалось какой-то неторопливой рѣшительностью и тяжеловѣсной непреклонностью, свойственной малоподвижному, но мыслящему духу. Въ церковь онъ ходилъ теперь уже не такъ часто, какъ прежде, но разъ въ двѣ или три недѣли надѣвалъ свою синюю, хорошо сшитую пиджачную пару и направлялся туда, твердо выпрямивъ станъ, съ тихимъ, горделивымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Событія этой осени оказались благотворными для него. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ онъ думалъ быть усерднымъ въ работѣ, трезвымъ, бережливымъ,—и такъ до самой смерти,—вотъ и вся мудрость. Но бесѣда съ чудакомъ портнымъ и послѣдовавшія за нею размышленія и сравненія заставили его шире раскрыть глаза и пристальнѣе всмотрѣться въ окружающую жизнь. И тогда онъ понялъ, что дѣло далеко не такъ просто; есть нѣчто цѣнное на свѣтѣ и помимо благопристойнаго поведенія и денегъ. Онъ сталъ нѣсколько откровеннѣе, мягче, привѣтливѣе.

Въ немъ развилась тихая, почти молчаливая склонность къ нѣкоторымъ бѣднымъ дѣтямъ изъ Кампа и иногда, въ послѣобѣденные часы, по воскресеньямъ онъ сидѣлъ съ ними на берегу Ау, вырѣзывая имъ дудки изъ вѣтвей ивы, и помогалъ самымъ маленькимъ дѣлать цѣпи изъ стеблей одуванчика. Зимою же онъ держалъ у себя яблоки, зарывая ихъ въ солому на самое дно сундука, и смѣялся, когда мальчики, по дорогѣ въ школу, заходили къ нему во дворъ и начинали кашлять или громко разговаривать и вообще всячески старались обратить на себя его вниманіе, потому что они не рѣшались прямо обратиться къ нему съ просьбой; онъ казался имъ такимъ большимъ и серьезнымъ.

Иногда, въ зимніе вечера, онъ доставалъ Литрова, разсматривая приложенныя къ нимъ небесныя карты, и, выйдя яснымъ звѣзднымъ вечеромъ въ яблочный садъ, отыскивалъ обозначенныя въ книгѣ звѣзды и старался запомнить ихъ названія. Но когда онъ замѣчалъ, что это начинаетъ увлекать его, что его охватываетъ жажда знать все это и многое другое, когда онъ чувствовалъ, что желаніе учиться, словно вино, ударяло ему въ голову, онъ пугался и опять пряталъ книгу въ сундукъ, на самое дно его, подъ солому, въ которой были зарыты яблоки.

Открытія, которыя онъ дѣлалъ, всматриваясь въ людей и въ событія жизни, замыкалъ и хранилъ онъ въ самой глубинѣ своей души подобно владѣльцу корабля, который опускаетъ

кладь въ темную глубину трюма. Казалось, будто и нѣтъ тамъ ничего; казалось, все пріобрѣтенное имъ не имѣетъ ни назначенія, ни цѣли; но все это было только скрыто отъ глазъ. Все это обогащало его душу, составляло его неотъемлемую собственность, — и судно глубже сидѣло въ водѣ и шло болѣе вѣрнымъ ходомъ.

Такъ слѣдовало одно жизненное событіе за другимъ, одинъ человѣкъ за другимъ. Они подходили къ нему, сообщали ему долю новыхъ познаній и опыта и снова исчезали изъ глазъ.

Глава одиннадцатая.

Слѣдующей весной, съ благоразуміемъ, подобающимъ болѣе зрѣлому возрасту, онъ рѣшилъ, что всего лучше будетъ ему теперь же отбыть воинскую повинность, въ качествѣ вольноопредѣляющагося; тогда онъ, по крайней мѣрѣ, сможетъ располагать собою въ дальнѣйшемъ.

Генералъ посмотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ обнаженнаго рослаго, широкоплечаго юношу съ явнымъ благоволеніемъ и добродушно произнесъ:

— Кирасиромъ или канониромъ?

Онъ подумалъ немножко и сказалъ:

— Канониромъ.

Засѣдавшіе въ коммиссіи господа были чрезвычайно удивлены.

— Почему такъ?—спросилъ его генералъ.

— Мнѣ это больше подойдетъ.

— Почему же?—спросилъ еще разъ старикъ.

Въ лицѣ Іерна отразилась работа мысли и онъ сказалъ:

— Канониры проще и нужнѣе для страны.

Генералъ многозначительно наклонилъ голову и отпустилъ его.

Приходскій старшина Эйзонъ, тотъ самый, который пилъ и игралъ въ карты съ крестьянами и единственному ребенку котораго пришлось потомъ просить милостыню и умереть въ нищетѣ, склонилъ на бокъ свою короткую шею и сказалъ:

— Изъ весьма уважаемаго рода Улей, господинъ генералъ! Только не въ свою породу вышелъ молодецъ! Типу того въ немъ нѣтъ!

— Въ немъ-то нѣтъ?—сказалъ генералъ.—Въ немъ-то нѣтъ? Ну, за этого-то я головой поручусь. Насмотрѣлся я тоже на человѣческія лица, господинъ приходскій старшина, знаю, какъ наши ребята въ мирное время и въ двухъ походахъ себя показали!

И вотъ, осенью, сейчасъ же по окончаніи жатвы, явился онъ въ Ренебургъ. Гертъ Дозе, сынъ того Дозе, который раньше жилъ въ Дитердоннѣ, былъ назначенъ въ ту же батарею и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Ренебургъ былъ въ то время совсѣмъ еще тихимъ городомъ. Но будь онъ равенъ хоть Гамбургу по оживленію, будь онъ хоть красивѣйшимъ городомъ во всей странѣ, какое дѣло было до этого города молодому крестьянскому парню? Какое ему было дѣло до цѣлаго свѣта? Онъ долженъ былъ учиться здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ тому, чему его обучали, и слушаться тѣхъ, которые надъ нимъ командовали. Прекращалась работа,—и онъ могъ дѣлать все, что ему было угодно. Тогда мысли его уносились къ роднымъ полямъ, къ конюшнѣ и скотному двору родной усадьбы.

Все шло у него какъ по маслу; лучшаго солдата нельзя было и представить себѣ для мирнаго времени. Онъ былъ закаленъ въ работѣ, уменъ и послушенъ. Одинъ унтеръ-офицеръ, только что вышедшій изъ школы и любившій пройтись насчетъ «неотесанныхъ голштинцевъ», возымѣлъ склонность сдѣлать изъ Іёрна Уля подножіе для своего юношескаго тщеславія. Но на четвертый или пятый день поручикъ Гансъ, прозванный ребятами «долговязымъ Іоганномъ», замѣтилъ это и такъ поговорилъ съ унтеръ-офицеромъ, что намѣренія того сразу разлетѣлись.

На слѣдующій день, когда долговязый Іоганнъ зашелъ въ конюшню и, встрѣтивъ Іёрна Уля, который несъ два ведра съ водой, сказалъ ему:

— Откуда у васъ эта широкая, твердая поступь, Уль? Никогда я въ жизни

еще я не видалъ ничего подобнаго у такихъ молодыхъ людей! У васъ словно желѣзныя рессоры въ ногахъ!

Ведра загремѣли, Іёрнъ Уль вытянулся, какъ столбъ:

— Съ дѣтства тяжелую работу приходилось работать.

— Съ двухъ лѣтъ за плугомъ ходили?

— Да. А земля у насъ тяжелая.

— Я самъ изъ Ицегоэ,—сказалъ поручикъ,—такъ что знаю эти края, приходилось и въ Венторфѣ бывать. Кажется, у вашего отца большая усадьба?

— Точно такъ. Но мнѣ приходилось работать.

— Ага! Старикъ, значитъ, не работаетъ?

— Никакъ нѣтъ.

— И братья нѣтъ? Что?

— Нѣтъ.

— У васъ такое лицо... какъ бы это сказать?.. забота въ немъ видна. Это не хорошо, вы вѣдь еще такъ молоды!

— Плохо они будутъ пахать этой осенью, господинъ поручикъ.

Поручикъ Гансъ поднялъ брови и промолчалъ, но съ этого времени началъ относиться къ Іёрну Улю съ большимъ уваженіемъ, выказывая это главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ былъ особенно требователенъ по отношенію къ нему и давалъ ему особенно трудныя порученія.

Товарищи сначала не долюбливали его. Узнавъ, что онъ былъ сыномъ богатаго крестьянина изъ Морша, они готовы были принять его спокойную сдержанность за гордость. И дѣйствительно, онъ былъ не чуждъ извѣстнаго рода гордости, свойственной крестьянину. Къ тому же, нервое время въ казармѣ, къ которой онъ принадлежалъ, царилъ необыкновенно грубый тонъ. Пошелъ этотъ тонъ отъ одного или двухъ легкомысленныхъ товарищей, которымъ удалось изобразить изъ себя бывалыхъ людей и которые постоянно хвастались разными своими приключеніями и исторіями. Для Іёрна Уля, какъ сына крестьянина, человѣка выросшаго въ деревнѣ, многое изъ того, что разсказывали эти герои, было уже не ново; до многаго онъ дошелъ путемъ размышленія; въ немъ самомъ таилась сильная чувственность; но все это было скрыто въ глубинахъ его души и боязливо охранялось отъ посторонняго глаза. Ему было невыносимо, почти физически мучительно, когда хвастуны со смѣхомъ обнажали эти святыя тайны природы. Къ тому же, слушая эти разсказы, онъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что его собственные братья совершенно безнадежно погрязли въ грубости и порочныхъ страстяхъ.

И вотъ, когда начинались эти разговоры, онъ сидѣлъ съ такимъ лицомъ, какъ будто слушалъ собственныхъ братьевъ, и не скрывалъ своего негодованія и презрѣнія. Въ одинъ прекрасный вечеръ герои вздумали проучить его за это. Но съ ловкостью человѣка, проведшаго жизнь въ общеніи съ природою, онъ успѣлъ заручиться поддержкой своего школьнаго товарища Герта Дозе и, когда герои внезапно напали на него, имъ пришлось имѣть дѣло съ двумя противниками вмѣсто одного и имъ пришлось вынести порядочную потасовку. Съ этого времени характеръ разговоровъ былъ хотя и грубоватый, но уже не такой откровенный.

Товарищи сначала не долюбливали его. Въ усердіи и старательности, съ которыми онъ изо дня въ день исполнялъ свои служебныя обязанности, они видѣли сначала желаніе выслужиться, подслужиться начальству. Но когда они вскорѣ убѣдились, что его усердіе исходитъ изъ скромной добросовѣстности, и что на него можно вполнѣ положиться, и когда они услышали отъ Герта Дозе, что съ ранней юности ему приходилось выносить много тяжелаго, они стали смотрѣть на него, какъ молодые моряки смотрятъ на товарища, побывавшаго въ дальнемъ плаваніи. Онъ сдѣлался у нихъ мало-по-малу чѣмъ-то въ родѣ третейскаго судьи, и не одному маменькину сынку онъ оказалъ короткимъ, сухимъ словомъ, добрую поддержку.

— Послушай-ка, Уль! Говорили тебѣ: Рюкпертъ удралъ было, а его поймали.

— Чего-жъ это онъ удралъ? Взялся

за гужъ, не говори, что не дюжъ. Развѣ это можно—солдату да удрать. Это не порядокъ.

— Разсудительный ты у насъ парень, Уль. Слишкомъ ужъ даже разсудительный.

Онъ затянулся изъ своей коротенькой трубки и сказалъ:

— Не знаю, что это я, право, разсмѣяться толкомъ не могу. Словно будто лицо у меня замерзло: не движется, да и полно! А вѣдь когда вы смѣетесь, какъ мнѣ пріятно! Ну, разскажите ка что-нибудь...

— А вотъ знаешь, Планкъ... знаешь вѣдь его?—тотъ, что третій годъ служитъ: такъ вѣдь онъ дѣвушку-то эту—маленькую, бѣлокуренькую, что у доктора служитъ,—совсѣмъ-таки на мель посадилъ. Ее вчера съ мѣста прогнали, она къ намъ въ буфетъ приходила, хотѣла съ Планкомъ поговорить, а онъ больнымъ сказался... Слышишь, Уль?

— Негодяй онъ!--сказалъ Іёрнъ Уль.—Посадилъ на мель, такъ и стащи. Мы ему теперь проходу не дадимъ, пока онъ съ ней обрученья не отпразднуетъ. Мы ему скажемъ, что бочку пива ему вскладчину купимъ. Небойсь, какъ услышитъ это, такъ пойметъ, что̀ мы всѣ на этотъ счетъ думаемъ.

Гертъ Дозе часто бывалъ въ казармѣ предметомъ шуточекъ, такъ какъ онъ почти ничему не научился въ школѣ и иногда имѣлъ какой-то придурковатый видъ. Но мать его была истинная дочь Крэевъ: отецъ ея былъ весьма извѣстный горбунъ Штофферъ Крэй, который сначала и не думалъ быть горбуномъ. Въ молодости Штофферъ Крэй усердно занимался контрабандой и дурачилъ таможенную стражу, переодѣваясь такимъ образомъ, что его принимали за горбуна. Дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ этихъ стражниковъ погибъ въ заливѣ: разсказывали, что Штофферъ Крэй заманилъ его хитростью на отмель и столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься контрабандой и сдѣлался тихимъ, трудолюбивымъ человѣкомъ. Но мало-помалу, будучи отъ природы стройнымъ и прямымъ, какъ рябина, онъ сталъ все больше горбиться и сдѣлался совсѣмъ горбатымъ. Въ такомъ видѣ долгіе годы объѣзжалъ онъ села на своей запряженной собаками повозкѣ. Отъ этого своего дѣда Гертъ Дозе унаслѣдовалъ незаурядный и живой умъ.

Одно время онъ служилъ на Маршѣ у одного богатаго крестьянина, необыкновенно глупаго, ворчливаго и сонливаго. Своей привѣтливостью и услужливостью плутъ завоевалъ себя расположеніе хозяина и, пользуясь этимъ расположеніемъ, отлично устроился у него въ домѣ и продѣлывалъ надъ глупцомъ разныя штуки. Объ этихъ-то своихъ проказахъ онъ и разсказывалъ товарищамъ, когда его особенно просили объ этомъ.

Онъ садился на край своего соломенника и, переводя глаза съ одного слушателя на другого, начиналъ разсказывать...

Потомъ разговоръ замолкалъ. Дозе погружался въ сонъ, Іёрнъ Уль въ размышленія. Остальные болтали тихонько о работахъ протекшаго дня.

Въ послѣдній годъ, когда служба уже окончательно наладилась, Іёрнъ Уль проводилъ большую часть свободнаго времени въ домѣ одного маленькаго чиновника, который былъ на добрыхъ десять лѣтъ старше его. И онъ, и его жена были родомъ изъ венторфской стороны; въ дѣтскіе годы онъ бывалъ у Тиссъ-Тиссена, въ Гезгофѣ, и зналъ Фите Крэя. Это былъ аккуратный человѣчекъ; волосы его всегда были приглажены, рукава рубашки блистали бѣлизною. Онъ былъ старателенъ, трудолюбивъ, деньгами сорить не любилъ, вина не пилъ, быть можетъ, отличался и еще кое-какими добродѣтелями. Онъ не одобрялъ Тисса-Тиссена за его хозяйство, городскую магистратуру, въ которой онъ служилъ, за неумѣлое веденіе городского хозяйства. Не одобрялъ Фите Крэя, который, въ послѣдній разъ, когда онъ его видѣлъ, сидѣлъ, развалясь, въ своей запряженной собаками телѣжкѣ. Не одобрялъ дѣйствія правительства и рѣчи короля. Все было для него предметомъ порицанія. Онъ хвалилъ только самого себя и иногда свою жену, которая изрѣдка осмѣливалась вставить въ его рѣчь кое-какія робкія замѣчанія. Но

хваля свою жену, онъ всегда прибавлялъ: «Я сдѣлалъ ей указаніе на этотъ счетъ. Теперь она всегда такъ и дѣлаетъ».

Іёрну Улю было всего двадцать лѣтъ. Онъ не замѣчалъ всей внутренней пустоты и глупости своего знакомаго. Хотя вѣчное самохвальство его казалось ему нѣсколько надоѣдливымъ и безтактнымъ, однако онъ не придавалъ этому особеннаго значенія, думая про себя: «У всякаго своя манера». Съ своей стороны, онъ не особенно распространялся въ разговорахъ съ нимъ и вообще предпочиталъ молчать. Онъ тихо сидѣлъ на мягкомъ, покойномъ диванѣ, покуривалъ, слушалъ и чувствовалъ себя до нѣкоторой степени польщеннымъ тѣмъ, что такой значительный, представительный человѣкъ расточаетъ передъ нимъ столько словъ и изливаетъ свою жизненную премудрость. Словомъ сказать, въ опрятной, чистенькой, маленькой квартиркѣ этой мирной, бездѣтной семьи онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше.

Но вотъ, когда Іёрнъ Уль завернулъ однажды къ своимъ знакомымъ въ воскресеное послѣ-обѣда, хозяинъ лежалъ въ растяжку на диванѣ съ зубною болью; онъ не могъ говорить и попросилъ своего юнаго пріятеля разсказать ему что-нибудь. Такимъ образомъ, Іёрну Улю пришлось впервые въ этомъ домѣ какъ слѣдуетъ заговорить. И онъ заговорилъ— о чемъ иномъ могъ онъ заговорить?— объ отцовской усадьбѣ, о своей работѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ: о томъ, какъ ему удалось поднять искусной культурой доходность такого-то поля и выгодно продать такую-то скотину. Онъ разошелся и добрыхъ два часа не переставалъ говорить на тему: жизнь, дѣла и взгляды Іёрна Уля. Хозяинъ мучился зубной болью, молчалъ и слушалъ. Жена съ испуганнымъ лицомъ сновала взадъ и впередъ и была, повидимому, сильно озабочена состояніемъ больного.

Когда-же на слѣдующій день Іёрнъ Уль зашелъ справиться о его здоровьѣ —отчасти тутъ было замѣшано и то, что ему понравилось говорить о себѣ,— хозяйка таинственно отозвала его въ кухню и, заливаясь слезами, призналась ему, что наканунѣ, послѣ его ухода, мужъ ея былъ страшно золъ и даже прибилъ ее: онъ совершенно не могъ переносить, чтобы человѣкъ говорилъ въ его присутствіи о самомъ себѣ. Теперь онъ не хотѣлъ больше и слышать о продолженіи знакомства съ Іёрномъ Улемъ изъ Венторфа.

Іёрну Улю не разъ приходилось въ жизни строить изумленное и глупое лицо, что достигалось какъ нельзя легче: стоило ему только для этого немножко вытянуть свое и безъ того длинное лицо. Но никогда никто не видѣлъ у него такой вытянутой физіономіи, какъ въ тотъ разъ, когда, захлопнувъ за собою гладко отполированную дверь, онъ сходилъ по только что выкрашенной лѣстницѣ, чтобы никогда болѣе не подниматься по ней. Онъ присоединилъ воспоминаніе объ этомъ моментѣ своей жизни къ другимъ и хранилъ о немъ глубокое молчаніе. Только впослѣдствіи, двадцать лѣтъ спустя, онъ достигъ такой зрѣлости, такъ близко подошелъ къ правдѣ, такъ углубилъ свое самосознаніе, что могъ со смѣхомъ разсказать всю эту исторію своей женѣ. Однако, въ то время она могла еще воспользоваться этимъ разсказомъ, какъ орудіемъ противъ него, что она немедленно и сдѣлала: «Въ чемъ же тутъ было дѣло, Іёрнъ? Оба вы, видно, блистали тонкой полировкой! Ты краснѣешь, Іёрнъ? И это весьма умѣстно, Іёрнъ Уль!»

Одинъ разъ случилось, что товарищи уговорили его пойти съ ними на вечеринку. Онъ смотрѣлъ, какъ браво они отплясывали, и любовался нѣкоторыми дѣвушками. Одна изъ нихъ, высокая, стройная и въ то же время полная, особенно понравилась ему, и онъ сталъ слѣдить за ней глазами. Она скоро замѣтила это, взяла подъ руку подругу и стала прохаживаться мимо него, бросая на него взгляды. Но такъ какъ онъ не воспользовался этимъ, чтобы пригласить ее на танецъ, она перестала обращать вниманіе на долговязаго, неподвижно стоявшаго молодого человѣка и пошла къ другимъ. Онъ вышелъ изъ зала, вернулся домой, набилъ свою трубку, и, какъ истинно добродѣтельный человѣкъ, сѣлъ у окна и сталъ думать о томъ, какъ

онъ возвратится домой и въ какомъ видѣ найдетъ тамъ хозяйство, и рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ онъ опять приведетъ все въ порядокъ, и удивлялся на своихъ товарищей, которые живутъ безъ всякой заботы и безъ всякой опредѣленной цѣли. А когда они говорили ему: «Что это ты сидишь тутъ, одинъ-одинешенекъ! Вѣдь ты такъ же молодъ, какъ и мы», — онъ невольно принималъ нѣсколько таинственный видъ и давалъ имъ понять, что у него много заботъ.

Хорошо это было, что ефрейторъ Юргенъ Уль, несмотря на свои молодые годы, не бѣжалъ вслѣдъ за толпой, а задумчиво шелъ по самостоятельно избранному пути. Но что онъ считалъ свою молодость погибшей и въ честь ея погребенія строилъ постное лицо и такіе глаза, какъ если бы онъ носилъ въ себѣ всю предусмотрительную мудрость всѣхъ мудро-предусмотрительныхъ людей,—это было въ немъ уже смѣшно. Молодость отомститъ тебѣ за себя, Іёрнъ Уль! Взбунтуйся молодая кровь! Довольно Іёрну Улю разыгрывать изъ себя глупца! Лучше быть грѣшникомъ, чѣмъ такимъ смиренникомъ.

Глава двѣнадцатая.

Въ послѣднія недѣли отбыванія воинской повинности его стало особенно сильно тянуть домой, въ конюшню, въ поля; онъ тосковалъ по каждой скотинкѣ, боясь, что не застанетъ ее больше тамъ, по каждому предмету домашней утвари, который когда-либо держалъ въ рукахъ. Онъ тѣшилъ себя обманчивой надеждой, что теперь для него настанутъ лучшія времена, что отецъ состарился, а братья стали разумнѣе, и ему удастся добиться большаго вліянія въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ уютно онъ будетъ проводить вечера въ обществѣ Эльсбе и Витенъ. Какъ сочный зеленый листокъ клевера будутъ они всѣ трое.

Когда онъ, наконецъ, никѣмъ не ожидаемый и незамѣченный, вошелъ въ свою комнату, открылъ ларь, вытащилъ оттуда синюю холщевую блузу, заглянулъ любопытнымъ глазомъ въ «Чудеса неба» Литрова и обернулся, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что за спиной у него стоитъ сестра.

— Скажи на милость!—проговорилъ онъ.—Ты такая же маленькая осталась, но округлилась и пополнѣла. Совсѣмъ цвѣтущая дѣвушка стала, какъ и быть слѣдуетъ!

Но на ея лицѣ отразилась только скука, близкая къ раздраженію. Онъ сталъ ее разспрашивать про ея житье-бытье. Она отвѣчала сухо и неохотно. Наружностью она напоминала юное, цвѣтущее майское утро; но все ея существо казалось угнетеннымъ, какъ у человѣка, который съ давнихъ поръ терпитъ тяжкія незаслуженныя невзгоды.

Іёрнъ Уль былъ слишкомъ уменъ, чтобы сомнѣваться въ правильности собственныхъ сужденій и осторожно и скромно присматриваться къ тому, что происходитъ въ сердцѣ его сестры; въ сознаніи своей непогрѣшимости, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что съумѣетъ справиться съ нею. Онъ подумалъ, что она просто стосковалась въ одиночествѣ, и что его присутствіе вернетъ ей прежнюю веселость. Такъ сказалъ онъ и Витенъ, которая въ отвѣтъ только кивнула головой. Но когда онъ вышелъ изъ кухни, она посмотрѣла ему вслѣдъ долгимъ взглядомъ, который отнюдь не выражалъ особенной почтительности къ нему.

Однажды вечеромъ, — недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ онъ вернулся домой,—Генрихъ и Гансъ созвали къ себѣ молодыхъ людей. Вдругъ въ задней комнатѣ, гдѣ сидѣли подлѣ стола, весело разговаривая между собой, братъ съ сестрою и Витенъ, появился Гарро Гейнзенъ. Онъ служилъ уланомъ въ Моабитѣ, подлѣ Берлина, и растранжирилъ тамъ огромныя деньги. Онъ зашелъ, чтобы повидаться съ Юргеномъ, какъ онъ объяснилъ:

— Хотѣлъ поздороваться съ тобой. Покончили мы съ игрой въ солдатики! Выйдешь къ намъ туда на минутку?

Іёрнъ покачалъ головою и продолжалъ сидѣть, попыхивая дымомъ изъ своей трубки.

Тогда Гарро Гейнзенъ подсѣлъ къ нимъ

и началъ разсказывать, какъ онъ проводилъ время на военной службѣ, и хвастаться, а Іёрнъ, который думалъ обо всемъ этомъ совершенно иначе, молчалъ. Тогда бывшій уланъ спросилъ Эльсбе, на которую онъ не переставалъ посматривать своими красивыми глазами, не выйдетъ ли она къ нимъ въ переднія комнаты; положительно, она должна была бы выйти: тогда къ нимъ придутъ и нѣкоторыя другія дѣвушки, собравшіяся на сосѣднемъ дворѣ. Эльсбе сидѣла словно каменная. Потомъ она взглянула на брата; но тотъ только кусалъ себѣ губы и явно показывалъ, что не знаетъ, какъ выйти изъ этого положенія. Тогда дѣвушка вдругъ быстро убрала свою работу и, тяжко вздохнувъ, вышла съ нимъ изъ комнаты. Едва они переступили черезъ порогъ комнаты, какъ навстрѣчу имъ раздался шумный дѣвичій говоръ. Было уже поздно, и на дворѣ стояла темная ноябрьская ночь.

Іёрнъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, посматривая время отъ времени на Витенъ. Но та съ загадочно-неподвижнымъ лицомъ, смотрѣла на свою работу и молчала. Эти часы заставили его изведать нѣчто великое и доселѣ незнакомое ему: тревогу за близкаго человѣка.

Наконецъ, онъ пошелъ въ свою комнату и сталъ ходить изъ угла въ уголъ, потомъ остановился у окна, глядя въ темноту. Онъ роптвлъ на Бога и на весь міръ, думая о томъ, что все, принадлежавшее къ этому дому, словно падало въ грязь и обречено было на безвозвратную погибель. Онъ терзался сознаніемъ, что у него не хватаетъ увѣренности въ себѣ, не хватаетъ мужества выйти къ этимъ людямъ и сказать: «Отдайте мнѣ мою сестру». Ему казалось, что никогда онъ не сдѣлается настоящимъ мужчиною. «Я буду смотрѣть на все это,—говорилъ онъ,—буду справлять мою работу въ полѣ и на дворѣ и всю жизнь буду для нихъ простымъ работникомъ, какъ говорилъ про меня отецъ».

Въ то время, какъ онъ стоялъ, погрузившись въ эти грустныя размышленія, въ глубинѣ дома быстро распахнулась дверь, раздался гамъ пьяныхъ голосовъ, дверь снова захлопнулась, и въ темныхъ сѣняхъ послышались торопливые шаги. Онъ открылъ дверь своей комнаты, Эльсбе, быстро и громко дыша, почти упала въ его объятья.

— Я удрала отъ него.

— Нехорошо это,—сказалъ онъ,—то, что ты дѣлаешь! никакого удержу у тебя нѣтъ.

— Мнѣ и самой это надоѣло,—сказала она, пошла къ окну и сѣла на ларь. какъ дѣлала это, бывало, въ дѣтствѣ.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Эльсбе: не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ всѣ Гейнзены должны будутъ убраться со своихъ дворовъ и идти въ Гамбургъ—торговать сѣномъ и мякиной. Вотъ, помяни мое слово.

Она соскочила съ ларя и заглянула въ окно:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, ищетъ ли онъ меня?.. Отчего ты еще не легъ въ постель? Я сказала ему, что побѣгу къ тебѣ; но я думала, что ты уже въ постели и заперъ дверь. Тогда я побѣжала бы въ сарай. Я такъ испугалась!

Онъ стоялъ посреди комнаты:

— Я не могъ лечь спать. Я все время думалъ о томъ, что ты тамъ дѣлаешь.

— Что же я такое могла дѣлать?

— Прежде ты была такъ близка со мной.

Она мелькомъ взглянула на него:

— Много ли мнѣ отъ этого проку, другъ мой любезный!

Она засмѣялась. Потомъ снова выглянула изъ окна:

— Удивительно, что онъ не пошелъ за мной. Я пойду взглянуть потихоньку черезъ кухонную дверь. Вѣроятно, онъ подумалъ, что я побѣжала въ садъ. Ну, ложись спать, покойной ночи!

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ проронить хоть слово, она выбѣжала изъ комнаты.

Дождь снова забарабанилъ въ темное окно; изъ глубины мрака доносился могучій, смутный шумъ тополей. И онъ сталъ прислушиваться къ этимъ голосамъ ночи съ какою-то тайною отрадою, невольно отдаваясь во власть ихъ.

Но въ то время, какъ онъ ходилъ по комнатѣ въ этомъ безвольномъ, бездѣятельномъ состояніи души, сквозь шумъ дождя донесся вдругъ какой-то звукъ, похожій на робкую пѣсню птицы, впервые запѣвшей ранней весной. Онъ отчетливо различилъ голосъ своей сестры. Въ то же мгновеніе онъ, словно однимъ мощнымъ прыжкомъ, вылетѣлъ изъ міра своихъ грезъ. Обѣ его руки сжались въ кулакъ. Одну минуту душа его боролась съ нерѣшительностью, отличавшей его съ юныхъ лѣтъ, съ робостью, которая развилась въ немъ подъ вліяніемъ долголѣтняго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ въ отцовскомъ домѣ. Но вмѣстѣ съ закипѣвшимъ гнѣвомъ въ немъ вдругъ проснулся настоящій мужчина. Такъ добрый молодой конь, дремавшій, свѣсивъ голову, на опушкѣ лѣса, услышавъ раздавшійся въ лѣсу ударъ топора, пугается на мгновеніе и, насторожившись уши, мчится впередъ.

Онъ распахнулъ дверь, вошелъ въ кухню и посмотрѣлъ въ садъ. Тамъ, во мракѣ ночи, онъ разглядѣлъ свою сестренку, стоявшую подлѣ ивы въ тѣсномъ объятіи съ Гарро Гейнзеномъ. Онъ положилъ ей руку на плечо и проговорилъ суровымъ, твердымъ голосомъ:

— Ступай домой. Отвѣчать-то за тебя вѣдь никому другому, а мнѣ придется.

Она начала было сопротивляться, потомъ пошла съ нимъ. Гарро Гейнзенъ смущенно засмѣялся и пошелъ въ переднюю часть дома.

Іёрнъ Уль велъ сестру за руку, какъ бывало часто дѣлалъ это въ дѣтствѣ, и, дойдя до середины комнаты, оставилъ ее. Шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ поглядывалъ на ея красивые, изящные члены, придававшіе ей, несмотря на ея полноту и небольшой ростъ, стройность и привлекательность. Она казалась выше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, и дышала первымъ расцвѣтомъ женской прелести. Во всемъ ея существѣ и въ ея карихъ глазахъ чувствовалась нескрываемая страстность

— Что это значитъ?—сказалъ онъ.

— Должна же я любить кого-нибудь,—сказала она упрямымъ тономъ.

— Съ этимъ спѣшить нечего. Найдется и другой, который сможетъ прокормить тебя.

— Прокормить? Развѣ ты думалъ объ этомъ, когда съ Песочницей удрать хотѣлъ?.. Изъ-за хлѣба ты, что ли, съ ней уйти собирался?.. Тоска беретъ — цѣлые годы, цѣлые годы сидѣть въ этомъ большомъ пустомъ домѣ и ничего не видѣть, кромѣ зеленыхъ ивъ да пьяныхъ братьевъ. Неужели же я, по твоему, всю жизнь должна здѣсь корпѣть?

— Боже сохрани, — сказалъ онъ. — Развѣ это жизнь? Но вѣдь такъ ты только въ бѣду попадешь, тогда я совсѣмъ одинъ останусь.

— А если я хочу этого? Чего человѣкъ хочетъ, въ томъ и благо для него. Ты за меня неотвѣтственъ.

Тогда его охватилъ такой гнѣвъ, что онъ заскрежеталъ зубами:

— Я не допущу этого. Я завтра же увезу тебя изъ этого дома. Я отвезу тебя къ Тиссу-Тиссену; онъ единственный братъ твоей матери. А потомъ я постараюсь подыскать для тебя приличное мѣсто въ какой-нибудь хорошей чужой семьѣ, подальше гдѣ-нибудь, чтобы ты позабыла этого Гарро Гейнзена... Слышишь? Пожалуйста запомни это у меня. Я не хочу, чтобы ты взяла себѣ въ мужья кого-нибудь изъ этихъ пьяницъ; ты должна выйти замужъ за такого человѣка, какъ я, за человѣка, который способенъ работать. Отецъ и братья могутъ говорить все, что имъ угодно: въ этомъ дѣлѣ я не позволю себѣ перечить.

— Я не хочу! Я одного его хочу. Лучше одинъ день съ нимъ, чѣмъ десять лѣтъ съ такимъ человѣкомъ, какъ ты.

Но едва проговоривъ это, она бросилась на стулъ, закрыла лицо руками, положила голову на столъ и сказала, громко плача:

— Все это оттого, что у меня матери нѣтъ. Мама! Мама!.. Что мнѣ теперь дѣлать? Я такъ его люблю, что мнѣ съ этимъ дѣлать? Но вѣдь я знаю, что это добромъ не кончится, мнѣ придется потомъ всю жизнь каяться..

Такъ плакала она, а онъ стоялъ подлѣ нея, уставившись мрачнымъ взгля-

домъ въ темноту ночи и не зная, что сказать. Онъ выждалъ, пока она затихла, потомъ снова взялъ ее за руку и отвелъ въ ея комнату, гдѣ Витенъ Пеннъ спала уже мирнымъ сномъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ пошелъ въ общую комнату, куда обыкновенно никогда не заходилъ и, присѣвъ къ отцовскому письменному столу, написалъ своей огрубѣвшей рукой первое въ своей жизни, неуклюжее по формѣ письмо; содержаніе его, однако, было совершенно правильно:

«Милый Тиссъ!

«Увѣдомляю тебя, что сегодня послѣ обѣда я пришлю къ тебѣ Эльсбе, потому что я не хочу, чтобы съ ней здѣсь случилось что-нибудь недоброе; она должна выйти замужъ за порядочнаго человѣка, все равно за кого, хоть бы за простого работника. Я бы готовъ ее самъ какъ песъ сторожить, да ночь длинна и темна, и сплю я крѣпко. А ей время пришло. Ты знаешь, что во дворѣ дѣлается, когда май мѣсяцъ подходитъ: въ конюшнѣ и въ хлѣву все въ тревогѣ. Лучше ужъ поэтому перевести ее на другое пастбище и передать присмотръ за нею тебѣ. Смотри за ней хорошенько. Пусть она спитъ въ сосѣдней комнатѣ съ тобой или въ твоей комнатѣ. Можно поставить кроватъ подъ Африкой.

«Юргенъ Уль».

Съ этимъ письмомъ онъ послалъ въ Гесгофъ верховаго. А послѣ обѣда, когда всѣ разбрелись со двора и пошли на конную ярмарку или, вѣрнѣе, подъ предлогомъ конной ярмарки, отправились въ корчму, онъ рѣшилъ, что теперь какъ разъ время увезти Эльсбе и что лучше всего сдѣлать это самому.

Итакъ, онъ запрегъ двухъ рослыхъ гнѣдыхъ въ старинную плетеную повозку, въ которой когда-то пріѣхала изъ Гезгофа его мать, тогда еще молодая дѣвушка, и посадивъ въ нее Эльсбе, которая добродушно, ласково и немножко лукаво посмѣивалась, глядя на него, поѣхалъ черезъ село. Въ то время, какъ они проѣзжали мимо корчмы, тамъ сидѣли Ули, Гейнзены и многіе другіе, а старый учитель Петерсъ, пришедшій поговорить о дѣлахъ сберегательной кассы, стоялъ у раскрытаго окна. Сидѣвшіе за картами игроки, поднявъ головы, узнали повозку, и сейчасъ же начались разспросы и смѣхъ.

— Да никакъ это Іёрнъ? Онъ и есть! Въ кои-то вѣка его увидишь! Словно не нынѣшній онъ у тебя какой-то, Уль!

Старый Уль, со своимъ краснымъ лицомъ, поднялся съ мѣста и не нашелъ ничего лучше, какъ подойти къ открытому окну и начать издѣваться надъ собственными дѣтьми.

Сынъ слышалъ его слова; тонъ, какими они произносились, и выраженіе лица, съ какимъ отецъ ихъ говорилъ, было хорошо знакомо ему; но онъ не оборачивался. Онъ сидѣлъ, немножко согнувшись, выставивъ впередъ голову, и преспокойно нахлестывалъ бичомъ широкія спины лошадей. Онъ слышалъ еще, какъ отецъ отпустилъ какую-то шуточку и какъ всѣ захохотали. Но повозка быстро катилась дальше, и голоса замолкали...

— Видишь, Эльсбе,—сказалъ онъ,—вотъ какой онъ у насъ, отецъ! Онъ боялся, какъ бы они тамъ не стали смѣяться надъ нимъ. Поэтому, онъ сейчасъ-же обернулся, показалъ пальцемъ на насъ и заставилъ ихъ смѣяться надъ нами, надъ своими младшими дѣтьми! Видишь, какой у насъ отецъ!

И, вспыхнувъ гнѣвомъ, онъ испустилъ тяжкое проклятіе. Если съ отцомъ что-нибудь случится и ему потребуется его помощь, онъ и пальцемъ о палецъ не ударитъ!

Впослѣдствіи, на дѣлѣ, эти слова его, однако, не оправдались.

* *
*

Доставивъ свою сестру въ безопасное мѣсто, какъ онъ полагалъ, и сдѣлавшись попрежнему старшимъ работникомъ въ домѣ отца, онъ скоро сталъ замѣчать, что и здѣсь, и во многихъ другихъ дворахъ творится что-то неладное и что близится конецъ всему этому общему разгулу. Начались такія явленія, стали ходить такіе слухи, что всѣ заволновались. Все было охвачено тревогой, какъ во время сильной грозы: ударила молнія, и всѣ стоятъ и ждутъ,

не покажется ли красный пѣтухъ на крышѣ.

Какой-то человѣкъ въ форменномъ платьѣ заходилъ въ нѣкоторые дома, и всѣ спрашивали, кто бы это могъ быть. Никто не зналъ этого человѣка и не видывалъ такой формы. Когда же нашелся одинъ дока, сказавшій, что человѣкъ этотъ не кто другой, какъ судебный приставъ, а изъ корчмы разнесся слухъ, будто молодой Зикъ проговорился въ пьяномъ видѣ, что ему придется оставить свой славный дворъ и что ему жалко думать о своихъ дѣтяхъ, тогда высыпали на улицу всѣ ремесленники и весь рабочій людъ, и стояли весь этотъ день—пасмурный, облачный ноябрьскій день—у дверей домовъ своихъ, подъ оголенными липами, а въ окнахъ по всему селу до поздней ночи свѣтились огни.

Въ это-то время и пріѣхалъ со своей женой и тремя дѣтьми Августъ, старшій братъ Іёрна. Экипажъ отличался щегольствомъ, а на женѣ, которая въ юные годы посѣщала прогимназію и была въ гамбургскомь пансіонѣ, надѣта была пышная ротонда, обшитая темнымъ мѣхомъ. Она снисходительно поклонилась Іёрну и прошла въ домъ; Августъ тихо побрелъ за нею. Іёрнъ распрягъ лошадей и пошелъ работать. Но какой-нибудь часъ спустя, когда ему пришлось зайти въ комнату, чтобы сообщить домашнимъ о приходѣ торговца, который стоялъ передъ дверьми и хотѣлъ о чемъ-то переговорить съ ними, онъ увидѣлъ что братъ въ ужасномъ волненіи стоитъ посреди комнаты, готовый къ отъѣзду, въ длинномъ кафтанѣ и съ кнутомъ въ рукѣ. Обращаясь къ отцу, онъ громко кричалъ:

— Чему ты насъ научилъ? Скажи на милость! Носъ задирать, франтить, деньги тратить, за бабами гоняться!.. Оно бы, пожалуй, и недурно. Да только не по карману!.. Во всемъ, во всемъ у тебя обманъ: въ вѣчномъ смѣхѣ твоемъ, и въ толстой твоей мошнѣ, и въ серебряной сбруѣ, и въ похоронахъ, которыя ты матери сдѣлалъ, съ бархатнымъ покровомъ на гробу! Во всемъ, во всемъ!.. Во всемъ ты выше средствъ жилъ. Негодяи и обманщики вы всѣ, ты и вся твоя шайка, съ которой ты пьянствуешь. А расплачиваться за это мы, дѣти, должны!

Отецъ, Клаусъ Уль, сидѣлъ въ углу дивана и глядѣлъ куда-то прямо передъ собой. И впервые младшій сынъ его, остолбенѣвшій при видѣ этой сцены увидѣлъ, что у отца его можетъ быть серьезное и даже испуганное лицо и что онъ замѣтно постарѣлъ и имѣетъ нездоровый видъ.

— Если бы мать жива была, хоть одинъ разумный человѣкъ въ домѣ былъ бы! Но мы, глупые мальчишки, презирали нашу мать. Мать! Она была ангеломъ-хранителемъ въ этомъ домѣ. А ты? Ты все только губишь и гадишь! Теперь я вижу, что насъ ожидаетъ: намъ всѣмъ придется окончательно съ нашихъ дворовъ убраться, какъ Гансъ Мейеръ съ отцовскаго двора убрался: положилъ въ тачку мѣшокъ съ пшеницей, да и пошелъ, а за нимъ ребенокъ его съ краюшкой хлѣба... Неладно у тебя дѣло, вотъ что я тебѣ скажу: съ нечистымъ ты, видно, спознался.

Онъ повернулся къ двери, собираясь уйти, и увидѣлъ позади себя своего младшаго брата.

— Ты?—сказалъ онъ.—Ты лисица— и сильно ударилъ его по плечу. — Ты въ двадцать одинъ годъ умнѣе, чѣмъ этотъ вотъ въ шестьдесятъ и чѣмъ всѣ мы. Мы тутъ все въ шелкъ завертывали и виномъ поливали и сами не знали, что у насъ есть, чего нѣтъ. А ты видишь вещи такими, какія они есть. Не дѣлай такого смущеннаго лица. Помяни, меня, ландфогтъ, когда придешь въ царство свое. Кому же его и достигнуть, коль не тебѣ. Но эта земля твоею не будетъ: ее этотъ вотъ пропилъ.

Такъ ушелъ старшій сынъ изъ усадьбы отца своего. Это была усадьба, болѣе цѣнная, чѣмъ многія дворянскія имѣнія. Когда онъ сдѣлался пожилымъ человѣкомъ и со своей маленькой, бѣдной повозкой съѣзжалъ съ Рингельсгёрна, направляясь къ отдаленному Ватту, онъ садился всегда такъ, чтобы не видать двора Улей, который такъ широко, увѣренно раскинулся подъ величественными

тополями, верхушки которыхъ подъ непрестаннымъ западнымъ вѣтромъ склонялись къ востоку.

И другимъ тоже пришелъ матъ.

Горькая забота тяжелой рукой стучалась въ двери старыхъ, сильныхъ крестьянскихъ дворовъ и живущіе въ нихъ ходили взадъ и впередъ по длиннымъ, темнымъ сѣнямъ, и не хотѣли отпирать дверей, а въ комнатахъ сидѣли жены и плакали, и дѣти были полны тяжелаго, жуткаго предчувствія.

На одномъ дворѣ жена сама запрягла гнѣдыхъ въ повозку, надѣвъ на нихъ серебряную сбрую, отправилась въ городъ и пошла въ судъ и потребовала, чтобы надъ ея мужемъ сегодня же учредили опеку. Смѣлая женщина разложила бумаги, которыя она взяла съ собой, и показала, сколько ушло изъ ея приданаго. Она поставила своего маленькаго мальчика, котораго она взяла съ собой, на зеленый столъ, сняла съ него штаны и показала слѣды тяжелыхъ ударовъ пьянаго мужа на его тѣлѣ, и открыла свою полную, бѣлую шею и показала слѣды его пальцевъ, и требовала опеки и назначенія себя въ опекунши. Судья былъ молодъ и не разъ находился вблизи женщинъ, но объясняться съ ними ему еще ни разу не приходилось. Онъ схватился за звонокъ и сказалъ:

— По закону это совсѣмъ не такъ просто.—И онъ принялся объяснять ей, что для этого требуется. А требовалось не мало.

И тутъ она сказала смѣлое слово о законахъ въ ея отечествѣ: они, молъ, тяжеловѣсны, какъ старая корова, и враждебны къ женщинамъ, какъ старый, обозленный холостякъ. Слова ея раздавались даже въ корридорѣ. Въ концѣ концовъ, она сказала, что, слава Богу, существуетъ другое право, которое она отнынѣ и будетъ примѣнять. И она подняла руку, какъ бы замахиваясь ею. Она совсѣмъ обойдется безъ суда; да это и дешевле. Но если въ будущемъ мужъ ея придетъ сюда, чтобы пожаловаться на нее, то судъ долженъ отказать ему; иначе она такъ отдѣлаетъ своего мужа, что онъ двѣ недѣли не будетъ имѣть возможности ни стоять, ни ходить.

Такъ говорила женщина, обезумѣвшая отъ долголѣтняго горя, и уѣхала домой, не солоно хлѣбавши. И потомъ она часто проѣзжала по селу, всегда на двухъ быстрыхъ лошадяхъ. Серебряную сбрую она на другой день продала, лошади ходили и ходятъ еще и посейчасъ въ веревочной сбруѣ; по сторонамъ она не глядитъ. Она стала суровой. Работники и торговцы боятся ее; дѣти ея стали хорошими людьми, мальчики не много запуганы, а дочери стали госпожами своихъ мужей; мужъ въ одинъ прекрасный день ушелъ изъ жизни, послѣ того, какъ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ по дому, прижимаясь къ стѣнамъ. Онъ лежитъ въ заброшенной могилѣ, налѣво отъ главной дорожки, рядомъ съ могилой своего поденьщика, стараго Петра Бака, которая, какъ говорятъ, всегда очень опрятно убрана. Когда, разъ, жена одного изъ сыновей потихоньку убрала могилу, вдова, случайно проходившая мимо, посѣяла на могилѣ крапивное сѣмя. При этомъ старики разсказывали, что когда-то, въ день своей свадьбы она не могла удержаться и тотчасъ же послѣ вѣнца, при всемъ народѣ, плача и смѣясь, бросилась на шею своему молодому мужу. И такая то пылкая любовь превратилась въ столь пылкую ненависть.

Въ эту зиму и Вильгельмъ Изерманъ совершилъ свою послѣднюю поѣздку по деревнѣ; его родъ жилъ у перекрестка, противъ новаго кладбища, на высокомъ, гордомъ холмѣ. По церковнымъ книгамъ Изерманы жили тамъ уже лѣтъ четыреста. Однажды вечеромъ, передъ самымъ Рождествомъ, къ нему въ домъ пришелъ его братъ, проживавшій въ Гамбургѣ въ качествѣ хорошаго и уважаемаго доктора. Его другъ, ландратъ, написалъ ему, что если онъ хочетъ обратить своего брата на прежній путь, пусть поспѣшитъ. Онъ съ трудомъ узналъ правду и увидѣлъ, что опоздалъ. Бывало, онъ ежегодно и съ такой радостью возвращался на родину изъ большого тѣснаго города, чтобы вспомнить о прекрасныхъ свободныхъ молодыхъ годахъ и еще разъ пройтись по всѣмъ комнатамъ и по полямъ. Теперь

онъ въ послѣдній разъ ходилъ взадъ и впередъ по двору, заглядывалъ во всякій ровъ, на всякій дубъ и, наконецъ, прижался головой къ косяку и заплакалъ.

И Старкъ Беренсъ, бывшій всегда умнѣе всѣхъ другихъ, принужденъ былъ сойти съ коня посередь дороги и идти дальше пѣшкомъ. Его дѣти уже выросли, волосы посидѣли. Онъ тридцать пять лѣтъ просидѣлъ въ этой прекрасной усадьбѣ и всегда разсуждалъ разумно и многимъ давалъ совѣты и бранилъ глупость, которая такъ широко распространена была въ этихъ краяхъ. «Что? Хозяйничать? Это всякій можетъ,—говорилъ онъ; — но идти впередъ въ своемъ хозяйственномъ дѣлѣ—вотъ въ чемъ искусство». Вся страна вѣрила его хвастовству. И трехъ человѣкъ нельзя было насчитать, которые бы этому не вѣрили. Общее убѣжденіе было, что это была хитрая лисица.

Но теперь выяснилось, что онъ въ продолженіе всѣхъ тридцати пяти лѣтъ, съ начала до конца, никогда вообще не зналъ, сколько у него было домовъ или какое у него было состояніе, и не имѣлъ никакого представленія, увеличивались ли тѣ и другіе или уменьшались. Не лисицей онъ былъ, а осломъ. Дѣла его были запутаны, какъ дѣвичьи волосы, въ которые безсовѣстные мальчишки залѣпили репейникъ. Ему пришлось покинуть усадьбу, и онъ пошелъ скитаться по дворамъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ разорилъ и сдѣлалъ посмѣшищемъ; онъ ходилъ изъ дому въ домъ, и всѣ они отказали ему. Наконецъ онъ обрѣлъ уголокъ, гдѣ онъ могъ спать и сидѣть, у своей старой сестры, мужъ которой занималъ въ городѣ маленькую должность.

И Янъ Викъ, бывшій въ продолженіи долгихъ лѣтъ фогтомъ и завѣдующимъ дамбами, ушелъ съ собственнаго двора въ Гамбургъ, за своими тремя сыновьями, ушедшими раньше его. Тамъ онъ цѣлые дни проводилъ въ грязной комнатѣ, выходившей на дворъ; дѣтямъ его приходилось дѣлиться съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, который они сдабривали грубыми словами и глумленіемъ; вечеромъ онъ уходилъ въ клубъ котельщиковъ и занимался игрою въ кегли, чтобы заработать нѣсколько грошей себѣ на выпивку. А въ понедѣльникъ онъ надѣвалъ желтый истрепанный дождевой плащъ, который онъ носилъ когда-то въ счастливые дни, шелъ на скотный рынокъ и бесѣдовалъ съ тѣми, кто пріѣзжалъ на ярмарку съ родной стороны, и бесѣдовалъ разумно и весело смѣялся и говорилъ, что онъ съ удовольствіемъ живетъ въ Гамбургѣ, разсказывалъ о пріятной жизни, которую онъ здѣсь ведетъ, и провожалъ своихъ земляковъ до вокзала, кивалъ имъ головой на прощанье и возвращался въ свою темную, грязноватую комнату, ударялъ себя по головѣ и плакалъ: «Если бы я хоть разъ еще могъ посидѣть подъ своими раскидистыми липами, на моемъ чудесномъ, чудесномъ дворѣ! Хоть одинъ только разъ! Какъ бы я сталъ заботиться обо всемъ, работать, копить! И никогда больше не взялъ бы я въ ротъ ни глотка, никогда»!

И Клаусъ Уль прошелъ черезъ село; этотъ, казалось, еще не зналъ нужды. Онъ даже никогда не былъ такъ высокомѣренъ, какъ въ послѣднее время, когда въ его имѣніи ни одинъ камень, ни единая доска не принадлежали больше ему. Попрежнему на его губахъ играла мягкая, плутовская усмѣшка, но когда онъ проѣзжалъ селомъ, гдѣ столько дѣтей и маленькихъ людей любовались его блестящей упряжкой, выраженіе его лица было глубоко серьезное: тогда его словно давила собственная важность, какъ придворнаго шута, который сквозь народную толпу ѣдетъ къ королю.

А Генрихъ и Гансъ Ули, а также и другіе молодые люди проѣхали селомъ уже подъ утро. Эти возвращались съ ярмарокъ и вечеринокъ. Безпокойныя и измученныя лошади кидали экипажи изъ стороны въ сторону; сидѣвшіе въ нихъ спали или ворчали.

Вечеромъ, дома, ремесленникамъ и работникамъ снова было чемъ потолковать. Молодежь легкомысленно говорила: «Земля вертится, потому люди скользятъ. Одни съѣзжаютъ внизъ по склону, а другіе въѣзжаютъ. Зачѣмъ

они жили, какъ дикари?» Старики говорили о гибнущихъ отцахъ и о дѣдахъ, о томъ, какіе это были работящіе, скромные, честные и солидные люди. Но они также розыскивали и проступки отцовъ, оставшіеся безнаказанными и которые теперь отзываются на дѣтяхъ. Разсказывали о жестокости и суровости, о наслѣдствахъ, полученныхъ съ помощью хитраго обмана и разныхъ дикихъ, дѣяніяхъ. Многіе, видѣвшіе слѣпоту, съ которой эти старыя, гордыя семьи уничтожали самихъ себя, чувствовали, что эти люди должны были погибнуть противъ собственнаго желанья, по безжалостному предопредѣленію судьбы. Многіе были охвачены нѣмымъ ужасомъ, какъ будто по улицамъ и дорогамъ шло страшное нечеловѣческое видѣніе и, касаясь людей, разрушало ихъ мозгъ.

Іёрнъ Уль еще до своей солдатчины былъ совершенно одинокъ и смотрѣлъ на весь этотъ безсмысленный образъ дѣйствій, какъ работникъ, который, стоя посреди поля, смотритъ на дико мчащіяся повозки, проѣзжающія по улицѣ, и потомъ снова наклоняется къ своей лопатѣ. Но тогда ему еще не хватало мудрости и дальнозоркости: по временамъ онъ проклиналъ этотъ дикій образъ дѣйствій и предвидѣлъ плохой конецъ, но иногда начиналъ сомнѣваться, правильны ли его сужденія. Теперь, съ годами, онъ сталъ болѣе зрѣлымъ въ сужденіяхъ. Онъ стоялъ одинъ и смотрѣлъ на нихъ: «Вотъ они ѣдутъ! Несутся! Вотъ падаютъ!» И въ немъ самомъ что-то разсвѣтало: «Твой путь, Іернъ Уль, до сихъ поръ, по волѣ судебъ, былъ иной и онъ долженъ остаться инымъ по твоей собственной волѣ».

Ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ наблюденія надъ судьбами себѣ подобныхъ.

Глава тринадцатая.

Вдвое болѣе одинокимъ почувствовалъ себя теперь Іёрнъ Уль, во-первыхъ, потому, что отецъ и братья, однокашники и однолѣтки шли совсѣмъ другими путями, чѣмъ онъ. Во-вторыхъ, потому что душа его походила на большой празднично убранный чертогъ или церковь, и ему хотѣлось наполнить чѣмъ нибудь этотъ пустой чертогъ, эту пустую церковь и устраивать въ ней торжества и празднества, но онъ не зналъ, какъ ему приняться за это. Не было при немъ ни одного умнаго и хорошаго человѣка, который бы указалъ ему путь-дорогу.

Однажды, послѣ обѣда, всѣ его домочадцы ушли изъ дому и отправились на ярмарку въ Мильдорфъ, и даже Витенъ сидѣла у себя въ комнатѣ и шила. И вотъ, когда наступилъ вечеръ и стало смеркаться, онъ принялся ходить взадъ и впередъ по сѣнямъ, въ томъ настроеніи, когда мысли не имѣютъ никакой остроты и опредѣленности, а широки и неуловимы, ровны и безконечны, какъ широкій и необъятный Маршъ. Когда онъ шагалъ такъ въ сѣняхъ, по направленію къ полуотворенной двери, полъ казался какъ бы устланнымъ ковромъ изъ золотого и серебрянаго луннаго свѣта. Онъ подошелъ къ двери и сталъ глядѣть на мѣсяцъ, которому шла третья четверть; онъ подымался надъ Рингельсгёрномъ во всей своей красотѣ и золотилъ землю и черный лугъ, и дубовый кустарникъ у Гольдзоота.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на него, и мысли его медленно прояснялись, расправлялись и обострялись. «Mare nubium», проговорилъ онъ тихо, и по лицу его скользнула лукавая усмѣшка, какъ будто онъ, послѣ долгой разлуки со старымъ другомъ, снова подмѣтилъ въ немъ смѣшныя стороны и странности его молодыхъ годовъ. Онъ еще нѣкоторое время смотрѣлъ на мѣсяцъ, потомъ отправился въ свою комнату и вытащилъ изъ ларя длинную, сильно помятую подзорную трубу. Онъ пріобрѣлъ ее въ Реденсбургѣ, еще въ первые годы солдатчины, за очень дешевую цѣну и еще ни разу не употреблялъ ее.

И вотъ онъ снова стоялъ у полуотворенной двери и глядѣлъ на мѣсяцъ; и всѣ добрые духи, видѣвшіе, какъ онъ стоялъ здѣсь, въ своей короткой, синей холщевой блузѣ, всѣ домовые, что разъѣзжаютъ по ночамъ верхомъ на балкахъ, лѣпятся на г ебняхъ крышъ и качаются на вѣткахъ рополей, и тем-

ные облики на старой степи, и душой, и тѣломъ составляющія нѣчто среднее между человѣкомъ и животнымъ, эти дальнозоркія, неповоротливыя, спокойныя, мечтательныя существа и вообще все, что смѣется надъ астрономіей и всякой другой наукой, все, что въ родствѣ съ природой и съ хохотомъ, свистомъ, стонами и плачемъ кормится у груди ея, все это радовалось теперь, глядя на Іёрна Уля: «Въ добрый часъ! Онъ снова увлекается!»

Іёрнъ Уль глядѣлъ на мѣсяцъ и называлъ по именамъ отдѣльныя моря, узнавалъ горныя цѣпи и радовался, что онъ помнитъ еще ихъ имена. И вдругъ, пристально вглядываясь, онъ въ первый разъ ясно разсмотрѣлъ, съ помощью подзорной трубы, отдаленные кратеры и чуть слышно вскрикнулъ, когда своими глазами увидѣлъ то, объ чемъ говорилось въ старой книгѣ, которая была у него въ ларѣ: тамъ, наверху, на голубомъ небѣ онъ увидѣлъ, какъ горныя высоты у mare nektar ярко пылали на утреннемъ солнцѣ.

И онъ долго стоялъ такъ, желая, какъ слѣдуетъ, спокойно насладиться своей радостью, и мало-по-малу, мысли его отклонились въ сторону, и онъ сталъ раздумывать о томъ, что вѣдь онъ совершенно не похожъ на всѣхъ остальныхъ молодыхъ людей, которые теперь пили въ Мильдорфѣ на ярмаркѣ и бѣгали за дѣвушками. Онъ, цѣлый день пахалъ, а вечеромъ глядѣлъ на луну и занимался высокой наукой.

Въ то время, какъ мысли Іёрна Уля шли столь высокими, головокружительными путями, все жило вокругъ него, повсюду, въ воздухѣ, въ деревьяхъ, у обрыва, а онъ не зналъ и не видѣлъ этого.

Наверху, неподалеку отъ Гольдзоота, куда Іёрнъ Уль направилъ свою подзорную трубу, въ маленькой котловинѣ, поросшей верескомъ, на старой, многолѣтней дубовой листвѣ, защищенныя отъ западнаго вѣтра, лежали семь вѣчно юныхъ существъ, семь порожденій степи, съ смуглой кожей, длинными темными волосами и глубокими глазами, которые, по мнѣнію людей, имѣютъ немножко глупое выраженіе, нѣсколько стекляный блескъ и слишкомъ длинныя рѣсницы. Всякій, кому удавалось видѣть ихъ, знаетъ это. Они разсказывали другъ другу о дѣвушкахъ, отправившихся сегодня послѣ обѣда на ярмарку по степной дорогѣ: у нѣкоторыхъ изъ нихъ были задумчивые глаза, у другихъ—веселые,—и мало-по-малу рѣчь перешла на Эльсбе Уль. Они вообще охотно бесѣдуютъ объ Эльсбе Уль, потому что она похожа на нихъ и близка къ нимъ, такъ какъ воля у нея слабая, и она поддается настоящей минутѣ и любовь свою считаетъ своимъ правомъ.

Эти семеро видѣли, что Гарро Гейнзенъ нѣсколько ночей тому назадъ проскакалъ по степи на своемъ гнѣдомъ конѣ, видѣли, что онъ привязалъ гнѣдого къ бѣлой березѣ, стоявшей у Гезгофа, подъ окномъ Тисса, и что Тиссъ-Тиссенъ спалъ и ничего не слышалъ, рѣшительно ничего; и знали они, что маленькая Эльсбе сегодня должна была встрѣтиться съ Гарро Гейнзеномъ на ярмаркѣ; и они говорили: «Сегодня ночью придетъ она сюда и сегодня-же ночью отдастся ему». И вотъ за этимъ-то они и пришли сюда. И когда они обсуждали это—лица ихъ не измѣнились: они попрежнему были сонными, равнодушными и печально-лѣнивыми. Они лежали и ждали: имъ, какъ истиннымъ дѣтямъ природы, пріятно было видѣть въ человѣкѣ пробужденіе его природныхъ силъ.

Они проводили время въ томъ, что передавали другъ другу старые и новые разсказы: вспоминали того стараго, грязнаго и скупого мужика, который тридцать лѣтъ тому назадъ пришелъ съ лопатой и багромъ и съ помощью грубыхъ, лживыхъ словъ пробовалъ выманить у Гольдзоота его сокровища. Но они испугали его. Они вытянули свои темныя, дикія тѣла, и съ горящимикакъ уголья, глазами, появились передъ нимъ у самого края долины, такъ что у него волосы встали дыбомъ, и онъ съ дикимъ крикомъ бросился прочь и черезъ три дня умеръ въ страшномъ бреду. Разсказывали они еще о томъ красивомъ юношѣ, который шесть лѣтъ назадъ, въ одинъ холодный весенній вечеръ сошелъ

къ Зооту и потомъ покинулъ родную сторону. И они думали о томъ, чтобы сегодня ночью, по своему обыкновенію, очаровать человѣка, который пройдетъ здѣсь по дорогѣ, и очаровать такъ, чтобы онъ забылъ осторожность и разсудительность и все, что было въ немъ неестественнаго, и отдался бы своему внутреннему влеченію, какъ сдѣлалъ однажды Фите Крэй и какъ въ ту же ночь сдѣлала дѣвушка, которая умѣла любить, но не могла рѣшиться выйти замужъ.

И когда вечеръ минулъ, и наступила ночь и они все еще толковали о томъ, какъ, и что будетъ—вѣдь порода эта нерѣшительна, слабовольна, въ мечтаніяхъ ихъ сила, въ страданіяхъ—наслажденіе,—на дорогѣ показались двое молодыхъ людей и рука объ руку сошли по тропинкѣ къ Гольдзооту, который бѣлѣлъ и блестѣлъ при лунномъ свѣтѣ. На ихъ молодыхъ лицахъ видна была та глубокая, сосредоточенная радость, которая обыкновенно бываетъ на лицахъ людей, когда внутри души у нихъ поднялось и пришло въ движеніе все хорошее. И ихъ молодые, невинныя лица свѣтились тѣмъ священнымъ, прекраснымъ огнемъ, что былъ внутри нихъ, свѣтились довѣріемъ и любовью и добрыми намѣреніями, а въ глазахъ словно сверкало золотое оружіе, которымъ они хотѣли бороться со зломъ.

* * *

Лѣтъ двадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ сдачи родного войска, семья одного изъ венторфскихъ Крэевъ переселилась въ южную Африку, а затѣмъ вмѣстѣ съ обозомъ буровъ пробралась до крокодиловой рѣки; построила здѣсь низкій домъ, покрыла его длинной травой и понемногу дошла до обычнаго для буровъ скромнаго благосостоянія и нѣкоторой обезпеченности. Изъ Венторфа они привезли съ собой нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались только двое: сынъ и дочь. Дочь вышла замужъ за молодого голландца; сынъ былъ еще холостъ. Онъ былъ отъ природы нѣсколько тяжелъ на подъемъ, какъ и всѣ Крэи, и, казалось, не могъ рѣшиться взять въ жены голландку. Обыкновенно онъ говорилъ своимъ родителямъ, понуждавшимъ его къ женитьбѣ:—«Я былъ слишкомъ большой, когда покинулъ родину: мнѣ было уже десять лѣтъ. А теперь я не могу привыкнуть къ этимъ чужимъ дѣвушкамъ. Если бы я отыскалъ нѣмку, я бы рѣшился»!

Тогда они, основательно обсудивъ этотъ вопросъ потихоньку отъ него, предложили ему отправиться въ Голштинію и высмотрѣть себѣ тамъ дѣвушку изъ числа ихъ родственниковъ, а если ни одна изъ нихъ не понравится ему, то какую-нибудь другую землячку, взять ее себѣ въ жены и возвратиться съ ней назадъ. Онъ согласился, съ улыбкой погрозивъ матери пальцемъ, такъ какъ планъ этотъ былъ измышленъ ею. Такимъ образомъ онъ почти черезъ двадцать лѣтъ поѣхалъ на родину, какъ нѣкогда прародитель Яковъ, который также отправился на поиски за женой.

Онъ пріѣхалъ въ Санктъ-Маріендоннъ, ходилъ изъ дому въ домъ, передавалъ поклоны, отвѣчалъ на разспросы, охотно и чистосердечно разсказывалъ о неизвѣстной странѣ и матеріальномъ положеніи родителей и, въ концѣ концовъ, не скрылъ, съ какой цѣлью онъ предпринялъ свое путешествіе. Но вслѣдствіе этого онъ сталъ въ ложное положеніе, выполнить ему трудно было свое намѣреніе, такъ какъ теперь всѣ смотрѣли на него, какъ на жениха. Нѣкоторые изъ родителей, боявшіеся, что онъ можетъ прельстить ихъ дочерей своей красивой внѣшностью, отнеслись къ нему недружелюбно. Тѣ изъ родственниковъ, которые были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ, склонны были думать, что чужеземецъ зарится на ихъ дитя, чтобы поправить его состояніемъ расшатанныя и разстроенныя дѣла свои. Нѣкоторые похрабрѣе, или болѣе довѣрчивые, или же тѣ, у которыхъ на рукахъ было нѣсколько дочерей, дѣлали неудачныя попытки сблизить молодого человѣка со своими дочерьми, и эти попытки были мучительны для обѣихъ сторонъ. Въ концѣ концовъ, явилось двое старыхъ людей, которымъ хотѣлось заработать малую толику денегъ и которые предложили ему свои услуги въ отысканіи дѣвушки съ извѣстнымъ состояніемъ. Все, что

пришлось пережить молодому человѣку, такъ обезкуражило его, что онъ рѣшилъ отказаться отъ своего намѣренія и отплыть съ слѣдующимъ пароходомъ, который долженъ былъ отойти въ Капштадтъ черезъ нѣсколько дней.

Но тутъ одинъ человѣчекъ, отъ всей души желавшій ему исполненія его желанія, сказалъ ему про ярмарку, которая должна была открыться на слѣдующій день въ Мальдофрѣ и на которую должны были съѣхаться дѣвушки со всей округи.

Недовольный и почти озлобленный,—такъ какъ уже слишкомъ многіе знали о томъ, что было у него на умѣ, и онъ даже сталъ получать письма безъ подписи—онъ все-таки рѣшился сдѣлать эту послѣднюю попытку, которую считалъ совершенно безполезной,—потому что какъ могла рѣшиться дѣвушка, послѣ недѣльняго знакомства, пойти за нимъ, чужимъ человѣкомъ, въ страну, пугавшую своей отдаленностью и дикостью? Но ему слишкомъ сильно хотѣлось обрадовать своихъ родителей; кромѣ того, ему и жениться хотѣлось.

И вотъ на вечеринку пришла молодая дѣвушка, высокая и бѣлокурая, красивая, родомъ изъ Фрисландіи, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Она была дочь сосѣдняго деревенскаго учителя, у котораго было много дѣтей, и уже нѣсколько лѣтъ занимала мѣсто помощницы хозяйки у одного богатаго крестьянина съ Марша; работы у нея на этомъ мѣстѣ было много, а радостей мало. Это было существо по природѣ глубокое, чуткое и впечатлительное; у нея было много мыслей въ головѣ, которыя становились все болѣе робкими и своеобразными, такъ какъ ей вовсе не приходилось проявлять себя передъ людьми.

Сначала она не думала итти на ярмарку. Но хозяйка сказала ей нѣсколько свысока, чтобы она оставалась дома, такъ какъ едва ли кто-нибудь станетъ приглашать ее на танцы,—вѣдь она не крестьянская дочь, и поэтому на нее нашло упрямство; передъ ея глазами проносились пестрыя картины, несбыточныя мечты, вызванныя высокомѣріемъ ея хозяйки. Итакъ, она настояла на своемъ, отправилась на ярмарку, пришла туда, вошла въ танцовальный залъ,—и ей показалось, что все это она видитъ во снѣ.

Сначала никто не приглашалъ ее и она сидѣла со спокойнымъ лицомъ, похожая на ночное небо, затянутое легкой дымкой тумана, сквозь который то тамъ, то сямъ виднѣются свѣтлыя точки, слабо, и тускло свѣтятся и указываютъ на сильное, хотя и не видное пламя. Подымая глаза, она видѣла на другомъ концѣ зала, неподалеку отъ двери, молодого человѣка, который со своимъ смуглымъ цвѣтомъ лица и синей одеждой моряка, казался чужеземцемъ. У него было красивое, серьезное и нѣсколько мрачное лицо.

Вскорѣ она замѣтила, что и онъ глядитъ на нее. И какъ бы притягиваемая какой-то невѣдомой силой,—она думала, что это желанье быть приглашенной на танцы—глядѣла она на него тихими спокойными глазами, и онъ нравился ей. И вотъ онъ, черезъ весь залъ, прошелъ прямо къ ней, поклонился и всталъ въ ряды танцующихъ, медленно двигавшихся впередъ, и сказалъ ей съ нѣкоторымъ смущеніемъ, любуясь ея походкой и высокой фигурой:

— Пока вы сидѣли, я не думалъ, что вы такая высокая и стройная. Когда мужчина сидитъ на лошади, можно опредѣлить его ростъ, а когда женщина сидитъ—нельзя.

Она удивилась этимъ рѣчамъ, ничего не сказала, только поглядѣла на него и кивнула головой. Но вотъ, въ ту минуту, когда танцы должны были начаться, онъ сказалъ:

— Простите, фрейлейнъ, что я пригласилъ васъ, я не учился танцамъ и не упражнялся въ нихъ. Я думаю поэтому, что незачѣмъ намъ подвергать себя насмѣшкамъ, вѣдь мы бы прескверно танцовали. У меня есть къ вамъ другая просьба. Но прежде всего я долженъ спросить васъ, знаете-ль вы, кто я?

Она покачала головой, и свѣтлыя кудряшки на ея вискахъ запрыгали, и она сказала, привлеченная къ нему его простотой и серьезностью:

— Вамъ незачѣмъ говорить, кто вы.

Скажите мнѣ только, что вы отъ меня хотите. Если въ этомъ нѣтъ ничего дурного, я съ охотой исполню ваше желаніе.

Тогда онъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, замѣтили, что я смотрѣлъ на васъ нѣкоторое время. И вы тоже смотрѣли на меня. Много людей скажетъ: что же изъ этого? Но я думаю, для насъ обоихъ это кое-что да значитъ, т.-е., что мы другъ другу нравимся. Не такъ ли?

Она видѣла, что глаза всѣхъ обращены на него и на нее, а позади себя она услышала чей-то громкій голосъ: который говорилъ:

— Послушай, развѣ ты не знаешь? Вѣдь это африканецъ.

Вслѣдъ за этимъ маленькая, смуглая красавица съ пылкимъ сердцемъ и страстными глазами подскочила къ дѣвушкѣ, обхватила ее рукой и потихоньку быстро проговорила:

— Слушай, если ты любишь его, не заботься ни о чемъ другомъ на свѣтѣ! Иди съ нимъ туда, куда онъ хочетъ взять тебя. Ты не знаешь меня? Я — Эльсбе Уль.

Онъ ласково и дружески кивнулъ Эльсбе Уль, вышелъ со своей собесѣдницей изъ рядовъ танцующихъ и сталъ съ ней такъ, чтобы ихъ не слышали другіе. И тутъ онъ разсказалъ ей въ короткихъ словахъ, ничего не утаивая, о своемъ путешествіи, о цѣли его и неудачѣ и о своемъ уже рѣшенномъ отъѣздѣ и закончилъ такъ: если она, послѣ всего, что онъ открылъ ей, хочетъ продолжать этотъ разговоръ съ нимъ или быть можетъ даже согласится выйти съ нимъ изъ зала, то онъ приметъ это, какъ сильное и ясное доказательство ея довѣрія къ нему и будетъ и дальше отвѣчать ей на всѣ ея вопросы.

Сомнительно, чтобы въ наше время дѣвушка очутилась въ такомъ своеобразномъ положеніи. То, что они обсуждали, очевидно, было извѣстно всѣмъ, находившимся въ залѣ. Всего двѣ-три пары танцовали; всѣ остальные говорили или наблюдали за двумя молодыми существами, и во всемъ залѣ стояло жужжанье. И у каждаго на душѣ было свое. Многіе легкомысленные люди насмѣхались, люди солидные понимали, что здѣсь рѣшается судьба двухъ существъ; нѣкоторыя дѣвушки дѣлали серьезное лицо. Если она теперь выйдетъ съ чужеземцемъ, а потомъ откажетъ ему, или онъ обманетъ ее, тогда здѣсь, на родинѣ, всю жизнь на ней останется пятно, и ее будутъ преслѣдовать насмѣшки. Мысль объ ея честныхъ, благочестивыхъ родителяхъ заставила ее поколебаться; всѣ ея бѣлокурые, голубоглазые братья и сестры встали передъ ея глазами. Но все хорошее внутри ея побѣдило, и ложный стыдъ исчезъ. Она сказала:

— Я вѣрю вамъ. Я готова продолжать нашъ разговоръ.

Какъ по улицѣ, прошли они черезъ залъ, сквозь толпу, провожаемые взглядами. Людское возбужденіе, достигшее высшаго предѣла, сомкнулось за ними, какъ смыкаются волны. Выйдя изъ дверей, на улицѣ, предъ лицомъ тихой, одинокой ночи, дѣвушка тяжело и глубоко вздохнула, и когда онъ спросилъ, куда имъ идти, она ничего не отвѣтила, но пошла впередъ. Онъ молча шелъ за ней, и они вышли изъ города по дорогѣ къ Санктъ-Маріендонну, оба занятые своими тяжелыми мыслями, и такъ отдались значительности и своеобразности этой минуты, что шли, какъ будто ихъ кто-нибудь велъ.

Наконецъ, когда дома остались позади ихъ и они молча шли нѣкоторое время по ровной сѣрой дорогѣ и когда минута эта перестала давить ихъ своей тяжестью, и присутствіе чужихъ людей уже не стѣсняло ихъ, они начали разсказывать другъ другу о своемъ положеніи, робкими, несмѣлыми словами. При этомъ волненіе и напряженность чувствъ мѣшали имъ дать полную безпристрастную картину своей жизни; но они говорили о томъ, что было для нихъ дорого и мило. Они говорили о предметахъ до смѣшного мелкихъ по сравненію съ значеніемъ данной минуты; но именно поэтому все пришло къ наилучшему концу; дѣло въ томъ, что они имѣли возможность заглянуть другъ къ другу не въ кошелекъ и даже не въ мысли, а въ сердце;

и скоро сблизились, какъ дѣти, которыя знакомятся во время игры.

Когда дѣвушка прежде всего съ нѣкоторой сухостью сказала, что у нея нѣтъ никакого состоянія и что семьсотъ марокъ, заработанныхъ ею, она предназначила для брата, который хочетъ сдѣлаться учителемъ, а онъ отвѣчалъ, что онъ ничего не желаетъ обо всемъ этомъ знать, она стала разсказывать о своихъ родителяхъ, о томъ, что отецъ мягче матери, но что зато мать лучше умѣетъ распоряжаться деньгами и очень хорошо и умно хозяйничаетъ; потомъ она перешла къ своимъ братьямъ и сестрамъ, стала разсказывать о планахъ братьевъ и о вкусахъ сестеръ: о томъ, что предпослѣдняя такъ любитъ котенка, что въ одинъ прекрасный день взяла его съ собою въ школу, и что отецъ только потомъ совершенно случайно проходя мимо скамейки, замѣтилъ животное, которое очень умно сидѣло на столѣ, и что младшая сестра обыкновенно говоритъ, что хочетъ сдѣлаться королевой. И дѣвушка оживилась и разсказывала съ пылающими щеками, строила воздушные замки о томъ, что должно выйти изъ дѣтей. Она стала даже краснорѣчивой, такъ какъ въ первый разъ послѣ долгаго времени ей казалось, что она говоритъ съ товарищемъ, у котораго общія съ ней понятія. Сердце ея раскрылось, и языкъ развязался. Подъ конецъ она испугалась и сказала:

— Ну, теперь разсказывай ты. Какая женщина твоя мать?

И тогда принялся разсказывать онъ: мать его не очень здорова и слишкомъ слаба для одинокой и нѣсколько суровой жизни; она, по его мнѣнію, лучше подходила бы для жизни въ тихомъ привѣтливомъ голштинскомъ городкѣ, чѣмъ для тѣхъ условій, въ которыхъ ей приходилось жить на берегу Крокодиловой рѣки. Но несчастной ее все-таки назвать нельзя, такъ какъ, словно по тайному соглашенію, и онъ, и отецъ балуютъ мать, подшучиваютъ надъ ней и вообще обращаются съ ней отчасти, какъ съ ребенкомъ, и это очень смѣшно. Такъ, напримѣръ, они никогда не называютъ мать иначе, какъ «малюсенькая», и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не заставятъ ее раза три на день отъ души посмѣяться; а если имъ это не удается и даже старый кафръ, ихъ пастухъ, не можетъ достигнуть этого, тогда, въ субботу, онъ верхомъ отправляется къ сестрѣ и въ воскресенье пріѣзжаетъ она вмѣстѣ съ мужемъ и пятью сыновьями, всѣ семеро верхомъ, всѣ семеро съ всклокоченными волосами, и тутъ ужъ матери ничего не остается, какъ только хохотать.

Тогда дѣвушка радостно засмѣялась и сказала:

— Это хорошо, все это я очень люблю. Вѣдь я уже много лѣтъ живу въ крестьянской семьѣ, и тамъ нѣтъ недостатка ни въ здоровьи, ни въ хлѣбѣ. Но ласковости и веселья тамъ не признаютъ и считаютъ ихъ чуть не грѣхомъ. А я думаю: это лучшее что существуетъ на свѣтѣ, когда люди другъ къ другу ласковы и нѣжны.

Онъ кивнулъ головой и согласился съ ней:

— Ты очень хорошо подходишь къ моимъ; ты должна пойти за мной.

Она снова затихла.

Черезъ нѣкоторое время она опять заговорила сдержаннымъ голосомъ о дѣдѣ съ бабкой, которые были крестьянами, объ уваженіи, которымъ пользовался въ деревнѣ отецъ ея, и объ умѣ и серьезности братьевъ, въ невинномъ желаніи показать своему спутнику, что она дочь хорошихъ родителей,—чтобы ему не казалось, будто онъ подобралъ ее здѣсь на улицѣ.

Тогда онъ сказалъ ей, что видъ ея и все ея существо не позволило ему ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ одною изъ лучшихъ мѣстныхъ дѣвушекъ и — онъ отъ всей души радъ, что заслужилъ ея довѣріе и теперь идетъ бокъ-о-бокъ съ ней. Она не разочаровываетъ его, а, наоборотъ, все больше нравится ему; она уже и теперь кажется ему хорошимъ товарищемъ и онъ охотно пойдетъ съ ней дальше, если она согласится на это.

Она ничего не сказала. Но въ то время, какъ они продолжали такъ идти, и она, разъ, въ темнотѣ не замѣтила рытвины на дорогѣ, онъ взялъ ея руку

положилъ ее въ свою и крѣпко держалъ, а она не противилась этому. Такъ шли они нѣкоторое время молча, и онъ по временамъ только поглаживалъ ея руку, а сердца ихъ, безъ словъ, тихо, все съ усиливающейся довѣрчивостью, шли навстрѣчу другъ къ другу.

Такъ продолжали они свой путь по степной дорогѣ и, наконецъ, подошли къ Гольдзооту. Въ неясномъ лунномъ свѣтѣ они увидѣли котловину съ маленькимъ круглымъ зеркаломъ воды, и рука объ руку сошли внизъ. У воды они остановились и заглянули въ нее. И такъ какъ въ эту минуту изъ за облаковъ показался мѣсяцъ они увидѣли свои темные облики въ ясномъ голубомъ свѣтѣ. Они взглянули наверхъ и посмотрѣли другъ на друга.

— Мнѣ хочется пить — сказала дѣвушка, и тихо засмѣялась. Онъ нагнулся, зачерпнулъ воду въ сложенныя руки и поднесъ ей, и она стала пить изъ его рукъ, вытянувъ губы, и въ благодарность кивнула ему головой.

Тогда онъ воспользовался случаемъ и, взявъ ее обѣими мокрыми руками за лицо, осторожно поцѣловалъ. И видя, что она подставляла ему свои губы, а руки положила къ нему на плечи, онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Теперь я знаю, что ты пойдешь со мной.

И она дала твердый и ясный отвѣтъ:

— Да, я хочу идти съ тобой; я такъ люблю тебя и знаю тебя такъ хорошо, какъ будто люблю тебя уже десять лѣтъ. Отецъ и мать отпустятъ меня, хотя это и будетъ для нихъ тяжело; вѣдь они всегда думали, что у меня будетъ необыкновенная судьба; и я могу сказать тебѣ, что я съ особенной надеждой и предчувствіемъ пошла на ярмарку, какъ будто я должна была испытать или хоть увидѣть здѣсь что то совсѣмъ необыкновенное.

Вдругъ она тихонько вскрикнула.

— О,—сказала она,—тамъ въ кустахъ какъ будто кровь течетъ.

Онъ успокоилъ ее и сказалъ:—Это лунный свѣтъ играетъ.

— Или, можетъ быть, это были твои губы? — сказала она и засмѣялась.— Онѣ такія красныя.

Онъ сталъ цѣловать ее, чему она не противилась, и спросилъ, сыта ли она теперь.

— Нѣтъ, далеко нѣтъ!—сказала она, смѣясь.—Я была слишкомъ голодна.

И онъ снова сталъ цѣловать ее.

Потомъ онъ обнялъ ее и сошелъ вмѣстѣ съ ней къ Маршу, успокоилъ ее, и довелъ ее до самой двери того крестьянскаго дома, въ которомъ она служила.

На другой день она обручилась въ домѣ своихъ родителей; и родители, и свѣтловолосые братья и сестры были серьезны, но ласковы, и двое изъ мальчиковъ стали въ тотъ же день утверждать, что со временемъ они непремѣнно отправятся въ Южную Африку. Одинъ изъ нихъ такъ и сдѣлалъ. Другой рано сошелъ въ могилу.

На шестой день молодая чета сѣла на пароходъ.

Въ Капштадѣ они стали мужемъ и женой.

Совмѣстная ихъ жизнь была счастлива. Ни разу не пришлось ей пожалѣть, что она пошла за чужеземцемъ въ дальній край. Она не раскаилась и тогда, когда, спустя тридцать лѣтъ, ей сообщили, что третій сынъ ея убитъ во время наступленія войскъ при Колензо. И тогда не вспомнила она о той крови, которую дѣти ея родины показывали ей у Гольдзоота.

* * *

Въ тотъ самый вечеръ, когда африканецъ и его возлюбленная покинули котловину, наверху, у дороги, остановилась повозка, и Гарро Гейнзенъ сказалъ:

— Давай, сойдемъ къ Гольдзооту на минутку! Всѣ, кто носитъ фамилію Улей или въ родствѣ съ ними, нуждаются теперь въ золотѣ. Можетъ быть, мы и найдемъ его!

— Какъ хочешь,—сказала Эльсбе.

Она соскочила съ повозки въ его объятія, и онъ, крѣпко держа на рукахъ маленькую гибкую фигурку, снесъ ее по тропинкѣ внизъ. И тутъ, у Гольдзоота, въ сырой травѣ, она отдалась ему.

* * *

Іёрнъ Уль стоялъ въ своей синей холщевой блузкѣ и пристально глядѣлъ на мѣсяцъ, на этого стараго, заржавѣвшаго и безплоднаго спутника земли, и не обращалъ вниманія на все то, что жило и любило вокругъ него, въ деревьяхъ, на поляхъ и наверху въ степи. Онъ былъ занятъ великой наукой. Онъ все еще стоялъ и смотрѣлъ на свѣтящіяся горныя вершины, которыя высились на краю mare nectar, озаренныя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, какъ вдругъ луну затмили два человѣческихъ лица, тѣсно прижавшіяся другъ къ другу. Тогда онъ, смущенный, опустилъ трубу и сталъ вглядываться въ темноту и прислушиваться. Потомъ онъ затворилъ двери, отправился въ свою комнату и сталъ думать о работахъ, которыя предстояли ему на завтра.

* *
*

Такъ протекли зима и весна, и дѣло близилось къ лѣту, а Іернъ Уль заботился о дневной работѣ и ждалъ того удара судьбы, который долженъ былъ разрушить его семью. Но ничего такого не случилось. Казалось даже, будто дѣла Улей еще недурны. Іёрна Уля, дѣйствительно, постигъ ударъ, но онъ пришелъ совсѣмъ съ другой стороны.

Это было въ іюнѣ, во время косовицы, въ деревнѣ распространился слухъ о народномъ волненіи и войнѣ. И вся страна, и всѣ люди насторожились и съ жадностью прислушивались къ глухому рокоту и гулу. Душа народа впитывала въ себя этотъ гулъ. Оживала старая, давно заглохшая надежда, которая теперь могла осуществиться; старый споръ, цѣлый рядъ давнишнихъ злобныхъ жалобъ, процессовъ теперь могли быть разрѣшены. Каждый отдѣльный человѣкъ не думалъ объ этомъ; каждый отдѣльный человѣкъ былъ въ тоскѣ и печали и со страхомъ глядѣлъ на все то, что шумѣло и бурлило вдали. Но въ могучей народной душѣ, для которой нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни забвенія, ни смерти, эти мысли о давно минувшемъ прошломъ, эта надежда, которую она вынашивала во чревѣ своемъ не менѣе тысячи лѣтъ, роились и разростались.

Младшій изъ Улей не много слышалъ обо всемъ этомъ; да это и не затрогивало струнъ его сердца. Для него не наступило еще время глядѣть вдаль, и дальше пограничнаго рва усадьбы Улей онъ ничего не видѣлъ.

Наступилъ іюльскій день, когда не мало пришлось поработать надъ сѣномъ, Геиртъ Дозе, который нанялся старшимъ работникомъ къ Улямъ, глубоко всадилъ свои вилы въ копну и сказалъ:

— Эти французы, кажется, больно ужъ носъ задираютъ. Поэтому намъ придется показать имъ, что такое называется вилами. Посмотримъ, что они тогда запоютъ.

Младшій работникъ спросилъ, можетъ ли онъ по своимъ годамъ поступить вольноопредѣляющимся. Дѣло въ томъ, что ему было всего восемнадцать лѣтъ.

Іёрнъ Уль покачалъ головой.

— Успокойтесь,— сказалъ онъ, — до этого не дойдетъ.

На другой день онъ проснулся рано; комната его была вся залита луннымъ свѣтомъ. Онъ подумалъ:

«Еще слишкомъ рано будить другихъ; но я встану и погляжу на луну».

Впродолженіе всей зимы онъ съ жаромъ читалъ Литтрова, и чѣмъ больше пріобрѣталъ познаній, тѣмъ больше радовали его наблюденія надъ звѣздами. Онъ нарисовалъ себѣ луну и положеніе созвѣздій и ему пріятно было, что эти рисунки совпадаютъ съ рисунками Литтрова, и исписалъ нѣсколько листовъ бумаги исчисленіями и измѣреніями. Всѣ эти занятія утоляли его жажду знаній и наполняли безконечную пустоту въ его душѣ.

Итакъ, онъ взялъ подзорную трубу, которая теперь всегда лежала у него наготовѣ въ ларѣ, прошелъ черезъ сѣни, отперъ дверь и собирался уже выйти на дворъ, съ блестящей трубой въ рукѣ, какъ вдругъ пришелъ старшина въ синемъ сюртукѣ съ блестящими пуговицами, нѣсколько удивленно поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Я такъ и думалъ, Іёрнъ, что ты уже всталъ; у меня тутъ двѣ бумаги, одна для тебя, другая для Герта. Вы оба должны завтра къ десяти часамъ быть въ Рендсбургѣ: войска мобилизу-

ются. Мнѣ нужно дальше идти. Желаю тебѣ благополучнаго возвращенія, Іёрнъ!

Іёрнъ Уль опустилъ руки съ подзорной трубой и глубоко вздохнулъ.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ онъ, повернулся, прошелъ назадъ въ свою комнату, положилъ на мѣсто подзорную трубу и сѣлъ на ларь.

«Это можетъ долго протянуться, — думалъ онъ, — это сильный и храбрый народъ и дѣло будетъ не шуточное. Это старая, злая вражда... Гансъ останется дома. Гейнрихъ тоже пойдетъ. Кто возвратится—ни одному человѣку неизвѣстно... Здѣсь начнутся непорядки. Гансъ и отецъ... Эльсбе... Все это я еще долженъ сказать Тиссу. Я пройду мимо Гесгофа. Сегодня въ три часа мы должны уходить... Нужно будетъ взять въ работники Яспера Крэя. Много работать онъ не будетъ, но за то у него ничего не пропадетъ. Гдѣ-то теперь Фите Крэй?.. Это разстраиваетъ всѣ мои расчеты. Но чему быть, тому не миновать. Если они не хотятъ насъ оставить въ покоѣ, такъ приходится ихъ поколотить; а потомъ можно снова начать пахать. Это можетъ продлиться годъ, а то и больше. Ясперъ Крэй единственный человѣкъ, которому я хоть сколько-нибудь довѣряю. Я поговорю съ нимъ по душѣ и пообѣщаю ему, сверхъ всего, сто марокъ, если найду все въ порядкѣ. Грустно: у меня есть отецъ и братья, а мнѣ приходится бѣжать къ сосѣдямъ и просить: «Сохраните наше добро».

Потомъ онъ всталъ, оглядѣлъ комнату, пошелъ и разбудилъ всѣхъ и сказалъ:

— Вставайте. Намъ сегодня еще много дѣла. Меня и Герта призываютъ въ дѣйствующую армію.

* *
*

Около шести часовъ вечера онъ и Геертъ шли по лѣсной дорогѣ и взглянули на Гесгофъ. И тутъ они увидали Тисса Тиссена, шедшаго отъ усадьбы къ деревнѣ, съ большимъ мѣшкомъ за плечами и постоянно оборачивающагося. Оба они начали звать его, онъ остановился. Узнавъ Іёрна, онъ безутѣшно закачалъ головой, глаза его наполнились слезами, и еще издалека онъ сказалъ ему:

— Іёрнъ, Іёрнъ! я натворилъ тутъ ужасно плохихъ дѣлъ! Вотъ уже двѣ недѣли, что Эльсбе нѣтъ здѣсь больше: она уѣхала съ Гарро Гейнзеномъ въ Гамбургъ. Я не рѣшился написать тебѣ объ этомъ. Теперь вотъ она пишетъ, что онъ хочетъ уѣхать съ ней въ Америку, а она боится ѣхать въ Америку и прощается со всѣми нами, особенно съ тобой.

Іёрнъ большими глазами глядѣлъ на Тисса.

— Дай сюда письмо!—сказалъ онъ.

Тиссъ-Тиссенъ сбросилъ мѣшокъ, который онъ несъ за плечами и въ то время, какъ онъ искалъ письмо, обернулся назадъ и сталъ глядѣть на Гесгофъ.

— Зачѣмъ тебѣ всѣ эти бумаги! Куда ты идешь?

— Не спрашивай, Іёрнъ,—застоналъ онъ.—Я иду въ Гамбургъ, а если я ее и тамъ не разыщу, поѣду въ Америку.

Геертъ Дозе ощупалъ мѣшокъ.

— Тамъ два большихъ окорока,— сказалъ онъ,—два куска сала и свиная голова.

— На дорогу,—стоналъ Тиссъ.

— До Гамбурга? — спросилъ Геертъ Дозе вѣжливо.

— До Америки,—сказалъ Тисъ, рыдая.

— Это дѣло!—сказалъ Геертъ.

Іёрнъ прочелъ письмо и молча глядѣлъ на Тисса.

— И ты собрался въ поиски за ней? Судя по ея письму, она уже выѣхала изъ Гамбурга, а если она еще и тамъ, ты не можешь помѣшать ей ѣхать за нимъ въ Америку.

— Она должна разойтись съ нимъ и остаться со мной; ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ ей сказать ни слова.

Іёрнъ Уль задумался.

— Ты, вѣрно, еще не знаешь, что у насъ война съ Франціей и что насъ призываютъ въ Рендсбургъ?

— Ахъ, Господи! — сказалъ онъ. — Этого еще не доставало! Одно несчастье за другимъ.

— Намъ некогда долго думать,— сказалъ Іёрнъ. Онъ покачалъ головой. Новость, сообщенная ему Тиссомъ, еще не входила въ его голову: маленькая

Эльсбе вмѣстѣ съ этимъ большимъ, грубымъ человѣкомъ отправляется Богъ знаетъ куда? Вдругъ у него мелькнула одна мысль:

— Очень можетъ быть, что судно, по случаю войны, еще не имѣло возможности отойти? Если ты еще застанешь ее, сдѣлай, что можешь, и привези ее сюда въ Гесгофъ.

— Ты думаешь, что это удастся,— сказалъ Тиссъ?

Онъ оглянулся на свою усадьбу всхлипнулъ, и слезы потекли по его худымъ щекамъ.

— Ну,—сказалъ Іёрнъ, — утѣшься! Ты всегда такъ стремился путешествовать и увидѣть хотя бы Гамбургъ. Вотъ ты и выберешься, наконецъ, изъ своего болота.

— Да, да,—сказалъ онъ, и опять остановился и оглянулся на свою соломенную крышу.—Плохи, очень плохи дѣла.

Тогда Іёрнъ Уль догадался:—Тиссъ, —сказалъ онъ,—что съ тобой?

Они достигли вершины холма, съ котораго можно было въ послѣдній разъ видѣть Гесгофъ.

— Не знаю!—сказалъ онъ, плача,— у меня на душѣ такъ тяжело!

— Тиссъ! Твоя страсть къ путешествіямъ и всѣ твои карты, и всѣ твои Бразиліи и Японіи, все это было одно воображеніе и пустяки. Ты тоскуешь по дому.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я иду, иду!—и онъ покачнулся, какъ пьяный.

— Возвратись, Тиссъ, ты не можешь совладать съ собой.

— Я не могу спать! — жаловался маленькій человѣкъ,—я всю ночь видѣлъ ее въ горѣ и долженъ идти за ней. И отъ Гесгофа я не могу уйти.

— Если Тиссъ не можетъ больше спать,—сказалъ Геертъ Дозе,—значитъ съ нимъ не ладно, значитъ онъ скоро и апетитъ потеряетъ. Что тогда станетъ онъ дѣлать съ окороками?

— Я долженъ идти!—стоналъ Тиссъ, —ничего не подѣлаешь. Я поѣду съ Эккертомъ Виттомъ, знаешь, лодочникомъ! Оставьте меня въ покоѣ и не мучьте меня: тутъ ничего нельзя подѣлать!

— Ну хорошо, иди! Намъ тоже некогда.

На перекресткѣ они подали ему руку и, остановившись стали смотрѣть ему въ слѣдъ.

— Мѣшокъ для него слишкомъ тяжелъ!—сказалъ Геертъ.—Посмотри, онъ даже качается.

— Ему слишкомъ мучительно уходить,—сказалъ Іёрнъ.

— Послушай, скажи, что за страна эта Франція? То-есть, можно ли оттуда вывести что-нибудь? Откармливаютъ они тамъ свиней? или ты и самъ этого не знаешь?.. Видишь? Онъ положилъ мѣшокъ. Это мучительно для старика, Іёрнъ. Мѣшокъ для него слишкомъ тяжелъ.

— Онъ поднимается на валъ,—сказалъ Іёрнъ Уль,—онъ хочетъ увѣдить еще разокъ усадьбу. И подумать, что этотъ человѣкъ знаетъ въ Индіи всякую тропинку!

— Добѣгу-ка я до него, Іёрнъ. Я думаю, мѣшокъ тому причиной.

Геертъ побѣжалъ черезъ поле гречихи и скоро возвратился, неся подъ мышкой оба куска сала.

— Разговоры-то у насъ съ нимъ недолгіе были! — сказалъ онъ. — Онъ этого совсѣмъ и не замѣтилъ: стоитъ и вздыхаетъ, глядя на усадьбу... Кто знаетъ, каково еще намъ придется! Эти два куска сала единственное добро, которое у насъ есть, все остальное—одна чепуха.

Глава четырнадцатая.

Въ Шлезвигъ - Голштиніи всякій крестянинъ знаетъ, что синіе холщевые штаны и куртка есть настоящая традиціонная одежда конюха, которая, замѣтимъ мимоходомъ,—всѣмъ очень идетъ. Правда этотъ синій холстъ можно упрекнуть въ томъ, что съ теченіемъ времени онъ становится свѣтлоголубымъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно подвергаются тренію, въ то время какъ другія мѣста сохраняютъ прежнюю темную синеву. Эта пестрота разнообразится еще тѣмъ, что хозяйка дома вставляетъ новыя темносинія заплаты на колѣни и грудь, при чемъ человѣкъ становится такимъ пе-

стрымъ, что трудно повѣрить, чтобы это одѣяніе могли принадлежать честному голштинскому уроженцу.

Это было при Рендсбургѣ, на Лоерской степи. Четыре дня тому назадъ Франція объявила войну.

Четыре дня тому назадъ ефрейторъ Ломаннъ,—который умеръ отъ послѣдствій военныхъ невзгодъ, только въ нынѣшнемъ году летѣлъ въ лагерь и везъ старшему начальнику телеграмму. Черезъ минуту всѣ знали что идутъ противъ Франціи. Тогда люди, не дожидаясь команды, какъ будто кто-то затрубилъ тревогу, подскочили къ лошадямъ и поспѣшно принялись сѣдлать и запрягать ихъ. Они думали, что выступятъ тотчасъ же.

Гансъ Ломаннъ, братъ ефрейтора, справа у тяжелаго орудія, третій номеръ на цѣлыхъ четыре недѣли онѣмѣлъ и смолкъ. Только на третій день послѣ Гравелотта мысли его стали проясняться. Во-первыхъ, онъ не понималъ, почему война начиналась не тотчасъ же, во вторыхъ—почему французы не появились на Лоерской степи на другой же день и, и въ третьихъ, когда батареи, были, наконецъ въ пути, какъ это возможно, чтобы міръ былъ такой большой; онъ думалъ, что французы живутъ сейчасъ за Гоенвестедомъ и Гейнкенборстлемъ. Къ тому же онъ совершенно не понялъ того, что говорилъ имъ начальникъ о любви къ отечеству. Но потомъ ефрейторъ Линдеманнъ, который былъ для него то же, что зажженная лампа для темной комнаты, сказалъ ему, что французы оскорбили стараго короля.

— Вотъ что они сдѣлали, Ломаннъ!—и онъ угрожающе поднялъ руку.

— А сколько ему лѣтъ, королю?—спросилъ Ломаннъ.

— Да ужъ за семьдесятъ.

Съ той минуты какъ Ломаннъ услышалъ это, у него прояснилось сознаніе и на совѣсти стало легче.

— Если они старика по лицу бьютъ, то мы имѣемъ право проучить ихъ.

Такимъ образомъ, въ головѣ у Ломанна господствовала нѣкоторая темнота.

Но въ головѣ у капитана Глейзера ылъ яркій свѣтъ.

Сколько этотъ человѣкъ работалъ въ послѣднюю недѣлю передъ выступленіемъ! Цѣлые три дня съ утра до вечера стоялъ онъ, какъ столбъ на пескѣ— и осматривалъ людей и лошадей. И ничѣмъ-то онъ не былъ доволенъ. За послѣдніе дни и у него умъ заходилъ за разумъ. Онъ, капитанъ Глейзеръ, превосходнѣйшій офицеръ его Величества, какъ онъ самъ называлъ себя, за эти дни неоднократно утверждалъ, что изъ всѣхъ батарей, отправлявшихся во Францію, у него была самая плохая.

Кузница восемь разъ проѣхала мимо него, запряженная шестью одинаковыми лошадьми, шагомъ, рысью, галопомъ. Такъ! Все въ порядкѣ. Но вдругъ все смѣшалось. Длинноногій конь, красивое животное, ни за что не хотѣлъ стоять спокойно. Онъ дергалъ постромки, скакалъ, попалъ въ кучу запасныхъ стоявшихъ здѣсь со своими узлами, и, казалось хотѣлъ танцовать польку.

— Мы его успокоимъ!—кричалъ капитанъ.

— Впередъ!..

Ѣздовой съ всего размаху подскочилъ, но тотчасъ же оказался лежащимъ на землѣ.

— А, чтобы тебѣ на мѣстѣ провалиться! Ефрейторъ Юргенсъ! Ты садись! Съ такими бабами да во Францію? Я одинъ пойду! Совсѣмъ одинъ!

Но и ефрейторъ Юргенсъ уже лежалъ въ углубленіи сдѣланномъ въ пескѣ свалившимся ѣздовымъ.

Капитанъ Глейзеръ оглянулся. Онъ оглянулся такъ, какъ это дѣлаетъ человѣкъ который, находясь въ центрѣ міра, признаетъ человѣкомъ одного себя. Онъ хотѣлъ самъ сѣсть на эту лошадь. Стоитъ показать этимъ тремъ стамъ ничтожнымъ тварямъ, на что способенъ капитанъ Глейзеръ. Вотъ съ какими мыслями онъ оглядывался.

Среди сотни съ небольшимъ запасныхъ, находившихся здѣсь еще въ своей домашнемъ платьѣ, былъ одинъ, стоявшій нѣсколько поодаль, въ старой синей холщевой одеждѣ, въ которую на колѣняхъ были вшиты свѣжія заплаты. При значительномъ ростѣ и худобѣ, внѣшность у него была породистая

плечи широкія, прямой станъ и гордое, тонкое лицо. Всякій князь пожелалъ бы, чтобы фигура и лицо этого мужицкаго сына были наслѣдственными особенностями въ его семьѣ. На свѣтлыхъ, почти бѣлыхъ волосахъ его былъ надѣтъ синій картузъ, а въ рукахъ онъ держалъ небольшой чемоданчикъ. На него то и обратилъ вниманіе Глейзеръ.

— Ефрейторъ Уль!—закричалъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Легче на подъемъ вы не стали!—закричалъ онъ. — Старикъ-то, должно быть, сапожнымъ мастерствомъ занимается?

— Крестьянинъ, г-нъ капитанъ.

— Ну, все равно! Можете вы усидѣть на этомъ лѣшемъ или вы такая же дубина... Ну!

Каждый бывшій въ этотъ день на Лоерской степи,—тѣ изъ нихъ, которые не были убиты во время войны, имѣютъ уже сѣдые волосы — помнитъ, какъ озабоченно и неохотно ефрейторъ Уль изъ Венторфа поставилъ свой сѣрый холщевый чемоданъ на песокъ и какъ онъ снова выпрямился, и какъ онъ, выпрямившись сталъ совершенно другимъ и положилъ руку на гнѣдого, какъ засверкали глаза у гнѣдого, какъ онъ вскочилъ, взвился на дыбы, лягался, кружился и дрожалъ и, наконецъ, полетѣлъ по песку, исчезая въ облакѣ пыли, дѣлая все отъ него зависящее, чтобы не идти во Францію вмѣстѣ съ другими; какъ онъ потомъ принужденъ былъ отказаться отъ борьбы, а ефрейторъ Уль, высоко поднявъ голову, возвратился верхомъ на немъ.

— Уль!—закричалъ Глейзеръ.—Вы будете ѣздить на этой лошади, и я назначаю васъ бомбардиромъ при этомъ орудіи.

Такимъ образомъ Іёрнъ Уль отправился на войну уже унтеръ-офицеромъ.

* * *

Недѣлю спустя они шли подъ проливнымъ дождемъ по длинной аллеѣ тополей, которую шесть дней назадъ пересѣкалъ 74-ый полкъ, когда бралъ приступомъ Шпихернскія высоты. Погода была отвратительная и всѣ были усталые и разбитые.

— Посмотри-ка, братъ,—три дохлыхъ лошади! Экъ ихъ раздуло!

— Слушай, что означаютъ эти длинныя гряды? Вотъ удивительно: здѣсь воткнуты сабли?

— Не видишь развѣ? Это свѣжія могилы.

— Людскія?

— Да, людскія. А то чьи же? Ну, перестань молоть глупости.

— Посмотри, вонъ изъ земли ружье торчитъ. Его кто-то употребилъ вмѣсто костыля. Костыль еще стоитъ, а человѣка нѣтъ больше.

Ужасная погода. Какъ вѣтеръ рветъ листья! Орудія громахаютъ и поскрипывая, медленно тянутся впередъ. Могилы. Однѣ могилы. И съ тополей оборвана кора, и сломанныя вѣтки показываютъ свои расщепленныя кости.

— Не добраться шлезвигъ-голштинцамъ до врага... Никогда... Мы для прусскихъ солдатъ слишкомъ неопытны и невымуштрованы. Мы только для парада идемъ...

— Тотъ кому знакомъ 66-й годъ, долженъ и это расхлебать.

Кто высказалъ это мнѣніе и правильно ли оно, никто не спрашиваетъ.

Ночью они расположились бивуакомъ на вѣтренныхъ и мокрыхъ высотахъ, на западъ отъ Шпихерна, и сожгли четырнадцать стоявшихъ тамъ французскихъ повозокъ. Всѣ были молчаливы и подавлены, хотя многіе громко смѣялись и много говорили. Фельдфебель всю ночь ворчалъ, что сожжены такія прекрасныя повозки, и къ утру приказалъ собрать съ костровъ въ одно мѣсто всѣ желѣзныя части и радовался, что выручилъ семь франковъ для батарейной кассы.

Батареи отправились дальше. Становилось тяжело. Это вѣчное «дальше, дальше»! Лучше сразу напасть на врага, побить его, а потомъ возвратиться домой.

Кому же пахать и сѣять? Осень приближается. Отецъ не можетъ одинъ справиться съ хозяйствомъ. А мать? А невѣста?

— Мы все дальше забираемся во Францію! Я думаю мы заблудились. Ахъ, какъ дѣло хорошо пошло.

Дальше, дальше!

Какимъ маленькимъ сталъ Венторфъ! Венторфъ — этотъ центръ земли! Вѣдь на землѣ существуетъ не менѣе десяти тысячъ деревень, а людей, что песку въ морѣ. Сначала когда они перебирались черезъ Эльбу на двухъ пароходахъ была одна только ихъ баттарея. Потомъ она превратилась въ полки, потомъ въ корпусъ, потомъ въ армію. Со вчерашняго дня они стали цѣлымъ народомъ. Четырнадцатаго числа баттарея остановилась на возвышенности у перекрестка; Рядомъ съ Іёрномъ Улемъ стоялъ капитанъ Глейзеръ. Тутъ они расположились и мимо нихъ проходили полкъ за полкомъ, пушки, всадники и безконечные обозы, человѣкъ на человѣкѣ, и такъ до самыхъ вершинъ, видѣвшихся въ туманной дали.

Глейзеръ обернулся:

— Что скажете Уль?

Іёрнъ Уль, вперивъ свой взоръ въ даль, молчалъ.

— Эхъ вы, мужикъ! Отечество, Германія вырывается изъ давишней нужды!

Онъ круто повернулъ лошадь.

Тогда Іёрнъ Уль взглянулъ еще разъ и увидѣлъ всѣхъ этихъ движущихся людей, стремившихся къ одной цѣли и почувствовалъ величіе этого момента.

Въ слѣдующую ночь они переправлялись при свѣтѣ факеловъ черезъ рѣку.

Шестнадцатаго они услышали пушечные выстрѣлы, издали справа, съ высотъ.

— Да тамъ сраженіе идетъ! Посмотрика! На двѣ тысячи шаговъ! перестрѣлка.

Дальше этого они ничего не думали.

Но ихъ охватило какъ бы нѣкоторое любопытство, и все войско пришло въ безпокойство, какъ на охотѣ.

Наступило восемнадцатое и они снова увидѣли, какъ видѣли двѣ недѣли назадъ, свѣжія могилы,—на этотъ разъ освѣщенныя яркимъ солнцемъ.

Одиннадцать часовъ.

— Хорошій день.

Если бы только не было этихъ могилъ.

Всетаки хорошо, что они остались въ резервѣ. Третьяго дня, какъ и всегда. Всегда позади.

— Мы вѣдь слишкомъ молодое, свѣжеиспеченное войско, притомъ еще изъ новой провинціи. Мы не дойдемъ до боевой линіи И это хорошо... И жалко... Нѣтъ... Все-таки хорошо... Мнѣ нужно назадъ къ отцу... Мнѣ нужно назадъ къ моей милой... Я такъ молодъ! Я хочу еще пожить! Я хочу пожить. Десять лѣтъ еще. Потомъ—пожалуй.

Одиннадцать часовъ.

Кругомъ тихо, какъ въ воскресенье въ Голштиніи. Только орудія громыхаютъ, да скрипитъ и потрескиваетъ кожа.

— Страно!.. тамъ впереди, направо!..

— Видишь?

— Въ самомъ дѣлѣ, тяжелая телѣга сворачиваетъ съ дороги на гору!

— Тамъ, направо! Не видишь?

— Что это она?

— Почемъ я знаю?

— Какой хорошій, тихій день.

— За весь этотъ походъ намъ и пороху понюхать не придется! Скоро прикажутъ возвращаться домой.

— Вѣдь это глупо, возвратиться домой ничего не испытавъ! Потомъ придутъ эти мордатые пруссаки и станутъ за стаканомъ пива разсказывать о своихъ геройскихъ подвигахъ, такъ что балки трещать будутъ, а намъ придется молчать.

— Янъ Бушъ, откуда у тебя эта трубка?

— Мнѣ дала ее моя хозяйка—гдѣ бишь это было?—чтобы я вспоминалъ о ней.

— Смотри! Вонъ наверху первая — конная!

— Видишь?

— Что ей тамъ наверху?.. Что это значитъ?

— Славно заѣзжаютъ это молодыя лошади!

— Вонъ ужъ и остановились, всѣ шесть.

— Это слишкомъ усердный командиръ.

— Отецъ говорилъ: при Идштедтѣ...

— Не говори объ Идштедтѣ, братецъ...

— Что это такое?

— Они стрѣляютъ?

— Стрѣляютъ?

— Баттарея... рр-ы-рысью!..

Капитанъ Глейзеръ оглядываетъ свою баттарею.

Никто не забудетъ этого взгляда? Это не шутка.

Кто еще видитъ что нибудь? Кто слышитъ еще что-нибудь? Кто говоритъ?

— Баттарея! Гало-о-пъ!..

Вонъ Гансъ-Детлефъ Глейзеръ на своемъ высокомъ красивомъ рыжемъ; солнце играетъ на его шлемѣ и въ его глазахъ. Это такое удовольствіе, пропустить мимо себя всѣ шесть орудій, а потомъ только пришпорить рыжаго и первымъ быть на мѣстѣ.

Маіоръ летитъ къ нимъ на встрѣчу. Вѣроятно, онъ хочетъ указать имъ позицію... Маіоръ хорошо сидитъ на лошади, даже безъ головы... Какъ это ужасно... Вотъ убитый падаетъ. Лошадь летитъ дальше.

— Что это за лошадь несется какъ разъ передъ мчащимся орудіемъ Іёрна Уля? Ужъ не полковникъ ли Ягеманъ, ѣздитъ на этомъ гнѣдомъ? У него бокъ мокрый и красный отъ крови.

— Впередъ...

Лошади бросаются въ сторону.

Гранатами! По непріятельскому лагерю!

— Тысяча восемьсотъ шаговъ!

Теперь не думать. Спокойно!

Бѣлыя палатки... Вонъ бѣгутъ люди. Тысячи двигаются взадъ и впередъ, стоятъ тамъ въ дыму.

Жж... жж... зззуу! Гулъ и свистъ наростаетъ, потомъ понижается.

— Спокойно, ребята! Если вы слышете—значитъ пролетѣла.

Что то высоко съ пѣньемъ проносится мимо, жестко ударяется и отскакиваетъ отъ обруча колеса... залѣзаетъ съ короткимъ жужжаніемъ въ брюхо коренника. Онъ вздрагиваетъ и падаетъ на бокъ. Его ѣздовой сердито глядитъ на него: «Что съ этой лошадью?!..» Жж... Онъ ужъ не сердится больше. Съ продолжительнымъ крикомъ поднимаетъ онъ руки, какъ будто кто-то ударилъ его въ поясницу острой стрѣлой, изгибаетъ спину и падаетъ съ взвившейся на дыбы лошади навзничъ.

Іёрнъ Уль поворачиваетъ голову и глядитъ на лейтенанта Гакса, который что-то сказалъ, но что понять нельзя. Кругомъ ревъ, шумъ, стукъ и громъ.

Да это и не нужно. Онъ и такъ знаетъ.

— Накатывай! Накатывай! — разъ два! берись за колеса.

— Гранаты на руку... открыть затворъ.

Жж... ззуу...

Эти мухи хотятъ жалить; впереди: эта длинная бѣлая полоса. Но некогда... некогда. Мы должны остерегаться этихъ шмелей... тамъ, на горахъ.

— По баттареямъ!.. Тысяча пятьсотъ шаговъ.

Первый номеръ дергаетъ запальный шнуръ.

Выстрѣлъ.

Трескотня и грохотъ слились въ мелодію. Цѣлый сонмъ страшныхъ звуковъ летаетъ и бѣснуется надъ высотами съ обезумѣвшими глазами, искаженными лицами.

Слѣва непрестанно раздается какое-то кваканье и лязгъ, какіе-то отвратительные звуки, какъ будто кто-то желѣзомъ ударяетъ по кучѣ стеклянныхъ осколковъ. Снопъ огня перелетаетъ черезъ запыхавшихся людей.

— Пли!

Выстрѣлъ.

Іёрнъ Уль слѣдитъ за нимъ глазами. На этотъ разъ попадетъ!

Опять снопъ картечи. Съ трескомъ пролетаетъ мимо. Рысью подбѣгаетъ лейтенантъ. Іёрнъ Уль мелькомъ взглядываетъ на него. Лейтенантъ подкошенъ и падаетъ на бокъ. Его спина вдругъ окрашивается въ красный цвѣтъ. Лейтенантъ Гаксъ ходитъ отъ одного орудія къ другому, совсѣмъ какъ на Лоерской степи. Кто-то выпрямившись, становится передъ нимъ, кровь льется у него вдоль ноги и образуетъ широкую лампасу, какъ будто онъ генералъ.

— Ступайте!

Человѣкъ этотъ дѣлаетъ шаговъ шесть, потомъ валится.

Кто-то называетъ его по имени. Никакъ это Геертъ Дозе?

Лейтенантъ Гаксъ вдругъ останавливается, какъ бы прислушиваясь къ командѣ.

— Уль!

— Г-нъ лейтенантъ!

Онъ поворачивается.

— Взгляните. Я раненъ въ спину.

— Не видать.

— Дыры нѣтъ?

— Нѣтъ!

— Ну... тогда ничего... по той баттареѣ, у деревьевъ!

— Пли!.. Недолетъ!

— Пли!

— Вѣрно!

Второй номеръ спотыкается. Ефрейторъ Янъ Бушъ. Онъ валится назадъ, закрываетъ лицо руками, какъ будто вдругъ увидѣлъ что-то страшное и, тяжело ударяясь, падаетъ навзничь. Съ поднятыми руками лежитъ онъ на землѣ съ тѣмъ же ужасомъ въ глазахъ. Іёрнъ Уль подскакиваетъ къ орудію.

Пятый номеръ раненъ въ ногу. Со стономъ, хромая, приближается онъ и кладетъ къ ногамъ Іёрна Уля новые гранаты.

Лейтенантъ Гаксъ кричитъ ѣздовымъ:

— Отъѣзжайте дальше

Осталось всего три лошади. Остальныя убиты.

Всего три человѣка у орудія. Остальные убиты.

Іёрнъ Уль стоитъ надъ лафетомъ, за нимъ ранецъ съ патронами, гранаты лежатъ рядомъ съ нимъ на землѣ. Онъ подымаетъ ихъ. Вѣрнымъ глазомъ наводитъ пушку.

Ломаннъ II дергаетъ запальный шнуръ и прочищаетъ стволъ.

— Ломаннъ!—кричитъ Гаксъ.—Скорѣй, братецъ! Пошевеливайся! Мы не на ученьѣ.

Ломаннъ не можетъ иначе. Разъ... и... два. Совсѣмъ какъ на Лоерской степи.

— Пли!

Слѣва что-то надвигается—ближе, ближе, все страшнѣе, трещитъ, ворчитъ...

Лейтенантъ Гаксъ хватается за спину и громко вздыхаетъ:

— Этотъ Ломаннъ, это ужъ такой... онъ иначе не можетъ.

Подъѣзжаетъ капитанъ Глейзеръ.

— Хорошо, ребята! Хорошо.

Четыре или пять штабныхъ во второй разъ проѣзжаютъ мимо и останавливаются совсѣмъ близко за ними. Но вотъ они опять слышатъ: жужжитъ и реветъ... расщепливаетъ и падаетъ... роетъ землю. Лошадь одного изъ офицеровъ падаетъ на колѣни; всадникъ летитъ черезъ голову, вскакиваетъ, подбѣгаетъ къ другой лошади, которая пролетаетъ между орудіями; онъ схватываетъ ее; Іёрнъ Уль помогаетъ ему; онъ уже сидитъ на красномъ чепракѣ. Офицеры отъѣзжаютъ. Шапка генерала мелькаетъ, какъ флагъ. Край ея оборванъ; кусокъ ваты вылѣзаетъ и развѣвается по вѣтру.

Они работаютъ при орудіи; они работаютъ въ потѣ лица. Безъ конца, безъ устали. Они тяжело дышатъ, прицѣливаются, толкаютъ, двигаютъ, зовутъ и клянутъ. Дуетъ какой-то странный знойный вѣтеръ, съ короткими порывами, который рветъ то туда, то сюда. Земля рождаетъ огонь; сквозь клубящійся дымъ сверкаетъ что-то желтое. Изъ ослабѣвшихъ затворовъ при каждомъ выстрѣлѣ вылетаетъ длинный, красный, огненный языкъ.

Другой мысли нѣтъ у нихъ, какъ только: работать, работать, другой заботы нѣтъ у нихъ. Они только думаютъ: «Дѣло жаркое. Когда-то конецъ?» Они не думаютъ о томъ, что болѣе сильный непріятель, который напираетъ на нихъ широкой полудугой, каждую минуту можетъ рѣшиться на приступъ.

Но тутъ подбѣгаетъ пятый номеръ отъ передка.

— Гранатъ нѣтъ больше!

Вотъ оно бѣда, настоящая! Они стоятъ у орудія, какъ бы окаменѣвъ, Ломаннъ съ поднятымъ банникомъ, Іёрнъ Уль держа одну руку у затвора, другую зажавъ въ бѣшенствѣ и недвижно уставивъ глаза туда, гдѣ сверкаетъ; лейтенантъ Гаксъ подходитъ тяжело волоча ноги, и показываетъ Ломанну спину.

— Нѣтъ еще тамъ дыры?

— Да, г-нъ лейтенантъ, теперь есть дыра и кровь есть.

— Стоять я не могу больше, а уходить не хочу, не хочу!—Онъ презрительно плюетъ.

Тутъ подлетаетъ штабный.

— Почему вы не стрѣляете?

— Гранатъ нѣтъ.

— Чорта съ два! Такъ стрѣляйте холостыми.

— Слушаюсь!

Они стрѣляютъ, не глядя, лохмотьями холста... безпрерывно... безпрерывно... долго.

Іёрнъ Уль, склонившись надъ лафетомъ, задумавшись нагибается налѣво: здѣсь снова лежатъ гранаты. Дѣло идетъ лучше.

Молоденькій лейтенантъ стоитъ за ними и громко хвалитъ ихъ:

— Хорошо, унтеръ-офицеры! Очень хорошо!.. Товарищъ!

Онъ кланяется Гаксу, который сидитъ на землѣ, прислонившись спиной къ колесу передка. Но Гаксъ не видитъ его: полузакрытыми глазами, съ презрительно выдвинутой нижней губой, глядитъ онъ по направленію къ непріятелю.

Вдругъ слѣва отъ нихъ орудія смолкли.Что дѣлаютъ обѣ баттареи? Почему онѣ больше не стрѣляютъ?

Тяжелая пальба ружейная доносится сзади, слѣва, съ лѣсной опушки.

Вдругъ показывается нѣмецкая пѣхота, ближе, ближе.

— О, они помогутъ намъ!..

— Орудія!.. Почему вы больше не стрѣляете?

Тамъ и сямъ еще стоятъ отдѣльные люди... Еще одинъ выстрѣлъ. Унтеръ-офицеръ Хишъ фонъ-Ишъ съ однимъ единственнымъ солдатомъ стоитъ у орудія. Онъ стоитъ въ дыму и огнѣ. Это герой. Объ немъ на его родинѣ будутъ еще говорить лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

— Стрѣляйте, братцы!

Странный чуждый шумъ и ревъ приближается.

Молодой лейтенантъ подскакиваетъ и громко кричитъ.

— По батареѣ налѣво... Картечью! картечью!

— Господинъ лейтенантъ,—кричитъ Уль,—вѣдь это наша батарея.

— Развѣ вы не видете, что на нихъ красные штаны!

— Поворачивай!

Всѣ помогаютъ хватаются за колеса. Кругомъ слышно тяжелое паденье.

— Картечью!.. Четыреста шаговъ!..

Лейтенантъ Гаксъ снова поднимается, хочетъ командовать, хватается за бокъ и падаетъ во всю длину. Съ потеряной батареи подходятъ три или четыре бѣглеца. Одинъ изъ нихъ падаетъ на бѣгу, какъ падаетъ ребенокъ, хватается за колесо и начинаетъ молиться отрывочными словами «Отче нашъ...» Четвертое прошеніе онъ повторяетъ дважды. Это былъ сынъ бѣдныхъ родителей.

Нѣмецкая пѣхота, все гуще валитъ изъ лѣсу, стоитъ, лежитъ тамъ и сямъ, кучками и въ одиночку. Они стоятъ и лежатъ между орудіями и стрѣляютъ въ наступающаго, ревущаго и воющаго непріятеля.

Стрѣлокъ, ловкій, жилистый человѣкъ съ круглой, красноватой головой, подскакиваетъ къ Іёрну Улю, стрѣляетъ... и вкладываетъ новый патронъ.

— Іёрнъ Уль! Братецъ... adsum, Іёрнъ!

Іёрнъ Уль вкладываетъ въ стволъ картечь и закрываетъ замокъ... Жаль, что Фите Крэй не можетъ помочь ему.

— Полно стрѣлять-то! Дѣло къ концу идетъ.

Граната взрываетъ желтовато-коричневую землю.

Если бы Генрихъ такъ пахалъ!

...Открытое письмо, которое у меня въ шлемѣ...

...Написать Тиссу. Поклониться еще разъ Эльсбе.

...У Лисбеты Юнкеръ... теперь все это не имѣетъ смысла.

Онъ поворачиваетъ орудіе по направленію къ непріятелю. Фите Крэй помогаетъ двигать и направлять.

Сыплется цѣлый градъ картечь... еще... еще...

Тѣ, что противъ нихъ, остановились. Но подходятъ еще новые. Всюду кишатъ чужіе красные люди, которые подвигаются впередъ въ дыму и въ огнѣ.

Скоро конецъ.

Лошадей! лошадей!

Всѣ лошади убиты.

Но тутъ Ломаннъ бросается ловить лошадей, которыя потерявъ своихъ всадниковъ, стоятъ, бѣгаютъ и мечутся по полю; онъ приводитъ трехъ; и они начинаютъ торопливо запрягать.

— Пошелъ!..

Печальное отступленіе.

Фите Крэй сидитъ на передкѣ и пра-

витъ. Ломаннъ, стоя рядомъ съ нимъ, лупитъ ногайкой по несчастнымъ раненымъ животнымъ. Іёрнъ Уль бѣжитъ рядомъ съ орудіемъ поддерживая лейтенанта, который, сгорбившись, качается, сидя на оси.

— Совсѣмъ какъ въ Венторфѣ, — думаетъ Фите Крэй,—когда я, залѣзъ въ фруктовый садъ и убѣгалъ, а Витенъ бранила меня въ слѣдъ. Помоги мнѣ, Господи! Чего они бранятся?

Два огненныхъ снопа разрѣзаютъ дымъ и наискось метутъ по полю.

— Третій—на нашу долю!

Нѣтъ, имъ не судьба была умереть, они добираются до лѣсной опушки живыми.

А тутъ уже стоятъ десять-двѣнадцать орудій. Другія подъѣзжаютъ, совсѣмъ такъ-жё, какъ и они: лошади шатаются, изъ людей осталось трое-четверо. На потныхъ лицахъ ихъ выражаются горе и гнѣвъ, страхъ и возбужденіе.

Какъ они работаютъ!

Одни ведутъ лошадей съ громкой бранью и отрывистыми, дикими словами. Другіе тащатъ заряды и складываютъ ихъ въ ящики. Батарейный кузнецъ безъ шапки, со спутанными волосами и растегнутымъ мундиромъ, стоитъ на колѣняхъ передъ больнымъ орудіемъ; унтеръ-офицеръ запихиваетъ лошади томпоны въ глубокія раны, изъ которыхъ ключомъ бьетъ кровь. Какъ будто вбиваетъ кранъ въ пивную бочку.

Все это въ перемѣшку съ криками команды.

— Странно, что непріятель не идетъ!

Три орудія, вновь запряженныя и кое-какъ снабженныя людьми; среди нихъ отдѣльные пѣхотинцы. Снова выѣзжаютъ.

Молодой лейтенантъ работаетъ, кричитъ, мечется... Теперь и онъ можетъ снова отъѣхать съ двумя орудіями. Одинъ офицеръ стоитъ наверху и концомъ сабли указываетъ направленіе:

— Туда! Къ опушкѣ лѣса!

Іёрнъ Уль сидитъ на первомъ орудіи; Фите Крэй рядомъ съ нимъ.

Кругомъ, по близости и вдалекѣ, и перекатывается гудитъ страшная трескотня, ревъ и раздаются громкіе удары копытъ.

Когда они достигаютъ конца лѣса и выходятъ на опушку, громъ гремитъ уже глуше.

— Вы знаете, гдѣ они, унтеръ-офицеръ?

— Я думаю, тамъ!

— Теперь за мной чередъ,—говоритъ юноша и скрежещетъ зубами.—Мой двоюродный братъ изъ второй легкой убитъ; завтра мнѣ нужно написать его матери.

— Да, много убито, господинъ лейтенантъ.

— Ужасный день!

Когда они обернулись, другого орудія уже не было. Ревъ и шумъ ослабѣли.

Съ неба спустился вечеръ.

Но никто не воздѣлъ рукъ къ небу и не молилъ солнце и мѣсяцъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ изступленный израильтянинъ:—Солнце, остановись надъ Гиббаономъ а мѣсяцъ надъ долиной Айалонъ!

Нѣтъ... нѣтъ...

Они ѣдутъ дальше и какъ разъ въ назначенномъ мѣстѣ выходятъ изъ лѣсу.

Орудія отодвигаютъ назадъ. Свѣжая пѣхота массами покрываетъ поле.

Непріятель замолкъ.

Наступаетъ вечеръ.

И когда становится тише, въ кустахъ и во рвахъ раздаются стоны:

— Помогите... О!.. Помогите!

А на высотахъ:

— Je prie... ma mère... pitié.

А изъ высохшаго русла ручья.

— Soo dösti... so dösti... Mien Moder

Становится тише.

Тѣ, что у опушки, слѣзаютъ съ лошадей и орудій.

— Мать моя сунула мнѣ на случай бѣды пакетикъ... — говоритъ лейтенантъ, — но я не могу поднять руки.

Тогда Іёрнъ Уль вынулъ пакетъ у него изъ кармана и подалъ ему, а тотъ предложилъ ему половину.

Коренникъ потерялъ томпонъ изъ раны бьетъ кровь. Іёрнъ Уль вскочилъ и оттащилъ его въ сторону. Лошадь упала. Лейтенантъ, ослабѣвъ отъ потери крови, сѣлъ на лафетъ; Фите Крэй бросился въ траву.

— Ломаннъ, пойди посмотри, гдѣ остальные.

Онъ положилъ свой банникъ, который снова взялъ было въ руку, на мѣсто, и исчезъ на лѣсной тропинкѣ.

— Ахъ!—сказалъ лейтенантъ.—Дайте мнѣ пить. Я отдалъ свою фляжку долговязому Іоганну; онъ ее однимъ духомъ выпилъ.

Раньше онъ всегда говорилъ: «господинъ лейтенантъ Гаксъ», но тутъ онъ сказалъ: «долговязый Іоганнъ».

— Видите, господинъ лейтенантъ?—сказалъ Фите Крэй.—Съ той стороны кто-то идетъ!

Солдатъ въ широкихъ красныхъ штанахъ и короткой синей курткѣ, медленно, хромая, подходилъ къ нимъ. Онъ привязалъ къ своей сломанной ногѣ тесакъ, обмотавъ ее портупеей. Но нога скользнула, и онъ громко закричалъ.

Фите Крэй всталъ, подхватилъ его и посадилъ на землю.

— Я французъ,—сказалъ онъ—О-о...

— Что?—спросилъ Фите Крэй, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Я изъ Страсбурга.

— Ну, такъ и успокойся! Сиди и брось свое кваканье.

Онъ досталъ изъ кармана веревку и опять выпрямилъ ногу солдату.

Веревка, которую Фите Крэй вынулъ изъ кармана, словно открыла глаза Іерну Улю.

— Послушай,—сказалъ онъ, — какъ ты сюда попалъ?

— Какъ разъ въ тотъ день, когда была объявлена война, я пріѣхалъ въ Гамбургъ. О, моя ферма! моя чудная маслодѣльня! Недалеко отъ Чикаго, Іернъ! О, моя жена и мои двѣ красивыя кобылы!.. Да что про это!.. толковать! Будетъ тебѣ стонать, ты, страсбургскій! я больше ничѣмъ не могу тебѣ—помочь.

Ломаннъ возвратился и донесъ, что батареи — тамъ... тамъ вонъ... Онъ заикался и шатался.

Лейтенантъ мрачно глядѣлъ передъ собой и по временамъ съ болѣзненнымъ возгласомъ хватался за свою окровавленную руку.

— Вы ранены? — спросилъ онъ Ломанна.

— Нѣтъ, господинъ лейтенантъ.

Промолчи онъ—все было бы хорошо. Но онъ схватилъ банникъ и принялся хвастаться: «онъ, молъ, съ однимъ банникомъ пойдетъ противъ французовъ, совсѣмъ одинъ!»

Тутъ выяснилось, что онъ наткнулся на повозку французскаго маркитанта брошенную у вала.

— Надо отправляться!—сказалъ лейтенантъ.

Фите Крэй поднялъ эльзасца на передокъ, и они тронулись.

— Вы тоже голштинецъ?—сказалъ лейтенантъ.

— Изъ Дитмарша.

— Я живу неподалеку отъ Плёна, а мой двоюродный братъ въ сосѣдней деревнѣ. Теперь онъ убитъ. Видѣть я его не видѣлъ, но знаю: у его орудій всѣ убиты... Это будетъ такое горе. Мнѣ надо написать объ этомъ... а я не могу. Грете выплачетъ себѣ глаза. Онъ былъ такой хорошій, храбрый и умный малый.

— Грете это его сестра?

— Да, мы бывало, играли вмѣстѣ. Дядя говорилъ, что мы всѣ выросли у одного горшка.

Фите Крэй сталъ утѣшать:

— Горшки часто бьются, господинъ лейтенантъ.

— Дѣло въ томъ, что фрейлейнъ Грете моя невѣста!—говорилъ юноша.—Мы обручились при прощаніи. Давно ужъ это было...

— Да,—сказалъ Іернъ Уль,—давно это было.

— Я думаю, что прошло недѣли три!—сказалъ Фите Крэй.

Тогда всѣ они стали качать головой.

— Только три недѣли?.. Быть не можетъ!

— Неужели три недѣли тому назадъ я еще сѣчку для коровъ дѣлалъ?

— Безконечно много времени прошло... Кажется,—больше семи лѣтъ!

Такъ разрослось въ ихъ мозгу далекое путешествіе: трудный походъ и этотъ ужасный день, отодвинувъ въ голубую даль все то, что лежало позади.

Въ примыкавшей къ лѣсу ложбинѣ они дѣйствительно встрѣтились съ другими батареями. И снова покой былъ

нарушенъ. Вотъ-то работа была у опушки Bois de la Cusse всю эту ночь! А когда заалѣлась утренняя заря, сорокъ орудій стояло другъ подлѣ друга, совсѣмъ какъ на Лоерской степи; два изъ нихъ попало въ руки непріятеля. Лошади и люди, пополненные изъ резервовъ, снова стояли у орудій, готовые, когда появится солнце, выѣхать на то же желтоватое, усѣянное мелкими камешками поле, истоптанное лошадьми и всадниками, изрытое гранатами и усѣянное мертвыми тѣлами, темными пятнами крови, обрывками кожи, сломаннымъ оружіемъ и щепками.

Но непріятель не показывался. Непріятель не былъ ужъ больше готовящимся къ нападенію тигромъ. Это былъ связанный быкъ, который со стономъ и ревомъ роетъ рогами землю.

* *
*

Передъ полуднемъ Іёрнъ Уль былъ посланъ на розыски нѣкоторыхъ раненыхъ. Послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ лейтенанта Гакса, который лежалъ на своей шинели въ сильной лихорадкѣ.

— Моя мать только что была здѣсь,— сказалъ онъ.—Она сказала, чтобы я не бѣгалъ, а то разгорячусь. «Эхъ ты сорванецъ!» сказала она и ударила меня по щекѣ. Это она всегда дѣлаетъ, когда я набѣгаюсь. Тогда я смѣюсь и иду къ зеркалу и говорю: «Ну, смотри! Теперь щеки еще краснѣе». Но здѣсь вѣдь нѣтъ зеркала... Вообще, какой здѣсь безпорядокъ. Вы, ребята, смотрите у меня! чтобы все было въ порядкѣ... Ахъ, это вы Уль!.. Трудный денекъ у насъ былъ, думается, и на мою долю перепало.

— Господинъ лейтенантъ... ужъ не такъ-то плохи дѣла...

— Воздухъ такой жаркій, просто дышать нечѣмъ, въ особенности, когда приходится такъ бѣгать. Скажите, отчего вы не бѣгаете? Вы всегда такой положительный и спокойный. Ахъ, я знаю, это отъ того, что вы пашете... Сегодня я видѣлъ во снѣ рыжеволосаго малаго, котораго я разъ прогналъ съ нашего двора съ его повозкой.

— Это было не во снѣ, господинъ лейтенантъ. Онъ, дѣйствительно, былъ при батареѣ и помогалъ.

— Славный малый. Тогда на дворѣ онъ сейчасъ же сжалъ кулакъ и кинулся на меня. Это не по-христіански, но по-человѣчески.

— Это тоже и по-христіански, господинъ лейтенантъ, если идешь противъ зла.

— Правильно! Да, противъ зла! Я тоже хочу такъ поступать! Право, ей-Богу! Всегда съ кулакомъ на готовѣ и рубить, какъ сегодня... А когда нельзя рубить, надо плевать. По христіански и по-человѣчески... Это одно и то же. Я думаю, у матери на Гальбекскомъ болотѣ плохой овесъ. Когда я снова домой попаду, я до тѣхъ поръ буду пахать, пока не сдѣлаюсь такимъ же неповоротливымъ, какъ унтеръ-офицеръ при шестомъ орудіи... Какъ это его зовутъ?

— Уль.

— Тогда все будетъ хорошо и я построю новый домъ; только гимнастика на дворѣ пусть останется. Да, а теперь объ этомъ говорятъ? Къ орудіямъ!.. Дозе, чего ты стоишь и ухмыляешься? Ты удивляешься, что я такъ много говорю? Ты снова долженъ идти на службу къ долговязому Зотту, сволочь ты эдакая. Такъ! А теперь... Долой съ передка!.. Это все ни къ чему. Французы-молодцы и получатъ Желѣзный Крестъ, а мы—могильный!

— Какой приказъ будетъ по батареѣ, господинъ лейтенантъ?

— Скажите имъ, чтобы они не стрѣляли мнѣ прямо въ глаза! Развѣ такъ поступаютъ? «Чорта съ два», говоритъ онъ? Пусть они свеклой стрѣляютъ, это будетъ имѣть больше смысла, чѣмъ этими холостыми патронами. И пусть капитанъ Глейзеръ сниметъ свои лакированные сапоги.

Гаксъ не выносилъ капитана.

Іёрнъ Уль искалъ также и Геерта Дозе, но не могъ найти его. Онъ и на другой день отправился туда и все-таки не нашелъ его. Тысячи лежали здѣсь во всемъ ужасѣ своихъ страданій.

Но на третій день онъ нашелъ его въ той же узкой комнатѣ, гдѣ лежалъ капитанъ Штрандигеръ, у котораго была прострѣлена грудь. Ни къ одному изъ

нихъ не прикасались еще врачи. Это, вѣдь было безцѣльно.

Іёрнъ Уль, вытянувшись, стоялъ передъ капитаномъ. Тотъ глядѣлъ на него большими, лихорадочными глазами, совершенно безсознательно. Эхъ ты, глупый, неповоротливый Іёрнъ Уль!

Потомъ онъ склонился къ смертельно раненому, лежавшему на сырой, отъ крови соломѣ.

Геертъ Дозе былъ ясенъ и спокоенъ. Онъ привѣтствовалъ его глазами съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, съ какимъ онъ когда-то сказалъ ему въ казармѣ, въ Рендсбургѣ: «Іернъ, мы съ тобой единственно разумные во всей этой комнатѣ.

Но теперь это была горькая правда.

— Могу я что-нибудь для тебя сдѣлать, Геертъ?

— Нѣтъ, Іернъ, видно, тутъ мнѣ и помереть. Я не понимаю, какъ это я еще живъ.

— Неужто я ничего не могу для тебя сдѣлать? Очень тебѣ больно?

— Больно? Спина не болитъ; ея больше нѣтъ. Здѣсь спереди, грудь до самой шеи... Но это не бѣда. Я бы только хотѣлъ еще разъ побывать у отца съ матерью... Мать всегда по субботамъ свѣжую рубашку приготовляетъ, а здѣсь я долженъ такъ лежать... Вонъ какая Іернъ!

— И у меня-то рубашка не важная, Геертъ, но все-же лучше, чѣмъ твоя.

Онъ скинулъ мундиръ, снялъ рубашку и охватилъ плечи раненаго. Тогда тотъ испустилъ крикъ; голова его откинулась назадъ онъ былъ мертвъ... Іёрнъ Уль по колѣни стоялъ въ окровавленной соломѣ.

Онъ глядѣлъ на мертваго и въ сторону, на капитана, который, откинувъ голову съ широко раскрытыми глазами, задыхался: ему не хватало воздуха. И Іёрна охватилъ ужасъ передъ этими страданіями человѣчества.

Возвратившись къ батареѣ онъ узналъ, что Фите Крэй только что былъ тамъ и снова ушелъ. А Вильгельма Ломанна привязали на два часа къ колесу, за то, что онъ былъ пьянъ восемьнадцатаго. Но въ видѣ утѣшенія ему обѣщали Желѣзный Крестъ, такъ какъ въ тотъ же день онъ прочищалъ орудіе совсѣмъ такъ, какъ дѣлалъ это на Лоерской степи: разъ—два!

Вотъ какова была битва при Гравелоттѣ для дѣтей Венторфа.

* * *

Наступило время стоянки подъ Метцомъ: сырая солома, страшная вонь, безчисленное множество насѣкомыхъ. Многіе заболѣвали и должны были возвращаться домой. Іёрнъ Уль былъ здоровъ, исполнялъ свой долгъ и думалъ о домѣ, гдѣ шла теперь жатва и пахота.

Наступила самая тяжелая часть войны: длинные переходы въ глубь Франціи и во время переходовъ одна битва за другой,—и такъ впродолженіе всей зимы. Сегодня нѣтъ воды, завтра хлѣба; сегодня нѣтъ огня, завтра нечѣмъ дышать, сегодня нѣтъ крова, завтра—рубашки.

А мѣстнымъ крестьянамъ каждый день приказывали:

— Тамъ, подъ орѣшникомъ! Рой могилу, paysan! C'est mon bon camarade, cochon!

Дѣло дошло до того, что они сказали своему капитану:

— Господинъ капитанъ! Видно, съ этой ужасной войны никто изъ насъ домой не возвратится!

Капитанъ отошелъ въ сторону и долго стоялъ и смотрѣлъ на востокъ въ даль. «Если мы скоро не возвратимся домой, такъ мы ни на что не будемъ годны. Людьми насъ нельзя будетъ назвать. Совсѣмъ свиньями стали! у него волоса совершенно посѣдѣли за эти мѣсяцы».

Іёрнъ Уль шелъ вмѣстѣ съ другими, содержалъ въ чистотѣ свое орудіе, держалъ своихъ людей въ сносномъ порядкѣ и думалъ:

«Когда наступитъ время пахоты, мнѣ надо быть дома»!

Въ началѣ февраля, въ дождливый вечеръ, въ маленькомъ городкѣ, при перекличкѣ, унтеръ-офицера Уля не оказалось. Патруль нашелъ его въ одной изъ ближайшихъ улицъ, лежащимъ въ сточной канавѣ. Когда они подняли его и повели въ лазаретъ, онъ принялся стонать и жаловаться на вся-

кіе пустяки, какъ горячечный: жаловался, что мундиръ его въ грязи, жаловался, что потерялъ фуражку. Они уложили его въ постель и ушли. Но такъ какъ въ лазаретѣ служители не сторожили его, онъ въ ту же ночь всталъ, одѣлся и снова вышелъ на улицу. Утромъ его нашли прислонившимся къ стѣнѣ, въ бреду. Его отправили въ лазаретъ, у него оказался тифъ. Его мучила мысли, что мельхіоровый прицѣлъ у пушки пропалъ и что его люди думали, будто это онъ, Іёрнъ Уль, припряталъ его, изъ трусости, чтобы не идти больше противъ непріятеля. Этотъ мучительный сонъ преслѣдовалъ больного впродолженіи сотни миль и прекратился только тогда, когда Іёрнъ нашелъ хорошій уходъ въ страсбургскомъ лазаретѣ.

Глава пятнадцатая.

По счастливой случайности, Фите Крэй былъ отпущенъ уже въ мартѣ и поэтому могъ разыскать Іёрна Уля въ лазаретѣ и взять его съ собой въ Гамбургъ.

Іёрнъ Уль, длинный, блѣдный и еще немного безучастный, Фите Крэй пониже, съ быстрой походкой и пронырливыми глазами: такими шли они по Гамбургу, въ поискахъ ночлега, въ своихъ истрепанныхъ мундирахъ, которые были оставлены имъ для возвращенія домой.

Въ то время какъ они шли, Іёрнъ Уль съ опущенными глазами, а Фите Крэй съ бѣгающими, навстрѣчу имъ попалась высокая, красивая, бѣлокурая дѣвушка, свѣтлобѣлокурая, бѣлая, румяная, цвѣтущая, съ книгой подъ мышкой, просто и очень опрятно одѣтая. И Фите Крэй посмотрѣлъ на нее и не могъ отвести глазъ, такъ какъ въ лицѣ ея было что-то особенное, что напоминало ему Воданскую степь и Гесгофъ. Это особенное состояло въ томъ, что въ ея манерѣ держаться, въ ея волосахъ, глазахъ было что-то ясное и мечтательное и что свѣтло-сѣрые глаза ея были поставлены нѣсколько накось, какъ крылья голубя, собирающагося взлетѣть.

Они обмѣниваются неувѣренными взглядами. И оба останавливаются. Тутъ и Іёрнъ Уль подымаетъ глаза.

— О, Іёрнъ, Іернъ!.. ты выглядишь такимъ больнымъ! О, Фите Крэй! Я слыхала отъ Тисса, что и ты былъ во Франціи и что ты женатъ... О, Іёрнъ! О, что скажетъ Тиссъ!.. Знаете ли вы, что Тиссъ опять здѣсь, въ Гамбургѣ?

Такъ говорила Лисбета Юнкеръ, стоя противъ нихъ, и не переставая пожимала имъ руки, и глаза ея были какъ два яркихъ веселыхъ огня, какъ майскіе огни на Рингельсгёрнѣ. Такими глазами она въ особенности глядѣла на Іёрна Уля. Въ особенности на Іёрна Уля.

— Тиссъ еще здѣсь?

— Да, подумай! Онъ все еще ищетъ Эльсбе. Дѣло въ томъ, что она тогда не уѣхала съ тѣмъ пароходомъ, съ которымъ собиралась. А теперь одинъ изъ нашихъ знакомыхъ утверждаетъ, что видѣлъ ее; а другой считаетъ возможнымъ, что Гарро Гейнзенъ черезъ Копенгагенъ удралъ отъ войны.

— Знаешь ли ты, что дѣлается въ Венторфѣ? Или ты больше никогда не бываешь тамъ?

— Вѣдь дѣдъ съ бабушкой умерли,— сказала она,—но жену новаго учителя я знаю. Це дальше, какъ на Рождествѣ я была тамъ.

— А что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я здѣсь у тетки; у нея маленькая бумажная и книжная, лавка но, кромѣ того, я учусь бухгалтеріи.

— Не можешь-ли ты намъ сказать, гдѣ живетъ Тиссъ?

— Да я сама съ вами пойду.

Такъ они сдѣлали длинный путь къ церкви св. Павла и пришли въ Маріинштрассе съ ея высокими, голыми сдающимися въ наемъ домами и поднялись по лѣстницѣ, и Лисбета Юнкеръ въ концѣ одного изъ темныхъ корридоровъ отворила дверь. Тутъ, у маленькой желѣзной комнатной плиты, сидѣлъ Тиссъ Тиссенъ. Онъ держалъ между колѣнъ кофейную мельницу и усердно мололъ кофе и ничего не слыхалъ. Онъ сдѣлался еще меньше и суше.

— Ахъ! Іёрнъ!.. сказалъ онъ, и порывисто поднялся.

— И ты!.. Фите! Мой мальчикъ! О Фите!.. Дѣти мои, какая бѣда-то у насъ! Вотъ я сейчасъ кончу молоть и сварю вамъ кофе, сколько вашей душѣ будетъ угодно!

Онъ вскочилъ и сталъ искать свои туфли.

— Не говорите, дѣтки, не говорите! Пусть это будетъ Гесгофомъ, вотъ эти четыре стѣны. О моя бѣдная маленькая дѣвочка!.. Зуйка, не видала-ли ты ее? Въ это время бѣдныя женщины обыкновенно выходятъ на улицу за покупками. Ахъ, Боже мой! если только у нея есть на что покупать. Подумай, Іёрнъ... Іёрнъ, ну подумай только: маленькое, маленькое созданье въ этомъ страшномъ, большомъ городѣ!.. Фите, мнѣ кажется, онъ бьетъ ее! Онъ хочетъ отправиться съ ней въ Америку; но я я сторожу въ гавани, чтобы онъ не удралъ съ ней. Какъ можно ѣхать въ Америку? Такъ далеко отъ Гесгофа! Зуйка, завари-ка имъ кофе! Вотъ котелокъ! Вода бѣжитъ здѣсь прямо изъ стѣны; у насъ она за стѣнами. Совсѣмъ, совсѣмъ безумный городъ.

Фите Крэй усадилъ его на стулъ и сказалъ:

— Сиди! Не думай, что она позволитъ бить себя. Вотъ твоя туфля. Когда она увидитъ, что онъ больше не любитъ ее, она сейчасъ же убѣжитъ отъ него. Я думаю, что она уже ушла отъ него, но только не рѣшается возвратиться въ Гесгофъ и какъ-нибудь перебивается здѣсь. Она боится тебя и Іёрна; да и стыдъ ее удерживаетъ.

Лисбета тоже думала, что это возможно, и Іёрнъ кивалъ утвердительно головой.

— Ну, Тиссъ!.. Подумай,—сказалъ Фите,—всѣ мы только что сдѣлали большой переѣздъ: позаботься о кофе и хлѣбѣ, а потомъ поговоримъ.

Тогда стало почти уютно, благодаря Фите Крэю, который вовлекъ въ разговоръ хозяина Гесгофа, и благодаря Лисбетѣ, которая наливала кофе и рѣзала хлѣбъ.

— Садись, старый землякъ!—сказалъ Фите Крэй.—Увидишь, мы еще найдемъ Эльсбе.

— Да, Тиссъ, теперь пей!—сказала Лисбета.—Вотъ твоя чашка.

— Знаете ли вы, — сказалъ Фите Крэй и поудобнѣй прислонился къ спинкѣ,—здѣсь совсѣмъ какъ въ сказкѣ у Витенъ; обыкновенно я не думаю объ этомъ, но сегодня мнѣ невольно вспоминается все это. Ты, Тиссъ, старый, доброжелательный волшебникъ, который пріютилъ двухъ усталыхъ, истощенныхъ путниковъ. Чудная, стеклянная принцесса прислуживаетъ намъ, а потомъ мы отправимся дальше и отыщемъ нашу сестру.

— Развѣ я стеклянная? — сказала Лисбета нѣсколько обиженно.—Ты, повидимому, остался все тѣмъ же Крэемъ, какъ и прежде.

— А ты стала хорошенькой! — сказалъ онъ и засмѣялся ей въ лицо.—А немного стекляной ты всегда мнѣ казалась. Не правда ли, Іёрнъ? Она никогда не ходила съ нами, какъ Эльсбе, она всегда была немного въ сторонѣ... Кромѣ того, вотъ ужъ цѣлый годъ ни одна порядочная женщина не подавала мнѣ кофе. Спасибо, Зуйка!

— Ты всегда заботился о другихъ,— сказала она,—всегда глядѣлъ по сторонамъ.

Она откинула назадъ голову и перестала смотрѣть даже на Іёрна и, дѣйствительно, стала натянутой, и голосокъ ея звенѣлъ, какъ стекло.

— Разсказывай!—сказалъ Фите Крэй и строго поглядѣлъ на Тисса.—Навѣрно, ты причиной всему этому.

— Да,—сказалъ Тиссъ Тиссенъ и застоналъ.—Что мнѣ разсказывать? Онъ приходилъ къ ней въ Гесгофъ, а я спалъ и ничего не замѣчалъ. Я говорилъ: «Дѣточка, отчего ты такая блѣдная! Ты не спала ночь»? «Я хорошо спала,—говорила она,—и королева спитъ не лучше». Тогда я радовался. Разъ она сказала: «Слушай, Тиссъ, развѣ въ здѣшней странѣ нѣтъ такого обычая, что если молодые люди обѣщали другъ другу пожениться, то они и передъ Богомъ и передъ людьми уже мужъ и жена?» «Да,—сказалъ я, — дѣточка, я гдѣ-то, въ какой-то хроникѣ читалъ, что Вольфъ Изебрандъ, герой Хеммингштеда, всю

ночь передъ битвой просидѣлъ въ комнатѣ своей возлюбленной; я думаю, это старый саксонскій или фрисландскій обычай». Но мы отклонились отъ этого разговора и я принялся мечтать. Я говорилъ: «Отправляйся-ка въ городъ, Эльсбе». Или говорилъ: «Слетай-ка въ лѣсъ, маленькая Уль». Но она обходила вокругъ дома, и пѣла, и свистала и говорила: «Мнѣ не нужно ни города, ни лѣса. Мнѣ не скучно». А я все еще ничего не замѣчалъ. Ну, вотъ однажды пріѣхалъ Гарро Гейнзенъ на своемъ лоснящемся гнѣдомъ, перепрыгнулъ черезъ изгородь и сказалъ, что онъ хочетъ получить согласіе Эльсбе Уль и сталъ смѣяться. Ну и тогда... черезъ пять-шесть дней...—тутъ и пришла бѣда. Тутъ онъ возвратился и сталъ бранить своего отца и Клауса Уля: у нихъ у обоихъ ничего нѣтъ, рѣшительно ничего; не могутъ даже купить ему усадьбу. Тутъ дѣвчурка замолкла и стала скучной. Такою я никогда еще ее не видалъ. Всѣ ея мечты рухнули. Я сказалъ: «Останьтесь здѣсь въ Гесгофѣ; Гесгофъ дастъ больше дохода, если здѣсь будетъ человѣкъ, который хочетъ работать». Я слишкомъ люблю спать, Фите, ты это знаешь. Я въ этомъ откровенно признаюсь. Но Гейнзенъ смѣялся: мужикомъ онъ не сдѣлается, этого и думать нечего. Я видѣлъ, что она охотно осталась бы: онъ утащилъ ее изъ усадьбы на арканѣ, какъ тащатъ жеребенка, а онъ оглядывается долгимъ взглядомъ на усадьбу.

Онъ жалобно закачалъ головой и заерзалъ ногами, ища туфель и глаза его наполнились слезами.

— Все это я проспалъ,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—за это я теперь наказанъ: долженъ сидѣть здѣсь, въ этой дырѣ, а тамъ, далеко отсюда, находится Гесгофъ, и солнце освѣщаетъ его, и всѣ его прекрасныя торфяныя горы покрыты высокой травой, и цвѣты такъ величественно раскачиваются, какъ будто слышатъ тихое, торжественное пѣніе и качаются въ тактъ ему. И каждую ночь я вижу во снѣ, что ищу свою дѣвочку и не могу ее найти, и при этомъ падаю въ воду и просыпаюсь, и потомъ уже не могу больше заснуть. Изъ всего этого ты можешь судить, Фите, каково мнѣ: я не могу больше спать. Старуха, что живетъ рядомъ со мной, говоритъ, что это тоска по родинѣ и это правда: у меня ужасная тоска по родинѣ! Вы знаете мою спальню въ Гесгофѣ, дѣти! Если когда-нибудь я снова буду мирно жить въ Гесгофѣ, я прежде всего прикажу оштукатурить свою комнату: знаете!.. Старуха охотно помогаетъ мнѣ, она дала мнѣ изъ «Нѣмецкой аптеки» меркуріала и фосфору; она говоритъ, что это хорошее средство противъ тоски по родинѣ. Но тутъ дѣло не въ одной тоскѣ, тутъ примѣшивается также и дурная совѣсть. А она говоритъ, что противъ нея ничего нѣтъ въ «Нѣмецкой аптекѣ». Я все это проспалъ, и поэтому мнѣ приходится теперь сидѣть здѣсь со своимъ горемъ и цѣлый день бѣгать по гавани и искать по улицамъ, а ночью я мечусь по болоту, какъ угорѣлый.

Такъ жаловался Тиссъ Тиссенъ, и его высохшее лицо стало еще длиннѣе, а его маленькіе, искрящіеся дѣтскіе глаза молили о помощи, и его кожаныя туфли ерзали взадъ и впередъ, а когда онѣ выходили изъ-подъ его власти, онъ приподымался изъ кресла и снова доставалъ ихъ и поочередно глядѣлъ на всѣхъ своихъ слушателей.

Фите Крей перегнулся черезъ столъ, и смотрѣлъ на говорившаго. Уютность, которую такъ часто испытывалъ въ Гесгофѣ бѣдный, измученный мальчишка-щеточникъ, охватила его и теперь.

Лисбета печальными, серьезными глазами глядѣла на Тисса Тиссена и по временамъ бросала быстрый взглядъ на Іёрна Уля; но тотъ сидѣлъ молча, уставившись глазами въ столъ, утративъ даръ слова, вслѣдствіе только что перенесенной болѣзни и новой заботы. Онъ еще ни разу не взглянулъ на дѣвушку, которую, еще будучи ребенкомъ, чтилъ и юношей такъ любилъ и которая теперь, сіяя молодостью и свѣжестью, сидѣла напротивъ него. Теперь не время было думать о любви.

— По утрамъ, я отправляюсь въ

путь часовъ въ восемь,—продолжалъ Тиссъ Тиссенъ,—а послѣ обѣда я опять пускаюсь все по тѣмъ улицамъ, гдѣ живетъ мелкій народъ, и вдоль гавани. И пять разъ, — сказалъ онъ, и голосъ его походилъ на голосъ ребенка, который собирается заплакать,—при мнѣ изъ воды вытаскивали дѣвушекъ. Мнѣ кажется, если она будетъ въ бѣдѣ, она тоже это сдѣлаетъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Фите Крей и при этомъ еще разъ выказалъ себя знатокомъ человѣческаго сердца,—она этого не сдѣлаетъ. Никто такъ не дорожитъ жизнью, какъ она. Вы ее не знаете...

— Искалъ ты фамилію Гейнзенъ въ адресной книгѣ? Ходилъ ты въ полицію?

— Ничего не нашелъ, —сказалъ онъ.— Плохо то, что иногда, когда я нахожусь въ поискахъ за ней, я вдругъ что-нибудь увижу, что меня поразитъ; тогда я начинаю мечтать и останавливаюсь и забываю все; напримѣръ: что думаетъ кучеръ у конки, и сколько можетъ быть дѣтей у кондуктора, и гдѣ спитъ ночью вонъ тотъ большой догъ, и кому онъ принадлежитъ, и какова была изъ себя старая газетчица, когда она была молода и весела. А когда попадаю въ гавань,— о томъ, что бы такое могло быть въ тюкахъ и мѣшкахъ и каковы люди въ той странѣ, откуда идутъ всѣ эти вещи. А кукольный театръ здѣсь въ Длинномъ ряду! Не правда ли, Лисбета? Это лучшее, что есть во всемъ Гамбургѣ.

— Развѣ у тебя совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ?

— Какъ же—смущенно сказалъ старикъ,—у нихъ здѣсь что-то въ родѣ клуба.

— Что?

— Да, видишь ли: здѣсь, налѣво, внизу, подъ землей живетъ одинъ сапожникъ; онъ изъ Геста близъ Мельдорфа. А тамъ наверху, тамъ... видишь, Фите? Тамъ подъ телеграфными проволоками живетъ нѣкій Штракельмейеръ, знаешь, изъ венторфскихъ Штракельмейеровъ. Ты знаешь эту семью, Фите: ты еще разъ у нихъ собаку купилъ и мнѣ ее перепродалъ. Толку отъ нея не было никакого: комнатной ее нельзя было назвать—она была неопрятна... У него есть жена и взрослыя дѣти, но я думаю, его жена нехорошо съ нимъ обращается, а онъ такой маленькій, незначительный человѣчекъ. Онъ и радъ, когда ему удается уйти отъ своихъ телеграфныхъ проволокъ.

— Ну, и они приходятъ всѣ къ тебѣ, сюда?

— Да, видишь ли, Фите: у нихъ у всѣхъ здѣсь что-то въ родѣ клуба. Клубъ здѣсь почти то-же самое, что у насъ праздничный вечеръ. Ну, мы и сидимъ себѣ здѣсь вмѣстѣ и разсказываемъ что-нибудь.

— Всегда здѣсь, у тебя?

— Да, всегда у меня. Въ томъ-то и дѣло: у нихъ у обоихъ тоска по родинѣ. Фите! Фите! у сколькихъ вообще людей здѣсь тоска по родинѣ, ты и представить себѣ не можешь! Черезъ два человѣка — третій тоскуетъ по родинѣ и не только тѣ, что родились на вольномъ воздухѣ, нѣтъ, даже и дѣти ихъ. Только третье поколѣніе понимаетъ, что это умно и выгодно жить другъ противъ друга въ узкихъ улицахъ... Ну вотъ, и оба эти бѣдняги приходятъ ко мнѣ: дѣло въ томъ, что я топлю печку торфомъ, Фите, торфомъ изъ болота: мнѣ приноситъ его мѣшками Эггертъ Виттъ.

Видишь ли, этотъ мѣшокъ—краеугольный камень нашего клуба. Ты не повѣришь, Іёрнъ, какъ хорошо мнѣ съ ними обоими. Ты видѣла Лисбета: когда Штракельмейеръ немного пріотворитъ печную дверку, оттуда выходитъ дымъ отъ торфа. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы немного подышать торфомъ. Ты вѣдь знаешь, Фите, старую соломенную крышу между Брикельномъ и Квикборномъ, тамъ, гдѣ дорога сворачиваетъ къ Гросенраде: онъ, вѣдь, оттуда! Тамъ у его отца есть маленькое ржаное поле и участокъ торфянаго болота, чтобы было на чемъ хлѣбъ печь. Трубы въ этомъ домѣ нѣтъ; дымъ выходитъ черезъ сѣни. Въ этомъ дыму онъ и выросъ. Онъ отъ этого совсѣмъ коричневый и морщинистый сталъ, но держится еще бодро. Когда онъ входитъ, онъ сейчасъ же задираетъ носъ и устраивается по домашнему, ты вѣдь знаешь, Лисбета!

— Такъ!—сказалъ Фите Крэй.—А теперь намъ пора уходить. Ты опять совсѣмъ осовѣешь, Іёрнъ. Не безпокойся, Тисъ! Я знаю городъ и знаю одного толстаго, добродушнаго содержателя трактира, на Королевской улицѣ; онъ намъ дастъ пріютъ. Вы, вѣдь, немножко пройдете съ нами?

И они всѣ четверо пошли вдоль Длиннаго ряда, по направленію къ Королевской улицѣ. Наступилъ вечеръ; только что прошелъ настоящій ливень, да и теперь еще шелъ мелкій дождь. Желтые и бѣлесоватые огни кидали пятна яркаго свѣта на темную улицу, на идущихъ людей и на мокрые блестящіе камни мостовой. Тисъ повернулъ голову и остановился, потомъ пустился бѣгомъ въ догонку, такъ что сапоги его, подбитые желѣзными гвоздями, застучали о мостовую.

— И вотъ въ такую-то погоду,— сказалъ онъ,—она, можетъ быть, находится въ пути! Самая подходящая погода для тѣхъ кого мучитъ стыдъ, кто плохо одѣтъ, кому грустно на душѣ...

И, смущенно улыбаясь, онъ взглянулъ на нихъ.

— Мнѣ бы хотѣлось немного походить здѣсь взадъ и впередъ!—сказалъ онъ.

— Ты совсѣмъ смокнешь! Возь и зонтикъ!—сказала Лисбета.

— Нѣтъ, нѣтъ, я скоро обсохну... Вы оба должны придти ко мнѣ завтра еще разъ! Смотрите же, доведите Лисбету до дому.

Они обѣщали ему сдѣлать это, и онъ ушелъ. Они стояли и смотрѣли ему въ слѣдъ. На спинѣ его блестѣла вода. Твердыя голенища его сапогъ обрисовывались подъ его панталонами, образуя на нихъ складку. Онъ трусилъ мелкой рысцой. Какая-то парочка остановилась и поглядѣла вслѣдъ маленькому бѣгущему человѣку.

— О, Тисъ, Тисъ! — сказалъ Фите Крэй.—А мы то въ дѣтствѣ дѣлали изъ него шута! Мы, дѣти, не видѣли всего того, что было въ тебѣ! Грустный сегодня день для насъ, уроженцевъ Венторфа! Пойдемъ, Лисбета.

Всѣ трое молча пошли впередъ. Черезъ минуту Фите Крэй сказалъ:

— Я войду въ этотъ трактиръ и подожду, пока ты возвратишься. Ты доведешь Зуйку до дому; это ужъ твое дѣло; вѣдь, вы всегда были дружны.

Тогда Іёрнъ пошелъ рядомъ съ Лисбетой и проводилъ ее до дома ея тетки. Они мало говорили между собой. Онъ сталъ разспрашивать ее, какъ ей живется; и она разсказала, что тетка добра къ ней и ласкова. Правда, жизнь ея нѣсколько однообразна, и одинока, въ будущемъ ничто ей не улыбается; но нѣтъ въ ней и ничего особенно тяжелаго. Все это она проговорила нѣсколько сдержанно, робко, какъ она и всегда говорила. Потомъ она спросила его, очень-ли опасно онъ былъ боленъ и хорошій-ли былъ за нимъ уходъ. Онъ отвѣчалъ ей короткими, скупыми словами. О годахъ юности они не обмолвились ни единымъ словомъ. Когда онъ почтительно подалъ ей руку, она стала нѣсколько довѣрчивѣе, долго не выпускала его руки и сказала:

— Лѣтомъ я буду въ Венторфѣ, тогда я къ тебѣ зайду.

Но такъ какъ онъ оставался попрежнему молчаливъ и разсѣянъ, она быстро выпустила его руку и исчезла въ дверяхъ, которыя безшумно затворились за ней.

Онъ нашелъ Фите Крэя въ трактирѣ.

— О!—сказалъ Фите. — Я думалъ, что вы не такъ-то скоро разстанетесь. Впрочемъ, это твое дѣло!.. А теперь я вотъ что тебѣ скажу: я не хочу больше видѣться ни съ Тисомъ Тиссеномъ, ни съ Лисбетой Юнкеръ, не хочу ѣхать въ Венторфъ, и завтра же отправлюсь назадъ.

— Что?—сказалъ Іёрнъ Уль.—Ты хочешь опять уѣхать, даже не повидавъ своихъ родителей?

— Мои родители—сказалъ онъ — и безъ того ужъ не мало мнѣ стоили. Нечего дѣлать такое глупое лицо, Іёрнъ, я сейчасъ разскажу тебѣ. Когда я прошлымъ лѣтомъ, передъ самымъ началомъ войны, пріѣхалъ въ Венторфъ, чтобы получить мое маленькое наслѣдство, то первымъ-на-перво узналъ, что тетка-то совсѣмъ и не думала умирать.

Какой-то шутникъ написалъ моему старику письмо, что она померла и что онъ долженъ пріѣхать. Ну, тутъ Ясперъ Крэй натянулъ свой лучшій черный сюртукъ и отправился въ городъ. И на радостяхъ, что старуха, наконецъ, померла, накупилъ онъ пять-шесть вѣнковъ на гробъ, съ длинными лентами и трогательными надписями, пошелъ съ ними въ трактиръ, хватилъ лишняго и такъ, со всѣми своими вѣнками, и отправился къ теткѣ. А та сидитъ у окна. Ну, остальное ты самъ себѣ можешь представить... Такимъ образомъ, Ясперъ Крэй со своими вѣнками возвратился домой. Мать плачетъ, Ясперъ Крэй свиститъ. Свиститъ и принимается развѣшивать всѣ эти шесть вѣнковъ по всей комнатѣ, по стѣнамъ: ты, вѣдь, знаешь, Іёрнъ, всѣ мы, Крэи, любимъ пестроту и красоту. Вышло все это очень красиво. Длинныя, бѣлыя ленты свѣшивались до самыхъ стульевъ, такъ что надписи кидались въ глаза: «Отъ глазъ далеко, сердцу вѣчно близко». «Люби, какъ любить ты можешь»; «До свиданія» и т. д. Сижу, это, я такъ вотъ по серединѣ комнаты, Іёрнъ, мать разсказываетъ мнѣ всю эту плачевную исторію, а я думаю: «такъ вотъ зачѣмъ ты покинулъ и жену, и ферму! вотъ зачѣмъ проѣхалъ тысячу миль! чтобы сидѣть здѣсь на своемъ стулѣ и читать всѣ эти надписи».—Вѣдь какую нибудь выгоду, да долженъ же я имѣть отъ всего этого, Іёрнъ. А въ это самое время вдругъ приходитъ старшина изъ Маріендонна: «Война съ Франціей! Ты во-время возвратился, Фите Крэй! ты долженъ тоже отправляться!»... Тутъ написалъ я Тринѣ Кюль: «Такъ и такъ, молъ, надѣюсь, что благополучно возвращусь; а когда возвращусь, цѣлый мѣсяцъ буду носить тебя на рукахъ по всему дому...» Я думалъ, что буду въ отсутствіи три мѣсяца, Іёрнъ, а вмѣсто того, вотъ уже скоро годъ, что я уѣхалъ отъ нея и не имѣю о ней извѣстій. Не удивительно, что я безпокоюсь за нее, хотя я и оставилъ ее на попеченіи вѣрнаго друга. Въ Венторфъ мнѣ не зачѣмъ ѣхать. А теперь вотъ еще что, Іёрнъ Уль! Если тебѣ ужъ слишкомъ туго придется у себя въ усадьбѣ, не давай нуждѣ закрѣпощать тебя здѣсь, а вырвись отсюда и пріѣзжай ко мнѣ.

Но Іёрнъ Уль опустилъ на столъ крѣпко сжатый кулакъ и сказалъ:

— Я съ двѣнадцатилѣтняго возраста заботился объ усадьбѣ и работалъ на нее: я хочу попытаться, не удастся-ли мнѣ вырвать ее изъ ихъ рукъ.

* * *

На другое утро Фите Крэй уѣхалъ въ Америку, а Іёрнъ Уль въ Венторфъ. Когда поѣздъ, увозившій Іёрна, отошелъ отъ станціи, Тисъ-Тиссенъ снова отправился на поиски.

Впродолженіи восьми лѣтъ искалъ онъ ее такимъ образомъ, а въ это время за Гесгофомъ присматривалъ Петръ Зумъ, сынъ Ганса.

Часто измученный жгучей тоской по родинѣ, онъ ѣхалъ или шелъ домой, въ Гесгофъ, останавливался у каждаго угла своего двора, вдыхалъ родной воздухъ, бродилъ по лѣсу, по болоту и отправлялся къ Іёрну Улю въ Венторфъ, многое приводилъ тамъ въ порядокъ и, вообще, устраивался, какъ будто собирался остаться, а на самомъ дѣлѣ оставался всего мѣсяцъ, много два. Тогда его охватывало безпокойство, онъ начиналъ страдать безсонницей, снова, съ тою же жгучей болью разставался съ родиной, отправлялся въ городъ, и, по прежнему мучась тоской по родинѣ, поселялся въ той же маленькой комнаткѣ съ желѣзной плитой, попрежнему топилъ ее торфомъ, и попрежнему у него устраивался клубъ, и попрежнему онъ бродилъ по безконечнымъ улицамъ.

Тѣ, кто жилъ тогда по улицѣ, что ведетъ черезъ Ицегое и Эльмсгорнъ въ Гамбургъ, должны помнить его, такъ какъ онъ по большей части ходилъ пѣшкомъ по этой длинной улицѣ, воображая, что въ одинъ прекрасный день можетъ встрѣтиться съ Эльсбе; тогда онъ сейчасъ же вмѣстѣ съ ней возвратится въ свой возлюбленный Гесгофъ. Также и тѣ, кому приходилось ходить по близости отъ церкви св. Павла и гавани, должны помнить маленькаго человѣка съ его крошечнымъ испитымъ лицомъ и дѣтскими вопрошающими гла-

*

зами, который такъ часто ходилъ по этимъ улицамъ въ короткомъ, толстомъ, темносѣромъ сюртукѣ, слишкомъ узкихъ и короткихъ панталонахъ и грубыхъ жесткихъ сапогахъ, твердыя голенища которыхъ обрисовывались подъ панталонами. Онъ ходилъ мелкой шмыгающей трусцой, какъ люди, которые много ходятъ по ровнымъ дорогамъ. Но ясно было, что шелъ онъ не безцѣльно, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди съ подобной походкой; быстрые взгляды его, словно пробираясь между идущими людьми, искали чего-то, а по временамъ онъ вдругъ отступалъ къ ближайшей стѣнѣ и довольно долго стоялъ на мѣстѣ, наблюдая своими умными, ласковыми и немного мечтательными глазами за тѣмъ, что поразило его въ уличной сутолокѣ.

Глава шестнадцатая.

Не разъ приходилось возвращаться къ себѣ на родину уроженцамъ этой страны, и возвращались они при различныхъ условіяхъ: иногда въ качествѣ побѣдителей, иногда въ качествѣ побѣжденныхъ. Шлезвигъ-Голштинія съ самыхъ отдаленныхъ временъ была колыбелью народовъ и не одинъ владѣтельный князь могъ назвать ее своей родиной.

Во времена сѣдой старины, когда страна стала тѣсна растущему племени, они снарядили свои пузатыя лодки съ длинными ясеневыми веслами и широкими сѣрыми парусами и отправились по морю въ Британію. Нѣкоторыя изъ лодокъ возвратились назадъ, но лишь съ немногими людьми. Эти люди ходили отъ одного двора къ другому, украсивъ свои длинные волосы пестрыми шерстяными лентами, и передавали поклоны тѣхъ, кто остался за моремъ. Страна эта, говорили они, была чудесная; широкія долины съ прекрасными пастбищами, глубокія озера съ хорошей рыбой, а народъ, что живетъ въ ней,—побѣжденъ ими, и они посланы затѣмъ, чтобы сказать: пусть пріѣдетъ Мехтильда съ свѣтлосѣрыми глазами, и рыжая Траута, и маленькая Эмма, и другія дѣвушки, чтобы стать тамъ, за моремъ, въ чужой странѣ, хозяйками большихъ дворовъ и управлять многочисленными и ловкими работниками. И, выйдя изъ воротъ посолъ, въ знакъ ликованія, бросалъ копье свое въ ближайшую липу.

При различныхъ условіяхъ возвращались къ себѣ на родину уроженцы этой страны. Это было пятьсотъ лѣтъ спустя: они отправились на востокъ, преслѣдуя вендовъ, которые сдѣлали нападеніе на ихъ страну. Но между Неймюнстеромъ и Эйтиномъ, въ ту минуту, когда они собирались обогнуть лѣсъ, лѣсъ этотъ вдругъ ожилъ.

Проворные венды мелькали тамъ и сямъ, такъ что у нихъ запестрило въ глазахъ, а проворныя стрѣлы вонзались въ сердце многимъ изъ воиновъ.

И они возвратились къ своимъ очагамъ съ печальными лицами и повѣсивъ головы.

Минуло еще пятьсотъ лѣтъ: датчанинъ ворвался въ страну; его манили сюда богатства страны да длиннокудрыя крестьянскія дѣвушки. Но народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, зазвонили колокола, запылали маяки на плотинахъ: море, ихъ вѣчный сосѣдъ и постоянный врагъ, теперь, казалось, вступило на три дня въ союзъ съ ними, и они разбили непріятеля на своей же землѣ и передушили его войско и затоптали его въ грязь Марша. И когда Генрихъ Виберсъ возвратился къ себѣ домой, бросилъ онъ къ ногамъ жены своей, сидѣвшей у очага, золотые сосуды, захваченные изъ колесницы короля, и, смѣясь, посадилъ свою сѣрую дворовую собаку на ту самую золотую цѣпь, которую голштинскій герцогъ Адольфъ повѣсилъ на шею рыцарю фонъ-деръ-Вишъ.

При различныхъ условіяхъ возвращались они на родину изъ чужихъ краевъ. Не всегда побѣдителями...

Однажды двадцать пять человѣкъ изъ Геммервурта—это маленькая деревня у устья Эйдера—согласившись между собою, снарядили два корабля, объявили Гамбургу войну и расположились на Эльбѣ. Геммервуртъ объявилъ войну Гамбургу. Ихъ взяли въ плѣнъ и посадили въ башню, туда, гдѣ было всего темнѣе.

Въ концѣ концовъ, тѣхъ изъ нихъ, кто могъ представить, въ видѣ выкупа, тысячу марокъ, отпустили. И всѣ они могли представить эти деньги, кромѣ Мааса Яринга. У него ничего не было. Но никто не захотѣлъ ничего сдѣлать для него, такъ какъ онъ всегда былъ черезчуръ болтливъ и шельмоватъ. Тогда онъ выдалъ своимъ товарищамъ, спасшимся изъ башни, письменное обязательство, въ которомъ онъ клялся именемъ святой Анны изъ Бёсбюттеля, что онъ женится на Тельзѣ Бокль: она была некрасива. Она и дала деньги на его выкупъ. Такимъ образомъ, и онъ спасся изъ башни и возвратился на родину; но побѣдителемъ назвать его нельзя было.

Конца нѣтъ такимъ разсказамъ. Страна эта древняя, и не мало пережито ею.

Іёрнъ Уль тоже не побѣдителемъ возвратился на родину. Онъ и не ожидалъ, чтобы родная деревня его разукрасилась, по случаю его возвращенія, въ зелень, лазурь и золото, какъ это обыкновенно дѣлалось, когда праздновали что-нибудь. Ему показалось совершенно естественнымъ, что погода была мрачная, и длинныя, бѣлыя полосы тумана тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги и расплывались по низинамъ полей.

Несмотря на сумерки, онъ увидѣлъ, что пахали безъ него плохо и что пшеница посѣяна неумѣло. Изгородь у пастбища была сломана и лежала посреди дороги, такъ что колея дѣлала здѣсь изгибъ. Всѣ они были слишкомъ лѣнивы, чтобы откинуть изгородь въ сторону. Онъ отложилъ свой узелъ въ сырую траву, и поставилъ ее на мѣсто.

Выйдя изъ аллеи, онъ увидѣлъ, что изъ высокихъ, не завѣшенныхъ оконъ падала широкая, спокойная полоса свѣта; она освѣщала каменныя плиты передъ дверью и озаряла дверные косяки, на которыхъ блестѣли вырѣзанныя золоченыя буквы: это были имена Улей, которые, одинъ за другимъ были хозяевами этой усадьбы.

Какіе-то молодые люди, разговаривая между собою, вышли изъ дому, посмотрѣть, какая погода.

Іёрнъ пошелъ въ тѣни тополей по тропинкѣ, по которой ходили обыкновенно работники, обошелъ домъ и направился къ двери, ведущей въ ригу. Молодые люди замѣтили приближающуюся фигуру, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Это кто-нибудь къ Витенъ пришелъ!

Послѣ этого Іёрнъ сейчасъ же услыхалъ голосъ своего брата:

— Послушай-ка, братецъ, если бы я не зналъ, что у Іёрна дезинтерія, я бы сказалъ, что это онъ.

Іёрнъ, стараясь, какъ можно меньше, стучать своими сапогами, подошелъ къ двери и удивился, что она стояла отворенной, такъ какъ Витенъ обыкновенно заботилась, чтобы все было въ порядкѣ. Протянувъ руку, чтобы не наткнуться на что-нибудь, онъ медленно пошелъ вдоль сѣней. Одинъ разъ рука его ударилась о дерево: это былъ ящикъ для отрубей. Потомъ подъ ногу ему попалась солома. По мягкому шуршанью онъ понялъ, что это снопы овса. Онъ наклонился и схватилъ колосья, которые и созрѣли и были сжаты за то время, пока онъ былъ во Франціи, и теперь были, приготовлены для молотьбы. И тутъ онъ впервые почувствовалъ себя дома.

Онъ опять удивился, что дверь въ сѣни стояла отворенной и что изъ кухонной двери падалъ въ сѣни колеблющійся свѣтъ огня, какъ будто указывая кому-то дорогу въ кухню. Онъ медленно и нерѣшительно подошелъ, готовый сейчасъ же пойти въ свою комнату, если бы въ кухнѣ оказались чужіе. Но тамъ была только Витенъ. Она сидѣла на стулѣ и вязала, при колеблющемся свѣтѣ огня въ очагѣ, глядя на огонь поверхъ очковъ. Схватившись за очки, она заговорила глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Ну, вотъ ты и пришелъ... мой мальчикъ... Я цѣлый день ждала тебя... Я и кофе поставила... Посмотри... онъ скоро будетъ готовъ.

Она встала и, пытаясь, по обыкновенію всѣхъ здѣшнихъ людей, сдержать свои чувства, потянулась за котелкомъ, который стоялъ надъ огнемъ. Но волненіе и огромная радость, что она видитъ его передъ собой здоровымъ, взяли верхъ. И дрожащая рука ея легла на его плечо.

— Витенъ!—сказалъ онъ.—Моя старая Витенъ!—и онъ застѣнчиво схватилъ ея руку.—Ты такъ рада, что я возвратился? Ты все это время была здорова? И все такая же бодрая и проворная, какъ прежде?

Она только кивала ему головой, потому что не могла говорить отъ подступившихъ къ горлу слезъ. Потомъ она положила свое вязанье на столъ, который стоялъ подъ окномъ, и сказала:

— Отнеси его въ мою комнату, Лена.

И тутъ только онъ увидѣлъ высокую дѣвушку, которая занималась мытьемъ посуды и тоже глядѣла на него. Теперь она вошла въ полосу свѣта; онъ взглянулъ на нее, и она ему понравилась, потому что она была высокая, сильная, и походка у нея была красивая. Къ тому же лицо у нея было свѣжее, бѣлое, румяное и мягкое въ очертаніяхъ, а волосы бѣлокурые и немного волнистые; только возлѣ ушей вились кудряшки, такой величины, что въ нихъ можно было просунуть палецъ. Ему казалось, что онъ никогда еще не видывалъ такой свѣжей и привлекательной дѣвушки. Къ тому же ему понравилось и то, какъ она поклонилась ему, какъ сказала ему «добрый вечеръ» и съ какимъ нескрываемымъ любопытствомъ, ласково и серьезно разсматривала его.

То былъ хорошій признакъ, что первый вопросъ, который онъ сдѣлалъ объ этой дѣвушкѣ, былъ:

— Откуда она у тебя, Витенъ?

— Это Лена Тарнъ,—сказала та.—Она съ ноября старшей работницей у насъ... Ну, а теперь пей. Въ переднихъ комнатахъ опять идетъ попойка. Генрихъ купилъ лошадей и долженъ, разумѣется, въ придачу еще и вино выставить... Она получаетъ двадцать талеровъ; многовато это!

— Она и вправду такая, какою кажется?

— Ну, ты знаешь, Іёрнъ, вѣдь всегда можно въ чемъ-нибудь упрекнуть человѣка... По мнѣ, она слишкомъ много поетъ!

— Поетъ? Она кажется такой спокойной.

— Ты думаешь, что она святая, потому что она кажется такой чистой и серьезной, неправда ли? Далеко не святая, Іёрнъ! Совсѣмъ даже наоборотъ!

— Неужели распутничаетъ?

— Нѣтъ, этого я не могу сказать, Іёрнъ. Она только все поетъ. Кромѣ того, она, кажется, гордячка, и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Терпѣть не могу этого въ дѣвушкахъ...Вотъ, слышишь?

Изъ комнаты доносилось тихое пѣнье.

— Кому же и пѣть, Витенъ, какъ не молодымъ дѣвушкамъ?.. Она помѣщается у тебя въ комнатѣ?

— Да... Она и спитъ тамъ. Она себѣ это выговорила. Она изъ хорошей семьи и ведетъ себя прекрасно. Этого у нея отнять нельзя. Я говорю: она только слишкомъ много поетъ и слишкомъ своевольна. Больше ничего не могу объ ней сказать...

Да пей же, Іёрнъ!

Онъ принялся пить и ѣсть и сказалъ:

— Садись на свое мѣсто, Витенъ, и скажи мнѣ, отчего ты меня ждала?

— Отчего? Неужели ты думаешь, что я всѣмъ существомъ своимъ не чувствовала, что ты уже въ пути? Двери остались бы отворенными всю ночь, и я не отошла бы отъ печи! Можешь быть увѣренъ!

Она развязала его узелъ, принялась разсматривать его бѣлье и удивлялась, что оно въ такомъ хорошемъ состояніи, а онъ разсказывалъ ей, какъ одна добрая женщина подарила ему всякихъ вещей, когда онъ лежалъ въ лазаретѣ.

— И потомъ, Іёрнъ, пора, самая пора была тебѣ возвратиться!

Она вышла въ прачешную, а, возвратившись, принялась мѣшать кочергой въ угляхъ и вдругъ заплакала.

— Вѣдь, не можетъ же мнѣ быть безразлично, каковы порядки въ этомъ домѣ, гдѣ я состарилась и посѣдѣла. Эльсбе погибаетъ. А изъ тебя что выйдетъ? Вы оба для меня все равно, что мои родныя дѣти. Поэтому я должна тебѣ все разсказать: твой отецъ каждый день послѣ обѣда ѣздитъ въ городъ, а потомъ отправляется въ здѣшній трак-

тиръ Торкеля, а ты знаешь, вѣдь, у него мерзкая жена, и двѣ испорченныя дочери. А братья твои стали ужъ не только пьяницами да бабниками: теперь многіе грозятъ имъ, требуя, чтобы они заплатили деньги, которыя они забрали. Я, Іёрнъ, до сѣдыхъ волосъ прожила честно.

И тутъ весь ужасъ ихъ положенія всталъ передъ его глазами. Онъ подошелъ къ окну, и она тоже подошла, все еще въ слезахъ, и стала глядѣть въ окно. На дворѣ свѣтили звѣзды и луна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, облака покрывали небо, а на землѣ лежалъ туманъ. И Виттенъ стала разсказывать, что это она не позволила увезти плугъ, который лежитъ вонъ тамъ при въѣздѣ, освѣщенный луной.

— Работникъ напился и не захотѣлъ мокнуть на дождѣ. И если отецъ твой возвратится сегодня ночью, лошади могутъ испугаться.

— Лошади привычны къ ночнымъ, поѣздкамъ, сказалъ онъ.—Пойдемъ, пора спать.

— А ты не пойдешь поздороваться съ братьями?

— Нѣтъ... имъ мое возвращеніе совсѣмъ некстати. Пойдемъ спать. А дѣвушка уже легла? Позаботься, чтобы она не попала въ руки этимъ негодяямъ. Эльсбе погибла; довольно съ насъ и этого.

Они тихо разошлись, не попрощавшись, потому что не успѣли они кончить разговоръ, какъ оба погрузились въ тяжелыя размышленія. Онъ легъ, не раздѣваясь, чтобы по старой привычкѣ распречь лошадей, когда возвратится отецъ. Но охваченный какимъ-то безпокойствомъ, онъ снова всталъ, подошелъ къ окну и сталъ вглядываться въ темноту. Въ то же время встала и Витенъ и, наклонившись, тоже стала вглядываться туда, гдѣ лежалъ и блестѣлъ плугъ; она тяжело дышала и дрожала, словно отъ страха. Потомъ оба они снова пошли спать. Но едва они легли, души ихъ невольно погрузились въ глубокій мракъ, все больше разроставшійся, и они были безсильны вырваться изъ него. И въ то время, какъ они, задыхаясь, боролись съ этимъ мракомъ, въ то время, какъ и молодая дѣвушка металась и говорила во снѣ, въ темной конюшнѣ поднялся шумъ, что-то ползало, что-то тяжело тащилось по полу въ сѣняхъ, что-то захлебывалось; и большія двери парадныхъ комнатъ распахнулись. Но они все-таки не въ силахъ были вырваться изъ объятій сна; большія, черныя руки удерживали ихъ на бездонной глубинѣ.

Утромъ, около шести часовъ, когда еще было темно, въ кухню вошелъ Ясперъ Крэй. Онъ немного смутился, увидѣвъ Іерна Уля, стоявшаго рядомъ съ Витенъ у печи, но тотчасъ же спохватился и совершенно спокойно сказалъ, какъ будто рѣчь шла объ упавшей лошади:

— Поди-ка сюда, Іёрнъ. Хозяинъ тутъ на плугъ опрокинулся. Я думаю, у него здѣсь не совсѣмъ ладно!—и онъ показалъ на лобъ.

Витенъ громко вскрикнула и закрыла лицо руками:

— Плугъ!—застонала она.—Я такъ и знала! Но я не могла и пальцемъ пошевелить.

Іёрнъ Уль выскочилъ и подбѣжалъ къ отцу. Совершенно смокшій и грязный, лежалъ онъ въ лужѣ среди мокрой травы; рѣдкіе волосы его были въ крови. Онъ бормоталъ что-то несуразное, говорилъ, что хочетъ остаться здѣсь, въ постели,—они пусть идутъ пахать, а онъ не можетъ. И онъ говорилъ, что попалъ подъ плугъ во время паханья. Лошади протащили опрокинутую и сломанную повозку дальше и стояли передъ гумномъ.

Они внесли Клауса Уля въ домъ и положили на кровать. Позвали доктора, который объявилъ, что сотрясенье при паденіи и сильный испугъ вызвали уже давно подготовлявшійся ударъ. Долго прожить онъ не могъ; быть можетъ ему станетъ немного легче; но ходить больной едва ли уже будетъ въ состояніи; и сознаніе тоже вѣроятно не вернется къ нему.

* * *

На третій день пришелъ на дворъ маленькій Вейскопфъ. Онъ подошелъ къ

Іёрну, который со спокойнымъ лицомъ кормилъ лошадей, и сказалъ:

— Я слышалъ о несчастьи съ твоимъ отцомъ, и у меня къ тебѣ дѣло. Если ты ничего не имѣешь противъ, пойдемъ къ твоимъ братьямъ, въ ту комнату, въ которой ты жилъ, когда былъ еще мальчишкой.

— Я и теперь тамъ живу,—сказалъ Іёрнъ.

— Такъ!—сказалъ старикъ, и внимательно посмотрѣлъ на него.—Это на тебя похоже. Мнѣ очень жалко, что сестра твоя Эльсбе, которая была тогда такъ любезна ко мнѣ, несчастна въ замужествѣ, какъ я слышалъ.

Іёрнъ ничего на это не отвѣтилъ, провелъ старика въ комнату и вышелъ, чтобы кликнуть братьевъ. Они пришли неохотно, съ презрительнымъ выраженіемъ на красивыхъ лицахъ. Гейнрихъ, который на пути во Францію, напился на вокзалѣ въ Дюссельдорфѣ и, садясь вмѣстѣ съ товарищами въ вагонъ, упалъ и сломалъ себѣ ногу, не пошелъ въ походъ по своей собственной винѣ, но такъ какъ онъ по природѣ былъ хвастунъ, даже больше, чѣмъ его отецъ, а разума отцовскаго у него не хватало, то онъ уже ради одного хвастовства охотно принялъ бы участіе въ походѣ. Онъ не могъ вынести мысли, что теперь ему нечѣмъ важничать. Онъ былъ бы, разумѣется, въ числѣ тѣхъ участниковъ похода, которые въ первые годы послѣ войны говорили, съ гордостью покручивая сначала лѣвый усъ: «Въ семидесятомъ», потомъ—правый: «Семьдесятъ первомъ», и, съ горделивой усмѣшкой принимаясь крутить оба уса сразу, громко восклицали: «Былъ въ походѣ!» И то обстоятельство, что теперь онъ не могъ этого дѣлать, лишало его грубую натуру послѣдней выдержки. А хвастать надо было непремѣнно. Теперь въ особенности. Нужно было перехвастнуть другихъ. И поэтому онъ хвасталъ распутной жизнью и бранными словами.

— Слушайте внимательно!—сказалъ старикъ.—Я посланъ отъ сберегательной кассы и въ то же время пришелъ къ вамъ и отъ собственнаго имени. У насъ обоихъ, у сберегательной кассы и у меня, была двѣнадцать лѣтъ тому назадъ свободна большая сумма денегъ, и мы отдали ее въ ссуду частнымъ образомъ. Вашъ отецъ взялъ эту ссуду подъ первую и единственную закладную своей усадьбы, которая могла нести этотъ долгъ, хотя и съ извѣстнымъ трудомъ. Мы удивились, что онъ такъ обременялъ свою усадьбу долгами. Но онъ сказалъ, что хочетъ употребить эту ссуду на дѣло, и мы повѣрили ему, потому что тогда онъ еще считался человѣкомъ умнымъ, ловкимъ и состоятельнымъ, несмотря на то, что велъ очень расточительную жизнь. Но потомъ, когда мы замѣтили, что онъ идетъ подъ гору, а взрослые сыновья его стали помогать ему растрачивать имущество, тогда мы стали за нимъ наблюдать, и два года тому назадъ предупреждали его, а, когда наконецъ, наступила опасность, что усадьба совсѣмъ обезцѣнится, мы отказались отсрочить уплату. Три дня тому назадъ онъ получилъ наше письмо. Въ тотъ же вечеръ съ нимъ случилось несчастье и, говорятъ, онъ такъ плохъ, что если даже и проживетъ еще довольно долго, то разумъ свой потерялъ почти навѣрняка.

— Такъ!—сказалъ Гейнрихъ.—Такъ вотъ какъ обстоитъ дѣло! Такъ, такъ!—онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и глаза его приняли злое выраженіе.

— Да, вотъ какія дѣла,—сказалъ старикъ и покачалъ головой.—А теперь вы можете выбирать одно изъ двухъ: или мы объявимъ продажу вашей усадьбы съ публичнаго торга, тогда можно сказать навѣрняка, что вы, всѣ трое, должны будете пойти по міру, безъ единаго пфенига въ карманѣ; или же мы передадимъ усадьбу тебѣ, Іёрнъ, за общую сумму долга и посмотримъ, какъ ты станешь хозяйничать. О мелкихъ долгахъ, которые тоже, можетъ быть, существуютъ, тебѣ также придется заботиться. А вамъ обоимъ мы предлагаемъ по 2.000 марокъ каждому, съ тѣмъ чтобы вы считали себя удовлетворенными и покинули усадьбу. Вотъ въ чемъ состоитъ наше предложеніе.

Іёрнъ сидѣлъ и пристально смотрѣлъ на ларь, и былъ счастливъ:

«Мнѣ домъ! Я хозяинъ!» И ему стыдно было передъ своими братьями.

Гейнрихъ кивнулъ Гансу, и оба отправились въ комнату отца. Витенъ Пеннъ, которая сидѣла у его постели, вышла.

Обыкновенно они приходили къ нему только за тѣмъ, чтобы онъ далъ имъ денегъ. Теперь они пришли съ другими цѣлями. Но онъ былъ погруженъ въ глубокой сонъ и ничего не слышалъ.

Тогда Гейнрихъ сталъ утверждать, что Вейскопфъ лжетъ: дѣла совсѣмъ не такъ плохи, и надо быть осторожнымъ. Но, обсуждая свое положеніе, они скоро убѣдились, что не сомнѣваются въ правильности доклада и замолчали. И они стали упрекать другъ друга.

— Ты проигралъ за эту зиму шесть тысячъ марокъ!

А другой.

— А ты потерялъ около двухъ тысячъ на своей глупой торговлѣ лошадьми!

Они смотрѣли другъ на друга и были близки къ тому, чтобы подраться.

Но тутъ они вспомнили о будущемъ и утихли. Они стояли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ человѣкъ, говорившій: пахать я не умѣю, а просить милостыню стыжусь. И ихъ охватилъ ужасъ, какой охватываетъ человѣка, которому снится что у него отняли обѣ руки, и онъ долженъ будетъ пробиваться въ жизни безъ рукъ. Гейнрихъ обернулся къ постели и закричалъ, сжимая кулаки, то самое, что пять лѣтъ назадъ кричалъ старшій братъ:

— Чему ты научилъ насъ? Придется тебѣ каяться! Слышишь! Ты за это поплатишься, клянусь тебѣ!

Въ эту минуту онъ твердо вѣрилъ въ загробную жизнь, потому что онъ хотѣлъ, чтобы отецъ его на страшномъ судѣ держалъ отвѣтъ за свои дѣла. Гансъ стоялъ, ничего не говоря, и смотрѣлъ въ лицо отца, которое дергалось и корчилось.

Гейнрихъ раскидалъ отцовское платье, стараясь найти ключъ, и найдя его, открылъ коричневый, полированый, тяжелый дубовый шкафъ и принялся искать денегъ въ знакомомъ ящикѣ. Но тамъ ничего не было, кромѣ бумагъ и золотой шейной цѣпочки хорошей старинной работы, къ которой была привѣшана печатка и обручальное кольцо. Онъ развернулъ бумагу и увидѣлъ на ней краткій рядъ цифръ—счетъ долговъ. Подъ крупной суммой ссуды стояли еще цифры—это были долги по векселямъ, равнявшіеся десяти тысячамъ марокъ. Подъ всѣмъ этимъ отецъ акуратно и опрятно, какъ человѣкъ, упражняющійся въ чистописаніи, подписалъ: «Мнѣ нечѣмъ больше дышать».

— Ну,—сказалъ Гейнрихъ. — Вотъ каковы дѣла. Тутъ все ясно написано, чернымъ по бѣлому. Ну, значитъ, и Іёрнъ не долго останется въ усадьбѣ. Его будутъ дергать и теребить, чтобы онъ платилъ по векселямъ, и тогда они прогонятъ его со двора. Ничего не подѣлаешь, Гансъ, намъ приходится уходить. Здѣсь нечего больше взять: во всей усадьбѣ намъ больше не принадлежитъ ни единой гнилой доски.

Онъ взялъ себѣ цѣпочку, сорвалъ печать и кольцо и передалъ ихъ брату.

Впослѣдствіе Генрихъ продалъ цѣпочку во время карточной игры; а Гансъ и посейчасъ хранитъ доставшіяся ему бездѣлушки, какъ память о матери, и носитъ ихъ на часовой цѣпочкѣ. Онъ неразстался съ ними даже и тогда, когда пришлось продать часы, чтобы до сыта поѣсть самому и накормить своихъ дѣтей.

Они оглянулись еще разъ и вышли. По среднимъ сѣнямъ взадъ и впередъ ходилъ Вейскопфъ и увидѣвъ, ихъ, сказалъ.

— Ничего не нашли? Согласны получить двѣ тысячи?

— Можно получить ихъ сегодня же?

— Сегодня послѣ обѣда въ четыре часа можно видѣть нашего представителя на фермѣ. Онъ пойдетъ съ вами къ нотаріусу.

Тогда они вышли, сложили праздничную одежду въ свои солдатскіе чемоданы и приказали запрягать. Ясперъ Крэй долженъ былъ отвезти ихъ. Іёрнъ пошелъ за нимъ въ конюшню.

— Упряжка моя!—сказалъ онъ надменно и сурово.—Ты отвѣчаешь мнѣ за то, чтобы сегодня же вечеромъ все было здѣсь дома.

На улицѣ, уже стоя около повозки, братья въ послѣдній разъ смотрѣли на бывшее большое имѣніе и на широкія поля, простиравшіяся къ западу отъ Рингельсгёрна,—лучшую часть усадьбы; они были молчаливы и сосредоточенны. Гейнрихъ былъ блѣденъ и скрежеталъ зубами. Гансъ обратился къ младшему брату:

— Главная вина лежитъ на отцѣ, но и мы не дѣлали того, что должны были дѣлать. Это правильно, чтобы ты сталъ здѣсь хозяиномъ. Постарайся, чтобы усадьба не попала въ чужія руки.

Онъ отвернулся и влѣзъ на повозку.

Повозка тронулась, и они больше не оглядывались.

Отойдя отъ повозки, Іёрнъ долго еще смотрѣлъ ей въ слѣдъ, потомъ, погруженный въ тяжелыя думы, медленно обернулся къ двери: рядомъ съ Вейскопфомъ стояла маленькая, худенькая фигурка Тиса Тиссена.

— Іёрнь, Іёрнъ! — сказалъ онъ. — Этотъ старикъ, котораго я знаю вотъ ужъ тридцать лѣтъ, выписалъ меня сюда изъ Гамбурга чтобы я помогъ тебѣ разобраться во всей этой путаницѣ. Іёрнъ, мой мальчикъ, я всегда говорилъ это: что намъ за дѣло до прошлаго? Пусть мертвые мирно спятъ въ своихъ могилахъ! Что намъ за дѣло до Вульфа Изебрандта и Наполеона? Да, даже о своей сестрѣ я говорю: миръ праху твоему! И конецъ. Но то, что передъ нами, Іёрнъ, на это мы должны смотрѣть во всѣ глаза объ этомъ мы должны заботиться! Взгляни, Іёрнъ, твоя будущность лежитъ у твоихъ ногъ... Я только что былъ у твоего отца, и Витенъ все разсказала мнѣ. Пойдемъ! Смутьяны уѣхали; въ домѣ царитъ благоразуміе. Пойдемъ, выпьемъ чашку кофе у тебя въ комнатѣ. Мнѣ надо передать тебѣ поклоны отъ Лисбеты, и не одинъ, а по меньшей мѣрѣ, тысячу!

Глава семнадцатая.

Когда какое-нибудь крупное событіе, подобно мрачному исполину, захватываетъ людей, души тѣхъ, кого оно коснулось, содрагаются отъ ужаса, и ужасъ этотъ длится соотвѣтственно величинѣ и неожиданности вызвавшаго его событія. Въ подобномъ состояніи характеръ человѣка дѣлается открытѣе; онъ становится общительнѣе, внимательнѣе прислушивается къ окружающему. Такіе люди напоминаютъ глубоко вспаханное поле, съ котораго поднимается сильный запахъ сырой земли.

Они сидѣли въ комнатѣ. Пестрыя чашки съ золотыми ободками стояли на ларѣ. Оба старика закурили свои короткія трубки и съ высоты своего долголѣтняго опыта и своего упроченнаго благосостоянія утѣшали удрученнаго юношу.

— Мы хотимъ твоего счастья,—говорилъ Вейскопфъ ласково,—и хотимъ получить свои деньги.

— Въ особенности деньги!—сказалъ Тисъ.

— Теперь, продолжалъ старикъ,— долгу на усадьбѣ больше, чѣмъ она сама стоитъ, потому что есть еще нѣсколько векселей, а инвентарь не изъ лучшихъ. Мы потеряли бы деньги, если бы довели усадьбу до продажи съ публичнаго торга, поэтому мы и оставляемъ ее тебѣ.

— Ты долженъ будешь зарабатывать для нихъ деньги, Іёрнъ, — сказалъ Тисъ.

— Да, непремѣнно. А для себя очищать усадьбу отъ долговъ. Вѣдь теперь цѣны нѣсколько повысятся, это всегда бываетъ послѣ войны; онъ понемногу вылѣзетъ изъ долговъ и, наконецъ, будетъ имѣть право сказать: «Усадьба моя!»

— Что ты скажешь на это, Іёрнъ?— сказалъ Тисъ.

— Что скажу?—воскликнулъ Іёрнъ Уль и въ первый разъ въ своей жизни сдѣлалъ быстрое движеніе, широко взмахнувъ своими большими, незанятыми руками.—Развѣ я могу допустить, чтобы больного отца вынесли вмѣстѣ съ постелью изъ его дома, развѣ я могу выпустить изъ своихъ рукъ всю усадьбу?.. Что отъ меня зависитъ, то я сдѣлаю, чтобы остаться здѣсь. Въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, Тисъ.

— Хорошо,—сказалъ Вейскопфъ. —

Ну, а теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ!

Онъ сильно затянулся дымомъ и доброжелательно посмотрѣлъ на Іёрна, лицо котораго снова приняло замкнутое выраженіе.

— Ты долженъ жениться!—сказалъ онъ.—Нехорошо, чтобы человѣкъ былъ всегда одинъ, и днемъ, и ночью, и въ горѣ, и въ радости. А изъ тебя легко можетъ выйти холостякъ!

И онъ, полушутя, полусерьезно сталъ спрашивать Іёрна, можно ли ому когонибудь посватать.

— Я знаю на Гестѣ,—сказалъ онъ,—кое-какія гнѣзда съ золотыми яичками. Ты бы и себя, да заодно и насъ выручилъ.

Но Іёрнъ сказалъ:

— У меня останется Витенъ; жены мнѣ не нужно.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, въ комнату вошла рыжеволосая дѣвушка, съ молочникомъ въ рукахъ. Она услыхала то, что говорилъ новоиспеченный хозяинъ, сдѣлала презрительное лицо и подумала:

«Подумаешь, какой старикъ говоритъ!»

— Знаешь ли ты,—продолжалъ привѣтливо Вейскопфъ,—что я съ твоей домоправительницей Витенъ знакомъ уже сорокъ лѣтъ. Мнѣ хочется разсказать вамъ, а въ особенности тебѣ, что мнѣ извѣстно объ ея молодости.

А когда Лена Тарнъ собралась выйти изъ комнаты, онъ сказалъ ей:

— Если у тебя есть время, останься и послушай! Тебѣ не вредно будетъ выслушать эту исторію. Это дѣла давно минувшихъ дней, какъ будто ихъ откопали въ Ругенбергѣ, гдѣ находятся древнія могилы гуновъ. Исторія эта длинная и старая, какъ міръ, и глубокая, какъ жизнь человѣческая. Я бы могъ разсказывать долго и пространно, но я буду кратокъ и разскажу только то, что касается Витенъ Пеннъ.

Такъ говорилъ старикъ, широко раскрывъ глаза; потомъ, напрасно попытавшись затянуться трубкою, положилъ ее рядомъ съ собою.

Молодая дѣвушка сѣла рядомъ съ Тисомъ Тиссеномъ, котораго она также какъ и Вейскопфа, видѣла сегодня въ первый разъ, и подумала:

«Вотъ такъ удивительная тройка!»

И во время разсказа глаза ея съ забавнымъ любопытствомъ перебѣгали отъ одного къ другому. Люди, среди которыхъ она находилась, интересовали ее гораздо больше всей исторіи. Но надо сказать, что она всего чаще смотрѣла на Іёрна и на его спокойное, продолговатое лицо съ глубокими и умными глазами, и нѣсколько удивленно, но безъ всякаго страха, разглядывала его съ привѣтливымъ любопытствомъ.

— Ну, такъ вотъ, въ молодости моей въ Шенефельдѣ жилъ-былъ одинъ молодой человѣкъ; родители его были люди небогатые, а онъ былъ красивый, гордый малый; онъ вмѣстѣ со мною ходилъ въ народную школу и потомъ сталъ конюхомъ по природной склонности къ лошадямъ; и въ концѣ концовъ, онъ поступилъ на мѣсто конюха въ большую усадьбу въ Шенефельдѣ. Онъ былъ честный малый и всегда немного мрачный, не говорилъ лишняго слова и только тогда немного оживлялся и воспламенялся, когда садился верхомъ на жеребца и ѣхалъ по дорожкѣ, окаймлявшей дворъ. Тогда единственная хозяйская дочь заглядывалась на него, переходила отъ одного окна къ другому по всему дому, чтобы не терять его изъ виду, и глаза ея начинали блестѣть, а щеки краснѣли. Но онъ обращалъ вниманіе только на лошадей.

Однажды она снова преслѣдовала его такъ своимъ взглядомъ, а когда онъ отвелъ жеребца домой, пришла къ нему въ конюшню, въ то время, какъ онъ занимался чисткою лошадей, и попробовала заговорить съ нимъ. Но изъ этого ничего не вышло: онъ говорилъ съ нею холодно, а къ животнымъ былъ ласковъ.

Тогда она рѣшила испытать другое средство. Она хотѣла показать ему, что онъ находится на невѣрномъ пути, если думаетъ, будто она меньше уважаетъ его изъ-за того, что онъ простой работникъ, и хотѣла объяснить ему, что онъ долженъ выказать гордость честной бѣдности. Поэтому, улучивъ подходящую минуту, она сказала ему:

— Знай, что ты въ моихъ глазахъ гораздо больше значишь, чѣмъ всѣ хозяйскіе сыновья.

И сказавъ это, она убѣжала на чердакъ, въ голубятню, и только черезъ два дня сошла оттуда.

Но въ одинъ прекрасный день, она бросилась отцу своему на шею и сказала, что вотъ уже три ночи, какъ она не можетъ заснуть: она хочетъ и должна выйти замужъ за работника. Сердце у отца было мягкое и она была его единственнымъ ребенкомъ; онъ и согласился. Должно быть, не легко ему это было.

Дѣвушка, вѣроятно, слишкомъ далеко зашла, такъ какъ молодой человѣкъ не очень уважалъ ее. Она не была для него той женщиной, образъ которой онъ, какъ всякій юноша, носилъ въ своемъ сердцѣ. Она была мечтательна, задумчива. А ему надо было бы жену, которая при высокой, красивой фигурѣ, имѣла бы спокойный, ясный характеръ и побольше женской гордости.

Уже на другой день послѣ свадьбы онъ снова пошелъ къ своимъ лошадямъ и принялся чистить и гладить ихъ, а еще черезъ день отправился на ярмарку, заниматься, какъ прежде, мѣной и продажей. А она стояла у окна своей спальни и глядѣла ему въ слѣдъ, и глаза ея были полны злыхъ слезъ.

Правда, у нихъ родилась дочь, потомъ мальчикъ, но и это ихъ не сблизило. Наоборотъ, теперь, когда ее окружали дѣти, онъ еще больше отдалился отъ нея и шелъ своею дорогою. А дорога его была вотъ какая: онъ былъ честный, хорошій дѣлецъ. Онъ занимался больше всего торговлею лошадьми, сталъ извѣстенъ, увеличилъ свое состояніе и, имѣя частыя сношенія съ кавалерійскими офицерами, которые покупали у него лошадей, сдѣлался, съ теченіемъ времени, человѣкомъ честнаго образа мыслей, хорошо знающимъ жизнь.

Итакъ, мужъ былъ всегда занятъ внѣ дома, а дѣти были всецѣло на попеченіи матери Въ школу они не ходили; мать сама учила ихъ—совсѣмъ не такъ какъ учатъ въ школѣ, но настолько успѣшно, что власти не имѣли основанія противиться этому. Она разсказывала имъ сказки и фантастическія исторіи, дѣти своими словами передавали ей ихъ содержаніе. При этомъ она имѣла обыкновеніе держать подъ замкомъ въ шкафу тѣ книги, изъ которыхъ она черпала матеріалъ для своихъ разсказовъ, и не давать ихъ дѣтямъ въ руки. Иногда, въ какіе-нибудь особенно торжественные дни, всѣ трое наряжались въ дѣдовскія платья, спрятанныя на чердакѣ, въ сундукахъ, и изображали все то, что раньше слыхали въ разсказахъ, или же, переодѣвшись въ простое платье, отправлялись въ лѣсъ и проводили вечеръ на какой-нибудь полянкѣ, и разложивъ костеръ, располагались вокругъ него и воображали себя цыганами, бѣглецами или, вообще, чѣмъ приходило въ голову. Въ этихъ переодѣваніяхъ и вообще во всѣхъ ихъ затѣяхъ принимало участіе еще одно молодое существо: сирота, помѣщенная къ нимъ благотворительнымъ обществомъ въ качествѣ служанки. Это и была Витенъ Пеннъ. Жизнь у нихъ шла, какъ въ сказкѣ. Этой жизнью покинутая жена старалась вознаградить себя за утраченную любовь мужа и отчасти, дѣйствительно, достигла счастья; но въ воспитаніи, которое она давала дѣтямъ, недоставало внутренняго равновѣсія, спокойствія и выдержки, потому что въ немъ отсутствовала власть мужа. А онъ качалъ головой или насмѣхался и, занимаясь своими дѣлами, забывалъ и жену, и дѣтей.

Мать не замѣчала, что мальчикъ, который по натурѣ былъ слишкомъ похожъ на нее, все больше погружался въ тотъ міръ, который существуетъ лишь въ мечтахъ; онъ отличался такой проницательностью, что суть вещей была для него ясна и прозрачна, какъ стекло. Но у него совершенно не было воли, не было также и руководящей руки отца. И онъ росъ, какъ растетъ молодое деревцо, которому не даютъ подпорокъ: слишкомъ тонкій, слишкомъ тянущійся вверхъ.

Мать мало-по-малу стала слабѣть; но она была слишкомъ безвольна и слишкомъ робка, чтобы позвать къ себѣ врача. Послѣ продолжительной болѣзни,

она умерла. Дочери ея было въ это время около шестнадцати лѣтъ, а мальчику и Витенъ Пеннъ около четырнадцати.

Съ той минуты, какъ мать закрыла глаза, трое дѣтей остались совершенно безпомощными и заброшенными. Пока тѣло ея не было предано землѣ, они все время были около нея, безмолвные и растерянные, избѣгая только смотрѣть на отца, который былъ для нихъ совсѣмъ чужимъ.

Вечеромъ они, съ Витенъ Пеннъ, пробрались на чердакъ и, разсматривая старыя платья, служившія имъ для игръ, стали тихонько говорить о томъ, которая изъ этихъ игръ была лучше. Тутъ мальчикъ позабылъ о смерти матери; передъ широко открытыми глазами его проносились фантастическія картины, и быстро накинувъ на себя платье, онъ уже собирался спуститься въ ту залу, гдѣ они прежде играли, но дѣвушки напомнили ему, чтобы онъ говорилъ потише.

Когда-же наступилъ день похоронъ и весь домъ опустѣлъ, только сестра отца оставалась дома — дѣти расхрабрились проскользнули въ залу, гдѣ еще полъчаса тому назадъ стоялъ гробъ съ тѣломъ ихъ матери и гдѣ теперь еще на полу были разбросаны цвѣты и лежали надгробные вѣнки, и, понижая голоса, принялись играть. Но мать всегда такъ охотно и беззаботно играла съ ними въ той же самой комнатѣ, а въ послѣднее время такъ часто говорила съ ними о смерти, какъ о какомъ-то весеннемъ празднествѣ, на которое она была приглашена, что имъ и въ голову не приходило, чтобы игры эти могли оскорбить ея память.

Увлекшись, они позабыли о времени и продолжали свою игру до той минуты, когда отецъ ихъ возвратился съ похоронъ. Онъ былъ въ дурномъ настроеніи, потому что пасторъ въ своемъ надгробномъ словѣ ясно сказалъ, что покойная, только благодаря его замкнутости, отдалилась отъ всѣхъ и одиноко шла своими собственными, никому невѣдомыми путями. Въ сѣняхъ сестра разсказала ему о томъ, гдѣ находились дѣти и что̀ они дѣлали. Тогда онъ потерялъ послѣднее чувство справедливости и, взбѣсившись, рѣшилъ что только у такой женщины, какъ его злополучная жена, могли быть такія несчастныя дѣти. Онъ неожиданно подошелъ къ отворенному окну залы и, увидѣвъ игру дѣтей, вошелъ и побилъ испуганнаго мальчика, котораго призналъ главнымъ виновникомъ, а потомъ заперъ всѣхъ троихъ въ сарай. Съ этой минуты онъ сдѣлался строгъ съ дѣтьми. Полагая, что ихъ нужно разлучить, онъ отдалъ дѣвочку подъ надзоръ тетки, чтобы она занималась домашней работой. Мальчика же заставилъ пахать, ходить за коровами и исполнять всевозможныя работы. При этомъ выяснилось, что у него совсѣмъ нѣтъ способностей къ подобнымъ занятіямъ. Работа у него не клеилась; онъ часто становился втупикъ, не умѣя разобраться въ ней до тѣхъ поръ, пока работники, подсмѣиваясь надъ нимъ, не приходили къ нему на помощь и не показывали всю несложность дѣла.

Въ ту же весну—это было въ апрѣлѣ, когда весна вотъ-вотъ вступитъ въ свои права, но еще не имѣетъ достаточно силъ, чтобы побѣдить зиму, потому что холодный вѣтеръ, который дуетъ по вечерамъ, снова прогоняетъ ее, — онъ однажды цѣлый день пахалъ вдали отъ деревни, на большомъ холмѣ, подошва котораго заросла бурьяномъ; здѣсь, среди высокой травы и всевозможныхъ порослей было много заброшенныхъ рыхляковыхъ ямъ, очень глубокихъ и наполненныхъ водой. Народъ, а въ особенности дѣти, избѣгали этого мѣста, считавшагося нечистымъ, и тамъ, въ самомъ дѣлѣ, было жутко. Глухое мѣсто, все въ кочкахъ, покрытое густой сорной травой, и эти огромныя ямы, въ глубинѣ которыхъ была стоячая вода, пробуждало въ народѣ жуткое чувство; казалось, что это глубокія, будто открытыя раны земли,—раны, которыя люди не пробовали залечить, и что въ разверстыхъ глубинахъ этихъ прячутся темныя, злыя чада земли, подстерегающія людей, чтобы отмстить имъ за страданія своей матери.

Онъ цѣлыхъ три дня пахалъ тамъ,

съ утра до поздняго вечера; обѣдъ свой онъ бралъ съ собою и съѣдалъ его тамъ же, на полѣ, и каждый вечеръ возвращался домой все болѣе и болѣе печальнымъ. Когда на третій день дѣти улучили свободную минутку и отправились всѣ вмѣстѣ на чердакъ, онъ послѣ долгаго молчанья разсказалъ своимъ подругамъ, что рано утромъ, еще до восхода солнца, и вечеромъ, когда оно исчезаетъ за холмомъ, онъ слышалъ голосъ, идущій съ пустыря, голосъ дѣвушки или старой, слабой женщины, повторявшій: «Иди ко мнѣ, иди ко мнѣ!» Онъ испыталъ сильный страхъ, такъ что даже лобъ его покрылся холоднымъ потомъ, но ему все-таки очень хотѣлось пойти туда. Въ немъ боролись два чувства: страха и любви... Такъ сказалъ онъ и, опустивъ голову на руки, посмотрѣлъ на дѣвочекъ.

Его сестра первая покачала головой, когда услышала это, потомъ задрожала всѣмъ тѣломъ, какъ будто ее уже держало одно изъ подземныхъ чудовищъ и испуганно глядѣла на брата. Но вскорѣ она громко расхохоталась и назвала все это пустяками.

Дѣло въ томъ, что послѣ смерти матери съ ней произошла большая перемѣна. Будничная работа, которая теперь лежала на ней и приводила въ сношеніе со всякаго рода людьми, пробудила и укрѣпила въ ней отцовскія черты. То, что пугало и давило изнѣженнаго и хрупкаго мальчика, возбуждало въ ней дѣвичье любопытство, и она ловко старалась подойти поближе къ этому неизвѣстному, чтобы разсмотрѣть его. Какъ бы пробуждаясь отъ грустнаго, хотя и прекраснаго сновидѣнія, увидала она истинную жизнь такою, какою она была въ дѣйствительности, и это доставило дѣвушкѣ большую радость. Но такъ какъ она не сразу могла очнуться отъ фантастическихъ грезъ, такъ какъ она вступала въ жизнь такъ сказать, въ королевской мантіи и красныхъ башмакахъ съ блестящими пряжками, то она попала, въ эту дѣйствительную жизнь еще не вполнѣ очнувшись отъ сна, тѣмъ болѣе, что въ сильной степени унаслѣдовала отъ матери ея страстность. У нея были также материнскіе черные, молодые глаза, съ влажнымъ блескомъ. Но она была счастлива. Она встрѣтилась въ деревнѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ ремесленника, который возвратился на родину, чтобы отдохнуть послѣ своего перваго путешестія по морю, которое онъ сдѣлалъ въ качествѣ младшаго штурмана и во время котораго захворалъ. Молодые люди, встрѣтившись въ одинъ прекрасный день, на безлюдной дорогѣ, и обмѣнявшись нѣсколькими шутливыми фразами, такъ влюбились другъ въ друга, что весь остальной міръ казался имъ окутаннымъ туманомъ. Поэтому-то она такъ искренно смѣялась, когда услыхала голосъ брата, раздающійся тамъ, въ совершенно другомъ фантастическомъ мірѣ. Послѣ этого она вскорѣ вышла изъ комнаты и направилась въ глубь фруктоваго сада, гдѣ за густымъ кустомъ терна ждалъ ее штурманъ.

Но другая дѣвушка, Витенъ Пеннъ, съ пылающими щеками и полуоткрытомъ ртомъ слушала разсужденія мальчика о томъ, что таинственныя силы, находившіяся до сихъ поръ въ туманѣ, теперь, впервые, подаютъ голосъ и показываются на глаза. Она любила мальчика за то, что онъ былъ такъ ласковъ съ ней, за то, что онъ былъ такой добрый и умный и за то, что у него были такіе особенные глаза, въ которыхъ отражалось все, какъ въ зеркалѣ, и очень была огорчена тѣмъ, что въ послѣднее время такъ рѣдко могла говорить съ нимъ, и одинъ разъ даже стояла ночью у двери въ его комнату, съ сильно бьющимся сердцемъ, чтобы хоть немного поболтать и поиграть съ нимъ. Теперь она была безсознательно рада, что сестра его ушла и что у нихъ есть теперь общая тайна. Она жалѣла его за то, что онъ такой блѣдный, и стала робко гладить его щеки, а подъ конецъ поцѣловала его. Это ему ужасно понравилось, такъ какъ хотя въ ихъ представленіяхъ часто говорилось о поцѣлуяхъ, онъ ни разу, еще не испытывалъ ихъ. А теперь они по-дѣтски стали пробовать, какъ лучше выходитъ и раз-

горячились, стали смѣяться и были какъ ангелы на небеси. Довѣрчивая дѣвочка почти вымочила его своими поцѣлуями; но у него было слишкомъ много наслѣдственнаго отъ матери. Онъ снова впалъ въ смутный страхъ, дрожалъ, недоумѣвалъ и спрашивалъ:

— Что мнѣ дѣлать? Не пойти ли мнѣ, если я снова услышу, что меня зоветъ голосъ?

Тогда она обѣщала ему, что она завтра утромъ прибѣжитъ къ нему съ пастбища, гдѣ будетъ доить коровъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ сталъ умолять отца своего, чтобы онъ передалъ работу на пустырѣ кому-нибудь другому, но при этомъ ничего не сказалъ о причинѣ своей просьбы. Отецъ, конечно, видѣлъ, что мальчикъ боится, но не захотѣлъ снять съ него ярмо такъ называемаго «долга», обязанностей по отношенію къ жизни; кромѣ того, просьба мальчика напомнила ему старые грѣхи, и онъ отказалъ ему въ его просьбѣ, презрительно кивнувъ головою.

А вслѣдъ за этимъ и разразилось несчастье.

Было холодное, суровое, пасмурное весенне утро. Густой туманъ еще лежалъ, подобно лѣнивому безсмысленному звѣрю, въ ложбинахъ. Но несмотря на это, надъ землей чувствовалась какъ бы близость пробужденія, какъ будто молодая, но еще дремлющая жизнь ждала, чтобы проснуться, только тихаго зиждущаго слова. Западный вѣтеръ спокойно и ровно дулъ съ моря, подобно пѣснѣ, начинающей собою трагедію. Но надъ міромъ еще царила ночь, и мрачные слуги ея, прежде чѣмъ потерять власть свою, жаждали темныхъ дѣяній.

Въ это-то время дѣвочка перебѣжала поле, направляясь къ мальчику. Онъ шелъ за плугомъ подъ гору и потому не видѣлъ ее. Онъ неспокойно шелъ за лошадьми: наклонялъ голову, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, кивалъ, а потомъ отрицательно качалъ головой, сжималъ кулаки и выпускалъ рукоятку плуга. Она думала, что онъ разговариваетъ съ лошадьми, какъ обыкновенно дѣлаютъ пахари, и все бѣжала къ нему. Но вдругъ онъ поднялъ обѣ руки и громко закричалъ:

— Иду! иду!

Въ нѣсколько прыжковъ онъ достигъ порослей. Въ утреннихъ сумеркахъ она неясно видѣла что онъ куда-то бросился и исчезъ. Тутъ она потеряла сознаніе и съ разбѣгу грохнулась на землю. Солнце встало.

Черезъ часъ старшая работница пришла за дѣвочкой, на пастбище, думая, что та побѣжала къ пахарю и, какъ всѣ дѣти, заболталась съ нимъ и не замѣчаетъ времени; но подойдя, работница увидала, что лошади съ плугомъ стоятъ, пахаря нѣтъ, а дѣвочка, распростершись, лежитъ ничкомъ на землѣ, неподалеку отъ плуга, на только что вспаханной полосѣ, вонзивъ въ нее пальцы какъ будто стараясь удержаться. Ее привели въ чувство и она, дрожа и громко плача, разсказала то, что видѣла. Послѣ этого она долго пролежала больная. Мальчика же къ обѣду нашли потонувшимъ въ одной изъ ямъ.

Вейскопфъ взялъ свою трубку и протянулъ руку къ Тису, не говоря ни слова. Тисъ понялъ его, зажегъ спичку и передалъ ее ему.

— Что же мнѣ еще разсказывать? Отецъ возвратился домой поздно вечеромъ и засталъ мальчика уже на столѣ, въ залѣ. Онъ наклонился къ нему и сталъ пристально въ него вглядываться но лицо его становилось все суровѣе, наконецъ, онъ выпрямился и отошелъ. Когда сосѣди, во время похоронъ, пробовали высказывать ему свое соболѣзнованіе, онъ сказалъ: «Къ чему? моя жена и ея сынъ были два совершенно непригодные къ жизни человѣка. Въ безмолвной глубокой могилѣ нашли они оба свое настоящее мѣсто!»

Черезъ недѣлю онъ узналъ объ отношеніяхъ дочери своей со штурманомъ. Онъ коротко и рѣзко потребовалъ, чтобы она разошлась съ нимъ. Но дочь была такая же упрямая, какъ отецъ, и сказала ему, что хочетъ быть счастливѣе своей бѣдной матери и ни за что не разстанется со своимъ штурманомъ. Тогда онъ выгналъ ее изъ дому.

Съ тѣхъ поръ ему становилось все

хуже и хуже. Тяжелые два мѣсяца прожила съ нимъ вдвоемъ Витенъ Пеннъ, эта бѣдная наивная дѣвочка. Онъ ни разу не взглянулъ на нее и не сказалъ съ ней ни слова. Потомъ онъ опять много разъѣзжалъ и пробовалъ по прежнему заниматься куплей и продажей. Но, такъ какъ и въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ онъ искалъ подтвержденіе своимъ мрачнымъ и жестокимъ мыслямъ, то его добрые, старые друзья и товарищи отстранились отъ него. Вмѣсто нихъ его окружили какія то темныя личности, которыя поддакивали ему во всемъ и все глубже погружали его въ мракъ и злобу. Подъ конецъ зло опутало его, какъ змѣя; но его кровавый грѣхъ и упорство мѣшали ему разорвать эти путы. И когда ему стало ясно, что его споръ есть споръ съ вѣчнымъ началомъ, которое составляетъ сущность вещей, и что споръ этотъ напрасенъ ибо онъ не подъ силу человѣку, то онъ сталъ самъ себѣ противенъ и страшенъ. Послѣ этого бѣдной дѣвочкѣ пришлось провести съ нимъ съ глазу на глазъ, еще четверо сутокъ. Со страхомъ глядѣла она на его непрестанную ходьбу взадъ и впередъ, съ трепетомъ прислушивалась къ его разговорамъ съ самимъ собой. На пятый день утромъ она нашла его мертвымъ.

Видишь, Іёрнъ, каково было дѣтство Витенъ Пеннъ, которая сидитъ теперь у постели твоего отца. Она пришла сюда, въ Маршъ, и поступила въ эту усадьбу младшей работницей. Вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ ею ужасовъ молодость ея была надломлена. У нея бывали видѣнія и такъ называемыя предчувствія; она всегда была разсѣянная и мрачная. Неразумные люди прозвали ее Колоколомъ и сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы она окончательно замкнулась въ себѣ Но твоя мать, Іёрнъ, которая была ласкова и возбуждала довѣріе къ себѣ, заботилась о ней и помогла ей оправиться; въ концѣ концовъ она все-таки осталась удивительно серьезной и часто еще и теперь бываетъ угнетена. Это плохое общество для такого человѣка, какъ ты, Іёрнъ, у тебя тотъ же сумрачный нравъ, что и у нея; тебѣ нуженъ, въ особенности теперь, когда ты берешь на себя такую нелегкую задачу, хорошій молодой товарищъ.

* * *

Закончивъ такимъ образомъ разсказъ, Вейскопфъ схватился за палку и сказалъ, что долженъ уходить. Онъ велѣлъ запрягать лошадей и вмѣстѣ съ Тисомъ Тиссеномъ поѣхалъ въ городъ. Іёрнъ Уль отправился къ больному отцу и смѣнилъ Витенъ Пеннъ. И когда она выходила изъ комнаты, онъ проводилъ ее долгимъ взглядомъ.

Въ томъ самомъ большомъ креслѣ, въ которомъ его мать сиживала въ зимніе вечера, провелъ онъ эту ночь у постели больного, погруженнаго въ тревожный сонъ. И, въ то время, какъ Іёрнъ сидѣлъ такъ и размышлялъ, его мысли блуждали въ двухъ различныхъ направленіяхъ: то начиналъ онъ думать о томъ, какъ устроить ту или другую отрасль хозяйства, и какъ сложится будущее; то вдругъ вспоминалъ о тѣхъ странныхъ, потрясающихъ событіяхъ, о которыхъ разсказывалъ Вейскопфъ.

И въ то время, какъ сгущалась ночная тьма и приближалась полночь—въ тополяхъ шумѣлъ и шелестѣлъ вѣтеръ и тяжелые потоки дождя стучали въ окна, а больной лежалъ, вперивъ безсмысленный взглядъ куда-то вверхъ, Іёрну вспомнился приговоръ доктора, «Онъ можетъ быть долго проживетъ такъ: но разсудокъ къ нему уже не вернется!» И Іёрна Уля впервые охватило сознаніе человѣческаго безсилія, чувство безпомощности хорошо было все-таки, что въ школѣ онъ слышалъ объ «отцѣ небесномъ», иначе онъ слишкомъ боялся тѣхъ могущественныхъ темныхъ призраковъ которые окружали его въ эту ночь; и быть можетъ, даже сталъ бы молиться имъ. Но теперь онъ съ робкимъ довѣріемъ обратился къ той невидимой, всемогущей, благой силѣ, о которой говорится въ Евангеліи.

И это было важнымъ шагомъ для Іёрна Уля, прежде всегда спокойнаго и увѣреннаго въ себѣ. Ибо Господь милуетъ только смиренныхъ, какъ сказалъ одинъ умный человѣкъ. Только для тѣхъ,

которые глубоко и пытливо вдумываются, много и серьезно вопрошають, которые умѣють восхищаться и смиренно преклоняться, только для нихъ открываются двери настоящей полной жизни. Настоящихъ высотъ и глубинъ человѣческаго бытія, во всей неисповѣдимой красотѣ его достигають лишь невѣдующіе.

Глава восемнадцатая.

Въ это лѣто и осень ни на одномъ дворѣ Марша не работали такъ много, какъ въ усадьбѣ Уля. Когда ночной сторожъ, дѣлая свой послѣдній обходъ въ четыре часа утра, останавливался и добросовѣстно трижды трубилъ въ свой рогъ, повернувшись въ сторону усадьбы, онъ обыкновенно видѣлъ, что хлѣва и конюшни уже освѣщены, а въ очагѣ пылаетъ огонь. Весь строй жизни сдѣлался необыкновенно суровымъ. Молодой хозяинъ уже не молился больше, теперь онъ весь ушелъ въ работу. Носъ его сильно заострился, и глубоко впавшіе глаза внимательно приглядывались къ окружающему. Онъ сталъ нѣсколько худѣе и длиннѣе и что-то повелительное появилось во всемъ его существѣ. И снова выплыло по отношенію къ нему прежнее прозвище «ландфогта», забытое за послѣднія семь лѣтъ.

Не обходилось дѣло и безъ столкновеній и неудовольствій.

Уохенъ Эбель, прозванный «Гм-Эбель», который впродолженіи тридцати лѣтъ состоялъ граборемъ, пришелъ вечеромъ недовольный въ людскую, гдѣ Іёрнъ Уль разсчитывалъ одного работника, не желавшаго повиноваться, и сказалъ:

— Это просто безчеловѣчно, просто безчеловѣчно, — то, что требуетъ хозяинъ... Многое приходилось мнѣ переживать въ пятидесятомъ году, напримѣръ я при Реденсбургѣ взлетѣлъ вмѣстѣ съ арсеналомъ на воздухъ, но преблагополучно опустился на землю... Гм-да, вотъ я каковъ!

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ Іёрнъ Уль и сдѣлалъ видъ, будто онъ удивленъ. Но онъ давно уже опасался такой развязки.

— Если хозяинъ... если хозяинъ хочетъ разбогатѣть въ три дня, то, конечно это его дѣло! его дѣло! А я не позволю съ себя шкуру сдирать.

При этомъ онъ вытеръ свою лопату, потомъ ушелъ и на другой день не возвратился. Вмѣсто него пришла его десятилѣтняя дочь. Она думала, что въ просторныхъ, чистыхъ сѣняхъ, въ которыхъ господствовала торжественная полутьма и гулко отдавался каждый звукъ, нельзя говорить иначе какъ на общегерманскомъ языкѣ, и сказала: «Отецъ велѣлъ вамъ кланяться. Онъ ушелъ и больше не возвратится. Онъ отправился съ волами Кришана Люря въ Гузумъ».

И съ этими словами она выскользнула въ дверь.

Оба работника не замедлили вступить въ борьбу съ требовательностью хозяина, и дѣло не обошлось безъ рѣзкихъ словъ.

— Если вы благополучно пропахали до полудня, вы уже думаете, что заработали свой обѣдъ!

Тогда старшій работникъ отвѣчалъ:

— А по вашему, намъ надо было передъ самымъ обѣдомъ подохнуть на работѣ! Тогда бы намъ и ѣсть не пришлось!

При этомъ сидѣвшій на лошади мальчишка прыснулъ отъ смѣха. Но хозяинъ спокойно сдѣлалъ къ нему два шага и схватилъ его за ухо, такъ что оно цѣлый день было красное. Однако, когда ландфогтъ вышелъ, онъ все-таки не могъ удержаться отъ смѣха, хотя глаза его были полны слезъ.

Въ кухнѣ тоже дѣло не ладилось. Витенъ почти цѣлый день принуждена была проводить у постели больного, иначе онъ начиналъ волноваться и кричать, какъ малый ребенокъ. А въ кухнѣ никто не хотѣлъ слушаться Лену Тарнъ. Тогда Іёрнъ переговорилъ съ Витенъ, и они рѣшили, что она должна день и ночь быть при отцѣ, и въ это время шить, вязать и штопать. Лена Тарнъ должна стать хозяйкой въ кухнѣ и хлѣвахъ, но въ важныхъ случаяхъ приходить въ комнату къ Витенъ и совѣтываться съ ней.

— Сдѣлай это Іёрнъ! — говорила Витенъ. — Я буду радъ освободиться отъ этой обузы; вѣдь мнѣ шестьдесятъ лѣтъ.

Іёрнъ Уль съ строгимъ, серьезнымъ лицомъ, отправился въ кухню и выяснилъ положеніе вещей передъ всѣми собравшимися дѣвушками. Лена Тарнъ, стиравшая въ это время съ засученными рукавами, въ знакъ согласія молча кивнула рыжеволосой головой, не переставая работать и даже не оглянувшись на говорившаго. Но зато вторая работница вылетѣла какъ стрѣла изъ кухни, хлопнула за собой дверью и въ тотъ же день потребовала разсчета.

Наступила зима. Іёрнъ Уль ходилъ тяжелыми, большими шагами по своимъ полямъ и обдумывалъ одинъ планъ: онъ собирался дренировать часть усадьбы и намѣренъ былъ произвести эту работу самъ, чтобы сэкономить плату, уходившую на поденныхъ работниковъ. Онъ измѣрялъ длину и уклонъ полей, какъ заправскій землемѣръ, а потомъ, сидя въ своей комнатѣ, чертилъ карту всей усадьбы, принадлежавшей теперь ему.

Наступила весна. День весенняго разсчета съ рабочими привелъ во дворъ новыхъ людей, которые не присутствовали при повышеніи хозяина и Лены Тарнъ. Съ этой минуты дѣла пошли лучше: голосъ хозяина раздавался на дворѣ увѣреннѣе и громче. Теперь онъ могъ пойти къ Витенъ Пеннъ, сидѣвшей у окна и смотрѣвшей поверхъ очковъ на дворъ, и сказать ей:

— А вѣдь у меня дѣло-то идетъ на ладъ. Она оказывается толковой. Ты можешь быть совершенно покойна.

Наступило утро 10-го мая. Солнце сіяло на глубокомъ голубомъ небѣ. Свѣтъ его смѣшивался съ испаряющеюся влагою земли, и надъ землею носился легкій, прозрачный туманъ. Вдали, на морской дамбѣ туманъ стоялъ голубовато-бѣлой дымкой. Старый Дрейеръ, крѣпко, но осторожно, упирая при каждомъ шагѣ палку въ землю, проходилъ мимо дома.

— Іёрнъ! сказалъ онъ,—уже двадцать одинъ разъ приходилось мнѣ въ этотъ день выгонять скотъ на пастбище.

Тогда Іёрнъ выждалъ, пока старикъ скрылся изъ виду, и громко крикнулъ въ сѣни, такъ что звукъ его голоса разнесся по всему двору.

— Выгонять! И работницы пусть помогаютъ!

Тогда изъ воротъ хлѣва выпустили одного за другимъ сорокъ двухъ и трехгодовалыхъ воловъ. Они разсыпались по всему двору и наполнили его какъ выпущенные на отдыхъ школьники криками и бѣготней. Но пять человѣкъ безъ труда управились съ ними. Громко раздавался голосъ Іёрна и далеко достигалъ его бичъ. Онъ стоялъ на возвышеніи у большихъ воротъ гумна и указывалъ направленіе. Наконецъ ихъ вывели со двора на дорогу, къ плотинѣ, и оба поденщика ушли вмѣстѣ съ ними. Всѣ вздохнули.

Съ десятью выпущенными затѣмъ лошадьми ушелъ старшій работникъ и младшій изъ мальчишекъ; за ними граціозно бѣжали два жеребенка. Но позади всѣхъ, шла старая кобыла, приведенная двадцать лѣтъ тому назадъ изъ Гезгофа, въ качествѣ приданаго матери Іёрна, которой она была обѣщана вмѣстѣ со всѣмъ ея приплодомъ до четвертаго поколѣнія. Теперь эта кобыла жила въ усадьбѣ на полномъ покоѣ. Потомъ выпущены были коровы, счетомъ восемь штукъ,—все крупныя, рыже-пѣгія коровы Марша, онѣ паслись тутъ же за домомъ, на старомъ пастбищѣ, на которомъ никогда еще не сверкало лезвіе плуга, чтобы быть всегда подъ рукой для доенья. Ихъ провожали женщины, съ статной, рослой Леной Тарнъ во главѣ. Когда солнце проникало сквозь вѣтки тополей, волоса ея словно загорались огнемъ, какъ и блестящая шерсть коровъ.

Но вдругъ произошло замѣшательство: большой трехлѣтній бычокъ, соскучившись въ пустомъ хлѣву, отвязался и, появившись въ воротахъ хлѣва, медленно и спокойно пошелъ по направленію къ женщинамъ и коровамъ. Но тутъ какъ нельзя болѣе кстати оказалось, что у Лены Тарнъ, всегда обо всемъ думавшей, была подъ рукой трехногая скамеечка, сидя на которой, она доила коровъ и которую она собиралась положить у изгороди на пастбищѣ. Она встала передъ бычкомъ съ горящими глазами и крикнувъ: «Ахъ

ты, негодяй!» замахнулась на бычка, котораго она вообще не долюбливала, своей скамеечкой. Но быкъ спокойно приближался, преисполненный сознанія своей силы и упрямой рѣшимости. Тогда она бросила быстрый, злобный взглядъ на мужчинъ, которые стояли со своими бичами у воротъ овина: «Чего вы тамъ стоите, эй вы, трусы?» Потомъ подняла скамеечку и съ размаху кинула ее рыжему въ лобъ. Это такъ испугало быка, что онъ бросился въ сторону и попалъ въ руки мужчинъ. А Лена Тарнъ весь вечеръ мѣнялась въ лицѣ, такъ какъ замѣтила брошенный на нее веселый взглядъ молодого хозяина. Это втайнѣ доставляло ей удовольствіе и въ то же время тревожило ее.

Послѣ остальной скотины выгнали телятъ, больше двадцати штукъ. Они вели себя хуже школьниковъ; а это что-нибудь да значитъ. Шестеро, родившихся въ хлѣву, еще не знали что такое вода, воздухъ и земля; сначала они попробовали было летать и дѣлали поэтому очень высокіе прыжки, всѣми четырьмя ногами сразу, но потомъ останавливались, растопыривъ ноги и съ изумленіемъ видя, что они снова очутились на землѣ. Они долго не могли придти въ себя отъ изумленія и сдвинуть ихъ съ мѣста не было никакой возможности. Потомъ двое изъ нихъ увидали большой ровъ и могучимъ скачкомъ спрыгнули въ него. Мальчикъ, который держалъ ихъ за веревку, не успѣлъ сообразить, что дѣлать, и прыгнулъ вмѣстѣ съ ними. И теперь всѣ трое стояли по горло въ темной водѣ и всѣ трое, онѣмѣвъ отъ изумленія, не двигались съ мѣста. Тогда хозяинъ разсердился. Онъ выругался, поставилъ бичъ къ стѣнѣ и большими шагами сошелъ съ возвышенія, на которомъ стоялъ, и бросился къ телятамъ. Пора было положить конецъ всей этой кутерьмѣ. Дѣвушки у хлѣва кричали и смѣялись а Лена Тарнъ, съ насмѣшливымъ лицомъ и прищуренными глазами, стояла у изгороди. На полъ-дорогѣ схватилъ онъ за веревку главнаго виновника всего замѣшательства и хотѣлъ увести его домой, но у теленка вдругъ явилась какая-то мысль, намѣреніе, что-то въ этомъ родѣ, и онъ, вмѣстѣ съ долговязымъ Іёрномъ Улемъ, помчался внизъ по косогору. Шапка у Іёрна слетѣла, земля затряслась у него подъ ногами, а рабочіе принялись хохотать: смѣлый прыжокъ внизъ, и вода высоко брызнула кверху. Теперь во рву ихъ было уже пятеро, и каждый былъ изумленъ по своему.

Но мало-по-малу все пришло въ порядокъ.

— Это потому, что мы, наконецъ, взялись за дѣло,—сказали дѣвушки, и на дворѣ стало тихо.

Лена Тарнъ снова пошла въ кухню; и она все еще видѣла передъ собой лицо Іёрна Уля, какимъ оно мелькнуло передъ ней, когда она бросилась на быка.

Іёрнъ Уль эти дни тоже никакъ не могъ успокоиться. Неожиданное купанье взволновало его кровь; и весеннее солнце не мало способствовало этому. Кругомъ все дышало молодой жизнью, хотѣлось дышать полной грудью, любоваться Божьимъ міромъ и, запрокинувъ голову, искать глазами жаворонка, который рѣялъ въ голубой выси и ликовалъ вмѣстѣ съ природой.

Какое-то праздничное настроеніе охватило Іёрна, и ему пришла мысль отправиться въ деревню и заплатить сегодня подати, которымъ кстати наступилъ срокъ. Поэтому онъ натянулъ праздничный сюртукъ и медленно пошелъ по дорогѣ, вдоль поля, разсмотрѣлъ уже довольно высоко поднявшуюся плотину и думалъ въ это время о Ленѣ Тарнъ.

«Ея волосы точно шлемъ изъ красной мѣди, сдвинутый на затылокъ. Совсѣмъ какъ у того французскаго кирасира, который, вечеромъ послѣ битвы при Гравелотѣ, сидѣлъ на пнѣ, обвязавъ свою раненую ногу соломою... Когда она «занята дѣломъ», какъ она сама говоритъ, глаза у нея строгіе и направлены на работу. Но если съ ней заговоритъ кто-нибудь, она сейчасъ же начинаетъ смѣяться. Работа кажется ей единственнымъ временемъ, когда надо быть спокойнымъ и серьезнымъ. «Какъ же иначе!»—говоритъ она. Но съ другими

она бываетъ или сердита, или весела; чаще весела. Только со мной она неразговорчива и иногда дуется. Моя неудача съ дурацкимъ теленкомъ и мое купанье очень насмѣшили ее. Если бы только она смѣла, она бы по крайней мѣрѣ три раза на день напоминала мнѣ объ этомъ: «Вотъ молъ тебѣ!»

Въ полѣ онъ повстрѣчался со старикомъ Дрейеромъ, который не любилъ ходить по большой дорогѣ, а до послѣдняго дня жизни всегда ходилъ узкой полевой тропинкой, пролегавшей среди полей, такъ что его старымъ глазамъ не трудно было осматривать хлѣба. Молодой человѣкъ замедлилъ шагъ и пошелъ рядомъ со старикомъ и, какъ всегда, долженъ былъ выслушивать разные добрые совѣты, въ подтвержденіе которыхъ приводились разсказы изъ прадѣдовскихъ временъ и собственнаго опыта.

— Прежде всего, Іёрнъ, сколько тебѣ лѣтъ? Двадцать четыре? Только не женись, Іёрнъ, ни въ какомъ случаѣ! Теперь это было бы самой большой глупостью, какую ты могъ бы сдѣлать. Каждому возрасту свойственна какая-нибудь ему одному присущая глупость! Ты сдѣлалъ бы эту глупость, если бы женился. Я ждалъ до тридцати лѣтъ, а потомъ осторожно сталъ выбирать. Она принесла съ собой приданое въ шесть тысячъ марокъ, Іёрнъ; по тогдашнимъ временамъ это было не мало. А теперь меньше пятидесяти тысячъ и не думай брать! Обожди, говорю я тебѣ.

— Само собою разумѣется,—сказалъ Іёрнъ,—что я подожду еще по крайней мѣрѣ лѣтъ десять. Витенъ вѣдь здорова и бодра и долго еще будетъ въ силахъ присматривать за порядкомъ.

На поворотѣ онъ простился со старикомъ и быстро пошелъ дальше, размышляя про себя:

«Старикъ очень отупѣлъ сегодня; это особенно поразило меня... Какой чудный мягкій воздухъ сегодня. Гораздо лучше идти вотъ такъ одному и раздумывать себѣ на свободѣ о томъ, о семъ, чѣмъ плестись рядомъ со старикомъ и выслушивать его мудрые совѣты. Я и самъ знаю, что умно и что нѣтъ. Я, вѣдь, не такъ безсмысленно проводилъ свои дни, какъ мои братья. Жениться? Теперь-то жениться? Да Боже меня упаси! Послѣ тридцати лѣтъ, это другое дѣло!»

Онъ снялъ верхнее платье и перекинулъ его черезъ руку. Рукава его бѣлой рубашки сверкали на солнцѣ, какъ рукава покорнаго сына въ притчѣ, когда онъ шелъ съ поля, прислушиваясь къ радостному пѣнію.

«Какая она была красивая, когда ударила рыжаго скамейкой. Точно молодая лошадь, когда она становится на дыбы. Вчера она не такая красивая была: глаза ея не такъ блестѣли, и она разсердилась на Витенъ, а потомъ сказала ей: «Не сердись, Витенъ, я плохо спала сегодня», и засмѣялась. Вотъ тоже придумала! Плохо спала? Когда человѣкъ цѣлый день мечется какъ она, его и не добудишься; вѣрно въ этомъ виновата весна. Хорошо, что мужчины не теряютъ благоразумія, иначе каждую весну весь міръ выходилъ бы изъ своей колеи. Удивительный воздухъ! Словно пьешь его! Какой онъ вкусный. А, вѣдь, хорошо все-таки, что я возвратился съ войны цѣлъ и невредимъ и что я еще молодъ и на дѣлѣ могу доказать, на что я способенъ. Потомъ, когда пройдутъ года,—а, вѣдь, они быстро проходятъ — и я окончательно устроюсь, я возьму себѣ красивую жену, съ деньгами и съ такими вотъ рыжеватыми волосами. Вѣдь среди богатыхъ дѣвушекъ есть такія же веселыя и молодыя, и задорныя и съ такой же статной фигурой. Вѣдь, что ни годъ, то новыя дѣвушки подростаютъ, какъ трава въ полѣ. Богъ ихъ знаетъ, откуда только онѣ берутся! Почему же непремѣнно думать о ней?»

Онъ снова надѣлъ сюртукъ. Теперь онъ шелъ подъ липами, по деревнѣ. Глуховатый приходскій писарь стоялъ передъ своимъ домомъ и, очевидно, былъ въ дурномъ расположеніи духа. Дѣло въ томъ, что на этотъ день назначено было не болѣе и не менѣе какъ шесть крестинъ, и каждый, кто приходилъ условливаться объ этомъ, не меньше часа сидѣлъ въ ризницѣ и, развалившись въ креслѣ, бесѣдовалъ и о дере-

венскихъ дѣлахъ, и о сосѣдяхъ, и объ учителѣ, и обо всемъ на свѣтѣ, но больше всего, конечно, о самомъ себѣ. А причетникъ сидѣлъ и думалъ: «Ты бы, дружище, могъ дѣлать что-нибудь болѣе полезное, чѣмъ все новыхъ и новыхъ дѣтей на свѣтъ производить и каждый годъ утруждать меня всѣми этими записями... Шелъ бы ты лучше пахать!»

— Уль!—сказалъ онъ,—казалось бы, что послѣ войны это должно бы пріостановиться! Какъ бы не такъ! Совсѣмъ даже наоборотъ. Четверо изъ нашего церковнаго хора были убиты во Франціи. Ну, и что же! Сегодня назначено шесть крестинъ. У Іенса Таппе, которому подъ Ле-Мансомъ оторвало руку, тоже ожидаютъ прибавленія семейства. Въ этомъ году смертныхъ случаевъ у насъ будетъ не болѣе пятидесяти, а новорожденныхъ больше сотни. Какъ же ихъ всѣхъ прокормить? Земля-то, вѣдь, не прибавляется, а каждой коровѣ нужно не меньше шести четвериковъ. Слишкомъ ужъ много народа!.. Пойдемъ-ка, Іёрнъ.

Такъ говорилъ приходскій писарь и, блестя глазами, принялся считать золото, которое Іёрнъ Уль выложилъ передъ нимъ на столъ и, дважды просмотрѣвъ каждую монету, тщательно записалъ получку въ приходскую книгу.

Іёрнъ Уль, какъ человѣкъ разсудительный, владѣлецъ большой усадьбы и аккуратный плательщикъ, былъ совершенно согласенъ съ писаремъ и обстоятельно побесѣдовалъ съ нимъ объ всемъ этомъ.

— Ну, къ чему это приведетъ, если населеніе будетъ такъ расти?—сказалъ Іёрнъ и тотчасъ громко прибавилъ: — жениться раньше двадцати пяти лѣтъ... да это просто запретить надо было бы.

Съ этими словами онъ ушелъ, гордый сознаніемъ, что сходится въ столь важныхъ вопросахъ съ такимъ опытнымъ, разумнымъ старикомъ, какъ приходскій писарь. И, выйдя въ поле, онъ снова снялъ сюртукъ, и снова сверкали бѣлизной рукава его рубашки. Повернувъ во дворъ, онъ увидѣлъ, что на деревянной скамейкѣ, подъ липами, сидитъ человѣкъ, похожій издали на одѣтаго по праздничному рабочаго. Ему было на видъ не менѣе шестидесяти лѣтъ, и лицо его, обрамленное сѣдою бородой и густыми сѣдыми волосами, при всемъ своемъ добродушіи, напоминало льва съ сѣдою гривою. Онъ опирался обѣими руками на дубовую палку и имѣлъ утомленный видъ. Подлѣ него стояла Лена Тарнъ, съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ, которая, указавъ старику на Іёрна Уля, сказала:

— Вонъ идетъ хозяинъ!

Старикъ всталъ передъ хозяиномъ, подалъ ему руку и, снова усѣвшись, принялся, по мѣстному обыкновенію, говорить о погодѣ и урожаѣ. Лена Тарнъ, молча, принесла кофе, сѣла напротивъ нихъ и принялась штопать французскую солдатскую шинель, которую Іёрнъ Уль привезъ съ собой съ войны.

— Я пришелъ къ тебѣ по одному дѣлу...—сказалъ старикъ. — Жена моя просто покоя мнѣ не давала. Ты, вѣдь, былъ при третьей конной батареѣ, подъ начальствомъ капитана Глейзера? Ну, такъ, вѣдь, при ней былъ и Геертъ Дозе, который одно время служилъ у тебя. Не правда-ли? Ну, вотъ видишь-ли, это мой сынъ... А мать его...

— Онъ былъ раненъ однимъ изъ первыхъ.

— А теперь мать его не даетъ мнѣ покоя: каждый вечеръ спрашиваетъ, куда онъ былъ раненъ и какъ это все было... т.-е. долго-ли онъ мучался-то? Она думаетъ—дней девять... Кровь-то, вѣдь, молодая, здоровая, умирать-то, небось, не сладко было!.. И не сказалъ-ли онъ чего передъ смертью?

— Да...

Старикъ какъ-то съежился и широко открытыми, кроткими глазами смотрѣлъ въ землю.

— Не разскажешь-ли ты мнѣ все, какъ было. Говорятъ, ты при немъ до конца оставался. А я ужъ передамъ матери то, что ей по силамъ будетъ выслушать.

Тогда Іёрнъ Уль, ничего не скрывая, разсказалъ ему о томъ, какъ Геертъ Дозе былъ раненъ, какъ онъ тосковалъ по родинѣ и какъ онъ умеръ.

Лена Тарнъ никогда въ жизни ничего не видала и не слыхала, кромѣ того, что происходило въ самой деревнѣ, да до сихъ поръ ни о чемъ другомъ и не думала. Слово «война» вызывало въ ея воображеніи яркую, словно огненную картину: наверху свѣтлыя, круглыя облака, внизу пылающіе дома, а среди нихъ толпы бѣгущихъ людей, пѣшихъ и конныхъ; начальникъ, увѣшанный орденами, крики «ура», сторожевые костры. «Теперь поблагодарите Бога!» Такое описаніе читала она въ школѣ. О жестокомъ отчаяніи, безумныхъ мукахъ каждаго отдѣльнаго солдата она ничего не знала. Она слушала разсказъ и сильно страдала, и лицо ея судорожно морщилось. Но въ глубинѣ души ея что-то вздрагивало и радостно смѣялось: «Іёрнъ Уль, ты, вѣдь, возвратился цѣлъ и невредимъ!»

Старикъ больше не разспрашивалъ. Онъ скоро всталъ и молча пошелъ прочь. Хозяинъ проводилъ его до конца аллеи. Ни прежде, ни послѣ онъ никому не дѣлалъ этой чести. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ старику, когда тотъ, выпрямившись и тяжело ступая, какъ настоящій рабочій, шелъ по дорогѣ. Ему приходилось идти добрыхъ четыре часа. Тяжелый путь предстоялъ ему, да и не легко было возвратиться домой.

Идя назадъ по аллеѣ, Іёрнъ снова отдался прежнему отрадному чувству. Сквозь колеблющуюся молодую листву видѣлъ онъ дворъ, освѣщенный солнцемъ, а въ глубинѣ длинный, широкій домъ: длинную, высокую сѣрую соломенную крышу надъ красными кирпичными стѣнами, зеленыя рамы блестѣвшихъ на солнцѣ оконъ, у двери густо растущій настоящій виноградникъ, передъ нимъ бѣлую скамейку и столъ, а на бѣлой скамейкѣ Лену Тарнъ съ ея гордой вызывающей осанкой, въ полномъ расцвѣтѣ юной красоты.

И тутъ въ его памяти вдругъ воскресло одно выраженіе, прочитанное имъ во время похода въ одной газетѣ, которая случайно попалась ему въ руки. Тамъ, въ рождественской статьѣ, шла рѣчь о приближающемся мирѣ и въ высокопарныхъ возраженіяхъ говорилось о «дѣяніяхъ мира»; эта звонкая фраза очень понравилась ему тогда. А теперь спокойная, красивая картина, которую онъ видѣлъ передъ собой, напомнила ему это выраженіе. И онъ нѣсколько тяжеловѣсно поставилъ себѣ вопросъ и тутъ же далъ себѣ отвѣтъ на него, какъ въ катехизисѣ: «Что такое дѣяніе мира? Дѣяніемъ мира называется пахота, сѣяніе, жатва, постройка домовъ, женитьба и воспитаніе дѣтей».

Лена сидѣла, низко наклонивъ голову, какъ будто совершенно не умѣла ни пѣть, ни замахиваться скамейкой, ни дѣлать упрямое лицо. Майское солнце, играя, словно указывало своими лучами на ея склоненную голову.

«Посмотри-ка, Іёрнъ Уль, какъ она сіяетъ, не прикасайся, это огонь!»

Весенній воздухъ, мягкій, томный, безвольный, нѣжился въ яркихъ лучахъ солнца.

Когда Іёрнъ хотѣлъ пройти мимо, она, не подымая головы, указала ему на синюю тетрадочку, которая лежала передъ ней на столѣ, и довольно дерзко сказала:

— Нужно провѣрить счетъ масла.

Эти отчеты были ей очень непріятны, такъ какъ показывали отсутствіе довѣрія къ ней, но избѣжать ихъ нельзя было. Она съ презрѣніемъ толкнула тетрадочку и нѣсколько выпрямилась.

Онъ подсѣлъ къ ней и сталъ подробно обсуждать каждую цифру, которыя она нарочно, изъ упрямства, чтобы показать свое отвращеніе ко всякимъ счетамъ, написала очень небрежно. Ей пришлось наклонить свою огненную головку надъ тетрадкой, которую онъ держалъ въ рукахъ. И глаза его такъ засверкали, что онъ разсердился на самого себя и, не умѣя скрыть этого неудовольствія, нахмурился и принялся обстоятельно подсчитывать цифры, чтобы провѣрить итогъ, который она подписала внизу. Онъ вполголоса читалъ цифры, тыкая въ нихъ при этомъ грубымъ указательнымъ пальцемъ, точно насаживая ихъ на вилы. Она же, прилаживая заплату, наклонялась то направо, то налѣво, чтобы видѣть, хоро-

шо ли выходитъ, и при этомъ тихонько напѣвала сквозь зубы, точно шмель, который полудобродушно, полусердито жужжитъ найдя въ своемъ цвѣткѣ другого шмеля. Онъ не выдержалъ и невольно сталъ прислушиваться. Цифры путались передъ его глазами. Онъ разсердился и всталъ.

— Я кончу счетъ у себя въ комнатѣ!

— Ну и отлично,—отвѣтила она.

Вечеромъ, когда стало смеркаться, онъ пошелъ посмотрѣть, загнанъ ли скотъ. Обыкновенно онъ по получасу простаивалъ посреди своихъ животныхъ, вспоминая прошлое и думая о будущемъ каждаго изъ нихъ, но сегодня онъ разсѣянно смотрѣлъ куда-то въ даль и неожиданно повернулъ домой. Дойдя до двора, онъ снова круто повернулъ назадъ и, выйдя въ открытое поле и очутившись совсѣмъ одинъ, онъ вдругъ тихонько засмѣялся.

Поздно вечеромъ пошелъ дождь. Онъ сидѣлъ у отвореннаго окна въ своей комнатѣ, курилъ трубку и чувствовалъ себя удивительно хорошо, какъ это обыкновенно бывало съ нимъ въ этотъ часъ и на этомъ мѣстѣ, подлѣ ларя въ своемъ собственномъ міркѣ. Въ такія минуты въ немъ сказывалась склонность къ тихой домашней жизни, которую онъ унаслѣдовалъ отъ Тиссеновъ. Обыкновенно онъ сидѣлъ здѣсь въ пріятномъ сознаніи хорошо выполненной работы или же строилъ планы на будущее и мысленно распредѣлялъ свою жизнь, подобно ребенку, который, получивъ сладкій пирогъ, воображаетъ, что ему и конца не будетъ—такой онъ большой. Но сегодня онъ снова принялся философствовать и мечтать: до сихъ поръ у него немного было свѣтлыхъ дней; что бы ему сдѣлать, чтобы выйти изъ тѣни и спастись отъ холоднаго вѣтра?

До сихъ поръ вотъ какъ было: отъ заботъ—къ домамъ, отъ твердой каменистой почвы при Гравелоттѣ къ свѣже вспаханому полю, по которому такъ трудно ходить, и такъ далѣе. Въ концѣ-концовъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что и онъ имѣетъ право на какую-нибудь отраду.

Въ домѣ царила мертвая тишина. На дворѣ струился и тараторилъ дождь. Изъ яблочнаго сада доносилось нѣжное щебетаніе птицъ. Въ кустахъ что-то шепталось, шевелилось, и когда тяжелыя, прозрачныя дождевыя капли, скользя по вѣткамъ, падали на землю, казалось, что съ каждой изъ нихъ соскальзываетъ какое-то крошечное, прекрасное существо. Онъ глядѣлъ въ окно и все ждалъ чего-то, и, казалось, слышалъ, какъ кто-то тихо смѣется и какъ распускаются въ саду молодые листочки. Въ окнѣ и у окна кипѣла разнообразная жизнь: вились комары и мошки, бѣгали пауки, отыскивая себѣ подругъ, и, встрѣтившись, снова разбѣгались въ разныя стороны. Образъ Песочницы промелькнулъ передъ нимъ, вспомнились горделивыя фигуры двухъ женщинъ на картинѣ, лежавшей у него въ ларѣ. Онъ задумчиво смотрѣлъ передъ собой, и мысли его снова обратились къ Ленѣ Тарнъ. Она сидѣла рядомъ съ нимъ на бѣлой скамейкѣ, склонившись надъ книжкой и онъ видѣлъ красивую бѣлую шею ея подъ свѣтло-рыжими завитками волосъ. Онъ съ трудомъ оторвался отъ этихъ мыслей, нѣсколько выпрямился на стулѣ и медленно, явственно проговорилъ:

— Дѣянія мира.

Вдругъ дверь отворилась, вошла Лена Тарнъ и въ нерѣшительности остановилась на порогѣ.

— Войди!—сказалъ онъ.—Что тебѣ надо?—Онъ былъ такъ возбужденъ, что ему было трудно говорить.

— Я пришла за тетрадкой. Я думала вы еще не возвратились.

Она стала искать тетрадку на ларѣ. Тогда онъ заговорилъ съ ней:

— Ты всѣ эти дни въ дурномъ настроеніи, что съ тобой?

Она откинула назадъ голову и отрывисто сказала:—Мало ли что бываетъ съ человѣкомъ, это ничего, пройдетъ.

— Ты, вѣрно, рада, что Витенъ приходится теперь спать съ больнымъ и что ты осталась одна въ комнатѣ?

— Почему? Это мнѣ все равно. У кого совѣсть чиста, тому всегда хорошо спится, одинъ ли онъ въ комнатѣ, или вдвоемъ.

— Такъ значитъ у тебя совѣсть нечиста, потому что вчера вечеромъ, идя по корридору, я слышалъ, что ты кричала во снѣ.

— Ну да... Мнѣ нездоровилось.

— Вотъ еще... тебѣ нездоровилось? Это отъ луны; онъ свѣтила прямо къ тебѣ въ комнату.

— А я говорю: тутъ было причиной совсѣмъ другое.

— А я говорю, что отъ луны.

Она сердито поглядѣла на него.

— Будто ужъ вы все знаете? Да и не во снѣ совсѣмъ я кричала. Я и не думала спать, просто трое телятъ вырвались и прыгали по двору. Я ихъ и звала.

Онъ насмѣшливо расхохотался.

— Это, вѣрно, какіе-нибудь особенные лунные телята.

— Ну, не думаю. Вѣдь я сама заперла ихъ сегодня утромъ. Тутъ-то я и увидала, что дверь въ хлѣвъ была отперта. Мнѣ кажется, что работникъ эту ночь гулялъ гдѣ-то. У тебя такіе зоркіе глаза и ты заботишься о всякомъ вздорѣ. Удивительно какъ ты этого не замѣтилъ?

— Ты говоришь мнѣ «ты»?

— Да вѣдь и ты говоришь мнѣ «ты»? Я почти однихъ лѣтъ съ тобой, да ты вѣдь и не знатный графъ какой-нибудь и не глупѣе я тебя!

Она высоко закинула голову и схватила тетрадку съ окна, какъ будто вырывая ее изъ пламени, и онъ увидѣлъ, что глаза ея сверкаютъ гнѣвомъ.

— Берегись луны!—сказалъ онъ.— Иначе тебѣ сегодня ночью опять придется сторожить телятъ.

Онъ всталъ, но не рѣшался прикоснуться къ ней. Они посмотрѣли другъ на друга, каждый понялъ, о чемъ думаетъ другой. Въ его глазахъ блеснуло то же выраженіе, какъ сегодня утромъ: это былъ какъ бы взглядъ побѣдителя, говорившій ей: «Знаю я, что означаетъ этотъ дѣвичій гнѣвъ».

А ея глаза говорили:

— Я слишкомъ горда, чтобы любить тебя. Ахъ, я такъ тебя люблю!

Она нерѣшительно отошла въ полутемную глубину комнаты, какъ будто хотѣла дать ему время сказать еще что нибудь или пойти за ней. Но онъ былъ слишкомъ неповоротливъ для этого и только смущенно засмѣялся.

Наступила ночь.

Это была удивительно тихая ночь. Деревья все еще роняли слезы, какъ тихо плачущій ребенокъ, которому страшно, потому что его оставили одного. На горизонтѣ что-то сверкало, какъ будто мать внезапно входила со свѣчкой въ комнату, чтобы посмотрѣть спятъ ли ея дѣти. Дулъ легкій вѣтерокъ, словно мать чуть слышно напѣвала колыбельную пѣсню. Взошла луна, почти полная съ едва удлиненнымъ лицомъ, и миріады звѣздъ бросали на землю свой золотистый отблескъ. Все было тихо и торжественно. Даже люди, бывшіе въ это время въ пути, говорили между собой, понизивъ голосъ. Іернъ Уль сѣлъ и снова всталъ.

— Посмотрю-ка я на луну. Удивительно свѣтло. Онъ взялъ сдѣланную имъ самимъ подставку вынулъ изъ ларя подзорную трубу. Но это была уже не прежняя помятая подзорная труба, а совсѣмъ новая, красивая съ превосходнымъ объективомъ. Гимназическій учитель, слыхавшій о склонности молодого крестьянина къ астрономіи, принесъ ему однажды эту трубу. Это была первая и единственная роскошь, которую позволилъ себѣ Іёрнъ Уль.

Но въ ту минуту, какъ онъ стараясь не шумѣть, проходилъ по сѣнямъ, онъ увидѣлъ, что дверь въ комнату Лены Тарнъ отворена. Она вышла и прислонилась къ косяку.

— Ты еще не спишь?—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ. Она сказала:

— Еще не поздно.

— Небо ясное: хочу посмотрѣть немного на звѣзды. Если хочешь, можешь идти со мной. Сначала она было не пошла, но вскорѣ онъ услышалъ, что она идетъ за нимъ.

Онъ установилъ въ травѣ свой треножникъ и сказалъ ей:—Ты бы должна была пойти со мной въ воскресенье днемъ; въ тотъ разъ въ мою трубу видны были и луна, и такія красивыя звѣзды.

— Ахъ, что ты говоришь? Развѣ звѣзды и днемъ бываютъ на небѣ?

— Конечно. А какъ же!

— Ахъ... вотъ ужъ не думала! Я думала, что звѣзды, какъ ночной сторожъ: ночью въ работѣ, а днемъ въ постелѣ.

Іёрнъ Уль рѣшительно покачалъ головой.

— Какая у тебя въ головѣ ерунда. Неужто ты въ самомъ дѣлѣ такъ думала?

— Да!—сказала она.—Что ты на меня такъ смотришь? И правда, такъ думала.

Но онъ все-таки не вѣрилъ ей. Въ ея глазахъ всегда было нѣкоторое лукавство, даже когда она говорила серьезно.

Онъ принялся устанавливать трубу,—смотрѣлъ въ нее, снова устанавливалъ, потомъ, понизивъ голосъ, сказалъ.

— Теперь смотри.

Она такъ неловко стала передъ трубой, что онъ положилъ руку ей на плечо и сказалъ.

— Что ты тамъ видишь?

— О!—сказала она.—Я вижу... я вижу... большой крестьянскій домъ... Онъ горитъ. У него соломенная крыша. О!.. все горитъ, крыша вся въ огнѣ. Искры такъ и летятъ... Это настоящій, старинный дитмаршскій крестьянскій домъ. Вотъ ужъ я никогда не думала, что и на звѣздахъ живутъ крестьяне. На какой же это звѣздѣ?

— Вотъ-те на!—сказалъ онъ.—Нѣтъ, дѣвушка!.. Или ты не очень то умна, или большая плутовка.

— А что же?—сказала она и удивленно посмотрѣла на него.

— У тебя слишкомъ много воображенія,—отвѣтилъ онь серьезно. Это для науки не годится... Ну, что ты еще видишь?

— Я вижу... вижу... сбоку дома широкую доску. Она темная, потому что горящій домъ позади нея. Но за то я ясно вижу горящія сѣни. Три, четыре снопа упало съ чердака и лежатъ въ огнѣ на полу. Ой, какъ страшно!.. Покажи мнѣ другой домъ, только не въ огнѣ... Покажи мнѣ домъ, покажи мнѣ, знаешь ли, такой крестьянскій дворъ, гдѣ бы выняли телятъ.

Онъ весело разсмѣялся.

— Охъ, ты, плутовка!—сказалъ онъ. Тебѣ бы, пожалуй, хотѣлось увидать на небѣ и свою скамеечку, да? Вотъ такъ: надъ головой?

— Въ тебя бы стоило запустить этой скамейкой! Этого дня я тебѣ никогда не забуду... И того, какъ ты на меня тогда посмотрѣлъ! Уже повѣрь мнѣ!

Онъ никому еще не позволялъ принимать участіе въ своихъ наблюденіяхъ. Теперь онъ и удивлялся и радовался ея изумленію и радости.

— А ты, небойсь, этого ожидала? Видишь ли!.. То, что ты видѣла тамъ сбоку, была звѣздная туманность. Оріономъ называется. Знаешь ли, это такія звѣзды, которыя еще не образовались.

Она глубоко вздохнула.

— Я понимаю, что это тебѣ доставляетъ удовольствіе.

Онъ кивнулъ головой и сказалъ.

— За то, что ты такъ умно разсуждаешь, я покажу тебѣ и луну. Погоди немножко.

— Ты дѣлаешь такой видъ, будто можетъ распоряжаться всѣмъ, что тамъ наверху. Ну, давай сюда луну.

Онъ установилъ трубу и снова взялъ ее за локоть, какъ будто она была безпомощнымъ ребенкомъ.

Теперь она пришла въ безмѣрное изумленіе.

— Что это?.. шишки?.. Ой, да это совсѣмъ какъ нашъ мѣдный котелъ! Точь-въ-точь! Когда онъ чисто вычищенъ и виситъ надъ плитой, и утромъ огонь его освѣщаетъ.

— Шишки это горы и долины. Видишь ли ты на лѣво съ края вершины горъ?—Онѣ слѣва ярко освѣщены восходящимъ солнцемъ, а справа падаетъ ихъ темная тѣнь.

Недоумѣвая передъ всѣмъ тѣмъ, что она видѣла и слышала, она покачала головой и, потерявъ въ трубѣ луну, выпрямилась, взглянула на небо и сказала:

— Я вѣдь все это слышала въ школѣ, что-то объ огромномъ разстояніи и о величинѣ, но я тогда не повѣрила учителю Карстензену. Хотя онъ не вралъ,

но я всегда думала, что его самого-то надули. Ну, а теперь мнѣ сдается, что во всемъ этомъ была доля правды.

— Такъ!.. А теперь ты довольно насмотрѣлась и наговорилась умныхъ вещей. Иди домой! Ты простудишься, а потомъ опять будешь Богъ знаетъ что во снѣ видѣть. Ты вѣдь сможешь заснуть.

— Попробую.

Онъ снова хотѣлъ протянуть къ ней руку, но уваженіе, которое испытывалъ къ ней, удержало его. Ему показалось, что онъ не имѣетъ права брать ее вотъ такъ, мимоходомъ.

— Иди скорѣе!—сказалъ онъ.

Она ушла, а онъ остался. Онъ направилъ подзорную трубу на среднюю звѣзду Большой Медвѣдицы, потомъ еще разъ на луну и принялся разсматривать очертанія морей, чтобы дополнить начатую имъ карту луны. Время шло. Онъ усердно работалъ, стоя посреди двора, и безшумно возился со своей подзорной трубой. И снова онъ забылъ о молодой жизни, которая часъ тому назадъ билась и тяжело дышала подлѣ него, и снова показалось ему, что старый Дрейеръ былъ правъ. «Не дѣлай глупости, Іёрнъ!». А все-таки: «какая она красивая и хорошая. Счастливъ будетъ, котораго она заключитъ въ свои объятія!.. И какіе у нея будутъ чудесные глаза, когда она посмотритъ на человѣка по настоящему, съ полнымъ довѣріемъ».

Совы перелетали съ дерева на дерево, глядя на полунощника широко открытыми глазами, штукъ пять ёжиковъ сидѣло у кучи мусора, подъ бузиной, ссорились, мирились между собой и тихонько ворчали. Съ поля доносились знакомые звуки: раздавался крикъ чайки, слышалось отдаленное мычанье коровъ. Легонько позвякивала цѣпь, которой были спутаны ноги у лошади, а надъ дворомъ пролетали дикіе гуси.

Онъ слышалъ все это, но все это было такъ привычно, что уже не трогало его.

Гуси еще не пронеслись надъ его головой, какъ вдругъ ему показалось, будто онъ слышитъ надъ самой крышей дома тихій крикъ гуся и слабое трепыханье крыльевъ.

Онъ оглянулся и подумалъ: Неужели дикіе гуси пролетаютъ сегодня черезъ садъ?

Но тутъ онъ увидѣлъ у дома ярко освѣщенную луннымъ свѣтомъ бѣлую человѣческую фигуру, которая, прикрывъ одной рукой глаза, другой ощупывала стѣну, какъ будто хотѣла войти въ домъ тамъ, гдѣ не было никакой двери, и быстро и возбужденно говорила:

— Телята въ саду! Ты долженъ былъ бы за ними присматривать лучше! Вставай же, Іёрнъ, и помоги мнѣ.

Іёрнъ Уль въ три прыжка подскочилъ къ ней и тихо позвалъ ее по имени:

— Я здѣсь... здѣсь! Это я... Ну, ну!.. Успокойся! Вѣдь это я... Больше здѣсь никого нѣтъ.

Она смолкла и принялась протирать себѣ глаза тыльной стороной руки, какъ дѣлаютъ это дѣти, и жалобно, тоже совсѣмъ по-дѣтски заговорила. Тогда онъ обнялъ ее и снова сталъ объяснять ей, гдѣ она, и отвелъ ее къ хлѣву, стараясь успокоить ее.

— Вотъ видишь! Вотъ онъ входъ въ хлѣвъ! Здѣсь вѣдь ты и прошла, звѣздочетка эдакая! По всему хлѣву во снѣ прошла. Опять ты лунныхъ телятъ искала? Эдакая дурочка! Ну вотъ, теперь тебѣ нечего бояться. Теперь ты скоро будешь у себя въ комнатѣ.

Когда она, наконецъ, поняла, что съ ней творится, она испугалась и, закрывъ лицо руками, жалобно простонала:

— О-о! какъ мнѣ страшно!

Но онъ ласкалъ ее и, отводя ея руки отъ лица, нѣжно говорилъ:

— Ну, полно, полно... Не бойся...

Такъ дошли они до отворенной двери, которая вела въ ея комнату.

Должно быть это была удивительная ночь. Не говоря уже о томъ, что половина телятъ, дѣйствительно, забрались съ пастбища въ садъ, работникъ совсѣмъ не возвратился домой въ эту ночь; онъ пришелъ только на разсвѣтѣ, напѣвая что-то себѣ подъ носъ. Увидѣвъ молодого хозяина, который ходилъ большими шагами вдоль дома, опустивъ глаза въ

землю, какъ будто онъ искалъ какой-то потерянный слѣдъ, онъ сказалъ ему:

— Будетъ съ меня одинокой жизни. Если я до осени найду порядочную дѣвушку, я женюсь.

Напившись поутру кофе, Іёрнъ Уль, также какъ и вчера, натянулъ свой праздничный сюртукъ и отправился въ деревню. Приходскій писарь былъ въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ вчера. Онъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія. Въ качествѣ приходскаго писаря, причетника, церковнаго казначея и мѣстнаго брандмейстера ему пришлось не мало пережить на своемъ вѣку, и онъ зналъ, что нѣтъ ничего болѣе страннаго и непонятнаго, какъ мѣстный обыватель.

— Правильно, Уль,—сказалъ онъ.— Не хорошо человѣку быть едину; надо ему дать помощницу. Марія-Магдалена Тарнъ, законная дочь Яспера-Корнелія Тарна изъ Тодума. Девятнадцать лѣтъ. Еще молода, Іёрнъ. Но состариться она еще успѣетъ.

Когда, возвращаясь, онъ шелъ по яблочному саду, онъ увидѣлъ неподалеку отъ садовой калитки лежавшаго тамъ на камняхъ дикаго гуся, который былъ еще живъ. Іёрнъ добылъ его и взялъ съ собой въ кухню, гдѣ Лена съ пылающими щеками стояла передъ горящей печкой. Онъ показалъ ей гуся и сказалъ:

— У него крыло было сломано, и онъ лежалъ на камняхъ.

Она бросила робкій взглядъ на птицу и ничего не сказала.

— Ну, — сказалъ онъ смущенно. — Мнѣ хотѣлось бы знать, что ты теперь думаешь обо мнѣ? А?

Она ничего не отвѣтила. Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Ты вѣдь всегда была храбрая, въ особенности со мной. Закинь же голову да выбрани меня хорошенько, какъ я этого заслужилъ.

Но она молчала, только сжала обѣими руками виски и пристально глядѣла на яркое пламя.

Тогда онъ нѣжно взялъ ея руку, обнялъ ее и пошелъ съ ней черезъ сѣни въ комнаты. Она покорно слѣдовала за нимъ, опустивъ глаза, попрежнему запустивъ другую руку въ волоса. Придя въ комнату, онъ усадилъ ее на большое кресло, стоявшее у окна.

— Вотъ такъ!—сказалъ онъ мягко.— Здѣсь мы совсѣмъ одни, Лена. Ты печальна, милая, ты сердишься? И смѣяться ужъ больше не хочешь?

Онъ сѣлъ на ручку кресла и принялся гладить ей волосы, щеки и сложенныя на колѣняхъ руки. Но она не глядѣла на него.

— Здѣсь, въ этомъ креслѣ, мать моя сиживала, бывало, по воскресеньямъ,— говоритъ Витенъ. — Теперь это твое мѣсто.

Она все еще молчала.

— Я былъ у причетника, Лена, и привелъ все въ порядокъ, и въ іюнѣ будетъ свадьба... Ты все еще ничего не говоришь?

Тогда она схватила его руки и тихо сказала:

— Ты думаешь, что этимъ все исправлено?

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Тогда онъ сталъ ласкать ее и цѣловать.

— Только не плачь, дитя мое! Ты вѣдь моя милая маленькая невѣста! Ну, развеселись!—И не зная какъ утѣшить ее, онъ прибавилъ:—я никогда больше не буду... только засмѣйся.

Наконецъ, не находя больше новыхъ ласкательныхъ именъ, онъ назвалъ ее «Краснушкой». Тутъ ужъ ей ничего больше не оставалось дѣлать, какъ разсмѣяться, потому что это было названіе лучшей коровы, стоявшей на первомъ мѣстѣ въ хлѣву. Потомъ, поднявъ голову, она посмотрѣла на него, долгимъ, пристальнымъ взглядомъ. Іёрна Уля охватило при этомъ чувство того теплаго, тихаго счастья, какого и онъ, по его мнѣнію, заслуживалъ.

Глава девятнадцатая.

Это былъ счастливый годъ. Они гордились другъ другомъ и своей усадьбой, въ которой они хозяйничали съ извѣстнымъ достоинствомъ.

Старикъ Уль попрежнему не владѣлъ своими членами, но вышелъ изъ своего соннаго состоянія и проводилъ дни въ креслѣ. Ѣлъ онъ съ удовольствіемъ, курилъ тоже и настолько овладѣлъ рѣчью, что домочадцы могли понимать его отрывистые возгласы. Младшій сынъ каждый день приходилъ къ нему и, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, разсказывалъ, не глядя на отца, что происходило въ теченіе дня во время работъ. Отецъ при этомъ молчалъ. А когда сынъ уходилъ изъ комнаты, повторялъ все, что слышалъ, но совершенно безсмысленно, переиначивъ разсказанное. Когда онъ принимался ругаться, Витенъ Пеннъ начинала говорить объ его женѣ: «разъ хозяйка сказала...», или: «разъ дома не было ни души, только я, да хозяйка, тутъ она стала откровеннѣе и разсказала...», или же: «когда должна была родиться маленькая Эльсбе, которая теперь брошена этому негодяю, Гарро Гейнзену...». Или же она расхваливала Лену Тарнъ и трудовую жизнь усадьбы. Тогда онъ затихалъ и закрывалъ глаза; скривившійся ротъ его еще больше искривлялся. Веселый, добродушный смѣхъ, которымъ онъ прежде отличался, совершенно исчезъ у него.

Молодой хозяинъ давно уже возвратился къ работѣ, не переставая въ то же время думать о завтрашнемъ и о послѣзавтрашнемъ днѣ, объ томъ, пора ли продавать зерно и скотъ и удастся ли ему собрать нужную сумму, чтобы къ 10-му ноября уплатить проценты. Конечно, онъ былъ очень счастливъ и гордъ, думая о томъ, что двадцати четырехлѣтнему юношѣ, довѣрили веденіе такой большой усадьбы и что рядомъ съ нимъ работала такая славная, цвѣтущая и веселая жена. Но вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ онъ не могъ. Онъ былъ похожъ на оленя, за которымъ гонятся охотники и который наскоро опускается на колѣни у ручья и, только наполовину утоливъ свою жажду, снова вскакиваетъ, потому что слышитъ за собой охотниковъ и собакъ.

У молодой женщины такихъ заботъ не было. Но съ утра до поздняго вечера она была въ хлопотахъ; работа горѣла въ ея рукахъ. Ни одного гроша не тратила она безполезно. Тисъ подарилъ ей къ свадьбѣ нѣсколько метровъ сѣраго люстрина. Она сдѣлала себѣ изъ него два простыхъ платья съ широкими рукавами, которые растегивались внизу у кисти. Въ этомъ платьѣ она работала, всегда здоровая, всегда веселая, все болѣе расцвѣтающая, съ загорѣвшими руками и почти всегда засученными до локтя рукавами, и при этомъ вѣчно напѣвала.

Теперь она находилась въ кухнѣ.

— Грета, — сказала она, — живѣе. Чѣмъ живѣе ты будешь работать, тѣмъ скорѣе найдешь мужа.

— Вотъ еще, очень нужно!

— А если онъ будетъ хорошій?

— Развѣ есть хорошіе мужья?

— Слушай, дѣвушка, ты и моего мужа считаешь дурнымъ?

— Хозяина-то?

— Ну нечего болтать! Ты думаешь я такъ и буду говорить съ тобой о моемъ мужѣ? Смотри, какой еще тебѣ самой попадется это, я тебѣ скажу, не шутки... Теперь я къ телятамъ схожу.

И она отправилась въ хлѣвъ, къ самому маленькому теленку.

— Больно ужъ скоро тебя отъ матки-то оторвали, рыжикъ ты мой бѣдненькій! Ну, соси... Не то ударю... Я вѣдь тебѣ мачиха... Такъ... Ладно. Сытъ теперь? Ну, такъ я тебя уложу спать. Спѣть тебѣ пѣсенку? Довольно я ихъ знаю, колыбельныхъ пѣсенокъ, когда-то только онѣ мнѣ понадобятся? Не гляди на меня такъ глупо, рыжикъ, мнѣ некогда. Если мимо тебя пройдетъ хозяинъ со своими длинными ногами, поклонись ему и скажи, что онъ хитряга. Когда ты вырастешь, придется и тебѣ съ нимъ вмѣстѣ полетѣть въ ровъ, какъ это сдѣлалъ въ прошломъ году твой братъ. Онъ это заслужилъ. Ну, что онъ со мной сдѣлалъ?

Въ то время, какъ она стояла у корыта, къ ней подошли маленькія дѣти сосѣда и принялись дружески и довѣрчиво разговаривать съ ней. Нѣкоторое время они мирно бесѣдовали, потомъ дѣти стали прислушиваться: они услыхали тихій пискъ.

— Сосѣдка, что это, у тебя пищитъ?
— Прислушайтесь-ка!
— Сосѣдка, гдѣ это пищитъ?
— Прислушайтесь!
— Послушай, сосѣдка, что у тебя пищитъ въ груди!

Тогда она встала передъ дѣтьми на колѣни, разстегнула платье на груди и показала имъ маленькаго цыпленочка, котораго она нашла полузамерзшимъ и теперь отогрѣвала на своей груди. Когда она, вмѣстѣ съ шерстянымъ платкомъ, въ который онъ былъ завернутъ, выложила его на землю, онъ громко запищалъ.

Дѣти удивились, а Лена Тарнъ начала смѣяться и сказала:

— Скажите вашей матери: «мама! у сосѣдки что-то пищитъ!»

Въ этихъ краяхъ существуетъ обычай говорить такимъ образомъ, когда молодая женщина находится въ ожиданіи ребенка.

У Лены Тарнъ не было никакой склонности безпокоиться и тревожиться. Она жила, какъ ребенокъ, изо дня въ день. Вѣроятно поэтому-то она и понравилась Іёрну, что въ этомъ важномъ пунктѣ она была совершенною противоположностью ему. Она жила безпечно, какъ птица. Взгляните на птицы небесныя: онѣ не сѣятъ, не жнутъ, а все-таки сыты. Ничего она для себя не желала, ничего на себя не тратила,—поэтому, думала она, все должно идти хорошо. Она думала, что можетъ все преодолѣть своимъ честнымъ трудомъ.

Однажды осенью ей вдругъ пришло на умъ, что у него все-таки есть заботы. Онъ шелъ изъ деревни черезъ дворъ, и она замѣтила въ дверное окно, что онъ остановился въ тяжеломъ раздумьѣ. Она вышла къ нему и сказала:

— Развѣ у тебя такъ много заботъ, Іёрнъ? Поди, посиди со мной здѣсь, на скамейкѣ.

— Я не люблю здѣсь сидѣть. Это слишкомъ торжественно; какъ будто на показъ людямъ: посмотрите, молъ, вонъ хозяинъ сидитъ со своей женой.

— Ты хозяинъ, а я жена твоя! До чего это странно, какъ подумаешь!

Она поставила локоть на круглый столъ, оперлась щекой на руку и задумчиво поглядѣла на него:

— Да, въ этомъ-то и была ошибка. Тебѣ надо было бы имѣть богатую жену, тогда у тебя и заботъ не было бы, бѣдный ты мой Іёрнъ!

Онъ ничего не сказалъ.

Тогда она тихо продолжала:

— Работать я люблю и умѣю. И смѣяться тоже. И если бы дѣло было только въ хлѣбѣ насущномъ да въ платьѣ, такъ я съумѣла бы собственными руками накормить и одѣть и тебя, и нѣсколькихъ дѣтей. Но тутъ этого мало. Вотъ, если бы мои руки творили серебро а мое пѣнье—золото!

— Успокойся!—сталъ онъ утѣшать ее.—Я соберу проценты. Правда, мнѣ придется продать двухгодовалокъ, а я бы охотно продержалъ ихъ еще годикъ.

Она уже снова начала смѣяться!..

— Смотри только, не ошибись какъ-нибудь потомъ, и не продай собственныхъ дѣтей!

— Сколько *это* будетъ стоить?

— Ахъ, ты, бѣдный мой Іёрнъ Уль! Сколько это будетъ стоить? Немного. Я лягу въ комнату Витенъ, и Витенъ въ продолженіи четырехъ, пяти дней придется ухаживать за двумя больными. А потомъ я встану и примусь за свою работу.

Онъ съ дѣтства привыкъ размышлять въ одиночествѣ. Такъ онъ и выросъ, и теперь напоминалъ собою домъ, окруженный высокимъ заборомъ. Молодая жена его смѣялась, пѣла, работала, любила его, но при всемъ томъ не проникала въ его душу дальше ея преддверія. Иногда она принималась стучаться въ его душу; но онъ не впускалъ ее. Она была слишкомъ хороша, слишкомъ мила ему, слишкомъ весела. Зачѣмъ ей было заглядывать въ его темную, тревожную душу.

Если бы она дожила до болѣе зрѣлаго возраста и до болѣе свѣтлыхъ дней, изъ нея выработалась бы одна изъ тѣхъ изрѣдка встрѣчающихся прекрасныхъ крестьянскихъ женщинъ, которыя, со своей постоянной веселостью, находчивостью и ловкими руками, со своей не-

торопливой энергіей, являются центромъ и силой всего двора. Но теперь она была еще слишкомъ молода, чтобы вполнѣ проявить весь свой характеръ, и слишкомъ находилась подъ впечатлѣніемъ своей бѣдной молодости, чтобы сознавать свое настоящее значеніе.

Но, какъ будто предчувствуя, что времени у нея оставалось немного, она всему и всѣмъ, окружавшимъ ее, отдавала всю полноту своего любящаго сердца и своей жизнерадостной натуры.

Вечеромъ, когда она оставалась съ нимъ наединѣ, она была его радостью. Она лежала въ его объятіяхъ и задавала всегда одинъ и тотъ же вопросъ:

— Сегодня вѣдь все хорошо, не правда ли?

— Да.

— У меня ужъ все бѣлье высохло... Ты тоже?

— Что? я... высохъ?

— Ахъ!.. я говорю, много ли ты наработалъ?

— Да!.. поле подъ бобы вспахано.

— Ахъ какъ это непріятно! Ты вѣдь знаешь, что меня такъ злитъ?

— Знаю.

— Что я изъ-за людей пѣть не могу. Прежде, когда я еще въ дѣвушкахъ была, я цѣлый день пѣла. И никому-то до этого дѣла не было, даже и тебѣ, хотя ты всегда проходилъ мимо меня, задравъ носъ. Ну, а теперь, я должна сдерживаться. И говорить все, что мнѣ взбредетъ на умъ, тоже нельзя. Это, пожалуй, еще хуже!

— Да вѣдь ты сегодня весь день мурлыкала!

— Мурлыкала, но не пѣла!.. Ну?.. скажи же что-нибудь!

— Ну, валяй! Только не слишкомъ громко.

Тогда она начинала пѣть разныя новыя и старыя пѣсни, по преимуществу старыя народныя, но понизивъ голосъ. Потомъ прятала свою голову ему подъ руку и смѣялась:

— Если-бъ это люди узнали!

Потомъ, подперевъ голову рукой и прижавшись къ нему, она разсказывала ему всѣ свои выдумки и наслаждалась, какъ наслаждается мать, играя пестрой гирляндой передъ своимъ ребенкомъ.

Утромъ она еще заботилась о людяхъ и поила молокомъ только что родившагося теленка: у нея былъ особый даръ и склонность помогать новорожденнымъ. Потомъ она поспѣшно, быстрыми руками поставила воду на огонь. Потомъ пошла къ Витенъ:

— Молодая пеструха отелилась прекраснымъ теленкомъ, а теперь и я...— она хотѣла размѣяться, но не смогла.

Витенъ была уже около нея и обхватила ее руками.

— Ты дѣлаешь глупости! — сказала она. — Поди ложись. Часъ твой насталъ!

* * *

Это былъ красивый и сильный мальчикъ, и хотя все произошло согласно изрѣченію: «въ страданіяхъ будешь рождать дѣтей» и хотя она, къ своему удивленію, была измучена и ослабѣла, но на другое же утро она уже мурлыкала ребенку первую колыбельную пѣсенку; и, несмотря на то, что Витенъ предостерегала ее и требовала отъ Іёрна, чтобы онъ рѣшительно запретилъ ей это, она все-таки на шестой день встала. Весь день она одна ухаживала за ребенкомъ и пошла даже въ кухню за водой, чтобы выкупать его и была счастлива и горда, какъ королева. Іёрнъ Уль не противился этому. Онъ былъ гордъ тѣмъ, что у него такая здоровая жена: «не такая нѣженка, какъ другія». Іёрнъ Уль былъ слишкомъ молодъ и глупъ.

Она говорила потомъ, что въ кухнѣ былъ сквознякъ. Это было ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда дуетъ холодный и сырой вѣтеръ, и воздухъ влажный, и солнца еще нѣтъ, и кажется, будто настоящая весна никогда не наступитъ. Но обвинять Бога и природу легко. Правда заключалась въ томъ, что они не были достаточно чистоплотны...

Въ тотъ же вечеръ она лежала въ постели съ пылающими щеками и была совершенно безучастна къ окружающему, а ночью стала бредить. Она, эта ласковая, никогда никого не обидѣвшая женщина, въ своемъ бреду заходила ко

всѣмъ въ домъ,—даже къ мальчишкѣ, что былъ у нихъ на побѣгушкахъ, ко всѣмъ сосѣдямъ и у всѣхъ просила прощенія:

— Если я въ чемъ-нибудь виновата передъ тобой...

Какъ бы услыхавъ призывъ ея испуганной души, собрались къ ней лучшіе изъ ея друзей. Тисъ Тиссенъ неожиданно появился въ ея комнатѣ. Мартовскій вѣтеръ еще больше изсушилъ его сморщенное лицо. Онъ сказалъ, что Лисбета убѣдила его уѣхать съ ней изъ Гамбурга и провести первые весенніе дни въ Гезгофѣ. Онъ подошелъ къ постелѣ и тотчасъ же отступилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ—такъ онъ испугался, — и, уйдя въ сѣни, принялся растерянно ходить взадъ и впередъ, и теръ себѣ руки, и качалъ головой.

Утромъ пришла свѣтловолосая молодая дѣвушка. Она подошла къ Іёрну Улю, который безпомощно стоялъ у постели больной, подала ему руку и сочувственно поглядѣла на него:

— Послушай, Лена,—сказалъ онъ,—это Лисбета Юнкеръ, съ которой я въ дѣтствѣ игралъ. Я разсказывалъ тебѣ объ ней.

Но Лена Тарнъ осталась попрежнему безучастной. Когда Витенъ подала ей ребенка, она поглядѣла на него долгимъ спокойнымъ взглядомъ. Послѣ этого мать и дитя никогда уже больше не видали другъ друга.

Къ вечеру жаръ усилился. Она занимала всю широкую кровать. Люди ходили по комнатѣ, шли въ кухню, возвращались. Лисбета Юнкеръ стояла у окна и глазами, полными слезъ, глядѣла въ темноту. Тисъ Тиссенъ стоялъ въ кухнѣ у очага и мѣшалъ кочергой тлѣющіе уголья. Докторъ пришелъ въ третій разъ и скоро снова уѣхалъ. Когда кучеръ, знавшій его раньше, обернулся къ нему, онъ увидѣлъ, что глаза у доктора были озабоченные.

Пришелъ также и пасторъ и сталъ говорить съ Іёрномъ Улемъ; онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы говорить съ одной изъ дубовыхъ вѣшалокъ, стоявшихъ въ сѣняхъ. Это была долгая тревожная ночь, тяжкая, горестная ночь.

Къ утру она стала спокойнѣе, но страшно ослабѣла и съ трудомъ могла говорить.

— Скажи отцу, что я его любила.

Іёрнъ Уль зарыдалъ.

— Вѣдь онъ не сказалъ тебѣ ни одного ласковаго слова, милая.

Она попробовала улыбнуться.

— Кромѣ хлопотъ и труда, у тебя вѣдь ничего не было!—сказалъ онъ.

Тогда она коснѣющимъ языкомъ попыталась высказать ему, что она была очень счастлива. Онъ низко наклонился къ ней. Она попробовала погладить его руку. На другихъ она уже не обращала вниманія; даже и о своемъ ребенкѣ словно позабыла.

Къ вечеру, когда лихорадка возвратилась, онъ разсказалъ ей, что во дворъ приведены обѣ новыя коровы. Тогда она захотѣла увидѣть ихъ. Она попросила его объ этомъ. Ей хотѣлось показать, что она еще не безучастна: она думала утѣшить его этимъ, но въ полубреду не поняла, какъ это высказанное ею желаніе отзовется въ его душѣ.

Работникъ и старшая работница провели обѣихъ рослыхъ коровъ по комнатѣ. Она взглянула на нихъ и улыбнулась.

Вечеромъ лихорадка снова охватила все ея существо, и она боролась съ ней до поздней ночи. Тутъ силы ея истощились. Ночью пріѣхалъ докторъ. Фонари у его экипажа мерцали и колебались на холодномъ вѣтру. Онъ осмотрѣлъ больную, отозвалъ Іёрна Уля въ сторону и сказалъ, что надежды больше нѣтъ. Если надо еще привести что нибудь въ порядокъ...

Іёрнъ Уль снова подошелъ къ кровати, у которой онъ стоялъ вотъ уже шестнадцать часовъ. Да, тутъ надо было привести кое-что въ порядокъ. Кое-что. Онъ наклонился къ ней и неловкими, неумѣлыми словами сказалъ ей, какъ онъ ее любилъ.

Она попробовала взглянуть на него.

Это былъ долгій удивленный взглядъ. Вѣдь она впервые заглянула въ самую его душу, но вѣки ея были слишкомъ тяжелы.

Послѣ полуночи она пришла немного въ себя. Она проговорила нѣсколько

словъ, указывавшихъ на то, что она вспомнила о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ ею въ Тодумской степи. Можно было разобрать что-то въ родѣ: «У тебя босыя ноги»... и «Тамъ есть змѣи»...и «Вотъ опять красивые, голубые»... Сначала она разговаривала со своими школьными товарищами. Они бѣгали среди кустарника. Степь тянулась безконечно. Тогда остальные испугались и захотѣли вернуться домой. «Да, — говорила она, значитъ, мнѣ придется идти одной?» — И она стала подавать всѣмъ руку. Но, переходя отъ одного къ другому, она вдругъ замѣтила, что это совсѣмъ не школьники... А около нея стоялъ старый учитель Карстензенъ, и его красивые, темные глаза блестѣли, какъ это бывало съ нимъ иногда во время уроковъ закона Божьяго, когда онъ отодвигалъ въ сторону катехизисъ Лютера и начиналъ отъ себя говорить о вѣрѣ и духовной силѣ Христа. Онъ гладилъ ее по головѣ, которая была горяча отъ солнечнаго свѣта, и говорилъ:

— Ну, теперь смотри—не заблудись, чтобы не пропустить усадьбу Улей.

И Іёрнъ Уль стоялъ тутъ же и подалъ ей на прощанье руку, и цѣловалъ ее, и плакалъ, и она не понимала, какъ могъ этотъ большой, могучій, сильный человѣкъ дойти до слезъ. Она ясно слышала это. И Витенъ Пеннъ была тоже тутъ и ходила по саду съ какимъ-то ребенкомъ, который уже умѣлъ ходить. И много еще было народу, и всѣ плакали. Она ясно слышала горькія рыданья вокругъ себя. Тогда она отвернулась и пошла одна по степи, прочь отъ людей, все дальше и дальше. И кругомъ было пустынно, становилось темно, и ей дѣлалось страшно. Но въ то время, какъ она шла дальше, все прояснялось, свѣтлѣло, какъ будто тяжелая черная туча, затмевавшая солнце, отодвигалась въ сторону. И мало-по-малу, вмѣстѣ съ увеличивающимся свѣтомъ, вокругъ нея стали появляться какіе-то призраки. Они шли съ обѣихъ сторонъ, безпрерывно, о для того, чтобы не испугать ее, они шли по одиночкѣ и подходили сзади и сбоку, безшумно. Они походили на людей, но глаза ихъ были гораздо яснѣе и чище, и у нихъ была такая легкая походка, какъ будто они никогда не знали заботъ, и одежда ихъ была какъ бы изъ бѣлаго шелка И наконецъ ихъ собралось такъ много, и они такъ близко стояли къ ней, что вокругъ нея образовалось какъ бы кольцо, и всѣ были ласковы съ ней. И тутъ ей захотѣлось смѣяться. Но они сказали, что смѣяться пока еще нельзя. Дорога стала подыматься въ гору, спереди до нея доносилось что-то въ родѣ свѣта или пѣнія. Что то кроткое и сильное настигало ее. Множество рукъ охватили ее и вели впередъ, и она очутилась передъ какимъ-то Свѣтлымъ Существомъ. Она протянула руку, и вдругъ въ рукѣ этой оказался большой букетъ свѣтящихся красныхъ цвѣтовъ, и она подала ихъ этому Существу и сказала:

— Вотъ все, что у меня есть. Пожалуйста, оставь меня у себя. Я страшно устала. Я потомъ буду работать, сколько могу. И если ты согласенъ, я бы очень хотѣла при этомъ пѣть...

Когда на деревнѣ узнали, что Лена Тарнъ умерла въ родахъ, всѣ женщины забѣгали отъ одного дома къ другому, и всѣхъ охватила сильная печаль. Во всемъ Маріендоннѣ не было ни одного дома, въ которомъ бы окно, справа отъ входной двери, не было завѣшано бѣлой простыней. Даже старый Іохенъ Ринкманъ, который обыкновенно поступалъ какъ разъ наоборотъ тому, какъ поступали остальные, и всегда былъ такой несговорчивый, что даже во время пожара тушилъ только свой уголъ и сердился на того, кто хотѣлъ тушить огонь на томъ же мѣстѣ,—и онъ взялъ свой синій столярный фартукъ, потому что ничего другого у него не было подъ рукой, и завѣсилъ въ своей маленькой мастерской окно, бывшее ближе всего къ входной двери, и цѣлый день работалъ въ полутьмѣ. А вѣдь даже и гробъ дѣлалъ не онъ.

Когда Іёрнъ Уль на четвертый день возвратился съ кладбища и увидѣлъ, что дѣвушки и работники стоятъ всѣ вмѣстѣ, онъ велѣлъ каждому идти къ своему дѣлу. Въ среднихъ сѣняхъ онъ остановился и сталъ прислушиваться. Онъ

часто стаивалъ здѣсь и прислушивался, откуда доносится пѣніе и слышится легкая, смѣлая походка? въ кухнѣ ли она, или въ комнатѣ? Въ то время, какъ онъ прислушивался, онъ услыхалъ тонкій плачъ ребенка. Тогда онъ вошелъ въ комнату. Тутъ за печкой сидѣлъ отецъ и держалъ въ рукѣ потухшую трубку и бранился, что Витенъ не заботится больше о немъ, а у постели стояла Витенъ, склонившись надъ ребенкомъ. И въ комнатѣ царилъ безпорядокъ.

Глава двадцатая.

Въ нашей странѣ встрѣчаются иногда крестьянскіе дворы, которые кажутся вымершими. Скупость или долги, или продолжительная неизлечимая болѣзнь хозяина убили всякую жизнь, бывшую въ домѣ, и гонятъ прочь все, что хотѣло бы войти въ него извнѣ. Земля вертится, культура идетъ впередъ, нравы и обычаи мѣняются, народъ ведетъ войны, экономическія условія окрестнаго населенія то улучшаются, то ухудшаются, а пустой дворъ, около безлюднаго поля, подъ тѣнью высокихъ, темныхъ деревьевъ, остается въ томъ же положеніи. Словно заржавѣвшій гвоздь, въ сырой стѣнѣ, торчитъ этотъ одинокій дворъ. Работница въ кладовой или конюхъ въ конюшнѣ забудутся минутой и зальются громкимъ смѣхомъ, а затѣмъ все снова стихнетъ.

Былъ пасмурный ноябрьскій день. Сырой западный вѣтеръ уже нѣсколько дней свистѣлъ въ тополяхъ, которые стонали и шумѣли, точно тяжелыя морскія волны. Въ это то время изъ Гамбурга вдругъ пріѣхали домой оба брата.

Они сдѣлали видъ, будто хотятъ только провѣдать больного отца и посмотрѣть, что дѣлается въ отцовской усадьбѣ. Но отецъ отвернулся отъ нихъ къ стѣнѣ. Когда они вышли, онъ сталъ браниться и говорить, что всѣ нынѣшніе Ули ничего не стоятъ, что онъ былъ единственный настоящій Уль. Послѣ этого они перестали обращать на него вниманіе, ходили по всему дому и заглядывали въ конюшни и въ хлѣва, кое-что хвалили, но больше порицали и разсказывали о торговлѣ сѣномъ и соломой, которую они вели, и о крупныхъ дѣлахъ своихъ. Въ тотъ же вечеръ они отправились въ трактиръ, выманивъ предварительно у Іёрна двадцать марокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «у нихъ не было мелкихъ». Поздно ночью они возвратились домой.

Іёрнъ Уль не спалъ эту ночь; онъ лежалъ на спинѣ, не смыкая глазъ, лежалъ, вперивъ глаза въ потолокъ, и думалъ. Онъ зналъ, что братья дошли до крайности и что они хотятъ получить отъ него деньги. Онъ замѣтилъ, что платье ихъ все въ пятнахъ и сильно потерто. Краска бросалась ему въ лицо при мысли, что сыновья Улей сидѣли и пили въ трактирѣ.

На другой день, передъ обѣдомъ, они, какъ бы мимоходомъ, сказали ему:

— Послушай, мы хотимъ взять немного денегъ у Франца Раппа. Онъ самъ намъ предложилъ. Деньги въ Гамбургѣ важное дѣло; свои ли, чужіе ли— все равно. Такъ вотъ мы и беремъ у него. А ты на всякій случай—вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ—подпиши вексель.

— Еще бы!—сказалъ Іёрнъ Уль.— Какъ не подписать!.. Самъ я по уши въ долгахъ. Да и какой я поручитель!

— Это одна формальность,—сказалъ Генрихъ.

И младшій братъ не нашелся, что на это отвѣтить.

Въ тотъ же вечеръ дѣло было сдѣлано, и Гансъ снова уѣхалъ; ему было необходимо заплатить этими деньгами по фальшивому векселю, за который его могли привлечь къ суду. А Генрихъ остался. Онъ жаловался на ревматизмъ въ больной ногѣ и говорилъ, что влажный, мягкій воздухъ Марша полезенъ ему. Онъ принялся шататься по мѣстнымъ трактирамъ и купилъ себѣ новое платье на счетъ брата.

Какъ-то разъ вечеромъ передъ Рождествомъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Іёрнъ сидѣлъ одинъ въ полутьмѣ, и объявилъ, что ему, молъ, нужны десять марокъ. Іёрнъ спокойно отвѣтилъ, что ничего не дастъ. Тогда глаза Генриха

злобно засверкали: деньги онъ все-таки достанетъ; онъ взялъ уже у Раппа триста марокъ на имя брата. Іёрнъ Уль все еще оставался спокойнымъ, хотя голосъ его дрожалъ, когда онъ заговорилъ: онъ больше никогда и ничего не дастъ брату, который только и дѣлаетъ, что шатается по трактирамъ и позоритъ всю семью. Генрихъ раскричался и поднялъ руку на брата. У того закипѣла кровь; онъ бросился на пьянаго, схватилъ его и вытолкалъ за дверь.

Съ этихъ поръ хромоногій притихъ. Онъ приказывалъ работницѣ или случайно попадавшимся работникамъ приносить себѣ скамейку и сидѣлъ съ работникомъ сосѣда, извѣстнымъ кутилой, въ своей комнатѣ, а потомъ бросался на постель и спалъ пьянымъ сномъ. Къ обѣду онъ рѣдко появлялся. Казалось, водка замѣняла ему пищу.

Іёрнъ переносилъ это молча, съ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ. Старый Дрейеръ сказалъ ему:

— Не спускай его съ глазъ, Іёрнъ! У Фрица Раппа недоброе на умѣ противъ тебя, потому что ты не хочешь платить долга Гейнриха. Они сказали, что двѣ недѣли будутъ поить его кюммелемъ.

Когда пьяница собирался куда-нибудь уходить, Іёрнъ загораживалъ ему дорогу и сурово заявлялъ:

— Сиди дома.

Но въ одинъ прекрасный день, весной, ему все-таки удалось уйти. Послѣ этого онъ цѣлый годъ таскался повсюду, какъ настоящій бродяга, работалъ настолько, чтобы хватало на выпивку, пугалъ отца и брата, по временамъ проходилъ со своими товарищами, пропойцами, мимо усадьбы, кричалъ и грозился.

Весной старый Уль сталъ вставать со своего кресла и ходить, хотя и съ трудомъ, опираясь на палку. Онъ часто стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ дома, и глядѣлъ на дорогу. Потомъ, засунувъ руки въ карманы, безъ шапки, съ спутанными сѣдыми волосами, бродилъ онъ вокругъ дома, высматривая, не идетъ-ли кто-нибудь по пустынной дорогѣ, кому бы онъ могъ пожаловаться на то, какъ разоряютъ усадьбу Клаусъ Уль и его сыновья. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ тотъ самый Генрихъ Уль, который основалъ усадьбу и заставилъ уважать свое имя. Одинъ разъ старикъ стоялъ около дома какъ разъ въ ту минуту, когда мимо проходилъ хромой Генрихъ; они принялись браниться такъ, что Іёрнъ Уль не могъ скрыть своего негодованія передъ работникомъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ проходѣ: онъ съ отчаяніемъ покачалъ головой и съ такимъ бѣшенствомъ всадилъ въ стѣну вилы, что рукоятка расщепилась.

Такіе припадки бѣшенства не разъ нападали на него въ этомъ году. Характеръ его становился неровнымъ, въ немъ начинала развиваться мрачность и суровость.

Старая Витенъ, волоса которой посѣдѣли и порѣдѣли, съ прежнимъ усердіемъ, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, занимается не легкимъ домашнимъ хозяйствомъ; она сидитъ и шьетъ, и чинитъ на троихъ: на старика, на Іёрна и на ребенка. Когда больной возвращается со двора, онъ грузно опускается въ большое кресло и отрывисто, сердито произноситъ:

— Разскажи что-нибудь.

Тогда она принимается разсказывать ему разныя сказки, созданныя народной фантазіей. Нѣкоторыя изъ нихъ необыкновенно нелѣпы, другія необыкновенно чудесны, третьи необыкновенно страшны. А вечеромъ старушка беретъ Библію и надѣваетъ очки. Она всегда выбираетъ что-нибудь изъ Ветхаго Завѣта. Таинственныя чудеса, великія подвиги, вотъ что ей особенно нравится.

Новаго завѣта она никогда не читала. Отъ природы въ душѣ ея было много свѣтлаго, веселаго: въ то время, когда она играла на лѣтней полянкѣ съ Анной Штуръ и ея дѣтьми въ цыганскій таборъ, она была кроткимъ, ласковымъ ребенкомъ. Но всѣ ужасы которые ей пришлось пережить впослѣдствіи, долгіе годы одиночества и службы на большихъ крестьянскихъ дворахъ, несчастья, выпавшія на долю Улей, къ которымъ она была сильно привязана,—все это на-

бросило мрачную тѣнь на ея душу. Эмблему міра и жизни она находила не въ залитой солнцемъ лѣсной прогалинѣ, а въ темной чащѣ старыхъ, высокихъ и густыхъ елей.

Хозяинъ дома, несмотря на свою молодость,—мрачный, задумчивый человѣкъ; губы его такъ плотно сжаты, точно срослись вмѣстѣ. Онъ не ходитъ въ деревню, не знаетъ, что тамъ дѣлается, да и не интересуется этимъ. Въ церкви онъ тоже не бываетъ. Его думы не идутъ дальше двора, дальше полей, принадлежащихъ къ усадьбѣ Улей. Когда онѣ залетаютъ за границу владѣній Улей, то останавливаются только въ трехъ мѣстахъ: на могилѣ Лены Тарнъ, въ канцеляріи прихода, гдѣ уплачиваются подати, или же у новаго дома Вейскопфа, около церкви въ Шенефельдѣ.

Если бы кто-нибудь сказалъ Іёрну, что отечество въ опасности и что нужно его спасать, онъ отвѣтилъ-бы:«Отечество? Развѣ вы не знаете, что у меня руки завалены работой, и что мысли мои заняты совсѣмъ другимъ. Усадьба вся въ долгахъ, отецъ сумасшедшій, братъ негодяй, Лена Тарнъ въ могилѣ. Что мнѣ до отечества!

Чтобы не платить рабочимъ, онъ самъ чинилъ ясли въ хлѣву, двери и заборы. Онъ ходилъ вокругъ дома съ ведромъ извести и, вставлялъ выпадающіе камни, хотя стыдился этой работы передъ рабочими. Но усадьба не должна приходить въ упадокъ. Вейскопфъ вдругъ придетъ и скажетъ: Усадьба не въ порядкѣ! прочь отсюда, съ этого двора!

Прочь съ того двора, изъ-за котораго онъ мучился еще ребенкомъ. И куда же онъ дѣнетъ тогда вонъ тѣхъ двоихъ, что сидятъ и разсказываютъ другъ другу сказку про работника, который пахалъ поле и нашелъ желѣзный горшокъ, до верху наполненный деньгами?

Ребенокъ, предоставленный самому себѣ, бѣгалъ по конюшнямъ и хлѣвамъ. Окруженный всегда молчаливыми людьми, онъ самостоятельно знакомится со всѣмъ окружающимъ, и поэтому въ немъ есть что-то недѣтское: онъ говоритъ о дороговизнѣ скота на простомъ народномъ языкѣ и пробуетъ въ углу конюшни играть въ «шестьдесятъ шесть» съ старымъ конюхомъ.

Каждый годъ изъ Гамбурга пріѣзжала Лисбета Юнкеръ и гостила нѣсколько дней въ домѣ школьнаго учителя. Она всякій разъ навѣщала и Улей, «чтобы взглянуть на маленькаго Юргена».

Ея волосы и глаза сохраняли прежнее свѣтлое, ясное выраженіе: попрежнему въ нихъ чувствовалась какая-то нетронутость и чистота; фигура ея сохраняла свою гордую осанку. Въ сѣрыхъ глазахъ ея и у плотно сжатыхъ красныхъ губъ лежала черточка серьезной мысли. Усадивъ маленькаго Юргена къ себѣ на колѣни и робко оглядываясь по сторонамъ, она разсказывала ему своимъ высокимъ, нѣжнымъ голосомъ о жизни въ городѣ. Она все еще жила у тетки и ей было тамъ хорошо, какъ она говорила.

— Наша маленькая лавочка недалеко отъ гимназіи и отъ большой народной школы. И маленькіе, и большіе мальчики покупаютъ у насъ всякую мелочь, тетради, чернила и все что нужно, а ученики старшихъ классовъ и учителя иногда дѣлаютъ черезъ насъ большіе заказы.

Іёрнъ съ благоговѣніемъ глядѣлъ на ея тонкую, гордую красоту и думалъ:

«Какъ она далека отъ тебя! Она—принцесса, а ты бѣдный, неотесанный работникъ. Что ей нужно здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ты такъ несчастенъ?».

Онъ вѣжливо и съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣтилъ:

— Ты слишкомъ молода для такой жизни, Лисбета.

Она покачала головой:

— Что же мнѣ дѣлать, Іёрнъ? Вѣдь у меня нѣтъ цѣли въ жизни. Все-таки это гораздо лучше, чѣмъ быть гдѣ-нибудь приживалкой.

На этомъ разговоръ кончался. Она пробовала заговорить о прошломъ; но это прошлое ушло отъ него такъ далеко,—словно за большой, темный лѣсъ. Его слишкомъ угнетали собственныя тяжелыя думы, чтобы онъ могъ ощутить робкое пожатіе ея руки и замѣтить страданье въ глазахъ ея, когда она прощалась съ нимъ. Иногда черезъ день она опять

приходила «взглянуть на ребенка». Снова заводился односложный разговоръ. Она разсказывала и разспрашивала и своимъ тонкимъ чутьемъ угадывала, что его мысли блуждали гдѣ-то далеко отъ этого разговора. Она уходила, и на обратномъ пути горячая краска стыда заливала ея щеки. Возвратясь въ Гамбургъ, она долго, долго плакала.

Однажды мальчикъ, которому было три-четыре года, игралъ на дорогѣ; онъ пришелъ домой, держа за руку молодого, бѣлокураго человѣка и крикнулъ:

— Отецъ, это пасторъ!

Прежній пасторъ, который нѣкогда съ такимъ сознаніемъ своего достоинства ходилъ по деревнѣ и такъ громко и увѣренно проповѣдывалъ истинную вѣру, былъ переведенъ въ большой городъ. Новый пастырь былъ еще молодой человѣкъ, по натурѣ совсѣмъ ребенокъ, и откровенно высказывалъ свое мнѣніе обо всемъ. Все, что онъ говорилъ, было справедливо, но не все было пріятно слышать. Онъ былъ не подъ стать Улямъ, какъ и всѣмъ этимъ жесткимъ, разсчетливымъ и осторожнымъ людямъ, у которыхъ правда всегда скрывалась гдѣ то въ сторонѣ отъ ихъ словъ. Въ теченіе года количество противниковъ его все росло. Подъ конецъ весь приходъ кричалъ, требуя себѣ другого пастыря, спокойнаго, солиднаго, который говорилъ бы елейныя рѣчи и въ то же время хорошо бы игралъ въ карты. Послѣ смерти Лютера прошло больше 350 лѣтъ, а до сихъ поръ многія евангелическія общины не могутъ еще выносить пастора, который хочетъ быть просто скромнымъ, честнымъ человѣкомъ. Въ сельскихъ домикахъ пастырей скрывается не мало тяжелыхъ и совершенно ненужныхъ душевныхъ мукъ.

Въ то время, о которомъ мы начали разсказывать, новый пасторъ былъ еще молодой человѣкъ и служилъ въ этомъ приходѣ всего полъ-года; онъ былъ полонъ свѣтлыхъ надеждъ, онъ былъ увѣренъ, что добьется своего: своимъ честнымъ трудомъ и искреннимъ чувствомъ онъ всѣхъ привлечетъ на свою сторону—значитъ, и на сторону Евангелія.

Пасторъ поговорилъ немного о погодѣ, объ урожаѣ и потомъ сказалъ:

— Мы хотимъ въ будущее воскресеніе поставить въ церкви мраморную доску, въ память убитыхъ на войнѣ. Я пришелъ и васъ пригласить. Я знаю, что вы не богомольны, но на торжество вамъ надо бы придти.

Іёрнъ Уль отвѣчалъ безъ всякаго неудовольствія, опустивъ глаза въ землю:

— Мнѣ не до того, чтобы принимать участіе въ чемъ-нибудь подобномъ, господинъ пасторъ. Развѣ вы не знаете, что съ моимъ отцомъ очень не ладно, и что мнѣ, вообще, пришлось много вытерпѣть, и что мое положеніе очень тяжело. У меня прошла всякая охота къ какимъ бы то ни было празднествамъ.

— Я васъ понимаю,—сказалъ пасторъ и сочувственно поглядѣлъ на него,—но вѣдь мы не танцовать собираемся. На это я бы и не пригласилъ васъ. Но вѣдь мы устраиваемъ торжественныя поминки.

Тогда Іёрнъ Уль поднялъ глаза и дружелюбно взглянулъ на него:

— Право, я не могу придти,—сказалъ онъ,—это выше моихъ силъ. Но я буду думать объ этомъ торжествѣ въ то самое время, когда вы будете въ церкви. Всѣ четверо, имена которыхъ будутъ выставлены на доскѣ, были славные малые. Вѣдь я былъ при Геертѣ Дозе, когда онъ умиралъ... Потомъ я приду и взгляну на доску.

Пасторъ посмотрѣлъ на него и почувствовалъ къ нему расположеніе.

— Приходите,—сказалъ онъ.—Я и тѣмъ буду доволенъ.

Они подали другъ другу руку и разошлись.

Въ воскресенье вечеромъ Іёрнъ Уль взялъ мальчика за руку и пошелъ съ нимъ черезъ поле по дорогѣ къ церкви, въ деревню, и совершенно незамѣтно пришелъ на кладбище и въ церковь. Тамъ, въ полумракѣ, на стѣнѣ висѣла свѣтлая мраморная доска въ дубовой рамкѣ и вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ. Онъ еще могъ разобрать имена. Подъ именами стояло: «Они умерли за родину». Онъ кивнулъ головой. Скромная доска и краткая надпись понравились ему.

Тутъ въ церковь вошелъ еще кто-то, и когда Іёрнъ оглянулся, то оказалось, что это былъ пасторъ, который сейчасъ же спросилъ:

— Нравится вамъ?

— Слова хороши,—сказалъ Іёрнъ Уль.

— Многимъ—сказалъ пасторъ,—хотѣлось бы, чтобы надпись была возвышеннѣе, торжественнѣе... Но, по правдѣ говоря, — продолжалъ онъ серьезно,— вѣдь каждый порядочный человѣкъ дѣлаетъ то же, что сдѣлали эти четверо. Вся разница въ томъ, что они окончили свое дѣло въ три дня или въ три недѣли. Такъ было и съ вашей молодой женой, Уль: она кончила свое дѣло въ нѣсколько дней; она отдала свою жизнь за васъ и за ребенка. Другіе дѣлаютъ это впродолженіи долгихъ лѣтъ: одни отдаютъ жизнь за своихъ дѣтей, другіе за идею, или, вообще, за что нибудь благородное, за что-нибудь, ради чего человѣческая душа несетъ страданіе по доброй волѣ. Вчера мы похоронили жену одного работника. Она рѣдко приходила въ церковь, но вся ея жизнь была сплошной усердной заботой о мужѣ и о дѣтяхъ. Самопожертвованіе, служба на пользу ближнимъ, вотъ въ чемъ заключается настоящая человѣчность и настоящее христіанство.

— Это я понимаю,—сказалъ Іёрнъ Уль.—Это такъ просто и ясно!—Онъ кивнулъ головой и взглянулъ на пастора, какъ бы ожидая отъ него еще слова.

— Спаситель,--продолжалъ пасторъ,--своей чистой и прекрасной жизнью, своей потрясающей смертью и своимъ благимъ ученіемъ вызвалъ въ человѣчествѣ несмѣтное богатство мыслей и жизненныхъ силъ; онъ былъ горящій свѣтильникъ, какъ самъ говорилъ. Одинъ беретъ себѣ изъ его ученья одно, другой—другое, одна церковь выбираетъ это, другая—то, и каждый садится со своимъ огонькомъ въ уголокъ и присматриваетъ за огонькомъ, и онъ либо коптитъ, либо ярко пылаетъ, смотря по тому, что человѣкъ больше любитъ: огонь или дымъ. «Вотъ въ чемъ истина Христова», говоритъ человѣкъ, а нѣкоторые прибавляютъ къ этому еще и свою мудрость, другіе—свою неправду, а третьи—и ихъ не мало—свою злую волю. И вотъ истинный образъ Христа у однихъ окаменѣлъ, у другихъ видоизмѣнился, у третьихъ такъ исказился, что его благородныя черты и узнать нельзя. А между тѣмъ, совсѣмъ не такъ трудно, даже для человѣка необразованнаго, по первымъ евангеліямъ составить себѣ точное и ясное представленіе о немъ, опредѣлить основныя черты его существа, его воли и его жизни. На сколько я понимаю, вотъ что онъ говоритъ намъ: мы должны вѣрить, что Богъ всегда готовъ придти къ намъ на помощь, даже когда насъ окружаетъ самая густая тьма, и, исходя изъ этой радостной вѣры, мы должны всегда бодро бороться со всякимъ зломъ, какъ внутри себя самихъ, такъ и внѣ насъ. Подъ защитой этой вѣры въ Бога, точно высокой прочной стѣны, мы должны бороться за добро и никогда не сомнѣваться въ конечной побѣдѣ, которая дается намъ сначала по сю сторону, а затѣмъ и по ту сторону жизни. Вотъ въ чемъ, думаю я, и состоитъ все христіанство. Если же кто-нибудь не можетъ достигнуть такой вѣры въ Бога—не каждому это дано—но творитъ добро ближнимъ, дѣлаетъ дѣла любви и безъ этой вѣры, то и этимъ слѣдуетъ удовлетвориться, и этому нужно радоваться.

— Каждый порядочный человѣкъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что вы говорите,—сказалъ Іёрнъ Уль.—Незачѣмъ долго стоять на одной ногѣ да размышлять; у насъ на это и времени не хватаетъ. Съ какой стати самому калѣчить разумъ, данный намъ Богомъ, а потомъ принимать безъ разбора все то, что тебѣ предлагаютъ.

Пасторъ весело разсмѣялся:

— Несомнѣнно, — сказалъ онъ—то, что Христосъ хотѣлъ дать людямъ, очень просто, первобытно и ясно. И по моему это именно то, о чемъ я только что говорилъ.

Они дошли вмѣстѣ до конца кладбища. Пасторъ принялся разспрашивать о походѣ. Іёрнъ Уль разсказалъ о путаницѣ при Гравелотѣ и о сыромъ лагерѣ у Метца и о долгомъ, тяжеломъ времени въ Орлеанѣ; наконецъ, онъ объявилъ, что ему некогда.

— У насъ въ конюшнѣ жеребая кобыла, а мальчику, который долженъ смотрѣть за нею, нельзя вполнѣ довѣрять.

Такъ разстались эти два человѣка, и каждый изъ нихъ составилъ себѣ благопріятное мнѣніе о другомъ. Пасторъ ушелъ въ деревню, Іёрнъ Уль пошелъ къ себѣ домой, гдѣ его ждала самая тяжелая полоса его жизни.

Въ то время, какъ онъ былъ въ церкви, пришелъ его братъ, который провелъ цѣлое воскресенье въ одномъ изъ трактировъ, и узнавъ отъ мальчика, стоявшаго у дверей въ конюшнѣ, что хозяина нѣтъ дома, съ проклятіями и ругательствами ворвался въ домъ, ввалился въ комнату старика отца и вылилъ передъ нимъ всю свою ненависть и негодованіе.

Старикъ былъ уже въ постели; онъ привсталъ и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на сына.

— Что тебѣ надо?—сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.—Я мучился, работалъ, всю свою жизнь провелъ дома, а когда мнѣ нужно было въ городъ, я шелъ туда пѣшкомъ. Я ужъ старикъ... Я проклинаю васъ и вашего отца. Деньги и земля, которыя я зарабатывалъ тяжкимъ трудомъ, помутили вашъ разумъ. Уходи: вы недостойны того, чтобы на васъ свѣтило солнце.

— Ты сошелъ съ ума!—вскричалъ пьяница, и оперся на стулъ, стоявшій у постели.—Совсѣмъ сошелъ съума! Ты такой же безумный, какъ свинья, которая поѣдаетъ собственныхъ поросятъ. Но это безуміе для тебя очень выгодно. Ты вѣдь всегда выбиралъ для себя, что повыгоднѣе: прежде ты хозяйничалъ, какъ настоящій негодяй, а когда все прогулялъ, сошелъ съ ума и вообразилъ себя благороднымъ человѣкомъ.

Онъ взялъ бутылку, которая лежала въ карманѣ его изорваннаго платья, и сталъ изъ нея пить.

— Весь свѣтъ изъ колеи вышелъ: если человѣкъ не хочетъ больше быть тѣмъ, что, онъ есть, такъ онъ себѣ устраиваетъ сумашествіе, какое ему пріятно. Я тоже хочу стать другимъ, чѣмъ я есть. И мнѣ пора вылѣзти изъ собственной шкуры! Тоже износилась!—Онъ стащилъ съ себя платье и бросилъ его на кровать.—Прощай, дѣдушка, прадѣдушка, старый Адамъ! Я хочу содрать съ себя кожу. Въ такой жизни смысла нѣтъ!

Онъ, спотыкаясь, направился въ большія сѣни. Тамъ было темно.

Когда Іёрнъ Уль возвратился домой, отецъ спалъ. Витенъ не было видно. Онъ вышелъ въ большія сѣни.

Тамъ, на глиняномъ полу около лѣстницы, лежалъ Генрихъ Уль, а надъ нимъ стояли Витенъ Беннъ и старый работникъ.

Витенъ разсказывала, какъ онъ вошелъ въ домъ.

— Я пошла за нимъ и сначала не могла его найти. Потомъ я нашла его здѣсь, на лѣстницѣ...

Работникъ пошелъ въ конюшню и, увидѣвъ мальчика, который съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ стоялъ въ дверяхъ, сказалъ ему:

— Ступай въ конюшню. Нечего тебѣ тутъ дѣлать.

Когда они оба ушли, Іёрнъ Уль вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ тяжело оперся на лѣстницу и поднялъ руку. А Витенъ сказала:

— Ахъ, не плачь такъ, Іёрнъ, не плачь такъ, мой мальчикъ.

Пришелъ судебный приставъ, и старшина тоже пришелъ, а Іёрнъ Уль былъ холоденъ, какъ ледъ. Старшина спросилъ, кто будетъ дѣлать гробъ. Онъ отвѣчалъ:

— А мнѣ что за дѣло?

— Да вѣдь не можешь же ты хоронить его, какъ нищаго?

Іёрнъ Уль сурово взглянулъ на него:

— Почему же нѣтъ? Кто здѣсь поддерживаетъ трактиры, въ которыхъ люди напиваются до того, что становятся свиньями. Я или община? Такъ пусть община и хоронитъ сама тѣхъ свиней, которыхъ воспитываетъ.

Въ тотъ же вечеръ привезли гробъ и поставили его въ каморку, что была справа отъ хлѣва. Прежде здѣсь дѣлали сѣчку для скота.

Іёрнъ Уль и столяръ Финке положили тѣло въ гробъ:

— Гробы для бѣдныхъ дѣлаются за-

ранѣе,—сказалъ онъ.—Покойникъ слишкомъ великъ... Вѣдь онъ служилъ въ гвардіи.

— И такъ будетъ ладно!

Пришла Витенъ; она привела за руку, точно маленькаго, старика, котораго съ трудомъ одѣла. Въ другой рукѣ у нея была бутылка и веревка.

— Мы дадимъ ему съ собой все это;—сказала она.—Бога не обманешь! Богъ сразу увидитъ, какова была его смерть, и жизнь, и она положила обѣ вещи въ ногахъ у него.

Іёрнъ Уль покачалъ головой и вышелъ на улицу; онъ ходилъ взадъ и впередъ, какъ часовой, точно стерегъ домъ, чтобы въ него не вошло новое несчастье, новый позоръ. Когда онъ возвратился въ домъ, чтобы положить отца въ постель, какъ онъ это дѣлалъ почти каждый вечеръ, тотъ былъ уже уложенъ. Витенъ сидѣла у его кровати и читала изъ Ветхаго Завѣта исторію первосвященника Илія, который плохо воспитывалъ своихъ дѣтей.

— Іёрнъ,—сказала она,—мнѣ кажется, сегодня онъ понялъ, что онъ Клаусъ Уль. Онъ меня спрашивалъ, онъ ли упалъ на плугъ.

Іёрнъ Уль подошелъ къ постели, взглянулъ на своего отца и сказалъ:

— Хорошо тебѣ лежать, отецъ?

Старикъ нечего не отвѣчалъ.

— Брось читать, Витенъ—сказалъ Іёрнъ,—не стоитъ! Это нужно было дѣлать раньше.

— Пожалуй!—сказала она, и положила книгу на мѣсто.—Я думала, что это можетъ привести его въ себя.

— Зачѣмъ?—сказалъ Іёрнъ.

* * *

Свѣтило солнце. Дулъ вѣтеръ. Маленькій мальчикъ бѣгалъ, въ солнце и вѣтеръ, по двору и держалъ руки высоко надъ головой, какъ будто хотѣлъ взлетѣть.

Но въ усадьбѣ Улей все было мертво.

Глава двадцать первая.

Въ садьбѣ Улей все было мертво. Люди, живущіе на мертвомъ дворѣ, большею частью становятся скупыми и грязными. Этого въ данномъ случаѣ не было.

У Витенъ волосы гладко и аккуратно причесаны, маленькій мальчикъ одѣтъ опрятно, какъ сынъ работника, у котораго есть хорошая заботливая жена; хозяинъ ходитъ лѣтомъ въ синей холстинной блузѣ, зимой въ плисовой курткѣ; жилетка его застегнута до самаго горла. Въ сундукѣ на самомъ днѣ, лежитъ суконная синяя пара, которую онъ заказалъ себѣ, когда собирался играть свадьбу съ Леной Тарнъ.

Въ душѣ обитатели усадьбы Улей тоже не дичаютъ. До этого не допускаетъ ихъ съ одной стороны воспоминаніе о Ленѣ Тарнъ, этой доброй, простой Ленѣ, и серьезный, твердый характеръ Витенъ Пеннъ, съ другой—прирожденное чувство чести и порядочности хозяина. Имъ грозитъ другая опасность: хозяинъ легко можетъ превратиться въ отшельника, въ чудака. Это уже чуть не случилось съ нимъ, когда первая любовь его окончилась такъ несчастно. Теперь та же опасность снова приближается. Въ своемъ печальномъ уединеніи, онъ снова чувствуетъ прежнюю склонность къ раздумью, изслѣдованіямъ и разсужденіямъ. И на этотъ разъ опасность приближается къ человѣку, душа котораго измучена, озлоблена и почти охвачена отчаяньемъ. Но въ первый разъ ему пришлось бороться съ собою въ полномъ одиночествѣ, теперь ему помогаютъ и люди и звѣзды.

Позади фруктоваго сада, на краю рва, стояла бесѣдка, стѣны которой были еще крѣпки, но крыша развалилась. Онъ снесъ эту крышу и сдѣлалъ самъ новую, которая повертывалась изъ стороны въ сторону, продѣлалъ въ ней отверстія, а внутри бесѣдки поставилъ два каменныхъ столба и на одинъ изъ нихъ установилъ рефракторъ, а на другой пассажный инструментъ; на широкомъ подоконникѣ онъ разставилъ книги и часы, по стѣнамъ развѣсилъ таблицы и небесныя карты. Все это онъ сдѣлалъ самъ, безъ посторонней помощи.

Въ этой бесѣдкѣ отецъ его, въ былыя времена, игралъ и кутилъ съ веселыми гостями, а старшіе братья наз-

начали свиданья гулящимъ женщинамъ, теперь младшій братъ утолялъ здѣсь свою жажду знанія. Случалось, что онъ цѣлую ночь просиживалъ съ картами и телескопомъ или читалъ очень ученую книгу; при этомъ онъ часто покачивалъ головой, лобъ его покрывался морщинами, а иногда, изумляясь прочитанному, онъ сильно хлопалъ ладонью по колѣну. И это было хорошо. Это былъ прыжокъ съ поля, заросшаго терномъ и крапивой, на высокій валъ, гдѣ запыленнаго работника обдувалъ свѣжій вѣтерокъ.

Люди тоже пришли ему на помощь.

Приходъ собирался предпринять новый дренажъ всей мѣстности. Это дѣло нешуточное, требующее серьезной подготовительной работы; она тянется обыкновенно нѣсколько лѣтъ, стоитъ нѣсколько тысячъ марокъ и даетъ кусокъ хлѣба многимъ работникамъ. Старшины думали цѣлыхъ три года, какъ бы устроить все похитрѣе да подешевле, собственными средствами, безъ содѣйствія ученыхъ людей, которые всегда составляютъ громадные счета. И вотъ они пришли къ молодому, молчаливому, ученому крестьянину, который сидѣлъ въ своей усадьбѣ, словно паукъ въ паутинѣ, и попросили его дать имъ совѣтъ. Онъ цѣлую недѣлю обдумывалъ вопросъ и цѣлыя ночи на пролетъ, дѣлалъ отмѣтки на большихъ земельныхъ картахъ прихода, при чемъ часто прикладывалъ къ своему длинному носу не менѣе длинный указательный палецъ, какъ бы желая вымѣрить, который изъ нихъ длиннѣе. Потомъ онъ пошелъ къ старшинамъ прихода и объявилъ имъ, что онъ самъ готовъ руководить всѣми работами, подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ; а они должны платить ему за его работу вотъ столько-то, но лишь передъ новымъ годомъ когда намѣченая работа окажется удовлетворительно выполненной. Они очень удивились, попросили его выйти и долго оживленно обсуждали его предложеніе. Наконецъ, они приняли его весьма небольшимъ большинствомъ голосовъ.

Онъ выполнилъ всю работу въ теченіе пяти лѣтъ, какъ было условлено, и получилъ отъ этого двойную пользу. онъ пріобрѣлъ небольшое вспомоществованіе для своей всегда пустой кассы, и у него оказалось лишняя работа, которая мѣшала ему предаваться своимъ безцѣльнымъ заботамъ и нарушала теченіе его тяжелыхъ думъ.

Работа эта дала ему, кромѣ того, поводъ заняться ботаникой и минералогіей. Ему приходилось очень много ходить пѣшкомъ для почвенныхъ изслѣдованій, а почва въ приходѣ была разнообразная: попадался и песокъ, и черноземъ, и болото; онъ собиралъ всевозможныя растенія и преподносилъ городскому учителю тщательно сдѣланные препараты ихъ; а когда были проведены новые глубокіе рвы, имъ вдругъ овладѣло желаніе опредѣлить различныя породы и слои почвы, и онъ сталъ посылать старому учителю чисто исполненные чертежи и очень аккуратно написанныя поясненія къ нимъ. Такимъ образомъ люди помогли ему.

Маленькій мальчикъ росъ и безъ устали предлагалъ вопросы отцу, слѣдуя за нимъ повсюду своими мелкими шажками: они вмѣстѣ ходили по дому и вмѣстѣ ѣздили на кузницу. А въ одинъ прекрасный день мальчикъ одинъ отправился въ деревню и возвратился съ другимъ мальчикомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ водить знакомство съ другими дѣтьми, и, благодаря этому, его мысли и разговоры стали болѣе дѣтскими. Іёрнъ Уль, который все время напрасно искалъ вѣрнаго тона для бесѣдъ съ сыномъ, теперь сидѣлъ между обоими мальчуганами на скамейкѣ, у воротъ сарая, и внимательно прислушивался, о чемъ они говорили между собой, и самъ заговаривалъ съ ними, а потомъ выстроилъ имъ домикъ для кроликовъ, наполовину въ землѣ, наполовину надъ ней, все какъ слѣдуетъ!

Когда мальчику минуло пять лѣтъ, онъ сталъ носить за отцомъ землемѣрную цѣпь и колышки съ одного поля на другое. А когда ему стукнуло шесть, и онъ въ началѣ жатвы услыхалъ, какъ отецъ жаловался Витенъ, что придется взять мальчика въ погонщики, онъ

объявилъ, что можетъ быть отличнымъ погонщикомъ, и, дѣйствительно, въ теченіе всей жатвы цѣлый мѣсяцъ ѣздилъ съ возомъ. Онъ очень гордился и наслаждался своею ролью. Съ веселымъ смѣхомъ запрыгалъ онъ отъ радости, когда старый работникъ опрокинулъ послѣдній большой возъ у воротъ, гдѣ въѣздъ былъ особенно затруднителенъ. Съ нимъ этого не случалось ни разу! Іёрнъ Уль стоялъ на поворотѣ дороги, видѣлъ радость мальчика и чуть самъ не расхохотался.

Фигурой родители мальчика были одинаковы; высокіе, стройные, широкоплечіе; но глаза у него были материнскіе; повидимому, онъ также унаслѣдовалъ ея ласковость и услужливость. Когда онъ, играя либо съ дворовой собакой, либо съ дѣтьми, заливался веселымъ смѣхомъ, отецъ всегда подходилъ къ дверямъ и задумчиво глядѣлъ на ребенка.

Люди помогли ему.

Однажды вечеромъ, это было черезъ годъ послѣ разговора въ церкви, Іёрнъ Уль рѣшился сходить и въ пасторскій домъ. Это было послѣ ужина. Хозяева съ изумленіемъ отворили входные двери, недоумѣвая, кто это пришелъ такъ поздно. На крыльцѣ стоялъ Іёрнъ Уль въ своей нарядной темносиней парѣ и со своей угловатой, но стройной фигурой. Его попросили войти, и онъ вошелъ, сильно нагнувшись, въ низкую дверь стараго дома.

Посрединѣ низкой комнаты стоялъ четырехъугольный столъ, и всѣ четыре стороны его были заняты: съ одной стороны сидѣлъ пасторъ и читалъ. Съ другой сидѣла его жена, красивая, немного хрупкая женщина. Дѣтей у нея не было. Она тоже читала. Съ третьей стороны сидѣла помощница хозяйки, молодая веселая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, дочь какого-нибудь учителя; она тоже читала.

Съ четвертой стороны сидѣлъ отецъ пастора. Это былъ старый человѣкъ, который въ молодости былъ раненъ при Идштедтѣ, а потомъ не мало настрадался на своемъ вѣку; живя въ деревнѣ въ качествѣ ремесленника, и не мало видѣлъ дурного и хорошаго; онъ обыкновенно говорилъ:

— Мнѣ не надо книжки читать; моя жизнь все-равно что книга!

Онъ сидѣлъ сбоку стола, курилъ и разсказывалъ: никто его не слушалъ и только иногда, когда онъ говорилъ что-нибудь новое и занимательное, всѣ подымали головы отъ своихъ книгъ и спрашивали:

— Что ты говоришь, отецъ?

Между большими у стола сидѣлъ маленькій, веселый десятилѣтній мальчуганъ; у него не было родителей и онъ пасъ у пастора жеребятъ. Онъ тоже читалъ.

Вошелъ Іёрнъ Уль, низко согнувшись въ дверяхъ. Для него не было мѣста. Тогда молодая дѣвушка встала, сдѣлала тихонько знакъ мальчику, и оба они сѣли въ глубинѣ комнаты на диванѣ, поставили между собой шашечную доску и принялись съ жаромъ играть, причемъ поочередно погружали кончики пальцевъ въ большой картузъ съ изюмомъ, который случайно былъ позабытъ на диванѣ.

Итакъ, для Іёрна Уля тоже нашлось мѣсто, и бесѣда могла начаться. Сначала, думая, что это посѣщеніе имѣетъ опредѣленную цѣль, пасторъ поговорилъ объ общихъ вопросахъ и ждалъ, что гость выскажетъ, зачѣмъ пришелъ. Разговоръ не клеился. Потомъ, когда ничего не выяснилось, а гость не уходилъ, пасторъ понялъ, что Іёрнъ Уль, дѣйствительно, пришелъ только для того, чтобы провести нѣсколько пріятныхъ часовъ, какъ онъ самъ не разъ приглашалъ его. Разговоръ перешелъ къ внѣшнимъ событіямъ, а потомъ, по инціативѣ молчаливой хозяйки, къ звѣздамъ. И вотъ передъ Іёрномъ Улемъ очутился кусокъ бумаги, и онъ, держа карандашъ, какъ рукоятку лопаты, уже набрасывалъ карту звѣзднаго неба и, говоря нѣсколько медленно на совершенно правильномъ, верхненѣмецкомъ нарѣчіи, прогуливался со всѣмъ пастырскимъ семействомъ черезъ все небо по млечному пути.

Вся семья облегченно вздохнула, когда затворилась за нимъ дверь. Пасторъ сказалъ:

— Ну, что, развѣ я не правду разсказалъ о немъ? Развѣ это не умный и не образованный человѣкъ?

Жена отвѣчала:

— На этотъ разъ ты былъ правъ: съ нимъ было очень пріятно.

Черезъ двѣ недѣли Іёрнъ снова пришелъ и потомъ сталъ приходить раза два въ мѣсяцъ.

Когда бесѣда не клеилась—вѣдь ни Іёрнъ Уль, ни пасторъ, ни жена его не были свѣтскими людьми—тогда приносилась книга и начиналось чтеніе. Случалось даже и такъ, что пасторъ былъ сильно заинтересованъ какой-нибудь книгой, которую читалъ въ это время, и сразу заявлялъ, что не можетъ разстаться съ ней сегодня. Тогда Іёрнъ Уль говорилъ со старикомъ о войнѣ и походахъ или съ женой пастора о разныхъ превратностяхъ въ жизни людей.

Сначала пасторъ очень неудачно выбиралъ книги для чтенія вслухъ. Онъ принесъ «Фауста», потомъ «Рейнеке-Лиса». Іёрнъ Уль слушалъ; но когда чтеніе кончилось и спросили его мнѣніе, онъ сильно покачалъ головой:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ,—сказалъ онъ—это не для меня; такими вещами Витенъ Пеннъ меня съ дѣтства обкормила. Она обыкновенно разсказывала такія же дикія и невѣроятныя исторіи, а Фите Крэй,—онъ до сихъ поръ держалъ маслодѣльню въ Висконтилѣ, а теперь начинаетъ въ Чикаго дровяную торговлю, онъ мнѣ писалъ объ этомъ,—такъ вотъ онъ и сестра моя съ удовольствіемъ слушали ихъ; но меня это не занимало. Я въ это время дѣлалъ шпалы изъ штопальныхъ иголокъ и клалъ рельсы изъ вязальныхъ спицъ Витенъ и строилъ желѣзную дорогу, а когда я старше сдѣлался, я сталъ читать «Чудеса неба» Литтрова. Вотъ къ такимъ вещамъ у меня слабость. Но мнѣ всегда приходилось заниматься чѣмъ-нибудь другимъ.

Тогда пасторъ попробовалъ взять путешествія и жизнеописанія. Дѣло пошло на ладъ. Они прочли описаніе одного путешествія къ сѣверному полюсу, другое по пустынямъ, жизнеописаніе одного государственнаго дѣятеля, переданное имъ самимъ, и жизнь Христа, разсказанную Маркомъ. Они прочли эту книжечку, также какъ читали и остальныя, обсуждали ее и очень много спорили по ея поводу.

Потомъ, на третій годъ знакомства, дѣло дошло до того, что пасторъ сказалъ:

— У насъ обоихъ, Уль, течетъ въ жилахъ кровь фризовъ, поэтому мы должны понимать философію. Соберемся-ка съ духомъ, да примемся читать толстую и тяжелую книгу, которую написалъ сынъ крестьянина изъ Лангенгорна, онъ теперь сталъ извѣстнымъ профессоромъ.

И они принялись за чтеніе. Иногда оба они взглядывали другъ на друга въ полномъ недоумѣніи. А иногда казалось, будто мужикъ понималъ больше пастора. Пасторъ совсѣмъ не былъ философомъ.

Такимъ-то образомъ люди и звѣзды помогли Іёрну Улю прожить эти тяжелые годы одиночества.

Глава двадцать вторая.

Долго онъ колебался, но, наконецъ, рѣшился и засѣялъ пшеницей тридцать гектаровъ своей лучшей земли. Если опытъ окажется удачнымъ, у него, послѣ жатвы, будетъ возможность уплатить часть большого долга; до сихъ поръ онъ все еще возился съ векселями братьевъ. Пшеница зиму перенесла хорошо. Всходы оказались густые и ровные. Надежда была большая. Надежда была очень близка къ осуществленію. И вдругъ она рушилась. Это былъ всѣмъ извѣстный годъ неурожая на пшеницу.

То, что произошло съ Іёрномъ Улемъ, произошло не съ нимъ однимъ. Мы передаемъ здѣсь исторію многихъ. Намъ такъ и кажется, что передъ нами встаетъ много печальныхъ, суровыхъ лицъ и что они говорятъ:

— Ты разсказываешь о нашей бѣдѣ.

Это было время, когда треть всей земли засѣвалась пшеницей, и пшеница рѣшала дѣло, когда одинъ годъ могъ поставить землевладѣльца на ноги или

окончательно разорить его. Теперь дѣло обстоитъ иначе. Теперь на нашихъ низинахъ уже не волнуется пшеница своими крупными, какъ на морѣ, волнами: теперь онѣ зазеленѣли. Мы стали заниматься скотоводствомъ и поглупѣли.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, примѣрно въ послѣднихъ числахъ іюля, Іёрнъ Уль вышелъ въ поле и встрѣтился тамъ со старымъ Дрейеромъ. Тотъ остановился, тяжело оперся на палку и громко вздохнулъ:

— Слушай-ка, Іёрнъ,—сказалъ онъ—видѣлъ ты, что въ пшеницѣ мыши завелись?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—я третьяго дня былъ тамъ и ни одной мыши не видѣлъ.

— Третьяго дня ихъ было мало; вчера было уже много; сегодня ихъ безчисленное множество. Мнѣ страшно за пшеницу, Іёрнъ. Онѣ обыкновенно появляются разъ въ пять-десять лѣтъ. Сто лѣтъ назадъ, разсказывалъ мнѣ отецъ, онѣ три года подрядъ истребляли пшеницу и траву на лугахъ; и тогда хорошая дитмаршская усадьба стоила не дороже понюшки табаку.

Іёрнъ Уль оставилъ старика, пошелъ къ овсамъ и ничего дурного не увидѣлъ; пошелъ дальше, всталъ у изгороди и сталъ приглядываться къ своей пшеницѣ. Направо отъ него струилась довольно широкая Ау. Въ то время, какъ онъ стоялъ и глядѣлъ на широкое волнующееся поле, ему показалось, что неподалеку отъ него вдругъ исчезъ пшеничный колосъ, вотъ опять... теперь тамъ... теперь вонъ тутъ... Какъ будто изъ земли протягивалась невидимая рука и срывала колосья.

Онъ протеръ глаза: онъ думалъ, что это ему почудилось. Но скоро онъ понялъ, въ чемъ дѣло: мышь поднялась на заднія лапки, куснула... еще разъ; колосъ упалъ и прислонился къ своему сосѣду. Это была тонкая, изящная работа. Онъ окинулъ взглядомъ все поле и увидѣлъ даже больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: ему показалось, что все поле живетъ.

— Вотъ какъ!—подумалъ онъ.—Ну, это конецъ.

Онъ все еще стоялъ, погруженный въ размышленія: вдругъ онъ услыхалъ, что въ темной водѣ что-то легонько плещется; онъ взглянулъ внизъ и увидалъ, какъ тысячи, сотни тысячъ мышей бѣгутъ и плывутъ и перебираются по водѣ... Онъ повернулся и пошелъ домой.

«Ахъ, если бы хоть отца въ живыхъ не было! Если бы онъ умеръ сегодня или завтра! Неужели его придется на креслѣ вынести изъ усадьбы? Неужели нельзя скрыть отъ людей свою бѣдность, свою сломанную и разорванную мебель».

Онъ сейчасъ же отправился домой, чтобы посмотрѣть, какъ чувствуетъ себя отецъ. Его встрѣтила Витенъ:

— Все такъ же, какъ всегда, Іёрнъ; но сегодня онъ не хочетъ вставать; мнѣ кажется, онъ теперь воображаетъ, что для него всего безопаснѣе лежать въ постели.

— Въ постели безопаснѣе! Ахъ, Витенъ, Витенъ, у насъ нашествіе мышей; такое нашествіе, какого еще не было въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мыши поѣдаютъ пшеницу; онѣ заберутся на дворъ, онѣ сгрызутъ постели, онѣ живьемъ съѣдятъ насъ. Приходитъ нашъ конецъ, Витенъ.

— Іёрнъ,—сказала она—Боже мой, Іёрнъ! Не говори такъ.

Она покачала головой и вышла изъ комнаты. Она—такая маленькая, идетъ, немного наклонившись впередъ, и въ ней есть что-то безпомощное, робкое. Бѣдная Витенъ! вся твоя жизнь одна сплошная работа. Скорѣе надо что-нибудь придумать скорѣе! Потому что каждую секунду сваливаются десять колосьевъ пшеницы! Съ каждой минутой мы становимся бѣднѣе!.. Нѣтъ, ничего не придумаешь! Рѣшительно ничего! Только чудо можетъ спасти.

Онъ снова пошелъ въ поле, чтобы еще разъ увидѣть бѣдствіе. На встрѣчу ему шелъ человѣкъ, у котораго тоже было пшеничное поле и долги по самое горло. Онъ просто состарился за нѣсколько дней.

— Что скажешь, Іёрнъ?

— Да что тутъ говорить, Петръ? Мы тутъ не при чемъ; это выше нашей власти!

Тотъ кивнулъ головой и прошелъ мимо. У него дома было шесть человѣкъ дѣтей.

Въ началѣ августа полили дожди и явилась надежда, что на мышей найдетъ падежъ и онѣ исчезнутъ такъ же быстро, какъ и появились. Но дождь идетъ теплый, мелкій, затяжной. Такой дождь, что даже дѣти теряютъ надежду на хорошую погоду и стоятъ кучкой у водосточной трубы и разсказываютъ другъ другу: «это было когда еще свѣтило солнышко...». Прошла недѣля, еще недѣля, третья! Настало время жатвы. Когда же засверкаетъ серпъ на солнцѣ?

А тамъ внизу копошится и ведетъ свою работу маленькая жизнь. Не все ли равно, маленькая или крупная жизнь? Но жизнь эта противоестественна: мыши въ рыхлой землѣ творятъ беззаконіе, и зерно, прибитое дождемъ къ мягкой, мокрой землѣ, слѣдуетъ ихъ примѣру. Оно еще молодо, еще въ колыбели—и уже пускаетъ ростки. Спѣлый колосъ даетъ начало новой жизни, первый и второй плодъ тѣснятъ и губятъ другъ друга.

Теперь ужъ незачѣмъ ходить на пшеничное поле: нечего тамъ искать.

Іёрнъ возвратился домой съ сильною головною болью и думалъ про себя:

« У меня просто голова скоро треснетъ отъ мыслей!.. Глупо вѣчно спрашивать: почему да зачѣмъ? А между тѣмъ странная вещь! Не могу я отъ этого отдѣлаться. Совсѣмъ, точно будто тебя тащатъ насильно въ темный домъ. Ты вырываешься на солнце, а тебя сейчасъ же тащатъ назадъ въ домъ—и приходится пробираться черезъ какія-то дырки».

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ на стулъ и съ такой силой положилъ ноги на ларь, что тотъ затрещалъ.

« Какъ тамъ сказано? «Благословеніе Господне и безъ работы сдѣлаетъ богатымъ». Неужели это правда? Ну, такъ я прошу себѣ маленькаго благословенія безъ работы или хоть съ работой, все равно! Нѣтъ, не вѣрю я этому. Я прошу только благословенія при работѣ!»

Онъ провелъ рукой по головѣ, какъ будто ему нужно было что-то тамъ раскрыть и освободить отъ какой-то давящей тяжести. Онъ чувствовалъ себя, точно человѣкъ, лежащій подъ тяжелой, высокой кучей соломы, которая все увеличивается; въ головѣ стоитъ туманъ; дыханіе ускоряется. Онъ продолжалъ сидѣть и размышлять, тяжко и тревожно, проводя рукой по волосамъ, какъ будто онъ искалъ тамъ ключъ, которымъ могъ бы открыть что-то и освободиться отъ этой мучительной тяжести. Съ этимъ ощущеніемъ онъ заснулъ и съ нимъ же проснулся.

Вдругъ ему показалось, что онъ заблудился, что жизнь его идетъ невѣрнымъ путемъ. Онъ почувствовалъ то, что чувствуетъ работникъ, который стоитъ около повозки и видитъ, что его лошади бѣсятся, взвиваются на дыбы и куда-то несутся. Іёрнъ Уль старается сдержать свои мысли. Онъ схватываетъ ихъ подъ узцы, зубы его скрежещатъ; онъ озирается дикими глазами. Напрасно. Онъ отброшенъ, онъ падаетъ на колѣни. Онѣ бѣшено несутся впередъ. Кто можетъ ихъ удержать? Никто! Ну и пусть себѣ мчатся, куда хотятъ!

Какъ это случилось? Вѣдь онъ хотѣлъ идти въ гимназію? Какъ же случилось, что онъ теперь сидитъ здѣсь со своими заботами? Кому должна достаться усадьба? Не Генриху,—Генрихъ умеръ; онъ самъ видѣлъ его мертвымъ въ гробу. Кому же? Старшему, конечно. Какъ же онъ не зналъ этого?

Но все-таки одно было несомнѣнно: онъ много лѣтъ прожилъ въ усадьбѣ. Какъ же это случилось? Да... это случилось... вотъ какъ! Отецъ пилъ, онъ не попалъ въ гимназію и ему пришлось провести нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ... Но вѣдь бѣда миновала; съ Леной Тарнъ вошло счастье. Онъ получилъ мѣсто при обсерваторіи, онъ поступилъ слугой къ профессору... Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ему хотѣлось радоваться, а онъ все-таки безпокоился и отворилъ дверь, чтобы спросить Лену Тарнъ, хватитъ ли ей на хозяйство маленькаго, но опредѣленнаго содержанія въ девятьсотъ марокъ и думалъ про себя:

она конечно расхохочется и скажетъ: «Пустяки! смѣшно! каждый день будемъ ѣсть пирожное!» Но какъ разъ когда онъ отворялъ дверь, работникъ проходилъ черезъ сѣни. Онъ вздрогнулъ и снова затворилъ дверь. При этомъ что-то твердое ударилось объ дверь. Онъ взглянулъ, что это у него подъ мышкой: оказалась подзорная труба вмѣстѣ съ шерстянымъ лоскутомъ, которымъ онъ обыкновенно вытиралъ металлическія части трубы; онъ совершенно не понималъ, какъ она попала ему въ руки. Труба была старая, она давно лежала на самомъ низу ларя. Онъ закусилъ губы и поблѣднѣлъ, а лобъ его отъ страха покрылся холоднымъ потомъ.

«Сошелъ съ ума!» подумалъ онъ.

Онъ снова зашагалъ взадъ и впередъ, охваченный ужасомъ. Онъ сталъ припоминать, объ чемъ онъ только что думалъ и мучился прошлымъ и не могъ придти въ себя.

«Неудачно сложилась моя жизнь», думалъ онъ, «все шло вкось и вкривь... Такъ говорилъ и старый Клаусъ, который самъ испортилъ свою жизнь,—тоже каждому жаловался, что ему не было удачи... Вотъ то же самое и со мной».

И вдругъ вся его жизнь представилась ему въ новомъ свѣтѣ: не сплошнымъ трудомъ и работой, а сплошной ошибкой и грѣхомъ. Дурныя мысли, которыя сопровождаютъ всѣ дѣла людскія, даже самыя лучшія—подобно тому, какъ злыя, черныя собаки бѣгутъ за благородными лошадьми,—выросли въ его воображеніи до гигантскихъ размѣровъ.

«Гдѣ сестра твоя Эльсбе? Ты не обращалъ на нее вниманія, вотъ она и погибла. Гдѣ братъ твой Генрихъ? Ты побилъ его и прогналъ со двора; онъ сдѣлался пьяницей и бродягой. Ты хотѣлъ одинъ владѣть усадьбой. А исторія съ плугомъ? Не хотѣлъ ли ты, чтобы отецъ упалъ на него? Гдѣ Лена Тарнъ? Ты запрещалъ ей пѣть. Ты говорилъ, чтобы она встала съ постели, иначе ты побьешь ее? Ты дурной человѣкъ и убійца. Они идутъ! Слышишь... они ищутъ тебя. Они хотятъ арестовать тебя... повести черезъ всю деревню!

— Мнѣ надо посмотрѣть, — сказалъ онъ поспѣшно, правда ли все то, что они говорятъ!

Онъ взялъ подзорную трубу, пошелъ въ бесѣдку, наставилъ трубу и сталъ смотрѣть, но не подумалъ снять крышку съ объектива и съ ужасомъ проговорилъ про себя:

— Темно, какъ ночь! Значитъ, это правда. Вотъ какова моя душа. Ничего, ничего въ ней нѣтъ хорошаго. Ни единаго проблеска свѣта, ни единой звѣзды на всемъ небѣ. Этого нельзя вынести. А если такъ, то куда же идти? Вѣдь въ трехъ шагахъ ничего не видно! Неужели жить кротомъ! Лѣстница Генриха стоитъ на гумнѣ. Я пойду туда. Я уйду отсюда, пока люди не увидали меня. Вѣдь долженъ же быть гдѣ-нибудь свѣтъ?..

Онъ съ той же поспѣшностью сложилъ инструментъ и хотѣлъ выйти: вдругъ онъ увидалъ передъ собой тѣнь и испугался. Въ низкой двери стояла Витенъ Пеннъ и съ отчаяніемъ въ глазахъ глядѣла на него.

Тогда онъ понялъ, что онъ не преступникъ, что онъ просто несчастный человѣкъ.

— Слава Богу!—сказалъ онъ. Слава Богу!—Онъ хотѣлъ скрыть, какъ темно и смутно у него въ головѣ и, заставивъ себя засмѣяться, проговорилъ привѣтливо:

— Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на одну звѣзду, тамъ вонъ... надъ облаками!

Но она быстро подошла къ нему, увидѣла его искаженное лицо и сурово взглянула ему прямо въ глаза:

— Вотъ какъ?—сказала она.—Вотъ какъ? Нѣтъ, только не это!.. Это не дѣло!—Она схватила его за руку и повела черезъ садъ.—Нѣтъ, Іёрнъ... Такъ нельзя! Теперь надо голову держать высоко, голубчикъ. Твой сынъ не долженъ имѣть право сказать, что отецъ его лишилъ себя жизни. Развѣ можно бросить плугъ на полѣ и убѣжать среди бѣла дня! Тебѣ всего тридцать лѣтъ? Рано еще складывать руки!

Сначала онъ дѣлалъ видъ, будто ея слова изумляютъ его, потомъ онъ смутился и, наконецъ, пришелъ въ себя; мысли его прояснялись, и онъ снова по-

чувствовалъ глухую тяжесть въ затылкѣ. Онъ сталъ сознавать, чтó онъ и чтó съ нимъ.

— Тяжело!—вымолвилъ онъ съ усиліемъ.

— Подожди!—сказала она.—Я принесу тебѣ воды. Тебѣ вѣрно холодно? Останься здѣсь, слышишь? Останься здѣсь. Я сейчасъ приду и цѣлый вечеръ просижу съ тобой.

Она побѣжала въ кухню и была при этомъ такая спокойная, что обѣ дѣвушки и не замѣтили, въ какомъ она состояніи.

Мимоходомъ, въ общей комнатѣ, она увидала мальчика, схватила его и вмѣстѣ съ нимъ побѣжала назадъ. Онъ все еще сидѣлъ на ларѣ. Она дала ему напиться, и когда онъ, глубоко вздохнувъ, опустилъ кружку, мальчикъ стоялъ подлѣ него и говорилъ ему:

— Ты ужасно блѣденъ, отецъ! Смотри, не захворай!

— Къ чему все это, Витенъ?—сказалъ онъ.

— Да, да, Іёрнъ. Разумѣется. Но все-равно, трудно или нѣтъ, а нужно же какъ-нибудь это устроить. Придетъ время, видно будетъ, что именно надо дѣлать. А пока тебѣ надо лечь и выспаться хорошенько. Ну, живѣе. Посмотри, какъ ты усталъ! Ложись! Спи, какъ тотъ человѣкъ, который семь лѣтъ проспалъ. Ну, спи же, голубчикъ.

Присутствіе и ласка этихъ двухъ наиболѣе близкихъ ему существъ, были истиннымъ благодѣяніемъ для него.

Онъ улыбнулся усталой улыбкой, всталъ, чувствуя тяжесть во всѣхъ членахъ, снялъ куртку и легъ. Они сѣли у его постели.

Проспавъ часа два тяжелымъ сномъ, онъ вдругъ проснулся, услышавъ надъ собой чей-то голосъ: у его постели стоялъ старшій работникъ. Было уже темно. Работникъ говорилъ:

— Мы не знаемъ, гдѣ Витенъ: она ушла часъ тому назадъ, мы думали—къ сосѣду. Но ея тамъ нѣтъ. Теперь работница говоритъ, что она пошла въ поле, по направленію къ Рингельсгёрну. Чего ей тамъ надо? Вѣдь тамъ теперь ни души нѣтъ. На дворѣ ужъ темно, канавы полны водой, а она вѣдь сама говоритъ, что впотьмахъ ничего не видитъ.

— А мальчикъ гдѣ?

— Онъ-то въ комнатѣ у дѣдушки играетъ.

Іёрнъ Уль вскочилъ съ постели и схватилъ свою куртку. Онъ вдругъ выздоровѣлъ.

— Я пойду за ней!—сказалъ онъ и выбѣжалъ изъ дому.

Холодный дождь хлесталъ по непокрытой головѣ и освѣжалъ его. Онъ пошелъ по большой дорогѣ, потомъ свернулъ на проселочную и дошелъ до самой подошвы Рингельсгёрна, но не встрѣтилъ ни одной живой души. Частая сѣтка дождя мѣшала ему видѣть что-нибудь вдали; онъ безпомощно остановился и только что хотѣлъ окликнуть ее по имени, какъ вдругъ ему пришло въ голову подняться по пѣшеходной тропинкѣ, которая пролегала черезъ котловину. Не успѣлъ онъ, однако, войти въ котловину, какъ увидѣлъ передъ собою, у Гольдзоота, маленькую, согнувшуюся женскую фигурку и сейчасъ же понялъ, что это была она, и догадался, чего она тамъ искала.

Онъ пошелъ прямо къ ней; но она уже услыхала его шаги, пошла къ нему навстрѣчу и грустно проговорила:

— Ничего не вышло!.. Я слишкомъ долго не думала объ этомъ, или, можетъ быть, слишкомъ стара и тупа стала...

Онъ обнялъ ее за плечи и повелъ съ собой.

— Пойдемъ скорѣе домой. Ты вѣдь совсѣмъ промокнешь. Пойдемъ, я закрою тебѣ голову своей курткой. Вотъ такъ.

Согнувшись, съ трудомъ передвигая ноги, шла она рядомъ съ нимъ.

— Прежде,—смущенно сказала она,—когда я была моложе, все это жило, а теперь понемногу умерло.

— Что ты тутъ дѣлала?

— Сама не знаю. Хотѣла посмотрѣть, не могу ли я чего-нибудь добиться... Но все было безмолвно и мертво.

— Ничего не подѣлать, Витенъ!

Они помолчали немного. Онъ обхватилъ ее за плечи и велъ ее, стараясь

выбирать сухія мѣста на мокрой дорогѣ.

— Это всегда такъ бываетъ, когда перестаешь вѣрить во что-нибудь,—сказала она.—Вѣдь ты самъ знаешь: если у человѣка пропадаетъ интересъ къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, они ничего больше не говорятъ ему. Если перестаешь заниматься хозяйствомъ, оно разрушается. Это всегда такъ. Равнодушіе все убиваетъ; любовь все оживляетъ. Я слишкомъ долго не думала и позабыла обо всемъ такомъ; вотъ все и поблекло.

— Ты совсѣмъ утратила свою бодрость, Витенъ; это не хорошо.

— Да, видишь ли, Іёрнъ... давеча, когда я нашла тебя тамъ въ твоей бесѣдкѣ, я подумала: «А что, если вдругъ что-нибудь такое случится?» И потомъ, въ страхѣ, прибѣжала сюда.

— Все это намъ не поможетъ, Витенъ. Степь да вода, вѣтеръ да дождь—они сами, пожалуй, еще безпомощнѣе, чѣмъ человѣкъ. Тутъ помощи искать не приходится.

— Не говори этого, Іёрнъ! Наша жизнь окутана тайной. Мы живемъ не ради этой жизни, а ради тайны, окружающей нашу жизнь. И вѣроятно, есть возможность разгадать эту тайну, и тотъ, кто разгадаетъ ее, будетъ знать, въ чемъ правда. И всего вѣрнѣе, разгадка ея находится въ старинныхъ, священныхъ преданіяхъ. Испоконъ вѣковъ наши предки искали ее въ нихъ, а нѣкоторые и нашли ее...

— Да, Витенъ, въ этомъ ты права. Что касается тайны,—я думаю, это все именно такъ, какъ ты говоришь. Но я не вѣрю, чтобы мы могли разгадать ее. Это все-равно, какъ если бы человѣкъ захотѣлъ перескочить черезъ самого себя. Человѣкъ останется человѣкомъ, Витенъ, какъ рябина—рябиной. Человѣку не дано все знать и все видѣть. Очень можетъ быть, что эта разгадка живая, простая, гдѣ-нибудь тутъ, совсѣмъ близко отъ насъ, но мы не видимъ и не слышимъ ее...

— Очень можетъ быть!—сказала она задумчиво и печально.—Въ такомъ случаѣ намъ остается только работать съ утра до вечера и стараться быть добрыми и ласковыми.

— Вѣрно, Витенъ. Такъ и въ Евангеліи сказано.

Она немного приподняла голову, не переставая идти рядомъ съ нимъ и тяжело дыша.

— Да? тамъ это сказано? Что же собственно тамъ сказано объ этомъ—о тайнѣ?

— Да... насколько я понялъ, Витенъ, тамъ говорится, что мы никогда не разгадаемъ ее; но мы должны твердо вѣрить, что все имѣетъ внутренній смыслъ и благую цѣль. Поэтому, послѣ смерти, мы должны постигнуть эту тайну и узрить вѣщи не такими, какими онѣ кажутся, а какими онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

— Вотъ какъ! Это Христосъ говоритъ? Вотъ какъ!.. Это меня удивляетъ. Тогда, вѣрно, это все такъ и есть. Но мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ такъ хотѣлось все знать: я всегда стремилась понять, что мы такое, и всегда думала, что мы можемъ доискаться до этого. Когда я служила у Іёрна Штура въ Шенефильдѣ, мы, собственно, только то и дѣлали, что искали. Но мы ничего не могли найти. И Гансу Штуру пришлось потонуть въ ямѣ...

Она заплакала.

— Всѣ поиски напрасны, Витенъ. Христосъ говорилъ, что намъ незачѣмъ все знать; мы должны только вѣрить и быть чистыми и добрыми. Онъ былъ противъ всякаго озлобленія и гнѣва, противъ всякаго высокомѣрія и желанія все знать, противъ всякой ненависти и жестокости. «Имѣйте вѣру, говорилъ онъ, и будьте чисты и милосердны».

— Ну, да... и вѣдь можно вѣрить всему тому, что онъ говорилъ; потому что онъ былъ умный и добрый; и нѣтъ сомнѣнія, что онъ хотѣлъ добра, и за это умеръ еще совсѣмъ молодымъ... Поэтому намъ надо придерживаться этого, Іёрнъ, а тамъ посмотримъ, къ чему это приведетъ.

— Да, Витенъ; поэтому заключимъ-ка мы съ тобой союзъ и поднимемъ голову, милая ты моя старушка!

*

Когда онъ довелъ ее до кухонной двери, ему захотѣлось побродить еще нѣкоторое время съ непокрытой головой.

Дождь прекратился; вѣтра не было. Когда онъ отошелъ отъ двора, смолкли послѣдніе звуки, нарушавшіе тишину осенняго вечера. Глубоко задумавшись, дошелъ онъ до Рингельсгёрна, поднялся на него и медленно, безцѣльно, побрелъ по степи, разстилавшейся вокругъ него въ пустынной полутьмѣ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, угасали послѣдніе разсѣянные лучи дневного свѣта, наступала темная ночь. И мысли его снова обратились къ его печальному прошлому и къ будущему. И чѣмъ глубже уходилъ онъ въ степь, тѣмъ выше, казалось, подымалась она по обѣимъ сторонамъ дороги, превращаясь въ высокія темныя горы, на которыхъ росли высокія черныя ели, и онъ шелъ словно по какой-то глубокой ложбинѣ. Все было пустынно и темно, и мертво кругомъ, и онъ спустился въ такую глубину, что ему стало страшно, какъ тогда, въ бесѣдкѣ. Къ тому же, его ежеминутно пугали какіе-то призраки, похожіе на живыхъ людей. Братъ его Генрихъ шелъ неподалеку отъ него съ злымъ лицомъ, и Лена Тарнъ прошла мимо, какъ будто не узнала его, и Геертъ Дозе стоялъ на дорогѣ, и многіе другіе непрерывно и безцѣльно проходили мимо. И призраки эти, и самая мѣстность, по которой они проходили, казались такими страшными...

И вотъ, въ то время какъ онъ шелъ по этой печальной странѣ съ тѣмъ же ощущеніемъ глубокаго, жуткаго одиночества, хотя и не безъ тайнаго пріятнаго трепета—подобно ребенку, который боится привидѣній — ему вспомнились его собственныя слова, сказанныя имъ Витенъ: Что какія бы тайны ни окружали насъ, мы должны вѣрить въ добро, въ благо... И какъ только онъ подумалъ объ этомъ, вокругъ сдѣлалось какъ будто немного свѣтлѣе, и призраки стали двигаться спокойнѣе и приняли менѣе враждебный обликъ, и онъ увидалъ узкую дорожку, которая вела наверхъ и шла сначала между высокихъ елей, гордо и прямо стоявшихъ, подобно гордымъ и безстрашнымъ людямъ, и ему стало даже стыдно передъ этими деревьями, и онъ тверже опирался на палку и бодрѣе шагалъ впередъ. Подулъ прохладный, освѣжившій его вѣтерокъ. Онъ снова вышелъ на плоскую степь и могъ теперь ясно различить на горизонтѣ линію, гдѣ кончалась степь и начинался спускъ къ равнинѣ Марша. Онъ остановился и сталъ прислушиваться.

Но въ то время, какъ онъ стоялъ такъ и кругомъ него все было тихо,— ни единаго дуновенія вѣтерка, ни голоса ночной птицы,—со стороны лѣса вдругъ послышалось тяжелое дыханье и стукъ, какъ будто множество тяжелыхъ молотовъ глухо ударяли по твердому дереву и желѣзу, ударяли такъ тяжело и мощно, какъ если бы каждымъ такимъ ударомъ выковывалась человѣческая судьба. А изъ лѣсу, по степи слышался топотъ безчисленныхъ быстрыхъ ногъ и раздавался несмолкаемый шумъ, какъ будто тысячъ десять гонцовъ неслись во всѣ стороны, чтобы передать въ руки ничтожныхъ сыновъ человѣческихъ только-что выкованные приказы.

Такъ стоялъ онъ нѣкоторое время, прислушиваясь къ работѣ вѣчныхъ, скрытыхъ силъ жизни. Потомъ онъ отвернулся и съ успокоенными, сосредоточенными мыслями пошелъ домой.

Когда онъ шолъ въ кухню, чтобы взглянуть на Витенъ, она встрѣтилась съ нимъ, посмотрѣла на него и, замѣтивъ, прекрасное, гордое выраженіе его лица, обомлѣла отъ удивленія.

* * *

На другой день на дворъ пришелъ Вейскопфъ и ласково освѣдомился о здоровьѣ стараго Уля. Оставшись съ Іёрномъ Улемъ наединѣ, онъ сдѣлался еще ласковѣе и спросилъ, не хочетъ ли хозяинъ тайно доставлять ему зерно; худо ему отъ этого не будетъ. Но Іёрнъ Уль только разсмѣялся прямо ему въ лицо:

— Что вы думаете?—сказалъ онъ.— Я несчастенъ, это правда, а теперь вы хотите, чтобы я сталъ еще и безчестнымъ? Неужели вы могли это поду-

мать? Вы ошиблись!.. А потому... убирайтесь-ка вы лучше со двора.

Когда тотъ ушелъ, Іёрнъ Уль на минутку завернулъ къ отцу, поговорилъ съ Витенъ и заглянулъ въ Библію, которая лежала тутъ же. Увидѣвъ, что она была открыта на главѣ о казняхъ египетскихъ, онъ улыбнулся и, обращаясь къ Витенъ, сказалъ:

— Не безпокойся. Послѣднюю изъ этихъ казней я только-что прогналъ съ нашего двора.

Потомъ онъ, по своему обыкновенію, отправился въ свою комнату, чтобы посидѣть въ одиночествѣ, и снова подумалъ, съ какимъ-то на все готовымъ спокойствіемъ:

— Да, теперь насъ можетъ спасти только чудо.

Глава двадцать третья.

Нѣтъ, чуда не произошло. Произошло нѣчто очень обыкновенное. Налетѣла гроза и пришла смерть. Это очистило воздухъ, и Іёрнъ Уль освободился отъ давившей его тяжести.

Прошли дожди. Наступили жаркіе, солнечные дни. И каждый день, къ вечеру, надъ Эльбой собирались тяжелыя, темныя облака, и слышался короткій раскатъ грома. Нѣкоторые, правда, увѣряли, что это стрѣляютъ въ гавани съ военныхъ судовъ, но старые люди хорошо знали, что это готовится гроза: «Она только черезъ Эльбу никакъ перебраться не можетъ».

Къ вечеру третьяго дня всѣ были увѣрены, что гроза разразится. Воздухъ былъ мягкій, теплый. Скотъ на полѣ пересталъ ѣсть, и какъ бы въ ожиданіи чего-то, стоялъ у забора. Но и на этотъ разъ гроза не разразилась.

Младшій работникъ съ сосѣдняго двора, послѣ ужина, отправился верхомъ къ кузнецу и крикнулъ дѣвушкамъ, стоявшимъ на дворѣ Улей у пекарни:

— Я сегодня видѣлъ во снѣ, что ваша усадьба горитъ. Пламя стало выбиваться съ западной стороны и осторожно, словно кошка, пробиралось по верху...

На другое утро въ домѣ произошла суматоха. Это было воскресенье, и Витенъ, по своему обыкновенію, съ вечера перемѣнила рубашку и, слѣдуя доброму старому повѣрью, положила снятую рубашку передъ постелью, на полу. А утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала рубашка, оказался одинъ только пепелъ. Рабочіе и работницы собрались вмѣстѣ и стали обсуждать это событіе: всѣ переговаривались, смѣялись, а дѣвушка, спавшая въ одной комнатѣ съ Витенъ, удивлялась, что не проснулась отъ запаха гари. Витенъ ходила съ безпокойными глазами, и ничего не говорила. Люди отправились каждый на свою работу и въ тотъ же вечеръ разнесли эту исторію по деревнѣ.

Какъ разъ въ это время пріѣхалъ изъ Гамбурга Тисъ Тиссенъ и остался у Іёрна на нѣсколько дней. Онъ цѣлый день ходилъ за Іёрномъ, всячески утѣшая его и стараясь пріучить его къ мысли, что онъ долженъ отказаться отъ усадьбы.

— Я охотно помогъ бы тебѣ и далъ бы нѣсколько тысчонокъ марокъ, но вѣдь ты знаешь—Гезгофъ не можетъ вынести большихъ долговъ.

— Ты не долженъ мнѣ помогать,—говорилъ Іёрнъ Уль;—но вѣдь уйти отсюда мнѣ тоже не легко. Вонъ тамъ я пахалъ въ первый разъ въ своей жизни, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ; плугъ прыгалъ изъ стороны въ сторону, такъ что у меня голова закружилась; и каждый разъ, когда одна изъ лошадей вытягивала голову, меня кидало впередъ, потому что я вздумалъ намотать вожжи себѣ на шею. Я до смерти усталъ отъ страха и отъ непрерывнаго шаганья по бороздѣ...

Онъ привлекъ къ себѣ шедшаго рядомъ съ нимъ мальчугана и продолжалъ:

— Когда впослѣдствіи я возвратился изъ похода и Лена Тарнъ стала моей женой, не было ни одной вещи въ домѣ и на дворѣ, которой бы я не говорилъ мысленно: «Ну, теперь за тобою будетъ хорошій уходъ, теперь и о тебѣ позаботятся...» Ничего не подѣлаешь, Тиссъ! Придется мнѣ, видно, разстаться съ усадьбой, но не могу сказать, чтобы это было мнѣ легко: вѣдь я разстаюсь съ тяжкимъ трудомъ Лены Тарнъ, продаю чужимъ людямъ ея веселыя пѣсни. А

тяжелые годы, которые наступили потомъ... Я не могу объ этомъ говорить, Тиссъ. А если когда-нибудь Эльсбе возвратится, и чужіе люди отворятъ ей дверь? Знаю я, что надо уходить: не могу я больше платить проценты, но только это не легко.

На другое утро Тиссъ ушелъ.

Въ этотъ-то день гроза и разразилась.

Подъ вечеръ тяжелое темное облако поднялось изъ-за моря и, остановившись надъ Маршемъ, стало гнѣвно метать въ землю золотыя стрѣлы. Вдали, у дамбы, засвѣтился огонь. Облако подымалось все выше, приближалось, и къ семи часамъ вечера остановилось какъ разъ надъ Маріендонномъ, готовое разразиться. Люди работавшіе въ полѣ, спѣшили домой; жены стояли у дверей и говорили:

Хорошо, что ты пришелъ!

Дѣти бросали свои игры и бѣжали домой.

Наконецъ, грянулъ громъ.

— Вотъ ударъ-то!

— Во что-нибудь да ударило.

Люди выходили на улицу, оглядывались и говорили другъ другу:

— Тьма-то какая.

Затѣмъ полилъ дождь. Могучее облако расплылось, сдѣлалось блѣднымъ и сѣрымъ и затянуло все небо.

Ничего особеннаго однако не случилось.

— Видишь, Витенъ?—сказалъ старикъ-работникъ.—Рубашка-то твоя...

— Молчи!—сказала Витенъ.

Витенъ снова ушла въ кухню, а работникъ полѣзъ на сѣновалъ, чтобы сбросить сѣно. Тутъ въ сѣни пришелъ мальчуганъ со своимъ пятилѣтнимъ товарищемъ, и сказалъ:

— Кассенъ, мы тоже хотимъ наверхъ!

— Мальчикъ! — сказалъ старикъ.— Ты вѣдь знаешь, что это вамъ запрещено.

— Ну, вотъ еще! Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой!

И они влѣзли по лѣстницѣ и взобрались на ворохъ сѣна, на самый верхъ.

— Вотъ такъ,—сказалъ мальчикъ.— Выше уже нельзя! Иди-ка сюда, я тебя подсажу: ты посмотришь въ слуховое окно.

Вскорѣ оба они снова спустились внизъ, и работникъ сказалъ:

— Довольно съ васъ?

Было восемь часовъ, и Витенъ послала мальчугана спать:

— Послушай-ка,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно сказать тебѣ одну вещь: вѣдь я сегодня вмѣстѣ съ Фрицомъ Гансеномъ на сѣновалѣ былъ!

— Вотъ-те на!.. вѣдь отецъ запретилъ тебѣ это!

— А если я скажу тебѣ одну вещь, ты никому не разскажешь?

— Ну, что такое?

— Сказать? Фрицъ Гансенъ былъ на самомъ верху—знаешь, гдѣ окошечко въ крышѣ. И что ты думаешь: тамъ лежала огромная черная кошка. Большая-пребольшая—какъ теленокъ! И глаза-то у нея такъ и горятъ!.. И она стала красться къ нему!

— Ну, ложись и спи!—сказала она и, выйдя изъ комнаты, обратилась къ Іёрну Улю:

— Іёрнъ, — сказала она,—развѣ не бывало такого случая, чтобы молнія нѣсколько часовъ лежала въ домѣ, прежде чѣмъ зажжетъ его? Вѣдь ударъ былъ ужасный! Да и мальчикъ разсказываетъ какія-то странныя вещи. Сдѣлай одолженіе, сходи на сѣновалъ, мнѣ что-то боязно.

Онъ поднялся на сѣновалъ, сошелъ оттуда, обошелъ домъ и другія строенія, но ничего подозрительнаго не замѣтилъ.

Пробило десять, и всѣ пошли на покой.

Тутъ молнія рѣшила, что теперь и домъ, и люди въ ея рукахъ, и потихоньку пустилась въ путь. Она скользила своимъ узкимъ, гладкимъ и блестящимъ тѣломъ между крышей и сѣномъ. Тамъ, куда она простирала свои тонкія руки, вырывалось красное пламя. Когда она поняла, что при недостаткѣ воздуха пламя не разгорится, она скользнула къ окну. Окно лопнуло. Сова, сидѣвшая на кровлѣ, съ громкимъ крикомъ полетѣла прочь.

Витенъ встала со своей постели, пробралась изъ комнаты въ средній корри-

доръ и посмотрѣла сквозь дверное окно въ большія сѣни. Все было темно и тихо. Тогда она снова вошла и, присѣвъ на край постели, въ которой спалъ мальчикъ, стала прислушиваться.

— Въ домѣ есть люди... Здѣсь четверо... Тамъ трое... Двое въ людской... и Іёрнъ... Больше, кажется никого... Нѣтъ, больше никого Сначала ребенка... Только бы старика не позабыть! Десять человѣкъ... десять... десять... Скотъ почти весь на пастбищѣ...

Вдругъ она услыхала какой-то звукъ въ большихъ сѣняхъ и снова вскочила.

— Что-нибудь да случится! Я всѣмъ тѣломъ своимъ чувствую... Можетъ быть, меня просто этотъ страшный ударъ такъ разстроилъ; а можетъ быть, и что другое...

Наклонившись всѣмъ тѣломъ, она снова стала прислушиваться.

— Чу!.. Чу!.. въ домѣ что-то неспокойно. Что-то тамъ копошится, ворочается... Какъ будто кто-то скарбъ свой собираетъ... Цѣпи гремятъ...—Она снова пробралась къ двери.—Прежде я знала заговоръ, какъ бишь это?

Христосъ и Петръ вмѣстѣ шли
И увидѣли огни.
Огонь, не жги!
Огонь, не гори!
Пока Божья Матерь
Другого сына не...

Не успѣла она окончить и отворить дверь, какъ изъ большихъ сѣней до нея донесся трескъ, какъ будто кто-то бросилъ въ огонь сырое полѣно.

— Пожаръ!—закричала она. Пожаръ!

Спавшая въ сѣняхъ дѣвушка уже вскочила: на рукахъ у нея очутился мальчикъ:

— Бѣги съ нимъ къ Ясперу Крэю, да не оглядывайся.

— Іёрнъ! Іёрнъ!..

Голосъ этотъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Быстро, быстро набрасывается одежда, мозгъ работаетъ усиленно, руки мечутся изъ стороны въ сторону. А потомъ никакъ не вспомнишь всего, что думалось, всего, что дѣлалось въ это время.

Іёрнъ впослѣдствіи не могъ отдать себѣ отчета, почему онъ прежде всего схватился за старый ларь и какъ ему удалось вынести эту тяжелую вещь, у которой не было ручекъ. Первое, что онъ помнитъ, это то, что, ничего ровно не ощущая—какъ если бы онъ былъ посторонній человѣкъ—онъ кинулся въ комнату старика, который началъ отъ страху кричать и метаться, и, укутавъ его въ одѣяло, потащилъ черезъ дворъ и дорогу и положилъ въ комнатѣ Яспера Крэя въ приготовленную постель по другую сторону печки.

Потомъ онъ побѣжалъ назадъ и, по врожденному у всякаго крестьянина чувству, бросился въ конюшню, обрѣзалъ поводья у трехъ стоявшихъ тамъ лошадей и вывелъ по одиночкѣ поднимавшихся на дыбы, обезумѣвшихъ животныхъ на улицу.

Теперь ничего больше не оставалось дѣлать. Когда онъ съ опаленными волосами и окровавленными руками еще разъ собирался проникнуть внутрь зданія, ему загородилъ дорогу только что прибѣжавшій учитель:

— Человѣческая жизнь дороже!

Тогда онъ съ отчаяньемъ кинулъ прочь ножъ и перешелъ на другую сторону дороги, чтобы не слышать мычанья коровы, которая, со своимъ только что родившимся теленкомъ, скрывалась гдѣ-то за пламенемъ.

Но ушибленный провалившейся крышей и задыхаясь отъ дыма, который валилъ изъ большого сарая, онъ принужденъ былъ отойти подальше отъ строеній. Мимо него била струя воды изъ пожарной кишки. Мальчуганъ перебѣжалъ черезъ дорогу подъ самыми мордами лошадей и, обхвативъ ноги отца, закричалъ сквозь слезы:

— Отецъ! А жеребенокъ сгорѣлъ?

Ясперъ Крэй подошелъ къ нему съ почернѣвшимъ лицомъ и руками и сказалъ:

— Мы и корову спасли: черезъ кухонную дверь и пекарню!—и снова ушелъ.

Іёрнъ Уль стоялъ и глядѣлъ на пламя; его маленькій мальчикъ стоялъ рядомъ съ нимъ.

Полы въ передней части дома начинали коробиться, и вотъ пламя захватило парадныя комнаты. Вотъ и дверь

начала заниматься, огонь скользилъ по ней, верхняя филенка треснула, и огненная лапа схватилась за дверную ручку. Люстра съ трескомъ упала на столъ, столъ загорѣлся, и вдругъ огонь, подобно кошкѣ, прыгнулъ на подоконникъ, поднялъ занавѣску и выбилъ окно. Струя свѣжаго воздуха ворвалась въ домъ... Вотъ рухнули потолки, и въ комнаты заглянуло ночное небо.

Въ тотъ самый часъ, когда парадныя комнаты Улей пылали яркимъ пламенемъ, и высоко подымающіеся снопы огня освѣщали темныя пастбища, съ трехъ сторонъ примыкавшія къ Венторфу, со стороны Санктъ-Маріендонна, по узкой церковной дорожкѣ, вдоль рѣки, пробиралась смерть. Она избѣгала свѣта, разливавшагося отъ пожара, и дойдя до выгона, гдѣ обыкновенно паслись жеребята, свернула съ тропинки. Она направилась прямо къ низенькому, маленькому домику Яспера Крэя, стоявшему подъ высокими тополями и освѣщенному теперь багровымъ свѣтомъ пожара. Витенъ Пеннъ, стоявшая у постели и ожидавшая ее съ широко открытыми глазами, отошла въ сторону и уступила ей мѣсто. Смерть подошла и твердо опустила руку на плечо спящаго. Онъ вздрогнулъ два раза. Дыханье его прекратилось.

Тогда Витенъ Пеннъ, съ помощью Трины Крэй, стала приготовлять все необходимое...

Сотни людей стояли и ходили вокругъ высокихъ горящихъ зданій и смотрѣли на ослабѣвающій огонь. Но почти никто не подходилъ къ Іёрну Улю и его ребенку. Въ немъ всегда было что-то странное, какая-то едва замѣтная гордость. Онъ былъ всегда такъ задумчивъ и скупъ на слова.

— Онъ вѣдь былъ въ такомъ положеніи, что ни взадъ, ни впередъ не двинуться! Вотъ онъ и схватился за послѣднее средство спасенья—за поджогъ!

— Правда! Вонъ онъ тамъ стоитъ: лицо-то у него совсѣмъ какъ у преступника.

— Слушай-ка! Что онъ тебѣ говорилъ?.. Не думалъ я, правду сказать, что онъ на это способенъ.

— Чего-жъ тебѣ еще?.. Кажется, ясно... ну, самъ ты понимаешь, что я хочу сказать!

Среди работниковъ, которые всегда склонны видѣть дурное въ своихъ хозяевахъ, многіе говорили такъ. Онъ вѣдь всегда былъ сухъ и неразговорчивъ съ ними, и почти скупъ. У него всегда было столько заботъ и вѣчный недостатокъ въ деньгахъ.

Такъ стоялъ Іёрнъ Уль впродолженіи нѣсколькихъ часовъ подъ тополями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжая дорога заворачиваетъ къ гумну, гдѣ онъ стоялъ въ тотъ вечеръ, когда возвратился изъ похода.

Но вотъ, уже за полночь, пришли два работника Харгена Фолькена и сказали, что когда въ семь часовъ вечера они шли съ поля и разразился страшный ударъ, они ясно видѣли, что молнія упала какъ разъ на усадьбу Улей. Они видѣли, какъ загорѣвшаяся вѣтка тополя полетѣла на крышу. Они тотчасъ же остановились и подождали, думая, что сейчасъ покажется огонь, и очень удивлялись, что ничего особеннаго не произошло. Младшій работникъ Уля тоже сказалъ, что ударъ почти опрокинулъ его въ то время, какъ онъ шелъ между домомъ и гумномъ, и что онъ замѣтилъ на гребнѣ крыши легкій дымокъ, а на дворѣ почувствовалъ запахъ гари. Разсказы эти быстро распространились. Тогда многіе изъ мужчинъ и женщинъ стали подходить къ Іёрну Улю, разсказывая ему то, что слышали, вспоминая подобные же случаи удара молніи и стараясь ласковыми словами утѣшить его.

Наконецъ, повѣяло утренней прохладой, и всѣ они разошлись.

Когда небо посвѣтлѣло, Іёрнъ Уль перешелъ дорогу и вошелъ къ Ясперу Крэю. Нѣкоторыя звѣзды еще стояли высоко на небѣ, подобно усталымъ блестящимъ глазамъ на блѣдномъ, утомленномъ бдѣніемъ лицѣ. Когда онъ вошелъ въ комнату, Витенъ преградила ему путь. Но онъ увидѣлъ все поверхъ ея маленькой фигурки, увидѣлъ свѣчи и всѣ приготовленія. Онъ тихонько отстранилъ ее, подошелъ къ постели и

долго смотрѣлъ на отца. Потомъ онъ подошелъ къ Витенъ и, схвативъ ея руку, долго держалъ ее и тихо, мягко сказалъ:

— Хорошо, что моя старая мать еще жива!

* * *

На другой день послѣ всѣхъ этихъ событій, набѣгавшись изъ-за пожара и изъ-за похоронъ, онъ поднялся вечеромъ на Рингельсгёрнъ, сѣлъ на камень, лежавшій на краю песчаной дороги, въ высокой пыльной травѣ, и глубоко вздохнулъ. Онъ отдался вольному теченію своихъ мыслей и удивлялся тому, какъ спокоенъ и прекрасенъ былъ міръ.

Довольно долго просидѣвъ въ этомъ положеніи, онъ услыхалъ у подножія холма стукъ какого-то экипажа.

Сѣдокъ громко бесѣдовалъ со своими лошадьми:

— Ну, живѣй! рысью, лошадушки. Усадьба сгорѣла, Клаусъ Уль умеръ, и это будетъ поворотомъ въ жизни Іёрна Уля. А что касается прочаго... Ба! Іёрнъ!.. А ты тутъ и сидишь? И даже улыбаешься?

— Тиссъ!—сказалъ Іёрнъ...—Сначала похоронимъ отца, какъ подобаетъ. А потомъ посмотримъ, что предпринять.

* * *

После похоронъ, когда длинная вереница Улей и ихъ родни разошлась съ кладбища по домамъ, Іёрнъ Уль, Тиссъ Тиссенъ и мальчикъ зашли на могилу Лены Тарнъ, а потомъ снова вернулись къ могиламъ Улей. Новый холмикъ былъ покрытъ многочисленными вѣнками.

— Знаешь, Іёрнъ,—сказалъ Тиссъ,—за что я, главнымъ образомъ, осуждаю этого человѣка? Совсѣмъ не за то, что онъ сорилъ деньгами, и не за его пьянство, а за его смѣхъ: со всѣми онъ былъ привѣтливъ и вѣчно смѣялся, а съ моей бѣдной сестрой—нѣтъ. Не мало есть такихъ людей, которые привѣтливы съ чужими—гдѣ-нибудь на улицѣ, въ трактирѣ,—а въ собственной семьѣ настоящіе дьяволы. Хорошо, что есть смерть, Іёрнъ, и что хоть она приноситъ справедливое воздаяніе... Ты думаешь, что этотъ вотъ человѣкъ, который такъ мучилъ мою сестренку и не заботился объ этихъ прекрасныхъ поляхъ и только лѣнтяйничалъ да хохоталъ, останется безнаказаннымъ? Говорю тебѣ, Іёрнъ: тяжело ему будетъ пахать на томъ свѣтѣ. Дадутъ ему каменистое поле, четверку старыхъ клячъ да самаго ужаснаго шалуна изъ ангеловъ въ подручные... Посмотри-ка! На могилѣ сестры нѣтъ ни одного вѣнка!—Онъ нагнулся, взялъ два вѣнка и положилъ ихъ на могилу своей сестры.—Она была самымъ веселымъ и скромнымъ существомъ во всемъ мірѣ, Іёрнъ. Еще когда она ребенкомъ была, сядетъ она, бывало, на краешекъ пня, почти на вѣсу, и говоритъ: «садись, Тиссъ, посмотри-ка сколько мѣста!» Она была такая скромная и ничего для себя не желала, кромѣ маленькаго мѣстечка на солнцѣ. А этотъ вотъ отказалъ ей въ этомъ мѣстечкѣ и загналъ ее въ тѣнь...—И онъ положилъ еще одинъ вѣнокъ на могилу сестры.

— Если бы она могла встать, Іёрнъ,—онъ взялъ еще два вѣнка,—она сказала бы: «Уходи изъ усадьбы Улей, мой милый Іёрнъ, переберись сегодня же въ Гезгофъ». Откажись отъ усадьбы, Іёрнъ! Изъ-за нея ты обѣднѣлъ и здоровья лишился. Пойдемъ со мной на родину твоей матери... Я думаю, тамъ ты выздоровѣешь. Пойдемъ, Іёрнъ... прошу тебя именемъ твоей матери. Ну, мальчуганъ! Пойдемъ-ка! Хочешь идти въ Гезгофъ?

— Поѣдемъ, отецъ!—сказалъ мальчикъ.—Вотъ весело-то будетъ!

— Іёрнъ!.. Вы всѣ сядете ко мнѣ въ повозку: ты, мальчикъ и Витенъ, а сзади мы ларь поставимъ. Тогда все, что есть у тебя, будетъ въ одной повозкѣ съ тобой!

Іёрнъ Уль немного отвернулся и долго глядѣлъ на могилу Лены Тарнъ.

— Ты думай только о ларѣ, Іёрнъ! Въ немъ вѣдь и твоя новая пара, и подзорная труба, и карта солнца, луны и звѣздъ, и мудреныя книги, и старая скалка моей бабушки, старой Тринки Тиссенъ, урожденной Штюрманнъ. Я полагаю, что скалка должна быть у тебя, Іёрнъ, или, можетъ быть, Петръ

Фоссъ ее... Все это, Іёрнъ,—и люди, и ларь,—все это будетъ твое, если ты поѣдешь со мной въ Гезгофъ. Здѣсь они составляли принадлежность усадьбы Улей, а тамъ, въ Гезгофѣ, они будутъ принадлежать тебѣ. Ахъ, Іёрнъ, поѣзжай, пожалуйста, съ нами! Пожалуйста, Іёрнъ!.. Оторви ты свою душу отъ усадьбы и сохрани ее для самого себя. Пожалуйста, милый Іёрнъ, поѣдемъ со мной! Иначе, прямо тебѣ скажу, ни за что я не могу поручиться!

Іёрнъ Уль молчалъ. Тяжело дыша, онъ смотрѣлъ попеременно то на могилу Лены Тарнъ, то на обѣ могилы, лежавшія у его ногъ. Казалось, эти три могилы вели какую-то бесѣду съ нимъ.

Нѣкоторое время они молча постояли такъ, потомъ Тиссъ сказалъ:

— Ну, пойдемъ! Мы положимъ на могилу Лены Тарнъ еще вотъ эти три вѣнка; каждый по одному.

— Лена Тарнъ? — сказалъ мальчикъ.—Кто это? Ты говоришь—Лена Тарнъ? Вѣдь это моя мать?

— Да, мальчикъ! И еще какая чудная мать!

* * *

На слѣдующій день послѣ полудня, Іёрнъ Уль созвалъ всѣхъ работницъ и работниковъ и выдалъ всѣмъ имъ деньги, сколько каждый изъ нихъ заработалъ, потомъ пошелъ расплатиться съ поденщиками, а когда тѣ съ удивленіемъ взглянули на него, онъ сказалъ имъ со свойственною ему краткостью:

— Лучше развѣ было бы, если бы вамъ пришлось бѣгать за своими заработанными деньгами, или совсѣмъ ихъ не получить?

Тогда они поняли его и, быстро спрятавъ деньги, проводили его; а потомъ кликнули своихъ женъ и стали глядѣть, какъ онъ, выпрямившись болѣе обыкновеннаго и высоко поднявъ голову, удалялся по липовой аллеѣ.

Онъ еще разъ прошелся по пожарищу и остановился у почернѣвшей, полуразвалившейся домовой стѣны, неподалеку отъ кухонной двери, гдѣ онъ такъ часто стоялъ, бывало, глядя на открывавшіяся отсюда поля.

Въ эту минуту показался Тиссъ Тиссенъ, одѣтый въ короткій плащъ и съ кнутомъ въ рукѣ, и еще издали закричалъ ему:

— Маленькій Юргенъ сидитъ уже на ларѣ въ повозкѣ и болтаетъ ногами, а Витенъ надѣваетъ свой синій клѣтчатый платокъ. Ну, а твои дѣла какъ, Іёрнъ?.. Аа! Ну, вотъ и отлично! Твое лицо нравится мнѣ, голубчикъ!

— Тиссъ!—сказалъ Іёрнъ Уль и обернулся къ нему.—Теперь я покончилъ съ этимъ! Я покидаю владѣнія Улей вмѣстѣ со всѣми своими прежними заботами. Вѣдь и я человѣкъ, Тиссъ... За цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ у меня не было праздничнаго дня. Теперь я вижу, что былъ просто бѣдный, несчастный дуракъ.. И право, теперь я, дѣйствительно, хочу испробовать то, что ты мнѣ совѣтывалъ: хочу взять назадъ свою душу, которую я всецѣло отдавалъ владѣніямъ Улей. Подавайте ее мнѣ, мою душу! Подавайте ее мнѣ, мою душу! Вѣдь она моя!.. Пойдемъ скорѣй, Тиссъ.

Мальчикъ сидѣлъ на ларѣ, а Витенъ, сгорбившись, стояла у повозки.

— Отецъ,—сказалъ мальчикъ,—что ты тамъ кричалъ? Ты бранился или смѣялся?

— И то и другое,—сказалъ Іёрнъ Уль... Иди-ка, Витенъ, я тебя подсажу... Ты хочешь что-то сказать?

Витенъ поглядѣла на него серьезными, задумчивыми глазами:

— Я вспомнила сказку, Іёрнъ,—сказку о томъ человѣкѣ, который пробылъ цѣлыхъ сто лѣтъ у подземныхъ, а когда возвратился отъ нихъ, то былъ уже совсѣмъ старикъ. Много правды все-таки въ этихъ старыхъ сказкахъ, Іёрнъ!

— Да, Витенъ!—сказалъ онъ, и вздрогнулъ, какъ будто ужаснувшись чему-то.

Глава двадцать четвертая.

Когда надъ молодымъ лѣсомъ, который стоитъ засыпанный снѣгомъ и скованный морозомъ, поднимается мягкій западный вѣтеръ, ели начинаютъ трещать и ломаться: онѣ не хотятъ сги-

бать свои вершины и предпочитаютъ ломаться. Но мягкій воздухъ ласкаетъ и нѣжитъ ледяные кристаллы, скользитъ по нимъ, гладитъ ихъ. И кротость, наконецъ, побѣждаетъ, какъ это всегда бываетъ на землѣ. Побѣждаетъ любовь. Звонъ, трескъ, лязгъ оружія прекращается. Ледяные кристаллы роняютъ на землю свои блестящія копья, ихъ панцырь таетъ, изъ глазъ льются слезы, и они падаютъ въ объятія весны. Человѣкъ, идущій по лѣсу, слышитъ, какъ что-то скользитъ, падаетъ и тихо и однообразно шепчетъ, словно во снѣ.

Пріятно для глазъ и для слуха это оттаиванье лѣса, это пробужденіе его къ новой жизни. Но еще болѣе пріятно бываетъ видѣть, какъ оттаиваетъ душа человѣческая.

На другое утро Тиссъ Тиссенъ стоялъ послѣ обѣда у постели Іерна Уля и говорилъ:

— Однако, ты очень успѣшно совершаешь переходъ на сторону Тиссовъ Іерна: вотъ уже восемнадцать часовъ что ты спишь.

— Гдѣ мальчикъ?—спросилъ Іернъ.

Но тотъ уже бѣжалъ къ нему.

— Отецъ,—сказалъ онъ—ты спалъ, какъ сурокъ. Я уже десять разъ подходилъ къ тебѣ,—семь разъ одинъ, и три раза съ Тиссомъ.

— Вотъ видишь, какъ о тебѣ заботятся,—сказалъ Тиссъ,—я былъ уже сегодня въ Маріендоннѣ. Кузнецъ еще не получилъ денегъ за послѣдній заказъ; я далъ ему талеръ.

Іернъ Уль приподнялся.

— Я не могу отдать тебѣ его.

— Ты, кажется, опять хочешь уйти въ заборы?

Тогда Іернъ снова бросился на постель и разсмѣялся.

Ни за что на свѣтѣ! Все въ порядкѣ; отецъ и усадьба, этотъ мальчуганъ и Витенъ! И нѣтъ долговъ и недовольныхъ лицъ кругомъ нѣтъ. Все такъ просто! Совершенно просто, какъ ломоть чернаго хлѣба! Тебѣ, пока что, придется оставить насъ у себя.

— Еще бы! Вы останетесь здѣсь, и намъ очень хорошо будетъ вмѣстѣ, а что касается всего прочаго,—подождемъ потерпимъ.

— Спасибо тебѣ, Тиссъ. Я хочу сначала немножко придти въ себя, а потомъ ужъ посмотрю, за что мнѣ взяться.

На другое утро онъ отправился пѣшкомъ въ Маріендоннъ, къ старшинѣ и обсудилъ съ этимъ спокойнымъ, толковымъ человѣкомъ свое положеніе и сказалъ, что онъ не хочетъ оставить усадьбу за собою. Если Вейскопфъ не согласится взять усадьбу за долги, то пусть его, Іерна, объявятъ банкротомъ. Ему не надо ни одного пфенига, а съ другой стороны, онъ не хочетъ отравлять долгами свою новую жизнь. Ему и безъ того слишкомъ долго пришлось возиться съ долгами и нести на себѣ бремя всяческихъ заботъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ на душѣ у него лежала тяжесть, и ему казалось, что грудь его давитъ доска, на которой отчетливо написано: «У этого человѣка много долговъ.» Онъ считалъ себя проклятымъ. А теперь у него на сердцѣ легко и весело.

Старшина улыбался, глядя на Іерна Уля, съ которымъ прежде едва удавалось обмѣняться двумя-тремя словами и который теперь, когда дѣло его было окончательно проиграно, такъ свободно и сознательно бесѣдовалъ съ нимъ и высказывалъ надежду, что усадьбу можно будетъ продать самому и притомъ за хорошую цѣну, такъ какъ она находится въ отличномъ состояніи. Потомъ они условились, что Іернъ Уль, оставитъ за собою подъ поручительство Тисса Тиссена, пару лошадей—прекрасныхъ голштинокъ, которыхъ такъ любила Лена Тарнъ когда они были жеребятами и которыя превратились теперь въ крупныхъ, породистыхъ восьмилѣтокъ.

Когда Іернъ Уль вышелъ отъ старшины, онъ весело тряхнулъ головой и, вскидывая свою дубовую палку, пошелъ по улицѣ, взметая на ходу липовую листву, которою была густо усѣяна земля. Увидавъ вдали школьный домъ едва проглядывавшій сквозь окружающіе его кусты и деревья, онъ отыскалъ окно, за которымъ когда-то занимался

англійскимъ языкомъ, и знакомый садъ и подумалъ: «Вѣдь теперь и Лисбета Юнкеръ скоро вернется! Вотъ-то она изумится когда увидитъ, что усадьбы больше нѣтъ и что мы уѣхали отсюда. Какъ это все-таки мило было съ ея стороны: каждый разъ, что она пріѣзжала въ школу, она навѣщала насъ. Какая чудесная дѣвушка. И какая красивая попрежнему».

Онъ подошелъ ближе и заглянулъ черезъ заборъ. Весь садъ пестрѣлъ яркими, веселыми красками. Виноградникъ у стѣны сверкалъ и алѣлъ на яркомъ октябрьскомъ солнцѣ. Легкій вѣтерокъ перебиралъ его красные, зеленые и желтые листья. Но среди этой пестрой массы листьевъ порывисто двигалось живое существо. Что-то запуталось въ волосахъ, у дѣвушки, сидѣвшей подъ виноградной листвой и чистившей бобы,—она не знала былъ ли это листъ или гусеница; она стояла и встряхивала головой, а солнечные лучи весело играли въ ея бѣлокурыхъ волосахъ.

— Подожди!—крикнулъ Іёрнъ Уль.— Я помогу тебѣ!

И, прежде, чѣмъ она поняла, въ чемъ дѣло, онъ уже наклонился къ ней и сказалъ:

— Ничего особеннаго не видно,— просто бѣлокурыя кудряшки!

Она взглянула на него изумленными, сіяющими глазами.

— О, Юргенъ!—сказала она.—Какъ ты испугалъ меня! И какъ я рада, что у тебя такой хорошій видъ!.. Ахъ ты бѣдняга! И отца потерялъ, и вся усадьба сгорѣла!

Онъ встряхнулъ головой:

— Не будемъ говорить объ этомъ! —сказалъ онъ.—Съ этимъ уже покончено, давно покончено. Но какъ я радъ, что увидѣлъ тебя! Давно ты здѣсь?

—Со вчерашняго вечера. Я хотѣла только убрать бобы, а потомъ думала пойти къ вамъ въ усадьбу и взглянуть, не застану ли тамъ тебя и мальчика. Ну, какъ ты поживаешь, Юргенъ?

Тогда онъ разсказалъ ей о братѣ и отцѣ и о нашествіи мышей, и о пожарѣ, и о томъ, на чемъ они порѣшили со старшиной. И она ласково высказала ему свое сочувствіе.

— А что я теперь буду дѣлать, — сказалъ онъ,—я и самъ не знаю.

— Ахъ,—сказала она,—Юргенъ, ты очень легко найдешь работу. Вѣдь ты умѣешь и хочешь работать! И ты такой умный! Объ этомъ тебѣ нечего безпокоиться.

Солнце весело свѣтило, озаряя листву и вѣтви, бросая тѣнь, сверкая, зажигая и окрашивая все окружающее...

Его удивляло, что она заговорила объ немъ. Значитъ, она не только жалѣла, но и уважала его! Это было ужасно пріятно ему. Такая чудесная дѣвушка!

— Нѣтъ!—сказалъ онъ.—Я не боюсь будущаго. Какъ-нибудь да устроюсь. Я хочу только пожить, ни о чемъ не заботясь, долго, долго, можетъ быть, даже всю зиму,—а потомъ ужъ приму какое-нибудь рѣшеніе.

—Это правильно!—сказала она.—Знаешь, что, Юргенъ, пріѣзжай какъ-нибудь въ Гамбургъ! Я покажу тебѣ весь городъ, все, что стоитъ посмотрѣть. Мальчика возьми съ собой. До сихъ поръ ты зналъ одинъ только трудъ, да работу. А теперь...

Тутъ онъ совсѣмъ развеселился.

— Сказать тебѣ одну вещь?..

— Скажи Юргенъ!

— Если ты ничего не имѣешь противъ этого и если тебѣ не покажется такъ слишкомъ скверно... Вѣдь мы тамъ все самые простые люди...

— Скажи же, Юргенъ!

Она глядѣла на него своими большими глазами, полная радостнаго ожиданія.

— Я не знаю, право, не предложить ли тебѣ, чтобы ты погостила у насъ въ Гесгофѣ? Вѣдь намъ обоимъ нечего дѣлать. И всѣ мы,—ты, я и мальчикъ пошли бы цѣлый день дѣлать все, что намъ вздумается.

— Ну, что ты говоришь, Юргенъ.

— А потомъ, если ты захочешь, ты могла бы поѣхать куда нибудь со мной. Мнѣ хочется навѣстить одного товарища, съ которымъ мы были на войнѣ, онъ живетъ неподалеку отъ Буага. То есть, конечно, если это улыбается тебѣ...

Глаза ея заблестѣли.

— Юргенъ!—сказала она.—Я съ великимъ удовольствіемъ сдѣлаю это. Если тебѣ дѣйствительно пріятно, чтобы я пріѣхала, я съ такимъ удовольствіемъ пріѣду.

Онъ удивился ея радости, развеселился еще больше и сказалъ:

— Неужто ты такъ рада! Вотъ ужъ никогда бы не подумалъ! Только бы тебѣ не показалось слишкомъ просто у насъ! Ветчина, навѣрное, прошлогодняя, клецки изъ гречневой муки, а какъ тебя устроить на ночь, я даже и представить себѣ не могу!

— Ахъ, — сказала она — право, это такъ не важно! Знаешь, ты иногда бывалъ совсѣмъ не любезенъ со мной, когда я приходила къ тебѣ въ усадьбу. Ты былъ такой неразговорчивый, такой равнодушный! Какъ будто тебѣ было совершенно все равно, какъ мнѣ живется и что я думаю, и нѣтъ ли у меня тоже какихъ-нибудь заботъ. Вѣдь ты былъ моимъ вѣрнымъ товарищемъ, когда мы были маленькіе!.. Я даже плакала изъ-за этого!

— Ты?—сказалъ онъ.—Ты плакала? Изъ-за меня?.. Лисбета! Я думалъ, что ты приходишь только по обязанности, изъ приличія! Я думалъ, что ты только хотѣла выказать мнѣ свое сочувствіе. А оказывается, я былъ даже нуженъ тебѣ? Неужели? я? Милая, съ какимъ удовольствіемъ я бы поговорилъ съ тобой обо всемъ рѣшительно, если бы только я зналъ! Но я сидѣлъ себѣ со своимъ горемъ да заботами, и глаза были словно паутиной затянуты. Я всегда думалъ, что ты довольна и счастлива.

— Ахъ, Юргенъ! Я-то счастлива?..

— Если ты, дѣйствительно, такъ ко мнѣ относишься, Лисбета, и далѣе я нуженъ тебѣ на что-то, и я чѣмъ-нибудь могу помочь... тебѣ... тогда... право... Лисбета... гдѣ бы я ни былъ и куда бы я ни пошелъ... я всегда розыщу тебя и ты можешь вполнѣ разсчитывать на меня...

— Но до чего я рада! — сказала она, всплеснувъ руками.—До чего я рада, что ты такой веселый и такъ говоришь со мною.

Онъ засмѣялся свѣтлымъ горделивымъ смѣхомъ.

— Вотъ-то весело будетъ завтра! У Тисса есть здѣсь дѣло на завтра, и онъ заѣдетъ за тобой. А мы съ мальчикомъ заляжемъ гдѣ - нибудь на лѣсной опушкѣ, какъ въ засадѣ, и перехватимъ васъ. Тисса мы отпустимъ, а ты пойдешь съ нами прямо черезъ Гезе. Я хочу показать мальчику большіе камни, знаешь?.. тѣ, что вѣдьма раскидала. Помнишь?

Она опять всплеснула руками.

— Нѣтъ!—сказала она.—Я просто не могу выразить, какъ я радуюсь, видя что ты такой веселый и привѣтливый!

Глаза ея наполнились слезами.

Онъ тряхнулъ головой и сказалъ, какъ бы поддразнивая ее:

— А у тебя все такой же тонкій голосъ, какъ и прежде!

Она засмѣялась.

— Будь покоенъ!—сказала она.—У тебя за эти дни тоже отыщутся старые недостатки!

— Развѣ они у меня были?

— Какое самомнѣніе! Ты иногда бывалъ разсѣянъ, а иногда горячился... А иногда... иногда въ тебѣ проглядывалъ настоящій Уль!

И она ударила себя въ грудь, какъ это дѣлаютъ хвастуны.

— Такъ! — сказалъ онъ. — Вотъ я какой былъ! Теперь, идя черезъ степь, я постараюсь припомнить, какая ты была. Мнѣ надо идти. Мнѣ такъ пріятно было, Лисбета... Я никогда не подумалъ, бы что ты такое простое существо!

— А я никогда не подумала бы, что ты сегодня будешь такой веселый и ласковый.

— Послушай! Это отъ того, что у меня нѣтъ заботъ. Прежде у меня были такія тяжелыя мысли, онѣ двигались, точно уставшіе работники. А теперь онѣ принарядились и чувствуютъ, что онѣ сами себѣ господа, и разгуливаютъ повсюду и приглядываются къ дѣвушкамъ, которыя сидятъ въ тѣни виноградниковъ. Ну, такъ до завтра, Лисбета!

— Поклонись маленькому Юргену.

Онъ пожалъ ея руку, поклонился и пошелъ. Она глядѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, а потомъ, не переставая улыбаться своимъ мыслямъ, стала собирать бобы. Не успѣла она окончить, какъ что-то снова запуталось въ ея волосахъ, она встряхнула головой и закричала:

— Мари, Мари!

Изъ дому выскочила ея пріятельница съ ребенкомъ на рукахъ и спросила, что случилось. Тогда Лисбета сказала:

— Послушай!.. знаешь, кто здѣсь былъ? Кто сидѣлъ здѣсь? Здѣсь, на этой скамейкѣ? И такъ весело болталъ со мной?

— Да неужто!.. Іёрнъ Уль?

Свѣтлокудрая дѣвушка кивнула головой, засмѣялась и побѣжала въ домъ.

* * *

На другой день она, дѣйствительно, сидѣла въ повозкѣ рядомъ съ Тиссомъ, словно прекрасный молодой розовый кустъ рядомъ съ маленькимъ, полуизсохшимъ кустикомъ можжевельника.

Увидѣвъ на опушкѣ лѣса Іёрна Уля и мальчика, Тиссъ широко улыбнулся.

Она не хотѣла сойти съ повозки. Онъ такъ высоко протянулъ руки, и при этомъ у него было такое мрачное лицо! Но потомъ она рѣшилась и спрыгнула. Потомъ она сейчасъ же побѣжала прямо къ Гесгофу и занялась исключительно мальчуганомъ, какъ будто она пріѣхала въ Гесгофъ ради него одного, какъ приходила раньше въ усадьбу Улей. И такъ вела она себя цѣлый день. А Іёрнъ Уль потащился съ Тисомъ на болото, взглянуть на торфъ. Когда онъ возвратился, она все еще играла съ мальчикомъ и прыгала взадъ и впередъ черезъ канаву и казалось, имъ обоимъ это страшно нравилось. Но едва только Іёрнъ подошелъ къ ней какъ она сказала мальчику.

— Ну, теперь мнѣ некогда больше, мнѣ надо помочь Витенъ!—и юркнула въ домъ, какъ хорекъ въ свою нору подъ горой.

* * *

Часъ спустя онъ встрѣтился съ ней въ сѣняхъ, въ ту минуту, когда она повязывала голову платкомъ, и она сказала ему, что собирается вмѣстѣ съ Витенъ обметать стѣны въ кухнѣ такъ какъ онѣ ужъ слишкомъ грязны. Это показалось ему ужъ черезчуръ нелѣпымъ. Онъ весело охватилъ ее, перевернулъ и совершено серьезно развязалъ платокъ и фартукъ, бросилъ и то, и другое въ уголъ и сказалъ:

— Мы пойдемъ вмѣстѣ въ Гезе.

— И мальчикъ тоже.

— Мальчикъ останется дома.

Она сдѣлала недовольное лицо и заявила, что онъ напрасно воображаетъ, будто она станетъ его слушаться.

— Ты возьмешь шляпу?

— Нѣтъ, но я одѣнусь немного потеплѣе.

Она принесла простую черную кофточку и подала ему ее. Онъ поставилъ палку въ уголъ и спросилъ:

— Ну, теперь объясни мнѣ что я съ ней долженъ дѣлать?

— Не представляйся: неужели ты не умѣешь подать кофточку?

— Право, мнѣ не приходилось этого дѣлать ни съ мужчинами, ни съ женщинами... Вотъ красивая штука!... Это шелкомъ подбито? Въ жизни своей не видалъ ничего подобнаго! Ну, надѣвай же!

Она надѣла кофточку, но еще не все было въ порядкѣ и, вытягивая руки, Лисбета пыталась заправить широкіе, просторные рукава своего шерстяного платья, въ узкіе рукава кофточки. Но это ей не удавалось.

— Иди-ка сюда!—сказалъ онъ.—Я тебѣ помогу.

Она круто повернулась на каблукахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Теперь хорошо.

— Вотъ видишь!—сказалъ онъ—Ты все такая же, какою была ребенкомъ! Всегда: не тронь меня! Всегда гордая! Тутъ ни одинъ Уль ничего не подѣлаетъ.

— Юргенъ!—сказала она, и глаза ея прямо и укоризненно смотрѣли на него, а голосъ ея звучалъ высоко и нѣжно: —я только сдержанна, вотъ и все! Если

бы ты заглянулъ внутрь меня, ты бы не то сказалъ.

— Ну, не сердись,—сказалъ онъ— у меня всегда было убѣжденіе, что ты слишкомъ изящное созданіе, чтобы водить со мной знакомство. Вотъ это да еще мое печальное положеніе, и было причиной моей сдержанности въ послѣдніе годы.

Она шаловливо посмотрѣла, на него и проговорила:

— Скажи мнѣ, Юргенъ, что же во мнѣ такого изящнаго?

Онъ смутился и скрылъ свое смущеніе, стараясь принять значительный видъ.

— Во-первыхъ—сказалъ онъ—твоя фигура! Знаешь-ли она похожа на ту молодую липу, что стоитъ около школы, на углу у садовой калитки. Во всей твоей фигурѣ и въ твоихъ манерахъ есть что то такое свѣжее и мечтательное...

Она оправила свою кофточку, засмѣялась и проговорила.

— Ну дальше! Это пріятно слушать!

— Да, а лицо твое такое, какъ будто его создалъ только сегодня этотъ чудный солнечный день. И глаза твои, всегда такіе строгіе, не говоря уже о томъ что когда ты глядишь на меня, ты дѣлаешь съ ними что-то совершенно особенное.

— Какіе пустяки, Юргенъ.

— А когда ты говоришь, ты какъ-то такъ двигаешь губами, что ради этого, приходится смотрѣть на тебя. Твой ротъ сталъ теперь больше и спокойнѣе.

— Помнишь ли ты, — продолжалъ онъ,—что ты никогда не соглашалась подать руку Фите Крэю, когда мы хотѣли помочь вамъ перебраться черезъ насыпь? Тогда ты останавливалась! Скатиться нельзя было: вѣдь ты запачкала бы платье! Да это было бы и некрасиво! Тогда ты, бывало, принималась кричать: «Юргенъ! Юргенъ!» Я еще и теперь слышу твой голосъ съ насыпи. Видишь! вотъ какая ты была!

— А почему? Потому что у Фите Крэя были не очень-то чистыя руки. Вѣдь ты знаешь!

— Ахъ, дитя мое, а на что у меня теперь руки похожи! Чего, чего только не приходилось дѣлать ими. Помню, братъ лежалъ на полу. Тутъ... ахъ, лучше не думать... Ты слишкомъ чиста для всего этого, Лисбета.

— Дай!..—сказала она.

И прежде, чѣмъ онъ понялъ, что ей было нужно, она схватила его руку и приложила къ своей щекѣ.

— Вотъ что я объ этомъ думаю!— сказала она.

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, удерживая ея руку, съ усиліемъ проговорилъ:

— Ты милый, маленькій товарищъ моего дѣтства.

Они дошли до лѣсной опушки и онъ указалъ ей на склонъ насыпи, устланный прекраснымъ густымъ мхомъ.

— Хочешь сѣсть сюда?

Она сѣла, къ великому его изумленію.

Здѣсь мы когда-то лежали всѣ вчетверомъ—сказала она.

— Гдѣ-то остальные двое теперь?— спросилъ онъ.

Она провела рукой по мху, хотѣла что-то сказать и стала смотрѣть передъ собой. Потомъ она проговорила:

— Это просто покою мнѣ не даетъ Юргенъ: ты не долженъ думать обо мнѣ то, чего нѣтъ. Я совсѣмъ не высокомѣрная и не недотрога какая-нибудь. Помнишь, Юргенъ, нашу встрѣчу въ фруктовомъ саду: это была смѣшная исторія. Ты былъ простъ и уменъ, а я вела себя глупо. Почему я потомъ не хотѣла танцовать съ тобой на балу, вѣдь ты самъ это знаешь, Юргенъ; и ты вѣрно, потомъ понялъ, въ чемъ дѣло, а раньше совсѣмъ не такъ, это понималъ. Почему я не водила знакомства съ Эльсбе? Видишь ли, Юргенъ, я знаю, что у нея была честная душа и доброе сердце и что она была умная. Когда она была еще дѣвочка она удивительно ясно и просто смотрѣла на жизнь, въ то время какъ я довольно долго была глупой, вздорной дѣвчонкой. Она не мечтала и не разговаривала о вещахъ, которыя не стоятъ того, чтобы на нихъ обращать внима-

ніе, какъ, напримѣръ, о кружевахъ для занавѣсокъ, Юргенъ, и о тому подобныхъ вещахъ, она видѣла дѣйствительность, какою она была, и знала, гдѣ правда. Въ этомъ она была истинная твоя сестра, Юргенъ... Но ты не зналъ какъ ей бывало плохо. Ты вѣдь не знаешь, что, въ то время, когда ты отбывалъ солдатчину, она ночью вставала и прокрадывалась черезъ темную деревню къ моему окну и половину ночи проводила у меня. И тутъ она горько плакала и жаловалась на свои мученія. А когда зимой устраивались балы, она такъ неистовствовала и веселилась, что обращала на себя вниманіе.

Она глубоко вздохнула и не рѣшалась взглянуть на него.

— Видишь ли, Юргенъ, мнѣ тоже знакомо все это. Я не глуха и не глупа, не жестокосерда и не равнодушна; но я все это замкнула въ самой глубинѣ своей души; это и религія составляетъ самую большую тайну души моей.

— Вѣдь это двѣ совершенно различныя вещи?

— Не думаю, Юргенъ. Они какъ братъ съ сестрой. Не думаешь же ты что религія дана Богомъ, а природа человѣческая создана сатаной; вѣдь и то и другое отъ Бога и должно жить вмѣстѣ и служить другъ другу.

Она снова провела по мху.

— Видишь, то, о чемъ ты говоришь, это гордость; я живу въ красивомъ домѣ, стѣны его выбѣлены, и окна чисто на чисто вымыты и не слишкомъ высоки и завѣшаны занавѣсками. Но если по этому кто-нибудь рѣшитъ, что здѣсь живетъ благочестивая старая дѣва... знаешь, Юргенъ, изъ святошъ эдакихъ... это будетъ ошибочно, я часто пою и громко смѣюсь и танцую въ своей чистенькой комнаткѣ съ занавѣсками на окнахъ, а иногда бросаюсь въ растяжку на коверъ и плачу пока не наплачусь вволю, и сама не знаю, почему все это.

Онъ не отрывалъ отъ нея блестящихъ загорѣвшихся глазъ. Деревья позади нея наклонились къ ней, чтобы лучше слышать, вечернее солнце бросало на мохъ золотыя колеблющіяся пятна. Все было какъ въ сказкѣ, но онъ не сознавалъ этого.

— Какъ это у насъ съ тобой странно выходитъ!—сказалъ онъ.—Вчера я къ тебѣ пришелъ, а сегодня—ты ко мнѣ.

Теперь она въ первый разъ взглянула на него:

— Если ты хочешь, Юргенъ, мы теперь опять будемъ настоящими друзьями и теперь уже на всю жизнь.

Онъ вонзилъ свою палку въ землю и сказалъ:

— Лучшаго подарка мнѣ нельзя было сдѣлать, Лисбета; ничего не можетъ быть дороже для меня какъ человѣкъ, съ которымъ мнѣ можно будетъ поговорить обо всемъ. Этого у меня не было съ тѣхъ поръ, какъ Фите Крэй скрылся съ моихъ глазъ на Рингельсгёрнъ и слегла Лена Тарнъ. Я былъ одинокъ, такъ одинокъ и я застылъ въ своемъ одиночествѣ и сдѣлался чудакомъ...

— Но теперь ты начинаешь оттаивать, Юргенъ. Теперь ты возобновляешь отношенія съ людьми, которыхъ ты зналъ мальчикомъ. Ты еще достаточно молодъ для этого. Какой ты былъ смѣшной! Всегда такой важный, серьезный! Это у тебя отъ Тиссеновъ.

— Ну, теперь пойдемъ домой, сказалъ онъ, а завтра мы обсудимъ все это. Завтра мы порѣшимъ, за что мнѣ приняться. Если ты и вправду мой товарищъ, то должна помочь мнѣ въ этомъ.

— Знаешь, что?—сказала она—можетъ статься, что въ ближайшемъ будущемъ тебѣ нельзя будетъ заботиться о мальчикѣ. Здѣсь тебѣ не удобно будетъ оставить его: школа слишкомъ далеко. Не согласишься ли ты отдать его мнѣ, Юргенъ? У насъ тамъ такія хорошія школы, а я... я обѣщала его умирающей матери...

— Неужели ты согласна на это?

Глава двадцать пятая.

Когда Іёрнъ Уль на другое утро довольно рано возвратился съ болота, куда онъ ходилъ съ Тиссомъ, онъ подумалъ:

— Теперь пора имъ обоимъ и встать да отправиться со мной въ Гезе. И онъ сталъ искать ее, сначала въ комнатѣ, потомъ въ кухнѣ. Но Витенъ сказала ему:

— Мнѣ приказано передать тебѣ поклонъ, Іёрнъ; оба явятся къ тебѣ только послѣ обѣда: до обѣда ты можешь бесѣдовать съ Тиссомъ.

— Слушай-ка, Витенъ! — сказалъ онъ—мальчуганъ... положительно вступаетъ съ ней въ заговоръ.

— Вѣдь это не удивительно, Іёрнъ! Она могла бы быть его матерью: и очень любитъ его. И это не ломанье, съ ея стороны, Іёрнъ.

Онъ покорно побрелъ опять на болото и пришелъ домой только къ обѣду какъ разъ въ то время, когда возвратились Лисбета съ мальчикомъ.

— Какъ вы между собой поладили? —спросилъ онъ.

— Ни на чуточку не поссорились! —сказалъ мальчуганъ.—Мы разсказывали другъ другу разныя вещи. А послѣ обѣда и ты можешь пойти съ нами.

— И за это спасибо сказалъ Іёрнъ Уль.

Лисбета покраснѣла и засмѣялась:

— Мы будемъ дѣлать съ тобой, что намъ угодно будетъ. Сегодня тебѣ придется идти съ нами на Ругенбергъ. Мы хотимъ взглянуть на гунтскую могилу.

— Пойдемъ!—сказалъ Іёрнъ Уль.

* * *

Они почти цѣлый часъ шли по лѣсу, а потомъ по степи, и спустились черезъ луга къ небольшому деревянному мостику, а перейдя его, снова поднялись черезъ маленькую рощицу: и увидѣли передъ собой Ругенбергъ.

Это была довольно большая возвышенность. Отсюда открывался видъ на обширное болото, которое тянулось до самыхъ горъ. На вершинѣ, подъ молодыми елями и буками, открыты были древнія могилы.

Когда они втроемъ поднялись на гору и добрались до буковъ, мальчикъ сказалъ:

— Слушай, Лисбета, не ляжемъ ли мы здѣсь?

— Хочешь, Юргенъ?

— Отецъ, есть у тебя ножикъ? Тогда сдѣлай ямку, будемъ играть въ камешки!

— Мы и вчера это дѣлали!—сказала Лисбета.

— А помнишь,—сказалъ Іёрнъ Уль, —когда мы съ тобой въ послѣдній разъ въ камешки играли?

— Да! И ты началъ ссориться.

Онъ засмѣялся.

— Это я не помню... Ты запустила руку въ ямку и вытащила камешки.

— Они были мои!—сказала она.

Іёрнъ Уль обчищалъ ножомъ края ямки.

— Они вовсе не твои были! Шестой камешекъ лежалъ на самомъ краю. Ты отлично знала это, но подумала: заберу всѣ! что тутъ долго думать! Ты вѣдь всегда такая была: Вѣчно во всемъ права! А сама вдругъ возьмешь да и закусишь удила!..

— Ужъ будто бы?..

Да я еще и теперь помню, какъ онъ, лежалъ. Тутъ и сомнѣнія быть не могло! Давай-ка ихъ сюда! Онъ попалъ въ ямку.

— Вотъ такъ! Мимо!—крикнулъ мальчикъ.

— Бросай еще разъ!

Іёрнъ Уль опустился противъ нихъ на колѣни.

— Слышишь, что онъ говоритъ?

Она еще разъ положила камешекъ на самый край ямки:

Вотъ какъ онъ лежалъ!

Но камешекъ скатился внизъ.

— Вотъ видишь! — воскликнулъ Іёрнъ. — Развѣ онъ можетъ такъ держаться?

Тогда она быстро протянула руку, схватила камешки, зажала ихъ въ кулакъ и стала смотрѣть мимо него, какъ будто она была здѣсь совершенно одна.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ такъ ты и тогда сдѣлала! А я протянулъ руку и схватилъ тебя за ухо.

— Да? А какое ты имѣлъ право на это?

— Потому что ты разстроила всю игру! А ты... ты не могла вынести, что бы я къ тебѣ притронулся.

Какъ смѣлъ такой грубой мальчишка тронуть такую прекрасную дѣвицу!

— Меня за ухо таскать? ты не имѣлъ никакого право.

— Нѣтъ, я... я не имѣлъ права! А ты... ты всегда и на все имѣла право! «Юргенъ, давай играть! Юргенъ, посмотримъ, какой на Рингельсгёрнѣ вѣтеръ дуетъ! Юргенъ, давай ловить камешекъ!» Но если Юргенъ вздумаетъ обойтись съ тобой какъ съ настоящимъ товарищемъ и схватить тебя, какъ свою ровню, тогда ты сейчасъ дѣлала испуганное лицо и давай злиться. И теперь ты бы сдѣлала тоже самое. Эхъ ты, недотрога! На десять шаговъ къ себѣ не подпускаетъ! Изъ храбраго десятка будетъ тотъ, кто вздумаетъ жениться на тебѣ!

Онъ взглянулъ на нее не то задорно, не то смущенно. Но замѣтивъ ея смущеніе, онъ сказалъ очень кротко, словно обращаясь къ разсерженному ребенку:

— Давай-ка сюда камешки, Зуйка! Ну, смотри! Кончимъ-ка игру. Тотъ у кого изъ семи камешковъ шесть попадутъ въ ямку, тотъ, значитъ, и былъ тогда правъ!

— Нѣтъ!—сказала она.—Я не хочу! Я не хочу ставить на карту свою правоту.

— Я бы тоже этого не сдѣлалъ! — заявилъ мальчикъ.

— Ну, и не надо! — сказалъ Іёрнъ Уль—и не надо!—И сталъ кидать камешки. Она смотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ.

Но увидѣвъ, что онъ бросаетъ такъ неувѣренно, и что въ ямку попалъ всего одинъ камешекъ, она рѣшила, что у нея хорошіе виды на успѣхъ. Она весело разсмѣялась и сказала:

— Ну, давай! Я согласна.

И они съ жаромъ принялись кидать камешки, и головы ихъ все больше и больше приближались другъ къ другу а мальчикъ навалился чуть не на самую ямку, смѣялся надъ ними, когда они не попадали, и ежеминутно кричалъ:

— Да нѣтъ же! пустите-ка меня!

— Нѣтъ, мальчикъ! потомъ!

Вдругъ Іёрну удалось, не смотря неровность почвы, забросить прямо въ ямку шесть штукъ подрядъ.

Но въ ту же минуту, она быстро схватила камешки, воскликнувъ:

— Юргенъ! да вѣдь ты схитрилъ! Ты подставилъ палецъ!

— Не успѣла она произнести это, какъ онъ схватилъ ее за ухо и встряхнулъ, но сейчасъ же, взглянулъ на нее со страхомъ и смущеніемъ, думая про себя: «какъ-то это сойдетъ мнѣ!»

Но она только нагнула голову,—такъ что рука его мягко легла между ея щекой и плечомъ, и посмотрѣла на него съ смущенной улыбкой.

Онъ медленно отнялъ руку и тихо, съ волненіемъ проговорилъ:

— Ты все-таки не такая, какою я считалъ тебя... Какое красивое и ясное лицо! Я очень хорошо узнаю въ немъ твое дѣтское лицо.

Мальчикъ, которому стало скучно, всталъ и поднялся немного на гору. Вдругъ онъ закричалъ оттуда:

— Посмотри, отецъ, видишь? Тамъ, наверху, въ травѣ, сидитъ человѣкъ!.. Знаешь, кто это?

— Ничего я не вижу. Гдѣ же?

— Тамъ, не видишь? Знаешь, кто это?

— Кто же?

— Это Геймъ Гейдеритеръ! Тотъ, что продавалъ тебѣ телятъ.

— Правда!—сказалъ Іёрнъ Уль, вставая.—Видишь, Лисбета?

Геймъ Гейдеритеръ тоже всталъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на нихъ.

— Ей! кто вы такіе? — крикнулъ онъ.—Да устрашитъ васъ Водонъ, и да подыметъ Торъ свой молотъ на васъ... А Фрея да умягчитъ душу женщины, и да будетъ она благосклонна ко мнѣ... Э-э! да, это ты, Іёрнъ Уль! Тотъ самый, что смотритъ на небо и на звѣзды? Что ему нужно здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ покоится въ могилѣ прахъ отцовъ нашихъ?. Лисбета Юнкеръ! Онъ привелъ тебя вмѣстѣ со своимъ маленькимъ мальчикомъ! поэтому привѣтствую и его, здѣсь, на этомъ холмѣ, утопающемъ въ солнечномъ сіяніи!

Лисбета съ мальчикомъ побѣжали впередъ.

Она подала ему руку и тихо и быстро проговорила:

— Ты, вѣроятно, слышалъ, что Юргенъ отказался отъ усадьбы. Но онъ радъ этому, потому что освободился отъ заботъ... только не говори съ нимъ пожалуйста о прошломъ.

— Что она тамъ напѣваетъ? словно зябликъ на кухонномъ окнѣ?—спросилъ Іёрнъ Уль.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Геймъ?

— Это я сейчасъ откровенно изъясню тебѣ!—сказалъ Геймъ.—Годъ тому назадъ старый Петръ Фоссъ изъ Ваала, и, и еще нѣсколько человѣкъ, наткнулись здѣсь на подземелье нашли въ немъ скелетъ человѣка и препроводили его въ Киль, въ музей.

— Гдѣ же онъ лежалъ? — спросилъ мальчикъ.

— Вонъ тамъ... видишь? Въ маленькомъ склепѣ изъ сѣраго камня! И вотъ, на дняхъ, будучи въ Килѣ, я еще разъ пошелъ въ музей съ однимъ своимъ добрымъ пріятелемъ, пасторомъ Бернацкимъ изъ Гамбурга. Посмотрѣли мы на этотъ несчастный скелетъ, видѣли остатки черной лодки, въ которой нѣкогда похоронили этого человѣка... Вотъ Бернацкій и говоритъ — вѣдь ты знаешь Бернацкаго, Іёрнъ? Мы какъ разъ были у тебя съ нимъ: долговязый такой, черный!

Вотъ онъ и говоритъ:—Геймъ!—говоритъ ты бы долженъ былъ разсказать намъ, что этотъ человѣкъ видѣлъ на своемъ вѣку. Вотъ поэтому-то я и пришелъ сюда. И что бы вы думали?— Онъ ударилъ рукой по травѣ. — Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они похоронили его триста лѣтъ тому назадъ, я вѣдь и впрямь узналъ всю его жизнь!

— Горе тому человѣку, Іёрнъ Уль, который ищетъ только хлѣба, денегъ и почестей, у котораго нѣтъ никакой страсти, никакого увлеченія, который чуждъ всему, что есть стихійнаго въ жизни, въ природѣ, все украшающей пестрыми цвѣтами своими... Ну, а теперь мнѣ пора идти...

— Тебѣ не скучно будетъ идти?— спросила Лисбета.

— Мнѣ приходится идти часа три по песку и болотамъ, потомъ я прохожу мимо маленькихъ, тихихъ деревень. Есть на что посмотрѣть, дорогой есть объ чемъ и подумать; къ тому же я знаю, что дома всѣ будутъ мнѣ рады... Покойной ночи! Поклонъ Тиссу Тиссену и Витенъ! Я радъ, что у тебя такіе блестящіе глаза, Іёрнъ. А у тебя, Лисбета, отчего такое красное ухо? Выдралъ тебя за него кто-нибудь, что ли?

— Да отецъ,—отвѣчалъ мальчикъ.

Тогда Геймъ Гейдеритеръ разсмѣялся, закивалъ головой, весело поглядывая на смущенную Лисбету, затѣмъ онъ ушелъ.

* * *

Онъ спускался къ болоту, а они все еще стояли и глядѣли ему въ слѣдъ. Потомъ Іёрнъ Уль вдругъ выпрямился, какъ бы очнувшись отъ глубокаго сна,

— Вотъ человѣкъ-то? Много лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ университетѣ, не сдавъ экзамена, вышелъ оттуда. Не поладилъ съ наукой. Да оно и понятно. Госпожа наука женщина разсудительная, степенная. А вотъ на всякія такія штуки, не дающія заработка, онъ мастеръ.

Что мы будемъ дѣлать завтра?

— Завтра? Мы просто будемъ вмѣстѣ, больше ничего.

— Я не могу!—сказалъ мальчикъ. Мнѣ надо завтра съ Тиссомъ въ Лильдорфъ... съ возомъ торфа.

— Ну, такъ придется обойтись безъ тебя, —сказалъ Іёрнъ Уль.—Какъ ты думаешь, Лисбета? Я бы думалъ, не поѣхать ли намъ завтра къ моему товарищу? Нѣсколько часовъ пробудемъ вмѣстѣ въ повозкѣ, а мой товарищъ, навѣрное, понравится тебѣ.

Глава двадцать шестая.

Она была очень рада, когда усѣлась на повозку рядомъ съ нимъ и лошади тронули. Въ послѣдніе годы Іёрнъ Уль всегда сидѣлъ на повозкѣ сгорбившись и смотрѣлъ только на лошадей, да на дорогу; теперь же онъ сидѣлъ прямо и бодро глядѣлъ впередъ, наслаждаясь раннимъ осеннимъ утромъ и воздухомъ, еще

пропитанными ночнымъ туманомъ; онъ часто поворачивалъ голову и спрашивалъ:

— Нравится тебѣ?

И когда она, вся сіяя радостью, кивала ему головой, онъ тоже кивалъ ей и нѣкоторое время смотрѣлъ на дорогу или на поля. Тогда она искоса взглядывала на него. Но какъ только она замѣчала, что онъ собирается обернуться къ ней, она тотчасъ же принималась смотрѣть куда-то въ пространство, какъ будто видѣла въ рѣдѣющемъ туманѣ какія-то удивительныя вещи. И тутъ повторилась старая, вѣчно новая исторія: мужчина нападалъ съ фронта, женщина съ фланга. Значитъ, все было въ порядкѣ.

Они были похожи другъ на друга; у обоихъ были сосредоточенныя и открытыя лица, какъ будто мать природа задалась цѣлью создать силу и красоту съ помощью самыхъ простыхъ средствъ. Волосы у обоихъ были свѣтлые, у него прямые, у нея немножко вьющіеся на концахъ. У него лицо было длинное, рѣзко очерченное съ тонкими, плотно сжатымъ губами, прямымъ длиннымъ носомъ и очень ясными свѣтлыми глазами, которые всегда были какъ бы насторожѣ, однимъ словомъ это былъ настоящій, голштинскій крестьянинъ, которому приходится строить свою жизнь среди горя и нужды, который не знаетъ громкаго, звонкаго, радостнаго смѣха а лишь короткую усмѣшку и скрываетъ свое лукавство въ прищуренныхъ глазахъ. А рядомъ съ нимъ она, такая благовоспитанная, сдержанная, что онъ всю жизнь будетъ смотрѣть на нее, какъ простой крестьянинъ на графскую дочку, за которую онъ сватается, и каждое проявленіе ея неожиданно прорывающейся нѣжности будетъ принимать все съ новымъ изумленіемъ.

Три раза останавливались они на пути, и всякій разъ изъ-за Лисбеты Юнкеръ.

Въ первый разъ они остановились когда ѣхали по молодой буковой рощицѣ; Лисбета увидѣла что-то порхающее надъ сухой листвой и положила руку на плечо Іѳрну, чтобы онъ остановился. Это оказались красивыя стройныя черныя птицы съ желтымъ клювомъ, которыя быстро перелетали съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей.

— Черный дроздъ!—сказалъ онъ.— «Turdus merula» умная и ловкая птица!

— Слушай, Юргенъ, ты кажется знаешь рѣшительно все?

— Какъ живутъ другіе люди, какіе они бываютъ и что они дѣлаютъ—этого я совсѣмъ не знаю. Да это меня и не интересуетъ! гордо прибавилъ онъ. Но все, что въ нашихъ мѣстахъ — находится въ землѣ, или растетъ на ней, или движется по ней, все это я дѣйствительно изучилъ и кое-что понимаю въ этомъ.

Во второй разъ они остановились для того, чтобы она могла полюбоваться обширной долиной, разстилавшейся налѣво отъ дороги.

Онъ показывалъ и называлъ ей все съ обстоятельностью мѣстнаго жителя, который любитъ на родинѣ всякое мѣстечко, и съ важностью земледѣльца, который знаетъ свойства почвы во всей округѣ, знаетъ каждое село и каждую межу, въ глубокой долинѣ и въ болотѣ, и названіе всѣхъ деревень по ту сторону болота.

Вонъ тамъ... видишь, куда я кнутомъ показываю, Лисбета. Правда, она думала про себя: «Ахъ, что мнѣ до всего этого за дѣло», но не прерывала его, она только на половину слушала то, что онъ говорилъ, и думала: «Какъ хорошо! Скажетъ ли онъ сегодня рѣшительное слово? И какъ онъ это сдѣлаетъ! Ахъ, милый, милый!» И такъ какъ онъ указывалъ кнутомъ въ противоположную сторону, къ Шенефильду, то она потихоньку отъ него прижалась лицомъ къ его шинели. Это была та самая шинель, которую лейтенантъ Гаксъ подарилъ ему во время похода. Лена Тарнъ тщательно обтянула ея золотыя пуговицы чернымъ сукномъ.

Въ третій разъ они остановились по предложенію Лисбеты у «Краснаго пѣтуха» и кормили здѣсь лошадей передъ окнами комнаты для пріѣзжающихъ. Солнце разсѣяло туманъ, погода прояснилась, стало тепло и поэтому они

остались на дворѣ и сѣли на солнцѣ на большую бѣлую скамейку. Хозяйка поставила передъ ними два стакана холоднаго молока, приходила, уходила и болтала съ незнакомыми ей пріѣзжими, о погодѣ и урожаѣ. Іёрнъ Уль разспрашивалъ ее о томъ и о другомъ и отвѣчалъ на ея вопросы.

Сидѣвшая рядомъ съ нимъ дѣвушка, спокойно глядѣла черезъ дорогу на кустарникъ, который росъ на валу и въ которымъ суетились проворныя птицы, смутно рисовала въ своемъ воображеніи картины ближайшаго и отдаленнаго будущаго, тотчасъ же замѣняла ихъ другими и снова съ испугомъ возвращалась къ дѣйствительности. Она слышала мужской голосъ рядомъ съ собой и улыбалась про себя, не переставая рисовать новыя картины.

Іёрнъ Уль разговаривалъ и чувствовалъ себя удивительно хорошо.

Когда хозяйка ушла, онъ снова спросилъ Лисбету, довольна ли она поѣздкой, и она опять принялась увѣрять его, что еще никогда въ жизни у нея не было такого чудеснаго дня.

— Да ты по мнѣ самой можешь судить!—И она такъ взглянула на него, что сердце у него дрогнуло и онъ сказалъ:

— Я не рѣшаюсь заглянуть тебѣ въ глаза. У меня начинаетъ кружиться голова, мнѣ кажется я упаду въ нихъ: такіе они глубокіе!

И онъ ударилъ своей большой, плоской рукой по столу и проговорилъ:

— Ну, скажи еще что нибудь, Зуйка.

Она закинула голову, усѣлась поудобнѣе, разсмѣялась и ударила его перчаткой по рукѣ, а потомъ положила свою руку рядомъ съ его и сказала:

— Руки то какія!

Добродушная хозяйка, выглянувъ въ ту минуту изъ открытаго окна спросила ихъ: давно ли они женаты?

— Нѣтъ сказалъ Іёрнъ Уль,—я семь лѣтъ сватался къ ней. У меня не хватало храбрости; но третьяго дня я наконецъ добился!—

Она покачала головой, закрыла лицо руками и засмѣялась:

— Іёрнъ, Іёрнъ! Что ты дѣлаешь!

— Право, не такъ то ужъ трудно замѣтить, что она только что вышла замужъ. Она сейчасъ бросила на васъ такой взглядъ! Такъ на мужа не глядятъ, когда проживутъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ.

Іёрнъ Уль опять ударилъ рукой по столу и сказалъ:

— Вотъ какъ! Неужто она такъ на меня поглядѣла? И онъ отвелъ ея руки отъ лица и сказалъ:

— Ну-ка, взгляни на меня такъ еще разъ!

Но она ударила его по рукѣ, вырвалась, отвернулась къ дорогѣ и, увидавъ летающую птицу, подумала:

«Хорошо было бы и мнѣ улетѣть на минуту!»

Солнце уже высоко поднялось, когда они стали взбираться на гору. Скоро они увидали сквозь липы и старыя, высокія яблони маленькую, веселую деревеньку, а когда они остановились у перваго большого двора, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ живущихъ здѣсь выйдетъ къ нимъ и укажетъ, гдѣ живетъ товарищъ Іёрна, въ дверяхъ неожиданно появился онъ самъ. Іёрну Улю показалось, что онъ сталъ и выше, и гораздо шире въ плечахъ, чѣмъ былъ тогда, когда опоясывался бѣлымъ ремнемъ при Реденсбургѣ.

— Вотъ гдѣ онъ живетъ! — закричалъ онъ.—Іёрнъ, голубчикъ, кто это сидитъ рядомъ съ тобой? Ужъ не... Да вѣдь это Лисбета Юнкеръ? Давненько не видалъ я ее.

— Какъ?—сказалъ Іёрнъ. — Развѣ вы знакомы?

— Да, мы встрѣчались нѣсколько разъ, но съ тѣхъ поръ прошло ужъ лѣтъ семь-восемъ.

Лисбета Юнкеръ кивнула ему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, такъ что Іёрнъ Уль рѣшилъ, что эти воспоминанія были для нея не изъ пріятныхъ, и не разспрашивалъ больше.

— Наши родители были сосѣдями, — сказалъ онъ.—А теперь она пріѣхала погостить къ Тиссу Тиссену... Вѣдь ты знаешь, что я разстался съ усадьбой Улей.

— Это-то я знаю, голубчикъ! Знаю

и то, что ты живешь у Тисса Тиссена. Хорошо, что онъ у тебя есть, Іёрнъ! Я радъ видѣть тебя такимъ бодрымъ. Не вы ли причиной этому, фрейлейнъ Юнкеръ?

Лисбета взглянула на бывшаго солдата съ высоты повозки и сказала:

— Ты когда-то былъ со мной на «ты». Не разыгрывай комедіи и говори по прежнему! А теперь помоги мнѣ сойти!

Онъ весело улыбнулся, какъ человѣкъ, который, послѣ смущенія и колебанія, вдругъ почувствовалъ подъ ногами твердую почву.

— Ты все такая же!—сказалъ онъ.— Ну, слѣзай! Онъ отстегнулъ фартукъ и помогъ ей сойти:—Точно боченокъ хорошаго тяжелаго овса!—сказалъ онъ. Пуда три съ половиной будетъ.

Іёрнъ стоялъ по другую сторону повозки и снималъ постромки.

— Мы хотѣли посмотрѣть, поладимъ ли мы,—громко проговорилъ онъ, — поэтому то и поѣхали вмѣстѣ!

— Ага!—сказалъ товарищъ, и нетерпѣливо прибавилъ:—ну, теперь скажите прямо: вы женихъ и невѣста или нѣтъ еще?

— Неужели надо быть женихомъ и невѣстой, чтобы совершить прогулку съ другомъ дѣтства? — сказалъ Іёрнъ съ загорѣвшимися глазами.—Какой тамъ женихъ и невѣста! Она только что, въ «Красномъ пѣтухѣ», такъ отчитала меня. Я радъ буду когда до дому доберусь!

У него были сердитые глаза, когда онъ говорилъ это. Но когда она хотѣла пройти мимо него, чтобы войти въ домъ, онъ быстро повернулся къ ней и далъ ей дорогу. Она взглянула на него, глаза ея сіяли. Затѣмъ она поспѣшно вошла въ домъ.

Онъ нашелъ, что дѣла его недурны, и, тихонько посвистывая, продолжалъ возиться съ лошадьми.

— Меня страшно радуетъ,—сказалъ его товарищъ, что ты такой бодрый и не такъ скупъ на слова, какъ обыкновенно. Помнишь, всѣ говорили, что при Гравелоттѣ, 18-го, все время, пока мы стояли подъ огнемъ, ты только одно и твердилъ: «Жаль! Хорошая лошадь была!»

Іёрнъ живо обернулся:

— Мнѣ и посейчасъ ее жалко!— сказалъ онъ.—Такая славная, добрая лошадь была! Да еще кобыла!

И онъ заговорилъ о прошломъ. Возбужденный встрѣчей съ товарищемъ, онъ чувствовалъ потребность говорить съ полной откровенностью. Но долгіе годы молчанія и тяжелаго труда отучили его отъ всякой непосредственности въ общеніи съ людьми, и все, что онъ говорилъ, выходило нѣсколько дѣланно и неестественно, какъ первые скачки мартовскихъ ягнятъ на лугу. Онъ разсказалъ съ большой откровенностью, что ничего больше не имѣетъ—ни земли, ни угла, но за то и заботъ у него нѣтъ; и ему кажется даже, что Лисбета Юнкеръ, дѣйствительно, не совсѣмъ равнодушна къ нему; никогда онъ не могъ себѣ представить ничего подобнаго. Но онъ еще не знаетъ, что выйдетъ изъ всего этого.

Работникъ, подошедшій, чтобы взять лошадей, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на высокаго, немножко сутуловатаго человѣка, который разсказывалъ въ его присутствіи такія важныя вещи. Товарищъ Іёрна положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

— Теперь пойдемъ въ домъ, — и, улыбаясь, пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Мать его, полная женщина съ добрымъ лицомъ и темными слегка тронутыми сѣдиной, волосами, посматривая на обоихъ гостей съ добродушнымъ удовольствіемъ, сочувственно заговорила о продолжительной болѣзни старика Уля и о томъ, какъ хорошо, что у Іёрна остался Тиссъ Тиссенъ.

— Впрочемъ, ты вѣдь ужъ не такъ-то одинокъ: какъ только ты захотѣлъ прокатиться, у тебя сейчасъ же нашлась спутница, да еще какая!

Съ этими словами она ввела обоихъ гостей въ комнату и взглянула на сына, какъ бы спрашивая его: «Какъ надо смотрѣть на нихъ? Въ какихъ они отношеніяхъ между собой?» Въ деревнѣ вѣдь все должно быть ясно и опредѣленно: чисто или грязно, бѣло или черно, обручены люди или нѣтъ. А Іёрнъ совсѣмъ упустилъ это изъ виду.

— Да, матушка, — громко сказалъ товарищъ, угадавъ ея мысли, — я и самъ не знаю, въ какомъ положеніи ихъ дѣла; только они еще не обручены! Не знаю даже, кто изъ нихъ виноватъ въ томъ, что они не обручены, но думаю, что скоро все придетъ въ порядокъ. Во всякомъ случаѣ, они пріѣхали сюда потому, что надѣются найти у тебя помощь: вѣдь всему свѣту извѣстно, какъ ты стараешься найти жену своему сыну!

Она погрозила ему пальцемъ, выбранила его за то, что онъ сейчасъ же все разболталъ, и сказала, чтобы онъ держалъ языкъ за зубами. А онъ засмѣялся и сказалъ:

— Знаешь что? Возьми-ка ты эту Лисбету Юнкеръ съ собой въ кухню и переговори съ ней обо всемъ, а я заберу Іёрна Уля и покажу ему конюшню.

Онъ взялъ Іёрна Уля подъ руку и вышелъ. Оглядѣвъ съ нимъ и домъ, и службы, онъ сказалъ:

— Послушай, Іёрнъ, какъ это тебѣ пришло въ голову поѣхать въ гости вдвоемъ съ дѣвушкой? Въ какихъ ты собственно отношеніяхъ съ ней? — и онъ указалъ пальцемъ черезъ лѣвое плечо, по направленію къ кухнѣ, и подмигнулъ глазамъ.

— Въ какихъ я отношеніяхъ съ ней? — сказалъ Іёрнъ, оживляясь. — Повѣришь ли? я и самъ не знаю. Я съ дѣтства ужасно любилъ ее; но всегда, и до сихъ поръ, слишкомъ уважалъ ее. Въ этомъ-то и бѣда. Мы всѣ смотрѣли на нее снизу вверхъ, даже Фите Крэй — помнишь, тотъ — съ восемьдесятъ шестой баттареи, съ которымъ мы встрѣтились при Гравелоттѣ. А вѣдь онъ чуть ли не съ самимъ королемъ на ты, я никогда не допускалъ мысли, чтобы у насъ могло дойти до...

— До чего?

— Да, какъ тебѣ сказать? До того чтобы она согласилась выйти за меня замужъ!.. Всю жизнь мнѣ придется быть на сторожѣ, — какъ бы не сказать лишняго слова! — онъ глубоко вздохнулъ.

— Эхъ братецъ! ужъ и красива же она! А благовоспитанность какая! знаешь, вѣдь я въ жизни не рѣшусь прикоснуться къ ней... Я думаю, она немножко холодная...

Товарищъ его разсмѣялся:

— Холодная? Она-то — холодная? Да у нея такая же горячая кровь, какъ и другихъ. Притаилась она только, прикрылась гордостью да спокойствіемъ своимъ — вотъ и все. Это часто бываетъ. Знаешь, когда на приступъ идешь: издали какъ будто тихіе брустверы, а подойдешь — огонь... Вотъ что я тебѣ скажу.

— Какъ это ты можешь такъ увѣренно судить объ этомъ!

— Э! — сказалъ тотъ, и пожалъ плечами.

— Да, — сказалъ Іёрнъ, и лицо его снова повеселѣло. — Это правда. Она удивительно мила со мной. Это просто изумительно какъ она ко мнѣ ласкова. Просто изумительно!.. Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова началъ колебаться.

— Нѣтъ, я не могу себѣ представить этого! — сказалъ онъ.

— Видишь ли она была для меня всегда самымъ прекраснымъ существомъ въ мірѣ. Я говорю тебѣ: она была для меня недосягаема... ну, какъ башня какая-нибудь. Ея платья, руки, волосы... Развѣ это обыкновенные дѣвичьи волосы? А она сама! Знаешь, мнѣ съ самаго дѣтства казалось, что я хожу вокругъ высокаго, хорошо укрѣпленнаго замка; и я очень много думалъ объ этомъ замкѣ и старался представить себѣ, каковъ онъ внутри. И вотъ, съ третьяго дня, она водитъ меня за руку по этому замку изъ одной залы въ другую, и ты не повѣришь, ты и представить себѣ не можешь, какъ тамъ все удивительно прекрасно, возвышенно, чисто, красиво, просто духъ занимаетъ отъ радости. А я? Что я такое рядомъ со всѣмъ этимъ? Ничего у меня нѣтъ, ничего я не умѣю, и самъ я ничто. Ты знаешь, вѣдь всѣ люди останавливаются, когда видятъ меня, и говорятъ, что я странный человѣкъ. На дняхъ я шелъ какъ-то по улицѣ, въ деревнѣ, слышу дѣти говорятъ между собою: — «Посмотри, этотъ человѣкъ умѣетъ узнавать по звѣздамъ, когда кто умретъ, или когда война будетъ». — Я всегда былъ

неотесанъ, это ты самъ знаешь. — А руки-то у меня какія! Посмотри какія руки! Большія, грубыя. Зачѣмъ будетъ нуженъ принцессѣ простой крестьянскій сынъ?

— Дуракъ ты эдакій! Протяни только руку: она сама прилетитъ.

— Неужели ты и вправду такъ думаешь?

— Знаю я ихъ, — женщинъ-то!—съ важностью сказалъ товарищъ.

— Женщинъ?!—сказалъ Іёрнъ.—Въ томъ-то и дѣло, что она не какая-нибудь обыкновенная женщина!

— Ну... а я тебѣ говорю, что она такая же, какъ и другія. Можетъ быть, поживѣе немножко, чѣмъ другія, потому что немножко умнѣе,—вотъ и все! Такъ говорили они между собой. Потомъ они пошли дальше и завели разговоръ на тему о лошадяхъ, и товарищъ велѣлъ вывести двухъ четырехлѣтокъ, и очень взволновался, видя что Іёрнъ Уль не хочетъ расхвалить ихъ.

— Уведи ихъ!—закричалъ онъ мальчику.—Не хочу больше и смотрѣть на нихъ...

— А скажи мнѣ, — сказалъ вдругъ Іёрнъ—гдѣ ты съ ней познакомился?

Товарищъ приподнялъ брови и сказалъ, все еще сердясь на Іёрна за то, что онъ не похвалилъ его лошадей:

— Спроси ее самъ; можетъ, она и разскажетъ тебѣ, а можетъ и нѣтъ.

— Да скажи-же! Вѣдь это глупо, что ты не хочешь сказать. Тогда хозяинъ разсмѣялся, и побѣжавъ къ двери въ кухню, отворилъ ее.

— Слушай!—крикнулъ онъ Лисбетѣ. Іёрнъ Уль хочетъ знать, гдѣ и когда я съ тобой познакомился. Разсказать или нѣтъ?

Лисбета Юнкеръ, стоявшая у плиты, рядомъ съ его матерью, откинула назадъ голову и сказала:

— Разскажи если ужъ это такъ нужно!

А мать его крикнула:

— Убирайся ты вонъ!—и схватила кочергу.

Тогда хозяинъ возвратился на дворъ.

— Ну,—сказалъ онъ —если хочешь знать, вотъ какъ это было: шесть или семь лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ похода, пріѣхалъ я въ Гамбургъ. Это было въ серединѣ лѣта. Разъ какъ-то въ сумерки уже, выѣзжаю я изъ города и на самой окраинѣ вижу Лисбету Юнкеръ, которую я встрѣчалъ въ былое время, когда учился въ гимназіи, а она ходила въ школу грамотности. Останавливаюсь и спрашиваю, какъ она поживаетъ. Ты знаешь: послѣ похода мы вѣдь ужасъ до чего о себѣ возомнили и задрали носъ, даже съ дѣвушками. Поговорилъ я съ ней немного, и мнѣ было пріятно что она такъ довѣрчиво поворачиваетъ ко мнѣ свое маленькое, бѣленькое хорошенькое личико. Она сказала мнѣ, что ожидаетъ Фольмахта Дика съ его повозкой; онъ обѣщалъ ей подвезти ее въ Венторфъ. Тогда я и говорю: Ну, пожалуй тебѣ долго еще придется его ждать! Знаешь, что? поѣдемъ-ка со мной! Я ѣду мимо Санктъ-Маріендонна; невелика бѣда и крюкъ сдѣлать, если рядомъ со мной ты будешь сидѣть!—Я подумалъ: мало ли мнѣ приходилось ѣздить въ одиночествѣ; на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, весело будетъ! Она довольно долго колебалась—молчала и задумчиво поглядывала на меня. Я началъ, было, ее уговаривать, какъ умѣлъ, потомъ принялъ гордый видъ, потомъ сдѣлался покорнымъ, шутилъ смѣялся и наконецъ, сталъ сердиться. Мнѣ кажется, она лишь наполовину слышала то, что я ей говорилъ и все только внимательно поглядывала на меня и, вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, когда я мысленно искалъ, чѣмъ бы еще соблазнить ее, она сказала:—Ну, подвинься! Я быстро разстегнулъ фартукъ, и она дѣйствительно усѣлась рядомъ со мной. Я вздохнулъ полной грудью и сказалъ про себя: Вотъ мы и добились! А самъ тутъ же сталъ раздумывать, какъ бы мнѣ подвинуть дѣло дальше. Я вѣдь отлично сознавалъ, что это не такъ-то просто будетъ, потому, что объ ней всѣмъ было извѣстно, какая она: не изъ тѣхъ дѣвушекъ, что близко къ себѣ подпустятъ...

Ну вотъ, я и бесѣдую съ ней, стараюсь говорить ей то, что ей можетъ нравиться. Знаешь тутъ въ первый

разъ битва при Гравелотѣ оказала мнѣ услугу. Когда она что-нибудь высказывала, я сейчасъ же соглашался и даже подтверждалъ ея мнѣнія своимъ соображеніями. Она была весела, и я понялъ что въ эту минуту я отнюдь не былъ ей противенъ Но я былъ очень неувѣренъ въ своемъ успѣхѣ, да, и, сколько ни думалъ, не находилъ повода завести рѣчь о томъ, что меня занимало. Я боялся, что она испугается и станетъ дурно думать обо мнѣ и навсегда разсердится на меня. А мнѣ было бы это очень жалко; потому что она была красивая дѣвушка, внушающая уваженіе: стоило только посмотрѣть на ея красивое, честное лицо. А между тѣмъ, знаешь, вѣдь это всегда такъ: такую-то и хочется побѣдить; для этого никакого труда не пожалѣешь. Ну, и вышло вотъ что.

Мы почти уже доѣхали до Венторфа, знаешь до того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ къ Гудендорфу. Между тѣмъ наступила ночь, мягкая, темная такая. Тутъ я и подумалъ; ну теперь пора приниматься за дѣло, иначе ничего не выйдетъ. И вотъ я начинаю, очень осторожно, съ сильно бьющимся сѣрдцемъ. Ты пожалуй и не повѣришь? Слушай, Лисбета Юнкеръ,— говорю я,—вѣдь вотъ ты теперь ѣдешь со мной, не правда ли?

— Да,—сказала она и разсмѣялась.

— Вотъ видишь, если люди ѣдутъ такъ вотъ, вмѣстѣ, то обыкновенно одинъ изъ нихъ говоритъ другому: «Завернемъ въ корчму, я тебя угощу за то, что ты меня подвезъ». Но вѣдь мы этого не можемъ сдѣлать, не правда ли? Потому что объ тебѣ сейчасъ стали бы говорить, да пожалуй въ корчмѣ ужъ и свѣтъ потушенъ. Ну ты и сообрази сама, что бы ты могла мнѣ сдѣлать пріятнаго; потому что иначе у тебя навсегда останется на совѣсти укоръ, что вотъ, молъ, ты со мной ѣхала и ничѣмъ мнѣ за это не отплатила. Понимаешь, вѣдь ты поѣхала со мной, этого ужъ теперь не измѣнить.

— Да—сказала она, и расмѣялась;— скажи-ка лучше прямо, что тебѣ отъ меня нужно?

— Тутъ то я и рискнулъ ей сказать: Если ты,—говорю,—не разсердишься на меня, я бы хотѣлъ, чтобы ты меня попѣловала, а не то, такъ и не разъ поцѣловала. Но только, ради Бога, не бойся. Сиди себѣ спокойно. Нечего тебѣ соскакивать съ повозки. Если не хочешь, такъ я тебя и пальцемъ не трону, все равно какъ мою бабушку, когда я ѣду съ ней въ церковь. Только не сердись.

Такъ-вотъ я, примѣрно, говорилъ. Она посидѣла минутку молча, какъ будто обдумывала что-то, и я слышалъ ея дыханіе, и мнѣ уже жаль стало, что я все это сказалъ, и я ужъ собрался идти на попятный, какъ вдругъ она тихо и медленно проговорила:

— Я знаю, вы иногда хвастаетесь тѣмъ, что дѣвушка вамъ уступаетъ. Я бы охотно позволила тебѣ поцѣловать меня, потому что ты порядочный и веселый малый; только ты долженъ дать мнѣ слово, что никогда никому на свѣтѣ ни слова объ этомъ не скажешь. Вѣришь ли, Іёрнъ... Тутъ ужъ я совсѣмъ затихъ и сталъ серьезенъ. И мнѣ дѣйствительно пришлось дать ей слово и обѣщать все то, что она требовала, и кажется, я бы и послѣ этого, долго еще сидѣлъ рядомъ съ ней, какъ каменный, если бы она не закрыла лицо руками, и не стала бы не то плакать, не то смѣяться, и самъ не знаю! Тогда я съ ласковыми словами приподнялъ ея хорошенькое, свѣженькое личико, и, представь себѣ, Іёрнъ... она довѣрилась мнѣ. Мы цѣловались, болтали. Лошади щипали траву, повозка стояла поперекъ дороги; намъ было не до того. У Рингельсгёрна она сошла съ повозки: «Слушай!—сказалъ я, когда она уже стояла на землѣ. Мнѣ это страшно понравилось. Будь милой и скажи мнѣ, когда мнѣ можно на слѣдующей недѣлѣ, какъ-нибудь вечеркомъ, придти въ Венторфъ и подождать тебя подъ ивами у школьнаго сада?» Но она покачала головой и сказала:

— Спасибо тебѣ, ты былъ милый, славный; но къ школьному саду ты не приходи. Я слишкомъ честная дѣвушка, чтобы меня можно было любить такъ,

а замужъ за тебя я не пойду: я люблю другого, хотя за него я тоже никогда не выйду!

— Я выбранилъ ее, назвалъ нѣсколько разъ «вѣдьмой», но принужденъ былъ такъ и отпустить ее. Она пошла внизъ къ Гольдзооту. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ ее только разъ, на вокзалѣ; она подошла ко мнѣ, и такъ мнѣ поклонилась, какъ будто я былъ ея братомъ. И могу тебя увѣрить: я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю обо всемъ этомъ. Къ школьному саду я такъ и не пошелъ; тогда я еще не думалъ о женитьбѣ.

Вотъ что разсказалъ хозяинъ и бросилъ пытливый, лукавый взглядъ сначала на Іёрна Уля, а потомъ по направленію къ кухнѣ.

А въ это время Лисбета Юнкеръ сидѣла на торфяномъ ящикѣ у плиты, и женщина съ сѣдой головой спрашивала ее:

— Ну, скажи же мнѣ откровенно: что это такое у васъ? Объ Іёрнѣ Улѣ я слышала разное. Онъ таки немного странный, смотритъ на звѣзды и вообще дѣлаетъ много такого, что для крестьянина совершенно ни къ чему. Онъ неловокъ и неповоротливъ. Правда, съ пасторомъ Ведтомъ онъ еще не равнялся: его хозяйка, бывало, дастъ зонтикъ въ руки и скажетъ: «Вотъ какъ вы его должны держать, господинъ пасторъ! Вѣтеръ съ запада!» А на возвратномъ пути кучеръ ему говоритъ: «Ну, теперь держите зонтикъ вотъ такъ, господинъ пасторъ!» А онъ и знать себѣ ничего не хочетъ — держитъ его крѣпко-прекрѣпко такъ, какъ сказала ему старая Катерина. До этого-то, правда, Іёрнъ Уль не дошелъ; все-таки онъ ужасно непрактиченъ и неотесанъ; настоящая латинская крыса!.. А всетаки я скажу: такого сына всякая мать хотѣла бы имѣть... Да! да! нечего дѣлать такіе глаза!.. Мой-то глупый парень частенько мнѣ говоритъ: «Вотъ если бы этотъ былъ твоимъ сыномъ, матушка, онъ бы много удовольствія тебѣ доставилъ!..» Ну, словомъ сказать, говори, что ли, просватана ты за него?

Лисбета сидѣла на торфяномъ ящикѣ и не видѣла основанія скрывать все то, что волновало ее. Вотъ уже восемь лѣтъ, что сердце ея было полно Іёрномъ Улемъ, но съ третьяго дня оно переполнилось. И какъ маленькій ребенокъ, который сначала боится чужого и робко, съ испуганными глазами подаетъ ему руку, а потомъ становится все довѣрчивѣе, такъ и Лисбета Юнкеръ начала разсказывать сначала о своей матери, несчастной учительской дочкѣ, о своей молодости, проведенной у добрыхъ, старыхъ дѣда съ бабкой, потомъ о друзьяхъ дѣтства, объ этомъ странномъ Іёрнѣ Улѣ. И тутъ ужъ дальше идти было некуда: Іёрнъ Уль да Іёрнъ Уль.

— Я всегда его любила. Но сначала онъ казался мнѣ слишкомъ простенькимъ и глупымъ. А потомъ мнѣ уже очень хотѣлось выйти за него, да онъ женился на другой. Ахъ! въ какомъ я тогда была горѣ... Потомъ она умерла. Тутъ-то я бы еще охотнѣе пошла за него. Но какъ разъ въ это время нагрянули на него всѣ его бѣды съ отцомъ и братьями, и такъ семь лѣтъ подрядъ; и онъ ни разу даже не подумалъ обо мнѣ. А теперь... теперь, кажется похоже на то, что... Ахъ, Господи, вчера онъ со мной въ камешки игралъ!.. Ему теперь тридцать одинъ, а мнѣ двадцать шесть.

Женщина, стоявшая у плиты, всплеснула руками.

— Вотъ такъ исторія!..—сказала она —-Я за всю свою жизнь прочла одинъ единственный романъ: «Серьги дочери сатаны.» Но какъ послушала я тебя— вотъ ужъ, что называется, романъ! Вотъ такъ исторія! Только какъ знать, что изъ всего этого выйдетъ? Я вотъ вышла замужъ въ восемнадцать, а ему было двадцать пять, и я была разсудительнаго характера, а онъ нѣтъ: совсѣмъ такой же сорванецъ, какъ вотъ теперь его сынъ. По неволѣ мнѣ пришлось быть серьезной... Вотъ я и стала такой, какъ теперь; строгой немножко, рѣшительной. А въ дѣвушкахъ я была кроткая...

— Если бы я только знала, возьметъ ли онъ меня,—сказала Лисбета.

У него ни двора, ни денегъ нѣтъ. Но я такъ рада, такъ рада была бы выйти за него, за такого вотъ, какъ онъ есть. Даже если бы мнѣ пришлось въ Гесгофѣ съ нимъ жить, я была бы счастлива; даже если мнѣ пришлось бы съ нимъ вмѣстѣ торфъ копать... Только вѣдь не сдѣлаетъ онъ этого, а, навѣрное, пойдетъ куда-нибудь, начнетъ какое-нибудь дѣло... И кто знаетъ, что тогда встанетъ между нами!

Такъ жаловалась она, и полные слезъ глаза были устремлены на пламя.

— Полно, тебѣ,—сказала хозяйка и замахала руками,—не безпокойся! вотъ увидишь, онъ сегодня же скажетъ тебѣ всю правду и ты сдѣлаешься его невѣстой.

Лисбета закрыла лицо руками, потому что оно заалѣлось яркимъ румянцемъ: такъ обрадовало и испугало ее то словечко, которое произнесла хозяйка.

— Нѣтъ, не сдѣлаетъ онъ этого теперь,—сказала она съ сомнѣніемъ,—потому что онъ еще не знаетъ, за что ему взяться. Одно только несомнѣнно: что онъ на другой не женится...

Такъ разговаривали между собою эти женщины до тѣхъ поръ, пока всѣ—хозяева съ работниками и гости—не собрались къ обѣду и не размѣстились за обѣденнымъ столомъ: старшая работница рядомъ съ хозяйкой, сынъ напротивъ, рядомъ съ нимъ работникъ, а тамъ и остальные слуги.

— Ты былъ такъ добръ къ моему сыну въ то время, когда вы были солдатами—сказала хозяйка. Сначала въ мирное время, а потомъ и на войнѣ. Онъ, вѣрно, былъ большимъ бездѣльникомъ?

— Можетъ быть, и бездѣльникомъ,—сказалъ Іёрнъ,—но изъ тѣхъ, которыхъ всѣ любятъ.

— Это-то и плохо,—сказала она,—что на него даже разсердиться какъ слѣдуетъ нельзя, по крайней мѣрѣ, надолго. Уже если хочешь вылить на него свой гнѣвъ, такъ надо это сейчасъ дѣлать: иначе такъ ничего и не скажешь... Вѣришь ли: просто устала я сердиться то на него! Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ женился, наконецъ, хорошую жену себѣ взялъ!

— Матушка!—сказалъ молодой хозяинъ:—да вѣдь ты вчера еще говорила, что я за послѣдній годъ гораздо разумнѣе и серьезнѣе сталъ!

— Это то правда, Уль. Что правда, то правда, за послѣдній годъ онъ лучше сталъ. Только до тѣхъ поръ, пока онъ не женится, никакого настоящаго толка изъ него не будетъ!

— А я не хочу еще жениться!—сказалъ сынъ.—Знаешь что? Выходи-ка замужъ ты сама! Ты вѣдь у насъ еще довольно молодая... Вотъ у тебя и будетъ помощникъ въ домѣ!

Тогда она протянула черезъ столъ деревянную ложку, которую держала въ рукѣ и, несмотря на то, что онъ старался уклониться, сильно ударила его по курчавой головѣ, такъ что ложка сломалась.

— Вотъ тебѣ за то, что ты свою мать на смѣхъ поднимаешь!.. Грета, принеси ка другую ложку!

Работники посмѣялись немножко, но повидимому, такія пререканія между матерью и сыномъ были имъ не въ новость.

— Въ трехъ школахъ былъ,—бранилась она,—у двухъ пасторовъ учился; а какимъ прежде былъ, такимъ и остался: никакой серьезности, никакой заботы ни объ чемъ. Потомъ я думала, походъ его остепенитъ. Какъ бы не такъ: не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ тутъ же, на станціи схватилъ меня на руки первымъ дѣломъ да и донесъ, при всемъ честномъ народѣ, до самой повозки. Не знаю ужъ, къ чему это все приведетъ! Не пьяница вѣдь малый, и въ карты не играетъ, и не лѣнтяй и не соня, а не серьезный, вотъ, ни объ чемъ думать не хочетъ!

— Что я ни скажу, все-то она вкось и вкривь принимаетъ! — отвѣчалъ сынъ.—По моему мнѣнію, все, что я говорю и дѣлаю, вѣрно и правильно, а по ея мнѣнію—наоборотъ. Нѣтъ, вижу: либо она мнѣ не мать, либо я ей не сынъ. Вѣрнѣй всего, что она въ жены мнѣ бы годилась.

*

Она взглянула на него и покачала головой:

— Вотъ и отецъ его,—сказала она, точь-въ-точь такой же былъ! Чего-то только я съ нимъ не натерпѣлась. И шагу ступить не могла, чтобъ онъ не началъ меня дразнить, цѣловать, тискать, вѣчно работать мнѣ мѣшалъ со своими глупостями... Объ чемъ-нибудь серьезно съ нимъ переговорить никакой возможности не было: вѣчно, бывало, все въ шутку обратитъ! Въ первые годы нашей жизни я часто думала: «вѣдь пожалуй, ты и черезъ тридцать лѣтъ не состаришься, но зато и спокойнѣе не станешь». Но потомъ, лѣтъ черезъ десять, онъ измѣнился. Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Никто не повѣритъ если я разскажу, а, между тѣмъ, это правда... торговлей заинтересовался,торфъ сталъ копать, кирпичный заводъ построилъ, а потомъ перепродалъ его. Сталъ по дѣламъ разъѣзжать, работать да о наживѣ думать, такъ что ужъ мнѣ это и не по душѣ было... Тутъ уже я къ нему приставать стала, а онъ отговариваться, что времени, молъ, у него нѣтъ: «оставь меня, милая, говоритъ, я занятъ!» Обо мнѣ-то онъ мало заботился, развѣ иногда, когда возвратится, погладитъ меня по головѣ и скажетъ: «Какіе у тебя гладкіе и блестящіе волосы, мать, и какой у тебя въ домѣ порядокъ!» Чужіе люди, бывало, говорятъ мнѣ: «Какой у тебя мужъ веселый!» А я этого и не замѣчаю: «былъ у меня когда-то мужъ веселый, а теперь у меня почти что и вовсе мужа не было...» Это наслѣдственное у нихъ. Должно быть, и съ этимъ такъ же будетъ!

Лисбета Юнкеръ перегнулась черезъ столъ и, посмотрѣвъ на него съ насмѣшливымъ состраданіемъ, сказала:

— Ну, какъ? Чувствуешь, что умнѣть начинаашь?

— Ты бы лучше о себѣ самой подумала! сказалъ онъ.—Семь лѣтъ тому назадъ твои-то дѣла не лучше моихъ были!

Она покраснѣла, откинула голову и усмѣхнулась. Но на Іерна она не взглянула.

Послѣ обѣда молодой хозяинъ пригласилъ ихъ обоихъ пройтись по полямъ и сталъ показывать имъ землю, принадлежавшую къ его усадьбѣ,—тамъ одинъ участокъ земли, здѣсь другой,—и въ тоже время разсказывалъ имъ веселыя анекдоты изъ солдатской жизни, вспомнилъ одно пріятное путешествіе изъ Гамбурга въ Берлинъ, дразнилъ Лисбету. Когда Іёрнъ Уль начиналъ разспрашивать его, какъ обрабатывается то или другое поле, онъ только смѣялся и отшучивался:

— Ну вотъ еще!.. Это ты у матери спроси!—Но когда они отошли уже довольно далеко и Лисбетѣ хотѣлось уже возвратиться, онъ вдругъ сталъ настаивать, чтобы они поднялись еще на одинъ холмъ, виднѣвшійся въ сторонѣ отъ дороги. Когда они, пробираясь между бугровъ, заросшихъ терновникомъ, добрались до верху, онъ объяснилъ имъ, что весь этотъ высокій холмъ принадлежитъ ему, вплоть до самой Ау, блестящія воды которой струились внизу.

— Ну, этой землѣ цѣна небольшая! —замѣтилъ Іёрнъ Уль.

— Небольшая?—воскликнулъ товарищъ. Этой землѣ — небольшая цѣна? Да ты я вижу, просто на зло мнѣ говоришь,—какъ тогда насчетъ лошадей! Ты думаешь, что здѣсь пахать и косить нельзя? Онъ крѣпко наступилъ на рыхлую землю.—А въ землѣ то что? Копни-ка футовъ на пять! Что тамъ найдешь? Что?

— Ну, что-же?—сказалъ Іёрнъ Уль, удивленно взглянувъ на него.

— Глину, голубчикъ! Огромный слой наилучшей глины!

— Глина!

— Глина, братецъ! — воскликнулъ товарищъ.

— А изъ глины дѣлаютъ горшки да цементъ.

— Вотъ оно что!

— Вотъ видишь! Видишь, Лисбета Юнкеръ? Вотъ подожди-ка годика два, мы здѣсь такія раскопки устроимъ!.. А сплавлять внизъ по рѣкѣ будемъ! А ежели они мнѣ въ Легердорфѣ настоящей цѣны не дадутъ, такъ я самъ цементный заводъ выстрою!

— Что-жъ! Съ Богомъ! сказалъ Іёрнъ Уль, и сталъ попеременно смотрѣть то на сѣрую, песчаную почву, то внизъ, на рѣку.

— Да, видишь-ли, дѣло то въ томъ, что я теперь ничего еще въ этомъ не понимаю! Мнѣ придется пригласить техника, а не то—самому поѣхать въ Ганноверъ, или куда-нибудь въ другое мѣсто, да поучиться.

Лисбета расхохоталась и стала подшучивать надъ нимъ:

— Смотри-ка,—сказала она,—никакъ ужъ кусочекъ разума виднѣется!

А Іёрнъ Уль, казалось, совершенно погрузился въ собственныя мысли. Онъ продолжалъ смотрѣть въ землю и молчалъ.

Возвращаясь домой, Лисбета еще разъ прошлась съ хозяйкой по саду, а Іёрнъ отправился въ комнату товарища. Тамъ товарищъ вытащилъ двѣ книги, которыя онъ на-дняхъ досталъ себѣ: одна была «Минералогія», другая «Руководство къ добыванію глины». Онъ съ сердцемъ ударилъ кулакомъ по столу и проговорилъ:

— Это ужасно, что я ничѣмъ не интересовался, когда былъ въ школѣ: теперь вотъ стою, какъ дуракъ, и ничего не понимаю!—Онъ кинулъ Іёрну Улю книгу и продолжалъ:—ты-то, конечно, все поймешь!.. Объ твоемъ образованіи ни одна живая душа не заботилась, ты самъ до всего дошелъ и теперь въ десять разъ больше меня понимаешь... А вѣдь на мое ученье десять тысячъ марокъ истрачено!.. Ну, открой-ка книгу: страница 350. Можешь ты это понять?

Іёрнъ Уль понялъ и сталъ объяснять товарищу. Потомъ онъ взялъ и другую книгу, которую смогъ такъ же хорошо объяснить ему.

Товарищъ позабылъ свою вспышку, обрадовался и сказалъ:

— Пріѣзжай-ка, братецъ, на слѣдующей недѣлѣ. Мы еще потолкуемъ объ этомъ.

Іёрнъ Уль утвердительно кивнулъ головой и сталъ разспрашивать объ устройствѣ технической школы и о томъ, сколько времени въ ней надо учиться, чтобы получить что-нибудь въ родѣ аттестата или диплома. Потомъ онъ снова замолкъ и продолжалъ сидѣть съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, и странно было видѣть его большой, загорѣлый, грубый кулакъ на этой новенькой, чистенькой книжкѣ: она казалась по сравненію съ этой рукой какой-то маленькой хорошенькой игрушкой.

Наконецъ, они стали собираться въ путь, чтобы добраться до дому засвѣтло. Хозяйка отвела Іёрна Уля въ сторону, сказала ему, что ей очень понравилась молодая дѣвушка, и стала поматерински уговаривать его, чтобы, онъ не колеблясь, поскорѣе обручился съ ней: такъ или иначе, но найдетъ же онъ себѣ заработокъ. Потомъ она пригласила его поскорѣе пріѣхать снова: сынъ ея былъ сегодня совсѣмъ умница. Когда она была съ нимъ въ кухнѣ, онъ съ кочергой въ рукахъ сталъ требовать, чтобы она помогла Іёрну деньгами. Поэтому, когда бы онъ ни пріѣхалъ, у нея уже будутъ готовы для него нѣсколько тысячъ марокъ, съ которыми онъ можетъ начать какое-нибудь предпріятіе.

Іёрнъ Уль хотѣлъ поблагодарить, но это не удалось ему. Онъ только кивнулъ ей головой, глаза его блестѣли, и онъ долго-долго пожималъ руку доброй женщинѣ, которая и безъ словъ поняла все то, что онъ хотѣлъ сказать ей.

Солнце ужъ склонилось къ закату, когда они выѣхали на широкую пустынную дорогу.

— Вотъ я и опять наединѣ съ тобой!—сказалъ онъ. Какой славный день, какъ хорошо намъ ѣхать!.. А что ты скажешь о самой хозяйкѣ?

— А ты что скажешь о моемъ товарищѣ?

— Ахъ, этотъ!.. О чемъ это она говорила съ тобой подъ самый конецъ?

— Такъ пустяки, бабьи разговоры!

— Мнѣ нельзя этого знать?

— Нѣтъ, сегодня еще нельзя; завтра можетъ быть!—Онъ погрузился въ задумчивость и замолчалъ. Онъ сидѣлъ такъ нѣкоторое время, какъ вдругъ замѣтилъ, что она приняла стран-

ную позу, какъ человѣкъ, который не-то защищается, не-то отворачивается. Онъ взглянулъ на нее и увидалъ, что лицо ея приняло гордое выраженіе.

— Ну — сказалъ онъ — что съ тобой? Скажи, Зуйка, говори совершенно откровенно, милая!

— Ты, можетъ, думаешь, что я не видѣла изъ кухни, какъ твой милый пріятель разсказывалъ тебѣ о томъ, что было между нами. Вотъ какъ руками махалъ! А теперь ты сердишься. Этого я отъ тебя не ожидала.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ ты и ошибаешься. Напротивъ, я радъ этому! Развѣ можно сердиться на человѣка, котораго встрѣчаешь на пути и спрашиваешь: «Далеко еще? Я слышалъ, что еще миль семь?» Когда онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ уже немного осталось!» Говорю тебѣ, я радъ, теперь я вижу, что ты не такая неприступная, какъ я думалъ!

— Ахъ ты! вѣчно со своимъ глупостямъ... Онъ проѣзжалъ мимо и былъ со мной ласковъ и любезенъ и казался порядочнымъ и искреннимъ. Ну, а потомъ онъ меня и поцѣловалъ.

— Онъ негодяй! — сказалъ Іёрнъ Уль— Прямо негодяй: цѣловать дѣвушку, которая не можетъ защититься.

— Защититься? Я не защищалась. Я и не хотѣла защищаться. Мнѣ этого самаго и хотѣлось, Іёрнъ.

— Ну, это уже по гусарски, надо правду сказать. Провести нѣсколько часовъ подъ рядъ, вдвоемъ съ мущиной, въ дорогѣ. И это ты! ты, самая гордая дѣвушка во всей округѣ!

— Это было приблизительно въ тотъ день, Іёрнъ, когда была твоя свадьба съ Леной Тарнъ.

Онъ сразу умолкъ. Потомъ онъ схватилъ ея руку и, крѣпко сжавъ ее, проговорилъ:

— Милая моя, хорошенькая Зуйка! вѣдь я не зналъ всего этого!

Она проговорила, сдѣлавъ усиліе надъ собой, со слезами въ голосѣ:

— Ты былъ тѣмъ самымъ, умникомъ Гансомъ.

— Нѣтъ, увидишь! Если у тебя хватаетъ смѣлости, такъ и ты найдешь свое счастье и долю, увидишь!

— За какого-нибудь противнаго человѣка я не выйду!

Іёрнъ Уль разсмѣялся, и обернувшись къ ней, сказалъ:

— Не пустить-ли лошадей попастись, какъ сдѣлалъ однажды нѣкто— другой, на Мельдорской дорогѣ.

Она покачала головой и посмотрѣла на него, глаза ея заблестали слезами:

— Нельзя, Іёрнъ, солнце еще не сѣло!

— Только поэтому?

Она снова покачала головой:

— Не теперь, Юргенъ! Намъ обоимъ этого нельзя. Я думаю о Ленѣ Тарнъ и объ ея ребенкѣ.

Она положила свою руку къ нему на плечо.

Онъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Это чудо! Это прямо-таки ничто иное, какъ чудо! Самая красивая дѣвушка во всей округѣ и Іёрнъ Уль! Никогда ни одинъ человѣкъ въ три дня такъ не приблизился къ счастью, какъ я; посмотри, съ каждымъ шагомъ мы все ближе къ нему. Если-бы только я зналъ, что меня ждетъ въ будущемъ!

Онъ снова смолкъ и она не мѣшала ему. Но когда стемнѣло, и они свернули на мягкую песчаную дорогу, она безпокойно задвигалась, какъ будто ей было не удобно сидѣть. Тогда онъ положилъ кнутъ обнялъ ее и своими сильными руками прижалъ къ себѣ, смущенно заглянулъ ей въ лицо:

— Хочешь такъ сидѣть?

— Да—сказала она и тѣснѣе прижалась къ его плечу.—Я теперь засну.

Но про себя она подумала: я постараюсь подольше не засыпать. Я ни-зачто не хочу проспать этихъ минутъ!

Іёрнъ Уль сидѣлъ выпрямившись и глядѣлъ на бѣгущихъ лошадей, и думалъ о своей и ея будущности, полагая по честности своей, что она дѣйствительно спитъ. Но она, по прежнему прижавшись къ нему, пристально смотрѣла своими большими, ясными глазами куда-то къ одну точку.

Когда они остановились у воротъ въ Гезгофѣ, онъ сказалъ:

— Теперь иди спать! Ты устала. А завтра мы еще поговоримъ объ этомъ.

Она еще постояла около него, какъ будто хотѣла что то сказать. Тогда онъ погладилъ ее по щекѣ и сказалъ:

— Не тревожься! Мнѣ кажется, все будетъ хорошо!

И она ушла, не сказавъ ни слова. Онъ распрегъ лошадей и пошелъ въ общую комнату, по прежнему погруженный въ задумчивость.

«Теперь я знаю, въ чемъ была бѣда: всѣ эти годы я ошибался... Я всегда ненавидѣлъ всякую ложь и фальшь: я видѣлъ на примѣрѣ братьевъ и отца, да и многихъ другихъ, сколько зла происходитъ отъ того, что обманываешь себя, и поступаешь и говоришь не по истинной правдѣ. Я вѣдь отлично видѣлъ, какъ сильно распространено это зло, и всегда съ восемнадцати лѣтъ говорилъ себѣ съ гордостью:

«Ты, Іёрнъ Уль, въ этомъ не грѣшенъ!» А теперь, въ эти три дня мнѣ стало ясно, что я самъ жилъ въ самообманѣ и лжи и глубоко заблуждался. Я, Іёрнъ Уль, не достаточно внимательно присматривался и къ себѣ самому, и къ своему дѣлу, и не зналъ самого себя. Я крѣпко держался за усадьбу; и этимъ поддерживалъ ту ложь, какъ отецъ мой и братья, и по этому то и мучился такъ же, какъ они. Я страшно много работалъ, работалъ какъ лошадь на глиномялкѣ, и не выходилъ изъ самыхъ тяжелыхъ заботъ. Мнѣ казалось, что вся задача моей жизни въ томъ, чтобы сохранить усадьбу. Усадьба... Что такое усадьба? Что такое усадьба въ сравненіи съ моей душой? Или въ сравненіи съ душой Лены Тарнъ? И если бы даже человѣку удалось овладѣть цѣлымъ свѣтомъ, а душѣ своей причинить вредъ! Кто исцѣлитъ потомъ его душу? Я сталъ суровымъ и жесткимъ, Лена Тарнъ умерла, и Витенъ стала сѣдѣть, какъ лунь. Я началъ сверху, съ высоты уллевскихъ владѣній и опустился низко... низко.

Если бы я жилъ здѣсь, въ Гесгофѣ, или въ одной изъ маленькихъ окрестныхъ усадьбъ, или принялся бы вообще за что нибудь другое, за что-нибудь не большое, по силамъ мнѣ, тогда за Леной былъ-бы хорошій уходъ, и Витенъ не состарилась и не посѣдѣла бы такъ скоро, а я могъ бы еще и теперь распѣвать, какъ когда-то, когда былъ мальчикомъ и не былъ еще такъ вспыльчивъ. И тогда бы намъ было на что опереться и, можетъ быть, усиленной работой чего-нибудь и добились бы. Нужно начинать съ самаго начала—въ этомъ все дѣло! Я и хочу начать все съ самаго начала. Ей Богу. Хочу начать съ игры въ камешки, хочу стать ребенкомъ, какъ мой товарищъ!»

Онъ засвѣтилъ огонь, подошелъ къ ларю, который стоялъ въ углу, и сталъ вытаскивать изъ него разныя вещи, пока полъ вокругъ него не покрылся книгами, картами и стеклами, подзорными трубами. Тогда онъ пододвинулъ стулъ, открылъ одну книгу, потомъ другую, усѣлся, какъ усаживаются обыкновенно ученики, чтобы учить уроки, и принялся читать, какъ десятилѣтній мальчишка, который учитъ что нибудь наизусть. Потомъ тихо засмѣялся и опустилъ книгу:

— Нечего сказать, изъ меня выйдетъ порядочный студентъ! Карандашъ я буду держать, точно лопату, а циркулемъ управлять, какъ плугомъ, знанія я буду поглащать, какъ изнемогающій отъ жажды солдатъ глотаетъ свѣжую воду, и внимательно приглядываться ко всему, какъ охотникъ, въ сумерки подстерегающій лисицу. Неужели это дѣйствительно возможно? Все то, что съ дѣтства было для меня запретнымъ удовольствіемъ, чего меня лишали, теперь я буду имѣть право любить, буду открыто отдаваться своей склонности къ наукѣ! Неужели это возможно? Я буду имѣть право среди бѣла дня читать книги и никто не скажетъ: посмотрите на этого полоумнаго мужика, который занимается латынью!

Онъ прищурившись вглядывался въ темноту.

— Если бы отецъ мой былъ серьезнымъ человѣкомъ и любилъ меня, и еслибъ онъ сидѣлъ съ нами по вечерамъ, то зналъ бы, къ чему еще тогда стремился мой умъ. Тогда я былъ

бы избавленъ отъ многихъ заботъ и горя, можетъ быть, даже изъ меня вышелъ бы веселый человѣкъ и на сердцѣ у меня было бы радостно! А теперь у меня навсегда останется тяжелый неровный характеръ. Но... я не боюсь. Не боюсь! Я не вѣрю ни въ какіе страхи; еще Витенъ своими сказками научила меня этому, а потомъ я еще болѣе утвердился въ этомъ за то время, когда умерла Лена, и послѣ ея смерти, въ дни долгаго, страшнаго одиночества. Минутами я ни во что не вѣрилъ, а иногда готовъ былъ глубоко вѣровать въ Бога. Что же еще можетъ случиться со мной? Надо только начать все сначала, и вѣрить въ добро: вотъ и все. Потому то я и рѣшаюсь на это. И если все это не пригодится мнѣ здѣсь, потому что я буду слишкомъ старъ, или умру, раньше чѣмъ окончу, то можетъ быть Господь Богъ дастъ мнѣ въ иныхъ мірахъ примѣнить мои новые познанія. Я примусь за дѣло, какъ если бы мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

Право я это сдѣлаю. И если я сдѣлаю это, то мнѣ будетъ казаться, будто самая прекрасная, самая гордая изъ женщинъ... ахъ, что мнѣ за дѣло до женщинъ... моя милая, гордая дѣвушка будетъ стоять за моимъ студомъ и смотрѣть на меня и на мои книги своими горящими глазами, въ ожиданіи, когда я покончу съ ними! А когда я кончу, она радостно разсмѣется и заговоритъ о свадьбѣ. И мы сыграемъ нашу свадьбу здѣсь, въ Гесгофѣ. Право, я такъ и сдѣлаю. Это стоитъ того. И я сейчасъ же пойду и спрошу ее, согласна ли она».

И весь охваченный своими широкими замыслами, онъ такъ, какъ былъ... куртку свою онъ уже снялъ раньше... въ одномъ жилетѣ, перешелъ сѣни, вошелъ въ комнатку, гдѣ спала Лисбета Юнкеръ, и увидавъ въ полумракѣ свѣтлой осенней ночи ея постель не подалеку отъ окна, заволновался и тихонько на цыпочкахъ подошелъ къ ней. Она не шевелилась, но удивленно взглянула на него.

— Это ты, Юргенъ? Иди сюда! она взяла его руку, немного подвинулась въ сторону и притянула его къ себѣ, на край постели. — Что тебѣ?

Онъ нѣсколько смутился, но сѣлъ и сталъ не спѣша, объяснять ей свой планъ, то смущаясь, то снова оживляясь, сильно и сильно жестикулируя.

— Ну теперь вопросъ въ томъ, согласна ли ты выйти за меня и согласна ли подождать еще два года?

Она сказала:

— Наклонись поближе ко мнѣ; тогда я тебѣ отвѣчу.

И когда онъ послушно наклонился къ ней, она вдругъ обняла его, стала ласкать и цѣловать и быстро говорила путая и не договаривая фразъ:

— Ахъ, ты старый Чудачина, Іёрнъ Уль, мнѣ это все равно! Ахъ ты, умникъ разумникъ... разъ только я знаю, что ты любишь меня. Сядь ближе, Іёрнъ, поцѣлуй меня! Пожалуста, поцѣлуй меня. Такъ, значитъ, я холодная гордячка! Видишь теперь, какая я гордая!

Іёрнъ Уль онѣмѣлъ отъ изумленія. Глупый Іёрнъ Уль. Онъ сидѣлъ на краю постели и гладилъ ея щеки и волосы, и глядѣлъ въ ея раскраснѣвшееся хорошенькое личико, и наконецъ съ усиліемъ проговорилъ:

— Такъ ты... такъ... любишь меня... Я... я семь разъ на день буду мыть руки. А ты... ты должна мнѣ объяснить, какъ я долженъ держать и вести себя. Вѣдь я все дѣлаю шиворотъ на выворотъ.

Глава двадцать седьмая.

Что же еще разсказать намъ про Іёрна Уля? И до какихъ поръ слѣдовать намъ за нимъ? Развѣ мы не шли рядомъ съ нимъ черезъ всю его жизнь, какъ ходятъ по скромной деревенской церкви, осматривая все, ступая тихо и осторожно, на минуту скромно опускаясь на стулъ противъ алтаря?

И чего еще недостаетъ Іёрну Улю? Какія перемѣны внести въ его внутренній міръ можетъ городъ Ганноверъ со своей высшей школой? Онъ научитъ его, какъ надо держаться, когда идешь по улицѣ, какъ устраивать глиняные

заводы и строить шлюзы и желѣзныя дороги. Но больше ничего. Его внутренній міръ, самое зерно его души измѣнить уже нельзя.

Да оно хорошо и такъ. Что еще можно требовать отъ человѣка, если онъ чтитъ великую тайну человѣческаго бытія и міра и любитъ, и вѣритъ въ добро?

Вотъ уже Іёрнъ Уль стоитъ на большомъ ганноверскомъ вокзалѣ и прощается съ десятью или двѣнадцатью товарищами. Одинъ изъ нихъ веселый американскій нѣмецъ, котораго отецъ его, кожевникъ изъ Буффало, послалъ учиться далеко за океанъ, говоритъ прощальное слово. Одной рукой онъ придерживаетъ полы своего пальто, такъ какъ стоитъ холодная, туманная ноябрьская погода и сильный вѣтеръ проносится по вокзалу, другую руку онъ протянулъ къ отъѣзжающему.

— Юргенъ Уль, ландфогтъ Венторфа... въ эту минуту мнѣ вспоминается то утро, когда ты впервые вошелъ въ чертежную. Спина твоя была сгорблена, какъ будто ты носилъ кули, руки загрубѣлыя, а въ глазахъ читалась жажда знанія. Ты довѣрчиво подошелъ къ намъ, подалъ всѣмъ намъ по очереди свою заскорузлую руку и коротко объяснилъ намъ, кто ты, откуда и чего хочешь? И мы полюбили тебя съ этой самой минуты.

Мы приняли тебя въ нашу среду и подъ наше покровительство, такъ какъ мы сейчасъ же замѣтили, что тебѣ грозила опасность свихнуться. Мы и комнату тебѣ наняли, и бѣлье купили и убѣдили тебя, чтобы ты отослалъ назадъ въ Гесгофъ свои большіе смазные сапоги. Мы оттаскивали тебя отъ книгъ, когда замѣчали, что ты слишкомъ ужъ погрузился въ занятіе.

Но постоянно заботясь о тебѣ, мы оказывали тебѣ покровительство... да, мы покровительствовали тебѣ! Мы скоро замѣтили то цѣнное, что было въ тебѣ: мы видѣли, что ты достойный потомокъ тѣхъ крестьянъ, которые съумѣли безъ помощи науки и ученыхъ изучить море и землю, и звѣзды, которые строили плотины, выдерживавшія напоръ волнъ, и корабли, боровшіеся съ нашимъ бурнымъ моремъ. Эти люди съ плотно сжатыми губами много и упорно думали и благодаря своей пытливости и вдумчивости, они создали себѣ міровоззрѣніе, которому можетъ сочувствовать всякій серьезный человѣкъ. Мы помогли тебѣ, Юргенъ Уль, и придали тебѣ немного городского лоску, но скоро ты оказался выше насъ, и мы стали учиться у тебя и тебя слушаться. Разумомъ ты былъ старше насъ на десять лѣтъ, серьезностью и опытомъ на двадцать. Но, несмотря на то, ты обращался съ нами, какъ съ равными: ты снисходительно смотрѣлъ на всѣ наши глупости и не разъ удерживалъ насъ отъ нихъ; выслушивая наши разсказы о пережитомъ, ты часто многое намъ разъяснялъ своимъ разумнымъ словомъ. Короче говоря, ты, Юргенъ Уль, былъ нашимъ фогтомъ и нашимъ царемъ!

Тутъ выступилъ впередъ самый младшій изъ всѣхъ, сынъ пастора изъ южной Германіи.

— Дикъ!—сказалъ онъ.—Какую ты несешь чепуху. Вѣдь ты знаешь, что Юргенъ не любитъ такого восхваленія. И вообще, какъ можешь ты болтать за всѣхъ насъ?

— Погодите!—сказалъ Іёрнъ Уль и посмотрѣлъ по очереди на всѣхъ своихъ товарищей по чертежной.—Вы знаете, я долгое время былъ одинокъ и сильно нуждался. Отъ природы, а также и въ силу грустныхъ обстоятельствъ, я сталъ тяжелымъ человѣкомъ, которому каждое слово и каждое душевное движеніе дается съ трудомъ. Уже и на родинѣ меня окружали доброжелательные люди, и подбодряли меня: вы вѣдь читали письмо Фите Крэя и знакомы съ именемъ Тисса Тиссена, я разсказывалъ вамъ также объ Геймѣ Гейдеритерѣ и вы пили за здоровье моей невѣсты чаще, чѣмъ это было бы для васъ полезно. Поддержка, которую оказывали мнѣ эти люди, а здѣсь оказали мнѣ вы всѣ, была мнѣ необходима. Если бы вы въ началѣ посмѣялись надо мной или удивлялись мнѣ и держались вдали отъ меня, то я бы здѣсь совсѣмъ зачахъ въ одиночествѣ, потому что

второй разъ я ужъ не протянулъ бы вамъ руку. Но вы отнеслись ко мнѣ ласково и съ довѣріемъ. Спасибо вамъ за это!

Поѣздъ долженъ былъ тронуться и Іёрнъ Уль вошелъ въ вагонъ. Младшій изъ товарищей, пасторскій сынъ, внесъ за нимъ его чемоданъ, протиснулся поближе къ нему и сказалъ:

— Мать пишетъ, чтобы я поклонился тебѣ отъ нея!

Этотъ юноша принужденъ былъ выйти изъ гимназіи и его дальнѣйшая судьба въ продолженіе цѣлаго года колебалась изъ стороны въ сторону и неизвѣстно было, будетъ ли однимъ неудачнымъ пасторскимъ сыномъ больше, или нѣтъ. Въ пасторатѣ, на берегахъ чуднаго Майна, бывали тяжелыя сцены между мужемъ и женой. Мать говорила: «Въ нашемъ домѣ слишкомъ много молятся и слишкомъ много у насъ внѣшняго благочестія; это негодится для молодаго существа. По этому, съ опротивѣвшей ему оболочкой, онъ отбрасываетъ прочь и то, что хорошо и вѣчно: Любовь и вѣрность».

А отецъ говорилъ:

— Можетъ быть ты и права. Намъ, проповѣдникамъ часто грозитъ опасность, о которой ты говоришь. Религія это нѣжная тонкая вещь, и она часто мститъ тому, кто избираетъ ее своимъ призваніемъ. Но если ты такъ думала, то должна была бы сказать мнѣ объ этомъ раньше. А ты вмѣсто этого, потихоньку отъ меня давала ему деньги, которыя получала за проданную птицу, онъ несъ ихъ въ трактиръ и отдавалъ этому толстому лѣнивому дармоѣду-хозяину...

И вотъ юношу отправили въ чертежное заведеніе и тутъ онъ попалъ въ руки фризскаго крестьянина, который съ несокрушимой настойчивостью пробивалъ себѣ путь къ знанію, точно быкъ, неустанно ударяющій рогами въ стѣну хлѣва. И подъ этимъ вліяніемъ путаница понятій, царившая въ головѣ пасторскаго сына, мало по малу прояснилась и онъ сталъ на твердую почву. Іёрнъ Уль могъ съ полнымъ основаніемъ написать отцу его хорошее утѣшительное письмо; отвѣтъ на это письмо получился отъ матери, и хранилъ слѣды ея слезъ. Безпокойная кровь его еще и теперь не успокоилась. Въ послѣдствіи онъ будетъ работать въ Голштиніи, подъ руководствомъ Іёрна Уля. Потомъ онъ отправится за границу. Во всякомъ случаѣ, онъ самъ убѣдится, что земля шарообразна и въ чужихъ краяхъ онъ не посрамитъ своей родины.

Вотъ почему мать просила передать поклонъ Іёрну Улю.

Поѣздъ тронулся. Вѣтеръ ударяетъ въ окна. Блестящія капли дождя катятся по стеклу.

Усадьбы, деревни, лѣса и поля; все это смутно мелькаетъ въ сѣрной мглѣ и порой совсѣмъ заволакивается дымомъ. Погода такая, что всякіе планы на будущее, даже всякая дѣятельность, призваніе кажутся ненужными, потому что совершенно не предвидится, что дождь когда нибудь прекратится и снова засверкаетъ солнце.

Но Іёрну Улю знакомы и этотъ вѣтеръ, и этотъ дождь. Часто носились они надъ полями Улей, въ то время какъ онъ поднимая одну борозду за другой, шелъ за плугомъ. Онъ знаетъ, что надо работать, надо пахать даже и при дурной погодѣ и надо умѣть ждать: солнце заблещетъ снова. Поэтому онъ сидитъ, уперевъ руку въ колѣно и смотритъ на дождевыя капли и вглядывается въ мелькающія въ окнѣ туманныя картины и думаетъ. Думаетъ онъ то о молодости своей въ Венторфѣ, то о Фите Крэѣ, то о сынѣ дубильщика изъ Буффало, то о Вители Пеннъ, которая уже сгорбленная и сѣдая сидитъ за печкой въ Гесгофѣ, то о глиняныхъ копяхъ своего товарища. Тамъ прежде всего найдетъ онъ работу, и кусокъ хлѣба и мысли его въ концѣ концовъ останавливаются на Лисбетѣ Юнкеръ и его мальчикѣ, который вотъ уже два года живетъ съ ней въ ея домѣ, сидитъ за ея столомъ и спитъ рядомъ съ ея постелью. Но когда онъ подумалъ объ этомъ, предъ нимъ встала мрачная тѣнь: онъ вспомнилъ о сестрѣ своей Эльсбе.

Пріѣхавъ въ Гамбургъ, онъ поспѣшилъ въ путь, ему надо было пройти

цѣлыхъ полъ-города. Часто приходилось ему спрашивать дорогу. Наконецъ, онъ дошелъ до мѣстъ, показавшихся ему знакомыми. Онъ попалъ въ цѣлую толпу школьниковъ. А вотъ и лавка тетки Лисбеты: тетради и книги Эллинъ Вальтеръ. Онъ остановился на мгновеніе: столько мыслей тѣснилось въ его головѣ. Но когда онъ увидѣлъ, что нѣкоторые изъ мальчугановъ входятъ туда безъ всякаго страха, онъ пошелъ за ними.

Она стояла за прилавкомъ и отставляла коробки, не подымая глазъ, она проговорила своимъ милымъ тонкимъ голосомъ, по обыкновенію очень вѣжливо:

— Сейчасъ, будьте добры, подождите минуту.

— Пожалуйста, отпустите сначала этихъ вашихъ покупателей, — сказалъ онъ.

Тогда она выронила коробку и подала ему руку черезъ столъ, смутилась, покраснѣла, удивилась и сказала.

— Мальчикъ сейчасъ придетъ изъ школы... Что тебѣ надо? Перьевъ на двадцать пфенниговъ? Промокательной бумаги? Вотъ. Заплатить можешь завтра. Тетрадь съ линейками? Не дѣлай столько кляксъ... Мальчики, мнѣ сегодня некогда, у меня гости. Вотъ посмотрите: этотъ большой мужчина игралъ со мной, когда онъ былъ такой же маленькій, какъ вы... Ну, вотъ, Юргенъ, теперь мы одни. Тетка спитъ до самаго обѣда... Поставь свой чемоданъ сюда... Ты вѣрно голоденъ. Слушай... Іёрнъ... Не дѣлай это такъ. Ахъ, Іёрнъ... Не такъ громко, Іёрнъ... Ахъ что ты говоришь!

— Ну, вотъ, у тебя расплелась коса.

— Знаешь ли, Іёрнъ!... Эльсбе написала! Іёрнъ! Эльсбе написала въ Гесгофъ. Она возвращается изъ Америки. Тиссъ уже здѣсь; онъ живетъ въ своей прежней комнатѣ и бѣгаетъ къ каждому пароходу, который приходитъ оттуда. Пусти меня, Іёрнъ!... Я слышу его шаги... Видишь! Вотъ нашъ мальчикъ!

— Отецъ! Я чуть было не испугался. Это ты?

— Да, это я! — скалалъ Іёрнъ Уль и опустившись на колѣни, сталъ гладить свѣтлые волосы своего сына и глядѣлъ въ его блестящіе глаза.

— Нѣтъ, послушай отецъ! Что ты на это скажешь, что я хожу здѣсь въ школу? Лисбета просто на просто привела меня туда. Я былъ тамъ!.. ты теперь съ нами останешься?

— Да... навсегда.

— Какая у тебя свѣтлая борода, отецъ! Совсѣмъ какъ та рожь, что была у насъ въ послѣдній разъ подъ Рингельсгёрномъ. Помнишь?.. Отецъ, мы пойдемъ теперь въ нашъ прежній домъ, или къ Тиссу? Лисбета, говоритъ, что къ Тиссу.

— Прежній домъ уже больше не нашъ; мы прежде всего отправимся въ Гесгофъ. Послушай, Лисбета... скажи ему... я не знаю. Какъ начать?

Тогда Лисбета Юнкеръ встала передъ мальчикомъ на колѣни и улыбаясь, сказала ему:

— Послушай, принцъ... знаешь что? Мнѣ очень хотѣлось бы поѣхать вмѣстѣ съ вами въ Гесгофъ; но вотъ что я скажу тебѣ: я поѣду туда только подъ однимъ условіемъ. Мнѣ не нравится, что ты называешь меня «Лисбета», мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы ты называлъ меня «мамой». А отецъ твой... тотъ долженъ называть меня «моя милая жена». Согласны вы на это? Иначе я не пойду съ вами.

Тогда мальчуганъ посмотрѣлъ на отца плутовскимъ взглядомъ—хитрые глаза!— унаслѣдованнымъ имъ у Лены Тарнъ, и сказалъ:

— Какъ тебѣ кажется, отецъ? согласны мы на это?.. Ну ка, иди сюда!

И онъ обвилъ руками шею своей матери.

* * *

Пятьдесятъ человѣкъ черныхъ, запыленныхъ рабочихъ были свидѣтелями слѣдующей сцены и со смѣхомъ разсказывали о ней дома своимъ женамъ. Они сошли съ пароходовъ и шли вдоль улицы, отправляясь домой на обѣдъ, у каждаго изъ нихъ висѣла сбоку кружка и каждый спѣшилъ домой. И тутъ на встрѣчу имъ съ угольной пристани, гдѣ, какъ всѣмъ и каж-

дому извѣстно, пристаютъ барки съ торфомъ изъ Бурга и Кудена, появился маленькій человѣчекъ, котораго большинство изъ нихъ уже не разъ встрѣчало въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на улицахъ, прилегающихъ къ гавани. Онъ шелъ сгорбившись и несъ на спинѣ мѣшокъ съ торфомъ; лицо у него было узкое, загорѣлое, а глаза быстрые, блестящіе, вѣчно ищущіе и бѣгающіе по сторонамъ, точно ласточки шныряющія между вѣтвями деревьевъ. И вдругъ эти глаза кого-то увидѣли.

Онъ, казалось, забылъ обо всемъ: онъ опустилъ мѣшокъ свой на землю и громко и жалобно воскликнулъ:

— Фите! мой Фите! Фите Крэй! Вонъ тотъ... тотъ вонъ человѣкъ! Въ сѣромъ плащѣ!

Всѣ оглянулись, остановились, оживились и разсмѣялись. Многіе захотѣли помочь ему.

— Эй ты! Фите! Фите! Фите Крэй, обернись, ты! Помоги старику снести мѣшокъ!

Тогда человѣкъ въ сѣромъ дождевомъ плащѣ обернулся и съ удивленіемъ увидалъ, что всѣ лица были со смѣхомъ обращены къ нему.

— Съ ума вы что-ли сошли?—сказалъ онъ—или же это я сошелъ съ ума?

— Сюда Фите! открой же хорошенько глаза! Посмотри вонъ на того старика съ мѣшкомъ торфа.

Слова «съ мѣшкомъ торфа» поразили Фите Крэя и задѣли за живое. Онъ сталъ вглядываться въ толпу и увидѣлъ маленькаго человѣка, одной рукой крѣпко держащаго мѣшокъ, который два уличныхъ мальчугана пытались отнять у него, а другую руку молча протягивающаго къ нему, какъ бы желая удержать его. Отъ волненія старикъ не могъ проговорить ни слова.

Фите Крэй кинулся къ нему. Теперь онъ тоже ни на что не обращалъ вниманія. Онъ гладилъ старика по лицу, и надѣлъ ему на голову шляпу, которая упала на землю, и не переставая качалъ головой:

— Ахъ ты! старый Тиссъ! какъ это ты меня увидалъ! Что, не можешь идти? У тебя отнялись ноги? Поди сюда, сядь на мѣшокъ! и обернувшись къ рабочимъ, тѣснымъ кольцомъ окружавшихъ ихъ обоихъ онъ сказалъ: пріятели, это Тиссъ Тиссенъ, крестьянинъ изъ за Гесгофа. Что же до меня, то меня, какъ вы уже знаете, зовутъ Фите Крэй. Когда я былъ мальчикомъ, у меня съ этимъ человѣкомъ были дѣловыя отношенія: я доставлялъ ему въ повозкѣ, запряженной собакой щепки и метлы. Эти посѣщенія породили дружбу, которая, какъ видите, не заржавѣла и до сихъ поръ, хотя я пятнадцать лѣтъ провелъ за моремъ. Если эти свѣдѣнія васъ удовлетворяютъ, то мы, со своей стороны, ничего не имѣемъ противъ того, чтобы вы пошли къ себѣ по домамъ обѣдать... Теперь лучше, Тиссъ?.. Еще нѣтъ, старикъ?... Ну, такъ мы посидимъ еще немного, мы не собираемъ за представленіе, братцы! Можете стоять здѣсь, сколько хотите, и смотрѣть на насъ.

Онъ сѣлъ на другой конецъ мѣшка, а зрители стали расходиться.

— Фите привезъ ты ее съ собой?

— Это ужасная глупость съ моей стороны, Тиссъ.

— Въ чемъ же дѣло, голубчикъ?

— Я видѣлъ ее на пароходѣ. Я неожиданно увидалъ ее. У нея было мѣсто на средней палубѣ; каюты она не хотѣла.

— Она одна?

— Съ ней дѣвочка, маленькая лѣтъ шести, такая же маленькая, темноволосая, худенькая и застѣнчивая, какъ и она.

— Ахъ, Боже, Боже!.. Гдѣ она? Куда же ты ее дѣлъ?

Тутъ Фите Крей ударилъ кулакомъ по мѣшку.

— Когда мы пристали, я принялся глазѣть кругомъ. Это ужъ такое проклятое свойство Крэевъ. Ну и потерялъ ее изъ виду. Она исчезла.

Тиссъ Тиссенъ вскочилъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и стоялъ теперь совершенно прямо.

— Мы отправимся искать ее... всю ночь напролетъ. Мы пойдемъ по корчмамъ и въ полицію. Такая маленькая дѣвочка съ маленькимъ ребенкомъ!

Фите Крэй поднялъ мѣшокъ на спину и едва слышно проговорилъ:

— Трудно будетъ найти ее здѣсь. Она обѣщала мнѣ пойти со мной въ Гесгофъ. Будемъ надѣяться на это.

Глава двадцат восьмая.

Іёрнъ и Лисбета шли вдоль лѣсной опушки. Они ѣздили въ городъ, чтобы осмотрѣть квартиру и купить себѣ мебель. На второй день Рождества собрались они скромно сыграть свадьбу и въ тотъ же день отправиться въ городъ.

Она такъ близко прижималась къ нему, что онъ путался въ ея платьи, которое колыхалось во всѣ стороны отъ быстрой ходьбы.

— Еще немного—проговорилъ онъ— и я упаду. Снѣгъ ужасно скользскій!

И онъ заставилъ ее идти тише.

Она засмѣялась.

— Послушай!—сказала она и еще крѣпче прижалась къ нему.—Я такъ счастлива.

— Это естественно!—сказалъ онъ.

— Почему естественно?

— Потому что скоро сочельникъ,— онъ лукаво взглянулъ на нее,—и всякій ребенокъ радуется елкѣ.

— Ахъ ты!—сказала она и потрясла его за руку.—Какъ ты думаешь, мы будемъ счастливы?

— Безъ сомнѣнія!—возразилъ онъ— Видишь ли, мы знаемъ оба еще до свадьбы—что оба мы не святые; и мы намѣреваемся предоставить другъ другу оставаться такимъ, какъ онъ есть. Сколько браковъ разстраивается изъ-за того, что каждый хочетъ принудить и заставить другого думать и поступать по своему. А мнѣ, напротивъ, кажется необходимымъ поддерживать другого въ его своеобразности, если только его особенности не слишкомъ уже глупы; для того, чтобы имѣть рядомъ съ собой цѣльнаго человѣка, настоящаго цѣльнаго человѣка. Что они тамъ говорятъ: дубъ и плющъ! Чашка и блюдечко! кровать и тюфякъ; тоже! Ахъ, какая это глупость! Мужъ и жена должны стоять рядомъ, какъ два одинаковыхъ, хорошихъ дерева. Разница только въ томъ, что мужъ долженъ стоять съ подвѣтренной стороны. Вотъ и все.

— Какъ ты это умно говоришь!

— Да вѣдь я уже испробовалъ это съ Леной Тарнъ. Она была страшно упрямая. И я тоже. Но все шло хорошо.

Они смолкли и оба стали думать объ умершей.

— Она была тогда какъ будто нарочно для меня создана,—продолжалъ Іёрнъ Уль задумчиво.—Молодая, свѣжая и ни передъ чѣмъ не робѣла. Ученой назвать ее нельзя было. Склонности къ книгамъ у нея не было. Она даже и въ газету не заглядывала. Она говорила смѣясь, что въ школѣ разъ на всегда покончила съ чтеніемъ. Удивительно странное это было созданіе. Когда я представляю себѣ все ея существо, ея поведеніе, мнѣ всегда вспоминаются сказки Витенъ. Она точно выросла изъ земли, какъ молодое, прекрасное и сильное дерево, которое ведетъ глубокомысленные бесѣды и съ вѣтромъ и солнцемъ, не побывавъ на школьной скамьѣ.

— А какая она была во всемъ остальномъ? Я хочу сказать, какъ жена.

— Да... ты хочешь сказать... ну да, какъ настоящее дитя природы. Бывали дни, что она жаждала любви, но бывали такіе, когда она пренебрегала ею.

Она схватила его руку и проговорила опустивъ глаза въ землю:

— Мнѣ иногда грустно, что ты со мной всегда такой благоразумный. Только одинъ разъ, два года тому назадъ, когда мы ѣздили къ твоему товарищу, ты былъ совсѣмъ другой. Ты любишь меня не меньше, чѣмъ Лену Тарнъ?

Онъ охватилъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ, къ своей груди такъ, что она не могла даже пошевелиться, и такъ посмотрѣлъ на нее, что она спрятала свое лицо у него на плечѣ.

— Иди домой!—сказалъ онъ—а то еще простудишься. А я еще схожу въ деревню.

— Ты надѣешься, что, можетъ быть, встрѣтишь Эльсбе! Ахъ Боже мой! Если бы только она пришла! Я пойду съ тобой.

Когда они взобрались на пригорокъ, откуда виднѣлась вся дорога, которая вела изъ Гамбурга черезъ Ицегое, къ одинокому Гезе, они увидали Фите Крэя, онъ тоже глядѣлъ въ даль. Но они никого не нашли и направились домой.

* * *

Мрачно сидѣли они всѣ вмѣстѣ и почти не разговаривали. Витенъ вязала дѣтскіе чулочки и каждый вечеръ ставила за печку пару теплыхъ, мягкихъ войлочныхъ туфель. Тиссъ вѣшалъ большую жестяную грѣлку на крючокъ у двери. И никто не спрашивалъ, для кого приготавливаютъ они все это.

Однажды вечеромъ Лисбета прервала общее молчаніе:

— Фите, разскажи намъ, какъ умерла твоя жена?

Фите Крэй очнулся отъ задумчивости и поочередно посмотрѣлъ на всѣхъ. И увидѣвъ, что старые глаза Витенъ тоже устремлены на него, онъ сказалъ:

— Я былъ удивленъ, что вы до сихъ поръ не спрашивали меня объ этомъ. Если вамъ хочется это знать— а мнѣ кажется, что это вполнѣ подходитъ къ нашему ожиданію, — я разскажу вамъ, какъ и почему умерла Трина Кюль, служившая когда-то младшей работницей у Улей.

— Какъ я потерялъ ее? Я потерялъ ее совершенно также, какъ потерялъ, будучи мальчикомъ, цѣлый тюкъ матерій. Я увидѣлъ зайченка на опушкѣ лѣса и, позабывъ и про повозку и про товаръ, побѣжалъ за нимъ въ лѣсъ. А тутъ мимо проходилъ этотъ негодяй, Дитеръ Крэй изъ Зюдердонна. Ты вѣдь его знаешь, Тиссъ; онъ немного косилъ?

— Да,—отвѣчалъ Тиссъ, — онъ косилъ. Онъ сильно косилъ, Фите. Ты можешь за это поручиться. Правымъ глазомъ онъ смотрѣлъ на звѣзды, а лѣвымъ искалъ дождевыхъ червей. У него былъ непріятный взглядъ, Фите!

— Ну, такъ вотъ, онъ проходитъ мимо, беретъ съ моей повозки весь тюкъ и преспокойно уѣзжаетъ. Вотъ такъ я и терялъ не разъ самое дорогое изъ всего, что имѣлъ, терялъ только изъ за того, что мнѣ вдругъ приходило въ голову что нибудь новое и голова моя шла кругомъ. И я бросался за этимъ новымъ и терялъ прежнее. Я не походилъ на Тисса, который крѣпко держится за свой мѣшокъ и созываетъ на помощь цѣлыхъ полсотни людей.

Мы съ Триной Кюль прожили нѣсколько лѣтъ, дѣтей у насъ не было. Пришло тутъ письмо отъ Яспера Крэя изъ Венторфа, что его тетка Трина умерла и онъ, наконецъ, получитъ наслѣдство. Тогда я оставилъ жену и ферму и пріѣхалъ сюда, чтобы получить тысячу или двѣ марокъ. Я боялся, что Ясперъ Крэй не вышлетъ мнѣ этихъ денегъ, а растранжиритъ ихъ такъ же, какъ и первое свое наслѣдство.

Она осталась одна на одинокой фермѣ, но я поручилъ ее и ферму одному молодому нѣмцу, изъ Шлезвига, владѣльцу сосѣдней фермы. Онъ былъ сыномъ доктора, долженъ былъ бы учиться, но въ немъ кровь бродила безпокойная— материнская. Мать же его была дочерью одного нѣмецкаго естествоиспытателя и путешественника и еще въ утробѣ матери сдѣлала вмѣстѣ съ родителями много сотенъ миль по Индіи и Австраліи. Вотъ потому то она впослѣдствіи и не находила себѣ нигдѣ покоя. Когда она въ Шлезвигѣ стала женой доктора, она совершала продолжительныя прогулки пѣшкомъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, гонимая съ мѣста на мѣсто какимъ то внутреннимъ безпокойствомъ. Эта любовь къ странствованіямъ перешла ко всѣмъ ея дѣтямъ, хотя и въ нѣсколько смягченномъ видѣ: едва оперившись, они всѣ, одинъ за другимъ, ушли изъ дому въ чужіе края. Одинъ изъ нихъ перебрался въ Америку, это и былъ нашъ сосѣдъ. Онъ былъ прямой и умный человѣкъ. Благодаря своему уму, онъ былъ намъ и пріятенъ и полезенъ въ нашемъ одиночествѣ, а полюбили мы его за прямоту.

Часто по вечерамъ мы собирались вмѣстѣ. Сначала мы немного играли въ карты. Но мнѣ это очень скоро надоѣло и я сталъ читать англійскія газеты,

которыя онъ приносилъ съ собой: мнѣ хотѣлось изучить мѣстный языкъ, вѣдь я надѣялся тамъ разбогатѣть. Но именно тамъ-то я и обѣднѣлъ совсѣмъ. Я читалъ себѣ, время отъ времени спрашивалъ значеніе какого-нибудь слова и радовался, видя какъ они дружно играли въ карты, или весело бесѣдовали, причемъ Трина Кюль перемѣшивала англійскій языкъ съ роднымъ нѣмецкимъ. Все это мнѣ очень нравилось и я радовался, глядя на нихъ, потому что во первыхъ, я многому научился отъ сосѣда; у него была необыкновенная способность примѣняться къ мѣстнымъ особенностямъ и онъ за полгода привыкъ больше, чѣмъ другой за двадцать лѣтъ. Потомъ мнѣ нравилось тоже, что онъ развлекалъ ее, потому что она и раньше не разъ жаловалась мнѣ: «ты такой скучный! разскажи что нибудь!» А когда я что нибудь разсказывалъ, то это не занимало ее и она говорила:

«Нѣтъ ты не умѣешь разсказывать!» И въ третьихъ мнѣ нравилось еще и то, что она была со мной особенно нѣжна послѣ того, какъ онъ проводилъ съ нами вечеръ. Вообще она была ко мнѣ довольно равнодушна, а иногда я даже бывалъ ей какъ будто противенъ, такъ что сказалъ ей какъ-то разъ полу-шутя, полу-серьезно: «Мнѣ кажется, ты не любишь меня какъ слѣдуетъ!» Послѣ этого стало лучше.

Ну, такъ вотъ, когда я получилъ письмо отъ Яспера Крэя и уѣхалъ, они остались одни въ этой дикой странѣ. На шесть миль вокругъ не было ни души, кромѣ нихъ двоихъ да еще одного глухого старика, котораго я нанялъ ходить за скотомъ. И мало-помалу дѣло у нихъ дошло до того, что по утрамъ они выставляли бѣлую палку на темную крышу въ видѣ привѣтствія: такъ въ Германіи созываютъ съ полей рабочихъ къ обѣду. Скоро они рѣшили, что нелѣпо есть порознь. Тогда она стала приходить къ нему передъ обѣдомъ и приготовлять ѣду, и они обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда она тотчасъ же убѣгала. Потомъ онъ сталъ приходить къ ней каждый вечеръ и они играли въ карты. Затѣмъ они уже перестали играть въ карты, а садились другъ противъ друга и играли въ лапки; и онъ такъ крѣпко держалъ ее за руку, когда ему удавалось поймать ее, какъ будто въ рукахъ у него былъ страшный мечъ; а если она ловила его руку, то сейчасъ же выпускала ее, какъ будто прикоснулась къ раскаленному желѣзу. Скоро они со страхомъ и радостью увидѣли, что уже не могутъ жить другъ безъ друга. Тутъ они получили мое письмо, въ которомъ я писалъ, что долженъ идти на войну противъ Франціи. И они старались узнать изъ газетъ, скоро ли окончится война, и завязали сношенія съ нѣмецкимъ комитетомъ въ Нью-Іоркѣ, для того чтобы знать, не было ли въ спискѣ убитыхъ нѣкоего Іоганна Фридриха Крэя, того самаго, что сидитъ теперь передъ вами. И каждый изъ нихъ понималъ, чего собственно желаетъ другой: «Ахъ, если бы онъ не вернулся!» И радость ихъ все больше и больше превращалась въ страданія. Они, наконецъ, объяснились: «Мы любимъ другъ друга. Что намъ дѣлать?»

Они порѣшили разстаться. Онъ уѣхалъ къ пріятелю, который занимался ловлею рыбъ и птицъ у озера Мичигана, и обѣщался остаться тамъ до тѣхъ поръ, пока я возвращусь домой. Но война затянулась. Ему все ярче представлялось, какъ она грустно стоитъ у окна и глядитъ вдаль. Потомъ ему вдругъ начинало казаться, что въ эту самую минуту она въ опасности и громко зоветъ его на помощь. Тогда онъ покинулъ своего пріятеля и, ночью подъѣхавъ къ ея дому, тихо просидѣлъ у ея порога до самаго утра.

И вотъ съ первыми лучами солнца, онъ вдругъ увидѣлъ ее идущей черезъ поле изъ его дома, тогда какъ онъ былъ увѣренъ, что она спитъ у себя въ домѣ. И когда она увидѣла его сидящимъ у своихъ дверей, она схватилась за голову и созналась ему, что спала у него въ домѣ, подъ его теплымъ одѣяломъ. Потомъ они вмѣстѣ вошли въ домъ и сообща приняли рѣшеніе бороться съ грѣхомъ до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ, а ужъ когда не хватитъ, то со-

грѣшить; когда же я, Фите Крэй, возвращусь, они заплатятъ за свой грѣхъ тѣмъ, что покончатъ съ собой, потому что вѣдь «смерть—это расплата за грѣхи!»

Принявъ это рѣшеніе, они стали нѣсколько спокойнѣе. Мысль, что мы можемъ это сдѣлать или не дѣлать, мысль, что они свободны и вольны въ своей судьбѣ, придала имъ гордости. Они улыбались другъ другу и каждый вечеръ разставаясь говорили: «Если только мы захотимъ, то завтра! завтра!» Такъ подавляли они свое страстное желаніе въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

А тутъ и я вернулся изъ Германіи, случилось такъ, что сынъ одного фермера, у котораго была хорошая лошадь, пріѣхалъ раньше, чѣмъ я, и привезъ ей извѣстіе, что я не больше, какъ черезъ часъ буду дома. Тогда они въ волненіи стали совѣтоваться между собою: «что же намъ дѣлать? Хоть одинъ единственный разъ?» И на одно мгновеніе они сказали себѣ: «Да, хоть теперь, одинъ разъ!»

Но имъ вдругъ стало ясно: «Развѣ не для того мы такъ долго и такъ мужественно боролись со зломъ, чтобы побѣдить его. Идемъ же. На коней! Мы выѣдемъ къ нему навстрѣчу и сегодня же разскажемъ ему все!»

И они встрѣтили меня. А вечеромъ послѣ того, какъ я самъ разсказалъ имъ обо всемъ и пошелъ проводить его до дому, онъ повѣдалъ мнѣ объ ихъ любви, ихъ борьбѣ и побѣдѣ. Я почти ничего не отвѣтилъ ему на это. Но, когда мы разстались съ нимъ и онъ уже былъ далеко, такъ что не могъ меня слышать: я громко разсмѣялся. И вернувшись къ ней, я все еще смѣялся. Мы легли спать, и она была ласкова; у меня была хорошая ночь, и я смѣялся и думалъ: хорошо, Фите Крэй, что это такъ случилось. Ея равнодушіе и сонливость исчезли. Теперь у тебя славная жена. Она пробудилась. Ты долженъ быть благодаренъ твоему сосѣду.

— Тиссъ, какой я былъ глупый! Ахъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь! Лисбета! Я, Фите Крэй, один изъ умныхъ Крэевъ, оказался глупѣе глупаго. Въ одинъ прекрасный день, когда она была въ моихъ объятіяхъ и страстно цѣловала меня, чуть не до потери сознанія, я спросилъ ее, почему она такъ плотно закрываетъ глаза, и она отвѣтила, что во время ласкъ она всегда думаетъ о немъ, о другомъ, и со всей страстью любитъ его. И я могу сердиться сколько угодно,—она не можетъ иначе. Такова ужъ ея грустная судьба.

И тутъ мнѣ стало ясно, что наше дѣло плохо. Я спокойно обсудилъ съ ней все. Я спросилъ ее, любила ли она меня, когда стала моей женой. Она отвѣтила, что въ то время ей было всего семнадцать-восемнадцать лѣтъ и она была молоденькой, неопытной дѣвочкой и не знала ни самой себя, ни жизни. Что знаетъ такая дѣвушка, полу-дитя и душой и разумомъ, о томъ, что будетъ для нея имѣть значеніе впослѣдствіи, когда разовьются всѣ ея силы, когда ей будетъ двадцать пять лѣтъ? Она сказала, что она убѣждена, что все происшедшее съ нею происходитъ и съ большинствомъ изъ тѣхъ, кто такъ рано выходитъ замужъ, какъ она; для большинства современемъ наступаетъ минута, когда онѣ начинаютъ вѣрнѣе смотрѣть на міръ и узнаютъ жизнь, и вдругъ становится ясно: вотъ кто могъ бы составить счастье и блаженство всей моей жизни, а совсѣмъ не тотъ, съ кѣмъ ты связала себя еще раньше, чѣмъ узнала самое себя.

Тогда я спросилъ ее: «Но можетъ быть, все это еще измѣнится? Будешь ли ты любить его настолько, чтобы всѣ твои помыслы и всѣ твои желанія сосредоточивались на немъ одномъ?» И она отвѣтила: «До самой смерти! Я создана для него, а онъ для меня. Потому то Господь соединилъ насъ здѣсь. А для тебя, несомнѣнно, тоже существуетъ женщина, но ты еще не нашелъ ее!» Я спросилъ ее: «А еслибы я умеръ, ты была бы рада?» Она отвѣчала: «Да». Тогда я сказалъ: «Развѣ ты совсѣмъ не любишь меня? Я всегда былъ вѣренъ тебѣ и ласковъ съ тобою. Ты когда-то бѣжала со мной изъ родного края въ чужую

страну, неужто теперь ты хотѣла бы отдѣлаться отъ меня?» Тогда она стала горько плакать. А я вышелъ. Мнѣ было жутко. Я думалъ: «Такое супружество невозможно». И мнѣ было ясно, что надо покончить совсѣмъ этимъ. Правда, гордость моя противилась этому. «Вотъ какъ заплатили тебѣ—думалъ я—за всѣ твои труды, за всю твою любовь и вѣрность!» Но я принужденъ былъ сознаться, что она ни въ чемъ не виновата—такова ужъ, видно, наша судьба, которая сильнѣе всѣхъ насъ, бѣдныхъ людей.

Такъ вотъ,—я буду кротокъ: стиснувъ зубы, далъ я ей свободу и отпустилъ ее въ одну нѣмецкую семью, съ тѣмъ, чтобы она жила тамъ до тѣхъ поръ, пока нашъ бракъ не будетъ расторгнутъ. Но она прожила тамъ всего три мѣсяца. А потомъ бросилась въ воду. Живя тамъ она подружилась съ одной старой женщиной родомъ изъ Голштиніи, изъ Норторфа, и ей повѣряла она свои тайныя думы. Ежедневно говорила она объ насъ обоихъ, то обвиняла себя, то оправдывалась, и вновь начинала сначала. О немъ, объ этомъ другомъ она говорила такъ: «Мы созданы другъ для друга. Сердце мое и днемъ, и ночью съ нимъ!» Объ мнѣ она говорила: «Онъ всегда былъ добръ ко мнѣ. Передо мной всегда стоитъ его грустное лицо и я ясно вижу, какъ онъ ходитъ по опустѣвшему дому!» И она вскрикивала: «Боже мой, помоги мнѣ! Что мнѣ дѣлать?» А подъ конецъ разумъ ея, непрестанно раздираемый этими сомнѣніями и колебаніями, помутился.

Мнѣ сообщили объ ея смерти, и мы оба верхомъ отправились туда. Печальная это была поѣздка, и длилась она цѣлыя сутки. Гробъ былъ заколоченъ: мы не видѣли ее. Этотъ гробъ былъ сдѣланъ изъ четырехъ хорошихъ бѣлыхъ сосновыхъ досокъ; они работали надъ нимъ четыре дня. Мы похоронили ее въ углу на пшеничномъ полѣ: кладбища у нихъ тамъ еще не было.

Вотъ вамъ исторія Трины Кюль. Она была прежде младшей работницей на вашемъ дворѣ. Ты еще помнишь, Витенъ, какая она была собой? Вѣдь вы всѣ знали ее. И ты тоже, Лисбета?

— И вотъ что удивительно—продолжалъ Фите Крэй, нахмурившись и глядя прямо передъ собой на столъ:—что самое благородное изо всего, что есть на свѣтѣ—гордыя и благородныя царицы любовь и вѣрность—постоянно ссорятся между собой, плюютъ другъ другу въ лицо, кидаются другъ на друга, и вотъ въ борьбѣ своей разорвали мою прекрасную бабочку, которая пролетѣла между ними... Что же послѣ этого думать о христіанскомъ бракѣ? Пасторъ во время вѣнчанія говоритъ: «Что Богъ соединяетъ, того человѣкъ не долженъ разъединять!» И мы оба думали такъ же. Никогда еще не стояли передъ алтаремъ существа съ болѣе чистыми помыслами. Мы были какъ дѣти. Какъ грустно подумать, что даже наши лучшія чувства вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу и скалятъ зубы.

Я потомъ разсказалъ всю эту исторію одному нѣмецкому пастору, очень умному и тонкому человѣку—я жилъ тогда уже въ Чикаго—и спросилъ его, что онъ на это скажетъ. Онъ, какъ честный человѣкъ, сознался, что мы ничего не можемъ знать, но хорошо будетъ, если мы будемъ вѣрить, что Господь былъ вынужденъ допустить то или другое несчастье. Мы должны вѣрить, что то, что теперь кажется намъ чудовищной загадкой, на самомъ дѣлѣ вполнѣ цѣлесообразно и хорошо. Такъ сказалъ онъ. И мнѣ эти спокойныя слова принесли пользу: я примирился и пересталъ мучиться. Это былъ хорошій, разумный человѣкъ. Онъ говорилъ, какъ это дѣлаетъ большинство пасторовъ, якобы знакомыхъ съ каждой тропой, по которой сходятъ на землю ангелы, когда Богъ посылаетъ ихъ съ порученіями, и утверждающихъ, что они присутствовали при томъ, какъ «восхваляла тебя утренняя звѣзда».

Іоганнъ Фите Крэй изъ Венторфа замолчалъ, задумался, и снова сталъ глядѣть передъ собой. Тиссъ отвернулся отъ печки, онъ сидѣлъ, наклонившись впередъ, и смотрѣлъ на него, и видѣлъ теперь на лицѣ своего стараго друга черты, которыя напечатлѣла на немъ жизнь съ тѣхъ поръ, какъ

пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при свѣтѣ луны у повозки, около трехъ дубовъ онъ собирался отправиться въ путь по бѣлу свѣту; а рядомъ съ нимъ стояла тогда красивая худенькая дѣвушка. Такъ вотъ для чего покинули они родину!

Витенъ сгорбившись сидѣла за печкой въ полутьмѣ, и уронивъ на колѣни свое вязаніе, задумчиво смотрѣла передъ собой на полъ. Она видѣла рядомъ съ собой въ Улевской кухнѣ маленькую, свѣтловолосую дѣвушку съ хорошенькимъ, яснымъ дѣтскимъ личикомъ, и думала о томъ, какъ странно она кончила. И она съ густною торжественностью присоединила и это воспоминаніе къ другимъ своимъ воспоминаніямъ, какъ бы укладывая въ гробъ покойника въ бѣломъ саванѣ, въ гробъ умершаго въ бѣлыхъ одеждахъ.

За послѣдніе годы она стала еще молчаливѣе. Если Тиссъ говорилъ ей: «Почитай-ка маленько, Витенъ», она обыкновенно отвѣчала: «я ужъ такъ много пережила, что мнѣ еще читать или слушать?» Если Тиссъ говорилъ: «Разскажи-ка что-нибудь, Витенъ!» она отвѣчала: «Это ни къ чему не ведетъ; мы, люди, всетаки ничего не можемъ измѣнить!» Она сидѣла такъ и думала: потомъ подымала голову, смотрѣла въ окно и выходила. Оставшіеся въ комнатѣ слышали легкій звукъ ея шаговъ по свѣжему, твердому снѣгу. Они знали, что она ходитъ вокругъ дома и смотритъ, при свѣтѣ звѣздъ, не идетъ ли ихъ дитя. Но никто не говорилъ ни слова и никто не поднималъ головы, когда она возвращалась и устало опускалась у печки.

Скоро всѣ они пошли на покой. Тиссъ и Іёрнъ пошли въ ту комнату, гдѣ обѣ они обыкновенно спали.

— Сонливость моя пропала, Іёрнъ, —сказалъ старикъ!

— Она исчезла, когда мнѣ минуло шестьдесятъ лѣтъ, а теперь появилась даже безсонница. Ложись, голубчикъ; а я еще похожу немного.

Тиссъ Тиссенъ, съ теченіемъ времени все больше и больше страдалъ безсонницей, и такъ мучился онъ, что не могъ даже лежать спокойно. Не разъ проводилъ полъ ночи, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, отъ постели къ окну, причемъ всегда на минутку останавливался у окна, и вглядывался въ ночную темноту. Эти ночныя прогулки и остановки у окна начались за три недѣли до рождества.

— Придетъ ли она, Іёрнъ? Если она не придетъ къ рождеству, такъ вѣрно ужъ и никогда не придетъ!

— А что если она придетъ?

Тиссъ помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Объ этомъ я не хочу думать; только бы она пришла... Слышишь? Подымается восточный вѣтеръ! Что если она теперь въ дорогѣ: бѣдное, бѣдное созданье.

Іёрнъ Уль стоя у другого окна, заговорилъ:

— Прежде, когда я еще былъ очень молодъ, я думалъ, что человѣку могутъ встрѣтиться только двоякого рода вещи: однѣ можно согнуть, другія сломить. А потомъ, въ теченіе тяжелыхъ годовъ моей жизни, я увидѣлъ, что существуетъ еще третій родъ вещей. Они выростаютъ передъ человѣкомъ вдругъ, иногда только на одно мгновеніе; но иногда цѣлыми годами стоитъ передъ нимъ ужасное, черное непобѣдимое чудовище, поднявъ свою страшную лапу съ мертвыми когтями. Что можно съ нимъ сдѣлать? Отстранить, обмануть, задобрить его? Это не имѣетъ смысла. Вотъ ужъ оно, совсѣмъ близко! Оно безумное, Тиссъ, у него нѣтъ разума это ужасное, дикое существо! Кинуться на него? Тоже не имѣетъ смысла: оно безконечно сильнѣе тебя. Что же можно противопоставить такому чудовищу, такой непобѣдимой силѣ? Только одно. Нужно сказать ему: оставишь ли ты меня въ живыхъ, или нѣтъ, пожрешь ли ты меня и все, что я люблю, или нѣтъ, сведешь ли ты меня съ ума своей вѣчной угрозой и однимъ видомъ твоей лапы, или нѣтъ—мнѣ все равно; но я скажу тебѣ одно: что бы ни случилось, все свершится по волѣ Божіей. И я твердъ вѣрую, что все, что исходитъ отъ него, есть благодать и побѣда останется за нимъ всегда и вездѣ.

Вотъ видишь-ли, Тиссъ, такъ отношусь я и къ Эльсбе.

Старикъ ходилъ взадъ и впередъ, потомъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ него.

— Іёрнъ, тихо проговорилъ онъ— вѣришь ли ты твердо въ то, что все, что происходитъ, и то горе, которое испытали мы съ тобой и которое испытала въ молодости Витенъ Пеннъ и все, что пережилъ Фите Крэй съ Триной Кюль, и весь тотъ ужасъ, который они натворили въ Улѣ, и несчастье моей сестры,—вѣришь ли ты, что все это имѣетъ благую цѣль, т. е. я хочу сказать, имѣетъ ли все это внутренній смыслъ?

— Тиссъ —отвѣчалъ Іёрнъ... если не вѣрить въ это, откуда же разумный мыслящій человѣкъ можетъ взять силы жить? Посмотри кругомъ, всякая тварь должна терпѣть тяжкій трудъ и горе, и кажется, будто все въ мірѣ кипитъ и бурлитъ, какъ въ кипящемъ котлѣ. Но если всмотрѣться, то видно, что во всемъ этомъ кипѣніи, во всемъ трудѣ, есть смыслъ. Зло погибаетъ, а добро борется и беретъ верхъ. Какая то таинственная сила дѣйствуетъ непрестанно въ мірѣ, соединяетъ, разъединяетъ, двигаетъ и стремится создать порядокъ, какъ пастухъ и его собаки, оберегающіе стадо. И благо тому, кто сквозь ревъ бури слышетъ тихій призывъ пастыря и помогаетъ Господу Богу въ его трудной работѣ.

— Подожди! — сказалъ Тиссъ — ты слышишь?

— Это морозъ трещитъ по деревьямъ.

* * *

Они ждали, а она все не шла. Но у всѣхъ ихъ было ощущеніе, что она уже на пути къ дому. Ея душа, жаждавшая увидѣть родину, раскрывала объятія и тянулась къ душамъ тѣхъ людей, которыхъ она любила. Ея душа уже присутствовала въ Гесгофѣ и всѣ жившіе въ домѣ, чувствовали это. Тиссъ Тиссенъ потихоньку пошелъ на чердакъ, и долго стоялъ тамъ, не смотря на жестокій холодъ, и смотрѣлъ въ окна, выходившія на юговостокъ. Старая Витенъ просыпалась по ночамъ: «Она стоитъ въ снѣгу и не можетъ идти дальше!» Іёрнъ Уль, постоянно погруженный въ раздумье, вздрагивалъ, когда Лисбета окликала его. Фите Крэй бродилъ по дорогѣ и спрашивалъ у всѣхъ встрѣчныхъ, не видали ли они молодую женщину, маленькую, блѣдную, съ густыми, темными волосами и съ маленькой дѣвочкой на рукахъ. Но онъ возвращался домой ни съ чѣмъ.

Не весело приходилось имъ встрѣчать рождество.

Погаси огонь своихъ очей, Лисбета Юнкеръ! Не протягивай руки къ твоей прекрасной невѣстѣ, Іёрнъ Уль, а вы Тиссъ Тиссенъ и Фите Крэй, любители пріятныхъ бесѣдъ: берегитесь, чтобы не быть слишкомъ оживленными.

Поднялся холодный туманъ и лѣнивый вѣтеръ затянулъ поля тонкой сѣрой пеленой. Солнце казалось мутнымъ, бѣлымъ пятномъ. И на каждомъ деревѣ, на всѣхъ изгородяхъ, туманъ, исчезая, оставлялъ обрывки своихъ одеждъ: все покрылось инеемъ.

Стало еще тише. Тысячи голосовъ, жизнь, движеніе и оклики, которые наполняютъ воздухъ даже и въ этой пустынной мѣстности, теперь смолкли. Птица, молча, держалась вблизи домовъ; вороны беззвучно летѣли къ своему ночлегу. Вся природа, казалось, робко и удивленно притаилась. А люди, которые обыкновенно, не обращаютъ вниманія на непрестанное оживленіе, царящее въ природѣ, теперь изумлялись, что все затихло. И когда по дорогѣ проходили двое людей, то по временамъ останавливались, взглядывали другъ на друга и тихо говорили: «Послушай».

Стройныя, прямыя ели стояли, наряженныя въ серебряныя ткани, какъ невѣсты, одѣтыя къ вѣнцу, а за ними въ ниспадающихъ бѣлыхъ покрывалахъ, виднѣлись толпы юныхъ подругъ. И страшными казались имъ оковывавшія ихъ чары, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасными, и каждая изъ нихъ съ восторгомъ глядѣла на свою сосѣдку, пока позволялъ короткій зимній день. Но вечеръ наступилъ и волшебная картина вдругъ измѣнилась. Всѣ онѣ были въ

саванахъ, и саваны эти были обшиты холоднымъ, твердымъ кружевомъ. Ужасъ побѣдилъ.

Въ бѣлой пушистой долинѣ сверкала и блестѣла деревня, точно игрушка, которую нарочно къ празднику уложили въ новую коробку. Казалось, вотъ-вотъ придутъ изъ лѣса и съ моря великаны и сядутъ вокругъ на холмы и начнутъ играть бѣлыми домиками и красивыми бѣлыми деревьями, и переставятъ по своему дома и людей, соединятъ двоихъ изъ нихъ, рядомъ съ ними поставятъ дѣтей и дадутъ имъ состариться, а потомъ отнесутъ ихъ на кладбище и выкопаютъ маленькую ямку въ бѣломъ снѣгу. И кажется, что великаны эти играютъ такъ уже тысячи лѣтъ, а люди, что живутъ въ деревнѣ, не замѣчаютъ этого.

Но нынче никто больше не вѣритъ въ это, потому что никто всего этого не видитъ. А не видитъ этого никто потому, что въ это не вѣрятъ больше. Но если люди закрываютъ глаза и говорятъ: «я ничего не вижу», или открываютъ ихъ и говорятъ: «я вижу все», это еще не значитъ, что на свѣтѣ нѣтъ чудесъ.

Кому изъ насъ извѣстно что нибудь?.. Это общій грѣхъ учениковъ Дарвина и учениковъ Лютера, всѣ они воображаютъ, что знаютъ слишкомъ много. Одни изъ нихъ присутствовали при томъ, какъ справляла свою свадьбу первоначальная клѣточка, другіе видѣли, какъ Господь Богъ, грустно улыбаясь, создавалъ душу человѣческую. Мы же—сторонники бѣднаго незнанія и ничего не знающаго человѣка, который сказалъ: «Мысль, что мы ничего не можемъ знать, почти сжигаетъ сердце наше». Мы изумляемся и преклоняемся со смиреніемъ и любопытствомъ. Мы разсказываемъ все, что мы видѣли и все, что намъ разсказывали, и даже не пытаемся объяснить видѣнное и слышанное.

Странныя вещи произошли въ этотъ сочельникъ, когда женѣ гордаго Гарро Гейнзена, который, навѣрное, въ эту минуту, пьяный шатался по улицамъ Чикаго, грозила опасность не попасть къ себѣ на родину въ Гесгофъ, не смотря на то, что она была уже совсѣмъ близка отъ дому.

Она уже разъ проѣзжала мимо родного дома, но не захотѣла снова увидать Гесгофъ и его обитателей и отправилась въ Шлезвигъ, чтобы тамъ попытаться найти себѣ кровъ, но тамъ она испытала еще одно, послѣднее разочарованіе. Она совершенно пала духомъ. Тогда она пошла со своимъ ребенкомъ на югъ, перешла у Фридрихштадта черезъ Эйдеръ, долго плелась по безконечнымъ, пустыннымъ дорогамъ; ведя ребенка за руку, проходила она по засыпаннымъ снѣгомъ деревнямъ, не имѣя сознательнаго намѣренія добраться до родины, но гонимая, увлекаемая какимъ то неяснымъ, туманнымъ стремленіемъ. Гесгофъ и люди, тамъ живущіе, вѣчно стояли передъ ея усталыми, полузакрытыми глазами: эта картина, эта мечта влекла ее къ себѣ и она шла за ней.

Наступили сумерки, вечерній туманъ сгущался и тяжелой полупрозрачной пеленой окутывалъ окрестность и создавалъ новыя чудеса надъ бѣлой, мертвой землей. Показались отдѣльныя звѣзды, какъ-бы прервали туманную завѣсу: и поля засвѣтились холоднымъ голубоватымъ свѣтомъ.

— Еще далеко, мама?

— Нѣтъ, ужъ близко, дѣточка.

— Сядемъ здѣсь. У меня такъ болятъ ноги.

— Нѣтъ, нельзя. Видишь свѣтъ? Мы идемъ туда.

— А тамъ живутъ добрые люди?

— Да... тамъ живутъ добрые люди... Я не могу. Я не могу идти къ нимъ. Куда же мнѣ дѣться съ ребенкомъ?

Мимо нихъ прошелъ человѣкъ и на ходу сказалъ:

— Куда идешь?

— Мнѣ... еще далеко!

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— О, о,—сказалъ онъ—да вѣдь ты дочь Греты Тиссенъ и сестра Іёрна Уля. Вотъ-то они обрадуются, когда ты придешь: они ужъ вездѣ искали тебя.

Она ничего не отвѣтила. Она подумала только:

«Я еще успѣю уйти отъ него», и продолжала идти вмѣстѣ съ нимъ.

— Вотъ сюда—сказалъ человѣкъ—отсюда идетъ дорожка напрямикъ. Развѣ ты не знаешь дорогу черезъ Одделькругъ? Вѣдь ты навѣрное частенько ходила по ней, когда была ребенкомъ.

Онѣ съ трудомъ поспѣвали за нимъ.

— Ребенокъ усталъ!—сказалъ онъ.—Иди сюда, дѣвочка. Вотъ такъ! Не бойся: я понесу тебя. Ну, ужъ и обрадуется же Іёрнъ Уль! А Тиссъ раза три потеряетъ сегодня свои кожаныя туфли. А всѣ остальные! Вѣдь я несу имъ настоящій рождественскій подарокъ.

Онъ несъ ребенка, и все тяжелѣе и тяжелѣе дышалъ. У перекрестка онъ поставилъ дѣвочку на землю и сказалъ:

— Ну, теперь тебѣ не больше четверти часа. Видишь? У нихъ свѣтъ въ сѣняхъ и въ обѣихъ комнатахъ.

Онъ оставилъ ихъ и направился въ деревню. Она не узнала его, да и потомъ никогда больше не встрѣчалась съ нимъ, хотя и по сей день живетъ въ Гесгофѣ. Но она не забыла его. Когда у маленькой, уставшей дѣвочки будутъ свои дѣти, она разскажетъ имъ о высокомъ, болѣзненномъ человѣкѣ, который несъ ее черезъ Одделькругъ. Такъ перемѣшиваются и дѣйствуютъ бокъ о бокъ добро и зло между людьми и въ нихъ самихъ, и поднимаются къ престолу Господню и взываютъ къ нему. Онъ же всему отводитъ мѣсто и все оцѣниваетъ по заслугамъ.

Вечеръ наступалъ. По старому обыкновенію въ Гесгофѣ собрались дѣти изъ деревни, шумѣли, играли палками въ надутыхъ пузыряхъ, пѣли пѣсни и получали за это орѣхи, яблоки и сладкій пирогъ. Три раза уже Тиссъ Тиссенъ поднимался на чердакъ и отрѣзалъ куски сала, которое лежало въ углу подъ самой крышей. А Лисбета Юнкеръ выслала всѣхъ вонъ изъ комнаты и стала зажигать елку, которую Фите Крэй притащилъ изъ Гезе, и съ грустью думала: «я дѣлаю это ради мальчика. Мы, взрослые, мы будемъ думать объ Эльсбе, и не въ силахъ будемъ веселиться».

Но, когда она положила подъ дерево новые учебники, книжку съ картинками для мальчика и спрятала тутъ-же первые коньки, она развеселилась, оживилась и достала также бѣлье, которое сама сшила длинному Іёрну Улю, а рядомъ съ нимъ положила двѣ цѣнныя книги, подаренныя теткой. Одинъ молодой учитель математики посовѣтывалъ ей именно эти книги. Онъ довольно часто заходилъ въ лавку и она уже стала подозрѣвать, что онъ приходитъ для того, чтобы свести съ ней знакомство. Но потомъ выяснилось, что это былъ тихій, хорошій человѣкъ, искавшій сочувствующую душу, чтобы поговорить о своемъ счастьѣ, счастье, которое нашелъ онъ въ молодой бѣлокурой крестьянской дѣвушкѣ. Тутъ уже и Лисбета Юнкеръ не выдержала и разсказала ему о своихъ надеждахъ и оба они частенько бесѣдовали за прилавкомъ о своей любви.

— Для Тисса трубка! И школьный атласъ въ двѣ марки. Что же другое можно ему подарить?

— А теперь у меня одно только страстное желеніе: чтобы Эльсбе со своимъ ребенкомъ очутилась у этой елки! Что это... Нѣтъ ничего!..

— Ну, теперь, я позову ихъ.

Прежде всего вошелъ мальчикъ за руку съ отцомъ. Это былъ серьезный, задумчивый мальчуганъ и увидавъ елку, онъ остался по прежнему спокоенъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, и видно было, что въ душѣ онъ радуется. Но онъ высказалъ свою радость только тѣмъ, что плутовски взглянулъ на Лисбету Юнкеръ, подошелъ къ ней и всталъ рядомъ. А увидѣвъ книги, спросилъ:

— Послушай, для кого эти книги?

А потомъ растянулся во всю длину около нихъ и принялся рыться въ своихъ вещахъ, и отблескъ свѣчей игралъ на его свѣтлыхъ волосахъ.

Тиссъ и Витенъ еще никогда въ жизни не видали елки и не очень то понимали, что все это значитъ. Фите Крэй принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, мурлыкая въ полголоса какой-то мотивъ; эту привычку онъ пріобрѣлъ во время своего одиночества.

Іёрнъ Уль стоялъ и пристально глядѣлъ на елку и на праздничныя свѣчи, которыя должны были освѣщать для него милое лицо его невѣсты, на самомъ же дѣлѣ только еще усиливали мракъ тяготѣвшаго надъ ними горя. И всѣ они чувствовали одно: «Мы не можемъ радоваться на праздникъ. Потуши елку, Лисбета Юнкеръ! Свѣтъ ея рѣжетъ намъ глаза!»

И въ эту грустную, тяжелую минуту, когда прекрасные, гордые глаза Лисбеты наполнились слезами, всѣ они вдругъ услышали на дворѣ шорохъ, какъ будто два или три человѣка ходили взадъ и впередъ подъ окнами. Они испугались и замерли безъ движенія, сердца ихъ испуганно трепетали и они не знали, надѣяться ли имъ, или бояться чего-то страшнаго, таинственнаго.

Іёрнъ Уль первый сорвался съ мѣста, вышелъ, прошелъ большими шагами по сѣнямъ и поспѣшно распахнулъ дверь.

Передъ дверью въ снѣгу онъ увидѣлъ то, на что надѣялся.

Онъ проговорилъ съ усиліемъ:

— Это ты, Эльсбе? Это ты?

— О Іёрнъ!... Это ты, Іёрнъ? Вотъ какъ возвращаюсь я домой.

— Войди, милая, войди. Вотъ такъ... Я возьму ребенка. Сюда, сюда... Иди сюда.

— Я, Іёрнъ... Іёрнъ, я... что мнѣ здѣсь?..

— Иди же. Да... Иди же!.. Лисбета, сюда скорѣе! Она устала.

А Тиссъ стоялъ у двери въ комнату и все повторялъ:

— Моя крошка! — и простиралъ къ ней руки, и не могъ двинуться съ мѣста.

— О, Тиссъ! Тиссъ! Какъ я часто говорила, что ты все дѣлаешь шиворотъ на выворотъ!.. О, Боже мой!.. Боже мой, Витенъ! У тебя совсѣмъ бѣлые волоса.

— Сюда, въ кресло, Лисбета! Витенъ, гдѣ теплые башмаки?

Она сидѣла въ мягкомъ креслѣ у печки и плакала, а Витенъ стояла передъ ней на колѣняхъ и снимала съ нея промокшіе башмаки, въ то время какъ Лисбета разстегивала ея насквозь промерзшую кофту, а Іёрнъ Уль неумѣло пытался снять пальто съ ребенка; Фите Крэй подхватилъ Тисса Тиссена и сказалъ ему:

— Вотъ стулъ, Тиссъ, садись.

Ребенокъ мигая глядѣлъ на елку.

— Мы останемся здѣсь, мама?

— Ахъ, Господи! — проговорилъ Тиссъ,—бѣдный ребенокъ!

Онъ скинулъ туфли, вскочилъ, отыскалъ тарелку съ пирогомъ и поставилъ ее дѣвочкѣ на колѣни.

Іёрнъ Уль подошелъ къ ней, взглянулъ на нее, потомъ перевелъ глаза на сестру. Тогда и она подняла голову и посмотрѣла на него. И онъ вспомнилъ вдругъ весь ужасъ своей и ея молодости. И сжавъ кулаки какъ будто угрожая кому-то, дико крикнулъ:

— Да будетъ проклятъ отецъ нашъ!

Лисбета вскочила, бросилась къ нему и громко заплакала.

— Посмотри на меня! Посмотри на меня!

— Отойди отъ меня!—кричалъ онъ. Такая мать! столько мирныхъ, хорошихъ, прекрасныхъ дней! И все испорчено, все имъ затоптано до смерти!..

Она стала ласкать его, стараясь увести, цѣловала его и говорила нѣжныя слова, и умоляла его порадоваться, что сестра, наконецъ, возвратилась домой. И она сказала ему:

— Она подумаетъ, что ты это на нее сердишься.

— Я?—воскликнулъ онъ громко.— Я сержусь на нее?—И этотъ большой, сильный мужчина подбѣжалъ и, сталъ на колѣни передъ надломленной фигуркой своей сестренки, гладилъ ея руки, прижимаясь щекой къ ея щекѣ, называлъ ее всѣми шутливыми и ласковыми именами, которыя, казалось, были совсѣмъ забыты имъ, и, наконецъ, сказалъ:

— Отецъ виноватъ, но и я тоже виноватъ... Неправда ли, Витенъ?.. Тиссъ, скажи самъ! Вѣдь я тоже виноватъ!—И онъ сталъ строить широкіе планы на будущее.—Ты будешь жить здѣсь въ Гесгофѣ, какъ принцесса, и никто не прикоснется къ тебѣ; и старая Витенъ останется съ тобой навсегда,

а Тиссъ будетъ болтать до тѣхъ поръ, пока ты не разсмѣешься.

Она ничему не противилась, положила свою руку на голову брата и плакала.

Мало-по-малу она стала тяжелѣе дышать и тише плакать. И она вся съежилась, какъ человѣкъ, поставившій рядомъ съ собой на землю свою тяжелую ношу и на минуту опустившійся, на камень у дороги.

Витенъ и Лисбета вышли, чтобы приготовить постели.

И когда все было сдѣлано и путница и ея ребенокъ погрузились подъ кровомъ Гесгофа въ глубокій, тяжелый сонъ, Іёрнъ Уль все еще стоялъ у окна съ Лисбетой Юнкеръ.

— Ты видѣла, - сказалъ онъ—часть души моей ожесточена и какъ будто захолодѣла.

Она отвѣтила:

— Не отворачивайся отъ меня, Іёрнъ! Подойди поближе ко мнѣ, посмотри на меня. Ты долженъ видѣть, что я могу и хочу помочь тебѣ, на сколько возможно.

Онъ молча смотрѣлъ на нее. И, глядя въ ея ясные глаза, онъ, казалось, видѣлъ передъ собой прелестную свѣжую долину, въ которой среди яркой зелени луговъ и густой тѣни деревьевъ лежатъ глубокія спокойныя озера. И на сердцѣ у него стало легче и радостнѣе. Онъ сказалъ:

— Мнѣ надо всегда приходить къ тебѣ, когда я печаленъ и мраченъ...

Глава двадцать девятая.

Годы шли.

Іёрнъ Уль устроилъ своему товарищу фабрику и вмѣстѣ съ другими, поработалъ надъ большимъ каналомъ, который пересѣкаетъ нашу страну и которымъ мы гордимся, какъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ процвѣтанія нашего отечества; онъ строитъ шлюзы на Штерѣ и Буненѣ, на Сильтѣ и Рёмѣ, а зимой преподаетъ рисованіе и математику въ большомъ училищѣ и всюду считается человѣкомъ, на знанія и слова котораго можно положиться. Мальчикъ, который нѣкогда въ комнатѣ школьнаго сторожа сказалъ: «Все равно, Тиссъ, начинать ли со старшихъ, или младшихъ классовъ: лишь бы только учиться», этотъ мальчикъ два раза начиналъ сначала, съ самаго начала. Жизнь достаточно длинна для того, чтобы каждый человѣкъ могъ сдѣлать изъ себя что-нибудь путное; была бы увѣренность и сильная воля.

Конечно, жизнь налагаетъ на душу глубокіе рубцы.

Іёрнъ Уль на всегда останется человѣкомъ съ неровнымъ характеромъ. И не смотря на то, что жена его хорошо понимаетъ его, не смотря на то, что она всегда весела, добра и ласкова съ нимъ, она не могла сгладить эти неровности, создавшіяся въ тяжелыя времена его жизни.

Когда она родила ему перваго ребенка и Геймъ Гейдеритеръ, бывшій въ числѣ приглашенныхъ, опять высказалъ какое-то предположеніе, надъ которымъ всѣ смѣялись, потому что оно было слишкомъ смѣло, и въ домѣ у нихъ поэтому было довольно весело, Іёрнъ Уль вдругъ вышелъ изъ комнаты. Фрау Лисбета сейчасъ же замѣтила это, стала искать его по всему дому и нашла его на дворѣ, въ темнотѣ; она подошла къ нему и спросила:

— Что ты стоишь здѣсь, Іёрнъ, и не идешь къ намъ назадъ?

Сначала онъ ни за что не хотѣлъ объяснить ей, въ чемъ дѣло. Но потомъ признался ей, что не можетъ выносить веселья и смѣха; передъ нимъ встаютъ картины прошлаго. Но онъ сдержитъ себя и сейчасъ же придетъ; пусть только она ничего не говоритъ объ этомъ. Она стала ласкать его, поговорила съ нимъ дружески, гладила его по головѣ, и потомъ пошла къ гостямъ. Онъ тоже скоро пришелъ туда, но сначала былъ молчаливъ и подавленъ и только внимательно прислушивался къ тому, что говорилось кругомъ. А потомъ вдругъ всталъ, поднялъ стаканъ, дружески и смущенно кивнулъ одному изъ гостей, и самъ разсказалъ какую-то исторійку, поглядывая при этомъ на жену. Глаза

Лисбеты Юнкеръ были блестящи отъ слезъ и она кивнула ему. И такъ какъ присутствующіе поддержали его, то ему удалось даже развеселиться.

Случалось, что онъ возвращался домой изъ какого нибудь путешествія, какъ будто весь захолодѣвшій, обезсиленный, утратившій всякую бодрость и грустный. И если, кромѣ того, входя къ себѣ въ домъ, онъ случайно слышалъ дѣтскіе голоса, то еще больше замыкался въ себя. Тогда дѣти начинали переглядываться и бѣжали къ матери въ кухню, и горячо и быстро посовѣщавшись между собой, возвращались въ комнату серьезные и тихіе; потомъ одинъ изъ нихъ подходилъ къ отцу съ какимъ-нибудь своимъ горемъ, другой просилъ помочь ему въ чемъ нибудь и всѣ были ласковы къ нему. Но вотъ одинъ изъ нихъ начиналъ улыбаться, тогда и другой рѣшался сдѣлать тоже. И оба бѣжали къ матери въ кухню:

— Мама, мама! отецъ уже оттаялъ!

А она качала головой, грозила имъ и становилась веселой.

* * *

Годы шли.

Въ одинъ прекрасный день Гейма Гейдеритера охватила тревога и онъ рѣшилъ отправиться въ окрестности Рингельсгена и Венторфа и совершенно благополучно, безъ всякихъ приключеній добрался до домовъ Санктъ-Маріендонна, расположенныхъ близъ степи, и увидѣлъ здѣсь молодого матроса королевскаго флота, одѣтаго въ сѣрый тиковый костюмъ, который пихалъ въ мѣшокъ скошенную имъ траву. Его мать маленькая исхудалая женщина, собирала остатки граблями.

— Откуда ты, морякъ?—спросилъ Геймъ.

— Я былъ съ крейсеромъ въ Китаѣ,—отвѣчалъ тотъ,—и получилъ теперь четырехнедѣльный отпускъ.

Геймъ усѣлся на склонѣ холма, а морякъ сталъ разсказывать. Когда Геймъ собрался уходить, онъ спросилъ моряка:

— Какъ тебя зовутъ?

— Штофферъ Крэй!—отвѣтилъ тотъ.

«Удачное начало», подумалъ Геймъ и пошелъ дальше.

Добравшись до первыхъ домовъ, онъ сталъ колебаться, по какой дорогѣ идти ему и найдетъ ли онъ Гольдзоотъ, если пойдетъ дальше по холмамъ вдоль степи. До сихъ поръ онъ всегда ходилъ къ Зооту со стороны Марша.

Поэтому онъ у перваго же дома обратился съ вопросомъ къ человѣку, обтесывавшему столбъ для забора. Тотъ обернулся, посмотрѣлъ на темные холмы, возвышавшіеся по ту сторону деревни, и сказалъ:

— Это очень просто. Вы должны пройти мимо того крестьянскаго двора, вонъ тамъ налѣво, направо отъ того вонъ дерева... вы видите его?.. внизъ по тропинкѣ. А тамъ, гдѣ она раздваивается, поверните прямикомъ черезъ рожь. А потомъ идите прямо къ сѣрой лошади, что пасется на самомъ верху, въ степи... Видите? А потомъ идите вдоль холмовъ и держитесь все правой стороны, самаго края, пока не увидите большую ложбину, которая спускается къ Маршу. А въ ложбинѣ этой находится Гольдзоотъ.

Геймъ Гейдеритеръ степенно кивнулъ головой, хотя рѣшительно ничего не понялъ изъ всего этого объясненія, и, уходя, спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Штофферъ Крэй!—отвѣтилъ человѣкъ.

— Такъ!—сказалъ Геймъ, кивнулъ головой и пошелъ дальше, подумавъ про себя: «я буду очень удивленъ, если со мной не случится сегодня еще какое-нибудь приключеніе».

Онъ благополучно миновалъ верхнюю деревню, не приставъ по дорогѣ ни къ единому человѣку, и шелъ прямо по направленію къ лошади, которая стояла на самомъ верху холма. Но на ходу онъ по своему обыкновенію задумался и шелъ впередъ, смотря только себѣ подъ ноги. А когда очнулся и оглянулся по сторонамъ, сѣрой лошади какъ не бывало.

— Ну, конечно!—сказалъ онъ.—Вотъ оно! Она исчезла. Удивительная вещь, стоитъ мнѣ пуститься въ путь, какъ

все въ природѣ выворачивается шиворотъ-на-выворотъ. Это несомнѣнно была лошадь Водана.

Но онъ довѣрялъ добрымъ геніямъ и потому пошелъ дальше, на темные холмы, по временамъ останавливаясь и оглядываясь и размышляя по своему обыкновенію обо всемъ, что видѣлъ. Онъ очутился, въ концѣ концовъ, въ густой дубовой поросли, и совершенно не зная, какъ онъ туда попалъ, онъ подумалъ:

«Не найду я Гольдзоота. Онъ спрятанъ. Они не хотятъ, чтобы я видѣлъ его, и смѣются надо мной».

Но это нисколько не опечалило его, онъ даже насвистывалъ, посмѣивался и думалъ про себя:

«Не удастся вамъ испортить мнѣ мое хорошее настроеніе!»

И ему очень нравилось продираться сквозь дубовую поросль и бродить по холмамъ, съ которыхъ открывалъ видъ на далекій Маршъ.

Онъ нѣсколько разъ оборачивался, такъ какъ ему казалось, что кто-то окликаетъ его. И онъ подумалъ:

«Конечно, это не что иное, какъ насмѣшка и издѣвательство!» И тотчасъ же опять услышалъ окликъ, обернулся, но, ничего не увидавъ, сказалъ самому себѣ: «Вотъ видишь!»

Но въ эту минуту онъ дѣйствительно услыхалъ за собой легкіе, быстрые шаги, и испуганно обернулся. Передъ нимъ стоялъ босоногій мальчикъ, съ свѣтлыми волосами, и онъ сказалъ ему:

— Мнѣ велѣно сказать Гейму Гейдеритеру, что онъ не туда идетъ. Вотъ сюда надо идти.

И онъ быстро пошелъ впередъ, по узкой тропинкѣ, которая извивалась между низкимъ дубнякомъ. Геймъ молча шелъ за нимъ и удивлялся, что мальчикъ ни за что не задѣваетъ: ни одна вѣтка не шевелилась, ни одинъ сухой листъ не шелестѣлъ. Такимъ образомъ мальчикъ свелъ его по крутому спуску внизъ въ маленькую долину, которая представляла пологій склонъ къ маршу.

— Вотъ здѣсь Гольдзоотъ.

— Ну, а откуда ты знаешь, что я ищу Гольдзоотъ?—спросилъ Геймъ.

— Отецъ послалъ меня сюда!—сказалъ мальчикъ.

Геймъ недовѣрчиво взглянулъ на него. Въ мальчикѣ чувствовалась какая-то особенная свѣжесть, свобода, что-то совсѣмъ необычное, новое, какъ будто онъ еще недавно былъ растеніемъ и только по необходимости на время превратился въ человѣка. Геймъ надѣялся поймать его и спросилъ:

— Какъ зовутъ твоего учителя?

— Бродерзенъ!—отвѣтилъ мальчикъ.

— Вотъ видишь—сказалъ Геймъ— это неправда. Его зовутъ Германнъ фонъ Рейнъ, онъ мой школьный товарищъ. Я не такъ глупъ, какъ другіе, голубчикъ! Скажи-ка скорѣе, кто ты таковъ?

Мальчикъ засмѣялся и всунулъ кончикъ своей голой ноги въ воду Зоота. Геймъ широко открылъ глаза и подумалъ: «Онъ сейчасъ прыгнетъ туда, а тамъ поминай какъ звали».

— Учитель, о которомъ вы говорите, перевелся въ Брюнсбюттель.—Онъ вытащилъ ногу изъ воды и ждалъ, чтобы поверхность стала снова гладкой.— А я сейчасъ увижу лягушку! — проговорилъ онъ.

— Какую лягушку?—спросилъ Геймъ и опустился на колѣни.

— Тутъ въ Зоотѣ есть старая лягушка. Вонъ видишь... тамъ, на днѣ! Вонъ она сидитъ во мху.

— Право!—сказалъ Геймъ — я еще никогда въ жизни не видалъ старой лягушки! Достань ее.

Мальчикъ разсмѣялся.

— Мнѣ кажется,— сказалъ онъ—что она мертвая, оттого она и поблѣднѣла.

— Что?—спросилъ Геймъ—поблѣднѣвшая мертвая лягушка? Во всю свою жизнь ничего подобнаго не слышалъ!... Онъ снова съ недовѣріемъ взглянулъ на мальчика:—А въ школѣ ты навѣрное не изъ плохихъ учениковъ!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ!—сказалъ мальчикъ и добродушно кивнулъ ему.

— Ну - ка, братецъ — продолжалъ Геймъ и выпрямился—знаешь ли ты таблицу умноженія? Ну, говори живѣе: единожды семь?

Мальчикъ отвѣтилъ.

— Ну, да! — сказалъ Геймъ — это вѣрно... а теперь можешь идти и спасибо тебѣ. Вотъ тебѣ два гроша.

— Денегъ я не долженъ брать, говоритъ отецъ.

— Что? Вамъ не нужны деньги? Что такое? У васъ тамъ внизу больше денегъ, чѣмъ у меня? Ты вѣрно расплачиваешься пестрыми голышами или золотымъ кварцемъ. Мнѣ кажется... право, мнѣ кажется, что съ тобой дѣло не чисто. Скажи-ка, что ты ѣлъ сегодня?

— Бобы съ саломъ!—сказалъ мальчикъ и расхохотался.

— Ну, это во всякомъ случаѣ, вполнѣ человѣческая ѣда.

Мальчикъ вскочилъ и побѣжалъ на верхъ. А Геймъ Гейдеритеръ за нимъ!

— Послушай, мальчикъ! — кричалъ онъ—видѣлъ ты лошадь, что здѣсь бѣгала?

— Лошадь?—крикнулъ мальчикъ.— Лошадь? Это совсѣмъ не лошадь. Это бѣлый песокъ. Посмотри... вонъ тамъ! Это только похоже на лошадь.

Геймъ Гейдеритеръ безсмысленнымъ взглядомъ смотрѣлъ то на песокъ, то на мальчика, который бѣжалъ по степи.

— Удивительно!—сказалъ онъ—что со мной всегда случаются такія странныя вещи. Съ мальчикомъ-то было все-таки не совсѣмъ ладно!

Онъ снова опустился на землю и легъ у самой воды, въ высокой сѣрой травѣ.

Вдругъ онъ услыхалъ шаги, приближавшіеся снизу, и увидѣлъ человѣка лѣтъ подъ сорокъ; борода и волосы у него были цвѣта спѣлой ржи, лицо продолговатое, а глаза удивительно глубокіе и правдивые. Какъ будто на половину ученый, на половину крестьянинъ.

И Геймъ узналъ въ немъ Іёрна Уля и вскочилъ. Они крѣпко пожали другъ другу руки и легли въ траву по обѣимъ сторонамъ Зоота и принялись разговаривать объ общихъ знакомыхъ. Они не видались два года.

— Витенъ умерла!—сказалъ Іёрнъ, Вѣдь ты зналъ нашу старушку?

— Еще бы, братецъ, мнѣ не знать ее! Знаешь, какъ они всѣ жили въ Гесгофѣ? Тиссъ сидѣлъ между печкой и столомъ, изучалъ дѣла Восточной Азіи и все ставилъ свои ноги на печку, и подымалъ ихъ все выше и говорилъ объ томъ, что прочелъ. И при этомъ человѣкъ этотъ за послѣднія десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ возвратилась Эльсбе, не отходилъ отъ дому дальше деревни. Витенъ сидѣла у печки, вязала и штопала, какъ нѣкогда въ усадьбѣ Улей, когда она сидѣла между тобой и Фите Крэемъ.

— Откуда ты знаешь все это?

— Ты думаешь, я не бывалъ у Витенъ Пеннъ въ гостяхъ? Она носила въ душѣ цѣлый пестрый міръ, Іёрнъ. Все, что свершилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ на маленькомъ треугольникѣ, заключающемся между этимъ вотъ Зоотомъ, старымъ городомъ и церковной колокольней въ Шенефильдѣ, а этого было не мало—все это она знала и все это она ясно видѣла передъ собой. А насъ это интересовало Іёрнъ: для насъ это важнѣе всей Манчжуріи. Витенъ была довольно замкнутымъ существомъ, Іёрнъ. Ей пришлось выстроить вокругъ своего внутренняго міра высокую стѣну, потому что глупые люди смѣялись, когда заглядывали въ него. Отъ того-то многіе серьезные и глубокіе люди бываютъ молчаливы, Іёрнъ. Но мнѣ, Іёрнъ, мнѣ она иногда отворяла дверцу и показывала весь свой домъ. Ты вѣдь знаешь, Іёрнъ: это былъ старый, саксонскій крестьянскій домъ, немного низкій и съ мрачными уголками, но прочный и благочестивый... А что ты скажешь объ Эльсбе, Іёрнъ?

— Говори ты!

— Я думалъ, что она сдѣлается женой Фите Крэя. И онъ просилъ ее объ этомъ, Іёрнъ, но она не захотѣла. Знаешь почему она отказала?

— Ты объ этомъ говорилъ съ ней?

— Да, почему же бы и нѣтъ? Вѣдь мы старые друзья?

«Видишь, Геймъ, сказала она,—онъ все-таки Крэй, а вѣдь Крэевъ нельзя назвать очень вѣрными людьми. Да онъ мнѣ и не нуженъ; у меня и безъ того

есть, что любить...» Она хозяйка въ Гесгофѣ, Іёрнъ, и хозяйничаетъ лучше, чѣмъ это когда либо дѣлалъ Тиссъ; она особенно заботится объ своихъ шести или семи дойныхъ коровахъ. Тиссъ долженъ слушаться ее и дѣлаетъ это очень охотно. Объ Манчжуріи онъ имѣетъ право говорить свободно, даже и въ ея присутствіи: это ужъ его конекъ, котораго она не трогаетъ. Если же онъ хочетъ высказать свои мысли о Богѣ, людяхъ и мірѣ, онъ ждетъ, когда приду я, и мы тогда уходимъ изъ дому. Лѣтомъ мы располагаемся у вала на границѣ Гезе, а зимой отправляемся въ хлѣвъ...

Іёрнъ Уль задумчиво глядѣлъ передъ собой.

— Много тяжелаго пришлось тебѣ пережить, Іёрнъ. Я очень хотѣлъ бы знать, что ты самъ объ этомъ думаешь?

— Ты можетъ быть хочешь описать мою жизнь, Геймъ? Кажется, на это она не годится.

— Твою жизнь, Іёрнъ Уль, нельзя назвать обыкновенной человѣческой жизнью. Молодость твоя была печальная, много пришлось тебѣ видѣть самыхъ разнообразныхъ картинъ. Когда ты подросъ, то остался совсѣмъ одинокимъ и мужественно, безъ посторонней помощи, боролся съ жизненными загадками, и если даже и не много загадокъ удалось тебѣ разрѣшить, трудъ твой все-таки не пропалъ даромъ. Ты отправился на войну, защищать страну, которая окружаетъ этотъ бассейнъ; тамъ закалился ты и въ огнѣ и холодѣ, и сдѣлалъ крупный шагъ впередъ въ отношеніи самого важнаго: ты научился знать цѣну вещамъ. Ты узналъ, что такое страстная женская любовь, и этимъ самымъ познакомился съ тѣмъ, что по значенію своему стоитъ на мѣстѣ. Ты похоронилъ Лену Тарнъ, отца и братьевъ и въ эти минуты позналъ настоящее человѣческое горе и смирился. Ты боролся съ суровой, непокоримой судьбой и не палъ въ борьбѣ съ ней, а побѣдилъ, не смотря на то, что помощь къ тебѣ пришла не скоро. Стиснувъ зубы и собравъ всѣ свои силы, ты отдался наукѣ въ тотъ возрастъ, когда многіе думаютъ о томъ, чтобы сдѣлаться рантьерами. И не смотря на то, что постройки и измѣренія уже годами составляютъ твою постоянную работу и единственную радость, ты все-таки не сталъ одностороннимъ, и все еще заботишься о той землѣ, что находится по ту сторону твоей землемѣрной цѣпи, заботишься даже о тѣхъ книгахъ, которыя пишетъ твой другъ, именуемый Геймъ Гейдеритенъ. Что же и разсказывать, Іёрнъ, если такая глубокая, простая жизнь человѣческая недостойна того, чтобы разсказывать о ней?

Іёрнъ Уль ласково и задумчиво глядѣлъ на него:

— Ты хорошо говоришь объ этомъ!— сказалъ онъ.—И если бы я еще побольше поговорилъ съ тобой объ этомъ, ты, можетъ быть, привелъ бы въ порядокъ то, что безпорядочно копошится во мнѣ, въ неясныхъ смутныхъ чувствахъ. Мнѣ всегда будетъ казаться, что въ жизни моей что-то надорвано.

— Я знаю!—сказалъ Геймъ и протянулъ въ его сторону руку надъ Зотомъ:—видишь ли, если бы за тобой былъ хорошій, разумный уходъ твоей матери и если бы ты и прямо принялся изучать естественныя науки, тогда, думаешь ты, жизнь твоя сложилась бы правильнѣе, а теперь, какъ ты совершенно вѣрно замѣтилъ, въ ней что-то надорвано. У тебя такое чувство, будто когда-то, много лѣтъ назадъ, ты поѣхалъ не по той дорогѣ и все еще и теперь продолжаешь ѣхать окольной дорогой, и только издалека видишь тотъ путь, по которому ты долженъ былъ ѣхать. Но я говорю тебѣ, Іёрнъ, спроси другихъ опытныхъ людей: въ каждой жизни человѣческой есть что-нибудь, что вноситъ разладъ. А знаешь, почему? Если бы все шло гладко, то не было бы той глубины, Іёрнъ; и если бы мы поступали такъ, какъ обыкновенно желаютъ наши матери, изъ насъ вышли бы плоскіе и во всемъ похожіе другъ на друга люди. Всѣ мы должны пройти этотъ тяжелый путь для того, чтобы жизнь наша стала и глубже, и полнѣе.

— Да!—сказалъ Іёрнъ Уль.—Надо вѣрить; въ этомъ все!

— Видишь? Въ этомъ все!

— Геймъ, Геймъ! — воскликнулъ Іёрнъ Уль.—Бываютъ дни, когда это не легко!

Геймъ снова протянулъ руку надъ Зоотомъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ—что ты хочешь сказать. Но развѣ помощь пришла не во-время? Рядомъ съ тобой была Витенъ, у тебя на дворѣ раздавался смѣхъ твоего сынишки. Потомъ отворились для тебя двери пасторскаго дома, широкія, зеленыя двери съ мѣднымъ молоткомъ. Ты много бодрости черпалъ оттуда, Іёрнъ. Потомъ тебя посѣтила смерть, и тебѣ пришлось таскать на себѣ и возить, и много работать, чтобы разровнять свой путь. А тутъ явилась красивая, гордая дѣвушка и стала рядомъ съ тобой, потомъ подошло ученіе: и тогда ужъ на тебя пахнуло свѣжимъ вѣтромъ.

Іёрнъ Уль кивнулъ головой и сказалъ:

— Ты все знаешь!

— Я очень мало знаю, Іёрнъ, и терпѣть не могу тѣхъ, кто дѣлаетъ видъ, будто все знаетъ. Но это такъ пріятно, такъ справедливо и даже мудро видѣть хорошее, даже въ облакахъ, что плывутъ на небѣ.

— Я не могу говорить такъ вотъ, какъ ты,—сказалъ Іёрнъ Уль,—но я радъ, что я могу соглашаться съ тобой. Когда я былъ молодъ, я устроилъ себѣ комнату и ларь по своему вкусу и считалъ ее центромъ вселенной, и оттуда глядѣлъ на Бога и на міръ, и съ обоими былъ на «ты»; но чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ неувѣреннѣе я себя чувствую и тѣмъ глубже становится мое благоговѣйное изумленіе.

— Въ этомъ ты правъ — сказалъ Геймъ—нелѣпо даже много разговаривать объ этомъ. Надо все показывать на дѣлѣ, а не на словахъ. Но такъ какъ за нами обоими есть кое-какая работа, то мы имѣемъ право высказать свое мнѣніе. Послѣ битвы разрѣшается же участникамъ разсказывать другъ другу о томъ, какъ они отражали удары и какъ сами нападали на враговъ. Ну я пойду.

Они вышли изъ котловины и п... по степной дорогѣ.

— А если бы я захотѣлъ разсказать твою жизнь,—сказалъ Геймъ—какъ мнѣ озаглавить ее?

Іёрнъ Уль остановился и серьезно сказалъ:

Моя жена когда-то предлагала озаглавить: «Умный Гансъ»

— Это имѣетъ смыслъ, Іёрнъ. Право! Ахъ, эти женщины, Іёрнъ! Но это все-таки неправильно! Все, что онѣ говорятъ, только наполовину правда, Іёрнъ. Имъ все кажется плоскимъ, даже яйцо, потому что онѣ не умѣютъ смотрѣть съ различныхъ сторонъ.

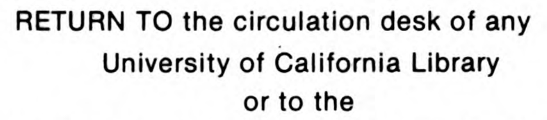
— Въ этомъ есть нѣкоторая доля правды, Геймъ. Не знаю, зависѣло ли это отъ того, что въ самые тяжелые годы у меня не было руководителя: не легко мнѣ было найти то, что было нужно,—но у меня такое чувство, что я дѣлалъ далекіе, ненужные обходы.

Геймъ покачалъ головой.

— Это чувство бываетъ у всѣхъ, кто не слушался другихъ и не принималъ всего на вѣру, а самъ создавалъ себѣ міровоззрѣніе.

— Ну,—сказалъ Іёрнъ Уль — если «Умный Гансъ» не годится, то назови меня какимъ-нибудь другимъ хорошимъ нѣмецкимъ именемъ, по своему собственному усмотрѣнію, и въ концѣ скажи, что несмотря на то, что на пути своемъ онъ видѣлъ много горя и много дорогихъ могилъ оставилъ за собою—онъ былъ все-таки счастливый человѣкъ, потому что онъ былъ смиренъ и имѣлъ вѣру. Только не будь слишкомъ мудръ, Геймъ. Разгадать всего мы все-таки не можемъ.

Конецъ.



U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637051